

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

1888

Годъ 19-й.

А.Ф. МАРКСОВЪ

XIX г.
№ 27

г. XIX
1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) *
Выданъ 2 июля 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
страни) въ Глав. Кон. Ред. по
75 — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ . . . . . 4 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ . . . . . 5 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. лини. 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе
города Россіи . . . . . 6* р.
За границу, съ перес. . . . . 8 р.
*) Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ,
а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи
на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать
на упорноу и пересылку ея 60 коп.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКИЕ МОДЫ“ за ІЮЛЬ 1888 г., съ 34 гравюрами и отд. листъ съ 31 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 24 рис. рукодѣльныхъ работъ.

М. Н. Анненковъ.

„Тридцать лѣтъ тому назадъ, путешествуя однимъ изъ первыхъ пионеровъ по степямъ средней Азій, я предугадывалъ, что, рано или поздно, Туркестанъ сдѣлается достояніемъ Россіи; но если-бы мнѣ тогда кто-либо сказалъ, что Самаркандъ сдѣлается пунктомъ желѣзной дороги и будетъ соединенъ рельсовымъ путемъ съ Каспійскимъ моремъ, то я никогда-бы не повѣрилъ подобному предположенію, и только блестящая дѣйствительность проѣзда отъ Узунъ-Ада до Самарканда показываетъ, какъ иногда люди могутъ заблуждаться, не довѣряя могуществу человеческого ума и энергіи“. Такими прекрасными словами закончилъ свою рѣчь на открытіи, истекшаго 15 мая, Закаспійской желѣзной дороги, вице-предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго Общества П. П. Семеновъ. И дѣйствительно, Закаспійская желѣзная дорога, сооруженная въ теченіе какихъ нибудь двухъ лѣтъ, является полнымъ

Строитель Закаспійской желѣзной дороги, генераль-лейтенантъ М. Н. Анненковъ.
Съ фотогр. Денъера, грав. Шюблеръ.

торжествомъ упорнаго труда, полною побѣдой человеческого ума и энергіи надъ тѣми преградами, какія природа ставитъ людскому роду, вѣчно съ ней борющемся. Идя на протяженіи 1,350 верстъ, дорога беретъ начало у бухты песчанаго полуострова (ранѣе острова), прорѣзываетъ Ахальскій и Мервскій оазисы, далѣе песчаную Каракульскую степь, которая считалась дониндѣ непроходимой, и достигаетъ величественной Аму-Дарьи, черезъ которую сооруженъ длиннѣйшій въ мірѣ мостъ. Когда было приступлено къ постройкѣ дороги, многіе, или, лучше сказать, большинство, считали это дѣло невозможнымъ. Развѣ можно уложить рельсовый путь среди песковъ, которые даже сами туркмены считаютъ почти непроходимыми? — замѣчали скептики. Какъ работать среди тяжѣйшихъ климатическихъ условій, въ безводномъ краю, гдѣ летучіе пески, засыпая караваны и поселенія, угрожаютъ даже огромнымъ областямъ? И гдѣ, наконецъ, гдѣ взять необхо-

димые строительные материалы? Ихъ надо подвозить издадека, изъ средней Россіи. Однако, всѣ эти препятствія были устранены и постройка Закаспійской желѣзной дороги, столь важной не только въ политическомъ, стратегическомъ и торговомъ отношеніи, но и въ культурномъ вообще, — нынѣ является фактомъ совершившимся. Но сколько нужно было труда, настойчивости и энергіи, чтобы побороть всѣ эти препятствія и довести такое, по истинѣ, грандіозное, дѣло до конца! Такими качествами безусловно обладаетъ строитель Закаспійской дороги, генераль-лейтенантъ Анненковъ, который, по справедливому заключенію сенатора Семенова, „своимъ глубокимъ умомъ и замѣчательною энергіей могъ одинъ совершить столь большое дѣло“. Отнынѣ имя генерала Анненкова, прославившаго этой постройкой дороги свою родину, должно сдѣлаться дорогимъ для каждаго истинно-русскаго. Онъ — настоящій герой дня, вынесшій на своихъ плечахъ это изумительное дѣло сооруженія, и имя его безспорно перейдетъ въ исторію, ибо, помимо всего, онъ оказалъ великую услугу не только своему отечеству, но и всему цивилизованному міру. Познакомимъ-же нашихъ читателей съ этимъ, достойнымъ и удивленія, и глубокаго уваженія, общественнымъ дѣятелемъ.

Михаилъ Николаевичъ Анненковъ, начальникъ военныхъ сообщений Закаспійскаго края, происходитъ изъ стариннаго дворянскаго рода Нижегородской губерніи и родился въ 1835 году, въ Петербургѣ. Десяти лѣтъ онъ былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ и выпущенъ оттуда въ 1853 году, послѣ чего тотчасъ поступилъ на дѣйствительную службу, въ лейбъ-гвардіи конно-пионерный дивизионъ, будучи зачисленъ въ него съ чиномъ прапорщика. Прослуживъ здѣсь четыре года, двадцатидвулѣтній молодой офицеръ пашель необходимымъ пополнить свое общее образование специальными званіями и съ этою цѣлью поступилъ, въ 1857 году, въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Оказавъ огромные успѣхи въ военныхъ наукахъ, онъ окончилъ, черезъ два года, курсъ первымъ по успѣхамъ и записанъ на мраморную доску. Выйдя изъ академіи, въ 1859 году, онъ тотчасъ получилъ мѣсто старшаго адъютанта въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, гдѣ и служилъ вплоть до памятнаго 1863 года. Въ этомъ году вспыхнулъ польскій мятежъ и Михаилъ Николаевичъ отправился съ графомъ Ѳ. Ѳ. Бергомъ въ Привислинскій край. Здѣсь онъ принималъ дѣятельное участіе въ усмирении мятежа, находясь въ экспедиціонныхъ отрядахъ для преслѣдованія польскихъ шаекъ. Независимо отъ этой дѣятельности, онъ также участвовалъ едва-ли не во всѣхъ комиссіяхъ и комитетахъ, учреждавшихся тогда для принятія мѣръ къ преобразованію Привислинскаго края, подъ предѣлительствомъ Н. А. Милютинна и князя В. А. Черкаскаго, участвовалъ также и въ тѣхъ преобразованіяхъ, которыя совершилъ Н. А. Милютинъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что, за все время пребыванія своего въ край, съ 1863 по 1866 годъ включительно, Михаилъ Николаевичъ дѣйствовалъ весьма плодотворно и настолько успѣшно, что о немъ заговорили не только у насъ, но и за границей. Мы не станемъ распространяться объ этой дѣятельности, но интересующіеся ею могутъ найти достаточно любопытныхъ данныхъ

о дѣятельности и характерѣ М. Н. Анненкова въ переносѣ Милютинна съ княземъ Черкасскимъ, обнаруженной въ одномъ изъ распространенныхъ французскихъ изданій, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Вскорѣ по возвращеніи изъ края, Михаилъ Николаевичъ поднялъ въ военной литературѣ и въ обществѣ крайне интересный вопросъ—о примѣненіи желѣзныхъ дорогъ къ военному дѣлу. Вопросъ этотъ встрѣтилъ большое сочувствіе среди всѣхъ, кому дороги военные интересы Россіи, и особенно въ правительственныхъ сферахъ, гдѣ онъ сразу былъ двинутъ впередъ, а инициаторъ этого дѣла, сослужившаго намъ хорошую службу въ послѣднюю войну, былъ назначенъ, въ 1869 году, завѣдывающимъ передвиженіемъ войскъ по всѣмъ нашимъ желѣзнымъ дорогамъ. Въ это-же время Анненковъ, состоявшій въ чинѣ полковника (съ 1864 г.) и въ званіи флигель-адъютанта, получилъ чинъ генераль-маіора. Когда началась франко-прусская война, онъ былъ посланъ, въ числѣ нѣсколькихъ офицеровъ, на театръ военныхъ дѣйствій, для ознакомленія на мѣстѣ съ военнымъ дѣломъ, а затѣмъ, по возвращеніи изъ-за границы, въ промежутокъ времени между 1871 и 1875 годами, генераль Анненковъ получалъ и другія командировки.

Съ открытіемъ въ 1875 году Сербской войны, Анненковъ подалъ записку о состояніи и силахъ отечественныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ которой указывалъ на недостатки эксплуатаціи и на отвратительные желѣзнодорожные порядки. Записка была рассмотрѣна въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и вызвала скорѣе учрежденіе комиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Предсѣдателемъ былъ назначенъ членъ государственнаго совѣта, графъ Барановъ, а автора записки сдѣлали членомъ-управляющимъ этой комиссіи. Трудность дѣла ни мало не поколебала энергіи Анненкова, и на этомъ посту онъ принесъ очень много пользы. По окончаніи русско-турецкой кампаніи, Анненковъ получилъ, въ январѣ 1879 года, генераль-лейтенантскій чинъ. Не обошлось дѣло безъ его участія и тогда, когда, изыскивая способы для рѣшенія ахаль-текинскаго вопроса, рѣшили построить желѣзную дорогу отъ Михайловскаго залива до Кизиль-Арвата. Сооруженіе это было поручено генераль-лейтенанту Анненкову, который тогда же и занялъ постъ начальника военныхъ сообщений Закаспійскаго края. Раненый 18 декабря на рекогносцировкѣ Янги-Калы, онъ не могъ дожидаться окончанія дороги, проводившейся подъ его наблюденіемъ, и, оставивъ отрядъ, возвратился въ Петербургъ; но за то онъ дождался окончанія Закаспійской дороги, долженствующей увѣковѣчить его имя. Михаилъ Николаевичъ Анненковъ извѣстенъ также и какъ военный писатель: онъ помѣстивъ много статей въ нашихъ специальныхъ изданіяхъ, выпустилъ очень интересную книжку, имѣвшую большой успѣхъ „Война 1870 года. Замѣтки и впечатлѣнія русскаго офицера“, — результатъ его командировки на театръ франко-прусской войны, а также издалъ сочиненія: „Международный тюремный конгрессъ и англійскія тюрьмы“ и „Отношенія англо-индійскихъ владѣній къ сѣверо-западнымъ сосѣдямъ“.

П. Б.—овъ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

(Продолженіе).

VIII.

Нежданная встрѣча.

Шестой ужъ день какъ молодой Кириакъ Андреевичъ сиднемъ сидѣлъ въ своей комнатѣ. Онъ не мылся, не чесался, едва лобъ крестилъ; кушать ему въ комнату подавали, и его матушка, честная вдова Мамелфа Тимоѣевна, только захивала, видя что сынокъ ея любименькій почти не дотрогивался до ѣды. На шестой день Мамелфа Тимоѣевна, уже спать идя, осторожно заглянула къ Кириаку въ комнату и увидѣла что сынъ па колѣняхъ стоитъ, по книгѣ Богу молится и тоненькая восковая свѣчка прилѣплена у него къ тому же столыцу, на чемъ и Псалтырь, книга святая, лежитъ. Тутъ и сама Мамелфа Тимоѣевна перекрестилась съ легкимъ сердцемъ, и тихонько ступая на цыпочки побрела въ верхъ, въ свою горенку, слава Господа что послала ея сыну отъ душевнаго недуга исцѣленіе. Спокойно проспала ту ночь Мамелфа Тимоѣевна.

На утро седьмого дня и Кириакъ Андреевичъ веселъ съ постели всталъ. Лицо у него было свѣтлое; всѣ мысли буйныя чтó въ головѣ у него шесть дней спорили да, другъ дружку одолевая, билися, улеглись теперь, и одна мысль, хоть и кручинная да ясная, какъ

князь на вражыхъ костяхъ, стояла въ умѣ Кириакомомъ.

Умывшись, сталъ Кириакъ Андреевичъ убираться да прихорашиваться ровно въ праздникъ большой. Волосы и бороду подстригать велѣлъ, затѣмъ клалъ на нихъ масло душистое и, расчесывая, глядѣлся въ дорогое зеркальце венецкое¹⁾. А тамъ и одѣваться сталъ, тоже по праздничному; надѣвалъ пѣрты²⁾ драгоцѣнныя. На ноги обувалъ сапожки сафьяновые; крѣпко сшиты сапожки, а лучше того были скроены: носочки этакъ-то кругленько обточены, хоть сейчасъ лячко въ руки бери да вокругъ кати, а подъ высокой каблукъ хоть воробей леги. На себя надѣвалъ онъ кафтанецъ урядливый дорогаго сукна алаго, съ серебряными на груди нашивками; подпоясывалъ кафтанъ золотымъ поясомъ; на шею навѣшивалъ золотую цѣпь. А поверхъ всего, накидывалъ на плеча мятель³⁾, епанечку чернаго сукна, съ краснымъ откиднымъ воротомъ. Затѣмъ Кириакъ еще разъ охорашивался передъ зеркальцомъ, и отойдя, поворачивалъ руку противъ свѣта, любясь

1) Венецкое — венецкое.

2) Пѣрты — одежда.

3) Мятель — отъ глагола метать, накидная одежда.

на жуковины самоцвѣтныя и протирая ихъ шелковымъ платомъ. Въ полномъ уборѣ ужъ пошелъ онъ съ матушкой здраваться. Мамелфа Тимоѣевна даже руками развела, дивуясь на сына.

— И самой-то себѣ, Кириакушко, не вѣрую, заговорила она цѣлуя сына. Поцѣловавъ, Мамелфа Тимоѣевна на поль-руки отступила и опять любовалась сыномъ, а тамъ снова цѣловала его и тутъ только завела прерванную рѣчь.

— И самой-то, говорю, милочекъ мой, мнѣ не вѣрится что я же сама да такого мѡлодца породила. Сказываютъ вотъ въ сказкахъ что родилось дитятко, по колѣни ножки въ золотѣ, а по локти ручки въ серебрѣ, а во лбу-то красно солнышко. А ты вѣдь и впрямь таковъ живешь. Взглянь-ко на свои кудѣрышки: будто вѣдь жаръ горять; хотъ и грѣхъ, а приравняю ужъ: ровно свѣты кресты золоченны на солнышкѣ, кудѣрышки твои свѣтятся. А вотъ какъ вгляжусь въ твои очушки: чтѡ твое нѣбушко вечернее, темное да лазоревое; а еще пригляжусь-ко въ нихъ побольше — ровно въ нѣбушкѣ и звѣзды затеплятся.

И опять Мамелфа Тимоѣевна цѣловала свое „рожонное, бажонное ¹⁾ дитятко“ и отойдя на поль-руки, имъ любовалася.

— Да какъ же нынѣ разоцѣлся-то! сказала она, — а я и не догляжу вѣдь, знатъ съ радости. Аль собрался куды?

— А покормишь вотъ меня, родненькая, я и со двора поѣду.

— А пойдемъ же: вѣдь все у меня приготовлено, говорила Мамелфа Тимоѣевна, ведя сына за бѣлую руку въ столовую комнату. — Куды же ты надумился?

— А сама, матушка, вѣдаешь, ужъ всегда-то я послѣ хвори этакой, къ Лукѣ ѣзжу, къ Аввакумовичу: во всемъ-то Новѣгородѣ съ нимъ однимъ легко да волюно говорится мнѣ.

— Что-жъ съѣзди, голубчикъ, съѣзди, немножко провѣтрися, да и думы-то, какъ покойный твой батюшко Андрей Кириакевичъ сказывалъ, онѣ разговоромъ, что тучи дождемъ, проходить.

Мамелфа Тимоѣевна сажала сына за столъ и любовно его угощала, покушалъ бы до-сыта

— А ты, матушка, что же?

— А не до ѣды мнѣ-ко нунъ съ радости: успѣю еще. Кушай же, родименькій, кушай: ѣствушки, кажись, наготовлены все твои же любименьки. Не знаю только, по скусу-ль нунъ придуть?

Кириакъ Андреевичъ не словомъ а дѣломъ показывалъ, что ѣствушки ему „по скусу пришли“. Опершись подогнутыми ручками о столъ, Мамелфа Тимоѣевна глазъ не спускала съ сына и на покойно-радостномъ лицѣ ея только изрѣдка пробѣгала смутная думка.

— А вовсе у тебя, Кириакушко, это-то прошло?

— Вовсе, матушка, отвѣчалъ сынокъ, запывая холоднымъ медомъ горячую шаньгу со сметаной.

— Дай-то, Господи! И съ чего только, дивлюсь я, съ тобой эта хворь приключилася?

— Съ мыслей, матушка. Какъ много мыслей сразу въ голову придетъ, тутъ колобродить онѣ начнутъ да сердечко всколыхивать, и я-то самъ не свой становлюсь. Объ одномъ сдумаю, а худо вѣдь оно, вижу. И досада беретъ великая. О другомъ сгадаю, еще не гаже-ль того, — и за досаду станеть за пушцу. А тутъ ровно мнѣ въ ухо шепчетъ кто: а ты-молъ межъ этихъ двухъ, межъ худого-то да гадкаго, выборъ чини... Да Богъ ужъ съ ними! благо прошло теперъ, минуло. Нунъ-ко здоровъ сижу, глянь-ко какъ за обѣ щеки упи-сываю.

— А Богъ съ тобой, кушай да не оговаривай, поспѣшила сказать Мамелфа Тимоѣевна, и потомъ до-

¹⁾ Бажонный — желанный. Отсюда имя Бажанъ.

бавила: — А все-же, Кириакушко, скажу я тебѣ: кабы ты меня послушался, здоровѣй-бы, голубчикъ, жилъ.

— Это въ чемъ-же, матушка, послушатся-то? спросилъ Кириакъ, смѣясь очами: онъ хорошо зналъ къ чему клонится матушкина рѣчь.

— Самъ, вѣдь, знашь...

— А вотъ право-же, матушка, не придумаю.

И глаза у Кириака еще веселѣй засмѣялися. Мамелфа Тимоѣевна отвѣтомъ немного помедлила, а тамъ словно на силу собралась съ духомъ, спѣшно выговорила:

— А внучатухекъ мнѣ-ко давно-бы нянчить пора.

— И-и, матушка! Я думалъ ты чтѡ новое скажешь, съ дѣтски хитрой усмѣшкой въ глазахъ сказалъ Кириакъ.

— Чтѡ-же новѡ-то? недоумѣнно спросила матушка.

— А я вотъ придумалъ-же, хвалился сынокъ, — ранше-то тебя я, матушка, за-мужъ отдамъ, а тамъ...

— Ну, ну! опять ужъ пошелъ! сердитымъ голосомъ прикрикнула на него Мамелфа Тимоѣевна, хотъ сама вовсе не сердилась за его обычную шутку.

— Право-же, родненька. Поглядѣть-то на тебя, такъ ты у меня живешь молоденька, краше всѣхъ вдовъ въ Новѣгородѣ.

— И знаю вѣдь, Кириакушко, что шутишь ты, а съ милымъ сердцемъ эту шутку сказываешь, а правду ежели, голубчикъ, говорить, всегда-то въ сердцѣ у меня отъ тѣхъ словъ твоихъ болѣзною заѣкаетъ...

— Не буду ужъ, матушка; въ вѣкъ не стану.

— Не сердясь вѣдь, миленькій, выговариваю, а... Аль откушалъ ужъ? Что-жъ мало такъ, золотенькій?

— Коли-же, матушка, мало! Да десятка съ два, родненька, парбковъ голодныхъ взять, и тѣ послѣ такой, какъ моя, ѣды сыти-бы изъ-за стола встали.

— Вотъ ужъ не люблю я, какъ ты кушанье-то свое оговариваешь; въ кои-те вѣки въ охотку, до сытости поѣлъ...

Мамелфа Тимоѣевна замолчала, замѣтивъ, что сынъ послѣ стола Богу молится.

— Ну, благодарствуй-же, матушка, спасибо тебѣ, родненькая, что напоила, накормила меня, говорилъ Кириакъ, почтительно цѣлуя руку у матери. — Да за одно ужъ, матушка, и на дороженьку крестить меня.

Мамелфа Тимоѣевна занесла было руку для креста да видно чтѡ вспомнила, и рука у нея въ плечѣ застоялася.

— Такъ ты къ Лукѣ, значить, надумался, къ Аввакумовичу?

— Къ нему, матушка.

— Нечего о немъ-то сказать: и уменъ-то онъ, Кириакушко, и къ старшимъ почтителенъ, и тебя, голубчика моего родименького, любить-же... Дважды вѣдь за твою хворь заѣзжалъ, тебя провѣдывая, да побоялись мы съ нимъ тревожить тебя: одинъ де скорѣй отъ хвори отсидится... Ну, такъ всѣмъ-то онъ, Лука твой, взялъ, а и на разговоръ скажутъ первый будетъ въ Новѣгородѣ, и опять-же слава дѡбра теперъ о немъ прошла... Чтѡ ты на меня, милочекъ, уставился: ужъ думаешь и не знаю я вашихъ дѣловъ, о чемъ у васъ на вѣчѣ-то было толковано? а все, все небось до словечушка провѣдала, и тѡ, какъ ты Кѡроба съ поса-ничества шуткой спихнулъ, и про Луку твоего... да рѣчь-та зашла не о томъ у насъ... А ни въ чемъ, говорю, Луку твоего похулить нельзя; въ одномъ, въ одномъ только опасаясь...

— Въ чемъ такомъ? подивился Кириакъ.

— А въ томъ, что онъ-же, Лука, тебя отъ женитьбы отговариваетъ.

— Полно-ко, матушка, со смѣхомъ сынъ въ отвѣтъ, — да онъ чуть-ли не пуще твоего съ женитьбой пристаеть ко мнѣ...

— Вотъ ужъ не повѣрую...

— Да почему-же такъ?

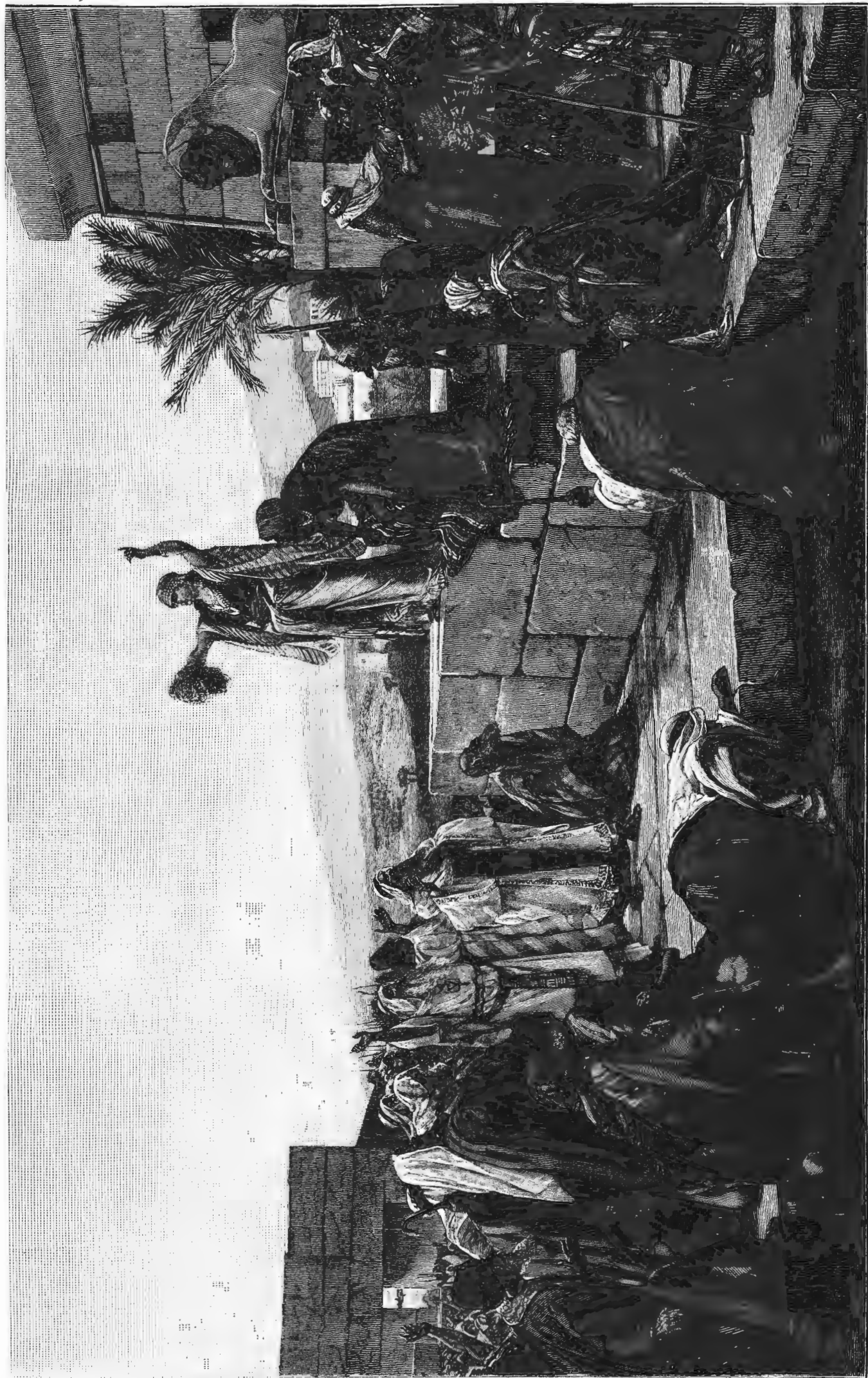

Встрѣча великаго князя Василія III Иоанновича съ послами императора Карла V подъ Можайскомъ.

Ориг. рис. проф. Шарлеманя, грав. Ю. Шюблеръ.

Юдичь. Картина П. Альди, грав. Кангатагли.

— А такъ ужь... Давно замѣчала я за нимъ, а нунъ и явственно вижу, что не ѣной кто, а онъ-же, Лука, тебя отговариваетъ. Ишь ты, самъ невѣсть зѣвалъ, зѣвалъ, пока до лысины не дозѣвался, а вотъ ужь этого и не ждала отъ него... съ зависти другихъ отговаривать пошелъ...

— Да хоть побожиться мнѣ...

— Ну, гдѣ ему, лысому! По дружбѣ только за него заступаешься...

И чѣмъ сильнѣе заступался Кириакъ за своего пріятеля, тѣмъ сильнѣе Мамелфа Тимофеевна увѣрялась, что еслибъ не этотъ „лысый“, давно-бы она внучатъ нянчила.

По спорѣ съ сыномъ, опять Мамелфа Тимофеевна стала было его на дорогу крестить, и опять рука у нея застоялася.

— Такъ ты, Кириакушко, только къ нему значить, а больше куда ужь? не вовсе покойно спросила она.

— Больше-то куда, а раньше, покойна будь, матушка, гдѣ слѣдъ съ коня слѣзу.

— Ну, вижу, сынокъ, что самъ розумъ имѣешь, отвѣчала матушка и крестила его съ издрогнувшимъ лицомъ, ровно опуская въ чужедальную сторону.

Проводивъ сына, Мамелфа Тимофеевна сѣла у окошка и стала глядѣть какъ ея чадо единое со двора съѣдетъ. Давно ужь Кириакъ въ ворота проѣхалъ, и съ глазъ давно ужь скрылся, а Мамелфа Тимофеевна все на улицу глядѣла, думая про себя, что также какъ и она, по всѣмъ-то улицамъ, гдѣ ни поѣдетъ ея Кириакъ, стануть на него любоваться боярышни и молодья вдовы боярскія, проча его себѣ въ мужья, и кстати ужь заранѣе завидуя ея будущей невѣсткѣ.

Кириакъ Андреевичъ не далеке отъѣхалъ: первымъ дѣломъ онъ придержалъ коня у прихода своего, у Михаила Архангела на Прусской улицѣ, и сошелъ въ придѣлъ Трехъ Отроковъ поклониться гробамъ отному и дѣднему. Оттуда въѣхалъ онъ Прусскими воротами въ Дѣтинецъ и опять съ коня слѣзъ у Святой Софіи чтобъ, поклонясь, поставить свѣчу передъ образомъ Пречистой.

Кириакъ въ соборъ пошелъ. Ужъ онъ занесъ ногу чтобъ съ верхней ступени на паперть ступить, какъ влѣвъ отъ него послышался шорохъ отъ платья и слѣдомъ вскрикъ. Онъ быстро глянулъ и бросился въ ту сторону. Молодая боярыня, выйдя изъ собора, думала внизъ сойти да заглядѣлася, на строенье-ли церковное окрестное, иль на красоту молодецкую, то Богъ вѣсть, а только у нея высокой каблучекъ подвернулся и не подоспѣй Кириакъ, пала-бы она головой внизъ, на крутыя каменные ступени.

— Охъ, Господи!.. Охъ, и спасибо-жъ тебѣ, бояринушко честной... Пошли тебѣ, Боже, здоровьца... Чуть вѣдъ было... до полусмерти-бы убилася, потупивъ очи, смущенно говорила боярыня, не оправясь отъ испуга, и еще больше отъ того, что пришлось ей неожиданно прижаться грудью о грудь молодецкую.

Кириакъ, бережно поставивъ боярыню на паперти, стоялъ передъ ней, потупивъ очи и дыша всей высокою грудью; лицо у него что заря рдѣлося.

— Господи Владыко! подымая очи, взмолила боярыня,—да это вѣдъ ты, Кириакъ Андреевичъ, будешь?

Кириакъ взглянулъ на боярыню.

— Аль не призналъ ты меня? А вѣдъ къ моему Ивану покойному ко Григорьевичу хоть и не по-часту, а все-же хаживалъ.

— Настасья Петровна! едва слышно промолвилъ Кириакъ, ровно опасаясь, что не живая передъ нимъ стоитъ боярыня, а во снѣ она ему примечталася, и онъ громкимъ голосомъ отгонитъ свое мечтаніе пріятное.

— Коли и узнать-то тебѣ! Два года, гляди, полныхъ прошли какъ ты меня, Кириакъ Андреевичъ, видѣть-то могъ. А я вотъ сразу признала тебя. Да меня-то тебѣ, Кириакъ Андреевичъ, и Богъ признавать не велѣлъ:

со слезъ вдовихъ вся моя молодость съ лица смылася, а и вдовье житіе горемычное вовсе вѣдъ меня старухой поставило.

Кириаку подумалось, что не отъ того онъ Настасьи Петровны не призналъ, что она постарѣла, а развѣ съ того, что она во вдовствѣ словно моложе, и краше, и здоровѣй стала.

— И до того вѣдъ оно, житіе мое горько-сиротливое, довело меня, что никому-то и признать меня не хочется, а никто и не вспомнитъ вѣдъ: живали молъ эта горюша бѣдная, аль померла ужь, бойко и весело причитывала молодая вдова.—Охъ, и не спрошу вѣдъ я, позабывчивая: все-ли добра-здоровѣ матушка твоя любименькая, честная вдова Мамелфа Тимофеевна? Давно вѣдъ я ея свѣтлыхъ бчушекъ не видѣла, не съ той-ли поры еще, какъ моя матушка милая Богу душу отдала. Да и то сказать, не весело ей, знамо, сидѣть съ молодецкой бабенкой неразумною. А старшенька-та моя сестрица, Ненила Петровна, будто и въ чести у твоей матушки: хвалится вѣдъ, всюду Ненилушка хвастаетъ, что у матушки твоей гоститъ частѣхонько.

Какъ быстрое зернышко жемчужное за зернушкомъ на нитишку нижется, такъ у Настасьи Петровны словечушко за словечушкомъ въ рѣчь сливалось. Кириакъ едва успѣвалъ отвѣтъ держать. И хоть зналъ онъ и гдѣ стоитъ, и съ кѣмъ разговоръ вѣдетъ, а все ему чуждымъ, какъ-бы невиданнымъ и неслыханнымъ казался. Очи у Кириака разбѣгались, не зналъ онъ на что смотрѣть ему: то-ли на лицо Настасьино бѣлое, то-ли на серьги съ подвѣсками, что въ ухахъ ея нѣжныхъ болталися да по щекамъ ея, ровно играючи, билися. А щеки у Настасьи что маковъ цвѣтъ, и уши у нея какъ жаръ горять, и кровушка въ нихъ насквозь просвѣчиваетъ. Аль глядѣть ему на ея очи быстрыя, аль на правую ея ручку пухленькую, какъ она тою ручкой легонько взмахивая, на лѣвой рукѣ, обутой въ зеленую шелковую перстаницу ¹⁾, золотой обручикъ кованный опрываетъ, а на правой ручкѣ притомъ жуковины такъ и свѣтятся.

— И дивиться-то тебѣ, Кириакъ Андреевичъ, не гоже, что я сразу признать тебя смогла. А не трудно вѣдъ. Таки какъ ты мѣлодцы нунъ въ Новѣгородѣ на перечѣтѣ всѣ. Твой вѣдъ еще покойный батюшко славу заслужилъ многую а добрую; всѣ вѣдъ памятують какъ онъ за Святую Софію голову сложилъ: въ бою на Шолони на первомъ суступѣ палъ весь израненый.

— Вотъ ужь скоро и пять лѣтъ съ того денечка минуешь, со вздохомъ Кириакъ сказалъ и понурился.

— А и про тебя, Кириакъ Андреевичъ, забывать не положено. Хотъ ты во туѣ пору и въюнѣшенекъ былъ, молодѣшенекъ, а вмѣстѣ съ отцомъ на войну крутился-же ²⁾. А въ тоѣмъ-же бою былъ ты раненый...

— И раной-то стыдно звать, всего плечо оцарапали: кожу только саблей прорѣзали, а въ мясо и на полъ пальца не вошла, вымолвилъ Кириакъ, все еще не подымая головы.

— Отъ славы-то ратной, Кириакъ Андреевичъ, отпираться грѣхъ. А и многи-ли нунъ ею въ Новѣгородѣ похвалятся? И опять-же тогда ты, съ немногима хорообрима въ полонъ Москвѣ доставался, а остальни, всѣ почитай, оплошилися да на бѣгъ ударились... Помню вѣдъ я, даромъ была дѣвочкой несмышленочкой: батюшко съ матушкой меня въ тотъ годъ за-мужъ сговаривали. А нунъ-ко, погляди на меня, ужъ и вовсе я стала старая: Ванюшѣ моему четвертый ужь годѣчушко пошелъ. А ты вотъ все молодѣ да холостъ живешь...

Какъ промолвила Настасьюшка „погляди на меня“, Кириакъ тотчасъ же, невольно поднявъ голову, посмотрѣлъ на нее. И не мало дивился на ея очи: недавно еще были они какъ бирюза свѣтлыя, а теперъ

¹⁾ Перстаница—перчатка.

²⁾ Крутиться—снаряжаться и одѣваться.

зачерпнулись, затуманились, а не краше-ль отъ того стали?

— Одначе я съ тобой заболталася; люди смотрят на насъ да дивуются... Охъ, на бѣду мою, еще вспомнила почему я скоро признать-то могла тебя. Вѣдь съ послѣдняго вѣча о тебѣ съ Лукой Аввакумычемъ, только о васъ двоихъ въ Новѣгородѣ и говорю: вы, скажутъ, вѣче повернули въ свою сторону.

Услыхавъ отъ Настасьи Григорьевичевой про себя съ Лукой то же, что недавно мелькомъ сказывала матушка, не мало подивился Кириакъ.

„Ну, Лука еще во-время слово свое взмолвилъ,“ подумалъ онъ, „а я-то съ чего въ славу вошелъ въ Новѣгородѣ?“

— Ну, прощай затѣмъ, Кириакъ Андреевичъ, спасибо мое прими великое, а о твоёмъ добромъ здоровьицѣ ужъ я вѣковѣчная богомолица. Да матушкѣ своей отъ меня челомъ ударь; низѣхонько, скажи, кланяется, да и сама, коль прикажешь, прѣдетъ къ тебѣ за сына благодарствовать... Охъ, гдѣ-же это Богдано-тъ мой? хватилася Настасья Григорьевичева своего ключника.—А вотъ онъ, гдѣ ты... Идемъ-же, а домовъ пора.

Настасья стала внизъ сходить, а сама все съ Кириакъ прощалася и его матушкѣ низкій поклонъ сказывала. Кириакъ незамѣтно за боярней внизъ сошелъ, и все на нее глядя, и каптаны разглядѣть не успѣлъ. А хороша была каптана: колеса крашенныя, полъ обить войлокомъ, а поверхъ войлока зеленымъ сукномъ; гдѣ бояринъ лѣзтъ въ каптану, бока были сръзаны, а гдѣ ей сидѣтъ—скамеечка на столбикахъ установлена, а на ней подушечка мягкая, тафтой крытая. Чтось солнышко не опекло ея лица бѣлаго, была палажена кровелька на четырехъ столбахъ: ну, скажи кроватушка съ пологомъ на колеса поставлена. Возникъ сидѣлъ на гнѣдомъ конѣ; у дуги было привѣшено два дорогихъ соболя. Какъ поѣхала боярыня, справа ключникъ верхомъ побѣжалъ, а слѣва другой паробокъ, да впереди еще одинъ скакалъ, покрикивалъ. Только ничего этого Кириакъ не видѣлъ, хоть и въ оба вслѣдъ глядѣлъ.

Долго еще Кириакъ на мѣстѣ стоялъ. Вспоминались ему очи Настасьины, и мечталось ему словно онъ съ крутого берега въ рѣчку глядитъ, а вода-то внизу кружится омутомъ, да и самъ онъ никакъ ужъ въ омутѣ. И казалось ему, что не въ омутѣ онъ глядитъ, а въ очи Настасьины. И еще Кириакъ чудилось, словно у него надъ головой струйка со струйкой, звеня, сливаются: то Настасьинъ тонкій голосокъ серебряный слышится.

Очнувшись, Кириакъ вспомнилъ зачѣмъ онъ у Софьи съ коня слѣзъ и строго судилъ себя за суетность грѣховную. Тотчасъ-же онъ въ соборъ пошелъ. Въ соборѣ сильно пахло ладономъ и какъ Кириакъ свѣчу бралъ, ему сказали, что самъ Владыка недавно навафиду пѣлъ. Молодой бояринъ сталъ передъ образомъ Пречистыя и клалъ земные поклоны, и горячо молясь приносилъ Ей благодареніе за исцѣленіе отъ недуга душевнаго.

Изъ Дѣтинца Кириакъ Андреевичъ вправо взялъ, чтобъ проѣхать на Великій мостъ.

И народу-же на мосту: и ѣдутъ, и идутъ, и бѣгутъ; кричатъ, бранятся, шутятъ, торгуются, разговариваютъ. Кириаку нынче было весело, а потому и толпа на мосту ему казалась веселою. Купцы изъ лавокъ, что облѣпили по бокамъ весь мостъ, къ себѣ зазываютъ, а которые побойчѣе, у тѣхъ паробки чуть не за шиворотъ покупателя къ лавкѣ тащатъ, только зазѣвайся, иль замедли шагъ. И къ Кириакову стреми не одинъ подбѣгалъ: иному думалось, что пора-бы молодому боярину новые сапоги купить, а другой все его калачикомъ угацивалъ, какъ-бы соболѣзнуя, что матушка изъ дому не ѣвши отпустила. Кириакъ ѣхалъ себѣ да вправо и лѣво раскланивался.

На рѣкѣ, и у вѣзда на мостъ, и вдоль всего моста, всякія лодыи къ городѣбѣ были привязаны: кто хлѣбъ

печеный на продажу привезъ, кто полную лодку яицъ въ овсѣ пригналъ, кто нагрузился живностью, кто волдогой ¹⁾, кто рыбой, а кто и тѣмъ, и сѣмъ, и десятимъ. Запоздавшіе направились просунуться между ранними въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и щепкѣ съ трудомъ проплыть. Къ этимъ лодкамъ причаливали другія съ покупателями. Одинъ, съ прибыткомъ товаръ распродавъ, отъ моста отчаливалъ, а двое или трое торопились стать на его мѣсто счастливое. Тутъ тоже не обошлось безъ крика и гама, особенно на тѣхъ лодьяхъ гдѣ были бабы. И на нихъ глядя, утѣшался Кириакъ Андреевичъ.

Не доѣзжая той стороны Волхова, пришлось Кириаку Андреевичу обождать часокъ: шнеку нѣмецкую мимо моста вверхъ къ Нѣмецкому Двору проводили, да новгородскій чернѣный корабль изъ заморья пришелъ и подымался къ пристани повыше Нѣмецкаго Двора. Отъ нечего дѣлать, Кириакъ Андреевичъ сталъ глядѣть на мутное Волхово. Налѣво взглянулъ, — лодки съ одной стороны на другую такъ и шныряютъ, народъ перевозятъ; у берега ладьи съ сѣномъ да съ дровами тѣсно стоятъ; другія подъ парусомъ идутъ, тѣ бичевой тянутся, плоты внизъ спускаются. Направо глянулъ: у Нѣмецкаго берега и выше стоятъ разные корабли, щѣглы ²⁾ ровно лѣсъ высятся. А на берегу-то народу что: и грузятся, и разгружаются, и извошки галдятъ, подвозя и отвозя товаръ; телѣжныя колеса гремятъ по мостовинамъ, чѣмъ берегъ мощенъ. За спиной у Кириака всякій людъ на солнышкѣ пестрѣлъ, и веселый, какъ ему слышалось, гомонъ стоялъ въ тепломъ воздухѣ. Подъ людской говоръ, Кириакъ призадумался.

„Такъ вотъ она какова, Настасья-то Петровна, Григорьевичева! А и очи-же у нея!.. ровно вотъ наше Волхово мутное да быстрое. Ровно въ нихъ струйки мутныя бѣгаютъ... И рѣчиства къ тому... И къ матушкѣ тоже сдумала... А матушка нуль опять ко мнѣ со внучатухи...“

О чемъ-бы еще подумалось Кириаку, про то Богъ вѣсть; тутъ услыхалъ онъ, что сзади про него громко говорятъ, зовутъ его по имени, и мысли его прекратились.

— Да онъ-же самый и ё, говорилъ одинъ, какъ казалось Кириаку, знакомый голосъ.—Только мы на-мостъ вошли, тутъ сейчасъ и обгонялъ онъ насъ. Кириакъ, говорю, Андреевичъ; я у нихъ во дворѣ работаю. Дѣдъ у него въ Новѣгородѣ у насъ степеннымъ посадникомъ былъ, Кириакъ-же Андреевичемъ звали. Онъ это, слышь, церковь-ту каменну Варвары великомученицы въ дѣвичьи монастыри ставилъ, а еще у себя на Прусской улицѣ, у Святого Михаила Архангела придѣлъ каменный Трехъ Отроковъ его-же ставленъе. А молодой—внукъ его посадничій: и этотъ у насъ съ тобой денегъ займовать не стане.

— Ишь ты, Прушанинъ, а этакъ-то ласково тебѣ поклонъ отдалъ, отвѣчалъ другой голосъ.

Кириакъ Андреевичъ, улыбаясь, оглянулся назадъ и увидѣлъ, что тотъ, чей голосъ ему показался знакомымъ, былъ Губанъ кафтанныкъ, у нихъ во дворѣ шилъ; другой—парень изъ себя коренастый, со смуглымъ, точно дубленнымъ лицомъ и быстрыми смышленными очами. То былъ Пашкѣ.

Тутъ мостъ навели, и Кириаковъ конь самъ собой за народомъ тронулся. По той сторонѣ, бояринъ пошибче коня погналъ; не малый еще путь оставался ему: Лука далече жилъ, въ Плотницкомъ концѣ, въ Боянѣ улицѣ.

IX.

Московская пошлина.

Лука Аввакумовичъ, тѣмъ временемъ, дома сидѣлъ, одну ногу подложивъ подъ себя, а другую свѣся съ лавки. Одѣтъ былъ по домашнему; отъ жары въ одной рубахѣ сидѣлъ; рубаха была шелковая съ дорогими за-

¹⁾ Волога—все молочное.

²⁾ Щеглы—мачты.

понами, шелками-же шитая, серебрянымъ поясомъ съ жемчужинами подпоясана; сапожки на немъ были стоптаные да порваные: ужь очень покойные, бросить жаль. Передъ нимъ на столикъ стояли гусли яворчатые и онъ, перебирая перстами по струнамъ, самъ съ собою разговаривалъ.

— Ишь, спорить вѣдь, сѣдатыи песь! говорилъ Лука про одного знакомаго гуслира.— „Я де былинку эту отъ батюшка пословечно повялъ“, мысленно онъ гуслира передразнилъ. — А коль батюшко-то твой не ладно-же смазывалъ? спрашивалъ Лука, точно гуслиръ передъ нимъ живой стоялъ. — А ты лучше отъ меня пойми. По моему ладнѣй, гляди; ты этакъ вотъ сказывашь...

И Лука вполголоса подъ гусельки сталъ старикову былинку сказывать:

Красотою-бъ я тебя, Добрынюшко, спорѣдила
Во Юсифа во-ѡ Прекраснаго.

— А теперь по моему послушай-ко.

И опять Лука вполголоса повелъ:

Я-бъ тебя, Добрынюшко, спорѣдила
Красотою во Юсифа Прекраснаго.

— Анъ по моему-то ладнѣй, слышь? ужь вовсе вслухъ сказалъ Лука и подмигнувъ даже нѣтовому гуслиру.— Аль, нѣтъ, стой! Вотъ этакъ еще ладнѣй, вовсе ужь по настоящему:

А еще-бы я тебя, Добрынюшка, спорѣдила
Красотою во...

— А вотъ онъ и самъ Юсифъ Прекрасный на поминѣ лёгокъ! вскричалъ Лука, увидѣвъ Кириака.— Здравствуйшь, дружочекъ мой миленькій, цѣлуй-же поскорѣй меня. А ну, ну, ладно: клади кресты-те, клади...

Кириакъ, ставъ передъ образомъ, крестъ клалъ, а потомъ кланялся хозяину.

— А мнѣ-ко гостю на стрѣчу встать-бы да ему низко кланяться, да садиться просить, а я-ко, гляди, каковъ уваленъ уродился: ловко усѣлся, шевельнуться лѣнь.

Тутъ пріатели, взявшись за руки, цѣловалися, причемъ Кириакъ со смѣхомъ приговаривалъ: „а сиди ужь ты, знай, нѣповоротень“.

— Ну, ладно. Будь-же гостемъ, Кириакъ Андреевичъ, милости прошу! сказалъ Лука, указывая ему на передній уголь, и когда тотъ усѣлся: — А теперь, за мѣсто поклона, слушай-ко, каку я тебѣ припѣвочку скажу, по гуслирному тебя почествую.

И Лука сказывалъ подъ гусельки:

А еще-бы я тебя, Добрынюшка, спорѣдила
Красотою въ Кириака вѣдь Андреича.

— Слышь, Кириакушко, добавилъ онъ, — я всѣмъ гуслирамъ прикажу вмѣсто Юсифа про твою красоту сказывать.

— Анъ не ладно бѣде, смѣясь сказалъ Кириакъ.

— Чѣмъ, друже, не ладно-то? съ живостью Лука спросилъ.

— А тѣмъ-же: пусть, Лука Аввакумовичъ, и столь я хорошъ, какъ ты съ матушкой моею скажете, а все-же въ былинахъ про меня сказывать не гоже. Какъ про Юсифа скажутъ, что упавъ ¹⁾ былъ, всѣмъ про то вѣдомо, а кто слушаетъ, всякъ по своему красоту его лица гадаеть. А моя-та красота не многимъ свѣдома; поди, только тебѣ да моею матушкѣ. Гуслиро-тъ скаже про меня, анъ народо-тъ только очи выпялить: это моля, что за Кириакъ-упавъ объявился еще? А про Юсифа-то слово всѣмъ явственнее.

— А вѣдь вѣрное твое это слово умное, сказалъ Лука,—а и всѣмъ гуслирамъ на послушанье: стану-ко я его имъ потолковывать. Истинно, истинно, какъ-бы съ собой разсуждая, дальше говорилъ Лука,—то вѣдь слово и будетъ вѣковѣчное, что таково-то оно мѣтко сказано: иначе молвить, хотъ голову разломай, не придумаешь. Часто вотъ Псалмопѣвца я читать люблю, а самъ притомъ и думаю: ну, хотъ-бы вотъ это взять,

¹⁾ Упавъ—на диво пригожъ собой.

что какъ солнце-то возсіяеть, тутъ и „изыдетъ чело-вѣкъ на дѣло свое и на дѣланіе свое до вечера“,— вотъ оно, утро, предъ тобой и объявится, каково оно отъ вѣка стоитъ. Аль еще, Кириакушко, хотъ сей стихъ возьми: „сердце мое смятеса, остави мя сила моя, и свѣтъ очію моего, и той нѣсть со мною“, — не такová развѣ тоска живеть, хандра эта несносная?.. И опять слово вѣковѣчное... Тутъ Лука помолчалъ немного, призадумался, и продолжалъ инымъ уже голосомъ: — А опять вѣдь я вышелъ хозяинушко ласковый: ни о твоёмъ здоровьицѣ не спрошу, а ни о томъ все-ли твоя матушка честная вдова добра-здоровая?

— Спасибо, Лука Аввакумовичъ, матушку здорову оставилъ, а и самъ я, видишь, здоровъ-же предъ тобой сижу. А еще тебѣ спасибо собое ¹⁾, что о хвори моею, не разъ пріѣзжая, навѣдывался.

— И съ чего это, друже, нашло на тебя?

— Съ чего? спросилъ Кириакъ такимъ голосомъ какъ-бы хотѣлъ сказать: „Аль и ты, Лука, не домекнулся о томъ?“

— Аль съ вѣча?..

— А съ чего-же еще? сурово сказалъ Кириакъ. — Этакого-то чело-вѣка разумнаго, воеводу такого великаго, злодѣи погубили безвинно!

Лука слегка поморщился.

— Всѣ-то нунъ о немъ, друже, жалѣютъ, о Василѣѣ Микифоровичѣ, дай ему Господь царствіе небесное! А только и ту правду сказать надобно, что и самъ онъ, Пенковъ, въ своей смерти виновенъ-же. Этака гордость у него была непокрытая: то Великій Новгородъ государемъ своимъ зоветъ, а то и отвѣтъ передъ нимъ ему низко держать.

Кириакъ взмотнулъ вверхъ головой, словно говоря: „было-бы предъ кѣмъ отвѣтъ держать!“

— Охъ ужь всѣ вы, Прушане, таковы: съ захлѣсткою, продолжалъ рѣчь Лука, — кони вы ретивые да норювисты—бѣды! Чуть васъ острой ²⁾ трони, и на дыбы сейчасъ, анъ глянь на спину опрокинулся да хребеть сломилъ.

— А ты, коль ѣздокомъ словешъ, всякого коня поровъ знай, а поровистаго не задерживай. А вотъ какъ на войну-то съ Москвой кругиться пора придетъ, въ тоѣ времячко не такъ еще про Пенкова вспоминете. А еще скажу, съ горячностью добавилъ Кириакъ, — коль государемъ иль господиномъ зовешъ себя, такъ не къ лицу тебѣ катомъ быть.

— Аль отъ ката-то государева гибель слаще, чѣмъ отъ своей госпды и братіи? съ горькой усмѣшкой спросилъ Лука.—То-то-же, подумавши, дружокъ, и ты.

— И судъ-же у насъ! Кириакъ свое.—Пришелъ клеветникъ да благо еще коли, какъ Овинъ, народно обличать сталъ, а то просто изъ-за спины на тебя лжу скричить—и всѣ той лжи повѣровали!

— А по твоему, какже, розыскъ что-ль чинить? Руки да ноги ломать, какъ на Литвѣ да на Москвѣ повелось, чтобъ съ боли да со страху на другихъ и на себя наговаривать сталъ?

— Не о розыскѣ рѣчь, а о томъ, что чужой судъ охаявъ, Лука Аввакумовичъ, нашего суда новгородскаго не оправиль-же, твердо Кириакъ сказалъ.

— Коли-же оправить! со спокойнымъ осужденіемъ отвѣчалъ Лука, какъ о вещи хотъ и дурной да неправдой, съ чѣмъ что съ худой женой, вѣкъ терия, вѣковать приходится.—Всѣмъ, друже, то вѣдомо, что милости у насъ нѣтъ въ Новѣгородѣ, и судъ правый давно повывелся: кривда по нашей землѣ пошла и стали мы въ поношеніе всѣмъ сусѣдямъ нашимъ, притчей во языцѣхъ содѣялись. Да вѣдь и отъ Низовскаго суда тоже упаси насъ Боже!

— А съ чего-жь какъ не съ суда у насъ эта крута

¹⁾ Собое—особое.

²⁾ Острога—шпора (острая).

Трудное начало. Картина И. Клейнмихеля, грав. Клосъ.

каша заварилась? А будь правъ судъ, съ чего-бы въ Москвѣ его искать?

— Аль и ты о книжескомъ судѣ слѣпотствуешь? съ великимъ изумленіемъ спросилъ Лука. — Эхъ-ма! Подхватила баба новый голикъ да ѿ дивуется: что молъ чисто таково избѣ выпала? ¹⁾ Такъ-же вотъ и господинъ нашъ великій князь правдой да истиной на Москвѣ дураковъ новгородскихъ судилъ. А допусти-ко его тиуновъ по всѣмъ улицамъ сѣсть, такъ о старомъ новгородскомъ судѣ еще взмолишься. Таки посулы да волониты пойдутъ, а ты противъ тиуна и рта разинуть не моги, а не то, чтобъ какъ нашего, въ шею прогнать.

Кириакъ ни слова на эту рѣчь.

— А съ Пенкова-вотъ у насъ разговоръ съ тобой зашелъ, такъ дослушай-ко, Кириакушко, что еще стану сказывать. Держаль-ли перевѣтъ Пенковъ, аль нѣтъ, про то Богъ вѣсть, а намъ не доведаться. А будемъ и такъ говорить, что судо-тѣ надъ нимъ и вовсе худъ былъ, анъ худа безъ добра не бываетъ, видно.

— Тутъ-то како добро еще выискалъ? съ задорливымъ недоумѣньемъ Кириакъ спросилъ.

— А вотъ дай сказать. Всѣ у насъ, Кириакушко, про новгородску старину любятъ толковать, а того не памятуя, что изъ нашей пошлщины не мало ужъ прочъ уплыло. Я вотъ не гораздо старъ, а на моихъ очахъ сколь старина-та наша порушилась! О томъ говорю какъ старый ²⁾ князь Василей Васильевичъ насъ принасилничалъ. И не много, кажись, всего-то три словечушка въ миродокончальню вписывалъ, что „Вѣчнымъ молъ грамотамъ не быть“. Анъ вышло, что ими, словами этими, наше вѣче онъ по рукамъ связалъ, а не то и вовсе обезручилъ. А нынѣ всѣмъ, кому тѣ три слова памятны, стало лѣстственно, что Пенкова да иныхъ на вѣчѣ сказавъ, Господинъ Великій Новгородъ какъ-бы изъ докончальней тѣ словечушки притужныя топоромъ повыврубилъ, а себя надъ Москвой тѣмъ поввысилъ. Ровно вѣче-то на перевѣтниковъ дало мѣртву грамоту ³⁾. Небось, теперъ у Московскаго въ затылкѣ зачесется. Думали, гадали, что съ питья ихняго забвудуцаго ⁴⁾ на вѣкъ уснуль Великій Новгородъ. Анъ время и вскликнуть намъ: живъ Богъ и жива душа новгородская!

— А и Москва не мертва-же лежитъ, съ горькой усмѣшкой Кириакъ сказалъ.

— А дай ей Господи многи лѣта здравствовать! Мнѣво ей не отходну читать стать.

— Эхъ, Лука ты мой Аввакумовичъ, а не знаешь ты, вижу, норова московскаго, а я, не гляди что вьюнѣшенекъ къ Москвѣ въ полонъ попалъ, поприглядѣлся таки къ повадкѣ московской.

— Ну, ну, а и чѣмъ-же такимъ Москва страшна? Лука спросилъ съ усмѣшкой, а у самого правая бровь нахмурилась.

— А тѣмъ она Москва страшна, что не торопливая, ногой не шевельнетъ вѣдь, мѣста впередъ не оглядѣвъ, да не смѣривши великъ-ли шагъ дѣлать приходится. А ногу занесетъ хоть медлительно да всею-то стопою ступить тяжелою, ажно въ землю нога вдавится. И ужъ гдѣ ступила, съ того мѣста не ступится; и куда ступить замыслила, хоть не скоро, своѣго ужъ достигнется. Аль ворогъ такой упорный не страшень по твоему?

Лука призадумался, и не мало времени очи въ полъ потупивъ сидѣлъ.

— Точно, неестное это слово твое, сказалъ онъ,— что буде она, Москва-то, лукавая. А коли-бъ, oprичъ лукавства этого упорнаго, ничего на свѣтѣ не было, ну тутъ Новгороду за попомъ слать да, масломъ со-

бурясь, къ смерти готовиться. А только сколько она земель ни скушала, нами то еще, дасть Богъ, подавится. Молода она еще Москва, не выкунѣла. А ни въ чемъ-то ей противъ Новгорода не выстоять, а ни въ чемъ-то вѣдь ей съ Новгородъ не повытянуть. И собора они на Москвѣ хорошаго о сю пору не поставили, только что строятся ладять, а у насъ Святая Софія, еще когда, про Москву-то никто на Руси въ ту пору и не слыхивалъ, а она стояла ужъ. Да что! возьми ты двory наши боярски, да просто сказать на йну-то улицу, а въ особину котора топольцами пообобжена, а и не надивуешься. И мало вѣдь на которой не стоитъ гридницы каменной, а на иной и по двѣ ихъ. Такъ про городо-тѣ и сказывать нечего, а нечего Москвѣ и начинать съ нами мѣяться. А село аль деревню возьми новгородскую: эки избы хороши, а мало вѣдь ихъ не въ два жила ¹⁾, а гульбища ²⁾ тыи будутъ перѣныя, да и всѣ вѣдь они изукрашены, та кораблемъ, эта конемъ, аль рѣзными узорочья. А двory мощѣны да крытые, а въ горницѣ чисто, уридливо да обрядливо. А на Москвѣ, скажутъ, избы эти позѣмныя, а соломишкой плохо крыты, да кѣрны, а въ избѣ-то и теля, и робя въ одной грязи валяются. Мать-то думатъ сыночущко ее цѣдуетъ, анъ то телушечко лизнулъ.

Кириакъ усмѣхнулся, а Лука, помолчавъ, дальше рѣчь повелъ.

— Про что бы еще сказать? Книжно дѣло ежели взять, — такъ клади, что вчетверо мы Москвы пограмотиѣй, и то Новгороду обидно, знай, буде. Изъ простыхъ у насъ—и изъ тѣхъ начѣтки и ѣ, а про бояръ и говорить нечего: о чемъ хошь разговоръ заведи, всегда найдешь человѣка розумнаго да поучѣнаго, который въ понятіи состоитъ. Этакой-то народушко у насъ смышленный, до всего-то дошлый. А оттого: бывалый да видалый, и въ заморьи Новгородъ изстари вѣдомъ, и теперъ его имя честно-же нѣмцы держатъ. Да и земля-же наша Новгородская! этакъ-то волости широкъ пораскинулись, отъ Варяжскаго, считай, моря до самого Океанъ-моря Студенаго, а и тутъ не сидится вѣдь, на острова эти Соловецки кинулись. А сколько еще отошло-то отъ насъ. Вятка чѣ-же строенѣ, коли не новгородско? А гляди, Пскову-то приказали собиться да молодшимъ братомъ назвали, а сами оттого не отошались, а и Ростовъ старый, если копнуть, новгородски-же выселки. А гдѣ наши не бывали, ради торгу, аль поповольничать, всю Волгу веслами изрѣзали, до самой той далекой Асторѣхани. Ну, дома не сидѣли, и богатства себѣ добыли. И вотъ что я тебѣ скажу: хоть и грѣхъ оно будто богатствомъ хвастаться, а вѣдь буде то слово мое неестное, что коли Садко, богатый гость, не могъ Новгорода повѣкупить, такъ, не-бось, Великій Новгородъ еще Москву повѣкупить, благо на деньги охвоча да на подкупъ падка.

— Такъ-то оно такъ, Лука Аввакумовичъ, а только... Да вотъ стану я тебя теперъ поспрашивать, а ты мнѣ отвѣтъ держи. Безъ князя намъ прожить можно-ли, сказывай?

— Коли-же прожить! Другъ дружкѣ горло перервемъ, со спокойнымъ осужденіемъ, какъ давече про судъ, сказалъ Лука.—Ужъ такова наша старина новгородска. Варяги, Русь-то, зачѣмъ-же были призваны? И намъ не передѣлать того: йзстари пошло.

— Ладно. А князи, гляди, подобрались нуно; oprичъ Москвы, и князя взять неоткуда.

— А Литовскій чѣмъ дурень? Не сумлѣвайся, дружочушко, хоть оно и не пошло будто къ Литвѣ тянуть, а и въ томъ старина Новгородска, что въ князѣхъ мы вѣльны. Своихъ нѣтъ, „на сторонѣ молъ налѣземъ“, какъ дѣды наши еще Святославу рекли, стращаючи. А намъ Литовскаго чего не налѣзть?

¹⁾ Пахать избѣ—выметать.

²⁾ Старый—въ смыслѣ бывшій, прежній.

³⁾ Мертвая грамота—смертный приговоръ.

⁴⁾ Забвудшій—отъ котораго въ забытьѣ впадаютъ.

¹⁾ Йнѣло—этажъ.

²⁾ Гульбище—балконъ.

— Аль не православный ты? Кириакъ спросилъ.

— А Киевлина со Смольянами не тѣмъ развѣ крестомъ, что и мы съ тобой, крестятся?

— Не ивнымъ, знаю. А только въ этомъ дѣлѣ я, Лука Аввакумовичъ, на томъ-же стою, на чемъ батюшка мой покойный судумалъ. А говаривалъ вѣдь онъ: коли-бъ де, сказывалъ, за вѣру греческаго закона нашего отъ Литовскаго никакого страху не было, ино-бы и въ докончани съ честнымъ королемъ не зачѣмъ было словечушка о томъ писать, что ему молъ у насъ вѣры нашей не отымати.

— А не-въ-осудъ ни твоему батюшку покойному а ни тебѣ, Кириакушко, будь сказано, а это ваше о вѣрѣ сумѣнницѣ вовсе вѣдь оно лишнее. А ладно все у покойнаго посадника степеннаго, у Дмитрія Псаковича, у Борецкаго, было удумано; знать и Марѳина головушка многоразумная надъ тѣмъ потрудила. А не одно вѣдь то было писано, что ты сказывашъ, а и то въ ней стоитъ-же, что гдѣ любо намъ, Великому Новгороду, тѣ и владыку намъ ставить своя воли. А ставили-бы въ Москвѣ, а владычней пошпиной къ ней-же типули-бы. А у Литовскаго изъ руки только намѣстника брали-бы, да и то закону нашего греческаго; княжчиной-бы ¹⁾ только, значить, къ Литвѣ потянули. А и стала-бы тутъ Москва за Литвой соглядять, а Литва за Москвой, а обѣ въ запуски другъ передъ дружкой берегли-бы насъ; блюли-бы, значить, чтобъ который изъ нихъ надъ нами не понасилничалъ. Анъ Новгородъ Великій, ровно сыръ въ маслѣ, межъ обоихъ князей и катался-бы.

— Ладно оно, Лука Аввакумовичъ, было удумано, только съ чего-жъ народушко въ тѣ поры на вѣчѣ противъ Литвы скричалъ? Анъ почувавши вѣры крестьянской поруганіе. А и еще прибавить надобно, что честный король на первыхъ-же порахъ насъ, гледи, не соблюлъ: Москвѣ выдалъ. Небось ни онъ, а ни рада его Литовьска за Новгородъ на конь не сѣли, и насъ Московскому тѣмъ выдали. А отъ этого Олельковича ²⁾, королемъ-то присланнаго, проку много-ль было? Покормился у насъ восемь мѣсяцовъ, раздобрѣлъ на хлѣбахъ новгородскихъ, а какъ до войны съ Москвой дошло, такъ и прочъ бѣжалъ, наши-же волости по дорогѣ грабятчи. Только и проку съ него, что жидовъ за нимъ въ Новгородъ понаѣхало, хоть прудъ ими пруди. Стало кому по крайности бражникамъ нашимъ отцовьско наслѣдство въ закладъ волочить.

— По осени куръ-те считаютъ, Кириакушко. Первый блинъ всегда комомъ, а ты дай-ка сперва сковородкѣ пообпечья маленьчко, а тамъ съ повара и блиновъ спрашивай. Авось-ли, дастъ Богъ, и съ Литвой поуладимся.

— А я скажу: во вѣки намъ съ нею не уладиться. Да какъ съ ней и ладиться, коль на самой Литвѣ нунъ ладу нѣтъ? Связалась она съ этими Ляхами латынами, а кто кого повяжетъ въ конецъ, поглядимъ ужъ. А Литовскій князь, тотъ же онъ и король лиховицкой, а Литвѣ ино-вѣрный буде. Знамо, на свою сторону латинскую тянуть станутъ. А вотъ о вѣрѣ-то я сталъ сказывать, такъ не насилыя отъ короля въ вѣрѣ страшусь, не того что силой отымать вѣру начнетъ, а прелести этой ихней латинской, дявольской. А что завелась она, прелесть-то, и самъ ты свѣдомъ: митрополитъ киевскій Григорей, Пейдоровъ ³⁾ ставленникъ, не говоритъ, а флорентійскаго собора держится, папу римьскаго чтить. А противъ лести гдѣ убережешь? Да стой ужъ за одно все, друже, выскажу. Вотъ ты думаешь, что Москва съ Литвой другъ за дружкой соглядали-бы да насъ другъ отъ дружки берегли-бы. А то знаешь-ли ты еще что москвичи за Литвой доглядывать ужъ и стали?

¹⁾ Княжчина—дань князю.

²⁾ Князь Михайло Олельковичъ (Александровичъ) былъ въ Новгородѣ передъ войной съ Москвой 1471 года.

³⁾ Пейдоръ, какъ извѣстно, призналъ главенство папы на Флорентійскомъ соборѣ.

— А ну?

— А московски бояра такъ понимаютъ, что не только де Великій Новгородъ, великаго князя отчину и дѣдину, Литвѣ отдать не приходится, а есть де за Литовскимъ не со мало иныхъ государевыхъ отчинъ и дѣдинъ, такъ и ихъ отберемъ-же молъ.

— А гледи не было-бы и съ Москвой того, какъ Илья про батюшкину корову обжорливу сказывалъ: молъ жрала, жрала да и лопнула.

— Нѣтъ, ты мое-то слово дослушай, Лука Аввакумовичъ. Тутъ вѣдь только тебѣ и объявится полностью чѣмъ Москва страшна.

Лука тутъ уже молча головой взмотнулъ.

— А тѣмъ, друже, что въ Литвѣ-то неладъ стоитъ, а у насъ рознь заводилася, а въ Москвѣ-тѣ ни неладу, ни розни въ заводѣ нѣтъ, а й завестись имъ не откуда-жъ.

— Это почему же такъ? Лука спросилъ.

— А потому неладу на Москвѣ нѣтъ, а розни въ ней не заводилось, что мысль тамъ хоть и не одна живетъ, да воля-то одна крѣпка: государь, значить, самодержецъ аль самовластецъ, какъ хошь, зови.

— А не пойму я этого, Лука сказалъ и вставъ прошелся по комнатѣ.—А вѣдь не ладное мы съ тобой, Кириакушко, дѣлаемъ, добавилъ онъ.

— Что тако? удивился Кириакъ.

— А какже, не по старинѣ разгово-тъ на тощю сердце повели, съ того и тоску другъ на дружку нагнали, вѣрь. А ты гостя угости сперва, накорми да наной, а тамъ и бесѣдуй—такова вѣдь пошпиная исконная. И въ писаніи также оно стоитъ. Что-жъ, Кириакушко, отобѣдаемъ, что-ль?

— И радъ-бы, Лука Аввакумовичъ, да боюсь матушка не осердилась-бы.

— А къ матушкѣ нарочнаго съ объявкой пошлемъ. Знаеть-же что у меня сидишь.

— Знать-то, знаетъ...

— Такъ, слышь, Кириакушко, пойду-ко я да распоряжусь: нарочнаго пошлю, да еще вотъ закусочкой. А завтра самъ ужъ съ повинной поѣду къ матушкѣ твоей, честной вдовѣ Мамелѣ Тимошевнѣ...

Кириакъ усмѣхнулся какъ-то особенно.

— Чего смѣешься-то? Лука спросилъ.

— А сердита вѣдь на тебя матушка, гнѣвается.

— За что? изумился Лука.

— А, вишь ты, Лука Аввакумовичъ, въ мысль ей пришло, что не иной кто, а ты отъ женитьбы меня отводишь.

— Авось, завтра съ ней столкнемся. А тебя слышь, Кириакушко, о свадьбахъ ¹⁾ безъ перемѣны ужъ женю, теперь матушка твоя мнѣ выходитъ помощница: вдвоемъ на тебя насядемъ. А что она на меня, честна вдова, безпричинно гнѣвается, то не въ диво мнѣ. Знать доли моя така: во чужомъ пиру похмѣльѣ нести. Не-одна вѣдь твоя матушка на меня этакъ же сердитуетъ. А пропесутъ завтра, будто я и дружка своего любезнаго, Василья Арбузьева, спаиваю, а и тому не подивлюсь. Да ладно-ко, побѣгу, схлопочу сейчасъ.

И Лука побѣжалъ вонъ изъ горницы. Кириакъ, одинъ сяди, крѣпко задумался; онъ и не замѣтилъ, какъ не черезъ долгое время воротился Лука, а за нимъ паробокъ съ двумя кубками меду стоялого.

— Аль задремалъ? дотронувшись дружку до плеча, Лука спросилъ.

— Ни, крѣпко задумался.

— О чемъ такомъ?

— Аль полную мысль тебѣ сказать?

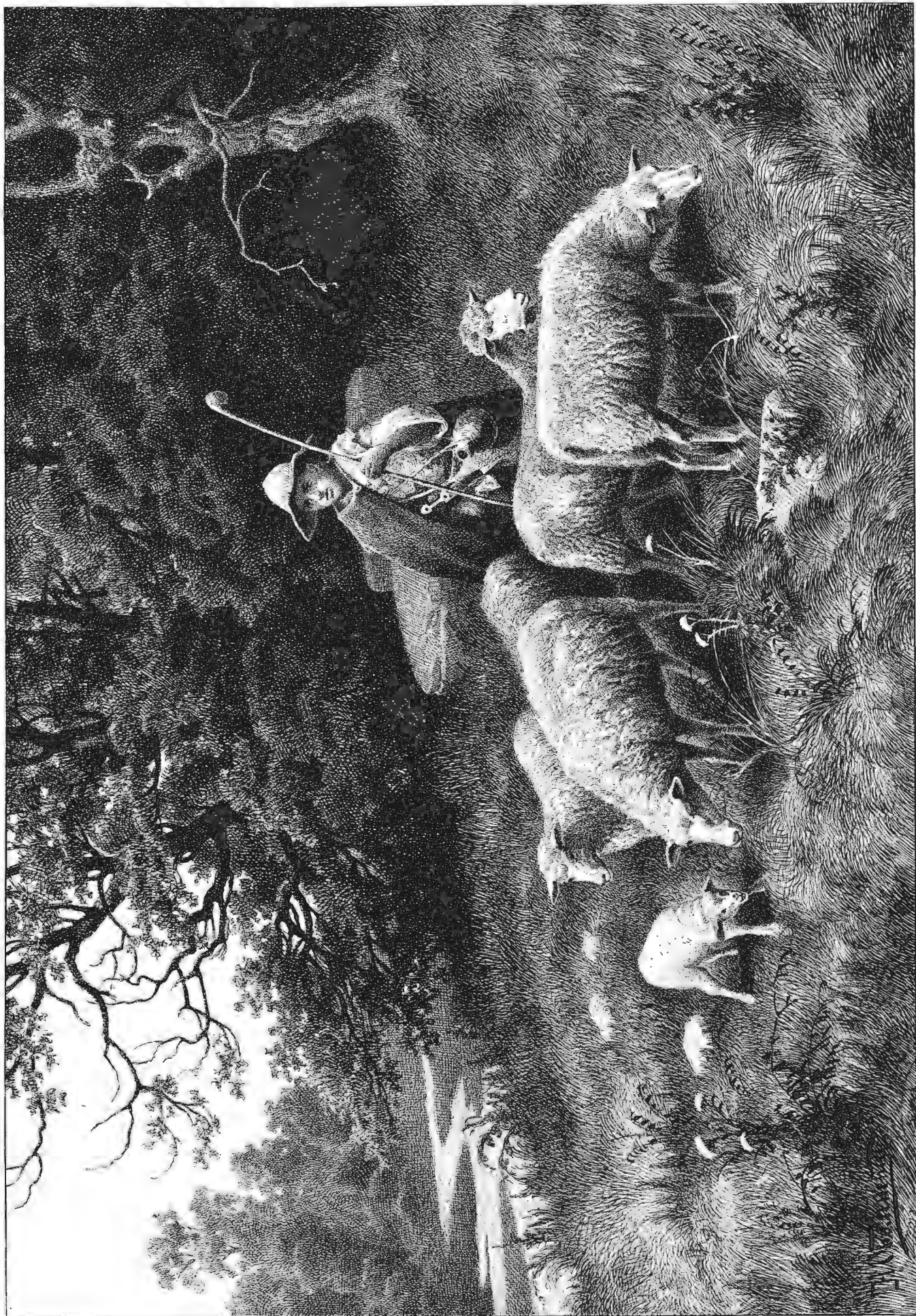
— Сказывать, такъ ужъ полную.

— На себя пеняй, коль опять тоску нагоплю.

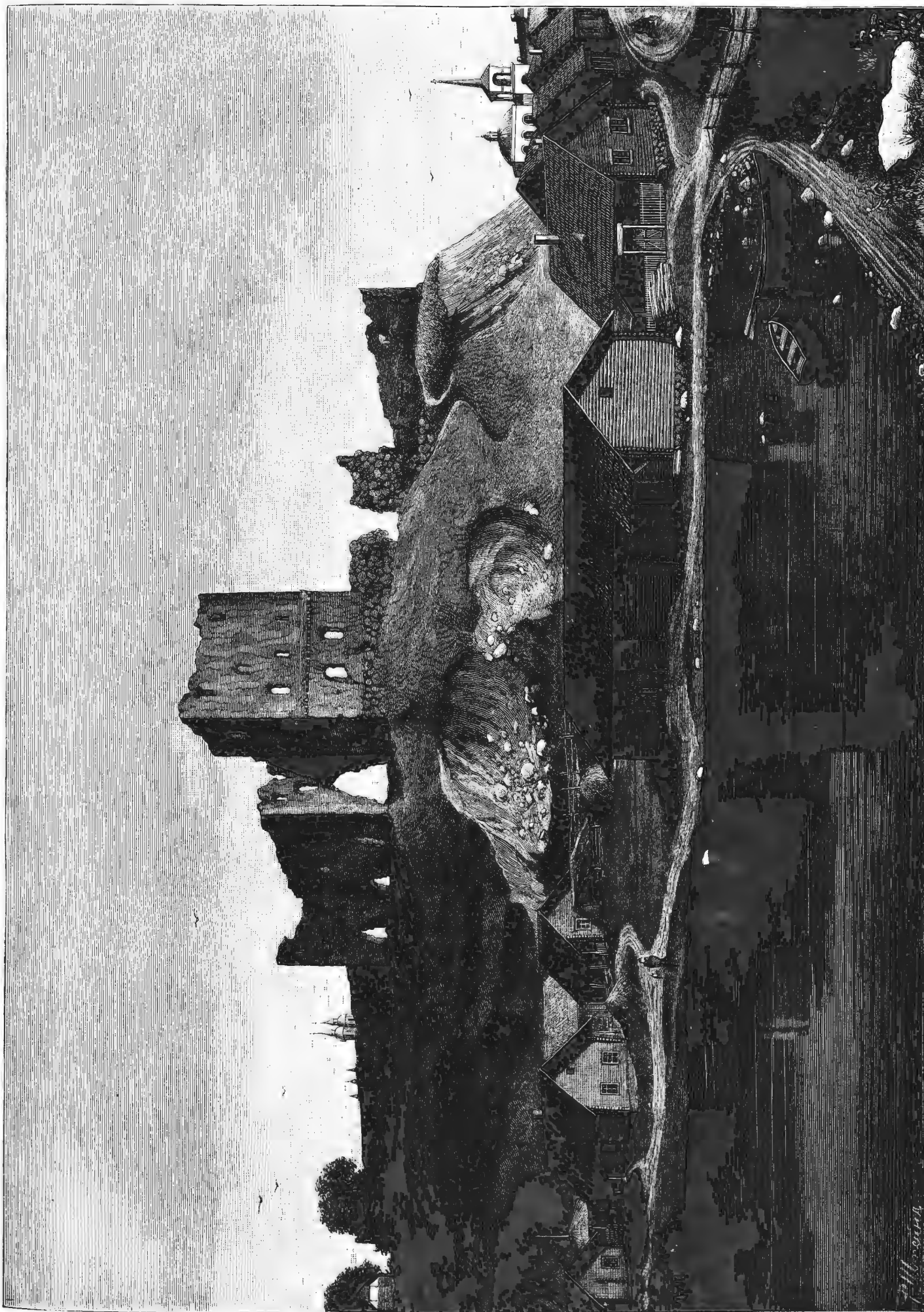
— А ну? взмотнувъ по привычкѣ головой, Лука спросилъ.

¹⁾ Свадьбы — время отъ Рождества до Масляной.

Осетинский пастушокъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

Развалины замка въ Люцинѣ, Витебской губ. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

— Брѣико, Лука Аввакумовичъ, я сейчасъ призадумался. А о томъ мнѣ вѣдь помыслилось, что скажутъ время нунѣ приходитъ послѣднее, а и срокъ близится, живемъ-то мы на исходѣ седьмой тысячи ¹⁾, а восьмой де не быть: свѣтъ переставится.

— Аль ты этимъ бабымъ толкамъ вѣруешь? изумился Лука.

— Нельзя, грѣхъ вѣровать, строгимъ голосомъ сказалъ Кириакъ. — Сказано: „не вѣсте убо часа.“ И еще: „и отъ ангель утай.“ Не о свѣтопреставленіи я пораздумался, а то, Лука Аввакумовичъ, въ голову мнѣ пришло: съ чего моль оно завелось такъ, что эта мысль скорбная о концѣ мірушка, у насъ во Новгородѣ вѣзмъ, кто поразумнѣй, часто въ память приходитъ: и страшна, и мила къ тому. Сердце-то щемитъ она, а все бы о ней думалось, ровно сладость въ ней какая есть. И сейчасъ приди мнѣ въ голову, что съ того эта мысль смиренная ²⁾ намъ люба, что вѣзмъ намъ, противъ воли, въ сердцѣ чувствуетъ, что близокъ, приходитъ конецъ всему доброму и славному, чѣмъ мы живемъ, о чемъ движемся. Уходитъ ровно на-вѣкъ отъ насъ слава новгородская. А мы, на пошлину да старину свою любующисъ, тоскуемъ: ровно на человѣка родного глядимъ, близкаго, а лежитъ-то онъ боленъ при смерти, а мы часа того ждемъ великаго и скорбнострашнаго, какъ станеть душа его съ тѣломъ, плача, разставатися.

Не скоро Лука на эту грустную рѣчь отвѣтитъ насель, долго потупись сидѣль.

— А на твое слово отходное, сказалъ онъ, — скажу я тебѣ словечушко заздравное. А стоялъ Кіевъ-градъ, и князи за него на-смерть билися, а Новгородъ примучивали. А нунѣ не бьются князи за Кіевъ градъ, а Новгородъ здравъ же стоитъ. А не мало ихъ было сильныхъ князей Суздальскихъ, и съ Новымгородомъ они споривали, а надъ нимъ насильничали, а и всей землей Суздальской, всѣми князьями на насъ наваливались. А стоитъ красуется Новгородъ, а Суздальски князи, гдѣ они? А теперь вотъ Москва эта заводилася, а опять же надъ Новымгородомъ насилье творить, а гляди и преидеть Москва, а Новгородъ все будетъ стоять по старому да попржнему да бить, звать въ Вѣчный колоколъ. Инъ, пей-же, дружокъ Кириакушко, чтобъ стоять ему а до-вѣка.

Выпилъ Лука, и Кириакъ выпилъ, и еще онъ слово сказалъ.

— А вотъ какъ тосковаль-то я, говорилъ Кириакъ, — въ томъ-то этой несносной сидѣль, про то же вѣдь думаячи, что нынѣ тебѣ, Лука Аввакумовичъ, сказывалъ, такъ такъ мысль стала у меня въ головѣ: моль что бы тамъ ни было, а и свѣтъ моль цускай переставится, а умру я какъ жилъ вольнымъ мужемъ новгородскимъ и предъ Господомъ душа моя такой же, какъ жила, вольной предстанеть. И не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ эта мысль была во утѣшенье. Свѣтло она у меня въ головѣ стоитъ, какъ морозъ бодритъ, какъ зимній день ясна.

(Продолженіе будетъ).

Исторія одного таланта.

Повѣсть Н. Станицаго (автора романа *Три страны света*).

(Продолженіе).

25-го. „Если бы передо мной стоялъ ядъ, я бы съ радостью его выпила, такъ мнѣ тяжело!.. Какъ вошла въ столовую, то по злымъ улыбкамъ на лицахъ Аркадія и сестры я поняла, что мнѣ предстоитъ пытка. Явилась мама въ столовую, схватила меня за ухо и начала меня теревить, приговаривая:

— Вотъ тебѣ нудра, вотъ тебѣ вычурная прическа!

— Въ эту минуту вошелъ отецъ, онъ гнѣвно крикнулъ:

— Будеть-ли конецъ этому? Вѣдь я запретилъ ее трогать?

— И обратись ко мнѣ прибавилъ:

— Садись!

— Не смѣй! крикнула мама.

— Отецъ всплылъ, но ужъ не знаю, что послѣ меня было — я убѣжала поскорѣй!..

— Такая тоска, читать не могу, спать также: пошла посидѣть съ Антипчёмъ въ садъ, когда весь домъ заснулъ. Въ дѣтствѣ я также бѣгала въ горькія минуты къ нему; онъ развлекалъ меня сказками, но прошло то время. По моей просьбѣ Антипчъ сталъ рассказывать сказку, а я смотрѣла на Волчка, который положилъ свою морду на мои колѣни, и я сравнивала его жизнь съ моей, — право во сто разъ лучше! На прощанье Антипчъ заставилъ меня улыбнуться, давъ совѣтъ еще немного потерпѣть: что, можетъ быть, и скоро выйдъ замужъ. Я ему отвѣтила на это, что даже въ его сказкѣ Иванушка-Дурячекъ и тотъ прискалъ себѣ невѣсту: красивую и богатую.

— Пустое говоришь, возразилъ мнѣ Антипчъ; — хорошій человѣкъ знаетъ, что не все то золото что блеститъ, можетъ ты раньше выйдешь замужъ своей красавицы-сестры.

— А въ самомъ дѣлѣ пошла ли бы я замужъ, еслибы совершилось такое чудо, чтобъ нашелся охотникъ жениться на мнѣ? Нѣтъ! это такъ дико для меня, что я не въ состояніи была бы рѣшиться на это. Какія глупости могутъ приходиться мнѣ въ голову, когда не знаешь, куда дѣваться отъ тоски!

26-го. „Отецъ прислалъ Егора, чтобы я явилась къ столу. Мама не дозволила мнѣ приблизиться и поцѣловать у ней руку; всѣ отворачивались отъ меня. Гробовое молчаніе царю за столомъ. Какъ на пытку будешь теперь являться къ обѣду.“

27-го. „Мнѣ кажется, что отецъ съ каждымъ днемъ все дѣлается мрачнѣе и мрачнѣе, а сегодня какой-то былъ взволнованный. Господи, и всему я причиной! долго-ли продлится это невыносимое положеніе?“

29-го. „Здоровъ-ли отецъ? Ни къ обѣду, ни къ завтраку не выходилъ изъ кабинета; вѣрно боленъ. Хотя бы подумали, что

¹⁾ Отъ сотворенія міра. Вѣра въ конецъ міра была до того сильна, что на восьмую тысячу не дѣлали насхалин.

²⁾ Смирный — печальный, также траурный.

большому могутъ гости мѣшать; дня не могутъ пробыть безъ гостей.“

30-го. „И сегодня отецъ не вышелъ въ столовую. Мама и сестра толкуютъ о предстоящемъ балѣ въ городѣ, значить отецъ не серьезно боленъ. Я спрашивала у Егора, не лежитъ-ли въ постели отецъ; — нѣтъ. И что же это значить, Сивцовъ къ намъ не ѣдетъ? Ничего не знаю о бѣдномъ Григоріи Семенчѣ, сняли-ли съ него горячешную рубашку? У насъ въ домѣ о немъ всѣ совершенно забыли.“

1-го іюля. „Вчера вспомнила о Сивцовѣ, а сегодня Антипчъ передалъ мнѣ отъ него записку, въ которой онъ проситъ прійти на берегъ рѣки, такъ какъ ему необходимо меня видѣть. Зачѣмъ?.. Не умеръ-ли Григорій Семенчъ? Но онъ могъ бы написать объ этомъ. Нѣтъ, ужъ лучше не буду думать. Какъ придетъ время, тогда и рѣшу идти-ли мнѣ, или нѣтъ?..

— Что же это все означаетъ?

— Я не могу болѣе бывать въ вашемъ домѣ, сказалъ мнѣ Сивцовъ, — если вамъ нужна будетъ помощь или совѣтъ, вспомните обо мнѣ, я буду очень счастливъ, и сдѣлаю все что въ силахъ. Не вѣрите, если будутъ говорить обо мнѣ дурное; я исполняю свой долгъ. Берегите себя, ваша жизнь можетъ измениться къ лучшему.

— И все это онъ говорилъ въ сильномъ волненіи, а прощаясь со мной онъ пожалъ мнѣ руку и произнесъ:

— Мы не скоро увидимся — не забудьте, что у васъ есть искренній другъ!..

— Я ничего не понимаю!.. Развѣ онъ тоже влюбился въ сестру, посватался и мама ему отказала отъ дому?.. Григорій Семенчъ также сначала много находилъ недостатковъ въ сестрѣ, а кончилось тѣмъ, что сошелъ съ ума отъ любви къ ней!“

2-го. „Рѣшительно можно потерять рассудокъ; что такое случилось? у всѣхъ лица потерянные, даже Аркадію повѣсилъ носъ. Послѣ завтрака мама прислала за мной; я думала, что узнала о моемъ свиданіи съ Сивцовымъ. Я приговорилась, — пусть мама дѣлаеть что хочетъ со мной, я все покорно перенесу, только-бы отца оставили въ покоѣ. Но, къ моему удивленію, какъ я вошла въ ея комнату, то прочла на ея лицѣ одну тревожную озабоченность. Она приказала мнѣ сѣсть противъ себя и писать; на столѣ были приготовлены всѣ принадлежности для письма. Я сѣла, обмокнула перо, но такъ и замерла, когда мама мнѣ продиктовала: „Навелъ Петровичъ, я соскучилась о васъ.“

— Что-же не пишешь? прикрикнула на меня мать.

— Во избѣжаніе новыхъ огорченій для отца, я рѣшилась писать все что ей угодно; пусть что хочетъ, то и думаетъ обо мнѣ Сивцовъ! Мама продиктовала мнѣ приглашительную записку къ Сивцову, чтобы онъ пріѣхалъ сегодня вечеромъ!.. Однимъ

только могу объяснить это приглашение: спохватились и хотят вернуть жениха; но я тутъ при чемъ?..

„Посланный вернулся отъ Сивцова, но какой отвѣтъ получился—не знаю.“

3-го. „Сивцовъ не прѣхалъ. Думала, что изъ разговоры за столомъ что-нибудь узнаю, но никто не явился къ столу... Боже мой! Радость, горе въ семействѣ, а я какъ чужая! Не вышла-ли исторія съ фальшивымъ векселемъ, но какимъ образомъ тутъ Сивцовъ замѣнанъ? Просто силъ нѣтъ; сидишь одна и мучаешься загадкой: какое несчастье постигло насъ всѣхъ?..“

„Перепутала дни, какой-то хаосъ въ головѣ. Первое время мнѣ все казалось, что это страшный кошмаръ, что я проснусь и вся тяжесть, которая давить меня—уничтожится; но теперь ужъ нѣтъ сомнѣній, что это дѣйствительно со мной произошло. Появленіе мамы и сестры въ моей комнатѣ я сначала приняла за галлюцинацію; мама была права, что я стою, какъ „безчувственный истуканъ“, потому что меня ошеломило ея приказаніе: „Тихонько отъ прислуги пробраться на дорогу, сѣсть въ крестьянскую телѣгу, которая меня ждетъ, и ѣхать въ Польшовку просить о чемъ-то Сивцова.“

— За кого просить? проговорила я.

— Безвозглая! за отца! крикнула мама.

„Я бросилась къ двери, но сестра меня остановила, закутала платкомъ мнѣ голову, говоря, чтобы я не смѣла разговаривать съ мужикомъ, — „нѣтъ думаетъ, что ѣдетъ прислуга“, а мама прибавила: „Не вставай съ колѣнъ, плачь, вымоли отъ него обѣщаніе, что онъ не дастъ хода дѣлу.“

„Мнѣ показались безконечными 7 верстъ до Польшовки. Не могу припомнить ни дома, ни комнатъ, ни лицъ, которыхъ я видѣла; только осталось въ памяти блѣдное лицо Сивцова и его дрожащій голосъ.

— Простите, но я не могу исполнить вашей просьбы. Повѣрьте, что въ эту минуту мнѣ такъ же мучительно-тяжело какъ и вамъ!“

„Судороги сдавили мнѣ горло, ноги не двигались; Сивцовъ стоялъ передо мной и тоже молчалъ; наконецъ воскликнулъ:

— Какіе дни всѣ безчеловѣчны! къ чему прислали васъ?“ и, взявъ меня за руку, добавилъ:—„пойдемте, я васъ усажу въ экипажъ.“

„Я какъ автоматъ повиновалась, онъ посадилъ меня въ телѣгу и тихо сказалъ: „Ради Бога не сердитесь, просите о чемъ хотите, я съ радостью все исполню; вамъ, вѣрно, не объяснили въ чемъ дѣло, посылая васъ ко мнѣ?..“

„Я безчувственно отнеслась къ брани, которая обрушилась на мою голову, когда я вернулась отъ Сивцова.

„Арвадіи кричала мамѣ: „Что вы могли ожидать отъ нея, она за-одно съ этимъ негодяемъ!“ Мама прогнала меня.

„Въ самомъ дѣлѣ, я не плакала и не стояла на колѣняхъ передъ Сивцовымъ. Ахъ, какъ я была-бы рада слезамъ! можетъ быть онѣ облегчили-бы меня, а то такая мучительная тоска сдавила сердце, что я не знаю куда дѣться. И эта тишина въ домѣ, которой я прежде радовалась, теперь наводитъ на меня ужасъ... Хоть-бы мнѣ сказали, что за несчастье случилось съ отцомъ!..“

Суббота. „Отецъ позвалъ меня къ себѣ; я обмерла отъ ужаса. Всѣ мускулы на его лицѣ передергивались, а письмо которое онъ держалъ въ рукѣ, страшно дрожало.

— Какъ ты смѣла ѣздить къ Сивцову?“ спросилъ онъ меня, задыхаясь. „Неоставало только этого позора, чтобы онъ меня стыдилъ, что я подсылаю свою дочь къ нему!..“ Онъ разорвалъ письмо на клочки, и добавилъ: „Помяни всю жизнь, что Сивцовъ обозорилъ твоего отца и сдѣлалъ всѣхъ васъ нищими!“

„Онъ сѣлъ къ столу, сжалъ руками голову и проговорилъ со стономъ: „Не мучь меня, уходи, уходи!..“

„Нищія! что-же будетъ съ моей сестрой и съ мамой? И какъ могъ насъ сдѣлать нищими Сивцовъ?.. Но какимъ надо быть отвратительнымъ человѣкомъ, чтобы заставляя такъ страдать другихъ?.. Мнѣ кажется, у меня голова расколется пополамъ,—мысли такъ и смѣняются одна за другой, все такія страшныя... Нищія!.. Куда отецъ дѣнется?..

„Если-бы не укладывали сундуки, я бы не повѣрила, что всѣ рѣшаются бросить отца. Если меня силой увезетъ мама съ собой, я убѣгу къ отцу. Ни за что не оставлю его! Никогда, никогда! Выше нѣтъ мученія на свѣтѣ, когда видишь въ такомъ несчастіи отца и ровно ничего не можешь сдѣлать для облегченія его страданій!..“

На этой фразѣ окончился дневникъ русской Савдрильоны; онъ произвелъ на меня подавляющее впечатлѣніе; я ходилъ по комнатамъ и въ каждой изъ нихъ мнѣ рисовались сцены изъ дневника. При взглядѣ на роля, мнѣ вдругъ пришла мысль, что никто другой, какъ русская Савдрильона являлась изъ Горюшекъ играть по ночамъ на роляхъ. Принадлежи мнѣ роля, я бы его немедленно отослалъ къ ней. Я вовсе не располагалъ воспользоваться приглашеніемъ Размотова, но по прочтеніи дневника, мнѣ захотѣлось получить подробныя свѣдѣнія о русской Савдрильонѣ..

Я прѣхалъ къ Размотову къ пяти часамъ; онъ еще не возвращался домой. Его лакей былъ предупрежденъ о моемъ посѣщеніи.

Обстановка квартиры Размотова была на роскошь: стѣны были увѣшаны плохими картинами, много было поставлено вездѣ разныхъ бездѣлушекъ и разныхъ дамскихъ рукодѣлій.

Изъ кабинета дверь въ спальню была отворена настежь и прямо стояла кровать, покрытая голубымъ атласнымъ одѣяломъ; на подушкахъ были вязаныя покрывки; у стѣны висѣлъ большой вышитый коверъ; на полу у кровати такой-же коверъ и на немъ красовались бархатныя туфли вышитыя золотомъ.

Я не могъ не разсмѣяться, когда мнѣ вообразилась заживѣвшая фигура Размотова, покоящаяся на этомъ ложѣ..

Размотовъ вернулся домой и рассыпался передо мной въ извиненіяхъ и благодарностяхъ за то, что я сдержалъ свое слово, и началъ мнѣ показывать дамскія рукодѣлія, сказавъ:

— Мои націентки другъ передъ другомъ стараются выказать свое искусство въ рукодѣліи.

— Это доказываетъ, что вы пользуетесь большимъ расположеніемъ дамскаго общества въ городѣ, отвѣтилъ я.

Размотовъ многозначительно улыбнулся.

— Да, жаловаться не могу, даже передъ своими коллегами совѣстно: здѣшнія дамы только у меня и хотятъ лечиться.

Обѣдъ былъ обильный; вина дорогія. Размотовъ явно хотѣлъ мнѣ пустить нить въ глаза. По окончаніи обѣда я напомнилъ ему его обѣщаніе рассказать мнѣ подробно о бывшихъ помѣщикахъ Порошкова. Размотовъ пожалъ плечами, какъ-бы удивляясь моему любопытству, и рассказалъ почти то же, что говорилъ ямщикъ.

— Когда у Крутова сдѣлался нервный параличъ, въ городѣ прискакали нарочный и засталъ только меня дома. Я бы не побѣжалъ въ Порошково, такъ какъ не былъ съ ними лично знакомъ, но мнѣ хотѣлось посмотреть на гордую красавицу въ ея новомъ положеніи. Однако мнѣ не удалось ее видѣть. Всѣ уѣхали въ деревню къ своимъ знакомымъ; вѣдѣствіе ихъ отъѣзда съ Крутовымъ и сдѣлался параличъ. Вотъ съ тѣхъ поръ я и возжусъ съ даровымъ націентомъ.

Опять Размотовъ избѣгалъ упоминать о младшей дочери Крутова.

— Какъ же онъ очутился въ Горюшкахъ? спросилъ я.

— Красавица-дочь поубавила силъ: прежде и смотрѣть не хотѣла на влюбленнаго богатаго куничка, который, впрочемъ, изъ цивилизованныхъ; но послѣ катастрофы съ отцомъ очень скоро вышла за него замужъ и съ матерью укатила за границу, а для больного отца наняла Горюшки. Усадьба стояла пустая и очень дешевая. Высылаютъ ему денегъ, но очень мало... Что это вы не пьете вина? воскликнулъ Размотовъ, наливая мнѣ рюмку.—Этакого вина трудно здѣсь достать.

Я понялъ, что онъ хочетъ замѣять разговоръ о Крутовыхъ.

— А что за личность Сивцовъ? спросилъ я.

— Чудака! вдумалъ разыгрывать роль въ нашемъ городѣ—вооружилъ все общество противъ себя.

— Чѣмъ же?

— Да, помылите, находилъ, что одинъ—дуракъ, другой—невѣжа, третій—взяточникъ, и на Крутовѣ хотѣлъ выказать протестъ всему обществу. Ну, да его самого стали донекать такъ, что онъ чуть не поналъ подъ судъ. Струсилъ, бросилъ службу и живеть теперь суркомъ въ своей усадьбѣ. Къ нему ни одна душа не является и онъ нигуда носу не смѣетъ показать... Меня удивляетъ, что ему за охота сидѣть въ своей Польшовкѣ и получать насквиленные письма, стихи на свою особу? Я вамъ достану очень забавную карикатуру на него. Если я отношусь не сочувственно къ Сивцову, то имѣю на это причины, потому что онъ прикрываетъ личную свою месть въ разоблаченіи растратъ казенныхъ денегъ Крутовымъ. Онъ влюбился въ красавицу-дочь его, а она наклеила ему носъ!

— Я хотя и не житель вашего города, но знаю навѣрно, что Сивцовъ точно влюбился, только не въ красавицу-дочь, а въ младшую.

Я съ намѣреніемъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ: „младшую“.

Размотовъ въ эту минуту подносилъ рюмку къ губамъ да такъ и замеръ въ этой позѣ, потомъ воскликнулъ:

— Кто вамъ такую чепуху навралъ? Мнѣ сама мать рассказывала, что Сивцовъ сватался за ея красавицу-дочь. Весь городъ знаетъ объ этомъ! Это достовѣрно!

— Такъ же достовѣрно, какъ сама мать распускала слухи по городу, что ея младшая дочь идиотка и въ надучей болѣзни, чтобы оправдаться передъ обществомъ!

Размотовъ подскочилъ на стулѣ отъ изумленія и накинудся на меня съ разсиросами — откуда я могъ узнать такія подробности о семействѣ Крутовыхъ?

Меня забавляло возненіе Размотова и я сталъ его поддразнивать.

— Сивцовъ потому и сидитъ въ своей усадьбѣ, что выжидаетъ время, когда вся исторія забудется, — онъ и женится на младшей дочери Крутова.

— Никогда, никогда! внѣ себя воскликнулъ Размотовъ: — отецъ не дозволитъ своей дочери выйти за него замужъ! онъ ее проклянетъ, да и сама она не пойдетъ за него... Вы не знаете сколько ему лѣтъ? Сорокъ! а ей..

— А ей 2-го іюня будетъ 17! сказалъ я.

(Продолженіе будетъ).

Этюдъ. Рис. В. Лёфтца, грав. Геданъ.

Къ рисункамъ.

Встрѣча великаго князя Василя III Иоанновича съ послами императора Карла V на охотѣ, подъ Можайскомъ (1533 г.) (Рис. на стр. 668).

Великій князь Московскій, Василя III Иоанновичъ (отецъ Грознаго) былъ тонкимъ и дальновиднымъ политикомъ, а потому отлично понималъ значеніе дружескихъ сношеній съ европейскими государями и всячески старался о поддержаніи ихъ. Когда наши сношенія съ императоромъ Германскимъ (или „цесаремъ Римскимъ“—какъ онъ назывался въ нашихъ древнихъ актахъ) Максимилианомъ пресѣлись кончиною этого государя, а на престолѣ, послѣ Максимилиана, вступилъ властолюбивый и могущественный Карлъ V,—Василя III первый напомнилъ ему объ отдаленной Московіи, отправивъ къ нему гошца съ привѣтствіемъ. Карлъ V, въ отвѣтъ на эту любезность, отправилъ ко Двору Василя III торжественное посольство, которое привезло въ Москву дружественныя грамоты.

Великій князь Московскій, съ такими же дружественными грамотами, отправилъ къ Карлу V князя Ивана Ярославскаго-Засѣкина съ блестящею свитою и богатыми подарками. Русское посольство проѣхало черезъ всю Европу, отыскивая Карла V, и наконецъ представилось ему въ Мадридѣ, гдѣ императоръ въ то время торжествовалъ свою побѣду надъ Французскимъ королемъ Францискомъ I, котораго и держалъ въ плѣну. Цѣль посольства заключалась въ томъ, что великій князь Московскій просилъ императора Карла V, силою его вліянія, побудить короля Польскаго къ заключенію прочнаго мира съ Московскимъ великимъ княземъ. Польщенный этимъ, императоръ отпустилъ московскаго посла изъ Мадрида съ ласковымъ словомъ и богатыми подарками и, вмѣстѣ съ нимъ, отправилъ отъ себя графа Леонарда Нугарольскаго и знаменитаго ученаго барона Герберштейна *) въ Польшу, для веденія переговоровъ съ Польскимъ королемъ, а затѣмъ и съ Московскимъ великимъ

*) Баронъ Герберштейнъ былъ посланъ братомъ Карла V, эрцгерцогомъ австрійскимъ Фердинандомъ.

Графъ Штарембергъ, защищающій Вѣну отъ турокъ въ 1683 году. Рис. Мерте, грав. Брендамуръ.

кляземъ. Послѣ долгихъ и безуспѣшныхъ споровъ съ польскими вельможами и съ упрямымъ Сигизмундомъ, послы императорскіе проѣхали въ Москву, не застали тамъ великаго князя и отправились вслѣдъ за нимъ въ Можайскъ, гдѣ онъ со всѣмъ своимъ Дворомъ тѣшился въ то время охотою. Тамъ произошла первая встрѣча послы съ Василиемъ III, тамъ же начаты были и переговоры. Баронъ Герберштейнъ, оставившій намъ драгоценное описаніе путешествія по Московіи, такъ описываетъ эту встрѣчу съ великимъ княземъ на охотѣ: „Мы увидѣли государя въ отѣзжемъ полѣ, оставили лошадей своихъ и приблизились къ нему. Онъ сидѣлъ на прекрасномъ конѣ, въ богатомъ терликѣ, въ высокой шапкѣ, осыпанной драгоценными камнями и золотыми перьями. На бедрѣ у него висѣлъ кинжалъ и два пожа; за спиною, ниже пояса, булала. Подлѣ него ѣхали—съ правой стороны, царь Казанскій, Алей, вооруженный лукомъ и стрѣлами, а съ лѣвой—два князя молодые, изъ которыхъ одинъ держалъ сѣкиру, а другой—шестоперъ. Вокругъ этихъ лицъ было болѣе трехсотъ всадниковъ“. Замѣтимъ отъ себя, что Герберштейнъ ошибается, называя ближайшихъ двухъ всадниковъ съ сѣкирою и шестоперомъ „молодыми князьями“. Эти всадники были *рынды* или оруженосцы великаго князя, всюду обязанные слѣдовать за нимъ и возить его оружіе.

Профессоръ Шарлеманъ прекрасно изобразилъ эту живую страницу нашей истории, передавъ вполне вѣрно всю блестящую обстановку свиты, окружавшей великаго князя Московскаго, который и въ своемъ дворцѣ, и въ отѣзжемъ полѣ любилъ себя окружать великолѣбіемъ.

Юдиѳъ. (Рис. на стр. 669).

Извѣстенъ подвигъ еврейской героини Юдиѳъ, вдовы Манасиной, которая въ 589 г. до Р. X., когда ассирійцы подъ начальствомъ Олоферна осадили ея родной городъ, Ветулію, пробралась въ ассирійскій лагерь, плѣнила своей красотой Олоферна, затѣмъ убила его ночью во время сна и на утро принесла его голову осажденнымъ. Ассирійскія-же орды, найдя своего вождя обезглавленнымъ, въ ужасѣ отступили отъ города.

Пришелъ Ассуръ отъ сѣвера и тѣмы
Его стрѣльцовъ лицо земли покрыли,
И водные потоки заградили,
И конница покрыла всѣ холмы.
Хвалился онъ —

говоритъ Юдиѳъ своимъ соплеменникамъ

пожечь мою обитель,
И юношей мечами умертвить,
И подмостомъ младенцевъ положить,
И дѣвъ плѣнить... Но Богъ и Вседержитель, —
Непреборимый Богъ и мира и войны,
Во прахъ низвергъ врага десницею жены!
Не силою земнаго исполина
Врагъ сокрушенъ и гибнетъ до копца:
Его красой побѣдною лица
Сразила дочь младая Мераріина,
Затѣмъ, что ризы вдовы сняла
И умастилась благоуханнымъ масломъ,
И увѣнчала волосы увясломъ,
И взоръ вождя соблазномъ привлекла:
Моя сандалія ему прельстила око,—
И выю вражію прошелъ мой мечъ глубоко...
Л. Мей.

Трудное начало. (Рис. на стр. 673).

„Всякое начало трудно!“ Справедливость этихъ словъ калдѣй испытывалъ не разъ въ своей жизни, особенно въ счастливые годы дѣтства, когда приходилось знакомиться съ азбукой. Какъ въ то время горекъ былъ корень ученія — и только надежда на сладкіе плоды его или страхъ наказанія заставлялъ и заставлялъ многихъ усвоивать себѣ весь хитрый процессъ чтенія и выписыванія тѣхъ знаковъ, изъ которыхъ составляются на бумагѣ слоги и слова человѣческой рѣчи.

Въ подобномъ затруднительномъ положеніи изобразилъ художникъ, на стр. 673, маленькаго пухленькаго мальчугана, сосредоточенно выводящаго большимъ гусинымъ перомъ въ непослушныхъ пальчикахъ заданный урокъ.

Осетинскій пастушокъ. (Рис. на стр. 676).

Одно изъ самыхъ многочисленныхъ кавказскихъ племенъ составляютъ осетины, живущіе въ Тифлисской губерніи и Терской области; населяя мѣстность покрытую высокими отрогами Кавказскаго хребта, они занимаются скотоводствомъ и хлебопашествомъ, въ особенности на Владикавказской плодородной плоскости. Прелестный рисунокъ Н. Оболенскаго изображаетъ пастушка со своимъ небольшимъ стадомъ овецъ, въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ, изъ-за которыхъ видѣется рѣчка, извинаяся по зеленѣющему лугу.

Развалины замка въ Люцинѣ. (Рис. на стр. 677).

Древній Людинскій замокъ, остатки котораго сохранились донынѣ, въ лѣтописяхъ извѣстенъ подъ именемъ Лудзена, Луй-

цена и Лужи. Замокъ построень на крутомъ возвышенномъ юго-западномъ берегу озера Большая Лужа. Основаніе его приписываютъ рыцарю Тевтонскаго ордена Конраду фонъ-Торбергу, въ 1285 году. Другіе полагаютъ, что основателемъ замка былъ рѣжницкій войтъ Венемаръ фонъ-Баркенъ въ 1399 году. Замокъ подвергался частымъ нападѣніямъ со стороны Литвы и Московскаго государства. Въ 1559 г., по опустошеніи русскими Ливоніи, Люцинъ былъ отданъ Орденомъ подъ залогъ Польшѣ, къ которой присоединенъ окончательно въ 1561 г., въ составѣ Инфляндскаго воеводства. Во время Сѣверной войны, укрѣпленія его разрушены русскими. Въ 1772 г. Люцинъ окончательно присоединенъ къ Россіи. Остатки замка съ шестью башнями разблѣвлены на пригоркѣ; если принять въ соображеніе уцѣлѣвшія развалины, замокъ имѣлъ около 65 сажень длины. Въ стѣнѣ было трое воротъ: одни съ подъемнымъ мостомъ, другія со стороны озера и третья на сѣверной сторонѣ. Слѣды воротъ замѣтны и до сихъ поръ.

Этюдъ. (Рис. на стр. 680).

Лудвигъ Лѣффтцъ, извѣстный нѣмецкій художникъ, родился въ Дармштадтѣ 9 іюня 1845 года. Только 23-хъ лѣтъ онъ началъ заниматься живописью, сначала въ технической школѣ своего роднаго города, а позже въ Нюрнбергѣ и Мюнхенѣ. Въ своихъ работахъ Лѣффтцъ чаще всего обнаруживаетъ подражаніе голландскимъ художникамъ XVI вѣка или итальянскимъ мастерамъ Ломбардской школы. Помѣщенный на стр. 680 этюдъ, очень удачно исполненъ въ манерѣ послѣднихъ.

Графъ Штарембергъ на стѣнахъ Вѣны. (Рис. на стр. 681).

Не успѣла Вѣна оправиться отъ послѣдствій страшной чумы 1679 года, какъ турецкій султанъ, по истеченіи срока перемирія съ Текелі въ 1682 году, отпиривъ громадное войско въ Венгрію, подъ водительствомъ великаго визиря, Кара-Мустафы. Въ это время съ запада угрожала Австріи войною Лудовикъ XIV, и нападеніе султана, подстрекаемаго Французскимъ королемъ, застало австрійцевъ врасплохъ. Кара-Мустафа могъ поэтому со своимъ войскомъ проникнуть безъ задержки чрезъ всю Венгрію до Вѣны. Герцогъ Карлъ Лотарингскій, со своими незначительными силами, не былъ въ состояніи оказать сопротивленія и отступилъ къ Мархфельду, гдѣ занялъ укрѣпленное положеніе и выжидалъ приближенія нѣмецкаго и польскаго вспомогательнаго войска. Между тѣмъ слабомъ гарнизону и мужественному населенію столицы предстояло отразить врага отъ городскихъ стѣнъ. Начальникомъ въ Вѣнѣ былъ сдѣланъ графъ Рюдигеръ фонъ-Штарембергъ, который прибылъ въ городъ 23 іюня и тотчасъ, при помощи бургомистра И. фонъ-Либенберга, принялся за приведеніе столицы въ возможно-лучшее оборонительное состояніе. Всеобщее одушевленіе и готовность принести посильную помощь много способствовали дѣлу. Старъ и младъ—всѣ единодушно трудились на валахъ; духовенство, офицеры, дворяне, ревностно работали тамъ лопатою и киркою или свозили землю и камни. 31 іюня появились турки у Вѣны и тотчасъ же сожгли мѣстечки Лаа и Инцендорфъ. На другой день Штарембергъ предалъ огню всѣ предместья Вѣны, чтобы отнять у турокъ возможность тамъ укрѣпиться. Гарнизонъ въ Вѣнѣ не превышалъ 14.000 человекъ королевскаго войска; кромѣ того было 7.000 гражданъ и 12.000 вооруженныхъ цѣховыхъ, купцовъ, придворныхъ служителей и студентовъ. 2 іюля турки расположились лагеремъ по всему правому берегу Дуная и начали осаду, обстрѣливая городъ и закладывая мины. Неоднократныя предложенія сдаться были рѣшительно отвергнуты Штарембергомъ и частые приступы турокъ храбро отражались. Съ каждымъ днемъ положеніе осажденныхъ становилось все хуже, но они поклялись сражаться до послѣдней капли крови. Такъ продолжалось по 26 августа 1683 года, когда подошедшее союзное войско, подъ водительствомъ Польскаго короля Яна Собѣскаго, разбило полчища Кара-Мустафы на голову и освободило Вѣну отъ долгой и мучительной осады.

Лѣтнія игры. (Рис. на стр. 684).

Выборъ лѣтнихъ садовыхъ игръ вообще весьма ограниченъ, и кромѣ того, большинство ихъ для массы дачниковъ недоступно, такъ какъ эти игры требуютъ много мѣста, часто специально приуроченнаго, въ видѣ уграбованной площадки, луга и т. д. *С.-Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ* въ нынѣшнемъ году издала нѣсколько новыхъ лѣтнихъ игръ, общедоступныхъ какъ по цѣнѣ, такъ и по несложности подготовительнаго устройства. Всѣ эти игры сопряжены съ движеніемъ, въ которыхъ такъ нуждаются развивающіеся дѣтскіе организмы, и требуютъ въ большей или меньшей степени ловкости и проворства. Изъ нихъ *перелетъ* имѣетъ сходство съ извѣстною русскою игрою *чижикомъ*, *квоитетъ*—съ *серсо*, *арки*—съ *кеглями*, *воздушное бильбоке*—съ обыкновеннымъ и т. д. Но всѣ эти игры оригинальны по замыслу и гораздо занимательнѣе своихъ прототиповъ. Интересующіеся этими играми могутъ обратиться въ Мастерскую (СПБ., Тронцкая улица, № 11), которая высылаетъ каталоги безплатно.

Епанчевый щитконосец (*Chlamyphorus truncatus*).

(Рис. на стр. 685).

Зоология представляет, между прочим, то любопытное явление, что во всех отдаленных и даже почти во всех семействах животных встречаются такие породы, которые составляют повидимому переход к другим отдаленным и семействам. Изображенное на нашем рисунке животное может служить примером такого перехода—в данном случае от броненосцев к кротам. Это так называемый епанчевый щитконосец, открытый американцем Гарланом в 1824 году близ города Мендозы на западном конце материка (неправильно называемых иногда пампасами). Туземцы крайне удивлялись этому открытию, так как они и не подозревали существования щитконосца; они дали ему название *Vicho siego*—слепой зверонок, полагая, что он должен быть слепым как крот (что тоже предвзвездок). Долгое время были известны всего два экземпляра этих животных, которые и хранились в музеях Филадельфии и Лондона. В шестидесятых годах Гиртль получил еще несколько экземпляров и таким образом можно было вполне описать наружный вид и внутреннее строение щитконосца.

Чрезвычайно странное строение почти кожистого рогового панциря, покрывающего его тело, делает его одним из самых замечательных созданий в животном царстве. По величине его можно назвать карликом в сравнении с самыми

маленькими видами броненосцев, что и делают французы, называя его *talou nain*. С другой стороны, щитконосец живо напоминает кротов, как по своей форме, особенно по лапам, так и по образу жизни. Панцирь состоит из правильных поперечных рядов или поясов, образуемых щитками, по большей части прямоугольными, а иногда ромбическими и даже неправильными. Он не всюду прикрывает кожу, как у броненосцев; напротив, почти везде свободно лежит на ней, и прикрывает только посредник к отросткам позвоночного столба да на голове к возвышениям лобной кости; по бокам головы он свободен и его можно приподнять. За то на передней части головы он плотно соединен с костями, также как и на задней части тела, где представляет как бы усеченную поверхность.

Зверок этот живет в песчаных, сухих каменных местностях провинций Мендозы и Сан-Луи, преимущественно в поросших тернистым кустарником и кактусами. Днем он держится постоянно под землей, в которой очень быстро роет длинные ходы—совершенно так же как европейский крот; ночью появляется на поверхности, в особенности при лунном свете и преимущественно в кустах. Походка его есть простое волочение ног, так как он не может поднимать их. Выходя из норы, подобно кроту, он выбрасывает наружу землю, мешающую ему выдти. О размножении и правах щитконосца пока еще ничего не известно.

Политическое обозрение.

Тронная речь императора Германского и короля Прусского Вильгельма произвели повсюду хорошее впечатление. В особенности заграничные газеты отзываются их миролюбивым тоном. Австрийские и венгерские газеты, отзываясь об этих речах восторженно, с особенным удовольствием указывают на слова тронной речи относительно союза Германии с Австрией. Менее всего нравится им упоминание о личной дружбе Вильгельма с Русским Императором и о существующих уже сто лет мирных отношениях Германии к соседу-Русскому царству. В некоторых политических кружках в Вienne эти слова понимают как указание на необходимость переломить отношения Австрии к России и, по словам *Fremdenblatt*, уже начинают обсуждать вопрос о сближении России с Австрией при посредничестве Германии.

Такие же взгляды на положение дел начинают появляться и в Венгрии, в особенности после статей *Сверло-Германской газеты* и *National-Zeitung*. По словам *Correspondance de l'Est*, в Пеште серьезные люди думают, что подобная статья—лучшее средство для того, чтобы заставить венгерских шовинистов понять необходимость дружественного соглашения с Россией. Что этого желает Германия, становится ясным для всех более и более очевидным.

Английские газеты, отзываясь вообще сочувственно о тронной речи императора Вильгельма, не скрывают однако неудовольствия по поводу того, что в речи вовсе не упомянуто об Англии. Также не нравится английской печати то место императорской речи, где упомянуто об отношениях к России.

В Париже тронная речь императора Вильгельма произвела вообще довольно хорошее впечатление, хотя все отзывы отличаются сдержанностью и некоторою подозрительностью относительно германской политики.

Дружественные чувства и миролюбивое отношение Германии к России, высказанные в тронной речи императора Вильгельма, кажется, не останутся одними словами. Подтверждение того можно видеть в назначении чрезвычайным послом к Русскому Двору—генерала-от-инфантерии фельдмаршала, который вручил Императору Всероссийскому собственноручное письмо своего государя о восшествии его на престол. В этом письме, по словам Берлинского *Boersen-Courier'a*, писанном на русском языке, император Вильгельм выставляет на вид, что на смертном одре дядя его завещал своим преемникам заботиться о сохранении русской дружбы и что император Вильгельм решил согласовать свой образ действий с этим завещанием.

Далее подтверждение миролюбивой политики Германии к России можно видеть в появившемся в немецких и английских газетах известии, что император Вильгельм прежде всех иностранных дворов, посетит Российской. По сведениям из Лондона, Германский император отправится в Петербург в сопровождении эскадры из 8 военных судов, на

яхте „Гогенцоллерн“, которая спаряжается с большою помпозностью. Командиром яхты назначен брат императора, принц Гебрих. Германская императора будет сопровождать большая, блестящая свита.

Хотя это преимущество России каппелерская газета *Post* относит не столько к соображениям политического свойства, сколько к родственным отношениям Императорских Домов, тем не менее она не скрывает того, что поездка выказывается желанием упрочить мир с Россией.

Последние события в Германии отвлекли внимание от Франции, где недовольство страны правительственными органами продолжает высказываться. Увлечение бравым генералом Буланже, исходившее из того же чувства, поулеглось, но министерство и палата депутатов однако не могут успокоиться, так как некоторые события последнего времени прямо указывают на сильное возбуждение против министерства. Это недовольство действиями кабинета проникло даже в сенат, который на днях единогласно осудил образ действий министерства Флюке. Поводом к тому послужило следующее обстоятельство. Мэр Каркасона был приговорен к заключению в тюрьму за противозаконные действия на выборах. Но так как эти противозаконные действия клонились в пользу министерства, то ему было негласно разрешено увильнуть от тюрьмы под предлогом болезни. Местный товарищ прокурора республики не уважил этого предлога и был наказан за это перемещением на другой, менее значительный пост. Радикал Марку обратился в сенат к министру юстиции с запросом, почему министр сместил товарища прокурора, тогда как тот только исполнил закон. Министр юстиции отвечал, что по врачебному свидетельству мэр был в то время болен, а товарищ прокурора слишком поусердствовал, вследствие чего и заслуживал смещения. Бывший префект полиции Леон Рено энергически упрекал министра в том, что он покарал чиновника, исполнившего свою обязанность. Сенат единогласно принял формулу перехода к очередным делам, в которой выражено сожаление по поводу карательной меры, постигшей чиновника, приводившего в исполнение закон и доставлявшего торжество правосудию.

В *Correspondance de l'Est* сообщают из Цетинья, что между черногорцами и албанцами проявляются обоюдные действия мести и насилия. По этому поводу *Политической Корреспонденции* телеграфируют из Цетинья, что черногорский министр иностранных дел готовит циркулярную ноту к державам, в которой, на основании официальных донесений пограничных властей, будет заявлено, что последние события на турецко-черногорской границе вызваны были албанцами. Нота будет разослана с тою целью, чтобы опровергнуть заявление Порты, будто ответственность за случившиеся кровопролития падает исключительно на черногорцев.

С М Ъ С Ъ.

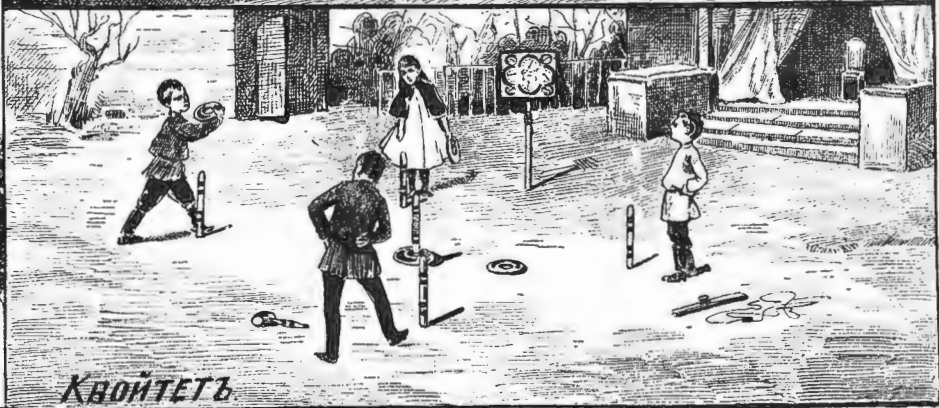
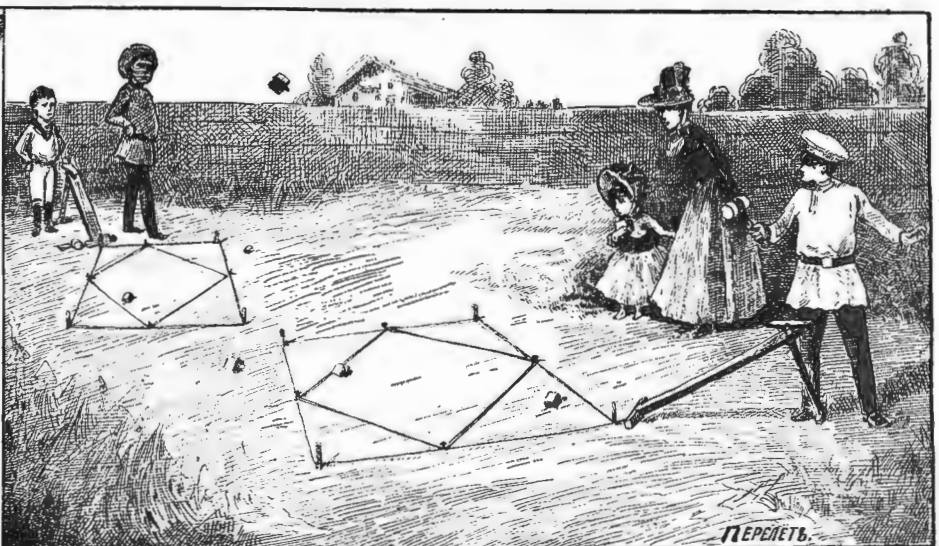
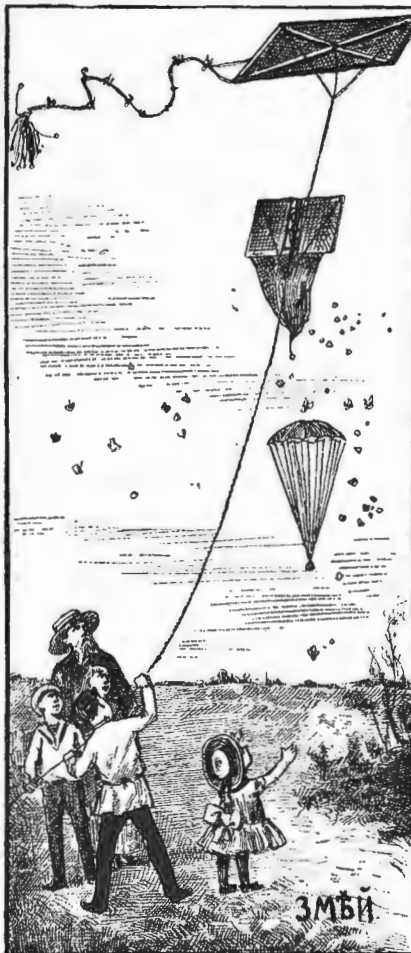
Капитулы Российских Императорских и Царских Орденов сям доводит до сведения гг. кавалеров, кавалерственных дам и сопричисленных к орденам, а также лиц имеющих знаки отличия ордена Св. Анны, что подробная объявление Капитулы напечатаны в нижеследующих газетах:

1) О кавалерах и сопричисленных к орденам, вступивших ныне в комплект пенсионеров, с именным списком оным в № 125 *Правительственного Вестника* и в № 117, 119, 123 и 124 *Русского Инвалида*;

2) о времени пожалования кавалеров, кавалерственных дам и сопричисленных к орденам приглашающихся Капитулом доставить сведения о своем местожительстве в № 117 *Правительственного Вестника* и в № 117 *Русского Инвалида*;

и 3) о лицах вступивших ныне в комплект пенсионеров по случаю отличия ордена Св. Анны: в № 118 *Правительственного Вестника* и в № 117 *Русского Инвалида*.

Веселящее растение встречается в Аравии. Название свое оно получило от того действия, которое производят его сф-

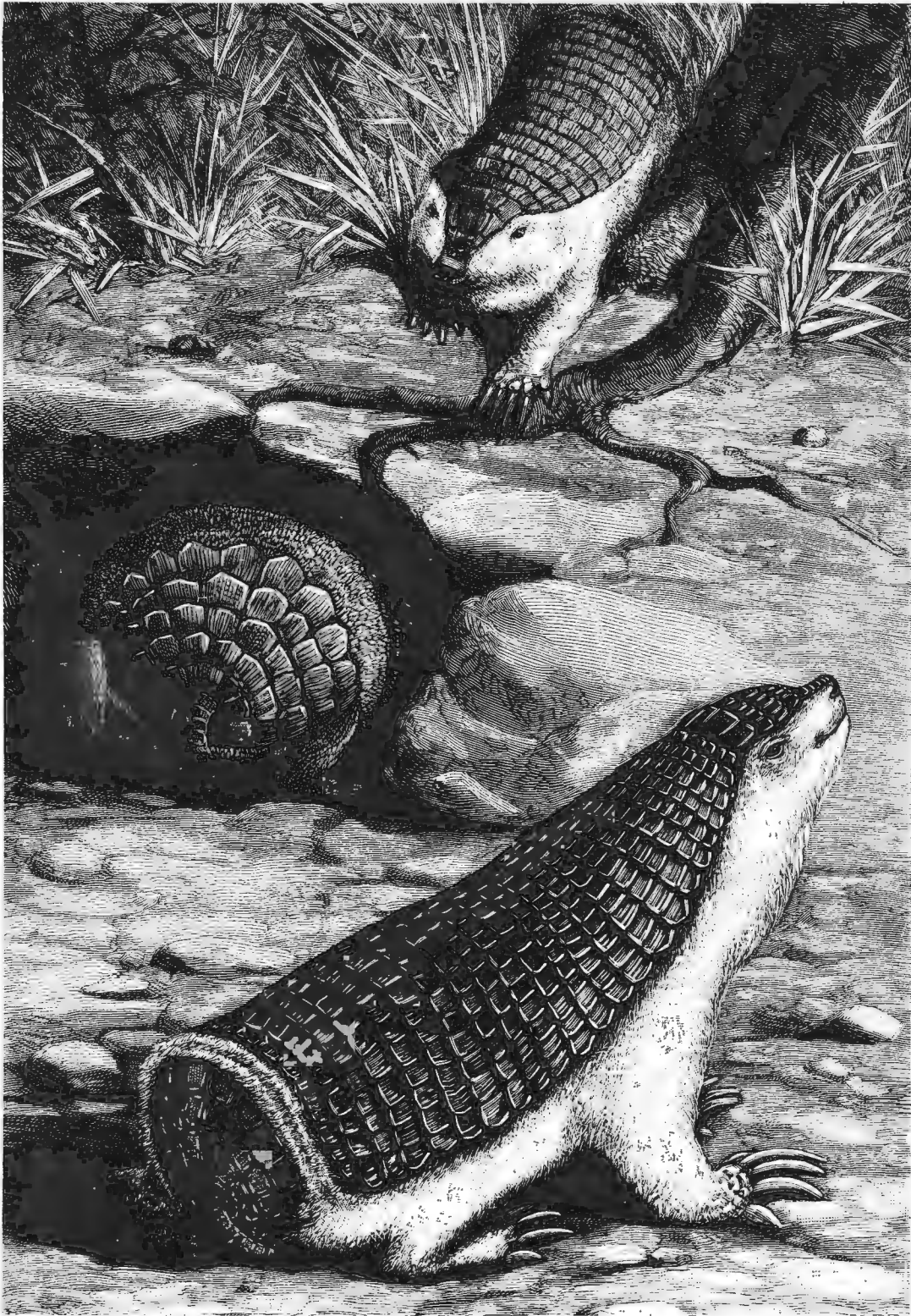

Лѣтнія игры на воздухѣ.

Новыя изданія СПБ. мастерской учебныхъ пособій и игръ.

- 1) Змбѣ. 2) Перелетъ. 3) Квойтець. 4) Палада. 5) Арки. 6) Воздушное бильбоке. 7) Баллиста.

Епанчевый щитоносец (*Chlamyphorus truncatus*) (въ натур. величину). Рис. Клемапъ, грав. Тилл.

мена. Высота его незначительна; оно имѣетъ свѣтло-желтые дѣт-ты и мягкія, бархатистыя сѣмяныя коробочки, въ которыхъ заключается по два или три зерна, видомъ напоминающихъ черныя бобы. Туземцы высушиваютъ эти зерна и растираютъ ихъ въ по-

рошокъ. Если принять небольшую дозу этого порошка, то онъ производитъ то же дѣйствіе, какъ и вдыханіе веселящаго газа. Самый флегматичный человекъ подъ его вліяніемъ начинаетъ плясать, кричать, смѣяться и дѣлать самыя невозможныя прыжки и гримасы.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ тѣхъ немногихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку пре-ми, — картины проф. Ю. КЛЕВЕРА

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“,
поторопится высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

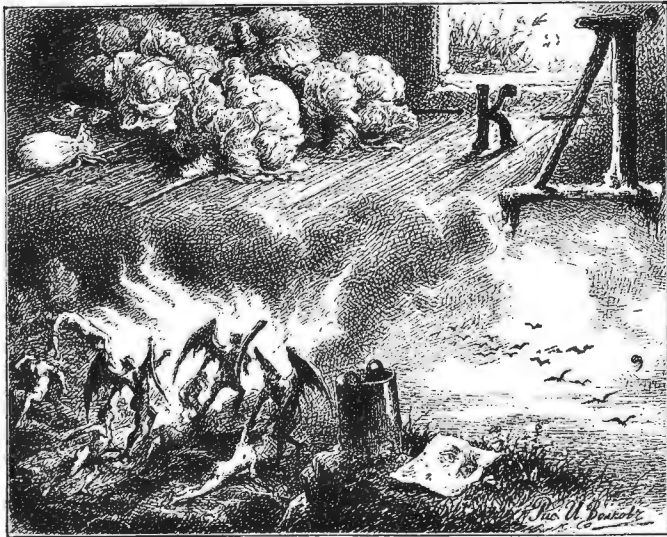
По прошествии часа наступает реакция: человек засыпает крупным сном и, проснувшись через несколько часов, совершенно не помнит того, что делал. (с.)

Полезь, приносимая мухами, заключается, повидимому, главным образом в том, что они пожирают мириады мелких мертвых тел, которые иначе, разлагаясь, заражали бы воздух. По всей вероятности, Линней, говоря, что три мухи могут истребить мертвую лошадь скорбе льва, имел в виду и потомство этих трех мух. Каждая муха может положить 20,000 личинок, из которых в несколько дней произойдут 20,000 мух; и таким образом, три мухи с их потомством могут быстро истребить и более крупное животное, чем лошадь. От одной мухи, родившейся 20 марта, появится к 24 апреля 300 штук потомства, к 28 мая — 900,000, к 2 июля — 27,000,000 и к 8 августа — 3,000,000,000. (с.)

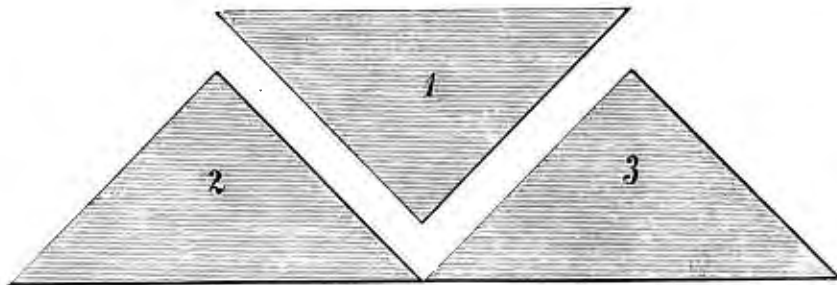
Выставки в 1888 году. 1888 год — по преимуществу год выставок. Повсюду выставки! Первый шаг сделал Ватиканом в день Крещения, затем следуют всемирные выставки в Барселонь и Мельбурн, в Глазговь и Брюссель. Мюнхень устраивает две выставки: немецкую — ремесленную и международную — художественную; город Вьна — выставку в Готондъ, по случаю своего юбилея, и международную художественную, в честь 40-лѣтняго царствования императора Австрийского. В Генуь готовится к апрелю международная выставка пѣтководства и садоводства, с премиями в 60,000 франков, которая привлекают экспонентов изъ всѣхъ странъ. Болонья празднует 800-лѣтнее существование своего университета, этого на 600 лѣтъ старѣйшаго родоначальника нашихъ высшихъ учебныхъ заведений, и на ряду съ другими празднествами проектируетъ (съ мая по октябрь) международную музыкальную выставку. Во главѣ устроителей послѣдней стоят Верди и Арриго Бойто. (с.)

Парижская всемирная выставка. Члены парижскаго муниципальнаго совѣта осматривали недавно, подъ руководствомъ гг. Бергера и Альфанда, сооружаемая на Марсовомъ полѣ зданіи,

Ребусъ. Задача № 44.

Геометрическая задача № 45.

Данные три прямоугольные треугольника раздѣлить на шесть частей, изъ которыхъ требуется сложить квадратъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ВЪ КУНГУРСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ, РУБНИЦА, УЧИЛИЩЕ

(въ г. Кунгурѣ, Пермской губерніи), состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества,

принимаются безъ экзамена окончившіе курсъ въ трехъ и четырехъ-классныхъ городскихъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; остальные же по соответствующему испытанію. Курсъ ученія 4 года; приемные экзамены съ 7-го по 15-е августа. Плата за полнаго пансионера 180 руб. въ годъ, за приходящаго 30 рублей. Ученики, окончившіе полный курсъ ученія, пользуются льготою 2 разряда при отбываніи воинской повинности. № 3163 3—3

За подробными свѣдѣніями желающіе благоволятъ обращаться въ канцелярію училища лично и письменно. Директоръ училища А. Хвастуновъ.

предназначенныя для всемирной выставки 1889 г. Замѣчательнѣйшее изъ сооруженийъ есть постройка желѣзной башни, высота которой будетъ достигать 300 метровъ и которая теперь уже возведена до 54 метровъ. Къ 15 января строеніе было доведено до настилки перваго яруса. Затѣмъ наиболѣе интересными достопримѣчательностями выставки будутъ Бастилія и предмѣстье Св. Антонія, въ томъ видѣ какой тюрьма государственныхъ преступниковъ и прилегающее къ ней предмѣстье имѣли въ 1789 году. Постройка Бастиліи уже окончена. Ворота Конференціи, ворота и церковь Св. Антонія и дома предмѣстья строятся. Все это есть дѣло архитектора Гольбера. Галлерей выставки почти всѣ окончены и подведены подъ крышу; для зданія машиннаго отдѣла, строила котораго будутъ образцомъ желѣзостроительнаго искусства, уже изготовляются отдѣльные части. Площадь передъ выставкой также уже вымощена. (с.)

Алгебраическая задача № 46.

Одна русская пословица состоитъ изъ 21 буквы; если эти буквы замѣнить числами, соответствующими мѣстамъ ихъ въ русской азбукѣ, то между числами получится слѣдующія соотношенія:

- 1) Сумма втораго и четвертаго равна пятому.
- 2) Квадратный корень изъ перваго и втораго равенъ суммѣ пятнадцатаго и тринадцатаго.
- 3) Отношеніе третьяго къ тринадцатому равно отношенію между семнадцатымъ и восемнадцатымъ.
- 4) Разность девятаго и седьмаго равна корню пятой степеніи изъ девятнадцатаго безъ восемнадцатаго.
- 5) Третье съ восьмымъ и шестнадцатымъ равно шестому и девятому.
- 6) Удвоенное одиннадцатое равно двѣнадцатому.
- 7) Десятнадцатое безъ двадцатаго равно десятому безъ семнадцатаго.
- 8) Кубичный корень изъ разности между четырнадцатымъ и удвоеннымъ восемнадцатымъ равенъ четверти перваго.
- 9) Двадцать первое безъ пятаго равно восемнадцатому безъ единицы.
- 10) Произведеніе седьмаго и втораго равно удвоенному пятнадцатому съ произведеніемъ девятнадцатаго и трети девятаго.
- 11) Корень квадратный изъ разности между двадцатымъ и десятымъ равенъ половинѣ значенія x изъ уравненія:

$$\sqrt{9x - 4} = \frac{\sqrt{9x + 15}}{\sqrt{x + 4}}$$
- 12) Сумма пятнадцатаго и шестнадцатаго равна трети девятнадцатаго.
- 13) Десятое безъ девятаго равно четырнадцатому безъ пятаго.
- 14) Разность между пштымъ съ одиннадцатымъ и третьимъ равна $\sqrt[5]{39,135,393}$
- 15) Десятое такъ относится къ четвертому, какъ сумма седьмаго и семнадцатаго къ девятому.
- 16) Половина шестаго равна вдвое увеличенному тринадцатому.
- 17) Полусумма перваго и двадцатаго равна двадцатому.
- 18) Десятое съ одиннадцатымъ равно удвоенному девятому.
- 19) Отношеніе пятаго къ шестому равно отношенію между тринадцатымъ съ семнадцатымъ.
- 20) Восемнадцатое равно тринадцатому безъ пятнадцатаго.
- 21) Двадцатое такъ относится къ четвертому, какъ шестое къ третьему.

СОДЕРЖАНІЕ: М. Н. Анненковъ (съ портр.). — Вѣчу не быть. Старинная повѣсть Д. В. Аверіева. (Продолженіе). — Исторія одного таланта. Повѣсть Н. Станицкаго. (Продолженіе). — Къ рисункамъ: Встрѣча великаго князя Василія III Иоанновича съ послами императора Нарла V на охотѣ подъ Можайскомъ (1533 г.) (съ рис.). — Юднѣ (съ рис.). — Трудное начало (съ рис.). — Осетинскій папушонъ (съ рис.). — Развалины замка въ Люцингѣ (съ рис.). — Этюдъ (съ рис.). — Графъ Штарембергъ на стѣнахъ Вѣны (съ рис.). — Лѣтнія игры (съ рис.). — Епанчевый щитоносецъ (*Chlamydorophorus truncatus*) (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Сибѣрь. — Завлеченіе. — Задачи. — Объявленія. — При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Ю. в 1888 г., съ 34 гравюрами и отд. листъ съ 31 чертѣмъ, выкроекъ въ натур. величину и 24 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ТОРГОВЛЯ
ВЪ ЧЕРКАССКОМЪ
перуукѣ,
А. Обидной,
бывшій
Карташева.

ПРОДАЖА ГРЕБНЕЙ РОГОВЫХЪ

КОСТЯНЫХЪ, МАМОНТОВЫХЪ

и
ВСѢХЪ ПРОЧИХЪ СОРТОВЪ.

БИЛЛЯРДНЫХЪ ШАРОВЪ

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ

БРАТЪЕВЪ ВОГОМОЛОВЫХЪ

въ Москвѣ. П. № 32.1

ФІЗІКА
БАИЗЪ БУТЫРСКОЙ
заставы,
въ
собственномъ
домѣ.

№ 4711
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ
 съ различными запахомъ:
 Эдельвейсъ, желтый левкой, жасминъ,
 гелотропъ, ландышъ, оппонансъ, ре-
 зеда, рейнская роза, рейнская фиалка,
 рейнскіе цвѣты и аспера душистая.
 Превосходные, долго сохраняющіеся и
 дешевые духи для платка.
Цѣна за флаконъ
 содержащій 1/4 фунта
1 р. 25 коп.
 Продажа во всѣхъ значительныхъ пар-
 фюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ
 Россіи. Р. № 3262 3—1
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
у Алекс. ТИСЬ и К^о.
 Пушкинскал, № 4.

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА
 * à l'Etoile du Nord *
ЛУИ БУИСЪ и К^о.
 М. № 3254 Москва, 6—1
 Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 Невскій, 57, собств. домъ,
 нансскосъ прежняго помѣщенія.
 Покупаютъ всѣ % бумаги.
 Ссуды подъ всѣ % бумаги.
 Страхование выигранныхъ займовъ.
 Переводы на всѣ города.
 Оплата купоновъ. № 3250 5—1
 Также нужны вѣрные съ постоян-
 нымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
 Предложенія адресовать по выше-
 означенному адресу.

ЛЕНИНГЪСЪ и ГЛОЗНИГЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
 ютъ черную краску, которую печатается
 иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

МАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА
МАТТОНИ
ГИСГЮБЛЕРЪ
 чистый
 щелочной источникъ
 освежительный и здоровый
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
 можно вездѣ получить.
 600000 (миллион) БУТЫЛЪ ГОЛОВОЙ ВЫВОЗЪ.
 Р. № 3165 8—5

КНЯЗЬНА ОСТРОЖСКАЯ
 Вс. С. Соловьева.
 Историч. повѣсть въ 2-хъ част., съ 20 рис.
 художника И. С. Панова. Изданіе III. Цѣна
 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ кол. перепл.
 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ЦАРЬ-ДЭВИДЪ.
 Вс. Соловьева.
 Романъ-хроника XVII в., въ 3-хъ ч.
 Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кол. перепл.
 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМА
 въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,
 предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, кото-
 рыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное воз-
 награжденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справ-
 ки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея
 агентами въ провинціи.
 Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Им-
 періи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи
 указать на рекомендаціи. № 3206 14—6

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ
 въ
страховомъ обществѣ
„РОССІЯ“
 на выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ стра-
 хователей въ прибыляхъ Общества.
СТРАХОВАНІЯ:
 Капиталовъ для вдовъ и сиротъ,
 Вдовьихъ пенсій,
 Капиталовъ на старость,
 Пенсій на старость,
 Приданого для дѣвушекъ,
 Стипендій для мальчиновъ,
 Поминенныхъ доходовъ.
 Къ 1 Января 1888 года въ Обществѣ „Россія“
 было застраховано 16,681 лицо на капиталъ въ
 49.061,640 руб. Въ 1888 г. дивидендъ страхо-
 вателей составляетъ 12%.
 Ближайшія подробности въ брошюрахъ Страхо-
 ваго Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ,
 по требованію, бесплатно Правленіемъ въ С.-Петер-
 бургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентами
 Общества въ городахъ Имперіи. № 3227 6—3

КУПАНЬЕ СОДЕНЬ У ТАУНУСА
ОТЕЛЬ КОЛЛОЗЕУСЪ
ВЛАДЪЛЕЦЪ: ФРИДР. ХРИСТИАНЪ.
 Давно известная первоклассная гостиница съ большимъ тѣнистымъ
 садомъ, въ превосходной мѣстности, противъ парка, купальни и заведен.
 минеральн. водъ. Известна своей хорошей кухней и хорошими вина-
 ми. Очень удобна и рекомендуется специально для болѣе долгаго про-
 житія прѣзжающихъ на воды. Внимательный уходъ, умѣренные цѣны.
 Поѣздки въ собственныхъ экипажахъ въ окрестности. Ц. Р. № 3231 3—3

КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА
 ДЛЯ ИЗГОРОДЕЙ
К. ВАХТЕРЪ и К^о.
 СПбургъ, Почтамтская, 13.

СКЛАДЪ
ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ
 ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
АДОЛЬФЪ РЕЙНЕ
 въ МОСКВѢ.
 З, Кузнецкій мостъ, 3.
 Полные фотографическіе приборы разн.,
 складн. и легкіе, выщающіе отъ 4 до 12
 пласт. для сниманія портр., группъ, видовъ и
 пр., новымъ момент. сух. способомъ, отъ 30 р.
 и дорож. Секретный аппаратъ съ пласт. на
 36 снимковъ съ перес. 25 руб. 5—3

НОВОСТЬ.
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТЬ
ОРГАНЪ-СОЛОВЕЙ

 имѣетъ мягкіе, нѣжные звуки, гамма въ
 40 тонахъ, съ металлическими нотами
 (песами). М. № 3265
 Съ 10 нотами (песами) на выборъ 50 р.
 Ноты отдѣльно. . . . . по 75 к.
 Каталогъ писецъ съ объясненіемъ вы-
 сылается бесплатно.
ДЕПО МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕНТОВЪ
 ДМИТРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
АЛЕКСАНДРОВА.
 53. СПбургъ, Невскій пр. 53.

БР. ЛИНДЕМАНЪ.
 Москва, Мясницкая, д. Ферстеръ.

 Ц. № 3239 Гаммы разн. цѣнъ. 2—2
 Гимнастика для дѣтей и взрослыхъ.
 Садовые инструменты и проч. и проч.

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ
Н. МОРСКАГО (ЛЕБЕДЕВА)
 съ 118 рисунками и виньетками
 Н. Н. Каразина.
 Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.;
 въ каленковомъ переплетѣ, съ зо-
 лотымъ тисненіемъ, 2 р. 75 к., съ
 перес. 3 р. 25 к.
 Съ требованіями обращаться въ
 Контору журнала „Нива“, Пев-
 ской просп., № 6.

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА
 НА ГАЗЕТУ
НОВОСТИ ДНЯ
 Съ 1-го июля по 1-е января 1889 г.
 Съ пересылкою на города 5 р. 50 коп.
 Гг. полугодовымъ подписчикамъ будутъ доставлены номера газеты за май и июль,
 съ первыми главами новыхъ романовъ „РОКОВАЯ ТАЙНА“, Москвичка и „ИЗЪ-ЗА
 ЛЮБВИ“, Уральскаго. Съ 1 июля предпологается къ печатанію большая историческая
 повѣсть изъ роскошной жизни временъ Петра I-го „САМОСОЖИГАТЕЛИ или ЗА
 СТАРУЮ ВѢРУ“, Дмитріева. Ц. № 3241
 Москва, въ контору ежедн. газ. „НОВОСТИ ДНЯ“. 2—2

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ: 1) ПОМАДА, окрашивающая сѣдые волосы въ преж-
 ній ихъ цвѣтъ, флаконъ 3 р., пересылка 1 р., для
 удобства: жидкая и густая помада, по флакону, цѣна 3 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к.;
 2) КРАСКА окрашиваетъ волосы въ чернй цвѣтъ, цѣна 3 р., перес. по 1 р. Горьковая
 ул., д. № 57. Магазины-парикмахерская Ивановой. № 3253

ОБРАЗА
СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА
 съ одобреннаго оригинала, для аналогія, 8×6 вершк., на деревѣ или
 цинкѣ—4 р.; на золот. фонѣ—5 р. Образа бдльшихъ размѣровъ испол-
 няются по заказу. Прошу не смѣшивать образа метахромотипіи съ обра-
 зами изданными на бумагѣ и наклеенными на доску: хотя они и де-
 шевле, но не прочны, бумага отстаетъ, а краски весьма скоро совер-
 шенно выцѣтываютъ. Контора Товарищества Метахромотипіи, СПбургъ,
 Николаевская ул., № 20. Подробные прейсъ-курранты высылаются же-
 лающимъ — бесплатно. № 3255

Для дачъ и провинцій незамѣнимъ, РЕТИРАДНИКЪ:
 Механизмъ замѣняющій патерклозеть, цѣна 12 и 15 руб., упаковка за пг. 1 р. 25 к. Иллю-
 стрированныя объявленія бесплатно. Заказы принимаетъ Англійскій магазинъ В. Чидсонъ,
 Казанскій мостъ, и въ мастерской П. Барумина, Симеоновскій пер., д. № 3, кв. № 22. СПб.

СКРИПКИ
отъ 2 1/2
до 800 руб.
Смычки отъ 50 коп. до 60 руб.
Альты, виолончели, контрабасы и пр.
ГИТАРЫ отъ 3 1/2 до 125 р. (Отъ 8 руб. и дороже съ механизмомъ для струнъ).
А также всѣ другіе музыкальные инструменты хорошаго качества и по дешевымъ цѣнамъ.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.

Юліи Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо № 3266
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

ДЛЯ КУПАНЬЯ
РУКАВИЦЫ
для растиранья тѣла
(„Pattinsons Bath Gloves“),
КОКОСОВАЯ МОЧАЛКА,
ГУБКИ П. № 3260
всѣхъ сортовъ,
МЪШКИ
непромокаемые для губокъ,
ПЛАВАЮЩЕЕ МЫЛО,
ЧЕПЧИКИ И ШАПКИ
непромокаемые,
у КЕЛЕРЪ и КО.
въ Москвѣ.

РОЯЛИ И ПИАНО
въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, д. Волкова.
Полный прейсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ бесплатно. (7) Ц. № 3077

КРАСОЧНЫЙ ТОЛЕВЫЙ
заводъ. заводъ.
СИЙ И ЛООКЪ
Преемники В. И. Франке.
12-6 Москва. М. № 3003
Контора: Маросѣвская, д. Кайсарова.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ
КНИГЪ И ИСКУССТВЪ.
Вышли и разсылаются бесплатно:
КАТАЛОГЪ 209. Произведенія рѣдкія и драгоцѣнныя о Россіи, Сербіи, Турціи, Индіи.
ЗАПИСКИ 71. Произведенія рѣдкія и искусственныя. Древнія книги съ гравюрами по дереву и на мѣди. Биографическія и литературныя рѣдкости. Каталогъ весьма интересенъ по умѣренн. цѣнамъ. Р. № 3263
ШТУТГАРТЪ (Германія)
И. ШЭБЛЕ,
книгопродавецъ и антикваріатъ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петерб. Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ
АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,
состоящей изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. И. СЕРГѢЕВА.
Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПб.
Цѣна въ изящной литографир. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 60 к.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена крайне умѣренная, 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.

Требованія просить адресовать: въ С.-ПБ—гь, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

На-дняхъ во всѣхъ извѣстныхъ московскихъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу БРОШЮРА—СТЕНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТЧЕТЪ
ПО ДѢЛУ
БР. АЛЕКСАНДРА И ИВАНА ПОПОВЫХЪ,
торговавшихъ чаемъ подъ фирмою „Бр. А. И. ПОПОВЫ“ и обвинявшихся въ фальсификаціи разныхъ продуктовъ извѣстныхъ фирмъ и въ поддѣлкѣ этикетокъ чайной фирмы
„Бр. К. и С. ПОПОВЫ“
Цѣна брошюры 20 коп. Ц. № 3240

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА
Ч. ГОФМАНА, СПб., Больш. Дворянская ул., д. 26.
Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большою и Малою Морскою. № 3238 (4)

МОДНАЯ МАСТЕРСКАЯ
Л. КЮТНЕРЪ въ МОСКВѢ,
сущестующая, съ 1877 года,
ПЕРЕВЕДЕНА
близъ Кузнецкаго моста, въ Газетный переулокъ,
ДОМЪ ФУЛЬДА.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекъ или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.
Простятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (26) № 2946

НАСОСЫ
ДЛЯ ВСЯКИХЪ ЦѢДЕЙ,
ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ,
садовая труба,
ГАЗОНОКОСИЛКИ
по 23 р., 27 р., 31 р. и 35 р.
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ
и
ОРУДІЯ
въ большомъ выборѣ предлагаетъ со склада
ТОВАРИЩЕСТВО
БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ
С.-Петербургъ, Васильевскій островъ,
1-я линия, домъ № 10, Москва, Мясницкая, домъ Виноградова. № 3258 4—1

Открыта подписка на второе полугодіе на музыкальный журналъ „**ВАЯНЪ**“.
Цѣна съ доставкою и перес. полного изданія—4 р. 50 к., одного журнала—3 р., однихъ нотныхъ приложений—2 р. 50 к.
Подписавшимся на весь годъ выслаются немедленно всѣ вышедшія №№.
Съ № 21 (3 июля) разосланы всѣмъ годовымъ подписчикамъ „Вааянъ“ въ видѣ безплатной премии, художественно-выполненный портретъ А. Г. Рубинштейна.
Подробныя условія см. объявленіе въ № 10 „Нивы“.
Адресъ редакціи: СПб., Коломенская ул., д. 15, кв. 25. № 3259

НОВО! ЭЛЕКТР. НОВО!
Трансп. ручные фонари и лампы отъ 18 р. Электр. велосипедные фонари по 30 р. Электр. комнатное освѣщеніе съ батареями отъ 25 р. и выше. Новости съ сухими батареями и аккумуляторами, какъ электр. грудная булавка, отъ 15 р. и выше; электр. огнища съ лампою отъ 5 р. и проч. Динамомашинъ для всѣхъ надобностей, для ручнаго и машиннаго привода, отъ 50 р. и выше.

ЭЛЕКТР. СТАНКИ ДЛЯ ЧАСОВЪ.
Для всякаго домашняго хозяйства, особенно рекомендуются для предотвращенія опасности пожара по 9 руб. Электр. звонки, телефоны, электро-моторы для наивѣйшихъ машинъ и проч. отъ 15 руб и выше.
Индукціонныя аппараты, электр. уди, электр. лодки. Фотогр. аппараты для любителей съ электр. моментнымъ затворомъ. Микроскопы, Волшебн. фонарь. Модельныя паровыя машинъ. Всѣ цѣны съ доставкою во всѣ мѣста.
Товарищество для приготовленія электро-техническихъ произведеній въ Берлинѣ.
Простятъ адресоваться къ главному агенту для всей Россіи
Эдуардъ Захарьевичъ Вислицкій, Варшава, Гржибовская, № 9.
Иллюстр. прейсъ-курантъ посылается франко, по полученіи 2-хъ почтов. марокъ по 7-ми коп. Р. № 3261

Безопасные велосипеды специально для русскихъ дорогъ.

„Безопасн. вел. Свифтъ“
Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.
Прейсъ-курантъ бесплатно, также брошюра виконта Барри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3223 4—3

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIX г.
№ 28

г. XIX
1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 9 іюля 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петер-бургъ	4 р.
Съ доставкою въ Петер-бургъ	5 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи.	5 п.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи	6*
За границу, съ перес.	8 р.

* Въ виду изменившихся почтовыхъ правилъ, а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать на укупорку и пересылку ея **60 КОП.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

900-лѣтіе крещенія Руси. Золотыя ворота Ярослава I въ Києвѣ. Рис. Панова, грав. Паннемакеръ.

ВѢЧУ НЕ БЫТЬ.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

(Продолженіе).

Х.

Почетный пирь.

Настасья Григорьевичева была женщина необманливая; какъ общала Кириаку Андреевичу быть о его здоровьи богомолицей, такъ и сдѣлала. Черезъ два дни было воскресенье, и только честная вдова Мамелфа Тимоеевна пришла отъ ранней обѣдни, какъ ей просфору подали, доложивъ при томъ, что „отъ Настасьи де Петровны, отъ Григорьевичевой прислана, а за Кириаково моль здоровьице, Андреевича, была вынута.“ Доложили также Мамелфъ Тимоеевнѣ, что Настасьинъ ключникъ и по сейчасъ въ заднихъ сѣняхъ дожидается, чтобъ отъ своей господарыни низкій поклонъ сказать.

Мамелфа Тимоеевна приказала къ себѣ ключника позвать, а сама удивлялася: съ чего это Настасьѣ вздумалось за Кириакушкино здоровьице просфору вынуть. Самого Кириака спросить бы, такъ съ вечера еще на богомолье въ Хутынь ушелъ. Настасьинъ ключникъ о просфорѣ только и сумѣлъ доложить, что „приказала моль Настасья Петровна просфору снести къ Мамелфъ Тимоеевнѣ; за Кириаково моль здоровьице, Андреевича, вынута.“ Столько-то и безъ его доклада Мамелфа Тимоеевна знала. Помолчавъ, Настасьинъ ключникъ добавилъ, что сама его боярыня хотѣла нынче же у Мамелфы Тимоеевны побывать.

Отпустивъ ключника, честная вдова сѣла за столъ, но не столько кушала, сколько думала, и все о томъ же: съ чего моль Настасьѣ Григорьевичевой вздумалось за Кириакушкино здоровьице просфору вынуть. Ничего не придумавъ, рѣшила она послать къ Настасьѣ ключника, наказавъ ему челомъ бить, усердно просить, чтобъ Настасья Петровна сдѣлала ей милость великую, нынче же бы къ ней пожаловала. И тутъ Мамелфа Тимоеевна поспокойнѣй стала, кушала посытнѣе.

Наконецъ-то пожаловала и сама Настасья Петровна. Послѣ цѣлованья да обниманья, да о здоровьи спрашиванья, дорогой гостеньки упрасиванья, чтобъ садилась да гостьей была, угощала ее Мамелфа Тимоеевна всякими сластями заморскими и поморскими. Распросила также Мамелфа Тимоеевна о всѣхъ родныхъ Настасьиныхъ: все ли они добры здоровы и кстати ужъ и родней съ нею считалась, да о покойникахъ вспоминала. Только послѣ всего этого, рѣшилась она за просфору благодарствовать и спросить: съ чего Настасьѣ Петровнѣ вздумалось за Кириакушкино здоровье просфору вынуть.

Настасья Григорьевичева даже руками всплеснула.

— Аль самъ Кириакъ Андреевичъ тебѣ, Мамелфа Тимоеевна, ничего не повѣствовалъ о томъ? Поди и поклона моего не сказалъ же. А ужъ какъ я наказывала!

— Поклонъ отъ тебя, Настасья Петровна, онъ мнѣ сказывалъ, а спросила я его, гдѣ моль встрѣтились, такъ въ отвѣтъ молвилъ: у Софіи моль въ дверяхъ столкнулися; она изъ собора, а я въ соборъ.

Настасья Петровна вздохнула, и стала расписывать какъ Кириакъ Андреевичъ спасъ ее отъ смерти неминуемой. И какъ Мамелфъ Тимоеевнѣ хотѣлося узнать обо всемъ досконально, то Настасья Петровна не разъ ей о томъ повѣствовала. И хотъ не сказала она, что, любующись на красоту Кириакову, у нея каблучокъ подвернулся, но изъ нѣкоторыхъ словъ ея можно было понять, что такъ оно, пожалуй, и случилось. Затѣмъ Настасья принялась Кириака хвалить, а и умепъ-то онъ, и смѣлостью взялъ, а и всѣмъ, такъ сказать надобно. И до того обѣ боярыни заговорились, что на-

последокъ чуть-ли не оказалось, что и стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такого, какъ Кириакъ сдѣлалъ, — что подхватилъ Настасью въ свои руки, — никто еще доселѣ не дѣлывалъ и во вѣки вѣковъ никто не сдѣлаетъ. Ну, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать это славное дѣло Кириаково.

Настасья тѣмъ Мамелфъ Тимоеевнѣ полюбилася, что умѣючи хвалила ея Кириакушка. Тѣмъ разговоръ этотъ кончился; слѣдомъ Настасья другой завела. Говорила, что вотъ московскихъ моль пословъ нынѣ всѣ угощаютъ, на нихъ пиры строятъ, и она бы, Настасья, не хуже другихъ ихъ угостить сумѣла, а только иное придумала.

— А такой-то пирь я, Мамелфа Тимоеевна, завести хочу, сказала Настасья, — что о тѣхъ пирахъ позабудутъ всѣ: о моемъ стануть говорить. А только не на московскихъ пословъ лажу я почетный пирь, не на шестниковъ¹⁾, а на своихъ на бояръ новгородскихъ. А на кого, и сама, гляди, материнскимъ сердцемъ сдогадаешься.

Мамелфа Тимоеевна будто и не догадывалась.

— А кто вѣче-то въ новгородску сторону повернулъ? А Лука вѣдь Аввакумовичъ да еще...

Мамелфа Тимоеевна вся сомлѣла отъ радости и только руками взмахивала да пріахивала.

— А достоенъ, достоенъ, еще пуще Луки онъ достоенъ-то! подхватила Настасья Григорьевичева.

Тутъ Настасья еще болѣ давешняго полюбилася Мамелфъ Тимоеевнѣ; стала она, цѣлуя, ее звать милой да ласковой голубушкой. А Настасья-то старается: такъ у нея сквозь горлышко словечко за словечкомъ и проскакиваетъ. Словно мальчишки со звѣздой, Христа слава, пришли, да горохъ по полу стали сыпать. Разговорясь, Настасья расхвасталась. Оказалось, что она въ Новгородѣ чуть-ли не больше всѣхъ: и посадникъ степенный къ ней на поклонъ ѣздитъ, и Василий Есиповичъ, степенный тысяцкій, никогда ея воротъ не минуетъ, а про Марю и говорить нечего: каждое утро къ ней съ поклономъ своего внука шлетъ: „что моль Настасья Петровна за ночь удумала?“

— А и старится Марѣ-то наша посадница, добавила Григорьевичева, — а и разумъ у нея не попрженему. И опять же и мужчины у нея настоящаго во дворѣ нѣтъ: Васинька-то ея не гождь уродился, не въ дѣда, а и не въ дядю своего, не въ Дмитрія Исаковича, а въ отца, въ Федора, въ Дурня вѣдь.

Выходило, что будто на-двое еще надо сказать: кто моль у кого правая рука: Настасья-ли у Марѣ, или сама Марѣ, на старости лѣтъ, изъ Настасьиныхъ рукъ глядѣть научилася. То слушая, Мамелфа Тимоеевна усомнилась немного въ Настасьиному разумѣ, что черезчуръ ужъ она перехвастала. А вдобавокъ и ту безлѣпницу вретъ, что у нея во дворѣ настоящій мужчина есть.

Настасья, впрочемъ, не дала Мамелфъ Тимоеевнѣ слишкомъ раздуматься, и новую рѣчь завела, и такой плетень сплела, что сквозь него стало просвѣчивать, будто стоитъ ей, Настасьѣ, кому слѣдуетъ слово шепнуть, и въ тотъ же часъ Господинъ Великій Новгородъ поставитъ Кириака Андреевича воеводою, если съ Московскимъ, не дай Богъ, на размирье пойдетъ. Этимъ вновь Настасья честной вдовѣ полюбилася.

Долго сидѣла Григорьевичева, и не скоро прощалася, а все Кириака Андреевича дожидаться не смогла. На прощаньи Настасья Мамелфу Тимоеевну съ сыномъ на пирь къ себѣ звала, а пиру во вторникъ быть ска-

¹⁾ Шестникъ — иноземецъ, пришлый.

звала, прибавивъ что не одного позываго съ тѣмъ же прилеть.

— Ужь надоѣмъ вѣдаль вамъ, зовомъ-то своимъ падокучу, анъ и прѣдете.

Какъ Настасья ушла, у Мамелфы Тимошеевны долго еще въ ухахъ точно трезвонъ слышался, и свѣтель и радостень былъ тотъ трезвонъ. Про что бы маленькіе колокольчики ни вызванивали, большой колоколь все одно твердилъ: „Кири-акъ, Кири-акъ воеводою“.

Какъ Кириакъ воротился съ Хутыни, напустилась на него Мамелфа Тимошеевна, зачѣмъ утаилъ отъ нея дѣло свое великое.

— Что за дѣло тако? изумился онъ.

— А Настасьюшко-то Григорьевичеву отъ напрасной ¹⁾ смерти спасъ, отъ неминуемой вѣдь.

— Что она, у Софїи стоячи, на галокъ зазѣвалася, да каблучекъ у ней подвернулся, такъ и смерть ей сейчасъ пришла!

Мамелфа Тимошеевна сыну не повѣрила и побранила его, зачѣмъ умалываетъ свое дѣло молодецкое, чѣмъ и похвалиться не грѣхъ.

— Да право же, рѣдненька. А Настасьюшко дѣло, знамо, женское, поиснужалася да вскрикнула, а съ того крику ей и не-вѣсть что почудилось.

— Неправда, охъ! ужь неправда твоя, Кириакушко. И Мамелфа Тимошеевна стала хвалить Григорьевичеву: и изъ себя-то она увава ²⁾, и умная, и добрая, и богатая, а вдобавокъ и богомольная.—И про тебя складно же сказывала, и пирь на васъ съ Лукой Аввакумычемъ ладить, какъ оба-то вы на вѣчущкѣ... заключила свою долгую рѣчь матушка.

— Съ того она у тебя и умна, рѣдненька, ставовилася, что на меня съ Лукой пирь ладить, смѣясь сказаль Кириакъ.

Мамелфа Тимошеевна вспыхнула и такъ на сына расходилася, что онъ насилу утихомирилъ ее.

Какъ первый позыватый отъ Настасьи пришелъ, начала Мамелфа Тимошеевна безъ устали про пирь толковать и хвалить Настасью за то, что она женщина почтительная, прислала звать ее не зуйка ³⁾ какого малаго, не простаго паробка, а самого своего ключника дворецкаго.

— А я, матушка, ужь какъ радъ тому что ты на пирь собираешься! сказаль Кириакъ.

— Стара я, милочекъ, по пирамъ ходить. А скажешь отъ меня Настасѣ Петровнѣ: прихворнула молъ матушка, съ обѣда ей не поздоровилось.

— Да съ чего же ты, рѣдненька, раздумывала?

— А николи я, Кириакушко, и не загадывала. Въ мои лѣта о томъ и думать грѣхъ.

— Марѣа вдвое, гляди, тебя постарѣе, а быть у Настасьи обѣщались же.

— Гляди къ кому, къ Марѣе меня прѣправлялъ! Да Марѣа-тъ одна на весь Великій Новгородъ; какъ и городъ сталь, другой въ немъ Марѣе не было. Твой родитель хотъ и не вовсе Марѣе долюбиваль, а и онъ хвалилъ ее. Палатный у нея умъ, покойничекъ сказываль; ей бы, говариваль, у Владыки въ палатѣ сидѣть и только что не повелось де женщины на стень ставить, а то опа Новымгородомъ получше бы сынка своего умаго управила. А я то что? Женщина я простая, немногорозумпая. Мнѣ-ко вотъ за дворомъ смотрѣть, а со двора одинъ ходъ—во Божьѣ дерковъ.

На томъ и стала Мамелфа Тимошеевна.

Званый вторникъ былъ не за горами. За два часа до заката солнечнаго всѣ гости собрались и въ ожиданїи пира сидѣли у Настасьи въ просторныхъ сѣ-

няхъ ¹⁾. Звала Григорьевичева больше свою же братію, бояръ, начиная съ посадника и тысяцкаго. Изъ житыхъ чуть-ли не одинъ Іевъ Маркичъ былъ, да и тотъ по особому приказу Марѣе. Іевъ всего три дни какъ съ Низу прѣхаль и могъ не мало про Москву рассказать. Какъ Кириакъ вошелъ, Марѣа ужь сидѣла въ переднемъ углу, бесѣдуя съ Іевомъ Маркичемъ: прочіе почтительно прислушивались. Іева звали еще Умомъ за его великую дѣловитость и многолѣтній опытъ. Какъ Кириакъ, войдя, увидѣлъ, что Іевъ присутулся сидитъ на лавкѣ, свѣсивъ свою долгоносуго голову и закрутя длинную ногу за ногу, то вспомнилось ему, что Маркича не даромъ же прозвали Цаплей. Помолясь передъ образомъ и поклонясь на всѣ стороны, Кириакъ смиренненько къ сторонкѣ сѣлъ и сталъ слушать о чемъ старшіе бесѣдуютъ.

— А еще скажу тебѣ, матушка-посадница честная, докладываль Іевъ Марѣе, — что вотъ Москва насъ ересью коритъ, быдто мы въ латипство задумали, а сами ѡны не очунъ въ православїи тверды. Задумаль я въ Москвѣ по себѣ сорокоустъ справить, какъ времена наши постѣдїи да и на внуковъ я не очень надѣюся что сумѣють дѣда какъ слѣдъ по-смерти помянуть: жидковать больно понѣ народъ сталь. Ну, матушка, шель я съ тѣмъ къ пону московскому, а онъ на-меня глядитъ, ровно я ума рѣшилъ. „Нешто, говорить, по живымъ сорокоусты правятъ?“ — Коли же нѣтъ-то. толкую ему: не самовольно же я тѣ дѣлаю, а съ владычьи благословеньца: благословилъ молъ владыко меня и только приказываль, чтобъ въ суетѣ не обрѣтался, а какъ бы мертвымъ полагаль себя. Такъ нѣтъ вѣдь, умерся московскій попъ: „не правятъ де по живымъ сорокоуста, и аминь.“ Этака башка московска упрямая!

— Это что жъ башка-то буде? Василей Ѳедоровичъ спросилъ.

— А, вишь, Іевъ пояснилъ, — повелось у нихъ голу башкой по-татарски звать.

Чудно всѣмъ это показалось.

Немного погоды, Марѣа спросила Іева Маркича, не слышалъ-ли онъ, что толкуютъ въ Москвѣ про дѣла повгородскїя.

— Трудненько, матушка, отвѣчалъ Іевъ, — про таки дѣла на Москвѣ языка добыть. Хотъ разпрїятеля своего спрашивай, одинъ отвѣтъ: „молъ у насъ пошла не новгородская, на улицахъ ѡ земскомъ дѣлѣ кричать нельзя; не вѣче де у насъ — самодержецъ, а государеву волю, какъ намъ, холопамъ, знать?“ Вѣстимо, государеву дѣло пронести опасаются. Одначе я кой-чего и довѣдался.

Іевъ помолчалъ немного.

— А не гадаютъ, аль по московски молвить, не чаютъ ѡны походу великаго князя на Новгородъ, а развѣ молъ миромъ поиде. По великой тайности мнѣ это сказывали, шепотомъ добавилъ Іевъ.

Всѣ весело заговорили, повторяя слова Іева. Одна Марѣа молчала, за то думала:

„А сказываютъ по тайности, что не гадаютъ походу быть, на-зиму въявь его жди.“

— А милости прошу во палату мою пирную, сказала Настасья Григорьевичева. — Не обезсудьте ужь моего убогаго вдовьяго угощенїца.

Палата у Настасьи была новоставленная; она выслась во дворѣ особымъ каменнымъ строенїемъ и изъ сѣней въ нее велъ переходъ. Задумавъ пиръ, Настасья сколько же о томъ думала чтобъ Луку съ Кириакомъ почествовать, столько и ѡ томъ, чтобъ похвалиться передъ гостями новою палатой. Подивились гости, какъ узорливо были подписаны стѣны палатныя разными цвѣтами и нестрыми травами; похвалили обѣ муравчатныя

¹⁾ Напрасный — везанный.

²⁾ Увава — красавица.

³⁾ Зуень — поваренокъ, чумпчка.

¹⁾ Сѣни, какъ самыя обширныя и высокія комнаты, замѣняли гостиной; переднихъ не было.

900-лѣтіе крещенія Руси. Кієвляне приймаюшіє Св. Крещеніє въ Днѣпрѣ. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) К. Лебедева, грав. Ю. Шюблеръ.

печки на пожкахъ, и межъ ними „гусларово мѣсто“. Краше всего оказалось паникадило о пяти свѣщникахъ. Возьми какъ есть колесо да на дѣвяхъ къ потолку и подвѣсь. Съ простымъ тѣлѣннымъ колесомъ только та розница и была, что паникадильное было въ серебрѣ изваяно, а прочее все какъ слѣдуетъ: и спицы, и ободъ словно желѣзнымъ обручемъ обтянуть и обручъ гвоздями пришить, только что шляпки гвоздильныя были позолочены. По стѣнамъ палатнымъ были лавки налажены, а вдоль лавокъ столы наряжены; столы были разставлены *покомъ*, если *покой* такъ написать, чтобъ шейка у него вышла долгая, а ножки коротенькія.

Противъ господарскаго мѣста, стоялъ другой столъ, со всякими судками, кубками, мисами, блюдами и ковшами: тутъ и меды, и пива, и вина, и подливки, и приправныя снадобья. У этого стола, убрूसомъ ¹⁾ подпоясанъ ключникъ стоялъ, и насторожась въ очи подарышѣ глядѣлъ. Только вздумаетъ она кого чѣмъ почтить да попочтивать, безъ словъ се ключникъ пойметъ.

Какъ сталъ пиръ во полунирѣ, стали гости погромче поговаривать.

— А еще матушка честна вдова посадничья, сказалъ Іевъ, — прости ужъ, запомитоваль я доложить тебѣ, что и о томъ еще на Москвѣ толку не мало шло, что быдо мы, Великій Новгородъ, въ литовскую сторону потянули опять, а Казімера де опять на вѣчущкѣ господиномъ княземъ своимъ нарекали. А эти вѣсти прѣнесли наши же бѣяра да жити бѣглые, которы на Москву бѣжать ударились послѣ вѣчущка, гдѣ Овина то да иныхъ съ нимъ показилъ Господинъ Великій Новгородъ. А мени спросать, а я „врутъ молъ“ сказываль. А правду-ль я гдворилъ, и самъ досель не вѣдаю.

Іевъ замолчалъ. Глянулъ Кириакъ на посаднику, и видить, что честной вдовѣ не по себѣ стало; Литву хулить ей не приходится, а Москву хвалить, помня про сына казненнаго, и Богъ не велѣлъ.

— А правду вѣдъ ты, Іевъ Маркичъ на Москвѣ сказываль, что врутъ молъ эти бѣжане новгородскіе, Лука рѣчь повелъ. — А со страху видно имъ въ ухахъ слышалось. А инымъ друго пошритчалось: тѣ на Литву, слышь, бѣжать, аль и во Псковъ еще пустилися. А ни кѣмъ же гонимы, oprичъ совѣсти своей перевѣтничьей. Этимъ кому бы ни служить, только бѣ изъ вольныхъ мужей повынцаться.

— Вѣрное это слово твое, Лука Аввакумовичъ, Мароа примолвила.

Тутъ не одинъ взглянулъ на Луку, и такими очами, словно отродясь его не видѣлъ; смотрѣли уважительно да почитательно: столько-то слово Мароино значило.

„А и умевъ же Лука,“ подумаль Кириакъ. „Ровно съ налета онъ Мароину мысль подхватилъ, а и высказаль ее умѣючи.“

— А еще, Іевъ Марковичъ, Лука далѣ говорилъ, — и то скажемъ, что коли бѣ за короля Великій Новгородъ опять надумался, ипо съ Московскимъ-то у насъ на розмирье пошло бѣ, а тутъ, знамо, его пословъ не стали бѣ угащивать, да чествовать, да дарами дарить великими. Гляди, и памѣтникъ въ тѣ поры съ Городища на Москву бы съѣхаль. А у насъ не о войнѣ, о мирѣ рѣчь. А стане насъ Московскій въ старинѣ держать по пошинѣ, и тутъ новѣй господинъ намъ не надобецъ. А чедъ Захарій съ Назаромъ напутали, да лжу на насъ чедъ княземъ положили, то оны нунъ не новгородцы, а холопи государевы. А со своихъ слугъ воленъ онъ какъ знаетъ взыскивать, а мы за нихъ не стояльцы, а ни печальники ²⁾. Хотъ розказни онъ ихъ, Великій Новгородъ не всплачетъ. А я этакъ же и у Владыки на сѣняхъ стану сказывать.

¹⁾ Убрूसъ — полотенце.

²⁾ Печальникъ — проситель изъ добраго расположенія.

— А и сказывай: умной рѣчи послушаютъ, подтвердила Мароа его слова.

Грамота не въ грамоту, если къ ней не привѣшена печать. То же что печать для грамоты, было для Луки Мароино одобрение. Не только всѣ на томъ стали, что Лука сдумаль, по даже самъ тысяцкій при Мароинныхъ словахъ толкнулъ слегка подъ столомъ посадника, и оба степенные, будто нечаянно на Луку взглянувъ, межъ собою переглянулись.

Настасья Григорьевичева на свой лады попяла рѣчь Луки. „Коли на миръ молъ пошло, такъ и я на московскихъ пословъ пиръ заведу.“

Высказавъ свое желаніе, Настасья немного струсила: „не равно молъ Мароа на меня за это осердится.“

Но Мароа, подумавъ, Настасью потѣшила, сказавъ: — И то добре.

Настасья съ радости чуть изъ-за стола не выскочила. Не полюбилось это Юрью Ренехову, вѣхъ новгородской.

— А на меня доведись, рывкнулъ опъ, — ужъ я пословъ поугостилъ бы!

Всѣ размѣялись. Юрьи думаль, будто надъ тѣмъ смѣются что онъ такъ свое слово выкрикнулъ, что можно было понять что посламъ съ его пира не поздоровилось бы, а всѣ надъ тѣмъ смѣялись, что знали: отъ роду еще Юрьи ложкой шей пустыхъ никого не угостилъ.

По своему смѣхъ толкуя, Юрьи мысленно возпосился. А какъ у него обычай былъ, не спросясь ни мѣста, ни времени, не столько думать, сколько говорить, то и сталъ онъ ни къ селу, ни къ городу московскія насилья высчитывать и хвастать будущими побѣдами новгородскими. Рѣчь у Юрья выходила долгая, а мысль его была короткая. Нехотя его слушали.

— А чдѣ на Шолони наши оплошались, возвѣстилъ Юрьи съ такимъ лицомъ, словно о томъ никто, кромѣ его досель не догадывался, — такъ съ того вѣдъ что испужались. А оторопь ихъ съ того взяла, что москвичи въ такомъ мѣстѣ гдѣ испоконъ вѣку броду не было, съ крута берега кинулись во Дрянъ-рѣчку...

— Какъ же не оторопѣтъ-то было, со смѣхомъ Василей Дурневъ подхватилъ, — коли дрянъ да въ Дрянъ пометалася.

— А прости ужъ, Василей Ѳедоровичъ, сказалъ Кириакъ, — а это слово твое не больно ладное, а еще новгородцамъ обидное.

— Чѣмъ же не ладное? И въ чемъ обида Новгороду? Что Москву-то дрянью кличу? громче чѣмъ слѣдовало крикнулъ Василей. — Аль запретъ отъ кого вышелъ дрянью-то звать ее?

— А запрета нѣ-отъ-кого нѣтъ, покойно отвѣтилъ Кириакъ. — А и всякого всячески обозвать не трудно же. А только въ томъ Новгороду обида, что передъ дрянью оплошился.

Мароа глянула на впука: „слушай молъ.“

— А и не оплошисъ новгородцы, такъ надъ дрянью верха взять не хвала же молодецкая! А хотъ и миръ у насъ съ Москвой теперь, а такъ говорить надобѣтъ, что Новгороду не на чужу дрянность надежу полагать треба, а на Бога да на свою правду. А это слово-то похвальное что сѣдлами, аль шапками закидаемъ, а покинуть пора.

— Вотъ и знать слово воеводское, а еще и ратный умъ, промолвила Мароа.

И какъ давече на Луку, всѣ теперь посмотрѣли на Кириака. Вновь тысяцкій слегка подъ столомъ толкнулъ посадника, и оба степенные, будто нечаянно на Кириака взглянувъ, межъ собою перемигнулися.

Случилось на пиру что всѣ призамолкнули.

— Теперь бы самое времячко, сказала хозяйка, — гуслару былинку сказывать. А и е у меня въ палатѣ гусларово мѣсто уготованное; а только гуслара-то и

звать не сдогадалася. А върпйй сказать поопасалася, какъ само-тъ набольшй гуслирь, скажутъ, у меня на пиру же сидитъ.

И тутъ Настасья Петровна взглянула въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Лука Аввакумовичъ.

— А ну? Лука спросилъ, оглядывая гостей.

— А про тебя вѣдь, Лука Аввакумовичъ, прошла эта славушка добрая.

— Охъ, шутку, знать, шутили падъ тобой, Настасья Петровна, люди недобрые. Хоть и случается мнѣ дома пріятелямъ былины сказывать, да самъ-то я, слава Тебѣ, Господи! окрестяся большимъ крестомъ, Лука сказалъ, — ископнаго рода бѣарскаго да и нужды горькой не вѣдалъ же, чтобъ по чужимъ пирамъ мнѣ старины сказывать.

— А слышь, Лука Аввакумовичъ, привязался къ случаю вставить свое слово Юрьи Репеховъ. — А не въ осуду тебѣ стану сказывать, а только что къ слову пришлось. А въ чужихъ краяхъ, а и самъ ты знашь, а за обычай же былины на пирахъ сказывать. А дворяна тѣмъ не гнушаются, а еще сказывая жѣнескъ польъ при томъ чествуютъ. А и мало того, самъ ужъ не зная къ чему Юрьи приплелъ, — бѣара да дворяна другъ передъ дружкой и не такъ еще стараются, а до

смерти почитай бьются, невѣсть себѣ добываючи. А кб-роле-тъ ихній тутъ же сидитъ, и съ королевою, а и жены и вдовы, и дѣвчины бѣарски, на тотъ бой смотрятъ.

— И у насъ, скажутъ, Лука въ отвѣтъ молвилъ, — Иванушко-дурачекъ черезъ двѣнадцать вѣщцовъ ско-чилъ а невѣсту же себѣ добываючи.

Всѣ Юрья на смѣхъ подняли.

„Вотъ она, въ чемъ Марѳина сила“, толковалъ самъ себѣ Кириакъ Андреевичъ по дорогѣ домой. — „Сидитъ она устъ не размыкаючи, а какъ взмолвить словечушко разумное, тутъ, гляди, не поль-ли Новгородъ на той ея мысли станеть. А ровню и не свое вѣдь сдумаетъ, а только чужое подтвердитъ. А что подтвердитъ, то въ памяти и останется, а йны всѣ рѣчи вышлы порожи.“

И вспомнилось Кириаку, что и его хвалила Марѳа, ратнымъ умомъ назвала. И весело, и жутко стало Кириаку. Далекъ занесся онъ воеводской думою. Долго онъ не могъ заснуть въ ту ночь; все ему Марѳины слова шепталися, а какъ закроетъ покрѣпче глаза, такъ передъ нимъ, словно въ явь, начнутъ посадникъ съ ты-слицкимъ перемигивать.

(Продолженіе будетъ).

900-лѣтіе Крещенія Руси.

Преданіе о первыхъ зачаткахъ христіанства на Руси.—Христіанство при первыхъ князяхъ.—Двоевѣріе въ княжеской дружинѣ.—Св. Ольга и ея странствование въ Царь-градъ.—Новый наплывъ язычества съ Сѣвера.—Лѣтописная преданія „объ исканіи вѣры“ Владиміромъ, о походѣ на Корсунь и женитбѣ князя Владиміра на греческой царевнѣ.—Научныя изслѣдованія относительно времени и мѣста крещенія Владиміра, а также и всѣхъ обстоятельствъ предшествовавшихъ крещенію Русскаго народа.—Древнѣйшія святыни, извѣстныя подъ названіемъ „Корсуискихъ“.—Воспоминанія о крещеніи Русскаго народа въ урочищахъ и памятникахъ современнаго Кіева.

Прекрасенъ, величественъ древній Кіевъ, раскинувшійся на высококъ, холмистомъ берегу Днѣпра, увѣнчанный главами своихъ стародавнихъ храмовъ, сияющихъ золотыми крестами, которые еще издали манятъ путника къ завѣтной святынѣ, — къ тѣснымъ пещерамъ, хранящимъ нетлѣнные останки подвижниковъ и угодинокъ Божіихъ, которые положили начало христіанству на Руси.

Прекрасенъ и величественъ широкой и быстрый Днѣпръ, исполняющій омывающій кіевскіе холмы и нѣкогда послужившій священною купелью для Русскаго народа...

Прекрасенъ и величавъ тотъ дивный храмъ, который возносится къ небу свои стройныя, легкія главы надъ самымъ выходомъ изъ кіевскихъ холмовъ, на берегу Днѣпра. Этотъ храмъ, во имя Св. Андрея Первозваннаго, напоминаетъ намъ о преданіи, которое на память вѣкамъ сохранилъ нашъ древній лѣтописецъ.

Преданіе говоритъ, что Св. Апостолъ Андрей, обходя страны и народы и уча ихъ слову Христову, приплылъ изъ Синопа за море, въ Корсунь и отсюда задумалъ подняться вверхъ по Днѣпру. И вотъ, плывя по этому древнѣйшему торговому пути „изъ Варягъ въ Греки“, Апостолъ остановился однажды на почлегѣ близъ кіевскихъ холмовъ. Едва только освѣтило ихъ утреннее солнце, Апостолъ Андрей обратился къ своимъ спутникамъ и сказалъ:

— Видите-ли вы эти горы?

— Видимъ, отвѣчали Апостолу его спутники.

— Такъ знайте-же, что на этихъ горахъ возсіяетъ нѣкогда благодать Божія! Здѣсь будетъ построенъ великій городъ и въ немъ будутъ воздвигнуты многія церкви.

И затѣмъ онъ самъ поднялся на тѣ дивныя холмы, самъ ихъ благословилъ, а на одномъ изъ нихъ водрузилъ крестъ и у подножія его горячо молился Богу за тотъ мощный и славный народъ, для котораго Кіевъ сталъ колыбелью вѣры, колыбелью лучшихъ надеждъ и упованій.

Прошли вѣка. Минуло тысячелѣтіе... Прошли и безслѣдно исчезли десятки поколѣній, которыя обливали холмы Кіева кровью и слезами, покрывали ихъ то затѣйливою роскошью знаній, то безобразными грудами развалинъ... Черезъ эти холмы мелькнули грозными тѣнями Печенѣги и Половцы, Татары и Ляхи... За эти холмы, безопадно губя другъ-друга, спорили и тягались католики и уніаты, и вельможи гетманы... Но благословеніе Первозваннаго проповѣдника покоилось на нихъ, и благодать „возсіяла“, и раскинулся на нихъ „городъ великій“, и ярко горятъ на солнцѣ золотые кресты его православныхъ храмовъ.

И на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Св. Андрей водрузилъ крестъ, нынѣ красуется храмъ, въ честь и память Апостолу-страннику. И съ террасы этого храма то русскій, то иноземный странникъ съ восторгомъ любуется дивною красотой окрестной

природы, необятною далью и просторомъ заднѣпровскихъ полей и луговъ. И невольно уносится онъ мыслью въ необятную глубь вѣковъ, къ тому отдаленному времени, когда благодать Божія впервые освѣтила кіевскіе холмы и восходящее солнце впервые затеплило крестъ надъ главою перваго изъ кіевскихъ храмовъ...

Хитрый и предприимчивый Грекъ, съ цѣлью торговли переплывая пучины бурнаго Понта Евксинскаго (Чернаго моря), давно уже завелъ сношенія съ дикими и воинственными Тавро-Скиадами, населявшими Таврической полуостровъ и сѣверныя побережья Понта; онъ ознакомился съ бытомъ и нравами ихъ, а потомъ, близъ устьевъ Днѣпра и по берегамъ Азовскаго моря раскинулъ свои богатыя, цвѣтушія колоніи. Здѣсь познакомился Грекъ и со смѣлымъ Варяго-Руссомъ, и съ мужественнымъ Славяниномъ, и узналъ отъ нихъ о томъ, что изъ Понта ведетъ на Сѣверъ широкой водный путь, въ самое море Варяжское (Балтійское), въ страну, богатую мѣхами и безцѣннымъ *) янтаремъ. Грекъ узналъ, что на томъ великомъ водномъ пути стоятъ многіе торговые города, и что важнѣйшіе изъ нихъ — Кіевъ южнѣе, а Новгородъ сѣвернѣе — служатъ главными складами на пути „изъ Варягъ въ Греки“, и ему обязаны своимъ возвышеніемъ, могуществомъ и богатствомъ. И вотъ, уже задолго до начала нашей исторической жизни, завязались сношенія между Кіевскою Русью и греческими колоніями Тавриды. Сношенія эти были то мирными—торговыми, то враждебными и непріязненными. Предводимый воинственнымъ и неутомимымъ Варягомъ, Славянинъ приходилъ грабить поселенія Грека въ Тавриду, а затѣмъ явился и подъ стѣнами Царьграда, привлеченный славою его богатствъ и блеска. Торговля приводила иногда къ грабежу; иногда, наоборотъ, воинственный и хищный набѣгъ приводилъ къ мирному торговому договору, и эти-то первые торговые договоры Варяго-Руссовъ съ Греками сохранили намъ память о первомъ появленіи христіанства на Руси.

Нашъ древній лѣтописецъ утверждаетъ, что христіанство проникло въ Кіевъ изъ Греціи и Болгаріи уже въ концѣ IX вѣка; что и Аскольдъ и Диръ, древнѣйшіе изъ пришлыхъ въ Кіевъ варяжскихъ князей, были христіане; что въ Кіевѣ была уже при нихъ построена первая церковь (Св. Іліи). И несмотря на то, что, въ началѣ X вѣка, Кіевъ былъ вынужденъ подчиниться новой варяжской дружинѣ, нахлынувшей съ Сѣвера подъ водительство суроваго Олега, умертвившаго Аскольда и Дира—и церковь, и христіанство остались, попрежнему, неприкосновенными въ Кіевѣ. Христіанская религія продолжала существовать въ средѣ кіевскаго разноплеменнаго населенія, рядомъ съ язычествомъ, и въ то время, когда одни изъ числа кіевлянъ собирались въ тѣсныхъ мѣстахъ своего небольшого храма на служеніе Единому Истинному Богу, другіе—шли на холмы, гдѣ стояли истуканы Перуна и Волоса и имъ поклонялись, имъ приносили жертвы.

Такъ было при Олегѣ; но уже при его преемникѣ, Игорѣ, христіанство стало видимо дѣлать значительные успѣхи. Въ войскѣ и дружинѣ Игоря, во время его похода подъ Царьградъ, было уже почти по-ровну христіанъ и язычниковъ, такъ что, когда послы греческіе потребовали въ Кіевѣ подтвержденія до-

*) Въ первые вѣка нашей эры янтари цѣнились въ южной Европѣ на вѣсъ золота.

говора клятвою, — воины язычники клялись своею языческою клятвою, полагая на землю передъ идоломъ Перуна свои щиты, золотыя украшения и оружіе; а воины-христиане присягали именемъ Бога въ храмѣ Св. Іліи.

Игору насѣдовала въ правлении Ольга, которая рѣшилась открыто перейти на сторону христианства и сначала тайно приняла истинную вѣру, а потомъ уже стала и явно ее исповѣдывать, и склонять къ ней своего богатыря-сына, знаменитаго Святослава. Есть основаніе думать, что Ольга крестилась около 954 года, а три года спустя, побуждаемая желаніемъ видѣть святыхъ Царьграда, предприняла тягостное и дальнее путешествие въ столицу Византійской имперіи.

Это дальнее и многотрудное странствование, сопряженное въ тѣ отдаленныя времена со столькими затрудненіями и опасностями, поразило Кіевлянъ, современниковъ Ольги, и облеклось въ форму поэтической легенды. Въ этой легендѣ, Ольга представляется намъ приходящею въ Византію съ тѣмъ, чтобы тамъ воспринять Св. Крещеніе. Но и при этой благой цѣли, смиренная странница является болѣе мудрою и разумною нежели тѣ просвѣщенные греки, къ которымъ она пришла искать истинной мудрости.

„Быль тогда (въ Византіи) царь Константинъ, сынъ Леоновъ, и когда Ольга пришла къ нему, то онъ увидѣлъ, что она и умна, и лицомъ красива, и дивился ей разуму при бесѣдѣ съ нею, и сказалъ ей: „ты достойна царствовать съ нами въ нашемъ великомъ градѣ“. Ольга уразумѣла тайный смыслъ этихъ словъ и сказала царю: „я—язычница, и если хочешь, чтобы я крестилась, то крести меня самъ; если же ты не захочешь крестить меня, то я и вовсе не крещусь“. И царь послушалъ ее, и крестилъ ее съ патриархомъ, который подробно и пространно наставлялъ ее въ вѣрѣ. И вотъ, послѣ крещенія, вновь обратился къ ней царь и сказалъ: „выходи за меня замужъ“. — „Какъ я за тебя пойду за мужъ,“ отвѣчала Ольга, „когда ты самъ меня крестилъ и назвалъ своею дочерью? Вѣдь ты же знаешь, что у христианъ это не дозволяется закономъ?“ Тутъ только спохватился царь и сказалъ съ укоризною: „Перехитрида же ты меня, Ольга!“ — а самъ поспѣшилъ загладитъ свой промахъ богатыми дарами: далъ ей и золото, и серебро, дорогія ткани, и различныя сосуды многоцѣнные“.

Но тотъ самый царь Константинъ, который играетъ въ легендѣ такую незавидную роль, въ дѣйствительности былъ государемъ разумнымъ и образованнымъ и въ своей прекрасной книгѣ „О церемоніяхъ византійскаго двора“, оставилъ намъ чрезвычайно подробное описаніе приема, оказаннаго Ольгѣ и ея спутникамъ въ Царьградѣ. Изъ этого описанія узнаемъ, что первый приемъ княгини Ольги во дворцѣ царградскомъ происходилъ 9 сентября 957 года, что ей даны были отдѣльныя аудіенціи и у императора, и у императрицы, что она была даже приглашена къ обѣду императрицы, вмѣстѣ со всею своею свитою, въ числѣ которой упоминается священникъ Григорій, племянникъ (?), люди и послы Святослава, женщины и мужская прислуга*. Императоръ Константинъ при этомъ подробно описываетъ, какъ за столомъ были посажены рѣдкіе и дорогие гости, какими представленіями и зрѣлищами ихъ тѣшили, и какіе подарки имъ подносили. Чрезвычайно любопытно то, что на прощальной аудіенціи Ольгѣ были, по современному византійскому обычаю, поднесены въ подарокъ деньги на богатую блюду, украшенномъ камнями и жемчугомъ, которое, какъ мы узнаемъ изъ позднѣйшаго свидѣтельства, было тогда же пожертвовано Ольгою въ церковную казну Св. Софіи царградской**).

Св. Ольга вернулась изъ своего долгаго странствования въ Кіевъ, очарованная и восхищенная благолѣпіемъ Царградской святини, и еще болѣе, чѣмъ прежде, убѣжденная въ томъ, что она исповѣдуетъ вѣру правую и истинную. Но напрасно пыталась она склонить на сторону этой вѣры своего суроваго, воинственнаго сына Святослава, который былъ равнодушенъ ко всякой вѣрѣ и занятъ былъ только помыслами о войнахъ, походахъ, завоеваніяхъ да о шумной привольной жизни въ той самой Болгаріи, гдѣ къ нему „вся благая“ будутъ широкими рѣками стекаться отовсюду... По словамъ лѣтописца, князь никому не препятствовалъ креститься, и только смѣялся надъ тѣми, кто изъ язычниковъ переходилъ въ новую, христіанскую вѣру. Въ 969 году Ольга тихо скопчалась въ Кіевѣ, оплакиваемая и сыномъ, и внуками, и всѣми кіевлянами. Передъ смертью она заповѣдала не творить надъ могилою ея *тризны***) по языческому обычаю и была похоронена по обычаю христіанскому, такъ какъ у нея, по уюминашію лѣтописца, „былъ свой священникъ“. „Она предшествовала христіанству всей земли“, — замѣчаетъ лѣтописецъ — „какъ денница предшествуетъ солнцу и зари свѣту...“

И до „свѣта“ было уже недалеко. По смерти Святослава, послѣ разныхъ усобицъ между его сыновьями, власть перешла въ руки Владиміра, который привелъ съ собою изъ Новгорода въ Кіевъ

новую и многочисленную варяжскую дружину, и при ея помощи собралъ всю землю Русскую въ своихъ рукахъ. При этомъ-то князь, одаренномъ несомнѣннымъ и блестящимъ государственнымъ умомъ, христіанство должно было одержать верхъ надъ язычествомъ и сдѣлаться общимъ достояніемъ всего Русскаго народа. Но этотъ переходъ отъ язычества къ принятію христіанства всѣмъ народомъ принадлежитъ къ такимъ знаменательнымъ періодамъ въ исторіи каждаго народа, что почти всюду и всегда облекается цѣлымъ рядомъ сказаній, украшающихъ дѣйствительность цвѣтстыми добавленіями вымысла. И наша древняя лѣтопись передаетъ намъ дѣйствительно рядъ сказаній, въ которыхъ незабвенный подвигъ Владиміра представляется намъ въ такой именно обстановкѣ, въ какой онъ могъ быть яснѣе и понятнѣе для ближайшаго потомства. Разберемъ въ этихъ сказаніяхъ.

Желая возвеличить и безъ того уже великій и незабвенный подвигъ князя Владиміра, лѣтописецъ представляетъ его намъ въ началѣ княженія ревностнымъ язычникомъ, человекомъ преданнымъ до излишества женолюбію и бражничанью съ дружиною, и затѣмъ рассказываетъ съ восторгомъ о перемѣнахъ, которыя произошли во Владимірѣ послѣ принятія имъ христіанства. Стараюсь, при этой рѣзкой противоположности, выяснить своимъ современникамъ вѣчными побужденіями его переходъ отъ язычества къ истинной вѣрѣ, лѣтописецъ создаетъ (а можетъ быть и повторяетъ слышанную отъ другихъ) цѣлую повѣсть о томъ, какъ къ князю Владиміру приходили отъ разныхъ народовъ проповѣдники и какъ старались склонить его на сторону исповѣдуемой ими религіи. Приводимъ эту повѣсть въ извлеченіи.¹

„Подъ 986 годомъ (8-мъ годомъ княженія Владимірова) пришли къ Владиміру Болгары Магометовой вѣры и говорили ему: „Ты князь мудрый и смысленый, а не знаешь закона истиннаго; вѣруй въ нашъ законъ и поклонись Магомету.“ И спросилъ ихъ Владиміръ: „въ чемъ же состоитъ вашъ законъ?“ Они отвѣчали: „вѣруемъ въ Бога и въ заповѣди Магомета, который запрещаетъ намъ ѣсть свинину и пить вино; по смерти ждетъ насъ райское блаженство: дастъ Магометъ каждому по семидесяти жепъ прекрасныхъ, изберетъ изъ нихъ одну прекраснѣйшую и красоту всѣхъ семидесяти возложитъ на эту одну.“ Владиміръ съ удовольствіемъ слушалъ то, что Болгаринъ говорилъ ему о женахъ; по о запрещеніи вина не хотѣлъ и слушать, и сказалъ прямо: „Русскимъ питье — веселье; безъ питья мы обойтись не можемъ.“

„Послѣ Болгаръ *) пришли къ Владиміру Нѣмцы, и стали говорить ему: „Мы посланы къ тебѣ напою, и онъ приказалъ намъ сказать тебѣ, что земля твоя такая же какъ и наша земля, а вѣра у тебя въ твоей землѣ не такая, какъ у насъ. Наша вѣра есть истинная; мы поклоняемся Богу, который сотворилъ небо и землю, звѣзды и мѣсяцъ и все, что на землѣ живетъ и дышетъ — а ваши боги не болѣе какъ дерево.“ Владиміръ спросилъ Нѣмцевъ: „а какая же ваша заповѣдь?“ Тѣ отвѣчали: „Постъ у насъ полагается по силѣ, а затѣмъ, что что ни ѣсть, ни пить, все то во славу Божию.“ Владиміръ сказалъ на это Нѣмцамъ: „Ступайте во-свои, — я этой заповѣди не приму, потому что отцы наши ей не приняли.“

„Прослышали объ этомъ Жиды Хозарскіе, и также пришли къ Владиміру, говоря: „мы слышали, что приходили къ тебѣ Болгары и христиане, и каждый наставлялъ тебя въ своей вѣрѣ. По христиане вѣруютъ въ Того, Кого мы распяли; а мы вѣруемъ во единого Бога Авраамова, Исаакова и Іаковлева.“ И, на вопросъ Владиміра о сущности ихъ вѣры, объяснили ему важнѣйшія положенія закона іудейскаго. Тогда Владиміръ спросилъ ихъ: „а гдѣ же земля ваша?“ Они отвѣчали: „въ Іерусалимѣ.“ — „А тамъ-ли она и теперь?“ — „Нашъ Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ и расточилъ насъ по разнымъ землямъ за наши грѣхи, а нашу землю предалъ христианамъ.“ Владиміръ отвѣчалъ имъ съ укоромъ: „Какъ же вы другихъ-то учитѣ, когда сами отвержены Богомъ и расточены по лицу земному? Или вы хотите, чтобы и съ нами случилось то же?“

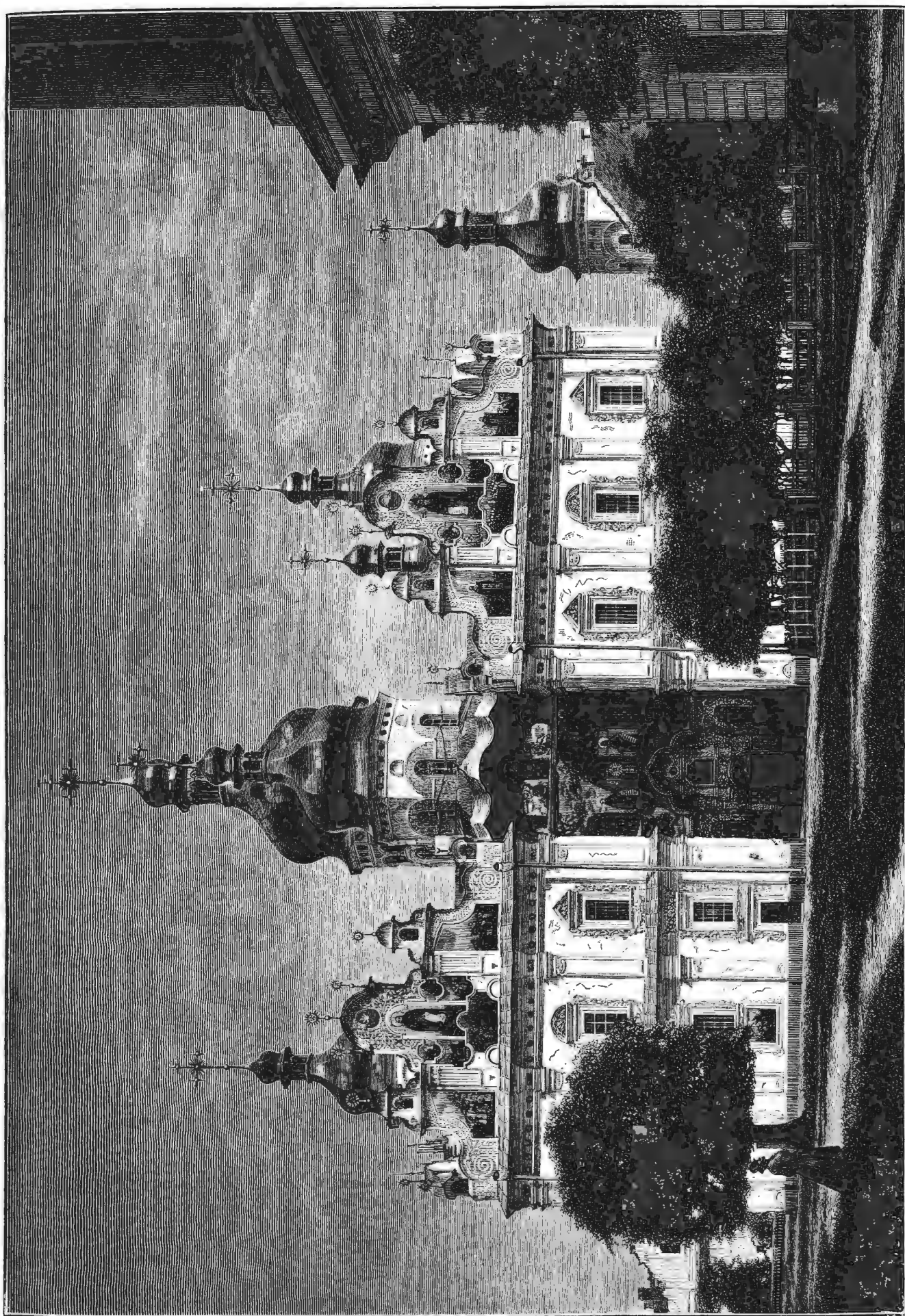
„Послѣ этого Греки прислали къ Владиміру философа и онъ сказалъ ему: „Мы слышали, что приходили къ тебѣ Болгары и убѣждали тебя принять ихъ вѣру; но вѣра ихъ оскверняетъ небо и землю...“ И онъ вкратцѣ изложилъ важнѣйшія положенія вѣры Магометовой и возбудилъ къ ней во Владимірѣ великое отвращеніе. Замѣтя это, философъ продолжалъ: „слышали мы также, что приходили къ тебѣ изъ Рима Нѣмцы — учить своей вѣрѣ, но ихъ вѣра нѣсколько повреждена противъ нашей и потому не вполне исправна.“ И философъ объяснилъ нѣкоторыя отступленія въ обрядахъ Западн. Церкви отъ обрядовъ Восточной**). Тогда, въ свою очередь, Владиміръ сказалъ философу: „Приходили ко мнѣ еще и Жиды, и говорили, что де Нѣмцы и Греки вѣруютъ въ Того, Котораго мы распяли.“ Философъ отвѣчалъ Владиміру: „Да, мы вѣруемъ въ Него, ибо еще пророки предрекли — одинъ, что Богъ родится, другіе, что Онъ будетъ распятъ и погребенъ, въ третій день воскреснетъ

*) Фактъ пожертвования этого блюда въ казну Св. Софіи и упоминаніе о священникѣ Григоріи въ свѣтѣ Св. Ольги — слишкомъ ясно говорятъ въ пользу того, что Ольга посѣтила Царьградъ уже будучи христіанкою. Это однакоже не препятствуетъ вѣрѣ нашимъ учебникамъ и до сихъ поръ твердить о томъ, что Ольга пришла въ Крещеніе въ Царьградъ.

**) Тризна — поминки по умершемъ, сопровождавшіяся воинскими играми и плясками иршествомъ.

*) Не мѣшаетъ замѣтить, что здѣсь лѣтописецъ имѣетъ въ виду Болгаръ Камскихъ (или Волжскихъ), которые около половины IX вѣка приняли магометанство; Болгары Дунайскіе, въ это время, давно уже были христіанами.

**) Это мѣсто лѣтописной повѣсти ясно указываетъ на ея позднѣйшее происхожденіе. Въ 986 г. различіе между католицизмомъ и православіемъ еще не могло быть рѣзко проведемо.

900 - лѣтіе крещенія Руси. Кієво - Печерская лавра. Съ фотогр. де-Мезера, грав. М. Рашевскій.

и вознесется на небеса: они же тѣхъ пророковъ избивали, а другихъ замучивали; когда же сбылись пророчества, и Богъ сошелъ на землю, былъ распятъ и по воскресеніи вознесся на небеса, то Онъ ждалъ отъ нихъ покаянія въ теченіе сорока шести лѣтъ, и такъ какъ они не покаются, то послалъ на нихъ Римлянъ, которые разрушили ихъ города, а самихъ ихъ разсѣяли по разнымъ странамъ. Такъ они и доселѣ пребываютъ въ рабствѣ и подчиненіи у другихъ народовъ.“ И спросилъ Владиміръ философа: „Но для чего же Богъ сошелъ на землю и принялъ такіа страданія?“ И философъ сказалъ: „Если хочешь, князь, послушать меня, то я расскажу тебѣ по порядку и съ полной подробностію о томъ для чего Богъ сошелъ на землю.“ Владиміръ отвѣчалъ, что готовъ слушать рассказъ философа съ удовольствіемъ, и тотъ, дѣйствительно, изложилъ ему въ извлеченіи всю исторію Ветхаго и Новаго Завета, отъ начала и до конца, отъ сотворенія міра и до вознесенія Иисуса Христа и проповѣди Апостоловъ. Своей длинной и подробной рассказъ философъ заключилъ словами: „Богъ предопредѣлилъ день, въ который вновь прійдетъ съ неба на землю и будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и каждому воздастъ по его дѣламъ и заслугамъ: праведникамъ — царство небесное и красоту неизреченную, и веселье безъ конца, и жизнь вѣчную; а грѣшникамъ — безконечную муку огненную и червь неусыпающаго.“ И съ этими словами философъ раскинулъ передъ Владиміромъ полотно, на которомъ яркими красками былъ написанъ Страшный Судъ; на этой картинѣ онъ указалъ князю „о-десную, праведниковъ, въ веселіи идущихъ въ рай, а о-шуюю — грѣшниковъ, низвергаемыхъ въ муку вѣчную.“ Владиміръ посмотрѣлъ на картину и тяжело вздохнулъ. „Хорошо этимъ, что написаны о-десную!“ сказалъ онъ, — „и горе тѣмъ, что написаны о-шуюю!“ Философъ отвѣчалъ ему: „Если хочешь и ты тоже стать съ праведниками о-десную, то крестись.“ Владиміръ не отвѣчалъ ему ничего, и отпустилъ его съ богатыми дарами. Однако же его слова запали въ сердце Владиміру, который хотѣлъ еще немного обождать и еще пораздумать обо всѣхъ вѣрахахъ.“

Подъ слѣдующимъ 987 годомъ находимъ въ лѣтописи продолженіе вышеизложенной повѣсти, полное наивныхъ подробностей, которыя представляютъ лѣтописцу очень сильными и важными доказательствами въ пользу предпочтенія православія передъ всѣми остальными религіями. Въ первой половинѣ своего сказанія лѣтописецъ сообщаетъ намъ о приходѣ къ князю Владиміру разныхъ проповѣдниковъ отъ соседнихъ народовъ. Во второй половинѣ сказанія — самъ Владиміръ посылаетъ приближенныхъ и довѣренныхъ людей къ соседнимъ народамъ, чтобы во-очію убѣдиться въ правотѣ приходившихъ къ нему проповѣдниковъ.

„Созвалъ Владиміръ своихъ бояръ и городскихъ старцевъ и сказалъ имъ: „Вотъ приходили ко мнѣ Болгары, говоря: прійми законъ нашъ; потомъ приходили Нѣмцы, которые также хвалили свой законъ; потомъ приходили Жиды; послѣ всѣхъ пришли Греки, хуля всѣ законы и хваля только свой, и много говорили, повѣствуя отъ начала міра о бытіи всего міра; хитры и чудны повѣсти ихъ, и каждому любо ихъ послушать; говорили они и о будущей жизни, и о томъ, что великій вступившій въ ихъ вѣру, воскреснетъ и послѣ смерти и уже не умретъ никогда болѣе. Какъ же вы мнѣ посоветуете?“

„Бояре и старцы отвѣчали князю Владиміру:

„— Самъ знаешь, князь, что никто своего не хулитъ, а только хвалитъ; но если ты хочешь добиться правды, то вѣдь у тебѣ есть мужи, которыхъ ты можешь послать за себя: пусть посмотрятъ на службу каждого изъ приходившихъ къ тебѣ, какъ они служатъ Богу?“

„Полюбилась эта рѣчь князю и всѣмъ; избрали, по совѣту бояръ и старцевъ, мужей добрыхъ и смиленныхъ, всего на всего десять человекъ, и сказали имъ: „Идите сначала къ Болгарамъ и испытайте ихъ вѣру“. Мужья пошли къ Болгарамъ и видѣли всѣ ихъ обряды и поклоненія Богу въ мечетяхъ, и возвратились къ князю Владиміру. „Теперь идите къ Нѣмцамъ“, сказалъ имъ князь Владиміръ, „а оттуда идите къ Грекамъ“.

„Пришли посланные и къ Нѣмцамъ, смотрѣли и ихъ церковную службу; потомъ пришли въ Царьградъ и вошли къ царю. Царь спросилъ ихъ, для чего они пришли, и они все ему рассказали по правдѣ. Царь очень былъ радъ тому что отъ нихъ услышалъ, и сотворилъ имъ въ тотъ день великую честь. На слѣдующій день царь послалъ къ патриарху и приказалъ ему сказать: „Пришли мужья отъ Руси и желаютъ посмотреть на наше богослуженіе; а потому прикажи убрать и приготовить церковь, собери и приготовь весь свой клиръ и совершай богослуженіе самъ, чтобы они видѣли во-очію славу Бога нашего“. И патриархъ все исполнилъ по желанію царя. И приближенные царя пошли въ церковь вмѣстѣ съ русскими мужьями, поставили ихъ посрединѣ церкви, показали имъ всю красоту церковную и все благолѣпнѣе службы архіерейской, толкуя имъ весь чинъ служенія своему Богу. И послѣ того посла, изумленные блескомъ и великолѣпнѣемъ всего видѣннаго, цозваны были къ царю. Царь Василій и братъ его Константинъ сказали имъ: „Идите въ землю вашу“ — и отпустили ихъ съ честью и великими дарами. Когда же они пришли въ свою землю, то Владиміръ созвалъ бояръ своихъ и старцевъ, попрежнему, и сказалъ: „вотъ пришли посланные нами мужья; послушаемъ,

что они видѣли, пусть расскажутъ намъ передъ дружиною“. Послы сказали: „Ходили мы къ Болгарамъ, и смотрѣли, какъ они поклоняются Богу въ своемъ храмѣ (т. е. въ мечети): стоять безъ онойски, поклонившись, садятся на корточки и смотрятъ по сторонамъ, туда и сюда, словно безумные; и не полюбилъ намъ законъ ихъ. Потомъ пришли мы къ Нѣмцамъ и видѣли, что они творятъ въ храмахъ своихъ многія службы, но въ этихъ службахъ не было никакой красоты. Послѣ того пришли мы къ Грекамъ и они ввели насъ туда, гдѣ обычно служатъ Богу своему, и мы не знаемъ — на небѣ ли мы были, или на землѣ, ибо нигдѣ на землѣ нельзя видѣть такого зрѣлища и такой неописанной красоты. Мы даже не сумѣемъ и передать вамъ, что тамъ видѣли; знаемъ только, что тамъ, видимо, самъ Богъ пребываетъ съ людьми и что служба ихъ превосходитъ службу всѣхъ другихъ странъ и народовъ. Мы до сихъ поръ не можемъ забыть этой дивной красоты: и какъ всякій человекъ, отвѣдавшій сладкаго, не хочетъ потомъ вкушать горькаго, такъ точно и мы не хотимъ больше здѣсь оставаться, а стремимся туда, гдѣ были недавно“.

„Бояре, выслушавъ рѣчи пословъ, сказали князю Владиміру: „Еслибы худъ былъ законъ греческій, то не приняла бы его бабка твоя Ольга — а она была мудрѣйшею изъ людей!“ Тогда, въ свою очередь, Владиміръ задалъ имъ вопросъ: „Гдѣ же намъ креститься?“ И бояре отвѣчали ему: „гдѣ тебѣ угодно“.

Закончивъ на этомъ свое сказаніе, лѣтописецъ прямо переходитъ къ рассказу о походѣ Владиміра на греческій городъ Корсунъ, о томъ какъ этотъ городъ былъ взятъ, и какъ онъ въ немъ потомъ крестился и женился на греческой царевнѣ.

Если бы это такъ происходило въ дѣйствительности, то, по справедливому замѣчанію историка нашей церкви, г. Голубинскаго, это „завоеваніе вѣры“ было бы, въ своемъ родѣ, единственнымъ и необычайнымъ историческимъ явленіемъ. Вмѣсто того, чтобы обратиться къ той самой Греціи, которая приняла (по лѣтописному сказанію) пословъ русскихъ съ такимъ почетомъ, вмѣсто того, чтобы просить византійскихъ императоровъ о присылкѣ проповѣдниковъ, какъ это сдѣлали въ половинѣ IX вѣка моравскіе князья — князь Кіевскій идетъ войною на греческій городъ, одолеваетъ его отчасти силою, отчасти хитростью, и ставъ въ немъ твердою ногою, предлагаетъ царямъ греческимъ свои условія. „Если хотите, чтобы я крестился, то выдавайте за меня замужъ вашу сестру-царевну, — иначе я и на Царьградъ пойду войною, и его возьму также, какъ взялъ Корсунъ“. И сказаніе утверждаетъ, что цари греческіе, отчасти изъ опасенія, отчасти изъ желанія просвѣтить Русь христіанствомъ, рѣшились исполнить желаніе Владиміра, отправили за море свою сестру-царевну, вмѣстѣ съ понами и свитою. И когда они прибыли въ Корсунъ, Владиміръ крестился въ Корсунѣ, женился на царевнѣ, причемъ въ видѣ *откупа* (выкупа) возвратилъ царямъ греческимъ городъ Корсунъ, а самъ отправился въ Кіевъ, чтобы тамъ окрестить и весь свой народъ въ христіанскую вѣру.

Но, какъ ни привлекательны драгоцѣнныя сказанія, сохраненныя намъ древнимъ лѣтописцемъ, какъ ни заманчива та простая поэтическая форма, въ которой эти сказанія передаютъ намъ повѣсть о крещеніи Русскаго народа, — современная историческая наука давно уже успѣла прійти къ тому выводу, что этотъ важнѣйшій шагъ въ исторической жизни древней Руси былъ не такъ легокъ и простъ, какъ намъ его представляетъ лѣтописецъ. Ученый авторъ исторіи Русской церкви, г. Голубинскій, послѣ долгихъ и тщательныхъ изслѣдованій вопроса о крещеніи Руси, пришелъ къ тому убѣжденію, что крещеніе Владиміра значительно (почти на два года) предшествовало крещенію Русскаго народа, и совершилось вѣроятно въ 987 г. Рядомъ блестящихъ научныхъ выводовъ г. Голубинскій доказалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что никакимъ миссіонерамъ и проповѣдникамъ не было ни малѣйшей нужды заходить въ Кіевъ, потому что христіанство тамъ уже давно было извѣстно, въ значительной степени распространено не только въ народѣ, но и въ средѣ княжеской дружины. При такомъ распространеніи, какъ доказываетъ г. Голубинскій, многие члены княжеской семьи могли быть, уже и до временъ Владиміра, тайными христіанами. Такое предположеніе особенно легко примѣнить къ сыновьямъ Святослава, которые росли на рукахъ у своей бабки, Св. Ольги — и слѣдовательно, не могли не подлежать ея вліянію. Допуская даже, что временное пребываніе Владиміра въ Новгородѣ должно было нѣсколько ослабить благое вліаніе его премудрой бабки, такъ какъ язычество на Сѣверѣ, въ мѣстахъ варяжской дружины, было значительно сильнѣе распространено и держалось еще крѣпко, — г. Голубинскій доказываетъ однако-же положительно, что, въ началѣ своего кіевскаго влѣствованія, Владиміръ вовсе не былъ ни такимъ усерднымъ язычникомъ, ни такимъ бражникомъ и сластолюбцемъ, какимъ его представляетъ лѣтописецъ, а за нимъ и наши историки. Г. Голубинскій особенно тщательно отмѣчаетъ, что между женами Владиміра, упоминаемыми лѣтописью, одна была Грекиня, другая Чехиня, третья Болгариня — и что всѣ онѣ, конечно, были христіанки и должны были, до нѣкоторой степени, повліять на Владиміра. Но Владиміръ, какъ правитель несомнѣнно одаренный умомъ государственнымъ, даже и принявъ христіанство втайнѣ, не рѣшился сразу обратить весь свой на-

родь къ истинной вѣрѣ Христовой. Онъ, видимо, опасался провѣдѣть важному дѣлу крещенія Русскаго народа излишнею поспѣшностью. Притомъ, ему нужны были для исполненія его благаго замысла люди, достаточно-подготовленные для проповѣди слова Божія въ обширной землѣ Русской, еще косившей во мракѣ глубокаго невѣжества и языческаго суевѣрія. Не трудно было, конечно, обратиться къ Греціи за полами и за книгами священными: стоило только туда отпрать послать и попросить греческихъ императоровъ-братьевъ, правившихъ въ то время въ Византіи... Но въ томъ-то и дѣло, что князь Владимиръ, какъ государь одаренный замѣчательнымъ умомъ и политическимъ тактомъ, не хотѣлъ становиться, по отношенію къ Грекамъ, въ положеніе зависимое; онъ намѣтилъ себѣ болѣе правильный и болѣе вѣрный путь. Воспользовавшись какимъ-то недоразумѣніемъ, Владимиръ пошелъ войною на ближайшій греческій городъ, Корсунъ (лежавшій недалеко отъ нынѣшняго Севастополя), въ Тавридѣ, и осадилъ его, не столько съ военною, сколько съ политическою цѣлью. Завоеваніе Корсуни было для него не существенно важно *); но существенно важно было то, что, по поводу этого завоеванія, Владимиръ могъ вступить въ сношенія съ византійскими императорами не какъ подчиненный, а какъ завоеватель—могъ даже прямо поставить имъ извѣстные условія. Въ числѣ этихъ условій, однимъ изъ залоговъ будущаго мирныхъ отношеній между Русью и Византіею, должно было служить крещеніе Руси, а также и брачный союзъ могущественнаго Русскаго князя съ греческою царевною, сестрою императоровъ. При условіи этого союза, Владимиръ могъ уже говорить съ императорами, какъ равный съ равными, могъ требовать у нихъ помощи въ дѣлѣ распространенія христіанства, ни мало не обязываясь имъ и не ставясь по отношенію къ Византіи въ положеніе подчиненное, зависимое.

И вотъ, послѣ взятія Корсуни, послѣ женитьбы на греческой царевнѣ, Владимиръ могъ уже смѣло возвратиться въ Кіевъ съ греческими и корсунскими полами, съ корсунскими святынями, со священными и богослужебными книгами (вѣроятно заимствованными у Болгаръ дунайскихъ, давно уже крещеныхъ) и съ мощами Св. Климента и ученика его Фива. Владимиръ сознавалъ, что наступило время креститься Русской землѣ. Христіанство, въ его наступательномъ движеніи съ Запада на Востокъ, уже дошло до самыхъ границъ Руси: всѣ соплеменные и чуждые вамъ народы, жившіе на Западъ отъ насъ, были уже охрещены. Позже всѣхъ, незадолго до насъ, крестились Поляки. И вотъ, прямое и непосредственное желаніе дать народу истинную вѣру, соединенное съ необходимостью для Руси не отстать отъ сосѣдей—побудили Владимира приступить къ ревностному обращенію своего народа въ христіанство, побудили его поспѣшить крещеніемъ. Владимиръ, со свойственною всѣмъ великимъ людямъ проникательностью, понималъ необходимость новой истинной вѣры для Руси, и уже не медлил и не останавливался надъ исполненіемъ своего рѣшенія.

По возвращеніи въ Кіевъ, Владимиръ крестилъ все свое семейство. Преданіе указываетъ, какъ на мѣсто ихъ крещенія, на ручей Крещатикъ, протекавшій нѣкогда по одному изъ Кіевскихъ долинъ и впадавшій въ рѣчку Почайну. Затѣмъ, приказавъ повсемѣстно уничтожить идоловъ, повсемѣстно воздвигать (рубить) деревянные храмы, Владимиръ, при помощи мѣстныхъ кіевскихъ и при помощи пришедшихъ съ нимъ изъ Корсуни греческихъ поповъ, сталъ подготавливать языческую часть населенія Кіева къ принятію новой вѣры и къ крещенію.

Наконецъ, назначенъ былъ опредѣленный день для крещенія Кіевлянъ. Великій князь Владимиръ послалъ сказать и объявить во всѣхъ концахъ города: „если кто завтра не придетъ на рѣку—богатый-ли, убогій-ли, нищій-ли, работный-ли — тотъ да будетъ мнѣ противенъ“. И никто уже не захотѣлъ противиться князю—всѣ толпы двинулись къ берегу въ назначенное мѣсто и сошлись на берегу рѣчки Почайны, впадавшей въ Днѣпръ. Сюда-же, сопровождаемый духовенствомъ, дружиною и множествомъ крещеныхъ Кіевлянъ, спустился съ городского холма и самъ великій князь Владимиръ съ супругою и сыновьями. Тогда открылось очамъ всѣхъ собравшихся такое торжественное зрѣлище, какое рѣдко приходится видѣть на землѣ смертныхъ. Вся толпа людей, собравшаяся на Почайнѣ,—мужики и жены, старцы, юноши и дѣти, по данному знаку, благоговѣнно вступили въ рѣку, одни по шею, другіе по грудь... Многіе матери держали на рукахъ младенцевъ своихъ... И вотъ раздалось глѣе клира, впервые торжественно огласившее стройными звуками днѣпровское побережье — и служители Истиннаго, Вышняго Бога, стоя на берегу, стали совершать надъ всенароднымъ множествомъ великое таинство. Недаромъ восклицаетъ лѣтописецъ, что въ эти священные минуты и земля и небо — радовались великому множеству спасаемыхъ. „Радовались крестившіеся, радовались крестившіе, радовались всѣ свидѣтели величественнаго зрѣлища; но болѣе всѣхъ другихъ возрадовался духомъ главнѣйшій виновникъ этого торжества, который, по окончаніи священнодѣйствія, возведя очи свои горѣ, отъ глубины души воззвалъ къ Богу:

„Боже великій, сотворившій небо и землю! призри на новыя

люди сн и дай имъ, Господи, увѣдѣти Тебя, истиннаго Бога, какъ уже увѣдали Тебя прочія страны христіанскія, и утверди въ нихъ вѣру правую и несовратную, и миѣ помоги, Господи, на супротивнаго врага, дабы я могъ, надѣясь на Тебя и на Твою державу, побѣдить его козни“. *)

Да! Онъ могъ и долженъ былъ радоваться, этотъ великій совершитель великаго дѣла на благо будущимъ вѣкамъ и поколѣніямъ! И онъ не даромъ просилъ Бога „утвердить въ его народѣ вѣру правую и несовратную!“ Этой вѣрѣ здѣсь, въ этомъ-же самомъ Кіевѣ, предстояло перенести самыя тяжкія испытанія, подвергаться неоднократно самымъ невѣроятнымъ соблазнамъ—и все-же остаться непоколебимою, „правою и несовратною“, на великую честь и славу Русскому народу.

Изъ Кіева, какъ изъ центра, широкими лучами во всѣ стороны, стало распространяться христіанство. Ранѣе явилось оно въ городахъ, лежавшихъ по великому водному пути „изъ Варягъ въ Греки“; позднѣе проникло въ дикія лѣсныя дебри Вятичей, гдѣ первые русскіе подвижники запечатлѣли проповѣдь слова Божія своею кровью. Когда, въ 1015 г., Владимиръ заболѣлъ въ своемъ любимомъ селѣ Берестовомъ (подъ Кіевомъ) и вскорѣ скончался тамъ, онъ могъ съ увѣренностью сказать, что земля его крещена, что и на дальнихъ ея окраинахъ усердно проповѣдуется слово Божіе, что Русь не отстала въ просвѣщеніи духовномъ отъ другихъ, современныхъ ей, государствъ европейскія и можетъ съ ними идти рука объ руку по общему пути развитія. И съ тѣхъ поръ, непрерывно и неустанно, въ память великаго просвѣтителя Русскаго народа, русскіе проповѣдники не переставали проповѣдывать христіанство во всѣхъ тѣхъ земляхъ, которыя покорялись русскому оружію и входили постепенно въ составъ великой Русской земли. Неисчислимы подвиги этихъ проповѣдниковъ, которые въ теченіе девятисотъ лѣтъ успѣли распространить православіе на десятки тысячъ верстъ, въ глубь сѣверныхъ сибирскихъ тундръ, на берега Камчатки и Аляски, на окраины Среднеазиатскихъ степей и въ самое сердце Китая и Японіи. И всюду, гдѣ ни совершали они своей великой и скромной подвигъ, они учили народы славить подвигъ того русскаго князя, которому поколѣнія русскихъ людей присвоили названіе „*Равноапостольнаго*“.

Послѣ всего вышесказаннаго, читателямъ *Нивы*, конечно, захочется узнать, не сохранилось-ли какихъ-нибудь памятниковъ отъ той славной эпохи, когда впервые былъ крещенъ Русскій народъ? Постараемся собрать по этому вопросу все то, чтѣ до сихъ поръ извѣстно въ нашей русской церковной археологіи.

Выше мы уже упоминали, что Владимиръ привелъ съ собою изъ Корсуни поповъ, принесъ въ Кіевъ священныя иконы и сосуды церковныя, принесъ богослужебныя и священныя книги. Оттуда-же, изъ Корсуни, вынесъ Владимиръ и мощи св. Климента и его ученика, Фива. Сверхъ того, по лѣтописи, извѣстно намъ, что и съ царевною Анною, приплывшею изъ-за моря для бракосочетанія съ Владимиромъ, прибыли также свои, греческіе попы, которые вѣроятно также принесли съ собою церковную утварь, иконы и святыни. Лѣтописецъ именно говоритъ въ своемъ описаніи крещенія Кіевлянъ, что ихъ крестили попы корсунскіе и *црцины* (т. е. прибывшіе съ царицею изъ Царьграда).

Послѣ всѣхъ пережитыхъ Кіевомъ погромовъ и разграбленій, конечно, трудно было бы ожидать, чтобы сохранились до нашего времени всѣ эти драгоценныя для русскаго народа святыни, современные крещенію Кіевлянъ. Многие давно пропало безслѣдно, многое хранилось долго благочестивымъ потомствомъ и пропало только весьма недавно, вслѣдствіе случайныхъ и несчастно-сложившихся обстоятельствъ; немногое уцѣлѣло и сохранилось, и теперь еще принадлежитъ къ числу святынь, особенно дорогихъ русскому сердцу.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о мощахъ Св. Климента. Эти мощи, какъ и большая часть святынь, принесенныхъ Владимиромъ изъ Корсуни, были имъ принесены въ даръ первому изъ построенныхъ имъ въ Кіевѣ каменныхъ храмовъ—Десятинной церкви. Тамъ находились они въ XII и въ началѣ XIII вѣка. О главѣ Св. Климента наши лѣтописи упоминаютъ, подъ 1147 г., по случаю того знаменательнаго событія, когда „главою Св. Климента“ соборъ русскихъ епископовъ поставилъ въ митрополиты Климента Смолятича. Гдѣ дѣвались эти священные останки во время нашествія татаръ на Кіевъ, въ 1240 году,—были ли они сокрыты духовенствомъ въ какомъ-нибудь безопасномъ и тайномъ мѣстѣ? Объ этомъ молчатъ лѣтописи, потому что облитые кровью кіевскіе холмы были молчаливы и смолкли надолго.

О мощахъ Св. Равноапостольнаго Князя Владимира мы знаемъ, что эти мощи пребывали подъ спудомъ, но, во времена ближайшихъ его потомковъ, во времена Иларіона и Нестора, уже были чтимы церковью, какъ святыни. До нашествія Татаръ, эти мощи покоились въ ипферной гробницѣ, въ Десятин-

*) Это видно изъ того, что Владимиръ, женившись на греческой царевнѣ, немедленно возвратилъ городъ Грекамъ.

*) Такъ описываетъ крещеніе Руси митрополитъ Макарій, въ своей Исторіи Русской Церкви (I, 11); приводимая имъ прекрасная молитва Владимира сохранилась въ разсказѣ лѣтописца о крещеніи.

900-лѣтіе крещенія Руси. Виды Кіева. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Животовскаго, грав. М. Рашевскій.

- 1. Крещатичій пам'ятникъ. 2. Пам'ятникъ Св. Владиміра. 3. Кієво-Печерская лавра. 4. Вхוךъ въ дальнія пещеры. 5. Вхוךъ въ ближнія пещеры. 6. Пещера Преподобнаго Нестора-Дітописца. 7. Асольдова могила. 8. Золотыя ворота. 9. Десятинная церковь. 10. Церковь Св. Андрея Первозваннаго.

пой церкви, гдѣ Владимиръ былъ похороненъ какъ создатель самаго храма. Въ эту несчастную эпоху церковь Десятинная была разрушена и гробъ Владимира засыпанъ развалинами церкви. Только уже въ XVII вѣкѣ развалины были разрыты, гробъ Владимира отысканъ и узанъ по находившейся на немъ надписи (1635 г.) и изъ гроба взяты нѣкоторые останки Св. Просвѣтителя Россіи: глава Св. Владимира покоится въ Великой церкви Кіево-Печерской Лавры; другія части его мощей — въ Кіево-Софійскомъ и въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

О древней церковной утвари и богослужебныхъ книгахъ, современныхъ Крещенію, не сохранилось даже и воспоминанія. Больше посчастливилось крестамъ и иконамъ, изъ которыхъ часть несомнѣнно принадлежитъ къ эпохѣ близкой первому распространенію христіанства въ Россіи. Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ указать на тѣ четверокопечные деревянные и хрустальные воздвизальные кресты, которые, подъ названіемъ *корсунскихъ*, сохранились въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора и издревле чтились въ Новгородѣ, какъ величайшая святыня *).

Изъ древнѣйшихъ русскихъ иконъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Цареградскихъ* и *Корсунскихъ*, необходимо упомянуть слѣдующія семь: 1) икона *Всемилостиваго Спаса*, представляющая на одной сторонѣ перукотворенный ликъ Спасителя, а на другой — Божию Матерь; 2) икона *Божіей Матери*, съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ *Спасителя благословляющаго*; 3) икона *Богородицы Терусамскія*.

Всѣ эти три иконы, со временъ Владимира Равноапостольнаго, находились въ Новгородѣ; потомъ, при странномъ разгромѣ Новгорода Іоанномъ Грознымъ, взяты были изъ мѣстнаго собора Св. Софії и перевезены въ Москву, гдѣ и поставлены въ Успенскомъ соборѣ. Двѣ первыя и до сихъ поръ тамъ сохраняются за престоломъ, какъ величайшая святыня, подъ названіемъ *Корсунскихъ* иконъ; но третья сохранилась только во вѣрпой древней копіи: ея подлинникъ былъ похищенъ во время нашествія Французовъ въ Москву въ 1812 году.

Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ сохранилась только одна изъ прежнихъ древнихъ иконъ, а именно 4) икона *Св. Апостоловъ Петра и Павла*, которая издревле, и по лѣтописи и по мѣстному преданію, слыветъ *Цареградскою*.

Къ этимъ же древнимъ греческимъ иконамъ слѣдуетъ присовокупить еще 5) образъ *Перукотвореннаго Спаса* — въ Суздальскомъ Рождественскомъ соборѣ, по преданію принесенный сюда первымъ Ростовскимъ епископомъ Θεодоромъ; 6) образъ *Св. Василія Великаго* — во Владимирѣ-Вольнскомъ, въ церкви Св. Василія, по преданію, основанной еще самимъ Владимиромъ Равноапостольнымъ. Но едва ли не болѣе всѣхъ этихъ древнихъ святынь замѣчательна 7) икона *Божіей Матери*, находящаяся въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ и также извѣстная подъ названіемъ *Корсунской*; на этой иконѣ сохранилось имя грека-иконописца и самый годъ написанія (993), весьма близкій по времени къ эпохѣ первоначальнаго крещенія Кіевской Руси.

Все остальное поглощено всеожирающимъ временемъ и даже „по преданію“ не можетъ быть относимо къ эпохѣ, которой мы нынѣ празднуемъ девятисотую годовщину.

Въ заключеніе сказаннаго о памятникахъ и святыняхъ достопамятной эпохи крещенія Русскаго народа, не мѣшаетъ взглянуть и на современный Кіевъ и въ немъ поискать слѣдовъ того отдаленнаго времени, когда часть Кіевлянъ еще коснѣла въ язычествѣ и готовилась приступить къ крещенію.

Какъ ни крѣпка, какъ ни живуча народная память, но и современная жизнь, во всеоружіи своихъ новыхъ затѣй и потребностей, при помощи своихъ могущественныхъ техническихъ средствъ и способовъ — идетъ впередъ и совершается на нашихъ глазахъ такъ быстро, что почти нѣтъ никакой возможности услѣдить за ея ходомъ, за ея постояннымъ, безконечнымъ и неослабнымъ движеніемъ. Тому, кто не бывалъ въ Кіевѣ 20—25 лѣтъ, трудно себѣ представить, до какой степени этотъ древній городъ измѣнилъ за это время свою фizioномію. Скрыты горы, проведены новыя улицы, подняты низины, сровнены овраги, зарыты ключи, обрыты и округлены берега Днѣпра, черезъ который перекинута рядомъ съ прежнимъ цѣпнымъ шоссевымъ, новый и великолѣпный желѣзнодорожный мостъ. А если мы сравнимъ тотъ Кіевъ, который мы видали и знавали лѣтъ 15—20 тому назадъ, съ описаніями Кіева, сохранившимися отъ начала прошлаго вѣка и отъ конца XVII столѣтія, то мы убѣдимся, что природа кіевская, по самому свойству своихъ горъ и мѣстныхъ водъ, измѣнилась въ теченіе весьма незначительнаго времени (100—150 лѣтъ) почти до неузнаваемости. Особенно много измѣнился за этотъ періодъ времени, судя по древнимъ планамъ и картамъ, самый Днѣпръ, съ которымъ уже въ теченіе полутора вѣка ведутъ напрасную борьбу наши инженеры. Вслѣдствіе особеннаго свойства своего дна, Днѣпръ, видимо, уже много разъ измѣнялъ свое теченіе, то уклоняясь отъ Кіева, образуя новые протоки, нанося новые острова, то вдругъ направляя всю силу своего теченія въ упоръ

кіевскихъ береговъ и немилосердно ихъ размывал, обрывал и разрушал. Разрушенію въ значительной степени способствовало и неискусная рука тѣхъ, которые рѣшались бороться съ могучимъ Днѣпромъ и разными преградами пытались искусственно направить, *регулировать* его теченіе. Вслѣдствіе этихъ постоянныхъ и постепенныхъ разрушеній кіевскаго берега должно было, съ теченіемъ времени, изгладиться изъ памяти отдаленнаго потомства то мѣсто, на которомъ произошло самое крещеніе Кіевлянъ. Выше мы уже упоминали, что крещеніе было совершено на рѣкѣ Почайнѣ, впадающей въ Днѣпръ. Но мы должны добавить: не на той маленькой и ничтожной рѣчкѣ Почайнѣ, которая обтекаетъ Кіевскій Подолъ съ сѣверной стороны, называемой Оболонью. Еще въ XVIII вѣкѣ эта рѣчка была гораздо длиннѣе, чѣмъ нынѣ, а въ прежнее время впадала въ Днѣпръ не тамъ, гдѣ впадаетъ теперь, а значительно ниже Крещатики, такъ какъ Крещатицкій ручей впадалъ въ Почайну. Еще въ прошломъ столѣтіи нижнее теченіе Почайны отдѣлялось отъ Днѣпра низменною песчаною косою, которую днѣпровскія воды покрывали во время разливовъ; въ началѣ нынѣшняго вѣка — эта коса окончательно размыва Днѣпромъ. Во времена Ольги, Святослава и Владимира, рѣка Почайна была весьма значительна и служила глубокою и удобною гаванью для приходившихъ въ Кіевъ судовъ.

И такъ, мѣсто крещенія Кіевлянъ не существуетъ болѣе. Но въ одномъ изъ кіевскихъ урочищъ, въ Крещатицѣ, сохранилась еще память о мѣстѣ крещенія сыновей Владимира. Крещатицъ теперь — самая людная, самая шумная и модная улица Кіева, застроенная великолѣпными домами, освѣщенная газомъ, блистающая зеркальными окнами богатѣйшихъ магазиновъ. Но еще весьма недавно, на мѣстѣ нынѣшняго Крещатики, было глубокое и дикое удолье, по которому протекала изысканнѣйшая Крещатицкій ключъ. Въ началѣ нынѣшняго вѣка, кіевскіе граждане, въ память того, что въ водахъ этого источника были нѣкогда крещены сыновья Владимира — рѣшились устроить надъ нимъ фонтанъ подъ каменнымъ сводомъ, а надъ этимъ сводомъ воздвигнуть памятникъ въ видѣ огромной круглой колонны, увѣнчанной крестомъ (1802) (см. рис. № 1 на стр. 700—1).

Съ 1802 года въ каждую среду Преполовенія сюда совершается ежегодно крестный ходъ изъ Софійскаго собора для освѣщенія воды. Скромный памятникъ, напоминающій о великомъ подвигѣ, странно противорѣчилъ блеску и великолѣпію окружающаго города, который годъ отъ году богатѣлъ и хорошеѣлъ все болѣе и болѣе; а потому и неудивительно, что уже въ началѣ царствованія императора Николая I, явился проектъ постановки памятника Св. Владимиру на одномъ изъ Кіевскихъ холмовъ. Но этотъ проектъ шелъ обычнымъ въ прежнее время путемъ канцелярій; а затѣмъ дѣло было поручено инженерамъ, которые нашли, что самую гору (Александровскую), избранную мѣстомъ постановки памятника, слѣдуетъ предварительно обдѣлать и укрѣпить... и очень долго работали надъ этой обдѣлкой и укрѣпленіемъ. Только уже въ 1849 году эти приготовительныя работы были закончены и приступлено было наконецъ къ постановкѣ самаго памятника. Весь памятникъ состоитъ изъ призматическаго восьмисторонняго пьедестала, въ готическомъ стилѣ, утвержденного на квадратной площадкѣ съ пятью ступеньками. На пьедесталѣ поставленъ восьмисторонній, съ короткими колонками, аттикъ, а поверхъ него круглое подножіе, украшенное рельефнымъ орнаментомъ. Все это отлито изъ чугуна. На подножій возвышается прекрасная статуя князя Владимира, работы академика барона Клодта, отлитая изъ массивной бронзы *). Равноапостольный князь изображенъ молящимся; лицо его обращено къ берегамъ Днѣпра, на которыхъ совершилось крещеніе Русскаго народа. Въ лѣвой рукѣ князя — великокняжеская шапка, въ правой — четырехкопечный крестъ; сверху древне-русскаго полукафтаны, на плеча накинута великокняжеская мантия. Въ лицевую сторону пьедестала вставленъ отлитый изъ бронзы барельефъ, изображающій крещеніе Кіевлянъ; надъ этимъ барельефомъ помѣщенъ городъ Кіевъ; ниже — Владимирская звѣзда, а по сторонамъ — Владимирскіе кресты. На сторонѣ противоположной барельефу, выпуклыми бронзовыми буквами, поставлена надпись: „Сооруженъ въ 1853 г.“. Этотъ величавый памятникъ достоинъ памяти императора Николая и, несомнѣнно, принадлежитъ къ лучшимъ украшеніямъ города (см. рис. № 2 на стр. 700—1).

Къ сожалѣнію, не все то, что дѣлалось въ царствованіе покойнаго императора Николая, обладавшаго значительнымъ художественнымъ вкусомъ и тактомъ — служило на пользу Кіевскимъ историческимъ памятникамъ и воспоминаніямъ. Печальная участь постигла священныя останки одного изъ древнѣйшихъ кіевскихъ храмовъ — Десятинной церкви, построенной Владимиромъ Равноапостольнымъ въ память крещенія Кіевлянъ. Одинъ изъ ученѣйшихъ пастырей нашихъ, Кіевскій митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ), превосходный знатокъ кіевскихъ древностей, отыскалъ мѣсто древней Десятинной церкви, откопавъ на свои средства, фундаментъ ея и подальше мысль о необходимости возобновить этотъ величавый памятникъ церков-

*) Художникъ, изображившій въ настоящемъ № *Нивы* Крещеніе Кіевлянъ (стр. 692—3), не забылъ и этихъ *корсунскихъ* крестовъ, которые и далъ въ руки крещающему духovenству.

*) Высота памятника, до статуи, 7 сажень; высота статуи — 2 сажени; крестъ въ рукахъ статуи гораздо больше роста человѣческаго. Высота барельефа 4 аршина, ширина — 3 аршина. Вѣсъ статуи — 350 пудовъ; вѣсъ барельефа — 156 пудовъ.

наго зодчества. Нашлись и средства на это дѣло: курскій богатый помѣщик Анненков пожертвовалъ крупную сумму на возсозданіе храма Владимірова. Подано было нѣсколько проектовъ и одинъ изъ нихъ — самый неудачный изъ всѣхъ — проектъ архитектора Старова утвержденъ. Архитекторъ, незнакомый ни съ исторіею храма, ни съ предшествующими раскопками на мѣстѣ его, сталъ воздвигать, на мѣстѣ древней Десятинной церкви, пышнѣйшій храмъ, извѣстный подъ этимъ именемъ, размѣрами едва достигавшій и половины размѣровъ древняго величаваго храма *). На мѣстѣ прежняго строеннаго зданія, представлявшаго прямоугольникъ, Старовъ воздвигнулъ храмъ совершенно квадратный, и при этомъ нашелъ даже нужнымъ разрушить часть уцѣлѣвшей стѣны Десятинной церкви и выкопать часть древняго фундамента... Варварство это не

оправдывается никакими соображеніями и составляетъ темное пятно въ исторіи Кіевскихъ памятниковъ.

На рис. № 9 (стр. 700—1) въ общей картинѣ Кіевскихъ мѣстностей представлена Десятинная церковь въ томъ видѣ въ какомъ она была возстановлена знаменитымъ Кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою въ началѣ XVII вѣка. Въ то время церковь была деревянная и очень необширна; но за то древняя стѣна и весь фундаментъ Владиміровой церкви были пощажены храмоздателемъ и составили видную часть зданія. Въ то время въ нижнемъ этажѣ этого небольшого храма помѣщалась церковь Рождества Пресвятой Богородицы и придѣлъ во имя Святителя Николая; въ верхнемъ этажѣ — крошечная церковь во имя Св. апостоловъ Петра и Павла.

П. Полевой.

Къ рисункамъ Кіевскихъ мѣстностей въ память 900-лѣтія крещенія Руси.

Златые Врата. (Рис. на стр. 689).

Въ 1037 году, Ярославъ Мудрый обнесъ весь Кіевъ стѣною и въ ней устроилъ великолѣпныя врата, надъ которыми, по обычаю времени, воздвигъ церковь Благовѣщенія. Въ стѣ со всѣми остальными памятниками кіевскими и Златые Врата были разрушены татарами, въ 1240 году. Развалины этихъ древнихъ воротъ еще въ XVII вѣкѣ были видны въ кіевскомъ крѣпостномъ валу. Въ 1651 г. съ нихъ были сняты рисунокъ, который указываетъ намъ, что тогда еще видны были на воротахъ остатки арокъ, оконъ и входныхъ дверей церкви Благовѣщенія. Затѣмъ разрушеніе древняго памятника шло быстрыми шагами и въ 1743 г., по указу Сената, Златые Врата были засыпаны землею, какъ внутри, такъ и по сторонамъ, „ибо грозили паденіемъ“. Въ 1832 году, кіевскій археологъ Лохвицкій открылъ ворота изъ-подъ этой искусственной предохранительной насыпи, а инженеръ Николай I, обозрѣвъ открытый памятникъ, нашелъ его „достойнымъ сохраненія“. Съ тѣхъ поръ были приняты всѣ мѣры для воспрепятствованія дальнѣйшему разрушенію Златыхъ Вратъ. Рисунокъ, помѣщаемый нами на первой страницѣ настоящаго №, изображаетъ этотъ замѣчательный памятникъ въ томъ видѣ, въ какомъ Лохвицкій открылъ его изъ-подъ земли; другой рисунокъ (№ 8 на стр. 700—1, въ общей картинѣ) изображаетъ Златые Врата въ ихъ нынѣшнемъ видѣ, послѣ того какъ онѣ были укрѣплены внутренними устоями и желѣзными скрѣпами.

Кіево-Печерская Лавра. (Рис. на стр. 697).

Эта знаменитая обитель принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ въ Россіи. Первое основаніе ей положено первымъ Кіевскимъ митрополитомъ „изъ русскихъ“, Иларіономъ, ископавшимъ первую пещеру (или пещеру) на мѣстѣ нынѣшней обители, въ 1051 г. Въ этой пещерѣ поселился впоследствии преподобный Антоній, около котораго стала быстро собираться братія, привлекаемая его благочестіемъ и подвигами смиренія. Братія ископала себѣ новыя пещеры и даже пещерную церковь (на мѣстѣ нынѣшнихъ Дальнихъ пещеръ). Тогда Антоній удалился отъ нихъ и ископалъ себѣ пещеру въ сторонѣ возлѣ нынѣшняго Лаврскаго Собора (на мѣстѣ Ближнихъ пещеръ). Великолѣпный соборный храмъ, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, заложенъ былъ въ обители Печерской при сыновьяхъ Ярослава Мудраго и законченъ постройкою въ 1083 году. Въ построеніи и украшеніи его принимали участіе византійскіе зодчіе и художники. Разрушенный и ограбленный татарами во время Кіевского погрома въ 1240 году, храмъ этотъ былъ воздвигнутъ вновь изъ развалинъ въ 1470 году кіевскимъ намѣстникомъ изъ православныхъ литовскихъ князей, Симеономъ Александровичемъ Омельковичемъ. Кіево-Печерская Лавра, въ настоящее время, занимаетъ обширное пространство въ южномъ предмѣстѣи Кіева, которое именуется Печерскимъ. Въ настоящее время эта обитель состоитъ изъ четырехъ главныхъ частей: 1) въ ближайшей къ городу части помѣщается сама Лавра; 2) внутри ея, при Святыхъ Вратахъ, Большичный монастырь; 3) къ югу отъ Лаврскаго храма, на одномъ изъ уступовъ Печерскаго холма, монастырь Ближнихъ пещеръ (см. рис. № 5 стр. 700—1); 4) къ юго-востоку отсюда же, на особомъ холмѣ, расположенъ монастырь Дальнихъ Пещеръ (см. рис. № 4 стр. 700—1). Кіево-Печерская Лавра привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ со всѣхъ концовъ обширной Русской земли, и они постоянно толпятся подъ тѣмъ крытымъ притво-

ромъ ея древняго собора, который изображенъ на стр. 697 на столбцахъ № Нивы. Постояннымъ притокомъ богомольцевъ обьясняется и тотъ обильный, неисчерпаемый источникъ богатствъ, который отовсюду стекаются къ Лаврскаго казнѣ, благодаря усердію русскихъ людей къ древней святынѣ.

Въ числѣ многихъ десятковъ подвижниковъ, почивающихъ въ пещерахъ Кіево-Печерской обители, мы видимъ (въ Ближнихъ пещерахъ), въ серебряной ракъ, останки преподобнаго Нестора-Лѣтописца, положившаго основаніе древней русской лѣтописи. Надъ серебряною ракою, на стѣнѣ повѣшена мѣдная вызолоченная доска съ именемъ нашего бытописателя, присланная въ 1826 году Обществомъ Исторіи и Древностей (см. рис. № 6 на стр. 700—1).

Подъ названіемъ *Аскольдовой могилы* извѣстенъ издревле всѣмъ мѣстнымъ Кіевскимъ жителямъ одинъ изъ уступовъ Печерской горы, противъ того мѣста, гдѣ протокъ Черторія соединяется съ Днѣпромъ. Это урочище лежитъ почти на версту выше Кіево-Печерской Лавры, вверхъ по теченію Днѣпра, почти подъ самымъ Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ. На этомъ урочищѣ, по преданію, былъ похороненъ Аскольдъ, одинъ изъ первыхъ князей-христіанъ въ Кіевѣ (см. рис. № 7 на стр. 700—1).

Андреевскій спускъ и церковь Андрея Первозваннаго. (Рис. на стр. 704).

На мѣстѣ пышнѣшаго великолѣпнаго храма, до 1707 года, стояла ветхая деревянная церковь. Въ 1744 г., императрица Елисавета, въ бытность свою въ Кіевѣ, положила своими руками первый камень въ основу новаго храма, для котораго проектъ и планы были исполнены знаменитымъ архитекторомъ того времени, графомъ Растрелли. Исполненіе этой монументальной постройки было поручено талантливому русскому архитектору Мичурину, которому пришлось бороться съ чрезвычайными техническими трудностями. Чтобы сохранить храму его положеніе на самомъ краю высокаго холма, Мичуринъ долженъ былъ подвести подъ него фундаментъ, который равняется *половинѣ высоты* всей церкви. А высота эта очень значительна: храмъ возносится надъ холмомъ на 20 сажень $2\frac{1}{4}$ аршина, а надъ уровнемъ на 41 сажень, и когда смотрѣть на него издали — онъ какъ бы виситъ надъ Кіевскимъ Подоломъ, сверкая издали своими золотыми крестами.

Вознесенскій Фроловскій женскій монастырь и Щековица. (Рис. на стр. 705).

Щековицей называется одно изъ древнѣйшихъ Кіевскихъ урочищъ — гора надъ Кіевскимъ Подоломъ (низменною частью города) съ западной стороны. Щековица лежитъ между горами Киселевскою и Юрковицею и возвышается сажень на тридцать надъ уровнемъ Днѣпра; она имѣетъ около двухъ верстъ въ окружности и значительно ниже другихъ Кіевскихъ высотъ — Печерской и Старо-Кіевской горы, и всѣ ея склоны не такъ круты, какъ у тѣхъ. Можетъ-быть потому именно, со стороны Щековицы, происходили постоянно вражескія нападены на Кіевъ, и здѣсь упоминаютъ лѣтописцы о важнѣйшихъ битвахъ кіевскихъ князей въ удѣльный періодъ. Лѣтописцы свидѣтельствуютъ о томъ, что Щековица была нѣкогда густо населена и что здѣсь, въ древности, было нѣсколько церквей. Самое названіе урочища напоминаетъ имя *Щека* — одного изъ трехъ братьевъ-князей, основателей Кіева.

Къ прочимъ рисункамъ.

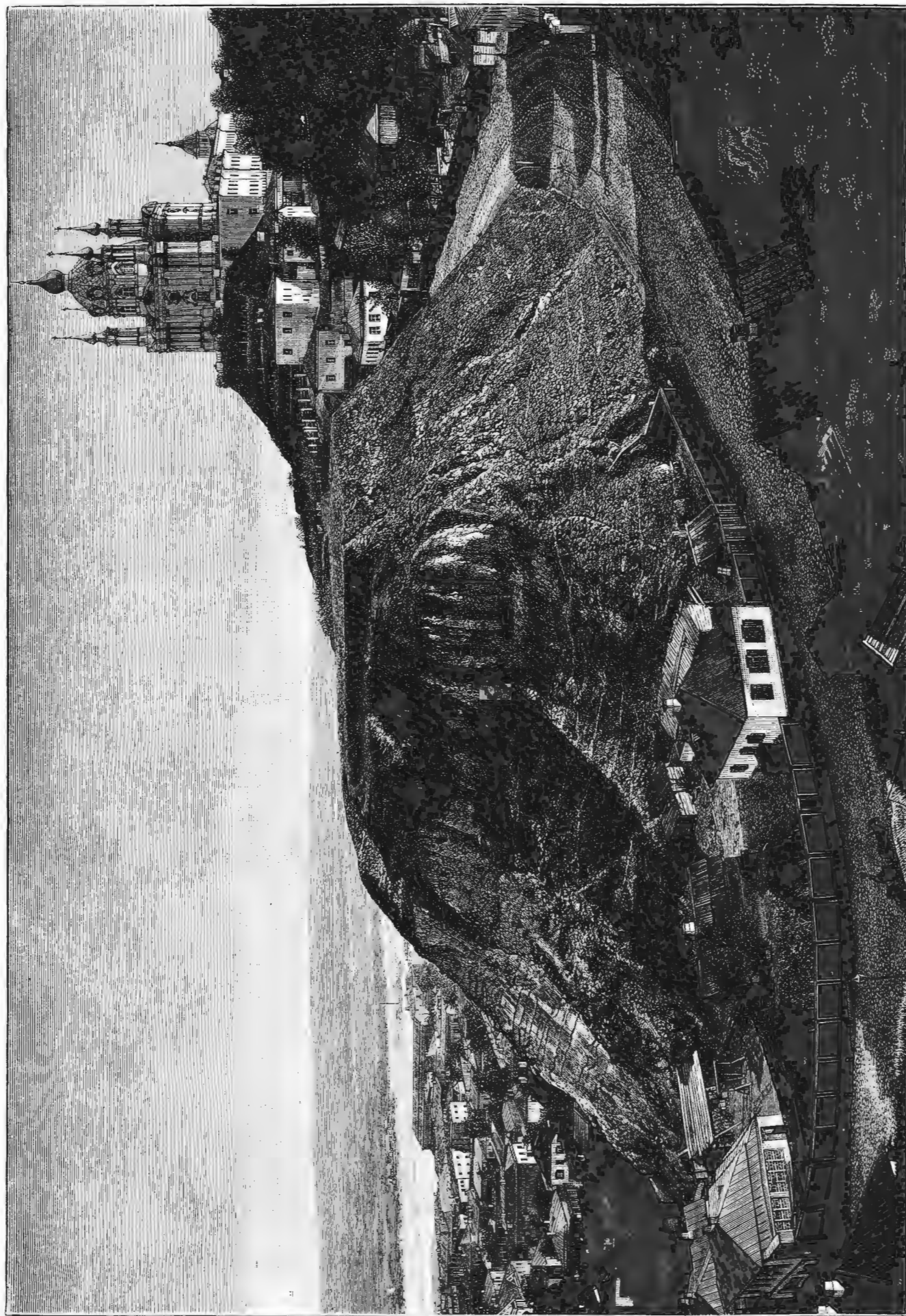
Странникъ. (Рис. на стр. 708).

Паломничество къ Св. Мѣстамъ — явленіе исконное на Руси, замѣчательнѣйшимъ литературнымъ памятникомъ котораго по древности служатъ извѣстный паломникъ XII вѣка „Хожденіе Данила Русьскія земли игумена“. Ежегодно, съ наступленіемъ

лѣта, по всѣмъ большимъ и проселочнымъ дорогамъ нашего обширнаго отечества, тянутся партіи богомольцевъ, преимущественно съ сѣвера на югъ, къ святынямъ Кіева, а съ юга на сѣверъ къ обители Соловецкой, при чемъ Москва съ ея соборами и Троицко-Сергіевою лаврой, является какъ бы перепутьемъ. Есть и другіе странники, собирающіе доброты приношенія на построеніе церквей...

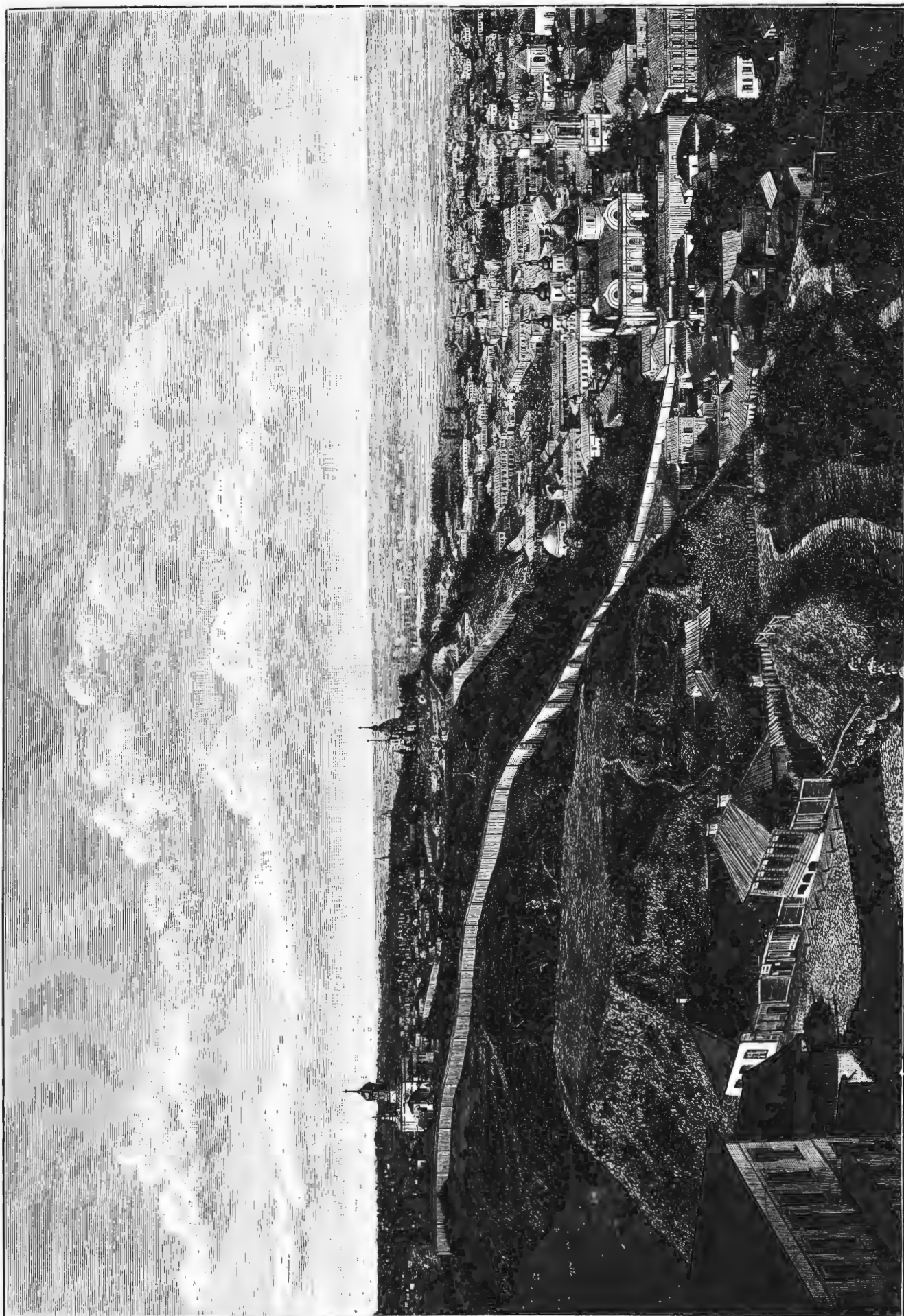
Ходить въ зимушку студеную,
Ходить въ лѣтніе жары,

*) Древняя Десятинная церковь, по плану, снятому митрополитомъ Евгеніемъ съ откопаннаго фундамента, достигала въ длину 24 сажень, въ ширину — 16 сажень. Нынѣшняя — въ длину и въ ширину — достигаетъ 13 саж. и 1 арш.

900-літє крещенія Руси. Кїєвъ. Андрєвскїй спускъ и церковь Св. Андрєя Первозваннаго.
Съ фотогр. де-Мезера, грав М Рашевскїй.

900-літє крещенія Руси. Київ. Подоль. Вознесенскій Флоровскій женскій монастирь и Щековица.
Съ фотогр. Васильева, грав. М. Рашевскій.

Вызывая Русь крещеную
На посылные дары.
И дають, дають прохолодіе...
Такъ изъ ленты трудовой
Вырастають храмы Божіи
По лицу земли родной.

По есть и третій разрядъ—чрезвычайно вредная секта, раскольничій безпоповщинскій толкъ, странниковъ или скитальцевъ, составляющихъ подонки такъ-называемой *бродячей Руси* и проповѣдывающихъ удаленіе отъ семейства, общества и всякаго подчиненія гражданскимъ законамъ и православной церкви, какъ единственное средство избѣжать власти антихриста. Секта состоитъ изъ собственно странниковъ и страннопріимцевъ. Первые, разорвавъ всякую связь съ семьей и обществомъ, уничтожаютъ свои паспорта и, переимѣнивъ имена, уходятъ въ тайги или бродятъ по селеніямъ, пока не попадутъ въ острогъ, что считается мученичествомъ; вторые живутъ въ деревняхъ и наружно подчиняются властямъ, но главная ихъ обязанность принимать и укрывать странниковъ. Секта эта весьма распространена въ Сибири, особенно въ нѣкоторыхъ округахъ Тобольской, Томской и Енисейской губерній. На что бывають способны такіе сектанты—превосходно изображено въ извѣстной повѣсти А. Н. Майкова—*Странникъ*. Вотъ такого-то странника-сибиряка и представляетъ прилагаемый рисунокъ.

Григорій Андреевичъ Лишинъ. (Портр. на стр. 709).
(† 15 іюня 1888 г.).

Русская музыка утратила одного изъ видныхъ своихъ представителей. 15 іюня, послѣ четырехдѣсячной мучительной болѣзни, скончался, на тридцать пятомъ году жизни, Г. А. Лишинъ, извѣстный авторъ многихъ прекрасныхъ романсовъ, нѣсколькихъ оперъ и проч., замѣчательный дирижеръ оркестра и еще болѣе замѣчательный музыкальный импровизаторъ.

Г. А. Лишинъ родился въ Петербургѣ, 23 апрѣля 1854 г. Воспитывался первоначально дома, онъ изучалъ музыку подъ руководствомъ своей матери, ученицы Шопена. Затѣмъ, на тринадцатомъ году, онъ вступилъ въ училище Правовѣдѣнія, которое многократно дарило Россіи замѣчательныхъ музыкантовъ, каковы напр. Сѣровъ и Чайковскій. Здѣсь онъ пользовался уроками профессора Гензельта и принадлежалъ къ числу его любимыхъ учениковъ. Окончивъ курсъ въ 1875 году, Лишинъ началъ службу при Главномъ управленіи по дѣламъ печати, въ комитетѣ иностранной цензуры, но вскорѣ вышелъ въ отставку, чтобы окончательно посвятить себя своему музыкальному призванію. Въ то же время, владея нѣсколькими иностранными языками и довольно обширнымъ литературнымъ образованіемъ, онъ посвящалъ свои досуги и литературѣ, сотрудничая въ *Полярной Звѣздѣ* гр. Салиаса, *Звѣздѣ*, *Гризидантии* и др. изданіяхъ. Особенно ставились его лирическіе поэмы. Въ качествѣ капельмейстера Лишинъ стяжалъ себѣ извѣстность во многихъ городахъ Россіи, между прочимъ въ Москвѣ, Харьковѣ и Астрахани. Концерты его также имѣли успѣхъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи.

Что касается собственно композиторской дѣятельности, то въ сочиненіяхъ его преобладаетъ лирическій элементъ, въ которомъ всего лучше и выразительнѣе отражалась его художественная натура. Онъ оставилъ болѣе сотни пѣсней и романсовъ, изъ нихъ многіе пользуются большою популярностью. Въ этой области особенно ярко сказались его природная склонность къ чистой мелодіи, составляющей главную основу истинной музыки, и при этомъ дарованіе его проявилось съ замѣчательнымъ разнообразіемъ, благодаря той легкости, съ которою Лишинъ овладевалъ всякою музыкальною формою. Замѣтимъ мимоходомъ, что ко многимъ изъ этихъ романсовъ и пѣсней Лишинъ самъ писалъ или переводилъ текстъ, такъ называемыя "слова". Въ послѣдніе годы онъ даже специально занимался переводомъ

и приспособленіемъ русскаго текста ко множеству иностранныхъ оперъ, всего до 40.

Лишинъ написалъ четыре оперы: лирическія „Графъ Пулицъ“ и „Цыганы“, комическую „Иванскій дворянинъ“ и „Бахчисарайскій фонтанъ“, оставшіяся недооконченными. Изъ нихъ предпоследняя недавно съ большимъ успѣхомъ исполнялась въ Кіевѣ. Большинству публики Лишинъ преимущественно извѣстенъ какъ мело-декламаторъ съ замѣчательнымъ импровизаторскимъ талантомъ, благодаря коему онъ „сказывалъ“ стихи корифеевъ русской поэзіи, сопровождая текстъ изысканнымъ аккомпаниментомъ на фортепиано.

Тѣло Лишина предано землѣ въ Александровско-Невской лаврѣ, неподалеку отъ могилъ Сѣрова и Бородина, рядомъ съ могилою Мусоргскаго.

Тибетскія степныя куры (*Syrrhaptes thibetanus*).

(Рис. на стр. 709).

Вмѣстѣ съ горными, песчаными и другими рыбками, въ Азіи живетъ еще одинъ родъ этого семейства птицъ, извѣстный подъ названіемъ *степныхъ куръ* или *саджъ* у русскихъ (последнее названіе и у китайцевъ), *бульдурковъ* у киргизовъ, *нюктерковъ* у монголовъ, *алтынь* у двоянцевъ. Одинъ изъ видовъ этого рода, *пустынный* (*S. paradoxus*), открытый и описанный въ концѣ прошлаго вѣка знаменитымъ Палласомъ, распространенъ по всей Средней Азіи до Каспійскаго моря, а на югѣ встрѣчается до Тибета. Эта птица держится исключительно въ пустынѣ, гдѣ питается сѣменами нѣсколькихъ травъ (мелкой полыни, сульхира и др.). Большой или меньшей урожай этихъ травъ обуславливаетъ количество зимующихъ пустынныхъ куръ, которые въ огромномъ числѣ скопляются зимою въ пустыняхъ Алашана, будучи привлекаемы туда вкусными сѣменами сульхира (*Agriophyllum gobicum*). Лѣтомъ часть этихъ птицъ является въ наше Забайкалье и выводитъ тамъ птенцовъ. Яйца, числомъ 3, кладутся прямо на землю, безъ всякой постели, сажка сидитъ на нихъ довольно крѣпко, не смотря на то, что птицы эти вообще довольно осторожны. Полетъ степныхъ куръ замѣчательно быстрый, такъ что когда легитъ цѣлая стая, то еще издали слышенъ особый дребезжащій звукъ, какъ бы отъ сильнаго вихря. По землѣ пустынный бѣгаетъ очень плохо, вѣроятно вслѣдствіе особаго устройства его ногъ, пальцы которыхъ срослись между собою, а подошва подбита бородавчатою кожей, напоминающею пятку верблюда. Послѣ утренней поправки, пустынные всегда летятъ на водонюю, къ какому-нибудь ключу, колодцу или соляному озеру. Здѣсь вся стая предвѣрительно описываетъ нѣсколько круговъ, чтобы удостовѣриться въ безопасности, а затѣмъ опускается къ водѣ и, быстро напившись, улетаетъ прочь. Мѣста водопоевъ аккуратно посѣщаются степными курами, которыя прилетаютъ сюда иногда за нѣсколько десятковъ верстъ, если ближе того нѣтъ воды.

Степная курица величиной съ перенелку. Ноги не оперены, а покрыты грубыми, клочковатыми волосами, наноминными и несть кабарги. Пальцы похожи на лещичины и покрыты чешуйками, твердость конхъ противится самому острому ножу. Мясо имѣетъ довольно пріятный вкусъ дичи, но очень жестко. Весной и лѣтомъ онѣ держатся небольшими стайками, разбившимися на парочки, а осенью собираются въ стаи по нѣскольку сотъ штукъ. Подобно курамъ, онѣ выкапываютъ себѣ небольшія углубленія въ почвѣ и лѣтомъ очень любятъ грѣться на солнцѣ, прижавшись другъ къ другу. Во время своихъ перекочевковъ степныя куры нерѣдко залетаютъ въ разныя мѣста Европы до крайняго ея запада.

На нашемъ рисункѣ изображенъ новоописанный и привезенный г. Пржевальскимъ видъ степной курицы, а именно тибетскій бульдуркъ, чучела коего находится нынѣ въ музеѣ Академіи Наукъ.

Политическое обозрѣніе.

Предстоящее свиданіе Императоровъ Всероссійскаго и Германскаго въ теченіе настоящаго іюля останавливаетъ на себѣ всеобщее вниманіе, вызывая всевозможные толки и догадки въ иностранной печати. Ни одна мелочь снѣжнаго приготовления германской императорской эскадры въ Килѣ не остается не обсужденною. Эскадра эта будетъ состоять изъ флагманскаго судна „Baden“, судовъ: „Bayern“, „Friedrich der Grosse“ и „Kaiser“ и вѣтоваго парохода „Liethen“. Императоръ сядетъ въ Килѣ на императорскую яхту „Hohenzollern“, командиромъ которой назначенъ капитанъ второго ранга принцъ Генрихъ Пруссійскій; командованіе же всюю эскадрой возложено на контръ-адмирала Кнорра. Болѣе подробныя распоряженія, какъ-то о времени отбѣзда изъ Кіля и о днѣ прибытія въ Россію, хранятся пока въ тайнѣ. Равнымъ образомъ еще неизвѣстно, кто будетъ сопровождать императора Германскаго въ его поѣздкѣ въ Россію. За достовѣрное, однако, передаютъ, что въ императорской свитѣ будетъ между прочимъ находиться графъ Гербертъ Висмаркъ съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ. Этому послѣднему обстоятельству многіе придаютъ особенное значеніе и видятъ въ предстоящемъ путешествіи не

простою актъ вѣжливости, являющейся отвѣтомъ на посѣщеніе Государемъ Императоромъ Данцига и Штеттина, какъ на томъ настаиваетъ *Крестовая Газета*. „Впрочемъ, политическое значеніе свиданія Императоровъ, можно думать, преувеличивается многими газетами“, замѣчаетъ *Политическая Корреспонденція*. Въ ней начато по поводу этого событія письмо, присланное, будто-бы, изъ Петербурга, и въ немъ говорится, что свиданіе Русскаго Императора съ Германскимъ не поведетъ къ измѣненію русской политики на Востокѣ. Россія останется неуклонно при своихъ требованіяхъ. Германия хочетъ сохранить себѣ своихъ союзниковъ, а Россія—свободу дѣйствій.

Тѣмъ не менѣе предстоящія событія, надо надѣяться, настолько упорно увѣренность въ сохраненіи общаго мира, что разрѣшеніе болгарскаго и другихъ вопросовъ на Балканскомъ полуостровѣ значительно облегчится и практическія затрудненія къ тому будутъ устранены. Но это свиданіе не должно возбуждать въ Австро-Венгріи никакихъ оцѣнокъ, заявляетъ *Pester Lloyd*, какъ-бы въ отвѣтъ на проявившуюся въ австрійскихъ и мадырскихъ газетахъ нѣкоторую робость по поводу грядущихъ событій. „Болгарскій вопросъ вовсе не составляетъ краеуголь-

паго камня усложнений, вследствие которых политическое положение Европы является таким тягостным. Австро-венгерские интересы в Болгарии вполне совпадают с общеевропейскими интересами. Австро-Венгрия ничего для себя не требует и ничего не может уступить“.

Къ успокоенію австрійцевъ отчасти направлена также и статья брусельской *Nord*. При всемъ желаніи быть спокойною по поводу будущей встрѣчи Императоровъ, австро-венгерская печать не въ состояніи однако скрыть своего опасенія, не произойдетъ-ли отъ этого свиданія неблагоприятныхъ для Австро-Венгрии послѣдствій, и старается замаскировать свой страхъ нелѣпыми обвиненіями въ переворотѣ русской политики, которая якобы ждетъ теперь осуществленія своихъ завоевательныхъ замысловъ относительно Востока уже не отъ союза съ Франціей, а отъ сближенія съ Германіей.

Въ Сербіи предстоятъ странныя и прискорбныя событія. Королева Наталиа, русская по происхожденію, горячо любящая Сербскій народъ, взаимно имъ любимая и не сочувствующая

австрійскому вліянію, онутавшему короля Милана, сдѣлалась предметомъ недостойныхъ обвиненій въ руководствѣ политическимъ заговоромъ въ Сербіи и въ намѣреніи играть политическую роль, несовмѣстимую съ политикою короля. Такія будто-бы дѣйствія вынудили короля Милана въ началѣ удалить королеву Наталию изъ Бѣлграда, а нынѣ требовать развода. Сербская королева, не смотря на чувство оскорбленія, вызванное въ ней несправедливыми требованіями короля, сумѣла остаться твердою и рѣшительно отказалась отъ сдѣланнаго ей предложенія развестись. Этотъ отказъ не остановилъ короля Милана въ его намѣреніяхъ и онъ передалъ дѣло о разводѣ на разрѣшеніе синода, который будто-бы принялъ это предложеніе короля. Что же касается двѣнадцатилѣтняго наследнаго принца Сербскаго, находящагося со своею родителницею въ Висбаденѣ, то онъ, по словамъ органа желѣзнаго канцлера, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, будетъ возвращенъ въ Сербію, вопреки желанію королевы Наталиа, хотя бы на то потребовалось вмѣшательство прусскихъ властей, къ которымъ сербское правительство уже обратилось за содѣйствіемъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Ихъ Им. Выс. Вел. Кн. Михаиломъ Александровичемъ и Вел. Кн. Ксентіею Александровною, 21 іюня, въ 10 часовъ утра, отправились изъ Петергофа въ финляндскія шхеры.

— Въ Варшаву, 19 іюня, прибылъ Е. П. В. Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ съ Супругою и свитою.

Е. П. В. Великій Князь Владиміръ Александровичъ на телеграмму о блистательномъ видѣ, въ которомъ найденъ имъ петербургскій гренадерскій императора Германскаго полкъ, получилъ слѣдующую телеграмму: „Живѣйшимъ образомъ тронутый твоею телеграммой, прошу тебя передать мой горячій привѣтъ полку, мундиръ котораго я ношу столько времени и которымъ я интересуюсь, гордись тѣмъ, что состою его шефомъ. Обнимаю тебя съ искреннею дружбою, Вильгельмъ“. По желанію Его Императорскаго Высочества, телеграмма императора Германскаго сообщена командиру петербургскаго гренадерскаго полка для передачи чинамъ полка.

Дѣла цркви.

— Въ Якобштадтѣ, 10 іюня, совершено торжественное освященіе возобновленнаго Прибалтійскимъ братствомъ Свято-Духовскаго храма. Богослуженіе совершалъ преосвященный Арсеній, епископъ Рижскій и Митавскій. Предѣлатель Братства удостоился получить отъ Государя Императора слѣдующую телеграмму:

„Предѣлатель Прибалтійскаго православнаго братства Галкину-Враскому“.

„Императрица и Я искренно радуемся, что Якобштадтскій православный храмъ возобновленъ и освященъ стараніями и усердіемъ православнаго братства. Радуемся и за православное населеніе, которое снова приобрѣло свою святыню. Сердечно поздравляемъ всѣхъ“.

„АЛЕКСАНДРЪ“

— 13 іюня происходила въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры хиротонія архимандрита Владиміра въ санъ епископа Старорусскаго, викарія Новгородской епархіи.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: Обязать общества всѣхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, какъ

открытыхъ уже, такъ и впредь открываемыхъ для общественнаго пользованія, учреждать для своихъ служащихъ пенсіонныя или сберегательно-вспомогательныя кассы.

— Въ составѣ центрального управленія Государственнаго дворянскаго земельного банка учреждается должность товарища управляющаго банкомъ.

— Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ настоящаго года поступленіе доходовъ въ счетъ росписи опредѣлилось въ 173,726,000 р. противъ 167,227,000 руб. за то-же время въ 1887 г., превысивъ послѣдній на 6,499,000 р. По присоединеніи доходовъ льготнаго срока и въ счетъ будущихъ слѣтъ, всего государственныхъ доходовъ къ 1 апрѣля текущаго года поступило 189,547,000 руб., болѣе соответствующаго поступленія прошлаго года на 2,555,000 рублей.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Съ 1 іюня начался промыселъ рыбы на восточной сторонѣ Мурманскаго берега. Не будучи особенно удачнымъ, по причинѣ сильныхъ вѣтровъ, недостатка наживки „мойвы“ и вследствие появленія звѣря „кожи“, промыселъ все-таки давалъ на шняку (рыболовное судно), за одинъ выѣздъ, отъ 10 до 60 пуд. улова.

— Изъ Рыбинска, 29 іюня, сообщаютъ, что отъ ежедневныхъ проливныхъ дождей вода въ Волгѣ и Шексѣ сильно прибывала и несетъ массы дровъ и лѣса. Хлѣба повалило, луга затоплены какъ весной.

— 25 минувшаго мая, въ слободѣ Воздвиженской, Терской области, выпалъ градъ, величина въ куриное яйцо. Крупныя градины имѣли форму сплюснутыхъ сферондовъ, около 3 дюймовъ въ діаметрѣ, и вѣсили до 30 золотниковъ.

Торговля.

— Настроеніе международной хлѣбной торговли на недѣлѣ 13—19 іюня (ст. ст.) оставалось понижено бездѣльнымъ. Что касается дѣвъ на отчетной недѣлѣ, то онѣ, хотя держались слабо и имѣли наклонность къ пониженію, но существеннымъ измѣненіямъ не подверглись. На русскихъ рынкахъ, помимо общей неохоты къ покупкамъ, препятствіемъ для экспортныхъ сдѣлокъ служило продолжающееся значительное повышеніе курса. Съ рожью слабѣе, по случаю уменьшившагося требованія ея въ Германію. Лучше другихъ продуктовъ удержался овесъ.

— Въ Одессу, 23 іюня, возвратился съ

дальняго Востока первый пароходъ добровольнаго флота „Москва“ съ большою партией первосортнаго чая и 22 частными пассажирами.

Народное просвѣщеніе.

— Въ Томскѣ, дума ассигновала 4,000 руб. на празднованіе дня открытія здѣсь университета и на расходы по приему гостей.

— Скончавшійся недавно профессоръ Харьковскаго университета Лашкевичъ завѣщаль университету и на другія нужды просвѣщенія около 40,000 рублей. Свою медицинскую бібліотеку онъ завѣщаль Томскому университету.

Пути сообщенія.

— По докладѣ Его Величеству телеграммы командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа о состоявшемся открытіи самарканскаго участка Закаспійской желѣзной дороги, Государь Императоръ выразилъ полное удовольствіе по случаю окончанія новаго желѣзно-дорожнаго пути, связывающаго съ Россіей одну изъ отдаленнѣйшихъ ея окраинъ, и Высочайше повелѣлъ соизволилъ объявить командиру войскамъ Турк. воен. округа генералъ-лейтенанту Розенбаху, и неутомимому, энергическому строителю дороги, генералъ-лейтенанту Аленкову— Высочайшую благодарность. Всемъ сотрудникамъ строителя, командиру и офицерамъ чинамъ 2-го Закаспійскаго желѣзнодорожнаго батальона, участвовавшимъ въ сооруженіи сего участка — Монаршее благоволеніе, а нижнимъ чинамъ — Царское спасибо.

Изъ губерній и областей.

— Въ Симбирскѣ, 29 іюня, во второмъ часу дня, начался при сильномъ вѣтрѣ пожаръ съ Дворцовой улицы дома Абуидава. Выгорѣла часть города отъ Дворцовой улицы до Старого Вѣнца. Распространеніе огня прекратилось у садовъ въ 11 часовъ вечера. Подгорная часть Волги уцѣлѣла. Сгорѣло болѣе 200 домовъ. Товары, движимость на всемъ пространствѣ долго еще горѣли. На случай возобновленія пожара, жители всю ночь были наготовѣ выѣхать съ имуществомъ въ поле.

Некрологъ.

— Въ Калугѣ, 22 іюня, скончался ветеранъ отечественной войны, генералъ-майоръ Мирковичъ, 96 лѣтъ отъ роду.

— Въ Симбирскѣ, 26 іюня, въ 8 часовъ утра, скончался жившій на покой въ Покровскомъ монастырѣ архіепископъ Евгений.

С М Ъ С Ъ .

Что при помощи игрушекъ п. т. п. шуточного произведства можно найти состояніе — это фактъ, не подлежащій сомнѣнію; достаточно вспомнить напр. „кри-кри“ и другія подобныя вещи. По словамъ „Виковой нѣмецкой ремесленной газеты“, производство такихъ игрушекъ приняло въ послѣднее время опредѣленное направленіе, какъ это мы можемъ видѣть напр. на выставленныхъ въ людномъ мѣстѣ вагонахъ, — которые приходятъ въ движеніе при бросаніи въ нихъ монеты въ десять пфенинговъ. Въ Берлинѣ также въ настоящее время, въ мѣстахъ легко доступныхъ для публики,

какъ напр. въ мѣстахъ продажи сельтерской воды, билетовъ и т. д. выставлено множество автоматическихъ приборовъ, изъ которыхъ вы, бросивши десять пфенинговъ, можете достать нару сиваръ, осмотрѣвъ ихъ предварительно черезъ стекло; аппаратъ при этомъ остается безъ всякаго дальнѣйшаго присмотра. У дверей кондитерскихъ встрѣчаются нѣредко подобныя же аппараты, надѣляющіе публику шоколадомъ и расчитанные, слѣдовательно, главнымъ образомъ на грошоваго сбереженія дѣтей. Въ Соединенныхъ Штатахъ система эта достигла гораздо большаго совершенства. Тамъ развилась чрез-

вычайно искусная фабрикация прекрасных моделей паровых машин, винтовых пароводов, локомотивов и т. д., которая тоже приводятся въ дѣйствіе посредствомъ бросанія никелевой монеты. Модели эти, сдѣланныя иногда изъ благородныхъ металловъ, золота и серебра, представляютъ поистинѣ художественныя произведенія по тонкости и изяществу работы. Онѣ выставляются въ станціонныхъ залахъ, приемныхъ, въ переднихъ отелей и приносятъ отличный доходъ. Строители этихъ моделей отказываются продавать ихъ; они отдають ихъ содержателямъ гостиницъ и др. на прокатъ, приблизительно за 250 марокъ въ мѣсяцъ. Такая модель приноситъ доходу отъ 20 до 40 марокъ въ день. Кроме того, модель устраивается еще такимъ способомъ, что при бросаніи монеты въ музыкальномъ ящикѣ раздаются національныя мелодіи, въ тактъ которыхъ модель двигается. Строители моделей заботятся о томъ, чтобы всѣ движущіяся части могли быть легко обозрѣваемы, вслѣдствіе чего модели эти крайне поучительны и интересны; благодаря имъ вращающіе всѣмъ міромъ успѣхи прикладной механики становятся общественымъ достояніемъ. До чего доведено подражаніе дѣйствительности, можно видѣть изъ того, между прочимъ, что у модели локомотива,

Странникъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Морвина, грав. Ангереръ.

какъ только она приходитъ въ движеніе, въ переднихъ фонаряхъ загорается электрическій свѣтъ. Упоминутые музыкальныя ящики пока еще получаютъ изъ Швейцаріи, именно на сумму 200,000 марокъ ежегодно, что можетъ дать понятіе какіе обширныя раздѣры уже приняло это дѣло. Такъ какъ производство этихъ оригинальныхъ моделей чрезвычайно выгодно и онѣ распространены уже по всѣмъ Соединеннымъ Штатамъ, отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско, то одна компанія намѣревается ввести ихъ и въ Европу; такимъ образомъ въ скоромъ времени мы будемъ имѣть возможность изумляться у себя дома новѣйшему американскому способу наживанія денегъ. (с).

Скорострѣльные пушки. Послѣ нѣкотораго застоя въ дѣлѣ усовершенствованія скорострѣльнаго оружія, въ послѣднее время снова было сдѣлано много опытовъ надъ скорострѣльными пушками. Хотя пушки - револьверы системы Гатлинга, Гарденера, Норденфельда и Гочкиса, извѣстны уже давно и введены во многихъ арміяхъ и флотахъ, но вслѣдствіе своего малаго калибра, онѣ годятся только противъ живыхъ цѣлей. Дальнѣйшія усилія были направлены на то, чтобы выработать скорострѣльное орудіе большаго калибра, снарядъ котораго могъ бы пробивать обыкновенную броню миноносокъ, да-

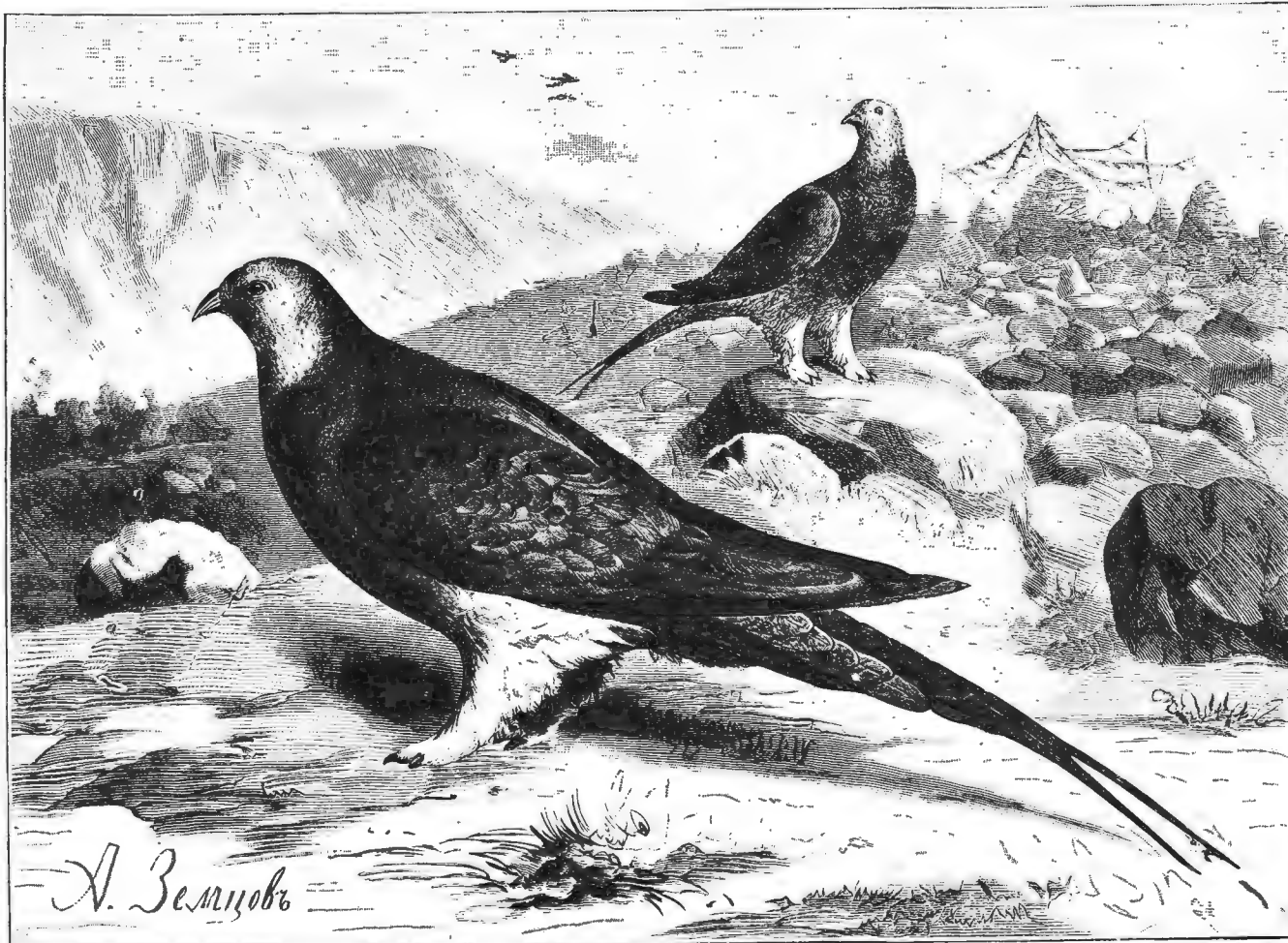
бы защитить военные суда от этих опасных врагов и удерживать их на приличном расстоянии. Делательно выработать такой тип орудия, в котором соединилась бы возможно большая способность пробивать брони с возможно-большою скорострельностью. В этом отношении болѣе широкую известность получило орудіе, изготовленное въ двухъ образцахъ на заводѣ Армстронга въ Эльсвикѣ: 4³/₄-дюймоваго (12 и 18 сантиметровъ). Первое стрѣляетъ снарядомъ въ 40, второе — въ 70 фунтовъ, и въ одну минуту первое дѣлаетъ 12 выстрѣловъ, второе — 10. Начальная скорость въ обѣихъ пушкахъ достигаетъ 1900 футовъ въ секунду. При сравнительныхъ опытахъ въ 47¹/₂ секундъ изъ новаго 4³/₄-дюймоваго орудія было сдѣлано 10 выстрѣловъ, между тѣмъ какъ изъ обыкновеннаго 4-хдюймоваго, заряжающагося съ казенной части орудія для того-же числа выстрѣловъ потребовалось 5 минутъ и 7 секундъ. Результаты опытовъ были во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительны. Оказались весьма интересными и некоторые особенности въ конструкціи орудія. Запирающій механизмъ и запирающій винтъ имѣютъ коническую форму; заряжаніе упрощено, такъ какъ уже не нужно выдвигать винта для того, чтобы повернуть затворъ въ его гнѣздѣ. Впереди орудія помѣщается стальной щитъ, толщиною въ 3 дюйма, для защиты прислуги. Но главное преимущество орудія заключается въ патронѣ, такъ какъ снарядъ и зарядъ помѣщаются вмѣстѣ въ бронзовой гильзѣ, и съ нимъ можно обращаться какъ съ патрономъ пѣхотнаго ружья. Этимъ соединеніемъ и достигается скорость стрѣльбы. Зарядъ воспламеняется по-

Григорій Андреевичъ Лишинъ († 15 июня 1888 г.).
Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

средствомъ электричества, и необходимое для этого приспособленіе дѣйствуетъ только тогда, когда запирающій механизмъ совершенно закрытъ, чѣмъ устраняется возможность преждевременнаго выстрѣла. Слѣдуетъ замѣтить еще, что въ 4³/₄-дюймовомъ орудіи зарядъ вѣситъ 12 фунтовъ, 6¹/₄-дюймовомъ — 30 фунтовъ, а всѣхъ снарядовъ въ первомъ — 40 фунтовъ, во второмъ — 70 фунтовъ. Возможно, что эти скорострѣльныя орудія большаго калибра вытѣснятъ отчасти употреблявшіяся до сихъ поръ, именно въ вооруженіи небольшихъ судовъ и какъ вспомогательныя орудія для броненосцевъ. Въ всякомъ случаѣ они будутъ имѣть значеніе только въ морской артиллеріи. (с.)

Въ бельгійскихъ рабочихъ домахъ и исправительныхъ заведеніяхъ господствуютъ порядки, которые въ наше время кажутся почти невѣроятными. Последнія засѣданія палаты депутатовъ раскрыли ужасающую картину. Число обитателей этихъ домовъ достигаетъ 6,000; изъ нихъ 1,000 дѣтей. Всѣ они не только не отдѣлены другъ отъ друга, но представляютъ пеструю смѣсь изъ рабочихъ оставшихся безъ работы, бродягъ, тунеядцевъ, пьяницъ, больныхъ и помѣшанныхъ. Тутъ-же находится и выжившіе изъ ума проповѣдники въ монашескихъ рясахъ и дѣти. Люди выходящіе изъ этихъ домовъ, развращены физически и нравственно и становятся большою частью преступниками. Министръ юстиціи обѣщавъ, наконецъ, ввести нѣкоторыя улучшенія, а именно, раздѣлить обитателей этихъ учрежденій на четыре класса: рабочихъ не имѣющихъ работы; бродягъ и иницъ; стариковъ и больныхъ, и наконецъ — дѣтей, и отвести

А. Земцовъ

Бульдурумъ тибетскій (*Syrrhaptes tibetanus*).

Изъ коллекціи Н. М. Пржевальскаго, ор. рис. (собственность „Нивы“) А. Земцова, грав. Ю. Шюблеръ.

каждому изъ этихъ классовъ особое помѣщеніе. Въ домахъ для умалишенныхъ въ Бельгіи также еще употребляются кандалы и цѣпи. (С.)

Злоупотребленіе пенсіями, вызывающее ужасающую трату государственной казны, составляетъ, какъ извѣстно, всѣми признанную язву Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Сообщенія объ этомъ злѣ, сдѣланныя правительственнымъ чиновникомъ Блэкомъ, заслуживаютъ полнаго вниманія, такъ какъ представляютъ новыя доказательства того, что пенсіонная расточительность въ Штатахъ достигла невѣроятныхъ размѣровъ. По докладу пенсіоннаго комиссара, оказывается, что въ теченіе фискальнаго года, окончившагося 30 іюня 1887 г., въ огромному числу уже имѣвшихъ пенсіонеровъ Uncle Sam'a (Uncle Sam шутовое прозвище United States), прибавилось еще 55,194 чел., и въ то же время имена 2707 лицъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ исключенныя изъ пенсіонныхъ списковъ, были вновь внесены въ нихъ. Это неслыханныя цифры, такъ какъ ни въ одномъ году, не исключая и непосредственно слѣдовавшаго за окончаніемъ междоусобной войны, не насчитывалось столько людей имѣющихъ право на получение пенсій. Въ настоящее время число лицъ пользующихся пенсіей изъ Союзнаго казначейства достигаетъ 406,000, между тѣмъ какъ десять лѣтъ тому назадъ, въ 1877 г., пенсій получали 332,104 человекъ. Въмѣсто того чтобы уменьшаться, согласно естественному ходу вещей, число это съ 1878 постоянно увеличивалось, такъ что теперь, почти четверть вѣка спустя послѣ междоусобной войны—оно достигло огромной цифры, свыше 400,000. Если это приумноженіе правительственныхъ пенсіонеровъ продлится въ подобной же прогрессіи еще нѣсколько лѣтъ, то количество ихъ превзойдетъ полмилліона. Разсмотримъ теперь во чтѣ обходился и обходится Дядѣ Саму его пенсіонеры. Въ 1874 году было уплачено на пенсіи только 30.593,749 долларовъ. Эта сумма ежегодно уменьшалась, приблизительно на одинъ милліонъ, пока не достигла въ 1878 г. наименьшей величины—26.844,415 долларовъ. Затѣмъ сумма, расходуемая на пенсіонеровъ, стала вновь изъ-года-въ-годъ увеличиваться, дойдя въ послѣдній фискальный годъ до колоссальной цифры въ 73.467,581 долларова. Сообразно постоянно возрастающему числу лицъ имѣющихъ право на пенсію, увеличивается конечно и разрѣшаемая конгрессомъ сумма, такъ напр. на текущій фискальный годъ назначено для этой цѣли 78.700,000 долларова, а на слѣдующій, пенсіонній комиссаръ требуетъ уже 79.000,000 дол.! Такимъ образомъ, сумма пенсій уплачиваемая Союзнымъ правительствомъ, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ увеличилась втрое, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что она долго еще будетъ увеличиваться. Въ настоящее время одинъ лишь участникъ войны 1812 г., послѣ которой прошло уже 75 лѣтъ, или ихъ родственники, составляютъ 12,900 пенсіонеровъ, а въ прошломъ году была разрѣшена пенсія двумъ женщинамъ, заявившимъ претензіи въ качествѣ вдовъ солдатъ, сражавшихся 104 года тому назадъ, во время революціонной войны; можно поэтому ожидать, что и въ слѣдующемъ столѣтіи будутъ постоянно нарастать претензіи

лицъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ послѣдней войнѣ, особенно если конгрессъ, состоящій болѣею частью изъ демокатовъ, самаго низшаго разбора, найдетъ нужнымъ выдавать пенсіи каждому завербованному во время войны, хотя бы онъ никогда не былъ на полѣ битвы. (С.)

Профессоръ Яковъ Гриммъ, занимаясь однажды въ своей рабочей комнатѣ, услышалъ осторожный стукъ въ дверь. Въ комнату вошла маленькая дѣвочка. „Ты господинъ Гриммъ?“ спросила она, сдѣлавъ ему книксенъ по всѣмъ правиламъ искусства. — „Да“, былъ отвѣтъ, „меня зовутъ Гриммъ“. — „Ты тотъ самый г-нъ Гриммъ, который написалъ такія хорошія сказки?“ — „Да“, отвѣчалъ профессоръ, улыбаясь, „я написалъ ихъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ Вильгельмомъ“. — „Значитъ и сказку объ умномъ маленькомъ портовомъ ты написалъ?“ продолжала дѣвочка. — „Ученый отвѣчалъ утвердительно. — „Такъ значитъ и должна тебѣ талеръ“, сказала дѣвочка, — „потому что въ концѣ сказки подписано, кто этому не повѣритъ, платитъ талеръ! А я этой исторіи не вѣрю. Сегодня я могу тебѣ дать только четыре грѣша, больше у меня нѣтъ въ копилкѣ, но я скоро принесу еще“. — Гриммъ смѣялся отъ души, взявъ у дѣвочки четыре грѣша и отпустилъ ее домой. Но тотчасъ-же отослалъ взятые деньги съ лакеемъ матери дѣвочки, съ прибавкой талера для копяки, такъ какъ такого дѣтскаго простодушія ему еще не приходилось встрѣчать. (С.)

Въ 300-лѣтнему юбилею картофеля. Въ началѣ 1588 года знаменитый ботаникъ Карль Клузіусъ, завѣдывавшій императорскими садами въ Вѣнѣ, получилъ отъ Филиппа де-Сиври, владѣльца Вальгайна и бургомистра города Монса, въ Генегау, два картофельные клубня и одну картофелину. Сиври получилъ картофель изъ Италіи и потому назвалъ ихъ итальянскимъ словомъ *Taratruffii*, что равнозначаще трюфелямъ; отсюда произошло названіе „картофель“. Клузіусъ занялся разведеніемъ этого растенія и первый сдѣлалъ научное описаніе его. Въ 1601 году, когда появилось его сочиненіе: „*Kariorum plantarum historia*“, картофель былъ уже „обыкновеннымъ явленіемъ въ болѣею части садовъ Германіи, благодаря его замѣчательной плодовитости“. Въ концѣ своего труда Клузіусъ задается вопросомъ, былъ-ли картофель извѣстенъ въ древности и находить у Теофраста растеніе „Арахнида“, которое онъ пытается отождествить съ картофелемъ. Намъ кажется странною подобная попытка; но не слѣдуетъ забывать, что Клузіусъ не зналъ объ американскомъ происхожденіи картофеля, тоно также какъ тогда еще не былъ рѣшенъ вопросъ, оставалась-ли Америка для древнихъ дѣйствительно terra incognita. Ботаники того времени считали своихъ греческихъ и римскихъ собратьевъ, въ особенности Теофраста и Dioscorida, такими высокими авторитетами, знавшими и описавшими въ своихъ сочиненіяхъ *все* существующія растенія, что одною изъ главныхъ цѣлей тогдашней науки было отождествить каждое найденное растеніе съ описанными раньше у Теофраста и Dioscorida. (С.)

1-й азамъ 1864 года.

47-й тиражъ 1-го іюля 1888 года.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

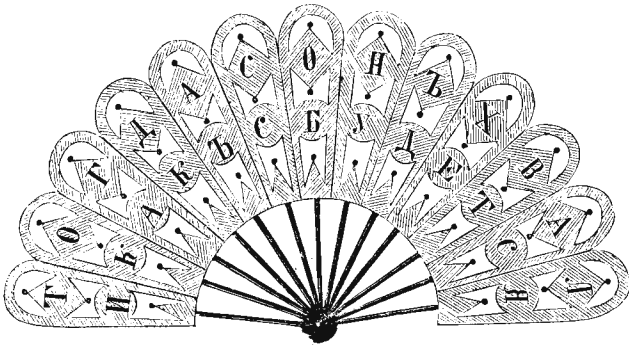
№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
38	4	5000	2761	24	500	5249	23	500	7571	29	500	10723	49	500	13017	18	500
69	39	500	2801	41	8000	5277	19	500	7608	13	500	10813	46	500	13065	32	500
182	48	500	2817	46	500	5344	43	500	7712	16	5000	10932	33	500	13143	37	1000
236	26	500	2943	34	500	5360	30	500	7751	42	500	10952	31	500	13282	36	8000
372	47	500	2987	1	500	5432	23	10000	7830	32	1000	10993	37	500	13339	20	500
413	3	500	3041	15	500	5450	10	500	7892	34	500	10994	43	500	13340	16	1600
423	41	500	3182	37	1000	5474	5	500	8109	38	1000	11119	27	500	13393	45	500
592	29	500	3190	7	500	5563	9	500	8162	20	500	11144	46	500	13428	3	500
732	11	2500	3385	30	500	5586	40	500	8288	28	500	11223	32	1000	13436	39	500
759	6	500	3412	24	500	5656	28	500	8306	17	500	11237	1	500	13444	17	500
799	32	500	3464	36	500	5661	37	500	8501	4	500	11327	45	500	13468	15	75000
916	26	500	3591	12	500	5696	20	500	8504	47	500	11373	6	500	13517	16	500
958	26	500	3665	30	500	5886	18	500	8545	47	500	11383	42	500	13577	16	500
972	12	500	3713	26	500	5891	15	500	8621	36	500	11402	17	500	13588	37	500
1045	10	500	3722	37	500	6079	39	500	8643	16	500	11538	24	1000	13595	47	500
1278	17	500	3732	6	500	6138	2	500	8707	42	1000	11560	39	500	13649	34	500
1284	28	500	3746	33	500	6215	24	500	8861	12	500	11674	37	1000	13688	6	500
1286	12	1000	3804	9	500	6258	21	500	8833	24	500	11714	10	500	14032	8	500
1320	40	500	3864	3	500	6293	13	500	9068	46	500	11725	42	500	14194	37	40000
1494	24	500	4126	2	500	6696	47	500	9192	50	500	11841	2	8000	14197	48	500
1536	28	500	4214	48	1000	6782	7	500	9234	12	500	11853	33	500	14217	36	500
1610	30	500	4238	20	500	6844	44	500	9335	1	500	11890	44	500	14219	20	500
1718	23	500	4309	29	500	6897	1	500	9339	16	500	11914	8	500	14290	47	500
1720	33	500	4350	43	500	6904	14	500	9376	49	500	11929	37	500	14386	17	500
1816	19	500	4396	23	500	6919	20	500	9517	12	500	12000	24	500	14412	18	500
1885	3	500	4414	44	500	6992	23	5000	9585	10	500	12022	1	500	14511	45	500
1904	6	500	4483	30	500	7007	26	500	9960	18	500	12040	29	10000	14590	40	500
1941	29	500	4689	12	500	7079	47	200000	9967	49	1000	12064	33	500	14634	23	1000
1955	36	500	4704	48	500	7094	45	500	9980	38	500	12231	9	500	14758	29	500
1975	7	500	4735	37	1000	7122	25	500	10139	3	500	12296	13	500	14800	49	500
2109	33	500	4742	36	500	7273	35	500	10163	3	500	12348	27	500	15018	24	500
2162	15	5000	4746	17	500	7328	43	500	10200	19	500	12587	11	500	15085	16	1000
2165	28	500	4791	15	500	7387	1	500	10209	48	500	12639	2	5000	15097	48	8000
2323	38	500	4865	46	1000	7439	21	500	10424	28	500	12643	35	500	15262	5	500
2381	48	500	4963	12	500	7482	41	500	10447	6	500	12754	30	500	15263	37	500
2503	5	500	5046	1	500	7487	44	500	10531	12	500	12802	37	500	15353	34	500
2586	17	500	5200	11	500	7529	19	500	10630	10	500	12835	16	500	15470	49	5000
2715	31	10000	5246	39	500	7543	13	500	10643	3	500						

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

54, 111, 227, 457, 742, 1198, 1811, 2233, 2474, 2605, 2789, 3469, 3622, 3668, 3716, 4800, 4817, 4948, 4971, 5645, 6270, 6379, 6385, 6409, 7159, 7527, 7575, 7620, 7683, 7700, 7913, 8047, 8339, 8424, 8800, 9036, 9606, 9998, 10034, 10428, 10537, 11475, 11564, 11844, 12004, 12078, 12305, 12365, 12705, 12747, 12902, 12960, 13032, 13062, 13215, 13274, 13287, 13362, 13464, 13578, 13739, 13902, 14167, 14188, 14233, 14269, 14338, 14519, 14614, 14724, 14960, 14963, 15014, 15448, 15939, 16366, 16405, 16425, 16660, 16847, 17002, 17111, 17385, 17546, 17964, 17993, 18920, 18931, 19074, 19187.

Рѣшеніе задачи „Вѣрть“ № 39 (помѣщенной въ № 23).

„Тогда сонъ хвали какъ сбудется“.

Рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.— П. Башилова, А. В. Мопслова, Т. Шарикова, Р. Кербакъ, Ф. Михель, Н. В. Панова, Э. Мартинюскаго, Москва — А. Беликовича, Н. И. Романова, А. П. Демидовича, Л. Ю. Кохновой,

Н. Кудрина, Б. Коровино—В. К. Терскаго, Бологое—Е. М. Карокина, Бобруйск—Е. Мольской, Бѣлгородъ — Ф. З. Мазуръ, Божедаровка—А. Ф. Попова, Вятка — К. Р. Шляхтина, Діевна—М. В. Дядковскаго, Динабургъ—Е. Арбутовой, Кіевъ — Н. Грозавецкаго, Н. Алексинъ, Кѣльцы — П. Д. Гудинскаго, Кронштадтъ — А. Тонъ, Кукарна — Н. П. Стржева, К. Подольскъ — К. Бѣльчанскаго, Клинцы — А. Е. Дрозина, Лукояно — Е. Н. Волковой, Льговъ — М. М. Куекова, Новоураинна — М. Сербина, Овсянники — М. А. Ш...ой, Пустозытово — Нещинскаго, Петрозаводскъ — Е. Панафидиной, Ртищ-во — А. Д. Никифоровой, Рославль — Ф. К. Александрова, Раменское — В. С. Ситникова, Рыбинскъ — Д. Т. Соснина, Ростовъ на Д. — А. И. Михайлова, Рязань — П. Постникова, Сѣдецъ — Е. Стронцковской, Старица — О. К. Сизолова, Сердобскъ — С. Ааронскаго, Судогда — В. И. Толубева, Тамбовъ — Н. Ананьева, Тверь — Тамбурова, Троица — Н. Соловьева, Шацкъ — А. А. Тюмеева, Яранскъ — А. Калининной.

Рѣшеніе ребуса № 40 (помѣщенного въ № 23). „Хмѣль головой высокъ, да ногами жидокъ“.

СОДЕРЖАНІЕ: Вѣчу не быть. Старинная новѣсть Д. В. Аверьева. (Продолженіе).— 900-лѣтіе крещенія Руси. П. Полевога.— Къ рисункамъ Кіевскихъ мѣстностей въ память 900-лѣтія крещенія Руси: Златая Врата (съ рис.).— Кіево-Печерская Лавра (съ рис.).— Андреевскій спускъ и церковь Андрея Первозаннаго (съ рис.).— Вознесенскій Флоровскій женскій монастырь и Щеговца (съ рис.).— Къ прочимъ рисункамъ: Стр. ничъ (съ рис.).— Г. А. Лишинъ (съ портр.)— Тибетскія степная куры (Syrrhaptes tibetanus) (съ рис.).— Политическое обозрѣніе.— Разныя извѣстія.— Слѣсь.— Тиражъ выигранный въ Государственномъ Банкѣ.— Рѣшенія задачъ.— Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

СПБ. ЧАСТНОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

Состоящее подъ АВГУСТЪЙШИМЪ покровительствомъ

Е. И. В. Государя Великаго Князя СЕРГѢЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

Основ. 1872 г. Невскій, 79, противъ Знаменія.

Пріемъ прошеній по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, отъ 12—3 час. Вступит. экзамены съ 15 августа.

М. № 3272

Директоръ П. Богдансъ.

ПОКРОВСКАЯ ОБЩИНА СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ

сімь объявляетъ лицамъ, желающимъ помѣстить своихъ дочерей, родственницъ или опекаемыхъ ими въ число пансіонерокъ Покровской женской гимназій (Министерства Народнаго Просвѣщенія) съ 8 педагогическимъ классомъ, что плата за полную пансіонерку 220 р. въ годъ и 30 р. одновременно на экзипировку, плата за обученіе музыкѣ отдѣльно по 50 р. въ годъ. Французскій языкъ обязателенъ для всѣхъ учащихся. Преподаваніе Латинскаго языка входитъ въ программу бесплатно. Приходящія платятъ 60 р. въ годъ.

Дочери священно- и церковно-служителей пользуются обученіемъ музыкѣ бесплатно. Прошенія принимаются въ Канцеляріи Государяни Великой Княгини Александры Петровны (наб. Остр., 4-я линія, д. № 21) ежедневно кромѣ праздниковъ. № 3273

ЗАПКАНІЕ

вылечивается въ заведеніи РОBERTA ЭРНСТА въ Берлинѣ. W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутъ также по-русски; проспектъ высылается Р. № 2691 бесплатно. 26—26

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

для губернантовъ рекомендуетъ наставницъ и губернантокъ русскихъ, французскихъ, немецкихъ и англійскихъ. За справками проситъ обращаться отъ 1 часа до 4-хъ часовъ пополудни, въ Торговую, домъ 15, кв. 58. № 3197 15—4 Комитетъ.

ПИСУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Писеть въ три раза быстрее пера. Прочной и простой конструціи. Каталогъ безпл. Многочисленные отзывы отъ жезвн. дор., присутств. м., адвокатовъ и пр. Москва, Кузнецкій м., д. Ж. БЛОКЪ, Голыцина. СПб., В. Морская, 21. Р. № 3222 3—3

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Маршанта. Пер. съ фрѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА РАМАСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ еженедѣльное издание. Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

Новымъ подписчикамъ высылаются всѣ вышедшіе №№ со всѣми приложениями.

♦ Совѣты, рецепты и указанія, понятная описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и некрпимымъ техническимъ производствомъ со множествомъ рисунковъ и рабочихъ чертежей (въ текствѣ и на 100 особиль листовъ) различъ новыя изобрѣтѣнія, инструментарій, станковъ, машинъ и всякъсь полезныя приспособленія для мастерскихъ и хозяйствъ. ♦ Необходимое изданіе для техника, ремесленника, кузнеца, сельскаго хозяина, любителя ремесла и для школы. № 3 69

♦ КРАЙНЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ ♦ 5 руб. въ годъ съ перес. и доставкой.

РЕМ. ГАЗ. одобрена Учен. Ком. Мин. Нар. Провъ

Изданіе А. Ф. МАРКСА, СПБ. Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу: АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ. БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ, составл. по дню юбилея его полувѣковой литературно-поэтической дѣятельности. 30 апрѣля 1888 г., М. Л. ЗЛАТКОВСКИМЪ. (Съ портретомъ юбиляра гравированнымъ на стали). Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 30 к. Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“; а также можно получить у всѣхъ книгопродъ въ вѣв.

Изданіе А. Ф. МАРКСА. ШЕСТЬ КОМЕДІЙ П. П. ГНѢДИЧА. ДЛЯ ТЕАТРА, ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ И ДОМАШНИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ. 1) Горячія письма. Ком. въ 1 дѣйств. 4) На южномъ берегу Крыма. Комед. въ 2 дѣйств. 2) На хуторѣ. Ком. въ 3 дѣйств. 5) Въ цвѣтахъ. Ком. въ 3 дѣйств. 3) Женя. Ком. въ 1 дѣйств. 6) Старая сказка. Ком. въ 4 дѣйств. Большой томъ, въ 8-ю долю листа, заключающій въ себѣ 390 стр., напечатанный на хорошей веленевой бумагѣ и украшенный вышетами. Цѣна этому изданию 2 р., съ пересылкою 2 р. 30 к. Съ требованіями обращаться въ Редакцію журнала „Нива“, Невскій, № 6.

ЭЛЕОПАТЬ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопать Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопать Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона.—пров. Кинуненъ. (27) № 2946

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДЕЛОКЪ.

САВОИ САПОНЪ ПРОСЛАВЛЕНА МОСКОМЪ ЛИМОНОВЫМЪ АРОМАТОМЪ ВЪ СЕВЕРѢ И ВЪ ЮГѢ.

БРОКАРЬ И № 1

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДЕЛОКЪ.

М. № 3225 5—2

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул. д. 26. Имѣеть большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Склады готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ до самой изысканной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Склады и пріемъ частныхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большою и Малою Морскою. № 32 8 (5)

НОВЫЯ ЛѢТНІЯ ИГРЫ

издана

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МАСТЕРСКОЙ учебныхъ пособій и игръ.

♦ ДВѢНАДЦАТЬ МЕДАЛЕЙ ♦ на выставкахъ.

ОСНОВАНА ВЪ 1873 г.

Палада, забава для одного. Ц. 50 к. безъ пер. Арнн, общественная игра. Ц. 5 р. (унак. 60 к., перес. 27 ф.)

Воздушное бильбоне, играющихъ отъ 2—30 человекъ, на воздухѣ и въ комнатахъ. Ц. 5 р. 75 к. (унак. 60 к., перес. 23 ф.)

Квоитетъ, обществ. игра на воздухѣ. Ц. 7 р. (уп. 60 к., перес. 19 ф.)

Перелетъ, совершенно оригинальная игра съ новымъ приемомъ. Ц. 7 р. 50 к. (унак. 60 к., перес. 25 ф.)

Универсальный счетчикъ для всѣхъ игръ, для 4-хъ партій. Ц. 2 р. (унак. 30 к., перес. 12 ф.)

Балиста, приборъ для бросанія мячика вверхъ. Ц. 2 р. (унак. 35 к., перес. 10 ф.)

Змѣй съ механическимъ посланникомъ, выбрасывающимъ парашюты и бумажный фюзерверъ. Ц. 3 р. и 3 р. 50 к. (унак. 70 к., перес. 18 ф.)

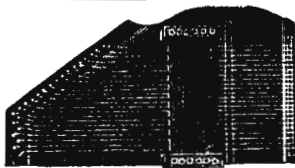
Змѣй большіе коленировые съ рисунками по заказу: Иванъ царевич на сѣромъ волкѣ, Кузнецъ Вакула на чортѣ, Коверка-самолетъ, Вѣдьма на ягѣхъ и проч. по выбору въ альбомѣ рисунковъ Мастерской. Ястреба бумажные и шелковые.

Лѣтнія игры: Бацъ! Ц. 5 р. (унак. 50 к., перес. 25 ф.). Крокеты отъ 4 р. до 22 р. и дорожк. Негли.—Серсо.—Воланы.—Лонъ.—Тенисъ.—Тонно.—Судьба.—Садовые инструменты, прочные.—Тачки.—Песочные приборы.—Мачи.—Ходули.—Гимнастика.—Качели.—Гигантскіе шаги.—Хамани.—Воздушные шары и фигуры.—Фонаря для иллюминаціи. Приборы для собиранія колецъ цѣхъ растений и наськомыхъ.

Большинство игръ снабжено подробными объясненіями съ рисунками. Игры заготовляются въ ограниченномъ количествѣ, но всегда могутъ быть приготовлены на заказъ; заказы просить давать заблаговременно. № 3267

Справочный каталогъ высылается за почтовую марки на 10 коп.

Троицкая ул., 11.

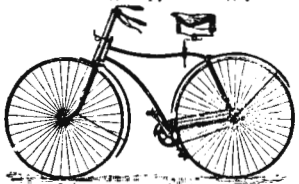
Ц. № 3078 (10)

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. произвед., по удешевл. цѣнамъ въ 3 1/2, 4, 5 и 8 руб. со школой и ног., на которыхъ самоучной въ тем. 1 часъ вполне можно выучиться играть, прод. въ музыкальн. инструментальной торговлѣ Г. Ф. МИОЛЕРЪ. Москва, Петровка, д. Волкова.

За перес. по почтѣ прилаг. за мал. за 10 ф., за больш. за 15 ф. Полный прейсъ-куррантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно.

Безопасные велосипеды специально для русскихъ дорогъ.

„Безопасн. вел. Свифтъ“

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейсъ-курранты бесплатно, также брошюра виконта Барри: „О велосипедѣ и велосипедистахъ“.

Москва, Кузнецкій м., д. Голыцина. СПб., В. Морская, 21. Р. № 3223 4—4

ТРУБЫ

газовыя, дымогарныя, топочныя, бурильныя и пр. всегда на лицо у

АЛЬБЕРТА ГАНЪ

Москва, Мясницкая ул., домъ Ц. № 3238 Ананова. 5—2

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Издание А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Цѣна въ изящной литографир. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 60 к.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили: въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена крайне умеренная, 1 р. 25 к., а съ пересылкой 1 р. 60 к.

Требованія просить адресоваты въ С.-Пб.—гь, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

страховомъ обществѣ „РОССІЯ“

на выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ Общества.

СТРАХОВАНІЯ:

- Капиталовъ для вдовъ и сиротъ,
- Вдовьихъ пенсій,
- Капиталовъ на старость,
- Пенсій на старость,
- Приданого для дѣвушенъ,
- Стипендій для мальчиковъ,
- Помощенныхъ доходовъ.

Въ 1 Января 1888 года въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 16,681 лицо на капиталъ въ 49,061,640 руб. Въ 1888 г. дивидендъ страхователей составляетъ 12%.

Ближайшія подробности въ брошюрахъ Страхового Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, бесплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентами Общества въ городахъ Имперіи. № 3227 6—4

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполнитъ со всею аккуратностью за умеренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свидѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи. № 3206 14—7

НАСОСЫ

ДЛЯ ВСЯКИХЪ ЦѢЛЕЙ,

ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ,

садовые трубы,

ГАЗОНОКОСИЛКИ

по 23 р., 27 р., 31 р. и 35 р.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ

и ОРУДІЯ

въ большомъ выборѣ предлагаетъ со склада

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 1-я линія, домъ № 10, Москва, Мясницкая, домъ Виноградова. № 3258 4—2

КЛИШЕ
Гравированіе въ деревѣ (клише) для иллюстр. изданій, Прейсъ-курранты, Объясненія и пр. КОПИОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ **КАРЛЪ РИХТЕРЪ** Троицкая улица, д. № 27а. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ЛЕНИНГЪСЪ и ГИЗНИНЪСЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

№ 4711

ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА

получили извѣстность, благодаря своимъ качествамъ; значительное содержаніе глицерина, большая экономія, обиліе пѣны и тонкій ароматъ составляютъ отличительныя ихъ свойства (спеціально рекомендую: № 4711 Роза — Хрустальное мыло, № 4711 Ландышъ — Хрустальное мыло, № 4711 Резеда — Хрустальное мыло, № 4711 О-де-нолонъ — Хрустальное мыло, № 4711 Монополь — Глицериновое мыло.

Подѣлія № 4711 продаются во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3268 2—1

ГЛАВНОЕ ДѢЛО

у **АЛЕКС. ТИСЪ и К°.** Пушкинская, № 4.

! НОВОСТЬ !

Усовершенствованная англійская карманная двухципочная швейная машина

МОЛЬДАКОТЬ

съ колесомъ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ. ПРЕИМУЩЕСТВА: легкий ходъ, небольшой объемъ, изящный видъ и дешевизна. Наставленія прилагаются. Цѣна безъ футл. 10 руб., въ орѣхов. футл. 11 р. 25 к.; перес. 75 к.; на Кавказъ и въ Сибирь за 3 фунт. № 3271

Главный складъ въ питебужномъ магазинѣ „ПОЛИГРАФЪ“, Москва, Моросейка д. Комитета.—Въ Нижегород. ярмар., Бразильскій Пассажъ, № 58.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 67, собств. домъ, высокое прежнее помѣщеніе. Покупаетъ всѣ % бумаги. Ссуды подъ всѣ % бумаги. Страхование вингринныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3250 5—2 Также нужны зрѣныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ. Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ХІХ г.

№ 29

г. ХІХ

1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИНСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 16 іюля 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №.6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

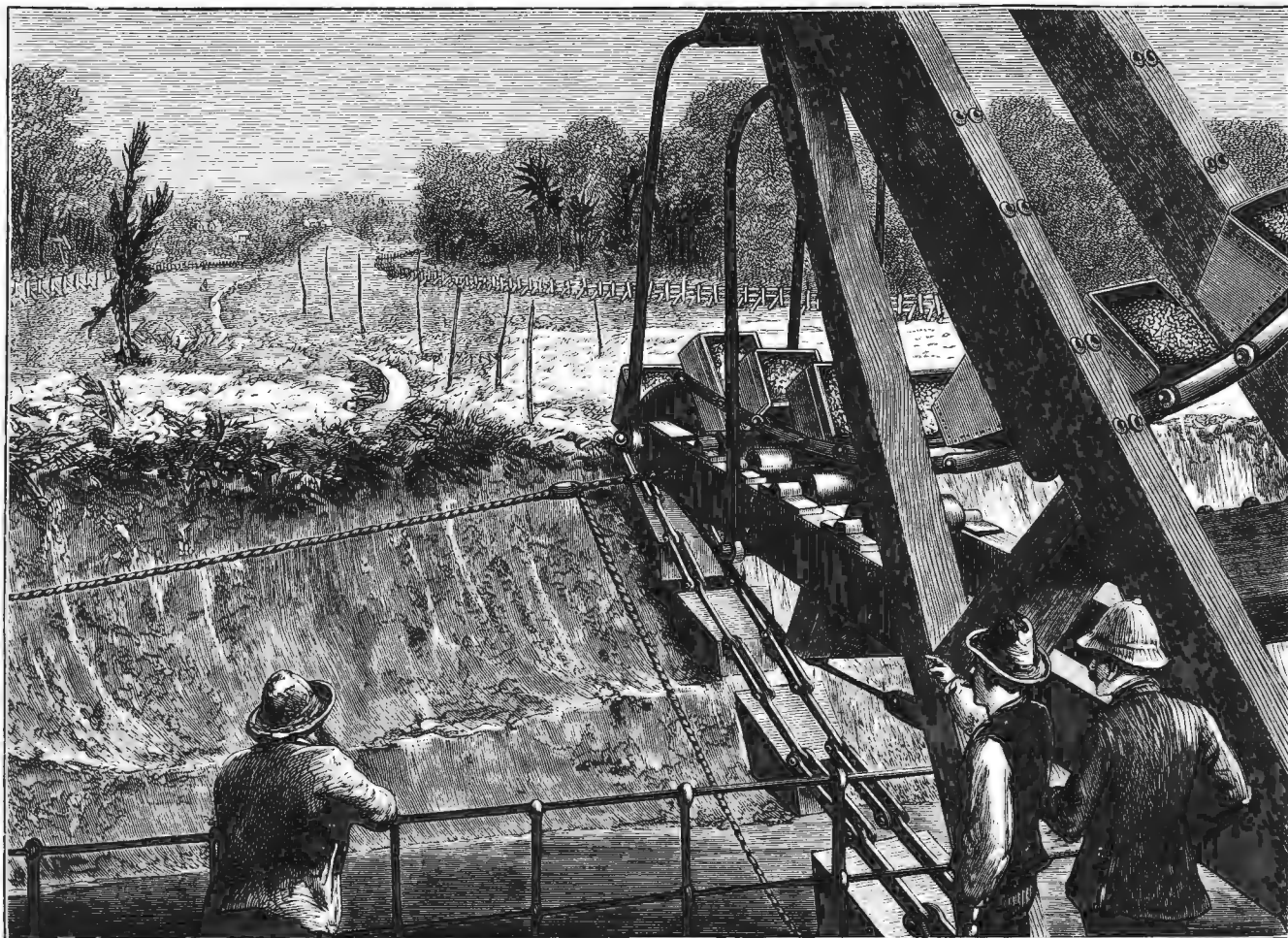
ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шпр.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ . . . . . **4 р.**
Съ доставкою въ Петер-
бургъ . . . . . **5 р. 50 к.**
Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской. Петровск. Торг. линіи. **5 р.**

Съ пересылкой въ Москву и другіе
города Россіи . . . . . **6*** р.
За границу, съ перес. . . . . **8 р.**
*) Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ,
а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи
на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать
на укупорку и пересылку ея **60 коп.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Прорытіе Панамскаго перешейка. Цѣпная землечерпальная машина на пароходѣ. Съ наброска Мельтоль Прайора въ Ill. L. N., грав. М. Рашевскій.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

(Продолженіе).

XI.

Арбузьевскій походъ.

Буянь, какъ обѣщаль своему госнодарю, такъ и съѣдалъ: приказаль Пашку прогуляться въ новокупленную пѣтовую волость, къ Порхову, пригороду повгородскому. Съѣздивъ Пашку не про что, только деньги истратилъ. А какъ пріѣхаль, стали надъ нимъ улчана поемѣиваться; которые поумиѣе, тѣ его уговаривали чтобъ онъ о Маврушенькѣ и думать забываетъ.

— Кабы она неволей за Арбузьевымъ, или за инымъ кѣмъ жила, толковали, — а улчила бѣ, ужъ вѣрь, времичко, прислала бы о себѣ вѣсточку. А зпять вольнѣй волей она своего родителя-матушку покинула, а и тебя еще, жениха богоданнаго. А о такой-то была еще нужда жалѣть.

Пашкѣ и самъ сегодня такъ думаль, а на завтра иначе. То онъ склонялся къ мысли, что ему и думать о Маврушенькѣ пора перестать; то ему снова приходило въ голову, что если Маврушенька въ конецъ сгубится, на его душѣ грѣхъ будетъ. Въ этой второй мысли Пашкѣ сердцемъ укрѣплялся, и помолясь, рѣшилъ: попытать ему еще разъ сходить ко честной вдовѣ посадничей за совѣтомъ да за помощью.

Услыхавъ о порховской прогулкѣ, посадница убѣдилась, что не кто иной, а Василей Селифонтьевичъ Маврушеньку скралъ, и теперь со злости надъ Пашкомъ негожія шутки пошучиваетъ. И вспомнилося ей что за это время Арбузьевъ не разъ къ ней заѣзжалъ, а всякій-то разъ освѣдомлялся про Пашка: не клалъ ли онъ на него новой жалобы передъ тетушкой крестовенькой. А слыша что Пашкѣ и вовсе не бываль, Арбузьевъ только посмѣивался въ черную что смоль бороду.

Отпуская Пашкѣ, Марѳа еще разъ пообѣщала ему что такъ она этого дѣла не оставитъ, и насколько ея силы хватить, постарается выручить Маврушеньку изъ бѣды. Отпустивъ парня, посадница стала думать, чѣмъ бы этому горю помочь. И тутъ ей вспомнилося, что давно еще Василей-внучекъ говорилъ ей, что былъ онъ какъ-то у Арбузева на погулянкѣ, и тотъ, подвыпивъ, расхвастался что никого-то не боится въ Новгородѣ, кромѣ Луки Аввакумовича, да и того не столько боится, сколько ума его слушается. Посадница за Лукой послала. Лука отъ хлопотъ не отказался.

Поѣхавъ отъ посадницы, Лука раздумался о Пашкѣ и ему захотѣлось поглядѣть его. „А ладень-парене-тъ“, Лука приговариваль, вспоминая что про него говорила посадница. „Этакой на рѣдкость вѣдь. Ну, а Маврушенька какова? Еще стоитъ ли овчинка выдѣлки? Може изъ такихъ вотъ какъ въ пѣснѣ играютъ:

Я по правдѣ-то скажу—одного тебя люблю,

И по истинной скажу—семерыхъ съ тобой люблю.

„А и то молвить“, добавилъ Лука про себя, „что не моя о томъ, а Паникова забота“, и порѣшилъ сейчасъ-же, не отлагая дѣла въ долгій ящикъ, поѣхать къ Арбузьеву.

Приворотникъ, какъ завидѣлъ Луку Аввакумовича, настезь ему ворота отворяль, а какъ Лука къ крыльцу подѣхаль, къ его стремени подбѣжалъ Буянь.

— Дома, зпять, чадушко, Лука сказалъ.

— Въ походѣ буде, Лука Аввакумовичъ: третій день какъ пошелъ.

— Въ волость, что-ль, пригородную?

— Ни, тута въ садъ къ себѣ: ты погляди-ко-съ каковъ у насъ походъ устроенъ хорошій, ухмыляясь доложилъ Буянь.

— Это что онѣ за выдумки? сказалъ Лука и прошелъ въ садъ.

Арбузьевскій садъ былъ славець на весь Повгородъ: сколько онъ обширенъ былъ, можно по тому судить, что однихъ колодезей было въ немъ семь, или восемь ковано. На лужку, обсаженномъ вокругъ яблонами, былъ раскинутъ не малый шатеръ. Въ шатеръ и столъ, и лавки были натащены, а трава цыновками и войлоками устлана. Подходя, Лука Аввакумовичъ услышалъ громкій говоръ и серебряный кубковъ звонъ.

— Такъ ты его и припечаталь! густо что шмель бунчалъ Юрьевъ голосъ, Ренехова.

— А говорю-же что припечаталь! Арбузьевъ настоячиво кричалъ.

— Кого ты припечатываль-то? Лука, подойдя, спросилъ.

— А ключнику монастырскую бороду къ столу припечатываль.

— Ну? взмогнулъ что копь головой, спросилъ Лука.

— А, вишь ты, понализался онъ за столомъ у меня сидючи, ключникъ-тъ, а головой на столъ легъ, а бороду, ровпо убръсъ¹⁾, шіроко по столу разстелилъ. А я приказываль его по кармапамъ обыскивать: что моль у ключниковъ монастырскихъ въ карманахъ водится? Ну, и папади на воскъ, чѣмъ печатають. Тутъ я ему тѣмъ воскомъ и сдогадался бороду печатать. Этой вотъ самой жуковиной и печаталь.

И Арбузьевъ, ради вицней убѣдительности, потыкаль пальцемъ въ перстень.

— Ладно. А теперь здраствуй, Лука сказалъ.

— Охъ, и дуракъ-же л! вскочивъ на поги, самого себя Арбузьевъ ругаль. — И не посажу вѣдь тебя! А все эготъ вотъ, ткнувъ пальцемъ на Юрия, оправдывался Василей. — Прости, Лука Аввакумовичъ, да и здраствуй-же.

И трижды поцѣловавъ Луку, Василей усадилъ его подлѣ себя.

— Ну-т-косъ присаживайся да пей, дорогой гостинѣкъ, на здоровице. А мы, слышь Лука Аввакумовичъ, во походъ пошли, третьего дни еще съ Теренькой вотъ вдоемъ выступили. А тамъ полку-то нашего все прибывало да прибывало-же, а послѣднимъ сейчасъ предъ тобою, самъ Юри Сергѣичъ къ намъ приступился. А походъ у насъ затѣянъ на трехъ князей, на Медыньскаго да на Шивиньскаго, да еще на третьяго, на брата ихъ старѣйшаго, великаго князя Хмѣльнскаго. А не один, слышь, князья на насъ идутъ, ведутъ съ собою силу заморскую. Князья-те горой идутъ, а заморяна въ мѣхахъ да бочкахъ водой плывуть. А наши Новгородцы, даль Богъ, по сейчасъ все добры-здоровы. А воеводой у насъ, нашъ-же новгородскій князь кормленый, а на имячко Мочермыльскій князь Питухъ Бражниковичъ. А какъ ты, Лука Аввакумовичъ, къ намъ пододвинешся, ино тутъ мы всехъ князей и съ заморянами живѣемъ въ полонъ возьмемъ.

— Ладно-ка, Лука сказалъ.—А я вѣдь было по дѣлу къ тебѣ.

— А дѣло, гляди, и до завтра пѣдожде, не-уйде вѣдь, Василей молвилъ, смекая не отъ тетушки-ли крестовенькой Лука подославъ, — а утречкомъ мы съ тобой, на свѣжую голову на мудрую, и потолкуемъ о немъ.

— Дѣло-тъ и впрямъ пѣ-уйде, да мнѣ-ко-ва²⁾ не до-свѣту-же стать съ тобой бражничать.

¹⁾ Убръсъ—полотенце.

²⁾ Ва прибавочная частица для усиленія рѣчи.

— Ой-ли? А что-жь такъ? Василей спросилъ и весело разсмѣялся.

Василей тому смѣялся, что отъ него было приказано Буяну всѣхъ коней боярскихъ не медля разсѣдывать, а паробковъ, которые съ боярами прѣдутъ, того скорѣе напавать.

— А старъ я сталъ бражничать-то, отвѣчалъ Лука на Васильевъ спросъ.

— Такъ тебя, Лука Аввакумовичъ, старымъ бражникомъ и величать станемъ, подхватилъ Василей. — А только старостью ты быдто и не кетати порасхвастался. Одно сказать, что и не старъ ты живешь: всего-то семью-ли, восьмью годами постарѣ меня будешь, а мнѣ и тридцати вѣдъ пяти не минуло. А еще и то скажемъ что Юри Сергѣичъ куды постарѣ тебя, а сидить-же.

— Я вѣдъ на чуточку всего завернулъ къ тебѣ, отозвался Юри.

— А ты молчи, знай, коли тебя не спрашиваютъ, Василей на него окрысился.—А моихъ гостей разговаривать не моги...

— А вотъ уѣду-же...

— А вотъ нѣтъ-же, гдворю. Пошлипа-то твоя давно мнѣ вѣдома: всегда-то ты, чуть во дворъ, сейчасъ и домовъ собираться начнешь, а поразсидишься да поразговоришься, а и не выжить тебя буде.

— А вотъ-же, говорю...

И порядочно тутъ Юри съ Арбузевымъ поспорили.

Лука тѣмъ временемъ думалъ:

„И охота-же Юрию спорить, ровпо Арбузева не знаетъ: не уступитъ вѣдъ во вѣкъ, а и домовъ добромъ не выпуститъ. А я вотъ часокъ посижу, да какъ увижу, что Василей опять съ кѣмъ заспорился, потихоньку домовъ и уберусь“.

— А знаю я съ чего ты плеча показать хочешь, обратился Арбузевъ къ Лукѣ по спорѣ съ Юриемъ.

— Ну?

— А съ того, Лука Аввакумовичъ, что нуль-ко ты вовсе вѣдъ обабился. Нечего ухмыляться-то, знаю вѣдъ: Настасья-то Григорьевичева на тебя нуль пиры строитъ.

И Арбузевъ захохоталъ.

— А дальше-то что? Лука спросилъ.

— А много вѣдъ васъ къ ней похаживаетъ, да кто-то изъ васъ ее охаживаетъ.

И Василей опять хохоталъ.

— А ты, слушай-ко, винный мѣхъ, сказалъ Лука, запустивъ руку въ его густые волосы и легонько ероша ему кудластую голову, — ври, ври да не завирайся. А на вдову честную глупымъ словомъ своимъ обиды не возлагай.

— Да я не въ обиду-же, а въ хвалу ей, Арбузевъ оправдывался.

— А за такую хвалу, будь она мужья жена, здорово-бъ тебя мужъ вздулъ. А еще помни что сироту да вдову обижать грѣхъ...

— Охъ, полно-жь тебѣ! взмолился Василей.—Не того вѣдъ я боюсь, что побоями страцашь, а вотъ грѣха-то. Какъ про грѣхъ по писанному учнешь сказывать, тутъ ажно до-сердца проймешь меня; тутъ и смерѣтушка моя прѣде... Да и не свое вѣдъ я вру, а кто-то, дай Богъ памяти, мнѣ про нее такъ-же сказывалъ, да я вѣдъ проста, дружокъ, говорю, безъ слова обиднаго. Да такъ оно и е, что Теренька вотъ совралъ.

— Что врешь-то, чортъ, съ большой головы на здоровую! крикнулъ Теренька на Арбузева, и слѣдомъ ласкательно на Луку взглянулъ.

По этому быстрому переходу отъ браннаго окрика къ умилно-ласкательному взгляду, Лука заключилъ, что Теренько, должно быть, скomorохъ ¹⁾.

— А не ты, такъ не ты, охотно согласился Арбузевъ съ Теренькой.—И впрямъ вѣдъ не ты, а Юри Ренеховъ меня научалъ.

¹⁾ Скomorохъ—актеръ.

— Чему научаль-то? Юри отозвался.

— А про Настасью вотъ. Сказываль-же ты, что много пунь вдовъ въ Новѣгородѣ развелось, а съ того де и бабы вѣчья у насъ повелись. А что молъ вдовы и бабы сдумаютъ, на томъ и Великій Новгородъ стане.

Всѣ разсмѣялись, а Лука подумалъ: „а скажутъ още что Василей дуракъ, аль на красно слово большаго ума не надобно?“

— А и путаго-то тебѣ ничего сказать нельзя, все-то на свой ладъ перевернешь, не безъ сердца Юри Василью сказалъ, и слѣдомъ съ Лукой о другомъ заговорилъ.

— А слышь, не вѣритъ вотъ, Василей Селифонтьичъ! вскричалъ Теренька скomorохъ, тыча пальцемъ въ своего сосѣда.

— Кто не вѣритъ? а не вѣритъ чему? жадно набросился Василей на новое.

— А вотъ про Демонъ ¹⁾ не вѣритъ, что въ Демонѣ ты...

— Это съ Шаховымъ, съ Иваномъ, что-ль? Такъ этому ужъ не новѣровать пельзя: самая что ни е правда истинная.

— А что въ Демонѣ-то? я ровно-бы и запомитовалъ, Лука спросилъ.

— А какже, слышь, съ Шаховымъ-то нѣлый день, съ Иваномъ, мы поляковали ²⁾, да въ полѣ-тъ и опозпилися. А и ночь-же выпала: темъ да мразь; съеть эта, скажу я тебѣ, а ты вѣрь моему слову неслестному, ровно вотъ сквозь сито мелко съ неба посѣвааетъ, а и зги не видать. Тутъ мы во тѣмѣ и заплуталися, а дороги въ волость къ Ивану никакъ не-найдемъ, а вѣрнѣе сказать, и лѣшій насъ путать: поводитъ таки до куронѣня ³⁾, слышь, пока мы на этотъ Демонъ—чтобъ ему пусто было!—не наткнулися. А демонцы у насъ давно спать полегли, огня нигдѣ не видашь, а гдѣ на посадѣ въ ворота ни стукнемся, не пускаютъ вѣдъ: у самихъ де тѣспо. А и то сказать, что опасаются: въ почи-то да этака орава во дворъ просится, не съ грабешнымъ-ли дѣломъ молъ. До того пришло, что хоть по подѣконьемъ волкомъ вой, хоть среди улицы въ грязь мятку спать ложись. И досада-жь взяла, а нуще того демонцевъ за грубость за ихнюю, что на ночлегъ пустить не хотять, поучить руки раззудилися. И тутъ быдто на грѣхъ наткнулися мы на дворище гдѣ бны на вѣчье сходятся. Аль колоколомъ ихъ, что-ль, говорю, взбудить? И легахонько такъ разикъ, знашь, и вдарилъ въ колоколь. Только легахонько-же, сказываю, билъ-то я да протяжно таково. А Буянь, спасибо, и надоумь. „Что такъ-то, Василей Селифонтьевичъ, бить-то протяжно да тихо; никто де изъ избы не вылѣзетъ, а только подумаютъ молъ, что къ бѣдѣ какой сами колокола звонить стали. А лучше, гдворить, по набатному вдарить, бы къ пожару, что-ль“. А мнѣ мысль эта Буянова и показалася, и сталъ я въ колоколь по набатному бить. А Шаховъ тожь въ задоръ вошелъ да выжлятинкамъ скричалъ чтобъ въ рога трубили, а напоследокъ у насъ и выжлецы взлаали. Такого-то всполоху, скажи, надѣлали—бѣды!

Тутъ Арбузевъ духъ перевелъ, и всѣмъ столь занятна показалася его повѣсть, что не стерпѣли, въ голосъ вскрикнули: „а ну?“

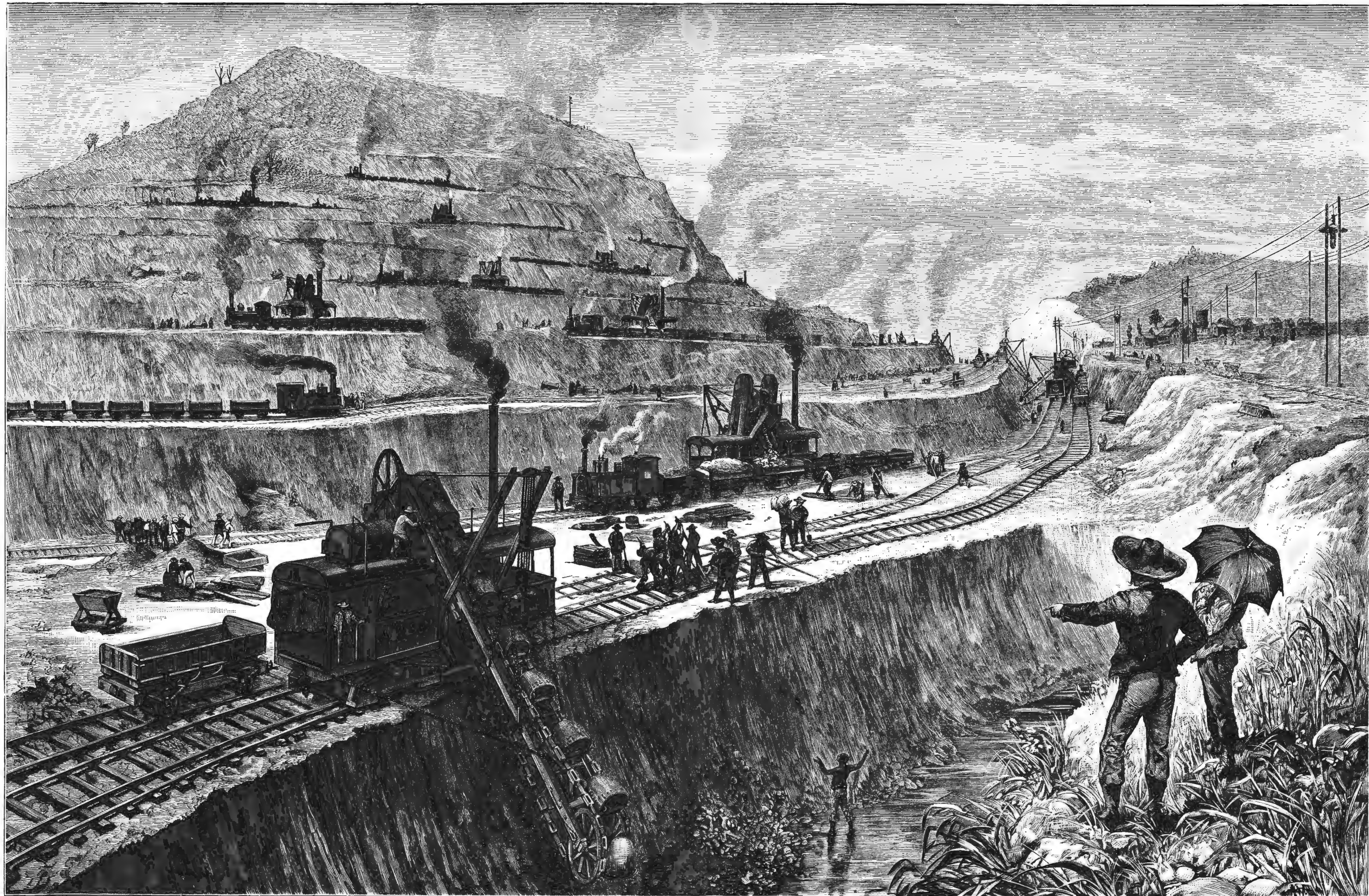
— Ну, взбудились, глядимъ, ото спа демонцы-те наши: лѣзутъ, бѣгутъ на дворище. Которы и доспѣхи даже понадѣвали. Намъ-то и весело, что изо изобъ ихъ новымашили, а вѣриѣе сказать, и струхнули мы порядкомъ-же: какъ-бы молъ въ тоноры да колья непрошенныхъ взбудителей не приняли. Счастье още что посадникъ изъ первыхъ прибѣжалъ да Ивану братомъ двуроднымъ, аль дядей, не помню ужъ, оказался. А то дорога-бы намъ эта потѣха объявилася.

¹⁾ Демонъ—пригородъ Новгородскій (ныне Демьянскъ).

²⁾ Поляковать—охотиться въ полѣ.

³⁾ Куронѣне—время, когда пѣтухи поютъ.

Прорытіе Панамскаго канала. Выемка въ горѣ Кулебрѣ. Рис. М. Прайоръ (Ш. London News), грав. М. Рашевскій.

Тут толки и ахи пошли, а Юрьи ради запятности Васильевой повѣсти, и про гнѣвъ свой недавній забылъ, и какъ онъ хвалить всѣхъ любилъ, то и не сдержался чтобъ не похвалить Арбузьева.

— А хоть давече и обидѣлъ ты мепя, сказала, — а этой потѣхи твоей не похвалить нельзя. Ничего шутка-та, гожая.

— И самъ знаю, что гожая, ото всего сердца вздохнувъ Василей сказала, — а вѣдь демонцы-те, этаки мужики ехидные, на завтра насъ на вѣще потащили да въ десяти рублѣхъ и испродали ¹⁾.

— Чѣмъ-же ехидны-то? еще Бога благодарю, что не избилъ тебя, сказалъ Лука.

— А тѣмъ ехидны бы, что на вѣчьи-то стоя, какъ я имъ про нашу почепую бѣду повѣствовать сталъ, чуть вѣдь со-смѣху всѣ не померли, а рубли взяли-же, не забыли. А бить насъ было не-за-что! оцѣ намъ-же спасибо сказать-бы слѣдовало, что мы ихъ отъ грубости ихней, отъ закорюзлости-то этой отучали, чтобъ вдругорядь пускали къ себѣ во дворъ ночевать. Да вотъ поди-жь а ты!

И Василей руками развелъ, ото всего сердца дивясь на недогадливость своихъ демонскихъ учениковъ.

— Одначе, господо, спохватясь взмолилъ онъ, — бездѣлю-ть часъ, скажутъ, а дѣлу время, а мы, гляди-ко-сь, сколь обѣщались. Баенка наша давно поостыла, а Мочерильскій князь нашъ кормленый еле живъ, бѣдняга, въ ней сидитъ, а вѣришь сказать и вовсе замерзъ. А ну-т-ко, господо, поддадимъ-ко парку-ту. А и вызволимъ князя нашего кормленого!

Тутъ со смѣхомъ было выинито, а не много погоды и по другой опрокинуто, а тамъ, подъ шумокъ, и по третей опорожнено. Юрьи Сергѣевичъ столь повеселѣлъ, что пустился на-смерть выхвалять Тереньку-скормороха; тому, съ его хвалы великой, хоть бѣжать стало, а Юрьи не унимался, обѣщаль еще, какъ время у него будетъ свободное, нарочно Тереньку къ себѣ зазвать и тогда досканально ужъ похвалить.

— А и рано ты мепя хвалить-то сталъ, ты до ужотка пожди, Теренька сказала. — Въ Спасовъ день на Хутынъ приходи да мойи игры тамотко погляди, удружу ужъ тебѣ, свѣтъ Юрьи Сергѣевичъ. А всѣмъ-то вамъ, господо, погромче Теренька порасхвастался, — таку-то я игру певиданну, неслыханну покажу — только вздохнете.

— А ты, пожди, сказала, — какъ други похвалятъ тебя. А то хвалить себя всякъ гораздъ. Пса словами лагать научи, и тотъ про себя испроизвѣститъ, что я молъ добрая собака да вѣрная, а не лестный песъ.

Теренька эти слова въ памяти у себя въ узелокъ завязала: „молъ зубатъ тотъ недестный песъ“, а вслухъ только со вздохомъ молвилъ:

— Отъ тебя не обиды, чего же ждать.

Арбузьевъ вступился было за себя, что вѣкъ де обидчикомъ онъ не былъ, да рѣчь его, въ такихъ случаяхъ, обычную, прервалъ Буянь своимъ приходомъ.

— Аль хоровадь ты привелъ? весело скричалъ Василей Селифонтьевичъ.

— И то, Буянь отвѣтилъ.

— Гляди, дѣвки-те хороши-ль у тебя, звонкоголосы-ли? А то, по вечерошному, тупорылыхъ да косоглазыхъ насбиралъ?

— Ну, это, Василей Селифонтьевичъ, ты пожалуй и солгать научился, отвѣчалъ Буянь. — А ты обидѣлъ мепя не моги: лучше моего никто, хоть языкъ высуня весь Новгородъ обѣгай, хоровады не собере; на это дѣло меня взять. А потому: ко мнѣ вѣдь всяка поиде; знать вѣдь, что обхожденнице у мепя само вѣжливое, и опять: за деньгами мы не стоимъ съ тобой, а и депегъ не случится, вещами одаримъ. И оцѣ: у насъ ѣшь, пей до-любн, только-бъ въ чѣрево помѣстилося. Ну, и голоса жъ, скажу я тебѣ, подобралъ цунъ звонкіе, —

¹⁾ Испродать — възвѣстать штрафъ, денежную пеню.

самые что ни ё малиновые. А чтобъ тупорылыхъ да косоглазыхъ, такъ я на это не падѣюся, а вечеръ у тебя, знать, съ вина было въ головѣ потушившись, а въ очахъ покосившись жилд.

Рѣчь Бунова хоть и груба на слухъ была, да говорилъ онъ ее просто, и самъ усмѣхался. А потому и Василей рѣчи его себѣ за обиду не ставилъ, а слушалъ усмѣхаясь и на всѣхъ поглядывая, будто сказать хотѣлъ: „смотрите, молъ, каковъ у мепя Буянь молодець живетъ, и правду молъ рѣжетъ, а обиды мнѣ отъ него никакой вѣдь нѣтъ.“

Дѣвки тѣмъ временемъ, предъ шатромъ ставъ, стали пѣсни играть. Первая пѣсня такова была:

Ты по что мепя, мати, хорошу родила,
Ты хорошую, пригожую;
Гладко голову расчесывала,
Ко обѣдѣ отваряживала?
Мнѣ нельзя, матъ, ко обѣдкѣ иди,
Мнѣ нельзя, матъ, Богу кланяться:
Весь народо-тъ, люди зарятся:
„Это чья эта хороша-баска?“
Наногошана нуше всѣхъ:
Понъ — тотъ забывається,
Дьякопъ въ книгу зачитается,
Поломаръ звонитъ, мѣшается:
„Это чья эта хороша-баска?“
Добрый молодець про то же говоритъ!
„Это чья эта хороша-баска?“
Взялъ бы дѣвушку я замужъ за себя.“

И пѣсня хороша, и ладно ее свѣли дѣвушки; Лукѣ пѣсня такъ полюбилася, что просилъ сыграть ее еще разъ. Василей, то видя, подливалъ ему въ кубокъ да подливалъ, не разбирая что лилъ: вино-ли, медъ-ли, иль ниво. Чтд подъ руку Василью понадалося, то, къ пѣснѣ разгорясь, и пилъ Лука. Дѣвушки не одну пѣсню сыграли, и не одна понравилась Лукѣ. Нанослѣдокъ ему и хмѣль въ голову вступилъ, и думать о томъ Лука забыть, что собирался поскорѣе домой уѣхать.

— А дѣвки-те добры, распотѣшась Василью Лука шепнулъ, слегка толкнувъ его въ бокъ. — А котора межъ ними Маврушенька-то буде?

У Василья забурлила было въ головѣ мысль сердитая, только мигомъ и стихнула.

— А Маврушенька-та котора? прищурясь, будто дѣвушекъ разглядывая, пѣвуче спросилъ онъ. — А вотъ, ей же ей, не умѣю назвать. Эй вы, дѣвчѣны хороши, крикнулъ онъ, — а котору изъ васъ понъ Маврушенькой крестилъ?

Дѣвчины хороши межъ собой переглянулись, другъ дружку локоткомъ поталкивая, и затѣмъ стали черноглазую да чернобровую впередъ поталкивать: „иди молъ, не бойся, что ль, а выступиай-ко смѣлѣе изъ-за насъ.“

— А оцѣ чего тутъ тебѣ? Маврушенька выступя, спросила Арбузьева, а сама, застыдясь, закрыла лицо широкимъ рукавомъ.

— А вотъ, — и тутъ Арбузьевъ на Луку указалъ, — боярнякъ сидитъ, а пѣловать ему тебя хочется.

— Пшь, охвота мнѣ была стараго да лысаго пѣловать! при общемъ хохотѣ отрѣзала черноглазая Мавруша, и тутъ ужъ не стыдилася.

— А ты, слышь, дѣвчина хороша, Теренька вступилася, — лысыхъ да плѣнатыхъ при мнѣ хулить не моги, а и самъ вѣдь я не безъ плѣши кожу. А вы чего горло дерете, погромче крикнулъ онъ, слышавъ общій смѣхъ, — а надъ чѣмъ зубы скалите, сами того не смыслите. А вы слова моего поучѣнаго послушайте, чѣмъ она, плѣшь, ладна живе.

Всѣ стали слушать Теренькина про плѣшь слова поученаго.

— А плѣшь дѣло великое, сталъ Теренька плѣшыхъ похвалять. — А и сами отвѣтите вы: съ чего молъ повелось оно, что никто вѣдь не скаже что съ дура у молодца волосъ убьло, а всякъ примолвитъ:

зпать де Господь ему дба прибавилъ? А опа, плѣши, выходите ума печать, а еще и головѣ краса: а и днемъ-то она пеке по солнышку ¹⁾, а ночью-то что ѡсенъ мѣсяцъ свѣтится. А и всюду ей путь-дорога шй-рока. А плѣшны будутъ люди ласковые, за волосы нетаскапые. А другъ дружкѣ, какъ встрѣтятся, ухмыляются: одинъ у поваго ума чувствуе. А кудласты молодцы кудрявые, тѣ гдѣ пи встрѣтятся, въ волосы другъ дружкѣ виѣняются: знамо, завидки берутъ, зачѣмъ у друга погуще растутъ. А оцѣ я скажу вамъ, господо, побасеночку: ужъ какъ шла плѣшь на гору, а и другъ-тѣ шла подъ гору, а и плѣшь плѣши молвила: я, плѣшь, ты, плѣшь...

И тутъ Теренька сталъ сказывать такія рѣчи, что и молодымъ, хотя бы и въ мясоѣдѣ, слушать не во спасенье. А всѣ слушали, и смѣялися, а Лука чуть не громче всѣхъ. Василей тѣмъ временемъ своего дѣла не забывалъ, подливалъ въ кубки чего пришлось всѣмъ гостямъ, а Лукѣ въ особину. Распотѣшился вовсе Мочерильскій князь, Пѣтухъ Бражниковичъ. А распотѣшась, образъ Божій потерялъ.

XII.

Два похмѣлья.

Какъ Лука Аввакумовичъ пробудился на другое утро, то, потянувшись, провель рукой по мягкой постели: мѣхъ подъ нимъ, какъ всегда, постеленъ лежить. Чувствуетъ также Лука что покрытъ онъ легкимъ одѣяломъ, а на ноги другое, мѣховое, брошено, чтобъ ноги у него около щиколотки подъ утро не ныли. И мысли у него въ головѣ нѣтъ, что онъ не дома спалъ: все, какъ слѣдъ, по домашнему уготовано.

„А и ладно, кажись, выснался,“ съ удовольствіемъ подумалъ онъ, и глаза открылъ. „А и гдѣ жъ это я?..“

И въ тотъ же мигъ все вчерашнее съ шумомъ ему въ голову вступило. „А не дома вѣдь я, а... а...“ И все у него въ головѣ кругомъ пошло. Звенить въ ухахъ и пѣсня, и вскрикъ рѣзкій, и хохотъ, и спутанныя рѣчи пьяныя. Предъ очами словно Теренька вертится, и какія-то красныя рожи кривляются, и ноги въ пляскѣ колѣнца выкидываютъ, и боира, и дѣвчины, и Маврушенька черноброва...

И чудно какъ-то все видится и слышится: и вмѣстѣ все, и порознь каждое; толкается, снуется, прыгаетъ, и смутно, и явственно. И вновь такое вдругъ вспоминается, что Лука только зубами заскрипитъ.

„А вотъ,“ думается ему, глядя на пестрое видѣніе, подъ шумъ въ головѣ, — „этакъ же вотъ, знать, гулякамъ да бражникамъ на томъ свѣтѣ мечтается. А кто чѣмъ грѣшенъ, тому и мечта его грѣховна па вѣкъ... И мутить-то его съ мечты, и бѣжать-то отъ нея хочется, а и знаетъ онъ что уйти-то отъ нея нельзя никакъ и некуда: вѣкъ вѣченскій съ ней мучайся...“

И Лука тоскливо на постели заметался.

Лѣшнымъ и тусклымъ взглядомъ обвелъ онъ горлицу; на сердцѣ у него было и тревожно, и смутно, и тоскливо. Не въ силахъ сдержать себя, Лука вскочилъ на ноги. Бѣжать бы, да отъ себя куда уйдешь? Опустивъ тяжелую голову, онъ на постели присѣлъ.

— Охъ, Господи! вздыхая шенталъ Лука. — И дивн бы мнѣ сладость кака въ нить-то этомъ безобразномъ была!.. А и не-молодъ ужъ я, и пятый десятокъ пошелъ, а воли нѣтъ же вотъ у меня, не нажилъ ее, и нѣтъ!..

И Лука Аввакумовичъ снова на постель прилежъ.

— А сказано вѣдь, точно со стороны шенталось у него въ ухахъ, — не упивайтесь виномъ, и то писано зачѣмъ упиваться грѣхъ, и о томъ не умолчано кому въ царствіи небесномъ не быть... О! Господи, Господи!

И опять вчерашнее заметалось въ очахъ и ухахъ, и голова кругомъ пошла.

— И выходитъ, докапывалъ себя Лука, — что и

¹⁾ По солнышку — какъ солнышко.

зналъ я все, а вотъ низкій я человекъ, да и полно; низкій, низкій... Самый низкій человекъ... Охъ, Господи, Господи! да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеша мени, вслухъ молился Лука.

— Ова! ужъ и исалтыремъ себя отчитывать пошелъ, а здорово жъ, знать, вечеръ было вышито, сказалъ отодвигая волоковую дверь Арбузьевъ и слѣдомъ вошелъ въ комнату.

И лицо, и все тѣло у Арбузьева красное было, и паръ отъ него валилъ.

— А я вотъ въ банню сходилъ да хмѣле-тѣ повыварилъ, весело докладывалъ опъ,—а теперь, хоть опять рыло мочить, такъ время же. А ты, Лука Аввакумовичъ, нѣ-хорошъ вижу, ипъ въ банню бы снелъ...

Лука только тоскливо головой по подушкѣ завозилъ. Василей, подойдя, на постель къ нему присѣлъ.

— А полно-ка, Лука Аввакумовичъ. Знамо, мутить. И вотъ быдто поотнустить малепечко, а тамъ опять въ голову вступитъ. Какъ ежели вотъ въ болотину палкой ткнуть, пузыри тутъ изъ воды булькать пойдутъ, — такъ же вотъ и хмѣль вчерашній въ головѣ булькаетъ. Знаю ужъ самъ, братъ, не повѣстуй... А опять и совѣсть... И всяка-то совѣсть — Господь ужъ съ пей! а эта пьяная вотъ, котора съ вина, вовсе не гожа, а вѣрнѣе сказать что гаже ея совѣсти и па свѣтѣ нѣтъ...

— Да полно ужъ тебѣ, простопаль Лука.

— А тебѣ же на пользу. Совѣсть эту пьяную осадить треба. А пичѣмъ ее не осадить столь хорошо, какъ чарочкой, другой меду стоялаго: до него опа, вѣрь, преохочая. А тутъ безотложно и червика замори. А поваръ у меня, помнишь вѣдь, таковѣ-то два блюда эти похмѣльные стряпаеть, — а и прѣ слово, ради ихъ, частехопько папиваются, а вѣрнѣе сказать, со стола ѡны у меня не сходятъ вѣкъ. А одно похмѣлье горячее: тутъ опъ сняточковъ положить тебѣ да съ кислой канустушкой на сковородушку, а и укусомъ подольеть, и дѣчкомъ подсадить, и перчику подсыпнуть. А оно-то, похмѣлышко, съ пылу скворчить да ворчить, въ ротъ поровить. А друго кушанье похмѣльное буде холодное: съ вечера, знашь, на ледокъ отварныхъ ѣришковъ поставить, чтобъ позастыли да студенькомъ позадернулись. А въ подливку у него всячины кладено, а не безъ перчика жъ. А ты, умывай-ко-ся, Лука Аввакумовичъ, да крутись поскорѣича, а паробка я тебѣ сейчасъ пришлю. А на счетъ совѣсти покоенъ будь, а нелестно тебѣ говорю, что она живѣ упрясливая ¹⁾, а на медо-тѣ падкая, а съ него жъ тихомирится.

И Василей Селифонтьевичъ побѣжалъ распоряжаться похмѣльнымъ кушаньемъ.

Не будь Лука нынче въ разстройствѣ, замѣтилъ бы опъ что Арбузьевъ, хотя и былъ на видъ, какъ всегда, живымъ и ровно встрепаннымъ, не по обычаю, однако, черезчуръ суется, усердствовалъ. Помнилъ онъ что ему вчера Лука о дѣлѣ сказалъ, и отлично догадывался, что о Маврушенькѣ нынче рѣчь пойдетъ. Охъ, дорого бы Василей далъ чтобъ хоть на недѣлку этотъ разговоръ отложить!

Лука, вставъ, началъ мочить тяжелую голову студеной водой у мѣднаго рукомойника съ двумя носиками, чѣдъ тутъ же въ комнатѣ висѣлъ. Вчерашнее ему теперь не такъ ужъ живо представлялося, и только какъ хмѣль нежданно вступалъ въ голову, онъ тоскливо хватался за сердце.

Скоро и паробокъ одѣвать его пришелъ. Лукѣ совѣстно было ему въ лицо взглянуть; думалось что у того на лбу какъ бы написано стоитъ: „хорошъ молъ боиринъ, и самъ напился, а и насъ въ чужомъ домѣ хмѣльныхъ же уложить велѣлъ.“ Снѣшно одѣвшись и

¹⁾ Упрясливый, по московски упрячливый—падкій на хмѣльное.

приказавъ лошадей сѣдлатъ, Лука прошель въ столовую. Тамъ ужъ все готово было и около стола хлопоталъ Василей Селифонтьевичъ.

— А ну-ко-съ, Лука Аввакумовичъ, садись-ко ты а за кушанье мое за похмѣльное... Аль медку, благословись?

Лука отъ меду отказался было, но какъ ему ѣда въ ротъ не шла, то и рѣшился въ добрый часъ чарочку середнюю впередъ гонцомъ пропустить. И точно, осадился хмѣль съ чарочки; перестало въ головѣ булькать пузырями болотѣными. Молча сталъ Лука кушать. Василей же безъ приговорки куска ко рту поднести не могъ.

— А теперь-ко чего бы а мнѣ? приговаривалъ Арбузевъ. — Аль мнѣ холодненькаго, аль мнѣ горяченькаго, аль мнѣ въ перемежечку? А вуткосъ, благословись, вались сняточекъ за ершикомъ, а и ершикъ за сняточкомъ, а и оба въ одно чѣрево... А и знатно вѣдь... Только укуску бы оцѣ... А и гдѣ онъ, судокъ, запропаль?

Буяпъ подливалъ ему укусу.

— А знатно же, въ самый-то разъ. А медку бы опять, благословись же, ась? Аль не стапешъ? Ну, и Богъ съ тобой, Лука Аввакумовичъ. А для-ради совѣсти куды гоже бы... Тутко мнѣ, Буянушко, палей чарочку да поболѣ: что мнѣ-ко тебя да дважды трудить.

Скоро и до третьей Василей добрался, а Лука все не пьетъ, и сталъ Арбузевъ съ горя нѣмцевъ честить.

— А нѣмцы, скажу я тебѣ, Лука Аввакумовичъ, а и вовсе, вотъ вовсе уже поизбаловались, а вѣрнѣе сказать и плуты стали великіе. Теперь хотъ перецъ возьми, нешто онъ таковъ живѣ? А вѣстимо золу подсаживаютъ, а онъ и перчить пересталъ, во ртѣ не дереть, а и въ глоткѣ не жжетъ. А все ихъ поганыхъ завидки берутъ, что православные здоровѣ ихняго пьютъ. А ну-косъ, Лука Аввакумовичъ, пивца теперь.

— Не стану, угрюмо отказался Лука. — А квасу вели.

— А квасъ, коли охвота, пей, а я безъ винца да пивца что конь безъ овсеца.

Слушая эти и инья присказки, Лукѣ тупо вспоминалось вчерашнее, и съ тупымъ же упорствомъ онъ продолжалъ подѣлать себя.

„И съ чего я вечеръ остался у него?“ допытывался Лука. „А и ѣхать-то къ нему было пѣ-по-что... А всегда-то...“

— Ахъ! вслухъ ужъ вспомнилъ онъ вдругъ. — А я вѣдь по дѣлу вечеръ къ тебѣ...

— Ровно бы вечеръ и сказывалъ ты, протянулъ Василей, а у самого ноздри такъ и пошли раздуваться. — А правду-тъ молвить, справясь съ собою, продолжалъ онъ, — я вѣдь думалъ что о дѣлѣ-то ты къ слову сболтнулъ, что бы гости не помнили быдто ты пить ко мнѣ ѣхалъ.

Лука головой взадъ мотнулъ, давая знать что при паробкѣ о дѣлѣ говорить не стапеть.

— Слышь-ко, Буянушко, за дверьми постой, приказалъ Василей, и когда паробокъ вышелъ, отправляя въ ротъ ерша: — Ну-косъ, что за дѣло тако?

— А самъ догадался, поди. О ней же, о Маврушенькѣ.

— Это котору ты вечеро-тъ облюбовалъ? спросилъ Василей, быстро вскинувъ очами на потолокъ, будто стыдись за Луку.

Лука потупился.

— О той что ты у Пашкѣ скралъ, глухо и пудно черезъ силу онъ выговорилъ.

— Это тетушка вѣдь крестовенька сплетку сплела да тебѣ знать за правду продала, беззаботно Василей сказалъ и съ такой сладостью сталъ глядѣть на бѣлозерскаго снятка, будто у него ничего, кромѣ того снятка, въ мысли не было.

— А Пашка-тъ подъ Порховъ пошто же слалъ?

— Это вотъ новое, сказалъ Василей и руки о столешникъ ¹⁾ вытеръ, какъ бы приготавливаясь слушать.

— Твой же Буяпъ слалъ его туда.

— А Буяпа, коль правда, я за то выпорю. Хошь встай да сейчасъ его до синихъ крестовъ парить пойдемъ; сотпяжечки двѣ этапъ, чтоль, одолжимъ ему. А съ розыску скажетъ Буяпъ, и я виповатъ. А сдается только мнѣ, быдто и скажетъ онъ что точно посылалъ де я его въ волость эту Порховьску новокупленну, а затѣмъ вѣдь чтобъ этотъ Пваньковичъ, аль Пашковичъ онъ, поотсталъ отъ меня со своими со разспросы дурашными.

— Ишь ты, Василей Селифонтьевичъ, какой ты нунь догадливый да оглядливый сталъ. А мало что вкругъ все видишь, а еще впередъ глядѣть научился. Знать, давно у васъ съ Буяпомъ условленось, каковъ въ бѣдѣ отвѣтъ держать. А только, скажу я тебѣ, Василей Селифонтьевичъ, ты это оставь: время, слышь, нунь строгое. Строго оно нунь пошло, время-то, гбворю.

— Како строго оцѣ?

И Василей съ невиннымъ любопытствомъ широко раскрылъ глаза, точно маленькій мальчикъ, которому пообѣщали занятную сказку.

— А, слышь-ко, покуль Пашко тетушкѣ твоей челомъ бьетъ, а и живъ ты, здоровъ. А какъ онъ въ бабушку твою крестовеньку извѣрится, тутъ тебѣ и до бѣды, Василей Селифонтьевичъ. А слышалъ ли ты, какъ насильниковъ за воротъ на удушкѣ хватывали, да на вѣче приволакивали? А слыхалъ ли и про то еще что у насъ въ Новѣгородѣ Волхою мутное течеть, а черезъ него Великій мостъ ведетъ? Тоже если съ моста въ рѣку нырнуть противъ воли укажутъ, не великій вѣдь выпорнетъ. А потому я тебѣ, Василей Селифонтьевичъ, и совѣтую что время нынѣ строгое. А насильникамъ на Дворищѣ никто, своей головы блюди, потакать не станеть.

— Это что жъ, съ разстановкой, слегка икая послѣ каждаго слова, заговорилъ Арбузевъ, — вамъ съ тетушкой крестовенькой Пашкѣ научить не трудно буде, а и вѣчниковъ-мужиковъ наймовать за обычай же вамъ, а только бабушкѣ моей грѣхъ большой, а и тебѣ не хвала жъ молодецкая. Ничего-то не вѣдай, а дурашному парню повѣрила! А онъ, всѣмъ вѣдь вѣдомо, ровно помутился весь, а на всѣхъ что несть бѣшенный бросается: то Кузьма у него, вишь, дивчину скралъ, а я вотъ теперь, а на завтра не ты ли ужъ. Василей приостановился на мигъ, и далъ ужъ послѣ всякаго слова сталъ всхлипывать. — А что жъ, обидѣть вѣдь не долго меня, а и въ разоръ разорить можно же, а и на дворъ мой всѣхъ славчанъ напустить не трудно же... А только грѣхъ вотъ да Богъ оцѣ... А мнѣ, сиротѣ, какъ на тетушку мою крестовеньку я надѣючись...

И Василей сталъ глаза рукавомъ терѣть, отирая-ли слезы, или ихъ выдавливая, — и самъ онъ хорошенько не звалъ.

— Такъ не кралъ ты Маврушеньки?

— А вотъ пойдемъ сейчасъ во дворъ да весь огляди, а тамъ по волостямъ моимъ поѣдемъ, что-ль, съ готовостью съ мѣста вскочивъ, рѣшительно Василей сказалъ, и велѣдъ опять захныкалъ: — А разорить, говорю, легко... а только грѣхъ вѣдь... а и Богъ оцѣ...

— И это слово твое послѣднее что Маврушеньки а не видѣлъ ты?

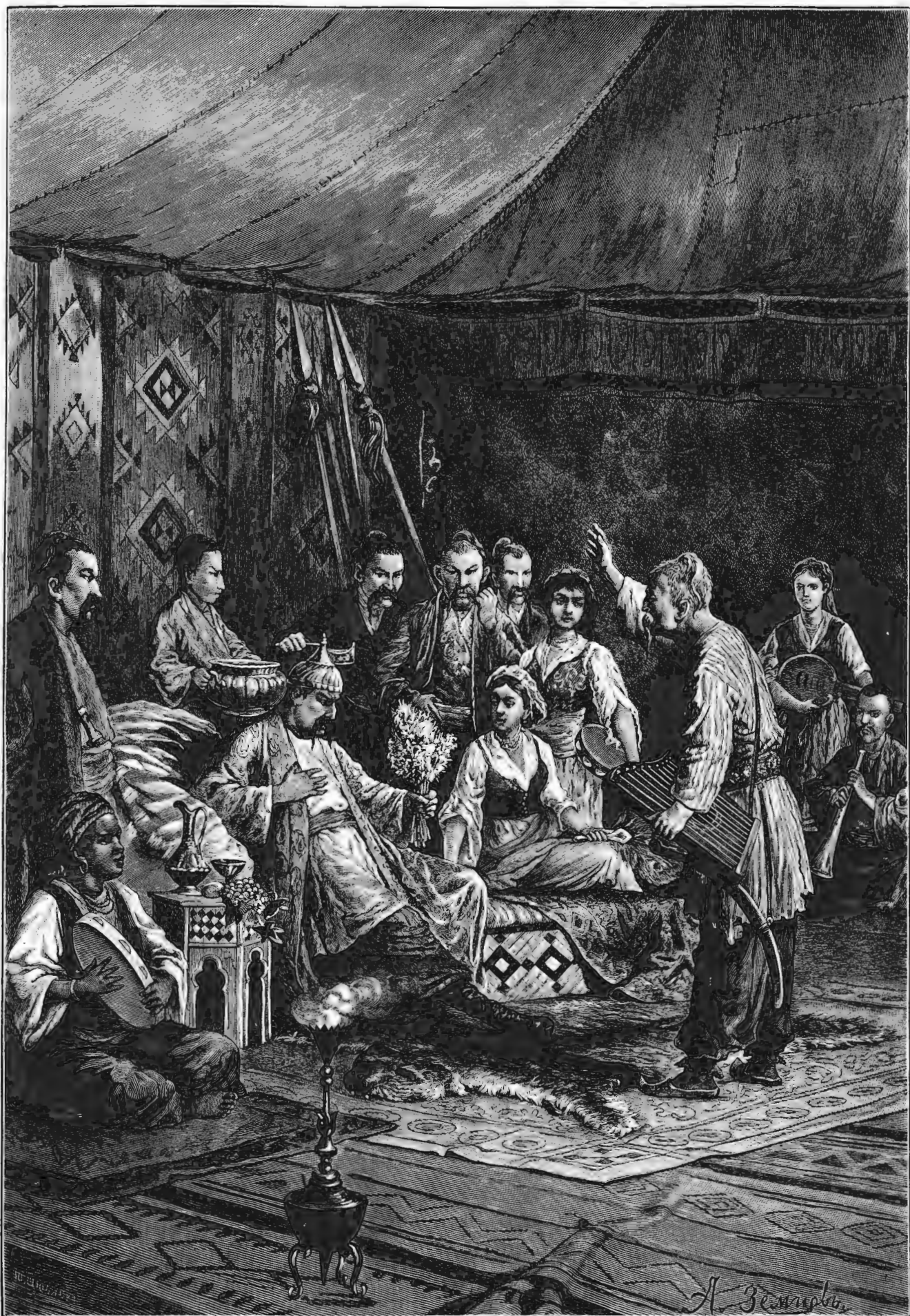
— А какъ перво оно было, такъ и буде и послѣднее. А больше словъ и пѣтъ у меня, хотъ колоколець взрѣжъ.

И Василей кадыкъ свой открылъ.

— Гляди жъ на меня, Василей Селифонтьевичъ, не пей ты, а хотъ тебя съ моста пихать и не охвота мнѣ, а про время строгое мои слова помни же.

¹⁾ Столешникъ — убрूसъ или полотенце взаимъ нынѣшней салфетки.

Литературный альбомъ. „Емшанъ“, А. Н. Майкова. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

Видя что вретъ ли Василей, или нѣтъ, толку отъ него не добиться, Лука Аввакумовичъ сталъ собираться домой.

По прїѣздѣ домой, вздумалось было ему прилечь да не полежалось. Не то, чтобъ мутило его теперь, а словно ждалъ онъ чего-то необычнаго, что нынче же, сейчасъ вотъ случится съ нимъ. Внутри его точно кто-то подергивалъ и на что-то подзуживалъ, куда-то стремиться приказывалъ. Тревожень былъ Лука, и заверни къ нему кто-нибудь сегодня, отлично бы онъ гостю былинку сказалъ, какъ можетъ быть отъ роду еще не сказывалъ, а гость не слыхивалъ. Тѣмъ бы Лука и успокоился. Но на бѣду никто нынче заѣхать къ нему не надумался.

„Дене-тъ весь, знать, я промучаюсь“, думалъ Лука. „А отъ мучительства этого мнѣ проку не буде же, какъ и прежде не бывало. А вотъ воли-то откуда мнѣ добыть... О!.. охъ, Господи!..“

Раскидывая умомъ, какъ бы ему день убить, Лука рѣшилъ въ баю сходить да велѣть себя до дрожи холодной водой окатить, а тамъ, на коня сѣвъ, ѣхать къ посадницѣ съ докладомъ по Маврушенькиному дѣлу.

„А проѣдусь, умаюсь; а домой ворочусь, и за обѣдъ сейчасъ, а тамо-т-ко сномъ успокоюся“, вперёдъ радуясь будущему покою, подумалъ Лука.

А мы раньше Луки къ посадницѣ въ домъ забѣжимъ, да поглядимъ, не случилось ли и тамъ чего въ сегодняшнее утро ясное.

(Продолженіе будетъ).

Посмертное стихотвореніе

М. П. Розенгейма

(написанное въ 1840 году, въ молодости поэта).

Неизлечимая есть грусть въ душѣ моей,
Ее старательно таю я отъ людей —
Мое тяжелое, безрадостное дѣтство
Оставило мнѣ въ ней печальное наслѣдство;
И не могу ее, я эту грусть избыть,
Страхнуть ее съ души, отбросить, позабыть!

Порою въ обществѣ друзей моихъ безпечныхъ,
Веселыхъ, молодыхъ, отзывчиво сердечныхъ,
Какъ будто заразясь веселостію ихъ,
Я сбрасываю гнетъ печальныхъ думъ моихъ;
На дружескій призывъ радушный и привѣтный,
Невольно, искренній вполне и беззаветный,

Я увлекаюсь самъ веселостію вдругъ
И оживляю ихъ товарищескій кругъ
Шутливой болтовней и пѣсней застольной,
Подчасъ нескромною и часто своевольной,
И рукоплещеть мнѣ соборъ нашъ разгульбой
И вторя мнѣ поетъ за чашей круговой.

И лется, пѣнится вино средь пастъ обильно,
И только надо мной однимъ оно безсильно,
И гляди на друзей, самъ съ горькою улыбкой,
Я думаю опять: я веселье былъ ошибкой.
И въ битвѣ съ Вахусомъ одинъ сыгравъ ни въ чѣмъ,
Везу я по домамъ поверженныхъ въ бою.

Исторія одного таланта.

Повѣсть Н. Станицаго (авторъ романа *Три страны свѣта*).

(Продолженіе).

Размотовъ окончательно обезумѣлъ, вскопчилъ со своего мѣста и заходилъ по комнатѣ, восклицая:

— Откуда вы все это знаете?

И разсмѣялся.

Онъ сердито спросилъ:

— Чему вы смѣетесь?

— Смѣюсь тому, что вы проболтались.

Размотовъ смотрѣлъ на меня, какъ потерянный. Я добавилъ:

— Вы влюблены въ барышню Горушекъ и не ожидали, что у васъ есть соперникъ?

Размотовъ и безъ того былъ красенъ отъ сытнаго обѣда и выпитаго вина, но тутъ побарговѣлъ; и, какъ докторъ, сейчасъ же принявъ мѣры: залпомъ выпилъ два стакана воды, нѣсколько разъ тихо прошелся по комнатѣ и, сѣвъ на прежнее мѣсто, болѣе покойно сказалъ:

— Однако вамъ бы слѣдовало избрать себѣ дипломатическую карьеру — ловко вы все отъ меня вывѣдали!.. Да, я самъ себѣ не могу объяснить, что я въ ней нашелъ. Мнѣ стоить слово сказать и богатыя невѣсты съ радостью примутъ мое предложеніе. А она, что за невѣста? самый послѣдній чиновникъ въ городѣ призадумался бы взять ее себѣ въ жены: отецъ опозоренный, приданого ни гроша! Богатая сестрица тряпчонъ не дастъ, не только денегъ! Въ обществѣ она не можетъ блистать; вообще очень странная дѣвушка — совершенно дикая; да еще въ придачу бери отца безъ ногъ, который до сихъ поръ не можетъ бросить своихъ барскихъ привычекъ. Я ужъ убѣдился, что она ни за что не броситъ отца.

— Ну, если влюблена, да круто поставить вопросъ, то..

Размотовъ не далъ мнѣ кончить и въ сердцахъ восклицнулъ:

— Въ томъ-то и сила, что я до сихъ поръ не могу уяснить себѣ: радуется-ли она моему прїѣзду въ Горушки какъ человѣку къ которому питаетъ особенное чувство, или просто, какъ доктору, котораго ждалъ капризный ея отецъ? Другая давно бы догадалась изъ моихъ намековъ, что мои визиты исключительно для нея, а она смотритъ на тебя какъ дѣвочка, которая ничего не понимаетъ! Право, иногда мнѣ приходится въ голову не тонкій-ли это расчетъ съ ея стороны — забрать меня хорошенько въ руки... Ошибается! Я не привыкъ напрасно тратить время; самыя отчаянныя кокетки въ городѣ пасовали передо мной и сдавались!.. Я парочно недавно при ней говорю ея отцу, что мнѣ сватаютъ богатую невѣсту, а она хоть бы моргнула глазомъ...

И Размотовъ съ угрозой продолжалъ:

— Хорошо, посмотримъ, кто даромъ будетъ ѣздить въ Горушки, какъ я плюю на все?

У Размотова такая была противная улыбка, что мнѣ хотѣлось позлить его чѣмъ-нибудь, и я сказалъ:

— Я непременно познакомясь съ Сивцовымъ.

— Ужъ не желаете-ли вы женить Сивцова? со злостью сдѣлалъ мнѣ вопросъ Размотовъ.

— А почему и не устроить? можетъ быть, она и любитъ Сивцова?

Размотовъ кусалъ губы и ворчливо проговорилъ:

— Попробуйте, упомяните о Сивцовѣ при отцѣ, такъ и увидите, что для васъ навсегда двери будутъ закрыты въ Горушкахъ!

— Успокойтесь — я пошутилъ, произнесъ я.

Размотовъ укоризненно отвѣтилъ:

— Я попрежнему довѣрилъ вамъ свою сердечную тайну, а вы труните надо мной! Лучше бы вы дали мнѣ дружескій совѣтъ.

— Когда же влюбленные слушаютъ чьихъ бы то ни было совѣтовъ?

— А я бы съ радостью принялъ вашъ совѣтъ, я не забылъ какое вы принимали участіе въ моей безнадежной любви, когда я былъ студентомъ.

— Это было давно, а теперь вы дамскій докторъ и вѣроятно стали опытиѣ меня, знаете какъ пужно поступать въ этихъ случаяхъ... Вы лучше скажите мнѣ — живъ-ли несчастный молодой человѣкъ, который сошелъ съ ума отъ любви къ красавицѣ-дочери Крутова?

— Вы меня поражаете, все-то вы знаете! И къ чему вы меня разспрашивали? горячился Размотовъ.

— Провѣрялъ факты, которые мнѣ удалось случайно узнать... Выздоровѣлъ?

— Нѣтъ! только его сумасшествіе приняло тихую форму; его увезло изъ состраданія одно семейство, которое переселилось въ уѣздный городъ. Сумасшедшій каждый день относитъ на почту письма къ своей невѣстѣ и освѣдомляется нѣтъ-ли для него писемъ отъ нея. Онъ вообразилъ, что получилъ степень магистра и пишетъ теперь диссертацию на доктора.

— Берегитесь! видите до чего доводитъ любовь?

— Будьте покойны, я не такой дуракъ! пусть лучше обо мнѣ сходятъ съ ума.

Мнѣ надобно слушать Размотова, когда онъ началъ хвастать своими побѣдами, и я поспѣшилъ уѣхать домой и всю дорогу сожалѣлъ о барышнѣ Горушекъ, если ей достанется такой мужъ, какъ Размотовъ...

Я регулировал свою деревенскую жизнь съ восходом солнца; Антипычъ приходилъ будить меня и мы отправлялись на рыбную ловлю, потомъ я садился за работу; послѣ обѣда бродилъ съ ружьемъ по окрестностямъ, а вечеромъ занимался чтеніемъ.

Филипповна молча выражала свой протестъ противъ моей дружбы съ Антипычемъ и съ его собаками, которымъ я позволялъ лаяться въ комнаты. Она ползала по полу, старалась уничтожить слѣды колдуна и его оборотней.

Когда я окончательно подружился съ Антипычемъ, онъ подтвердилъ мои предположенія, что барышня Горунекъ являлась играть на роялѣ. Зимой она перебѣгала по замерзлой рѣкѣ, а лѣтомъ прѣвѣжала на лодкѣ, которая была сиритана певдалекѣ, въ заливчикѣ скрытомъ кустарниками.

— Ишь, умѣетъ старая алчуха держать свой языкъ за зубами, когда ей нужно; хоть бы виду подала, что ей было слышно наверхъ, ворчалъ Антипычъ: — вотъ ужъ сверлить-то своего внука, словно онъ ей не родной.

Антипычъ питалъ тѣ же чувства къ Филипповѣ, какія она къ нему. Онъ мнѣ рассказывалъ о незавидномъ житиѣ въ Горункахъ русской Сандрилоны:

— Уродилась она въ несчастный день — съ малыхъ лѣтъ одна маятня ей, а не жизнь. И какую прислугу навязали ей: полуслѣпую хворую старуху-нянчку, пьяницу-лакея, — вотъ и плянчяся съ ними! Егорка только и знаетъ, что цѣть да куражить: „Не хочу таскать воды и дровъ, я комнатный лакей!“ Ну, а моя Дуняшка — какал еще слуга? Барышня сама тряслась на телегѣ въ городъ; пробовала посылать Егорку, такъ на три дня пропадетъ и деньги проплетъ! Я вотъ каждый день и хожу въ Горунки — носить дрова и воду. Баринъ-то теперь у! какой привередникъ стал! и не узнаешь его, какимъ былъ прежде; подай ему всего, а гдѣ взять денегъ? Только одну рыбу и ѣсть; какъ наловишь — и несешь ему. Посмотришь, какъ она это, бѣдна, сама ему обѣдъ готовить, такъ вотъ за сердце и схватить.

— Можетъ выйдетъ скоро замужъ, утѣшалъ я Антипыча. — Вышла же ей сестра за богача.

— Не таковская она! Чай, самъ знаешь, одному плюй въ бороду — ничего, а другому человѣку одно слово перепадетъ — такъ и жизнь опротивитъ. Оборони Богъ, если попадется ей такой мужъ, что попрекнетъ ее отцомъ, аль бѣдностью, — изведется... Вѣрь моему слову, ейная сестра то же самое продѣлаетъ съ богатымъ купцомъ, такъ же его разоритъ въ прахъ, какъ разорила своего мужа ейная мать!

Размотовъ отдалъ мнѣ визитъ и былъ невыносимъ опять, хвастая своими побѣдами надъ женщинами, должно быть утѣшалъ свое помное самолюбіе послѣ неудачнаго ухаживанія за барышней въ Горункахъ...

Я получилъ письмо отъ моихъ родственниковъ, что они еще разъ захотѣли повезти своихъ дѣтей на два мѣсяца за границу, а потомъ уже совсѣмъ поселиться въ Порошковѣ. Я обрадовался такому извѣстію: безъ нихъ мнѣ было очень хорошо. Въ этомъ же письмѣ они просили меня продать рояль, такъ какъ намѣревались привезти свой.

Для черезъ четыре утромъ я сидѣлъ за письменнымъ столомъ и работалъ, слышу въ залѣ шаги Антипыча; это было не въ урочный часъ, когда онъ являлся ко мнѣ. „Ну, думаю, — было сраженіе между нимъ и Филипповной, и я долженъ буду чинить судъ!“

— Полыновскій баринъ прѣвѣхалъ! впопыхахъ произнесъ Антипычъ, высунувъ одну голову въ дверь, и исчезъ.

И не вѣрилъ своимъ ушамъ; зачѣмъ могъ явиться Сивцовъ въ Порошково? Я вышелъ въ залъ и увидѣлъ входящаго изъ передней мужчину среднихъ лѣтъ, небольшого роста, довольно плотнаго, съ огромной черной бородой, съ длинными волосами зачесанными вверхъ, съ очень серьезнымъ выраженіемъ лица. Онъ отрекомендовался мнѣ и объявилъ, что прѣвѣхалъ покупать рояль. Вѣроятно, Антипычъ извѣстилъ его о продажѣ рояля, такъ какъ я накануне посылалъ Петра въ городъ и толковалъ при немъ куда слѣдуетъ отдать публикацію о продажѣ рояля въ Порошковѣ. Продажа состоялась очень быстро. Я вышелъ изъ залы, чтобы приказать подать чай, а когда возвратился въ залу, то нашелъ Сивцова стоящаго, облокотился на рояль, въ задумчивой позѣ. Онъ, конечно, не подозревалъ, что я знаю тайну его сердца.

Мы усѣлись на террасу и пили чай, я нашелъ его очень приятнымъ собесѣдникомъ; его серьезное лицо и спокойныя манеры исчезли, когда онъ заговорилъ о музыкѣ, — видно было, что онъ страшный меломанъ.

Прощаясь, Сивцовъ объявилъ, что завтра же утромъ увезетъ рояль изъ Порошкова.

И этотъ женихъ для барышни Горунекъ мнѣ показался тоже неподходящимъ, — онъ былъ староватъ и очень серьезенъ...

Сивцовъ былъ аккуратенъ: на другое утро онъ явился въ Порошково со всѣми приприсоблѣнными для увоза рояля. Онъ сильно волновался, когда рояль выносили и устанавливали. Сила Петра пригодилась и за это онъ получалъ на водку отъ Сивцова, который такъ укутывалъ рояль попонами, коврами, какъ заботливая мать, отпускающая въ зимнюю дорогу свое дорогое дѣтище. Я приглашалъ Сивцова посидѣть и от-

дохнуть отъ возни съ роялемъ на солнечномъ припекѣ, но онъ горюхился увезти рояль и, пожимая мнѣ руку, пригласилъ меня охотиться на его землѣ, сказавъ, что въ деревнѣ есть мужикъ-охотникъ, у котораго имѣются порядочно натасканныя собаки.

Филипповна размѣшила меня тѣмъ, что, когда повезли рояль со двора, то она крестилась, какъ будто увозили покойника. Для черезъ два явился Размотовъ и былъ очень удивленъ, что рояль уже проданъ, да еще Сивцову.

— Право, это что-то странно! съ своей противной улыбочкой сказалъ онъ: — вчера только появилась въ газетѣ публикація о продажѣ рояля, а ужъ его и нѣтъ въ Порошковѣ!

— А мнѣ еще странно, что вы заявляете мнѣ вашу претензію. Кто первый явился — тому и продалъ.

— Уполномочьте меня взять рояль у Сивцова, вы будете въ сторонѣ: одна дама во что бы то ни стало желаетъ имѣть этотъ рояль и дать вамъ гораздо дороже.

Я безъ церемоніи выругалъ Размотова за подобное предложеніе; онъ разсердился, проворчавъ:

— Понимаю, вы хотите утѣшить его хоть чѣмъ-нибудь!

И онъ холодно простился со мной.

Я былъ очень доволенъ тѣмъ, что Размотовъ избавить меня отъ продолженія нашего знакомства.

Публикація въ мѣстной городской газетѣ доставила мнѣ нѣсколько визитовъ покупателей изъ города. Мнѣ это надоѣло, я сдѣлалъ вновь публикацію, что рояль уже проданъ; но это не помогло: охотниковъ оказалось много и покупщики продолжали являться изъ города, большей частью дамы, явно желая посмотрѣть какой гусь поселился въ Порошковѣ. Я приказалъ Антипычу всѣмъ покупщикамъ объявлять, что меня нѣтъ дома. Я отправился въ Полыновку на охоту, и когда вернулся съ поля въ избу мужика, тамъ меня ждалъ посланный отъ Сивцова съ приглашеніемъ пить чай.

Барскій домъ, службы и всякія хозяйственныя постройки были прочно выстроены, во всемъ была видна заботливость опытнаго хозяина-помѣщика. Меблировка комнатъ отличалась простотой, но мебель была хороша. Оказалось, что Сивцовъ уже имѣлъ рояль, онъ былъ раскрытъ и на немъ были разбросаны неисчисленные листы нотной бумаги; на этажеркѣ лежала кипа нотъ. Порошковскій рояль стоялъ у него въ кабинетѣ.

Я вернулся отъ Сивцова поздно домой; мы съ нимъ заболтались о разныхъ вещахъ и съ этого дня видѣлись часто. Сивцовъ уже не стѣснялся со мной: прійдешь съ охоты — лижешь на диванѣ и, покуривая сигару, съ наслажденіемъ слушаешь классическую музыку: Сивцовъ былъ отличный музыкантъ, и за роялемъ совершенно преобразался: глаза у него блеснули, онъ какъ-то выпрямился и весь дышалъ энергіей... Антипычъ былъ очень доволенъ моимъ знакомствомъ съ Сивцовымъ и разъ, возвращаясь со мной съ рыбной ловли, сказалъ:

— Эхъ, что это баринъ, Павелъ Петровичъ, сидитъ одинъ въ Полыновкѣ, давно бы пора ему взять жену, веселѣй было бы.

— Ну, какал попадется, замѣтилъ я.

— А для че Богъ далъ глаза да разумъ человѣку? Зря не бери, поначалу высмотри.

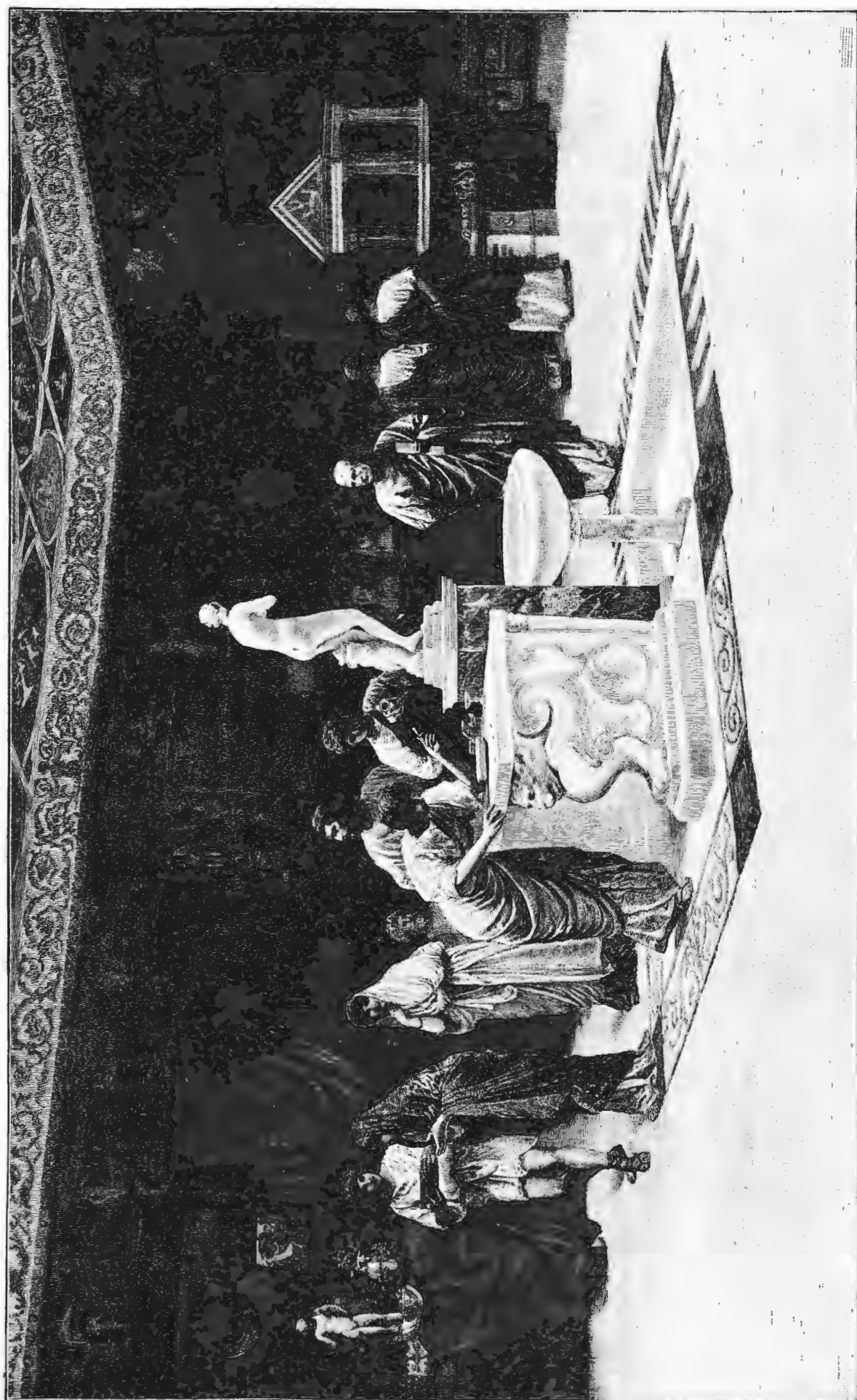
— А можетъ высмотрѣлъ себѣ невѣсту, да она-то не хочетъ за него идти.

— Да, чудно бываетъ, за хорошаго человѣка не хочу выходить, а за такого выскочить, что весь свой вѣкъ будетъ плакаться. Тоже и вашъ братъ хорошъ! норовитъ все богатую да смазливую взять невѣсту, точнехонько и не знаетъ, что какъ и въ яблочки: съ виду-то румяное, а раскуси его — внутри червоточина. Такъ вотъ попался и баринъ порошковскій: покойница его мать какую ему приготовила хорошую невѣсту; нѣтъ — самъ себѣ выбралъ красавицу, а теперь и умирать пришлось въ чужомъ домѣ.

Сивцовъ никогда ни одного слова не проронилъ о бывшихъ помѣщикахъ Порошкова, а также и о своемъ прошломъ и настоящемъ, не смотря на то, что мы уже цѣлый мѣсяцъ часто видѣлись и повидимому очень сошлись. Но вѣрно и у него явилась потребность высказаться и онъ разъ пустился въ откровенность:

— Вотъ вы счастливый человѣкъ, не будете сожалѣть, что ваши лучшіе годы пропали безъ всякой пользы, работаете надъ тѣмъ что вамъ по душѣ. А я теперь только принялся за занятія которыя мнѣ по нутру. Я съ дѣтства чувствовалъ особенное влеченіе къ музыкѣ и повѣрно былъ бы хорошимъ артистомъ, но мой отецъ не захотѣлъ: „окончи прежде университетское образованіе“, требовалъ онъ, — „а потомъ можешь и своей музыкой заниматься.“ А потомъ нашелъ, что я долженъ служить: — „Стыдно! отецъ просидѣлъ вѣкъ свой въ деревнѣ, устраивая свое хозяйство, и сынъ не ударитъ палецъ о палецъ для общей пользы! Ты обезпеченъ, значить, можешь служить безкорыстно своему отечеству, самъ видишь, что дѣлается всюду отъ корыстныхъ людей...“ Нечего дѣлать, поступилъ на службу, а тутъ послѣло Севастопольское ополченіе. Тогда отецъ напрямикъ объявилъ мнѣ, что если я не пойду въ ополченіе, такъ онъ на старости лѣтъ самъ пойдетъ. Понятно, что я поступилъ въ ополченіе. Благополучно вернулся изъ похода, и нашелъ отца въ страшномъ раздраженіи и возмущеннаго неудачнымъ

Весенняя выставка Император. Акад. Худ. Клиенты ожидающие въ атриумъ выхода патрона.
 Картина С. В. Бакаловича (собственность г. Солдатенкова), грав. Пааръ.

П'ятушій бой въ Тифлісѣ. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Н. Оболенскаго, грав. Апперери.

окончанием войны. Я было хотѣлъ ѣхать въ Италию, чтобы серьезно изучать музыку, но мой отецъ полѣзъ на стѣну: „Какъ?! въ Россіи нужны честные люди, а ты хочешь уѣзжать за границу, срамить себя и меня? Теперь каждый русскій ни о чемъ другомъ не долженъ думать, какъ о своемъ отечествѣ! Народъ пролилъ кровь на защиту своей родины, а мы, дворяне, ничего не хотимъ знать, хотимъ бѣгать къ нашимъ врагамъ? Я тебя знать не буду, если ты уѣдешь; я на старости лѣтъ на службу поступилъ, чтобы хоть какую-нибудь принести пользу, — заставилъ чиновниковъ исполнять добросовѣстно свои обязанности...“ Много мнѣ отецъ говорилъ въ этомъ родѣ, чтобы вызвать во мнѣ рвеніе къ служебной дѣятельности. Я уважалъ и любилъ отца, а потому не рѣшился раздражать его насклонъ лѣтъ. Опять поступилъ на службу и занимался музыкой, какъ дилетантъ. Служебная дѣятельность моего отца до того разстроила его организмъ, что онъ сталъ хворать. Онъ завелъ ожесточенную борьбу съ корыстолюбиемъ, съ индифферентизмомъ губернскихъ дѣятелей, которые, какъ вамъ извѣстно, даже лучшіе изъ нихъ, относятся халатнымъ образомъ къ своимъ обязанностямъ, или, преслѣдуя свои честолюбивыя цѣли, готовы надѣлать кучу вреда. Отецъ прохворалъ годъ, и, умирая, взялъ съ меня честное слово, что я буду продолжать начатую имъ борьбу съ губернскими чиновниками... Вотъ и отецъ мой, если бы смолodu спохватился, что его призваніе быть не сельскимъ хозяиномъ, а общественнымъ дѣятелемъ, — принесъ бы и пользу обществу, и самъ былъ бы доволенъ своей жизнью... Я съ годъ пронутешествовалъ за границей, чтобы освѣжить себя и собраться съ силами къ борьбѣ съ губернскими дѣятелями. Весной явился сюда и со рвеніемъ взялся за дѣло, но общество города К. нашло, что я забылъ послушину: „въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ“, и поголовно оночилось противъ меня, зачѣмъ я требую самой простой вещи — добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ по службѣ. Пустили въ ходъ самыя грязныя средства, чтобы выжить меня. Я наконецъ понялъ, что не способенъ вести борьбу съ ними тѣмъ же оружіемъ, да и вообще уяснилъ себѣ, что я не призванъ къ этой дѣятельности!.. Я теперь съ наслажденіемъ работаю, я самъ не ожидалъ, что во мнѣ столько еще сохранилось энергии. Артистомъ я самъ ужъ не могу быть, — время прошло, — но могу дѣлать другихъ артистами, если буду продолжать съ той же энергіей трудиться надъ изученіемъ музыки.

Сивцовъ говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, съ такой страстью о своей будущей музыкальной дѣятельности, что я былъ пораженъ, какъ можно ошибаться судя по наружному виду о характерѣ человѣка...

Моя жизнь въ Порошиковѣ текла мирно; моя работа быстро подвигалась; даже Филипповна примирилась съ колдуньей: Антипычъ вылѣчилъ лошадь; бабушка чуть не умерла отъ страха, какъ ея внучка ревѣль, не хотѣлъ куска проглотить, когда захворала лошадь. Собаки Антипыча заѣли хоряка, который таскалъ дворовую птицу...

Разъ я вернулся довольно поздно изъ Поляновки. Антипычъ, отворяя ворота, объявилъ мнѣ, что въ Горункахъ не ладно. Я думалъ, что умеръ Крутовъ, но оказалось, что Размотовъ прекратилъ свои визиты въ Горунки, а большой требуетъ его къ себѣ, — странно раздражается, бранить дочь, которая обливается горькими слезами. За другимъ докторомъ послать не можетъ, потому что денегъ нѣтъ.

— Заморить, заморить ее, бѣдную! почти со слезами сказалъ Антипычъ.

— А тебѣ извѣстно, почему докторъ не ѣдетъ въ Горунки?

— Какъ не извѣстно, разбогатѣлъ! Ты думаешь, что деньги только въ кармаиѣ занимаютъ мѣсто? Нѣ! онѣ и на души у человѣка себѣ мѣсто-то находятъ, какъ ржавчина какая соѣстъ въ ней выѣдаютъ.

Антипычъ началъ упрашивать меня, чтобы я сѣзидилъ къ Размотову и уприсилъ бы его заѣхать въ Горунки, чтобы прекратить мученія бѣдной барышни. Мнѣ очень не хотѣлось возобновлять знакомства съ Размотовымъ, но я пожалѣлъ барышню Горунекъ и надѣлся, что зажиравшій докторъ посовѣститъ меня, которому онъ мѣсяць тому назадъ высказалъ свои угрозы бросить дѣвчичу Крутова, если его дочь непрежнею не будетъ отвѣчать на его любовь.

Размотовъ принялъ меня холодно-вѣжливо, со своей скверной улыбкой выслушалъ причину моего визита и отвѣчалъ мнѣ:

— Меня удивляетъ ваше участіе къ людямъ, которыхъ вы совершенно не знаете. Мнѣ очень жаль, что вы напрасно беспокоили себя визитомъ ко мнѣ: я теперь такъ занятъ, что положительно не могу такъ много тратить времени на поѣздки въ Горунки.

— А я еще болѣе сожалею, что отняли у васъ даромъ нѣсколько минутъ своимъ визитомъ.

Я поспѣшилъ уйти, а Размотовъ сказалъ мнѣ вслѣдъ:

— Слава Богу, докторовъ и безъ меня много въ городѣ!

Антипычъ черезъ два дня радостно объявилъ мнѣ, что въ Горунки пріѣзжалъ новый докторъ. Я сейчасъ догадался, что тутъ замѣшанъ Сивцовъ, которому, вѣроятно, Антипычъ сообщилъ о слезахъ барышни Горунекъ. Какъ это ему удалось, — я этого не знаю, мнѣ было неловко его спросить.

Какъ-то, работая у себя въ кабинетѣ, слышу, что во дворѣ вѣхалъ экипажъ. Я вышелъ въ залу, чтобы встрѣтить Сивцова, единственнаго гостя, который посѣщалъ меня, но оказалось—это былъ Размотовъ. Онъ поспѣшилъ объявить, что пріѣхалъ по дѣлу ко мнѣ. Мы усѣлись другъ противъ друга за письменнымъ столомъ. Гость съ напускнымъ спокойствіемъ сказалъ мнѣ:

— Такъ какъ вы, Николай Николаевичъ, единственный человѣкъ, который имѣетъ сношенія съ Сивцовымъ, то я и обращаюсь къ вамъ, чтобы вы ему передали отъ меня, что онъ долженъ извиниться передо мной въ тѣхъ гнусныхъ клеветахъ, которыя распустилъ по городу обо мнѣ.

Размотовъ закончилъ свою рѣчь уже дрожащимъ голосомъ, его лицо искажено было злобой.

— Съ какими страшными требованиями вы явились ко мнѣ!.. Какое мнѣ дѣло до вашихъ городскихъ сплетенъ? возразилъ я ему на это.

— Ваши частыя посѣщенія Сивцова заставляютъ меня думать, что между вами установилась тѣсная дружба, я и рассчитывалъ, что вы постараетесь ему растолковать, что дѣло можетъ принять очень серьезный оборотъ, если онъ не извинится передо мной...

При этихъ словахъ Размотовъ вскочилъ со своего мѣста и воскликнулъ съ гнѣвомъ:

— Я его вызову на дуэль!

— А мнѣ-то какое дѣло, вызывайте кого угодно.

Размотовъ, кажется, поразилъ мой отвѣтъ.

— Такъ вы отказываетесь предупредить Сивцова, что ему предстоитъ?

— Не только отказываюсь, но прошу васъ и впредь избавить меня отъ подобныхъ порученій.

Размотовъ схватилъ фуражку и выбѣжалъ вонъ.

Я былъ въ нерѣшимости: извѣщать-ли мнѣ Сивцова объ этомъ визитѣ, и рѣшилъ, что Размотовъ, поуспокоясь, образумится самъ; я парочно не поѣхалъ два дня къ Сивцову; но онъ самъ явился и, подавая мнѣ письмо, сказалъ:

— Прочитайте до чего люди могутъ одурѣть въ провинціи!

Я прочелъ письмо Размотова къ Сивцову, въ которомъ излагались тѣ же требованія съ какими онъ являлся и ко мнѣ.

— Что же вы намѣрены ему отвѣчать? спросилъ я.

— Да, ничего! я забылъ о его существованіи; познакомился съ нимъ по случаю одного бѣднаго молодого человѣка, который сошелъ съ ума и лежалъ въ госпиталѣ. Съ перваго разу Размотовъ мнѣ показался пустенькимъ, да и рассказывалъ мнѣ много про свои ловеласовскія похождения въ городѣ, даже указывалъ на одну барышню, которую онъ компрометировалъ, а жениться отказывается на томъ основаніи, что его родители не могутъ ему дать денегъ. Съ тѣхъ поръ я его не видалъ въ глаза!

— А если онъ васъ вызоветъ на дуэль?

— Это онъ рисуется передъ вами, заугиваетъ меня; я обстрѣлю его подобными угрозами, которыя мнѣ присылаются въ анонимныхъ письмахъ и въ насквиленныхъ стихахъ. Нѣтъ, имъ одинъ мой отвѣтъ — презрѣніе!

Сивцовъ говорилъ это съ такимъ убѣжденіемъ, что я совершенно успокоился; но черезъ два дня вечеромъ явился ко мнѣ нарочный изъ Поляновки съ запиской отъ Сивцова, въ которой онъ приглашалъ меня немедленно пріѣхать къ нему. Онъ встрѣтилъ меня словами:

— Получилъ отъ дурака вызовъ!

— И вы рѣшаетесь принять этотъ вызовъ? спросилъ я въ сильномъ волненіи.

— А что прикажете дѣлать?.. не могутъ оставить меня въ покоѣ! Радъ, что нашли дурака который лѣзетъ на стѣну... Какія-то клеветы распускаю про него по городу! да я и въ городѣ-то давно не былъ.

— Позвольте мнѣ переговорить сначала съ Размотовымъ...

— Сохрани васъ Боже! вы не знаете, что это за люди; они только будутъ торжествовать, кричать всюду, что я струсливъ и подсылаю просить прощенія... Ради Бога, прошу васъ, ни шагу не дѣлать къ примиренію!

— Да вы плохо стрѣляете...

— Дуэль такое дѣло, что и хорошіе стрѣлки бывали убиваемы плохими... Мнѣ одно досадно, что я, волей-неволей, долженъ обратиться...

— Я согласенъ быть вашимъ секундантомъ, поспѣшилъ я отвѣтить Сивцову.

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, вынулъ изъ кармана большой запечатанный пакетъ и подалъ мнѣ его, сказавъ:

— Я, очень кстати, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вздумалъ сдѣлать свое завѣщаніе, вотъ оно и пригодилося! Въ этомъ пакетѣ есть къ вамъ письмо съ моими распоряженіями; я увѣренъ, что вы ихъ исполните... Видите, у меня все готово!

И Сивцовъ, желая прекратить разговоръ о дуэли, сѣлъ за рояль и сталъ играть. Я удивлялся его спокойствію духа. Сыгравъ одну пьесу, онъ сталъ ходить по комнатѣ, вдругъ остановился передо мной и сказалъ:

— А бываютъ такіа минуты въ жизни, что съ полнымъ равнодушіемъ смотришь на смерть, хотя въ сущности не имѣешь права жаловаться на свою судьбу. Мое дѣтство и моло-

дость были обставлены хорошими условиями; никаких особенных пертурбаций не имѣлъ, даже всегда пользовался отличнымъ здоровьемъ и былъ материально обезпеченъ. Ну, что еще нужно человѣку? а вотъ подите-жь, никакого волненія не ощущаю при мысли, что какой-нибудь дуракъ ни за что ни про что влѣпнеть мнѣ пулю въ лобъ! Надо вамъ сказать, что у меня появилось съ годъ одно завѣтное желаніе, и меня угѣшаетъ мысль, что можетъ быть моя смерть осуществить его скорѣй... Когда я прѣхалъ въ свое родное пепелище, то всѣ мои интересы были сосредоточены на моей службѣ, но неожиданно, негаданно я встрѣтилъ...

На этомъ словѣ Сивцовъ оборвалъ свою рѣчь, точно чего-то испугался и снова заходилъ по комнатѣ. Я нетерпѣливо ждалъ продолженія его исповѣди, но онъ отворилъ дверь въ переднюю и приказалъ:

— Подавайте ужинъ!

Прощаясь со мной, онъ опять завелъ рѣчь о дуэли, повторивъ свое желаніе, чтобы я ни въ какомъ случаѣ не пробовалъ дѣлать попытки къ примиренію, когда увижу Размотова...

Я явился къ Размотову и объявилъ ему, что Сивцовъ принимаетъ вызовъ. Я подумалъ, что это передернуло его, но онъ развязно съ эхидной улыбкой произнесъ:

— Я заранѣе зналъ, что вы будете секундантомъ у моего противника.

— Что жь, это дѣлаетъ честь вашей проицательности, отвѣтилъ я. — Потрудитесь сказать мнѣ адресъ вашего секунданта, чтобы я могъ переговорить съ нимъ объ условіяхъ дуэли?

— У меня друзей много, за этимъ дѣломъ не станеть: завтра я васъ извѣщу, или лучше пришлю къ вамъ моего секунданта. Я раскланялся, но Размотовъ остановилъ меня словами:

— Въ память прежнихъ нашихъ отношеній я желаю, чтобы вы не въ искаженномъ видѣ знали причину моего вызова.

— Вы ужь мнѣ говорили о какихъ-то грязныхъ слетняхъ, которыя о васъ кто-то распускаетъ по городу, равнодушно отвѣтилъ я, снова дѣлая видъ, что хочу уйти.

— Позвольте, воскликнулъ Размотовъ, потерявъ самообладаніе: — никто, кромѣ Сивцова, не могъ клеветать на меня!

— Какія данныя вы имѣете на это?

— А вотъ увидите! Сивцовъ послалъ доктора въ Горунки, послѣ этого стали ходить по городу слухи, будто бы я прекратилъ свои визиты къ Крутова, потому что мнѣ замедлила его жена присылкой впередъ денегъ, которыя я всегда получалъ за свои визиты, но скрывалъ отъ всѣхъ... Надѣюсь, поводъ есть предполагать — кто авторъ этихъ клеветъ?

— Никакого.

Размотовъ, весь дрожа, воскликнулъ:

— Не находите? хорошо-съ! если этого для васъ мало, то я васъ спрошу: чему я долженъ приписать, что дочь Крутова, находясь въ такомъ скверномъ положеніи, отвѣтила на мое предложеніе слѣдующими словами: „лучше женитесь на той, которая васъ любитъ.“

— Чему же другому этотъ отвѣтъ можно приписать, какъ не тому, что она честная дѣвушка и не желаетъ воспользоваться вашимъ увлеченіемъ, не смотря на свое скверное положеніе.

— Я еще не все сказалъ. У Сивцова есть шпіонъ въ Горункахъ, иначе онъ не могъ знать, что я, за неизбѣжнымъ временемъ, прекратилъ свои визиты. Очень легко, что Сивцовъ этого же доктора и упротестовалъ такъ аттестовать меня дочери Крутова, что она и изволила мнѣ сказать эту фразу: „женитесь на той, которая васъ любитъ.“

— Что же вы находите такого въ этой фразѣ?

— А то, что ей рассказали о барышнѣ... да я вамъ упоминалъ о ней, — она до сумасшествія влюблена въ меня, и не можетъ помириться, что я могу жениться на другой; явилась ко мнѣ, показала мнѣ анонимное письмо, въ которомъ ее извѣщавъ, что я хочу жениться, и дѣлаетъ мнѣ сцену...

— Я понимаю, что ваше положеніе очень затруднительное, но поводы къ дуэли все-таки слабы, тѣмъ болѣе что Сивцовъ настолько порядочный и развитой человѣкъ, что не способенъ на грязныя слетни и на анонимныя письма.

— А ревность, да еще въ его лѣта?

— Да что разсуждать объ этомъ, прощайте! отвѣтилъ я.

Размотовъ опять не пустилъ меня, сдѣлавъ мнѣ вопросъ:

— Это ваше искреннее мнѣніе о Сивцовѣ?

— Конечно.

— Но вы сами меня увѣрили, что онъ страстно влюбленъ въ нее? Я прежде этого не подозревалъ.

Я раскался, что выболталъ дураку сердечную тайну Сивцова, и старался убѣдить Размотова, что я это сдѣлалъ изъ хитрости, чтобы заставить его высказать мнѣ свою любовь, о которой я догадался изъ его отказа познакомить меня съ моими сосѣдями въ Горункахъ. Но я дѣйствовалъ дипломатически, дѣлая видъ, что не замѣчаю расположенія Размотова сдаться на примиреніе, и когда онъ мнѣ сказалъ:

— Ваше мнѣніе о Сивцовѣ сбиваетъ меня съ толку; я теперь въ недоумѣніи: съ какой цѣлью другой кто-нибудь могъ ей оклеветать меня...

— А подумайте хорошенько; сами вы мнѣ разсказывали, что вы имѣете большой успѣхъ у женщинъ, очень можетъ быть какой-нибудь мужъ, или отставной поклонникъ по злобѣ и мстятъ вамъ.

Размотовъ сдѣлалъ видъ какъ бы пораженного моими словами, и разведя руками, произнесъ:

— Сознаюсь, я объ этомъ и не подумалъ!

И онъ посмотрѣлъ на меня такъ, какъ бы ожидая, что я первый предложу миролюбиво покончить дѣло; но я предоставилъ ему первому сдѣлать этотъ шагъ; и когда онъ, занявшись, сталъ говорить о своемъ послѣднемъ вызовѣ, то я ему посоветовалъ написать извиненіе Сивцову.

— Никогда, ни за что! опять вспыхнулъ Размотовъ. — Въ его рукахъ будетъ документъ...

— Какой Сивцовъ, прочти, разорветъ, подсказалъ я.

— Вы ручаетесь? спросилъ меня Размотовъ.

— Какой же порядочный человѣкъ можетъ иначе поступить въ такомъ случаѣ?

Размотовъ поломался, объявить, что это онъ дѣлаетъ для меня, потому что его совѣсть упрекала бы, еслибъ я пострадалъ изъ-за этой дуэли; что онъ меня очень уважаетъ, цѣнитъ и проч. Онъ написалъ записку, кусая губы отъ волненія и, отдавая ее мнѣ со скрежетомъ зубовъ, произнесъ:

— Я все-таки досконально развѣдаю моего тайнаго врага, и тогда я не буду слушать никого!

Я былъ радъ, что эта глупая дуэль разстроилась, и ничего ему не возражалъ, а поспѣшилъ къ Сивцову, отъ котораго скрылъ сватовство Размотова, боясь, чтобы онъ, чего добраго, не полъзъ на стѣну.

— Господи! какіе всѣ они пошляки! разрывая нисѣмо, сказалъ Сивцовъ.

Моя разнообразная жизнь въ деревнѣ болѣе уже не нарушалась никакимъ волненіемъ до прѣзда моихъ родственниковъ въ Порошиково. Я сталъ собираться къ отъѣзду. Въ вѣсколькихъ дняхъ мнѣ опротивѣли дѣти и ихъ родители. Одни своими капризами, а другіе систематической порчей дѣтей физически и нравственно. Я было пробовалъ урезонивать моихъ родственниковъ, что теперь прошла пора разводитъ тепличныхъ людей; что экономическія условія совершенно измѣнились; что наслѣдство, которое получили, они на-половину прожили, да и остальную часть проживутъ. Само собой разумѣется, что мои родственники считали меня по молодости лѣтъ не компетентнымъ судьей въ воспитаніи дѣтей.

Какъ слѣдовало ожидать, собаки Антипыча произвели такое страшное впечатлѣніе на заботливыхъ родителей, что немедленно былъ данъ приказъ удалить ихъ изъ Порошикова. Сивцовъ взялъ къ себѣ въ Полюновку Антипыча съ собаками.

Филипповна спасовала передъ волей своихъ господъ, которыхъ я упротестовалъ, чтобы Петръ остался въ должности кучера. Онъ со слезами на глазахъ благодарилъ меня за это. Съ Сивцовымъ мы разстались дружески и я пожелалъ ему успѣха въ его музыкальной дѣятельности...

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Панамскій каналъ. (Рис. на стр. 713, 716 и 717).

Въ біографіи Фердинанда де-Лессенса, помѣщенной въ № 6 *Иви* настоящаго года, мы упомянули, что этотъ замѣчательный человѣкъ, несмотря на преклонные годы, съ удивительною энергіею и неутомимостью занятъ въ настоящее время осуществленіемъ грандіознаго проекта—прорытія Панамскаго перешейка и соединенія двухъ океановъ. Десять лѣтъ тому назадъ была учреждена „Всемирная компанія междуокеанскаго Панамскаго канала“, приступившая къ сооруженію канала поперекъ центральнаго американскаго перешейка отъ берега Атлантическаго океана у Колона (Аспинвали) при Мексиканскомъ заливѣ, до устья Ріо-Гранде въ Панамской бухтѣ на сторонѣ Тихаго или Великаго океана. Длина всего канала, считая притомъ углубленіе, которое должно быть проведено въ въ мелкой бухтѣ, будетъ простираться немного болѣе 70

верстъ, при глубинѣ почти въ 30 футовъ и ширинѣ въ 72 фута по дну канала и 131 футъ на поверхности воды въ немъ. Такимъ образомъ новый каналъ будетъ гораздо шире Суэскаго, прославившаго имя своего соорудителя, того же Фердинанда де-Лессенса. Со времени начала работъ встрѣтившіяся затрудненія совершенно измѣнили первоначальный планъ. Главную трудность въ исполненіи этой гигантской работы составила необходимость соорудить громадныя запруды и предотвратить сліяніе рѣки Чагресъ съ Обисно, вслѣдствіе чего могло произойти затопленіе всей мѣстности между Эмперадоромъ и Колономъ. Дальнѣйшія затрудненія представились при прорытіи ряда холмовъ, высотой до 360 футовъ при Кудебрѣ при 1½ верстахъ длины и 200 футовъ высоты у Эмперадора. Въ сложности холмистая мѣстность на всю длину канала не превышаетъ 14 верстъ, но твердыя горныя породы, въ особенности у Эмперадора, причинили не мало препятствій при прорытіи

возвышенностей. Помѣщенный на стр. 716 и 717 рисунокъ представляетъ состояніе и ходъ работъ въ возвышенномъ участкѣ канала, между Эмперадоромъ и Кулеброй, ближе къ послѣдней. Кромѣ значительной высоты, на которой производится работы и куда должно быть доставляемо все необходимое для нихъ,—значительнымъ затрудненіемъ является надобность подыскать подходящее мѣсто, гдѣ могли бы быть свалены миллионы кубическихъ футовъ земли и камней, вырытыхъ при проведеніи канала въ этомъ мѣстѣ. Машины и рабочіе для канала доставляются изъ разныхъ мѣстъ земнаго шара. Первые получаютъ главнымъ образомъ изъ Франціи, Бельгіи и Америки. Изъ нихъ нѣкоторые, какъ на примѣръ изображенная на стр. 713, чрезвычайно любопытны и замѣчательны. Рабочими, преимущественно являются негры, которые лучше другихъ уживаются въ убійственномъ климатѣ центральной Америки. Кромѣ того, въ Панамѣ можно встрѣтить рабочихъ со всѣхъ концовъ вселенной, привлеченныхъ туда большою задѣльной платою. На одной станціи отдѣла Эмперадоръ рабочіе говорятъ не менѣе какъ на восьми языкахъ, а именно: англійскомъ, испанскомъ, французскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, португальскомъ, китайскомъ и индо-станскомъ. Надо замѣтить, что трудности жизни въ этой мѣстности значительно облегчаются большою заботливостью, какою отличается компанія, касательно рабочихъ, которыхъ въ общей сложности насчитывается свыше 12,000 человекъ.

Туземцы Сандвичевыхъ острововъ, плавающіе на доскахъ по волнамъ океанскаго прибоя.

Въ настоящее время около половины работъ для проведенія канала уже окончены; остается прорыть каналъ въ сравнительно мягкомъ грунтѣ и окончательно, такъ сказать, отдѣлать его. Работы, кромѣ того, облегчились и тѣмъ обстоятельствомъ, что компанія приобрѣла Панамскую желѣзную дорогу. Тѣмъ не менѣе для успѣшнаго окончанія работъ потребуются еще около 300 милліоновъ рублей. При составленіи смѣты де-Лессепъ полагалъ, что стоимость канала не превыситъ 250 милліоновъ рублей. По осмотру перешелка на мѣстѣ, смѣта предпріятія была увеличена въ 1879 году болѣе чѣмъ на 100.000.000 рублей. На дѣлѣ, встрѣтившіяся затрудненія потребовали еще большихъ расходовъ, которые превзошли въ настоящее время 500 милліоновъ рублей.

Корреспондентъ журнала *Illustrated London News*, прибывшій въ Колонъ 13 февраля настоящаго года, въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ: „Я затрудняюсь назвать въ настоящее время семь чудесъ свѣта, но я могу съ увѣренностью сказать, что восьмымъ чудомъ является каналъ, строящійся въ настоящее время между Колономъ и Панамой въ центральной Аме-

рикѣ. Я чувствую, что осталось немного лѣтъ еще и онъ будетъ оконченъ. Тогда корабли почти всѣхъ размѣровъ будутъ проходить изъ Атлантическаго въ Великій океанъ въ 24 часа. Я въ этомъ твердо увѣренъ, подобно всѣмъ, побывавшимъ на мѣстѣ. Покинуть это предпріятіе, на которое уже потрачено столько денегъ и силъ,—будетъ вопиющимъ стыдомъ и даже поворомъ для всего свѣта. Болѣе половины работъ — окончены, всѣ машины на мѣстѣ и работы безъ усталы ведутся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ днемъ и ночью“.

Въ настоящее время самое главное препятствіе — отсутствіе необходимыхъ средствъ для проведенія канала — также устранимо, такъ какъ французское правительство разрешило компаніи Панамскаго канала выпускъ 2.000.000 облигацій на сумму 720 милліоновъ франковъ.

Литературный альбомъ.
„Емшанъ“, А. Н. Майкова.
(Рис. на стр. 721).

Кому не случалось испытывать, какъ могутъ воскрешать въ насъ воспоминанія запахъ нѣкоторыхъ травъ, цвѣтовъ, духовъ и т. п. душистыхъ предметовъ, вызывая въ памяти впечатлѣнія давно пережитыхъ лѣтъ, почему-либо связанныхъ съ этими предметами. Особенно сильно вліяніе привычныхъ съ дѣтства, такъ сказать „родныхъ“ запаховъ на чужбинѣ, гдѣ они встрѣчаются лишь изрѣдка и случайно. На этомъ общеизвестномъ явленіи основано содержаніе поэтическаго разсказа, иллюстра-

цій къ которому служить прилагаемый рисунокъ. „Емшанъ“ — лѣтописное названіе душистой степной травы, вѣроятно изъ рода полыни.

Степной травы пучокъ сухой,
Онъ и сухой благоухаетъ!
И разомъ стени надо мною
Все обаянье воскрешаетъ.

Жили-были въ степяхъ южной Руси два брата, батыри (богатыри) половецкіе, ханъ Отрдѣкъ и ханъ Сырчанъ. Ударилъ на нихъ, гроза кочевниковъ, Владиміръ Мономахъ, и разсѣлъ ихъ орды: Сырчанъ скрылся въ отъелѣхъ Дона, Отрдѣкъ бѣжалъ на Кавказъ и тамъ сталъ владыкой сильнаго царства. Но вотъ, по смерти Мономаха, гроза прошла, Сырчанъ вернулся въ родныя стени и шлетъ лѣвца своего гонцомъ къ брату звать его на родину. Посланнѣй находитъ Отрдѣку въ золотомъ шатрѣ, окруженнаго роемъ абхазскихъ красавицъ и подвластныхъ князей. Напрасно мапить его пѣвецъ безопасностью пути на осиротѣлую Русь, напрасно поетъ ему о славныхъ былахъ половецкихъ и дѣлнхъ дѣдовъ — Отрдѣкъ равнодушенъ къ брат-

Императоръ Германскій Вильгельмъ II и его супруга Августа-Викторія.

нину зову и приказывает увести пѣвца съ глазъ долой... Тогда пѣвецъ воспоминаетъ о послѣднемъ средствѣ — о захваченномъ съ собой изъ стѣнъ емишаѣ...

И взялъ пучокъ травы стеной
Тогда пѣвецъ и подалъ хану—
И смотритъ ханъ—и, самъ не свой,
Какъ-бы почуявъ въ сердцѣ рану,

За грудь схватился... Всѣ глядятъ—
Онъ, грозный ханъ, что жъ это значитъ?
Онъ, предъ которымъ всѣ дрожатъ,—
Пучокъ травы цѣлуя, плачетъ!

И вдругъ, взмахнувши кулакомъ,
„Не царь я больше вамъ отнынѣ!“
Воскликнулъ: „смерть въ краю родномъ“
Милѣй чѣмъ слава на чужбинѣ.“

Кліенты, ожидающіе въ атриумѣ выхода патрона.

(Рис. на стр. 724).

Читатели *Нивы* уже видѣли въ №№ 21 и 22 нашего журнала гравюры съ двухъ картинъ молодого художника С. В. Бакаловича, работы котораго издѣли въ нынѣшнемъ году на академической выставкѣ большой и заслуженный успѣхъ. На стр. 724 нынѣшняго № помѣщена третья его картина „Кліенты, ожидающіе въ атриумѣ выхода патрона“, замѣчательная удивительнымъ блескомъ и виртуозностью исполненія. Мраморныя изваянія съ водосомомъ, посреди помѣщенія, освѣщенная падающимъ сверху свѣтомъ, рельефно выдѣляются на темномъ фонѣ стѣнъ, на которыхъ, однако, отчетливо можно различить живонисы и маски предковъ. Нѣсколько фигуръ оживляютъ картину. Это кліенты, ожидающіе своего патрона, одни съ нетерпѣніемъ и надеждою на щедрія подачки своего господина, другіе спокойно или со страхомъ предъ неизвѣстными приходами и требованіями его. Составляя какъ бы среднее сословіе въ Римскомъ государствѣ, кліенты входили въ составъ семейства патрона-патриція, который надѣлялъ ихъ участками земли для обработки, защищалъ предъ судомъ и велически оказывалъ свое покровительство. Въ свою очередь, кліенты, бывшіе иногда людьми очень богатыми, обязаны были повиноваться своему патрону, уважать и поддерживать его по мѣрѣ силъ и средствъ, сопровождать его на войну, выкупать изъ плѣна своего господина, давать приданое его дочерямъ и т. п.

Пѣтушій бой въ Тифлисѣ. (Рис. на стр. 725).

Бой пѣтуховъ принадлежитъ къ числу наиболее распространенныхъ видовъ спорта. Пѣтуши бой (греч. алектріомачія) извѣстенъ были уже древнимъ. Въ Аѳинахъ они устраивались ежегодно въ воспоминаніе того, что Аѳиняне пѣкогда, увидѣвъ двухъ дравшихся пѣтуховъ, вывели изъ этого доброе предзнаменованіе касательно отпора персидскому нашествію. Въ другихъ городахъ Греціи, Малой Азіи, Сициліи и особенно въ Римѣ также очень любили это зрѣлище. Пѣтуховъ обыкновенно раздраживали разными средствами предъ боемъ и снабжали желѣзными шпорами. Церковь христіанская ратовала противъ этого боя, какъ и противъ всѣхъ кровавыхъ зрѣлищъ древности, но тѣмъ не менѣе въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и до послѣдняго времени, пѣтушій бой постоянно держался въ Англіи, Голландіи, Италіи, Германіи, Центральной Америкѣ, Остѣ-Индіи и Китаѣ. Въ Англіи они устраивались систематически при Генрихѣ VIII и Карлѣ II, причѣмъ первый положилъ начало такъ-называвшемуся *большому національному бою пѣтуховъ*, который съ тѣхъ поръ устраивался на королевской аренѣ (Royal cockpit). Въ послѣднее время пѣтушій бой въ Англіи были запрещены закономъ, но тайкомъ устраиваются и до сихъ поръ. Въ Москвѣ они производились еще въ началѣ шестидесятихъ годовъ, гдѣ ими особенно славился одинъ трактиръ у Пречистенскихъ воротъ. Въ Тифлисѣ, какъ видно на рисункѣ, они производятся довольно открыто.

Сандвичане во время прибоа. (Рис. на стр. 728).

Кто-то называлъ плаваніе искусствомъ продолжать страданія когда утопашь. Однако не мало людей избѣгли этой мучительной смерти и сохранили себѣ жизнь только благодаря умѣнью плавать. Этимъ, быть можетъ, и объясняется что во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, которымъ приходилось ѣздить по водѣ, или жить близъ нея, плаваніе было хорошо извѣстно. Уже въ глубокой древности финикійцы и картагеняне славились своимъ умѣньемъ плавать. Также древніе греки, въ особенности жители Аѳинъ и острова Делоса, были отличными пловцами. У римлянъ обученіе плаванію было обязательнымъ среди солдатъ. Не мало примѣровъ продолжительнаго и замѣчательнаго плаванія сохранилось въ исторіи. Многимъ извѣстно поэтическое сказаніе о Леандрѣ, жителѣ Абидоса. Онъ каждую ночь переплывалъ Геллеспонтъ, т. е. нынѣшнія Дарданеллы, чтобы видѣться со своею возлюбленною, молодой и красивой жрицей Геро, которая зажигала на высокой башнѣ огонь, служившій путеводителемъ отважному пловцу. Долгое время совершенный Леандромъ подвигъ казался невѣроятнымъ. Дарданеллы въ самомъ узкомъ мѣстѣ имѣютъ до 7 стадій или болѣе

560 сажень, а городъ Сестосъ, гдѣ жила Геро, отстоялъ отъ Абидоса на 30 стадій. Но въ началѣ нынѣшняго столѣтія задача переплыть Дарданеллы была благополучно разрѣшена извѣстнымъ англійскимъ поэтомъ лордомъ Байрономъ. Въ апрѣлѣ 1810 года онъ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ друзей, лейтенанта Экенгида, переплылъ древній Геллеспонтъ съ европейскаго берега на азіатскій въ теченіе 1 часа времени, хотя и заплатилъ нѣсколькими днями лихорадки. Послѣднее не удержало знаменитаго поэта совершить вполнѣ ствѣи еще нѣсколько путешествій вилавъ. Такъ, между прочимъ, въ 1818 году, вслѣдствіе жары, онъ приплылъ съ острова Лидо до Венеціи, гдѣ долгое время плавать еще по каналамъ, всего въ теченіе 4 часовъ и 20 минутъ. Въ позднѣйшее время прославился какъ отважный и неутомимый пловецъ капитанъ Метью Вебъ, погибшій въ 1883 году, во время отчаянной попытки переплыть Ніагарскій водопадъ. Въ 1875 году капитанъ Вебъ переплылъ Ламаншскій каналъ изъ Дувра, въ Англіи, во Францію, въ Калэ, съ 12 на 13 августа въ теченіе 21 часа и 45 минутъ. Плаваніе въ особенности развито среди дикарей, населяющихъ берега морей и рѣкъ въ тропической части земнаго шара. Еще во времена завоеванія испанцами Америки, жители этой новой части свѣта вызывали удивленіе среди своихъ завоевателей своимъ умѣньемъ плавать. Позднѣе, при посѣщеніи европейцами Океаніи, сообщались удивительные рассказы о плаваніи обитателей острововъ Тихаго и Индійскаго океановъ. Нѣкоторое представленіе о прочѣлахъ въ водѣ полнѣйшею, даетъ помѣщенный на стр. 728 рисунокъ, изображающій плавающихъ сандвичанъ во время прибоа. Захвативъ доски, они съ ними поднимаются и опускаются на громадныхъ морскихъ валахъ. Добравшись до верхушки волны, нѣкоторые изъ нихъ ухитряются стать на доску и спускаются на ней, какъ съ горы, въ водную пропасть.

Императоръ Германскій Вильгельмъ II и его супруга. (Портр. на стр. 729).

Посѣтившій на прошлой недѣлѣ Россію, юный Германскій императоръ родился въ Берлинѣ 15 (27) января 1859 г. Дѣдъ его, покойный императоръ Вильгельмъ I, въ то время принц-регентъ Пруссій, узнавъ о рожденіи внука, на простомъ изволикѣ побѣхалъ во дворецъ къ сыну. На дорогѣ ему встрѣтился фельдмаршалъ Врангелъ, успокоившій встревоженнаго принца. „Все обстоитъ благополучно“, замѣтилъ старый воинъ, „родившійся мальчикъ такой здоровый и толстый рекрутъ, какихъ только и нужно!“ Въ томъ же году 21 февраля были совершены крестины новорожденнаго и ему даны имена Фридриха-Вильгельма-Виктора-Альберта. Первыми воспитательницами и наставницами молодого Гогенцоллерна были госпожи Адольфи и Донжѣ. У послѣдней онъ учился французскому языку. Позже онъ изучилъ англійскій языкъ подъ руководствомъ миссъ Арчеръ, вполнѣ школьнаго возраста маленькому принцу былъ данъ въ качествѣ гражданскаго наставника профессоръ, нынѣ тайный совѣтникъ Гинциетеръ, который исполнялъ эту обязанность до совершеннолѣтій своего питомца. Военнымъ губернаторомъ у принца былъ генералъ-майоръ фонъ-Штольбертъ, сумѣвшій внушить ему съ ранняго возраста горячую любовь къ военному дѣлу. 15 января 1869 года, въ 10-ю годовщину рожденія принца Вильгельма, онъ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ и 1 мая, въ томъ же году, участвовалъ въ первый разъ на церковномъ парадѣ перваго пѣхотнаго гвардейскаго полка. При всей любви ко всему военному, юный принцъ прилежно занимался преподаваемыми ему науками и языками. Для полнаго ознакомленія съ ними августѣйшіе родители принца рѣшили, что ихъ сыновья, Вильгельмъ и Генрихъ, должны получить дальнѣйшее образованіе не при дворѣ, а въ доступномъ для всѣхъ учебномъ заведеніи. Выборъ ихъ остановился на Кассельской гимназіи. Въ лицѣ ея директора, доктора Фогта, они нашли человека, вполнѣ отвѣчнаго ихъ желаніямъ. На обращеніи къ нему въпросъ, онъ отвѣтилъ, что желаніе Августѣйшихъ родителей помѣститъ своихъ сыновей въ его училище онъ считаетъ, конечно, приказаніемъ, но при всемъ томъ полагаетъ, что оба его новые питомца подчинятся безпрекословно всѣмъ установленнымъ въ заведеніи порядкамъ и будутъ исполнять всѣ возложенныя на воспитанниковъ обязанности; никакихъ различій и льготъ онъ допустить не можетъ. Отвѣтъ директора очень понравился. До отъѣзда въ Кассель, принцъ Вильгельмъ 1 сентября 1874 года былъ конфирмованъ при торжественной обстановкѣ въ той самой гарнизонной церкви въ Потсдамѣ, гдѣ недавно происходило погребеніе его державнаго отца. Къ конфирмаціи принца приготавливалъ проповѣдникъ Пергаузеъ, находившійся при почившемъ императорѣ Фридрихѣ въ тяжелые дни его послѣднихъ страданій.

Въ Кассельской гимназіи принцъ Вильгельмъ провелъ немного болѣе 2 лѣтъ. 8 января 1877 года онъ выдержалъ свой экзаменъ зрѣлости, а черезъ недѣлю молодой принцъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ. Съ этого времени началась его практическая военная служба въ первомъ пѣхотномъ гвардейскомъ полку. При этомъ случаѣ императоръ Вильгельмъ I

свое наутствие вьнуку заключилъ словами: „Ступай и исполний свой долгъ, какъ тебѣ училъ исполнять его. Да хранитъ тебя Богъ!“

Въ томъ же году онъ поступилъ въ Бонскій университетъ, гдѣ пробылъ почти три года, до 1879 г., съ особенною любовью занимаясь государственными и юридическими науками.

Еще будучи студентомъ, принцъ Вильгельмъ, охотился близъ замка Примкенану, въ окрестностяхъ Готы, познакомился со своею будущей женой принцессой Августой-Викторией. Ея отецъ, — герцогъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Аугустенбургскій, былъ лишенъ престолонастѣдія послѣ австро-прусской войны и уединенно проживалъ въ названномъ замкѣ. Въ 1880 году онъ скончался, оставивъ вдову, герцогиню Аделаиду съ четырьмя дочерьми, изъ которыхъ старшей, Августѣ-Викторіи, родившейся 10 октября 1858 года, было тогда 22 года. Песмотря на сильныя препятствія къ браку, юный принцъ побѣдилъ затрудненія и бракосочетаніе состоялось въ февралѣ 1881 года. Съ этого времени принцъ Вильгельмъ ревностно отдался военной службѣ. Быстро пройдя все офицерскіе чины, онъ наконецъ былъ назначенъ командиромъ гвардейскаго гусарскаго полка, квартирующаго въ Потсдамѣ. Здѣсь у него родился, 7 мая 1882 года, первенецъ-сынъ, названный Фридрихомъ-Вильгельмомъ-Викторомъ-Августомъ-Эрнестомъ. Въ настоящее время у императора Германскаго четыре сына. Въ послѣдніе годы жизни своего старца-дѣда, и въ особенности со времени болѣзни своего отца, принцъ Вильгельмъ сталъ ревностно заниматься государственными дѣлами, хотя и ранѣе ими интересовался. Интересъ къ государственнымъ дѣламъ возбудилъ въ молодомъ принцѣ главнѣмъ образомъ князь Бисмаркъ, къ которому, какъ извѣстно, импѣриальный императоръ питаетъ глубокое уваженіе и безусловное довѣріе.

Пребываніе императора Германскаго въ Петергофѣ. Нижній садъ и фонтаны. (Рис. па стр. 732).

Апартаменты для его величества императора Германскаго находятся на правой сторонѣ Большаго Петровскаго Дворца въ Петергофѣ, на половинѣ Великой Княгини Ольги Николаевны. Великая Княгиня, по выходѣ въ замужество, въ которое время жила въ этихъ апартаментахъ. Помѣщеніе его величества составляютъ 8 комнатъ.

Петергофскій дворецъ со всехъ сторонъ окруженъ паркомъ, который раздѣляется на двѣ главныя части: „Верхній садъ“ и „Нижній садъ“. Нижній садъ расположенъ ближе къ морю по берегу Финскаго залива и тянется вдоль берега болѣе чѣмъ на двѣ версты, а въ ширину имѣетъ до 300 саженей.

Верхній садъ расположенъ гораздо выше Нижняго, отчего и получилъ это названіе. Изъ Нижняго сада въ Верхній ведутъ нѣсколько широкихъ бѣлыхъ мраморныхъ лѣстницъ. На самомъ краю уступа, раздѣляющаго оба сада, и построенъ большой Петергофскій парковый дворецъ, заложенный Петромъ Великимъ по случаю своей свадьбы и окончательно роскошно отдѣланный послѣдующими государями, въ особенности Елисаветой Петровной. Первоначальное зданіе, выведенное по чертежу Леблонна, Елисавета Петровна поручила архитектору графу Растрелли расширить и украсить. Растрелли пристроилъ къ нему два боковые флигеля и соорудилъ домашнюю церковь во имя Св. Петра и Павла. На крышѣ изъ бѣлой жести съ золотыми украшеніями онъ помѣстилъ огромнаго трехглаваго орла въ 16 пудовъ вѣсомъ.

Во дворцѣ чрезвычайно много комнатъ, отдѣланныхъ наироскошнѣйшимъ образомъ и наполненныхъ дорогими картинами.

Противъ передняго фасада по уступу расположены большіе гроты и два главные каскада въ видѣ колоссальныхъ лѣстницъ, по 7 ступеней въ каждой. Каждая ступень по краямъ укра-

шена позолоченными статуями, представляющими кони съ античныхъ, вазами и чашами съ бьющею изъ нихъ водою. Въ нижнихъ большаго грота также разставлено нѣсколько бронзовыхъ статуй отличной работы, а на площадкѣ передъ гротомъ бьетъ фонтанъ, вода котораго падаетъ въ видѣ плетеной корзинки. Вся вода, выбрасываемая этими фонтанами и каскадами, изливается черезъ урны статуй Невы и Волхова въ „ковни“, посрединѣ котораго бьетъ могучая струя Самсона, величайшаго изъ всехъ Петергофскихъ фонтановъ.

Екатериною I, супругою Петра, былъ поставленъ на мѣсто замышлявшейся Петромъ „исторіи Еркуловой“, фонтанъ „Самсонъ“, раздирающій пасть льву“. Група эта имѣетъ символическое значеніе: она изображаетъ безуспѣшную борьбу шведовъ съ русскими, поразившими ихъ на голову при Полтавѣ въ день *Св. Самсонія*. Левъ же, раздираемый Самсономъ, представляетъ Швецію, такъ какъ животное это изображается на ихъ государственномъ гербѣ.

Струя воды, выбрасываемая львиною пастью, поднимается, какъ говорятъ, на такую высоту, на какую только можетъ при всехъ усиліяхъ нагнетающаго механизма, словомъ достигаетъ maximum'a высоты и силы. Кругомъ Самсона множество мелкихъ и крупныхъ фонтановъ: гладіаторы, тритоны, лягушки и пр.

Кромѣ Самсона, въ Нижнемъ саду есть и другія сооруженія, обращающія на себя вниманіе, напр. „Марли“, хорошенькій каменный дворецъ (построенный по образцу такого же дворца, находящагося въ окрестностяхъ Парижа), въ которомъ хранятся многія вещи принадлежавшія Петру Великому; „Золотая гора“, „Марлинскій каскадъ“, „Львиный каскадъ“, построенные въ видѣ древняго греческаго храма со множествомъ стройныхъ колоннъ, между которыми бьютъ фонтаны; „Эрмитажъ“, на самомъ берегу моря, сохранившійся отъ Петра неизмѣнно; фонтаны „Адама“ и „Евы“, „Монплезиръ“, любимое мѣсто отдохновенія Петра, и множество другихъ фонтановъ и затѣй.

Изъ затѣй, имѣющихъ цѣлью неожиданно и пріятно изумить зрителя, мы упомянемъ о слѣдующихъ: „Фаворитный фонтанъ“, приводимый въ круговращательное движеніе водою. Въ кругломъ бассейнѣ плаваютъ утки и помѣщена собака, какъ бы гонимая за ними; посрединѣ стоитъ фигура крестьянина со свирѣлюю. Когда фонтанъ нуется, то утки начинаютъ плавать вокругъ бассейна, а собака гонится за ними. Фонтанъ „Грибокъ“, вокругъ ножки котораго (4 арш. вышиною), подъ шапкою, разставлены скамейки для гуляющихъ. Изъ шапки грибка, по данному сигналу, неожиданно начинается литься вода, и сидящіе на скамейкахъ оказываются какъ бы заключенными въ сплошную водяную колоколь.

Машинка для выдѣлки пуговиць. (Рис. на стр. 733).

Недавно въ продажѣ появилась чрезвычайно удобная и простая машинка для выдѣлки изъ матеріи пуговиць домашнимъ образомъ. На стр. 733 помѣщено изображеніе ея. При помощи этой машинки всякій безъ особеннаго труда можетъ обтнать остатками шерстяныхъ или шелковыхъ матерій, нѣрѣдко бросаемыми за непригодностію, различнаго вида пуговицы, которыхъ одна машинка можетъ выдѣлывать до 12 сортовъ. При сравнительно недорогой цѣнѣ, такая машинка можетъ принести немалую пользу во всякомъ хозяйствѣ и въ портняжпой или бѣлошвейной мастерской, гдѣ встрѣчается потребность въ большомъ числѣ различныхъ пуговиць, прочно и скоро изготовленныхъ. Для приготовленія пуговицы машинку открываютъ и въ открывшееся дуло ея вкладываютъ кружечекъ матеріи, штемпель для пуговицы и части ея. Затѣмъ, закрывъ машинку и повернувъ верхній рычагъ *AD* и ножку *E*, вновь открываютъ машинку и вынимаютъ изъ нея уже готовую пуговицу.

Политическое обозрѣніе.

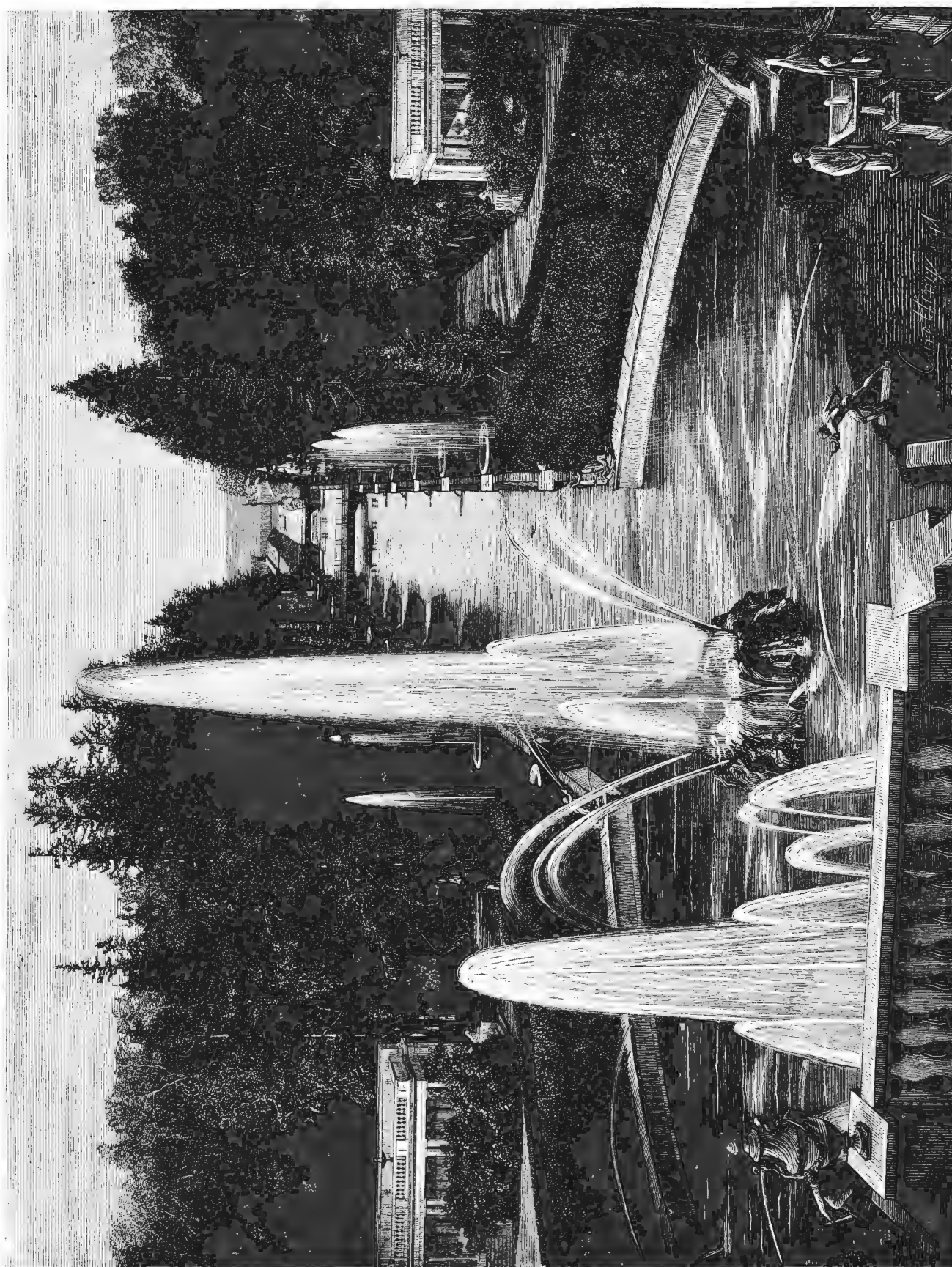
Въ четвергъ, 7 іюля, произошла у Кроиштадта давно съ петербургскимъ ожидаемая встрѣча Императоровъ Всероссійскаго и Германскаго. Свиданіе это бесспорно имѣетъ важное историческое значеніе и вліяніе его окажется на дальнѣйшій ходъ послѣдующихъ политическихъ событій. Самостоятельный характеръ этого акта вѣжливости, замѣчаетъ *Journal de St. Pétersbourg* — только усиливаетъ значеніе шага, предназначеннаго бесспорно къ скрѣпленію тѣсныхъ узъ вѣковаго родства, соединяющихъ оба Царствующіе Дома, и къ упроченію дружескихъ и довѣрчивыхъ отношеній между обѣими имперіями. Это весьма серьезный залогъ мира и усопокоенія. Мирный характеръ совершающагося свиданія сталъ наконецъ очевиднымъ и для австрійскихъ газетъ. Большая часть изъ нихъ, съ *Fremdenblatt* во главѣ, представляютъ на видѣ, что свиданіе Императоровъ имѣетъ для сохраненія мира чрезвычайно важное значеніе. *Fremdenblatt* говоритъ: „Прочія европейскія государства смотрятъ на это зрѣлище безъ всякаго чувства зависти, будучи исполнены исклочительнаго желанія, чтобы оно надлобо обозначало собою торжество мира“.

Еще 2 іюля свиданіе двухъ Императоровъ соеѣдншихъ великихъ державъ — изъ области предположеній перешло въ мѣръ дѣйствительности. Этого числа рано поутру императоръ Вильгельмъ II прибылъ въ Киль и пересѣлъ на яхту „Гогенцоллернъ“ отправилъ моремъ въ Россію въ сопровожденіи цѣлой эскадры судовъ.

Ниже читатели найдутъ описаніе торжественнаго и знаме-

пательнаго дня свиданія двухъ Императоровъ. Радостно бьются сердца въ надеждѣ на благія и миролюбивыя послѣдствія его. Надежда эта проливается успокоеніе и на удручающее впечатлѣніе, которое произвело разставаніе Сербской королевы Наталіи со своимъ сыномъ въ Висбаденѣ.

Пока рѣшается дѣло Сербскаго короля о разводѣ, материнскому чувству несчастной королевы Наталіи нанесенъ, по приносамъ Милана, тяжелый ударъ. У нея отняли единственнаго сына, принца Александра, и при содѣйствіи германской полиціи отправили въ Сербію. 30 іюня къ Сербской королевы явился въ Висбаденъ президентъ полиціи Рейнбаденъ и объявилъ ей, что онъ возьметъ отъ нея Сербскаго наследнаго принца — если будетъ нужно силою. Королева, отказавъ сначала въ добровольной выдачѣ сына, нашла въ себѣ однако довольно силы воли, чтобы объявить затѣмъ, что она готова подчиниться своей участи, если намѣрены употребить силу. Молодой принцъ, никогда не разлучавшійся со своею горячо любимой матерью, горько заплакалъ, когда узналъ о предстоящей разлукѣ. 1 іюля, поутру, около 11 часовъ, къ королевы явился начальникъ висбаденской полиціи въ сопровожденіи полиційскихъ чиновъ, и заявилъ, что наступило время принцу уѣхать. Трудно описать наступившую сцену разставанія несчастной матери, у которой отнимали единственное утѣшеніе въ тяжелыя минуты, которыя она переживаетъ. Трогательнѣ

Петергофскіе фонтаны въ Нижнемъ саду. Грав. Квостингъ.

ничего нельзя себя представить. Королева Наталиа громко рыдала, крѣпко обнимая свое дорогое дитя. Наконецъ, кое-какъ поборовъ себя, она отпустила сына, который вышелъ изъ дворца въ сопровожденіи своего воспитателя. Въ это время принцъ уже не плакалъ и былъ не по дѣтски серьезенъ. Совершившееся событіе произвело на присутствующихъ удручающее впечатлѣніе и многіе горько жаловались на образъ дѣйствій висбаденской полиціи. Векорѣ послѣ полудня принцъ выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Бѣлградъ, а въ 7 часовъ покинула этотъ городъ Сербская королева, направившись въ Вѣну, откуда она уже уѣхала во Францію. Органъ германскаго канцлера, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, извиняетъ обращеніе германской полиціи родительскою властью короля Милана и его державными правами относительно своего сына и подданнаго. *Фоссова Газета* старается найти оправданіе, ссылаясь на *нѣмецкіе* авторитеты (и то не все) международнаго права, якобы непрізнающіе за королевой и наследникомъ, пребывающими за предѣлами своего государства, отдаленно отъ державнаго мужа и отца, — правъ экстерриториальности или вѣдъ земельности, т. е. полной неприкосновенности въ чужой странѣ. „Но“, замѣчаетъ *Новое Время*, „и по теоріи, и въ силу международнаго обычая, наследникъ Сербскаго престола долженъ былъ пользоваться полною неприкосновенностью, пока жилъ въ Германіи, съ чѣмъ также согласенъ *германскій ученый Гейтеръ*, и рука полицейскаго не должна была прикоснуться ни къ нему, ни къ королеви Наталии, къ королеви хотя бы вслѣдствіе того только, что она состояла при наследникѣ“.

Въ Парижѣ передъ наступленіемъ ваканціи въ парламентарской дѣятельности, генералъ Буланже попытался еще разъ выступить въ палатѣ депутатовъ со своимъ предложеніемъ о распущеніи палаты, но потерпѣлъ пораженіе. Вслѣдствіе нападокъ чисто личнаго свойства, во время возраженій на предложеніе браваго генерала со стороны министра-президента, который не оставался безъ возраженій генерала Буланже, между нимъ и Флокомъ состоялась въ первый день трехдневнаго празднованія годовщины 2 іюля, — дуэль, окончившаяся для депутата Сѣвернаго департамента довольно печально. Флокъ нанесъ ему до-

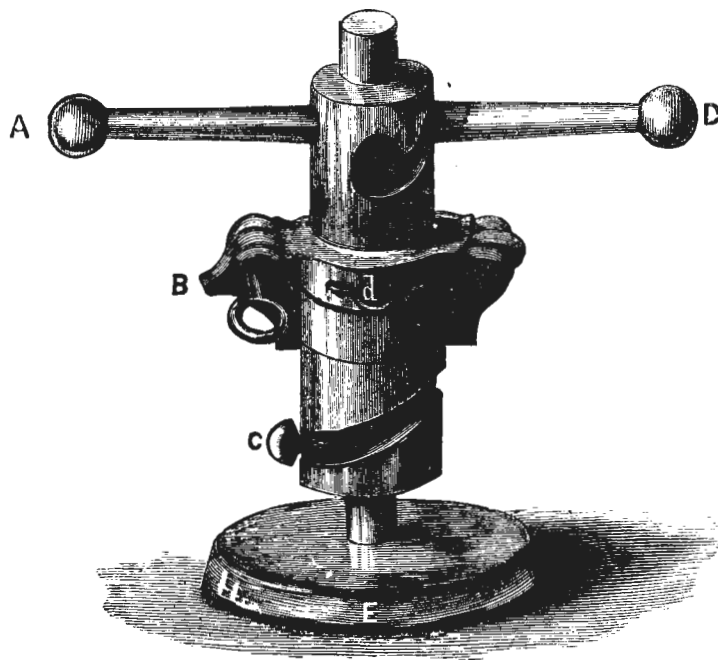
вольно серьезную рану въ шею, отъ которой Буланже еще не оправился. Вторичная неудача въ палатѣ депутатовъ и пораженіе военнаго генерала на дуэли адвокатомъ нѣсколько пошатнули его популярность, особенно въ арміи. Газета *Lanterne* прервала всякую связь съ его сторонниками и во время іюльскихъ празднествъ буланжистскія демонстраціи были гораздо слабѣе, чѣмъ многіе заранее предполагали.

Вообще увлеченіе бравымъ генераломъ замѣтно стало ослабѣвать. Не смотря на всѣ старанія сторонниковъ его, телеграммы сообщаютъ о двухъ пораженіяхъ генерала въ избирательной борьбѣ въ ардешскомъ и дордонскомъ департаментахъ. Въ первомъ мѣстѣ выбранъ въ депутаты оппортунистъ Боссье приблизительно 42,000 голосами. За генерала Буланже подано было 25,000 голосовъ. Въ дордонскомъ департаментѣ хотя выборы еще не окончены, но уже известно, что за бонапартиста Тайльефера подано пока 47,650, за республиканца Клержона 41,524, за Буланже 4,645. Такимъ образомъ избраніе Тайльефера, повидимому, обезпечено.

По извѣстіямъ изъ Софіи отъ 4 (16) іюля, болгарское правительство насильственно приступило къ эксплуатаціи желѣзнодорожнаго участка между Вакарелемъ и Бѣлово, причемъ заняло обѣ эти станціи жандармами. Странскій сказалъ корреспонденту *Neue freie Presse*, что правительство рѣшило временно завѣдывать эксплуатаціею линіи Вакарель-Бѣлово для того, чтобы предупредить безпорядки.

По этому поводу въ *Correspondance de l'Est* телеграфируютъ изъ Софіи: „Турецкому дипломатическому агенту въ Софіи приказано потребовать отъ Странскаго объясненія и объявить ему, что Порты съ трудомъ вѣрять донесеніямъ Виталиса о захватѣ желѣзной дороги. Турбиніе Султана истощено; онъ чрезмѣрно свисходителенъ къ Болгаріи, которая злоупотребила его доброю. Порта Порты нанунала правительство, которое мотивировало свой образъ дѣйствій набѣгами разбойничьихъ шаекъ. Стамбуловъ полага-

етъ, что такимъ объясненіемъ Порты удовлетворится, причемъ расчитываетъ на анатичность турецкаго правительства. Во дворцѣ принца опасаются возможныхъ послѣдствій инцидента“.

Машина для выдѣлки пуговицъ.

Прибытіе императора Германскаго въ Петербургъ.

Послѣ долгаго чередованія сносной погоды и пенастья, утро 7 іюля (день прибытія императора Вильгельма II) выдалось въ полномъ смыслѣ народнаго выраженія *краснымъ*. Вода Финскаго залива между Петербургомъ и Кронштадтомъ имѣла тотъ рѣдкій на сѣверѣ синеголубой цвѣтъ, который составляетъ главную прелесть моря. На свѣтлой лазури неба не было ни одной тучки. Только по крайнѣмъ горизонту медленно плыли и талли небольшія группы перисто-кучистыхъ облаковъ, которыхъ серебристые блики придавали блескъ и жизнь безграничной синевѣ небосвода и воднаго пространства. По всему заливу безпрерывно сновали, обгоняя другъ друга, верѣдко съ музыкой, парусныя и паровыя суда, сбѣгившія къ мѣсту встрѣчи двухъ эскадръ — русской и германской. Въ распоряженіе редакціи „Нивы“ былъ предоставленъ особый пароходъ, на которомъ она и устроилась со своими художниками и фотографическими аппаратами. На морѣ было тихо, чуть перенархивалъ ароматный вѣтерокъ, стояла легкая рябь, и пароходъ стало чуть покачивать лишь съ приближеніемъ къ Кронштадту, который все яснѣй вырисовывался на горизонтѣ шпиками своихъ колоколенъ, трубъ и мачтъ разукрашенныхъ флагами всѣхъ націй. Вотъ онъ, наконецъ, весь какъ на ладони, съ низенькими, прямо изъ воды поднимающимися стѣнками своей грозной крѣпости и словно вынырнувшими въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, многоярусными отдѣльными фортами, готовыми въ одинъ мигъ истребить любую армаду. Но не то предстало имъ на сегодня. Русскій флотъ, въ праздничномъ убранствѣ, расцвѣченный по всѣмъ мачтамъ пестрыми флагами всѣхъ націй, собрался для мирнаго торжества, во срѣненіи

дружественной эскадры Германской, везшей своего императора, впервые посѣщающаго Россію въ этомъ санѣ. Отъ самой военной гавани выстроились десятки мотора миноносекъ. Пасуиротивъ, длинною параллельною имъ линіей тянулась почти до центральнаго форта Николай часть русской эскадры, состоявшая изъ лодокъ „Славинка“, „Сибѣгъ“, „Буря“, „Дождь“, мониторовъ „Вѣсунъ“ и „Перунъ“, парохода „Дибѣръ“, яхтъ „Царевны“ и „Славянки“, крейсера „Азія“, и примкнувшій къ нимъ въ качествѣ гостя, американскій корветъ „Энтерирайзъ“ съ его star spangled banner (звѣзднымъ флагомъ). Налюбовавшись этимъ рѣдкимъ зрѣлищемъ, мы обогнули фортъ Николай и сдѣлали прогулку вдоль второй линіи русскаго флота, вытянутой въ море по ту сторону форта. Ее составляли, по порядку, крейсеръ „Лейтенантъ Ильинъ“, лодка „Манчжуръ“, корветы „Бойринъ“, „Балънъ“ и „Скобелевъ“, фрегаты „Свѣтлана“, „Адмиралъ Лазаревъ“, „Адмиралъ Чичаговъ“, „Генералъ-Адмиралъ“ и „Герцогъ Эдинбургскій“, клипера „Оврянскій“, „Пласунъ“ и „Вѣстникъ“, и въ замкѣ громадный фрегатъ „Мишинъ“. Закончивъ этимъ прогулку, мы вернулись къ центру и заняли позицію насупротивъ форта Александръ. Отсюда былъ виднѣнъ нами видъ русской флотилии, который читатели увидятъ въ слѣдующемъ № „Нивы“.

Въ половинѣ втораго часа дня, изъ Петергофа отправилась на встрѣчу Германскаго императора Императорская яхта „Александрія“. На ней находились Его Величество Государь Императоръ и Ихъ Императорскія Высочества: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Георгій Александровичъ, Владимиръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Сергій Але-

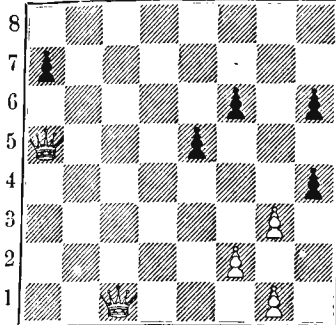

Шашечная задача № 48.

А. Попова.

Черные.

А В С D E F G H

Бѣлыя.

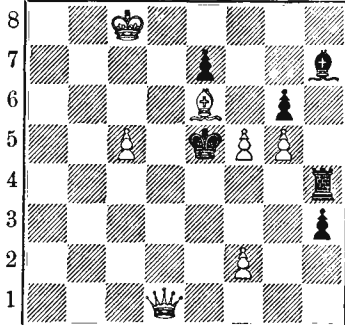
Бѣлыя начинаютъ и запираютъ черную шашку.

Шахматная задача № 49.

Г. Готшалъ.

Черные.

А В С D E F G H

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ тѣхъ немногихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку преміи,—картины проф. Ю. КЛЕВЕРА „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“, поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

СОДЕРЖАНІЕ: Етъчу не быть. Старинная повесть Д. В. Аверкіева. (Продолженіе). — Поэтическое стихотвореніе М. П. Розенгейма — Исторія одного таланта. Повесть Н. Станицкаго. (Продолженіе). — Къ рисункамъ: Панамскій каналъ (съ 2 рис.). — Литературный альбомъ. „Емшанъ“, А. Н. Майнова (съ рис.). — Клиенты, ожидающе въ атрлумѣ выхода патрона (съ рис.). — Пѣтушій бой въ Тифлисѣ (съ рис.). — Сандвичане во время прибора (съ рис.). — Императоръ Германскій Вильгельмъ II и его супруга (съ 2 портр.). — Пребываніе императора Германскаго въ Петергофѣ. Нижний садъ и фонтаны (съ рис.). — Машинна для выдѣлки пуговъ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Прибытіе императора Германскаго въ Петербургъ.—Задачи.—Заявленіе.—Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Нлюшниковъ.

**НОВОСТЫ!
СГУЩЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ
ДУХИ ВЪ ПАЛОЧКАХЪ**

для театра, концертовъ и баловъ.

Цѣна за палочку 75 к.

ВЪ 12 РАЗНЫХЪ ЗАПАХАХЪ:

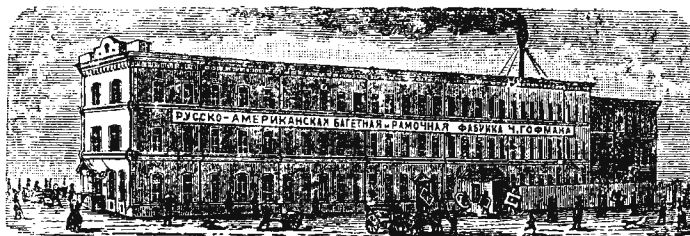
Ess bouquet, Jockey-club, Orpington, Violette de Parme, Muguet, Spring-flower, Kiss-me-quick, Hyacinthe, Hélio trope, Forget-me-not, Rése da, Lilas.

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА

у **Эд. Шоровскій и Комп.**

С.-Петербургъ, у Каменнаго моста, № 29; въ Москвѣ, на Моросейскѣ, № 7—8.

На Нижегородской ярмаркѣ, по Обводному каналу, Мѣховой рядъ, лавки Смирнова, № 4 и 5. № 3277 3-1

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА

Ч. ГОФМАНА, СІБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Склады готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ — до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Склады и пріемъ частныхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 3208 (6)

ЛАМПА АВТОМАТЪ БЕЗЪ СТЕКЛА

Торговый домъ **Н. А. КУМБЕРГЪ,** С.-Петербургъ.

Прейсъ-курранты высылаются бесплатно. № 3279

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свидѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи. № 3206 14-8

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ

въ Гогенгеймѣ. Д. № 3280

Зимній курсъ начинается въ понедѣльникъ, 15 октября с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются по желанію бесплатно

КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ

Гогенгеймъ въ Іюль мѣс. 1888 г. Vossler.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

страховомъ обществѣ

„РОССІЯ“

на выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ Общества.

СТРАХОВАНІЯ:

- Капиталовъ для вдовъ и сиротъ,
- Вдовьихъ пенсій,
- Капиталовъ на старость,
- Пенсій на старость,
- Приданого для дѣвушекъ,
- Стипендій для мальчишковъ,
- Пониженныхъ доходовъ.

Къ 1 Января 1888 года въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 16,681 лицо на капиталъ въ 49.061,640 руб. Въ 1888 г. дивидендъ страхователей составляетъ 12%.

Ближайшія подробности въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, бесплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентами Общества въ городахъ Имперіи. № 3227 6-5

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

НОВОСТЬ. Прекрасное исполнение пьесъ.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ.

Играетъ посредствомъ металлическихъ нотныхъ листовъ всевозможныя пьесы, русскія, салонныя, оперныя, и въ тѣни. Имѣетъ механизмъ для игры Forte, Piano и Tremolando. Пьесы разнаго размѣра и значительно длиннѣе, чѣмъ у другихъ ручныхъ органовъ.

Цѣна фениксъ-органа съ 10-ю пьесами 33 руб., простаго фениксъ прежней конструкции съ 10-ю пьесами 25 руб. Добавочныя пьесы, безъ различія какого размѣра, по 70 коп. Списокъ пьесъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ — бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо № 3283
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, А. Торлецкаго.

НАСОСЫ
для всякихъ цѣлей,
ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ,
садовыхъ трубъ,
ГАЗОНОСОСЛКИ
по 23 р., 27 р., 31 р. и 35 р.
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ
и
ОРУДІЯ
въ большомъ выборѣ предлагаетъ со склада
ТОВАРИЩЕСТВО
БУРГАРДЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Васильевскій островъ,
1-я линия, домъ № 10, Москва, Мясниц-
кая, домъ Виноградова. № 3258 4-3

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
наискось прежняго помѣщенія.
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Суды подъ всѣ % бумаги.
Страхование вынужденныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3250 5-3
Также нужны вѣрныя съ постоя-
нныя мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по выше-
означенному адресу.

НОВОСТИ и РАЗСАЗЫ Всеволода Кри-
стовскаго (автора "Петерб. Трущобы");
3-е издание. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на
головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для
продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и
Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-
державшему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп.
но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Интители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кину-
нена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только
имѣется Аптекъ или Космет. магазинъ, но не менѣе
двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
кона, — пров. Кинуненъ. (28) № 2946

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА
ВЗАИМНАГО ПОЗЕМЕЛЬНАГО КРЕДИТА.

О выдачѣ ссудъ подъ залогъ поземельной собственности.

Ссуды выдаются Обществомъ на 48 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ кредитными вкладными ли-
стами, причѣмъ только 1% всей ссуды зачисляется въ металлической валютѣ, а осталь-
ные 99% въ кредитной. На выданную ссуду платится: по металлической ея части
7 руб. кредитными билетами на соотв. ссуду, на ростъ и погашеніе, а по кредитной
части 5% роста, 1/2% погашенія и 1/4% на расходы Общества. На основаніи выше-
сказаннаго изъ ссуды, напримѣръ, въ 10,000 рублей, выдается 100 руб. металлической
ссуды и 9,900 руб. кредитной.

Полагая биржевой курсъ кредитныхъ листовъ примѣрно въ 93%, при
указанномъ размѣрѣ ссуды, заемщикъ получаетъ кредитныхъ рублей . . . Р. 9,300.
а за вычетомъ одновременныхъ удержаній при залогѣ имѣни:
5% въ специально-запасной фондъ на всю сумму кредитной
ссуды 9,900 руб. . . . . Р. 495.
6% въ складочный капиталъ на сумму 100 руб. металлическихъ . . . . . 6.
(Оба эти взноса составляютъ собственность вкладчика; по изъ-
нѣхъ послѣдній составляетъ принадлежность имѣнія и не можетъ,
какъ первый, переходить изъ рукъ въ руки).
1% на возмѣщеніе расходовъ по оцѣнкѣ, заготовленію ли-
стовъ и проч. . . . . 100. . . . . 601.
Заемщикъ получаетъ всего на руки . . . . . Р. 8,699.

За означенную занятую сумму заемщикъ обязанъ ежегодно платить, за вычетомъ
дохода на удержанію при выдачѣ сумму специально-запаснаго фонда, 550 руб. 25 коп.,
что составляетъ на сумму, полученную на руки, 6 руб. 32 коп. съ погашеніемъ со ста-
рублей занятаго капитала.

О подробностяхъ залога можно узнать въ Правленіи Общества въ
С.-Петербургѣ, во всѣхъ его Окружныхъ Отдѣленіяхъ и Конторахъ
и у повѣренныхъ Общества. № 3274

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ,
Москва, Петровка, № 2.

НОВОСТЬ
ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ СТЕКЛА
„ГЛАСЬЕ“

Стекла „Гласье“, состоящія изъ 200 рисунковъ новаго и средневѣковаго стиля,
вполнѣ закупаютъ собою настоящія разрисованныя стекла. Для всякаго, обладаю-
щаго хорошимъ вкусомъ, представляется возможность за сравнительно незначительную
цѣну приобрести изящныя, роскошныя стекла, украшающія въ значительной степени
милыя помѣщенія.

Стекла „Гласье“ не боятся ни холода, ни жары и очень удобно подходятъ къ окну
любой формы и размѣровъ.

Некрасивый видъ, нефрѣдо открывающійся во дворъ черезъ окна, можетъ быть съ
удобствомъ закрытъ стеклами „Гласье“. П. № 3284

Иллюстрированный каталогъ всѣхъ рисунковъ высылается по требованію за 2 руб.
Наставленіе способа наклейки ихъ, съ приложеніемъ 5 рисунковъ, высылается бесплатно.

ЛЕНИНГЪСЪ и ГЮЗНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которую печатается
иллюстрированный журналъ „Ива“. № 2405

МАТТОНИ
ГИСГЮБЛЕРЪ

ЩЕЛОЧНОСЛЫЙ ЧИСТЫЙ
ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ и ЗДОРОВЫЙ
СТОЛОВЫЙ-КАПИТОКЪ
можно вездѣ получить.
600000 (миллионъ) БУТЫЛЪ ГЛОВОУ ВЪВОЗЪ.

Р. № 3165 8-6

ИСТОЧНИКИ ДОХОДОВЪ.

Высылаю за 3 семи-коп. марки
каталогъ и прейсъ-курантъ раз-
нообразныхъ удобопримѣнимыхъ
и вполнѣ испытанныхъ наставленій
и рецептовъ по всевозможнымъ от-
раслямъ промышленности. — Тех-
никъ Мих. Ив. Сергѣевъ, С.-Пе-
тербургъ, у Аларчина моста, Дро-
вняной пер., д. № 22, кв. № 21.

№ 4711
Eau de Lys

приготовленная только изъ безвредныхъ
веществъ, дѣлаетъ кожу бѣлой.
Цѣна за флаконъ 1 руб.

№ 4711
МЫЛО EAU DE LYS

очень мягкое, качествомъ равняется
всѣмъ настоящимъ туалетнымъ мыламъ.
Легко парфюмиров. . . за кусокъ 25 коп.
Съ запахомъ розм. . . . . 50 коп.
„ „ „ турецкой . . . . . 85 коп.

Получать можно во всѣхъ большихъ ко-
сметическихъ магазинахъ и торговл. аптекъ,
товарами. Р. № 3234 3-2

БАРОМЕТРЫ АИРОНДЪ.

Въ ниспелевой
оправѣ.
Цѣна 6 р. 50 к.,
съ перес. 7 руб.

Разныхъ сортовъ —
хорошо вытре-
ны.

Фабрика оптическихъ и др. инструментовъ

Е. КРАУСЪ и Комп.
Парижъ, Avenue de la Républ., 4.
Складъ для Россіи:
въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 40.
Иллюстр. прейсъ-курантъ баром., оптиче-
скихъ и фотографическихъ приборовъ вы-
сылается бесплатно. Р. № 32 6 2-1

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Марлинна. Пер. съ
нѣм. П. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Въ книжной торговлѣ специально для иногородныхъ

А. Я. ПАНАФИДИНА
С.-Петербургъ, Бол. Итальянская, № 8.
Поступили въ продажу новыя книги:

І. ЯСИНСКІЙ (Максимъ Бѣлинскій)
ИСКРА ВОЖІЯ
романъ, 394 страницъ. Цѣна съ перес. 1 р. 50 к.

ВИКТОРА БИБИКОВА
РАЗСКАЗЫ:
Барьерная сторожка. — На лодкѣ. — Любочка. — Встрѣча. — Писатель. — Счастье. —
Шутовой альбомъ. — Приключеніе. — Всеволодъ Гаршинъ. — С. Я. Надсонъ.
400 страницъ. СПб. 1888 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО
т. II-й, изд. II-е. СПб. 1888 г. 467 стр. Цѣна съ перес. 2 руб.

Краткое оглавл.: Полемическіе матеріалы для Политическаго Словаря, изъ литературы,
и журн. замѣтокъ 1872—1873 г. Письмо къ графу Орлову-Давыдову, Карлъ Марксъ,
предъ судомъ Г. Жуковскаго, Графъ Висмаркъ, Дарвинизмъ и оперетка Оффенбаха.
Тамъ-же продается: т. I, изд. 2-е, СПб. 1887 г. Ц. съ пер. 2 р. и т. VI изд. 1885 г.
Ц. съ пер. 2 р. Печатаются т. III, т. 3 р. 50 к. съ пер. и т. IV и V по 2 р. съ перес.,
новымъ 2-мъ дополненнымъ изданіемъ и поступятъ въ продажу не позже перваго Октя-
бря сего года. № 3275

Дозвол. цензур., СПб., 13 іюля 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПб., Невскій, 6. Подл. А. Ф. Маркса, Сп. Подлѣч., д. 1.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ДОСТУПНАЯ ДЛЯ ВСѢХЪ
КНИЖКА
на память православному русскому народу.

НАЧАЛО ХРИСТИАНСТВА ВЪ РОССІИ и
КРЕЩЕНІЕ РУСИ
при ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ ВЛАДИМИРѢ.
съ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ СВ. КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА и съ 13 ИЗЯЩНЫМИ
РИСУНКАМИ.

Составила А. Н. Бахметова, М. 1888 г. Цѣна 10 коп., съ пер. 20 коп. Почтой выси-
ляется на 1 р. — 8 экз., на 2 р. — 20 экз., на 5 р. — 60 экз., на 8 р. — 100 экз., на
75 р. — 1000 экз.

ЭТА КНИЖКА предназначается для всѣхъ, кому важно и дорого знать, какъ проишегъ
и распространился въ нашѣмъ отечествѣ свѣтъ Вѣры Христовой. Питайте надежду,
что лица, близко стоящія къ народу (епархіялы и сельск. духовенство, представи-
тели земст., училищ. началъ, учителя и др.) будутъ способствовать къ распространенію этой
книжки, цѣна которой назначена самая доступная.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ и книгопродаца А. Д. СТУПИНА, въ Москвѣ, Никольская улица,
рядомъ съ Ремесленной Управой. Тамъ-же продается: Акакистъ съ кн. Владиміру.
Цѣна 30 к. съ перес. № 3278

Дозвол. цензур., СПб., 13 іюля 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПб., Невскій, 6. Подл. А. Ф. Маркса, Сп. Подлѣч., д. 1. Библиотека „Руниверс“

XIX г.
№ 30

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XIX
1888

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдастъ 23 июля 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІИ ПР., Д. №.6.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строну непарейль (¼ шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ . . . . . 4 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ . . . . . 5 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. лавки. 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе
города Россіи . . . . . 6 р.*
За границу, съ перес. . . . . 8 р.

* Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ,
а также увеличенныхъ разтѣровъ главной преміи
на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать
на укупорку и пересылку ея **60 КОП.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

И. Ѡ. Крузенштернъ.

Въ концѣ мая 1788 г.,
слѣдовательно ровно сто
лѣтъ тому назадъ, изъ
Морскаго кадетскаго
корпуса былъ выпущенъ
ничваномъ даровитый
юноша, по фамиліи Кру-
зенштернъ. Изъ него
впоследствии вышелъ за-
мѣчательный русскій
дѣятель, именемъ кото-
раго въ правѣ гордиться
наша родина, коей
онъ оказалъ много
услугъ и въ качествѣ
представителя молодого
русскаго флота, и въ ка-
чествѣ ученаго морепла-
вателя и, наконецъ, какъ
прекрасный воспита-
тель новаго поколѣнія
русскихъ моряковъ. Гео-
графическая наука обя-
зана Крузенштерну всею
ма цѣнными трудами,
особенно по гидрогра-
фіи—замѣчательнымъ
атласомъ Тихаго океа-
на съ обширными запис-
ками. Эта работа имѣла
и научное, и практиче-
ское значеніе, будучи
весьма полезною какъ
для мореплаванія, такъ
и для землѣдѣнія. До
появленія атласа Кру-
зенштерна, карты Тиха-
го океана были испол-
нены ошибокъ и рѣши-
тельно никуда не годи-

Адмиралъ И. Ѡ. Крузенштернъ. Съ совр. рис. грав. Ю. Шюблеръ.

лись; острова и мели
обозначались на нихъ
совсѣмъ не тамъ, гдѣ
они находятся, или
показаны были острова
небывалые. Крузен-
штернъ исправилъ всѣ
ошибки, и его работа
стоила ему много хло-
потъ и самаго кропот-
ливаго труда. Надъ пол-
нымъ усовершенствованіемъ
своихъ картъ онъ
трудился до послѣднихъ
мѣсяцевъ жизни. По
мысли Крузенштерна
было устроено постоян-
ное сообщеніе на рус-
скихъ корабляхъ между
Россіей и ея колоніями
на сѣверо-западѣ Аме-
рики и на сѣверо-восто-
кѣ Азіи, которыя чрез-
вычайно много выигра-
ли отъ этихъ непрерыв-
вавшихся уже сношеній.
Что касается кругосвѣт-
наго путешествія Кру-
зенштерна, то оно
составило эпоху въ исто-
ріи русскаго флота и
обогастило географію и
естественныя науки мно-
гими свѣдѣніями о мало
извѣстныхъ краяхъ. Учен-
ное описаніе этого пу-
тешествія, изданное по-
русски и по-нѣмецки,
было переведено почти
на всѣ европейскіе язы-
ки и не однажды обра-
ботывалось для дѣтскаго
чтенія. Весьма благо-

творна была дѣятельность Крузенштерна и на воспитательномъ поприщѣ. Какъ директоръ Морскаго кадетскаго корпуса, онъ превосходно обставилъ учебную часть заведения, учредилъ обширный музей, прекрасную обсерваторію, бібліотеку; устроилъ разборную модель фрегата „Президентъ“, большую модель брига въ столовомъ залѣ корпуса и выхлопоталъ постройку фрегативъ для лѣтняго практическаго плаванія кадетъ. Онъ смягчилъ грубыя корпусныя нравы, проявилъ много гуманности въ отношеніи воспитанниковъ; ревностно, отечески заботясь о своихъ питомцахъ; онъ просматривалъ самъ все печатавшееся для корпуса и зналъ поведеніе и степенъ усѣховъ въ наукахъ почти каждаго воспитанника.

Иванъ Ѳедоровичъ (собственно Адамъ-Іоганнъ) фонъ-Крузенштернъ происходилъ изъ семьи небогатыхъ эстляндскихъ дворянъ, принадлежавшихъ къ древнему мѣстному роду. Онъ родился, въ отцовскомъ, эстляндскомъ имѣніи Гагудъ, 8 ноября 1770 года, и получилъ первоначальное образованіе частію въ родительскомъ домѣ, частію въ дворянской ревельской школѣ при мѣстномъ соборѣ, которую посѣщалъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, съ 1782 по 1785 годъ. Въ январѣ этого года Крузенштернъ поступилъ въ Морской корпусъ, не отличавшійся, въ тѣ времена, ни въѣшнимъ порядкомъ, ни хорошимъ преподаваніемъ. Только математикѣ и морскимъ наукамъ обучали въ этомъ заведеніи сколько-нибудь сносно. Крузенштерну, однако, не пришлось окончить полный курсъ въ корпусѣ. Въ это время началась у насъ война со Швеціей и для комплектованія флота требовалось увеличить число офицеровъ; для этой цѣли изъ Морскаго корпуса рѣшили выпустить въ офицеры даже и тѣхъ гардемаринъ, которые, не окончивъ полного курса, были хоть одинъ разъ въ морѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Крузенштернъ, совершившій плаваніе, еще въ 1787 году, по Балтійскому морю. 27 мая 1788 года онъ былъ выпущенъ за мичмана и поступилъ на корабль „Мстиславъ“, подъ начальство капитана Муловскаго, отличнаго моряка, съ прекраснымъ и специальнымъ, и общимъ образованіемъ. Муловскій имѣлъ благодѣтельное влияние на юнаго офицера, который подъ его командой участвовалъ въ морскихъ сраженіяхъ. По смерти Муловскаго, командованіе „Мстиславомъ“ перешло къ Эссену, а потомъ къ датчанину Билоу; при послѣднемъ командирѣ молодому Крузенштерну пришлось снова отличиться въ битвѣ со шведами; ему дали почетное порученіе взять флагъ побѣжденнаго корабля „Sophia-Magdalena“, а также флагъ контръ-адмирала Лилленфельда и доставить на „Мстиславъ“ какъ самого адмирала, такъ и капитана шведскаго корабля Льенанкера. За участіе въ этомъ сраженіи мичманъ Крузенштернъ былъ произведенъ въ лейтенанты, въ 1790 году. По заключеніи мира онъ отдыхалъ въ Ревелѣ; но пылливый умъ молодого офицера не желалъ отдыха и среди разнообразной тишины, жаждалъ новой дѣятельности. Крузенштернъ сблизился съ однимъ изъ своихъ товарищей, Берингомъ, внукомъ знаменитаго мореплавателя, и оба офицера стали заниматься науками и морскимъ дѣломъ, мечтая проникнуть въ Англію, чтобы ознакомиться съ могуществѣннѣйшимъ въ мірѣ военнымъ флотомъ. Вскорѣ мечтанія ихъ осуществились: Берингъ и Крузенштернъ были, въ числѣ двѣнадцати офицеровъ, командированы въ Англію, куда и прибыли въ 1793 году. Поступивъ на фрегатъ „Thetys“, Крузенштернъ долго крейсировалъ на немъ у береговъ Америки, противъ французивъ; затѣмъ перешелъ на небольшое судно и отправился въ Вестъ-Индію. Онъ посетилъ Барбадосъ, Суринамъ, Бермудскіе острова и на фрегатѣ „Клеопатра“ вернулся, въ 1796 г., въ Англію. Путешествія эти породили въ умѣ Крузенштерна мысль—

открыть русской торговлѣ путь въ Остъ-Индію и Китай, для чего онъ хотѣлъ прежде всего побывать въ индійскихъ моряхъ. Преодолевъ не мало затрудненій, онъ отправился на мисъ Доброй Надежды, потомъ въ Мадрасъ и Калькуту, въ Малакку и, наконецъ, въ Кантонъ. Здѣсь, съ 1798 по 1799 г., онъ имѣлъ возможность изучить ходъ торговли съ сѣверо-западными берегами Америки и, когда возвратился на родину, представилъ въ Морское министерство подробный проектъ кругосвѣтнаго плаванія съ цѣлью, во-первыхъ, доставить русскому флоту значеніе одинаковое съ флотами другихъ морскихъ державъ, и, во-вторыхъ, развить русскую морскую торговлю и снабжать наши американскія колоніи всѣмъ необходимымъ изъ Балтійскаго моря, морскимъ путемъ. Проектъ долго оставался безъ движенія, и, только благодаря Н. С. Мордвинову, новому управляющему морскимъ министерствомъ, и канцлеру графу Н. П. Румянцеву, въ 1802 г. былъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе и послѣ этого приведенъ въ исполненіе, причемъ самъ авторъ проекта избранъ былъ его исполнителемъ. Назначенный начальникомъ экспедиціи, получившей и ученый характеръ и имѣвшей также цѣлью посольство въ Японію, Крузенштернъ, 26 іюля 1803 г., на небольшомъ суднѣ „Надежда“ отправился въ плаваніе. Кругосвѣтное путешествіе Крузенштерна длилось три года слишкомъ; за это время ученый мореплаватель занимался многочисленными работами: съемкой береговъ Японіи, острова Сахалина, Курильскихъ острововъ, описаніемъ Камчатки, собраніемъ многочисленныхъ свѣдѣній и т. д. Экспедиція была окончена въ 1806 г.; всѣ участники ея щедро награждены императоромъ Александромъ, по приказанію котораго была вычеканена медаль въ память этого перваго русскаго кругосвѣтнаго плаванія. Произведенный въ чинъ капитана 2 ранга и получивъ двухъ-годичный отпускъ, Крузенштернъ отправился въ свое эстляндское помѣстье и занялся описаніемъ своего путешествія, которое появилось въ 1809—1813 г. и вскорѣ было переведено на всѣ европейскіе языки. Въ 1811 г. Крузенштернъ былъ назначенъ инспекторомъ классовъ Морскаго кадетскаго корпуса и продолжалъ свою многостороннюю дѣятельность, кромѣ службы, занимаясь попрежнему наукой. Свѣздивъ по порученію правительства, въ 1814 г., въ Англію для заказа астрономическихъ и другихъ инструментовъ необходимыхъ для новой экспедиціи, ознакомившись со всѣми успѣхами англійскаго морскаго дѣла, Крузенштернъ по возвращеніи въ Петербургъ руководилъ снаряженіемъ судна „Юриксъ“, долженствовавшаго отправиться въ путешествіе къ Берингову проливу. Послѣ этого Иванъ Ѳедоровичъ, вслѣдствіе разстроенаго здоровья, принужденъ былъ на нѣсколько лѣтъ отказаться отъ государственной службы. Отдыхая, онъ занимался составленіемъ атласа Тихаго океана и гидрографическаго его описанія. Но отдыхъ его длился не долго; съ 1822 г. Крузенштернъ снова поселился въ столицѣ, въ слѣдующемъ году былъ назначенъ непрѣмнымъ членомъ Адмиралтейскаго департамента, въ 1824 — членомъ правленія училищъ и комитета для устройства гражданскихъ учебныхъ заведеній, въ 1826 — помощникомъ директора Морскаго корпуса, а въ 1827 — непрѣмнымъ членомъ ученаго комитета Морскаго штаба, членомъ Адмиралтействъ совѣта и директоромъ того же корпуса. Эту послѣднюю должность онъ съ честью занималъ почти цѣлыхъ 17 лѣтъ, до 1842 г., когда вынужденъ былъ просить отставки. Онъ умеръ въ августѣ 1846 г., въ своемъ помѣстьѣ Ассѣ, близъ Ревеля. Въ 1873 г. послѣдовало открытіе памятника Крузенштерну. Его многочисленные печатныя работы перечислены въ статьѣ о немъ академика Бэра.

П. Б—въ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

(Продолженіе).

Видится Василей Ѳедоровичу, что сидитъ онъ у Настаси въ тѣсной горенкѣ съ лежанкою, а вечерѣтъ ужъ.

— Что ты, Василей Ѳедоровичъ, очи потупивъ сидишь? спрашиваетъ Настасья. — Аль на запястье мое драгоцѣнное любишь, аль на мою рученьку бѣлую глядючи?

— На рученьку, на рученьку! силится сказать Дурневъ сынъ, только слова съ устъ не йдутъ.

— Знаю я, на что ты любишь, лукаво шепчетъ Настасья.

И думаетъ Васильюшко: „какъ же это, на бѣлую рученьку глядючи, и не видѣлъ я какъ Настасья запястье отстегнула, и рукавъ чуть не до плеча засучила?“ Дальше ему и думать уже не въ мочь: передъ нимъ рука Настасина бѣлая да полная, до плеча обнаженная. Такъ бы и впился губами въ нее!

Не сдержался Васильюшко, и впился устами Настасѣ

въ плечо бѣлое. Одно странно: чувствуетъ онъ, что охватилъ руками ея теплое тѣло, цѣдуетъ ее въ плечо, а Настасино лицо будто и вдали отъ него, и глаза ея мутнолукавые, прищурясь, на него глядятъ и чуть слышно шепчутъ.

— А не люблю вѣдь тебя, говорятъ глаза, — а въ уста не поцѣлую, во вѣки вѣковъ цѣловать не стану, хоть ты Марьюшку свою загуби для меня.

При имени Марьюшки точно выскользнула Настасья у него изъ рукъ. Стоитъ она теперь въ углу, на половину закрытая лежанкой.

— А полюбишь же, и сейчасъ, и моя ты, моя! кричитъ Васильюшко, и бросается обнять Настасью Григорьевичеву.

„А гдѣ же она?“ отъ быстрого движенія опомнился Васильюшко и глаза открылъ, и понять не можетъ: „гдѣ же она?“ Не совѣтъ еще видно пробудился отъ

сладкаго сна Василей Ѳеодоровичъ. Опъ приподнялъ голову, и глянулъ налѣво отъ себя, къ стѣнѣ.

„Это что за женщина чужа межъ нами?“ подумалось ему, и по мѣрѣ того какъ сонное мечтанье уходитъ отъ него, Васильюшко смутно, и какъ бы умышленно смутно, начинаетъ догадываться что эта женщина чужая — его жена богоданная.

Васильюшко быстро соскочилъ съ постели. Марья Александровна чутко спала, и мигомъ, какъ пошатнулась отъ его скачка кровать, пробудилася.

— Аль встаешь ужъ ты? опросила она мужа.

У того отъ ея словъ точно капля холодная вдоль спины пробѣжала.

— А спи-ко себѣ, а мнѣ поранѣе...

И не сказавъ, что ему пораньше, Василей Ѳеодоровичъ быстро пошелъ умываться и одѣваться въ сосѣднюю комнату.

— А я...

Что хотѣла, не успѣла того мужу сказать Марья Александровна. Уходя, онъ рѣзко обернулся и взглянулъ на нее. Отъ того взгляда ее точно ножомъ ударило въ сердце. Приподнявшись, она сидѣла на постели, и какъ взглянулъ онъ, вся сжалась и долго такъ, сжавшись, просидѣла.

— А что-нибудь съ нимъ да случилось, спустя пѣ-которое время рѣшила Марья Александровна.

Медленно одѣвшись, Марья Александровна пошла хлопотать о завтракѣ; безпрестанно у нея вертѣлось въ головѣ, что съ ея мужемъ что-нибудь да случилось. Слѣдомъ за этой мыслью пусто становилось въ головѣ, и она ни о чемъ уже не думала, и по простой привычкѣ распорядилась по хозяйству.

Бродя по дому, она столкнулась съ мужемъ въ сѣняхъ.

— А я бабушку все сыскать не могу, аль не отмолилась еще? спросилъ онъ, точно оправдываясь въ нечаянной встрѣчѣ.

— Молитесь еще.

Васильюшко хотѣлъ было уйти.

— Что-й-то ты и поздороваться нунь со мной, Васенька, не хочешь?

— Ну ужъ, всегда-то ты; отъ бабушки знать научилась! обычнымъ шутливымъ голосомъ сказалъ Василей. — Въ кои-те вѣки поздороваться забылъ, а ты на-ко-си!..

И подойдя къ женѣ, онъ холодно приложилъ устами къ устамъ.

— Съ чего это ты бабушки такъ взыскался? не успѣла спросить Марья Александровна, какъ мужъ уже далече отъ нея въ дверяхъ стоялъ.

— Въ Людиномъ концѣ, въ монастырѣ женскомъ, Богородица, слышь, опять заплакала, такъ сказать спѣшу.

Да и былъ таковъ. Васильюшкѣ, какъ онъ, вставъ съ постели, проспѣшилъ одѣваться, Богъ знаетъ съ чего вспомнилась пѣсня о томъ, какъ батюшко съ матушкой женили молодца неволею, и одна строка той пѣсни неотвязно звенѣла у него въ ушахъ. А говорила та строка:

Приданого много — человекъ худой.

Хотя Васильюшко и зналъ что къ женѣ той пѣсни приложить нельзя: женился онъ на ней не неволею и о приданомъ ни малаго помышления не имѣлъ, а все проклятая строка у него съ ума не шла. И сейчасъ, когда, хотя еще смущенный отъ сладкаго во снѣ мечтанія, но уже на половину забывъ о немъ, — сталъ онъ, здороваясь, жену цѣловать, снова вспомнилась ему эта же строка и помимо его воли сказала холоднымъ поцѣлуемъ.

Марья Александровна долго стояла на мѣстѣ и у нея, какъ ей казалось, блѣднѣли и холодѣли губы отъ мужнина поцѣлуя.

„Ровно не меня цѣловаль онъ, а къ мертвецу холодному прикладывался“, думала она. „Словно меня цѣлуя, онъ иной поцѣлуй страшился съ губъ стереть: видно тотъ-то послаже былъ.“ И слѣдомъ стрѣлой пронеслось у нея въ головѣ: „а цѣловался онъ, знать, вѣ-чоръ.“

Отъ этой ревливой мысли, какъ хмѣльная, шатнулась Марьюшка, и присѣвъ вся сжалась отъ тупой боли въ сердцѣ. И вновь ей припомнился рѣзкій и быстрый мужнинъ взглядъ.

„А взглядомъ вѣдь этимъ ровно меня онъ за тридевять земель отъ себя отметить желалъ!“ сказала она себѣ.

И теперь Марья Александровна ужъ не могла разувѣриться что ея Васильюшко не цѣловался вчера съ Настасьей Григорьевичевой. Поздно онъ вчера домой вернулся, отужинали ужъ; сказалъ, будто съ тысяцкимъ, о дѣлѣ говоря, засидѣлся, а не у тысяцкаго же сидѣлъ!..

За завтракомъ Васильюшко шутилъ и болталъ, какъ всегда.

Какъ посадница собралась въ монастырь ѣхать, и ужъ къ двери пошла, Васильюшко будто за ней заторопился, и съ женой будто проститься забылъ. Ужъ бабушка у двери стояла, какъ онъ крикомъ заставилъ ее оглянуться.

— Этакъ-то ты бабушка заспѣшила, а мнѣ-ко бѣда съ того.

— Охъ, испугаль было вовсе меня, отозвалась бабушка. — Кака тамъ бѣда еще?

— А за тобой проспѣшаючи, съ Марьюшкой попрощаться забылъ; а нунь-ко утречкомъ, къ тебѣ же бабушка спѣша, цѣловать ее запаматовалъ. А и было жъ мнѣ за то!

И Васильюшко такое лицо состроилъ словно утромъ на него жена, какъ старая сердитая баба, чуть не съ кочергой набросилась.

— А и по дѣломъ тебѣ, не забывай впредь, сказала бабушка. — Теперечко простись хоть, какъ слѣдуетъ.

И бабушка обернулася чтобъ посмотрѣть какъ станетъ вгукъ прощаться съ женой. Василей быстро на цыпочкахъ подбѣжалъ къ женѣ, и обнявъ ее рукою по поясу, крѣпко къ себѣ прижалъ, и еще крѣпче того цѣловалъ.

„А и холодны жъ губы у него, ровно ледъ“, думалось Марьюшкѣ, — „и все-то притворяется.“

И какъ не поднялись у Марьи Александровны руки въ отвѣтъ на мужнино объятье, такъ и послѣ его поцѣлуя, какъ неживыя висѣты остались. А Васильюшко, еще скорѣе чѣмъ спѣшилъ къ женѣ, чтобъ обнять ее, бросился къ бабушкѣ чтобъ вести ее подъ руку.

Марья Александровна не пошла мужа съ бабушкой на крыльцо провожать, а гдѣ стояла среди сѣней, тамъ и осталась. И опять у нея сердце заболѣло; она выпрямилась черезъ силу, и вскинувъ очи на дверь, вскрикнула. Вспомнилась опять ей мужнинъ быстрый взглядъ утешній, которымъ онъ ее отъ себя отметывалъ.

„За тридевять, за тридевять земель“, точно наизусть твердя, повторяла про себя Марья Александровна. „Охъ, нелюба я ему, знать, стала... А нелюба же, а нѣтъ!..“

Спустя часъ или два молодой боярынѣ доложили что Лука Аввакумовичъ ее дожидается. Марьюшка вспомнила, что бабушка, уѣзжая, приказывала ей съ Лукой, коль прѣдетъ, о дѣлѣ переговорить. Марья Александровна сошла къ нему въ комнату.

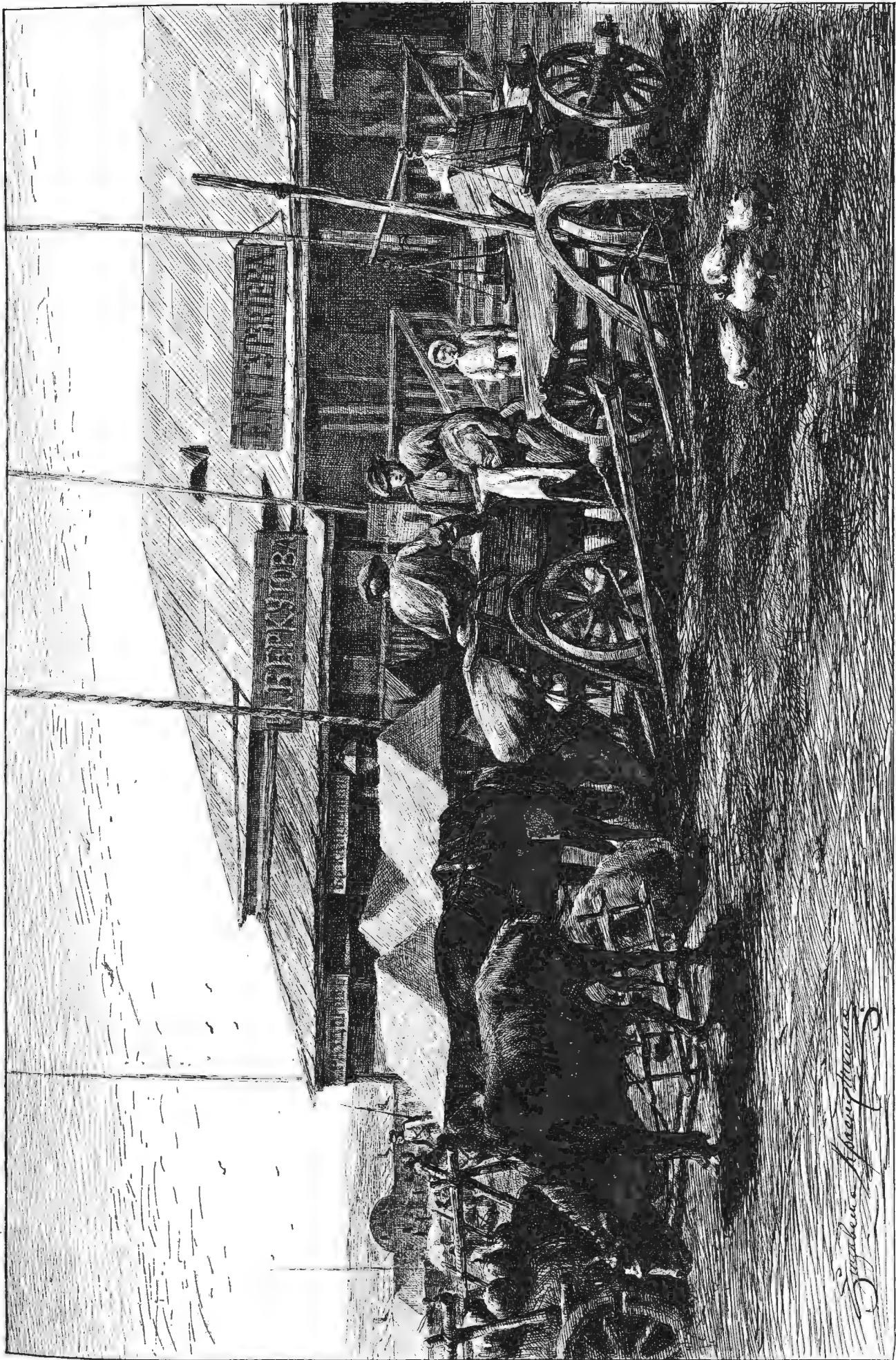
— А бабушка мнѣ-ко велѣла о дѣлѣ съ тобой, Лука Аввакумовичъ, говорить, поздоровавшись съ гостемъ, сказала молодая хозяйка. — А сама вѣдь она въ Людинъ конецъ поѣхала...

— Это зачѣмъ же? подлюбопытствовалъ Лука.

— А Богородица, слышалъ може, опять въ монастырѣ женскомъ заплакала. Такъ молебень пѣтъ со-

Прощание царевны Софии съ Шакловитымъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) К. Лебедева, грав Шюблеръ.

Базаръ въ Новочеркасскѣ. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Е. Краснушной, грав. Ангереръ.

бралась. И Васеньку моего съ собой же взяла. Многи, гляди, поѣхали.

— Какъ не ѣхать, подтвердилъ Лука.

— И Настасья не тамъ-ли же? отвѣчая на свои тайныя подозрѣнія, сказала Марьюшка. — Ужь гдѣ бабушка молится, и она всегда...

Марья Александровна взглянула на Луку, и видитъ что онъ сидитъ съ такимъ лицомъ, ровно вѣкъ готовъ ее слушать, о чемъ бы она ни бесѣдовала. Такое выраженіе, обычное у Луки по его покладливости сердечной, разохотило Марью Александровну на дальнѣйшій разговоръ съ нимъ.

— А куда ужъ наша Настасья Петровна охоча съ бабушкой въ одной церкви молиться. А стоитъ она подлѣ бабушки ровно писаная: этакъ-то, головушку склѣпя, всю службу слушаетъ. А бабушка (тутъ самымъ угломъ рта усмѣхнулась Марья Александровна) на икону истово глядитъ, а вполголоса молится. А Настасья слушаетъ; видно, молится у бабушки учится. И дивно вѣдь: послѣ такой обѣденки, аль вечереньки, станеть Настасья умны рѣчи сказывать, а всѣ-то радуются, приговариваютъ: „и умна же у насъ Настасья Григорьевичева.“ А недѣлька, другая пройдетъ, опять занадобится Настасья бабушкиныхъ молитвъ слушать. А по молитвѣ чужой, опять умна Настасья становится...

Марья Александровна замолчала, и взглянула на Луку. И показалось ей что лицо у него строгое, престрогое.

— А не слѣдъ бы вотъ мнѣ, смутясь прошенгала она, — чужы тайности открывать.

И Марья Александровна снова взглянула на Луку; тотъ слегка замылся.

— Знаю вѣдь я Настасью Григорьевичеву, проговорилъ онъ, чтобъ не вовсе смутить молодую хозяйку.

— Аль и по твоему не умна она? торопливо вскрикнула Марья Александровна, и затѣмъ еще торопливѣе, только что не хватая за руку Луку, начала приставать къ нему: — А скажи жь ты мнѣ, Лука Аввакумовичъ, не умна вѣдь она?.. Ой, не умна же?..

— Умъ уму рознь, догадался Лука отвѣтить. — Одинъ и самъ свѣтится, и другимъ отъ него свѣтло. А иной умъ до времени, какъ чуланъ, тѣмень. Какъ самосвѣтлый умъ освѣтитъ его, и въ немъ свѣтло станеть, все равно, какъ если въ чуланъ свѣщникъ внести...

— Такъ я и буду знать, что у Настасьи чуланчикъ умъ! радостно воскликнула Марья Александровна, смѣясь какъ дѣвочка-подросточекъ и только что не прыгивая.

И сказавъ, опять на Луку очи возвела, а лицо у него еще будто строже стало.

— А вотъ это ужъ!.. Ну, да и Богъ же съ ней! все смутясь, потушивъ очи, едва слышно проговорила Марья Александровна, и потомъ поправила: — А вотъ болтаю и все, а о дѣлѣ бабушкиномъ и не спрошу тебя. А что ты мнѣ, Лука Аввакумовичъ, сказать ей велишь?

— А тоже вѣдь все у насъ. Василей нашъ Селифонтьевичъ по старому божится что про Пашкову Маврушеньку слыхомъ де не слыхалъ.

— Что за Маврушенька? полюбопытствовала Марья Александровна.

Лука рассказалъ что зналъ про любовь Пашкѣ къ Маврушенькѣ.

Складно нынче Лука сказывалъ, и Марья Александровна съ внимательной жалостью его слушала. И копчиль ужъ онъ, а она все молча сидѣла, точно раздумывал о слышанномъ.

— А и ладенъ же парень, Пашко-то, сказала она точно разсуждая сама съ собой. — Вотъ это любви! Вотъ этого и разлюбить нельзя, и онъ не разлюбить же.

— А мало что Маврушеньку крѣпко любить, а и той любви, про котору апостоль пишеть, много же въ немъ, задумчиво проговорилъ Лука.

— Этакой-то, оженясь, небось жену жалѣть будетъ, попрежнему сама съ собой вслухъ разсуждала Марья Александровна. — На чужихъ женъ, аль на вдовъ какихъ не заглядится. А цѣловаться съ ними не подумаетъ... Не то что ины мужья, а всѣмъ вѣдомы...

Тутъ, спохватясь, Марья Александровна замолчала, и взглянула на Луку. Смущенно онъ ее слушаетъ; словно читая въ душѣ ея какъ въ книгѣ, знаетъ и то чего она не успѣла досказать.

— А ужъ какъ Маврушенькѣ съ Пашкомъ будетъ радостно! сама не знала что говорить, съ визгливымъ смѣхомъ вскрикнула Марья Александровна, а тамъ и засмѣялась, и заплакала вмѣстѣ.

— Охъ!.. что ты?.. А Господь съ тобой, Марья Александровна! вскричалъ Лука, вскакивая съ лавки. — А и полно-ко...

Лука посмотрѣлъ по сторонамъ, точно ища тамъ снадобья отъ Марьюшкиной немочи. На столѣ по обычаю жбанъ съ квасомъ стоялъ, и наливъ квасу въ серебряный кубокъ, Лука Аввакумовичъ поднесъ его Марьѣ Александровнѣ.

— А попей-ко вотъ... и пройдетъ вѣдь... а квасокъ это, говорилъ онъ прерывисто.

Марья Александровна глотнула и вздохнула; вздохнувъ, еще попила, и затѣмъ кубокъ отдала Лукѣ.

— А спасибо ужъ тебѣ, Лука Аввакумовичъ... А меня прости ужъ ты! стала она говорить, еще взволнованная, отдыхалъ чуть не на каждомъ словѣ. — А я... экая вѣдь я бабеночка неумная, всѣ свои тайности... чуть не выболтала... а на половину... и солгала вѣдь...

Лука ничего не придумалъ ей въ отвѣтъ.

— А сдается мнѣ, спокойнѣе продолжала Марья Александровна, — что ты, Лука Аввакумовичъ, и не осудишь меня. Не всегда вѣдь вдленъ человекъ въ себѣ, а ино и скажется... Да тебѣ, гляди, — прости ужъ, сирота говорю, — не одна я этакъ же вотъ тайности свои нежданно выболтала... Слушать-то ты гораздъ: оттого...

— Точно, бываетъ это со мной, что будто мнѣ и сказываютъ, смущенно и какъ бы не хотя отвѣчалъ Лука.

— Вѣрно ужъ... А ты меня, глупую бабеночку ревнивеньку, не обезсудь... А прости... часъ такой напелъ, а може и Богъ мнѣ этотъ часъ послалъ чтобъ я образумилась... А ты не обезсудь, прости...

Какъ сказала она во второй разъ „прости“, у Луки сердце отъ жалости къ ней сжалось, и онъ, не сдержавшись, что думалъ, то стремительно и высказалъ.

— Аль къ ней ревнуешь, къ Настасьѣ Григорьевичевой!?

У Марьюшки въ головѣ пронеслось что точно моль читаетъ Лука въ моей душѣ.

— Хоть бы и не къ ней, едва слышно отвѣчала она, и помолчавъ робко на Луку очи подвила. — А коли бы къ ней?

— Была-бы пустая эта ревность твоя.

— А чѣмъ-же такъ?

— А тѣмъ... да ты, Марья Александровна, къ Григорьевичей, видно, не приглядывалась. А она, вглядись, говоритъ-ли, молчитъ, сидитъ-ли, аль идетъ, а все-то на самоё себя любитъся, а и зеркальца ей не надобно. У зеркальца волшебнаго не спросится: „я-ль моль на свѣтѣ краше всѣхъ буду?“ На лицѣ у нея отвѣто-тъ ужъ подписанъ. А и пышна къ тому, и сдобна собой стала. А дебой-то ея пышности любовь не къ лицу. Собой любоваться время не останется... Да и душа у нея... а такая-жъ дебая, неотзывчивая...

— Такъ время не останется? и пышности своей тутъ-же бы рѣшилася? весело прошептала Марья Александровна. — И душа у нея неотзывчивая?

Вдругъ Марья Александровна замолчала, точно сообщая внезапную мысль, и широко раскрывъ глаза,

съежилась, будто хотѣла спрятать голову между плечъ; вновь ей вспомнился мужнивъ рѣзкій взглядъ, далеко ее отъ себя отметывающій.

— Изъ-за нея-же! изъ-за нея!.. А за тридевять земель вѣдь! не помня себя Марьюшка вскрикнула и опять закатилась.

Лука не въ шутку испугался. Снова сталъ онъ Марью Александровну квасомъ отпаивать и, взявъ за руку, умолилъ, чтобъ она себя попусту не тревожила. Крупныя слезы другъ за дружкой капали у нея изъ очей. Жаль стало Лукѣ молодую боярыню, и такъ-то жаль, будто она ему младшая сестра, а онъ ей — старшій братъ. И вотъ сестрица милая, сердцемъ болѣла и тоскуя, вся въ слезахъ передъ нимъ сидитъ. Чѣмъ-же утѣшить ее?

— Охъ, не горюй-же, а нѣтъ! жалостливо приговаривалъ Лука, и не думая о томъ что дѣлаетъ, подвигнутый однимъ братскимъ состраданьемъ, поцѣловалъ ее въ высокое чело бѣлое.

Не страстию горячъ, а сердечной добротою тепель былъ поцѣлуй его. И Марья Александровна отъ цѣлованья не вздрогнула, а только затихла вся, и въ мысль ей даже не пришло: что-моль онъ это дѣлаетъ, цѣлуя меня?

Оправясь, Марья Александровна встала и по комнатѣ прошлась; къ столу подошла и еще кваску выпила.

— Спасибо-же тебѣ, Лука Аввакумовичъ, что пожалѣлъ ты меня, сердечно она молвила, ставъ противъ него и поднимъ на него свои болѣзныя очи.

Скорбный, не за одну себя, а и за другихъ скорбящій взглядъ ея прошелъ прямо въ сердце Лукѣ. Вновь пожалѣлъ онъ ее, только не братской ужъ жалостью. Видя ее, молодую да пригожую, скорбную и за другихъ скорбящую, Лука какъ-бы помутился весь. Такъ-бы вотъ и охватилъ ее руками и ужъ не попрежнему цѣловать сталъ.

„Аль хмѣль во мнѣ колобродитъ еще?“ опомнился Лука и закрывъ какъ съ испуга глаза, быстро закинулъ назадъ голову и шатнулся весь отъ Марьи Александровны.

— И еще разъ спасибо-же! низко кланаясь говорила межъ тѣмъ она, а какъ подняла голову послѣ поклона, Луки уже не было въ комнатѣ.

Марья Александровна посмотрѣла на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, словно еще види какъ онъ шатнулся отъ нея. Она тихо и горько улыбулася; дошла до лавки, присѣла, и о чемъ-то тихо-же и горько заплакала.

XIII.

Бычонъ на веревочкѣ.

Проводивъ Луку до крыльца, Арбузевъ воротился въ свою столовую избу и присѣвъ на лавкѣ, откинулъ назадъ всеѣмъ туловищемъ и уперся затылкомъ въ стѣну. Не мало времени онъ такъ просидѣлъ, вылупя свои черныя глазища, и тяжело, какъ съ усталости, дыша. Задалъ ему баню Лука.

— Буянъ! крикнулъ господарь.

Вѣрный парбокъ тутъ-же за дверью стоялъ, ожидая господарскаго зова. Василей доложилъ Буяну, какъ его Лука вѣчемъ стращаль.

— А ну, Буянушко, что-жъ мы дѣлать-то теперь учнемъ?

— А какъ знаешь, Василей Селифонтьевичъ.

— Ты-то, Буянушко, какъ-же думаешь-то?

— А вспятить¹⁾ бы ты Пашку Маврушеньку.

Арбузевъ, опустя голову, насунился и поздри у него заработали не хуже кузнечныхъ мѣховъ.

— Ну, это, братъ, шалишь! сказалъ онъ черезъ время. — Потому: кабы ласкою, а бери-моль ее! Кабы, понимаешь, Лука для себя ее выпрашивалъ. А и отда-лъ-бы; слова, говорю, не взмолвилъ-бы: а бери, знай. А то вѣчемъ своимъ грабѣжнымъ стращать пошелъ.

¹⁾ Вспаить — отдать назадъ.

„А ну, это шалишь, братъ!“ говорю. Мнѣ-ко, Буянушко, насильничать, слышь, не вельно, а имъ надо мной вольнѣ, знать. А и черти бны все, а и съ тетушкой моей со крестовенькой. Имъ насилье-то, видно, во спасенье, а мнѣ-ко и запретъ. Ну, это...

Оба помолчали.

— Чтò-жъ посовѣтуешь мнѣ-ко, Буянушко?

— А ужъ гдѣ мнѣ совѣты, Василей Селифонтьевичъ, тобѣ давать. А и самъ ты въ разумѣ, а меня, ишь-ва, до синихъ крестовъ вспарить вздумалъ.

— Эва! съ хохотомъ сказалъ Арбузевъ, — а и было съ чего пужаться тебѣ! Охъ, ты, Буянушко! А знамо, падо-жъ мнѣ было Лукѣ глаза отвести, а себя и съ тобой-же выгородить. Аль не понялъ ты, пошто я ему про кресты сказывалъ?

— Коли-же нѣтъ! Знамо, для отвода придумывалъ. А только какъ до того дошло, что мнѣ нынѣ-же, а сотняжечки двѣ одолжить хотѣлъ, инъ ты тутъ, Василей Селифонтьевичъ, какъ-бы и со сладостью про нихъ сказывалъ, какъ-бы и съ охвотой одожджалъ-то мнѣ. А мнѣ-ко эту сладость-то твою слушати—а и ну ужъ! Арбузевъ пунце расхохотался.

— Такъ со сладостью я про то, Буянушко, сказывалъ, про мое-то тебѣ одолженьице? спросилъ онъ.

— Тебя, знамо, смѣхъ берѣ! А у меня, Василей Селифонтьевичъ, а со сладости этой твоей ажно зачесалоса: спина-тъ у меня своя живѣ.

— Ой, да полно ужъ тебѣ!.. уморишь вѣдь меня своєю этой сладостью! со смѣху поколѣтъ вѣдь мнѣ!.. до слезъ хохоча, господарь приговаривалъ.

Буянъ поглядѣлъ на него, и вправду пожелалъ поколѣтъ ему со смѣху. Только своего пожеланья онъ вслухъ не высказывалъ, а на иную стать разговоръ повелъ.

— А и смѣйся собѣ, сказалъ, — а только и думай топерь самъ.

— А была мнѣ охвота думать-то оцѣ! Тебя-то зачѣмъ-же держу? А за думанье твое ладное.

— Нѣтъ ужъ, Василей Селифонтьевичъ, теперечь-ко а думай самъ.

— А коли я тебѣ думать-то приказываю?

— Нѣтъ, ужъ самъ лучше...

И сколько господарь Буяна ни уговаривалъ, тотъ все свое твердилъ. Арбузевъ зналъ, что какъ наскочить упорство на его парбка вѣрнаго, ничего съ нимъ не подѣлаешь, а потому догадался подмаслить его.

— А слышь-ко, Буянушко, сшелъ-бы ты въ кладову, что-ль, теперь, а доглядѣлъ-бы: може тобѣ тамо-т-ко чтò и по-мыслу найдется. А и приде тебѣ чтò по-люби, а и радъ я всегда тебя жаловати.

Буянъ въ затылкѣ почесалъ.

— Ладно ужъ, Василей Селифонтьевичъ, сказалъ онъ, — пошто бы мнѣ и въ кладову-то нѣ-пойти? А тебѣ, господарь, на великомъ твоёмъ ко мнѣ жаловании спасибо скажу. А и пойду-ко сейчасъ, а тамъ вѣдь и сдумаю: веселѣй, гляди, мнѣ тамъ думать-то буде!

— А думай-же, Буянушко; думай-же хорошохонько! увѣщевалъ его Арбузевъ.

Черезъ нѣкоторое время Буянъ весель изъ кладовой воротился и докладывалъ господарю про свое сдуманье. И господарь весель-же съ доклада сталъ.

На другой день, часокъ послѣ позднихъ обѣдовъ спустя, Василей Селифонтьевичъ со двора выѣхалъ. А ѣхалъ въ Славкову улицу, къ уличанскому судѣ тысяцкаго, къ Лазарю Евфимовичу.

— А чтò господарь ужъ отудневалъ, аль опочивъ еще держитъ? ¹⁾ спросилъ Василей у судейскаго парбка.

— А сидитъ ужъ, надо быть, встамши ужъ; пивкомъ, знать, прохладжатся, отвѣчалъ парбокъ.

¹⁾ Удневать — спать днемъ. Опочивъ держать — опочивать, отдыхать.

Лазарь Евфимовичъ дорогому гостеньку, знатному и богатому вдобавокъ, и не вѣсть какъ обрадовался, а съ радости не зналъ куда посадить его.

— И какъ это ты, Василей Селифонтьевичъ, ко мнѣ надумался?

— А ждалъ, вишь, все тебя къ себѣ, а не ѣдешь-же, а мнѣ-ко и въ голову приди: „а полно-ко, здоровъ-ли оцѣ, а дай-ка-моль дружка своего любезнаго провѣдаю“.

— А какими словесы мнѣ тебѣ благодарствовать,— и не знаю ужъ. По писанному вотъ говорить не мастеръ я, а людскими-те словесы твоей ко мнѣ доброты милостливой не изглаголати. А дьяка моёго, жаль, во двори нѣтъ, а то ужъ заставилъ-бы его по книжному къ тебѣ рѣчь держать. Не изглаголана доброта твоя, да и все тутъ.

— А и ладно ужъ, станемъ-ко, какъ и всѣ говорить; людская-та молвь, она всѣмъ понятлива.

— А не былъ я, Василей Селифонтьевичъ, у тебя, не лѣнясь вѣдь, а милости твои помню всегда. А отъ того вѣдь я къ тебѣ не заглядывалъ, что вовсе нужда меня вѣдь одолѣла. А и выѣхать, вѣрнѣ-ли, не на чемъ: всѣ-те кони поизвѣздились, а которы и вовсе обезпожили...

— Знать, ты на конюшнѣ нынѣ не былъ, перебилъ Василей Лазареву рѣчь.

— А чѣд?

— А погляди-ко, повъ конь гвѣдь у тебя въ стойлы стоитъ, и на видъ добръ, и въ ѣздѣ хорошъ.

Тутъ судья, на ноги вскочивъ, бросился къ гостю и сталъ его, не отрываясь, въ плечо цѣловать.

— Ой-же ты, кормилецъ мой! Ой-же ты, милостивецъ! приговаривалъ Лазарь.—А и до-вѣку мнѣ за тебя Бога молить, а до-вѣку не замолютъ великаго твоего ко мнѣ благодѣяница. Эко сердце-то милостливо! Эка рука-то неоскудна! велики и богаты милости одождяющая! Эка душа-та крестьянска! А ужъ по вопѣшнимъ временамъ послѣднимъ...

— А довольнѣ, буде ужъ, прервалъ Василей Лазареву излиянье. — А ты лучше-ко вспомни вотъ, что соловья баснями не кормить, а и пивца съ тобой я выпилъ-бы.

— Охъ, я олухъ царя небеснаго! вскричалъ судья и не переставая всячески ругать себя, кликнулъ паробка и приказалъ ему нацѣдить пива что ни есть лучшаго.

— Такъ-вотъ ладнѣй бесѣда пойдетъ, прихлебнувъ Арбузевъ сказалъ.—А пу-т-ко-съ, Лазарь Евфимовичъ, каково поживашь-то нунь, а много-ль судишь тонерь?

— Охъ, и суды ужъ пошнѣши! А и дѣло, скажу тебѣ, само прѣхово. Съ голоду намъ, судьямъ, колѣтъ, одно только и осталось. Пѣшлины, самъ вѣдашь, много-ль намъ съ рубля суднаго сойде-то!.. А всякъ-то надъ тобой кочевряжится, а ты-то всѣмъ вѣдь кланяйся, не то вѣдь изъ судей доловъ, и николи ужъ не посадятъ тебя: не мало вѣдь насъ, захудалыхъ, въ судьи просится, а просяеь, другъ дружкѣ пакостятъ. А еще, Василей Селифонтьевичъ, бывать: изъ суда-то идешь, а какъ пѣсь зимой голодень, и уставши вѣдь,—такъ до-мовъ-то покойно дойти не дадутъ, на улицѣ приставать учнутъ: „а не по правдѣ моль ты нунь-ко судиль“. А тебѣ и взбѣситься нельзя. Ужъ тако-то житье наше жолтенько,—а и сказать нельзя!

— А хоромы у тебя ничего, даль Богъ, крѣпощки, Василей сказалъ.

— А чѣд проку, Василей Селифонтьевичъ, чѣд проку-ту? А и всѣ вѣдь тамъ будемъ. Времена-те самъ знашь что послѣднѣи, а близокъ срокъ! набожно под-нявъ глаза вверхъ, судья сказалъ.—А вотъ о правдѣ-то я, что всѣ кричатъ: „суди моль по правдѣ“. А и гдѣ ее нунь, Василей Селифонтьевичъ, правды-то взять? а и негдѣ вѣдь. Недаромъ же калики перехожи поютъ что пошла де нунь кривда по-земли. А съ судьи, вишь, правды спрашиваютъ! А кажнѣй-то разъ ты крестъ цѣ-

луй, чтобъ въ правду судить, а безъ посула къ тому. А кто нунь посуло-тъ дастъ? А ты вѣрь ужъ моему слову нелестному, что нунь люди скупы же, а не лучше вѣдь аспидовъ.

— А лѣсо-тъ у тебя во дворѣ, бревна да доски каки лежатъ? аль строятся вздумалъ? спросилъ Василей, будто нечаянно въ окно взглянувъ.

— Осталось оцѣ милостивцевъ, а не вовсе же безъ нихъ въ Новѣгородѣ! Вотъ, какъ ты же, Василей Селифонтьевичъ, конемъ удружилъ, другѣй-то бревнушекъ да дощечушекъ прикинулъ. А не то чтобъ посулъ какой. Да и дѣло оно не ладное, посулы-те брать. Охъ!..

— А и давать ихъ не хвально же, Арбузевъ подтвердилъ.

— Ёсть-то, пить вѣдь судѣ тожъ надобѣтъ, а какъ дѣтушки хлѣба запросятъ, не доски же имъ глосуду дать. А и овесъ нунь какъ дорогъ-то сталъ, приступу вовсе нѣтъ.

— А конемъ удруживъ, за овсомъ ужъ постою-ли? А ты, слышь-ко, Лазарь Евфимовичъ, ужотко паробка пришли, отсынемъ вѣдь.

Тутъ Лазарь снова сталъ Василю въ плечо цѣловать, и всячески ему благодарствовалъ.

— Чѣмъ, Василей Селифонтьевичъ, заслужить-то смогу? А смогу-ли оцѣ?

— Похочешъ, такъ сможешъ, усмѣхнувшись въ бороду Василей сказалъ.

— Аль дѣлишечко како у тебя судно заводилося?

— А даль Богъ, и съ роду у меня въ судѣ дѣловъ не было, а не гадаю и до-вѣку въ истцахъ быть.

— А чего-жь тебѣ?

И судья, взглянувъ на Арбузеву съ боку, подумалъ: „не съ ума-ли Василей снятилъ, что дѣла не имѣя, конемъ подарилъ?“

— А по дорогѣ заѣхалъ вѣдь я къ тебѣ, Лазарь Евфимовичъ, а сказать хотѣлъ, по дружески вѣдь сдѣлать тебѣ да предувѣдомить, что плохо ты за уличанами своими глядишь.

— А что-жь мнѣ глазѣтъ-то на нихъ?

— А то-жь что грабѣжчики дны у тебя живутъ, а ты, поди, и не вѣдашь про то.

— Каки таки грабѣжчики? изумился Лазарь.

— То-то вотъ. А нунь, самъ знаешъ, время стало строгое, а и вѣче галдитъ не попрежнему

Услышавъ такія рѣчи, судья только ротъ раскрылъ, но не сумѣлъ ни слова выговорить.

— Время, говорю, строго нунь, а тутъ у тебя въ улицѣ Пашкѣ живѣ, а кожевникъ онъ буде, а вѣдь грабѣжчикъ онъ вѣдомый, на-весь городъ ославился.

При имени Пашка, судья какъ-то особенно сталъ правымъ глазомъ моргать, точно стрихивалъ съ него пылинку.

— А два чапа онъ сладилъ нунь, Василей Селифонтьевичъ, какъ же бы ему да въ грабѣжчикахъ быть?

— А деньги на чаны откуда онъ бралъ? То-то. А время нунь, всѣ скажутъ, строгое, хоть тетушку мою крестовеньку спроси.

— Это про Пашка-то спросить велишь? будто не понявъ, освѣдомился судья.—И то вѣдь скажутъ: онъ у тетушки твоей въ великой милости.

— А лжа е! твердо и увѣренно вскричалъ Василей.—Точно, хвалился онъ, будто тетушку со мной развелъ; что она де Василю нунь и во дворъ къ себѣ не пускать. А только я тетушкѣ поразказалъ тожъ каковъ мѣлодець, каковъ грабѣжчикъ онъ буде,—ну, тутъ она только взахнула, а вѣрнѣй сказать, и со двора его сбить приказывала, а во мнѣ увѣрялася. А то, ишь ты, кой поклонъ на меня взвелъ, что будто я у него не-вѣсту скралъ. Какже! А и гусь же, скажу тебѣ, Лазарь Евфимовичъ, и каковъ оцѣ! Только не я бы, онъ и бабушку бы мою ограбилъ.

Выставка Импер. Акад. Художествъ. „Запорожець на развѣдкахъ“, группа Позена.

Съ фотогр. грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

— Вот так дѣла, дѣла! вздыхалъ судья, соображая путанную рѣчь Васильеву.—Точно, и у насъ эта молва прошла, будто онъ на тебя, Василей Селифонтьевичъ, тетухи твоей, посадниці честной, челомъ билъ, что вотъ ты дѣвчину скралъ, а она не хвалила же тебя за то.

— Аль и теперь не вѣришь что грабѣжчикъ онъ? неожиданно Василей спросилъ.

— Какъ же тебѣ я не повѣрую?. А только... И судья, въ рѣчи остановившись, сталъ въ затылкѣ чесать.— А только вотъ какъ самъ же ты мнѣ сказывалъ, что время-то нунъ стало строгое. А наши Славковски уличана куды озорны, а растащатъ избу мою по бревнышкамъ.

— Да коли же послухи придутъ, жалобу на него положить тебѣ?

— Оно точно, раздумчиво сказалъ судья,—а только каковы оны послухи-те? Не самъ же ты въ послухи пойдешь.

— Эва выворотилъ! Этому и не повѣритъ никто, чтобъ меня онъ грабить посмѣлъ.

— Аль паробковъ твоихъ?

— Нѣтъ, ужъ ты, Христа ради, не путай меня, Лазарь Евфимовичъ. Я—сторона, и изба моя съ краю. А уличанъ онъ нашихъ Микитскихъ грабить хотѣлъ, а я про тотъ грабѣжъ и не вѣдалъ. Ты такъ въ судѣ и орудуй, что не слышалъ я, и чтобъ о мнѣ и помину не было. А я у тебя не былъ же, и коня тебѣ не дарилъ.

— Этому ужъ ты не учи меня, Василей Селифонтьевичъ; до этого я и самъ давнѣхонько дошелъ. А на коня-тъ, что ты коня мнѣ продалъ, и запись напишемъ. Нельзя безъ того. Такъ, стало, Микитски уличана въ послухахъ?

— Оны. Мордка да Ондреюшка ошѣ.

При имени Мордки у судьи опять словно пылинка въ правый глазъ попала.

— Охъ, привздохнулъ онъ,—Мордка-то вѣдь больнѣ плохъ, ябедникъ онъ вѣдомый, крестъ цѣловать нѣмается, а у всѣхъ судей, гляди.

— А другого тоже поищи поди. А и найдешь, такъ онъ въ судѣ-то пойдѣ таку околесну нести!.. А тебѣ жъ не сладить буде съ нимъ. А Мордка-то хоть и вѣдомый, да съ рѣчи-то никто не собьетъ его: на чемъ сталъ, какъ пень стоитъ.

— Это вѣрно; про это чтò и говорить.

— И опять же, коли Мордка вѣдомый, такъ и Пашко-то твой вѣдь вѣдомъ же.

— Охъ, опять привздохнулъ судья,—кабы Пашкò въ грабѣжномъ дѣлѣ да вѣдомъ былъ, инъ бытъ бы бычку на веревочкѣ. А у меня и сумнѣвница не было бы ни малаго.

— Какъ же не вѣдомъ-то! А на Опсковскій рубѣжъ, съ Сквороткой, не онъ нешто грабить ходилъ?

Судья даже съ мѣста привскочилъ.

— А такъ бы ты исперва и говорилъ! За это бытъ ему испродану, а ошѣ и на крѣпости сидѣть ¹⁾.

— Этого вотъ мнѣ и надобѣтъ, чтобъ на крѣпость-то его. А посадишь, а бери тутъ овса до-люби! А и еще вѣдь тебя пожалую.

— Ужъ ты, Василей Селифонтьевичъ, покоенъ будь; стараницѣ мое о тебѣ будетъ полное, а и строго время-то, небось, намъ же буде на-руку.

Хозяинъ съ гостемъ поцѣловались, и съ радости выпили.

(Продолженіе будетъ).

Исторія одного таланта.

Повѣсть Н. Станицаго (автора романа *Три страны свѣта*)

(Продолженіе).

Я прожилъ безвыѣздно въ Москвѣ лѣтъ пять, и наконецъ, оказалась возможность поѣхать мѣсяца на два за границу. Мой маршрутъ ограничивался Италией.

Мнѣ хотѣлось посѣтить вновь главные италіанскіе города. Пробывъ въ Венеціи недѣлю, я отправился въ Миланъ на такой-же срокъ. Приѣхалъ я въ Миланъ въ поадень, и когда я вписалъ свою фамилію въ отельную книгу, то лакей, очень молодой и замѣчательно красивой наружности, началъ мнѣ оказывать большую внимательность и между прочимъ спросилъ меня по-французски:

— Если вамъ, синьоръ, нуженъ чичероне, то я вамъ могу рекомендовать очень свѣдущаго человѣка и за умѣренную плату?

Я поблагодарилъ его, сказавъ, что я не въ первый разъ въ Миланѣ и хорошо помню улицы.

— А, понимаю, вы приѣхали для нея?

Этотъ вопросъ меня озадачилъ, и я потребовалъ объясненія, о комъ это онъ говоритъ.

— Какъ о комъ? тоже съ удивленіемъ воскликнулъ лакей,— конечно о вашей соотечественницѣ, которая сводитъ съ ума всю итальянскую публику!

— Кто-же моя соотечественница: танцовщица?

— Ну, это вы желаете попутить надо мной, синьоръ! Возможно-ли, чтобы русскіе не знали, какая замѣчательная примадонна ваша соотечественница?

— Значитъ мнѣ надо послушать ее. Когда она поетъ?

— Сегодня она поетъ въ „Гугенотахъ“.

— Такъ достаньте мнѣ, пожалуйста, билетъ.

— Достать билетъ!.. теперь я вижу, синьоръ, что вы въ самомъ дѣлѣ не знаете ничего о вашей соотечественницѣ! Непослушная вещь въ Миланѣ — всѣ мѣста были абониrowаны; иностранцы могутъ достать себѣ мѣсто только отъ самого импресарио, и то если есть рекомендація къ нему; да, можетъ быть, вамъ придется ждать недѣлю и двѣ, чтобы получить билетъ отъ него.

— Такъ я ее и не услышу? произнесъ я довольно печальнымъ тономъ.

— Ахъ, Боже мой! съ большимъ участіемъ сказалъ лакей.— Это будетъ большое несчастье! Вотъ что: я могу вамъ предложить, если вы не обидитесь, свой билетъ, только на послѣдній актъ. Мы вскладчину абонировались; сами знаете, служба въ отелѣ не дозволяетъ намъ выслушивать цѣлую оперу за-разъ; мы по-очереди смотримъ только по одному акту. Когда вы ее услышите, то забудете все на свѣтѣ и о томъ, что стоите въ самыхъ дешевыхъ мѣстахъ.

Лакей рассказалъ мнѣ, что одинъ богатый американецъ, который стоитъ у нихъ въ отелѣ, приѣхалъ въ Миланъ всего на нѣсколько дней.

— А вы знаете, что эта нація: чтò сказала, то и сдѣлала. Но вообразите! вотъ уже мѣсяцъ, а онъ ни одного спектакля не пропускаетъ, когда она поетъ!

И вдругъ, ударивъ себя въ лобъ, онъ спросилъ меня:

— Вы счастливы въ жизни, синьоръ?

— Для чего вамъ это знать?

— Для того, что только счастливому человѣку можетъ выпастъ такой случай! Вотъ видите-ли, сегодня ночью американецъ такъ прихворнулъ, что я бѣгалъ за докторомъ, который запретилъ ему вставать съ постели до завтрашняго утра; но американецъ, я знаю, не послушаетъ его. А если-же ему будетъ хуже, то онъ мнѣ дастъ для васъ билетъ.

Въ коридорѣ кричали: „Петручіо!“ Лакей убѣждалъ.

Любовь къ музыкѣ въ итальянцахъ очень развита и въ простомъ классѣ, но все-таки Петручіо какъ-то особенно увлекался примадонной.

Я пошелъ попытать свое счастье; но касса была заперта, на ней было прибито извѣщеніе, что билеты всѣ распроданы. Я отправился въ табачныя лавки около театра, гдѣ, по обыкновенію, барышничаютъ билетами. На мои вопросы мнѣ молча мотали головой; только одинъ лавочникъ былъ полюбившею и совѣтовалъ мнѣ попусту не терять времени.

Вернувшись въ отель къ обѣду, Петручіо печальнымъ тономъ объявилъ мнѣ, что хотя американцу и не лучше, но онъ хочетъ непременно поѣхать въ оперу и, какъ-бы въ утѣшеніе мнѣ, прибавилъ:

— Но вы все-таки не уходите изъ своего номера и ждите меня.

За общимъ столомъ только и было разговору, что о примадоннѣ, такъ что во мнѣ возбудилось сильное желаніе понасть въ оперу, и я нетерпѣливо ждалъ рѣшенія своей участи. Петручіо два раза забѣгалъ ко мнѣ сообщить бюллетень о здоровьѣ американца. Я уже потерялъ надежду имѣть билетъ, какъ вдругъ съ шумомъ ко мнѣ влетѣлъ Петручіо, махая въ воздухѣ билетомъ. Онъ умилилъ меня своею радостью и такъ выпроваживалъ меня изъ номера, какъ будто дѣло шло о спасеніи моей жизни.

Театръ былъ переполненъ публикой. При появленіи примадон-

¹⁾ Бытъ испродану — заплатить штрафъ; сидѣть на крѣпости — въ тюрьмѣ на привязи.

ны раздались единодушныя и продолжительныя рукоплесканія. Я внимательно разсматривалъ въ бинокль свою соотечественницу. Она была высока, стройна, съ особенно правильными чертами, но очень выразительнымъ лицомъ. Пока раздавались аплодисменты, она стояла склонивъ голову и тяжело дышала; видно было, что она страшно взволнована. Я замѣтилъ также, что ея лицо не было размалевано, какъ маска, что давало возможность замѣтить малѣйшее движеніе ея мускуловъ на лицѣ. Когда примадонна зашла, я понялъ, почему она сдѣлалась любимицей Милана. Я ужъ не говорю о свѣжести, задумчивости и чистотѣ голоса, но какъ была изящна метода пѣнія, какъ она осмысленно передавала каждый звукъ, каждое слово въ своей роли. Въ ея движеніяхъ не было никакихъ рутинныхъ приемовъ; она была такъ естественна, что другимъ могла показаться холодною; но я восхитился.

Чѣмъ я болѣе всматривался въ примадонну, тѣмъ все сильнѣе мнѣ казалось, что я гдѣ-то видалъ ея лицо, но не могъ припомнить. Потомъ я сообразилъ, что между иностранными типами русская женщина могла произвести на меня такое впечатлѣніе, какъ будто ея лицо мнѣ знакомо. Четвертый актъ примадонна такъ разыграла, что я чувствовалъ нервную дрожь. Во время сцены Валентины съ Раулемъ была такая тишина, точно всѣ замерли; за то какой гвалтъ поднялся, когда занавѣсъ опустился. Примадонна явилась на вызовъ, подошла къ рампѣ, поклонилась и торопливо ушла. Такое оригинальное равнодушіе къ аплодисментамъ было рѣдкимъ исключеніемъ между артистами.

Послѣ спектакля примадонну снова вызывали и осыпали цвѣтами. Я замѣтилъ утомленіе и грусть на ея лицѣ; она точно также торопливо уходила со сцены, безъ обычныхъ поклоновъ и улыбочекъ. Въ партерѣ благоразумная часть публики стала уходить, а неблагоразумная (и я въ томъ числѣ) продолжала еще вызывать примадонну; она долго не выходила и уже явилась передѣткою въ темное платье, закутанная въ большой бѣлый платокъ; волосы у нея были расчесаны на двѣ косы. Я чуть не вскрикнулъ на всю залу: „Это барышня изъ Горушекъ!“ И мнѣ такъ живо вспомнилось: оврагъ и ея фигура на мосту.

Это открытіе меня сильно взволновало. Какимъ это волшебствомъ она очутилась на миланской сценѣ, да еще такую пѣвицей? Я припомнилъ изъ ея дневника, какъ она, въ день бала, сидя одна на чердачкѣ, желала, чтобы къ ней явился фея, какъ въ сказкѣ о Сандрилонѣ. Должно быть, фея явилась къ ней и еще блистательнѣе сдѣлала превращеніе. И мнѣ казалось, что въ этомъ превращеніи неизмѣнно Сивцовъ играетъ первую роль.

Петручіо явился ко мнѣ, чтобы провѣрить мои восторги послѣ спектакля, и все повторялъ: „Я вамъ говорилъ, что вы забудете все на свѣтѣ!“ Я спросилъ его, не знаетъ-ли онъ, съ кѣмъ пріѣхала примадонна въ Миланъ. Оказалось — съ дядей; у барышни Горушекъ не имѣлось никакого дяди. Это сбilo меня съ толку; Петручіо описалъ мнѣ наружность дяди, она никакъ не подходила къ Сивцову: „Сбдой, худой, очень живой старикъ.“ Всѣ русскія фамиліи такія мудренныя, такъ его просто называютъ „дядя примадонны“. Вы его можете видѣть въ кафе, что противъ театра, онъ тамъ каждый день завтракаетъ, вы его сейчасъ узнаете,—онъ постоянно щиплетъ свою бороду и съ азартомъ споритъ съ моимъ будущимъ профессоромъ пѣнія.

Петручіо съ гордостью произнесъ послѣднюю фразу, и мнѣ сдѣлался понятнымъ его энтузіазмъ къ примадоннѣ.

Петручіо подробно рассказалъ мнѣ, какой у него голосъ, до какой ноты онъ можетъ взять, и что у него уже заключено условіе съ его родственниками, которые даютъ ему средства готовиться на сцену. Проценты съ капитала родственники брали съ него безобразно ростовщическіе. Многие извѣстные пѣвцы принадлежали къ такому-же бѣдному классу, какъ и Петручіо; мнѣ казалось очень возможнымъ, что стоявшій предо мною съ моимъ платьемъ, перекинутымъ на рукѣ, впоследствии станетъ Раулемъ, — московскія и петербургскія барыни будутъ сходять съ ума по немъ, бѣгать за нимъ и осыпать его подарками и букетами и своей любовью, тѣмъ болѣе, что Петручіо въ полномъ смыслѣ былъ красавецъ.

Я забылъ о существованіи всѣхъ лицъ, которыхъ встрѣтилъ въ свое пребываніе въ Порошковѣ, да и самая усадьба уже не принадлежала моимъ родственникамъ; они прожили въ ней всего одну зиму, дѣти захворали, и они опять укатили за границу. Меня удивляло странное совпаденіе одинаковыхъ обстоятельствъ при встрѣчѣ съ этой дѣвушкой: въ первый день моего пріѣзда въ Порошково я точно также заинтересовался ею, насмѣшавшись отъ Филипповны чудесъ о ночной музыкантшѣ. Я твердо рѣшился во что бы то ни стало познакомиться съ барышней Горушекъ, превратившейся въ примадонну.

Я отправился въ кафе посмотрѣть на дядю примадонны и едва вошелъ, какъ услышалъ голосъ Сивцова; онъ горячо спорилъ съ какимъ-то итальянцемъ о вчерашнемъ спектаклѣ. Сивцовъ такъ измѣнился, что еслибы не его голосъ, я бы не вдругъ его узналъ: онъ былъ совсѣмъ сбдой, желтъ, какъ лимонъ, и страшно исхудалъ. Сивцовъ меня тотчасъ узналъ и очень обрадовался. Мы усѣлись у столика и послѣ разспросовъ, какъ мы оба очутились въ Миланѣ, Сивцовъ, улыбаясь, спросилъ меня, когда я ему объявилъ, что слышалъ вчера русскую примадонну:

— А знаете-ли, что это моя ученица, дочь Крутова?

— Честь и слава вамъ! отвѣчалъ я;— но какъ вы узнали, что въ ней таился такой рѣдкій голосъ?

— Совершенно случайно. Въ дѣтствѣ, бывая въ Порошковѣ у матери Крутова, я всегда съ Антипычемъ чуть не цѣлые дни занимался уженіемъ. Вотъ, пріѣхавъ въ Полюновку, захотѣлось мнѣ побѣтить старыя мѣста. Иду себѣ, какъ вдругъ слышу пѣніе съ противоположнаго берега,—я такъ и обѣзвѣлъ: меня поразила вѣрность, чистота и необыкновенная мелодичность голоса. Конечно, она пѣла неумѣло русскіе пѣсни и романсы, но мнѣ было достаточно, чтобы понять какіе богатые залюги таятся въ ея голосѣ. Увѣряю васъ, что я находился совершенно въ такомъ-же состояніи, какъ еслибы я наткнулся на огромный самородокъ золота. Я трое сутокъ приходилъ ее слушать, а она и не подозрѣвала, что ее видятъ и слушаютъ—она сидѣла на берегу рѣки и расиѣвала. Я догадался, что эта барышня должно быть изъ Порошкова. Я навелъ справки о семействѣ Крутова и узналъ печальную судьбу младшей его дочери. Я возобновилъ знакомство съ Крутовымъ единственно съ той цѣлью, чтобы отецъ далъ средства дочери развить свой голосъ. Но вы знаете причину, почему мое знакомство съ Крутовымъ прекратилось. Это преніястіе еще сильнѣе разожгло во мнѣ желаніе не дать заглушить такому рѣдкому дару природы. Я теперь убѣдился, что если человѣкъ проникнется всецѣло какой-нибудь цѣлью въ жизни, то онъ ее достигнетъ. Когда вы были въ Порошковѣ,—помните глухой вызовъ меня на дуэль? — въ вашихъ рукахъ находилось мое завѣщаніе, въ которомъ я отказывалъ Полюновку дочери Крутова, только съ однимъ условіемъ,—если она посвятитъ себя музыкальному искусству, поѣдетъ учиться пѣть въ Италію, а потомъ поступитъ на сцену. Въ ту-же осень, какъ вы были въ Порошковѣ, Крутовъ умеръ. Я зналъ заранѣе, что мать и сестра бросятъ несчастную дѣвушку на произволъ судьбы; да это и было мнѣ съ руки. Я заранѣе познакомилъ ее съ моимъ другомъ—помѣщицей Вистовки, которая явилась въ Горушки, подѣ видомъ покупательницы этой усадьбы, и очень скоро онѣ сошлись, такъ что та послѣ похоронъ Крутова увезла ее къ себѣ и вучку Антипыча. Дочь Крутова не знала настоящей причины, за что казна взяла все имущество у ея отца; а знала одно, будто бы я виновенъ въ разореніи ихъ семейства. Мой другъ все уладилъ; сама повезла ее въ Петербургъ, помѣстила въ семействѣ своей воспитанницы, и по моему выбору учителя занялся съ ней теоретическими уроками музыки, а я самъ отправился въ Италію подготовляться къ профессорской обязанности. Я хотѣлъ самъ разработать этотъ рѣдкій голосъ. Вы не знаете, какъ грубо, невѣжественно обращаются съ голосами учителя пѣнія; голосъ—хрупкая вещь, это все равно, что дать драгоценный камень въ неумѣлыя руки шлифовать и дѣлать грань. Расколуютъ его, обезобразяютъ и изъ большого сдѣлаютъ крохотный. Судите мое отчаяніе, когда черезъ годъ, возвратясь въ Петербургъ, чтобы везти ее въ Италію и серьезно заняться подготовкой ея на сцену, я вдругъ нашелъ въ ней сопротивленіе,—она во что-бы то ни стало хотѣла остаться въ Петербургѣ и заниматься учительствомъ музыки. Я, кажется, сошелъ-бы съ ума, еслибы она не образовилась и не поѣхала-бы со мною за границу.

Все время, пока мнѣ рассказывалъ Сивцовъ, онъ безцарно щипалъ свою бороду, и всѣ его движенія доказывали, что онъ постоянно находится въ какомъ-то возбужденномъ состояніи.

— Ну, теперь вы не можете сказать, что прожили бесполезно эти года вашей жизни, вы исполніи должны быть довольны вашей дѣятельностью? сказалъ я Сивцову.

Но онъ на это отвѣчалъ мнѣ:

— Я тогда буду доволенъ, когда сдѣлаю изъ нея настоящую артистку!

— Чего вы еще хотите?

— Много еще надо мнѣ надъ ней работать, а главное — вырвать изъ нея всѣ странности, которыя надо приписать ей безобразному воспитанію. Она не похожа на другихъ! Сами посудите, другая молодая пѣвица на ея мѣстѣ была-бы на седьмомъ небѣ отъ усѣха при началѣ своего сценическаго поприща; а она, видите-ли, чувствуетъ всякій разъ неловкость отъ шумныхъ овацій, которыми ее встрѣчаетъ публика. И каждый разъ дрожь за нее до такой степени, что чувствуешь себя разбитымъ послѣ спектакля. Такой робости и даже не могу понять!

— И въ обществѣ она также робка? спросилъ я.

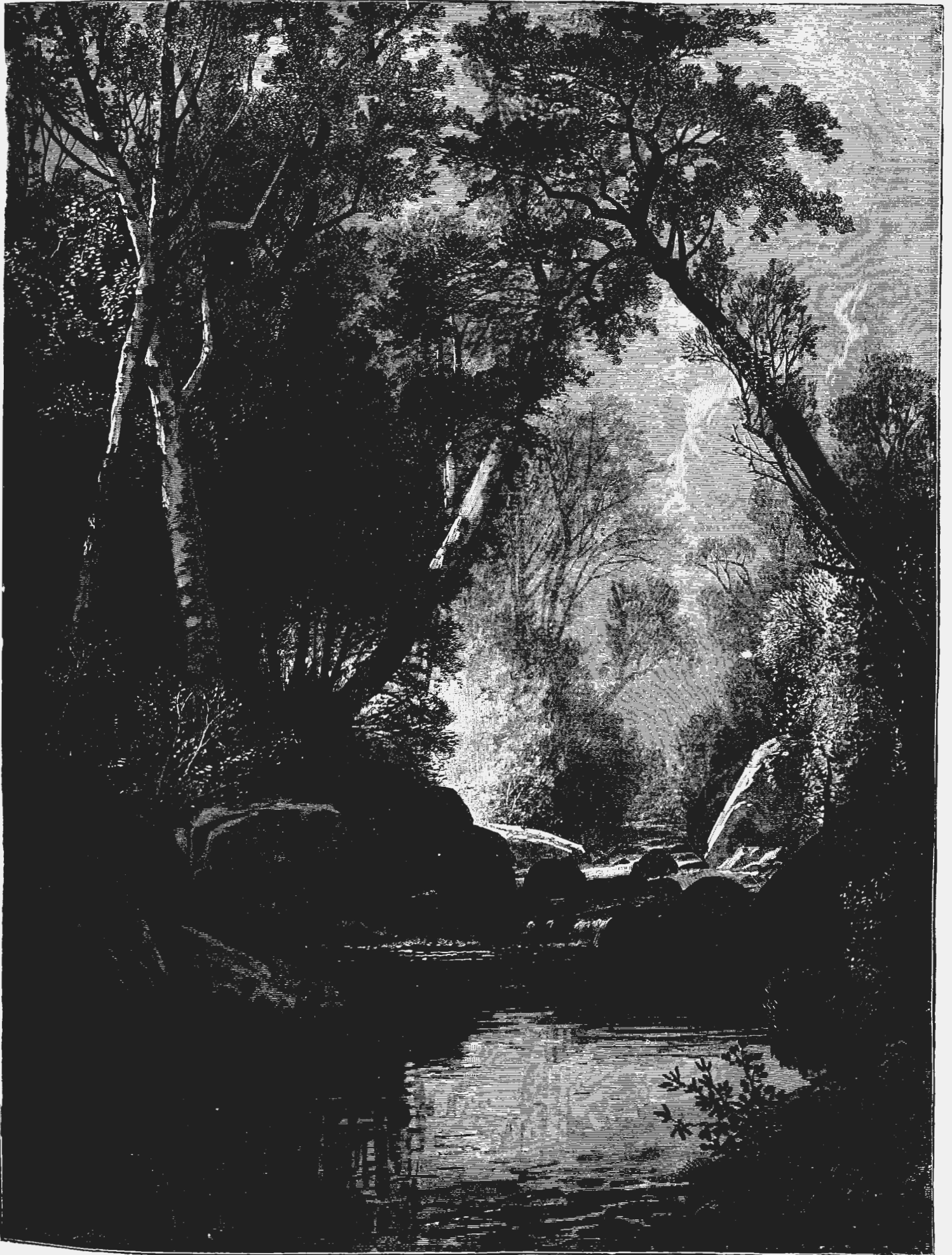
Сивцовъ нервно засмѣялся и отвѣтилъ:

— Вы не думаете-ли, что я ей позволю когда-нибудь пѣть въ салонахъ? Нѣтъ-съ! Настоящая артистка не должна себя ставить на такую низкую ступень; это простительно уличнымъ пѣвицамъ—за свое пѣніе съ тарелочкой обходить своихъ слушателей. Сцена для артистки—это храмъ, а публика въ этомъ храмѣ должна проникнуться глубокимъ уваженіемъ къ той, которая отрываетъ ее отъ грубаго матеріальнаго міра и переноситъ въ самую высшую сферу изящнаго наслажденія. Надо, чтобы публика знала, что ни за какіе подарки въ ихъ салонѣ она пѣть не станетъ! Я хочу доказать всѣмъ, что артистка должна всецѣло принадлежать одному искусству, да и самую сцену возвысить въ глазахъ публики, развить въ ней понима-

Литературный альбомъ. „Въ лѣсахъ“, Мельникова. Изъ скита. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Нестерова, грав. Флюгель.

Лѣсное затишье. Съ картины Девиса, грав. Мерсомъ.

не настоящего пѣнія, а не искаженія мыслей композиторовъ. Въдъ до чего дошло, — что, слушая оперу, не узнаешь, что пѣвцы поютъ. А все неучи учителя! Спаль съ голосу пѣвцевъ или пѣвца, сейчасъ дѣлаются профессорами пѣвца, а сами едва могутъ разбирать ноты пустыньскаго романса. Звѣрки губятъ голоса! Но самое ужасное — развращаютъ публику, которая уже потеряла всякое понятие о добросовѣтномъ исполне-

ніи твореній композиторовъ. Приучили публику къ акробатическимъ фокусамъ голоса; они требуютъ, чтобы арія заканчивалась оглушительнымъ ораціемъ пѣвцовъ — и довольны!. Я до послѣдняго издыханія буду воевать съ этимъ возмутительнымъ зломъ; я вырву эти плевела, которыми поросло сценическое музыкальное искусство!

(Продолженіе будетъ).

Гессенская муха.

Профессора Н. Э. Линдемана.

Кризисъ, тяготящій надъ сельскимъ хозяйствомъ, всюду заставляетъ стремиться къ тому, чтобы въ значительной мѣрѣ увеличить урожаи хлѣбовъ съ данной площади и такимъ образомъ уменьшить расходы производства, распределяющіеся тогда на большее количество полученнаго хлѣба. Забота о такомъ необходимомъ увеличеніи урожаевъ, являющаяся однимъ изъ важнѣйшихъ условій для выхода изъ современнаго кризиса, заставляетъ обратиться съ особымъ вниманіемъ къ изученію факторовъ уменьшающихъ урожаи и къ выясненію способовъ, помощью коихъ такая вредная дѣятельность этихъ факторовъ успѣшно можетъ быть парализована. Между различными дѣятелями, вредно вліяющими на урожаи, играютъ наиболѣе важную роль различныя насѣкомыя, живущія на хлѣбныхъ растеніяхъ и нерѣдко губящія значительный процентъ ихъ. Поэтому весьма естественно, что въ послѣднее время всюду обращается особое вниманіе на изученіе вредныхъ насѣкомыхъ, какъ хозяевами, такъ и правительственными учрежденіями. У насъ также эти насѣкомыя въ послѣдніе годы обращаютъ на себя вниманіе и нерѣдко уже являются предметомъ особыхъ заботъ различныхъ учрежденій.

Между нашими вредными насѣкомыми заслуживаетъ особаго вниманія и стала уже знаменитою такъ-называемая *гессенская муха*, почти ежегодно поражающая поля на обширномъ пространствѣ нашего государства и истребляющая то большее, то меньшее количество хлѣба. Иногда на протяженіи цѣлыхъ уѣздовъ, уменьшая урожаи хлѣбовъ на 10 процентовъ, она мѣстами такъ сильно размножается, что уничтожаетъ двѣ трети или три четверти урожая. Опустошительная дѣятельность этого маленькаго насѣкомаго сдѣлала его знаменитымъ уже въ концѣ прошлаго столѣтія, когда оно впервые было найдено въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, и было выяснено значеніе его для сельскаго хозяйства. Опытъ, впоследствии приобрѣтенный хозяевами различныхъ странъ Европы, показалъ, что дѣятельность гессенской мухи на европейскіхъ поляхъ не уступаетъ славы, приобрѣтенной насѣкомымъ въ Сѣверной Америкѣ. Поэтому была понятна та чрезвычайная тревога, которую вызвало у сельскихъ хозяевъ Великобританіи появленіе гессенской мухи въ нѣкоторыхъ графствахъ Англіи и Шотландіи.

У насъ гессенская муха была найдена лишь въ 1879 году, но съ тѣхъ поръ выяснилось, что въ предѣлахъ нашего государства она занимаетъ уже весьма обширное пространство, поражая поля въ предѣлахъ 37 губерній, не завоевавъ лишь сѣверную часть страны.

Гессенская муха поражаетъ озимую и яровую рожь, озимую и яровую пшевицу и ячмень, на стебляхъ коихъ она живетъ въ состояніи личинки. Кромѣ того, она поражаетъ пшрей, можетъ жить на тимоеевѣхъ и, повидному, на бѣлоусѣ. Но на этихъ дикихъ злакахъ она появляется лишь изрѣдка и только при особыхъ обстоятельствахъ; обыкновенно же сосредоточиваетъ свою вредную дѣятельность на указанныхъ воздѣлываемыхъ хлѣбахъ.

Поврежденія, наносимыя гессенскою мухою хлѣбамъ, обнаруживаются на поляхъ два раза въ годъ, именно: весною, въ концѣ мая и въ іюнь, и вторично осенью, въ сентябрѣ, когда всходы озимыхъ посѣвовъ являются уже достаточно развитыми. Поврежденія, производимыя въ эти два различныя періода, представляются столь различными, что съ перваго взгляда трудно и повѣрить, что тѣ и другія должны быть отнесены на счетъ дѣятельности одного и того же насѣкомаго. Поврежденія производимыя осенью, какъ на ржи и пшеницѣ, имѣютъ такой характеръ: сначала замѣчается нѣкоторая остановка въ ростѣ поврежденныхъ всходовъ, какая бываетъ напримѣръ подѣ вліяніемъ засухи; затѣмъ болыя былинки начинаютъ завядать, обыкновенно лишь весьма мало измѣняя свой цвѣтъ (*не желтѣя*). Внимательно изслѣдуя отдѣльныя отмершія растенія, мы замѣчаемъ, что листья ихъ не изѣдены, стебелекъ не изгрызенъ, корни обычно развѣтвлены, нигдѣ нѣтъ червоточины. Растеніе какъ будто просто засохло. Лишь при основаніи былинки замѣчается нѣкоторое утолщеніе, а въ предѣлахъ его сидятъ подѣ листочками маленькіе бѣлые червячки, длиною около 3 миллім., либо блестящія рыжеватая тѣльца, похожія на льняное сѣмя, которыя суть коконы личинки гессенской мухи. Упомянутые червячки, т. е. личинки мухи, суть причина смерти обитаемой ими былинки, изъ которой онѣ высосали соки, пробуравливая отверстія въ нижней части ея стебля. Такия былинки отмираютъ осенью, а весною сгниваютъ, иногда цѣлыми группами, образуя тогда на поляхъ пятна, которыя

хозяинъ нерѣдко приписываетъ вліянію зимы, говоря что озими вымерзли, вымокли и т. д., прибѣгая для объясненія наблюдаемаго его поля къ такимъ внѣшнимъ дѣятелямъ, во всемогущество коихъ онъ привыкъ вѣрить.

Поврежденія наносимыя гессенскою мухою хлѣбамъ весною имѣютъ характеръ совершенно отличный отъ вышеописаннаго. Начиная со времени цвѣтенія озимыхъ хлѣбовъ и въ теченіе всего іюня, на поляхъ пораженныхъ мухою, начинается замѣчаться *паденіе стеблей*, постепенно усиливающееся, въ особенности послѣ дождя или вѣтра. Озимое поле, въ концѣ мая радовавшее хозяина своимъ прекраснымъ состояніемъ и обѣщавшее ему хорошій урожай, вдругъ въ нѣсколько дней совершенно измѣняется и принимаетъ такой видъ, какъ будто бы оно побито градомъ или отравлено скотомъ. Стебли, достигшіе почти нормальной длины, надломлены во второмъ колѣнѣ, надъ самымъ узломъ, и лежатъ неправильно слитанные; колосья ихъ хотя и образовались, но отмеръ въ большинствѣ случаевъ еще до полнаго разцвѣтанія и потому не содержатъ зеренъ; въ рѣдкихъ случаяхъ колосья содержатъ нѣсколько мелкихъ зеренъ. Изслѣдуя такіе надломленные стебли, мы найдемъ, что въ томъ мѣстѣ гдѣ произошелъ перегибъ ихъ, они представляются подточенными, неправильно сужеными, отмершими и нерѣдко такъ засохшими здѣсь, что даже при слабомъ прикосновеніи они ломаются и отдѣляются отъ своего ния. Нижній конецъ такихъ отломившихся стеблей представляется неправильно заостреннымъ, часто потемнѣвшимъ; но никогда въ этомъ мѣстѣ мы не находимъ какой-либо червоточины. За то постоянно открываемъ тамъ самаго виновника этихъ поврежденій — продолговатый рыжій коконъ, похожій на льняное сѣмя, или же еще не превратившуюся въ такой коконъ личинку гессенской мухи.

Зрѣлая гессенская муха есть маленькое, черноватое, двукрылое насѣкомое, живущее всего отъ двухъ до четырехъ дней, и въ это время занимающееся лишь складываніемъ своихъ личекъ. Каждая самка кладетъ около 230 личекъ подѣ нижніе листья хлѣбныхъ растеній. По прошествіи 4 дней изъ личка развивается личинка, которая уходитъ подѣ влагалище листа и, расположившись непосредственно подѣ узломъ, начинаетъ высасывать соки изъ мягкой здѣсь части стебля, про сверливая для этой цѣли отверстія въ тканяхъ его посредствомъ особаго буравчика вооружающаго ротъ. Такимъ образомъ, питаясь только соками, личинка живетъ 28 дней, по прошествіи которыхъ превращается въ упомянутый выше рыжеватый коконъ, похожій на льняное сѣмя, подѣ защитой котораго превращается въ куколку. Превратись въ такой коконъ, личинка остается въ состояніи покоя, не принимая никакой пищи, по крайней мѣрѣ 14 дней. Но подѣ вліяніемъ засухи, холода и другихъ неблагоприятныхъ вредныхъ вліяній, продолжительность этого періода можетъ значительно удлиниться, растягиваясь на нѣсколько мѣсяцевъ. Нормальная продолжительность развитія особи гессенской мухи представляется слѣдующею такою:

Личко развивается . . .	4 дня
Личинка живетъ	28 дней
Коконъ съ куколкою . . .	14 дней
	46 дней.

Изъ этого количества времени, только 28 дней, въ теченіе которыхъ развивается личинка, представляютъ періодъ во время котораго насѣкомое оказываетъ вліяніе на обитаемое растеніе, нуждаясь въ пищѣ, извлекаемой имъ изъ частей этого растенія. Въ остальное время насѣкомое въ такой пищѣ не нуждается.

Указанная здѣсь быстрота индивидуальнаго развитія позволяетъ гессенскою мухѣ образовывать въ теченіе лѣта нѣсколько поколѣній. Наблюденіями установлено, что въ средней Россіи, при благоприятныхъ условіяхъ, можетъ произойти ежегодно *три* поколѣнія, которыя назовемъ: весеннее, лѣтнее и осеннее. Въ южной Россіи несомнѣнно число этихъ поколѣній должно быть еще больше, въ зависимости отъ большей продолжительности лѣта.

Весенній выводокъ не вездѣ въ Россіи начинается свой вылетъ одновременно, ибо онъ зависитъ отъ времени наступленія конца зимы, слѣдовательно какъ отъ географическаго положенія мѣстности, такъ и отъ погоды даннаго года. Такъ подѣ Москвою вылетъ этого весенняго выводака начинается въ первыхъ числахъ мая; въ Полтавской губерніи вылетъ его начинается около 20 апрѣля; а въ южныхъ мѣстностяхъ недѣли на три раньше чѣмъ въ средней Россіи.

Летают весенний выводок на полях довольно долго, так что лететь его продолжается от трех до четырех недель. Летая в маѣ и въ первых числахъ іюня, мухи этого выводка конечно всюду находятъ растенія, необходимыя имъ для того чтобы сложить на нихъ свои яички и пристроить свое потомство.

Лѣтній выводокъ начинается вылетать 48 дней спустя послѣ вылета первыхъ весеннихъ мухъ, ибо такое количество времени нужно для развитія особи. Поэтому въ средней Россіи летъ этого выводка начинается уже отъ 20 іюня и продолжается въ теченіе всего іюля, до половины августа приблизительно. Въ теченіе этого длиннаго срока летъ мухъ распредѣляется такъ, что громаднѣйшее большинство ихъ летаетъ въ первой половинѣ іюля; во второй половинѣ этого мѣсяца летаетъ уже значительно меньшее число ихъ, а въ августѣ только немногочисленныя особи, заноздавшія въ своемъ развитіи. Такъ какъ во время вылета этого лѣтнаго выводка озимые хлѣба всюду уже вырѣли и отчасти уже убраны, то мухи могутъ успѣшно пристроить свое потомство лишь на позднихъ яровой пшеницѣ и ячменѣ, или на всходахъ падалицы, иногда уже отъ середины іюля появляющихся на жнивьяхъ; или наконецъ на всходахъ вновь посеяннаго озимаго хлѣба, которые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, благодаря раннимъ посевамъ, появляются уже во второй половинѣ іюля и служатъ колыбелью для новаго поколѣнія личинокъ гессенской мухи.

Осенній выводокъ появляется въ средней Россіи отъ конца августа, но для своего появленія требуетъ совершенно особыхъ условій, наступающихъ лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, почему въ большинствѣ случаевъ его

вовсе не бываетъ, такъ что образуется лишь два правильно чередующіяся поколѣнія, именно: весеннее и лѣтнее. Условія необходимыя для происхожденія осенняго поколѣнія, суть слѣдующія. Нужно чтобы большинство мухъ лѣтнаго выводка, летающаго въ концѣ іюня и въ первой половинѣ іюля, могли пристроить свое потомство на зеленыхъ стебляхъ, еще способныхъ прокормить это потомство въ теченіе тѣхъ 28 дней, когда личинки нуждаются въ сокахъ растеній. Это возможно только тамъ, гдѣ мухи въ концѣ іюня и въ началѣ іюля находятъ поздно посеянную яровую пшеницу, обезпечивающую ихъ потомство пищею до начала августа, или гдѣ падалица ржи, пшеницы или ячменя обильно образуется уже отъ начала іюля. Но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ эти условія не реализуются, то и получаютъ возможность надлежащимъ образомъ пристроить свое потомство только тѣ мухи лѣтнаго выводка, которые могли дожидаться появленія раннихъ всходовъ озимаго хлѣба, играющихъ роль единственныхъ рассадниковъ насѣкомаго вообще. Личинки, пристроенныя на озимыхъ всходахъ, уже не имѣютъ достаточно времени для того чтобы окончить свои превращенія еще до наступленія осеннихъ холодовъ и поэтому превращаются въ мухъ лишь весною слѣдующаго года, вслѣдствіе чего и получается не три, а только два выводка.

Обратимся теперь къ рассмотрѣнію мѣръ для истребленія гессенской мухи и для предупрежденія ея размноженія. Въ качествѣ такихъ мѣръ были предлагаемы слѣдующія:

- а) захлаиваніе жнивья пораженнаго хлѣба;
- б) выжиганіе жнивья его;
- в) устройство приманокъ;
- г) вытаптываніе полей стадами овецъ;
- д) боронованіе и укатываніе пораженныхъ всходовъ;
- е) поздній посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ, и
- ж) различныя палліативныя мѣры.

Рассмотримъ эти различныя мѣры отдѣльно.

а) Рекомендація *захлаиванія жнивья* пораженныхъ хлѣбовъ тотчасъ послѣ уборки ихъ основывалась на томъ, что муха, засыпанная слоемъ земли, не можетъ выйти на ея поверхность. При этомъ предполагалось далѣе, что вылетъ мухъ лѣтнаго выводка начинается лишь съ конца іюля и что поэтому во время уборки озимаго хлѣба мухи находятся еще въ коконахъ, на нижнихъ концахъ стеблей. Поэтому думали, что при безотлагательномъ захлаиваніи жнивья тотчасъ послѣ уборки, коконы будутъ зарыты въ землю, гдѣ и погибнуть. Но въ действительности эти условія не оправдываются. Изъ вышеизложеннаго

намъ извѣстно, что въ средней Россіи вылетъ мухъ лѣтнаго выводка изъ коконовъ находящихся на озимомъ полѣ начинается съ 20 іюня, причемъ главныя массы мухъ выводятся въ теченіе первой половины іюля. Эти факты даютъ право утверждать, что перепахиваніе жнивья пораженнаго озимаго хлѣба, предпринимаемое даже немедленно послѣ уборки послѣдняго, не можетъ имѣть существеннаго значенія въ дѣлѣ истребленія мухи, потому что при этомъ большинство коконовъ будетъ захлаиваемо въ землю уже пустыми, много спустя послѣ того какъ мухи изъ нихъ уже вылетѣли.

Но если перепахиваніе *озимаго* жнивья есть дѣйствіе не имѣющее значенія мѣры истребленія гессенской мухи, то нельзя сказать того-же о захлаиваніи жнивья *яровой* пшеницы, ярицы и ячменя въ средней Россіи, тотчасъ послѣ снятія этихъ хлѣбовъ, ибо при такомъ захлаиваніи этого жнивья въ августѣ, мы запомнимъ всѣ личинки, пристроенныя на этомъ хлѣбѣ ранними лѣтними мухами, и такимъ образомъ воспренятъ происхожденію осенняго выводка. Этой мѣрѣ должно придавать весьма большое значеніе, ибо она должна предохранить всходы озимыхъ хлѣбовъ отъ пораженія ихъ осеннимъ выводкомъ въ концѣ августа. Совершенно такое-же значеніе имѣетъ захлаиваніе *падалицы* въ началѣ августа, ибо безъ этой мѣры, падалица будетъ играть роль расадника, изъ котораго въ концѣ августа произойдетъ осенній выводокъ, переселяющійся отсюда на всходы озимыхъ хлѣбовъ.

б) Все изложенное въ предшедшемъ по поводу захлаиванія жнивья, имѣетъ также отношеніе и къ *сожиганію* его, нѣкоторыми предлагаемому. Когда будетъ собранъ и снесенъ

съ поля озимый хлѣбъ, т. е. въ концѣ іюля, на жнивьи останутся почти лишь пустые коконы, такъ какъ большинство мухъ вывелось изъ нихъ уже въ теченіе первой половины этого мѣсяца. Поэтому не могутъ оправдаться надежды, возлагаемыя иными на эту мѣру, добавокъ требующую многихъ затратъ и вообще очень хлопотливую.

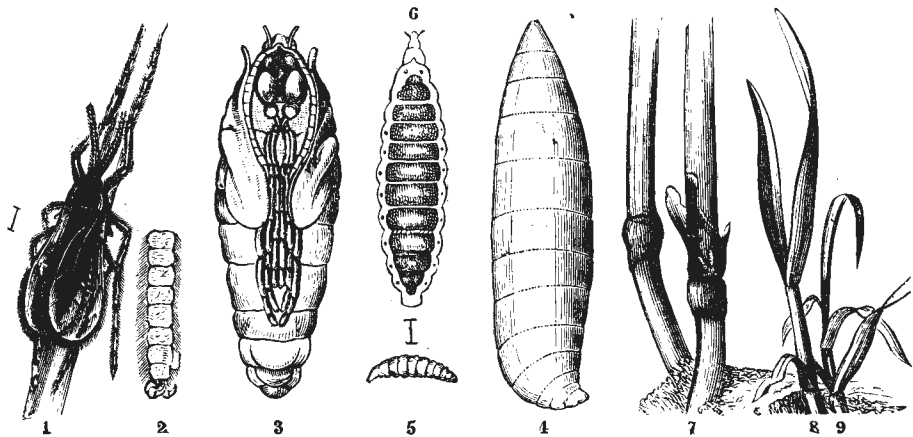
в) Если въ теченіе іюня будетъ замѣчено присутствіе значительнаго количества гессенской мухи, тогда можно прибѣгнуть къ помощи особаго рода *приманокъ*, долженствующихъ служить такъ сказать ловушками для насѣкомаго. Эти приманки устраиваются такимъ образомъ. Вблизи того поля, которое оканчивается пораженнымъ гессенскою мухою, или на нѣкоторой части такового, должно въ концѣ іюня засѣять рожью, пшеницею, или еще лучше ячменемъ, небольшую полоску, различной величины, смотря по удобствамъ. На такихъ приманочныхъ полоскахъ всходы появляются уже чрезъ нѣсколько дней. На эти всходы налетятъ главныя массы мухъ въ теченіе первой половины іюля и пристроятъ здѣсь свое потомство. Затѣмъ въ началѣ августа нужно истребить эти всходы рогатымъ скотомъ, причемъ вся живущая на нихъ масса личинокъ будетъ истреблена.

г) Нѣкоторые авторы совѣтуютъ *гонять* по всходамъ, въ сентябрѣ, овецъ и скотъ, предварительно накормленный, причемъ животныя затопчутъ въ землю большое количество коконовъ мухи.

д) Если весною бороновать пораженные всходы и затѣмъ пройти по нимъ каткомъ, то несомнѣнно удастся засыпать землю раздавленныхъ комьевъ болѣе или менѣе значительное число коконовъ мухи. Такое укатываніе можетъ имѣть еще то полезное значеніе, что имъ предотвращается образование подсыда, могущаго служить для размноженія позднихъ весеннихъ мухъ.

е) **Поздній посѣвъ озимаго хлѣба.** Главнѣйшая причина обусловливающая возможность размноженія гессенской мухи въ средней Россіи есть, какъ мы видѣли выше, обычай приступить очень рано, вскорѣ послѣ половины іюля, къ посѣву озимыхъ хлѣбовъ. Поэтому, устраивая вліяніе этой причины, мы вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожимъ созданную ею гессенскую муху, ибо отнимемъ возможность у большинства мухъ лѣтнаго выводка, летающихъ до начала августа, пристроить ихъ потомство на этихъ всходахъ. Для этого нужно приступить въ черноземной полосѣ Россіи къ посѣвамъ озимыхъ хлѣбовъ не ранѣе первыхъ чиселъ августа, именно 5 или 6 числа этого мѣсяца.

Но поздній посѣвъ озимей можетъ противодѣйствовать размноженію гессенской мухи лишь въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не разводятся яровая пшеница и яровая рожь или ячмень, ибо, какъ мы видѣли выше, на этихъ хлѣбахъ выкармливается

Гессенская муха (*Cecidomyia destructor*).

1. Самка; 2. Брюшко самки; 3. Закрывающаяся въ коконъ (4) куколка; 5, 6. Личинки различной величины; 7. Куколка въ зимней ложѣ. 8. Здоровый и 9. умерщвленныи личиною стебель пшеницы. Кроме 7, 8 и 9 все увеличено.

второе поколение личинок, дающее третей или осевой выводок, который в конце августа и в сентябре вылетает отсюда на озимые всходы, одинаково поражая тогда как ранние, так и поздние. Такое же значение имеет и рано появившаяся падалица на жнивь озимых хлебов. Поэтому, прибывая к позднему посеву, 5—6 августа, в надежде защитить всходы от гессенской мухи размножившейся в данной местности, мы в то же время должны иметь в виду указанные здесь условия и принять надлежащие меры для их устранения.

Поздний посев озимых признается в настоящее время многими хозяевами как весьма радикальная мера, противодействующая размножению гессенской мухи, и я считаю возможным рекомендовать ее всюду для местностей центральной России.

ж) Всюду хозяева подметили, что гессенская муха вредит гораздо сильнее на слабых хлебах, нежели на сильных. Поэтому на озимых полях, уже с осени сильно пораженных мухой, должно весной следующего года принять различные меры для того, чтобы усилить рост хлебов. Для этой цели можно посыпать ноли золою, в количестве около шести мер на десятину; или прибегнуть к поверхностному удобрению помощью: птичьего помета, сажки, компоста, чилийской селитры, суперфосфата и т. д.

В прошлом году в Англии подметили, что при молотбе хлеба пораженного гессенской мухой, много коконов ее переходят во время молотбы в хоботы и при провращении зерен встречаются в сору при этом получаемом. У нас такое обстоятельство никогда не было наблюдаемо. Если же оно подтвердится и у нас, тогда нужно будет принимать меры к тому, чтобы хоботы или полученный сор тщательно истреб-

лять, дабы они не могли сделаться рассадником вредного насекомого.

В заключение приведу указание на то, как комбинировать указанные выше меры для противодействия гессенской мухе в черноземной полосе России.

Когда в какой-либо местности сильно размножится гессен-

ская муха, то следует хотя один только раз принять следующие решительные меры, для того чтобы сразу, на долгое время остановить ее размножение:

а) Весною следующего года сильно размножения гессенской мухи не сметь в данной местности яровую пшеницу, ячмень и ярицу.

б) Принять затем все меры к тому, чтобы предупредить развитие ржаной или пшеничной падалицы; или же, в случае происхождения ее, истребить ее до половины августа, упорно выпасывая скот на жнивь.

в) Если было неизбежно посеять яровую пшеницу или ячмень, то крайне необходимо запахать жнивь их до половины августа.

г) Затем приступать к посеву озимых хлебов не ранее 5 или 6 августа. При этом должно помнить, что такой поздний посев может оказать желаемое действие лишь при условии точного выполнения предписаний указаний.

д) Весною следующего

года озимые всходы должно перебороновать и пройти по ним катком.

е) В июне устроить приманки.

Исполнив эту программу действий, мы истребим гессенскую муху на многие годы и таким образом избавимся от влияния фактора, в значительной степени и чрезвычайно упорно влияющего на уменьшение урожаев наших главных хлебов в средней России.

Военный совет гравей. Рис. Браунт, грав. Джемс.

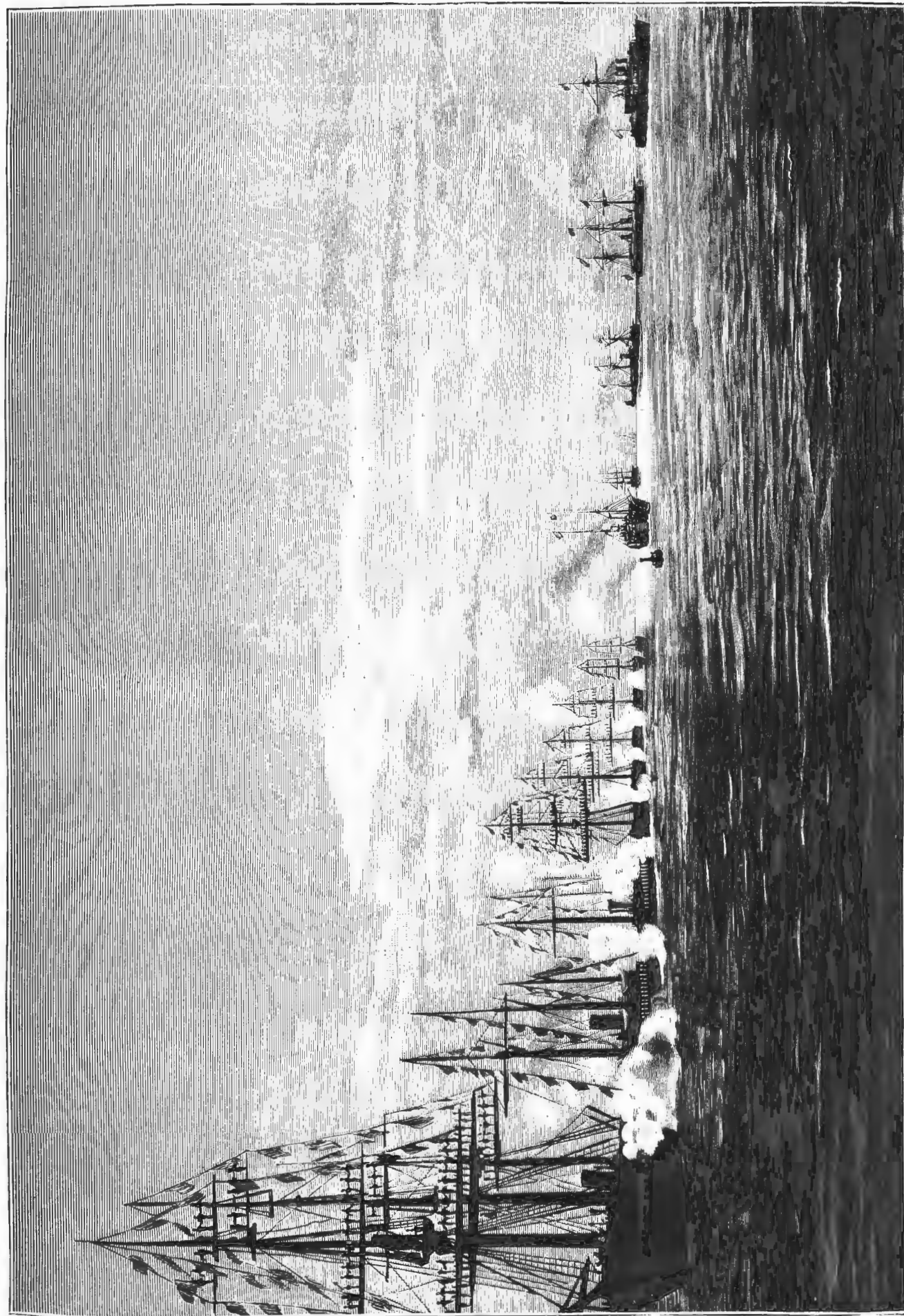
Къ рисункамъ.

Прощание царевны Софии съ Шакловитымъ.

(Рис. на стр. 740).

Читатели *Нивы* помнят конечно драматический эпизодъ

выдачи Шакловитого въ романѣ П. П. Полеваго „Братья-соперники“. На прилагаемомъ рисункѣ К. Лебедева изображенъ тотъ моментъ, когда Шакловитый, скрывавшійся отъ посланных Петромъ въ покояхъ царевны, вытаскиваетъ стрѣльцами на

Русская эскадра.

Яхта „Гогенцоллернъ“.

Германская эскадра.]

Прибытіе императора Германскаго въ Петербургъ. Салютъ русской эскадры императорской яхтѣ „Гогенцоллернъ“, вступающей на Большой рейдъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

площадку дворца и послѣдній разъ въ жизни кланяется своей покровительницѣ. Борьба противоположныхъ чувствъ на лицѣ правительницы, смущенія, негодованія, безсильной злобы и страха за свою будущность; совершенный упадокъ духа и растерянность схваченнаго крамольника; движеніе въ стрѣлочной толпѣ—все это превосходно передано талантливымъ художникомъ.

Базаръ въ Новочеркасскѣ. (Рис. на стр. 741).

Новочеркасскъ, главный городъ области Войска Донскаго, широко раскинулся и предѣлется его тянется далеко; населеніе также быстро возрастаетъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ базаръ—этотъ характерный пульсъ провинціальныхъ городовъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги базаръ значительно измѣнился и упалъ, дѣны на все страшно поднялись и возвышаются съ каждымъ годомъ. Базаръ открывается рано утромъ, кругомъ располагаются возы съ мукой, картофелемъ, арбузами, молокомъ, словомъ со всѣми продуктами повседневнонаго потребленія, даже топливомъ изъ кизяка, бурьяна и камыша. Большинство возовъ наѣзжаетъ изъ сосѣднихъ станицъ, по только усѣбеть станичный или хуторный житель въхъать съ возомъ въ привозный рядъ, какъ его окружаютъ перекупщики—торговцы и торговки—и чуть не съ бою перекупаютъ товаръ, а затѣмъ перепродаютъ жителямъ Новочеркаска по повышеннымъ цѣнамъ. Вся торговля на базарѣ въ рукахъ кулаковъ-перекупщиковъ, и вы видите что на всѣхъ возахъ торгуетъ перекупщица-торговка, а хозяинъ въ это время или спокойно лежитъ подъ возомъ, наслаждался отдыхомъ, или бражничааетъ въ одномъ изъ ближайшихъ питейныхъ заведеній. Видъ базара крайне оживленный: всюду возы, запряженные волами; толпа огромная; тутъ вы встрѣтите и казакъ, и торговца великоруса, и пропырливаго армянина; шумъ стоитъ невообразимый, но и онъ покрывается звонкими голосами переругивающихся торговковъ.

Запорожець. Скульптура Л. В. Позена.

(Рис. на стр. 745).

Леонидъ Владиміровичъ Позень, талантливый скульпторъ-жанристъ, давно уже украшаетъ своими прекрасными произведеніями ежегодныя выставки товарищества „передвижниковъ“. Талантъ молодого скульптора, въ послѣдніе годы, приобрѣлъ весьма почтенную извѣстность не только у насъ, но и за границей, куда проникли снимки съ очень многихъ произведеній Позена. Отличительною чертою таланта Позена является чрезвычайная его гибкость и разнообразіе. Позень не останавливается ни на какой спеціальности жанра: онъ съ одинаковою живучестью и энергіей льнитъ фигуры людей и лошадей, передаетъ типы дѣтей, женщинъ и стариковъ, возсоздаетъ передъ нами образъ суроваго запорожца и фигуру жалкаго нищаго-старика, умоляющаго о подаяніи. Два года тому назадъ, на одной изъ передвижныхъ выставокъ, онъ всѣхъ привелъ въ восторгъ замѣчательно-сложною группою переселенцевъ, въ которой фигуры людей сочетались съ художественно-исполненными фигурами лошадей, собакъ и коровъ. При этомъ передача различныхъ веществъ и матеріаловъ была доведена въ исполненіи Позена до высокой степени совершенства: шерсть, сукно, дерево, металлъ, тряпце, кожа—все это такъ и выступало изъ воска. Въ послѣднее время Позень болѣе и болѣе начинаетъ привязываться къ жанру историческому и, постоянно пребывая въ Подтавѣ (по обязанностямъ службы*), серьезно занимается изученіемъ малороссійской старины и старыхъ казацкихъ типовъ.

Литературный альбомъ. „Въ лѣсахъ“, П. И. Мельникова (Печерскаго). „Изъ скита“. (Рис. на стр. 748).

Во второй половинѣ XVII вѣка въ заволжскіе лѣса явились новыя населеніи, бѣжавшіе изъ селъ и городовъ раскольники, которые и основали тамъ такъ-называемыя *скиты*. По скитскимъ преданіямъ, начало старообрядческимъ поселеніямъ въ заволжскихъ лѣсахъ положилъ соловецкій схимникъ Арсеній, который, прибывъ въ лѣса Чернораменскіе, неподалеку отъ починка Ларионова, на урочищѣ Шарпанѣ, поставилъ первый скитъ. Съ легкой руки соловецкаго выходца старообрядскіе скиты одинъ за другимъ возникали въ лѣсахъ Заволжья. Вскорѣ ихъ появилось болѣе сотни въ Черной Рамени, въ лѣсахъ Керженскихъ, въ лѣсахъ Римскихъ и за рѣкой Веглугой. Въ скитахъ селились старообрядцы разнаго званія. Въ первый десятилѣтія существованія раскола, отъ „Никоновыхъ новшествъ“ бѣжали не одни крестьяне и посадскіе люди, не одни простые монахи и сельскіе поны. Уходили и люди знатныхъ родовъ. Изъ предѣловъ Смоленскихъ бѣжали туда Салтыковы, Потемкины и другіе. Основали они свой скитъ неподалеку отъ первоначальнаго Шарпанскаго, на урочищѣ прозванномъ Смоляны. Въ XVIII столѣтіи въ Комаровскомъ скиту была основана обитель Боаркина княжною Болховскою и первоначально все состояла изъ боярынецъ. Въ Оленевскомъ скитѣ одна обитель была основана Анфисой Кольчевой, родственницей Св. Филиппа митрополита. Сначала скиты Керженскіе, Чернораменскіе были

* Л. В. Позень—товарищъ прокурора при подтавскомъ окружномъ судѣ.

учрежденіями чисто религіозными и служили убѣжищемъ „не хотѣвшимъ новины Никоновы пріяти“. По съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ религіозный фанатизмъ ослабѣвалъ въ средѣ раскольниковъ, скиты теряли первоначальный характеръ, превращаясь въ рабочія общины съ артельнымъ хозяйствомъ. На дѣлѣ оказалось, что женскіе скиты были способнѣе усвоить такое хозяйство чѣмъ мужскіе. Въ женскихъ твердо сохранялись и новинное старшимъ, и подчиненіе разъ заведеннымъ порядкамъ, тогда какъ въ мужскихъ своеволие и неподчиненіе артельнымъ уставамъ въ корень разрушало общинное устройство. По мѣрѣ того какъ женскія общенія умножались и годъ отъ году пополнялись, ряды скитниковъ рѣдѣли, обители ихъ пустѣли, и если не переходили въ руки женщинъ, разрушались сами собою, безо всякаго вмѣшательства гражданской или духовной власти. Ко времени окончательнаго уничтоженія Керженскихъ и Чернораменскихъ скитовъ, въ 1853 году, не оставалось ни одного мужскаго скита.

Строеніе въ этихъ обителяхъ не положе было ни на городское, ни на деревенское. Обыкновенно пять-шесть большихъ бревенчатыхъ избъ на высокихъ подклѣткахъ ставились одна вилоть къ другой, либо отдѣленные одиѣ отъ другихъ тесовыми холодными сѣнями. Строенія подъ одну кровлю, соединялись межъ собою сѣнями и крытыми переходами. Такое строеніе называлось „стаей“ и напоминало допетровскія городскія хоромы зажиточныхъ людей. Въ каждой стаѣ бывало по пяти, по шести, иногда до десяти тесныхъ горницъ, каждая съ перегородками чистой столярной работы, иногда ольховыми, иногда ясеневыми. Вокругъ по сѣбнамъ каждой горницы стояли вдѣланныя въ сѣбны широкія деревянныя лавки, но въ нихъ покояхъ бывали и диваны, и кресла, и стулья краснаго дерева, обитые шерстяною или шелковою матеріей. Въ переднемъ углу каждой горницы поставлена была деревянная божница съ иконами и лампадами, подъ нею висѣла шелковая пелена съ крестами изъ позумента. Свѣтло, сухо, тепло было въ тѣхъ горницахъ, а чистота и опрятность такая, что развѣ только домамъ Голландіи можно было поспорить со скитскими кельями.

Двѣ, три, иногда до десяти стай съ разбросанными между ними избами обычной деревенской постройки, амбарами, погребями, житницами, съ стоявшими одалъ сараями, конюшнями, коннымъ и скотнымъ дворами, съ примыкавшими къ строенію огородами, съ однимъ или двумя клѣбниками, обносились особо изгородью или пряслами изъ дрючковаго лѣса. Это составляло особую общину и называлось „обителью“.

Во всѣхъ общежительныхъ женскихъ скитахъ хозяйство шло впереди духовныхъ подвиговъ. Правда, служба въ часовняхъ и молельныхъ отправлялась скитницами усердно и неупустительно, но она была только способомъ добыванія денежныхъ средствъ для хозяйства. Каждая скитская артель жила подаяніемъ богатыхъ старообрядцевъ, щедро даваемыми за то, чтобы „матери хорошенько молились“.

Въ сѣбнахъ общины каждый день, кромѣ праздниковъ, работа кипѣла съ утра до ночи. Пряли ленъ и шерсть, ткали новины, нестриды, сукна; занимались и бѣлоручными работами: ткали шелковые пояски, лѣстовки, вышивали по канвѣ шерстями, синелью и шолкомъ, шили золотомъ, искусно переписывали разныя тетради духовнаго содержанія, писали даже иконы. Но никто на себя работать не смѣлъ, все поступало въ общину, и по назначенію настоятельницы, развозилось въ подарки и на благословеніе „благодѣтелямъ“, а они сторицею за то отдавали.

Главною распорядительницею работъ и всего обительскаго хозяйства была игуменья. Ей помогали: уставщица, по часовой службѣ и по всему, что касалось религіозной части; казначей, у ней на рукахъ было обительское имущество, деньги и всякаго рода запасы кромѣ сѣбныхъ: тѣми завѣдывала мать-келарь, въ распорядженіи которой была келарня, т. е. поварня, столовая. Уставщица, казначей, келарь и еще три, четыре, иногда и больше, старшихъ матерей, назывались „соборными“, составляли нѣчто въ родѣ совѣта настоятельницы, рѣшавшаго обительскія дѣла. При настоятельницѣ обыкновенно „ходила въ ключахъ“ особая инокиня, завѣдывавшая частнымъ ел хозяйствомъ—ибо игуменѣ дозволялось имѣть частную собственность. Мать-ключница обыкновенно вела обительскую переписку и имѣла не послѣднее мѣсто въ обительскомъ совѣтѣ—„соборѣ“, какъ называли его. Иногда въ ключницахъ бывали и бѣлицы. Выборъ ключницы зависѣлъ отъ одной игуменьи.

Такое было внутреннее устройство скитской обители, одна изъ жительницъ коей, молодая бѣлица, изображена на прилагаемомъ рисункѣ М. Нестерова.

Лѣсное затишье. (Рис. на стр. 749).

Что за раздолье широкое лѣтомъ!
Все что таялось невѣдомъ гдѣ,
Вызвано къ солнцу живительнымъ свѣтомъ.
Радость, движеніе и звуки вездѣ..
Роща поетъ, наклоняется гибко,
Вѣтви о чѣмъ то зашепчутся вдругъ..
Тамъ на водѣ расширяется кругъ—
Весело плещется рѣзвая рыба.

Слышите? скачетъ лѣсной водопадъ,
Ласточки съ радостнымъ крикомъ несутся,
Ржаные копы и блевные стады
Вечеромъ въ звучной дали раздаются...

А. Яхонтовъ.

Военный совѣтъ грачей. (Рис. на стр. 752).

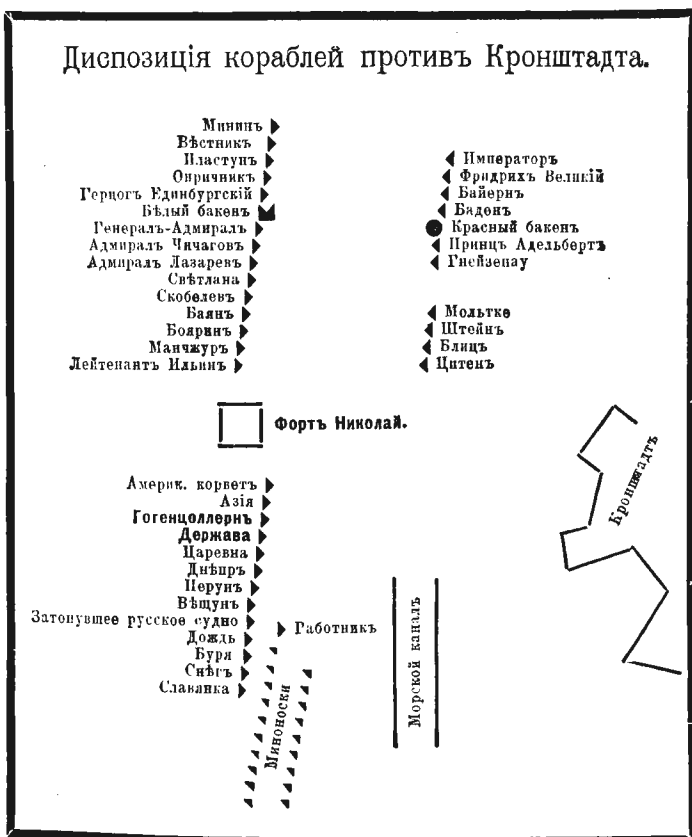
Если вѣрить наблюдениямъ одного англійскаго орнитолога, которому принадлежитъ и прилагаемый рисунокъ, то у грачей есть своего рода военные суды, которые оканчиваются не мѣнѣе быстрою расправой чѣмъ у людей. Однажды, рассказываетъ онъ, сталъ грачей, около полусотни птицъ, съ пронзительнымъ крикомъ опустилась на поле и затѣмъ образовала кругъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи бродили два молодые грача подъ надзоромъ стараго; ихъ вѣроятно по молодости не допустили на совѣтъ. На средину круга выступилъ одинъ грачъ, который расхаживалъ, гордо озирался и поворачивалъ голову, какъ-бы выказывая свою храбрость и силу. Нагулявшись такимъ образомъ, онъ отошелъ отъ центра круга, а мѣсто его занялъ другой грачъ, который началъ громко кричать, какъ-бы произнося обвинительную рѣчь, и едва онъ кончилъ, какъ всѣ птицы напали на перваго грача и безъ всякаго милосердія заклевали его и очистили до костей. Расправившись такимъ образомъ, вся стая поднялась на воздухъ, не исключая и двухъ молодыхъ съ ихъ пѣстуномъ, и вскорѣ скрылась изъ глазъ.

Прибытіе императора Германскаго въ Петербургъ.
Встрѣча германской эскадры.

(Рис. на стр. 753, 756 и 757).

Прилагаемъ рисунки къ подробному описанію прибытія германской эскадры, помѣщенному въ предшедшемъ № „Нивы“.

Диспозиція кораблей противъ Кронштадта.

Большой рисунокъ на стр. 753, снятый съ натуры нашимъ художникомъ, изображаетъ ливію русской эскадры за фортомъ „Николай“, салютующую яхтѣ „Гогенцоллернъ“, которая вступаетъ на Большой рейдъ.

Изъ малыхъ рисунковъ на стр. 756, верхній изображаетъ вступленіе яхты „Гогенцоллернъ“ на Малый рейдъ; на среднемъ виденъ катеръ, доставляющій императора Германскаго съ „Гогенцоллерна“ на императорскую яхту „Александрія“; третій изображаетъ Петергофскую пристань, къ которой прибыла „Александрія“ изъ Кронштадта вечеромъ 7 іюля.

Въ пятницу, 8 сего іюля, въ 10 часовъ утра, его величество императоръ Германскій выѣхалъ изъ Петергофа и сѣлъ на Императорскую яхту „Александрія“, которая пошла въ С.-Петербургъ. Когда яхта вошла въ Неву, императоръ пересѣлъ на катеръ и поѣхалъ къ Петропавловской крѣпости, гдѣ была нарочно устроена для него пристань. (см. рис. на стр. 757); въ сопровожденіи свиты вышелъ изъ катера и по помосту, устланному коврами, направился въ крѣпость. Отсюда по аллеѣ онъ перешелъ прямо въ Петропавловскій соборъ. Императоръ былъ въ общегенеральскомъ мундирѣ. При входѣ въ соборъ онъ поклонился гробницамъ и возложилъ вѣнокъ на гробъ въ Бозѣ почившей государыни императрицы Маріи Александровны. Принцъ Генрихъ, въ свою очередь, возложилъ вѣнокъ на гробницу въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Николаевича. Послѣ этого императоръ, пробывъ еще нѣсколько минутъ въ соборѣ, вышелъ изъ него черезъ восточныя двери и направился въ зданіе, гдѣ хранятся старыя знамена.

Окончивъ осмотръ, на обратномъ пути къ пристани, Августѣйшій гость поздоровался съ баталономъ 91-го двинскаго пѣхотнаго полка, съ артиллерійской и мѣстной командами. Затѣмъ императоръ перешелъ на пристань и на яхтѣ „Александрія“ отправился въ Ораніенбаумъ, гдѣ посѣтилъ Ея Императорское Высочество Великую Княгиню Екатерину Михайловну. Оттуда его величество императоръ Вильгельмъ отправился съ визитами къ Особамъ Императорской Фамиліи въ Михайловку, Знаменку, Сергіевку и Петергофъ. Вся набережная Невы въ Петербургѣ была сплошь покрыта массою народа, громкими кликами привѣтствовавшего высокаго гостя. Окна и балконы домовъ были драпированы матеріями, дома украшены флагами.

Вечеромъ того же дня въ Красномъ-Селѣ состоялась зоря съ церемоніей; на другой день парадъ войскамъ. Описаніе и рисунки этихъ торжествъ будутъ помѣщены въ слѣдующемъ № „Нивы“.

Дуэль генерала Буланже съ Флоке.

(Рис. на стр. 757).

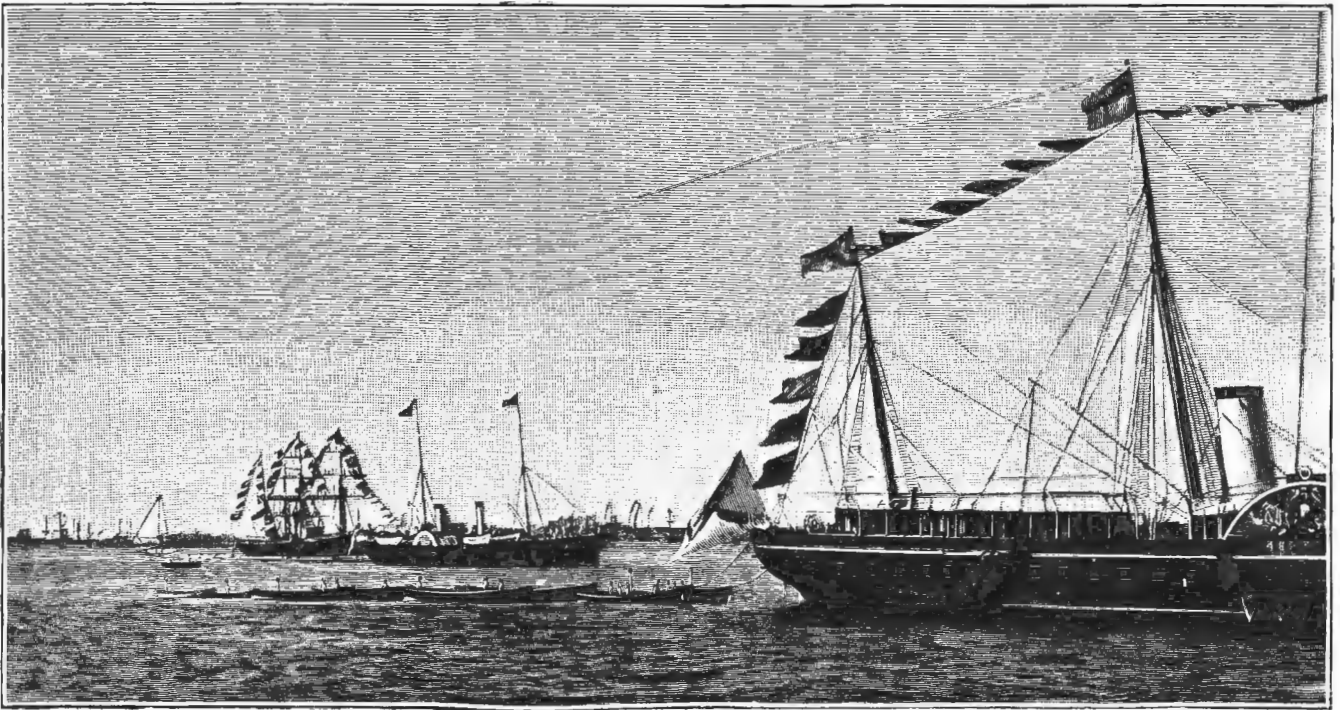
Въ прошломъ № нами было сообщено о бывшей 2 іюля дуэли перваго французскаго министра Флоке съ генераломъ Буланже, окончившейся пораженіемъ послѣдняго. Дуэль произошла изъ-за рѣзкихъ выраженій, употребленныхъ обоими противниками въ палатѣ депутатовъ, во время предложенія генерала Буланже распустить палату. На совѣщаніи секундантовъ было признано, что выраженія Буланже оскорбительнѣе выраженій Флоке, и по этой причинѣ послѣдній, какъ оскорбленный, въ правѣ выбрать оружіе. Министръ-президентъ выбралъ шпагу. Дуэль состоялась въ паркѣ имѣнія Дильона, одного изъ друзей Буланже, въ Нейли, послѣ 10 часовъ утра. Первымъ прибылъ на мѣсто Буланже. Флоке нѣсколько замѣшкалъ. Самая дуэль произошла такъ: когда секундантъ Буланже, Лезанъ, распорядитель дуэли, сказалъ: „сходитесь!“ Буланже устремился на Флоке. Генераль горячился и нападалъ, Флоке хладнокровно парировалъ удары, наконецъ оба получили легкія царапины и разошлись. Но условія дуэли требовали раны, дѣлающей одного изъ противниковъ неспособнымъ продолжать дуэль. Поэтому противники сошлись снова. Буланже вновь былъ нападающею стороною. Онъ устремилъ шпагу въ грудь противника. Флоке ловко парировалъ ударъ и въ то же время поразилъ генерала въ шею, причемъ шпага проникла на глубину около вершка. Вечеромъ Буланже было такъ плохо, что услышать его можно было лишь помощью морфія, но теперь генераль поправляется.

Политическое обозрѣніе.

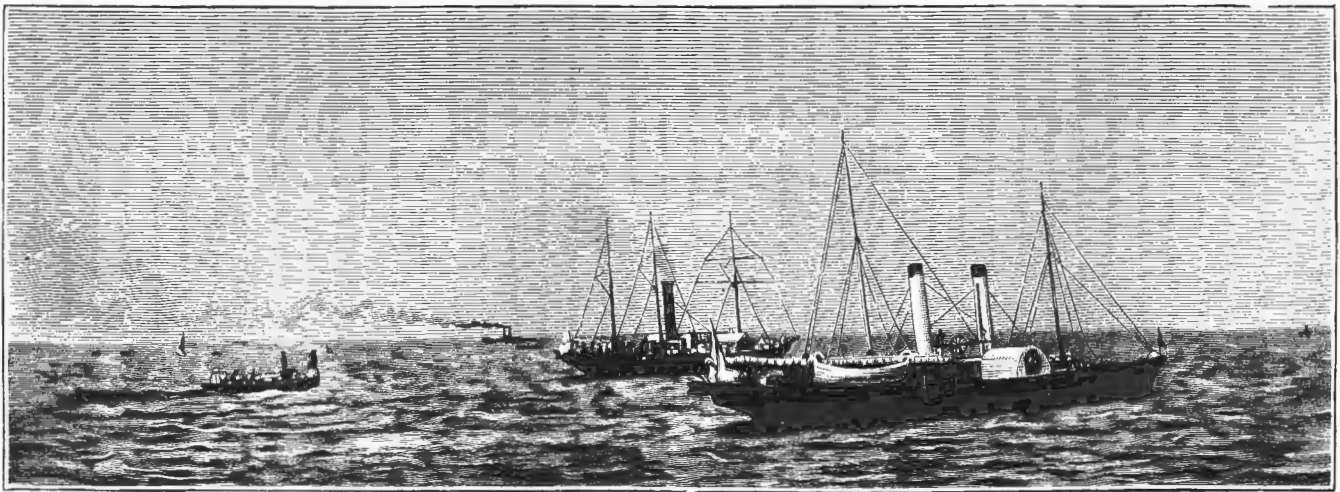
Императоръ Германскій Вильгельмъ II и его Августѣйшій братъ Генрихъ, въ сопровожденіи бывшей съ ними эскадры, отбыли изъ Кронштадта въ Швецію во вторникъ, 12 іюля, послѣ часу пополудни, пробывъ въ Россіи болѣе 5 сутокъ. Задуманный и въ то же время торжественный приемъ, оказанный державному гостю, явно свидѣтельствуетъ о тѣхъ чувствахъ, которыя питааетъ Россія. *Journal de St.-Petersbourg*, описывая пребываніе высокаго гостя, особенно выставляетъ на видъ общее и глубокое впечатлѣніе, произведенное этимъ достопамятнымъ событіемъ, равно какъ полную гармонию между чувствами Императоровъ, встрѣтившихся при столь торжественныхъ обстоятельствахъ, и чувствами публики, стекавшейся безчисленными толпами для присутствованія на ихъ свиданіи. Эти обстоятельства, характеризуютъ въ особенности это свиданіе, придаютъ ему значеніе событія историческаго.

„Когда единеніе Монарховъ находитъ столь вѣрный отголосокъ въ чувствахъ народа, тогда можно съ увѣренностью уповать на эру дружескихъ отношеній, которыя, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, приобретаютъ тѣмъ большее значеніе, что они являются вѣрнымъ залогомъ сохраненія мира, къ чему всѣ стремятся“.

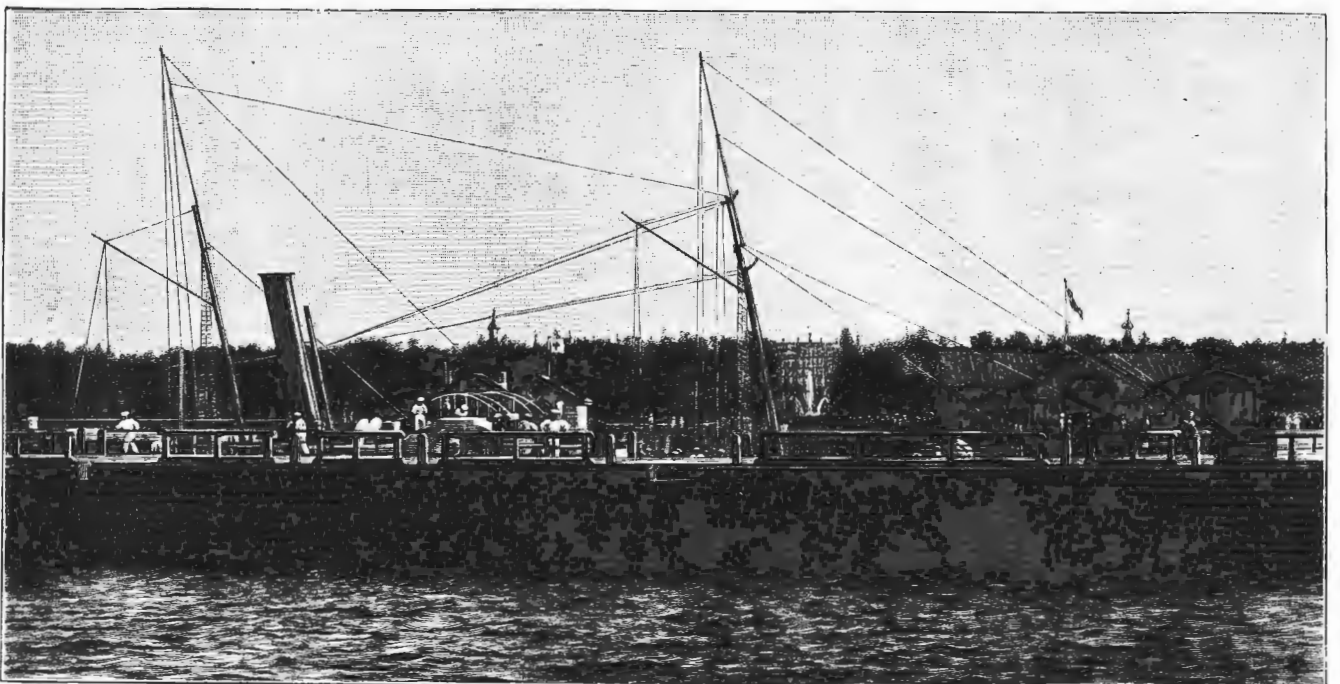
Отмѣчая то обстоятельство, что предположенный отъѣздъ Германскаго императора былъ перенесенъ съ воскресенья на вторникъ, та же газета говоритъ: „Фактъ этотъ является лучшимъ доказательствомъ сердечныхъ отношеній, установившихся между членами Императорской Фамиліи и ихъ Августѣйшими гостями, вызвавшихъ съ обѣихъ сторонъ желаніе отсрочить часть разлуки. Все, дѣйствительно, свидѣтельствуетъ о сердечности этихъ отношеній, и читатели наши согласятся съ нами, что это можетъ отразиться лишь благотѣльнымъ образомъ на взаим-“

Прибытие Германского императора в Петербургъ. Яхта „Гогенцоллерн“ вступающая на малый рейдъ. Съ фотогр. П. Диго, грав. Шюблеръ.

Катеръ „Петергофъ“. „Александрия“. „Стрѣльна“.
 Прибытие Германского императора в Петербургъ. Катеръ „Петергофъ“ съ Германскимъ императоромъ подходитъ къ яхтѣ „Александрия“.
 Съ фотогр. Н. Диго, грав. Шюблеръ.

Прибытие Германского императора в Петербургъ. Петергофская пристань. Съ фотогр. П. Диго, грав. Барановскій.

ныхъ отношеніяхъ обоихъ правительствъ и обоихъ народовъ“.

По случаю отъезда Августѣйшихъ гостей изъ Кронштадта, мы находимъ въ той-же газетѣ слѣдующія строки:

„Сердечностью, присущею торжественному свиданію Монарховъ, отличался и обмѣнъ послѣднихъ прощаній. Сердечность эта получила еще большую силу, благодаря доказательствамъ взаимныхъ симпатій, обнаружившимся во все время пребывания императора Вильгельма среди нашей Августѣйшей Императорской Фамиліи.

„Мы не въ правѣ высказывать свое мнѣніе объ этой личной сторонѣ отношеній, которые могли установиться благодаря днѣвшемуся въ теченіе нѣсколькихъ дней, и скрѣпленному сближенію.

„Но мы считаемъ возможнымъ всетаки заявить, что, если доказательство дружественной вѣзливости, которое императоръ Вильгельмъ счелъ нужнымъ дать, совершивъ первое свое посѣщеніе въ Россію, было впушено желаніемъ установить съ самаго восшествія на престолъ свой такіе основанныя на взаимномъ довѣрїи отношенія, которые могли бы упрочить дружественныя отношенія между обоими государствами и укрѣпить увѣренность въ европейскомъ мирѣ, — то цѣль эта теперь достигнута и притомъ на многіе годы.

„Мы не сомнѣваемся, вмѣстѣ съ тѣмъ, что всѣ народы не преминутъ отнестись сочувственно къ этой новой мощной гарантіи поддержанія всеобщаго мира“.

Это значеніе совершившагося свиданія — какъ залога продолжительнаго мира — и отмѣчается, главнымъ образомъ, заграничными газетами, которыя, помѣщая подробные отчеты о разныхъ торжествахъ по случаю пребывания Германскаго императора въ Россію, — вообще довольно скудны и скупы въ своихъ сужденіяхъ относительно

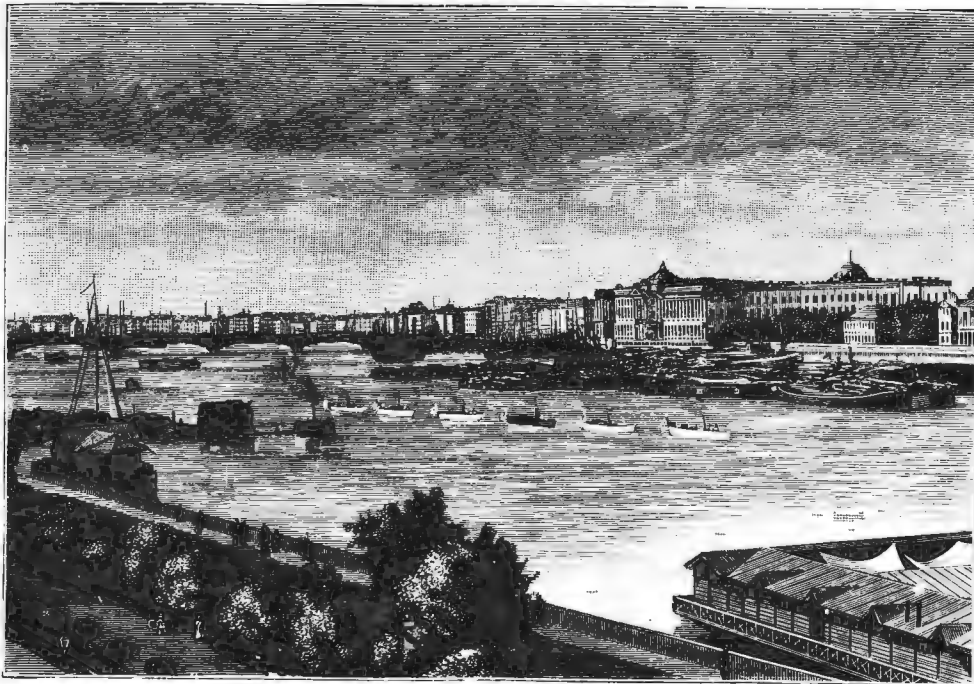
политическаго значенія совершившейся встрѣчи. Въ *National Zeitung*, однако, пишутъ: „Императоръ Вильгельмъ поѣздкою своею въ Петербургъ выполнилъ завѣтъ, которымъ, умирая, напутствовалъ его дѣдъ: „Всегда сохранять расположеніе Россіи““. Императоръ явился теперь впервые за границу въ качествѣ правителя и качества его привлекли къ нему симпатіи Петербургскаго Двора и публики. Но главнѣйшимъ,

можетъ, пунктомъ политическаго значенія свиданія слѣдуетъ считать то впечатлѣніе, которое самъ императоръ Вильгельмъ вынесъ изъ Петербурга по отношенію къ надежности русскихъ увѣреній въ миролюбіи. Если императоръ вернется съ убѣжденіемъ, что политика Россіи есть, безъ задней мысли, политика мира и добрыхъ сосѣдскихъ отношеній, то

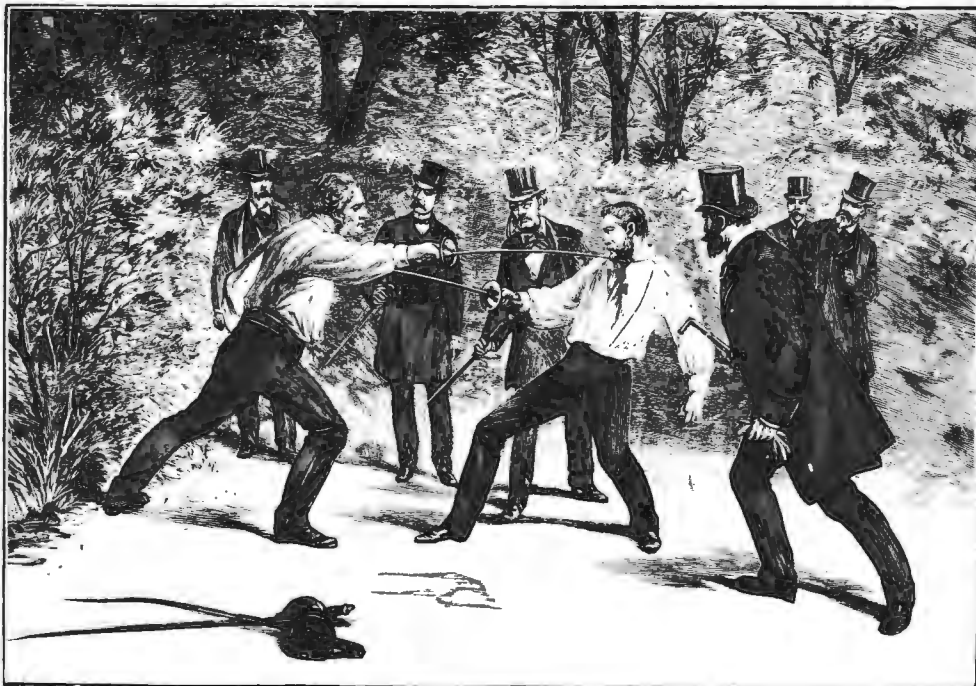
при взаимномъ довѣрїи обоихъ могущественныхъ Монарховъ можно будетъ разрѣшить всѣ нынѣшніе спорные вопросы и тѣ европейскія недоразумѣнія, которые могли бы случайно возникнуть“.

Бракоразводное дѣло Сербскаго короля продолжаетъ быть политическою злобою днѣ. Вопросъ о томъ, кто компетентенъ въ этомъ дѣлѣ, синодъ или консисторія, досихъ поръ не разрѣшенъ окончательно. Присходитъ это главнымъ образомъ оттого, что синодъ заявляетъ о компетентности въ этомъ дѣлѣ консисторіи, король же консисторіи не довѣряетъ и требуетъ, чтобы дѣло рѣшено было синодомъ, члены котораго имъ назначаются и потому отъ него зависятъ. Пока тиуется эти разногласія, въ газетахъ уже появились извѣстія, сперва изъ Вѣны, а черезъ два дня и изъ Берлина, что король Миланъ, уступая оказанному на него вліянію, отказался отъ мысли о разводѣ съ супругою. Въ скоромъ времени онъ возобновитъ попытку заключить письменное соглашеніе съ королевою Наталіей. Нѣкоторую вѣроятность придаютъ этимъ слухамъ сообщенія изъ Бѣлграда, что въ правительственныхъ кружкахъ не вполне вѣрять въ поддержку въ этомъ дѣлѣ высшаго духовенства. Оппозиція его разводу становится все болѣе явственною. Епископы хотятъ добиться отъ короля Милана повелѣнія, которое сняло бы съ нихъ отвѣтственность.

Послѣ національныхъ юльскихъ празднествъ въ Парижѣ, при наступленіи ваканцій въ парламентской дѣятельности палаты и сената, президентъ республики отправился вновь въ путешествіе по Франціи, чего почти совсѣмъ не дѣлалъ его предшественникъ Греви. Повсюду встрѣчалъ самый блестящій и восторженный прїемъ. Карно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произнесъ рѣчи, въ которыхъ можно усмотрѣть указанія на образъ

Прїбытіе Германскаго императора въ Петербургъ. Поѣздка императора въ Петропавловскій соборъ. Рис. А. Земцова, грав. Барановскій.

Дуэль генерала Буланже съ министромъ-президентомъ Флоне. По наброску Гр., грав. Флюгель.

дѣйствія французскаго правительства вообще и президента въ частности. Во время представленія президенту духовенства въ Гренобль, епископъ находившійся во главѣ представившихся, выразилъ уваженіе свое къ власти, которою облеченъ Карно. Президентъ отвѣчалъ, что нынѣшнее правительство есть правительство примиренія и оно уважаетъ законы. Президентъ выразилъ при этомъ увѣренность, что жители Гренобля не забудутъ этого и что тѣми же чувствами одушевлено и духовенство. На другой день, 9 іюля, на банкетѣ, Карно, отвѣчалъ на тоску Перье, выставилъ на видъ преданность сво-

ихъ предковъ государству. „Пыль — присовокупили президентъ республики — населеніе не должно болѣе опасаться за свои права. Правительство сдумаетъ защитить эти права, если имъ станетъ угрожать какал-либо опасность. Армія есть самъ народъ, она проникнута сознаниемъ своей высокой задачи и сумеетъ выполнить ее, если будетъ къ тому призвана. Вожди ея пользуются любовью арміи и довѣріемъ правительства, которое они, въ случаѣ надобности, сумеютъ оправдать“. Рѣчь свою Карно закончилъ тостомъ въ честь жителей Дофини.

Разныя извѣстія.

Дѣла церкви.

— 15 іюля, въ Петербургѣ торжественно, въ присутствіи Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы и 900 Августѣйшаго Семейства, праздновалось 900-лѣтіе крещенія Русскаго народа. Подробное описаніе и рисунки будутъ помѣщены въ слѣдующемъ № „Нивы“.

— Въ Москвѣ, 15 іюля, весь городъ украсился флагами, войска выстроились шпалерами по пути слѣдованія крестныхъ ходовъ. Послѣ литургіи въ церкви Св. Владимира и храмъ Христа-Спасителя двинулись къ Успенскому собору крестные ходы. Музыка стоящихъ по пути полковъ играла „Коль славенъ“, а знамена полковъ по мѣрѣ прохожденія примыкали къ процессіи. Въ Успенскомъ соборѣ по окончаніи литургіи было отслужено краткое молебствіе, затѣмъ общій крестный ходъ, по присоединеніи кремлевской святини, направился двумя спусками съ кремлевской горы въ проходъ подъ Тайницкой башней къ Иордани, гдѣ было совершено водосвятіе.

— Въ Кіевѣ, 14 іюля, въ духовной академіи состоялся торжественный актъ, на которомъ присутствовали митрополиты: Кіевскій — Платонъ, Сербскій — Михаилъ и Черногорскій — Митрофанъ, двѣнадцать архіепископовъ и епископовъ, представители отъ разныхъ городовъ и обществъ и прибывшіе изъ славянскихъ земель гости. Читались адресы; въ числѣ ихъ получено отъ Кентерберійскаго архіепископа пріветственное посланіе. 15 іюля торжественный крестный ходъ состоялся въ полномъ порядкѣ по назначенному церемониалу.

— Въ Севастополѣ, 13 іюля, состоялось освященіе нижней части херсонскаго храма во имя Св. Князя Владимира. 14 іюля, въ томъ-же храмѣ отслужена литургія, а по окончаніи оной — великая панихида по всемъ православнымъ христіанамъ, подвизавшимся въ распространеніи Православія.

— Въ Ташкентѣ, 12 іюля, освященъ новый величественный храмъ.

— Въ Тифлисѣ, по почину экзарха Грузіи, пресвященнаго Палладія, близъ церкви Св. Георгія строится часовая во имя Св. Равноапостольнаго Князя Владимира.

Археологія и древности.

— Въ Кіевѣ, при дальнѣйшей очисткѣ отъ штукатурки столбовъ алтарной арки Свято-полкова храма, гдѣ недавно были открыты древнія фрески, оказалось, что вхожденіе углы ихъ покрыты не одними только орнаментами. На лицевой сторонѣ сѣверо-западнаго угла праваго столба, надъ колонками, связанными гордѣвямъ узломъ, открыто фресковое изображение столпника, по грудь вошедшаго въ столпъ. Надписи при изображеніи не оказались. На соответствующемъ мѣстѣ лѣваго алтарнаго столба (лицевая сторона юго-западнаго входящаго угла) найдено подобное же изображение. Эти фрески на-дняхъ будутъ совершенно очищены и упрочены. Раньше ихъ открыты фрески: Богоматерь, архангелъ Гавріиль, прор. Самуилъ и прор. Захарія уже окончательно приведены въ порядокъ. Онѣ совершенно очищены отъ позднѣйшихъ наслоеній и натерты составомъ изъ воску

съ другими веществами, по рецепту проф. Прахова. Ихъ краски по расчисткѣ стали значительно ярче. На южной стѣнѣ храма, вблизи алтаря, подъ штукатуркою и корою масляной живописи („Сожестіе Св. Духа“), оказалось также древнее аль-фреско. Пока обнаружены три головы лошадей, или ословъ. Быть можетъ, на этой стѣнѣ скрывается большая картина поклоненія волхвовъ Младенцу-Спасителю; такая же фресковая картина на соответственномъ мѣстѣ въ Кирилловской церкви.

Некрологъ.

— Въ Кіевѣ, 15 іюля, въ 9 часовъ утра скоропостижно скончался отъ удара генераль-губернаторъ А. Р. Дрентельнъ. Согласно церемониалу, главный крестный ходъ долженъ былъ слѣдовать изъ Софійскаго собора къ Дѣвиру, гдѣ было назначено водосвятіе; на всемъ пути слѣдованія крестныхъ ходовъ были расставлены войска; генераль-адъютантъ Дрентельнъ началъ объѣздъ съ частей, расположенныхъ у самаго берега Дѣвира. Осмотрѣвъ эти войска и подымаясь на гору близъ католическаго костела, поздравившись съ третьимъ Оренбургскимъ полкомъ, генераль-адъютантъ Дрентельнъ внезапно упалъ съ лошади. Призванные врачи удостоурили смерть отъ удара. Погребеніе предполагается въ понедѣльникъ.

— 30 іюня, скончался въ Севастополѣ одинъ изъ участниковъ славной севавтопольской обороны, адмиралъ Александръ Петровичъ Спицынъ.

Смѣсь.

Замѣчательное открытіе въ области гигиены. Послѣдній международный гигиеническій конгрессъ въ Вѣнѣ открытъ былъ достопамятными словами Австрійскаго кронпринца Рудольфа: „Человѣкъ — самый драгоцѣнный капиталъ государства и общества“. Но „въ предѣлахъ земныхъ совершить все земное“ человѣкъ можетъ только при условіи достиженія зрѣлаго возраста, когда она становится вполнѣ полезнымъ членомъ общества и государства. Между тѣмъ неблагоприятныя гигиеническія условія городской жизни сильно понижаютъ средней длительности человѣческой жизни. Сколько даровитыхъ, выдающихся дѣятелей на всѣхъ порицахъ общественной жизни, науки и искусства погибаютъ, не достигнувъ развитія своего таланта, не создавъ и десятой доли того, что они могли бы создать на пользу своей родины и всего человечества!..

Печальное явленіе это давно уже обратило на себя вниманіе нашего правительства. Составленная изъ лучшихъ представителей нашей медицины, правительственная коммисія дѣлательно занята обсужденіемъ мѣръ къ поднятію уровня длительности человѣческой жизни. Рациональное устройство канализаціи въ большихъ городахъ — одна изъ важнѣйшихъ проблемъ, рѣшеніе которой призвана коммисія. Вниманіе ея въ настоящее время, какъ мы слышали, обращено на замѣчательное открытіе нашего русскаго техника, Ф. Сандерса, изобрѣвшаго путемъ многолѣтнихъ изысканій поразительно простую, дешевую и радикальную систему очистки городскихъ нечистотъ съ удаленіемъ ихъ не только изъ домовъ, но и какъ угодно далеко за черту города.

Въ минувшемъ октябрѣ система нашего даровитаго соотечественника была демонстрирована въ видѣ модели цѣлой улицы на гигиеническомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ и произвела тамъ большое впечатлѣніе. Изобрѣтатель ея удостоенъ почетнаго диплома отъ международнаго конгресса, прямо признавшаго систему нашего русскаго техника — благоудіемъ для человечества.

Несложная система Сандерса состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ трубъ, помѣщенныхъ подъ землею. Фановая труба проводитъ нечистоты въ выгребную яму, куда проходятъ труба водопровода и душъ, омывающей помѣщеніе по удаленіи содержимаго. Особый аппаратъ дѣйствуетъ, какъ пульверизаторъ. Стоитъ только

открыть кранъ водопроводной трубы, и нечистоты, подъ давленіемъ воды, немедленно будутъ выброшены по трубѣ въ уличную канализацію. Когда яма опорожнится, что слышно по звуку, открываютъ на мгновеніе другой кранъ, проводящій воду въ металлическій душъ, причѣмъ вода, подъ напоромъ, омываетъ стѣнки пустой выгребной ямы, вполнѣ очищая ее. Операцию эту достаточно производить разъ въ день. Трубы отдѣльныхъ домовъ соединяются подъ землей въ общую магистральную трубу съ сравнительно большимъ діаметромъ, по которой нечистоты выгоняются за черту города. Въ большихъ городахъ, на концѣ канализаціи, для ускоренія слагава, можетъ быть помѣщена пневматическая всасывающая станція или сифонъ. О дешевой системѣ свидѣтельствуемъ обстоятельство, что при благоприятныхъ условіяхъ почвы достаточно всего пяти ведеръ воды, чтобы выбросить сто ведеръ нечистоты по системѣ Сандерса.

Многія изъ городскихъ думъ, въ томъ числѣ и столичныя, обратили уже вниманіе на изобрѣтеніе русскаго техника. Къ сожалѣнію, энергія и быстрота выполненія даже самыхъ неотложныхъ, настоятельныхъ задачъ далеко не составляютъ отличительныхъ достоинствъ нашего городского самоуправленія. Желательно было-бы поэтому, въ видахъ охраненія общественнаго здоровья отъ инфекціонныхъ болѣзней, чтобы починъ правительственной коммисіи былъ поддержанъ самимъ обществомъ въ лицѣ его лучшихъ представителей. Позволимъ себѣ, во всякомъ случаѣ, выразить надежду, что это замѣчательное русское изобрѣтеніе не постигнетъ судьба столькихъ нашихъ открытій, примѣненныхъ на Западѣ раньше, чѣмъ на родинѣ самого изобрѣтателя.

Опытъ новаго пассажирскаго поѣзда. Между Нью-Йоркомъ и Бостономъ ходятъ желѣзнодорожные поѣзда, освѣщаемые электричествомъ и нагрѣваемые паромъ отъ локомотива. Каждый вагонъ освѣщается восемнадцатью лампами съ накаленнымъ металломъ, пламя которыхъ: питается, скрытыми подъ поломъ вагона электрическими батареями. Свѣтъ и тепло одинаково хорошо держится. Кромѣ того, увѣряютъ, будто эта система освѣщенія и отопленія, если не совсемъ исключаетъ, все-же значительно уменьшаетъ опасность пожара при несчастныхъ случаяхъ на желѣзныхъ дорогахъ. (N).

Рѣшеніе задачи игры въ винтъ № 41

(помѣщенной въ № 25).

А долженъ дать Х бубну, а В и У по нѣкъ.—Первымъ ходитъ Х и, впрямую, въ бубну; В заручается на туза и, отходявъ туза червей, два раза даетъ А укрыть на туза и короля козырей двѣ маленькія черви, заручившись во второй разъ на короля пикъ. Послѣ этого А козыряетъ съ десятки, которую В перекрываетъ и, отходявъ въѣхъ козырей, идетъ съ королемъ червей, на котораго У надаетъ дама; В продолжаетъ идти съ валеа червей и У сноситъ или валеа пикъ или даму бубень; А (у котораго остались тузъ, десятка пикъ и валеа бубень) сноситъ или валеа или десятку, что зависитъ вполнѣ отъ сноса У; дальѣйшее понятно.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПБ. — А. М. Глинкина, Ф. А. Панько-Максимовича, Москва—Л. Курландъ, Бѣла—А. Пимженча, Вильно—В. Г. Кравчукъ, Воронежъ—В. П. Друри, Галсаль—А. Л. Вѣжина, Константиноградъ—В. П. Виноградскаго, Луга—Маркевича, Оренбургъ—Л. Е. Игнатъева, Одесса—В. Владзевича, В. А., Старица—Н. Рязанцева, Шлиссельбургъ—А. П. Корженевскаго.

Рѣшеніе шахматной задачи № 43 (помѣщенной въ № 25).

Бѣлые. Черные. 1) d1 — c1 1) a4 — a3 2) d3 — c2 2) d5 — c4 3) c2 — c4++

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПБ. — В. Тадаевскаго, Ноокъ, Богатое — Алѣева, Брянскъ — В. Извъкова, Болховъ — В. Н. Кротова, Диска — М. Гилдина, Ф. Юффа, Х. Розенфельдъ, Курскъ — Э. Сирогъ, К. Подольскъ — В. Мартыновскаго, Красная Луна — А. Н. Шульженко, Новно — А. С. Г—скаго, Киевъ — А. Охонцаго, Волоховскаго, Люботинъ — Чернушенко, Николаевъ — Н. П—ской, Одесса — К. Матковскаго, Петровское — Старога Нивалда, Райгородъ — Б. Л. Домерцаго, Рига — А. Зубарева, Старая Рязань — В. Н. Кожина.

Рѣшеніе шахматной задачи № 42 (помѣщенной въ № 25).

Бѣлые. Черные. 1) f4 — g5 1) f6 — h4 2) h6 — g7 2) a1 — h8 3) e1 — d2 3) h4 — c3 4) g1 — c5 4) b4 — d6 5) b8 — a1 5) h8 куда угодно. 6) a1 — h8

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПБ. — В. Шошина, П. Н. Мосолова, С. Т. Грибова, А. А. Писитъева, Я. В. Васильева, Н. В. Панкова, Болховъ — П. В. Панина, Бѣлгородъ — Ф. З. Мазуръ, Вильно — Я. Энгельгейтъ, Диска — С. А. Дубилкова, Егорьевскъ — Н. П. Матъевича, Исады — В. Н. Кожина, Одесса — К. Матковскаго, Серѣда — М. В. Лундичева, Тифлисъ — П. Н. Баратова.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ тѣхъ немногихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку преміи,—картины проф. Ю. КЛЕВЕРА „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“, поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

СОДЕРЖАНІЕ: И. Ф. Крузенштернъ (съ портр.). — Вѣчу не быть. Старинная повесть Д. В. Аверниева. (Продолженіе). — Исторія одного таланта. Повесть Н. Станицаго. (Продолженіе). — Гессенская муха. Профессора К. Э. Линдемана (съ рис.). — Къ рисункамъ: Прощаніе царевны Софьи съ Шанловитымъ (съ рис.). — Базаръ въ Новочернассѣ (съ рис.). — Запорожецъ. Скульптура Л. В. Позена (съ рис.). — Литературный альбомъ „Въ лѣсахъ“, П. И. Мельникова (Печерскаго). „Изъ силата“ (съ рис.). — Лѣсное затѣше (съ рис.). — Военный совѣтъ грачей (съ рис.). Прибытіе императора Германскаго въ Петербургъ. Встрѣча германской эскадры (съ 5 рис.). — Дуэль генерала Буланне съ Флоне (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — Рѣшенія задачъ. — Заявленіе. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

НОВОСТЬ! СТУЩЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ДУХИ ВЪ ПАЛОЧКАХЪ

для театра, концертовъ и баловъ. Цѣна за палочку 75 к. ВЪ 12 РАЗНЫХЪ ЗАПАХАХЪ: Ess bouquet, Jockey-club, Opporonaх, Violette de Parme, Muguet, Spring-flower, Kiss-me-quick, Hyacinthe, Héliotrope, Forget-me-not, Réseda, Lilas. ОПТОВАЯ ПРОДАЖА

у Эд. Шоровекіи и Комп. С-Петербургъ, у Каменнаго моста, № 29; въ Москвѣ, на Моросейскъ, № 7—8. На Нижегородской ярмаркѣ, по Обводному каналу, Мѣховой рядъ, лавки Смирнова, № 4 и 5. № 3277 3—2

Изданіе А. Ф. МАРКСА. ШЕСТЬ КОМЕДІЙ П. П. ГИЛЬДИЧА.

для театра, для любительскихъ и домашнихъ спектаклей. 1) Горяція письма. Ком. въ 1 дѣйств. 2) На хуторѣ. Ком. въ 3 дѣйств. 3) Женя. Ком. въ 1 дѣйств. 4) На южномъ берегу Крыма. Комед. въ 2 дѣйств. 5) Съ цвѣтахъ. Ком. въ 3 дѣйств. 6) Старая сказка. Ком. въ 4 дѣйств. Большой томъ, въ 8-ю долю листа, заключающій въ себѣ 390 стр., напечатанный на хорошей веленовой бумагѣ и украшенный виньетками. Цѣна этому изящному изданію 2 р., съ пересылкою 2 р. 30 к. Съ требованіями обращаться въ Редакцію журнала „Нива“, Невскій, № 6.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО или гувернантокъ рекомендуетъ наставницъ и гувернантокъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. За справками просить обращаться отъ 1 часа до 4-хъ часовъ пополудни, въ Торговую, домъ 15, кв. 58. № 3197 15—5 Комитетъ.

ТРУБЫ газовыя, дымогарныя, топочныя, бурильныя и пр. всегда на лицо у АЛЬБЕРТА ГАНЪ Москва, Мясницкая ул., домъ Ц. № 3238 Ананова. 5—3

ГИГИЕНИЧЕСКОЕ БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО провизора Г. Ф. Юргенса противъ излишней потливости. Рекомендуются какъ благовоиное туалетное мыло высшаго достоинства. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 2—1 Цѣна 1/4 нус. 50 к., 1/2 нус. 30 к. Главный складъ у Н. И. Феррейна въ Москвѣ. М. № 3289

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ — хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

НОВАЯ КНИГА: „СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ ВѢТХАГО ЗАВѢТА“ съ размышленіями автора, составила Евгенія Туръ.

Книга рекомендована для внѣ-класснаго чтенія Оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Москва, 1888 г. Ц. 1 р. Для школь дѣлается уступка въ 40%. Продается въ Москвѣ, въ типографіи „Московскихъ Вѣдомостей“. Школы должны обращаться со своими требованіями (съ обозначеніемъ подробнаго адреса) исключительно къ А. И. Захаровой, въ Калугу (Лебединская ул., д. № 27). № 3292

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ. Ители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекъ или Космет. магазиновъ, но не менѣе двухъ флаконовъ. Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (29) № 2946

ПАТЕНТОВАННАЯ МАШИНКА

для выдѣлыванія пуговицъ. Необходимо для всѣхъ портныхъ, портныхъ, каретниковъ, сѣдельщиковъ, драпировщиковъ и декораторовъ. Новѣйшая, простая и очень практическая машинка, съ помощью которой каждый легко можетъ выдѣлывать пуговицы изъ какой угодно матеріи. ПРОЧНѢЕ И ДЕШЕВЛѢ ПОКУПНЫХЪ ГОТОВЫХЪ ПУГОВИЦЪ! Цѣны машинки: Р. К. Р. для портныхъ. . . . . 13 — Пуговицы . . . . . 1 заgross. 22 28 32 36 * портныхъ. . . . . 13 50 1 р. 35 к., 1 р. 65 к., 2 р., 2 р. 25 к. * для каретникъ и сѣдельщикъ. 20 — Пуговицы . . . . . 7 за тыс. для драпировщиковъ и декораторовъ. 15 — Пуговицы . . . . . 3 за тыс. ПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНАЯ УСТУПКА! Складъ и продажа машинокъ и принадлежностей къ нимъ: у С. БЕРНШТЕЙНА Большая Лубяная, Варсонофьевскій пер., домъ Рабушинскихъ, и въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—у Франца Гонтеръ, Садовая, № 12. № 3270

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вр. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трубовъ“); 3-изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ЛЕПНИЦЫ и ГИЗНИЦЫ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Лучше рекомендованные духи

№ 4710 О-ДЕ-КОЛОНЪ

(Нельская сода).

Лучшимъ доказательствомъ качества

№ 4711 О-ДЕ-КОЛОНА

служитъ, исключая имѣющихся первыхъ наградъ, получение въ Кельнѣ, мѣсячъ произведенія, въ 1875 г.

Единственной первой награды.

Обращаемъ въ особенности внимание на то, что во избѣжаніе смѣшенія съ другими, имѣющимися въ большомъ количествѣ въ продажѣ, подъ этимъ же названіемъ „Фарина“

№ 4711 О-ДЕ-КОЛОНЪ

отпущенъ подъ этимъ названіемъ продаваться не будетъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЗНАКЪ ПЕРИОДИЧНОСТИ

№ 4711.

Получать можно во всѣхъ большихъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Главное депо у АЛЕКС. ТИСЬ и Комп. Пушкиска, № 4. Р. № 3290 2-1

ОТЪ ЖЕНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

С. Н. ФИШЕРЪ

(Москва, Остоженка, домъ Бутковой).

Въ маѣ мѣсяцѣ сего года выдержали испытаніе зрѣлости и получили аттестатъ двѣнадцать воспитанницъ (выпускъ X). П. 3287 3-1

Пріемъ ученицъ на слѣдующій учебный годъ—22 августа.

МЫЛО

пронизора

А. М. ОСТРОУМОВА

противъ

ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

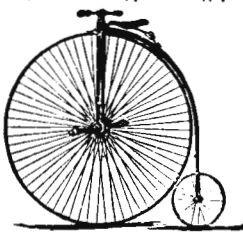
за кусокъ 30 к.

Ярлыкъ настоящаго мыла снабженъ маркой за № 3374. М. № 3288 4-1

ДЛЯ ГЛУХИХЪ.

Лицо, избавившееся отъ глухоты, продолжавшей 23 года, посредствомъ очень простаго средства, готово прислать описаніе его бесплатно всѣмъ желающимъ. Адресъ: Д-ръ Николаевъ, 4, rue Droite, Парижъ, (Франція). № 3285

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ 2-хъ-колесные велосипеды специально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейсъ-куррантъ бесплатно, также брошюра виконта Барри: „О велосипедѣ и велосипедистахъ“.

Москва, Кузнецкій и, д. Голыцина СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3291 (1)

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. Н. СЕРГѢЕВА.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

Цѣна съ изящной литографир. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 60 к.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена крайне умеренная, 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.

Требованія просить адресовать: въ С.-ПБ—гь, въ контору журнала „Нива“ (Невскій. 6).

БАРОМЕТРЫ АНЕРОИДЪ.

Въ Николаевой Опавѣ. Цѣна 6 р. 50 к., съ перес. 7 руб.

Фабрика оптическихъ и др. инструментовъ **Е. КРАУСЪ и Комп.** Парижъ, Avenue de la Républ., 4. Складъ для Россіи: въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 40. Иллюстр. прейсъ-куррантъ баром., оптическихъ и фотографическихъ приборовъ высылается бесплатно. Р. № 3276 2-2

НАСОСЫ

ДЛЯ ВСЯКИХЪ ЦѢЛЕЙ, ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ, САДОВЫЯ ТРУБЫ, ГАЗОНОКОСИЛКИ

по 23 р., 27 р., 31 р. и 35 р.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ

и **ОРУДИЯ**

въ большомъ выборѣ предлагаются со склада **ТОВАРИЩЕСТВО**

БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 1-я линія, домъ № 10, Москва, Мясницкая, домъ Виноградова. № 3258 4-4

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21, предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умеренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимаго свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи. Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи. № 3206 14-9

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ, въискось прежняго помѣщенія. Покупаютъ всѣ % бумаги. Ссуды подъ всѣ % бумаги. Страхуваніе винныхъ заимовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3250 5-4 Также нужны върныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства **АГЕНТЫ.** Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ

ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“

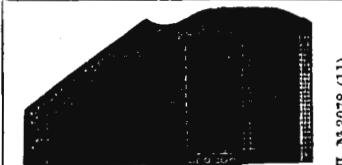
на выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ Общества.

СТРАХОВАНІЯ:

- Капиталовъ для вдовъ и сиротъ,
- Вдовьихъ пенсій,
- Капиталовъ на старость,
- Пенсій на старость,
- Приданого для дѣвушекъ,
- Стипендій для мальчиновъ,
- Пожизненныхъ доходовъ.

Къ 1 Января 1888 года въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 16,681 лицо на капиталъ въ 49,061,640 руб. Въ 1888 г. дивиденды страхователей составляютъ 12%.

Ближайшія подробности въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, бесплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентами Общества въ городахъ Имперіи. № 3227 6-6

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. произвед., по удешевл. цѣнамъ въ 3/4, 4, 5 и 8 руб. со школой и нот., на которыя самоучной въ теч. 1 часа вполне можно выучиться играть, прод. въ музыкальн. инструментальной торговлѣ **И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.** Москва, Петровка, д. Волкова. За перес. по почтѣ прилаг. за мал. за 10 ф., за больш. за 15 ф. Полный прейсъ-куррантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно.

ВЪ РЕВЕЛЬСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ УЧИЛИЩЕ

Министерства Путей Сообщенія принимаются съ повѣрочнымъ экзаменомъ изъ математики и русскаго языка окончившіе курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ, уездныхъ или городскихъ (по положенію 1872 года) училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія или въ двухклассныхъ церковно-приходскихъ училищахъ. Пріемные экзамены съ 15 по 20 Августа. Пропенія на имя начальника училища принимаются до 15 Августа. Подробности чрезъ канцелярію училища. № 3286

КЛИШЕ
Гравированіе на деревѣ (клише) для иллюстр. изданій, Прейсъ-курранты, объявленія и пр. **КСИЛОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ** **КАРЛЪ РИХТЕРЪ** Троицкая улица, д. № 27а. **ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.** **КЛИШЕ**

НИВА

XIX г.

№ 31

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XI.

1888

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ В ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 30 июля 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕВЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:		Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи		За границу, съ перес.		ПРИЛОЖЕНІЯ.
Безъ доставки въ Петербургъ	4 р.	6 *	8 р.	Особыя приложенія при „НИВЪ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.		
Съ доставкою въ Петербургъ	5 р. 50 к.	8 р.	8 р.	* Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ, а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи на 1888 годъ просимъ гг. подписчиковъ выслать на укупорку и пересылку ея 60 КОП.		
Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи.	5 р.	60 КОП.				

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
 ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМЪ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 6 Ч. ВЕЧЕРА.

В. Н. Глинка.
 „...Безъ слезъ оставилъ я съ досадою вѣпки пировъ и блескъ Аоніи, но голосъ твой мнѣ былъ отрадой, великодушный гражданинъ! Пускай судьба опредѣлила гоненья грозныя мнѣ вновь, пускай мнѣ дружба измѣнила, какъ измѣнила мнѣ любовь, — въ моемъ изгнаньи позабуду несправедливость ихъ обидъ: овѣ ничтожны, если буду тобой оправданъ, Аристыдъ!“ Въ такихъ стихахъ обращается Пушкинъ къ Федору Николаевичу Глинкѣ, извѣстному поэту и герою Отечественной войны, со дня рожденія котораго нынѣ исполнилось сто лѣтъ. Великій поэтъ нашъ, питавшій истинно-дружескія чувства къ Глинкѣ, называетъ его „великодушнымъ гражданиномъ“ и „Аристыдомъ“, — и эти названія какъ нельзя болѣе идутъ къ автору „Опытовъ священной поэзіи“ и „Писемъ русскаго офицера“, представлявшему собою прекрасную, благородную, возвышенную личность, даровитаго поэта и недюживаго литера-

Федоръ Николаевичъ Глинка (по поводу сотой годовщины его рожденія)
 Съ современнаго портрета грав. Шюблеръ.

тора. Пусть для нынѣшняго времени его произведенія устарѣли по языку, по, по глубинѣ содержанія, образности и гармоніи стиха, они всегда останутся прекрасными, и имя Глинка сохранится въ исторіи русской литературы, какъ писателя имѣвшаго свою долю вліянія на развитіе отечественнаго языка и отечественной мысли. Уцѣлѣютъ и въ памяти народной многія его стихотворенія, какова, на примѣръ, его „Тройка“. Ибо кто-же не знаетъ этой задумчивой пѣсни, чисто русской по духу, содержанію и по формѣ? Вълинскій, находи поэтическое дарованіе Глинка одностороннимъ, тѣмъ не менѣе отдаетъ должное стихамъ этого необыкновенно искренняго поэта. „Вы знаете, говоритъ критикъ, — какъ благоуханны цвѣты его поэзіи, какъ нравственно и свято его художественное направленіе. Это хоть кого обезоружитъ“. Г дѣйствительно, поэзія Глинка полна благородства, силы, энергіи, глубокаго чувства. По замѣчанію другаго критика, въ сти-

хотворенійх этого поэта можно найти всѣ степени чувствованій души стремящейся отъ земнаго, начиная отъ восторга, смѣло возстающаго къ небу, до покорности, смиренно воиющей изъ праха,—а картины, встрѣчающіяся въ піесахъ Глинки, поражаютъ вѣрностью живописи и яркостью красокъ. Вообще характеръ поэзіи его — возвышенный и особенно ярко выступаетъ въ „Опытахъ священной поэзіи“ и „Опытахъ аллегорій“, въ которыхъ изображаются высокое назначеніе души, тѣлность и суета настоящей жизни, упованіе на будущее, преимущественно наслажденій внутреннихъ, духовныхъ. Въ тѣхъ и другихъ стихотвореніяхъ тогдашніе критики находили красоты первоклассныя, богатство образовъ и фантазіи. Но не одиѣ только литературныя заслуги Глинки даютъ ему право на полное уваженіе и благодарность его соотечественниковъ. Глинка оказалъ весьма существенныя услуги родинѣ, какъ истинный патриотъ и замѣчательный гражданинъ, принимавшій участіе въ войнахъ 1805—1806 и 1812 годовъ и своими пожертвованіями и патриотическимъ воззваніемъ увлекшій цѣлыя массы на служеніе отечеству. Онъ извѣстенъ также и своею благотворительною дѣятельностью, въ которой сказалась его незлобивая, прекрасная душа, его истинная любовь къ человѣчеству. Глинка обладалъ умомъ глубокимъ, большою начитанностью и отличался наблюдательностью и прекраснымъ знаніемъ жизни. До самой глубокой старости онъ интересовался разными явленіями современной жизни и всѣми общественными и политическими вопросами, сохранивъ свѣжесть ума и чувствъ.

Федоръ Николаевичъ Глинка, родной братъ не менѣе извѣстнаго Сергѣя Николаевича Глинки, родился въ 1788 году, въ Смоленской губерніи. По примѣру большинства дворянъ того времени, онъ былъ рано отданъ въ Шляхетный кадетскій корпусъ, гдѣ получилъ воспитаніе и всѣ его братья и откуда онъ выпущенъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ, съ чиномъ прапорщика, въ 1803 году. Черезъ два года онъ сдѣлался адъютантомъ знаменитаго генерала Милорадовича и участвовалъ въ кампаніи 1805 и 1806 гг. противъ Наполеона въ австрійскихъ владѣніяхъ. По возвращеніи русскихъ войскъ на родину, Глинка вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ Смоленскомъ помѣстьѣ. Здѣсь онъ всецѣло отдался научной и литературной дѣятельности, начавъ ее стихотвореніями, преимущественно, духовнаго содержанія, которыя печатались въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, журналѣ его брата Сергѣя, и другихъ изданій, а также „Письмами русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи, съ описаніемъ похода 1805—1806 годовъ“. Последняя книга была издана въ 1808 году, когда автору ея исполнилось всего девятнадцать лѣтъ, обратила на себя вниманіе интересомъ своего содержанія и какъ произведеніе свѣжее, юношеское, въ которомъ авторъ съ милой наивною говоритъ, между прочимъ, что онъ „шесть мѣсяцевъ скитался по свѣту и девятнадцать лѣтъ отъ роду имѣлъ уже много случаевъ *познать свѣтъ и людей*“. Вѣроятно съ той-же цѣлью „познанія свѣта“, молодой помѣщикъ, наскучивъ однообразною деревенскою жизнью, предпринялъ небольшое путешествіе по Россіи, побывавъ въ Кіевѣ и на Волгѣ и употребилъ на это около двухъ лѣтъ. Вскорѣ, однако, эта мирная жизнь Глинки была нарушена: начался двѣнадцатый годъ, Наполеонъ двинулъ свои войска на Россію, и полчища непріятеля подступали къ помѣстью молодого писателя. Онъ тотчасъ присоединился къ арміи въ качествѣ добровольца, дошелъ съ нею до Тарутина, гдѣ опять поступилъ въ офицеры и снова сдѣлался адъютантомъ Милорадовича, оставаясь въ этомъ званіи до окончанія кампаніи. Вскорѣ послѣ того онъ издалъ „Письма русскаго офицера“ о событіяхъ отечественной и заграничной войны, составившія какъ бы продолженіе прежнихъ писемъ и впоследствии переведенныя, въ извлеченіи, на французскій языкъ, братомъ автора, Сергѣемъ Глинкою. Въ 1815 году Федоръ Николаевичъ перевелся въ гвардію и еще усерднѣе сталъ заниматься литературой. Онъ издалъ: „Плутархъ для молодыхъ дѣвицъ“ (1816), „Письма къ другу“ (1816—1817), „Лука да Марья. Народная повѣсть“ (1818), „Краткое обозрѣніе военной жизни и подвиговъ графа Мило-

радовича“ (1818), „Гимнъ величію и всемогуществу Божію“ (1818), „Нѣсколько мыслей о пользѣ политическихъ наукъ“ (1819), „Зяновій Богданъ Хмѣльницкій“ (1819), „Мечтанія на берегахъ Волги“ (1821) и друг. Въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1818 по 1819 включительно, онъ дѣятельно сотрудничалъ въ *Восточномъ журналѣ*, составилъ и самую программу его („Краткое начертаніе Военнаго Журнала“). Спб. 1817). Съ 1819 года Глинка оставилъ военную службу и поступилъ правителемъ канцеляріи къ петербургскому генералъ-губернатору графу Милорадовичу, бывшему своему начальнику. Когда въ 1816 году учредилось „Вольное Общество Любителей Россійской Слоvesности“, Глинка былъ избранъ его вице-предсѣдателемъ, а затѣмъ и предсѣдателемъ. Около этого времени онъ сдѣлался членомъ масонской ложи „Избраннаго Михаила“, къ которой принадлежали: Гречъ, Копанскій, проф. К. Арсеньевъ, Рафаилъ Зотовъ, баснописецъ Измаиловъ, Кюхельбекеръ, Николай Бестужевъ и другіе. „Управляющимъ мастеромъ“ былъ графъ О. П. Толстой, а Глинка занималъ постъ „намѣстника мастера“. Онъ написалъ много масонскихъ стиховъ и пѣсень и издалъ книжку „Единому отъ всѣхъ“; ему же принадлежитъ и извѣстный въ свое время „Гимнъ торжествующихъ“. Въ числѣ членовъ этой ложи были также и лица, компрометированныя впоследствии участіемъ въ декабрскихъ событіяхъ 1825 г.; дружба съ ними и съ другими имъ подобными, Глинка навлекъ на себя подозрѣніе въ принадлежности къ Сѣверному Обществу и въ 1826 году былъ сосланъ въ Петрозаводскъ. Однако невиновность его скорѣй была доказана, и ему позволили вернуться въ его смоленское имѣніе, а потомъ снова поступить на службу. Въ самый годъ ссылки Глинка издалъ свои „Опыты священной поэзіи“ и „Опыты аллегорій“. Въ тридцатыхъ годахъ онъ былъ переведенъ на службу въ Тверь и здѣсь женился на Авдотѣ Павловнѣ Голенцевой-Кутузовой, получившей потомъ извѣстность въ литературномъ мѣрѣ благодаря прекраснымъ переводамъ изъ Шиллера и Гёте. Изъ Твери Глинку перевели старшимъ совѣтникомъ въ Орловское губернское правленіе, гдѣ онъ прослужилъ, сравнительно, недолго, и въ 1835 году окончательно вышелъ въ отставку. Приобрѣтя домикъ въ Москвѣ, онъ поселился въ немъ съ женою и устранивалъ у себя литературно-музыкальные вечера, на которые съѣзжались едва-ли не всѣ писатели, мыслители и артисты того времени. Стихи Глинки продолжали печататься въ *Сыннѣ Отечества*, *Свернователѣ*, *Библ. для чтенія*, *Современникѣ* Плещеева и разныхъ другихъ журналахъ и альманахахъ. Въ *Современникѣ* появилось, между прочимъ, его задушевное стихотвореніе „Ангель“, къ которому Вѣлискій отнесся съ большими похвалами. Еще болѣе расхвалилъ онъ книгу Глинки „Очерки Бородинской битвы“, посвятивъ ей большую статью, возбуждвную потомъ столько разсужденій и кривыхъ толкованій и поспорившую критика съ его нѣкоторыми друзьями. Кромѣ этой книги, Глинка издалъ еще въ 1830—1839 гг. „Карелія или заточеніе Марьи Іоанновны Романовой“, „Воспоминанія о питической жизни Пушкина“, „О древностяхъ въ Тверской Кареліи“ — плодъ его раскопокъ и археологическихъ изысканій въ этой мѣстности, „Духовныя стихотворенія“. Затѣмъ съ 1839 года онъ смолкъ почти на двадцать лѣтъ, очень рѣдко появляясь въ печати. Только въ 1859 году онъ снова напомнилъ о себѣ, издавъ книгу „Іовъ, свободное подражаніе книгѣ Іова“, а черезъ два года выпустилъ поэму „Тайнственная капила“, напечатанную въ Берлинѣ, которая могла появиться въ Россіи лишь спустя десять лѣтъ. Последніе годы Глинки провелъ въ Твери, куда переселился вскорѣ по смерти своей жены, скончавшейся въ 1863 году. Онъ много сдѣлалъ добра для города, и его выгнали, въ благодарность, земскимъ гласнымъ, не смотря на его совѣтъ преклонный возрастъ. Федоръ Николаевичъ Глинка скончался 11 февраля 1880 года. Не задолго до смерти онъ откликнулся своимъ чуткимъ сердцемъ на прискорбныя событія анархическаго характера — написалъ прочувствованные стихи, доказывающіе всю ясность ума, не покидавшую поэта до послѣднихъ его минутъ.

П. Б.—овъ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверніева.

(Продолженіе).

Въ то же послѣобѣдѣ Мордка съ Ондреюшкомъ къ судьямъ пришли, и на Пашкѣ въ грабежѣ челомъ ударили. Лазарь Евфимовичъ далъ имъ два дня сроку на судъ стать, а къ Пашку, на судъ его звать, подвойскаго своего послалъ.

Подвойскій, придя къ Пашку, оповѣстилъ его, чтобъ въ судъ шель.

— А пошто я туды пойду-то? Пашко сказала. — Аль у меня во дворѣ своего дѣла нѣтъ?

— А въ грабежномъ дѣлѣ, слышь, на тебя послушествоуютъ.

— Это кто-жь, я грабилъ, что-ль? вскинулся Пашко на подвойскаго.

— А послухи скажутъ какъ быдто и ты, уклончиво отвѣчалъ подвойскій.

— Такъ ты судья скажи, что на таковъ его судъ лестный а Пашкѣ молъ не-пойде. А и не-пойду, вотъ же крестъ тебѣ, что не-пойду! крестись Пашко кричалъ.

— А и что-й же ты, Иваньковичъ, на меня-то шумишь? покойно и вѣжливо отвѣчать подвойскій.— Дѣло мое подневольное, не-свое я тобѣ сказываю, а отъ судьи повелѣнное. Я тебя оповѣстилъ, а срока тебѣ на судъ стать два дни, а не ставешь на судъ, йпо биричи тебя братъ придуть, а силѣмъ на судъ поставятъ же.

— А я и биричей твоихъ во дворъ не пушчу, а не то и псы ихъ потравлю! разсвирѣпѣлъ Пашко.

— А мнѣ бы было тебѣ оповѣщено, а воли у тебя своя живѣ, подвойскій сказалъ.

У Лазаря, какъ онъ узналъ о Пашковой ярости, правый глазъ заморгалъ самымъ усерднымъ образомъ, а уста, опушенные рѣденыкой, какъ у кота, бородкой, усмѣхнулись. Нельзя сказать, чтобы судейская улыбка была красива; выходило, какъ будто котъ вздумалъ смѣяться. Улыбался же судья съ радости что Пашко много шумѣлъ и кричалъ на подвойскаго: „такого моль подвести не трудно“.

Пашко, выкричась на подвойскаго, и думать о судѣ забылъ. Въ срокъ на судъ стать и въ голову ему не приходило. Увидѣвъ биричей во дворѣ — двое ихъ за нимъ было послано — Пашко вспомнилъ свой прежній гнѣвъ и сталъ шумѣть на нихъ.

— А слышь-ко, Иваньковичъ, посовѣтоваль ему знакомый биричь,—а добромъ лучше пойдн: и намъ силѣмъ тебя тащить не охвота, а и платѣе оше разорвешь. А Лазарь Евфимовичъ своего уличанина не выдасть, а этимъ брыканьицею своимъ неподобнымъ, самъ же себя ставишь въ виноватые.

— Ладно ужъ, усмирясь отъ совѣта, сказалъ Пашко,— только окрчусь-вотъ, съ вами же и пойду.

Идя пріодѣться, Пашко позвалъ своего подручнаго Офонасьюшка, и наказывалъ ему, чтобы сбѣгалъ во всѣ дворы сосѣдскіе, оповѣститъ шабровъ, что его, Пашка, въ судъ повели, а шли бы ребята выручать.

Въ уличанской гридницѣ, въ обширной палатѣ каменной, за столомъ, въ красномъ углу, тѣмъ временемъ судья сѣлъ, Лазарь Евфимовичъ. Неподалеку былъ поставленъ другой столъ для дьяка судейскаго, только дьяка нынче почему-то въ судѣ не случилось. На лавкѣ, близъ судейскаго стола, двое докладчиковъ¹⁾ сидѣло. Они, ровно съ просонья, позѣвывали, и ждали суда за тѣмъ только, чтобы подъ шумокъ заснуть. Въ другомъ углу еще столъ стоялъ, и за нимъ сидѣлъ уличанскій староста Дмитръ Яковлевичъ. Онъ зашелъ въ гридницу по своему дѣлу, и дожидая нужнаго себѣ человѣка, отъ печего дѣлать, выводилъ въ раздумьи пальцами узоры на пыльномъ столѣ. Вокругъ, по всѣмъ стѣнамъ, гридница была изнаряжена лавками; стѣны отъ спинъ всюду были засалены: за годъ этакъ-то ихъ вывозили, что гдѣ краска была, и званья ея не осталось. На полу пыли и грязи изрядно было натаскано. На полъ глядя, Лазарь Евфимовичъ каждое утро приговаривалъ: „а хотъ и не скреби²⁾, а и не паши его“; на что сторожъ палатный всегда охотно и радостно отвѣчалъ: „истинно, вѣникамъ переводъ“.

Какъ ввели Пашка, судья тотчасъ велѣлъ пона звать, и крестъ на Судной грамотѣ цѣловалъ, чтобы судить ему судъ въ правду. Затѣмъ велѣлъ и истцамъ крестъ цѣловать, чтобы искать имъ суда въ правду. Только всѣ крестъ отцѣловали, какъ Славковскіе уличана, поднятые Офонюшкой, ввалились гурьбой въ гридницу.

Судья сердито на нихъ очи вскинулъ.

— А вамъ чего оше тутъ надобно? крикнулъ онъ.

— А суда твоего слушать пришли... Оше поглядимъ въ правду-ль судить-то будешь...

— Крестъ у меня въ томъ цѣлованъ чтобы въ правду судить мнѣ судъ, а вы, слышьте-ко, памятуйте что

наводки¹⁾ истцу на истца, а и па судей не наводити...

— А пошто намъ наводку-ть наводить? степенно Василей сермяжникъ сказалъ.—А Судну грамоту Новгородскую чли же мы, Лазарь Евфимовичъ, а своего уличанина намъ топить не-почто. А знаемъ вѣдь что съ него за наводку, съ молодшаго человѣка, десять рублей возмуть, а будь онъ бояриномъ, въ пятидесяти рубляхъ его испродали-бъ.

— Ишь ты, подивился судья,—а гляньте-косъ, грамотей какой оше выискался. А тебѣ судьей бы сидѣть!

— А слышь-ко, Лазарь Евфимовичъ, только что молодшихъ въ судьи сажать не повелось, а то не плоше бы твоего судить.

Уличана разсмѣлился.

— А слышьте-ко, коль суда вы слушать пришли, а сидя-ли, стоя-ли, только смиренхонько слушайте, а языкъ за зубами придерживайте, а и глотки вамъ тоже драть нечего.

— А смиренхонько же станемъ сидѣть, отвѣтилъ за всѣхъ Василей сермяжникъ.

Какъ уличана, кто стоя, кто сидя размѣстились, и стала въ палатѣ тишина, Лазарь Евфимовичъ, напередъ строго всѣхъ оглядѣвъ, началъ судъ судить.

— А ну-т-ко-сь, Иваньковичъ, отвѣтъ держи, сказалъ онъ.—А намедни ты, а ужъ подъ-вечеръ, въ Микитской было улицѣ, не ходилъ ли ты, а не гулялъ ли по проулченку, куда выходитъ садо-ть Арбузевскій?

— А ходилъ же, съ полной откровенностью Пашко сказалъ.

— А тонора у тебя при томъ за-поясъ заткнуто не было?

— А былъ же и топоръ, былъ, опять утвердительно Пашко отвѣчалъ.

Дѣйствительно, Пашко не разъ хаживалъ по тому проулку въ сумерки, съ мыслью: не окажется-ли Маврушенька въ саду. А топоръ онъ бралъ съ собой на всякій случай. Буянъ соглядѣлъ его, но его не трогалъ и никому про то не говорилъ, вѣрно разсчитывая что теперь, какъ Маврушенька была увезена въ подгороднюю волость, пусть моль Пашко думаетъ что она во дворѣ живетъ. Оттого Буяну и въ мысль пришло судить Пашка въ грабежѣ.

— Ладно же, судья сказалъ.— А вотъ дьякъ и запише... Эка бѣда-то моя, дьяко-ть у меня загулялъ сегодня... А слышь-ко, Микула, а Федоровичъ! закричалъ онъ одному изъ докладчиковъ,—а полно-ко дремать тебѣ, а дома ужъ выспишся, а пунь-ко въ дьяково мѣсто побудь, а судъ запиши.

Скликнутый докладчикъ, съ неудовольствіемъ пробудясь отъ дремы, лѣниво протеръ глаза. И досадно же ему стало что судья разбудилъ его, а не другаго докладчика, а потому, вставая съ лавки, онъ толкнулъ подъ локотокъ своего товарища: „слушай моль и ты.“

— Чтѣ писать-то? промышаль Микула Федоровичъ, садясь за дьячій столъ.

— А пиши вотъ, что Пашко-ть на судѣ сказывалъ, что онъ мимо Арбузевска сада по проулченошку въ сумерички хаживалъ, а топоръ у него въ тѣ поры за-поясъ заткнуть былъ.

И судья сталъ подъ столомъ себѣ руки потирать: „Словили моль гуса.“

— А написалъ, такъ учти-ко, сказалъ судья докладчику.

Докладчикъ прочелъ.

— А ты, обратился къ Пашку судья,— подъ писаньемъ крестъ ставь, аль имячко свое подписывай, коль грамотный.

Пашко крестъ ставилъ.

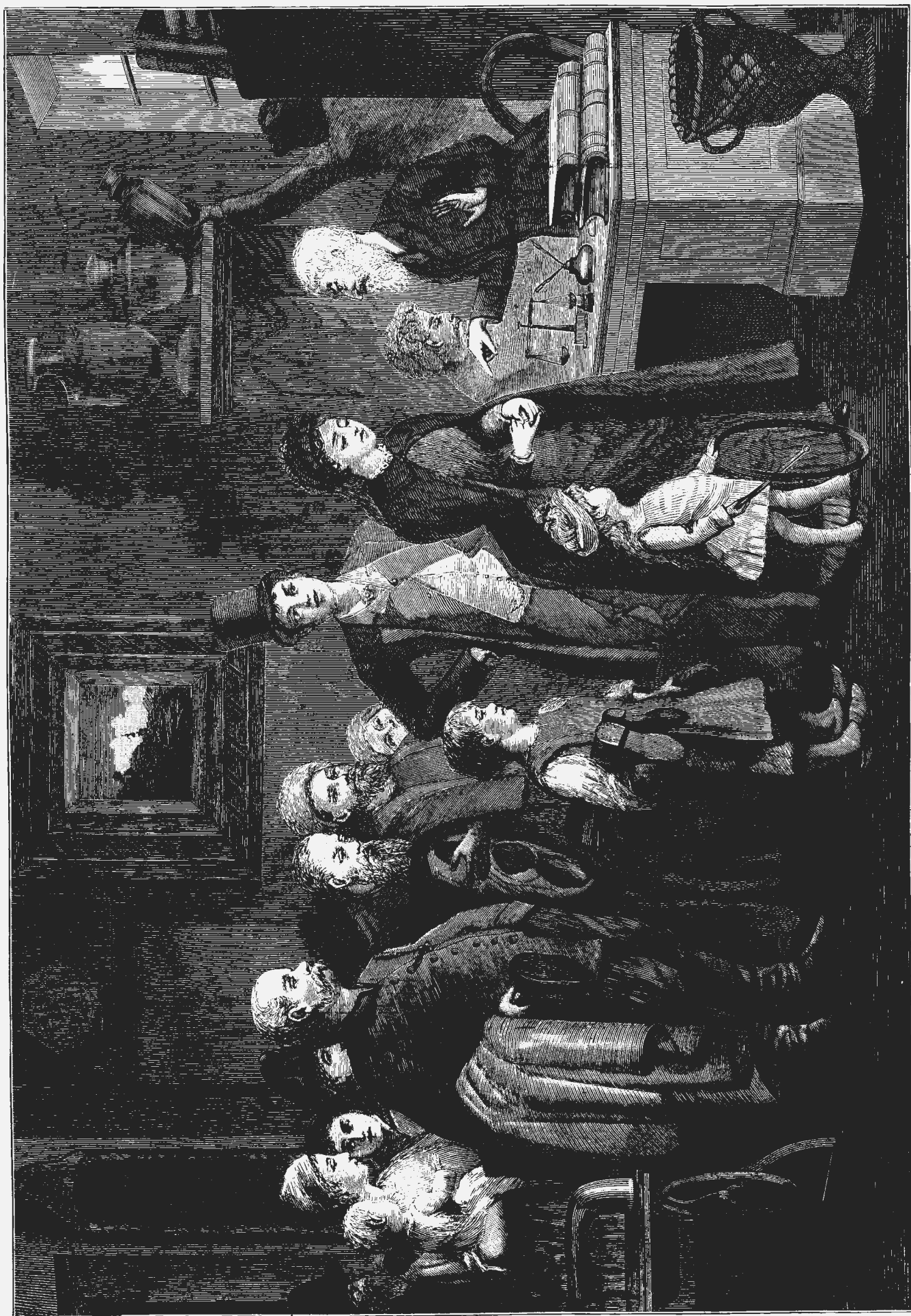
¹⁾ Докладчики — родъ засѣдателей. Они избирались изъ бояръ и житыхъ, и докладывали важныя дѣла, замѣняя иногда судей.

²⁾ Скрести — мыть мочалой съ пескомъ.

¹⁾ Наводка — приходъ толпою въ судъ чтобы помѣшать сторонѣ говорить, или судѣ постановить рѣшеніе. Явленіе обычное въ послѣдніе годы новгородской самостоятельности.

Въ камышахъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Гито Габава, грав. Ю. Шюаеръ.

Касса ссудъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Б. Жефровскаго, грав. Ю. Барановскій.

— А ладпёхонько, судья сказалъ. — А теперечь-ко послуховъ станемъ спрашивать. А подвинь-ко-ся сюды, сказалъ онъ Мордка. — А ты себя Микитскимъ уличаниномъ, кажись, сказываешь?

Мордка, быстро поведя по сторонамъ глазами, словпо опасаясь что ему кто-нибудь дастъ съ боку затрещину, прихрамывая на правую ногу, подошелъ къ столу.

— А на имячко-то какъ? судья спросилъ.

— А Мордка, Ѳедотъ ошѣ, Трофимовичъ.

— Такъ мы тебя Мордушкой, Ѳедотушко, и запишемъ, ласково судья сказалъ. — А что жъ ты на Иваньковича-то послуствуешь?

— А что грабить онъ меня...

— Тебя-то? Пашкó спросилъ.

— А и послухъ у меня вѣдь ё. Вотъ онъ, Ондреюшко.

— А оба врутъ, обратился Пашкó къ судѣ.

— А ты дай-ко имъ на-перво опослуствовать, а тамъ ужъ и уличай ихъ, увѣщательно посовѣтовалъ судья.

— А пошто мнѣ слушать-то ихъ, коли они оба врутъ? съ задоромъ Пашко вскричалъ.

— А ты слушай-ко, началъ было опять судья, но Пашко не далъ ему говорить.

— А что слушать, коли врутъ они? А ты мнѣ-ко, Лазарь Евфимовичъ, поле давай съ нимъ, а ошѣ кому Господь поможе...

— Ой, да стой ты, Пашкó, а не ярься столь, вступился Василей сермяжникъ, подходя къ столу. — А ставь-ко лучше меня за себя отвѣтчикомъ ¹⁾.

— А ты откуль ошѣ выскочилъ? спросилъ судья самозваннаго отвѣтника.

— А коли жъ онъ меня за себя отвѣтчикомъ ставилъ.

— Да я-то про то ставленье не слыхалъ ошѣ, надбавляя голоса, судья вскричалъ.

— А сейчасъ-ко, Лазарь Евфимовичъ, услышишь, вѣжливо отвѣчалъ сермяжникъ. — А сказывай, Пашкó, что ставишь меня отвѣтчикомъ; не то своей яровитостью весь судъ на себя взведешь.

— А ставлю ужъ, подумавъ Пашко сказалъ судѣ.

— Что ставишь-то?

— А Василя же вотъ за себя отвѣтчикомъ, сказалъ Пашко, недовольный непонятливостью судьи.

— А ладно ужъ, съ досады махнувъ рукой, отвѣчалъ судья. — А слышь-ко, а Микула, а Ѳедоровичъ! опять ты задремалъ никакъ... Эка мнѣ бѣда-то съ дьякомъ-то! Пятый день съ именишъ пьешь...

Уличана захохотали.

— А ниши же про отвѣтника, осердясь на смѣхъ, съ досадой крикнулъ Лазарь на докладчика. — А ты Пашкó, куды жъ пошелъ? Крестъ подъ писаньемъ ставнови.

— А ставилъ ужъ.

— Подъ новымъ писаньемъ ошѣ ставь.

Пашко поставилъ крестъ.

— Такъ-то ладнѣй, Василей Пашку сказалъ. — А то, ишь ты, кричишь тожь: „а поле давай.“ Апъ на-поле не поиде онъ, Мордка-то, а хромымъ скажется. А тутъ за него Арбузьевъ наймыта наймуетъ а здоровеннаго.

— А и то, съ роду же я хромъ, оповѣстилъ Мордка судью.

— Какъ же ты съ роду охромѣть-то смогъ, Губанъ крикнулъ, — коли лонись ²⁾ ты не хромалъ ошѣ.

— А это наводка ужъ чистая! всплеснувъ руками возопилъ Лазарь. — А и судить такъ нельзя; хоть ты, Василей, коль въ отвѣтчики сталъ, такъ шабровъ-бы своихъ поунялъ.

— А, слышь, не галди, господò, а и самъ я вѣдь Пашка оправлю же, сказалъ Василей своимъ уличанамъ,

¹⁾ Отвѣтникъ — кто за другаго въ судѣ отвѣчаетъ; родъ поетреннаго или адвоката.

²⁾ Лонись — въ прошломъ году.

и судѣ: — А что Арбузьевъ, Лазарь Евфимовичъ, Мордку подучалъ, такъ это мое слово тоже неслестное.

— Какой Арбузьевъ еще?

— А другъ же онъ тебѣ, Василей-то Селифонтьевичъ, а третѣго же дни у тебя былъ.

— А гнѣда копя я у него покупалъ, потому вѣдь и былъ онъ у меня, литки чтобъ пить.

— А покупалъ ты, аль дарилъ онъ тебя тѣмъ конемъ, то Богъ вѣсть, простодушно замѣтилъ Василей.

— А ты судьи-то не лай, а и думать о томъ закайся. А ошѣ покленъ ты на меня взводишь, что быдто и посулъ съ Арбузьева взялъ, такъ за эти рѣчи твои неумныя, самого вѣдь я тебя на судъ поставлю, а передъ тысяцкимъ, аль предъ посадникомъ ошѣ. А на коня-тъ у меня и купча крѣпость писана, съ острасткой сказалъ Лазарь и поглядѣлъ на сермяжника, чтобъ убѣдиться подѣйствовала-ли на него острастка.

Василей подумалъ, что сейчасъ онъ Пашка за ярость не одобрялъ, а самъ, да еще за другаго отвѣчая, не умно же говорилъ, а потому рѣшилъ острастку ни словомъ не оговаривать. Лазарь, видя что острастка его дѣйствуетъ, предложилъ гнѣвъ на милость и сталъ мягонько стелить.

— А острастуха моя, Васильюшко, теперь кончена, а ты и забудь-ко о ней. А только на одно вотъ отвѣтъ держи: Арбузьевъ-то дворъ въ коей улицѣ?

— А въ Микитской вѣдь.

— А коль въ Микитской, такъ подучалъ онъ ихъ (тутъ судья пальцемъ показалъ на послуховъ), аль нѣтъ, не мнѣ судить о томъ. А хошь ты о томъ съ Арбузьевымъ тягаться, йно въ Микитской улицѣ свой судья сидитъ, а ты тому судѣ уличанскому на него и жалобу клади. А не то хоть къ посаднику иди, аль домогайся, какъ самъ знашь. А мнѣ-ко Арбузьевымъ суда не путай, да и самъ тѣмъ не путайся. Лучьше-ко, Васильюшко, послуховъ слушай. А ну-ко-сь, Мордушко, послушествуй.

— А и, сколь ты меня, Лазарь Евфимовичъ, ни спрашивай, одно я тебѣ буду сказывать. Вишь, у Арбузьева въ саду, у тына у самага, байня она, аль ледникъ онъ, стоитъ, только въ проулченушко брюхомъ оно повыкатилось. И, знашь, Лазарь Евфимовичъ, я изъ-за брюхато этого выхожу, и тутъ и онъ сейчасъ, Пашко, на стрѣчу мнѣ. А грабить ошѣ хотѣлъ.

— Что-жь онъ у тебя грабить-то хотѣлъ? спросилъ Василей отвѣтникъ.

— А знамо что грабятъ-то.

— А доподлинно то что-жь?

— А чего присталъ-то, огрызнулся Мордка. — Знамо мошну, не онучи же дырвы.

— А въ мошну-тъ у тебя деньги были-ль ошѣ кладены?

— Аль ты ее у меня изъ-за голенища вытаскивалъ да доглядывалъ что пуста она?

— Аль ты ее всегда въ голенище кладешь?

— Коли же нѣтъ.

— А ну-т-косъ вытаскивай ее теперь, мошну-ту; кажи: много-ль у тебя денегъ-те. Ошѣ стоило-ль и грабить-то тебя?

Мордка, не смутясь, засунулъ руку сперва за правое, потомъ за лѣвое голенище, будто ища мошны; затѣмъ съ тою же цѣлью ошупалъ оба голенища сверху донизу.

— Охъ, и бѣсъ же дери! сказалъ онъ. — А нòвы-те сапоги нунъ обуваючи, забылъ, знать, мошну на давкѣ въ избѣ.

— А тогда-то въ старыхъ же сапогахъ, знать, ты былъ?

— А въ старыхъ-же, не подумавъ Мордка брякнулъ.

— А коль стары сапоги, а дырвы ошѣ у тебя на ногахъ обуты были, на что жъ Пашку-то было зариться, чтобъ грабить-то?

Василей сермяжникъ на минуточку въ рѣчи остано-
вился, какъ бы давая Мордка въ время для отвѣта, но
тотъ еще и подумать не успѣлъ, какъ отвѣтчикъ вновь
его сталъ спрашивать.

— Аль мошна-тъ у тебя столь велика жила, что онъ
ее скрозь голенищѣ доглядѣть могъ? Аль оцѣ чепанъ¹⁾
на тебѣ а хорошъ же надѣтъ былъ?

— А коли же нѣтъ! успѣлъ Мордка свое слово вста-
вить.

— Этотъ, что ль, что сегодня на тебѣ надѣтъ?

— Аль не хорошъ чепан-тъ на мнѣ? гордо спро-
силъ послухъ.

Отвѣтчикъ подошелъ къ нему, и сталъ чепанъ
ощупывать да рукой поглаживать, пристально разсмат-
ривая шитье.

— А нельзя чепана похулить, хорошъ же, а и
шитьице его превосходное, сказала Василей по осмот-
рѣ. — Этотъ съ чужихъ плечъ снять, какъ не позар-
иться!

— А вели-ко, Лазарь Евфимовичъ, съ радостью
вскричалъ Мордка, — въ списокъ писать, что можно
на чепанъ позариться.

Пока про чепанъ писали, Василей опять сталъ его
ощупывать да рукой поглаживать. При первомъ осмотрѣ
у Мордки, нельзя сказать, чтобъ покойно глаза гля-
дѣли, но тутъ онъ даже брюхо выпитилъ, и сталъ
красоваться съ великой гордостью.

— Хвалю чепанъ, отходя Василей сказалъ, — а и
шитью его полное одобренъице скажу. А только онъ у
тебя въ тоѣ времячко на плечахъ не былъ же.

— Анъ былъ.

— Анъ не былъ же, потому: какъ и чепан-тъ не
твой.

— Чей же? презрительно Мордка спросилъ.

— А съ Арбузевска паробка снятъ. Мнѣ-ль не
узнать-то его, моего вѣдь онъ шитья хорошаго.

И Василей одобрительно Мордку по плечу похло-
палъ.

— А и оцѣ примѣтушка ё. Не вчерась-ли на Ар-
бузевскомъ паробкѣ видѣлъ-то я его, а съ лѣва
бока, къ спинѣ поближе, прорѣха была. И Василей
ловко прямо въ прорѣху палець запустилъ. — А вотъ
она, прорѣха-то, и посейчасъ жива.

Тутъ уличана всѣ всколыхнулись и безъ словъ загу-
дѣли, одобряя Васильево отвѣчество мудрое.

— А оцѣ шитье свое хвалилъ, анъ порвалоси! съ
укоризной Мордка Василью сказалъ.

— Ладно-ко. А про прорѣху, Лазарь Евфимовичъ,
писать вели.

И про прорѣху писали.

— А оцѣ ты мнѣ, Мордушко, одно скажи, ласково
спросилъ Василей, — какъ грабить-то онъ тебя сталъ,
тутъ-то что жъ ты завелъ?

— А, знамо, кулакомъ его въ грудь, да на-бѣгъ уда-
рился.

И про бѣгъ Василей записать приказалъ.

— А истца болѣ, Лазарь Евфимовичъ, спрашивать
не о чемъ, а послуху его сказывать вели.

Лазарь молча Ондреюшка рукой поманилъ.

— А здравствуешь, Ондреюшко, вѣжливо кланяясь
сказалъ отвѣтчикъ. — А что скажешь-то, а миленькій?

Ондреюшко доселѣ шнемъ стоялъ, ровно до него
дѣло ни мало не касалоси, и только тяжело, прижмури-
вая глаза, сонѣлъ.

— Что скажешь-то?

— А что оцѣ тебѣ сказывать? промычалъ Ондре-
юшко. — А все вѣдь тебѣ Мордка сдоложилъ.

— А ты Пашка-тъ у Арбузевска сада видѣлъ-ли?

— А коли же нѣтъ!

— А топоро-тъ у него былъ же?

— А знамо былъ.

— А гдѣ?

— Чего гдѣ?

— Топоро-тъ у него гдѣ былъ, спрашиваю...

— Топоро-тъ, вылуя глаза, Ондреюшко въ постъ
просонѣлъ.

Тутъ отвѣтчикъ, замѣтивъ что Мордка руками за-
шевелилъ, желая показать Ондреюшкѣ гдѣ топоръ
былъ, быстро проскочилъ между нихъ и откинувъ руки
за спину, отпихнулъ Мордку. А самъ тагъ голову дер-
жать сталъ, что куда Ондреюшко свою не повернетъ,
ничего кромѣ глазъ Васильевыхъ не видитъ.

— Аль за-поясъ заткнуть былъ? Василей допыты-
вался.

— И то.

— Ладно. А пиши-ко, Микула Федоровичъ, а молъ
за-поясомъ топоръ послухъ сказывалъ.

Мордка ухитрился тутъ изъ-за Васильевой спицы
Ондреюшкѣ кулакъ показать.

— А Пашка-тъ ты грабачи видѣлъ, аль только Морд-
ку бѣгучисъ?

— А бѣгучисъ, не опомнясь еще отъ Мордкина ку-
лака, не подумавъ, повторилъ Ондреюшко послѣднее
слово отвѣтника.

— А пиши-ко: бѣгучисъ, ужъ побѣдительно Василей
вскричалъ. — А и ты, Ондреюшко, побѣжалъ же?

— А побѣжалъ же, безсмысленно тотъ повторилъ.

— Аль испужался чего?

Ондреюшко сталъ въ туникъ отъ вопроса.

— Пужался-то ты чего-жъ, спрашиваю?

— А топоро-тъ у него, стараясь схватить Мордкинъ
взглядъ, Ондреюшко отвѣчалъ.

Мордка ему головой закивалъ: „ладно молъ.“

— Чего-жъ тебѣ пужаться-то было, коли топоро-тъ
за-поясомъ?

— А востеръ вѣдь.

Мордка попрежнему головой закивалъ.

— Какъ же ты, отъ Пашка бѣгучисъ, да востроту
топориную доглядѣть смогъ? А оцѣ и въ сумеречки?

Уличана не сдержался и громко засмѣялся.

— А и ты, знать, нежданно повернулся Василей къ
Мордка, — той же востроты боись на бѣгъ ударился?

— А знамо: убить вѣдь хотѣлъ.

— Да топоро-тъ, твой же послухъ каже, у него за
поясомъ былъ? Аль онъ, въ брюхо топоръ взявъ, ру-
бить тебя хотѣлъ?

Уличана за животики отъ хохота взялись.

— А и шибко, знать, бѣжалъ-то ты? Василей Мордку
спрашивалъ.

— А ты, небось, на мѣстѣ оставался бы!

— Какъ же ты, а хромъ человекъ, а шибко таково
бѣжалъ? А намедни оцѣ и дождъ шелъ, а слизко на
дворѣ жило, да ты бы послизнувшись носомъ въ грязь
паль. А онъ бы тебѣ на спину скочилъ.

— Ой-же ты, Васильюшко, вскричали уличана, — а
вѣкъ тебѣ отвѣтчикомъ быть. А Пашка оправилъ же ты.

Судьѣ давно ужъ не по себѣ стало. Еще какъ про
голениице рѣчь зашла, почувялъ онъ, что дѣло Арбуз-
ева не выгоритъ. А какъ до прорѣхи доѣхало, тутъ
Лазаря словно закусило вездѣ, и всюду-то у него заче-
салося. Сталъ онъ и по лавкѣ елозить, и спиной объ
уголь тереться, и положивъ локти на столъ, по доскѣ
ими шаркать; и въ головѣ, и въ бородѣ, и въ бровяхъ
у него не малый зудъ сдѣлался. И въ одномъ ухѣ
Лазарю шепталося: „а гнѣда коня отберуть теперь“, а
въ другомъ слышалося: „а къ ову нунъ и не подсту-
пнись.“ А тутъ, какъ на зло, что ни спросъ Васильевъ,
то послухи все рѣжуются да рѣжуются. Наконецъ пере-
сталъ судья и послуховъ, и отвѣтника слушать, и съ
того у него въ головѣ стало проясняться. Сталъ Ла-
зарь раздумывать, какъ бы ему-то самому, вдобавокъ
передъ уличанскимъ старостой, не вовсе осрамиться.
Къ тому времени, какъ ребятамъ славу Васильеву скри-

¹⁾ Чепанъ — жупанъ, зипунъ.

чать, Лазарь совсѣмъ ужь степенно сидѣлъ и безъ торпливости острымъ ногтемъ поскребывалъ кончикъ носа.

— Чтò жь, Лазарь Евфимовичъ, зѣвань-то? Василей сказалъ, — а давай-ко намъ съ Пашкомъ праву грамоту ¹⁾.

— А почто жь мнѣ, Васильюшко, правой грамоты а не дать тебѣ, коли послухи да иста не опослушествовали? А уличана своего мнѣ чужому не выдавать же стать. А всѣ вы, господò, слова-те эти мои попамятуйте. А станеть кто сказывати что не въ правду молъ Лазарь судить, а вы потому жь меня оправливайте. А съ судей меня свести не давайте же. — Тутъ, весьма довольный своей похвальною рѣчью, судья помолчалъ немного и милостиво оглядѣлъ всѣхъ. — А только и тебѣ, Васильюшко, правой грамоты сегодня не дамъ, а о Пашкѣ жь милосердуй. А вы, господò, мое милосердье-то прислушайте.

Уличана зашевелились, не понимая чтò такое затѣваетъ судья.

— А ты, Васильюшко, напрасно на меня очами уставился, а какъ бы сумнѣваясь во мнѣ. А ты не сумнѣвайся, друже. А разсуди оцѣ: дай-ко я теперь тебѣ праву грамоту, тутъ Мордка и скричитъ сейчасъ: „а мнѣ-ко поле съ Пашкомъ давай!“

— А и то скричу, Мордка сказалъ, понявъ Лазарево подсказыванье. — А и поле мнѣ-ко, судья, давай же ты.

— А отгадалъ вѣдь я, недоумѣнно, ровно у него и малой хитрости въ умѣ не было, примолвилъ Лазарь. — А мнѣ-ко Пашка и жалко вѣдь. А мы этакъ вотъ сдѣлаемъ: а дамъ и сроку недѣлю, аль хотъ и полторы, а пусть ставитъ Пашко своихъ послуховъ, а скажутъ тѣ послухи куды онъ и за конемъ дѣломъ наемни мимо Арбузевска сада ходилъ, а оцѣ опослушествоуютъ же они что и топоръ для дѣла же ему нужень былъ, ипо тутъ я поля Мордкѣ не дамъ.

— А топерь-то чтò жь? спросилъ отвѣтчикъ, изумленный нежданннмъ рѣшенемъ.

— А тѣперечко чтò хошь, то и дѣлай, Васильюшко. Хошь тутъ стой, а пе-хошь домовъ поиди. А судо-ть на сегодня кончепъ. А и вы подьте же съ Богомъ домовъ, прибавилъ судья на долю Мордки съ товарищемъ.

Василей сермяжникъ, тихо и недоумѣнно склоня голову, отошелъ къ уличанамъ и стали они межъ собой шептаться о судейскомъ рѣшенн, чтò-бъ оно такое значило, и къ худу-ли оно, иль къ добру. Мордка, увидѣвъ что уличана межъ собою шепчутся, быстро схватилъ Ондреюшка за руку и оба, какъ стрѣла, юркнули вонъ.

Судья тѣмъ временемъ, ухмыляясь своимъ кошачьимъ ртомъ, думалъ про себя: „А ладпѣхонько разсудилъ-то я: и Арбузеву на-руку, а и въ правду къ тому. А Пашку послуховъ гдѣ добыть! Знамо, дѣвчину соглядать ходилъ. А поле съ нимъ Мордкѣ я дамъ же, а на-полѣ не я, Богъ—судья“.

Тутъ судья, услышавъ, что уличана зашевелились, вздумавъ расходиться, опомнился.

— Эй, Пашко! вскричалъ онъ. — А погоди-т-ко, Иваньковичъ, со немпожечко. Слово оцѣ мнѣ сказать тебѣ надобѣтъ.

— Како слово оцѣ? съ неудовольствиемъ Пашкò спросилъ.

— А пожди-ко; старостѣ впередъ мнѣ кой о чемъ сдоложить треба.

Уличана полѣзли было уже въ двери, но Василей сермяжникъ закричалъ имъ, чтобъ пообождали Пашка, что-то молъ ему еще судья скажетъ.

Уличанскій староста, сяди за другимъ столомъ, съ нужнымъ чловѣкомъ о своемъ дѣлѣ бесѣдовалъ. Ла-

¹⁾ Правая грамота — оправдательный приговоръ.

зарь, подошедъ къ столу, шеннулъ ему: — А прислушайся-ко, Дмитръ Яковлевичъ, а дѣло теперь поиде повгородское.

— А ладно, староста отвѣтилъ.

Затѣмъ Лазарь подозвалъ сторожа и шепотомъ приказалъ ему кликнуть биричей съ двора. За столъ Лазарь не садился, а подошелъ къ Пашку, будто что-то хотѣлъ сказать о постороннемъ дѣлѣ.

— А слышь-ко, Пашко, не громко спросилъ онъ, — Скворотки ты, Максима на имячико, не знаваль-ли когда?

— Коли же нѣтъ! какъ всегда громко и съ полной откровенностью отвѣчалъ Пашкò.

— Да того-ли доподлинно знашь-то ты, который на Псковьской рубежъ повольничать ходилъ?

— Ну, онъ и ё: въ Холопьемъ городкѣ домъ у него свой.

— Точно. Знать и про повольѣ-то ты свѣдомъ же былъ?

— А самъ же я съ нимъ въ тѣ поры повольничалъ, опять громко и не безъ хвастовства отвѣчалъ Пашкò.

— А слышаль-ли, Дмитръ Яковличъ? обратился судья къ старостѣ.

— А нѣ-глухъ вѣдь живу, отвѣчалъ староста. — А и то оцѣ скажу тебѣ, Лазарь Евфимовичъ, что вечеръ тысяцкй всѣхъ насъ, уличанскихъ старостъ, къ себѣ призывалъ; а намъ про то повольицѣ приказывалъ. Го-нецъ вѣдь, Лазарь Евфимовичъ, изò-Пскова пригонилъ, а просятъ псковичи управы на тѣхъ на повольничковъ. А управы, гòворилъ, не дать нельзя, потому: оцѣ Богъ вѣсть съ Москвой-то у насъ на миръ поиде, аль на размирицѣ. А коль война де буде, а псковичи, паше къ нимъ неуправленье памятуя, за великаго князя стануть.

— Ну, плохо же дѣло твое, Пашкò, съ сокрушеньемъ судья сказалъ, и увидѣвъ что биричи ужь въ палатѣ, за столъ судить сѣлъ, взбудивъ для письма докладчика. — А топерь, Дмитръ Яковлевичъ, къ тысяцкому я Пашка свести прикажу.

— А и умнѣхонько сдѣлашь, похвалилъ судью староста.

— А не погнѣвайся-ко, Иваньковичъ, а сведуть вѣдь пока биричи тебя въ избу холодную, а и колодушки на поги вздѣнутъ же. А завтра отдамъ я тебя за тѣ пристава, за Новгородски ¹⁾, чтобъ бны тебя къ Владыкѣ въ палату для доклада къ тысяцкому вели, а чтобъ тебѣ не великъ соромъ притомъ былъ, поведуть тебя на зорюшкѣ, а чуть вѣдь свѣтъ замеледится.

Уличана всѣ встрепенулися.

— А слышь-ко, господò, Василей-сермяжникъ сказалъ, — а возьмемъ-ко мы на поруки Пашкò.

— А знамо, возьмемъ же... А слышь-ко, Лазарь Евфимовичъ, давай-ко-съ Пашкò на поруки намъ.

— А хотѣннице мое хотя и полное, судья отвѣчалъ, — а только вамъ на поруки не дамъ же я его. Не Пашково дѣло нушь, Новгородское вѣдь, а всего Господина Великаго Новагорода.

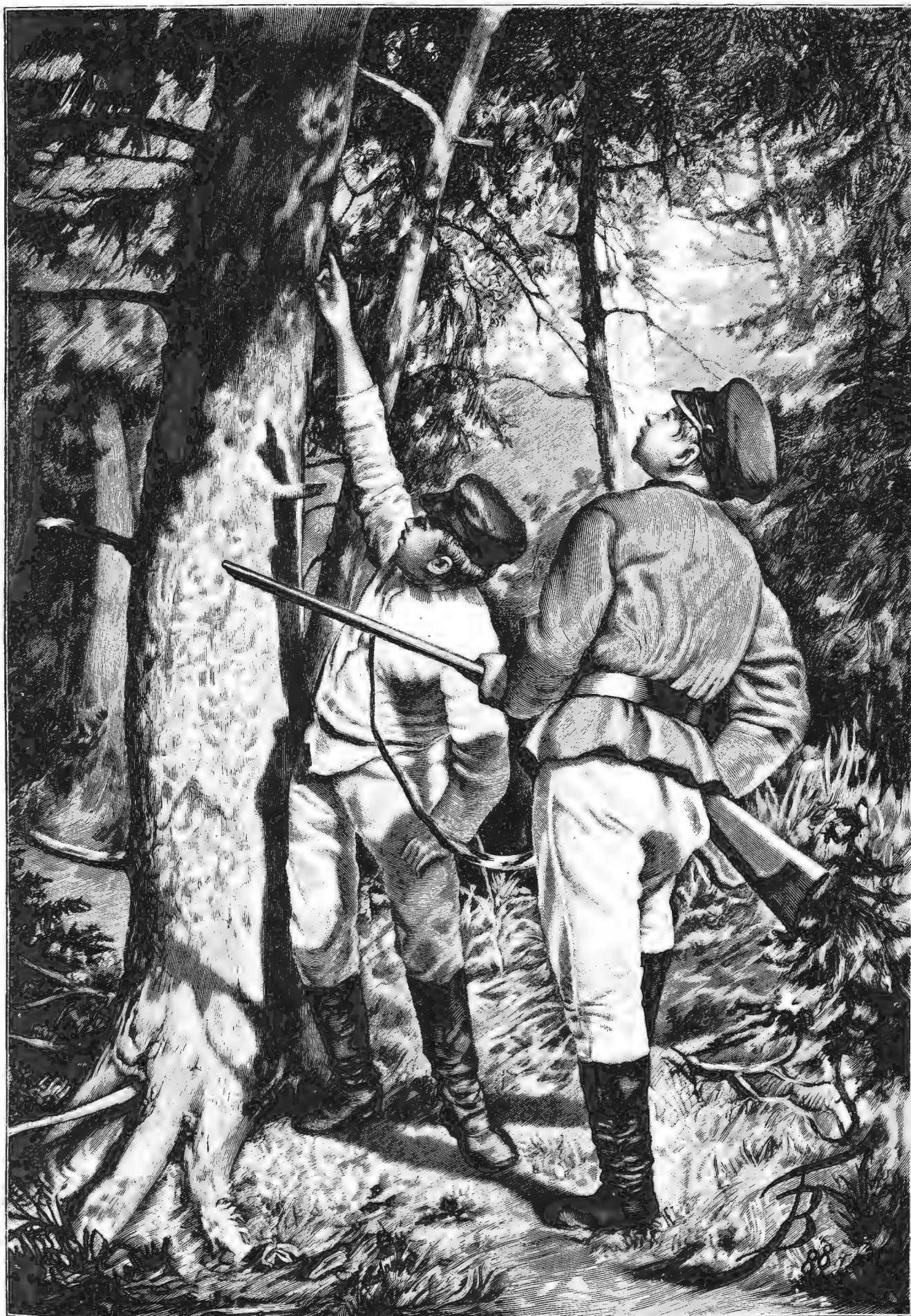
Ребята, услышавъ отказъ, шарахнулись было къ судѣ, да какъ узнали, что дѣло вышло Новгородское, приостановились.

— А умнѣхонько, Лазарь Евфимовичъ, сдумалъ ты, похвалилъ судью староста.

— А какъ же, Дмитръ Яковличъ, отпущу теперь я его, а онъ въ Москву бѣжать ударится, господину князю великому на Новгородъ челомъ бить. А нынь-то-жь, господò, обратился судья къ уличанамъ, — живѣ время строгое, а вѣчушко гòворить не попржежнему; сами вы о томъ, гляди, свѣдомы. А и то сказать: изъ-за ихняго грабленья повольнаго Велику Новугороду не пропадать же стать.

¹⁾ Новгородскіе пристава — высшая полъцейская власть по дѣламъ самого Господина Великаго Новгорода.

За бѣлками. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Б. Томашевича, грав. Ю. Шюблеръ.

У ребятъ и руки опустились; понуривъ головы, кручиноваты стояли они.

— Эхъ, сказывалъ я тебѣ тогда еще, Пашко, сказаль Губанъ-кафтанникъ,—не вьзался бы ты съ тѣмъ Сквороткою. А изъ-за него ты и Маврушеньку истерялъ, а и самъ пунъ на крѣпости.

— А полно-ко, Губанушко, Василей-сермяжникъ сказаль,—а и безъ тебѣ вѣдь, глянь, Пашкѣ ровно въ воду опущенъ стоитъ. А слышь-ко, Пашко, не журнись и не ярься къ тому, а смиренхопко сиди на крѣпости. А мы-ко тебя оцѣ повьручимъ: найдутся и у насъ заступы крѣпикія. А прощашь-ко теперъ.

И Василей, цѣлуясь, прощался съ Пашкомъ, и при этомъ ему въ ушко шепнулъ: „а завтра же къ посадницѣ сбѣгаю“. Тутъ всѣ уличана, другъ за дружкой, прощались съ Пашкомъ, кто за руку, а которые, какъ Василей, цѣловались съ нимъ. Какъ всѣ они изъ гридницы вышли, Лазарь, вздохнувъ вольгѣй, приказаль биричамъ Пашка вести.

„А и все, даль Богъ“, размышлялъ судья, „само собою устроилось. И гонецъ псковьской во время пригониль. А теперъ гнѣдой конь ужъ вовсе мой, и за овсцомъ пычче-жъ паробка къ Арбузьеву спосылать надо“.

(Продолженіе будетъ).

Исторія одного таланта.

Повѣсть Н. Станицаго (авторъ романа *Три страны свѣта*).

(Продолженіе).

Вдругъ онъ вскочилъ и произнесъ:

— Я заболтался съ вами, а у меня куча дѣлъ; я ни минуты не могу быть покойнымъ.

— Почему?

— Развѣ, сами не знаете, что каждый праздношатающійся богачъ смотритъ на пѣвицу, особенно если она имѣетъ успѣхъ, какъ на вещь, которую онъ можетъ купить за свои деньги; а если его деньги оказываются нецѣлительными, то эти праздные дураки руку и сердце предложить! Такъ и стереги се отъ нахальства этихъ ношляковъ!

— Значить, вы, кромѣ того, что профессоръ вашей ученицы, еще и дуэнья? смѣясь замѣтилъ я.

— Вы смѣтаете, потому что не знаете ея характера: она все еще воображаетъ себя деревенскою барыней. Если ей дать волю, то она готова съ шарманкой пойти по улицѣ и пѣть для какого-нибудь бѣднаго семейства. Эту черту въ ея характерѣ я подмѣтилъ въ самомъ началѣ и принялъ мѣры. Я устранилъ ее ото всего: никто не смѣетъ познать меня адресоваться къ пей ни съ чѣмъ!

Сивцовъ торопливо вышелъ изъ кафе, я послѣдовалъ за нимъ и, переходя площадь, сказалъ, что имѣю къ нему просьбу.

— Я у васъ въ долгу и съ радостью все сдѣлаю чтѣ могу, отвѣтилъ Сивцовъ.

Я попросилъ у него достать мнѣ билетъ въ оперу на вѣскольکو представлений.

— Да я вамъ дамъ свой, я вѣдь всегда бываю за кулисами, когда она поетъ.

Я поблагодарилъ и попросилъ его представить меня своей ученицѣ.

Сивцовъ задумался и, какъ-бы самъ про себя, произнесъ:

— Съ недѣлю пробудетъ въ Миланѣ.

— Когда-жъ вы меня представите?

— Завтра! Охъ, пѣть, она послѣ-завтра поетъ.

— А сегодня вечеромъ?

Сивцовъ опять подумалъ и потомъ уже произнесъ:

— Я ее послѣ обѣда вожу на прогулку, когда она не поетъ въ спектаклѣ. Ну, хорошо, и зайду за вами вечеромъ.

Я довель Сивцова до театра, пошелъ бродить по городу и думалъ о томъ, почему я оишь скрылъ отъ Сивцова, что случайно и даже лучше его знаю характеръ его ученицы.

Вечеромъ Сивцовъ зашелъ ко мнѣ, вручилъ свой билетъ, и мы вмѣстѣ отправились къ примадоннѣ. Дорогой Сивцовъ сказаль мнѣ:

— Я васъ буду просить не заводить разговоръ о Россіи при пей.

— Развѣ неприятно для нея воспоминаніе о Россіи?

— Къ несчастію, напротивъ, она слишкомъ волнуется, когда заговорять о ней. Представьте: скучаетъ по русской природѣ,—это въ Италіи-то!

Сивцовъ засмѣялся и продолжалъ:

— Еще невѣроятнѣе скажу вамъ вещь о ея странностяхъ; она не можетъ забыть Порошково, гдѣ ее съ дѣтства тиранили. Я всякій разъ знаю, когда ея горничная получить письмо отъ дѣдушки Антипыча и перескажетъ всѣ новости своей барыни. Недавно эта болтушка передала ей, что Порошково опять продается какому-то купцу подъ загородный трактиръ. Отъ этого извѣстія Катерина Михайловна пришла въ страшное волненіе. Хоть-бы скорѣй провалилось сквозь землю это Порошково! Вы, пожалуйста, и не упоминайте при пей, что жили въ немъ, а то она начнетъ вспоминать о каждомъ деревцѣ. Я бы прогналъ отъ нея эту балованную дѣвчонку, только одно удерживаетъ, что она не умѣетъ ни на какомъ языкѣ болтать и подкупить ее нельзя. Незнакомаго не впуститъ къ своей барыни!

Мы подошли къ дому, который былъ необитаемъ; подъѣздъ и окна были наглухо заперты, отъ дома тянулась каменная стѣна и въ ней была маленькая калитка. Мы вошли въ нее и очутились на заднемъ дворѣ,— между сараями и конюшнями стоялъ маленькій двухэтажный флигель.

— Не правда-ли, здѣсь точно за городомъ? Сюда не доходить ни шумъ экипажей, ни уличная суета, замѣтилъ Сивцовъ.— Домъ стоитъ пустой; онъ принадлежитъ какому-то богачу-англичанину; старикъ управляющій и его жена уступили свою квартиру для Катерины Михайловны, а сами на это время перенесли внизъ. Все тихо, смироно вокругъ.

Но мнѣ показался этотъ дворъ тюремнымъ. Мы вошли въ подъѣздъ, поднялись во второй этажъ. Сивцовъ позвонилъ у дверей. Небольшое отверстие въ родѣ маленькаго окошечка съ желѣзной ставней отворилось, и я могъ только разглядѣть сначала только кончикъ носа, потомъ два каріе живые глаза, съ удивленіемъ уставившіеся на меня.

— Да отвори, Дуниша! крикнулъ Сивцовъ.

Началось отпираніе дверей, какъ въ настоящей тюрьмѣ: отодвигалась задвижка, бряцала цѣпь, защелкалъ ключъ, наконецъ дверь распахнулась, и опять я встрѣтилъ удивленные глаза дѣвушки, которые такъ и впились въ меня. Сивцовъ поспѣшно прошелъ въ другую комнату, а я остался въ передней. Дуниша была чисто-русскимъ типомъ крестьянской дѣвушки: бѣлокурая, краснощекая, съ круглымъ лицомъ, толстоватымъ носомъ и пухлыми красными губами; плечи у нея были широкія, полныя, такъ и вѣяло отъ нея здоровьемъ.

— Вы давно изъ нашихъ мѣстъ? шепотомъ и торопливо сдѣлала мнѣ вопросъ Дуниша.

Но я не успѣлъ ей отвѣтить, потому что Сивцовъ появился на порогѣ, пригласивъ меня войти въ комнату.

Не скажу, чтобы хорошо было помѣщеніе примадонны: мебель была убогенькая и старомодная; одинъ только роль и былъ цѣною и красивою вещью въ этой комнатѣ. Окна упирались въ каменную стѣну.

— Посмотрите, какой прелестный садикъ, сколько въ немъ цвѣтовъ! сказаль Сивцовъ, маия меня рукой къ окну.

Ничего прелестнаго я не нашель,—какой-то ящикъ съ цвѣтами, окруженный со всѣхъ сторонъ высокой стѣной.

Изъ сосѣдней комнаты вышла сама хозяйка дома. Сивцовъ представилъ меня ей въ лестныхъ для меня выраженіяхъ. Катерина Михайловна молча подала мнѣ руку и сѣла у окна за какое-то шитье. Ея скромное темное платье, двѣ распушенные косы, скорѣе напоминали мнѣ барыню Горунекъ, чѣмъ вчерашнюю Валентину. Конечно, она возмужала; но глаза непрежнему сморгали открыто. Я замѣтилъ въ выраженіи ея лица какую-то сосредоточенную грусть. Сивцовъ расхаживалъ по комнатѣ, пощипывая свою бороду, и восхвалялъ квартиру.

— Хотите чаю? обратилась ко мнѣ съ вопросомъ Катерина Михайловна.

Я, конечно, не отказался. Она вышла изъ комнаты, а Сивцовъ проворчалъ:

— Не можетъ отстать отъ этой глупой привычки.

— Развѣ вреденъ чай для голоса? спросилъ я.

— Дикая вещь—это чаеніе. Ну, въ Россіи я еще допускаю—холодъ; но въ Италіи парить горло, подвергать его простудѣ...

Въ эту минуту возвратилась въ комнату Катерина Михайловна и, обратясь ко мнѣ, улыбаясь, сказала:

— Если я вечеромъ не вижу самовара на столѣ, то мнѣ чего-то недостаетъ.

— Какая прелесть! безобразная мѣдная посудаина шипитъ, бурлитъ, да еще наполняетъ комнату угаромъ, ироническимъ тономъ произнесъ Сивцовъ.

— Это когда я съ угаромъ подавала самоваръ? обидчиво воскликнула Дуниша, входя въ комнату со скатертью въ рукахъ. — Ужъ не знаете, къ чему придратъся!

— Ну, заболтала! только и отвѣтилъ Сивцовъ и заговорилъ со мной, куда я намѣренъ ѣхать изъ Милана.

Дуниша шумно приготовляла чаши, бросая на Сивцова сердитые взгляды, а когда принесла самоваръ и поставила его на столъ, то обратясь къ нему сказала:

— Ну, нюхайте, гдѣ угаръ?

Сивцовъ не обращаль вниманія на Дунишу, продолжалъ говорить со мной о Римѣ.

Катерина Михайловна укоризненно покачала головой въ сторону горничной, которая, не стѣняясь, громко ей отвѣчала:

— Да развѣ не обидно, барышня? увѣряю, что я подаю самоваръ съ угаром!

Когда я сидѣлъ за чайнымъ столомъ и Катерина Михайловна разливала чай, а Дуняша, по обыкновенію русской прислуги, позабыла подать ситечко, ножикъ для хлѣба, и вертѣлась около стола, то мнѣ показалось, что я въ Россіи. Меня удивляло, что Дуняша посматривала на меня лукаво. Катерина Михайловна начала разспрашивать меня о Россіи, Сивцовъ разразился бранью на свое отечество.

— Дикари могутъ жить въ Россіи, а развитому человѣку невозможно! Присядьте только въ оперѣ весь спектакль—и увидите, что это готентоты: шумятъ, точно на базарѣ; во время пѣній входятъ и выходятъ; своими криками и хлопаніями въ ладоши прерываютъ пѣвцовъ, а ужъ въ послѣднемъ актѣ доходятъ до высшей степени безобразія, — артисты еще не кончили пѣть, а въ театрѣ поднимается гвалтъ, всѣ, какъ сумасшедшіе, бѣгутъ вонъ, точно театръ въ огнѣ. А еще замѣтите — это публичка интеллигентная.

Сивцовъ, говоря это, первно щипалъ бороду, минуты не оставался безъ движенія: то сядетъ, то вскочитъ, то начнетъ ходить. Онъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Только что я допилъ свою чашку чаю, какъ онъ взялъ свою шляпу; пошевелѣ и я долженъ былъ послѣдовать его примѣру.

Катерина Михайловна на прощаніе сказала мнѣ:

— Когда захотите еще выпить чаю по-русски, заходите — въ это время всегда найдете самоваръ на столѣ.

Уходя, Сивцовъ прочелъ наставленіе Дунишѣ, чтобы она заперла хорошенько дверь за нами; она отвѣчала ему на это:

— Господи, какъ вамъ не надоѣсть каждый день твердить одно и то же! Я не полоумная, чтобъ оставить дверь настежь.

Дорогой Сивцовъ все еще продолжалъ бранить Россію, и я его спросилъ:

— Къ чему это вы браните Россію при Катеришѣ Михайловнѣ? Неужели вы думаете, что этимъ заставите ее разлюбить свое отечество?

— Меня бѣситъ въ ней этотъ kwasной патріотизмъ. Я знаю, ея мечта—пѣть въ Россіи! Пѣть! Пусть поютъ другіе этимъ киргизамъ, а не она!

Отношенія Сивцова къ своей ученицѣ показались мнѣ ужъ чересчуръ деспотичными.

Я видѣлся съ Сивцовымъ каждый день въ кафе, гдѣ онъ завтракалъ, и ждалъ, что онъ пригласитъ меня опять идти вмѣстѣ пить чай къ его ученицѣ. Но онъ и не думалъ, да еще дѣлалъ мнѣ намеки, что она теперь слишкомъ занята, готовится къ своему бенефису, для котораго ставилась „Норма“. Я бросилъ ходить въ кафе и, не обращая вниманія на капризы Сивцова, отправился одинъ пить чай къ Катеришѣ Михайловнѣ.

Дуняша, увидавъ меня въ окошечко, когда я позвонилъ, весело воскликнула:

— Сейчасъ, сейчасъ отворю!—И, распахнувъ дверь, произнесла: — пожалуйста-съ! Мнѣ приказано не впускать никого къ барышнѣ изъ иностранцевъ, а вы вѣдь русскій!

И она залилась смѣхомъ, что нашла въ приказаніяхъ Сивцова оплошность.

— Дома Катерина Михайловна? сдѣлалъ я обычный вопросъ.

— Когда же барышня бываетъ не дома? Черноморъ насъ держитъ какъ въ плѣну, и квартиру выбралъ — какъ есть тюрма!

— Скучаете?

— А еще бы нѣтъ! Вѣдь все чужое кругомъ. Ахъ, Господи, что-жъ это я вамъ не сказала мою радость: нашего-то Черномора докторъ въ постель уложилъ!

Это Дуняша произнесла такимъ радостнымъ голосомъ, что не было сомнѣнія, какъ она не долюбивала Сивцова; я это ей замѣтилъ.

— Кто же можетъ его теперь любить-то? Небось сами видите, что онъ не такой былъ, когда вы жили въ Порошковѣ.

— Какъ, вы развѣ узнали меня?

— Сейчасъ признала, смѣясь отвѣчала Дуняша. — Я васъ часто видѣла изъ сторожки дѣдушки... да пожалуйте въ комнату, растворяя дверь, прибавила она.

Я вошелъ, а Дуняша подошла къ двери въ комнату своей барышни и съ важностью произнесла:

— Барышня, къ вамъ гость прѣхалъ!

Уходя она проговорила:

— Сейчасъ подамъ самоваръ; право, безъ него лучше напьемся чаю.

Катерина Михайловна вышла ко мнѣ и тоже сообщила о бѣдѣ Сивцова, только съ сожалѣніемъ.

— Я сегодня навѣщу его, сказалъ я.

— Пожалуйста, онъ лежитъ одинъ; мнѣ запретилъ навѣщать его, съ грустью произнесла она.

Дуняша мягкомъ подала самоваръ. За чаемъ Катерина Михайловна заговорила о моемъ пребываніи въ Порошковѣ. Ясно, что Дуняша успѣла все сообщить ей.

— Можетъ быть это смѣшно, что я скучаю здѣсь по русской природѣ, сказала она, — правда наша природа и бѣдненькая, и сѣренькая въ сравненіи съ блестящею и роскошною

итальянскою природою, а все-таки иногда такъ хочется посмотреть на нее. А къ Порошкову я питаю такое же чувство, какъ мать къ большому ребенку, который измучилъ ее, а она все-таки страстно его любитъ.

Мнѣ еще не случалось встрѣчать женщины съ такимъ симпатичнымъ лицомъ и съ такой простотой въ словахъ, манерахъ и во взглядѣ. Какъ мнѣ ни было пріятно бесѣдовать съ ней, но я боялся оставаться долго и, кончивъ чай, ушелъ.

Дуняша вышла за мной на лѣстницу и сказала:

— Вы и завтра опять приходите къ намъ, благо намъ Черноморъ боленъ. Право, хоть бы подольше похворалъ, дагбы намъ передышку. Вѣрите-ли—просто силъ нѣтъ: все вредно барышнѣ; а небось не подумаетъ, что сморзеть только на его одного, такъ померешь со скуки. Учитъ, учитъ ее! Ну, да ужъ умничайте бы надъ ней, когда она учится у него, а то вездѣ своей носъ суетъ; если ей сдѣлаешь пирогъ, такой крикъ подыметъ, точно я барышню отравила.

Дуняша готова была болтать безъ конца, но я сбѣжалъ къ Сивцову. Я нашелъ его просто страшнымъ: лицо, бѣлки глазъ были желты, какъ шафранъ, а состояніе его духа было еще ужаснѣе. Онъ находился въ какомъ-то отчаяніи отъ того, что его ученица нѣсколько дней проведетъ безъ него.

— Какъ она завтра одна поѣдетъ на ренетицію? воскликнулъ онъ, — останется безъ прогулки? Эта безмозглая Дуняша станеть ее кормить своими пирогами!.. Такъ я и стану слушать доктора! Завтра же встану съ постели!

— Послушайтесь лучше совѣта доктора.

— Я и безъ докторовъ знаю свою бѣдѣзнь, не первый разъ у меня желчь разливается! Легко говорить о спокойствіи! Можно-ли мнѣ лежать въ постели, когда она одна? И какъ она послѣ спектакля поѣдетъ домой? съ какими-то ужасомъ говорилъ онъ.

— Чего вы такъ волнуетесь, точно она ребенокъ.

— Хуже-съ! Вы не знаете, до чего доходитъ нахальство нѣкоторыхъ ея обожателей. Тутъ есть одинъ американецъ, такъ этотъ дубина каждый разъ, какъ часовой, стоитъ у подъѣзда, когда она выходитъ послѣ спектакля, и подноситъ ей букетъ. Я вырываю букетъ изъ окна кареты на улицу, но это на него не дѣйствуетъ!

И Сивцовъ уже прядями вырывалъ волосы изъ своей бороды.

— Для вашего спокойствія я предлагаю сопровождать Катерину Михайловну всюду, пока вы лежите въ постели. Я строго выполняю всѣ ваши приказанія.

Мое предложеніе, видимо, озадачило Сивцова, онъ задумался и потомъ уже отвѣчалъ:

— Благодарю! я завтра встану съ постели!

Будущій Рауль удивилъ меня—ему было уже извѣстно, что дядя примадонны захворалъ, и когда я его спросилъ, какъ онъ это узналъ, то онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Я все знаю, что касается примадонны!.. Очень строгій у ней дядя! а американцу такъ хочется познакомиться съ ней.

— Развѣ сильно влюбленъ въ нее?

— Обѣдалъ всѣ фотографии въ Миланѣ и далъ бы тысячу франковъ, еслибы могъ купить карточку примадонны. Можете себѣ представить, — до сихъ поръ не снималась ни у одного миланскаго фотографа! Одинъ изъ нихъ попробовалъ предложить дядѣ примадонны спать съ нею карточку, такъ тотъ до такой степени разсердился на фотографа, что выгналъ его вонъ изъ дому.

На другое утро будущій Рауль разбудилъ меня, принесъ мнѣ записку отъ Сивцова со словами:

— А дядя примадонны хуже.

И точно — Сивцовъ просилъ меня немедленно зайти къ себѣ, потому что онъ чувствуетъ себя нехорошо.

— Я прескверно провелъ ночь, встрѣтилъ меня Сивцовъ и съ какимъ-то усиленіемъ добавилъ:— я принимаю ваше предложеніе. Ей одной положительно нельзя выѣзжать изъ дому, а между тѣмъ ей надо и на ренетицію, да и нельзя ей сидѣть безъ воздуха.

И Сивцовъ далъ мнѣ инструкцію, какъ нужно нанимать коляску:

— Вы не берите одну и ту же коляску, а дѣлайте, какъ я: первую, какая попадется, беру на часы—и дѣло съ концомъ. Если увидите за столомъ у Катерины Михайловны пирогъ или щи, то выпивайте все это за окно.

Сивцовъ дрожавшими руками написалъ двѣ записки: одну своей ученицѣ, а другую къ импресарию, въ которой выдавалъ меня ему, какъ и себя, за родственника примадонны, находя это необходимымъ, чтобы за кулисами всѣ знали, что она не одинокая. Сивцовъ требовалъ, чтобы я каждый вечеръ являлся къ нему съ рапортомъ. Я былъ въ восторгѣ отъ своей роли и явился къ Катеринѣ Михайловнѣ, чтобы везти ее на ренетицію. Прочитавъ письмо своего учителя, она пожала плечами и сказала:

— Къ чему это онъ васъ безокоитъ и самъ себя тревожитъ такими пустяками!

— Если вы не желаете, я удалюсь, замѣтилъ я ей.

— О, нѣтъ! если это можетъ его успокоить, такъ надо все сдѣлать.

Туземцы острова Мадейры. Съ фотогр. грав. Пуцъ и Бергъ

Туземка острова Мадейры. Съ фотогр. грав. Пуцъ и Бергъ.

— Съ чего же начнутся мои обязанности? Приказывайте!

Катерина Михайловна улыбнулась и отвѣчала:

— Я думаю, вамъ даны подробныя инструкціи. Это и должна повиноваться вашимъ приказаніямъ.

И она пошла надѣвать шляпу.

Дуняша сіяла отъ восторга и объявила мнѣ, что къ обѣду сдѣлаетъ русскіе пирожки.

— Запрещено! смѣясь сказала я ей.

— Такъ я васъ и послушаю! Довольно съ насъ и одного Черномора, заливаясь смѣхомъ говорила Дуняша.

Для меня была новостью закусная жизнь. Катерина Михайловна не держала себя примадонной: она привѣтливо раскланивалась съ каждой хористкой. Послѣ ренетіи мы сѣли обѣдать, — и какъ весело прошелъ нашъ обѣдъ! Конечно, Дуняша поставила на своемъ: накормила насъ отличными русскими пирожками. Потомъ я повезъ Катерину Михайловну на прогулку, захвативъ и Дуняшу. Когда я вечеромъ пришелъ къ Сивцову съ рапортомъ, то получилъ похвалу, что брать Дуняшу на прогулку. Я посоветовалъ Сивцову возить его ученицу на прогулку за городъ, гдѣ бы она могла спокойно походить нѣшкомъ; и это было одобрено Сивцовымъ. Но у меня уже былъ готовъ планъ прогулки для другаго дѣла — это ѣхать на ферму въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, которую я хорошо зналъ, когда былъ въ первый разъ въ Миланѣ, и наше небольшое общество русскихъ часто устраивало пикники на этой фермѣ.

Катерина Михайловна сначала не соглашалась брать съ собой самоваръ, чтобъ пить чай на фермѣ, но уступила, когда увидѣла, въ какомъ огорченіи была Дуняша, которая восхищалась моимъ планомъ. Да и я стыдилъ Катерину Михайловну, что она не хочетъ доставить Дуняшѣ невиннаго удовольствія.

Ферма очень понравилась Катеринѣ Михайловнѣ. Она стояла одинокая, кругомъ было много простору — поля, луга, что-то напоминавшее русскую деревню. Мы расположились пить чай подъ громаднымъ тѣнистымъ дубомъ, стоявшимъ недалеко отъ фермы; хозяйка очень радушно хлопотала услужить намъ. Катерина Михайловна сказала мнѣ, что хозяйка фермы возбуждала въ ней желаніе посмотреть на русскихъ крестьянъ, которыхъ она давно не видала.

— Можетъ быть, на будущей годъ и увидите русскихъ мужичковъ! Послѣ вашего успѣха въ Миланѣ вы смѣло можете рассчитывать, что въ Петербургѣ съ радостью примутъ васъ на оперную сцену.

— Павелъ Петровичъ ни за что не согласится на это.

— Да что это вы такъ подчиняетесь ему?

— Я ему слишкомъ обязана, а вы сами видите, какой онъ сталъ болѣзненный: раздражается отъ пустяковъ; а въ такомъ дѣлѣ идти противъ него будетъ жестоко. Я рѣшилась рассчитать съ нимъ тѣмъ же жертвами, какія онъ принесъ для меня; о возвращеніи ему затраченныхъ на меня денегъ онъ и слышать не хочетъ. Сколько лѣтъ онъ посвящалъ, чтобъ сдѣлать изъ меня пѣвицу, столько же лѣтъ я буду исполнять всѣ его требованія!

Катерина Михайловна говорила это съ такой твердостью, что я ей не рѣшался ничего возразить.

Мы всѣ вполнѣ насладились загородною прогулкою.

Я явился къ Сивцову съ дневнымъ рапортомъ, конечно, скрывъ отъ него о самоварѣ. На другой день Катерина Михайловна явилась въ спектакль, и Сивцовъ никакъ не могъ переварить мысли, что онъ не будетъ присутствовать за кулисами, и опять заговорилъ о праздношатающихся богачахъ. Я желалъ его успокоить и сказалъ, что навѣрно Катерина Михайловна никогда не соблазнится ни титуломъ, ни богатствомъ, а если и выйдетъ замужъ...

Сивцовъ даже не далъ мнѣ окончить моей фразы и гнѣвно воскликнулъ:

— Да ни за кого она не выйдетъ замужъ! Разъ она сдѣлалась пѣвицей, то должна выбросить изъ своей головы замужество. Пусть влюбляются, выходятъ замужъ, выкармливаютъ дѣтей другія женщины, а не она! Такой голосъ родится въ нами, а потому это святотатство даже думать ей о замужествѣ. Одни профаны могутъ думать, что пѣвицѣ можно совмѣстить замужество съ ея артистическимъ поприщемъ, — это немисливо! Истинная артистка-пѣвица должна всецѣло посвятить себя одному искусству!

Я замолчалъ, чтобъ не раздражать больнаго, который при одной мысли о замужествѣ своей ученицы уже пришелъ въ страшное негодованіе. При моемъ уходѣ Сивцовъ надавалъ мнѣ

кучу инструкцій на завтрашній день, — чтобы ни одной минуты ученица его не оставалась за кулисами безъ большаго платка, чтобы при отъѣздѣ изъ театра окна кареты были подняты, а за ужиномъ заставить ее непремѣнно выпить чашку крѣпкаго бульона, — да не упомянуть всѣхъ его поставленій въ этомъ родѣ.

Передъ самымъ отъѣздомъ въ театръ, всѣхъ насъ, какъ громомъ, поразило появленіе Сивцова. Дуняша безцеремонно ему брякнула:

— Къ чему это вы пришли, только напугаете всѣхъ, вѣдь вы какъ есть страшный мертвецъ!

Она была очень огорчена и сказала мнѣ:

— Господи, какъ молилась, чтобы онъ подольше прохворалъ!

Вѣроятно, ея молитвы были услышаны, потому что Сивцовъ опять слегъ въ постель и прохворалъ около двухъ недѣль, а я чуть не цѣлые дни проводилъ съ Катериной Михайловной, и мы очень сблизились. Я еще ни съ кѣмъ не былъ такъ откровененъ: высказалъ ей, самъ не знаю, какъ, все свое прошлое и настоящее, а также покался въ томъ, что прочелъ ея дневникъ, случайно попавшійся мнѣ въ руки. Я комически описалъ ей, какъ Филипповна приняла ее за привидѣніе и кропила святою водою домъ, а также рассказалъ свою ночную засаду въ саду.

Катерина Михайловна очень смѣялась и сказала:

— Антипичъ виновать, — принесъ мнѣ ключи и увѣрялъ, что пріѣхавшіе оба такъ крѣпко спать, что хоть изъ пушки пали, такъ не услышатъ; а я и не сообразила, что если прежде до меня не доходили звуки, когда играли внизу, такъ это потому, что домъ былъ полонъ народа и была вѣчная суета въ немъ, а тутъ — мертвая ночная тишина. Я старалась играть по возможности тише. Я приписала своей оплошности, что лодка очутилась на срединѣ рѣки, а что я выкупалась, такъ это мнѣ было нипочемъ; мнѣ съ дѣтства было запрещено купаться, а я очень любила плавать; я тихонько всегда купалась по вечерамъ, когда темно, и всѣ слѣдуть за чай. Отсутствіе собакъ въ саду испугало меня, я поэтому не вошла въ домъ, — и какъ хорошо сдѣлала, а то вы-бы меня такъ же перепугали, какъ я напугала бѣдную старушку.

Когда выздоровѣлъ Сивцовъ, ему, видимо, не понравилось, что я коротко сошелся съ его ученицей. Онъ каждый разъ при встрѣчѣ со мной спрашивалъ меня, когда я уѣзжаю изъ Милана. А мой отвѣтъ ему всегда былъ одинъ и тотъ-же:

— Да еще не знаю!

Сивцовъ сдѣлался придирчивъ ко мнѣ и всегда противорѣчилъ, о чемъ-бы я ни заговорилъ съ его ученицей.

Я рѣшилъ, что Сивцовъ превратился въ маньяка, а Катерина Михайловна такъ просто пришла въ отчаяніе. И мы старались избѣгать всякихъ новодовъ къ подобнымъ разговорамъ при Сивцовѣ.

Какъ-то разъ я пришелъ пить чай, а Сивцова не было; я спросилъ Катерину Михайловну, вполнѣ-ли ее удовлетворяетъ жизнь сценической артистки. Я потому сдѣлалъ ей этотъ вопросъ, что я никогда не видалъ на ея лицѣ выраженія, какое бываетъ у счастливыхъ людей; она никогда не говорила о сценѣ.

— Какая я артистка, я никакуда не поеду! Съ дѣтства я привыкла къ одиночеству; теперь постоянно чувствую, точно я запродала себя. Я положительно мученица, когда выхожу на сцену. Я часто теперь вспоминаю, какъ легко мнѣ пѣлось, когда, бывало, сижу на берегу рѣки: такъ тихо вокругъ! только и движется у моихъ ногъ вода... Или пойдешь собирать васильки — точно очутишься въ золотомъ морѣ: колосья слегка волнуются, влажный запахъ земли освѣжаетъ тебя, дышется легче. Ничего не видишь, кромѣ неба, а надъ головой жаворонки поютъ. Самой такъ захочется пѣть! И поешь съ наслажденіемъ.

— А сценическая слава?

— Богъ съ ней! Я не для славы рѣшилась поступить на сцену.

— А для чего?

— Для денегъ... Я вижу, вы поражены моимъ корыстолюбіемъ?

Это признаніе такъ поразило меня, что я не могъ очнуться. Она тяжело вздохнула и печальнымъ тономъ прибавила:

— Чтѣ дѣлать! Такъ сложились обстоятельства въ моей жизни, что я стала думать о деньгахъ! Мнѣ совѣстно бываетъ смотрѣть на своего учителя, который положилъ на меня столько труда и знанія!

Приходъ Сивцова помѣшалъ нашему разговору. Онъ, кажется, замѣтилъ мое состояніе духа и бросилъ на меня подозрительный взглядъ.

(Продолженіе будетъ).

О предотвращеніи и лѣченіи тучности гимнастикой и діетой.

Умѣренное отложеніе жира въ подкожной кѣтчаткѣ съ окончаніемъ роста въ вышину, т. е. по достиженіи возраста возмужалости, составляетъ явленіе физиологическое, почти нормальное, такъ какъ жиръ округляетъ формы тѣла, защищаетъ оное отъ непріятнаго дѣйствія вѣшняго холода, и служитъ какъ-бы запаснымъ магазиномъ, изъ коего при голоданіи или болѣзни организмъ заимствуетъ матеріалы для дыханія и плото-

творенія. Это всего явственнѣе обнаруживается у зимоспящихъ животныхъ, напр. медвѣдя, сурка, которые на зиму залегаютъ въ нору свою тучными, а къ веснѣ просыпаются крайне исхудалыми, и у человѣка при лихорадочныхъ болѣзняхъ, сопряженныхъ съ повышеніемъ температуры и потерю аппетита, вслѣдствіе усиленнаго процесса сгоранія тканей тѣла.

Такъ какъ избыточное отложеніе жира, при неправильномъ

органическомъ объѣмѣ и питаніи тканей, мало безноконтъ одержимыхъ имъ, вызывая лишь нѣкоторую неразвязность при необычныхъ движеніяхъ и одышливость, то они мало обращаютъ на это вниманія и — чувствуя себя здоровыми — привыкаютъ къ нимъ. Съ увеличеніемъ же тучности присоединяется усиленное — при движеніяхъ — біеніе сердца, разстройство въ отравленіяхъ кишечнаго канала, сонливость, слабосиліе, неохота къ движеніямъ; а когда болѣзнь достигнетъ высокой степени, проявится отекъ ногъ, то пациенты посылаютъ къ минеральнымъ источникамъ: Карлсбада, Мариенбада, Виии, Эссентуковъ и предписываютъ усиленный моционъ, чѣмъ на время достигается значительная — на 10 даже 30 фунтовъ — убыль въ вѣсѣ тѣла и въ объемѣ живота.

Такое облегченіе, къ сожалѣнію, кратковременно, если пациентъ возвращается къ обычному, бездѣятельному образу жизни, къ употребленію сладкой, жирной, мучнистой пищи, спиртныхъ напитковъ и пива, сильно способствующихъ отложенію жира, и тучность, съ послѣдствіями ея, возрастаетъ вновь.

Очень немногіе обладаютъ средствами, чтобы изъ года въ годъ проводить по нѣсколькимъ мѣсяцамъ на дорогихъ лечебныхъ водахъ, морскихъ купаньяхъ и горныхъ курортахъ, между тѣмъ какъ есть возможность и дома, исподволь, не отвлекаясь отъ обычныхъ занятій и не слишкомъ круто измѣняя образъ жизни, если не совсемъ излѣчить, то предотвратить дальнѣйшее возрастаніе этого опаснаго для жизни недомоганія, которое почти всегда сопрягается и обуславливаетъ другія болѣзненные состоянія, въ родѣ геморроя, катарровъ, ревматизма и т. п.

Можно конечно убавить отложеніе жира и обратное его всасываніе строгою діетою, голоданіемъ, жаждою, сильными слабительными и потогонными. Взвѣшивая тѣло до и послѣ 20—45 минутнаго пребыванія въ паровомъ ящикѣ или комнатѣ съ нагрѣтымъ, до +40—50° воздухъ, мы найдемъ убыль въ вѣсѣ на 2—5 фунтовъ, которая послѣ сытнаго обѣда нисходитъ до нѣсколькихъ лотовъ; однако при ежедневномъ повтореніи потребности, если оно не противупоказано органическими пороками сердца, болью и приливомъ крови къ головѣ, дурнотою и т. п., исхуданіе возрастаетъ и усиливается органической объѣмъ.

Сильные же слабительные, иодовые и ртутные препараты разстраиваютъ пищевареніе и, также какъ голоданіе и жажда, ведутъ къ малокровію и ослабляютъ дѣятельность сердца, тогда какъ оно должно работать энергичнѣе при увеличеніи, противъ нормы, вѣсѣ и объемѣ тѣла, чтобы доставить кровь во всѣ части тѣла.

Способы обезжирѣнія Бантинга, модифицированный Эбштейномъ, методы Эртеля и Кнуса не всегда достигаютъ своей цѣли, если у пациента недостаетъ силы воли, чтобы содѣйствовать въ этомъ врачу строгимъ исполненіемъ его предписаній. Наиболѣе изъ нихъ пригоднымъ долженъ быть признаваемъ тотъ, съ помощію коего надолго удастся уменьшить отложеніе жира въ тѣлѣ, не только безъ ослабленія мышечной силы, но еще съ повышеніемъ оной. А это послѣднее легко прослѣдить динамометрическими измѣреніями силы известной группы мускуловъ, напр. правой руки. Вообще замѣчено, что съ убылью жира возрастаетъ мышечная сила, а убываетъ объемъ тѣла, особенно живота.

Къ сожалѣнію, не только въ публикѣ, но и между врачами не установилось еще правильнаго возрѣнія на лѣченіе тучности: ожирѣвшій пациентъ, приступивъ къ леченію, въ возможно кратчайшее время старается избавиться отъ возможно большаго количества удручающаго его жира; между лѣчащимися перѣдко устанавливается соревнованіе въ томъ, чтобы утратить его побольше, посредствомъ усиленнаго моціона и потѣнія. Врачъ долженъ настойчиво противудѣйствовать такому увлеченію и не допускать — изъ эгоистическихъ цѣлей — чтобы оцѣнка его медицинской дѣятельности измѣрилась числомъ фунтовъ, на которое убудетъ въ вѣсѣ его пациентъ.

У одержимыхъ общимъ ожирѣніемъ (Lipomatosis universalis) жиръ въ видѣ капелекъ отлагается въ клетчатку, не только вокругъ брюшныхъ внутренностей, сосудовъ и сердца, которое иногда покрывается имъ какъ подушкою, но и въ самыя стѣнки его и между сократительными волокнами сосудовъ. При слишкомъ быстромъ обратномъ всасываніи жира, стѣнки ихъ утончаются и легко разрываются при случайномъ напорѣ крови, происходитъ изліаніе ея или протѣваніе сыворотки крови, т. е. отекъ или апоплектической ударъ.

Самымъ снодручнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для предотвращения и излѣченія тучности представляются усиленные, до легкой усталости движенія тѣла, въ коемъ по возможности равномѣрно участвовали бы всѣ, обыкновенно бездѣйствующія мышечныя группы, напр. поворачивающія туловище вокругъ оси, сгибающія и выпрямляющія оное. При равномѣрномъ, систематическомъ упражненіи ихъ во время пиленія дровъ, колотья ихъ, вскапыванія земли, гребли, при фехтованіи, ѣздѣ верхомъ и на велосипедѣ, восхожденіи по лѣстницѣ а еще лучше на горы, мускулы подлѣютъ отъ разрастанія мышечныхъ волоконъ, и — не смотря на убыль жира и объема живота, — возрастаетъ тѣлесная сила и даже вѣсѣ.

При обыкновенной же прогулкѣ по паркету или тротуару мы устаемъ менѣе чѣмъ при неподвижномъ стоаніи на одномъ

мѣстѣ, а дыханіе и пульсъ почти не учащаются, а это-то и необходимо для усиленнаго сгоранія жира. Проф. Швенигеръ заставляетъ тучныхъ и лѣнливыхъ пациентовъ лежать по нѣсколькимъ часамъ на животѣ, чтобы вызвать усиленную работу сердца, такъ какъ кровообращеніе при этомъ встрѣчаетъ механическое затрудненіе, для преодоленія коего сердце по необходимости должно повысить дѣятельность свою, коею сжигается отложенный въ ткань его жиръ.

Заниматься комнатною гимнастикою одному крайне скучно, и у немногихъ хватить настойчивости, чтобы продѣлывать ее регулярно и съ должною послѣдовательностью. Хорошій же гимназіархъ (учитель гимнастики), переходя къ новымъ движеніямъ, какъ скоро замѣтитъ утомленіе упражняемой мышечной группы, сдѣлаетъ такъ разнообразно ихъ, что усталости почти не замѣчается, особенно если гимнастика производится одновременно нѣсколькими лицами.

Петербургскіе вѣшцы, члены общества Пальма, давно уже завели у себя гимнастическія упражненія въ обширныхъ залахъ собственнаго своего, по Максимилиановскому переулку, дома. Проведя цѣлый день за письменнымъ столомъ, они, по вторникамъ и пятницамъ, съ 9^{1/2} до 10^{1/2} часовъ вечера, разминаютъ сочлененія легкими движеніями, вольными, или съ болѣе или менѣе тяжелыми, по силамъ каждого, палками (кіями) и гириями, производя таковыя поды руководствомъ избираемаго ими учителя, до легкой усталости и испарины.

Такия упражненія всѣхъ по очереди мышечныхъ групп дѣйствуютъ очень благотворно даже на стариковъ, развивая у нихъ мышечную силу, коей позавидуетъ иной акробатъ, и противодѣйствуютъ ожирѣнію, къ коему предрасполагаетъ и употребленіе пива, любимаго ихъ напитка.

Юные сочлены Пальмы и сыновья стариковъ продѣлываютъ болѣе активныя упражненія (Turnen), каковы напр. прыганіе, лазаніе на шести, по средямъ и пятницамъ, съ 7 до 8 часовъ вечера, а дочери по вторникамъ съ 7 до 8 часовъ и по субботамъ съ 5 до 6 ч. вечера.

Записавшись у эконома Пальмы въ число кандидатовъ оной, желающіе участвовать въ гимнастическихъ упражненіяхъ, кромѣ одновременнаго 2 рублеваго взноса, платятъ какъ члены общества по 1 р. ежемѣсячно и по 35 коп. руководителю гимнастическихъ упражненій, а желающіе упражняться еще и въ танцахъ взносятъ ничтожную доплату балетмейстеру; кромѣ того, имѣется кегельбанъ и билліарды для упражненія отдѣльныхъ мышечныхъ группъ.

Далѣе, есть С.-Пбургское гимнастическое общество, въ зданіи Адмиралтейства, активная гимнастика для взрослыхъ (съ 18 лѣтъ) 2 раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, съ 9 час. вечера; плата 3 рубля за 3 мѣсяца съ посѣтителя.

И другимъ клубамъ, располагающимъ обширными и хорошо оборудуемыми залами, не дурно бы послѣдовать этимъ примѣрамъ и доставить сочленамъ своимъ и семействамъ ихъ возможность заняться гимнастикою, столь необходимою для сохраненія здоровья и развитія силъ подросткающаго поколѣнія, хлѣбющаго за книгами безъ тѣлесныхъ упражненій.

При сильномъ же развитіи ожирѣнія, всегда сопряженномъ съ ослабленіемъ силъ, приливами крови къ внутренностямъ, отекомъ ногъ, сердцебіеніемъ и другими болѣзненными ощущеніями, даже легкія упражненія очень утомляютъ такихъ страдальцевъ и имъ приходится ограничиться на первое время массажемъ и пассивными упражненіями, т. е. производимымъ безъ содѣйствія пациента, однимъ массажистомъ известное число разъ.

Вослѣдствіи, когда силы окупннутъ, слѣдуетъ переходить постепенно къ упражненіямъ смѣшаннымъ, активно-пассивнымъ, при коихъ пациентъ либо массажистъ оказываютъ, исподволь возвышаемое, сопротивленіе производимымъ другимъ упражненіямъ, напр. сгибанію или выпрямленію всѣхъ по очереди членовъ, поворачиванію ихъ около оси и т. п.

Выше приведенныя средства, а именно потѣпіе, массажъ и гимнастика принесутъ далеко не всю возможную пользу, если пациентъ не замѣнитъ кореннымъ образомъ сидячій образъ жизни болѣе дѣятельнымъ, активнымъ, а особенно діету свою.

Главная задача для излѣченія тучности должна заключаться въ томъ, чтобы удалить изъ тѣла возможно болѣе воднистыхъ частей, при чемъ — какъ доказано физиологическими опытами Эртеля и Фейта и тренированіемъ жокеевъ передъ скачками — происходитъ распадненіе жира въ тѣлѣ и обратное его всасываніе.

Для достиженія этой цѣли врачи воспрепятствуютъ принимать одновременно жидкія и плотныя пищевыя вещества, а допускаютъ утомленіе жажды напитками только за часъ до ѣды и черезъ часъ послѣ нея. Хотя количество жидкостей въ видѣ суповъ и напитковъ не можетъ быть ограничиваемо одною для всѣхъ мѣрою, а соображается съ тѣлосложніемъ и привычками пациента, но оно не должно переходить за 1 кружку въ сутки.

Пациентъ не обязывается и голодать, а долженъ постепенно уменьшать порціи, преимущественно мясной пищи, и сдѣлать лишь такое ея количество, чтобы вставать изъ-за стола немного виголодь, такъ какъ цѣль лѣченія вовсе не заключается въ уменьшеніи числа кровяныхъ шариковъ и въ разжи-

женіи крови (гидрэмін), а напротивъ требуется поднять и улучшить плотвореніе или питаніе тѣла. По мѣтнію парижскаго проф. Зее, для этого достаточно отъ 120 до 130 граммовъ азотистыхъ началъ, извлекаемыхъ изъ 250 до 300 граммовъ мяса или бѣлковъ, отъ 100 до 120 граммовъ жира и 250 граммовъ углеводовъ, добываемыхъ изъ 3 до 4 сотъ граммовъ мучныхъ и сахаристыхъ веществъ хлѣба, каши и т. п.; такъ чтобы все количество воспринимаемой въ сутки твердой пищи колебалось между 650 и 820 граммами или 1½ и 2 фунтами. Если бы пациента лишили вовсе (какъ это дѣлалось прежде) мучныхъ и жирныхъ пищевыхъ веществъ, то замѣняющія ихъ бѣлковыя части мяса или яичъ, раздвоиваясь пойдутъ на образование и отложеніе жира, особенно если пациентъ мало имѣетъ моціона и — вслѣдствіе флегматическаго темперамента и наслѣдственности — предрасположенъ къ ожирѣнію.

При трудномъ пищевареніи и желудочныхъ расстройствахъ для питья служить цѣльное, т. е. не разведенною водою виноградное вино или грогъ, т. е. рюмка водки на стаканъ воды, даваемые черезъ часъ или два послѣ ѣды, состоящей изъ 2 блюдъ; пить можно 4—5 разъ въ сутки, т. е. черезъ каждые 2—3 часа.

Вообще количество воспринимаемой пищи должно быть соразмѣрно съ силами желудочно-кишечнаго канала: если ощущается тяжесть, боль подъ ложечкою, вздуваніе живота послѣ ѣды, то очень полезенъ пепсинъ по 5—10 грампъ.

Чтобы медленно переваривающаяся въ кишечникѣ (по недостаточности или водянистости желудочнаго сока) пища, заставившись тамъ, не переходила въ броженіе, а газы при этомъ образующіеся не растягивали ослабшія и безъ того стѣнки желудка, необходимо утромъ натощакъ или къ ночи выпивать по ½ или ¼ стакана горькой, слабительной воды: Венгерской Гуніади, или по 1 рюмкѣ насыщеннаго въ кипяткѣ раствора Маріенбадской соли, стаканъ чаю изъ столовой ложки коры крушины, или же чайную съ верхомъ ложку шипучаго порошка проф. Боткина. Чтобы заглушить горечь содержащихъ сѣрнокислую соду и магнезію слабительныхъ минеральныхъ водъ и порошковъ, ихъ смѣшиваютъ съ шипучими: Зельцерскою или Содовою, которыхъ углекислый газъ маскируетъ эту горечь.

Проф. Швенигеръ, лейбъ-медикъ кн. Бисмарка, воспрещаетъ при ожирѣніи употребленіе всякихъ бульоновъ и похлебокъ, кофе, чаю, ликеровъ, сладостей, картофеля, масла и жировъ, коренной рыбы, гусей, колбасы и — только въ видѣ исключенія — разрѣшаетъ ломтикъ хлѣба съ масломъ или сухаръ къ

обѣду; каши и мучныхъ яствъ избѣгать по возможности.

Обыкновенное меню Швенигерова режима слѣдующее: по утру жареное мясо (бифштексъ, котлета) или пара яичъ съ ломтемъ холодной, не жирной ветчины, а черезъ часъ стаканъ чистой или углекислой воды, пополамъ съ краснымъ виномъ. Къ полудню порція жаркаго, телятины, дичи, а для второго блюда рыба или зелень; черезъ часъ, въ замѣвъ питья, мало подслащенный компотъ изъ фруктовъ. Между 4—5 часами опять мясная порція, а къ ужину тѣ же какъ и къ завтраку кушанья, а передъ сномъ пара грушъ, яблоковъ, апельсинъ или нѣсколько черносливинъ. Дозволяется и мороженое, но только за часъ до принятія пищи или спустя послѣ него.

Когда ожирѣніе не сопровождается органическими расстройствами, которыя можетъ опредѣлить только врачъ, и голодъ черезчуръ мучитъ пациента, то ему можно дозволить даже двойную противъ приведенной выше норму, т. е. до 1000 и болѣе граммовъ твердой пищи, и по 1 стакану вина къ завтраку и обѣду.

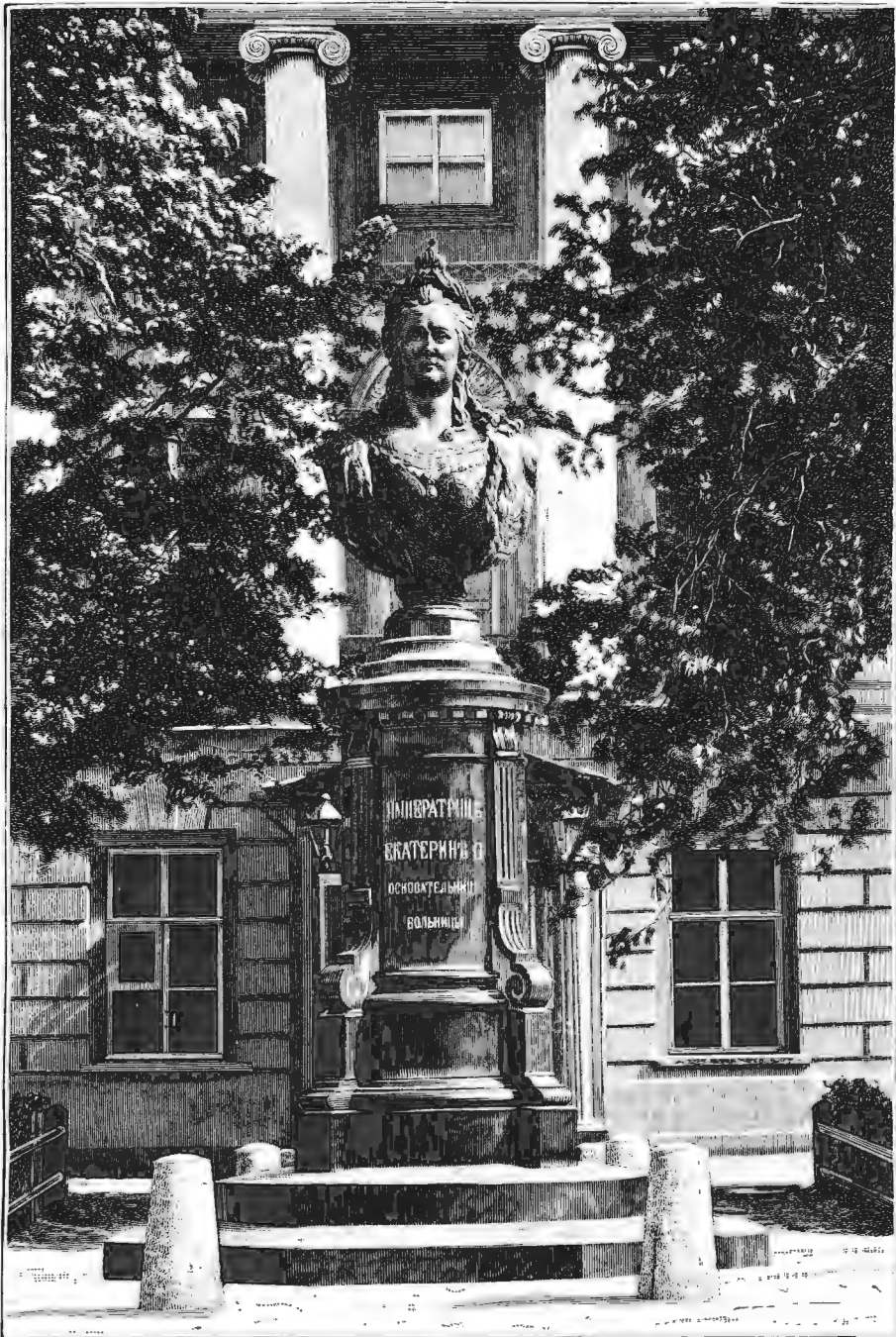
Вялымъ, сонливымъ флегматичнымъ и малокровнымъ людямъ пригоднѣе укрѣпляющая, возбуждающая дѣятельность желудка діета, именно: красное мясо; а сангвиникамъ, одержимымъ приливами крови, заноромъ — менѣе раздражающая, а именно: бѣлое мясо молодыхъ животныхъ, мелкой птицы, нежирная рыба, зелень въ родѣ шпината, цвѣтной и кочанной капусты, ягоды и фрукты, всего лучше въ видѣ мало подслащеннаго компота, лѣченіе виноградомъ или земляникою, а въ питье виноградное бѣлое вино или слабый грогъ съ коньякомъ, либо водкою, при упадкѣ дѣятельности сердца.

При расположеніи къ ломотѣ, каменной болѣзни и расстройствахъ печени молоко переносится плохо, но при исправномъ состояніи желудка лѣченіе молокомъ, простоквашею даже полезно.

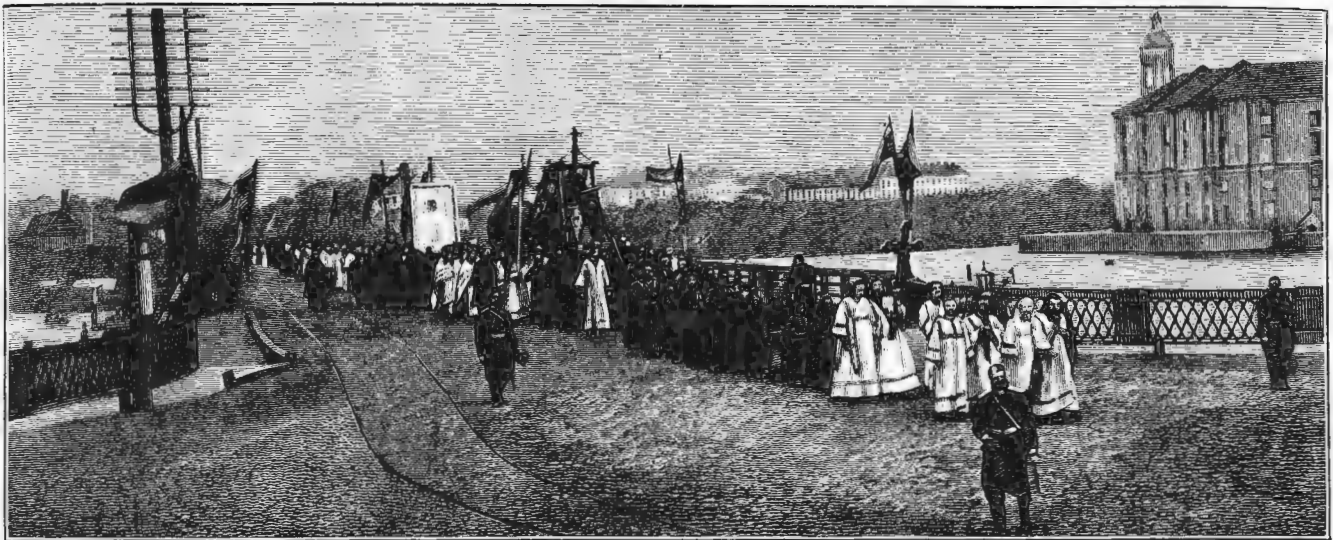
Тучные люди обыкновенно пьютъ очень много и жажда для нихъ еще мучительнѣе голоданія, въ первое особенно время; ее слѣдуетъ утолять небольшими порціями углекислыхъ водъ, напр. Виши, Эссентускою, Маріенбадскою, Карсбадскою; черезъ недѣлю или 2 болѣной менѣе уже страдаетъ отъ жажды.

Полное же, по методу Шрота и Бантинга, воздержаніе отъ питья, хотя и ведетъ къ быстрому высасыванію жира, но охлѣбъ легко замѣщается водянистыми выпотами, кожа становится вялою и обвисаетъ, тогда какъ при болѣе рациональномъ пользованіи жиръ уходитъ по мѣрѣ того, какъ сократительныя волокна кожи крѣпнютъ отъ повышенія тона ихъ, чему замѣтно содѣйствуетъ электро-массажъ.

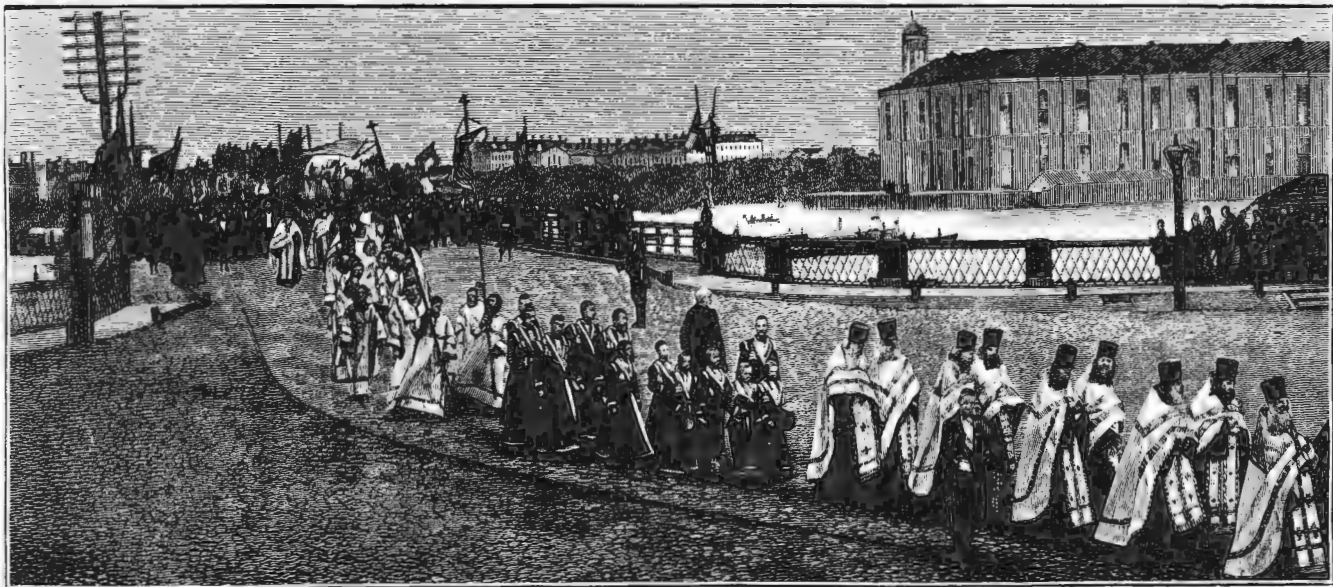
Д-ръ Ненсбергъ.

Бюстъ императрицы Екаторины II предъ зданіемъ Обуховской больницы въ СПбургѣ, открытый 29 мая 1888 г. Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

Чествованіе въ СПБ. 900 -й годовщины крещенія Руси. Начало процессіи на Тучковомъ мосту. Съ фотогр. Савельева, грав. Ю. Шюблеръ.

Чествованіе съ СПБ. 900-й годовщины крещенія Руси. Середина процессіи на Тучковомъ мосту. Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

Чествованіе въ СПБ. 900-й годовщины крещенія Руси. Шествіе процессіи отъ іордани Александровскаго сада къ Александровской колоннѣ. Съ фотогр. Сытенскаго, грав. Ю. Шюблеръ.

Библиотека "Российской"

Къ рисункамъ.

Въ камышахъ. (Рис. на стр. 764).

На далекое пространство тянутся солончаковыя степи по берегу Каспійскаго моря. Весною, обыкновенно по берегамъ его или въ неглубокой водѣ озеръ и разлившихся рѣчекъ заростають онѣ высокими камышами. Какъ зеленое море, волнуются камыши на необозримомъ просторѣ, скрывая въ своей чащѣ звѣрей и птицъ, отыскивающихъ тамъ себѣ пріютъ и пропитаніе. Выше всадника подымается камышъ своими тонкими стеблями, узланнными плоскими, длинными листьями и увѣнчанными цвѣтущею метелкой, заслоняя передъ нимъ дорогу и скрывая его самого отъ непрощенныхъ взоровъ, во время преслѣдованія или бѣгства.

Касса ссудъ. (Рис. на стр. 765).

Рисунокъ г. Жебровскаго касается предмета слишкомъ извѣстнаго жителямъ большихъ городовъ, и въ поясненіяхъ его нѣтъ надобности. Достаточно указать правдивость, съ которою схвачены обычные типы посѣтителей ссудной кассы, загоняемые въ подобные вертены гнетущею нуждой или чаще добровольною распушенностью.

За бѣлками. (Рис. на стр. 769).

Всѣмъ извѣстна бѣлка или векша, хорошенькій и проворный красно-желтый звѣрокъ, ловко перебирающійся лѣтомъ по зеленѣющимъ вѣткамъ деревьевъ, отыскивая себѣ пищу, или зимою, въ своей сѣренькой шубкѣ, скрывающійся въ дуплѣ, гдѣ у него припасены запасы съѣдобнаго. Бѣлка живетъ во всѣхъ странахъ земнаго шара, за исключеніемъ Австраліи, и ее можно встрѣтить на далекомъ Сѣверѣ и подъ пальцами лучами южнаго солнца, въ сухихъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Это рѣзвое и миловидное животное, можно сказать, служить украшеніемъ нашихъ лѣсовъ. Весело слѣдить за ея проворными движеніями въ чащѣ вѣтвей и на землѣ, когда она перебѣгаетъ отъ одного дерева къ другому, ловко взбирается по отвѣснымъ стволамъ или далеко перенерываетъ съ вѣтки на вѣтку, распуская по воздуху пушистый хвостъ. Тамъ, гдѣ охота на бѣлокъ, водящихся мѣстами во множествѣ, не составляетъ промысла, на нихъ охотятся только молодые и неопытные охотники, безцѣльно и безжалостно подстрѣливая бѣдное животное, предвременно выпугнутое изъ дупла ударами по стволу дерева.

Туземцы острова Мадеры.

(Изъ воспоминаній морскаго офицера).
(Рис. на стр. 772 и 773).

Послѣ долгой и притомъ скучной стоянки въ Тулошѣ, пежиданный переходъ на островъ Мадеру былъ пріятнымъ сюрпризомъ, и вотъ, 15 ноября 1886 года тронулись въ путь.

Счастливая звѣзда, сопутствовавшая нашему фрегату до сихъ поръ, не покинула его и теперь. Весь переходъ былъ спокойный, за исключеніемъ нѣсколькихъ часовъ, когда фрегатъ немного покачал. Пройдя Балеарскіе острова, все время шли довольно близко отъ береговъ Испаніи. Вершины горъ покрыты снѣгомъ, въ особенности Сьерра-Невада. 18 числа утромъ прошли Гибралтарскій проливъ и взяли курсъ на островъ Мадеру. 20 утромъ увидали сперва островъ Porto-Santo, а немного погодя и Мадеру, гдѣ и стали на якорь въ 5 час. вечера у города Фунчалъ. Рейдъ совершенно открытый, такъ что для стоянки не особенно удобной, особенно при южныхъ вѣтрахъ. Берегъ песчаный и каменистый, у котораго постоянный прибой, почему и сѣзды на берегъ на казенныхъ шлюпкахъ возможенъ только около батареи, гдѣ есть что-то въ родѣ небольшой естественной гавани. Да и сюда шлюпки могутъ пристать только въ тихую погоду, въ противномъ же случаѣ предпочитаютъ высаживаться прямо у города. Набережной никакой передъ городомъ не имѣется, а прямо каменистый и песчаный берегъ. Обыкновенно подходят къ берегу на казенныхъ шлюпкахъ, но немного не доходя пересаживаются на туземныя, снабженныя полозьями. Какъ только полозья коснутся дна, гребцы (какъ и всѣ жители, одѣтые въ свои остроконечныя смѣшныя шапочки) выскакиваютъ въ воду и тапчутъ шлюпку, какъ сани, предварительно повернувъ ее кормомъ къ берегу, чтобы не залило. Переправа довольно оригинальная, какъ и многое на островѣ. Съ рейда видъ очень красивъ. Высокія, покрытыя густой растительностью горы и дома какъ бы утопаютъ въ зелени. Ароматъ отъ тропической флоры—роскошный. Тутъ и пальмы, бананы, анельсины, сахарный тростникъ и т. п. южныя растенія.

Такъ какъ всѣмъ намъ извѣстно было, что простоявъ здѣсь не болѣе двухъ сутокъ, то воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ сѣзхать на берегъ. По городу только пробѣжали, успѣлись верхомъ на коней и вѣрнули себя проводникамъ, предупредивъ, что желаемъ осмотрѣть болѣе интересное. Еще съ фрегата увидали высоко на горѣ католическій монастырь. Издали онъ со своими двумя башенками походитъ на замокъ. До монастыря, въ которомъ монахи приняли насъ очень радушно,—

хотя въ то же время очень деликатно указали на стоявшее въ сторонѣ блюдо для сбора,—поднимались верхомъ часъ и десять минутъ. Думали, что тѣмъ же путемъ и вернемся, но намъ предложили спуститься другой дорогой, другимъ способомъ и притомъ скорѣе.

Спустились дѣйствительно по другой дорогѣ въ корзины на полозьяхъ, что-то въ 18 или 20 минутъ. Довольно крутая, но очень хорошая дорога. Трое проводниковъ бѣгутъ сади и направляютъ импровизованный экипажъ. Поѣздка по горамъ порядкомъ утомила насъ, а потому порѣшили вернуться пораньше на фрегатъ, тѣмъ болѣе, что нужно было выбрать вино изъ присланныхъ образцовъ. На другой день опять отправились въ горы. Большія пространства засажены сахарнымъ тростникомъ и, кажется, сго теперь здѣсь растетъ болѣе, чѣмъ винограда. Проводникъ сказалъ намъ, что до сахарнаго тростника все было засажено виноградомъ, но послѣдній погибъ въ пятидесятыхъ годахъ отъ филлоксеры. Видѣли также вершину горы, похожую на силуэтъ человѣческаго лица въ профиль. Лобъ, носъ, губы и подбородокъ рельефно выдѣляются и не надо имѣть пылкаго воображенія, чтобы признать за лицо эту замѣчательную игру природы.

Экипажей здѣсь тоже не видали. Способовъ передвиженія три: верховыя лошади, носилки въ родѣ гамаковъ и сани на деревянныхъ полозьяхъ, гдѣ вмѣсто лошадей запряжены быки. Наши остряки говорили, что послѣднее очень хорошо придумано, такъ какъ нѣтъ опасности, что лошади разобьютъ. Въ глубинѣ острова попадаются деревушки, гдѣ вѣсь непременно уютаятъ какимъ-то кислымъ виномъ, выдавая за мадеру. Окрестности Фунчала очень живописны. Крутые овраги, ущелья, живописнѣющіе мостики такъ и манятъ все дальне и дальне. Большинство живущихъ иностранцевъ—чахоточные, чаючіе излѣченію. Но, говорятъ, здѣшній климатъ только поддерживаетъ, а не излѣчиваетъ. Что касается мѣстныхъ жителей, то евронеійскій костюмъ какъ-то не особенно подходитъ къ головному убору и обуви. Сидитъ онъ неуклюже, видимо стѣсняя. Встрѣчаются платья и что-то въ родѣ сарафановъ. Мужчины носятъ жилетъ незастигнутымъ; женщины же стараются дѣлать платье покороче. Конечно, тутъ не играетъ никакой роли кокетливое желаніе показать ножку. Какая-то смѣшная обувь на большой ногѣ не говоритъ въ пользу этого. Особенно типичныхъ и красивыхъ лицъ тоже не встрѣчали, за то вынесли впечатлѣніе, что музыкантъ очень много. Национальный инструментъ—манета—напоминаетъ гитару.

В. Соколовъ.

Новый памятникъ императрицѣ Екатеринѣ Великой въ СПБ. (Рис. на стр. 776).

Въ воскресенье, 29 мая, на набережной Фонтанки, предъ зданіемъ городской Обуховской больницы, основанной Екатериной II, поставленъ памятникъ великой императрицы. На высокомъ гранитномъ пьедесталѣ возвышается бюстъ государыни, голова коего увѣнчана императорскою короной, а грудь и плечи покрыты порфирой. По сторонамъ пьедестала, обозначены золотыми буквами время открытія бюста и больницы и два стиха Державина:

„Чтобъ сей рѣкой благодѣяній
„Покрылась вся ея страна“..

Проектъ памятника (по конкурсу) принадлежитъ скульптору А. Л. Оберу, отливка бюста изъ бронзы по модели автора произведена на заводѣ Морана, а гранитный пьедесталъ дѣлалъ скульпторъ Ботта. С.-Петербургская городская дума назначила на этотъ памятникъ 7,200 руб. Вокругъ него расположены газоны съ клумбами цвѣтовъ и кустарниками.

Въ день открытія бюста, его окружали, съ цвѣтами въ рукахъ, воспитанники 15 школъ, изъ коихъ 7 ведутъ свое начало со временъ Екатерины II, а 8 открыты городомъ въ память ея. Сбоку памятника, на правой сторонѣ, у приготовленнаго аналога, было совершенно молебствіе. При иѣни „Спаси, Господи, люди Твоя“, полотняная завѣса съ бюста упала, и онъ открылся взорамъ многочисленной публики.

Чествованіе въ СПБ. девятысотой годовщины крещенія Руси. (Рис. на стр. 777, 779, 780 и 781).

Еще наканунѣ знаменательнаго дня 15 іюля, столица начала украшаться флагами. Къ утру, уже на всѣхъ домахъ, въ мѣстахъ слѣдованія процессіи, развѣвались флаги, хоругви, красовались гирлянды и щиты съ изображеніемъ везеля Св. Князя Владиміра.

Въ день празднованія, во всѣхъ церквахъ столицы соборно и торжественно были совершены раннія литургіи и на нихъ произносились поученія, соответственныя воспоминаемому событію. Къ 8½ часамъ утра были доставлены въ Князь-Владимірскій соборъ (за Тучковымъ мостомъ, на Петербургской сторонѣ) св. иконы, назначенныя для крестнаго хода, которыя и были поставлены на аналояхъ предъ царскими вратами праваго и лѣваго придѣловъ; хоругви и икона Св. Владиміра были поставлены на столѣ главнаго алтаря. Въ 9 ч., на-

чался въ Князь-Владимірскомъ соборѣ перезвонъ. Въ 10 ч., преосвященнымъ Гермогеномъ, въ сослуженіи съ архимандритами и мѣстными протоіереями, соборне и торжественно была совершена литургія. Въ Исаакіевскомъ кафедральномъ соборѣ литургію совершалъ преосвященный Владиміръ въ 9 ч. утра.

На литургіи въ соборѣ Св. Князя Владиміра присутствовали члены Славянскаго благотворительнаго общества, представители города и городскіе ремесленные цехи со значками. Къ 10¹/₂ ч., въ Князь-Владимірскій соборъ собралось все духовенство столицы—приходское, военное и домовыхъ церквей, въ бѣлыхъ праздничныхъ облаченіяхъ. По окончаніи литургіи, начался крестный ходъ изъ Князь-Владимірскаго собора и направился, въ сопровожденіи преосвященнаго Гермогена, по Петербургской сторонѣ, черезъ Тучковъ мостъ, на Васильевскій островъ. Во главѣ иконъ была несомъ, на богатыхъ, высокихъ, вызолоченныхъ носилкахъ, икона Св. Князя Владиміра. Съ крестнымъ ходомъ слѣдовали кресты, хоругви и иконы зарѣчныхъ церквей. За преосвященнымъ, неси впереди хоругвь, шли члены Славянскаго благотворительнаго общества, гласные города и ремесленные цехи со значками. Массы народа стояли по пути по всемъ улицамъ. У часовни Св. Князя Владиміра, близъ Тучкова моста, была произнесена эктения и прои́тъ тропарь Св. Князю Владиміру. У церкви Св. Екатерины Великомученицы, на Васильевскомъ островѣ, встрѣтилъ крестный ходъ преосвященный Александръ, который совершилъ литію и, осѣнивъ народъ, при пѣніи тропаря Св. Екатерины, продолжалъ путь, смѣнивъ перваго преосвященнаго. Противъ зданія Императорской Академіи Художествъ, преосвященнаго Александра смѣнилъ ректоръ С.-Петербургской духовной академіи, преосвященный Антоній, который совершилъ краткое молебствіе у часовни Св. Николая Чудотворца на Николаевскомъ мосту.

Во времени приближенія зарѣчнаго крестнаго хода къ Иордани, начался крестный ходъ изъ Исаакіевскаго кафедральнаго собора, гдѣ собралось духовенство городскихъ церквей съ крестами, хоругвями и особо чтимыми иконами. Крестный ходъ сопровождалъ преосвященный епископъ Нарвскій Владиміръ. У зданія Святѣйшаго Синода къ крестному ходу присоединились первенствующій членъ Святѣйшаго Синода высокопреосвященный митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ и присутствующій въ синодѣ преосвященный Германъ.

Между тѣмъ, къ часу съ четвертью дня, у морской пристани, близъ Сената, собралась по разславленнымъ отъ Двора повѣсткамъ статсъ-дамы, фрейлины, гофмейстеркины, придворные чины и кавалеры, лица Императорской свиты, а также министры, члены Государственнаго Совѣта, сенаторы, почетные опекуны и другіе высшіе гражданскіе чины, генералы, штабъ- и оберъ-офицеры гвардіи, армии и флота.

Дамы были въ бѣлыхъ короткихъ платьяхъ и шляпахъ, а кавалеры въ парадной формѣ.

Въ половинѣ втораго часа дня, пришла изъ Петергофа Императорская яхта „Александрія“ съ Ихъ Величествами и Августѣйшими Особами. Ихъ Величества и Ихъ Императорскія Высочества въ экипажахъ прослѣдовали ватѣмъ къ пристани, близъ которой была устроена Иордань.

Здѣсь для Ихъ Величествъ, съ правой стороны у спуска, была приготовлена налатка, украшенная цвѣтами. На самой Певѣ стояла Иордань, убранная краснымъ сукномъ; посрединѣ, надъ мѣстомъ водоосвященія, возвышался бѣлый серебряный балдахинъ, увѣнчанный крестомъ. Противъ Иордани, на рѣкѣ, ближе къ другому берегу, стояли суда рѣчной полиціи, а по сторонамъ—много частныхъ пароходовъ и катеровъ съ публикою. Всюду видѣлись флаги и красное сукно, на фонаряхъ кокарды и разноцвѣтные флаги.

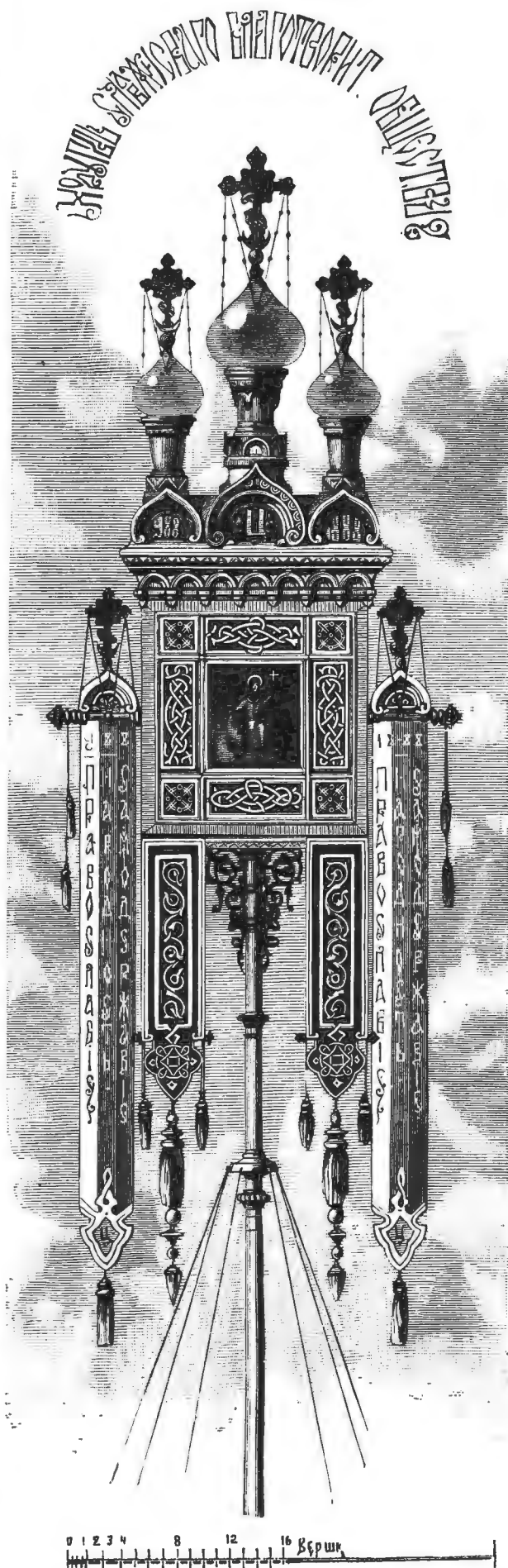
Кавалеры, конвой и камеръ-пажи стояли у пристани. Противъ Иордани, по набережной, тыломъ къ Сенату, выстроилась рота 8-го флотскаго экипажа съ хоромъ музыки и знаменнымъ флагомъ. Поперекъ набережной стоялъ взводъ дворцовыхъ гренадеръ, съ золотымъ знаменемъ. Остальныя войска, участвовавшія въ парадѣ, были въ видѣ буквы „и“ расположены на площади Зимняго Дворца.

Къ мѣсту Иордани сперва пришелъ крестный ходъ Исаакіевскаго собора, съ преосвященными архіереями, а вслѣдъ за нимъ подошла и большая процессія изъ Князь-Владимірскаго собора. Войска отдавали честь процессіи и играли гимнъ „Коль славетъ“.

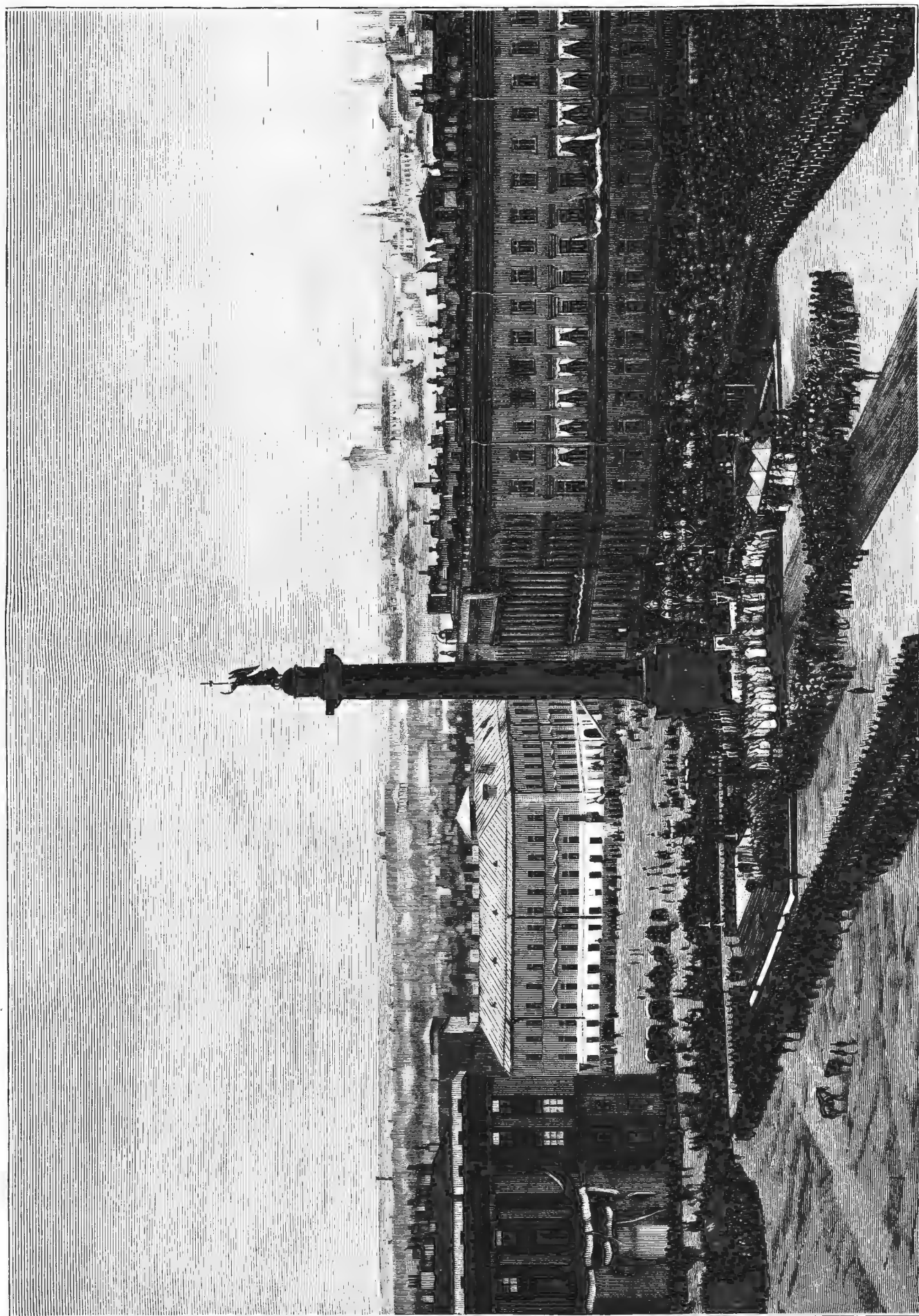
Слѣдомъ за процессіею пріѣхали Ихъ Величества. Государь Императоръ поздоровался съ войсками. Всѣ спустились на Иордань, гдѣ было совершено водоосвященіе. Императорская Фамилія стала справа духовенства; слѣва стали придворные пѣвчіе. Знамена, имѣя во главѣ знамя роты дворцовыхъ гренадеръ, окружали Иордань.

Только митрополитъ приступилъ къ погруженію креста въ воду, справа высоко влетѣли двѣ ракеты, и по этому сигналу загремѣлъ салютъ съ Петропавловской крѣпости. Митрополитъ окропилъ святою водою знамена и присутствовавшихъ.

Подъ звонъ колоколовъ всей столицы, при громѣ салюта, при боѣ барабановъ и звукахъ гимна „Коль славетъ нашъ Господь въ Сионѣ“, съ пѣніемъ: „Спаси, Господи, люди Твоя“, двинулся общій крестный ходъ съ Иордани, между стоявшими шпалерами войсками, черезъ Александровскій садъ, на площадь. Длинною

Чествованіе въ СПБ. 900-й годовщины крещенія Руси. Хоругвь Св. Князя Владиміра, сооруженная СПБ. Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ. Ориг. рис. архит. В. Харламова, грав. Барановскій.

Чествованіе въ СПБ. 900-й годовщины крещенія Руси. Молебствіе у Александровской колонны.
Съ фотогр. Демчянскаго, грав. Ю. Шюблеръ.

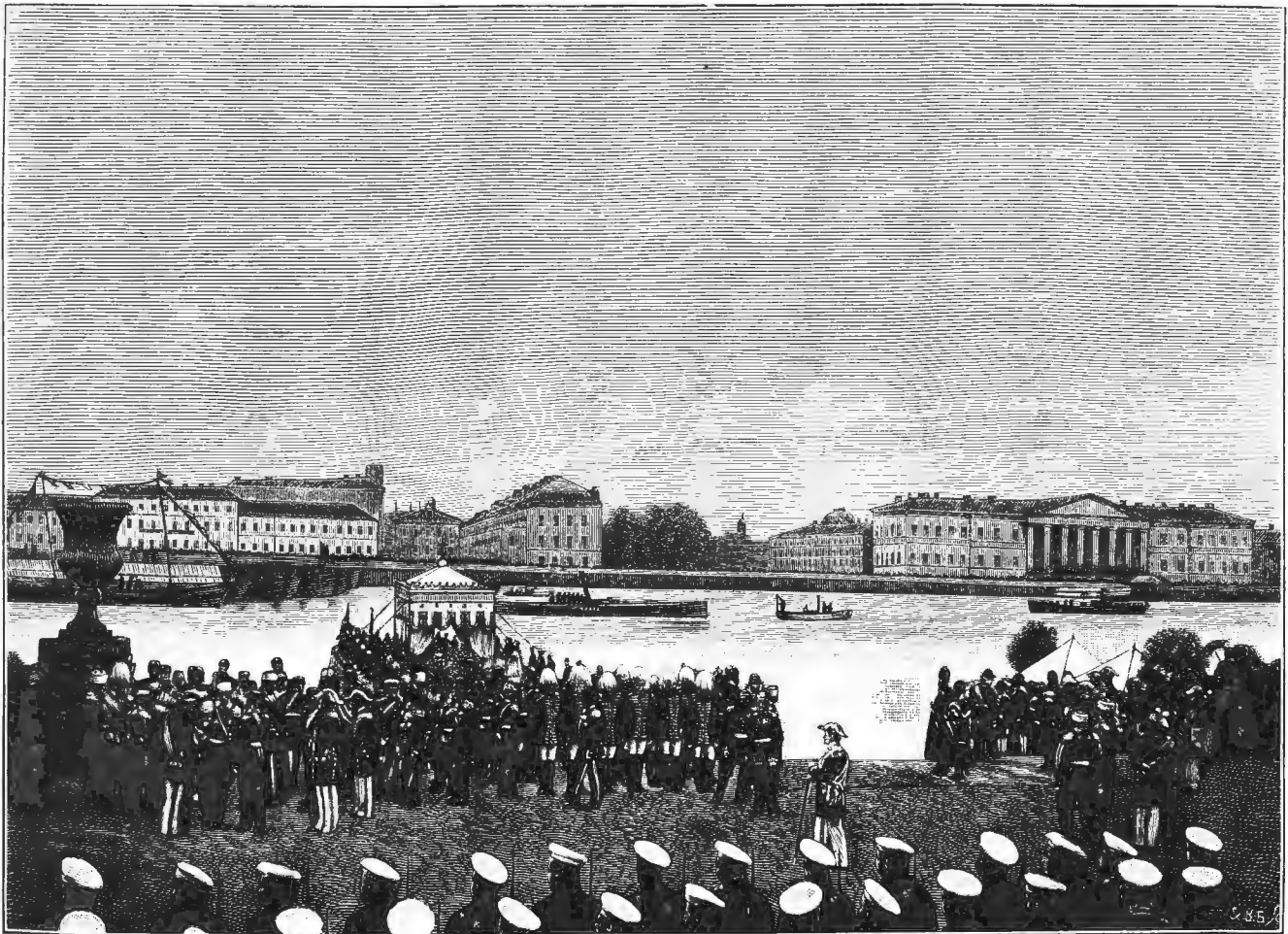
блѣю лентою, прерываемою только рядами пѣвчихъ и оканчивающеюся золотымъ облаченіемъ высшаго духовенства, выходила процессія изъ Александровскаго сада на площадь, наполненную десятками тысячъ народа, по пути, огражденному стройными рядами войскъ. Крестный ходъ состоялъ изъ 8 отдѣленій, отрывался псаломщиками съ фонаремъ и діаконами съ запрестольнымъ крестомъ. Во главѣ процессіи несли хоругви Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра и Святыхъ Меодіа и Кирилла; затѣмъ слѣдовали хоругви изъ Князь-Владимірскаго собора. Два протоіерея несли большое напрестольное св. Евангеліе; затѣмъ шли пѣвчіе и священники; діаконы, съ кадилами предшествовали иконѣ Св. Князя Владиміра, стоявшей на носилкахъ и возвышавшейся надъ всею процессіей.

За хоругвями несли на носилкахъ икону Спасителя, предъ которою, шли два придворные протодіакона съ кадилами и придворные протоіереи, два архимандрита несли ковчегъ съ мощами Св. Апостола Андрея Первозваннаго и частью животно-

щадъ была покрыта ковромъ изъ цвѣтныхъ оникъ, образуя дорожки: бѣлыя, синія и красныя и такія же звѣзды.

Александровская колонна была обнесена высокою эстрадою, покрытою краснымъ сукномъ; наверху, на четырехъ углахъ, стояли серебряные подсвѣчники; на западной сторонѣ были поставлены аналои, а справа и слѣва отъ нихъ были приготовлены мѣста для иконъ.

Передъ аналоями, у самой колонны, возвышалась величественная хоругвь Св. Князя Владиміра, сооруженная С.-Петербургскимъ Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ. Хоругвь—трехконечная; ея верхъ представляетъ подобіе маленькой часовни, съ тремя главами; въ серединѣ хоругви съ одной стороны образъ Св. Князя Владиміра, а съ другой—Св. Книгини Ольги; вокругъ образовъ и на доплатяхъ хоругви—орнаменты византийскаго стиля; съ боковъ хоругви, немного ниже главъ, изъ-подъ полукруговъ ниспадаютъ съ каждой стороны трехцвѣтныя ленты (см. рис. на стр. 779).

Чествованіе въ СПб. 900-й годовщины крещенія Руси. Иорданъ на Невѣ противъ Александровскаго сада.
Съ фотогр. Бруно Зенгера, грав. Бергъ.

рящаго дрова Креста Господня. Передъ ковчегомъ шли два діакона съ кадилами. За ними—протоіереи, настоятели соборовъ: Исаакіевскаго съ напрестольнымъ крестомъ, и Казанскаго, съ малымъ Евангеліемъ, придворные пѣвчіе, въ малиновыхъ мундирахъ, протоіереи, имѣющіе митры, и архимандриты попарно, духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, протопресвитеръ Янышевъ, преосвященные архіереи со своею свитою, и, наконецъ, предшествуемый знаками своего сана и предносимымъ крестомъ—первенствующій членъ Святѣйшаго Синода, высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ, при немъ придворные и кафедральный протодіаконъ, кафедральный ключарь и псаломщикъ. Архимандриты и архіереи были въ золотыхъ облаченіяхъ. По сторонамъ процессіи въ 8-мъ отдѣленіи шли шпалерами придворные лакеи и камеръ-лакеи, скороходы, гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры, дворцовые гренадеры и пажи. За крестнымъ ходомъ слѣдовалъ Его Величество Государь Императоръ подъ руку съ Государынею Императрицею. За Ихъ Величествами шли Особы Императорской Фамиліи, многочисленная блестящая свита, придворныя дамы, военныя и гражданскія чины; затѣмъ несли знамена, примыкавшія по пути къ своимъ частямъ, слѣдовали взводъ дворцовыхъ гренадеръ и представители города, Славянскаго общества и цеховъ, со значками, которые стали потомъ по обѣимъ сторонамъ, по дорогѣ къ эстрадѣ.

На площади было приготовлено мѣсто для молебствія. Пло-

щадъ края эстрады были обложены розами и другими цвѣтами. Канделябры у колонны какъ бы возвышались изъ цвѣтничковъ. Внизу у эстрады находилась царская палатка, вся украшенная деревьями и цвѣтниками съ группами розъ; всѣ восемь отдѣленій крестнаго хода расположились квадратомъ вокругъ Александровской колонны, по два отдѣленія на каждой сторонѣ. Хоругви были помѣщены по боковымъ ступенямъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, въ особо устроенныхъ гнѣздахъ.

На западной сторонѣ, передъ славянскимъ стягомъ Св. Князя Владиміра, былъ помѣщенъ образъ Св. Равноапостольнаго Князя, передъ нимъ—большое Евангеліе, справа—фонарь и слѣва—запрестольный крестъ; здѣсь размѣстились два послѣдніа отдѣленія крестнаго хода, съ высшимъ духовенствомъ. На двухъ аналояхъ были положены иконы Спасителя и Казанской Божіей Матери, а съ боковъ эстрады, по правой и лѣвой сторонамъ, спускался внизъ, стали старшіе протоіереи и архимандриты; наверху предъ иконами стали преосвященные архіереи въ рядъ, съ митрополитомъ въ серединѣ. Внизу, справа, у Царской палатки, стали Ихъ Величества, а зади—весь Дворъ и свита. На эстрадѣ было совершено краткое молебствіе. Протодіаконъ возгласилъ сугубую эктению. За ней высокопреосвященный митрополитъ прочелъ благодарственную молитву, при послѣднихъ словахъ которой: „Слава Тебѣ Богу, благодателю нашему, во вѣки вѣковъ“, пѣвчіе на эстрадѣ запѣли: „Тебѣ Бога

хвалимъ". По всѣмъ церквамъ понесли колокольный звонъ. За благодарственной пѣснейю послѣдовалъ отпускъ, и протодіаконъ, ставъ предъ архіереями, возгласилъ цѣлый рядъ многолѣтій и воспоминаній. Первое многолѣтіе—Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и всему Царствующему Дому. Затѣмъ—вѣчную память просвѣтителямъ Россіи—Святому Благовѣрному Великому Князю Владимиру и Святой Благовѣрной Великой Княгинѣ Ольгѣ, почившимъ благовѣрнымъ и христіюлюбивымъ князьямъ и княгинямъ и проч.

Послѣ каждаго возглашенія, пѣвчіе тихо пѣли „вѣчная память". Затѣмъ начались многолѣтія святѣйшимъ патріархамъ константинопольскому, александрійскому, антиохійскому, іеру-

русалимскому и проч. По возглашеніи послѣдняго многолѣтія, митрополитъ осѣнилъ крестомъ народъ на всѣ четыре стороны. Ихъ Величества и всѣ Особы Императорской Фамиліи прикладывались ко св. кресту и приняли окропленіе святою водою.

Государь Императоръ поздоровался съ войскомъ и затѣмъ Ихъ Величества и Особы Императорской Фамиліи сѣли въ экипажи и отбыли на яхту „Александрія", которая потомъ пошла въ Петергофъ.

Вечеромъ, въ залѣ городского кредитнаго общества, состоялось торжественное собраніе Славянскаго благотворительнаго общества.

Политическое обозрѣніе.

Императоръ Германскій Вильгельмъ II, отбывъ изъ Кронштадта 12 іюля, возвратился въ Потсдамъ 20 іюля, посѣтивъ на обратномъ пути Стокгольмъ, Копенгагенъ и Фридрихсруэ, гдѣ проживаетъ въ настоящее время князь Бисмаркъ. О значеніи петергофскаго свиданія и дальнѣйшей поѣздки молодого императора въ заграничныхъ газетахъ до сихъ поръ появлялись только незначительныя и сдержанныя статьи, довольно гадательнаго свойства; за то столбцы ихъ наполнены подробностями путешествія германской эскадры въ Швецію и Данію. Оттуда мы узнаемъ, что императоръ Вильгельмъ прибылъ въ Стокгольмъ послѣ двухдневнаго плаванія, 14 іюля. Король и наследный принцъ Шведскіе, въ сопровожденіи германскаго посланника, вышли утромъ въ 6¼ ч. навстрѣчу германской эскадрѣ на яхтѣ „Drott". Въ 8½ часовъ утра показалась эскадра и съ „Hohenzollern" раздался королевскій салютъ. Король и наследный принцъ вступили на яхту „Hohenzollern". Императоръ сердечно обнялъ Шведскаго короля и наследнаго принца. „Drott" и „Baden" обмѣнялись салютами. Шведскій хоръ музыки игралъ германскій народный гимнъ, прусскій хоръ—шведскій гимнъ. Пробывъ полчаса на яхтѣ „Hohenzollern", король и наследный принцъ пересѣли на яхту „Drott", на которой и вернулись въ Стокгольмъ, чтобы встрѣтить тамъ императора. Всѣ прибрежныя виллы разцвѣтились флагами. При пушечныхъ выстрѣлахъ въ 12 ч. императоръ, принцъ Генрихъ, графъ Гербертъ, Бисмаркъ и императорская свита направились въ катерахъ къ пристани, гдѣ была воздвигнута триумфальная арка, украшенная германскимъ императорскимъ гербомъ. Здѣсь Августейшіе гости встрѣчены были королемъ, наследнымъ принцемъ и его супругою и высшими сановниками; здѣсь же выставлены были въ парадномъ строю войска и два хора музыки исполнили прусскій народный гимнъ. Императоръ съ королемъ и принцемъ Генрихомъ съ супругою наследнаго принца направились въ сопровожденіи свиты по сооруженному на этотъ случай мосту къ возвышающемуся противъ пристани королевскому дворцу. Темного сунета послѣ прибытія во дворецъ, императоръ въ сопровожденіи короля вышелъ на балконъ и былъ привѣтствованъ народомъ. Въ 4½ часа пополудни состоялась прогулка въ экипажѣ въ Зоологическій садъ, а вечеромъ былъ сервированъ во дворцѣ парадный обѣдъ. Столъ начался въ 7½ час. При входѣ императора оркестръ исполнилъ сочиненный къ этому случаю торжественный маршъ „Императору Вильгельму". Король провозгласилъ тостъ въ честь императора, причемъ сказалъ, что въ числѣ своихъ наилучшихъ воспоминаній онъ хранить память о дружбѣ, которую питали къ нему дѣдъ и родитель его гости. Затѣмъ король благодарилъ императора за визитъ, пожелалъ ему долгой жизни и счастья, а и славнаго царствованія. Императоръ отвѣтилъ, что онъ доволенъ своею поѣздкою въ красивую скандинавскую страну и что онъ надѣется на дальнѣйшую дружбу между Германіей и Швеціей.

На другой день императоръ Вильгельмъ, король и наследный принцъ Шведскіе, принцъ Генрихъ прусскій и графъ Гербертъ Бисмаркъ посѣтили Екатерининскій элеваторъ, подъемную машину соединяющую низменную часть города съ нагорною, національный музей и центральную телефонную станцію. Послѣ полудня, осмотрѣвъ Ридаргольскую церковь, всѣ названные особы поѣхали въ Дротнинггольмъ, гдѣ сервированъ былъ обѣдъ. Жители Стокгольма во множествѣ посѣщали суда германской эскадры, гдѣ были встрѣчаемы съ большимъ радушіемъ. Въ 7 час. вечера по возвращеніи изъ поѣздки Августейшіе гости отплыли на королевскомъ катерѣ на „Hohenzollern". Въ 9 час. на императорской эскадрѣ было уже все готово къ уходу въ море въ 3 часа утра.

Въ десять часовъ вечера, наследный принцъ Шведскій посѣтилъ яхту „Гогенцоллерн" и простился съ императоромъ Вильгельмомъ. При отъѣздѣ наследнаго принца съ яхты зажегъ былъ на морской верфи великолѣпный фейерверкъ. Въ отвѣтъ на это „Гогенцоллерн" тоже освѣтился бриллиантовыми огнями. Тысячи зрителей привѣтствовали восторженными возгласами императора, короля и наследнаго принца.

Въ Копенгагенѣ Германскій императоръ прибылъ 18 іюля. Датская эскадра вышла навстрѣчу германской; встрѣтившись, обѣ онѣ салютовали одна другой. Датскій король и наследный принцъ подѣхали на шлюпкѣ къ судну „Hohenzollern" и,

взойдя на него, были встрѣчены Германскимъ императоромъ, который обнялъ и поцѣловалъ ихъ обоихъ. Послѣ непродолжительнаго пребыванія на императорскомъ суднѣ, король и наследный принцъ возвратились на „Dannebrog". Въ половинѣ двѣнадцатаго обѣ эскадры прибыли въ Копенгагенъ, гдѣ императоръ Вильгельмъ и принцъ Генрихъ Прусскій были сердечно встрѣчены членами датской королевской фамиліи, причемъ музыка почетнаго караула исполнила „Heil Dir im Siegeskranz".

Обстановка, при которой состоялась встрѣча императора Вильгельма, была роскошна. Повсюду красовались цвѣты и флаги. На мѣстѣ, гдѣ произошла высадка высокихъ гостей, поставленъ былъ балдахинъ; передъ нимъ развѣвался германскій флагъ, а по обѣимъ сторонамъ его по флагу Данеброга. Германскій императоръ, въ прусской адмиральской формѣ, былъ привѣтствованъ королемъ и наследнымъ принцемъ Датскими, а также прочими принцами; поспѣшно взбѣжавъ по лѣстницѣ, императоръ поцѣловалъ у королевы руку и раскланялся съ принцессами. Въ это время раздавались салюты, играла музыка и воздухъ олаждался сочувственными возгласами публики. Затѣмъ, послѣ представленія присутствовавшихъ сановниковъ, императоръ прошель вмѣстѣ съ королемъ вдоль фронта почетнаго караула, послѣ чего оба они отправились въ экипажѣ въ Амаліенборгъ. Прочія высокія особы поѣхали слѣдомъ. Войска разставлены были на всемъ пути шпалерами и толпившаяся здѣсь публика привѣтствовала императора немолкующими кликами. По прибытіи высокихъ гостей въ Амаліенборгъ, надъ замкомъ поднятъ былъ германскій императорскій флагъ. Послѣ завтрака состоялось посѣщеніе выставки. На парадномъ обѣдѣ, данномъ въ тотъ же день, императоръ занималъ мѣсто между королемъ и королевою. Къ концу обѣда король провозгласилъ слѣдующій тостъ: „Примите, ваше величество, благодарность за почетный визитъ, сдѣланный вами мнѣ и моею странѣ. Пью отъ чистаго сердца здоровье императора, императрицы и императорской фамиліи". Тостъ свой король закончилъ провозглашеніемъ „hoch" въ честь императора. Хоръ музыки исполнилъ прусскій народный гимнъ. Императоръ благодарилъ за сердечный пріемъ и провозгласилъ тостъ за здоровье короля, королевы и королевской фамиліи. Хоръ музыки исполнилъ датскій народный гимнъ. Оба тоста провозглашены были на нѣмецкомъ языкѣ. Послѣ обѣда у королевской четы былъ сервированъ чай. Въ 11 часовъ вечера, императоръ Вильгельмъ отбылъ на яхту „Hohenzollern". Король и всѣ принцы провожали императора. Пристань и прилегающія къ ней зданія были великолѣпно иллюминированы.

19 іюля вечеромъ эскадра прибыла въ Киль и въ полночь на 20 число императоръ Вильгельмъ прибылъ въ Фридрихсруэ вмѣстѣ съ графомъ Гербертомъ Бисмаркомъ и былъ встрѣченъ имперскимъ канцлеромъ въ собственномъ домѣ. Собравшаяся большая толпа народа привѣтствовала императора криками „ура", пѣніемъ народнаго гимна и „Wacht am Rhein". Пробывъ тамъ до полудня 21 іюля, императоръ Вильгельмъ отправился въ Потсдамъ, куда и прибылъ въ 5 час. 30 мин.

Такъ окончилось посѣщеніе юнымъ Германскимъ вѣнцевосцемъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей. О послѣдствіяхъ его скажетъ недалекое будущее, но безъ сомнѣнія оно отразится на политическомъ строѣ грядущихъ событій. Многие полагаютъ, что прежде всего оно отразится на болгарскомъ вопросѣ. И теперь уже заграничныя газеты сообщаютъ цѣлый рядъ догадокъ, какъ онъ разрѣшится. *Frankfurter Zeitung* утверждаетъ, что между Россіей и Германіей состоялось соглашеніе, въ основу котораго положено разрѣшеніе болгарскаго вопроса согласно Берлинскому трактату. *Correspondance de l'Est* предсказываетъ, что со стороны Германіи вскорѣ будетъ сдѣланъ рѣшительный шагъ къ устраненію принца Фердинанда изъ Болгаріи; *Indépendance Belge* увѣрываетъ, что такой шагъ будетъ сдѣланъ со стороны Россіи и т. п.

Въ Болгаріи, можно думать, вскорѣ должны произойти какія-нибудь событія; подтвержденіемъ этому можетъ служить телеграфное сообщеніе, что Порты представила на дняхъ на утвержденіе султана просктъ циркулярной ноты, которую она признаетъ необходимымъ разослать по телеграфу турецкимъ посламъ. Въ циркулярной нотѣ подробно излагаются обстоя-

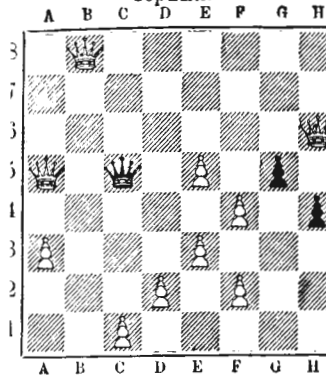
тельства, при которых послѣдовалъ захватъ болгарскимъ правительствомъ Вѣлово-Вакарельской желѣзной дороги, а въ заключеніе поручается послать съ правительствами, у которыхъ они аккредитованы, чтобы сообща внушительнымъ образомъ побудить болгарскихъ министровъ возвратиться на легальный путь, установленный Берлинскимъ трактатомъ. Если

шагъ этотъ не произведетъ ожидаемаго дѣйствія, то до избранія въ Болгаріи законнаго князя и до пересмотра восточно-румелийскаго органическаго статута, Порта находить необходимымъ назначить соответственное лицо для временнаго исполненія должности восточно-румелийскаго генераль-губернатора.

Шашечная задача № 50.

В. И. Шошина.

Черныя.

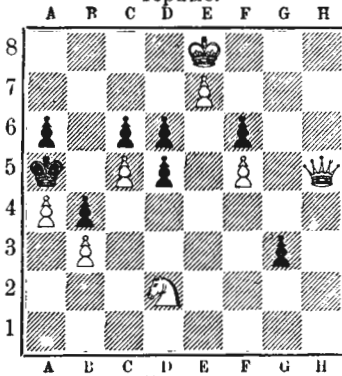
Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и 2 простыхъ черныхъ.

Шахматная задача № 51.

Г. Г.

Черныя.

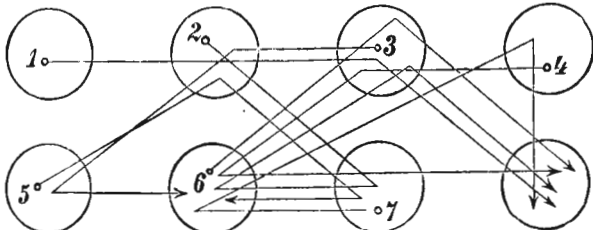
Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Задача буквъ № 52.

Н. С. Даржана.

Въ предложенныхъ кругахъ поставить буквы такъ, чтобы, читая отъ маленькаго кружка по линіи до стрѣлки, получились заданныя слова:

- 1. Матросское полотно.
- 2. Часть покинутого русла рѣки.

- 3. Военная фуражка.
- 4. Первая степенъ болѣзни рака.
- 5. Сверхъестественныя существа женскаго рода.
- 6. Рѣка Оренбургской губерніи.
- 7. Злакъ.

Читая же обѣ строки буквъ, получимъ фамилію извѣстнаго иностраннаго писателя.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ тѣхъ немногихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку преміи,—картины проф. Ю. КЛЕВЕРА „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“, поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: В. И. Шошина (съ портр.). — Вѣчу не быть. Старинная повесть Д. В. Аверкіева. (Продолженіе). — Исторія одного таланта. Повесть Н. Станицкаго. (Продолженіе). — О предотвращеніи и леченіи тучности гимнастикою и діетой. Д-ра Ненсберга. — Къ рисункамъ: Въ камышахъ (съ рис.). — Касса ссудъ (съ рис.). — За бѣлками (съ рис.). — Туземцы острова Мадеры (съ 2 рис.). — Новый памятникъ императрицѣ Енаторинѣ Великой въ СПБ. (съ рис.). — Чествованіе въ СПБ. девятисотой годовщины крещенія Руси (съ 6 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Задачи. — Заявленіе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленіи.

Печатать А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ПАТЕНТОВАННАЯ МАШИНКА

для выдѣлыванія пуговицъ.

Необходима для всѣхъ портныхъ, портныхъ, каретниковъ, сѣдельщиковъ, драпировщиковъ и декораторовъ.

Новѣйшая, простая и очень практическая машинка, съ помощью которой каждый легко можетъ выдѣлывать пуговицы изъ какой угодно матеріи.

ПРОЧНѢЕ и ДЕШЕВЛѢ ПОКУПНЫХЪ ГОТОВЫХЪ ПУГОВИЦЪ!

Цѣны машинки: Р. К. Цѣны пуговицъ: Р.

для портныхъ	18	—	Пуговицы	22	28	32	36	1 за гресенъ.
------------------------	----	---	--------------------	----	----	----	----	---------------

для портныхъ	13	50	1 р. 35 к., 1 р. 65 к., 2 р., 2 р. 25 к.		
для каретник. и сѣдельщ.	20	—	Пуговицы	7	за тис.
для драпировщиковъ и декоратор.	15	—	Пуговицы	3	за тис.

ПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНАЯ УСТУПКА!

Складъ и продажа машинокъ и принадлежностей къ нимъ:
 у С. БЕРНШТЕЙНА
 Большая Лубянка, Варсонофьевскій пер., домъ Рябушинскихъ,
 у ФРАНЦА ГЮНТЕРЪ МОСКВА
 и въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ—у Франца Гюнтерь, Садовая, № 12. № 3270

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

И. Н. КАРАЗИНА.

Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“ а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА
Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.
 Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изысканной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ, Невск. пр. № 11, бель-этажъ, между Большою и Малою Морскою. № 3208 (7)

Въ книжномъ магазинѣ

Н. Киммеля въ Ригѣ

вышло изъ печати:

Зимъ

дополненнымъ и исправленнымъ изданіемъ

Практическое Руководство къ культурѣ Розъ

И. А. Штегманна.

Цѣна 75 коп., съ пересыл. 80 коп.

Библиотека „Руниверс“

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежная лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи.

№ 3206 14—10

НОВОСТЬ. Препаранное исполнение пьесъ.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ.

Играетъ посредствомъ металлическихъ поющихъ листовъ всевозможныя пьесы, русскія, салонныя, оперныя, и все танца. Имѣетъ механизмъ для игры Forte, Piano и Tremolando. Пьесы разнаго размѣра и значительно длиннѣе, чѣмъ у другихъ ручныхъ органовъ.

Цѣна фениксъ-органа съ 10-ю пьесами 35 руб., простаго фениксъ прежней конструкции съ 10-ю пьесами 25 руб. Добавочныя пьесы, безъ различія какаго размѣра, по 70 коп. Списокъ пьесъ, а также иллюстрированный прейс-курантъ всѣмъ инструментамъ — бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо № 3283
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Издание А. Ф. МАРКСА, СПБ.
Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу:
АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ.
БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,
составл. по дню юбилея его полувѣковой литературно-поэтической дѣятельности.
30 апрѣля 1888 г.,
М. Л. ЗЛАТКОВСКИМЪ.
(Съ портретомъ юбиляра гравированнымъ на стали).
Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 30 к.
Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“; а также можно получить у всѣхъ книгопродавцевъ.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1887 года,
заключающій въ себѣ болѣе 1300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой историч. романъ гр. **Е. А. Саліаса**—„Яун-Рундзе“, большую повѣсть **В. И. Немировича-Данченко**—„Патмосъ“, разсказъ **Вс. Крестовскаго**—„Мой собратъ“, разсказъ **А. Я. Максимова**—„Скиталець“, большую повѣсть **Н. Д. Ахшарумова**—„Темная карта“ и его же разсказъ „Ванзамія“, разсказы **К. Тхоржевскаго**—„За дупелями“ и „Неожиданный случай“, сцену **Виктора Крылова**—„Секретное предписаніе“, разсказъ **Н. Морскаго (Лебедева)**—„Въ пансіонѣ“, большую повѣсть **В. Желиховской**—„Кавказскій легионъ“, разсказы **Е. Валова, К. Бороздина, Кирилова, князя Д. Н. Цертелева, Эвальда, Захеръ-Мазоха** и разн. друг., а также много статей популярно-научнаго содержания по естественнаго, зоологіи, гигиенѣ, астрономіи и проч., и кромѣ того нѣсколько художественныхъ, печатанныхъ картинами, приложений и большая олеографическая картина **К. Е. Маковскаго:**

„БАБУШКИНА СКАЗКА“.
(Парижскія Моды со множеств. рис. ручод. и вышивочн. работъ. Къ переплет. экз. „Нивы“ „Моды“ прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).
Цѣна этому большому тому со всѣми бесплатными приложениями:
Брошюрован. . . . . 4 р. Въ каленк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою . . . . . 6 „ Съ пересылкою. . . 7 „ 50 „

ОТЪ ЖЕНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ С. Н. ФИШЕРЪ
(Москва, Остоженка, домъ Бутиковой).
Въ маѣ мѣсяцѣ сего года выдержали испытаніе зрѣлости и получили аттестатъ двѣнадцатъ воспитанницъ (выпускъ X). П. 3287 3—2
Пріемъ ученицъ на слѣдующій учебный годъ—22 августа.
ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ „РУССКОЕ ДѢЛО“
(3-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ), издаваемую въ Москвѣ 3—1 **СЕРГѢЕМЪ ШАРАПОВЫМЪ.**
За полгода съ доставкой и пересылкой 4 р.; 3 мѣсяца 2 р.
Во второмъ полугодіи будутъ напечатаны нѣкоторыя весьма важныя посмертныя сочиненія **Н. П. Гилярова-Платонова.** Р. № 3293

ФОТОГРАФИЧ. ПРИБОРЫ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать вполне хорошия фотографіи. Цѣна прибора 24, 35, 50 р. и дороже.
Аппараты для моментальныхъ снимковъ, очень удобныя, 24 р.
Е. КРАУСЪ и К^о.
Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 40. 2—1
Наставленіе и иллюстрированный прейс-курантъ высылаются бесплатно. Р. № 3291

МЫЛО
провизора
А. М. ОСТРОУМОВА
противъ
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
за кусокъ 30 к.
Ярлыкъ настоящаго мыла снабженъ маркой за № 3374. М. № 3288 4—2

ЛЕДНИКЪ и ПЛОЗНИКЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Издание А. Ф. МАРКСА въ СПБ.
НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ,
состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника **Л. П. СЕРГѢЕВА.**
Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стилей; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умеренная: въ издѣл. литограф. обертвѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.
Требованія просить адресовать: въ СПБ., къ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева.
Романъ-хроника XVII в., въ 3-хъ ч. П. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кол. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ 2-хъ колесные велосипеды специально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейс-куранты бесплатно, также брошюра виконта Бурри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.
Москва, Кузнецкій м., д. Голыцина.
СПБ., В. Морская, 21. Р. № 3291 (2)

ЭЛЕОПАТЪ пров. **КИНУНЕНЪ**
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.
Пров. **КИНУНЕНЪ.**
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптеки или Космет. магазиновъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.
Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (30) № 2946

НОВОСТЬ!
СТУЩЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ДУХИ ВЪ ПАЛОЧКАХЪ
для театра, концертовъ и баловъ.
Цѣна за палочку 75 к.
ВЪ 12 РАЗНЫХЪ ЗАПАХАХЪ:
Ess bouquet, Jockey-club, Oppopanax, Violette de Parme, Muguet, Spring-flower, Kiss-me-quick, Hyacinthe, Héliotrope, Forget-me-not, Réseda, Lilas.
ОПТОВАЯ ПРОДАЖА
у **Эд. Шоровскій и Комп.**
С.-Петербургъ, у Каменнаго моста, № 29; въ Москвѣ, на Моросейскѣ, № 7—8.
На Нижегородской ярмаркѣ, по Обводному каналу, Мѣховый рядъ, лавки Смирнова, № 4 и 5. № 3277 3—3

№ 4711 РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ
съ различными запахами: Эдельвейсъ, желтый левкой, жасминъ, геліотропъ, ландышъ, оппопанакъ, резеда, рейнская роза, рейнская фиалка, рейнскіе цвѣты и аспера душистая. Превосходныя, долго сохраняющіеся и дешевые духи для платка.
Цѣна за флаконъ содержащій 1/4 фунта
1 р. 25 коп.
Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3262 3—2
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
у **Алекс. ТИСЪ и К^о.**
Пушкиска, № 4.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 67, собств. домъ, наискосъ прежняго помѣщенія. Покупаетъ всѣ 0/0 бумаги. Судитъ подъ всѣ 0/0 бумаги. Страхование вышранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3250 5—5
Также пужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.
НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. П. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЖИВЪ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Издавъ 6 августа 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Плана этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за страну нонпарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к. — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.	Безъ доставки въ Петер- бургъ . . . . . 4 р.	Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . . . 6* р.	ПРИЛОЖЕНІЯ. Особая приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ тор- говыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.
	Съ доставкою въ Петер- бургъ . . . . . 5 р. 50 к.	За границу, съ перес. . . . . 8 р.	
	Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровск. Торг. линіи. 5 р.	*) Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ, а также увеличенныхъ размѣровъ главной премии на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать на укупорку и пересылку ея 60 коп.	

При семъ № прилагаются „ПАРНЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1888 г., съ 27 гравюрами и отд. листъ съ 23 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 14 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Баронъ Петръ Кар- ловичъ Усларъ.

Не мало личностей въ высшей степени замѣчательныхъ проходили свое жизненное поприще не оцѣненными при жизни своей въ надлежащей мѣрѣ и лишь послѣ немалого промежутка времени за ихъ кончиною имена ихъ начинали ставиться на подобающую имъ высоту. Въ числу такихъ личностей принадлежить и покойный П. К. Усларъ, находящій теперь все болѣе и болѣе цѣнителей заслугъ, оказанныхъ имъ наукѣ и нашему отечеству неутомимыми трудами своими, посвященными въ теченіе почти четверти столѣтія Кавказу. Труды эти издаются теперь Кавказскимъ военно-народнымъ управленіемъ и Кавказскимъ отдѣломъ географическаго общества; портреты Услара составляютъ необходимую принадлежность школъ Дагестана и въ будущемъ этому почтенному дѣятелю предстоитъ занять въ благодарной памяти горскаго населенія, одно изъ самыхъ

Баронъ Петръ Карловичъ Усларъ. Съ современн. портрета, грав. Ю. Шиблеръ.

видныхъ мѣсть въ качествѣ первоучителя, создавшаго письменность для многихъ горскихъ племенъ.
 Петръ Карловичъ родился 20 августа 1816 года, въ родовомъ имѣніи своемъ Куровѣ, въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи и тамъ же скончался 8 іюня 1875 г. Въ теченіе трудовой своей жизни онъ лишь изрѣдка посѣщалъ любимый, родной свой уголокъ, гдѣ до десятилѣтняго возраста воспитывался. Учился онъ подъ руководствомъ Г. Миддендорфа, большаго поклонника классическихъ языковъ, съумѣвшаго пристрастить къ нимъ до такой своего ученика, что тотъ 12-лѣтнимъ юношей могъ свободно объясняться съ профессоромъ Реймсомъ по-латыни. Получившій въ СПБ. третью гимназію, въ которой директоръ ея, извѣстный профессоръ Шнейдеръ, высоко подіялъ тогда изученіе древнихъ языковъ, Усларъ кончилъ курсъ 17-ти лѣтъ и поступилъ въ Инженерное училище. Выпущенный въ 1836 г. въ офицеры, службу свою

началъ въ саперномъ батальонѣ на Кавказѣ, оставаясь здѣсь до 1840 года, вернулся затѣмъ въ Петербургъ, поступилъ въ Военную академію и по окончаніи ея курса, назначенъ въ Сибирскій корпусъ. Участіе въ экспедиціи противъ возмущившагося киргизъ-кайсацкаго султана, Касымова, вызвало его на первый литературный трудъ, „Киргизкайсацкая стѣна“, помѣщенный въ *Отечественныхъ Запискахъ*; изъ Сибири онъ былъ командированъ для военно-статистическаго описанія сѣвера Тверской, а потомъ Вологодской губерній, и эти труды, превосходно исполненные, обратили на себя особенное вниманіе не только начальства, но и нашей печати. Испытавъ въ нихъ свои силы, Усларъ, послѣ Венгерской кампаніи, въ которой тоже участвовалъ, перешелъ въ 1850 году снова на Кавказъ, и составилъ тутъ замѣчательное военно-статистическое описаніе Эриванской губерніи. Но служба боевая постоянно отвлекала его отъ научныхъ занятій. Онъ принималъ участіе во многихъ военныхъ экспедиціяхъ, состоялъ во время Крымской войны начальникомъ штаба Гурійскаго отряда, затѣмъ, въ чинѣ уже полковника, начальникомъ штаба кутаисскаго генералъ-губернатора, дѣлалъ походъ въ Сванетію и лишь въ 1858 году, получивъ, по Высочайшему повелѣнію, назначеніе составителемъ исторіи Кавказа, всецѣло посвятилъ себя ученой дѣятельности.

Изученіе древнѣйшей исторіи Кавказа повело Услара къ лингвистическимъ изслѣдованіямъ. Вильгельмъ Гумбольдтъ, Пикте и др. лингвисты озарили своими изслѣдованіями отдаленное прошлое и на ряду съ ними лѣтписи и преданія оказались лишь слабыми пособіями. Усларъ пошелъ по слѣдамъ этихъ знаменитыхъ ученыхъ и послѣ продолжительныхъ опытовъ выработалъ свой собственный методъ изученія горскихъ нарѣчій Кавказа. Въ 1861 году онъ подалъ записку Кавказскому отдѣлу Географическаго общества, въ которой доказалъ необходимость составленія азбукъ для тѣхъ кавказскихъ языковъ, которые не имѣютъ своей письменности. Азбуки эти должны быть составлены при помощи самихъ же туземцевъ, которые единственно могутъ быть компетентными судьями при изображеніи звуковъ, свойственныхъ ихъ языкамъ. Азбуку эту взялъ нашь русскій, съ добавленіемъ нѣсколькихъ сочиненныхъ самимъ Усларомъ буквъ, выражающихъ звуки, свойственные лишь горскимъ нарѣчіймъ. Первый опытъ примѣненія своего метода сдѣлалъ Усларъ на одномъ изъ труднѣйшихъ по своему произношенію языковъ — аварскомъ, при помощи ученика VII класса Тифлисской гимназіи Геттингау, по происхожденію аварца. Результаты получились самые удовлетворительные и хотя составленная имъ аварская азбука впоследствии подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, но она дала возможность ознакомиться съ звуковою системою аварскаго языка. Въ томъ же году Усларъ перешелъ къ такому же опыту съ еще болѣе труднымъ языкомъ — абхазскимъ. Основа произношенія его состоитъ изъ сплетенія самыхъ разнообразныхъ звуковъ: шипящихъ, дрожащихъ, свистящихъ,

жужжащихъ. „Если англійскій выговоръ“, говоритъ Усларъ, „подходить на щербатине птицъ, объ абхазскомъ языкѣ можно сказать, что онъ напоминаетъ жужжаніе насѣкомыхъ“. Всѣхъ звуковъ въ абхазскомъ языкѣ насчитывается 55, а въ числѣ ихъ однихъ шипящихъ 23. Нужно было изучить каждый звукъ и прослѣдить способъ его образованія. При помощи туземцевъ, Усларъ успѣлъ совладать съ фонетикою этого языка и создать ему азбуку. Отъ абхазскаго, въ 1862 году, живя въ крѣпости Грозной, онъ обратился къ чеченскому при помощи муллы Ягулбая, муталемовъ и Кеди Досова. Когда азбука чеченская была составлена, эти сотрудники его въ шесть недѣль выучились читать совершенно свободно на своемъ языкѣ, на основаніи русскаго алфавита. „Изученіе родной грамоты“, говоритъ Усларъ, „на русскомъ основаніи служитъ наилучшимъ пособіемъ къ изученію грамоты русскою. Выучите сначала ученика горца грамотѣ на его родномъ языкѣ, отъ него перейдите къ русскою. Муталемы были въ восторгѣ отъ своихъ шестинедѣльныхъ занятій, въ продолженіе которыхъ выучились читать-писать на своемъ языкѣ и въ приачу выучились читать-писать по-русски. Эти успѣхи сравнивали они съ медленностію своего арабскаго ученія“. Затѣмъ, въ теченіе остальныхъ лѣтъ своей жизни, Усларъ исключительно посвятилъ себя изученію языковъ — кази-кумихскаго, табасаранскаго и къюринскаго; по плану его составлены были инородческія школы и среди почти миллионнаго населенія горцевъ явилась впервые возможность передачи мѣстныхъ преданій, сказокъ, поговорокъ и другихъ народныхъ сказаній, а главное — родная письменность повела къ освобожденію горцевъ отъ арабской письменности, навязанной имъ мусульманствомъ и открыла дверь къ сближенію съ новымъ ихъ отечествомъ — Россіей. Всѣ эти начинанія и педагогическіе труды покойнаго П. К. Услара, прерываемые лишь учеными занятіями его по исторіи Кавказа, встрѣчали на каждомъ шагѣ тысячу препятствій не только въ мѣстныхъ условіяхъ края, но и со стороны административной. Такъ напр. учебное вѣдомство, принявшее во свое вѣдѣніе Темирханшуринскую инородческую школу, обратило ее въ прогимназію, мотивируя это недостаткомъ средствъ для содержанія въ Темиръ-ханъ-Шурѣ двухъ училищъ. Но теперь прошли уже эти времена непониманія мыслей и программъ Услара и, благодаря въ особенности покойному А. А. Шенелеву, завѣдывавшему всѣмъ горскимъ управленіемъ Кавказа, Усларовская система и школа получили надлежащее возрожденіе. Въ настоящемъ мѣсяцѣ исполнилось ровно 25 лѣтъ со дня открытія въ Дагестанѣ первой такой инородческой школы и при этомъ невольно приходятъ на память незабвенныя заслуги барона Петра Карловича Услара, оцененныя уже учеными германцами въ статьѣ очень распространеннаго журнала *Globus* (Band XXVIII) подъ заглавіемъ „Peter von Uslar und die Kaukasische Forschungen“.

Рѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

(Продолженіе).

XIV.

Изгойченко.

Послѣ пира, Кириаку Андреевичу не рѣдко приходилось Настасью Григорьевичеву навѣщать. И самъ онъ, бывало, заѣзжалъ, и Настасья за нимъ, случалось, присылала, и Мамелфа Тимооеевна туда же ѣздитъ сына понакивала. Наконецъ до того дошло, что Кириаковъ конь изъ воротъ сталъ влѣво поворачивать, къ ту сторону, гдѣ Настасьяинъ домъ. А когда случалось Кириаку мимо двора Григорьевичевой ѣхать, то коня надо было придерживать, чтобъ онъ къ ея воротамъ не поровилъ.

Кириаку на первыхъ порахъ весело было въ просторныхъ сѣняхъ Настасьяиныхъ. Туда все за дѣломъ и безъ дѣла съѣзжался: тамъ обо всемъ говорили и спорили; оттуда расходились вѣтри по всему Новгороду. Толки его занимали, казались ему живымъ дѣломъ. Вскорѣ, однако, постоянная болтовня объ одномъ и томъ же, и на одинъ и тотъ же ладъ, наскучила ему. Кириака досадовало повальное легкомысліе. Настоящей заботы, какъ устроить дѣло, не было; словно все сговорились, много не раздумывая, кричать какъ можно громче. Все и дли всѣхъ было ясно, рѣшено и подписано. И толковать больше, казалось бы, не къ чему, а все толковали.

Въ сотый и двухсотый разъ повторяли, что москов-

скихъ пословъ падо задержать въ Новгородѣ подольше, угощать ихъ, одарять и всячески чествовать. Господствовала увѣренность, что благодарные послы станутъ за то говорить предъ своимъ государемъ въ защиту Новгорода, и господинъ князь великій, усыпленный этими рѣчами, махнеть рукой на пустую затѣю Захарія, Назара и иныхъ москвичскихъ похлѣбниковъ, и дѣло кончится миромъ, „по старинѣ и поглицѣ“. Вообще, по выраженію посадника, Новгороду слѣдовало теперь вести себя „тихохонько, смирпѣхонько и къ тому еще умпѣхонько“. Это слово до того всемъ полюбилось, что его стали повторять ни къ селу, ни къ городу.

Возраженій противъ общаго мнѣнія не слышалось, и на случайнаго возражателя глядѣли не доброжелательно: Кириакъ не пыталъ это на себѣ. Стать онъ присматриваться: не найдется ли ему хоть одного сомысленника? Кто-же? Ужъ не тысяцкій-ли степенный, Василей Есиновичъ? Молчитъ онъ все, на вѣтеръ словъ не кидаетъ: видно крѣпкую думу думаетъ. Заговорилъ Кириакъ съ тысяцкимъ, намекнулъ ему, что не дурно-бы заблаговременно осмотрѣть городскую стѣпу, пообвалилась моль она по мѣстамъ, а Господь моль еще вѣдаетъ на миръ, иль на розмирье съ Москвой пойдетъ.

Тысяцкій выслушалъ его внимательно, крѣико захвативъ въ широкую ладонь свою бороду лопатую.

— А Городище? спросилъ онъ.

— Что-жь что Городище?

— А намѣстникъ тамъ.

— А чѣмъ-же онъ страшень-то? Въ городово строеніи¹⁾ ему не вступатися: такъ вѣдь оно въ миро-декончальной писано.

— Точно, отодвигая вправо широкую бороду, подтвердилъ тысяцкій.—А и то не лжа, что Москва изъ докончальной не выступить: любить тоже себя правой во всемъ оказывать.

— И я про тоже, Василей Есиповичъ.

— А ямы? прищурясь сказала тысяцкій, спроваживая бороду въ лѣвую сторону.

— Какі ямы? недоумѣнно Кириакъ спросилъ.

— Самъ, Кириакъ Андреевичъ, вѣдаешь, что ямы у князя отъ Городища вилоть до самой Москвы поставлены, а въ тѣхъ ямахъ ямщики посажены²⁾, а и ямьска гоньба будетъ она скорая. А новѣ стѣну ставнемъ ставить, а и часу вѣдь не минеть, какъ о томъ намѣстникъ съ гонцомъ грамоту пошлетъ. А на перемѣнныхъ коняхъ гонецъ въ два дни до Москвы добѣжить, а и грамоту князю въ комнату внести. То-то. Нѣтъ, правду Фома Андреевичъ каже, что теперелько намъ тихохонько...

— Охъ, ужъ мнѣ это умѣохонько! не выдержавъ, съ досадою Кириакъ сказалъ.

И съ этимъ словомъ отъ тысяцкаго отошелъ. Василей Есиповичъ поглядѣлъ ему вслѣдъ склони голову, точно все еще прислушиваясь, да противъ обыкновенія, забравъ бороду въ обѣ руки, разверъ ее въ разные стороны.

Съ тѣхъ поръ крѣпко замкнулся Кириакъ Андреевичъ въ своемъ скорбномъ утѣвненномъ одиночествѣ. Самъ онъ мало съ кѣмъ заговаривалъ, и чѣмъ рѣже это дѣлалъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что никто съ нимъ и слова молвить не хочетъ.

„И чего мнѣ дома не сидится?“ чаще сталъ онъ себя допрашивать.—„Аль для того я тутъ, чтобъ какъ матушка совѣтуетъ на очахъ у градскихъ старѣйшинъ быть, а тѣмъ себѣ воеводство добыть? Чего-жь я торчу-то на-людяхъ, а и себѣ, и всѣмъ на доuku?.. Аль Настасья?“

Нечего скрывать, что Настасья Петровна не противна была Кириаку Андреевичу. Правилось ему ея смѣлое и вольное, прямо вдовье, съ мужчинами обхожденіе, и то было хорошо, что она обращалась не только смѣло, но и умѣло. Не слѣлъ былъ Кириакъ и къ ея пышной красотѣ, хотя спокойно онъ на нее глядѣлъ: не мутилось у него отъ того око свѣтлое, не становилось тревожнѣе его мечтанье.

И Настасья Петровна Кириакъ Андреевичъ не противень былъ. Она сумѣла разглядѣть разницу между нимъ и Васильемъ Дурневымъ. Кириакъ говорилъ съ ней ласково, какъ съ двоюродной сестрою, или съ тетюшкой помоложе себя, и держалъ себя съ ней хоть и на близкомъ да непереступномъ разстояніи; Дурневъ-же, только не сдерживая она его порою холоднымъ и строгимъ взоромъ, давно-бы переступилъ завѣтный рубежъ: бабушкины слова дѣловитыя сказываетъ, а самъ дрожить да мѣлеть. Дивилась Настасья, что одного она сама приручаетъ да примааниваетъ, а онъ въ руки ей не дается, а другой такъ-бы и прильнулъ къ ней, хотя она его рѣдко поддразниваетъ, а чаще отталкиваетъ. Оставаясь вечеромъ одна-одинехонька, Настасья часто и холодно раздумывала о томъ. Она часто твердила про себя, что хорошъ Кириакъ, всѣ скажутъ что унавъ³⁾ писанный, и сама она видитъ красоту его песомѣнную, но сердце у нея при этомъ не тревожилось и помыслы

¹⁾ Городовое строенье—постройка крѣпостей.

²⁾ Посажены—поселены. Ямъ отъ глагола яти, или яти (братъ), мѣсто гдѣ лошадей берутъ.

³⁾ Унавъ—красавецъ.

ся оставались, какъ всегда, несмущенными. Слѣдомъ за такою думою, Настасья Петровна чинно на молитву становилась. А по молитвѣ, ложилась спать.

„Нѣтъ“, засыпая, шепталось ей,—„ужъ ежели мнѣ, молодой, да вдругорядъ за-мужъ идти, такъ за такого мужа угодить мнѣ падобно, чтобъ онъ славою своею мою славу перенялъ. А Васильюшкѣ, хоть-бы и холость ходилъ, то не въ мотугу, а про Кириака Андреевича одинъ Господь развѣ вѣдастъ“.

И во снѣ Григорьевичевой вдовѣ ничего мятежнаго не снилось; спокойно спала. Но хотя и умно, ложась спать, раздумывала Настасья Петровна, а на другой-же день по-прежнему примаанивала Кириака Андреевича, въ чайники его грядущей славы, или по вдовьей привычкѣ лукавой. Порой ее даже задоръ на него бралъ, и хотѣлось ей тогда и Кириака до того-же довести до чего Васильюшко самъ дошелъ; чтобъ мѣлль онъ и горѣлъ, разговаривая съ нею. Только какъ ни старалась, не удавалось ей. Замѣтивъ, что Кириакъ тѣмъ печалится, что никто его не слушаетъ, Настасья не разъ привималась паставлять его.

— А вотъ послушай-ко, Кириакъ Андреевичъ, говорила она.—моего словечушка вдовьяго, хоть и не очень чтобъ умнаго да къ тебѣ доброжелательнаго. Слышу вѣдь я и понять могу, что умно ты все сказываешь, а только пикому-то мысли своей мудрой втолковать не умѣешь. Умъ-то умомъ, а то и умѣннѣе еще на свѣтѣ водится. И-то, Кириакъ Андреевичъ, не умна буду...

Тутъ всегда Настасья на чутьчку замолкала и взглядывала какъ-то особенно изподлобья, словно маня за собой; всякій-то разъ она ждала, что Кириакъ Андреевичъ сейчасъ-же примется выхвалить ея умъ. Настасья любила хвалу, не скрывалась. „Хвалой со мною все сдѣлаешь“, перѣдко говорила она.

Но Кириакъ не то не умѣлъ, или не хотѣлъ побаловать Настасью, не то совѣстно ему было ее въ глаза хвалить.

— Такъ безъ ума я, Кириакъ Андреевичъ, живу, привздохнувъ продолжала Настасья Петровна,—а умѣнья мнѣ-ко не записать статью: ты хоть посадицу нашу многоразумну о томъ спроси. А потому, Кириакъ Андреевичъ, тебѣ не самому-бы рѣчи свои умны высказывать, а сперва мнѣ-бы ихъ по тайности растолковывать, а ужъ я бы, повѣрь ты моей хитрости жепской, сумѣла-бы ихъ высказать. А твоимъ умомъ да моимъ умѣннѣемъ всѣ-бы дѣла мы вершили по своему.

Кириакъ только улыбался. И не знала Настасья, надъ чѣмъ онъ посмѣивается: надъ ея-ли умѣньемъ, или надъ своей неумѣльностью.

Настасья Петровна и дальше шла. Хотя Кириакъ и не хвалилъ ее въ глаза, и его красота не смущала ее, и о славі Кириаковой одинъ Богъ еще вѣдалъ,—все-же Настасья Петровна жаль было-бы отпустить его отъ себя. И узнай она, что Кириакъ заглядывается на иную, или къ другой присватывается, не на шутку-бы обидѣлась. И какъ дни три-четыре Кириакъ не показывался у нея въ сѣняхъ, молодая вдова послала за нимъ своего ключника съ наказомъ чтобъ Кириакъ Андреевичъ прѣзжалъ не медлячи: „посоветовать де съ тобою господаринѣ требуется“.

Паробки живо примѣтили это частое посовѣтованье, и себѣ на усъ намотали. Случилось разъ, что какъ Кириакъ Андреевичъ далъ малость Настасьину паробку за какую-то послугу, то паробокъ, благодарствуя, сказалъ:

— А дай-же тебѣ Господи здоровьнца! А и вѣкъ-бы намъ за тобой, Кириакъ Андреевичъ, жить.

— Аль мнѣ тебя у Настасьи Петровны перекупить? спросилъ шути молодой бояринъ.

— А для-ча тебѣ покушать-то насъ? А такъ гадаемъ, что и даромъ тебѣ-жь достанемся, за господарьней нашей, за Настасьей Петровной, въ приданое.

Бояринъ смутился, и велѣлъ паробку языкъ за зубами держать.

Турниръ Матвѣя Корвина. Картина Александра Вагнера, грав. Бонгъ.

Паробковы слова гвоздемъ засѣли въ головѣ у Кириака. „Аль до того ужь дошло?“ безпрерывно онъ себя спрашивалъ. — „Аль всемъ ужь знатно ¹⁾ про то?“ И встала у него въ головѣ сумятица.

„Да така-ль еще, какъ Настасья Петровна, жена мнѣ подобна?“ раздумывалъ Кириакъ. — „За вдовство-то свое попривыкла она къ волюшкѣ: все-бы ей на-людяхъ быть да новгородско дѣло вершить. А послѣ такого житья, замужество ей, поди, и не покажется, да и мнѣ-ко въ жепѣ вольное со всеми обхожденье вдовье тоже, гляди, не по-мыслу будетъ“.

Перѣдко ему впадало на умъ, что лучше-бы хотя на время, вовсе къ Настасьѣ Григорьевичевой не ѣздить, и часто онъ ловилъ себя на этой мысли, сходя съ коня у крыльца Настасьина. Посовѣтоваться-бы, такъ съ кѣмъ? Матушку спросить, такъ та навѣрное отвѣтитъ, что знать де пришла вора мѣлоду жениться. Съ Лукой поговорить, — по съ Лукой Кириакъ нынче рѣдко видѣлся. Самъ-то онъ не разъ къ Аввакумовичу собирался, да конь его завозилъ въ другую сторону; Лука заѣзжалъ да все дома его не заставалъ. Притомъ, отъ матушки Кириакъ зналъ, что Лука, слыша отъ нея гдѣ сивъ день-деньской пропадаетъ, только посмѣивался да приговаривалъ: „а ничего, молъ, нуцай; авось дѣло и сладится“. Однако не съ Лукой, съ кѣмъ-же посовѣтоваться.

Кириакъ своего дружка дома засталъ. Лука гостя встрѣтилъ, какъ всегда, съ привѣтливой улыбкой, только нынче улыбка его какъ-то важнѣе стала, и не горделивой вѣшной важностью, а внутренней важностью думъ и помысловъ.

— Ну что, дружечушко, подѣлываешь? спросилъ Лука, цѣлуясь съ гостемъ.

Кириакъ не прямо къ дѣлу приступилъ. Сначала пожаловался Лукѣ на общее легкомысліе. Къ удивленію, Лука его осудительныхъ мыслей не одобрилъ.

— А вѣстимо смирно намъ жить подобно, сказали онъ, — и не то чтобъ на ссору лѣзть, а къ ней и малой прицѣпки не давать. А градонаправители наши — не все-же они, друже, дураки живутъ. У Владыки въ сѣняхъ не по одинъ годъ сидятъ, а и къ градекому дѣлу люди будутъ павычпые. О розмірѣи тоже, гляди, не меньше твоего, Кириакушко, думаютъ. А еще глядятъ всюду-то Новгороду помощниковъ. А Литва, молъ, она что скажетъ? А Псковъ, за кого встанетъ? Торониться-же имъ не-по-что: что на-спѣхъ, то на-смѣхъ. Лѣто-жь выпѣ не сухо стоитъ, не тако, какъ въ Шолоньскій годъ: не подымется Москва симъ лѣтомъ на насъ, въ болотинѣ угрузнуть поопасается. А по лѣтѣ мокромъ станетъ осень богатая, а по богатой той осени еще пѣдзерникъ ²⁾ да грязникъ придуть, а рано-ли, поздно-ли Кузьма съ Демьяномъ въ семъ году стануть зимушку ковать, про то Богъ вѣсть. А дастъ Господь, на наше новгородско на счастье, а зима-ть будетъ сиротливая, со дождями да со оттепелями, къ походу неспособная. Не скоро, гляди, санный путь установится, и дороги къ Новгороду откроются. А за это за времячко долгое наши старѣйшины и дѣло сдѣлають.

— Тагъ-бы они и сказывали! полууступчиво проговорилъ Кириакъ.

— А дли-ча имъ про то сказывать? Аль ты безъ догадки живешь? Вотъ какъ дѣло обозначится, на мазн, скажемъ будетъ, тутъ и насъ созовутъ на малое вѣчушко; не потаятся, небось.

Убѣдился-ли Кириакъ этими разсужденіями, или выпче его нныя думы сильнѣе тревожили, только онъ не сталъ спорить съ Лукой.

— Ладно ужь. Ты-то какъ поживаешь, что подѣлываешь?

— А пишу вѣдь все нынче, радушно отвѣчалъ Лука, — вовсе я теперь въ иконописъ ударился. А съ того принялся, что какъ мысль моя всегдашняя въ монастырь идти, а тамъ, знамо, гуслими со скуки позабавиться не придется: не очень-то черпцы одобряютъ дѣло это наше гуслирное. Ну, и пишу вотъ, поучиваюсь, а Оедорунко, учитель мой миленькій, сталъ будто писальѣ-то мое и похваливати. А сталъ вотъ я Скорбицей ликъ писать, а таки-те бѣушки у Пречистой написать похотѣлося, чтобъ скорбны были они и за всехъ скорбящія. А погляди-ко-ся, Кириакушко, каковѣ на твой глазъ окажется.

И Лука подвелъ Кириака къ наполовину конченной иконѣ. Тотъ долго молча на ликъ смотрѣлъ.

— А „дивно“ скажу, заговорилъ онъ. — А очи хѣроши въ особину, какъ-бы живыя видятся. И это въ нихъ ѣ что, какъ скажешь ты, что и скорбны они и за другихъ скорбятъ... А только, по молчанью раздумчиво примолвилъ Кириакъ, — сдается мнѣ, будто я тѣ очи у кого-то вѣдь видаль...

Не успѣлъ Кириакъ этихъ словъ выговорить, какъ Лука порывисто схватилъ кисть, и положилъ краску на очи, имъ самимъ съ любовью писанныя.

— Что ты, что ты! Аль ума ты рѣшился? вкричалъ Кириакъ, въ торопливости схвативъ друга за лѣвую руку. — И для чего ты сдѣлалъ-то такъ? съ грустью прибавилъ онъ.

— А надоть такъ, глухимъ голосомъ едва прошепталъ взволнованный Лука.

— А жаль.

— Мало-ль что жаль, сурово сказалъ Лука, какъ-бы успокоивая себя этой суровостію. — И мнѣ жаль, да надо-же...

И Лука, сурово рѣчь оборвавъ, взялъ икону и бережно положилъ на полку съ книгами, ликомъ внизъ.

Зналъ онъ твердо чьи очи волей-неволей въ икону вписались; не забыть какъ глядѣла Марья Александровна въ тотъ памятный день, когда невзначай выдала ему свою тайну.

Хотя Кириакъ и въ мысль не пришло, что у Луки въ душѣ всколыхнулась любовная страсть, — все-же волнение пріятели отразилось въ сердцѣ Кириаковомъ, не чѣмъ инымъ, какъ мыслью о Настасьѣ. Вдругъ точно живая мелькнула она у него предъ очами.

— А дѣло вѣдь у меня до тебя, и не малое, песпокойно онъ сказалъ.

— Сказывай.

Лука сталъ слушать, какъ побѣдившій свою страсть человекъ слушаетъ разсказъ другаго, еще болящаго тѣмъ-же душевнымъ недугомъ. Кириакъ открылъ другу все свои сомнѣнія и смущенія.

— А будь другомъ, посовѣтуй, какъ мнѣ да тутъ быть. А самъ вѣдь не знаю: бѣжать-ли мнѣ отъ Настасьи Григорьевичевой, аль матушкино желанье сердечное выполнить. А и самъ я... ну, да самъ-то я сомутился весь, хожу будто потерянный, а чего хочю — и разобрать не могу.

Лука не сразу отвѣтилъ.

— И задачу-жь ты задалъ мнѣ! Ничего не сказать — обидѣть тебя, а говорить стать — не хуже-ль еще напугаешь. Къ твоей сумятицѣ да свою прибавишь. Вотъ кабы мнѣ въ душу къ Настасьѣ Григорьевичевой влѣзть да тамъ все уголочушки оглядѣть, точно могъ-бы я тебѣ, Кириакушко, посовѣтовать. А безъ того, промолчать мнѣ, видно.

— Не у тебя, у кого-жь мнѣ совѣта спрашивать? молящимъ голосомъ Кириакъ сказалъ. — Ума, скажутъ, слушать надобно, а тебѣ ума, слава Господу, не занимать стать.

— А ты не вѣрь тому слову лестному, у ума совѣта не спрашивай. Умо-ть лукавъ и хитеръ къ тому, ко всякой похоти на послугу бросается. А будемъ такъ

¹⁾ Знатно — извѣстно.

²⁾ Пѣдзерникъ — время, когда вѣтеръ листья съ деревьевъ поздергиваетъ.

говорить, что може на Настасю я золь, аль она мнѣ не по-мыслу пришла. А стану я тебѣ теперь совѣтовать, анъ моя злоба на верхъ и всплыветъ, а подскажетъ мнѣ про нея слово недоброе. Нѣтъ, о такихъ дѣлахъ сердечныхъ, ты у умнаго совѣтушка не спрашивай; въ этакомъ дѣлѣ, на всю-то жизнь рѣшительномъ, умъ не совѣтчикъ.

— Не съ ума, съ кого-же совѣта-то спрашивать?

— А съ протестца что безъ лукавства ходить, а говорить безъ хитрости.

— А гдѣ-жъ мнѣ такого найти? какъ-бы съ отчалнѣемъ Кириакъ вскричалъ.

— А гдѣ-бы? переспросилъ Лука, и откинувъ назадъ голову, наморщилъ лобъ, какъ-бы вспоминая гдѣ такой протестецъ живетъ.

— А ладно-ко. Такъ вотъ и стану сказывать, заговорилъ вдругъ чей-то невѣдомый голосъ.

Кириакъ съ удивленіемъ глянулъ въ уголь, откуда слышался голосъ, и увидѣлъ, что тамъ сидитъ, склони голову, незнаемый человекъ, не старъ еще, а лысъ. Одѣтъ въ одной рубашкѣ самой суровой да къ тому-же старой и дырявой, старой-же измочалившейся веревкой подпоясанъ, а на ногахъ у него сапоги не много носевныя, шитя и товару хорошаго: сейчасъ видно, что съ боярской ноги. Пока Кириакъ невѣдомаго человека разглядывалъ, тотъ опять заговорилъ.

— А у князя-тѣ дочі, сказываю, повѣствоваль онъ самъ не зная кому, — больной лежитъ, а который ужъ годъ и невѣдомо. А и тутъ бы во снахъ, а въ явь вѣдь князю слышится, что ѣде въ городѣ Ерусѣлимѣ а владыко святой, онъ Аверкій на имячко. „А пошли моль во него ты скорыхъ гошцовъ, а челомъ ему ударъ святителю, а дасть онъ книжнѣ-то твоей исцѣленье.“ А долго-ль князьямъ да гошцовъ снарядить? А ямы у нихъ поставлены, а и въ нихъ ямники посажены, а не мало жъ у нихъ паробковъ, а и бѣира у нихъ за холопьевъ стоятъ. А и шлетъ онъ князь тѣхъ скорыхъ гошцовъ, въ Ерусѣлимъ градъ, ко святому владыкѣ Аверкію. А и будутъ послы княженецкіе, въ Ерусѣлимъ градъ великоемъ, во святомъ томъ во монастырѣ, — гдѣ святитель, понимаешь, живѣ. — во владычныхъ сѣняхъ бѣлокаменныхъ. А оны тутъ передъ образомъ становятся, а и Спасову лику молятся, Пречистой Святой Богородицѣ, а владыкѣ челомъ бьютъ, а о спасеніи княжымъ именемъ его спрашиваютъ, а дѣло-тѣ ему свое повелѣнное докладываютъ. Что такъ моль и такъ: „лежитъ княжнѣ дочі она немочья, а ты бы, владыко, а святой вѣдь Аверкій на имячко, подвинулся, исцѣлилъ бы ты нашу молодую княжну. А нашо-тѣ князь, онъ милостливый, а и монастырь-то твой онъ пожалуетъ, а и дасть тебѣ свою грамоту за печатью своей княжепецкою, посеребрянной, на то-ли на свое на велико на жалованье, а на волости тѣ на богатя, а съ рыбною ловлею, а со тѣми соляными со варницы старорусьскими“ Аверкій святой, владыко Ерусѣлимскій, а былъ вѣдь онъ скоръ на умоленіе, живо въ путь снаряжается, а берѣ на дороженьку всего одну прѣсфору. А гошцы-те княженецки дивуются, что столь дологъ путь, а владыко берѣ одну прѣсфору. А судятъ оны по своей по утробѣ ненасытності. А надоть сказать, нельзя промолчать: что мѣлода-тѣ княжна а бѣсна была, — бѣсо-тѣ въ ней, понимаешь, гвѣздо свилъ. А почувялъ бѣсъ про Аверкія, что ѣде выгоняти его, а испроговорилъ онъ чрезъ тѣ уста дѣвичьи чистыя: „а слышь-ко, княже, какъ стане владыко гвать-то мепя. тутъ-то замечуся вѣдь я, а велико загода ты кровлю рознять, не то все твои палатушки порѣзнесу, а и все терема тѣ высокіе.“

Тутъ нестарый человекъ вдругъ замолчалъ и лысую голову еще ниже склонилъ.

— Кто таковъ? шепотомъ, точно боясь обезноконть бѣдняка, спросилъ Кириакъ.

— Аль не знаешь ты? Аль у меня его николи не захватывалъ? шепотомъ же Лука отвѣчалъ. — И то правда, что на вашу сторону Софійску рѣдко онъ заходитъ, а больше по Торговой нашей бродитъ. А купецкой, вишь, онъ сыпъ, только отцо-тѣ его проторговался, въ изгон попалъ ¹⁾, а сына потому жъ Изгойченкомъ прозвали. А нѣ онъ юродивой, нѣ розумомъ простъ. А что сейчасъ вотъ сказывалъ, такъ повѣствовать житіе Аверкіево собирается. Сказывалъ онъ мнѣ, что есть у него начетчикъ-старикъ, онъ ему изъ книгъ житія вычитываетъ, а онъ ихъ по своему сказываетъ, чтобъ пародушку было, значить, попонятнѣе. Ничего, хорошо сказываетъ, а и пародушко его слушаетъ. А что бываетъ, какъ сейчасъ вотъ, Ерополь съ Ерусѣлимомъ смѣшалъ, такъ то не велика бѣда, аль вотъ еще староруську-то варницу соляную припуталъ. А дѣло его выходитъ доброе, а еще душеспасительно. А даръ этотъ сказательный есть же у него. А самъ сердцемъ сколь прѣстъ, рассказать нельзя: кто что ни попроситъ у него, а отдать сейчасъ все готовъ до рубашки. А татъ его грабить станеть, и тому безропотно все съ себя снять дастъ. А...

Тутъ Изгойченко, ровно отъ сна пробудясь, опять сталъ сказывать.

— А оцѣ былъ, говорилъ онъ, — у насъ въ Новѣгородѣ. А шель по ѣлушкѣ святой юродивый, а и видить: бѣсъ по-падъ домомъ летать. Вотъ какъ птица бы, аль нѣтопырь, только нашимъ грѣшными очами не видно, а святому-то явственно. И скричалъ юродивый бѣсу: „Вѣсе! а бѣсе! все ты летаешь, а чмъ ты свою голову питаешь?“ А бѣсо-тѣ, враго-тѣ этотъ аваемекій, святому въ отвѣтъ: „а летаю де да гляжу оцѣ, а пѣть-ли гдѣ горшка, кадки-ль венкрытыя, аль ѣства неблагословленнаго. А тутъ я въ крынку, въ горшокъ-ли пырну, а тамо-тко нажруся, паньюсь, да въ ѣстео-ль, нитье-ль панлюю да нахаркаю. А кто ѣсть, пѣть не-покрыто, покрещенно, неблагословенно, а съ того моего харканья у него въ черевѣ болѣсть всяка заводится. И моръ на людей оттуда же.“

Тутъ Изгойченко замолчалъ и началъ ужъ голову на грудь склонять, да точно вспоминая что, поднялъ голову и снова сталъ сказывать, съ радостнымъ, какъ будто озареннымъ лицомъ.

— А про моро-тѣ говорилъ, — а скажутъ будто Смерѣтушка по-людямъ ходитъ. А не правда вѣдь. Ходила смерть по-людямъ, въ досельныя времена, некрещеныя, а пунько нѣ-ходить. А носила она въ тѣ поры мѣшокъ съ собой, подъ лѣвою мышкою, а въ томъ мѣшкѣ у нея пилы съ подпилками, ножи да ножечки а оцѣ буравчнки были кладены, а къ тому же и гвоздь съ молотомъ. А пилами сухи жилы подпиривала, а пожарами живыя подрѣзывала, а гвоздь съ молотомъ въ сердце бѣивала, а людей всячески мучила. А пунь, какъ приде смертный часъ крестьянину, а пошле Господь своего ангела по его по-душю, а стане ангель у взголовица, а дасть вышнѣ чашу смертнѣю.

— Вотъ протестца-то тебѣ, съ кѣмъ посоветовать. Лука Кириакъ сказалъ, — ужъ этотъ скажетъ по совѣсти.

И слѣдомъ крикнулъ: — Изгойченко, а Изгойченушко! а пододвинься-ко къ намъ.

Изгойченко встрепенулся, и оглядѣсь какъ вспугнутый звѣрокъ, вскочилъ на ноги и, шлепая широкими, не по ногѣ сапогами, вышелъ на средину комнаты.

— А, боярско житье! вѣдь сладкое! А и сладко житье, да таково-ль сладко на томъ свѣтѣ буде? заговорилъ онъ, и сталъ расхаживать по комнатѣ, размахивая руками, въ увѣренности, что ловко передразниваетъ боярина. — Охъ, и медо-тѣ на столѣ, а и чарочка по чарочкѣ и братина вся! Эй, слышь-ко, паробокъ! а нива я хочу горячаго, а ходь-ко нива нацѣди,

¹⁾ Изгой — вывѣшанный по пѣвѣстнымъ причинамъ изъ своего общества, или сословія.

да имбирю натолки, а оцѣ камень разожги, чтобъ какъ кипу его въ жбанъ, а оцъ бы тамъ заскворчалъ. Слыши, болвапъ, разожги дюжѣй, чтобъ пиво было горячѣй, да бѣги живѣй! Не то чоботъ симу да тебѣ морду утру. Ха, ха, ха!

Изгойченко не захохоталъ, а скорѣе заржалъ, а самъ запрыгалъ, заскакалъ, и сталъ шлпать себя руками по голому тѣлу.

— А полно жъ тебѣ! прикрикнулъ на него Лука и потише Кириаку сказалъ: — А портить его бѣяра да кушцы молодые да глушые, шутить, веселить себя заставляючи.

Изгойченко не раньше увидалъ какъ послѣ втораго окрика; тутъ оцъ замолчалъ, и сталъ глядѣть на Луку милыми и несмѣлыми очами. Умъ не то чтобъ свѣтился въ нихъ, а какъ-то робко, точно совѣстись, изъ за угла выглядывалъ.

— Умница ты у меня, Изгойченушко, а шута изъ себя, дурака зачѣмъ же строишь? Ты лучше-ко по-дойди да на мѣлода боярина вотъ погляди. Слыши,

оцъ прїятель мнѣ, дружокъ собинный. Про тебя прослыша, съ Софійской стороны прїѣхалъ а съ тобой по-совѣтовать. Скажи-т-ко: жениться-ль ему, аль погодить еще?

Изгойченко сталъ на Кириака глядѣть, и смотрѣлъ какъ-то особенно: глаза у него потускнѣли, ровно слезой задернулись, и хотя оцъ глядѣлъ прямо въ лицо Кириаку, а казалось не на него смотреть, а какъ-то внутрь себя, какъ беременная женщина.

— А ты въ кусты поѣзжай, Богу сперва помолись, а тамъ и женись, скороговоркой пробормоталъ оцъ.

Лука съ Кириакомъ обмѣнялись взглядомъ: „къ чему моль это?“

Какъ Кириакъ домой ужъ поѣхалъ, то вспомнилось ему что оцъ и самъ раздумывалъ, что не худо бы ему, хотя на время, перестать ѣздить къ Григорьевичевой.

„Вотъ оцъ къ чему про кусты-то,“ — растолковалъ Кириакъ Изгойченково слово, „а и Богу помолиться — хорошъ же совѣтъ. Лука, поди, умнѣй не придумалъ бы.“

конецъ первой части.

Исторія одного таланта.

Повѣсть Н. Станицаго (автора романа *Три страны свѣта*).

(Продолженіе).

Черезъ нѣсколько дней я пошелъ на почту узнать, нѣтъ-ли мнѣ писемъ. Впереди меня у окна *poste-restante* стояла Дуниша; ей подали письмо, и я черезъ ея плечо успѣлъ замѣтить русскую марку. Дуниша не замѣтила меня; я ее догналъ на улицѣ и случайно спросилъ:

— Получили письмо для барышни?

Она меня поразила своимъ испугомъ и словами:

— Сдѣлайте божескую милость, не проговоритесь Черномору, что я для барышни получаю письма изъ Россіи.

Я успокоилъ Дунишу. Она просила меня прїидти вечеромъ пить чай, сказавъ:

— Вы всегда развеселите ее чѣмъ-нибудь; что-то она эти дни грустна; а живодерь съ каждымъ днемъ все хуже и хуже становится. Околѣвалъ-бы, — такъ нѣтъ, всталъ на ноги, чтобъ еще пуще мучить ее, бѣдную.

Вечеромъ я прїшелъ къ чаю. Дуниша отворила мнѣ дверь и zvolнованнымъ голосомъ произнесла:

— Какъ прочла письмо, такъ на ней лица нѣтъ, а оцъ кричить на нее теперь.

Я вошелъ въ комнату и точно увидѣлъ слѣды слезъ на глазахъ Катерины Михайловны. Она сидѣла у окна за шитьемъ, а Сивцовъ ходилъ по комнатѣ и, увидѣвъ меня, со злобой сказалъ:

— Полюбуйтесь! Это артистка! Завтра ей надо нѣтъ, а она плакать изволила! И что возмутительно—плачетъ-то о чемъ! Эта дрянная болтушка навѣрно получила отъ своего бѣдушки письмо съ извѣщеніемъ о Порошковѣ. Каково вамъ покажется? Нѣтъ, это только русская женщина способна такъ относиться къ своему голосу!

— Ахъ, Боже мой! какъ то перню прервала Сивцова Катерина Михайловна. — Что вы волнуетесь? Я буду завтра нѣтъ! И она ушла въ свою комнату.

Сивцовъ въ недоумѣніи съ минуту постоялъ, потомъ быстро пошелъ за ней. Но въ ту-же минуту, какъ полоумный, выглянулъ изъ двери, крича:

— Доктора! воды!

Я бросился къ Дунишѣ въ кухню, безсознательно повторяя то же самое:

— Доктора! воды!

Дуниша съ ковномъ воды пролетѣла въ комнату барышни, а я съ графиномъ послѣдовалъ за ней.

Катерина Михайловна лежала на диванѣ въ обморокъ. Дуниша бросилась мочить ей голову водой, а я теръ виски одеколономъ; Сивцовъ-же стоялъ неподвижно, какъ статуя, изображающая ужасъ.

— Вѣдите за докторомъ! прикрикнулъ я на него. Оцъ бросился вонъ изъ комнаты. Дуниша съ плачемъ, съ оханьемъ разстегнула воротничекъ, сняла съ шеи Катерины Михайловны цѣпочку съ медальономъ и, подавая его мнѣ, сказала:

— Спрячьте къ себѣ, а то еще увидитъ мучитель-то ея.

Я сунулъ медальонъ въ жилетный карманъ.

Катерина Михайловна очнулась, уткнула лицо въ подушки и истерически зарыдала. Видно было, что ея страданія перешли границы. Я дѣлалъ знаки плачущей Дунишѣ, чтобъ она своимъ участіемъ не мѣшала барышнѣ выплакать свое горе.

Когда Катерина Михайловна перестала рыдать и лежала спрятавъ лицо въ подушки; Сивцовъ возвратился съ докторомъ. Я вышелъ и въ другой комнатѣ поджидалъ, что скажетъ докторъ. Сивцовъ проводилъ доктора въ переднюю, долго

что-то съ нимъ разговаривалъ и, когда вернулся, то на мой вопросъ: „что сказалъ докторъ о больной?“ воскликнулъ съ отчаяніемъ:

— Боже мой, Боже мой! Она завтра не можетъ нѣтъ!

И потокъ брани посыпался на Дунишу, на ученицу, на Порошково и на Россію.

— Не знаете-ли вы, чѣмъ она такъ огорчилась? спросилъ меня Сивцовъ.

Я отрицательно покачалъ головой, а самъ подумалъ: „нашелъ дурака,—чтобы я тебѣ выдалъ тайну твоей ученицы“. Мнѣ стало ясно, что есть какой-то печальный романъ въ жизни Катерины Михайловны. Въ первый разъ я возвратился въ свой номеръ отъ Катерины Михайловны въ скверномъ расположеніи духа, а противъ Сивцова я чувствовала страшную злость...

Раздѣваясь, я сунулъ въ карманъ жилета рубку и вытащилъ медальонъ. Я положилъ его на ночной столикъ и, лежа въ постели, походилъ на почтмейстера въ „Ревизорѣ“ съ письмомъ Хлестакова; я скорѣе потушилъ свѣчу отъ соблазна, но долго не могъ заснуть, все думая о бѣдной Катеринѣ Михайловнѣ, у которой въ Россіи должно быть остались слишкомъ сильные привязанности.

Вѣсть о внезапной болѣзни примадонны разнеслась по городу; всѣ ожидали перемѣны спектакля. За то съ какой радостью привѣтствовали ея появленіе на сценѣ! Я даже нашелъ, что она иногда такъ хорошо не пѣла, какъ въ этотъ вечеръ. По праву родственника я имѣлъ уже свободный доступъ за кулисы.

Катерина Михайловна пригласила меня ужинать къ себѣ. Она ничего не ѣла, такъ была утомлена, и прощалась со мной, сказала:

— Прїѣзжайте завтра съ утра за мной въ коляскѣ, мнѣ необходимо подышать чистымъ воздухомъ, полежать на травѣ; я возьму Дунишу, и мы поѣдемъ на ферму.

И, не слушая протеста Сивцова, ушла въ свою комнату.

Я вышелъ отъ Катерины Михайловны вмѣстѣ съ Сивцовымъ, и оцъ мнѣ сказалъ:

— Вы не вздумайте исполнить ея дикаго желанія, она должна завтра цѣлый день пролежать въ постели. Пожалуйста, не являйтесь къ ней нѣсколько дней: ей нуженъ покой.

— Ну, ужъ извините! Я исполню желаніе Катерины Михайловны. Вы лишаете ее самаго пустаго развлеченія.

— Какихъ, по вашему, ей нужно развлеченій? гнѣвно спросилъ меня Сивцовъ. — Какая благоразумная нѣвица можетъ выдумать себѣ такой негнѣный отдыхъ? Она не имѣетъ права такъ небрежно относиться къ своему голосу... Вотъ, гдѣ проявится татарщина въ русскихъ! Мы на все плѣдемъ, для насъ нѣтъ ничего святаго, для безобразныхъ минутныхъ капризовъ мы готовы пожертвовать самыми важными и высокими обязанностями... Признаюсь, отъ васъ-то я никакъ не ожидаю поощренія этой татарщины!

— Я также не ожидалъ, что вы превратитесь въ такого односторонняго человѣка и въ такого отчаяннаго деспота во имя искусства.

— Я... я деспотъ? крикнулъ Сивцовъ, остановясь.

— А еще-бы нѣтъ!.. и если на то пошло, такъ я вамъ выскажу мой взглядъ на ваши отношенія къ своей ученицѣ: подъ видомъ охраненія ея голоса, вы дали волю своему чувству!

— Это какому?

— Ревности.

Сивцовъ разразился неестественнымъ смѣхомъ и съ негодованіемъ отвѣчалъ:

Французскій король Францискъ I со своими вѣрными друзьями. Картина графини Елизаветы Поччи, грав. Кнезингъ.

— Отлично, отлично! Вот какое вывели вы заключение из заботы о моей ученице! Мальчишка, что-ли, я, что буду думать о любви? Вспомните мои года! Я, еще сидя в Полыновкѣ, тщателью апализировал свои чувства къ ней и убѣдился въ чистотѣ ихъ! Я вамъ выскажу свой взглядъ на любовь. Это—одна распушенность, мелкое и эгоистическое чувство въ человѣкѣ, и тотъ, кто проникается высокими интересами въ жизни, не придаетъ важности мимолетному одуренію, подъ названіемъ „любви.“ Всѣмъ, кажется, извѣстно, что любовь—кратковременная вспышка, ненормальное состояніе, и кончается полнымъ охлажденіемъ. Для мужчины это мимолетное одуреніе проходитъ даромъ, а женщины приходится всегда дорого расплачиваться за эту дурь; вся ея жизнь отравлена грубыми, пошлыми интересами. Я хочу уберечь ее отъ такой печальной участи; сама природа дала ей всѣ средства къ неисчерпаемымъ высокимъ наслажденіямъ. Искусство никогда не измѣнитъ ей, какъ ваша любовь. Я хлопочу только объ одномъ, чтобы она это поняла... Теперь вы знаете мои воззрѣнія на любовь и мои безкорыстные цѣли и, вѣрно, сами разсмѣетесь, даже устыдитесь своихъ нелѣпыхъ открытій насчетъ меня!

Съ этими словами Сивцовъ повернулся ко мнѣ спиной и чуть не бѣгомъ ушелъ отъ меня. Мнѣ было не до смѣха, да и Сивцовъ ошибся, думая, что доказалъ мнѣ свои безкорыстные чувства къ своей ученице. Очень можетъ быть, что онъ и самъ не сознавалъ своихъ настоящихъ чувствъ и желалъ лишь навсегда закрѣпить свои права на ученицу, охраняя ее отъ сердечной привязанности.

Утромъ явился къ Катеринѣ Михайловнѣ съ коляской и съ холодной провизіей для нашей прогулки; по Дуняша уже все приготовила, чтобы состригать на фермѣ настоящей обѣды. Катерина Михайловна дорогой была молчалива. На фермѣ мы нашли только одну дрихлую старуху, а все остальное семейство уѣхало на свадьбу къ родственникамъ. Дуняша завладела очагомъ и посудой и занялась стряпней. А Катерина Михайловна, уставъ съ дороги и разморенная свѣжимъ воздухомъ, сладко заснула подъ тѣнью дуба. Я было послалъ къ чорту всадника, который показался вдалекѣ, но онъ, вѣрно, замѣтилъ насъ, сошелъ съ лошади, вялъ ее подъ узды и пошелъ къ фермѣ. Я узналъ въ путешественникѣ американца. Это меня взбесило и удивило; какъ онъ могъ узнать, что примадонна на фермѣ? Потомъ я сообразилъ, что самъ сдѣлалъ промахъ, заказавъ съ вечера будущему Раулю папьять коляску на ферму и приготовить провизію. Я рѣшилъ не тревожить Катерину Михайловну извѣстіемъ объ американцѣ, пошелъ на ферму узнать, не готовъ-ли обѣдъ, и напелъ слѣдующую картину: Дуняша хлопотала около кострюлекъ, американецъ глубокомысленно крошилъ бобы. Онъ не оставилъ своей стряпни при моемъ появленіи, только приподнял свою шляпу и добродушно улыбнулся. Дуняша затараторила:

— Пришелъ и сѣлъ; а я себя думаю: „постой голубчикъ, я тебя выживу отсюда“, и говорю ему...

— На какомъ-же языкѣ вы могли разговаривать? спросилъ я.

— Какъ еще хорошо понялъ меня! Я ему сунула бобы и говорю: „сньюра хочетъ кушать“—и показала ему на свой ротъ, а онъ и сѣлъ у меня за работу.

И Дуняша залилась смѣхомъ.

Мнѣ было тоже смѣшно видѣть за стряпней господина въ французскомъ костюмѣ дѣла верховой ѣзды. Онъ былъ высочайшаго роста, атлетическаго сложенія, смуглый и съ неподвижнымъ лицомъ.

Я передалъ Катеринѣ Михайловнѣ, какую забавную сцену я видѣлъ сейчасъ. Она заволновалась и хотѣла немедленно уѣхать домой; но я началъ ее стыдить, что она придаетъ значеніе самымъ обыкновеннымъ вещамъ, и совѣтовалъ ей не обращать вниманія на американца.

Въ это время мы увидѣли шестіе съ фермы: Дуняша неслла тарелки, стаканы и скатерть, а за ней американецъ несъ живанъ.

Трудно было подобрать такой контрастъ: Дуняша, живая какъ ртуть, раскраснѣвшаяся, казалась ребенкомъ передъ высочайшею, неподвижною фигурой американца.

Я засмѣялся и сказалъ Катеринѣ Михайловнѣ:

— Пригласимъ его пообѣдать съ нами, послѣ этого ему неловко будетъ дежурить на часахъ у подъязда, а вамъ учитель будетъ спокоенъ.

Дуняша обидчиво воскликнула, когда, по нашему приглашенію, американецъ сѣлъ за столъ:

— Ну, вотъ, барышня, отбили у меня моего помощника!

Американецъ съ большимъ трудомъ могъ изъясниться па французскомъ языкѣ; мы едва сдерживали улыбку при его усиленныхъ составлать фразы; впрочемъ, онъ держалъ себя съ большимъ тактомъ и послѣ обѣда немедленно раскланялся съ нами, поблагодаривъ за гостепримство, и уѣхалъ.

Дуняша послѣ его отъѣзда явилась къ намъ сердитая и обидливая, что она порядкомъ выругала верзилу.

— За чтѣ? спросила Катерина Михайловна.

— Вѣрно любезничать началъ? замѣтилъ я.

— Ну, я-бы кочергой его хватила! А то выдувала мнѣ совать золотой въ руку,—я ему показала кулакъ.

Мы сдѣлали большую прогулку и потомъ поѣхали домой. Сивцовъ поджидалъ насъ у калитки дома.

— Тереди себя бороду, а мы славно прогулялись безъ тебя!

шенотомъ произнесла Дуняша, и прибавила:—Смотрите, ни гу-гу о томъ, что барышня обѣдала съ верзилою: онъ ее забѣст!

Я не желалъ усиливать дурнаго расположенія духа Сивцова и не вошелъ въ комнаты, а простился съ Катериной Михайловной у калитки.

Съ этого дня американецъ каждое утро являлся ко мнѣ въ номеръ бесѣдовать. Я приобрѣлъ навѣкъ понимать его, да и онъ, вѣрно, конфузился въ присутствіи примадонны, когда такъ плохо изъяснялся на французскомъ языкѣ. Я узналъ отъ него, что онъ скитается по Европѣ уже пять лѣтъ; что онъ нежданно получилъ въ наслѣдство огромный капиталъ; что еще ни одна женщина ему такъ не нравилась, какъ русская примадонна; что ему надоѣла холостая жизнь, и онъ готовъ жениться. Я постарался втолковать ему, что примадонна не выйдетъ за него замужъ.

— Да я вѣдь очень богатъ! съ наивностью отвѣчалъ онъ.

— Еслибы вы были втрое богаче, то для примадонны это не имѣло-бы никакого значенія.

— Такіхъ глупыхъ женщинъ пѣтъ! съ увѣренностью замѣтилъ американецъ.

Онъ, вѣроятно, имѣлъ право это говорить, потому что, шляясь по Европѣ, приобрѣталъ расположеніе разныхъ артистокъ и всякихъ другихъ женщинъ, надѣясь на деньги.

— Есть вездѣ странныя женщины въ этомъ отношеніи. Лучше не теряйте времени по-пусту, посовѣтовалъ я американцу...

Сивцовъ со дня нашей прогулки бросалъ на меня злобные взгляды, когда я являлся нить чай къ его ученице. Онъ былъ невыносимо придирчивъ: то бранилъ ее, что она безчувственно пѣла, то вскидывался на нее, что она слишкомъ много придаетъ значенія игрѣ.

— Вы не драматическая актриса, а пѣвица, говорилъ онъ ей;—или вы намѣрены подражать пошлымъ пѣвцамъ и пѣвицамъ, которые бьютъ на эффектъ, на неучей? Но помните, что между профанами васъ слушаютъ люди хорошо! понимающіе музыку, и вы меня срамите!

— Гдѣ мнѣ думать объ эффектѣ, когда я безъ страху не могу выйти на сцену! кратко отвѣчала Катерина Михайловна.

— А отчего вашъ страхъ происходитъ?—отъ недобросовѣстности! Вы вѣчно заняты всякими пустяками, вамъ некогда обдумать хорошенько свою роль. Непростительно такое небрежное отношеніе къ сценѣ! Воображаетъ, что если публика снисходительна къ ней, то она ужъ достигла совершенства!

— Ничего подобнаго я никогда не думала, опять съ той-же кротостью отвѣчала Катерина Михайловна.

— Нѣтъ-съ, думаете, иначе вы-бы наканунѣ спектакля не плакали до обморока, не скакали-бы чортъ знаетъ куда, чтобы полежать на сырой травѣ, когда вамъ нужно было лежать въ постели. Все это доказываетъ, что у васъ въ головѣ однѣ глупости, что вы способны потѣрять голосъ изъ-за дикихъ вашихъ капризовъ!

Меня такъ и подмывало выругать Сивцова, по Катерина Михайловна останавливала меня своимъ взглядомъ, въ которомъ я читалъ просьбу молчать.

Сивцовъ захотѣлъ назначить тройную цѣну на мѣста въ бенефисъ своей ученицы; она упрашивала его не дѣлать этого, но онъ ее и слушать не хотѣлъ.

— Я возвышаю цѣну не изъ барышничества, а для поддержки вашего достоинства въ глазахъ будущихъ импресаріевъ,— я лучше васъ знаю ихъ.

— Публика уже объ этомъ позаботилась, сказалъ я,—а вы, возвысивъ цѣну на билеты въ бенефисъ вашей ученицы, только дадите всѣмъ поводъ думать, что она алчная къ деньгамъ, когда этой черты нѣтъ въ ея характерѣ.

— Я и безъ васъ знаю, что Катерина Михайловна способна бросать деньги на вѣтеръ—то и дѣло посылаетъ въ Россію.

— Ну, много-ли я послала денегъ Григорію Семенову и Антипичу? произнесла Катерина Михайловна обиженнымъ тономъ.

— Еще-бы я вамъ позволилъ сорить деньги на всѣ стороны!.. Прошу васъ, попрежнему, не вмѣшивайтесь въ мои распоряженія,—я поступлю, какъ мнѣ кажется лучшимъ; въ совѣтчикахъ не нуждаюсь!..

Не смотря на дорогую цѣну, за три дня до бенефиса всѣ билеты были разобраны. Я волновался за Катерину Михайловну — она странно робѣла выступить на сцену въ роли „Пормы“ — но она блистательно исполнила ее; особенно ей удалась сцена съ дѣтми. Я ужъ не говорю, какъ публика осыпала ее цвѣтами и вѣнками на сценѣ; но послѣ спектакля у подъязда ей вновь сдѣлали овацію: какъ только она вышла, чтобы сѣсть въ карету, толпа окружила ее, жала ей руки, кричала, аплодировала. Сивцовъ напелся высвободить примадонну отъ восторженной толпы,—онъ закричалъ по-итальянски:

— Пустите ее сѣсть въ карету, хотите, чтобы она простудилась?

Толпа разступилась. Сивцовъ проворно усадилъ Катерину Михайловну въ карету при крикахъ и рукоплесканіяхъ толпы. Я пріѣхалъ десятью минутами позже въ квартиру Катерины Михайловны. Дуняша вся въ слезахъ отворила мнѣ дверь и сказала:

— Идите скорѣе; онъ ее, бѣдную, совсѣмъ заѣстъ!

— За что?

— А зачѣмъ я приняла корзинку цвѣтовъ. Я пріѣхала раньше ихъ, — позвошили — я думала: барышня; впопыхахъ отворила дверь, — мнѣ кто-то сунулъ въ руку корзинку, сказавъ: „сильоривѣ“, и убѣжалъ. Я поставила корзинку на столъ, а какъ пріѣхалъ черноморъ, увидалъ корзинку — точно бѣлены обѣлся — началъ кричать, что я продаю свою барышню, и хочетъ отослать меня къ дѣдушкѣ.

И Дуняша горько заплакала.

Я слышалъ гнѣвные крики Сивцова изъ комнаты и поспѣшилъ войти. У самой двери и споткнулся о валявшуюся на полу корзину съ цвѣтами. Я увидалъ футляръ, тоже на полу, и поднялъ его. Сивцовъ нисколько не умѣрилъ своего гнѣва и продолжалъ кричать съ пѣной у рта.

— Завтра же отправлю ее въ Россію! Она подкуплена, неблагодарная, мерзкая дѣвчонка!

Катерина Михайловна сидѣла за накрытымъ столомъ. Я открылъ футляръ и увидалъ дорогой брилльянтовый браслетъ.

— Отличный подарок! отъ неизвѣстнаго? спросилъ я, положивъ его на столъ.

— Отъ очень извѣстнаго ей дурака и нахала! воскликнулъ Сивцовъ, — а ему брошу въ лицо его брилльянты!

— Чѣмъ и докажете вамъ татаршину. И гдѣ это видно, чтобъ оскорбили человека за укоренившійся въ публикѣ обычай — подносить подарокъ любимой артисткѣ? спросилъ я Сивцова.

— Это не публика, а просто шалонай, которому все равно, что скаковая лошадь взвивая призь на скачкахъ, что пѣвица; они одинаково тщеславятся пріобрѣтеніемъ того и другаго на свои деньги. А я вотъ проучу ихъ наглость, покажу имъ, что они дерзкіе дураки!

— Подарокъ мнѣ присланъ, и я оставляю его у себя, сказала Катерина Михайловна, такимъ тономъ, что Сивцовъ отъ удивленія на секунду умолкъ, но тотчасъ же продолжалъ:

— И надѣнете этотъ браслетъ на сценѣ, чтобы поощрить богача прислать вамъ подарокъ еще подороже?

И онъ отвратительно захохоталъ.

Я только что хотѣлъ отвѣтить Сивцову, но Катерина Михайловна остановила меня, и, обратясь къ Сивцову, спокойно отвѣтила ему на его оскорбленіе:

— Этого браслета я никогда не надѣну...

— Догадываюсь! перебилъ ее Сивцовъ, — продадите его! Я знаю, что вы желаете купить Порошкovo. Но я вамъ ручаюсь — черезъ два года вы будете имѣть великолѣпную виллу въ Италіи.

— Мнѣ не нужно никакихъ виллъ въ Италіи, перебила его Катерина Михайловна. — Я устала, хочу скорѣе лечь въ постель, а вы не даете мнѣ уснокоиться.

Сивцовъ стиснулъ зубы такъ, что слышенъ былъ скрежетъ ихъ, а я былъ въ восторгѣ, что наконецъ Катерина Михайловна возмущилась и протестовала противъ безобразій своего учителя.

Конечно, ужинъ былъ мрачный, и мнѣ было обидно, что ей, бѣдной, послѣ всѣхъ волненій отъ овацій публики и отъ массы букетовъ и вѣнковъ, которые сыпались на нее, доставалась только одна корзинка — и ту Сивцовъ исковеркалъ, а все остальное велѣлъ оставить въ уборной.

Мы вышли отъ нея вмѣстѣ. Сивцовъ, иди по двору, ворчалъ самъ про себя:

— Она думаетъ о проклятомъ Порошкoвѣ!.. Хорошо же, я приму энергическія мѣры. Никогда, пока я живъ, не видать ей Россіи!

— Запродадите свою ученицу на десятки лѣтъ иностранцамъ автрепренерамъ? произнесъ я, возмущенный до глубины души.

— Запродамъ! Сама будетъ благодарить меня, какъ пройдетъ дурь! отвѣчалъ Сивцовъ.

Какъ только мы вышли на улицу, онъ повернулъ въ противоположную сторону отъ меня, хотя это ему было вовсе не по дорогѣ. Я былъ доволенъ, потому что боялся за себя — въ такое онъ привелъ меня раздраженіе.

Будущій Рауль подтвердилъ мою догадку, что подарокъ былъ присланъ отъ американца. Петруччіо и доставилъ корзину на квартиру примадонны.

Сивцовъ окончательно не могъ выносить моего присутствія у своей ученицы; какъ только я входилъ въ комнату, онъ бралъ свою шляпу и уходилъ. Я сообщилъ его угрозы Катеринѣ Михайловнѣ, которая отвѣчала мнѣ на это:

— Въ минуты раздраженія онъ самъ не сознаетъ что говорить; но онъ очень ошибается во мнѣ: я въ мелочахъ уступчива, но если дѣло идетъ о томъ, что мнѣ дорого въ жизни, никто на свѣтѣ не заставитъ меня уступить!

Разъ утромъ я сидѣлъ въ своемъ номерѣ и писалъ письма въ Россію, съ извѣщеніемъ о продленіи моего путешествія, — кто-то постучался. Я крикнулъ, чтобы вошли, и вскопчилъ въ исцугѣ со своего мѣста при видѣ Дуняши.

— Скорѣй идите къ барышнѣ! она васъ зоветъ къ себѣ. Скорѣе! торонила она меня.

Я схватилъ шляпу и, выбѣжавъ на улицу, взявъ фіакръ, и тогда только сталъ спрашивать Дуняшу, что случилось съ Катериной Михайловной. Дуняша со слезами отвѣчала:

— Должно быть, барышня получила какое-нибудь очень нехорошее письмо изъ Петербурга; какъ прочла его, такое лицо у нея сдѣлалось страшное, что у меня ноги подкосились, на-силу добѣжала къ вамъ съ ея приказаніемъ. А я-то какъ еще радовалась, когда несла ей съ почты письмо, думала: „чу, вотъ обрадую!“ — а вотъ что вышло!

Я нашла Катерину Михайловну бѣдною и сильно встревоженною. Она сразу поставила мнѣ вопросъ:

— Можете вы сдѣлать мнѣ огромное одолженіе?

— Говорите! Я готовъ!

— Можете вы ускорить свой отъѣздъ въ Россію?

— Если вамъ нужно, то и завтра же могу выѣхать, даже сегодня вечеромъ: послѣдній поѣздъ отходитъ очень поздно и я успѣю все приготовить къ отъѣзду.

Въ эту минуту мнѣ показалось, что еслибъ Катерина Михайловна попросила меня, вмѣсто Петербурга, куда я обязанъ былъ ѣхать дней черезъ десять, поѣхать въ Сибирь, и то бы я охотно исполнилъ ея просьбу, чтобъ уснокоить ее.

— Я попрошу васъ дать телеграмму въ Петербургъ, сказала она, и тутъ же написала телеграмму, и отдавая мнѣ прибавила: — Вечеромъ, когда вы пріѣдете ко мнѣ проститься, у меня будетъ написано письмо, которое вы передадите лично.

Дуняша, узнавъ о моемъ неожиданномъ отъѣздѣ, воскликнула: — Какъ же это мы безъ васъ здѣсь жить-то будемъ?

До этой минуты мнѣ не пришло въ голову спросить: какъ же это я не буду болѣе видѣть Катерину Михайловну. Мнѣ сдѣлалось вдругъ очень грустно.

Телеграмму я послалъ; она была на имя друга дѣтства Сивцова, помѣщицы Онуфриевой. Катерина Михайловна извѣстила ее о моемъ пріѣздѣ съ деньгами и просила скрыть отъ какой-то дамы кѣмъ кѣмъ уплаченъ долгъ.

Изъ этой телеграммы я могъ заключить, что тутъ не участвуетъ мужескаго лица. Я пошелъ въ кафе, проститься съ Сивцовымъ; онъ замѣтно радовался тому, что я наконецъ уѣзжаю изъ Милана, но все-таки мы простились очень сухо, совсѣмъ не такъ какъ встрѣтились въ этомъ же кафе.

Вечеромъ я отправился къ Катеринѣ Михайловнѣ. Она должно быть меня нетерпѣливо ждала, потому что первый ея слова были:

— Успѣли все приготовить къ отъѣзду?

— Ыду съ послѣднимъ поѣздомъ, отвѣтилъ я.

— Вотъ вамъ письмо, а вотъ и браслетъ, который вы продайте, а деньги лично передайте по адресу... Дадутъ мнѣ двѣ тысячи за этотъ браслетъ? спросила она, передавая мнѣ браслетъ, который ей поднесъ американецъ.

— Онъ гораздо дороже стоитъ.

— Мнѣ нужно только двѣ тысячи.

— Чтѣ же мнѣ дѣлать съ остальными деньгами, если я продамъ дороже? спросилъ я.

— Отдайте всѣ деньги. Я напишу, что сдѣлать съ остальными.

— Итъ-ли еще какихъ порученій въ Россію?

— Нѣтъ! отвѣтила Катерина Михайловна, но торопливо добавила: — Чуть не забыла васъ попросить: ничего не говорите о раздражительности Сивцова, если о немъ васъ будутъ спрашивать.

— А о васъ чтѣ сказать, если спросятъ; чтѣ мнѣ отвѣчать?

— Скажите, я довольна своей жизнью... Въ самомъ дѣлѣ, я совершенно довольна: такъ легко дѣлается на душѣ, если можешь предотвратить большую непріятность хорошимъ людямъ.

— Вы о себѣ-то побольше думайте! замѣтилъ я.

— Развѣ это не значить думать о себѣ, если можешь исполнить свое желаніе?

Мы вдругъ оба замолчали, созная, что настала минута нашего разставанія и Богъ вѣсть свидимся-ли мы когда-нибудь.

Я первый поспѣшилъ прекратить это тяжелое настроеніе.

— Прощайте, произнесъ я, протянувъ руку.

— Спасибо вамъ за все! растроганнымъ голосомъ произнесла Катерина Михайловна, крѣпко сжимая мою руку.

— Неужели мы не свидимся? какъ-то невольно вырвались у меня эти слова.

— Если оба будемъ живы, то непременно свидимся въ Россіи, отвѣтила она.

— И поскорѣй бы, добавилъ я.

— Къ несчастью моему, я не скоро еще могу пріѣхать въ Россію, печально проговорила Катерина Михайловна. — Я никогда не забуду вашей услуги, прибавила она съ глубокимъ чувствомъ.

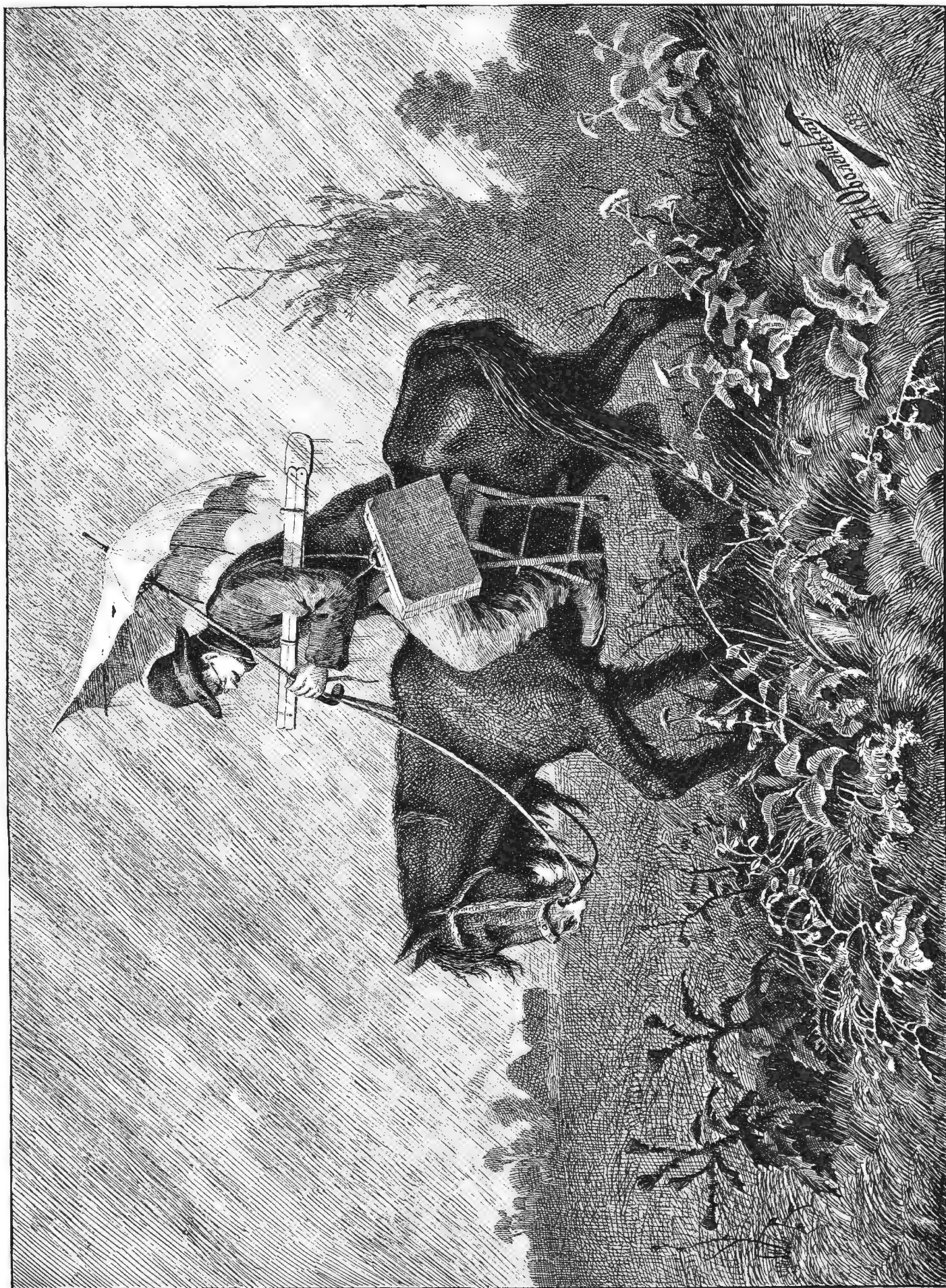
— Какая это услуга, днемъ раньше ѣхать въ Россію, отвѣтилъ я и поспѣшилъ уйти, потому что мнѣ сдѣлалось ужасно тяжело.

Дуняша, вѣроятно узнавъ, что я уѣзжаю по порученію ея барышни, уже не изъявляла своихъ сожалѣній, а проводивъ меня до калитки, только сказала на прощанье:

— Вы не забывайте мою барышню. Мы теперь съ однимъ Черноморомъ останемся.

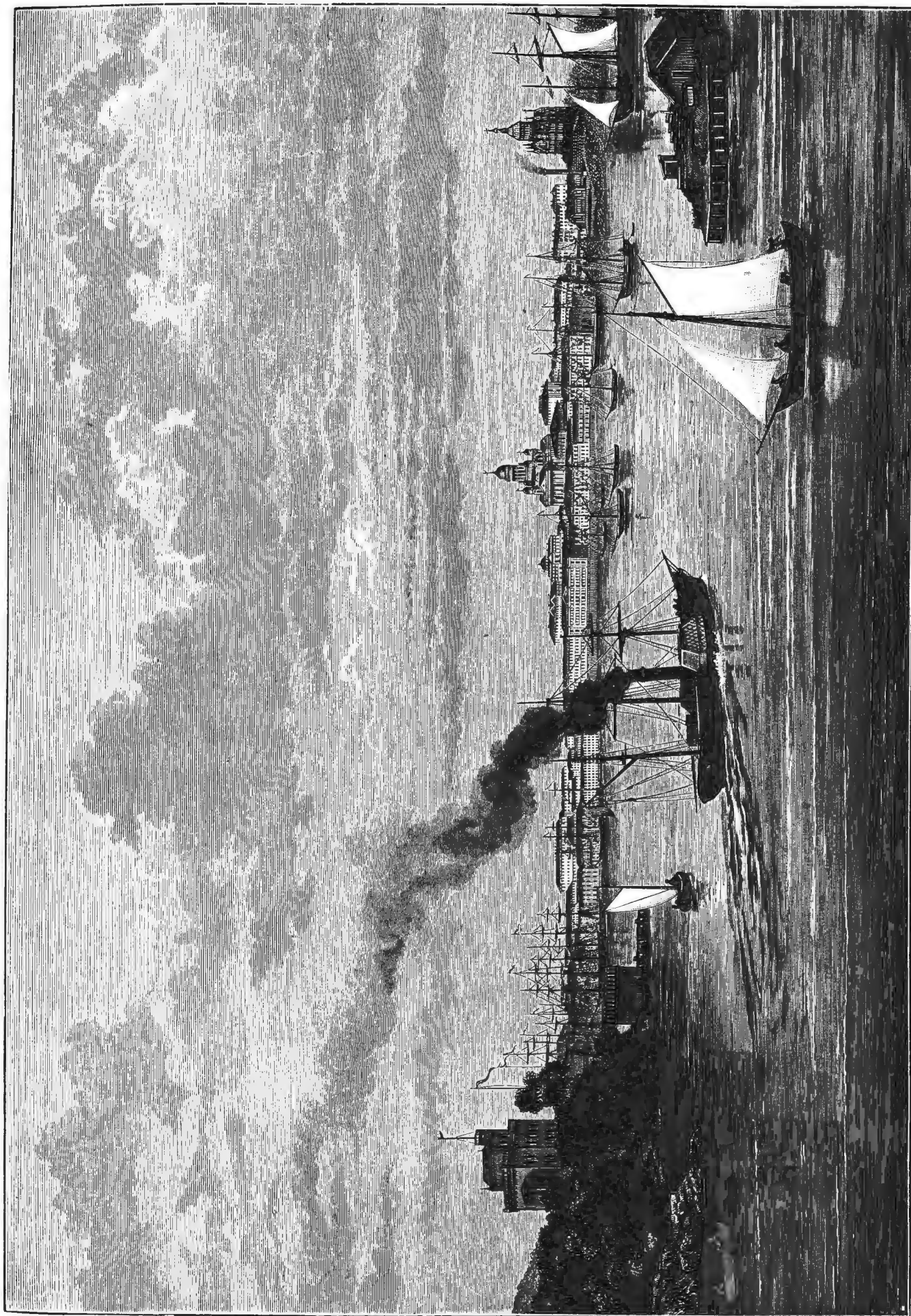
— А вы берегите барышню, замѣтилъ я Дуняшѣ, которая въ негодованіи воскликнула:

— Господи, когда мы развѣжемся съ этимъ аспидомъ и уѣдемъ домой!

Неудавшаяся погоня за натурой. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

Общій видъ Гельсингфорса, съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Я не ожидалъ, чтобъ мой отъѣздъ могъ такъ сильно огорчить Петручіо: онъ едва сдерживалъ слезы.

— Учитесь прилежнѣе, сдѣлайтесь артистомъ, прїѣдете въ Петербургъ, вотъ мы и увидимся, утѣшалъ я его.

— Я непременно прїѣду, съ увѣренностью произнесъ Петручіо.

Мнѣ была смѣшна эта самоувѣренность.

Я скакалъ въ Россію, какъ курьеръ; по прїѣздѣ въ Петербургъ продалъ браслетъ за три тысячи и отвезъ деньги съ письмомъ по адресу. Мнѣ очень поправилась „другъ дѣтства“ Сивцова: она съ такимъ участіемъ разспрашивала меня о Катеринѣ Михайловнѣ.

— Ну, а что ея учитель? спросила она меня.

Я, конечно, исполнилъ приказаніе Катерины Михайловны и не упомянулъ о его деспотическомъ обращеніи съ ней.

— По его письмамъ ко мнѣ, мнѣ кажется онъ совсѣмъ рехнулся; боюсь, чтобъ онъ не замучилъ ее, строго произнесла моя собесѣдница и, тяжко вздохнувъ, продолжала: — Ужъ такая ея горькая участь: то одинъ, то другой дышать ей не даютъ.. Я, вотъ, сама поѣду поглядѣть, чтó творить мой музыкантъ; хоть я съ нимъ была дружна съ дѣтства, но если онъ мучитъ ее, такъ я ихъ и разгону.

Я старался увѣрить добрую старушку, что Катерина Михайловна равнодушно смотритъ на всѣ вѣпшики своего учителя.

— Что-то мнѣ не вѣрится, отвѣтила она мнѣ, — скрываетъ, не хочетъ обидѣть его, а онъ, полоумный, этого не понимаетъ.

Меня иногда зло возьметъ за ея излишнюю деликатность съ дрянными людьми. Вотъ вамъ примѣръ: прислала уплатить долгъ одной барыни, которая въ сущности гроша не стоитъ, да еще проситъ меня, чтобъ осталось для всѣхъ тайной, что это она выручаетъ изъ бѣды семейство этой дурицы и мотвки.

Мнѣ было жаль, что я не могъ покорооче познакомиться съ другомъ дѣтства Сивцова, потому что мнѣ надо было ѣхать въ Москву.

Я переписывался съ Катериной Михайловной, но надо признаться, что она всегда отвѣчала мнѣ краткими письмами, особенно не любила, когда я спрашивалъ о Сивцовѣ, и разъ написала мнѣ: „Право, его жаль: онъ страшно страдаетъ, такъ что ему можно все простить.“ Я безъ ужаса не могу подуматъ, какъ онъ перенесетъ ударъ, который я ему готовлю; хотя не скоро разразится онъ надъ его головой, но все-таки уѣду же я въ Россію. Мнѣ бываетъ тяжело, когда онъ мечтаетъ, какъ повезетъ меня въ Америку и я сдѣлаюсь миллионеркой. Онъ воображаетъ, что это очень для меня соблазнительно. Я его не разувѣряю, пусть его мечтаетъ и утѣшаетъ себя; къ чему мнѣ его раздражать; придетъ время, тогда разомъ всѣ его мечты и исчезнутъ. У него явился новый поводъ къ волненіямъ. Онъ вздумалъ удвоить мой капиталъ, который скопилъ мнѣ, и операція удалась ему блистательно; но чтó онъ выстрадалъ за это время! Сами видите, какъ я могу съ такимъ большимъ человекомъ сурово обходиться?²⁴

(Продолженіе будетъ).

Филлоксера.

Профессора К. Линдемана.

Насѣкомое, едва замѣтное для невооруженнаго глаза, волнуется въ послѣднее время умы населенія не только тѣхъ мѣстностей, которыя прямо, матеріально заинтересованы его появленіемъ въ виноградникахъ, но также и въ другихъ областяхъ страны, хотя и немѣющихъ виноградія, но заинтересованныхъ борьбою съ этимъ насѣкомымъ, какъ выдающимся общественнымъ фактомъ. Это маленькое насѣкомое есть филлоксера. Появившись въ виноградникахъ Бессарабіи въ 1886 году, она вызвала оживленные пренія въ обществѣ и печати, продолжающіяся и по настоящее время.

Факты изъ прошлаго филлоксеры вполне оправдываютъ тотъ интересъ, который возбудила она въ нашемъ обществѣ. Мало знаемъ мы такихъ насѣкомыхъ, которыя, подобно ей, оказываютъ столь губительное вліяніе на произрастаніе нашихъ культурныхъ растений. Для подтвержденія сказаннаго стоитъ лишь обратиться къ исторіи филлоксеры во Франціи.

Появившись въ 1862 году первоначально въ двухъ ограниченныхъ мѣстностяхъ южной Франціи, занесенная изъ Сѣверной Америки съ привезенными оттуда лозами, филлоксера къ началу нынѣшняго года распространилась уже по 60 департаментамъ и въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ произвела страшныя опустошенія. Она совершенно убила виноградныя лозы на пространствѣ одного милліона гектаровъ (гектаръ немного меньше десятины). Кроме того, она въ настоящее время еще присутствуетъ на 690,000 гектаровъ. Такъ какъ въ настоящее время Франціи имѣетъ всего около 2 милліоновъ гектаровъ виноградниковъ, то слѣдовательно филлоксерою поражено болѣе одной трети общаго числа ихъ.

Убытки понесенные Франціей чрезъ истребленіе указаннаго громаднаго количества виноградниковъ опредѣляются въ 7.200.000,000 франковъ. Маленькое насѣкомое взяло съ виноградія Франціи контрибуцію гораздо болѣе значительную, чѣмъ германская армія въ 1871 году взяла со всей Франціи. Но этими цифрами еще не выражается весь убытокъ, нанесенный Франціи филлоксерою. До размноженія тамъ филлоксеры, Франція не только удовлетворяла всю свою потребность въ винѣ, но даже снабжала имъ рынки всего міра. Въ послѣднее время это очень измѣнилось и Франція принуждена уже ввозить къ себѣ большое количество вина изъ-за границы, а также большое количество изюма (коринокъ), преимущественно изъ Греціи, для приготовленія низшихъ сортовъ вина. Этотъ ввозъ вина и изюма постоянно возрастаетъ. Такъ, на основаніи официальныхъ свѣдѣній, было ввезено:

въ 1875 г. вина на 8.351.741 фр. и изюма на 5.755,614 фр.
 „ 1887 „ „ „ 545.000,000 „ „ „ „ 98.000,000 „

А всего въ теченіе 13 лѣтъ отъ 1875 по 1887 включит. ввезено:

вина на 3.222,866,504 франка,
 изюма на 577.805,984 фр
 или вмѣстѣ на 3.800.672,488 франковъ.

Эту сумму должно прибавить къ потерямъ, понесеннымъ французскимъ виноградіемъ отъ филлоксеры.

Изложенное вполне выясняетъ важную роль, какую играетъ филлоксера въ жизни страны, и дѣлаетъ это насѣкомое вполне заслуживающимъ вниманія. Но къ этому присоединяются факты другого рода, еще болѣе обостряющіе важное значеніе этого насѣкомаго и дѣлающіе его въ иныхъ мѣстахъ истиннымъ бичемъ, даже много прежде чѣмъ оно зна-

чительными опустошеніями успѣетъ заявить о своемъ присутствіи въ виноградникахъ этихъ мѣсть. Факты такого рода представляетъ намъ краткая, но уже богатая подобными примѣрами исторія филлоксеры въ Россіи и преимущественно въ Бессарабіи и въ Крыму.

Въ Бессарабіи филлоксера была найдена въ 1886 году въ виноградникахъ сел. Телешово, въ Оргѣвскомъ уѣздѣ, на 3.000 кустахъ. Для ея искорененія были истреблены тамъ филлоксерною коммисіею лозы на пространствѣ болѣе 20 десятинъ, т. е. болѣе чѣмъ 150,000 тысячъ лозъ. Тѣмъ не менѣе филлоксера была найдена осенью того же года на виноградникахъ села Драсличени, того же уѣзда, на 900 кустахъ, причемъ для истребленія ея были уничтожены виноградники на пространствѣ 40 десятинъ, т. е. болѣе 300,000 здоровыхъ кустовъ.

Въ Крыму, въ мѣстности Нижніе Лимены, филлоксера была найдена на 9 кустахъ, а для искорененія ея были истреблены лозы на пространствѣ 18 десятинъ, т. е. болѣе 125,000 здоровыхъ лозъ.

Такимъ образомъ выдававшіе себя защитниками виноградниковъ отъ филлоксеры, словно нарочно старались перенести ея своею опустошительною дѣятельностью и истребить сотни тысячъ кустовъ тамъ гдѣ филлоксера успѣла уничтожить лишь сотни или даже десятки ихъ. Совершенно понятно, что при такихъ условіяхъ вопросъ о филлоксерѣ приобрѣлъ у насъ чрезвычайное значеніе, возбуждая тревогу не только въ тѣхъ мѣстахъ Россіи гдѣ растетъ виноградъ, но также далеко за предѣлами ихъ. Вездѣ возбуждается вопросъ: насколько сущность дѣла оправдываются жертвы, требуемыя отъ нашихъ виноградарей? Не предъявляются-ли имъ требованія слишкомъ преувеличенныя чрезмѣрнымъ страхомъ или усердіемъ и далеко не оправдываемыя тѣмъ результатомъ, какой возможно получить вообще, даже при самомъ лучшемъ ходѣ дѣла?

Филлоксера есть маленькое насѣкомое, величиною около $\frac{1}{2}$ миллиметра, живущее исключительно на виноградной лозѣ, преимущественно на корняхъ, рѣже и на листьяхъ ея. Живя на корняхъ, въ особенности на корневыхъ мочкахъ, большими обществами, и высасывая соки, филлоксера вызываетъ этимъ раздраженіе тканей въ пораженныхъ корневыхъ мочкахъ, вслѣдствіе чего послѣднія неправильно утолщаются и приобретаютъ очень характерный, узловатый виѣшній видъ. Происшеденія утолщенія, сначала плотныя и бѣловатыя, отмираютъ въ концѣ лѣта и гниютъ.

Филлоксера живущая на листьяхъ, такъ-называемая „листовая“, живетъ не свободно на поверхности листа, а внутри особыхъ округленныхъ мѣшкообразныхъ наростовъ или орѣшковыхъ, образующихся на нижней сторонѣ листа. Такая листовая филлоксера, очень обыкновенная въ Америкѣ, встрѣчается въ Европѣ вообще гораздо рѣже корневой формы ея. У насъ въ Россіи листовая форма наблюдается лишь очень рѣдко.

Высасывая соки изъ корней виноградной лозы, филлоксера обуславливаетъ этимъ возникновеніе болѣзненнаго процесса, повидимому неминуемо оканчивающагося смертью пораженнаго куста. Но періодъ времени необходимый для наступленія этого исхода — далеко не одинаковъ при различныхъ виѣшнихъ условіяхъ. Такъ во Франціи пораженные кусты погибаютъ обыкновенно уже на третій годъ послѣ пораженія ихъ. Уже въ первый годъ послѣ нападенія филлоксеры замѣчается болѣзненное состояніе лозы, выражаю-

пещея въ томъ, что образуется мало ягодъ, притомъ содержащихъ мало сахара и потому не пригодныхъ для изготовления хорошаго вина. На второй годъ болѣзнь пораженной лозы выражается еще рѣшительнѣе недоразвитіемъ новыхъ побѣговъ и малой величиною листьевъ, а на третій годъ такой кустъ уже засыхаетъ. Въ Россіи кусты пораженные филлоксерою страдаютъ менѣе сильно и противостоятъ развитію болѣзни въ теченіе болѣе продолжительнаго срока. Известно нѣсколько фактовъ, неопровержимо доказывающихъ, что напримѣръ въ Кубанской области, кусты уже 14 лѣтъ пораженные филлоксерою продолжаютъ давать урожаи выше среднихъ. Въ Крыму и въ Бессарабіи известны такіе-же факты. Въ послѣднее время такое же медленное теченіе филлоксерной болѣзни лозъ было наблюдаемо и въ Германіи, на Рейнѣ. Мы еще не можемъ дать совершенно удовлетворительнаго объясненія этихъ фактовъ, но можемъ догадываться, что наблюдаемое различіе въ степени вліянія филлоксеры на виноградные кусты въ различныхъ странахъ зависитъ отъ климатическихъ условій, отъ различія въ свойствахъ породъ лозы, а также вѣроятно отъ различія въ культурѣ, напр. отъ преобладающаго возраста кустовъ и т. п. причинъ.

Взрослыя особи, т. е. самцы и самки филлоксеры, появляются въ западной Европѣ осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ. Онѣ безкрылыя и не имѣютъ ротовыхъ органовъ. Последнее объясняется тѣмъ, что такія особи не принимаютъ никакой пищи въ теченіе ихъ кратковременной жизни. Самки сѣшаютъ пристроить единственное складываемое ими яичко, такъ-называемое *зимнее*, получившее такое названіе потому, что оно должно перезимовать и развить изъ себя филлоксеру лишь въ слѣдующаго года. У насъ въ Россіи взрослыя особи филлоксеры и образуемая ими зимнія яичка до сихъ поръ еще нигдѣ не были найдены, поэтому еще не доказано размножается-ли у насъ филлоксера этимъ способомъ. Упомянутыя зимнія яичка складываются самками всегда въ опредѣленное мѣсто, именно на самую нижнюю часть ствола виноградной лозы, не выше одного или полутора фута надъ землею, въ трещины коры или подъ оставшія чешуйки ея.

Изъ зимнихъ яичекъ происходятъ весной личинки филлоксеры, по вѣбнымъ формамъ сходящія съ взрослыми, но отличающіяся тѣмъ, что голова ихъ снабжена длиннымъ хоботкомъ, заключающимъ въ себѣ четыре тонкія иглозочки, при помощи которыхъ накалываются ткани растенія для извлеченія его соковъ. Эти личинки уходятъ въ землю, чтобы расположиться тамъ на корняхъ винограда. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ часть личинокъ поднимается на листья, чтобы образовать тамъ вышеупомянутые орѣшки.

Личинки ушедшія на корни начинаютъ размножаться, складывая около себя отъ 30 до 400 неоплодотворенныхъ яичекъ, изъ которыхъ чрезъ нѣсколько дней выводится второе поколѣніе личинокъ, подобныхъ первымъ и также приступающихъ къ складыванію такихъ же неоплодотворенныхъ яичекъ. Развитие личинокъ и наступленіе зрѣлости ихъ совершается такъ скоро, что въ теченіе лѣта успѣваетъ произойти пять, шесть или даже большее число генераций, благодаря чему быстро увеличивается колонія корневыхъ филлоксеръ засѣивая на корняхъ данной лозы. Такія колоніи размножаются преимущественно въ поверхностномъ слое почвы на глубинѣ, приблизительно, одного аршина; но отдѣльныя особи уходятъ очень глубоко и были находимы даже на глубинѣ *шести футовъ*.

Послѣ нѣкотораго числа упомянутыхъ поколѣній нѣкоторыя личинки начинаютъ превращаться въ такъ-называемыя *нимфы*. У такихъ личинокъ на боковыхъ сторонахъ туловища появляются четыре округленныя пластиночки, которыя суть зачатки крыльевъ. Когда эти зачатки достигнутъ нѣкоторой величины, такія нимфы линяютъ и превращаются въ такъ-называемую *крылатую* филлоксеру.

Такая крылатая филлоксера, снабженная четырьмя большими прозрачными крыльями, не соответствуетъ взрослой формѣ другихъ насекомыхъ, какъ это можно было бы предположить на томъ основаніи, что она одарена крыльями, которыя обыкновенно представляются достоинствомъ насекомоу волиѣ окончившаго свои метаморфозы. Крылатая филлоксера есть только особая форма личинки, происходящая наичаще въ томъ случаѣ, когда норки обитаемаго куста начинаютъ засыхать, угрожая гибелью живущимъ на ней колоніямъ безкрылыхъ корневыхъ личинокъ. Тогда, окрыляясь и выходя на поверхность земли, такая филлоксера получаетъ возможность перелетать на другіе кусты, закладывая на нихъ новыя колоніи и такимъ образомъ содѣйствовать распространенію насекомоу по странѣ.

Крылатая филлоксера несетъ неоплодотворенныя личинки, также какъ безкрылыя корневыя и листовыя личинки. Но эти личинки отличаются, во-первыхъ, тѣмъ, что они не одинаковой величины: одни изъ нихъ большія, а другія маленькія; во-вторыхъ, они отличаются тѣмъ, что изъ этихъ личинокъ образуются не личинки, а взрослыя особи, причѣмъ изъ большихъ личинокъ происходятъ самки, а изъ маленькихъ — самцы.

Такимъ образомъ совершается размноженіе и развитіе филлоксеры. Но при этомъ должно замѣтить, что размноженіе ея можетъ происходить и безъ кладки зимняго яичка. Въ такомъ

случаѣ корневыя личинки перезимуютъ и продолжаютъ весной слѣдующаго года размножаться неоплодотворенными личинками такъ, какъ будто-бы вовсе не было никакого зимняго перерыва въ ихъ дѣятельности. Полагаютъ, однако, что такимъ образомъ, безъ участія зимняго личка, филлоксера можетъ размножаться лишь въ теченіе нѣкотораго, опредѣленнаго времени, и что по истеченіи этого срока наступаетъ истощеніе организма насекомыхъ, вслѣдствіе котораго они непремѣнно вымираютъ. Поэтому для постоянно прогрессирующаго размноженія филлоксеры въ нѣкоторой мѣстности считаютъ необходимымъ, чтобы отъ времени до времени, чрезъ известныя промежутки, появились взрослыя особи, которыя складывали бы всегда оплодотворенное зимнее яичко. Но до сихъ поръ еще не установлено, какъ великъ этотъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго колонія можетъ поддерживаться лишь посредствомъ складыванія неоплодотворенныхъ яичекъ.

Филлоксера перешла въ Европу изъ Америки на корняхъ привезенныхъ оттуда виноградныхъ лозъ. Такимъ же образомъ, т. е. на пересылаемыхъ растеніяхъ, она мало-по-малу распространялась изъ одной страны въ другую. Кромѣ того, филлоксера можетъ распространяться по мѣстности активно, переходя подъ землею отъ одного куста къ другому, слѣдя по трещинамъ почвы, или же она перелетаетъ съ куста на кустъ въ видѣ крылатаго насекомоу. Гораздо рѣже можетъ быть переносима филлоксера изъ сада въ садъ на платьѣ или обуви или на земледѣльческихъ орудіяхъ. Я полагаю даже, что переносъ ея этимъ послѣднимъ способомъ вовсе не былъ непосредственно наблюдаемъ, а допускается лишь на основаніи теоретическихъ соображеній.

Въ промежутокъ времени съ 1862 года филлоксера успѣла перейти почти во всѣ виноградныя страны Европы, за исключеніемъ лишь Греціи. Кромѣ Франціи, она присутствуетъ теперь въ Испаніи, Португаліи, Италіи, Швейцаріи, Германіи, Австро-Венгріи и Румыніи. Въ предѣлахъ Россіи она была найдена въ Крыму, въ Закавказьи, на сѣверномъ Кавказѣ и въ Бессарабіи.

Для противодѣйствія филлоксерѣ существуютъ два различныхъ метода. Одинъ изъ нихъ имѣетъ цѣлью, строго слѣдя за виноградниками, тотчасъ же обнаружить случившееся вторженіе насекомоу въ страну и, истребивъ образовавшееся гнѣздо его вмѣстѣ съ нѣкоторымъ числомъ окружающихъ его кустовъ, защитить такимъ способомъ всѣ остальные виноградники страны отъ зараженія ихъ филлоксерою. Этотъ методъ называется методомъ *истребленія* или радикальнаго противодѣйствія филлоксерѣ. Онъ применяется въ Швейцаріи, Сѣверной Италіи, Германіи и въ Россіи.

Второй методъ состоитъ въ томъ, чтобы, не задаваясь задачею совершенно истребить насекомое, распространившееся въ странѣ, принять такія мѣры, при помощи которыхъ виноградники, запытые филлоксерою, продолжали бы давать достаточныя доходы. Это методъ *тщанія* виноградниковъ. Онъ принятъ во Франціи, южной Италіи, въ Австро-Венгріи и въ Румыніи. Рассмотримъ нѣсколько подробнѣе эти два метода борьбы съ филлоксерою.

Методъ *радикальнаго истребленія* насекомоу слагается изъ мѣропріятій троякаго рода. Во-первыхъ, требуется ежегодное внимательное изслѣдованіе всѣхъ виноградниковъ страны, для того чтобы первое появленіе филлоксеры въ нихъ могло быть своевременно обнаружено, и чтобы первыя маленькія колоніи насекомоу могли быть истреблены пока онѣ еще не успѣли значительно распространиться. Въ этомъ истребленіи найденнаго гнѣзда состоитъ мѣропріятія втораго рода. Для достиженія этой цѣли пораженные виноградные кусты срѣзываются подъ корень и сожигаются; занята имъ почва перекапывается на глубину до полутора аршинъ, причѣмъ всѣ корни выбиваются и также сожигаются. Перекопанная такимъ образомъ почва пропитывается сѣроуглеродомъ, керосиномъ, или смѣсью обохъ веществъ, съ цѣлью убить насекомыхъ, оставшихся въ почвѣ. Точно также поступаютъ и съ нѣкоторымъ числомъ здоровыхъ кустовъ, окружающихъ обнаруженный очагъ филлоксерной заразы. Это дѣлается съ цѣлью образовать вокругъ такого очага такъ-называемый предохранительный поясъ, предполагая возможнымъ, что на кустахъ, включаемыхъ въ предѣлы его, могутъ быть заложены зимнія яичка, или же можетъ присутствовать филлоксера въ незначительномъ еще количествѣ и потому трудно замѣтная, но могущая здѣсь размножиться и перейти затѣмъ на сосѣдніе кусты. Этотъ предохранительный поясъ получаетъ иногда очень значительныя размѣры, хотя основывается на совершенно произвольныхъ данныхъ.

Для удешевленія описанныхъ истребительныхъ работъ и для того чтобы не расчлѣнить филлоксеру, нѣмѣ совѣтуютъ не перекапывать почву зараженнаго мѣста, а срѣзавъ кусты подъ корень, прямо вводить въ почву, при помощи особыхъ инъекторовъ, сѣрный углеродъ въ большомъ количествѣ, который, распространяясь въ почвѣ, убьетъ какъ находящуюся тамъ филлоксеру, такъ и корни винограда, оставшіяся на своихъ мѣстахъ.

Третьяго рода мѣропріятія, обусловливаемая этимъ радикальнымъ методомъ истребленія филлоксеры, имѣютъ полицейскій характеръ и состоятъ въ слѣдующемъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ была

найдена филлоксера и истреблена вмѣстѣ съ виноградными кустами, запрещается разводить какія бы то ни было растенія въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ четырехъ или пяти лѣтъ. Къ разведенію здѣсь винограда даже по истеченіи этого срока можетъ быть приступлено только съ особаго на то разрѣшенія

властей. Затѣмъ для защиты отъ вторженія филлоксеры изъ изъ сосѣднихъ странъ, должно затруднить или совершенно запретить ввозъ изъ-за границы растеній или частей ихъ, могущихъ перенести на себѣ филлоксеру.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Турниръ во времена Матвѣя Корвина.

(Рис. на стр. 788 и 789).

Цѣлый рядъ чудесныхъ сказаній окружаетъ рыцарскій образъ Матвѣя Корвина, величайшаго венгерскаго короля, знаменитаго сына Иоанна Гуняди, который изъ простаго дворянина, благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ и заслугамъ, сталъ королемъ. Нашъ рисунокъ на стр. 788 и 789 передаетъ

отъ ужаснаго удара. Тяжелое копье чеха попало въ край щита неизвѣстнаго и разбило его. Дважды затѣмъ нападалъ Голлубаръ, по каждый разъ неизвѣстный, какъ ящерица, увертывался отъ его коня. На третій разъ, примѣтивъ неловкое движеніе Голлубара, молодой рыцарь бросился на него и ловкимъ ударомъ выбросилъ исполина изъ сѣдла.

Радостный крикъ тысячи зрителей огласилъ воздухъ и пестрая толпа окружила побѣдителя, чтобы узнать, кто опъ

Замокъ Фридрихсрунъ близъ Потсдама.

такой. Съ словами: „Первый въ своей странѣ, я долженъ быть первымъ ея защитникомъ“, снялъ рыцарь свой шлемъ—и всѣ упали въ немъ своего молодого короля Матвѣя, въ царствованіе котораго Венгрія достигла цвѣтущаго состоянія, продолжавшагося до самой его смерти, въ 1490 г.

Францискъ I со своими друзьями.

(Рис. на стр. 793).

Царствованіе талантливаго, но безхарактернаго короля Франциска I принесло Франціи болѣе зла и бѣдствій, чѣмъ благодѣній, которыми онъ всегда старался осыпать свою любимую родину. Ради нихъ онъ велъ въ теченіе всего своего царствованія (1515—1547 г.) борьбу съ Габсбургами. Не получивъ почти никакого воспитанія, но волѣ своей честолюбивой матери, Луизы Савойской, поощрившей только дурныя стороны его характера, чтобы безпрепятственно управлять страной,—Францискъ, тѣмъ не менѣе, нерѣдко проявлялъ вполне симпатичныя стороны своей личности, которыя иногда заглушались легкомысліемъ и непостоянствомъ его живаго характера. Часто, утомленный постоянными походами или беззавѣтною и веселою жизнью блестящаго двора, король удалялся отъ всего окружающаго и въ тиши уединенія отдыхалъ отъ пережитыхъ тревоженій. Такимъ онъ изображенъ на стр. 793, окруженный своими вѣрными друзьями, шутомъ Трибулемъ и собаками.

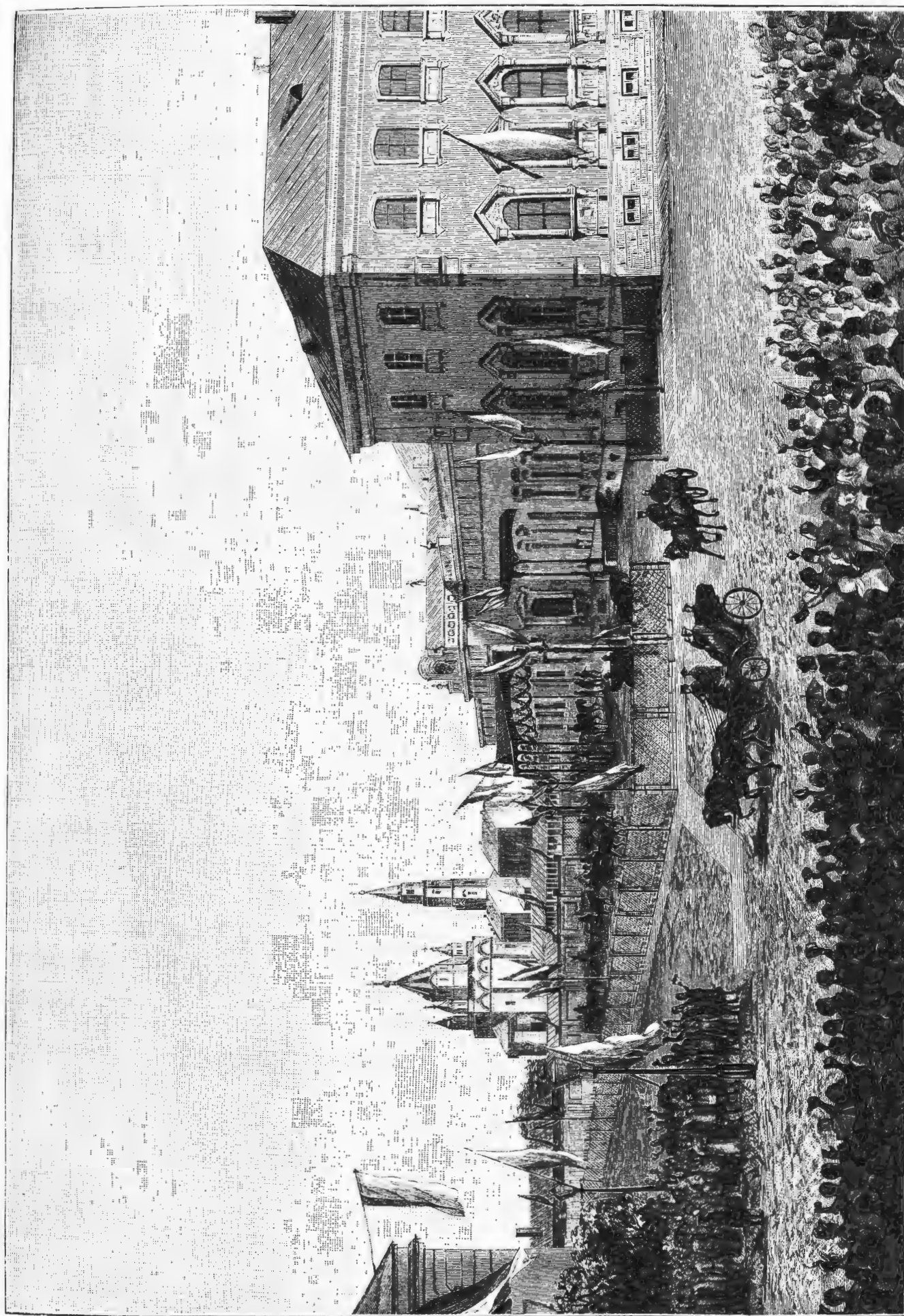
Неудавшаяся погоня за натурой. (Рис. на стр. 793).

Коротки осенніе и зимніе дни на Стверѣ, едва слѣдетъ русскій художникъ въ своей каморкѣ за работу, едва расходится его кисть—смотришь, уже смеркается, надо бросать налитру. А ужъ о натурѣ и не думай—куда проберешься по нашимъ снѣжнымъ сугробамъ, да и каково работать на морозѣ! Идутъ не дождутся наши живописцы лѣта, когда и солнце чуть не цѣлыя сутки стоитъ надъ горизонтомъ, и можно предпринимать дальнія экскурсіи за городъ. Небогатые художники при этомъ распоряжаются иногда весьма практично, покупая себѣ мужицкую кляченку, на которой и развѣзжаютъ по окрестностямъ со складнымъ мольбертомъ, табуретомъ и прочими

Танъ-называемые коммонсъ противъ Фридрихсрунскаго замка.

одно изъ событій въ жизни великаго Матвѣя Корвина.

Изъ далекой Чехіи прибылъ въ Офенъ рыцарь, по имени Голлубаръ, богатырскаго тѣлосложенія и громадной силы. Многие считали его необходимымъ: на всѣхъ турнирахъ повергалъ онъ всегда своихъ противниковъ на-земь и никто не отваживался болѣе выступать противъ него. Съ наемъшлвыми словами объѣзжалъ однажды Голлубаръ, во время одного изъ турнировъ, арену поединковъ и вызывалъ храбрецовъ помѣриться съ нимъ силою. Раздосадованный кичливостью чужеземца, выѣхалъ противъ него предводитель „чернаго войска“, богатырь Навель Киписій. Оба рыцаря приготовились уже ринуться другъ на друга, какъ вдругъ появился среди нихъ неизвѣстный рыцарь съ опущеннымъ забраломъ. Лица его не было видно, но по легкости и гибкости движеній всякій могъ догадаться, что онъ еще молодъ. Незавѣстный обратился къ Киписію съ просьбою уступить ему мѣсто, дабы высокоштрный чехъ не говорилъ бы послѣ, что во всей Венгріи съ нимъ отважился сразиться только одинъ богатырь Киписій. Голлубаръ громко засмѣялся на слова юноши и посоветовалъ еще прихватить себѣ на помощь двухъ сподручныхъ, если онъ вздумаетъ сразиться съ нимъ. „Хвастайся послѣ битвы“, возразилъ ему спокойно неизвѣстный рыцарь, „стрѣла не тяжела, но можетъ ранить не легко“. Какъ левъ устремился тогда на него Голлубаръ, по ловкій юноша, повернувъ коня, уклонился

Прѣбываніе императора Германскаго въ Петербургѣ. Съ Царскосельскаго вокзала послѣ поѣздки въ Павловскъ

Ориг. рис. (собственность „Нивы“) А. Земцова, грав. Флюгель.

принадлежностями, отыскивая живописных уголков для эскизов. Бойкий рисунок г. Оболенского изображает одного из таких пейзажистов, захваченного проливным дождем на поисках за натуры.

Гельсингфорсъ. (Рис. на стр. 797).

Городъ Гельсингфорсъ въ Финляндіи основанъ въ царствованіе Шведскаго короля Густава Вазы и быстро приобрѣлъ торговое значеніе. Въ 1639 году, при королевѣ Христинѣ, городъ былъ перенесенъ на 5 верстъ ближе къ глубокой водѣ. Едва новый Гельсингфорсъ сталъ подниматься, какъ въ 1657 году былъ истребленъ пожаромъ. Городъ возникъ изъ пепла только благодаря щедрой помощи королевы Гедвиги-Алеоноры, но въ теченіе столѣтія былъ незначительнымъ городкомъ. Ему пришлось пережить не мало тяжелыхъ бѣдствій: голодъ въ 1697 г., чуму въ 1710 г. и два непріятельскія нападенія въ 1712 и 1713 г. 12 августа 1713 г. городъ былъ сожженъ отступавшими финскими войсками и сгорѣлъ вторично; Гельсингфорсъ оставался пустымъ въ теченіе 8 лѣтъ. По заключеніи мира въ 1721 году городъ застроился сѣннова и въ 1742 г. былъ свидѣтелемъ капитуляціи шведскихъ войскъ передъ русскими. Желая защитить превосходную глубокую гавань Гельсингфорса отъ нападений непріятеля, шведскій адмиралъ Эрнвердъ соорудилъ въ 1749 г. Свеаборгскія твердыни — „Сѣверный Гибралтаръ“ и сдѣлалъ Гельсингфорсъ недоступнымъ съ моря. Но русскія войска взяли въ 1808 году городъ съ сухаго пути и вслѣдъ затѣмъ осажденная крѣпость сдалась на капитуляцію, 3-го мая. Спусти два мѣсяца Гельсингфорсъ въ третій разъ выгорѣлъ. 27 марта 1812 г. Александръ I объявилъ Гельсингфорсъ главнымъ городомъ Финляндіи. Въ 1819 г. сюда были перенесены Сенатъ и другія правительственныя вѣдства, университетъ и пр. Городъ быстро разросся и украсился превосходными постройками. Въ настоящее время это самый населенный и красивый городъ Финляндіи. Прекрасныя зданія, церкви съ колонадами и куполами, общественныя гулянья, паркъ, ботаническій садъ, теперь самый сѣверный во всемъ свѣтѣ, такъ какъ онъ на нѣсколько десятковъ верстъ ближе къ полюсу, чѣмъ ботаническіе сады Петербурга, Упсалы, Христианіи. Гельсингфорскій Александровскій университетъ, богатый письменными памятниками, сдѣлался центромъ научной дѣятельности въ Финляндіи. Гельсингфорсъ весьма живописно раскинутъ на полуостровѣ, простирающемся отъ Нюландскаго побережья на югъ, къ Финскому заливу. Почва вездѣ гранитъ. Со стороны моря городъ защищенъ грозными укрѣпленіями Свеаборга, котораго стѣны, пробитыя ядрами, возвышаются на гранитныхъ утесахъ семи острововъ, господствующихъ надъ фарватеромъ залива. Однако Гельсингфорсъ городъ по преимуществу торговый, судходство весьма дѣятельно; торговля вѣншия, преимущественно съ Великобританіей, и внутренняя. Гельсингфорсъ служитъ главнымъ рынкомъ для двухъ внутреннихъ городовъ: Тавастгуста и Таммерфорса. Нашъ рисунокъ изображаетъ одну часть южной гавани, влѣво виднѣтся часть возвышенія — Ульрикасборгъ, гдѣ въ старину былъ шведскій шанецъ, а теперь возвышается астрономическая обсерваторія и за ней предместьи; въ серединѣ видны возвышающіяся главы православной и лютеранской церквей. Окрестности Гельсингфорса крайне живописны. Желѣзная дорога связываетъ городъ съ Петербургомъ и побережьемъ Ботническаго залива.

Замокъ Фридрихскронъ. (Рис. на стр. 800).

Замокъ Фридрихскронъ былъ любимымъ мѣстопробываніемъ покойнаго Германскаго императора Фридриха III. Это предположеніе легко объясняется тѣмъ, что замокъ Фридрихскронъ по справедливости надо признать самымъ лучшимъ изъ всѣхъ замковъ Прусскаго королевскаго дома. Величественный и красивый наружный видъ соответствуетъ превосходной обстановкѣ внутреннихъ покоевъ. Во всемъ видны замѣчательный вкусъ и художественное пониманіе гениальнаго строителя Фридрихскрона, Фридриха Великаго. Кажется, сами граціи были носовицами въ сооруженіи этого великолѣпнаго дворца, гдѣ все напоминаетъ великаго короля. Въ его свѣтлыхъ и просторныхъ покояхъ обдумывалъ онъ свои планы, вель съ блестящими приближенными остроумные разговоры или занимался музыкою.

Но не только самъ замокъ заслуживаетъ вниманія и удивленія, — окрестности его не менѣе великолѣпны. Изъ высокихъ оконъ горделиваго зданія видны чудесныя сады, гдѣ широко раскинулись зеленныя лужайки, вокругъ нихъ исполненскія деревья тихо шепчутся густою листвою, по мраморному ложу катятся хрустально-свѣтлые источники и безчисленныя мраморныя статуи стоятъ въ нѣмомъ покоѣ.

Въ этомъ чудномъ замкѣ императоръ Фридрихъ родился и почилъ навѣки. Императорская фамилія помѣщалась въ сѣверной части замка, которая отдѣлялась отъ его южной части знаменитымъ раковиннымъ заломъ и надъ нимъ ваходящеюся большою мраморною залой, гдѣ стѣны и полъ облицованы краснымъ и бѣлымъ шлезвигскимъ мраморомъ. Въ прежнее время, императоръ, тогда еще кронпринцъ, жилъ въ первомъ этажѣ; въ послѣднее его пребываніе, комнаты принца находились въ нижнемъ этажѣ. Оттуда видна была вся главная

аллея, идущая отъ Потседама чрезъ королевскіе сады и кончающаяся у Фридрихскрона. Всѣ помѣщенія почившаго императора отличались просторомъ и богатомъ убранствомъ. Изображеніе комнаты, въ которой почилъ императоръ Фридрихъ, было помѣщено въ № 26 за настоящій годъ.

Пребываніе императора Германскаго въ Петербургѣ. (Рис. на стр. 801, 804 и 805).

Вечеромъ 8 іюля въ Красномъ Селѣ состоялась заря съ церемоніей. Изъ Петергофа Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Семействомъ и его величество императоръ Германскій съ его высочествомъ принцемъ Прусскимъ Генрихомъ отравились на Императорскомъ поѣздѣ въ Красное Село, куда прибыли въ 7 час. вечера.

Станція Красносельской желѣзной дороги была разукрашена флагами. На платформѣ собралось все военное начальство, посылы, придворные чины и Императорская свита.

Для его величества императора Германскаго былъ поставленъ почетный караулъ, рота со знаменемъ и хоромъ музыки отъ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Е. И. К. В. Императора Германскаго Короля Прусскаго Вильгельма II полка (см. рис. на стр. 805).

Отъ станціи дороги до лагеря были выстроены по улицамъ казаки Собственнаго Его Величества конвой, кирасиры и уланы въ пѣшемъ строю.

Въ 7 часовъ начался объѣздъ лагеря. Ихъ Величества Императоръ Россійскій и Германскій сѣли на коней. Ея Императорское Величество Государыня Императрица съ И. И. В. Великими Княгинями Марією Павловною и Елисаветою Теодоровною, Великою Княжною Ксенією Александровною и Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ ѣхала въ шарабанѣ, запряженномъ четверкою бѣлыхъ лошадей; въ другомъ такомъ же шарабанѣ, запряженномъ вороными лошадьми, ѣхали другія Великія Княгини.

Во время объѣзда лагеря всюду по линіи пѣли хоры полковыхъ пѣсенниковъ, а музыканты и барабанщики отъ всѣхъ частей были собраны передъ Царской ставкой, чѣмъ въ большомъ лагерѣ у лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, въ одну большую колонну до 1,000 человекъ, которою дирижировалъ капельмейстеръ гвардейскаго корпуса Вурмъ.

Высокое мѣстоположеніе Царской ставки и открывающіеся оттуда виды на обширную равнину, бѣлыя палатки лагеря направо и налѣво отъ ставки, стройная колонна барабанщиковъ и музыкантовъ передъ ней, а по ея сторонамъ блестящая стѣна офицеровъ и кругомъ многочисленныя линіи народа, вдаль заходящее солнце, озарявшее лучами заката двигавшіеся ввысь поѣзды желѣзной дороги, — все это при прекрасной погодѣ дѣлало общую картину заката чрезвычайно эффектною.

Въ $\frac{3}{4}$ девятаго была подана повѣстка и ровно въ девять часовъ, какъ разъ когда солнце скрылось за горой, взвились три ракеты, и по третей послѣдовалъ залпъ изъ всѣхъ орудій лагеря, а барабанщики забилъ зарю, принявъ потомъ остальными барабанщиками и музыкантами и смѣнявшуюся наконецъ величественными звуками гимна „Коль Славенъ“. Штабъ-горнистъ прочиталъ молитву „Отче нашъ“. Всѣ обнажили головы. Этимъ закончилась церемонія.

9 іюля, въ 11 часовъ утра, въ Красномъ Селѣ, состоялся Высочайшій смотръ. Войска построились на военномъ полѣ, фронтомъ къ Царскому валуку, на четыре фаса. Царскій валукъ приходился въ серединѣ построенія. Всѣми войсками командовалъ Е. И. В. Вел. Кн. Владимиръ Александровичъ. Войска были одѣты въ обыкновенной формѣ, въ мундирахъ и шанкахъ, при орденахъ и шарфахъ, генералы въ лентахъ.

Въ 11 часовъ къ Царскому валуку прибыли Особы Императорской Фамиліи и придворные. Когда прибыли Ихъ Величества Императоры Россійскій и Германскій, заиграла музыка, войска взяли на караулъ. Знамена салютовали Монархамъ. Объѣздъ начался съ конвола и первой линіи. Впереди ѣхалъ командующій Главною Имп. Квартирой. Оба Императора ѣхали рядомъ; за ними въ двухъ рядныхъ шарабанахъ съ жюкелми, въ четверку лошадей цугомъ каждый, слѣдовали Ея Императорское Величество Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини.

Въ 11 $\frac{1}{2}$ ч. начался церемониальный маршъ (см. рис. на стр. 804). Войска проходили одинъ разъ. Пѣхота шла въ четырехъзвонныхъ колоннахъ. Маршъ открывалъ командующій Главною Императорскою Квартирой, за нимъ два эскадрона Собственнаго Его Величества конвола, а затѣмъ, во главѣ своихъ войскъ, ѣхалъ Его Величество Государь Императоръ, салютуя императору Германскому. Когда Его Величество подъѣхалъ къ императору Вильгельму, оба Монарха отдали другъ другу честь и затѣмъ крѣпко пожали руки. Когда послѣ гвардейской пѣхоты пошла 22-я армейская дивизія, императоръ Германскій выѣхалъ впередъ и, ставъ впереди имени своего 85-го пѣхотнаго Выборгскаго полка, парадировалъ, салютуя предъ Государемъ Императоромъ. Оба Монарха отдали другъ другу честь и снова обмѣнялись рукопожатіями. Императоръ Германскій самъ благодарилъ свой полкъ, всѣ четыре батальона, по-русски: „спасибо, молодцы“. — „Рады стараться, Ваше Императорское Королевское Величество!“ стройно раздавался отвѣтъ ка-

каго батальона. За пѣхотой шли батальоны пѣшей артиллеріи, затѣмъ батгарей и наконецъ кавалеріи.

Послѣ парада, былъ накрытъ завтракъ à la fourchette, къ которому получили приглашеніе начальствующія лица, свита и командиры отдѣльных частей.

За завтракомъ, Его Величество Государь Императоръ, пригласивъ наверхъ, въ Царскую палатку, командировъ частей, провозгласилъ тостъ за здоровье Августѣйшаго гостя и его славыи арміи. Императоръ Вильгельмъ на русскомъ языкѣ отвѣчалъ тостомъ за здоровье Его Величества Государя Императора. Громкое, долго несмолкавшее восторженное „ура“ сопровождало оба тоста.

Въ три часа Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица отбыли въ Петергофъ, а его величество императоръ Германскій и принцъ Прусскій отправились на тройкахъ въ Павловскъ, гдѣ посѣтили королеву Эллионовъ и Е. П. В. Вел. Княгиню Александру Осифовну. Вел. Княгиня проводила затѣмъ Императора до станціи желѣзнодорожной, убранный флагами и зеленью. Играющій въ павловскомъ вокзалѣ оркестръ г. Лаубе встрѣтилъ императора Вильгельма германскимъ гимномъ, и затѣмъ русскимъ. Всѣ музыканты имѣли въ своихъ петлицахъ букетики васильковъ. Въ Петербургъ, куда прибылъ поѣздъ въ началѣ седьмого часа, императоръ Вильгельмъ со станціи (см. рис. на стр. 801) отправился въ домъ германскаго посольства и оттуда на Дворцовую набережную, съѣхъ на паровой катеръ „Дамара“ и на немъ катался по окрестностямъ Петербурга, обозрѣвая острова. Погода была прекрасная, рѣка совершенно тихая и закатъ солнца вышелъ великолѣпный. На островахъ и у мостовъ собралось много дачниковъ, привѣтствовавшихъ императора. Въ половинѣ девятого часа вечера, катеръ присталъ къ Сенатской пристани, красиво разукрашенной. Императоръ отправился къ германскому послу на обѣдъ.

Въ воскресенье, въ 6½ час. вечера, въ Большомъ Петергофскомъ Дворцѣ, въ Петровской залѣ, происходилъ парадный обѣдъ, на который было приглашено 270 лицъ. Большая свѣтлая Петровская зала была убрана растеніями и въ три линіи уставлена столами. У одного конца ея находился Императорскій столъ, расположенный во всю ширину залы покоемъ, съ золотымъ сервизомъ. Посрединѣ, гдѣ стояло кресло для Ея Величества, на столѣ былъ раскинута изысканная коверъ изъ розъ, окаймленный бордюромъ изъ мелкихъ синихъ цвѣтовъ. Двѣ высокія золотыя вазы съ цвѣтами стояли по сторонамъ ковра. На всѣхъ столахъ также были сдѣланы платъ изъ цвѣтовъ. Болѣе 3.000 розъ пошло на украшеніе. На столѣ вазы съ цвѣтами, вазочки съ фруктами, все до послѣдней вилки—изъ золота, также и нижнія тарелки. За прочими столами была изысканная серебряная сервировка.

Къ 6¼ часамъ съѣхались на обѣдъ Особы Императорской Фамиліи, члены германскаго посольства и прочіе приглашенные.

За серединой стола заняла мѣсто Ея Величество Государыня Императрица, по правую сторону Ея Величества—императоръ Германскій, по лѣвую—Государь Императоръ. За обѣдомъ Его Величество Государь Императоръ провозгласилъ тостъ за императора Вильгельма, а императоръ Германскій отвѣчалъ тостомъ за Государя Императора.

Послѣ обѣда императоръ Германскій вдвоемъ съ принцемъ Генрихомъ пѣшкомъ прогуливались нѣкоторое время по верхнему саду. Въ нижнемъ саду между тѣмъ зажглась иллюминація. Изъ дворца открывался особенно эффектный видъ. Внизу были фонтаны съ знаменитымъ Самсономъ въ серединѣ, его бассейнъ былъ описанъ огнями, а зеленая лужайка вокругъ него разрисована арабесками цвѣтныхъ огоньковъ. Два навильона съ золотыми куполами по сторонамъ канала были иллюминированы по архитектурнымъ линіямъ. Каналь, идущій отъ Самсона къ морю, представлялъ собою волшебную панораму огней. По всему его протяженію, между линіями фонтановъ съ обѣихъ сторонъ шли ряды огненныхъ обелисковъ, увѣнчанныхъ звѣздочками изъ цвѣтныхъ лампюновъ.

11 июля, въ 9 часовъ утра, въ Красномъ Селѣ происходило, въ Высочайшемъ присутствіи, ученое 85-му пѣхотному Выборгскому его императорскаго королевскаго величества императора Германскаго короля Прусскаго полку и затѣмъ всей кавалеріи съ конною артиллеріею. На смотру присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ, императоръ Германскій и Государыня Императрица.

Въ тотъ же день, Ихъ Величества присутствовали на обѣдѣ въ Михайловкѣ, имѣни Е. П. В. Вел. Кн. Михаила Николаевича на Петергофской дорогѣ. Державныхъ Гостей встрѣчала Высочайшая Императрица-Хозяйка Вел. Кн. Ольга Осодоровна.

Свита императора Германскаго удостоилась получить ордена и подарки изъ кабинета Его Величества, причемъ статсъ-секретарь графъ Гербертъ Висмаркъ получилъ орденъ *Св. Александры Невской*, украшенный бриллиантами, гофмаршалъ Инкеръ—*Станислава* 1-й степени. Точно также и многіе русскіе военные и гражданскіе чины получили германскіе ордена и подарки.

12 июля состоялся отъѣздъ императора Германскаго и отплытіе германской эскадры. Въ четверть восьмого утра отбылъ къ эскадрѣ Прусскій принцъ Генрихъ на яхтѣ „Марево“.

Съ утра, на кронштадтскихъ рейдахъ началось движеніе.

Стоящая на рейдахъ суда развѣтилися флагами; пароходы, военные и частные, и паровые катера съ судовъ безпрестанно ходили по рейду.

Въ 9 съ четвертью часовъ, на Малый Кронштадтскій рейдъ прибылъ, на Им. паровой яхтѣ „Стрѣльня“, императоръ Германскій. Его величество продолжалъ затѣмъ путь на катерѣ до германскаго авизо „Блицъ“, на которомъ тотчасъ-же подняли штандартъ Германскаго императора, и начался салютъ. Императорская яхта „Александрія“ вышла черезъ часъ послѣ „Стрѣльни“ изъ Петергофа и отправилась на Малый рейдъ. На яхтѣ находились Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Его Императорское Высочество Императорскій Цесаревичъ и другія Особы Императорской Фамиліи.

Когда „Александрія“ пришла на рейдъ, всѣ суда, форты и крѣпость салютовали. Германскій императоръ съѣзжалъ на „Александрію“ и затѣмъ на германскомъ катерѣ Ихъ Величества поѣхали къ флагманскому броненосцу. Штандартъ Германскаго императора перенесли на флагманскій фрегатъ германской эскадры „Баденъ“, которому былъ произведенъ Высочайшій смотръ съ артиллерійскимъ ученіемъ. По окопанной ученія, Ихъ Величества съѣли на русскій Им. катеръ. Ея Величество Государыня Императрица имѣла въ рукахъ роскошный букетъ, подаренный командиромъ „Бадена“. Императорскій катеръ сопровождали катера съ Великими Князьями и Княгинями и Свитой. При съѣздѣ Императоровъ съ „Бадена“, фрегатъ салютовалъ.

На яхтѣ „Гогенцоллернъ“ Его Величество здоровался съ карауломъ по-нѣмецки. Командиръ яхты принцъ Генрихъ поднесъ Ея Величеству букетъ. Затѣмъ происходилъ завтракъ, по окончаніи котораго, когда настало время прощанія, оба Императора обнялись, троекратно поцѣловались и простались самымъ сердечнымъ образомъ.

По уходѣ „Александріи“, германская эскадра, отсалютовавъ, ушла, а яхта „Гогенцоллернъ“ стала сниматься съ якоря. Яхта не приняла буксира и подошедшаго военного парохода, и повернулась сама, только императоръ Вильгельмъ поздоровался по-русски съ командою парохода: „здорово, молодцы“. Черезъ полчаса яхта сдѣлала поворотъ и быстрымъ ходомъ пошла мимо судовъ. Императоръ здоровался по-русски съ командами военныхъ судовъ и привѣтливо раскланивался съ пассажирами частныхъ пароходовъ. Вездѣ люди стояли на реяхъ и отовсюду раздавались клики „ура“; вездѣ, со всѣхъ судовъ и фортовъ, гремѣлъ салютъ, музыка играла на военныхъ и частныхъ судахъ прусскій гимнъ, и скоро яхта скрылась въ дыму салюта на Большомъ рейдѣ.

Князь П. П. Вяземскій. (Портр. на стр. 805).

Русская литература снова понесла замѣтную потерю: 20 іюня, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, сенаторъ, князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, основатель Общества любителей древней письменности, авторъ изслѣдованія „Слова о полку Игоревѣ“. Воспитанный въ литературной средѣ, онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ проникъ глубокой любовью къ отечественной литературѣ и достаточно потрудились въ области археологій и исторіи русской словесности. Цѣлые четверть вѣка, лучшіе годы своей жизни посвятилъ онъ разработкѣ матеріаловъ для своего главнаго труда: „Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ“, труда, представляющаго собою цѣнный вкладъ въ науку и встрѣченнаго весьма сочувственно критикой. Другими важными трудами князя Вяземскаго считаются комментарии къ документамъ графа Литта и извѣстное изслѣдованіе „Политика Фридриха II“. Въ прочихъ работахъ своихъ князь Вяземскій, болѣею частью, затрогивалъ такіе научные вопросы, которыхъ до него едва-ли кто-нибудь касался. Къ подобнымъ работамъ, между прочимъ, принадлежатъ его статья „Ходили-ли скандинавскіе пилигримы на поклоненіе Св. Мѣстамъ, черезъ Россію?“ Кроме того, покойный ученый напечаталъ статью по предмету русской символики — „Волкъ и Лебеди“, „Синды, Зунды и Сундари“—отвѣтъ на сочиненіе академика Дорна „Касній“, въ которомъ былъ разобранъ трудъ Вяземскаго „Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ“; „Архивъ князя Вяземскаго“ (т. I)—князь Андрей Вяземскій“, документы съ биографіей, составленной его внукомъ; „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. 1816—1825, по документамъ Остафьевскаго архива“ и друг. Пемаловажную услугу оказалъ наукѣ князь Вяземскій въ качествѣ председателя Общества любителей древней письменности, возникшаго по мысли князя. Образованное въ 1877 году изъ кружка, главнымъ образомъ, весьма состоятельныхъ лицъ, сочувствовавшихъ идеѣ князя — имѣть учрежденіе для изданія важныхъ славяно-русскихъ рукописей и для перепечатки рѣдкостей библиографическихъ, Общество любителей древней письменности имѣло большой успѣхъ и въ короткое время своего существованія обратило вниманіе не только соотечественниковъ, но и иностранцевъ на свою истинно полезную дѣятельность. Князь Вяземскій былъ всегда душою этого общества, самымъ усерднымъ вкладчикомъ и руководителемъ его, независимо отъ матеріальныхъ затратъ, отдавая созданному имъ дѣтищу все свое время, весь свой трудъ. Онъ „трудился какъ простой работникъ, ободрилъ другихъ и заражая ихъ своею неослаб-

Пребывание императора Германскаго въ Петербургѣ. Высочайшій смотръ въ Красномъ Селѣ (9 іюля).
Церемоніальный маршъ предъ Ихъ Величествами. Съ фотогр. Диго, грав. Ю. Шюблеръ.

пою энергій... „Его любовь къ русской наукѣ,—говоритъ одинъ изъ членовъ Общества,— доходила до такого самоотверженія, что онъ охотно отдавалъ матеріалъ, почти приготовленный къ печати, въ распоряженіе другихъ и способствовалъ ихъ ученой извѣстности“,—эта въ высшей степени благородная черта, конечно, не нуждается въ комментаріяхъ. Благодаря князю Вяземскому, Общество любителей древней письменности имѣетъ отлично устроенный музей, бібліотеку, собраніе рѣдкихъ рукописей и получило официальное утвержденіе. На поприщѣ общественной и государственной дѣятельности князь Вяземскій заявилъ себя также съ самой лучшей стороны. Онъ оставилъ по себѣ добрую память и какъ попечитель Казанскаго учебнаго округа, и какъ начальникъ Главнаго управленія по дѣламъ печати, и какъ предсѣдатель комитета цензуры иностранной,—не смотря на кратковременное пребываніе во главѣ цензурнаго вѣдомства. Наконецъ князь Вяземскій заслужилъ прекрасную репутацію и на дипломатическомъ поприщѣ.

Смыслъ послѣдняго представителя блестящей пушкинской эпохи въ русской литературѣ, князь Петра Андреевича Вяземскаго, извѣстнаго поэта и критика, женатаго на княжнѣ Вѣрѣ Гагариной, князь Павелъ Петровичъ родился въ Варшавѣ, 2 іюня 1820 года. Еще когда Павлу Петровичу было 6 лѣтъ, Пушкинъ, близкій другъ его отца, написалъ ребенку въ альбомѣ шуточные стихи:

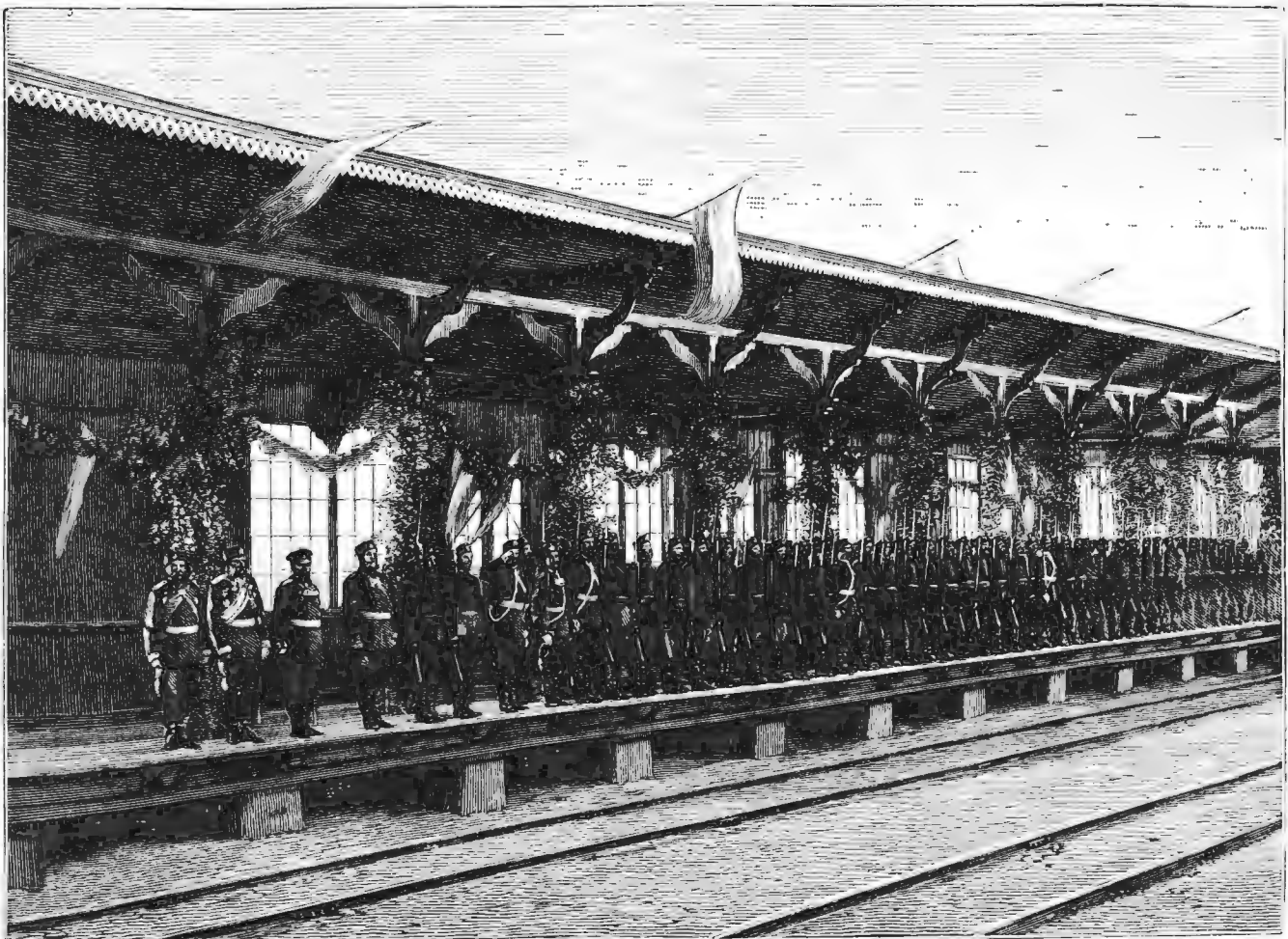

Князь П. П. Вяземскій († 29 іюня 1888 г.).
Съ фот. грав. Ю. Барановскій.

хранившая память о своемъ славномъ прошломъ, въ высшей степени заинтересовала пытливымъ умъ князя. Пробывъ здѣсь около пяти лѣтъ, онъ усердно занимался византийскою литературой и средневѣковыми повѣстями, подготавливая постепенно матеріалы для своего изслѣдованія о „Словѣ о полку Игоревѣ“. Въ 1850 г. князь былъ переведенъ въ Гагу младшимъ секре-

„Душа моя, Павелъ,
Держись моихъ правилъ:
Люби то-то, то-то,
Не дѣлай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.“

Все раннее дѣтство князя Павла Петровича мирно протекло въ тѣсной аристократической литературной семьѣ, дружившей съ семьей Карамзина, и молодой князь росъ и развивался подъ вліяніемъ прекрасной среды, блестящіе представители которой отличались горячею преданностью литературѣ и свято чтли искусство. Первоначальное образованіе князь Павелъ Петровичъ получилъ въ пѣмечкѣ школѣ Св. Петра, и высшее — въ Петербургскомъ университетѣ. Серьезный недугъ заставилъ князя совершить поѣздку за границу, откуда возвратясь онъ опредѣлился на службу въ департаментъ внутреннихъ сношеній министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 20 декабря 1840 года. Спусти пять лѣтъ, князь занялъ должность младшаго секретари нашей миссіи въ Константинополь, гдѣ посломъ въ это время былъ В. П. Титовъ. Столица восточнаго христіанства, еще со-

Пребываніе императора Германскаго въ Петергофѣ. Почетный караулъ на Красносельской станціи Балтійской желѣзной дороги.
Съ фотогр. Дяго, грав. Ю. Барановскій.

таремъ русской миссиі, года черезъ два назначенъ старшимъ секретаремъ и вскоре посланъ на конференцію въ Карлсруэ въ качествѣ исполняющаго должность повѣреннаго дѣла. Въ 1856 году князь былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры и назначенъ старшимъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ. Однако дипломатическая карьера его на этомъ и окончилась; князь перешелъ въ министерство Народнаго Просвѣщенія, въ которомъ, въ пятидесятыхъ годахъ, служилъ и его отецъ, товарищемъ министра, и занялъ постъ помощника попечителя Петербургскаго учебнаго округа, а затѣмъ, въ 1859 году, сдѣлавъ попечителемъ Казанскаго округа, и занималъ это мѣсто до 1862 года. Пожалованный, въ 1861 г., въ камергеры двора Его Имп. Величества, князь Павелъ Петровичъ былъ утвержденъ

членомъ Археологической комиссиі министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1869 году. Черезъ четыре года онъ занялъ должность предсѣдателя Петерб. комитета цензуры иностранной, въ 1874 году пожалованъ въ гофмейстеры, а 5 апрѣля 1881 года назначенъ начальникомъ Главнаго управленія по дѣламъ печати и оставался на этомъ посту до 1 января 1883 года, когда назначенъ сенаторомъ. Въ послѣдніе годы князь присутствовалъ въ общемъ собраніи сената. Онъ былъ кавалеромъ разныхъ орденовъ, имѣлъ разныя награды и много иностранныхъ знаковъ отличія. Послѣ него остались замѣчательная библиотека и знаменитый Остафьевскій архивъ, находящіеся около Подольска, въ подмосковной деревнѣ князя.

П. Б.—овъ.

Политическое обозрѣніе.

Императоръ Вильгельмъ.—Беспорядки въ средѣ французскихъ рабочихъ. — Занятіе Массовы.

По возвращеніи императора Вильгельма II въ Германію пѣмецкія газеты измѣнили свой сдержанный тонъ на болѣе доброжелательный по отношенію къ Россіи и съ замѣчательнымъ единодушіемъ указываютъ на миролюбивыя и успокоительныя послѣдствія петербургскаго свиданія. Благодаря ему, какъ свидѣтельствуеетъ *Крестовая Газета*, дружба между Петербургскимъ и Берлинскимъ дворами не только возобновилась, но даже усилилась. Вопросъ о русско-французскомъ союзѣ устранивъ де, но къ заключенію формальнаго договора съ Германіею петербургское свиданіе не привело. Все что было представлено на Высочайшее усмотрѣніе дипломатическимъ путемъ, особенно то, что касается болгарскаго вопроса, рѣшено де представить дальнѣйшимъ переговорамъ. Относительно этого послѣдняго вопроса та же газета сообщаетъ, что разработка и регулированіе деталей произойдутъ на свиданіи министровъ Россіи и трехъ средневропейскихъ государствъ. Послѣ утвержденія результатовъ свиданія верховною властью четырехъ державъ, они поступятъ на разсмотрѣніе конгресса, который собирается съ цѣлію пересмотра Берлинскаго трактата. До того времени императоръ Германскій посѣтитъ Австрію и Италію. Посѣщенія эти несомнѣнно будутъ имѣть важное значеніе для послѣдующихъ событий; „по крайней мѣрѣ уже теперь—сообщаетъ *Correspondance de l'Est* изъ Рима—князь Бисмаркъ прислалъ Ватикану прощальную ноту, въ которой излагаетъ причины необходимости побѣдки императора Вильгельма въ Римѣ. По словамъ германскаго канцлера, побѣдка эта обуславливается исключительно военными причинами, политика же и Римскій вопросъ тутъ не причемъ. Германія нуждается въ Италіи, которая, въ случаѣ войны съ Франціей, можетъ выставить въ поле пятисотъ-тысячную армію. Свою побѣдку въ Римѣ императоръ Вильгельмъ желаетъ засвидѣтельствовать передъ всею Европою, что Германія и Италія связаны военными узами. Вообще слово „военныя“ часто повторяется въ нотѣ. Эти старшія канцлера ослабить всякіе неблагоприятные для престола напы выводы изъ побѣдки императора въ Римѣ произвели въ Ватиканѣ хорошее впечатлѣніе и будутъ, конечно, приняты во вниманіе“.

Въ послѣднее время во Франціи происходятъ значительное движеніе рабочихъ, довольно тревожнаго свойства. Началось оно въ Парижѣ стачкою землекоповъ и каменотесовъ, требовавшихъ отъ частныхъ подрядчиковъ увеличенія заработной платы, какъ это сдѣлалъ парижскій городской совѣтъ. Въ произведенныхъ забастовавшими землекопами уличныхъ беспорядкахъ стали затѣмъ принимать участіе и другіе рабочіе; затѣмъ беспорядки появились и въ провинціи. Возбужденіе продолжается разрастаться. Въ Амьенѣ возмущеніе рабочихъ было настоящимъ бунтомъ. Столкновенія между безчинствовавшей толпою и полиціею, въ помощь которой пришлось дать войска, нередко оканчивались кровопролитіемъ и всегда арестами. 27 іюля въ Парижѣ полиція сдѣлала распоряженіе, чтобы всѣ общественныя заведенія были закрыты въ 9 часовъ вечера. Всякія сходбища на улицахъ запрещены. Правительство встревожено и озабочено беспорядками, такъ какъ движеніе принимаетъ пошешную политическій характеръ. Нѣкоторыя газеты сообщаютъ, что руководящая роль въ стачкѣ рабочихъ принадлежитъ анархистамъ,—другія сообщаютъ что въ движеніи сильно замѣшаны буланжисты и въ подтвержденіе своихъ словъ указываютъ на сочувственныя манифестаціи буланжистскимъ органамъ и на тотъ фактъ, что забастовавшіе рабочіе преимущественно поютъ буланжистскія пѣсни.

Италія, за свои многолѣтнія неудачи въ Африкѣ, рѣшила вознаградить себя присоединеніемъ Массовы къ своимъ владѣніямъ, воспользовавшись отказомъ нѣкоторыхъ не-итальянцевъ платить налоги и подати, и оновѣстила о томъ державы подписавшія Берлинскій трактатъ. Относительно этого присоединенія въ палатѣ лордовъ маркизъ Солсбери заявилъ, что занятіе Массовы итальянцами состоялось если не съ согласія, то во всякомъ случаѣ съ вѣдома Англіи, которая такимъ образомъ приняла на себя соответственныя договорныя обязательства. Во *Fremdenblatt* напечатано оффиціозное сообщеніе по вопросу о юрисдикціи въ Массовѣ и въ немъ констатируется, что Италія ввела въ Массовѣ правильное судебное устройство

и судопроизводство, которыя распространяются и на всѣхъ проживающихъ тамъ иностранныхъ подданныхъ. Поэтому капитуляціи, на которыя часть иностранцевъ ссылалась при отказѣ платить налоги, представляются недействительными. *Fremdenblatt* приводитъ многочисленныя примѣры, свидѣтельствующія, что по существу подобнаго-же образа дѣйствій держались въ Босніи, Герцеговинѣ, Тунисѣ и Каирѣ. Въ заключеніе газета говоритъ: „Въ виду всего этого австро-венгерское правительство, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о договорахъ, приведшихъ къ занятію Массовы, находитъ, что вслѣдствіе введенныхъ въ Массовѣ итальянскимъ правительствомъ учрежденій, капитуляціи не могутъ быть примѣнимы къ проживающимъ тамъ нашимъ подданнымъ, которые потому и должны повиноваться итальянскимъ законамъ“.

Не всѣ, однако, державы отнеслись такимъ образомъ къ факту присоединенія Массовы. 23 іюля, по свидѣніямъ *Агентства Гаваса*, французскимъ правительствомъ разслана циркулярная нота по поводу Массовы. Въ нотѣ этой, обращенной къ великимъ державамъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, возражая на ноты итальянскаго правительства, заявляетъ, что Италія до конца 1885 года вовсе не высказывала намѣренія окончательно завладѣть Массовой. О фактическомъ завладѣніи этой территоріей Италія и впоследствии не дѣлала заявленія, предписаннаго конференціей по вопросу о Конго, а потому Франція въ правѣ допустить, что капитуляціи остаются въ Массовѣ еще въ полной силѣ.

Отоманская имперія также опротестовала дѣйствія Италіи, но на протесты Порты въ послѣдніе годы что-то мало обращаютъ вниманія.

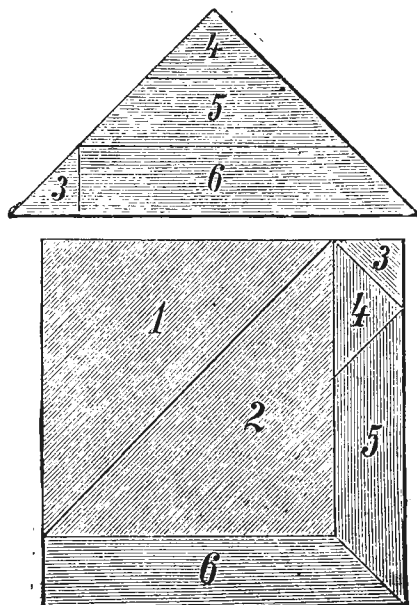
С М Ъ С Ъ.

Электрическое освѣщеніе въ Германіи. Статистика электрическаго освѣщенія въ Германіи даетъ слѣдующія цифры. Въ этой странѣ 15,000 лампъ съ Вольтовой дугой, 170,000 лампъ съ раскаленіемъ проволоки до-бѣла и 4,000 динамо - электрическихъ. Онѣ требуютъ двигательной силы приблизительно въ 30,000 лошадиныхъ силъ. Одна изъ фирмъ въ Берлинѣ изготовляетъ въ день около 2,000 лампъ съ раскаленіемъ проволоки до-бѣла и очень скорю вѣроятію будетъ приготовить до 5,000 въ день.

Рѣшеніе ребуса № 44 (помѣщеннаго въ № 27).

„Сума пуста, да душа-то чиста“.

Рѣшеніе геометрической задачи № 45 (помѣщ. въ № 27).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб. — А. С. Ухрякова, Н. В. Панкова, Дмитриѣна, Н. Саккена, Н. Е. Александрова, Москва — Эйсмонтъ, Борзовскъ — Е. Е. Шенедена, Варшава — А. Моссановской, Воронежъ — В. Друри, Етсбѣль — П. И. Демьяль-вас, Демитрешевна — В. А. Константинова, Клинцы — А. Е. Дрезнина, Красная Луна — А. И. Шульженко, Минскъ — Л. Бергеръ, Новая Одесса — З. Федорова, Придорожная — И. М. Гаврилова, Ржевъ — З. С. Скибинскаго, Судогда — В. И. Голубева, Севастополь — К. Сычева, Чудны — Засимовскаго.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 46 (помѣщ. въ № 27).

- 1) $b + d = e$ $a = 12 = \kappa$ 13) $k - i = o - e$ $n = 3 = \nu$
- 2) $\sqrt{a + b} = n + p$ $b = 13 = \lambda$ 14) $e + l - c =$ $o = 29 = \psi$
- 3) $\frac{c}{n} = \frac{s}{t}$ $c = 9 = \pi$ 15) $\frac{k}{d} = \frac{g+s}{i}$ $p = 2 = \beta$
- 4) $\sqrt{u-t} = i-g$ $d = 15 = \eta$ 16) $\frac{f}{z} = 2n$ $r = 9 = \mu$
- 5) $c + h + r = f + i$ $e = 23 = \nu$ 17) $\frac{a+x}{2} = v$ $s = 3 = \beta$
- 6) $2l = m$ $f = 12 = \kappa$ 18) $k + l = 2i$ $t = 1 = \alpha$
- 7) $u - v = k - s$ $g = 13 = \lambda$ 19) $\frac{e}{f} = \frac{k-h}{r-(n+s)}$ $u = 33 = \text{Ю}$
- 8) $\sqrt[3]{o-2t} = \frac{a}{4}$ $h = 9 = \eta$ 20) $n - p = t$ $v = 20 = \text{Т}$
- 9) $x - e = t - 1$ $i = 15 = \pi$ 21) $\frac{v}{d} = \frac{f}{c}$ $x = 28 = \psi$
- 10) $b \cdot g = 2p + n$ $k = 16 = \text{О}$
- 11) $\sqrt{v} - k = 2$ $l = 14 = \text{М}$
- 12) $p + r = \frac{u}{3}$ $m = 28 = \psi$

„Клинъ клиномъ выбиваютъ“.

Вѣрна рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: Спб.—К. Конохова, Москва—И. Федосина, Бѣлгородъ—О. З. Мазуръ, Минскъ—З. Яцковскій, Петрозаводскъ—Надеждина, Тверь—Малиникова, Шувалово—М. Лаговскаго.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ тѣхъ многихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку премии, — карт. проф. Ю. КЛЕВЕРА „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“, поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

СОДЕРЖАНІЕ: Баронъ П. Н. Усларъ (съ портр.). — Вѣчу не быть. Старинная повесть Д. В. Аверьева. (Окончаніе 1-й части). — Исторія одного таланта. Повесть Н. Станицкаго. (Продолженіе). — Филлоксера. Профессора К. Э. Линдемана. — Къ рисункамъ: Турниръ во времена Матвѣя Корвина (съ рис.). — Францискъ I со своими друзьями (съ рис.). — Неудавшаяся погоня за натурой (съ рис.). — Гельсингфорсъ (съ рис.). — Замонъ Фридрихсронъ (съ рис.). — Пребываніе императора Германскаго въ Петербургѣ (съ 3 рис.). — Нязь П. П. Вяземскій (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Сѣльск. — Рѣшенія задачъ. — Звѣденіе. — Объявленія. — При семь № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1888 г., съ 27 гравюрами и отдѣльн. съ 23 чертеш. выкроекъ въ натур. величину и 14 рис. рукодѣльн. работъ. Издатель А. Марисъ. Редакторъ В. Клюшиновъ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ромъ-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ромъ этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевича Софій. Спб. 1886 г. Изд. 2-е. К. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ холщ. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ЛЕВШИНСКЪ и МОЗНИЦЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405.

ЦИНКОВЫЯ КЛИШЕ

Для иллюстрацій, каталоговъ и проч. химич. способомъ, но высланнымъ фотогр. снимкамъ и рисункамъ вообще, за очень дешевую цѣну, уменьшенная или увеличенная, изготовляетъ фирма М. Гусинь. Богемія, Прага. АГЕНТЪ: Екатеринбургъ, К. Обл., чугуи.-лит. зав. К. Л. Гусинь. Нужны агенты для Москвы и Петербурга. № 3297

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

МАТТОНИ

ГИСТЮБЛЕРЪ

ЧИСТЫЙ ЩЕЛОЧНОКИСЛЫЙ ИСТОЧНИКЪ

ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ и ЗДОРОВЫЙ СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ

МОЖНО ВЕЗДЕ ПОЛУЧИТЬ.

6,000,000 (миллион) бутыль. головой вывозъ.

Р. № 3165 8-7

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ, Покупаютъ всѣ % бумаги. Ссуды подъ всѣ % бумаги. Страхуваніе выигранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3302 4-1 Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по выше-означенному адресу.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Интители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекъ или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (31) № 2946

Высочайше утвержденное РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ЗАСТРАХОВ. ОТЪ НЕСЧАСТН. СЛУЧАЕВЪ ПОМОЩЬ

Невскій пр., № 11.

I. За ежегодную премию въ 50 р. Общество принимаетъ на страхъ членика, кунца, пристражаго повѣреннаго и т. п. лицъ, 33-хъ лѣтъ, съ условіемъ выдачи при несчастномъ происшествіи

а) въ случаѣ смерти страхователя — наследникамъ его капитала въ 5000 рублей;

б) въ случаѣ пожизненной неспособности страхователя къ труду (инвалидности) — самому пострадавшему пожизненной ежегодной ренты въ 1200 рублей;

в) въ случаѣ временной лишь неспособности къ труду — ежедневнаго вознагражденія въ 6 рублей.

II. За ежегодную премию въ 100 рублей застрахованное лицо, того же возраста, приобретаетъ не только право на получение вышеозначенныхъ вознагражденій, но кромѣ того, Общество обязывается его полнымъ возвратомъ всѣхъ внесенныхъ премій, въ случаѣ преждевременной смерти страхователя его наследникамъ, въ противномъ же случаѣ ему самому, по достиженіи имъ 65-лѣтняго возраста.

По вѣду введеннаго, по Уставу Общества, участія страхователей въ дивидендѣ, въ общихъ случаяхъ премій, начиная съ 3-го года страхования, показываются.

Подробныя поясненія и справки во всякое время выдаются всѣми представителями и агентами (во всѣхъ губернскихъ, уѣздныхъ и многихъ другихъ городахъ Имперіи), а также и Правленіемъ Общества (Невскій пр., № 11). № 3214 6-2

ПАТЕНТОВАННАЯ МАШИНКА

для выдѣлыванія пуговицъ.

Необходимо для всѣхъ портняж. портнихъ, каретниковъ, сѣдельщиковъ, драпировщиковъ и декораторовъ.

Новѣйшая, простая и очень практичная машинка, съ помощью которой каждый легко можетъ выдѣлывать пуговицы изъ какой угодно матеріи.

ПРОЧНѢЕ и ДЕШЕВЛЕ ПОКУПНЫХЪ ГОТОВЫХЪ ПУГОВИЦЪ!

Цѣны машинки: Р. К. Цѣны пуговицъ: Р.

для портнихъ	18	— Пуговицы	1 за grossъ.
		22	28
„ портнихъ	13	50 р. 35 к., 1 р. 65 к., 2 р., 2 р. 25 к. „ „	
„ для каретникъ и сѣдельщикъ. 20 — Пуговицы			7 за тыс.
для драпировщиковъ и декоратор. 15 — Пуговицы			3 за тыс.

ПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНАЯ УСТУПКА!

Складъ и продажа машинокъ и принадлежностей къ нимъ:

У С. БЕРНШТЕЙНА Большая Лубянка, Варсонофьев-скій пер., домъ Рябушннскихъ.

9-3 „ ФРАНЦА ГОНТЕРЪ МОСКВА снй пер., домъ Рябушннскихъ, и въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—у Франца Гонтеръ, Садовая, № 12. № 3270

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умеренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи. № 3206 14-11

Приемные часы директора, как и прием вновь поступающих, имеют быть съ 1-го по 13-е августа—по вторникам и по пятницам, съ 10 час. утра до 4 ч. пополудни.

УТВЕРЖДЕННЫЕ МИНИСТЕРСТВОМЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ Музыкально-драматическіе КУРСЫ РАГГОФЪ

Адресъ: СПб., Малая Морская, д. № 7.

Письменные заявления о поступлении просятъ адресовать на имя директора Евг. Павл. Раггофъ.

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ: А. Специальные: Пѣніе, фортепиано, скрипка, альтъ, виолончель, флейта, мѣдно-духовные инструменты, фаготъ, кларнетъ, драматическое искусство и музыка. педагогика. Б. Вспомогательные: musique d'ensemble, оркестровый классъ, софеджіо, хоровой классъ для взрослыхъ и для дѣтей, теорія музыки, исторія музыки, музыкальная энциклопедія, педагогика форт. игры, классъ мимическихъ приемовъ и танцевъ, французскій и итальянскій языки. За всѣ вспомогательные предметы отдѣльной платы не взимается. Занятія бываютъ утреннія и вечернія. Классы женскіе отдѣлены отъ мужскихъ.

ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ: Фортепиано: смотря по курсамъ отъ 15—75 руб. въ полугодіе или отъ 5—20 р. въ мѣсяцъ. Пѣніе: отъ 40—75 р. въ полугодіе или отъ 12—20 р. въ мѣсяцъ. Драматическое искусство: 40 р. въ полугодіе или 12 р. въ мѣсяцъ. Оркестровые инструменты отъ 30—50 р. въ полугодіе или отъ 9—15 р. въ мѣсяцъ. Плата за экстерное занятіе, т. е. у учащагося на дому. За одного ва 50% дороже вышеозначенной платы, за двоихъ — на 25% дороже, за троихъ уже взимается та же плата, какъ и въ помѣщеніи курсовъ. Въ младшіе курсы принимаются лица безъ музык. подготовки. Начало ванятій 1 сентября.

№ 3299
Пѣніе, фортепиано, скрипка, альтъ, виолончель, флейта, мѣдно-духовные инструменты, фаготъ, кларнетъ, драматическое искусство и музыка. педагогика. Б. Вспомогательные: musique d'ensemble, оркестровый классъ, софеджіо, хоровой классъ для взрослыхъ и для дѣтей, теорія музыки, исторія музыки, музыкальная энциклопедія, педагогика форт. игры, классъ мимическихъ приемовъ и танцевъ, французскій и итальянскій языки. За всѣ вспомогательные предметы отдѣльной платы не взимается. Занятія бываютъ утреннія и вечернія. Классы женскіе отдѣлены отъ мужскихъ.

Пѣніе: отъ 40—75 р. въ полугодіе или отъ 12—20 р. въ мѣсяцъ. Оркестровые инструменты отъ 30—50 р. въ полугодіе или отъ 9—15 р. въ мѣсяцъ. Плата за экстерное занятіе, т. е. у учащагося на дому. За одного ва 50% дороже вышеозначенной платы, за двоихъ — на 25% дороже, за троихъ уже взимается та же плата, какъ и въ помѣщеніи курсовъ. Въ младшіе курсы принимаются лица безъ музык. подготовки. Начало ванятій 1 сентября.
Директоръ курсовъ Е. П. Раггофъ.

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА
* à l'Etoile du Nord *
ЛУИ БУИСЪ и К^о.
М. № 3254 Москва, 6-2
Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„РУССКОЕ ДѢЛО“

(3-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ), издаваемую въ Москвѣ 3-2
СЕРГЕЕМЪ ШАРАПОВЫМЪ.
За полгода съ доставкой и пересылкой 4 р.; 3 мѣсяца 2 р.

Во второмъ полугодіи будутъ напечатаны нѣкоторыя весьма важныя посмертныя сочиненія Н. П. Гиларова-Платонова. Р. № 3293

ФОТОГРАФИЧ. ПРИБОРЫ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Этими аппаратами можно всѣмъ, безъ особенной подготовки, снимать вполнѣ хорошия фотографіи. Цѣна прибора 24, 35, 50 р. и дороже.
Аппараты для моментальныхъ снимковъ, очень удобныя, 24 р.

Е. КРАУСЪ и К^о.
Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 40. 2-2
Наставленіе и иллюстрированный прейсъ-куррантъ высылаются бесплатно. Р. № 3294

!НОВОСТЬ! Усовершенствованная английская карманная двухшпунтовая швейная машина

МОЛЬДАКОТЬ
съ колесомъ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ. ПРЕИМУЩЕСТВА: легкій ходъ, небольшой объемъ, изящный видъ и дешевизна. Наставленія прилагаются. Цѣна безъ футл. 10 руб., въ орхов. футл. 11 р. 25 к.; перес. 75 к.; на Кавказъ и въ Сибирь за 3 футл. № 3203
Главный складъ въ питебуажномъ магазинѣ „ПОЛИГРАФЪ“, Москва, Моросейка, д. Комягита.—Въ Нижегород. ярмар., Бравльскій Насаажъ, № 58.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ колесные велосипеды
специально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейсъ-курранты бесплатно, также брошюра виконта Барри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына. СПб., В. Морская, 21. Р. № 3291 (3)

ФИСГАРМОНИЯ

одна изъ самыхъ лучшихъ и благодарныхъ инструментовъ, незамѣнимый по своему мягкому и пріятному тону. Выучиться играть на немъ можно очень скоро; кто мало-мальски играетъ на фортепиано, тому игра на фисгармоніи не представляетъ никакой трудности. Фисгармонія также очень практична по своей простой конструкціи и потому, что она не разстраивается, какъ фортепиано. Въ № 18 с. г. журнала „Нива“ помѣщена очень интересная статья, изъ которой можно каждому получить вѣрное представленіе о достоинствахъ фисгармоніи. № 3300

Цѣны фисгармоній УДЕШЕВЛЕННЫ и стоятъ теперь

ФРАНЦУЗСКІЯ:		АМЕРИКАНСКІЯ:	
Изъ дубоваго дерева:		Изъ ореховаго дерева:	
4 октавы, 49 голосовъ.	100 р.	5 окт. съ 4 регистр., 61 голосъ.	175 р.
5 окт., съ 1 регистр., 61 голосъ.	130 р.	5 " съ 10 " "	250 р.
		5 " съ 12 " "	300 р.
		5 " съ 13 " "	350 р.
Изъ палисандроваго дерева:		5 " съ 18 " "	450 р.
5 окт., съ 3 регистр., 61 голосъ.	160 р.	5 " съ 19 " "	295 г. 600 и 700 р.
5 " съ 7 " "	93 " "	5 " съ 19 " "	323 гол. съ
5 " съ 12 " "	154 " "		двумя клавиатурами 900 р.
5 " съ 19 " "	276 " "		
	500 р.		

Подробный иллюстрированный прейсъ-куррантъ всѣмъ инструментамъ, а также вышеупомянутая статья журнала „Нива“ высылаются бесплатно. Большой выборъ нотъ для фисгармоніи.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

ШЕСТЬ КОМЕДИЙ

П. П. ГНѢДИЧА.

для ТЕАТРА, для ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ и ДОМАШНИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ.

- 1) Горячія письма. Ком. въ 1 дѣйств.
- 2) На хуторѣ. Ком. въ 3 дѣйств.
- 3) Женя. Ком. въ 1 дѣйств.
- 4) На южномъ берегу Крыма. Комед. въ 2 дѣйств.
- 5) Въ цвѣтахъ. Ком. въ 3 дѣйств.
- 6) Старая сназба. Ком. въ 4 дѣйств.

Большой томъ, въ 8-ю долю листа, заключающій въ себѣ 390 стр., напечатанный на хорошей веленовой бумагѣ и украшенный виньетками. Цѣна этому изданію 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к. Съ требованіемъ обращаться въ Редакцію журнала „Нива“, Невскій, № 6.

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

К. К. МАЗИНГА, ВЪ МОСКВѢ,
между Воздвиженкой и Знаменной, Ваганьковскій пер.,

пользуется всѣми правами казенныхъ реальныхъ училищъ и состоитъ изъ 6 основныхъ классовъ, химико-техническаго отдѣленія допотопнаго класса и пригтовительнаго класса. Воспитанники принимаются во всѣ классы приходящими и пансионерами. Приемные экзамены начинаются 8-го августа, начало ученія 17-го августа.

СЕМЬЯ ВОЛНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины II. Петрова и В. Ключникова. Ц. 1 р.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

БРОКАРЬИ К^о

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ Вс. Крестинскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ОТЪ ЖЕНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

С. Н. ФИШЕРЪ
(Москва, Остоженка, домъ Бутиковой).

Въ маѣ мѣсяцѣ сего года выдержали испытаніе зрѣлости и получили аттестаты двѣнадцать воспитанницъ (выпускъ X). Ц. 32873-3
Пріемъъ ученицъ на слѣдующій учебный годъ—22 августа.

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ!

Коллекціи, избранныя заведеніемъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ чайныхъ, ремонтантныхъ, маховыхъ и прованскихъ розъ, съ пересылкой: 100 сорт. за 35 р., 25 сорт. за 10 р., 12 сорт. за 5 руб. Минскъ, губернское садовое заведеніе Н. Н. Голиневича. Наставленіе къ уходу и каталогъ высылаются по полученіи семкопечной марки.

КРАСОЧНЫЙ ТОЛЕВЫЙ ЗАВОДЪ.

СИИ и ЛООКЪ

Преемники В. П. Франкес.
12-7 Москва. М. № 3203
Котляго: Маросейка, д. Калсарова

МЫЛО

произвора
А. М. ОСТРОУМОВА
противъ
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
за кусокъ 30 к.
Ярлыкъ настоящего мыла снабженъ маркой за № 3374. М. № 3288 4-3

КЛИШЕ

Гравированіе на деревѣ (клише) для иллюстр. изданій, прейсъ-куррантовъ, объявленій и пр. **КСИЛОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ КАРЛЪ РИХТЕРЪ** Троицкая улица, д. № 27а. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

СВѢТЛАЯ
ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
АДОЛЬФЪ РЕЙНЕ
ВЪ МОСКВѢ
3, КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ, 3.

Полные фотографическіе приборы разн. складн. и легкіе, выѣщавшіе отъ 4 до 12 пласт. для сниманія портр., группъ, видовъ и пр., новымъ момент. сух. способомъ, отъ 30 р. и дороже. Секретный аппаратъ съ пласт. на 6 снимковъ съ перес. 25 руб. 5-4

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. произвед., по удешевл. цѣнамъ въ 3 1/2, 4, 5 и 8 руб. со школой и ног., на которыхъ самоучкой въ теч. 1 часа вполнѣ можно выучиться играть, прод. въ музыкальн. инструментальной торговлѣ **І. Ф. МЮЛЛЕРЪ**. Москва, Петровка, д. Волкова.
За перес. по почтѣ прилаг. 37 мат. за 10 ф., за больш. за 15 ф. Полный прейсъ-куррантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 33

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XIX

г. XIX

1888

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 13 августа 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

<p>ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 25 к.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.</p>	Безъ доставки въ Петер- бургъ . . . . . 4 р.	Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . . . 6 р.	<p>ПРИЛОЖЕНІЯ. Особья приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ тор- говыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.</p>
	Съ доставкою въ Петер- бургъ . . . . . 5 р. 50 к.	За границу, съ перес. . . . . 8 р.	
	Безъ дост. въ Москвѣ чр. конг. объявл. Н. Н. Почков- ской, Петровск. Торг. линіи. 5 р.	*) Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ, а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать на умпорну и пересылку ея 60 коп.	

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Друзья. Рис. Эрельмана, грав. Вальтеръ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Кириакъ и проѣздка.

Кириакъ, какъ истый новгородецъ, былъ упрямъ. Чтò задумывалъ, на томъ настаивалъ. Толкуя совѣтъ Изгойченка, онъ рѣшилъ, что не зачѣмъ ему чутъ не безвыходно торчать въ сѣняхъ у Настасьи Петровны. Но какъ устроить это, оставаясь въ Новгородѣ? Матушка покою не дастъ, станетъ ежедневно спрашивать: „отчего, моль, дитятко, дома сидишь?“—И Настасья Григорьевичева его не забудетъ, надоѣстъ своими нарочными; вдобавокъ, Кириакъ и самъ на себя не очень-то надѣялся. Онъ придумалъ уѣхать на время изъ города, и рѣшилъ даже куда. Вспомнилось ему про мызу, гдѣ его дѣдъ посадникъ, Кириакъ-же Андреевичъ, наскуча подъ старость суетливою новгородскою жизнью, прожилъ много лѣтъ почти безвыѣздно, какъ въ пустынь. Тамъ былъ построенъ высокій и просторный домъ; волею-же была и не настолько далека, чтобъ матушка испугалась далекаго „похода“, и не настолько близка, чтобъ Григорьевичева могла слать туда скорыхъ и частыхъ гонцовъ, навѣдываясь о Кириаковомъ здоровьи. Все было обдумано, и Кириаку оставалось выманить согласье у матушки да принять ея родительское благословеніе.

И передъ этимъ не легкимъ дѣломъ не остановился Кириакъ. Онъ не отважился прямо открыть матушкѣ свои сомнѣнья и смущенія, боясь что она назоветъ ихъ издоромъ, и прикажетъ послать сватовъ къ Настасьѣ Петровнѣ.

„Какъ-же тутъ я слова родительскаго послушаюсь?“ думалъ Кириакъ. „И помыслить-то о томъ грѣхъ великъ. А лучше я хитростью. А коль Настасья моя суженая, на конѣ мнѣ ее не объѣхать, а и въ лодѣ не уилтъ отъ ней. А покуда одна мнѣ дорога—въ кусты, какъ Изгойченко скаже“.

Кириакъ сталъ хитрить передъ матушкой, по на первыхъ порахъ честная вдова Мамелфа Тимоѣевна разбивала всѣ его доводы. Скажетъ сынокъ, что ради богомолья собирается въ дѣдово поселье, чтобъ тамъ отгнѣть на покоѣ,—матушка въ отвѣтъ: „како тамъ богомолье! аль мало церковей-монастырей въ Новгородѣ?“ Придумаетъ, что хочется ему приглядѣться къ хозяйству, матушка только посмѣется: „како моль тамъ хозяйство! А и приглядываться-то тебѣ къ хозяйству нѣ-почто-жь: аль ты вздумалъ въ ключники поселски наймываться?“ Начнетъ толковать, что страхъ какъ ему хочется поглядѣть на мызу, гдѣ дѣдъ, какъ пустынный, на старости лѣтъ жилъ, и тутъ Мамелфа Тимоѣевна не задумается отвѣтомъ.

— А не ко времени глядѣть-то, глупенькій, вздумалъ, рано еще тебѣ о пустынномъ житіи загадывать, да и глядѣть-то тамъ, милочекъ мой рожоненькій, не на чтò.

Наконецъ удалось Кириаку повернуть матушку на свою сторону. Какъ-то сама Мамелфа Тимоѣевна, въ надеждѣ свести разговоръ на сватовство, замѣтила сыну, что онъ не веселъ сталъ.

— И то, догадался отвѣтить Кириакъ. — А чую, родименька, что опять меня томъ беретъ, прежняя люта хворь ко мнѣ подступаетъ.

— Кака тамъ еще лѣта хворь? не безъ сердца, какъ на маленькаго, прикрикнула Мамелфа Тимоѣевна, чтò всегда дѣлала когда занемогалось Кириаку, вѣроятно въ надеждѣ, что своимъ грознымъ окрикомъ отгонитъ отъ сына любую болѣзнь.

— А та-же вотъ немочь душевная, отъ коѣй по недѣлямъ запершись сижу.

Мамелфа Тимоѣевна испугалась не на шутку, и рада

была на все согласиться, только-бы спасти свое дитятко отъ лютой немочи.

— А съѣздить-бы, эту малую проѣздочку сдѣлать... началъ было Кириакъ, но матушка и кончить ему не дала, и тутъ-же благословила ѣхать дѣдову мызу смотреть. Кириакъ назначилъ и день отъѣзда.

И хотя въ назначенный день съ самаго разсвѣта зарядилъ мелкій и частый дождикъ, Кириакъ не отложилъ „похода“. Варенаго и печенаго было столько въ насадѣ¹⁾ погружено, будто Кириакъ Андреевичъ задумалъ въ заморье плыть. Гребцы дружно взялись за весла и погнали лодью внизъ по Волхову. Но только минули Звѣришь монастырь, а съ Антоньевымъ еще не поровнялись, какъ задулъ противный вѣтеръ. Еще сильнѣй замутилось мутное Волхово, забрызгало въ лодью, а тамъ и волной стало хлестать. Вдобавокъ крупный и холодный дождь сталъ бить прямо въ лицо. Двухъ верстъ за Антоньевъ не прошли, стали искать тихую заводь²⁾, чтобъ переждать погоду. Кириакъ рассчитывалъ еще за-свѣтло слѣзть съ коня во дворѣ дѣдовомъ, а ужъ за-темно высадились только у Трехъ Двориковъ.

Три Дворика стояли на землѣ Кириаковой; въ нихъ жили рыбаки и въ Кириаковой водѣ рыбу ловили. Тутъ всегда выходили изъ лодей и ѣхали до мызы горой.

Кириакъ Андреевичъ за ненастный день намокся и назябся порядочно. Войдя въ высокую горницу, онъ первымъ дѣломъ переодѣлся и переобулся, и затѣмъ сталъ ходить разминая ноги, отеки отъ долгаго сидѣнья въ лодѣ. Онъ чувствовалъ себя бодро, и радовался что умно сдѣлалъ, не испугавшись погоды, и теперь ужъ далеко до Новагорода.

Скоро и ужинъ поспѣлъ. И вкучна-же послѣ знобкаго дня показалаась Кириаку Андреевичу горячая ушица! Въ концѣ ужина паробокъ спросилъ господаря, какъ онъ прикажетъ, сейчасъ-ли коней сдѣлать, или дожждаться мѣсяца.

— А скоро вѣдъ онъ и выстане³⁾, добавилъ паробокъ.—А втораго курошнѣня⁴⁾ вѣдъ не дѣждется. А дорога-тъ лѣсомъ и всегда-то она, охъ! сильно блага⁵⁾, а нунь-ко, поди, ошѣ поразгрязнило.

Кириакъ рѣшилъ дожждаться мѣсяца, а пока приказалъ постелить войлокъ на лавкѣ да бросить подушку подъ голову. Кириакъ улегся на-спину, вытянулся, и руки за голову заложилъ.

„Что-жь мнѣ про Настасью Григорьевичеву не вспоминается?“ спросилъ онъ самого себя. „А вотъ стану ко я всякую-то ночушку спать ложась, себя спрашивати: вспоминалась-ли она мнѣ за цѣлый день?“

И съ этой мыслью Кириакъ глаза закрылъ. И только закрылъ, какъ ему въ очи полѣзли бѣлоголовыя волны, въ ушахъ вѣтеръ съ дождемъ зашумѣлъ, заревѣло мутное Волхово, и самого Кириака стало покачивать точно въ лодѣ, да какъ встряхнетъ вдругъ. Всякій разъ, какъ чудилось ему будто лодку взбрасываетъ волной, Кириакъ открывалъ полусонныя глаза и, тупо поглядѣвъ вверхъ, снова задремывалъ. При которой-то встряскѣ, Кириакъ очнулся и тутъ ему показалось будто въ щель волоковаго окна ползетъ свѣтлякъ, или изъ него вываливается самоцвѣтная гнилушка, и слѣдомъ мѣсячный лучъ палъ на полъ. Вошелъ паробокъ съ докладомъ, что кони осѣдланы, и мѣсяць всталъ.

¹⁾ Насадъ—лодя большая.

²⁾ Заводъ—тоже что на Волгѣ загопъ.

³⁾ Выстать—вставать.

⁴⁾ Курошнѣнь—время когда пѣтухи поютъ.

⁵⁾ Благой—грязный, болотистый.

Ѣхать пришлось чернолѣсьемъ. Кони грузно шлепали по липкой глинистой грязи, спотыкаясь по мѣстамъ въ налитыхъ водой выбоинахъ. Кириакъ ѣхалъ, подремывалъ. Какъ вѣтеръ набѣгалъ на лѣсъ и будилъ его, Кириаку снова чудилось что то Волховъ шумитъ; а когда конь спотыкался — что волны расходились. Конь чуть на колѣни не палъ, и Кириакъ широко глаза открылъ.

— А это чтó за озеро кипитъ? спросилъ онъ.

— Како озеро? изумленно сказалъ паробокъ.—Никоѣй тутъ воды съ испоконъ не было.

Кириакъ взглянулъ, и увидѣлъ что то туманъ, посеребрѣнный мѣсяцемъ, клубомъ переваливается чрезъ кусты.

— А только вотъ кусты пройдемъ, и боръ сейчасъ, сказалъ паробокъ.—И дорога спорѣй пойдетъ.

Вотъ и вѣковѣчный боръ подвинулся навстрѣчу. Могучія сосны стояли великанами, широко другъ отъ друга. Кириаку захотѣлось увидѣть вершину боровой сосны, но у него только шапка съ головы валилась. Мѣсяць слабо свѣтилъ въ просѣкѣ, на закатъ пошелъ. Боръ сталъ рѣдѣть; Кириакъ взглянулъ промежъ деревь на небо, а мѣсяць ужъ серебряной крапкой еле свѣтится. Какъ совѣмъ изъ бора выѣзжать, Кириакъ, склонивъ голову, внизъ поглядѣлъ, на траву. На всякой-то былинкѣ стояло по трепетной капелькѣ, и думалось ему, что каждая изъ нихъ ждетъ, не дожидется своего царь-солнышка, чтобъ вспыхнуть ему навстрѣчу цвѣтнымъ огнемъ. И солнышко не замедлило.

Весело и радостно стало Кириаку Андреевичу. „А слава Тебѣ, Господи!“ громко вскричалъ онъ, и снявъ шапку, молился на востокъ солнечный.

„А во городѣ-то живешь,“ подумалось ему, „хоть рано пробуждаешься, а этой Божьей красоты не видишь вѣкъ. И вольно же да лѣгко тутъ дышется. А въ городѣ-ть люди не чисто живутъ, всякаго-то мусора да грязи не вѣсть откуда натаскиваютъ. Скажутъ, что къ которымъ церквамъ встарь семь ступеней вело, нынѣ и духъ не остался, а все отъ той натасканной грязи человѣческой.“

Вскорѣ случилось имъ проѣзжать небольшую деревнюшку, всего о двухъ дворахъ. Народъ ужъ вставалъ на работу, и всѣ, выходя изъ домовъ, крестились на востокъ, а замѣтивъ Кириака, низко ему кланялись. Кириакъ, отдавая поклонъ, на все любовался и радовался.

— А и глинь-ко, Кириакъ Андреевичъ, сказалъ паробокъ, — а бы синь дымокъ, эвоны-то влѣвъ, синѣется, а то знать для твоего степенства байню подтапливаютъ. Вечоръ оцѣ поджидали тебя.

Поглядѣлъ Кириакъ на дымокъ, и высокій дѣдовъ домъ сталъ обозначаться вдали.

— На прикрасѣ домо-ть, видно, стоитъ? спросилъ бояринъ.

— Коли же вѣтъ! паробокъ отвѣчалъ. — А и люди мѣсто не мимо же Красны Холмы прозвали. А коль въ теремъ взлѣсть, да оттоль, Кириакъ Андреевичъ, съ гутьбища-то посмотришь, и не надивуешься. И далече видать. Лѣсъ кругомъ стоитъ; поверхъ его погляди: ровно море это зелено шумливаетъ. А рѣчущечка-та наша бѣдокурная, то здѣсь, то тамъ она на солнышкѣ посвѣчиваетъ, а въ котору сторону ни глянь, ровно вѣдь она кругъ двора кружить, облаву на него дѣлаетъ.

— А ну-т-ко-сь, сказалъ Кириакъ, пристегнувъ коня.

На крыльцѣ господаря встрѣтила высокая становитая женщина, съ лицомъ вмѣстѣ и важнымъ, и привѣтливымъ, лѣтъ Кириаковой матушки. Звали ее Иринею Мишаничною¹⁾; встрѣчая господаря, она кланялась ему хлѣбомъ-солью, медомъ и вологою.

Иринья Мишанична и сейчасъ была женщина вид-

¹⁾ Мишанична — отчество отъ уменьшительнаго Миша. По новгородскя не Ирина, а Иринья. Впрочемъ, въ мѣсяцословѣ XIII вѣка означено мая 5 не Ирины, а Ирини.

ная, а смолоду на весь Новгородъ красотой славилась. Была она купеческая дочь, небогатаго торговца новгородскаго. Когда отцу-вдовцу нездоровилось, иль было недосугъ, то Иринья Мишанична за него сидѣла въ лавкѣ на торгу и продавала въ розницу суровскій товаръ. Запримѣтилъ ее Кириакъ батюшко, и сталъ учащивать въ лавку. Иринья Мишанична, какъ теперь себя женщиной разумной понимала, такой же была и съ молоду. И хотя посадничій сынъ ей и нравился, опа строго себя съ нимъ держала; полюбивъ, ума не теряла. Андрей Кириаковичъ съ полгода помучился, а тамъ палъ въ ноги государю-батюшку, прося его родительскаго благословенія на великое дѣло брачное. Старый посадникъ не тронулся сыновними слезами и, назвавъ женитьбу на купеческой дочкѣ окальной мерзостью, обругалъ самоѣ Иринью, сыну въ глаза, нехорошимъ словомъ. Послѣ, опомнясь отъ перваго гнѣва, старый посадникъ иначе дѣло повелъ; догадался что крикомъ да бранью не вылѣчишь сына отъ сердечной немочи, а только натравишь на пуцую дурь. Освѣдомился онъ о самой Иринѣ и объ ея отцѣ, — оказалось что люди они добрые, честные, богомольные. Въ то время у посадника жилъ въ ключникахъ млодець, не одерноватый паробокъ, а вольный человѣкъ. Посадникъ сталъ ему сватать Иринью Мишаничну, и какъ дѣло въ ходъ пошло, послалъ за Ирининымъ отцомъ, и затворясь съ нимъ въ комнатѣ, переговорилъ откровенно. Купецъ на томъ же сталъ чтó сдумалъ бояринъ: что посадничью сыну на купецкой дочери жениться дѣло нестаточное.

— А ты выдай-ко ее за моего ключника, а не холопъ вѣдь онъ мнѣ, вольный человѣкъ, а по ряду¹⁾ ключи принималъ. А волость есть у меня кологородская²⁾ и дамъ я ему ее въ кортому³⁾, а оброкъ не великъ положу. А въ душевной грамотѣ⁴⁾ прикажу, чтобъ его съ той волости не стогнали до-вѣку. А вдовой твоя дочъ останется, а по тому жъ ряду ей жить въ моей волости до-вѣку жъ. Ъсть-пить будетъ имъ чтó, а въ придачу и деньгами награжу.

Такая судьба дочери и купцу показалаась дѣломъ статочнымъ. Придя домой, купецъ объявилъ дочкѣ что просваталъ ее, а тамъ честнымъ пиркомъ и за свадебку. Андрея Кириаковича все это время въ Новгородѣ не было. Случился тогда споръ со Свейми о рубежѣ, и бояре новгородскіе ѣхали на рубежъ, на говорку⁵⁾ съ королевскими дворянами. Посадникъ пристроилъ сына къ этому посольству, пусть-моль къ дѣлу навывается. Какъ вернулся Андрей Кириаковичъ съ говорки домой, Иринья Мишанична въ Новгородѣ и слѣдъ простылъ. На другой же день объявилъ ему батюшка, что нашелъ ему невѣсту честнаго рода, боярскую дочь Мамелфу Тимоеевну.

Иринья Мишанична теперь уже нѣсколько лѣтъ бездѣтно вдовѣла, а не вовсе еще забыла то время, какъ ей посадничій сынъ забавныя рѣчи говаривалъ. И какъ вспоминалось оно ей, садилась подъ окошечко и пригорюнясь, запѣвала:

Охъ, ты время мое, времячко!
А скорѣмъ-скорѣ ты минулося,
Яснымъ соколомъ а пролѣтѣло,
Золотымъ кольцомъ укатилося.

Кириакъ зналъ, что его отецъ заглядывался на Иринью Мишаничну и готовъ былъ жениться на ней. Дня два по приѣздѣ они чинились съ Ириньей; словно приглаждавались другъ къ другу, а потомъ разговорились. И завелась у нихъ ежедневная дружеская бесѣда. Кириакъ Андреевичъ, помня про отца, никакъ не могъ глядѣть на Иринью Мишаничну какъ на женщину вовсе

¹⁾ Рядъ — условіе, договоръ, контрактъ.

²⁾ Кологородскій — пригородный.

³⁾ Кортома — аренда.

⁴⁾ Душевная грамота — духовное завѣщаніе.

⁵⁾ Говорка — переговоры, конференція.

Богатырскій эпосъ. Добрыня освобождаетъ Запаву Путятичну.

Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Э. Гюбнеръ, грав. Ю. Барановскій.

Запретное чтение. Съ карт. Э. Шнитцера, грав. Р. Бонгъ
Библиотека "Руниверс"

для себя чужую. Обращался съ нею бережно и почти-тельно. Ирinya Мишанична и подавно не сумѣла смотрѣть на Кириака какъ на вовсе посторонняго.

„А сыночекъ онъ вѣдь тому молодцу что былъ мнѣ по душѣ да по сердцу“, разсуждала она, „а потому выходитъ онъ мнѣ какъ бы пасынокъ; только не по закону, вѣдомо, а также какъ вотъ и его батюшко мнѣ женихомъ былъ по душѣ да по сердцу, да Господь не ссудилъ.“

Ирinya Мишаничнѣ весьма желалось узнать доподлинно, зачѣмъ Кириакъ Андреевичъ пожаловалъ въ Красны Холмы; его словамъ, что онъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобъ дѣдово поселе поглядѣть, она не очень вѣрила. Всѣ ея объ этомъ мнѣнія и разсужденія обычно заключались однимъ и тѣмъ же неодобрительнымъ возгласомъ: „ну, ужъ и рѣдна матушка!“

Ирinya Мишанична, понятно, не долюбивала Мамелфу Тимоѣевны, и доселѣ, при мысли о ней, не могла побороть въ себѣ ревниваго чувства. Кириakovъ пріѣздъ подогрѣлъ это нерасположеніе. Ирinya Мишанична стала гнѣваться на Мамелфу Тимоѣевну за то, что она до сихъ поръ не позаботилась о Кириakovой судьбѣ.

„Этакой молодецъ да холостъ ходитъ. Аль дѣвицы пригожи вовсе нунъ въ Новгородѣ повывелись? Да за такого-то и царска дочь съ радостью выскочитъ, не задумается. Ну, ужъ и рѣдна матушка!“

И слѣдомъ Ирinya Мишанична что-то задумывала и въ чемъ-то хотѣла присрамить Мамелфу Тимоѣевну,— только сама еще не могла рѣшить въ точности что такое сдѣлаетъ и чѣмъ именно пристыдить родную матушку.

Въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ Иринею Мишаничною, Кириакъ постоянно разспрашивалъ про дѣда, а объ отцѣ, по прирожденной душевной нѣжности, ни разу, ни полусловомъ не помянулъ. Ирinya Мишанична была за то весьма ему благодарна, и рассказывая про дѣда, ни разу же, ни словомъ не проговаривалась объ отцѣ, точно у Кириака и вовсе отца не было.

Про дѣда Кириакъ любопытно было знать все до самой малости. И какія онъ книги читалъ, и куда къ обѣднѣ ѣзжалъ, и водилъ ли съ кѣмъ хлѣбъ-соль, и какія кушанья любилъ. Посадничьему внуку нравилось все дѣлать по-дѣдовски, какъ старый посадникъ поступалъ. Сказала какъ-то Ирinya Мишанична, что она дѣду всегда по пятницамъ готовила къ ужину тюрку изъ черныхъ сухарей на квасу, сдабривая ее лукомъ да зеленымъ маслицемъ, и очень де эту тюрку старый посадникъ одобрялъ, — и молодой Кириакъ Андреевичъ приказалъ готовить и себѣ ту же тюрку, также по пятницамъ. Въ другой разъ Ирinya Мишанична припомнила, что старый посадникъ любилъ по грибы ходить, и внукъ посадничій на завтра же, захвативъ кузовокъ, съ восходомъ солнечнымъ отправился въ лѣсъ. Эта забава ему полюбилась. И какъ пошелъ онъ во второй, или въ третій разъ по грибы, вотъ что съ нимъ случилось.

Находившись до усталы, вздумалось Кириаку отдохнуть подъ плагуцею березкою. Онъ сидѣлъ склонивъ голову и задумчиво любовался какъ солнышко, разсыпавшись на мелкіе золотые кружки, играло на муравѣхъ подъ березою, перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто, куда вѣтеръ листу шаталъ.

— А я-то тебя, батюшко, взыскалася! сказали надъ нимъ густой и звонкій, грудной, прямо деревенскій голосъ.

Кириакъ поднялъ глаза, и видитъ бѣлое лицо, обрамленное алой кумачной косышкой, брови соболиныя да очи черныя. Не успѣлъ онъ ихъ разглядѣть, какъ дѣвушка, замѣтивъ что обозналася, пустилася бѣжать. Только долгая черная коса издали виднѣлася. Привскочивъ на ноги, Кириакъ не могъ рѣшить, въ явь-ли онъ

видѣлъ чернобровую, или она ему въ дремѣ пригрѣзилась.

Кириакъ Андреевичъ, ложася спать въ ту ночь, едва успѣлъ глаза сомкнуть какъ тотчасъ же предъ нимъ запрыгали по травѣ золотые кружки, а слѣдомъ на него глянуло бѣлое лицо чернобровое. Чуть было, какъ давече, не привскочилъ на ноги Кириакъ Андреевичъ.

„А Настасья Петровна ужъ который день мнѣ не вспоминалася“, подумалъ онъ.

На другое утро, за завтракомъ, Ирinya Мишанична угощая по обычаю Кириака Андреевича, проронила такое слово.

— А Маккавеевъ вѣдь завтра, а и Спаса еще, Живоворящаго Его креста честныхъ дровъ происхожденіе, — а ты, Кириакъ Андреевичъ, куда же ко обѣденкѣ да къ водосвятію надумался?

— А въ монастырѣкъ нашъ думаю, въ ближній, что дѣдъ становить помогать.

— А ты на погостъ къ намъ поѣзжай, праздникъ вѣдь тамъ, а у насъ второму Спасу празднуютъ, Преображеніе Его чествуютъ. А и служба на погостѣ буде хороша. Знамо, не Софьяна ¹⁾ поютъ, а ладнѣхонько. Многи народы окрестны туда сходятся, и наши черницы туда жъ, гляди, потянутся. Дѣдушка-то твой покойный ужъ всегда на Маккавеевъ тамъ обѣденку стаивалъ. Этотъ-то знакомецъ его ближній, про котораго не разъ я тебѣ сказывала, Щебельковъ Григорей Петровичъ, а отъ погоста его дворъ въ полуверстѣ.

— А до погоста далече-ль? Кириакъ спросилъ.

— А съ полсемой версты ²⁾, не далѣе.

Съ хитростью, или безъ хитрости совѣтовала Ирinya Мишанична Кириаку на погостъ ѣхать,—то Богъ вѣсть.

II.

Маккавеевъ.

Ужъ ежели дѣдъ Кириakovъ въ Маккавеевъ дель всегда на погостъ къ водосвятію ѣздилъ, то внуку и подавно негдѣ было въ этотъ день у обѣдни стоять, какъ на погостѣ. Кириakovъ пріѣздъ всѣ замѣтили, да нельзя было и не замѣтить: давно ужъ никто столь пышно не подѣзжалъ къ погосту. За Кириakovомъ шло десять паробковъ; кони подъ молодцами были одношерстные и одѣжа на нихъ одноцвѣтная. Даньщикъ ³⁾, сказывали, съ зависти чуть не лопнулъ. Богаче всѣхъ онъ былъ въ окрестности, а и его затмилъ Кириакъ Андреевичъ. Половины обѣдни даньщикъ не выстоялъ, уѣхалъ: жаловался будто голову ему разломно.

Какъ посадничій внукъ въ храмъ Божій пошелъ, весь народъ самъ собою разступился передъ нимъ на обѣ стороны и Кириакъ прошелъ къ правому крылосу.

Правду говорила Ирinya Мишанична: обѣдню шѣли хоть и не Софьяна, а ладно. На священникѣ риза была полотняная, да хорошо изукрашена: по всей ризѣ травы и цвѣты были шиты, а по подольнику была она оторочена кумачемъ на холщевомъ подкладѣ, и по кумачу травы же были шиты; пуговики ⁴⁾ хоть и простыя были, да красиво обтянуты тафтяными многоцвѣтными лоскутками.

„А хоть и обѣденъ погостъ“, подумалъ Кириакъ, „а какъ есть у прихожанъ къ храму Божію усердыце, такъ и полбтняна риза выйде узорочна.“

Апостола читать старикъ съ крылоса сошелъ; онъ слегка прихрамливалъ на лѣвую ногу и ходилъ съ костылькомъ. Читалъ не спѣша, явственно выгова-

¹⁾ Софьяна — причтъ и клиръ Святой Софїи, Премудрости Божїей.

²⁾ Шесть съ половиною верстѣ.

³⁾ Даньщикъ — сборщикъ дани, податей.

⁴⁾ Старинныя ризы (фелони) строились нѣсколько иначе прошивъ вышившихъ; длина спереди и сзади была почти одинаковая; во время нѣкоторыхъ священнодѣйствїй, передъ подымался и застегивался на нарочно для того пришитыя пуговицы.

ривая каждое слово. Кириакъ похвалилъ про себя его чтеніе, и ему пришло въ голову, что старикъ этотъ наѣрно дѣдовъ знакомецъ, про котораго такъ много тараторила Принья Мишанична. Какъ обѣднѣ отходить, попъ догадался почтить посадничья внука: выслалъ ему просфору изъ алтаря со стихарнымъ дьячкомъ.

По обѣднѣ, на воду пошли. Недалече отъ церкви бѣжалъ ручей и въ одномъ мѣстѣ растекался и стоялъ крохотнымъ озеркомъ. Тутъ и воду святили. По одну сторону стали съ иконами и хоругвями, а по другую помѣстилось Божье священство и богомольцы. Въ серединѣ молебна, Кириакъ нечаянно взглянулъ на озерко и видитъ что маленькій мальчикъ, лѣтъ четырехъ не болѣе, въ воду залѣзъ. Видно, какъ мать замолилася, отбился отъ нея, и теперь, засучивъ штанишки, стоялъ въ водѣ, и брызгая ударялъ о воду то правой, то лѣвой ножкой. Мальчикъ былъ бѣлъ-бѣлехонекъ, волосики у него словно чистый ленъ; шлепая ножками, онъ выпялилъ свѣтлые глазенки на священника и, разинувъ ротикъ, слушалъ молебное пѣніе. Крестясь, Кириакъ любовался на мальчика.

Послѣ водосвятія, посадничій внукъ думалъ было домой, какъ къ нему подошелъ тотъ старикъ что читалъ въ церкви апостола.

— А прости ужъ, бояринушко, съ поклономъ заговорилъ старикъ, — а сдается мнѣ что не кѣмъ тебѣ инымъ быть, какъ посадника нашего покойнаго, Кириака Андреевича, внучѣнушко.

— Вѣрно. А ты не Щебельковъ ли, Григорей Пестровичъ будешь, а дѣду моему знакомецъ ближній?

— Ты-то меня почему жъ, Кириакъ Андреевичъ, признаешь?

— Наслышанъ я довольно о тебѣ...

— Ай Принья Мишанична? Охъ, и бой же баба, и языко-ть у нея дологъ же! съ улыбкой, покачавъ головой, сказалъ Щебельковъ.

Кириакъ хотѣлъ было подтвердить его догадку, по видно и у старика языкъ былъ не коротокъ.

— А жаловалъ, жаловалъ вѣдь меня дѣдушко-то твой покойничушко, перехватилъ Щебельковъ Кириакову рѣчь. — А и дай Господи царствіеце ему небесное. — И Щебельковъ, снявъ шапку, помолился за упокой души посадничьей. — Больнѣ онъ меня, посадничушко милое, жаловалъ, а и въ Маккавеевъ день николи моимъ хлѣбомъ-солью не брезговалъ, всегда-то у меня обѣдывалъ. А ты, Кириакъ Андреевичъ, по дѣдушкѣ-ли пойдешь?

Кириакъ пошелъ по дѣдушкѣ, и Щебельковъ похвалилъ его за то.

— А мы пѣши вѣдь: недалече тутъ, полуверсты нѣтъ. А ты на коня садись, а я рядышкомъ. Не гляди что съ костылькомъ, хожу вѣдь я.

Кириакъ рѣшилъ идти пѣшкомъ, за что старикъ еще разъ похвалилъ его. Пошли гурьбой: Щебельковъ съ Кириакомъ впереди, а за ними сосѣди, стариковы пріятели ближніе; нѣкоторые были и съ женами, и съ дочерьми.

Шли ближнею тропинкой, и вышли къ огороду, и какъ имъ за уголь, чтобъ въ ворота пройти, поворачивать, услышалъ Кириакъ такой разговоръ.

— Трофимъ, а Трофимушко! кричалъ старушечій голосъ.

— А чего?

— Гдѣ-же туча-то, спрашиваю?

— Кака туча ошѣ?

— А тутъ вотъ межъ полуночника и сивера стояла.

— А и не въ догадъ мнѣ.

— Охъ, ротозѣй окаянный! осерчала старуха и слѣдомъ окно хлопнуло.

Кириакъ слегка усмѣхнулся, а Щебельковъ только головой покрутилъ, какъ-бы хотѣлъ сказать: „ну, и крута-же баба у мени!“

Обѣдъ что-то замедлился. Щебельковъ съ петербнѣемъ и не безъ страха поглядывалъ на дверь: „что молъ тамъ, пироги-ли не дошли, аль, не дай Богъ, баба моя обѣдомъ оплошилася?“ Наконецъ дверь отворилась, и на порогѣ стыдливо стала дѣвушка.

— А ну? старикъ спросилъ.

— Матушкѣ не можется, зубы опять, какъ-бы со-вѣстася проговорила дѣвушка.

— А не можется, на ту ея хворь, дастъ Господь, честны гости не обидятся. А ты, именинница, чару бери да гостямъ о всей кланійся, сказалъ хозяинъ и слѣдомъ, обратясь къ Кириаку Андреевичу:—А именинница у меня дочушка сегодня. А Маккавеева буде матушка, Соломонія. А только я ее по иному зову. Вишь ты, Кириакъ Андреевичъ, Евангеліе у твоего дѣдушка было, а и посейчасъ, гляди, въ томъ-же коробѣ лежитъ, а старо евангеліе древнее, ста два ему лѣтъ буде, какъ покойничушко твой сказывалъ. А въ немъ, въ Евангеліи, святцы писаны, а въ нихъ-то я и вычиталъ: не Соломонья вѣдь, а Соломонъ въ старину писался. А потому я и дочушку кликать сталъ: во всемъ-то старинку люблю. А такъ вѣдь оно и лучше, поди А по твоему-то какъ, бояринушко?

И Кириакъ нашель, что по старинному, пожалуй, и лучше. Тутъ всѣ сосѣди, старички почтенные, сколько ихъ ни было въ горницѣ, переглянулись между собой и закивали головой на Щебелькова, „и уменъ молъ у насъ Григорей Петровичъ“.

— Что-жъ ты, Соломонюшка, зазѣвалася? А дѣлай, дѣвчйна, что отецъ повелѣлъ. Чару съ медомъ бери, а начинай потчивать съ гостенька, хоть и нежданнаго да желаннаго, съ посадничья внука, съ Кириакушка Андреевича.

Дѣвушка дѣлала что велѣлъ отецъ. Кириакъ до сихъ поръ не глядѣлъ на нее; нельзя-же ему было, чуть вошла дѣвушка, такъ на нее и воззрится. Какъ подошла къ нему Соломонъ съ чарою, Кириакъ поневолѣ разсмотрѣлъ ее, и узнавъ въ ней ту чернобровую что, обознавшись въ лѣсу, назвала его батюшкомъ, вспыхнулъ весь. Признала или нѣтъ дѣвушка молодца, а тоже зааѣлася.

За столъ сѣли одни мужчины, а женщины, застыдились-ли онѣ гостя новгородскаго, аль у хозяйки про нихъ бабій столъ былъ лажень, только особо онѣ нынче кушали. Въ старухино мѣсто, за хозяйку была Соломонья Григорьевна и, не садясь за столъ, угощала гостей. Какъ усѣлись за столъ, Щебельковъ опять о женѣ заговорилъ.

— Не обесудь ужъ насъ, гостинѣчушко дорогій, что баба то моя нунъ не исправилась. Зубы, вишь ты, одолѣли ее, не тридцатый-ли годъ ими мучается. А съ зубомъ, гляди, и сама зубаста стала.

Всѣ старички почтенные, сколько ихъ ни было въ горницѣ, только головой закрутили, беззвучно смѣясь, одними устами: „ну молъ, и скаже ужъ!“

А Щебельковъ, встрѣтивъ укоризненный взглядъ дочери, прибавилъ:

— А ты, дѣвчйна, не гляди на меня съ укоризною, не браня вѣдь про бабу свою, а про твою родитель-матушку сказываю, а для того, чтобъ гости ее не назвали олүшей невѣжливою. Такъ-то, Соломонюшка. А про зубы-те, Кириакъ Андреевичъ, сказать: а бѣдова они статья. Хоть тѣ возьми: младенцы ими плачутся, а которы и помрутъ отъ нихъ, а и вырастешь, какъ баба моя, тѣми-же зубами мучайся.

Тутъ Щебельковъ надолго замолчалъ, чтобъ не мѣшать гостямъ кушать. Только приказывалъ по временамъ дочери, чтобъ поусерднѣй потчивала. Какъ сталъ столъ во полустолѣ, пришла Щебелькову великая охота побесѣдовать съ Кириакомъ, но онъ все не рѣшался приступить къ разговору, опасаясь что гость еще голденъ. И когда Кириакъ уже въ десятый разъ повто-

риль, что онъ сытъ-сытѣхонекъ, тутъ только Григорей Петровичъ бесѣду завелъ.

— А слышь-ко, Кириакъ Андреичъ, сказалъ онъ,—а засельщина вѣдь мы будемъ, деревенщина, а еще и глухи люди живемъ: вѣсти до насъ не скоро доходятъ, знать. А съ новгородскимъ бояриномъ, а еще со внукомъ посадничимъ побесѣдовать, и любопытно намъ, Кириакъ Андреевичъ. Что у васъ тамъ въ Новгородѣ вунь затѣялось?

Кириакъ рассказалъ что зналъ.

— А слышите, други почтенные, внушительно обратился Щебельковъ къ старичкамъ.—А мы тутъ, Кириакъ Андреевичъ, мекаемъ вѣдь, что Захарій съ Назаромъ не съ дуру-же государемъ господина-то князя нашего назвали; знать, у нихъ съ кѣмъ изъ бояръ было столкованось. Аль и Владыку тутъ?

Кириакъ отвѣчалъ, что про это глухо говорятъ въ Новгородѣ и не велятъ даже о томъ довѣдываться, потому что такая довѣдка была бы Москвѣ на руку.

— Вотъ оно что! какъ-бы съ задней мыслью проговорилъ хозяинъ.—Степенный, знать, не съ ними былъ, да и гдѣ ему, Курятнику! А намъ-бы про Владыку только довѣдаться. И въ Шелонскій вѣдь годъ своему полку противъ князя Владыку битесь не приказывалъ, а Псковичей молъ — бей ихъ! Такъ про Владыку ничего, Кириакъ Андреевичъ, не скажешь намъ?

Кириакъ отвѣчалъ, что и это дѣло темное.

— А безъ Владыки, обратился старикъ къ шабрамъ,—такой смѣлости и у Захарія не хватило-бы, даромъ что Вѣчный дьякъ.

Всѣ старички почтенные, важно склонивъ головки на сторону, посидѣли молча и, погодя, въ голосъ всѣ отвѣтили:

— А безъ Владыки гдѣ-жь!

— А гдѣ пастырь, тутъ и стадо! Щебельковъ сказала. И старички, опять помолчавъ, проговорили:

— А овцы вѣдь мы его словесныя.

Эти слова показались Кириаку странными, даже загадочными, и онъ не зналъ какъ ихъ слѣдуетъ понимать.

— Что-жь, гадаютъ-ли на зиму великаго князя походу быть? Григорей спросилъ.

Кириакъ отвѣчалъ, что не гадаютъ; надѣются, что миромъ Господь вселोधъ пронесетъ, а князь по старинѣ станеть держать Новгородъ.

— Дай тѣ, Господи! перекрестись сказала Щебельковъ. — А мы вѣдь, Кириакъ Андреевичъ, струхнѣти было тутъ порядочно. Не лѣгко вѣдь намъ, а крестьянушкамъ, что и говорить.—разоренниціе было-бъ чистое. Отъ Шелонскаго похода только что пооправимшись, а тутъ, на-ко-сь гляди, за бѣярки проступочки да своими боками отвѣчай. А зимній походъ куды грознѣй лѣтняго! Въ Шелонской-то годъ по лѣсушкамъ прятался, а хотъ голодно да не холодно. А въ зиму-тѣ студѣну куды бѣжишь? Какъ избы-то теплыя пожгутъ, въ лѣсу не согрѣешься: помирать надо. Да и въ городѣ зимой, какъ изъ волостей понабѣжить народушко, бѣда буде отъ бѣжанцовъ. Не лѣтняя вѣдь пора, на улущкѣ, аль на дворѣ не уснетъ вѣдь. А и вѣтъ зимой болѣ хочется. А и тѣснота, а и дороговъ¹⁾. Небось, у Курятника хлѣбушка на чернѣй день не запасено, не сдогадается. А и голодъ буде, и моръ къ тому-жь.

„Вотъ Лукѣ-бы послушать“, подумалъ Кириакъ.

— Ты-то самъ о походѣ, Кириакъ Андреевичъ, какихъ мыслей будешь? помолчавъ Щебельковъ спросилъ.

Кириакъ отвѣчалъ, что онъ, пожалуй, ждетъ скорѣе розмирья, чѣмъ мира.

— То-то же! многозначительно перемигнувшись со старичками, Щебельковъ сказалъ. — А еще, Кириакъ Андреевичъ, спросить тебя хочется: а есть-ли еще, остались-ли таки въ Новгородѣ, что за короля мыслить, аль повывелись?

¹⁾ Дороговъ--дороговизна.

— Гдѣ повывестся! А не меньше вѣдь ихъ буде чѣмъ такихъ что за князя великаго стануть.

— Знать Марѳа-то не вовсе еще усмирилася? сказалъ Щебельковъ, и помолчавъ, ожидая отвѣта, но не дождавшись его, прибавилъ: — А, грѣшенъ человекъ, не люблю вѣдь я ее, Марфу-то.

— Что такъ? изумился Кириакъ.—Розумна живѣ.

— Розумна-то, розумна, а только розумо-тѣ у нея будто не нашу стать, не на русьскую. А безлѣпницу вѣдь удумала, чтобъ къ королю пристать. А какъ-бы тамъ у васъ въ городѣ отъ великаго князя ни отчуждались, а намъ вѣдь вовсе отъ него не отчуждаться въ вѣкъ. Искони вѣдь мы великихъ князей отчина и дѣдина. Всея Русси не мимо пишутся, а и Новгородъ тутъ-же, во всей Русси. А не Литва-жь мы окаянна! вскричалъ Щебельковъ и даже по столу кулакомъ пристукинулъ.— А Марѳа куды? А въ Литву, а къ королю, а еще къ папѣжу римскому. То-то. На ея душѣ грѣхъ, что въ Шелонскій годъ загубилъ я душу крестьянскую. Полонили, вишь, наши москвича, а схватили его грабачи. А онъ, знать, не смиренъ жилъ, сталъ лаяться: „латына молъ вы поганая!“ Не стерпѣлъ я его лаянья обиднаго, на осинушку мѣлодца лытками вверхъ вздернуть велѣлъ. А загубилъ-же, говорю, неповинную душу крестьянскую. А правда-тѣ его, и впрямъ туда вѣдь, въ латына угодили-бы. Вотъ и розумъ Марѳинъ весь. Ишь, куда повернуть вздумала!—Старикъ пріостановился въ рѣчи, и уже безъ горячности, но твердо прибавилъ:—Анъ не поверне.

— А ни! помолчавъ, въ голосъ подтвердили сосѣди.

— То-то-же, подхватилъ Щебельковъ, — хвалилася галушка ракиту сломить, анъ не слѣмила.

Всѣ старички, сколько ихъ было въ горницѣ, покрутивъ, попрержнему, головой, беззвучно размѣялись.

— Гляди, Григорей Петровичъ, сказалъ Кириакъ,—а этакъ-то худо посадничью вдову чести, не берешь-ли ты грѣха на душу? Ужь будто и въ латына она повертывала? А ты слушай-ко, что про это дѣло ея у насъ въ Новгородѣ умны люди скажутъ.

И Кириакъ сталъ толковать ему мысль Луки Аввакумовича, что Новгородъ только княжичной потянуль-бы къ Литвѣ, а владычной пошлиной къ митрополиту Московскому.

— А ужъ это дѣло и вовсе не крестьянско, отрѣзаль Щебельковъ.

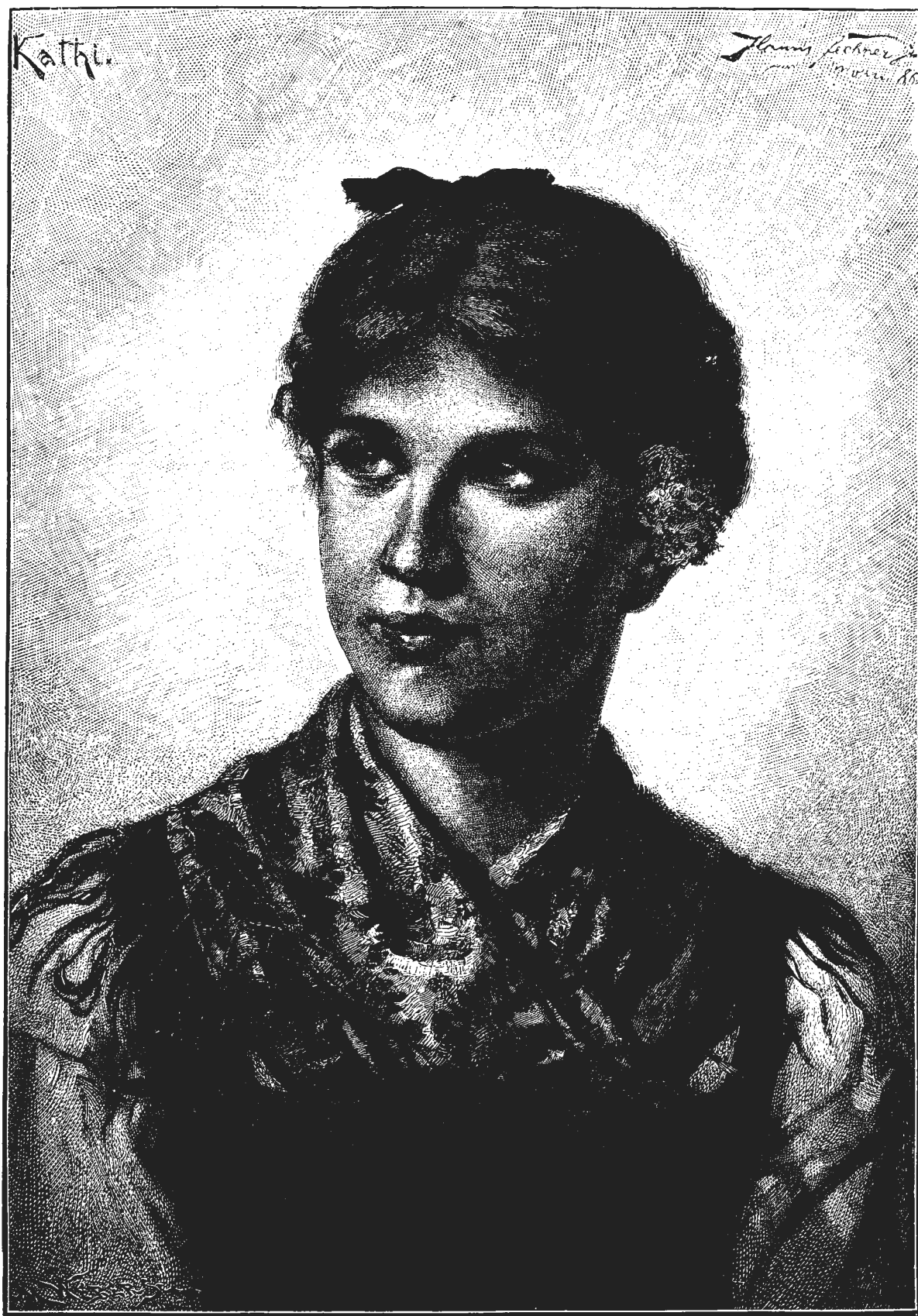
— А чѣмъ такимъ? изумился Кириакъ.

— А сказано вѣдь: „никтоже можетъ двѣма господинома работати“, сирѣчь Богу да мамонѣ еще, строго отвѣчалъ старикъ.

„Вотъ-бы Лукѣ послушать“, снова подумалъ Кириакъ, а самъ ничего не сумѣлъ отвѣтить Щебелькову.

— А и вѣдь, Кириакъ Андреевичъ, продолжалъ Григорей,—не самъ-одинъ до того додумался, чтобъ Марѳу вѣроотступницей звать окаянною; не моего вѣдь ума дѣло тако великое, а научалъ меня, наказывалъ дружечушко мой сердечный, а розумомъ не въ мою версту, а книженъ къ тому. Въ чернецахъ, слышь, живетъ, *Временникъ* пишетъ. Что услышитъ аль самъ доглядитъ, а не зря вѣдь на бумагу кладетъ, а сгадавши, крѣпко сдумавши. Страхо-тѣ Божій, начало это премудрости, въ сердцѣ имѣтъ, а пишучи согрѣшить опасается, чтобъ лжи на кого не положить. Лучше де не дописать, чѣмъ грѣхъ принять на душу. А Марѳы не хвалить-же онъ: зачѣмъ подняла князя великаго на Великій Новгородъ, а на всю еще, скажи, землю новгородскую. На начинающаго Богъ, скажетъ. А и самъ ты, Кириакъ Андреевичъ, вспомни-ко, каково сухо лѣто въ Шелонскій годъ было; такого лѣта старинушки не запомнятъ, а дожда ни кроплішечки¹⁾. А явственно Господь тогда великому князю поборалъ, а на нея-же, на Марѳу, на усобицы той заводчицу. А еще скажетъ: нешто ладно молъ оно что мы, а всѣ вѣдь крестьяна

¹⁾ Кропли—капля.

Южно-германская крестьянка. Рис. Ганс Фехтеръ, грав. Веберъ.

православные, а другъ на-друга съ мечомъ идемъ? Тому-ли Христось училъ? А не дяволу-ль еще усобицей веселье творимъ? Аль мало у Руси вѣроговъ? А со всѣхъ вѣдъ сторонъ ее, остѣня, тѣснятъ. И Бисермена тутъ, и Литва-та окаянная, а и Чудь, и Нѣмцы поганые, и Свеи еще. А намъ не то, чтобъ Землю въ клочья драть, да братьевъ своихъ, ихъ-же Христось любить повелѣлъ, смерти предавать, а на тѣхъ-бы вѣроговъ всѣмъ міромъ православнымъ за одинъ стать. Такъ-то наставлялъ меня. А и вѣрно-ль, старички почтенные, сказывалъ?

— А не иначе! помолчавъ, подтвердили сѣдья головы.

Кириакъ только дивился, слушая эти рѣчи неслыханныя.

Послѣ обѣда старичкамъ подремать захотѣлося.

— А ты Кириакъ Андреевичъ, станешь-ли удневать, опочиво-тъ держать?

— Я развѣ передъ обѣдомъ когда съ полчаса сна, отвѣчалъ Кириакъ.

— Умнѣхонько, Кириакъ Андреевичъ, дѣлаешь. И я тоже вѣдъ. А зѣлотъ, скажутъ, сонъ предобѣденный, а старички почтенные пусть и серебрянымъ позаймутся, коль любо имъ. А намъ на что имъ разговоромъ-то мѣшкать, а сойдемъ-ко лучше въ огородъ ко мнѣ. Тамо-тъ у меня цыновочка постелена, а мы-ко на ней, бесѣдуя, поваляемся.

И пошли поваляться на цыновочкѣ.

— А зришь-ли, Кириакъ Андреевичъ, э-вонъ-то горушка, еще островъ ¹⁾ на ней. А тамъ вѣдъ и землишечкѣ моей рубежъ. А люблю ту горушку, всякой-то денечекъ почитай, лѣтомъ а и осенью, на нее хожу, прогуливаюсь. На закатъ солнечный оттоль люблюся. А дивно вѣдъ. Солнышко тутъ вотъ закатается, глянь-ко-сь, за лѣсушкомъ. А тамъ на горушкѣ снопичешка съ два у меня брошено, чтобъ старыхъ костей на голыя землѣ не студить. А вотъ оно и клонится. И за лѣсушко ужъ. А тутъ дѣрева-те дивно поосвѣтятся, ровно стануть огнены. А тамъ ужъ, какъ солнышку вовсе спать, потому и признаться можно, что сейчасъ вовсе уйдетъ, что у елочекъ еловцы ²⁾ вспыхнутъ, — ну, бы свѣча твоя Богу затеплится, жертва вечерняя.

Эта старикова рѣчь весьма полюбилась Кириаку, и онъ сталъ на него другими глазами смотрѣть. Щебельковъ заговаривалъ о томъ, о семъ, но видно было, что только подходъ дѣлаетъ къ настоящему разговору.

— А вотъ послушай-ко меня, степенство твое, внучъ ты посадничей, посовѣтуй мнѣ, съ нѣкоторою важною повелѣ рѣчь старикъ.—А не хотѣлось мнѣ за обѣдомъ, при шабрахъ-те, полную рѣчь держать. А не таяси отъ нихъ; тайности тутъ ни которой нѣтъ. Обо всемъ у насъ съ ними переговоренось. А тебя ради молчалъ, потому какъ тебѣ, пойми, на ту рѣчь мою не найти, пожалуй, отвѣтушка скорого.

Кириакъ насторожился: что молъ за рѣчи пойдутъ?

— А про государство рѣчь, сказалъ Щебельковъ, и замолчалъ, словно обдумывая дальнѣйшее.

— Что слухъ у насъ, гѣворю, прошелъ про государство-то, послѣ вѣча-тъ вашего новгородскаго. Что вотъ князь великій въ Новгородѣ государства своего похотѣлъ. А и задумались: къ худу-ль, къ хѣрошу-ль оно, государство-то?—Тутъ Щебельковъ снова чуточку помолчалъ. — А крестьянушекъ теперь возьмемъ, нарѣдушко это черное, а что имъ надобѣтъ? А чтобъ ти-

шина въ землѣ была, усобицы чтобъ слыхомъ не слышать. А желаньице-то это ихнее будетъ истое; какъ надо быть крестьянское. А насъ, своеземцевъ ¹⁾, взять, а и мы ту-же пѣсню поемъ, о томъ-же въ храмѣ Божіемъ молимся: да тихое и мирное житіе поживемъ. Вотъ и намъ, государство-то, тоже будто оно и на руку.

Кириакъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Щебелькова; никогда онъ не слышалъ въ Новгородѣ такихъ рѣчей; и въ голову не только ему, но и самому Лукѣ Аввакумовичу такихъ мыслей про государство не приходило.

— А купца еще мы къ себѣ-же прихватимъ. Анъ усобица—торгу не помощница. Теперь князя великаго взять, и ему походъ не весельице. Не охвота, знамо, и своихъ людей терять, и крестьянъ губить-разорять—дѣло не ладное. А лучше вѣдъ ему на нихъ дань взять, черныи боръ ²⁾ чтоль скажемъ, хоть по кажный годъ. Оттого и прибытокъ ему, а и крестьянству тишина, а еще русьской землѣ собираніе ³⁾.

Услыхавъ эти новыя рѣчи, Кириакъ не только съ изумленіемъ, но даже съ нѣкоторымъ страхомъ отодвинулся отъ Щебелькова.

— А Новгородъ-то Великій куда-жь? вскричалъ онъ.—А съ волей новгородской, по твоему, что-жь станется?

— А ты прости-ко меня, бояринушко, съ тихой покорностью Щебельковъ отвѣчалъ,—не про городъ, про землю я тебѣ сказывалъ, про мысль земскую. А воля-то, знамо, новгородская, а что вѣдъ городъ сдумалъ, на томъ и мы покуда станемъ; покуда, пойми, до государства-то...

— Такъ о чемъ-же ты, спросилъ Кириакъ, еще дальше отодвигаясь отъ Щебелькова,—о чемъ такомъ, Григорей Петровичъ, ты со мной хотѣлъ посовѣтовать?

— А таковъ ты дай совѣтъ, аль отвѣтъ мнѣ, Кириакъ Андреевичъ. Какъ вотъ ни мекаемъ мы, а выходитъ, что для всѣхъ-то оно, государство-то, дѣло ладное, опрѣчь бѣяръ однихъ. Знамо, не безъ нихъ-же и государство строится, и со всѣхъ почитай земель въ Москвѣ бѣяра и князи собраны, а только всѣ они люди подневольные. А государеву думу хотъ думаютъ да его-же воли слушаютъ. А наши бѣяра новгородскіе, своей волей живутъ, люди они своевольные. А и воля-тъ новгородска, про котору ты сказывалъ, бѣярска-жь она будетъ. За кого вѣчемъ стануть, аль какъ теперь повелось, кто вѣче скупить, а вѣчникамъ денегъ дать. И такъ вѣдъ мы гадаемъ, что и тѣ-то которы съ Захаромъ князи великаго государствомъ заманиваютъ, и они истаго государства не вѣдаютъ. Знамо, своихъ недруговъ, бѣяръ-же, въ свою волю привести хотятъ. А тутъ и совѣтъ твой, Кириакъ Андреевичъ: какъ бѣяре наши про государство сдумаютъ? Хѣрошо-ль оно, аль будетъ въ немъ для ихней гордости обидушка?

Кириакъ не прямо отвѣчалъ, — до того смутили его стариковы слова.

— А какъ-же ты, Григорей Петровичъ, въ свой чередъ спросилъ онъ, — еще тѣмъ хвалишься, что старинку любишь во всемъ, а про государство таки рѣчи сказываешь? Сдается вѣдъ, будто это дѣло вовсе новое.

— А новинка-ль, старинка-ль оно, тѣ Богъ вѣсть. А про Ярослава еще Володимировича не мимо-же писано, что былъ онъ самовластцемъ всея земли русьскія. А къ книгамъ меня твой-же дѣдушко-покойничушко приохачивалъ, а лѣтописца честь онъ-же мнѣ давалъ. А на него и пеняй, съ него и спрашивай.

(Продолженіе будетъ).

Исторія одного таланта.

Повѣсть Н. Станицаго (автора романа *Три страны света*).

(Продолженіе).

Переписка наша тянулась года два, потомъ вдругъ прекратилась. Катерина Михайловна не отвѣчала на мои письма. Мнѣ это было очень досадно, но я покорился и пересталъ также ей писать. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я не имѣлъ никакого извѣстія о Катеринѣ Михайловнѣ. Наконецъ, получивъ

¹⁾ Островъ—отдѣльный лѣсокъ.

²⁾ Еловецъ—острая верхушка.

отъ нея письмо, я радостно вскрикнулъ, узнавъ почеркъ, и не

¹⁾ Своземецъ — мелкій землевладѣлецъ. Своземцы соотвѣтствовали московскимъ боярскимъ дѣтямъ; въ древности, по мнѣнію нѣкоторыхъ, они именовались *зрідями*.

²⁾ Черныи боръ—подушная подать.

³⁾ Собираніе въ противоположность разоренію. Въ этомъ именно смыслѣ московскіе государи и назывались „собираателями“.

сразу поняла содержание письма. „Я поселилась въ Порошковѣ; кабинетъ, который вы занимали, готовъ для васъ. Если вы непрежнему питаете ко мнѣ дружбу, то пріѣзжайте ко мнѣ, вы мнѣ необходимы. Моя новая жизнь нуждается въ вашихъ совѣтахъ. Не подумайте, что я вышла замужъ; но перемѣна въ моей жизни произошла неожиданно. При свиданіи все узнаете. Не писала вамъ потому, что сначала слишкомъ была убита горемъ, а потомъ много было разныхъ хлопотъ. Мнѣ хотѣлось увидѣться съ вами, когда я приду въ себя. Пріѣзжайте.“

Я долго думала, что такое случилось съ Катериной Михайловной; но эгоистическое чувство взяло верхъ, и я была очень рада, что она вернулась въ Россію. Къ моему огорченію, я не могъ сейчасъ выѣхать изъ Петербурга, но черезъ два недѣли по полученіи письма, когда я сѣлъ въ вагонъ чтобъ ѣхать въ Порошково, то почувствовалъ такое же состояніе, когда юношей, давъ благополучно экзаменъ, отправлялся бывало на каникулы въ деревню къ своему дядѣ.

Подѣхавъ къ дому въ Порошковѣ и не желая звать, чтобъ мнѣ отворили ворота, я взялъ съ тѣлги свой ручной чемоданъ и вошелъ въ калитку. Двери параднаго крыльца на дворѣ были отворены; не встрѣтивъ никого и въ передней, я прошелъ въ залу. Тамъ все осталось непрежнему.

Я вышелъ на террасу, заслышавъ въ саду голосъ Катерины Михайловны, и вдругъ увидѣлъ ее, окруженную тремя дѣтьми: два мальчика и одна дѣвочка, все были заняты куртинкой цвѣтовъ, которую положили отъ травы. Катерина Михайловна стояла задомъ къ террасѣ, такъ что не могла меня видѣть. Я сошелъ со ступенекъ, она повернула голову и радостно бросилась ко мнѣ.

Мы крѣпко жали руки другъ другу и отъ волненія въ первый моментъ ничего не говорили.

— Ну, вотъ и свидѣлись! произнесла первая Катерина Михайловна.

— Да еще въ Порошковѣ! отвѣтилъ я. — Боже мой! воскликнулъ я, — какъ вы исхудали, вѣрно были сильно больны?

Катерина Михайловна, будто бы не слышала моего вопроса, указывая на дѣтей произнесла:

— Рекомендую вамъ моихъ дѣтей, и обратясь къ нимъ прибавила:—продолжайте свою работу, только не ссорьтесь между собою!—Потомъ сказала мнѣ: — пойдите на террасу.

Дорогой она мнѣ рассказала, какъ она очень дешево купила Порошково, узнавъ отъ Антипыча, что оно продается. Но меня больше интересовали дѣти; я спросилъ ее:

— Чьи это дѣти?

— Мои воспитанники! Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ у нихъ умеръ отецъ, котораго я хорошо знала; онъ поручилъ мнѣ воспитаніе своихъ дѣтей.

— Значить, кругляги сироты?

— У нихъ есть мать.

И Катерина Михайловна назвала мнѣ фамилію. Оказалось, что это та самая г-жа Толкачева, чей долгъ былъ нѣкогда уплаченъ чрезъ мое посредство Катериной Михайловной. Я много слышалъ объ экстравагантныхъ похожденияхъ этой барыни въ Москвѣ и Петербургѣ, не подозрѣвая, что именно для нея нарочно скакалъ изъ Італіи.

— Однако, вы взяли на себя очень трудную обязанность, — сказалъ я, — да еще въ ваши года...

Катерина Михайловна не дала мнѣ окончить фразу и произнесла:

— Въ этихъ дѣтяхъ теперь вся цѣль моей жизни. Одно меня тревожить: сумѣю-ли я хорошо выполнить обязанности воспитательницы? Я разсчитываю на вашу помощь. Вы, вѣроятно, догадываетесь, что я любила отца этихъ дѣтей? прибавила она, потупившись.

— Догадывался! отвѣтилъ я, и выразилъ свое удивленіе, какъ могъ развитой человѣкъ, судя по ея отзывамъ, жениться на такой женщинѣ, какъ г-жа Толкачева?

— Что васъ такъ удивляетъ? Развѣ не знаете, какъ умѣютъ барышни притворяться въ гостини? Довѣрчивый, честный человѣкъ вѣрится безусловно словамъ другаго; къ тому же, ему никогда не случалось имѣть столкновенія съ барынями, которыхъ съ дѣтства искажаютъ воспитаніемъ. Я это видѣла на своей сестрѣ... Толкачеву глупѣйшимъ образомъ баловали родители, дѣлали все что ей приходило въ голову, а тутъ выдумали ей перечить, впрочемъ, справедливо находи, что она не была воспитана для скромной жизни, какую могъ ей дать бѣдный мужъ. Пріятельство со стороны родителей только подожгло вѣбаламшную барышню, она поставила на своемъ. Первая высказала свою безумную любовь, грозилъ утопиться, отравиться, если онъ отвергнетъ ее. Онъ былъ молодъ, увлекся и женился, а съ такой женой ему уже не было возможности ни о чемъ другомъ думать, какъ только о добываніи денегъ. Пошли дѣти, расходы и заботы у него увеличились... Я познакомилась съ нимъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ. Въ семействѣ, гдѣ я поселилась, его очень любили и жалѣли. Я и теперь не очень податлива сходиться съ людьми, а тогда и подавно, по съ нимъ мнѣ было легко разговаривать. Я сама вызвалась помочь ему, когда узнала, что онъ очень озабоченъ малолѣтнею племянницей своей жены, которой вздумалось выписать дѣвочку изъ провинціи, чтобы дать ей образованіе въ Петербургѣ.

Сами посудите, что могла сдѣлать полезнаго для дѣвочки такая женщина, у которой были заброшены ея собственныя маленькія дѣти. Я стала бывать въ домѣ Толкачевыхъ каждый вечеръ, ретепируя уроки съ дѣвочкой, которую Толкачевъ помѣстилъ въ гимназію, а также давала и уроки музыки. Я видѣла, что мужъ совершенно махнулъ рукой на жену, которая, понявъ его охлажденіе къ себѣ, вздумала вернуть его любовью, возбуждая его ревность, стала кокетничать со всякимъ встрѣчнымъ и хвасталась мужу своими побѣдами, а потомъ вошла во вкусъ—танцовать по клубамъ, ѣздить на тройкахъ, посѣщать маскарады. Дома только спала да дѣлала сцены мужу изъ-за денегъ, которыхъ требовалось много для такого образа жизни. Что меня поразило: сама Богъ знаетъ гдѣ пропадала, а между тѣмъ дѣлала мужу сцену ревности ко всѣмъ, даже къ прислугѣ.

— А васъ она не ревновала? спросилъ я.

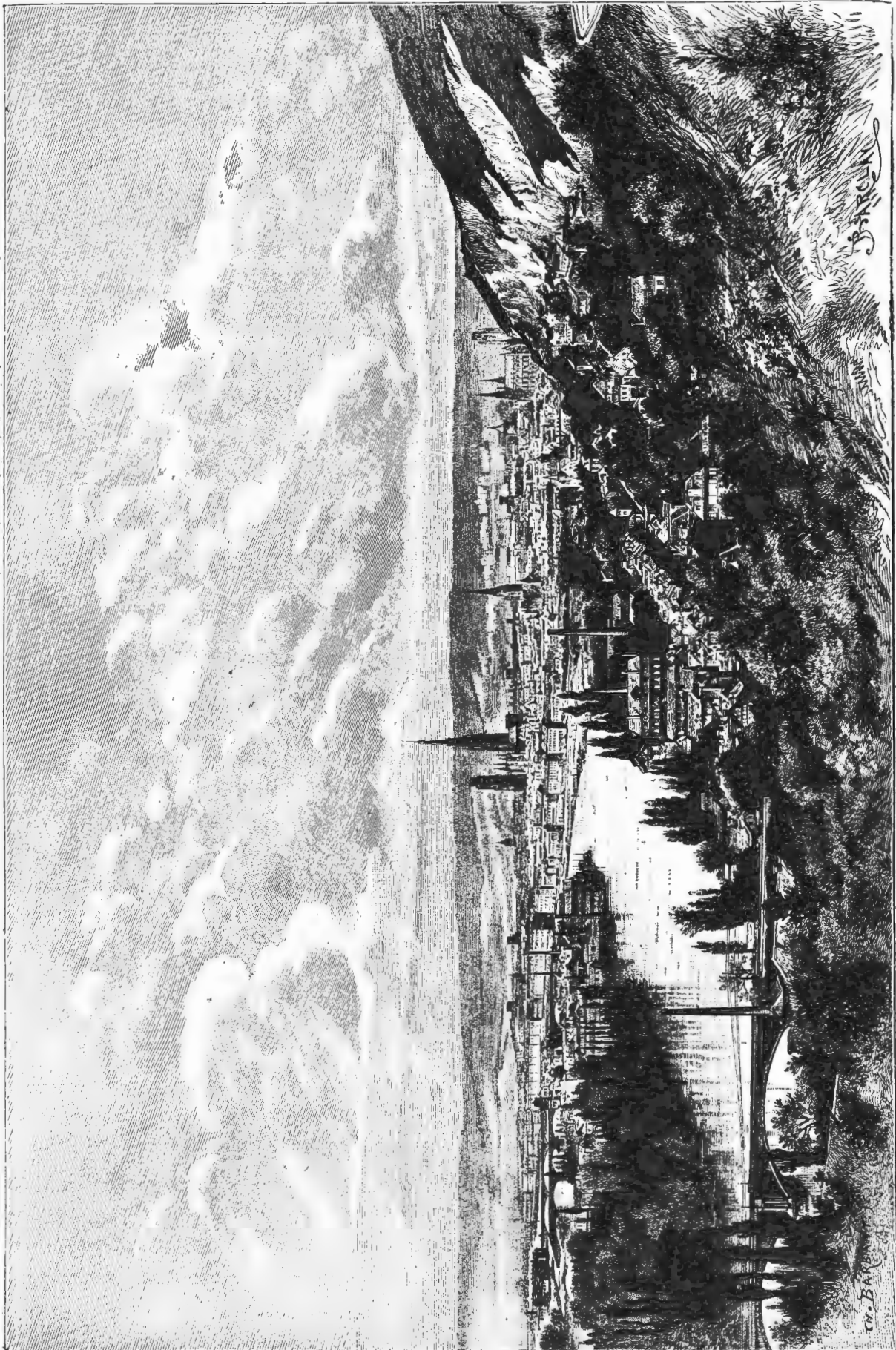
— Почему-то она считала меня такой уродливою дѣвушкой, которая не можетъ нравиться никакому мужчине. Да я ее почти не видѣла, потому что она съ семи часовъ вечера постоянно исчезала изъ дому и возвращалась чуть не съ разсвѣтомъ; спала до обѣда, наряжалась и опять уѣзжала. Бывала каждый день въ семьѣ и видя броненныхъ малютокъ,—хотя отецъ очень заботился о своихъ дѣтяхъ, но не могъ же онъ сидѣть дома при своихъ занятіяхъ,—я все свое свободное время по вечерамъ проводила съ дѣтьми, а когда они ложились спать, занималась съ племянницей. Мнѣ не приходило въ голову анализировать свое горячее участіе къ семейной жизни Толкачева. Дѣти часто заболѣвали и тогда я почти жила въ домѣ Толкачевыхъ, ухаживая за больными дѣтьми.

— И тутъ только поняли свои чувства къ ихъ отцу? спросилъ я.

— Слишкомъ много было въ то время у меня заботъ и возни съ больными дѣтьми, чтобъ я могла углубляться въ самоѣ себя. Но за то я короче узнала Толкачева, мы часто проводили цѣлыя ночи у постели больныхъ дѣтей и о многомъ говорили. Меня удивило, какъ онъ не ожесточился отъ такой ужасной жизни. Онъ цѣлый день былъ занятъ и я часто видала, до какой степени измученнымъ возвращался онъ домой. По воскресеньямъ онъ могъ посидѣть съ дѣтьми и это было для него большимъ удовольствіемъ. Въ одинъ изъ воскресныхъ вечеровъ, мы сидѣли всѣ за вечернимъ чаемъ; дѣти весело болтали съ отцомъ. Вдругъ раздался рѣзкій звонокъ въ передней и затѣмъ колокольчикъ звенѣлъ безостановочно. Мы всѣ перепугались и удивились, когда услышали гнѣвный крикъ хозяйки дома: она никогда такъ рано не возвращалась домой. Съ разгнѣваннымъ лицомъ она вошла въ столовую; вѣроятно, ее чѣмъ-нибудь сильно разсердили ея знакомые и она искала случая сорвать на комъ-нибудь свою злость. Сначала ни за что привязалась къ своей племянницѣ, выбрала самымъ оскорбительнымъ образомъ, потомъ вломилась въ обиду, что дѣти не захотѣли подойти къ ней, а бросились ко мнѣ; она величаво и съ такой силой отшвырнула ихъ отъ меня, что оба мальчика далеко отлетѣли и упали. „Моихъ дѣтей учать не любить меня!“ закричала она на меня и хотѣла вырвать у меня съ рукъ свою дочь, но мужъ схватилъ ее за руки и сказалъ мнѣ: „Ради Бога, уведите скорѣй дѣтей!“ — „Вонъ изъ моего дома интригантка! вонъ сейчасъ!“ заорала Толкачева, вырываясь отъ мужа. Я схватила плакавшихъ отъ искуга дѣтей и заперлась съ ними въ дѣтской. Толкачева такъ неистово кричала бранясь, что, я думаю, слышно было на улицѣ; потомъ начала бить посуду; долго она бушевала. Я сидѣла въ дѣтской и старалась утѣшать дѣтей, которая всѣ жалась ко мнѣ отъ страха. Наконецъ крики смолкли и я стала укладывать дѣтей спать. Они уже спали, когда тихо постучались въ дверь; я отворила и отступила назадъ, до того была блѣдная Толкачевъ. Онъ молча пожалъ мнѣ руку, посмотрѣлъ на спящихъ дѣтей, подошелъ къ племянницѣ жены, погладилъ ее по головѣ, она бросилась ему на шею и зарыдала. Онъ угораривалъ ее не плакать и обратясь ко мнѣ сказалъ: „Возьмите ее къ себѣ почевать.“ Уходя домой, я просила няню запереть дѣтскую на ключъ. Я была убѣждена, что Толкачева помѣшалась. На другой день Толкачевъ пріѣхалъ ко мнѣ, сталъ извиняться, что меня оскорбила его жена, и просилъ меня, чтобъ я на нѣсколько дней оставила у себя дѣвочку, пока онъ не помѣститъ ее на полный пансіонъ въ классной дамъ гимназіи. Съ этого вечера я уже не была въ домѣ Толкачевыхъ и только тутъ появилась какъ дорогъ для меня этотъ человѣкъ; о его взаимности я и не думала; мнѣ казалось, что и моя любовь къ нему не честна, такъ какъ онъ не свободенъ. Мы видѣлись рѣдко: онъ на короткое время заходилъ въ семейство, гдѣ я жила; онъ такъ былъ убитъ, что всѣ его жалѣли.

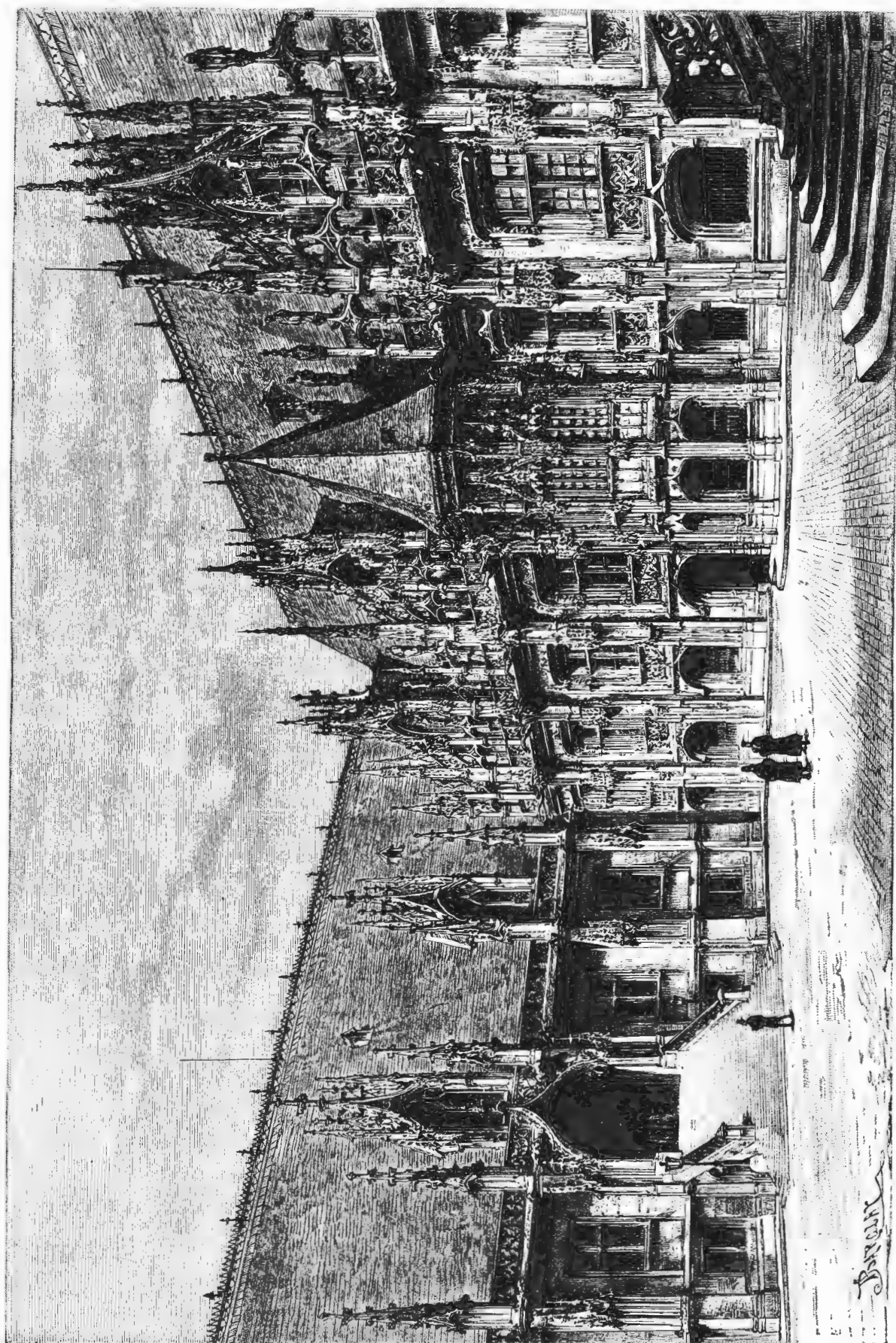
— Такъ онъ и не узналъ, что вы его любили? спросилъ я Катерину Михайловну.

— Мы переписывались, но въ нашихъ письмахъ мы говорили о дѣтяхъ, о ихъ будущемъ воспитаніи. Онъ зналъ мои планы, что я вернусь въ Россію, чтобъ помогать ему въ воспитаніи дѣтей. Только послѣ его смерти мнѣ передали отъ него письмо, изъ котораго я узнала, что была взаимно любима... Я не застала его въ живыхъ, какъ ни снѣшила пріѣхать скорѣй въ Россію.

Общій видъ города Руана. Рис. съ натуры Барклай, грав. Барбанъ

Судебная палата въ Руанѣ. Съ фотогр. рис. Барклай, грав. Гильдибрандъ

Только зная ея исключительное дѣтство и юность, можно было объяснить себѣ существованіе такой платонической любви въ Катеринѣ Михайловнѣ. Я не могъ въ сумерки видѣть ея лица, но по голосу слышать, что страданія ея отъ потери любимаго человѣка были сильны.

— А какъ вы разстались съ Сивцовымъ? спросилъ я черезъ нѣсколько минутъ молчанія.

— Страшно вспомнить, какъ это было. Узнавъ что я ѣду въ Россію, онъ сначала молилъ меня, плакалъ; но видя мое непоколебимое рѣшеніе, пришелъ въ такую ярость, что я думала, онъ задушитъ меня. „Вы воровка“, кричалъ онъ, „вы украли у меня кровавые труды многихъ лѣтъ! Вы хуже всякаго убійцы на большой дорогѣ, вы отняли у меня всѣ мои радости, вырвали мою душу и оставили мнѣ жизнь. Берите ножъ и рѣжьте меня, это докажетъ что у васъ нашлась хоть капля жалости ко мнѣ.“ Онъ со страшными проклятіями убѣжалъ отъ меня.

Всѣ это проговорила Катерина Михайловна дрожащимъ голосомъ.

— Отдохнете хорошенько въ деревнѣ, успокоитесь и снова поступите на сцену, сказалъ я.

— Если бы и желала этого, то не могла бы, отвѣчала она, — я потеряла голосъ.

Я не хотѣлъ ей вѣрить.

— Это ваше воображеніе, вы просто сильно измучились! Этого не можетъ быть.

— Я сама сначала такъ думала, но теперь убѣдилась, что мой голосъ пропалъ—я его надорвала. Передъ спектаклемъ, который былъ прощальный съ римской публикой, я получила телеграмму о болѣзни Толкачева. Судите, чтѣ со мной было. Я было заикнулась Сивцову, что не могу пѣть, но онъ пришелъ въ отчаяніе, тѣмъ болѣе что для меня пріѣхалъ импресарио изъ Лондона послушать меня и ангажировать на Лондонскій оперный сезонъ. Такъ какъ я хотѣла на другой день объявить Сивцову о своемъ отъѣздѣ въ Россію, то я рѣшила сдѣлать надъ собой усиліе, и какая странность, я пѣла хорошо, даже Сивцовъ похвалилъ меня и заранѣе поздравилъ съ ангажементомъ.

Нечего и говорить, какъ меня поразила и эта потеря голоса, и то, что она такъ покойно помирилась со своимъ несчастіемъ. Я никакъ не могъ освоиться съ мыслью, что Катерина Михайловна должна была ограничиться скромной ролью воспитательницы.

Съ этого лѣта, я ежегодно проводилъ Рождество и лѣто въ Порошковѣ, и убѣдился, что Катерина Михайловна разумно относилась къ своимъ обязанностямъ. Подчасъ ей трудновато было справляться съ шаловливыми дѣтьми, но она не падала духомъ. Мнѣ нравилось, что она не хвастала успѣхами своихъ учениковъ, не повторяла при дѣтяхъ ихъ остроты и великодушныхъ порывовъ...

Настала пора отдавать дѣтей въ гимназію и Катерина Михайловна на зиму должна была покидать Порошково. Я переехалъ изъ Москвы въ Петербургъ по своимъ занятіямъ, и она рѣшила жить въ Петербургѣ. Я сдѣлался у ней нахлѣбникомъ, и каждый день являлся обѣдать въ ея семейство. Я привязался къ дѣтямъ и тоже увлекся ихъ воспитаніемъ. Къ счастью для Катерины Михайловны, въ Петербургѣ не оказалось никого изъ ея родственниковъ: мать съ красавицей-сестрой жили за границей и очень были заняты своими семейными дѣлами. Красавица-сестра, разоривъ мужа, отыскала себѣ жениха—богатаго банкира изъ нѣмецкихъ жидковъ и хлопотала объ окончаніи развода, на который охотно согласился разоренный мужъ, чтобъ избавиться отъ красавицы-жены. Братъ Аркадій проживалъ въ Москвѣ, ѣздилъ на рысакахъ, сколачивалъ себѣ капиталъ, завѣдуя дѣлами очень богатой и пожилой барыни, и жилъ въ ея домѣ очень комфортабельно. Федоръ-же спился, попалъ на скамью поудимыхъ въ обществѣ шантажистовъ и былъ высланъ изъ Петербурга.

Дуняша очень привязалась къ дѣтямъ, которыхъ считала за круглыхъ сиротъ, потому что о ихъ матери не было ни слуху, ни духу. Толкачева давно вышла замужъ за телеграфнаго чиновника и съ нимъ уѣхала на Амуръ; оттуда писала она письма, хвасталась, что она выписываетъ себѣ изъ Парижа всѣ наряды. Потомъ мы узнали стороной, что ея мужа прогнали со службы, вѣроятно, вслѣдствіе парижскихъ нарядовъ его супруги. Толкачева перестала писать и мы не знали гдѣ она находится.

Но внезапно, какъ свѣтъ на голову, нагрянула новая бѣда. Я по-утрамъ былъ занятъ и только въ праздничные дни могъ пройтись по Невскому. Какъ-то зимою гуляющихъ была цѣлая толпа, я встрѣтилъ одного своего знакомаго и мы медленно подвигались впередъ.

— Смотрите, вотъ ѣдетъ въ каретѣ итальянскій теноръ, отъ котораго всѣ петербургскія барыни съ ума сходятъ, сказалъ мнѣ мой знакомый.—Вотъ счастье-ецъ-то! Молодъ, красивъ, великолѣпный голосъ, который дастъ ему милліоны. Чортъ знаетъ, какъ несправедливо награждаетъ природа людей! Вы, вѣроятно, слышали его?

— Нѣтъ, еще, все собираюсь, отвѣтилъ я, удивясь, что теноръ высунулся изъ окна кареты и смотрѣлъ на насъ.

— Что это, какъ онъ смотритъ на насъ? воскликнулъ мой знакомый.—Если-бы на нашемъ мѣстѣ были барыни, да онъ отъ радости потеряли бы голову.

Наше удивленіе усилилось, когда карета, проѣхавъ мимо, повернула назадъ и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ итальянскій теноръ вышелъ изъ экипажа и направился прямо на насъ. Въ самомъ дѣлѣ, природа щедро наградила его; онъ былъ въ полномъ смыслѣ красавецъ — и какая изысканная красота! Распахнувъ свою соболью шубку, онъ загородилъ намъ дорогу и, радостно протянувъ мнѣ руку, съ итальянскимъ акцентомъ произнесъ по-французски:

— Вы узнаете меня, мосье С?

Я ошелбенѣлъ услышавъ свою фамилію, и подалъ руку тенору, которую онъ крѣпко сжимая продолжалъ:

— А я васъ сейчасъ-же узналъ; какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, освѣдомлялся въ адресномъ столѣ, но васъ не оказалось въ городѣ.

— Я на недѣлю ѣздилъ въ Москву.

Теноръ, видя что я его не узнаю, съ упрекомъ произнесъ:

— Забыли Петручіо!

Я радостно воскликнулъ:

— Боже мой! вотъ судьба-то! и я сжималъ руки своему бывшему любимцу въ Миланскомъ отелѣ.

Мы остановили теченіе публички.

— Пойдемте ко мнѣ, ради Бога, я такъ радъ, что васъ встрѣтилъ, сказалъ теноръ, беря меня подъ руку и подводя къ своей каретѣ, въ которой онъ мнѣ сказалъ, какъ только мы услышали:— Вы все такимъ же остались равнодушнымъ къ итальянской оперѣ, какимъ были въ Миланѣ?

Я оправдывался тѣмъ, что переселился въ Петербургъ недавно, все собирался въ оперу, но что много слышался о немъ и много читалъ въ газетахъ о его голосѣ.

— И не подозрѣвали, что это тотъ самый Петручіо, который пропалъ съ вами общалъ вамъ пріѣхать въ Петербургъ? Видите, я сдержалъ слово... съ самодовольствіемъ добавилъ онъ. — А не знаете-ли, гдѣ теперь бывшая примадонна, ваша соотечественница?

— Она здѣсь живетъ.

Теноръ даже привскочилъ отъ радости, воскликнувъ:

— Она здѣсь! значить, я увижу ее?.. Вотъ счастливый день для меня сегодня! Я, впрочемъ, зналъ съ утра, что меня ожидаетъ большая радость, добавилъ онъ серьезно.— Я вѣрю снамъ: если плачу во снѣ, то навѣрно меня ожидаетъ что-нибудь очень хорошее, а когда вижу золото—то неирригностно. И во снѣ сегодня ночью я видѣлъ васъ обоихъ. Будто-бы я долженъ пѣть съ вашей соотечественницей на миланскомъ театрѣ, а меня не пускаютъ, потому что много наѣхало путешественниковъ и много работы въ отелѣ, въ которомъ я будто бы продолжаю служить. Сами видите, какъ вѣрно сны предвѣщаютъ.

Я едва сдерживалъ улыбку, слушая тенора.

Черезъ четверть часа мы бесѣдовали въ квартирѣ тенора за бутылкой великолѣпнаго краснаго вина, которое ему прислала одна изъ петербургскихъ его поклонницъ.

Теноръ опять завелъ рѣчь о Катеринѣ Михайловнѣ.

— Неужели она оставила сцену? спросилъ онъ.—А я все мечталъ, что можетъ-быть мы будемъ пѣть вмѣстѣ на сценѣ. Я вѣдь навелъ справки о ней и узналъ, что она уѣхала въ Россію.

— Очень могло случиться, что вы бы и пѣли съ ней, если бы она не потеряла голосъ, сказалъ я и передалъ тенору о ея прощальномъ спектаклѣ въ Римѣ, конечно, умолчавъ о ея сердечной тайнѣ.

Теноръ искренно опечалился и разразился обильными проклятіями мнимому дядѣ бывшей примадонны.

— Такому злодѣю мало одной казни! говорилъ теноръ.—Такой голосъ загубить!.. Я бы, кажется, сначала убилъ его, а потомъ и самъ застрѣлился бы. Она навѣрно вышла замужъ?

— Нѣтъ.

— Вотъ странно! воскликнулъ въ удивленіи теноръ и продолжалъ: — Если бы я ее встрѣтилъ, и сейчасъ бы ее узналъ, какъ и всѣ... Вы знаете, что я молюсь на нее, я всѣмъ ей обязанъ!.. Да, въ первый разъ, какъ я услышалъ ее на сценѣ, она произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, что я всю ночь не спалъ и мнѣ пришла мысль сдѣлаться самому пѣвцомъ, чтобъ пѣть съ ней вмѣстѣ. Я зналъ, что у меня есть голосъ, и порѣшилъ добиться, чтобъ меня взяли учить какой-нибудь профессоръ пѣнія. Сколько я перенесъ насмѣшекъ отъ моихъ товарищей, а отъ родственниковъ брани, когда узнали о моемъ желаніи учиться пѣть. Одна примадонна поддерживала меня; послушаешь ее и ободриться духомъ. Послѣ перваго моего успѣшнаго дебюта, я мысленно возсылалъ ей безконечныя благодарности. И о васъ вспоминалъ часто, вы такъ ласково обходились со мной, точно мы были равные. Я васъ очень полюбилъ и плакалъ о васъ, какъ о родномъ братѣ, когда вы уѣхали изъ Милана. Вы мнѣ принесли счастье, съ вашимъ пріѣздомъ повезло мнѣ. Я готовъ былъ простоять у вашей постели хоть цѣлую ночь, чтобъ говорить съ вами, такъ легко мнѣ было передавать вамъ мои радости и горе... Не правда-ли,

странныя бывають встрѣчи въ жизни людей?.. Ну, думали-ли вы, что Петруччо изъ Милана будетъ васъ угощать у себя такимъ рѣдкимъ виномъ?

— Мнѣ не кажется это такъ странно, потому что когда вы вѣли мнѣ арию изъ „Гугенотовъ“, въ Миланѣ, и собицали мнѣ свою радость, что профессоръ взялся васъ готовить къ сценѣ, я тогда же подумалъ, что можетъ-быть, и услышу васъ въ Петербургѣ въ роли Раули, отвѣтилъ я.

— И услышите, потому что я въ свой бенефисъ хочу взять

„Гугеноты“. Ахъ, если бы она не потеряла голосъ — она пѣла бы Валентину! съ грустью произнесъ теноръ и добавилъ:—Вы завтра же представьте меня ей. Я такъ буду счастливъ, что увижу ее... Я много видѣлъ женщинъ съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался пѣвцомъ, ни одна изъ нихъ мнѣ не нравилась такъ, какъ примадонна. Когда она уѣхала изъ Милана, такъ я нѣсколько дней не ѣлъ, каждую ночь напролетъ плакалъ, и никакъ не могъ забыть ее.

(Оконч. въ слѣд. №)

Филлоксера.

Профессора Н. Э. Линдемана.

(Окончаніе).

Изложенный здѣсь радикальный методъ борьбы съ филлоксерою сопряженъ съ чрезвычайными неудобствами, требуетъ очень значительныхъ денежныхъ затратъ и жертвъ, но въ то же время не приводитъ къ желаемому результату, что доказано фактами. Главнѣйшія неудобства его состоятъ въ томъ, что ежегодно и постоянно должны передвигаться по виноградной мѣстности особые разслѣдователи, которые, разрывая почву и обнажая корни винограда, не только весной и осенью, но также во время лѣтнихъ жаровъ и засухи, подвергаютъ этимъ риску если не жизнь, то по крайней мѣрѣ плодоношеніе такихъ кустовъ. При этомъ самая возможность своевременнаго обнаруженія филлоксерной заразы затрудняется тѣмъ, что филлоксера распространяется въ землѣ на весьма значительную глубину, обыкновенно на одинъ или на полтора аршина, а иногда даже на *шесть футовъ*. Возможно-ли осмотрѣть у всѣхъ лозъ страны всѣ корни ихъ, простирающіеся на глубину хотя-бъ одного аршина? Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ можно дать лишь отрицательный отвѣтъ. Кромѣ того, обважите въ юнѣ или въ июлѣ у виноградаго куста *всѣ его корни*, и можете быть увѣренными, что этотъ кустъ погибнетъ отъ такого совершеннаго надръ нимъ пасиллі. А между тѣмъ, если не осмотрѣть *всѣхъ корней*, или по крайней мѣрѣ большинства ихъ у *каждога куста*, то никакъ нельзя имѣть увѣренность, что филлоксеры въ данномъ саду дѣйствительно нѣтъ. Этимъ и объясняются случаи просмотра филлоксеры разслѣдователями, осматривающими обыкновенно лишь нѣкоторое число кустовъ въ каждомъ саду и ограничивающимися осмотромъ лишь нѣкоторыхъ, болѣе поверхностныхъ корней у этихъ кустовъ. Не смотря однако даже на это обычное несовершенство изслѣдованія, осмотръ виноградниковъ и истребленіе пайденныхъ гнѣздъ филлоксеры требуетъ все-таки большихъ денежныхъ средствъ, какъ на содержание цѣлой арміи разслѣдователей, такъ и на работы по истребленію. У насъ до сихъ поръ истрачено на это дѣло болѣе полу-миліона рублей въ теченіе семи лѣтъ, причемъ въ послѣднее время (1887 г.) за работу по истребленію одной десятины виноградника платилось до двухъ тысячъ рублей.

Между тѣмъ доказано, что такая система истребленія филлоксеры не приводитъ къ желаемому результату. Такъ, въ Швейцаріи, гдѣ эта система до послѣдняго времени пользовалась особымъ уваженіемъ, ежегодно приходилось истреблять виноградники въ Женевскомъ кантонѣ, что объясняли постояннымъ перелетомъ филлоксеры изъ сосѣднихъ департаментовъ Франціи; но не смотря на такое упорное примѣненіе системы, филлоксера все-таки проникла въ глубь Швейцаріи и въ 1887 году уже находилась въ виноградникахъ кантоновъ Цюрихскаго, Невшательскаго и Ваадскаго. Такъ въ Германіи филлоксера была найдена въ 1881 году въ долині рѣки Аары; несмотря на энергичное примѣненіе системы истребленія обнаруженныхъ очаговъ заразы, филлоксеру истребить не удалось и ежегодно она съ тѣхъ поръ продолжаетъ появляться въ разныхъ мѣстахъ по р. Аарѣ. А въ 1887 году ея присутствіе было обнаружено па Рейнѣ, близъ Бириха и Висбадена, близъ Штутгарта и около Лейпцига. Такимъ образомъ въ настоящее время филлоксера весьма значительно распространилась по Германіи, не смотря на рѣшительное примѣненіе системы радикальнаго истребленія ея въ первоначальныхъ очагахъ зараженія. Точно также и въ сѣверной Италіи ежегодно приходится истреблять виноградники въ Ломбардіи и близъ французской границы.

Изложенное здѣсь дѣлаетъ совершенно понятнымъ, почему авторитетнѣйшіе специалисты Германіи настаиваютъ на совершенной безуспѣшности системы истребленія филлоксеры и предлагаютъ отказаться отъ метода тягостнаго для населенія, дорогаго для правительства и не приводящаго къ желаемому результату. Въ Австро-Венгріи и въ южной Италіи правительство уже прежде отказалось отъ радикальнаго метода борьбы съ филлоксерою. Въ Австріи, послѣ первыхъ случаевъ примѣненія его, образовалось большое и могущественное общество виноградарей, въ рядахъ котораго стояли извѣстные специалисты, поставившее себя задачею отстоять виноградники отъ уничтоженія ихъ не филлоксерою, а тѣми мѣрами, которыя являются необходимымъ послѣдствіемъ радикальнаго метода борьбы съ нею. Это общество дѣйствовало такъ успѣшно, что на слѣздѣ, происходившемъ въ Вѣнѣ въ 1883

году, огромнымъ большинствомъ голосовъ было постановлено ходатайствовать объ отгнѣн радикальнаго метода истребленія филлоксеры. Въ южной Италіи должны были отказаться отъ примѣненія этого метода, вслѣдствіе того, что производители работъ встрѣтили энергическое сопротивленіе со стороны населенія, грозившее перейти въ открытое возстаніе.

Совершенно такъ же какъ въ Швейцаріи и Германіи—и у насъ примѣненіе радикальнаго метода не привело къ поставленной цѣли. Въ 1880 году, когда филлоксера была найдена въ Крыму на пространствѣ восьми десятинъ, было сдѣлано все для ея истребленія. Тѣмъ не менѣе ей удалось избѣгнуть полнаго тамъ уничтоженія и распространиться даде по области, такъ что, напр., въ 1887 году снова пришлось истреблять много виноградниковъ пораженныхъ ею. Такъ на Кавказѣ, напримѣръ, въ Сухумѣ, истребленіе филлоксеры продолжается съ 1882 года ежегодно, и все-таки она постоянно тамъ обнаруживается.

На основаніи изложенныхъ данныхъ мы приходимъ къ слѣдующему заключенію по поводу метода радикальнаго истребленія филлоксеры. Совершенная безуспѣшность этого метода, значительная дороговизна его и многочисленныя неудобства и жертвы налагаемыя имъ на населеніе, заставляютъ желать, чтобы страны, гдѣ онъ до сихъ поръ еще примѣняется, послѣдовали примѣру Австро-Венгріи и Италіи и отказались отъ него. Тѣмъ болѣе это желательно, что понужены жертвы, налагаемыя на виноградарей, достигаютъ весьма значительныхъ размѣровъ, какъ это видно изъ фактовъ, сообщенныхъ въ началѣ этой статьи и показывающихъ, съ какою безцеремонностью вырубаются сотни тысячъ здоровыхъ кустовъ потому только, что между нами найдено нѣсколько сотенъ кустовъ, занятыхъ филлоксерою, причемъ за вырубленные кусты никакого вознагражденія не выдается. Требованіе такихъ жертвъ нынѣ не можетъ быть оправдываемо при совершенно выяснившейся теперь непригодности метода истребленія филлоксеры, который можетъ быть называемъ „радикальнымъ“ развѣ только въ насмѣшку.

Въ противоположность только что разсмотрѣнному методу радикальнаго истребленія филлоксеры, методъ *лѣченія* виноградниковъ приобретаетъ всюду все большее число сторонниковъ и защитниковъ. Его задача состоитъ въ томъ, чтобы, не добиваясь невозможнаго (т. е. совершеннаго истребленія филлоксеры), поддержать дѣятельность пораженныхъ кустовъ и дать имъ возможность давать удовлетворительные урожаи, не смотря на присутствіе филлоксеры. Эта задача успѣшно выполняется нѣсколькими различными, именно, слѣдующими мѣрами: а) затопленіемъ виноградниковъ; б) примѣненіемъ сѣрнаго углерода или сѣроуглеродистаго калия; в) распространеніемъ американскихъ лозъ, и г) культурою въ пескѣ. Остановимся нѣсколько на этихъ мѣрахъ лѣченія виноградниковъ.

а) Затопленіе виноградниковъ, пораженныхъ филлоксерою, является однимъ изъ лучшихъ способовъ лѣченія тамъ, гдѣ примѣненіе его допускается мѣстными условіями. Поэтому онъ имѣетъ весьма большое распространеніе въ южной Франціи. Затопленіе совершается поздно осенью и ведется такъ, чтобы въ теченіе 60 или 70 дней виноградникъ былъ покрытъ слоемъ воды, нигдѣ не позволяющимъ почвѣ выступать изъ-подъ его поверхности. Въ теченіе этого продолжительнаго срока времени погибаетъ большинство насѣкомыхъ, живущихъ въ почвѣ такого затопляемаго виноградника. Чтобы примѣненіе этой мѣры стало возможнымъ въ большемъ числѣ мѣстностей, ввезены въ нынѣшнемъ году во французскій парламентъ предложенія о сооруженіи трехъ каналовъ въ южной Франціи, долженствующихъ служить для отведенія воды изъ Роны. Кромѣ того, разрабатываются еще проекты нѣсколькихъ другихъ каналовъ. Сооруженіе этихъ предполагаемыхъ каналовъ дастъ возможность затоплять поверхность величиною болѣе двадцати-пяти тысячъ гектаровъ. Помимо того, для распространенія этого способа лѣченія во Франціи и въ Венгріи изданы законы, освобождающіе отъ налоговъ въ теченіе довольно продолжительнаго періода времени всѣ тѣ виноградные сады, въ которыхъ будутъ сдѣланы сооруженія, необходимыя для ихъ затопленія.

б) При лѣченіи виноградниковъ сѣроуглеродомъ, вводится

въ почву, помощью особыхъ снарядовъ, незначительное количество названнаго вещества, настолько, чтобы оно не могло вредить корнямъ лозы, въ то же время убивая нѣкоторое число насѣкомыхъ, живущихъ на этихъ корняхъ. Это дѣлается обыкновенно два раза въ годъ, раннею весною и потомъ вторично лѣтомъ. Какъ во Франціи, такъ и въ Венгріи, правительство выдаетъ безвозмездно какъ сѣрный углеродъ, такъ и спеціальныя снаряды для его примѣненія, всѣмъ желающимъ употребить это вещество для лѣченія ихъ виноградниковъ. Во Франціи правительство выдаетъ нѣкоторую денежную субсидію всѣмъ виноградарямъ имѣющимъ виноградники не болѣе пяти гектаровъ величиною и желающимъ лѣчить ихъ при помощи сѣрнистаго углерода. Для того, чтобы получить эту субсидію, виноградарь долженъ присоединиться къ организованнымъ повсюду обществамъ или синдикатамъ, составленнымъ изъ садовладѣльцевъ лѣчащихъ принадлежаніе имъ виноградники, и обязаннымъ наблюдать чтобы каждый членъ исполнялъ принятые на себя обязательства. На такихъ же условіяхъ правительство Франціи покровительствуетъ лѣченію виноградниковъ сѣроуглеродистымъ калиемъ, имѣющимъ однако меньшее распространеніе, вслѣдствіе дороговизны этого вещества и требуемаго имъ большаго количества воды и послѣдующаго удобренія навозомъ.

в) Было замѣчено, что американскія лозы оказываются весьма устойчивыми противъ филлоксеры и могутъ роскошно произрастать, не смотря на присутствіе большаго количества филлоксеры на ихъ корняхъ. Объяснить причину этой устойчивости, такъ рѣзко отличающей американскія лозы отъ европейскихкихъ, мы еще не можемъ, хотя до нѣкоторой степени ясно, что она зависитъ отъ видового различія этихъ лозъ. Особою устойчивостью противъ филлоксеры славятся виды *Vitis riparia* и *Vitis rupestris*. Но такъ какъ породы этихъ лозъ даютъ вино далеко не имѣющее того высокаго достоинства, какимъ славится вино французскихъ лозъ, то было бы невозможно замѣнить эти послѣднія насажденіемъ американскихъ породъ. Поэтому обратились къ прививкѣ французскихъ лозъ къ американскимъ корнямъ, получая такимъ образомъ растенія, ягоды которыхъ сохраняютъ всѣ первоначальныя ихъ свойства, корни же являются мало чувствительными къ филлоксерѣ. Въ настоящее время во Франціи уже имѣется много садовъ изъ такихъ привитыхъ лозъ, которыя совершенно оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды.

Изложенныя качества американскихъ лозъ заставляютъ видѣть въ нихъ залогъ побѣды надъ филлоксерою въ неотдаленномъ будущемъ—и потому понятно, что во Франціи, въ Испаніи и въ Венгріи распространеніе американскихъ лозъ находится подъ особымъ покровительствомъ правительства. Устраиваются государственныя питомники этихъ лозъ въ разныхъ мѣстахъ страны, откуда лозы раздаются безплатно всѣмъ виноградарямъ; дѣлаются многочисленные опыты для ознакомленія съ породами, наиболѣе соответствующими различнымъ мѣстнымъ условіямъ, и т. и. Благодаря такому покровительству, американскія лозы быстро распространяются между виноградарями. Чтобы дать полное представленіе о томъ, какъ упорно растутъ въра французскихъ виноградарей въ значеніе американскихъ лозъ для будущаго французскаго винодѣлія, я приведу таблицу, составленную на основаніи отчетовъ центральной филлоксерной комиссіи въ Парижѣ, и показывающую, какъ увеличивается за послѣднее десятилѣтіе площадь виноградниковъ занятыхъ американскими лозами. Эта таблица, вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ, какъ увеличивается площадь виноградниковъ лѣчащихся нѣкоторыми другими способами.

въ году:	было затоплено:	было обработано сѣрнымъ углеродомъ:			сѣроуглероднымъ калиемъ:	было засеяно американскими лозами:	общая площадь зараженныхъ виноградниковъ:
		В	Г	Е			
1878	2,837	2,512		845	1,356	243,048	
1879	5,114	3,122		627	3,830	319,730	
1880	8,093	5,547		1,472	6,441	454,254	
1881	8,195	15,933		2,809	8,904	582,604	
1882	12,544	17,121		3,033	17,096	642,978	
1883	17,792	23,226		3,097	28,012	642,363	
1884	23,303	33,446		6,286	52,777	664,511	
1885	24,339	40,585		5,227	75,262	642,000	
1887	26,665	66,205		8,820	166,517	690,000	

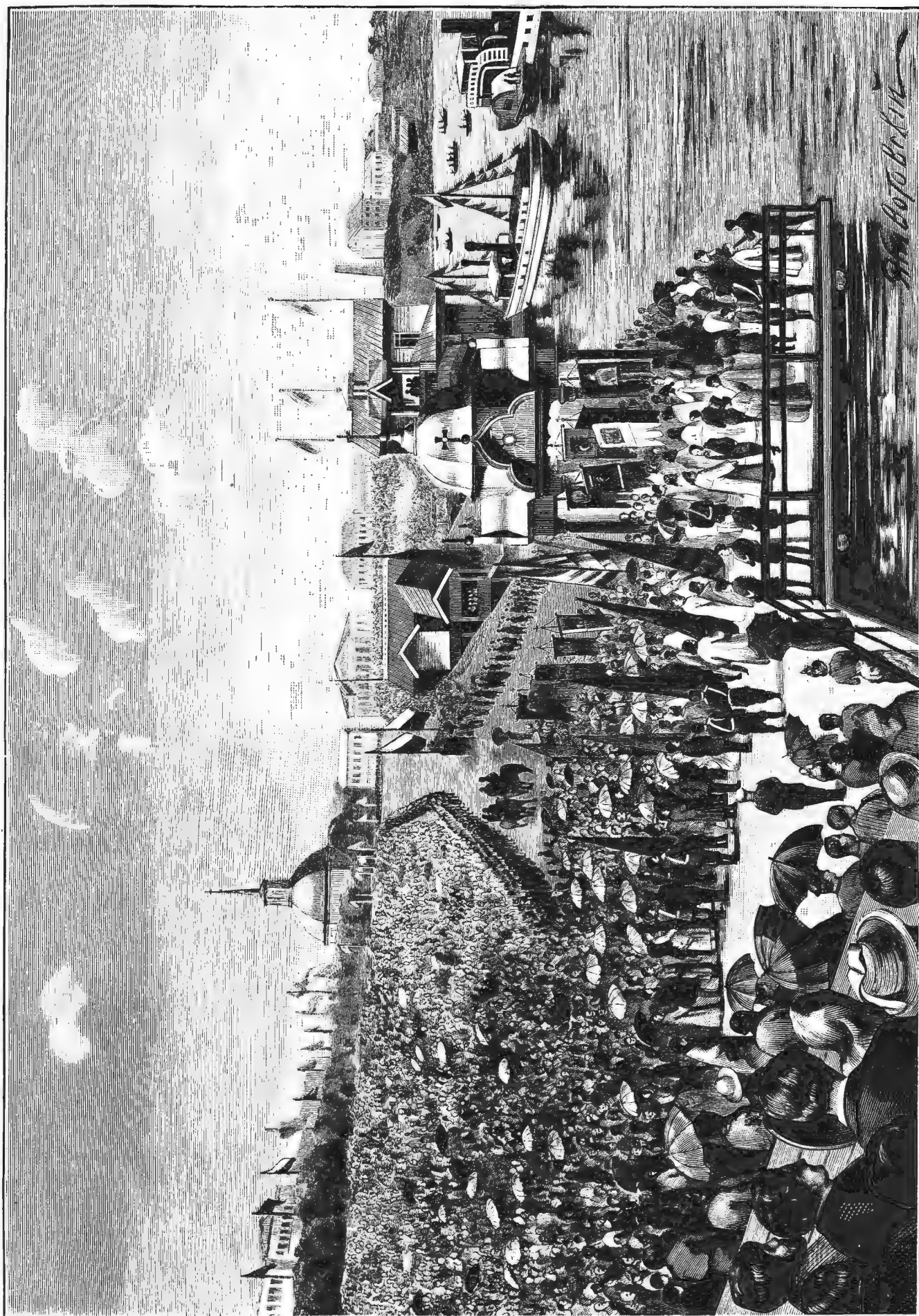
Игра на гусяхъ. Рис. А. Земцова, грав. Ю. Шюблеръ.

Изь этой таблицы мы видимъ какимъ довѣріемъ пользуются описанные способы лѣченія виноградниковъ. Всего лишь десять лѣтъ тому назадъ американскія лозы занимали во Франціи только 1,356 гектаровъ, тогда какъ теперь ими занята тамъ площадь въ 166,517 гектаровъ. Десять лѣтъ тому назадъ сѣрный углеродъ для лѣченія больныхъ виноградниковъ примѣнялся на пространствахъ лишь 2,512 гектаровъ, тогда какъ теперь онъ примѣняется на пространствахъ 66,205 гектаровъ. Эти цифры краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствуютъ о томъ значеніи, какое имѣютъ эти орудія въ дѣлѣ борьбы съ филлоксерою. Точно также и въ Венгріи американскія лозы приобретаютъ теперь все большее распространеніе и спросъ на нихъ чрезвычайно возрастаетъ. Еще весною 1885 года венгерское правительство вынесло изъ Франціи 2,559,675 американскихъ лозъ, для исполненія своихъ питомниковъ. Во всѣхъ европейскихкихъ странахъ, за исключеніемъ Швейцаріи и Россіи, имѣются теперь питомники американскихъ лозъ и дѣлаются опыты разведенія ихъ. Даже въ Швейцаріи раздаются голоса за необходимость устройства тамъ такихъ питомниковъ. Филлоксерный сѣздъ происходившій въ Одессѣ, осенью 1887 года, также большинствомъ голосовъ постановилъ ходатайствовать о томъ, чтобы и въ Россіи были на-

конечъ учреждены питомники американскихъ лозъ и такимъ образомъ сдѣлать запасъ наиболѣе совершеннаго оружія для борьбы съ филлоксерою, распространеніе которой по нашимъ виноградникамъ неотвратимо въ виду ея присутствія въ Бессарабіи и Крыму.

Мы ознакомились въ предшедшемъ съ различными способами лѣченія виноградниковъ пораженныхъ филлоксерою и имѣли при этомъ возможность убѣдиться въ томъ, насколько эти способы лѣченія пользуются довѣріемъ виноградарей. Сопоставляя это съ тѣмъ что сказано выше по поводу метода радикальнаго истребленія, мы видимъ, какое множество преимуществъ предъ послѣднимъ имѣетъ методъ лѣченія. Примѣненіе способовъ лѣченія не требуетъ отъ виноградарей особыхъ жертвъ; не парализуетъ отчаяніемъ ихъ хозяйственную предприимчивость; оно даетъ правительству широкое поприще для оказанія поддержки развивающемуся винодѣлію, требуя отъ него гораздо меньше расходовъ чѣмъ при методѣ истребленія; при этомъ инициатива правительства въ первомъ случаѣ всюду встрѣтитъ сочувствіе и вызоветъ благодарность, тогда какъ во второмъ случаѣ въ замѣнъ огромныхъ денежныхъ жертвъ оно получаетъ только раздраженіе населенія.

Уничтожить филлоксеру, разъ появившуюся въ странѣ, нельзя, какъ невозможно истребить вообще никакое вредное насѣкомое. Поэтому надо мириться съ положеніемъ, надо жить съ филлоксерою и, пользуясь опытомъ другихъ государствъ, примѣнять испытанныя ими средства, дѣлающія возможнымъ получать доходы отъ виноградниковъ, хотя и пораженныхъ филлоксерою.

Чествованія 900-й годовщины крещенія Руси въ Кіевѣ. Іордань на Днѣпрѣ и крестный ходъ 15 іюля.
 По наброску (собст. „Нивы“) Живописца, грав. Шюблеръ.

Къ рисункамъ.

Друзья. (Рис. на стр. 809).

Всѣмъ извѣстна привязанность водолазовъ, сень-бернардскихъ и другихъ собакъ къ дѣтямъ вообще и хозяйскимъ въ особенности, а также случаи спасенія малютокъ изъ воды или отъ хищнаго звѣря; но и помимо такихъ подвиговъ, любовь, питаемая благородными животными къ маленькимъ людямъ, ихъ кротость и долготерпѣнне по отношенію къ тираническимъ подчасъ капризамъ какого-нибудь мальчугана, поистинѣ изумительны въ звѣрѣ. Изящная картинка Эрельмана представляетъ намъ двухъ такихъ друзей въ моментъ полного согласія.

Добрыня Никитичъ и Завава Путятишна.

(Рис. на стр. 812).

Художница избрала темою для своего рисунка одно изъ весьма распространенныхъ нашихъ древнихъ преданій: освобожденіе красной дѣвицы, томившейся въ злой неволѣ, въ пещерѣ у змѣя. Это преданіе передается десятками нашихъ былинъ, сказокъ и пѣсень, которыя служатъ только отголоскомъ обширнаго круга преданій и сказаній индо-европейскаго племени, разрабатывающихъ ту-же самую поэтическую тему. Вотъ какъ о ней повѣствуютъ наши древнія былинны.

Въ кругу богатырей окружающихъ князя Владиміра Красное Солнышко, первое мѣсто, послѣ Ильи Муромца, занимаетъ тотъ Добрыня Никитичъ, которому былинны приписываютъ по преимуществу „вѣжество“ — умѣние обходиться съ людьми, знаніе обычаевъ и приемовъ княжеской, дружинной среды. Одна изъ былинъ о Добрынѣ разсказываетъ, что онъ былъ большой охотникъ купаться и частехонько хаживалъ купаться на Почай-рѣку. Много разъ предупреждала его матушка о томъ, чтобы онъ не залывалъ далеко отъ Почай-рѣкѣ, что та Почай-рѣка течетъ близъ пещеры Змѣя-Горыничя; а Змѣй „охочь къ себѣ въ пещеру людей таскать, мѣлодцовъ съ дѣвцами въ полонъ брать“⁴. Однако Добрыня и не думалъ Змѣя остерегаться, и вотъ — во время одного купанья — Змѣй наналъ на Добрыню въ то время, когда онъ былъ и нагъ, и беззащитенъ. Но богатырь не сробѣлъ и не потерялся: онъ схватилъ свою шапку пуховую „земли греческой“, набилъ ее пескомъ и пустилъ въ Змѣя. Песокъ Змѣю глаза запорошилъ; а Добрыня подскочилъ къ нему съ мечомъ и отрубилъ ему голову. Затѣмъ, убивъ змѣя, Добрыня снарядился во весь доспѣхъ богатырскій и пошелъ въ пещеру змѣя. Тамъ онъ нашелъ много всякаго богатства — золота, серебра и камней самоцвѣтныхъ; нашелъ и половничковъ, къ стѣнѣ прикованныхъ, и въ числѣ ихъ племянницу князя Владиміра, молодую красавицу Зававу Путятишну, которую Змѣй-Горыничъ увезъ въ свои горныя хоромы. И повелъ Добрыня съ собою освобожденныхъ отъ змѣя красныхъ дѣвицъ и добрыхъ молодцовъ и заслужилъ отъ князя Владиміра честь и похвалу великую.

Запретное чтеніе. (Рис. на стр. 813).

Кто не испытывалъ въ юности, какъ тяжело отрываться отъ интересной книги, не dokonчивъ ее, и какъ мучительно исполнять приказаніе старшихъ не засиживаться при свѣчахъ за чтеніемъ, когда спать пора? Къ какимъ только выдумкамъ не прибѣгаютъ юные читатели и читательницы, чтобы обойти это распоряженіе и не понастѣя грозной гувернанткѣ in flagrante delicto... Одинъ изъ такихъ способовъ изображенъ художникомъ на прилагаемомъ рисункѣ, исполненномъ тонкаго, едва уловимаго комизма. Стѣнные часы показываютъ безъ малаго полночь, часъ урочный, свѣча догораетъ, а обѣ подруги совершенно погружены въ книгу, приложенную въ ящикъ рабочаго столика, подъ приподнятою скатертью. Одна читаетъ вслухъ, другая мечтательно слушаетъ, а забытый въ сторонкѣ глобусъ какъ бы уворзненно качаетъ головой... Чуть послышатся шаги, ящикъ быстро задвигается, скатерть опущена — и обѣ готовы сказать въ одинъ голосъ: „мы сейчасъ укладываемся, мы уроки повторили!..“

Южно-германская крестьянка. (Рис. на стр. 817).

Любители ксилографическаго искусства, безъ сомнѣнія, оценятъ эту гравюру, до того тонкую, что даже не вѣрится чтобы она была исполнена на деревѣ.

Руанъ. (Рис. на стр. 820 и 821).

По склонамъ холма, обращеннаго къ югу, красиво расположено Руанъ (Rouen), главный городъ французскаго департамента Нижней-Сены и нѣкогда всей Нормандіи, — у самаго берега Сены, красиво извивающейся въ этомъ мѣстѣ. Старинная деревня д'Эмендревиль, на лѣвомъ берегу рѣки, въ настоящее время составляетъ часть города и представляетъ громадное предмѣстье Севъ-Северъ, гдѣ расположены фабрики, заводы и всевозможныя мастерскія.

Громадное кольцо высокихъ холмовъ окружаетъ городъ, заключая въ себѣ цѣлый рядъ городковъ и деревень, разбросанныхъ повсюду въ окрестностяхъ Руана. Благодаря прекрасному географическому положенію, а также энергическому

и предприимчивому характеру своихъ обитателей, Руанъ уже давно достигъ выдающагося положенія среди французскихъ городовъ. Нынѣ въ самомъ городѣ насчитывается свыше 100 тысячъ жителей, по если причесть сюда населеніе окрестныхъ мѣстечекъ, которыя, какъ-бы пригороды, живутъ съ нимъ одною промышленною жизнью, число это должно быть увеличено еще по крайней мѣрѣ на половину.

Первое мѣсто среди достопримѣчательностей города занимаетъ руанскій соборъ, изображеніе котораго было помѣщено нами въ № 6 нашего журнала за нынѣшній годъ. Изъ свѣтскихъ построекъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть о зданіи суда, воздвигнутомъ въ 1493—1499 годахъ (рис. на стр. 821). Оно является превосходнымъ образцомъ готической архитектуры болѣе поздняго періода. Трудно оторваться отъ этого зданія, повсюду унизаннаго башенками, пирамидами, каменными фестонами и кружевами, перемѣшанными съ фантастическими животными, драконами, химерами и проч. Зданіе суда за последнее время реставрировано и окончено молодымъ, очень даровитымъ архитекторомъ Лефоромъ, и представляетъ интересъ не только для любителя стариннаго, но и для всякаго просвѣщеннаго посѣтителя. На дворѣ обращаетъ на себя вниманіе восьмиугольная башенка, занимающая средину внутренняго фасада. Внутри зданія особенно замѣчательны залъ прокуроровъ (salle des procureurs) и залъ засѣданій ассизнаго суда; въ послѣднемъ рѣзной потолочекъ изъ поперѣжнаго дуба, украшенный позолоченною бронзою, представляетъ поистинѣ необыкновенное зрѣлище.

Кромѣ судебнаго зданія обращаютъ на себя вниманіе въ Руанѣ архіепископскій дворецъ, башня съ часами, построенная въ 1389 году, башня Иоанны д'Аркъ, въ которой была заключена Орлеанская дѣва во время своего процесса, старинная ратуша и множество другихъ достопримѣчательностей.

Гусли. (Рис. на стр. 824).

Исторія музыкальных инструментовъ, составляющая одинъ изъ существенныхъ отдѣловъ исторіи музыки, имѣетъ въ западно-европейской печати обширную литературу. Этимъ предметомъ занимались такіе выдающіеся ученые какъ Кирхеръ, Куссемакеръ, Шукъ, Воннани, Гютри, Кугачъ, Реицъ, Магильонъ и многие другіе. Къ сожалѣнію, у насъ этотъ предметъ почти совсѣмъ не разработанъ, хотя для составленія вполнѣ обстоятельной исторіи музыки въ Россіи безъ него обойтись невозможно.

Такъ, напр., въ настоящее время почти забытъ одинъ изъ самыхъ распространенныхъ нѣкогда у насъ инструментовъ, а именно гусли. Подъ словомъ *гусли* у насъ въ настоящее время понимаютъ различныя виды лежачихъ арфъ, встрѣчающихся въ наиболѣе совершенномъ видѣ среди нашего духовенства и въ разнообразныхъ формахъ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ инородцевъ. Исключеніе составляютъ финскій *кантеле*¹⁾ съ тождественнымъ ему латышскимъ *кхулесъ* и литовскимъ *каулесъ*²⁾ и еврейскій *цимбаль*. Всѣ остальные лежачія арфы, встрѣчающіяся въ нашемъ отечествѣ, извѣстны вообще подъ названіемъ *гусли*.

Однако есть нѣкоторое основаніе полагать, что въ древности подъ словомъ *гусли* понимали не исключительно лежачія арфы, а вообще струнные инструменты. Гусли, пишетъ Кугачъ³⁾, были уже извѣстны Славянамъ въ V вѣкѣ по Р. Хр. Весьма интересно и поучительно сообщеніе, дѣлаемое о гусляхъ извѣстнымъ историкомъ Н. М. Карамзиннымъ⁴⁾, которое можетъ служить подтвержденіемъ высказаннаго мнѣнія, что въ древности подъ словомъ *гусли* понимали вообще струнные инструменты, такъ какъ къ этому выводу, путемъ долготѣннихъ изысканій, пришелъ извѣстный историкъ музыки Куссемакеръ⁵⁾ въ своемъ изслѣдованіи о средневѣковыхъ киварахъ. Основываясь на византийскихъ историкахъ, Карамзинъ пишетъ, что въ началѣ VII вѣка Греки взяли въ плѣнъ трехъ Славянъ, которые вмѣсто оружія имѣли кивары или гусли. Другими словами, инструменты, которые Греки называли киварами, Славяне называли гуслями, т. е., принимая въ соображеніе изслѣдованіе Куссемакера, можно придти къ выводу, что въ VII вѣкѣ и раѣе слово *гусли* выражало собою вообще понятіе о струнныхъ инструментахъ.

Противорѣчіемъ этому мнѣнію является изслѣдованіе академикомъ Д. А. Хвольсономъ⁶⁾ арабской рукописи X вѣка Ибнъ-Да-

¹⁾ Г. Гранстрѣмъ, перевелъ Казевалы на русскій языкъ, переводитъ *kantelo* иногда словомъ *гусли*, а иногда словомъ *кантеле*.

²⁾ Экземпляры этихъ инструментовъ находятся въ музеѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и пожертвованы ему извѣстнымъ этнографомъ, пріятелемъ Сиб. университета, Э. А. Вольеромъ.

³⁾ Fr. S. Kuhac, *Nesto o poviesti gusala*. Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga XXXVIII. U Zagrebu 1877. Трудъ этотъ былъ весьма обязательно предоставленъ мое распоряженію видною академикомъ И. И. Срезневскимъ, Е. О. Срезневскою. Необходимыя свѣдѣнія изъ этого сочиненія перевелъ за настоящей статьи, со свойственною ему любезностью, извѣстный артистъ В. И. Главачъ.

⁴⁾ Исторія Государства Россійскаго, соч. Н. М. Карамзина. Т. I, гл. I, стр. 15. ⁵⁾ *Annales archéologiques de Didron*. Coussemaker, *Essai sur les instrumens de musique au moyen age*. Т. III, p. 87.

⁶⁾ Д. А. Хвольсонъ, *Извѣстія о Хиварахъ, Буртасяхъ, Болгаряхъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ Абд-Али-Ал-Мед-Бен-Омаръ-Ибнъ-Даста*.

ста, или Ибнъ-Дуста. Въ этой рукописи упоминается, что у Славянъ существовали разнаго рода лютии, гусли и свирѣли. Дѣло однако въ томъ, что различіе между лютиями и гуслиями дѣлаетъ арабскій писатель Ибнъ-Даста и что вмѣсто слова *гусли*, какъ утверждаетъ Кугачъ, въ арабской рукописи стоитъ слово *тешибуръ*, что одни переводятъ словомъ *кларо*, другіе — *мира*, и третьи — *псалтеріонъ*.

Интересенъ отрывокъ изъ былинны, въ которой упоминается о томъ, какъ Добрыня Никитичъ налаживалъ гуслеокъ.

Какъ началъ гуслеокъ налаживати
Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града
И третью отъ Иеросалима.

Этотъ отрывокъ ясно показываетъ, что гуслеокъ имѣлъ только три струны и что онъ подходилъ скорѣе къ типу гудка, чѣмъ къ типу псалтеріона, такъ какъ самая первобытная лежачая арфа имѣетъ не менѣе пяти струнъ. Древне-славянское слово *гуслъ*, пишетъ Кугачъ, обозначало кларо; отъ этого слова произошли современные названія: *гусле* у Сербовъ и Болгаръ; *gusle, gusla* и *gusli* у Хорватовъ; *gosle* у Словеновъ; *guslić* у Поляковъ; *housle* у Чеховъ и *гусли* у Русскихъ.

Инструменты эти не тождественны, въ большинствѣ случаевъ смычковые, и могутъ служить нагляднымъ подтвержденіемъ мнѣнія высказаннаго въ началѣ этой статьи о средневѣковыхъ гуслияхъ и клароахъ.

По справедливому замѣчанію профессора московской консерваторіи, протоіерея Д. В. Разумовскаго, наши гусли (псалтеріонъ, *ψαλτήριον*) занесены къ намъ изъ Греціи. Подтвержденіемъ его мнѣнія могутъ служить многіе памятники древности, начиная съ XI вѣка, которые писались у насъ художниками Греками, какъ напр. фреска Софійскаго собора въ Кіевѣ, гдѣ изображенъ человекъ играющій на гуслияхъ. Разнообразныя гусли (арфы со сплошною резонансовою доскою и обыкновенныя) встрѣчаемъ на рисункѣ псалтири XIII вѣка, принадлежавшей А. И. Хлудову. Интересно, что одинъ изъ рисунковъ гуслей XIV вѣка¹⁾ буквально сходится по формѣ съ гуслиями Черемисовъ, которые не такъ давно удалось найти въ Костромской губерніи Н. А. Рыльцеву, подарившему ихъ автору этой статьи. Кромѣ Черемисовъ, гусли встрѣчаются и у Чувашей. Экземпляръ этихъ гуслей находится въ Москвѣ въ Дашковскомъ этнографическомъ музее.

Наиболѣе совершенныя гусли встрѣчаются среди нашего духовенства²⁾. Гусли эти состоятъ изъ резонансовой доски съ нѣсколькими голосниками. Къ резонансовой доскѣ прикрѣплены два возгнутые деревянные бруска. На одномъ изъ нихъ ввинчены желѣзные колки, на которые намотаны металлическія струны; другой-же брусокъ играетъ роль приструнника, т. е. служитъ мѣстомъ прикрѣпленія струнъ. Эти гусли настраиваются помощью ключа, совершенно тождественнаго съ ключами нашихъ роялей.

Струны соответствующія чернымъ клавишамъ помѣщены влѣво струнъ соответствующихъ бѣлымъ клавишамъ. Число октавъ не всегда одинаково. Инструментъ помѣщается въ ящикъ съ крышкою, который покоится на особомъ столикѣ, какъ это показываетъ рисунокъ. На гуслияхъ обыкновенно исполняются пѣсни духовныя или народныя. Игра на этомъ инструментѣ передается однимъ лицомъ другому по преданію. Увѣряютъ однако, что существуютъ печатныя ноты для гуслей, хотя мнѣ и не приходилось ихъ видѣть. Сомнѣваюсь чтобы на всю Россію пришлось, въ настоящее время, болѣе двухъ десятковъ лицъ, умѣющихъ играть на этомъ инструментѣ, хотя между ними есть и артисты³⁾. Гусли видимо вымираютъ и вѣроятно исчезнутъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

М. Пѣтуховъ.

Чествованіе 900-й годовщины крещенія Руси въ Кіевѣ. (Рис. на стр. 825).

Нигдѣ чествованіе событія, положившаго краеугольный камень въ основаніе всей русской исторіи, не происходило съ такою знаменательною торжественностью какъ въ самой колыбели христіанства на Руси, въ Кіевѣ, издревле получившемъ наименованіе „матери городовъ русскихъ“⁴⁾. Предпризновенія начались уже задолго до годовщины крещенія Руси. 11 іюля въ день преставленія Св. Ольги, первой христіанки изъ княгинь и князей русскихъ, въ Десятинной церкви совершенно было торжественное богослуженіе съ панихидой по всѣмъ кіевскимъ князьямъ и княгинямъ древнѣйшаго періода, и крестный ходъ въ Трехсвятительскую церковь, по близости коей находился княжій дворъ Св. Владиміра, а на самомъ мѣстѣ храма, на холмѣ выслыся идолъ Перуна; здѣсь совершенно было благодарственное молебствіе за избавленіе Россійской страны отъ тьмы язычества. 12 іюля, въ день кончины первоучениковъ христіанства въ Россіи, варяговъ Оеодора и Иоанна, въ великой

Лаврской церкви было также торжественное богослуженіе съ панихидами по древнѣйшимъ митрополитамъ, содѣйствовавшимъ насажденію и утвержденію христіанства въ Россіи. 13 іюля совершена торжественная литургія архіерейскимъ служениемъ въ церкви Св. Николая, что на Аскольдовой могилѣ, гдѣ тайно существовала церковь устроена христіанами отъ Андрея Первозваннаго Апостола просвѣщенными⁵⁾.

Съ 14 іюля Кіевъ началъ украшаться флагами. Къ этому дню съѣхались уже всѣ присутствовавшіе на торжествѣ 15 іюля представители русскихъ епархій, славяники и славянскіе гости, прибывшіе изъ разныхъ странъ, русскіе почетные гости и депутаты, до 400 человекъ; всего-же съѣхалось и пришло пѣнкомъ въ качествѣ паломниковъ до *двадцати тысячъ* человекъ. День 14 іюля начался актомъ въ Кіевской Духовной Академіи, предназначеннымъ для чествованія 900-лѣтія со времени принятія христіанства Русскимъ народомъ. Торжество это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященный Платонъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, высокопреосвященные Иларіонъ митрополитъ Черниговскій и Михайлъ митрополитъ Сербскій, многіе архіепископы, епископы, архимандриты и протоіереи русскихъ епархій, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдовосецъ, предсѣдатель С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго Общества графъ Игнатьевъ, начальникъ Юго-Западнаго края генералъ-лейтенантъ А. Р. Дрентельнъ, управляющій Кіевскимъ учебнымъ округомъ И. Я. Ростовцевъ, губернской предводитель дворянства князь Рыннинъ, кіевскіе губернаторъ и городской голова, профессоръ Сольскій, редакторъ *Народной Новины* А. Петоръ, издатель *Червонной Руси* І. Марковъ, бывшій сербскій посланникъ С. Груичъ, Цанковъ и многіе другіе изъ прѣбывающихъ русскихъ и иностранныхъ гостей; были также профессоръ университета.

Актъ начался пѣніемъ молитвы *Днесь благодать Св. Духа насѣбра* и тронари Св. Владиміру. Послѣ рѣчей ординарнаго профессора Духовной Академіи Мальшевскаго, митрополитовъ Сербскаго и Черногорскаго, были прочитаны привѣтствія отъ митрополитовъ С.-Петербургскаго и Московскаго и экзарха Гринуи, адресы отъ Нижегородской епархіи и хоругвеносцевъ Московскаго храма Спасителя. Затѣмъ оберъ-прокуроръ Св. Синода перевелъ съ англійскаго языка адресъ присланный архіепископомъ Кентерберійскимъ. Далѣе поднесены были адресы отъ университетовъ, ученыхъ обществъ, епархій и городовъ русскихъ. Актъ окончился пѣніемъ русскаго гимна.

Въ самый день чествованія годовщины, 15 іюля, послѣ литургіи, которую совершали три митрополита, 12 архіепископовъ и епископовъ съ сонмомъ духовенства, состоялся великій крестный ходъ со всѣхъ кіевскихъ церквей къ Дѣбюру на освещеніе воды, которое изображено на прилагаемомъ рисункѣ (стр. 825). Противъ самаго Дѣбюра находится высокая плоская возвышенность, вся покрытая деревьями и зеленью. На широкомъ платѣ этой плоской возвышенности расположена часть Кіева. Здѣсь находится, между прочимъ, соборъ Св. Софіи и Михайловскій монастырь. У подошвы этой возвышенности идетъ улица. Съ одной стороны она ведетъ на Подолъ, въ прибрежную часть Кіева, съ другой стороны поднимается на гору и ведетъ къ Лаврѣ. Отъ этой улицы устроены спускъ къ берегу Дѣбюра, гдѣ находится пристань для пароходовъ. На горѣ помѣщается памятникъ Св. Владиміра, обращенный лицомъ къ Дѣбюру. Внизу, противъ памятника, устроена у самой рѣчки большая платформа, посреди коей возвышается красивая сѣнь;— это іорданъ для водоосвященія. Процессія съ иконами и хоругвями, знаменами и цеховыми значками двинулась при колокольномъ звонѣ изъ Софійскаго собора къ верхнему памятнику Св. Владиміра, а оттуда, по совершеніи литіи и благословенія святыми народомъ, направилась по Александровской горѣ, гдѣ пригнули по пути лаврскихъ и кіевскихъ церквей крестные ходы, и остановилась у приготовленной на берегу Дѣбюра іордани. Городъ былъ раздѣленъ флагами и гирляндами съ золотымъ инициаломъ равноапостольнаго князя. Народъ тысячами покрывалъ всѣ площади, вершины горъ и крыши домовъ. Дѣбуръ былъ покрытъ множествомъ судовъ; 20 большихъ пароходовъ, переносившихъ публичною, окружали кунель. По окончаніи водоосвященія и провозглашенія многолѣтія, былъ произведенъ 101 выстрѣлъ при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ. Погода вполне благоприятствовала торжеству. Войска стояли шпалерами вдоль улицъ, куда приходила процессія. Послѣ молебствія на площади возлѣ Христо-Рождественской церкви, духовенство, депутація и всѣ гости были приглашены на городской обѣдъ.

На этомъ обѣдѣ присутствовало около тысячи человекъ. Кромѣ многочисленныхъ адресовъ на имя митрополита кіевскаго и галицкаго Платона отъ разныхъ епархій, городовъ и обществъ получено было городомъ болѣе ста привѣтственныхъ телеграммъ, преимущественно изъ славянскихъ земель. Среди многочисленныхъ славянскихъ гостей, на обѣдѣ присутствовали: словацкій поэтъ Светозаръ Гурбанъ-Ваянскій, бывшій раньше въ Кіевѣ на Кирилло-Меодіевскомъ праздникѣ, Павелъ Мудровъ, ветеранъ и патріотъ, Амбро Петоръ, редакторъ словацкой газеты *Народная Новина*, докторъ Францискъ Барвичъ,

¹⁾ См. рис. „Русскія древности, издаваемыя по Высочайшему соизволенію подъ редакціей В. Прохорова“.

²⁾ Экземпляръ подобнаго гуслей подаренъ писателю эти строки бывшимъ киевскимъ предводителемъ дворянства Н. А. Рыльцевымъ.

³⁾ Н. А. Рыльцевъ указываетъ, какъ на замѣчательнаго гуслиста, на діакона Снитирева. Мнѣ извѣстно также превосходнаго гуслиста среди высшего нашего духовенства.

устроитель прошлогодняго народнаго собранія моравовъ, рѣшившихся возвратиться въ православіе и другіе. Во время обѣда оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ сказалъ рѣчь о значеніи чествуемаго событія, изъ коей приведемъ слѣдующія строки, касающіяся православной церкви: „Что бы съ нами стало безъ этой церкви, страшно и подумать! Она одна помогла намъ остаться русскими людьми, собрать свои разсыпанныя силы, одушевила и вождей и народъ, дала ему терпѣніе пережить страшныя невзгоды, отъ голода и мора и отъ своихъ лихихъ людей и отъ чужихъ — и одолѣть враговъ своихъ, послала сыновъ земли нашей умирать за свою землю, научала разсыпанное стадо собираться около пастыря. Церковь — мать родная и милая русскому человѣку; всѣ мы дѣти ей, и если кто блуждаетъ отъ нея далече, тѣ, Богъ дастъ, вернутся еще въ родительскій домъ, къ матери. Храмъ нашъ — это домъ русскому человѣку, домъ самый ближній, гдѣ всѣ равны отъ мала до велика, всѣ имѣютъ и находятъ свое мѣсто, всѣ почерпаютъ одинаково радость и утѣшеніе. Тутъ наша сила, тутъ тайная сокровищница судебъ нашихъ, тутъ хранилище драгоцѣннѣйшихъ нашихъ преданій и родникъ силъ нашихъ, которымъ суждено еще явиться въ будущемъ, если въ будущемъ оправдаемъ мы дѣлами правды и любви — всю истину нашей вѣры.“

Послѣ этой рѣчи хоромъ пѣвшихъ и духовенствомъ былъ пропѣтъ торжественный гимнъ „Тебѣ Бога хвалимъ“. Затѣмъ К. П. Побѣдоносцевъ произнесъ вторую рѣчь, въ которой характеризую возросшее въ Россіи вмѣстѣ съ церковью единоедержавіе, сказалъ: „Благословимъ Бога, избавившаго насъ отъ бѣдствій и раздоровъ народоуправленія, которое изстари губило и продолжаетъ губить тѣ славянскія государства, гдѣ оно, къ несчастію ихъ и нашему, усилѣло утвердилось. Подъ знаменемъ единоедержавія и самодержавія мы выросли, подъ нимъ мы стоимъ, подъ нимъ составляемъ единое тѣло и охраняемъ въ немъ единую волю и въ немъ видимъ на грядущія времена залогъ правды, порядка и блага земли нашей, и вотъ первая задравная наша чаща: да здравствуетъ Благочестивѣйшій Государь нашъ, всѣмъ намъ Отецъ, старшій сынъ и верховный на землѣ защитникъ церкви православной, Императоръ Александръ Александровичъ съ Государыней Императрицей и

Наслѣдный принцъ Александръ Сербскій.
Съ фот. грав. Флюгель.

Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и нынѣшнимъ именинникомъ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ и со всѣмъ Августѣйшимъ домономъ“. Рѣчь эта была встрѣчена громкимъ, долго не смолкавшимъ „ура“ и народнымъ гимномъ, исполненнымъ соединенными оркестрами военной и бальной музыки.

Продолжая рѣчь и провозгласивъ здравіе Св. Синода и присутствующихъ на торжествѣ іерарховъ, К. П. Побѣдоносцевъ, пригласилъ слушателей почтить благодарною памятью служеніе русскаго духовенства, вышедшаго изъ народа, съ народомъ жившаго, страдавшаго и радовавшагося, и русскаго христіанскаго воинства въ годины испытаній стоявшаго грудью за родную землю и не щадившаго крови умирая за вѣру, царя и отечество, и заключилъ пожеланіемъ здравія и долголѣтствія митрополиту Кіевскому и Галицкому. Растроганный владыко благодарилъ краткимъ, но теплымъ и сердечнымъ словомъ. Обѣдъ кончился около 6 часовъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.

На посланную 15 іюля изъ Кіева оберъ-прокуроромъ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевымъ телеграмму Государю Императору съ поздравленіемъ отъ имени гражданъ Кіева по случаю всероссійскаго праздника и съ выраженіемъ вѣрноподданнческихъ чувствъ, отъ Его Величества получена изъ Петергофа на имя К. П. Побѣдоносцева слѣдующая телеграмма:

„Прошу передать всѣмъ Нашу сердечную благодарность за выраженные чувства по случаю 900 - й годовщины крещенія Руси. И Мы отпраздновали этотъ день торжественно въ Петербургѣ. Сожалѣю, что не пришлось Намъ быть сегодня въ Кіевѣ.“

Александръ.

Наталія королева Сербская и наследный принцъ Александръ.

(Портр. на стр. 828 и 829).

Биографическія даннія о королевѣ Наталіи были уже помѣщены нами въ прошломъ году по случаю пребыванія ея величества въ Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно читателямъ, семейныя несогласія королевской Сербской четы, благодаря антинаціональной политикѣ и лич-

Гроза 23-го іюля въ СПБ. Сцена на углу Невскаго проспекта и Михайловской улицы.
Съ фотогр. генерала Несвѣтвенча, грав. Флюгель.

нымъ свойствамъ короля Милана, приняли тотъ печальный оборотъ, который въ концѣ концовъ повелъ къ дѣлу неслыханному въ XIX вѣкѣ — насильственному отнятію сына у королевы-матери. Понятно поэтому то всеобщее участіе,

которое возбуждает судьба ни въ чемъ провиннаго юнаго принца.

Королевъ Натали было всего 16 лѣтъ, когда она въ 1875 г. сочеталась бракомъ съ княземъ (нынѣ королемъ) Сербскимъ Миланомъ, едва достигшимъ въ то время 21-лѣтняго возраста. 2 (14) августа 1876 года, въ самый разгаръ сербско-турецкой войны, родился принцъ Александръ. Когда старая турецкая пушка съ бѣлградской цитадели возвѣстила столицѣ о рожденіи наследника престола, улицы Бѣлграда были почти пусты. Лишь старики, дѣти, женщины да раненые оставались въ столицѣ — остальное все ушло на войну. Со всѣхъ сторонъ вторгались въ страну полки Мурада V, Османъ-паша, Зайчаръ, Сулейманъ-паша, а съ юга батальоны Ахмедъ-Эюба вступали въ долину Моравы, а Мехмедъ-Али несъ опустошенія въ благословенную страну отъ Явора. Миланъ получалъ вѣсть о рожденіи принца въ лагерьъ подъ Парачиномъ. Воспріемникомъ принца отъ купели былъ въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Николаевичъ, и крещеніе совершено было съ большою торжественностью въ Бѣлградскомъ канакѣ. Настали другія, болѣе мирныя, хотя и не особенно счастливыя лично для королевской четы времена. Юный принцъ подрасталъ бодримъ, здоровымъ отрокомъ, участь подъ руководствомъ своего воспитателя, Dr. Докича изъ Бѣлграда. Теперь принцъ Александръ свободно говоритъ по русски, по французски, по-английски, по-нѣмецки и конечно на родномъ нарѣчій. Королева посвятила воспитанію его всю свою жизнь, особенно съ тѣхъ поръ, какъ семейныя несогласія вынудили ее покинуть Сербію и вмѣстѣ съ юнымъ принцемъ начать царственную Одиссею, переѣзжая изъ одного европейскаго города въ другой. Не было недостатка у принца и въ учителяхъ музыки, рисованія, верховой ѣзды и проч. Еще въ послѣднее время высвѣденъ ежедневно видѣли принца, въ сербскомъ мундирѣ, верхомъ на сѣрой лошади, выѣзжающаго на прогулку въ сопровожденіи своего адъютанта, полковника Любомира Баяловича. Самая нѣжнѣйшая любовь привязывала его къ королевѣ-матери — и теперь эти паслыственныя порваны. Въ бѣлградскомъ дворцѣ принцъ проводитъ печальныя дни и часто плачетъ, скрывая свои слезы отъ отца, котораго очень боится.

Натали королева Сербская. Съ фотогр. грав. Ю. Флюгель.

Гроза и ливень 23 іюля 1888 года въ Спб.

(Рис. на стр. 828).

Въ субботу, 23 іюля, петербуржцы внезапно стали свидѣтелями давно уже невиданнаго явленія. Съ самаго ранняго утра въ воздухѣ чувствовалась духота и какъ-бы тяжесть нависшая надъ столицей. Первые люди ждали грозы — и не ошиблись. Вскорѣ послѣ двухъ часовъ полудни, совершенно чистое небо заволочлось сплошною массою грозовыхъ тучъ и среди

блага дня настала такая темнота, что письменныя занятія стали на нѣсколько времени буквально невозможны. Вдругъ туча эта разразилась грозою и ливнемъ, въ нѣсколько минутъ затопившимъ всѣ улицы и городскія площади. Свирѣпный вѣтеръ сбилъ и комкалъ въ какое-то бѣловатое кружево частыя нити ливня; крупныя градины доходившія до размѣровъ лѣснаго орѣха перебили множество стеколъ по окнамъ, и многія квартиры были залиты водою, которая все прибывала на улицахъ, во многихъ мѣстахъ доходя лошадыю по щиколотку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Невскаго проспекта размыло новую торговую мостовую, противъ Думы образовалось цѣлое озеро и вода здѣсь доходила рабочимъ до пояса. Въ половинѣ пятаго ударъ молніи зажегъ часовню во имя Св. св. Бориса и Гѣрба близъ моста въ селеніи Стекланнаго завода, причемъ внутренность часовни сильно пострадала.

Въ садахъ и скверахъ повалено и попорчено много деревьевъ. Особенно жаль вырваннаго съ корнемъ, древянаго дуба, одиноко стоявшаго какъ историческій памятникъ посреди Ад-

миралтейской набережной противъ Александровскаго сада. Что касается этого послѣдняго, то въ немъ повреждено множество цвѣточныхъ насажденій. Въ Михайловскомъ скверѣ разцвѣлъ старый тополь противъ театра, и самый садъ настолько потерпѣлъ, что его пришлось временно закрыть для публики. Также сильно пострадали столѣтнія липы Лѣтнаго сада. Дорожки были размывы и попорчены во всѣхъ скверахъ.

По прошествіи полутора часовъ съ начала грозы, нѣкоторыя улицы какъ напр. Большая Итальянская все еще представляли сплошной потокъ; лишь мало-по-малу сбѣжала вода и затихли порывы грозы.

Политическое обозрѣніе.

Петергофское свиданіе императоровъ значительно повліяло на общее настроеніе въ пользу мира и къ ближайшему разрѣшенію болгарскаго вопроса; даже Вѣнская печать частью заговорила во враждебномъ принцу Кобургскому тонѣ, предсказываетъ скорое его паденіе и говоритъ что якобы въ Петергофѣ состоялось соглашеніе по болгарскимъ дѣламъ. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Болгаріи, разбойничество и безпорядки страшно усилились, положеніе принца Кобургскаго сдѣлалось очень шаткимъ; принцъ очень встревоженъ и приказалъ яхтѣ „Александръ“ идти въ Ломъ-Паланку, чтобы быть готовымъ на всякій случай.

Занятіе Италией Массовы и ноты Итальянскаго правительства по вопросу о Массовѣ вызвали отвѣтную ноту Рубіе,

послѣдняя заканчивается слѣдующимъ заявленіемъ: „Если образъ дѣйствій Италиі поведетъ непосредственно къ упраздненію канитуляцій и прежнихъ нашихъ правъ въ Массовѣ, то вамъ придется только принять на будущее время къ свѣдѣнію этотъ новый образъ дѣйствій и новый принципъ, на основаніи котораго безъ предварительныхъ переговоровъ и соглашеній съ державами канитуляціи утрачиваютъ силу въ странѣ, гдѣ введена европейская администрація. Мы предоставимъ себѣ выводить отсюда заключенія, предписываемыя нашими интересами тамъ, гдѣ оккупация наша упрочена на основаніи законныхъ правъ“. Въ требованіяхъ своихъ Французское правительство ссылается на прецеденты съ Каиромъ и Босніею, гдѣ Англія и Австрія вели особые переговоры со всѣми держа-

вами. Турція также неодобрительно смотрит и не разделяет взглядовъ итальянскаго правительства на Массовское дѣло. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Россія, Германія, Великобританія, Австрія и Испанія заявили, что въ Массовъ и ея территоріи кантуляціи не примѣнимы; всѣ прочія державы приняли это къ свѣдѣнію, соглашаясь при этомъ съ итальянскою нотой отъ 25 іюля; въ виду этого Франція остается только согласиться съ мнѣніемъ, выраженнымъ всеми государствами.

Кромѣ неприятнаго поворота во внѣшнихъ дѣлахъ, внутреннее положеніе французской республики усложняется все усиливающейся пропагандою монархистовъ, образованныхъ новыхъ агитаціонный союзъ, должествующій оказать матеріальное пособие подготовкѣ реставраціи. Рабочія волненія приняли довольно грозный характеръ и охватили довольно обширный районъ. Прибытіе генерала Буланже въ Сенъ-Жанъ-д'Анжелі вызвало сильное волненіе и драку, потребовавшее вмешательства власти и вызвавшее много арестовъ. Таково незавидное внутреннее положеніе республики, парламентариюму строю которой со всѣхъ сторонъ все болѣе угрожаютъ страшные признаки, свидѣтельствующіе о переходѣ борьбы изъ парламентскихъ залъ на улицу. Берлинскія газеты и въ особен-

ности *Nordd. Allg. Zeit.* предсказываетъ скорое паденіе республики, такъ какъ по ихъ словамъ громадное большинство терпитъ республику, пока страна спокойна.

Буря, вызванная 900-лѣтіемъ крещенія Руси, въ Австро-Венгерскихъ газетахъ продолжается до сихъ поръ, на епископа Штрессмайера нападки слышны отовсюду, его уличаютъ въ панславизмъ и въ сочувствіи русскимъ интересамъ въ ущербъ австро-венгерскимъ. Рѣчь маркиза Солсбери на банкетѣ у лордъ-мэра далеко не удовлетворила ожиданіямъ большинства англійской печати. Солсбери въ своей рѣчи высказалъ уверенность, „что свиданіе императоровъ можетъ повести къ заключенію лиги мира, которую не въ состояніи будетъ нарушить никакая другая держава. Миръ между Германіею и Россіею означаетъ также миръ и съ Австро-Венгеріею и со всеми прочими державами“. Рѣчь оказалась слишкомъ туманною и миролюбивою. Большая часть англійской печати высказывается, по болгарскимъ дѣламъ, во враждебномъ Россіи духѣ и предсказываютъ Портѣ, въ случаѣ соглашенія съ Россіею, рядъ потерь. Киванія на Россію не мѣшаютъ однако англичанамъ пріятно отхватывать львиными долями лучшія и богатѣйшія земли въ Африкѣ и захватывать въ свои руки почти всю торговлю центральной Африки.

СМѢСЬ.

Для спасенія мнимо-умершихъ Чешскій врачъ, докторъ Скаль, предлагаетъ средство, заслуживающее самаго широкаго распространенія. Докторъ Скаль дѣлалъ одного чахоточнаго пациента, интеллигентнаго молодого человѣка, который вполнѣ понималъ свое состояніе и нисколько не боялся смерти, но его ужасала мысль быть погребеннымъ живымъ. Докторъ Скаль вспомнилъ, что обжогъ не производитъ пузырей на мертвомъ тѣлѣ и обжигалъ больному, въ случаѣ его смерти, произвести надъ нимъ этотъ опытъ. Когда молодой человекъ умеръ, докторъ дѣлательно сдѣлалъ опытъ при помощи инструмента, обыкновенно употребляемаго въ хирургіи для прижиганія. Такъ какъ часто бывають случаи, что даже опытные врачи не могутъ отличить дѣлительно умершаго отъ мнимаго, а тѣмъ болѣе возможны такіе случаи въ деревняхъ, гдѣ покойниковъ свидѣлствуютъ люди, едва умѣющіе читать и писать, то можно смѣло рекомендовать простой способъ доктора Скалля. Для этого можетъ служить просто раскаленное желѣзо, которое въ сомнительномъ случаѣ разрѣшитъ недоразумѣніе. (с.)

Новыя измѣненія на поверхности планеты Марсъ. Извѣстно, что Скианарелли въ Миланѣ открылъ на Марсѣ цѣлую систему якобы узкихъ морскихъ рукавовъ, такъ-называемыхъ каналовъ, вслѣдствіе чего экваторіальная часть этой планеты кажутся покрытыми сѣтью линий, будто проведенныхъ вдоль окружностей большихъ размѣровъ. Позже, многіе изъ каналовъ стали представляться какъ-бы двойными, со строго параллельными линиями. Существованіе этихъ двойныхъ каналовъ было подтверждено въ 1866 г. наблюденіями въ Ниццѣ, но мы и послѣ того остались, попрежнему, въ невозможности дать удовлетворительное объясненіе этому удивительному явленію. Въ настоящее время, сообщаетъ *Кельнская Газета*, планета Марсъ опять находится въ содѣлствѣ съ землею, хотя и не въ столь благоприятномъ положеніи, какъ въ 1866 и 1882 годахъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря превосходнымъ атмосферическимъ усло-

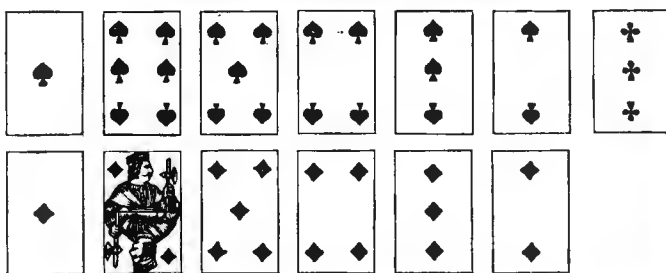
віямъ и великолѣпнымъ инструментамъ на обсерваторіи г. Бишопгейма въ Ниццѣ, тамъ были вновь произведены весьма важныя наблюденія надъ поверхностью планеты Марсъ. Въ засѣданіи Парижской Академіи 14 мая, г. Перроттенъ сдѣлалъ сообщеніе о своихъ недавнихъ наблюденіяхъ въ Ниццѣ, которыя показали, что часть каналовъ, отчетливо видѣнныхъ и занесенныхъ на карту въ 1866 году, теперь совсѣмъ исчезла. Кромѣ того, часть материка, названная на картѣ Скианарелли Либіею, затоплена. Прежде Марсъ, какъ и всѣ континенты, представлялся краснымъ, нынѣ онъ представляется сине-зеленымъ—цвѣта моря. Ледяной полярный полюсъ Марса очень ясно виденъ и наблюдавшіе его теперь въ Ниццѣ признають, что въ настоящее время онъ пересѣкается каналомъ, который отчетливо выдѣляется на бѣлой массѣ окружающихъ его льдовъ и снѣговъ. Каналъ этотъ соединяетъ двѣ прежде разъединенныя части моря. Эти наблюденія въ высшей степени любопытны и еще усиливають интересъ, возбуждаемый существованіемъ на Марсѣ каналовъ, но, къ сожалѣнію, не разъясняютъ намъ того, что на немъ происходитъ. Болѣе смѣлая, чѣмъ основательная гипотеза на счетъ искусственнаго происхожденія двойныхъ каналовъ теперь сама собою падаетъ: нынѣ замѣченныя измѣненія должны быть результатомъ великихъ естественныхъ переворотовъ. Но какими силами вызваны послѣдніе — неизвѣстно. Гипотеза о могучихъ приливныхъ волнахъ, вздымаемыхъ двумя спутниками Марса, должна быть оставлена. Во всякомъ случаѣ, измѣненія на поверхности Марса такъ необычайны, что мы — на наше счастье, прибавимъ — въ настоящее время не можемъ себѣ представить ничего подобнаго на землѣ. (N).

Внѣшняя торговля Франціи въ 1887 г. съ 1 января по 31 декабря поясняется слѣдующими цифрами: ввозъ — 4,270,772,000 франковъ, а вывозъ — 3,319,774,000 франковъ. Ансамбль мѣны представляетъ 7 съ половиною миллиардовъ франковъ и превосходитъ результаты 1886 года на 133 милліона франковъ. (с.)

Задача игры въ винтъ № 53.

(г. С. П—скаго).

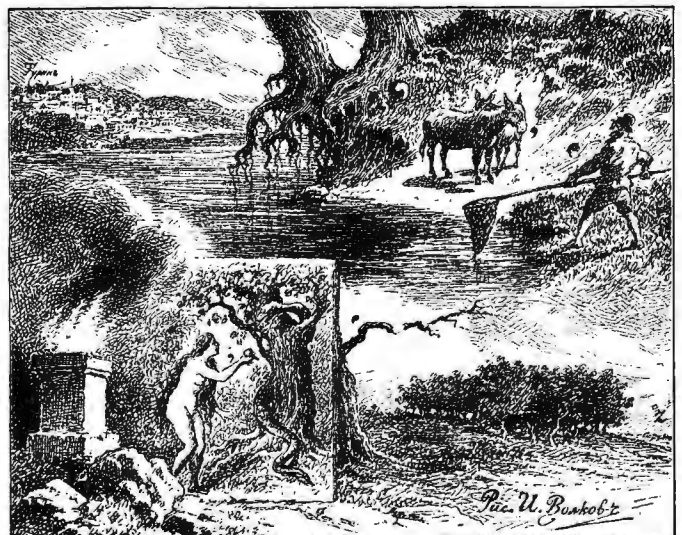
Четвертый партнеръ (У) имѣетъ:

А (1-й партнеръ), имѣя песомѣнныхъ 5 взятокъ, объявляетъ черви, Х (2-й партнеръ) — пась, В — объявляетъ три трефы, которыя онъ могъ бы сыграть самостоятельно. У, А и Х — пась, В — четыре пики и, окончательно, А трефы. Вслѣдствіи не совсѣмъ правильнаго выхода У, игроки А и В остаются безъ трехъ; при всякомъ другомъ ходѣ игра была бы выиграна. **Добавочныя условія:** 1) если бы эта игра велась вдвоемъ и имѣло А и Х были бы „деревянныя“, то партнеръ У при всякомъ ходѣ В дѣлалъ бы малый шлемъ на бубнахъ, не смотря на то, что за рукою у У были бы король, дама и девятка бубенъ; 2) Если бы не перемѣни мѣсть, Х имѣлъ бы партнеромъ В, то при всякомъ ходѣ У, игроки Х и В выигрываютъ м. шлемъ на трефахъ. — **Требуется:** а) Определить карты остальныхъ игроковъ, б) Показать возможность малаго шлема на бубнахъ; дѣлаемаго партнерами Х и У при всякомъ

ходѣ игрока В, с) Указать при какомъ ходѣ игрока А, партнеры Х и У не могли бы сдѣлать м. шлема на бубнахъ, d) показать ходъ игры при 4-хъ трефахъ?

Рѣбусъ. Задача № 54.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1888 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками съ оригинала проф. Ю. Ю. КЛЕВЕРА:

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(14^{3/4} вершк. вышины и полтора аршина ширины).

Опытъ предъидущихъ лѣтъ показалъ намъ, что одинъ образецъ рамы не вполне удовлетворяетъ требованіямъ нашихъ гг. подписчиковъ и въ виду этого, въ настоящемъ году, мы озаботились изготовленіемъ рамъ (на фабригѣ Ч. Гофмана, въ СШБ.)—ТРЕХЪ СОРТОВЪ, при чемъ первые два сорта имѣются изъ золоченаго и чернаго полированного багета, а третій только изъ одного чернаго. Размѣръ и цѣны рамъ, со вставленными въ нихъ картинами (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ)—слѣдующія:

№ 1. Изъ лучшаго золоченаго или чернаго полированного багета, съ лѣпными узорчатыми украшениями (ширина въ діам. 2 вершк.) по 4 руб., а съ упаковкою въ ящикъ для иногородныхъ по 5 р. 50 к. (безъ перес.).

№ 2. Изъ такого-же, но болѣе красиваго и широкаго багета (шир. въ діам. 2^{1/10} вершк.): золоченая 6 р., и черная 5 р. 50 к., а съ упаковкою въ ящикъ для иногородн. 7 р. 50 к. и 7 р. (безъ пересылки).

№ 3. Изъ богатаго чернаго полированного багета (ширина въ діам. 4^{1/2} вершк.) художественной лѣпной работы, 11 руб., а съ упаковкою въ ящикъ для иногор. 13 р. (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки ихъ они будутъ уплачивать на мѣстѣ—при полученіи посылки. Въ тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ транспортной конторы и желѣзно-дорожной станціи, рамы будутъ высылаться почтою, но при этомъ гг. подписчики вмѣстѣ съ слѣдующими деньгами за рамы—благоволятъ прилагать и за почтовую пересылку, по разстоянію, за раму № 1 за 40 фунт., № 2 за 60 фунт., и № 3 за 60 фунт. При чемъ расчетъ за почтовую пересылку считается слѣдующимъ образомъ: за разстояніе до 300 верстъ за каждый фунтъ по 3 к.; до 400 верстъ по 4 к. и т. д., прибавляя на каждыя 100 верстъ по 1 коп. съ фунта.

Первые два сорта рамъ имѣются также и въ разобранномъ видѣ (въ 4-хъ кускахъ), упакованныя въ ящики, и высылаются гг. иногороднымъ подписчикамъ по слѣдующей цѣнѣ: № 1-й—за 4 р., пересылка за 15 фунт., № 2-й золоченая—за 6 р., а черная за 5 р. 50 к., пересылка за 23 фунт.

Въ виду поступающихъ отъ нѣкоторыхъ гг. подписчиковъ заявленій о желаніи получить главную премію въ рамѣ—теперь-же, т. е. не дожидаясь общей рассылки картины, мы нашли возможнымъ удовлетворить этому желанію, и для тѣхъ лицъ, которыя пожелаютъ имѣть премію въ рамѣ, начать выдачу картины ТЕПЕРЬ-ЖЕ.

Гг. городскіе подписчики при полученіи преміи, благоволятъ представлять въ контору свои подписные билеты на „Ниву“ 1888 г.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить премію въ рамѣ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: № 1—по 5 руб., № 2—золоченая—7 р., черная 6 р. 50 к. и № 3—12 р. 50 к.

Желающихъ получить премію въ рамѣ, покорнѣйше просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картины.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СШБ., Невскій просп., № 6.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ тѣхъ немногихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку преміи, — карт. проф. Ю. КЛЕВЕРА „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“, поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Вѣчу не быть. Старинная повѣсть Д. В. Авзеріева. Часть II. (Продолженіе).—Исторія одного таланта. Повѣсть Н. Станицаго. (Продолженіе).—Филонсера. Профессора К. Э. Линдемана. (Окончаніе).—Къ рисункамъ: Друзья (съ рис.).—Добрыня Никитичъ и Завапа Путятишна (съ рис.).—Запретное чтеніе (съ рис.).—Южно-германская крестьянка (съ рис.).—Руанъ (съ 2 рис.).—Гусли (съ рис.).—Чествованіе 9-ой годовщины крещенія Руси въ Нивѣ (съ рис.).—Наталія, королева Сербская и наследный принцъ Александръ (съ 2 портр.).—Гроза и ливень 28 Іюля 1883 г. въ СШБ. (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Задачи.—Рамы для преміи „Нивы“ 1888 года.—Заявленіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленіи.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Клюшиновъ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи. № 3206 14—12

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. КАРАЗИНА.

Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всемъ известнымъ книгопродавцамъ.

ПАТЕНТОВАННАЯ МАШИНА

для выдѣлыванія пуговицъ.

Необходимо для всѣхъ портныхъ, портныхъ, каретниковъ, сѣдельщиковъ, драпировщиковъ и декораторовъ.

Новѣйшая, простая и очень практическая машинка, съ помощью которой каждый легко можетъ выдѣлывать пуговицы изъ какой угодно матеріи.

ПРОЧНѢЕ И ДЕШЕВЛЕ ПОКУПНЫХЪ ГОТОВЫХЪ ПУГОВИЦЪ!

Цѣны машинки:

Цѣны пуговицъ:

для портныхъ	Р. К.	Р.
. 18	— Пуговицы	1 за гроссъ.
	22	28
	32	36

„ для портныхъ . . . . . 13 50 1 р. 35 к., 1 р. 65 к., 2 р., 2 р. 25 к. „ для каретник. и сѣдельщик. 20 — Пуговицы . . . . . 7 за тыс. для драпировщиковъ и декоратор. 15 — Пуговицы . . . . . 3 за тыс.

ПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНАЯ УСТУПКА!

Складъ и продажа машинокъ и принадлежностей къ нимъ:

у С. БЕРНШТЕЙНА МОСКВА Большая Лубянка, Варсонофьевскій пер., домъ Рабушинскихъ.

9—4 „ и въ С.-ПЕТЕРБУРГѣ—у Франца Гюнтеръ, Садовая, № 12. № 3270

УТВЕРЖДЕННЫЕ МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДѢЛ
МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ **КУРСЫ РАДГОФЪ.**

СНБ., Малая Морская, № 7.

Приемъ ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и табельныхъ дней, отъ 10 час. утра до 6 час. веч. Письменные заявленія на имя дирент. Евг. Павл. Радгофъ. Подробности „Нива“ № 32.

НОВЫЙ
АДРЕСЪ
МОИШЕ МАСТЕРСКОИ
Л. КЮТНЕРЪ.
ВЪ МОСКВѢ
ГАЗЕТНЫЙ ПЕР.
ДОМЪ
ФУЛЬДА.
L. KUTNER.
M. 3304

АХРОМАТИЧ. УНИВЕРС. БИНОКЛЬ.

Карм. форм. въ замшев. кошел. . . . 8 р. 50
съ пересылкою. . . . . 9 р. —
Больш. форм. въ шагр. футл. съ ремн. 9 р. 50
съ пересылкою. . . . . 10 р. 50
„Аргусъ“ имѣетъ превосход. оптичск. качества, одинаково годенъ для военныхъ, охотн. скачекъ, путешествія, и театра, а потому вполне заслуживаетъ названіе „универсальный бинокль“.

Е. КРАУСЪ и К^о.
ФАБРИКА ОПТИЧЕСК. ИНСТРУМЕНТОВЪ
Парижъ, Aven. d. l. Républ., 4.
СЛАДЬ ДЛЯ РОССИИ
въ С.-Петербургѣ, Мойка, № 43.
Иллюстр. прейс-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высш. безплатно.

МЫЛО
пронизора
А. М. ОСТРОУМОВА
противъ
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
за кусокъ 30 и.
Ярлыкъ настоящаго мыла снабженъ маркой за № 3374. М. № 3288 4-4

ПЕРЕМѢНА АДРЕСА:
Г. О. КОРОБЧЕВСКІИ
перевелъ свой зубо-врачебный кабинетъ изъ В. Морской, № 27 на уголъ Большой Морской и Гороховой, д. № 30-13, кв. 13. Принимаетъ отъ 11 час. до 4 час. пополудни.

„РУССКІИ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ-колесные велосипеды
спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейс-куранты безплатно, также брошюра виконта Берри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ.“
Москва, Кузнецкій м., д. Галичина.
СПБ., В. Морская, 21. P. № 3291 (4)

ДЕШЕВЫЯ ХОЗЯЙСТВ. ВЕЩИ!

- по 20 коп.
- 1) Универс. цементъ для склейки стекла и фарфа; 2) вѣчная вѣшалка-цѣпочка съ машинк. для платя; 3) наждакъ для чистки ножей; 4) составъ для полировки мѣди и бронзов. вещей; 5) порошокъ для серебряной мѣди. вещей; 6) стеклорѣзъ; 7) золотыя или серебряныя чернила; 8) черниловыводчикъ изъ бумаги и бѣлья; 9) пятновыводчикъ изъ любой матеріи; 10) фруктоуксета; 11) пробковиниматель; 12) мышеловка; 13) мушкетъ кухни, паукъ, на веселую лампу; 14) лента для занавѣс, предохран. ихъ отъ потери; 15) зажимъ самовѣстят. ночью; 16) новая чернилка эмалированная, самодвижущаяся; 17) приборъ: карандашъ, перо, грифель и линейка; 18) профитенъ для отагоутокъ; 19) карандашъ, пишущій чернилами; 20) щипцы карманн. для зашивки волосъ хождн. способомъ; 21) брелокъ-сигнетокъ; 22) атласн. альбомъ типовъ Гоголя.
- по 35 коп.
- 23) Санитоловая стѣлка отъ нота и отъ сырости; 24) спичечница самозажигающ. (хлонтъ-огонь); 25) свѣтлосигналъ-автоматъ; 26) портмоне-пушка для мелкихъ денегъ, мелъхоровъ; 27) одобричь отъ мозолей; 28) краска для мѣтки бѣлья (люб. цвѣта); 29) замазка для починки резины, галоши и одежды; 30) крысоловка; 31) свѣтлн. розетка (пара); 32) чернильный карандашъ-автоматъ; 33) луна-карм. въ 75 к., 1 р. и 1 р. 50 к.; 34) герметическая пробка каучукъ; 35) америк. точилка; 36) складн. кольца для салфетокъ, шпиль; 37) новост. стѣклоубиющ. картинки, 12 шт. въ конвертѣ; 38) средство отъ таракановъ; 39) средство отъ клоповъ; 40) реноватъ, возвращающій вылинявшія вещамъ ихъ прежній цвѣтъ; 41) машинк. для открыванія сардинъ.
- по 50 коп.
- 42) Ново! японская игра шахъ-матъ; 43) дорожная карманн. вѣшалка для пальто и шляпы, сигарообразнатель и 2 крючка для черточекъ и сапоговъ; 44) универсумъ карманн. приборъ для шитья; 45) щипцы-автоматъ для зашивки волосъ; 46) живонисъ огнемъ; 47) пара телефонн. металл.; 48) рисованіе по шаблонамъ въ издѣлн. коробѣ; 49) 3 фокуса издѣлн.; 50) ламповозжигатель, зажигаетъ разомъ много ламп, не снимая стеклокъ; 51) нудеризаторъ складной для духовъ; 52) самосвѣтл. краска, съ наставл.; 53) 5 головоломокъ, занятіе интересное для взрослыхъ; 54) вышиваніе на канвѣ; 55) рѣзецъ для выкроекъ издѣлн.; 56) антикорнъ, новое средство отъ мозолей; 57) хрустальн. рамка съ позолотой для визитн. фотограф. карточекъ; 58) перо-чернильница и карандашъ никель.
- по 75 коп.
- 59) машинка для дѣланія пантюръ; 60) машинка для чистки картоф., яблок. и фрукт. (загран.); 61) сифонн-кранъ для шипучихъ водъ; 62) вѣскъ для писемъ; 63) фильтры карманн. для очисти. воды; 64) бижонажный кранъ для керосина и проч.; 65) пробка-кранъ для шампн., герметикъ; 66) путешествие вокругъ свѣта, издѣлн.; 67) термометръ комнатный; 68) ново! синдетиконъ для склейки всѣхъ вещей; 69) фонарь карманн. сигнальный; 70) бормашн. на 25 ф.; 71) Ножи эмалиров. для рѣзанія фруктовъ, лимоновъ, не темнѣющ.; 72) шенковки д. капусты, издѣлн.; 73) термометръ для ваннъ; 74) мам. для сбиванія сливокъ; 75) моментальный переплетчикъ, мѣдный; 76) Луна свѣтлн. ночью.
- по 1 руб.
- 76) альбомъ для фотограф. карточекъ; 77) американск. переплетчикъ съ 400 скобами; 78) книгодержатель-пара; 79) приборъ для золоченія, серебрянія и бронированія; 80) секретный замокъ америк.; 81) рюмка складная карманн. въ видѣ рюлечки; 82) чернильница карманн. съ приборомъ; 83) подвѣсннкъ свѣтлн. ночью; 84) термометръ большой; 85) портмоне для мелкихъ денегъ, нов. серебра; 86) нов. перо-автоматъ; 87) спичечница самовѣстят. карманн. и столов. медъхор.
- по 1 руб. 50 коп.
- 88) саморисователь, коимъ даже ребенокъ забавляясь научится рисовать; 89) максималн. термометръ въ бутганерн. футляр. для больныхъ; 90) складная рюмка, никель въ часовой оправѣ; 91) американскій киноискосъ съ маш. издѣлн.; 92) каллиграфъ, коимъ легко можно выучисъ красиво писать; 93) Универсальн. иленика (столарн.) безъ варки; 94) шаблоны для мѣтки бѣлья, азбука, цифры и краски несмаывающ.; 95) новост! карманная электрическая спичечница съ занасомъ; 96) игра асновидѣннѣ, основ. на физикѣ; 97) свѣтлн. дверныя доски съ любую надписью и дорожн.; 98) прессъ-бюваръ, никель, очень изящн.; 99) вѣшалка для платявѣ.
- по 2 руб.
- 100) максималн. термометръ, никель, футл. для больныхъ; 101) Бароскопъ указатель погоды съ термометромъ въскѣтъ; 102) складн. вѣшка мѣди; 103) хрустальн. прессъ-напѣе самовѣстят.; 104) волшебный фонарь съ картинками; 105) камера-обскура для рисованія съ натурн.; 106) пантографъ для увеличенія и уменьшенія рисунковъ; 107) всеобщій инструментъ, необходимый въ каждомъ хозяйствѣ, соедин. 12 сам. нужн. шестр.: молотокъ, ключъ для гаекъ, щипцы, клещи, отвертку и пр. (съ перес. 3 руб.); 108) 10 фокусовъ очень интересн. для взросл. и дѣтей; 109) дорожн. подвѣсннкъ, никель.
- по 3 руб.
- 110) станокъ деревянн. для вышивки ногою и рукою; 111) камера-обскура складн. дорожн. на 4-хъ квадр. верш. (пересылка за 7 фунт.); 112) автофотографъ для поретизанія портрет. съ руковод.; 113) 20 фокусовъ весьма интересн.; 114) дорожн. подвѣсннкъ, столов. и стѣлн. никель; 115) новост! выпрямитель броекъ, сохраняетъ всегда форму броекъ безъ утѣжки (перес. за 7 ф.); 116) волшебный фонарь 12 картинъ въ 4, 5, 6, 7 р. и дорожн.
- по 5 руб.
- 117) электрич. столов. лампа-автоматъ, никель; (5 р. 50 к.); 118) станокъ для вышивки, желѣзныи, ножной и ручной, съ приспособленіемъ; 119) гелиоиниляторъ, приборъ съ материал. для раскраиванія фотографич. карточекъ; 120) гелиоиниляторъ и литохромія вмѣстѣ 7 р.; 121) мороженница, приготовляющ. мороженое безъ верченія на 10 порц. (перес. 8 ф.); 122) 40 фокусовъ интересн. и для сценн.
- по 10 руб.
- 123) фотографическій аппаратъ для сниманія съ натурн. визитн. и кабинетн. портрет., видовъ, ландшафтовъ и проч., съ пробн. снимкомъ и руководств.; пересылка за 15 фунт.; 124) дорожн. фотограф. аппаратъ для 1/2 пластинки съ двойн. камерою и диафрагмами 25 р.; 125) лнщсъ со столарн. и переплетн. инструментами и руководствомъ; 126) 50 фокусовъ очень интересн. для сценн.
- Всѣ цѣны съ пересылкою. Выписывающіе съ Павлова и изъ Азіатск. Россіи прибавляютъ 20%. Каталогъ за 7-ми-коп. марку. Выписн. на 25 р. пересылка на свой счетъ.
С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтѣнн. 4, Невскій пр., 4.
Фирма сущ. съ 1872 г. № 3310

Товаръ на сумму менѣе 3-хъ руб. не выписывается. Заказы исполняются немедленно. Каталогъ за 7-ми-коп. марку. Выписн. на 25 р. пересылка на свой счетъ.
С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтѣнн. 4, Невскій пр., 4.
Фирма сущ. съ 1872 г. № 3310

ЛАМПА АВТОМАТЪ БЕЗЪ СТЕКЛА
Торговый домъ Н. А. КУМБЕРГЪ, С.-Петербургъ.
Прейс-куранты высылаются безплатно. № 3305

ЛЕПНИЦЪ и ГИЗНИЦЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„РУССКОЕ ДѢЛО“

(3-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ), издаваемую въ Москвѣ 3-3

СЕРГѢЕМЪ ШАРАПОВЫМЪ.
За полгода съ доставкой и пересылкой 4 р.; 3 мѣсяца 2 р.

Во второмъ полугодіи будутъ напечатаны нѣкоторыя весьма важныя посмертныя сочиненія Н. П. Гиларова-Платонова. Р. № 3293

ТРУБЫ

газовыя, дымогарныя, топочныя, бурильныя и пр. всегда на лицо у

АЛЬБЕРТА ГАНЪ

Москва, Мясницкая ул., домъ Ц. № 3238 Ананова. 5-4

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Д-ръ Никольсонъ предостерегаетъ своихъ клиентовъ, что нѣкоторые лица въ Россіи, пользуясь большою извѣстностью его искусственихъ тнпановъ для глухихъ, поддѣлываютъ ихъ и объявляютъ о продажѣ по дешевымъ цѣнамъ. Снмъ объявляетъ оъ томе, что никто въ Россіи не уполномоченъ для продажн тнпановъ, которые выдѣлываются только подъ его личнымъ надзоромъ въ Парижѣ и потому тѣ лица, которая продаютъ ихъ въ Россіи, должны считаться поддѣльщиками и будутъ преслѣдованы.

Поддѣлки эти вредны для здоровья. Заказы слѣдуетъ присылать прямо въ контору д-ра Никольсона въ Парижѣ, 4, rue Dragon. № 3306

ДАМШЫ, БРОНЗА, ПОСУДА И ПРОЧ.

АU BON MARCHÉ
Невскій пр., 49. Больш. Морская, 32.

РОЯЛИ И ПИАНО

въ большомъ выборѣ и по умереннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова.
Полный прейс-курантъ всѣхъ инструментовъ безплатно. (8) Ц. № 3077

ЗАКАЗАНІЕ

выдѣлывается въ заведеніи **РОБЕРТА ЭРНСТА** въ Берлинѣ, W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутся также по-русски; прейсктъ высылается Р. № 3309 безплатно. 26-1

БАНКИРСКІИ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ, Покупаетъ всѣ % бумаги. Студн подъ всѣ % бумаги. Страхование выигранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3302 4-2

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XIX г.
№ 34

г. XIX
1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.
Выдавъ 20 августа 1888 г.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/2 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ . . . . . 4 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ . . . . . 5 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чр.
комт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе
города Россіи . . . . . 6 р.*
За границу, съ перес. . . . . 8 р.
*) Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ,
а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи
на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать
на укупорку и пересылку ея 60 КОП.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленіи отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

М. С. Щепкинъ.

Въ нынѣшнемъ году приходится вдвойнѣ чествовать память одного изъ великихъ русскихъ артистовъ — Щепкина, по случаю сотои годовщины дня его рожденія и двадцатипятилѣтія со дня кончины. Едва-ли кто-нибудь изъ нашихъ сценическихъ дѣятелей пользовался такой широкой популярностью и, не обинуясь, скажемъ, такимъ обожаніемъ въ публикѣ, какъ Щепкинъ; едва-ли кто изъ жрецовъ русскаго искусства такъ глубоко понималъ свое призваніе, какъ безсмертный Щепкинъ, такъ ревниво относился къ своему дѣлу, столь пламенно стремился къ совершенству. Великое дѣло талантъ, но съ однимъ талантомъ далеко уйти нельзя, если съ нимъ не соединены образованіе и развитіе. Щепкинъ отлично своимъ природнымъ умомъ сознавалъ непреложность этой истины и работалъ надъ собою неутомимо, съ рѣдкою энергіей. При поступленіи на сцену, вначалѣ онъ долженъ былъ идти опунью, безъ руководителей, не видя хорошихъ образцовъ, ко-

М. С. Щепкинъ (по поводу сотои годовщины его рожденія и двадцатипятилѣтія со дня кончины). Съ современнаго портр. грав. Ю. Шюблеръ.

торые приходилось ему отыскивать случайно, и онъ все-таки создавалъ роли, путемъ долгихъ размышленій и упражненій. Позднѣе, когда онъ очутился въ кругу образованныхъ людей, среди литературныхъ дѣятелей и профессоровъ университета, онъ развился еще болѣе, стараясь усвоить ихъ просвѣщенные взгляды на искусство, проникнуться пониманіемъ его, усилить его требованіи. Дорого стоила Щепкину постоянная работа надъ созданіемъ ролей; пользуясь чьимъ-нибудь замѣчаніемъ, или просто по своему внутреннему убѣжденію, онъ, порою, уже совершенно созданную роль переработывалъ заново и немало безсонныхъ ночей провелъ онъ, раздумывая надъ какой-нибудь ролью. Оттого-то онъ, подобно опытному стратегу, дѣйствовалъ вѣрнымъ оружіемъ на своихъ зрителей и никогда не звалъ неудачи. Игру Щепкина Великій называетъ — творческою, гениальною; „Щепкинъ — художникъ“, говоритъ этотъ критикъ, „и поэтому для него изучить роль не значитъ одинъ разъ пригото-

виться для нея, а потом повторять себя въ ней: для него каждое новое представленіе есть новое изученіе“. У Щепкина былъ высокій, неподражаемый комическій талантъ, въ соединеніи съ юморомъ и необыкновенной веселостью, ему одному свойственными, которые дѣйствовали на публику магически. Игра великаго комика, въ которой не было никогда ни тѣни фальши и которая заключала въ себѣ такую бездну чувства, искренности и правды, — сразу располагала къ себѣ зрителей. Щепкинъ такъ оригиналенъ въ выраженіи самыхъ трудныхъ характеровъ — говорилось въ одной современной рецензій — умѣетъ придать имъ такой рѣзкій и блестящій колоритъ, что безотчетно увлекаетъ самаго строгаго знатока, поражая естественностью и непринужденностью игры своей. Геніальному артисту равно были доступны и иноземные характеры и типы, и чисто русскіе со всѣми оттѣнками національности, со всѣми чертами страны или вѣка, въ которыхъ эти типы и характеры дѣйствуютъ. „Онъ былъ, по словамъ Погодина, достойнымъ помощникомъ, дополнителемъ и истолкователемъ великихъ мастеровъ сцены, отъ Шекспира и Мольера, до нашихъ отечественныхъ писателей — Фонъ-Визина, Капниста, Грибоѣдова, Гоголя, Шаховскаго, Загоскина и Островскаго. Многіе Мольеровскіе характеры переданы имъ были такъ, что сами французы могли намъ иногда завидовать. Въ малороссійскихъ роляхъ онъ былъ неподражаемъ, и часто знакомилъ насъ съ Малороссіей лучше, чѣмъ сама исторія и даже поэзія. Наконецъ жиды, начиная отъ Шекспирова Шейлока до нашихъ блѣнорусскихъ корчмарей, ни на одной сценѣ не явились съ такою поразительной вѣрностью, какъ у насъ.“ Никто не игралъ стариковъ Мольера лучше Щепкина. Видѣвшіе знаменитаго Тальму въ Парижѣ, а Щепкина въ Москвѣ, исполнявшихъ одну и ту же роль въ пьесѣ Казимира Делавина „Урокъ старикамъ“ — не знали, кому изъ этихъ артистовъ отдать пальму первенства. Исполненіе ролей Фамусова и городничаго Сквозникъ-Дмухановскаго — было верхомъ совершенства, полнымъ торжествомъ таланта Щепкина. Последней роли, по свидѣтельству тогдашнихъ очевидцевъ, онъ придавалъ специфическія провинціальныя черты и, глядя на Щепкина въ этой роли, легко было подумать, что не онъ исполнялъ роль написанную Гоголемъ, а Гоголь съ исполнителя написалъ своего городничаго. Значеніе таланта Щепкина въ немногихъ словахъ характеризовалъ Сергій Михайловичъ Соловьевъ, на пятидесятилѣтнемъ юбилейѣ Щепкина. „Вы очень хорошо помните — говорилъ ему нашъ историкъ — отвѣтъ Гоголя на упрекъ, что въ извѣстной комедіи его не выведено ни одного честнаго лица: „Было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное благородное „лицо было смѣхъ.“ Вамъ, Михаилъ Семеновичъ, принадлежитъ честь за то, что вы всегда выходили на сцену вдвоемъ съ этимъ честнымъ, благороднымъ дѣйствующимъ лицомъ. Вы серьезно взглянули на свое искусство, вы поняли и другихъ заставили понять, что цѣль этого искусства — не потѣха праздно толпы, что цѣль его — смѣхомъ судѣствовать очищенію нравовъ.“ И дѣйствительно, рѣдкій изъ дѣятелей русской сцены относился такъ серьезно къ своей профессіи, такъ уважалъ и, можно сказать, боготворилъ искусство, какъ Щепкинъ. „Жить для Щепкина — говорить С. Т. Аксаковъ — значило играть на театрѣ; играть — значило жить.“

Подобно многимъ другимъ даровитымъ личностямъ въ нашемъ отечествѣ, Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ былъ сыномъ крѣпостнаго, одного изъ дворовыхъ графа Волкенштейна, управлявшаго всѣми помѣстьями своего барина, и родился 6 ноября 1788 года, въ селѣ Красномъ, Курской губерніи, Оболонскаго уѣзда. Когда ему было семь лѣтъ, онъ впервые увидѣлъ на домашнемъ театрѣ графа Волкенштейна оперу „Новое Семейство“, и, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, такъ былъ пораженъ невиданнымъ зрѣлищемъ, что сталъ чуть не бредить театромъ съ этого времени. Отданный въ народное сужденское училище, впечатлительный и способный мальчикъ не переставалъ и здѣсь, среди ученья, пылать страстью къ театру, особенно послѣ того, когда ему удалось впервые самому участвовать въ пьесѣ Сумарокова „Вздорщица“. Изъ Суджи родитель перевезъ его въ Бѣлгородъ и поселилъ у священника, человѣка весьма умнаго, который преподавалъ ему Законъ Божій, церковную исторію и даже начала латинскаго языка. Тринадцати-

лѣтнимъ мальчикомъ онъ поступилъ прямо въ третій классъ губернскаго училища въ Курскѣ; черезъ какіе-нибудь два мѣсяца онъ догналъ товарищей и переведенъ былъ въ послѣдній, четвертый классъ. Превосходно занимаясь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ много читалъ, пользуясь книгами изъ бібліотеки поэта Богдановича, автора „Душеньки“, который вызвался руководить чтеніемъ Щепкина, увидавъ его впервые въ домѣ графа Волкенштейна. Страсть къ театру не угасала въ Щепкинѣ и поддерживалась знакомствомъ съ братьями Барсовыми, содержавшими частный театръ въ Курскѣ. Въ театрѣ этомъ Щепкинъ постепенно пріобрѣталъ нѣкоторыя познанія въ сценическомъ искусствѣ, и однажды, послѣ усиленныхъ просьбъ, былъ допущенъ къ исполненію роли Фирюлина въ пьесѣ Княжнина „Несчастье отъ кареты“, причѣмъ заслужилъ игрой одобреніе своего барина. Это было лѣтомъ 1803 года; тѣмъ же лѣтомъ гр. Волкенштейнъ опредѣлилъ его помощникомъ землемѣра, межевавшаго земли графа, и Щепкинъ прекрасно выполнилъ свое дѣло. Ему исполнилось 16 лѣтъ, когда онъ блестяще сдалъ выпускной экзаменъ и, по приказанію своего помѣщика, произнесъ пріветственную рѣчь почетному Харьковскаго университета, пріѣзжавшему открывать гимназію въ Курскѣ, преобразованную изъ губернскаго училища. Онъ такъ угодилъ директору, что тотъ послалъ съ нимъ благодарственное письмо къ гр. Волкенштейну, и помѣщикъ, довольный *Мишею*, какъ тогда называли Щепкина всѣ графскіе домашніе, позволилъ ему заниматься чѣмъ хочетъ. Не трудно угадать, что, при своей страсти къ театру, Щепкинъ тотчасъ поступилъ на сцену, пристроившись къ Барсовымъ, у которыхъ онъ сталъ домашнимъ человѣкомъ. Въ ноябрѣ 1805 года по болѣзни какого-то актера, онъ сыгралъ роль почтара въ одной драмѣ — и съ этого времени судьба его рѣшилась: Щепкинъ уже не сходилъ со сцены. Мы не станемъ, шагъ за шагомъ, слѣдить за его артистической карьерой, скажемъ только, что онъ безъ малаго двадцать лѣтъ велъ, какъ и большинство жрецовъ театральнаго искусства, вполнѣ кочевую жизнь. Игралъ онъ все, „что было необходимо для составленія спектаклей.“ Талантъ Щепкина, не смотря на условія далеко неблагоприятныя, росъ и развивался съ каждымъ годомъ. Во всей южной Россіи онъ уже пользовался такой извѣстностью, любовью и уваженіемъ, что въ 1818 году жители Полтавы съ Н. Г. Рѣвнинымъ во главѣ, устроивъ спектакль въ пользу Щепкина, выручили съ пожертвованными суммами около восьми тысячъ рублей, къ которымъ Рѣвнинъ прибавилъ двѣ тысячи слишкомъ, — и на вырученныя деньги выкупили артиста изъ крѣпостной зависимости. Въ 1822 году Щепкинъ дебютировалъ въ Москвѣ, сразу обворожилъ всѣхъ и былъ приглашенъ, съ 1823 года, въ московскую труппу служить по контракту, на амплуа первыхъ комиковъ. Въ это время директоромъ театровъ былъ Ѳ. Ѳ. Кокоткинъ, способствовавшій процвѣтанію драматическаго искусства на московской сценѣ. Онъ ввелъ Щепкина въ кругъ писателей и профессоровъ университета, которые, по собственному выраженію Щепкина, „научили его мыслить и глубоко понимать русское искусство.“ Въ 1825 г. Щепкинъ впервые дебютировалъ на Петербургской сценѣ, гдѣ также сдѣлался всеобщимъ фаворитомъ. Мало-помалу онъ перезнакомился со всѣми корифеями литературы. Пушкинъ относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и убѣждалъ Щепкина вести свои „Записки“. Промежутокъ времени 1825—1855 г.г. былъ самымъ блестящимъ періодомъ сценической дѣятельности Щепкина, у котораго репертуаръ былъ громадный. Помимо своей несравненной игры, Щепкинъ услаждалъ москвичей и мастерскимъ чтеніемъ гоголевскихъ произведеній на литературныхъ вечерахъ, которые онъ устраивалъ съ 1843 года. Въ 1855 году былъ задуманъ отиразднованъ пятидесятилѣтній юбилей его служенія русскому драматическому искусству. Послѣ этого Щепкинъ сталъ хворать и появляться на сценѣ все рѣже и рѣже, наконецъ, вынужденъ былъ и совѣтъ ее оставить. По совѣту врачей онъ уѣхалъ на южный берегъ Крыма и 11 августа 1863 года скончался въ Ялтѣ. По отзывамъ всѣхъ, сколько-нибудь знавшихъ Щепкина, онъ имѣлъ гибкій умъ, пылкое воображеніе и рѣдкой доброты сердце. Любя прекрасное, онъ и чувствовалъ и любилъ благородно; онъ питалъ истинное уваженіе къ знанію и любилъ просвѣщеніе.

П. БЫНОВЪ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

III.

Иринины затѣи.

Вечеромъ, по пріѣздѣ домой, и на другое утро Кириакъ много раздумывалъ о рѣчахъ Щебелькова.

„А и о немъ, рѣшилъ онъ, — тоже можно молвить, что самъ онъ про Марѳу скажетъ, что разумень-то онъ

разумень, да только не на новгородську статью. Про землю, вишь... землѣ, вишь, государство буде на руку. Аль умъ изъ Новагорода ушелъ, аль намъ земли, что она думаетъ, слушати? Аль... да не въ одночасе-же намъ все это дѣло вѣковѣчно порушить... И про бѣярьску гордыню опять... а то не гордость, что и

бояръ и городъ съ землей ровнять? У насъ де воли нѣтъ, и у города не будь?"

И затѣмъ, вникая глубже въ старикову мысль, Кириакъ много разъ повторялъ одни и тѣ же слова: „Вся Руссiя молъ... вся Руссiя...“ И вдругъ у него, изъ самой глубины сердечной вырвался отчаянный вопль и онъ про себя какъ-бы на крикъ закричалъ: „А Новгородъ-то куда-жь? Аль отжилъ онъ, ненадобентъ?“

И никакъ онъ не могъ придумать что-же будетъ съ Господиномъ Великимъ Новымгородомъ; всякій разъ, какъ ему казалось, что онъ вполне понимаетъ мысль Щебелькова о всей Руссiи, у него въ головѣ все верхъ дномъ становилось; точно подъ его мыслями земля разверзалась и онѣ стремглавъ падали въ бездну. И отъ такого сердечнаго волненія, Кириакъ вскакивалъ съ мѣста и начиналъ крупно шагать по горницѣ. Дорого-бы онъ далъ, чтобъ сейчасъ свести Луку съ Григорьемъ, а самому ихъ разговора послушать. Долго-бы промучился Кириакъ, если-бъ Ирина Мишанична не повернула его мыслей въ другую сторону.

— А и не расскажешь ты мнѣ, завела она рѣчь за завтракомъ, — каково тебѣ, Кириакъ Андреевичъ, на погостѣ у насъ полюбился?

Кириакъ отвѣчалъ, что очень полюбилось, и похвалилъ при томъ шитую полотняную фелонь.

— Такъ фелонь показала-же тебѣ? многозначительно переспросила Ирина Мишанична. — А дивное вѣдь шитье.

— И шитье хвалю, а усердье еще болѣе.

— Обѣдалъ-то у Щебелькова, знатъ?

— А не у ипого.

— А старико-тъ передъ тобою, гляди, сейчасъ и порасхвастался?

— Чѣмъ такимъ?

— А все онъ дѣдушку твоему покойному докладывалъ, что великаго молъ роду они, Щебельковы-те, боярскаго. Только что захудали да всѣхъ вотчинъ рѣшили: всего и осталась землушка его крохотная. А дѣдушка-то твой будто тому хвостанью его и вѣровалъ; сказывалъ мнѣ, что правда молъ это неложная.

Кириакъ почему-то эти слова твердо запомнились.

— Старуха сама, что-ль, угощала?

— Ни, больна вѣдь сдѣлалась.

— Охъ, ужъ эти зубы-те бѣдовья! съ соболѣзнованьемъ воскликнула Ирина Мишанична и даже прихватила за правую щеку. — А полавочниковъ да столешниковъ, сколь красно шиты, и не замѣтилъ, гляди.

Кириакъ дѣйствительно не замѣтилъ.

— Знамо, мужьской глазъ на эти дѣла наши женскія незамѣтливъ. А пожалѣть о томъ можно. Знатъ, медо-тъ, въ хозяйкино мѣсто, Соломонъ-же Григорьевна подносила?

— Она.

— Ну, и шитье ея-же.

— Како шитье?

— А вотъ столешникъ да полавочникъ. А и фелонь самъ-же ты — аль забылъ ужъ? — хвалилъ.

Кириакъ вдругъ припомнилась и фелонь, и его похвала, да видно кстати и взглядъ укоряющій за мать, и красота дѣвчья, и голосъ, какъ онъ звучалъ въ лѣсу, и даже золотыя кружечки запрыгали у него передъ глазами.

Ирина Мишанична, лукаво и украдкою взглянувъ на Кириака, съ довольнымъ лицомъ пребойко мотнула головой, и въ то-же время въ умѣ у себя точно узелокъ на память завязала. Въ этотъ день она больше о погостѣ не заговаривала, а на другой уже за обѣдомъ снова кое-что припомнила.

— А вотъ вчерась фелонь ты мнѣ, Кириакъ Андреевичъ, хвалилъ, а у дьякона уларь ¹⁾, знатъ, не въ примѣту тебѣ?

¹⁾ Уларь — орать.

— И то не доглядѣлъ.

— А ея же шитья усерднаго.

И вновь, какъ вчера, припомнилась Кириакъ Андреевичу Щебелькова дочь, а Ирина Мишанична по вчерашнему же поглядѣла на него. Тутъ онъ не утерпѣлъ, и рассказалъ Мишаничнѣ, какъ Соломонъ Григорьевна набѣжала на него въ лѣсу.

— Ишь ты! сказала Ирина, какъ будто услышала о чемъ-то необыкновенномъ, о чемъ требуется крѣпко подумать.

Канунъ Спаса Преображенія приходился въ воскресенье, а въ субботу Ирина Мишанична объявила боярину что собирается завтра къ обѣднѣ на погостъ.

— Въ воскресенье торгъ у насъ, знашъ; ну и сходка, вѣче-то наше деревенское у погоста. А мнѣ съ шабѣрками потолковать надо; съ кого долгишка получить, а кому и въ долгъ дать: дѣло житейское.

— Что-жь, поѣзжай.

— Я къ тому, что какъ Григорей ужъ всегда у дѣдушка твоего на этого Спаса обѣдывалъ; какъ въ монастырькѣ-то праздникъ у насъ...

— А звалъ ужъ я его, Кириакъ сказалъ.

— Ладно что звалъ. А и повторить можно... аль честь для него большѣ велика буде?

— Что жъ, и повторить можно, съ улыбкой отвѣчалъ Кириакъ. — Сказано: почти лице старче.

— И почтимъ. Честь-то его, хотъ и захудалую да все жъ боярску этимъ зовомъ повторительнымъ подсобнимъ малость, сказала Ирина, словно рѣчь шла о пирогахъ.

— Подсобни, подсобни, смѣясь подтвердилъ Кириакъ.

— Ладно-ко. Ужъ онъ меня отъ обѣдни къ себѣ зазоветъ, пирога ѣсть: хлѣбосоль вѣдь, честолубивъ старикъ. У насъ же завтра кстати и по приходу разговоръ особый.

— О чемъ такомъ?

— А, вишь ты, воздухи ¹⁾ строить собрались; какъ стары-те ветхѣ ужъ очунъ. И разговоръ о томъ.

— Дѣло доброе, похвалилъ Кириакъ.

— Ужъ худо-ли. А и дѣло-тъ у насъ затѣяно на большу руку. Сдумалось намъ не йны воздухи соорудить, а чтобъ противъ Юрьевскихъ какъ разъ былъ, чтѣ въ Юрьевѣ-то, у васъ въ Новгородѣ, во монастыри. Шемякина княгини ихъ, что-ль, строила какъ мужъ ея изъ Москвы побѣжалъ, да жилъ въ Новгородѣ.

Тутъ Ирина Мишанична немного помолчала, чтобъ и Кириакъ Андреевичъ могъ свое слово вставить. Коль вставить молъ, значить разговоръ для него занятенъ, и тѣмъ именно занятенъ, что услышитъ про Соломонъ Григорьевну.

— Вотъ какъ! удивился Кириакъ, зная сколь трудно вышить плащаницу противъ Юрьевской.

— У насъ и узоро-тъ ужъ достать, съ чего шить-то.

— Кто жъ узоро-тъ дѣлалъ?

— А Григорью другъ будетъ, въ чернецахъ у васъ же въ Новгородѣ, а въ которомъ монастырь не помню ужъ. А ученъ всему; такъ онъ и противень ²⁾ снѣлъ. Только нашо-тъ въ долину, скажутъ, вдвое почитай короче, и поуже тожь. А дивенъ узоро-тъ. Спаситель ровно вотъ на столѣ покойничекъ обмытъ, лежитъ, а и ангелы надъ нимъ съ рапиды, аль какъ ихъ звать не упомяну ужъ. Опять по каймѣ многи свѣты шиты.

— Не легкое дѣло таки воздухи шить, Кириакъ сказалъ, — и трудъ великъ, а мастерство надо не малое.

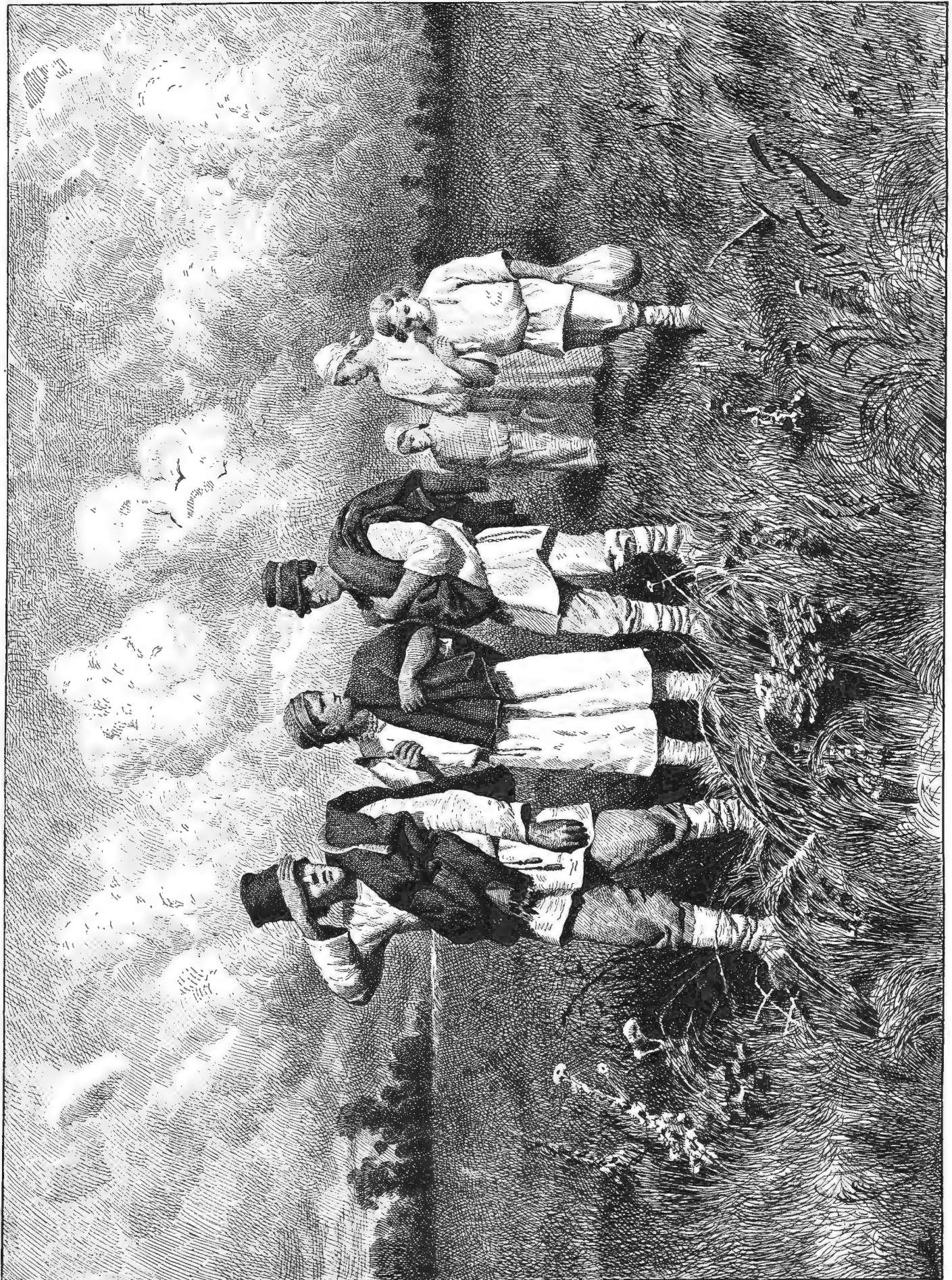
— А она-тъ, Соломонъ Григорьевна на чтѣ. Не руки — золото. Знамо, други дѣвчины помогутъ, да гдѣ имъ супротивъ нея — далеко, далече вѣдь. Только вотъ съ деньгами собьемся-ли; намъ хотъ попроще бы...

— Зачѣмъ попроще? А шелкъ, серебро да золото,

¹⁾ Воздухи — и въ нынѣшнемъ смыслѣ, и какъ здѣсь — плащаница.

²⁾ Противень — коня, снимокъ.

На жатву. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

Окрестности Св. Горь въ Харьковской губерні. Съ картины С. Васильковскаго. грав. М. Рапескій.

сколько надобно, мое данье: вашъ же я по дѣду прихожанинъ.

„Ишь, только про Соломонь, а и серебро и золото сейчасъ“, подумала Ирinya Мишанична, и велухъ промолвила:

— А за это твое, Кириакъ Андреевичъ, къ храму Божію усердице отъ Господа тебѣ воздаяніе.

Этотъ разговоръ за обѣдомъ былъ, а за ужиномъ спова вспомнила Ирinya Мишанична о воздухахъ.

— Не запомнать бы да не спутать мнѣ, Кириакъ Андреевичъ. Такъ серебро-тѣ да золото твое?

— А шелкъ забыла, зпать. Да стой: по голубой землѣ, помнится, Спаситель шить?

— Вѣрно что по голубой.

— А у матушки, кажись, есть тафты локтя съ два, остаточекъ.

— Ну, исполать же тебѣ, Кириакъ Андреевичъ! А намъ, зпать, только на койму черной тафты вымѣнять, да вотъ подкладъ да прикладъ еще. А съ міру по ниткѣ вѣдь. А сбьемся.

— А трудо-тѣ, Кириакъ сказалъ.

Про трудъ Ирinya Мишанична не спорила и при такомъ случаѣ расхвалила Соломонь Григорьевну не за одинъ трудъ.

„Только про нее, и тафта, гляди, оказалась“, думала Ирinya Мишанична отходя ко сну. „Зазнобила, зпать, наша лебедь бѣлая внука посадничья. А ладно что за ужиной ему напомнила. А ншто ему, пусть дѣвья ¹⁾ красота во сняхъ ему примечтается. Только что соно-тѣ праздничный, скажутъ, не дологъ. Ну, да...“

А что „ну, да“ и самой себѣ не сказала Ирinya.

На погостѣ Ирinya Мишанична не столько Богу молилася, сколько съ шаберками тараторила. Узнала она про всѣ дѣла ихнія, а имъ выхваливала Кириака Андреевича за его усердіе къ храму Божьему. Отъ обѣдни къ Щебельковымъ зашла, и какъ обѣдъ отошелъ, вздумала было старуху попытать на счетъ своего дѣла, но что-то не долго съ ней бесѣдовала. Выйди отъ старухи, она позвала къ себѣ Соломонь Григорьевну.

— Стой ты, дѣвья красота: слушай меня, сказала она, — а что яблоки у васъ въ семь году каковы родились?

Соломонь стала было объяснять, что еще не доспѣли за дождями, но Ирinya Мишанична не дала ей кончить.

— Стой ты, полно-ко тебѣ разговаривать, а веди ты меня яблоковъ смотрѣть.

Соломонь повела ее.

— А вотъ, тетенька, кажись спѣленько, сказала она.

— А не для-ради яблочнаго лакомства звала я тебя, а буде у насъ съ тобой подъ этой яблонью великъ разговоръ. Слушай ты, дѣвья красота, а становись противъ меня, а въ очи мнѣ прямо смотри, а отвѣтъ держи по совѣсти.

Ирinya Мишанична, взявъ Соломонь за руки, поставила ее противъ себя.

— А и пышная ты дѣвица, становитая, сказала она, любуясь дѣвушкой, — а хоть кому, такъ въ версту же. А ужъ ты, дѣвья красота, моему слову этому вѣрь, и сама я смолоду хороша жила: толко-тѣ знаю. А скажи-т-ко ты мнѣ: судумала-ль ты еще за-мужъ пойти?

— Что ты, что ты! застыдилась Соломонь Григорьевна.

— Охъ, и у тебя вижу повадка матушкина. Съ той вотъ промучалась, а что ни скажу, а она: „что-й-ты, да что-й-ты!“ И этакъ же, какъ ты, руками маше. Ну, да съ нея спросъ не великъ: зубъ ее окаланный съѣлъ, а и розумъ у нея, гляди, выѣлъ. А опричь тебя мнѣ, дѣвья красота, говорить не съ кѣмъ. Съ отцомъ-то твоимъ... Охъ, умень-то, умень, охъ! порато розумень твой батюшко, и про все-то и за всѣхъ думу судумаетъ: и за короля въ Литвѣ, и за князя въ Москвѣ, а и за

¹⁾ Дѣвья (отъ дѣва) — дѣвчья.

тоѣ, скажи, новгородско славно вѣчушко. Ну, а объ этакомъ дѣлѣ важномъ семейственномъ, — а хоть брось его. Ему вѣдь что галка прилетитъ, что женихъ набѣжитъ, одна статья.

Тутъ Ирinya Мишанична передохнула.

— Нашего-тѣ, Кириакушка-тѣ Андренча, гляди, запримѣтила? подмигнувъ спросила она.

Соломонь Григорьевна только рукой взмахнула, и повернувъ голову отъ Ирinya Мишаничны, стала глядѣть на яблочко.

— Охъ! въ лѣсѣ ты его еще, гляди, запримѣтила?

— Да нешто въ лѣсѣ онъ этта?.. начала было Соломонь Григорьевна, но Ирinya прервала ее.

— А не примѣтила, съ чего же ты, какъ чару подносить, а бы маковъ цвѣтъ вся заалѣлася?

— А тебѣ, тетенька, кто жь про то сказывалъ? со смущеніемъ и удивленіемъ спросила дѣвушка.

— Эва! размѣялась Ирinya Мишанична, — аль въ дѣвкахъ я не жила, на молодца не заглядывалась? Да не къ тому рѣчь. А и вспоминалось про него, гляди, и во сняхъ грезилось, а ужъ онъ-то про тебя съ разговорами ажъ надоѣлъ мнѣ. О всемъ-то про тебя спрашиваетъ.

Утверждая это, Ирinya Мишанична пи мало не думала что прилыгаетъ: ей нынче и вправду казалось, что не она, а самъ Кириакъ всѣ эти дни наводилъ разговоръ на Соломонь Григорьевну.

— А вѣдь не худъ женишокъ? подмигнувъ опять Ирinya спросила.

— Ой! что ты! съ великимъ испугомъ вскрикнула Соломонь.

— А ну, не кричи, а слушай, дѣвья красота, меня. А по-мыслу, нѣтъ-ли онъ тебѣ, сказывай.

Соломонь стояла, опустивъ глаза и тяжело дыша.

— А въ глаза гляди. Сватать вѣдь тебя собираюся.

Соломонь въ глаза ей не глядѣла и попрежнему по-нуро держала голову.

— Да скажи же: по-мыслу-ль, взявъ дѣвушку за руки, допытывалась Ирinya, — коль не по-мыслу, и дѣло мое—въ бросокъ.

— Ой, тетенька! всхлинула Соломонь Григорьевна и припавъ къ Ириньину плечу, заплакала.

Мишанична помолчала, дада ей время выплакаться.

— Слышь ты, дѣвья красота, таинственнымъ шепотомъ заговорила она, — а въ отца вѣдь онъ, а и вся-то порода ихъ влюбчивая. На мнѣ, знашь вѣдь, думалъ же... А не хуже ты меня, какъ я дѣвчѣной жила: вѣрь ты моему глазу неслестному.

Ирinya Мишаничнѣ показалося, будто Соломонь недовѣрчиво взглянула на нее.

— А не гляди на то, что сама-то я за посадничья сына мѣтила, а за ключника улучила. Тамо-тко отецъ былъ а строгъ старикъ, а тут-тко рѣдна матушка одна. А бабѣ дѣло, тако же какъ и мы съ тобой. А материнско сердце упресливое ¹⁾; поломаеся да й за образъ возьметя.

— Не смущай ты, не смущай меня! замахавъ руками вскрикнула Соломонь Григорьевна и отшатнулась отъ Ирinya, точно думая бѣжать отъ нея; однако не побѣжала.

— А ты не смущайся сама. Сама ты знашь, что женщина я живу розумная; не съ дуру же дѣло-то затѣяла. И ты розумъ въ головѣ держи, а на такую статью думать-то о немъ думай-ко, а не вовсе задумывайся. А помни еще что замужество Божимъ судомъ зовутъ. А Богу молись, на него надѣжу клади: безъ Бога ничего мы съ тобой не подѣлаемъ. Да ладно, пойдемъ-ко ужъ мы съ тобой въ избу-то. Домовъ мнѣ пора.

Пройдя полпути до избы, Ирinya остановилася.

— А слышь, дѣвья красота, ты въ Спасовъ день у меня безперемѣнно побывай.

¹⁾ Упресливое — кого упреслить легко.

— Да какъ же?
 — А какъ и допрежь сего ѣживала.
 — Батюшко возьметъ-ли?
 — А захоти, такъ и вѣзьме. А я ему сама еще прикажу. Ты только меня слушайся. А что накажу, дѣлай-ко. А ужъ я научу: разума-тъ у меня и не на тако дѣло хватить.

IV.

Спасовъ день на Хутынѣ.

Въ Спасовъ день, честнаго Его Преображенія, въ Хутынскомъ монастырѣ въ соборѣ престоль. Чуть не весь Новгородъ туда устремился. Дивно было глядѣть какъ отъ побережья отчаливала лодья за лодьей; всѣ лодьи изукрашенныя. Гребцы и кормицки красно были одѣты, особенно на боярскихъ лодьяхъ. Ну, и пародушко тоже не ударилъ лицомъ въ грязь: всѣ принарядились въ лучшее цвѣтное платье. Вѣтеръ отъ озера дулъ, а въ Хутынѣ спопутный. Лодьи, распустивъ бѣлополотныя паруса, другъ дружку обгоняли, что твое стадо лебединое. Не мало пароду и пѣши шло изъ усердья богомольнаго. Съ Торговой стороны, кто жилъ подалше отъ берега, тѣ на коняхъ ѣхали; въ ихъ числѣ и Лука Аввакумовичъ.

Народу, такимъ образомъ, нашло и наѣхало видимо-невидимо. А гдѣ народъ, тутъ и торгъ. О томъ сколько народу было, можно по тому судить, что купцы на что жиловаты, вѣкъ свой плачутся, что въ убытокъ продаютъ, а и они сегодня жаловаться устыдились, и шѣли хвалы Святому Варламу Хутынскому, что хорошъ торгъ послалъ. Пные, правда, покрякивали, что коли-бъ знатъе моль, такъ привезли бы вдвое товару да и тѣмъ бы вѣрно расторговались.

У Славковскихъ уличанъ въ этотъ день была братчина, спасовщина. Пашкѣ съ ними же былъ. Только ему праздникъ казался не въ праздникъ. Онъ съ того и пошелъ съ уличанами, что сидѣть дома было бы еще тошнѣй. Такія дѣла въ послѣднее время съ нимъ творились, что паренъ не умѣлъ о нихъ разсудить, и думая только руками разводилъ. На крѣпости онъ сидѣлъ не долго. Василей-сермяжникъ сдержалъ свое слово, и на другое же утро сбѣгалъ къ честной вдовѣ посадничей. Та приказала ему сходить къ степенному тысяцкому, и ея именемъ печаловаться за Пашка, а къ посаднику степенному съ тѣмъ же послала внука. На третій день, оба степенные, сидя у Владыки въ сѣняхъ, у доклада, разговорились о Пашковомъ дѣлѣ.

— А псковичей-те обидѣть нельзя, сказалъ тысяцкій.

— Коли же! посадникъ отвѣчалъ, и подумавъ прибавилъ: — А ни Марѣы, по новѣшимъ временамъ.

— Нельзя же, подхватилъ тысяцкій, забирая въ крѣпкій кулакъ свою бороду лопатой.

— А Пашка-тъ испробадимъ ¹⁾, еще подумавъ, сказалъ посадникъ.

— Ну?

— А въ двухъ рубляхъ.

— И то жирно псковскому рылу-ту, замѣтилъ тысяцкій.

— А рубль мой, а рубль твой, смѣясь сказалъ Оома Андреевичъ.

— Мой-то псковской знать; къ тебѣ вѣдь внука слала, посмѣялся и тысяцкій.

И тутъ же, скликнувъ бирича, степенные приказали выпустить Пашка. Пашкѣ это поразило. „То схватили, то выпустили“, думалъ онъ, и никакъ не могъ понять ни за что схватили, ни за что выпустили.

Арбузевъ узнавъ, что Пашко столь дешево отдѣлался, взбѣленился; черезчуръ ужъ онъ надѣялся что Пашка въ конецъ погубилъ—и вдругъ такая обидя! Первымъ дѣломъ пожалѣвъ, что задаромъ отдалъ гнѣдаго коня, Василей Селифонтьевичъ бросился ругать Лазаря.

¹⁾ Испродать — оштрафовать.

— Аль я его, Пашка-тъ, на крѣпость не засадилъ? оправдываясь, сказалъ судья.

— А чорта-ли засадилъ, коли выпустили.

— А ты, Василей Селифонтьевичъ, чорта-тъ не брани, усовѣщевая его судья сказалъ, — пригодится не равно, а бабу ругай. Съѣзди-ко къ тетускѣ своей крестовенькой. Мнѣ-ко староста кончанскій сказывалъ: „не безъ нея моль“.

Арбузевъ не хотѣлъ ѣхать къ бабушкѣ своей крестовенькой, и сталъ судѣй доказывать, что онъ долженъ отдать назадъ гнѣдаго коня.

— А на коня купца ѣ, отвѣчалъ судья ухмыляясь кошачьимъ ртомъ и по-кошачьи же обтирая уста лапкой. — А поле же я Мордкѣ дамъ, а ты наймыта съ Пашкомъ битъся готовъ.

— И коня плуту, а и овсеца подлецу, а тутъ еще и наймыта триклятому! разсвирѣпѣлъ Арбузевъ. — Да ты меня, Иродъ анаемскій, по міру пустить, что-ль, вздумалъ?

— А хоть ругательство твое ко мнѣ и полное, вѣжливо доложилъ судья, — да я то, памятуя милостивое твое ко мнѣ одолженіе, не сержусь вѣдь. А еще и совѣтушкомъ тебя порадою.

— Ну?

— А Мордкѣ накажи чтобъ хромалъ до поля по усердїе. А еще и на костылекъ ему, Василей Селифонтьевичъ, разорись.

Этимъ костылькомъ сильно обидѣлъ судья Арбузева; чуть было тотъ ему въ бороду не плюнулъ. Одно у Василія Селифонтьевича осталось приобѣжище — Буянъ, и вѣрный паробокъ, какъ всегда, успокоилъ своего господаря.

— А и Пашко-тъ не страшень цуль.

— А что?

— А оглумъ взяла его; вовсе вѣдь, Василей Селифонтьевичъ, оглумѣлъ онъ.

— Да нѣшто онъ копь, Пашко-то твой, что оглумѣть смогъ?

— А коль оглумъ его взяла, такъ и въ копя мѣсто сталъ. Совѣмъ вѣдь потерялся; не живой, скажи. А ты въ мирѣ его на время оставь, Мордкѣ въ судъ не приказывай, — а съ того, вѣрь ты моему слову нелестному, още пуще потеряется.

Буянъ вышелъ пророкомъ. Какъ въ назначенный день, Пашкѣ сталъ передъ уличанскимъ судьей, Мордки въ гридницѣ не оказалось. Уличана не могли понять, къ чему бы оно; самъ мудрый Василей-отвѣтчикъ въ тупикъ сталъ. Что Арбузевъ судъ затѣялъ, въ томъ никто не сомнѣвался; съ чего жъ онъ теперь-то попятился? Пашко, сколько ни думалъ, не могъ того рѣшить. И тѣ казалось ему будто Арбузевъ на него замышляетъ что-нибудь новое, позлѣе прежняго; тѣ что Маврушенька померла, или Василей Селифонтьевичъ никогда и не краль ее. А не краль, такъ гдѣ жъ она? И что такое съ нимъ самимъ творится, никакъ ужъ Пашкѣ не могъ понять.

Оттого-то онъ и въ Хутынѣ не весель шелъ. А въ Хутынѣ скучать некогда было. Послѣ обѣдни мало кто отправился домой. Тутъ обѣдь, а у Славчанъ и братчина къ тому жъ, а по обѣдѣ надо и на торгу потолкаться, и былинъ послушать, и каликъ не миновать; вдобавокъ слухъ прошелъ, что передъ вечернями будетъ скоромошья игра, и играть-то станеть не иная артель, а того славнаго атамана Терептьюшка. Значить, ужъ отмолясь, послѣ вечерни, приходилось плыть домой.

Славковскіе уличана послѣ братскаго обѣда, бродили гурьбой по полю вокругъ монастыря. Пашко не давалъ нигдѣ по долгу застаиваться, ничего послушать порядкомъ. „А чего вы тутъ не видали, аль не слышали?“ спрашивалъ онъ, и шелъ дальше. Наскучивъ такой торопливостью, большинство отстало отъ Пашка; съ нимъ ходили немногіе, самые искренніе его друзья.

И тѣмъ наконецъ наскучило его безцѣльное шатанье.

— А стой ты, Пашкó, а истомилъ вѣдь всѣхъ насъ, сказалъ Василей - сермяжникъ, — а куда спѣшишь и самъ, гляди, не знашь.

— Я-то знаю, Пашко отвѣчалъ, шагая впередъ.

— Аль ищешь кого?

— А дѣдъ ё, былинки сказывать.

— А мало-ль ихъ тутъ гуслировъ-те, а ты же мимо всѣхъ.

— Не ты сказываютъ, котора мнѣ надобна. А и рѣдкій ту, мою-то, перенялъ.

— Чтò за былинка така? Аль хóроша въ особину?

— А хороша, нѣтъ-ли, только мнѣ, по моей, значить, мысли повѣшней надобна.

Подивились уличана: „чуденъ де Пашкó“; однако слѣдомъ за нимъ потинулися. Жалѣли тоже парня, что сталъ онъ какъ бы самъ не свой.

— А вотъ и онъ! радостно, увидѣвъ искомага дѣда, вскричалъ Пашко.—А здраствуешь, дѣдушко.

— А здравъ буди, внученушко. А чтò скажешь, прикажешь оцѣ?

— А тебѣ вѣдь былинку сказывать.

— Не пожалѣй поминка, буде тѣ и былинка.

— Не пожалѣю ужъ, только мою, котора мнѣ надобна, сказывай.

— А котора-жъ твоя буде?

— А про Прокофьюшка со Смольняпиномъ.

— Эку вздумалъ! А и забылъ я ее, поди; давно не сказывалъ.

— Серебряной денежки не пожалѣю, только удружи.

— А забылъ дѣдушка, не вспомнить-ли денежка, отвѣчалъ старикъ и слѣдомъ сталъ гусли строить на веселый ладъ, на разымчивый.

Тѣмъ временемъ и Лука Аввакумовичъ къ старику подошелъ. Любилъ онъ потолкаться межъ народомъ, рѣчей послушать, мѣткое слово на лету подхватить. Какъ во всемъ, и въ пародной рѣчи любилъ Лука Великий Новгородъ. Услыхавъ какую былинку парень заказалъ, Лука остался послушать.

Сказатель, тѣмъ временемъ, наладилъ гусли, и сталъ сказывать:

Какъ у насъ де было, во Новгородѣ,
У Ивана Предтечи на Опокахъ,
На широкомъ дворѣшѣ Петригинѣ,
На тоѣмъ-ли на славномъ торговищѣ,
Что у тѣхъ-ли вѣсовъ, у воцаныхъ,—
Нѣ два кречета тутъ да вылѣгивали,
Двое молодцовъ ихъ да погуливали!
А одно-тъ на имя Прокофьюшко,
А и другій словеть онъ Смольняпиномъ.
А гуляючись добры-те молодцы,
Что желтыми кудерки потрѣхиваютъ,
Молодыхъ-те робятъ призадариваютъ,
А тоѣ вѣдь робя новгородское,
Молодое оно, бездомовное;
А и лихима заманки заманиваютъ:
„Ой-же вы, господó новгородское!
„А довольно вамъ ё лежебочничать,
„А и полно-ко вамъ доможировать ¹⁾,
„А пойдёмъ-ко на Волгу на матушку,
„На ширóку рѣку на раздольную,
„На раздольную рѣчушку вольную.
„А и станемъ по Волгѣ повольничать,
„А учнемъ-ка по вольной ушкуйничать.
„А кто хочеть ёсть-нить на готовое,
„На готовое да не на кúлленое,
„А валитесь ко мнѣ ко Прокофьюшкѣ,
„Ко тому-ли оцѣ ко Смольняпину,
„А на двою-тъ Прокофьевъ на широкій,
„А на улицу славну Рогатицу,
„А во тотъ во конецъ было Плотницкій.“

* * *

А и тутъ гольтѣба новгородская,
Молодое робя бездомовное,
Ужъ какъ было оно да догадливое,
А оцѣ вѣдь оно прихóдливое,
А и ёсть-то вѣдь нить на готовое...

¹⁾ Жирѣть ничего не дѣлая, сидя дома.

Тутъ старикъ, забывъ чтò дальше сказывать, научилъ схитрить, вздумалъ пошутить надъ Славчанами.

— А небось, сказалъ, — и вы-бы такъ вотъ сманился.

— Ну, важно Василей сермяжникъ отвѣчалъ, — въ своихъ домахъ тоже живемъ.

Старикъ, припомнивъ чтò сказывать, не сталъ спорить съ Васильемъ, а дальше свое сказанье повелъ:

А валилось къ нему ко Прокофьюшкѣ
Молодое робя бездомовное,
Не со мало къ Прокофью валилося,
Не со много къ удалу Смольняпину,
А какъ стало всего вѣдь двѣ тысячи.
Ужъ какъ тутъ-то робя новгородское
Становило Прокофья въ атáманы,
А Смольняпинъ, онъ шель въ податáманьё.

— Эка сила-то навалилася! съ восторгомъ Пашкó вскричалъ.—А съ ними всего-бы добился.

Старикъ не безъ удивленья взглянулъ на Пашка, и опять сталъ сказывать.

Онъ сказывалъ какъ ушкуйники подплыли подъ Кострому; какъ на нихъ вышелъ изъ города московскій намѣстникъ Плещей, и какъ Плещею пришлось „плеща показать“ ¹⁾, хотя у него войска было вдвое противъ новгородскаго.

— Ай да Плещей, и плеща показалъ! посмѣялись ребята.

Какъ увидѣли славны ушкуйнички,
Новгородски удалы повольнички,
Что стоитъ крѣпкій городо-тъ Кдстрома,
Безо всякой-то онъ заборóнушки,—
А шли они тутъ да во Кдстрому,
Стали въ Костромѣ да опочивъ держать,
Опочиво-тъ держать да и пиръ пировать.
А гуляли денѣчекъ до вечера,
А и другій денекó-тъ прогуливали,
А и третій денѣкъ до полуночи.
Простояли тутъ цѣлу недѣлюшку,
Драгоценны товары пограбили,
А и брали товары-те легкíе,
А и лёгки товары, все ёмкíе.
А и будутъ которы тяжелые,
Тѣ тяжелы товары, излишние
Во глубокую ту Волгу помѣгивали.
А что брать-то вѣдь взять не приходится,
То кидали въ огонь да пускали на дымъ,
Да пускали на дымъ: не возитьси-же съ нимъ.
А сядилися тутъ во насадушки
Что во тѣ-ль ушки новгородскíе,
А и силыли по Волгѣ по матушкѣ
А подъ тотъ было городо-тъ Нижнний.
А и Нижнний Новгородъ пограбили,
Набирали полоны великíе,
А пускали на дымъ Нижнний Новгородъ.
А и силыли по Волгѣ по матушкѣ.
А и плыли коротко-ли, долго-ли,
Выгребали подъ эти подъ Болгары,
Подъ тотъ городо-тъ царевó-тъ богатый.
Продавали крестьянски полонушки
Тѣмъ поганымъ кунцамъ бесерменскимъ.
А крестьянскихъ тѣхъ душъ не жалѣючи,
На тѣ слезы крестьянски не гляючи.
А и жепъ разлучали тутъ отъ-мужей;
Отымали тѣхъ малыхъ дѣтушекъ,
Этихъ дѣтушекъ, малыхъ ребятушекъ
Что отъ тѣхъ отъ родителей-матушекъ
Да отъ этихъ кормильцевъ, отъ батюшковъ.

— А это бны худо ужъ, Пашкó сказалъ.—А и грѣхъ великъ.

— За это-бы и въ Волхово! Губанъ рѣшилъ.

Посадились теиерь во насадушки,
Во ты ушки новгородскíе.
Хорошо ушки изукрашены,
А и всѣхъ ушекъ до семидесятí.
А и силыли по Волгѣ по матушкѣ,
А и плыли коротко-ли, долго-ли,
Выгребали къ рѣчному ко устьюцу,
Ко тому-ли ко синему морюшку,
А ко славну-то морю Хвалынскому,
А и зрѣли тутъ городо-тъ невѣдомый,
А и будутъ подъ крѣпкимъ подъ городомъ,
Подъ невѣдомой той Асторóханью...

¹⁾ Показать плеща—тылъ показать.

Смерть генераль-майора Слѣпцова (10 декабря 1851 г.).

Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Р. Штейна, грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

— Вотъ такъ слыли! изумился Губанъ.
— Аль далече? Василей освѣдомился.
— И-и! старикъ отвѣчалъ, и рукой махнулъ: „лучше моль и не довѣдывайся!“

Подъ невѣдомой той Астордоханью,
А складали весельишки липовый,
А бросали тѣ сходенки волжаный,
А сходили-ко тутъ на крутой бережокъ,
На крутой бережокъ, на желтой на песокъ.

Астороханьскій князь перелестливый,
А на имя Салтей онъ Салтеевичъ,
Заводилъ-ко на нихъ да почѣстенъ пиръ,
А и почестные-тъ столъ-столованьице,
А и ѣствушка ставилъ сахарный,
А и питица ставилъ медвѣный,
А оцѣ и вишицо то сладкое.
Ужь какъ славны удали ушкуйнички,
Молодое роби новгородское,
А и веѣ на пиру наѣдалися,
А и веѣ на пиру напивалися
А по подстольѣ веѣ завалилися.
Тутъ княжицо тое астордоханьско,
Онъ лукавый Салтей, перелестливый,
Призывалъ своихъ мурзей, улановой,
Приказалъ онъ рубить буйны головы,
Тѣ головушки буйны, убянсливы...

— А и этого Салтея тоже въ Волхово! будучи нынѣ въ осудительномъ духѣ, рѣшилъ Губанъ.

Порубилъ онъ ихъ веѣ до единия,
Не оставилъ удалыхъ на сѣмена.
И тутъ этимъ храбрымъ ушкуйничкамъ,
А поютъ добрымъ молодцамъ славушку,
А и славу поютъ, а и честь воздаютъ,
А и старымъ людямъ на утѣшенье,
Добрымъ молодцамъ, вамъ на послѣшанье,
Сию морюшку вѣдь на утѣшенье,
Тому славному морю Хвалынскому.

Какъ скончалъ сказатель, веѣ помолчали, точно желая удостовѣриться, что дальше ужъ сказывать нечего.

— А за слезы-те материньски, что воть дѣтей крестьянскихъ въ полонъ продавали, и покаралъ ихъ Господь, раздумчиво Пашко сказалъ. Иноу та же былина теперь Пашку показала, — а она-же, не другая, и его самого въ поволие сманила.

— А за грабежъ оцѣ, что крестьянъ грабили, съ особой суровостью добавилъ Губанъ.

Пашка это слово ровно въ сердцѣ кольнуло. Онъ вскинулъ очи на Губана и что-то сказать хотѣлъ, да такъ съ полукрытымъ ртомъ и замеръ. „А и меня, за некоей-же грабежъ...“ пришло ему въ голову.

Старикъ, чтобъ ребятамъ веселѣй было расплачиваться, вздумалъ ихъ посмѣшить припѣвочкой.

А и князь-государь въ каменнѣй Москвѣ,
Во Новгородѣ Вѣчный колоколъ;
А и князевъ-то дворъ на Горѣднѣ,
Въ Неревскомъ вѣдь концѣ Маренинъ чѣдещъ дворъ;
А и скупо-тъ живѣ Юрьи Репеховъ,
А шедры уличана-те Славчана:

Посулили-ко дѣдушку денежку,
Эту денежку вѣву серебряну,—
А и миѣ старичку на обновочки
На дырвы на эти на лапотки,
Да на новы оцѣ на заплатки.
Придѣвусь я, старъ, во обновушки,
А пойду ко своей ко зазубушки,
Прибунусь оцѣ въ драпы лапотки,
А пойду ко своей милой лапушкѣ,
Анъ дѣвчина слѣпа не признаетъ старика,
Не признаетъ старика, понаметъ миѣ бога.

Тутъ старикъ, подпавъ глаза, кивнулъ на Пашка.

— А денежка-тъ моя гдѣ-же? шутливо-жалобнымъ голосомъ заплакалъ онъ. — Аль она погубилася, въ Волгу укатилася?

А Пашко стоитъ не слышитъ, въ кручиноватомъ раздумьѣ о Божьемъ наказаньи. Ребята ужъ его раскликали.

— Бери, бери, вотъ старинушка, твоя денежка, опомнися Пашко сказалъ. — А еще прими мое спасибошко сердечное, добавилъ онъ растроганнымъ голосомъ.

Услыхавъ, что уличана парня Пашкомъ кличуть, Лука Аввакумовичъ поближе къ нимъ подошелъ.

— Да ты со Славковой Пашко? Аль Иваньковичъ будешь? спросилъ онъ.

— Коли-же нѣтъ, Лука Аввакумовичъ.

— А меня почему-жъ знаешь?..

— Эва! А „въ князѣхъ-те?“ Пашко отвѣчалъ. И слѣдомъ, снявъ шапку, здоровался съ бояриномъ.

И уличана, признавъ Луку, заломали-же шапки. Поблагодаривъ Славчанъ за память, бояринъ отозвалъ Пашка въ сторону. Тутъ у нихъ про Маврушеньку разговоръ пошелъ. Разказалъ Пашко про судъ и про свое на крѣпости сидѣнье, и Лука, выругавъ за то Арбузьева, разказалъ какъ неудачно выпытывалъ у него про дѣвушку.

— Да найдемъ-же! увѣренно прибавилъ бояринъ.

— Аль у него, думаешь? и радостно, и недовѣрчиво вскричалъ Пашко.

— А пердѣ ей болѣе быть. Не хотѣлъ я понѣ, хоть и звалъ онъ меня въ волость свою подгороднюю, — ну, да ради тебя поѣду-же. А узнаю что, завтра за тобой нарочнаго пришло. А и самъ ты ко миѣ понавѣдайся: посоветуемъ. Ничего, крѣпись, Пашко, Бого-тъ не безъ милости.

Это слово послѣднее, какъ давече Губаново, кольнуло Пашка прямо въ сердце. Смутно у него на душѣ стало. „Миѣ-ль на милость-то Господню надѣяться, коли...“

И мысль, что пока онъ не отмолитъ стараго грѣха, не вполнѣ покается въ грабежѣ, до тѣхъ поръ его Господь не помилуетъ, до того растревожила парня, что даже слезы у него изъ глазъ выступили.

Сколько ни уговаривали уличана Пашка идти съ ними скоморошью игру смотрѣть, онъ отказался неотрѣзъ:

— А я къ лодѣ пойду; тамот-ко сосну, васъ дождаючи, сказалъ онъ.

(Продолженіе будетъ).

Исторія одного таланта.

Повѣсть Н. Станицаго (автора романа *Три страны сна*).

(Окончаніе).

Придя обѣдать къ Катеринѣ Михайловнѣ, я ей разказалъ свою встрѣчу съ теноромъ.

— Какая вамъ судьба въ своихъ прежнихъ знакомыхъ встрѣчать потомъ артистовъ! сказала Катерина Михайловна. — Я помню, какъ вы восхищались въ Миланѣ этимъ Петруччо и даже говорили миѣ, что, можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ я буду нѣтъ вмѣстѣ съ нимъ на сценѣ.

— Къ несчастію, мои пророчества наполовину исполнились, произнесъ я и объявилъ, что далъ слово тенору привезти его къ ней.

— Это зачѣмъ? воскликнула она недовольнымъ тономъ. Я насильно упрямилъ ее принять тенора. Миѣ хотѣлось ввести хоть какое-нибудь развлеченіе въ ея однообразную жизнь.

— Хорошо, сказала Катерина Михайловна. — Я приду вашего тенора завтра, но вы, какъ знаете, такъ и устранивайте, чтобъ этимъ визитомъ и покончилось наше знакомство.

— На него пріятно смотрѣть, такъ онъ изящно красивъ,

простодушенъ, какъ ребенокъ! распылся я въ похвалахъ тенору. — Вѣрю вамъ. Вѣроятно, какъ ребенокъ, не развитъ и совершенно не образованъ, проговорила улыбаясь Катерина Михайловна.

— Гдѣ же ему было получить образованіе! По онъ настолько отполировался, что вполнѣ приличенъ... Весело на него смотрѣть, такъ онъ доволенъ своей судьбой, а это такъ рѣдко можно встрѣтить въ наше время, сказалъ я и, чтобъ умиловить Катерину Михайловну, передалъ ей что говорилъ о ней тенору. Но она приняла это очень холодно.

На другой день теноръ явился ко миѣ даже ранѣе назначеннаго часа и долженъ былъ съ полчаса сидѣть одинъ и ждать моего возвращенія домой. Когда мы сѣли въ карету, я увидѣлъ большой букетъ цвѣтовъ. Я догадался, кому онъ предвзначался. Зная застѣчивость Катерины Михайловны, которая нисколько не уменьшилась въ ней съ лѣтами, я пожалѣлъ, что тенору пришло въ голову заставить букетомъ.

Но теноръ произвелъ хорошее впечатлѣніе на Катерину Михайловну своею изящною фигурой, мелодичнымъ голосомъ и искреннимъ уваженіемъ, съ какимъ онъ поднесъ ей букетъ, говоря по-итальянски.

— Въ Миланѣ я такъ былъ бѣденъ, что только могъ завидовать тѣмъ, кто могъ осыпать васъ цвѣтами.

Онъ рассказывалъ Катеринѣ Михайловнѣ о своемъ первомъ дебютѣ, о своемъ всегдашнемъ желаніи, какъ только началъ готовиться на сцену, получить ангажементъ въ Петербургъ. Онъ просидѣлъ довольно долго для перваго визита. Прощаясь, подалъ ложу Катеринѣ Михайловнѣ, прося ее пріѣхать въ оперу вечеромъ, чтобъ послушать его. Она отказывалась отъ ложи, но теноръ умолялъ ее и какъ-то по-дѣтски погрязилъ ей, что до тѣхъ поръ не выйдетъ на сцену, пока она не исполнитъ его желаніе. Я тоже сталъ уговаривать Катерину Михайловну ѣхать вечеромъ въ оперу. Она уступила, и теноръ отъ радости прицелкнулъ, присвистнулъ и сдѣлалъ па, какое дѣлаютъ бродячіе по улицамъ итальянскіе мальчики.

Катерину Михайловну эта выходка разсмѣшила. По уходѣ тенора, Катерина Михайловна сказала мнѣ:

— Вашъ любимецъ такъ же съумѣлъ выпросить мое согласіе ѣхать въ оперу, какъ мои дѣти это дѣлаютъ, когда имъ чего-нибудь хочется.

Я былъ доволенъ, что первый визитъ тенора сошелъ благополучно и спросилъ ее:

— Не правда-ли, онъ очень милъ?

— Мнѣ больше всего нравится въ немъ то, что онъ не стыдится своего прошлаго, отвѣтила мнѣ Катерина Михайловна.

Дуниша пришла въ ужасъ, узнавъ, что ея барышня поѣдетъ въ оперу, дѣти тоже надулись, всемъ было дико, что Катерина Михайловна проведетъ вечеръ не дома. Дѣти такъ прощались съ ней, точно она уѣзжала въ дальнюю дорогу.

Давали „Фауста“, ложа у насъ была во второмъ ярусѣ, боковая. Я сдѣлалъ за Катериной Михайловной и замѣтилъ, что она измѣнилась въ лицѣ, когда заиграли увертюру. Занавѣсь поднялась и она вздрогнула отъ шумныхъ аплодисментовъ тенору, который глядѣлъ на нашу ложу. Голосъ у него былъ свѣжій, необыкновенно пріятный. Очень эффектно вышла сцена превращенія изъ старика въ молодого: онъ поразительно былъ красивъ.

Катерина Михайловна сидѣла неподвижно, блѣдная, весь актъ. Я было обращался къ ней раза два съ вопросомъ о тенорѣ, но она ничего мнѣ не отвѣтила, а какъ только опустился занавѣсь, встала и проговорила:

— Мнѣ очень душно!

Я отвелъ ее въ фойе, усадилъ у окна, далъ ей лимонаду и предложилъ ей уѣхать домой, если она чувствуетъ себя нехорошо.

— Пѣтъ, прошло. Я отвѣтила отъ свѣта, оркестра и шума, отвѣтила она: — закружилась голова.

— Какъ вы нашли голосъ и пѣніе Петручіо?

— Признаюсь вамъ, я хорошенько не вслушалась въ его пѣніе: у меня шумѣло въ ушахъ, не хорошо мнѣ было; разныя воспоминанія нахлынули.

Послѣ втораго акта Катерина Михайловна сама заговорила о тенорѣ:

— Голосъ у него отличный, только онъ плохо знаетъ музыку, да и не бережетъ своего голоса, очень форсируетъ; впрочемъ, все эти недостатки поправимы, если бъ онъ посерьезнѣе занялся бы съ хорошимъ профессоромъ.

Я отправился въ уборную къ тенору, который, завидя меня, спросилъ, какъшла его пѣніе и игру Катерина Михайловна. Я, разумеется, отвѣтилъ, что она очень довольна осталась и тѣмъ, и другимъ.

— Я сегодня для нея одной пою, публика для меня не существуетъ, сказалъ теноръ.

Онъ говорилъ правду, со сцены онъ постоянно смотрѣлъ на нашу ложу, такъ что многія дамы стали дорниривать Катерину Михайловну; по счастью, она такъ была углублена въ музыку и пѣніе, что не замѣтила этого, а также не обратила вниманія на взгляды тенора, который, подходя къ рампѣ при вызовахъ, прежде всего кланялся Катеринѣ Михайловнѣ, а потомъ откланивался публикѣ. Она, впрочемъ, полагала, что это отнеслось ко мнѣ, какъ его старому знакомому.

Когда мы сидѣли за чаемъ послѣ оперы, выраженіе лица Катерины Михайловны напомнило мнѣ Миланъ, какъ она, бывало, возвращаясь послѣ спектакля, сидѣла въ той же позѣ за чаемъ и съ такимъ же задумчиво-утомленнымъ лицомъ.

— Вы не рассказываете, что поѣхали въ оперу? спросилъ я ее.

— Пѣтъ, я даже довольна, что вы меня заставили ѣхать въ оперу. Я боялась, что гораздо тяжелѣе она подѣйствуетъ на меня; но оказалось, что я только въ первую минуту почувствовала сильное сожалѣніе о потерѣ своего голоса, о моихъ несбывшихся плахахъ, а потомъ я какъ-то освѣжилась.

— А все-таки вы имѣете видъ очень утомленный.

— Физическая усталость ничего не значить, отвѣтила Катерина Михайловна и стала говорить объ оперѣ и ея исполнителяхъ, и мы долго засидѣлись.

Прощаясь, я ей сказалъ:

— Вотъ бы вы сдѣлали доброе дѣло, еслибъ взяли исправитъ недостатки въ пѣніи Петручіо.

— Чѣмъ за дикая фантазія пришла вамъ въ голову? съ удивленіемъ отвѣтила Катерина Михайловна.—Ему слѣдуетъ обратиться къ настоящему хорошему профессору.

— А мнѣ кажется, что вы больше могли бы принести ему пользы. Вы такъ основательно знаете музыку, что смѣло можете конкурировать со многими профессорами пѣнія, да еще въ придачу сами были артисткой: вы дадите ему настоящее понятие о сценическомъ искусствѣ. Онъ человѣкъ неразвитой, необразованный, а вы можете приохотить его къ серьезному чтенію. Онъ на васъ чуть не молится, сказала я.

Катерина Михайловна пожала плечами и улыбалась отвѣчала мнѣ:

— Вы, положительнo, влюблены въ своего Петручіо! Можете сами заняться его развитіемъ и образованіемъ. Да и онъ, мнѣ кажется, такъ доволенъ, что поетъ, какъ птичка божья, и публика довольна его пѣніемъ, ну и прекрасно!

На другой день, когда я пришелъ къ обѣду, Катерина Михайловна встрѣтила меня строгимъ выговоромъ.

— Вы должно быть съ ума сошли! Я думала, что вы вчера пофантазировали только насчетъ моихъ занятій съ вашимъ любимцемъ, а онъ утромъ явился ко мнѣ съ кучей русскихъ романсовъ, чтобъ я выбрала ему и разучила ихъ съ нимъ для какого-то благотворительнаго концерта. Все это очень глупо съ вашей стороны.

— Вы сами знаете, что у меня утромъ столько было занятій, что я минуты не имѣлъ свободной, чтобъ видѣться съ нимъ, отвѣчалъ я.

— Странно! произнесла Катерина Михайловна.

— Да чѣмъ-же дѣло окончилось?

— Взялась, такъ онъ надобѣлъ мнѣ своимъ упрашиваніемъ.

Теперь мнѣ это почему-то вдругъ не понравилось.

— Поздравляю съ ученикомъ! холодно сказалъ я.

— Мое преподаваніе ограничится двумя романсами, съ твердостью произнесла Катерина Михайловна.

Уроки начались и Катерина Михайловна много билась съ ученикомъ, чтобъ онъ хорошо выговаривалъ по-русски.

— Я не ожидала, чтобъ онъ такъ плохо знаетъ музыку, сказала она мнѣ.—По слуху поетъ; только итальянцы могутъ такъ пѣть, потому что съ ранняго дѣтства у нихъ развивается вѣрный слухъ и изумительная музыкальная память.

Разъ явился ко мнѣ теноръ очень мрачный и завелъ рѣчь о воспитанникахъ Катерины Михайловны, которыхъ наконецъ увидалъ, такъ какъ каждый день являлся на урокъ къ ней.

Я рассказалъ ему обстоятельно, какъ очутились на ея рукахъ трое сиротъ, даже показалъ документы. Теноръ въ восторгѣ воскликнулъ.

— Да это святая женщина! на нее молиться надо!.. Одного не могу постичь, почему она не вышла замужъ до сихъ поръ?

— Это ужъ спросите у ней самой, отвѣтилъ я.

— Не можетъ быть, чтобъ въ такую женщину не были влюблены множество мужчинъ, допытывался теноръ, желая вѣроглядно разгадать почему Катерина Михайловна осталась одинокою.— Вѣроятно, она скоро выйдетъ замужъ, рѣшилъ онъ.

— Она считаетъ себя уже старухой.

Теноръ разсмѣялся и сказалъ:

— Еслибъ ей было 40 лѣтъ—и тогда-бы въ нее влюбился и женился-бы на ней.

Мнѣ теперь уже вовсе не нравилась такая восторженность въ тенорѣ къ его учительницѣ.

Мы были въ томъ концертѣ, когда теноръ пѣлъ русскіе романсы и такой произвелъ фуроръ, что его заставили повторить раза по два; Катерина Михайловна разучила съ нимъ нѣсколько романсовъ и онъ пропѣлъ ихъ когда его заставляли повторять.

Я поздравилъ Катерину Михайловну съ торжествомъ ея ученика, которого чуть не на рукахъ вывели изъ концертнаго зала и усадили въ карету.

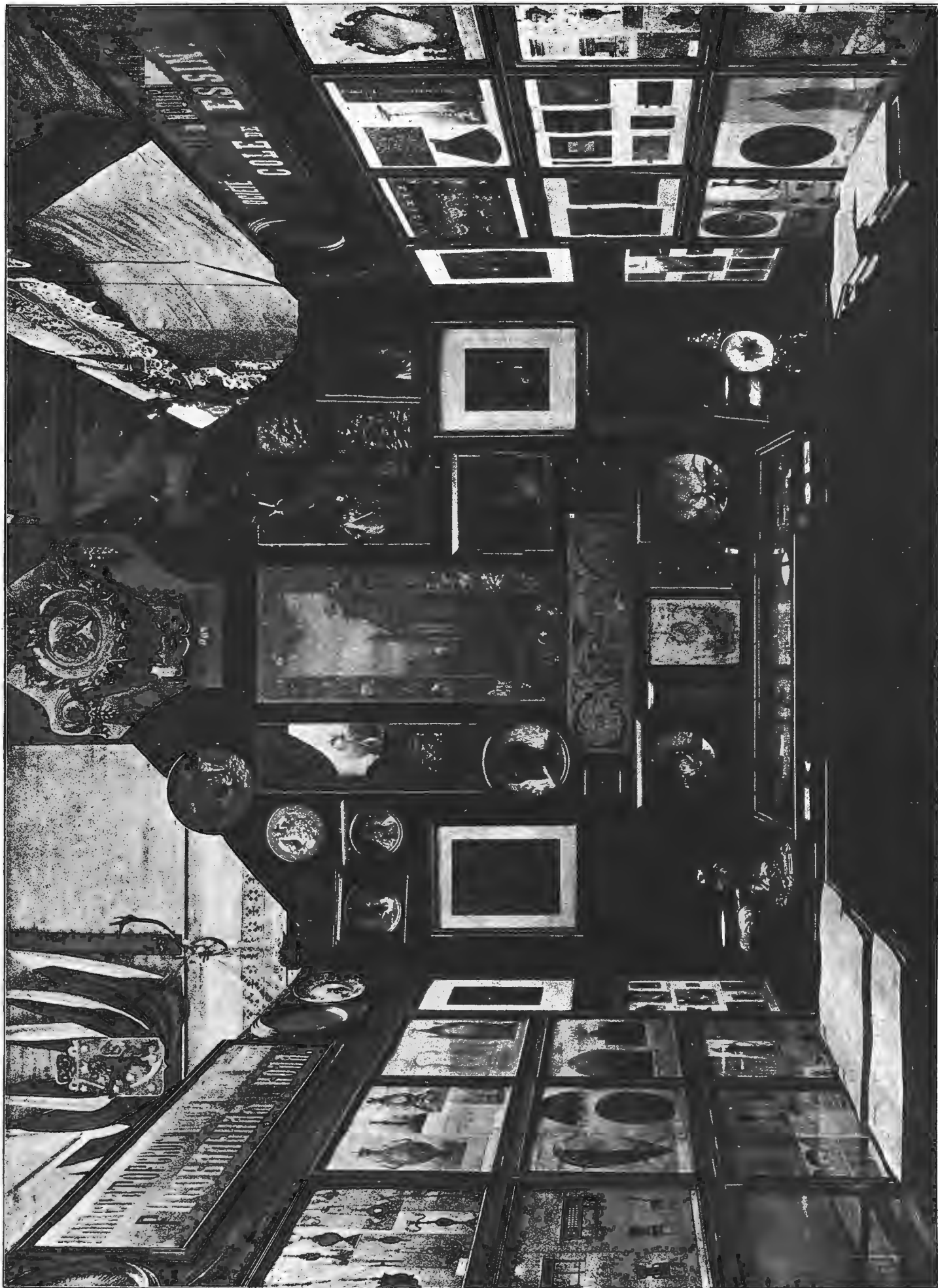
Вечеромъ онъ явился къ Катеринѣ Михайловнѣ съ великолепнымъ букетомъ и поднесъ его своей учительницѣ, а дѣти привезъ три коробки дорогихъ конфетъ. Онъ былъ необыкновенно веселъ, нясничалъ, пѣлъ, плясалъ, какъ уличные итальянцы мальчики, необычайно вѣрно изображалъ разбитымъ голосомъ пѣніе шарманщика. Мы до унаду смѣялись, даже Дуниша за что-то косо смотрѣвшая на ученика своей барышни, усмѣхалась; впрочемъ, она радовалась смотря на смѣющихся дѣтей.

Не знаю, какъ это устроилось, но уроки не прекратились, напротивъ они стали серьезнѣе, потому что она занялась со своимъ ученикомъ разучиваніемъ партитуры Раули. Теноръ въ свой бенефисъ взялъ „Гугеноты“.

Катерина Михайловна замѣтно оживилась, съ большимъ интересомъ относилась къ урокамъ пѣнія, бывала въ оперѣ; мы сидѣли въ ложѣ для артистовъ, и теноръ въ костюмѣ въ промежуткахъ заходилъ посидѣть съ нами.

Я замѣтилъ, что Дуниша точно озлобилась; она вообще не отличалась вѣжливостью, но тутъ сдѣлалась необыкновенно груба. Я не могъ понять, чѣмъ съ ней дѣлается. Наконецъ она высказалась: Катерина Михайловна запоздываетъ къ обѣду по случаю ренетій „Гугенотовъ“.

— Долго еще этотъ шарманщикъ будетъ шляться къ намъ?

Русскій отдѣлъ на Копенгагенской выставкѣ. Рисовальная школа Имп. Общества поощренія художествъ. Съ фотогр. грав. Ангереръ.

Русский отдѣлъ на Коленгагенской выставкѣ. Строгановское училище технического рисования въ Москвѣ. Съ фотогр. грав. Ангереръ.

обратилась она ко мнѣ.—Къ чему это вы привели его къ намъ? Не видите, что-ли, что дѣлается у насъ.

— Что за чепуху вы городите, Дуляша! замѣтилъ я ей.

— Чепуху горожу! въ азартѣ вскрикнула она, — въ театрѣ чуть не спитъ, все забыла, только слушаетъ, какъ шарманщикъ мучкаетъ!.. Все въ виноваты! и Дуляша залилась слезами.

Я сдѣлалъ видъ, что мнѣ смѣшны страхи Дуляши и выразилъ ей, что она суется не въ свое дѣло; однако меня точно кольнула ея слова. Мнѣ первый разъ пришло въ голову, какъ легко можетъ увлечь такой красивый, да еще пѣвецъ всякую женщину. Можетъ быть Катерина Михайловна пока еще не серьезно увлеклась имъ, но дальнѣйшее ихъ знакомство можетъ развить въ ней привязанность, которая будетъ для нея большимъ несчастьемъ, потому что между ними слишкомъ рѣзкая разница въ образованіи, да и въ лѣтахъ. Но опять мнѣ казалось, что это нехорошо, что у Катерины Михайловны слишкомъ много здравого смысла, чтобы она дозволила себѣ увлекаться одной красивой наружностью человека.

Я все-таки сталъ наблюдать за ней и къ своей радости не нашелъ никакихъ признаковъ увлеченія въ Катеринѣ Михайловнѣ своимъ ученикомъ, да и съ его стороны я ничего не замѣтилъ, кромѣ болѣе благоговѣнія къ ея музыкальному знанію и какъ къ женщинѣ, которая высоко стояла въ его глазахъ по своему уму, образованію и пачитанности. Одно, что я открылъ въ Катеринѣ Михайловнѣ—она точно помолодѣла. Я находилъ въ нерѣшимости предупредить-ли мнѣ Катерину Михайловну объ опасности; я боялся оскорбить ее и порѣшилъ, что она просто увлеклась своими музыкальными занятіями.

Я не буду описывать всѣхъ пенетровыхъ овацій, какія получили теноръ въ свой бенефисъ. Благодаря трудамъ Катерины Михайловны, роль Рауля онъ исполнилъ замѣчательно хорошо. Ему поднесли цѣлый ворохъ букетовъ и вѣнковъ и много цѣнныхъ подарковъ. Только въ Россіи такіе щедрые подарки подносятъ иностраннымъ артистамъ.

И Катерина Михайловна были приглашены на ужинъ къ бенефицианту. Когда мы взбирались по лѣстницѣ его квартиры, масса его обожательницъ стояла снизу доверху. Тутъ были очень молоденькія барышни и очень пожилыя дамы; одна дѣвица, смотря на Катерину Михайловну, даже воскликнула: „Вотъ счастливица!“ По завистливымъ взглядамъ и перешептываніемъ между собой поклонницъ тенора, когда мы шли по лѣстницѣ, видно было, что многія изъ нихъ знали его учительницу. За нами въ дверь хотѣла войти толпа женщинъ, которая стояла на площадкѣ, но лакей, пустивъ насъ, безцеремонно почти вытолкнулъ двухъ пожилыхъ дамъ, воровавшихся за нами и кричавшихъ: „Карточки мы пришли просить“.

Къ огорченію поклонницъ, ожидавшихъ на лѣстницѣ возвращенія домой тенора, онъ не дождался его, потому что онъ, во избѣжаніе встрѣчи съ ними, пробрался домой по черному ходу. Догадавшись о его хитрости, его обожательницы стали осаждали входную дверь, безпрерывно звони и требовъ фотографическихъ карточекъ тенора, который велѣлъ лакею вынести на лѣстницу цѣлую пачку своихъ карточекъ. Я пошелъ посмотреть на эту раздачу. Лакей чуть не сбился съ ногъ, такъ на него набросились дамы; вырывали у него карточки изъ рукъ, а у нихъ тоже вырывали другія дамы; поднялся крикъ, перебранка и дѣло чуть не доходило до драки. Одна хилая барышня по своему убожеству не смѣла рѣшиться на борьбу, а забравшись на окно, молила оттуда жалобнымъ голосомъ лакея, чтобы онъ далъ ей карточку; но лишь только онъ протягивалъ къ ней карточку, ее перехватывали. Я жалился надъ бѣдливкой, принесъ букетъ изъ комнаты и перебросилъ къ ней, сказавъ:

— Онъ вамъ велѣлъ отдать.

Барышня успѣла поймать букетъ, но на нее какъ фурии набросились другія женщины и выгнъ у бѣдной, героически защищавшейся, остался одинъ остовъ букета: всѣ цвѣты были сорваны. Она истерически зарыдала. Я успѣлъ уйти съ очень несчастнымъ мнѣніемъ объ этихъ дамахъ, которыя могутъ доходить до такого бснованія въ проявленіи своихъ восторговъ къ итальянскимъ пѣвцамъ. Догадливый лакей выпроводилъ съ лѣстницы толпу только тѣмъ, что велѣлъ погасить газъ.

Въ то время, какъ я смотрѣлъ на эту правильную осаду дверей тенора, онъ очень искусно украсилъ кресло вышками и букетами и усадилъ за столъ свою учительницу, говоря, что всѣ эти вѣнки и букеты принадлежатъ ей, потому что онъ никогда-бы не могъ выполнить роль Рауля безъ ея помощи, съ чѣмъ я и вполнѣ былъ согласенъ. Теноръ угостилъ насъ великолѣпнымъ ужиномъ и въ такомъ былъ упоеніи отъ счастья, что часто повторялъ:

— Сегодня самый счастливый день въ моей жизни!

Онъ все уранивалъ насъ посидѣть.

— Я все равно не засну сегодня! Я такъ счастливъ, что вы у меня.

Я невольно вспомнилъ печальный ужинъ въ бенефисъ Катерины Михайловны и мнѣ стало безконечно жаль, что вся ея жизнь шла шиворотъ-навыворотъ.

Мы очень поздно уѣхали отъ тенора, который хотѣлъ про-

водить насъ домой; мы насилу отговорили его отъ этой глупости.

Желаю отблагодарить свою учительницу, онъ привезъ ей на другой день корзину цвѣтовъ и тамъ лежалъ дорогой браслетъ, на которомъ внутри было вырѣзано чисто и годъ его бенефиса. Но, къ его огорченію, Катерина Михайловна приняла отъ ученика одну корзину цвѣтовъ. Теноръ не забылъ и дѣтей, онъ сдѣлалъ имъ отличные подарки: дорогой акваріумъ, много книгъ съ рисунками и конфетъ, не забылъ и Дуляшу, которой уходи далъ 25 рублей, но она ихъ не приняла, а проворчала: „Лучше-бы сдѣлалъ подарокъ, если-бы не ходилъ къ намъ“.

— Чтѣ онъ говоритъ? обратился теноръ ко мнѣ, удивленный отказомъ Дуляши принять его щедрый подарокъ.

— Благодаритъ васъ, но у нея правило такое: ни отъ кого не принимать денегъ даромъ.

— Странная объ... проговорилъ съ неудовольствіемъ теноръ, выходя изъ дверей.

Къ моему удивленію, уроки не прекратились и послѣ бенефиса, а Дуляша съ нѣмымъ укоромъ смотрѣла на меня всякій разъ, когда я являлся къ обѣду и заставлялъ тенора у Катерины Михайловны. Я вовсе не приходилъ отъ этого въ такое мрачное настроеніе, какъ Дуляша, но тоже призадумывался: чѣмъ-же это можетъ кончиться? Для меня уже ясно стало, что теноръ снова влюбился въ Катерину Михайловну, но она не замѣчала этого, совершенно была спокойна въ его присутствіи, считала его за юношу и не разъ говорила мнѣ:

— Точно ребенокъ, способенъ расплакаться, если я откажусь прѣхать въ театръ, когда онъ поетъ.

— Избаловали вы его! сухо замѣчалъ я ей.

— Кажется, что такъ; мы оба грѣшны въ этомъ.. А замѣтили, что онъ сдѣлалъ большіе успѣхи? Если-бы онъ не такъ старался, у меня терпѣнія не хватило-бы съ нимъ заниматься, спокойно говорила Катерина Михайловна, и я умолялъ...

Разъ мы сидѣли за обѣдомъ, Катеринѣ Михайловнѣ подали письмо; она съ удивленіемъ сказала:

— Отъ кого это можетъ быть?

Она ни съ кѣмъ не была въ перепискѣ, но когда распечатала его и прочла нѣсколько строкъ, то измѣнилась въ лицѣ, быстро встала изъ-за стола, проговоривъ:

— Кончайте обѣдъ безъ меня! и ушла въ свою комнату; даже дѣти замѣтили, какъ она поблѣднѣла.

Мы докопчили обѣдъ безъ нея; дѣти ушли въ свою комнату, а я остался въ столовой, мучасъ разгадкой, отъ кого могла она получить письмо, которое такъ ее встревожило; пакетъ лежалъ на столѣ и адресъ былъ написанъ по-русски и женскою рукой.

Она позвала меня къ себѣ и прямо подала мнѣ письмо; у ней дрожала рука и голосъ былъ полонъ слезъ, когда она произнесла:

— Прочтите!

Пока я читалъ, она сидѣла, закрывъ лицо руками. Письмо было анонимное, наполненное самыхъ грязныхъ клеветъ на нее: тутъ были прилетены дѣти, которыхъ она будто-бы выдаетъ за чужихъ; упоминался и я въ весьма нелицеприятномъ для нея смыслѣ. Письмо заканчивалось угрозами, что, если она не перестанетъ завлекать съ низменными цѣлями тенора, то публично разоблачатъ ея жизнь.

Я услышалъ тихія рыданія Катерины Михайловны, которая не отрывала своихъ рукъ отъ лица.

— Чтѣ съ вами? сказала я ей, стараясь придать своему голосу спокойный тонъ,—развѣ можно огорчаться анонимными письмами какой-то сумасшедшей женщины? Если-бы видѣли какъ я, чтѣ дѣлать на лѣстницѣ въ день бенефиса Петруччіо, какъ бсновались его поклонницы, васъ не удивило-бы такое письмо. Разорвите его, а если еще получите, чтѣ очень вѣроятно, то не распечатывайте ихъ рвите.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ я глупа, что расплакалась! сказала Катерина Михайловна, вытирая слезы.

Я разорвалъ письмо на мелкіе кусочки. Мы оба лгали, будто-бы равнодушно отпеслись къ анонимному письму, и старались вести посторонній разговоръ, даже избѣгая упоминать о тенорѣ.

Я ушелъ отъ Катерины Михайловны въ крайне смутномъ состояніи духа. Какая-то повязка падала у меня съ глазъ, что-то разверзлось передо мною.. Бѣдная, бѣдная барышня изъ Горюшекъ!.. Вся жизнь ея, съ самой встрѣчи нашей на Порошинскомъ мосту, проходила у меня въ головѣ, пока я шелъ домой, выбирая наиболѣе дальній путь и самыя малолюдныя улицы. Мнѣ хотѣлось уединиться чтобы привести въ порядокъ свои мысли и ощущенія, которыя метались во мнѣ подобно стаѣ вступнутыхъ птицъ... Чѣмъ? Неужели этимъ письмомъ?—какой вздоръ! Не самъ-ли я сейчасъ такъ толково убѣждалъ ее не придавать ему ни малѣйшаго значенія?..

Я упорно гналъ отъ себя назойливый вопросъ и принимался перебирать въ умѣ всю жизнь барышни изъ Горюшекъ. Мнѣ становилось ясно, что высокія дарованія совмѣстимы только съ младенчески чистою душой. Истинный художникъ, великая артистка—это дѣти, дѣти всю жизнь, довѣрчивыя, великодушныя и слабыя дѣти, которыхъ надо лелѣять, оберегать отъ слишкомъ грубыхъ прикосновеній дѣйствительной жизни, чтобы

сохранить ихъ божественный даръ... А то-ли мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Какъ проходить ихъ жизнь? Пока дарованіе не обнаружилось во всемъ своемъ лучезарномъ блескѣ, ослѣпляющемъ даже близорукихъ, — его игнорируютъ, гонятъ и топчутъ, какъ-бы инстинктивно чуя превосходство и завистливо стараются заглушить; а разъ оно проявилось—кто только не кидается эксплуатировать его, хотя-бы съ самыми безкорыстными цѣлями, какъ этотъ жалкій Сивцовъ, не говоря уже о пахалахъ, которые кишатъ вокругъ всякой восходящей звѣзды, поджидая той или другой добычи?.. Вотъ хоть-бы этотъ итальянскій проходимецъ, бывший *лакэй*... Я особенно подчеркнул въ мысляхъ это послѣднее слово и вдругъ почувствовалъ, что кровь заливаетъ мнѣ щеки краскою стыда... Боже мой, что-же это? За что я его оскорбляю? Уже не ревную-ли я?.. Съ какого права?

Я даже засмѣялся, но такимъ дѣланнымъ смѣхомъ, что встрѣшій проходій приостановился на минутку и подозрительно посмотрѣлъ мнѣ вслѣдъ... И тутъ повязка окончательно спала съ моихъ глазъ, я какъ-то весь съежился, и не поднимая головы, сѣдѣлъ только домой...

Я понималъ, что всегда любилъ и ревновалъ мою барышню изъ Горухетъ, ревновалъ съ первой встрѣчи, почти не зная ее, даже къ Размотову, даже къ Сивцову, котораго самъ-же упрекалъ въ ревности... Любилъ даже разставаясь на годы... А теперь... теперь мое рѣшеніе было принято. Что мнѣ смущаться тѣмъ, что гдѣ-то, въ дали ея прошлаго, была какая-то *неземная* (я опять съ удовольствіемъ мысленно подчеркивалъ это слово) привязанность? Развѣ это любовь? Развѣ это то могучее чувство которое обращаетъ статуя въ Галатею?.. Нѣтъ, она не жила еще моя Галатея, ей помѣшали добрые люди. Завтра пойду къ ней и если она не откажется принять опору моей руки, эта рука сумѣетъ устранить всѣ терніи на жизненномъ ея пути... Я-то по крайней мѣрѣ никогда ужъ не обижу ее.

На этомъ я кончаю свой рассказъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ мы обвиняны съ Катериной Михайловной, а такъ какъ нѣтъ ничего смѣшнѣе счастливыхъ мужей, говорятъ, то я и не распространяюсь о своемъ благополучіи. За то Дуниша просто ликуетъ, и дѣти наполняютъ домъ веселымъ щебетаньемъ.

К О Н Е Ц Ъ .

Русскій отдѣлъ на Копенгагенской выставкѣ.

(Рис. на стр. 844 и 845).

Всѣ столицы Европы и другіе большіе города непрерывно другъ передъ другомъ стараются устроить у себя какъ-нибудь всемирную или международную выставку. Не проходитъ года, чтобы такихъ выставокъ не было то въ той, то въ другой странѣ. Иногда ихъ бываетъ даже по двѣ, по три въ одно и то же время. На нынѣшній разъ очередь дошла между прочимъ и до Копенгагена, гдѣ теперь устроена собственно Скандинавская выставка, но съ особымъ отдѣленіемъ и для другихъ странъ. Изъ большихъ иностранныхъ государствъ на призы Даніи тотчасъ откликнулись Россія, Франція, Англія и Італія; затѣмъ, съ восшествіемъ на престолъ покойнаго императора Фридриха III, къ нимъ прибавилась и Германія, не смотря на свою спеціальную выставку въ Мюнхенѣ; Австрія же совсѣмъ отказалась отъ участія, въ виду своей собственной выставки въ Вѣнѣ. Иностраннымъ экспонентамъ назначалось въ Копенгагенѣ не болѣе какъ по 800 кв. метровъ на каждую національность; при этомъ въ ихъ отдѣлы допускались исключительно художественно-промышленные предметы, отличающіеся изяществомъ своихъ формъ и украшеній, и лишь наша Финляндія, наравнѣ со Скандинавскими государствами, т. е. съ Даніей, Швеціей и Норвегіей, могла доставить, кромѣ того, и чисто художественныя произведенія—по части живописи, скульптуры и архитектуры. Но издѣлія финляндской промышленности отошли все-таки къ русскимъ производствамъ, заимъ впрочемъ въ нашемъ отдѣлѣ почему-то особое мѣсто, равное приблизительно одной десятой всего пространства, отведеннаго остальной Россіи. Дѣлами по устройству собственно русскаго отдѣла завѣдывала Высочайше учрежденная коммисія по участию Россіи въ Копенгагенской выставкѣ. Она была образована при Министерствѣ Финансовъ, съ предѣлительствомъ вице-директора Департамента Торговли и Мануфактуръ В. П. Тимирязева, изъ представителей отъ разныхъ учреждений, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ искусству или промышленности; комиссары-же на выставку были назначены: по собственно русскимъ губерніямъ—камергеръ П. И. Глуховской, по Финляндскимъ губ.—архитекторъ К. Я. Аренсбергъ. Для удобства, всѣ русскіе экспоненты были раздѣлены на четыре главныя группы: 1) Императорскіе и казенныя заводы и фабрики (какъ-то: мозаичное отдѣленіе Академіи Художествъ; фарфоровый и стеклянный заводы; гранитныя фабрики въ Петергофѣ, Екатеринбургѣ и Козьмани; Монетный дворъ, Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, Кусинскій и Златоустовскій горные заводы); 2) художественно-промышленныя школы (напр.: Рисовальная школа Императорскаго Общества поощренія художествъ, Центральныя училища технического рисованія гр. Строганова въ Москвѣ и бар. Штиглица въ Петербургѣ, школы кружевницъ и женскихъ рукодѣлій); 3) разныя частныя заводы, фабрики и мастерскія по ихъ спеціальностямъ; 4) кустари (въ томъ числѣ Кавказскаго и Туркестанскаго края). Сообразно съ этимъ дѣленіемъ, распредѣлены были и мѣста на самой выставкѣ, гдѣ Россіи была отмежована въ общей галлерей длинная полоса, состоявшая изъ трехъ отдѣловъ. Изъ нихъ, въ среднемъ, въ самомъ центрѣ, помѣстились издѣлія Императорскихъ и казенныхъ заводовъ и фабрикъ, окруженныя работами нашихъ лучшихъ частныхъ фабрикантовъ по части фарфора и фаянса (Корниловъ и Кузнецовъ), стекла и хрусталя (Нечаевъ-Мальцовъ), серебра и золота съ эмалью (Грачевъ, Овчинниковъ, Хлѣбниковъ, Чивилевъ), искусственныхъ цвѣтовъ (г-жа Попова), бронзы (Генрихсенъ) и проч. Затѣмъ, въ правомъ отъ главнаго входа отдѣленіи размѣстились со своими произведеніями остальные фабриканты по части бронзы и желѣза (Штаге, Верфель, Винклеръ), мебели (Ловитовъ, Мельтцеръ, Шмидтъ), разныхъ тканей — ситцевъ (Барановъ, Даниловская мануфактура), шерстяныхъ матерій (Жирардовская мануфактура), нарчей (Сажожиновъ), бархатовъ (Цюндель); литографскаго дѣла (Ильинъ, Штадлеръ и Патинотъ) и

проч., не считая множества мелкихъ экспонентовъ; далѣе шли кустари, примыкая къ той стѣнѣ, въишняя сторона которой была украшена деревяннымъ рѣзнымъ фасадомъ въ стилѣ старыхъ архангельскихъ и олонецкихъ построекъ, сооруженныхъ по проекту нашего извѣстнаго архитектора; И. П. Ронета артелью плотниковъ съ биржи г. Ратькова-Рожнова, доставившаго даровой лѣсъ для этого зданія. Наконецъ, въ лѣвомъ отдѣленіи заняли мѣсто художественно-промышленныя школы: съ одной стороны — Рисовальная школа Общества поощренія художествъ и Строгановское училище техническаго рисованія, съ другой — Штиглицевское училище. Между экспонатами послѣдняго преобладали не столько ученическія работы, состоявшія изъ росписныхъ изразцевъ для камина и изъ нѣсколькихъ десятковъ блюдовъ и тарелокъ, акварелей и рисунковъ карандашомъ и перомъ съ натуры, гравюръ и композицій, — сколько издѣлія, изготовленные, по заказамъ, въ другихъ мастерскихъ—гончарныхъ, литейныхъ и иныхъ, правда по ученическимъ же рисункамъ; напр. громадная ваза съ бронзовыми украшениями, подсвѣчники и канделябры, рѣзной бютъ и проч., посреди исполненныхъ самимъ профессоромъ, для курса исторіи искусства, образцовъ разныхъ стилей, а также фотолитографированныхъ Штадлеромъ и Патинотомъ снимковъ съ византийскихъ и русскихъ древностей изъ разныхъ изданій. Здѣсь мы ограничились воспроизведеніемъ только тѣхъ щитовъ русскаго школьнаго отдѣла на Копенгагенской выставкѣ, гдѣ были размѣщены дѣйствительно произведенія учениковъ двухъ большихъ рисовальныхъ школъ—Петербургской и Московской, и сообщимъ хотя краткія свѣдѣнія о послѣднихъ, въ виду предстоящаго 50-лѣтія первой и исполнившагося 25-ти-лѣтія второй. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что, кромѣ представленныхъ нами здѣсь щитовъ и столовъ съ разными ученическими работами, по части живописи декоративной и на фарфорѣ, лѣпленія изъ воску, гравированія на деревѣ, рѣзбы и выжиганія по дереву, выжиганія и писанія по кожѣ, акварели съ натуры и сочиненія рисунковъ (изъ Петербургской школы) и по части разныхъ майоликовыхъ издѣлій въ русскомъ и восточномъ вкусѣ, лѣпленія орнаментовъ съ натуры, сочиненія рисунковъ по ткацкому, набивному, рѣзному и литейному дѣлу (изъ Московской), Императорское Общество поощренія художествъ выставило еще, въ среднемъ проходѣ русскаго школьнаго отдѣла, вертящуюся витрину. Здѣсь было собрано нѣсколько сотъ вышнеленныхъ учениками и ученицами Рисовальной школы образцовъ гравированія на деревѣ, сочиненія рисунковъ по всевозможнымъ отраслямъ художественной промышленности, между прочимъ: электрическія лампы и передъ-иконныя лампы—по заказу Государя Императора; металлическія блюда для поднесенія хлѣба и соли Его Величеству отъ Дагестанской области и нефритовыя—по заказу Петергофской гранитной фабрики; желѣзныя ворота и изразцовыя печи, перелеты и заглавные листы для изданія „Дума за душой“ — по заказу Е. И. В. Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской; диванъ — по заказу Е. И. В. Евгеніи Максимиліановны герцога Лейхтенбергскаго; часы—по заказу камергера Нечаева-Мальцова и проч.; наконецъ, акварели съ натуры, въ томъ числѣ съ предметовъ русскаго и восточнаго производства изъ богатѣйшаго музея принадлежащаго Обществу, для вновь предпринятаго имъ изданія подъ заглавіемъ „Сборникъ художественно-промышленныхъ рисунковъ, издаваемый съ Высочайшаго соизволенія на средства Министерства Финансовъ“. На стѣнѣ, при входѣ въ тотъ-же отдѣлъ, рядомъ съ произведеніями Гельсингфорскихъ художественныхъ школъ, Обществомъ выставлены разноложенныя вѣромъ лучшіе хромотографированные листы изъ его изданій, какъ: „Русскій народный орнаментъ“ съ текстомъ В. Стасова (1872), „Русскій орнаментъ“ и „Искусство Средней Азіи“ съ текстомъ Н. Симакова (1882), только что на-

званный „Сборник“. А Строгановское училище, помимо выше-названныхъ ученическихъ работъ специальныхъ классовъ, представило еще образцы послѣдовательнаго преподаванія и нѣсколько экземпляровъ своихъ изданій, которыя и выложены на столахъ въ томъ же отдѣлѣ.

Что касается историческихъ данныхъ о названныхъ двухъ учрежденіяхъ, то Императорское Общество поощренія художествъ было основано нѣсколькими частными любителями въ Петербургѣ еще въ 1820 г. подъ названіемъ „Общества поощренія художниковъ“, для оказанія поддержки молодымъ начинающимъ художникамъ и для ознакомленія публики съ новыми художественными произведениями путемъ выставокъ и изданій. Принятое затѣмъ подъ Высочайшее покровительство Императоромъ Александромъ I въ 1822 г. и Николаемъ I въ 1826 г., оно стало получать правительственную субсидію сперва въ 5000 р., потомъ въ 10,000 р. изъ Кабинета Его Величества. На его счетъ были отправлены пенсионерами за границу извѣстнѣйшіе русскіе художники — братья Брюлловы, Ивановъ и иные, по Россіи — братья Чернецовы и др.; его средствами пользовались почти всѣ выдающіеся художники, воспитанники Императорской Академіи Художествъ; оно завело одно изъ первыхъ въ Россіи литографскихъ заведеній и издавало одинъ изъ первыхъ русскихъ художественныхъ журналовъ. Въ 1833 г. былъ Высочайше утвержденъ первый уставъ Общества, въ 1857 г. — нѣсколько измѣненный и дополненный, наконецъ въ 1882 г. — совершенно новый, съ оставленіемъ Обществу еще новыхъ правъ и съ наименованіемъ его „Императорскимъ“.

Состоящая при немъ Рисовальная школа для вольноприходящихъ, основанная министромъ финансовъ Канкриномъ въ 1839 г. и предназначенная къ закрытію въ 1857 г., поступила въ его вѣдѣніе по Высочайшему повелѣнію въ 1858 г., съ назначеніемъ на ея содержаніе суммы сперва въ 4,000 р., затѣмъ въ 7,000 р. До 1868 г. она была чѣмъ-то въ родѣ подготовительнаго заведенія въ Академію Художествъ и черезъ нее прошли, можно сказать, почти всѣ дѣйствующіе теперь художники; но такъ какъ большинство учениковъ въ ней состояло всѣми изъ ремесленниковъ, то и положено было въ томъ году обратить школу въ художественно-промышленную, съ прибавленіемъ къ обрисовальнымъ и лѣнному классамъ — нѣсколькихъ специальныхъ, а именно: рѣзбы по дереву, гравированія на деревѣ, живописи по фарфору, декоративной живописи, сочиненія рисунковъ по разнымъ родамъ художественно-промышленнаго производства (послѣдній съ 1870 года). Въ теченіе 20 лѣтъ число учениковъ возросло въ ней съ 200 до 550, а ученицъ съ 150 до 350 (при 20 преподавате-

ляхъ); при этомъ между учениками преобладающее мѣсто занимаютъ попрежнему ремесленники и воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, а между ученицами — вообще лица привилегированныхъ сословій. Въмѣстѣ съ тѣмъ увеличились и расходы на школу съ 4,000 р. на 20,000 р. въ годъ. Изъ бывшихъ учениковъ нѣкоторые поступили рисовальщиками къ серебрянымъ дѣлъ мастерамъ, Овчинникову, Хлѣбникову, Грачеву и др.; изъ ученицъ — работницами по части деревянной мозаики къ мебельному фабриканту Свирскому. Вскорѣ по пе-

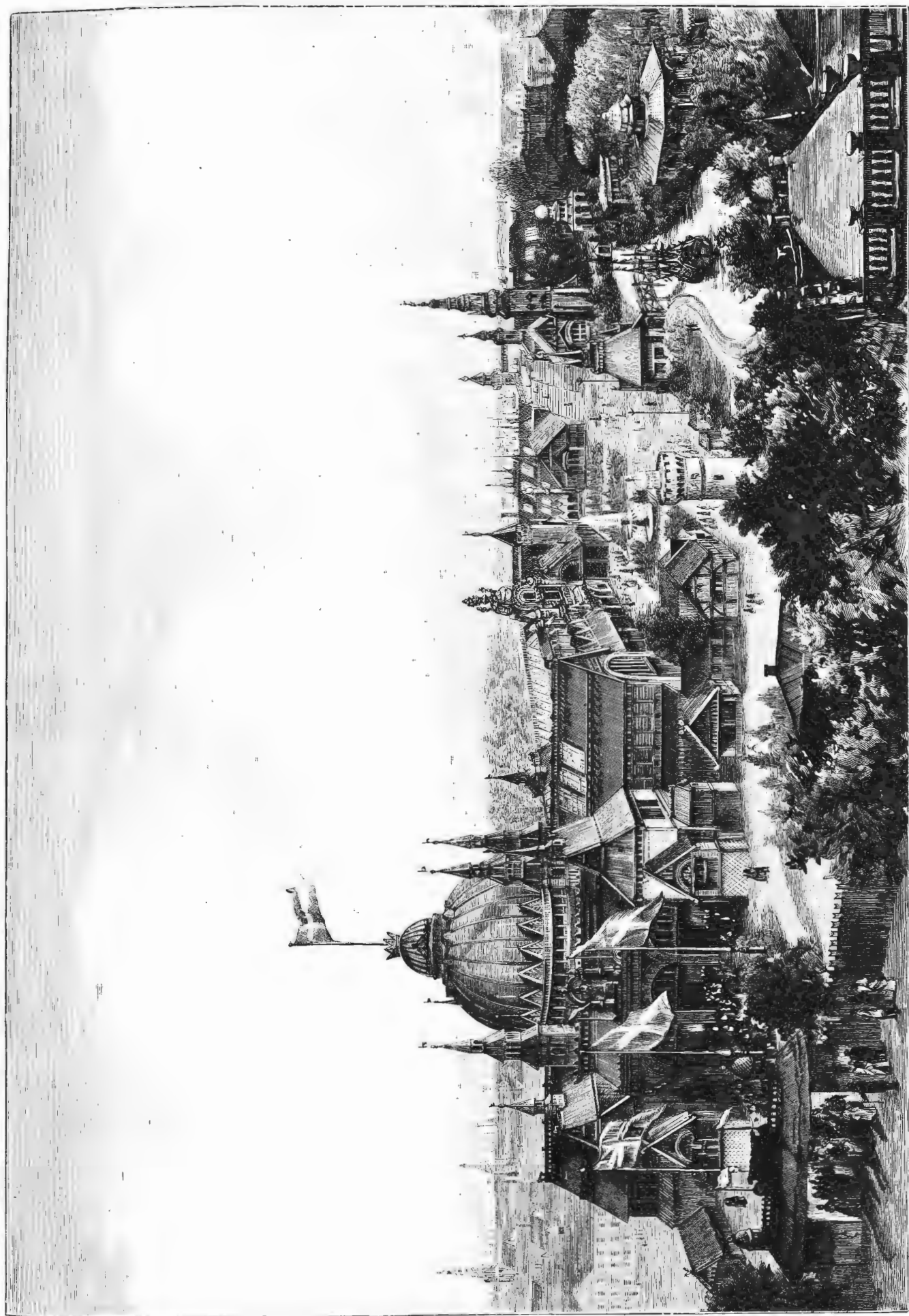
редачѣ школы въ вѣдѣніе Общества, сильно измѣнилась и вся дѣятельность его: съ 1862 г. уничтожены пенсионеры изъ числа художниковъ, съ 1866 года заведены ежегодные конкурсы не только по живописи, но и по художественной промышленности; съ 1870 года учрежденъ первый художественно-промышленный музей съ библиотекой и тогда же предпринято, вмѣсто выпуска въ свѣтъ гравированныхъ и литографированныхъ картинъ, видовъ и портретовъ, изданіе увражей по художественной промышленности, въ родѣ названныхъ выше. Музей и библиотека составились, главнымъ образомъ, изъ пожертвованій особъ Императорской Фамиліи и частныхъ лицъ, равно какъ изъ покупокъ на средства Общества, а Императоромъ Александромъ II былъ пожалованъ ему собственный домъ, выходящій на Б. Морскую и Мойку, гдѣ и соединились теперь всѣ отдѣльные отрасли управленія Общества. Въ настоящее время въ его музей числится свыше 8,000 предметовъ, въ библиотекѣ — болѣе 2,000 сочиненій, а въ школѣ — до 2,000 образцовъ. Капиталомъ Общество обладаетъ небольшимъ — менѣе чѣмъ въ 75,000 р.; еже-

годный же бюджетъ его простирается теперь до 50,000 р., при числѣ членовъ безъ малаго въ 750 человекъ. За все время своего существованія, какъ видно изъ печатныхъ отчетовъ его комитета, Общество продало разныхъ произведеній на своихъ выставкахъ въ пользу самихъ художниковъ на сумму свыше 400,000 р., приобрѣло разныхъ предметовъ отъ нихъ же для своей ежегодной членской лотереи на сумму до 70,000 р., выдало премій на ежегодныхъ конкурсахъ на сумму свыше 50,000 р., израсходовало на содержаніе художниковъ до 60,000 р., на выдачу пособій имъ свыше 40,000 р. и, кромѣ того, учащимся въ своей школѣ — до 90,000 р., предоставило заказовъ послѣднимъ на сумму до 30,000 р., истратило на разныя изданія свыше 150,000 р.; всего же, благодаря Обществу, въ руки разныхъ дѣятелей на поприщѣ искусства перешло за время его существованія до 750,000 р.

Строгановское училище технического рисованія, что у Страстнаго монастыря въ Москвѣ, образовалось въ 1862 г. отъ слиянія находившихся въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ двухъ

Этюдъ. Съ карт. Г. Швенцена, грав. М. Веберъ.

Общій видъ Копенгагенской выставки. По рис. I. Z., грав. М. Рашевскій.

„школь техническаго рисованія“: „второй“ школы, основанной графомъ С. Г. Строгановымъ въ 1825 г., на свои средства, для обученія 360 ремесленниковъ и вообще дѣтей бѣдныхъ родителей разнымъ отраслямъ рисованія, относящимся до механическихъ искусствъ, а также элементарнымъ наукамъ, и принятой въ 1843 г., по Высочайшему повелѣнію, на содержаніе казны со всѣми пособиями (книгами, гравюрами, гипсовыми слѣпками), стоившими графу до 50,000 р., послѣ того какъ въ ней окончилъ уже курсъ 89 молодыхъ людей; и „первой“ школы, учрежденной въ 1836 г., по желанію Императора Николая I, при Московскомъ Дворцовомъ Архитектурномъ училищѣ для фабричныхъ мѣщанъ и передатной изъ Дворцоваго Вѣдомства въ Министерство Финансовъ въ 1842 г. Теперь на содержаніе Строгановскаго училища отпускается изъ казны до 28,500 р. въ годъ. За послѣдній 25-ти-лѣтній періодъ его существованія въ немъ окончилъ курсъ еще свыше 400 человекъ; изъ нихъ болѣе 80 поступило учеными рисовальщиками на фабрики, преимущественно ткацкія и набивныя, и около 320—учителями рисованія въ учебныя заведенія и въ частные дома; въ настоящее время въ немъ обучается у 20 преподавателей свыше 300 учениковъ, изъ которыхъ едва $\frac{1}{10}$ принадлежатъ къ привилегированнымъ сословіямъ; остальные же $\frac{9}{10}$ —все дѣти

мѣщанъ и крестьянъ, по преимуществу уроженцевъ Московской губ. За тотъ же 25-ти-лѣтній періодъ времени, бывшимъ директоромъ училища В. И. Бутовскимъ, были заведены при немъ художественно-промышленный музей съ библиотекой, выстроенъ доходный домъ на Мясницкой ул., изданы великолѣпный атласъ снимковъ съ заглавныхъ буквъ и заставокъ изъ древнихъ русскихъ рукописей подъ заглавіемъ „Исторія русскаго орнамента“ и сочиненіе французскаго ученаго архитектора Виолле-ле-Дюка „Русское искусство“, а въ прошломъ году предпринято изданіе „Мотивы орнаментовъ, снятые съ русскихъ произведеній“.

Размѣры журнала не позволяютъ намъ сдѣлать болѣе подробную характеристику двухъ старѣйшихъ художественно-промышленныхъ школъ въ Россіи, но уже и изъ нашего краткаго очерка можно видѣть, что въ нихъ обихъ преобладаетъ чисто національное направленіе, къ которому такъ стремятся теперь во всѣхъ странахъ а этимъ онѣ оказываютъ особенную услугу отечественной промышленности, вытѣсняя понемногу рисунками своихъ учениковъ и изданіемъ образцовъ прѣжняго мѣстнаго производства, иностранныхъ модели, къ тому же зачастую совершенно искаженныя, и за это, странное дѣло, вмѣсто похвалы, встрѣчаютъ большія похвалы отъ самихъ же иностранцевъ.

N.

Къ рисункамъ.

На жатву. (Рис. па стр. 836).

До восхода солнца, когда востокъ чуть подернулся розоватымъ свѣтомъ и на встрѣчу свѣтлу дня понеслись окаймленные золотомъ облака, — отовсюду потянулись въ утренней прохладѣ жнецы и жницы на желтѣющую паливнымъ колосомъ ниву, чтобы по возможности сжать ее до полуденнаго зноя. Эту картину и воспроизвелъ молодой художникъ Н. Оболенскій прямо съ натуры.

Окрестности Св. Горъ въ Харьковской губерніи.

(Рис. на рис. 837).

Первыми поселенцами Святыхъ горъ, по преданіямъ, были выходцы изъ Кіева, послѣ татарскаго погрома въ 1240 году. Выходцы эти побрели на живописныя донецкія горы и тутъ поселились. Точныхъ свѣдѣній о времени основанія обители нѣтъ, но предполагаютъ, что основателями были ушедшіе отъ разоренія ипоки лавры Печерской; о томъ свидѣлствуютъ, кромѣ ископаныхъ пещеръ, храмовые праздники, сходные съ Печерскими. Имя „Святыхъ горъ“ впервые встрѣчается, въ 1547 г., въ Книгѣ Большаго Чертежа. Татарскіе набѣги неоднократно опустошали обитель. Находясь, въ тѣ времена, на границѣ Руси и Крымской земли и будучи передовымъ постомъ монастырь соеулжилъ большую службу, съ оружіемъ въ рукахъ монахи защитили границу Руси, отбивали и укрывали тысячи полоняниковъ бѣглецовъ. Въ 1679 г. татары взяли обитель и разорили ее до тла. Въ 1787 г. монастырь былъ закрытъ и монастырскія имѣнія подарены Потемкину. Только черезъ 70 лѣтъ монастырь былъ восстановленъ на прежнемъ мѣстѣ. Монастырь расположенъ весьма живописно, лучшаго мѣста нельзя было и выбрать, да и окрестности, въ особенности берега Дона, поражаютъ своею причудливою красотой. Донецъ течетъ между крутыхъ, изрытыхъ пещерами, мѣловыхъ высотъ, которыя образуютъ его правый берегъ; на одной изъ нихъ и пріютился живописный Святогорскій монастырь. Нѣсколько ниже обители Донецъ дѣлится на рукава, образуя островки, сплошь заросшіе осинами, дубами и березами. Нашъ рисунокъ передаетъ одно изъ такихъ поэтическихъ мѣстечекъ въ окрестностяхъ монастыря. Протекающая зигзагами рѣка образуетъ какъ-бы ущелье, сплошь заросшее зеленью, преимущественно дубами; берега поросли тюльпанами, фиалками, ромашкой, распространяющими масляный запахъ; всюду цѣлыя тучи шебечущихъ птицъ.

Смерть генераль-маіора Слѣпцова.

(Рис. на стр. 841).

Рисунокъ помѣщаемый нами въ настоящемъ № *Ильи* напоминаетъ объ одномъ изъ тѣхъ героевъ Кавказа, которые своею жизнью и своею смертію способствовали закрѣпленію за Россіей этой далекой окраины, населенной такимъ воинственнымъ и неукротимымъ населеніемъ. Скажемъ два слова о знаменитомъ героѣ, въ честь котораго до сихъ поръ кавказцы поютъ военную пѣсню:

Стая на небѣ орловъ
Тучу разгоняетъ,
На чеченцевъ нашъ Слѣпцовъ,
Съ Сунжей *) налетаетъ.

Николай Павловичъ Слѣпцовъ родился въ Саратовѣ въ 1818 году. Его отецъ и дѣдъ—оба служили въ военной службѣ и на Кавказѣ, такъ что даже и тогда, когда онъ только поступилъ въ ряды кавказской арміи, его имя было извѣстно каждому старому кавказцу. Оставалось только поддержать честь этого имени, и Слѣпцовъ сдѣлалъ для этого все возможное.

*) Т. е. съ Сунженскимъ казачьимъ полкомъ.

Благодаря своей необыкновенной, можно почти сказать, безумной отвагѣ, Слѣпцовъ быстро прошелъ блестящую военную карьеру: въ 1845 году (3 авг.) онъ, въ чинѣ маіора, былъ назначенъ командиромъ Сунженскаго линейнаго казачьяго полка, и создалъ такъ-называемую Сунженскую линію, которая служила твердымъ оплотомъ противъ чеченцевъ. Шесть лѣтъ Слѣпцовъ провелъ въ постоянной, непрерывной борьбѣ съ чеченцами и приобрѣлъ среди этихъ воинственныхъ горцевъ такую громкую извѣстность, что гдѣ только бывало завидитъ его Слѣпцова на его бѣломъ конѣ, въ паняхъ съ краснымъ верхомъ, такъ ужъ бѣгутъ безъ оглядки, въ разсыпую. Въ теченіе этихъ шести лѣтъ командованія Сунженской линіей, Слѣпцовъ былъ не только командиромъ, а отцомъ и благодѣтелемъ подчиненнаго ему казачества. Безсребренникъ по природѣ своей, онъ все свое (довольно значительное) состояніе прожилъ на томъ, что отъ себя, изъ своего кошелека, вознаграждалъ и обезпечивалъ вдовъ и сиротъ тѣхъ казаковъ, которые бывали убиты подъ его командой въ дѣлахъ противъ горцевъ. Послѣ тысячи опасностей и подвиговъ, послѣ участія въ нѣсколькихъ кровопролитнѣйшихъ битвахъ, гдѣ онъ на конѣ первый изъ всего строя, вѣзжалъ на завалы и рубился шапкою,—Слѣпцовъ былъ убитъ въ ничтожномъ дѣлѣ съ горцами, на правомъ берегу рѣчки Гехи, 10 дек. 1851 года. Здѣсь, въ то время, какъ онъ велъ двѣ сотни на поддержку нѣхотѣ, занимавшейся рубкой лѣса, онъ былъ смертельно раненъ пулею на вылетъ, подъ ложечку. Въ кармапѣ его нашли — гривенникъ; въ завѣщаніи своемъ онъ заботился только о своей завѣтной шапкѣ, которую назначилъ старшему изъ племянниковъ. Его похоронили въ Слѣпцовой станицѣ, на томъ мѣстѣ, которое онъ облюбовалъ для своей могилы еще при жизни. Надъ могилою его стоитъ памятникъ изъ южнаго камня, въ видѣ плиты, сажень въ пять вышины. Кругомъ желѣзная рѣшетка. 10 декабря казаки Слѣпцовой станицы совершаютъ панихиду надъ могилою своего незабвеннаго товарища и начальника. Слѣпцовъ умеръ на 33 году, въ чинѣ генераль-маіора. Въ ту пору не легко было получить этотъ чинъ въ такіе молодые годы.

Этюдъ. (Рис. на стр. 848).

Къ числу чрезвычайно удачныхъ этюдовъ жепскихъ головокъ, какъ по живописи, такъ и по тонкой и мягкой гравюрѣ, должна быть отнесена помѣщенная на стр. 848 картина Г. Швейцера, переданная талантливымъ рѣзцомъ извѣстнаго гравера М. Вебера. Спокойное и ясное выраженіе глазъ, привѣтливая улыбка, красивый національный костюмъ, — все обращаетъ на себя вниманіе въ помѣщенномъ этюдѣ.

Общій видъ Копенгагенской выставки.

(Рис. на стр. 849).

Открытая 6 (18) мая въ Копенгагенѣ художественно-ремесленная и сельско-хозяйственная выставка устроена въ память трехъ событій, имѣвшихъ существенное вліяніе на судьбу Даніи. Въ нынѣшнемъ году истекло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ принцъ-регентъ Фредерикъ, впоследствии король Фредерикъ VI, послѣ долгой борьбы съ крупными землевладѣльцами, по совѣту своего министра графа Бернсторфа навсегда отбѣдилъ крѣпостное право. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ нѣсколько выдающихся предпринимателей основали Общество промышленности, которое въ теченіе подусловія оказывало благотворное вліяніе на развитіе ремеслъ въ Даніи. Наконецъ, четверть вѣка тому назадъ вступилъ на престолъ нынѣ благополучно царствующій король Христианъ IX.

Выставка расположена на одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ столицы, близъ всемирно-извѣстнаго увеселительнаго сада Тиволи, который также включенъ въ ареалъ выставки, благодаря

чему она занимает около 350 гектаровъ. На этомъ прострѣствѣ возмѣщаются разнообразныя зданія (навильоны) для различныхъ отраслей промышленности, искусства и селскаго хозяйства, выстроенныя архитекторомъ Пиррономъ въ древнемъ стилѣ деревянныхъ построекъ на Сѣверѣ — исключительно изъ дерева, нестро и изящно раскрашеннаго.

Главный отдѣлъ подъ громаднымъ куполомъ (на лѣвой сторонѣ рисунка) выстроенъ въ строгомъ стилѣ древне-норвежскихъ церквей. Зала подъ куполомъ предназначается исключительно для торжествъ и празднествъ по случаю выставки. Къ ней примыкаетъ международный художественно-ремесленный отдѣлъ, въ которомъ Швеція и Норвегія занимаютъ правую и лѣвую стороны первого поперечнаго флигеля, а Данія — половину продольной залы; затѣмъ слѣдуютъ нескандинавскія государства: Японія, Германія, Англія, Франція, Россія и Італія, съ особыми входами въ ихъ отдѣлы прямо изъ парка. Россія и Франція украсили свои отдѣлы своеобразными порталами. Читателямъ *Пивы* знакомъ уже вишній видъ русскаго отдѣла, помѣщенный нами въ № 17 за нынѣшній годъ; во Французскомъ же отдѣлѣ воспроизведенъ порталъ Тулонской думы.

Къ продольной залѣ примыкаетъ собственно художественный отдѣлъ въ особомъ зданіи, которое по вишнему виду вполне гармонируетъ съ цѣлымъ; онъ обнимаетъ датскую, шведскую и норвежскую школы. Затѣмъ упоминаемъ еще навильоны: садоводства, промышленности, датскихъ арміи и флота, рыболовства и гигиены. Обширное мѣсто занимаетъ отдѣлъ селскаго хозяйства, въ которомъ замѣчательны молочные продукты, составляющія, какъ извѣстно, главное богатство Даніи.

Руконожка (*Chiromys madagascariensis*).

(Рис. на стр. 852).

Около ста лѣтъ тому назадъ, путешественникъ Зонператъ получилъ изъ одного лѣса на западномъ берегу Мадагаскара (громадный островъ у юго-восточныхъ береговъ Африки), пару въ высшей степени замѣчательныхъ животныхъ, о существованіи которыхъ еще никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. При видѣ ихъ даже туземцы выражали свое удивленіе криками „ай-ай!“, почему это мелкотелое и стало собственнымъ именемъ новооткрытаго звѣрка. Только впоследствии назвали его руконожкой, такъ какъ переднія и заднія лапы его организованы подобіе руки, совершенно такъ-же какъ у обезьянъ и лемуновъ. До нынѣшняго времени одинъ изъ этихъ двухъ звѣрковъ, привезенный Зонператомъ въ Парижъ, былъ единственнымъ экземпляромъ, дошедшимъ въ Европу, а появившеся въ 1783 г. Зонператомъ описаніе, весьма несовременное и недостаточное — единственнымъ источникомъ относительно образа жизни этихъ рѣдкихъ животныхъ. Начинали уже считать ихъ вымершими.

Лишь въ 1844 году путешественнику де-Кастеллю посчастливилось добыть живую руконожку, но только шкура и скелетъ ея дошли въ Европу, а живые экземпляры стали появляться въ ея зоологическихъ садахъ всего съ 1862 года.

Руконожки, составляя особое семейство въ отрядѣ лемуновъ или полуобезьянъ, населяютъ преимущественно бамбуковыя рощи внутри Мадагаскара. По свидѣтельству туземцевъ, животное это до того рѣдко, что лишь случайно можно увидать его. Руконожки живутъ уединенно, иногда парами, но никогда не встрѣчаются стаей. Онѣ по цѣлымъ днямъ сидятъ въ самыхъ густыхъ чащахъ бамбука и только ночью выходятъ кормиться. Пища ихъ состоитъ изъ сердцевины бамбука и сахарнаго тростника, а также изъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ. Дабы ее добыть, животное протачиваетъ своими крѣпкими рѣзцами отверстие въ стволѣ растенія, вводитъ въ него средний палецъ руки и такимъ образомъ добываетъ сладкую сердцевину или насѣкомыхъ. Съ восходомъ солнца руконожка засыпаетъ, свернувшись, прича голову между ногъ и накрывая ее пушистымъ хвостомъ. Крикъ ея похожъ на громкое хрюканье и ворчанье.

Принцъ Генрихъ Прусскій и его супруга.

(Портр. на стр. 853).

Недавно посѣтившій Россію вмѣстѣ со своимъ державнымъ братомъ, принцъ Альбертъ Вильгельмъ Генрихъ Прусскій, родился 2 (14) августа 1862 года въ Потсдамѣ, а въ апрѣлѣ 1877 года вступилъ въ число морскихъ кадетовъ. Первое практическое морское образованіе получилъ онъ на парусномъ фрегатѣ *Нюбса*, во время крейсераства въ Пѣвномъ и Балтійскомъ моряхъ, за коимъ слѣдовало двухлѣтнее плаваніе въ восточно-азиатскихъ водахъ на корветѣ *принцъ Адальбертъ*, послѣ чего принцъ Генрихъ благополучно вернулся 10 (22) сентября 1880 г., 1 октября сдалъ въ Кильской морской школѣ первый экзаменъ на степень морскаго офицера, и въ день рожденія его отца, 6 (18) октября, назначенъ былъ морскимъ лейтенантомъ и поручикомъ I полка гвардіи. 1 октября 1882 года принцъ вторично предпринялъ дальнее плаваніе на корветѣ *Ольга* въ Восточную Индію и на восточный берегъ Южной Америки, по возвращеніи произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ перваго отряда матросовъ въ Киль, а въ 1887 г. начальникомъ I отряда миноносцевъ, а затѣмъ капитаномъ корвета и свитскимъ майоромъ I полка гвардіи.

Супруга его, рожденная принцесса Гессенская, Ирна Луиза Марія Анна, родилась 11 іюля 1866 г. въ Дармштадтѣ. Она третья дочь нынѣ правящаго Великаго Герцога Лудвига IV и покойной супруги его, Алисы († 1878), дочери королевы Викторіи Англійской.

Важнѣйшіе русскіе грибы.

Описаніе особаго приложенія при этомъ №, печатаннаго 9-ю красками.

Въ качествѣ ведорогой (въ деревняхъ почти даровой) и притомъ не лишеной питательности пища грибы занимаютъ не послѣднее мѣсто, тѣмъ болѣе что обиліе ихъ совпадаетъ какъ разъ съ сырыми, неурожайными годами, когда притомъ вслѣдствіе дождей полевая работа по необходимости приостанавливается, или же осенью, когда онѣ кончены. При обиліи у насъ еще мѣстами лѣса, грибовъ бываетъ иногда такъ много, что не хватаетъ рукъ для ихъ сбора, не смотря на то, что всѣ отъ мала до велика могутъ принимать здѣсь участіе. Впрочемъ имѣнно неопытности малолѣтокъ мы обязаны ежегодно повторяющимся случаями отравленія грибами, причеиъ еще огромное большинство случаевъ, не понадалъ въ печать, остается неизвѣстнымъ. Крайне важно поэтому умѣть отличать съѣдобные грибы отъ ядовитыхъ. На прилагаемомъ листѣ изображены важнѣйшіе грибы съ такою точностью, чтобы по рисункамъ можно было безошибочно распознавать грибы въ природѣ. Поэтому мы далѣе ограничимся лишь краткимъ перечисленіемъ ихъ отличительныхъ признаковъ, а сначала познакомимъ нѣсколько съ ихъ жизнью.

Если, отиравшись въ лѣсъ, отыскать любой грибъ и по возможности осторожно его сорвать, то часто на нижнемъ концѣ его пенька замѣтимъ какъ бы оторванныя корешки, такъ что на первый взглядъ грибъ есть такое же растеніе, какъ и всѣ другія, и только отличается отсутствіемъ по большей части зеленой окраски, да особенною своею формою. Грибами вообще называются низшія споровыя растенія, лишеныя хлорофилла, т. е. зеленой окраски присущей большинству растеній, и размножающіяся не сѣянками, а спорами подобно споротику. Отсутствие цвѣтовъ у послѣдняго заставило народъ предположить, что надо обладать особеннымъ счастьемъ, чтобы увидѣть его цвѣтокъ, который де появляется лишь въ ночь на Ивана-Купала; на самомъ дѣлѣ цвѣтовъ у него совсѣмъ не бываетъ, а также и сѣмянъ, размноженіе же происходитъ спорами, сидящими на нижней поверхности его листьевъ. Изученіе грибовъ показало, что тѣ корешки которыми пенекъ гриба въбдранъ въ почву — и составляютъ собственно тѣло гриба, его мицелій, образованный сплетеніемъ длинныхъ, безцвѣтныхъ и различныхъ образомъ развѣтвляющихся тоненькихъ нито-

чекъ, называемыхъ гифами. Отсутствие хлорофилла лишаетъ грибъ возможности образоватъ самому себя органическую пищу, подобно зеленымъ растеніямъ, а вынуждаетъ селиться его тамъ, гдѣ или находится отбросы растительныя или животныя, какъ навозъ, перегной и т. п., или же избирать себѣ кормилца въ видѣ растенія или животнаго. Та же причина заставила нѣкоторые грибы вступить въ сожительство съ нѣкоторыми зелеными водорослями и образоватъ такимъ образомъ составной организмъ, называемый лишаемъ, гдѣ грибъ, получая отъ водоросли пищу, въ свою очередь даетъ послѣдней необходимую ей защиту и опору, благодаря чему она можетъ болѣе распрямиться на солнцѣ, — почему и питаніе ея дѣлается обилнѣе и ростъ роскошнѣе. Мицелій даетъ на поверхность почвы плодonoсныя гифы, слагающіяся въ плодonoсь или плодoвое тѣло гриба, которое бываетъ очень разнообразной формы: иногда представляется въ видѣ гриба, какъ онъ извѣстенъ въ общежитіи, съ пенькомъ и шляпкою; другой разъ бываетъ лопастной, кустарно развѣтвленной формы, или же принимаетъ видъ роговыхъ желваковъ или наростовъ на деревьяхъ, какъ напр. общезвѣстный трутовикъ (*Polyporus fomentarius*), который собирали прежде въ большомъ количествѣ для приготовленія изъ него груга. Плодonoсныя гифы кончаются спорами, которыя часто лежатъ густымъ слоемъ, называемыхъ гименіальнымъ. Различное залеганіе этого слоя даетъ признаки для различія грибовъ. Интересною особенностью нѣкоторыхъ грибовъ является способность гименіальнаго слоя свѣтиться въ темнотѣ подобіе свѣтляка, причеиъ споры не обладаютъ этимъ свойствомъ. Такъ подъ оливковыми деревьями въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ появляется грибъ золотисто-желтаго цвѣта *Agaricus olivarius*, который вечеромъ, благодаря своей фосфоресценціи, дѣлается особенно замѣтнымъ. Еще сильнѣе проявляется она у *Agaricus Gardneri*, который, изливая красивый зеленоватый свѣтъ, даетъ возможность замѣтить его на разстояніи уже 1000 шаговъ; воспользовавшись же нѣсколькими экземплярами этого гриба, можно читать въ темнотѣ.

На прилагаемомъ рисункѣ имѣются представители двухъ семействъ. Семейство *Agaricini* отличается тѣмъ, что гименіальный слой залегаетъ на нижней поверхности шляпки въ видѣ

Руконожка (*Chiromys madagascariensis*). Рис. и грав. Шлегель.

лучеобразно расположенных тоненьких пластиночек, тогда как у Боровикового (*Polyporei*) слой этот находится на внутренней поверхности тоненьких трубочек, так плотно соединенных друг с другом, что нижняя поверхность шляпки представляется сплошной массой с небольшими отверстиями; впрочем, сдвинуть лишь разломить шляпку гриба, чтобы в последнем разубедиться.

Общеизвестностью пользуется очень ядовитый Мухоморь (*Amanita muscaria*), ярко красная шапочка которого с белыми пятнами так резко отличаются его от других грибов, что, к счастью, ошибиться в нем невозможно. Выше упомянутые белые пятна на верхней поверхности шляпки — не что иное, как остатки пузыри, облекающего в молодости его верхнюю часть и лопающегося при дальнейшем быстром вытягивании пеньки, причем часть остается на шляпке, другая же сохраняется на пеньке в виде ожерелья. Интересно, что ядовитые свойства его очень давно известны. Оказывается именно, что, по словам некоторых местных летописей, в Норвегии в древности существовали богатыри, носившие название *берсеркероув* которые по временам приходили в страшное бешенство, причем теряли и разум и человечность; все попадавшееся им тогда подвергалось уничтожению, будь это человек, зверь или неодушевленный предмет. Сила их при этом возрастала настолько, что летописи могли представить их себя только в виде великанов.

Принц Генрих Прусский и его супруга. Съ фотогр. грав. Флягель.

Как теперь выяснено, временное их бешенство происходило от того, что они съедали кусочки мухомора, причем особенно употребляли его перед битвою, ибо тогда они с удивительными силами и притом несколько не чувствуя своих ран, набрасывались на противников. Свет христианства прекратил «берсеркерство», хотя по имевшимся сведениям, в Исландии, напр., пришлось обратиться к карательным мерам для его искоренения. Впрочем, еще и в настоящее время потребление этого вредного гриба в некоторых местах продолжается. Так у нас сапожки и корки пользуются его отваром с целью пьянства; последние вымывают его за дорогую цену у своих соседей камчадалов, которые специально для них его собирают, причем конечно не остаются в накладе, так как иногда за маленький кусочек мухомора берут цену оленя, пользуются тем, что там этот гриб сравнительно не часто попадается.

Вообще следует относиться с большою осторожностью к грибам с ожерельем, ибо все они ядовиты за исключением употребляемых в пищу шампиньона, скрипицы и масленка.

Скрипица (*Lepiota procera*) представлена на рисунке в натуральную величину, хотя иногда она достигает вдвое больших размеров. Отличить ее можно по светло-коричневой шляпке со многими темно-коричневыми остатками покрывала в виде ключев, причем вся срединная возвышенная часть также темнокоричневого цвета, пенек с большим ожерельем и нижним сильно утолщенным концом — внутри полый и также покрыт снаружи как бы темно-коричневыми чешуйками.

Шампиньон (*Psalliota campestris*) в молодости очень походит на ядовитую Лютную поганку (*Amanita phalloides* — см. рис.), но цвет последней несколько желтовато-зеленоватый, тогда как у шампиньона в молодости — белый, выдающийся в коричневый цвет. Лучшее же средство для их различения заключается в приятном характерном запахе шампиньона, тогда как поганка пахнет млесенью. Пластины на нижней поверхности шляпки, будучи сначала белыми, затем постепенно бледно-розовыми, далее красновато-коричневыми под конец принимают черноватый цвет. Пенек плотный, белый, подчас с красновато-коричневым отблеском.

Рыжик (*Agaricus deliciosus*), отличающийся матово-оранжевым цветом шляпки, приобретающей затем в средине углубление, вокруг которого располагаются темно-оранжевые круги, — на нижней поверхности шляпки имеет пластинки красивого оранжевого цвета. Пенек тоже оранжевого цвета, сверху до низу одинаковой толщины, в старости деляется внутри пустым.

В Германии очень озабочены тем, чтобы не съесть его с вредно, по мнению пшцев, Волнушкой (*Agaricus torminosus*);

у нас волнушка преспокойно употребляется в пищу, различие же в свойствах здесь вероятно обусловлено климатическими или даже почвенными условиями. Отличается она от рыжика более глубокою вдавиною в средине шляпки и более темным цветом. Главное же отличие заключается в цвете грибного сока, легко вытекающего при разламывании: у рыжика он красивого оранжевого цвета, переходящего на воздух в зеленоватый, тогда как у волнушки он бывает бледно-белого цвета. По наружному виду близок к только-что упомянутым Груздь (*Agaricus ripetatus*); резкое отличие заключается в том, что весь он бледно-белого цвета.

Стоит только раз познакомиться, хотя бы на рисунке, с ружником видом Лисички (*Cantharellus cibarius*), чтобы ее не смешать с другими грибами; следует только позаботиться о том, чтобы суметь отличить его от несколько сходной с ним Поплашки (*Cantharellus aurantiacus*), что впрочем будет не трудно, если обратить внимание на то, что у последней верхняя поверхность шляпки бархатиста и что пластинки

более густо окрашены в желтый цвет, чем сама шляпка, — впрочем и случай к этому представится не так часто, благодаря относительной редкости поплашки.

К этому же семейству *Agaricini* относится еще Сыроежка (*Agaricus integer*), которая, считаясь у нас съедобною, в Германии пользуется славою вредного гриба. У сыроежек весьма разнообразна окраска (чаще красная) верхней поверхности шляпки, которая у них

всегда несколько вогнута. Пластинки постоянно бледно цвета, равно как и пенек, который до низу одинаковой толщины.

На них березы и некоторых других деревьях часто можно встретить белые кучки Березовых опенок (*Purporella fascicularis*). Это грибы небольшой величины с желтовато-бурыми шляпками и такими же пластинками; название свое они получили благодаря тому, что избирают себе местом произрастания деревья, в которых развивается их мицелий.

Из представителей, другого семейства — Боровикового лучшим считается Белый гриб или боровик (*Boletus edulis*). На светло-коричневом, утолщенном внизу пеньке с белыми или желтыми жилами сидит толстая темно или красновато-коричневая шляпка с тоненькими, белыми, позже желтоватыми трубочками на нижней поверхности. Особенно обращаем внимание на то, что пенек его никогда не бывает красным, чтобы не смешать его с немного похожим на него одним вредным грибом.

Березовик (*Boletus scaber*) вообще схож с боровиком. Шляпка его сировато-оранжевого цвета или красновато-коричневого и сравнительно с пеньком не велика; трубочки белые, принимающие затем светло-серый, а далее и темно-серый цвет, от прикосновения к ним легко темнеют и мелеют. Пенек длинный испещрен особенно к низу темными шероховатыми полосами.

Подосиновик или красный гриб (*Boletus versipellis* s. *aurantiacus*) в молодости представляет как бы столбики с кирпично-красными шапочками, плотно облегающими высокой не утолщающейся пенек. В более поздней возрасте края шляпки загнуты к пеньку. Как трубочки, так и вообще все его мясо белое и довольно твердое.

Моховик (*Boletus subtomentosus*), будучи в общем похож на только что упомянутые грибы, отличается тем, что его шляпка, сировато-коричневого цвета сверху и желтовато-зеленоватого снизу, на ощупь гораздо мягче предыдущих и легко повреждается. Отличительным признаком еще является, что мясо непосредственно под кожицею шляпки окрашено в красивый красный цвет; вообще же оно имеет светло-желтую окраску.

Масленок (*Boletus luteus*) часто встречается в лесах в большом количестве. Отличить его можно по слизистой грязно-коричневого цвета верхней поверхности его толстой шляпки, которая легко отламывается от пеньки, но очень тоненькими трубочкам красивого светло-желтого цвета, а также по сперва белому, затем темнеющему ожерелью на светло-желтом пеньке.

Уже по своеобразной форме Сморочок (*Morchella esculenta*) нельзя было подвести ни под одно из приведенных семейств и действительно он резко от них отличается. Вся морщинистая коричнево-бурого цвета поверхность его шляп-

ки, представляющей в видѣ булаво-виднаго утолщенія его пенька, усѣяна отверстіями, открывающимися въ сумочки со спорами, причѣмъ эти сумочки открываются лишь въслѣдствіи. Его характерная форма не дозволяетъ смѣшать съ другими грибами, почему подробнѣе его и не описываемъ.

Въ заключеніе, замѣтимъ вообще, что нѣкоторые грибы, считающіеся за границу вредными, у насъ поѣдаются безо всякаго вреда для здоровья. Въ Англии, напр., вообще не ѣдятъ никакихъ грибовъ за исключеніемъ шампиньоновъ. Съ другой стороны, безнаказанность потребленія всякихъ грибовъ у насъ особенно поражала путешествовавшихъ по Сибири ученыхъ, какъ Палласъ и др. Поэтому находятъ, что свойства гриба могутъ сильно измѣняться сообразно съ климатическими и почвенными условіями; нѣкоторыми учеными вообще признается, что изобиліе грибовъ на Сѣверѣ уменьшается и даже вовсе пропадаетъ. Подобный же примѣръ представляетъ пана пшеница, которая, по анализамъ Вибра, Лисковскаго и др., значительно разнится отъ заграничной, заключаая въ себѣ больше азота.

Грибы, будучи легко сохраняемы по годамъ, если хорошо высушены, мѣстами служатъ предметомъ обширной торговли. Такъ на основаніи статистическихъ данныхъ извѣстно, что въ Пешехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи жители собираютъ, сушатъ и продаютъ бѣлыхъ грибовъ на двѣсти тысячъ рублей въ годъ, считая по мѣстнымъ цѣнамъ 60 коп. за фунтъ. Цифра очень почтенная, но она могла-бы еще легко увеличиться, если-бы были указаны разумные способы сбора и заготовки грибовъ. Касательно сбора слѣдуетъ замѣтить, что цѣлесообразнѣе не срывать грибы, а срывать ихъ пожесть такъ, чтобы нижняя часть пенька оставалась въ почвѣ, ибо при вырываніи повреждается мицелій гриба, что конечно вредитъ дальнѣйшему его плодоношенію. Также является очень желательнымъ болѣе обширное и цѣлесообразное искусственное разведеніе грибовъ, которое за границу все болѣе и болѣе развивается. Во Франціи, гдѣ

болѣе чѣмъ въ другихъ странахъ занимаются разведеніемъ шампиньоновъ, въ недавнее время введенъ новый способъ культуры ихъ, благодаря которому сборъ получается вдвое большій сравнительно съ прежнимъ. Для этого въ назначенномъ мѣстѣ, обыкновенно въ подвалѣ, хорошенько утрамбовываютъ грядку изъ простаго измельченнаго гипса; ни конскаго навоза, ни земли, какъ это прежде дѣлали, не прибавляютъ. Затѣмъ смѣшиваютъ мицелій и споры (т. е. просто кусочки шляпки) шампиньона съ большимъ количествомъ селитры, зарываютъ на 3—4 миллиметра въ грядку и поливаютъ по временамъ водою съ небольшою примѣсью растворенной селитры. Черезъ нѣсколько недѣль (въ зависимости отъ теплоты помѣщенія) уже появляются грибы, сборъ коихъ почти неограниченъ, причѣмъ чѣмъ нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ вѣса въ 2—3 фунта.

Вообще слѣдуетъ ожидать, что грибы завоюютъ себѣ со временемъ надлежащее мѣсто среди другихъ пищевыхъ веществъ, тѣмъ болѣе, что по содержанію питательныхъ веществъ они близко подходятъ къ снятому молоку и сывороткѣ и много превосходятъ огурцы и тому подобныя овоци. Чтобы показать это на дѣлѣ, приводимъ результаты анализовъ въ круглыхъ цифрахъ: въ снятомъ молокѣ около 4% азотистыхъ веществъ, около 1/3% жира, 4% углеводовъ и нѣсколько менѣе 1% соли; въ сывороткѣ 3 1/2% азотистыхъ веществъ, около 1/3% жировъ, 2 3/4% углеводовъ и соли немного болѣе 1/2%; въ шампиньонѣ около 3 3/4% азотистыхъ веществъ, 1/3% жировъ, 2 3/4% углеводовъ, 1 1/2% клѣтчатки и 1/2% соли; огурцы содержатъ 1% азотистыхъ веществъ, 2 1/2% углеводовъ, 1/2% клѣтчатки и около 1/4% соли.—остальное количество водѣ вода. Изъ этихъ цифръ видно, что въ грибахъ содержится сравнительно много клѣтчатки, причѣмъ клѣтчатка мицелія грибовъ отличается особенно неудооваримостью, но въслѣдствіи вѣроятно будетъ найденъ такой способъ ихъ приготовленія, который устранитъ и этотъ недостатокъ.

М. Штауде.

Политическое обозрѣніе.

Главный интересъ истекшей недѣли составляли выборы во Французскую палату депутатовъ. Производившіеся въ 3-хъ департаментахъ выборы закончились, какъ уже извѣстно изъ телеграммъ, избраніемъ генерала Буланже во всѣхъ трехъ департаментахъ. Само собой разумѣется, что эта манифестация должна была произвести весьма неблагоприятное впечатлѣніе во французскихъ правительственныхъ сферахъ, гдѣ до послѣдняго момента разсчитывали, что Буланже непремѣнно потерпитъ на выборахъ пораженіе. Выборы прошли весьма бурно; всюду гдѣ появлялся генералъ Буланже происходили шумныя манифестации, требовавшія внимательства полиціи и жандармеріи и доводившія до открытаго столкновенія. Въ Амьенѣ и Дуланѣ произведено много арестовъ. Въ Парижѣ съ нетерпѣніемъ ожидали результатовъ выборовъ. Передъ редакціями буланжистскихъ газетъ собрались громадныя толпы народа. Въ теченіе нѣкотораго времени полиція была даже не въ силахъ прочистить дорогу пѣшеходамъ. Толпа пѣла новый буланжистскій гимнъ „Овернскіе рекруты“ и восторженно приветствовала выставленные транспаранты съ портретами Буланже и Кёхлина. Результаты этихъ выборовъ наносятъ сильный ударъ республиканской партіи. Почти несмысленная въ лѣтоисхлѣ внутренней жизни Франціи побѣда одержанная генераломъ Буланже на выборахъ въ департаментахъ Сѣверномъ, Нижней-Шаранты и Соммы. 263,730 голосовъ поданы за него избирателями, и во всѣхъ трехъ департаментахъ избраніе Буланже является обезнеченнымъ. Громадная побѣда, одержанная генераломъ Буланже, произвела всюду глубокое впечатлѣніе. Выборы эти приобрѣтаютъ крайне непріятный отблескъ для правительства и потому, что рядомъ съ Буланже побѣдителемъ остался г. Кёхлингъ, эльзасецъ родомъ, за послѣднее время сблизившійся съ буланжистами. Кёхлингъ получилъ 126,000 голосовъ и также избранъ.

Событіе это доказываетъ насколько сильно политическое обаяніе генерала, славящагося какъ защитникъ вишняго достоинства Франціи. Выборы доказали, что Французскій народъ умѣетъ цѣнить своихъ патриотовъ, стоящихъ на стражѣ и дорожащихъ достоинствомъ отечества въ международныхъ столкновеніяхъ. Выборъ Буланже явился какъ бы отвѣтомъ французской націи на рѣчь императора Вильгельма, произнесенную въ Франкфуртѣ, гдѣ на состоявшемся по случаю открытія памятника принцу Фридриху-Карлу обѣдѣ оберъ-бургомистръ провозгласилъ „Noch“ въ честь отсутствующаго на обѣдѣ императора. Императоръ благодарилъ и въ признательныхъ выраженіяхъ напомнилъ о вѣрности и преданности народа Гогенцоллернскому дому, воздалъ хвалу желѣзному характеру и стратегическому генію принца Фридриха-Карла, который былъ вождемъ Бранденбургскаго корпуса и сражался подъ Тюнвилемъ, гдѣ одержалъ побѣду надъ врагомъ. „Отъ приобрѣтеннаго — присовокутилъ императоръ — никогда мы не откажемся и предпочтемъ скорѣе положить на мѣстѣ восемнадцать армейскихъ корпусовъ Германіи и 42 милліона нѣмцевъ, чѣмъ уступить хотя бы одинъ камень изъ приобрѣтенной земли“. Въ этомъ именно духѣ императоръ и провозгласилъ тостъ за

бранденбургскій городъ Франкфуртъ и 3-й армейскій корпусъ. Рѣчь эта относится исключительно къ тѣмъ, съ кѣмъ необходимо сражался покойный принцъ. Рѣчь Вильгельма II не представляется, конечно, ничего неожиданнаго. Понятно, что, возвратившись въ Германію утѣреннымъ въ обезпеченіи европейскаго мира, императоръ нашелъ нужнымъ дать понять германской публикѣ, что результатъ этого достигнута путемъ такихъ соглашеній, въ которыхъ не играетъ никакой роли возможность возвращенія Франціи отвоєванныхъ провинцій. Играло можетъ быть роль и желаніе заявить, что императоръ Вильгельмъ II искалъ гарантій мира вовсе не потому, чтобы не былъ готовъ на самую отчаянную войну за сохраненіе неприкосновенности территорій Германской имперіи.

Франкфуртская рѣчь Вильгельма II возбудила интересъ въ австро-венгерскихъ политическихъ сферахъ и печати, которая стремится выставить на видъ послѣдовавшее якобы ухудшеніе отношеній между Германіею и Россіею. Германская *Köln. Zeit.* заявляетъ по поводу рѣчи, что воинственности въ рѣчи императора нѣтъ и тѣни. Но знаменательно, что большая часть оффиціозной канцлерской печати продолжаетъ враждебныя Франціи выходки. Много толковъ въ печати вызвало также назначеніе графа Вальдерзее на постъ начальника Главнаго германскаго генеральнаго штаба, такъ какъ графъ считается однимъ изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ австро-германскаго военнаго союза.

Итальянскій премьеръ Криспи прибылъ въ Германію. Что это не простое путешествіе видно изъ того, что одновременно съ главою итальянскаго министерства въ Фридрихсруэ прибылъ директоръ департамента министерства иностранныхъ дѣлъ въ Италіи и секретарь г. Криспи, какъ президентъ совѣта итальянскихъ министровъ. Слѣдовательно, съ г. Криспи пріѣхала къ имперскому канцлеру цѣлая канцелярія. Въ Фридрихсруэ понадобилось и присутствіе итальянскаго посла при Берлинскомъ дворѣ, графа де-Лоне, котораго, князь Бисмаркъ пригласилъ, уже по пріѣздѣ туда итальянскаго премьера. Послѣднія извѣстія изъ Вѣны сообщаютъ, что тамъ въ дипломатическихъ кружкахъ приписываютъ „важное значеніе“ путешествію Криспи. Тамъ смотрятъ на дипломатическое столкновеніе по дѣлу о Массовѣ, какъ на результатъ „непримиримой вражды между Италіею и Франціею“.

Выборы Буланже также не мало ускорили это свиданіе; полагаютъ, что при свиданіи князя Бисмарка съ Криспи, состоится между Германіею и Италіею соглашеніе относительно возможныхъ самыхъ серьезныхъ случайностей.

Испю, что здѣсь намѣкается на войну съ Франціею. Но во Франціи не видно никакихъ воинственныхъ замысловъ. Она завела лишь дипломатическій споръ съ Италіею по вопросу, въ которомъ она защищаетъ общеевропейское право.

Въ Фридрихсруэ ожидали и графа Кальноки, но по послѣднимъ извѣстіямъ Криспи ѣдетъ въ Вѣну для переговоровъ съ австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; туда-же ѣдетъ и князь Бисмаркъ, чтобы вмѣстѣ съ Криспи навѣстить графа Кальноки. Вообще Вѣна стала сборнымъ пунктомъ для

дипломатовъ. Туда уже прибылъ австрійскій посоль при Берлинскомъ дворѣ и австрійскій посоль при дворѣ султана, а также дипломатическій агентъ въ Софіи г. Бурианъ. Значитъ, тамъ идутъ теперь рѣчи и готовятся рѣшенія по восточному вопросу или, въ частности, по вопросу болгарскому.

Очевидно, что-то затѣвается. Англійскія газеты и въ особенности Times утверждаютъ, что свиданіе это является новымъ подтвержденіемъ упроченія союза среднеевропейскихъ державъ, дальнѣйшее существованіе котораго остается де главнѣйшею гарантіею европейскаго мира.

Трудно вѣрить въ миръ, обставленный такими недружелюбными отношеніями. Фразы о мирѣ остаются только фразами. Отношенія Италіи къ Франціи болѣе чѣмъ вызывающія. Вѣнскія газеты утверждаютъ, что поа Криспи на массовому дѣлу внушена княземъ Бисмаркомъ, слѣдовательно Италіи является только застрѣльщикомъ. Neue Freie Presse утверж-

даетъ, что Италіи, благодаря своему союзу съ Германіей и Австро-Венгріей, занимаетъ въ массовомъ вопросѣ настолько сильную позицію, что Франція вынуждена будетъ уступить.

Но слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что и Франція не лишена союзниковъ въ атомъ дѣлѣ. Мы уже говорили о протестахъ Порты и Греціи, по послѣднимъ извѣстіямъ Египетъ также протестовалъ противъ установленія итальянскаго протектората надъ Зулой. Въ отвѣтъ на обвиненіе въ непослѣдовательности, греческому посланнику въ Римѣ Панагиронуло предисано вручить Криспи дополнительную ноту, въ которой авеніскій кабинетъ опровергаетъ итальянскія обвиненія. Панагиронуло, на основаніи данной ему инструкціи, долженъ утвердительно заявить, что Греція всегда поступала послѣдовательно, никогда не признавала правильными притязаній Италіи на отъѣну капитуляціи и никогда не приказывала живущимъ въ Массовѣ грекамъ уплачивать городскіе налоги.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1888 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками съ оригинала проф. Ю. Ю. КЛЕВЕРА:
„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“
 (подробности см. въ предъидущ. № 33).

Рѣшеніе шашечной задачи № 48 (помѣщенной въ № 29).

Бѣлыя. 1. а 5 — с 3 (если 1..... то 2. с 1 — h 6 3. h 6 — g 7 4. с 3 — f 6 и т. д.) 2. с 1 — е 3 3. е 3 — с 5 то 4. с 3 — f 6 5. с 5 — f 8 и дальѣ понятно, если же 3..... то с 3 — h 8 и т. д.) 4. с 5 — d 4 5. с 3 — a 1 то 5. a 1 — g 7 6. g 7 — c 3 7. e 3 — d 4 8. a 1 — h 8 и т. д.

Черныя. а 7 — b 6 (a, b) h 6 — g 5 а 7 — b 6 b 6 — a 5 (c, d) h 6 — g 5 (e) (если же f 6 — g 5 c 5 — f 4 g 5 — f 4 (f, g) f 4 — h 2 (если e 5 — c 3 1)..... l h 4 — e 4 2) f 2 — f 4 + l e 4 — f 4: 3) f d 2 — d 5 + + l h 4 — e 4

3. .... a 5 — b 4, то 4. с 5 — a 3, h 6 — g 5; 5. a 3 — c 5 и 6. с 5 — d 4 и т. д.

4. .... a 5 — b 4; 5. с 3 — a 5; 6. a 5 — h 6 и т. д. 4. .... e 5 — f 4; 5. d 4 — h 8 и 6. с 3 — d 2 и т. д.

Нѣкоторые варианты, вслѣдствіе ихъ легкости, пропущены; они и такъ очевидны.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—И. В. Васильева, И. И. Мосалова, Исады—В. Н. Кожина, Муромъ—Ф. М. Уткина.

Рѣшеніе шахматной задачи № 49 (помѣщенной въ № 29).

Бѣлыя. 1) f d 1 — d 2 2) f 2 — f 4 + 3) f d 2 — a 2, c e 6 — d 5, f d 2 — d 5 + + a. 1)..... l h 4 — e 4 2) f 2 — f 4 + l e 4 — f 4: 3) f d 2 — d 5 + + l h 4 — e 4

Черныя. 1)..... l h 4 — e 4 2) f 2 — f 4 + l e 4 — f 4: 3) f d 2 — d 5 + + l h 4 — e 4

Куда угодно. Куда угодно. l h 4 — e 4

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Москва — И. Гвоздичкина, Вологда — И. В. Изюмова, Дисна — Ф. Гоффе, Исада — В. Н. Кожина, Красная Луна — А. И. Шульженко, Люботинъ — Д. Чернушенко, Петровское — Старого Инвалида, Росслены — Шахмат. кружка, Смоленскъ — В. В. Рачинскаго, Югостица — Случайныхъ игроковъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ тѣхъ немногихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку преміи,—картины проф. Ю. КЛЕВЕРА „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“, поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: М. С. Щепинъ (съ портр.). — Вѣчу не быть. Старинная повесть Д. В. Авериева. Часть II. (Продолженіе). — Исторія одного таланта. Повесть Н. Станицкаго (Окончаніе). — Русскій отдѣлъ на Копенгагенской выставкѣ (съ 2 рис.). — Бѣ рюсунки: На жатву (съ рис.). — Окрестности Св. Горъ въ Харьковской губ. (съ рис.). — Этюдъ (съ рис.). — Смерть генералъ-майору Слѣпову (съ рис.). — Общій видъ Копенгагенской выставки (съ рис.). — Руноножка (Chironus madagascariensis (съ рис.). — Принцъ Генрихъ съ супругою (съ портр.). — Важнѣйшіе русскіе грибы. — Политическое обозрѣніе. — Рамы для преміи „Нивы“ 1888 г. — Задачи. — Заявленіе. — Объявленія. — При згомъ не прилагается для гг. подписчиковъ „Нивы“ особое бесплатное приложение: „Важнѣйшіе русскіе грибы“, печатанное 9-ю красками. Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Наумовъ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ

РѢСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ, состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. И. СЕРГѢЕВА.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стилей; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умеренная: въ издан. литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.

Требованія проситъ адресовать: въ СПБ., къ конторѣ журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

НАРОДНЫЯ ДВОРЫ собствен. произвед., по удешевл. цѣнамъ въ 3 1/2, 4, 5 и 8 руб. со школою и нот., на которыхъ самоучкой въ теч. 1 часа вполне можно выучиться играть, прод. въ музыкальн. инструментальной торговлѣ **И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.** Москва, Петровка, д. Волкова.

За перес. по почтѣ прилаг. 34 мал. за 10 ф., за больш. за 15 ф. Полный прейсъ-курнтъ всѣмъ инструментамъ бесплатно.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО для губернантовъ рекомендуетъ наставницъ и губернантокъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. За справками проситъ обращаться отъ 1 часа до 4-хъ часовъ пополудни, въ Торговую, домъ 15, кв. 58. № 3197 15-6 Комитетъ.

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА МАТТОНИ ГИСТЮБЛЕРЪ чистый щелочной источникъ освежительный и здоровый столовый напитокъ можно вездѣ получить. 600000 (миллион) бутылокъ годовой вывозъ. Р. № 3165 8-8

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ Невскій, 57, собств. домъ, Покупаетъ всѣ 00 бумагъ. Ссуды подъ всѣ 00 бумагъ. Страхуваніе выигранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3302 4-3 Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства **АГЕНТЫ.** Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ.

Учень пріятн. мелодичн. тонъ.

Преимущество исполнение пьесъ.

Играетъ посредствомъ металлическихъ потныхъ листовъ всевозможныя пьеса, русскія, салонныя, оперныя, и все тащца. Имѣетъ механизмъ для игры Forte, Piano и Tremolando. Пьеса разнаго размѣра и значительно длиннѣе, чѣмъ у другихъ ручныхъ органовъ.

Цѣна фениксъ-органа съ 10-ю пьесами 35 руб., простого фениксъ прежней конструкции съ 10-ю пьесами 25 руб. Добавочныя пьеса, безъ различія какого размѣра, по 70 коп. Списокъ пьесъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ — бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо № 3316
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Въ книжномъ магазинѣ
Н. Киммеля въ Ригѣ

вышло изъ печати:

ЗИМЪ

дополненнымъ и исправленнымъ изданіемъ

Практическое Руководство къ
культурѣ Розъ

И. А. Штегманна.

Цѣна 75 коп., съ пересыл. 80 коп.

ПАТЕНТОВАННАЯ МАШИНКА

для выдѣлыванія пуговицъ.

Необходимо для всѣхъ портныхъ, портныхъ, каретниковъ, сѣдельщиковъ, драпировщиковъ и декораторовъ.

Новѣйшая, простая и очень практическая машинка, съ помощью которой каждый легко можетъ выдѣлывать пуговицы изъ какой угодно матеріи.

ПРОЧНѢЕ И ДЕШЕВЛЕ ПОКУПНЫХЪ ГОТОВЫХЪ ПУГОВИЦЪ!

Цѣны машинки: Цѣны пуговицъ:

для портныхъ	Р. К.	Р.
. . . . .	18 — Пуговицы	1 за гробъ.
. . . . .	22	28 . . . . .
. . . . .	32	36 . . . . .

портныхъ . . . . . 13 50 1 р. 35 к., 1 р. 65 к., 2 р., 2 р. 25 к. " для каретник. и сѣдельщик. 20 — Пуговицы . . . . . 7 за тыс. для драпировщиковъ и декоратор. 15 — Пуговицы . . . . . 3 за тыс.

ПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНАЯ УСТУПКА!

Складъ и продажа машинокъ и принадлежностей къ нимъ:

у **С. БЕРНШТЕЙНА** **МОСКВА** Большая Лубянка, Варсонофьев-

9-5 " **ФРАНЦА ГЮНТЕРЪ** **МОСКВА** скій пер., домъ Рабушинскихъ, и въ **С.-ПЕТЕРБУРГѢ** — у Франца Гюнтеръ, Садовая, № 12. № 3270

ЛЕНИНГЪ и РЮЗНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ "Нива". № 2405

5,000,000 деревьевъ приготовлено въ питомникахъ для продажи, изъ коихъ 800,000 фруктовыхъ. Цѣна друтовымъ привитымъ отъ 5 к. за дерево. Лѣснымъ — отъ 80 к. за тысячу дерекъ. Прейсъ-курантъ по требованію. Садоводство **В. В. Быханова** въ Ленинскъ (Тамб. губ.) высылаетъ бесплатно.

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ БУХГАЛТЕРІИ

ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ

ПОСРЕДСТВОМЪ ЛЕКЦІИ И ПЕРЕПИСКИ, СОВЕРШЕННО ЗАМѢНЯЮЩЕЕ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. ПОЛНѢЙШЕЕ РУЧЕВАНІЕ ВО ВСѢХЪ ПЛАТА УМѢРЕНАЯ. ПОДРОБНЫЯ УСЛОВІЯ И ПРОБНЫЯ ПИСЬМА ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ **С.Я. ЛИЛІЕНТАЛЬ**, въ **МОСКВѢ**.

адресъ: Москва, Арбатъ, Мал. Песковский пер., д. Адамовича.

Только **ОДИНЪ** рубль.
Только **ОДИНЪ** рубль.
Только **ОДИНЪ** рубль.
Только **ОДИНЪ** рубль.
Только **ОДИНЪ** рубль.

стоитъ необходимая и практичная вещь для каждаго человека, каждый можетъ имѣть постоянно при себѣ свой именной штемпель, каждый можетъ самъ отпечатать собою именныя карточки, разныя бланки, отпечатать свои вещи, книги, бѣлье и проч., эта вещь есть

Удобная, необходимая и практичная вещь для каждаго человека, по доступной цѣнѣ.

Бреглетъ-штемпель посылается при депозитѣ чашечки и открытій инструкцій въ бочкѣ.

изящно отфранцованный никелированный **БРЕЛОКЪ-ШТЕМПЕЛЬ**

содержащій въ себѣ изъ настоящей каучука изготовленный штемпель, изображающій имя, отчество и фамилію по желанію также и званіе или мѣстожителство того лица, которое заказываетъ штемпель; этотъ штемпель даетъ четкое и красивое отпечатки, и на столь проченъ, что можетъ прослужить много лѣтъ; одинъ флаконъ штемпельной краски (вмѣщающій для штемеля на нѣсколько лѣтъ) предлагается бесплатно.

Цѣна за такой бреглетъ-штемпель лишь **ОДИНЪ** рубль сер., желающіе получить такой бреглетъ золоченый съ предсегомъ отдѣлкою, прилагаютъ за это еще **60 копѣекъ** (денегами или почтомъ. марками) при такой цѣнѣ каждому возможно и слѣдуетъ заказать себѣ такую необходимую вещь.

При заказѣ прошу четкимъ почеркомъ написать имя, отчество и фамилію, который желаетъ помѣститься въ штемпель и адресъ куда выслать.

Заказы съ деньгами прошу посылать по адресу:

въ гор. Нарву, Сиб. губ.,
Купцу **Венамину Давидовичу Михайловскому**. № 3315

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи. № 3206 14-13

ЭЛЕОПАТЪ пров. **КИНУНЕНЪ**

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. **КИНУНЕНЪ.**

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. (32) № 2946

ПАНСИОНЪ **В. В. ГЕДЕ.**

№ 3317 2-1

(СПБ., Изм. полкъ. 2-я рота. д. 3 (противъ Инст. Гражд. Инжен.)
Общеобразовательное частное учебное заведеніе 2-го разряда съ приготовительнымъ классомъ. Приемъ ежедневно съ 11-3 и съ 5-6. Начало классовъ 31 августа.

А. РОДЖЕРСЪ

Учебникъ англійскаго языка (2-е изд.), для школъ и самообученія).

1 часть — 75 к., II ч. — 1 р. 50 к. Прод. въ лучш. книж. магазинъ, и у автора: СПБ., Пушкинская, 20. № 3 318

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ!

Коллекція, избранная заведеніемъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ чайныхъ, ремонтантныхъ, моховыхъ и провинскихъ розъ, съ пересылкою: 100 сорт. за 35 р., 25 сорт. за 10 р., 12 сорт. за 5 руб. Минскъ, губернское садовое заведеніе **Н. Н. Голиневича**.
Наставленіе къ уходу и каталогъ высылаются по полученіи семикопѣчной марки.

№ 4711
ГЛИЦЕРИНОВАЯ
МЫЛА

получили известность, благодаря своимъ качествамъ: значительное содержаніе глицерина, большая экономія, обиліе лѣны и тонкій ароматъ составляютъ отличительныя ихъ свойства. Специально рекомендуемъ:

- № 4711 Роза — Хрустальное мыло,
- № 4711 Ландышъ — Хрустальное мыло,
- № 4711 Резеда — Хрустальное мыло.
- № 4711 О-де-колонъ — Хрустальное мыло,
- № 4711 Монополь — Глицериновое мыло.

Издѣлія № 4711 продаются во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3268 2-2

ГЛАВНОЕ ДЕПО

у **АЛЕКС. ТИСЪ** и **К°.**
Пушкинская, № 4.

КЛИШЕ

Гравированіе на деревѣ (клише) для иллюстр. изданій, Прейсъ-куранты, Объявленія и пр. КОМОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ **КАРЛЪ РИХТЕРЪ** Троицкая улица, д. № 27а. въ **С.-ПЕТЕРБУРГѢ.**

АХРОМАТИЧ. УНИВЕРС. БИНОКЛЬ.

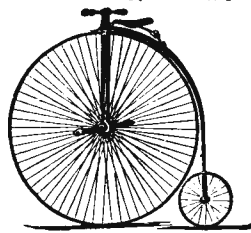
Карм. форм. въ замкн. котелк. . . 8 р. 50
съ пересылкою. . . . . 9 р. —
Больш. форм. въ шагр. футл. съ ремн. 9 р. 50
съ пересылкою. . . . . 10 р. 50

"Аргусъ" имѣетъ превосход. оптичск. качества, одинаково годенъ для военныхъ, охоты, скачекъ, путешествія, и театра, а потому вполне заслуживаетъ названіе "универсаль-Р. № 3308 ный бинокль". 2-2

Е. КРАУСЪ и **К°.**

ФАБРИКА ОПТИЧЕСК. ИНСТРУМЕНТОВЪ
Парижъ, Aven. d. I, Républ., 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
въ С.-Петербургѣ, Мойка, № 43.
Плюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фото-граф. прибор. высыл. бесплатно.

"РУССКІЙ КЛУБЪ" и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ-колесные велосипеды
специально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейсъ-куранты бесплатно, также брошюра виконта Барри: "О велосипедяхъ и велосипедистахъ".
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., В. Морская, 21. Р. № 3291 (5)

Важнѣйшіе русскіе грибы.

☠ Поганка лѣсная, *Amanita phalloides*.

☠ Мухоморъ. *Amanita muscaria*.

Скрипица. *Lepiota procera*.

Рыжикъ. *Galortheus deliciosus*.

Волнушка. *Galortheus torminosus*.

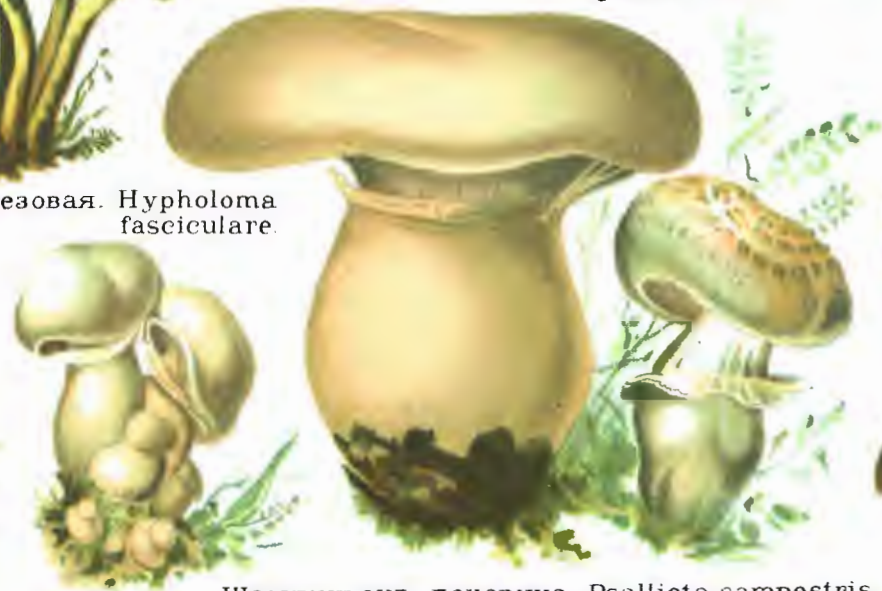
Лисичка. *Cantharellus cibarius*.

☠ Сплоень, поплаушка *Cantharellus aurantiacus*.

Опенка березовая. *Hypholoma fasciculare*.

Шампиньонъ, печерица. *Psalliota campestris*.

Сыроѣжка. *Agaricus integer*.

Подосиновикъ. *Boletus versipellis, s. aurantiacus*.

Березовикъ. *Boletus scaber*.

Груздь. *Agaricus piperatus*.

Моховикъ. *Boletus subtomentosus*.

Бѣлый грибъ. *Boletus edulis*.

Бѣлый грибъ. *Boletus edulis*.

Масленокъ. *Boletus luteus*.

Сморчокъ.

Свиблота. *Morchella esculenta*.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XIX г. № 35 **ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.** **г. XIX 1888**

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 27 августа 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к. — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швец. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.	Безъ доставки въ Петер- бургъ . . . . . 4 р.	Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . . . 6* р.	ПРИЛОЖЕНІЯ. Особые приложения при „НИВѢ“ объявленій отъ тор- говыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.
	Съ доставкою въ Петер- бургъ . . . . . 5 р. 60 к.	За границу, съ перес. . . . . 8 р.	
	Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. И. Печков- ской, Петровск. Торг. линіи. 5 р.	* Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ, а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать на укупорку и пересылку ея 60 КОП.	

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. номера „Нивы“ со всѣми приложениями.

Н. И. Уткинъ.

Гравированіе въ запад-
 ной Европѣ, существую-
 щее цѣлымъ сотнѣ лѣтъ,
 гордится цѣлымъ рядомъ
 болѣе или менѣе слав-
 ныхъ именъ. Въ Россіи
 граверное искусство по-
 лучило свое развитіе,
 сравнительно, недавно и
 потому число предста-
 вителей его весьма огра-
 ниченно; тѣмъ не менѣе
 между этими немногими
 представителями есть та-
 кіе, произведенія кото-
 рыхъ могутъ вполне со-
 перничать съ лучшими
 заграничными образца-
 ми и которыми русское
 искусство смѣло можетъ
 гордиться. Наша Акаде-
 мія Художествъ, со вре-
 мени ея основанія имѣ-
 ла двухъ превосходныхъ
 граверовъ—Чемесова и
 Берсенева, но оба они,
 умершіе рано, были лишь
 предвѣстниками той сла-
 вы, которую пользуется
 Н. И. Уткинъ, замѣча-
 тельный труженикъ, всю
 жизнь посвятившій го-
 рячо любимому имъ
 искусству (этому тяже-
 лому и довольно небла-
 годарному труду, сопря-
 женному часто съ поте-
 рей зрѣнія) и заботив-
 шійся о томъ, чтобы и
 по смерти его „граверное

Н. И. Уткинъ (по поводу двадцатипятилѣтія со дня кончины).
 Съ современ. портр. грав. Ю. Шюблеръ.

поле не запустѣло въ
 Академіи“. Со дня его
 кончины въ нынѣшнемъ
 году исполнилось двад-
 цатипятилѣтіе, и потому
 будетъ весьма кстати
 вспомнить объ Уткинѣ,
 который ни на шагъ не
 уклонялся отъ своего ху-
 дожественнаго пути и
 упорнымъ трудолюбіемъ
 приобрѣлъ себѣ честное,
 славное имя, щедро за-
 плативъ Академіи и ро-
 динѣ своей за все, что
 было для него сдѣлано.
 Въ исторіи нашей гра-
 вюры Уткинъ занимаетъ
 одно изъ первыхъ мѣстъ
 и особенно славится сво-
 ими портретами, кото-
 рыхъ онъ награвировалъ
 болѣе шестидесяти, въ
 томъ числѣ около двад-
 цати большихъ портре-
 товъ, въ техническомъ
 отношеніи представляю-
 щихъ верхъ совершен-
 ства и стоявшихъ ху-
 дожнику много времени
 и усиленной работы. Осо-
 бенно цѣнятся, и у насъ,
 и за границей, гравиро-
 ванные Уткинымъ пор-
 треты Суворова, митро-
 полита Михаила, импе-
 ратрицы Екатерины II,
 графа С. С. Уварова,
 П. А. Муравьева, Лей-
 тона. Хотя этого рода
 работы его гораздо вы-
 ше исполненныхъ имъ
 историческихъ сюжетъ

товъ и вивъстокъ, но и между послѣдними не мало прекрасныхъ вещей, каковы, напримеръ, виньетки: „Аптея, несущій земной шаръ“, „Переходъ Суворова черезъ Чертовъ мостъ“, „Phoebe fave“ и другія, отличающіяся необыкновенной тонкостью и изяществомъ рѣзца. Историческія гравюры его, которыми Уткинъ и началъ и кончилъ свое граверное поприще, также отличаютъ въ немъ много вкуса и оригинальный талантъ; они выдержаны вполне, изящны, и говорятъ о рѣзцѣ сильномъ, свободномъ и легкомъ. Уткинъ—ученикъ Клаубера и его продолжатель; онъ старался подражать и другимъ иностраннымъ граверамъ, но, занимая у кого-бы то ни было изъ иностранныхъ мастеровъ техническія приемы, перерабатывалъ ихъ по своему, почти каждой своей гравюрѣ, изъ лучшихъ, разумѣется, придавалъ свой собственный оригинальный оттѣнокъ. Нѣсколько разъ,—по замѣчанію Ровинскаго, его біографа,—Уткинъ отступалъ отъ манеры своего перваго учителя и гравировалъ въ манерѣ другихъ мастеровъ, по снова возвращался къ приемамъ Клаубера, и наибольшее число его произведеній выполнено подъ сильнымъ влияніемъ сего послѣдняго. Безукоризненный, классически-чистый рисунокъ, блескъ и щегольство, непринужденность и простота рѣзбы и удивительнопрекрасный тонъ, вотъ отличительныя качества произведеній Уткина, не только капитальныхъ, но и второстепенныхъ.

Николай Ивановичъ Уткинъ родился 8 мая 1780 года въ Твери, въ домѣ Никиты Артамоновича Муравьева, Екатериненскаго вельможи, гдѣ въ то время жилъ сынъ вельможи, Михаилъ Никитичъ, впоследствии бывшій однимъ изъ воспитателей великихъ князей Александра и Константина Павловичей, потомъ сенаторомъ, попечителемъ Московскаго университета, а также писателемъ. Закопнымъ отцомъ ребенка былъ написанъ въ метрику дворовый человѣкъ Муравьева, Иванъ Степановичъ Уткинъ. Дѣти М. Н. Муравьева, по свидѣтельству А. Г. Бибикова, называли Уткина своимъ братомъ, па что Николай Ивановичъ, со свойственной ему крайней застенчивостью, всегда отвѣчалъ: „помилуйте, какой я Муравьевъ, я просто крѣпостной вашего батюшки.“ Благодаря ходатайству Никиты Артамоновича Муравьева, Николай Ивановичъ былъ принятъ въ Академію Художествъ. Ему исполнилось тогда пять лѣтъ и потому онъ, какъ малолѣтній, былъ „сданъ на попеченіе классныхъ дамъ и нянюшекъ, положенныхъ по тогдашнему академическому штату“ при малолѣтнемъ классѣ. Здѣсь подъ заботливымъ женскимъ присмотромъ онъ оставался три года, послѣ чего перешелъ во второй и третій приготовительные учебные классы. По замѣчанію В. В. Толбина, автора брошюры объ Уткинѣ, сфера изящнаго окружала Николая Ивановича уже и тогда, когда онъ едва понималъ, къ чему его готовятъ и развила въ немъ любовь къ художественно-прекрасному, какъ по всечасному столкновенію съ нимъ, такъ и по природной склонности. Въ граверный классъ Уткинъ поступилъ въ 1794 году и сперва не могъ оказать никакихъ успѣховъ, потому что имѣлъ учителемъ Радига, вскорѣ уволеннаго изъ академіи „по причинѣ худого отъ старости лѣтъ зрѣнія“, а потомъ какого-то Ивапова, гравера довольно плохаго. Въ 1796 году академія пригласила извѣстнаго въ то время гравера Игнатія Клаубера, ученика знаменитаго Вилля. Это былъ учитель замѣчательный, съ любовью занимавшійся преподаваніемъ и не дѣлавшій секретъ изъ своего искусства. Подъ его руководствомъ Уткинъ въ короткое время усовершенствовался настолько, что могъ уже принимать участіе въ гравированіи ландшафтовъ Щедрина и атласа къ Путешествію Сарычева. Онъ копировалъ уже историческія гравюры изъ Орлеанской и Флорентійской галерей и, какъ замѣчаетъ Ровинскій, не рабски штрихъ въ штрихъ, а свободной манерой, съ полугляными собственнаго изобрѣтенія. Въ этихъ незначительныхъ работахъ уже была видна рука хорошаго рисовальщика и будущаго мастера. Въ 1800 году Уткинъ кончилъ курсъ со 2-й золотой медалью, дававшей право оставаться пенсионеромъ при академіи, для усовершен-

ствованія въ гравированіи, три года, и исполнять программу на 1-ю золотую медаль. Эту послѣднюю Уткинъ получилъ, за прекрасную гравюру „Іоаннъ Креститель“ съ оригинала Менпса, въ 1802 году, а въ слѣдующемъ году отправленъ въ Парижъ, куда онъ, по словамъ, прибылъ въ самый замѣчательный переходный политическій ея періодъ и былъ свидѣтелемъ борьбы устанавливающагося владычества будущаго императора съ неугомонившимися еще чисто республиканскими элементами. Уткину повезло съ перваго раза: онъ пристроился у знаменитаго гравера и члена національнаго института Шарля Бервика, который полюбилъ молодого художника, какъ роднаго сына; познакомился онъ близко и съ учителемъ Клаубера—Виллемъ и вращался почти исключительно въ средѣ цѣповниковъ-посольства, людей съ высшимъ образованіемъ, и эти знакомства повлияли на него прекрасно, расширивъ кругъ познаній Уткина. Уроки Бервика сдѣлали свое дѣло: Уткинъ дѣлалъ огромные успѣхи и за гравюру „Эней спасающій Анхиза“, находившуюся на парижской выставкѣ 1809—1810 года, получилъ золотую медаль отъ Парижской Академіи Художествъ; гравюра эта очень понравилась Наполеону и онъ наговорилъ граверу много лестнаго. Вслѣдъ за тѣмъ и наша Академія, за ту-же гравюру, произвела Уткина въ „назначенные академики“, а императоръ Александръ Павловичъ награждалъ его бриллиантовымъ перстнемъ. Когда срокъ пребыванія Уткина за границей окончился, Академія нѣсколько разъ призывала его въ отечество, но онъ отпрашивался всякій разъ и вернулся лишь въ 1814 году, проведя передъ этимъ два мѣсяца въ Лондонѣ, куда былъ отправленъ по ходатайству воспитателя императора Александра. По возвращеніи въ Россію, Уткинъ тогда же признанъ академикомъ, черезъ годъ опредѣленъ въ граверный классъ помощникомъ къ Клауберу, „какъ искусный граверъ, отличившійся своимъ искусствомъ и между иностранными художниками въ Парижѣ“, а черезъ три года получилъ мѣсто Клаубера, умершаго въ 1817 году, и назначенъ смотрителемъ эстамповъ въ Эрмитажѣ. Теперь онъ сталъ человѣкомъ обеспеченнымъ, его награждали и академія, и разныя влиятельныя и высокопоставленныя лица; многія иностранцы Академіи Художествъ избрали его въ свои члены. Все это, однако, не заставило Уткина опочить на лаврахъ, облѣниться, чему мы видѣли и видимъ столько примѣровъ. Онъ съ прежнимъ энтузіазмомъ, съ любовью весь отдавалъ своему дѣлу, училъ другихъ и выпускалъ изъ своей мастерской капитальныя и, болѣе или менѣе, талантливыя работы. Въ 1839 году онъ признанъ заслуженнымъ профессоромъ. Приближавшійся пятидесятилѣтній возрастъ и прежняя неутомимая дѣятельность его не могли не отозваться на здоровьи и на силахъ Уткина, онъ началъ видимо слабѣть, и Уткинъ, работавшій теперь только надъ доскою „Василій Великій“ съ картины Шебуева, постепенно началъ оставлять занимаемыя имъ должности; въ 1850 году онъ сдалъ граверный классъ своему любимому и высокодаровитому ученику Ѳ. И. Гордану, а въ 1860 уволился отъ должности хранителя эстамповъ Эрмитажа, сохранивъ званіе „почетнаго хранителя“. Отпраздновавъ весьма торжественно свой пятидесятилѣтній юбилей въ декабрѣ 1859 года, Уткинъ совершенно уединился и черезъ четыре года тихо почти за работой скончался, 83 лѣтъ отъ роду. Онъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ рядомъ съ другимъ русскимъ граверомъ, Скородумовымъ. Уткинъ былъ замѣчательнымъ преподавателемъ и нескъ объ ученикахъ своихъ даже и тогда, когда, оставивъ академію, они „вступали на трудный путь практической жизни“. Весь свой капиталъ, 25,000 руб., онъ завѣщалъ Академіи художествъ „исключительно на поощреніе и вспомоствованіе художниковъ, посвятившихъ себя гравированію на мѣди“. Таковъ былъ этотъ замѣчательно гуманный и любвеобильный человѣкъ, для котораго трудъ составлялъ первую потребность въ жизни.

П. Быновъ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверніева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

V.

Скоморошья игра.

Недалече Лука Аввакумовичъ отъ Славковскихъ улицъ отошелъ, какъ набрелъ на другую толпу. Разный народъ кружкомъ стоялъ, а въ серединѣ вертѣлся какой-то человѣкъ и размахивая руками, словно, кому-то грозя, кричалъ рѣзкимъ голосомъ. Лука еще издали узналъ въ этомъ крикунѣ Изгойченка. Изгойченко былъ сегодня въ одной драгой рубахѣ; хорошіе сапоги, въ чемъ педавно онъ щеголялъ, видно, кому

нибудь понадобилась; за то, хоть и босикомъ ходилъ, да въ шапкѣ съ чужой головы, и въ такой-то шапкѣ, что можно было предсказать, что не долго онъ ее поносить: комунибудь и она пошадобится.

Какъ Лука сталъ подходить къ толпѣ, Изгойченко, видимо сердясь, подбѣжалъ почти въ упоръ къ стоявшему впереди другихъ молодому купцу.

— А! такъ ты такъ-то! кричалъ онъ съ искаженнымъ лицомъ.—Ну, такъ слушай, дурья твоя гѣлова, что ошѣ съ тобой буде.

И отбѣжавъ на середину круга, Изгойченко потопо-

таль на мѣстѣ, точно выплясывал, и затянулъ на церковный напѣвъ:

Многи лѣта! многи лѣта!
А жена тобѣ Лизавета,
Оцѣ дура лѣта!

И тутъ, при общемъ хохотѣ, заржавъ по конину, слова, кривляясь, подбѣжалъ къ молодому купцу. Не стерпѣлъ купецъ, и быстро засучивъ рукавъ, думалъ Изгойченка въ лицо ударить, но только шапку съ него сшибъ.

— Что-й ты, Изгойченко, разнумѣлся такъ? сказалъ Лука, проталкиваясь въ средину круга. — Съ чего это опъ?

— А, вишь, Старкову жену большѣ хорошу обѣщаль, сказалъ кто-то въ толпѣ, и всѣ, вспоминая какова обѣщанная невѣста, захохотали.

— А и буде, буде ему! радостно вскричалъ Изгойченко.

Старковъ слова сжалъ было руку въ кулакъ, да Лука его уговорилъ.

— А что съ него, съ юродива, спрашивать! махнувъ рукой на Изгойченка, сказалъ опъ.

— Да нѣшто я на прорицанье его безцутное, обиженнымъ голосомъ заговорилъ Старковъ, какъ-бы сердясь, что бояринъ заподозрѣлъ его въ такомъ малодушии. — А ты-бы послушалъ какн рѣчи-те безцупенны опъ тутъ выкрикивалъ. Ужь за нихъ стоило-бъ. А народу смута одна.

Лука не успѣлъ спросить, что за рѣчи, какъ Изгойченко опять набросился на Старкова.

— Ай ты не вѣруешь? не вѣруешь? съ гнѣвомъ заговорилъ опъ.

— Анъ не вѣрую! вскричалъ Старковъ такимъ голосомъ, точно ругалъ Изгойченка самымъ послѣднимъ словомъ.

— А! такъ ты Михайлѣ юродивому не вѣруешь? къ Клонскому чудотворцу вѣры не имѣешь? ¹⁾ весь затрясаясь, гнѣвно залопоталъ Изгойченко. — А ладпо-ко, ладно! А буде вамъ всѣмъ!

Изгойченко перемѣнился весь. Съ блѣднымъ лицомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ всклокоченными волосами, съ загорѣвшимися очами, поднявъ вверхъ поллокоть загорѣлую руку, сжавъ въ кулакъ всѣ пальцы, кромѣ указательнаго, и грозя этимъ перстомъ, опъ закричалъ какъ-бы не своимъ голосомъ:

— А! покориться не хотите! Что-жъ! не покоряйтесь, не покоряйтесь! А народился князь Иванъ-Гимоей. А всѣхъ опъ васъ, всѣхъ, всю-то вольницу новгородскую! А такъ опъ васъ, такъ...

И тутъ Изгойченко сталъ руками вертѣть, точно срывая курчатамъ голову.

— А то-то-же; помните! грозно добавилъ опъ, показавъ кулакъ.

И при послѣднихъ словахъ, заскрежетавъ зубами, столь страшно глазами повелъ, что отъ него невольно попятнулись. Многимъ даже почудилось, что не Изгойченко это стоитъ, а ужъ не самъ-ли Клонскій чудотворецъ юродивый, на Новгородъ грозясь, изъ гроба всталъ.

Лука давно зналъ про это прорицанье, и хотя свое у него о немъ было мнѣнiе, но и опъ порядочно смутился отъ словъ Изгойченка; не на столько, впрочемъ, чтобъ не замѣтить народнаго смятенья.

— А полно-ко, Изгойченушко, ласково сказалъ бояринъ, подходя къ нему и глядя его, какъ маленькаго, по головкѣ. — А не сердись ужъ. А смелъ-бы лучше къ моему патру. Не обѣдавши, гляди; а прикажешь, паковать вѣдь.

Изгойченко тотчасъ-же присмирѣлъ отъ ласки, и по-

корно пошелъ куда ему было сказано. А новгородскую шапку такъ и оставилъ на землѣ лежать.

— Оно точно, обратясь къ народу, заговорилъ Лука, — давно ужъ скажутъ про это прорицанье Михайлово. А и чудотворецъ опъ вѣдомый. А только быть-же опъ княжескаго рода, а и думалъ по княжески. А намъ не лучше-ль своихъ святителей послушать, что они скажутъ.

Народъ подвинулся къ боярину.

— А про Юпу вспомнилъ я, про владыка нашего покойнаго. А святъ-же человекъ былъ. Не мало межъ вами и такихъ стоитъ, что помнятъ, какъ опъ стараго князя Василей Васильевича отъ смерти спасъ, отъ напрасныя ²⁾. А передъ самой смертью своей ѣздилъ владыко къ князю великому въ Москву, и въ великой любви его князь содержалъ. А просилъ старецъ святой, чтобъ по старинѣ князь держалъ Великій Новгородъ, а и новѣшній князь, Иванъ Васильевичъ, господинъ нашъ, съ отцомъ въ комнатѣ тогда сидѣлъ. А обѣщаль владыко, что передъ Божиимъ престоломъ за князей по смерти молиться буде, коль они Новгородъ въ старинѣ соблюдутъ. А новѣшнему князю и ослабу и свободу отъ ордынскихъ царей прорицалъ, только де Новгородской пошлины опъ не порушить. Аль князю отъ своего счастья да отъ владычьи благословенья отказаться теперь?

— Такъ, такъ! заговорили вокругъ Луки, и у всѣхъ съ его словъ стало легче на сердцѣ.

Едва толпа поуспокоилась, какъ издали допеселись звуки; гдѣ-то въ бубны забили и въ сопѣли засопѣли, и въ свистѣли засвистѣли. Всѣ бросились скоморошью игру смотрѣть. Лука Аввакумовичъ туда-же пошелъ. Много народу его перегнало.

Недалече отъ монастыря, по уже на Арбузевской землѣ, пристроился Теренька со своей игрой. У самаго лѣса дремучаго, на здоровыхъ и высокихъ пняхъ былъ взмощенъ рундукъ. Только-бы кровельку падъ нимъ сдѣлать, и вышла-бы сказочная избушка на курьихъ ножкахъ: къ лѣсу она стала задомъ, къ новгородцамъ передомъ.

Передъ рундукомъ, какъ коверъ, разстилался скошенный лужежъ. Впереди было отведено мѣсто для бояръ. Василей Селифонтьевичъ постарался, не ударилъ въ грязь лицомъ. По его приказу, паробки притащили и полстей войлочныхъ и скамеекъ, и мягкихъ подушекъ. Съ одной стороны рундука было мѣсто отведено гдѣ ставить боярскихъ копей и паробкамъ своихъ господрей дожидать, а съ другой — былъ шатеръ раскинутъ, а въ немъ наставлены всякія заѣдки и питья.

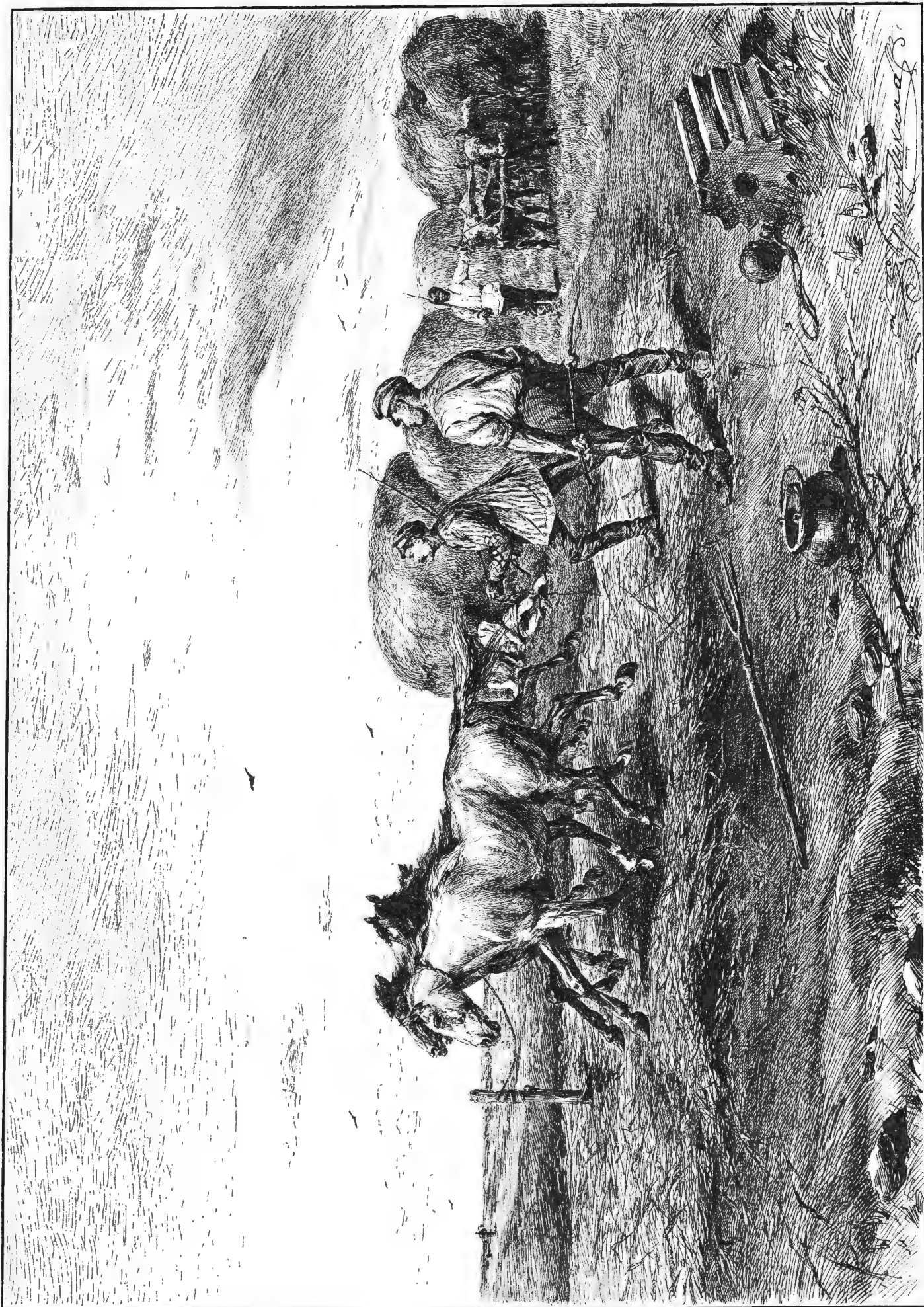
— А знай моль нашихъ! Василей Селифонтьевичъ сказалъ, — а колн весь городъ, такъ и весь сможетъ Арбузевъ угостить.

Много бояръ къ нему въ гости собралось. Давно ужъ прошелъ слухъ по Новгороду, что игра въ Спасовъ день будетъ особая; Юри Репеховъ даже охрипъ, всюду о томъ благовѣсти. Не только бояра, и изъ богомольныхъ боярынь пѣкоторые взманились посмотрѣть скомороховъ. Настасья Петровна примѣръ подала. Она всѣмъ говорила, что ничего — можно на Хутинѣ скомороховъ смотрѣть: зовуть-же ихъ во дворы боярскіе, и тутъ не на торгу играть будутъ, а все равно, что у Арбузева въ гостяхъ. На счетъ-же вольныхъ шутокъ, чего Настасья Петровна опасалась по наслышкѣ о скоморохахъ, Юри Сергѣичъ ей заклатье далъ, что Теренька ему божмя божился, что на сей-то разъ ужъ оставитъ ихъ, потому что ему въ томъ честь весьма велика, что и боярыни его игрой не побрезгаютъ.

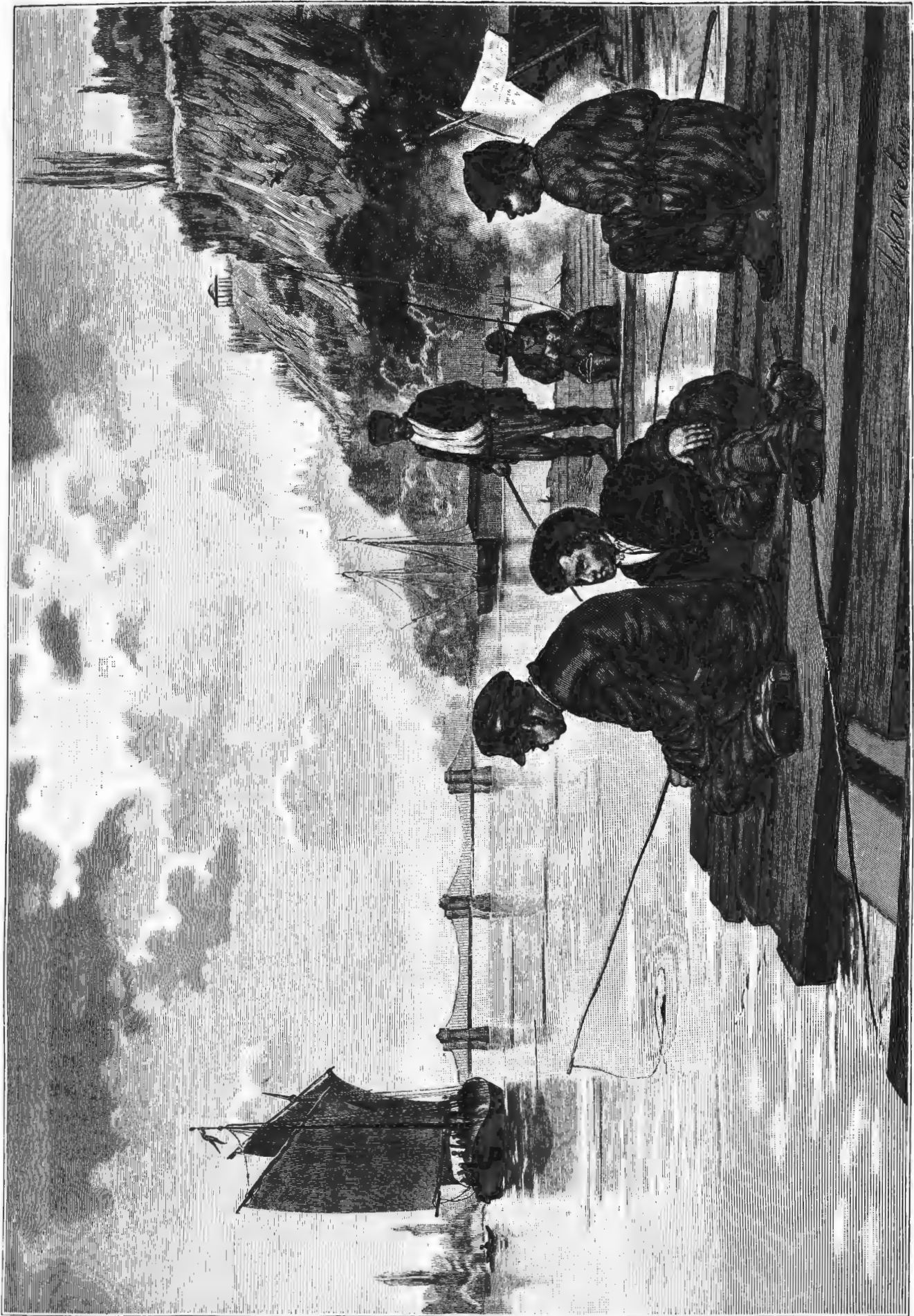
Василей Селифонтьевичъ суетился и бѣгалъ во всѣ стороны, повторяя въ сотый разъ, что опъ и лѣсу на рундукъ пожаловалъ, и рундукъ его-же парубки мостили. Хвалилъ и игру скоморошью, хвастая, что былъ на

¹⁾ Св. Михайлѣ юродивый былъ княжескаго рода; опъ пришелъ въ Клонскій монастырь (въ 20 верстахъ отъ Новгорода, на рѣкѣ Вержи) въ 1408 году и скончался проживъ въ монастырѣ 44 года.

²⁾ Напрасный — внезапный.

Молотба лошадыми въ Донской области. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Е. Краснушкой, грав. Голпе.

Рыболовы - любители на Днѣпрѣ подь Кіевомъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Иманевича, грав. Ю. Шюблеръ.

ученьи, какъ Теренька свою артель играть училъ, и все молъ отлично, только послѣдней, самой главной шутки и ему, какъ ни просилъ, не показалъ Теренька.

Лука, подошедъ и увидѣвъ на какую широкую ногу затѣялъ Арбузевъ угощенье, поморщился. Ему подумалось, что Василей Селифоптьевичъ не даромъ раскошелся: на всякій де случай себѣ друзей припасаетъ, если изъ-за Маврушепки, по своему бычьему упрямству, дойдетъ до бѣды. Лука ошибался: не только Арбузеву, но и самому Буяну такая хитрость и не грезилась. А выпалъ Василью случай прославиться, отчего же не похвалиться? Пива да меда—не въ гробъ же ихъ съ собой, прости Господи, класть!

Лука не хотѣлось выпче съ Арбузевымъ разговаривать; онъ боялся, что не выдержитъ и стапетъ его бранить за послѣднія продѣлки надъ Пашкомъ. И радъ онъ былъ, что патолкнулся на Юрья Репехова; съ этимъ о чемъ хочешь говори.

— Вотъ съ тобой, сказалъ Лука Юрью,—аль не съ тобой тѣ я, съ Кириакомъ Андреевичемъ разговоръ вель...

— О чемъ такомъ? съ жадностью подхватилъ Юрьи.

— А, вишь, Юрьи Сергѣевичъ, о томъ у насъ съ пимъ разговоръ былъ, что ни въ чемъ-то Москва передъ Новымъ городомъ не выстоитъ. А хоть-бы это скomorошье дѣло взять, игрецкое, ужъ самое пустое, кажись, а и тутъ Москвѣ далеко до Великаго Новгорода.

— Вѣрно! такъ равнунуль Юрьи, что многіе оглапулись.

— А и рѣчь московску взять... Паша-та рѣчь а красна вѣдь она, высокая. А въ Москвѣ-то что? Москва да отецъ—вотъ и краса вся.

Въ народной толпѣ тѣсновато становилось; кое-гдѣ уже слышалось: „ой, не пихайся, чортъ!“ и бабы повизгивали. Впереди, какъ разъ за боярами, двое стояли; давно ужъ они тутъ помѣстились, съ самыхъ обѣдовъ. И все-то время объ одномъ и томъ же спорили. Одинъ твердилъ что нынче про Терентя мужа будутъ скomorохи играть, а другой докладывалъ что не про Терентя игра пойдетъ, а только атамана Терентьемъ звать, по отцу Гаврилычемъ, а игра будетъ невиданная. И оба они про тѣ вѣрно знали, обимъ сами скomorохи сказывали, и оба уговаривали другъ друга не спорить.

Неподалеку отъ этихъ спорщиковъ, двое парней стояли; оба молоденькіе: едва усъ пробивался, едва щека пушилася. Одинъ свѣжій, здоровый, кровь съ молокомъ, и все-то онъ, словно стыдась, краснѣлъ. Другой мозглявъ на видъ, и надо быть пресердитый; все-то онъ, шипя на стыдливаго, правой щекой подергивалъ да закусывалъ справа нижнюю губу.

— И съ чего эку ранъ забиралися! лзвилъ онъ товарища.

Не долго ужъ парнямъ и игры скomorошьей оставалось ждать, какъ откуда ни возмисъ бабочка или вдовка молоденька, сама невеличка, чернявенькая, кругленькая да плотненькая: настоящій жучокъ. За ней, какъ выводокъ за маткой, дѣвчата гурьбой шли. Гдѣ словомъ ласковымъ, гдѣ шуточкой, а гдѣ и локотками ловко работая, пробилась она со своимъ выводкомъ сквозь густую толпу въ самый передъ. А пробившись, потѣснила парней.

— Эти откуль оцѣ? огрызнулся на нихъ мозглявый.

— Молчи ужъ ты, а Христа ради молчи! дергая его за полу, шепотомъ уговаривалъ стыдливый.

— Нашель дурака молчать! не унимался мозглякъ,—эку ранъ пришли раненьску, а эти откуль?.. Ишь, скамеечку оцѣ приволокли съ собой!..

Бабочка, не обращая вниманія на его ворчбу, устала скамеечку и сама посередѣ сѣла.

— А ну, дѣвушки, потѣнисъ, усаживайся!

Дѣвушки, которыя, потѣнисъ, усѣлися, а другія

сзади стали, обхватя руками другъ дружку и сидѣвшихъ впереди подругъ.

— Ишь, разсѣлися! Невидадь-болрыпи каки! сказалъ мозглявый.

— А молчи ужъ ты! шепталъ стыдливый, крѣпко схвативъ товарища за руку.

— Боярыни, говорю.

— А ты за нами паробкомъ постой, съ веселымъ смѣхомъ отозвалась бабеночка.

У мозгляваго лицо перекосилось и не пайдясь отвѣтомъ, онъ только зашипѣлъ.

— А откуль оцѣ скамеечку добыли? надумался онъ спросить.

Бабочка ни слова.

— То-то, съ особой злобой мозглякъ сказалъ, чувствуя, что товарищъ ему сталъ больно руку цинять.— А любопытно-бъ знать. Не у чернецовъ-ли вымолили?

Кое-кто въ толпѣ и хихикнулъ, а у мозгляка отъ того храбрости прибыло.

— Замолчали, вишь. Аль сказать пельзя?

Бабочка глядѣла въ сторону, будто не слышала, а сама выжидала: на чемъ бы срѣзать парня.

— То-то, молчокъ. Аль цѣлованось было? погромче мозглявый крикнулъ.

Хохотъ пошибче пошелъ, а дѣвушки не рады стали что увязались за бабочкой.

— Аль може... паглѣ вскричалъ мозглякъ да бабочка копчить не дала.

— Ты-то съ чего, а лнстъ баенный, со скамѣй присталь? огрызнулась она. — Аль та скамеечка въ примѣту тебѣ?

— Не въ примѣту будь, не спрашивалъ бѣ, еще паглѣ брякнулъ мозглякъ. — Знаю я чья...

— Тебѣ ли не знать! бабочка его перекрикнула, — коли тебя на той скамеечкѣ вечеръ батя сѣкъ.

Тутъ хохотъ такой всталъ, что стыдливый со сраму па-земь сѣлъ, таща за собой товарища, а тотъ ему вцѣпилъ со злости всей пятерней въ волосы.

— Лззуть, чу, лззуть, гляди! заговорили со всѣхъ сторонъ.

И точно, отъ лѣсу на рундукъ стала взбираться по лѣсенкѣ скomorошня артель. Всѣ молодцы были статные и видные; одѣты въ повые одноцвѣтные кафтаны. Выйдя впередъ рундука, они стали рядкомъ и, низко поклонясь на три стороны, немного попятисъ и вновь рядомъ ставъ, стали сказывать скomorошью былинну:

Какъ у насъ де былъ во Новѣгородѣ,
На Торговой стороны, на Знаменской,
А и жилъ-былъ Терентій-мужъ,
Онъ Терентій-мужъ Давилъевичъ.

Скоморохи разступалися по среднѣ, и изъ-за нихъ, словно мѣсяцъ въ просѣкѣ, выплылъ скomorошій атаманъ Терентьюшко.

Какъ увидѣли его, такъ всѣ и ахнули, а потомъ со смѣху какъ закатится. И мудро удержаться было: на рундукѣ стоялъ не иной кто, а самъ живой Юрьи Репеховъ. И борода его нечесанная, и волосы его лохматые и одежда точно съ Юрья снята.

— Такъ на эту-то игру невиданну ты меня звалъ смотрѣть? не утериѣлъ, рывкнулъ на весь народъ Юрьи Репеховъ.

— А не погнѣвисъ, Юрьи-свѣтъ Сергѣевичъ, съ низкимъ поклономъ отвѣтилъ атаманъ съ рундука, — коли мать меня да въ тебя спорѣдила.

Хохотъ пуще, и Юрью нечего было дѣлать, разсмѣлся самъ.

— А игра-та эта что за невидадь, ты конца-ко дождисъ! добавилъ Терентьюшка и мигнулъ ребятамъ, чтобъ дальше хоромъ былинну сказывали.

А и стала у Терентя-то жена больня,
Охъ, трудна-больня, больнѣ немочна.

Тутъ скomorохи опять по середкѣ разступалися и

изъ-за нихъ выскочила Терентьева жена. Была-ли то дѣвушка или скоморохъ молодой, бабой переряжеть,— ништо не могъ рѣшить.

— Ишь ты, трудпа-болыпа, а какъ выскочила, велухъ сказалъ Губапъ.

Былина сказывала что у Терентьевой жены приключился „утипъ“¹⁾, а палъ де опъ въ буйну голову, а съ буйной головы въ „бѣла плечушка“, а со плечушекъ въ животъ пошелъ. По мѣрѣ разсказа Терентьева жена на рундукъ хваталася то за голову, то за плечи, то за животъ, а сама еле на погахъ держалася: ну, свалится сейчасъ да и полно. Дальше былина сказывала, какъ просила жена позвать скомороховъ,— молодцовъ поученныхъ, чтобъ ее мѣлоду, вылечили.

— Вотъ такъ лѣкарей нашлал! не удержались, съ хотомъ крикнули въ толпѣ.

Терентьева жена тѣмъ временемъ откуда-то добыла мужу шанку и на голову ему ее надвинула и клюшку въ руку сунула. Клюшка не прошла не замѣченной: „ишь ты, и клюшки не забыла!“ А какъ былина далѣ стала сказывать:

А и шель-пошелъ Терентій-мужъ,
А и шель-пошелъ Данильевичъ.

тутъ скоморохи разступились, будто двери растворились. Атаманъ шель, а сзади его молодой скоморошина что жепу игралъ, будто пошелъ провожать мужа до воротъ.

Какъ Терентій-мужъ шель да оглядывался, молодая жена за голову рукой прихватывалась да пошатывалась, а только опъ спиной къ ней оборачивался, она его чуть не толкала въ горбъ кулакомъ. Эта игра всѣмъ понравилась; громко смѣялись.

Скоморошья артель сдвинулась; атаманъ, обѣжавъ позади своихъ молодцовъ, появился ужъ съ боку, а шель будто запыхавшись и отирая потъ.

Здравствуй-ко, Терентій-мужъ,
Здравствуй-ко, Данильевичъ,

съ поклономъ, хоромъ сказывала артель.

Какъ въ былинѣ пошла рѣчь Терентьева, что у него захворала жена, тутъ атаманъ сталъ молодаго скомороха передразнивать какъ тотъ отъ мнимой боли корчился и ежился, и такъ ловко опъ его передразнивалъ что всѣ были довольны.

— Ой да Терентьюшко, кричали, — а пелестный атаманъ будешь!

Былина далѣ шла. Стала она Терентью Данильевичу устами скомороховъ совѣтовать, чтобъ опъ

Скоро бы скочилъ въ Холстинскій рядъ,
Скоро бы кунилъ холстинскій мѣхъ.

И атаманъ быстро, со смѣшной старческой торопливостью побѣжалъ вдоль ряда скомороховъ, и спрятавшись за ними на минутку, снова впередъ выскочилъ держа въ рукахъ большой, пребольшой холщевой мѣшокъ.

— Живо оборотилъ! замѣтилъ одинъ.

— Недалече, знать, пояснилъ ему другой.

Скоморохи стали Терентья Данильевича упрашивать да уговаривать чтобъ опъ лѣзъ „во холстинскій мѣхъ“, обѣщая что тѣмъ его больную жену используютъ и выльчатъ. Чтò смѣху было какъ атаманъ, умоляясь на скоморошью упрашиванья, полѣзъ въ мѣшокъ. Напоследокъ и клюшку въ мѣшокъ къ нему кинули, и опять клюшка не прошла незамѣченной.

— Ишь, и клюшку не забыли же!

Взваливъ при общемъ не хохотѣ ужъ, а скорѣи ржаныи, Терентья въ мѣшкѣ къ себѣ на плечи, скоморохи потанулись гуськомъ въ одну сторону, и какъ задніе до середины рундука дошли, стала видна скамейка, а на ней Терентьева жена, обнявшись съ молодцомъ, сидѣла.

— Эвона, хворь кака высыпала! догадался одинъ, не молодой ужъ человекъ.

¹⁾ Утипъ — болѣзнь.

— Аль ты сейчасъ тò разчукаль? подхватилъ другой. — А не третьего-ли дни, кажись, а самъ ты скомороховъ звалъ жену пользоваться?

Шутка не мимо проскочила. На зубокъ догадливаго подняли.

— Ну, и бабы тожь! крикнулъ кто-то. — А и хитра живѣ повадка жепская!

— Ну, и вы тоже, мужескъ полъ, хѣроши быки будете! огрызнулась за всѣхъ черепенькая чтò жучокъ бабочка.

И съ этихъ мѣстъ поднялся споръ у мужиковъ съ бабами. Стали они, перебраниваясь, перечиться другъ съ дружкой — кто изъ нихъ честнѣе живетъ.

Скоморохи, между тѣмъ, дошедъ до края рундука, слѣзли съ него внизъ по лѣсенкѣ.

— А полно-ко вамъ а споровать! во всю мочь крикнулъ Губанъ на мужиковъ и бабъ. — А слышьте-ко, скоморохи-те бы въ ворота колотятся.

Споръ затихъ. И точно слышалось будто кто-то брякнулъ кольцомъ прикалитнымъ, а тамъ словно щеколда съ цѣпью зазвизкала, и напоследокъ явственно стало слышно что въ ворота колотится.

Терентьева жена прыгнула со скамейки и подбѣжала къ краю рундука, а скоморохи, понизя голосъ, ровно изъ-за воротъ просились:

Ты пусти-ко скомороховъ почевать,
Молодыхъ па тесовую кровать.

Парень, чтò сидѣлъ обнявшись, также прыгнулъ па край рундука и сталъ ее оттолъ тащить на середку, а она упиралася.

— Ишь, не по порову ему пришло! замѣтили въ толпѣ.

А скоморохи все почевать просились, докладывал какъ бы въ отвѣтъ на хозяйкины сомнѣнья, что

Скоморохи люди вѣжливые,
Скоморохи люди честливые.

Хозяйка, вѣроятно убѣдившись въ ихъ вѣжливости и честливости, махнула рукой чтобъ всходили на крылцо. Тò увидя, молодой парень спрятался со страху подъ скамеечку.

— Усь, усь его! загадѣли въ толпѣ.

Скоморохи съ мѣшкомъ на плечахъ снова взлѣзли па рундукъ, поклонились хозяйкѣ и затѣмъ стали былину далѣе сказывать. Въ былинѣ Терентьева жена спрашивала: не видали-ли гдѣ скоморохи Терентья „постылаго да супостатаго.“ Скоморохи отвѣчали что видали, лежить, молъ, Терентій во чистомъ полѣ,

А рѣзвима ножки во чистѣ-поле,
А и буйной гдоловой въ райкитъ кустъ,
А и буйна-то головка испроломлена.

Былина затѣмъ сказывала, какъ Терентьева жена тому радовалась и бранила своего покойнаго муженька, и па рундукъ у скомороха, въ ладъ со словами, лицо становилось веселое, а тамъ опъ и въ плясъ пустился. Тутъ одинъ скоморошина сталъ поколачивать по мѣшку, а былина, межъ тѣмъ, сказывала:

А и слышь-ко ты, холстинскій мѣхъ,
А не по-за очъ бранять, въ глаза говорить.

— Аль уснулъ опъ тамъ? вскричалъ здоровый парсекъ, забывъ свою стыдливость.

Отъ его-ли вскрику, отъ другаго-ль чего, атаманъ пробудился и полѣзъ изъ мѣшка вонъ. Какъ совсѣмъ ужъ выльзъ, вздумалъ опъ свою клюшку достать да, какъ-будто зацѣпясь за мѣшокъ, споткнулся и упалъ прямо па скамеечку. Изъ-подъ нея парень какъ заицъ прыснулъ и па бѣгъ ударился: только пятки за-сверкали.

— Ой лови, лови, держи его! зауськали въ толпѣ.

Куда держать, его и слѣдъ простылъ. Терентій-мужъ, поднявшись съ рундучнаго пола, подошелъ къ женѣ и приподнявъ клюшку, держалъ ее, точно собирался жену учить.

— А что задумался? а бей, учи ее! вскричалъ Губанъ. — А вѣдь всѣ вид'ли мы!..

— Вид'ли, а вид'ли же! пронеслось въ толпѣ.

— А что вид'ли-то? заступилась за Терентьеву жену, круглая что жучекъ бабенка. — Всего и было, что цѣлованось!

— А тебѣ чего оцѣ захотѣлось? окрысился на псе со всѣхъ сторонъ.

И тутъ пуще прежняго споръ у мужиковъ съ бабами пошелъ. Атаманъ, стоя на рундукѣ, прислушивался къ спору и когда мужики погромче кричали, будто учить жену хотѣлъ, а когда бабы шибче провизгивали, слово отдумывалъ. Долго этотъ крикъ и визгъ стоялъ.

— А и полно-ко вамъ, рывкнулъ во весь народъ Юрьи Репеховъ, дожидая послѣдней, даво обѣщанной атаманомъ шутки. — Дайте-ко-съ игру доглядѣты!

Юрьи послушались, затихли. Терентій-мужъ такъ грозно кляушкой взмахнулъ, что бабы даже взвизгнули: думали и впрямь жену убить. Терентьева жена была догадлива; увернувшись отъ кляушки, она съ воемъ пала мужу въ ноги, и обхватила руками его чеботы.

— А! виниться топерь! вскрикнули не безъ радости мужики.

— Ой, виплюсь, виплюсь! вопила на рундукѣ Терентьева жена. — Ой, прости ужъ меня, Терентьюшко, а мой миленькій, господинъ ты мой а жалостливый.

— А худо винишься, Терентій сказалъ. — Поисправься, а поисправь-ко-ся, моя жешушка.

Терентій, взявъ руки въ боки, и широко разставивъ ноги, важно и гордо предъ женой стоялъ.

— Ой, ужъ какъ звать-то тебя, господинъ мой а миленькій, не придумаю.

— А полно-ко господиномъ звать, государемъ хочу, Терентій сказалъ.

Съ этихъ словъ ровно у всѣхъ духъ перехватило, и на мигъ, другой стала мертвая и холодная тишина. Какъ Теренька самъ послѣ рассказывалъ, за вѣкъ ему эта малая минутка показалась, и у него по спинѣ даже ознобъ прошелъ. Струхнулъ онъ порядочно: „не черезъ край-ли молъ шуткой захлестнулъ?“ Слѣдомъ за этой мертвой и холодной тишиной словно буря сорвалась. Страшный вскрикъ зашумѣлъ. Хутынскіе чернецы послѣ сказывали, что они въ обители испугались того вскрика, не вѣдая что такое дѣлается.

— Ой же, Терентьюшко! вскричали повгородцы. —

Исполать тебѣ за эту шутку твою хорошую! А и вѣкъ тебѣ быть въ скоморошскихъ во атаманахъ!

— Ишь, ласуны, разлакомились! пробурчалъ сердито боаринъ, пробираясь межъ толпой.

— А тебѣ не по вкусу, знать: не московскій медъ! насупясь отвѣчали ему.

— А это, гляди, не подовипникъ ли буде? кто-то сказалъ, намекая на убитаго Овина.

— А ну его къ бѣсу! третій вскричалъ. — А что, госнодо, а оцѣ бы...

— А и впрямь оцѣ. Ой, слышь, Теренька, оцѣ, оцѣ! закричали со всѣхъ сторонъ.

Терентій ослушаться не посмѣлъ. Опять онъ кляушкой взмахнулъ, а жена ему взмолилася. А какъ до „государя“ дошло, тутъ не стерпѣлъ, вскочили на ноги Юрьи Репеховъ.

— А не даромъ, Терентій, у Арбузьева ты хвастался, а сказывалъ что и мнѣ-ко раскошелиться велишь. Анъ бери — твое добро!

И съ этимъ словомъ Юрьи кошель на рундукъ метнулъ. Хотя Арбузьевъ потомъ и рассказывалъ, будто Юрьи впередъ поль-кошеля денегъ, которыми покрунѣе, къ себѣ въ карманъ высыпалъ, а только остальное бросилъ Терепкѣ, а все же его, Юрьевъ, починъ былъ. Велико дѣло починъ: слѣдомъ всѣ бояра и житги стали метать свои кошельки на рундукъ.

— А стой, постой-ко, Терентьюшко, вскричалъ Василей сермяжникъ,—а и наша денежка не щербата живе. А мечи, господо, что кому по могутъ, въ мой высокъ колпакъ.

И спявъ колпакъ, оборотилъ его внизъ тулей. Полонъ колпакъ ему денегъ набросали.

Василей къ рундуку подошелъ.

— А получай сполна, слышь, Терентьюшко, сказалъ онъ. — А прими оцѣ мое спасибошко сердечное.

Всѣ подхватили это слово Васильево и кричали Терентью спасибо.

— А что, робя, аль оцѣ? кто-то смущенно спросилъ.

— А и то: аль оцѣ? подхватили съ разныхъ концовъ. — Ой, слышь-ко, Тере...

Да на полусловъ и замеръ крикъ. Къ вечернѣ въ Хутынѣ въ большой колоколь ударили. И всѣ, открывъ головы, истово перекрестились и заспѣшили къ вечернѣ, оставивъ Тереньку съ артелью считать богатую выручку да дувапъ дуванить.

(Продолженіе будетъ).

Смерть Роланда.

(Изъ А. де-Виньи).

Князя Д. Н. Цертелева.

I.

Люблю я рога звонъ въ лѣсу во тьмѣ почпой;
Въ его мелодіи мнѣ слышится порой
Погоня быстрая, и тренегъ бѣдной лани;
Сквозь шумъ листовъ призывъ любви и звукъ рыданій.

* * *

Какъ часто этотъ звонъ въ полночной тишинѣ
То радостью, то вдругъ печалью вѣялъ мнѣ
Какъ будто тамъ опять трубятъ среди долины,
Какъ въ тѣ года, когда въ ней гибли паладины...

* * *

Волшебный край, гдѣ горъ цвѣтущихъ блещетъ рядъ,
Гдѣ надъ потоками надвинувшись стоятъ
Угрозою скалы, циркъ забытый Марборен
И гдѣ снѣга въ даль уходятъ Пиреней.

* * *

Подъ яркой ризою изъ снѣга и цвѣтовъ,
Стоите вѣчно вы на грани двухъ міровъ,
У вашихъ ногъ не разъ мой чуткій слухъ ласкали
Напѣвы тихіе и вѣги и печали.

* * *

То путникъ, запоздавъ одинъ въ глуши лѣсной,
Призывомъ мѣднымъ вдругъ пробудить мракъ ночной;
Стада, осторожась съ вниманіемъ пугливымъ,
Внимаютъ среди горъ всѣмъ звонкимъ переливамъ...

* * *

Повиснувъ лань замереть надъ крутизной
Не думалъ бѣжать, глядитъ во мракъ почпой;
А рога звонъ, кругомъ разнесшійся далеко,
Съ немолчной жалобой сливается потока.

* * *

Вы, тѣни славилы, встаете ли опять?
Что въ этихъ звукахъ намъ хотите вы сказать?
О Роландъ! ужель его увижу тѣнь я,
Роланда духъ ужель не могъ найти забвенья?

II.

Убиты всѣ; тѣла навалены кругомъ,
Роландъ и Оливье стоятъ еще вдвоемъ;
Врагъ близокъ, смерть грозитъ имъ каждое мгновенье
„Сдавайтесь“, имъ кричать, „сдавайтесь—пѣтъ спасенья!“

* * *

Шутъ за прялкой. Картина Германа Каульбаха, грав. Бредамуръ.
Библиотека "Руниверс"

„Смотри остались вы одни, дружины нѣтъ;“
Но будто грозный левъ Роландъ кричить въ отвѣтъ:
„Пусть прежде скалы тѣ, что тамъ стоятъ высоко
Пизринутся на дно шумящаго потока.“

* * *

— „Сдавайся-жь вотъ онѣ!“ Въ долинь грянулъ громъ;
Сорвавшись съ вышины— и на пути своемъ
Ломаю все— дубы и сосны вѣковыя,
Скала скатилась внизъ, умокла воды злыи;

* * *

И на утесъ, какъ тигръ, Роландъ спѣшить прыгнуть,
„Спасибо, ко врагамъ ты проложилъ мнѣ путь!“
На ихъ полки одинъ напастъ онъ хочетъ снова—
И войско все дрожитъ предъ нимъ бѣжать готово.

III.

Спокойно между тѣмъ, обратно среди горъ,
Съ дружиной ѣхалъ Карлъ; шелъ мирный разговоръ,
И Люць, и Аржелесъ видѣлись недалеко
Средь зелени лѣсовъ, надъ лентою потока.

* * *

На родину идутъ— и свѣтится у всѣхъ
Въ глазахъ веселіе; вездѣ шумъ, говоръ, смѣхъ,
Шипя течетъ вино, и лютя трубадура
Звучитъ среди долинь сказаньями Адура.

* * *

Роландъ хранить ихъ тылъ: спокойно все кругомъ;
На ворономъ конѣ съ лиловымъ чепракомъ,
Близъ Карла и Тюриецъ съ иконою святой—
Поводья держитъ онъ разсѣянной рукой.

* * *

Онъ молвитъ: „государь, умершихъ мчится рать
Надъ нами, вамъ небесъ не должно искушать:
Остановитесь здѣсь— то огненной толпою
Ихъ тѣней хороводъ несется надъ землею.“

* * *

Сверкнула молнія, темнѣвшій небосклонъ
Блеснулъ, издалека донесся слабый звонъ,—
И поводъ затаивъ, сквозь сумракъ грозной ночи
Тревожно Карлъ назадъ во тьму впередъ вѣрлетъ очи.

* * *

„Вы слышали?“ Ему въ отвѣтъ епископъ: „Да,
Быть можетъ пастухи зовутъ свои стада...
Быть можетъ Оберонъ такъ слабо и уныло
Трубить въ лѣсу глухомъ, поетъ и шепчетъ милой.“

* * *

И дальше ѣдетъ Карлъ, но видъ его чела
Мрачнѣе той грозы, что небо облегла:
Измѣну чуетъ средь безмолвія ночнаго
А рогъ звенитъ, звенитъ и замираетъ своа.

* * *

„Бѣда! Роландъ зоветъ, скорѣй назадъ скакати!
На помощь будетъ онъ лишь умираи звать...
Назадъ, назадъ! Летите всѣ какъ вихоръ скоры,
Дрожите подо мной, предательскія горы!...“

IV.

Покрываютъ лѣною, надъ пропастью дрожатъ
Ихъ кони; впереди едва горитъ закатъ:
Сквозь мракъ едва видны на грани небосклона—
Еще бѣгутъ враговъ далекия знамена.

* * *

„Тюриецъ, ты ничего не видишь падъ водою?“
— „Двухъ рыцарей; они раздавлены скалою:
Одинъ— послѣдній вздохъ отдалъ; душа другого,
Простясь съ землею, сюда насъ призывала снова—
Онъ все сжимаетъ рогъ слабѣющей рукой.“

* * *

Какъ грустенъ рога звонъ во тьмѣ въ глуши лѣсной!

Рядовой Степанъ Гордіенко.

Рассказъ Андрея Львовича.

Степанъ Гордіенко служилъ рядовымъ въ первой стрѣлковой ротѣ нашего полка. Сознаться, право, не затѣйливый былъ солдатикъ этотъ Гордіенко: небольшого роста, неуклюжь, рябоватъ, — совсѣмъ не видный солдатикъ. Сказалъ бы вамъ, что онъ былъ даже и глуповатъ нѣсколько, да боюсь не соврать бы. Не любилъ говорить мой Гордіенко, все отмалчивался; такъ и умеръ — никто не узналъ, чтѣ тамъ было у него въ головѣ: глупъ-ли былъ, какъ и многіе, или умнѣе.

Вотъ, бывало, идемъ мы походомъ. Грязь и слякоть, сверху и снизу вода. Сыро, мокро, идти тяжело.

„Эка жизнь!“ слышатся вздохи. „О-охъ!“ поправляетъ ранецъ старикъ бесрочно-отпускной солдатъ; „охъ“, кричатъ онъ и еле-еле ползетъ. Ранецъ тяжелъ, отъ ремней на плечахъ кровяныя полосы, солдатъ боленъ, идти дѣйствительно тяжело.

— Братцы, пра не могу, прохрипѣлъ большой и ухватился за молодого солдата, шедшаго рядомъ.

— Да вотъ-тѣ Гордіенко возьметъ твой ранецъ, ха, ха, ха! сострилъ ротный балагуръ-калужецъ и толкнулъ рядомъ шедшаго Гордіенко.

Тотъ очнулся отъ задумчивости, широко раскрылъ глаза. Зачѣмъ его толкнули, онъ не понималъ.

— Мм? Чого?

Всѣ расхохотались.

— Ранецъ волоки! прокричалъ ему сквозь хохотъ ротный острякъ, — вонъ человекъ помираетъ, ранецъ прими у него, тебѣ вѣдь мало одного ранца!

— Мм... успокоился Гордіенко и принялся отстегивать ранецъ у больнаго.

— Чтѣ за глупости! крикнулъ фельдфебель, — въ лазаретную линейку больнаго!

— Да тамъ мѣстовъ нѣтъ, Сидоръ Карнычъ, отвѣтилъ дежурный по ротѣ.

А Гордіенко давно уже несъ ранецъ больнаго и ружье.

— Подохнешь, не дойдешь, рѣзко замѣтилъ ему отдѣленный ефрейторъ.

— Мм? Ни!

И съ двумя ранцами Гордіенко, нѣсколько изогнувшись, идетъ такъ же, какъ и съ однимъ.

— Ну и дуракъ! хохочетъ ротный острякъ-калужецъ.

„Ну и дуракъ!“ думаютъ за нимъ почти всѣ солдаты. „Да и какъ не назвать дуракомъ? тутъ и такъ тяжело...“

— Эхъ вы свиньи, свиньи! подслушалъ ихъ разговоръ полуротный командиръ, прапорщикъ, — дай Гордіенко ружье, я помогу тебѣ.

— Ни, ваше благородіе, я не то что на спичи, я въ зубахъ его донесу, вамъ не дамъ!

И уперся на своемъ, донесъ ранецъ до бивуака.

„Ну, извѣстное дѣло, нашъ прапорщикъ добрый человекъ, а Гордіенко все-таки дуракъ“, думали солдаты.

Дуракъ да дуракъ, такъ дуракомъ и проходилъ весь походъ. Прошли юго-западъ Россіи, прошли и Молдавію, и Валахію, перешли за Дунай, а Гордіенко все дуракъ, да дуракъ.

— „Нѣтъ, видно глупъ“, думали и офицеры, взглядыясь иной разъ въ незатѣйливую физиономію Степана Гордіенко.

— „Дурень? Ну и не хай дурень!“ думалъ себѣ Гордіенко и молча шелъ дальше. Не то у него въ головѣ было. „Господи“, вѣчно молилъ Степанъ Гордіенко, — „якъ бы то мнѣ боя сподобиться?..“

И съ этою мыслью обыкновенно засыпалъ онъ на бивуакѣ, съ нею вставалъ, и съ нею же, всегда готовый на новый и вѣчный походъ, шелъ дальше и дальше. Ни вздоха, ни ронота, ни упрека, ни жалобы. Идетъ задумчивый, всегда бодрый и крѣпкій, немного угрюмый, идетъ къ какой-то ранише намѣченной цѣли и никто его будто не можетъ свернуть, никто не столкнетъ его съ этой дороги — упорно идетъ.

Такъ прошли мы много походовъ. По сторонамъ ужъ слышны были орудійные выстрѣлы, но мы не вступали въ сраженіе. Вотъ-вотъ поведутъ въ дѣло, одинъ переходъ и понохаемъ пороку — приходимъ — нѣтъ ничего. Застаемъ или покойный бивуакъ другаго полка, или къ шаночному разбору, какъ говорится, подоспѣемъ — опоздаемъ въ сраженіе. Острили молодые офицеры, что нашему полку не везетъ...

Наконецъ судьба смилосердилась. Подъ вечеръ прискакала казакъ.

— Чтѣ? что?..

— Непріятель, братцы!

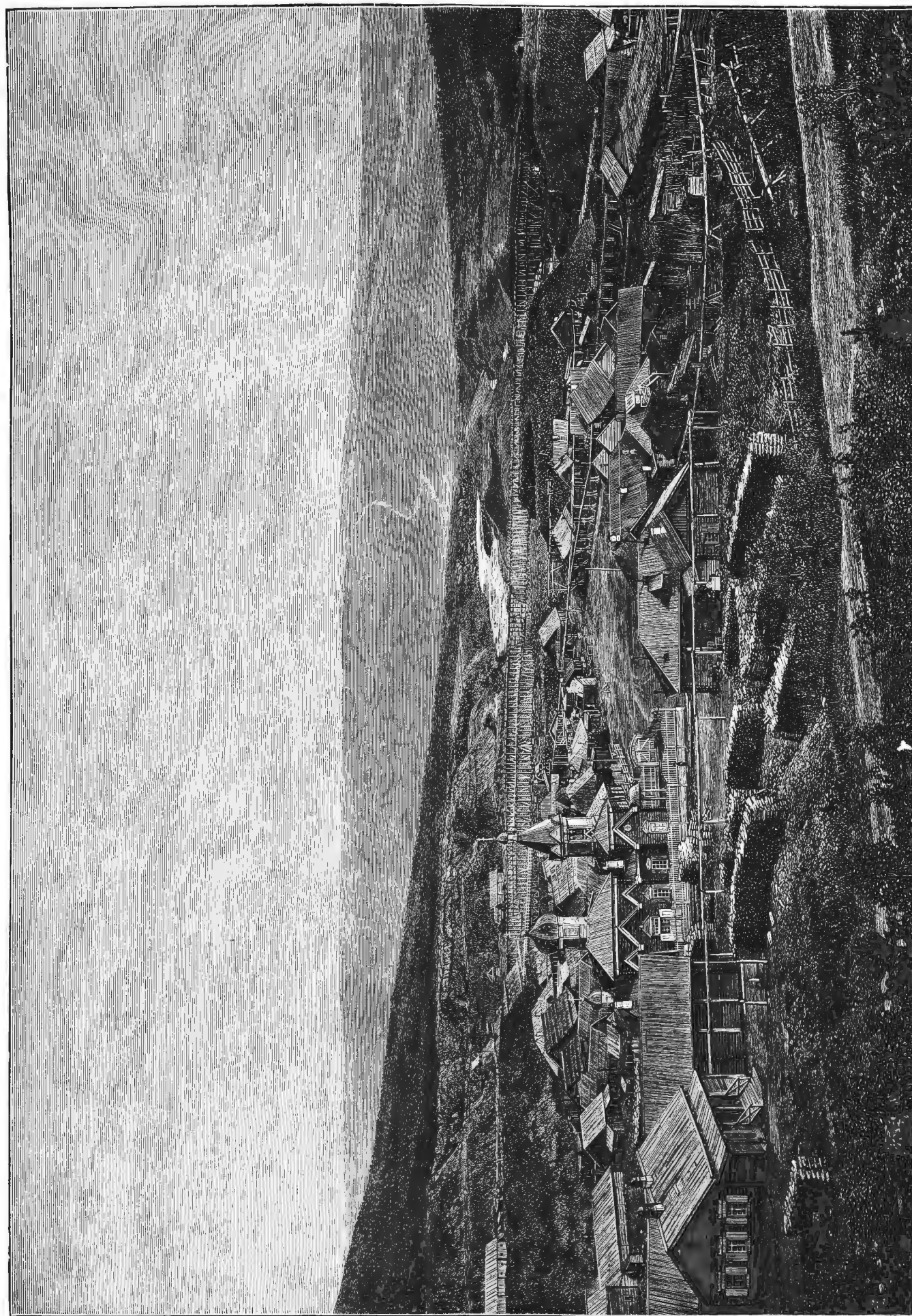
— Ну?

— Э! братцы, видимо-невидимо!

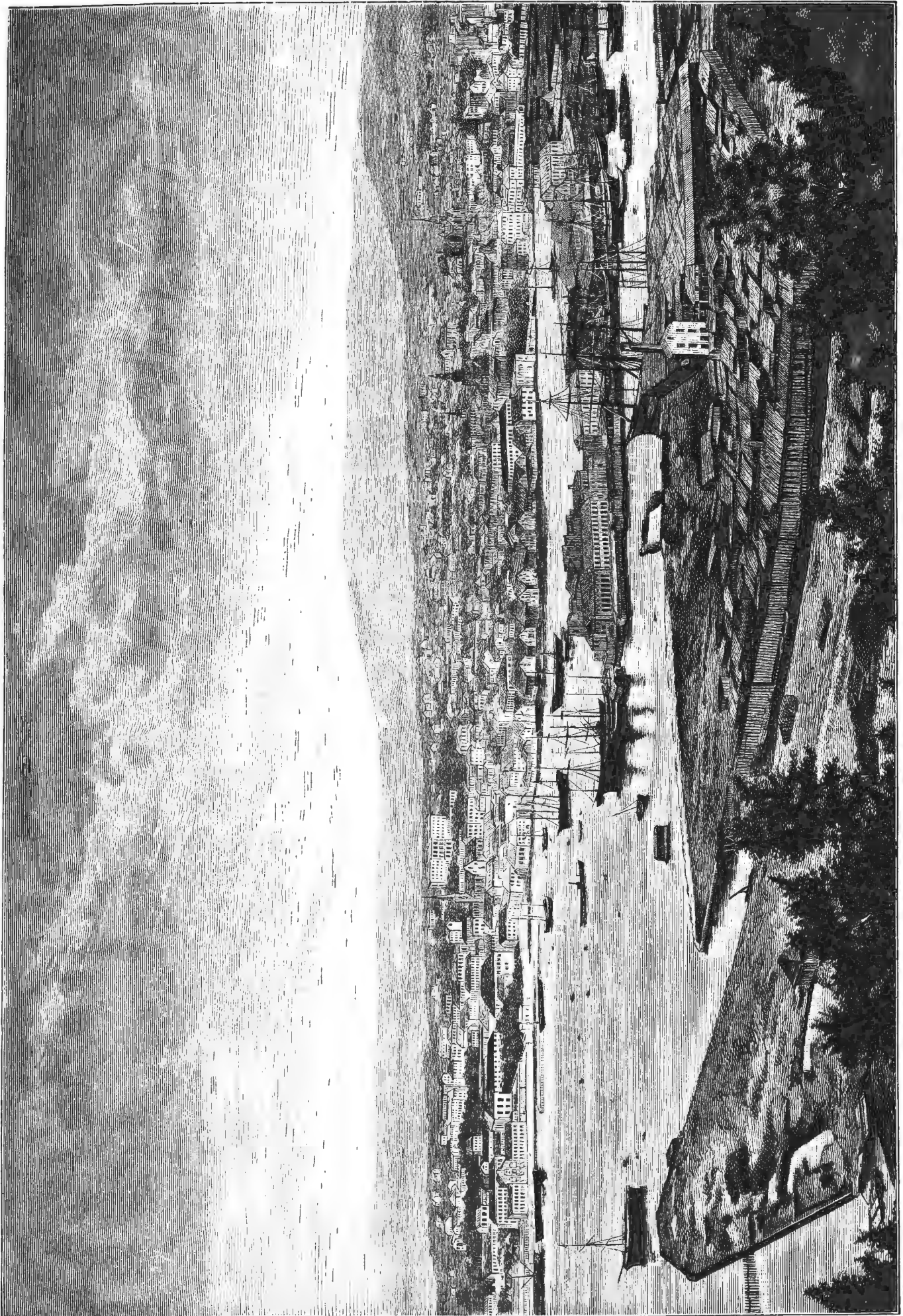
— Да гдѣ?
 — Да тамъ.
 — Да ты куда?
 — Къ евералу писульку...
 — Писулька... осклабилъ зубы Гордіенко и какъ-то странно заблестали у него глаза, — коли бь Господь сподобивъ! пробурчалъ онъ и задумался.
 — А ты чего, радъ что-ли? подошелъ къ нему ротный острякъ.
 — Ну, радъ! такъ что-жь?
 — Врешь. боишься! расхохотался калужець.
 — Боюсь?.. у Гордіенки сверкнули глаза, — ну ни! вотъ побачишь!—И, круто повернувшись къ нему спиною, пробурчалъ:— дурень, дурень... самъ дурень... отъ що! а я не боюсь! вотъ що!
 — Бессарабскій полкъ, надѣвай рапицы! въ ружье! раздався тревожный голосъ командира полка по бивуаку.
 — Бессарабцы въ ружье! живо! раздались такія же тревожныя команды. У каждаго выпуло сердце.
 — Ну, сподоби Боже⁴, подумалъ Гордіенко и зло вскинувъ рапицу на плечи, пристукинулъ слегка ружьемъ.
 Полкъ выступилъ на ночь. Съ вечера пошелъ градъ, потомъ полилъ дождь; съ полночи стало такъ холодно, какъ только бываетъ въ глубокую осень. Въ Болгаріи ночи вообще холодны, во время же дождей дѣлается просто невыносимо.
 Всю ночь мы прошли. Днемъ отдохнули подъ дождемъ—и подъ дождемъ на ночь снова пошли. Переходъ былъ ужасный: холодъ, грязь и полная неизвѣстность.
 «Что же въ бой?» думали многіе. Но вмѣсто боя намъ приходилось шлепать по грязи. Мокрыя, холодныя и голодныя мы наконецъ стали на бивуакъ. Но чтѣ это былъ за бивуакъ? открытое, пахотное поле и ни кустика, ни деревца, ни строения вблизи. Холодъ страшный.
 «Хоть бы заборъ какой-нибудь», думали плутоватые солдаты, «все бы, хоть и досталось отъ начальства, ночью согрѣлись бы.»
 — Гордіенко, что-жь дровъ нѣтъ? прикрикнулъ на него ротный острякъ. — Что-жь мы безъ дровъ будемъ?
 — Нема, про себя буркнулъ Гордіенко.
 — Нема! дуралей! я знаю, что нема! почти зло процѣдилъ сквозь зубы калужець. Ему было такъ холодно, что онъ готовъ былъ серьезно злиться на Гордіенку. Солдаты даже не хохотали надъ этой шуткой...
 ..
 Скученъ бивуакъ въ темную ночь, подъ дождемъ, безъ огня. Темными массами лежатъ солдатики, гдѣ можно лежать, гдѣ грязи поменьше; темными группами стоятъ они прижавшись другъ къ другу гдѣ-нибудь въ лужѣ, и молча каждый, какъ бы забывшись, туго и тоскливо всматривается въ даль въ темноту. Но стоять невыносимо, пройдя верстъ сорокъ, сорокъ пять. Ноги подкашиваются, острый холодный вѣтеръ съ дождемъ такъ и гнетъ челоуѣка къ землѣ. Какова бы ни была постель—лижешь. И мало-по-малу укладывается народъ, крестится и укладывается въ лужахъ.
 — Брр! прямо въ лужу лицомъ угодилъ, слышится чей-то дрожавшій отъ холода голосъ.
 — Братцы, вотъ тутъ суше, сюда!
 И толпа людей бросается въ темнотѣ къ тому мѣсту.
 — Куда! пошелъ! тутъ первый взводъ!
 Кого-то гонять... Кто-то шлепаешь по лужѣ... уналь... легъ въ лужу...
 — Эхъ, братцы, ну и стужа! слышится на сухомъ мѣстѣ.
 — А ты къ намъ ползай, тутъ въ водѣ теплѣе...
 Кто-то гдѣ то ругается...
 Къ углу еще холоднѣе.
 — Брр! то тамъ, то самъ слышится въ темныхъ массахъ лежащихъ солдатъ.
 — О! Господи, вотъ жизнь! простоналъ какой-то изъ «полу-благородныхъ» (бывшій лавочникъ, взятый изъ запаса)...
 Часа два ночи. Холодъ невыносимъ. Солдаты всѣ на ногахъ; стоятъ, окоченѣли, жаль смотрѣть, дрожать, жмутся другъ въ другу, да мало толку...
 Начинаетъ свѣтать. На горизонтѣ заблѣла полоса. Дождь пересталъ.
 — Эхъ, братцы, недогадались, отпроситься-бы, да дровъ въ лѣсу нарубить, вѣдь вонъ лѣсокъ, сказалъ кто-то, указывая на востокъ.
 — Лѣсокъ-то лѣсокъ, да верстъ пять до него.
 — Ну?
 — Вотъ те и ну!
 — Братцы, гляди, гляди! послышались голоса съ другой стороны.
 — Да чего?
 — Да Гордіи дровъ волокеть!
 — Ну??
 — Да волокеть-же, говорятъ тебѣ!
 Въ полуверстѣ по пахоти двигалось дѣйствительно что-то странное: не то шалашъ, не то корова, не то челоуѣкъ въ кустѣ.
 — Ты это гдѣ? воскликнулъ обрадованный ротный командиръ.

— А онъ тамъ у лѣсу, ваше благородіе! и лицо Гордіенки засіяло довольной улыбкой, шире масляницы.
 — Ваше благородіе, безъ спросу отлучился, заикнулся было фельдфебель.
 Но... по вина Гордіенки была слишкомъ мала въ сравненіи съ его подвигомъ. Весь мокрый, заливаясь потомъ, Гордіенко бросилъ на-земь огромную вязанку дровъ, отстегнулъ поясъ, на которомъ была привязана сзади другая вязанка, и снялъ съ него тѣлу тѣнувшееся за нимъ срубленное сухое дерево.
 — Экій благодѣтель! говорили солдатики, разводи костеръ и грѣйся у огня,—право благодѣтель...
 — А вѣдь и глупъ! ну и глупъ! хохоталъ, сиди у огня, ротный острякъ-калужець.
 — А глупъ таки, повторилъ взводный.
 «Глупъ, глупъ», думало большинство, отогрѣвая окоченѣвшіе члены и слушая разговоръ о Гордіенкѣ. «Дурень!» рѣшили окончательно всѣ, когда за холоднымъ, пасмурнымъ утромъ показался солнышко и пригрѣло бивуакъ, «дурень и больше ничего!»
 А Гордіенко спалъ, какъ убитый, и насмѣшекъ калужца даже не слышалъ.
 — Ну, подымайся, дурова голова! толкнулъ его грубо товарищъ. Гордіенко еле продралъ глаза.
 — Тю! у! ха, ха, ха! захохотало нѣсколько голосовъ надъ его ухомъ.—Ну и розка!
 У Гордіенки дѣйствительно страшное было лицо — мученическое лицо.
 — Надѣвай рапицы! въ ружье! раздалась команда. Гордіенко всталъ.
 — Мм? протирая глаза, промычалъ онъ вопросительно, глядя на смѣющихся ему въ лицо товарищей. — Мм? звѣнулъ онъ, перекрестился, вскинулъ рапицу, сталъ на мѣсто.
 — Шагомъ маршъ!
 И Гордіенко пошелъ такъ-же, какъ и всѣ.
 Прошло много времени. Дѣлали мы походы по Турціи (теперешней Болгаріи), участвовали въ перестрѣлкахъ, занимали сторожевыя линіи, холодали, голодали, подчасъ, терпѣли, словомъ, не мало, но въ бою все-же не были.
 Гордіенку никто не замѣчалъ. Онъ по прѣжнему пелъ чужіе рапицы, ружья, выслушивалъ насмѣшки товарищей и клычку «дурака», молча упорно шелъ, холодалъ, голодалъ... Ни разу за всѣ походы Гордіенко не болѣлъ и чуть было даже не разо-зился, когда товарищи спросили его разъ, не болей-ли онъ.
 Но вотъ, наконецъ, навернулся и бой; какъ-то случайно, какъ-то совсѣмъ неожиданно.
 Ночью подошли мы къ позиціи, а раненко утромъ услышали орудейную палубу. То былъ день славнаго для нашего полка Аблавекаго боя—24 августа.
 Первая стрѣлковая рота конечно пошла въ цѣль. Пошелъ и Гордіенко. Должно быть пошелъ. Кто тамъ увидитъ солдата въ бою? Мало-ли ихъ умираетъ?.. Не выдастъ было и Гордіенки...
 Дымъ, ружейная трескотня, шумъ, крики, стоны раненыхъ... Гдѣ ты Гордіенко?..
 — Да я отъ-онъ де я самъ есть!! радостно, какъ на праздникѣ отозвался онъ на зовъ взводнаго и сталъ примащиваться за деревомъ, высматривать себѣ цѣль.
 «Гляди—дуракъ, а тоже цѣлится», подумалъ взводный унтеръ.
 — Убивъ!!! Савель Гаврилычъ, убивъ! ей-же Богу убивъ!!! воскликнулъ вдругъ во все горло Гордіенко и замахалъ ружьемъ въ восторгѣ.—Дивитесь, братцы, ажъ перекувырнулся!
 Дѣйствительно изъ-подъ дыма ружья Гордіенки, въ томъ-же направленіи трепеталъ на лошади черкесскій всадникъ, видимо офицеръ, и, подхваченный двумя черкесами, поворачивалъ назадъ.
 Мы стали отступать. Турки, какъ черти, лѣзли на нашу позицію. Огонь сталъ невыносимъ. Каждому казалось, что онъ былъ въ кипящемъ котлѣ: ни выстрѣловъ, ни криковъ, ни командъ, ни даже собственнаго голоса; ничего не слышно—шумъ, дымъ, адъ.
 «Въ виноградникъ, въ виноградникъ», у каждаго мелькнуло въ головѣ при отступленіи.
 Стали отступать въ виноградникъ.
 — Взводъ пли! кто-то гаркнулъ.
 Выстрѣлили.
 — Взводъ пли!.. пли!.. пли!..
 И пошли угощать турокъ залпами.
 — Взводъ... Бѣги скорѣй чортова кукла! прервалъ команду унтеръ, увидя, что Гордіенко бѣжитъ прямо на залпъ.
 — Стрѣль... стрѣляйте, дяденька, и Гордіенко припалъ къ землѣ.
 Раздался залпъ. Гордіенко поднялся, подбѣжалъ къ винограднику.
 — Ты чего тамъ у турокъ гостилъ?
 — А... ахвицеръ приказавъ...
 — Что?
 — А?.. а?.. а?.. зашатался зеленый Гордіенко и, какъ-бы струсивши, выпустилъ ружье изъ рукъ и сталъ подгибать колѣни.
 — Да онъ, братцы, раненъ.
 Гордіенко держался за грудь.
 — Гдѣ тебя?

Видъ главнаго стана промысловъ Нѣмчинова, Сибирякова и Базанова, Якутск. обл. Олекминскаго округа.
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Христианія, столица Норвегіі. Съ фотогр. грав. Клосетъ.

— А... а... а... показалъ онъ впередъ, — тамъ... таменька... хвнира вбили...

И уналь. Сдѣлано было еще пѣсколко залновъ. Огопъ, какъ будто, утихъ.

— Савель... Савель Гавриловичъ, несмѣло потянулся Гордѣнко къ утѣру и схватилъ его за фалду, — дяденька... Савель... Тотъ обернулся.

— Тутъ... отъ тутъ... Гордѣнко показалъ за голенище, — тутъ... горш... гроши на свичу... дяденька... а отъ тутъ хрестъ... то сыну маленькому отошлить... дяденька.

И поцѣловалъ ему руку... А въ глазахъ было столько кровоти... Многие обернулись къ умирающему.

— Прощайте, братцы, еле вымолвилъ онъ, — сподобивсь, какъ-то младенчески и вмѣстѣ торжественно произнесъ, — сподобивсь... и перекрестился.

„Сподобился... всё сподобился“, ехцало у всякаго и стали цѣловаться съ Гордѣнко.

— Прощай, Гордѣй, прощай, голубчикъ! заряжалъ ружья говорили товарищи, — може сегоднѣ еще увидимся...

— Ура! ура! раздалось гдѣ-то слѣва.—Ура!..

Все заколыхалось. Всякій вобралъ въ себя воздуху, какъ можно больше въ грудь... оглянулся... встрепенулся...

— Ура?... братцы... ура?... привскочилъ Гордѣнко, — подмигнуть... и мене подмигнуть... и я... Вуурр!!!..

По вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ крикомъ, выстѣлъ и послѣдній вздохъ Гордѣнки.

Товарищи побѣжали впередъ. Вой кончился. Изъ голенища у Гордѣнки взводный вынулъ пѣсколко конфекъ, досталъ гдѣ-то свѣчку; она свѣтила на свѣхъ.

— Эхъ, братцы, не дуракъ онъ былъ, пра не дуракъ! вздохнулъ взводный, глядя въ спокойное мертвое лицо Степана Гордѣнки.

Весь взводъ вздохнулъ. Поняли, должно быть, наконецъ, что *человѣкъ* былъ рядовой Степанъ Гордѣнко; чловѣкъ не великій, да такой, съ которымъ великія дѣла можно дѣлать. Съ ними-то Россія и дѣлала великія дѣла. Пусть-же и его, Степана Гордѣнки, скромный образъ останется въ памяти, по крайней мѣрѣ нашего, роднаго ему, полка.

Перелетъ ласточекъ.

Наша суровая и продолжительная зима, растающаяся притомъ съ нами такъ неохотно, заставляетъ насъ особенно цѣнить всякое указаніе на скорое наступленіе болѣе теплаго времени года, а поэтому всякая травка, вылинувшая на свѣтѣ Божій, является дорогимъ и желаннымъ гостемъ. Появленіе же перелетныхъ птицъ, показывающее, что весна вошла уже въ свои права и готова принять этихъ далекихъ странниковъ со всемъ своимъ радушіемъ, доставляетъ намъ еще большее удовольствіе.

Одною изъ самыхъ любимыхъ птицекъ несомнѣнно является домовая ласточка, которая, возвратившись въ свое покинутое прошлою осенью жилище, почти сейчасъ же начинаетъ хлопотливо заботиться о приведеніи его въ порядокъ. Радость при ея возвращеніи невольно наводитъ на мысль о томъ, какія причины заставляютъ ее улетать отъ насъ и прилетать обратно и гдѣ она проводитъ зимніе мѣсяцы.

Касательно послѣдняго вопроса свѣдѣнія еще не достаточно полны: несомнѣнно, что онѣ перелетаютъ въ Африкѣ за одиннадцатый градусъ сѣверной широты и вѣроятно доходятъ до умѣреннаго пояса южной Африки; также гостятъ онѣ зимою во всѣхъ долинахъ Индіи и Цейлона.

Что касается причины ихъ переселенія, то прежде существовало нѣсколько объясненій: думали, что врожденный инстинктъ побуждалъ ихъ къ этому; нѣкоторые же ученые предполагали даже, что перелеты съ сѣвера на югъ и обратно находятся въ связи съ земнымъ магнетизмомъ, причемъ считали птицъ одаренными особымъ органомъ, способнымъ различать степенъ напряженія этой силы. Но эти толкованія, не основанныя на фактахъ, пришлось оставить, ибо туманное выраженіе „врожденный инстинктъ“ прикрываетъ, собственно говоря, незнаніе этой причины; особаго-же органа, служащаго птицамъ компасомъ, до сихъ норъ еще никому не удалось найти. Приходится поэтому обратиться къ методу уже испытанному въ естествознаніи, а именно къ разсмотрѣнію всѣхъ однородныхъ явленій какъ ступеней въ развитіи одного и того же дѣятеля.

При этомъ для объясненій причины отдаленныхъ перелетовъ ласточекъ, аистовъ и др. пужно будетъ изучитъ сходное явленіе, но въ болѣе слабой степеніи, наблюдаемое у хохлатаго жаворонка, сойки, зимородка, тетерева, глухаря и др. птицъ, которыхъ можно бы назвать кочевыми. Онѣ, не предпринимая отдаленныхъ перелетовъ, неопредѣленно странствуютъ съ мѣста на мѣсто подъ вліяніемъ недостатка въ кормѣ или неблагоприятной погоды. Мы сдѣлаемъ шагъ дальше, если обратимъ вниманіе на птицъ питающихся ягодами; здѣсь направленіе уже не является безразличнымъ.—Такъ такъ на Сѣверѣ кусты покрываются снѣгомъ настолько, что добываніе корма становится невозможнымъ, птицы во что бы то ни стало должны отыскивать болѣе южныя мѣста. Ежегодное наступленіе зимы также часто со всею своею неутомимостью заставляетъ ихъ находить направленіе къ югу. Конечно, примѣръ родителей не оставался безъ вліянія на слѣдующія поколѣнія, хотя по мнѣнію Русса оно не такъ сильно, какъ это думаютъ нѣкоторые ученые; съ другой стороны, возможность достать себѣ больше корма, улетая дальше, давала преимущество и производила подборъ наиболее развитыхъ птицъ. Теперь понятно, что изъ такихъ кочевыхъ птицъ постепенно могли образоваться перелетныя.

Что здѣсь имѣемъ не простую догадку, а теорію, воишь подтверждаемую фактами, доказывається еще тѣмъ, что существуютъ птицы, смотря по обстоятельствамъ, то живутъ осѣдно, то кочуютъ, то предпринимаютъ правильные перелеты. Такъ гагары живущія у береговъ незамерзающаго Нѣмецкаго моря—осѣдлы; живущія на восточномъ берегу Даніи и Шлезвигъ—кочуютъ, ибо съ появленіемъ льда онѣ переселяются къ берегамъ Нѣмецкаго моря; между тѣмъ какъ гагары Исландіи и Гренландіи должны быть причислены къ перелетнымъ птицамъ. Такимъ образомъ перелетъ не есть особен-

ность какого-нибудь вида, по—благопріобрѣтенная привычка, образовавшаяся подъ вліяніемъ чисто внѣшнихъ причинъ, главнымъ же образомъ недостатка въ кормѣ, и воспитанная постояннымъ упражненіемъ.

Что касается домашнихъ ласточекъ (*Hirundo urbica* L.), то раньше онѣ также не были вынуждены къ такимъ отдаленнымъ перелетамъ. Въ третичную геологическую эпоху климатъ Европы вообще мало отличался отъ тропическаго. Измѣняясь за гѣмъ поемногу, онъ заставлялъ сначала ихъ дѣлать лишь незначительныя экскурсіи, которыя со временемъ ружа онѣ ружа съ измѣненіемъ климата становились все отдаленнѣе, при чемъ наступавшее вновь теплое время года на роднѣ позволяло имъ снова возвращаться на прежнее мѣсто обитанія. Такія же путешествія предпринимаетъ колибри въ Америкѣ, при наступленіи холодовъ переселяясь изъ Канады въ Мексику и совершая обратное путешествіе съ приближеніемъ лѣта. Интересно, что колибри и нѣкоторые другія пѣвчія птицы, не обладая достаточной силой полета, часто пользуются при этомъ или услугами попутнаго вѣтра, или по-просту усаживаются на плечи аистовъ, которые въ сопровожденіи такого хора пѣвцовъ благополучно достигаютъ своей цѣли.

Перелетъ птицъ съ одного конца материка на другой воишь объясняется приведеннымъ способомъ, но какъ объяснить, что птицы при своемъ переселеніи перелетаютъ чрезъ громадныя пространства воды, чрезъ цѣлыя моря, чтобы найти себѣ пропитаніе въ отдаленной Африкѣ. Разсматривая мѣста ихъ переправы черезъ Средиземное море, увидимъ, что они соответствуютъ наиболее мелкимъ его мѣстамъ, изобилующимъ притомъ же островами, мысами и т. п. Конечно, здѣсь наши странницы могутъ переправиться съ наименьшею опасностью. Кроме того, оказывается на основаніи геологическихъ данныхъ, что Средиземное море прежде представляло рядъ бассейновъ, не воишь раздѣлявшихся два материка и слившихся лишь воишьдствіи. Прежде приходилось, слѣдовательно, птицамъ придерживаться лишь сухаго пути для достиженія своей цѣли. Постепенное же уничтоженіе этой соединительной полосы земли не могло повліять на направленіе ихъ пути, потому что, совершаясь лишь постепенно и очень медленно—вѣками, было почти незамѣтно для ежегоднаго перелетавшихъ здѣсь птицъ. Точно также перелетъ птицъ съ Исландіи и Гренландіи въ Англію чрезъ Фарѣрскіе острова объясняется прежде существовавшею неразрывною связью между этими пунктами.

И такъ причину интересующаго насъ явленія надо видѣть въ томъ, что недостатокъ подходящаго корма заставлялъ ласточку отыскивать его сначала въ ближайшей мѣстности, а затѣмъ при постепенномъ измѣненіи климата все дальше и дальше. Такъ какъ нишу ласточекъ, какъ и большинство другихъ изъ ширококрытыхъ (*Hiantes*), ротовое отверстіе коихъ доходить до самыхъ глазъ, составляютъ преимущественно насѣкомыя, которыхъ онѣ ловятъ на лету, то не трудно видѣть, что это обстоятельство способствовало развитію быстроты полета и силы летательныхъ мышцъ. Съ другой стороны, при полетѣ, особенно при такомъ быстромъ и почти непрерывномъ, тратится такая масса вещества мускуловъ, что для ихъ восстановленія необходимо очень обильное питаніе,—и дѣйствительно всѣ ширококрыя отличаются своею прожорливостью. Неразрывная связь между тѣмъ и другимъ сильно способствовала образованію такихъ превосходныхъ летуновъ, какъ ласточка. Понятно, что совершенство полета выработалось постепеннымъ упражненіемъ, причемъ наименѣ развитыя, не имѣя возможности достать себѣ достаточнаго корма, хирѣли еще больше или даже погибали, между тѣмъ какъ болѣе совершенныя имѣли всего вдоволь и давали обильное и сильное потомство. Такой естественный подборъ, еще болѣе неутомимый при перелетахъ, и сдѣлалъ то, что выносливость и быстрота полета ласточекъ просто изумительна. Цѣлый день птица летаетъ безъ усталости и только темнота или приближеніе грозы можетъ ее заставить укрыться въ гнѣздѣ.

О быстротѣ полета ласточекъ можно составить себѣ понятіе по тому, что за нѣсколько дней до обычнаго ихъ появленія въ западной Европѣ, видѣли ихъ въ Хартумѣ въ Египтѣ у сѣлины Голубаго и Бѣлаго Нила. Конечно такое одностороннее развитіе не могло обойтись безъ ущерба для другихъ органовъ: ноги развиты слабо, умственныхъ способностей посредственны, изъ чувствъ одно зрѣніе развито сравнительно хорошо.

Въ заключеніе не безинтересно указать, что ласточка какъ

въ Западной Европѣ, такъ и у насъ въ народѣ пользуется особымъ почетомъ и даже считается какъ бы священной. Такое уваженіе, доходившее напр. въ Испаніи до того, что нашло себѣ выраженіе въ пословицѣ, что „убивающій ласточку, убиваетъ свою мать“, вполне основательно,—ибо не принося ни какиа вреда, ласточка приноситъ громадную пользу уничтоженіемъ вредныхъ насѣкомыхъ, причѣмъ вся ея организація и образъ жизни вполне приспособились къ этой цѣли. М. Штауде.

Грозный батько казацкій.

(По поводу постановки памятника Богдану Хмѣльницкому въ Кіевѣ). (Рис. на стр. 873).

6 января 1654 года состоялась въ Переяславѣ (Полтавской губ.) та знаменитая казацкая *рада*, на которой окончательно и безповоротно рѣшено было переходъ Малороссіи въ подданство Московскому государю. На поставленный категорически вопросъ Богдана Хмѣльницкаго—кому хотятъ покориться казаки: хану-ли Крымскому, султану-ли Турскому, королю-ли Польскому или „православному великой Россіи государю“— всенародное множество отвѣчало знаменитыми, историческими словами: „Воли́мъ подѣ царя восточнаго, православнаго!“ И эти слова начертаны на подножій того прекраснаго памятника Богдану Хмѣльницкому, который недавно воздвигнутъ въ Кіевѣ, на Софійской площади. На памятникѣ, исполненномъ по проекту академика Микѣшина, Богданъ изображенъ скачущимъ на конѣ, въ богатомъ гетманскомъ одѣяніи. Сдерживая одною рукою коня, онъ, другою рукою, высоко поднимаетъ свою гетманскую булаву и ею указываетъ на Сѣверо-Восток—туда, откуда ждетъ спасенія и умиротворенія для своей несчастной родины. Памятникъ, подѣ которымъ начертано рѣшеніе Переяславской рады, одинаково увѣковѣчиваетъ въ памяти потомства и эпоху воссоединенія Малороссіи съ Великою Россією и самое событіе, и личность того народнаго вождя, который сумѣлъ всѣхъ убѣдить въ необходимости „подклониться подѣ государеву высокую руку“.

Совершенно случайно, открытіе памятника Богдану Хмѣльницкому, — затянувшееся, по разнымъ причинамъ, чуть не на цѣлый десятокъ лѣтъ — совпало съ празднованіемъ 900-лѣтія крещенія Руси. Воспоминаніе о торжествѣ христіанской вѣры надѣ изысканствомъ при Владимірѣ Равноапостольномъ совпало съ воспоминаніемъ объ окончательномъ торжествѣ православія надѣ кознями враговъ нашей вѣры, такъ долго и такъ жестоко угнетавшихъ русское населеніе Украины за горячую преданность православной церкви. Чрезвычайно любознательно, что даже современники Богдана Хмѣльницкаго, тотчасъ послѣ того, какъ воссоединеніе Малороссіи съ Московскимъ государствомъ совершилось, уже понимали всю важность событія и ставили его въ пѣкоторую связь съ первоначальною эпохою распространенія въ Россіи христіанства. Такъ извѣстный Кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, встрѣчая царскаго посла боярина Бутурлина „съ товарищи“ *), въ приветственной рѣчи своей сказалъ имъ: „Цѣлуетъ васъ въ лицѣ моемъ благочестивый Владиміръ, князь Русскій; цѣлуетъ васъ святыи апостолъ Андрей Первозванный, провозвѣстивый на семь мѣстѣ велию просіити славу Божію, которая выпѣ вашимъ присутствіемъ благополучно паки обновляется; видяте въ домѣ Бога нашего и на первѣйшее сѣдалище благочестія Русскаго“.

Прозорливый настырь церкви вѣрно угадалъ и вѣрно опредѣлилъ важность событія, которое совершилось на глазахъ у всѣхъ православныхъ въ Переяславѣ. Предполагаемъ, что читателямъ *Ливы* будетъ приятно, если мы припомнимъ историческіе факты, предшествовавшіе Переяславской радѣ и въ краткихъ чертахъ постараемся возстановить передѣ ними образъ грознаго „казацкаго батьки“.

Едва-ли не первое упоминаніе о знаменитомъ впоследствии гетманѣ, Зиновіи Богданѣ Хмѣльницкомъ, встрѣчаемъ въ малороссійскихъ и польскихъ памятникахъ, при описаніи той несчастной битвы подѣ Цецорою (6 октября 1617 года), въ которой, сражаясь противъ турокъ, палъ гетманъ Жолкевскій, пало множество поляковъ—полегли и двѣ тысячи человекъ казацкаго войска. Въ числѣ павшихъ казаковъ былъ и сотникъ Чигиринскій, Михайлъ Хмѣльницкій. Сынъ его, Зиновій Богданъ, взятъ былъ въ плѣнъ турками и два года провелъ въ турецкой неволѣ. Это былъ блестящій молодой человекъ, храбрый, способный, одаренный тактомъ и проницательнымъ умомъ, получившій даже довольно изрядное воспитаніе въ іезуитской школѣ въ Ярославѣ (въ Галиціи). Онъ одинаково хорошо говорилъ и писалъ по-польски и по-русски, владѣлъ изрядно латинью, былъ искуснымъ диалектикомъ и стилистомъ. Два года жизни въ турецкой неволѣ пошли этому молодому человѣку въ прокъ: онъ отлично выучился турецкому языку, присмотрѣлся къ турецкимъ нравамъ и обычаямъ, уразумѣлъ и характеръ народа, и политику его правительства. Вернувшись домой изъ плѣна, онъ, какъ и всѣ казаки, въ особенности родовитые и достаточные—сталъ служить въ реестровомъ казацкомъ войскѣ, и добился въ немъ виднаго положенія. Одновременно занималъ

онъ важную и отвѣтственную должность „войскаго писаря.“ Есть свѣдѣнія о томъ, что, въ этой должности, Богданъ Хмѣльницкій бывалъ неоднократно участникомъ въ казацкихъ посылкахъ къ Рѣчи Посполитой, и будто бы даже побывалъ за границей, въ Германіи и Франціи. Но, въ сущности, мы очень мало имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о Богданѣ до той минуты, когда онъ выступаетъ на историческую сцену въ качествѣ грознаго историческаго дѣятеля, вождемъ громаднаго народнаго движенія. Несомнѣнно только то, что въ теченіе тѣхъ тридцати лѣтъ, которыя протекли послѣ битвы подѣ Цецорою и турецкаго плена, Богданъ успѣлъ на себѣ самомъ испытать всю тягость страшнаго гнета, который съ польской стороны тяготѣлъ надѣ всею Украиною.

Богданъ былъ женатъ — жену его похитилъ сосѣдъ, польскій шляхтичъ, и насильно обвѣнчался съ ней въ костелѣ, по римско-католическому обряду. Богданъ владѣлъ богатымъ хуторомъ, насѣками, стадами, землями — пришелъ на него нежданно-негаданно сосѣдній польскій панъ, съ ватагою своей дворовой служки, отнял хлѣбъ, выжегъ угодья, завладѣлъ имѣніемъ Богдана. У Богдана былъ любимый сынъ, десятилѣтній ребенокъ; ребенокъ не понравился польскому пану, который засѣкъ его плетью до смерти... Понятно, что послѣ всѣхъ этихъ тяжелыхъ испытаній, Богданъ долженъ былъ горячо сочувствовать той народной массѣ, которая рвалась изъ польскихъ оковъ. Но онъ не сразу поддавался соблазну личной мести. Измученный насиліями и оскорбленіями, Богданъ взывалъ къ справедливости, жаловался въ суды, дошелъ до самого короля Владислава, который любилъ и уважалъ умнаго Богдана. Но и самъ король пожалъ плечами и сказалъ, что за такія обиды и разоренія можно метить только саблей — и Богданъ послушалъ его совѣта... Осенью 1847 года онъ ушелъ въ Сѣчь Запорожскую, захвативъ съ собою кстаті и старинныя королевскія грамоты донскихъ казаковъ, вошелъ въ сношеніе съ крымскимъ ханомъ и поднимъ ту страшную грозу, которая потрясла Польшу до основанія и привела къ громкимъ побѣдамъ Хмѣльницкаго надѣ Поляками, при Желтыхъ Водахъ, при Кореуни, при Пилвадахъ. Эти побѣды привели, однако же, только къ знаменитому Зборовскому договору, который сулилъ успокоеніе и свободу всей Малороссіи, а въ сущности — заключалъ въ себѣ условія невыполнимыя ни для той, ни для другой стороны. Хмѣльницкій видѣлъ передѣ собою въ будущемъ необходимость нескончаемой борьбы, нескончаемаго разоренія и кровопролитія, изъ котораго Малороссіи, при всемъ геройствѣ казаковъ и гайдамаковъ, никогда не могла бы выйти побѣдительницею... За спиной у Польши стояла католическая Европа, которая оправдывала польско-іезуитское угнетеніе православныхъ, а борьбу противъ православія придавала значеніе чуть ли не крестоваго похода противъ схизматиковъ. Только тогда, когда тяжкое пораженіе послѣдовало за блестящими побѣдами, Богданъ отрезвился отъ того славолубія, которое туманило его голову, и рѣшилъ идти путемъ, уже давно указаннымъ ему простыми народами, толпами переселявшимися во владѣнія Московскаго царя, гдѣ пришельцевъ принимали ласково и поселяли на земляхъ, составлявшихъ тогдашній южный рубежъ Русской земли. Богданъ истощилъ всѣ средства къ борьбѣ, избѣрилъ въ этихъ средствахъ и рѣшился молить о подданствѣ царя Алексѣя Михайловича. И царъ внялъ мольбамъ народнаго вождя. По вопросу о подданствѣ Малороссіи, первая дума была у государя съ боярами, 22 февраля 1653 года, въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста, а „совершился государская мысль во семь дѣлъ“, въ понедѣльникъ третьей недѣли великаго поста, марта 14. Царь посылалъ на помощь зыблющихъ къ нему, гибнущихъ малороссянъ, хотя и обдумалъ и обсудилъ всю тягость отвѣтственности, которую беретъ на себя, вступая въ долгую и трудную борьбу съ Польшею за права своихъ единовѣрцевъ и единоземцевъ. И единовѣрцы оцѣнили по достоинству царскую милость, прогремѣвъ въ отвѣтъ своему гетману: „Воли́мъ подѣ царя восточнаго православнаго!“ И когда гетманъ сказалъ: „Будь такъ! Да Господь Богъ нашъ укрѣпитъ насъ подѣ его царскою крѣпкою рукою!“ — Народъ на это отвѣтствовалъ единогласно: „Боже утверди! Боже укрѣпи! Чтобы мы въ вѣкъ всѣ едины были!“

И Богъ внялъ искреннему гласу народа: — Онъ утвердилъ, укрѣпилъ и соединилъ воедино русскій Сѣверъ съ русскимъ Югомъ!.. И вотъ на Кіевско-Софійской площади воздвигли величавый памятникъ тому, кто сумѣлъ понять „гласъ народа“.

П. Полевой.

*) Бутурлинъ „съ товарищи“ былъ посланъ въ Малороссію для приведенія къ присягѣ казацкой старшины. Послѣ Переяславской рады онъ направился въ Кіевъ, гдѣ ему присягнулъ митрополитъ и старшее духовенство кіевское.

Къ рисункамъ.

Молотьба лошадьми въ Донской области.

(Рис. на стр. 860).

Молодая артистка, перу которой принадлежит прилагаемый рисунокъ, г-жа Краснушкина, особенно талантливо изображаетъ всевозможныхъ лошадей, начиная отъ кровныхъ и до крестьянскихъ рабочихъ. Рисунки ея воспроизведены всегда съ патуры или по крайней мѣрѣ съ этюдовъ, заготовленныхъ во время лѣтнихъ художественныхъ экскурсій по Россіи. На этотъ разъ передъ нами гумио въ Донской области; хлѣбъ молотится крестьянскими или казачьими лошадьми, которыхъ гоняютъ по разрушеннымъ снонамъ. Способъ довольно первобытный, и конечно, возможный только въ Новороссіи, благодаря ея баснословнымъ урожанамъ.

Рыболовы-любители на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ.

(Рис. на стр. 861).

Въ произведеніяхъ г-на Ижакевича всегда есть нѣкоторая доля поэзіи, понятной только русскому человеку—онъ всегда чрезвычайно типичен. Главная прелесть прилагаемаго рисунка — это удивительное спокойствіе вечернихъ тоновъ неба, воды и дали, кутающихся легкимъ сумракомъ самые фигуры рыболововъ, благодаря чему особенно рельефно выступаютъ перспектива и ото всей картины вѣетъ полнымъ затишьемъ лѣтняго вечера.

Шутъ за прялкой. (Рис. на стр. 865).

Нѣмецкій художникъ, Германъ Каульбахъ, съ которымъ читатели *Нивы* уже знакомы по его превосходнымъ изображеніямъ дѣтей, на этотъ разъ изобразилъ намъ шута, окруженаго дѣвчушками и молодцами, засадившими его за прялку. Увы! какъ говорить нѣмецкая пословица: „чему не выучился Генсхенъ (Ванюшка), того Гансъ (Иванъ) никогда не усвоитъ“. Всякая наука дается лишь съ молодю—и неловкіе приемы шута, добродушно потѣшающаго собравшуюся публику, вызываютъ общій смѣхъ женщинъ.

Христіанія. (Рис. на стр. 868).

Уже съ половины одиннадцатаго столѣтія городъ Онсло существовалъ на мѣстѣ, занимаемомъ теперь предѣльемъ Христіаніи. Въ 1624 г. послѣ сильнаго пожара, уничтожившаго Онсло, возникъ новый городъ, названный въ честь короля Христіана IV — Христіаніею. Городъ расположенъ на высотѣ 134 ф.

надъ уровнемъ моря, у оконечности живописнаго залива — Христіанія-фьорда. Въ старину этотъ заливъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Viken* и служилъ мѣстомъ засады и убѣжищемъ, гдѣ нормандскіе викинги сварижали свои флотилии и гдѣ они ихъ прятали по возвращеніи изъ набѣговъ. Заливъ этотъ легко защищаемъ, потому что берега его противъ Дребока сходятся такъ близко, что остается только узкій каналъ, защищаемый крѣпостью Оскарсборгъ. Христіанія почти вся вновь отстроена изъ камня и кирпича, послѣ пожара 1858 года; теперь она состоитъ изъ предѣльей и 6 частей города. Въ Христіаніи находится множество публичныхъ зданій; здѣсь помѣщаются: парламентъ или стортингъ, высшія судебныя учрежденія и главная учебная заведенія. Университетъ, основанный въ 1811 году, одинъ изъ лучшихъ и богатѣйшихъ въ Европѣ по своимъ многочисленнымъ коллекціямъ и библиотекъ, заключающей около 250,000 тт., въ вѣдѣніи университета состоятъ ботаническій садъ и обсерваторія. Послѣ Бергена Христіанія производитъ самую значительную торговлю, правильное пароходное сообщеніе соединяетъ Христіанію со всеми городами скандинавскаго побережья, съ главными портами Западной Европы и даже съ Нью-Йоркомъ; кромѣ того, сѣтъ желѣзныхъ дорогъ все болѣе и болѣе возвышаетъ значеніе Христіаніи какъ столицы и торговаго пункта, население въ текущемъ столѣтіи почти удеслтерилось и насчитывается до 80,000 челов. Благодаря чистотѣ воздуха и красотѣ окрестностей, столица Норвегіи одинъ изъ самыхъ пріятныхъ городовъ для жительства. Очень красивъ видъ съ Эггеберга на городъ; съ вершины скалы Акерсгустъ открывается прекрасный

Передъ дуэлью. Карт. франц. художн. Дюлена, грав. Боггъ.

Видъ на городъ, съ вершины скалы Акерсгустъ открывается прекрасный

Памятникъ Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ. Съ фотогр. Э. Козловскаго, грав. Ю. Шюблеръ.

видъ на большую часть города, суда стояща на рейдѣ и зеленѣющіе острова. Множество острововъ, разбросанныхъ по флориде-покрыты лѣсомъ и садами съ красивыми дачами. Вся картина напоминаетъ болѣе Италию, чѣмъ Сѣверъ и, безъ сомнѣнія, самая живописная въ сѣверной Европѣ.

Видъ главнаго стана промысловъ Нѣмчинова, Сибирякова и Базанова. (Рис. на стр. 869).

Система рѣки Витима, притока Лены, известна своими богатыми золотыми россыпями по всей Восточной Сибири. Наиболѣе выдающимися по количеству добываемаго золота и богатству золотоноснаго песка считаются пріиски Благовѣщенскій и Успенскій, принадлежащіе Нѣмчинову, Сибирякову и Базанову. Пріиски эти находятся въ Якутской области, Олекминскаго округа и расположены вблизи одинъ отъ другаго, на берегахъ двухъ рѣчекъ, Аканака и Накатами, впадающихъ въ Бадайбу—притокъ Витима. Количество добываемаго ежегодно на нихъ золота простирается отъ 250 до 500 пуд.; число же работающихъ колеблется отъ 2,000 до 3,000 человекъ. Со 100 пудовъ золотоноснаго песку получается тамъ среднимъ числомъ до 4 золотниковъ золота.

Передъ дуэлью. (Рис. на стр. 872).

Весьма важно, отправляясь на поединокъ, быть вполне увѣрену въ клинокъ, которымъ придется наносить и отражать удары. Французскій художникъ Дюпенъ написалъ намъ одного изъ дворянъ-бреттеровъ прошлаго вѣка передъ дуэлью. Съ какою любовью сгибаетъ онъ упругое стальное лезвие особой, быть-можетъ заветной ипаги, которую онъ беретъ съ собою лишь на подобныя „встрѣчи“ (rencontres), какъ назывались эфемерически поединки въ XVIII столѣтіи и донынѣ еще называются во Франціи.

Жозефъ Мартенъ, французскій путешественникъ по Сибири. (Портр. на стр. 876).

Жозефъ Мартенъ, одинъ изъ немногихъ иностранныхъ путешественниковъ посѣтившихъ мало известныя и труднодоступныя области на востокъ отъ озера Байкала, между Леной и Амуромъ, провелъ въ Азиатской Россіи 7 лѣтъ, и владѣлъ какъ русскимъ языкомъ, такъ и нѣкоторыми нарѣчійми сибирскихъ инородцевъ, собралъ значительныя коллекціи и составилъ нѣсколько интересныхъ маршрутовъ, значеніе коихъ было оценено Военно-топографическимъ отдѣломъ Главнаго штаба въ Петербургѣ.

Мартенъ, по происхожденію французъ, родился въ городѣ Виеннѣ въ Дофинѣ въ 1850 году, избралъ поприще инженера и служилъ по вѣдомству путей сообщенія въ Парижѣ, а во время франко-прусской войны 1870 года сражался въ восточной (Дуарской арміи), поступивъ охотникомъ въ ряды алжирскихъ стрѣлковъ, и былъ раненъ. По окончаніи войны, Мартенъ вернулся на поприще инженера и отправился въ Россію, гдѣ вступилъ на частную службу въ Москвѣ у г. Барановскихъ и производилъ для нихъ различныя изслѣдованія въ Крыму и на Кавказѣ. Въ русско-турецкую кампанію 1878—9 годовъ онъ съ г. Барановскимъ прибылъ въ Дунайскую армію съ цѣлью организовать госпиталь Краснаго Креста отъ имени комитета московскихъ купцовъ. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе своею дѣятельностью въ госпиталяхъ и былъ отправленъ въ главную квартиру, гдѣ генералъ Косинскій поручалъ ему нѣкоторыя работы; въ Боготѣ онъ встрѣтилъ полковника Гальера, французскаго военнаго агента, который рекомендовалъ Мартена военному министру, а затѣмъ Мартенъ имѣлъ счастье представиться Государю Императору и Великому Князю Главнокомандующему Николаю Николаевичу Старшему. Его Высочество поручалъ Мартену много важныхъ работъ, которыя онъ исполнилъ въ совершенствѣ, произведя, напр., ассенизацію Плевны послѣ капитуляціи Османъ-наши, а также и главную квартиру въ Санъ-Стефано. Въ то же время онъ оставался на службѣ у г. Барановскаго, который присылалъ ему пожертвованія въ пользу раненыхъ.

По окончаніи войны генералъ Галье послалъ Мартена посѣтить золотые пріиски на Ленѣ въ Сибири; затѣмъ въ 1880 и 1881 годахъ, Мартенъ объѣхалъ Усурійскій край, берега Японскаго моря и берега Кореи, въ которой китайцы нѣкогда уже разрабатывали золотые рудники. Во время этихъ поѣздокъ

Мартенъ ввелъ въ употребленіе динамитъ для раздробленія мерзлой почвы, произвелъ многочисленныя анализы кварцевъ и написалъ множество интересныхъ замѣтокъ по мѣстной геологіи и географіи.

Въ 1882 году Мартенъ вернулся въ Парижъ и выставилъ въ Географическомъ обществѣ множество предметовъ собранныхъ имъ во время путешествія. Всѣ эти коллекціи были принесены имъ въ даръ французскимъ музеямъ.

По возвращеніи въ Россію, онъ былъ посланъ г. Базилевскимъ на золотые пріиски въ восточной Сибири. Окончивъ порученіе, г. Мартенъ, вмѣсто того чтобы вернуться въ Петербургъ, воспользовался своимъ пребываніемъ въ этихъ отдаленныхъ и малоизвестныхъ мѣстностяхъ и возмѣлъ смѣлую мысль объѣхать Становой хребетъ и Лену на границахъ съ Китаемъ. Испросивъ отпускъ, Мартенъ на свой счетъ собралъ караванъ человекъ въ 20 тулгузовъ и якутовъ, 120 сѣверныхъ оленей, 20 лошадей и десятка два собакъ подъ багажъ и провизію. Во главѣ этого каравана Мартенъ въ теченіе 9½ мѣсяцевъ прошелъ 2,500 верстъ, въ совершенно безлюдной странѣ, прокладывая тоноромъ путь въ дѣвственныхъ лѣсахъ, пробираясь на якутскихъ лыжахъ по ледникамъ и строя плоты для плаванія по рѣкамъ. Отправясь съ береговъ Лены въ мартѣ 1883 г., онъ въ самый разгаръ зимы прибылъ на Амуръ, потерявъ нѣсколько человекъ, всѣхъ лошадей, собакъ и до полусотни оленей.

Послѣ этого опаснаго путешествія онъ вернулся въ Иркутскъ, гдѣ далъ отчетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ генералъ-губернатору Анучину, и затѣмъ при помощи г. Барановскихъ и московскаго торговаго дома Сабашниковыхъ въ теченіе двухъ лѣтъ обозрѣвалъ пріиски Забайкальской области, рѣкъ Амуре и Зей.

Въ началѣ 1886 г. Мартенъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны (Св. Станислава онъ получилъ еще въ 1879 году). Московское этнографическое общество удостоило его золотой медали. Маршрутъ его былъ составленъ въ Военно-топографическомъ отдѣлѣ Главнаго штаба.

Въ январѣ 1887 года Мартенъ вторично вернулся въ Парижъ, гдѣ тамъшнее, а также и Лионское географическое общество присудили ему большія золотыя медали. Въ Парижѣ онъ устроилъ въ залѣ этнографическаго музея въ Трокадеро выставку своихъ коллекцій, собранныхъ въ послѣднее путешествіе. Прилагаемъ на стр. 876 изображеніе одного изъ наиболѣе интересныхъ отдѣловъ этой выставки.

Факсимиле открытаго письма, совершившаго кругосвѣтное путешествіе. (Рис. на стр. 877).

Когда появился фантастическій разсказъ Жюль Верна: „Въ 80 дней вокругъ свѣта“, никому не приходило въ голову, что дѣйствительно возможно совершить кругосвѣтное путешествіе въ такой короткій промежутокъ времени, и объѣхать земной шаръ въ 80 дней или около того. Помѣщенное на стр. 877 факсимиле открытаго письма является нѣкоторымъ доказательствомъ осуществимости такого путешествія. Изображенное на ней открытое письмо, благодаря существующему съ 1875—1876 г. всемірному почтовому союзу, объѣло земной шаръ почти въ 88 дней. 1/3 іюня, прошлаго года, письмо было отправлено г. Смитомъ изъ Либавы, съ просьбою,—какъ это можно усмотрѣть изъ текста самаго письма,—обращенною ко всѣмъ адресатамъ: получивъ письмо и сдѣлавъ на немъ отмѣтку о днѣ прибытія, отправить карточку далѣе, обозначивъ тамъ-же день отсылки ея. Самая посылка письма была слѣдствіемъ заклада, что открытое письмо можетъ объѣхать вокругъ свѣта въ 100 дней. 1/3 іюня письмо пошло въ Египетъ, по адресу г. Чапмана, въ Александрію, куда и прибыло черезъ 10 дней. Въ тотъ-же день оно было отослано въ Сингануръ, на Малакскомъ полуостровѣ, и получено тамъ черезъ 3 недѣли. Отосланное г. Роберту Дроссу, въ Иокгамѣ въ Японіи, оно прибыло въ этотъ городъ послѣ 18-дневнаго странствованія и на другой день отправлено въ далекій путь по Тихому океану въ Америку. 8 августа письмо было уже въ Санъ-Франциско, а черезъ недѣлю оно перешло отъ береговъ одного океана къ другому, и 13 августа было получено въ Нью-Йоркѣ. Черезъ два дня письмо полетѣло къ мѣсту своего послѣдняго назначенія въ Либаву, куда и прибыло благополучно 28 августа, все внешреннее отмѣтками, помарками и штемпелями, какъ это видно на прилагаемыхъ рисункахъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Государь Императоръ и П. П. В. Вед. Кн. Михайлъ Александровичъ и Алексѣй Александровичъ изволили выѣхать изъ Петергофа, 14 августа, въ 6 час. 20 мин. по полудни, по Николаевской желѣзной дорогѣ, и благополучно прибыть въ село Ильинское 15 августа, въ 11½ час. дня.

— Ея Величество Государыня Императрица, съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ

и Великою Княжною Кееніею Александровною, изволили прибыть въ Гмунденъ 15 августа, въ 5 час. по полудни. При прѣздѣ чрезъ Вѣну, Ея Величество была привѣствована Наслѣднимъ Принцемъ Рудольфомъ и Его Супругою Эрцгерцогинею Стефаніею. При прѣздѣ въ Гмунденъ Государыня Императрица была встрѣчена на вокзалѣ членами семействъ герцога Кумберландскаго и принца Вельскаго и состоящими при нихъ

придворными. По слухамъ въ теченіе недѣли прибудеть въ Гмунденъ императоръ Австрійскій, чтобы сдѣлать визитъ Августѣйшимъ Гостямъ.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать изъ собственныхъ Его Величества суммъ двадцать пять тысячъ руб., на воссозобленіе потрогльцамъ гор. Оренбурга, потерѣвшимъ отъ бывшаго 10 августа пожара.

Финансы.

— В теченіи первых пяти мѣсяцевъ текущего года государственныхъ доходовъ въ счетъ росписи поступило 288.346,000 руб. или 33,9% итога, назначеннаго на этотъ годъ по росписи, противъ 261.954,000 руб. или 33% за то же время прошлаго года; въ настоящемъ году болѣе на 26.392,000 р. Со включеніемъ доходовъ льготнаго срока и въ счетъ будущихъ смѣтъ, давшихъ противъ прошлаго года уменьшеніе, итогъ поступленій къ 1-му іюня 1888 года составляетъ 305.168,000 руб., противъ 283.207,000 руб. къ тому-же сроку 1887 года, превыситъ послѣднюю сумму на 21.961,000 руб. или почти на 8%.

Промышленность.

— Въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, возникаетъ содовое производство. Высочайше утвержденное товарищество содоваго производства, въ которомъ принимаютъ, главнымъ образомъ, участіе гг. Любиновъ, Сольвейль и другіе, уже приобрѣло близъ ст. Деконской, Донецкой желѣзной дороги, Деконско-покровскую соляную копи, для добычии необходимой для содоваго производства соли, и значительный участокъ земли на берегу Дона, у селенія Третьей Роты, гдѣ предполагаютъ устроить заводъ, производительностью въ 1 миллионъ пудовъ.

Торговля.

— Продолжающіе выясняться результаты урожая оказываютъ прочное вліяніе на настроеніе хлѣбныхъ рынковъ; оно крѣпнеть, несмотря на установившуюся хорошую погоду, дающую надежду убрать при благоприятныхъ условіяхъ значительно пострадавшіе хлѣба.

— Успенская ярмарка въ Харьковѣ идетъ удовлетворительно. Хорошо торгуютъ бумажными крестьянскими товарами и простыми сортами суконъ; менѣе удовлетворительно торгуютъ высокими сортами мануфактуры.

Литература и наука.

— 18 августа, исполнилось 50-ти-лѣтіе

ученой дѣятельности заслуженнаго профессора Императорскаго Московскаго университета по кафедрѣ русской словесности и ординарнаго академика Имп. академіи наукъ Федора Ивановича Булаева.

— Экспедиція изъ студентовъ, предпринявшая восхожденіе на Араратъ, выѣхала 11 августа изъ Эривани и прибыла въ тотъ же день въ Сардаръ-Булахъ. Экспедиція раздѣлилась 12 августа на двѣ группы. Одна группа отправилась съ Марковымъ во главѣ, на Большой Араратъ; другая группа, со студентомъ Ковалевскимъ, пошла на Малый Араратъ и чрезъ четыре часа достигла вершины. Восхожденію на Большой Араратъ препятствовала крайне неблагоприятная погода. Ночью было морозъ, а днемъ снѣгъ и метель. 13 августа, въ 2 часа дня, членъ-сотрудникъ Географическаго Общества Е. С. Марковъ и учитель бакинскаго реальнаго училища М. И. Поповъ съ всадникомъ мѣстной стражи А. Мануковымъ и пятью курдами достигли вершины Большаго Арарата, гдѣ произвели метеорологическія наблюденія. Въ память восхожденія на вершину Арарата сложена изъ камней пирамида въ человѣческой ростъ, видимая снизу въ зрительную трубу.

— Недавно въ Киевѣ наблюдалось весьма красивое явленіе—образованіе ряда круговъ около солнца. Хотя явленіе круговъ наблюдается не особенно рѣдко, но за то весьма рѣдко приходится наблюдать его въ полномъ видѣ. Солнце было окружено кругомъ, внутренней край котораго былъ окрашенъ въ красный цвѣтъ. Въ высшей и низшей точкахъ круга къ нему касались дуги двухъ другихъ круговъ вогнутостью обращенныя къ горизонту. Чрезъ солнце проходилъ второй полный кругъ, центромъ котораго служила верхняя точка касанія перваго круга и верхней дуги. Второй кругъ обнималъ третій, concentрической съ нимъ. Съ правой и лѣвой сторонъ круговъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи,

ниже ихъ, находились еще двѣ дуги.

— 30 іюля, около 6 часовъ вечера, въ окрестностяхъ Владикавказа было наблюдаемо весьма рѣдкое атмосферное явленіе, именно шарообразная молнія. По направлению балки, двигалась очень медленно четкообразная группа огненныхъ шаровъ. Совершенно ясно можно было различить три шара, изъ коихъ средней былъ желтаго цвѣта, съ золотистымъ отливомъ, фута два въ діаметрѣ, и по бокамъ его—два шара, великолѣпно окрашенныхъ въ пурпуровый цвѣтъ и по объему гораздо меньшихъ перваго. Берега балки были озаряемы пурпуровымъ цвѣтомъ. Это явленіе продолжалось не болѣе трехъ минутъ; затѣмъ, шары сперва уменьшились въ объемѣ и потомъ мгновенно исчезли. Шарообразная молнія,— явленіе до сихъ поръ не разъясненное и весьма рѣдко наблюдаемое. Молніи, имѣющія видъ шаровъ, очень опасны, такъ какъ шары медленно движутся близъ земной поверхности и въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрываюся съ страшнымъ трескомъ, поражая всѣ окружающіе ихъ предметы.

Изъ губерній и областей.

— 14 августа разнеслась вѣсть, что въ 7 часовъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Батума, по Артвинскому шоссе, горцами сдѣлано нападеніе на купца Коха и его знакомыхъ, выѣхавшихъ на двухъ извозникахъ для прогулки. Всѣ они были ограблены; среди пострадавшихъ были дамы. Горцы были вооружены ружьями Пибоди. Виновиные еще не открыты; приняты энергическія мѣры; для поимки грабителей посланы милиціонеры.

— Газета *Ардзаникъ* сообщаетъ, что Персидскій шахъ пожаловалъ патриарху всѣхъ армянъ Макарію свой поргрегъ, украшенный брилліантами. Этотъ высшій изъ персидскихъ знаковъ отличія врученъ при шахской грамотѣ епархіальному начальнику персидскихъ и индійскихъ армянъ, епископу Григорію, для поднесенія патриарху Макарію.

Политическое обозрѣніе.

Поѣздка Криспи на свиданіе съ княземъ Бисмаркомъ и встрѣча его на обратномъ пути съ графомъ Кальноки продолжаютъ составлять главную тему газетныхъ разсужденій. Графъ Кальноки, прибывшій въ Эгеръ утромъ, встрѣтилъ г. Криспи на вокзалѣ; обмѣнявшись привѣтствіями, министры отправились въ отель гдѣ обѣдали вмѣстѣ. Болѣе всего поѣздкой итальянскаго премьера интересовались въ Вѣнѣ. По словамъ *Fremdenblatt*: „Свиданіе графа Кальноки съ Криспи свидѣтельствуєтъ лишь о неизмѣнно сердечныхъ отношеніяхъ между обѣими державами, соединенными узлами дружбы. Выгоды взаимнаго обмѣна мыслей представляются особенно ошутительными въ такое время, какъ теперь, когда не смотря на сравнительное успокоеніе, все еще обнаруживается неуверенность въ будущемъ. Было бы безразсудно соединять это свиданіе съ какими-либо воображаемыми агрессивными стремленіями. Какъ въ Фридрихсруэ, такъ и въ Эгерѣ не выходили изъ рамокъ мирной политики. Жизненные интересы Италіи побуждаютъ эту державу сосредоточить все свое вниманіе на сохраненіи нынѣшняго равновѣсія силъ на Средиземномъ морѣ. Австро-Венгрія признаетъ совершенную законность этой политики. Вмѣстѣ съ тѣмъ, интересъ на Востокъ вновь допускаютъ тамъ солидарность итальянской и австро-венгерской политики.“ Въ томъ же духѣ высказывается и осталная вѣнская печать. Берлинская *Nordd. Allg. Zeit.* говоритъ по поводу свиданія въ Фридрихсруэ: „Пребываніе въ Фридрихсруэ г. Криспи придаетъ нынѣшнему положенію политическихъ дѣлъ исключительный отпечатокъ. Знаменательное событіе съ удовольствіемъ принимается къ свѣдѣнію всѣми сторонниками стремленій средне-европейскаго союза“; далѣе газета говоритъ, что „поѣздка г. Криспи въ Германію не чужда политическимъ побужденіямъ. *Berl. Polit. Nachrichten* замѣчаетъ, что „для Италіи наступилъ моментъ яснѣе обрисовать нынѣшнее свое политическое воздѣйствіе, хотя бы для того только, чтобы положить конецъ разногласіямъ между Римомъ и Парижемъ.“ И такъ всѣ эти поѣздки и свиданія сводятся къ болѣе совмѣстнымъ дѣйствіямъ по отношенію къ Франціи. Итальянская печать также продолжаетъ придавать политическимъ послѣдствіямъ этихъ поѣздокъ весьма важное значеніе и заявляеть, что переговоры въ Фридрихсруэ и въ Эгерѣ привели къ значительнымъ результатамъ, и что эти результаты обнаружатся въ ближайшемъ будущемъ.

Римскія газеты сообщаютъ, что надняхъ Испанія будетъ

признана великою державою, послѣ чего она присоединится къ лигѣ міра. И это все для сохраненія равновѣсія на Средиземномъ морѣ? По поводу поѣздки г. Криспи высказываетъ слѣдующее: „Новое посѣщеніе князя Бисмарка итальянскимъ министромъ-президентомъ составляетъ фактъ большой важности. Послѣдній пріѣздъ его въ Фридрихсруэ привелъ къ опубликованію союза между Германіею и Италіею, и такъ какъ немислимо, чтобы ноты касающіяся Массовы написаны были безъ предварительнаго совѣщанія съ Берлиномъ, то едва ли можно допустить, чтобы второе посѣщеніе могло означать что-либо кромѣ восстановления и укрѣпленія этого союза. Раздраженіе съ какимъ итальянская печать отзывалась о Франціи, составляетъ нѣкоторымъ образомъ серьезный симптомъ, дѣлающійся еще болѣе серьезнымъ вслѣдствіе возрожденія буланжизма во Франціи“. Касаясь далѣе положенія дѣлъ во Франціи, газета говоритъ: „Во Франціи обнаруживается много миролюбивыхъ стремленій и замѣчается нерасположеніе къ войнѣ. Мы искренно надѣемся, что мирные инстинкты одержатъ верхъ; но опасность положенія кроется въ слишкомъ позднемъ сознаніи страны, что подавая голоса за Буланже, Франція высказалась если и не за войну, то по крайней мѣрѣ за предоставленіе ему права рѣшить: будетъ война или миръ“. Изъ послѣднихъ извѣстій видно что политика Криспи вызвала въ Англии довольно сильное охлажденіе къ интересамъ Италіи. Въ *Indép. Belge* телеграфируютъ изъ Лондона, что прескніи симпатіи къ Италіи уступили мѣсто довольно враждебному чувству, выражающемуся въ порицаніи дѣйствій итальянскаго премьера относительно Франціи. А тутъ кстаті явились и непредвидѣнные результаты Массовскаго дѣла. Порта предложила измѣнить ст. 10 суэзской конвенціи, включивъ туда заявленіе, что западное побережье Чермнаго моря составляетъ часть египетской территоріи, и что защита этого побережья лежитъ на обязанности хедива, причемъ, однако, всѣ права султана на это побережье остаются неприкосновенными. Передавая это извѣстіе телеграмма отъ 15 августа добавляетъ, что „ратификація суэзской конвенціи отложена на неопредѣленное время“. Такое рѣшеніе Порты наноситъ сильный ударъ англійской дипломатіи, считавшей суэзскую конвенцію дѣломъ поконченнымъ; неумудрено если общественное мнѣніе Англии еще болѣе отшатнется отъ г. Криспи, такъ какъ онъ является главнымъ виновникомъ торгово-политическихъ неудачъ Англии. По словамъ вѣнской газеты *Correspondance de*

L'Est, „князь Бисмаркъ совѣтовалъ Криспи быть сдержаннѣе и объяснить, что Германія общала Россіи сохраненіе status quo. Италія должна принять это въ соображеніе. Вместе съ тѣмъ необходимо уважить интересы Россіи въ Болгаріи“. Но этотъ совѣтъ, если только онъ былъ давъ, не мѣшаетъ Италіи стремиться къ замятію Триполи, въ виду чего вся итальянская эскадра, маневрировавшая передъ Гаэтою, сосредоточится ниже Сициліи, въ портъ Аугуста. Вчера нѣсколько судовъ вышли изъ Аугусты и отправились на востокъ. Все это оправдываетъ предположеніе французскихъ газетъ о намѣреніи Италіи захватить Триполи. По сообщеніямъ парижской и вѣнской печати, отношенія Италіи къ Франціи все болѣе обостряются и во французскихъ официальныхъ сферахъ ожидаютъ серьезнаго столкновенія съ Италіею.

Ходятъ слухи, что въ Берлинѣ въ началѣ сентября предполагается съѣздъ нѣсколькихъ руководящихъ государственныхъ людей, который займется главнымъ образомъ, разрѣшеніемъ Болгарскаго вопроса. По послѣднимъ сообщеніямъ, Порта находится теперь подъ исключительнымъ влияніемъ Россіи и вскорѣ въ Константинополѣ произойдутъ разныя преобразованія въ кабинетѣ. Будущимъ военнымъ министромъ называютъ Осмаи-пашу, безусловнаго сторонника Россіи. Въ Константинополѣ высказывается все сильнѣе

недовольство къ Италіи и охлажденіе къ Германіи.

Общественное мнѣніе въ Парижѣ поусокоилось, но побѣды Буланже до сихъ поръ продолжаютъ волновать общество. Генераль Буланже уѣхалъ за границу и вернется къ открытію палаты. *Nordd. Allg. Zeit.*, возражая на заявленіе *Times* о томъ, что успѣхи Буланже произведутъ въ Берлинѣ неприятое впечатлѣніе, высказываетъ слѣдующее: „У насъ нѣтъ никакихъ виновственныхъ поповзновеній. Мы рады великому французскому правительству, которое не угрожаетъ миру. Буланже далъ достаточно увѣреній, что въ интересахъ Франціи, онъ дорожитъ миромъ; но этому намъ нѣтъ причины безнокоиться изъ-за него. Съ буланжистскою Франціею мы можемъ жить въ такомъ-же согласіи, какъ съ бонапартистскою. Послѣ всего того, что говорилъ и писалъ Буланже въ послѣднее время, мы вырвалъ считать его миролюбивымъ. Если ему удастся сохранить спокойствіе и порядокъ, то успѣхи его будутъ встрѣчаемы съ удовольствіемъ и нами и всею Европою“. Вся эта хвалебная статья разчитана на общественное мнѣніе Франціи, весьма подозрительно относящемуся ко всему идущему изъ Берлина. Разсчитъ довольно вѣрный—буланжизмъ во Франціи уже заподозрѣвъ въ сочувствіи къ Германіи. Статья *Nordd. Allg. Zeit.* произвела сильное и неприятое впечатлѣніе на французскую печать. Враждебныя Буланже газеты, вос-

І. Мартенъ, французскій путешественникъ по Сибири.
Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

Выставка коллекціи привезенной французскимъ путешественникомъ І. Мартеномъ изъ восточной Сибири, въ Трокадеро, въ Парижѣ.
Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

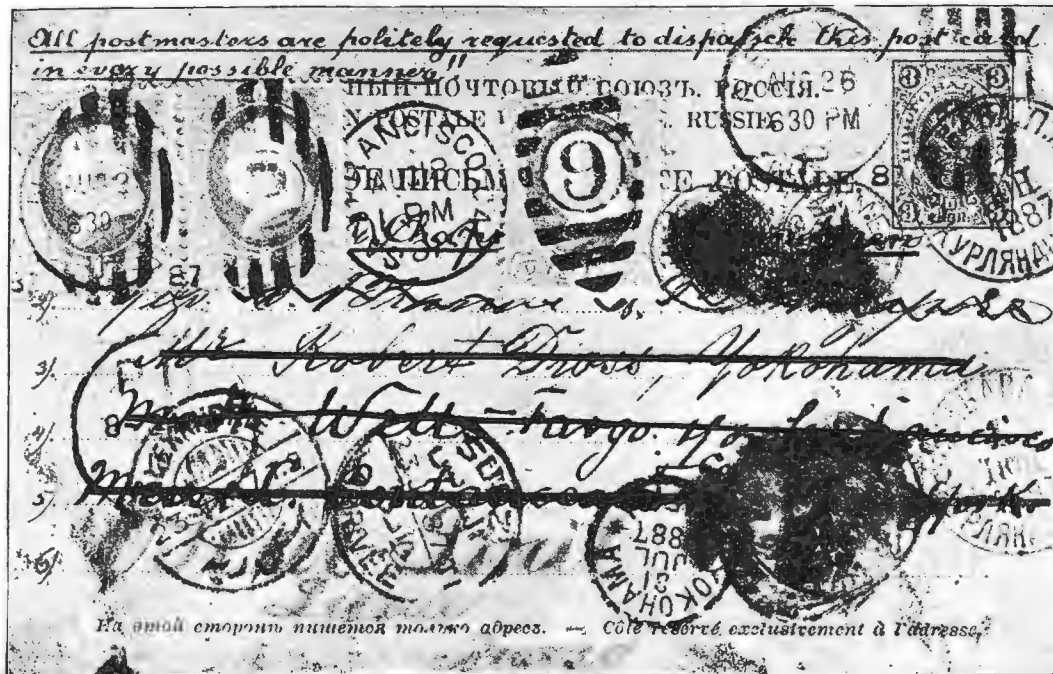
пользовавшись статьей, открыли ряд новых нападений на генерала Булапже. Можно надѣяться, что общественное мнѣ-

ніе Франціи не ошибется на этотъ разъ и во время оцѣнить эти нападки.

СМѢСЬ.

Инженеръ-технологомъ Густавомъ Риттеромъ въ Варшавѣ и нѣскольکو лѣтъ тому назадъ изобрѣтенъ препаратъ, „Эксик-

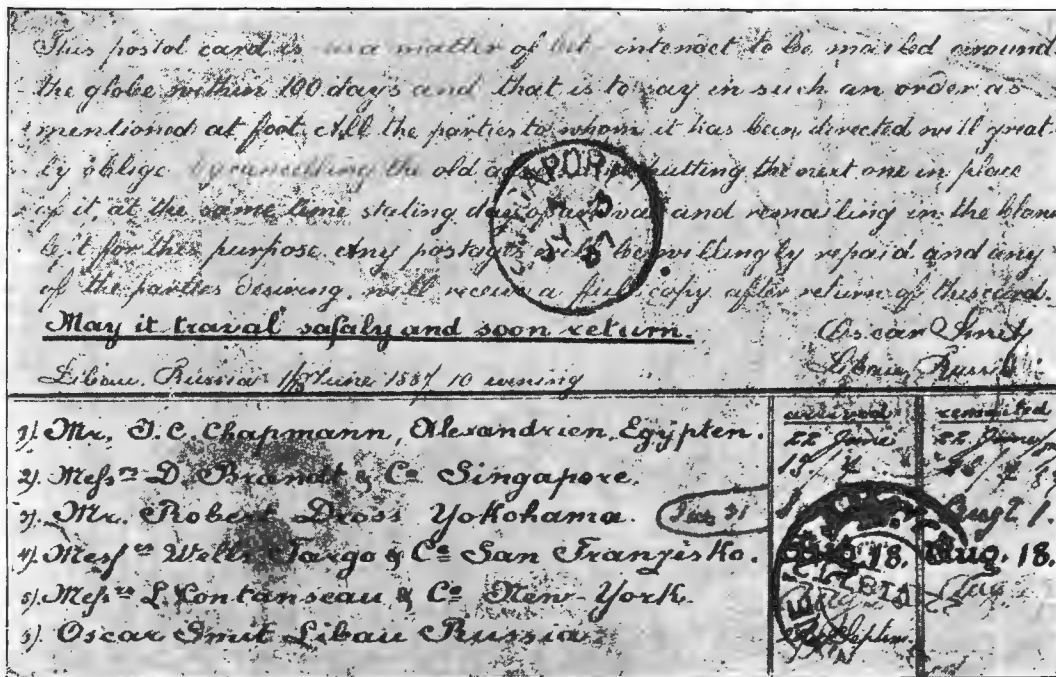
генъ, д-ръ Ф. Хансенъ, который, въ обществѣ трехъ норвежцевъ и двухъ ланландцевъ, собирався предпринять путешествіе по Грен-

Факсимиле открытаго письма, совершившаго кругосвѣтное путешествіе.

ландіи, для уничтоженія сырости въ стѣнахъ и сохраненія деревянныхъ частей зданій отъ гніенія, порчи грибомъ и т. п. Нынѣ изобрѣтатель издалъ особой брошюрой монографію этого средства, которую и разсылаетъ безплатно по требованію желающихъ ознакомиться съ препаратомъ. Письма адресовать: Риттеръ—Варшава, Контора: Королевская, № 39.

ландіи, съ цѣлю проѣхать ее насквозь, отъ востока на западъ, по словамъ *Кельнской газеты*, на-дняхъ уже отправился въ путь черезъ Исландію. Принимая за исходную точку своихъ странствій Изафіордъ, путешественники намѣреваются добраться до сѣверо-восточнаго берега Гренландіи на суднѣ, на какомъ ѣздятъ обыкновенно на ловлю тюленей. На случай если льды не дадутъ имъ воз-

Факсимиле открытаго письма, совершившаго кругосвѣтное путешествіе. Обратная сторона.

болѣзнь глазъ отъ узкихъ воротниковъ. Доктора уже не разъ указывали на узкіе воротники, какъ на причину воспаленія глазъ. Извѣстный окулистъ, профессоръ д-ръ Фергеръ въ Бреславлѣ недавно опять сообщалъ, что въ его практикѣ было до 300 случаевъ хроническихъ страданій глазъ, причину которыхъ слѣдуетъ искать исключительно въ слишкомъ узкихъ воротникахъ. (N).

Новая Гренландская экспедиція. Хранитель музея въ Бер-

можности пристать къ берегу на этомъ суднѣ, они берутъ съ собой лодку, снабженную ледопильной машиной (Eisboot), на которой и надѣются достигнуть земли. Кромѣ того, путешественники запасаются необходимыми припасами, санями, палатками, постельями и разными инструментами. Для дальнѣйшаго движенія внутри страны они вооружены лыжами, которыми всѣ отлично владеютъ. Цѣль предпріятія — изслѣдовать внутренность Гренландіи. Западный бе-

режь ея уже не разъ посѣщали путешественники, напр: датчанинъ Янсонъ, шведъ Норденшильдь, американецъ Пирей, но никто еще не проходилъ ее насквозь. Теперь это впервые предпринимается. Путешествіе Хансена состоитъ на счетъ копенгагенскаго купца А. Гамеля, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ уже снарядилъ пароходъ *Dijmphna* въ экспедицію къ Сѣверному Ледовитому океану. (N).

Первый банкъ основанъ былъ въ Венеціи въ 1156 году и назывался *Camera d'imprestito*. (с.)

По словамъ „Нелн. газ.“, на послѣдніе дни Помпеи брошенъ новый свѣтъ нѣкоторыми находками, сдѣланными во время произведенныхъ недавно раскопокъ. Въ домѣ № 23, квартала 2а, найдено много серебряныхъ сосудовъ и три книжки. Обстановка, при которой сдѣланы эти находки, заставляетъ предполагать, что обладательница этихъ цѣнныхъ вещей, въ моментъ катастрофы, увязала ихъ въ платокъ, чтобы, кромѣ жизни, спасти еще что-нибудь. Намъ извѣстны изъ описанія Плинія Младшаго ужасы того дня, когда страшная масса лавы, извергнутая Везувіемъ, погребла подъ собою Помпею; день превратился въ темную ночь, среди которой бѣгущіе терли другъ друга; мужъ звалъ жену, дѣти родителей; самъ Плиній находился среди этой сумятицы вмѣстѣ со старухой-матерью, тщетно умолившею своего преданнаго сына думать только о собственномъ спасеніи. Вѣроятно, не такъ счастлива была та женщина, которая замѣшалась, занявшись укладкой своихъ пожитковъ, нѣкая Дисида Маргарисъ. Мы знаемъ ея имя изъ книжекъ, которыя она тоже не хотѣла оставить и которыя представляютъ собою важные документы и запродажныя записи. Это, по обыкновенію, открыты воскомъ деревянные дощечки, соединенныя по нѣскольку въ одну книжку, величиною въ 20—13 сантиметровъ. Въ первые дни по нахожденіи, ихъ можно было свободно прочесть, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ дерево разрушено сыростью, но позднѣе воскъ мѣстами отвалился (вѣроятно влѣдствіе высыханія дерева) и распался на мелкія частицы. Всѣ письменныя условія заключены между назван-

ною владѣтельницею и нѣкою Поннеею Ноте, вольноотпущенною Прискуса; два изъ нихъ, судя по имени консула, относятся къ 61 г. по Р. Хр.; по одной изъ записей, Дисида Маргарисъ покупаетъ отъ Поннеи Ноте двухъ молодыхъ рабовъ, Симплидіуса и Петринуса; въ другой, представляющей родъ пояснительной записки, также идетъ рѣчь о покупкѣ рабовъ; въ третьей говорится о 1,450 сестерціяхъ, которыя Поннея Ноте обязуется уплатить Дисидѣ Маргарисъ, вѣроятно въ случаѣ негодности рабовъ. Серебряную утварь Дисида составляють четыре кубка съ четырьмя подносами, четыре чаши съ ручками, четыре маленькія чаши, еще четыре чаши другой формы, четыре чаши съ ножками, одна чаша безъ ручекъ, фильтръ, фляжка съ продыравленнымъ дномъ, ложка, маленькій ковшъ; это, очевидно столовый приборъ на четыре персоны, но, какъ видно, схваченный второнахъ и не въ полномъ составѣ. Все серебро вѣситъ 3943,70 грам. Кромѣ того, несчастная намѣревалась спасти серебряную статуэтку Юпитера на бронзовомъ пьедесталѣ, большое бронзовое блюдо съ выпуклыми краями, выложенное внутри прекрасно вычеканенною серебряною накладкою, и наконецъ, три пары золотыхъ серегъ. — И въ другихъ отношеніяхъ раскопки послѣдняго времени дали удовлетворительные результаты. По хирургическому искусству мы видимъ много медицинскихъ инструментовъ (большую частью бронзовыхъ), которые первоначально лежали въ деревянномъ ящикѣ, отъ котораго сохранились остатки. Есть нѣсколько вещей, соединенныхъ въ наборъ, каковы: зонды, различной формы крючки, щипчики, ножикъ съ согнутымъ стальнымъ лезвіемъ и т. д. Тамъ-же лежали и аптекарскіе вѣсы съ двумя чашечками и принадлежащими къ нимъ гирьками, которыя представляютъ скѣлу въ 14, 17,5, 21, 24,9, 35,8 грам. Между множествомъ домашней утвари особенно выдается прекрасная бронзовая кастрюля, отдѣланная накладнымъ серебромъ въ видѣ рельефной головы, также бронзовая лампа съ сохранившейся свѣтильней, и наконецъ различная посуда, терракотты, золотыя кольца и серги. (с.)

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1888 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками съ оригинала проф. Ю. Ю. КЛЕВЕРА:

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

Опытъ предъидущихъ лѣтъ показалъ намъ, что одинъ образецъ рамы не вполне удовлетворяетъ требованіямъ нашихъ гг. подписчиковъ и въ виду этого, въ настоящемъ году, мы озаботились изготовленіемъ рамъ (на фабрикѣ Ч. Гофмана, въ СПб.)—ТРЕХЪ СОРТОВЪ, при чемъ первые два сорта имѣются изъ золоченаго и чернаго полированнаго багета, а третій только изъ одного чернаго. Размѣръ и цѣны рамъ, со вставленными въ нихъ картинами (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ)—слѣдующія:

№ 1. Изъ лучшаго золоченаго или чернаго полированнаго багета, съ лѣпными узорчатыми украшеніями (ширина въ діам. 2 вершк.) по 4 руб., а съ упаковкою въ ящикѣ для иногородныхъ по 5 р. 50 к. (безъ перес.).

№ 2. Изъ такого-же, но болѣе красиваго и широкаго багета (шир. въ діам. 2²/₁₀ верш.): золоченая 6 р., и черная 5 р. 50 к., а съ упаковкою въ ящикѣ для иногородн. 7 р. 50 к. и 7 р. (безъ пересылки).

№ 3. Изъ богатаго чернаго полированнаго багета (ширина въ діам. 4¹/₂ вершк.) художественной лѣпной работы, 11 руб., а съ упаковкою въ ящикѣ для иногор. 13 р. (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки ихъ они будутъ уплачивать на мѣстѣ—при полученіи посылки. Въ тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ транспортной конторы и желѣзно-дорожной станціи, рамы будутъ высылаться почтою, но при этомъ гг. подписчики вмѣстѣ съ слѣдующими деньгами за рамы—благоволятъ прилагать и за почтовую пересылку, по разстоянію, за раму № 1 за 40 фунт., № 2 за 60 фунт., и № 3 за 60 фунт. При чемъ расчетъ за почтовую пересылку считается слѣдующимъ образомъ: за разстояніе до 300 верстъ за каждый фунтъ по 3 к.; до 400 верстъ по 4 к. и т. д., прибавляя на каждыя 100 верстъ по 1 коп. съ фунта.

Первые два сорта рамъ имѣются также и въ разобранномъ видѣ (въ 4-хъ кускахъ), упакованныя въ ящики, и высылаются гг. иногороднымъ подписчикамъ по слѣдующей цѣнѣ: № 1-й—за 4 р., пересылка за 15 фунт., № 2-й золоченая—за 6 р., а черная за 5 р. 50 к., пересылка за 23 фунт.

Въ виду поступающихъ отъ нѣкоторыхъ гг. подписчиковъ заявленій о желаніи получить главную премію въ рамѣ—теперь-же, т. е. не дожидаясь общей разсылки картины, мы нашли возможнымъ удовлетворить этому желанію, и для тѣхъ лицъ, которыя пожелаютъ имѣть премію въ рамѣ, начать выдачу картины ТЕПЕРЬ-ЖЕ.

Гг. городскіе подписчики при полученіи преміи, благоволятъ представлять въ контору свои подписные билеты на „Ниву“ 1888 г.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить премію въ рамѣ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: № 1—по 5 руб., № 2—золоченая—7 р., черная 6 р. 50 к. и № 3—12 р. 50 к.

Желающихъ получить премію въ рамѣ, покорнѣе просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картины.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“. СПб., Невскій просп., № 6.

Рѣшеніе задачи буквъ № 47 (помѣщенной въ № 29).

Крестовое словоизречение:

```

  е в
  т л ѣ
  е
  с р
  я а р
  д к р и
  о п і н с
  р а с к а г о н
  н
  т
  т і
  щ
  у
  о д
  е н
  я а
  о в а з
  л е
  
```

1. Крест.
2. Кіев.
3. Всеночная.
4. Родина.
5. Далія.
6. Пѣніе.
7. Роза.
8. Год.
9. Рига.
10. Тут.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: С 16. — Н. В. Пашкова, Б. Корова — В. К. Терезаго, Бѣлгородъ — Ф. З. Мазуръ, Бахчисарай — М. М. Дремджи, Винница — С. Рабиновича, Кѣльцы — П. Д. Гулянского.

П	р	а	з	д	н	о	в	а	п
і	е	д	е	в	я	т			
и	с	о	т	л	ѣ	т	і	я	
к				р	е	щ	е		
п				і	л	р	у	с	
с	к	а		г	о	н	а	р	о
									д
									а

Русь. Празднованіе девятисотлѣтія крещенія русскаго народа.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.
Н. Н. КАРАЗИНА.
Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

ЛАМПА АВТОМАТЪ БЕЗЪ СТЕКЛА
Торговый домъ И. А. КУМБЕРГЪ, С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. № 3327

№ 4710 О-ДЕ-КОЛОНЪ
(НЕЛЬСОНСКАЯ ВОДА)
Удостоенная, исключая имѣющихся первыхъ всемірныхъ наградъ,
Единственной первой награды, выданной въ городѣ Кельнѣ, въ мѣстѣ проназведеніи, въ 1875 году.

Обращаемъ въ особенности вниманіе на то, что во избѣжаніе смѣшенія съ другими, имѣющимися въ большомъ количествѣ въ продажѣ О-де-колонъ подъ названіемъ „Фарина“,
№ 4711 О-ДЕ-КОЛОНЪ
отвѣтъ подъ этимъ названіемъ продаваться не будетъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЗНАКЪ НЕПОДѢЛЬНОСТИ
№ 4711 О-ДЕ-КОЛОНЪ

Получать можно во всѣхъ большихъ космологическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Главное депо у АЛЕКС. ТИСЬ и Кошп. Пушкинская, № 4. Р. № 3330 1—1

ЗАКАШЕ
вылечивается въ заведеніи РОБЕРТА ЭРНСТА въ Берлинѣ, W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутся тоже по-русски; проспекты высылаются Р. № 3309 бесплатно. 26—2

№ 4711 РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ
съ различными запахами: Эдельвейсъ, желтый левкой, маслинъ, геліотропъ, ландышъ, оплопонакъ, роза, рейнская роза, рейнская фиалка, рейнскіе цвѣты и аспера душистая. Превосходные, долго сохраняющіеся и дешевые духи для туалетки.
Цѣна за флаконъ, содержащій 1/4 фунта **1 р. 25 коп.**
Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3302 3—3
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
у АЛЕКС. ТИСЬ и К°. Пушкинская, № 4.

Ребусъ. Задача № 55.

ЗАЯВЛЕНІЕ.
Контора журнала „Нива“ проситъ тѣхъ многихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку преміи, — карт. проф. Ю. КЛЕВЕРА „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“, поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

СОДЕРЖАНІЕ: Н. И. Уткинъ (съ портр.). — Вѣчу не быть. Старинная повесть Д. В. Аверкіева. Часть II. (Продолженіе). — Смерть Ротанда Стих. князя Д. И. Чертелова. — Рядовой Степанъ Гордиенко. Рассказъ Андрея Львовича. — Перелетъ ласточекъ. — Грозный батько казацкій. (По поводу постановки намятника Богдану Хмельницкому, въ Кіевѣ). (съ рис.). — Къ рисункамъ: Молотба лошадыми въ донской области (съ рис.). — Рыболовы-любители на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ (съ рис.). — Шутъ за правкой (съ рис.). — Христіяніи (съ рис.). — Видъ главнаго стана промысловъ Нѣмчинова, Сибирянова и Базанова (съ рис.). — Передъ дуэлью (съ рис.). — Жозефъ Мартенъ, французскій путешественникъ по Сибири (съ портр. и рис.). — Фансиmile отырытаго письма, совершившаго кругосвѣтное путешествіе (съ 2 рис.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Сибирь. — Рамы для преміи „Нивы“ 1888 г. — Задачи. — Заявленіе. — Объявленія.

Издатель А. Марисъ. Редакторъ В. Ключниковъ.
ПОДГОТОВЛЕНІЕ НА МѢСТА
Счетоводовъ (бухгалтеровъ), конторщиковъ, подотчетныхъ прикащиковъ путемъ практическихъ упражненій, въ фирмѣ Счетоводъ. Невскій пр., д. 66. Москва, Петровка, д. Матвѣевой. № 12 (рядомъ съ Кредитн. Обществ.).

ПАНСІОНЪ Ф. В. ГЕДЕ. № 3312 2—2
(СПБ., Изм. полкъ. 2-я рота, д. 3 (противъ Инст. Гражд. Инжен.)
Общобразовательное частное учебное заведеніе 2-го разряда, съ приготовительнымъ классомъ. Пріемъ ежедневно съ 11—3 и съ 5—6. Начало классовъ 31 августа.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
для гувернантокъ рекомендуетъ наставницъ и гувернантокъ русскія, французскія, нѣмецкія и англійскія. За сиротками просить обращаться отъ 1 часа до 4-хъ часовъ пополуночи, въ Торговую, домъ 15, кв. 58. № 3197 15—7 Комитетъ.

БОЛЬШОЙ ЗАПАСЪ № 3332
яблокн, груши, вишни, сливы, декоративныя деревца и кустарники, многоцвѣтныя цвѣты, зуконики и проч., продаетъ садовое заведеніе Р. А. Дюльню, гор. Колознь, Тамбовск. губ. Прейсъ-куранты высылаются бесплатно.

СУРГУЧНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
Гейфельдъ, иши Вагнеръ переведено: В. О. ур. Волковск. и Биржев. пер. № 4. № 3322

ЛАМПЫ, БРОНЗА, № 3307 посуда и проч. 3—2
рекомендуютъ въ торговомъ домѣ
AU BON MARCHÉ
Невскій пр., 49. Больш. Морская, 32.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Суды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе вышноринныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3302 4—4
Также нужны вѣрныя съ постоянными мѣстами жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ЦИНКОВЫЯ КЛИШЕ
Для иллюстрацій, каталоговъ и проч. химич. способомъ, по высланнымъ фотограф. снимкамъ и рисункамъ вообще, за очень дешевую цѣну, уменьшенныя или увеличенныя, изготовляетъ фирма М. Гусиниъ. Богемія. Прага. АГЕНТЫ: Екатеринбургъ, К. Обл., чугуи.-лит. зав. К. Л. Гусиниъ. Нужны агенты для Москвы и Петербурга. № 3332 2—1 ЦИНКОВЫЯ КЛИШЕ

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петербургъ, Трущобы“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

XVII-й УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА Ф. И. РУССО.

ОСНОВАНА ВЪ 1872 ГОДУ.

Большая Садовая, уголъ Вознесенскаго просп., д. 57—43 (Подъездъ съ Б. Садовой).

Кромѣ имѣющагося состава преподавателей, вновь приглашенъ по классу фортепiano профессоръ **К. Я. ЛЮТШЪ**

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ: спеціальныя: пѣніе, фортепiano, скрипка, альтъ и виолончель; дополнителныя: теорія музыки, сольфеджіо, гармонія, контрапунктъ и анализъ формъ, хоровое пѣніе, итальянскій языкъ (для посѣщающихъ классъ пѣнія), исторія музыки, musique d'ensemble и методика фортепiano и игры. **ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ:** отъ 20 до 60 руб. за полугодіе или отъ 6-ти до 17-ти руб. въ мѣсяцъ, смотря по избираемому предмету и степени познаній. Особой платы за дополнителныя предметы не взимается. Въ школу Ф. И. Руссо принимаются лица каждаго возраста и даже безъ всякой музыкальной подготовки. Программы выдаются и высылаются безплатно.

Пріемъ ежедневно отъ 10-ти ч. утра до 7-ми час. вечера.

№ 3326

НОВАЯ МУКОМОЛНАЯ МЕЛЬНИЦА „ТРИУМФЪ“ ЗАВОДА БУРГГАРДТЪ И УРЛАУБЪ принадлежитъ къ лучшимъ настоящаго времени. Болѣе 600 штукъ въ работѣ. ЗАВОДЪ СТРОИТЬ КРОМѢ ТОГО: плуги, бороны, вѣзки, жернъ, косилки, локомотивы 3, 4 и 6 силъ, кон. грабли, молотилки, сѣлки, соломорезки, сѣвныя прессы, насосы, пожарныя трубы, паровыя машины и пр. № 33193—1

ЛЕВНИЦЪСЪ и ГРОЗНЪСЪ имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 3405

ПИСЬМЕННОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ ДВОЙНОЙ БУХГАЛТЕРІИ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въполнѣ замѣняющее устное преподаваніе, съ успѣхомъ практикуемое по всей Россіи, въ теченіе многихъ лѣтъ, быстро и легко усваиваемое лицами обоюдо пола. Полнѣйшее речательство за успѣхъ. Окончившій курсъ выдается свидѣтельство. Вознагражденіе весьма умеренно. Программы и пробныя письма высылаются безплатно. Преподаватель бухгалтеріи: **А. Н. ЯНКОВСКІЙ** въ Ригѣ. Р. № 3328

ДЛЯ СТЕКЛЯННЫХЪ ЗАВОДОВЪ.

Опытный мастеръ художественнаго травленія на стеклѣ, хорошо знакомый со всеми новѣйшими способами травленія на осветительномъ, вынутомъ и плоскомъ стеклѣ, желаетъ вступить въ сношеніе съ стеклянными заводами.

Лучшія рекомендаціи представляетъ по желанію. Письма просить адресовать: въ С.-Петербургѣ, **И. И. Гаугъ**, Вознесенскій пр., № 30, кв. 56. № 3324

Продаются: 1) дача 12 верстъ, ст. Черны, 15 дес. земли. Домъ, лѣсъ, прудъ. Вблизи рѣки. 2) Машинъ 50 дес. 3) Мельница и постр. съ 23 дес. луга. Расстояние участіе верста. Адресоваться: въ Орель, **Г. де-Тейльсъ**.

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСЪКАТЕЛЪ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,

Одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы: замигаетъ грузы, карабкаетъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватается наживку, то крючекъ механически задвѣивается за щечку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. **П. Ф. Каратаевъ**, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к., выисывающіе подѣлать прибавляютъ за микроскопъ только 20 к. № 3323

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника **Л. П. СЕРГѢЕВА**. Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ. Цѣна въ изданіи. литограф. обертнѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена крайне умеренная, 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.

Требованія просить адресовать: въ С.-ПБ—гѣ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ГАРМСЕНЪ и К^о.

ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ Гостинный Дворъ, № 131 и 144. С.-Петербургъ, (существуетъ съ 1840 года).

честь имѣютъ извѣстить о полученіи большаго выбора **НОВОСТЕЙ ДЛЯ ДАМСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ** и пальто для осенняго и зимняго сезоновъ.

Постоянно имѣется большой выборъ полотна и столоваго бѣлья, лучшихъ голландскихъ и русскихъ фабрикъ, готоваго бѣлья мужскаго, дамскаго, дѣтскаго и постельнаго, чулочнаго товара и проч. и проч.

Товаръ лучшаго качества, цѣны весьма умеренныя. Заказы изъ провинціи исполняются точно и добросовѣстно. Прейсъ-курантъ а также образцы высылаются безплатно, но необходимо точно опредѣлить, какого рода товаръ требуется и примѣрно на какую цѣну. № 3328

ПАТЕНТОВАННАЯ МАШИНА

для выдѣлыванія пуговиць.

Необходимо для всѣхъ портныхъ, портнихъ, каретниковъ, сѣдельщиковъ, драпировщиковъ и декораторовъ. Новѣйшая, простая и очень практическая машинка, съ помощью которой каждый легко можетъ выдѣлывать пуговицы изъ какой угодно матеріи.

ПРОЧНѢЕ и ДЕШЕВЛѢ ПОКУПНЫХЪ ГОТОВЫХЪ ПУГОВИЦЪ!

Цѣны машинки:	Р. К.	Цѣны пуговиць:	Р.	
для портныхъ	18	— Пуговицы	1 за гробъ.	
для каретникъ и сѣдельщ. 20	22	28	32	36
для драпировщиковъ и декорат. 15	—	Пуговицы	7 за тыс.	
		для драпировщиковъ	3 за тыс.	

ПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНЫМЪ УСТУНКА!

Складъ и продажа машинки и принадлежностей къ нимъ: у **С. БЕРНШТЕЙНА** **МОСКВА** Большая Лубянка, Варсонофьевскій пер., домъ Рабушинскихъ, 9—6 и въ **С.-ПЕТЕРБУРГѢ**—у Франца Гюнтеръ, Садовая, № 12. № 3270

Въ книжной торговлѣ спеціально для иногородныхъ № 3325

А. Я. ПАНАФИДИНА,

С.-Петербургъ, Бол. Итальянская, № 8, поступили въ продажу:

ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

Первая книжка рассказовъ. СПб. 1888 г. Изд. 4-е. Содержаніе: Четыре дня.—Промышленіе.—Трусъ.—Ветръча.—Художники.—Ночь.—Attalea princeps.—То, чего не было. Цѣна съ перес. 1 руб.

Вторая книжка рассказовъ. СПб. 1888 г. Изд. 3-е. Содержаніе: Деньщикъ и офицеръ.—Нашъ воспоминаній рядового.—Красный цвѣтокъ.—Медвѣди.—Сказка о жабѣ и розѣ.—Надежда Николаевна. Цѣна съ перес. 1 руб.

Печатается третья книжка рассказовъ. Содержаніе: Лагуника путешественница.—Сказаніе о Гордомъ Аггетъ.—Сигналь.—Алслярское дѣло.—Статусъ о русской живописи: I. Вторая выставка общества выставокъ художественныхъ произведеній. II. Новая картина Семирадскаго „Свѣтломъ Христаніанъ“. III Конкурсъ на постоянную выставку художественныхъ произведеній. IV. Императорская академія художествъ за 1876—1877 учебный годъ. V. Записки о художественныхъ выставкахъ. Подлинная исторія Энескаго земскаго собранія. Очень коротенькій романъ, и прочіе. Ц. съ перес. 1 руб.

ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ, ЛЮБИТЕЛЕЙ и АРТИСТОВЪ.

Скрипки отъ 2 1/2 до 800 руб. Смычки отъ 50 к. до 60 р. Скрипки малаго разбра для дѣтей отъ 2 1/2 до 40 руб. Виолончели отъ 25 до 801 руб. Виолончели малаго разбра для дѣтей отъ 15 до 50 руб. Корнетъ-а-пистонъ отъ 18 до 275 р. Флейты отъ 3 до 175 р. Англійское концертно по умѣреннымъ цѣнамъ, отъ 24 до 250 руб.; а также всѣ другіе музыкальные инструменты хорошаго качества по умѣреннымъ цѣнамъ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ—безплатно.

Юліи Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ главное депо № 3335 музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 36 и 42. Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

ТЫСЯЧИ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ВѢРНОЕ СРЕДСТВО „**ЭКСПИКАТОРЪ**“

ВЫВОДИТЪ СЫРЬСЬ, ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ДЕРЕВО ОТЪ ГРИБИ, КАПИТАЛИЯ И ВСЯКОИ ПОРЧИ, ЗАСТУПАЕТЪ МАСЛЯНЫМЪ, КРАСКИ ВЪ ОШУРА НЕОБХОДИМАЯ ДЛЯ БЛАДѢЛЬЦЕВЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ЧАМКО БЕЗПЛАТНО

ИНЖ. ТЕХН. Г. РИТЕРЪ—ВАРШАВА.

ТРУБЫ

газовыя, дымогарныя, топочныя, бурильныя и пр. всегда на лицо у

АЛЬБЕРТА ГАНЪ

Москва, Мясницкая ул., домъ Ц. № 3238 Ананова. 5—5

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ 2-хъ-колесные велосипеды спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедѣхъ и велосипедистахъ“. Москва, Кузнецкій м., д. Голыцина. СПб., Б. Морская, 21. Р. № 3291 (6)

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIX г.
№ 36

г. XIX
1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЯСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 3 сентября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРГЕН. ВЫРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рунд. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 20 к. съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну непарейль (1/4 шпр.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ 4 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 5 р. 50 к.
Безъ дог. въ Москвѣ чр.
конт. объявд. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи 5 р.

Съ пересылкой въ Москва и другіе
города Россіи 6*) р.
За границу, съ перес. . . . . 8 р.
(*) Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ,
а также увеличенныхъ разѣровъ главной преміи
на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать
на укупорку и пересылку ея 60 КОП.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особые приложения при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говъкъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

При семь № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1888 г., съ 33 гравюрами и отд. листъ съ 39 чертежъ.
выкроекъ въ натур. величину и 19 рис. выпильныхъ работъ.

И. П. Сахаровъ.
Уваженія достойны
труженики, всецѣло от-
дающіе себя на безо-
рыстное служеніе наукъ
вообще, но еще болѣе
заслуживаютъ уваженія
и глубокой признатель-
ности такіе дѣятели,
которые употребляютъ все
труды и силы на изуче-
ніе и познаніе своего
отечества, на выясненіе,
по возможности, всеѣхъ
сторонъ жизни роднаго
народа, прошлой и на-
стоящей, изученіе столь
важное для его исторіи.
Къ подобнымъ дѣятелямъ
принадлежалъ Са-
харовъ, авторъ „Сказаній
Русскаго народа“, усердный
ислѣдователь
русской старины и на-
родности, всю свою
жизнь посвятившій раз-
работкѣ отечественной
наукъ древностей.
Скромный ученый, онъ
впервые затронулъ са-
мые живые вопросы этой
науки, и едва-ли най-
дется такая, даже са-
мая незначительная от-
расль ея, которую онъ
оставилъ-бы безъ ислѣ-
дованія и серьезнаго
изученія. Для разъясне-
нія быта стараго време-
мени, Сахаровъ рабо-
талъ надъ всеѣмъ: его
равнозанимали повѣрья,

Иванъ Петровичъ Сахаровъ (по поводу двадцатипятилѣтія со дня кончины).
Съ совр. портр. грав. Ю. Шюблеръ.

обычай, и древнія пись-
менность и искусство, и
вумизматика, и исторія
техническаго, ремеслен-
наго развитія. Бездну
труда и старанія вло-
жилъ онъ въ свое дѣло,
не мало потратилъ вре-
мени на собраніе ма-
териаловъ, искъ лесивъ
добрую половину матуш-
ки Руси. Въ хижинахъ
поселянъ — говоритъ
книзь А. Н. Голицынъ —
собиралъ онъ народныя
преданія, въ городахъ и
селахъ обозрѣвалъ со-
хранившіеся народныя
памятники, въ архивахъ
пересмотрѣлъ нужные
историческіе акты. По
преданіямъ, памятни-
камъ и актамъ возста-
новлялъ онъ въ описа-
ніяхъ своихъ старую
русскую жизнь, изобра-
жалъ русскую народ-
ность по живымъ источ-
никамъ. Чего отшельни-
ки не вносили въ лѣто-
писи, чего нѣтъ въ ак-
тахъ, что сокрыто было
отъ русскихъ истори-
ковъ, — то помѣщено имъ
въ „Сказаніяхъ Русска-
го народа“. Русскій че-
ловѣкъ, Русская земля,
русскіе памятники, три
основныя идеи, взятыя
имъ за основаніе, со-
ставляютъ предметъ
всеѣхъ его изысканій.
Языкъ, литература, се-

мейшия повѣрья, записки современниковъ, одежды, народныя обычаи—служили для изображенія всѣхъ дѣйствій русскаго человѣка; а храмы, кремль, гробницы, дворцы, терема, оружіе, гравированіе, иконописаніе, народное иѣніе, монетное дѣло—приняты были для описанія Русской земли, гдѣ въ искусствахъ и художествахъ русскій умъ составлялъ памятники для нашей родины. Цельзя не проникнуться полнымъ уваженіемъ къ Сахарову, къ его замѣчательнымъ работамъ, особенно если принять въ соображеніе тѣ неисчислимыя трудности, препятствія и всякія разочарованія и непріятности, съ которыми были сопряжены занятія этого археолога. Къ сожалѣнію, труженики науки долговѣчностью не отличаются. Сахаровъ не дожидъ до шестидесятилѣтняго возраста, — и нишѣ исполнилось со дня его смерти ровно двадцать пять лѣтъ.

Сынъ тульскаго священника, Иванъ Петровичъ Сахаровъ родился въ Тулѣ, 29 августа 1807 года и первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной духовной семинаріи, гдѣ „обучался разнымъ языкамъ и наукамъ“. Отецъ его, Петръ Андреевичъ, мечталъ сдѣлать сына священникомъ, но юноша обнаружилъ склонность къ наукамъ и по окончаніи семинарскаго курса, уволенный въ августѣ 1830 года сперва въ архіаіальное вѣдомство, а потомъ и изъ духовнаго званія, поступилъ, въ декабрѣ того-же года, въ Московскій университетъ по медицинскому факультету. Еще въ семинаріи Сахаровъ началъ заниматься русскою исторіей, совершенно неожиданно для него самого, вслѣдствіе оскорбленнаго національнаго чувства. Однажды онъ услышалъ, какъ два иностранца, „оставшіеся просвѣщать русскія головы послѣ 1812 года, изъ числа мародеровъ“, увѣряли, что русскіе не имѣютъ своей исторіи. Сахаровъ не могъ уличить этихъ иностранцевъ, потому что не зналъ русской исторіи; „меня учили какой-то безсвязной исторіи по Шрекку“. Это обстоятельство заставило его искать въ бібліотекѣ отца книгъ по русской исторіи; найденныя сочиненія не удовлетворили его, и онъ повѣдалъ о своемъ горѣ священнику П. И. Иванову, „человѣку не весьма ученому, но любившему горячо родину и просвѣщеніе“. Онъ далъ юношѣ исторію Карамзина, которую, Сахаровъ, по его собственнымъ словамъ, читалъ долго и много, и которая помогла ему узнать родину, научила любить русскую землю и уважать русскихъ людей. Мало-по-малу въ немъ, среди чтенія исторіи Карамзина, зародилось первое желаніе узнать, какъ жили наши отцы, явилось желаніе писать. Разъ, посѣтивъ мѣстную церковь, построенную во времена царя Алексѣя Михайловича, Сахаровъ узналъ, „что такое древности, и что нужно для мѣстной исторіи“. Памятники той эпохи, сохранившіеся въ церкви, навели его на мысль, что „древности надо изучать по наличнымъ памятникамъ въ архивахъ, а не въ новыхъ книгахъ“. Съ того времени и начинаются его розыски и занятія археологіей, встрѣченныя многими недовѣрчиво и недружелюбно. Въ маѣ 1830 года появился первый плодъ его трудовъ, въ *Московскомъ Телеграфѣ*—по замѣчанію Сахарова „первенецъ всѣхъ несчастій, гоцеиій и сорь съ добрыми и недобрыми“. Попытку его печататься многіе осудили, и только благодаря заступничеству друзей, дѣло Сахарова окончилось благополучно; безъ нихъ молодой авторъ едва было не лишился, по его словамъ, „всего грядущаго въ жизни“. Переѣхавъ въ Москву и поступивъ въ университетъ, Сахаровъ продолжалъ съ увлеченіемъ свои занятія „старымъ бытомъ“ и печаталъ статьи въ журналахъ и отдѣльно. Защитивъ диссертацию, онъ въ 1835 году, былъ выпущенъ изъ Московскаго университета со степенію лекаря перваго отдѣленія и назначенъ врачомъ с.-петербургской почтамтской больницы, гдѣ прослужилъ вплоть до 1856 года, всѣ досуги отъ службы посвящая изданію собранныхъ имъ матеріаловъ. Въ

1836 году вышла первая часть его сочиненія „Сказанія русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ“. Рукопись этого сочиненія была готова еще въ 1835 г. въ Москвѣ и пришла не мало мытарствъ, пока появилась въ свѣтъ, да и самая книга испытала достаточно мытарствъ, судовъ, пересудовъ и толковъ. Истинно русское міросозерцаніе Сахарова не встрѣтило поддержки и сочувствія въ той средѣ, которая наиболѣе сохранила начала исповѣдуемаго Сахаровымъ. Тамъ его труды встрѣчены были не только равнодушно, но и враждебно. „Дѣло доходило до того, что Сахарову угрожали уже Соловками, и бѣда уже висѣла надъ его головою.“ Но помощь, сочувствіе, поддержка и огражденіе его направленія пришли къ Сахарову изъ той сферы, въ которой, какъ онъ думалъ, царило все нвоеземное, а все истинно русское было предано забвенію. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, а затѣмъ главно-начальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, князь А. Н. Голицынъ заступился за Сахарова; онъ представилъ, въ 1841 году, третье изданіе „опальной и гонимой“ книги „Сказанія русскаго народа“ императору Николаю при запискѣ, въ которой разъяснилъ все значеніе трудовъ своего подчиненнаго и ходатайствовалъ о поощреніи автора. Николай Павловичъ, со свойственнымъ ему великодушіемъ, наградилъ Сахарова брилліантовымъ перстнемъ и назначилъ ему пособіе, въ видѣ прибавки къ жалованью. Послѣ этого опала съ книги была снята, и Сахаровъ сталъ усердно печатать дальнѣйшіе труды свои сперва въ заведенной имъ, собственной типографіи, которую ради изданія трудовъ своихъ потомъ долженъ былъ продать; таковы, между прочимъ, „Записки русскихъ людей“, „Русскія народныя сказки“, „Лѣтопись русской нумизматики“, „Исслѣдованіе о русскомъ иконописаніи“, „Писатели Тульской губерніи“, „Дѣянія московскихъ удѣльныхъ князей“, „Обозрѣніе славяно-русской бібліографіи“, „Записка для обозрѣнія русскихъ древностей“ и друг. Критика съ большимъ единодушіемъ привѣтствовала эти труды замѣчательнаго собирателя остатковъ древней русской жизни, народнои и исторической. „Труды Сахарова — замѣтилъ одинъ изъ критиковъ — запишетъ Русь въ своей памяти; они такъ благородны, такъ прекрасны, такъ плодотворны.“ Кромѣ отдѣльныхъ изданій, Сахаровъ помѣщалъ свои труды въ *Маякъ*, *Литер. Газетъ*, *Отечеств. Записки*, *Рус. Вѣстникъ*, *Сѣверной Пчелы*, *Москвитинимъ* и *Журн. Минист. Народнаго Просвѣщенія*. Не смотря на эти литературно-ученыя занятія и службу въ должности врача при почтовомъ вѣдомствѣ, онъ находилъ еще время и для педагогической дѣятельности, читая лекціи палеографіи въ Училищѣ Правовѣдѣнія и еще нѣкоторыхъ учебныхъ заведенійхъ. Въ половинѣ пятидесятихъ годовъ дѣятельность Сахарова видимо начинаетъ ослабѣвать. Издавъ первую часть своей книги „Записка о русскихъ гербахъ“, въ 1856 году, онъ вскорѣ вышелъ въ отставку и переселился въ свое имѣніе, въ Валдайскомъ уѣздѣ. Здѣсь онъ провелъ нѣсколько мучительныхъ лѣтъ, будучи боленъ неизлечимо и скончался 24 августа, 1863 года, въ повгородской усадьбѣ Зарѣчье, Валдайскаго уѣзда, отъ разжиженія мозга. Тѣло его погребено при церкви Успенія, Рютинскаго погоста. За пять лѣтъ до кончины, Сахаровъ пожелалъ еще разъ посмотреть на русскую жизнь сѣверныхъ губерній, и узнать, что сохранилось здѣсь изъ старой русской жизни. Онъ увидѣлъ какъ переродилась русская деревенская жизнь и вынесъ далеко не оградныя впечатлѣнія, убѣдясь, что въ своемъ движеніи впередъ русскій человѣкъ оставилъ вполнѣ неприкосновенною—одну вѣру своихъ отцовъ и дѣдовъ. Иванъ Петровичъ Сахаровъ былъ членомъ Археологическаго, Географическаго и другихъ обществъ.

П. Быковъ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

VI.

Маврушенка.

Пашкѣ, отставъ отъ Губана съ Васильемъ, пошелъ не къ лодкѣ, а въ монастырь. Тамъ, поставивъ свѣчу у гроба чудотворцева и помолясь передъ его честнымъ образомъ, въ серебрѣ изваянномъ, онъ вышелъ изъ собора, а что дѣлать съ собой, не звалъ. Идти-ли ему къ лодкѣ, или въ монастырѣ вечерни дожидаться. Тревожно ему было, не спокойно, а въ груди точно невыплаканныя слезы закипахи.

„Нѣтъ, къ лодкѣ пойду!“ рѣшилъ онъ.

И полнуги онъ не дошелъ до лодки, повернулъ назадъ, а тамъ опять втуникъ сталъ: куда идти. На послѣдокъ рѣшилъ:

„Пойду молъ, прогуляюсь со немножечко. Ходючи, полегчаетъ.“

И пошелъ, самъ не зная куда. Тропинка забирала влѣво, и онъ влѣво шелъ; вправо тропинка поворачивала и онъ поворачивалъ въ правую сторону. А въ груди попржежнему тревога и невыплаканныя слезы. Пашкѣ и не замѣчалъ, что кто-то, вагнавъ его, идетъ сади шагахъ въ десяти, какъ-будто опасаясь подойти поближе.

— А Пашкѣ, а Иванъковичъ! не громко кликалъ нагнавшій его человѣкъ.

Пашкѣ все шелъ да шелъ, не слыша оклика. Осмѣлился наконецъ нагонявшій человѣкъ, и поближе подошелъ, опять кликнулъ: „а, Иванъковичъ!“ и тронулъ Пашкѣ за локоть.

Пашкó вздрогнулъ, оборотился и воззрился на тронувшаго его за локоть человѣка, да вдругъ на него какъ кинется.

— Задушy, задушy! кричалъ, хватая его за воротъ.

Тотъ человѣкъ думалъ было вырваться, но не смогъ, палъ на колѣни, а потомъ и вовсе свалился.

— Ой, Пашкó! ой, Иваньковичъ! а слышь, а не бьютъ вѣдь лежачаго, молился онъ.

— Задушy, говорю! свирѣпо и грозно кричалъ Пашкó, подобравъ подъ себя того человѣка и охвативъ ему горло руками.

— Ой, Пашкó! ужъ захриѣлъ тотъ. — Ой, Мавру... ой, знаю гдѣ...

Пашко отнялъ руки отъ горла.

— Ой, и ты жь... А и силень, и скоръ къ тому!.. А чепанъ-тъ мой, ой! а и дрѹгаго въ заводи нѣту-ти, плакался тотъ человѣкъ, а затѣмъ, будто вспомнивъ что-то нечаянно забытое, захлебываясь добавилъ: — А тотъ-то, въ коёмъ предъ судьей стоялъ, а стянулъ вѣдь Арбузевъ съ плечъ... „А твоя де вина что, чепанъ одѣвая, прорѣху прорвалъ, а въ ту де прорѣху и все дѣло мое провалилося...“ А ты, ишь ты!.. А я вѣдь нарочно нагонилъ тебя, а съ ласкою... А и скоръ же на руку... А чепанъ-тъ...

— А ну те, съ чепаномъ-то! прервалъ Пашкó Мордкино причитанье. — А гдѣ, сказывай.

— А не далече тутъ... Ой-же, Господи! а тутъ-то, тутъ... опять заплакался Мордка, увидѣвъ незамѣченную до того прорѣху, — а хоть вовсе брось... А не далече ту... У Арбузева... Охъ, охъ ты Господи!.. А въ волости у него, говорю...

— Ну, слышь, Мордка, Пашкó сказалъ, — а только не обманешь, а Маврушеньку сыщемъ, инъ Василей тебѣ новъ чепанъ сошьеть...

Мордка бросился было благодарить Пашкá.

— А послѣ ужь... А веди теперь, сказалъ Пашкó и взявъ Мордку за руку впереди себя поставилъ. — Къ ней... прямо... съ разстановкой и съ трудомъ, но твердо добавилъ онъ.

Мордка помялся на мѣстѣ.

— А знашь, Иваньковичъ, а я тебя къ задворкамъ... А во дворѣ-тъ парубки, слышь...

— Къ задворкамъ веди, властно приказалъ Пашкó.

Мордка еще помялся, и тронулся.

— Лѣсомъ, пряничкомъ, не дорогой поидемъ, сказалъ онъ немного погодя.

Шли они молча и скоро вошли въ темный лѣсъ. Порой на Пашкá нападало сомнѣнье, не въ засаду-ли его Мордка ведетъ. „А задушy тогда“, рѣшалъ онъ, и опять безо всякой мысли, въ издрогнувшемъ ожиданьи, бодро шагаль за нимъ. Мордка порой останавливался, приглядывался и прислушивался.

— Слышь, къ вечерни вдарили, сказалъ онъ, — а въ Хутынѣ, въ великъ колоколь. А съ той стороны звонъ, отколь намъ надобень: вѣрно идемъ.

И опять пошли.

— Пиръ онъ нынче ладить, на бояръ, на знакомцевъ своихъ, снова приостановясь Мордка сказалъ. — Для-того я тебя и съ задворковъ.

Пашкó ни слова, а только головой повелительно взмахнулъ: веди молъ знай.

Темновато стало; туча-ли нашла, или сумерки пали, не разобрать въ лѣсу.

— Ай, заяць? съ испугомъ вскричалъ Мордка, увидя какъ передъ ними юркнулъ звѣрокъ.

— Ни, вѣкша, спокойно отвѣчалъ Пашкó. — Эвона она гдѣ, на сосну скочила.

И опять шли да шли.

— А ну, слава Богу! сказалъ Мордка и вздохнулъ полегче. — Вотъ и тропинка-та, прямо къ задворкамъ. А и долго жь не давалась. Ужъ думалъ не обошелъ-ли

Лѣсъ ¹⁾. А самъ знашь, мѣсто-то како здѣсь. А Худынь, скажутъ, въ старь звалось: худо мѣсто-то, проклято.

— А далече оцѣ? Пашкó откликнулся.

— А съ полчаса не буде.

И эти полчаса ужъ вовсе молча шли.

— А и плетень вотъ, тына-то съ сѣй стороны нѣту-ти, пояспилъ Мордка. — А сейчасъ.

Немного погодя, Мордка остановился и насторожился, и затѣмъ сталъ шептать пошептомъ.

— Глянь, вишь, э-вонъ оконце-то, оцѣ свѣтитя, на чердакъ-то ²⁾. Ейнаа горница. Изба тутъ одна стоитъ, жила близко нѣту-ти. Скажутъ байня, что-ль, допрежь сего въ рошицѣ стояла. А перестроилъ, а чердачекъ накиннулъ... А что-жь, Иваньковичъ, стоишь, а съ Богомъ! Не высокъ плетень, а во двори тихо, оцѣ знать оны не воротимшися изъ Хутыни.

Пашкó подошелъ къ плетню и ужъ думалъ было шагнуть черезъ него да одумался.

— А стой, воротаясь, подозвалъ онъ Мордку. — А за проводы—на вотъ тебѣ, денежка. А добуду—вотъ те чудотворецъ святый Хутынскій—и чепанъ. А ну!

И онъ махнулъ рукой, чтобъ Мордка прочъ шелъ, а самъ опять двинулся къ плетню. Шагу не дошедъ, онъ остановился и снявъ шапку, крестился усердно.

„А съ Богомъ тошеръ,“ мысленно ободрилъ онъ себя, и за плетнемъ сталъ.

Изъ осторожности Пашкó шелъ еле ступал, озираясь и по временамъ останавливаясь. У избы, высоко ее перерости, стояла береза тонкая и къ лазащю сподручная. Перекрестясь и чуя что сердце стало сильнѣй колотить о ребра, Пашкó полѣзь вверхъ. „Э! и гульбище ³⁾ есть, и стать на него съ березы не трудно“. И Пашкó неслышно на гульбище сталъ. Волоковая дверь была пріотворена. Пашкó, подкравшись, заглянулъ въ чердакъ. Ничего горенка, уютная, чисто прибранная. „А! вонъ и постелюшка!“

Но постелюшки не могъ разглядѣть Пашкó: все у него вдругъ въ глазахъ повернулося и ходуномъ пошло. „А она гдѣ-жь?“ ужъ со злостью подумалъ онъ. Глянулъ Пашкó въ другую сторону и видитъ: она сама, Маврушенька, у стола на лавкѣ сидитъ. Сейчасъ лишь пріодѣлась, подрумняилась. Старається покраше поднизъ прикрѣпить. „Вотъ и ладно, кажись“. Она подвинула тонкую восковую свѣчку, оправила зеркальце на столѣ и въ него смотрится. Должно быть самой себѣ показала: просіяла вся, хитренько подмигнула кому-то въ зеркальце и усмѣхнулась. Съ этой усмѣшкой опять ожила злость у Пашкá въ сердцѣ. Нежданно для себя онъ шагнулъ въ горенку.

Маврушенька всполошилась, скочила на ноги, крикнуть хотѣла, да такъ съ разинутымъ ртомъ и осталась. Дрожь ее взяла, ноги подкашивались.

— Аль Пашкó? едва слышно прошептала она, оцупуя у самоѣ себя глаза. — Аль живой?..

— Аль ты меня покойникомъ полагала? не двигаясь съ мѣста спросилъ Пашкó.

— А какъ же, недоумѣнно говорила она, — въ поволи-то... Убили, сказывали.

— Такъ этимъ, знать, онъ сманилъ-то тебя, что мени мертвымъ сказывалъ? спросилъ парень со злобою ужъ на Арбузева.

— Такъ живъ ты? не вовсе еще въ себя приды и не разобравшись, радоваться ли ей его приходу, иль плакать, вскрикнула дѣвушка, и слѣдомъ, съ несомнѣнной ужъ радостью, хотѣла къ нему броситься. — Ахъ, ты, голубчикъ ты мой!.. а сыскалъ же меня!..

— Нѣтъ, стой! строго приказалъ Пашкó, какъ бы и себя въ то же время сдерживая. — Постой, постой оцѣ! быстро пробросилъ онъ, какъ бы собираясь съ мыслями,

¹⁾ Лѣсъ — лѣшій.

²⁾ Чердакъ — теремъ.

³⁾ Гульбище — балконъ.

Гезы подають прошеніє намѣстницѣ Маргаритѣ Пармской. Съ акварели Германа Тецъ-Кате, грав. Веберъ.

и заговорилъ яснымъ порывистымъ голосомъ, точно зная, что такъ, а не иначе, слѣдуетъ говорить. — А я тебѣ сперва скажу, что будешь ты а дѣвка сама живая! Это что-жь ты мнѣ путашь-то? будто съ того пошла, что во гробѣ я? Аль этакъ-то жениховъ обрученныхъ поминать установлено? А говори жь! прикрикнулъ онъ.

Какъ листъ затряслась Маврушенька.

— Обмануль, обмануль онъ меня, лепетала она не то чтобъ оправдываясь, а сама не зная къ чему.

— А матушку свою, честну вдову, на кого покинула? На тѣ вздохи немолчные, на тѣ слезы горячія? А стоишь и не спросишь вѣдь: оцѣ ль жива она?

Маврушенька, склонивъ голову, стояла заломивъ руки, и не было въ ней силы спросить про матушку.

— А жива. Крестись; а жива-же, говорю.

Маврушенька покорно крестилась, и въ три ручья тихо заплакала. Пашкѣ потупился.

— Аль силомъ онъ тебя? хмуро выглядывая изподъ лобья, допрашивалъ Пашкѣ, и не давъ слова отвѣтить Маврушенькѣ, закричалъ: — Не лги, не лги же; шабѣрки-те видѣли, какъ въ проулченно выбѣгала къ нему, а подарки отъ него припимала же, а заманивая его слушала. Охъ, убить, убить тебя, триклятую!

И Пашкѣ порывисто, какъ отъ ужаснаго соблазна, отвернулся отъ нея и, ухватясь рукой за горло, застопалъ, захрипѣлъ.

— А и ты-то, ты! собралась съ силами Маврушенька. — А зачѣмъ въ повольтѣ-то шель, а меня бросилъ?

— А гдѣ-жь бросаешь? Сказывалъ вѣдь я тебѣ, зачѣмъ иду. Чтобъ нужду отъ дому вовсе отогнать; чтобъ ни въ чемъ-то ты не нуждалась, а жила бы съ тѣхонько, веселѣхонько... А и ты... а тутъ...

И шатаясь, онъ привалился на лавку и зарыдалъ навзрыдъ. Маврушенька дала ему выплакаться.

— А слышь, Пашкѣ... начала было она, подходя къ нему.

— А молчи ужъ ты, подлая! свирѣпо стиснувъ зубы прошипѣлъ Пашкѣ.

И вставъ съ лавки, онъ заходилъ взадъ и впередъ по горенкѣ, утирая слезы кулакомъ и не глядя на дѣвушку, даже какъ-бы опасаясь, что она ему печально попадетъ на глаза.

У Маврушеньки, какъ ей казалось, все въ сердцѣ перевернулося отъ Пашкова слова обиднаго, а вдобавокъ — это-то и щемило ее — и правдиваго. И она вдругъ, въ одинъ мигъ, въ первой разъ за долгое, долгое время вспомнила какъ жила, чѣмъ тѣшилась.

„А улещивалъ же онъ, угovarивалъ“, обрывками путалось въ ея головѣ. „А оцѣ про Пашкѣ, что бросилъ-то, а забылъ... А вѣсти эти неслетными сказывалъ... И правда, даривалъ онъ ее. И сердце ее противъ Пашкѣ ставилъ, чтобъ противенъ ей паренъ оказался: не то помнишь его, а такое поперекъ ему сдѣлать, чтобъ помнилось до вѣку... А оцѣ-то что?.. А сманилъ, а везъ къ себѣ, поилъ пьяною...“

Кажется все, рѣшительно все припомнила, и все это падо-бы рассказать Пашкѣ. Да какъ рассказать-то? Въ головѣ оно мелькнуло, а словъ, чѣмъ рассказать — нѣтъ. Сердце у нея засосало, и стоя на мѣстѣ она заметалась, и сама ужъ не помни себя, пала на колѣни, головой къ лавкѣ, въ ту сторону, гдѣ сейчасъ передъ тѣмъ сидѣлъ Пашкѣ. И силится, силится припомнить, что надо говорить и собрать тѣ слова, что куда-то затерялись.

„А! вспомнила. Отъ матушки хоронилась, а рѣчи его ей сказывать боялась...“ И въ великомъ волненіи, присѣвъ на полъ, и широко раскрывъ глаза, закричала вслухъ: — Охъ, охъ! а жива ль оцѣ моя матушка?

Отъ этого вскрика Пашкѣ оторопѣлъ и забылъ свой гнѣвъ.

— Опомнись, а Христось съ тобой, растерянно гово-

рилъ онъ. — А вѣдь сказывалъ же я тебѣ, что жива моль, жива твоя матушка, а крестилась ты оцѣ. А крестись, окрестись опять, кресто-тъ на себя скорѣй клади.

Маврушенька вновь послушно крестилась, только бессмысленно, сама не зная что дѣлаетъ.

— А послушай ты... заговорила она.

Трудно и нудно, точно черезъ силу выдавливались у нея слова. Порою она схватывала себя за горло, будто желая отдалить тѣ слезы, что тамъ скопились и придавали слова, которыя она хотѣла поскорѣй выговорить.

— А улещивалъ, путаясь въ рѣчи сказывала она. — А говаривалъ... А ушелъ ты.. А я одна... а не смѣла ей, ни словечушка... Ужъ похвалить ли?.. Матушка ты моя, а родименька!.. Дай вспомнить-то... Шель ты да наказывалъ. А помню, ужъ помню все... Молчи, молчи, не надобно; безъ тебя все припомнила... Ну, а тутъ... И пригожь, и на рѣчь ласковъ.. „А вывѣдалъ,“ говорить, „вѣрно вывѣдалъ. Не на рубежъ де, не на псковскій. А взманился на Москву моль. А къ князю моль служить смель...“ Этакъ-то, про тебя, знашь, дословечно говаривалъ... А самъ и обѣщалъ и даривалъ... Матушку бы спросить... И противъ тебя мое сердце круто поворачивалъ... А боялась же матушки, говорю, страшилася... Охъ, прости, охъ прости меня, родна матушка!

Тутъ у нея слезы сперва брызнули, а потомъ тихо потекли, и съ тѣмъ вмѣстѣ и рѣчи легче, ровнѣй полились.

— А попалась какъ, ужъ не вспомнюся... А поилъ, дарилъ, всѣ забавушки, а чего только вздумаю... А бывало, бывало а тошнѣхонько, а грустнѣхонько... Вспоминать-то, небось, вспоминалося. Не забудешь вѣдь... А страшилася, такъ-то страшилася этой тоски неслышанной, этой памяти непрощенной, этой боли сердечной, что отъ нея утошилась бы, аль повѣсилась... И гнала, всячески отъ себя гнала, на все пускалася, только бъ ее прогнать... А закружуся — и нѣтъ памяти... И легко... А тамъ опять... охъ! тошнѣхонько, тяжелѣхонько... И нынче вотъ, въ Спасовъ праздничекъ, а съ утра вѣдь, съ самага...

— А лжа, лжа è! вскричалъ Пашкѣ, слушавшій до того внимательно и сочувственно. — Аль не видѣлъ я тебя, какъ съ гульбища глядѣлъ? Убиралась ты, въ зеркальце глядѣлася, а тамъ на свою видно красоту любующись, въ зеркальце кому-то ухмылялася, да еще хитренько подмигивала: „погуляемъ, моль, а до-сыти“. Нѣтъ, убить, убить тебя, змѣю подколодную, пока на смерть не ужалила!

— Охъ! правда моя, охъ! истинная!.. всхлипывая во все время Пашковой рѣчи, приговаривала Маврушенька.

— Нѣтъ, молчи ты, моихъ рѣчей не заговаривай! свирѣпѣлъ Пашкѣ. — Ты припомни-ко-сь, что оцѣ надѣлала. А мать было въ гробѣ свела, осоромила... Свѣтлы ея очушки отъ слезъ притуманила; едва видить сердечная. А шить ей — великъ трудъ. „Охъ, слѣпну совсѣмъ“, сказывала. Аль мало тебѣ? А оцѣ молодца на посмѣхъ подняла. Того не считаю, что изъ-за тебя вытерпѣлъ, а съ душой-то моей что ты сдѣлала? А передъ Богомъ вѣдь кольцами у насъ помѣнялось. Мое-то на перстѣ сейчасъ. А обѣты предъ духовнымъ отцомъ да предъ образомъ Знаменья пречистаго на дымъ пошли? Аль мало оцѣ? Куда, въ какой омутъ меня затягиваешь?

И въ пылу Пашкѣ не замѣчалъ, что Маврушенька не рыдала ужъ, а сиди на полу билась головой о лавку; не разумныя слова выговаривала, а выкликивала нѣчто страшное.

— Разверзлась, разверзлась! выкликивала Маврушенька. — До самага-то дна моя душенька разсѣлася! А и гады тамъ, змѣи, аспиды... А все-то дѣла мои мерзко-

грѣховныя... А и явственны пунь, а допрежь не видѣла... Охъ, гадюки все, жаловитыя, ядовитыя... А и жалить, ѣдятъ мою душеньку, охъ! слождать они мое окоянно сердчущечко, а все безъ остаточка. Пожалѣй ужъ, пожалѣй меня, а помилуй ты, безталанну грѣшницу!.. Охъ, прости, прости-ко меня, свою кровную обидчицу!..

— Не могу, не смогу, не хочу простить! закричалъ Пашкѣ. — А на-что ты мнѣ топерь, а говори? Берѣгъ я тебя, въ душѣ носилъ, что ладонку на шеѣ отъ мощей кievскихъ. А теперь брошу, а брошу, кипу, росточку тебя!

— А бей, убей меня, только прости, ради Христа, прости! приговаривала она.

— Христомъ-Богомъ молишься, а какъ бросала-то меня Христа помнила-ль? А что мнѣ теперь въ тебѣ дорого? Аль душа твоя? Аль красота твоя? Такъ я твою душу въ адъ пихну, а красоту твою съ лица кулаками собую. Чтобы о ней и памяти не было.

— Охъ, бей ты, убей меня, а только прости, прости!..

— А не убью, думаешь? Ай пожалѣю тебя? Такъ вотъ же на тебѣ, а на, на, на!..

И Пашкѣ дважды или трижды ее ногой пихнулъ, а тамъ, ужъ не помня себя, накинудся на нее и схвативъ за русую косу, сжалъ ее въ кулакѣ и сталъ себѣ на руку съ силой наматывать. И убилъ-бы, да Богъ грѣха не пустилъ.

Шумъ и крикъ, и гамъ какой-то на дворѣ всталъ. И раньше онъ слышался да за рѣчами своими горячими ни Пашкѣ, ни Маврушенька его не примѣтили. Теперь-же вдругъ услышалъ Пашкѣ, и опомнился. Размотавъ косу съ руки, онъ выпустилъ ее изъ кулака.

— А что тамъ, а вставай, Маврушенька.

И онъ бережно поднялъ ее съ пола. Оба прислушались. На дворѣ и въ бубны били, и въ свистѣли свистѣли, и крикъ слышался, и кони ржали, и собаки, всполошась, лаяли. Маврушенька на цыпочкахъ побѣжала, и чуть отодвинула волоковое окно, что выходило во дворъ.

— А приѣхалъ, знать, шепотомъ сказала она. — И гости, и скоморохи съ пимъ. А на дворѣ-то темъ, съ фонарями ходить.

— А что-жъ топерь? какъ-бы приходи въ себя спросилъ Пашкѣ.

— А уйди, Пашкѣ; застанутъ на грѣхъ.

— Меня спровадивъ, а сама къ нему? со всплескомъ только-что остывшаго гнѣва спросилъ Пашкѣ.

— Да покарай меня Господь! перекрестилась въ отвѣтъ Маврушенька. — Да... слышь, бы громъ гремитъ... А! вотъ и мѣлонья просвѣтила, какъ-бы съ радостью воскликнула она. — А коль лгу я на самую на чуточку, да пусть Михаилъ Архангелъ Божій, что мечетъ стрѣлы огненны во врага Божія, а пустить въ сердце мнѣ сейчасъ, сейчас-т-ко, а свою каменну стрѣлу, а и паду я у ногъ твоихъ бездыханная.

Этой съ жаромъ сказанной клятвѣ повѣрилъ Пашкѣ.

— А со мной пойдемъ? подумавъ, сказалъ онъ.

— А пошла-бы, а и съ радостью, быстро залепетала Маврушенька. — А какъ схватится, да прикажетъ, чтобы плясать имъ шла. А сугона тутъ. Паробковъ вѣдь полонъ дворъ. А пошлетъ во всѣ концы. А захватятъ, измучатъ вѣдь, истерзаютъ, убьютъ тебя да волкамъ скормятъ. А чтобы я,—а ни, ни! да не бойся уж! А отступись отъ меня Пресвятая Богородица, Госпожа Царица наша Небесная, Пречистое ея Знаменье!.. А какъ убьютъ-то тебя, а тутъ я... Охъ, и голубчикъ-же ты мой, соколикъ ты мой ясеный, оцѣ женишокъ богоданенькій! обнимая и цѣлуя Пашкѣ приговаривала Маврушенька.

И Пашкѣ цѣловалъ ее, не помня простилъ-ли онъ, или нѣтъ свою обрученную невѣсту.

— А какъ-же мы? шепнулъ онъ сквозь поцѣлуй.

— А ты завтречка, сквозь поцѣлуй-же отвѣчала она,— а съ уличана, съ надежными...

— А на коняхъ мы...

— Не пѣши-же. А какъ зайде солнышко. А гляди, смотри на окошечко. А засвѣчу предъ иконушкой лампадку. А горитъ она, а смѣло лѣзь. А не буде горѣть, а жди, пожди: нельзя, пойми, опасно.

И они условливались быстрымъ и частымъ шепотомъ, разбирая какъ лучше и надежнѣй устроить побѣгъ. Вдругъ внизу дверью хлопнуло и слышались шаги по лѣстницѣ. Оба вздрогнули и спѣшно крестами другъ дружку осѣняя, неслышно цѣловались. Пашкѣ, бережно ступая, въ дверь юркнулъ, и съ гульбища на березу.

Маврушенька, гдѣ стояла тамъ и осталась, мысленно шепча молитву Божьей Матери.

VII.

Владычень судъ.

Пашкѣ быстро до плетня добѣжалъ, и въ лѣсъ ступилъ. Въ томъ-ли мѣстѣ онъ плетень перелѣзъ, гдѣ и давече, о томъ онъ не думалъ. Про тропинку, на которую его Мордка вывелъ, ему и не вспомнилось. Шелъ наугадъ, куда глаза глядѣли, или вѣрнѣй сказать, куда ноги несли: темъ въ лѣсу была страшная. Только какъ молнія проблескивала, причудливо, словно волшебствомъ, освѣщался лѣсъ. Пашкѣ не засматривался на этотъ сказочный свѣтъ. Внутри у него все бурлило и горѣло, и буйныя мысли кипѣли въ головѣ. Мысли эти для него самого были темны; только по временамъ свѣтлѣло у него въ мозгу, и тогда Пашкѣ про себя шепталъ: „а нашелъ, а скраду-же“. Отвага была въ немъ ключемъ. Какъ дождь сталъ пробивать сквозь густыя вѣтви да мочить парня, и Пашкѣ сталъ немного поспокойнѣе. Онъ вышелъ на полянку; дождь какъ изъ ведра лилъ.

Пашкѣ, снявъ шапку, мочилъ на дождѣ свою кудластую голову и ерошилъ рукой волосы, чтобы взмокли хорошенько. Отъ того посвѣжѣй становилось у него въ головѣ, и первой ясной мыслью то было, что надо отъ дождя спрятаться.

Перебѣжавъ полянку, Пашкѣ вошелъ въ густой лѣсъ. Вскорѣ посчастливилось ему набрести на широко-дуплистое дерево. Онъ влѣзъ въ дупло и примостившись усѣлся на коротычкахъ. Вздохнувъ глубоко, онъ почувствовалъ себя веселымъ и бодрымъ. Припомнилъ все что у нихъ было съ Маврушенькой и набожно перекрестясь, мысленно Господу хвалу пѣлъ, что не ввелъ его Отецъ Небесный во искушеніе, но избавилъ отъ лукаваго. И Пашкѣ сталъ обдумывать до мелочи какъ онъ завтра выградетъ Маврушеньку. И подъ эту приятную думу, задремалъ парень.

„Ой, ой, скорѣе, а то упустишь теперь, а вѣкъ ужъ не-найдеши!“ склонясь къ нему, скорымъ пошептомъ говорила Маврушенька. Пашкѣ глаза открылъ, оцупался вокругъ и вылѣзъ изъ дупла. Свѣтло ужъ было; солнышко вставать собиралось. Пашкѣ опозноваться сталъ.

„А на нашей-же я сторонѣ, на Знаменской“, раздумывалъ онъ. „А солнышко-тъ у насъ гдѣ вѣстане? ¹⁾ А тут-то ко.—И онъ пальцемъ ткнулъ гдѣ.—А ладно-ко, а теперь гдѣ у насъ Волхово? А коли дома этакъ-же къ солнышку стать къ утреннему, а тутъ оно придетъ.—И опять пальцемъ ткнулъ.—Ладно-ко. А и выходить, что теперь отъ меня а вонъ оно гдѣ, Волхово“.

И опять пальцемъ ткнувъ, Пашкѣ примолвилъ „ладно-ко“. Провѣривъ раза два, три прежнее, чтобы потверже запомнить, Пашкѣ, перекрестясь, тронулся въ путь. Шелъ онъ прямо, держась по солнышку, обходя только тѣ мѣста, гдѣ глубока была тошь болотная. Тропинка, и не одна, то вправо, то влѣво, манила его, по онъ миновалъ ихъ, не взманиваясь ни на одну. Долго-ко-таки пришлось ему по лѣсу поостранствовать; на-

¹⁾ Встать—вставать.

конецъ набрелъ онъ на торную дорогу. Тутъ онъ подумалъ порядочно.

Никакъ онъ припомнить не могъ выше или ниже Хутины приходится Арбузьевская волость. Вчера Мордка велъ его по звону монастырскому, да не запомнилъ онъ сверху или снизу слышался колокольный звонъ. И какъ ночью перелазилъ взадъ черезъ плетень, не помнилъ-же твердо въ которую сторону побѣжалъ. Не набрести-бы пенарокомъ на Арбузьева? Э тотъ чортовъ Буянъ пожалуй еще встрѣтится, и тогда прости, прощай Маврушенька! А тутъ, какъ на бѣду, небо задернуло тучами. Однако онъ вспомнилъ съ которой стороны свѣтило солнышко.

„Инь вверхъ по дорогѣ пойду“, вдругъ онъ рѣшилъ, какъ-бы по наитію.

Впереди невдалекѣ взлобочекъ виднѣлся. „А не виднѣй-ли оттолѣ буде?“ утѣшалъ себя Пашкѣ. Взойдя на взлобокъ, онъ увидѣлъ, что дорога дальше круто поворачиваетъ, въ ту сторону гдѣ, по его соображенію, бѣжить рѣка. Вскорѣ лѣсъ сталъ рѣдѣть справа, и по мѣстамъ будто и Волхово просвѣчивало. Пашкѣ взявъ вправо съ дороги и прибавилъ шагу. По мѣрѣ того какъ лѣсъ рѣдѣлъ замѣтнѣе, и парень шибче шелъ, и затѣмъ ужъ бѣгомъ пустился и выбѣжалъ на рель ¹⁾. Вотъ оно и Волхово! Пашкѣ глинулся на ту сторону, а напротивъ стоитъ деревнюшечка, ему примѣтная. Хутины приходился далече позади, а волость Арбузьева тамъ-же гдѣ-то въ лѣсу затерялась. Пашкѣ посмотрѣлъ вверхъ по рѣкѣ на ту сторону; въ это время солнышко выглянуло на минуту и въ городѣ поверхъ лѣса на церквахъ загорались кресты. Пашкѣ палъ на колѣни и пѣлъ какія зналъ утреннія молитвы. Помолясь, онъ свернулъ назадъ въ лѣсъ и направился къ дорогѣ. Дождь сталъ моросить.

Немного погоды послышался сзади телѣжный стукъ. Пашкѣ свернулъ съ дороги и спрятался за дерево. Боятся было нечего: то мужичекъ въ городѣ ѣхалъ. А ѣдучи, мужичекъ со скуки подбиралъ пѣсенку про все что ему сейчасъ видѣлось. Онъ пѣлъ:

Поразгрязила дороженька,
Поразгрязла, поразмокнула...

— А ну! тронулъ мужикъ лошадь вожжей и опять затянулъ:

Моросить ещё да частымъ дождикомъ,
А частымъ, мелкимъ, надокучливымъ.

Пашкѣ рядилъ мужика, чтобъ его въ городъ свезъ. Мужичекъ, почувявъ негладный заработокъ, стегнулъ бурушку, и не въ долгѣ они доѣхали до города.

Пашкѣ раньше всего забѣжалъ къ Маврушиной матушкѣ. Стукнулся онъ у открытаго окна.

— Ай Пашкѣ? а ѳвторю сейчасъ-т-ко.

— А стой, въ окно скричу, сказалъ Пашкѣ, и когда Лукерья въ окно выставилась: — А нашель вѣдь я.

— Кого нашель-то? затрепетала въ радостномъ предчувствіи Лукерья.

— А ее жъ, Маврушеньку, въ досадѣ на старушечью недогадливость крикнулъ Пашкѣ. — А не далече-ту, у Арбузьева подь Хутинемъ.

— Да какъ же? освѣдомилась было Лукерьюшка.

— А не досугъ мнѣ подь окномъ торчать, а нынче жъ скраду, а ты Богу, знай, помаливайся, да и былъ таковъ, оставивъ матушку въ радостномъ недоумѣніи.

Скоро Пашкѣ добѣжалъ домой.

— Ай хозяйнушко ласковый? ай ты будешь? спросилъ его подручный, какъ онъ входилъ въ калитку.

— Коли же нѣтъ, отозвался Пашкѣ.

— А уличана-те тебя зыскались...

— А нашелся, вишь! крикнуть не останавливаясь Пашкѣ.

— А стой-ко ты, а хозяйнушко, нагоняя его заго-

ворилъ подручный. — А вѣдь чуть-то я, изъ-за твоей этой торопливости, дѣла не забудь.

— Ну? пріостановился Пашкѣ.

— А сегодня, чуть свѣтъ, гонецъ къ тебѣ прибѣгалъ, а отъ Луки сказывалъ, отъ Аввакумовича съ Бояней было улицы, отъ боярина.

— А знаю ужъ, прервалъ хозяинъ словоохотливаго подручнаго.

— А приказывалъ, только ты воротись, а сшелъ бы сейчасъ въ Бояню улицу. А дѣло, за которымъ тобѣ идти, а то дѣло, сказывалъ, оно тобѣ вѣдомо.

Догадавшись зачѣмъ его зоветъ Лука Аввакумовичъ, Пашкѣ приказалъ подручному отрѣзать себѣ краюшку хлѣба и не жалѣя посыпать ее солью, а самъ прошелъ въ сѣни, а оттуда въ чуланъ и сталъ на скорую руку переодѣваться и переобуваться. Выйдя онъ кликнулъ подручнаго.

— А сбѣгай-ко, мѣлодецъ, къ уличанамъ, а скажи: вернулся моль хозяйнушко, а самъ въ Бояню улицу сшелъ, а вамъ де поклонъ прислалъ. А и ждали бы они меня, скоро оберну, а коней бы готовили чело-вѣкъ ихъ съ пять, аль шесть, а по вечеру погонимъ моль.

И съ этимъ словомъ хозяинъ къ калиткѣ пошелъ.

— А коней-те кому жъ изъ уличанъ-те приказывать? ужъ въ догонку ему закричалъ подручный.

Пашко, пріостановясь, подумалъ.

— А Василью скажи сермяжнику, а достальнымъ о конѣхъ приказывать не къ чему. А у Василья-то голушка розумная, самъ сдогадается.

И тутъ, закусивъ краюху, Пашкѣ только-что не бѣгомъ побѣжалъ.

Луку онъ дома захватилъ.

— А жду, не дождусь тебя, сказалъ Лука. — А нашель же я.

— И я нашель; а здравствуешь, Лука Аввакумовичъ! бойко отвѣчалъ Пашкѣ.

— А ну? взмотнувъ чѣмъ конь головой, спросилъ Лука.

Пашко коротенько рассказалъ какъ ему удалось отыскать Маврушеньку.

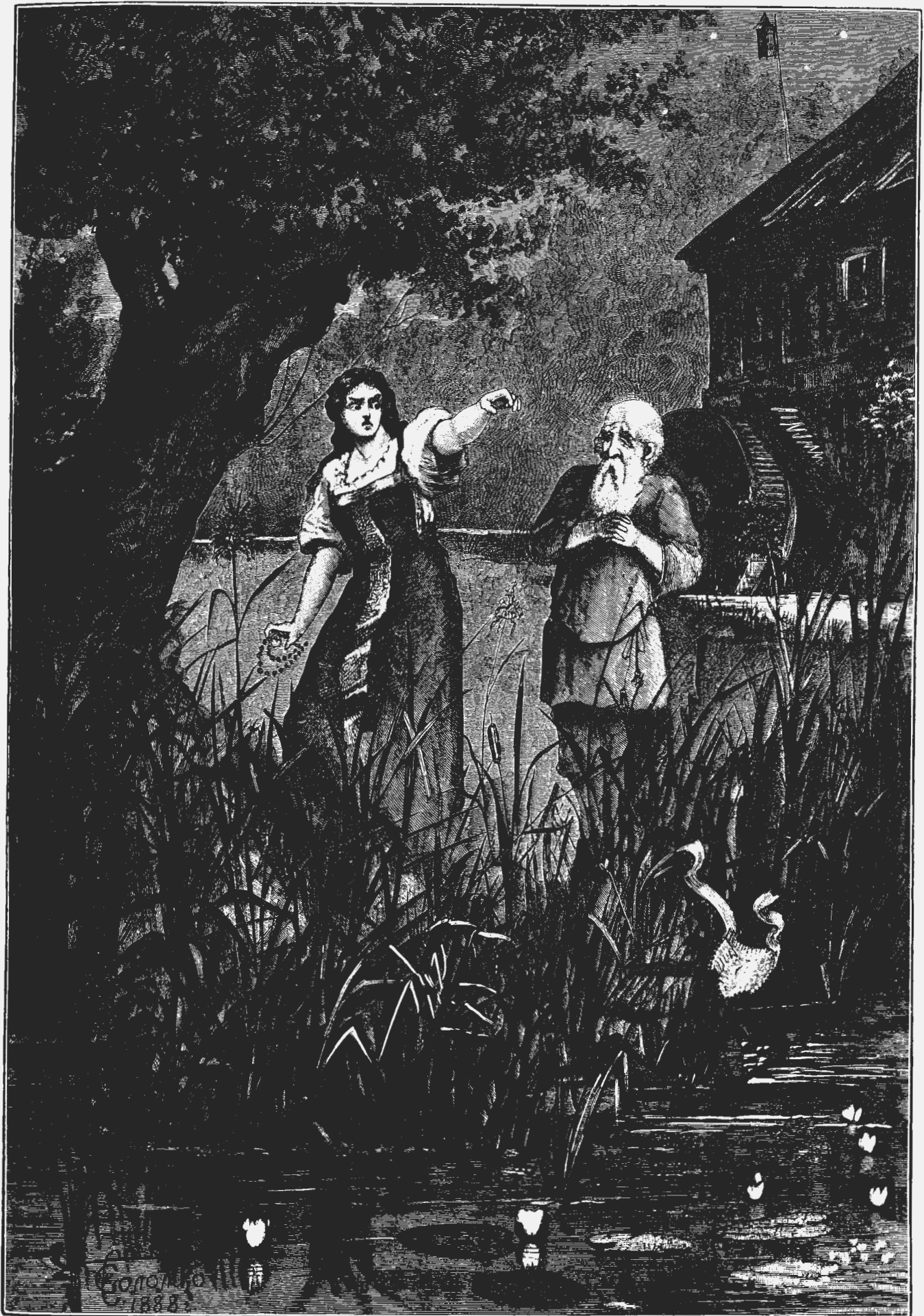
— А слушай же а ты теперь, сказалъ Лука, и сталъ рассказывать чѣмъ вчера у Арбузьева случилось.

Дѣло такъ было. Лука, какъ обѣщалъ Пашкѣ; рѣшился ѣхать къ Арбузьеву на попитки. Ѣхали они долго, съ привалами; Василей Селифонтьевичъ рѣшилъ что все взятое подь Хутины надо непременно выпить дорогою, чтобъ возы полегчить. Пріѣхали ужъ за-темно, а въ дому былъ сготовленъ „сйленъ столъ“. Смѣшки да прибаутки да выпивка. Напоследокъ Арбузьевъ сталъ заставлятъ Тереньку плясать.

Теренька, по скоморошьей злопамятливости, не забылъ что Арбузьевъ про него говорилъ грубо, еще тогда, какъ былъ у него въ саду „походъ“. Тогда же атаманъ заматалъ себѣ на-усть его грубость, и для памяти завязалъ узелокъ на гайтанѣ ¹⁾. Много помогъ ему Арбузьевъ, приказавъ парубкамъ взмостить рундукъ для игры на своей землѣ и изъ своего лѣсу; нечего и говорить, что за все это время не только самъ Теренька задаромъ жилъ у Василья Селифонтьевича на хлѣбахъ, но и вся его артель кормилась въ Арбузьевской же людской. Теренька все это ни во что считалъ и принималъ не болѣе, какъ должное къ нему уваженію, и злобы своей не откладывалъ. Вдобавокъ, Арбузьевъ снова раздосадовалъ Тереньку на пиру, увѣряя всѣхъ, что безъ него, безъ Василья Селифонтьевича, вся бы игра оказалась дѣломъ праховымъ. И когда Арбузьевъ сталъ просить Тереньку въ плясъ пойти, тотъ долго отпѣкивался, а затѣмъ, выскочивъ изъ-за стола, объявилъ, что и радъ бы, и такъ бы проплясалъ, какъ съ роду еще не плясывалъ, а только вужна ему для того хорошая плясая.

¹⁾ Гайтанъ — поясскъ рубашечный.

¹⁾ Рель—берегъ, который въ половодье водой понимается; поемный дугъ.

Литературный альбомъ. „Русалка“, А. С. Пушкина. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Соломко, грав. Флюгель.

— А гдѣ-ко мнѣ взять ее, плясую-то? откликнулся Василей.—А на нѣтъ, слышь, Терентьюшко, и суда нѣтъ.

— А ё же, Теренька сказать.

— Аль ты память-то виномъ залилъ, а очнись-ко, Терентьюшко! какъ бы предостерегая его сказать Арбузьевъ.

— Апъ врешь, а оцѣ и не разъ у меня съ пею было плясано, съ дерзостью крикнулъ Теренька.

— Очнись, говорю! уже страшая крикнулъ Василей и поднялся съ мѣста.

— А Маврушенька...

— Кака оцѣ, чортъ, Маврушенька? ужъ рывкнулъ Селифонтьевичъ, и порывисто выскочивъ изъ-за стола, подлѣ Тереньки сталъ.—А пляши, чортъ, со мной! добавилъ онъ, сильно дернувъ Тереньку за руку.

— Кака? А что у Пашкѣ-тъ скралъ, а вѣ...

Арбузьевъ такъ его по скулѣ хватилъ, что Теренька, не договоривъ, грохнулся на полъ.

— А со Славковой, а вѣдомо! уже на полу валяясь прокричалъ атаманъ.

Арбузьевъ бросился на него, осѣдлалъ его и сталъ тѣзить кулакомъ по чему пришлось. На-силу, на-силу ихъ розняли. Лука, узнавъ что ему требовалось, поскорѣй подъ шумокъ, не смотря на грозу, поѣхалъ домой.

— А что жъ мы теперь-то, Иваньковичъ, дѣлать учнемъ? спросилъ бояринъ окончивъ разказъ.

— А скраду, сѣвечеръ-же ¹⁾ скраду, хвастливо вскрикнулъ Пашкѣ, забывъ что похвальное слово гнило.

— Гм! вдумчиво сказалъ Лука.—Аль думаешь, Арбузьевъ ее тамъ, въ волости, досель держитъ? А вѣр ты моему слову нелестному, что нынче же на зорюшкѣ спровадилъ онъ ее куда подалѣе. На эти-те дѣла и у Василя Селифонтьевича хитрость великая; опасливо живеть.

Пашкѣ ударилъ объ полы руками, и съ досады вцѣпясь себѣ въ волоса, какъ рванеть ихъ.

— А и не баба я, а этакъ опростоволосился! вскричалъ онъ.—А и надо-бъ вечеръ же скрасть, да этого же, вишь, мы съ Маврушенькой поопасалися что плясать ее хватится, а сугона буде. А такъ бы надо, круто добавилъ онъ,—самимъ уйти, а избу-тъ поджечь, чтобъ слѣда не было.

— Полно-ко, не тревожь себя, успокоивалъ его Лука Аввакумовичъ,—а не хуже-ль оцѣ вышло бы? Пожаротъ завидячи, кѣ избѣ-бъ бросились, а Василей оцѣ псовъ велѣлъ-бы съ цѣпи спустить. А и Богъ вѣсть чѣмъ бы кончилось.

— Ну, со свирѣной рѣшимостью заговорилъ Пашкѣ,—а знаю ужъ я чѣмъ ему удружить.

— А ну?

— А на вѣче сволоку его, а тамъ, небось, не отпѣяется.

Лука помолчалъ.

— А еще Богъ вѣсть за кого вѣче-то. У него тоже не безъ заступы.

Пашкѣ и ротъ разинулъ: тотъ-ли молъ это Лука говорить, что вскричалъ „въ князѣхъ“?

— А и то сказать, спокойно продолжалъ Лука,—что дѣло-то твое не Вѣчнаго оно буде розума. А надобенъ тутъ владычепъ судъ.

— Это что за судъ оцѣ?

— А надо тебѣ предъ Владыкой жалобу на Арбузьева положить. А таки-те дѣла искони Владыко судить, его пошлина, по номакануну, по правдѣ, понимаешь, святительской. А предъ Владычимъ судомъ и самъ Василей Селифонтьевичъ ослушникомъ не явится. А отъ вѣку, сколько стоитъ Новгородъ, всякъ Владыку слушался, а имя его грозно держалъ ¹⁾.

Пашкѣ, слушающая про владыченъ судъ, сколь онъ честенъ и грозенъ, со страху похолодѣлъ даже. И этотъ страхъ убѣждалъ его въ могущество владычнаго суда.

— А до Владыка, и до Владыка дѣйду же, съ рѣшимостью онъ сказалъ.

— А поиѣ же сходи, посоветовалъ Лука.—А стой, вспомнилъ онъ,—а у меня до Владыка и дѣло ё. Книжку ему одну пообѣщаль добыть, а нунъ та книжка переписана. А сегодня же и пошлю ее съ тобой. Дворецкій мой и проводитъ тебя, и моимъ именѣмъ и сложожитъ про тебя. А на коняхъ ступайте, чтобъ Владыку до обѣда захватить. Въ долгій ящикъ откладывать печего.

И Лука тотчасъ же распорядился всѣмъ.

Пашкѣ сердечно благодарилъ боярина за оказанную помощь и за добрый совѣтъ.

— А полно-ко, Иваньковичъ, добродушно сказалъ Лука,—а на то мы, бѣяра, и надобны чтобъ народушку подсоблять.

Пашкѣ удивленно, какъ-то съ боку посмотрѣлъ на Луку.

— Ну, это развѣ ты, Лука Аввакумовичъ, одинъ такъ думаешь, со всегдашней своей откровенностью сказалъ онъ,—а и много сказать что съ десятокъ оцѣ такихъ же, какъ ты простыхъ, найдется, на весь, клади, на Великій на Новгородъ. Ну, а остатни-то... А хоть бы Арбузьева того взять, а у Мордки, у ницаго, можно сказать, голаго, а чепанъ, имъ же даренный, съ плечъ стянуть. А Мордка ради него душу дьяволу продавалъ, на завѣдому лжу крестъ въ судѣ цѣлующи. А Арбузьевъ-то изъ худшихъ-ли оцѣ буде, спроси-т-ко у пародушка, хоша бы уличанъ своихъ... Одначе, раздобаривать-то мнѣ съ тобою, бояринушко ласковый, некогда... А прощай, слышь, Лука Аввакумовичъ.

И на прощанье Пашкѣ довѣрчиво протянулъ руку, и бояринъ не брезговалъ, бралъ кожевника за руку.

(Продолженіе будетъ).

Борохъ.

Разказъ Андрея Львовича.

14 ноября 1877 года полкъ дрался съ турками при селеніи Трестеникъ. У насъ тамъ была укрѣпленная позиція. Къ вечеру всѣ атаки турокъ были отбиты и мы перешли въ наступленіе. Пошла впередъ и 3-я рота. Ее послали на усиленіе стрѣлковой цѣпи и только третій взводъ остался сомкнутымъ, и оврагомъ пошелъ нѣсколько сзади. При отступленіи турки страшно смѣшались. Боевая линія во многихъ мѣстахъ изломалась. Стрѣлковыя роты, смѣшавшись съ линейными, побѣжали за турками. Тамъ былъ сильный учащенный огонь. Третій же взводъ 3-ей роты замѣшался въ суетѣ и затерялся, какъ часто бываетъ въ бою. Отсталъ-ли онъ, впередъ-ли далеко ушелъ — трудно сказать.

Идетъ третій взводъ безъ огня оврагомъ. Впереди стрѣлба.

— Не отставай отъ цѣпи! твердитъ взводный унтеръ, но взводъ ползеть — устали.

Вечерѣтъ. Мало видно и своихъ и неприятеля. Поднялся взводъ на бугоръ, глядитъ унтеръ, а цѣпи-то впереди нѣтъ. Изъ

противуположномъ же бугрѣ неожиданно-негаданно лежитъ окопавшаяся турецкая рота.

— Вотъ такъ наскочили!. Ложились! скомадовалъ унтеръ.

Случился небольшой окопъ — залегли.

— Степанъ Петровичъ, ахнемъ впередъ! авось спугнемъ! совѣтовалъ ефрейторъ.

— Ну, нѣтъ братъ, гляди, тамъ цѣлая рота, а у насъ и патрону-то нѣтъ; спустимся внизъ, они насъ, какъ куронатоку перестрѣляютъ; подождемъ.

Притаился взводъ, лежитъ. Патроны раньше разстрѣляли, солдаты молчать.

— Экіе подлены! гляди, вѣдь они нашихъ боковыми огнемъ по лоцинѣ обстрѣливаютъ, сказалъ взводный.

— Ударимъ, Степанъ Петровичъ!

— Да какъ тутъ ударить? еслибъ смерклось совѣмъ — въ

¹⁾ Грозно держатъ — почитать грознымъ. Хотя это выраженіе и вошло въ литературный обиходъ, но часто ему придаютъ не то значеніе.

¹⁾ Сѣвечеръ — сегодня вечеромъ (подобно *сегодня*).

штыки, а то вѣдь... тово... Ихъ бы хитростью какою снугнуть?

— Гиншидицъ взводный, я встрою этава дѣла.

— Что?

— Только я отсюдова уйду, вмѣшался въ разговоръ еврей-барабанщикъ.

— Чего? Уйду? прикрикнулъ взводный и замахнулся прикладомъ.

— Дозвольте отлучиться, улыбался лукаво барабанщикъ.

— Воръ братъ ты, каналья, убѣжишь назадъ, знаю я вану породу.

— Никакъ нѣтъ, Степанъ Петровичъ, зачево я побѣгу назадъ, я впередъ побѣгу, я съ одново моя персона выгоцо ихъ оттуда, показалъ онъ на турокъ.

И лукавый барабанщикъ спустился ложиною внизъ, скрылся со своимъ барабаномъ.

— Ахъ ты дьявольщина, сидятъ проклятые и даже замѣчать насъ не хотятъ, обидно даже.

— Я дерну, патронъ есть у меня, приложился ефрейторъ.

— Ну, нѣтъ, задумался унтеръ, — ужь коли хитрить, такъ хитрить, авось и вправду жидъ Борохъ выручитъ.

Но тутъ я позволю себѣ вставить нѣсколько словъ объ этомъ Борохѣ.

— Ахъ ты жидъ! гаманово ухо! — дразнить бывало ротного барабанщика еврея Бороха Зелинскаго.

— Какой я жидъ? Въ меня батько солдатъ, въ меня и матка..

— Что? и матка солдатъ?

— Ну, и матка сдлатъ! чего тебѣ?

Солдаты хохочатъ.

— Вотъ подожди, затрусится въ тебѣ твоя жидовская душа, какъ подъ нули попадешь.

— Кули?.. Я самого граната не шпигаюсь!

— Ну, да!

— Вотъ тебѣ хрестъ!

— Ахъ ты подлюга, еще и крестится!

— Я самъ какъ затарабаню подъ ухо увъ своя барабанъ, такъ ни кули не услышу, ни граната, ни самого чорта!

— Храбрись, храбрись, чортова ступа! хохотали солдаты..

Барабанщикъ Борохъ Зелинскій, или просто Борохъ, какъ пазывали его, былъ небольшого роста Бердичевскій еврейчикъ; какъ и всѣ они, черненькій, сухощавый, съ длинной гусиной шеей, на которой насажена была фи́га вмѣсто головы. Основнымъ качествомъ его души была, какъ ни странно это среди евреевъ, — драчливость. Борохъ велъ свою родословную напрямую отъ какого-то древне-еврейскаго воина, и вѣроятно поэтому былъ драчливъ. Силишки-то у него никакой не было, зато задора — хоть иудюковъ дразни. За пустую шутку солдата Борохъ лѣзъ прямо въ физиономію и бѣднымъ хохликамъ доставалось отъ проворнаго барабанщика.

— Ахъ ты бисовъ горобецъ! почесывался хохликъ, получая мѣткіе удары то въ бокъ, то въ спину. Борохъ оставался побѣдителемъ. Солдаты хохотали, но подчасъ и накладывали Бороху; а уже если накладывали, то преробльно, надо сказать. Борохъ не унывалъ и при удобномъ случаѣ снова задирался. Вотъ и весь Борохъ.

И такъ взводъ лежалъ въ окопѣ и выжидалъ, пока турецкая рота сама добровольно очистить ему мѣсто. Но турки мѣста не очищали, взвода этого не хотѣли даже и замѣчать, а прерисправно поджаривали наши наступающія части и били ихъ во флангъ.

— Ну, и кого послушались, Степанъ Петровичъ, жидъ! извѣстно улизнецъ, радъ случаю, говорилъ ефрейторъ; — ахнемъ впередъ! наставлялъ онъ.

— Да и то, не лежать же тутъ, рѣшилъ унтеръ, — надобно впередъ, стыдно отставать.

— Да что и начальство скажетъ! вставилъ ефрейторъ.

— Ну, будь, что будетъ. Съ Богомъ, братцы!

Обошелъ взводъ бокомъ горы, тихонько спустился въ ложины. Стало уже темново совсѣмъ. Турки не видятъ.

— Ну, смотри же, дружно въ штыки!

— Ладно, Петровичъ, ладно! поилевывая въ ладопъ отвѣтилъ ефрейторъ.

— Пафъ! пафъ! пафъ! Ала-ла! замѣтили турки.

— Ура, братцы, ура! крикнулъ взводный и бросился на гору.

— Ала-ла-ла-ла-ла-ла! залопотали вдругъ пугливо въ окопѣ турки, смѣшались, дали нѣсколько торопливыхъ выстрѣловъ и побѣжали вонъ.

— Ну, диво, насъ вѣдь въ четверо меньше, удивился унтеръ.

Взбѣжали на гору, вскочили въ окопъ, глянули.. и за животики схватились. Турки бѣгутъ, озираются, видимо поражены неожиданностью. Слѣва же торжественно, высоко поднявъ подбородокъ и вытянувъ свою гусиную шею, выступаетъ Борохъ, лунить, что есть мочи, въ барабанъ какой-то персидскій, не то китайскій маршъ и настойчиво преслѣдуетъ бѣгущихъ.

— Ай да Борохъ! ай да жидъ! воили солдаты, покатываясь отъ хохота.

Борохъ остановился; важно заложилъ барабанныя палки въ гѣзда, заломилъ на бекрень кени, засунулъ за бортъ налецъ, сталъ въ воинственную позу и свысока глянулъ на взводъ.

— Это меня вонъ спигались! по наполеоновски указалъ онъ на бѣгущихъ.

— Да тебя же, тебя, чортово пугало! хохоталъ взводъ.

А турки дѣйствительно бѣжали отъ Бороха. Услышавъ его барабанъ почти сзади себя, они воображали, что ихъ обошли, а тутъ спереди послышалось „ура“ и они, растерявшись, побѣжали.

— Ай да жидъ! хохотали солдаты, — ай да Борохъ!

Взводъ подошелъ къ остальнымъ взводамъ, которые были уже собраны и въ составѣ роты пошелъ дальше. Стало совсѣмъ темно. Ружейная пальба казалась фейерверкомъ. Изъ орудій, какъ изъ настей сказочныхъ драконовъ, вылетало цѣлое море пламени. Третья рота легла..

Вдали напротивъ показался клубъ дыму, за нимъ вылетѣло пламя. Что-то зашипѣло.. Ближе.. ближе.. — граната.

— Сюда! сюда!

Шарахъ!..

— Боже мой, Боже!.. въ самую середину роты..

Дымъ, трескъ, звонъ, крикъ ужаса.. Тишина.. мертвая тишина..

— Живъ? живъ? каждый щупаетъ самого себя.

Чей-то подавленный стоиъ..

— Даниленкѣ ногу оторвало, ваше благородіе, тихо доложилъ ротному командиру фельдфебель.

— Носилки! Носилки!

— Барабанщика убило! послышались голоса.

— Что?

— Бороха, Бороха убило!

— Гдѣ онъ?..

Впереди роты, распластавшись на землѣ, разметавъ руки и ноги, лежалъ Борохъ. Барабанъ отшвырнуло далеко въ одну сторону, палки въ другую, а шапки вовсе не было.

Борохъ открылъ одинъ глазъ, приподнял голову.. „живъ?.. нѣтъ.. и поползъ на брюхѣ собирать свои вещи, натолкнулся на оторванную ногу Даниленки, машинально ухватилъ ее и всталъ.

— Да ты живъ?

— Нѣтъ, вмѣрь.. завсѣмъ вмѣрь, блѣдный и дрожащій отвѣтилъ Борохъ.

Принесли носилки, взяли раненаго, пошли. За носилками очутился Борохъ, въ полномъ снаряженіи: съ барабаномъ и съ оторванной по голенище ногою Даниленки.

— Ты это куда? спросилъ ротный.

Борохъ держалъ за ушокъ сапога оторванную ногу раненаго и дрожалъ, какъ осиновый листъ.

— Куда тебя чортъ несетъ?

— Нога, и Борохъ показалъ оторванную ногу солдата.

— Ну, такъ что-жь что нога?

— Можетъ быть какъ нибудь приставятъ до его, показалъ онъ на раненаго Даниленку.

Стихотвореніе.

Я повѣдалъ безбрежному морю
Про великія муки мои,—
И оно мнѣ отвѣтило нѣжно
Тихимъ плескомъ привѣтной струи.

* * *

Я повѣдалъ свободному вѣтру,
Какъ мнѣ душно на свѣтѣ—и онъ
Мнѣ принесъ благодатную свѣжесть
Изъ далекихъ волшебныхъ сторонъ.

* * *

Я повѣдалъ вѣтвистымъ деревьямъ
Про томленье мое—и они

Поспѣшили меня убаюкать
Тихимъ шелестомъ въ чудной тѣни.

* * *

Я повѣдалъ горячему солнцу,
Что не вижу я свѣтлаго дня—
И оно лучезарною мощью
Освѣтило, согрѣло меня.

* * *

Я сказалъ человѣку-собрату
О моемъ безотрадномъ пути—
И, пожавъ какъ-то странно плечами,
Поспѣшилъ онъ подальше уйти.

Петръ Вейнбергъ.

Памятникъ императрицѣ Маріи Терезіи въ Вѣнѣ.

Макарьев- скій Желто- водскій мо- настырь на Волгѣ.

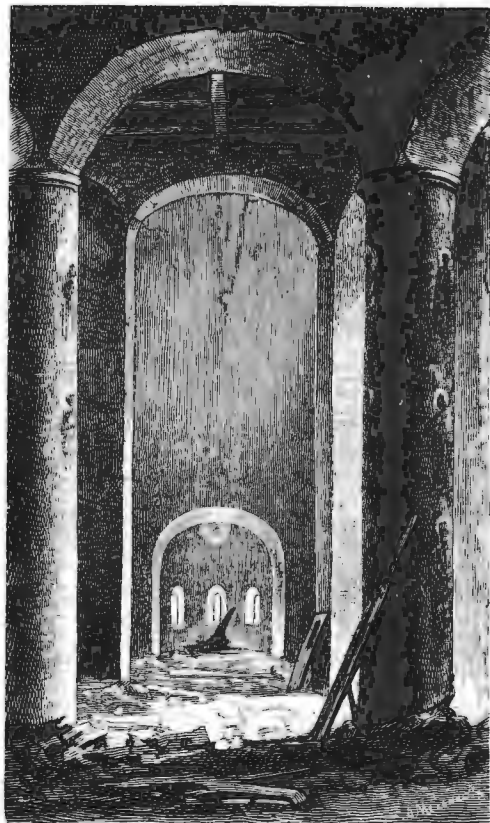
Историческій очеркъ
А. Мельникова.

въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ одномъ изъ самыхъ живописныхъ его мѣстечекъ, на краю Почаинскаго оврага, близъ такъ называемой Лыковой дамбы, все утопая въ зелени окружающихъ садовъ, стоитъ одна старинная церковь извѣстная у Нижегородцевъ подъ именемъ Мурносицкой. Эта церковь одна изъ древнѣйшихъ въ городѣ и была въ старину соборомъ съ главнымъ придѣломъ во имя Знаменія, о чемъ свидѣлствуютъ старинныя синодики хранящіяся въ этой церкви; въ старину она была деревянная, но въ XVI столѣтїи перестроена въ каменную по образцу прежней. Теперь вся она бѣлая, старинной архитектуры, съ пятью голубыми въ золотыхъ звѣздахъ куполами, весело выглядываетъ изъ вѣковыхъ липъ и вязовъ, которыми поросъ до самаго дна глубокой Почаинскій оврагъ; глядитъ она на обветшалыя стѣны и башни нижегородскаго кремля, что увѣнчали собою противоположный утесъ.

Близъ этой старинной церкви, когда-то находился небольшой прудъ, и около этого, давно уже засыпаннаго пруда, еще и до сей поры, показываютъ мѣсто, гдѣ находился домъ, въ которомъ, по преданію, родился Св. Макарій, основатель Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря на Волгѣ. Говоря о началѣ этой древней обители, нельзя не сказать нѣсколько словъ объ ея основате-

Церковь Михаила Архангела надъ Св. - воротами въ Макарьевскомъ монастырѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Мельникова, грав. Шлипперъ.

Внутренній видъ Троицнаго собора въ Макарьевскомъ монастырѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Мельникова, грав. Шлипперъ.

Видъ на Макарьевъ и Лыново снизу. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Мельникова, грав. Шлипперъ.

лѣ, съ жизнью котораго такъ тѣсно связаны первоначальныя судьбы ея.

Преподобный Макарій былъ сынъ посадскаго, отца его звали Иваномъ, а мать — Марїей; имени даннаго ему при крещенїи неизвѣстно, такъ какъ Макаріемъ онъ назывался уже въ иноческомъ санѣ; съ самаго ранняго дѣтства онъ усердно посѣщалъ соседнюю Знаменскую церковь, пѣлъ на клиросѣ и прислуживалъ за обѣдней, любилъ онъ посѣщать также и недавно основанный певда-

Часть сѣверной стѣны въ Макарьевскомъ монастырѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Мельникова, грав. Шлипперъ.

лектъ отъ города, на живописномъ склонѣ нагорнаго берега Волги, Печерскій монастырь. Въ этогъ-то монастырь, какъ повѣствуетъ его житіе, онъ, будучи двѣнадцати лѣтъ отъ роду, пришелъ однажды въ нищенскомъ рубищѣ и просилъ настоятеля принять его въ число иноковъ. Настоятелемъ Печерскаго монастыря былъ въ то время еще его основатель, преподобный Діонисій. Удивленный не дѣтскою рѣшимостью и умомъ мальчика, послѣ долгой бесѣды съ

нимъ онъ наконецъ рѣшился его принять. Здѣсь онъ удивлялъ всю братію строгостью своей жизни. Въ 1374 г. Діонисій назначенный епископомъ въ Суздаль, долженъ былъ покинуть свой монастырь; тогда удалился и Св. Макарій, убѣгая, какъ говорится въ его житіи, славы мірской, такъ какъ молва о его подвижничествѣ гремѣла по всей окрестности. Долго бродилъ онъ по берегамъ Волги ища уединенія, пока наконецъ не остановился верстахъ во ста отъ Нижняго, невдалекѣ отъ впаденія въ Волгу рѣки Керженца, близъ озера Желтыя Воды. Теперь этого озера давно не существуетъ, оно слилось съ Волгой, измѣнившей свое теченіе въ концѣ XVII столѣтія. Еще недавно вокругъ этого мѣста шумѣли темныя вѣсковыя лѣса, въ четырнадцатомъ же вѣкѣ здѣсь были непроходимыя дебри. Здѣсь-то, ископавъ себѣ пещеру, Св. Макарій думалъ найти полное уединеніе. Между тѣмъ, прямо напротивъ за Волгой, верстахъ въ пяти отъ берега, уже существовало въ то время большое богатое село Лысково выстроенное на мѣстѣ разореннаго татарами болгарскаго города Сундовита, остатки котораго въ видѣ рвовъ и валовъ приметны еще и до сихъ поръ на такъ-называемой Оленьей горѣ за селомъ. Скоро провѣдали лысковцы о поселившемся невдалекѣ прославленномъ подвижникѣ, стали приходиться къ нему на поклоненіе. Многіе пожелали остаться съ нимъ и ископали себѣ также пещеры. Такимъ образомъ около Макарія собралась цѣлая братія; тогда-то онъ рѣшилъ основать монастырь во имя Живоначальной Троицы.

Впрочемъ, основанію монастыря, какъ гласитъ одно преданіе, много способствовалъ, скрывавшійся въ то время въ Нижнемъ отъ преслѣдовавшаго Шемаяки, Василій Васильевичъ Темный, чѣмъ вѣроятно и объясняется отчасти быстрое его возникновеніе. Въ пять лѣтъ новый монастырь сдѣлался до того значительнымъ, что, окруженный цѣлымъ населеніемъ и привлекая къ себѣ цѣлыя толпы богомольцевъ, сталъ безпокоить своимъ близкимъ сосѣдствомъ, сильное въ то время, Казанское царство. И вотъ въ 1439 году, во время своего вторженія въ Россію, Улу-Махметъ не оставилъ безъ вниманія недавно возникшую обитель и разрушилъ ее до основанія. Самъ Макарій, съ оставшеюся въ живыхъ братією, былъ отведенъ плѣнникомъ въ Казань. Что это разореніе было сдѣлано не безъ нѣкоторыхъ стратегическихъ соображеній, доказываетъ тѣмъ, что, отпуская вскорѣ плѣнниковъ, казанцы взяли клятву съ престарѣлаго Макарія, не возобновлять монастыря на прежнемъ его мѣстѣ. Похоронивъ павшихъ на мѣстѣ разоренной обители иноковъ, Макарій съ братією удалился съ береговъ Волги, и послѣ долгаго скитанія по заволжскимъ лѣсамъ, наконецъ остановился на берегу рѣки Уньжи, невдалекѣ отъ города того же имени *), и здѣсь основалъ новую обитель извѣстную нынѣ подъ именемъ Старога Макарія.

Прошло сто девятно лѣтъ, и на мѣстѣ разоренной обители шумѣли темными вершинами вѣсковыя деревья, но обители суждено было снова возникнуть еще въ большемъ блескѣ и великолѣпнн. О возобновленіи монастыря такъ гласитъ одно преданіе: „Жилъ въ Тетюшскомъ монастырѣ на Волгѣ пѣкій инокъ убогій, украшенный чистою духовною, Муромскій уроженецъ именемъ Авраамій; ему однажды во снѣ явился предподобный Макарій и велѣлъ идти на мѣсто разоренной обители для ея возобновленія. Авраамій повиновался: пришедши на указанное Св. Макаріемъ мѣсто, онъ выстроилъ себѣ келію; потомъ, повелѣніемъ же Св. Макарія, ходилъ въ Уньжскій монастырь и принесъ оттуда списокъ иконы Святаго Макарія. По монастырскимъ актамъ, Авраамій дѣйствительно былъ первымъ настоятелемъ возобновленной обители; но существуетъ другое преданіе, которое возобновленіе приписываетъ князю Пожарскому, къ Пуриновской волости **), которой принадлежало это мѣсто. По монастырскимъ актамъ, время возобновленія относится къ 1624 году, а по другимъ источникамъ можно предполагать, что оно было нѣсколько поздиѣ, а именно не ранѣе 1626 года, такъ какъ говорится, что, для испрошенія благословенія на основаніе монастыря, Авраамій ходилъ въ Москву съ персидскимъ посольствомъ несшимъ въ даръ царю Михаилу Теодоровичу Ризу Господню, что было именно въ 1626 году.

Получивъ разрѣшеніе отъ патриарха Филарета Никитича, Авраамій призвалъ на помощь жителей сосѣднихъ селъ Лыскова и Мурашкина, въ которомъ онъ самъ жилъ до удаленія въ Тетюшскій монастырь, и съ помощью ихъ выстроилъ первую деревянную церковь отъ трехъ придѣлахъ: главный придѣлъ во имя Живоначальной Троицы и два малыхъ—во имя Макарія, куда и перенесъ списокъ съ Уньжской иконы, и во имя государева Ангела—Михаила Маленина. Отстроивъ первую церковь, онъ принялся за другую во имя Успенія. Обитель снова быстро разрасталась и богатѣла отъ богатыхъ пожертвованій и вкладовъ; о богатствѣ монастыря свидѣтельствуетъ, напримеръ, одно извѣстіе, гдѣ упоминается о серебряныхъ колоколахъ, звонъ которыхъ разносился далеко по Волгѣ; это было еще при жизни самого Авраамія, тогда же монастырь получалъ по его просьбѣ ежегодно 28 четвертей ржи отъ князя Воротынскаго. Вскорѣ послѣ смерти Авраамія деревянныя постройки были замѣнены каменными.

*) Нынѣ Макарьевъ уѣздный городъ Костромской губерніи.

***) Село Пурицъ, родовое имѣніе князей Пожарскихъ.

Дальнѣйшія судьбы монастыря тѣсно связаны съ судьбами вскорѣ учрежденной здѣсь Макарьевской ярмарки.

Волга служила всегда главной артеріей русской торговли. Съ самыхъ древнихъ временъ эта торговля носила ярмарочный характеръ. У восточныхъ писателей X и XI вѣковъ, какъ напримеръ Ибнъ-Фодланъ, Ибнъ-Хаукаль, Масуди и другіе есть упоминаніе о большихъ ярмаркахъ въ городѣ Ателѣ, столицѣ хозарскаго царства и въ Болгарахъ, главномъ городѣ болгарской земли, а въ русскихъ лѣтописяхъ упоминается объ ярмаркѣ въ Пижмень-Новгородѣ бывшей въ 1366 году. Съ основаніемъ Казани, главнымъ центромъ волжской торговли сдѣлалась Арская ярмарка, собиравшаяся подъ стѣнами этого поваго города на Арскомъ полѣ; сюда съѣзжались и русскіе купцы, но казанцы всегда враждебно смотрѣли на своихъ сосѣдей и часто заводили ссоры и распри, которые не рѣдко кончались избіеніемъ пріѣзжихъ гостей, такъ что наконецъ, послѣ одного изъ такихъ погромовъ въ 1524 году, великій князь Василій IV Ивановичъ запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить въ Казань, и указалъ новое мѣсто для ярмарки на берегу Суры не далеко отъ ея впаденія въ Волгу, въ недавно имъ основанномъ городѣ Василѣ. Этимъ великій князь думалъ нанести ударъ Арской торговлѣ. Между тѣмъ въ семидесяти верстахъ отъ Василія вверхъ по Волгѣ, на полъ-пути между устьемъ Шексны и Астраханью, находилась прославленная обитель Св. Макарія. Караваны судовъ, выходившіе ранней весной изъ Астрахани съ товарами азіатскими, встрѣчались въ серединѣ лѣта близъ монастыря съ караванами идущими съ верховьевъ Волги съ товарами европейскими, которые изъ Архангельска проникали въ Волгу черезъ Шексню. Установилась обычай останавливаться у Макарія. Мало-по-малу завелась мѣшная торговля, торговля эта разширилась съ каждымъ годомъ, между тѣмъ какъ Васильевская ярмарка годъ отъ году цуфтѣла.

Такъ шло до 1641 года когда наконецъ ярмарка уже официально была учреждена на этомъ мѣстѣ именнымъ указомъ царя Михаила Теодоровича. Тогда монастырю была дана грамота о правѣ на сборъ пошлинъ съ пріѣзжающихъ торговцевъ купцовъ и о владѣніи волжскимъ перевозомъ. Это была тоже важная доходная статья, въ особенности при расширеніи торговли, когда ярмарка распространилась на оба берега. Для торговли официально былъ назначенъ только одинъ день, именно—день Св. Макарія, 25 іюля; хотя купцы торговали и дольше, но монастырь имѣлъ право взимать пошлины только за одинъ день.

Монастырь богатѣлъ. Вокругъ него воздвигались крѣпкія стѣны на деньги (1000 рублей) пожертвованныя Анною Ильишиною Морозовой (женою Бориса Ивановича); строились просторныя каменные корпуса братскихъ келій съ кладовыми и подвалами; строились особія помѣщенія для привозимыхъ на ярмарку товаровъ, съ которыхъ монастырь получалъ тоже не мало дохода, церкви украшались великолѣпными фресками, ризницы наполнялись сокровищами. Почти каждый годъ монастырь получалъ какую-нибудь новую привилегію, такъ напримеръ: управленіе монастыря было сначала игуменское, а съ 1666 года была учреждена архимандрія; послѣ посѣщенія въ 1669 году Антиохійскаго патриарха Макарія, монастырю даны еще разныя привилегіи и между прочимъ право служить на коврахъ съ рипидами. Монастырю въ это время принадлежало 3,177 душъ крестьянъ. Только въ 1667 году, оклеветанный передъ царемъ въ какихъ-то злоупотребленіяхъ, монастырь лишился было своего главнаго дохода, сбора пошлинъ; но вскорѣ, по ходатайству рязанскаго архіепископа Иларіона, съ монастыря была снята эта онала и снова возвращены прежніи права.

Въ 1670 году, во время мятежа Степки Разина, монастырь постигло сильное бѣдствіе напомнившее времена Улу-Махмета. Лысковцы и Мурашкинцы, передавшіеся бунтовщику, вызвавъ изъ Курмыша казака Осипова, посланнаго туда Разинымъ на атаманство, 1 октября утромъ подступили къ монастырю.

Съ начала они расположились за Волгой и ударили изъ пушекъ. Осиповъ послалъ къ настоятелю двухъ казаковъ, съ умильными письмами (прокламаціями) Разина, но послы были задержаны: Настоятель, отецъ Пахомій, отобравъ письма Разина, послалъ ихъ немедленно съ гонцомъ въ Москву къ царю; другаго гонца онъ послалъ въ Нижній къ воеводѣ Голохвастову, прося защиты. Между тѣмъ Осиповъ, не дождавшея возвращенія своихъ казаковъ, послалъ вторично двоихъ; но и этихъ задержалъ отецъ Пахомій и подвергъ строгому допросу и показанія ихъ отправилъ въ Москву. Тогда, раздраженные упорствомъ монаховъ, мятежники перенесли Волгу, окруживъ монастырь съ трехъ сторонъ, къ стѣнамъ привалили бревна и зажгли. Въ то время въ монастырѣ находился сибирскій архіепископъ Симеонъ. Онъ вмѣстѣ съ отцомъ Пахоміемъ ободрялъ братію; взявъ икону Св. Макарія, они обходили по стѣнамъ съ иѣнѣмъ исаломовъ. Мятежники стрѣляли изъ пушекъ, стѣны монастыря готовы были рухнуть, но монастырь не сдался. Тогда Осиповъ послалъ къ осажденнымъ мурашкинскаго священника съ общаіемъ отступитъ и больше никогда не возвращаться, если ему будутъ отпущены его казаки. Не желая раздражать болѣе прогивниковъ, отецъ Пахомій отпустилъ казаковъ. Осиповъ

повъ началъ быстро отступать, но встрѣтивъ на другой сторонѣ другую буйную шайку бродягъ, внезапно снова возвратился къ монастырю. Тогда всѣ иноки и находящіеся въ монастырѣ бѣжали въ окрестные лѣса. Видя неминуемую гибель, удалился и отецъ Пахомій; остались только сибирскій архіепископъ Симеонъ да монастырскій ключарь, рѣшившіеся лучше умереть, нежели покинуть Святую обитель. Мятежники ворвались и начали грабить, но въ это время пронесся слухъ, что московскій отрядъ подъ командою князя Щербатова двинулся къ Лыскову; это спасло монастырь, такъ какъ мятежники въ испугѣ бросились къ своимъ жилищамъ.

Мы уже говорили, что въ 1667 году право на сборъ пошлинъ было временно отнято у монастыря. Петръ I отнялъ его навсегда, монастырь только не долгое время пользовался частью этихъ доходовъ, но въ 1751 году окончательно былъ лишенъ ихъ; на счетъ казны были выстроены деревянные корпуса для лавокъ, приносящіе доходу въ годъ до 1,000 рублей. Хотя это былъ тяжелый подрывъ, но все-таки, пока ярмарка находилась вблизи, монастырь могъ поддерживать свое существованіе отъ постоянныхъ вкладовъ и пожертвованій. Такъ шло около шести лѣтъ, пока ярмарка не была переведена Нижній Новгородъ.

Давно уже, но мѣръ разширенія торговли, начали сказываться разныя неудобства избраннаго мѣста. По причинѣ тѣсноты ярмарка раздѣлилась на двѣ части: одна часть разположилась близъ монастырскихъ стѣнъ и была подъ вѣдѣніемъ казны, другая за Волгой, на землѣ принадлежавшей Лысковскому помѣщику князю Грузинскому, извѣстному самодуру своего времени; здѣсь онъ собиралъ пошлины и царилъ неограниченно. Это-то и не понравилось кажется главнымъ образомъ государственному канцлеру графу Румянцеву, посѣтившему ярмарку въ 1816 году; не поправился и причудливый князь, державшій себя гордо съ людьми высокостоящими. Какъ-бы то ни было, были важныя причины вызывавшія необходимость перевести ярмарку на новое болѣе просторное мѣсто. Графъ Румянцевъ предложилъ купцамъ перевести ее въ Нижній, но купцы, привыкшіе къ своему насыщенному мѣсту, привыкшіе и ко всѣмъ его неудобствамъ, не хотѣли покинуть обитель Св. Макарія, сдѣлавшагося покровителемъ волжской торговли, и отвѣчали графу Румянцеву, что перевода ярмарки не желаютъ. Тогда графъ, повидимому, рѣшился настоять на своемъ. Помогъ услужливый случай. Ярмарка кончилась; но едва успѣли раздѣлаться купцы, какъ среди ярмарочныхъ зданій вспыхнулъ огонь, вѣтеръ неслъ пламя и искры прямо на смежныя съ ярмарочной городской строенія; вслѣдствіе такой опасности грозившей городу, жителямъ Макарьева было приказано не выходить за городскую черту, а горящая ярмарка была окружена цѣнью казаковъ, недопускавшихъ ни кого приближаться. Пламя истребило всѣ постройки, и тогда, не смотря на сильныя возраженія купцовъ, преимущественно московскихъ и ярославскихъ, ярмарка въ слѣдующемъ-же году открыта была противъ Нижняго Новгорода на другой сторонѣ.

Съ этихъ поръ монастырь началъ приходить въ сильный упадокъ. Къ довершенію невзгодъ, какъ-бы сама природа стремилась окончательно докончить запустѣвшую обитель, — Волга измѣнивъ свое теченіе, стала приближаться все ближе и ближе къ монастырю, разрушая и безъ того ветшавшія стѣны и башни сильными вѣсенними разливами. Годъ отъ году разрушались древніе храмы, а средства для поддержанія ихъ не было никакихъ, обрушилось нѣсколько башенъ, провалился средній куполъ Троицкаго собора. Наконецъ въ 1873 году монастырь былъ упраздненъ. Тогда опустѣли и богатыя ризницы, единственные свидѣтели прежнаго величія и богатства; многое было отобрано попечительствомъ и роздано по разнымъ церквамъ, но многое было утрачено и не извѣстно гдѣ теперь находится. Шестъ древнихъ иконъ этого монастыря находятся въ настоящее время въ новомъ ярмарочномъ соборѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, старинный списокъ Унѣжской иконы—въ часовнѣ Св. Макарія на ярмаркѣ противъ Главнаго дома.

Теперь монастырь снова начинаетъ оживать. Четыре года назадъ при немъ учреждена женская община. Монастырь нашелъ себѣ двухъ покровителей, пекущихся о его возобновленіи, въ лицѣ двухъ богатыхъ московскихъ купцовъ. На ихъ личныя средства сдѣлано много значительныхъ поправокъ. Смиловалась и Волга. Она снова измѣняетъ теченіе, отступая съ каждымъ годомъ дальше отъ монастыря, затопляя противоположный берегъ и принимая такимъ образомъ прежнее свое направленіе XV и XVI вѣковъ.

Изъ шести церквей монастыря возстановлено пока три: старинная церковь Успенія, маленькая церковь при настоятельскихъ кельяхъ Св. Антонія и, построенная въ 1808 году, церковь Св. Макарія. Совершенно не гармонирующая стилемъ своей архитектуры съ остальными древними постройками, она окру-

жена съ трехъ сторонъ портиками и фронтонами дорическаго стила, съ четвертой соединена такою-же колонадой съ Троицкимъ соборомъ. Самую древнюю нужно считать церковь Успенія, потому что она первая по смерти Авраамія была перестроена въ каменную въ 1651 году. Самая церковь находится во второмъ этажѣ, въ низу-же устроены подвалы, имѣвшие когда-то назначеніе для склада залежавшагося на ярмаркѣ товара. Внутри ея низкіе приземистые своды и глубокія окна, единственно свидѣтельствуютъ о ея древности; но эти своды покрыты, къ сожалѣнію, грубымъ малеваніемъ современнаго богомаза. Впрочемъ, близъ входной двери, на лѣвой сторонѣ находится интересное изображеніе монастыря во время его процвѣтанія; это изображеніе можетъ служить хорошимъ подспорьемъ при реставраціи зданій. Изъ древностей, въ этой церквѣ находится, единственная уцѣлѣвшая какими-то судьбами вещь—это старинный покровъ на плащаницѣ XVII вѣка, затканый серебромъ по темно-гранатовому бархату. Ризница этой церкви, въ свое время, была особенно богата; здѣсь хранились дорогія облаченія изъ аксамита, парчи, обьяри, бархата и камки, драгоценныя митры, усыпальная комната и особенно замѣчательные два оклада на Евангеліяхъ, одно времени царствованія Федора Алексѣевича, другое—Петра I. Изъ церкви Успенія прежде былъ крытый переходъ въ настоятельскія кельи, отъ котораго теперь только осталось шесть обломковъ колоннъ, на которыхъ онъ утверждался. Среди настоятельскихъ келій находилась очень маленькая церковь Св. Антонія Великаго, выстроенная по общаго архіепископомъ Казанскимъ Антоніемъ; въ настоящее время въ этой церкви ничего нѣтъ интереснаго за исключеніемъ иконостаса, цѣлкомъ написаннаго на одномъ огромномъ холстѣ, но живопись не очень старая.

Величественный видъ представляетъ нынѣ полуразрушенный Троицкій соборъ; снаружи онъ напоминаетъ древній новгородскій пошибъ, внутри московскій Успенскій соборъ: тѣ же четыре тяжеловѣсныя колонны, такіе-же узкія высокія окна въ два яруса. Послѣ того какъ въ 1859 году, средній куполъ этого собора обрушился и засыпалъ обломками кирпичя и штукатурки всю его внутренность, онъ стоялъ заброшеннымъ. Теперь въ немъ царитъ полумракъ, со сводовъ, со стѣнъ и колоннъ, смотрятъ суровые, строгіе лики святыхъ; стѣны этой церкви были покрыты, когда-то, великолѣпными фресками, отъ которыхъ осталось неноврежденными очень не много, всего лучше уцѣлѣли изображенія святыхъ на четырехъ колоннахъ, довольно уцѣлѣла также живопись на сводѣ средняго алтарнаго абсида и въ плафонѣ одного изъ малыхъ куполовъ Знаменіе Богородицы. Монастырь окруженъ, теперь совершенно мѣстами разваливающейся стѣною, протяженія по 525 саженъ съ каждой стороны. Стѣна эта была заложена въ 1662 году при игуменѣ Исая и окончена при отцѣ Пахоміи въ 1667 году, а черезъ десять лѣтъ снова возобновлена послѣ Лысковскаго погрома; съ южной ея стороны, обращенной къ Волгѣ, находятся Святые Ворота, на сводѣ этихъ воротъ сохранилась мѣстами фрески одного характера съ фресками Троицкаго собора, надъ воротами помѣщенъ вдѣланный въ стѣну Россійскій гербъ по повелѣнію Екатерины II, посѣтившей Макарьевскій монастырь во время своего путешествія по Волгѣ на галерѣ „Тверь“ въ 1767 году. Въ верхней части этихъ воротъ помѣщается церковь Михаила Архангела, на стѣнѣ этой церкви обращенной въ дворъ двора находится надпись вязью: *Лѣта 7178 году Іуля въ .... день святыхъ ворота и на нихъ церковь Собора Архистратига Михаила со всякою церковною утварью да къ той церкви присокуплена трапеза 1, брацкіе 4 кельи исподнихъ а построено по общаго пресвященнаго Иларіона Митрополита Рязанскаго и Муромскаго...*

Теперь церковь эта пуста, стѣны ея совершенно голы; отъ иконостаса, славившагося въ свое время, рѣзбой, позолотой и иконами отличнаго Строгановскаго письма, остался одинъ остовъ. Другая церковь, помѣщающаяся также на стѣнѣ, передѣлана изъ башни въ 1686 году на средства нѣкоего Прокудина. Эта церковь во имя Св. Григорія, тоже пуста и служитъ складочнымъ мѣстомъ для разныхъ монастырскихъ запасовъ. Между этими двумя церквами по стѣнѣ идутъ братскія кельи, а внизу каменные налатки со сводами для прѣзжающихъ гостей (теперь пусты). По серединѣ монастырскаго двора недалеко отъ Святыхъ Воротъ находится могила возобновителя монастыря Авраамія, а близъ Троицкаго собора, рядомъ съ его алтаремъ, другая могила иноковъ павшихъ во время нашествія Улу-Махмета.

Монастырь еще носитъ характеръ полнаго запустѣнія, хотя можно надѣяться, что благодаря заботамъ нѣкоторыхъ почитателей этой древней святыни, онъ снова приметъ свой прежній вѣншій видъ.

Къ рисункамъ.

Гѣзы и Маргарита Пармская. (Рис. на стр. 884 и 885).

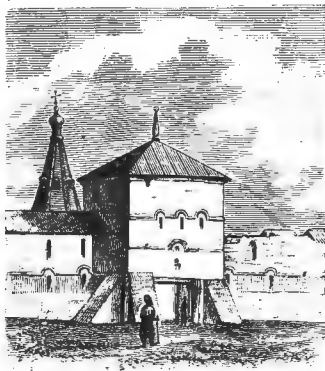
Читатели *Нивы* знакомы уже съ помѣщенною въ № 4 за текущей годъ картиною Оомса „Неистовство испанцевъ въ Ант-

верпей“; прилагаемый нынѣ снимокъ съ акварели Тень-Кате составляетъ прекрасный pendant къ ней. Гѣзы назывался союзъ нидерландскихъ дворянъ и другихъ недовольныхъ испанскимъ владычествомъ въ правленіе короля Филиппа II. Когда

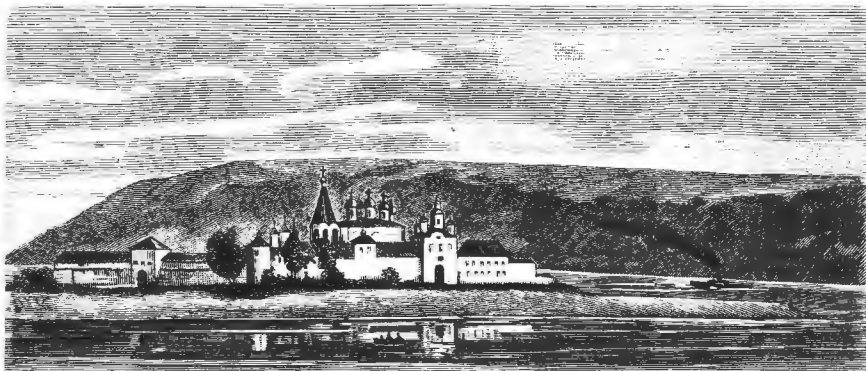

послѣдній издалъ повелѣніе чтобы въ Нидерландахъ введена была инквизиція, недовольные этимъ дворяне собрались въ Кюленбургскомъ домѣ въ Брюсселѣ въ ноябрѣ 1565 года, причѣмъ Филиппъ де-Марни, владѣтель Сентъ-Альдегондскій, составилъ документъ извѣстный подъ названіемъ *компромисса*, въ которомъ излагался протестъ противъ предполагаемаго введенія инквизиціи. Множество знатнаго дворянства и именитыхъ гражданъ подписало его, и 5 апрѣля 1566 г. было подано

рядили каперскія суда, съ которыми и преслѣдовали испанскіе корабли; это были такъ-называемые *морскіе гѣзы* или *водяныя гѣзы*, которые вскорѣ стали грозою испанцевъ. Дворянство и купечество жертвовали значительныя суммы на сооруженіе кораблей и дѣлили барыши. Англійскія, французскія и даже нѣмецкія гавани служили имъ убѣжищемъ. Но такъ какъ гѣзы не имѣли законныхъ документовъ, то съ ними поступали какъ съ морскими разбойниками до тѣхъ поръ пока, по совѣту Ко-

Сѣверныя ворота въ Манарьевскомъ монастырѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Мельникова, грав. Шлипперъ.

Церковь Св. Жень-мруносицъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Мельникова, грав. Шлипперъ.

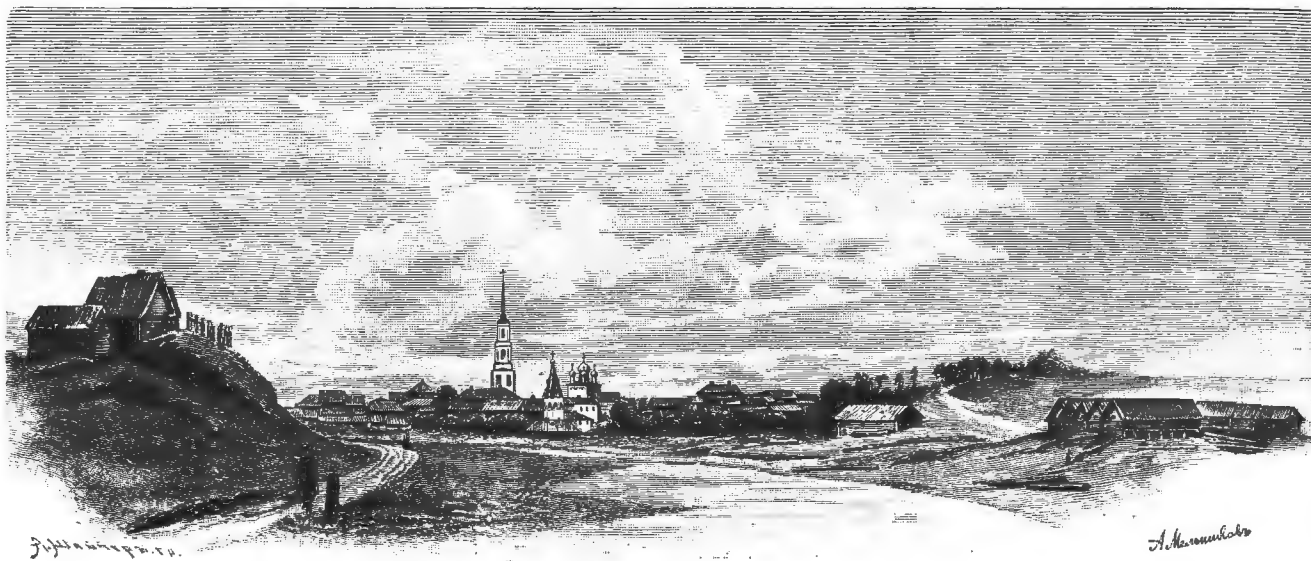
прошеніе объ отмінѣ королевскаго указа намѣстницѣ короля испанскаго, Филиппа II, Маргаритѣ Пармской, четырьмястами дворянъ съ графами Генрихомъ Бредероде и Лудвигомъ Нассаускимъ во главѣ, въ ея брюссельскомъ дворцѣ. Рѣшеніе намѣстницы было благопріятно просителямъ, и дворянство праздновало 8 апрѣля свою побѣду блестящимъ широмъ, на которомъ одинъ изъ гостей рассказалъ, будто бы въ то время какъ намѣстница смутилась при видѣ многолюдной толпы просителей, президентъ совѣта по финансамъ, графъ Барлемонъ для успокоенія ея шепнулъ ей, что „это не болѣе какъ кучка попрошайекъ“. (Ce n'est qu'un tas de gueux!) Выслушавъ этотъ рассказъ, графъ Бредероде тотчасъ предложилъ въ видѣ бравады назвать ихъ союзъ этимъ даннимъ въ насмѣшку прозви-

лини, принцъ Вильгельмъ Оранскій, заключивъ съ ними союзъ, выдалъ имъ каперскія свидѣтельства и назначилъ ихъ адмираломъ графа Маркскаго. 1 апрѣля 1572 года морскіе Гѣзы взяли Бриль при устьѣ Мааса, и съ этого началась война, которую Нидерланды вели за свою независимость до 1648 года.

Литературный альбомъ. „Русалка“, Пушкина.

(Рис. на стр. 896).

Эффектный рисунокъ г. Соломки воспроизводитъ предъ нами ту сцену „Русалки“, когда дочь мельника, только что покинутая княземъ, въ отчаяніи рѣшается броситься въ Дибирь.

Село Лысково со стороны Волги. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Мельникова, грав. Шлипперъ.

щемъ. Предложеніе его было принято съ восторгомъ и такимъ образомъ произошло названіе *Гѣзовъ*, т. е. попрошайекъ, нищихъ. Значкомъ принадлежности къ союзу были избраны носимыя на шляпахъ или поясахъ, серебряныя или золотыя вѣди, представлявшія миниатюрную копію съ употребляемыхъ въ нищенскомъ промыслѣ, какъ напр. сумъ и т. п.; или же дворяне носили платки сѣраго цвѣта какъ нищенствующіе монахи. Чеканили даже такъ-называемые *пфениги гѣзовъ*, овальные серебряные или золотые жетоны, у которыхъ на лицевой сторонѣ изображенъ былъ бюстъ Филиппа II съ подписью: „Во всемя стѣрны королю“, а на другой — нищенская сума съ двумя протянутыми руками и подписью: „даже до попрошайничества“. Въ мартѣ мѣсяцѣ союзъ насчитывалъ всего 2000 членовъ; въ маѣ Бредероде могъ уже сказать что Гѣзы численностью своей превосходятъ песокъ морской: такъ подѣйствовало простонародное прозвище союза. Во время кроваваго режима герцога Альбы въ Нидерландахъ, многіе нидерландскіе эмигранты сна-

на берегу котораго за мельницей и застаётъ ее старикъ-отецъ Мельникъ (*въ слезахъ*). До чего я дожилъ!

Что Богъ привелъ услышать! Грѣхъ тебѣ
Такъ горько упрекать отца роднаго.
Одно дитя ты у меня свѣтъ,
Одна отрада въ старости моей:
Какъ было мнѣ тебя не баловать?
Богъ наказалъ меня за то, что слабо
Я выполнилъ отцовскій долгъ.

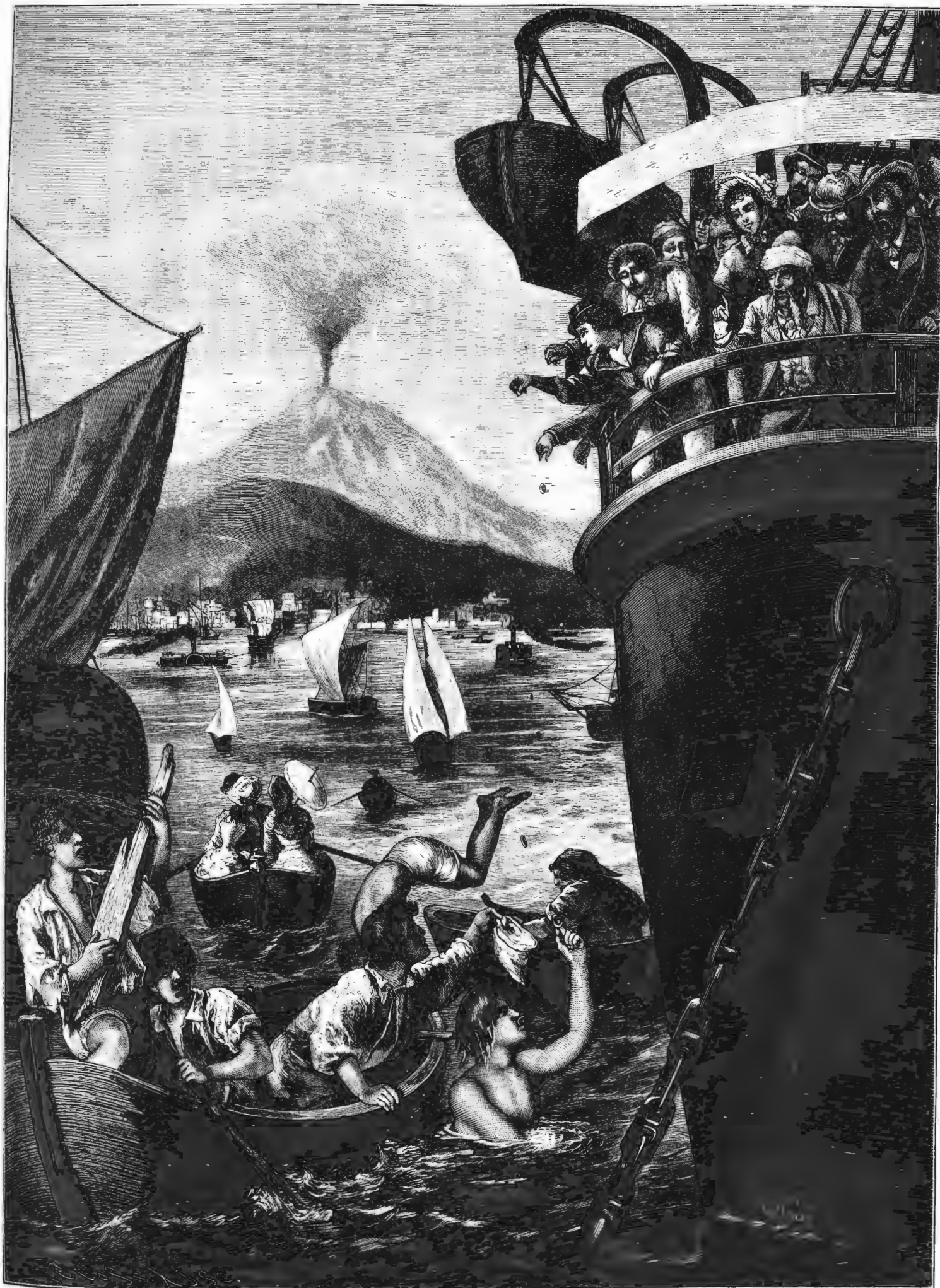
Дочь. Охъ, душно!

Холодная змѣя мнѣ шею давить...
Змѣю подкольной онъ меня —
Не жемчугомъ опуталь...

(*Рветъ съ себя жемчугъ*).

Такъ бы я

Разорвала тебя, змѣю-злодѣйку,
Проклятую разлучницу-мою!

Неаполитанскіе водолазы. Рис. Колларцъ, грав. Клоесъ.

Мельникъ. Ты бредишь, право, бредишь.

Дочь (снимаетъ съ себя повязку).

Вотъ вѣнецъ мой,

Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ

Лукавый врагъ, когда я отреклася

Ото всего чѣмъ прежде дорожила!

Мы развѣчались. Сгнй ты, мой вѣнецъ!

(бросаетъ повязку въ Димръ)

Теперь все кончено...

(бросается въ рѣку).

Старикъ (падая). Охъ, горе, горе!..

Водолазы въ Неаполитанскомъ заливѣ.

(Рис. на стр. 897).

Пассажиры пароходовъ и кораблей, посѣщающихъ приморскіе города теплыхъ странъ, нерѣдко бываютъ очевидцами очень интереснаго зрѣлища. Прибрежные жители, чаще всего молодые люди или мальчики, окружаютъ, на лодкахъ или вилавъ, прибывшее судно и съ замѣчательною ловкостью и проворствомъ вытаскиваютъ изъ воды брошенную туда монету. Не усидеть она еще опустится на дно, какъ вырнувшій пловецъ подхватываетъ ее рукою или зубами и съ нею возвращается на поверхность воды. Помѣщенный на стр. 753 рисунокъ, изображаетъ подобную сцену въ Неаполитанскомъ заливѣ. Въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Аденѣ, мальчики, за мелкую монету, ныряютъ подъ килъ судна съ одной стороны его на другую или остаются подъ водою иногда по нѣскольку минутъ. Умѣемъ нырять славится добыватели губокъ въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ и ловцы жемчужныхъ раковинъ въ Персидскомъ заливѣ и у береговъ Цейлона. Искусство подолгу оставаться подъ водою не было безызвѣстнымъ народамъ древности, и исторія ихъ упоминаетъ нѣсколько лицъ, прославившихъ себя этимъ искусствомъ. Такъ, между прочимъ, Геродотъ и Павзаній упоминаютъ о нѣкомъ Скилмасѣ или Скиллисѣ, пронырившемъ нѣсколько верстъ подъ водою до Артемизіи, гдѣ стоялъ флотъ персидскаго царя Ксеркса, и перерѣзавшемъ канаты у персидскихъ кораблей, чѣмъ онъ не мало способствовалъ уничтоженію судовъ во время бури. О времени, какое человекъ можетъ пробыть подъ поверхностью воды, сообщается много различнаго. Самое продолжительное пребываніе съ точностію было наблюдаемо 26 марта 1886 года въ Лондонѣ, когда извѣстный пловецъ Джемсъ Финней оставался подъ водою 4 минуты 29¹/₄ секундъ.

О. И. Буслаевъ. (Портр. на стр. 900).

18 августа исполнилось полвѣка плодотворной дѣятельности ученаго, оказавшаго громадныя услуги развитію русскаго самознания — въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ духовной жизни: наукъ, искусствъ и народномъ бытѣ. Имя Буслаева, ординарнаго академика и заслуженнаго профессора Московскаго университета, пользуется громкою извѣстностію по всей Россіи, ее говоря уже о нѣсколькихъ поколѣніяхъ его учениковъ. Федоръ Ивановичъ Буслаевъ родился 13 апрѣля 1818 года въ городѣ Керенскѣ, Пензенской губ., и первоначальное образование получилъ въ Пензенской гимназіи (тогда еще четырехклассной). Въ 1834 году поступилъ въ Московскій университетъ по словесному отдѣленію философскаго факультета, гдѣ былъ ученикомъ Погодина и Шевырева, и окончивъ курсъ въ 1838 году началъ педагогическую дѣятельность учителемъ русскаго языка во 2-й Московской гимназіи. Въ іюнѣ 1839 г. онъ отправился за границу, въ качествѣ наставника при дѣтяхъ тогдашняго почетнаго Московскаго учебнаго округа, графа С. Г. Строганова. Въ Италіи онъ изучалъ языкъ Данта и Тасса, древности съ Винкельманомъ въ рукахъ, и тамошнія школы живописи. Возвративъ черезъ два года въ Россію, онъ продолжалъ свою службу въ Москвѣ сначала во второй, а затѣмъ въ ново-учрежденной III (реальной) гимназіи. Первое время своего учительства посвятилъ онъ педагогическимъ работамъ, изъ коихъ первую было наставленіе учителямъ приходскихъ училищъ о звуковомъ методѣ обученія азбукѣ. Въ 1842 году Буслаевъ былъ назначенъ въ Московскій университетъ помощникомъ къ тогдашнимъ профессорамъ русской словесности, И. И. Давыдову и С. П. Шевыреву; съ того же времени начали появляться въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ его сочиненія. Въ 1844 году появилось его изслѣдованіе (2 тома) „О преподаваніи отечественнаго языка“, указавшее болѣзненнымъ учителямъ новые пути преподаванія языка и словесности. Въ томъ-же году онъ держалъ экзаменъ на степень магистра, а съ января 1847 года читалъ студентамъ Московскаго университета сравнительную грамматику и исторію русскаго языка. Это примѣненіе сравнительно-историческаго метода къ изслѣдованію русской словесности составляетъ одну изъ крупнѣйшихъ заслугъ Буслаева. Не менѣе замѣчательная, магистерская диссертация его „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“, была блистательно защищена имъ въ 1848 году. Съ 1857 года, по выходѣ Шевырева изъ университета, О. И. Буслаевъ читалъ, кромѣ прежнихъ, лекціи изъ исторіи древней русскаго литературы, которую началъ разрабатывать совершенно само-

стоятельно, воспользовавшись доступными въ то время источниками, рукописными и печатными. Въ 1858 году онъ издалъ въ 2-хъ томахъ „Историческую грамматику русскаго языка“, а въ 1861 году — „Историческую христоматию“. Эти два труда его извѣстны каждому образованному русскому, такъ какъ въ нихъ впервые указанъ вѣрный путь къ изученію основъ русскаго книжнаго рѣчи. Еще ярче выразилось чисто-русское направление ученой дѣятельности Буслаева въ его изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго искусства, за которыми О. И. впервые призналъ самостоятельность и права на глубокое изученіе. Таковы его „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“ (1861), „Русскій богатырскій эпосъ“ (1862) и „Общія понятія о русской иконописи“, напечатанныя имъ (1866) въ Сборникѣ Общества древне-русскаго искусства при Московскомъ публичномъ музеѣ, — Общества, коего Буслаевъ былъ секретаремъ съ 1864 года. Въ 1869 году вышелъ въ свѣтъ его „Учебникъ русской грамматики“, сближенной съ церковнославянскою, а въ 1870 году издана „Русская Христоматія“. Кромѣ того, Буслаевымъ за все время его ученой дѣятельности написано бездна статей и отзывовъ о различныхъ сочиненіяхъ по русской народности и литературѣ.

Внутренность Ахаль-Текинской мельницы.

(Рис. на стр. 900).

У подошвы Конетъ-Дага, Кюренъ-Дага, Келатскихъ и другихъ горъ, на границѣ съ персидскою провинціей Хорасанъ, въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ, встрѣчаются чрезвычайно характернаго устройства мельницы. Отъ находящагося на возвышеніи арыка (водопроводной канавы) возводятся нѣсколько длинныхъ насыпей въ линію съ перерывами, одна ниже другой, на подобіе уступовъ лѣстницы; въ перерывахъ между насыпями и ставятся водяныя мельницы съ горизонтальными турбинами (водяными колесами). Вода бѣжитъ изъ арыка по первой отъ него насыпи, приводитъ въ движеніе первую мельницу, затѣмъ переходитъ на вторую насыпь, и т. д. Постройка мельницы представляетъ простую глинобитную саклю, въ рѣдкихъ случаяхъ съ маленькими окошками и стрѣлчатыми дверями. Внутри мрачныя, сырыя помѣщенія эти освѣщаются керосиновыми лампочками. Горизонтальная турбина приводитъ въ движеніе горизонтальный же жерновъ, надъ которымъ подвѣшенъ пирамидальной формы мѣшокъ, служащій приемникомъ для засыпаемаго зерна. Изъ отверстія въ нижнемъ жерновѣ сыплется мука, которую собираютъ совкомъ.

Антилопа Оронгъ (Pantholops Hodgsoni).

(Рис. на стр. 901).

Это красивое животное, чучела котораго привезены г. Пржевальскимъ изъ его путешествія и нынѣ находятся въ музеѣ Академіи Наукъ, водится на высокихъ нагорьяхъ сѣвернаго Тибета. Рога самца достигаютъ 23 дюймовъ длиною. Въ зимней шерсти верхъ и бока морды, бока груди и переднія стороны ногъ — чернаго цвѣта; спина свѣтло-бурая, остальное — бѣлаго цвѣта. Въ общемъ звѣрь издала кажется совершенно былымъ.

Мѣстомъ жительства оронгъ избираетъ горныя долины и волнистыя степи; вода для него также необходима какъ для яка и хулана, а потому антилопы эти держатся исключительно въ тѣхъ мѣстахъ пустыни, гдѣ есть рѣчки или ключи. Они живутъ небольшими обществами въ 5—20—40 головъ; лишь изрѣдка, на хорошихъ пастбищахъ нападаютъ стада въ сотни особей. Оронгъ вообще мало остороженъ; даже на открытой мѣстности онъ подпускаетъ охотника шаговъ на триста или на двѣсти, а иногда и ближе. Грозя выстрѣла и свистъ пули также не пугаютъ звѣря; онъ только удивляется и тихо отходитъ, поглядывая на стрѣлка. Подобно другимъ антилопамъ, оронгъ весьма выносливъ на рану, и даже пробитый пулей насквозь, нерѣдко уходитъ далеко.

Монголы и тангуты считаютъ оронгъ святымъ животнымъ, и ламы не ѣдятъ его мяса, которое весьма вкусно, въ особенности осенью, когда звѣрь бываетъ очень жиренъ. Кровь его считается лѣкарствомъ, а рога употребляются для различныхъ шарлатанствъ. Наконецъ, между всеми сѣверными монголами распространено мнѣніе, что оронгъ имѣетъ только одинъ рогъ, поставленный вертикально въ серединѣ лба, но что такіе экземпляры нападаютъ по одному на тысячу. Не отсюда-ли происходитъ извѣстный мѣвъ о единорогѣ?

Вожаки-монголы, кромѣ того, рассказываютъ цѣлую легенду по поводу того, что самки оронгъ обыкновенно выводятъ дѣтенышей въ долинѣ между хребтами Марко-Пола и Гурбу-Найджи. Быть-можетъ антилопы идутъ сюда въ надеждѣ хоть на время укрыться отъ своихъ враговъ — медвѣдей, волковъ и грифовъ. Но легенда гласитъ, что всѣ оронгъ обитающія въ Тибетѣ, составляютъ приданое средней дочери какого-то духа, живущаго въ горахъ Амне-Мачинъ, на верховьяхъ Желтой рѣки. Эта дочь, выйдя замужъ, проживаетъ теперь на горѣ Балдынъ-Дорджи, къ подножію которой ежегодно и должны стекаться принадлежащая ей антилопы, для повѣрки ихъ числа и для вывода потомства.

Политическое обозрѣніе.

Италія. — Генераль Буланже. — Сербія. — Болгарія.

Песткая недѣля прошла безъ особенныхъ приключеній. Интересы газетъ преимущественно сосредоточились на предстоящей поѣздкѣ Германскаго императора въ Римъ. Въ вѣнскихъ газетахъ появилось даже сообщеніе о предполагаемой поѣздкѣ императора Франца Юсифа въ Римъ, но *Fremdenblatt* опровергаетъ это сообщеніе. Итальянская дипломатія и печать не преминула воспользоваться этими слухами, прокричать объ упущеніи тройственнаго союза, о дипломатическомъ пораженіи Россіи, и дать имъ своеобразную окраску. Но всѣ эти выходки никого не обманутъ. Итальянская дипломатія потеряла крушеніе. Въ Берлинской *Nation. Zeit.* отъ 13 августа напечатано слѣдующее: „Вопреки распространеннымъ слухамъ, будто свиданіе въ Фридрихсруэ успокоило Криспи, мы узнали отъ достоверныхъ лицъ, что итальянскій министр-президентъ относится вообще весьма спокойно къ общему положенію дѣлъ; впечатлѣніе же произведенное во Франціи его поѣздкою, показываетъ, что на па нее взглянули тамъ, какъ на демонстрацію, значеніе которой не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій“. Въ *Standard* напечатана статья, обсуждающая нынѣшнее положеніе европейскіхъ дѣлъ; газета высказываетъ увѣренность, что Франція не стремится къ войнѣ ни съ Италіей, ни съ Германіей, но что германскому канцлеру необходимо выставить Францію прокинутою воинственнымъ задоромъ, потому что такая репутация рождаетъ ее во мнѣніи свѣта. Вообще мнѣніе англійскаго общества и печати все болѣе обращается въ пользу Франціи. Ударомъ для итальянской политики является также помолвка наслѣдника Греческаго престола съ сестрою Германскаго императора, принцессою Софіею. Въ прибавленіяхъ къ *Reichs-Anz.* уже объявлено о помолвкѣ. Такая близкая связь Аеніцъ съ Берлиномъ въ ближайшемъ будущемъ несомнѣнно окажетъ вліяніе на взаимныя отношенія государствъ. Массовскій вопросъ можно считать почти поконченнымъ. Гобле въ отвѣтній нотѣ на послѣднюю ноту Криспи, упоминаетъ доводы, приведенные Криспи, и затѣмъ говоритъ: „Примѣры, приведенные итальянскимъ правительствомъ, свидѣтельствуютъ, что измѣненія въ созерцательныхъ правахъ всегда санкціонируются договорами. Такъ было въ Алжирѣ, гдѣ действовалъ намъ свои права законнымъ порядкомъ на основаніи капитуляціи. То же самое можно сказать о Добруджѣ и территоріи уступленной Сербскому королевству. Даже и завоеваніе можетъ считаться окончательнымъ лишь послѣ того, когда оно привело къ мирному трактату. Нота заканчивается замѣчаніемъ: „Вмѣсто возбужденія вопроса передъ Европой Италіи слѣдовало-бы придти къ соглашенію съ Франціей. Такъ какъ этотъ конфликтъ извѣстенъ теперь державамъ, то онѣ признаютъ, что Франція не уклонилась отъ мѣры, которую обязано соблюдать правительство, относящееся съ должнымъ уваженіемъ къ дружественной державѣ, при огражденіи своихъ правъ и государственнаго своего достоинства“. По мнѣнію газеты *Riforma*, итальянское правительство не будетъ отвѣчать на эту послѣднюю ноту Гобле. Италія дѣлаетъ свѣшныя приготовленія, для продолженія воен-

ныхъ дѣйствій противъ абиссинцевъ. Климатическія условія позволяютъ приступить къ военнымъ операціямъ ранѣе ноября.

Въ политическихъ кружкахъ Парижа упорно держится слухъ, что генераль Буланже, уѣхавшій въ Швецію, пробѣдетъ въ Петербургъ, по полученіи ожидаемыхъ телеграммъ. Сообщаютъ, что генерала Буланже видѣли уже въ Гамбургѣ, но всѣ эти слухи мало вѣрогны. На приведенную нами, въ предыдущемъ обозрѣніи, статью *Nordd. Allg. Zeit.* о миролюбивомъ настроеніи Буланже, послѣдній сдѣлалъ заявленіе, что онъ мало придаетъ значенія статьямъ нѣмецкой печати о его личности, что это не болѣе какъ жалкая тактика и происки французскаго посла въ Берлиѣ Эрбетта. Оппортунисты продолжаютъ свои вылазки противъ генерала. На банкетѣ данномъ въ честь Флоке въ Тулонѣ, министр-президентъ произнесъ рѣчь, въ которой совѣтовалъ республиканцамъ единеніе, въ виду стремленій къ авянтюрсткой диктатурѣ и къ монархической реставраціи.

Разводъ Сербскаго короля откладывается въ дальній ящикъ. Королева Наталія заявила, чрезъ своего повѣреннаго Пирочаца, о своемъ намѣреніи лично явиться на разборъ дѣла. Король былъ противъ этого, но всѣ министры заявили, что по сербскимъ законамъ никакому отвѣтчику не можетъ быть прегражденъ доступъ въ судѣ. Король Миланъ прислалъ консисторіи слѣдующую телеграмму: „Мы узнали, что наша Августѣйшая супруга Наталія препроводила въ консисторію свои показанія. Мы просимъ переслать ихъ намъ, дабы мы могли заручиться еще другими необходимыми документами. Во всякомъ случаѣ предлагаемъ консисторіи отложить на три мѣсяца рѣшеніе дѣла“. На основаніи этой телеграммы королевской чѣтъ сообщено, что консисторія отсрочила свои засѣданія до 20 ноября. Отсрочка эта вызвана де желаніемъ короля ознакомиться съ доводами, представленными королевою въ консисторію. Въ *Corres. de l'Est* сообщаютъ: „Въ депутатскихъ кругахъ говорятъ, что скупщина провозгласитъ разводъ короля по собственной инициативѣ, какъ мѣру, вызванную государственною необходимостью“. Этими якобы и объясняютъ отсрочку разбирательства бракоразводнаго дѣла въ консисторіи, но это объясненіе мало вѣрогно. Вѣрнѣе, что подулъ другой вѣтеръ и королю Милану приходится отступать; это предположеніе подтверждается телеграммой изъ Бѣлграда въ *Neue Freie Presse*, что Ристицъ и Богишичъ вызваны въ Аббацію къ королю Милану. Этому обстоятельству придають особенное значеніе. По слухамъ, дѣло идетъ о серемѣнахъ въ составѣ сербскаго кабинета, или даже о замѣнѣ всего нынѣшняго министерства новымъ.

Внутренній дѣла Болгаріи вновь начинаютъ привлекать общее вниманіе. По полученіемъ въ Вѣнѣ извѣстіямъ изъ Софіи, въ Тырновѣ и другихъ городахъ были произведены многочисленные аресты. По сообщеніямъ, эти аресты совпали съ распространеніемъ слухами о готовящейся новой революціи въ Болгаріи. Въ Вѣнѣ утверждаютъ, что софійскій префектъ Басмаджіевъ, ѣздившій въ Австрію по порученію Стамбулова, сказалъ въ Бѣлградѣ, что положеніе принца Фердинанда болѣе чѣмъ шатко.

Разныя извѣстія.

Предворныя извѣстія.

— Его Величество Государь Императоръ и Е. В. Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ изволятъ поѣхать 21 августа, въ 7^{1/2} час. пополудни, изъ села Пальнскаго въ Петербургъ.

— Ея Величество Государыня Императрица и П. П. В. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Вел. Кн. Ксенія Александровна, 23 августа возвратились изъ заграничнаго путешествія, прибывъ на Александровскую станцію (въ Царскомъ Селѣ) въ 9^{1/2} ч. утра.

Въ тотъ же день, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица изволятъ прибыть въ С.-Петербургъ и, посѣтивъ въ 12^{1/2} ч. дня Петропавловскій соборъ, возвратятся въ Петергофъ.

— 24 августа, Ихъ Императорскія Величества со всѣми Своими Августѣйшими Дѣтьми, въ сопровожденіи Е. П. В. Вел. Кн. Владимира Александровича, отправятся изъ Нового Петергофа на югъ Россіи. Ихъ Величества изволятъ прослѣдовать въ районъ маиеровъ войскъ, назначенныхъ отъ Харьковскаго и Одесскаго военныхъ округовъ.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: 1. Предоставить министру Внутреннихъ Дѣлъ командировать въ Череновецкій уѣздъ, на срокъ не долѣе трехъ лѣтъ, временную комиссію изъ лицъ, избранныхъ по соглашенію съ министрами Финансовъ и Народнаго Просвѣщенія и съ госу-

дарственнымъ контролеромъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1. На помянутую комиссію возлагаются: а) обязанности и полномочія входящія въ кругъ вѣдомства уѣздной земской управы и представительства мѣстнаго земства въ уѣздныхъ учрежденіяхъ; б) приведеніе въ точную извѣстность и въ должный порядокъ всѣхъ отраслей мѣстнаго земскаго хозяйства; в) установленіе основаній для равномѣрнаго обложенія имущества, а равно составленіе и приведеніе въ исполненіе новой раск. адки; и г) разсмотрѣніе жалобъ и заявленій на произведенное за прежнее время начисленіе на имущество земскихъ недоплатъ и пенн, а равно принятіе мѣръ къ поступленію недоимокъ, сложенію и разсрочкѣ таковыхъ. П. На время пребыванія въ Череновецкомъ уѣздѣ означенной въ п. 1 комиссіи приостановить дѣятельность мѣстной уѣздной земской управы и созвать въ уѣздѣ очередныхъ земскихъ собраній и избирательныхъ съѣздовъ.

Финансы.

— Изъ 202 городскихъ общественныхъ банковъ въ Россіи, приславшихъ свои отчеты Правительству, по значительности произведенныхъ ими въ 1887 году оборотовъ, первое мѣсто занимаютъ 88 банковъ, имѣющихъ обороты отъ 1.000,000 до 52.751,300 рублей въ годъ, при чемъ свыше 10.000,000 рублей простирались обороты слѣдующихъ 12 банковъ: Харьковскаго 52.751,300 руб., Кишиневскаго

18.746,500 руб., Пензенскаго 15.086,000 руб., Самарскаго 13.648,200 руб., Нижегородскаго 13.075,600 р., Черниговскаго 13.043,300 р., Казанскаго 12.863,200 р., Керчь-Еникольскаго 11.671,300 р., Воронежскаго 11.124, 700р., Ростовъ на-Дону 10.859,500 р., Калужскаго 10.285,200 р., Кременчугскаго 10.107,000 р. Затѣмъ, отъ 500,000 до 1.000,000 р. оборотовъ кассы имѣли 44 банка, отъ 100.000 до 500,000 р. 63 банка и менѣе 100.000 р. — 7 банковъ.

Морское дѣло.

— 18 августа прибылъ въ Кронштадтъ фрегатъ „Генераль-Адмиралъ“, на которомъ плавалъ Е. П. В. Вел. Кн. Георгій Александровичъ. Фрегатъ, выйдя изъ Кронштадта въ половинѣ іюля мѣсяца, зашелъ на нѣсколько дней въ Гельсингфорсъ и оттуда отправился въ Балтійское море; послѣ плаванія, совершоннаго большею частію подъ парусами, фрегатъ прибылъ въ Кегѣбухту близъ Копенгагена. Выставка этого города, въ продолженіи стоянки фрегата въ бухтѣ, была осмотрѣна офицерами фрегата.

— 19 августа пришелъ въ Кронштадтъ изъ Ревеля клиперъ „Крейсеръ“ съ присущеннымъ флагомъ и скрепленнымъ реями. На клиперѣ доставлено тѣло командира этого судна, капитана 2-го ранга Ермолаева, скоропостижно скончавшагося въ Ревелѣ во время ученья на клиперѣ.

Смѣсь.

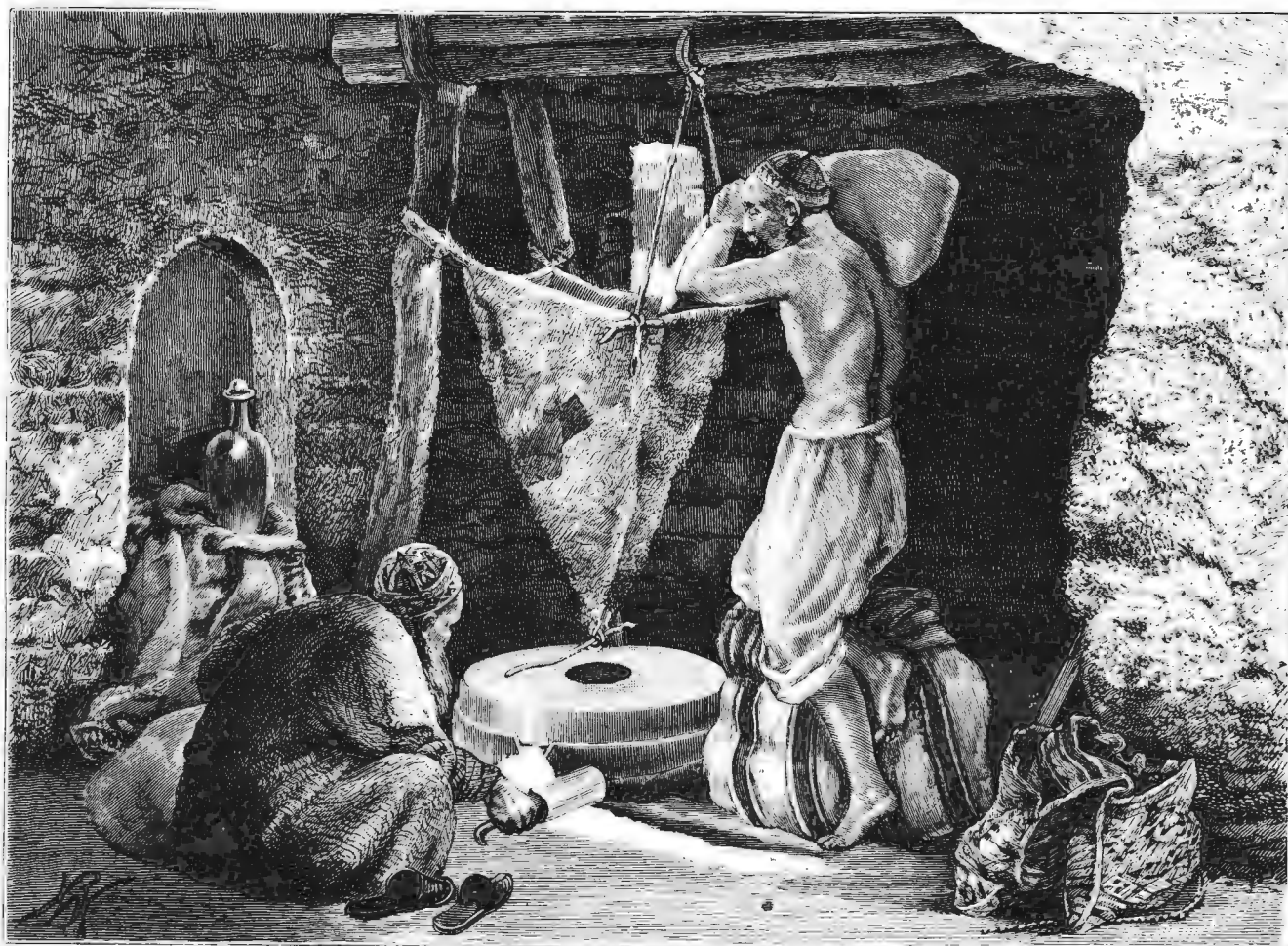
„Путеводитель“, приспособленный къ сниманию фотографіи, представляетъ нѣчто дѣйствительно новое. Отнынѣ всякій гуляющій можетъ быть и фотографомъ. Солнечные лучи сами собою собираются въ маленькомъ аппаратѣ и схваченное изображеніе концентрируютъ и фиксируютъ на посеребренныхъ пластинкахъ „Путеводителя“. Уже не разъ изготовлялись и описывались аппараты, служащіе подобнымъ цѣлямъ, но изъ нихъ всѣхъ замѣчательнѣе фотографическая камера въ формѣ гйда, которая недавно пущена въ ходъ пользующеюся обширной извѣстностью фирмою Гааке и Альберса во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Остроумный аппаратъ изобрѣтенъ химикомъ, докторомъ Крюгенеромъ (тоже изъ Франкфурта). Маленькій ящичекъ въ формѣ книги „Путеводителя“ (въ родѣ „Германіи“ Бедекера), въ коленкоромъ переплетѣ, имѣетъ три отдѣленія. Среднее заключаетъ въ себѣ аппаратъ для снимковъ, второе содержитъ 25 фотографическихъ пластинокъ, а третье служитъ для пластинокъ, уже бывшихъ въ употребленіи. Соответственныя пружинки передвигаютъ пластинки изъ одного отдѣленія въ другое. Книжку можно носить въ рукѣ за

Федоръ Ивановичъ Буслевъ (по поводу 50-лѣтняго юбилея ученой дѣятельности). Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

ремешкомъ, или подѣ мышкою: весь аппаратъ со своими 25 пластинками, всѣтъ не болѣе 500 граммъ. Эта легкость и дѣлаетъ то, что фотографическій „Путеводитель“ составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе и торжество фотографической техники. (N).

О желѣзной дорогѣ по вершинамъ деревъ слѣдующее сообщаетъ одинъ калифорнійскій листокъ: „Нашимъ сосѣдямъ можетъ быть не извѣстно, что у насъ, въ графствѣ Сонома, существуетъ рельсовый путь, какого еще нигдѣ нѣтъ и о какомъ до сихъ поръ ни въ одной книгѣ не упоминалось. На высшей точкѣ ландшафта, вдоль берега тянется желѣзная дорога, продолженная по вершинамъ деревъ. Между Клипермюленомъ и Стуртовомъ нѣкомъ путь пересѣкается глубокимъ оврагомъ, гдѣ всѣ деревья ровно спилены, и къ стволамъ прикрѣплены балки и шины. Среди вышеупомянутаго оврага висятъ рядомъ два мощныя красныя дерева, служащія главною и прочною опорой пути. Верхушки ихъ отпилены на разстояніи 75 футовъ отъ земли и по нимъ ходятъ тяжело нагруженные вагоны такъ же безопасно, какъ и по пути, сооруженному по всѣмъ правиламъ науки. И въ другихъ частяхъ Калифорніи лѣса красныхъ деревъ могли-бы

Внутренность Ахаль Тенинской мельницы. Ориг. рис. (собственность „Низы“) Раевского, грав. Олшевскій.

служить тѣмъ-же цѣлямъ и пролагаемыя по ихъ вершинамъ желѣзныя дороги обходились-бы гораздо дешевле, чѣмъ теперь стоитъ уничтоженіе этихъ лѣсовъ, чтобы послѣ воздвигать на ихъ мѣстѣ новые пути сообщенія. (N).

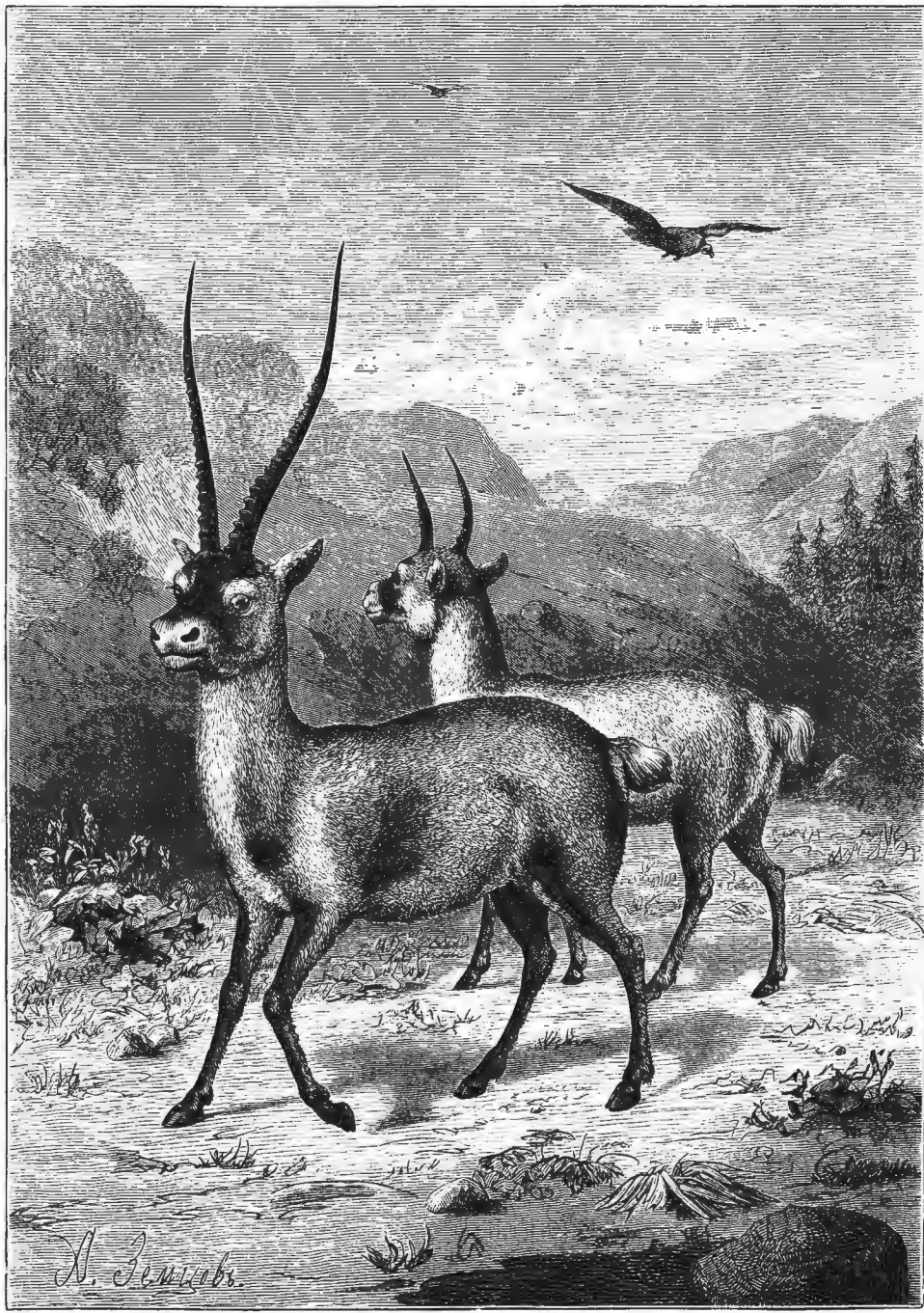
Золотые рудники въ Китаѣ. Въ древнія времена въ Китаѣ разрабатывалась масса золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ. Дѣйствительно, каждая провинція Небесной Имперіи богата драгоценными металлами. Но части доступныя были скоро истощены, часто столѣтнею разработкой. Въ другихъ же мѣстахъ рудоконы, по

обыкновенію, должны были спуститься внутрь земли, бороться съ наводненіями и удушливыми газами, хотя, конечно, безуспѣшно, такъ какъ китайцы были очень мало знакомы съ искусствомъ удаленія воды и процессами вентилляціи. Они обыкновенно приписывали всѣ несчастія гнѣву адскаго духа, Фангъ-Шина, раздраженнаго тѣмъ, что землю лишаютъ ея сокровищъ; гнѣву Фангъ-Шина приписывали также чуму, землетрясенія. Къ концу четырнадцатаго вѣка одинъ изъ послѣднихъ императоровъ династіи Шуновъ издалъ даже декретъ, запрещающій разработку рудниковъ подѣ страхомъ смерти. Однакоже въ нѣкоторыхъ провинціяхъ на разработки, производящіяся на поверхности земли, смотрѣли сквозь пальцы, напр. въ Тзе-Шуань, Канъ-Си и т. д. Впослѣдствіи расходы, вызванные войной съ Франціей, дали понять правительству Пекина необходимость увеличить доходы Имперіи, рискуя даже пренебречь гнѣвомъ Фангъ-Шина; поэтому было рѣшено открыть разработку нѣкоторыхъ значительныхъ рудниковъ, находящихся по соседству съ важнымъ городомъ

Ше-Фу, провинціи Шангъ-Гонгъ, замѣчательной по рожденію Конфуція, 2,400 лѣтъ тому назадъ. Работы были вѣрены въ некомпетентныя руки, а потому и не дали результатовъ. Но вице-король имперіи не потерялся; онъ послалъ инструкціи китайскому консулу въ Санъ-Франциско, который собралъ и отправилъ въ Китай опытный персоналъ рудокоповъ; калифорнскіе методы были приложены въ богатѣйшей странѣ и послужили какъ бы основаніемъ къ обширной разработкѣ. Дѣйствительно, плата въ день китайскому рудокопу—75 сантимовъ, между тѣмъ какъ калифорнскому она достигаетъ 20 франковъ, слѣдовательно равна, приблизительно, платѣ 25 китайскимъ. Отправка этой экспедиціи инженеровъ и рабочихъ происходила 21 сентября, сначала на кораблѣ „Пекинъ“ до Вокгаомы, а оттуда на другомъ кораблѣ въ Ше-Фу. (С).

Еще одна легенда, разсѣявшаяся какъ дымъ—подъ такимъ заглавіемъ ищутъ изъ Парижа слѣдующее: Недавно изъ пруда при замкѣ Фонтенебло были выловлены всѣ карпы; самыя тяжелыя и старыя экземпляры отобраны и проданы, а девятьсотъ прекрасныхъ молодыхъ рыбъ пущены обратно въ прудъ. Не смотря на то, что всѣ болѣе крупныя карпы не миновали рукъ рыбакова, между пойманными не оказалось ни одного, вѣсящаго болѣе десяти фунтовъ. Старыхъ карповъ, время Франциска I, съ золотыми кольцами въ жосу, вдернутыми этимъ королемъ, не осталось и слѣда, а между

тѣмъ, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, многіе ученые и неученыя утверждали, что сами видѣли карповъ съ золотыми кольцами. Въдѣ существуетъ мнѣніе, что карпы живутъ по нѣсколько сотъ лѣтъ. Еще великій Вюффонъ упоминалъ о такой баснословной продолжительной жизни, въ доказательство которой постоянно приводили карпы Фонтенебло. Какъ бы то ни было, изъ пойманныхъ карповъ ни одинъ не достигалъ пятидесяти, а тѣмъ болѣе ста лѣтъ. Это было единогласно признано какъ опытнымъ рыбаками, такъ и приглашенными учеными. О старыхъ карпахъ обросшихъ мхомъ отъишѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Но чтобы не дать легендѣ погибнуть окончательно, устраивается на дняхъ, разумѣется въ честь карповъ, и раздѣнство въ Фонтенебло, на которомъ нѣжныя ручки мѣстныхъ дамъ нѣсколькимъ карпамъ дѣйствительно будутъ продѣты золотыя колецки. Если, когда-нибудь, въ послѣдствіи снова вытащутъ изъ пруда живаго или соннаго карпа, кольцо будетъ ему служить отмѣткой; но тогда уже будетъ достоверно извѣстно, что кольцо вложено въ 1888 г., когда

Антилопа Орондъ (Pantholops Hodgsoni). Ориг. рис. (собственность „Нивы“) А. Земцова, грав. М. Рашевскій.

карпу было никакъ не болѣе 10-ти лѣтъ. (С.)

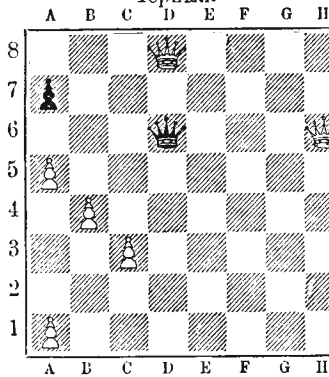
Недавнія наблюденія надъ громоотводомъ при Кельнскомъ соборѣ показали, что молнія и въ теченіи этого года тоже ударила въ иглу главной сѣверной башни и по громоотводу благополучно спустилась въ землю. На этотъ разъ ударъ, должно полагать, былъ очень силенъ, ибо крѣпкая платиновая игла расплавилась на протяжении 10 миллиметровъ. Замѣчательно, что въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ соборная башня пять разъ обязана своимъ спасеніемъ громоотводу. Частныя мѣстные наблюденія вполне сходятся съ официальными въ томъ, что число несчастій отъ молній, раздѣленное на одинаковое количество зданій, за послѣдніи сорокъ лѣтъ настолько возросло, что опасность подвергнуться удару молніи, въ этотъ промежутокъ времени, больше, чѣмъ утроилась. (N).

Шашечная задача № 56.

В. И. Шошина.

Черный.

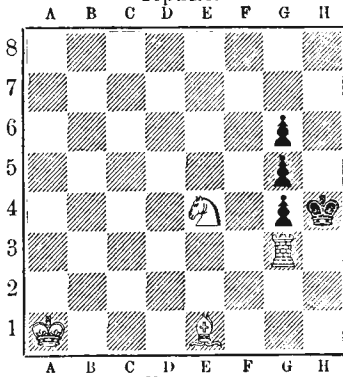
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ шашку черныхъ.

Шахматная задача № 57.

Г. Готшалъ.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Задача. Ходъ коня № 58.

Word search grid for problem 58 with letters arranged in a grid.

Рѣшеніе задачи буквъ № 52 (помѣщенной въ № 31).

Шекспиръ.

- 1. Шекъ. 2. Ерикъ. 3. Кени. 4. Скиръ. 5. Пери. 6. Икъ. 7. Рисъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — Ф. Михель, А. Сазонова, Н. Любовина, Н. В. Панкова, М. Рылъкина, Морданина, А. А. Поевнева, Архангельскъ — З. Каташикова, Ананьевъ — С. Бастыр, Болховъ — М. Спиридонова, В. Любимова, Бѣлгородъ — О. Мазуръ, Болгое — Ф. А. Штадесъ, Бобруйскъ — Е. Мольской, Б. Норовино — В. К. Терскаго, Бендеры — Н. С. Дархана, А. Туровскаго, Воронежъ — В. И. Друри, Дисна — С. А. Дубякова, Калуга — И. Велигоцкаго, Кіевъ — С. Штальманъ, К. Ржевскаго, Кременчугъ — Д. Война, Красная Луна — А. И. Шульженко, Новочеркаскъ — Еманова, Голубина, Павловскъ — Ю. Делери.

Рѣшеніе шашечной задачи № 50 (помѣщенной въ № 31).

Бѣлые.

- E5 — F6, F4 — G5, E3 — F4, D2 — E3, C1 — B2, F4 — E5, A3 — B4, A5 — C3, H6 — C1

Черные.

- G5 — E7, H4 — F6, C5 — G1, E7 — C5, G1 — D4, D4 — A1, F6 — D4, C5 — A3, D4 — B2

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — И. В. Васильева, А. И. Трубецкаго, Н. Ситникова, С. Т. Грйбова, Н. В. Люхина, С. Марутина, Н. В. Панкова, А. А. Поевнева, Москва — П. И. Спиридонова, Ф. П. Чернишова, Бѣлгородъ — Ф. З. Мазуръ, Екатеринославъ — М. В. Дядковскаго, Исады — В. Н. Кожина.

Рѣшеніе шахматной задачи № 51 (помѣщенной въ № 31).

Бѣлые.

- 1. Фh5 — d1, 2. Kd2 — c4+, 3. Фd1 — d8++

Черные.

- 1) d6 — c5, 2) d5 — c4, 1) g3 — g2, 2) d6 — c5, 2) d5 — d4, 3. Kd2 — c4++

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — В. И. Шошина, Дисна — Х. Розенфельдъ, М. Рылъкинъ, Кіевъ — Г. И. Балаховскаго, А. Охоцкаго, Николаевъ — Добогорій-Мокривича, Одесса — Е. Лебединскаго, Петровское — Старога инвалида.

Заявление. Контора журнала „Нива“ проситъ тѣхъ немногихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку премій, карт. проф. Ю. КЛЕВЕРА зимній вечеръ въ окрестностяхъ Петербурга, поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1888 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками съ оригинала проф. Ю. Ю. КЛЕВЕРА:

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(14 3/4 вершк. вышины и полтора аршина ширины).

Въ настоящемъ году, мы озаботились изготовленіемъ рамъ ТРЕХЪ СОРТОВЪ, при чемъ первые два сорта имѣются изъ золоченаго и чернаго полированнаго багета, а третій только изъ одного чернаго. Размѣръ и цѣны рамъ, со вставленными въ нихъ картинами (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ)—слѣдующія:

- № 1. Изъ лучшаго золоченаго или чернаго полированнаго багета, съ лѣпыми узорчатыми украшеніями (ширина въ діам. 2 вершк.) по 4 руб., а съ упаковкою въ ящикъ для иногородныхъ по 5 р. 50 к. (безъ перес.).
№ 2. Изъ такого-же, но болѣе красиваго и широкаго багета (шир. въ діам. 2 2/10 вершк.): золоченая 6 р., и черная 5 р. 50 к., а съ упаковкою въ ящикъ для иногородн. 7 р. 50 к. и 7 р. (безъ пересылки).
№ 3. Изъ богатаго чернаго полированнаго багета (ширина въ діам. 4 1/2 вершк.) художественной лѣпной работы, 11 руб., а съ упаковкою въ ящикъ для иногор. 13 р. (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки ихъ они будутъ уплачивать на мѣстѣ—при полученіи посылки. Въ тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ транспортной конторы и желѣзно-дорожной станціи, рамы будутъ высылаться почтою, но при этомъ гг. подписчики вмѣстѣ съ слѣдующими деньгами за рамы—благоволятъ прилагать и за почтовую пересылку, по разстоянію, за раму № 1 за 40 фунт., № 2 за 60 фунт., и № 3 за 60 фунт. При чемъ расчетъ за почтовую пересылку считается слѣдующимъ образомъ: за разстояніе до 300 верстъ за каждый фунтъ по 3 к.; до 400 верстъ по 4 к. и т. д., прибавляя на каждыя 100 верстъ по 1 коп. съ фунта.

Въ виду поступающихъ отъ нѣкоторыхъ гг. подписчиковъ заявленій о желаніи получить главную премію въ рамѣ—теперь-же, т. е. не дожидаясь общей разсылки картины, мы нашли возможнымъ удовлетворить этому желанію, и для тѣхъ лицъ, которые пожелають имѣть премію въ рамѣ, начать выдачу картины ТЕПЕРЬ-ЖЕ.

Гг. городскіе подписчики при полученіи преміи, благоволятъ представлять въ контору свои подписные билеты на „Ниву“ 1888 г.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить премію въ рамѣ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣвѣ: № 1—по 5 руб., № 2—золоченая—7 р., черная 6 р. 50 к. и № 3—12 р. 50 к.

Желающихъ получить премію въ рамѣ, покорнѣе просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картины.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПб., Невскій просп., № 6.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Бонтора журнала „Нива“ просить своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ПОВѢСТИ и РАЗСАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петерб. Трущобы“); 3-е издание. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 Невскій, 57, собств. домъ,
 Покупаютъ всѣ % бумаги,
 Суды подъ всѣ % бумаги.
 Страхование выигранныхъ займовъ.
 Переводы на всѣ города.
 Оплата купоновъ. № 3336 3-1
 Также нужны вѣрныя съ постоя-
 нымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
 Предложенія адресовать по выше-
 означенному адресу.

НОВЫЙ АДРЕСЪ МОДНОЙ МАСТЕРСКОЙ Л. ДНЮТНЕРЪ.
 ВЪ МОСКВѢ ГАЗЕТНЫЙ ПЕР. ДОМЪ ФУЛЬДА.
ROBES et MANTEAUX
 M. 3304

КРАСОЧНЫЙ ТОЛЕВЫЙ ЗАВОДЪ. СИИ и ЛООКЪ
 Приемники В. П. Франке.
 12-8 Москва. М. № 3003
 Контора: Маросѣвка, д. Кайсарова.

КЛИШЕ
 Гравированіе на деревѣ (клише) для иллюстр. изданій, Простей-
 для иллюстр. изданій, Простей-
 для иллюстр. изданій, Простей-
 для иллюстр. изданій, Простей-
 для иллюстр. изданій, Простей-
КОМОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
КАРЛЬ РИХТЕРЪ
 Троицкая улица, д. № 27а.
 ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА * à l'Etoile du Nord *
ЛУИ БУИСЪ и К^о.
 М. № 3254 Москва, 6-3
 Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ЦИНКОВЫЯ КЛИШЕ
 Для иллюстрацій, каталоговъ и проч. химич. способомъ, по высланнымъ фотогр. снимкамъ и рисункамъ вообще, за очень дешевую цѣну, уменьшенію или увеличенію, изготовляетъ фирма М. Гусинья. Богемія. Прага. АГЕНТЫ: Екатеринбургъ, К. Обл., чугу.-лит. зав. Н. Л. Гусинья. Нужны агенты для Москвы и Петербурга. № 3333 2-2

ЛИНИНГЪ и МОЗНИНЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Журналъ „ЭПОХА“.
 будетъ выходить съ октября мѣсяца 1888 года ежемѣсячными книжками отъ 200 до 240 страницъ, по программѣ литературно-научныхъ журналовъ, подъ новымъ издательствомъ и при новомъ составѣ сотрудниковъ.
 Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи, Большая Никитская, д. Зотова.
 Годовая цѣна съ пересылкой и доставкой . . . 6 рублей.
 За 3 мѣсяца съ Октября по Декабрь . . . 2 р. 25 к.
 За 15 книжекъ—по 1 Января 1890 года . . . 8 рублей.
 За отдѣльную книжку журнала:
 съ доставкой . . . . . 75 коп.
 безъ доставки . . . . . 60 коп.
 За границу годовое изданіе . . . . . 8 рублей.
 Допускается газеточка на годовое изданіе при подпискѣ 3 руб. и въ 1 Апрель—3 руб. (Мелочъ присылается почтовыми марками). П. № 3335 2-1

ПРОДАЖА ГРЕБНЕЙ РОГОВЫХЪ КОСТЯНЫХЪ, МАМОНТОВЫХЪ ВСѢХЪ ПРОЧИХЪ СОРТОВЪ БИЛЛЯРДНЫХЪ ШАРОВЪ
 собственной фабрики
БРАТЪВЪ БОГОМОЛОВЫХЪ
 ВЪ МОСКВѢ. П. № 3341

ПАТЕНТОВАННАЯ МАШИНА
 для выдѣлыванія пуговицъ.
 Необходимо для всѣхъ портныхъ, портныхъ, каретниковъ, сѣдельщиковъ, драпировщиковъ и декораторовъ.
 Новѣйшая, простая и очень практичная машинка, съ помощью которой каждый легко можетъ выдѣлывать пуговицы изъ какой угодно матеріи.
ПРОЧНѢЕ и ДЕШЕВЛЕ ПОКУПНЫХЪ ГОТОВЫХЪ ПУГОВИЦЪ!
 ЦѢНЫ МАШИНОКЪ: Р. К. Р.
 для портныхъ . . . . . 18 — Пуговицы . . . . . 1 заgrossъ.
 „ каретникъ и сѣдельщикъ. 20 — Пуговицы . . . . . 7 за тис.
 для драпировщиковъ и декораторъ. 15 — Пуговицы . . . . . 3 за тис.
 ПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНАЯ УСТУПКА!
 Складъ и продажа машинокъ и принадлежностей въ намѣ:
 у С. БЕРНШТЕЙНА Москва Большая Лубянка, Варсонофьев-
 Франца Гюнтеръ МОСКВА ской пер., домъ Рябушинскихъ,
 и въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—у Франца Гюнтеръ, Садовая, № 12. № 3270
 9-7

СОДЕРЖАНІЕ: И. П. Сахаровъ (съ портр.).— Вѣчу не быть. Старинная повѣсть Д. В. Авериева. Часть II. (Продолженіе).— Борохъ. Разсказъ Андрея Львовича.— Стихотвореніе Петра Вейнберга.— Макарьевскій Желтоводскій монастырь на Волгѣ. Историческій очеркъ А. Мельникова (съ 8 рис.).— Къ рисункамъ: Гезы и Маргарита Пармская (съ рис.).— Литературный альбомъ. „Русалка“, А. С. Пушкина (съ рис.).— Водолазы въ Неаполитанскомъ заливѣ (съ рис.).— Ф. И. Буслаявъ (съ портр.).— Внутренность Ахаль-Тенинской мельницы (съ рис.).— Антилопа Оронго (съ рис.).— Разныя извѣстія.— Политическое обозрѣніе.— Смѣсь.— Задачи.— Заключеніе.— Рамы для преміи „Нивы“ 1888 г.— О перемѣнѣ адреса.— Объявленія.— При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1888 г., съ 33 гравюрами и отд. листъ съ 29 чертеш. выкроекъ въ натур. величину и 19 рис. выильныхъ работъ.
 Издатель А. Марисъ. Редакторъ В. Ключниковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
 Измайловскій проспектъ, № 21.
 рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:
МЫЛО ГЛИЦЕРИНОВОЕ И МЫЛО ПРОЗРАЧНОЕ
 МЫЛО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 45 к.
 Миндальное.—Присовое.—Сюкъ де Легю.—Крымская фѣалка.
МЫЛО САМАГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 65 к.
 Шипръ. Эссъ-Буке. Кадзура.
 Шампана. Инсора. Жюней Клубъ.
 Гелиотропъ. Буке Императристъ.
МЫЛА КАРБОЛОВОЕ, ДЕГТЯРНОЕ И ПРОЧ.
 приготовленныя съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
 2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 68.
 3) Уголь Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).
 Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ. Пт. № 3337

Продается **НОВЫЯ КНИГИ** Складъ: Николаевская, 9, кв. 15.
 I. „Новое средство выучиться французскому языку безъ помощи учителя“. (Простой, по вѣрнѣйшій испытанной методѣ). Ц. 30 к., выс. за 5 семикоп. марокъ. II. Тоже — НѢмецкому. Ц. 30 к. III. Тоже — Англійскому. Цѣна 30 к. № 3339

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ
 въ Гогенгеймѣ. D. № 3280
 Зимній курсъ начинается въ понедѣльникъ, 15 октября с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаетъ по желанію бесплатно **КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ**
 Гогенгеймъ въ Сентябрь мѣс. 1888 г. Vossler.

MEVIG Company's Fleisch-Extract
 Nur aecht wenn jeder Topf den Namenszug J. Mevиг in BLAUER FARBE trägt.
 Главное депо для Россіи братья Фохтесъ, В. О., 1-я лин., № 4. № 3345

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА
 въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,
 предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свидѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.
 Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи. № 3206 14-14

Утвержденные Министерством Внутренних

Основ. въ 1882 году.

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ РАПГОФЪ.

Адр.; Малая Морская, № 7.

Приемные часы директора какъ и приемъ вновь поступающихъ ежедневно съ 10 ч. у. до 6 ч. вечера.

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ:

За все вспомогательные предметы обязательны платы не взимается.

А. Специальные: пѣніе, фортепiano, скрипка, виолончель, флейта и пр. искусство и музыкальная педагогика. Б. Вспомогательные: musique d'ensemble, сольфеджіо, хоровой классъ для взрослыхъ и для дѣтей, теорія музыки, музыкальная энциклопедія, педагогика фортеп. игры, классъ музыкальных приемовъ и танцевъ, франц. и итальянск. языки.

ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ: Смотря по предметамъ и по курсамъ отъ 15 до 75 р. въ годъ или отъ 5 до 20 р. въ мѣсяцъ. Занятія бываютъ дневныя и вечернія. Начало занятий 1 сентября. Приемъ продолжается въ теченіе всего сентября.

Директоръ курсовъ Евг. Павл. Рапгофъ.

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ!

Коллекція, избранная заводчикомъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ чайныхъ, ремонтантныхъ, моховыхъ и прованскихъ розъ, съ пересылкою: 100 сорт. за 35 р., 25 сорт. за 10 р., 12 сорт. за 5 руб. Минскъ, губернское садовое заведеніе Н. Н. Голиневича. Наставленіе къ уходу и каталогъ высылаются по полученіи семиконечной марки.

Продаются: 1) Дача 12 верст. ст. Черн. 15 дес. земли. Домъ, дѣль, прудъ. Вблизи рѣка. 2) Пашни 50 дес. 3) Мельница и построй 23 дес. луга. Расстояніе участкомъ верста. Адресоваться: въ Орель, Г. де-Тейльсъ.

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ К. К. МАЗИНГА, ВЪ МОСКВѢ,

между Воздвиженкой и Знаменкой. Ваганьковскій пер.,

пользуется всѣми правами казенныхъ реальныхъ училищъ и состоитъ изъ 6 основныхъ классовъ, химико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса и приготовительнаго класса. Воспитанники принимаются во все классы приходщими и пансіонерами. Приемные экзамены начинаются 8-го августа, начало ученія 17-го августа.

Полные фотографическіе приборы разн. склада и легкіе, вмѣщающіе отъ 4 до 12 пласт. для сниманія портр., группъ, видовъ и пр., новымъ момент. сух. способомъ, отъ 30 р. и дороже. Секретный аппаратъ съ пласт. на 36 снимковъ съ перес. 25 руб. 5-7

XVII-й УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА Ф. И. РУССО.

ОСНОВАНА ВЪ 1872 ГОДУ.

Большая Садовая, уголъ Вознесенскаго просп., д. 57—43 (Подъездъ съ Б. Садовой).

Кромѣ измѣняющагося состава преподавателей, вновь приглашенъ по классу фортепiano профессоръ К. Я. ЛЮТНИЦЪ

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ: спеціальныя: пѣніе, фортепiano, скрипка, альта и виолончель; дополнительныя: теорія музыки, сольфеджіо, гармонія, контрапунктъ и анализъ формъ, хоровое пѣніе, итальянскій языкъ (для посѣщающихъ классъ пѣнія), исторія музыки, musique d'ensemble и методика фортепiano игры. ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ: отъ 20 до 60 руб. за полугодіе или отъ 6-ти до 17-ти руб. въ мѣсяцъ, смотря по избираемому предмету и степени познаній. Особой платы за дополнительныя предметы не взимается. Въ школу Ф. И. Руссо принимаются лица каждаго возраста и даже безъ всякой музыкальной подготовки. Программы выдаются и высылаются безплатно.

Приемъ ежедневно отъ 10-ти ч. утра до 7-ми час. вечера.

№ 3346

ПОМОЛОГИЧЕСКІЙ САДЪ Д-РА РЕГЕЛЯ

№ 3338

КЕССЕЛЬРИНГА.

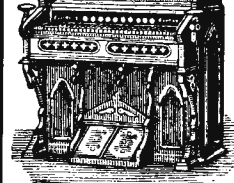
(Выборгск. ст., Лабораторное шоссе, № 1).

Публѣтъ честь обратить вниманіе господа Любителей Садоводства, что самое удобное время для пересадки и посадки въ петербургскомъ климатѣ выносливыхъ сортовъ хвойныхъ, красиво цвѣтущихъ, многолѣтнихъ и землянички, считается августъ до половины сентября. Лиственные деревья, розы, красно-цвѣтущіе кустарники, плодовые деревья, плодныя кустарники, пересаживаются для посадки съ половины сентября до начала морозовъ, а весною ноябрь отгнана почва. На болѣе отдаленныя расстоянія въ южныя губерніи, на Кавказъ и Туркестанъ, самый лучший періодъ для пересадки и посадки всѣхъ живыхъ грунтовыхъ растений, считается осень.

Съ заказами просьба обращаться къ Я. К. Кессельрингу, проживающему въ Помологическомъ Саду, а за каталогами письменно къ д-ру Ф. Л. Регелю въ Императорскомъ Ботаническомъ Саду.

ЦѢНЫ ФИСГАРМОНІЯМЪ УДЕШЕВЛЕНЫ!

Французскія стоятъ теперь 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р., американскія 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1,400 руб.

ФИСГАРМОНІЯ
одна изъ самыхъ лучшихъ и благодарныхъ инструментовъ, незаменимый по своему мягкому и пріятному тону. Выучиться играть на немъ можно очень скоро; кто мало-мальски играетъ на фортепiano, тому игра на фисгармоніи не представляется никакой трудности. Фисгармонія также очень практична по своей простой конструкціи и потому, что она не расстраивается, какъ фортепiano. Въ № 18 с. г. журнала „Нива“ помѣщена интересная статья, изъ которой можно каждому получить вѣрное представленіе о достоинствахъ фисгармоніи.

Большой выборъ нотъ для фисгармоніи.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнечскій мостъ, д. Торлецкаго.

4-е ИЗДАНИЕ (4-я ТЫСЯЧА).

Дѣтскія пѣсни на русскіе и малороссійскіе напѣвы съ аккомпаниментомъ фортепiano, составлены А. Мамонтовой, подъ редакціей

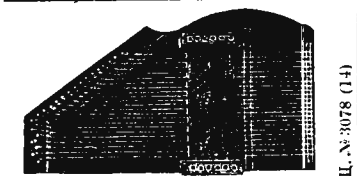
П. Чайковскаго.

Съ приложеніемъ тѣхъ же пѣсенъ въ 3-хъ голосномъ переложеніи К. Альбрехта
Цѣна 1 р. 25 к. П. № 3342
Москва у П. Юргенсона.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

Вс. С. Соловьева.

Историч. повѣсть въ 2-хъ част., съ 20 рис. художника И. С. Пашова. Изданіе III. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ кален. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
собств. произвед., но удешевл. цѣнамъ въ 3 1/2, 4, 5 и 8 руб. со школой и нот., на которыхъ самоучной въ теч. 1 часа вполне можно выучиться играть, прод. въ музыкальн. инструментальной торговлѣ Ф. Ф. МЮЛЛЕРЪ, Москва, Петровка, д. Волкова.
За перес. по почте прилаг. за мат. за 10 ф., за болѣе за 15 ф. Полный прѣисъ-куррантъ всѣмъ инструментамъ безплатно.

ВЪЛЪЕ

мужское, дамское, дѣтское, постельное и столовое, готовое и на заказъ, чудотворный товаръ и проч. и проч., а также

ПОЛНОЕ ПРИДАННОЕ РЕКОМЕНДУЕТЪ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ГАРМСЕНЪ и К^о. ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ

Гостиный Дворъ, № 144. С.-Петербургъ, (существуетъ съ 1840 года).
Планный фасонъ, аккуратная работа, товаръ лучшаго ткачества. Заказы изъ провинціи исполняются аккуратно и добросовѣтно, по самымъ умереннымъ цѣнамъ.
Прѣисъ-куррантъ высылается безплатно. № 3334

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.
SAVON STICHAIRE
PRODUCÉ EN FRANCE
PAR LA MAISON
FRANÇOISE DE SAVON
DE LA RUE DE LA HARPE
A PARIS.
БРОКАРЬ И К^о
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.
М. № 3225 5-5

ШОКОЛАДЪ
ТОБАКОПЕЧАТА
А. И. АВРИНЦОВА СЫНОВИИ
ВЪ МОСКВѢ.
Р. № 3344
2-1
продается во всѣхъ городахъ **РОССІИ**

ГИГИЕНИЧЕСКОЕ БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО

провизора Г. Ф. Юргенса противъ излишней потливости. Рекомендуются какъ быговонное туалетное мыло высшаго достоинства. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 2-2
Цѣна 1/4 кус. 50 к., 1/2 кус. 30 к.
Главный складъ у Н. И. Феррейна въ Москвѣ. М. № 3289

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ 2-хъ колесные велосипеды

специально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прѣисъ-куррантъ безплатно, также брошюра виконта Барри: „О велосипедѣхъ и велосипедистахъ“.
Москва, Кузнечскій м., д. Голицына. СПб., Б. Морская, 21. Р. № 3291 (7)

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

г. XIX
1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIX г.
№ 37

г. XIX
1888

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 10 сентября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строну нонпарейль (1/2 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ . . . . . **4 р.**
Съ доставкою въ Петер-
бургъ . . . . . **5 р. 50 к.**
Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. **5 р.**

Съ пересылкой въ Москву и другіе
города Россіи . . . . . **6*) р.**
За границу, съ перес. . . . . **8 р.**

*) Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ,
а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи
на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать
на укупорку и пересылку ея **60 КОП.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

А. В. Вышеславцевъ.

Недавно умеръ одинъ изъ скромныхъ литературныхъ дѣятелей — А. В. Вышеславцевъ, посвятившій добрую половину своей жизни изученію исторіи искусства, большой любитель и знатокъ живописи. Его довольно капитальный трудъ „Исторія искусства въ Италіи“, заключающійся въ трехъ томахъ — плодъ этого многолѣтняго изученія, обратилъ на себя вниманіе нашей художественной критики. Онъ представляетъ едва ли не первое русское изслѣдованіе о древнемъ искусствѣ совершенно оригинальное и вполне самостоятельное. Трудъ этотъ, какъ слишкомъ специальный, доступенъ лишь меньшинству публики, интересующейся художествами; за то другое сочиненіе Вышеславцева, „Очерки перомъ и карандашемъ изъ кругосвѣтнаго плаванія“ доставило ему обширный кругъ читателей и пользовалось большою популярностью. Будучи довольно серьезно по содержанию, оно написано въ высшей степени увле-

Алексѣй Владимировичъ Вышеславцевъ († 22 апр. 1888 г.).
Съ совр. портр. грав. Ю. Шюллеръ.

кательно, прекраснымъ, живымъ, образнымъ языкомъ; авторъ, въ своей книгѣ, смотритъ на предметъ съ весьма разнообразныхъ сторонъ и притомъ становится на очень симпатичную точку зрѣнія: онъ любитъ изищную простоту природы и поклоняется этой чарующей простотѣ, являясь противникомъ той псевдо-цивилизаци, которая только искажаетъ ее и даже оскорбляетъ. Книга Вышеславцева по благородству мысли и по художественному изложенію нѣсколько напоминаетъ гончаровскую „Фрегатъ Палладу“ и, по единодушному отзыву критиковъ, ее смѣло можно дать въ руки каждому молодому человѣку, еще не окрѣпшему въ своемъ развитіи. Алексѣй Владимировичъ Вышеславцевъ, дворянинъ по происхожденію, родился въ селѣ Караулѣ, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, 20 мая 1831 года. Десяти лѣтъ его отдали въ Московскій дворянскій институтъ, по окончаніи курса въ которомъ Алексѣй Владимировичъ намѣревался поступить на физико-математическій факуль-

тетъ Московскаго университета, но такъ какъ число студентовъ его было ограничено въ 1848 году, то онъ выбралъ факультетъ медицинскій. Изъ Университета Алексѣй Владиміровичъ выпущенъ былъ въ 1854 году, какъ разъ въ Крымскую кампанію, и опредѣленъ въ Полтавскій пѣхотный полкъ. Съ апрѣля по 30 августа онъ находился съ полкомъ въ Севастополѣ на Малаховомъ курганѣ и свои впечатлѣнія и воспоминанія о севастопольской оборонѣ описалъ потомъ въ статьяхъ: „Шестое іюня въ Севастополѣ“, „Тридцатое августа въ Севастополѣ“, „Сутки на Малаховомъ курганѣ“, „Севастополь въ послѣдніе мѣсяцы осады“ и друг. По заключеніи мира Вышеславцевъ перешелъ въ Балтійскій флотъ, въ 23-й экипажъ и поступивъ на клиперъ „Пластунъ“ врачомъ, отправился, въ 1857 году, въ кругосвѣтное плаваніе, которое длилось три года. Будучи въ Монтевидео, Вышеславцевъ перешелъ на корветъ „Новикъ“ и на немъ вернулся въ Кронштадтъ въ 1860 году, числясь въ 28-мъ флотскомъ экипажѣ съ 1859 года. Плаваніе свое на этихъ судахъ Вышеславцевъ совершилъ по Атлантическому океану, Малайскому морю, поднялся до Амура, затѣмъ по Тихому океану до Буэносъ-Айреса и снова по Атлантическому океану—и свои путевыя очерки помѣщалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860—1861 года, изъ которыхъ потомъ и составилась книга „Очерки перомъ и карандашемъ“, роскошно иллюстрированная по наброскамъ ея автора, Верещагинымъ, Шишкинымъ, Шарлеманомъ и друг. Выйдя въ 1861 г. въ отставку, во время освобожденія крестьянъ, Вышеславцевъ сдѣлался мирнымъ посредникомъ 5-го участка Тамбовскаго уѣзда и прослу-

жилъ въ этой должности три года. Когда, въ 1865 году, открылся Государственный Контроль, Вышеславцевъ перешелъ въ него на службу и занималъ мѣсто управляющаго контрольной палатой: въ Черниговѣ—два года, въ Одессѣ—пять лѣтъ и въ Варшавѣ—четыре года. Затѣмъ болѣзнь заставила его оставить коронную службу и поселиться въ своемъ имѣніи Волховицкѣ, Тамбовскаго уѣзда, гдѣ онъ и проживалъ большею частью, удѣляя однако время на дѣятельное участіе въ земскомъ самоуправленіи. Съ выходомъ въ отставку послѣ кругосвѣтнаго плаванія, Вышеславцевъ горячо предался искусству, предпринималъ не разъ поѣздки въ Италію, специально для изученія итальянской живописи. Онъ составилъ превосходную коллекцію произведеній живописи, зодчества и архитектуры, и послѣ него остались великолѣпные альбомы копій съ древнихъ картинъ, исполненныхъ по его заказу. Онъ и самъ занимался немного живописью, и въ послѣднее время весь отдавался писанію образовъ для церковнаго иконостаса строющагося въ Тамбовѣ пріюта Св. Елисаветы и приготовленію къ печати третьяго тома своего изслѣдованія „Исторія искусства въ Италиі“. Смерть застала его за этими мирными трудами; онъ скончался въ Тамбовѣ, 22 апрѣля. Вышеславцевъ работалъ въ *Русской Бесѣдѣ*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ*, *Нови* и др. изданіяхъ. Отдѣльно имъ напечатаны: „Между храмовъ и развалинъ“, „Умбрія и живописныя школы сѣверной Италиі въ XV столѣтіи“, „Джотто и Джоттисти“, „Замѣтки русскаго о современной Грузіи“.

П. Б.—овъ.

Рѣчь не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

VIII.

Крѣпкая узда.

У Владыки, по докладѣ, скоро впустили дворецкаго Луки Аввакумовича. Не въ долгѣ же онъ назадъ отъ Владыки вышелъ, и приказалъ Пашкѣ идти черезъ сѣни прямо въ комнату: Владыко моль повелѣлъ.

Торопливо и трепетно пробѣжалъ Пашкѣ черезъ свѣтлыя и обширныя сѣни, не замѣтивъ ни ихъ убранства, ни того сидѣлъ-ли кто въ нихъ. Волоковая дверь въ комнату была пріотворена, и Пашкѣ опасно, бокомъ пролѣзъ въ нее. Комната послѣ сѣней казалась темною—и Пашкѣ, не видя гдѣ Владыко сидитъ, оторопѣлъ даже. Въ переднемъ углу передъ кѣлетомъ теплилась лампада. Пашкѣ перекрестился предъ иконою.

— Молись, чадо, поусерднѣе, послышался тихій и ровный голосъ. — А клади три земные поклона предъ иконою Пречистыя.

Пашкѣ клалъ три земные поклона, и оборотился въ ту сторону, откуда слышался голосъ и гдѣ пробивался свѣтъ сквозь маленькое оконце. Равьше всего бросился ему въ глаза кожаный складной аналой, а на немъ крестъ и книга, святое Евангеліе, маленькое, съ какимъ иконы выходятъ молебень пѣть. По ту сторону аналая Владыко сидѣлъ за столомъ на лавкѣ, положивъ руку на столъ; свѣтъ изъ окна падалъ прямо на бѣлую точно изваянную изъ воска руку святителя. Лица Владыки парень не могъ разглядѣть вполнѣ: Владыко сидѣлъ спиною къ окну. Запомнилось ему только что и лицо, какъ рука, было безъ кровинки и только казалось чуть-чуть пожелтѣе руки отъ трепетнаго лампаднаго отблеска. Пашкѣ поклонился Владыкѣ въ ноги, прѣся его святительскаго благословенія.

— Возстань, чадо, благословивъ сказалъ Владыко, и далѣе заговорилъ тихимъ и ровнымъ безстрастнымъ голосомъ, не возвышая и не понижая его ни на одномъ словѣ, не сиѣша въ рѣчи и не растягивая ее.

Эта тихая и ровная безстрастность неотразимо дѣйствовала на Пашкѣ, заставляя его внимательно вслушиваться во всякое слово. Ему казалось по временамъ, что Владыко говоритъ откуда-то сверху, голосомъ отрѣшеннымъ отъ всѣхъ скорбей земныхъ.

— Присылаю ко мнѣ, говорилъ Владыко, — бояринъ Лука Аввакумовичъ своего дворецкаго, и чрезъ него мнѣ о дѣлѣ твоёмъ докладывалъ, что яко-бы хо-

щешь ты предо мной на боярина Арбузьева жалобу положить. Точно, поколику выразумѣлъ я сіе дѣло твое изъ словъ его, дворецкаго, есть оно моему суду подлежащее. Но жалоба твоя еще предо мной не положена есть, а заранѣе, по долгу моему святительскому, желательно мнѣ есть твое дѣло, не весьма обычное и къ разсмотрѣнію трудное, духовне уразумѣть. А какъ хочешь ты, по свидѣтельству дворецкаго, сочетаться бракомъ съ оною дѣвицею, о ней же у васъ прѣся Арбузьевымъ, то довлѣетъ тебѣ передъ бракосочетаніемъ во грѣсѣхъ, вольныхъ и невольныхъ, принести предъ Господомъ покаяніе, или, какъ вы скажете, поновиться душею. А будетъ таковѣ есть твое хотѣніе, самъ я стану тебѣ въ отца духовнаго мѣсто.

Пашкѣ ни слова не сумѣлъ отвѣтить на долгую рѣчь Владыки, и только по его лицу, издрогнувшему, какъ бы въ ожиданіи чего-то таинственнаго и страшнаго, Владыко могъ заключить о желаніи Пашка поновиться душой.

— А помолимся, чадо, предъ таинствомъ святаго покаянія, сказалъ Владыко и сталъ у аналая, давая тѣмъ знать Пашкѣ, что приступаетъ къ святому таинству.

Пашкѣ помолился усердно на колѣняхъ, и поцѣловалъ, по слову святителя, крестъ честный.

— Теперь отвѣтствуй мнѣ искренне, какъ на духу отвѣщаешь отцу своему духовному, а памятуя что не мнѣ, а Богу Незримому, Вездѣущему и Всевѣдущему будешь сказывать, Его же есмь азъ, по власти отъ Господа же мнѣ данной, послухъ недостойный.

Пашкѣ началъ исповѣдъ робко, но ободренный двумя, тремя вопросами святителя сталъ говорить складнѣе, страшась всѣмъ сердцемъ своимъ и малую лжу вымолвить, или скрыть какой-нибудь тяжкій грѣхъ. Святитель слушалъ внимательно, сохраняя на лицѣ восковое безстрастіе. Не утаилъ Пашкѣ и вчерашняго, и съ великими слезами каялся, что чуть-было онъ не убилъ до-смерти Маврушеньки.

По исповѣди, Владыко именемъ Господнимъ отпустилъ рабу Божию Павлу всѣ его вольныя и невольныя прегрѣшенія.

— Теперь побесѣдуемъ, сказалъ Владыко, грузно опускаясь на лавку. — Намѣреніе твое бракомъ устроится есть похвальное, и даю я тебѣ на то полное

мое благословеніе. И паче долженъ хвалу тебѣ воздать, что погибшую ты разыскать хочешь. А въ притчѣ Господней, во святомъ Евангеліи сказано: „ангели Божіи, на то зря, радуются“. И до конца претерпи, сыне, а взыщи, взыщи душу погибшую.

Крѣпко запомнилось Пашкѣ это слово о разысканіи погибшей души.

— А еще, продолжалъ наставлять Владыко, — отъ добраго корене и плодъ добръ же бываетъ. А вчерашній день, въ того мѣсто, чтобы иди смотрѣть съ уличанами своими срамную потѣху скоморошью, о ней же бѣси радуются, шель ты къ угоднику Божію молитися, и его молитвами, вѣрь, спасенъ ты былъ отъ грѣха смертнаго, какъ обуянный страстью діаволой поднялъ было руку свою на невѣсту, а смерти предать ее похотѣвъ. Умолилъ, вѣрь, святой чудотворецъ Варлаамъ Хутыньскій да не попуститъ Господь грѣха смертнаго.

Слушая святительское наставленіе, Пашкѣ невольно расплакался, и всхлипывая приговаривалъ:

— Ей, во истину.

— А теперь о земномъ уже побесѣдуемъ, а не называть ¹⁾ теперь тебя я буду, а дѣло твое на твою же волю положу. Вѣришь ты мнѣ сіе дѣло твое, и я завтра же, въ сей-же часъ предобѣденный повелю Арбузьеву предъ моими очами стать, а буду его уговаривати и усовѣщевати да возвратитъ онъ тебѣ дѣвицу, тобою въ невѣсты себѣ избранную. А срокъ ему положу седмицу отъ завтнешняго дня, и въ оный день, минувшей седмицы, получишь ты ее отъ меня изъ рукъ на руки. Или же будетъ ты, какъ истецъ, потребуешь суда владычня, то прикажу сейчасъ же отъ тебя дяку моему жалобу принять. Рѣшай же. А намятуй о томъ, что говорю я сейчасъ съ тобою не просто какъ отецъ духовный твой съ сыномъ своимъ духовнымъ же, не яко пастырь со овцею своею словесною, по яко Владыко Новгородскій, съ вольнымъ мужемъ, съ граждаиномъ великаго града сего.

— Какъ сдумаешь, Владыко преосвященный, такъ сему дѣлу и стать, рѣшилъ Пашкѣ.

— Твоя воли, вольный мужъ, подтвердилъ Владыка.

Пашкѣ немного помялся.

— А какъ ты, Владыко, посовѣтуешь... А поосвѣти-ко а разумо-тъ мой, буду вѣдь я тѣмень чловѣкъ, словечушскомъ своимъ святительскимъ.

— Посовѣтовать я тебѣ могу во истину, а скажу что миромъ прикончить Богу угоднѣе. И то еще пойми, что и по судѣ губитель чести дѣвичьей въ покоѣ тебя, гадательно, не оставитъ же. Не вышло бы крови пролитія. А святой псалмопѣвецъ, царь Давидъ, изъ глубины же сердечной ко Господу зывалъ: „избави мя отъ кровей, Боже, Боже спасенія моего“. Псаломъ сей „помилуй мя Боже“, уповательно, вѣдомъ же тебѣ есть: часто въ церкви чтутъ.

Пашкѣ припомнилъ пятидесятый псаломъ и какъ дошелъ до упомянутыхъ Владыкою словъ, то сталъ креститься, и вслухъ уже выговорилъ: „Избави мя отъ кровей, Боже, Боже спасенія моего“.

— А и Арбузьева, усовѣстивъ, я приведу ко кресту, чтобы онъ не мстилъ тебѣ, помолчавъ добавилъ Владыко. — Какъ-же рѣшишь ты, сыне мой духовный?

— Миромъ лучше, какъ-бы въ раздумьи Пашкѣ сказалъ, — а и Маврушенькѣ легче-же буде.

— Только, сыне, вѣривъ мнѣ дѣло сіе, намятуй, что тебѣ до конца претерпѣть надобѣтъ. А ни чѣмъ уже въ дѣло не вступатися, и злобу свою на боярина оставить-же. Господь во святомъ Евангеліи повелѣлъ не токмо не мстить врагамъ, но паче любить ихъ. — И тутъ Владыко, ровно въ церкви въ книгу, зачиталъ нараспѣвъ: — Любите враги ваша, благословите клинущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть“.

¹⁾ Наказывать — наставлять, поучать.

Затѣмъ Владыко далъ Пашкѣ время подумать о словахъ святыхъ.

— Такъ миромъ выходить? переспросилъ онъ.

— А миромъ-же, рѣшительно и громко отвѣчалъ Пашкѣ.

— А миромъ, такъ и я съ миромъ-же отпущу тебя.

И Владыко, вставъ съ лавки, выпнулъ изъ кіота небольшую икону.

— А вотъ тебѣ, сыне, поминочекъ невеликъ о мнѣ грѣшномъ и недостойномъ рабѣ Божіемъ. Сдѣлай милость, на память прими икону сію святого Варлаамія Хутыньскаго чудотворца, его-же молитвами избавленъ былъ отъ лукаваго. А взыщи, взыщи душу погибшую.

Пашкѣ, съ благодарными слезами, благоговѣнно поклонился Владыкѣ въ ноги, а тотъ благословилъ его иконою.

Пришло Пашкѣ время уходить, а онъ медлилъ, точно хотѣлъ сказать что-то, да недоумѣвалъ какъ.

— А имѣешь еще нѣчто сказать, Владыко его ободрилъ, — говори несомнительно.

— А какъ-же, Владыко преосвященный, а отысповѣдалъ ты меня, а душу мою, скажемъ, поновилъ-же, а бываешь, ходимъ мы къ исповѣди, а попу деньгѣ несемъ а и свѣчу ошѣ.

Едва замѣтная улыбка промелькнула на восковомъ лицѣ святителя; казалось даже, что то была не улыбка, а свѣтъ лампадный, вспыхнувъ, пробѣжалъ у него по лицу.

— А свѣчу, въ соборъ войдя, затепли предъ ликомъ Пречистыя, а деньгу неимущимъ раздѣли, повелѣлъ онъ.

Пашкѣ такъ и сдѣлалъ. Сейчасъ-же, какъ отъ Владыки вышелъ, прошель въ соборъ и затеплилъ свѣчу, и деньгу нищимъ раздѣлилъ.

„А хороши Владыко-тъ говорилъ, твердилъ онъ про себя, иди домой, — и красно къ тому. А и наказывалъ душеспасительно. А ужъ этого его словечушка важнаго, что вотъ „погибшую моль разыскнешъ“, а не забыть мнѣ до-гроба. Въ особину какъ на прощаньи-то повелѣлъ“.

Пашкѣ спокойно-бы ждатель срока назначеннаго Владыкой, а онъ на другой-же день какъ будто и нарушилъ свое обѣщанье покончить дѣло вполне миромъ. Какъ сталъ приближаться тотъ часъ, въ который Владыко повелѣлъ стать предъ свои очи Василей Селифонтьевичу, точно кто понукать сталъ Пашка: „поди моль да поди“. Онъ отправился въ Дѣтинецъ, и самъ не зная хорошенько зачѣмъ. Хотѣлось-ли ему узнать на лицу Арбузьева, — съ какимъ онъ лицомъ отъ Владыки выйдетъ, — все-ли уладилось, или-же ему хотѣлось поглядѣть съ какимъ срамомъ и униженьемъ выбѣжить его лютый врагъ отъ Владыки. Долгое время спустя Пашкѣ склонился къ той мысли, что ему желалось послѣдняго.

Дойдя до Владычныхъ палатъ, Пашкѣ такъ за угломъ схоронился, чтобы ему все было видно, а Арбузьевъ не могъ-бы его замѣтить.

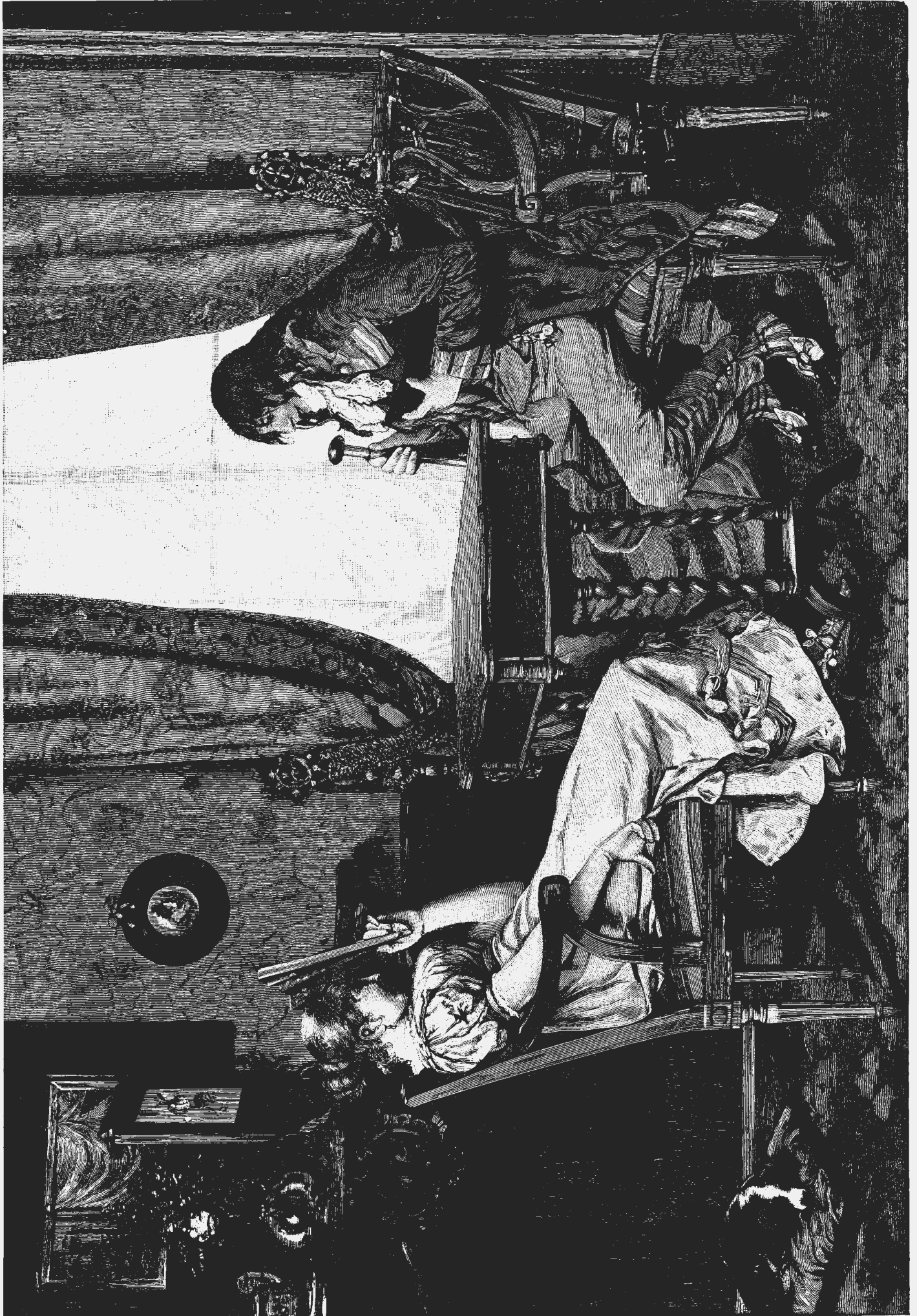
„Отъ кровей-те“, Владыка сказывалъ, вспомнилось ему.

Василей Селифонтьевичъ подѣхалъ къ Владычнымъ палатамъ съ великой гордостью и пышностью; поглядите моль, люди добрые, до чего я важенъ, самъ де Владыко шлетъ за мной скорыхъ гонцовъ, приказываетъ просить, чтобы я не оставилъ его своимъ посѣщеньемъ. Чуть не полныхъ два часа пробылъ Арбузьевъ у святителя, какъ то замѣтилъ Пашкѣ по звону на той, называвшейся „часозвоней“, каменной колокольнѣ съ часами звонящими, которую покойный владыко Евфимій поставилъ въ саду у городской стѣны.

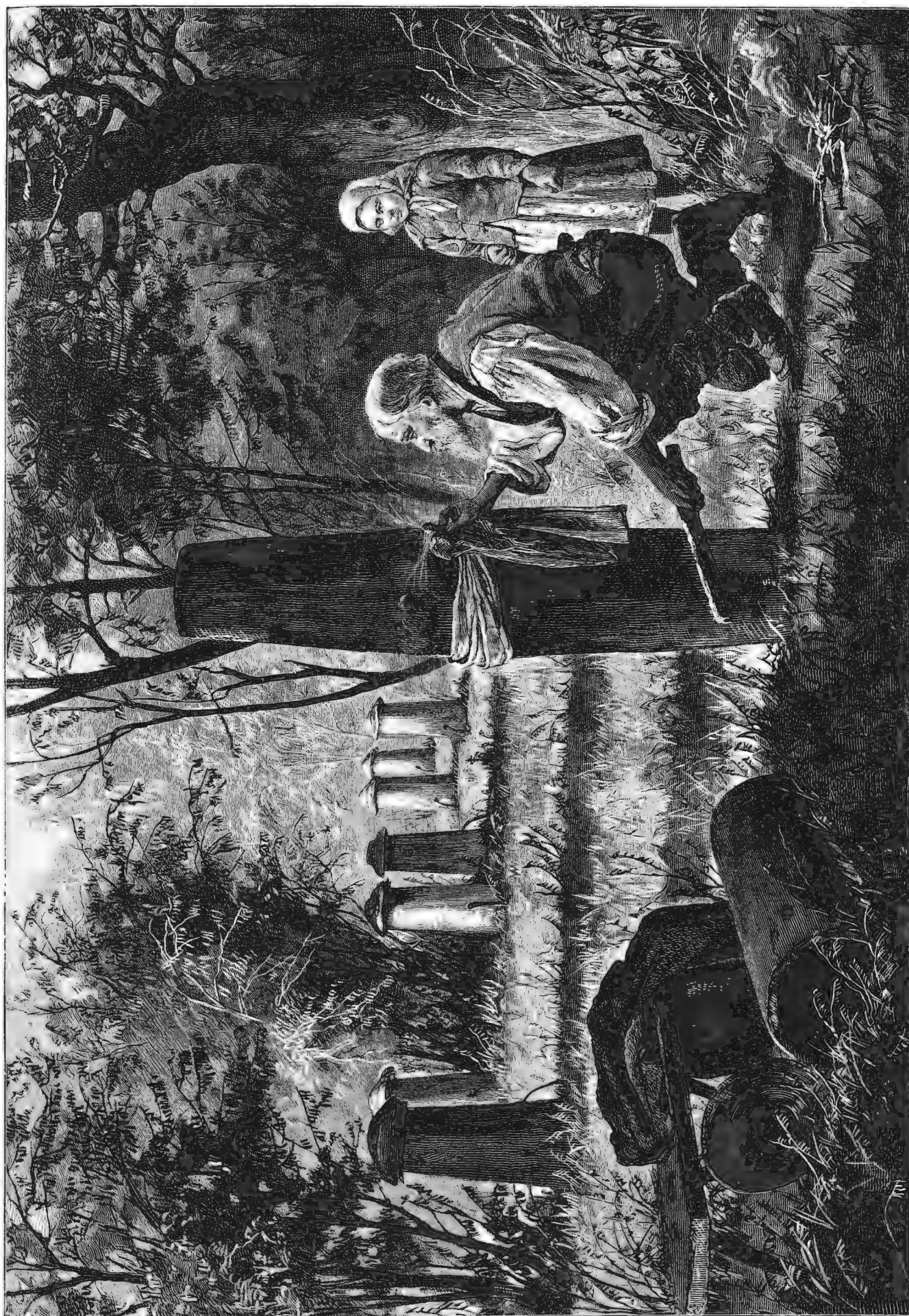
„А доже его Владыко паритъ“, не безъ злой радости думалось парню.

Арбузьевъ выбѣжалъ отъ Владыки самъ не свой, во-

Смѣшной женихъ. Съ карт. Келемнд, грав. Брендамуръ.

На пасекѣ. Подкуриваніе пчель. Орхл. рис. (собств. „Нивы“) Ижаневича. грав. Ю. Барановскій.

все потерянный. Глаза у него бѣгали какъ у пойманного вора, лицо было бѣлѣй полотна, и нижнюю челюсть подергивало судорогой.

„А влетѣло, знать“, ужь вовсе злорадостно подумалъ Пашко. „А ништо ему, губителю триклятому“.

Какъ Арбузьеву на коня садиться, Буянъ сталъ ему что-то докладывать; но онъ, сверкнувъ глазами, такъ страшно заскрежеталъ на него, что вѣрный паробокъ, видимо струсиль, хотя былъ и не робкаго десятка и боярина своего ни въ грошъ не ставиль. Сѣвъ верхомъ, Арбузьевъ съ силой стегнулъ коня; на дыбы взвился борзый конь. И погналъ Василей Селифонтьевичъ, что есть духу, въ Неревской конецъ.

„А правду Лука Аввакумовичъ сказывалъ,“ думалъ идя домой Пашко, „что Владыка-тъ и Арбузьевъ не посмѣтъ послушаться.“

Не смотря на такое думанье, для него успокоительное, Пашку было не по себѣ. Точно онъ сдѣлалъ что-то нехорошее, а когда и что именно, онъ никакъ не могъ разобрать. Тревожно и смутно стало у него на душѣ.

Арбузьевъ, между тѣмъ, круто осадилъ коня у двора старой посадницы. Кузьма подбѣжалъ къ его стремени.

— А дома-ль оцѣ моя бабушка крестовенькая, а добра-ль здорова моя тетушка? умышленно путая свое обычное привѣтствіе, спросилъ Арбузьевъ, какъ всегда весело и беззаботно; на чуткое ухо однако было слышно, что не вовсе онъ нынче покоенъ, и что у него внутри все-то подергиваетъ.

— А дома-жь, здорова оцѣ. А сдоложу-ко сейчасъ, говорилъ Кузьма, остановясь у крыльца.—А оцѣ, какъ приказывалъ ты, Василей Селифонтьевичъ, чтобы тебѣ о Пашкѣ докладывать...

— А провались твой Пашко, а и ты съ нимъ въ триесподнюю! прорычалъ Арбузьевъ, отстраняя Кузьму.— А и самъ я войду нонѣ къ бабушкѣ бездокладочно.

И онъ сталъ всходить по крутой каменной лѣстницѣ, оставивъ Кузьму визигу раздумывать: пьянъ-ли сегодня Василей Селифонтьевичъ, иль съ нимъ нѣчто попритчалось.

Съ нарочнымъ шумомъ вошелъ Арбузьевъ въ сѣни, похлопывая дверьми, и хотѣлъ уже безъ доклада ввалиться и въ комнату, какъ посадница стала на порогѣ.

— Аль ты, Василей, будешь? строго опросила она.— А что-же лѣзешь ты безобсылочно, бездокладочно, бы невѣжа деревеньская?

— А спѣшилъ-же, бабушка крестовенька, а поспѣшалъ-же я, тетушка, тебя за твое неоставленице великое благодарствовать.

— Ужь не помню что-то я...

— Да мнѣ-то оно, тетушка, больнѣ памятно. А и въ мысли у меня, побѣднаго, не было, что ажъ до Владыки ты меня доведешь. Инъ ужь такъ-то я тебя, бабушка моя, благодарствую, сказалъ Арбузьевъ и насмѣшливо поклонился, дотрагиваясь правой руки до земли.

— Съ чего Владыка-тъ оцѣ пугаешь? высоко поднявъ брови, спросила посадница.

— А ужь знаю я тебя, тетушка, а и вѣдаю кака ты стара будешь притворница, а тут-то-тъ меня не проведешь.

— Охъ, Василей, гляди, не заговаривайся. А хоть и люблю я тебя...

— А мнѣ-ко отъ этой любви твоей въ пору ужь и подвѣститься, прервалъ ее Арбузьевъ.— А Пашка-тъ кто училъ ко Владыкѣ идти? спросилъ онъ вдругъ какъ-то отрывисто, точно думая поразить посадницу нечаяннымъ спросомъ.

— Что про Пашка-тъ опять путаешь?

— А какъ-же мнѣ да тебѣ не благодарствовать, Арбузьевъ, не слушая ее, свое несъ.— А нуль-ко конецъ мнѣ пришелъ! Конченъ пиръ, Василей Селифонтьевичъ,

а конченъ пиръ! А про Арбузьева пропало пиши. Людямъ въ глаза послѣ этого стращанья владычнаго хоть не показывайся! А не станутъ-ли оцѣ въ меня людины ¹⁾ на удущкѣ пальцемъ тыкати? А по твоей-же, тетушка, по милости! Ты-же научала Пашка; ему гдѣ-бы самому, дурню болвапоголовому, до Владыка додуматься.

Посадница начала догадываться въ чемъ дѣло.

— А хоть Пашка и давно я не видала, а ему не совѣтовала, твердо сказала она,—а Владыка не очень-же долюбиваю, а за это, какъ увижу, скажу ему спасибо.

— Тебѣ-ль ему не благодаретвовать, коль по твоей дудкѣ Владыко плясать выучился? А и стращатъ оцѣ. „Отлучу де отъ святаго причащенія“. А хоть и самъ я пропустилъ три говѣнница, а на-духу не былъ-же; такъ то дѣлалъ я вольнѣй волею, а вѣрнѣй сказать ради грѣховъ моихъ, охъ! тяжкихъ, что опасался я попу ихъ сказывать, а ещѣ, коль на правду пошло, и Бога страшился-же. А ужь этакъ-то!.. А и того, видно, ему мало оказалось, пообѣщаль, былъ милостливъ, оцѣ полное отъ церкви отлученице. А мнѣ что-жь топерь, аль топиться, аль рѣзаться? Да топерь сами, что-ни ё людишки послѣдніи отъ меня бѣгѣмъ побѣгутъ, а и на-смѣхъ, охъ! подымутъ меня. Охо-хо! а и пропала, распропала моя головушка, на вѣкъ осоромленная. А за что, про что? Аль я убилъ, ограбилъ кого? А никто оцѣ, какъ и живъ-то я, отъ меня обидушки не видывалъ. Аль что дѣвчонку-то скралъ? Такъ кто-жь безъ грѣха въ Новѣгородѣ?

И Арбузьевъ съ досады зарыдалъ навзрыдъ.

— То-то, Васильюшко, пожалѣла его старая посадница,—не слушался ты меня, какъ тебя я упрашивала. Инъ вспятилъ ²⁾ бы тогда Пашку Маврушеньку...

— А вспятилъ бы, вотъ те крестъ честной, что вспятилъ-бы, коли-бъ со мной ласкою, въ слезахъ говорилъ онъ.—А ты-же съ ножомъ къ горлу-то приступала ко мнѣ! И Лука, этотъ лысый бѣсъ, тобою-жь подосланный, мало того, оцѣ вѣчемъ меня сталъ стращать, анаоескимъ! А никто-то изъ васъ понять не смогъ, каковъ Арбузьевъ въ душѣ живетъ. А изъ него ласкою хоть веревки вей. А попроси ты тогда меня со вѣжствомъ,—а вотъ на, бери. А коль силѣмъ да ну-женъемъ,—а вотъ на же тебѣ, выкуси.

Посадница подвила на него грозныя очи.

— Охъ, Василей, съ сухой суровостью проговорила она,—не одна я тебѣ сказывала: что нужна на тебя узда крѣпкая...

— Ой-же бабушка ты моя крестовенька! торопливо подхватилъ Арбузьевъ заминая свое невѣжество, и точно вертясь мыслью во всѣ стороны.— А и какъ оцѣ, тетушка моя милая, надобна. Ужь не помню я, сказывалъ аль нѣтъ тебѣ, какъ былъ я этта разъ во обители, а и видѣлъ тамъ икону невиданну: писанъ святой, а самъ въ уздѣ. А чернецъ-то, что водилъ меня, сталъ мнѣ ту икону потолковывать: молъ узда-та знаменуеътъ плоти обузданіе. А и я... А и мнѣ-ко... И Арбузьевъ запнувшись на мгновение, съ дикой какой-то радостью вскрикнулъ:— А нашель-же, нашель и я ту узду крѣпкую!

— Знать, Владыко на тебя ту узду вздѣлъ.

— А рѣки, слышь, бабушка моя крестовенькая, на то кѣротки у Владыка вашего новгородскаго, чтобъ на Арбузьева узду вздѣты! гордо прокричалъ онъ и величаво вскинувъ голову, весь выпрямился.—А таку-то я узду нашель, что буде она въ пору всему Новугороду.

Посадница подумала, что Василей шатнулся въ умѣ.

— А что-жь, бабушка крестовенька не спросишь-то, не доведашься, тетенька, гдѣ-моль, Васильюшко, нашель таку узду желѣзную? А на Москву вѣдь отъ-

¹⁾ Людинъ—простой, черный человекъ.

²⁾ Вспятить—назадъ (вспять) отдать, возвратить.

ѣду, къ великому князю на Новгородъ служить пойду, помолчавъ немного, твердо сказалъ онъ, точно и самого себя желая утвердить въ этой нечаянной мысли.

Посадница отъ него даже шатнулася.

— Аль ты съ Владычня наказанья въ умѣ помутился? съ окрикомъ спросила она. — Да Арбузьевъ-ли ты, полно?

— А Арбузьевъ-же, спокойно Василей подтвердилъ.

— Аль забылъ ужъ ты, какъ дядѣ твоему московскій катъ сбѣкъ голову?

— А какой онъ дядя мнѣ? А завалыщій, троюродный! А и сбѣкъ ему государь голову за перевѣтъ да измѣну, что къ Литовскому перевернулся. А всѣмъ-бы этимъ перевѣтникамъ...

Чего хотѣлъ пожелать Василей Селифонтьевичъ всѣмъ перевѣтникамъ, не удалось ему высказать. При этомъ словѣ гнѣвно глянула на него старая посадница, и затѣмъ, поведя очами на икону, властно ихъ на порогъ перевела. Этимъ властнымъ взглядомъ она точно вышвырнула Арбузьева за порогъ. Опрометью бросился Василей Селифонтьевичъ изъ сѣней, самъ не зная со страху-ли передъ крестовой тетушкой или съ радости, что сумѣлъ придумать выходъ изъ срама и униженья.

У посадницы отъ душевнаго усилія подкосились ноги, и падая на колѣни, она вскинула очи на икону и въ великомъ отчаяннѣи воскликнула:

— И до сего ты меня попустила дожить, Мать Пресвятая Богородица!

IX.

Сѣломонъ Григорьевна.

Въ Снасовъ день, честнаго Его Преображенія, у Кириака Андреевича всего и гостей было, что Щебельковъ самъ одинъ. Изъ монастырька они ѣхали вмѣстѣ, а едва словомъ обмѣнялись. По приѣздѣ, въ короткое время до обѣда, они, точно сторожась другъ друга, не заговаривали вовсе. Не то чтобъ кошка межъ нихъ проскочила, а чувствовали оба, что своеземцу и боярину, землѣ и городу, послѣ бесѣды въ Маккавеевъ день, не столкнуться. Надо-бы завести бесѣду о чемъ-нибудь попроще, да ни одному изъ нихъ не приходило ничего такого на умъ, потому что обоимъ былъ ужъ слишкомъ памятенъ прежній разговоръ.

Во полустолѣ Щебельковъ придумалъ безобидный разговоръ.

— А и не спрошу тебя, Кириакъ Андреевичъ, заговорилъ онъ, — а глядѣлъ-ли ты въ то Евангелъе, про которо у насъ съ тобой рѣчь шла въ Маккавеевъ день?

У Кириака и изъ головы вонъ, что за Евангелъе:

— А какже, припомнилъ ему Щебельковъ, — а дѣдов-то Евангелъе древнее со святцами. А гдѣ Маккавеева-то матушка Сѣломонъ вмѣсто Соломоніи писана.

Кириакъ удивился даже какъ онъ могъ забыть про то Евангелъе. Порѣшили отыскать послѣ обѣда книгу въ коробѣ и затѣмъ слово за слово пошла у нихъ бесѣдушка смиренная. Сталъ Григорей Петровичъ вспоминать про Кириакова дѣдушка. Изъ Ириньиныхъ разсказовъ, Кириакъ зналъ весь дѣдовъ обиходъ, его свѣчи и обычаи; Щебельковъ-же помнилъ его мысли и помыслы, какъ дѣдъ понималъ вещи и другихъ училъ понимать. Передъ Кириakovымъ взоромъ точно встала живая дѣдова душа. Съ тѣмъ вмѣстѣ, Щебельковъ снова ему полюбился, и давешняго другъ отъ друга стороженья какъ и не было. Говорили межъ собой какъ старинные и задушевные друзья, и разговорясь не замѣчали какъ время летитъ.

— Ой! вспохватился Кириакъ, — а и достанется-жъ мнѣ отъ Ириньи Мишаничны.

— А что такъ?

— А звала меня къ себѣ въ гости, сказывала, что по настоящему сегодня не мой, а ейный праздничекъ, какъ она тутъ жилица постоянная, а ты де наѣжжій гость.

А я-то было и запомнотвалъ. А она за гордость, боюсь, сочтетъ.

Тутъ и Щебельковъ спохватился, что онъ не одинъ приѣхалъ, а съ дочкой; что самъ онъ въ монастырь проѣхалъ, а дочка прямо къ Ириньѣ Мишаничнѣ.

— А дѣло, гляди, Кириакъ Андреевичъ, поправимое.

— И то.

И оба пошли черезъ дворъ къ Ириньѣ.

У Ириньи Мишаничны столъ давно уже отошелъ, и гости всѣ разѣхались. Тѣ гости, которые, по мнѣнію Ириньи, были умны, сами собирались домой, а другихъ она умѣючи спровадила. Послѣ обѣда, стала она жаловаться на нездоровье, что будто ее всю въ ломъ разломало, и при этомъ, прихватываясь рукою то за одинъ, то за другой бокъ, и приговаривая: „охъ“ да „ахъ!“ Дольше всѣхъ не сдавалась на эти приговариванья дьячиха, наконецъ и ее сплвила Иринья.

— А коль тебѣ, тетенька, не можется, сказала Соломонушка, — а спсылала-бы за батюшкомъ, а намъ, гляди, и домовъ пора.

— А стой ты, постой: эка скорая! А не гоню-жъ я тебя. — И помолчавъ немного, Иринья Мишанична, понизивъ голосъ, прибавила: — А мы съ тобой, дѣвья красота, оцѣ дорогого гостенька дождемся.

Соломонушка не сказала ни слова и только оставила очи въ кирпиченъ полъ. У Ириньи въ горницѣ полъ былъ крашенъ подъ разноцвѣтные кирпичики.

— А сама ты знашь, дѣвья красота, заговорила вновь Иринья Мишанична, — что живу я женщина разумная, а ничего-то не дѣлаю безъ розума. Для-того и хворъ эту на себя накидывала. А то дьячихѣ волю дай, она и разсядется, а готова пять дѣнь прогостить. А оцѣ и сплетки горазда-жъ сплетать, а приди-ко самъ при ней...

Соломонушка опять ничего не отвѣтила, и еще сильнѣе въ полъ уставилась.

„А дѣвья дѣло стыдливое“, рѣшила про себя Мишанична, и не желая стыда дѣвичьяго тревожить, заговорила о другомъ; потомъ, будто нечаянно, опять на Кириака Андреевича съѣхала.

Побесѣдовали, и языкъ у Мишаничны порядочно прилололся, а дорогой гостинекъ все не жалуетъ. Иринья стала беспокоиться, придетъ-ли вовсе, а наконецъ и зло ее взяло.

— Ужъ и батюшко твой родименькій, съ неудовольствиемъ сказала она, — а какъ пойдетъ раздоборы раздобаривать, не кончитъ вѣкъ.

„Аль у насъ Кириакъ Андреевичъ въ дѣдушку горденекъ?“ въ то же время подумалось ей, но она не высказала этого соображенія, и разсердилась еще сильнѣй.

Помолчали снова, и обѣимъ это время показалось за долгое. Въ то самое мгновеніе, какъ Иринья думала сказать: „Не прѣде, знатъ“, Сѣломонъ Григорьевна выглянула въ окно.

— А вотъ и батюшко идетъ, сказала она.

Иринья Мишанична опрометью къ окну бросилася.

— Ай одинъ? на бѣгу она вскрикнула.

— А еще кто-то, кажись, съ нимъ.

Поглядѣвъ въ окно, Иринья погрозила дѣвушкѣ. Сѣломонъ Григорьевна вспыхнула что маковъ цвѣтъ.

Иринья бросилась на крыльцо гостей встрѣчать. Послѣ обычныхъ привѣтствій и угощенья, когда всѣ усьлися, Кириакъ сталъ извиняться, что поздно пришелъ.

— А меня брани, Иринья Мишанична, отозвался Щебельковъ, — а съ разговоромъ-то...

— Аль не правду я тебѣ, Соломонушка, сказывала, подхватила Иринья Мишанична, — что на раздоборы твоего батюшка взять. Какъ разсядется да мысли, что кречетовъ по поднебесью, распустишь, а поди-т-ко-ся лови ихъ!

— А съ высоты, гляди Иринья Мишанична, виднѣй, съ довольною улыбкой сказалъ старикъ.

— А со стороны-то еще виднѣй, добавила Мишанична, съ намекомъ для нея вполне яснымъ, но вовсе непонятнымъ для старика.

— А со стороны-ль, съ высоты-ль глядѣть, промолвилъ онъ, — а намъ съ тобой, Соломонъ Григорьевна, поди, и домовъ собираться время.

— А готова я, батюшко, отвѣчала дѣвушка, покорливо вставъ съ лавки.

— И куды это заспѣшился, старъ! вскинулась на него Иринья Мишанична.—А успѣшь-ко еще доѣхать за-свѣтло.

— А не ѣхать, говорю, а про сборы рѣчь.

— А какіе сборы такі? Аль ты въ чужедальню стопушку собираешься?

Щебельковъ и самъ зналъ, что ему предстоятъ сборы недолгіе, да какъ-же смолчать передъ бабою.

— А велики, невелики-ли, а все-жь доглядѣть надобно, а кони съѣли-ль овесъ да будутъ-ли еще поены.

— А вотъ и заврался, старъ, напустилась на него Иринья, — а оцѣ и хозяина похвалилъ, что будто у него во дворѣ кони стоятъ не кормлены и не поены. Анъ Кириакъ Андреичъ невѣсть что про меня подумать; что буду я женщина самая негожая, а объ его-ныхъ гостяхъ не заботливая.

Старикъ увидѣлъ, что точно заврался порядочно.

— А не о тебѣ, слышь, рѣчь, Иринья Мишанична, а не про Кириака-же Андреича, началъ выпутываться старикъ,—а какъ на паробка своего не очунь я надѣюсь...

— А коль ты, подхватила Иринья, — въ своемъ паробкѣ сумнѣваешься, инъ шапку бери да пойдѣмъ глядѣть, радѣла-ль я, аль нѣтъ о твоихъ коняхъ.

И она чуть не силкомъ потащила Щебелькова изъ горницы. Щебельковъ, считая себя виноватымъ, не противился ей, а о томъ, ладное-ли дѣло молодца съ дѣвичьей вдвоемъ оставлять—и не подумалъ.

Молодецъ съ дѣвичей, неожиданно, негаданно оставшись вдвоемъ въ-горницѣ, оба смутились. Вспомнилось вдругъ Кириаку, что онъ ни у отца, ни у дочери не спрашивалъ о здоровьи старой Щебельчихи. Соломонъ Григорьевна посмотрѣла на него изподлобья, какъ-бы желая узнать, въ правду-ли онъ заботится о матушкиномъ здоровьи, и нѣтъ-ли въ его словахъ насмѣшливаго намека на обычную ея хворь, ставшую чуть не притчей въ околоткѣ. Удостоверясь, что лицо у Кириака ни мало не насмѣшливое, она отвѣчала на его вопросъ съ сердечной благодарностью.

Кириаку казалось, что онъ точно заглянулъ въ душу къ дѣвушкѣ и прочелъ въ ней все эти помыслы. Такое бережное раденье о материнской чести, замѣченное имъ уже не въ первый разъ, поправилось Кириаку, и онъ безо всякаго смущенія заговорилъ съ дѣвушкой.

Кириакъ спросилъ о воздухахъ, что она собиралась шелками шить. Пожелалось ему узнать въ точности, сколько именно и какого припаса требуется. Соломонъ Григорьевна отвѣчала обстоятельно, и Кириакъ Андреичъ старался запомнить ея слова, чтобъ не оказалось въ чемъ-нибудь недостатка.

— А скоро-ль за вышиванье-то сядете? спросилъ онъ.

— А какъ припасы все соберемъ, а тогда и примемся. А дѣвушкѣ насъ пять или шесть сядетъ, а будемъ шить безъ лѣности.

Кириакъ Андреичъ, видя что пожалуй за нимъ выйдетъ остановка, обѣщалъ послать къ матушкѣ нарочно. Затѣмъ, онъ спросилъ гдѣ они будутъ шить: у Щебелькова, или у Ириньи Мишаничны.

— А у крестной моей матушки, у Натальи Адриановны, отвѣтила дѣвушка.—Аль не знаешь ты ее, Кириакъ Андреичъ? А ужъ во всемъ-то околоткѣ она женщина вѣдомая.

И дѣвушка разговорилась о своей крестной. Послѣ она удивлялась на самое себя, что такъ-то сразу пошла

разговаривать съ незнакомымъ почти молодцомъ, и говорила съ нимъ легко, безо всякой хитрости и скрытности. Кириакъ Андреичъ узналъ, что крестная—дѣвушка ужъ въ лѣтахъ; живетъ одинокая, а домомъ такъ хорошо править, что все мужчины удивляются. Срублена у ней въ верхнемъ жилѣ просторная свѣтлица, и работать тамъ способно. Еще узналъ Кириакъ, что Наталья Адриановна не жалуется ни мужчинъ, ни женщинъ, а жалѣетъ однѣхъ дѣвушекъ. И не одна Соломонъ Григорьевна ея крестная дочь, а почти все дѣвушки окрестныя. И крестить Наталья Адриановна только дѣвочекъ, а мальчиковъ крестить отказывается. Любитъ крестная собирать къ себѣ всехъ крестныхъ дочерей или, какъ теперь, ради работы, а не то о святкахъ. И о святкахъ у нея такъ весело, что и рассказывать нельзя! Замужъ Наталья Адриановна оттого не пошла, что считаетъ себя не пригожею, и точно лицо у нея рябоватое, все въ оспинахъ, и только глаза у нея большіе и добрые. Не шла крестная не отъ того, что не сватали; многіе засылали къ ней и сватовъ, и свахъ, но она всемъ поворотъ отъ воротъ указывала, потому что всехъ мужчинъ считаетъ лукавыми, предубавыми, и вдобавокъ падкими на приданое.

— А ужъ будетъ, крестна, Кириакъ Андреичъ, говорила далѣ Соломонъ Григорьевна, — дѣвушка сама добра и любительна. А разъ было, данщикъ съ нею заспорился. А данщикъ-то у насъ богатъ да скупъ. И сталъ данщикъ сказывать, что не всякому молъ нищему подавать слѣдуетъ, а тому только который во истину нуждается, а не мало молъ межъ нихъ и обманщиковъ. А и правда вѣдь!.. А мимо крестной-то двора, надо тебѣ знать, Кириакъ Андреичъ, ни одна оцѣ калика безъ подаяница не прохаживала. Ну, ужъ крестна тутъ ему, данщику-то, и отвѣтила. А таково-то хорошо: „А какъ же, спрашиваетъ, я не дамъ-то ему, коль онъ проситъ Христовымъ имячкомъ? А обманетъ онъ меня, подаенье у меня выманитъ, анъ его тутъ грѣхъ, а коль я-то на Христово имячко не откликнуся, анъ тутъ мой ужъ грѣхъ“. Данщикъ словно языкъ проглотилъ. А кто слушалъ, все уму ея сдивовались. А и вправду вѣдь стоило. А и во всемъ-то она така-же любительна. А ни съ кѣмъ вѣдь не сварится не ссорится. А обидитъ кто ее, она безъ слова прочь отойдетъ. А также вотъ скажетъ: „а его молъ грѣхъ“, а мнѣ молъ за творящаго-то напасть развѣ молитися.

Послѣ рассказа оба помолчали, и это молчанье ни одному не показалось тягостнымъ: поговорили, молъ, и помолчать время. Немного погодя, Кириаку Андреичу зачѣмъ-то потребовалось узнать, была-ль Соломонъ Григорьевна въ Новгородѣ. Она отвѣчала, что была; только маленькою, въ тотъ годъ какъ было Шолоньское разоренье, когда князь Великій проходилъ походомъ на Новгородъ. Онѣ сплыли въ городъ вдвоемъ съ матушкой да съ работницей, и стояли въ Околоткѣ¹⁾ въ женскомъ монастырѣ, у просвирницы, поповой вдовы, а попь-то приходился съ родни батюшкѣ.

— А сидя сидѣли мы во монастырѣ, выходить на улущку опасались. А мятежъ силень былъ въ Новгородѣ; почитай каждый день на вѣче сходилися, а то тутъ, то тамъ били въ колоколь по набатному. А поповна сказывала, что многихъ убили да пограбили. А какъ вѣче у Софьи становилось, такъ вопль народный въ монастырѣ былъ слышенъ. А матушка съ просвирницей со страху Богу молятея, а я въ уголочушкѣ гдѣ прижавшись сижу, а сама-то дрожжи дрожу. И такъ-то я новгородцевъ не влюбила — страхъ; что не дадутъ мнѣ, дѣвчушкѣ, до сыти наигратся, набѣгатися. А еще мнѣ думалось, что все-те они мужи буйные да грабѣжчики.

— Аль и досель, Соломонъ Григорьевна, шутя Кириакъ Андреичъ.

¹⁾ Околотокъ—часть непосредственно прилегающая къ дѣтнцу.

За туалетомъ. Картина Роберта Эпса, грав. Девисъ. Библиотека "Руниверс"

риакъ спросилъ, — новгородцевъ ты такими-жь понимаешь, буйными да грабежчиками?

Сбломонъ подвила на него очи, а затѣмъ, потупивъ ихъ, какъ-то загадочно и заманчиво улыбнулась.

Сталъ было Кириакъ Андреевичъ про Новгородъ толковать, какъ вернулись Иринья Мишанична со Щебельковымъ.

Иринья сводила старика не къ однимъ конямъ, а выводила его и по хозяйству, будто спрашивала совѣта. И при томъ не теряла того изъ виду, чтобъ ходить имъ не долго и не коротко, а въ самый разъ.

— Аль поразговорились? входя спросилъ Щебельковъ. — А о чемъ такомъ у васъ, дѣчушка, разговоръ-то шель?

— А о воздухахъ, а еще о моей крѣстной матушкѣ, да о томъ вотъ какъ мы съ родной матушкой въ Шолоньскій годъ въ городъ бѣгали, съ мѣста вставъ отвѣчала Соломонушка.

— А нашла еще чтò рассказывать, какъ вы съ родной матушкой отъ великаго-то князя бѣгали! смѣясь Щебельковъ сказалъ. — А немного, гляди, и вспомнила, невеличка тогда была, по восьмому-ль, по девятому. А ты лучше-бъ Кириака Андреевича про Шолоньскій бой спрашивала. А хоть и молодешенекъ онъ тогда былъ, а былъ въ томъ бою раненый, а еще и въ полонъ взятъ.

Соломонъ Григорьевна удивленными глазами взглянула на Кириака, и онъ показался ей совсѣмъ другимъ: такимъ большимъ да мужественнымъ, чуть не богатыремъ, про которыхъ сказываютъ въ былинахъ.

Какъ пришло время гостямъ домой ѣхать, и бояринъ, и его кортомница ¹⁾ проводили ихъ до крыльца. Соломонушка сѣла въ одноколку деревенскую, высокую и тяжелую. На коня паробокъ бочкомъ присѣлъ, а старикъ за дочкой верхомъ побѣжалъ. Проводивъ гостей, Кириакъ прошелъ въ хоромы.

Дорого-бъ дала Иринья Мишанична, чтобъ узнать доподлинно, о чемъ такомъ у дѣвушки съ молодцомъ бесѣда шла; не весьма она вѣрила, что они говорили о крестной да о воздухахъ.

По утру, Кириакъ Андреевичъ, захвативъ съ собою посленную краюшку, не завтракавъ въ лѣсъ ушелъ. Вернулся онъ передъ обѣдомъ ужъ, а кузовокъ, во чтò грибы брать, былъ пустѣхонекъ. Иринья это замѣтила, и рѣшила, что зазнобила моля, зазнобушка, съ того и грибовъ не примѣтила.

Въ обѣдъ Кириакъ былъ не разговорчивъ; Иринья обиняками на Щебелькова рѣчь навела.

— А спасибо что напомнила, сказалъ бояринъ. — А отобѣдаю, дамъ я тебѣ, Иринья Мишанична, книгу старинную, Евангелъе, а ты завтра-же, не забывай, пошли ее съ нарочнымъ къ Григорей Петровичу. А прикажи сказать: моля Кириакъ Андреевичъ просить принять за поминочекъ, а самъ де велѣлъ просить прощеньица, что, въ Новгородъ заспѣша, не успѣлъ съ поклонномъ заѣхать.

— Какъ въ Новгородъ? руками о полы ударивъ, вскричала Иринья Мишанична. — Когда-жь ты это надумать-то успѣлъ, Кириакъ Андреевичъ?

— А сейчасъ, Иринья Мишанична, съ улыбкой отвѣчалъ онъ. — А завтра на зорюшкѣ и погодимъ къ Тремъ Дворикамъ.

— Знать тебѣ у насъ не по порову пришло. И съ чего тебѣ такъ скоро Красны Холмы надокучили?

— А ни чѣмъ они мнѣ не надокучили, а матушка, поди, стосковалася. Да и мнѣ пора.

А зачѣмъ пора, не сказалъ.

Отобѣдавъ, Кириакъ призвалъ паробка и приказалъ ему, чтобъ завтра на зарѣ, будетъ вѣдро иль погода, все было готово къ походу. Затѣмъ, приказавъ на сегодня „раннюю ужину“, отпустилъ Иринью Мишаничну, а самъ сталъ съ паробкомъ укладываться.

„Вотъ-те и зазнобушка!“ приговаривала Иринья, идя черезъ дворъ въ свою избу бѣлую.

За ужиномъ разговоръ шель хозяйственный, и Иринья опять ни съ чѣмъ почивать ушла. Кириакъ Андреевичъ, ложась спать, сталъ раздумывать о сегодняшнемъ и вчерашнемъ. Цѣлое утро онъ нынче по лѣсу бродилъ, все одно и то же перебирая въ умѣ. Вспоминался ему вчерашній разговоръ. Какъ онъ ея мысли будто въ душѣ прочелъ. И про воздухъ, сколько какого припаса надо прислать. И про крестную: какъ ладно про нее рассказывала Соломонъ Григорьевна. Весь разговоръ ея, тихій и скромный, былъ по сердцу Кириаку; говоритъ она безо всякихъ ужимокъ, сейчасъ видно, что изъ души льется безхитростная рѣчь. И какъ она умѣетъ увидѣть во всемъ доброе и хорошее! Чтò она говорила про Новгородъ—Кириаку нелепо вспоминалось; за то ея заманчиво-загадочная улыбка такъ и мелькала у него предъ глазами.

Такія-то мысли все утро маялись у Кириака въ головѣ. И слѣдомъ стало выклевываться какое-то темное и смутное желанье, и почти неожиданно для самого Кириака, выразилось оно рѣшенемъ ѣхать въ Новгородъ. Зачѣмъ ѣхать, Кириакъ не спрашивалъ и самого себя; „надо моля такъ“, сказалъ онъ самъ себѣ.

Когда у Кириака стали смыкаться глаза, и ему казалось, что голова тонетъ въ подушки, а въ ухахъ зашептались разные шепоты, пригрезилось молодцу будто его матушка кличетъ.

— Кириакушко, а Кириакушко! звественно слышался матушкинъ голосъ.

„А ужъ сплю, почитай, вовсе сплю“, думаетъ Кириакъ въ отвѣтъ.

— А какъ и тебѣ невѣсту хорошу высватала.

„А кабы Сбломонъ Григорьевну“, думается Кириаку въ отвѣтъ, но конца этой думы онъ и самъ не узналъ: заснулъ.

Когда на зарѣ пришли его будить, онъ проснулся съ той-же мыслью, съ чѣмъ заснулъ вчера. „А кабы Сбломонъ Григорьевну!“ чуть не вслухъ сказалъ онъ.

Кириакъ обулся и прошелся по горницѣ, и ему подумалось, что еще никогда до сегодня онъ не ступалъ такъ твердо на ногу. Слѣдомъ у него тревожно стало на сердцѣ. Странною показалась Кириаку эта смѣсь тревоги съ бодростью.

Прощаясь съ Ириньей, Кириакъ Андреевичъ вновь повторилъ, чтобъ она нынче-же послала нарочнаго къ Григорей Петровичу съ книгою.

„Аль я ошиблась?“ глядя въ открытые ворота, куда выѣхалъ Кириакъ, раздумывала Иринья Мишанична. — „Аль не въ батюшка онъ, въ дѣдушка? А хоть-бы поклонъ послалъ, а хоть-бы про воздухъ что велѣлъ сказать!..“

(Продолженіе будетъ).

Старшій унтеръ-офицеръ Савелій Бончуковъ.

Рассказъ Андрея Львовича.

— На-хлѣбъ на-воду, на двое сутокъ!
Солдатъ отсидѣлъ.

— У! дьяволь, скотина! встрѣчаетъ его взводный унтеръ, — что, голодень? На ѣшь, жри! ворчитъ Бончуковъ и суетъ голодному солдату оставленную порцію и миску борща.

¹⁾ Кортомница—арендаторша; кортома—аренда.

„Ишь лонаетъ!.. А кой чортъ тебя дергалъ?.. служба дѣло святое, не то что...“

— Да я Савель Павловичъ... заикается солдатикъ.

— Жри! лонай! кто тебя спрашиваетъ?

И закрутивъ свой толстѣйшій усъ, унтеръ отошелъ и издали бурча поглядываетъ на голоднаго.

„Черти, дьяволы, тыфу! Вотъ кажется горло передраля-бы за

ихъ службу, а отойдетъ отъ сердца, опять того... тьфу!" думаетъ Бончуковъ.

— На, трубку пососи, бокомъ суетъ онъ трубку подѣвшему солдату,—дьяволы!..

И все-то онъ сердится. И сердится на самого себя.

— Ну и на дьявола они мнѣ?... па чорта? И что въ нихъ? тьфу! А вотъ болитъ сердце за нихъ, болитъ да и все тутъ! задумается подь часъ Бончуковъ.

Старшій унтеръ-офицеръ 2-го взвода, 7-ой роты Савелій Павловичъ Бончуковъ былъ родомъ пермякъ, роста средняго, сутуловатъ, смуглое, угрюмое его лицо съ огромными подстриженными усами пугало молодыхъ солдатъ. Рывкнетъ Бончуковъ, такъ и смежится солдатикъ; шевельнетъ бровью, глянеть, точно рублемъ подарить. Но зла въ Бончуковѣ не было, была только строгость.

— Ты чего сталъ? ну! ты чего?

— Да вотъ, Савель Павловичъ, письмо домой нѣкому отписать, переминается солдатикъ.

— Письмо домой?... а самъ?

— Да не умѣю.

— Не умѣю! а грамотъ почему не учился? а? Дьяволъ! давай напишу.

Садится и выводитъ на письмѣ глупые солдатскіе поклоны.

— Ну, еще кому кланяться, будетъ уже!

— Да еще кланяюся низко я куму моему Степану Степановичу Степаненку и супругѣ ихъ..

— Тьфу! чортъ! ну? И супругѣ его.. какъ звать? строчить унтеръ, весь потный отъ усталости.

Случилась въ ротѣ покража. У одного изъ рядовыхъ 2-го взвода украли рубаху и пару портянокъ.

— Черти! кто укралъ? скажи! скажешь, ничего не будетъ, только морду побью!

Никто не сознавался.

— Дьяволъ! подь судъ вѣдь пойдешь, сгниешь, въ арестантской — пропадешь! Скажи раньше, докладывать не стану ни фельдфебелю, никому.

Не сознаются.

Доложилъ Бончуковъ фельдфебелю, тотъ командиру роты.

Кто? кто? Не находятъ.

Проходитъ недѣля, другая. Наконецъ Бончуковъ находитъ вора (онъ оказался въ другомъ взводѣ), ведетъ его къ командиру роты. Командиръ сдѣлалъ допросъ, воръ сознался, дѣло испое.

— Нечего дѣлать, пойдешь подь судъ, сказалъ командиръ.

Солдатъ вышелъ изъ канцелярїи.

— Спасибо, Бончуковъ, обратилъ командиръ роты къ унтеру.

— Радъ стараться, угрюмо отвѣтилъ тотъ.

— Ступай себѣ, сказалъ командиръ Бончукову и сталъ подписывать какія-то бумаги.

Бончуковъ стоитъ, молчать.

— Да ты чего? оторвался отъ бумагъ командиръ.

Бончуковъ переминается.

— Что?

— Дозвольте ему рожу избить ваше благородіе?

— Кому?

— Да ему, вору этому самому. Такъ какъ я его нымаль то есть и у меня во взводѣ покража, то есть меня, значить, обидѣлъ онъ, я съ нимъ и расправлюсь.

— Да ты сума сошелъ! прикрикнулъ было командиръ.

— Ваше благородіе, дозвольте... потому, какъ я его нымаль, то-есть изъ-за меня поидетъ дуракъ солдатъ подь судъ, пропадетъ, арестантомъ сдѣлается... дозвольте лучше побить?

Бончуковъ получилъ выговоръ отъ командира роты и вышелъ изъ канцелярїи ни съ чѣмъ.

На слѣдующій день, когда командиръ роты хотѣлъ было отправлять уже рапортъ о преданіи солдата суду за воровство; фельдфебель доложилъ, что пойманный вчера воръ боленъ.

— Что съ нимъ?

— Да боленъ ваше благородіе, сильно боленъ, переминается фельдфебель.

— Да что-же съ нимъ?

Фельдфебель молчить.

— „Что-нибудь загадочное“, подумалъ командиръ и пошелъ поглядѣть на больного.

Все стало ясно.

— Кто его такъ избилъ? спросилъ командиръ.

— Бончуковъ, ваше благородіе.

Вспылилъ было командиръ, но потомъ подумалъ, доложилъ командиру баталіона. Рѣшено было вора суду не предавать; „двухъ шкуръ съ вола не деруть“, рѣшилъ командиръ баталіона. Бончукова же отрѣшили отъ взвода и смѣстили на меньшій окладъ.

Выступили въ походъ. Бончукова снова сдѣлала взводнымъ.

— Черти! бабы, а не солдаты! ругается Бончуковъ,—одѣться, обуться походомъ не умѣю! Почему у тебя сапогъ пованъ? ишь намудилъ ногу!

— Да сапожнику все нѣкогда въ походѣ, а самъ не умѣю подчинить сапога, плачетъ солдатъ.

— Не умѣю, дьяволъ! А мулить ногу умѣешь?

Остановились на бивуакъ; поужинали, стали укладываться на ночлегъ.

— Поди, струментъ вошь въ ранцѣ у меня возьми! кличетъ Бончуковъ солдата съ порваннымъ сапогомъ.— Садись, чортъ! ворчитъ Бончуковъ.

— Да Савель Павловичъ, можетъ какъ завтра перебуду, а тамъ на дневкѣ..

— На дневкѣ, чортъ, нѣтъ не на дневкѣ! садись! гляди.

И садится Бончуковъ на барабанъ къ костру, беретъ дратву, шило, — гляди, вишь какъ, гляди, вотъ, ну... да ты приглядывайся какъ, другимъ разомъ я тебѣ подлецу зашивать твои дьяволовы сапоги не стану, ты гляди!

И къ часу ночи сапоги хоть на смотрѣ.

— Что чортъ, хорошо идти? спрашиваетъ Бончуковъ утромъ въ походѣ.

— Ужъ и какъ хорошо, Савель Павловичъ!

— Ну, то-то... Портянку-то хорошо-ли завернулъ? а то вѣдь я тебя за портянку..

— Хорошо, Савель Павловичъ.

— Ну, то-то, ворчитъ Бончуковъ и сосетъ свою носогрѣйку въ походѣ.

Выступили въ бой 24 августа. Рота на цѣпь пошла.

— Что, струсилъ, чортъ, боишься? рычитъ Бончуковъ на малодушнаго солдатика. — Держись браво какъ на смотру! кричитъ онъ взводу. — Богъ тебѣ нынче смотрѣ производитъ, самъ Богъ, слышь! Держись молодцомъ!.. Что горбъ гнешь? Небось, Богъ видитъ! торжественно похаживаетъ онъ по взводу подь пулями. — Ишь ты, ишь! заробѣлъ какъ заяцъ и прицѣлъ-то забилъ? а на прицѣлъ вся душа солдатская покоится!

— Ой! ой! суетится струсившій и растерявшійся солдатикъ, — ой! и не можетъ поставить прицѣла отъ страха.

— А вотъ я тебѣ ойкну! подлетаетъ къ нему Бончуковъ, — вотъ тебѣ вой, а вотъ тебѣ и другой! угощаетъ онъ здоровенными пинками труса и переставляетъ ему прицѣлъ. Трусъ понемногу приходитъ въ себя.

— Убью! какъ собаку убью труса! гремитъ Бончуковъ по взводу, — фронтъ дѣло святое, а сраженіе Божье дѣло! Бѣжишь отъ смерти, сама на тебя наскочить!

Солдаты понимаютъ его. У каждого пробуждается чувство гордости, самоотверженія и каждый старается быть не трусомъ.

— Стой! какъ передъ Богомъ стой въ бою!

И Бончуковъ показываетъ примѣръ: стоитъ, ни глазомъ не моргнетъ, ни бровью въ минуту крайней опасности.

— Петровъ, чтъ заснѣшилъ? патроновъ много? Вотъ я тебѣ!

И громадный кулакъ Бончукова страшнѣе пули кажется виноватому, суетливому солдатикъ Петрову.

— Григорьевъ, куда побѣжалъ? тутъ тебѣ за этимъ деревомъ лучше. Себя хоронишь, чортъ! вижу! Смотри, вотъ онъ я! стоитъ онъ на совершенно открытомъ мѣстѣ,—Богъ не попуститъ, свинья не съѣстъ..

Бой въ разгарѣ. Перебили больше половины взвода у Бончукова, самого его ранили въ ногу и въ плечо.

— Савелій Павловичъ, кровь течетъ, показалъ солдатикъ.

— Чортъ! течетъ! вижу безъ тебя! А ты свое дѣло замѣчай, стоитъ какъ мраморный столбъ Бончуковъ.

Рота отступила шаговъ тридцать назадъ въ виноградникъ. На прежнемъ мѣстѣ осталась стрѣлковая цѣпь мертвецовъ.

— Кто тамъ стоитъ среди нихъ?..

Стоитъ Бончуковъ посреди своихъ, опустил голову, задумался.

— Бончуковъ! кликнулъ фельдфебель.

Тотъ оглянулся, ввалилъ флегматично ружье на плечо, побрѣлъ... подошелъ къ ротѣ. Губы сжаты, лобъ избороздило морщинами, глаза мутные.

— Что, много? кто-то спросилъ.

Бончуковъ только рукою махнулъ, а изъ глазъ такъ и побѣжали слезы ручьями. Сердито отвернулся онъ въ сторону, быстрымъ движеніемъ локтя рванулъ по глазамъ, чтобы утереть слезы, поскорѣй зарядилъ ружье.

— Чудно, рука дрожить, буркнулъ онъ себѣ подь носъ, — должно и мой чередъ..

— Берегись, берегись! крикнули въ виноградникъ.

— Сюда!

Зашинѣла граната. Суматоха. Кто-то съ размаху двинулъ въ грудь Бончукова, тотъ ушалъ навзничъ. Надъ его ухомъ разорвало гранату

— Господи Христе! перекрестился Бончуковъ, всталъ, глядитъ, а рядомъ-то съ нимъ лежитъ окровавленный ротный воршишка. Къ нему потянулась рука.

— То... то я васъ хотивъ отборонить, слабо заговорилъ голосъ воршишки.

— Чортъ...!!! сквозь слезы сорвалось было съ языка Бончукова..

— То я васъ... я... въ грудь толкну..

Но говорить ужъ было и не кому и не къ кому: говорившій не кончивъ фразы умеръ, а Бончукову пуля прострѣлила високъ.

На пути въ Индію *).

Н. Н. Каразина.

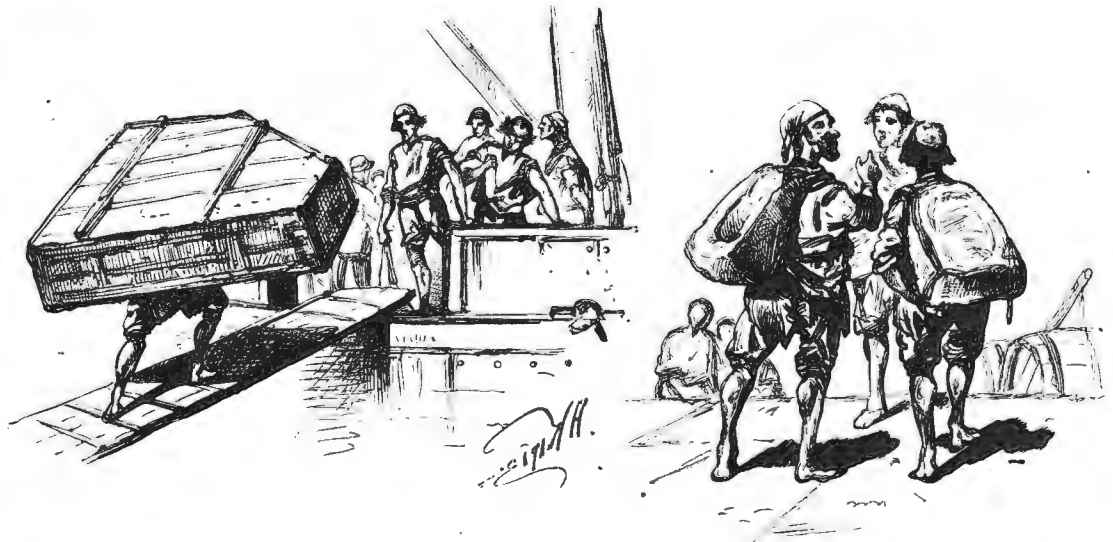
Письмо первое (съ 9-ю ориг. рис. автора).
Наспій.

Въ Астрахани приходится разстаться съ комфортабельнымъ волжскимъ пароходомъ „Константиъ Кауфманъ“ и его симпатичнымъ командиромъ. Далѣе путь предстоитъ моремъ—и суда, совершающія свои рейсы по Волгѣ, не рискуютъ далеко забираться въ весьма негостепримныя волны этого моря-озера. Собственно морская пристань находится отъ города въ ста двадцати верстахъ; надо пройти еще лабиринтъ безчисленныхъ рукавовъ нашей исторической рѣки, и тогда толь-

На пути въ Индію. На „девяти футахъ“.

ко выбраться за баръ, на глубину 9-ти футовъ, минимальную глубину для морскихъ судовъ. Переходъ этотъ совершается на небольшомъ, сравнительно, пароходѣ, „Константиъ Кавостъ“; товары же и вообще грузы транспортируются на баржахъ, буксируемые многочисленными, небольшими на видъ, но весьма могучими пароходами-буксирниками.

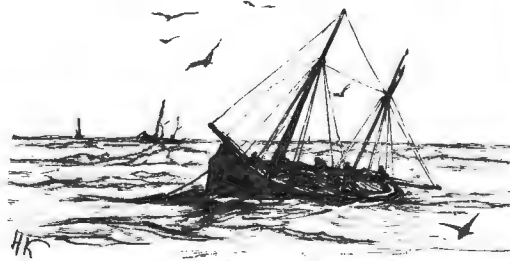
Скучную, унылую на видъ картину представляютъ собою берега волжской дельты...

На пути въ Индію. Амбалы—персидскіе носильщики.

На пути въ Индію. Матросы персы.

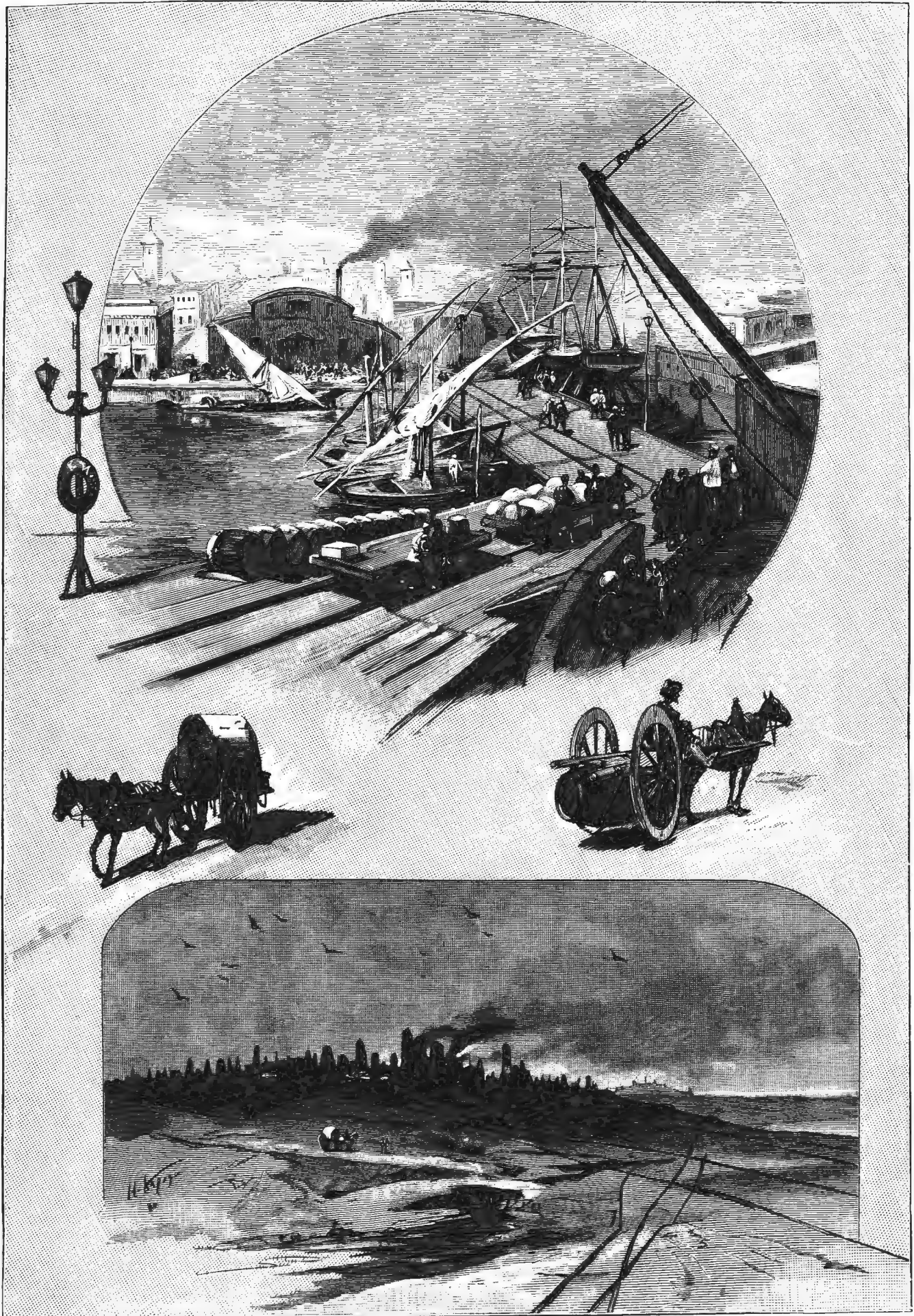

На пути въ Индію. Рыбачья лодка („Бѣлунница“).

Сплошныя, едва мѣстами поросшія низменности; глинистый цвѣтъ воды; мрачныя, приземистыя, словно разползшіяся въ илстомъ пескѣ постройки рыбацкихъ ватагъ; изрѣдка, лишенныя садовъ и вообще какой-нибудь зелени, селенія, исключительно на-

*) Я озаглавилъ мои письма „На пути въ Индію“—потому, что повая дорога составляетъ одно изъ главнѣйшихъ и самыхъ трудныхъ звеньевъ этого пути (предназначеннаго самой исторіей для сближенія и духовнаго обновленія двухъ міровъ—европейской культуры и основной культуры древняго Востока.

На пути въ Индію. Видъ города Бакъ.

Пристань Общества „Кавказъ и Меркурій“.

Персидская арба.

Нефтяные буры въ Балаханахъ.

Библиотека "Руниверс"

селенная рыбаками. Воздух пропитанъ запахомъ сырой рыбы и разсола, всюду по берегамъ кружева всевозможныхъ сътей и рыболовныхъ снарядовъ, тысячи лодокъ, то качающихся на причалахъ, то вытасненныхъ на песчаный берегъ, и, словно груды сухой щепы, цѣлые буквально стога вляевой воблы, все это ясно указываетъ на исключительный промыселъ населенія. Но вотъ впереди, вы начинаете замѣчать полосу черного дыма на горизонтѣ; эта полоса растетъ, колыхнется. Своя неслыханная цѣлая лѣсъ мачтъ и трубъ, вѣтеръ доноситъ тяжелые вздохи пароходовъ, прерываемые рѣзкими свистками; словно грохотъ и бурление мельничныхъ колесъ, глухой говоръ жизни и движенія, и мало-по-малу передъ вашими глазами вырастаетъ цѣлый плавучій городъ, кишашій самою энергичною, лихорадочною дѣятельностью. Вы на „девятити футахъ“. (Рис. на стр. 916).

Сначала вамъ кажется, что вы попали въ невозможную толчею разнокалиберныхъ судовъ, гдѣ и разобраться-то порядочно нѣтъ никакой возможности, но это потому только, что глазъ вашъ еще не привыкъ ориентироваться на водѣ, измѣрять разстоянїе, опредѣлять взаимное положеніе. Скоро вы осваиваетесь со всѣмъ окружающимъ и начинаете понимать ясно все, что происходитъ передъ вашими глазами. Каждое пароходное общество имѣетъ тутъ свое опредѣленное мѣсто, гдѣ на мертвыхъ якоряхъ стоятъ его колоссальные плавучіе дебаркадеры—это громадныя баржи, въ кадрахъ которыхъ, какъ въ запасныхъ магазинахъ, складываются миллионы нудовъ сданныхъ къ отправленію товаровъ. На палубахъ этихъ баржъ помѣщаются опять крытыя пакгаузы и теплыя постройки для администраціи и рабочихъ,—и каждый такой дебаркадеръ, служа для своего общества главнымъ соединительнымъ пунктомъ, обставленъ почти вполноту паровыми и парусными судами. Кроме того, множество судовъ стоящихъ на якоряхъ, или острожно пробирающихся въ открытое море и оттуда, безпрестанно мѣняютъ детали этой интересной, чисто морской картины, оживленной тысячами голосовъ человѣческихъ и покрывающими ихъ голосами паровиковъ и свистомъ вѣтра въ сѣтяхъ рангоутовъ и такелажей. Условные флаги днемъ и фонари ночью даютъ вамъ возможность находить свое мѣсто. Вотъ уже видна и наша пристань Общества „Кавказъ и Меркурій“, самого могучаго и богатаго Общества нашего на Востоку, а около нея грузно раскачивается на якорѣ колоссальный двухтрубный пароходъ „Императоръ Александръ III“, красиво перерѣзывающій синее весеннее небо своими стройными мачтами. „Константинъ Кавостъ“ идетъ прямо къ его лѣвому борту, ловко ставитъ свою тяжеловѣсную баржу, которую онъ приволокъ изъ Астрахани на буксирѣ; самъ, словно облегченный, даетъ веселый свистокъ и, обойдя съ противоположнаго борта, дѣлаетъ „стопъ!“ и выкидываетъ переходные мостики. Мы начали перебираться.

Боже мой! какал суетня закипѣла моментально на всѣхъ трехъ соединенныхъ палубахъ. Пароходъ „Александръ“ долженъ сегодня же къ ночи выступить въ море, а ему предстоитъ погрузить въ свои бездонныя нѣдра болѣе тридцати тысячъ нудовъ груза. Сотни рабочихъ персовъ, въ бѣлыхъ рубахахъ и такихъ же портахъ, крайне грязные, въ своихъ то вытертыхъ бараньихъ шапкахъ, то въ круглыхъ лоснящихся отъ жира и грязи тюбетейкахъ, словно черти повыскакали изъ люковъ дебаркадера и начали свою муравьиную работу. Необычайная сила этихъ носильщиковъ, выработанная безпрестанною практикою, но истинно изумительна; гляди на нихъ вы забываете, что

это люди,—это какія-то выюнныя животныя, кстатѣ неуклюже осѣдланныя, совершенно машинально исполняютъ свою животную работу. Грузъ въ десять и болѣе нудовъ совершенно основательно покоится на широкой полусогнутой спинѣ атлета и быстро движется по мосткамъ, пока его не подхватитъ крючья и цѣпы паровой лебедки и не спровадятъ въ глубину люка. Я самъ видѣлъ перса перенесшаго на своей синей роля, уложенный въ ящикъ, и не по твердой устойчивой почвѣ, а по зыбкимъ доскамъ безъ перилъ, перекинутыхъ съ борта на бортъ, въ свою очередь покачивающихся парходахъ. (Рис. на стр. 916).

Мы окончили приемъ пассажировъ и клади, а также справились съ нагрузкою довольно скоро, и къ восьми часамъ вечера могли сняться съ якоря. Солнце садилось багровое, въ подозрительную туманную полосу, вдали на горизонтѣ видѣлась блѣсоватая полоска пѣнистыхъ гребней морской волны, и мы могли смѣло, по этимъ признакамъ, рассчитывать на ночь не особенно покойную, особенно для тѣхъ пассажировъ, которые недолюбливаютъ морской качки.

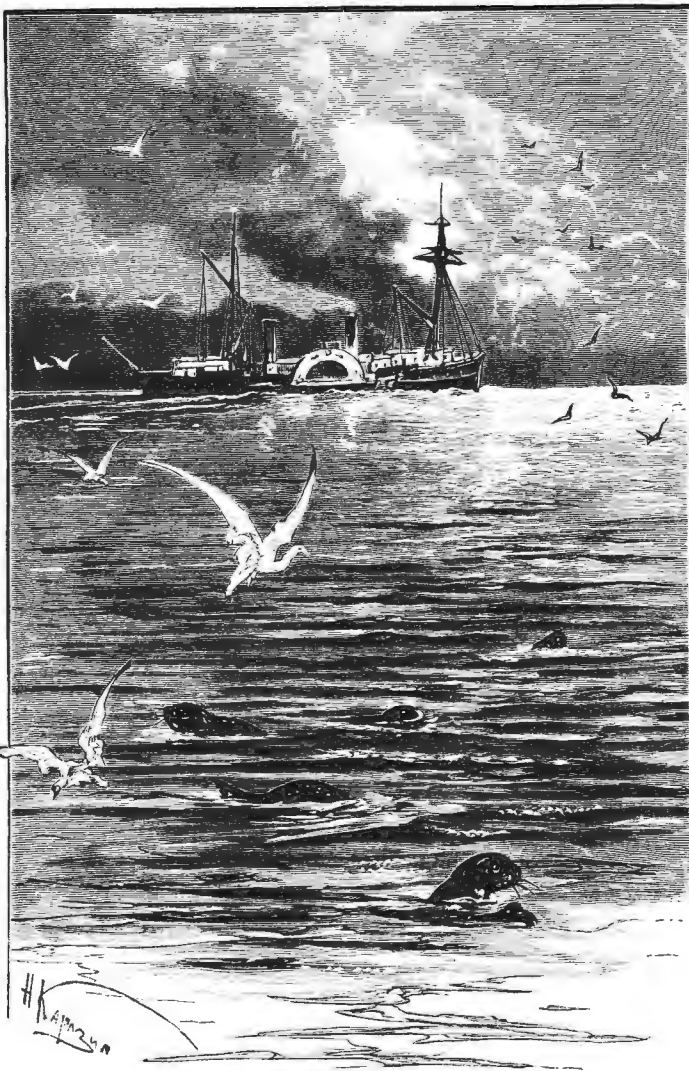
Капитанъ парохода Лингладъ—родомъ финляндецъ, съ дѣтства морякъ, переплывалъ всѣ океаны и считается по справедливости однимъ изъ опытнѣйшихъ морскихъ капитановъ; а такъ какъ уже совершенно стемнѣло и только красноватая полоса, словно пожараго зарева, указываетъ еще мѣсто оставленнаго нами рейда, а впереди сгустился мракъ, и въ этомъ сыромъ мракѣ „ничего въ волнахъ не видно“, то можно оставить свой наблюдательный постъ на капитанскомъ мостикѣ, идти ужинать и спать до разсвѣта. Такъ и я сдѣлалъ.

Пассажирское помѣщеніе раздѣляется на три класса, но и третій классъ имѣетъ все нужное для комфорта путешественниковъ; что же касается перваго класса, то здѣсь вы можете исполнить удовлетворить свои самыя изысканныя требованія; въ вашемъ распоряженіи прекрасный салонъ для сбора, гдѣ обѣдаютъ, отдѣльная каюта для снальни и уборной, ванны холодныя морскія и горячія и ко всему этому превосходный столъ съ прекраснымъ виннымъ буфетомъ; прислуга дрессированная и вѣжливая, что вообще очень рѣдко. Стоимость переѣзда отъ Астрахани до Узунъ-Ада, около тысячи верстъ, всего 14 рублей, это въ первомъ классѣ. Надѣюсь, не дорого!

Каспійское море—очень безпокойное море, на немъ качка несравненно хуже качки океанской, вслѣдствіе не достаточной глубины и короткости волнъ; это что называется толчея, мучительно дѣйствующая на непривычныхъ путешественниковъ и опасная для судна. Открытые берега даютъ просторъ степнымъ вѣтрамъ, быстро развивающимся въ ураганы—и крушенія на Каспій явленіе далеко не рѣдкое.

Въ ночь вѣтеръ засвисталъ и когда я проснулся и поднялся на верхъ, то общій салонъ былъ совершенно пустъ, всѣ пассажиры и пассажирки въ безпомощномъ положеніи позавалились въ своихъ каютахъ, откуда слышались печальные стоны и вздохи, изрѣдка требованія льду и лимоновъ.

Вѣтеръ къ утру слабѣлъ, малахитово-зеленаго цвѣта волны Каспій съ ярко бѣлыми пѣнистыми гребнями, безъ конца теряясь въ розовато-золотистомъ туманѣ восходящаго солнца, представляли чудную чарующую картину; далеко на сѣверо-западъ убѣгали сѣрые клочья ночныхъ тучъ, тамъ и слѣмъ качались на якоряхъ лодки рыбаковъ—блуждѣвшихъ промышленниковъ; въ пѣнистыхъ гребняхъ волнъ рѣзвились, высовили свои круглыя головы, цѣлыя стада тюленей, игралъ чуть не у пароходныхъ колесъ. (Рис. на стр. 918). Впереди, чуть-чуть—и то въ сильный морской бинокль—очерчивалася нагорный берегъ—это

На пути въ Индію. Пароходъ „Императоръ Александръ III“.

Кавказъ, а правѣе, нѣсколько ближе—песчаная полоска „Чечня“, острова заслоняющаго Терекскаго залива съ устьемъ восточнаго Лермонтовскаго Терека. Пройдя по высотѣ Чечни, мы спустились прямо къ Петровску, и войдемъ въ гавань, часамъ къ двумъ пополудни. Капитанъ посылаетъ успокоить дамъ, общая имъ нѣсколько часовъ полного отдыха, за стѣнками Петровскаго мола.

Петровскъ, довольно большой, очень красиво расположенный городъ, съ удобною гаванью, съ прекрасными общественными садами — когда-то жилъ полною военною жизнью, но съ окончательнымъ покореніемъ Кавказа, утратилъ свою воинственную физиономію и теперь буквально дремлетъ въ ожиданіи желѣзной дороги, долженствующей соединить его съ Владикавказомъ; тогда онъ снова оживетъ, хотя и не прежнею военною, но за то кипучею торговою жизнью. Сдавъ часть груза и разставшись съ нѣкоторыми пассажирами, мы выступили далѣе по направленію къ Апшеронскому полуострову и разсчитывали по пути остановиться въ Дербентѣ, но увъ! въ этотъ городъ, съ боя взятый Петромъ Великимъ, мы, на этотъ разъ, не попали. Дѣло въ томъ, что Дербентъ не защищенъ, какъ Петровскъ, каменнымъ моломъ—и останавливаться вблизи его берега на якорѣ, во время свѣжаго вѣтра, не безопасно для судовъ, да и бесполезно для города, ибо въ волну ни какая лодка не въ состояніи отплыть отъ берега и подойти къ судну: ее разобьетъ въ дребезги о береговые камни, у которыхъ бушуетъ прибой, разрушающій въ щепу все, что подвернется на его дорогѣ. А вѣтеръ скоро разбѣлся и стихъ, только въ виду были иглы Апшеронскаго мыска, руководясь которымъ, мы осторожно вошли въ узкій Апшеронскій проливъ, оглябая далеко выдвинувшія мысы того-же имени. Пройдя проливомъ, пароходъ переѣхнулъ курсъ съ юго-восточнаго направленія круто на западъ и къ ночи въ полной штиль передъ нашими глазами развернулась дивная, чарующая панорама Баку, вся въ огняхъ, словно сказочная фантастическая иллюминація. Внизу у самого берега брилантами, горѣли электрическіе фонари на пристаняхъ „Кавказа и Меркурія“, братьевъ Нобель и казенной морской. Красные и зеленые огни безчисленныхъ судовъ дополнили картину; вмѣсто свѣжаго морскаго вѣтра, на насъ пахнуло словно изъ накаленной печи, жаромъ нагрѣтыхъ за день каменныхъ скалъ берега и его таковыхъ-же строеній.

Уже было поздно и осмотръ интереснаго Баку пришлось отложить до утра.

Городъ раздѣляется на двѣ главныя части, такъ называемыя „Бѣлый“ и „Черный“ города. Первый—это собственно городъ—жилой, со старымъ замкомъ, когда-то независимыхъ хановъ, съ улицами расположенными на терасахъ береговой возвышенности, съ живописными базарами, кишашими восточнымъ, цестрымъ торговымъ людемъ, съ жалкимъ-чахламъ губерна-

торскимъ садомъ, магазинами, приставями, пакгаузами и многочисленными торговыми конторами. Второй—это городъ заводскій, вѣчно защищенный отъ солнца сплошными тучами чернаго дыма заводскихъ трубъ, законченный, смрадный, городъ создающій быстро миллионы состоянія и также быстро обращающій миллионеровъ въ жалкихъ бѣдняковъ. Здѣсь изъ сырой нефти вырабатываютъ миллионы пудовъ керосина, который расходится по всему свѣту. Здѣсь царство технического Ваала.

Верстахъ въ 12 отъ Баку высится холмы Балаханъ, гдѣ добывается нефть, и отсюда цѣлая стѣя металлическихъ трубъ, расположенная прямо на поверхности, проводитъ натурально нефть для обработки въ „Черный городъ“.

Размѣры моихъ писемъ слишкомъ тѣсны чтобъ я подробно останавливался на описаніи всего, что представлялось моимъ глазамъ; кромѣ того, перазъ читатели „Нивы“ встрѣчались на ея страницахъ съ подробными описаніями и рисунками нефтяной Бакинскій промышленности, а потому перейду прямо къ тяжелому заключенію, невольно являющемуся послѣ безпристрастнаго осмотра.

Глядя сколько гибнетъ даромъ, всасываясь въ почву, выливаясь въ море, образуя по берегамъ его смрадные озера, драгоценнаго матерьяла, нельзя назвать все это разумною эксплуатациею,—это хищнической, безтолковой, суетливый, безрасчетный и часто безсмысленный, ничемъ не оправдаваемый грабежъ съ погромомъ даровъ природы — грабежъ, который, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, покажется-таки хищниковъ современемъ—полнымъ истощеніемъ источниковъ...

Баку страдаетъ отсутствіемъ прѣсной воды; нѣсколько такихъ колодцевъ и фонтановъ едва удовлетворяютъ первыя потребности жителей, а между тѣмъ, проведите воду съ какими-бы то нибыло затратами—и богатый климатъ сторицею вознаградитъ эти потери, дастъ прибыль, передъ которою покажется ничтожна прибыль нефтепромышленности. Защищенный отъ вѣтровъ, никогда не знающій зимы — Бакинскій берегъ, дайте ему только воду, превратится въ мгновеніе ока въ одну сплошную оранжерею.

Въ Баку мы получили громадную партію сахара, провезеннаго черезъ Тифлисъ по желѣзной дорогѣ, около 30 тысячъ пудовъ; вся эта партія назначалась въ Бухару, и пароходъ Александръ III долженъ былъ забрать все въ свои ненастные нѣдра, нагрузка заняла почти цѣлыя сутки, и мы выступили поздно ночью, съ трудомъ выбравшись на просторъ изъ лабиринта, стоящихъ на якоряхъ, парусниковъ и пароходовъ. Теперь мы держимъ курсъ прямо на востокъ, къ азиатскому берегу; цѣль нашего плаванія—Узун-Ада—начальная точка новой Закаспійской желѣзной дороги, соединившей рельсовымъ путемъ столицу Петра Великаго съ древнѣйшею столицею великаго Таврлана. Въ добрый часъ!

Къ рисункамъ.

Смѣшной женихъ. (Рис. на стр. 908).

Картина Кемеиди изображаетъ намъ будуаръ конца прошлаго вѣка, когда только что вошли въ моду „чевфройтные“ костюмы, такъ и названые народнымъ чувствомъ здраваго смысла (incroyables). Молодой человекъ, очевидно недалеко, чтобы не сказать совсѣмъ протачъ, собирается дѣлать предложеніе, вырядился съ головы до ногъ во все новое съ иголочки. Но одно дѣло надѣть модное платье, другое дѣло—умѣть носить его. Тѣ смѣшныя подробности туалета, которыя на свѣтскомъ пеготѣ скрадываются его статною фигурой, развязностью и обворожительными манерами, на нашемъ протачкѣ выступили во всемъ своемъ безобразіи,—и смѣшная невѣста, закрываясь вѣеромъ, видимо колеблется, полно ужъ принимать ли ей въ въ серьезъ этого шута-горохового.

На пасѣнкѣ. (Рис. на стр. 909).

Передъ нами малороссійская пасѣнка (Уманьскій уѣздъ Кіевской губ.); кануль *Перваго Стаса* — медавога (1 августа). Завтра, послѣ обѣдни будутъ святить медъ—и весь хуторъ разговѣтся повинкой. Зажиточный крестьянинъ-пасѣчникъ перегоняетъ пчелъ изъ верхняго улья въ нижній, чтобъ удобнѣе вырѣзать сотъ. Такіе ульи состоятъ изъ двухъ выдолбленныхъ цилиндровъ, одинъ на другомъ. Ставъ на колѣни передъ колодой (ульемъ), пасѣчникъ закигаетъ тряпку и вдвухаетъ этотъ дымъ въ улей; пчелы одурѣваютъ и цѣпляются къ стѣнкамъ улья; тогда пасѣчникъ стучитъ по верхнему улью палкой, пчелы осыпаются въ нижній, а верхній снимается съ чистымъ медомъ.

За туалетомъ. (Рис. на стр. 913).

Прелестныя жанровыя картинки Роберта Эппса всегда говорятъ сами за себя, не требуя никакихъ поясненій. Обращаемъ вниманіе читателей на тонкую гравюру, въ совершенствѣ передающую рельефность фигуръ и перспективу комнаты.

Переходъ Ганнибала черезъ Альпы.

(Рис. на стр. 729).

Переходъ Ганнибала съ многотысячнымъ войскомъ черезъ

Альпы — останется во все времена однимъ изъ величайшихъ военныхъ подвиговъ. Перебравшись съ большими затрудненіями черезъ Роданъ, или нынѣшнюю Рону, онъ рѣшился дойти до завѣтной Итали по Альпамъ, высокою неприступною стѣною подымавшимся передъ храбрымъ карфагенскимъ вождемъ. Несмотря на дохотившія до него вѣсти о трудностяхъ, какія придется испытать войску, не привыкшему къ суровой и холодной погодѣ, среди снѣжныхъ пустынь, на горныхъ крутизнахъ и дорогахъ, заваленныхъ лавинами, онъ смѣло двинулся въ походъ вдоль Родана, торопя свое войско совершить переходъ до наступленія зимы, которая увеличила-бы предстоящій препятствія. Первые дни передвиженія въ долину Родана, гдѣ можно было еще найти провіантъ для войска и пастбища для лошадей и словенъ, находившихся въ войскѣ Ганнибала,—прошли безъ особыхъ затрудненій. Вступивъ за Изаромъ въ землю Аллоброговъ, карфагеняне быстро достигли подножія Альповъ; по мѣрѣ того, какъ имъ приходилось подыматься по горамъ все выше и выше, увеличивались и умножались трудности перехода. Высокою стѣною высились передъ нимъ безконечныя цѣны горъ, ослѣпительно блистая своими покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ вершинами. Кромѣ того, взбираясь на крутизны и пролагая себѣ путь въ горной странѣ, Ганнибалу на каждомъ шагу приходилось бороться съ воинственными горами, храбро отстаивавшими свои жилища и стада отъ нападений нежданыхъ пришельцевъ. Войско медленно подвигалось впередъ посреди голыхъ, лишенныхъ всякой растительности скалъ и утесовъ, нагроможденныхъ одни на другіе, черезъ безконечныя гряды горъ, возвышавшихся изъ снѣга и облаковъ къ небу. Послѣ девятидневнаго восхожденія, войско достигло наконецъ вершины, по всей вѣроятности, Малаго Сень-Бернара, гдѣ ему пришлось пробираться по узкимъ тропицкамъ на высотѣ свыше 6,000 футъ. Послѣ упорной стѣпки съ горами, продолжавшейся почти цѣлый день, Ганнибаль остановился здѣсь со своими воинами и далъ своему измученному и окоченѣвшему войску двудневный отдыхъ отъ понесенныхъ трудовъ. Дико и пустынно было мѣсто стоянки: ни человѣческаго голоса, ни слѣда жизни; изрѣдка пробѣжитъ всгунутый звѣрокъ и тотчасъ-же скроется въ какой-нибудь расщелинѣ, или

величавый орелъ, поднявшись съ вершины горы и медленно описывая круги, пронесется надъ этою страню облаковъ и вѣтра. Отдохнувъ и оправившись насколько было возможно въ этой безлюдной мѣстности, кареагеняне двинулись дальше, ободренные пришедшими къ нимъ послами отъ кельтовъ. Они передали войску, что уже не далеко плодоносная, счастливая

Замерзшій водопадъ въ Добшинской ледяной пещерѣ. (Рис. на стр. 924).

Въ Венгріи, Седмиградіи, Хорватіи встрѣчается много пещеръ, но ни одна изъ нихъ не представляетъ такого интереса, какъ Добшинская. Къ чарующему контрасту вѣшней лѣтней

На пути въ Индію. Петровскъ.

долины сѣверной Италиі, гдѣ его ждутъ дружественныя племена салассовъ и инсубровъ, ненавидящихъ общаго врага—римлянъ. Теперь путь лежалъ по каменистому склону, откуда уже видны были зеленѣющія страны Италиі, привлекавшія къ себѣ взоры утомленныхъ странниковъ. Мужественно

температуры окружающей пещеры и внутренней прохлады, присоединяется еще противоположность измѣчивости и неподвижности формъ. Наряду съ ледяными массами, которыя лежатъ у насъ подъ ногами или вздымаются громадными стѣнами, видимъ мы столбы соединяющіе ледяной паркетъ со сво-

На пути въ Индію. Апшеронскій маякъ.

двигалось войско Ганнибала посреди новыхъ трудностей. Сентябрь былъ на исходѣ и приближалась осень. Новый пушистый снѣгъ одѣлъ въ бѣлую пелену горы, часто заметая долины. Проводники сбивались съ пути, занесеннаго снѣгомъ, въ которомъ гибли тысячи людей и животныхъ. Пятнадцать дней продолжалось странствованіе Ганнибалова войска по Альпамъ, пока не достигло долины Dugia major (Дора-Балтеа). Въ ней Ганнибалъ, прежде чѣмъ пойти далѣе, осмотрѣлъ свое войско. Какой жалкій видъ оно теперь представляло! Нестройныя, голодныя и утомленныя толпы, въ лохмотьяхъ и грязи, вмѣсто гордыхъ и мужественныхъ войскъ, съ которыми онъ вышелъ изъ Испаніи. Приведи въ извѣстность свои наличныя силы, онъ увидѣлъ, что переходъ черезъ Альпы стоилъ ему болѣе половины арміи. Изъ 59,000 воиновъ у него осталось не болѣе 26,000, — пѣхоты 20,000 и около 6,000 конницы. Съ помощью ихъ Ганнибалъ готовился низвергнуть гордый Римъ съ высоты его славы.

На пути въ Индію. Каспійскія парусныя суда.

дами надъ нашей головой, фонтаны и потоки во всемъ напряженіи движенія, но замерзшими въ ледъ, низвергающіеся со всѣхъ сторонъ водопады, но не шумящіе и не пѣнящіеся подобно всѣмъ прочимъ, а нѣмые и неподвижныя, ибо они совершенно замерзли.

Зажженные свѣчи, съ которыми вступаешь въ пещеру, ряды тамъ и сямъ прикрѣпленныхъ лампочекъ, или пламя магнія, которое по временамъ зажигаетъ проводникъ, усиливаютъ обаяніе картины. Въ мѣняющихся отраженіяхъ свѣта, кажется, снова видишь теченіе, брызги и пѣну всѣхъ этихъ потоковъ, которые вѣкогда бушевали въ этой пещерѣ, до тѣхъ поръ пока природа не сковала ихъ на вѣки внезапнымъ и грознымъ: „Стои!“ Таково по крайней мѣрѣ впечатлѣніе, хотя геологія учитъ насъ, что замерзаніе этихъ водъ произошло отнюдь не мгновенно, а лишь мало-по-малу въ долгіе промежутки времени.

Это замѣчательное чудо природы находится въ Гемерскомъ жуанствѣ (комитатѣ) Венгріи, въ нѣсколькихъ часахъ пути

Переходъ Ганнибала черезъ Альпы. Рис. Мергё, грав. Клоссъ.

отъ желѣзнодорожной станціи Попрадь. Отдѣленіе пещеры, въ которомъ находится замерзшій водопадъ называется „Саломъ“.

Крупновская скорострѣльная пушка. (Рис. на стр. 733).

При современномъ способѣ веденія войны, справедливо при дается огромное значеніе возможно быстрому распредѣленію боеваго матеріала по всѣмъ направленіямъ. Между тѣмъ какъ прежніи стремленія—достигать наибольшей начальной скорости увеличивая вѣсъ снаряда (ядра)—съ повсемѣстнымъ введеніемъ казно-зарядныхъ орудій и медленно-горящихъ сортовъ пороха можно считать въ нѣкоторой степени сошедшими со сцены, нынѣ стараются напротивъ какъ можно болѣе увеличить быстроту самой стрѣльбы изъ орудій. Цѣль эта достигается заимствованными у ружей металлическими патронами, позволяющими соединять зарядъ (порохъ) и снарядъ (ядро, бомбу, гранату) въ одно тѣло, снабженное воспламенятельнымъ приспособленіемъ. Какъ ни разнообразно при этомъ сложное устройство затворовъ, замыкающихъ стволъ орудія съ казны и облегчающихъ быстрое заряжаніе и пальбу, основаніе—металлическій патронъ—остается всюду однимъ и тѣмъ же. При этомъ еще сильно ограничивающую роль играетъ самый калибръ скорострѣльнаго орудія, такъ какъ трудность изготовленія прочныхъ и способныхъ къ сопротивленію металлическихъ гильзъ быстро возрастаетъ съ калибромъ орудія.

Фирма Круппа давно уже обратила вниманіе на эти новыя орудія и нынѣ изготавливаетъ скорострѣльные орудія калибромъ отъ 4 до 13 центиметровъ, стрѣляющіи снарядами до 30 килограммовъ вѣса.

На нашемъ рисункѣ изображена Крупновская скорострѣльная пушка, калибра 7½ центиметровъ, на корабельномъ лафетѣ и съ панцирнымъ щитомъ. Орудіе это стрѣляетъ двумя сортами снарядовъ, въ 6,8 и 5,85 килограммовъ вѣсомъ, которые, при зарядѣ въ 3 килограмма пороха, получаютъ начальную скорость въ 570 и 610 метровъ. Болѣе тяжелый снарядъ, при допускаемой устройствомъ лафета максимальной элевации подъ угломъ 25°, бьетъ на 8,300 метровъ, и броненосный снарядъ пробиваетъ броню изъ мягкой стали въ 13 центиметровъ толщины, а на 1000 метровъ еще одну броню въ 8½ центиметровъ.

Орудіе это дѣлаетъ 17—20 выстрѣловъ въ минуту. Болѣе крупныя орудія даютъ меньшее количество выстрѣловъ въ минуту: десяти-центиметроваго калибра 15 выстрѣловъ, тринадцати-центиметроваго—12.

Для управленія орудіемъ достаточно двухъ человѣкъ. Одинъ изъ нихъ, сидя на подвижномъ соединенномъ съ лафетомъ сидѣньѣ, слѣдитъ за всѣми поворотами орудія въ стороны. Онъ наводитъ орудіе, стрѣляетъ, открываетъ и запираетъ затворъ. Второй только подаетъ патроны и вставляетъ ихъ въ стволъ орудія. Выбрасываніе выстрѣленныхъ патроновъ и взводъ ударника происходятъ автоматически при отпираніи и запираніи затвора.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: государственныя имущества, состоящія въ вѣдѣніи Военно-народнаго управленія на Кавказѣ, а также Кубанскаго и Терскаго областныхъ правленій и управленія черноморскаго округа, передать въ завѣдываніе министерства Государственныхъ Имуществъ.

— Высочайше повелѣно: городъ Вѣрный оставить Семирѣченскимъ областнымъ центромъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Промыселъ трески и пикши на Мурманскомъ берегу продолжается удовлетворительно, чему благоприятствуетъ погода и достаточный запасъ наживки—песчанки, которая ловится въ настоящее время хорошо; уловъ же сайды на западной сторонѣ Мурманна — посредственный. Китобойными пароходами съ начала промысловъ добыто китовъ на заводахъ: въ Ерегикахъ — 21 и въ Арѣгубѣ—8.

— Вслѣдствіе появленія въ дербентскихъ виноградникахъ болѣзни мильды, сборъ винограда ожидается на 2/3 меньше прошлогодняго. Въ окрестностяхъ Петровска разведеніе виноградныхъ садовъ производится усиленно.

— Въ Алешкахъ отъ прививки сибирской язвы овцамъ Панкѣва въ участкѣ Пендіарова пало въ три дня 5.000 овецъ. Противъ распространенія заразы приняты мѣры.

— Однимъ изъ астраханскихъ садовладѣльцевъ, С. С. Твороговымъ, была предпринята попытка разведенія пчелъ въ Астрахани. Привезенный изъ Саратова рой пчелъ очень удачно пережилъ два года и далъ уже пять новыхъ роевъ, которые работаютъ такъ хорошо, что даютъ надежду на дальнѣйшіе успѣхи.

— Въ южной части Алатырскаго и въ Ардатскомъ уѣздахъ во множествѣ показались червь, поѣдающій озимыя посѣвы, которые взошли прекрасно; теперь поля почернѣли.

Торговля.

— Цѣны на хлѣбъ на международномъ рынкѣ идутъ вверхъ безостановочно. Но по послѣднимъ, повышеннымъ цѣнамъ сдѣлокъ совершается мало, вслѣдствіе сдержанности продавцевъ, увѣренныхъ въ дальнѣйшемъ повышеніи. Такая увѣренность почерпывается изъ постоянно прибывающихъ новыхъ свѣдѣній о несоотвѣстнн требованій, которыя должны предъявить страны, нуждающіяся въ привозномъ хлѣбѣ, съ тѣми, имѣющимися въ виду, количествами хлѣбовъ новаго и прежнихъ урожаевъ, какія могутъ поставить стра-

ны, снабжающія хлѣбомъ. Общій итогъ привоза не превыситъ 29½ милл. четвертей; недостающее для потребленія западной Европы значительное количество, 40 милл. четвертей—можетъ быть, но всей вѣроятности, лишь частью покрыто привозами изъ Россіи. Недостающая цифра еще болѣе возрастаетъ, доходя до 43 милл. четвертей, если принять во вниманіе и потребность въ привозномъ хлѣбѣ странъ вѣвроейскихъ. Весьма естественно, что при этихъ условіяхъ цѣны продолжаютъ неуклонно идти въ гору и что продавцы ждутъ дальнѣйшаго ихъ повышенія, не считая достигнутаго улучшенія отвѣчающимъ настоящему положенію рынка.

— Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 25 августа, послѣ крестнаго хода изъ старо-ярмарочнаго собора къ макарьевской часовнѣ и совершеннаго въ ней молебствія, случены ярмарочные флаги и ярмарка считается официально закрытою, но въ дѣлахъ полное оживленіе, розничная продажа идетъ хорошо. Платежи на ярмаркѣ поступаютъ исправно, протестовъ очень мало, переписки векселей почти нѣтъ.

— По южнымъ желѣзнымъ дорогамъ въ настоящее время уже происходитъ усиленное хлѣбное грузовое движеніе: по Лозово-Севаст. дорогѣ въ Севастополь ежедневно прибываетъ, среднимъ числомъ, до 175 вагоновъ хлѣба новаго урожая, т. е. свыше ста тысячъ пудовъ.

Постройки и сооруженія.

— Въ настоящее время, въ Кронштадтѣ, за городомъ, при морской лабораторіи, производится весьма интересныя работы по устройству артезианскаго колодца. Эти работы исполняются гражданскимъ инженеромъ Катерфельдомъ. Диаметръ буровой скважины — 4 дюйма. Въ настоящее время прошли уже около 50 футовъ. Работы, согласно условіямъ контракта, должны быть окончены въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, если при углубленіи не встрѣтятся препятствій, какъ-то: камня и кремня.

— Прорытіе канала отъ р. Сулака до Петровска окончено. Пропускъ воды ожидается всеню 1889. Каналъ будетъ орошать пространство на 70 верстъ.

— Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 23 августа, въ собраніи ярмарочнаго купечества состоялось постановленіе биржеваго комитета ходатайствовать о недопущеніи новой компаніи для устройства нефтепровода отъ Баку до Батума, на организацію каковаго предпріятія концессионный срокъ миновалъ.

28 августа, собраніе ярмарочнаго ку-

печества, въ предѣдательствѣ Осипова, большинствомъ 40 голосовъ противъ 14, учредило комиссію, которой поручена перестройка главнаго ярмарочнаго дома, на чтѣ на значено 300,000 руб. Къ работамъ приступить въ эту осень.

— Въ Ростовѣ-на-Дону, 30 августа, въ присутствіи начальствующихъ лицъ и представителей города, освящено выстроенное на городскія средства зданіе классической гимназіи.

Изъ губерній и областей.

— 9 августа надъ г. Царицыномъ разразился проливной дождь съ необыкновенно крупнымъ градомъ — величиною въ грецкій орѣхъ, въ куриное яйцо и даже болѣе: были замѣчены отдѣльныя градины вѣсомъ до полуфунта. Во время этого ливня, птицы кружились и металсь въ воздухѣ, не находя пристанища и защиты, и падали, застигнутыя въ полетѣ и убиваемыя наповаль градомъ; люди и животныя въ ужасѣ бѣжали по улицамъ, пораженные градинами. Въ то-же время изъ оконныхъ рамъ въ домахъ со звономъ сыпались стекла; даже большія бемскія стекла—и тѣ не выдерживали ударовъ градинъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ на улицахъ образовались широкіе потоки дождевой воды. Причиненные градомъ въ домахъ убытки довольно значительны: такъ, на станціи „Волжская“, Волго-Донской желѣзной дороги, выбито 2,222 стекла; на станціи „Царицынъ“, Грязе-Царицынской желѣзной дороги, — три тысячи слишкомъ, въ торьмѣ—200, въ земской больницѣ—240. Многія лица получили болѣе или менѣе сильныя раны: такъ, напр., одному мужчинѣ на базарѣ ранило голову чрезъ фуражку до крови и одной женщицѣ расшибло щеку. Въ окрестностяхъ Царицына пострадали отъ града арбузные бахчи.

— Въ различныхъ частяхъ Каспійскаго моря, преимущественно въ его сѣверной половинѣ, замѣчено громадное количество мертвой красной рыбы. Такъ, съ парохода общества „Кавказъ и Меркурій“ — „Александръ Жандръ“ командиромъ и его помощникомъ въ теченіи только двухъ часовъ было насчитано на поверхности моря около тысячи красныхъ рыбъ; попадались также и частичковая рыба — судакъ и воляра.

— Изъ Тегерана сообщаютъ, что тамъ идутъ большія приготовленія къ выѣзду Шаха въ Россію. Шахъ прибудетъ въ Баку въ сентябрѣ. Онъ везетъ съ собой много подарковъ, въ томъ числѣ 16 лошадей чистой арабской крови.

Политическое обозрѣніе.

Опасность столкновения между Франціею и Италіею временно улажена; но надолго-ли? Италія ждетъ только случая возвратить себѣ тѣ преимущества, которыя французы успѣли приобрѣсти въ Средиземномъ морѣ, благодаря Тунису. По словамъ петербургскаго корреспондента *Correspondance de l'Est*, Криспи разсчитывалъ съ помощью Массовскаго вопроса побудить Русское правительство къ серьезнымъ протестамъ и тѣмъ вызвать охлажденіе отношеній между Германіею и Россіею. Надежда эта, однако, не оправдалась. Петербургскій кабинетъ не далъ повлечь себя ни въ какое вмѣшательство. Онъ только энергично далъ понять въ Римѣ, что Россія не можетъ согласиться со взглядами Криспи на это дѣло и не одобряетъ такого неуваженія къ существующимъ трактатамъ. Россія очень де благодарна князю Бисмарку за то, что онъ сумѣлъ успокоить Криспи. Не менѣе приязненно, по словамъ той же газеты, Русское правительство и Гобле, за то что онъ отстранился отъ этого дѣла. Въ Петербургѣ такому рѣшенію вопроса очень де рады. Франція не вернется болѣе къ Массовскому вопросу и смотритъ на него только какъ на спорный пунктъ, по которому должны вступить въ соглашеніе Порты и Италія. По свѣдѣніямъ изъ Адена, въ Абиссиніи готовится большое наступательное движеніе противъ итальянцевъ, но по послѣднимъ извѣстіямъ, въ Римѣ не особенно стремятся къ побѣдамъ. Въ засѣданіи 27 августа совѣтъ министровъ рѣшилъ не посылать новыхъ поддѣранныхъ войскамъ африканскаго экспедиціоннаго корпуса.

На неоднократныя заявленія газетъ о присоединеніи Испаніи къ центральному союзу, мадридскія газеты говорятъ, что Испанское правительство стремится лишь къ одной цѣли—сохранить полную нейтральность въ отношеніи всѣхъ державъ, что и заставляетъ Испанію держаться въ сторонѣ отъ всякихъ коалицій и союзовъ.

Побѣдка генерала Буланже, оставаясь загадкою, продолжаетъ интересовать нѣкоторыя политическія сферы. Въ Австріи и Германіи онъ чрезвычайно возбужденъ, слѣдятъ за каждымъ шагомъ популярнаго генерала и стараются предугадать: посѣтитъ ли Буланже Россію или нѣтъ. Газетные слухи передаютъ самыя нелѣпныя извѣстія. По словамъ бонапартистской *Patrie*, генералъ обязательно посѣтитъ Петербургъ и Москву, а Швеція де лишь попутная станція. *Figaro* утверждаетъ, будто генерала Буланже видѣли въ Мадридѣ. Гамбургскій *General Anzeiger* сообщаетъ, что изъ Берлина, черезъ Гамбургъ, въ Голландію былъ отправленъ отрядъ полицейскихъ сыщиковъ, на которыхъ было возложено слѣдить за всѣми подробностями путешествія Буланже. Вся эта тревога представляетъ не мало интереса и доказываетъ, что съ г. Буланже тѣсно связаны жизнь и помыслы значительной части Французскаго народа.

Предстоящая побѣдка въ Римѣ императора Вильгельма возбуждаетъ сильное недовольство среди клерикаловъ. Не надо забывать, что Германія насчитываетъ до 12 миллионовъ католическаго населенія и что въ особенности это элементъ враждебный канцлерской политикѣ.

Сербское правительство приняло строжайшія мѣры къ пресѣченію манифестацій въ день тезоименитства королевы Наталіи. По распоряженію властей, въ Бѣлградѣ въ этотъ день всѣ трактиры и кофейни были закрыты съ 9 часовъ вечера, было воспрещено вывѣшивать флаги и устраивать иллюминацію. Гарнизонъ былъ усиленъ и войскамъ воспрещено отлучаться изъ казармъ. Бѣлградъ принималъ видъ города въ осадномъ положеніи, что вызвало общее недовольство; даже сторонники короля не были согласны съ такими распоряженіями. Но всѣ эти предосторожности не помѣшали Сербскому народу выразить свое сочувствіе королевы Наталіи. 26 августа храмы были переполнены молящимися и весь Бѣлградъ разукрасился флагами. Общее негодование противъ Христича и его клеветовъ достигло крайняго предѣла.

По сообщеніямъ *Temps*, Милапъ раздраженъ противъ Христича, отказавшагося исполнить инструкцію на случай пріѣзда королевы Наталіи въ Бѣлградъ. Отказъ Христича разгнѣвалъ Милана, и король рѣшилъ немедленно составить новое министерство съ Ристичемъ во главѣ. По порученію Милана, Ристичъ останется въ Вѣнѣ довольно продолжительное время. Въ Аббачи между королемъ и Ристичемъ происходили неоднократныя совѣщанія о разводѣ, при чемъ Ристичъ указывалъ на гибельныя послѣдствія развода и выработалъ основанія для примиренія между супругами. Король согласился съ доводами Ристича.

Положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ съ каждымъ днемъ ухудшается; по словамъ *Berl. Tagebl.*, существующіе на Балканскомъ полуостровѣ порядки грозятъ въ близкомъ будущемъ полнымъ возстаніемъ Болгаріи, Македоніи и Аданіи. Разбои развились до чудовищныхъ размѣровъ. Въ Болгаріи даже столица не обезпечена отъ грабительскихъ набѣговъ. 15 августа, нѣсколько разбойниковъ пытались ограбить въ Софій сербскаго дипломатическаго агента Данича въ его квартирѣ, но бѣжали, уступивъ вооруженному сопротивленію Данича и его кавасовъ. По извѣстіямъ изъ Македоніи, шайка арнаутскихъ разбойниковъ подожгла деревню Пранадишту въ Кедрильскомъ округѣ. Но всего ужаснѣе положеніе дѣлъ въ Албаніи, которая три недѣли уже находится почти на военномъ положеніи. Между миридитскими племенами и племенами населяющими высоты къ сѣверу отъ Скодра существуетъ давнишняя ненависть, поддерживаемая кровною местью. Миридиты почти ежедневно дѣлаютъ разбойничьи нападенія и между ними происходятъ настоящіе сраженія, побѣдители выжигаютъ дома, церкви и посѣвы. Вся равнина, разстилающаяся отъ праваго берега Джинвы до горъ, представляетъ грустную картину полного опустошенія. Городокъ Алессіо охраняется нѣсколькими батальонами регулярнаго войска. Вообще турецкія власти безсилны и часто вынуждены вступать въ переговоры съ разбойниками. Европейское вмѣшательство необходимо для успокоенія и водворенія порядка на Балканскомъ полуостровѣ, раздираемомъ неурядицами.

Библиографія.

Изданія Э. Гоппе въ СПб.

Календарь Ежедневникъ на 1889 г. (годъ XVIII), съ двумя бесплатными приложениями: 1) справочная книжка, 2) табель-календарь. Цѣна безъ пересылки 75 коп., съ пересылкой 1 р. 25 к.

Календарь для хозяекъ на 1889 г., съ двумя бесплатными приложениями: 1) новаренная книжка и 2) табель-календарь. Цѣна безъ пересылки 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 к., на велецовой бумагѣ 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

Большой ежедневникъ на 1889 г., съ двумя бесплатными приложениями: 1) справочная книжка и 2) табель-календарь (размѣромъ вдвое болѣе календаря-ежедневника). Цѣна безъ пересылки 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

Прекрасные отрывные календари г. Гоппе настолько извѣстны публикѣ, что мы ограничиваемся извѣстіемъ о томъ, что на 1889 г. они уже поступили въ продажу.

Полный иллюстрированный каталогъ оптики и механика

О. Рихтера въ СПб. 1888.

Необходимая книга для всѣхъ учебныхъ заведеній низшихъ, среднихъ и высшихъ, а также для тѣхъ родителей, которые даютъ своимъ дѣтямъ домашнее воспитаніе не шаяя средствъ на учебныя пособія. Книга эта содержитъ полный перечень, описанія и изображенія всѣхъ учебныхъ пособій и приборовъ для нагляднаго преподаванія и опытовъ по математикѣ и геодезіи, химіи и технохиміи, минералогіи, статикѣ, динамикѣ, физикѣ, зоологіи, анатоміи, ботаникѣ и проч., съ обозначеніемъ цѣны. Цѣна 5 р., съ пересылкой 6 р.

Сборникъ узаконеній и распоряженій о крестьянахъ Эстляндской губернии. I. О поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Составилъ и издалъ А. П. Василевскій. Ревель. 1888.

Весьма почтенный трудъ, представляющій сводъ всѣхъ постановленій объ устройствѣ быта Эстляндскихъ крестьянъ, съ разъясненіями каждаго узаконенія. Необходимая книга для юристовъ служащихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Цѣна 6 р.

С М Ъ С Ъ.

Капитанъ В. Баде, совершившій путешествіе къ Сѣверному полюсу, прочелъ недавно въ франкфуртскомъ коммерческомъ собраніи, лекцію о своемъ пребываніи среди эскимосовъ. Сообщаемъ здѣсь, заимствованную изъ *Франкф. Газеты*, заключительную часть этой лекціи: „Илище эскимосовъ имѣетъ 15 футовъ длины и ширины, при 5 футахъ высоты; къ нему ведетъ длинный ходъ, пробраться въ которомъ можно только ползкомъ. Проникнувъ въ подобную землянку, вы видите ея обитателей въ самой легкой одеждѣ, потому что жара здѣсь достигаетъ свыше 20—25° по Р. Въ то время какъ единственная забота мужчинъ заключается въ добычаніи пищи для семьи, женщины неутомимо и усердно зани-

маются шитьемъ и хозяйствомъ; правда, приготовленіе кушанья не представляетъ для нихъ большого труда, такъ какъ їда ихъ состоитъ изъ утрома, въ полдень и вечеромъ исключительно изъ тюленьяго мяса. Землянка освѣщается лампой; вокругъ нея сидятъ на корточкахъ обитатели, жуютъ жирные куски тюленьяго мяса, выливая сокъ въ пламя, которое они такимъ образомъ поддерживаютъ; свѣтлыя для лампы готовится изъ высушеннаго оленьяго мха. Огонь эскимосы высѣкаютъ ударяя кускомъ желѣза по камню, причѣмъ трютомъ имъ служатъ сережки гренландской ползучей ивы, единственнаго малорослаго древообразнаго растенія. Швейное искусство эскимосскихъ женщинъ изумительно, тѣмъ болѣе что иглами

служать рыбы кости, а нитками тонкоразщепленныя сухожилия изъ высушенныхъ хвостовыхъ плавниковъ тюленя. Лекторъ демонстрировалъ поистинѣ образцовыя издѣлія: изготовленную такимъ образомъ одежду. Кожи тюленя и др. употребляются для верхней одежды, а подъ нею гренландцы носятъ рубахи изъ пуха гагачьяго и другихъ птицъ. Интересенъ способъ сватовства у эскимосовъ. Когда молодой эскимосъ считаетъ себя достаточно искуснымъ охотникомъ чтобы прокормить семью, онъ копаеъ яму въ землѣ, сколачиваетъ изъ снѣга хижину, причемъ псиремѣнно оби-

Надъ измѣненіемъ яркости кометы Энне производилось въ различное время нѣсколько наблюдений, но до сихъ поръ не выясненъ вопросъ, почему эта комета, находясь въ одинаковомъ разстояніи отъ земли и солнца, не отличалась даже приблизительно одинаковою яркостью; иногда свѣтъ ея былъ такъ слабъ, что комету едва можно было разглядѣть въ зрительную трубу; при другихъ явленіяхъ, раньше и позже того, она достигала такой яркости, что становилось видимою невооруженному глазу. Недавно, по словамъ Post, г. Берберихъ произвелъ болѣе подробныя изслѣдова-

Оледѣвшій водопадъ въ Добшауерской ледяной пещерѣ. Рис. И. Кирхнера.

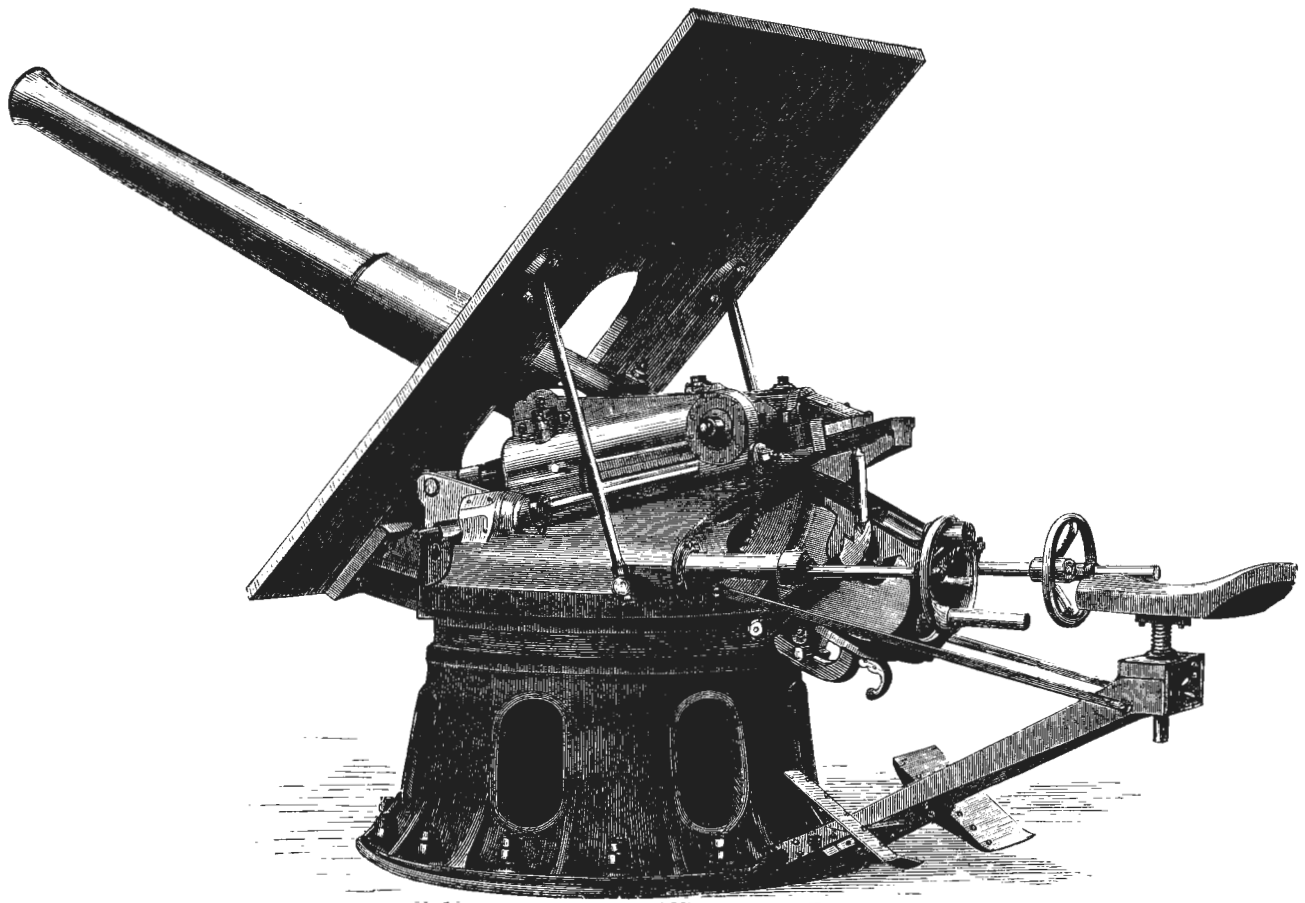
ваетъ ее внутри толеными шкурами, и затѣмъ становится по поясъ въ яму, въ знакъ того, что желаетъ выбрать себѣ жену. Это вызываетъ оживленіе среди эскимосскихъ дѣвушекъ и онѣ являются какъ-бы на показъ. Онъ выскакиваетъ, хватаетъ одну изъ нихъ и, несмотря на притворное сопротивление, тащитъ въ хижину. Разъ попавъ туда, дѣвушка остается у него, считаетъ себя его законно обвѣнчанною женой и надѣваетъ на косу черную ленту — признакъ замужней женщины—тогда какъ дѣвушки носятъ голубыя, а вдовы бѣлыя ленты. Читать и писать эскимосъ не умѣетъ, а считаетъ только до пяти, по пяти пальцамъ. Если ему нужно выразить большее число, онъ говоритъ такъ: одна рука, два или болѣе пальцевъ на другой рукѣ, столько-то пальцевъ на одной ногѣ или столько-то на другой; сорокъ обозначаютъ два цѣлыхъ человека. Число 54 на эскимосскомъ языкѣ было бы поэтому выражено слѣдующимъ образомъ: одна рука и другая и четыре пальца на одной ногѣ и два человека цѣлкомъ.“ (с).

нія этого вопроса и напечаталъ въ *Астрон. Изв.* результаты своего труда,—судя по которымъ яркость кометы находится въ зависимости отъ измѣняющихся явленій на поверхности солнца: въ періодъ большаго количества солнечныхъ пятенъ комета отличалась болѣею яркостью, и наоборотъ, въ періодъ наименьшаго количества пятенъ, свѣтъ кометы былъ очень слабъ; даже неправильности въ восьми-лѣтнемъ періодѣ солнечныхъ пятенъ (напр. 1788—1804 и 1829—1837) невидимому отражались на степени яркости кометы. Для физическаго объясненія этого факта г. Берберихъ вспоминаетъ о сходныхъ свѣтовыхъ явленіяхъ, которыя наблюдаются при помощи Гейслеровыхъ трубокъ надъ разрѣженными газами, чрезъ которыя проходитъ электрическій токъ. Такъ какъ, съ одной стороны, подобные газы, представляющіе главную составную часть кометы, обладаютъ ничтожною плотностью, а солнце можетъ оказывать электрическое дѣйствіе на тѣла вселенной, а съ другой—электрическое накалываніе разрѣженныхъ газовъ можетъ происходить и при очень низкой

температурѣ, то весьма возможно, что вышеупомянутыя измѣняющіяся свѣтотыя явленія происходятъ отъ передаваемого солнцемъ электричества. Въ будущемъ гипотеза эта должна быть еще проверена, если только на свѣтотыя явленія, периодически появляющіяся кометы, будетъ обращено должное вниманіе, что, судя по добытымъ до сихъ поръ результатамъ, не можетъ не представлять величайшаго интереса. Было бы действительно замѣчательно, если бы оказалось, что измѣняющееся электрическое дѣйствіе солнца не только способно приводить въ движеніе наши чувствительныя магнитныя стрѣлки и вызывать сѣверныя сіянія, но прямо или косвенно вліять и на измѣненіе свѣта кометы. (с.)

Вода одно изъ самыхъ сильныхъ растворяющихъ средствъ. Она растворяетъ большую часть твердыхъ и жидкихъ тѣлъ и всѣ газы. Отсюда такъ трудно добывать изъ натуральныхъ источниковъ воду совсѣмъ чистую и безъ всякой примѣси. Растворяя различныя тѣла, вода сама, однако, не измѣняется и не скрываетъ свойствъ растворимыхъ въ ней веществъ: она въ высшей степени нейтральна. Большинство веществъ растворяется легче въ горячей, чѣмъ въ холодной водѣ; одна известь составляетъ исключеніе. Степень растворимости, повидимому, не имѣетъ никакого отношенія ни къ

которыхъ до сихъ поръ не поддавалась никакимъ изслѣдованіямъ, можетъ быть названъ: *травматическій столбнякъ* (*Wund-Starrkrampf*), этотъ „страшнѣйшій врагъ хирурговъ“—какъ его называлъ Диффенбахъ. Въ настоящее время, (по словамъ *Фосс. газ.*), благодаря неутомимымъ трудамъ и усовершенствованнымъ методамъ изслѣдованія, ученымъ удалось проникнуть въ эту непроглядную тьму. Превосходные труды нѣмецкихъ бактериологовъ, Флогге, Николайера, Розенбаха, констатировали присутствіе особаго возбудителя названной болѣзни, имѣющаго весьма опредѣленные характерныя признаки, такъ что существованіе бациллы травматическаго столбняка не подлежитъ болѣе ни малѣйшему сомнѣнію. Однако до сихъ поръ не былъ еще открытъ тотъ ядъ, который возникаетъ въ слѣдствіе существованія и жизнеспособности столбняковой бациллы, обуславливающей ея страшное дѣйствіе. Въ настоящее время уже имѣются доказательства тому, что этотъ характерный ядъ, *тетанинъ*, действительно существуетъ и именно въ живомъ, больномъ человѣкѣ. Тетанинъ, открытый уже ранѣе путемъ анализа, былъ фактически извлеченъ профессоромъ Берлинскаго университета Бригеромъ, изъ ампутированной руки, непосредственно слѣдъ за ея отнятіемъ. Проверочные опыты, произведшіеся съ тета-

Новая скорострѣльная пушка Круппа.

тису атомовъ, ни къ характеру химическихъ соединений. На основаніи этого растворяющаго свойства воды и растенія получаютъ изъ почвы свое неорганическое питаніе: она вызываетъ и поддерживаетъ въ нихъ обращеніе растительнаго сока. Кислородъ растворяется въ количествѣ 3,7 частей по объему на 100 частей воды и существуетъ во всякой водѣ на открытомъ воздухѣ. Другіе газы еще въ большемъ количествѣ въ ней растворяются: столь общепотребительныя сельтерская и содовая воды суть не иное что какъ водные растворы этихъ газовъ, которые, такъ же точно какъ и сѣродородный газъ, растворяются въ 16 процентахъ по объему въ водѣ. Есть газы и еще болѣе растворимые, напр. амміакъ. Двѣ причины обуславливаютъ растворимость въ водѣ газовидныхъ тѣлъ: температура и атмосферическое давленіе. Чѣмъ холоднѣе вода, тѣмъ больше газа можетъ она растворять и удерживать въ растворенномъ видѣ. При кипяченіи она выпускаетъ всѣ газы. Атмосферическое давленіе тоже имѣетъ вліяніе на степень растворимости газовъ: послѣднія даже находятся въ прямомъ отношеніи къ первому. Изъ наблюденій видно, что въ горныхъ итальянскихъ озерахъ водятся лишь низшія и болѣе мелкія породы рыбъ. Это объясняется высокимъ положеніемъ вышеупомянутыхъ озеръ надъ поверхностью моря, въ области разрѣженнаго воздуха и менѣе сильнаго атмосферическаго давленія. Вода въ этихъ озерахъ, слѣдовательно, содержитъ въ себѣ меньшее количество раствореннаго воздуха и потому менѣе способна поддерживать животную жизнь. (N.)

Тетанинъ. Однимъ изъ самыхъ опаснѣйшихъ заболѣваній, причина

нимомъ надъ здоровыми животными, надъ мышами, кроликами и морскими свинками, дали утвердительные результаты и животныя, надъ которыми производились опыты, подвергались травматическому столбняку. Впрочемъ опытъ съ собакой не далъ никакихъ результатовъ, а подкожное вспрыскиваніе яда лошади вызвало сильное и продолжительное подергиваніе мускуловъ, но не произвело оцѣпенѣнія, столь обыкновеннаго при столбнякѣ лошадей. Дальнѣйшія изслѣдованія должны быть направлены къ тому, чтобы противопоставить *тетанину* специфическое противоядіе, которое бы парализовало его дѣйствіе. (с.)

Астрономомъ Денингомъ, въ Лондонѣ, добыты недавно интересныя свѣдѣнія относительно высоты на которой бываютъ видимыя огненные шары и падающія звѣзды. При исчисленіи было принято во вниманіе 80 метеоровъ, наблюдавшихся въ періодъ 1865—1887 г. Оказалось, въ среднемъ выводѣ, что метеоръ при началѣ своего появленія достигаетъ 69 миль высоты, а при угасаніи 30 миль. Для падающихъ звѣздъ начальная высота достигаетъ 80 миль, конечная 54 миль, среднее теченіе 67 миль. Выходитъ, повидимому, что огненные шары, прежде чѣмъ достигнутъ видимой степени раскаленности, проникаютъ въ атмосферу на 11 миль глубже, чѣмъ мелкіе метеоры, и что они при окончательномъ распаденіи находятся на 24 мили ближе къ землѣ, чѣмъ болѣе легкіе метеоры. Весьма вѣроятно, по этому что телескопическія падающія звѣзды, видимыя почти каждую ночь, достигаютъ еще болѣе высокой высоты, чѣмъ болѣе яркія изъ этихъ тѣлъ, видимыя простымъ глазомъ. Всѣ приведенныя здѣсь цифры показаны въ англійскихъ миляхъ. (с.)

2-й заемъ 1866 года.

45-й тиражъ 1-го сентября 1888 года.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.						
51	25	500	2912	20	500	5178	25	500	7927	35	500	10638	4	500	12943	25	500	15550	34	500	17833	47	500
65	16	500	3016	24	500	5196	6	500	7943	28	500	10756	43	500	13032	6	500	15562	31	1000	17837	12	500
217	42	500	3058	50	500	5326	15	500	7954	16	500	10813	17	500	13064	17	500	15577	19	500	17839	25	500
251	12	500	3068	36	500	5342	4	500	7991	46	1000	10822	7	500	13072	21	500	15600	43	500	17886	27	1000
365	25	500	3257	48	500	5411	26	500	8041	9	500	10866	47	500	13089	47	500	15728	22	500	17940	19	500
418	35	500	3323	29	500	5438	9	500	8044	43	500	11164	2	500	13094	36	500	15751	45	500	18158	50	500
423	7	500	3339	30	500	5511	25	500	8101	15	500	11165	1	500	13123	48	500	15816	15	500	18275	34	500
475	33	500	3402	23	500	5559	24	8000	8342	32	500	11252	43	500	13192	41	500	15864	42	500	18378	6	1000
489	39	500	3535	22	500	5626	30	500	8382	35	500	11318	11	500	13317	11	500	16135	41	500	18427	29	500
661	23	500	3620	32	500	5657	10	500	8405	24	500	11380	8	500	13371	15	500	16214	43	500	18532	5	500
735	25	500	3705	32	500	5675	45	500	8452	26	500	11389	46	500	13391	39	500	16245	27	1000	18540	16	500
853	2	500	3774	32	500	5680	21	10000	8475	17	1000	11533	9	500	13419	2	500	16254	34	500	18567	44	500
857	9	500	3828	8	500	5762	32	500	8492	18	500	11579	4	500	13425	14	1000	16276	42	500	18608	18	500
935	45	500	3829	31	500	5782	9	500	8557	26	8000	11646	23	500	13450	20	1000	16470	23	500	18619	20	500
979	48	25000	3916	45	500	5819	39	500	8725	37	500	11688	29	1000	13549	3	500	16571	14	500	18625	19	500
1188	3	1000	3973	36	500	5983	4	500	8739	31	500	11692	20	500	13591	20	500	16611	22	500	18653	45	10000
1215	20	500	3985	37	500	6086	2	500	8741	28	500	11784	33	500	13656	23	500	16724	11	1000	18696	41	500
1299	1	500	4119	9	500	6145	48	500	8918	36	5000	11931	48	500	13657	34	500	16736	40	500	18737	17	500
1356	39	500	4244	26	500	6197	29	500	8996	48	500	11958	50	500	13803	16	500	16753	25	500	18796	5	500
1429	25	500	4245	36	500	6260	31	500	9301	47	500	11986	11	500	13903	24	500	16800	40	500	18847	23	1000
1440	3	5000	4258	44	500	6479	13	500	9310	16	500	12006	25	500	14061	27	500	16871	40	500	18900	32	500
1514	42	500	4270	39	500	6523	44	500	9384	22	500	12146	39	500	14128	43	500	16943	6	500	18915	17	1000
1661	32	500	4329	42	500	6582	44	500	9395	36	500	12188	17	500	14473	48	500	16966	3	500	18983	13	500
1742	9	500	4335	46	10000	6744	16	500	9447	34	500	12199	20	500	14538	22	500	16978	18	500	19007	12	500
1744	29	500	4352	44	500	6757	31	200000	9456	42	500	12231	22	500	14550	33	500	16982	1	500	19037	43	500
1885	15	500	4359	34	500	6810	21	500	9504	36	500	12232	48	500	14615	6	1000	17019	6	500	19065	50	500
1899	7	500	4381	39	5000	6827	21	500	9560	33	500	12256	47	5000	14762	44	1000	17051	39	500	19076	3	500
1991	41	500	4502	25	500	6855	17	500	9709	48	500	12365	5	1000	14769	28	500	17130	10	500	19217	33	8000
2003	7	75000	4544	35	500	7016	21	500	9791	15	8000	12368	36	500	14805	31	500	17178	24	1000	19486	38	500
2089	46	500	4611	43	500	7088	21	500	9802	15	500	12591	42	500	14911	17	500	17183	14	500	19539	42	500
2137	41	500	4631	23	500	7121	24	1000	9907	6	500	12713	19	500	14952	33	500	17231	42	500	19556	36	500
2190	29	500	4729	47	500	7130	24	500	9932	44	500	12772	43	500	15012	10	500	17306	48	500	19694	16	500
2195	41	500	4793	18	40000	7142	15	500	9992	46	500	12871	15	500	15023	34	500	17433	36	500	19752	42	500
2206	23	500	4810	34	500	7250	4	500	10101	44	500	12886	50	1000	15105	40	500	17539	31	500	19838	42	500
2274	38	500	4986	47	8000	7347	9	500	10106	50	500	12897	38	500	15154	3	500	17763	8	500	19876	8	500
2350	42	500	4991	34	500	7590	44	500	10345	33	500	12931	28	500	15187	5	500	17792	25	500	19897	3	500
2491	14	500	5081	40	500	7646	7	500	10512	28	500	12941	3	500	15379	13	500	17793	30	500	19992	33	1000
2613	1	500	5155	40	500	7837	37	500	10612	24	500												

№№ серий, вышедших въ тиражъ погашенія.

188, 634, 729, 1381, 1949, 2201, 2230, 2739, 3074, 3346, 3366, 3667, 3862, 3894, 3928, 4592, 4836, 4844, 5636, 6295, 6673, 7114, 7138, 7223, 7464, 7487, 7609, 7943, 8112, 8181, 8231, 8238, 8645, 8682, 9211, 9311, 9605, 10118, 10223, 10405, 10622, 10924, 11279, 11316, 11559, 12001, 12091, 12286, 12346, 12544, 12587, 12696, 12768, 12855, 13149, 13416, 13689, 13696, 13942, 13888, 14364, 14491, 14669, 14757, 14770, 15183, 16115, 16320, 16321, 16556, 16593, 16635, 16641, 16778, 16815, 16837, 16947, 17074, 17202, 17617, 18191, 18293, 18492, 18503, 19068, 19855.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1888 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками съ оригинала проф. **Ю. Ю. КЛЕВЕРА:**

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“(14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

Въ настоящемъ году, мы озаботились изготовленіемъ рамъ **ТРЕХЪ СОРТОВЪ**, при чемъ первые два сорта имѣются изъ золоченаго и чернаго полированнаго багета, а третій только изъ одного чернаго. Размѣрь и цѣны рамъ, со вставленными въ нихъ картинами (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ)—слѣдующія:

№ 1. Изъ лучшаго золоченаго или чернаго полированнаго багета, съ лѣпными узорчатыми украшениями (ширина въ діам. 2 вершк.) по **4 руб.**, а съ упаковкою въ ящикъ для иногородныхъ по **5 р. 50 к.** (безъ перес.).

№ 2. Изъ такого-же, но болѣе красиваго и широкаго багета (шир. въ діам. 2³/₄ вершк.): золоченая **6 р.**, и черная **5 р. 50 к.**, а съ упаковкою въ ящикъ для иногородн. **7 р. 50 к.** и **7 р.** (безъ пересылки).

№ 3. Изъ богатаго чернаго полированнаго багета (ширина въ діам. 4¹/₂ вершк.) художественной лѣпной работы, **11 руб.**, а съ упаковкою въ ящикъ для иногор. **13 р.** (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки ихъ они будутъ уплачивать на мѣстѣ—при полученіи посылки. Въ тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ транспортной конторы и желѣзно-дорожной станціи, рамы будутъ высылаться почтою, но при этомъ гг. подписчики вмѣстѣ съ слѣдующими деньгами за рамы—благоволятъ прилагать и за почтовую пересылку, по разстоянію, за раму № 1 за 40 фунт., № 2 за 60 фунт., и № 3 за 60 фунт. При чемъ расчетъ за почтовую пересылку считается слѣдующимъ образомъ: за разстояніе до 300 верстъ за каждый фунтъ по 3 к.; до 400 верстъ по 4 к. и т. д., прибавляя на каждыя 100 верстъ по 1 коп. съ фунта.

Въ виду поступающихъ отъ нѣкоторыхъ гг. подписчиковъ заявленій о желаніи получить главную премію въ рамѣ—теперь-же, т. е. не дожидаясь общей разсылки картины, мы нашли возможнымъ удовлетворить этому желанію, и для тѣхъ лицъ, которыя пожелають имѣть премію въ рамѣ, начать выдачу картины **ТЕПЕРЬ-ЖЕ.**

Гг. городскіе подписчики при полученіи преміи, благоволятъ представлять въ контору свои подписные билеты на „Ниву“ 1888 г.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить премію въ рамѣ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ **Н. Н. Печковской** (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: № 1—по 5 руб., № 2—золоченая—7 р., черная 6 р. 50 к. и № 3—12 р. 50 к.

Желающихъ получить премію въ рамѣ, покорнѣйше просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картины.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, Спб., Невскій просп., № 6.

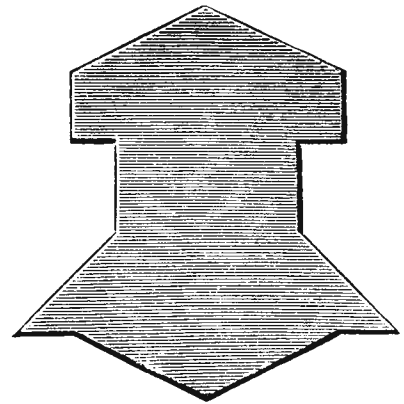
Алгебраическая задача № 59.

Русская пословица состоит из 14 букв; если вместо букв поставить числа, соответственно вставить их в русской азбуке, то между этими числами будут следующие соотношения:

- 1) Пятое относится к одиннадцатому, как тринадцатое к разности первого и четвертого.
- 2) Квадратный корень из суммы двенадцатого и восьмого равен двум третям десятого.
- 3) Четвертое относится к двенадцатому, как сумма девятого и восьмого к разности первого и тринадцатого.
- 4) Кубический корень из шестого равен половине второго числа.
- 5) Второе относится к десятому, как сумма седьмого и восьмого к сумме третьего и того же восьмого числа.
- 6) Первое число равно сумме четвертого, двенадцатого и двум третям второго числа.
- 7) Третье относится к одной трети четвертого, как седьмое к одной трети двенадцатого.
- 8) Кубический корень из четырнадцатого равен половине десятого числа.
- 9) Сумма пятого и одиннадцатого равна удвоенному тринадцатому числу.
- 10) Девятое относится к разности двенадцатого и восьмого, как разность одиннадцатого и седьмого к разности пятого и третьего числа.
- 11) Сумма четырнадцатого и шестого равны сумме первого, четвертого и третьего.
- 12) Одиннадцатое относится к четвертому, как пятое к двенадцатому числу.
- 13) Сумма девятого и десятого равна четвертому и третьему числу.
- 14) Разность второго и третьего равна разности десятого и седьмого числа.

Геометрическая задача № 60.

Разрѣзать данную фигуру прямыми линиями на 10 частей, такъ, чтобы составить изъ нихъ квадратъ.

Задача № 61.

Найти 7 словъ. Буквы этихъ словъ размѣстить на мѣстахъ соответствующихъ чиселъ такъ, чтобы получилась одна пословица.

1	2	3	4
5	6	7	8
9	10	11	12
13	14	15	16
17	18	19	20
21	22	23	24
25	26	27	28
29	30	31	32

- 1) Молочный продукт 31. 12. 22. 15. 28.
- 2) Часть тѣла 6. 25. 9. 7. 24.
- 3) Гласная буква 21.
- 4) Мѣсто мытья 11. 16. 1. 18.
- 5) Служебныя степени 20. 8. 23. 29. 32.
- 6) Народъ въ Европѣ 14. 27. 2. 3. 26.
- 7) Танецъ 17. 5. 10. 13. 4. 19. 30.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики (славолюбить представлять подписные билеты).

СОДЕРЖАНІЕ: А. В. Вышеславцевъ (съ портр.). — Вѣчу не быть. Старинная повесть Д. В. Аверкіева. Часть II. (Продолженіе). — Старшій унтеръ-офицеръ Савелій Бончуковъ. Рассказъ Андрея Львовича. — На пути въ Индію. Н. Н. Каразина. Письмо первое (съ 9-ю орг. рис. автора). — Къ рисункамъ: Смѣшной женихъ (съ рис.). — На пастыѣ (съ рис.). — За туалетомъ (съ рис.). — Переходъ Ганнибала черезъ Альпы (съ рис.). — Замерзшій водопадъ въ Добшинской ледяной пещерѣ (съ рис.). — Крупновская скорострѣльная пушка (съ рис.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Смѣсь — Тиражъ выигранной Государственнаго Банка. — Рамы для премій „Нивы“ 1888 г. — Задачи. — Заявленіе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Илюшинковъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ тѣхъ многихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку преміи, — карт. проф. Ю. КЛЕВЕРА „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“ поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

ЛЕПНИЦЪ и ГЛОЗНИЦЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПРОДАЮ
издѣлю и покупаю иностранныя почтовые марки. Для продавцевъ большая уступка. В. Гостонскій, Кіевъ, Малая Подвальная, 17.

ЗАКАЗАНІЕ
высывается въ заведеніи **РОБЕРТА ЭРНСТА** въ Берлинѣ, W. Potsdamerstrasse, 37. Классомъ ведутся также по-русски; проспекты высылаются Р. № 3309 бесплатно. 26—8

НОВАЯ КНИГА: № 3350
Unvln. Основы постр. частей машинъ. Ц. 3 р. 50 к. ♦ Сборн. рисунковъ токарн. издѣлій (для любит.). Ц. 4 р. ♦ Практ. курсъ токарнаго искусства. Ц. 1 р. 50 к. ♦ Выпис. отъ М. Нотыкса, Москва, Кузнецкій М., лит. Бахманъ, за пересылку не платятъ.

Школа К. И. ГЕРКЕ,
Б. Конюшенная, домъ Петропавл. ц., переде-ва изъ кв. № 121 въ № 122, въ томъ же домѣ.

ДАМНЫ, БРОНЗА, 3—3
Р. № 3307 — посуда и проч. —
рекомендуютъ въ торговомъ домѣ

AU BON MARCHÉ
♦ Невскій пр., 49. Больш. Морская, 32. ♦

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
для гувернантокъ рекомендуетъ наставницъ и гувернантокъ русскіхъ, французскіхъ, нѣмецкнхъ и англійскнхъ. За справками просить обращаться отъ 1 часа до 4-хъ часовъ пополудни, въ Торговую, домъ 15, кв. 58. № 3197 15—8 Комитетъ.

РОЯЛИ И ПИАНИНО
въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ

Г. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, д. Волнова.
Полный прейсъ-курвантъ всѣхъ инструмен-тамъ бесплатно. (9) Ц. № 3077

ПАТЕНТОВАННАЯ МАШИНКА
для выдѣлыванія пуговиць.

Необходимо для всѣхъ портныхъ, портныхъ, каретниковъ, сѣдельщиковъ, драпировщиковъ и декораторовъ.

Новѣйшая, простая и очень практичная машинка, съ помощью которой каждый легко можетъ выдѣлывать пуговицы изъ какой угодно матеріи.

ПРОЧНѢ И ДЕШЕВЛѢ ПОКУПНЫХЪ ГОТОВЫХЪ ПУГОВИЦЪ!

	Р. К.	ЦѢНЫ ПУГОВИЦЪ:	Р.
для портныхъ	18	— Пуговицы	1 за grossъ.
		22	28
		32	38

* портныхъ . . . . . 13 50 1 р. 35 к., 1 р. 65 к., 2 р., 2 р. 25 к. *
♦ для каретник. и сѣдельщнк. 20 — Пуговицы . . . . . 7 за тыс.
♦ для драпировщиковъ и декоратор. 15 — Пуговицы . . . . . 3 за тыс.

ПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНАЯ УСТУПКА!
Складъ и продажа машинокъ и принадлежностей къ нимъ:
у **С. БЕРНШТЕЙНА** Большая Лубянка, Варсонофьев-
у **ФРАНЦА ГЮНТЕРЬ** снѣй пер., домъ Рябушинскихъ,
и въ **С.-ПЕТЕРБУРГѢ** — у Франца Гюнтеръ, Садовая, № 12. № 3270
9—8

ПОЛНЫЙ ТОМЪ
„НИВЫ“ 1887 года,
заключающей въ себѣ болѣе 1300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой историч. романъ гг. Е. А. Салиаса — „Яун-Нундзе“, большую повесть В. И. Немировича-Данченко — „Патмосъ“, рассказы В. Крестовскаго — „Мой собратъ“, рассказы А. Я. Максимова — „Сниталець“, большую повесть Н. Д. Ахшарумова — „Темная карта“ и его же рассказы „Ванзамія“, рассказы К. Тхоржевскаго — „За дупелями“ и „Неожиданный случай“, сцену Виктора Крылова — „Секретное предписаніе“, рассказы Н. Морскаго (Лебедева) — „Въ пансіонѣ“, большую повесть В. Желиховской — „Кавказскій легіонъ“, рассказы Е. Валова, К. Бороздина, Кирилова, князя Д. Н. Чертолева, Эвальда, Захеръ-Мазоха и разн. друг., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, гигиенѣ, астрономіи и проч. и проч., и кромѣ того нѣсколько художественныхъ, печатанныхъ красками, приложеній и большая олеографическая картина **К. Ю. Маковского:**

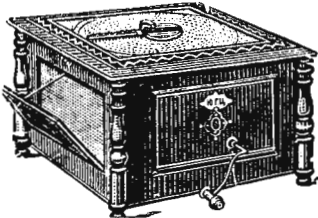
„БАБУШКИНА СКАЗКА“.
(Парижскія Моды со множеств. рис. рукод. и вышивочн. работъ. Къ переплет. экз. „Нивы“ „Моды“ прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ со всѣми безплатными приложеніями:

Брошюрован.	4 р.	Въ каленк. перепл.	5 р. 50 к.
Съ пересылкою	6 .	Съ пересылкою.	7 . 50 .

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.
Романъ изъ жизни Туркестанскаго крал Н. Н. КАРАЗИНА. Изд. 2-е, дополн. 8-ю новыми оригинальн. рисунк. автора. Цѣна 2 руб. съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскошн. коленк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Съ требов. прос. обрац. въ Контору журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, д. 6).

**ЦѢНА ГЕРОФОНА
УДШЕВЛЕНА.**

Обыкновенный герофонъ съ 10 пьесами стоитъ теперь только 30 руб. Герофонъ съ приспособл. для игры „forte“ и „piano“ съ 10 пьесами только 32 руб. Большое количество добавочн. пьесъ по 60 коп. за каждую. За пересылку прошу приложить за 50 фунтовъ. Наталогъ нотъ для герофона, а также иллюстр. прейсъ-курантъ въсьмъ инструментамъ — бесплатно.

Герофоны и ноты къ нимъ продаются у меня только настояще патентованные. Поддѣльных, котор. легко портятся, не имѣю.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо № 3354
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

№ 4711

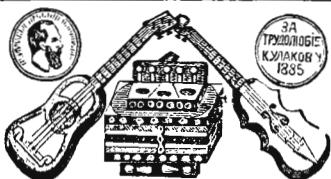
**ГЛИЦЕРИНОВЫЯ
МЫЛА**

получили известность, благодаря своимъ качествамъ; значительное содержание глицерина, большая экономія, обиліе пѣны и тонкій ароматъ составляютъ отличительныя ихъ свойства. Специально рекомендую:

- № 4711 Роза — Хрустальное мыло,
- № 4711 Ландышъ — Хрустальное мыло,
- № 4711 Резеда — Хрустальное мыло.
- № 4711 О-де-колонъ — Хрустальное мыло,
- № 4711 Монополь — Глицериновое мыло.

Издѣлія № 4711 продаются во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3353 6—1
ГЛАВНОЕ ДЕПО

у АЛЕКС. ТИСЪ и К^о.
Пушкинская, № 4.

**ТОРГОВЫЙ ДОМЪ и ФАБРИКА
Д. Е. КУДАКОВЪ.**

Реком. гармоніи, гитары, скрипки, мандолины, цитры, флейты, лирофоны, струны, герофоны, арисони, кларифоны и пр. Цѣны фабричныя. Торговцамъ скидка. Илюстр. прейсъ-курантъ выс. бесплатно.
4—1 главный складъ и контора: 3351
Въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая, № 40.

**„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ колесные велосипеды
специально для русскихъ дорогъ.**

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.
Прейсъ-куранты бесплатно, также брошюра виконта Барри: „О велосидахъ въ велосипедистахъ“.
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., В. Морская, 21. Р. № 3291 (8)

**НОВЫЙ БОЛЬШОЙ
АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,**

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

Цѣна въ изящн. литограф. обертнѣ 1 р. 25 н., съ перес. 1 р. 60 н.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всѣмъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена крайне умеренная, 1 р. 25 н., а съ пересылкою 1 р. 60 н.

Требованія просить адресовать: въ С.-ПБ—гь, въ контору журнала „Нива“ (Невскій. 6).

**С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ**

Измайловскій проспектъ, № 21.

рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

О-ДЕ-КОЛОНЪ № 4

(Экстрактъ) по 50 к. и 1 р.

Туалетная вода специальная по 90 коп. Туалетный укусъ по 60 коп. Туалетная вода Ширръ по 1 руб. Укусъ Виолетъ де-Шаръ по 75 коп.

ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА

по 80 к. и 1 р. 60 к.

Искора Бреони | Жюкей Клаубъ. | Виолетъ де-Пармъ.
Буке Императрисъ | Надура. | Бѣлая Роза.
Шампаня | Олопонакъ.

ЛѢСНАЯ ВОДА ДЛЯ КУРЕНІЯ по 50 к.

приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія. Духи самага высшаго качества по 1 руб. Бѣлый Гелиотропъ. — Ландышъ. — Лиля блянъ. — Эссъ Буке. — Эссъ Виолетъ. **НЕЗАМѢНЯЕМЫЙ БУНЕТЪ** по 2 р.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
- 2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
- 3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ. Рт. № 3347

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ:

ПОМАДА, окрашивающая сѣдые волосы въ прежній ихъ цвѣтъ, флаконъ 3 р., пересылка 1 р., для удобства: жидкая и густая помада, по полфлакону, цѣна 3 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к.; Гороховая ул., д. 57, магазинъ-парикмахерская Ивановой. № 3348

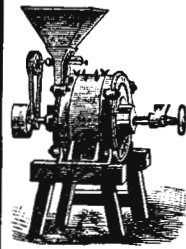
ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. (33) № 2946

НОВАЯ
МУКОМОЛЬНАЯ
МЕЛЬНИЦА
„ТРИУМФЪ“
ЗАВОДА
БУРКГАРДТЪ
и
УРЛАУБЪ
принадлежать къ
лучшимъ настоящаго времени.

Болше 600 штукъ въ работѣ.

ЗАВОДЪ СТРОИТЪ КРОМѢ ТОГО:
плуги, бороны, вѣялки, жней, косилки, локомобили 3, 4 и 6 силъ, кон. грабли, молотилки, сѣялки, соломорѣзки, сѣвныя прессы, насосы, пожарныя трубы, паровыя машины и пр. № 3319 3—2
Подробности высказаетъ бесплатно
Товарищество
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 лин., № 10.
Москва, Масницкая, д. Виноградова.

**ПОМОЛОГИЧЕСКІЙ САДЪ
Д-ра РЕГЕЛЯ**

№ 3338

КЕССЕЛЬРИНГА.

(Выборгск. ст., Лабораторное шоссе, № 1).

Имѣетъ честь обратить вниманіе господа Любители Садоводства, что самое удобное время для пересылки и посадки въ петербургскомъ климатѣ выносливыхъ сортовъ хвойныхъ, красиво цвѣтущихъ, многолѣтнихъ и земляники, считается августъ до половини сентября. Лиственныя деревья, рованы, красно-цвѣтущіе кустарники, плодовые деревья, ягодные кустарники, пересылаются для посадки съ половини сентября до начала морозовъ, а весной посѣтъ оттаянія почвы. На болѣе отдаленныя растолія въ южныя губерніи, на Кавказъ и Туркестанъ, самый лучший періодъ для пересылки и посадки всѣхъ живыхъ грунто-выхъ растений, считается осень.

Съ заказами просимъ обращаться къ Я. К. Кессельрингу, проживающему въ Помологическомъ Саду, а за каталогами писменно къ д-ру Э. Л. Регелю въ Императорскомъ Ботаническомъ Саду.

! НОВОСТЬ!

Усовершенствованная англійская карманная двухтактная швейная машина

МОЛЬДАКОТЪ

съ колесомъ и автоматически выбрасывающимъ челнокомъ. ПРЕИМУЩЕСТВА: легкий ходъ, небольшой объемъ, изящный видъ и дешевизна. Наставленія прилагаются. Цѣна безъ футл. 10 руб., въ орѣхов. футл. 11 р. 25 к.; перес. 75 к.; на Кавказъ и въ Сибирь за 3 фунт. № 3356

Главный складъ въ пестебумажномъ магазинѣ „ПОЛИГРАФЪ“, Москва, Моросейка, д. Комитета. — Оптово-розничная торговля писемн. принадлежностей.

**ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ
В. БЕССЕЛЬ и К^о.**

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 54.
Москва, Петровка, № 12. № 3349

Вышла изъ печати новыя изданія знаменитая фортепианная школа

ГУСТАВА ДАММЪ.

съ объяснительнымъ текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, могущая успешно замѣнить всѣ другія устарѣвшія школы игры на фортепиано. Цѣна 2 р. 50 к.

**БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ**
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги,
Судамъ подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3336 3—2
Также нужны вѣрные съ посыл-
нымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по выше-
означенному адресу.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XIX г.
№ 38

г. XIX
1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИНСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдаѣтъ 17 сентября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 2 fr 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петербургъ . . . . . **4 р.**
Съ доставкою въ Петербургъ . . . . . **5 р. 50 к.**
Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. И. Печковской, Петровск. Торг. линіи. **5 р.**

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . . . **6 р.***
За границу, съ перес. . . . . **8 р.**
*) Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ, а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать на упорку и пересылку ея **60 КОП.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленіи отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. нумера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Н. В. Станкевичъ.

Въ исторіи нашего умственнаго развитія ярко выдѣляется чрезвычайно талантливая личность молодого дѣятеля, рано похищеннаго смертью. Не громка была его дѣятельность, не важны были его литературныя заслуги. Онъ написалъ нѣсколько статей философскаго содержанія, двѣ-три заурядныя повѣсти, да нѣсколько изящныхъ стихотвореній, ничего особеннаго не представляющихъ. А между тѣмъ при воспоминаніи объ этомъ скромномъ дѣятелѣ вѣетъ тѣмъ-то неизлишне прекраснымъ, отраднымъ, чувство глубокой симпатіи и уваженія къ нему невольно наполняетъ всю душу; передъ вами встаетъ дѣтски чистый, свѣтлый образъ высоконравственнаго человѣка, одно присутствіе котораго дѣйствовало на окружающихъ неотразимо, самымъ обаятельнымъ образомъ и котораго справедливо сравнивали съ подземнымъ ключомъ, чье существованіе можно узнать по роскоши зелени, распространнымъ имъ въ кругъ сво-

Николай Владиміровичъ Станкевичъ (по поводу 75-ой годовщины дня его рожденія).
Съ совр. портр. грав. Ю. Шюльеръ.

его вліянія. И онъ, дѣйствительно, какъ благодатный ключъ питалъ и живилъ всѣхъ его окружающихъ; еще на школьной скамьѣ, въ стѣнахъ университета, сдѣлаеа онъ центромъ кружка товарищей, добровольно подчинившихся вліянію его „свѣтлаго ума, благороднаго сердца и строгихъ нравственнхъ требованій“; позднѣе его безопечное благотворное вліяніе живо чувствовали такіе, сами по себѣ даровитые личности, какъ Бѣлинскій, Грановскій, Кольцовъ и другіе. Этимъ „влиятельнымъ“ человекомъ былъ Николай Владиміровичъ Станкевичъ, со дня рожденія котораго въ текущемъ году исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ. Съ именемъ Станкевича связывается пора пробужденія лучшей части нашего общества, когда его представители стали „сознавать важность строгаго, добросовѣстнаго служенія наукъ, необходимость нравственныхъ требованій отъ себя и отъ другихъ, общественное значеніе чистоты дѣйствій и побужденій“. Имя Станкевича напоминаетъ намъ

о существовании въ тридцатыхъ годахъ замѣчательнаго кружка, страстно увлекавшаго гегелевской, тогда новой философией, стремившагося къ высокому, гуманному пониманію жизни, который образовался изъ выдающихся литературныхъ силъ и бесспорно игралъ важную роль въ литературѣ. Онъ оставилъ послѣ себя замѣтный слѣдъ, поднялъ всѣ тѣ литературныя и научныя вопросы, надъ разработкою которыхъ потомъ трудились лучшие русскіе люди, всю свою жизнь посвятившіе „на служеніе мысли высокой, на служеніе правдѣ“. Въ Станкевичѣ, этомъ типѣ удивительно благороднаго, возвышеннаго молодого существа, отразилась, по справедливому замѣчанію его біографа, юность одной эпохи нашего развитія: онъ какъ будто собралъ и совокупилъ въ себѣ лучшія нравственныя черты, благороднѣйшія стремленія и надежды своихъ товарищей. Въ немъ сошлось какъ въ центрѣ все прекрасное, которое было разсыяно въ толпѣ окружавшихъ его друзей... Причипа *повсемѣтнаго* вліянія Станкевича заключается—говорить тотъ же біографъ—не въ талантахъ, которыхъ онъ проявить не успѣлъ, не въ познаніяхъ, хотя объемъ ихъ былъ весьма уже значителенъ, не въ умѣ, хотя глубина и проицательность его были охотно признаваемы. Причина полного, неотразимаго вліянія Станкевича заключалась въ возвышенной его природѣ, въ способности нисколько не думать о себѣ и безъ малѣйшаго признака хвастовства или гордости цезвольно увлечь всѣхъ за собою въ область идеала. Благодаря такой способности онъ подчинилъ своему вліянію чуть не каждого, кто съ нимъ знакомился сколько пибудь близко, не говоря уже о друзьяхъ его. Самъ Грановскій считалъ себя ученикомъ Станкевича, не въ отношеніи эрудиціи, для которой помощь товарищей ему не была нужна, а въ смыслѣ „науки сбереженія души, воспитанія воли, неослабнаго бодрствованія въ благихъ помыслахъ“. На Бѣлинскомъ вліяніи Станкевича также отразилось въ высшей степени благотворно и, какъ это всѣмъ извѣстно, даровитый критикъ въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ“, который произвелъ столь сильное впечатлѣніе, прямо высказалъ воззрѣнія станкевичевскаго кружка, всю сущность его убѣжденій—его стремленія къ отысканію путей правды и добра. Свѣтлый образъ Станкевича жилъ съ Бѣлинскимъ до конца и критикъ нашъ въ послѣдній періодъ дѣятельности своей съ благоговѣніемъ вспоминалъ о своемъ другѣ, который, безъ сомнѣнія, много способствовалъ образованію безукоризненно-чистаго характера Бѣлинскаго. Станкевичъ несомнѣнно игралъ роль и въ исторіи образованія Кольцова, въ развитіи его таланта; какъ извѣстно, онъ и открылъ этотъ талантъ и вывелъ Кольцова на литературную дорогу; подъ вліяніемъ ученія Станкевича Кольцовъ написалъ и нѣкоторыя думы свои, въ которыхъ, показавъ свою необыкновенную силу, выразилъ весьма удачно отвлеченную мысль вполнѣ поэтически. Наконецъ и Гоголь до нѣкоторой степени обязанъ нравственною поддержкой Станкевичу при самомъ началѣ литературной карьеры своей. Встрѣченный холодно въ Петербургѣ, гдѣ публика какъ-то подозрительно смотрѣла на его „Ревизора“, Гоголь встрѣтился въ Москвѣ и участіе и иной пріемъ. „Станкевичъ и весь кругъ его повяли съ перваго раза смѣхъ, производимый созданіями Гоголя, весьма серьезно, почти такъ, какъ понималъ его впоследствии самъ авторъ“. Вліянію личности Станкевича подпалъ и нѣмецкій профессоръ Вердеръ, у котораго онъ, въ Берлинѣ, бралъ уроки логики. Вердеръ просто влюбился въ своего ученика, отъ котораго, по его признанію, столько-же получалъ самъ, сколько и давалъ ему. У Станкевича была истинно-человѣческая, богатая натура; онъ обладалъ пытливымъ, философскимъ умомъ и нѣжною, отзывчивою, поэтическию душою; мысль и поэзія составляли основу его существованія, находясь между собою въ гармоніи и подчиняясь чувству мѣры. „Философско-поэтической элементъ, присутствовавшій въ Станкевичѣ—говоритъ его біографъ, Анненковъ,—былъ именно тѣмъ дѣятелемъ, который волновалъ сердца и выводилъ ихъ изъ летаргіи. Куда бы животворный элементъ этотъ ни обращался въ теченіи своемъ, онъ увлекалъ за собою даже самыя упорныя, самыя лѣтныя натуры“.

Николай Владиміровичъ Станкевичъ родился въ деревнѣ своего отца, Удеревкѣ, Воронежской губерніи, Острогожскаго уѣзда, въ 1813 году. На одиннадцатомъ году его отдали въ острогожское уѣздное училище, гдѣ онъ впервые обнаружилъ склонность къ изищному, полюбовивъ театрѣ, и открылъ въ себѣ замѣчательныя актерскія способности. На зимнихъ и лѣтнихъ вакаціяхъ въ деревнѣ онъ, съ братьями и сестрами, устраивалъ домашніе спектакли, въ которыхъ отличался, какъ главный и лучший актеръ. Пробывъ два года въ училищѣ, онъ, въ 1825 году, поступилъ въ Воронежскій Благородный пансіонъ П. К. Оедорова, имѣвшій гимназическую программу и приготовлявшій молодыхъ людей въ университетъ. Въ пансіонѣ Станкевичъ занимался усердно и прочелъ всѣхъ русскихъ классиковъ; здѣсь впервые онъ проявилъ глубокую религіозность, никогда не покидавшую его, нѣжность души и сильную, неутомимую жажду къ поэзіи, выразившуюся, между прочимъ, и въ писаніи стиховъ. Въ Воронежѣ, во время пребыванія своего въ училищѣ, Станкевичъ познакомился и тѣсно сблизился съ Кольцовымъ, руководилъ его чтеніемъ и, вообще, съ этихъ поръ сбѣдился его покровителемъ. Окончивъ пансіонскій курсъ, Станкевичъ переѣхалъ въ 1830 году въ Москву, гдѣ поселился въ семействѣ извѣстнаго профессора М. Г. Павлова, которому былъ рекомендованъ своимъ наставникомъ, П. К. Оедоровымъ, и вскорѣ сталъ держать экзаменъ въ университетъ. Онъ поступилъ въ такъ-называемое тогда, словесное отдѣленіе и жилъ въ домѣ Павлова до конца университетскаго курса, причемъ Павловъ имѣлъ значительное вліяніе на направленіе и развитіе Станкевича. Къ первымъ годамъ университетской жизни Станкевича относится его основательное изученіе нѣмецкаго языка и близкое ознакомленіе съ поэзіями Германіи. „Для Станкевича—говоритъ г. Анненковъ—нѣмецкая поэзія не только была родникомъ эстетическихъ впечатлѣній; она сбѣдлась, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣриломъ, на которое прикидывалъ онъ всю жизнь и собственное достоинство. Онъ по ней выучился распознавать признаки ничтожества и смерти въ явленіяхъ, принимаемыхъ за существонное и необходимое условіе жизни; онъ по ней выучился требовать отъ себя моральнаго усовершенствованія; она расирихла также пониманіе Станкевича и возбудила къ дѣятельности всѣ умственныя его силы.“ Въ университетѣ онъ слушалъ лекціи М. Т. Каченовскаго, М. П. Погодина, С. П. Шеварева и друг.; всѣ эти профессора имѣли сильное вліяніе на умы слушателей, „а слѣдовательно и на Станкевича, по особенную роль въ его развитіи игралъ молодой профессоръ Н. И. Надеждинъ,—первый человѣкъ отвѣтвшій прямо на разныя вопросы, мучившіе Станкевича. Ко времени студенческой жизни его слѣдуетъ отнести и выступленіе Станкевича въ литературѣ. Онъ издалъ трагедію „Василій Шуйскій“, написанную очень гладкими стихами, и дышавшую благородствомъ и достоинствомъ, и печаталъ стихотворенія въ „*Бабочки*“, „*Съверныхъ цвѣтахъ*“, „*Литературной Газетѣ*“, „*Телескопѣ*“, „*Молвѣ*“. Въ 1834 году Станкевичъ окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата и уѣхалъ въ Петербургъ, а затѣмъ въ свою деревню, гдѣ принялся за изученіе Геродота, Оукидида, перечелъ „Иліаду“, „Одиссею“ и готовилъ себя для дѣятельности въ области исторіи. Возвратясь въ 1835 г. въ Москву, онъ предался изученію философіи, вель, между прочимъ, въ высшей степени интересную переписку съ Грановскимъ и началъ службу по министерству Народнаго Просвѣщенія. Пролживъ здѣсь два года, 1835—1836, онъ въ маѣ 1836 отпратился лечиться на Кавказъ, гдѣ пробылъ до августа, потомъ пожилъ въ деревнѣ, въ Москвѣ и въ 1837 году уѣхалъ для серьезнаго леченія за границу. Сперва онъ жилъ Берлинѣ, Дрезденѣ, Карлсбадѣ и другихъ мѣстахъ, много работая надъ своимъ образованіемъ, потомъ путешествовалъ по Италіи. Между тѣмъ болѣзнь его развивалась чрезвычайно быстро, и въ ночь на 25 іюня 1840 года Н. В. Станкевичъ тихо скончался въ городкѣ Нови, въ сорока верстахъ отъ Генуи. Тѣло его перевезено въ Россію и похоронено въ деревнѣ Удеревкѣ, мѣстѣ рожденія Станкевича.

П. Б.—овъ.

Рѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверніева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Х.

Молодикъ.

На третій день по отъѣздѣ Кириакомъ, въ Красны Холмы пригонилъ нарочный и привезъ съ собою коробъ. На разпросы Ирины Мишаничпы, нарочный отвѣчалъ, что господарь приказывалъ ему на-спѣхъ гнать, и прибѣжавъ во дворъ сдать коробъ ей, Ирину Мишаничной, и сказать притомъ что въ коробѣ кладены припасы въздушные, чѣмъ въздухи шить. А самой Ирине Мишаничнѣ вѣльно, чтобъ она не мѣшкала ото-

слала тотъ коробъ къ Щебелькову, къ Григорей Петровичу, а сдала тамъ съ рукъ на руки его, Щебельковой, дочери, Сѣломонъ Григорьевнѣ.

У Прини Мишаничны отъ пріѣзда нарочнаго все въ головѣ перевернулось. Съ самаго отъѣзда Кириакова, она раздумывала: „въ кого онъ: въ батюшка аль въ дѣдушка?“ и уже стала склониться къ послѣдней мысли—и вдругъ коробъ какъ спѣгъ на голову! Прини ушамъ своимъ не вѣрила.

— Да точно ль этакъ самъ онъ сказывалъ чтобъ Сѣ-

ломонъ Григорьевнѣ коробъ отдать а съ рукъ на руки? переспросила она.

— А коли же нѣтъ! отвѣчалъ нарочный.

— Да ты вырази мѣня хорошохонокъ, вповъ толковала Ирinya, — а о томъ вѣдь я тебя спрашиваю, точно-ль самъ онъ эти слова сказывалъ, чтобъ коробо-тъ Сѣломонъ Григорьевнѣ сдать съ рукъ на руки?

— Аль я господарскій приказъ придумывалъ? съ сердцемъ нарочный отвѣчалъ. — А я и имячка такого, чтобъ Сѣломонъ, отродисъ не слыхалъ. А коли онъ наказывалъ чтобъ съ рукъ на руки; такъ де Ирinya Мишанична и скажи, чтобъ съ рукъ на руки.

— Такъ съ рукъ на руки? еще разъ переспросила она, и вдругъ повеселѣла. — А слышь ты, затараторила она, — а бѣги-ко-сь въ стрянущую, а момнѣ именѣмъ бабѣ стрянущей приказывай, чтобъ давала тебѣ ѣствушекъ хорошихъ, каки молъ для самой Ирinya Мишаничны сготовлены, да вели оцѣ пива себѣ нацѣдить цѣлый жбанъ. Да стой-ко, я сама съ тобой сбѣгаю.

Ирinya Мишанична впередъ паробка побѣжала въ стрянущую, а тотъ сзади шелъ да раздумывалъ: что молъ я за коробъ такой привезъ что и кушанье мнѣ особое, и пива цѣлый жбанъ? Ирinya, распорядившись чтобъ нарочнаго угостили „сытнѣхонько да пьянѣхонько“, велѣла поскорѣй коня закладать, а сама, застѣшась, все еще не могла опомниться и въ себя придти. Ужъ какъ сѣла она въ плетушку на двухъ колесахъ, поставивъ коробъ себѣ въ ноги, да изъ воротъ выѣхала, тутъ только она почувствовалась.

„А наша взяла“, первой ея мыслью было, и слѣдомъ она вознику крикнула: — А погопий, зпай, Михеюшко!

И всю-то дорогу такъ: прошенчетъ про себя „а наша взяла“ и крикнетъ вслухъ Михеюшку чтобъ зналъ, погопаялъ.

Подката къ Щебельковымъ, Ирinya Мишанична такъ-то скоро вспорхнула на крыльцо что хозяйева и встрѣтитъ ее не успѣли.

— А наша взяла! а слышь-ко, Соломонушка, а наша взяла! кричала, опрометью въ избу вскочивъ, Ирinya Мишанична.

Всѣ всполошились и приступили къ гостѣ съ разспросами.

— А и гдѣ жъ онъ, Михеюшко? не отвѣчал на разспросы шумѣла Ирinya. — А и увалень же! А дай-те-ко-сь сама я сбѣгаю.

Ирinya бросилась было изъ избы, какъ на порогъ сталъ Михеюшко, съ большимъ коробомъ въ рукахъ.

— А глядите, глядит-ко-ся каки припасы прислапы, выхвативъ коробъ у Михеюшки изъ рукъ и ставя его на лавку, на крикъ кричала Мишанична.

Въ избѣ, кромѣ своей семьи, была Соломонушкина крестная, Наталья Адриановна. Всѣ обступили Мишаничву, а она, сердясь на триклятую веревку, спѣшно развязывала коробъ. Въ коробѣ, въ холстѣ заверченъ, лежали тафта голубая и тафта черная, серебро, золото и шелки разноцвѣтные.

— А насалъ-то сколько, гляди! вскричала Ирinya Мишанична.

— Добра тафта, осмотрѣвъ на свѣтъ и оцупавъ тафту, сказала старая Щебельчиха.

— А добрѣй и не бывать, подтвердила Наталья Адриановна.

— Ой, да ты же это будешь, Наталья Адриановна! сказала Мишанична, — а я то, прости, заспѣша, тебя не примѣтила.

И обѣ гостя цѣловались.

— Ой, гляди, Ирinya Мишанична, смѣючисъ Щебельковъ сказалъ, — у тебя за этой за спѣшкою и съ хозяйевами сегодня было не здорованосъ.

Ирinya, размѣясь надъ своей поспѣшностью, здоровалась съ хозяйевами.

— Ужъ не обезсудьте вы мена, какъ я съ этимъ

коробомъ въ мысляхъ заплуталась. А ужъ сбимшись съ пути, до конца буду путаться. А спрошу вѣдь васъ не по обычаю: оцѣ было-ль у васъ обѣдано? А поѣхано у меня на спѣхъ было, обѣ обѣдѣ не помнячи, а дорого-то меня порастрясло порядочно.

Хозяева думали было за обѣдъ садиться да слышавъ что кто-то спѣшитъ, рѣшились обождать и теперь милости просили у дорогой гостыюшки, чтобъ она не побрезговала, ихъ хлѣба-соли откушала. Старалъ Щебельчиха бросилась хлопотать обѣ обѣдѣ.

— А, ишь ты, говорю, сколько всякаго припаса на-слано, заговорила Ирinya Мишанична подходя къ коробу. — А сказывалъ будго у матушки голубой тафты не великъ остаточекъ, а всего молъ локтя съ два, никакъ де не болѣе, а прислалъ-то цѣлу половинушку новую. А о черной тафтѣ у насъ и рѣчи съ нимъ не было. А шелковъ, сребра-золота, а хватить ихъ на трѣпъ воздуха.

— А вѣстимо, вставилъ свое слово Щебельковъ, — гдѣ жъ мужчинѣ о бабьихъ дѣлахъ помнить въ точности. А какъ чего не знаешь, все думаешь что мало молъ; также вотъ и Кириакъ Андреевичъ...

— А ты, зпай, молчи, старъ, а въ наше дѣло жепьско не путайся! перебила его Ирinya, значительно подмигнувъ Соломонушкѣ.

— Ну, сказала въ полъ-обѣда Наталья Адриановна, — а я, значить, сегодня же крестинушку къ себѣ увезу, а завтра мы и достальныхъ дѣвчатушекъ соберемъ, а житьѣ же у насъ пойдѣ за работою — скажи: обитѣль дѣвчины.

— Гляди, вступилась Ирinya Мишанична, — втолкуешь имъ оцѣ что и замужъ-то идти дѣло нехвальное.

— А толкуй, не толкуй имъ, а приде пора, также какъ ты вотъ, Ирinya Мишанична, за-мужъ выскочать.

— Ну, какъ я-то, смутясь проговорила Ирinya, — не дай Богъ.

Наталья Адриановна и сама смутилась.

— Ужъ прости ты, Ирinya Мишанична, эту мою опрометчивость: не къ тому вѣдь слово-тъ молвила. А сама вѣдашь, Божій тутъ судъ.

— Во истину Божій, сказала важно Ирinya, и точно вспомявъ вдругъ, спросила: — А каку тебѣ, Григорей Петровичъ, книгу-ту въ помишокъ прислалъ Кириакъ Андреевичъ?

Услыхавъ что въ книгѣ про Сѣломонъ писано, Ирinya Мишанична крѣпко губы сжала, словно боясь, что нескромное слово силкомъ проскочитъ сквозъ нихъ. Ирinya сидѣла рядомъ съ Сѣломонъ Григорьевной и успѣла таки шеннуть ей въ ушко: „аль и по сейчасъ ты, дѣвья красота, не увѣрилась?“

Сѣломонъ вся скалась, боясь что у нея кровь бросится въ лицо, а батюшко замѣтитъ да спроситъ, съ чего она застыдилась. Напрасно, однако, опасалась дѣвчушка: не къ лицу, къ сердцу прихлынула кровь, а лицо у нея стало блѣдное.

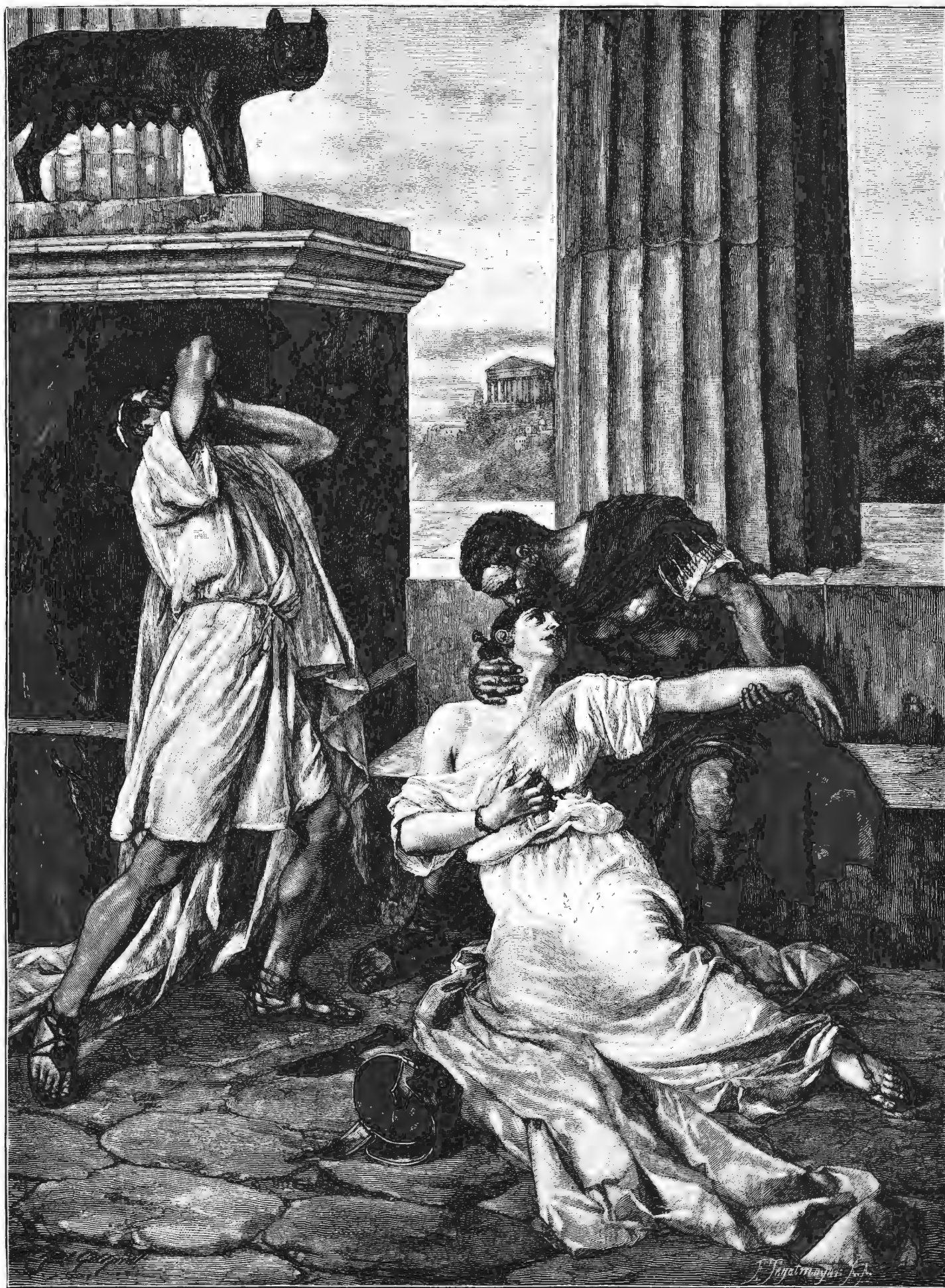
Собираясь уѣзжать, Ирinya Мишанична улучила таки часокъ съ глазу на глазъ поговорить съ дѣвчушкой.

— А слышь-ко ты, дѣвья красота, тебѣ вѣдь прислано, а коробо-тъ самъ, пойми, тебѣ же сдать наказывалъ съ рукъ на руки. Только я того не дѣлала, какъ ты дѣвчина у насъ стыдливая, заалѣлась бы, а тутъ паша тайность, гляди, раньше чѣмъ слѣдъ, на Божій свѣтъ и выскочила-бъ. А пойми же, говорю, а оцѣ и тому вѣрь, дѣвья красота, а не пройде отъ сегодня недѣлюшки, а крайній срокъ — десять день, какъ твой батюшко свою дѣвчину просватаетъ.

Гостила Сѣломонъ Григорьевна у своей крестной недѣлю, гостила и десять дней, и другая недѣля прошла, а Ирinyaно проричанье все не исполнялось.

Пришли Адрианы съ Натальями, именины крестной. Именины приходились во вторникъ; Ирinya Мишанична не прѣхала, и въ воскресенье въ погостѣ у

Смерть **Виргиніи**. Съ карт. Карла Гебгардта, грав. Тегетмайеръ.

Въ безвыходномъ положеніи. Съ картины Флейшера, грав. Остъ.

обѣдни не была же, и всѣ за именнымъ столомъ удивлялись: „что бѣ оно моль значило? ужь не боль-пья-ли лежить?“ Одна Соломонъ Григорьевна по слова не сказала объ Припипомъ нездоровы, а про себя думала, что стыдно моль ей, души дѣвичей смутительницѣ, на глаза показаться.

Черезъ недѣлю послѣ именинъ, во вторникъ, крестная, только обѣды отошли, уѣхала по какимъ-то неотложнымъ дѣламъ, и хотя скоро обѣщала воротиться да замѣшкалась. Дѣвушки, прикончивъ трудную работу, въ ожиданіи крестной къ ужину, уѣли на крыльчатыхъ ступенькахъ. Было ихъ дѣвушекъ шесть, иль семь, и все-то были дѣвушки хорошія. Про Соломонъ Григорьевну и говорить нечего: всѣ крестныя сестры ее почитали за старшую, во всемъ ей уважали и даже спорили: кто изъ нихъ Соломонушку больше любить и угрождаетъ ей съ полной охотою? Любушка знала всѣ примѣты, которая къ чему, и про сны, и про мѣсяць, и про гаданья всякія. Дросидушка была дѣвушка хозяйственная: вкуснѣй ея никто въ околоткѣ пирогами не пекъ, а на именинахъ она такъ отличилась, что и разсказать нельзя. А умомъ не вышла дѣвушка: чтѣ ей въ голову приходило, то и лянала, и всегда какъ-то случалось, что скажетъ она безо всякаго умысла, а выйдетъ будто сказала со злою хитростью. Линушка умѣла родствомъ считаться, до седьмой воды съ киселя, если не далѣе, при чемъ всегда въ затруднительныхъ обстоятельствахъ выкрикивала: „а ужь не спорь ты со мной, а спроси лучше крестную.“ Остальныя были просто дѣвушки хорошія; умѣли онѣ безъ науки своему смѣху дѣвичьему смѣяться, и своимъ дѣвичьимъ слезамъ плакать, — чтѣ и продѣлывали по многу разъ въ день.

— А поѣ въдѣ молодойкъ нарождается, сказала Любушка, — а только вотъ не знаю въ которой сторопушкѣ; не прозвать бы его.

— А я вѣчоръ онѣ глядѣла да не видѣла, вытаращивъ глаза объявила Дросидушка.

Всѣ такъ и закатились. И Соломонъ Григорьевна улыбулась, хотя въ задумчивости и не разслышала, что ляннула Дросида.

— Что, что ты во сняхъ-те видѣла? спросила она.

— А не во сняхъ же, въ явь, да и то не видѣла, обстоятельно отвѣчала пучеглазая Дросидушка.

Дѣвушки опять закатились.

— А я „во сняхъ“ думала, задумчиво проговорила Соломонъ.

— А вотъ чтѣ хошь прозакладую, сказала Линушка, — что видѣла ваша Соломонушка сонъ значительный.

— Что за сонъ? встрепенулась Любушка. — А сказывай, скорѣе, Соломонушка, — сказывай, разгадаю я. Только стой, постой, встану-ко я, какъ молодико-тъ мнѣ прозвать не хочется.

И Любушка, вскочивъ, сбѣжала съ крыльца и поглядѣвъ по сторонамъ, не видно-ль гдѣ новаго мѣсяца, стала лицомъ къ остальнымъ дѣвушкамъ.

— Что-жъ ты, Соломонушка, сказывай.

— Охъ, страшнѣхонько!

Дѣвушки насторожились.

— А страшнѣ сонъ да милостливъ Богъ, прошептала одна изъ нихъ.

— А видѣлось мнѣ, дѣвушки, съ затаеннымъ страхомъ говорила Соломонъ. — Видѣлось мнѣ, будто стою я въ повой горницѣ, а все въ ней чисто-на-чисто прибрано, и полъ такъ чисто выскребенъ¹⁾, что вотъ пѣту на немъ ни сориночки, ни пылиночки. И дорожка по полу постелена полотняна, бѣлымъ-бѣлая. А на мнѣ самой платье бѣлымъ-бѣло, бы первый снѣгъ. И стою я да ва полъ и на самое себя дивуюся. И вдругъ какъ побѣгу, побѣгу по дорожкѣ-то, по полотняной. А тамъ вижу что бѣгу-то я ужь во дорогѣ вверхъ, на

горушку, а дорога-то пловатая, грязная прегрязная. А ноги у меня безъ чоботовъ, голыя, и въ грязи всѣ. И такова-то мнѣ досадлива эта грязь стала, что я съ досады и проснулася.

— А ничего во снѣ пѣтъ страшнаго, мгновенно рѣшила Любушка, по мало не сомнѣваясь въ своемъ снотолкованіи. — А платье да горницы новы — жизнь тебѣ новая. А платно постелено — дорога тебѣ; а что бѣлое, то дороженька чистая. А что въ грязи ноги вымарала, то къ богатству. Одно только сумнительно что на горушку лѣзла. Вотъ кабы съ лѣстницы, почетъ бы тебѣ былъ. А на горушку, будто къ гореваньцу.

— То-то же, привздохнувъ сказала Соломонушка, обративъ вниманье на толкованье про гору. — А еще я тебѣ, Любушка, скажу что платье-то бѣлымъ-бѣлое — страшнѣ сонъ.

— А что жъ въ платьи то страшнаго? спросила Любушка, незамѣтно для себя входя въ грустное настроеніе своей подруги.

— А вотъ что я скажу вамъ, дѣвушки. Какъ была я еще мала-малехонька, жила у насъ старушка древняя. Ужъ не знаю я, была ль она намъ сродственница, аль просто приживала у насъ, безпріютная. Только любили ее всѣ, а самъ батюшко звалъ ее своею бабушкой. И вотъ, какъ помирать ей пришло, видѣла она во сняхъ будто стоитъ она середь поля чистаго, а надѣта на ней сорочка бѣлымъ-бѣлая. И пробудясь, стала она кликать всѣхъ. А отъ старости она почитай съ печки не слезила. И, помню я, столпились мы всѣ у печки, и я тутъ же, за матушкину сорочку уцѣпясь, стою. А бабушка сверху еле слышно свой сонъ сказываеъ. А на послѣдокъ молвила: „а приде моль скоро моя смеретушка; къ тому я себя и въ бѣлой сорочкѣ видѣла что спать моя дуненька отъ скверны земной обѣлилася.“ И въ тотъ же день, аль на другій, и преставилась. И вотъ, какъ стану вспоминать, ровпо сквозь туманъ мнѣ печка видится, а на ней лежитъ восковая, скажи, бабушка, а мы впризу стоимъ. А про сонъ-тъ мнѣ не одной потомъ матушка сказывала.

Всѣмъ дѣвушкамъ показалось, что Соломонушка вдругъ замолчала, не договоривъ чего-то самаго страшнаго. Тихій ангелъ пролетѣлъ надъ дѣвушками.

— А что, ляннула съ дуру Дросида, — слыль опъ, что-ль, въ Новгородѣ?..

— Кто въ Новгородѣ слыль? зашумѣли дѣвушки.

— А бояринъ-то этотъ молодой, Кюръ его, что-ль, звать, аль Курилою?..

— Кириакъ Андреевичъ? подхватила Линушка.

— Это ты съ чего жъ про него вспомнила? вскинулась съ досадою Соломонъ Григорьевна на пучеглазую Дросиду.

— А былъ же у васъ, удивленно та отвѣтила, да отъ великаго удивленья такъ и осталась съ открытымъ ртомъ.

— А упавъ, скажутъ, замѣтила одна изъ дѣвушекъ.

— Точно, совладавъ съ собой пригала Соломонъ Григорьевна, — былъ опъ у насъ въ Маккавеевъ день. А только гостей у насъ, сами знаете, тутъ полонъ дворъ. А матушка на грѣхъ прихворнула. А мнѣ за угощеньемъ его унаества и доглядѣть было некогда. А точно, батюшко будто послѣ и сказывалъ что хорошъ съ лица.

— А какже въ Спасовъ день, скажутъ, отозвалась Линушка, — вы съ батюшкомъ къ нему въ гости ѣздили?

— Батюшка-то точно у него сидѣлъ, а я — у Припипы Мишаничной. А ѣхала я нездоровая, ради приказа батюшкина. И не къ обѣдѣ поѣхала, а прямо къ Мишаничной. А въ обѣдѣ и самоѣ Мишаничну, може слышали, разломило въ ломъ. Тутъ мы съ батюшкомъ и домовъ поѣхали, ужь во второй разъ пригала дѣвушка.

¹⁾ То есть вымыть мочалкою съ пескомъ.

Липушка, между тѣмъ, замѣтивъ что Дросида все еще съ открытымъ ротомъ сидитъ, задумала ее вышутить.

— А глиньте-ко-съ, дѣвушки, какъ Дросидушка-та у насъ о боирнѣй размечталася, а сидитъ ротъ розиня, сама думаетъ что самъ онъ къ ней, печеный, въ ротъ влетитъ. Знатно припоровливается замужъ за него, за Кириако-ть Андреевича.

Дросидушка, сквозь дѣвичій смѣхъ, не сразу разобрала чѣмъ такимъ надъ ней Липушка подсмѣялась. А разобравъ, страсть какъ осердилась.

— Это ты, видно, съ дуру за него замужъ выскочить собираешься, крикнула она.

— А соберись-ко я, съ сердцемъ-же отвѣчала Липушка, — такъ не по твоему; не съ дуру, а съ ума бы собиралася. Да нельзя мнѣ лихъ, потому какъ родня онъ мнѣ, хотъ и дальняя.

— Какъ родня? спросили съ разныхъ сторонъ.

— А какъ и всегда родня водится.

И Липушка припаялась за свое любимое дѣло, стала высчитывать свое родство съ Кириакомъ. Высчитывая, она безпрестанно сбивалась и, не смотря на то что никто и не думалъ ей перечить, вскрикивала: „а ужъ не споръ ты со мной, а спроси лучше крестную.“ Дѣвушки сначала прислушивались къ ея „счету“, а затѣмъ одиѣ межъ собой зашушукались, а другія просто задумались. А Липушка, зная себѣ, родствомъ считается.

— А вотъ онъ, молодикъ! прервала ее Любушка. — А сидите все, не шелохайтесь, а сейчасъ-тъ-ко вамъ онъ окажется. А и-то, охъ! олуша я безталанная, ждала, ждала да съ лѣвой сторонюшки и выждала. И надо жъ мнѣ было съ мѣста-то соскакивать! горевала Любушка, а затѣмъ спѣшно крикнула:—А что, дѣвушки, нѣтъ-ли у кого хлѣба краешечки аль сѣребра въ рукахъ?

— А у Соломонушки вѣдь сѣребро, отвѣчала Липушка.

— Что, гдѣ сѣребро? съ испугомъ отозвалась Соломонушка.

— А на правой же ладошкѣ у тебя, сказала Липушка.

Все бросились глядѣть что за сѣребро. Вышло что Соломонъ Григорьевна, задумавшись, невзначай сняла съ пальца старинную серебряную жуковину, еще отъ прабабушки, и положила ее на ладонь.

— Ну, Соломонушка, вскрикнула Любушка, — а будешь ты самая счастливая. А вѣрь моему слову не лестному, а только этотъ мѣсяцъ на ущербъ поиде, станешь ты богатая. А еще сна-то боялась: а выходитъ и тутъ правда моя, а ноги въ грязи — къ тому же богатству.

И съ этого разговоръ опять на сны повернулъ. Стали все рассказывать про свои сны значительные, и всякой-то свой сонъ казался значительнѣй всехъ.

— А ты, Дросидушка, чего жъ молчишь, снова пристала къ ней Липушка, — аль тебѣ николи ничего во снахъ не мечталось?

— А видѣла.

И только она ротъ открыла, ужъ все дѣвушки приоткрылись смѣяться.

— Что жъ ты видѣла? не унималась Липушка.

— А цвѣты видѣла, будто и цвѣты рвала.

— А чтожъ ты съ цвѣтами-те дѣлала?

— А ѣла ихъ.

Дѣвушки со смѣху поперхнулись.

— А и въ явь и всегда ихъ ѣмъ, сорву цвѣтикъ и скушаю.

Дѣвушки смѣялись до слезъ.

— Охъ, сквозь смѣхъ едва выговорила Липа. — Видно наша Дросидушка, что твоя буренушка, и въ явь, и во снахъ о жвачкѣ думаетъ.

— Нѣтъ вы, дѣвушки, слушайте что я вамъ дальше про сны стану сказывать, сказала Любушка. — А что

праздничный сонъ — до обѣда, про то, гляди, и сами вы свѣдомы. А вѣдь и достальнѣи сны не ровны живутъ, а бывають и крѣпкіе, и легкіе.

Всеѣмъ стало любопытно знать, какіе такіе сны бывають крѣпкіе да легкіе.

— А крѣпкіе сны живутъ подъ середу, а въ особину подъ пятницу. Эти-те сны ужъ всегда, всегда сполняются. А подъ другіе дни будутъ сны легкіе, пустячные: который сбывается, а больше нѣтъ. А еще скажу тебѣ, Соломонушка, помолчавъ прибавила Любушка, — какъ на снахъ гадать.

— На снахъ гадать? изумилась Соломонъ Григорьевна.

— А также вотъ. А ложась спать, задумай-ко, о чемъ тебѣ гадать требуется. А скажемъ: обнови тебѣ койѣ захотѣлося, а гадай на обновушку. А сказывай засыпаячи: „быть, не быть-ли мнѣ, дѣвушкѣ, во обновушкѣ?“ Коль увидишь ты себя во снахъ во обновушкѣ, на яву тебѣ не видать ее. А увидишь будто не дають ее тебѣ, аль еще лучше отпаяли, — тутъ ужъ вѣрь быть тебѣ на яву со обновушкой. А также, по тому же, можно гадать о чемъ вздумается, а только понимать на выворотъ. Во снѣ сбудется, въ явь не сбудется; а во снахъ не сбудется, на яву, вѣрь, сбудется.

Въ ту же ночь, ложась спать, Соломонъ Григорьевна вспомнила про это гаданье. И подумалось ей что завтра молю середѣ, а подъ среду говорила Любаша, сны бывають крѣпкіе, которые всегда сбываются. И помолясь Богу, какъ всеѣмъ ужъ гъ постель легла Соломонушка, стала она про себя твердить: „Коль за нимъ мнѣ быть, въ церкви мнѣ съ нимъ во снѣ не вѣпчатися, а и стапу вѣпчатися не довѣчаешь попь. А не жить мнѣ за нимъ, ипъ во снѣ я съ нимъ безъ помѣхи повѣнчаюся.“ И съ такой мыслью дѣвушка уснула.

По утру, какъ просыпаться ей, стала кровь приливать въ голову, и будила дремотную мысль. Мысль сквозь легкій сонъ припомнила вчерашнее желаніе. И видитъ Соломонушка что она, дожидая жениха, стоитъ у нихъ на погостѣ, въ церкви. Вышелъ попь, а она, сама не зная какъ, очутилась слѣва подлѣ жениха. Риза на попь-батьюшкѣ новая, драгоцѣнная, и вѣнцы изъ олтаря вынесли также новые, драгоцѣнные. И вдругъ дѣвушкѣ пришло въ голову, что все это она во снѣ грезитъ. Смутно вспоминая Любушкины слова, Соломонъ съ трепетомъ видитъ, что никто не мѣшаетъ ея вѣнчанью съ Кириакомъ Андреевичемъ. Страшно ей хочется чтобъ помѣшали, и дрожь ее беретъ, что сейчасъ вѣнчанье кончится. Вотъ ужъ и копчено, и попь велитъ цѣловаться. „Охъ, помѣшайте, помѣшайте же!“ силится вскрикнуть дѣвушка, и пробуждается.

„Охъ, никто-то не помѣшалъ!“ вдругъ вспомнила она и сердце у нея до того тоскливо сжалось, что на взрыдъ она заплакала.

— Что ты, а что съ тобой, Соломонушка? любовно спросила ее крестная: въ одномъ чуланѣ¹⁾ спали онѣ. — Аль тебѣ во снахъ что страшно примечталось? Аль проснулась ты нездоровая?

— Охъ, крестна, моя крестнушка! всхлипывая отвѣчала дѣвушка. — А никто то, никто пону насъ вѣнчать не помѣшалъ. Охъ, охъ!

Крестная разспрашивать, а крестинушка рассказывать о своемъ гаданьи.

— Охъ ужъ гаданья мнѣ эти! сказала Наталья Адриановна, — не скажу что будутъ они дѣло дявольско. А знамо, его, Шүтово²⁾, дѣло. Шутки онъ стро-

¹⁾ Чуланъ — спальня, вообще комната безъ окна.

²⁾ Шүтъ — шаловливый духъ, или нежить, какъ зовутъ ихъ въ народѣ. Онъ ничего злаго не дѣлаетъ, а только шутитъ. Напримеръ, возьметъ да и спрячетъ вещь, которая только что была въ рукахъ, а хозяинъ никакъ найти не можетъ, хотъ и знаетъ что лежитъ она тутъ, гдѣ-нибудь возлѣ. Тогда, говорятъ, надо черезъ лѣвое плечо до трехъ разъ поглядѣть, приговаривая: „Шүтъ, Шүтъ, пошути да и намъ отдай.“ И Шүтъ смилостивится, отдастъ.

итъ, а людямъ, гляди, и горевапице... Да съ кѣмъ же ты, не скажешь мнѣ, во спихъ-те вѣнчалася?

— А съ нимъ же, съ Кириаконъ Андреевичемъ.

Крестная строго посмотрѣла на дѣвушку.

— Да какъ тебѣ такое влѣзло въ голову? спросила она, и въ отвѣтъ услышала горше прежнихъ рыданія.

Крестная присѣла на постель къ Соломонушкѣ, и стала утѣшать ее, какъ только умѣла.

— А она, она все, приговаривала сквозь рыданія Соломонъ Григорьевна. — А смутила шептаньемъ своимъ мою душепѣку. А сама-то я, може, о немъ день, другіи, аль недѣлюнку погрезила, а тамъ бы и замшилося. И жила бы и себѣ, дѣвчѣна, веселѣхопька... А она, она все, триклата смутяпица!

— Да кто она-то?

— А знамо, Принья Мишаничпа.

И тутъ дѣвушка рассказала крестной всѣ свои мысли и помыслы, со встрѣчи въ лѣсу до послѣдняго разговора съ Мишаничпой.

— А и бѣда моя что ни чѣмъ я тебѣ не могу посоветовать, сокрушалася крестная, — какъ эти мысли любовныя вовсе онѣ мнѣ незнакомы. А ужъ Принья Мишаничпа!.. Ишь ты!.. Какъ сама была гордая!.. И хоть за гордость эту ея непокрытую и поѣтилъ ее Господь, а другіихъ-те, ахъ ты! на тѣ же горды мысли наставляеетъ... Ахъ ты, Господи, Господи!..

И крестная сама поплакала надъ чужимъ горемъ.

— А по меньше бы ты, чтоль, крестинушка, о немъ думала, сказала она.

— И то я свою думу сдерживала. А какъ сказала

мнѣ она про срокъ не великъ, который ждатель-то приходится, и тутъ я себя еще пуще сдерживала. А твердила себѣ съ утра до ночи, что моль дѣло это нестачное. Недѣлюшка прошла, ничего-то мнѣ. А вотъ какъ десять-то дѣнь восполнилось, и стало у меня въ сердечушкѣ покалывать. А молчала-жъ я, никому ни словечушка, и може и замолчала бы въ себѣ эту грусть-тоску неспособую, а тутъ ну... Охъ, ты горе мое, горевапице... А и страсть-кручина тяжелая!..

— А ты вотъ что, подумалась посоветовать крестная, — въ душѣ-то ты себѣ не сдерживай, а пусть она, эта дума-та твоя, про себя думается, а только о томъ, чѣмъ дѣло кончится, повыкинь изъ головы. А возложи ты это дѣло свое на Господа, и молись: моль да будетъ воли Твоя, Отца Небеснаго. А своей воли у тебѣ чтобъ не было. Своя воли, на-добро-ль она, на-худо, а не знашь вѣдь. А Божья-то воли всегда намъ напользу. А коль сполнить Господь твое желаніе, добро тебѣ; а не сполнить, знай: во зло-бъ оно тебѣ оборотилося. Такъ-то вотъ, Соломонушка. А онцѣ: наша воля короткая, а Господня воля обширная, а къ тому, скажи: челоуѣколюбива она, и многомилостива. А вставай-ко теперь, крестинушка, а умощься да причешься, а вмѣстѣхъ мы Богу помолимся: да будетъ моль, Господи, воли Твоя небесная.

Блѣдная и слабая встала съ постели дѣвушка, а взглянувъ въ нее: стала красна тою духовною красотою, чѣмъ знаменуется на челоуѣческомъ лицѣ сердечное горе.

(Продолженіе будетъ).

Познакомились.

Комедія въ одномъ дѣйствіи

И. Северина (автора *Супружеское Счастье*).

Духами, сигарами и кожей. Я обожаю этотъ запахъ.

Лена (*оглядывая комнату*). У мужа моего тоже такъ пахнетъ. Это потому, что они много курятъ. А кабинетъ у твоего отца прекрасный, вотъ-бы такой Володѣ! Онъ все жалуется, что ему прохаживаться негдѣ, чтобъ сочинять лекціи, а сиди онъ не умѣетъ, ужъ такая привычка. Вдохновеніе только тогда и находить на него, когда передъ нимъ просторъ и когда я сижу въ той-же комнатѣ, съ работой. Онъ очень любитъ, когда я сижу у него въ кабинетѣ съ работой.

Людмила (*нетерпѣливо*). Да будетъ! Ты мнѣ это тысячу разъ рассказывала! Послушай лучше, что я тебѣ скажу.

Лена. Сейчасъ. Дай мнѣ прежде разсмотрѣть этотъ столъ. Онъ очень удобенъ. Надо бы моему мужу такой. Ты не знаешь, у кого твой отецъ его заказывалъ? (*Внимательно осматриваетъ столъ*).

Людмила. Не знаю. Ахъ, Леночка! Если бы ты только знала, въ какомъ и волненіи сегодня!

Лена (*разсматриваетъ вышитое кресло*). Какая прелесть! Это кто вышивалъ ты?

Людмила. Нѣтъ, не я, и не умѣю вышивать. Это подарокъ одной дамы, пана у нее часто бываетъ. Ахъ, Лена, если бы ты только знала, какъ я счастлива! (*Вытаскивается на отоманку и захватываетъ руки за голову*). Нѣтъ, ты представишь себѣ не можешь, какъ я счастлива!

Лена (*равнодушно*). Чѣмъ-же ты такъ счастлива? А есть у тебя узоръ съ этого шитья?

Людмила (*отрывисто*). Нѣтъ у меня никакихъ узоровъ!

Лена. Какъ. (*Беретъ бюваръ со стола и разглядываетъ его*). А это ему кто дѣлалъ?

Людмила (*сердито*). Почему я знаю! Все та же дама вѣроятно, онъ мнѣ своихъ секретовъ не говоритъ.

Лена (*разсудительно*). Ты не замужемъ, тебѣ нельзя всего говорить. (*Кладетъ бю-*

варъ на мѣсто) Перемѣнно вышью такой Володѣ.

Людмила. Не замужемъ! (*Приподнимается*). Какъ ты мнѣ надоела твоимъ чванствомъ! Не замужемъ! Да ты кажется воображаешь, что умнѣе стала, потому что замужъ вышла?

Лена (*спокойно*). Разумѣется умнѣе. Еще въ прошломъ году я была такая-же дѣвочка, какъ и ты, и жизни вовсе не знала.

Людмила (*запальчиво*). Пожалуйста, не называй меня дѣвочкой, я этого терѣть не могу! Особенно теперь.

Лена. Что теперь? Да ты и въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то особенно взволнована сегодня? Мы это и по запискѣ твоей замѣтили.

Людмила (*стремительно*). Мы... мы... кто это мы? Я одной только тебѣ писала?

Лена. Не клянитесь. Мы, то-есть, Володя и я.

Людмила (*срываясь съ мѣста*). Какъ? Твой мужъ читалъ мою записку?

Лена (*спокойно*). Читалъ. Онъ всѣ мои письма читаетъ.

Людмила (*съ отчаяніемъ*). Лена! Что ты со мной сдѣлала! Да это просто низости! Ну, какъ тебѣ не стыдно!

Лена (*опускается въ кресло, обмахивается озеромъ*). Никакой тутъ низости нѣтъ. Володя говоритъ...

Людмила. Ахъ, оставь пожалуйста! Что это у тебѣ за привычка постоянно говорить про твоего мужа? Очень интересно, нечего сказать!

Лена. Что ты серднишься? (*Пожимая плечами*). Не понимаю! У насъ съ Володей такой разговоръ: ничего не скрывать другъ отъ друга...

Людмила. Да мнѣ-то какое дѣло до вашихъ разговоровъ!

Лена (*разсудительно*). Если между мужемъ и женой не будетъ общихъ духовныхъ интересовъ...

Людмила. Духовные интересы! (*Хочетъ*). Какія слова!

дѣйствующія лица:

Весновъ, Владиміръ Николаевичъ, 40 лѣтъ.

Людмила, его дочь, 17 лѣтъ.

Градова, Лена, 20 лѣтъ.

Бряцаловъ, Михаилъ Ивановичъ, 22 лѣтъ.

Кабинетъ Веснова. Роскошная обстановка въ строгомъ стилѣ. Массивная мебель. Темные обои, ковры; на стѣнахъ оружіе и портреты. Направо большой письменный столъ, налѣво широкая отоманка. Каминъ. Шкафы съ книгами. Ни письменномъ столѣ горитъ лампа подъ абажуромъ, а въ каминѣ пылаютъ дрова. При поднятіи занавѣса сцена пуста. Раздаются торопливые шаги и въ дверь справа, раздвигая портьеру, выглядываетъ Людмила.

Явленіе I.

Людмила и Лена.

Людмила (*выглядывая изъ портьеры*). Все сдѣлано, какъ я приказала. Каминъ топится, лампа зажжена и ни души; чудесно! (*Оборачивается*). Иди, Лена, намъ здѣсь никто не будетъ мѣшать. (*Входитъ. За нею Лена въ нарядномъ вечернемъ туалетѣ, съ любопытствомъ осматриваетъ обстановку комнаты*). Видишь, какъ здѣсь хорошо! Это мой любимый уголокъ. Когда пана дома нѣтъ, а его почти всегда дома нѣтъ, и когда М-ле Марьяна запретя въ своей комнатѣ, я прибѣгаю сюда, беру одну изъ книгъ въ шкафу... (*Лена подходитъ къ шкафу съ книгами*). Не въ этомъ, не въ этомъ! Тутъ скука одна, Тьеръ тамъ разные, да Бокли, тонщина! А вонъ тамъ, въ маленькомъ, что поближе къ спальнѣ, въ немъ все романы и, чудо какіе интересны! Усаживаюсь на диванъ... (*Садится на отоманку*) и читаю. А иногда сплю. (*Вытаскивается на отоманку*). Тутъ и спать отлично, тихо, никто не мѣшаетъ, а какъ хорошо пахнетъ, не правда-ли? (*Шокаетъ воздухъ*).

На условленномъ мѣстѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Юмудскаго, грав. Бергъ.

Лена (сз досадой). Самыя обыкновенныя. Мы съ Володей еще не такія слова употребляемъ, когда разговариваемъ вѣсть... Однако, мнѣ засиживаться у тебя долго нельзя сегодня. Ты писала, что желеешь меня видѣть и даже имѣешь что-то важное мнѣ сообщить?... Чтѣ такое? (*Молчаніе*). Да говори-же скорѣе, къ восьми часамъ я должна быть въ театрѣ.

Людмила (*нервничательно*). А чтѣ сказалъ твой мужъ, когда прочиталъ мою записку?

Лена (*смѣется*). Да ничего особеннаго.

Людмила. Какъ зачѣмъ? Вотъ это мило! Про меня говорить, мои письма показываютъ, надъ ними смѣются, а я не должна знать!

Лена. Ужъ и всплыла! Никто надъ тобой не смѣялся, а если и посмѣялись немножко...

Людмила. Вотъ видишь! Ты сама сознаешься!

Лена. Увѣряю тебя, что самымъ безобиднымъ образомъ. Вѣдь мы тебя очень любимъ, Милочка!

Людмила. Мы... кто это мы? Я одну только тебя хочу знать и любить, никого больше.

Лена. Нельзя тебѣ не знать Володю, когда онъ мой мужъ.

Людмила. Такъ ты, значить, все ему рассказываешь?

Лена. Все.

Людмила (*сз большимъ волненіемъ*). Прекрасно! Я, значить, и передъ тобой должна молчать! Передъ моимъ единственнымъ другомъ! Отъ котораго у меня никогда не было тайны! (*Сквозь слезы*). Теперь ужъ у меня, значить, никого нѣтъ на свѣтѣ! (*Отвертывается, чтобъ скрыть слезы*).

Лена (*подходитъ къ ней*). Милочка! Да чтѣ съ тобой? Горькое какое нибудь? (*Людмила, продолжая отвертываться, качаетъ головой*). Почему-же ты такая взволнованная? (*Заглядываетъ ей въ глаза*). Голубчикъ ты мой, да ты плачешь? Объ чемъ это?

Людмила. Нѣтъ у меня никакого горя... я сама не понимаю что со мной дѣлается... Я счастлива, очень счастлива!.. но меня каждый вздоръ раздражаетъ и каждую минуту плакать хочется... (*Вытираетъ слезы*). Говорить, это нервы, я не знаю, а только я очень, очень счастлива!

Лена (*приспально смотритъ на нее*). Милочка! Да ты влюблена вѣрно? (*Людмила киваетъ*). Представь себѣ, вѣдь мой мужъ тотчасъ-же отгадалъ!

Людмила. Не говори мнѣ, ради Бога, про твоего мужа! Я слышала про него не могу!

Лена (*не слушая ее*). Онъ это вывелъ изъ твоей записки. Она была такъ нацарапана, что мы насилу могли ее разобрать, вся въ кляксахъ, слова недонесены... Володя тотчасъ-же сказалъ: твоя приятельница влюблена вѣрно. Такъ и вышло. О, онъ у меня очень проицательный! А отецъ твой знаетъ?

Людмила (*продолжая отвертываться*). Знаетъ.

Лена. Такъ онъ ужъ, значить, сдѣлалъ тебѣ предложеніе? (*Людмила утвердительно киваетъ*). Да кто-жъ онъ такой? (*Нетерпеливо*). Ну, что ты секретничаешь, вѣдь я все равно узнаю. (*Молчаніе*). Не хочешь? Ну, я сама доберусь (*Задумывается*). Князь Рѣшнъ? (*Людмила качаетъ головой*). Дороховъ? (*Та же игра*).

Людмила (*сз трудомъ удерживается отъ смѣха*). Да кто-жъ-бы это могъ быть? Брицаловъ? Онъ! Онъ! Не качай пожалуйста головой, я отлично вижу, что это онъ. Ты такъ всныхнула, даже уши покраснѣли! (*Раздумчиво*). Брицаловъ! Вотъ ужъ не ожидала я, что ты выберешь себѣ такого мужа!

Людмила (*сз живостью*). Это почему?

Лена (*сдержанно*). Да такъ. Мнѣ всегда казалось, что тебя выдадутъ за человѣка порядочнаго, съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ, умнаго...

Людмила. Такъ по твоему Брицаловъ не умный?

Лена. Мы еще недавно говорили объ этомъ съ Володей...

Людмила. Нѣтъ, ты отвѣчай на мой вопросъ,—почему-ты думаешь, что Брицаловъ не умный?

Лена (*сдержанно*). Я этого не говорю.

Людмила (*волнуясь*). Нѣтъ, нѣтъ, ужъ я по тону твоему вижу, что онъ тебѣ не нравится! Почему? Да говори-же, почему онъ тебѣ не нравится?

Лена. Я не понимаю, изъ чего ты это заключаешь! Развѣ я тебѣ сказала что-нибудь? Онъ можетъ-быть очень хороший человѣкъ.

Людмила (*сз возрастающимъ раздраженіемъ*). Можетъ-быть... можетъ-быть... Развѣ такъ выражаются про человѣка, который будетъ мужемъ твоего друга? Развѣ-бы и такъ выражались про твоего Володю! Вотъ я пединъ съ тобой ругаю его, говорю что онъ противный... да онъ и въ самомъ дѣлѣ противный и я его терпѣть не могу за то, что онъ читаетъ мои письма и вѣшивается въ мои дѣла съ тобой... А вздумай-ка кто-нибудь сказать про него гадость, я глаза выцарапаю! А ты, ты объ моемъ женихѣ Богъ знаетъ какого мнѣнія!

Лена. Да чтѣ съ тобой? Ничего подобнаго...

Людмила. Пойми! Ты его считаешь дуракомъ...

Лена. Какъ ты выдумываешь!

Людмила. Ты объ немъ говоришь съ гримасой, вотъ такъ: „онъ можетъ-быть хороший человѣкъ“.

Лена (*пожимая плечами*). И все это тебѣ только такъ кажется.

Людмила. Ахъ, позалуиста, не оправдывайся! Вы все, все ненавидите моего бѣднаго Мишу! Но я его еще больше буду любить за это! Да, еще больше! Теперь, послѣ того, какъ и ты противъ него, я его обожаю!

Лена. Кто-же еще противъ него?

Людмила (*визъ себя*). Кто? Да все! Пана, М-ле Марьяна, тетенька Любовь Васильевна, дяденька Николай Ивановичъ, все, все, даже камердинеръ Василій, даже моя горничная Лиза, все терпѣтъ его не могутъ и всякаго зла ему желаютъ! Съ тѣхъ поръ, какъ и невѣста, все ходитъ съ кислыми физиономіями и дуются на меня.

Лена. И отецъ твой тоже?

Людмила. Да онъ-то всему и причиной! Какъ узналъ, что Брицаловъ мнѣ сдѣлать предложеніе, онъ такъ разсердился, такъ кричалъ на весь домъ, что я даже струсила, право! Напустился на М-ле Марьяну за то, что она не довольно строго присматривала за мной, на Марью Андреевну за то, что она раньше не донесла на насъ, поссорился съ тегенькой потому, что Миша мнѣ сдѣлалъ предложеніе въ ея домѣ, — всемъ досталось. И мнѣ больше всѣхъ раздумется. Ахъ, Леночка, я была очень, очень несчастна!

Лена. И что-жъ потомъ?

Людмила. Это цѣлую недѣлю продолжалось. Пана со мной говорить не хотѣлъ. Я сидѣла въ своей комнатѣ и все плакала, все плакала. Никого ко мнѣ не пускали, одну только Лизу. Черезъ нее только я и знала, чтѣ въ домѣ дѣлается, — какъ Мишина мать прѣзжала къ панѣ и долго говорила съ нимъ, запершись въ гостиной. Она такая важная дама; толстала, всегда въ бархатномъ платьѣ ходитъ и говоритъ такъ громко и строго, точно всемъ приказываетъ. Пана ее въ прихожую провожаетъ, и серьезный такой, блѣдный. (*Вздыхаетъ*). Бѣдный пана! Я знаю, ему тоже не легко, онъ вѣдь меня такъ любитъ! Ему хотѣлось бы, чтобъ я до самой старости не выходила замужъ. Но развѣ это возможно? Я не хочу старой дѣвой оставаться. Мнѣ ужъ семнадцать лѣтъ. Вотъ, Сашенька Тихонова, она на три мѣсяца моложе меня и ужъ замужемъ. Вѣрочка Найденова тоже.

Лена. Чѣмъ же у васъ кончилось, наконецъ?

Людмила. Да вышло по моему, конечно. Не могъ же онъ не согласиться, когда я ему объявила, что умру если онъ не отдастъ меня за Мишу.

Лена. Ну, умереть вовсе не такъ легко, какъ ты думаешь!

Людмила. Очень даже легко. Я въ эту недѣлю такъ похуѣла, что платѣ надо было перешивать. Ничего не ѣла, но цѣлымъ почамъ не спала. (*Вздыхаетъ*). Нѣтъ, Леночка, отъ любви очень даже можно умереть! И умираютъ. Чахлутъ, чахлутъ и умираютъ наконецъ. Сколько разъ я читала объ этомъ.

Лена. Мало-ли чтѣ въ книгахъ написано! Сочинить все можно.

Людмила. И на самомъ дѣлѣ бываетъ, не въ однихъ только книгахъ. И Миша тоже былъ въ отчаяніи. А вѣдь отъ отчаянія даже стрѣляются, ужъ это не въ однихъ книжкахъ, а и въ газетахъ часто встрѣчается.

Лена. Теперь онъ, конечно, утѣшился?

Людмила. Да, теперь онъ опять веселъ. (*Молчаніе*). Какъ онъ хорошо танцуетъ, не правда-ли? По моему, никто такъ не танцуетъ, какъ онъ. (*Молчаніе*). Онъ мнѣ и лицомъ съ перваго же разу понравился. Все говоритъ про Зибица, что онъ хороше съ собой, но я пахожу, что Миша несравненно лучше. Вотъ посмотри! (*Снимаетъ браслетъ съ медальономъ и подаетъ Ленѣ*). Вѣдь, чудо какой хорошеыкій, не правда-ли?

Лена (*холодно*). Да, не дурень, но только не въ моемъ вкусѣ.

Людмила (*обиженно*). Какой же у васъ вкусъ, позвольте узнать?

Лена (*смѣется*). Ты мой вкусъ знаешь.

Людмила. Но еслибъ у всѣхъ была такая большая борода, какъ у твоего мужа, это было бы ужасно!

Лена (*подивая ей назадъ браслетъ*). Твой женихъ на дѣвочку похожъ, я не люблю такихъ лицъ. Но если онъ тебѣ нравится, ну, и слава Богу.

Людмила. Разумѣется, онъ мнѣ нравится. (*Разматривая портретъ*). И даже очень, очень нравится! (*Восторону*). Неужто жъ онъ и въ самомъ дѣлѣ похожъ на дѣвочку? (*продолжаетъ разматривать портретъ и задумывается*).

Лена. Впрочемъ, наружность ничего не значить. Можно и съ женоподобнымъ личкомъ быть хорошимъ и дѣльнымъ человекомъ.

Людмила (*язвительно*). Еще бы! Для этого вовсе не надо имѣть такихъ бакенбардъ, (*показываетъ растопыренными пальцами*) какъ у твоего Володи.

Лена. Довкостъ въ танцахъ и свѣтскій лоскъ тоже не мѣшаютъ. Володя знакомъ съ однимъ губернаторомъ, тотъ отлично вальсируетъ, а между тѣмъ его въ министры прочатъ. Можно даже быть героемъ. Я слышала про одного молодого генерала, ни одинъ балъ въ Москвѣ безъ него не обходится, а на войнѣ онъ такъ отличался, что имя его всему миру гремитъ.

Людмила. А почему ты думаешь, что Миша не можетъ быть героемъ?

Лена. Я этого вовсе не думаю. У мужа моего былъ товарищъ по университету, на видъ совсѣмъ пустынькимъ, дурачкомъ, казался...

Людмила (*запальчиво*). Мой женихъ не пустой и на дурачка вовсе не похожъ!

Лена. Да я развѣ про него? Я говорю про одного изъ Володннхъ товарищей, а жениха твоего я вовсе не знаю.

Людмила (*раздражаясь*). Чтѣ ты мнѣ все повторяешь: не знаю, не знаю... ты его знаешь столько же, сколько и все, сколько и я... (*Спохватившись*). Ты тоже встрѣчалась съ нимъ на балахъ, танцевала съ нимъ...

Лена. Танцевала. Такъ что-жъ изъ этого? Я съ нимъ даже на конькахъ каталась.

Людмила (*стремительно*). Когда?

Лена (*смѣется*). Въ прошломъ году.

Людмила. Что ты смѣешься? (*Всторону*). Господи, какъ она меня злитъ сегодня!

Лена (*продолжая смѣяться*). Мы и па театръ влѣтъ играли.

Людмила. Па театръ! (*Всторону*) Да что-жь это такое? Какъ со мной, такъ и съ ней! Что-жь это такое?

Лена. И даже на одной изъ репетицій между нами произошло маленькое недоразумѣніе.

Людмила. Какое недоразумѣніе.

Лена. Ну, ужь извини, душа моя, я тебѣ этого не скажу. Ты слишкомъ взволнована, изъ каждыхъ пустяковъ исторіи дѣлаешь.

Людмила. Это странно однако жь, ты говоришь что не знаешь его, а между тѣмъ...

Лена. Разумѣется, я его не знаю. Мало ли съ кѣмъ танцуешь, кагашься на конькахъ, въ любительскихъ спектакляхъ участвуешь и даже (*хохочетъ*) объясненій въ любви выслаживаешь, за ужинкомъ, послѣ шампанскаго, передъ послѣднимъ котильономъ.

Людмила. Онъ тебѣ въ любви объяснился?

Лена (*смѣется*). Кто?

Людмила. Миша, мой женихъ, ты сама сеѣчасъ сказала.

Лена. Успокойся, я говорю вообще. Никогда твой женихъ мнѣ въ любви не признавался. (*Съ достоинствомъ*) Ты все забываешь, что я замужняя женщина, душа моя, мнѣ каждый мальчишка въ любви признаваться не посмѣетъ. (*Надвигаетъ перчатки и накидываетъ на себя мантилью*). Однако, я у тебя засидѣлась, мнѣ давно пора. Ты что дѣлаешь сегодня вечеромъ?

Людмила (*смуцаясь*). Да ничего особеннаго.

Лена. Сидишь дома? Одна? (*Пристально на нее смотритъ*). Понимаю! Жениха вѣр-но ждешь? Да?

Людмила. Да перестань смѣяться, Лена! Это несносно, наконецъ!

Лена. Вы что-то затѣяли на сегодняшней вечеръ? (*Хохочетъ*) Я по глазамъ у тебя вижу, что затѣяли! Ну, признавайся скорѣе, а то вѣдь я все равно сама отгадаю.

Людмила. Да нечего и отгадывать... Насъ ни на минуту не оставляютъ вдвоемъ...

Лена. Ну, ну, да говори же скорѣе!

Людмила. Намъ даже и поговорить другъ съ другомъ серьезно не удалось ни разу... Ты представить себѣ не можешь, что это за мука!

Лена. Очень даже могу себѣ представить. И что-жь дальше?

Людмила. И какъ это не сообразить, право! Вѣдь я за него замужъ выхожу, надо же мнѣ знать его мысли, его характеръ, ну, все, однимъ словомъ! Нельзя же такъ, зря, не зная человѣка...

Лена. А какъ же ты невѣстой-то его сдѣлала?

Людмила. Это дѣло другое, Ахъ, Лена, еслибы ты только знала! (*Вздыхаетъ*).

Лена. Да знаю я! отлично, лучше тебя знаю!

Людмила. Мнѣ вѣдь только съ нимъ и весело было танцовать! Ужъ какой былъ балъ у графини Зобовой, помини? И живы картины, и всѣмъ дамамъ букеты давали, и кавалеровъ у меня было пронастъ, и оцѣта я была лучше всѣхъ, вѣдь правда?

Лена. Правда, правда!

Людмила. И не смотря на все это, мнѣ было такъ скучно, такъ скучно, что я просила тану до ужина уѣхать. И все это потому, что его не было на этомъ балѣ.

Лена. Что жь это доказываетъ?

Людмила. Какъ что? Да это значить, что я его люблю, такъ люблю, что жить безъ него не могу. Развѣ не правда? Какихъ еще доказательствъ?

Лена. Да я и не объ этомъ вовсе! Ну, любишь, любишь, любишь, всѣ это знаютъ, всѣ этому вѣрятъ, чего тебѣ боль-

ше? А ты мнѣ скажи, что вы на сегодняшней вечеръ затѣяли? Вотъ что мнѣ интересно.

Людмила. Мы придумали... ну, чтобъ хоть часть, хоть полчаса побыть влѣтъ и поговориться на свободѣ, мы придумали кататься ѣхать вдвоемъ. Онъ затѣдетъ за мной въ девятомъ часу, (*смотритъ на часы на каминѣ*) вотъ ужь скоро, въ санкахъ, на своемъ рывакѣ, и если намъ только удастся обмануть М-лле Марьяну...

Лена. Вы прокатитесь по Невскому, по Морской и назадъ? Такъ, что-ли?

Людмила. Да.

Лена. И вы это придумали, чтобъ познакомиться другъ съ другомъ?

Людмила. Да, чтобъ познакомиться. Именно, чтобъ познакомиться.

Лена. (*со слѣзками качаетъ головой*). И какъ же вы глушы, дѣти мои, какъ же вы глушы!

Людмила. Да перестань же смѣяться, Лена!

Лена. Да какъ же надъ вами не смѣяться-то! (*Хохочетъ*). Это они ѣдутъ кататься на рывакѣ... И рывакъ отличный, я знаю рывака Брицалова, въ крошечныхъ санкахъ, въ которыхъ и одному-то сидѣть тѣсно, ночью, въ морозъ, чтобъ познакомиться другъ съ другомъ! (*Хохочетъ*) Чтобъ узнать характеръ, (*хохочетъ*) мысли другъ друга (*хохочетъ*). Ты меня уморила, милочка! Да ты совѣмъ ребенокъ, куда тебѣ замужъ выходить, ты совѣмъ ребенокъ!

Людмила (*въ слезахъ*). Да я не понимаю, право, что же тутъ смѣшнаго?

Лена. Ты ровню ничего не понимаешь, дитя мое, ровно ничего. (*Мылитъ тонъ*). Хочешь я тебѣ скажу, что вы будете дѣлать во время этого катанія?

Людмила. Мы разговаривать будемъ.

Лена. Цѣловаться вы будете и ничего больше.

Людмила. Леночка! Ну, какъ тебѣ не стыдно!

Лена (*настойчиво*). Да, да, цѣловаться. Ужъ ты не спорь, пожалуйста, со мной, я по опыту знаю. И никакого знакомства изъ этого не произойдетъ, а головка твоя нуще прежняя вскружится и ты рѣшительно не въ состоянн будешь ничего понимать, вотъ и все! (*Молчаніе*). А ты лучше вотъ что сдѣлай: оставайся-ка дома, да поддержи его у себя весь вечеръ. Вотъ здѣсь. Обстановка для серьезныхъ разговоровъ самая подходящая. (*Всторону*) Калдую минуту отецъ можетъ прѣхать. (*Вслухъ*) Возьми какую-нибудь работу, съ работой въ рукахъ будешь казаться солиднѣе, и заведи съ нимъ рѣчь про его дѣтство, про его отношенія съ матерью, про его планы насчетъ будущаго. Вѣдь замужествомъ шутить нельзя, душа моя, тутъ вопросъ о счастья всей вашей жизни рѣшается.

Людмила (*растрогана*). Да, да, мнѣ именно объ этомъ и хочется съ нимъ переговорить, и вотъ, до сихъ поръ никакъ не удавалось.

Лена (*съ важностью*). Надо знать, какъ онъ смотритъ на жизнь, на свои обязанности передъ обществомъ... вѣдь онъ, кажется, служить гдѣ-то?

Людмила. Какъ же, какъ же, чиновникомъ особыхъ порученій.

Лена. Ну, вотъ видишь. Отъ него, значить, судьба многихъ людей зависитъ. (*Людмила слушаетъ съ большимъ вниманіемъ*) Разунай хорошенько про его убѣжденія, это очень важно, а также какого сорта книги онъ любитъ читать. Мой мужъ говоритъ, что по одному этому можно судить объ умственномъ развитіи человѣка. Не забудь также разспросить объ его друзьяхъ — что это за люди и за что именно онъ ихъ любитъ. Тебѣ непрѣмьно надо это знать, вѣдь друзья эти будутъ ходить къ вамъ часто, каждый день; представь

только себѣ, какъ это несосно, если это будутъ все идиоты вродѣ... вродѣ... ну, вродѣ Губанова, напримѣръ, или Шарикова, у которыхъ одиѣ только карты на умѣ, кутежи, оперетка и тому подобное безобразіе.

Людмила (*въ волненн*). И все это понимаю, Лена, увѣрю тебѣ, что понимаю, у меня только словъ нѣтъ, чтобъ выразить мою мысль!

Лена. Слова найдутся, все зависитъ отъ настроенія. А твою М-ле Марьяну я увезу съ собой въ театръ, чтобъ она вамъ не мѣшала. У насъ, кстати, и мѣсто есть въ ложѣ.

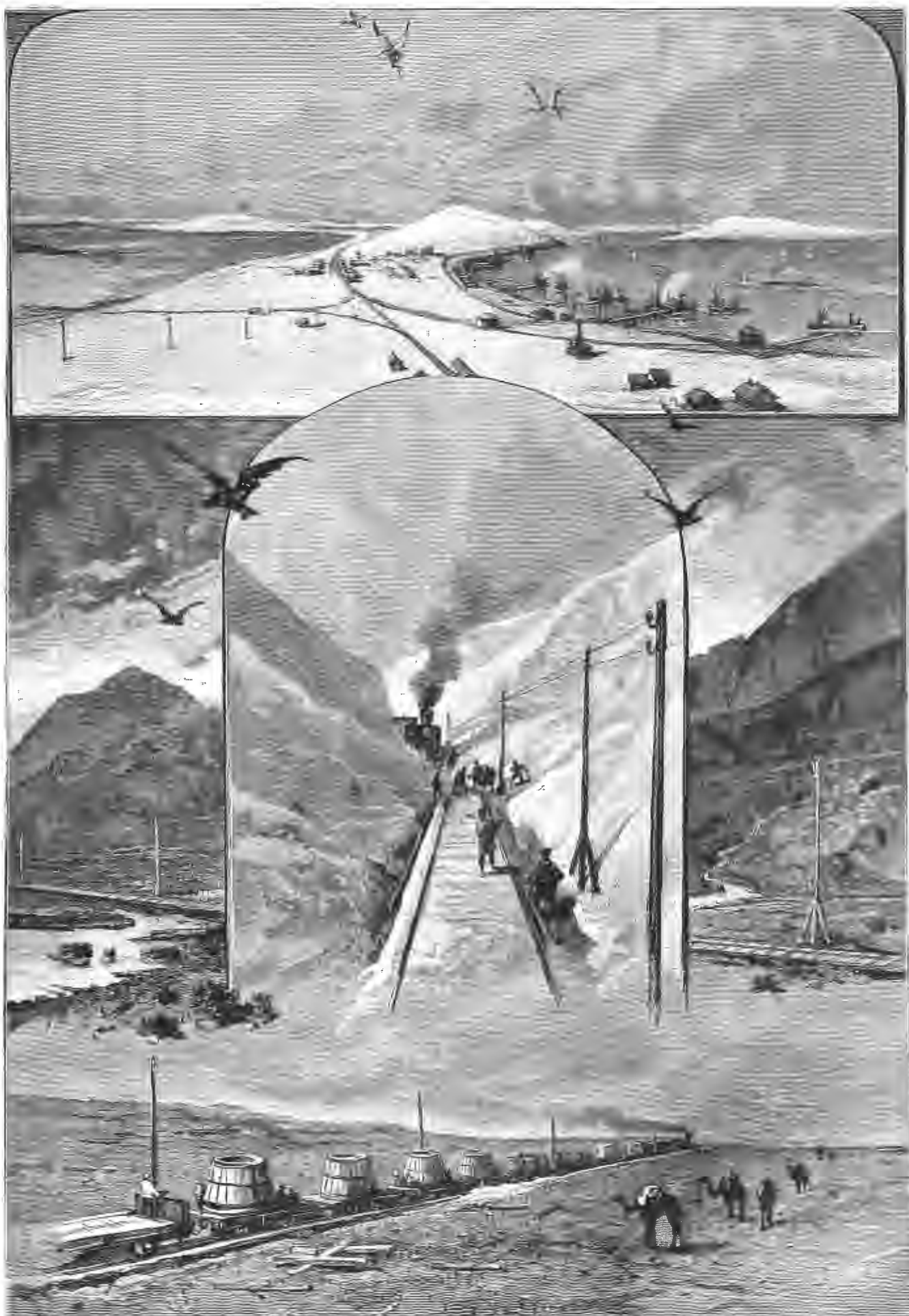
Людмила. Да она не поѣдетъ, можетъ-быть?

Лена. Не поѣдетъ? На новую пьесу Дюма съ Брендо въ главной роли? Посмотрю я, какъ она не поѣдетъ! Ты только не смѣшивайся, ради Бога, ужъ я знаю какъ ее уговорить. (*Цѣлуетъ Людмилу*). Помни же уговоръ: не цѣловаться и быть серьезной. Прощай, желаю вамъ хорошенько познакомиться!

(*Уходитъ въ дверь направо*).

Явленіе II.

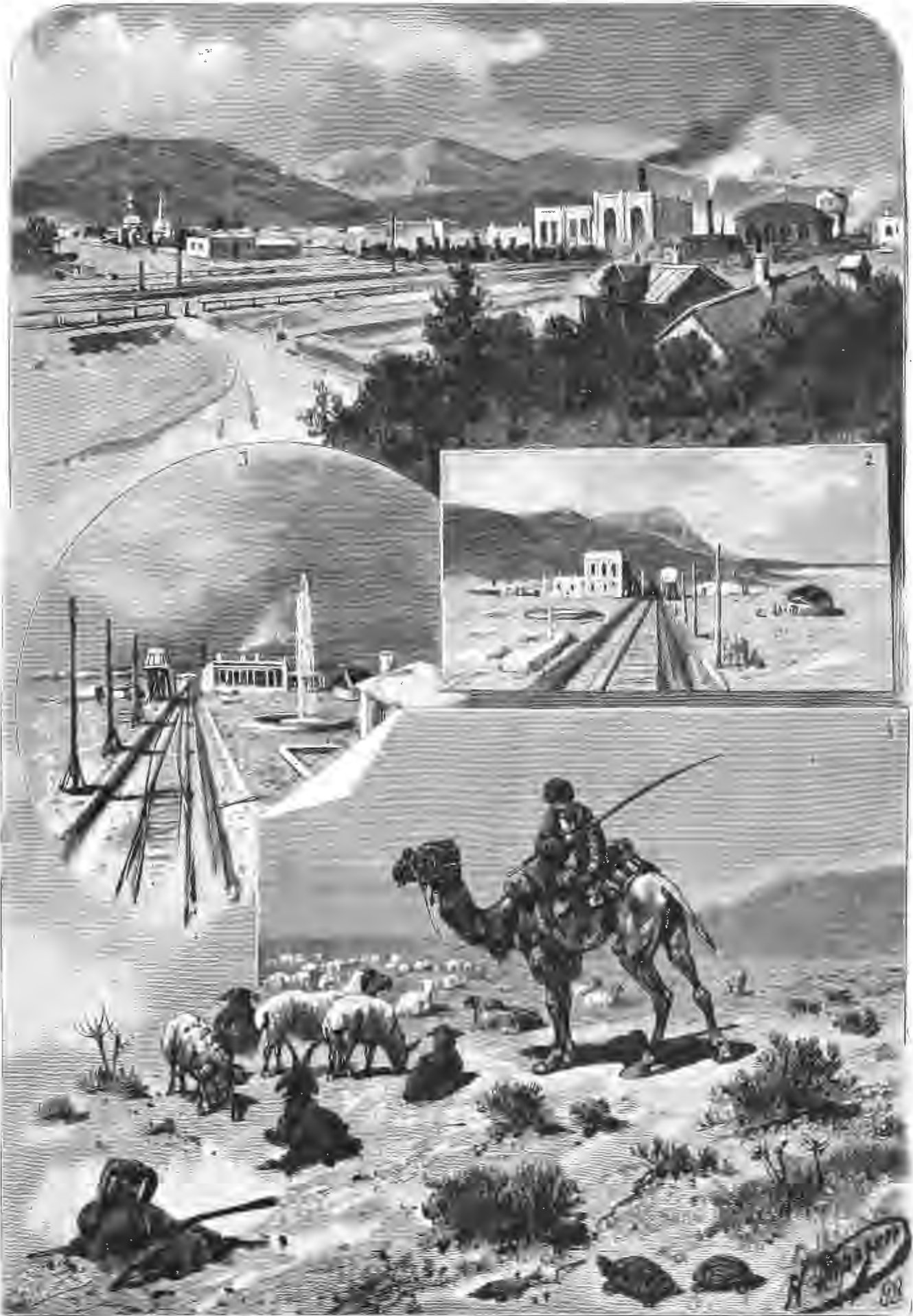
Людмила (*одна*). Что она со мной сдѣлала! Новыхъ мыслей столько, голова отъ нихъ кружится! (*Молчаніе*). И что всего досаднѣе — это то, что я и раньше это знала и часто думала объ этомъ... Раньше, до моей встрѣчи съ Мишей. Не дурочка же я въ самомъ дѣлѣ, чтобъ не понимать, что мужъ долженъ быть и умный, и всему хорошему сочувствовать, и что всю жизнь цѣловаться нельзя. (*Молчаніе*) Разумѣется, всю жизнь цѣловаться нельзя. (*Вздыхаетъ*) А вѣдь онъ меня именно поцѣлуями съ ума и свелъ, честное слово! Какъ начнешь съ нимъ о чемъ-нибудь серьезномъ толковать, онъ сейчасъ цѣловаться, и все перзабудешь, разумѣется. Надо все это ему объяснить. Лена правду говорить, катаніе это онъ придумалъ, чтобъ цѣловаться. Ужъ съ этой-то стороны я его хорошо знаю. Ужасно любить цѣловаться! (*Рычительнымъ тономъ*). Не поѣду я съ нимъ кататься! Лена говоритъ: возьми какую-нибудь работу. Но у меня никакой нѣтъ работы... Взять развѣ чулокъ у Марьи Андреевны? Ну да, ничего больше не остается дѣлать. (*Выбираетъ и возвращается съ начатымъ чулкомъ въ рукахъ*). Съ такой работой я ужъ совѣмъ старухой буду казаться, и такой почтенной, что ужъ, конечно, (*переразвиваетъ Лену*) ни одинъ мальчишка объясняться въ любви не посмѣетъ. (*Смѣется*). Смѣшная эта Лена! Какъ она важничаетъ тѣмъ, что замужемъ! (*Переразвиваетъ Лену*) Мы съ Володей... Про Володю цанисали... Володя сказалъ... Носится она, носится съ нимъ, надобна даже! (*Задумывается*). Правда, что онъ у ней умный и ученый. Молодой еще, а ужъ про него говорятъ: „Нашъ извѣстный Градовъ“, я сама слышала. (*Со вздохомъ*) Чѣмъ-то мой Миша прославится! И собой недурень. Вѣдь это я, чтобъ подразнить ее, подтруниваю надъ его бородой и бакенбардами, а на самомъ дѣлѣ нельзя не сознаться, что онъ красивый, глаза у него живые такіе, выразительные, да и вообще... (*Задумывается*). Ну, конечно, мой Миша лучше. (*Задумывается*). Несравненно лучше! (*Задумывается*) Какъ это мы влюбились другъ въ друга? (*Припоминаетъ*) Мы встрѣтились на балѣ у Трофимовыхъ, на мнѣ было розовое платье и всѣ говорили, что я прелесть... Его и тотчасъ же замѣтила. Онъ танцовалъ съ Наденькой Завьяловой, и я подумала: какой хорошенькій! Дай Богъ, чтобъ онъ пригласилъ меня на мазурку! И вдругъ, онъ подходитъ ко мнѣ: „mademoiselle, voulez vous me faire l'honneur...“ Можете себѣ представить! (*Задумывается*). Нѣтъ, тутъ еще ничего особеннаго не произошло между нами, по-

На пути въ Индію. Узунъ-Ада. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Нарзина, грав. М. Рашевскій.
 Копеть-Дагъ. Дюны. Водяной поѣздъ. Копеть-Дагъ.

Библиотека "Руниверс"

На пути въ Индію. Кизиль-Арватъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Ю. Шюблеръ.

Станція Коджъ.

Тюпкмень пастуз

Станція Бами.

жалъ онъ мнѣ руку послѣ, когда мы на коубкахъ съ нимъ катались. А поцѣловалъ онъ меня въ первый разъ на любительскомъ спектаклѣ, за кулисами. О, какъ и это хорошо помню! Сюда, пониже щеки, около самой шеи... (Указываетъ мѣсто.) Я такъ сконфузилась, что и роль забыла. Мнѣ надо было сказать... я горничную играла... „tous les ordres de madame seront remplis“, а я сказала... чтѣ, бинъ, а такое сказала? Чуть какую-то, всѣ

расхотались, а я расплакалась. Второй разъ онъ поцѣловалъ меня у тетенки Прасковьи Михайловны. Мы смотрѣли альбомъ съ швейцарскими видами, онъ нагнулся—и прямо въ губы! Слава Богу, что никто не видѣлъ! (Молчаніе). Ну, а ужъ какъ невѣстой и его сдѣлалась, тутъ ужъ безъ счету пошло! (Покачивая головой). Не хорошо! Я ему такъ и скажу сегодня. Пусть знаетъ, что у меня не одинъ только вздоръ въ головѣ, что и

разсуждать умѣю, и что мнѣ не одни только поцѣлуя нужны... О, нѣтъ! Мнѣ еще нужно... Ужь я ему скажу, что мнѣ нужно! Все скажу, и его тоже заставлю высказаться, непременно заставлю! Онъ вѣрно воображаетъ, что я дѣвочка, что я ничего не понимаю, что изъ меня конфетамъ и поцѣлуямъ все можно сдѣлать... (Справа, тихо крадучись, входитъ Бриццаловъ съ коробкой конфетъ въ рукахъ)
(Оконч. въ слѣд. №).

Новый способъ выращиванія растеній.

Наслажденіе, которое всякій испытываетъ, оставляя лѣтомъ душистый городъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ полей и лѣсовъ, покрытыхъ ласкающимъ нашъ взоръ зеленымъ ковромъ растительности, — наслажденіе это настолько велико, что и зимою заставляя насъ украшать окна комнатъ растеніями. Кроме того, что они способствуютъ очищенію комнатнаго воздуха, самый уходъ за ними представляетъ для многихъ большое удовольствіе, особенно если еще труды вознаграждаются хорошимъ ихъ состояніемъ. Каждый появившійся цвѣтокъ доставляетъ любителю большую радость; за то какое огорченіе онъ испытываетъ, если вдругъ какое-нибудь любимое растеніе начинаетъ хирѣть и пропадаетъ! Тутъ поневолѣ приходится въ голову, что, еслибы явилась возможность видѣть почву, въ которой укоренится растеніе, насквозь, чтобы удалить все мѣшающее развитію, то это было бы прекрасно; конечно, если бы можно было выращивать растенія, подобно вербамъ, оставляемымъ послѣ Вербнаго Воскресенія въ стаканѣ съ водою и образующимъ при этомъ корни и листья, такъ что является возможность сажать ихъ въ землю, гдѣ они и растутъ очень хорошо. Но всѣмъ извѣстно по опыту, что долго держать въ водѣ вербу нельзя, — она погибаетъ постепенно. Съ другой стороны, извѣстно, что верба дольше можетъ прорости въ водѣ, если къ ней прибавить земли. Очевидно, что часть земли растворяется въ водѣ, въ которой находятся корешки вербы и благодаря этому она, питаясь этими веществами, растетъ дольше. Остается знать, какія вещества необходимы для корневъ растеній, и прибавивъ ихъ къ водѣ культивировать такимъ образомъ растеніе.

За послѣднее время естествознаніемъ, для цѣлей физиологіи растеній, разработано именно такой методъ выращиванія растеній—и онъ завоевалъ себѣ такое почетное мѣсто, что напелъ себѣ примѣненіе при рѣшеніи нѣкоторыхъ чисто практическихъ вопросовъ. Въ виду того, что этотъ методъ очень интересенъ и поучителенъ, причемъ не представляетъ какихъ-либо трудностей, вѣроятно найдутся лица, которые пожелаютъ его продѣлать.

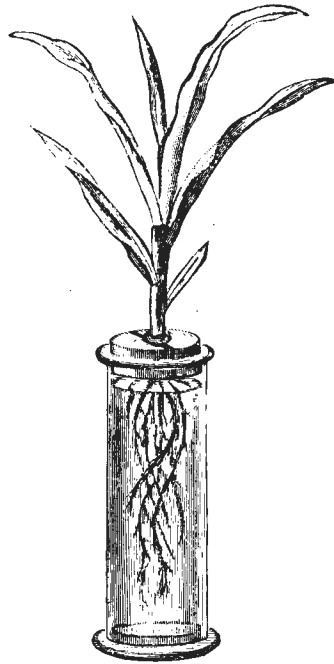
Для опыта можно воспользоваться какимъ угодно временемъ года, но конечно лѣтомъ производить его лучше всего. Для этого выбираютъ наилучше развитыя сѣмена какого-либо растенія, для начала совѣтуемъ преимущественно воспользоваться сѣменами кукурузы, хотя овесъ, гречиха, ячмень и бобы также дадутъ хорошіе результаты; затѣмъ обливаютъ ихъ водою въ какомъ-нибудь сосудѣ и оставляютъ стоять отъ 12 до 24 часовъ. Они при этомъ впитываютъ въ себя большое количество воды, причемъ сами разбухаютъ. Лучше всего помѣстить эти сѣмена на довольно толстый слой увлажненныхъ водою древесныхъ опилокъ, положенныхъ хоть бы въ поддонникъ отъ цвѣточнаго горшка, и накрыть все это не плотно какою-нибудь тряпкой. При этомъ сѣмена начинаютъ прорастать, что прежде всего бываетъ замѣтно по тому, что наружная ихъ кожица лопается и тоненькій корешокъ, постепенно удлиняется, выдвигается между частичками дерева. Главная забота заключается здѣсь въ томъ, чтобы молодое растенъце не подсохло. Когда корешки достигнутъ длины 2—3 сантиметра, тогда приступаютъ собственно къ водной культурѣ. Для этого придется запастись для cadaго растенъца по широкогорлой стеклянкѣ, причемъ вмѣстимость ея должна сообразоваться съ величиною выбраннаго растенія, для кукурузы стеклянка должна вмѣщать до 4 фунтовъ воды. Затѣмъ надо будетъ заняться приготовленіемъ питательной жидкости. Въ аптекѣ или другомъ мѣстѣ приобретемъ нѣкоторые соли (главное—они должны быть по возможности чище), а именно: азотно-кислой извести (иначе называемой известковою селитрою), хлористаго калия, сѣрно-кислой магнезіи, фосфорно-калевой соли и хлористаго желѣза. Для растворенія этихъ солей лучше пользоваться дистиллированной водою, хотя можно взять и простую кипяченую (первую легко достать во всякой аптекѣ). На 10½ фунтовъ (обыкновенныхъ, не аптекарскихъ) воды необходимо отвѣсить азотно-кислой извести (известковою селитры) 4 золотника, затѣмъ по 1 золотнику хлористаго калия, фосфорно-кислой магнезіи и фосфорно-калевой соли, далѣе нужно обратить особенно вниманіе на то, чтобы всѣ эти соли растворились, для чего отвѣшенные ихъ количества растворять сначала въ небольшомъ количествѣ воды и уже затѣмъ вливать этотъ растворъ въ остальную воду. Приготовивъ такимъ образомъ

питательный растворъ, остается влить его въ вышеупомянутыя широкогорлыя стеклянки и помѣстить туда растенъца. Не надо при этомъ упускать изъ вида, что корешки у нихъ очень ижны и что ихъ легко повредить; поэтому высвобожденіе ихъ изъ опилокъ надо производить со всею осторожностью и передъ опусканіемъ въ жидкость обмыть ихъ хорошенько водою. Когда растенъце находится уже въ питательной жидкости, прибавляютъ двѣ, три капли некрѣпкаго раствора хлористаго желѣза въ стеклянку, отчего образуется осадокъ фосфорно-кислаго желѣза бѣлаго цвѣта. Для того, чтобы растенъца держались въ извѣстномъ положеніи, въ горло сосуда вилотную вставляютъ пробку, предварительно разбѣзанную по диаметру на двѣ равныя части, въ срединѣ дѣлаютъ желобокъ, въ которомъ и закрѣпляютъ стебелекъ растенъца, обмотавъ его предварительно клочкомъ ваты въ мѣстѣ его соприкосновенія съ пробкою. Вата, не сдавливая его, удерживаетъ тѣмъ же менѣе совершенно неподвижно. Впрочемъ, приложенный рисунокъ гораздо проще разъяснить, какъ все это надо сдѣлать. Когда вставляютъ и закрѣпляютъ растеніе окончательно въ стеклянку, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, чтобы погружены въ растворъ были только корешки, остатокъ сѣмени во избежаніе подсыханія помѣщается между пробкою и поверхностью раствора. Почти все уже сдѣлано и теперь остается только выставить все это на окно и позаботиться о томъ, чтобы на него не падалъ слишкомъ сильный, прямой солнечный свѣтъ. Впрочемъ, чтобы въ питательной жидкости не развились водоросли, которыя могутъ лишь мѣшать развитію растенія, слѣдуетъ оклеить стеклянку черною глянцевитою бумагою, черною поверхностью внутрь, иначе жидкость на солнцѣ будетъ слишкомъ нагреваться, а еще лучше приготовить футляры для стеклянокъ изъ картона и оклеить ихъ черною бумагою вышеуказаннымъ образомъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы не лишаемся возможности отъ времени до времени слѣдить за развитіемъ корневъ, вынимая сосудъ изъ футляра, что является очень интереснымъ.

Когда растенъце потребитъ болѣе половины предложеннаго ему раствора, слѣдуетъ долить прокипяченною (лучше дистиллированной) водою. Только изрѣдка приходится замѣнять все количество раствора новымъ. Полезно отъ времени до времени вынимать корни изъ жидкости на 2—3 дня и погружать ихъ на это время въ чистую воду, а еще лучше, если къ ней прибавить небольшое количество извести. При вниманіи и осторожности всякій съумѣетъ справиться со всѣми этими пріемами и въ награду получитъ вполне хорошо развитое растеніе, совершенно не прикасавшеся къ почвѣ. При этомъ надо только не забывать охранять его отъ слишкомъ сильнаго прямого солнечнаго свѣта, а также, чтѣ очень важно, слѣдить за тѣмъ, чтобы жидкость, окружающая корни, не пріобрѣтала щелочной реакціи. Последнее рѣзко бросится всякому въ глаза по образованію на корняхъ чернаго осадка сѣрнистаго желѣза и легко неправомо: стоитъ лишь влить въ растворъ фосфорной кислоты (совершенно безвредной, неядовитой, которую отпустить безъ затрудненія изъ аптеки), до исчезновенія этого чернаго осадка. Для полученія сѣмянъ, ко времени цвѣтенія слѣдуетъ мягкой, тоненькою кисточкою перенести пыльцу съ тычинки растенія на его пестикъ; еще же лучше будетъ перенести пыльцу на другое растеніе и такимъ образомъ произвести опыленіе перекрестное.

Такимъ образомъ мы, посредствомъ этого метода культуры, имѣемъ полную возможность не только слѣдить за постепеннымъ развитіемъ всего растенія, но также знаемъ всѣ тѣ вещества которыя ему идутъ въ пищу. И дѣйствительно, при помощи корневъ оно получаетъ известъ, окисъ калия, магнезію и желѣзо въ соединеніи съ кислотами: азотною, сѣрною, хлористою и фосфорною. Легко даже опредѣлить количество всѣхъ этихъ солей, потребленныхъ каждымъ растеніемъ. Если мы затѣмъ опредѣлимъ въ сухомъ состояніи средней вѣсъ взятаго сѣмени и затѣмъ средней вѣсъ сухаго вещества растенія, то будемъ поражены громадною разницею въ этихъ двухъ числахъ. Очевидно, что кромѣ той пищи, которую мы отпустили растенію, оно воспользовалось еще другою ускользнувшюю отъ нашего вниманія. Поразительно при этомъ, если мы возьмемъ цвѣтущее растеніе, что разница въ нихъ случалась можетъ превышать въ 1000 и болѣе разъ количество потребленныхъ солей. Но это легко объяснится, если мы примемъ во вниманіе

ограждающей растение воздух и возможность из него черпать при помощи зеленых листьев на солнечном свете углекислоту и употреблять ее на построение своего тела. Судя по количеству усвояемой углекислоты, скорбе можно было бы даже сказать, что она-то и есть та пища, из которой растение строит свое тело, а те неорганические соединения, которые мы ему предложили, составляют лишь необходимое условие этого питания. Главная масса растения состоит из органического вещества, и это является крайним важным обстоятельством для всего животного мира, а для человека в особенности. Все животные питаются органическими веществами растительного происхождения, ибо даже мясо животных — ни что иное, как переработанная животным организмом трава или зерно. Впрочем, питательность растений есть частное явление общего их свойства запасать силу. Всякая паровая машина нуждается в топливе, которое является, так сказать, складом силы, расходуемой машиною, по мере его сгорания. Топливом, как известно, являются остатки растений настоящего времени — в виде дров, или отдаленной каменно-угольной геологической эпохи — в виде каменного угля, и только нефть, по весьма вероятной гипотезе профессора Менделеева — неорганического происхождения. Таким образом органические соединения, ведущая в природу всегда (за исключением нефти) свое начало от растений, содержат в себе в скрытом состоянии силу, которая находит себя приме-

Новый способ выращивания растений.

ние или в технике и т. п., или же служить для поддержания действия механизма животного. Но подобно материи и сила ни творится вновь, ни исчезает не может; откуда же черпают ее растения? Единственным источником силы на земле является солнце, растение же является лишь естественным прибором для улавливания и скопления ее в форме органических соединений. При помощи химических процессов, совершающихся в растениях (причем неорганическая пища играет, хотя и незначительную, но очень важную роль), происходит превращение энергии солнечного луча в химическое напряжение, жизнь же животных представляет превращение этого напряжения в тепло и движение; в первых заводятся так сказать, пружина, которая спускается в последних.

И так мы видим, что пища животных является собственно говоря не чем иным, как консервом солнечных лучей, как остроумно выразился московский профессор Тимирязев. Таким образом, далее говорить он, поэт мечтатель, с грустью взвращающий на прозаический труд ученого, с удовольствием услышит от него, что он сам, поэт, такое же эфирное существо, сотканное из воздуха и света, как и безлютный создатель его фантазии. Великий при этом в правду, наравне с китайским императором, величать себя сыном солнца, как это заметил еще Гельмгольц.

М. Штауде.

На пути в Индию.

Н. Н. Каразина.

Письмо второе (с 2 рис. автора).

(Продолжение).

Прорвавшись победоносно сквозь первую линию песчаных преград, джунглию полосу Каспийского побережья, пологотой дороги, прямою линиею стелется по совершенно ровной долине, параллельно хребту Копетъ-Дагъ. На пространстве более пяти-шести верст нет ни сколько-нибудь значительных подъемов, ни поворотов. Вправо от дороги путешественник, на всем этом пути, любуется красивыми очертаниями горного хребта — слева, бесконечно сливаясь с синевой горизонта, залегла стена, тянущаяся вилоть до левого берега Аму. Почва солончатого глинистая, но уже с значительною примесью плодотворного лѣса, так-называемого желтозема. Близость горъ, не превышающая от пологоты более восьми верст расстояния, и обилие у подножия и в самых пѣдрах Копетъ-Дага — родников, дает возможность снабжать железнодорожные станции превосходною водою, идущею по трубам напоромъ. У большинства станций устроены фонтаны, бьющие довольно высоко, а вокруг них обширные резервуары. Красивые постройки станционных зданий и казармъ, окруженные еще молодыми садиками и пальтациями, уютно ласкаютъ глаза, придавая когда-то мрачной, кипащей разболми равнинѣ видъ уюта и культуры. Зимовки туркменовъ сгруппировались по близости станций; их стада несутъ зеленые скаты горныхъ подножий; подъ закончѣнными, черными сводами войлочныхъ кибитокъ, приветливо вьются дымки довольства и мира; а по желѣзу дороги гулко гремитъ желѣзо колесъ, бесконечно въ даль несется веселый свистокъ паровоза и длинною лебтою клубится и стелется по стене побѣдоносный паръ, тревожа табуны верблюдовъ, пагония панику на многочисленные овечьи отары.

Участокъ дороги до первого большого административнаго

пункта, до города Кизиль-Арвадъ, выстроено много раньше, еще во время экспедиции генерала Скобелева, а потому участокъ этотъ отличается болѣе жилимъ, установленнымъ характеромъ. Переходъ туркменъ отъ вольной хищнической жизни, къ мирнымъ занятиямъ земледѣлемъ, здѣсь замѣтенъ гораздо рѣзче чѣмъ далѣе. Тамъ и сямъ, по близости зимовокъ, вы видите уже обширные запашки пшеницы и ячменя и зеленѣютъ поля сѣянныхъ кормовыхъ травъ. Появилось уже колесо, мало-помалу вытѣсняющее примитивный вьючный способъ транспорта. Но здѣсь кочуютъ пока еще бѣднѣйшие роды. Богатые роды Мерва и Теке, значительно далѣе, группируются по бассейнамъ рѣкъ Мургаба и Теджена.

Станция за станцией остаются позади, поѣздъ несется по превосходному, ровному полотну дороги; впереди уже синѣетъ полоса садовъ и ярко блѣзуютъ на солнцѣ городскія здашя, — это Кизиль-Арвадъ, когда-то, очень недавно, жалкая первобытная крѣпостца съ нѣсколькими сотнями кибитокъ — теперь, прекрасный удобный городъ, раскинувшійся почти на двухверстномъ разстоянн.

Кизиль-Арвадъ — это главный административный пунктъ Закаспийской желѣзной дороги; здѣсь сгруппированы первоклассныя мастерскія и резиденция управляющаго дорогомъ; улицы города болѣею частью шоссированы, освѣщаются на ночь фонарями, а мѣстность у станций, даже электричествомъ. Дома очень красивы, опрятно окружены садами, прекрасные русскіе и туземные базары, гдѣ вы можете запастись всемъ необходимымъ для жизни, военный клубъ, лазареты и первоначальныя школы; и все это, въ какія-нибудь пять шесть лѣтъ, возникло въ силу культурной энергии, словно по мановенію волшебнаго жезла.

Къ рисункамъ.

Смерть Виргини. (Рис. на стр. 932).

Въ 449 году до Р. X. во главѣ правленія древнимъ Римомъ стояли такъ-называемые децемвиры (10 мужей), родъ верховной комисіи, учрежденной еще въ 451 году по предложенію трибуна Терентилія Арета для составленія законовъ возможно уравняющихъ права всего римскаго народа, т. е. какъ патриціевъ (аристократіи), такъ и плебеевъ (простонародья). Въместѣ съ тѣмъ децемвирамъ вручена было верховная власть въ государствѣ на одинъ годъ. Въ число децемвировъ былъ выбранъ и назначенный въ 452 году консуломъ Анній Клавдій, изъ знаменитаго рода Клавдіевъ. Онъ съумѣлъ пріобрѣсти расположение плебеевъ, такъ что когда по истеченіи годичнаго срока власть децемвировъ была продолжена еще на годъ, его вторично выбрали децемвиромъ. Но теперь онъ сбросилъ маску,

мало по малу ввелъ тираническое правленіе и когда окончился вторичный годичный срокъ, Анній съ 9-ю товарищами самовольно удержали за собою власть и на третій годъ. Въ то время сосѣдніе народы экви и сабиняне разбойничьимъ набѣгомъ вторглись въ римскую область. Децемвиры собрали войско и выступили противъ непріятелей. Въ Римѣ оставались только Анній и Опій съ двумя легионами, чтобъ охранять власть децемвировъ; но тутъ неожиданное событие опрокинуло ее. Анній питалъ страсть къ Виргиніи, дочери Луція Виргинія, всеми уважаемаго плебея, и невѣсть бывшаго народнаго трибуна Ицилія. Военнослужаившись отсутствіемъ ея отца, находившагося въ походѣ противъ эквовъ и сабинянъ, Анній рѣшился захватить Виргинію. Для этого одинъ изъ его кліентовъ, Маркъ Клавдій, долженъ былъ дать показаніе, что Виргинія была дочерью его рабыни и только подвинута бездѣтной женой Луція. Маркъ Клавдій захватилъ

Виргинию, когда она шла въ школу, и привелъ ее на судъ къ Аннію, который тотчасъ постановилъ рѣшеніе, что рабыня должна слѣдовать за своимъ господиномъ. Тогда Нумиторій, дядя Виргиніи, и женихъ ея Ицилій разоблачили предъ народомъ замыселъ Анніи. Такъ какъ послѣднему грозило возста-

ніе, децемвирь уступилъ и оставилъ Виргинію въ ея семьѣ, но при этомъ объявилъ, что поставитъ окончательный приговоръ на другой день. Виргиніи, вызванный между тѣмъ изъ похода Нумиторіемъ и Ициліемъ, лично прибылъ на форумъ (площадь, гдѣ творился и судъ) съ дочерью, одѣтою въ траурное платье. Не смотря на завѣренія и мольбы отца ея, Анніи, полагающаго на свою вооруженную стражу, приказалъ Марку Клавдію взять и увести Виргинію, какъ свою рабыню. Тогда Виргиніи просилъ у децемвира позволенія допросить въ присутствіи самой Виргиніи ея старую няньку, дабы для своего успокоенія по крайней мѣрѣ убѣдился въ томъ, что онъ ошибочно считалъ Виргинію своей дочерью. Анній далъ свое согласіе. Приблизясь къ дочери, несчастный отецъ обнялъ ее, и вдругъ вырвавъ у стоявшаго по близости мясника ножъ, воцѣпилъ его въ грудь Виргиніи.

Картина Гебгардта изображаетъ прощальный поцѣлуй, даваемый несчастнымъ отцемъ смертельно раненой дочери; восторгомъ рыдаетъ женихъ ея Ицилій у невесты знаменитой волчицы, вскормившей основателей Рима. Анній Клавдій приказалъ схватить Виргинію, но тотъ бѣжалъ въ лагерь. Сенаторы Валерій и Гораций, невидѣвшие тиранію Анніи, призвали возмущенный гибелью Виргиніи народъ къ отмщенію, и Аннію едва удалось потушить возстаніе созывомъ сената. Между тѣмъ Виргиніи вернулся въ Римъ съ преданнымъ ему войскомъ и занялъ Авентинскую гору, чтобы организовать тамъ возстаніе плебеевъ. Децемвиры, видя копецъ своей власти, сложили ее, и сенатъ провозгласилъ возстановленіе прежняго государственнаго строя. Анній Клавдій и Оппій покончили съ собой въ тешицѣ самоубійствомъ.

Въ безвыходномъ положеніи. (Рис. на стр. 933).

Въ XVIII вѣкѣ, во главѣ правленія мелкими нѣмецкими княжествами или герцогствами, черѣдко стояли женщины, вдовствующія регентши за малолѣтствомъ наследниковъ престола и т. д. Дворъ такой владѣтельной особы, при нѣсколькѣ па-

тріархальномъ бытѣ, принималъ чрезвычайно своеобразный характеръ. Наибольшимъ вліяніемъ на правительницу пользовались не министры и савонники, стоявшіе у дѣлъ, а дамы непосредственно къ ней приближенныя, зачастую кака-нибудь любимица-камеристка, сдѣлавшая понравиться, изучить

слабости своей повелительницы, и мало-по-малу, незаметно, забрать ее въ руки, ставъ для нея необходимою; по этому искатели повышенія по службѣ и всевозможныхъ милостей, помимо заслугъ, прежде всего старались обезпечить себѣ доброе расположеніе такихъ фаворитокъ. Картина Флейшера изображаетъ намъ двухъ такихъ движенихъ, которые, долго прождавъ аудіенціи въ приемной, успѣли таки перехватить на пути главную камеристку, въ то время какъ она несла шоколатъ своей государыни, и наперывъ задобриваютъ фаворитку своими любезностями и комплиментами. Молодая дѣвушка очутилась въ безвыходномъ положеніи: бросить поднось и убѣжать она не можетъ, и по поволѣ должна выслушать ходатайства съ намеками на щедрое вознагражденіе, если ей удастся исполнить ожидаемыя милости.

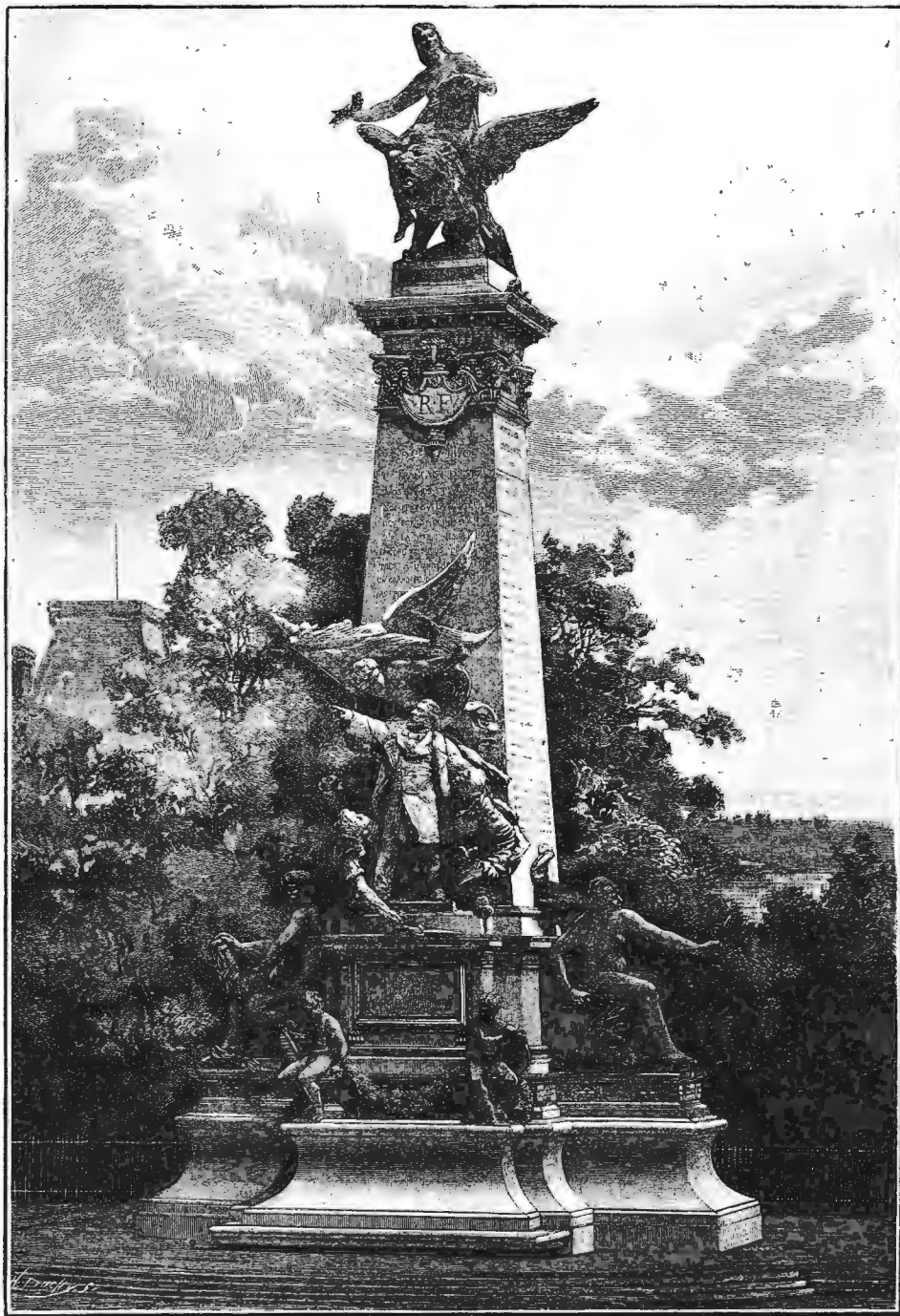
На условленномъ мѣстѣ. (Рис. на стр. 937).

У крошечныхъ уголки за плетнями по задворкамъ — обычное

мѣсто свиданій сельской молодежи. Мало ли о чемъ приходится переговорить съ женишкомъ относительно будущаго, а дома — строго, да и не водится такъ до свадьбы. Вотъ и хоропитъ дѣвушка, прикрываясь платочкомъ, въ тѣни развѣсшихъ яблонь огорода и задумчиво глядя вдаль, поджидаетъ своего милаго... Типичный рисунокъ г. Юмудекаго прекрасно передаетъ это напряженное ожиданіе въ чертахъ сельской красавицы.

Памятникъ Леону Гамбетта. (Рис. на стр. 944).

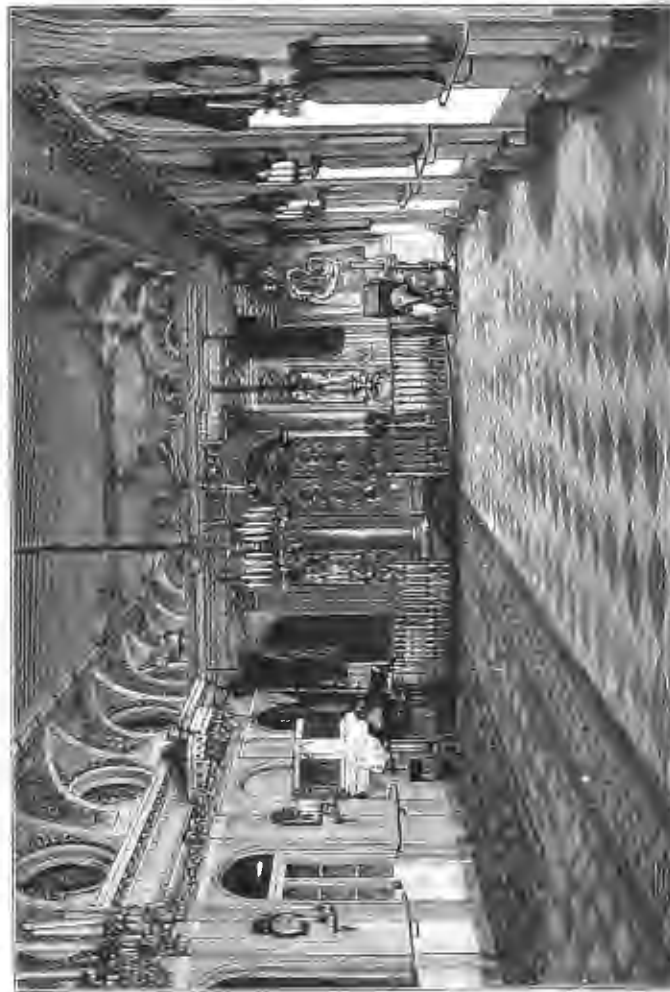
Великій французскій патриотъ повѣйнаго времени дождался наконецъ достойнаго его памятника. Величественный обелискъ, украшенный его статуей и символическими фигурами, высится на площади Карусели въ Парижѣ, напоминая всѣмъ жителямъ и безчисленнымъ прїѣзжимъ о заслугахъ Леона Гамбетты предъ отечествомъ. Тотчасъ по кончинѣ его открыта была національная подписка на памятникъ, доставившая 355,000 франковъ. Комитетъ по сооруженію обратился съ воззваніемъ къ фран-

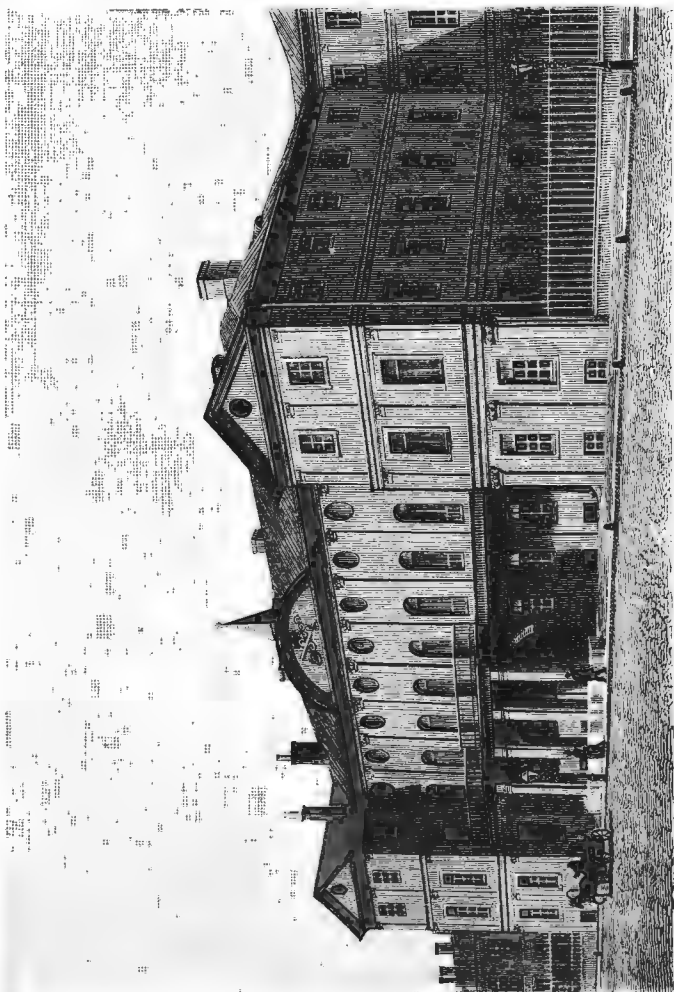
Памятникъ Леону Гамбетта на площади Карусели въ Парижѣ. Съ фот. грав. Доши.

Нынѣшнее Павловское училище (бывшій Дворянскій полкъ), по Большой Спасской улицѣ на Петербургской Сторонѣ. Съ фот. Третескаго, грав. Рашевскій.

Церковь бывшего Павловскаго училища, строенная архитекторомъ Казанскаго собора. Съ фотогр. грав. Шлишперъ.

Бывшее Павловское училище (Меньшиковъ дворецъ), нынѣ 1-го кадетскій корпусъ, по набережной Невы. Съ фот. Третескаго, грав. Шлишперъ.

Музей бывшего Павловскаго училища, нынѣ музей 1-го кадетскаго корпуса (посреднѣи залы помѣщаются модели крѣпостей). Съ фотогр. грав. Шлишперъ.

25-лѣтіе Павловскаго училища и 175-я годовщина бывшего Дворянскаго Полка.

цузскимъ скульпторамъ и назначилъ конкурсъ, въ которомъ приняли участіе знаменитѣйшіе изъ ваятелей и архитекторовъ Франціи. Авторы памятника, гг. Обе и Буало, получили знаки ордена Почетнаго Легіона.

Павловское училище. (Рис. па стр. 945 и 948).

Основателемъ регулярной арміи въ Россіи слѣдуетъ считать Петра Великаго, такъ какъ только при немъ русское войско получило правильную организацію; Петръ также является и основателемъ первыхъ военныхъ школъ, учредивъ первую военную школу при бомбардирской ротѣ, въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Петръ не ограничился этимъ и учредилъ еще нѣсколько специальныхъ военныхъ школъ. Первый кадетскій корпусъ возникъ по мысли сподвижника Петра, графа П. И. Ягужинскаго, въ царствованіе Анны Иоанновны. Учрежденіемъ корпуса желали избавиться отъ необходимости посылать молодежь за границу для образованія и обученія военному дѣлу. Открытый 17 февраля 1732 г. Кадетскій корпусъ помѣстили въ особо назначенный домъ, съ обширнымъ мѣстомъ, на Васильевскомъ островѣ, гдѣ онъ помѣщается и донынѣ. Военно-учебныя заведенія пережили съ того времени не мало измѣненій и преобразованій. Но наибольшимъ переѣмамъ подверглись они въ началѣ царствованія императора Александра II, при которомъ Кадетскіе корпуса были преобразованы въ военные училища и военныя гимназіи; въ 1863 году спеціальныя классы Кадетскихъ корпусовъ соединили въ три отдѣльныя заведенія, съ присвоеніемъ имъ названія военныхъ училищъ. Изъ трехъ военныхъ училищъ первому присвоено наименованіе Павловскаго, и оно было помѣщено въ зданіи 1-го Кадетскаго корпуса, переведеннаго въ помѣщеніе упраздненнаго Павловскаго корпуса (бывшее прежде Дворянскаго полка); начальникомъ училища былъ назначенъ генераль-майоръ П. С. Ванновскій (нынѣ военный министръ). Павловское училище помѣщалось въ зданіи 1-го Кадетскаго корпуса до 1887 г., когда военныя гимназіи вновь преобразовали въ корпусъ и Первому корпусу вернули старое его помѣщеніе, а Павловское училище перевели въ вышеупомянутое зданіе бывшаго Павловскаго училища, нынѣ опять занимаемый Кадетскимъ корпусомъ, почти современно основанію Петербурга. Петръ Великій подарилъ все это мѣсто князю Александру Даниловичу Меньшикову, и онъ, въ 1710 г., здѣсь построилъ деревянный домъ для пріѣзда чужестранныхъ пословъ, называв-

шійся Посольскимъ домомъ, и каменный по берегу Невы. Въ то время парадный ходъ былъ съ Невы, подъ большимъ балкономъ, принадлежащимъ теперь къ церкви; послѣдняя служила тогда Бальной залой. Въ 1727 г., по паденіи кн. Меньшикова, домъ перешелъ во владѣніе графа Остермана, отъ котораго и поступилъ подъ Кадетскій корпусъ. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ 1744 г., послѣдовало перенесеніе церкви въ большой (бальный) залъ, гдѣ она находится и понынѣ. Всѣ эти залы подвергались неоднократно вѣшнимъ измѣненіямъ.

Въ послѣднюю четверть вѣка быстрое развитіе и усовершенствованіе всѣхъ отраслей военного дѣла значительно возвысили и усложнили, сравнительно съ прежнимъ временемъ, тѣ требованія отъ войсковыхъ офицеровъ, коими главнѣйше обуславливается успѣхъ выполненія каждымъ изъ нихъ служебныхъ обязанностей.

Преобразованія военно-учебныя заведенія наши успѣли приготовить за истекшее 25-лѣтіе для всѣхъ родовъ оружія болѣе 12,000 офицеровъ съ законченнымъ, общимъ и военно-научнымъ образованіемъ; сверхъ того, со времени учрежденія у насъ юнкерскихъ училищъ въ 1864 г., армія получила собственно изъ этого источника 17,280 офицеровъ.

Пятнистая пантера (*Neofelis macrocelis*).

(Рис. па стр. 949).

Это одна изъ самыхъ красивыхъ крупныхъ кошекъ и притомъ, по зоологическимъ признакамъ, стоящая совершенно отдѣльно въ ряду прочихъ, имѣя лишь отдаленное сходство развѣ съ однимъ тигромъ. Ростомъ она значительно меньше послѣдняго, длина тѣла достигаетъ лишь трехъ футовъ. Основной цвѣтъ мѣха пепельно-сѣрый или коричнево-сѣрый, иногда же и сѣро-бѣлый, переходящій въ желтоватый и красный; пятна черныя и темно-сѣрыя. Въ шестидесятыхъ годахъ пятнистая пантера была еще большою рѣдкостью, какъ въ зоологическихъ садахъ, такъ и въ музеяхъ. Это животное водится на островѣ Суматрѣ, рѣже въ Сіамѣ и на Борнео, большую часть жизни проводитъ на деревьяхъ, и умѣя превосходно лазить, преслѣдуетъ между сучьями и вѣтками свою добычу, состоящую изъ птицъ и мелкихъ звѣрковъ. По виду, пятнистая пантера самое привлекательное существо изъ всего кошачьяго рода. Сравнительно съ величиной, которая не уступаетъ леопардовой, звѣрь этотъ необыкновенно крохотокъ. Пожившихъ въ неволѣ пятнистыхъ пантеръ можно гладить и ласкать, не опасаясь. Онѣ отвѣчаютъ на ласку, сводятъ дружбу съ домашними животными, напр. съ собачками, и обращаются съ ними весьма лѣжно.

Разныя извѣстія.

Правительственные распоряженія.

— Высочайше повелѣно: относительно устройства быта иностранныхъ поселенцевъ, водворившихся въ губерніяхъ Киевской, Подольской и Волынской, постановить:

Иностранные поселенцы, принявшіе русское подданство и не приобрѣвшіе, до времени обнародованія настоящихъ правилъ, правъ высшаго состоянія, вводятся въ составъ сельскихъ или городскихъ обывателей.

Не принявшіе русскаго подданства поселенцы, водворившіеся внѣ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ на собственныхъ или арендуемыхъ земляхъ, причисляются, для отбыванія повинностей, къ волостямъ, ближайшимъ къ мѣсту водворенія, безъ истребованія приемныхъ приговоровъ отъ подлежащихъ волостныхъ сходовъ. Поселенцы этого разряда подчиняются волостному управленію, сверхъ того, также въ полицейскомъ отношеніи.

— Высочайше повелѣно: Въ составѣ Приморской области образовать двѣ новыя округа: 1) *Анадирскую*, включивъ въ оную составляющій нынѣ часть Гижигинской округи Чукотскій полуостровъ, съ системою р. Анадири, и назначивъ мѣстопробываніемъ окружнаго управленія село Марково на названной рѣкѣ, и 2) *Командорскихъ острововъ*, составивъ ее изъ острововъ Беринга, Мѣднаго и Тюленьяго и назначивъ мѣстопробываніемъ окружнаго начальника островъ Берингъ, а помощника его — островъ Мѣдный.

Должность военного губернатора гор. Владивостока и состоящую при немъ канцелярію

упразднить, присоединивъ Владивостокъ, вмѣстѣ съ полуостровомъ Муравьевъ-Амурскимъ и островомъ Русскимъ, къ составу Южно-Уссурийскаго округа Приморской области.

Мѣстопробываніемъ областного правленія Приморской области назначить гор. Владивостокъ, куда перевести изъ Хабаровскъ военнаго губернатора и областное правленіе.

Финансы.

— Со времени открытія дѣйствительнаго крестьянскаго поземельнаго банка по 1 сентября 1888 года совѣтомъ банка рассмотрѣно 6,455 дѣлъ о ссудахъ. Изъ сего числа по 5,824 дѣламъ разрѣшены ссуды, на сумму 52,723,715 руб.

Торговля.

— Всѣ наиболѣе авторитетныя земледѣльческіе и экономическіе журналы единогласно утверждаютъ о значительномъ пониженіи урожая пшеницы, сравнительно съ прошлымъ годомъ. Газеты исчисляють это пониженіе для одной Европы почти въ 278 милл. пудовъ. *Evening Corn Trade Circular*, сопоставляя возможное снабженіе и недоборъ пшеницы въ странахъ потребленія въ кампанію 1888/9 года, приходитъ къ заключенію, что ожидаемое требованіе должно превысить возможное снабженіе на 125,000,000 пудовъ, которые могутъ быть покрыты лишь на счетъ невидимыхъ запасовъ.

Послѣднія извѣстія сообщаютъ однако о нѣкоторомъ ослабленіи цѣнъ и сокращеніи оборотовъ въ теченіе трехъ-четырехъ дней на большинствѣ хлѣбныхъ рынковъ. Есть всѣ основанія полагать, что это пониженіе, вы-

званное спекулятивными цѣльями, имѣетъ лишь временный характеръ.

Пути сообщенія.

— Высочайше повелѣно: Предоставить министру Путей Сообщенія разрѣшить управленію Екатеринбургской желѣзной дороги продолжать означенную дорогу, за счетъ владѣльцевъ и арендаторовъ Кальмысо-Богодуховскихъ коней, до группы этихъ коней отъ станціи Ясиноватой, на протяженіи около 20 верстъ.

— Министръ Путей Сообщенія прибылъ 6 сего сентября въ Самару изъ Спалы черезъ Брестъ, Вязьму, Рязскъ и точасъ выѣхалъ для осмотра вновь построенной дороги въ Уфу. Черезъ мостъ по Волгѣ министръ прошелъ пѣшкомъ.

Изъ губерній и областей.

— Изъ Нерчинска телеграфируютъ отъ 4 сентября: Маловодье Шилки вынуждаетъ пароходы съ грузами зимовать на Амурѣ. Запоздавшую іюльскую почту съ Амура, снятую съ парохода „Ермакъ“, тянули отъ Горбицы лямкой на лодкахъ. Третьяго дня почта на Амуръ отправлена на плотахъ, для сдачи пароходу. Переселенцы отправляются на плотахъ. Въ Покровской станціи высажена тысяча отпускныхъ солдатъ; приходится отправлять ихъ и рабочихъ съ золотыхъ приисковъ пѣшкомъ на 200 верстъ по прибрежнымъ горамъ. Аргунь еще полноводна и если убрать нѣсколько камней, то будетъ и въ малую воду доступна пароходству до верховья. Застой и убытки навигаціи требуютъ энергическихъ мѣръ къ улучшенію сообщенія съ Амуромъ.

Политическое обозрѣніе.

Крайне двойственными являются отношенія къ Россіи двухъ дружественныхъ и сосѣднихъ державъ: Германіи и Австро-Вен-

гріи. Всякое сочувствіе къ Россіи и всему русскому строго преслѣдуется и это дѣлается официально правительствами, за-

вѣряющими въ то-же время нашу дипломатію въ своихъ миролюбивыхъ стремленіяхъ. Недавно еще королева Наталія подверглась неслыханному въ международныхъ отношеніяхъ оскорбленію. Затѣмъ императоръ Австрійскій лично сдѣлалъ выговоръ епископу Штрессмайеру за пріѣздъ посланнаго почтеннымъ поборникомъ славянства въ Россію въ день 900-лѣтія крещенія Руси. Германія и Австро-Венгрія всѣми силами стремятся уронить обаяніе Россіи въ славянствѣ, и нельзя не замѣтить, что онѣ достигли значительныхъ успѣховъ. Болгарія оторвана отъ своей освободительницы исключительно происками австрійскаго правительства. Въ Сербіи происходитъ полное разложение: правительство Милана-отступника ежедневно развращаетъ сербовъ своими австро-венгерскими симпатіями, заставляя народъ существовать католической, иноземной державѣ и отрывая его помыслы отъ православной Руси. Оскорбленіе всего русскаго усиливается съ каждымъ днемъ и исключительно исходитъ отъ правительственныхъ сферъ Германіи и Австро-Венгрии. Но борьба въ Болгаріи и Сербіи—борьба скрытая, закулисная. Эпизоды-же съ королевой Наталіей и епископомъ Штрессмайеромъ по крайней мѣрѣ открытны.

Въ день девятисотлѣтія крещенія Руси Дяковарскій епископъ Штрессмайеръ послалъ въ Кіевъ пріѣзственную телеграмму, въ которой упоминалъ о христіанской культурной мисіи Россіи. Венгерская печать подняла настоящую бурю противъ мастигаго епископа, называя его измѣнникомъ и требуя примѣрнаго наказанія. Императоръ Францъ-Іосифъ внялъ голосу разъярившихся мадярь и сдѣлалъ въ Бѣловарѣ (въ Хорватіи) выговоръ епископу. Выговоръ сдѣланъ въ крайне рѣзкой формѣ и такого выговора, по словамъ *Berl. Tagebl.*, не получало еще ни одно должностное лицо въ Австро-Венгрии въ царствованіе Франца-Іосифа. Съ демонстративною любезностью императоръ бесѣдовалъ съ епископами Назиловичемъ и Граниловичемъ и кардиналомъ Микаловичемъ и издала обратился къ Штрессмайеру со слѣдующими словами: „Я сперва не хотѣлъ даже вѣрить, чтобы кто-либо изъ моихъ подданныхъ могъ дерзнуть сдѣлать подобную выходку. Къ великому сожалѣнію, я убѣдился, однако, что господинъ епископъ, очевидно самъ не сознавая, рѣшился на шагъ направленный и противъ государства, и противъ церкви, пріѣздивъ въ не-католическое торжество. Вы повидимому сами не сознавали что дѣлаете“, добавилъ императоръ. Епископъ Штрессмайеръ отвѣчалъ: „Ваше величество, моя совѣсть чиста; я дѣйствовалъ съ самымъ лучшимъ патріотическимъ намѣреніемъ“. Императоръ послѣ этого отвернулся отъ епископа. Штрессмайеръ тотчасъ удалился. Въ Крейцѣ, одной изъ первыхъ желѣзнодорожныхъ станцій, населеніе, узнавшее объ этомъ событіи, устроило епископу сочувственную демонстрацію. Почти весь городъ, имѣя во главѣ городское управленіе, встрѣтилъ епископа, дѣти по пути бросали цвѣты и всѣ присутствующіе, подъ звуки собравшихся мѣстныхъ канцель, пѣли хорватскій національный гимнь и пріѣздивъ его криками „живіо“ и словами „да здравствуетъ гордость и слава хорватской націи“. Въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ на другой-же день проявилось еще торжественнѣе сочувствіе благородной личности епископа. Эти демонстраціи произвели на правительство удручающее впечатлѣніе, а въ мадярской печати невозможное озлобленіе. По словамъ *Pester Lloyd*: „Хорваты стремятся услышать на улицахъ Загреба топотъ русскихъ казацкихъ полчищъ“. Бѣловарскій эпизодъ привлекъ всеобщее неожиданное для Вѣны и Пешта результаты. Непримиримые лагери сошлись и весь Хорватскій народъ слился единодушно для защиты своихъ національныхъ интересовъ отъ мадярскихъ порядковъ, грозящихъ задуть славянство въ Австро-Венгрии.

Сербскій король рѣшилъ оглозить дѣло о разводѣ съ королевой Наталіей въ дальній ящикъ. Мы уже говорили о появившемся въ печати протестѣ королевы Наталіи противъ прошенія короля о разводѣ. Документъ этотъ крайне обипрентъ, и мы должны ограничиться только перенечаткой выдающихся мѣстъ: „Судьба нашей прекрасной, но выдержавшей не мало испытаній страны представляетъ много страннаго и изумительнаго. Въ настоящее время вся Сербія взволнована и обращаетъ взоры свои къ прискорбнымъ событіямъ, совершающимся на престолѣ два учрежденнаго королевства. Его величеству королю сербскому благоугодно было отвергнуть законно повѣчанную съ нимъ, преданную ему жену, которая дала ему наследника Сербскаго престола и которой онъ передъ алтаремъ нашей святой церкви торжественно далъ клятву, что

останется ей вѣрнымъ, будетъ любить ее до гробовой доски. Ему благоугодно было отнять у матери сына, бывшаго единственною ея радостью и утѣшеніемъ въ жизни... Я изгнана изъ горячо любимой мною страны, какъ преступница, хотя жизнь моя, публичная и частная, и въ государствѣ и въ семьѣ, всегда была открытою книгою для всякаго. Я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя, и ожидаю приговора, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, съ полнѣйшимъ спокойствіемъ, хотя и съ неизлѣчимою раной въ сердцѣ. Могу сослаться на многихъ свидѣтелей, занимающихъ высокое положеніе и пользующихся большимъ значеніемъ въ обществѣ и государствѣ: они могутъ удостовѣрить, что я желала моему царственному супругу и странѣ только одного хорошаго, и дѣйствовала всегда въ этомъ духѣ. При всемъ томъ, я и теперь еще не отказываюсь отъ надежды на примиреніе съ моимъ супругомъ, и ежедневно обращаюсь по этому поводу съ горячими молитвами къ Всевышнему Богу. Если же, къ величайшему моему сожалѣнію, соглашенія нельзя будетъ достигнуть, то я окажусь вынужденною прибѣгнуть ко всѣмъ находящимся въ моемъ распоряженіи средствамъ, для защиты правъ моихъ и достоинства матери, супруги и королевы. Никто не посѣтуетъ на меня за это, и никто не потребуетъ, чтобы я, по какому-либо соображеніямъ, отказалась отъ моей защиты и допустила занесеніе въ скрижали исторіи того факта, что первая Сербская королева подала поводъ къ разводу и что этотъ поводъ нанесъ ей безчестіе“. Королева заканчиваетъ протестъ прекрасными словами: „Объявляю въ заключеніе, что никогда не дамъ согласія на разводъ, такъ какъ для него не существуетъ никакихъ законныхъ мотивовъ, и ему противятся мои чувства и мое убѣжденіе, какъ вѣрной дочери нашей святой церкви, а съ другой стороны, подобный образъ дѣйствій предписывается мнѣ обязательствами, которыми я связана съ моимъ сыномъ и царственнымъ достоинствомъ. Женская моя гордость должна была замолкнуть передъ вопросомъ объ исполненіи долга, и потому обращаюсь къ консисторіи съ просьбою: 1) сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы, согласно закону, произведены были надлежащія попытки къ примиренію, и 2) лично вызвать меня къ суду своему по этому спорному дѣлу. Принадлежащее мнѣ право личной защиты передъ консисторіею нисколько не зависитъ затѣмъ отъ вызова къ суду; если же оно будетъ у меня отнято насильно, то о постановленіи приговора не можетъ быть и рѣчи, и то, что суды въ настоящемъ случаѣ рѣшать, будетъ само по себѣ недѣйствительно и лишено юридической силы. Святой православной церкви вѣрная и покорная дщерь Наталія“.

Это воззваніе и требованіе лично явиться въ судъ для оправданія подѣйствовали на Милана, не желавшаго разоблачать истинныхъ причинъ несогласія съ королевою; смѣло можно предполагать, что разоблаченія были бы далеко не въ пользу Милана, что и заставило его взять обратно свое прошеніе о разводѣ. Не смотря ни на что, офиціозная и правительственная печать Германіи и Австро-Венгрии продолжаетъ свои нападки на королеву и старается помѣшать примиренію Милана съ супругою; но это давленіе на Милана врядъ ли будетъ успѣшно. Настроеніе Сербскаго народа приняло угрожающій для короля характеръ и стремленіе къ самохраненію заставитъ его держаться примирительнаго образа дѣйствій.

Общественное мнѣніе въ Германіи сильно заинтересовано присутствіемъ въ Берлинѣ австрійскаго эрцгерцога Альбрехта. Эрцгерцогъ считается главой партіи не забывающей 1866 г. и питающей къ Германіи не совсемъ дружественныя чувства. Альбрехтъ всегда считался сторонникомъ Россіи, живо помнящимъ услугу Россіи, которая спасла Габсбургскую династію въ 1849 году. Берлинскія газеты придаютъ этому посѣщенію своеобразную окраску, указывая на полнѣйшее единодушіе всѣхъ партій Австро-Венгрии съ германскою политикою. Однако и среди австрійцевъ не мало находится зрячихъ людей, дающихъ должную оцѣнку дружбѣ съ Германіей.

Предстоящіе выборы во Франціи занимаютъ всѣхъ. Передаютъ, что Флоке внесетъ проектъ о пересмотрѣ конституціи. Дѣлается это для предупрежденія дальнѣйшихъ успѣховъ генерала Буланже и его сторонниковъ. Борьба партій разгорится во всей силѣ и, къ сожалѣнію, сосредоточитъ все вниманіе Французскаго народа на этой внутренней борьбѣ, что дастъ возможность врагамъ Франціи игнорировать ее во вѣдшихъ дѣлахъ опять на довольно продолжительное время.

С М Ъ С Ъ .

Двумъ туринскимъ изслѣдователямъ (по словамъ *Täg. Rundschau*) удалось открыть причину эпидемическаго столбняка затылочныхъ нервовъ (*Genickstarre*), одной изъ наиболѣ страшныхъ болѣзней. Въ наше время бактерій удивительно слышатъ, что причина и этой болѣзни все тѣ же мелкія, живыя существа, которая оказываются столь опасными врагами человѣчества. Микроорганизмъ, производящій онѣмѣніе позвонковъ, названъ лицами открывшими его „*Meningococcus*“, потому что главное его дѣй-

ствіе заключается въ воспаленіи оболочекъ головного и спиннаго мозга. Онъ тождественъ съ бактеріей, причиняющей воспаленіе легкихъ (*Diplococcus pneumoniae*), которое часто бываетъ связано съ онѣмѣніемъ названныхъ позвонковъ. Надъ животными уже было произведено нѣсколько опытовъ предохранительной прививки *Meningococcus*'а по Пастеровскому методу и прививка эта увѣчалась успѣхомъ, но необходимы существенныя усовершенствованія для примѣненія ея къ человѣку. (с.)

Новѣйшія наблюденія Леббока надъ муравьями. По сообщенію *Ежедн. Обзорннн*, извѣстный естествоиспытатель Джонъ Лѣббокъ прочелъ недавно лекцію, въ которой изложилъ новыя, интересныя наблюденія, произведенныя имъ надъ его любимцами — муравьями. До сихъ поръ преобладало убѣжденіе, что *Formica sanguinea*, видъ муравьевъ, который похищаетъ куколки (такъ наз.

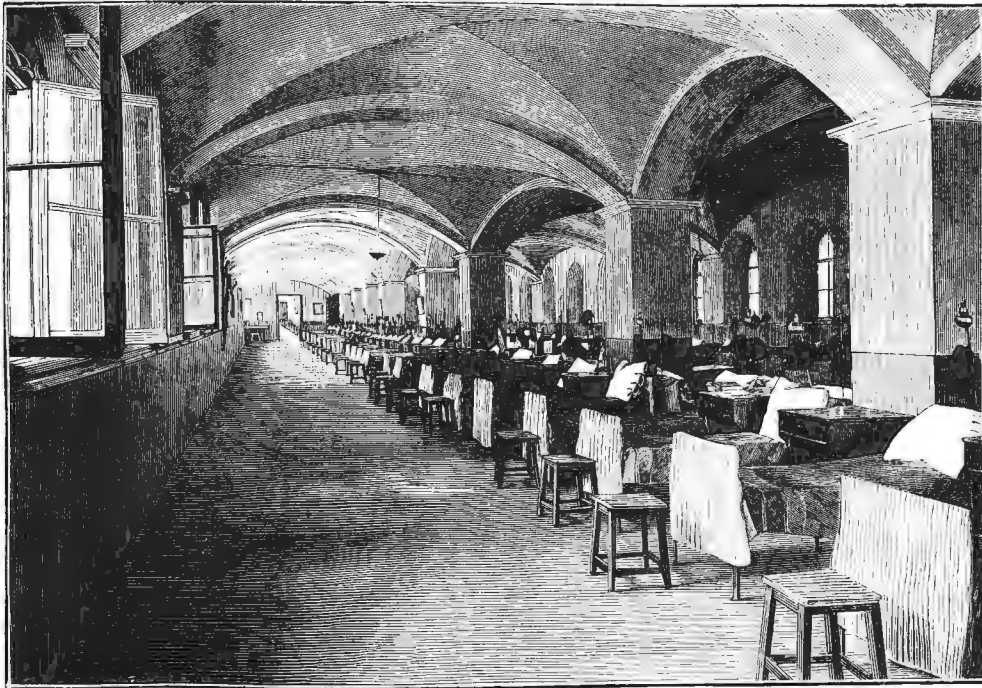
муравьиныя яйца) другихъ муравьевъ, чтобы воспитать изъ нихъ рабовъ, вовсе не имѣетъ необходимости держать рабовъ ради своего существованія, подобно другому виду, *Polyergus rufescens*. Сдѣланныя Лѣббоккомъ наблюденія надъ *Formica sanguinea* противорѣчатъ этому убѣжденію и повидимому доказываютъ, что и этотъ видъ муравьевъ, такъ какъ и *Polyergus*, не можетъ существовать безъ слугъ. Такъ напр., когда Лѣббокъ въ одномъ изъ своихъ искусственныхъ гнѣздъ занятыхъ названнымъ муравьевъ, не допускалъ его обитателей вводить новыхъ рабовъ и такимъ образомъ постепенно уменьшалъ число слугъ, пока наконецъ и послѣдній изъ нихъ не издохъ, — то и муравьи-господа стали мало-по-малу издыхать, и подъ конецъ ихъ осталось всего шесть. Тогда Лѣббокъ положилъ у входа въ гнѣздо нѣсколько куколокъ рыжихъ лѣсныхъ муравьевъ (*Formica fusca*), которые доставляютъ рабовъ *Formica sanguinea*. Куколки тотчасъ же были унесены въ гнѣздо, гдѣ вслѣдъ за тѣмъ вскорѣ появились молодые рабы. Бистрое вымирание „господъ“ сразу прекратилось, такъ что съ того дня до сихъ поръ издохло всего два муравья. Это очевидно доказываетъ, что рабы въ гнѣздѣ несутъ какую-нибудь опредѣленную обязанность; въ чемъ она состоитъ, откроетъ намъ будущее. Относительно продолжительности жизни муравьевъ Лѣббокъ сообщилъ, что муравьиная матка, о которой онъ упоминалъ уже въ прежнихъ сообщеніяхъ, и до сихъ поръ жива. Ей теперь должно быть 14 лѣтъ и она все еще кладетъ плодородныя яйца. Лѣббокъ произвелъ также нѣсколько опытовъ по вопросу, какъ муравьи узнаютъ другъ друга. Онъ взялъ изъ гнѣзда А нѣсколько куколокъ и сдалъ ихъ на попеченіе нѣсколькимъ муравьямъ того же вида, но изъ другаго гнѣзда В. Когда куколки созрѣли, одну часть молодыхъ муравьевъ

онъ положилъ въ гнѣздо А, другую въ гнѣздо В. Тѣ изъ нихъ, которые попали въ родное гнѣздо, были тамъ приняты дружелюбно, другіе же подверглись нападенію и изгнанію. Это доказываетъ, что узнаваніе происходитъ не по какимъ-нибудь знакамъ или лозунгамъ, какъ до сихъ поръ полагали, потому что будь это такъ, муравьи были бы признаны своими не въ гнѣздѣ А, а въ гнѣздѣ В,

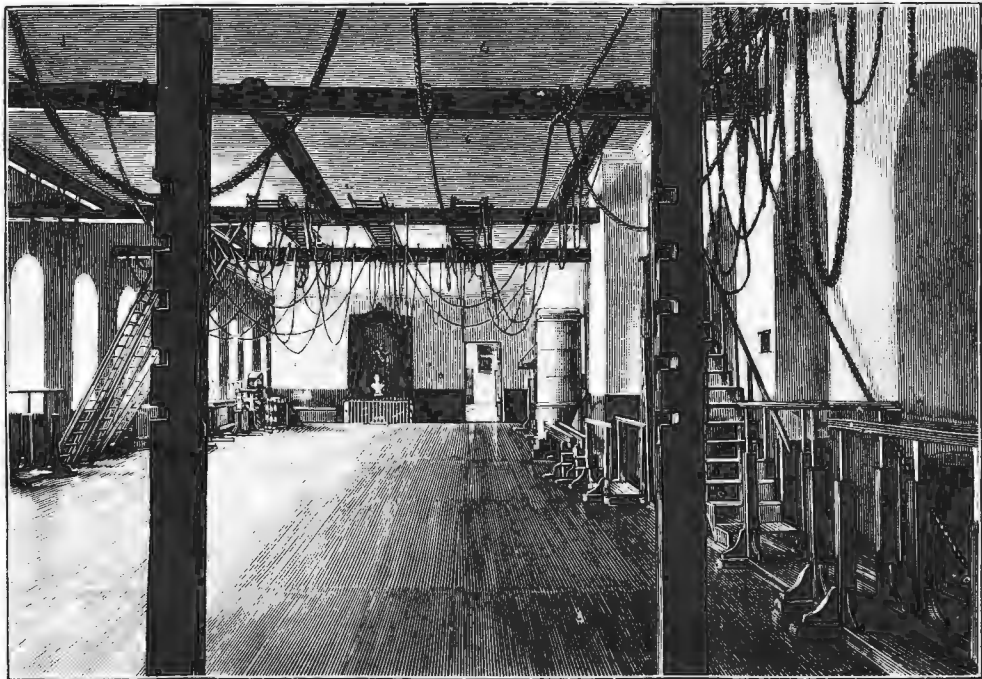
такъ какъ это родное гнѣздо ихъ воспитателей. (с).

Соглашеніе между собачьей и курицей. Слѣдующій рассказъ доказываетъ, что и между животными различныхъ породъ иногда существуетъ нѣчто въ родѣ взаимнаго соглашенія или договора. „У меня была очень бдительная цѣпная собака. Звали ее Неттель и она представляла помѣсь такса съ лагавой. Вѣроятно, этимъ происхожденіемъ обусловливалась и неприязнь ея къ домашней птицѣ. Куры у меня содержались за невысокимъ плетнемъ, который ихъ и защищалъ отъ нападений врага. Но иногда онѣ перелетали черезъ плетень и приближались къ кадушкѣ съ кормомъ для собаки. Неттель этого не выносилъ и всегда съ яростью кидался на куръ. Мы постоянно боялись, что онъ задушитъ которую нибудь изъ этихъ превосходныхъ насѣдокъ. Но внезапно положеніе вещей измѣнилось. Одна изъ куръ могла безнаказанно клевать кормъ изъ кадушки собаки, а та стояла возлѣ и даже не ворчала. Что случилось? Какой переворотъ произошелъ въ Неттели?“

Женѣ моей скоро удалось разрѣшить загадку. Она около этого времени замѣтила, что одна изъ куръ вдругъ перестала нестись. Заслышавъ однажды ея кудахтанье, обыкновенно предшествовавшее снесенію яйца, жена моя послѣдила на ея крикъ. Что же? Курица выходила изъ собачьей конуры, гдѣ только что снесла яйцо, а Неттель тѣмъ временемъ пробрался въ свое жилище, схватилъ яйцо, лапою разбилъ его и съ жадностью докалъ содержимое. Дружелюбіе его къ курицѣ такимъ образомъ объяснилось. Не было-ли это настоящимъ формальнымъ договоромъ между двумя животными? Само собою разумѣется, что послѣ этого открытія контрагенты должны были отказаться отъ своего союза.“ (N).

Помѣщеніе роты въ бывшемъ Павловскомъ училищѣ. Съ фот. грав. Рашевскій.

Гимнастическая зала бывшаго Павловскаго училища, съ портретомъ императора Александра II и бюстомъ Я. И. Ростовцева. Съ фот. грав. Рашевскій.

уже въ прежнихъ сообщеніяхъ, и до сихъ поръ жива. Ей теперь должно быть 14 лѣтъ и она все еще кладетъ плодородныя яйца. Лѣббокъ произвелъ также нѣсколько опытовъ по вопросу, какъ муравьи узнаютъ другъ друга. Онъ взялъ изъ гнѣзда А нѣсколько куколокъ и сдалъ ихъ на попеченіе нѣсколькимъ муравьямъ того же вида, но изъ другаго гнѣзда В. Когда куколки созрѣли, одну часть молодыхъ муравьевъ

онъ положилъ въ гнѣздо А, другую въ гнѣздо В. Тѣ изъ нихъ, которые попали въ родное гнѣздо, были тамъ приняты дружелюбно, другіе же подверглись нападенію и изгнанію. Это доказываетъ, что узнаваніе происходитъ не по какимъ-нибудь знакамъ или лозунгамъ, какъ до сихъ поръ полагали, потому что будь это такъ, муравьи были бы признаны своими не въ гнѣздѣ А, а въ гнѣздѣ В,

Пятнистая пантера (*Neofelis macrocelis*). Рис. Фризе.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1888 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками съ оригинала проф. Ю. Ю. КЛЕВЕРА:

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

Въ настоящемъ году, мы озаботились изготовленіемъ рамъ ТРЕХЪ СОРТОВЪ, при чемъ первые два сорта имѣются изъ золоченаго и чернаго полированного багета, а третій только изъ одного чернаго. Размѣръ и цѣны рамъ, со вставленными въ нихъ картинами (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ)—слѣдующія:

№ 1. Изъ лучшаго золоченаго или чернаго полированного багета, съ лѣпными узорчатыми украшениями (ширина въ діам. 2 вершк.) по 4 руб., а съ упаковкою въ ящикъ для иногородныхъ по 5 р. 50 к. (безъ перес.).

№ 2. Изъ такога-же, но болѣе красиваго и широкаго багета (шир. въ діам. 2⁸/₁₀ верш.): золоченая 6 р., и черная 5 р. 50 к., а съ упаковкою въ ящикъ для иногородн. 7 р. 50 к. и 7 р. (безъ пересылки).

№ 3. Изъ богатаго чернаго полированного багета (ширина въ діам. 4¹/₂ вершк.) художественной лѣпной работы, 11 руб., а съ упаковкою въ ящикъ для иногор. 13 р. (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки ихъ они будутъ уплачивать на мѣстѣ—при полученіи посылки. Въ тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ транспортной конторы и желѣзно-дорожной станціи, рамы будутъ высылаться почтою, но при этомъ гг. подписчики вмѣстѣ съ слѣдующими деньгами за рамы—благоволятъ прилагать и за почтовую пересылку, по разстоянію, за раму № 1 за 40 фунт., № 2 за 60 фунт., и № 3 за 60 фунт. При чемъ расчетъ за почтовую пересылку считается слѣдующимъ образомъ: за разстояніе до 300 верстъ за каждый фунтъ по 3 к.; до 400 верстъ по 4 к. и т. д., прибавляя на каждыя 100 верстъ по 1 коп. съ фунта.

Въ виду поступающихъ отъ нѣкоторыхъ гг. подписчиковъ заявленій о желаніи получить главную премію въ рамѣ—теперь-же, т. е. не дожидаясь общей разсылки картины, мы нашли возможнымъ удовлетворить этому желанію, и для тѣхъ лицъ, которыя пожелають имѣть премію въ рамѣ, начать выдачу картины ТЕПЕРЬ-ЖЕ.

Гг. городскіе подписчики при полученіи преміи, благоволятъ представлять въ контору свои подписные билеты на „Ниву“ 1888 г.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить премію въ рамѣ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: № 1—по 5 руб., № 2—золоченая—7 р., черная 6 р. 50 к. и № 3—12 р. 50 к.

Желающихъ получить премію въ рамѣ, покорнѣе просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картины.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПб., Невскій просп., № 6.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Контора журнала „Нива“ просить тѣхъ немногихъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые не выслали 60 коп. на укупорку и пересылку премии, — карт. проф. Ю. КЛЕВЕРА „ЗИМНИЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“ поторопиться высылкой этихъ денегъ (почтовыми марками).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подлинныя билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. В. Станкевичъ (съ портр.). — Вѣчу не быть. Старинная повѣсть Д. В. Авериева. Часть II. (Продолженіе). — Познакомились. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Н. Северина (автора „Суружское счастье“). — Новый способъ выращиванія растений. — На пути въ Индію. Н. Н. Каразина. (Продолженіе). — Къ рисункамъ: Смерть Виргиніи (съ рис.). — Въ безвыходномъ положеніи (съ рис.). — Памятникъ Леону Гамбетта (съ рис.). — Павловское училище (съ 6 рис.). — Патистая пантера (Neofelis macrolepis) (съ рис.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Сѣбрь. — Рамы для преміи „Нивы“ 1838 года. — Задачи. — Завлеченіе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1888 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. №№ со всѣми приложеніями.

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ В. БЕССЕЛЬ и К^о. МУЗЫКАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 54.
Москва, Петровка, № 12. № 3349
Вышла изъ печати новымъ изданіемъ знаменитая фортепианная школа **ГУСТАВА ДАММЪ.**
съ объяснительнымъ текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, могущая успешно заимѣнить всѣ другія устарѣвшія школы игры на фортепиано. Цѣна 2 р. 50 к.

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ!
Коллекція, избранная заведеніемъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ чайныхъ, ремонтантныхъ, моховыхъ и прованскихъ розъ, съ пересылкою: 100 сорт. за 35 р., 25 сорт. за 10 р., 12 сорт. за 5 руб. Минскъ, губернское садовое заведеніе Н. Н. Голиневича. Наставленіе къ уходу и каталогъ выслается по полученіи семикопѣчной марки.

Школа К. И. ГЕРКЕ,
В. Конопенная, домъ Петропавл. п., переведена изъ кв. № 121 въ № 122, въ томъ же домѣ.
ПРОДАЮ
мѣляю и покупаю иностраннныя почтовые марки. Для продаюльщю большаа услугу. В. Ростовскій, Киевъ, Малая Подвальная, 17.

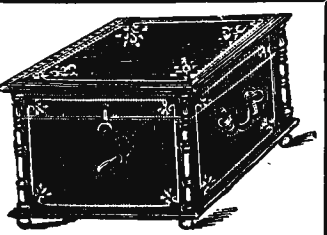
ЛЕНИНГРЪ и РОЗНИЦЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ДАМШЫ, БРОНЗА,
Р. № 3307 посуда и проч. 3-я рекомендують въ торговомъ домѣ **AU BON MARCHÉ**
◆ Невскій пр., 49. Больш. Морская, 32. ◆
НОВЫЕ РИСУНКИ АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ
для вышиванія лобзильномъ, цѣна по 1 руб. съ пересылкою за серію изъ 12 листовъ. 1-я и 11-я серія разсылаются. Магазины:
4-1 **Бр. ЛИНДЕМАНЪ.** Ц. № 3364
Москва, Мясницкая, домъ Феретеръ.

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕСИЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА МАТТОНИ ГИСТЮБЛЕРЪ
ЧИСТЫЙ ЩЕЛОЧНОСІСЫЙ ИСТОЧНИКЪ ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ И ЗДОРОВЫЙ **СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ**
можно вездѣ получить. 600000 (миллион) бутылокъ годовой вывозъ.
Р. № 3366 4-1

Изданіе А. Ф. МАРКСА, СПБ.
АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ.
БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,
составл. ко дню юбилея его полувѣковой литературно-поэтической дѣятельности, 30 апрѣля 1888 г.,
М. Л. ЗЛАТОВСКИМЪ.
(Съ портретомъ юбиляра, гравированнымъ на стали).
Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 30 к.
Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“; а также можно получить у всѣхъ книгопродавцевъ.

ПРАКТИЧЕСКАЯ КНИЖКА
для заводчиковъ, машинистовъ, учащихся и электротехниковъ,
сост. инженеръ-механикомъ **В. В. ТРОМПЕТЕРЪ.**
Содерж. табл., корни, логарифмы, мѣры, вѣса, данныя объ электрич. освѣщеніи, о водопроводѣ и газов. дѣлѣ, турбин. насос. и двигат. Цѣна 1 р. 50 к. Можно получить во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, на газовой заводѣ въ Ревелѣ у автора и въ СПб. у Р. Тромпетеръ, В. О. 11 л., д. № 28, кв. 15. № 3368

ВНОВЬ ИЗОБРЕТЕННЫЙ ОРГАНЪ-СОЛОВЕЙ
съ металлическими нотами, прочной и красивой отделки, гаммы 40 тоновъ, съ очень пріятнымъ мелодическимъ тономъ. Цѣна съ 10-ю нотами 50 руб., ноты отдѣльно 75 к. Описание и каталогъ неслышавшася бесплатно. Заказы изъ провинціи выслаются немедленно. Рекомендуетъ фабрика музыкальныхъ инструментовъ **ДМИТРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА АЛЕКСАНДРОВА.**
Невскій, 51, Спбургъ. Мт. № 3368

ЕДИНСТВЕННЫЙ СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ СТАЛЬНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
въ Россіи собственной фабрики, удостоенъ 40 сереб. и золотыми медалями,
А. О. БРАБЕЦЪ
42 Спб. Большая Морская, 42.
въ Москвѣ — Столешниковъ переулокъ, 4.
Рекомендуетъ огромный выборъ столовыхъ, кухонныхъ, перочинныхъ, дорожныхъ, охотничьихъ ножей, книжжатовъ, бритвъ и пр. индѣйской стали, завода собственнаго изобрѣтенія.
Громадный выборъ садовыхъ ножей, ножницъ, ниль и прочихъ садовыхъ инструментовъ. Мт. № 3370 2-1

ВСЕМІРНЫЙ ЯЗЫКЪ ЭСПЕРАНТО.
1. Международный языкъ. Предисловіе и полный учебникъ. Цѣна 15 копѣекъ, съ пересылкою 25 коп.
2. Dua Libro de l'linguo internacia (Вторая книга международного языка). Цѣна 25 коп., съ пересылкою 35 коп.
3. Aldono al la Dua Libro (Прибавленіе ко второй книгѣ). Цѣна 10 коп., съ пересылкою 15 коп.
Вышеупомянутыя книги можно получить въ книжныхъ магазинахъ; каждую отдѣльную книжку можно также выписать непосредственно отъ издателя (Адресъ: Варшава, д-ру Л. Заменгофу, ул. Пржездъ, № 9). Выписывающіе не мѣнѣ чѣмъ на одинъ рубль за пересылку не платятъ. Мелкія суммы (меньше рубля) можно присылать почтовыми марками. № 3358

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
соств. произвед., по удешевл. цѣнамъ въ 3/2, 4, 5 и 8 руб. со школой и нот., на которыхъ самоучной въ теч. 1 часа вполнѣ можно выучиться играть. Прод. въ музыкальн. инструментальной торговлѣ **І. Ф. МЮЛЕРЪ.** Москва, Петровка, д. Волкова.
За перес. по почтѣ прилаг. за мат. за 1 ф., за больш. за 15 ф. Полный прейсъ-куръантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаютъ всѣ % бумаги.
Суды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе винегрнннхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3336 3-3
Также нужны вѣрно съ постояннымъ мѣстомъ жидельства **АГЕНТЫ.**
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Поступили въ продажу **НОВЫЯ** изданія **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**
Полный курсъ физики А. Гаю. Переводъ Ф. Павленкова и В. Чернасова 7-е значительно дополненное изданіе. Цѣна 4 р.
Популярная химія Н. Вальберха и Ф. Павленкова. 3-е изданіе съ 50 рисунками. Цѣна 40 коп.
Родная азбука для обученія и самообученія грамотѣ. Ф. Павленкова. 7-е изданіе. Мт. № 3369
Объясненіе къ „Наглядной азбулкѣ“ Составилъ Ф. Павленковъ. 7-е изданіе. Цѣна 15 коп.
Славянскій словарь Т. Лубенца. 2-е изданіе. Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ, допущено къ употребленію, въ качествѣ учебника, въ тѣхъ церковно-приходскихъ школахъ, въ коихъ русская грамота преподается прежде славянской. Цѣна 5 коп.
Общедоступное землемѣріе. Съ 280 рисунками и чертежами. Составилъ А. Колтановскій. Цѣна 75 коп.

№ 4711 РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ
съ различнымъ запахомъ: Эдельвейсъ, желтый левкой, насинъ, геллотропъ, ландышъ, оппопанасъ, резеда, рейнская роза, рейнская фіалка, рейнскіе цвѣты и аспера душистая. Превосходные, долго сохраняющіеся и дешевые духи для платка.
Цѣна за флаконъ содержащій 1/4 фунта **1 р. 25 коп.**
Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3359 6-1
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ **у Алекс. ТИСЪ и К^о.** Пушкинская, № 4.

ПОВѢСТИ И РАЗСАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIX г.

№ 39

г. XIX

1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 47 модн. рис.)
Выдавъ 24 сентября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР, Д. №6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

<p>ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.</p>	Безъ доставки въ Петер- бургъ	4 р.	<p>Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . . .</p>	6*	<p>ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ тор- говыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.</p>
	Съ доставкою въ Петер- бургъ	5 р. 50 к.		8 р.	
	Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровск. Торг. линіи.	5 р.	<p>За границу, съ перес. . . . .</p>		
			<p>* Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ, а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать на укупорку и пересылку ея 60 КОП.</p>		

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Я. Ѡ. Головацкій.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ среди галицко-русскихъ студентовъ Львовскаго университета образовался скромный кружокъ, задавшійся цѣлью возродить галицко-русскую литературу. Онъ сталъ заниматься собираніемъ памятниковъ народнаго творчества, писать произведенія прозаическія и поэтическія, пытался издавать альманахъ, а чтобы рѣзче отличить свое нарѣчіе отъ прочихъ славянскихъ, принялъ даже особое, фонетическое правописаніе. Къ этому кружку, которому пришлось съ первыхъ же шаговъ встрѣтить сильное противодѣйствіе Австрійскаго правительства, принадлежалъ одинъ студентъ, ставшій душою и руководителемъ благороднаго дѣла возрожденія русской словесности. Его не устранили преслѣдованія австрійскихъ властей и тогда и позже, и онъ съ истиннымъ самоотверженіемъ защищалъ права русской народности. Этотъ студентъ былъ Яковъ Головацкій, получившій потомъ извѣстность сво-

Яковъ Федоровичъ Головацкій. († 1 мая 1888 г.). Грав. Ю. Шюблеръ.

ей разнообразною дѣятельностью, какъ ученый, литераторъ и ревностный патріотъ. 1 мая текущаго года смерть пресѣкла эту плодотворную дѣятельность галицко-русскаго неутомимаго труженика, который еще за нѣсколько часовъ до кончины подписывалъ корректурные листы своей работы. Честный борецъ за славянское возрожденіе, Головацкій сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, и мы считаемъ долгомъ почтить его память сообщеніемъ нѣкоторыхъ біографическихъ свѣдѣній объ умершемъ.

Яковъ Федоровичъ Головацкій происходилъ изъ довольно древней русско-галицкой фамиліи; одинъ изъ предковъ его при Богданѣ Хмельницкомъ „ляхалъ сильно допекалъ“. Сынъ униатскаго священника, Головацкій родился 17 (29) октября 1814 года въ галиційскомъ селѣ Чепеляхъ, Злочевскаго округа, и получилъ первоначальное образованіе въ Львовскомъ народномъ училищѣ, куда онъ былъ отданъ шести лѣтъ отъ роду, а затѣмъ въ гимназіи въ Львовѣ. Окончивъ здѣсь курсъ,

онъ поступилъ въ Львовскій университетъ, потомъ слушалъ лекціи философіи въ Кошицахъ (Кашау) и въ Пештскомъ университетѣ и закончилъ свое образованіе опять въ университетѣ Львовскомъ по богословскому факультету, въ 1839 году. Какъ мы уже знаемъ, еще въ университетѣ Львовскомъ Головацкій примкнулъ къ кружку Маркіана Шашкевича, заботившагося о возсозданіи національной словесности и задумавшаго съ этой цѣлью издать альманахъ *Заря*. Когда Австрійское правительство не только запретило альманахъ, но и осудило самое направление *Зари*, а всѣхъ сочинителей книжки отдало подъ надзоръ полиціи, члены кружка разбѣхались въ разныя стороны. Головацкій, по его собственнымъ словамъ, споря каждымъ познакомиться со славянами и славянскими литературами, отправился въ Кошицкую академію, а оттуда перешелъ въ Пештскій университетъ. „Здѣсь—говоритъ онъ—я близко сошелся со многими учеными словаками, сербами и хорватами, при чемъ мы обмѣнялись нашими мнѣніями, желаніями и сѣтованіями о нашихъ общихъ пуждахъ“. Въ 1837 году галицко-русскимъ патриотамъ удалось напечатать въ Будинѣ (въ Венгріи) сборникъ произведеній, тѣхъ самыхъ, которые были въ запрещенной *Зарѣ*. Сборникъ носилъ заглавіе „Русалка Днѣстровал“ и, между прочимъ, заключалъ въ себѣ и первый поэтическій опытъ Головацкаго „Два вѣнка“. Однако и „Русалка“, при разсмотрѣніи ея львовскою цензурой, подверглась участи перваго альманаха; по уговору съ товарищами, Головацкій принялъ всю вину относительно изданія книжки на себя и готовъ былъ подвергнуться отвѣтственности, но былъ помилованъ. Въ 1843 году его рукоположили въ санъ священника и дали сперва мѣсто викарія въ приходѣ Пастыньскомъ, а затѣмъ самостоятельный приходъ въ селѣ Хмѣлевѣ, Чертковскаго округа. Въ 1848 году, съ провозглашеніемъ равноправности и полной свободы народностей, населяющихъ Австрію, русскіе галичане устроили въ Львовѣ политическій клубъ, литературное общество „Галицко-Русская Матица“ и основали первую червонорусскую политическую газету *Заря Галицка*. вмѣстѣ съ тѣмъ учреждена кафедра русскаго языка и литературы въ Львовскомъ университетѣ и введено преподаваніе русскаго языка во всѣхъ гимназіяхъ восточной Галичины. На эту кафедру русскаго языка былъ тогда же приглашенъ Головацкій, занявшійся преподаваніемъ также и въ двухъ гимназіяхъ. Въ университетѣ Головацкій преподавалъ около 20 лѣтъ и былъ избираемъ, по два года къ ряду, въ деканы и ректоры. Только благодаря своему такту и осторожности онъ могъ держаться на кафедрѣ такъ долго. Сдѣлавшись сотрудникомъ едва-ли не всѣхъ русскихъ газетъ, выходившихъ въ Австріи, онъ горячо отстаивалъ русскую народность отъ враждебныхъ понозновеній поляковъ и нѣмцевъ и въ печати, и на лекціяхъ, стараясь въ своихъ слушателяхъ пробудить любовь ко всему русскому, къ литературѣ, къ историческимъ преданіямъ и выяснивъ всю необходимость духовнаго сліянія славянъ съ народомъ великорусскимъ. Всѣми силами стремился онъ обнаружить истинную цѣль польскихъ происковъ и опровергать клеветы поляковъ. Такое направленіе его дѣятельности не могло нравиться польской партіи, и скоро она начала вести ожесточенную борьбу съ галицко-русскимъ

патриотомъ, особенно, когда памѣтникомъ Галиціи сдѣлался вожакъ этой партіи графъ Голуховскій. Головацкому удавалось не разъ опровергать нелѣпныя обвиненія взводимыя на него поляками. Однако Голуховскій все-таки отстранилъ его отъ преподаванія въ академической и второй львовской гимназіяхъ, запретилъ составленіе Головацкимъ учебники на русскомъ языкѣ и оставилъ его въ покоѣ лишь по неволѣ, когда ушелъ съ своего поста. Но по возвращеніи на него Голуховскій возобновилъ свои ярлы преслѣдованія, и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ лишить Головацкаго кафедры, наконецъ добился таки своего. Это случилось въ 1867 году, когда въ Москвѣ открылась этнографическая выставка, бывшая вмѣстѣ съ тѣмъ своего рода всеславянскимъ съѣздомъ. Головацкій поѣхалъ на этотъ „историческій“ съѣздъ—и остался въ Россіи. По почину гр. Д. А. Толстаго, ему предложили мѣсто предсѣдателя комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ въ Вильнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ Варшавская главная школа и Новороссійскій университетъ приглашали занять кафедры русской литературы. Отклонивъ послѣдніе два приглашенія, Головацкій принялъ предложеніе виленской комиссіи и 22 декабря 1867 года былъ утвержденъ ея предсѣдателемъ. Эту должность занималъ онъ до самой кончины и сверхъ того, съ 1871 года предсѣдалъ во временной комиссіи по устройству публичной бібліотеки и музея въ Вильнѣ, состоялъ членомъ распорядительнаго комитета западнаго отдѣла Имп. Русск. Географич. Общества и членомъ почетнаго совѣта Виленскаго учебнаго округа. Головацкій оставилъ послѣ себя не мало трудовъ разнообразнаго содержанія, напечатанныхъ на его родинѣ и въ Россіи; изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: „Розправа о языкѣ южнорусскомъ“ (Львовъ, 1849), „Грамматика русскаго языка въ Галиціи“ (1849), „Историческій очеркъ основанія Галицко-Русской матицы“ (1861), „Христоматія церковно-славянская и древнерусская“ (1854), „Очеркъ старославянскаго баснословія или мифологіи“ (1860), „Львовская русская епархія со лѣтъ тому назадъ“ (1861), „О первомъ литературно-умственномъ движеніи русиновъ въ Галиціи“ (1865), „Карпатская Русь“ (Сиб. 1875), „Народныя нѣсни галицкой и угорской Руси“ (М. 1878), — четырехтомное сочиненіе, удостоенное Уваровской преміи, „Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ“ (Вильна, 1884) — трудъ, удостоенный высочайшей награды, „Дополненіе къ очерку славнорусской бібліографіи Ундольскаго“ и мног. друг. Кромѣ того, Головацкій издавалъ, вмѣстѣ съ Богданомъ Дѣбидикимъ сборникъ „Галичанинъ“, участвовалъ въ славянскихъ и русскихъ периодическихъ изданіяхъ, а въ молодости печаталъ беллетристическія произведенія изъ народной жизни подъ псевдонимомъ *Лика Баллиура*. Головацкій имѣлъ чинъ дѣйств. статск. совѣтника, нѣсколько орденовъ и золотыя медали отъ Географическаго общества и Уваровскую и состоялъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ университетовъ и различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій русскихъ и славянскихъ. Головацкій неуклонно, съ юныхъ лѣтъ и до могилы, шелъ одвою дорогой, трудился на пользу славянства и поэтому память благороднаго галицкаго патриота должна быть равно дорога какъ для его соотечественниковъ, такъ и для русскихъ. П. Быновъ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XI.

Встрѣча на дорогѣ.

Арбузевъ, отъ тетушки своей крестовенькой, домой погналь, въ подгороднюю волость. Золъ онъ вышелъ отъ бабушки, а отъ скорой гоньбы еще сильнѣе взбодоражился. За то и тѣлъ, и шлъ сегодня Василей Селифонтьевичъ за четверыхъ, словно не куски глоталь, а своихъ кровныхъ обидчиковъ.

Наѣвшись, напившись всласть, боляринъ немного почувствовался.

„Нѣ вспятить, такъ вспятить,“ рѣшилъ онъ. — „А и то ладно молъ что хоть срокъ мпѣ дадець въ семь дѣнь.“

И съ этой мыслью, велѣлъ онъ кликнуть Маврушеньку. Дѣвушка войдя, стала у двери.

— А ну, иди же, ридкомъ садись, ньянымъ голосомъ шепнущъ Арбузевъ.

Маврушенька не двігалась.

— А присаживай-ко-ся, а слышь, медкомъ вѣдь поподчую, еще ньянѣ Арбузевъ шепталь.

— А полно ужъ, буде, отозвалась Маврушенька.

— А да ну же, иди!

— А сказала, нѣ-пойду, рѣзко отвѣчала дѣвушка.

— Нѣ ты, кака понѣ вышла ежова! И гдѣ ты спѣсивства-то этого понабралась?

— А гдѣ бъ ни брала, а полно, гдворю. Не раба вѣдь я твоя, Василей Селифонтьевичъ, не одерноватая, а нѣ пошто жъ тебѣ и въ волости меня держать, а и мпѣ-ко домовъ пора.

— А тебѣ дома-то что, аль голодуха западобилась: съ усмѣшкой сказалъ Арбузевъ.—А коль обновы тебѣ похотѣлося, нѣ прямо бы, голубушка, сказывала. А не люблю, знашь, этихъ хитростей вашихъ увертливыхъ.

— А до-гроба никоей мнѣ отъ тебя обновы не занадобится, твердо сказала Маврушенька.

— Ой, что-й ты! А гляди-ко-ся каку оцѣ покажу.

И Арбузевъ съ отдышкой привсталъ было съ лавки.

— А не подходи, слышь! съ силой крикнула дѣвушка.

Арбузевъ, будто оторопѣвъ отъ крика, присѣлъ на лавку, а самъ со смѣху какъ закатится.

— Ой, ой! проговорилъ онъ, — ой, спужала было до- смерти.

— Оставь смѣшки, Василей Селифонтьевичъ, изъ- ходь лобья хмуро однимъ окомъ взглянувъ на него, сказала Маврушенька. — А и о смерти тожь не го- вори подъ руку.

— Ой, что такъ? заливался спросилъ бояринъ.

— А то что на всякъ случай, у меня захвачень ножъ, гляди.

И тутъ Маврушенька заложила руку за пазуху. Съ большаго-ли смѣху-ли, или съ непритворнаго страху, Арбузевъ, откинувшись назадъ, крѣико ударился голо- вой объ оконный косякъ, и сталъ досадливо рукой ушибъ тереть.

Тутъ хмѣль у него изъ головы немного выско- чилъ, и онъ не то нерѣшительно, не то боязливо глянулъ на Маврушеньку.

— А взрѣжу себя, а ужъ тебя къ себѣ не допущу! помолчавъ сказала она, и быстро, но безъ торопли- вости вытащила изъ-за пазухи ножъ.

— Ой да дьяволы-те ѣшь! Эка дѣвчйна ѓзорна! Гляди-ко-сь!.. А ножъ още!..

— Отпускашь, что-ль, домовъ меня?

— А ну те въ трисподнюю!.. Эка невидаль!.. А на- докучила и сама ты мнѣ! Затѣмъ и звалъ вѣдь, что въ зашеи прогнать хотѣлъ! А чтобъ те псы порѓзор- вали!.. О, волчья снѣдь!.. А съ ножемъ още!..

И тутъ Арбузевъ словно про себя сталъ ругаться, только изрѣдка вслухъ вскрикивая:

— О, подлая!.. А съ ножомъ още.

— Когда-жь домовъ-то? по терпѣливомъ молчаніи спросила дѣвушка.

— А ты тутъ още! засвирѣпѣвъ вскинулся Васи- лей Селифонтьевичъ. — А прочь, прочь ползи! А съ моихъ очей въ пекло пеклинско!.. А я видѣть тебя не хочу!..

И бояринъ сталъ порочить ее всякой бранью.

Маврушенька, стоя по-одалъ, попрежнему терпѣливо слушала его брань.

— А домовъ-то когда-жь? не двигаясь съ мѣста спро- сила она.

— Охъ! да уйди же а ты! не своимъ голосомъ Ар- бузевъ крикнулъ. — А съ Буяномъ приказъ пришлю. А съ ножемъ още!..

И Арбузевъ глаза зажмурилъ, словно ножъ сверкнулъ какъ разъ предъ нимъ. Маврушенька постояла немного, будто обдумывая, и затѣмъ мелькомъ на Арбузева взглянувъ, вмѣстѣ и гадливо, и жалостливо, вышла вонъ.

„Вотъ те и сказъ весь! А още и сроку недѣлюшку! бурчалъ про себя Василей Селифонтьевичъ. — Ишь, дьяволы! А още неволею!.. О, дьяволы-жь трикляты!

Отъ злобы у него все нутро взбудоражилось. Только злоба на сей разъ была куца. Какъ пѣсь она изъ-за забора выглядывала на недруговъ, а смѣлости, чтобъ броситься на нихъ, не хватало въ ней.

— Буянь! крикнулъ господарь.

— Что? аль знать у васъ съ Маврушенькой нелады пошли? входя спросилъ вѣрный паробокъ, давая тѣмъ знать, что рассказъ не нуженъ: все молъ, стоя за дверьми, слышалъ.

— А кабы одна Маврушенька, а и Владыко ту ¹⁾.

— Ну ужъ сказывай, чтоль, Василей Селифонтьевичъ, списходительно замѣтилъ Буянь, приготавливаясь слушать господаря, какъ старшій братъ слушаетъ про проказы меньшаго.

Арбузевъ рассказалъ, успавивъ свою повѣсть не мягкими ругательствами.

— А что жъ дѣлать тутъ, а Буянушко? спросилъ онъ, заглядывая въ глаза паробку, какъ виноватый пѣсь хозяину.

¹⁾ Ту — тутъ.

— А дѣлать, Василей Селифонтьевичъ, нечего, развѣ что вспятить ее какъ мнѣ срокъ. А съ Владыкомъ-то пемного напугутишься.

— Аль мнѣ имъ покорится? Аль сняли оны съ меня волюшку? Аль мнѣ въ подневольни къ нимъ писатися?

— И запишешься, убѣдительно Буянь сказалъ.

— Ну, ужъ это! вскрикнулъ Арбузевъ и будто онѣ- мѣлъ съ горя. — А ну, помолчавъ ласково заговорилъ онъ, — думай же, Буянушко, подумывай.

— А не о двухъ я, Василей Селифонтьевичъ, голо- вахъ.

— А вдвоемъ-то, слышь Буянушко, о двухъ же мы съ тобой головахъ, желая ободрить паробка сказалъ господарь.

— А у Владыка-тъ, скажи, още руки долги.

— А на меня-то нуль коротки! А по мнѣ и на тебя таки жъ окажутся. А ни онъ, ни тетушка моя кресто- венька съ вѣщемъ своимъ анаемскимъ купленнымъ, не достаютъ же насъ. Простился вѣдь я на-вѣкъ съ Новымгородомъ; къ князю великому отѣду служить.

— А такъ бы ты йперва, Василей Селифонтьевичъ и сказывалъ, отвѣчалъ Буянь такимъ голосомъ, точно выговаривалъ крѣикоѣ слово. — Инъ дѣло твое, гляди, поправимое.

— Ой да Буянушко! А зѓлота буде у меня голо- вушка! Аль придумалъ что?

— Ничего не придумывалъ. А на-перво, Василей Селифонтьевичъ, надо тебѣ заступу крѣикую. Не на Москвѣ ты още. О томъ подумай.

— А ну?

— Завтра жъ, какъ съ похмѣлья-то пробудншься, въ Городище гони.

— Куда-то зачѣмъ?

— А къ княженецкому гони намѣстнику, а бпась бери.

— Какой бпась още?

— А грамоту эту опасну ¹⁾, съ чѣмъ тебѣ на Мос- кву проѣхать, чтобъ путь тебѣ чистъ былъ, пойми.

— Это чтобъ въ сугону не пускалися?

— А понялъ же, какъ бы съ удивленіемъ сказалъ Буянь. — А не то, Владыко-тъ прикаже посаднику, а онъ дастъ на тебя биричей новгородскихъ, а сволокутъ тебя въ Великій Новгородъ. Ну, а съ бпасомъ а чистъ путь, гдворю.

— А и головушка жъ у тебя умная, скажу. А умомъ-то ты съ Лукой, гляди, съ самимъ Аввакумовичемъ по- верстаешься.

Тутъ господарь помолчалъ, выжидая что скажетъ па- робокъ, а паробокъ молчалъ въ ожиданіи господарскаго слова.

— А далѣ-то что жъ, Буянушко?

— А далѣ, Василей Селифонтьевичъ, тебѣ ужъ ска- зывать: что ты самъ дѣлать вздумалъ, аль чего тебѣ още похотѣлося.

— А ничего-то я, Буянушко, не вздумывалъ, а развѣ похотѣлось мнѣ имъ всѣмъ нагадить.

— А всѣмъ-то кому жъ?

— А и Владыку-то, а още моей тетушкѣ кресто- венькой, а и всему, скажи, Великому Новгороду. Чтобъ помнили. Чтобъ такъ вотъ вышло, что хоть оны меня и приволокли, а будто самъ я, Арбузевъ, все своей волюшкой дѣлалъ. А имъ бы ажко въ носъ бросилась эта гадость-то моя, чѣмъ нагадимъ-то мы имъ.

— Дѣло мудреное, вдумчиво Буянь сказалъ.

— Аль захватимъ мы съ собой въ Москву Мавру- шеньку, а съ бпасомъ вѣдь? отважился придумать самъ Василей Селифонтьевичъ.

— Ну, это, Василей Селифонтьевичъ, отложить на- добѣтъ. А какъ съ Маврушенькой-то въ Москву при- дешь, а всѣмъ вѣдь тутъ объявится каковъ кречеть изъ Новгорода вылетывалъ, а сволокъ молъ съ чужа двора утушку. А не похвалить же.

¹⁾ Опасная грамота — листъ на свободный проѣздъ.

Судъ Париса. Съ карт. Швенингера, грав. Бон

— И то, согласился, Василей Селифонтьевичъ. — А вспятить, значить?

— Не безъ этого.

— А вспятить, такъ вспятить, безповоротно господарь рѣшилъ. — А и къ бѣсу ее! А съ ножомъ оцѣ!..

И Арбузевъ, какъ давече, быстро зажмурилъ глаза. Помолчали вновь господарь и паробокъ, ожидая другъ отъ друга перваго слова.

— А слышь, Буянушко! какъ-то опасно Арбузевъ заговорилъ, словно побаиваясь, что снова ему достанется отъ паробка за глупое думанье.

— Аль надумалъ что? съ недоувѣремъ спросилъ Буянъ.

— А, вишь, какъ вспячивать-то станемъ ее, а тутъ бы имъ чѣмъ и напакостить. Вотъ, чтобъ помпили.

— А дѣло-тъ гóворю, мудреное, снова повторилъ паробокъ.

— А думай же, сдумай, Буянушко, а подумывай, словно наускивая пса приговаривалъ Арбузевъ.

Буянъ думалъ, опустилъ голову.

— А что дашь-то за думанье? спросилъ онъ вдругъ, взглянувъ на Василея.

— А каки таки у насъ торги съ тобой. А навсегда разъ было сказано, а бери моль что вздумашъ. Для другого кого, для тебя не жалъ.

— А вольною? отрывисто сказалъ Буянъ, и глянулъ куда-то въ сторону.

— А ну, ну, ну! Ой, и вывезъ же ты, Буянушко. А пошто тебѣ тѣя вольня? недоумѣнно и жалобно пропѣлъ господарь.

— Я-то знаю пошто она мнѣ.

— А скажи-т-ко, ну, а что ты оцѣ на волѣ дѣлать-то учнешь?

— А знаю ужъ что, Василей Селифонтьевичъ.

— Да мнѣ-ко занятно знать. А думаю что вовсе она тебѣ не надобна, а и дѣлать-то тебѣ съ волей нечего.

— А коньми бы сталъ въ Новгородѣ поторговывать. А прибытокъ великъ.

— Ой, полно-ко, Буянушко. А за мной живучи, болѣ прибытушка добудешъ вѣдь.

— Ну! какъ бы съ сомнѣнемъ Буянъ сказалъ. — Аль вольней-то не дашь ты? по молчаніи спросилъ онъ.

— А буде тебѣ и вольня, а въ душевной моей грамотѣ ¹⁾.

— Да у тебя душевна-та писана-ль?

— Ой, да что ты! Эки страхи придумывашъ. А знашь вѣдь самъ, какъ трепещу-то я этого часа смѣрнаго. А страшусь-то я его, вѣрнѣй сказать, ажъ до-смерти.

— Для того вѣдь и спрашиваю, что ладно буде, коль поболѣвъ умрешъ, а какъ въ одночасье-то представишья, а такъ же вотъ во хмѣлю, съ мѣста вставъ, да навзничъ на полъ опрокинешься.

— Охъ, умру! Охъ, умру я сейчасъ! всѣмъ дебелимъ тѣломъ трясаюсь, и блѣднѣя въ лицѣ, вопилъ Арбузевъ.

— А полно ужъ тебѣ, Василей Селифонтьевичъ, а не буду ужъ. А вышей медку, что-ль, успокоивалъ его Буянъ.

Арбузевъ заморскимъ виномъ отпаивалъ свой страхъ.

— А слушай-ко что оцѣ скажу я тебѣ, Василей Селифонтьевичъ.

— А ну, Буянушко?

— А отбѣдешъ въ Москву ты, а вѣдь стану я тебѣ вовсе не надобень.

— Всюды, всегда ты мнѣ, Буянушко, надобень. А помереть вѣдь мнѣ безъ тебя, вѣрь ты моему слову неслестному.

— А ужъ вѣрно скажу, что я буду тебѣ не надобень, потому какъ въ Москвѣ ты оженись.

— На двое про то бабка-то сказывала.

— А безъ перемѣны ужъ оженисья. Потому: сду-

май самъ, Москва тебѣ буде мѣсто новое, незнакомое. А ни сродниковъ, ни дружковъ собинныхъ. А заступа вездѣ нужна. А богатъ прѣдешъ. Отцы на тебя сейчасъ позарятся, стануть сватати, а подумавъ что одино-тъ и у каши не споръ, тества себѣ добыть научисья. Опять-же, на первыхъ порахъ, не дѣло тебѣ буде тамъ уродовать да бражничать, какъ въ Новгородѣ. А со скуки оцѣ, гóворю, оженисья.

— А что, какъ-бы отъ чистаго сердца сказалъ Василей,—а и правда твоя, гляди, Буянушко. Время бросить мнѣ житье это безобразное. А вѣрнѣй сказать, въ Москвѣ перво времячко ухо остро держать придется. А узда-тъ вѣдь тамъ крѣпкая.

— И самъ ты, вижу, Василей Селифонтьевичъ, до того-жъ додумался, что въ Москвѣ я тебѣ буду не надобень.

— Нѣтъ, ужъ до Москвы-то проводи меня, и тамо-то на первыхъ порахъ буду я безъ тебя, Буянушко, что безъ правой безъ рученьки.

Буянъ подумалъ. И вдругъ у него передъ глазами почему-то мелькнули Славковскіе уличана, Пашкѣ съ Василемъ-сермяжникомъ и братъ его двоюродный Губанъ. Смотрятъ они на него не добромъ: „погоди моль и за тебя примемся“.

— А ну, слушай, Василей Селифонтьевичъ, что оцѣ вздумалъ-то я. А такъ скажемъ: на Москву-то провожу я тебя, а коль ты тамъ да оженисья, а мнѣ въ тотъ-же часъ чтобъ вольня. А я погляжу ужъ тамъ, може мнѣ въ Москвѣ и полюбится. А коньми торговать може тамо-т-ко прибыльнѣй.

Послѣднія слова Буянъ прибавилъ какъ-бы для себя и про себя.

— Что-жъ, по рукамъ что-ль, Василей Селифонтьевичъ? спросилъ онъ обождавъ немного.

— А по рукамъ-же, Буянушко.

И господарь съ паробкомъ били по рукамъ.

— Ну, ладно, Буянъ сказалъ. — А ты мнѣ завтра Василей Селифонтьевичъ, дай записъ.

— Какую записъ оцѣ?

— А какъ къ намѣстнику завтра съ тобой въ Городицѣ поѣдемъ, а ту мнѣ и записъ дашъ, что моль какъ въ Москвѣ оженюсь я, твоя стало милость, Василей Селифонтьевичъ, въ тотъ-же моль часъ паробку моему Буяну вольня.

— Ишь ты, Ома кака живешъ невѣрная! Аль рукобитью-то моему неслестному не вѣруешъ?

— А вѣрю-жъ. А только какъ для тебя я опасъ придумывалъ, потому-жъ и мнѣ записъ въ онаса мѣсто. А и то сказать, Василей Селифонтьевичъ, а не Мордка-жъ я буду, чтобъ у меня новъ чепанъ да съ плечъ доловъ, а знаю вѣдь я всѣ твои тайности.

— А ну, ну! А пошелъ ужъ!.. А и къ Мордкѣ оцѣ себя приравнилъ. А оцѣ скажу я тебѣ, Буянушко, сколь люблю-то я тебя, не повѣруешъ. А дамъ тебѣ, каку самъ сказывалъ, записъ эту вольною, а похочешъ, такъ и въ Москвѣ у меня-жъ жить останешься. А оженясь, поставлю тебя ключникомъ.

— А пошто, Василей Селифонтьевичъ, мнѣ у тебя въ ключахъ не ходить, а только ужъ по-ряду ¹⁾.

— А по-ряду, такъ по-ряду... А сказывай топеръ како ты уродство придумывалъ?

— А пакость, Василей Селифонтьевичъ, такова живѣ. Первымъ дѣломъ, мы Маврушеньку подалъ куда, а скажемъ хоть къ Тихвину, чтоль, сослатъ ее научимся. А будто, понимаешь, отъ Владычня имени.

Арбузевъ съ такимъ напряженіемъ слушалъ паробка, что отъ нетерпѣнья даже на лавкѣ подскакивалъ.

— А ну, ну! приговаривалъ онъ.

— А до Тихвина не доѣзжаючи, а велимъ паробку гдѣ на дворѣ ее кинути. Понимаешь, на ночь она пристануть, а онъ въ ночи-то одинъ крадучись уйде, а ее

¹⁾ Душевная грамота — духовное завѣщаніе. Рабовъ по смерти обычно отпускали на волю.

¹⁾ Рязь — логоворъ. всловіе.

па двори покинувши. А паробку, за молчокъ, чтобъ никому не сказываль, можно и двуколку ¹⁾ дать, и съ лошадыю, а оцѣ и вольною. А и паробокъ у насъ во двори такой найдется, а хворъ къ тому, на работу негодящій, а звать Филошкомъ. Оцѣ оны мнѣ племянникомъ доводится.

Арбузьевъ сталъ было высчитывать во сколько ему обойдется эта затѣя, да Буянъ не далъ кончить.

— А Маврушенька-та пусть пѣна въ Новгородъ прогуляется. А ничто ей, а еще и на здоровьице, жирушка-то понагуляла.

— А и то, пусть ее по лѣсамъ-те погуливать. А съ ножомъ оцѣ!..

И Арбузьеву до того живо, и вдобавокъ потѣшно, представилось, какъ Маврушенька съ пожомъ въ рукахъ погуливаетъ по лѣсу, что оны чуть было не прыснулъ со смѣха.

— А стой-ко, Буяншuko, вдругъ спохватился оны.— Какъ Маврушенька этакъ-же, какъ давече, упрется, ѣхать-то заупрямится.

— А чего-жь ей упрямится?

— А не повѣруетъ.

— Какъ-же не повѣруетъ, коль Владыко приказалъ? А оцѣ я этотъ разговоръ-тъ вашъ, какъ вы съ ней ладкомъ-то сегодня бесѣдовали, на нашу-жь стать поверну. А точно, скажу, звалъ оны тебя для прощаница, потому какъ Владыко повелѣлъ ему отпустить теби; съ того де и обнову дарить хотѣлъ, чтобъ не очуны ты на него Владыкѣ плакалась. А сказать де этого не успѣлъ, какъ ты съ ножомъ тутъ. А съ твоего молъ пожеваго стращаница у нашего чѣртушка... Тутъ, понимаешь, я тебя, Василей Селифонтьевичъ, для вѣрности выругаю... Такъ у нашего де чѣртушка, у бѣса-то нашего пузатаго, съ ножа твоего въ брюхѣ молъ ножами зарѣзало. На силу молъ отпоилъ его.

— А ладно ужъ, сказалъ Арбузьевъ, не очень-то довольный тѣмъ, что паробокъ звалъ его въ глаза чѣртушкомъ,—а только, гляди, Буяншuko, хорошо-ль оцѣ у тебя удумано: съ чего молъ Владыко ей въ Тихвинѣ ѣхать велить?

— А опетемью принять.

— Ишь ты! подивился бояринъ паробковой обдуманности, и затѣмъ уже спросилъ изъ простаго любопытства:—А за что-же такъ, опетемья то?

— А за прошлое житьѣ. И тебѣ вѣдь Василей Селифонтьевичъ, надъ быть, отъ Владыка опетемья-же положена.

— Ну мнѣ-ко да опетемья оцѣ! съ неудовольствіемъ сказалъ Арбузьевъ.—А ты гляди-ко, будетъ-ли оцѣ гдѣ близъ Тихвина обитель дѣвичья?

— А ты знаешь, что-ль, что пѣтъ ее?

— А почему мнѣ знать?

— Ну, и я не вѣдаю. А Маврушенька и подавно о пей не слышала. А стало быть есть-же она, обителе-тъ, коли Владыко приказалъ.

— Такъ Владыко? прищурясь Арбузьевъ переспросилъ.

— А оны-же, никто иной, не моргнувъ глазомъ, увѣренно Буянъ сказалъ.

Арбузьевъ не могъ сдержаться, и фыркнулъ со смѣху.

— Ой-же ты, Буяншuko! вскричалъ оны.—А за эту твою выдумку ладную, а стоило-бъ тебя Новгороду поставить во посадники.

Буянъ ни слова не отвѣчалъ, но по глазамъ его видно было, что такой чести оны не считаешь для себя великою.

— А ладнѣхонько все у тебя Буяншuko, удумано, а только, знаешь...

И Арбузьевъ за ухомъ почесалъ.

¹⁾ Новгородская телѣга была двухколесная, — что осталось по сейчасъ, напр. въ Луцкомъ уѣздѣ.

— А что тамъ оцѣ?

— Одно опасно, какъ-бы Владыко-тъ, какъ на срокъ Маврушенька предъ его очи не буде поставлена, не взѣлся на насъ. А отиыше, гляди, въ Москву про наше уродство-то.

— А правду знать, Василей Селифонтьевичъ, про ворону скажутъ, что пугана молъ куста боится. А и ты по вороньему. Видно не мало тебя Владыка щенилъ ¹⁾. А покоенъ будь, предъ Владыкомъ мы бѣлы станемъ.

— Какъ-же мы передъ нимъ обѣлимся?

— А такъ-же вотъ. На-перво, прокладаться намъ съ тобой здѣсь нечего. А добудемъ опасъ, и на конь сейчасъ. А поидемъ спѣшкою, съ немногима паробки, а обозъ съ собой возьмемъ легкой-же. А на рубежъ на Тверьской приѣзжавъ, тамо-т-ко станемъ ждать обоза нашего тяжелаго. А тяжелъ обозъ, оны поиде съ ключникомъ. Ну а тутъ, слушай-ко, какъ мы Владыка обмануть научимся.

И Буянъ на минутку замолкъ, какъ будто для того, чтобъ обдумать ужъ все безъ пропуска.

— А слышь, Василей Селифонтьевичъ. А съ дороги пошлемъ мы ко Владыкѣ паробка, велимъ ему сказывать, что „господарь у насъ обезпокоился: стала-ль молъ на срокъ предъ твои очи Маврушенька. А стоитъ де Василей Селифонтьевичъ нынѣ въ волости у своего сродника. А эту прилику вѣдь сдѣлать можно, что у сродственника мы остановились... А телѣжнаго молъ обоза ожидаючи. А безпокоенъ де оны оттого сталъ, что слалъ къ нему ключникъ, которому тяжелый обозъ приказанъ, нарочнаго... А и эту прилику вѣдь можно сдѣлать, что и парочный пригонить-же... А сказываль де парочный, что съ того молъ тяжелъ обозъ не йде, что ждали, поджидали того-же молъ все паробка, съ кѣмъ Маврушенька предъ твои очи послана. А паробокъ молъ доселъ не бываль. А бояринъ съ того де безпокоился, что въ тотъ день, какъ ему на Москву идти, и Маврушенька была послана. А съ того де оны оцѣ больше убивается, что слалъ съ тѣмъ-же паробкомъ поминокъ тебѣ. А не малъ молъ тебѣ, Владыко, поминочекъ: кубокъ великъ золоченный да оцѣ гривна дѣвни драгоцѣнная. А опасается молъ ужъ не пропалъ-ли и поминокъ къ тому. А такого молъ, Владыка, поминочка кому не жаль? А и эту прилику, Владыку въ угоду, вѣдь мы сдѣлаемъ, что выѣдетъ она у насъ по новгородской дороженькѣ, а знамо потомъ Филошко взадъ лѣсомъ пѣверне. А и что тутъ Владыка-тъ подѣлать? А паробка-тъ нашего къ нему посланнаго, хотъ къ кресту приводи. А поцѣлуе кресто-тъ съ чистой совѣстью, потому какъ тебя у сродника оны видѣлъ-же, а нарочнаго отъ ключника слышалъ-же, а Маврушеньку поѣдучись не проморгалъ-же. А сколь ни кусай, ничего не выкусишь. Это, Василей Селифонтьевичъ, первое. А второе оцѣ научу ужъ и паробка сказывать. Молъ того у насъ опасаются, что какъ буде эта Маврушенька дѣвчонка сама лядащая. И Василей де Селифонтьевичъ не разъ ее за то и за косу училъ, и плеткой билъ. Да все де ей не-йметел, потому какъ лядащая. А думка-тъ у насъ во дворѣ такова живѣ: что дорогой-то она съ паробкомъ, съ кѣмъ была-тъ послана, смолвилась да оба и укралися, позаримшись на великъ поминокъ твой, на Владыченъ-то.

Тутъ Буянъ немного помолчалъ.

— Такъ вотъ оно какво, Василей Селифонтьевичъ, у меня уродство-то удумано. А ни сучка, ни задоринки. А комару не подо-что носу подточить. А пиши тутъ оны, Владыко, отписывай, а со всѣхъ-те сторонъ мы обѣлехоньки. А ни тиру, ни ну! А Владыкѣ-жь къ тому поминка жаль... Что-жь замолчалъ-то Василей Селифонтьевичъ? Аль не понялъ ты?

У Арбузьева на лицѣ стояло, что оны думаешь о

¹⁾ Щениать, или щунять—учить какъ щенять учать.

Буяновой рѣчи, и шцетъ въ ней хоть маленькой про-рѣхи. Сильно нахмурился Василей Селифонтьевичъ отъ непривычнаго и тяжелаго думанья. Вдругъ лицо у него просвѣтлѣло да хохотать онъ какъ ударится! Того его хохота ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

— Ой, ой, ой! сквозь хохотъ онъ покрикивалъ. — Охъ, хо, хо! охъ, Буянушко! А ужь этакъ удумалъ ты, хо, хо! А и денегъ не жалъ на такую шутку-ту хѳрошу! Хо, хо, хо! хо, хо, хохошеньки! А ужь послѣдня-то что про Маврушеньку придумывалъ, ажъ зубами оны скрежетать пойдутъ. А ждутъ вѣдь, что не дѣвчину везутъ, а чуть не саму свиту мученицу. Ой, ой! умру съ хохоту. А она-то, ихняя-та мученица, а съ дороги съ паробкомъ укралася. А досада къ тому, что поминокъ пропала. А надо-жь про поминокъ ошѣ и тетушкѣ сказывать... Ой, и буде-жь имъ... Хо, хо, хо!.. А на вѣкъ памятно... Нѣтъ, нѣтъ, ты стой, а Пашко-тъ!.. Этакъ-то его мнѣ Владыко нахвалилъ. А тутъ, ва-косъ, гляди... Хо, хо, хо! охъ! умру съ хохота... А Пашко-тъ, отъ-то олухо-тъ, хо, хо, хо! а ошѣ, скажи, и олушина!.. Хо, хо, хо!..

— Ладно-ко, Василей Селифонтьевичъ, Буянъ ска-заль, давъ господарю выхохотаться.—А пойду-ко-съ да Маврушеньку оборудую.

— А я-то, что-жь? какъ-бы съ испугомъ Арбузевъ спросилъ.

— Аль у тебя дѣла нѣтъ? А садись-ко да пей себѣ на здоровице.

— Охъ, одному-то мнѣ...

— Знамо, пиры да попитки намъ теперь строить некогда. А только Теренька на что-жь?

— Аль во дворѣ онъ?

— А гдѣ-жь ему быть? Аль съ битой скулой да съ рыломъ квашенымъ идти ему щепить ¹⁾ по Нову-городу?

— А порядочно я его, знать?

— Ладнѣховько. Да ты что, Василей Селифонтьевичъ? Аль опасешься, что онъ съ биты-то твоего третьего-дншняка гнѣвъ на тебя держитъ? А не знашь, вижу, ты обычая ихняго игрецкаго ²⁾. А всегда вѣдь оны такъ, ровно свиньи въ хлѣву, аль оше тыи псы во дворѣ: сегодня бьются, на завтра цѣлуются; сегодня-ль цѣлуются, на завтра бой у нихъ.

— А ну, зови его со всѣми скоморохами.

— Ладно-ко. Только-ты ему, гляди, чего съ пьяна не выболтай—ехидный мужиченушко

— Эва! Аль ты не знашь, Буянушко, а вѣдь самъ я на эти дѣла ехидень мужъ.

Такъ все и сталося, по сказанному, какъ по писанному. Во время опасъ добыли, и Маврушенька изъ воротъ выѣхала, и бояринъ побѣжалъ къ сроднику. И къ Владыкѣ гонецъ во время-же погналъ. Затѣмъ господарь съ немногими паробками поскорѣй пошелъ. Верстахъ въ десяти отъ рубежа новгородскаго, они стали станомъ въ лѣсу, поджидая обоза тяжелаго. Не очень-то это житье въ лѣсу правилось Арбузеву, да дѣлать было нечего: Буянъ никуда его отъ себя не пускалъ. Пришлось посидѣть и на сухоястии, а этого Василей Селифонтьевичъ не долюблялъ и въ великое говѣнье. Только когда, по Буянову расчету, тяжелый обозъ близко подошелъ, спили они станъ въ лѣсу и выѣхавъ на большую дорогу, завернули въ заѣзжий дворъ. Дорвался тутъ Василей Селифонтьевичъ до жирныхъ щей, до бока бараньяго съ кашею.

Догладывая бараній бокъ, при чемъ у него щеки и борода съ жиру лоснились, Арбузевъ думалъ утереться-ли ему столешникомъ, или еще спросить у дворничихи баранины, — какъ въ избѣ вошелъ проѣзжий челоѳкъ, по платью бояринъ. Взглянулъ Василей Селифонтьевичъ въ проѣзжаго боярина, анъ тѳ самъ Лука Авва-

кумовичъ въ избѣ стоитъ, кладетъ передъ образомъ крестъ по писанному.

За Лукой въ тотъ самый день, какъ у него Пашкѳ былъ, и только-что онъ отпустилъ парня къ Владыкѣ со своимъ дворецкимъ, прислалъ степенный посадникъ Юма Андреевичъ. Степенный просилъ Луку, именовъ всего Великаго Новгорода, чтобъ онъ съѣздилъ на рубежь новгородскій, и привелъ порубежниковъ къ кресту на имя Господина Великаго Новгорода. Такъ всегда дѣлалось по старинѣ, когда ждали розмирья съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей. Лука Аввакумовичъ, съ великой радостью на другой-же день на зарѣ выѣхалъ, и теперь, сдѣлавъ дѣло, возвращался въ Новгородъ.

Арбузевъ и обрадовался-то Лукѣ, какъ своему старинному пріятелю, и струхнулъ порядочно: молъ не Великимъ-ли Новымгородомъ за мной посланъ? Оно конечно, опасъ у нихъ съ Буяномъ взять, а все-таки... Лука Аввакумовичъ, со своей стороны, помолясь передъ образомъ и поклонясь по ученому, сталъ вглядываться съ кѣмъ это далъ ему Господь встрѣтиться.

— А ты, чадушко, какимъ-же побытомъ тутъ очу-тился? спросилъ Лука, узнавъ Арбузева.

— Господи! Аль ты будешь, Лука Аввакумовичъ? А вотъ гора-то съ горой...

И пріятели цѣловались.

— Да ты-то здѣсь зачѣмъ? вновь Лука спросилъ.

— А надумался, вишь ты, а Лука Аввакумовичъ, а къ одному а тутъ, знашь, а понимашь, а сродникъ онъ ошѣ, пойми, буде мнѣ, намѣренно растягивая рѣчь всякими вставками, кое-какъ научился солгать Арбузевъ.

— Къ какому такому сроднику?

— А какъ-бы, знашь, сказать-то тебѣ, Лука Аввакумовичъ?.. а повѣрнѣй, что-ль, что-бъ, понимашь, не на-гать-то мнѣ тебѣ очунъ-то. А скажемъ такъ, что будеть молъ такой, завалищій пѣкакій, промялилъ Арбузевъ, и быстро добавилъ:—А ты-то куда аль отколь? Лука сказалъ.

— А давно изъ Новѳ-то города?

И на этотъ вопросъ Лука далъ отвѣтъ.

— Эва-но-съ, когда ошѣ! успокоясь, съ радостью вскричалъ Арбузевъ.—Тамъ дѣловъ нашихъ новгородскихъ стало не вѣдашь ты?

— А каки тамъ дѣла у васъ?

— А тетушка-та моя крестовенька этакъ-то меня подвела, а съ Пашкѳмъ, слышь, на меня Владыку клали жалобу. А правду-тъ сказать, я съ сорому-то этого и побѣжалъ изъ Новгорода. На время, знашь, Лука Аввакумовичъ, что вотъ, съ расиросами приставаа, очунъ ужь мнѣ надокучили.

— Аль судъ былъ? съ живостью спросилъ Лука.

— Ну! важно Арбузевъ сказалъ. — А таковъ-ли я мужо-тъ буду, самъ ты о томъ свѣдомъ, Лука Аввакумовичъ, чтобъ себя до Владычня суда дѳвести? А знамо, миромъ кончили. А я ошѣ Пашкѳ одарилъ не жалѣючи, а Владыко-тъ, благословлялъ-же онъ меня.

— Ну, и ладно, сухо отвѣчалъ Лука, — а мнѣ обѣ-дать пора.

И Лука съѣлъ за обѣдъ. Въ поль-обѣда, взглянувъ въ окно, Лука увидѣлъ, что мимо двора тинется огромный обозъ, и полюбопытствовалъ узнать чей. Арбузевъ, выставивъ въ окно, сразу призналъ свой тяжелый обозъ, и снѣшно приказалъ Буяну мигомъ про обозъ узнать. Буянъ, возвратясь съ докладомъ, объявилъ, что новгородскій ¹⁾.

— А съ чѣмъ? Лука спросилъ.

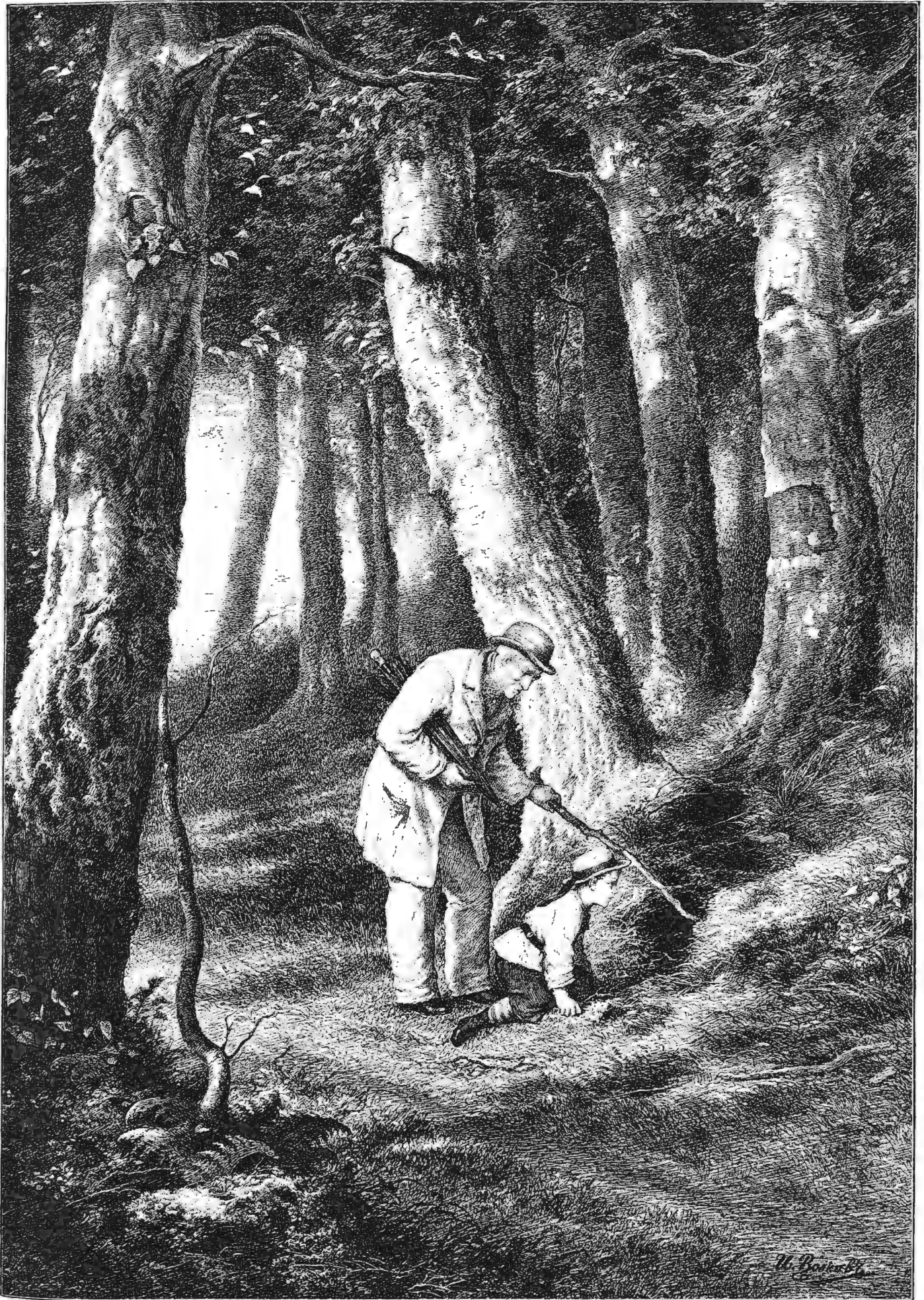
— А вотъ, поди-жь, и не сдогадался о томъ спросить, Лука Аввакумовичъ.

Лука и не замѣтилъ какъ господарь съ паробкомъ перемигнулися.

¹⁾ Щепить—шеголять, франтить. Щапъ—шеголь, франтъ.

²⁾ Игренкій—актерскій.

¹⁾ То есть Господина Великаго Новгорода; казенный, какъ гово-рится.

Прогулка въ рощѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волнова. грав. Ангереръ.
Библиотека "Руниверс"

— А кони-ть осёдланы? спросилъ Арбузевъ.

— У крыльца твою милость дожидаются.

Лука сталъ было уговаривать, чтобъ Василей поседѣлъ съ нимъ, да тотъ ни за что, ссылаясь на дальнюю и вдобавокъ незнакомую дорогу.

— А и ты скоро, пооди? спросилъ онъ Луку.

— А кони откормятся, да парбки отдохнутъ.

— Аль у тебѣ кони болѣе притомилися?

— Порядочно-таки.

Злая усмѣшка промелькнула у Арбузева. Лука вызвался его до крыльца проводить.

— А прощай, Лука Аввакумовичъ, чуть не со слезами приговаривалъ Арбузевъ, обнимаясь съ пріятелемъ. — Богъ вѣсть, увидимся-ль когда. А ты ужь, Христа ради, прости меня, коль я въ чемъ прегрѣшилъ передъ тобой. Ужь всё мои обидушки за разъ прости.

Лука Аввакумовичъ подивился даже, съ чего такъ размякъ Василей, и по его усиленной просьбѣ сказалъ ему всёхъ обидъ прощенье.

— А кланяйся отъ меня-ко всёмъ, ужь съ коня говорилъ Арбузевъ,—а и тегушкѣ моей крестовенькой, а всему оцѣ Великому Новгороду. А сказывай ты имъ,

надбавивъ голоса продолжалъ онъ,—что всёмъ-де Васюгушка Арбузевъ кланяется, а милости молю просить въ Москву къ себѣ, а буде имъ всёмъ тамо-т-ко отъ государя князя моего Великаго угощенье.

Арбузевъ тронулъ было коня, да тотчасъ и сдержалъ.

— А оцѣ, ужь крикомъ кричалъ онъ, — всёмъ - то вамъ, всему Новгороду, скрозь землю провалиться. А и тебѣ чѣртушкѣ плѣшату, съ ними-же!.. А вотъ вамъ отъ Арбузева и поминочекъ...

И Василей наровиль было плюнуть Лукѣ въ лицо, да конь дернулъ—и весь плевокъ попалъ ему-же, Василью, въ бороду.

Лука Аввакумовичъ гнѣвомъ вскипѣлъ. И стой у крыльца конь осёдланный—вскочилъ-бы онъ на него, и нагнавъ, отподчивалъ-бы Арбузева мечомъ.

„А набѣдокурилъ онъ, знать, здѣрово“, охладясь отъ гнѣва, подумалъ Лука. „Думалъ на поминочекъ всему Великому Новгороду въ лицо плюнуть, анъ вышло, что самъ-же отѣхалъ оплеваный. А и отѣздо-тъ его, не въ убытокъ Новгороду, и Москвѣ не въ прибытокъ-же. Охъ! кабы только этаки, а то...“

И не додумавъ, Лука въ избу пошелъ.
(Продолженіе будетъ).

Морскія картинки.

(И. Н. Айвазовскому).

I.

Догораеть румяная зорька вдали.
Тихо на море волны тумана легли
Все темнѣй и темнѣе небесная высь;
Миріады свѣтилъ замерцали, зажглись
Средь пучинъ ея синихъ, бездонныхъ—
И въ пучинѣ морской отразились они:
Замелькали въ волнахъ золотые огни,
Закачались въ излучинахъ сонныхъ...

* * *

Тихо, тихо кругомъ... И въ душѣ тишина,
И въ восторгѣ гляжу, со слезами во взорѣ,
Какъ слилися двѣ бездны—и небо и море,—
Отдались обаянью волшебнаго сна...

II.

Реветь и мечется въ гранитныхъ берегахъ,
Что въ клѣткѣ лютый звѣрь, неистовое море...
Не видно кроткихъ звѣздъ на темныхъ небесахъ
И волны въ тѣмѣ глухой клопочутъ на просторѣ...

* * *

Въ ихъ власти, безъ людей, безъ мачтъ и безъ руля,
То въ бездну падаю, то на горы влѣзаю,
Несутся жалкіе обломки корабля
Къ угрюмымъ берегамъ невѣдомаго края.

* * *

На гордомъ кораблѣ странѣ чужой везли
Отважные пловцы товары дорогие,
Искали золота—и только смерть нашли,
А остовъ судна сталъ игрушкою стихин...

* * *

А тамъ, на берегу, изъ хижинъ рыбаковъ,
Какъ будто дѣтскія испуганныя очи,
Ряды трепещущихъ и робкихъ огоньковъ
Вперяютъ взоръ во тьму таинственную ночи.

* * *

По тѣмъ, кто ихъ зажегъ, не страшень бури вой
И море не страшнѣ—кипящее, родное.

За скуднымъ ужиномъ сошлись они семьей,
Гуторя весело подъ музыку прибою.

* * *

А черезъ часъ-другой весь этотъ людъ заснетъ
И хороводы волнъ изъ дали безпредѣльной
Примчатся и, шума всю ночь наполеетъ,
Ихъ убаюкають, какъ нѣсню колыбельной...

* * *

А на-берегъ корабль ужь выброшенъ волной:
Какъ дѣточкамъ роднымъ, заботливое море
Шлетъ рыбакамъ дары, добытые цѣной
Чужой гибели, цѣной людскаго горя...

III.

Полдень. Блещутъ небеса
Безпредѣльной синевою...
Парь струится надъ водою.
Неподвижны паруса
Надъ недвижною ладьею.

* * *

Всюду небо и вода,
Всюду тонетъ взоръ въ пучинѣ...
Посреди небесъ пустыни
Таеь бѣлыхъ тучъ гряда,
Отражаясь въ глади синей.

* * *

И къ чертѣ, гдѣ неба сводъ
Гранью сталъ простору водъ,
Мчится въ даль неутомимо
Черной точкой пароходъ,
Разстилая струйку дыма...

* * *

Онъ исчезъ... Лишь небосклонъ
Затуманенъ дымкой тѣни...
Такъ проходитъ счастья сонъ
И отъ краткихъ наслажденій
Оставляетъ жизни онъ
Дымъ безплодныхъ сожалѣній...

В. Величко.

Познакомились.

Комедія въ одномъ дѣйствіи
Н. Северина (автора *Супружеское Счастье*).
(Окопчаніе).

Явленіе III.

Людмила и Бряцаловъ.

Людмила (не замѣчая *Бряцалова*). Но онъ ошибается! Нѣтъ, милостивый государь, вы ошибаетесь, я очень люблю конфеты, но когда дѣло идетъ о такомъ важномъ вопросѣ, какъ замужество, тутъ уже не до поцѣлуевъ и не до конфетъ... (*Бряцаловъ поставилъ шляпу и конфеты на письменный столъ, заходитъ сзади и целуетъ ее въ щеку, Людмила вскрикиваетъ*). Ахъ, какъ вы меня испугали! (*Отстраняетъ его*).

Бряцаловъ (*развязно, слегка на веселъ*). Да развѣ ты меня не ждала? (*Хочетъ ее поцѣловать, она отходитъ къ оттоманкѣ*).

Людмила. Какъ это вы подкрался? Я не слыхала... (*Всторону*). Надо съ нимъ на вы, чтобъ онъ съ первой минуты понять, въ какомъ я серьезно настроеніи. И никакихъ фамильярностей не допускать.

Бряцаловъ. Да вѣдь ты сама сказала: позвонить какъ можно тише, чтобъ одинъ только Иванъ слышалъ, и пройти прямо въ кабинетъ, — я такъ и сдѣлалъ. Сани у крыльца, одѣвайся скорѣе! (*Хочетъ ее поцѣловать, она отходитъ къ письменному столу*).

Людмила. Я не хочу сегодня кататься. Мы лучше посидимъ дома.

Бряцаловъ. Чтѣ случилось? Папа тебѣ вѣрно разность за что-нибудь учинилъ? Странная ты какало сегодня, сердитая.

Людмила. Я не сердитая.

Бряцаловъ. Зачѣмъ-же ты со мной на вы? (*Людмила смущаясь*). Да такъ... Нельзя же вѣчно одѣвши только глупостями заниматься, надо подумать и о томъ, чтѣ насъ въ будущемъ ждетъ... (*Всторону*). Совсѣмъ не такъ у меня выходитъ.

Бряцаловъ (*не вслушиваясь*). Да это послѣ, а теперь кататься побдемъ.

Людмила. Я не побѣду кататься.

Бряцаловъ. Почему?

Людмила. Да очень просто. Я раздумала. Ну, какая польза въ этомъ катаньи? Пустое препровожденіе времени и ничего больше. И Левочка то же говоритъ. Впрочемъ, мнѣ ужъ это и раньше приходило въ голову, я вовсе не такой ребенокъ, какъ воображаютъ, и много думаю, когда я одна... (*Всторону*). Путая что-то! (*Вслухъ*). Мнѣ хотѣлось-бы... Садитесь вотъ тутъ и будемте говорить серьезно, по душѣ. (*Беретъ чулокъ и начинаетъ вязать*). Мнѣ надо предложить вамъ нѣсколько вопросовъ... (*Она хочетъ ее обнять, она его отстраняетъ*). Осторожнѣе, пожалуйста, я вамъ могу глаза выколотъ спицами. (*Быстро вязетъ. Всторону*). Вотъ и пригодился чулокъ-то!

Бряцаловъ. За чтѣ ты сердилась на меня? (*Спохватившись*). Ахъ, я дуракъ! И забылъ совсѣмъ! (*Кидается къ лицу съ конфетами и подаетъ ей его*). Вотъ тебѣ конфеты. Отъ Кочкурова.

Людмила (*отталкивая лицо*). Не надо мнѣ конфетъ! (*Всторону*). Мы совсѣмъ не понимаемъ другъ друга! (*Вслухъ*). Вы мнѣ каждый день конфеты возите, точно я маленькая.

Бряцаловъ (*озадаченъ*). Да вѣдь это твои любимыя! Ты можетъ-быть пирожнымъ объѣлась за обѣдомъ?

Людмила (*Всторону, пожимая плечами*). Ну, какъ тутъ съ нимъ о духовныхъ интересахъ разговаривать?

Бряцаловъ. Надо было побольше вина выпить. Я всегда послѣ сладостей вино пью, а потому очень много всякой всячины могу съѣсть, и ничего. (*Бьетъ конфеты*). Да вотъ сегодня, напиримѣрь, мы объѣдали въ Маломъ-Ирославцѣ, — Андреевъ,

Голубчевскій, Марковинъ и я, вся наша компанія, однимъ словомъ, — я одинъ почти цѣлый страсбургскій пирогъ съѣлъ, ты не вѣришь? Честное слово! Правда, что потомъ я много шампанскаго выпилъ. (*Открываетъ лицо и беретъ конфету въ ротъ*).

Людмила. Эти господа, съ которыми вы объѣдали, это ваши друзья?

Бряцаловъ. Закадынные. Мы вмѣстѣ и въ училищѣ разные потѣшныя штуки выкидывали, и потомъ, всѣ parties de plaisir вмѣстѣ. Насъ водой не разольешь. Отецъ Андреева грозитъ, что наслѣдства его лишитъ за то, что онъ путается съ нами, но тотъ, конечно, и въ усъ себѣ не дуетъ. Вѣдь это только такъ говорится: лишу наслѣдства, а какъ-же онъ его лишитъ, когда другихъ наслѣдниковъ, кромѣ Петьки, у него нѣтъ? Въ прошломъ году мы всѣ вмѣстѣ Зефирину чествовали, колѣе ей въ десять тысячъ поднесли... (*Ростся въ конфетахъ и пст*).

Людмила (*разсѣянно*). Кому вы поднесли колѣе?

Бряцаловъ (*Всторону*). Ай, ай, ай! Вотъ попался-то! (*Вслухъ*). Это не я, милочка, это Марковинъ, тотъ дарилъ, а я нѣтъ... (*Всторону, ставя конфеты на письменный столъ*). Вотъ сболтнулъ-то не ловко! Теперь замазывать надо. (*Вслухъ*). Марковинъ двухъ негровъ себѣ нанялъ, на стоящихъ, знаешь! Черныхъ-пречерныхъ, и сколько ихъ не мой, они все чернѣе дѣлаются... Это не то, что у Голубева. Этожъ какую штуку удралъ, — вязалъ двухъ чухонцевъ, вымазалъ имъ рожи сажей, одѣлъ въ красныя куртки и цѣлый день водилъ ихъ за собой по Невскому... (*Прохаживается по сценѣ, жестикулируя и кричась. Людмила вязетъ и мелко въглядываетъ на него, хмурится*). Честное слово! (*Останавливается передъ Людмилой, засунувъ руки въ карманы*). Ыдемъ, что-ли, кататься? Сани ждутъ. Я нарочно сѣраго рысака приказалъ заложить.

Людмила. Я сказала, что не побѣду. (*Не переставая вязать, садится въ кресло около письменнаго стола*).

Бряцаловъ. Ну, какъ знаешь. Мнѣ хотѣлось прокатиться послѣ обѣда, голова что-то тяжела, по лучше домой ѣхать, да спать завалиться. (*Звяетъ и потягивается*). Всю недѣлю раньше шести часовъ утра спать не ложился.

Людмила (*всторону*). Вотъ онъ и уѣдетъ, и опять ни о чемъ не удастся поговорить! (*Вслухъ*). А я думала вы со мной останетесь? Мы бы поговорили, мнѣ надо о многомъ васъ разспросить.

Бряцаловъ (*всторону*). Чтѣ это съ ней сегодня? Кататься не хочетъ, цѣловаться не хочетъ... для чего-же она меня удерживаетъ? Уль не насилетничали-ли ей на меня? (*Вслухъ*). Чтожъ, я останусь, пожалуйста, еще немножко.

Людмила (*указывая на кресло*). Садитесь вотъ тутъ.

Бряцаловъ (*бросается на оттоманку*). Нѣтъ, ужъ я лучше здѣсь. (*Ерзаетъ на мѣстѣ, подпрыгивая на пружинахъ*). О чемъ-же ты хочешь со мной говорить?

Людмила (*всторону*). Съ чего-бы начать? (*Вслухъ*). Послушайте, Миша, мнѣ хотѣлось-бы знать, вы... вы въ какихъ отношеніяхъ съ вашею матушкой?

Бряцаловъ (*встрепенувшись*). Съ маманъ?.. (*Всторону*). Чтѣ это ей вздумалось про маманъ спрашивать? (*Вслухъ*). Ты спрашиваешь, въ какихъ я отношеніяхъ съ маманъ?

Людмила (*приближаясь къ работѣ, чтобъ скрыть смущеніе*). Да, мнѣ очень важно это знать.

Бряцаловъ (*всторону*). Такъ и есть! Наверное узнала про перепалку, что была у насъ вчера! (*Вслухъ*). Тебѣ, вѣрно, Виноградовъ на меня насилетничалъ? (*Всторону*). Надо это выяснить.

Людмила. Виноградовъ? Съ какой стати?

Бряцаловъ (*волнуется*). Да ужъ я знаю! Больше некому. Не даромъ погрозили онъ мнѣ пальцемъ на улицѣ.. Я ѣхалъ въ Демидронъ, а онъ... Онъ вѣрно и отцу твоему что-нибудь рассказалъ, — я встрѣтился сегодня утромъ съ Владиміромъ Николаевичемъ въ Пассажѣ и онъ мнѣ такъ сухо поклонился...

Людмила. Да М-г Виноградовъ и не былъ у насъ вовсе.

Бряцаловъ. Отъ кого же вы знаете? Не стала-бы ты серьезно и дуться, еслибъ тебѣ не насилетничали на меня.

Людмила. Я вовсе не дуюсь... (*Бряцаловъ соскочилъ съ мѣста и хочетъ ее обнять, она его отталкиваетъ*). Оставьте меня, пожалуйста! Нельзя-же всю жизнь только цѣловаться.

Бряцаловъ. Не всю жизньъ, а когда никого нѣтъ...

Людмила. Все равно. Чѣмъ-бы серьезно разговаривать!..

Бряцаловъ. О чемъ-же намъ говорить?

Людмила. Мало-ли о чемъ! (*Всторону*).

Какъ съ нимъ трудно серьезный разговоръ вести! (*Молчаніе. Бряцаловъ опускается на оттоманку и поспысывая озирается по сторонамъ; онъ видимо смущается, она хмурится и вязетъ. Вслухъ*). Я у васъ спросила, въ какихъ вы отношеніяхъ съ матушкой, а вы свернули разговоръ на М-г Виноградова...

Бряцаловъ (*смущенъ*). Да видишь у меня на дняхъ была исторія съ маманъ изъ-за жиды. (*Всторону*). Ужъ я ей лучше самъ расскажу. (*Вслухъ*). Виноградовъ былъ тутъ. Маманъ очень неосорожилъ, она вѣчно при всѣхъ заводитъ со мной неприятные разговоры. Сколько разъ просилъ я ее этого не дѣлать, особенно при Виноградовѣ, который и съ вами знакомъ, и съ другими, такъ нѣтъ-же! Ну, вотъ теперь... Тутъ жидъ одинъ, плутъ страшный! Онъ увѣрилъ маманъ, что я ему пять тысячъ долженъ, но вѣдь это неправда, — много-много, если я, за все время, двѣ тысячи у него перебралъ...

Людмила (*въ раздраженіи бросаетъ работу*). Нѣтъ! мы съ вами такъ никогда ни дочего не договоримся! Я у васъ спрашиваю про вашу мать, а вы мнѣ про жиды! Ну, какое мнѣ дѣло до этого жиды! Хотѣ-бы вы миллионъ были ему должны, не все-ли мнѣ равно.

Бряцаловъ. Какой тамъ миллионъ, милочка! Только двѣ тысячи, честное слово. И знаешь что? Я можетъ-быть такъ устрою, что ничего ему не заплачу, честное слово!

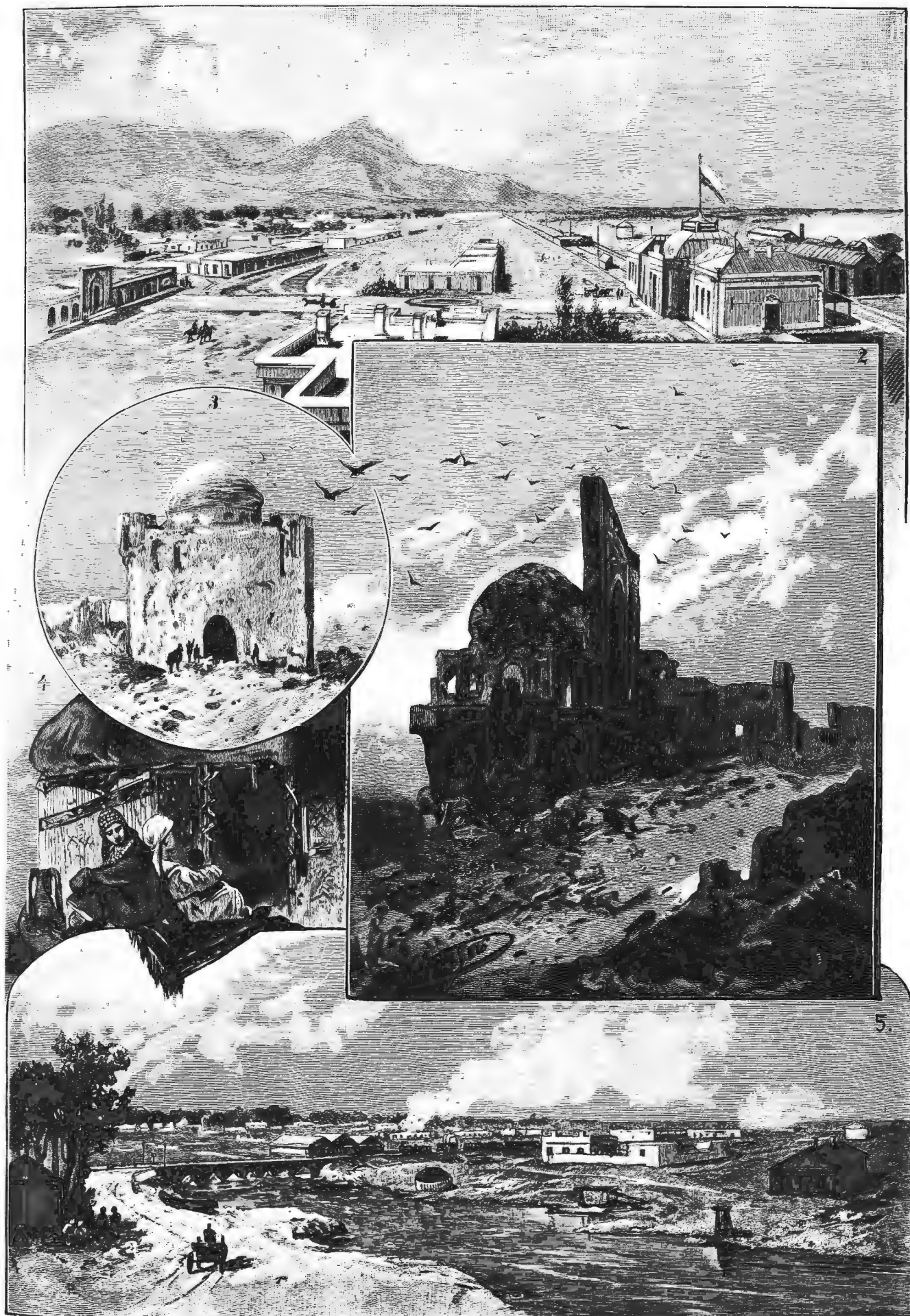
Людмила (*запальчиво*). Опять! (*Въ отчаяніи*). Ну, какъ-же вы не хотите понимать! Духовные интересы у насъ должны быть общіе, это у всѣхъ такъ, я должна про васъ все знать... а я ровно, ровно ничего не знаю! Вѣдь такъ нельзя... (*Прерывающимся отъ волненія голосомъ*). Замужествомъ шутить нельзя, отъ этого счастье всей жизни зависитъ!

Бряцаловъ (*всторону*). Ну, конечно, ей нажаловались на меня! И не одинъ Виноградовъ вѣрно, а еще кто-нибудь. (*Вслухъ*). Да чтожъ тебѣ знать, Милочка? Ничего нѣтъ особеннаго, — какъ всѣ, такъ и я. Другіе кутили и я кутить, другіе долги дѣлали и я дѣлалъ, но чтобъ особенное что-нибудь — вовсе нѣтъ. А маманъ... маманъ все преувеличиваетъ, ужъ у нея привычка такая... Посмотрѣла-бы ты на другихъ, — Путанинъ векселя поддѣлываетъ, я

На пути въ Индію. Бохардемское подземное озеро. Ориг. рис (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Ю. Шюблерь.

1. Входъ въ пещеру снаружи. 2. Первый подземный ярусъ. 3. Озеро третьяго яруса. 4. Горный орель. 5. Аптилопа. 6. Охотникъ тюрмень. 7. Персъ, желъзнодорожный сторожъ. 8. Фаланга, средней величины.

На пути въ Индію. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Флюгель.

1. Асхабадъ. 2. Султанъ-Санджаръ, мечеть въ старомъ Мервѣ. 3. Мечеть близъ Асхабада. 4) Туркменки. 5. Русскій Мервъ на Мургабѣ.

знаю это навѣрное, а Любавинъ у отца деньги изъ бюро таскаетъ, ну, а я... я никогда ничего подобнаго, честное слово! Но папаша хотѣлось-бы, чтобъ я, какъ дѣвочка, сидѣлъ-бы все дома, читалъ-бы книги...

Людмила (въ сторону). Не забыть-бы про книги спросить.

Бряцаловъ. Вотъ также насчетъ службы... Ну, зачѣмъ мнѣ каждый день ходить въ канцелярію, когда тамъ никого изъ нашихъ не бываетъ?..

Людмила (опять взяла чулокъ). А какъ вы смотрите на ваши служебныя обязанности, Миша?

Бряцаловъ. Да чтѣ на нихъ смотрѣть-то?... Тылулъ писарю въ зубы краснепекую, онъ тебѣ какую угодно бумагу напишетъ.

Людмила (въ сторону, со вздохомъ). Ну, врядъ-ли онъ когда-нибудь будетъ министромъ!

Бряцаловъ. Всѣ такъ дѣлаютъ. (Молчаніе. Онъ ѣздитъ по дивану, она вяжетъ). А знаешь, Луповицкіе погугалъ кунилы, по случаю продавался. Дорого, по моему, сто рублей. (Вытягивается на оттоманкѣ. Людмила, не поднимая глазъ съ работы, проявляетъ признаки раздраженія). Правда, что съ клѣткой, но вѣдь онъ только два слова и улетѣть сказалъ: „попка дуракъ“, ничего больше. (Молчаніе). А у Стуковенкова бабушка умерла. (Звѣетъ). Послѣ завтра хоронить будутъ. (Звѣетъ. Закладываетъ руки за голову и смотритъ въ потолокъ, насвистывая мотивъ изъ оперетки). А знаешь что? (Людмила поднимаетъ голову). Я думаю голубей завести, когда мы послѣ свадьбы вернемся изъ-за границы... (Людмила съ досадой, снова принимается быстро шевелить спицами). Ихъ очень весело гонять. Ты видѣла когда-нибудь?

Людмила (сдерживая раздраженіе). Вы любите читать?

Бряцаловъ. Чтѣ читать?

Людмила. Книги, разумѣется.

Бряцаловъ. Читаю иногда. А чтѣ?

Людмила. Какія книги вы любите читать?

Бряцаловъ. Да разныя. Какія попадутся, тѣ и читаю. (Молчаніе. Онъ посвистываетъ, она все больше и больше раздражается). Я знаю одного старика... (Звѣетъ). У него вся квартира завалена книгами... (Звѣетъ). Съестъ негдѣ. (Приподнимается, подкладываетъ себѣ подъ голову другую подушку и опять ложится).

Людмила (въ сторону). Про книги съ нимъ не стоитъ говорить, надо про другое что-нибудь. (Молчаніе, а за тѣмъ въ слухъ). А еслибъ война была, пошли-бы вы сражаться, Миша?

Бряцаловъ. Сражаться? (Звѣетъ). Я войны не боюсь... (Звѣетъ).

Людмила. Вы такой храбрый?

Бряцаловъ. Да чего мнѣ бояться-то? Вѣдь я единственный сынъ, меня все равно въ солдаты не заберутъ. (Звѣетъ).

Людмила (въ сторону). И въ герои не годится! (Молчаніе, а затѣмъ въ слухъ). Сегодня Лена мнѣ про своего мужа рассказываетъ... Онъ профессоръ, вы знаете? Лекціи въ университетѣ читаетъ... Трудно, должно быть, читать лекціи... (Ждетъ отвѣта). Миша, вы слышите, что я говорю?

Бряцаловъ (сквозь сонъ). Ммм...

Людмила. Онъ ихъ не иначе можетъ начинать, какъ прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ. И папа тоже, когда у него какое-нибудь серьезное дѣло, онъ тоже все ходитъ, все ходитъ, и ужъ тогда съ глупостями къ нему нельзя приставать... Лена со своимъ мужемъ очень дружны, у нихъ всѣ духовныя интересы общіе... (Молчаніе). А вы, Миша, какъ вы смотрите на супружескія обязанности? (Бряцаловъ всхрапываетъ. Она съ ужасомъ прислушивается). Чтожь это такое? Онъ заснулъ, кажется? (Бросаетъ чулокъ на

столъ и бѣжитъ къ оттоманкѣ). Такъ и есть, спать! (Съ отвращеніемъ). И какъ хранить противно! Фи, гадость кака! (Разглядываетъ его съ гримасой). Какое глупое лицо! И ротъ открытъ! Фи! (Бряцаловъ храпитъ). Ну, чтѣ и съ нимъ стану дѣлать? Разбудить? Опять начнетъ глупости врать, цѣловаться... Не хочу и съ нимъ цѣловаться! А говорить съ нимъ не объ чемъ, — про чтѣ ни начала, ничего не выходитъ... Пусть ужъ спать лучше... (Съ отчаяніемъ). Вотъ у меня какой женихъ! Вотъ у меня мужъ какой будетъ! Какая я несчастная! Еслибъ только знали, какая я несчастная! (Падаетъ въ кресло и рыдаетъ громко и несомненно мнѣной. Бряцаловъ храпитъ. Раздаются шаги въ сосѣдней комнатѣ, дверь съ шумомъ растворяется и Весновъ входитъ, въ шляпѣ и перчаткахъ).

Явленіе IV.

Тѣ же и Весновъ.

Весновъ (не замѣчая ни Людмилы, ни Бряцалова. Сердитъ). Хороши порядки! Въ прихожей ни души, и дверь не заперта. А зтѣс каминъ топится... (Бросаетъ шляпу на стулъ и стаскиваетъ перчатки). Ужъ это Людмила Владиміровна изволила тутъ, вѣрно, распорядиться! (Людмила всхлипываетъ, онъ къ ней оборачивается). Ты чтѣ тутъ дѣлаешь? Опять у меня въ кабинетѣ расположилась! Сколько мнѣ разъ повторять, чтобъ никто не смѣлъ сюда безъ меня входить! Вчера всѣ бумаги у меня перенутала, третьяго дня нужной книги не могъ донскаяться... вѣдь это никакъ нѣтъ съ такой своевольной и набалованной дѣвчонкой! (Сбрасываетъ съ письменнаго стола вазане Людмилы, корочку съ конфетами, перчатки и мяну Бряцалова, отрывисто и сердито приговаривая). Нахозыничала! Это чтѣ такое? Это чтѣ такое? Чѣи это шляпа? (Бряцаловъ всхрапываетъ, Весновъ оборачивается). Да тутъ спать кто-то? (Подходитъ ближе). Михаилъ Ивановичъ! (Строго Людмилѣ). Какъ онъ сюда попалъ? Дѣ М-ле Марьяна? Я сказалъ, чтобъ никогда васъ не оставляли вдвоемъ!

Людмила (всхлипывая). Ахъ, папа! папа! Не кричи ты на меня, ради Бога! Развѣ ты не видишь, я и безъ того несчастна! (Рыдаетъ).

Весновъ (смятаясь). Да чтожь это, наконецъ? Боленъ онъ, что-ли, у васъ тутъ сдѣлался? Такъ надо за докторомъ послать. (Хочетъ прижать пуговку звонка, Людмила хватитъ его за руку).

Людмила (рыдая). Онъ не боленъ... оставь его спать, пожалуйста, я все тебѣ расскажу.

Весновъ (подозрительно смотритъ то на нее, то на Бряцалова). Да онъ пьянъ, кажется? (Людмилѣ, зыпальиво). Чтѣ у васъ тутъ произошло? (Хватаетъ ее за руку и тащитъ на авансцену). Говорите, сударыня! (Людмила еще пуще рыдаетъ, онъ пристально и сдвинувъ брови, смотритъ на нее, потомъ быстро оборачивается къ Бряцалову). Негодный мальчишка! А гувернантка - то! Гувернантка-то какова! Ей поручаютъ дѣвочку, а она...

Людмила (сквозь рыданія). Не сердись, папа! Не сердись! Я одна во всемъ виновата! (Ловитъ его руки чтобъ поцѣловать, онъ ее отталкиваетъ).

Весновъ (строго). Отстань! (Идетъ къ оттоманкѣ, хочетъ будить Бряцалова. Она кидается за нимъ, обнимаетъ его и силой отпихиваетъ на авансцену. Слѣдующая сцена должна происходить въ полголоса.)

Людмила (умоляющимъ шепотомъ). Папочка! Дорогой! Не буди ты его, ради Бога, не буди! Дай мнѣ прежде все тебѣ сказать!

Весновъ (угрюмо). Да что тутъ расска-

зывать! Ни на что не похоже! Ты одинъ... ты Богъ знаетъ въ какомъ видѣ... рыдаешь... безумствуешь... онъ спитъ... это чортъ знаетъ что такое! А еще воспитанный молодой человекъ! Изъ хорошаго общества! Ну, Людмила, не ждалъ я отъ тебя этого! Такая была умница — и вдругъ... Срамъ-то какой!

Людмила (хочетъ его обнять, онъ ее отталкиваетъ. Выхлипывая). Не сердись, папа, пожалуйста, не сердись! Я ничего не могу говорить, когда ты сердился!

Весновъ (оборачивается къ оттоманкѣ). Хорошъ мальчишка! Это онъ, вѣрно, съ холостого обѣда изволилъ сюда явиться, къ невѣстѣ!

Людмила (порывисто). Не называй меня невѣстой, папа! Я не хочу выходить замужъ!

Весновъ (въ недоумѣніи). Это еще чтѣ за новости? Да вы ужъ почти помолвлены! Попробуй онъ у меня отказать, да я его!..

Людмила (не слушая отца). Онъ глупый, пустой, ничего не понимаетъ... съ нимъ ни объ чемъ говорить нельзя... (Всхлипываетъ).

Весновъ (съ изумленіемъ). Совсѣмъ помѣшалась дѣвчонка! Да ты про кого-то такъ выражаешься?

Людмила (презрительно указывая на Бряцалова). Про него, конечно! Ты только посмотри, какое у него глупое лицо!

Весновъ (въ сторону). Ну, слава Богу! Кажется начинать понимать его какъ слѣдуетъ.

Людмила. Какъ онъ скверно храпитъ! Не хочу я за него замужъ, папа, не хочу! (Прижимается къ отцу). Всѣ надо мной смѣяться будутъ, вотъ и Лена сейчасъ...

Весновъ. Какая Лена?

Людмила. Градова. Это она посовѣтывала мнѣ просидѣть съ нимъ цѣлый вечеръ вдвоемъ. И чтобъ М-ле Марьяна намъ не мѣшала, она увезла ее въ театръ.

Весновъ (опускается въ кресло и садится дочь на колѣни). Ну, расскажи же мнѣ обстоятельно, чтѣ у васъ тутъ произошло!

Людмила. Ахъ, папа! Во всемъ этомъ одинъ только ты виноватъ!

Весновъ. Я? Вотъ ужъ не ожидажь-то!

Людмила. Разумѣется, ты. Кто приказалъ М-ле Марьянѣ вѣчно тутъ быть, когда онъ приходитъ, и ни на минуту не оставлять насъ вдвоемъ? Вѣдь ты? Какъ же намъ было познакомиться? Совсѣмъ невозможно! Вотъ мы и придумали кататься ѣхать вдвоемъ. Но тутъ Лена приѣхала и сказала, что ничего изъ этого катанья не выйдетъ, что мы всю дорогу цѣловаться только будемъ...

Весновъ. Однако, твоя Лена — дама опытная, какъ видно.

Людмила. Да, папа, она все знаетъ. Она сказала: посиди съ нимъ дома, будь серьезнѣе, не позволяй ему цѣловаться и постарайся узнать его духовныя интересы...

Весновъ. Ого! Это очень хорошій совѣтъ. Ты ему посѣдовала?

Людмила (со вздохомъ). Да, папа. И вотъ чтѣ изъ этого произошло! Онъ зѣвалъ, зѣвалъ и заснулъ, наконецъ.

Весновъ. Онъ заснулъ подъ твои умныя рѣчи? Ахъ, ты моя бѣдняжка! (Цѣлуетъ ее).

Людмила (прижимаясь къ отцу). Мнѣ было очень обидно, папа.

Весновъ (весело). Еще бы не обидно! Ну, и что-жь мы теперь съ нимъ станемъ дѣлать, а? (Людмила прячетъ лицо на его плечо). Отказать ему надо? (Она утвердительно киваетъ). Да ты раздумайшь, можетъ-быть? Вамъ надо можетъ-быть еще ближе познакомиться? (Приподнимаетъ ей голову и съ улыбкой заглядываетъ ей въ глаза).

Людмила. Не надо! Не надо! Мы довольно знакомы, не надо больше!

Весновъ (поднимаясь съ мѣста). Если

такъ, ступай къ себѣ, а я ужь тутъ одинъ постараясь уладить дѣло.

Людмила (*прыгая къ нему на шею*). Милый, добрый паночка! И теперь долго, долго ни за кого замужъ не выйдю! (*Звѣзгаетъ*).

Явленіе V.

Весновъ и Бряцаловъ.

Весновъ. Это мы еще увидимъ. А теперь падо этого молодца разбудить да поласковѣ его выпроводить. (*Подходитъ къ Бря-*

цалову и дотрогивается до его плеча). Михаилъ Ивановичъ! Проснитесь, Михаилъ Ивановичъ!

(*Бряцаловъ просыпается*).

(*Занавѣсъ*).

На пути въ Индію.

Н. Н. Каразина.

Письмо третье (съ 2 рис. автора).

(Продолженіе).

Характеръ мѣстности за Кизыль-Арвадомъ тотъ-же, только па половинѣ пути, у станціи Бохардема находится весьма интересное явленіе природы, которое великому пробѣгающему осматрѣть обязательно: — это бохардемское подземное озеро, всего въ часѣ ѣзды отъ полотна дороги.

У сторожевой казармы на дорогѣ были заранѣе заготовлены для насъ верховыя лошади и проводники, снабженные кувшинами нефти (такъ называемые здѣсь, мазуты) и паклей для факеловъ. Обогнувъ пшеничное поле, миновавъ небольшой аулъ у самаго подножія горъ, мы замѣтили черное треугольное отверстие, въ одномъ изъ скалистыхъ скатовъ; скоро мы добрались до него и сбѣгли съ лошадей. Это отверстие, издали казавшееся намъ чѣлъ-то вродѣ лисей норы, оказалась довольно высокою аркой, открывавшею глубокой спускъ въ первый подземный ярусъ; спускъ облегченъ деревянною лѣстницею. Спустившись не глубоко, около ста футовъ, мы очутились въ грандіозномъ сводчатомъ залѣ слабо освѣщенномъ, словно изъ слуховаго окна, голубоватыми лучами деннаго свѣта изъ входнаго отвестія. Въ глубинѣ этого зала видно начало широкаго извилистаго корридора — тамъ уже царитъ полный мракъ; и проводникъ занялся приготовленіемъ нефтяныхъ факеловъ. Скоро красное пламя освѣтило причудливые изломы каменныхъ арокъ, забѣгало на острыхъ ребрахъ выступовъ и отдаленныхъ группъ, и по мягкому сплупчому грунту (въковыя залежи голубиного помета) мы начали спускъ въ нижніе ярусы. Воздухъ здѣсь тяжелый; душной, пронитанный сѣрыми испарениями.

Мириады голубей, обитателей верхнихъ ярусовъ, съ шумомъ носились надъ нашими головами, встревоженные непрошенными посетителями. Черезъ нѣсколько минутъ утомительнаго спуска вы на берегу озера; это довольно большой бассейнъ сѣрной воды, прозрачной какъ кристалъ, невозмутимо покойной, безъ всплеска, безъ движенія; здѣсь у берега маленькій плотикъ легко выдерживающій тяжесть двухъ человѣкъ, для дальнѣйшаго обозрѣванія. Въ глубинѣ видны трещины, за ними очевидно дальнѣйшее разширеніе воднаго бассейна, еще недостаточно изслѣдованнаго. Фантастическую, полную чарующей прелести, картину представляетъ это подземное царство мрака и покоя, нарушаемаго только противнымъ пискомъ множества летучихъ мышей и ихъ беззвучнымъ полетомъ.

Здѣсь внизу дышать легче чѣмъ въ верхнихъ ярусахъ, а можетъ быть это ощущеніе результатъ привычки; однако, занеся въ записную книжечку все видѣнное и сдѣлавъ наброски, что заняло около полчаса времени, я почувствовалъ крайнюю потребность выбраться поскорѣе на свѣжій воздухъ, и мы направились обратно, съ трудомъ одолевая тяжелый подъемъ подземной галлерей. Какъ радостно, какъ привѣтливо блеснула далеко передъ нами свѣтъ солнца! какъ отрадно было, выбравшись наверхъ, полною грудью вдыхать ароматную волну чуднаго горнаго воздуха!

Въ горахъ Конегг-Дага тюркмены занимаются охотою на джейрановъ (родъ антилопы) и кабановъ, которые стадами спускаются опустошать хлѣбныя поля. Кромѣ того, фауна горъ очень богата. Особенно разнообразны виды пернатыхъ хищниковъ; въ стѣняхъ встрѣчается множество черепашъ, змѣй и колдосальныхъ ящерицъ, достигающихъ до трехъ аршинъ длины. Въ солонцовою почвѣ несмѣтное количество отвратительныхъ фалангъ, особенно ихъ много на участкѣ дороги именну у бохардемской станціи. Укушеніе ихъ хотя и не смертельно, но сильно болѣзненно, сопровождается припадками удушья и судорогами; впрочемъ, въ особенно жаркое время, въ юлѣ мѣсяцѣ, бывали и болѣе печальные исходы, но странное дѣло,

не смотря на это обиліе фалангъ, случаи укушенія чрезвычайно рѣдки и мѣръ предосторожности не принимается ровно никакихъ; полураздѣтые туземцы спятъ прямо на землѣ и часто утромъ вилить подъ собою раздавленныхъ во снѣ отвратительныхъ насекомыхъ.

Не добѣжая семидесяти верствъ до Асхабада, расположена старая тюркменская крѣпость Геокъ-Тене, центръ текинскаго рода, громадная, четвероугольная, обнесенная полуразмытыми дождемъ, глинобитными стѣнами, свидѣтельствующими о героической оборонѣ тюркменъ, не устоявшихъ таки противъ мужества атакующихъ. Здѣсь, въ Геокъ-Тене, рѣшалась судьба всѣхъ тюркменскихъ родовъ и ихъ дальнѣйшая будущность. Пали эти гордые твердыни — и всѣ остальные роды, а за ними богатый Мервъ уже добровольно вошелъ въ составъ Россіи, давъ слово на вѣчную вѣрность „Акъ-Падишаху“ Бѣлому царю.

Станція Геокъ-Тене, расположенная у самыхъ стѣнъ, еще сохранила слѣды страшнаго взрыва и артиллерійскихъ брешей, слѣды осадныхъ работъ и холмики могилъ павшихъ героевъ; еще двѣ-три станціи — и Асхабадъ, столица Закаспійской области. Нашъ рисунокъ представляетъ часть города, прилегающую къ желѣзнодорожной станціи. Правѣе вы видите красивое зданіе вокзала, за нимъ сарай для локомотивовъ и мастерскія, прямо, à vol-d'oiseau, дома станціонныхъ властей, межъ ними бассейны съ фонтаномъ, лѣвѣе начало города. На мѣстѣ прежняго Асхабада уже были довольно густые, тѣнистые сады тутовыхъ и фруктовыхъ деревьевъ, которые и вошли въ составъ центральной части города. Въ Асхабадѣ расположены войска Закаспійской области, это центръ военнаго управленія края и резиденція командующаго войсками. Здѣсь же сооружены и монументы павшимъ ставропольцамъ и артиллеристамъ, большая походная церковь и около базаръ, на которомъ торгуютъ русскими, а главное восточными товарами. Торговое населеніе преимущественно армяне, татары и персы, не смѣшавшіе прежде сюда показатъ даже копчика своего носа. За Асхабадомъ, въ разстояніи всего двѣнадцати верствъ, у самой дороги живописно раскинулись древнѣйшія развалины Анау, гдѣ лучше всего сохранилась старая мечеть, съ причудливыми арабесками изъ майолики на лицевомъ фронтонѣ, памятникъ стараго персидскаго искусства. Далѣе полотно дороги постепенно мѣняетъ свое направленіе къ сѣверо-востоку. Мало-по-малу удаляясь отъ Конегг-дагскаго хребта, пересѣкая долины рѣкъ Теджена и Мургаба, снися зубчатая гора постепенно исчезаетъ въ туманѣ и черезъ девять часовъ пути вы пересѣкаете Тедженъ, царство охоты, и поѣздъ приходитъ въ Мервъ, измѣнившійся съ начала нашего владычества до неузнаваемости. Превжій тюркменскій Мервъ, тоже, что и Геокъ-Тене, только въ несравненно выгоднѣйшихъ условіяхъ жизни. Обиліе воды, богатая растительность, плодородная почва, въ сто разъ вознаграждающая человека за его труды, а главное узелъ важнѣйшихъ караванныхъ путей, дѣлали его однимъ изъ первоклассныхъ пунктовъ всей закаспійской страны. Въ данное время городъ (русскій Мервъ) расположенъ на обоихъ берегахъ Мургаба: на правомъ — желѣзнодорожная и торговая часть, на лѣвомъ — административно-военная. Городъ выросъ всего въ три года — и какъ выросъ! Глядя на эти красивыя чистенькія зданія, кокетливо прятующіяся въ группахъ садовъ, эти княжескія жилищныя рыпки, спящія поѣзда, коляски извозчиковъ, вывѣски различныхъ магазиновъ и лавокъ, вы совершенно забываете, что еще такъ недавно здѣсь только группировались полудикія кибитки варваровъ и царилъ произволъ пожа и висѣлицы.

Къ рисункамъ.

Судъ Париса. (Рис. на стр. 955 и 956).

Кому не извѣстна легенда о троянскомъ царевичѣ Парисѣ, котораго избрали три богини, Зевсова супруга Юнона (Гера), богиня мудрости и войны Минерва (Паллада-Афина) и Венера (Афродита) судей для разрѣшенія вопроса: которая изъ трехъ всѣхъ красивѣе? Царевичъ долженъ былъ вручить красивѣйшей золотое яблоко изъ сада Гесперидъ. Извѣстный нашимъ читателямъ германскій художникъ, Швеннингеръ, воспроизводитъ эту легенду въ болѣе близкихъ къ намъ по времени формамъ, переноса ея въ XVIII столѣтіе. Въ великолѣпномъ салонѣ прошлаго вѣка собралось небольшое общество за десертомъ послѣ

обѣда. Три молодыя красавицы, которымъ въ то галантное время охотно давался титулъ богинь (déeses) повторяютъ древне-греческую сагу, потребовавъ чтобъ одинъ изъ трехъ поклонниковъ ихъ красоты вручилъ достойнѣйшей яблоко. Какъ-то выцутается новый Парисъ изъ этого затруднительнаго положенія и не повлечетъ-ли за собою приговоръ его новой троянской войны?

Прогулка въ рошѣ. (Рис. на стр. 961).

Прелестные сельскіе жары г. Волкова хорошо извѣстны читателямъ *Нивы*. Дополняемъ ихъ рядъ прилагаемымъ видомъ просѣки въ чернолѣси, гдѣ у самой дороги оказалась нора

какого-то хищника, быть может, лисья или барсучья, сильно заинтересовавшая младшаго изъ прогуливавшихся въ рощѣ. Старшій, должно-быть дѣдушка, чтобы потѣшить внука, взялъ длинную хворостину и ворошить ею въ норѣ, какъ бы выгоняя предполагаемаго звѣря...

Кармень. (Рис. на стр. 968).

Чарующій образъ вѣтренной героини послѣдняго произведенія Бизе, до сихъ норѣ еще ни одному живописцу не удалася въ такой степени какъ на прилагаемомъ рисункѣ съ картины Мелида. Вотъ она передъ нами живьемъ, эта пресловутая *Кармень*, съ ея кошачьей гибкостью и вкрадчивостью, быстрыми какъ перемѣна вѣтра причудами, беззавѣтной страстью и столь же безповоротнымъ охлажденіемъ. Достаточно взглянуть на эти темные и загадочные какъ ночь глаза, подернутые влагой, на эту капризно неопредѣленную улыбку чтобы прочесть въ этомъ лицѣ нѣчто роковое. Это именно та всесильная чаровница, которая могла заставить храбраго солдата забыть для нея свою воинскую честь, невесту и престарѣлую мать, бѣжать изъ полка, стать контрабандистомъ, а потомъ бросила его ради перваго подвернушагося красавца торреадора, и до того была увѣрена въ своей власти надъ прежнимъ своимъ поклонникомъ, что не побоялась подожечь его проскользнуть на свиданіе — и погибла такъ же внезапно, какъ вершила свои и чужія судьбы всю свою жизнь.

Чудотворный образъ Тихвинской Божіей Матери, во вновь сооруженномъ серебряномъ кіотѣ. (Рис. на стр. 969).

Чествуемая всю православную Россію, Тихвинская чудотворная икона Божіей Матери, писанная, по преданію, Евангелистомъ Лукою, уже болѣе пяти вѣковъ пребываетъ въ городѣ Тихвинѣ, Новгородской губерніи. До 1886 года икона постоянно находилась въ холодномъ монастырскомъ соборѣ во имя Успенія Богоматери, а съ этого времени, по распоряженію епархіальнаго начальства, святую икону стали ежегодно переносить на зиму въ теплый Покровский соборъ, чтѣ и совершается постоянно въ концѣ сентября и началѣ Мая. Основаніемъ такому распоряженію послужило неудобство исполненія въ холодномъ соборѣ церковныхъ требъ и молебновъ, въ зимнее морозное время, отчего среди служащихъ іеромонаховъ возникали частыя простудныя болѣзни, нередко вземшія за собою смертельный исходъ.

Съ перевесеніемъ чудотворной иконы на зимнее время въ теплую церковь потребовалось соорудить къ ней новый кіотъ, такъ какъ прежній кіотъ остался для лѣтняго помѣщенія иконы въ холодномъ соборѣ. Съ этою цѣлію архимандритомъ Иннокентіемъ было приступлено къ сбору добровольныхъ пожертвованій, на которыя и былъ заказанъ, московской фабриктъ металлическихъ издѣлій Постникова серебряный кіотъ вѣсомъ

въ 118 фунтовъ, стоимостью въ 6,000 руб. Въ мартѣ нынѣшняго года кіотъ былъ доставленъ въ монастырь и установленъ въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы.

Новый кіотъ состоитъ изъ широкой серебряно-вызолоченной рамы съ изящной рѣзбою, украшенной по сторонамъ эмальрованными крестами и медальонами; съ обѣихъ сторонъ раму поддерживаютъ два ангела, въ бѣлыхъ серебряно-матовыхъ ризахъ, окруженные облаками; во всѣ стороны отъ рамы расходятся серебряно-вызолоченныя стрѣлы сіянія. Въ общемъ рисунокъ кіота какъ бы наглядно воспроизводитъ древнее преданіе, свидѣтельствующее о томъ, что Тихвинская чудотворная икона явилась въ 1383 г. въ Новгородскихъ предѣлахъ, носимая ангелами по воздуху.

Нашъ рисунокъ изображаетъ чудотворную икону, облеченную въ великолѣпную ризу изъ чистаго золота, вѣсомъ 21 фунтъ, украшенную множествомъ брилліантовъ и драгоцѣнныхъ камней, среди которыхъ есть приношенія Высочайшихъ Особъ. Икона вставлена въ новый серебряный кіотъ. Предъ нею виситъ массивная золотая лампада, жертва графа Н. П. Шереметьева въ 1803 г., османная брилліантами; стоимость ея по настоящему времени превышаетъ 100,000 руб.; по обѣимъ сторонамъ ея, по три въ рядѣ, помѣщаются шесть меньшихъ серебряно-вызолоченныхъ лампадъ работы Овчинникова, принесенныхъ въ даръ обители въ 1885 г. неизвѣстнымъ жертвователемъ. Кромѣ этихъ лампадъ предъ иконою установленъ художественной работы серебряный подсвѣчникъ, вѣсомъ 3 пуда 1 1/4 фунта, пожертвованный сыномъ графа Н. П. Шереметьева — Дмитриемъ.

При зажженныхъ лампадахъ сосредоточенное здѣсь обиліе золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, украшающихъ и окружающихъ святую, производитъ величественное впечатлѣніе. Л. Г.

Мыза Сиворицы.

(Рис. на стр. 972).

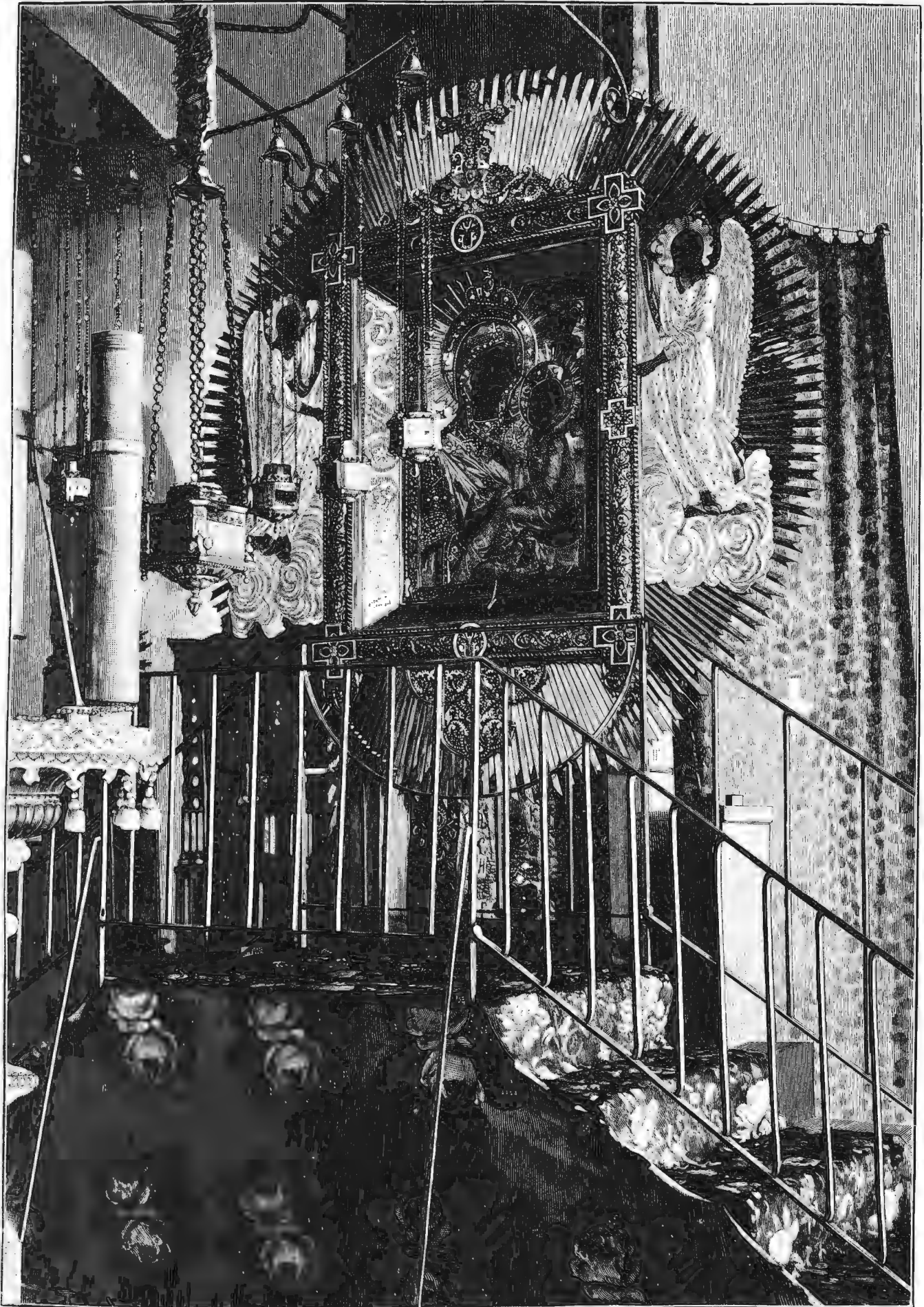
Мыза Сиворицы — нынѣ одна изъ самыхъ красивыхъ усадебъ въ окрестностяхъ Петербурга. Она лежитъ

у Варшавскаго шоссе, въ 12 верстахъ разстоянія отъ Гатчины, на берегу рѣчки Сиворки, впадающей въ границахъ имѣнія въ рѣку Суйду. Окаймленная богатыми заливными лугами, которые въ свою очередь опять окружены прекрасными, на горѣ растущими лѣсами, рѣка Суйда въ глубокой, извилистой долинѣ протекаетъ 12 верстъ на протяженіи принадлежащихъ къ имѣнію угодій, представляя рядъ самыхъ живописныхъ видовъ, достойныхъ кисти лучшаго художника. Подобные же богатые виды находятся и по берегамъ Сиворки, изъ которыхъ одинъ мы помѣстили въ настоящемъ №. Построенный въ видѣ дворца господскій домъ, соединенный крытыми полукруглыми галереями съ двумя двухэтажными флигелями, расположенъ среди прекраснаго парка въ 40 дес. величины. Домъ этотъ (см. рис.) построенный въ началѣ сего столѣтія, соответствуетъ потребностямъ самаго широкаго, старорусскаго гостепримства. Надъ

Кармень. Съ карт. Мелида, грав. Штадельманъ.

Чудотворный образ Тихвинской Божіей Матери. Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

подваломъ съ кухонными и погребными помѣщеніями, поднимается 2-х-этажное зданіе. Бѣднѣйшая часть нижняго этажа занята обширными залами, между тѣмъ какъ въ верхнемъ этажѣ, кромѣ просторной бильярдной, насчитывается болѣе дюжины сравнительно маленькихъ комнатъ для гостей, каждая съ отдѣльнымъ выходомъ въ корридоры. Въ томъ же родѣ со всѣми удобствами для многочисленныхъ гостей устроены и обфлигеля.

Съ башнеобразной надстройки надъ крышей открывается прекрасный видъ на лѣса и поля имѣнія, на долины Суйды и Сиворки, вплоть до полотна Варшавской желѣзной дороги, пересекающей угодыя имѣнія на востокъ. Благодаря высокому положенію и отсутствію болотъ, мѣстность эта одна изъ самыхъ здоровыхъ близъ Петербурга.

Протекающая черезъ паркъ рѣка Сиворка образуетъ въ немъ обширное озеро съ прекраснымъ водопадомъ и каскадами при выходѣ изъ него. Хорошо содержимые лѣса, около 1,200 десят., пересекаются большимъ числомъ лѣсосообразно изъ разныхъ центровъ выходящихъ дорожекъ и на видъ совершенно походятъ также на громадный паркъ. На 350 десят. полевыхъ угодій ведется усѣбно травно-посѣвное хозяйство, а 500 десят. заливныхъ луговъ ежегодно отдаются въ арендное содержаніе, преимущественно квартирующимъ въ Гатчинѣ кавалерійскимъ полкамъ на травяное довольствіе.

Имѣніе въ нынѣшнихъ его границахъ состоитъ изъ двухъ главныхъ частей. Восточная часть, бывшая мыза Елецъ, въ паркѣ которой находится для археолога не безынтересные болѣе курганы (сопки), какъ говорятъ, со временъ войны Св. Александра Невскаго со Шведами, когда-то составляла часть пожалованнаго императрицею Елисаветой арапу Петра Великаго, Ганнибалу, прадѣду Пушкина, имѣнія Суйды. Западная часть, собственно Сиворицы, находилась съ 1723 года во владѣніи семейства Апраксиныхъ и была проиграна въ 1783 году въ карты одному Демидову. Послѣдній построилъ въ 1784 году, въ принадлежаніи къ имѣнію селѣ Никольскомъ, красивую каменную церковь, а на мѣстѣ снесенной имъ старой, деревянной церкви, воздвигнулъ въ паркѣ изящную часовню, куда до сихъ поръ въ Николитъ день, 9 мая, совершается крестный ходъ изъ церкви села Никольскаго, при громадномъ стеченіи народа изъ окрестностей.

Въ рукахъ гостепрійныхъ владѣльцевъ изъ рода Демидовыхъ имѣніе оставалась до начала семидесятыхъ годовъ сего столѣтія. Имъ устроенъ былъ прекрасный паркъ съ рыбными прудами какъ при усадьбѣ, такъ и еще въ нѣсколькихъ живописныхъ мѣстахъ въ лѣсу, или вѣрнѣе сказать, весь лѣсъ въ сущности былъ превращенъ въ огромный паркъ, гдѣ часто раздавались звуки охотничьихъ рожковъ и весело пировали многочисленные гости.

Но времена измѣнились, дѣла послѣдняго владѣльца сильно пошатнулись, имѣніе было у него наконецъ отобрано креди-

торами. Изъ конкурса купили сильно разстроенное имѣніе въ 1874 году нынѣшніе владѣльцы и не мало трудовъ и денежныхъ жертвъ потребовалось, чтобы привести его опять въ то хорошее состояніе, въ которомъ оно находится нынѣ.

Бакланы (*Phalacrocorax carbo*). (Рис. на стр. 973).

Эта чрезвычайно прожорливая рыбоядная птица, называемая также *водянымъ ворономъ* и *кормораномъ* и достигающая до 1½ аршина длины и чуть не сажени въ размахѣ крыльевъ, встрѣчается во всей Европѣ, начиная отъ Норвегіи, зимою же нападаетъ въ огромномъ количествѣ въ Африкѣ, нерѣдко въ Средней Азійи и Сѣверной Америкѣ, откуда перелетаетъ до восточной Индіи и Южной Америки. Бакланы живутъ по берегу моря и рѣсныхъ водъ. Большія рѣки или потоки, окруженные лѣсами, служатъ имъ постояннымъ жилищемъ. Эти падодѣливыя и смѣлыя птицы селятся даже въ непосредственной близости деревень, и прогнать ихъ довольно трудно. Онѣ общительны и держатся всегда стадами, особенно многочисленными по скалистымъ берегамъ моря. На внутреннихъ материковыхъ водахъ баклановъ рѣшительно невозможно терпѣть, такъ какъ они наносятъ громадный вредъ рыболовству. Одинъ бакланъ съѣдаетъ нищи болѣе чѣмъ человекъ. Китайцы однако стужбли воспользоваться этою прожорливостью баклановъ и дрессируютъ ихъ для рыбной ловли. Для этого ихъ воспитываютъ смолоту въ неволѣ, и даже размножаютъ, подкладывая ихъ яйца подъ домашнюю курицу. Молодыхъ очень рано берутъ на воду и тщательно дрессируютъ. Они прыгаютъ по приказанію хозяина въ воду, ныряютъ и выносятъ пойманную рыбу наверхъ. Хозяинъ-рыболовъ стоитъ на плоту въ 2½ фута ширины и отъ 15 до 20 футовъ длины, который двигается помощью весла. Какъ только бакланъ поймалъ рыбу, онъ появляется на поверхность воды съ добычею въ клювѣ, просто съ чѣлю проглотить ее, но этому мѣшаетъ завязанная на шеѣ бичевка или надѣваемое на шею металлическое кольцо, такъ что волею-неволею птица плыветъ съ добычею къ плоту. Рыбакъ при этомъ подвигается къ пей какъ можно скорѣе, потому что иногда, въ особенности если рыба крупная, между разбойникомъ и его жертвой завязывается настоящая драка. Подплывъ къ баклану, хозяинъ набрасываетъ на птицу сѣтку, прикрѣпленную на длинной жерди, и подтягиваетъ ее такимъ образомъ къ плоту вмѣстѣ съ рыбой, которую немедленно отбираетъ, а баклану даетъ въ награду нѣсколько нищи, ослабивъ кольцо на шеѣ. Затѣмъ, давъ птицѣ отдохнуть, отправляетъ ее опять на работу. Случается, бакланъ схватитъ такую большую рыбу, что одинъ не можетъ ее вытаскивать; тогда на помощь ему спѣшатъ остальные (ихъ всегда берутъ по нѣсколькимъ на плотъ). Иногда бакланы стараются отнять другъ у друга добычу и помощь переходить въ драку. Тогда между зрителями, которыхъ всегда много на берегу и на мостахъ, составляется пари въ пользу той или другой птицы.

Новое изобрѣтеніе.

Автоматически-безпрерывно-дѣйствующій приборъ профессора д-ра Вольперта, для опредѣленія чистоты воздуха посредствомъ химическаго дѣйствія углекислоты.

Нѣтъ сомнѣнія, что чистота комнатнаго воздуха имѣетъ громадное значеніе въ жизни человека и въ особенности дѣтей.

Чистъ воздухъ почти вездѣ, гдѣ атмосфера содержитъ обыкновенно 3 и самое большее 5 десятичныхъ углекислоты; но не всегда такъ бываетъ въ закрытыхъ жилыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ не рѣдко замѣчаютъ накопленіе углекислоты и въ 10 разъ большее.

Человѣкъ, какъ извѣстно, выдѣляетъ черезъ выдыханіе и транспирацію, взаимѣнъ вдыхаемаго кислорода, не только углекислоту и воду, но и органическія вещества.

Уже много лѣтъ тому назадъ Дю-Буа-Ремонъ указывалъ на исходящее изъ легкихъ вещество, которое онъ назвалъ антропотоксиномъ или человѣчнымъ ядомъ.

Составъ этого вещества не выясненъ еще и до сихъ поръ; однако парижскіе физиологи Браунъ-Секуаръ, въ сообществѣ съ д-ромъ Дарсонвалемъ недавно, долгими инъекціонными опытами надъ живыми животными, доказали, что легкія человека и въ здоровомъ ихъ состояніи

выдѣляютъ ядъ, который въ жилыхъ не провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ дѣйствуетъ разрушительно на здоровье.

Углекислота въ небольшомъ количествѣ, въ какомъ она обыкновенно содержится въ комнатахъ, нельзя сказать чтобы была вредна; но за то она, по Петенкоферу, служитъ масштабомъ для выдѣляемыхъ вмѣстѣ съ нею отъ выдыханія и транспираціи веществъ.

Этимъ-то масштабомъ и воспользовался проф. д-ръ Вольпертъ и устроилъ самодѣйствующій приборъ для испытанія качества воздуха посредствомъ химическаго дѣйствія углекислоты.

Рисунокъ представляетъ приборъ Вольперта, въ основу котораго профессоръ положилъ слѣдующій новый принципъ: окрашенная жидкость, на которую углекислота дѣйствуетъ обезцвѣчивающе, нущенная по бѣлому шнурку, покажетъ, смотря по большому или меньшему разстоянію, которое она сдѣлала до обезцвѣчиванія, большее или меньшее содержаніе углекислоты и слѣдовательно болшую или меньшую чистоту воздуха.

Комнатный воздухъ очень чистъ при содержаніи углекислоты

	менѣе нежели 0,5 на тысячу
чистъ	отъ 0,5—0,7 " "
удовлетворителенъ	" 0,7—1 " "
худъ	" 1—2 " "
очень худъ	" 2—4 " "
безусловно вреденъ	при болѣе 4 " "

Приборъ, какъ видно на рисункѣ, состоитъ изъ деревяннаго консоли, снабженнаго наверху стекляннымъ сосудомъ для жидкости съ металлическимъ поплавкомъ, а внизу шкалою съ ваднисями, поверхъ которыхъ спускается сверху внизъ бѣлый спеціально приготовленный шнурокъ, по которому и проходитъ жидкость и смотря по содержанію углекислоты терлетъ свой цвѣтъ на извѣстномъ мѣстѣ.

Красная жидкость, приготовляемая изъ раствора Phenol-Phthaléin, раствора соды и дистиллированной воды, имѣи пра-

вильное теченіе внизъ по бѣлому шнуру, не измѣнитъ своего цвѣта въ чистомъ воздухѣ и останется, дойдя до-низу, красной; въ худомъ, испорченномъ воздухѣ она теряетъ свой цвѣтъ не дойдя до-низу. Для опредѣленія степени порчи воздуха слу-

жить граница между свѣтло-красною и безцвѣтною полосою шнура.

Обожденіе съ приборомъ очень просто. Цѣна его у Рихтера въ СПб. 15 рублей.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: въ губерніяхъ: С.-Петербургск., Московск., Харьковск., Полтавск., Черниговск., Киевск., Волынск., Подольск., Херсонск. и Бессарабск., въ уѣздахъ: Симферопольск., Евпаторійск., Ялтинск., Феодосійск. и Перекопск., Таврической губерніи, и городахъ: Саратовѣ съ уѣздомъ, Ростовѣ-на-Дону и Таганрогѣ, а также С.-Петербургск., Одес., Керчь-Еникальск. и Севастопольск. градоначальствахъ, въ Николаевскомъ военномъ губернаторствѣ и въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ Кронштадтскому военному губернатору, срокъ дѣйствія введеннаго въ нихъ, въ силу Высочайшаго повелѣнія, 11-го іюля, 1887 года, положенія объ усиленной охранѣ продолжить еще на одинъ годъ.

Военное и морское дѣло.

— Въ Севастополѣ особая коммисія, въ предѣлительствѣ контръ-адмирала Газнакова, производила испытаніе двѣнадцатидюймовыхъ и тридцатидюймовыхъ орудій на броненосномъ кораблѣ „Чесма“. Результаты оказались блестящими; сотрясенія послѣ выстрѣловъ почти нѣтъ.

— Изъ Кронштадта, 14 сентября, клиперъ „Крейсеръ“, подъ командою капитана Безобразова, ушелъ въ заграничное плаваніе. Клиперъ идетъ въ Тихій океанъ, кругомъ Мыса Доброй Надежды.

Пути сообщенія.

— Министръ Путей Сообщенія, на всеподданнѣйшее донесеніе Государю Императору о послѣдовавшемъ, 8 сего сентября, открытіи Самаро-Уфимской желѣзной дороги, имѣлъ счастье получить, 9 сего сентября посланную въ Уфу, слѣдующую телеграмму отъ Его Императорскаго Величества:

„Сердечно радуюсь открытію Самаро-Уфимской желѣзной дороги, въ особенности тому, что исключительно русской матеріалъ употребленъ на ея постройку. Благодарю васъ и всѣхъ дѣятелей, потрудившихся въ этомъ дѣлѣ. Прошу передать тоже и жителямъ городовъ: Самары, Уфы и Бугуруслана Мое спасибо, за выраженныя ими чувства и благожеланія Мнѣ и Моей Семьѣ“.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Сооруженіе дороги — этого перваго звена

въ будущемъ сибирскомъ рельсовомъ пути — представляетъ ту особенность, что матеріалы для ея постройки: желѣзо, рельсы, цементъ, подвижной составъ, — все безъ исключенія — русское.

— Движеніе грузовъ по Лозово-Севастопольской дорогѣ увеличилось въ семь разъ противъ ея провозопропускной способности.

— Изъ Перчинска, отъ 10 сентября, телеграфируютъ, что двѣсти тысячъ пудовъ товаровъ, въ томъ числѣ чай, остаются до весны въ Покровкѣ; часть вывезется зимою. Безводье останавливаетъ промычку золота.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ Харьковѣ, 12 сентября, открылись засѣданія экстреннаго съѣзда угленомышленниковъ Донецкаго бассейна по вопросу о выясненіи причинъ угольнаго кризиса и мѣръ къ его устраненію.

— Въ Чарджубѣ, 11 сентября, произошло освященіе строящагося хлопкоочистительнаго завода среднеазиатскаго товарищества П. Кудринъ К^о.

— Въ Москвѣ, 14 сентября, въ саду при домѣ Межеваго вѣдомства открылась выставка садоводства, плододовства и огородничества.

Торговля.

— Недѣля по 11 сентября сопровождалась ослабленіемъ спроса и пониженьемъ цѣнъ пшеницы почти на всѣхъ рынкахъ западной Европы. Причины такого пониженія заключаются отчасти въ установленіи хорошей погоды, благоприятствующей окончательной уборкѣ хлѣбовъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что существенной поправки въ результатахъ урожая текущаго года предвидѣть уже нельзя, но спекуляція на пониженіе пользуется этимъ обстоятельствомъ, чтобы распространеньемъ слуховъ о возможномъ еще улучшеніи видовъ на урожай добиться пониженія цѣнъ. Другую причину проявившейся наклонности къ пониженію можно видѣть въ усиленіи подвозовъ новыхъ туземныхъ хлѣбовъ, не высокое качество которыхъ отражается на цѣнахъ, причѣмъ слабѣющая тенденція сказывается и на хлѣбахъ всякаго происхожденія. Наконецъ, повышеніе фрахтовъ, въ свою очередь, не остается безъ вліянія на измѣненія въ цѣнахъ. Настроеніе заграничныхъ рынковъ

только отчасти отразилось въ русскихъ портовыхъ городахъ, гдѣ цѣны слегка понизились, но и тутъ продавцы проявляютъ сдержанность; на большинствѣ же внутреннихъ рынковъ сдѣлки продолжаются по твердымъ, а иногда и повышеннымъ цѣнамъ, вслѣдствіе увѣренности въ предстоящемъ заграничномъ спросѣ по цѣнамъ значительно болѣе высокимъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства недѣльный отпускъ изъ Россіи за-границу нѣсколько сократился. Владѣльцы русскаго хлѣбнаго товара выжидаютъ цѣнъ, болѣе соответствующихъ дѣйствительному положенію рынка.

— Въ Харьковѣ, среди торговцевъ, отказавшихся посѣщать Ильинскую ярмарку въ Полтавѣ, возникло ходатайство предъ Правительствомъ объ устройствѣ здѣсь въ іюль особой ярмарки съ цѣлью полтавскую ярмарку сдѣлать излишней.

— Въ Севастополь прибываетъ ежедневно около 300 вагоновъ съ хлѣбомъ.

Наука.

— 11 сентября, въ Сиб. университетѣ происходила публичная защита диссертации, подъ заглавіемъ: „Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ исторической источникъ“, представленной приватъ-доцентомъ по кафедрѣ русской исторіи, С. Ф. Платоновымъ въ свѣтъ историко-филологическаго факультета для полученія степени магистра русской исторіи. По окончаніи диспута магистрантъ былъ утвержденъ въ искомой степени.

Изъ губерній и областей.

— Въ Вѣрномъ, легкія землетрясенія, сопровождаемыя подземнымъ гуломъ, стали въ послѣднее время почти ежедневными. Недавно въ Суйдунѣ была междуусобная рѣзня, прекращенная теперь энергическимъ распоряженіемъ новаго даянь-дзюня.

— Въ Батумѣ, 11 сентября, въ 3 ч. 23 м., было землетрясеніе. Два колебанія слѣдовали непосредственно одно за другимъ, въ 8 час. 35 м. вечера и 12 сентября въ 2 ч. 32 м. дня, опять повторилось землетрясеніе. Колебанія почвы легкія и направляются съ востока на западъ.

— Въ Ташкентѣ прибылъ путешественникъ генераль-майоръ Пржевальскій со своими спутниками.

Политическое обозрѣніе.

Вниманіе всѣхъ европейскихъ политиковъ за истекшую недѣлю было сосредоточено на дневникѣ Германскаго императора Фридриха III, напечатанномъ въ октябрьской книжкѣ *Deutsche Rundschau*. Нытъ въ *Имперскомъ Указателѣ* напечатано письмомъ имперскаго канцлера къ министру юстиціи, въ которомъ сообщается копія съ доклада канцлера императору Вилгельму II относительно дневника императора Фридриха, причѣмъ канцлеръ заявилъ, что императоръ повелѣлъ опубликовать докладъ и утвердилъ представленіе о преслѣдованіи судебнымъ порядкомъ публикаціи дневника и ея виновника. Въ своемъ докладѣ канцлеръ считаетъ дневникъ въ приведенномъ видѣ неподлиннымъ и, указывая на то, что наследный принцъ не могъ располагать точными свѣдѣніями, говорить: „я не получалъ отъ короля позволенія бесѣдовать съ наследнымъ принцемъ о секретныхъ политическихъ вопросахъ, нотому что король опасался съ одной стороны нескромности въ сношеніяхъ съ исполненными французскихъ симпатій Англійскимъ дворомъ, а съ другой — ущерба нашимъ отношеніямъ къ нашимъ германскимъ союзникамъ, вслѣдствіе слишкомъ широкихъ цѣлей и насильственныхъ мѣръ, которыя предлагали наследному принцу его сомнительные совѣтники. Наследный принцъ находился въ сторонѣ отъ всякихъ дѣловыхъ переговоровъ“. Далѣе въ докладѣ выставляются на видъ нечестности дневника. Еще 13 іюля 1870 года имперскій канцлеръ считалъ войну неизбежною, а король, прочитавъ нѣсколько разъ рѣчь Эмиля Оливье, рѣшилъ de motu proprio приступить къ мобилизаціи. Нечетныя же сообщенія относительно пожалованія ордена Желѣзнаго Креста военнотруженикамъ, не принадлежавшимъ къ составу прусской арміи. Пренія и разногласія во мнѣніяхъ относительно германской конституціи про-

изошли не въ Версали, а еще 9 сентября въ Доншери. Неточны, наконецъ, сообщенія, что наследный принцъ намѣревался прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ противъ союзниковъ, равно какъ заявленія относительно вопроса о непогрѣжимости. Въ заключеніе сказано, что уголовный законъ долженъ быть примѣненъ, какъ въ томъ случаѣ, если публикація подлинная, такъ и въ томъ случаѣ, если приходится имѣть дѣло съ подложнымъ, какъ полагаетъ канцлеръ, документомъ.

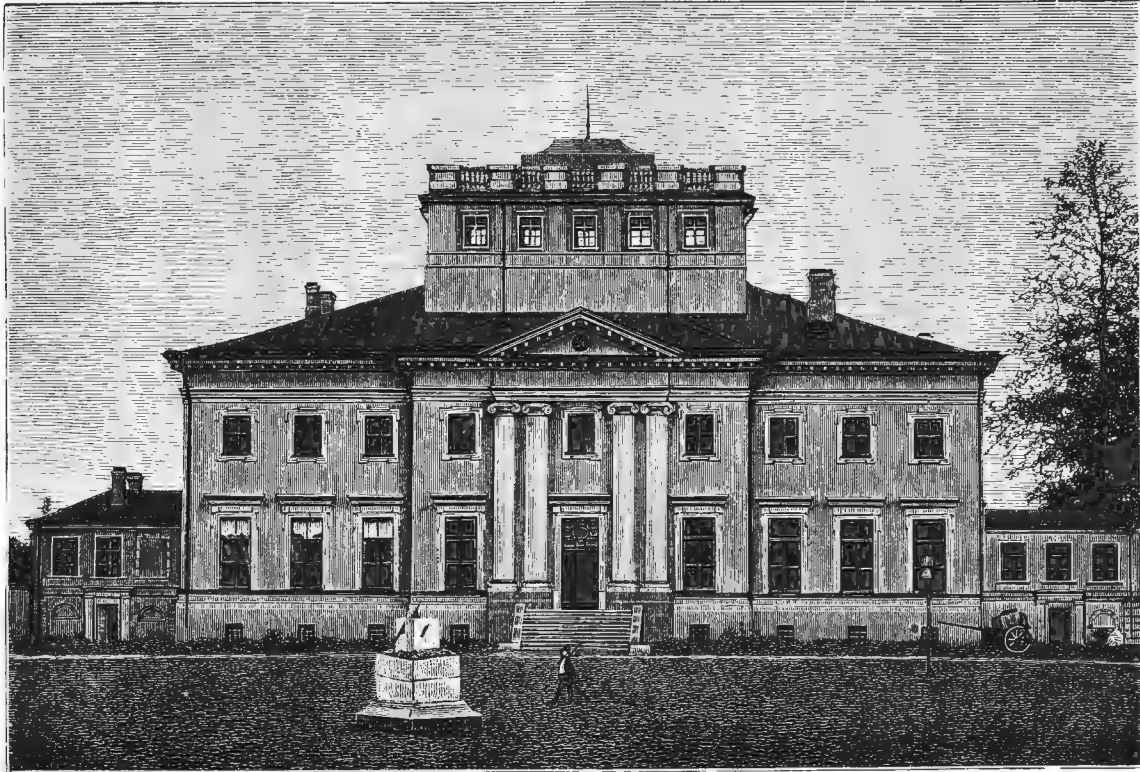
Кронштадтскій Вѣстникъ передаетъ подробности чествованія офицеровъ крейсера „Адмиралъ Корниловъ“, имѣвшаго стоянку въ городѣ С.-Назерѣ во Франціи, гражданами этого города. 24 августа командиръ и офицеры крейсера получили приглашеніе отъ гражданъ всего С.-Назера на вечеръ. Прибывъ на пристань, наши офицеры въ каретахъ отравились въ мэрию. Толпы народа стояли по пути и всѣ зданія блистали пышною иллюминаціею. Выйдя изъ каретъ, наши офицеры прошли въ ратушу среди двухъ шеренгъ молодыхъ людей, членовъ общества гимнастовъ, причѣмъ сначала раздались звуки національнаго русскаго гимна, а затѣмъ марсельеза. Приемная зала красиво декорирована была національными флагами, щитами съ изображеніемъ герба Франціи и съ надписью Р. Ф. Здѣсь уже собралось общество, состоящее изъ представителей городовъ С.-Назера и Нанта.

Тогда г. Гайге, мэръ города С.-Назера, подошелъ къ столу, и окинувъ взоромъ все собраніе, обратился съ небольшою рѣчью къ командиру и офицерамъ крейсера отъ лица представителей всего города, въ которой благодарилъ за посѣщеніе и принятіе ихъ приглашенія на вечеръ. Далѣе послѣдовали обычные взаимныя представленія, и затѣмъ офицеры отрави-

лись изъ ратуши пѣшкомъ въ Grand Hôtel, въ небольшомъ разстоянн отъ мэріи. Это было вполне торжественное шествіе. Впереди шли музыканты, освѣщенные факелами и сопровож-

Въ Грандъ-отелѣ былъ роскошно сервированъ ужинъ; всѣхъ гостей было до 250 человекъ. Тутъ были главные представители интеллигенціи С.-Петербурга, Нанта и множество коммерсантовъ.

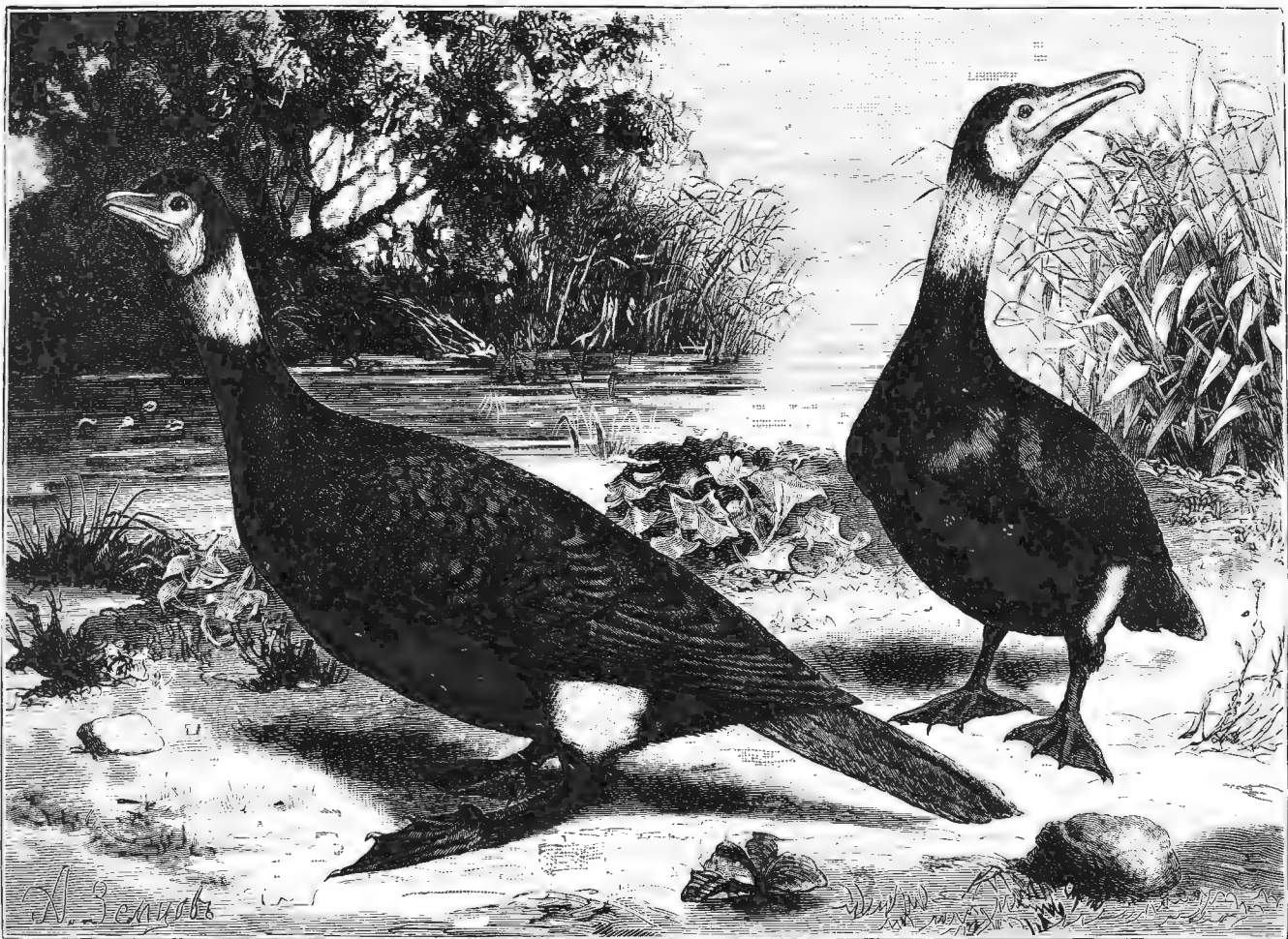
Мыза Сиворицы. Видъ замка. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Мыза Сиворицы. Видъ парка. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

даемые огромнымъ хоромъ пѣвцовъ-любителей; улицы были освѣщены огнями, народъ стоялъ сплошной стѣною, раздавались оглушительные крики: „Vive la Russie! Vive la France!“

Послѣ обычныхъ привѣтствій и перваго бокала шампанскаго, къ столу подошелъ г. Гайге и сталъ читать рѣчь. Въ началѣ указавъ на чувства и положеніе матери, разставшейся со своимъ

Бакланы (*Phalacrocorax carbo*). Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

О разсылкѣ преміи „НИВЫ“ на 1888 г.,

большой картины профессора Императорской Академіи Художествъ Ю. Ю. КЛЕВЕРА, печатанной красками (24 вершк. ширины и 14³/₄ вершк. вышины) подъ названіемъ:

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“.

Въ виду новыхъ правилъ Почтамта, не допускающихъ разсылку преміи, по примѣру прежнихъ лѣтъ, одновременно чрезъ Газетную Экспедицію подъ бандеролью, мы принуждены преміи нынѣшняго года разсылать заказными посылками чрезъ Посылочное Отдѣленіе Спб. Почтамта, а такъ какъ въ слѣдствіе этого порядка разсылка очень усложняется и требуетъ много труда и времени, какъ на отправку, такъ и на задѣлку посылокъ, то, въ виду этого, мы начали разсылку преміи 1888 г. уже теперь для гг. подписчиковъ, живущихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ (окраины Сибири, Туркестана, и проч.), затѣмъ послѣдуетъ очередь другихъ мѣстъ Сибири, Кавказа и т. д. и наконецъ ближайшихъ къ Петербургу мѣстностей.

Мы припяли всѣ мѣры, чтобы ускорить отправку преміи и, не смотря на весьма затруднительный способъ этой отправкѣ, надѣемся удовлетворить всѣхъ нашихъ подписчиковъ въ возможно скоромъ времени.

Необходимое предупрежденіе.

При вскрытіи преміи, предупреждаемъ нашихъ читателей обращаться осторожно, дабы не испортить картины.

Здѣсь изображенъ чертежъ средней части запакованной преміи. Для вскрытія надо только разрѣзать бумагу по линіи, обозначенной на чертежѣ точнами, т. е. выше линіи наклейки а; далѣе бумага уже развертывается сама собою.

Вынимая изъ обертки картину, скатанную лицевой стороною кнаружи, не слѣдуетъ ее

свертывать въ обратную сторону, какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣлаютъ, ибо лакъ можетъ потрескаться и картина испортиться. Слѣдуетъ, вынувъ, просто разложить картину на столѣ, наложивъ на край какія-нибудь пресъ-панье или какія-либо тяжести, и дать ей вылежаться нѣсколько дней, тогда она распрямится сама собою и можетъ быть вставлена въ раму. Въ Сибирь, Кавказъ и мѣста, находящіеся не на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, преміи разсылаются задѣланныя въ холстъ. При полученіи, холстъ этотъ слѣдуетъ осторожно снять и затѣмъ поступить какъ сказано выше.

Чертежъ средней части запакованной преміи въ уменьш. видѣ.

нитомцемъ, г. Гайте продолжалъ: „Подобно тому городъ С.-Назеръ, промышленности и попеченію котораго русское правительство пожелало довѣрить заботу о постройкѣ крейсера „Адмиралъ Корниловъ“, не пожелалъ, чтобы это превосходное судно удалось изъ мѣста своего вооруженія быть-можетъ навсегда, не проявивъ Россіи, оказавшей ему столь высокое довѣріе, своей симпатіи и своей благодарности. Въ особенности С.-Назеръ желаетъ передать русскимъ офицерамъ и инженерамъ, слѣдившимъ за постройкою судна, что с.-назерское населеніе сохранить надолго чувства истиннаго уваженія и дружескаго къ нимъ расположенія. Такова дѣль сегодняшняго вечера.“

Далѣе, ораторъ выразилъ въ своей рѣчи удовольствіе, что городу представился прекрасный случай показать свои мастерскія, работы своихъ инженеровъ и, наконецъ, обращаясь къ командирѣ и офицерамъ, закончилъ рѣчь слѣдующими словами: „Господа! Имя, носимое вашимъ судномъ—это славное имя одно уже можетъ возбудить энтузіазмъ вашей страны. Будьте увѣрены, что каждый французъ не безъ волненія вспоминаетъ про адмирала Корнилова, про этого героя-моряка, котораго безпощадная смерть поразила на грозныхъ укрѣпленіяхъ, имъ самими воздвигнутыхъ. Если я говорю про этого доблестнаго адмирала, память котораго чтить даже враги, — это для того, чтобы напомнить тотъ судъ, который произнесла исторія надъ ужасною войною, на которую я намекаю. Этотъ ясный и красно-рѣчивый судъ уже давнымъ-давно соединилъ ваше отечество съ нашимъ. И совершенно понятно, что тамъ, гдѣ не было ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей — были только одни храбрые.“

Послѣ тосговъ произнесъ рѣчь г. Дюневъ, совѣтникъ канцеляріи префекта Нижней Дуады. „Г.г. офицеры! Я приношу вамъ лучшія пожеланія отъ дуарскаго префекта, удержаннаго въ Пантѣ по долгу службы; онъ поручилъ мнѣ выразить вамъ симпатію народа, котораго онъ представитель, — вамъ, храбрымъ и ученымъ офицерамъ и славнымъ морякамъ Императорскаго Россійскаго флота. Исполнивъ эту миссію, я предлагаю вамъ, любезные сограждане, отъ имени представителя Нижней Дуады, выпить за здоровье Его Величества Александра III, царствованіе котораго выказало столь славное и успѣшное движеніе на пути цивилизаціи въ Азіи и который своею любовью, глубокимъ миромъ и прогрессомъ привлекъ къ себѣ уваженіе и восхищеніе всей Европы“. За здоровье Его Величества послѣдовала самая шумная овація. Послѣ всѣхъ чествованій наши офицеры оставили залу въ 10¹/₂ ч. и на возвратномъ пути опять выслушивали крики собравшагося народа.

Въ общемъ положеніе дѣлъ въ Европѣ за истекшую недѣлю мало измѣнилось. Интересъ къ Болгаріи значительно ослабѣлъ и въ печати появляются только извѣстія о господствующихъ тамъ неурядицахъ. Одинъ изъ болгарскихъ министровъ Начевичъ чуть не пострадалъ отъ покушенія. Онъ возвращался изъ Румыніи и на одной изъ станцій между Журжевомъ и Букурештомъ, нѣкто Киселовъ вошелъ въ вагонъ и произвелъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, но далъ промахи и былъ схваченъ. Болгарское правительство обратилось къ румынскому съ просьбою о выдачѣ Киселова, но получило отказъ.

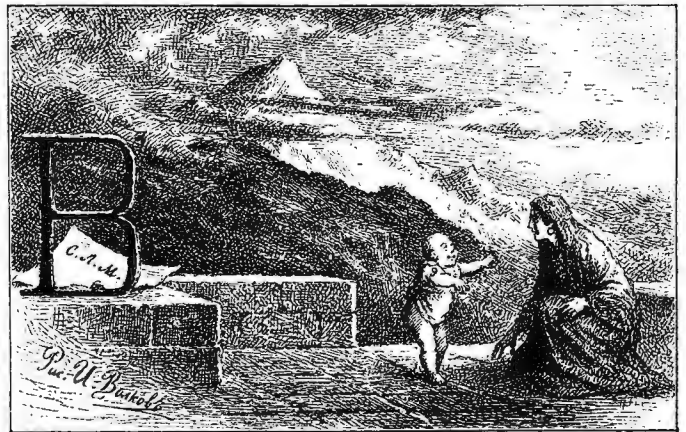
Какъ телеграфируютъ въ газету *Народову*, король Миланъ въ непродолжительномъ времени долженъ прибыть въ Бѣлградъ; возвращеніе это назначено на 23 сентября. Бракоразводный процессъ отероченъ до 29 ноября. Сербскіе граждане, по мѣрѣ возможности, повсюду праздновали день тезоименитства дорогой королевы, не смотря на строжайшія запрещенія правительства. Послѣдствія неисполненія правительственныхъ распоряженій, какъ пишутъ въ газетѣ *Народни Листы*, все болѣе обнаруживаются теперь многочисленными арестами. Въ Шабцѣ много арестованныхъ, между ними кунцы Савва Ильичъ, Матичъ, Ванчъ, Галочъ; всѣ арестованные посажены въ тюрьмы по обвиненію въ томъ, что праздновали тезоименитство королевы иллюминаціей своихъ домовъ, вывѣшиваніемъ флаговъ и тостами въ гостиницахъ за здоровье королевы. То же произошло въ городахъ: Мѣеницы, Крупли, Лозаицы, Краљевицахъ, Раціи и многихъ другихъ, такъ или иначе почтившихъ королеву.

С М Ъ С Ъ.

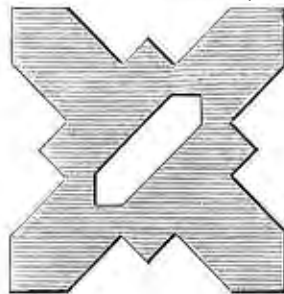
О свѣтѣ, издаваемомъ морскими волнами, сообщаетъ новые факты д-ръ Беригардъ Фишеръ изъ Кіля, бывший спутникомъ профессора Роберта Коха во время путешествія послѣдняго въ Индію,

предпринятаго съ цѣлью изслѣдованія холеры. Фишеръ открылъ два рода свѣтящихся грибовъ. Одинъ (названный имъ *Bacillus phosphorescens*) онъ нашелъ въ морской водѣ, когда посетилъ Вестъ-Индію. Ему удалось воспитать его на разныхъ искусственныхъ почвахъ. Лучшей почвой оказалась вареная рыба. Перенеся частички свѣтящихся бактерий на вышеуказанную почву, онъ уже 36 часовъ спустя замѣтилъ появленіе на ней маленькихъ сѣровато-бѣлыхъ точекъ. Разводимые такимъ образомъ грибки свѣтятся мягкимъ бѣлымъ огонькомъ съ синеватымъ отблескомъ, но лишь на поверхности, находящейся въ соприкосновеніи съ атмосферическимъ воздухомъ. Сила издаваемого этими бактеріями свѣта еще можетъ быть увеличена воздѣйствіемъ на нихъ опредѣленныхъ химическихъ веществъ, напр. хлористой магнезіи. Второй родъ свѣтящихся грибовъ д-ръ Фишеръ открылъ на морской рыбѣ, происходящей изъ Восточнаго океана. (N).

Ребусъ. Задача № 62.

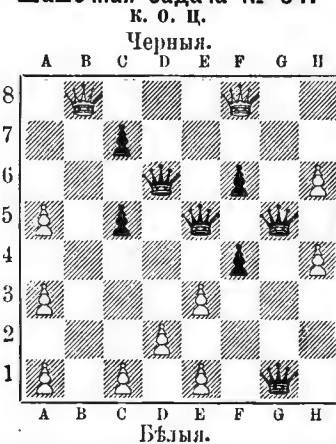

Геометрическая задача № 63.

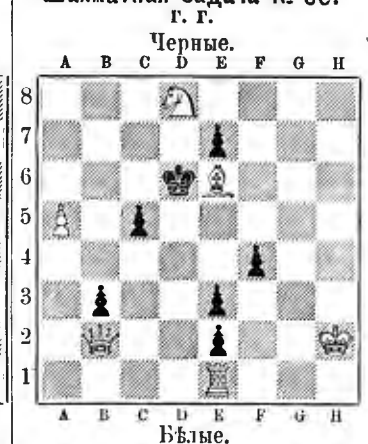
Данную фигуру разрѣзать прямыми линиями на двѣнадцать частей такъ, чтобы изъ нихъ составить прямоугольный треугольникъ.

Шашечная задача № 64.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и двѣ шашки черныхъ.

Шахматная задача № 65.

Бѣлыя начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1888 года,
 большой олеографической картины, печатанной масляными красками съ оригинала проф. Ю. Ю. КЛЕВЕРА:
„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“
 (подробности см. въ предъидущ. №№.).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНИЕ: Я. Ф. Головацій (съ портр.).—Вѣчу не быть, Старинная повѣсть Д. В. Аверниева. Часть II. (Продолженіе).—Морскія картины. Стих. В. Величко.—Познакомимся. Комедія въ одномъ дѣйствіи Н. Северина (автора „Супружеское счастье“). (Окончаніе).—На пути въ Индію. Н. Н. Каразина. Письмо третье (съ 2 рис.).—Къ рисункамъ: Судъ Париса (съ рис.).—Прогулка въ роцѣ (съ рис.).—Карменъ (съ рис.).—Чудотворный образъ Тихвинской Божіей Матери, во вновь сооруженномъ серебряномъ киотѣ (съ рис.).—Мыза Сиворицы (съ 2 рис.).—Байланы (Phalacrocorax carbo) (съ рис.).—Новое изобрѣтеніе (съ рис.).—Разныя извѣстія.—Политическое обозрѣніе.—О разсказѣ преміи „Нивы“ на 1888 г.—Необходимое предупрежденіе.—Смѣсь.—Задачи.—Рамы для преміи „Нивы“ 1888 г.—Объявленіе.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Гг. военные прикѣпте съ пребываніи въ кадетск. корпусахъ къ прочимъ и удобнымъ трикотажнымъ кальсонамъ и носкамъ фабрики

В. П. КЕРСТЕНА

поставл. военно-учебн. заведеній всей Россіи.

МОГУТЪ ПРИОБРАСТИ ИХЪ:

въ собств. фабрич. складѣ: Вас. Остр., 1-я линія, № 40 или на фабрикѣ: Петерб. стор., Больш. Спасская ул., № 24. Прейс-кур. высл. безпл. Р. № 3385

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. КАРАЗИНА.

Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращается въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всемъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

С.-Петербургская контора Ф. САНДЕРСА

переведена на Литейный просп., д. 48, Пеля. № 3377

Контора обращаетъ вниманіе гг. инженеровъ и архитекторовъ на то, что она купила привилегію В. С. Кузнецова и устраиваетъ нефт. газовые заводы для освѣщенія и отопленія, при чемъ считаетъ полезнымъ упомянуть, что нефт. газъ Кузнецова, дающій свѣтъ въ 6 разъ сильнѣе одинакова количества каменноугольнаго, превосходитъ электрическое освѣщеніе, какъ относительно дешевизны, такъ и силы мягкости и лугезарности свѣта, не раздражая глазныхъ нервовъ. Одна горѣлка можетъ дать свѣтъ въ 10,000 свѣчей. Газъ этотъ не взрываетъ и безопаснѣе всѣхъ другихъ родовъ освѣщенія, между тѣмъ какъ полное разрушеніе отъ перекаливанія проводовъ, въ Юлѣ мѣсяцѣ, зданія главной электр. ст. для освѣщенія г. Бостона, которая была выстроена исключительно изъ огнеупорныхъ матеріаловъ, уничтожитъ весьма распространенное заблужденіе что электр. свѣтъ совершенно безопасенъ; участъ г. Бостона постигла нинѣ и г. Вестч.-Честеръ (см. Scientific American July 14 и Sept. 1, 1888). Въ настоящее время даже Англія устраиваетъ нефт. газ. заводы по системѣ Кузнецова въ г. Фарнборо.

СЕСТРОРЪЦКІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ

объявляетъ, что при заказахъ на охотничьи ружья и принадлежности къ нимъ, деньги по стоимости заказа съ укупорковъ и пересылкою должны высылаться впередъ полностью на имя Начальника Завода съ приложеніемъ 2-хъ семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ.

Въ полученіи денегъ выслаются заводомъ квитанціи съ обозначеніемъ срока пополненія заказа.

Въ настоящее время въ Заводѣ имѣются готовые ружья: одноствольныя по системѣ Бердана 12, 14 и 16 калибровъ по 11 руб. за ружье и 20 калибра по 11 р. 50 к.; двуствольныя дробовики по системѣ Ансонъ—Дилла со скрытыми курками 12 и 16 калибровъ по 50 руб., и по системѣ Скотта съ наружными курками 12 калибра по 60 руб., а также имѣется въ готовности полный комплектъ принадлежностей къ ружьямъ.

Подробный каталогъ цѣнъ на ружья Заводомъ изготовляемые, можно получить изъ Канцеляріи Завода, выславъ для этого двѣ 7 коп. почтовые марки.

Начальникъ Завода, генераль-майоръ Соколовъ. № 3387

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ

(роль) даетъ уроки. Петербургская сторона, Большой просп., д. № 28, кв. 42. № 3381

3-2 ВОДОЛЕЧЕБНИЦА Р. № 3361

ФРЕНКЛЯ ИЗЪ ВѢНЫ.
С.-Петербургъ, Михайловская пл., № 11.

ЛЕННИНГЪ и МОЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Садовое заведеніе Н. Р. Кокуева

въ Ярославѣ. № 3382
Каталогъ деревьевъ, кустарниковъ, розъ и пр. изданъ и высылается желающимъ безплатно.

ЗАЯВЛЕНІЕ

выдѣляется въ заведеніи **РОБЕРТА ЭРНСТА** въ Берлинѣ, W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутся то же по-русски; проспектъ высылается Р. № 3309 безплатно. 28-4

Изданіе В. БЕССЕЛЬ и Комп.

ШКОЛА ЭТЮДОВЪ К. ЛЮТША
новое роскошное и исправленное изданіе. Собраніе лучшихъ этюдовъ въ прогрессивномъ порядкѣ, принятое СПб. Консерваторіей.

12 тетрадей, каждая по 1 р. 50 коп. С.-Петербургъ, Невскій, 54. Москва, Петровка, 12. № 3380

НОВАЯ КНИГА: № 3350

Univ. Основы постр. частей машинъ. Ц. 3 р. 50 к. ♦ Сборн. рисунковъ токарн. издѣлій (для любит.). Ц. 4 р. ♦ Прат. курсъ токарнаго искусства. Ц. 1 р. 50 к. ♦ Выпис. отъ М. Неткса, Москва, Кузнецкій М., лит. Бахманъ, за пересылку не платятъ.

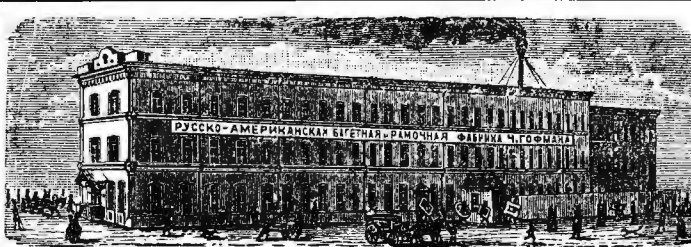

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ и ФАБРИКА А. Е. КУДАКОВЪ.

Рекорд, гармоніи, гитары, скрипки, мандолины, цитры, флейты, лирофоны, струны, герофоны, арістоны, кларіфоны и пр. Цѣны фабричныя. Торгованья снудка. Илюстр. преисъ-курantzъ выс. безплатно.

4-2 главный складъ и контора: № 331
Въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая, № 40

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ—хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.
Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ, а также принимаетъ заказы отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изысканой работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бѣдъ-этажъ, между Большою и Малою Морскою. № 32:8 (9)

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

озабочивалось облегченіемъ пути въ Иерусалимъ и на Афонъ для православныхъ паломниковъ, нашло возможнымъ брать за проѣздъ:

I классъ.		II классъ.		III кл. жел. дор. и Шл. на парох.		III классъ.	
Съ про-дов. на парох.-дѣ.	Безъ про-воль-дѣ.	Съ про-дов. на парох.-дѣ.	Безъ про-воль-дѣ.	Съ про-дов. на парох.-дѣ.	Безъ про-воль-дѣ.	Безъ про-доль-ствія.	Безъ про-доль-ствія.
Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Коп.
—	—	—	—	183	126	62	50
Отъ СПбурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одессу:							
Отъ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу	305	230	215	160	172	115	46 50
Отъ Кіева чрезъ Одессу	250	170	175	120	158	101	33 —
Отъ Воронежа чр. Таганрогъ . .	270	180	200	130	186	118	38 —
Отъ Воронежа чр. Орелъ, Кіевъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47 —
II. До Афона и обратно:							
Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ . . . . . 45 р.							
Отъ Кіева чрезъ Одессу въ III классѣ . . . . . 32 р.							
Отъ Одессы въ III классѣ . . . . . 22 р.							

Паломническія книжки для проѣзда продаются:

Въ С.-Петербургѣ: у о. протоіеря В. Я. Михайловскаго, Вознесенскій просп., д. церкви Вознесенія, и у С. Д. Лермонтова, Манежскій пер., 7.
Въ Тромце-Сергіевской лаврѣ: у о. Агапіта, въ Новой гостиницѣ.
Въ Москвѣ: у священника о. Р. Г. Срѣтенскаго, Большая Никитская, д. церкви Вознесенія.
Въ Кіевѣ: у преосвященнаго Геронима, Енисковъ Чигиринскаго, въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіеря П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго собора; у о. іеромонаха Аванасія, въ Лаврской гостиницѣ.
Въ Воронежѣ: у о. игумена Платона, въ Митрофаніевомъ монастырѣ.
Въ Перми—у Аркадія Александровича Малѣева.
Въ Назани: у В. И. Заукайлова, въ своемъ домѣ.
Въ Одессѣ: у М. И. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревского.

Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.

Для желающихъ получить билетъ 3-го класса только на перѣздъ моремъ, „Русское Общество Пароходства и Торговли“, по предѣленіи заграничнаго наместника, выдаетъ билеты, до Яффы и обратно, отъ Одессы и Севастополя за 24 руб., отъ Таганрога за 29 руб. и отъ Батума за 28 руб.

Православное Палестинское Общество проситъ за необходимыми свѣдѣніями и объясненіями, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, обращаться еще: въ Одессѣ: къ протоіерю Александру Николаевичу Курдюкову, въ Университетѣ; въ Константинополѣ: къ Іосифу Петровичу Юговичу, главное Агентство Русскаго Общества Пароходства и Торговли. № 3379 3-1 Р. № 3383 Пушкинскій, 4. 5-1

НОВЫЕ РИСУНКИ АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ

для вышиванія лобзиковъ, цѣна по 1 руб. съ пересылкой за серію изъ 12 листовъ. I-я и II-я серія разсылаются. Магазины.

4-2 **Бр. ЛИНДЕМАНЪ.** Ц. № 3364
Москва, Мясницкая, домъ Ферстеръ.

ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖЪ:
Усовершенствованныя **НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ**
съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.

Цѣна бѣло-лакированныхъ 8
„ темно-полированныхъ 8 50
Почт. къ нимъ: Альбомъ I и II по . . . 30
Альбомъ III новый 50
За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Прейсъ-курantzъ всѣмъ инструментамъ безплатно.
Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 3386 (1)

МЪХА, ШУБЫ

и всевозможн. мѣхов. вещи въ болѣебольш. выб. по цѣнамъ доступн. каждому, можно получать въ мѣховомъ магазинѣ

23. СУРИНА 23.
Невскій проспектъ, Гостин. дв., верхн. гал., № 23. № 3384

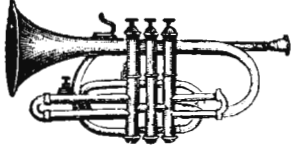
4711

О-ДЕ-КОЛОНЪ.

самаго высшаго качества, можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскихъ товаровъ.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО у **АЛЕКС. ТИСЪ** и К^о.
Пушкинскій, 4. 5-1

ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ, ЛЮБИТЕЛЕЙ И АРТИСТОВЪ.

Скрипки отъ 2 1/2 до 200 руб.
Смычки отъ 50 к. до 63 р.
Скрипки малого размера для дѣтей, отъ 2 1/2 до 40 руб.
Виолончели отъ 25 до 800 руб.
Виолончели малого размера для дѣтей отъ 15 до 50 руб.
Корнетъ-а-пистонъ отъ 18 до 275 р.
Флейты отъ 3 до 175 р.
Английское концертно по удешевленнымъ цѣнамъ, отъ 24 до 260 руб.; а также всѣ другіе музыкальные инструменты хорошаго качества по умѣреннымъ цѣнамъ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ—безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное дело № 3388
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

ТЫСЯЧИ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ВЪ ВѢРНОЕ СРЕДСТВО

ЭКСИКАТОРЪ

БЫВОДИТЬ СЫРОСТЬ, ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ДЕРЕВО ОТЪ ГРИБКА, ГНИЕНІЯ И ВСЯКОЙ ПОРЧИ, ЗАСТУПАЕТЪ МАСЛЯНЫМЪ КРАСКИ — БРОШЮРА НЕОБХОДИМАЯ ДЛЯ ВЛАДЕЛЬЦЕВЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ФРАНКО — БЕЗПЛАТНО.

ИНЖ. ТЕХН. ГРИТЕРЪ — ВАРШАВА.

НОТЫ

для фортепіано, пѣнія, фисгармоніи, скрипки, виолончели, флейты, корнета, для всѣхъ другихъ инструментовъ и для оркестра въ огромномъ выборѣ и въ **ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ** рекомендуетъ № 3357 2—2

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ специальный магазинъ для нотъ.
С.-Петербургъ, Волы. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
Каталоги высылаются безплатно.

НОВОСТЬ!

Американскія металлическія лампы **ГЛІЧКОКЪ** безъ стекла.

Свѣтъ сильнѣе, блѣтъ и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается огромная экономія устраненіемъ постоянно лопающихся и бьющихся стеколъ. Лампа вся металлическая, излито никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и управляется какъ обыкновенная лампа. Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1 1/2 копейки въ часъ. Полное ручательство за доброту и долговѣчность лампы.

Цѣна съ пересылкою и упаковкою въ Европѣйскую Россію:
Столовая . . . . . 12 руб.
Висячая . . . . . 15 руб.
Сѣнная . . . . . 15 руб.

Съ колпачкомъ и колпачкомъ на 3 р. дороже.
Цѣны въ Азіатскую Россію на 4 р. дороже.
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372

Ж. БЛОКЪ.

С.-Петербургъ, В. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбургъ, Соборная улица.

„ЦАРЬ-КОЛОКОЛЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КАЛЕНДАРЬ-АЛЬМАНАХЪ
1889 г.

Вышелъ изъ печати и предлагается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Годъ III-й. Цѣна **45 коп.**, съ пересылкою **65 коп.**

Гг. иногородніе платятъ за 3 экзempl., выписываем. непосредственно отъ издателя: Москва, Брѣсговъ пер., д. Андреева, **1 р. 80 к.**

съ наложеннымъ платежомъ.

№ 3378

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новымъ, оригинальнымъ и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника **Л. П. СЕРГѢЕВА.**

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПб.

Цѣна въ издѣн. литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Альбомъ этотъ отличается изиществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена крайне умѣренная, **1 р. 25 к.**, а съ пересылкою **1 р. 60 к.**

Требованія проситъ адресовать: въ С.-Пб.—г., въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ЕДИНСТВЕННЫЙ СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ СТАЛЬНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

въ Россіи собственной фабрики, удостоенъ 40 сереб. и золотыми медалями,

А. О. БРАБЕЦЪ

42 СПб. Большая Морская, 42.

въ Москвѣ — Столешниковъ переулокъ, 4.

Рекомендуетъ огромный выборъ столовыхъ, кухонныхъ, перочинныхъ, дорожныхъ, охотничьихъ ножей, кнжаловъ, бритвъ и пр. индѣйской стали, замка собственнаго изобрѣтенія.

Громадный выборъ садовыхъ ножей, ножницъ, пилъ и прочихъ садовыхъ инструментовъ. Мт. № 3370 2—2

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ УСТАВЪ О ПИТЕЙНОМЪ СБОРѢ

(по новому изданію 1887 года), полный въ 2 томахъ, въ сжатомъ изложеніи, со всѣми циркулярами, инструкціями и прочими распоряженіями и касационными рѣшеніями Сената, съ приложеніемъ формъ книгъ, образцовъ записей въ книгахъ, расчетовъ, актовъ и проч., и таблицъ для вычисленія акциза по 9/4 и за градусъ. Изданіе карманнаго формата, цѣна 2 р. 50 к. Въ коленкорномъ переплетѣ, цѣна 3 р. въ 2 томахъ 3 р. 50 к.

Выписывающіе книги отъ издателя **Ф. А. Куманина** (Москва, Большая Никитская, д. Нѣмчинова) за пересылку не платятъ, и выписывающіе заразъ не менѣе 10 экземпляровъ какой-либо книги, на каждыя 10 экзempl. ея, получаютъ 1 экз. той же книги безплатно. П. № 3375

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, **1 р. 50 коп.** но безъ пересылки.

Пров. **КИНУНЕНЪ.**

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе **двухъ флаконовъ.**

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (35) № 2946

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

для гувернантокъ рекомендуетъ наставницъ и гувернантокъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. За справками просить обращаться отъ 1 часа до 4-хъ часовъ пополудни, въ Торговую, домъ 15, кв. 58. № 3197 15—9 Комитетъ.

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ!

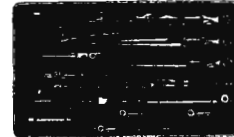
Коллекціи, избранныя заведеніемъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ чайныхъ, розогтаныхъ, моховыхъ и прованскихъ розъ, съ пересылкою: 100 сорт. за 35 р., 25 сорт. за 10 р., 12 сорт. за 5 руб. Минскъ, губернское садовое заведеніе Н. Н. Голеницына. Наставленіе къ уходу и каталоги высылаются по полученіи семикопѣечной марки.

ГОТОВЫЯ ДАМСКІЯ ВЕЩИ.

Р. № 3374
Ю. ФЛОРАНЪ,
С.-Петербургъ.
18, Большая Морская.

ГОТОВАЛЬНИ

и отдѣльн. инструм. для рисованія.

Изъ желтой мѣди отъ 2 руб. 40 коп.

Концы напихъ циркулей округлены и не портятъ бумагу. Всѣ наши готовальни проверены и приготовлены къ немедлен. употребленію.

Е. КРАУСЪ и Комп.

Парижъ, Avenu de la Republ., 4.
Складъ для Россіи:
въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 40.
Иллюстр. прейсъ-курантъ высылается безплатно. Р. № 3362 2—2

ЦѢНА ТОЛЬКО 10 р. с.

ПЕРЕНОСНЫЙ ТЕЛЕГРАФНЫЙ ЗВОНОКЪ.

Электрическ. батарея, въ полномъ составѣ и по новейшей конструкціи, помещена въ ящикъ, къ которому придѣлана весьма рационально и вѣрно-дѣйств. система звонковъ. Электр. проволока сообщ. съ батареею, и можетъ быть проведена—безъ вреда для стѣнъ—чер. комнаты и корридоръ, пройдя по угламъ или дверямъ изъ одного помещенія въ другое; а пуговка, придѣл. къ концу проволоки, прикрѣпляется на желаем. мѣстѣ. Такимъ образомъ, ходящ. въ сост. устроитъ въ нѣсколько минутъ домашнее телеграф. сообщеніе. Болѣе точная свѣдѣнія безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДЪ

у Казанск. м., д. № 30—16, входъ съ Екст. № 3378 кан., въ С.-Петербургѣ. 7—1

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ три раза быстрѣе пера. Прочной и простой конструкціи. Катал. безплат. Многочисленные отзывы отъ желан. дор., присутств. м., адвокатовъ и пр. Москва, Кузнецкій м. д. **Ж. БЛОКЪ,** Голыцины. СПб., В. Морская, 21. Р. № 3373

XIX т.
№ 40

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XIX
1888

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЯСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 1 октября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну нонпарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петер-
бургъ 4 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 5 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе
города Россіи 6*) р.
За границу, съ перес. . . . . 8 р.
*) Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ,
а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи
на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать
на укупорку и пересылку ея 60 коп.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКИЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ 1888 г., съ 33 гравюрами и отд. листъ съ 32
чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 30 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Игра въ шахматы. Картина Ф. Бухгольца (выставка Имп. Акад. Худ. 1888 г.), грав. Шюблеръ.

Бригадирская внучка.

Московская быль

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Шель 1771 годъ. Июль мѣсяць былъ на исходѣ и въ Москвѣ стояла очень жаркая лѣтняя погода.

Первопрестольная переживала тяжелый, страшный въ лѣтописи ея существованія годъ. Еще зимой появились первые признаки, а весной разразилась надъ городомъ страшная кара Господня. Это былъ, по выраженію народа, бичъ Божій. На Москвѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе.

Чума вырывала жертвы свои ежедневно и ежечасно, усиливаясь съ каждымъ днемъ. Начавъ весною съ десятковъ, теперь въ лѣтніе мѣсяцы она уносила людей почти сотнями въ день.

Въ столицѣ была полная неурядица. Все что было людей съ достаткомъ, не только дворяне, но и богатые купечество, зажиточные мѣщане — все еще съ весны бѣжало изъ Москвы. Оставался преимущественно простой народъ.

Многія изъ властей московскихъ тоже бѣжали. Примѣръ показалъ самъ генераль-губернаторъ, фельдмаршалъ Салтыковъ. Старикъ, почти восьмидесяти лѣтъ, ради страха смерти уѣхалъ въ свое подмосковное имѣніе, Марѣино, самовольно покинувъ свой постъ.

За его отсутствіемъ, власть принялъ въ свои руки сенаторъ Еропкинь, человекъ дѣятельный, энергическій, смѣлый и умный. Онъ раздѣлилъ тотчасъ столицу на участки, назначилъ вездѣ отдѣльныхъ временныхъ начальниковъ или комиссаровъ. Началась правильная, упорная борьба съ „матушкой чумой“. Но видно она уже давно расходилась не на шутку, время было упущено и теперь стало не подѣ бороться съ ней.

Всѣ подмосковные монастыри стали карантинными, куда отправляли людей изъ зачумленныхъ домовъ. Вездѣ гдѣ оказывался чумовой покойникъ, всѣхъ жильныхъ запирали въ домѣ, запрещая имъ всякія сношенія. Въ случаѣ непослушанія отправляли ихъ насильно въ карантинъ.

Народъ волновался все болѣе. Всякіе нелѣпые слухи, ходившіе въ городѣ, легко поднимали чернь на всякое буйство. Болѣе всего были озлоблены москвичи на докторовъ, а равно и на властей, якобы потворствовавшихъ докторамъ. Говорили, что не чума виновата, а доктора подкуплены кѣмъ-то чтобы морить православный народъ.

Предположеніе это, въ которое твердо вѣрила вся московская чернь, основывалось главнымъ образомъ на томъ обстоятельстве, что въ эти дни въ Москвѣ почти не было русскихъ врачей. Всѣ паличные медики въ первопрестольной были исключительно нѣмцы, поляки или жида. Даже главныя медицинскія власти города — и тѣ были почти безъ исключенія иноземцы всевозможныхъ странъ. Главный докторъ всей Москвы, начальникъ всѣхъ больницъ, „штатъ-физикусъ“, былъ нѣмецъ фонъ-Гиндеръ.

Въ лѣтніе мѣсяцы были уже нѣкоторыя улицы и переулки заставленные рогатками, такъ какъ все населеніе ихъ вымерло, всѣ дома были заколочены, а проѣздъ среди зачумленныхъ домовъ изъ предосторожности запрещался. Разумѣется, были дома и домики, изъ которыхъ населеніе все выѣхало или бѣжало. Были и такіе, гдѣ умерло не болѣе двухъ человекъ, а всѣхъ остальныхъ забрали и отправили въ карантинъ за городъ.

Такъ или иначе, но всѣ улицы стояли пустынные, дома съ закрытыми ставнями, ворота и калитки заколоченныя досками.

Въ одномъ изъ переулковъ близъ Арбата было, именно, полное безлюдье, хотя рогатокъ еще не поставили, такъ какъ въ числѣ двухъ десятковъ домовъ, уже заколоченныхъ, еще оставалось домовъ пять, гдѣ жили обыватели.

Посреди этихъ немногихъ уцѣлѣвшихъ, въ ярко выкрашенномъ голубою краской домикѣ съ расписными ставнями, жило еще цѣлое семейство, которое матушка-чума до сихъ поръ обходила. Небольшой деревянный домикъ съ четырьмя оконцами на улицу, съ десяткомъ такихъ же оконцевъ во дворъ и въ маленькій садикъ, принадлежалъ арбатскому купцу-лавочнику.

Домъ этотъ нанималъ уже года три офицеръ въ отставку, поручикъ Артемій Никитичъ Филисовъ, съ женой, семнадцатилѣтней дочерью и пятнадцатилѣтнимъ сыномъ. При нихъ было человекъ три-четыре дворовыхъ людей.

Поручикъ Филисовъ былъ въ исключительномъ положеніи, и не смотря на бѣдную обстановку, на мѣщанскій бытъ, его знала вся Москва, и вельможная, и чиновная.

Его родной отецъ, бригадиръ Никита Артемьевичъ Филисовъ, былъ хорошо извѣстенъ не только всей Москвѣ, но и Петербургу. Бригадиръ жилъ широко и открыто, на боярскій ладъ, въ собственныхъ своихъ палатахъ у Никитскихъ воротъ.

Единственный же сынъ его, поручикъ Артемій Филисовъ, съ двумя дѣтьми ютился въ маленькой квартиркѣ въ переулкѣ. Здѣсь, въ ялти горницахъ размѣстился кое-какъ самъ Филисовъ, жена его, дочь, сынъ и люди. А тамъ, въ большомъ каменномъ домѣ бригадира былъ онъ одинъ, да при немъ жила его двоюродная сестра, пожилая, но красивая вдова. Тамъ въ домѣ было до двадцати-пяти пустыхъ покоевъ и горницъ.

Разумѣется, поручикъ Филисовъ былъ извѣстенъ всѣмъ ради своего отца. Филисовы отецъ и сынъ были теперь если не въ полной ссорѣ, то въ размолвкѣ. Причина этой размолвки была по времени и обычаю очень серьезна.

Поручикъ Филисовъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, безъ позволенія и безъ благословенія родительскаго обвинчался съ дѣвушкой, которую полюбилъ. Дѣвушка эта была дочерью просвирни сосѣдняго прихода. Послѣ такого срамнаго событія бригадиръ, конечно, не пожелалъ видѣть сына и объявилъ его лишеннымъ наследства.

Въ теченіе шести лѣтъ Филисовы не видались между собой. Бригадиръ, не смотря на хлопоты и суеты всѣхъ друзей и знакомыхъ простить молодого офицера, упорно продолжалъ не допускать къ себѣ ни ни сына, ни его семью.

Наконецъ, черезъ шесть лѣтъ послѣ своей свадьбы Филисовъ-сынъ, окончательно погибая безъ средствъ къ жизни, почти нищенствуя, обратился съ просьбой къ начальству. Генераль-губернаторъ заинтересовался судьбой молодого человекъ. Снова принялись всѣ за бригадира — и тотъ уступилъ. Онъ повидался съ сыномъ и невѣсткой, позволилъ имъ пріѣхать вмѣстѣ съ дѣтьми. Всѣ пробыли у бригадира часа два, не болѣе. Никита Артемьевичъ объяснилъ сыну, что будетъ давать ему на прожитокъ четыреста рублей въ годъ, то есть средства къ безбѣдному существованію. Затѣмъ бригадиръ подарилъ невѣсткѣ Агафѣ Филипповнѣ дворовую женщину въ мамушки для дѣтей, а сыну двухъ дворовыхъ людей, лѣтъ по двадцати, для услугъ.

Видаться съ сыномъ и его семьей бригадиръ не изъявилъ согласія и объяснилъ, что когда будетъ какая нужда, то сынъ можетъ заглянуть, свое дѣло пояснить.

Съ этого дня Филисовы, нанявъ квартиру по-просторнѣе, жили бѣдно, но по крайвей мѣрѣ были сыты и одѣты. Разумѣется, изъ года въ годъ, пока подростали дѣти, Филисовы надѣялись, что отецъ положитъ гнѣвъ на милость; каждый годъ мечтали они, что переѣдутъ въ большой и богатый домъ бригадира.

Но годы шли, въ палатахъ Никиты Артемьевича распоряжалась всеѣмъ красивая двоюродная сестрица, „соломенная“ вдова, а Филисовъ со своей семьей кое-какъ существовалъ, перебивался, кочуя изъ одной наемной квартиры въ другую.

Когда дочери Филисова, Клеопатрѣ, которую все звали уменьшительнымъ „Клѣна“, минуло двѣнадцать лѣтъ, бригадиръ предложилъ сыну отдать внучку къ нему въ домъ, дабы возможно было дать ей дворянское воспитаніе. Но Филисовъ на это не согласился, и Клѣна осталась въ домѣ родителей.

— Отецъ будетъ нищенствовать, а дочь въ золотыхъ каретахъ кататься! сказалъ онъ. — Это не рука.

И поручикъ, наоборотъ, предложилъ отцу взять сынишку, мальчугана умнаго и шустрого; но бригадиръ отказалъ въ свою очередь. До него уже доходили слухи, что мальчуганъ - внукъ въ мѣщанской обстановкѣ своихъ родителей велъ такую жизнь, вращался въ такой средѣ, что сталъ всеѣмъ шатунъ-мальчишка, умѣвшій только озорничать на улицѣ и на сосѣднихъ дворахъ и огородахъ.

Не смотря на стѣсненныя средства, Филисова все-таки сумѣла дать кое-какое воспитаніе своей дочери. Клѣну училъ грамотѣ приходскій дьячокъ. Дѣвочка была отъ природы чрезвычайно способная, умная, смѣлая, даже, пожалуй, чересчуръ бойкая. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была очень красива и умѣла нравиться всеѣмъ.

II.

Такъ прошло время. Теперь Клѣнѣ пошелъ уже семнадцатый годъ и она уже сама сумѣла составить себѣ въ Москвѣ кругъ знакомыхъ.

Поручикъ Филисовъ и его жена, за послѣднее время совершенно болѣзненные, сидѣли безвыходно дома. Самъ Филисовъ, которому было около тридцати восьми лѣтъ, казался на видъ гораздо старше. Ему можно было дать около пятидесяти. Жизнь тяжелая, скучная, съ безвыходною бѣднотой, а главное, полная униженій, конечно, повліяла на него. За послѣднее время у него появился даже тотъ порокъ, который часто является у русскаго человѣка отъ горя, праздности или незадачи въ жизни. Филисовъ началъ пить и на него изрѣдка нападалъ запой.

При этомъ все знакомые и сосѣди отъ души жалѣли поручика, объясняя его порокъ несчастною обстановкой и виня во всемъ богача и упряма бригадира.

Агафья Филипповна Филисова вслѣдствіе своихъ недуговъ проводила большую часть дня въ постели. Только часа по два въ день она сидѣла у окошечка, занимаясь оглядываніемъ прохожихъ и проѣзжихъ. Лѣтомъ при отворенномъ окнѣ она останавливала всякаго идущаго опросами. Такимъ образомъ вскорѣ Агафья Филипповна знала въ лицо и по имени не только всю свою улицу, но и прилегающіе переулки. Вмѣстѣ съ тѣмъ она знала все, что творится во всемъ околоткѣ, кто какъ живетъ, кто съ кѣмъ хлѣбъ-соль ведетъ или враждуетъ, кто на что надѣется.

Въ то-же время мальчуганъ, которому было теперь уже пятнадцать лѣтъ, пропадалъ по цѣлымъ днямъ изъ дому, бывая Богъ вѣсть гдѣ, явшааясь Богъ вѣсть

съ кѣмъ. Родные часто журили сына, иногда заирали его на дворѣ въ чуланъ, но добиться ничего не могли. Определить его куда-либо на службу было еще рано, да и тотъ экзаменъ, который требовался для поступленія хотя бы въ полкъ, юноша сдать, конечно, не могъ. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Тотъ мѣстный дьячокъ, который обучалъ чему могъ барышню Клеопатру Артемьевну, давно уже отказался отъ ея брата, Филиппа Артемьевича, объясняя, что онъ кромѣ гоньбы голубей, игры въ бабки и свайку или швыряня каменьевъ чрезъ сосѣдскіе заборы, ничѣмъ не въ состояніи заняться. Филиппъ началъ съ тринадцати лѣтъ дружить и водиться со всякимъ подозрительнымъ людомъ. Въ послѣднее время городскія власти уже два раза обратили вниманіе его отца на какіе-то неблаговидные поступки. Наконецъ, чума и смутные дни въ Москвѣ должны были окончательно разнудать молодца.

Одновременно Клѣна сумѣла по немножку завести себѣ много знакомыхъ. Она была пріятельницей многихъ барышень, своихъ сверстницъ, часто бывала во многихъ московскихъ дворянскихъ домахъ, гдѣ гостила по нѣскольку дней, изрѣдка навѣдываясь домой. Вслѣдствіе этого за послѣдній годъ Клѣна среди совершенно мѣщанской, бѣдной и грязной обстановки своихъ родителей казалась какъ бы чужою для нихъ, приличною барышней, дочерью родовитыхъ дворянъ. Даже все сосѣди въ улицѣ съ почтеніемъ звали ее „бригадирская внучка“, какъ бы игнорируя ея родныхъ.

Знакомые же Клѣны предпочитали изъ тщеславія называть или представить ее кому-либо подъ этимъ именемъ бригадирской внучки, чтобы не сказать что она дочь полунищаго поручика полевой команды, женатаго вдобавокъ на „просвирненской“ дочкѣ.

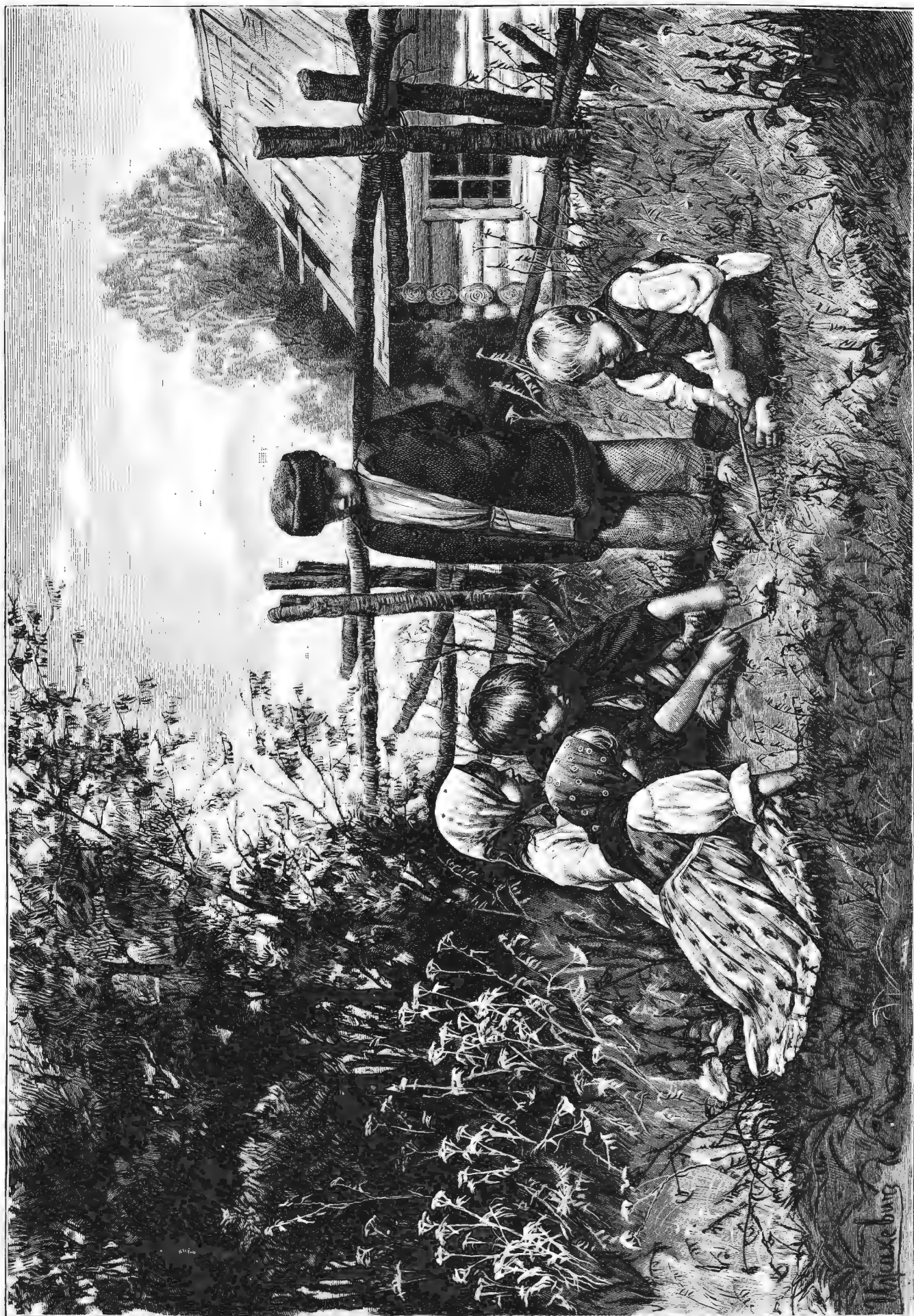
Братъ и сестра не были дружны. Филиппъ, хотя былъ моложе Клѣны на два года, пользовался, разумѣется, гораздо большею свободой. Но на него бѣдная обстановка, отсутствіе всякаго воспитанія и сѣренькое житье-бытье подѣйствовали губительно. Теперь между братомъ и сестрой не было уже ничего общаго, и дѣвушка гнушалась мальчугана.

Клѣна вела себя примѣрно, скромно и разумно, какъ подобало бригадирской внучкѣ и родовитой дворянкѣ по происхожденію; братъ же ставился всеѣмъ отличнѣе озорникомъ и шалуномъ. Няня звала его: Полуночникъ.

Лѣтомъ Клѣну часто приглашали ея друзья къ себѣ въ деревню, подъ Москвою или далѣе, и чѣмъ дольше гостила дѣвушка, тѣмъ, конечно, тяжелѣе ей было возвращаться въ родительскій домъ. Тѣсно и тоскливо казалось ей въ трехъ маленькихъ горницахъ, гдѣ лежала больная мать, какъ-то отупѣвшая и отъ обстановки, и отъ образа жизни, и гдѣ, съ другой стороны, изрѣдка бывалъ пьяный отецъ, являвшійся изъ сосѣднаго питейнаго дома, лохматый, испачканный, въ растерзанномъ видѣ.

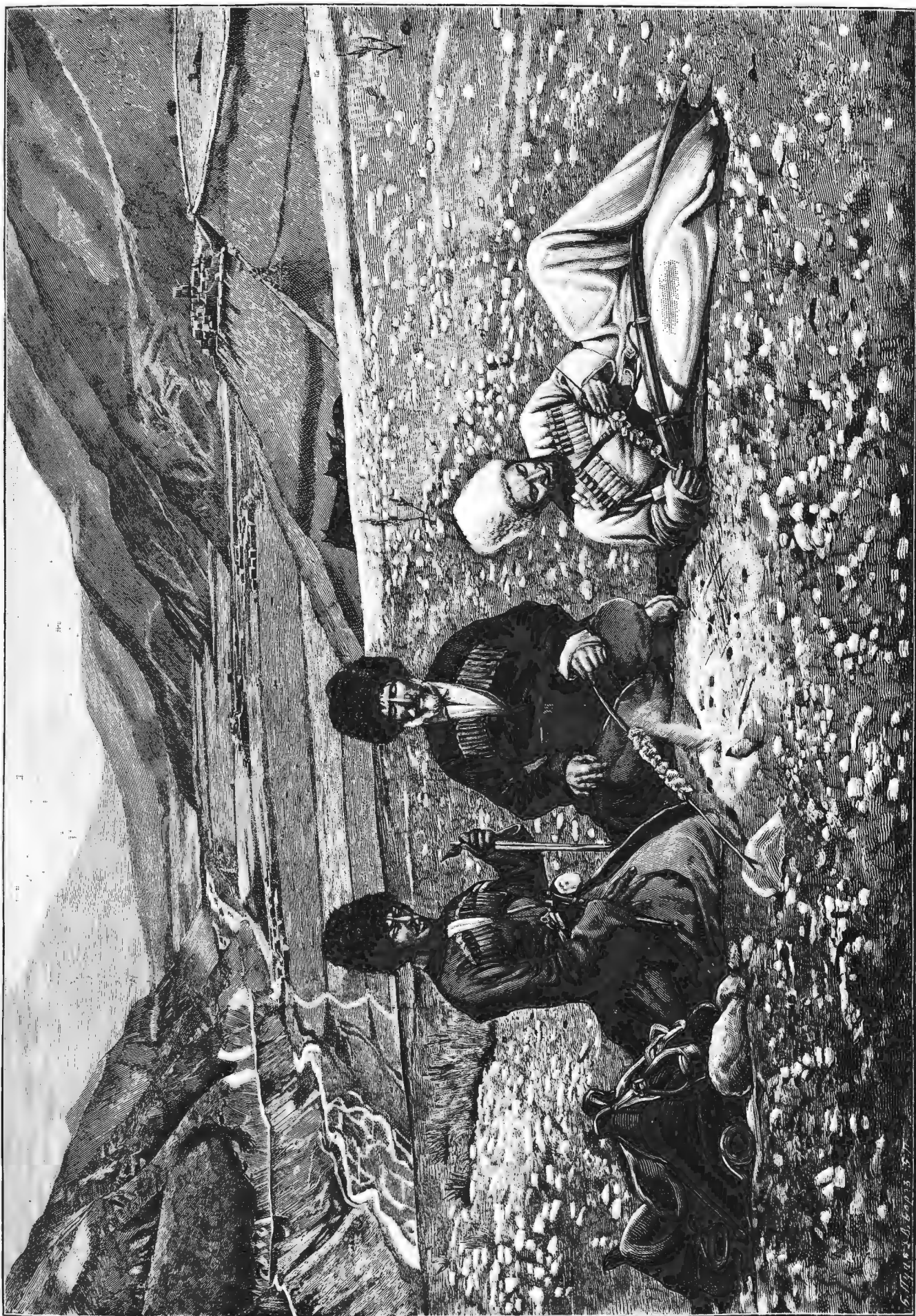
Вмѣстѣ съ Клѣной, постоянно сопровождал ея повсюду, бывала и мамушка, подаренная когда-то бригадиромъ и теперь обожаемая ею Ариша или Арина Матвѣевна. Умная женщина, насколько могла и умѣла, обучала уму-разуму свое дитятко и наставляла какъ вести себя въ обществѣ.

Благодаря именно вліянію Арины Матвѣевны, ея постояннымъ хлопотамъ, Клѣна и могла завести свой кругъ знакомства. Когда Клѣнѣ исполнилось еще только четырнадцать лѣтъ, Арина Матвѣевна уже вездѣ, всеми правдами и неправдами, старалась, чтобы ея ненаглядное дитятко проникло въ какой-нибудь хорошій дворянскій домъ. Арина Матвѣевна отправлялась впередъ развѣдчикомъ, знакомилась съ людьми, съ мамушками, дружилась, и затѣмъ уже начинала свои подкобы, свою

Жучице-то накой! Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Игнатьевича, грав. Шюблеръ.

Шашлыкъъ. Ориг. рис. (собств. "Нивы") Юмудснаго, грав. Пудъ и Бергъ.

атаку, добиралась до барина или до барыни, печаловалась на судьбу семьи Филисовыхъ, жаловалась на скареда и кровопийцу бригадира, горевала надъ судьбою своей питомицы.

Копчалось тѣмъ, что заинтересованные разсказами Арины Матвѣевны дворяне желали повидать барышню, а затѣмъ уже Клѣна легко могла „постоять за себя“. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, что дѣвушка въ первый разъ переступала порогъ какого-нибудь дома, ее уже всѣ любили въ немъ и приглашали постоянно.

Случалось даже раза три, что нѣкоторые семьи дворянскія совѣтовались съ Ариной Матвѣевной, нельзя-ли какъ высвободить Клѣну изъ ея семьи, переманить къ себѣ и взять на воспитаніе. Но это было невозможно. Филисовъ продолжалъ надѣяться, что когда-нибудь бригадиръ смирится духомъ, проститъ ихъ окончательно, и если Клѣна найдетъ хорошаго и выгоднаго жениха, то бригадиръ, какъ бы лишившій сына всего состоянія, удѣлитъ что-нибудь на приданое своей ни въ чемъ неповинной внучкѣ.

Такъ подошелъ страшный чумовой годъ.

Среди весны, на Пасхѣ, съ Клѣной, гостившею въ одномъ богатомъ боярскомъ домѣ, гдѣ она была особенно близко знакома и любима, случилось маленькое происшествіе, весьма много значившее въ жизни бригадирской внучки. На одной изъ вечеринокъ Клѣна встрѣтилась съ молодымъ офицеромъ, звенигородскимъ помѣщикомъ.

И до сихъ поръ были молодые люди, которые ухаживали за Клѣной, которые даже отчасти нравились ей самой, но однако никогда еще ничего не случилось, какъ казалось ей, „особеннаго“. Тутъ же, при знакомствѣ съ молодымъ офицеромъ, Клѣна сразу почувяла что-то, прочла нѣчто въ его глазахъ. Вдругъ и ей, а равно и ему самому сказалось въ ихъ отношеніяхъ нѣчто особенное.

— Суженые! говорить въ этихъ случаяхъ народъ.

За послѣднее время Клѣна чаще всего бывала въ семьѣ Зиновьевыхъ, гдѣ была лишь одна дочь, дѣвочка, гораздо моложе Клѣны.

Хотя маленькая Катя Зиновьева не могла по годамъ своимъ быть ей пріятельницей, тѣмъ не менѣе Клѣна съумѣла добиться того, что дѣвочка полюбила ее до страсти.

Въ данномъ случаѣ схитрившая дѣвушка поступала по совѣту своей умной няни Арины Матвѣевны.

Изъ всѣхъ домовъ московскихъ, за которыми теперь ухаживали москвичи, особенно выдавались двѣ семьи: графа Ивана Григорьевича Орлова и Зиновьева, женатаго на Орловой. Такъ какъ госпожа Зиновьева приходилась родною теткой могущественнымъ вельможамъ Орловымъ, то знакомство съ нею было полезно для всякаго. Умная мамушка Арина Матвѣевна сообразила, что для Клѣны весьма важно сдѣлаться любимицей въ домѣ Зиновьевыхъ.

Объясняя это своему дитяткѣ, Арина говорила:

— Ужь когда-когда, а гляди, будетъ отъ этого прокъ. Мало-ли что въ жизни приключиться можетъ. А они люди въ Москвѣ знатные и черезъ своихъ петербургскихъ вельможныхъ сродственниковъ люди сильные.

Когда подошло лѣто, Клѣна, бывавшая у Зиновьевыхъ всю зиму, уже стала первой любимицей госпожи Зиновьевой. И вотъ однажды у нихъ она встрѣтила молодого красиваго офицера Наполеяго полка.

Николай Козляниновъ, такъ звали молодого офицера, былъ средней руки дворянинъ, помѣщикъ Звенигородскаго уѣзда. Всей родни на свѣтѣ была у него только старая мать, жившая безвыѣздно въ своемъ домѣ въ Звенигородѣ.

Козляниновъ былъ малый красивый, добрый и немного робкій въ обращеніи, будучи отъ природы тихаго дѣвичьяго нрава. Это послѣднее обстоятельство

отражалось, впрочемъ, далеко неблагоприятно на его внѣшности: онъ былъ высокаго роста и плечистъ, а скромное дѣвичье личико, блѣое и румяное, при его мощной фигурѣ, придавало ему смѣшной, отчасти даже глуповатый видъ.

Бойкая чернобровая Клѣна, слегка худощавая и небольшого роста, была совершенною противоположностью этого офицера. Быть-можетъ именно благодаря этому внѣшнему и внутреннему различію они и должны были быстро и легко сойтись.

Козлянинова въ домѣ Зиновьевыхъ принимали радушно, считая его даже дальнимъ родственникомъ. Онъ явился въ Москву весной, въ отпускъ изъ своего Наполеяго полка, стоявшаго въ одномъ изъ уѣздовъ московскихъ, и хлопоталъ по дѣлу. У его матери была долгодѣтельная тяжба.

Зиновьевы своимъ авторитетомъ въ Москвѣ помогали молодому человѣку и дѣло ладилось. Онъ долженъ былъ выиграть тяжбу. Но съ того дня, что онъ встрѣтилъ въ домѣ родственниковъ хорошенькую „бригадирскую внучку“, какъ ее всѣ называли, Николай Козляниновъ пересталъ заниматься своимъ тяжбынымъ дѣломъ. Сразу и всецѣло побѣдила его дѣвушка и онъ былъ поглощенъ заботами не судейскими, а любовными, думая все время о томъ, какъ бы опять гдѣ-либо встрѣтиться или провести вечеръ съ Клеопатрой Артемьевой Филисовой.

Послѣ нѣсколькихъ такихъ вечеровъ Козляниновъ, не скрывая своего чувства отъ Зиновьева, попросилъ совѣта: какъ быть въ этихъ неожиданныхъ для него и новыхъ обстоятельствахъ.

— Что же, отозвался Зиновьевъ,— дѣло хорошее, Филисовы живутъ въ бѣдности, почитай въ нищетѣ, но дѣвушка Клѣны богачъ, другъ графа Ивана Орлова и сосѣдъ его. Какъ онъ ни вертись, а въ концѣ концовъ все его состояніе перейдетъ двумъ внукамъ, Клѣнѣ и ея брату.

Собравъ всѣ свѣдѣнія о семьѣ Филисовыхъ, объ ея родныхъ, а равно и объ ихъ дѣдѣ-бригадирѣ, Козляниновъ съѣздилъ въ Звенигородъ и объяснился съ матерью.

Старушка очень обрадовалась, что ея единственный обожаемый сынокъ собирается жениться на московской барышнѣ.

— Если у ней мать просвиренская дочь, то за-то дѣвушка бригадиръ!

Разсудивъ такимъ образомъ, Анна Ильинишна Козлянинова дала свое согласіе и благословеніе, и обѣщала даже пріѣхать въ Москву сама сватать своего сына.

Козляниновъ порѣшилъ прежде всего познакомиться съ Филисовыми, побывать у нихъ нѣсколько разъ въ домѣ, а затѣмъ, уже зная навѣрно, что родители Клѣны взглянутъ на его намѣреніе благопріятно, выписать старуху-мать.

Однажды Клѣна объявила своимъ родителямъ, что тотъ самый молодой офицеръ, котораго она видала у Зиновьевыхъ и о которомъ мамушка Арина Матвѣевна успѣла уже кое-что передать барышнѣ, желаетъ явиться къ нимъ въ гости.

Филисовы, конечно, были очень рады, что выискался наконецъ женихъ для дочери, дворянинъ, офицеръ и вдобавокъ дальній родственникъ извѣстнаго въ Москвѣ Зиновьева.

Въ тотъ вечеръ, когда Козляниновъ долженъ былъ въ первый разъ явиться въ гости, нѣсколько часовъ сподрядъ въ маленькой квартиркѣ совершенно опустѣвшаго переулка шла нѣкотораго рода сумятица. Филисовы прибирались, чистились, готовились кое-какъ угостить ожидаемаго посѣтителя. Они побаивались отчасти, что молодой офицеръ, увидавъ ихъ бѣдную обстановку, пожалуй раздумаетъ. Арина Матвѣевна одна не боялась этого.

— Не изъ таковскихъ онъ, говорила она постоянно и Филисову и барынь.— Ужь я его какъ хорошо знаю! Дѣйствительно, Козляниновъ былъ давно первымъ другомъ Арины Матвѣвны. Съ ней онъ видался еще чаще чѣмъ съ Клѣной.

Арина Матвѣвна нашла возможнымъ уже съ мѣсяцъ бывать въ гостяхъ у молодого офицера, который занималъ одну комнату, у какого-то чиновника на Знаменкѣ.

Мамушка выдумала себѣ какое-то дѣло, о которомъ, конечно, не давала никакихъ объясненій, и ради этого дѣла ей приходилось часто проходить мимо квартирки офицера. Каждый разъ она заходила къ нему отдохнуть и просиживала часокъ, бесѣдуя съ Николаемъ Ивановичемъ.

Разумѣется, предметомъ всѣхъ бесѣдъ бывала всегда Клѣна. Мамушка съ первыхъ разовъ пояснила офицеру, что ея дитятко и замужество и думать нечего: и рано, и обстоятельства такія особыя. Убѣдивъ молодого человѣка, что она и ея дитятко совсѣмъ не думаютъ о замужествѣ, мамушка уже не стѣснялась бесѣдовала о своей питомицѣ какъ бы о совершенно постороннемъ человѣкѣ или какъ бы съ женатымъ человекомъ.

Арина Матвѣвна расиѣвала соловьемъ. По ея словамъ, конечно, не было на свѣтѣ подобнаго божества, какъ ея Клѣна. И красавица, и умница, и сердце золотое.

Разумѣется, Арина мамушка прежде всѣхъ узнала и убѣдилась, что чувство Козлянинова къ ея дитятку совершенно серьезно.

Теперь, когда ожидали въ домѣ Филисовыхъ гостя и намѣченнаго жениха, Арина Матвѣвна имѣла право сказать:

— Ужь я его знаю, какъ своего роднаго. Онъ не изъ таковскихъ, чтобы напужаться вашимъ горькимъ и тѣснымъ состояніемъ. Ему денегъ и не нужно, онъ самъ Звенигородскій помѣщикъ. И опять-таки онъ знаетъ, что дѣдушка Никита Артемьевичъ не безсмертный, прости Господи. Когда-нибудь да протянетъ ноги и все, что у него есть, вамъ достанется.

III.

Наконецъ предъ вечеромъ Козляниновъ явился въ квартиру Филисовыхъ. Если бы онъ былъ нѣсколько дальновиднѣе, то конечно увидѣлъ-бы, что за исключеніемъ Клѣны вся семья ея была для него въ качествѣ жениха не находкой. Не казиста была эта семья и съ виду.

Самъ отставной офицеръ Филисовъ, на видъ почти старикъ, отъ своего несчастнаго порока, казался человекомъ совершенно спившимся, болѣзненнымъ и глупымъ. Его красноватое лицо было какъ-то безжизненно. Онъ сидѣлъ вѣчно согнувшись, часто по нѣскольку минутъ сподрядъ глядѣлъ не сморгнувъ мутными блѣсоватыми глазами и разина ротъ, какъ бы не сознавая окружающаго. Изрѣдка онъ оживлялся—и въ немъ проглядывалъ прежній Филисовъ, сынъ порядочной и богатой семьи, прежній болѣе или менѣе блестящій офицеръ. Но затѣмъ снова спина его сгибалась, голова, замѣтно облысѣвшая, наклонялась на грудь, и снова смотрѣлъ онъ на Козлянинова бессмысленными глазами человека изнуреннаго запоемъ.

Козляниновъ слышалъ отъ Арины Матвѣвны, конечно вскользь и не въ подробностяхъ, что Филисову случалось пить по дѣлой недѣлѣ запоемъ, хотя пьянство его никогда не приводило къ буйству.

Мать Клѣны тоже была женщина на видъ невзрачная, не красивая, и хотя теперь при сравненіи съ мужемъ она казалась приличною барыней, но въ ней также изрѣдка проглядывало и сквозило что-то прежнее.

Когда оживлялся Филисовъ, въ немъ сказывался прежній благовоспитанный дворянинъ. Когда оживлялась Филисова, въ ней сказывалась прежняя умная, разбитная, самоувѣренная просвирненская дочка, получившая воспитаніе въ оградѣ приходской церкви, гдѣ и зиму и лѣто игрывала она съ дѣвчонками и мальчишками всего околотка. Благодаря именно этой бойкости, она сумѣла обворожить когда-то молодого Филисова и выйти за него замужъ.

Иногда при бесѣдѣ съ Филисовой недалновидный Козляниновъ все-таки замѣчалъ, что барыня, вѣроятно, прежде была ухарь-дѣвица, но не изъ благоприличныхъ. Во всякомъ случаѣ, крѣпостная мамушка Арина была гораздо приличнѣе самой госпожи Филисовой.

Наконецъ, третій членъ семьи, пятнадцатилѣтній малый, казавшійся на видъ восемнадцатилѣтнимъ юношей, грубоватый Филиппъ, сильно не понравился офицеру.

Онъ явился на нѣсколько минутъ въ гостиную, гдѣ всѣ сидѣли, развалились около матери, которая его обожала, ничего не говорилъ, не участвовалъ въ общей бесѣдѣ, но только по очереди смотрѣлъ каждому говорившему въ лицо смѣлымъ, отчасти нахальнымъ взоромъ. При этомъ онъ то зѣвалъ, то потягивался на креслѣ, какъ въ постели, то начиналъ насвистывать какую-то кабацкую пѣсенку. Нѣсколько разъ прервалъ онъ бесѣду Филисовыхъ съ гостемъ и сдѣлалъ два-три совершенно неумѣстные вопроса.

Такъ въ ту минуту, когда Филисовъ разговаривалъ съ Козляниновымъ о новыхъ распоряженіяхъ Еропкина по поводу карантинныхъ для зачумленныхъ, молодой Филисовъ вдругъ прервалъ ихъ разговоръ вопросомъ:

— А что, онъ часто собирается бывать у насъ? выговорилъ онъ, показывая пальцемъ на Козлянинова.

— Если ваши родители позволяютъ, отвѣчалъ Козляниновъ, нѣсколько смущаясь.

Но Филиппъ перебилъ его словами:

— Чего-же не позволить! Вотъ у насъ дѣвка невѣста, надо-же ее сбыть кому. Мы рады всякому, кто не женатъ, а холостъ.

Разумѣется, вся семья смутилась отъ этой грубоватой откровенности малаго; но, по счастью, онъ тотчасъ-же, зѣвнувъ нѣсколько разъ, надѣлъ свой картузь, подошелъ къ окну, побарабанилъ по стеклу и засвиставъ что-то вышелъ изъ горницы.

Только одна Арина Матвѣвна, сидѣвшая въ той-же комнатѣ въ уголку, вздохнула и головой покачала. Она одна изъ всѣхъ не боялась дурныхъ послѣдствій отъ свиданія Козлянинова съ семействомъ.

За то Клѣна боялась болѣе всѣхъ. Ей казалось, что Козляниновъ, по мѣрѣ того какъ сидѣлъ у нихъ и бесѣдовалъ, становился задумчивѣе. Умной Клѣнѣ чудилось, что молодой человекъ настолько неприятно пораженъ всею ихъ обстановкой, что Богъ вѣсть, выдержитъ ли его чувство эти испытанія.

Однако, къ великой ея радости, Козляниновъ попросилъ позволенія, придравшись къ какому-то пустому случаю, придти вновь на другой день.

Съ этого дня молодой офицеръ сталъ бывать у Филисовыхъ очень часто. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Арина Матвѣвна сумѣла такъ устроить, что молодые люди видались постоянно и въ церкви, и на бульварахъ, и на гуляньяхъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ перваго посѣщенія Козлянинова, онъ прямо объявилъ своей возлюбленной, что посылаетъ гонца за матерью, прося ее пріѣхать и официально сватать его.

Но вмѣсто этого Клѣна должна была просить своего „Колю“ обождать нѣкоторое время, такъ какъ ея мать хворала уже нѣсколько дней.

— Когда выздоровѣетъ, сказала Клѣна,—тогда ужь

отпишите вашей матушкѣ. А то маменька и принять ее не можетъ, лежитъ въ постели.

Въ эти страшные дни, когда моровая язва свирѣствовала съ ужасающей силой по всей Москвѣ, постоянно можно было наблюдать одно и то же удивительное обстоятельство.

Одни боялись черной смерти до безумія, до полной потери разума и смысла, бѣжали отъ чумы изъ города или, не имѣя возможности покинуть Москву, суетились и металась изъ конца въ конецъ, ожидая смерти при малѣйшемъ нездоровьи, три легкой головной боли и при легкой коликѣ. Иному, отъ страху, простое утомленіе казалось уже прицѣпившеюся къ нему чумою. Многие отъ страха чумы заболѣвали и умирали не чумой.

Но именно вмѣстѣ съ этимъ, рядомъ съ подобнаго рода людьми, были совершенно другіе, смотрѣвшіе кругомъ себя ребячески наивно.

Въ числѣ такихъ людей была и семья Филисовыхъ.

Въ ихъ переулкѣ уже оставалось не болѣе трехъ-четыреухъ домовъ, гдѣ жили обыватели; все остальное было пусто и заколочено. Ихъ переулокъ уже получилъ новое названіе, москвичи называли его „Мертвымъ“ и ими это долженствовало остаться за нимъ на вѣки. А между тѣмъ, одна Арина Матвѣевна изрѣдка качала головой и говорила господамъ:

— Нехорошее у насъ мѣсто, проклятое, чтоль. Больше чѣмъ гдѣ-либо мрутъ здѣсь. Что-бы вамъ собрать кое-какіе пожитки, да перебраться куда въ другой околотокъ. Вѣдь на нашихъ глазахъ вся улица вымерла или разбѣжалась. Кто на томъ свѣтѣ, кто за заставой Московской, а кто въ карантинѣ. Право-бы, лучше убраться вамъ.

Но на эти совѣты и замѣчанія Филисовъ тупо, съ полусонными глазами, отвѣчала матушкѣ вопросомъ:

— Куда? какъ? зачѣмъ?

И матушка должна была повторять сотый разъ все тѣ-же резоны.

Барыня, со своей стороны, на увѣщанія няни махала рукой и говорила:

— Полно, матушка, все судьба. Отъ смерти не уйдешь, куда ни бѣгай. Вона тутъ сколько народу перемерло, весь переулокъ пустой, а мы вотъ ничего.

Наконецъ, въ тѣ дни, когда Козляниновъ собирался уже послать гонца за своей матерью, Филисова заболѣла и лежала въ постели въ сильномъ жару. Вскорѣ начался бредъ, а семья, наблюдая за больной, удивлялась.

Всякій изъ нихъ повторялъ вопросительно

— Что это такое приключилось? Должно-быть зазнобилась, аль холоднаго квасу испила.

Если-бы не лѣтнее время, то пожалуй тотъ-же Филисовъ свалилъ-бы болѣзнь жены на угарь.

Живы въ зачумленномъ городѣ, гдѣ мерли сотни людей въ день, въ переулкѣ который былъ почти пустъ и назывался „Мертвымъ“, вся семья въ теченіе нѣсколькихъ дней не подумала, никому на умъ не пришло, что у Филисовой та-же самая чума.

Только черезъ недѣлю послѣ того, что барыня слегла въ постель и лежала уже вся въ темныхъ пятнахъ, безъ сознанія, съ тяжелымъ, горячимъ дыханіемъ, Арина Матвѣевна первая догадалась и ахнула. Она не произнесла слова „чума“, еще менѣе могла произнести московское прозвище „черная смерть“, но объявила Филисову и Кленѣ:

— Не хорошо, ахъ, не хорошо! И до насъ она добралась!

Разумѣется, открытіе поразило всѣхъ.

Болѣе всѣхъ перепугалась молодая дѣвушка и въ то же время ей стало стыдно за то чувство, которое сказалося на душѣ. Она испугалась, потому что мать въ опасности, почти при смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ испугалась еще болѣе мысли, что въ случаѣ ея смерти

они будутъ считаться зачумленными. Тогда они должны будутъ запереться въ своемъ домѣ, прекратить всякія сношенія съ окружающимъ міромъ, по строгому приказу начальства, или-же отправиться въ карантинъ куда-нибудь въ подмосковный монастырь.

Такъ или иначе, свиданія съ Козляниновымъ должны будутъ прекратиться.

Филисовъ, убѣдившись, что жена въ чумѣ и кончается, былъ страшно пораженъ и совершенно потерялъ рассудокъ. Опъ сидѣлъ на стулѣ около кровати жены и лицо его было безсмысленнѣе чѣмъ когда-либо.

Арина Матвѣевна предлагала барину послать за докторомъ, но Филисовъ отмахивался и говорилъ:

— Чтò тутъ! Какой докторъ! Докторъ уморить.

На предложеніе послать за священникомъ Филисовъ тоже отмахивался и говорилъ:

— Нѣтъ, зачѣмъ. Чтò священникъ? Да онъ и не пойдетъ. Они нынче бояться къ умирающимъ ходить.

Разумѣется, не прошло еще двухъ дней, какъ Филисова перестала дышать и была уже страшнымъ чумовымъ мертвецомъ.

Арина Матвѣевна прежде всего озаботилась сдѣлать то, чтò дѣлали всѣ москвичи, то есть скрыть настоящую болѣзнь, отъ которой умерла барыня. Но это ей не удалось. Молодой барченокъ изъ какихъ-то своихъ невѣдомыхъ видовъ первый объявилъ въ участкѣ о смерти матери отъ моровой язвы.

Тотчасъ появилась въ домѣ полиція, а вмѣстѣ съ ней два мужика одѣтые въ засмоленную одежду. Это были такъ называемые „моргусы“, которые, не притрогиваясь руками къ чумовому покойнику, крючьями стакивали его съ кровати въ подставленный гробъ. Если это былъ бѣднякъ, то его трупъ крючьями вываливался даже изъ дома на улицу, втаскивался въ телѣгу и увозился безъ гроба.

Послѣ ужасной процедуры похоронъ чумоваго покойника, которая наводила ужасъ на всѣхъ обывателей, семейству зачумленной было предложено или устроить свой собственный карантинъ въ домѣ, занерпиться и не сноситься ни съ кѣмъ въ городѣ, или отправиться въ карантинъ въ Донской монастырь.

Филисовы предпочли остаться въ своей квартирѣ. Къ нимъ былъ приставленъ солдатъ, который долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы они не выходили изъ дома и никого къ себѣ не пускали.

Разумѣется, несмотря на этотъ объявленный домашній арестъ и приставленнаго солдата, Филисовы продолжали изрѣдка отлучаться изъ дома, а равно и выпускали къ себѣ всѣхъ, кто не боялся войти въ домъ.

То же самое происходило во всей Москвѣ. Всѣ мѣры, которыя принимались властями противъ распространенія моровой язвы, не вели ни къ чему. Всѣ эти мѣры безъ исключенія встрѣчали противодѣйствіе въ населеніи. Нетолько ни кто не соблюдалъ карантиновъ, но даже когда кто заболѣвалъ въ домѣ чумой, то это тщательно скрывали отъ властей. Наконецъ, когда заболѣвшій умиралъ, то ради самосохраненія, чтобы не попасть въ карантинъ, чумоваго покойника хоронили тайкомъ, въ огородѣ или въ подвалѣ и въ случаѣ огласки клялись и божились, что у нихъ въ домѣ покойника никогда не бывало и что исчезнувшее лицо выѣхало изъ Москвы.

При этомъ болѣею частью ссылались на одну изъ заставъ, гдѣ пропускъ изъ столицы былъ свободенъ, по дорогѣ на городъ Ростовъ.

Всякій разъ, когда обыватели заявляли объ исчезнувшемъ лицѣ, что онъ выѣхалъ въ Ростовъ, начальство знало, что человекъ этотъ умеръ и гдѣ-нибудь тайкомъ похороненъ. И выраженіе: „выѣхалъ въ Ростовъ“ осталось на вѣки въ языкѣ, сохранивъ свой особый подразумеваемый смыслъ.

(Продолженіе будетъ).

Вечеркомъ. Ориг. рис. (собст. „Нивы“) Зощенко, грав. Шюблеръ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

ХІІ.

Бабушино горе, Марьюшкины слезы.

Воротясь въ Новгородъ, Лука Аввакумовичъ рѣшилъ, что ему слѣдуетъ побывать у старой посадницы и рассказать ей про встрѣчу съ Арбузьевымъ; тайкомъ, думалось ему, Василей Селифонтовичъ въ Москву сбѣжалъ.

„А какъ ѣхать-то?“ Лука себя спросилъ. „Аль очи скорбны и за всѣхъ скорбящи досель воспоминаются?“

И онъ, вздохнувъ, поникъ головой. Какъ будто и давно все это было; давно онъ при Кириакѣ краской зачернилъ тѣ очи, а въ явь-то они, ухъ! какъ давно видѣлись. Точно годы прошли съ тѣхъ поръ. Много было пережито душой за это время, оттого оно и долгимъ казалось.

„Аль и раньше я тѣ очи зрѣлъ?“ мечталось на яву Лукѣ. „Аль они передъ умнымъ ¹⁾ моимъ взоромъ всегда теплились, да въ явь-то только разъ мнѣ ихъ повидѣть случилось? А судьба, знать, Божій судъ... Оттого-то я тѣхъ очей забыть не могу, что была она моя сужена. Да. Сужена-то сужена, да не ряжена. Иной порядилъ ее въ жены себѣ, повѣнчалъ за себя на вѣкъ, а ему она не сужена. Уклонились отъ Божья суда, и мука пошла. И имъ вдвоемъ вѣковать, и мнѣ одинокому...“

На нѣкоторое время, а на долго-ли, и самъ Лука того не зналъ, мысли у него въ головѣ точно вовсе прекратились.

„А оттого и не сужена“, вновь самъ съ собой заговорилъ онъ, „что не достоинъ я. Жизнь прожилъ какъ попада. Метался, метался, во всѣ, скажи, стороны. И въ гуслирство бросался, и къ иконописи навѣкъ, и... и... да мало-ль куда не метался я! А ровно настоящаго, истаго и не было. Аль суета суетствій, всяческая суета, какъ Экклезиастъ каже?... Охъ, видно развѣ тамъ пристань будетъ, это „тихое и мирное пристанище“. Жизнь кончена, во монастырь пойду. У святыхъ воротъ всю суету съ себя сброшу, а и горю туда дорога заповѣдана, казапа...“

И Лука, вставъ, по комнатѣ прошелся.

„А по-что-жь мнѣ къ посадницѣ и не ѣхать?“ смѣлѣе онъ самого себя спросилъ. „Что очи-те? Такъ всегда-же, говорю, они передъ моимъ умнымъ окомъ теплились. И этому я вѣрую. Аль страшусь я, что вновь обуметь меня это павожденіе, что тогда-то чуть было не овладало мной? Такъ въ тотъ мигъ, какъ очи на иконѣ зачернилъ, и его вовсе изъ сердца выкинулъ. А мертвъ я нынѣ человекъ на красоту женскую. А духовному оку она не страшна. Нѣтъ въ сердцѣ соблазну, и очи тѣлесныя не то видѣть будутъ. А ѣду-же“.

Въ своемъ раздумьи, Лука и не подумалъ назвать Марью Александровну по имени; и того не пришло ему въ голову воспоминаеть-ли она о томъ, какъ открыла ему свои ревнивыя мысли.

Марья Александровна помнила весь свой разговоръ съ Лукой Аввакумовичемъ. И то какъ онъ по-братски за нею ухаживалъ, и то какъ шатнулся отъ нея и выбѣжалъ вонъ изъ комнаты. Съ той поры мысль о Лукѣ въ ея душѣ крѣпко перевилась съ ревнивою думою. Когда ей своя судьба казалась горька и она вспыхивала гнѣвомъ на своего Васеньку, Марья Александровна думала о Лукѣ. Онъ для нея былъ истый мужъ; таковъ, какимъ слѣдуетъ быть всякому. И разумень, и добръ, и сердцемъ горячъ, и вдобавокъ сдержанъ, волей твердъ. За такимъ-то мужемъ и она-бы жила счастливо. Не

¹⁾ Умный—въ смыслѣ: душевный, умственный. Умный взоръ, умная молитва.

знала-бы злой ревности, и не стыдилась-бы въ душѣ за мужа. Но когда мысль дальше шла, когда въ грезѣ она чуть-ли уже не обвѣнчана съ нимъ была, то въ головѣ у нея начинало двоиться: голубила и ласкала она не этого желаннаго мужа, а своего дорогого Васеньку.

— Охъ! и люблю-жь я его, а опъ-то, опъ-то меня за тридевяты!..

Случилось, что Марьюшка словила себя на этой двойственной думѣ. И устыдилась, и почла за великій грѣхъ.

„Какъ-же это я въ началѣ не примѣтила?“ совѣщалась она сама съ собой. „Выходитъ, что любовь моя раздвоилась. У того душа хороша и сердце великое, а душой-же и сердцемъ я къ нему прильпилась. А у этого, у Васенько-то что оставалось? Аль одна красота тѣлесная?“

И Марья Александровна наединѣ съ собой, краской со стыда вспыхнула, и стала бранить себя и усовѣщивать. Успокаивала она себя тѣмъ, что ея Васенька еще молодъ, не возмужалъ душой. А у того-то много было пожито, и видано, и слыхано, и въ книгѣ читано, и въ головѣ думано. До всего этого и Васенька дойдетъ въ свое время. Вотъ ужъ тогда-то она начнетъ любить его!..

Но того времени приходилось ждать, а пока, какъ ни бранила себя Марья Александровна, все въ мысляхъ двоилась и мучалась.

Васенька, казалось ей, въ послѣднее время ходилъ какъ-бы потерянный, и поласковѣй къ женѣ сталъ.

„Знать, обжегся тамъ“, злорадно думала жена, но не жалѣла мужа и сердцемъ къ нему не располагалась.

И Марья Александровна искала „тихаго и мирнаго пристанища“. Только оно иначе передъ ней брежжилось, чѣмъ предъ Лукой. Ждала она великаго вѣшняка горя; то горе придетъ нежданно, негаданно. Грозно обступитъ оно со всѣхъ сторонъ домъ посадницынъ, и негдѣ будетъ искать имъ помочи. И сколько ни звони другихъ, никто извнѣ не откликнется. Тутъ-то, ища другъ у друга утѣшенія, и они съ мужемъ сживутся сердцемъ и слюбятся. Эта мысль о вѣшнемъ горѣ слѣдовала за нею всюду, и чуть она задумывалась, какъ начинала точно вдаль всматриваться: не виднѣется-ли гдѣ это желанное горе, хотя-бы въ видѣ малого облачка, которое затѣмъ разростется въ громадную тучу.

Такъ-то поживала изо дня въ день Марья Александровна. Не зная ея душевной жизни, одни завидовали ея житью сладкому да богатому, а другіе считали его холоднымъ и мертвеннымъ. „Знамо, въ животѣ живутъ, о животѣ только и думаютъ“, говорила Настасья Григорьевичева про домовитыхъ замужнихъ женщинъ съ той поры, какъ сама стала великою вдовой новгородскою. Темны очи человѣческія, оттого имъ и чужая душа кажется потемками.

Васенька Дурневъ послѣднее время дѣйствительно ходилъ какъ потерянный; меньше шутилъ и рѣже зубоскалилъ надъ другими. Марья Александровна вѣрно угадала, что онъ обжегся.

Василей Ѳедоровичъ не могъ забыть того сладкаго сна, какъ онъ цѣловался съ Настасьей Петровной, а своя жена показалась ему за чужую женщину. И чаще всего этотъ сонъ приходилъ ему въ голову, когда онъ сидѣлъ въ обширныхъ Настасьиныхъ сѣняхъ. Бѣда ему была оставаться вдвоемъ съ Григорьевичевой, а это случалось всякій разъ, какъ старая посадница, добывъ важную вѣсть, приказывала внуку шеннуть ее въ

ушко Настасьи Петровны, чтобъ никому не въ домекъ было, къмъ добыта та вѣсть.

Василей Ѳедоровичъ по новгородскому дѣлу сидѣлъ съ Настасьей въ ея горницѣ. Вечерѣло. Настасья, выслушавъ дѣло, задумалась. И хороша же она была въ задумчивости, склонивъ на бокъ голову и подперши ее согнутою пухлою ручкой. Залюбовался на нее Василей Ѳедоровичъ, и до того былъ жарокъ его взоръ, что Настасья, вздрогнувъ, невольно подняла на него свои мутнолукавые глаза.

— А что ты это, Василей Ѳедоровичъ, на меня такъ не хорошо воззрился? спросила она, оглядывая его всего съ головы до ногъ.

— Аль не знаешь ты? съ пыломъ Василей сказалъ. — А что сердце, ознобивъ, къ себѣ примучила, о томъ не сдогадалась?

— Что ты, что ты! полунѣжно, полусмѣясь отвѣчала вдова. — А этаки рѣчи какъ бы не къ лицу тебѣ.

— Это что ожененъ хожу? Такъ слово скажи..

Настасья не на шутку испугалась; не того, что по слову сбудется, а того что ей самой придется выйти изъ самодовольнаго дебелаго спокойствія.

— Охъ, грѣхъ какой! сказала она безъ особой мысли о грѣхѣ.

— А не твой, мой грѣхъ буде!

— Что ты, Василей Ѳедоровичъ! протянула вдова, обдумывая дальнѣйшую рѣчь. — И съ чего только тебѣ эти мысли пришли въ голову? а кажись бы я не такъ веду себя, чтобъ низко такъ обо мнѣ думать.

— А полно-ко, моей рѣчи не заговаривай! А думала-ль, нѣтъ-ли — то Богъ вѣсть, а только заронила ты своимъ взглядомъ заманчивымъ въ мое сердце малую искорку. Съ того оно по тебѣ разгоралось. Во снѣ-ль, на яву о тебѣ же думаю. Живъ не буду, добуду тебя. А силой-ли, ласкою, не знаю самъ...

И тутъ Василей словно шагнулъ къ ней хотѣлъ. Настасья Петровна, сидя, вся выпрямилась, и оттого выросла на цѣлую голову.

— Охъ, не люблю ужъ я, какъ ты этакъ-то предомной стоишь, брезгливо промолвила она. — А сядь-ко, сядь, Василей Ѳедоровичъ, а садись же ты, меня слушайся...

И Настасья при послѣднихъ словахъ, ласково посмотрѣла на Василья, и ему показалось что ея глаза то дошентали, чего не договорилъ языкъ. Глаза шептали: „а меня ты, бѣлъ голубчикъ мой, послушайся.“ И Василей покорливо тамъ сѣлъ, куда указывали Настасьины глаза.

— А не дѣвочка я молоденька, а и любовь-то эту мужьскую вѣдаю...

Не тѣ слова Настасья говорила, которыхъ ждалъ Василей.

— Знаю я съ чего ты меня отговариваешь! На иного внука посадничья заглядѣлася...

— На Кириака-тъ Андреевича? невиннымъ голосомъ и съ такимъ же невинно-сердечнымъ взглядомъ спросила Настасья и нѣжно при томъ улыбнулась, а кому — Богъ вѣсть.

— А попытай онъ лихъ, ужъ я съ нимъ управлюсь!

— Охъ! опять ты, Василей Ѳедоровичъ, взбудоражился, покачавъ головой сказала вдова, — аль тебѣ трудъ великъ меня слушати? А посиди-ко часочушко смиренхонько, а меня ужъ хоть черезъ силу послушайся...

И опять очи будто домолвили „мой миленькій“, и отъ этого взгляда Васенька снова усмирился.

— А жила я, Василей Ѳедоровичъ замужемъ не одинъ годъ, и доля замужняя довольно мнѣ вѣдома. А на прошлую жизнь не жалею, а только съзнаю эту канитель тянуть ни съ кѣмъ-то, вѣрь, мнѣ не охотится. — Тутъ Настасья Петровна помолчала. — А ужъ вновь не идти мнѣ во замужество не только за тебя,

принявъ на душу эту мысль смертогрѣховную, — холодно, умомъ, а не сердцемъ добавила она, — а ни за того Кириака Андреевича.

И, замолчавъ, Настасья какъ бы по привычкѣ оправила у себя поднизъ на головѣ и монисто на нѣжной шеѣ.

— Овдовѣвъ-то, Василей Ѳедоровичъ, я иной свѣтъ увидѣла. Знаю я теперь про себя, что стала я господарьней полною, а ничей-то на мнѣ нѣту волюшки. И всѣ-то меня понимаютъ такую же господарьней самовластною. А за мужемъ жила, въ терему-то сидя, ничего-то я не видѣла. А на ширахъ, хоть бы и великаго князя угощаючи, ничего я не слышала. У мужатыхъ женъ подвѣсками уши занавѣшены. — При этихъ словахъ Настасья Петровна поиграла серьгами самоцвѣтными. — А теперь, Василей Ѳедоровичъ, стала я господарьней; видна, скажи, на весь Новгородъ. Не хвастаю, что будто красна солнышка свѣчу Новгороду, а все же научалась приравнять себя къ ясной зоренькѣ¹⁾. А всѣмъ вѣдь вольно, на меня глядя, любоватися, для всѣхъ я равно свѣтла, а ужъ пригрѣвой мнѣ ничей не быть до-вѣку. Аль отъ такой-то жизни да вновь мнѣ въ мужнинъ теремъ лѣзть? Аль забыла я тамъ что? Да и дѣлать тамъ мнѣ нечего, развѣ предъ иконой лампадушкой теплиться? А тѣмъ утѣшаючись, что мужъ при моемъ же свѣтѣ Богу молится? Подумай-ко самъ.

Василей Ѳедоровичъ, точно закаменѣвъ, съ закаменѣлымъ же сердцемъ слушалъ эту рѣчь. Какъ замолчала она, ему въ голову будто холоднымъ вѣтеркомъ повѣяло.

— А прощай, Настасья Петровна! срываясь съ мѣста, рѣзко сказалъ онъ.

— А куда же ты? ровно ничего не случилось, удивилась Настасья. — А у меня для бабушки и отвѣтъ не сготовленъ.

— А что отвѣтъ! махнувъ рукой сказалъ Василей. — Не ступать моей ногѣ черезъ твой порогъ.

— А бабушка-то какъ же? засмѣялась Настасья Петровна. — Аль намъ открыть ей всѣ наши съ тобой тайности?

И она взглянула на Василья съ лукаво-вопросительной улыбкой, и глаза у нея свѣтло загорѣлись.

— А мнѣ безъ тебя, гляди, буде и скучнѣхонько! прибавила она вздохнувъ.

„Охъ!“ Василью подумалось. — „а станешь ты и впередъ меня такими заманками заманивать, а быть тебѣ отъ меня придуренной.“

Съ этого вечера и ходилъ Василей какъ бы потерянный, и зная свою вину передъ женой, старался быть съ нею поласковѣй.

Такъ вотъ что случилось съ тѣхъ поръ, какъ Лука Аввакумовичъ не былъ у старой посадницы.

Лука замѣтилъ, что посадница за это время какъ будто стала больше сутулиться и съ лица спала, отчего глаза у нея еще сильнѣе вырѣзались.

— Здравствуй, Лука Аввакумовичъ, привѣтливо сказала боярыня. — а давно ко мнѣ ты не жаловалъ.

— Въ отъѣздѣ былъ.

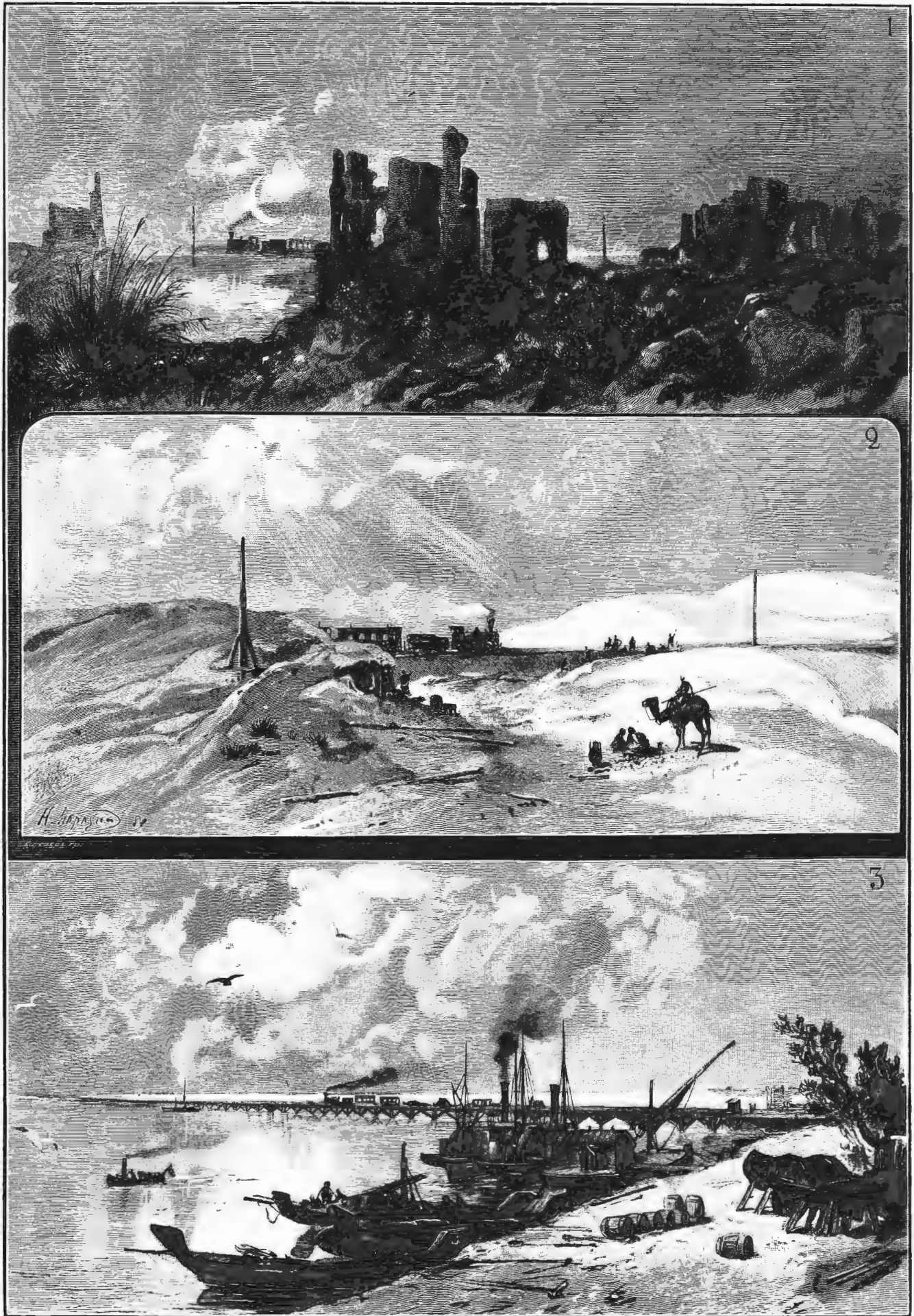
— Знаю что въ отъѣздѣ, только не о томъ говорю. И раньше сколько разъ я къ тебѣ позываю тебѣ моихъ ни посыловала, ни разу ты меня, старуху, навѣстити не удосужился.

Лука хотѣлъ было что-то сказать.

— И полно-ко, ужъ не оправдывайся. Есть это въ тебѣ, что отъ людей, ровно волкъ, хоронишься. А меня сторониться, гляди, и грѣхъ: не вовсе вѣдь ты мнѣ чужой.

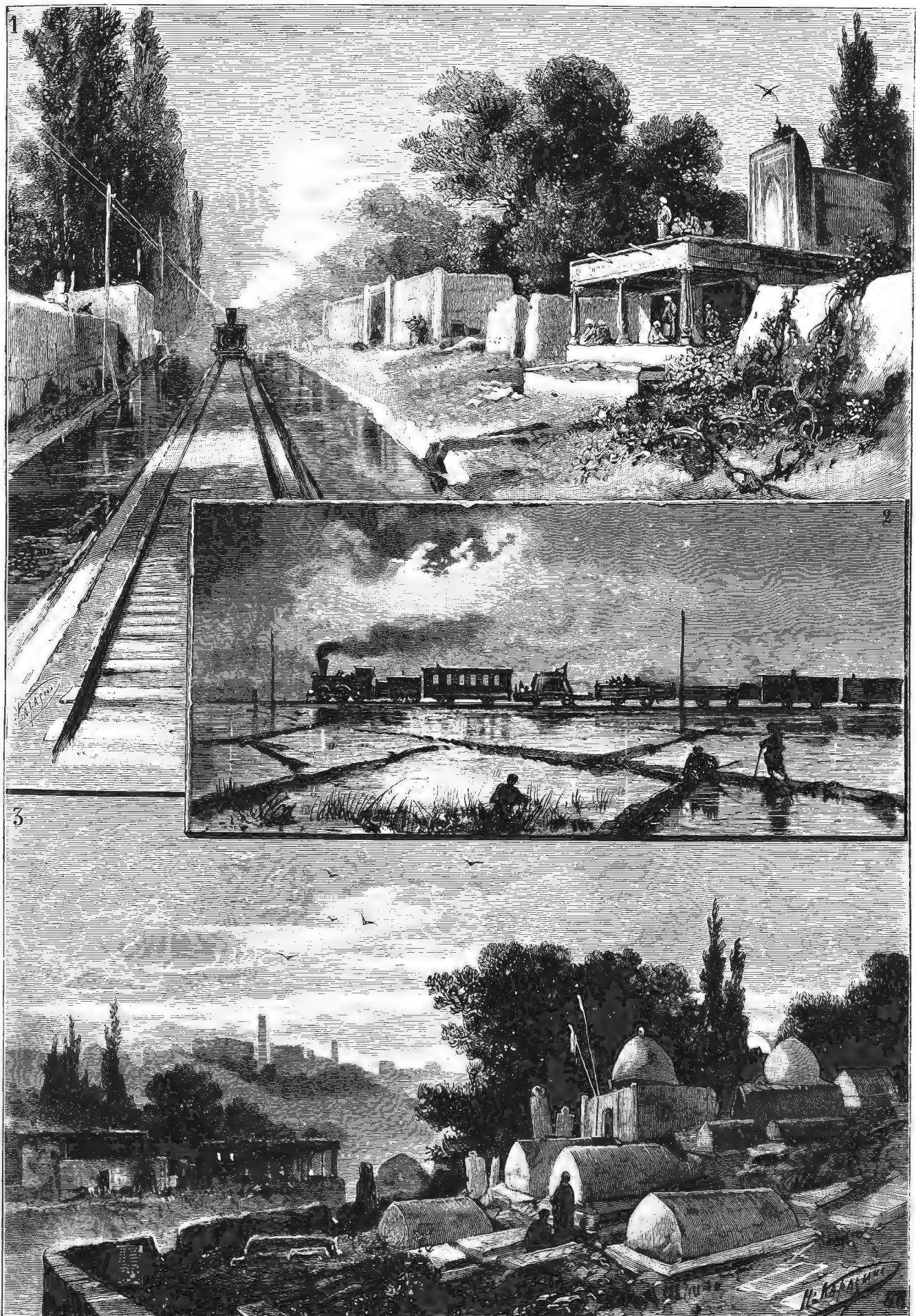
И старая посадница сосчиталась родствомъ съ Лукой чрезъ какихъ-то бабушекъ, тетусекъ и невестусекъ.

¹⁾ Къ утренней звѣздѣ. Солнце первоначально употреблялось въ женскомъ родѣ, согласно мнѣніемъ возрѣвающимъ.

На пути въ Индію. Ориг. рис. (собств. „Нивы“), Н. Каразина, грав. Флюгель.

1. Байрамъ-Али—развалины дремлаго Мерва. 2. Въ сыпучихъ пескахъ. 3. Мостъ черезъ Аму въ Чарджубъ.

На пути въ Индію. По долинь Заравшана. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Назина, грав. Рашевскій.

1. Бухарскій оазисъ. 2. Дамба по рисовымъ плантациямъ. 3. Бухара

— А хорошо ль съездил-то, Лука Аввакумович?
 — Далъ Богъ, ладнѣхонько... Охъ! встрѣтилъ я на дорогѣ Арбузевѣ нашего Васютушку.
 — Знать вовсе отъѣхалъ? сухо спросила посадница.
 — Аль знала ты?
 — Былъ вѣдь, прощался со мной.—И посадница хотѣла было разказать про свою обиду, да только рукой махнула.— А Богъ ужъ съ нимъ! Хоть любила я его, жаловала, а за чтò, про чтò, спросить ежели, сама не знаю; видно такъ ужъ попривыкли была: на глазахъ взростъ... А все жъ скажу, что отвалилось гнѣло яблочко червивенько, а кто подберет—не разлакомится.
 Посадница вздохнула, только не о томъ о чемъ сказала, а о томъ про чтò думала говорить дальше.
 — Такъ не лиха-та бѣда что въ Москву отъѣхалъ. Одно меня сомущаетъ. А скажи-ко ты мнѣ, Лука Аввакумовичъ: аль эта мысль московска до того всюду

насъ просочилась, до того во всѣхъ, какъ ржа въ желѣзную, вѣлася, что сумѣла путь найти и въ пусту голову Васильеву? Самъ ты сгадай: кто онъ былъ? А гнилушечка, ничевушечка. Вѣкъ свой пилъ да бражничалъ. Въ стары годы такъ бы и помереть ему. А нуль-ко, гляди Лука Аввакумовичъ, чуть вѣдь довелось ему покориться правдѣ новгородской, а ужъ въ дѣлѣ такомъ чтò Господь повелѣлъ, анъ въ Москву сейчасъ. Аль мы себя обманываемъ, что крѣпко стоитъ древо новгородское, аль насквозь все оно червемъ проточено? Аль у насъ замѣшались умы, и очи готовы глядѣть въ въ котору придется сторону: на Святую-ль нашу Сбѣю, аль на тоѣ Успенѣ московское? Скажи жъ ты мнѣ, а Лука Аввакумовичъ?

Лука вспомнилъ свою недавнюю, на заѣжемъ дворѣ педоконченную думу, и... оба помолчали.

(Продолженіе будетъ).

На пути въ Индію.

Н. Н. Каразина.

Письмо четвертое (съ 2 рис. автора).

(Окончаніе).

За Мервомъ всего одна станція, около двадцати верст; на громадныхъ разстояніяхъ тянутся развалины еще древнѣйшаго Мерва — Байрамъ-Али, раскинутыя на низменной мѣстности, изрѣзанной слѣдами когда-то богатаго, искусно устроеннаго орошенія. Фантастическую картину, особенно ночью представляющую желѣзнодорожный поѣздъ, стремительно мчащійся надъ этими молчаливыми развалинами, свидѣтелями страницъ отдаленнѣйшей исторіи Востока. Самая замѣчательная изъ развалинъ, это мечеть Султанъ-Санджаръ, изображенная въ полукругѣ на нашемъ рисункѣ въ № 39, стр. 965. За Байрамъ-Али вы уже въ преддверіи нескончанной, пустыни смерти. Эти пески, прорывавшіеся между бассейномъ Мургаба и Аму, тянутся почти вполнѣ до лѣваго берега послѣдней, оставляя только узкую береговую полосу зелени, результатъ вѣковой усидчивой борьбы земледѣльца, но уже земледѣльца не туркмена, а вѣчно осѣдлаго, культурнаго таджика. Первые пески начинаются черезъ двѣ станціи послѣ Байрамъ-Али, наибольшее развитіе ихъ достигаетъ у станціи Репетекъ; это слышныя подковообразныя песчаныя горы, медленно, но побѣдоносно двигающіяся по направленію господствующихъ воздушныхъ теченій.

Для энергическаго строителя дороги эти пески представляли рядъ невозможныхъ, казалось, непреодолимыхъ трудностей. Основываясь на точномъ и полномъ изученіи законовъ движенія песка (труды главнымъ образомъ нашего извѣстнаго ученаго геолога и путешественника И. В. Мушкетова), найдены были и средства противодѣйствія. Кромѣ того, обширныя разсадки растений, специально растущихъ въ пескахъ, не требующихъ поливки, прекрасно организованныя на главнѣйшихъ песчаныхъ станціяхъ, дающіе матерьялы для засадокъ, живыхъ изгородей, заслоновъ, неусынная бдительность надзора — все взятое вмѣстѣ дало побѣду надъ этимъ преніятелиемъ и провело ленту желѣзныхъ рельсъ прямо къ берегамъ Аму-Дарьи, къ цвѣтущему, роскошному оазису Чарджуйскаго берега.

Подъ вліяніемъ ягучихъ лучей южнаго солнца, продолжительнаго жаркаго лѣта, при необыкновенномъ плодородіи лѣссовой почвы, капля воды производитъ чудеса растительной силы; но дайте почвѣ эту каплю,—если же ея нѣтъ, та же сила убьетъ всякую жизнь, превратитъ все въ одну мертвую, сожженную солнцемъ пустыню. Поэтому границы культурныхъ зеленыхъ оазисовъ очерчиваются чрезвычайно рѣзко, особенно это замѣтно при вѣздѣ въ оазисъ Чарджуя. Еще, хвостъ всего поѣзда не вышелъ изъ мертвыхъ нескончанной, голова уже промелькнула мимо сочнаго виноградника, нырнувъ въ прохладную тѣнь роскошныхъ тутовыхъ деревьевъ. Самый городъ Чарджуя остается верстахъ въ шести справа; сквозь массы зелени окрестныхъ садовъ вы видите только гребни его высокой цитадели и башни воротъ; желѣзнодорожная станція и русскій поселокъ находятся на самомъ берегу рѣки, и васъ съ перваго раза при-

ятно поражаетъ видъ пароходныхъ мачтъ и трубъ, оживляющихъ широкую, многоводную рѣку.

Здѣсь жизнь кипитъ ключемъ — всюду толпы рабочихъ персовъ и солдатъ; то кладутъ рельсы на добавочныхъ и подвозныхъ путяхъ, то копошатся у береговыхъ сооружений, то закладываются обширныя фундаменты новыхъ, еще будущихъ зданій, грохочутъ и щелкаются буферами сотни вагоновъ, свистятъ паровыя свистки, тутъ солдатская удаляя шѣня, тамъ стройные звуки музыки, гортанная восточная рѣчь и т. д. Это среднеазіатское „Чикаго“, временная резиденція самаго строителя дороги; по ту сторону рѣки уже тянется новый, Самаркандскій, участокъ дороги, только что окончивающійся, а потому, по длинному граціозному деревянному мосту, перекинутому легкой нитью, черезъ четырехверстные разливы рѣки, поѣздъ за поѣздомъ, медленно, шагомъ, тянутся ряды вагоновъ, нагруженныхъ всевозможными строительными матерьялами.

У пристани лѣваго берега стоятъ два красивые, совершенно новенькіе парохода: „Царь“ и „Царица“, предназначенные для плаванія вверхъ по рѣкѣ до Керки (и даже Келифа) и внизъ до Петрово-Александровска. Кромѣ того, виднѣются еще нѣсколько частныхъ паровыхъ суденышекъ, легкихъ катеровъ и у самаго берега на причалахъ, вытянулись громадные бухарскіе и хивинскіе каики, со своими оригинальными кормами и носовыми частями. У станціи-же расположены два баталіона нашихъ войскъ въ прекрасныхъ казармахъ, обсаженныхъ деревьями; по близости уже образовался базаръ; также организованъ общественный клубъ, изрядный ресторанъ и даже гостиница съ палатками-номерами для пріѣзжающихъ. Обиліе тѣни, прекрасная вода, дешевизна произведеній почвы и ихъ разнообразіе дѣлаютъ жизнь въ Чарджуѣ вполнѣ сносною и комфортабельною даже для маленькихъ хозяйскихъ бюджетовъ; семейные элементы прішлаго населенія поэтому ноощряются и господствуютъ.

По ту сторону Аму-Дарьи тянется снова не широкая полоса мертвыхъ песковъ Каракуль, отдѣляющая бассейнъ Аму отъ бассейна Заравшана; здѣсь снова повтореніе борьбы искусства съ мертвою силою природы — и затѣмъ уже вполнѣ до самаго Самарканда дорога идетъ по непрерывному цвѣтущему оазису Заравшана, минуя Бухару, пересѣкая Ката-курганъ и остановившись наконецъ у самыхъ стѣнъ древнѣйшей столицы Тамерлана, средне-азіатскаго мусульманскаго Рима.

Станція Бухара помѣщена въ одиннадцати верстахъ отъ столицы ханства; въ Ката-курганѣ поѣздъ вступаетъ уже снова въ наши владѣнія, закрѣпленные за нами со времени бухарскаго похода 1868 года и покоренія Самарканда Константиномъ Петровичемъ Кауфманомъ, которому не довелось дожить до этого времени, не привелъ Богъ полюбоваться плодами его благотворной, административной дѣятельности.

Зависимость между муравьями и растеніями.

Несомнѣнно, что одно изъ наиболѣе интересныхъ явленій, съ которымъ насъ знакомитъ новѣйшее естествознаніе, заключается въ томъ, что часто очень различныя организмы, напр. растенія и животныя, оказываются во взаимной зависимости, помогая другъ другу въ борьбѣ за существованіе. Въ высшей степени это проявляется у цвѣтущихъ растеній и посѣщающихъ ихъ насѣкомыхъ. Пчелы, осы и др. двукрылыя, перелетая отъ цвѣтка къ цвѣтку съ цѣлью воспользоваться ихъ нектаромъ, вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно произвольно выполняютъ извѣстную цѣль, заключающуюся въ томъ, чтобы произвести пере-

крестное опыленіе или различныхъ цвѣтовъ одного и того-же растенія. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія Шпренгель подмѣтилъ это соотношеніе между растеніями и насѣкомыми и указалъ, что собственно нильцею большинства цвѣтовъ не оплодотворяется, а иногда даже не можетъ произвести оплодотвореніе. Затѣмъ появилось наблюденіе, что на нѣкоторыхъ цвѣтахъ тычинки и пестики созрѣваютъ въ различное время, чѣмъ совершенно исключается возможность самооплодотворенія элементовъ одного и того-же цвѣтка. Яркая окраска, запахъ и другія свойства развились при помощи естественнаго подбора, съ цѣлью

болѣе успѣшно привлекать къ себѣ уже издали насѣкомыхъ. Дарвинъ, выполнившій изъ пыли архивовъ изслѣдованіе Шпренгеля, дополнилъ и расширилъ собственными наблюденіями, вслѣдствіе чего не осталось никакого сомнѣнія въ вѣрности положеній перваго. Дарвинъ для доказательства высказанныхъ положеній покрывалъ часть луга, засѣяннаго бѣлымъ клеверомъ, густою сѣткою, петли которой были настолько мелки, что, не препятствуя доступу воздуха и свѣта къ растеніямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно исключали возможность приближенія насѣкомыхъ къ цвѣтамъ. Въ результатѣ оказалось, что только десятая часть всѣхъ цвѣтотъ оказалась оплодотворенною, между тѣмъ какъ тѣ-же растенія, росшія въ той же почвѣ, при совершенно тѣхъ же условіяхъ, но безъ сѣтки, принесли полное количество сѣмянъ. Тотъ же самый опытъ былъ повторенъ надъ фасолью, и Дарвинъ нашелъ, что покрытая сѣткою растенія не образовали ни одного сѣмени—и только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, подражая пчеламъ, переносилъ мягкою кисточкою пыльцу съ тычинки на пестикъ, образовались сѣмена. Эти опыты вполне выяснили роль насѣкомыхъ въ дѣлѣ оплодотворенія и открыли широкое поле для изслѣдованія въ нѣкоторыхъ цвѣтахъ приспособленій, благодаря специальному устройству которыхъ насѣкомыя, проникая въ чашечки цвѣтотъ за нектаромъ, не могутъ уйти не отплативъ растенію за эту пыну переносомъ на своемъ тѣлѣ его пыльцы на рыльце другаго цвѣтка. Самые чудесныя приспособленія такого рода обнаружены у орхидныхъ растеній Дарвиномъ, который изучилъ ихъ очень подробно. Всѣ эти и тому подобныя явленія среди отчаянной борьбы за существованіе представляютъ вообще удивительное зрѣлище въ томъ отношеніи, что видишь, какъ взаимная помощь ведетъ къ гармоническому сочетанію жизни двухъ особей. Вообще за послѣднее время обратили вниманіе на этотъ рядъ явленій и въ особенности на зависимость между муравьями и нѣкоторыми растеніями; выводы изъ этихъ наблюденій оказались очень интересными и дальнѣйшее изложеніе, поэтому, посвящаемъ этому предмету.

Уже давно лѣсоводы, лѣсничіе и другія близкія къ лѣсу лица, обратили свое вниманіе на то, что деревья, постоянно посѣщаемыя муравьями, застраховываются отъ нашествія прожорливыхъ гусеницъ, приносящихъ такой сильный вредъ. Поэтому, чтобы защитить наиболѣе цѣнные деревья отъ нападенія гусеницъ и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ, предлагали даже проводить полосы сахарнаго раствора, чтобы такимъ образомъ привлечь находящіеся по близости колоніи муравьевъ къ посѣщенію этихъ деревьевъ. Оказывается, что муравьи не терпятъ себѣ въблизи никакихъ конкурентовъ и храбро отстаиваютъ свои поля (какъ можно бы назвать эти полосы сахара) отъ всѣхъ непрошенныхъ гостей. Вооруженіе ихъ вполне достаточно для этой борьбы, а ихъ мужество и неустрашимость вѣроятно извѣстны всякому, кому только приходило въ голову какимъ-нибудь способомъ разрушать ихъ жилище, потому что единственное спасеніе отъ ихъ дружнаго нападенія можно найти лишь въ бѣгствѣ. Оказывается далѣе, что очень большое число растеній, какъ европейскихъ, такъ и неевропейскихъ, сознали пользу, которую имъ могутъ оказать эти маленькія насѣкомыя, а поэтому сами позаботились о томъ, чтобы извѣстными приспособленіями привлечь къ себѣ этихъ защитниковъ; одни выработали для нихъ удобныя жилища, другія привлекаютъ ихъ къ себѣ лакомыми кушаньями. Послѣднія выдѣляются специальными желѣзками—нектаріями, которые найдены у осины и нѣкоторыхъ другихъ тополевыхъ. Весною первые 2—3 листа осины, въ мѣстѣ, гдѣ черешокъ листа переходитъ въ пластину, имѣютъ два нектарія, выдѣляющіе сладкій сокъ съ жадностью поѣдаемый муравьями. Этимъ объясняется, почему рѣдко попадаются серебристый тополь безъ того, чтобы въ ближайшемъ съ нимъ сосѣдствѣ не находился муравейникъ. Шведскій ученый Лундштремъ утверждаетъ даже, что въ его отечествѣ ни одно дерево изъ тополевыхъ нельзя встрѣтить безъ сосѣдства съ муравьями. Да оно и понятно, говорить онъ далѣе, потому что эти насѣкомыя защищаютъ тонкіе листья вышеупомянутыхъ деревьевъ отъ нападенія множества вредныхъ насѣкомыхъ и ихъ гусеницъ, въ присутствіи муравьевъ не осмѣливающихся на нихъ появляться, подобно тому какъ мыши не могутъ показаться тамъ, гдѣ живетъ кошка.

Топольныя растенія не одни выработали эти желѣзистые органы, они встрѣчаются и у другихъ растеній; такъ у нѣкоторыхъ видовъ гороха (*Vicia sativa* и *V. faba*) ихъ можно найти на нижней поверхности прилистниковъ. Уже положеніе этихъ приспособленій ясно указываетъ, что предназначены они преимущественно для взбирающихся снизу насѣкомыхъ, тогда какъ цвѣты очевидно для тѣхъ, которые могутъ слетѣть на нихъ съ высоты. Притомъ, для того чтобы облегчить взбирающемуся наверхъ насѣкомому его поиски за нектаріями, они окрашены у видовъ гороха въ темнопурпуровый цвѣтъ.

Сообразно съ тѣмъ, какія затраты сдѣлало растеніе и съ какою заботливостью выработало оно нектаріи—и польза получаемая при ихъ помощи громадна, потому что, благодаря сладкому выдѣленію нектаріевъ, они привлекаютъ къ себѣ муравьевъ, которые являются лучшими ихъ охранителями отъ нападенія вредныхъ насѣкомыхъ. Такимъ образомъ устанавливается родъ товарищества, основанный на взаимной пользѣ. Въ па-

нихъ широтахъ зависимость между муравьями и растеніями только въ этомъ и заключается; но въ тропическихъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта встрѣчаются нѣкоторыя растенія, которыя служатъ постояннымъ мѣстомъ пребыванія нѣкоторыхъ видовъ муравьевъ, такъ что здѣсь мы имѣемъ не только товарищество, но и сожителство или, какъ это называютъ въ наукѣ, симбиозисъ.

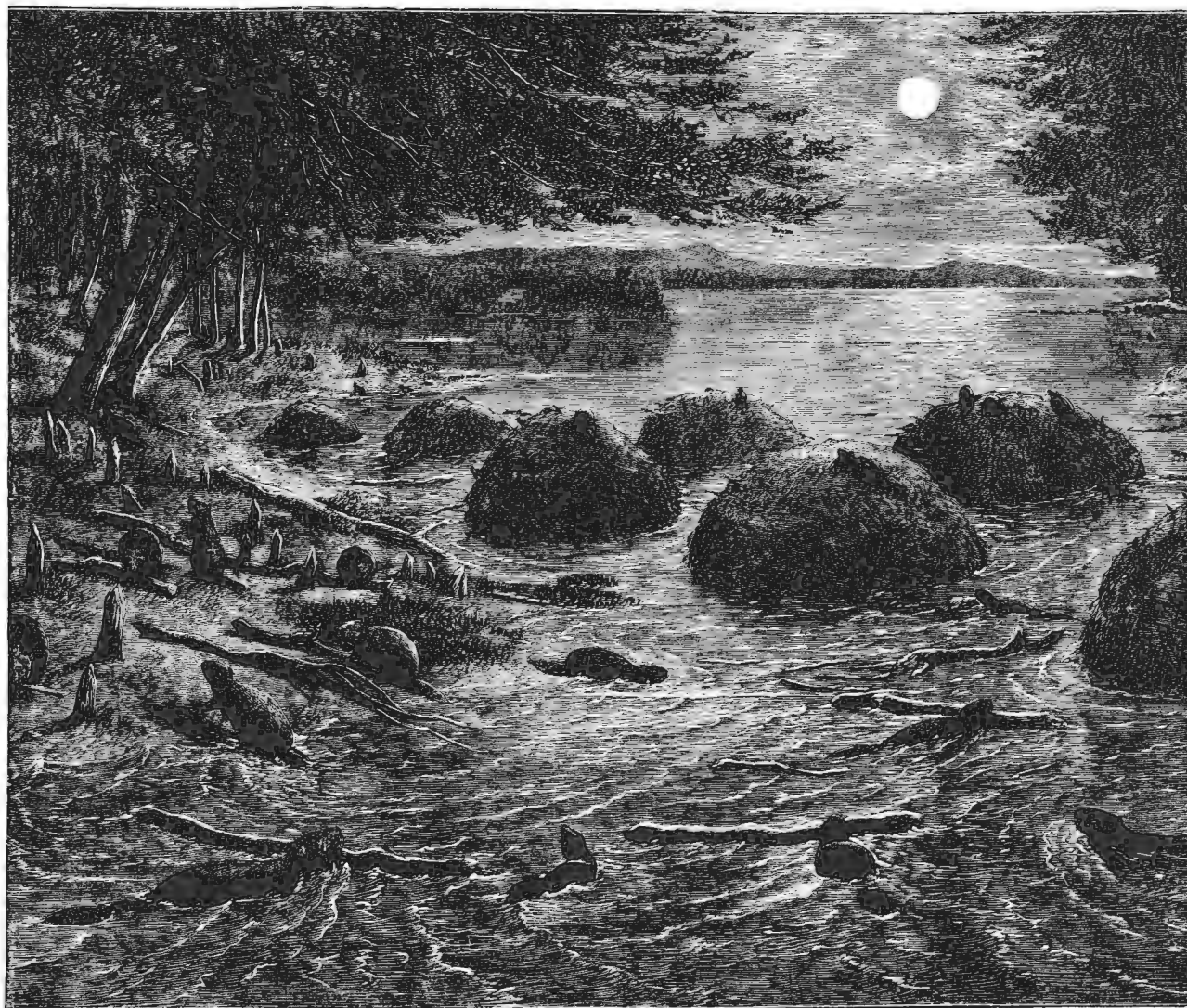
Представителемъ такихъ растеній-муравейниковъ является живущая на Явѣ и другихъ островахъ *Mumeoidea tuberosa*, родъ кустарника, ведущаго паразитную жизнь на деревьяхъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что ея стволъ, вообще очень сильно утолщенный, пронизанъ со всѣхъ сторонъ отверстиями, ведущими въ полости, которыя взаимно сообщаются. Всѣ эти полости постоянно служатъ жилищемъ одного очень маленькаго вида муравьевъ: *Pheidole javana*. При малѣйшемъ сотрясеніи человѣкомъ или какимъ-нибудь лающимъ животнымъ дерева, на которомъ растутъ вышеупомянутыя кустарники, тотчасъ изъ всѣхъ его отверстій появляются сотни тысячъ муравьевъ, причѣмъ едва удается спастись отъ ихъ нападенія. Изъ очень подробныхъ разъясненій англійскаго ученаго Форбза, попавшаго въ такое неприятное положеніе, можно заключить, что защита муравьевъ очень серьезна. За это растеніе дасть имъ помѣшеніе, вполне защищенное отъ всѣхъ неблагоприятныхъ измѣненій погоды, а можетъ быть даже и нищу внутри своихъ стволовъ. Что полости произошли не благодаря дѣятельности самихъ насѣкомыхъ, а являются нормальными образованіями растенія, въ которыхъ лишь впоследствии поселяются муравьи, на то есть подробныя изслѣдованія Трейба.

Недавно бонискій профессоръ Шимперъ изучалъ зависимость между растеніями и муравьями въ тропическихъ странахъ Америки, причѣмъ получилъ цѣлый рядъ очень интересныхъ результатовъ. Главнымъ образомъ предметомъ его изученія было бразильское растеніе *Cecropia adenopus*, растущее не только въ дѣвственныхъ американскихъ лѣсахъ, но и среди саваннъ внутри этой части свѣта. Это дерево отличается гладкимъ съ треугольными пятнами стволомъ, возвышающимся на короткихъ въ видѣ столбовъ воздушныхъ корняхъ. Вѣтки въ мѣстѣ прикрѣпленія къ стволу идутъ совершенно горизонтально, затѣмъ на разстояніи 2—3 футовъ круто поворачиваютъ наверхъ, отъ чего все растеніе по виду напоминаетъ канделябру. Стволъ внутри пустой съ вѣерообразными поперечными складками, причѣмъ постоянно заключаетъ въ себѣ муравьевъ, для которыхъ онъ какъ бы созданъ, и лишь стоитъ неосторожно толкнуть или начать трести дерево, какъ появляется безчисленная армія ея защитниковъ—муравьевъ (*Azteca* sp.). При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что для вылазки служатъ имъ маленькія круглыя отверстія, находящіеся около верхнихъ междузлій. Поэтому срубить такое дерево—дѣло не особенно пріятное, такъ какъ муравьи безпощадно устремляются на рабочихъ и лишь по прошествіи нѣсколькихъ дней ихъ можно оттуда выжить.

Однако этотъ воинственный гарнизонъ является для цекроніи очень полезнымъ, вполне защищая ее отъ нападенія одного вида муравьевъ, уничтожающаго листья (этихъ послѣднихъ муравьевъ нѣтъ въ Старомъ Свѣтѣ, поэтому и растенія не могли выработать приспособленія для своей защиты). Стоить только появиться такому вредному муравью на цекроніи, тотчасъ же онъ долженъ или удалиться или погибаетъ въ неравной борьбѣ съ муравьями-защитниками, такъ какъ они очень ревниво заботятся о томъ, чтобы это дерево не уступитъ другимъ. Здѣсь они являются вполне господами выгоды для себя положенія, при чемъ и растенія оказываются вполне приспособленными для радужнаго отношенія ихъ гостеприимства. Это особенно бросается въ глаза, если мы рассмотримъ способъ заселенія такого дерева. Оплодотворенная муравьиная самка, въсплѣтствіи дѣлающаяся царицею колоніи, пробуррываетъ себѣ въ верхней части ствола отверстіе, посредствомъ котораго попадаетъ въ лежащую тамъ пустоту. Скоро это отверстіе зарастаетъ и тогда она начнетъ класть яйца въ такомъ вполне замкнутомъ помѣщеніи. Затѣмъ, когда изъ яицъ выйдутъ рабочіе муравьи, они возстановливаютъ опять возможность сношенія съ наружнымъ міромъ, возобновляя отверстіе. При этомъ въ высшей степени замѣчательно, что царица пробуррываетъ себѣ отверстіе, чтобы попасть въ дерево, не въ любомъ, а въ строго определенномъ мѣстѣ у верхняго конца пустоты. Шимперъ, обратившій на это вниманіе, нашелъ также, что само растеніе помогаетъ такъ-сказать этому акту тѣмъ, что дѣлаетъ перегородку въ этомъ мѣстѣ очень тонкою, вслѣдствіе чего насѣкомому приходится преодолѣвать здѣсь очень незначительное препятствіе. О случайности здѣсь не можетъ быть и рѣчи, а потому это образованіе придется отнести къ столь перѣдимымъ въ природѣ явленіямъ приспособленія. Разсматриваемое нами дерево идетъ въ этомъ отношеніи еще далѣе, потому что, кромѣ жилья для своихъ дорогихъ гостей, оно даетъ еще имъ вкусную пыну, выдѣляя ее на верхушкахъ необитаемыхъ вѣтвей, на листьяхъ. Эти выдѣленія имѣютъ видъ маленькихъ кругленькихъ тѣлецъ, очень похожихъ на яйца насѣкомыхъ, и сидятъ на нижнихъ поверхностяхъ черешковъ, причѣмъ особенно многочисленны они на молодыхъ только что развернувшихся листьяхъ. Муравьи по-

бдають эти шарики съ поразительною жадностью, и удивительно, что лишь успѣютъ они исчезнуть, какъ вновь появляются на тѣхъ же мѣстахъ благодаря росту. Такъ какъ эти образования, состоя изъ бѣлковъ и жировъ, представляютъ для самого растенія очень важный питательный материалъ, олагаемый имъ только для высшихъ цѣлей въ сѣменахъ, почкахъ и спорахъ, то понятно, что потери такого дорогаго матеріала должна окупаться—и дѣйствительно благодаря муравьямъ, оно получаетъ очень важное преимущество въ борьбѣ за существованіе. Понятно, что растенія, наилучше приспособившіяся

Въ приведенныхъ фактахъ мы видимъ общее явленіе природы, которое очень часто проявляется. Какъ яркіе и пахучіе цвѣты служатъ для привлеченія насѣкомыхъ для цѣлей перекрестнаго опыленія; какъ, далѣе, сочные и красивые плоды, обращая на себя вниманіе птицъ и животныхъ, служатъ для лучшаго распространенія сѣмянъ произведеннаго ихъ растенія,—такъ и здѣсь приспособленія нѣкоторыхъ растеній даютъ возможность имъ оградить себя отъ вредныхъ насѣкомыхъ и тѣмъ успѣшнѣе вести борьбу за существованіе. Всѣ эти объясненія въ глазахъ нѣкоторыхъ можетъ быть лишаютъ приро-

Жилища бобровъ.

къ тому, чтобы привлечь къ себѣ охранителей, выжидали въ большемъ числѣ сравнительно съ лишенными этихъ приспособленій. Они дали потомство, которое при такомъ же естественномъ подборѣ выработало тѣ органы, которые на первый взглядъ могутъ показаться даже специально созданными для этой цѣли.

ду прелести таинственности, но для мыслящаго наблюдателя прелесть при этомъ только возрастаетъ, такъ какъ высшее наслажденіе состоитъ именно въ разоблаченіи кажущихся чудесъ, которые при этомъ оказываются еще большими чудесами.

М. Штауде.

Къ рисункамъ.

Игра въ шахматы. Картина Ѳ. Бухгольца.

(Рис. на стр. 977).

Художникъ изобразилъ намъ маленькій уголокъ древне-русской жизни, дополнивъ дѣйствительность цвѣтами фантазіи. Старый, сановитый и дородный бояринъ играетъ въ шахматы со своимъ сыномъ—взрослымъ юношей, а боярышня съ боярыней-матерью и съ маленькимъ братишкой-боярченкомъ собрались около стола и смотрятъ на игру отца съ сыномъ. Отецъ озадачилъ сына удачнымъ ходомъ, и любитъ замѣшательствомъ юноши, который задумался надъ шахматной доской и старается найти выходъ изъ своего затруднительнаго положенія.

Кстати замѣтить, что шахматы (или тавлѣи) были извѣстны въ древней Руси съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ. Не только въ описанъ боярскаго и царскаго имущества, сохранившихся намъ отъ XVII вѣка, мы находимъ упоминаніе о *тавлѣяхъ* и *тавлѣйныхъ* доскахъ, какъ о весьма обыкновенной комнатной утвари; но мы знаемъ, что уже и въ нача-

лѣ XVI вѣка игра въ шахматы была однимъ изъ весьма распространенныхъ развлеченій царскаго и боярскаго досуга. Есть основаніе думать, что шахматы проникли къ намъ съ отдаленнаго Азіятскаго Востока еще въ тѣ отдаленныя времена, когда арабскіе купцы завязали, по Волгѣ и Каспійскому морю, черезъ Камскихъ болгаръ, первыя торговныя сношенія съ Сѣверомъ Руси и Новгородомъ. На это отчасти указываетъ извѣстная, чрезвычайно поэтическая новгородская былина о „Садкѣ богатомъ гостѣ“, въ которой разсказываются похождения этого типическаго представителя новгородской торговли. „Садко, богатый гость“ представляется намъ смѣлымъ мореходомъ, который, совершая далекія странствованія по морской пучинѣ, не хочетъ платить никакой дани и царю морскому. Когда, наконецъ, царь морской требуетъ гостя новгородскаго къ отвѣту и поднимаетъ противъ него пучину морскую, то Садко самъ проситъ корабельщиковъ, чтобы они его опустили въ пучину; онъ самъ за себя хочетъ отвѣтъ держать морскому царю. Корабельщики опускаютъ Садко на море, посадивъ его на *шахматную* доску и давъ ему въ занаятъ шах-

маты и гусли звончатая. Садко славился своим умѣньемъ играть въ шахматы и своею сладкозвучною игрою на гусяхъ. Падѣсь на свое умѣнье, онъ и въ палаты морскаго царя несетъ съ собою шахматы, предполагая усладить досуги мрачнаго владыки морей этою мудреною игрою и потѣшить его звончатыми гусями.

Жучице-то какой! (Рис. на стр. 980).

Крестыянскіи дѣти весьма равнодушны къ окружающему ихъ міру мелкихъ существъ, которыми кишатъ лѣтомъ и трава, и цвѣты, и кусты. Безконечно разнообразна красота бабочекъ и жуковъ не останавливаетъ на себѣ ихъ любопытства; какъ-бы ни былъ нестерпимылекъ— это все *бабочка*, какой бы рѣдкій экземпляръ жесткокрылаго ни попался имъ на глаза — это все *жуки*, котораго развѣ что можно привязать на нитку и заставить тащить какую-нибудь щепочку. Но иногда и дѣтское вниманіе бываетъ привлечено выходящимъ изъ рда явленіемъ. Вотъ гучка ребятшекъ случайно напала на такъ-называемаго рогача-олени, жука довольно рѣдкаго въ средней полосѣ Россіи, а въ Малороссіи извѣстнаго подъ названіемъ *турки*. Величиною онъ съ порядочнаго рака, жужжитъ на лету какъ пуля и тяжело шлепается о-земь съ налета. Всѣ ребятки поражены въ разной степени, смотря по возрасту—и эти оттки страха, изумленія, любопытства и равнодушія тѣхъ кому и рогачъ не въ диковинку, очень талантливо уловлены художникомъ на прилагаемомъ рисункѣ.

Шашлыкъ. (Рис. на стр. 981).

Шашлыкъ—слово татарское и значитъ собственно: желѣзный прутъ, вертелъ, на которомъ жарятъ баранину (*кебабъ*). Кавказскіе горцы (а встарь и наши линейные казаки) употребляютъ для этого желѣзные шомпола прежнихъ ружей. Мало-по-малу названіе это было перенесено и на самое кушанье изъ баранины, приготовляемое слѣдующимъ образомъ. Баранина рѣжется мелкими кусками съ жиромъ и навизывается на шомполъ; затѣмъ, въ землѣ выгребается яма, въ которую кладутся уголья, на которыхъ и обжариваютъ баранину въ собственномъ жиру. Умѣло приготовленный шашлыкъ чрезвычайно вкусенъ, и съѣдается обыкновенно тутъ же на мѣстѣ приготовленія, безо всякой сервировки, кромѣ того же шомпола, какъ это видно на правой сторонѣ рисунка.

Вечеркомъ. (Рис. на стр. 985).

Прелестная сельская идиллія, облитая кроткимъ, еще вечернимъ свѣтомъ луны, выглядывающей сквозь вѣтви старой ракиты. Въ Малороссіи часто можно встрѣтить такія сцены, благодаря сравнительно болѣе мягкимъ правамъ и остаткамъ чего-то рыцарскаго въ отношеніяхъ къ женщинамъ.

Жилища бобровъ. (Рис. на стр. 992).

Въ № 38 *Нивы* за текущій годъ („Смѣсь“, стр. 950), мы коснулись вліянія сооруженій возводимыхъ бобрами на растительность и самый климатъ страны. Теперь, прилагая рисунокъ такъ-называемаго боброваго пруда съ плотиною и постройками, скажемъ нѣсколько словъ о самой зодческой дѣятельности этихъ замѣчательныхъ животныхъ. Бобръ — одинъ изъ самыхъ крупныхъ представителей порядка грызуновъ; взрослые самцы имѣютъ до трехъ футовъ длины и сверхъ того хвостъ въ 1 футъ. Соотвѣственно такому росту, они обладаютъ и значительною силой, необходимой для возведенія ихъ построекъ. Что касается этихъ послѣднихъ, то, разоблачивъ естественную исторію бобра отъ всѣхъ басенъ и легендъ, которыми ее облачаютъ даже въ повѣйшее время, получимъ приблизительно слѣдующее.

Бобры избираютъ ручей, берега котораго кажутся имъ удобными для ихъ построекъ, и въ такомъ мѣстѣ, которое представляетъ вблизи достаточно средствъ для пропитанія (питаются они преимущественно древесною корой). Прежде всего они устраиваютъ плотину, чтобъ имѣть постоянно такой уровень воды, который достигалъ бы пола ихъ шалашей. Плотина имѣетъ ввизу 10—12 футовъ толщины, а кверху суживается до 2 футовъ. Бобръ рубитъ себѣ строевой матеріалъ зубами; онъ безъ затрудненія перекусываетъ вѣтви толщину въ дюймъ, а древесные стволы, болѣе тѣмъ въ футъ толщину, подрываетъ вокругъ и въ особенности со стороны рѣки, пока они не паколонятся и не упадутъ въ воду. Стадо бобровъ прежде всего обрубаетъ съ деревьевъ сучья, потомъ перегрызаетъ самья дерева на куски, которымъ предназначено служить сваями для плотины, тогда какъ сучья и вѣтви употребляются на постройку стѣнъ. Кору бобры тотчасъ облаживаютъ или прячутъ на зиму. Для постройки плотины бобры употребляютъ сучья толщину въ руку и длину отъ двухъ до шести футовъ; втыкаютъ ихъ однимъ концомъ глубоко въ землю, плотнымъ рядомъ, а мелкіе и гибкіе куски всаживаютъ въ промежутки, затыкая отверстия иломъ. Эту работу они продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока вода не поднимется до самыхъ шалашей. Сторона плотины противъ течения отлога, а противоположная отвѣсна. Плотина такъ прочна что по ней смѣло можно ходить. Для бобровъ нуженъ постоянный уровень воды по крайней мѣрѣ на 4 фута

поверхъ входа въ шалаши, для того чтобы зимой ледяная кора не могла замыкать этихъ отверстій.

Выше плотины и преимущественно на горной сторонѣ острова, но нерѣдко и посерединѣ рѣки, бобры строятъ себѣ на рѣшетчатомъ фундаментѣ такъ-называемыя поселенія. Они проканываютъ вкось проходъ изъ воды вверхъ по берегу и устанавливаютъ на берегу холмъ отъ 4 до 7 футовъ вышины и отъ 10 до 12 въ разрѣзѣ. Онъ похожъ на хлѣбную печь съ очень толстыми стѣнами изъ облупленныхъ кусковъ дерева, набросанныхъ въ перемежку и скрѣпленныхъ иломъ и пескомъ. Одна комната въ этомъ жилищѣ имѣетъ куполообразный потолокъ и полъ, усыпанный мелкимъ щебнемъ, а другая, у входа, служитъ кладовою для съѣстныхъ припасовъ, т. е. для сучьевъ и кореньевъ водяной розы, которыхъ иногда находятъ тамъ такой большой запасъ, что ими нагружается цѣлая тачка. Бобры неутомимо трудятся надъ своими постройками и собираютъ запасы, пока имъ не помѣшаетъ ледъ. Если вода поднимется слишкомъ высоко и проникнетъ въ шалаши, то бобры дѣлаютъ въ куполѣ отверстие и убѣгаютъ. Во всякомъ случаѣ, большія плотины и поселенія строятъ только цѣлыя стада бобровъ; по одиночкѣ же они живутъ въ простыхъ норахъ, такъ-же какъ и выдры: эти норы, въ родѣ барсучьихъ, имѣютъ отъ 30 до 40 шаговъ длины, лежатъ въ уровень съ водою и имѣютъ выходы на сушу. Выстраиваемыя-же вблизи этихъ норъ поселенія служатъ имъ не постояннымъ жилищемъ, а только убѣжищемъ на то время, когда полноводье изгоняетъ ихъ изъ норъ.

Смѣльи! (Рис. на стр. 993).

Картина Гагборга изображаетъ одну изъ самыхъ часто повторяющихся сценъ рыбацкаго бытія въ приморскихъ мѣстечкахъ. Это рыбакъ высаживающій изъ лодки молодую рыбацку на берегъ во время прилива, который только что начался и вода еще не глубока, но тѣмъ не менѣе молодая дѣвушка, въ самомъ-ли дѣлѣ изъ страха или по весьма понятному кокетству, не рѣшается вѣрнуть себя коварной стихіи, безъ помощи милаго ей человѣка.

Древности Ростова Великаго. Расписныя ворота подъ церковь Воскресенія. (Рис. на стр. 996).

Костромская и Ярославская губерніи представляютъ собою обширное поле для изслѣдованій нашей русской старины. Масса памятниковъ XVI и XVII столѣтій, сохранившихся въ этой мѣстности, поражаетъ археолога. Памятники эти чрезвычайно разнообразны и даютъ намъ возможность составить себѣ довольно полное представление о бытѣ нашихъ предковъ за два вѣка до нашего времени. Въ Ярославской губерніи особенно поражаетъ обиліемъ древнихъ памятниковъ небольшой уѣздный городокъ Ростовъ — нѣкогда важный церковно-административный пунктъ и резиденція Ростовскаго митрополита. Недаромъ назывался городъ Ростовъ въ былыя времена „Ростовомъ Великимъ“, въ отличіе отъ соименныхъ городковъ въ другихъ мѣстностяхъ древней Руси. Расположенный на берегу Ростовскаго озера, городъ Ростовъ и теперь еще сохраняетъ слѣды своего древняго величія въ прекрасныхъ зданіяхъ своего кремля и во множествѣ церквей, которыми тѣсно застроены улицы теперь небольшого и незначительнаго городка (10.000 жителей). Ростовскій кремль и въ особенности ростовскій архіерейскій домъ вполнѣ заслуживаютъ особаго описанія. Вотъ, напр., небольшой, но чрезвычайно любопытный образецъ ростовскихъ древностей — снимокъ съ расписныхъ воротъ, ведущихъ къ архіерейскому дому.

Эти ворота пробиты въ стѣнѣ кремля, подъ церковью Воскресенія, которая была построена митрополитомъ Іоною въ 1675 г. Ворота замѣчательны, какъ по самой формѣ своей, представляющей правильную, широкую арку, такъ и по тѣмъ изображеніямъ, которыя помѣщаются на двухъ его створчатыхъ половникахъ.

По преданію, сохранившемуся въ Ростовѣ, расписныя ворота были сооружены по повелѣнію Ростовскаго митрополита Арсенія III Мацѣевича, который правилъ здѣсь наставо между 1742—1763 годами. Сто лѣтъ спустя, ворота эти пришли въ такую ветхость, что ихъ оказалось необходимо обновить, и въ 1860 году, усердіемъ мѣстныхъ гражданъ, они были возобновлены, при чемъ нѣкоторая часть старинныхъ изображеній утрачена. Въ настоящее время, на каждой изъ створчатыхъ половниковъ, помѣщается по 17 изображеній, каждое изъ нихъ въ особой квадратной рамкѣ изъ желѣзныхъ пластинокъ, пробитыхъ гвоздями. Самыя изображенія писаны на желѣзныхъ листахъ, укрѣпленныхъ на деревянной основѣ створовъ. Каждое изображеніе представляетъ собою *амблему* — иносказательное изображеніе — съ надписью, поясняющею то, что изображено кистью. Многія изъ этихъ эмблемъ чрезвычайно остроумны и оригинальны. Такъ, надъ изображеніемъ медвѣдя, держащаго алебарду, видимъ надпись: „кто у меня отниметъ?“ Надъ колоколомъ, который приведенъ въ движеніе, стоитъ надпись: „звонъ его не для его самого.“ Далѣе, видимъ итицу, сидящую на двухъ пупкахъ, и надъ нею надпись: „ни того, ни другаго не боится.“ Въ одномъ изъ квадратовъ изображенъ бѣгущій левъ и надъ нимъ итѣухъ па деревѣ; а

падишь гласит: „чнюю сильнѣйшему трясенію.“ Падъ изображеніемъ ежа читаемъ: „сколько оружія, столько неприятелей.“ Падъ спонсомъ колодезь: „въ мелкихъ статяхъ великій составъ.“ Падъ изображеніемъ грабли: „собираетъ разсыпанное.“ Всѣ эти изображенія и падиши, вмѣстѣ взятые, производятъ на насъ чрезвычайно странное впечатлѣніе, и живо переносятъ насъ въ то доброе старое время, когда наши предки были еще неприхотливы на остроуміе и любили украшать цвѣтами народнаго юмора произведенія немудренаго стѣнописнаго художества.

И. З. Морозовъ. (Портр. на стр. 997).

Весной текущего года русская промышленность понесла чувствительную утрату въ лицѣ одного изъ самыхъ выдававшихся ея представителей, Ивана Захаровича Морозова, владѣльца Богородско-Глуховской мануфактуры, скоропостижно скончавшагося 10 апрѣля, на 62 году жизни, отъ разрыва сердца. Покойный былъ однимъ изъ главныхъ представителей старинной купеческой фамиліи Морозовыхъ; онъ приходился внукомъ знаменитому Саввѣ Морозову. И. З. Морозовъ родился въ 1826 году; въ 1848 году онъ раздѣлился со своимъ братомъ (Саввой) и дядею (Виколой) и началъ самостоятельную дѣятельность съ небольшимъ сравнительно капиталомъ. Ему досталась не очень большая фабрика въ с. Глуховѣ, близъ г. Богородска, работавшая сарпнику, зефиръ и т. п. Дѣла покойнаго, благодаря его неутомимой энергіи и практической сметкѣ, съ самаго начала пошли очень усиленно. Постепенно с. Глухово выросло въ большой, чисто фабричный городокъ; въ окрестностяхъ его покойному принадлежало болѣе 8 т. десятинъ земли. Компанія Богородско-Глуховской мануфактуры, учрежденная Захаромъ Саввичемъ Морозовымъ съ 1853 года, благодаря дѣятельности покойнаго Морозова, расширила свои дѣла до громадныхъ размѣровъ и даетъ заработокъ 12-тысячной массѣ рабочаго народа, пребывающаго на фабрикахъ мануфактуры, при сельцѣ Глуховѣ, въ двухъ верстахъ отъ города; кромѣ того, около 4,000 рабочихъ работаютъ на сторонѣ, въ Зуевскомъ отдѣленіи мануфактуры, на фабрикахъ въ с. Кузнецкахъ, и по

деревнямъ. Богородскъ своимъ благоустройствомъ обязанъ также влиянію покойнаго Морозова, заботами котораго, два года назадъ, сооружена и желѣзная дорога до этого города. Въ Петербургѣ Морозовъ имѣлъ большой центральный складъ ситцевыхъ товаровъ (въ Чернышевскомъ пер.) и магазинъ для розничной продажи (на Б. Садовой ул.). Въ коммерческомъ мірѣ Морозовъ былъ извѣстенъ своею рѣдкою честностью. Слово его всегда было неизмѣннымъ.

Въ числѣ нашихъ крупнѣйшихъ фабрикантовъ и заводчиковъ покойный И. З. Морозовъ выдѣлялся чисто отеческою заботливостью о матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ всѣхъ своихъ служащихъ и рабочихъ. На главныхъ Морозовскихъ фабрикахъ, въ Глуховѣ, рабочіе располагаютъ всѣми условіями здоровой и дешевой жизни. Для нихъ устроены тамъ магазины, денежные столовые, помѣщенія, школы, больницы и т. п. Среди рабочихъ и служащихъ покойный пользовался рѣдкою популяритетомъ. Понасть на фабрику Морозова каждый рабочій считаетъ счастьемъ—и если ему это удалось, то развѣ только какія-либо исключительныя условія могутъ заставить его удалиться съ ней. Въ обращеніи съ рабочимъ народомъ Морозовъ былъ справедливъ, доступенъ во всякое время. На фабрикахъ Глуховской мануфактуры никогда не возникало ни волнений, ни стачекъ рабочихъ. Покойный не любилъ сутяжничества ни съ соседними землевладѣльцами, ни съ крестьянскими обществами, и порубки въ лѣсныхъ дачахъ, потравы на поляхъ и лугахъ, благодушно переносилъ, вычитывая мужикамъ въ такихъ случаяхъ лишь рѣзкую проповѣдь о соседскихъ отношеніяхъ. Со дня открытія мировыхъ судебныхъ учреждений И. З. Морозовъ былъ безсмѣннымъ почетнымъ мировымъ судьей Богородскаго округа. Покойный былъ извѣстенъ и какъ щедрый благотворитель: онъ много жертвовалъ на школы, больницы и богадѣльни. Счетъ благотворительности въ главной конторѣ Глуховской мануфактуры всегда былъ открытъ нуждающимся, погорѣльцамъ и пострадавшимъ отъ другихъ бѣдствій. Вся окрестность Богородска поминетъ добромъ покойника. Въ дѣлахъ вѣры онъ придерживался старообрядческаго толка и много сдѣлалъ для своихъ единовѣрцевъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и Ихъ Имп. Высоч. Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Вел. Кн. Георгій Александровичъ изволили 18 сентября благополучно прибыть во Владикавказъ и 20 числа, въ 11 вечера, отбыли въ Екатеринодаръ.

— Вел. Князь Сергій и Павелъ Александровичи и Вел. Кн. Елисавета Теодоровна отбыли 18 сентября изъ Константинополя, и на другой же день прибыли на пароходѣ „Кострома“ въ Смирну въ три часа утра. 21 сентября „Кострома“ бросила якорь у Бейрута въ 6 часовъ утра. 22 сентября Ихъ Императ. Высоч. выѣзжаютъ на лошадяхъ въ Бальбекъ и Дамаскъ.

Правительственныя распоряженія.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Имп. Московскомъ воспитательномъ домѣ благотворительнаго общества, имѣющаго цѣлью привлеченіе частной благотворительности въ помощь благотворительности и заботамъ вѣдомства Императрицы Маріи о питомцахъ сего дома.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о крайне-бѣдственномъ положеніи пострадавшихъ отъ пожаровъ жителей городовъ: Оренбурга, Орска (Оренбургской губерніи) и Ненеля (Витебской губерніи), 23 августа 1888 года Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе повсемѣстнаго по Имперіи сбора пожертвованій въ пользу погорѣльцевъ названныхъ городовъ.

Финансы.

— Поступленіе за первое полугодіе текущего года государственныхъ доходовъ въ счетъ росписи опредѣлилось въ 354,133,000 рублей противъ 316,668,000 руб. за тотъ же періодъ времени 1887 года, т. е. нынѣ болѣе на 37,465,000 или на 11,8%. За присоединеніемъ же къ этимъ итогам доходовъ льготнаго срока и въ счетъ будущихъ смѣтъ, общее поступленіе государственныхъ доходовъ съ 1 января по 1 іюля 1888 года выражается

въ 370,959,000 рублей противъ 337,929,000 рублей въ 1887 году, болѣе на 33,030,000 рублей.

Торговля.

— Цѣны на хлѣбные продукты за недѣлю къ 18 сентября продолжали клониться къ пониженію почти на всѣхъ рынкахъ. Значительное давленіе на хлѣбную торговлю оказываютъ подвозимые въ большомъ количествѣ хлѣба новаго урожая на всѣ главнѣйшіе рынки потребленія. Къ этому присоединяется и вліяніе установившейся почти повсюду въ Западной Европѣ ясной и теплой погодой, благотворно дѣйствовавшей на хлѣба, оставшіеся еще на корню. И въ Англіи, и во Франціи сборъ пшеницы исчисляють теперь выше первоначальныхъ предположеній. Хотя недоборъ хлѣбовъ въ нынѣшнемъ году является уже установившимся и общепризнаннымъ фактомъ, тѣмъ не менѣе и небольшая даже поправка не можетъ не отразиться на положеніи хлѣбнаго рынка и уровнѣ цѣнъ. Наклонность къ пониженію усилится отразится и на русскихъ рынкахъ, гдѣ начинаютъ происходить сдѣлки для экспорта по цѣнамъ, значительно ослабѣвшимъ. Вязло настроеніе русскихъ рынковъ усиливается, благодаря рѣзкому повышенію фрахтовъ. Невѣроятность усиленнаго въ текущемъ году вывоза русскаго хлѣба побудила парходовладѣльцевъ поднять цѣны, которыя не проявляютъ никакой наклонности къ пониженію, несмотря даже на паденіе цѣнъ на хлѣба въ мѣстахъ сбыта.

— Въ Ельцѣ открытіе земскаго элеватора назначено на 23 сентября. Приглашенія элеваторной комиссіи уже разосланы.

— Вывозъ зерноваго хлѣба въ Закаспійской области въ Баку продолжается. Краю угрожаетъ истощеніе запасовъ влѣдствіе неурожая. Мѣстами цѣны на пшеницу доходять до 2 р. 75 к. за пудъ.

Искусства изобразительныя.

— Академія А. М. Опекушинъ окончила недавно изготовленіе статуи Императора Александра II для памятника, воздвигаемаго въ Болѣ почивающему Государю въ Ченстоховѣ, Петроковской губерніи. Мо-

нархъ представленъ стоящимъ въ порфирѣ, надѣтой поверхъ обще-генеральскаго мундира. Пьедесталъ, на которомъ будетъ возвышаться статуя, украшенъ гербами десяти губерній Царства Польскаго, а вокругъ пьедестала будутъ расположены: шапка Мономаха, Императорская корона, держава, государственный мечъ и корона Царства Польскаго. Величина статуи—почти вдвое больше натуральной. Пьедесталъ для нея исполняется по проекту архитектора Гуна. Отливка бронзовыхъ частей памятника производится на заводѣ г. Морана.

— Извѣстный пейзажистъ, профессоръ Ю. Ю. Клеверъ, получилъ отъ Германскаго императора малую золотую медаль, за свое участіе въ нынѣшней берлинской академической художественной выставкѣ, на которой его картина „Зимній вечеръ въ окрестностяхъ Петербурга“ (премія „Ививъ“ за текущій годъ) обращаетъ на себя вниманіе посѣтителей.

— 26 минувшаго августа, въ зданіи Императорскаго Эрмитажа всныхнулъ пожаръ, къ счастью тотчасъ-же прекращенный и не причинившій никакого вреда художественнымъ сокровищамъ этого музея. По неосторожности рабочихъ, загорѣлось въ подвальному этажѣ Эрмитажа, занятомъ матеріалами и принадлежностями электрическаго освѣщенія.

Изъ губерній и областей.

— Изъ Благовѣщенска, отъ 22 сентября телеграфируютъ, что въ Екатерино Никольской станціи означеннаго числа въ 3 часа 15 м. пополудни было землетрясеніе, продолжавшееся минуту; много потрескалось печей и уало трубъ.

— Въ Тифлиси, 22 сентября, прибылъ чрезвычайный посолъ Персидскаго шаха—Хусамъ-Эсъ-Салтане.

Некрологъ.

— 20 сентября, въ 1 ч. 40 м. по-полуночи, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался въ Петербургѣ директоръ медицинскаго департамента, тайный совѣтникъ Николай Евграфовичъ Мамоновъ.

Политическое обозрѣніе.

Обнародванный въ *Deutsche Rundschau* полу-апокрифическій дневникъ покойнаго императора Фридриха III, содержащій весьма интересныя разоблаченія, возбудилъ громаднй интересъ не только въ Германіи, но и во всей Европѣ. Дневникъ этотъ, якобы веденный Фридрихомъ III во время франко-прусской войны, обнимаетъ время отъ 11 июля 1870 по 12 марта 1871 г. Опубликованный документъ свидѣтельствуетъ о глубочайшихъ противорѣчіяхъ въ политическихъ дѣлахъ, существовавшихъ между Фридрихомъ III и кнземъ Бисмаркомъ. Замѣчательнъ разговоръ, про-

и утвержденія отвѣчающей справедливиль требованія германскаго народа конституціи, съ верховнымъ главою. Это было бы давленіемъ, противъ котораго короли не могли бы устоять. Бисмаркъ замѣтилъ, что этого мнѣнія моего никто не раздѣляетъ; для достиженія желанной цѣли правильнѣе было бы предоставить починъ рейхстагу. Когда я коснулся образа мыслей Бадена, Ольденбурга, Веймара и Кобурга, онъ сослался на волю его величества. Я отвѣчалъ, что его пожеланія, какъ мнѣ хорошо извѣстно, исполнѣ достаточно для того, чтобы и его величество

Древности Ростова Великаго. Расписныя ворота подь церковью Воскресенія. Съ фот. Барщевскаго, грав. Шлиперъ.

исходившій 2 ноября 1870 г. у Фридриха III съ канцлеромъ, объ отношеніяхъ Пруссіи къ южно-германскимъ государствамъ: „Князь Бисмаркъ спросилъ меня, какъ же слѣдуетъ поступать съ южными германцами, т. е. желаю-ли я, чтобы къ нимъ обратились съ угрозами. Я отвѣчалъ: „Да опасности никакой нѣтъ; „будемъ дѣйствовать твердо и повелительно, и вы увидите, что „я былъ правъ, когда говорилъ, что вы сами не достаточно „сознаете свою силу“. Бисмаркъ энергически возсталъ противъ угрозъ крайними мѣрами, и сказалъ, что это бросило бы эти государства въ объятія Австріи. Такъ, по вступленію въ должность, онъ имѣлъ твердое намѣреніе довести Пруссію до войны съ Австріею, но въ то время не рѣшился говорить объ этомъ съ его величествомъ, до тѣхъ поръ, пока не наступитъ благоприятное для того время. Теперь также де необходимо предоставить времени дать развиваться германскому вопросу. Я возражалъ, что въ качествѣ представителя будущаго, не могу равнодушно взирать на такую медлительность; нѣтъ надобности прибѣгать къ силѣ и можно спокойно дожидаться, осмѣлятся-ли Баварія и Виртембергъ присоединиться къ Австріи. Нѣтъ ничего легче, какъ добиться отъ собравшагося здѣсь большинства германскихъ государей не только провозглашенія имперіи, но

призналъ такое дѣло невозможнымъ. Бисмаркъ возразилъ, что я напрасно обращаюсь къ нему съ упреками, которыхъ заслуживаютъ другіе. Необходимо, сказалъ онъ, —имѣть при этомъ въ виду большую самостоятельность въ политическихъ дѣлахъ короля, который каждую важную дѣшеу самъ просматриваетъ и даже исправляетъ. Онъ сожалѣлъ о томъ, что вопросъ объ императорѣ и главѣ государства вообще обсуждается, такъ какъ это можетъ показаться обиднымъ Баваріи и Виртембергу. Я замѣтилъ, что вопросъ этотъ поднять Дальвигомъ. Бисмаркъ возразилъ, что мой образъ выраженій долженъ оказывать вредное дѣйствіе, и что, по его мнѣнію, кронпринцу не слѣдовало бы выражать такіе взгляды. Я протестовалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ такого загражденія мнѣ устъ, особенно въ подобномъ вопросѣ, касающемся будущности, и сказалъ, что считаю долгомъ ни въ комъ не оставлять сомнѣній на счетъ моихъ взглядовъ. Притомъ, только его величество въ правѣ дѣлать мнѣ указанія на то, что подлежитъ или не подлежитъ моему обсужденію, если вообще допустить, что лѣта мои не позволяютъ мнѣ самому судить о вещахъ“. Интересны также высказываемыя Фридрихомъ III соображенія по отношенію къ внутреннему строю государства. Неотвѣтственная власть

канцлера, захватившая в свои руки всё ведомство управления и все вышнее обще-имперское устройство, вызвала в покойном императорѣ громадное недовольство. Всё эти разоблачения тѣмъ болѣе интересны, что они появились в моментъ внутренней политической борьбы въ Германіи и поднятаго вопроса о реорганизации имперскихъ ведомствъ. Появленіе въ печати дневника вызвало среди газетъ цѣлый рядъ гадательныхъ предположеній относительно того, какимъ образомъ могли достаться въ руки частнаго лица собственноручныя записки покойнаго императора. Въ офиціозной печати появились заявленія о поддѣлкѣ документовъ, но офиціозныя опроверженія не поколебали установившагося убѣжденія въ подлинности. Не смотря на возбужденіе этого замѣчательнаго процесса, неудачныя попытки опровергнуть подлинность дневника встрѣчены германскою печатью недоброжелательно. *Deutsches Tageblatt* говоритъ: „Намъ неизвѣстно, на основаніи какихъ законныхъ положеній можно бы было начать подобное дѣло, или воспретить обнародованіе подобныхъ документовъ. Подобное дѣло покрываетъ печальнымъ пятномъ честь Германіи и нѣмецкаго народа“. Предстоящіе выборы заставили прусскія, враждебныя Бисмарку, партіи воспользоваться дневникомъ для нанесенія жестокихъ ударовъ канцлеру. Въ клерикальныхъ кружкахъ опубликованіе дневника также произвело большую сенсацию, тѣмъ болѣе, что не смотря на предстоящее посѣщеніе Ватикана Вильгельмомъ II, отношенія германскаго правительства къ папѣ все болѣе обостряются. Германское правительство продолжаетъ преслѣдованіе виновныхъ. Считающійся главнымъ виновникомъ тайный совѣтникъ профессоръ Геффкенъ подвергнутъ аресту и кромѣ того германскія власти рѣшили предупредить дальнѣйшее распространеніе журнала *Deutsche Rundschau* съ заключающимся въ немъ дневникомъ. Если другія повременныя изданія опубликуютъ впродъ какой-либо вы-

И. З. Морозовъ. † 10 апрѣля 1888 года. Съ фот. Грибова, грав. Шюблеръ.

держки изъ воспоминаній покойнаго императора, то будутъ тотчасъ конфискованы, а редакторы ихъ преданы суду. Большая часть вѣнской печати обсуждаетъ это дѣло и высказываетъ не въ пользу князя Бисмарка и усматриваетъ противорѣчія въ его докладѣ, который будто бы вызванъ гнѣвомъ противъ партіи свободомыслящихъ.

Побѣдка императора Вильгельма въ Вѣну вызываетъ много толковъ объ отношеніяхъ союзниковъ и о рѣшеніи болгарскаго вопроса. По словамъ *Corr. de l'Est* при личномъ свиданіи императоровъ

рѣшеніе этого вопроса будетъ поставлено на практическую почву. *Nord* высказываетъ, что побѣдка Германскаго императора въ Вѣну и Римъ еще болѣе скрѣпятъ ихъ взаимныя отношенія. *Berl. Tageblatt*, обсуждая посѣщеніе Вильгельмомъ II Ватикана, говоритъ, что отношенія Пруссіи къ Ватикану ясно опредѣлились и не могутъ вызвать новыхъ недоразумѣній, но что многіе смотрятъ на эту встрѣчу не безъ опасенія. Въ заключеніе *Berl. Tag.* говоритъ что при свиданіи отнюдь не будетъ затронутъ вопросъ о возстановленіи свѣтской власти папы. По другимъ сообщеніямъ, Ватикану дали понять изъ Берлина, что вопросъ этотъ считаютъ давно оконченнымъ, что существующія отношенія къ Италіи прямо санкціонируютъ положеніе Папы.

Изъ Сербіи приходятъ извѣстія, заставляющія ожидать скорого министерскаго кризиса. Причиной выставляется бракоразводное дѣло королевской четы. По словамъ *Berl. Tageblatt*, король откажется отъ расторженія брака и ограничится прекращеніемъ дальнѣйшаго сожитія.

Англія, недавно завладѣвшая страной Бетчуановъ, все болѣе увеличиваетъ свои захваты и расширяетъ сферу своего вліянія въ Африкѣ въ ущербъ интересамъ другихъ государствъ. Захватъ территоріи, на сѣверъ отъ территоріи Буровъ, и установленіе протектората надъ нею, вызвали протестъ со стороны Португаліи, но этотъ протестъ оставленъ Англіею безъ вниманія.

С М Ъ С Ъ .

„Изобрѣтеніемъ мяснаго экстракта и введеніемъ его въ повсемѣстное употребленіе, Либихъ оказалъ большую заслугу“. Такъ отзывается извѣстный словарь Брокгауза въ большой статьѣ, посвященной знаменитому химику Юстусу фонъ-Либиху, объ одномъ изъ важнѣйшихъ его изобрѣтеній. Всѣмъ извѣстно, какъ быстро послѣ своего перваго появленія въ Мюнхенѣ, экстрактъ этотъ завоевалъ почетное положеніе на международномъ рынкѣ. Едва-ли, въ настоящее время, много найдется такихъ хозяйствъ, въ которыхъ бы не употреблялся *Либиховскій мясной экстрактъ*.

Самъ по себѣ экстрактъ этотъ не питателенъ, такъ какъ онъ не содержитъ бѣлковины; но какъ ароматная приправа къ супамъ, мяснымъ блюдамъ, соусамъ и т. п., онъ замѣчательно улучшаетъ вкусъ

этихъ блюдъ и упрощаетъ ихъ приготовленіе, что очень важно и въ отношеніи экономическомъ.

Новое, для вызова мѣстной анестезіи, средство. На послѣднемъ засѣданіи Берлинскаго Медицинскаго Общества, д-ръ Левинъ сообщилъ о новомъ средствѣ, вызывающемъ мѣстную нечувствительность. Докладчикъ получилъ изъ Англіи вывезенный изъ Африки ядъ гайабъ, которымъ дикари обмазываютъ стрѣлы. Исслѣдованіе этого яда повело его къ изученію другихъ стрѣлочныхъ ядовъ и такимъ образомъ онъ дошелъ до растенія *Erythrophlaeum judiciaire* или *ordiale*, употребляемаго на западно-африканскомъ побережьи, отъ Сенегала до Конго, для Божьяго суда. Алкалоидъ этого растенія, эритрофлеинъ, извѣстенъ уже съ 1882 года. Дикари

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1888 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками съ оригинала проф. Ю. Ю. КЛЕВЕРА:

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(подробности см. въ предъидущ. №.№.).

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, выписывающихъ цѣлыя рамы съ картинами, полученную ими премію немедленно возвращать намъ въ Контору, дабы, по возможности, безъ задержки, мы могли имъ высылать готовыя рамы со вставленною картиною.

заставляли обвиняемого выпить настой из коры, листьев, корней или плодов этого растения; если у испытуемого субъекта через известное время появились рвота, то он забывался от суда и смерти: его признают невиновным, а отъ яда он освобождается сам посредством рвоты. Въ противномъ случаѣ онъ умираетъ въ страшныхъ корчахъ и судорогахъ, если раньше нестерпимая тошнота не расправится съ нимъ по закону Линча. Къ удивленію своему, докладчикъ открылъ, что алкалоидъ гайаба сходенъ съ эритрофленномъ. Далѣе онъ констатировалъ, что эритрофленну свойственно двойное дѣйствіе: ослабленіе дѣятельности сердца и причиненіе судорогъ, кромѣ того, въ немъ неожиданно обнаружилось свойство притуплять чувствительность въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла. Въ то время какъ два сентиграмма убиваютъ собаку, высканіе капель изъ 2-хъ-процентнаго раствора эритрофлена черезъ 15—20 минутъ вызываетъ нечувствительность глаза, продолжающуюся отъ 1½ до 2 дней. Вспрыскиваніе его подъ кожу морской свинки тоже производило безчувственность отдѣльныхъ мускуловъ. (с.)

Настоящiе изобрѣтатели оспопрививанiя. Еще задолго до того времени, когда докторъ Дженнеръ, которому приписывается это изобрѣтеніе, ввелъ прививку коровьей лимфы, женщина-писательница, леди Монтегю (умерш. въ 1762 г.), обратила вниманіе на оспопрививаніе при помощи человѣческой лимфы, съ которымъ она ознакомилась въ Турціи. Оспопрививаніе производилось тамъ старухами и называлось „прививкою“. Леди Монтегю пишетъ въ своихъ мемуарахъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: „Каждую осень, въ сентябрѣ, когда сильныя жары уже нѣсколько спадаютъ, составляющіе общества въ пятнадцать-шестнадцать человѣкъ и отправляются къ одной изъ старухъ, занимающихся прививкой оспы. Женщина приноситъ орѣховую скорлупку наполненную самою лучшимъ оспенною матеріей и спрашиваетъ каждого, какую вену ему открыть. Она вскрываетъ большой игою указанную вену и выпускаетъ въ ранку столько матеріи, сколько умѣщается на концѣ иглы; затѣмъ прикрываетъ рану кусочкомъ скорлупки, перевязываетъ ее и тѣмъ-же способомъ вскрываетъ еще четыре или пять венъ. Пациенты остаются вполне здоровыми до восьмага дня, когда наступаетъ лихо-

радка и они принуждены бывать пролежать въ постели отъ двухъ до трехъ дней. Большая рѣдкость чтобы у людей съ привитой оспой ползало на лицѣ болѣе десяти-пятнадцати оспинъ, послѣ которыхъ никогда не остается рубинъ. Черезъ недѣлю они уже пользуются прежнимъ здоровьемъ. Французскій посланникъ въ Константинополь однажды сказалъ мнѣ шутя: „Замѣчательно, здѣсь оспопрививаніе превратилось въ забаву, въ родѣ того какъ въ другихъ мѣстахъ лѣченіе минеральными водами“. Не было случаевъ, чтобы человѣкъ подвергшійся оспопрививанію, умеръ отъ оспы; я сочла необходимымъ привить оспу и моему маленькому сыну“. Леди Монтегю писала это въ 1749 году, а Дженнеръ произвелъ свое первое оспопрививаніе только въ 1796 г. (с.)

Различныя воззрѣнія. Ни одно изъ племенъ, населяющихъ землю, не сумѣло въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ съ такимъ упорствомъ сохранить свои первобытныя нравы, какъ тѣ кочующіе обитатели пустынь Аравіи, Сиріи и Сѣверной Африки, которые известны подъ общимъ именемъ бедуиновъ. Всѣ попытки склонить ихъ къ осѣдой жизни оставались до сихъ поръ безуспѣшными, и даже силою ихъ нельзя заставить принять европейскій образъ жизни. Вотъ характеристическій примѣръ, рассказанный французскимъ путешественникомъ Ф. Гюгонне: „Французы думали“, говорить онъ, „что самый лучший способъ пріучить арабовъ къ осѣдой жизни—склонить ихъ вождей къ постройкѣ постоянныхъ жилищъ. Авторитеты имѣютъ для араба огромное значеніе и онъ охотно слѣдуетъ примѣру своихъ вождей. Эти послѣдніе дѣйствительно согласились, чтобы французы построили имъ дома. Но когда однажды инженеръ, строившій домъ одному шейху, спросилъ его, какъ онъ находитъ свое новое жилище, арабъ отвѣтилъ: „Я просто въ восторгѣ; французы въ самомъ дѣлѣ прелюбезный народъ; они оказали мнѣ услугу, которую я не забуду во всю мою жизнь. Съ тѣхъ поръ какъ выстроены мой домъ, у меня не пропало ни одной овцы; я каждый вечеръ веду ихъ загонять въ домъ и поутру онѣ оказываются всѣ въ цѣлости“. — „Какъ!“ воскликнулъ офицеръ, „а ты самъ гдѣ-же помѣщаешься?“ — „О, я“, отвѣчалъ шейхъ, принявъ высокомерный видъ, „ты долженъ понять, что человѣкъ подобный мнѣ, можетъ жить только въ шатрѣ изъ верблюжьей шерсти!“ (с.)

Рѣшеніе ребуса № 55 (помѣщеннаго въ № 35).

„Языкъ до добра-то не доведетъ“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Квотора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній почтовый адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благодарятъ представлять подписные билеты.

Рѣшеніе шашечной задачи № 56 (помѣщенной въ № 36).

Бѣлыя.		Черныя.	
D 8 — F 6	D 6 — A 3		
A 1 — B 2	A 3 — C 1		
A 5 — B 6	A 7 — C 5		
C 3 — B 4	C 5 — A 3		
F 6 — B 2	C 1 — куда		
H 6 — C 1	угодно.		

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—Ф. С. Платонова, А. П. Трубецкой, Н. А. Ситникова, Я. В. Васильева, Бабанчикова, А. А. Поспѣева, Н. В. Паикова, Москва—Г. Загладина, П. П. Смирнова, Ф. П. Чернышева, Ф. Е. Соловьева, Ф. М. Коленина, Астрахань—А. Попова, Болховъ—В. П. Кроткова, П. Н. Абанина, Диска—С. А. Лубякова, Злато-ль—О. А. Недачина, Карачевъ—Е. П. Смирнова, Казань—Е. Идельсонъ, Кіевъ—Л. Е. Пил-

дохвастова, Калязинъ—Мадновскаго, Новгородъ—О. Д. Малькова, Касимовъ—Зворыкина, Медвѣдово—Лейцигеръ, Н. Новгородъ—М. И. Михайлова, Орель—Н. П. Крадецаго, Стар. Рязань—Кожина, Середка—Лундышева, Тверь—Н. Гусева.

Рѣшеніе шахматной задачи № 57 (помѣщенной въ № 36).

- 1) С e 1 — b 4 Кр. h 4 — h 5
- 2) J g 3 — h 3+ g 4 : h 3
- 3) K e 4 — f 6+ Кр. h 5 — h 4 или h 5 — h 6
- 4) C b 4 — f 8 или e 1+—

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Москва—И. Гвоздева, Медвѣдово—Лейцигеръ, Николаевъ—Деборгій-Мокривичъ, Орель—Ф. Гейцъ, Севастополь—И. А. Хризановскаго, Старая Рязань—В. Н. Кожина.

Рѣшеніе задачи „Ходъ коня“ № 58 (помѣщенной въ № 36)

	58	41	8	17	
	42	27	18	59	54
28	25	40	57	16	7
43	34	19	26	55	60
24	29	56	39	6	15
35	44	33	20	61	48
30	23	38	47	14	5
45	36	21	32	49	62
22	31	46	37	4	13

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ, Расскажи, что солнце встало, Что оно горячимъ свѣтомъ; По листамъ затрещало; Расскажи, что лѣсъ проснулся, Весь проснулся вѣткой каждой, Каждой птицѣ встрепенулся И весенней полнощъ жаждой.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.: Павиерова, Н. Люхина, Т. Ширкова, В. Алексѣева, Л. Сисоевой, В. Постникова, Л. Свенторжецаго, Ледерле, Н. В. Паикова, С. В. Мургулина, П. Вауеръ, М. Косонирова, С. Алабина, А. А. Поспѣева, Н. Е. Алек андрова, Э. Мартиновскаго; Москва: Хрусталева, Н. Орлова, И. Романова, Н. Р. Кузнецова-Дмитріева, Бобруйскъ—Е. Молдской, Б. Коровино—В. К. Терскаго, Брянскъ—Туровскаго, Брасово—П. Ронгеръ, Е. Глушица—Карханъ, Болховъ—С. Кротова, Воронежъ—Вильгельмъевича, Вологда—А. Прахова, Городище—Орлова, Екаторинославъ—Авчинникова, Задонскъ—М. Богомолова, Ижевское—Мамырина, Коломна—М. Шевлякина, Кіевъ—А. Шульженко, К. В. Рязанскаго, Медвѣдово—Лейцигеръ, Минскъ—Лебедевой, Новочеркасскъ—Д. Жилмановской, Одесса—Р. О., Полтава—А. Лукина, Симбирскъ—М. Вишневецкаго, А. Щербо, Сима—А. Миронова, Серпуховъ—А. С. К., Тамбовъ—О. Руновой, Троица—П. Соловьева, Уральскъ—М. Попова, Шацкъ—А. Филимоновича, А. Тюменева, Ярославль—Э. Круглова.

СОДЕРЖАНІЕ: Бригадирская внучка. Московская билья. Графа Е. А. Салиаса. Часть I. Вѣчу не быть. Старинная повесть Д. В. Аверьева. Часть II. (Продолженіе). — На пути въ Индію. Н. Н. Каразина. Письмо четвертое (съ 2 рис. автора). (Окончаніе). — 3: в снѣмостъ между муравьями и растениями. — Къ рисункамъ: Игра въ шахматы. Карти. В. Бухгольца (съ рис.) — Жучице-то каной! (съ рис.). — Шашлыкъ (съ рис.). — Вечеръ (съ рис.). — Жилища бобровъ (съ рис.). — Снѣжки! (съ рис.). — Древности Ростое Великаго. Расписныя ворота подъ церковью Воскресенія (съ рис.). — И. З. Морозов (съ портр.). — Газная извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Гамы для преміи „Нивы“ 1888 г. — Снѣжь. — Рѣшенія задачъ. — Объявленія.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

СБОРЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ НА СООРУЖЕНІЕ ВЪ МОСКВѢ ПАМЯТНИКА НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому гениальному писателю нашему—Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всеми присутствовавшими въ залѣ засѣданія и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генераль-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи открытій всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество 1-го августа 1880 года всемиловѣйше соизволило разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открытій повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю.

Къ первому сентябрю 1888 года къ Казначее Общества поступило пожертвованій 28.647 рублей 21 копейка.

Пожертвованія принимаются въ редакціи журнала „Нива“. Поступившія въ редакцію суммы будутъ ежемѣсячно высылаться Казначее Общества, которымъ и будутъ выдаваться росписки въ полученіи денегъ. О поступившихъ пожертвованіяхъ ежемѣсячно печатаются отчеты.

Изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА въ СПБ. СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ.

Т. Лубенца. 2-е изданіе. Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ, допущено къ употребленію, въ качествѣ учебника, въ тѣхъ церковно-приходскихъ школахъ, въ конхъ русская грамота преподается прежде славянскій. Цѣна 5 коп.

УВАЖАЕМАГО ПАСТЫРЯ Отца ІОАННА СЕРГІЕВА Кронштадтскаго

хромолитографированные портреты, съ его подписью и изреченіемъ, только что въ печати, изданія работы на стеклѣ, съ рамами чернаго цвѣта съ золотомъ. Рѣзная большая № 1—7 р., съ перес. 8 р., тоже рѣзная № 2—5 р., съ перес. 6 р.; тоже рѣзная № 3—3 р., съ перес. 4 р., на бристольской бумагѣ 50 к., съ перес. 1 Прод. у издателя Н. Федорова, СПб., Гороховая ул., д. № 42, кв. 33. Торгов. уст. 25

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА
 * à l'Étoile du Nord *
ЛУИ БУИСЪ и К^о.
 М. № 3254 Москва, 6-4
 Кузнечий мостъ, д. Солодовникова.

КЛИШЕ
 Гравирование на деревѣ (клише)
 для иллюстр. изданий, Прейс-
 куранты, Объявления и пр.
ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
КАРЛЬ РИХТЕРЪ
 Троицкая улица, д. № 27а.
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

№ 4711
ГЛИЦЕРИНОВЫЯ
МЫЛА
 получили известность, благодаря своимъ
 качествамъ; значительное содержание гли-
 церина, большая экономія, обиліе лѣны и
 тонкій аромат составляютъ отличитель-
 ные ихъ свойства. Специально рекомендуемъ:
 № 4711 Роза — Хрустальное мыло,
 № 4711 Ландышъ — Хрустальное
 мыло,
 № 4711 Резеда — Хрустальное мыло.
 № 4711 О-де-колонъ — Хрустальное
 мыло,
 № 4711 Монополь — Глицериновое
 мыло.
 Издѣлія № 4711 продаются во всѣхъ
 значительныхъ парфюмерныхъ и аптекар-
 скихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3353 6-2
ГЛАВНОЕ ДЕПО
у АЛЕКС. ТИСЪ и К^о.
 Пушкинская, № 4.

ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

озабочивался облегченіемъ пути въ Иерусалимъ и на Аѳоны для православныхъ па-
 ломниковъ, нашло возможнымъ брать за проѣздъ:

I. До Яффы и обратно:	I классъ.		II классъ.		III кл. жел. дор. и III кл. на парох.		III классъ.
	Съ про- дов. на парохо- дѣ.	Безъ про- дово- ль- ствій.	Съ про- дов. на парохо- дѣ.	Безъ про- дово- ль- ствій.	Съ про- дов. на парохо- дѣ.	Безъ про- дово- ль- ствій.	
Отъ СПбурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одессу.	Руб. —	Руб. —	Руб. —	Руб. —	Руб. 183	Руб. 126	Руб. 62 50
Отъ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу	305	230	215	160	173	115	46 50
Отъ Кіева чрезъ Одессу	250	170	175	120	138	101	33 —
Отъ Воронежа чр. Таганрогъ	270	180	200	130	186	118	38 —
Отъ Воронежа чр. Орелъ, Кіевъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47 —

II. До Аѳона и обратно:
 Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ . . . . . 45 р.
 Отъ Кіева чрезъ Одессу въ III классѣ . . . . . 32 р.
 Отъ Одессы въ III классѣ . . . . . 22 р.

Паломническія книжки для проѣзда продаются:
 Въ С.-Петербургѣ: у о. протоіерея В. И. Михайленскаго, Вознесенскій просп., д. церкви Вознесенія, и у С. Д. Лермонтова, Манежнй пер., 7.
 Въ Троице-Сергіевской лаврѣ: у о. Анапѣя, въ Новой гостиницѣ.
 Въ Москвѣ: у священника о. Г. Г. Срѣтенскаго, Большая Никитская, д. церкви Вознесенія.
 Въ Кіевѣ: у преосвященнаго Іеронима, Епископа Чагинскаго, въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго собора; у о. іеромонаха Анастасія, въ Лаврской гостиницѣ.
 Въ Воронежѣ: у о. игумена Платона, въ Митрофаніевомъ монастырѣ.
 Въ Перми — у Аркадія Александровича Малѣева.
 Въ Казани: у В. И. Заусайлова, въ своемъ домѣ.
 Въ Одессѣ: у М. И. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго.
 Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившіе онѣя могутъ останавливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.
 Для желающихъ получить билетъ 3-го класса только на переѣздъ моремъ, Русское Общество Пароходства и Торговли, по предъявленіи заграничнаго паспорта, выдаетъ билетъ, до Яффы и обратно, отъ Одессы и Севастополя за 24 руб., отъ Таганрога за 29 руб. и отъ Батуза за 28 руб.
 Православное Палестинское Общество проситъ за необходимыми свѣдѣніями и объясненіями, кромѣ вышеозначенныхъ лицъ, обращаться еще: въ Одессѣ: къ протоіерею Александру Николаевичу Кудрицеву, въ Университетѣ; въ Константинополѣ: къ Іосифу Петровичу Юговичу, главное Агентство Русскаго Общества Пароходства и Торговли. № 3379 3-2.

ЛЕВИНГЪ и ГЮЗНГЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
 ютъ черную краску, которую печатается
 иллюстрированный журналъ „Мива“. № 2405
НОВЫЕ РИСУНКИ АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ
 для выпилыванія лобзикомъ, цѣна по 1 руб.
 съ пересылкой за серію изъ 12 листовъ.
 I-я и II-я серія разсылаются. Магазины

4-3 Бр. ЛИНДЕМАНЪ. П. № 3364
 Москва, Мясницкая, домъ Ферстеръ.
ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ:
МЕХАНИЧЕСКАЯ ЗЕРНОШУШКА,
 изобрѣтенія В. Аккермана,
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСкія машины,
МУКОМОЛЬНЫЕ ПОСТАВЫ
 на складѣ при механическомъ заводѣ
В. АККЕРМАНА,
 СПбургъ, Пески, Больш. Болотная улица,
 домъ № 6. № 3390 4-1

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 Невскій, 57, собств. домъ,
 Покупаетъ всѣ % бумаги.
 Ссуды подъ всѣ % бумаги.
 Страхование выигранныхъ займовъ.
 Переводы на всѣ города.
 Оплата купоновъ. № 3393 3-1
 Также нужны вѣрные съ постоян-
 нымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
 Предложенія адресовать по выше-
 означенному адресу.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Маргарита.* Пер. съ нѣм. П. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ЛИБИХА КОМПАНИ
мясной экстрактъ
 лишь тѣ банки снаб- жены подписью
Настоящія женныя подписью *J. Liebig*
синяго цвѣта

8-1 Главное депо для Россіи: братья Фохтеры, В. О., 1-я лин., № 4. № 3396

Высочайше утвержденное
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
ЗАСТРАХОВ. ОТЪ НЕСЧАСТН. СЛУЧАЕВЪ
ПОМОЩЬ

Невскій пр., № 11.

I. За ежегодную премію въ 50 р. Общество принимаетъ на страхъ чиновника, купца, присяжнаго повѣреннаго и т. п. лицъ, 33-хъ лѣтъ, съ условіемъ выдачи при несчастномъ происшествіи:
 а) въ случаѣ смерти страхователя — наследникамъ его капитала въ 5000 рублей;
 б) въ случаѣ пожизненной неспособности страхователя къ труду (инвалидности) — самому пострадавшему пожизненной ежегодной ренты въ 1200 рублей;
 в) въ случаѣ временной лишь неспособности къ труду — ежедневнаго вознагражденія въ 6 рублей.
 II. За ежегодную премію въ 100 рублей застрахованное лицо, того же возраста, приобретаетъ не только право на получение вышеозначенныхъ вознагражденій, но кромѣ того, Общество обезпечиваетъ его полнымъ воз-
вратомъ всѣхъ внесенныхъ премій, въ случаѣ преждевременной смерти страхователя — его наследникамъ, въ противномъ же случаѣ ему самому, по достиженіи имъ 65-лѣтняго возраста.
 Въ виду введеннаго, по Уставу Общества, участія страхователей въ дивидендѣ, въ обоихъ случаяхъ премій, начиная съ 3-го года страхованія, понижаются.
 Подробныя поясненія и справки во всякое время выдают-
 ся всѣми представителями и агентами (во всѣхъ губернскихъ, уѣздныхъ и многихъ другихъ городахъ Имперіи), а также и Правленіемъ Общества (Невскій пр., № 11). № 3214 6-3

МОСКОВСКАЯ ФАБРИКА МЕХАНИЧЕСКОЙ ВЫШИВКИ
М. ТИМАШЕВЪ и Комп.

имѣютъ честь уведомить почтеннѣйшую публику, что
 6 сентября послѣдовало открытіе розничнаго магазина
 въ Гостиномъ дворѣ, по Зеркальной линіи, № 68, противъ Пажескаго корпуса.
 Продажа по фабричнымъ цѣнамъ всѣхъ произведеній собственной фабрики.
 Специальность обшивокъ и прошивокъ для дамскаго бѣлья, нарядовъ для подушекъ,
 литья окрывала, широкое литье для юбокъ и пеньюаровъ, шелковые воланы для
 бальныхъ платьевъ, суровые бумажные воланы, шарфы вышитые для театровъ, вышитые
 букеты, цвѣты, фигуры, всевозможныя отдѣлки и пр. М. № 3397

МАГАЗИНЪ
Г. БАРАНОВА и К^о,
 Москва, уг. Петровки и Столешникова пер., д. Рожнова.

РЕКОМЕНДУЕТЪ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

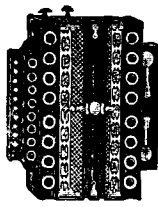
лампъ, бронзъ, люстръ, канделябровъ, подсвѣчниковъ и проч., фарфора, хрустала за-
 граничныхъ и русскихъ фабрикъ, столовыхъ сервизовъ отъ 10 руб., чайныхъ отъ 3 руб.
 и желѣзно-эмальированной кухонной посуды.
ОСОБОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: металлическихъ кроватей, мраморныхъ и цинковыхъ умывальни-
 ковъ, ваннъ и буюковой мебели; также № 3391
МАГАЗИНЪ ПРИНИМАЕТЪ ПОСТАВКИ: кроватей, оловянныхъ вещей, стальныхъ издѣ-
 лій, для госпиталей, больницъ, училищъ и вообще казенныхъ заведеній.
Отправка во всѣ города Россіи и на всѣ ст. ж. д.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е издание. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Штиглица.* Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ГАРМОНИИ

по удешевленным ценам.

Однорядная въ 3, 4 1/2, 6, 8, 10, 12, 15, 18 и 24 р.
 Двурядная въ 14, 20, 22, 25, 28, 30, и 35 руб.
 Трехрядная въ 35, 50, 60 и 75 р.
 Самоучитель Соколова по 1 руб.
 Ноты его же по 75 коп. и 1 руб. за тетрадь.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ бесплатно.
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
 главное дело № 3398
 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. 6. Торлецкаго.

КРАСОЧНЫЙ ЗАВОДЪ. ТОЛЕВЫЙ ЗАВОДЪ.

СИИ и ЛООКЪ

Преемники В. П. Франке.
 12-9 Москва. М. № 3003
 Контора: Маросѣйка, д. Кайсарова.

ЦѢНА ТОЛЬКО 10 р. с.

ПЕРЕНОСНЫЙ ТЕЛЕГРАФНЫЙ ЗВОНОКЪ.

Электрическ. батарея, въ полномъ составѣ и по новейшей конструкціи, помещена въ ящикъ, къ которому приделана весьма рационально и вѣрно-дѣйств. система звонковъ. Электр. проволока сообщ. съ батареею, и можетъ быть проведена — бѣзъ вреда для стѣны — чер. комнаты и коридоры, пройдя по угламъ или дверямъ изъ одного помѣщенія въ другое; а пугонка, придел. къ концу проволоки, прикрепляется на желаем. мѣстѣ. Такимъ образомъ, хозяинъ въ сост. устройтв. въ нѣсколько минутъ домашнее телеграфн. сообщеніе. Больше точная свѣдѣнія безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ

у Калатек. м., д. № 30-16, въходъ съ Есат. № 3378 кан., въ С.-Петербургѣ. 7-2

ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖЬ:
 Усовершенствованныя

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.

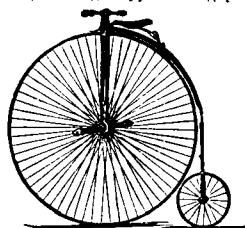
Цѣна бѣло-лакированными . . . 8
 темно-полированными . . . 8 50
 Ноты къ нимъ: Альбомъ I и II по . . . 30
 Альбомъ III новый . . . 50
 За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

Г. Ф. МОЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Прейсъ-куранты всѣмъ инструментамъ бесплатно.
 Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 3386 (2)

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ

2-хъ-колесные велосипеды специально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.
 Прейсъ-куранты бесплатно, также брошюра виконта Вэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.
 Москва, Кузнецкій м., д. Голлицина. СПб., Б. Морская, 21. Р. № 3395 (1)

СТРАХОВАНИЕ

ОТЪ

НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ

ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

№ 3389 2-1

Общество заключаетъ:

1) Страхование отдѣльныхъ лицъ отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти съ застрахованнымъ лицомъ во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ, при натаіиі верхомахъ; при несчастіяхъ въ домахъ, фабрикахъ, театрахъ, храмахъ, на охотѣ, на водѣ, на льду; при исполненіи служебныхъ обязанностей; вообще вездѣ — дома и внѣ дома, — съ условіемъ возврата всѣхъ внесенныхъ премій или безъ такового.

2) Коллективнаго страхования служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, постройкахъ и т. п. отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться при исполненіи этими лицами служебныхъ обязанностей.

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Подробныя брошюры о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, по требованію, выдаются и высылаются бесплатно Главною Конторою въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и агентами Общества въ городахъ Имперіи.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

ЗУБНЫЕ ЭЛЕКСИРЫ И ПОРОШКИ

приготовленные съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Зубная Глицериновая паста по 75 к.

Порошокъ Корайль и съ хиною по 75 к.

САЛИЦИЛОВАЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1. Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2. Цевскій проспектъ, у Анчикова моста, № 66.
3. Уголь Вознесенскаго просп. и Казанской ул., д. Шредера, № 18-54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1. На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибегаютъ нѣкоторые фабриканты, принимая названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующие наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точности фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.
 Р. № 3394 1-1

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Иители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. (36) № 2946

85 РУБЛЕЙ.
 Шубка „БОЯРЫНЯ“.

Изъ лучшаго шевіота, на шелковой саржѣ, на пуху. ШАЛЬ, ШАПКА, МУФТА изъ каракуль. Длина 32 в. На среднюю полноту.

СОБСТВЕННОСТЬ ДОМА
Ю. ФЛОРАНЪ,
 СПб., 18, Большая Морская.

НОВЫЙ АДРЕСЪ
 МОИНОЙ МАСТЕРСКОЙ
ДВЮТНЕРЪ.
 ВЪ МОСКВѢ
 ГАЗЕТНЫЙ ПЕР. ФУЛЬДА.
 ROBESEU MANTEAUX
 М. 3304

3-3 ВОДОЛЕЧЕБНИЦА Р. № 3361
ФРЕНКЛЯ изъ ВѢНЫ.
 С.-Петербургъ, Михайловская пл., № 11.

НОВОСТИ!

Американскія металлическія лампы
ГИЧКОКЪ
 безъ стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣлье и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешаваго керосина; соблюдается огромная экономія устраненіемъ постоянно лопающихся и бьющихся стеколъ.
 Лампа вся металлическая, изиціо никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.
 Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1/4 копѣйки въ часъ.
 Полное ручательство за доброту и ответственность лампы.

Цѣна съ пересылкою и упаковкою въ Европейскую Россію:

- Столовая . . . . . 12 руб.
- Всѣчая . . . . . 15 руб.
- Сѣбянал . . . . . 15 руб.

Съ колпакомъ и кольцомъ на 3 р. дорожн. Цѣны въ Азіатскую Россію на 4 р. дорожн.
 Единственный складъ для всей Россіи:
 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372

Ж. БЛОКЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
 Москва, Кузнецкій мостъ, Енатеринбургъ, Соборная уллица.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни.
 Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XIX г.

г. XIX

№ 41

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1888

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИНСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 8 октября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петербургъ	4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ	5 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. П. Печковской, Петровск. Торг. линіи.	5 п.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи	6*
За границу, съ перес.	8 р.

* Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ, а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать на упорную и пересылку ея **60 КОП.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Задворки. Съ карт. Журавлева, грав. М. Рашевскій.

Бригадирская внучка.

Московская быль.

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

IV.

На другой же день постъ похоронъ жены, Филисовъ, поднявшись рано утромъ, одѣлся въ свое лучшее платье, прибрался и, осмотрѣвъ тщательно себя въ зеркаль, отправился къ Никитскимъ воротамъ. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ онъ считалъ долгомъ являться съ докладомъ къ своему отцу.

Когда бригадиру доложили о прибытіи „молодаго барина“, какъ продолжали звать стараго на видъ поручика, онъ принялъ сына, какъ всегда, спокойно, строго, холодно, съ едва замѣтнымъ отгѣпкомъ презрѣнія.

— Здорово, Артемій Никитичъ, произнесъ бригадиръ, когда сынъ его вошелъ въ кабинетъ.— Садись.

Бригадиръ зналъ, что сынъ, котораго онъ не видалъ уже мѣсяцевъ пять, никогда не является безъ особо важной причины.

— Что? Денегъ что-ли тебѣ понадобилось? произнесъ бригадиръ, окидывая сына взглядомъ. Осмотрѣвъ его съ головы до пятъ, онъ невольно подумалъ:

„Не долго протянешь. Весь сгорѣлъ отъ вина. Вонъ она, судьба-то. Дворянинъ Филисовъ, родной сынъ—пропойца. Нѣтъ не хуже какого приказнаго стрекулиста отъ Иверскихъ воротъ“.

Дѣйствительно, видъ у поручика Филисова былъ болѣе чѣмъ когда-либо болѣзненный, изнуренный и жалкій. Артемій Никитичъ сидѣлъ и глядѣлъ какъ пришибленный. Лицо съ лиловатымъ отгѣпкомъ, сонные глаза и пунцовый носъ явно доказывали, что этотъ человекъ совершенно отравленъ спиртомъ. Голова его слегка тряслась на плечахъ, руки и ноги тоже изрѣдка какъ бы подергивало.

— Что же, не хватаетъ что-ли денегъ? повторилъ бригадиръ вопросъ и едва замѣтно вздохнулъ, думая про себя:

„Денегъ-то не жаль. Да на что? На кабаки!“

— Нѣтъ, батюшка - родитель, я не насчетъ сего. Денегъ хоть и немного, а есть. Что изволите отнискать мамъ, почитай, хватаетъ на все.

— Да вѣдь на вино изъ нихъ много, сынокъ, уходитъ, отозвался бригадиръ безъ малѣйшей укоризны въ голосъ.

Филисовъ-сынъ вмѣсто отвѣта глубоко вздохнулъ и молчалъ.

— Что? Скажешь, хворость. Правда, говорятъ такъ, что зашой хворость. Только я, сынъ, этому не вѣрю. Кабы твоя жизнь потрафилась прако, женился бы на нвой какой дѣвицѣ изъ нашего дворянскаго состоянія, да жилъ бы у меня въ домѣ, такъ никогда бы пить не сталъ. Вѣдь, пойдн, все нибче зашибасишь?

— Пью, кратко и съ какимъ то грустнымъ отгѣпкомъ въ голосъ произнесъ Филисовъ-сынъ, какъ если-бы на вопросъ доктора: „болеешь-ли ошъ“, онъ отвѣчалъ: „болѣю“.

— Но какому же дѣлу ты нынѣ являешься? Что новаго? Дочка здорова?

— Слава Богу. А вотъ жена моя, Агафья Филиповна...

— Ну, съ Агафьей Филиповной, Богъ съ ней! махнулъ рукой бригадиръ, не давая сыну досказать.— А вотъ Клѣна какъ?

— Здорова.

— Ну и хорошо. А спяника что? Озорничаетъ, безпутствуетъ? Пора, любезный, озаботиться. А то, избави Богъ, вырастетъ изъ него чудодѣй, который всю нашу фамилию осрамить. Что онъ дѣлаетъ?

— Да ничего-съ. Пропадаетъ.

— Изъ дому пропадетъ? Такъ чего ты смотришь?

— Да что же я могу?

— А то: могу... Позови двухъ солдатъ, нарѣжь свѣжихъ березовыхъ, да отстегай. Да коли будешь стегать такъ каждый день или хоть черезъ день, онъ черезъ мѣсяцъ и остепенится. Дѣло-то простое! Кабы меня не пороли или тебя не пороли, такъ и мы тоже чудачили бы. А ты вотъ живешь съ дѣтми безъ розогъ. Ну вотъ у тебя все кверху ногами и трафится. Ужъ кажется, не мудреое дѣло имѣть розги въ домѣ, да стегать. А ты и этого не можешь. Эхъ, да что съ тобой!

И бригадиръ махнулъ рукой, тряхнулъ головой и, отвернувшись, сѣлъ почти бокомъ къ сыну.

— Да что розги, заговорилъ Филисовъ-сынъ.— Вѣдь кому, батюшка-родитель, какъ что показуется. Вѣдь вотъ, къ примѣру сказать, эту самую стѣпу или дверь не будете вы стегать, потому что розги обхлестаете, а толку не будетъ никакого. Такъ-то вотъ и Филипка мой. Его хоть палачу отдать подъ плети—и то, полагаательно, ничего не будетъ. Все ему тринь-трава! Вѣдь вотъ теперь опять родная мать все-таки умерла, а ему и горюшка мало. Онъ на нее и не поглядѣлъ. А вѣдь ужъ какъ она его любила, какъ она его завсегда...

Но бригадиръ прервалъ сына.

— Что? Что? Умерла?

— Такъ точно-съ.

— Твоя жена?

— Ужъ и похоронили.

— Такъ что-же ты не говоришь?

— Да я собственно за этимъ и явился доложить вамъ, что Агафья Филиповна отдала Богу душу.

— Когда?

— Третій день уже.

— Что же такое съ ней приключилось?

— Да все она-же-съ... Самая эта болѣзнь... пошшняя.

— Что? вскрикнулъ бригадиръ,— чума?

— Чума-съ, вѣжливо доложилъ Филисовъ.

Наступило молчаніе. Бригадиръ сидѣлъ вытаращивъ на сына глаза и даже разинувъ ротъ.

— Отъ чумы... умерла? Отъ моровой язвы? переспросилъ онъ, какъ бы не вѣря.

— Точно такъ-съ...

Бригадиръ вдругъ поднялся со своего кресла, отступилъ шага на два назадъ и крикнулъ:

— Да что ты ошалѣлъ что ли? Очумѣлъ, какъ сказываютъ нынѣ? Какъ же ты, дурыя твоя голова, лѣзешь къ намъ? У тебя чумовой покойникъ, ты долженъ быть въ карантинѣ, а ты прямо шастъ ко мнѣ въ кабинетъ. Меня, что-ли, хочешь умерить? Вѣдь ты намъ домъ зачумить сразу можешь. Вѣдь, можетъ, ты ее, треклятую, ужъ и записъ, баранья твоя голова!

— Да я исключительно желалъ, батюшка-родитель... началъ Филисовъ глубокимъ голосомъ.

Но бригадиръ замахалъ рукой и закричалъ еще громче:

— Ступай, уходи. Ну тебя! Вотъ дуракъ-то! Уходи скорѣй. Гей, люди! Гей, кто тамъ? Черти! началъ кричать бригадиръ изо всѣхъ силъ.

Въ ту же минуту въ двухъ дверяхъ, за-разъ, показалось нѣсколько человекъ лакеевъ.

— Отворяй всѣ окна! А ты уходи скорѣй. Ахъ, дурыя голова! снова воскликнулъ бригадиръ.— А вы живо, обратилъ онъ къ людямъ,— берите, унесите это. . показавъ онъ на то кресло, гдѣ сидѣлъ передъ тѣмъ его сынъ.— Унесите его, забросьте на огородъ, да изрубите на мелкіе кусочки, чтобы не попало кому. Проводите

барипа до крыльца. Все оконки растворить! А домъ, чтобы сейчасъ пришли изъ аптеки, да весь окурить. Ахъ ты, Создатель! закончить бригаиръ и, махнувъ отчаяннымъ жестомъ на сына, вышелъ изъ кабинета въ свою спальню.

Въ то же время Филисовъ, съ какимъ-то глупо изумленнымъ лицомъ, двинулся въ другія двери и, медленно пройдя по богато убраннымъ горницамъ отцовскаго дома, вышелъ на крыльцо и тихо побрелъ домой.

— Выгнали, произнесъ онъ тихо, уже за воротами.— Выгнали! какъ пса какого, онъ такъ меня выгоняетъ. Жестокосердный! Не будетъ ему счастья на землѣ и не будетъ ему упокоенія на томъ свѣтѣ за его злодѣйство со мною.

Поручикъ Филисовъ медленно подвигался къ Никитскимъ воротамъ и мысль его тупо вертелась все около одного и того же слова: „выгнали“.

При этомъ онъ глубоко и сильно чувствовалъ жестокое якобы оскорбленіе, которое ему было нанесено сейчасъ отцомъ. Его большому уму представлялось уже теперь что-то, чего въ дѣйствительности никогда не было. Ему чудилось, что тому назадъ нѣсколько мпгповеній холоны его отца выгнали его изъ дома, чуть не въ шею. Ему чудилась теперь воображаемая боль въ спицѣхъ и затылкѣ.

— Стало-быть они меня колотили, выпроваживая? соображалъ онъ.

И вдругъ слезы показались на глазахъ Филисова. Онъ ударилъ себя въ грудь кулакомъ и выговорилъ:

— Вонъ оно что. Бьютъ. А я все-таки офицеръ, все-таки я твой сынъ, а ты бригаиръ. Вонъ оно что!

Въ эту самую минуту взоръ тихо двигавшагося Филисова упалъ на небольшую дверь подъ выѣзской, куда постоянно входилъ народъ или выходилъ, громко говорилъ и кричалъ. Наконецъ появилась оттуда фигура полуголая, и, покачиваясь, прислонилась къ стѣнѣ.

Филисовъ вдругъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Что-то особенное произошло во всемъ его существѣ. Вдобавокъ изъ этой двери нахнуло чѣмъ-то и все жилки, казалось, въ немъ дрогнули. Запахъ, который заставилъ бы другаго удалиться отсюда, его потянулъ неудержимою силой.

Филисовъ вдругъ громко зарыдалъ на всю улицу и, колоти себя кулакомъ въ грудь и въ голову, заговорилъ вслухъ, хрипя и всхлипывая:

— Бьютъ дворянина. Сына роднаго бьютъ. Одинъ коонецъ. Да и опять... что же? Я немощко, да и домой. Ей Богу, немощко. Я не пьяница какой...

И Филисовъ исчезъ въ тѣхъ же дверяхъ.

Черезъ полчаса времени онъ вышелъ оттуда уже въ разстегнутомъ сюртукѣ, безъ картуза, безъ напки съ серебрянымъ набабдашникомъ, даже безъ шелковаго платка на шеѣ. Все эти предметы, за немѣншемъ денегъ, остались въ кабацѣ.

Въ первый разъ въ жизни Филисовъ попался не на чистыя деньги, а оставивъ вещи какъ бы въ залогъ. Онъ плелся по улицѣ, едва передвигая ноги. Изрѣдка онъ ударилъ себя въ грудь кулакомъ, силится что-то произнести, но ничего не выходило и только раза два съ губъ его едва внятно сорвалось слово:

— Убили, убили!

Когда ввечеру Филисовъ вернулся домой, Клѣпа и Арина Матвѣевна съ ужасомъ встрѣтили его. Онъ вышелъ съ утра припарядясь въ свое лучшее платье, а теперь возвращался совершенно раздѣтымъ, не только безъ мундира, но и безъ саногъ. Одна нога была въ носкѣ, другая даже босая.

Разумѣется, пьяный отецъ не былъ новостью для Клѣпы. Но до сихъ поръ Филисовъ тратилъ деньги, какія жена давала ему изрѣдка: ему было достаточно нѣсколькихъ гривенъ на цѣлый день. Теперь же, послѣ похорошъ, денегъ въ домѣ не было—и онъ сразу, въ

однѣхъ день, лишился платья и вещей, на очень крупную сумму.

Смирно, виновато и молчаливо пройдя въ свою горницу, Филисовъ легъ и тотчасъ же заснулъ мертвецкимъ спомъ.

— Бѣда теперь, выговорила Арина Матвѣевна.— Покойница его воздерживала, а вотъ теперь всего сутки какъ похоронили, а онъ уже все свое платьишко дворянское спустилъ. Вѣдь у него и палка была съ собой. Вѣдь это поди всего рублей на тридцать въ однѣхъ день ухитилъ. Вѣдь онъ, Клѣнушка, теперь весь домъ растащить. Коли пошелъ человекъ пить не на деньги, а на разную рухлядь, на всякій скарбъ, то прощай весь домъ. Крышу сниметъ, коли она его собственная, и ту стащить въ кабацъ. Что-же тутъ дѣлать-то? Подумать надо.

— Что, няни, думать? отозвалась Клѣпа грустно.— Ничего тутъ не придумаешь.

Однако Клѣпа съ мамушкой рѣшили по возможности наблюдать за отцомъ и не давать ему уходить со двора съ какими бы то ни было вещами. Съ этого дня, несмотря, конечно, на солдата, Филисовъ выходилъ изъ дому ежедневно и всякій разъ умѣлъ перехитрить дочь и пьянку, что-нибудь стащить изъ дома.

Почти каждый день ввечеру появлялся къ дѣвущкѣ молодой Козляпиновъ и все ихъ бесѣды сводились къ тому, какъ быть, что предпринять. По совету Арины Матвѣевны, молодые люди рѣшили, не смотря на недавнюю кончину матери Клѣпы, все-таки какъ можно скорее вѣнчаться.

Черезъ недѣлю Козляпиновъ рѣшилъ отправиться въ Звенигородъ къ матери, объясниться съ ней и, ради смутнаго времени на Москвѣ, обойтись безъ соблюдения всяческихъ обычаевъ, необходимыхъ при сватовствѣ и вѣнчаніи.

— Какія тутъ обычаи, когда отецъ занилъ, а братъ пропалъ безъ вѣсти. Если матушка согласится, рѣшилъ Козляпиновъ,— то просто прѣдете вы обѣ въ Звенигородъ, да тамъ мы и обвѣчаемся.

V.

Прошло болѣе недѣли съ отъѣзда молодаго офицера, и Клѣпа ждала съ минуты на минуту гонца и хорошей вѣсти. Она считала часы и минуты и отъ зари до зари думала только обѣ одномъ, когда вырвется изъ дому.

Филисовъ, уже раза два не почевавшій дома, вдругъ однажды, уйдя со двора ввечеру, не вернулся и на утро. Прошло такъ дней пять, а о немъ такъ же какъ о Филисовѣ не было ни слуху, ни духу. Клѣпа послала горничную во все дома, гдѣ могъ бы оказаться ея отецъ: по отовсюду горничная приносила извѣстіе, что господа уже мѣсяца съ два или три какъ не видали Артемія Никитича; или же она приносила извѣстіе, что и самый домъ-то пустъ и господа давно уѣхали изъ Москвы.

Арина Матвѣевна вздыхала, по говорила:

— Пуцай его, Богъ съ нимъ. Что же намъ? Какой онъ отецъ? Онъ только обуза.

Но Клѣпа не могла успокоиться при мысли, что отецъ среди чумы, ратующей по всей Москвѣ, пьяный бродитъ или валяется гдѣ-нибудь на улицѣ.

На шестой день по исчезновеніи отца Клѣпа умолила Арину Матвѣевну пойти на Божедомку, гдѣ въ большемъ зданіи содержали всехъ больныхъ не имѣющихъ пристанища или подобранныхъ на улицѣ.

— Не можетъ онъ тамъ быть, говорила Арина Матвѣевна.— Привезли бы его туда, очувствовался бы онъ, сказалъ свое званіе и свое мѣстожителство, его бы и препроводили къ намъ. Тамъ, Клѣнушка, остается только голытьба, бродяги, Иваны-не помнящіе-родства. Не можетъ тамъ быть родитель твой.

Съ прогулки домой. Група П. А. Самонова, грав Флюгель

На птичномъ дворѣ. Съ карт. Тимоеева, грав. Ю. Шюблеръ.

Однако, не смотря на сопротивленіе мамушки, Клепа упростила ее отправиться на Божедомку.

Арина Матвѣевна собралась на утро и отправилась на дальній конецъ Москвы, чуть не черезъ весь городъ. Мамка ушла изъ дому, качая головой, какъ бы говоря:

— Вѣдь вотъ какое баловство. Что ни надумаешь, все я выкладывай. Всякую твою причуду тотчасъ бѣгу исполнить.

Но часа черезъ три послѣ этого Арина Матвѣевна приближалась домой съ платкомъ на боку и, завидя Клену, замахала руками. Она такъ шибко бѣжала домой черезъ весь городъ, что окончателно задохнулась и не могла произнести ни слова.

Отдышавшись, мамка заговорила:

— Нѣту, нѣту его, померъ. Да какъ ужасно, ужасно!

И Арина Матвѣевна передала Кленѣ подробно все, что съ ней произошло.

— Вотъ не чаяла, не гадала объ этакомъ услышать, не только своими глазами увидать.

Оказалось, что когда Арина Матвѣевна подходила къ большому дому, гдѣ умирали отъ чумы подобранные на улицахъ обыватели, съ этого же двора съѣзжала телѣга, нагруженная, почти верхомъ, покойниками. Такъ какъ гробовъ не хватало, да и были они дороги, то всѣхъ чумовыхъ бродяг хоронили просто въ общихъ ямахъ, на дальнемъ отъ Москвы, отдѣльномъ кладбищѣ. Съ Божедомки чумовыхъ покойниковъ ежедневно отвозили въ телѣгахъ по полудюжинѣ за-разъ, прикрытыхъ лишь рогожей.

И въ этой телѣгѣ, которую увидела Арина Матвѣевна, ей сразу бросилась въ глаза голова мертвеца, хорошо ей знакомая. Такъ какъ она подходила къ этому дому съ мыслью о баринѣ Артемиѣ Пиктичѣ, то понятное дѣло, что при взглядѣ на одного изъ кучи покойниковъ, которыхъ павалили въ телѣгу, мамушка сразу признала своего барина. Желтый камзолъ съ оборваннымъ галуномъ, оставшіеся на немъ, окончателно убѣдилъ Арину Матвѣевну, что одинъ изъ этихъ страшныхъ покойниковъ, наваленныхъ въ телѣгѣ, не кто иной какъ Филисовъ.

Арина Матвѣевна хотѣла было остановить телѣгу, заявивъ о томъ, что признасть одного изъ покойниковъ и желаетъ взять его на-домъ, чтобы дать честное погребеніе. Двое солдатъ, стоявшихъ у воротъ, подпнули женщину только на смѣхъ.

— Это баринъ мой! Дворянинъ! Поручикъ Филисовъ! объяснила мамка.

— Вотъ дура выискалась, чего просить! Если мы будемъ этакъ кажинной изъ васъ прохожей дурѣ дарить по покойничку, яко бы родственнику, такъ этимъ дѣламъ конца не будетъ. Поручикъ! Дворянинъ! Нишъ брешешь-то! Поналъ бы въ Божій домъ дворянинъ! Къ намъ попадетъ голытьба безродная. Аль тебѣ приглянулся покойничекъ-то? Ужь выбрала бы какого помоложе!

Арина Матвѣевна настолько опѣшила, встрѣтивъ на свою просьбу только шутки и прибаутки, что не знала, что и дѣлать.

Между тѣмъ куда мамка соображала, какъ ей быть, телѣга уже исчезла изъ виду и была, пожалуй, за версту отъ дома.

— Что-же, перекрестилась вдругъ Арина Матвѣевна, — царство ему небесное. Не все-ли равно, какъ въ мать сыру землю заровть, въ гробѣ аль безъ гроба.

И Арина Матвѣевна пустилась изъ всѣхъ силъ бѣжать домой, объявить Кленѣ поразительную вѣсть.

Разумѣется, теперь на душѣ мамки все-таки сказывалось какое-то чувство, говорившее ей, что нѣтъ худа безъ добра. Теперь безъ отца, тащившаго все изъ дому ради своего запоя, въ домѣ станетъ спокойно. Клепа становится прямой наследницей своего дѣда.

Клепа отнеслась къ смерти отца довольно спокойно. За послѣднее время ея личная жизнь шла какъ-то

особенно, даже стала въ разрѣзъ съ существованіемъ ея родныхъ. Минувшей зимой и весной Клепа даже мало видала отца и мать. Кромѣ того, ей уже давно сдавалось, она чувствовала сердцемъ, что между пей и родными легла какая-то пропасть.

Теперь же прибавилось вдобавокъ нѣчто новое. Былъ человекъ на свѣтѣ, недавно еще чужой, который сталъ ей дороже всего въ мірѣ.

И вотъ черезъ два дня пришло извѣстіе изъ Звенигорода — и оно поразило молодую дѣвушку гораздо болѣе, нежели вѣсть о смерти свившагося отца.

Козлининовъ сообщалъ черезъ солдата, что опъ получилъ приказаніе не отлучаться ни на одинъ день отъ полка, который выступаетъ въ командировку къ границѣ Тверской губерніи, для содержанія кордона между Москвою и Петербургомъ. Николай Ивановичъ прибавлялъ, что какъ только кончится его командировка, опъ тотчасъ явится въ Москву вмѣстѣ съ матерью, чтобы вѣлчаться.

Клепа, а равно и Арина Матвѣевна, обѣ были смущены. Обѣмъ казалось, что командировка и кордонъ только предлоги, только выдумка. Козлининовъ просто отказывается. Или мать не дала согласія своего на бракъ, или его самого испугала мысль взять жену изъ такой семьи, какъ Филисовы.

— Да и мало-ли что! воскликнула Клепа съ отчаяніемъ. — Мало-ли какія причипы! На пути изъ Москвы въ Звенигородъ могъ онъ пострѣчать какую красавицу и разумъ отъ нея потерять.

— Ну, это ужъ, прости, дѣвичьи привередничанья! сказала мамка.

Но Клепа въ первый разъ въ жизни была поражена въ самое сердце. Не переставая, проплакала она весь день и всю ночь. Только на утро она успокоилась, потому что Арина Матвѣевна, тоже чуть не съ ума сошедшая въ мысляхъ какъ помочь горю, наконецъ-таки надумала диво-дивное. Она заявила своему дитяткѣ что сегодня-же сама отправится въ Звенигородъ прямо къ Николаю Ивановичу и лично узнаетъ и выпытаетъ: вправду-ли назначенъ опъ въ кордонъ, или просто отлыниваетъ отъ брака.

Клепа, не отвѣчая ни слова, только кинулась въ восторгѣ на шею своей нянѣ, и чуть не задушила ее въ своихъ объятіяхъ.

Черезъ часъ послѣ этого, Арина Матвѣевна уже выходила изъ дому, босопогая, съ мѣшкомъ за плечами и съ налкой въ рукѣ. Она только наказала Кленѣ, что если явится „изъ бѣговъ“ братъ, то дѣйствовать съ нимъ смѣло и рѣшительно и пугнуть жалобой самому бригадиру.

— Ты ему объясни, дитятко, что теперь, съ кончиной его родителей, вся власть надъ нимъ въ рукахъ дѣдушки. А опъ съ нимъ не пошутить, до смерти запретъ. Вечеру, родная, притворяйся крѣпко, и калитку и ставни сама оглядывай. Людишкамъ не довѣрай. И поезу изъ дома не мочи казать, покуда я не вернусь. Попѣ времена лихія. Ну, прости, дитятко!

VI.

Между тѣмъ въ Москвѣ начались самые бурные дни. Къ чумѣ прибавился народный бунтъ, безпричинный и безмысленный.

Морозалъ язва, усилившись въ дѣтніе мѣсяцы, распространялась все болѣе и косила обывателей безпощадно. Въ іюнѣ было около тысячи умершихъ отъ чумы, въ іюлѣ тысяча семьсотъ, въ августѣ семь тысячъ слишкомъ, наконецъ въ сентябрѣ умирало по семисотъ человекъ въ день и умерло всего за мѣсяць болѣе двадцати тысячъ человекъ.

Москвичи, обезумѣнные отъ страха „черной смерти“, уже не жили по домамъ, а бродили и слопялись по улицамъ и день и ночь — по тогдашнему выраженію на-вѣки оставшемуся въ языкѣ — какъ „очумѣлые“.

Полная безурядица въ городѣ, отъ массы умершихъ и ежеминутно умирающихъ, даже на улицѣ, на ходу... Отсутствие страха предъ закономъ, предъ карой людскою, когда за синной ходитъ кара Господня — черная смерть... Очень много слуховъ, одинъ другаго невѣроятнѣе, которые бѣгали по городу... Много отчаяннаго народа во всѣхъ кабакахъ, выпущеннаго изъ остроговъ ради нужды въ людяхъ, которымъ чумовые покойники не страшны и которыхъ одѣли „мортусами“, заставляя хоронить умершихъ. Наконецъ много выморочныхъ квартиръ, пустыхъ и заколоченныхъ, гдѣ можно было грабить безнаказанно не только ночью, но и днемъ, проинвазировать награбленное и опять идти на добычу... Все вмѣстѣ разнуздало московскую чернь. Въ концѣ августа уже начались малые бунты и открытое сопротивление властямъ въ разныхъ фабричныхъ кварталахъ. Случилась крупная свалка на Разгуляѣ, гдѣ едва не убили и не растерзали доктора Шафонскаго, главнаго директора Ивведенскаго госпиталя... Наконецъ, все созрѣло къ настоящему бунту, какихъ не бывало со времени стрѣльчихъ на Москвѣ.

Бунтъ начался у Варварскихъ воротъ, гдѣ было всегда страшное скопленіе народа около чудотворной иконы Боголюбской Вожіей Матери. Отсюда толпа бросилась въ Кремль, разграбила Чудовъ монастырь, затѣмъ бросилась, въ поискахъ за архіереемъ Амвросіемъ, въ Донской монастырь. Ненавидимаго черпью и духовенствомъ Амвросія нашли и убили среди монастырской ограды. На другой день начались побоища между бунтарями и Великолудскимъ полкомъ въ Кремлѣ и на Красной площади. Конечно, вскорѣ все было усмирено...

Но во всѣхъ этихъ „очумѣлыхъ“ подвигахъ московской черни участвовалъ, увлеченный своими друзьями, Филиппъ Филисовъ, сынъ поручика и внукъ бригадира.

Явившійся въ Москву въ октябрѣ графъ Григорій Орловъ, а за нимъ морозы — прекратили чуму... и стали судить бунтарей и убійцъ архимонастыря, погибшаго мученическою смертью.

Филиппъ, отличившійся въ бунтѣ, при грабежѣ Чудова монастыря, при битвѣ съ солдатами на Красной площади, попалъ конечно въ острогъ и, въ ожиданіи наказанія, срамнаго для семьи, ничего не далъ знать о себѣ ни сестрѣ, ни дѣду бригадиру. Онъ отрезвился, быстро измѣнился правомъ, даже переродился, сидя въ острогѣ... Но было поздно. Судьи разбирали его подвиги, а до его душевнаго состоянія имъ не было дѣла. Въ качествѣ недоросля его присудили не на каторгу, а на поселеніе въ Сибирь.

Между тѣмъ няня побывала въ Звенигородѣ и вернулась вскорѣ послѣ страннаго бунта. Она пошла Клену почти больною отъ перенесеннаго перенуга.

Арина Матвѣевна познакомилась со старухой Козляпиновой и вернулась къ своему дитяткѣ съ добрыми вѣстями. Однако Клепа все-таки загрустила, узнавъ все...

Оказалось, что няня застала старушку Анну Пяповну въ сборахъ въ дорогу. Она покидала Звенигородъ ради страха чумы и съѣхала въ Клинь. Самого же Козлянинова няня уже не нашла даже, такъ какъ онъ дѣйствительно былъ со своей командой наряженъ по службѣ на границу Московской губерніи, гдѣ организовался кордонъ изъ пикетовъ и рогатокъ.

Дѣйствительно, въ виду все усиливавшегося мора, было строжайше указано изъ Петербурга запереть чуму, елико возможно на маломъ пространствѣ, и крѣпчайше наблюдать, чтобы она не перешла въ другія губерніи. Наипаче надо было преградить страшной посѣтительницѣ путь изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ была императрица. Разумѣется, въ южныя губерніи чумѣ было пробраться легко вмѣстѣ съ бѣгущими дворянами и холопами; но на сѣверъ, по дорогѣ на Тверь и Новгородъ, — было указано подъ страхомъ смерти не пропускать ни-

кого. Козляниповъ, со своей командой, изъ Звенигорода попалъ въ Клинь, а затѣмъ на границу Тверской губерніи.

И наступила невольная тягостная разлука для влюбленныхъ.

Офицеръ исполнялъ свой долгъ по службѣ въ кордонѣ, верстъ за полтора отъ Москвы, а въ стѣнахъ ея оставалась его дорогая Клена, отъ которой только разъ, черезъ полтора мѣсяца, получилъ онъ извѣстіе, да и то не изъ первыхъ рукъ. Онъ узналъ, что родители Клены уже умерли отъ чумы, а Филиппъ окончательно пропалъ безъ вѣсти.

Клена съ няней не остались на той квартирѣ, а наняли другую, изъ боязни что дѣдъ велитъ имъ идти къ себѣ. Но они дали свой адресъ Козлянипову и были вскорѣ увѣдомлены посланнымъ солдатомъ, что Николай Ивановичъ попрежнему любить свою желанную, кланяется ей и крѣпко надеется, что когда минуетъ столица дара Господня, то они, если будутъ живы и невредимы, снова свидятся и соединятся на-вѣки.

Затѣмъ цѣлый мѣсяцъ не было вѣстей отъ Козлянинова и послѣ этого пришло отъ него обстоятельное посланіе, въ которомъ онъ подробно рассказывалъ какъ едва не умеръ.

Дѣйствительно, молодому человѣку суждено было поплатиться за содержаніе кордопа, гдѣ часто задерживали чумовыхъ, пробиравшихся по деревнямъ чтобы умереть на родинѣ.

Когда въ Москвѣ уже начинало стихать моровое повѣтріе и начинались свѣжіе дни и морозцы по утрамъ, когда всѣ чули что бѣды проходятъ и черпая смерти сама помираетъ, тогда-то вдругъ и разнемогся кордонный офицеръ. Сначала онъ предполагалъ да и всѣ думали, что у него простая простуда, но вдругъ оказалось нѣчто такое что всѣ кругомъ, и товарищи, и солдаты, отшатнулись и разбѣжались отъ него. Остался ходить за нимъ одинъ солдатъ-денщикъ, давно привязанный къ барину какъ вѣрный песъ.

У Козлянинова оказалась хотя и не очень сильная, но все-таки моровая язва.

Послѣ цѣлаго лѣта всюду свирѣпствовавшей чумы, не только хорошій докторъ, но всякій фельдшеръ, даже всякій мужикъ-знахарь уже умѣли и могли отличить „тетку моровую“ отъ всякой другой болѣзни. Главные ея признаки: жаръ, безпамятство, бредъ, багровыя пятна на тѣлѣ и парывы — все появилось у офицера. Самъ Николай Козляниповъ, приходя въ себя на мгновеніе, не сталъ себя обманывать напрасною надеждой, что у него горячка, а понялъ что у него. Онъ собрался смиренно, кротко, но безъ слабодушія и болзвы — умереть по-христіански. Онъ снарядилъ тотчасъ двухъ гонцовъ къ матери и къ невѣстѣ.

Солдатъ отпавленный въ Москву не разыскалъ барышни Филисовой. Другой донесъ вѣсть въ Звенигородъ и передалъ старушкѣ, что ея сынъ при послѣднемъ издыханіи.

Разумѣется, Козлянинова тотчасъ же собралась къ сыну; но съ трудомъ дѣлая отъ старости по 20 верстъ въ сутки по страшной непролазной грязи, по болотамъ и гатямъ маленькаго проселка, не скоро добралась къ сыну, въ Тверскую губернію.

Когда старушка обняла больнаго, то фельдшеръ лѣчившій его, заявилъ что всякая опасность давно миновала. Но увѣреніе его не столько успокоило Козлянипову, сколько бодрый видъ сына.

— Да, былъ, матушка, на волосокъ отъ смерти, а теперь [чую, что живъ останусь, не умру... заявилъ Козляниповъ, улыбаясь.

Оправившись отъ болѣзни, офицеръ узналъ, что солдатъ посланный къ Кленѣ вернулся не разыскавъ ее.

— И слава Богу! Умница, что дуракъ! пошутилъ Козляниповъ.

И опъ тотчасъ спарядилъ другаго гоппа къ барышнѣ Филисовой съ письмомъ, которое написалъ ему товарищъ.

Клена была страшно поражепа этимъ извѣстіемъ.

Хотя опасность для ея возлюбленнаго уже миновала, тѣмъ не менѣе она проволочивалась нѣсколько дней и рѣшила наконецъ отправиться въ Клинь.

Мамушка сначала сопротивлялась, но затѣмъ копецъ уступила. Онѣ наняли крытую повозку и пару лошадей и весело двинулись въ путь.

„Можетъ быть тамъ и всѣмъ бѣдамъ нанимъ копецъ“, думали обѣ про себя. „Достать священника стоворчиваго, надѣтъ подвѣнечное платице... и все...“

Въ Клипу не оказалось ни старушки, ни офицера. Онъ, едва оправившійся отъ болѣзни, былъ снова куда-то командированъ, а мать вернулась въ Звенигородъ... Тутъ только Арина Матвѣевна сообразила все свое легкомысліе... Онѣ пріѣхали въ чужой городъ съ послѣдними деньгами и у нихъ оставалось не болѣе семи рублей. Обсудивъ свое положеніе, онѣ рѣшились идти въ Звенигородъ пѣшкомъ. Ходить для Клены было дѣломъ не привычнымъ, и чрезъ тридцать верстъ ноги ея уже оцухли и заболѣли... Но главная бѣда была не въ этомъ... Всѣ дороги подъ Москвой были переполнены страшнымъ, сомнительнымъ и опаснымъ людомъ, бѣглецами послѣ бунта, острожниками и душегубами...

Много страху натерпѣлись въ пути и молодая дѣвушка, и ея мамка, но однако благополучно добрались до Звенигорода.

Разумѣется, старушка Анна Ивановна обрадовалась возлюбленной своего дорогаго Коли... Она пріютила ее

у себя, ласкала и миловала, по послѣ перваго-же откровеннаго объясненія обо всемъ съ мамушкой, заявила твердо, что „такъ не приличествуетъ дворянамъ“ дѣйствовать. Козлянинова говорила, что она не можетъ согласиться на бракъ своего сына съ дѣвицей безъ разрѣшенія, согласія и благословенія ея родныхъ...

— Ты, моя пташка, теперь въ волѣ бригадира-дѣда, сказала Козлянинова. — Къ нему ты и должна немедля идти, повиниться что замедлила и попросить прощенія. Какъ всѣ бѣды моровыя пройдутъ, сынокъ пріѣдетъ въ Москву, я пріѣду и начнемъ мы благоприлично свататься.

Не смотря ни на увѣренія Клены, что дѣдъ быть-можетъ воспротивится ея счастью, не смотря на просьбы и слезы ея — старуха твердо стояла на своемъ.

Кончилось тѣмъ, что Козлянинова стала спарядать свою „пташку“ въ Москву, обѣщаясь пріѣхать съ сыномъ при первой же возможности.

— Пойми, пташка, что дѣдушка-богачъ за такое дѣло можетъ тебя лишитъ наслѣдства. А пойдешь ты теперь къ нему, да выйдешь замужъ отъ него, все твое будетъ! сказала Козлянинова.

Съ этимъ послѣднимъ доводомъ согласилась и умная Арина Матвѣевна, поступившая перазумно лишь изъ слабости характера и любви къ питомцу.

Клена пошнему то же одумалась и согласилась, что Анна Ивановна права. Теперь, послѣ всего ею пережитаго, видѣннаго и пережитоваго, она глядѣла на окружающее уже не глазами полуревенка, какъ еще недавно. Она испытала уже и горе, и страхъ, и нужду. Намыкалась и намаялась довольно. Ей самой захотѣлось скорѣе въ болышунцію палаты дѣдушки-бригадира.

(Продолженіе будетъ).

ВѢЧУ НЕ БЫТЬ.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

— А коль стало такое, такъ наша въ томъ вина, Лука Аввакумовичъ.

Лука вопросительно взглянулъ на старую посадницу.

— А тѣхъ же вина, говорю, чимъ разумомъ и доблестью Великъ Новгородъ строился.

— Чья же? спросилъ Лука, недоумѣвая что именно хотѣла сказать посадница.

— Чья? выпрямясь и гордо вскинувъ голову, спросила Марфа. — А наша вѣдь, боярска. Наша вѣдь сторона Сефійская, наши же копцы Наревской съ Загородскимъ, Новгородъ строили.

— Аль пародушко?... вставилъ Лука.

— А что пародушко-то твой? Черне-тъ эта безобразна? Звѣрь дивій ¹⁾ аль овца безгласна. Предъ стригущимъ-то. Не одиѣ руки, и головы у нихъ закорузлины. О чревѣ думаютъ, о деньгѣхъ заботятся. Промѣняютъ они волюшку повгородскую на ту московскую копечку.

— Да какъ-же... хотѣлъ было опять Лука свое слово вставить.

— А съ непокопъ боярскимъ духомъ живъ былъ Новгородъ. А живъ духъ, и тѣло крѣпко. А пыпѣ замутилося. Не въ честь имъ волиными мужами быть, въ государевы холопы вписаться паровится. Не про Василья, самъ знаешь, сказываю, а много ихъ, не ему чета, а будутъ головушки, гляди, смышленныя, только въ московскую сторону покривились. А такъ бы надобѣти: государь моль ты, а и Великъ Новгородъ потому-жъ государемъ зависъ. Анъ рознь у насъ, во всемъ-то рознь. А еще животы берегутъ. Князю дань, аль дары, какъ па миру-то придетъ, не жаль дать. А дарами еще другъ предъ дружкой чехвалются. А вотъ на дѣло-то ратное... не то чтобы денегъ жаль, а вымеръ, знатъ,

¹⁾ Дивій — дикій; собственно: дивный, невиданный.

ратный духъ. А не лучше ль моль мы отъ господина князя великаго откупимся, заплатимъ рублями новгородскими за свою предъ нимъ проступку. Видно мечи да стрѣлы пупъ въ рубли да полтины выродились, а боярскій духъ въ кошель ушелъ. То-ль въ старину-ту, самъ ты вѣдаешь. Лука Аввакумовичъ? „А сидѣли Новгородца безъ князя съ Семена дни по Великъ день о Якушѣ ¹⁾“. А шло тогда князей, больше ихъ семидесяти. А и Богъ поборалъ, и Знаменье было Пречистын. А нынѣ что? гдѣ ратоборцы? стратеги силы повгородскіи?

— Корепемъ крѣпко дерево, сказалъ Лука, все думая о пародѣ.

— Истинно, истинно, подтвердила старая посадница. — И я тоже говорю, что изякъ онъ, корепъ боярскій. А нынѣ мы не поисправимся, ту и славу поютъ Повгороду.

— Однимъ боярамъ не въ моготу, ипаче зазвиль Лука свою мысль.

— А кому жъ още?

— А всему Велику Повгороду: и вяншимъ мужамъ, и молодымъ мужамъ, волинымъ же. И Якушъ не безъ нихъ. И пыпѣ не безъ пародушка.

— А въ старину-ту зри, одного Якупа вижу, какъ бы строго взвѣшивая каждое слово, проговорила посадница. — А достальшии, коль они нутно что дѣлали, такъ имъ же были возбужены, а не своей высокою мыслью подвигнуты. А и на Твердислава, вепомни, вставала чернь, а его боронила Прусъска улица... А пунъ

¹⁾ Это случилось въ 1167 году, при посадникѣ Якушѣ Мирославичѣ и архіепископѣ Іоаннѣ. Новгородцы приписывали снятіе осады суздальцами чуду (Знаменію Пресвятыя Богородицы). Семень день — 1 сентября, Великъ день — Пасха.

Въ свѣжій вѣтеръ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) проф. Лагоріо, грав. М. Ражевскій

и взбудити, видно, некому. Аль на Владычьи молитвы падѣшься? Такъ не Иванъ же святитель Владыкомъ у насъ, а и другъ Знаменья не дождемся.

— А по-что жъ не добръ-то онъ, Владыко?

— А тѣмъ онъ худъ, что какъ въ Апокалипсисѣ писано: „яко ни студень еси, ни теплъ“. А таки-те на что гожи, самъ вѣдаешь. Въ Новѣгородѣ молись, на московски иконы зрять. И во всемъ таковъ: хоть бы Пашковѣ дѣло взять. Миромъ, ишь ты, съ Васильемъ думалъ сладить, а на него мечъ надобенъ. Охъ ужъ! таки миротворцы не хуже-ль они вороговъ?.. А теперь поминай какъ звали его, Василья-то, а съ нимъ и Маврушеньку по имению.

— Аль не всятѣль? съ гнѣвомъ въ очахъ вскричалъ Лука.

— А гдѣ всятить! Еще слово клеветное на нее же взвелъ.

И старая посадница рассказала что знала о Буяновомъ „уродствѣ“.

— Ну, поблѣднѣвъ въ лицѣ и съ горящими очами, сказалъ Лука. — А знай я про то, ужъ Василей свѣтъ Селифонтьевичъ отвѣдалъ бы моего меча. А хоть бы тверской рубежъ перѣбѣжалъ, и тамъ dospѣла бы его каленя стрѣла.

— Любо глядѣть на тебя, Лука Аввакумовичъ, какъ всколыхнулся ты отъ гнѣва на Арбузьева. А взгорись, этапъ же огнемъ взгорись за обиду новгородскую. А поколь ее не выместишь. Чтобъ знала Москва да вѣдала, каковѣ надъ Великимъ Новгородомъ насильничать!

Лука недоумѣнно и растерянно глядѣлъ на посадницу.

— Что глядишь-то на меня, аль не чуешь въ себѣ духа высококаго? А время мнѣ своихъ выдвинуть. Близкихъ нѣтъ, за дальнихъ возьмусь, а не то и вовсе чужихъ, а бы гожи были. Настолько-то Марья станеть. А вынѣ Новгороду ты вѣдомъ. Похотѣ еще на послѣднемъ вѣчущкѣ, выкликнули-бъ тебя въ посадники. Не я говорю, а стары бояра умные. И наши, Неревски, и Прушана.

— Ужъ гдѣ мнѣ! какъ бы съ искугомъ сказалъ Лука. — И въ роду-то у насъ не повелось быть на степенѣ.

— А мало-ль что не повелось!..

— Анъ не выкликнуть. „Гдѣ ему, гусларю-то“, скажутъ.

— А тотъ же разговоръ шель, какъ гадали-думали кого на рубежъ послать. А съумѣлъ же ты сдѣлать дѣло новгородское.

Лука понялъ что посылка его на рубежъ не обошлась безъ посадницы.

— А ты крѣпко на-крѣпко эту мысль въ головѣ держи. А не завтра же тебѣ на степенъ ступить вѣло. А пока-что, и Ѳома гождь. А придетъ время, бодръ явись.

Лука тяжело дышалъ, и горящими очами точно въ высь глядѣлъ, на ту высокую степенъ, куда ему Марья путь указывала. Иль не сегодня онъ размышлялъ о суетѣ мірской и собирался въ монастырь идти? А вотъ она, опять передъ нимъ эта жизнь многомятежная! И куда еще манить!..

— Не въ посадники, хоть въ тысячки. Самъ же скажешь, что народушко любъ тебѣ. „А не безъ нихъ Якунь“, молвилъ. И ты съ ними же. А съ кѣмъ бы ни было только бь отстоять намъ волю новгородскую! А добромъ-ли, лихомъ-ли.

Посадница помолчала.

— А на-перво тебѣ, Лука Аввакумовичъ, — полно-ко на боку у себя лежать, въ Болви-то улицѣ. На-людяхъ надо жить. Съ сегодня и починъ клади. У меня отобѣдаешь. Не то чтобъ сѣлень столъ я нынѣ строила, а будутъ таки. Сведу тебя съ людьми добрыми, со

старичками почѣстными. А послушать ихъ разъ, другій, что годъ у Владыка въ сѣняхъ сидѣть. А отъ нихъ переймешь дѣло-то градское. А у нихъ, знаю я, къ тебѣ, не къ иному душа лежитъ. За „въ князѣхъ-те“.

Лукѣ отнѣкиваться не приходилось.

За столомъ посадница на него не нарадовалась. Онъ много слушалъ, мало спрашивалъ, а что спрашивалъ, то съ большимъ умомъ. Марья видѣла, что не ошиблась въ Лукѣ, и старымъ боярамъ онъ также понравился.

Всѣмъ бы вышелъ почестный столъ, еслибъ къ концу не случилось помѣхи. Марья Олександровна ни жива, ни мертва за столомъ сидѣла. При видѣ Луки, всѣ мысли, чѣмъ она мучилась за послѣднее время, встрепенулись въ ея умѣ. Въ часъ она за-годъ передумала. Нынче ей сильнѣй, чѣмъ когда либо, желалось близкаго горя и она думала о немъ съ такимъ напряженіемъ, что не выдержала и громко вскрикнула.

— Что съ тобой, Марьюшка? нѣжно спросила бабушка.

— Охъ, бабушка миленька! отвѣчала молодая боярыня. — Охъ, страшно мнѣ! Охъ, страшно! Охъ, тако-то мнѣ вспоминалось. А всей душой, скажи, утрашилася.

На бабушкины разпросы, Марьюшка не то чтобъ отказывалась отвѣчать, а казалось боялась своимъ разсказомъ встревожить, не столько себя, сколько другихъ.

— А сказывай ужъ! А что еще страшно припомнила? А правду всю, и строго, и любовно приказала бабушка.

— А про Зосиму-то, про игумна Соловецкаго...

Дальше не къ чему было рассказывать. Всѣ знали какое видѣніе было на пиру Зосимѣ — и кого изъ бояръ онъ видѣлъ тогда сидящими безъ головъ, тѣмъ были отсѣчены буйныя въ Старой Русѣ повелѣніемъ государя московскаго.

— А и горе-то, иде же! говорила Марья Олександровна, какъ бы въ явь тѣ види, о чемъ сказывала. — А и тѣсно стало вокругъ Новагорода. Обложило тучей грозно-черною. Ни проходу, ни продору; ни конному, ни нѣшему... Охъ, охъ!..

Смутны встали гости изъ-за стола посадницына.

XIII.

Ненила Петровна.

Мамелфа Тимоѣевна не-вѣсть какъ обрадовалась сыну, особенно потому, что онъ воротился раньше, чѣмъ она расчитывала; до Успеньева дня она не ждала его. „Знать, по Настасьюшкѣ соскучился“, подумала Мамелфа Тимоѣевна.

О вѣздухахъ матушка захлопотала не меньше сына. Тотчасъ же послала за знакомымъ купцомъ, и приказала ему принести припасы для воздуховъ. Купецъ принесъ втрое противъ того, сколько было надобно. Честная вдова выбирала умѣючи, заботясь о чести Кириаковой, чтобъ не сказали про него люди добрые что вотъ моля внукъ посадничій обѣщанье-то далъ, а денегъ для Бога пожалѣлъ: прислалъ всего, какъ есть, въ обрѣзъ да вдобавокъ припасу дешеваго. Затѣмъ у Мамелфы Тимоѣевны съ купцомъ шель не малый торгъ: рублями ей платить не хотѣлось, и она нудила купца чтобъ онъ бралъ отъ нея хлѣбомъ, рыбою и разными запасами: все равно моля придется же тебѣ на торгу покупать. Купецъ долго расчитывалъ сколько какого запасу ему требуется для дому, и притомъ выгадывалъ, чтобъ обошлось ему вдвое дешевле чѣмъ при покупкѣ на торгу. Наконецъ-то уладились, товаромъ помѣнялись, и боярыня сверхъ того пообѣщала купцу денегъ въ ростъ дать.

Мамелфа Тимоѣевна приказала купцу при себѣ всѣ припасы въ холстѣ завертѣть и уложить въ коробъ. При ней же купецъ и коробъ увязалъ, въ чемъ и Кириакъ Андреевичъ ему помогалъ. За этимъ дѣломъ у нихъ все утро прошло, а въ обѣдъ Мамелфѣ Тимо-

еевнѣ вспало на мысль: „не оттого-ли Кириакушко обѣщаль строить воздухи, что думаетъ на Настасѣ съвататься?..“

— А вижу я теперь, Кириакушко, вслухъ сказала матушка, — что вовсе понапрасному отговаривала я тебя отъ проѣздушки. А проѣздили, помолился онѣ...

У Кириака въ памяти мелькнули Изгойченковы слова: „а тамъ и женись“. Слѣдомъ и тѣ опъ припомнилъ, чтѣ ему шенталось въ полуснѣ передъ отѣздомъ изъ Красныхъ Холмовъ.

— А воротился ты домовъ бодрѣхопекъ, веселѣхопекъ, продолжала между тѣмъ Мамелфа Тимоѣевна. — А чтѣ жъ не скажешь ты мнѣ, а милочекъ мой, о чемъ такомъ тебѣ со скуки въ Красныхъ Холмахъ гадалось? Про кого была твоя думушка безсонная? Не объ одномъ-ли онѣ, золотенькѣй, мы съ тобой думали? А ждучи-то тебя, все мнѣ мечталось что воротится моль мое сыночушко любименькое, да и скажетъ своей родитель-матушкѣ...

Мамелфа Тимоѣевна не безъ умысла замолчала.

„А высватай мнѣ Сѣломонъ Григорьевну“, шепнулось у Кириака въ памяти.

— А что жъ не отвѣчашь-то мнѣ, Кириакушко?

— О чемъ такомъ, рѣдна матушка?

— Аль ты въ рѣчи мою не вслушался?

— А слушаль же, весело сказала Кириакъ, — ждалъ твоего словечушка послѣдняго.

— А и мнѣ рѣчи тянутъ не къ чему, прямо вѣдь выскажу, весело же завторила сыну Мамелфа Тимоѣевна. — Такъ, слышь, Кириакушко, этакъ-то мнѣ безъ тебя все думалось, что прѣхавъ вотъ скажешь мнѣ: а высватай моль...

— Сѣломонъ Григорьевну, невольпо проговорилъ Кириакъ вслухъ, и смутился своего печальнаго слова.

Ему подумалось: „не ладно моль оно вышло, что этакъ-то напрямки сказалъ.“ Да слова, выпустивъ, не поймаешь.

— Кака онѣ Сѣломонъ Григорьевна? насупивъ брови спросила матушка.

— А котора воздухи шить буде...

— Да гдѣ жъ ты видѣлъ ее? съ изумленіемъ вскричала честнѣ вдова.

— А у батюшка ейнаго обѣдалъ въ Маккавеевъ день, а еще у Ириньи Мишаничной.

При имени Ириньи, Мамелфа Тимоѣевна вспыхнула.

— А шутемъ ты, знать, про сватанье...

— Нѣтъ, матушка, слово это мое буде не шуточно.

— А коль не шуточно это слово-то твое, отрѣзала Мамелфа Тимоѣевна, — инъ толкомъ бы ты его сказывалъ.

Кириакъ Андреевичъ въ этотъ день больше говорить не осмѣлился.

Прошло сколько-то дней. Матушка словно и забыла про Сѣломонъ.

— А что жъ ты, Кириакушко, какъ-то утромъ сказала она, — все дома сидишь. Аль съ дороги не отдохнулъ еще?

— А велика-ль дорога-та была!

— То-то, и сама я такъ думаю что недалняя, а и отдохнуть отъ нея давно-бъ пора. А съѣздили бы, навѣстивъ кого.

— А Луки же нѣту въ Новѣгородѣ.

— Не одинъ Лука...

— А дрѣгихъ-те уснѣю еще, сказала Кириакъ, и рукой махнулъ.

Мамелфа Тимоѣевна помолчала немного.

— А какже, Кириакушко, поласковѣй заговорила она, — а будто ты прежде къ Настасѣ-то ѣздить, золотенькѣй, къ Григорьевичевой охотился. А частѣхонько вѣдь, припомни-ко, любименькѣй, къ ней ты заѣзживалъ.

— А заѣзживалъ, да й прѣздилися.

— Ой чтѣ такъ, бажоненькѣй? съ недовѣрчивой усмѣшкой спросила Мамелфа Тимоѣевна.

— А по твоему приказу и ѣздили-то.

— А я тебя не неволила, строго отвѣчала матушка, и прочь пошла.

„И чтѣ за ими тако Сѣломонъ?“ ворчала она про себя. — „А сколько вѣдь ни думаю, а не было у насъ николи въ роду такого имячка.“

На бѣду въ это самое утро воротился гонецъ, котораго посылали съ коробомъ, и попался прямо на очи господарынѣ. Ей онъ и передалъ наказъ Ириньи Мишаничны, что „коробъ сданъ моль Сѣломонъ Григорьевнѣ, съ рукъ на руки, а Сѣломонъ Григорьевна много благодарствовала, и за шитье въ тотъ же часъ садилася, и поклонъ приказывала да велѣла сказывать, что крѣпко на то надѣется, что Кириакъ Андреевичъ прѣдетъ ея работы смотрѣть.“ Придумывая такой наказъ, Иринья Мишанична никакъ не разсчитывала что онъ попадетъ въ уши Мамелфѣ Тимоѣевнѣ.

— А чтѣ у васъ тамъ за Сѣломонъ Онтоповна заводилася? спросила за обѣдомъ матушка, умышленно забывая отчество дѣвушки. — А поклоны шлетъ незнакомымъ молодцамъ, а онѣ зоветь на себя смотрѣть?

Кириакъ вспыхнулъ. Хотя онъ и не видѣлъ еще паробка, но чувствовалъ что матушка говорить и то же, да не то чтѣ отъ гонца слышала.

— А сказывалъ я тебѣ, сдержавъ себя, отвѣчалъ онъ.

— А нѣ-помню ужъ я! Аль эта она буде чтѣ Иринья-та подруженька?

Кириакъ промолчалъ.

— А вѣжеству-то, зпать, она у Ириньи же обучалася. А та, скажутъ, съ молоду ой, ой! кака была... И Мамелфа Тимоѣевна сама замолчала, видя что перехватилася и начала говорить о томъ, о чемъ при сынѣ и занкаться не слѣдовало бы. — А чьихъ она? заминая целовку рѣчь спросила боярыни.

— А Щебельковыхъ же.

— А ну ужъ сказывай, все про нее сказывай, приказала сыну Мамелфа Тимоѣевна.

Кириакъ никакъ не ждалъ, что ему сегодня придется говорить о Сѣломонъ Григорьевнѣ. Онъ началъ рѣчь, сбивался и путался, и хотя потомъ и оправился, да черезчуръ ужъ заботился о томъ съ какимъ лицомъ его слушаетъ матушка. Мамелфа Тимоѣевна въ началѣ морщила брови и хмурилася, а потомъ стала слушать степенно. Кириакъ разсказалъ все по порядку и какъ встрѣтился съ дѣвушкой въ лѣсу, и о чемъ бесѣдовалъ съ нею у Ириньи, и какъ ему о ней передъ спомъ въ ухахъ шепталось.

Мамелфа Тимоѣевна ни слова не сказала въ отвѣтъ, да и про себя-то ничего не подумала. „А блажь вспала, а пройде“, рѣшила она уже часъ спустя.

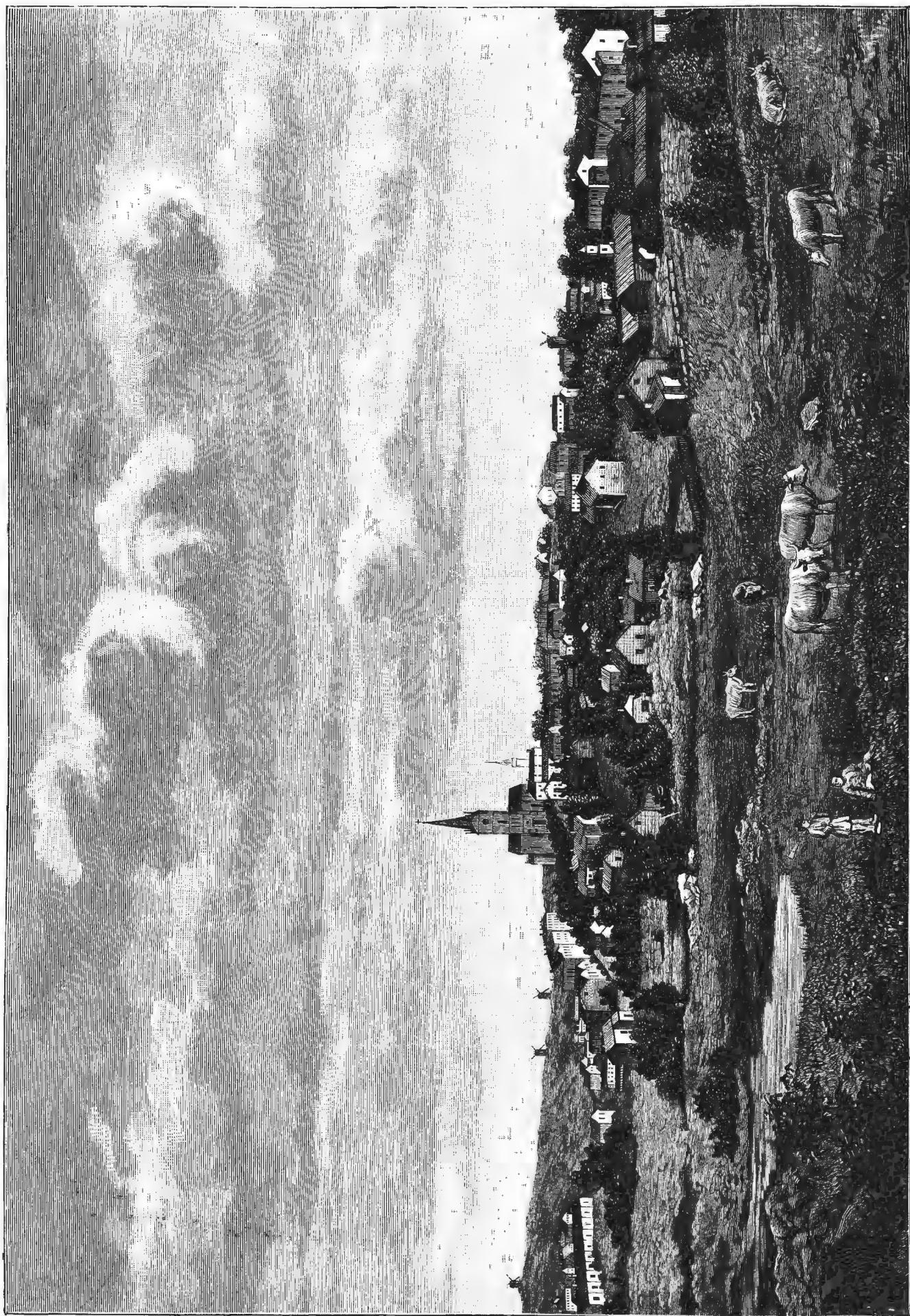
Видя что у нихъ съ матушкой какъ будто нелады пошли, и опасаясь худшаго, Кириакъ надумался угодить родненькой и на другой же день съѣздили къ Настасѣ Григорьевичевой, а затѣмъ денька три спустя, опять къ ней завернулъ. Мамелфа Тимоѣевна такому обороту дѣла весьма обрадовалась.

„А вѣрно что блажь вспала,“ отпустивъ сына во второй разъ къ Настасѣ думала она. — „Вѣстимо молодешенекъ да глущешенекъ: съ того она ему и показала... А може къ тому и не вовсе уродъ.“

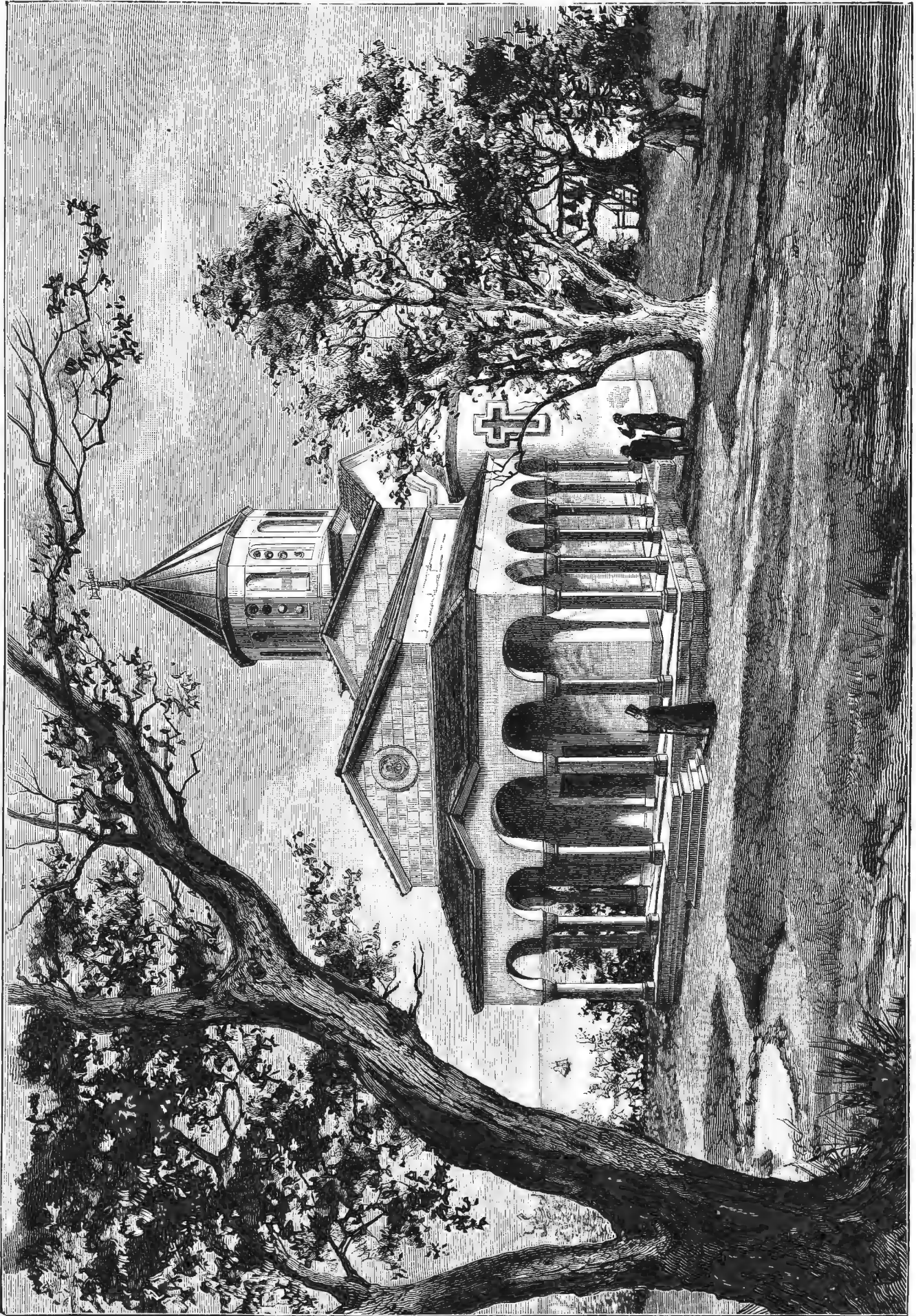
Мамелфа Тимоѣевна съ великимъ трудомъ допускала, что Сѣломонъ Григорьевна не вовсе уродъ, твердо увѣренная что та только дѣвушка можетъ быть хороша, котораю она сама выберетъ для сына.

Послѣ перваго заѣзда сына къ Настасѣ Петровнѣ, Мамелфа Тимоѣевна о ней съ нимъ не заговаривала. А какъ онъ въ другой разъ тамъ побывалъ, не удержалася.

— А что жъ ты мнѣ, Кириакушко, не скажешь, какову ты Настасьюшку Петровну засталъ. А гляди,

Финляндія. Видъ г. Ловизы. Съ фотогр грав. М. Рапшевскій.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы въ Ориандѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) акад. Бенча, грав. М. Рашевскій.

увидя тебя, моего божененькаго, и не вѣсть какъ она взрадовалась.

— А было ей съ чего радоваться! много у нея пароду-то въ сѣняхъ торчитъ: однимъ больше, меньше-ли, не все-ль ей равно?

— А ужь нѣ-споръ со мной, голубчикъ мой любимейшій, знаю ужь я что безъ тебя она поскучивала. Не разъ вѣдь присылала о тебѣ навѣдываться: скоро-ль молъ Кириакъ-тъ Андреевичъ воротится? А заѣжая, сама о томъ же провѣдовала. А не скрыть ужь, Кириакушко. А я вѣдь, милочекъ мой, то видя радовалась.

Кириакъ ничего не сказалъ, а Мамелфа Тимошеевна на себя подосадовала что перебивъ его рѣчь не во время, спутала его мысли.

— А о чемъ же у васъ бесѣда шла? погоды спросила она.

— А бесѣда тамъ изодня-въ-день одна стоитъ. Сегодня изъ-пуста въ порожнее, на завтра изъ-порожня въ пусто лютъ.

— Да я про Настасьишку вѣдь спрашиваю, съ ней-то у васъ о чемъ же разговоръ былъ?

— А о томъ же, какъ бы нехоти Кириакъ отвѣчалъ.

— Да о чемъ же именно, я желаю знать, съ раздраженной настойчивостью добивалась матушка.

— А вѣстимо о Великомъ Новѣгородѣ.

— А что жь, аль худа эта бесѣдушка?

— Не худа бѣ была, коли бѣ къ дѣлу вела.

— А и дѣла, милочекъ мой, погоды дожدهшься.

Кириакъ ничего не отвѣчалъ, только взмахнувъ рукой на матушкины слова какъ на сущую пустяковину. Это маханье рукой показалось матушкѣ непочтительнымъ.

— А погляжу - ко я, Кириакушко, вовсе другимъ ты изъ этой своей провѣдочьки домовъ пришелъ, погоды начала она долгую рѣчь. — Черемѣна въ тебѣ больша оказывается, а пѣ-къ-хорошу. Охъ! чуяло мое сердце материньско, оцѣ какъ отпускала-то тебя, что не къ добру оно буде. Задичалъ ты самъ промежь засельщины, деревенщины, а на мои слова рукой помахи-вашь. Не прежнимъ милымъ птенчикомъ влетѣлъ ты во родно гвѣздучко. Съ перваго же взгляда я въ тебѣ это замѣтила, только тебя же обидѣть боясь, не выговаривала. Даромъ что ты здоровымъ да бодрымъ прикидывался. Родительскій-то взоръ зорогъ: мепя-то не обмануть тебѣ.

— Да чѣмъ же я тебя, матушка, хотѣлъ обманывать?

— А ужь вовсе, вовсе другій сталъ, не прямо на вопросъ отвѣчала матушка, и помолчавъ добавила. — А нѣтъ въ тебѣ ни прежней сыповней ласковости, ни этого милаго ребячьаго денета, что со всѣмъ-то ты, съ горемъ-ли, съ радостью, бѣжалъ ко своей родной матушкѣ.

— А пріѣхавъ, кажись, о всемъ тебѣ, моему родителю, докладывалъ.

— О всемъ-то, обо-всемъ да не какъ слѣдовало, не безъ рѣзкости возразила матушка. — А время-ко мнѣ, вижу, напомнить тебѣ о святой волости ¹⁾ родительской.

Кириакъ глаза на матушку поднялъ.

— Изъ воли твоей николи я не выходилъ, твердо, даже жестко отвѣчалъ онъ.

— А и на томъ благодарствую что воля моей родительской покоренъ былъ. Не вовсе знать отговорили тебя отъ родной матушки.

Кириакъ молчалъ.

— А полно-ко мнѣ говорить загадками да недомолвками, раздражался сыновнимъ молчаніемъ продолжала матушка. — А часъ пришелъ объявить тебѣ властную волю родительскую.

Кириакъ и на эту рѣчь ни слова не вымолвилъ.

¹⁾ Волость — власть, вообще все что зависигъ отъ данной воли.

— А долгъ свой родительскій сполнить хочу, оже-пить тебя. — И помолчавъ немного, прибавила: — а у меня и невѣстучка высмотрѣна.

Упорное молчаніе Кириака раздражало Мамелфу Тимошеевну.

— А что жь молчишь ты? вскинулась она на него. — Аль все равно на комъ оженю-то я тебя?

— Твоя воля, покорливо отвѣчалъ сынъ, и порывисто добавила: — а только не на Настасьѣ Григорьевичевой!

Мамелфа Тимошеевна изъ себя вышла.

— Аль мнѣ у тебя о томъ спрашиватись? вскричала она. — А велю—и на ней оженисься.

Кириакъ молчалъ, не глядя на родительницу.

— А это откуль оцѣ взялъ, чтобъ молчать-то па спросъ родительскій? допекала сына Мамелфа Тимошеевна. — Аль перенялъ вѣжество деревеньское? Такъ и сумѣю тебя въ свою волю прівести, полную.

— А сказалъ ужь я, какъ бы про себя замѣтилъ Кириакъ.

— Печего сказать, дождалась на старости лѣтъ отъ родна сыночущка почтеньца! И невѣсты ему, гляди, не смѣй высватать. Ужь не эту-ль оцѣ сватать-то велишь, какъ бишь ее? а Ирину-ту подруженьку. Такъ о томъ у меня и гадать не могли. Знаю я этихъ деревеньскихъ-то! Этаки ужь живутъ безстыжія! А и родня оцѣ негожа така навяжется что всплачешься.

— А не видѣвъ людей, за что жь ты хулить ихъ вздумала, матушка? съ любительнымъ упрекомъ сказалъ Кириакъ.

Именно потому что въ его упрекѣ звучала любительная нѣжность, и взбѣленилась Мамелфа Тимошеевна.

— Да ты что ко мнѣ съ ней-то присталъ? А слова родителю своему не дашь выговорить? Съ чего слѣпить-то велишь мнѣ съ этимъ негожимъ сватовствомъ? Аль у васъ, прости Господи, съ нею грѣхъ былъ?

Кириакъ отвѣчалъ безъ словъ, горькимъ упрекомъ въ очахъ. Мамелфа Тимошеевна со стыдомъ потупила очи.

Съ этого часа пошли у нихъ нелады. „Все конечно!“ оба тутъ же подумали. О сватовствѣ они другъ съ другомъ больше не заговаривали, но о чемъ бы у нихъ ни шла рѣчь, всегда просачивалась раздорная мысль и превращала рѣчь въ острую и суровую. Спросить у Кириака матушка, гдѣ онъ въ праздникъ молиться будетъ, а сынъ отвѣтитъ что въ той или иной церкви, и Мамелфа Тимошеевна тотчасъ обидится.

— Аль тебѣ въ одной со мной церкви ужь стало тѣсно Богу молитися?

Откажется Кириакъ отъ какого-нибудь кушанья, и тутъ же промолчитъ матушка.

— Знать, Иринуя тебѣ вѣстучки больнѣ сахарны готовила, что дома-тъ тебѣ и ѣда не въ дѣду.

И во всемъ такъ же. Кириакъ не отставалъ отъ матушки; разница только въ томъ была что онъ молча проглатывалъ мнимыя обиды. Изрѣдка только, какъ матушка черезчуръ ужь круто говорила, у него въ горлѣ спиралось дыханье и хрипѣло невысказанное слово.

Матушка думала на своемъ настоять. „Этакъ же батюшко его упрямялся“, размышляла она, — „а прожилъ же вѣкъ со мной, а жили ладнѣхонько, а какого еще сыночущка спорѣдили, самого вѣдь Кириакушка.“

И сыну вспоминалось про батюшка. „А така жь видно и мнѣ судьба что и батюшку“, думалъ. Противиться матушкѣ ему и въ мысль не впадало. Въ одномъ только онъ воспротивится: на Настасьѣ, хоть проклинай его матушка, не женится, а прямо скажетъ, что не съ чего ему на вдовѣ жепитися. Кириакъ разсчитъ былъ вѣренъ: Настасионо вдовство и самой матушкѣ казалось помѣхой. Оттого она и откладывала сватовство со дня на день.

Неладная жизнь была тягостна обимъ, и конца

края ей не предвидѣлось. Чѣмъ круче была матушка, тѣмъ милѣе вспоминался Кириаку и тихій разговоръ Соломонущинъ, и ея издрогнувшій за материнскую честь взглядъ, и ея заманчиво-загадочная улыбка. Тамъ-то миръ да тишина, а тутъ свара да разладаца.

Мамелфа Тимоѣевна не мало же думала про Ирину подругу. Ненавидѣла она ее великою ненавистью. Въ злобѣ ей даже мерещалось, что еслибъ какимъ-нибудь побытомъ Соломонъ Григорьевна очутилась у нихъ въ домѣ, то она скорѣй бы замуровала дверь въ свою комнату и съ голоду себя поморила, чѣмъ допустила бы себя взглянуть на этуку безстыжую дѣвчину, что зоветь молодцовъ на свою красоту глядѣть.

Во мнѣннн Мамелфы Тимоѣевны „Иринина подруга“ казалась всеѣмъ дурна; ей даже притчалось, будто и съ лица она черная. „А стоитъ вѣдь передо мной будто туча черная, а свѣтъ мое солнышко, Кириакушка, отъ очей моихъ скрываючи“, плакалась она. Не знала Мамелфа Тимоѣевна что оттого она ревнуетъ сына къ безстыжей дѣвчипѣ, что межъ нихъ любовь заводилась; межъ Настасьей и Кириакомъ о любви и поминана не было, оттого и Настасья ладна казалась матушкѣ.

Надолго бы затянулся этотъ раздоръ, не вступись въ дѣло Ненила Петровна.

(Продолженіе будетъ).

Волшебныя кольца.

Въ наши дни довольно много чудесныхъ явленій произошло времени, получивъ рациональное объясненіе, перешли въ разрядъ естественныхъ, причѣмъ конечно утратили всю прелесть таинственности. Къ числу таковыхъ-же слѣдуетъ отнести и волшебныя кольца. Иногда, впрочемъ, ошибочно называютъ волшебными кольцами явленіе, которое состоитъ въ томъ, что растенія относящіяся къ семейству плауновъ (*Lycopodium*), растутъ иногда въ видѣ довольно правильныхъ круговъ, достигающихъ 1—1½ сажени въ діаметрѣ. Но это не настоящія волшебныя кольца.

Послѣднія попадаются довольно рѣдко, на необработанныхъ мѣстахъ, гдѣ почва достаточно богата перегноемъ, сравнительно чаще на горныхъ лугахъ. Въ такихъ мѣстахъ можно встрѣтить полныя и почти правильныя кольца, выдѣляющіяся вълѣдствіе того, что растенія ихъ образующія замѣтно лучше развиты, чѣмъ окружающая травяная растительность. Густая, темнозеленая листва и высокіе стебли обозначаютъ волшебное кольцо и, чтобы его еще болѣе рѣзко отгѣнить, площадь, заключенная этимъ кольцомъ, покрыта крайне жидкою, иногда совсѣмъ жалкою травой. Волшебныя кольца въ исключительныхъ случаяхъ достигаютъ діаметра до 15 сажень, хотя и въ 5 сажень не особенно часты, тогда какъ обыкновенныя ихъ размѣры 1—1½ сажени въ діаметрѣ. Средней величины круги легко замѣтны уже на разстояніи цѣлыхъ верствъ, особенно если смотрѣть на нихъ съ нѣкоторой высоты. Средину занимаетъ желтоватая площадь низкой, чахлой травы, кольцеобразно ограниченная какъ-бы вѣнкомъ замѣчательно сочной и хорошей травы, причѣмъ все это расположено на фонѣ средней по своему развитію луговой растительности. Въ Германіи народъ уже давно подмѣтилъ эти волшебныя круги и, не имѣя возможности подыскать подходящаго этому явленію объясненія, приписалъ ихъ образованіе феямъ: центральная площадь—это мѣсто, которое избрали феи себѣ для танцевъ при лучшемъ свѣтѣ, причѣмъ подъ ихъ ногами растительность поблѣднѣла и зачахла, тогда какъ окружающее эту площадь кольцо высокой травы образовалось по ихъ приказанію для того, чтобы онѣ могли вполнѣ предаться своему веселью, не опасаясь, что кто-нибудь подсмотритъ ихъ пляску.

Естественномыслитель, встрѣчаясь съ подобнымъ явленіемъ и желая себѣ его объяснить, прежде всего обратитъ вниманіе на тѣ растенія, которыя обыкновенно образуютъ волшебное кольцо. При этомъ оказывается, что оно образовано самими распространенными представителями; чаще всего встрѣчается плевель (*Lolium*), ежа (*Dactylis*) и костеръ (*Bromus*). Замѣчательно, что волшебное кольцо, разъ образовавшись на данномъ мѣстѣ, много лѣтъ подлѣ-рядъ остается на немъ, причѣмъ кольцо постепенно расширяется, растетъ, такъ что наибольшими размѣрами отличаются старѣйшія изъ нихъ. Все это указываетъ на то, что за все это время дѣйствуетъ одна постоянная причина, которая, вызвавъ образованіе такого кольца, поддерживаетъ дальѣе его существованіе и ростъ въ продолженіе цѣлыхъ годовъ.

Причину этого явленія можно открыть, если весной или осенью навѣстить заинтересованное насъ образованіе и по возможности ближе осмотрѣть его. Оказывается именно, что въ это время весь наружный край нашего кольца покрытъ цѣлыми колоніями грибовъ. Послѣдніе относятся къ различнымъ родамъ, причѣмъ не малое число ихъ принадлежитъ къ числу съдобныхъ; такъ здѣсь можно найти шампиньонъ и нѣкоторыхъ его наиболѣе вкусныхъ родственниковъ; впрочемъ, встрѣчаются и ядовитые, но не въ очень большомъ количествѣ.

Если допустить, что грибы способствовали образованію кольца феи, тогда круглая форма разбираемаго нами явленія объясняется очень просто. Первоначально возникаетъ одиночный грибъ. Осенью онъ разбѣиваетъ свои сплѣны споры вокругъ себѣ; эти споры прорастаютъ и образуютъ кругъ грибовъ; далѣе этотъ кругъ такимъ-же образомъ стремится увеличиться въ своихъ размѣрахъ во всѣ стороны. Но такъ какъ за собою онъ оставляетъ уже истощенную почву, которая не такъ пригодна его развитію, то онъ и получаетъ поступательное движеніе не во всѣ стороны въ одинаковой степени, а лишь въ наружную,

къ истощенной почвѣ. Одно поколѣніе грибовъ сгнѣняется другимъ, причѣмъ вся колонія движется центробѣжно, оставляя за собою, истощенную и потому не заселенную грибами площадь. Еслибъ хорошее развитіе травы можно было связать съ присутствіемъ грибовъ, то понятно, что и эта выдѣляющаяся по своему развитію растительность должна была-бы образовать окружность, соответствующую положенію грибовъ.

Почему же растенія, поселяющіяся у наружнаго края вышеупомянутой колоніи грибовъ, могутъ развиваться лучше? Такъ какъ извѣстно, что грибы сгниваютъ быстро и образуютъ тогда родъ удобренія, весьма богатаго азотистыми веществами, то этимъ обстоятельствомъ легко объясняется особенно роскошное произрастаніе травы на мѣстахъ ихъ разложенія. Вѣроятно и это имѣетъ здѣсь мѣсто, хотя для объясненія всего явленія это оказывается недостаточнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, этимъ нельзя объяснить крайней истощенности почвы внутренней площади, отличающейся въ продолженіе цѣлыхъ лѣтъ почти совершенною безплодностью, точно такъ же какъ остается необъясненнымъ, почему только со внутренней стороны кольца появляется такая выдающаяся по развитію растительность. Еслибы все дѣло зависѣло только отъ удобряющаго дѣйствія грибовъ, то это обнаружилось бы не только позади ихъ, но и передъ ними. Поэтому должно существовать еще нѣчто, чтб бы представляло болѣе глубокую причину взаимномощи растеній и грибовъ.

Эта причина лично предстанетъ предъ нашими глазами, если мы осторожно вытаскимъ грибъ изъ почвы: на нижнемъ концѣ его мы замѣтимъ бѣловато-сѣрыя ниточки, которыя собственно и образуютъ тѣло гриба—его мицелій, разстилающійся подъ землею, тогда какъ то чтб обыкновенно называется *грибомъ* (т. е. шляпка и пенекъ) есть только одно его плодовое тѣло. Весною или осенью мицелій этотъ образуетъ на своемъ молодомъ, наружномъ концѣ, въ большомъ количествѣ такія плодовые тѣла, т. е. такъ-называемые грибы, причѣмъ хорошо развившаяся трава укореняется прямо тамъ, гдѣ проходитъ здоровая, плодущая часть ткани мицелія. Ясно теперь, что болѣе роскошное развитіе здѣсь растительности зависитъ именно отъ его присутствія. Обративъ на это обстоятельство свое вниманіе, мы тотчасъ вспомнимъ повѣршія открытія, по которымъ оказывается, что древесныя корни, благодаря сообществу мицелія гриба, пріобрѣтаютъ особенную способность легко усваивать питательныя вещества почвы. Дѣло въ томъ, что грибная ткань дѣйствуетъ на окружающее ее замѣчательно растворяющимъ образомъ. Замѣчено далѣе, что корневые волоски нѣкоторыхъ высухшихъ растеній оказываются обвитыми мицеліемъ, который вѣроятно живетъ на нихъ паразитомъ, но зато, въ свою очередь, дѣйствуя растворяющимъ образомъ на составныя вещества почвы, облегчаетъ ихъ принятіе при посредствѣ корней. Такимъ образомъ хозяинъ, благодаря паразиту, получаетъ съ болѣею легкостью себѣ кормъ и не тратитъ по этому своимъ нахлѣбникомъ. Нѣчто похожее происходитъ и въ волшебномъ кольцѣ. На основаніи наблюденій извѣстно, что корневые волоски растущей въ кольцѣ травы также обвиты тканью гриба; иногда же послѣдняя прямо проникаетъ въ нихъ. Здѣсь также, слѣдовательно, грибъ питается насчетъ травы, со своей стороны помогая ея питанію раствореніемъ почвы. Влѣдствіе этого оба сотоварица развиваются роскошно; у гриба усиленное питаніе выражается большимъ количествомъ плодовыхъ тѣлъ, у травы же наружнымъ благоденствіемъ и повышеннымъ содержаніемъ золь и азота, какъ это показали химическія анализы.

Но благодаря этимъ союзникамъ по эксплуатаціи почвы происходитъ то, чтб въ примѣненіи къ человѣку зовутъ хищническимъ хозяйствомъ. Мѣсто ихъ хозяйства отличается такою истощенностью, что по цѣлымъ годамъ почва терзетъ возможность надлежащимъ образомъ питать растительность; должно пройти продолжительное время, прежде чѣмъ атмосферическіе и др. дѣтели успѣютъ привести въ растворимое состояніе новыя количества почвы, а до тѣхъ норъ это мѣсто рѣзко отличается голодающею и потому чахлою растительностью.

Мы видимъ, слѣдовательно, здѣсь простое объясненіе этому явленію, и вмѣстѣ наталкиваемся на интересный фактъ ассоціаціи въ растительномъ царствѣ, причемъ два эгонста, благо-

даря взаимной помощи, достигаютъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ еслибы они работали отдѣльно.

М. Штауде.

В. Г. Тепляковъ.

(Портр. на этой стр.).

Между второстепенными поэтическими дарованиями тридцатыхъ годовъ обращаетъ на себя вниманіе весьма симпатичный талантъ Теплякова — поэта мало извѣстнаго публикѣ. Теперь имя его совершенно забыто, но въ то время онъ имѣлъ свой кругъ почитателей, и его произведенія, въ особенности „Оракійскія элегіи“, были оцѣнены критикой, не смотря на то, что тогда все вниманіе и общества, и критики было сосредоточено на яркихъ свѣтилахъ поэзіи: Пушкинѣ, Жуковскомъ, Дельвигѣ, затѣвавшихъ собою остальныхъ „питомцевъ музъ и вдохновенъ“, жившихъ съ ними въ одно время. Критикъ „Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду“ находитъ, что стихи Теплякова полны гармоніи, лирическаго движенія и проблесковъ чувства; Жуковский также былъ высокаго мнѣнія о талантѣ этого поэта. Когда Тепляковъ получилъ подарокъ отъ императора Николая Павловича за свою книгу „Письма изъ Болгаріи“, ему подписанную, Жуковский, передавая этотъ подарокъ, между прочимъ писалъ Теплякову: „Позвольте припести вамъ искреннюю благодарность и за себя: я порадовался сердечно вашему подарку, ибо давно уже уважаю васъ, какъ поэта съ дарованіемъ необыкновеннымъ и какъ пріятнаго прозаика, умѣющаго давать слогомъ своимъ прелесть учености...“ И поэтъ Дмитріевъ, въ то время уже маститый старецъ, довольно лестно отзывался о произведеніяхъ Теплякова. „Признаюсь вамъ — писалъ ему извѣстный баснописецъ — что по прочтеніи полнаго собранія вашихъ стихотвореній, я не безъ труда вѣрю, что въ тверитянинахъ каждая вапа пѣснь дышетъ теплотою и ясностью роскошнаго Юга.“ Но всего авторитетнѣе для насъ, конечно, отзывъ Пушкина, который въ своемъ *Современникѣ* помѣстивъ разборъ „Оракійскихъ элегіи“ Теплякова и привелъ цѣлый рядъ выписокъ. Особенно ему понравились элегія „Гебеджинскія развалины“. „Въ ней — говоритъ Пушкинъ — обнаруживается необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и сила въ мысляхъ; выписавъ затѣмъ большую часть элегіи, великій поэтъ восклицаетъ: „Это прекрасно! Энергія стиховъ удивительна!“ Въ заключеніе онъ хвалитъ и разныя мелкія стихотворенія Теплякова, имѣющія неоспоримое достоинство. „Еслибы г. Тепляковъ — говоритъ Пушкинъ — ничего другаго не написалъ, кромѣ элегіи „Одиночество“ и станса „Любовь и Ненависть“, то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами.“ Пушкинъ, къ которому Тепляковъ всегда относился съ благоговѣніемъ и котораго называлъ великимъ учителемъ своимъ, имѣлъ огромное вліяніе на развитие поэтическаго таланта автора „Оракійскихъ элегіи“. Во многихъ стихотвореніяхъ Теплякова чувствуется также большое вліяніе Байроновской поэзіи, вообще же преобладающимъ чувствомъ въ его произведеніяхъ является тихая грусть, къ которой нерѣдко примѣшивается горечь недовольства собою. Поэтъ сознаетъ внолнѣ безсиліе свое проявить данный ему Богомъ талантъ въ полномъ блескѣ; въ одной пѣснѣ онъ прямо указываетъ, что именно мѣшало этому таланту развернуться:

„О други! Крылья соколины
Душа расправила-бъ моя,

Когда бы раннія кручины
Изъ урны бѣшеной судьбины
Не проливались на меня!“

Если Тепляковъ мало извѣстенъ какъ поэтъ, то какъ прозаикъ онъ и совсѣмъ неизвѣстенъ, а между тѣмъ онъ оставилъ нѣсколько прекрасныхъ изслѣдованій Востока, изученіемъ котораго занимался весьма ревностно; одинъ изъ его отчетовъ объ экспедиціи въ завоеванные русскими города древней Мизіи и Оракіи былъ переведенъ на нѣкоторые европейскіе языки и обратилъ на себя особенное вниманіе знаменитаго ориенталиста Генриха Клапрота. Находясь при русской мисіи въ Константинополѣ, Тепляковъ нерѣдко представлялъ въ министерство Иностранныхъ Дѣлъ обстоятельныя и дѣльныя записки о внутреннемъ состояніи Турціи, о ея финансахъ и ея исторіи. Тепляковъ превосходно владѣлъ языками французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и турецкимъ и довольно основательно зналъ древніе языки. Вообще онъ былъ человекъ способный и, для того времени, превосходно образованный. Безъ сомнѣнія, онъ сдѣлалъ бы гораздо болѣе, могъ бы выдвинуться весьма значительно и какъ поэтъ, еслибы прожилъ долѣе и еслибы надъ нимъ не тяготѣли жизненные обстоятельства. Болѣзнь и

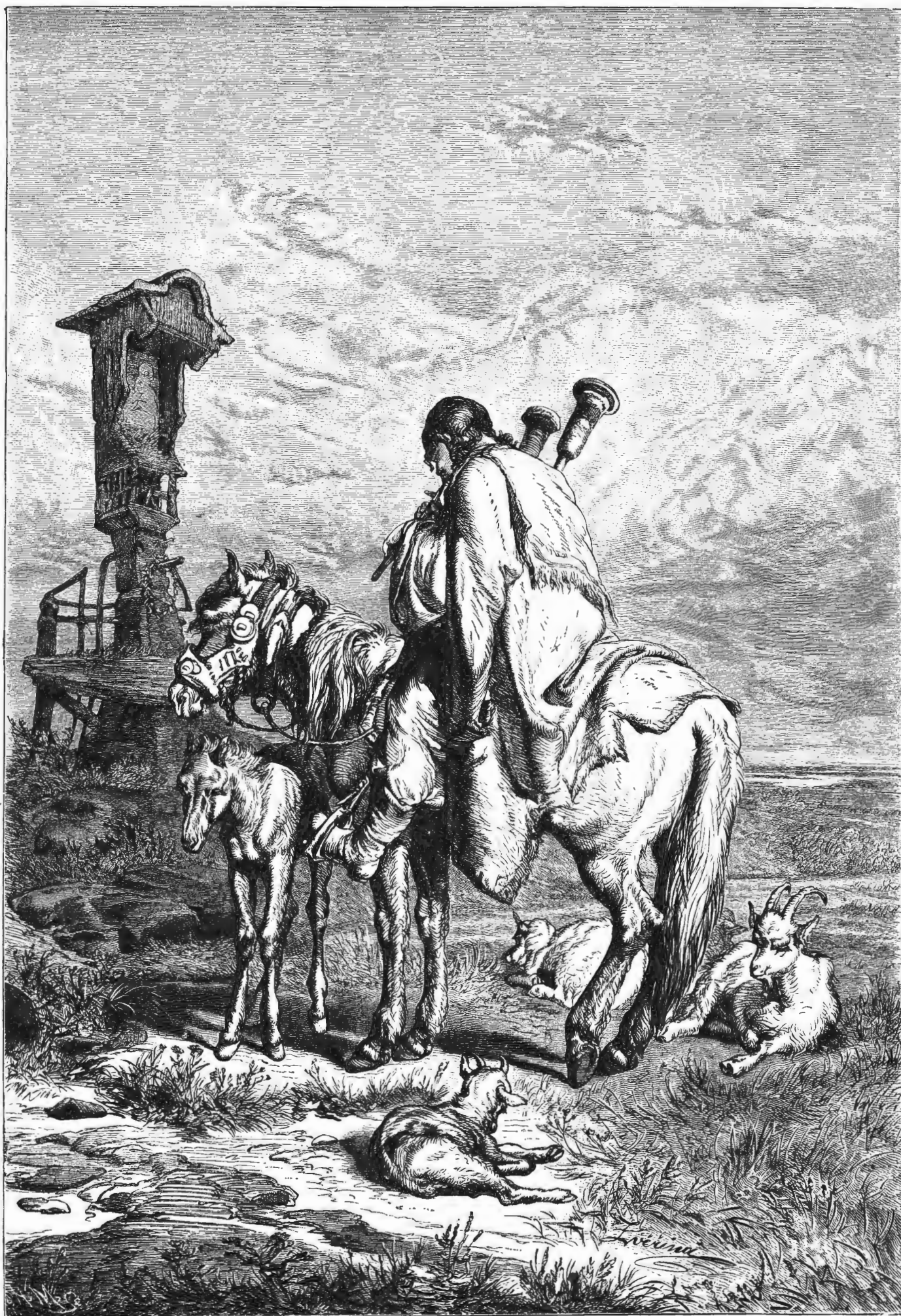
страданія не покидали его всю жизнь, частыя бѣдствія преслѣдовали его съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, а одна непріятная исторія, приключившаяся съ нимъ, когда ему было двадцать пять лѣтъ съ небольшимъ, подѣйствовала на него сильно и неотразимо. Все это, вмѣстѣ взятое, не разъ наводило даровитаго поэта „на мысль покинуть совершенно свѣтъ и жить отшельникомъ“. Эти же причины сдѣлали его болѣющимъ оригиналомъ, пробудили въ немъ наклонность къ бродячей жизни. Онъ постоянно, по словамъ его биографа, носилъ какое-то страннаго покроя коричневое пальто, въ родѣ мѣшка, сильно помятую шляпу, или „шляпку невидимку“, какъ онъ самъ ее называлъ, и никогда не разставался съ желѣзною палкой, фунтовъ въ десять вѣсомъ, съ надписью „temento potui“. Кромѣ того онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ и вѣчно странствовалъ, такъ что, порою, его друзья терпели его, на годъ, на два, совсѣмъ изъ виду. И Пушкинъ, бывшій съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и цѣнившій его дарованіе, не даромъ называлъ Теплякова Мельмотомъ-Скитальцемъ. Дѣйствительно, онъ скитался всю жизнь по свѣту, среди скитавшій и умеръ.

Викторъ Григорьевичъ Тепляковъ происходитъ отъ одного изъ дворянскихъ родовъ Тверской губерніи и родился, отъ брака статскаго совѣтника Григорія Алексѣевича Теплякова съ Прасковіей Аггеевныю Свѣчиной, 15 августа 1804 года, въ Твери. Послѣ домашняго образованія онъ былъ помѣщенъ въ московскій Благородный пансіонъ, выйдя изъ котораго поступилъ, шестнадцати лѣтъ, въ Павлоградскій гусарскій полкъ конкереомъ. Здѣсь ему пришлось вращаться въ средѣ развитыхъ и образованныхъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе воспитаніе получили въ германскихъ университетахъ, занимались литературою и науками и принадлежали къ масонскимъ ломамъ и тайнымъ обществамъ. Тепляковъ не могъ отстать отъ товарищей

Викторъ Григорьевичъ Тепляковъ. Съ совр. портр. грав. Ю. Шюблеръ.

Степной пастухъ въ Угорской Руси. Рис. Заерина, грав. Моссе,
Библиотека "Руниверс"

и сталъ усердно пополнять пробѣлы своего воспитанія и прикнулъ также къ одной масонской ложѣ. Прослуживъ съ небольшимъ четыре года, онъ по болѣзни оставилъ службу и перѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь ему пришлось полатиться и за увлеченіе масонскимъ ученіемъ, и за знакомство съ нѣкоторыми лицами, причастными къ декабрускому возмущенію: его посадили въ Петропавловскую крѣпость, а когда онъ здѣсь занемогъ, перевели въ военный госпиталь и затѣмъ по выздоровленіи отправили въ Александровскую лавру, на покаяніе. Въ концѣ 1826 г. Тепляковъ подалъ прошеніе на Высочайшее имя, о дозволеніи ему жить въ болѣе тепломъ климатѣ, и ему позволили выбрать мѣстомъ жительства Херсонъ. Здѣсь вскорѣ онъ былъ обокраденъ крѣпостнымъ своимъ лакеемъ, а потомъ подвергся разбойничьему нападенію двѣнадцати злоумышленниковъ, ограбившихъ его и изранившихъ. Тепляковъ написалъ о своемъ ужасномъ положеніи государю. Николай Павловичъ простилъ его совершенно, вернулъ ему чины, прислалъ двѣ тысячи рублей на обзаведеніе и повелѣлъ принять его на государственную службу. Сперва Тепляковъ служилъ въ таганрогской таможнѣ, очень недолго, а потомъ, съ 1827 года находился въ штатѣ новороссійскаго и бессарабскаго губернатора, графа Воронцова, главнымъ образомъ занимался археологическими разысканіями для открытія памятниковъ древности, поступавшихъ въ новоучрежденный тогда Одесскій музей. Съ этой цѣлью онъ путешествовалъ, въ 1828 г., по Кавказу, а въ 1829 г. по Балканскому полуострову. Плодомъ перваго путешествія — были стихотворенія, посвященныя Кавказской природѣ и жизни, результатомъ втораго — явилась интересная книга „Письма изъ Болгаріи“ (СПб. 1833). Въ 1834 г. Тепляковъ былъ командированъ въ Константинополь, Малую Азію и Грецію, для собранія свѣдѣній о торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею и для научныхъ разысканій. Пропутешествовавъ мѣсяцевъ семь, Тепляковъ, въ 1835 г., отправился въ Петербургъ хлопотать о переводѣ на службу по министерству Иностранныхъ Дѣлъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополь. Въ Петербургѣ, какъ видно изъ его дневника, Тепляковъ перезнакомился со всѣми литературными свѣтилми и на одномъ изъ вечеровъ у Жуковскаго, въ присутствіи цесаревича Александра Николаевича, чи-

талъ свои „Оравійскія элегіи“. Затѣмъ онъ жилъ въ имѣніи своего отца близъ Твери, въ Москвѣ, гдѣ вращался въ обществѣ Лажечникова и Федора Глинки и уѣхалъ, наконецъ, къ мѣсту службы — въ Константинополь. Въ 1837 — 1838 годахъ онъ былъ въ Афинахъ, въ качествѣ дипломатическаго курьера, для изученія исторіи Греціи, и путешествовалъ по Египту, Сирию и Палестинѣ. Отрывки изъ записокъ веденныхъ имъ въ это время онъ помѣстилъ въ „Литерат. прибавл. къ Русскому Ивалиду“ конца 30-хъ годовъ. Достаточно ознакомясь съ Востокомъ, Тепляковъ пожелалъ, по его словамъ, „посмотрѣть на Европу, поближе взглянуть на прославленную цивилизацію нашего времени“. Съ этой цѣлью онъ просилъ о переводѣ его въ другое посольство, и когда ему было отказано, онъ вынелъ въ отставку, въ 1840 году, прожилъ недолго въ Петербургѣ и отправился, на собственные средства, странствовать по Европѣ. Въ Парижѣ, какъ частый посѣтитель салона С. П. Свѣчиной, Тепляковъ встрѣчался съ Ламартиномъ, Шатобрианомъ и другими корифеями литературы и часто „блестящими разсказами о своихъ путешествіяхъ по Востоку увлекалъ слушателей“. Между тѣмъ здоровье его разстраивалось, и, по совѣту врачей, онъ въ 1841 году жилъ съ мая и до конца іюля въ Англенѣ; оправившись, онъ „исполнилъ обѣтъ“ свой — посѣтилъ берега Рейна, Швейцарію и Италію. Въ Римѣ онъ познакомился съ знаменитымъ полиглотомъ Меццофанти и, желая представить папѣ Григорію XVI, въ одну недѣлю выучился легко объясняться по-итальянски. Папа былъ удивленъ и этой легкостью, и вообще начитанностью Теплякова и предложилъ ему разобрать архивные документы по процессу Беатриче Ченчи, съ тѣмъ, чтобы написать ея исторію. Болѣзнь и другія причины заставили его оставить эти занятія и возвратиться во Францію, гдѣ онъ лѣчился въ Виши, а потомъ перѣхалъ въ Парижъ, гдѣ развившаяся сильно хроническая болѣзнь свела его въ могилу. Онъ скончался 2 октября 1842 года и похороненъ на Монмартрскомъ кладбищѣ. Какъ видно, смерть пришла къ нему вовремя, ибо онъ жаловался на тоску и скуку и писалъ за нѣсколько дней до кончины къ брату: „Я видѣлъ все, что только есть любопытнаго въ подлунномъ мірѣ, и все это мнѣ надобно до невыразимой степени“.

П. Быковъ.

Къ рисункамъ.

Задворни. Картина Журавлева. (Рис. на стр. 1001).

Картины г. Журавлева всегда такъ типичны и понятны русскому человѣку, что не нуждаются ни въ какихъ разъясненіяхъ. Кто не знаетъ деревенскихъ задворковъ и той тихой, незамѣтной жизни, которая копошится тамъ изо-дня-въ-день и день-денской?

Съ прогулки — домой. Группа П. А. Самонова.

(Рис. на стр. 1004).

У кавказскихъ горцевъ и нашихъ казаковъ въ обычаѣ подвизать такимъ образомъ своихъ родственницъ, женъ и невѣсть. Эта группа, какъ и всѣ прочія работы г. Самонова, приобрѣтена въ собственность магазиномъ Штанге (въ СПб.), который отливаетъ ее изъ бронзы на продажу. Петръ Александровичъ Самоновъ началъ заниматься скульптурой съ 1884 года, первое время больше самоучкой, затѣмъ посѣщалъ мастерскія извѣстныхъ скульпторовъ, гдѣ знакомился съ приемами искусства, а въ 1885 году отправился въ Парижъ и тамъ изучилъ всѣ музеи. Всѣ его произведенія того времени были куплены Верфелемъ въ Антверпенѣ, во время посѣщенія выставки, на которой они были эконопированы авторомъ.

На птичьемъ дворѣ. (Рис. на стр. 1005).

Изящная картинка г. Тимофеева изображаетъ молодую птичницу, которая вынесла своимъ любимымъ хохлушкамъ особенно вкусные остатки своего обѣда — хлѣбныя крошки, кашу и т. п.

Въ свѣжій вѣтеръ. (Рис. на стр. 1009).

Морскіе виды профессора Лагоріо хорошо извѣстны читателямъ „Нивы“. Каждый изъ нихъ — это цѣлая поэма изъ волнъ и облаковъ, обнимающая собою то или другое состояніе подвижной стихіи. Прилагаемый на этотъ разъ рисунокъ изображаетъ море въ свѣжій вѣтеръ, такъ радующій моряковъ и слегка накрывающій на бокъ судно, которое весело разбѣгаетъ гребни валовъ.

Городъ Ловиза. (Рис. на стр. 1012).

Городъ Ловиза, считающій до 3000 жителей, находится въ Перноскомъ уѣздѣ, Нюландской губерніи, въ Финляндіи, и расположенъ на берегу Финскаго залива. Въ 1743 году рѣка Кюмень стала границею между Финляндіею и Россіею. Нѣсколько купцовъ изъ уступленыхъ Швеціею городовъ Фридрихсгама и Вильманстранда испросили позволеніе перенести свою торговлю къ одному изъ морскихъ заливовъ, вдающихся на южномъ побережьи, въ приходѣ Перно, въ 15 верстахъ къ западу отъ Кюмени. Шведское правительство, найдя полезнымъ основать здѣсь городъ, купило за 300 талеровъ

имѣніе Дегербу и 26 іюля 1746 г., выдало грамоту на основаніе города Дегербу. Король Адольфъ-Фридрихъ посѣтилъ новый городъ и назвалъ его Ловизою въ честь королевы Ловизы-Ульрики, хорошо извѣстной въ исторіи XVIII вѣка. Городъ тотчасъ получилъ право приморскаго города, дарственные земли и другія льготы, сдѣлался главнымъ городомъ Кюменьгородской губерніи и получилъ гарнизонъ въ 500 человекъ. Ловиза предназначалась быть пограничнымъ укрѣпленіемъ. На восточной и сѣверовосточной сторонахъ видны еще слѣды укрѣпленій. Впоследствии планъ измѣнился: островъ Свагтольмъ при входѣ въ заливъ былъ укрѣпленъ; это укрѣпленіе и до сихъ поръ защищаетъ входъ въ гавань. Въ мартѣ 1808 г. городъ сдался на капитуляцію русскимъ войскамъ и съ этого года принадлежитъ Россіи. Приморское положеніе даетъ возможность Ловизѣ вести порядочную торговлю, но, къ сожалѣнію, обмелѣвшая гавань и множество камней дѣлаютъ этотъ портъ доступнымъ только для мелкихъ судовъ. Большія суда останавливаются верстахъ въ пяти отъ города. Ловиза расположена среди густонаселенной и жилищной мѣстности; здѣсь производится постройка куческихъ судовъ и довольно большая торговля желѣзомъ и дѣсомъ. Близость эстляндскаго побережья усиливаетъ и безъ того большую контрабанду, въ особенности тайную торговлю спиртомъ. Городъ расположенъ весьма живописно. Нашъ рисунокъ передаетъ видъ съ восточной стороны. Городъ окаймленъ уступами деревьевъ; высоко поставленная кирка господствуетъ надъ городомъ. При городѣ есть минеральная вода и морская купанья, довольно охотно посѣщаемыя. Пароходное сообщеніе связываетъ Ловизу съ Петербургомъ и Гельсингфорсомъ.

Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы въ Ориандѣ. (Рис. на стр. 1013).

Расположенное на южномъ берегу Крыма, извѣстное имѣніе Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича, Орианда, еще во времена генуэзскаго владычества носила названіе „Casale Orianda“, которое татарами передѣлано было въ *Урьянда* или *Ургенда*. При татарахъ на дугахъ Орианды бродили настихи со своими стадами, и вся эта мѣстность представляла печальное запустѣніе. По окончательномъ присоединеніи Крыма къ русскимъ владѣніямъ въ царствованіе Екатерины II, въ 1783 году Орианду приобрѣлъ въ собственность Ревеліоти, начавшій разводить здѣсь виноградники. Затѣмъ Ревеліоти продалъ имѣніе графу Кунелеву-Безбородко, у котораго въ 1825 году купилъ его императоръ Александръ I, а по кончинѣ его Орианда перешла въ собственность императора Николая. Въ 1827 году государь подарилъ Орианду своей супругѣ, отъ которой она и перешла къ нынѣшнему ея владѣльцу.

Не много даже въ Крыму такихъ живописныхъ мѣстностей. Природа надѣлила Оріанду живописными утесами и дивною зеленью лѣсовъ; искусство человѣка обогатило ее роскошью и убранствомъ. Въ великолѣпномъ паркѣ Оріанды растутъ самыя рѣдкія деревья, достигая необыкновеннаго роста; чудесные цвѣты наполняютъ воздухъ своимъ ароматомъ; съ выдвигающейся отвѣснымъ утесомъ горы Мегаби открывается восхитительная панорама всего Южнаго берега Крыма. Дворецъ Великаго Князя Константина Николаевича построенъ по плану архитектора Штакеншнейдера и частью по плану берлинскаго архитектора Шинкеля. Августѣйшій хвзичъ, всесторонне заботясь о своемъ имѣніи, въ послѣднее время украсилъ его благолѣпнымъ храмомъ Покрова Пресвятыя Богородицы, изображеннымъ на папшемъ рисункѣ. Храмъ построенъ изъ бѣлаго мрамора въ древнемъ стилѣ; а внутри будетъ украшенъ мозаичными образами, надъ которыми уже нѣсколько лѣтъ трудится извѣстный мозаистъ Сальвини. Позагаютъ что работы его продлятся еще лѣтъ десять-двѣнадцать. Колокольня устроена на вѣтвяхъ и стволѣ громаднаго дерева, съ небольшою лѣсенкой ведущей къ колоколамъ.

Степной пастухъ въ Угорской Руси.

(Рис. на стр. 1017).

Угорская Русь, входящая въ составъ венгерской половины царства Габсбурговъ, насчитываетъ до 3.200.000 душъ, живущихъ на южныхъ склонахъ Карпатскихъ горъ, въ окрестностяхъ Ужгорода и Бардѣева, въ лупанствахъ или комитатахъ Гемѣрскомъ, Спшискомъ, Шарискомъ, Земличскомъ, Сабольскомъ, Угочскомъ, Сатмарскомъ, Бережскомъ, Ужгородскомъ, Мармарошскомъ, Абаюварскомъ и Борнодскомъ. Угорскіе русскіе дѣлятся на верховинцевъ (горцевъ) и долинянъ (живущихъ въ долинахъ). Нарѣчіе ихъ понятно каждому малороссу. По мнѣнію Шафарика, угро-русскій народъ можно считать коренными жителями вышней Венгріи, чѣмъ и объясняется существованіе въ Венгріи многихъ городовъ, посвятившихъ названіе О-россь. Земля занимаемая русскими, называется Крайною (Украиной), а народъ—крайниками. Переселеніе русскихъ въ Венгрію повторилось въ разные эпохи. При королѣ Андрѣ I, вслѣдствіе брака его съ третьею дочерью Ярослава, многие русскіе пришли въ Венгрію. Самое значительное переселеніе русскихъ произошло при Лудовикѣ Великомъ подъ водительствомъ Новгородскаго князя Федора Коріатовича. Около 1360 г. въ Венгрію пришло 40.000 русскихъ, которые поселились въ Мармарошскомъ и Бережскомъ комитатахъ. Намывъ русскихъ въ Венгрію продолжался и въ XVII вѣкѣ. Когда мадьяры пришли въ Паннонію, русскіе и славяне были уже христианами по обряду восточной церкви; но пришельцы-мадьяры по разнымъ причинамъ возобладали надъ кореннымъ населеніемъ. Тѣмъ не менѣе, каждый кто могъ доказать свое русское происхожденіе, считался свободнымъ. Русскіе пользовались тѣми же правами, какъ и мадьяры, и имѣли собственное управленіе. Ихъ вѣдали свои выборные (князья), которые были подчинены выборнымъ воеводамъ. Сынъ короля Стефана назывался дух *Russozum* (герцогъ Руссовъ). Самыя должности носили русскіе названія (надворный панъ, воевода по-мадярски *войвода*, стольникъ—*асталнокъ*, отъ *сталъ*—столь). Русскіе составляли почетную стражу мадярскихъ государей. Потомки этихъ высокопоставленныхъ русскихъ вошли впоследствии въ составъ мадярской знати (Любомірскіе, Петровы, Липтаеви, Березипскіе и др.). Остались вѣрны своей національности дворянскіе роды Добрянскихъ, Бачинскихъ, Ладомірскихъ, Ладыжинскихъ, Духовичей. Но въ концѣ XV вѣка русскіе, пользовавшіеся доселѣ одинаковыми правами съ мадьярами, лишены были правъ свободного перехода. Громадныя области, населенныя русскими, отдавались во владѣніе мадярскимъ семействамъ. Бѣлые крестьяне подчинены были суду и расправѣ дворянскихъ судей. Такъ совершилось закрѣпощеніе Угорской Руси, и только Иосифъ II въ 1785 г. отмѣнилъ крѣпостную зависимость крестьянъ.

Талантливый изобразитель угро-русскихъ и другихъ славянскихъ народныхъ типовъ, Францъ Звѣрина, родился 1835 года въ Гротовицѣ, въ Моравіи, началъ свое образованіе въ реальныхъ школахъ Звайма и Праги и окончилъ его въ Пражской академіи художествъ. Уже съ 19-ти лѣтъ началъ Звѣрина свои художническія странствованія и въ теченіе многихъ лѣтъ посѣтилъ Привислинскія губерніи, Волины, Украину, Ногайскую степь, Сербію, Молдавію, Славонію, Крайну, Истрію, Далматію, Герцеговину, Боснію, Венгрію, Албанію и Италію,—все

это на свой счетъ и страхъ, подвергаясь всевозможнымъ лишениямъ, а нерѣдко и опасностямъ, подчасъ добывая себѣ пропитаніе игрой на скрипкѣ. Результатомъ этихъ странствій и явились цѣлыя серіи тѣхъ превосходныхъ типовъ, образчикъ коихъ прилагается въ этомъ №.

Серебряные складень и блюда, поднесенные Ихъ Императорскимъ Величеству во время путешествія на югъ Россіи. (Работы придворнаго фабриканта

И. П. Хлѣбникова). (Рис. на стр. 1020).

1) Складень, поднесенный Херсонскимъ земствомъ, украшенъ эмалью въ русскомъ стилѣ, съ иконами писанными на серебрѣ: посрединѣ св. Александръ Невскій, съ правой стороны св. Марія Магдалина и Спаситель; съ лѣвой стороны: св. Николай Чудотворецъ и Смоленская Божія Матерь, именуемая Путеводительницей.

2) Блюдо отъ Кубанскаго казачьяго войска, съ 4-мя гравированными видами, изображающими: церковь Запорожской Сѣчи, чтеніе грамоты, группу казаковъ въ прежнемъ одѣяніи и въ современномъ обмундированіи. Солонка къ этому блюду въ видѣ литавръ (копія съ солонки поднесенной казаками императрицѣ Екатерицѣ II).

3) Блюдо отъ Херсонскаго дворянства, чеканное, съ эмалью: везелемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, государственнымъ гербомъ и гербомъ Херсонской губерніи; къ нему солонка такого-же стила.

4) Блюдо отъ посада Новой Праги, съ узоромъ въ видѣ колосевъ ржи на бортѣ и надписью: 1) „Боже судъ Твой Царевнѣ даждь и правду Твою сыну Цареву“. 2) „Дни на дни Царевнѣ приложими лѣта Его до дие рода и рода“; къ нему солонка того-же характера.

Приюты для животныхъ въ Индіи. (Рис. на стр. 1021).

Сознаніе, что душа не умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, но живетъ и послѣ погребенія—не было чуждо многимъ древнимъ народамъ, но загробная жизнь имъ рисовалась или на подобіе земнаго существованія, или въ видѣ перехода души изъ одного тѣла въ другое. Вѣрованіе въ такое переселеніе душъ или, какъ его называютъ, метемсихозъ, встрѣчается и понынѣ, какъ напримѣръ у современныхъ индусовъ, у которыхъ брамины учатъ, что грѣховная душа переходитъ изъ тѣла одного животнаго въ другое, пока не искупитъ своихъ прегрѣшеній. Чтобы облегчить тягостное существованіе душъ своихъ предковъ, многія индусскія племена обходятся съ животными съ большою любовью и кротостью. Въ особенности этимъ отличается многочисленная секта Джайновъ, устроившая въ Бомбей убожище для животныхъ всякаго рода. Оно занимаетъ въ индійскомъ кварталѣ города довольно значительное пространство и называется Пинджранулъ. Войдя въ него, посетитель прежде всего попадаетъ на обширный дворъ, окруженный навѣсами и сараями. Большой садъ занимаетъ середину его. Больше 300 коровъ, быковъ и телятъ, вмѣстѣ съ буйволами, помѣщаются подъ навѣсами. Большинство этихъ животныхъ дряхлы или искалѣчены; болѣе молодыя животныя пасутся подъ сѣнью громадной смоковницы. Въ другой части сада находится птичникъ. Куры, утки, цапли, аисты и голуби являются главнѣйшими его обитателями. Нѣсколько далѣе можно замѣтить подъ деревьями отдѣльныя клѣтки съ поугаями и другими птицами. Тутъ же обезьяны и дикобразы находятъ себѣ пристанище. Въ другихъ, меньшихъ по размѣру, частяхъ помѣщенія содержатся до 250—300 больныхъ и бродячихъ собакъ; далѣе помѣщаются лошади, овцы, козы и другія животныя.

Въ другихъ городахъ Индіи секта джайновъ также устраиваетъ убожища, преимущественно для птицъ, и на улицахъ, близъ домовъ богатыхъ индусовъ, нерѣдко можно увидѣть птички, въ родѣ изображеннаго на стр. 1021. Они называются *парабара* и представляютъ красивыя постройки, украшенныя иногда рѣзною работою. Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ городъ Ахмедабадъ.

Забота о звѣрихъ не ограничивается одними домашними или полезными животными, но распространяется, какъ мы уже упомянули, на дикобразовъ и обезьянъ, которымъ въ Бенаресѣ построенъ цѣлый храмъ. Она идетъ еще далѣе, и какъ это ни странно, но уходомъ и попеченіемъ пользуются даже крокодилы. Въ Джайпурѣ для нихъ построенъ у воротъ города особый водоёмъ, въ которомъ содержится до 300 крокодиловъ.

Политическое обозрѣніе.

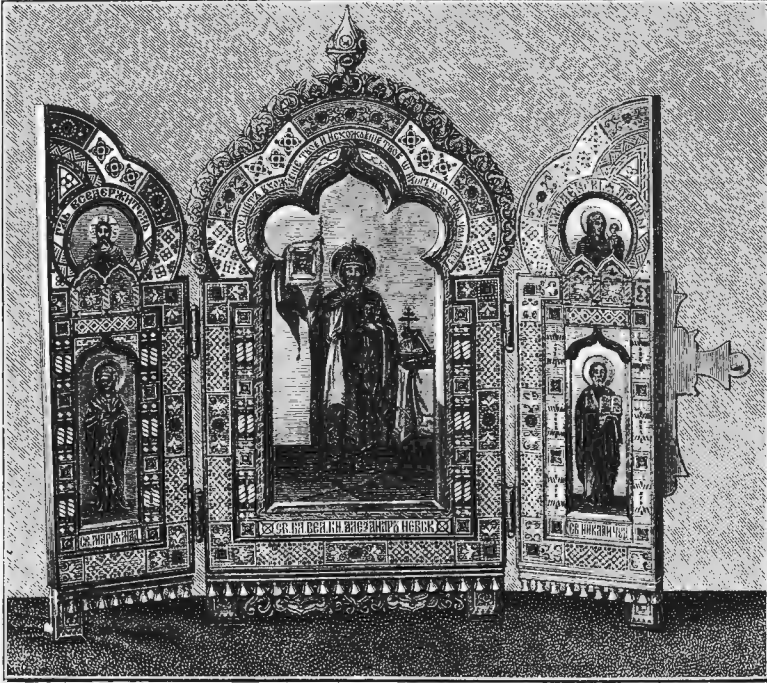
Столбцы германскихъ и австро-венгерскихъ газетъ за истекшую недѣлю исключительно наполнены извѣстіями о пребываніи императора Вильгельма въ Вѣнѣ. Императоръ прибылъ въ Вѣну 21 сентября въ 9 часовъ вечера. Встрѣча, вопреки сообщеніямъ нѣкоторыхъ газетъ, была вполне восторженна. Путь, по которому долженъ былъ прослѣдовать Германскій императоръ со станціи въ Гофбургъ, представлялъ чрезвычайно оживленную и пеструю картину. Особенно красивъ былъ видъ Баттенбергской улицы. На ней была воздвигнута триумфальная

арка и большинство домовъ убрано флагами. Съ крышъ, балконовъ и оконъ ниспадали длинныя флаги, преимущественно австрійскіихъ цвѣтовъ. По улицамъ были выстроены войска, путь по которому долженъ былъ прослѣдовать Вильгельмъ и прилежащія улицы были наполнены толпами народа. Къ приходу поѣзда прибыли на вокзалѣ императоръ Францъ-Иосифъ, наследный принцъ Рудольфъ и находящіеся въ Вѣнѣ эрцгерцоги съ ихъ свитами, всѣ въ прусскихъ мундирахъ. Императоръ сталъ на коверъ противъ того мѣста, гдѣ долженъ былъ

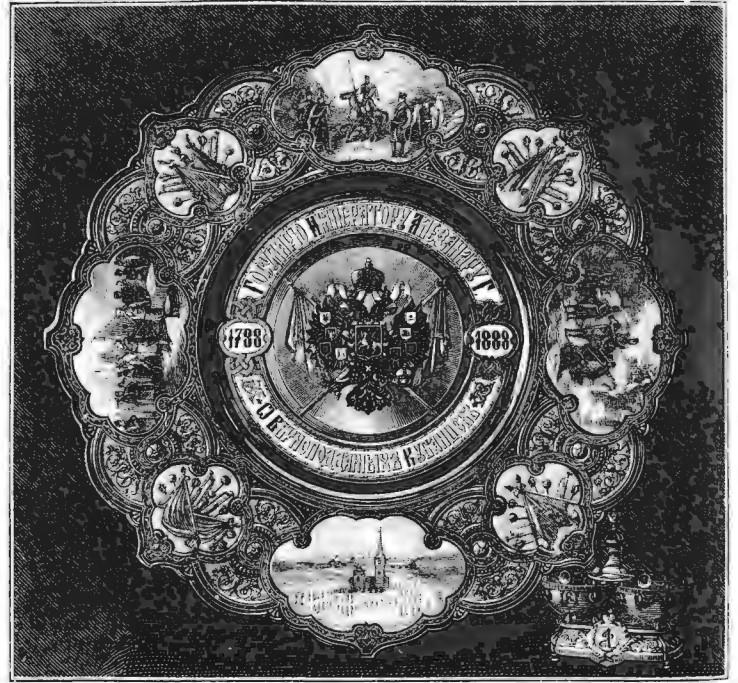

остановиться императорскій вагонъ. Ровно въ 9 часовъ прибылъ поѣздъ, войска взяли на караулъ, музыка заиграла національный прусскій гимнъ и всѣ присутствующіе обнажили головы. Встрѣча императоровъ была самая задумчивая; союзные монархи облобызались и долго держали другъ друга въ объятіяхъ. Императоръ Францъ-Иосифъ былъ видимо тронутъ. Затѣмъ императоръ Вильгельмъ обратился съ привѣтствіями къ эрцгерцогамъ. Во время проѣзда съ вокзала оба императора были привѣтствованы криками толпы. Во дворцѣ императрица

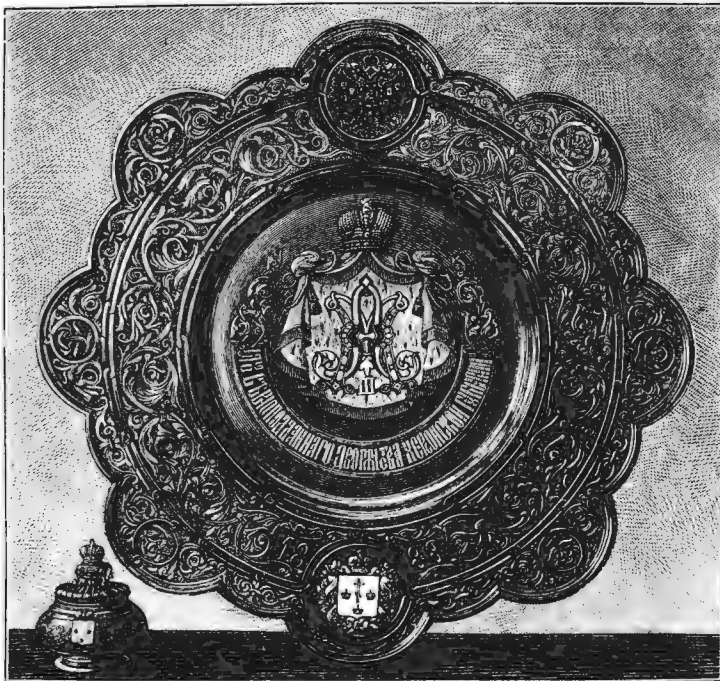
ственными тостами, вызвавшими не мало разсужденій въ вѣдскихъ газетахъ. По словамъ газетъ: „Тосты императоровъ отмѣтили важный политическій моментъ въ исторіи мировыхъ событій. Устами монарховъ засвидѣтельствована неразрывность австро-германскаго союза“. Вообще свиданіе союзныхъ монарховъ вызвало множество предположеній и, между прочимъ, о скоромъ якобы рѣшеніи болгарскаго вопроса. По этому поводу сообщалось, что императоръ Вильгельмъ ведетъ переговоры со своими союзниками о разрѣшеніи вопроса въ согласіи съ Рос-

Складень отъ Херсонскаго земства.

Блюдо отъ Кубанскаго войска.

Блюдо отъ дворянства Херсонской губ.

Блюдо отъ посада Новой Праги (Херсонской губ.).

Серебряные складень и блюда, поднесенные Ихъ Императорскимъ Величествамъ во время путешествія на югъ Россіи. (Работы придворнаго фабриканта И. П. Хлѣбникова). Съ фотогр. грав. Г. Флюгелъ.

Елизавета и наследная принцесса встрѣтили своего высокаго гостя. Поздоровавшись съ императрицею и кронпринцессою, императоръ Вильгельмъ удалился въ отведенные ему апартаменты, гдѣ и принималъ визиты эрцгерцоговъ, общеперскихъ, австрійскихъ и венгерскихъ министровъ и высшихъ придворныхъ сановниковъ. Вечеромъ императоры присутствовали на придворномъ концертѣ, гдѣ Вильгельмъ долго бесѣдовалъ съ Тисою и гр. Кальпоки. На другой день, 22 сентября, происходилъ парадный обѣдъ въ Редутной залѣ императорскаго дворца, во время котораго императоры неоднократно обмѣнивались сочув-

сіемъ. Къ этимъ слухамъ наша дипломатическая газета *Journ. de St.-Petersb.* относится отрицательно. По ея словамъ, поѣздки молодого Германскаго императора къ европейскимъ дворамъ не имѣютъ иной цѣли, кромѣ засвидѣтельствованія дружественныхъ отношеній къ сосѣднимъ державамъ. „Въ Петергофѣ, говоритъ газета, императоръ Вильгельмъ убѣдился въ миролюбивыхъ стремленіяхъ русской политики, и нѣтъ сомнѣній, что онъ подѣлится этими впечатлѣніями въ Вѣнѣ и Римѣ. Такимъ образомъ толки о разрѣшеніи болгарскаго вопроса явились очевидно преждевременными, и водвореніе порядка въ измученной странѣ

еще долго будет тормозиться Австро-Венгрией подь разными благовидными предложениями. Императоръ Вильгельмъ, бывший послѣдніе дни на охотѣ съ императоромъ Австрійскимъ, 28 сентября простился съ Францъ-Иосифомъ и отбылъ въ дальнѣйшій путь въ Италію.

Въ *N. fr. Presse* сообщаютъ изъ Берлина, что арестованному по дѣлу о дневникѣ императора Фридриха, профессору Геффкелю, вскорѣ возвратятъ свободу. Означенное предположеніе вызвано различными соображеніями и между прочимъ болѣзненнымъ состояніемъ заключеннаго, страдающаго расстройствомъ нервовъ. Обвиненіе Геффкелю въ враждебныхъ къ Германіи чувствахъ вызвало энергичные протесты знающихъ близко его лицъ. Профессоръ Бонскаго университета Мейеръ, другъ Геффкелю, въ письмѣ напечатанномъ въ *Köln. Zeit.*, заявляетъ, что арестованный былъ всегда искреннимъ поклонникомъ Гогенцоллернскаго дома и что побудительной причиной къ напечатанію дневника императора Фридриха было желаніе выставить публично заслуги покойнаго монарха въ дѣлѣ объединенія Германіи. По увѣренію проф. Мейера, Геффкелю желалъ выдвинуть предъ судомъ исторію прямую и благородную личность почившаго монарха и его преданность идеѣ объединенія и возвеличенія Германіи. Касательно же причинъ, заставившихъ князя Бисмарка предать Геффкелю уголовному преслѣдованію *Corres. de l'Est* замѣчаетъ, что имперскому канцлеру было необходимо показать германскому народу и союзникамъ, что императоръ Вильгельмъ, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ, неуклонно идетъ по стопамъ своего дѣда. *Nation. Zeit.* сообщаетъ слѣдующія подробности о дѣлѣ Геффкелю: Между имперскимъ генеральнымъ прокуроромъ, берлинскимъ

императорскимъ прокуроромъ и прокуроромъ ландгерихта происходили долги совѣщанія. Пока еще неизвѣстно, откуда добыта рукопись, опубликованная въ *Deutsche Rundschau*. Предполагаютъ, что въ Англійю добыто нѣсколько копій съ оригинала, переданнаго Англійской королевѣ во время ея пребыванія въ Берлинѣ. Германское правительство, впрочемъ, не было сильно поражено напечатаніемъ дневника. Дипломатическимъ путемъ уже было извѣстно, что конія съ этого документа находятся въ рукахъ третьихъ лицъ. Говорятъ, что въ связи съ этимъ дѣломъ находится неожиданный отъѣздъ принца Вельскаго изъ Вѣны, наканунѣ пріѣзда Германскаго императора. Вопросъ о дневникѣ вообще продолжаетъ служить въ Германіи предметомъ газетной полемики. Въ канцлерской печати замѣтно желаніе сгладить внечатлѣніе, произведенное арестомъ Геффкелю; весь ходъ дѣла замѣтно обратился не въ пользу канцлера: и по сообщеніямъ гамбургскихъ газетъ, прокуратура до сихъ поръ не формуловала еще обвиненія, и по слухамъ, прокуратура верховнаго обще-имперскаго суда склонна отказать отъ обвиненія Геффкелю въ государственной измѣнѣ.

Положеніе дѣлъ въ Сербіи все ухудшается и принимаетъ даже угрожающій характеръ. По возвращеніи Милана ждуть объявленія осаднаго положенія. Король, не смотря на возрастающую оппозицію, намѣренъ заставить консисторію постановить приговоръ, по дѣлу о разводѣ, согласный съ его требованіями, и потому не сочувствующіе этому рѣшенію члены духовнаго суда да будутъ замѣнены новыми — сторонниками короля. Всѣ сторонники королевы вѣроятно будутъ удалены изъ государства.

Парабара, пріютъ для птицъ въ Ахмедабадѣ (Индія). Съ натуры рис. А. Тиссандье.

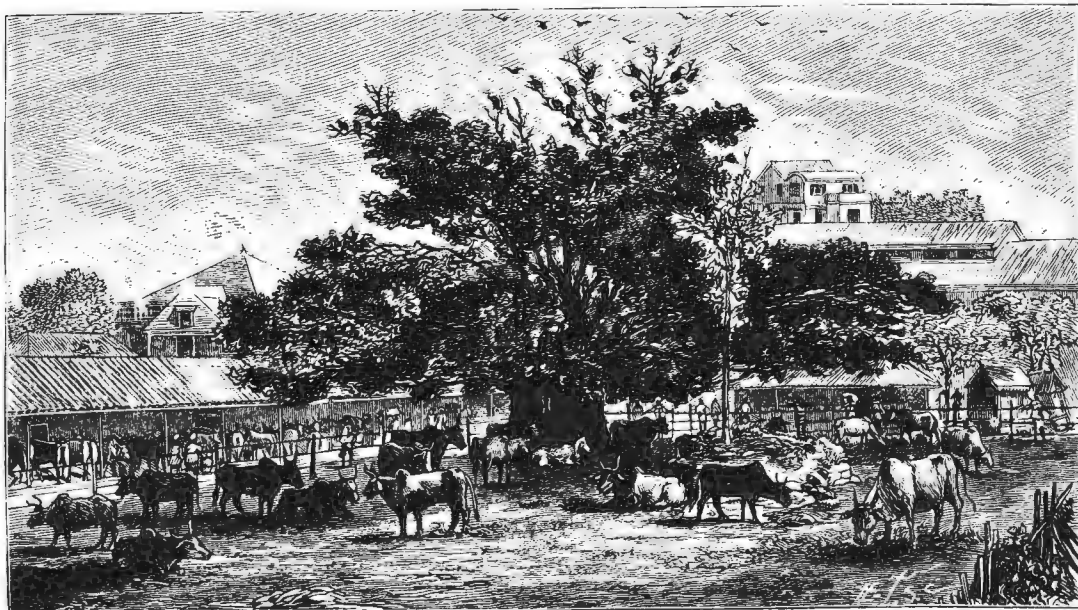
Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императри-

ца, при закладкѣ храма, и оттуда направились въ Батумъ, куда и прибыли 25 сентября, въ 10 часовъ утра.

замѣненія должности генераль-губернатора Юго-Западнаго края, полномочія, установленныя ст. 15 п 16 положенія о вѣрахъ къ охра-

Пинджрапулъ, пріютъ для уѣчныхъ животныхъ въ Бомбей (Индія). Съ натуры рис. А. Тиссандье.

ца, въ сопровожденіи И. Изп. Выс. Государя Наслѣдника Цесаревича и Вел. Кн. Георгія Александровича, отбыли изъ Новороссійска 23 сентября, на пароходѣ „Москва“, заходили на Новый Афонъ, гдѣ присутствовали

Правительственныя распоряженія. — Государь Императоръ, 3 августа 1888 года, Высочайше соизволилъ предоставить губернаторамъ: кіевскому, подольскому, волынскому, черниговскому и полтавскому, впредь до

ненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, конии пользоваться губернаторы въ губерніяхъ объявленныхъ въ состояніи усиленной охраны и неподвѣдомственныхъ генераль-губернаторамъ; полномочія же

спихъ послѣднихъ, указанная въ ст. 17 упомянутого положенія, по направленію къ военному суду отдѣльныхъ дѣлъ, общими уголовными законами предусмотрѣнныхъ, предоставить временно въ пяти наименованныхъ губерніяхъ министру Внутреннихъ Дѣлъ.

— Высочайше повелѣно: на полицейскія должности въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, учрежденныя Высочайше утвержденнымъ 9 іюня 1888 года мѣблемъ Государственнаго Совѣта, опредѣлять лицъ, имѣющихъ право вступать въ гражданскую службу, независимо отъ того, имѣютъ-ли они чины, или ихъ не имѣютъ.

Сельское хозяйство.

— Въ Ярославль, 25 сентября, открыта въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ конная и сельскохозяйственная выставка. Конный отдѣлъ вполне удовлетворителенъ.

— Въ Кіевѣ, 22 сентября, состоялось открытіе выставки съ отдѣлами второстепенныхъ отраслей сельскаго хозяйства. Выставка состоитъ изъ отдѣловъ хмѣлеводства, садоводства, огородничества, пчеловодства, шелководства, пивоваренія и молочнаго хозяйства, хлѣбныхъ и стручковыхъ растений, а также удобриельныхъ туковъ и земледѣльческихъ орудій.

Торговля.

— Недѣля 11—17 сентября (ст. ст.) не внесла сколько-нибудь существеннаго улучшенія въ положеніе международнаго хлѣбнаго рынка; тѣмъ не менѣе нѣкоторые от-

дѣльные признаки указываютъ, что снова пробудилось стремленіе къ повышенію. Послѣднее въ особенности стало замѣтно къ концу отчетной недѣли. Собственно говоря, повышательное движеніе при настоящемъ положеніи хлѣбнаго рынка не представляется неожиданностью и скорѣе могло бы быть разсматриваемо какъ нормальное; вопросъ сводится лишь къ тому, насколько сдѣлаютъ и будутъ въ состояніи производители хлѣба выработать подходящія для нихъ условія сбыта. Многочисленныя извѣстія, полученныя съ русскихъ рынковъ, указываютъ на занятое повсемѣстно производителями выжидательное положеніе. Съ другой стороны, покупатели, не находящіе поддержки въ заграничномъ спросѣ и тамошнихъ цѣнахъ, также не снѣшать покупками.

Народное просвѣщеніе.

— Въ недавнее время Императорское Московское техническое училище обогатилось еще одною стипендіею значительнаго размѣра. Почетная гражданка М. Ѳ. Морозова пожертвовала капиталъ въ 30,000 р. для употребленія процентовъ съ него на ежегодную командировку за-границу одного изъ воспитанниковъ, окончившихъ полный курсъ въ означенномъ учебномъ заведеніи.

Наука.

— По словамъ газеты *Валузь*, недавно въ окрестностяхъ Мерреколя (въ 17 вер. отъ Нарвы) былъ наблюдаемъ замѣчательный ми-

ражъ. Весь Петербургъ, отстоящій въ 155 вер. отъ Мерреколя, былъ виденъ какъ на ладони; можно было различить не только зданія, но даже цвѣтъ крышъ, лѣса, поставленные у ремонтировавшихся домовъ и проч. Сѣвернѣе видны были окрестности Петербурга. Миражъ продолжался около часа.

Изъ губерній и областей.

— На Шекснѣ, въ 2 верстахъ отъ Рыбинска, принадлежащій купцу Калачеву пассажирскій пароходъ „Марія“ столкнулся съ буксирнымъ пароходомъ Журавлева и пошелъ ко дну. Изъ пассажировъ, число которыхъ не превышало 25, спасено 15, погибло около 10 человекъ.

— Въ Тифлисѣ прибылъ посланникъ при шахѣ Персидскомъ, князь Долгорукой.

— Прибывшій недавно изъ Англии, для изслѣдованія главнаго кавказскаго хребта, профессоръ Донкинъ и его два проводника пропали безъ вѣсти въ ледникахъ горы Капшантау. Разыскивать ихъ прибылъ туристъ Улле. О дальнейшей судьбѣ пропавшихъ ничего неизвѣстно.

Неврологъ.

— 13 сентября скончался въ Одессѣ главный инженеръ новороссійскихъ коммерческихъ портовъ, генераль-лейтенантъ Николай Семеновичъ Гора.

— 25 сентября скончался въ своемъ имѣніи, Прилукскаго уѣзда, членъ Государственнаго Совѣта Г. П. Галаганъ.

С М Ъ С Ъ .

Безумно-смѣлый прыжокъ. Въ *Мюнхенскій новійствъ* извѣстихъ изъ Нью-Йорка отъ 13 апрѣля: „Воздухоплаватель Эвардъ Д. Хоганъ взялся прыгнуть съ воздушнаго шара на высотѣ десяти тысячъ футовъ, не открывая парашюта, а предоставивъ раскрытіе его встрѣчному теченію воздуха, вызываемому быстрымъ надеженіемъ,—высота и рискъ, на которые не отваживался еще никто изъ аэронавтовъ. Поднятіе шара происходило въ Джаксонѣ, въ штатѣ Мичиганѣ, мѣстѣ жительства воздухоплавателя. Вслѣдствіе объявленія о задуманномъ предпріятіи, сюда собралось множество репортеровъ, представителей арміи и спортсменовъ, которые съ большимъ любопытствомъ слѣдили за дѣлаемыми приготовлениями. Многіе старались отговорить смѣльчака отъ его попытки, долженствовавшей, по мнѣнію большинства, кончиться смертью. Увѣщанія, однако, не привели ни къ чему. Въ 11 ч. 5 м. Хоганъ поднялся на своемъ шарѣ и, достигнувъ высоты 10,000 футовъ, онъ медленно проплылъ около 300 футовъ въ направленіи къ северу, представляя маленькою темною точкою въ ослѣпительномъ эфирѣ. Собравшіеся наблюдали за шаромъ, сдерживая дыханіе. Вооруженные оптическими инструментами, они ясно видѣли приготовленія Хогана къ скачку. „Онъ не рѣшается!“ восклицали одни. „Нѣтъ!“ кричали другіе, „онъ уже стоитъ на краю гондолы!“ И дѣйствительно, Хоганъ сталъ на край гондолы, прикрѣпивъ хладнокровно конецъ парашюта къ своему поясу, не ожидая чтобы парашютъ могъ раскрыться ранѣе, чѣмъ на 300—400 фут., но опасаясь, чтобы онъ не вырвался при внезапномъ сотрясеніи; затѣмъ поднялъ руки вверхъ—готовясь къ прыжку. Многіе изъ зрителей, блѣднѣя и дрожа, отвернулись въ сторону, затѣмъ раздался крикъ ужаса: Хоганъ былъ видъ гондолы! Подобно пушечному ядру летѣлъ онъ внизъ одну, двѣ, три сотни футовъ, а парашютъ оставался закрытымъ. Вскорѣ послышались новыя восклицанія, парашютъ началъ забирать воздухъ, онъ раскрылся, подобно крыльямъ воздушнаго чудовища и паденіе почти мгновенно приостановилось. Вслѣдъ затѣмъ, слегка покачиваясь, оно перешло въ спокойное опусканіе средней скорости. Черезъ три минуты послѣ скачка, отважный человекъ спустился цѣлымъ и невредимымъ въ открытое поле. Хоганъ рассказывалъ, что у него захватило духъ только на нѣсколько секундъ, но вслѣдъ за наполненіемъ парашюта воздухомъ онъ быстро оправился. Парашютъ изготовленъ изъ грубой матеріи и имѣетъ въ діаметрѣ 20 футовъ. Колебаніе аппарата устраняется четырехдюймовымъ отверстиемъ въ серединѣ матеріи. Хоганъ до того не видалъ ни одного воздухоплавателя, маневрирующаго съ парашютомъ, и самъ произвелъ лишь нѣсколько опытовъ съ незначительной высоты“. (с.)

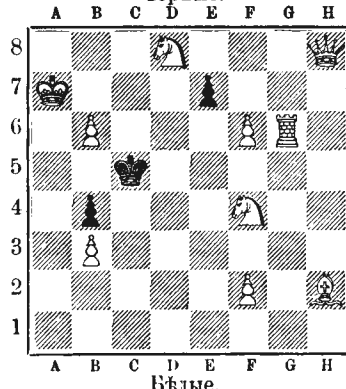
Быстрый судъ. Рѣдко преступники подвергаются такому быстрому суду, какому подвергся въ Нью-Йоркѣ полицейскій Карлъ Рикертъ, совершившій, въ форменной одеждѣ, кражу со взломомъ. Въ 3 часа утра Рикертъ былъ схваченъ при ограбленіи лавки одного коммисіоннаго торговца и аукціонатора, надзоръ за которой ему неоднократно поручался; раннимъ утромъ онъ былъ уже уволенъ со службы, и въ главномъ полицейскомъ управленіи „позорно разжалованъ“, причѣмъ ему отрѣзали пуговицы у мундира. Послѣ того, судья Пауэръ, выслушавъ обвиненіе въ полицейской тюрьмѣ, выразилъ надежду, что главный уголовный судъ, въ примѣръ прочимъ, постановитъ скорое судебное рѣшеніе. Уже въ 11 часовъ утра дѣло было передано на разсмотрѣніе суда присяжныхъ, вынесшаго

въ 1 ч. 25 м. обвиненіе въ ограбленіи со взломомъ. 20 минутъ спустя Рикертъ былъ приведенъ къ предсѣдателю Смиту, призналъ себя виновнымъ, былъ приговоренъ предсѣдателемъ къ десятилѣтнему заключенію въ смириельномъ домѣ, а въ 3 часа вѣроломный полицейскій уже началъ отбывать наказаніе. Осужденному 29 лѣтъ; онъ имѣетъ жену и ребенка; 20 сентября 1885 г. онъ былъ опредѣленъ на службу въ полицейскую должность, а до того былъ солдатомъ союзной арміи. По словамъ *Нью-Йоркскаго извѣст.*, за тридцать лѣтъ это третій случай, что полицейскій оказывается виновнымъ въ кражѣ со взломомъ. Полицейскій Акинсъ въ 1870 г. былъ присужденъ за вышеупомянутое преступленіе къ 20-ти-лѣтнему тюремному заключенію, а полицейскій Нугентъ, замѣшанный въ дѣлѣ о кражѣ въ Мангатаанскомъ банкѣ, вскорѣ затѣмъ былъ приговоренъ къ продолжительному заключенію въ смириельномъ домѣ. (с.)

Шахматная задача № 66.

Л. Леряета.

Черные.

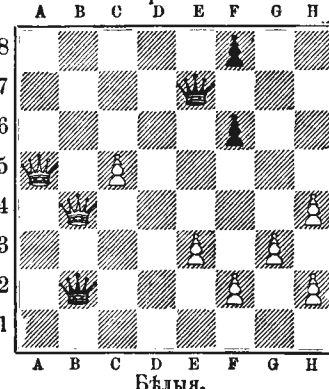
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Шашечная задача № 67.

В. Шомина.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ.

Задача бунвъ (Ходъ коня) № 63.

Раздѣлить данный квадратъ, не прямыми линіями, на три части, которыя сложить такъ, чтобы изъ нихъ составилась крестообразная фигура и можно было прочесть, посредствомъ хода коня—отрывокъ изъ произведеній извѣстнаго русскаго писателя.

н	я	і	о	с	е	а	н
х	п	х	х	г	ъ	т	ч
о	т	а	а	о	а	м	к
к	ъ	и	я	ъ	м	р	а
ъ	д	л	д	о	в	д	т
а	т	ъ	ш	ъ	о	п	о
т	и	х	е	а	ш	ч	х
ѣ	н	ь	л	к	о	с	ь

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Бригадирская внучка. Московская бѣда. Графа Е. А. Саласа. Часть I. (Продолженіе). — Вѣчу не быть. Старинная повесть Д. В. Авериева. Часть II. (Продолженіе). — Волшебная колдѣя. — В. Г. Телякова (съ портр.). — Къ рисункамъ: Задворки. Картина Журавлева (съ рис.). — Съ прогулки — домой. Группа П. А. Самонова (съ рис.). — На птичьемъ дворѣ (съ рис.). — Въ свѣтѣ вѣ-теръ (съ рис.). — Городъ Ловиза (съ рис.). — Церковь Покрова Пресвятыя Бого-родицы въ Ориандѣ (съ рис.). — Степной пастухъ въ Угорской Руси (съ рис.). — Серебряные сладаенъ и слюда, поднесенные Ихъ Императорскимъ Величествомъ во время путешествія на югъ Россіи (съ 4 рис.). — Приюты для животныхъ въ Индія (съ 2 рис.). — Политич. обзорѣніе. — Газныя извѣстія. — Смѣсь. — Задачи. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Только - что отпечатано и поступило въ продажу **НОВОЕ, ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ**

А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всеми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министеромъ опредѣленіемъ Ученого Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендо-вать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ сред-нихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскошныхъ коленкор. переплетахъ съ золотыми тисненіями — 8 руб., съ пересылкою 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“ — 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 р., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просить обращаться въ СПбургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.
НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ,
состоящій изъ 25 листовъ съ 391 со-вершено новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисо-нками художника Л. И. СЕРГѢЕВА.
Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ изложена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назна-чена крайне умѣренная: въ изящ. лито-граф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересыл-кою 1 р. 60 к.
Требованія просить адресовать: въ СПБ., къ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева.
Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ опи-сываетъ эпоху правленія и изложенія Царевны Софійи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 коп.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ
Вс. Соловьева.
Историч. повесть въ 2-хъ част., съ 20 рис. художника И. С. Пянова. Изданіе III. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ казен. пе-репл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Готовлю на 3-й курсъ института инжене-ровъ путей сообщенія **ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.**
Обращаться ежедневно до 20-го октября отъ 5 до 6 1/2 ч. в. къ г. Зондерегеру. Загородн. просп., д. 46, кв. 5. № 3399
Студ. янс. пнж. п. с. Ф. К. Герштеймеръ.

АДРЕСА въ всѣхъ спеці-альныхъ и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (C. HERM SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спец. альб., = 5.000.000 адресовъ за 35 коп. почт. мар-ками франко.

Р. ГЛЕЗЕРЪ ВЪ РИГѢ
КАРАНДАШНАЯ ФАБРИКА
высылаетъ прейсъ-курранты бесплатно и коллекціи образцовъ по полученіи 75 к. марками. 2-1 Пшугъ предст.авителей. № 3409

РЕЦЕПТЫ И РУКОВОДСТВО
для приготовленія чернилъ, ваксы и синьки въ маломъ и больш. колич. Цѣна 1 руб. съ перес., у издателя ангекара Т. Мартинсонъ, СПб., Безбородкинъ просп., 21, кв. 1.

НОВАЯ КНИГИ: № 3350 3-3
Ulvin. Основы постр. частей машинъ. Ц. 3 р. 50 к. ♦ Сборн. рисунковъ токарн. издѣлій (для любит.). Ц. 4 р. ♦ Прат. курсъ токарнаго искусства. Ц. 1 р. 50 к. ♦ Выпис. отъ М. Негмыса, Москва, Кузнецкій М., лит. Бахманъ, за пересылку не платятъ.

ЗАПКАНИЕ
вытѣивается въ заведеніи **РОБЕРТА ЭРНСТА** въ Берлинѣ, W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутся тоже по-русски; проспектъ высылается Р. № 3309 бесплатно. 26-5

РОЯЛИ И ПИАНО
въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣ-намъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ **И. Ф. МЮЛДЕРЪ**
Москва, Петровка, д. Волкова.
Полный прейсъ-куррантъ всѣмъ инструмен-тамъ бесплатно. (10) Ц. № 3077

ЛИДБИХА КОМПАНИ
МЯСНОЙ ЭКСТРАКТЪ
Настоящія лишь тѣ банки снаб-женныя подписью *J. Liebig*
СИНЯГО ЦВѢТА

8-2 Главное депо для Россіи: братья Фохтсъ, В. О., 1-я лин., № 4. № 3396

МАГАЗИНЪ БРОНЗЫ К. БЕРТО

бывшаго торговаго дома Ф. Шопенъ,
Михайловская ул., № 4, домъ Волжно-Камскаго банка.

Г-нъ К. Берто имѣетъ честь извѣстить, что онъ приобрѣлъ въ соб-ственность фабрику и модели бывшаго торговаго дома Ф. Шопена. и что онъ, какъ дѣлалъ и прежде, будетъ продолжать принимать всякіе заказы и исполнять всѣ бронзовыя работы. Р. № 3407 2-1

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-держашему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Ители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кину-нена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-кона, — пров. Кинуненъ. (37) № 2946

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

облачиваясь облегченіемъ пути въ Иерусалимъ и на Афонъ для православныхъ па-ломниковъ, нашло возможнымъ брать за проѣздъ:

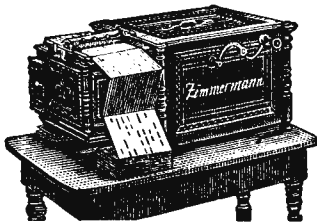
	I классъ.		II классъ.		III кл. жел. дор. и II кл. на парох.		III классъ.
	Съ про- дов. на парохо- дѣ.	Безъ про- доволь- ствія.	Съ про- дов. на парохо- дѣ.	Безъ про- доволь- ствія.	Съ про- дов. на парохо- дѣ.	Безъ про- доволь- ствія.	
I. До Яффы и обратно:							
Отъ СПбурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одесу.	—	—	—	—	Руб. 183	Руб. 126	Руб. 62 50
Отъ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одесу	305	230	215	160	172	115	46 50
Отъ Кіева чрезъ Одесу	250	170	175	120	158	101	33 —
Отъ Воронежа чр. Таганрогъ	270	180	200	130	186	118	38 —
Отъ Воронежа чр. Орелъ, Кіевъ и Одесу	—	—	—	—	—	—	47 —

II. До Афона и обратно:
Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одесу въ III классѣ . . . . . 45 р.
Отъ Кіева чрезъ Одесу въ III классѣ . . . . . 32 р.
Отъ Одессы въ III классѣ . . . . . 22 р.

Паломническія книжки для проѣзда продаются:
Въ С.-Петербургѣ: у о. протоіерея В. И. Михайловскаго, Вознесенскій просп., д. церкви Вознесенія, и у С. Д. Демонтова, Мажанскій пер., 7.
Въ Троице-Сергіевской лаврѣ: у о. Агашита, въ Новой гостиницѣ.
Въ Москвѣ: у священника о. Р. Г. Срѣтенскаго, Волыная Никитская, д. церкви Вознесенія.
Въ Кіевѣ: у преевсвѣннаго іеронима, Епископа Чигиринскаго, въ Златоверхо-Михай-ловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея И. Г. Лебединскаго, въ д. Софійскаго собора; у о. іеромонаха Аванасія, въ Лаврской гостиницѣ.
Въ Воронежѣ: у о. игумена Платона, въ Митрофаніевомъ монастырѣ.
Въ Перми — у Аркадія Александровича Малтѣва.
Въ Назани: у В. И. Заусайлова, въ своемъ домѣ.
Въ Одессѣ: у М. П. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго.

Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Таган-рогѣ и Константинополѣ.
Для желающихъ получить билетъ 3-го класса только на переѣздъ моремъ, „Русское Общество Пароходства и Торговли“, по предъявленіи заграничнаго паспорта, выдаетъ билеты, до Яффы и обратно, отъ Одессы и Севастополя за 24 руб., отъ Таганрога за 29 руб. и отъ Батума за 28 руб.
Православное Палестинское Общество проситъ за необходимыми свѣдѣніями и обя-звеніями, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, обращаться еще: въ Одессѣ: у протоіерею Александру Николаевичу Кудравцеву, въ Университетѣ; въ Константинополѣ: къ Іосифу Петровичу Юговичу, главное Агенство Русскаго Общества Пароходства и Торговли. № 3379 3-3

НОВЫЙШЕЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ.

Большой изящный салонный орган, в котором можно исполнять цѣлыя увертюры, большія понурри, салонныя пьесы русскія ибены и все таццы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно подлинно и пріятнымъ тономъ и имѣетъ приспособленіе для игры forte и piano. Этотъ инструментъ рекомендуется отлчно для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами 80 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дорожне. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка на счетъ покупателя. № 3412

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій м., д. 6. Торлецкаго.

Только что вышло изъ печати 1-й ТОМЪ полного собранія сочиненій для фортепiano П. ЧАЙКОВСКАГО.

Новое, пересмотрѣнное авторомъ изданіе. СОДЕРЖАНІЕ:

- op. 1. Scherzo à la russe. Impromptu. op. 2. Ruines d'un chateau. Scherzo. Romance sans paroles. op. 4. Valse. op. 5. Romance. op. 7. Valse-Scherzo. op. 8. Capriccio. op. 9. Réverie. Polka-Mazurka. op. 10. Nocturne. Humoresque. II. № 3402

Цѣна 2 рубля.

Москва, у П. Юргенсона. С.-Петербургъ, у І. Юргенсона.

Advertisement for Levinson's rubber and mechanical goods, featuring a circular logo with 'Л. М. ЛЕВИНСОНА' and 'ФАБРИКА КАУЧУКОВЫХЪ ШТЕМПЕЛЕКЪ'.

Advertisement for A. E. Kulakov's musical instruments, showing a guitar and a piano, with text 'ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И ФАБРИКА А. Е. КУЛАКОВЪ'.

Advertisement for J. Block's skates, showing a pair of skates and text '10 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ КОНЬКОВЪ'.

ЛЕННИНЪ и ГРОЗНИИЪ имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ "Нива". № 2405

НОВОСТЬ!

Совершенствованная английская карманная двухниточная швейная машина

МОЛЬДАКОТЬ

съ колесомъ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ. ПРЕИМУЩЕСТВА: легкій ходъ, небольшой объемъ, изящный видъ и несложность. Шитье такъ сама тонкій, такъ и самая толстая матерія двойнымъ, нераспарываемымъ швомъ. Наставленія прилагаются. Цѣна безъ футл. 10 р., въ орехов. футл. 11 р. 25 к.; перес. 75 к.; на Кавказъ и въ Сибирь за 3 футл. № 3405

ЦѢНА ТОЛЬКО 10 р. с.

ПЕРЕНОСНЫЙ ТЕЛЕГРАФНЫЙ ЗВОНОКЪ.

Электрическій батарея, въ полномъ составѣ и по новейшей конструкціи, помѣщена въ ящикъ, къ которому приделана весьма рационально и вѣрно-дѣйств. система звонковъ. Электр. проволока сообщ. съ батарею, и можетъ быть проведена — безъ вреда для стѣны — чер. комнаты и коридоры, пройдя по угламъ или дверямъ изъ одного помещенія въ другое; а пуговица, придел. къ концу проволоки, прикрѣпляется на желаем. мѣстѣ. Такимъ образомъ, хозяинъ въ сост. устроитъ въ нѣсколько минутъ домашнее телеграф. сообщеніе. Больше точныя свѣдѣнія безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДЪ

у Казанск. м., д. № 30—16, входъ съ Егип. № 3378 кан., въ С.-Петербургѣ. 7—3

Advertisement for Genrikh Block's bank services, including 'БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ' and 'АГЕНТЫ'.

Advertisement for A. Englund's cosmetic products, including 'КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ'.

Advertisement for Mattoni mineral water, including 'МАТТОНИ ГИСНЮБЛЕРЪ'.

На 1889 (IV-й) г.

съ 1-го ноября ОТКРЫТА ПОДПИСКА на дешевый еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИНЪ“.

К. МАСЛЕННИКОВА. Много рисунковъ, практическіе безплатн. отвѣты на вопросы, съ рисунк. Предлагаются безплатно: сѣмена, архитект. проекты красками. Безплатно при подпискѣ: Альбомъ снаго, лошадей, собакъ. Программа высылается безплатно. № 3411 На годъ 6 р. Спб. Надеждинская, № 39.

№ 4711 РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

съ различными запахомъ: Эдельвейсъ, желтый лаванды, жасминъ, гелотропъ, ландышъ, оппопонасъ, роза, рейнская фиалка, рейнская цвѣты и аспера душистая. Превосходные, долго сохраняющіеся и дешевые духи для платка.

Цѣна за флаконъ содержащій 1/4 фунта 1 р. 25 коп.

Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3359 6—2

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ у Алекс. ТИСЪ и К°. Пушкинская, № 4.

Францъ-Юсифъ

въ Будапештѣ по отзывамъ медицинскіхъ авторитетовъ, она дѣйствуетъ вѣрно, легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.

Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается вездѣ. Ц. № 3401 6—1

Для нормальнаго приѣма достаточна половина обыкновеннаго стакана.

Дирекція въ Будапештѣ.

НОВЫЕ РИСУНКИ АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ для вышиванія лобикомъ, цѣна по 1 руб. съ пересылкой за серію изъ 12 листовъ. I-я и II-я серіи высылаются. Магазины

4—4 Бр. ЛИНДЕМАНЪ. Ц. № 3364 Москва, Мясницкая, домъ Ферстера.

Advertisement for Dmitriy Alexandrovich's musical instruments, including a violin and text 'АЛЕКСАНДРОВЪ'.

Advertisement for Mattoni mineral water, including 'МАТТОНИ ГИСНЮБЛЕРЪ'.

PARIS

GRANDS MAGASINS DU Printemps NOUVEAUTÉS

Demander

Le MAGNIFIQUE ALBUM ILLUSTRÉ renfermant 554 gravures inédites de Robes, Confections, Articles pour toilettes de Dames et Enfants, Vêtements pour Hommes, etc., ainsi que la nomenclature de tous les tissus en Soieries, Lainages, Indiennes, Toiles etc. etc., qui

Vient de Paraître.

L'envoi en est fait GRATIS ET FRANCO contre demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & CIE à Paris

Sont également envoyés franco les échantillons de tous les tissus composant les immenses assortiments du PRINTEMPS. (Bien spécifier les genres et prix.)

Expéditions franco de port à partir de 25 fr. jusqu'à la frontière Russe, ou jusqu'à destination, moyennant une augmentation de 10 0/0, pour toute commande dépassant 100 fr.

А. № 3406 3—1 РЕПЕРТУАРЪ ФОРТЕПИАННЫХЪ ПЬЕСЪ

350 пьесъ, распределенныхъ по степенямъ трудности на пять разрядовъ, составленныя профессоромъ Спб. Консерваторіи

К. ЛЮТШЕМЪ и К. К. ФАНЪ-АРКЪ. ИЗДАНИЕ

В. БЕССЕЛЬ и К°. С.-Петербургъ, Невскій, 54. Москва, Петровка, 12. № 3406

НОВОСТЬ!

Американскія металлическія лампы ГИЧКОКЪ безъ стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣлѣе и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; собирается огромная экономія устраненіемъ постоянно ломающихся и бьющихся стеколъ.

Лампа вся металлическая, изящно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.

Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1/2 копѣйки въ часъ.

Полное ручательство за добротачество. Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію: Столовая . . . . . 12 руб. Вишняя . . . . . 15 руб. Стѣнная . . . . . 15 руб.

Съ колпакомъ и кольцомъ на 3 р. дорож. Цѣны въ Азіатскую Россію на 4 р. дорож. Единственный складъ для всей Россіи: ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3472

Ж. БЛОКЪ.

С.-Петербургъ, В. Морская, д. 21. Москва, Кузнецкій мостъ. Енаторинскій, Соборная улица.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIX г.

г. XIX

№ 42

1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 15 октября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1888 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

<p>ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарель (1/4 шпр. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 и. — Загран.: для Франціи у Agence Navas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.</p>	<p>Безъ доставки въ Петер- бургъ . . . . . 4 р.</p>	<p>Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . . . 6* р.</p>	<p>ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ тор- говыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.</p>
	<p>Съ доставкою въ Петер- бургъ . . . . . 5 р. 50 к.</p>	<p>За границу, съ перес. . . . . 8 р.</p>	
	<p>Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровск. Торг. линіи 5 п.</p>	<p>* Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ, а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи на 1888 годъ, просимъ гг. подписчиковъ выслать на укупорку и пересылку ея 60 КОП.</p>	

Константинъ, наслѣдный принцъ Греческій, и принцесса Софія Прусская. Грав. Бонгъ.

Бригадирская внучка.

Московская быль

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолжение).

VII.

Наконец однажды, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ полдень Клѣна и ея мамка приближались со страхомъ къ пресловутому дому у Никитскихъ воротъ.

Близъ палатъ, гдѣ жилъ именитый графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ, братъ родной любимца царицы, стоялъ въ глубинѣ большаго двора, яркосиній и расписной домъ дворянина и исконнаго москвича Никиты Артемьевича Филисова, уроженца и старожила Никитской. Было время, когда этотъ домъ былъ въ околоткѣ самый большой и „зватный“ всякому москвичу. Но времена перемѣнчивы... Домъ Филисова все оставался въ томъ-же видѣ, каковымъ былъ еще при „первомъ“ императорѣ, а рядомъ, гдѣ стоялъ тогда домишко мѣщанина-сыромятника, выстроился во времена царицы Анны небогатый дворянинъ Григорій Ивановъ Орловъ и зажилъ съ большою семьей, состоящей все изъ сыновей... Прошло еще двадцать пять лѣтъ. Пришли времена Великой Екатерины и вмѣсто „благоприличнаго“ дворянскаго домика средней руки — нагромодились вдругъ цѣлыя палаты, въ которыхъ зажилъ уже не простой дворянинъ, а именитый и богатый графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ. Палаты же Филисовыхъ, хоть были все тѣ-же, казались теперь уже не палатами, а домикомъ около домины Орлова. А садъ дворянина смахиваетъ на палисадникъ или огородъ возлѣ Орловскаго сада, вновь разбитаго на заморскій ладъ съ ручейками, мостиками, фонтанами, навильонами, гдѣ среди зелени, къ довершенію соблазна, виднѣются повсюду бѣлыя куклы на постаментахъ, и мужскія, и женскія. Да еще какія? Почти всѣ голыя!..

Въ домѣ бригадира Филисова послѣ чумы стало вдвое веселѣе. Бригадиръ не поддавался общему страху и не бѣжалъ изъ столицы, подобно другимъ дворянамъ. Онъ не только остался въ зараженной Москвѣ, но поступилъ на службу комиссаромъ въ комиссію Еропкина, истиннаго покорителя моровой язвы. Послѣдствіемъ доблестнаго поведенія Филисова было то, что будучи безъ прошенія отставленъ при воцареніи государыни, въ числѣ прочихъ „малоспособныхъ“, теперь онъ вновь былъ принятъ на службу и награжденъ вмѣстѣ съ другими немногими воителями-поборителями чумы.

Никита Артемьевичъ преобразился вслѣдствіе царской милости. Насколько онъ бывалъ угрюмъ, живя отставнымъ бригадиромъ, настолько теперь былъ веселъ, горделиво счастливъ и со всѣми привѣтливъ. И дворовые его теперь зажили веселѣе.

До появленія страшной смертоносной гостя въ Москвѣ, Филисовъ, человекъ уже лѣтъ подъ шестьдесятъ, по молодежавый и бодрый, и по внѣшности, и по образу жизни—мирно проживалъ вдвоемъ съ дальнею родственницей, приходившейся ему двоюродною сестрой. Марья Евграфовна Толбухина была однако лѣтъ на двадцать моложе „братца“, какъ она его называла. Она была уже давнымъ-давно, съ 17-лѣтняго возраста „соломенной“ вдовой и такъ давно жила у Филисова, проживъ за-мужемъ только годъ, что весьма многіе и не знали про ея замужество, а считали старую дѣвицей. Досужіе и злоязычные знакомые и пріятели заподозрѣвали конечно дружбу бригадира и его родственницы. Сорочкалѣтняя Толбухина и теперь была еще недурна лицомъ и стройна станомъ, а когда во времена оны появилась соломенная вдова въ домѣ секундъ-майора Филисова, то была настоящей красавицей.

— Просто картина! говорили тогда всѣ, любуясь на

нее. Но откуда явилась Толбухина, есть-ли у нея свое состояніе, живѣ-ли безвѣстно пропадающій мужъ и что дѣлаетъ—никто ничего не зналъ.

Именно этой соломенной вдовы, распорядившейся въ домѣ дѣда полною хозяйкой, всего болѣе и боялась теперь Клѣна.

Собираясь къ дѣду, Клѣна съ радостью думала о новой жизни у бригадира, который всегда былъ чрезвычайно ласковъ съ ней и только жалѣлъ зачастую, что ее воспитываютъ не по-дворянски и позволяютъ шатанье одной-одинохонькой по чужимъ людямъ. Бригадиръ, за послѣдній годъ изрѣдка вспоминая о внучкѣ, подумывалъ о томъ, что если Клѣна выйдетъ хорошо замужъ, то онъ сдѣлаетъ ее своей наследницей, минуя ея отца.

Сударыня-чума все это упростила, унесла родителей этой внучки, почти унесла и вертопраха-брата, который пропалъ безъ вѣсти, а дѣвушку поставила въ положеніе какъ-бы родной дочери и единственной наследницы.

Бригадиръ искренно обрадовался появленію Клѣны, такъ какъ онъ, зналъ что дѣвушка покинула квартиру своихъ родителей, думалъ что она погибла такъ-же какъ погибъ ея братъ. О Филиппѣ бригадиръ уже имѣлъ вѣрныя вѣсти, что онъ „доигрался“ до острога и находится подъ судомъ. Поэтому появленіе Клѣны было неожиданнымъ и утѣшительнымъ сюрпризомъ. Она оказалась жива, невредима и не „загубила“.

— Что-жь? Стало быть такъ Богу угодно! рѣшилъ онъ, принимая въ домѣ внучку-сироту съ ея няней.

Было совершенно понятно, что Филисовъ не можетъ сожалѣть о потерѣ сына, съ которымъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Даже Арина Матвѣевна была тоже, повидимому, довольна тѣмъ, какъ распорядилась чума съ ея господами. Сама Клѣна на первыхъ порахъ повеселѣла въ новой, богатой и вполне дворянской обстановкѣ дѣда. Домъ — палаты, дворовыхъ десятки, лошади и экипажи, именитые гости, даже сама митрополитъ бываетъ разъ въ годъ съ поздравленіемъ въ день Святаго Никиты великомученика. Дѣдъ-же сталъ еще любовнѣе къ внучкѣ и тотчасъ нашилъ ей цѣлую кучу бѣлья и платьевъ, подарилъ золотыя сережки и выписалъ изъ Питера для забавы бѣлую болонку.

Бабушка, какъ стала звать Клѣна Марью Евграфовну, была тоже нѣжна къ ней, хотя менѣе дѣда, и съ первыхъ-же дней подолгу, по часамъ цѣлымъ, обучала ее „свѣтскости и людскости“, учила ходить, присѣдать и говорить, даже учила смѣяться смѣло и просто, по-дворянскому, не закрывая ротъ пригоршней. Однажды, замѣтивъ, что внучка и сморкаться прилично не умѣетъ, а „трубить въ платокъ на весь околотокъ“, она и сморкаться стала учить внучку—„безпримѣтно“.

Клѣна выслушивала эти наставленія, но при этомъ недоумѣвала. Какъ-же прежде-то она бывала во многихъ богатыхъ и важныхъ домахъ и ее нигдѣ не находили мужичкой, а любили и хвалили всегда и за поведеніе, и за обращеніе. А теперь у бабушки—все не такъ!

Побаиваясь Марью Евграфовну Толбухиной, Клѣна конечно слушалась приказаній ея, исполняла все, какъ умѣла, но наединѣ съ обожаемой няней Аришей разсуждала на свой ладъ.

— Какъ-же это, Ариша?

Ариша какъ-то ежилась въ отвѣтахъ.

— Неужели-же я совѣмъ мужичка, какъ она скazujeетъ? говорила Клѣна.

— Оставь ее... Пушай... Вѣдь не худому учить.

— Да я не про то, не худому... А больно ужъ при-
цѣпляется... И чхнуть—наука нужна, говорить.

— Она это со скуки. Дѣлать ей печего, объяснила Арина.—Вотъ учительствомъ время и убиваетъ. Всѣхъ учить. Такъ завсегда, сказываютъ люди, у нея было, объясняла няня.— Не ты одна у нея для времяпрепровожденья. Она холоповъ сама, бываетъ, обучаетъ, какъ по горницамъ ходить, за обѣдомъ служить. Коровницъ и тѣхъ обучаетъ, какъ коровъ доить. Сама и разъ видѣла, какъ она съ бадѣй подѣ корову лезла и доила. Что-жь? Есть такія-то на свѣтѣ учительницы! Что ни сдѣлай, все не по ихнему. Ну и Богъ съ ней! Пускай утѣшается. Она все-таки-же барыня добрая.

Однако няня Арина Матвѣевна, называя Толбухину доброю, все-таки про себя рѣшила, что Марья Евграфовна „добра-то по-своему“. Людей она не поретъ и не изводитъ, какъ другія барыни-лиходѣйки, но есть въ ней что-то, за что ее люди не любятъ, зовутъ за-
глазно: „нила“.

VIII.

Черезъ мѣсяць послѣ того что няня и дитячко ея явились и зажили въ домѣ бригадира, въ двухъ отдѣльныхъ горницахъ, въ мезонинѣ или на вышкѣ,—обѣ онѣ, и 40-лѣтняя женщина, и 17-лѣтняя дѣвушка, каждая про себя, смутно почуяли что-то новое. Боясь признаться вслухъ другъ другу, онѣ обѣ начали съ инымъ чувствомъ вспоминать простую и бѣдную жизнь въ квартирѣ покойныхъ Филисовыхъ, начали будто жалѣть прежнее свое житье и словно томиться въ богатой обстановкѣ бригадира. Однако ни няня, ни дѣвушка ни разу не обмолвились вслухъ объ этомъ тайномъ чувствѣ, которое стало копошиться у обѣихъ на душѣ. Онѣ понимали, разумѣется, другъ друга, чуяли обоюдныя одинакія чувства и помыслы, но заговорить не хотѣли, какъ-бы боясь, что отъ этого признанья приключится для нихъ еще горшее, т. е. станеть имъ еще тяжелѣе.

„Можетъ это мнѣ такъ сдается по глупости, а она—ничего довольна!“ думала каждая изъ нихъ, или вѣрнѣе обманывала самой себя.

Однако, помимо постоянной „строгости“ въ домѣ бригадира, какой-то якобы дворянской сдержанности даже въ весельи, даже въ смѣхѣ, помимо вѣчныхъ поученій сладкорѣчивой и многорѣчивой барыни-бабушки—были и еще причины для нихъ обѣихъ скучать по прежней жизни.

Дѣвушка оказалась вдругъ какъ-бы взаперти, какъ-бы птицей въ золотой клеткѣ. Зима проходила, а ее куда не пускали; подругъ и пріятельницъ своихъ она еще не видѣла ни разу у себя и къ нимъ не могла отправиться въ гости.

Бригадиръ и Толбухина не отказывали прямо, а говорили: „хорошо“ и „ладно“ или „обожди“ или „увидимъ“.

Клѣна терялась въ догадкахъ, ждала и скучала...

Аринѣ-же Матвѣевнѣ пришлось во многомъ измѣнить своимъ привычкамъ. Въ домѣ покойныхъ господъ она была первое лицо, какъ бывшая кормилица дѣтей и мама обожаемая ими. Она распорядилась во всемъ домѣ и въ хозяйствѣ больше чѣмъ сама барыня. Теперь-же она была не только не первою, но послѣднею сищей въ колесницѣ.

Арина Матвѣевна тоже не понимала, почему баринъ Никита Артемьевичъ куда не выпускаетъ ея дитячко.

„А вѣдь въ Москвѣ-то опять веселье!“ думала няня.

Послѣ пережитыхъ страшныхъ дней, первопрестольная матушка-Москва дѣйствительно хотя не сразу, а потихоньку, но все-таки возвратилась къ своей всегдашней мирно-веселой жизни.

Начало зимы и ноябрскіе морозы, обычныя въ это время, явились теперь какъ благодать, встрѣчались какъ милость Божья всѣмъ жителями.

Эти морозы совершенно прекратили въ городѣ морозное повѣтріе, изгнали страшную гостью воевавшую въ теченіе всего 1771 года, но особенно свирѣпствовавшую за шесть мѣсяцевъ лѣта и осени, какъ истинная кара Господня, какъ Египетская казнь надъ грѣшными людьми.

Москва, обезумѣвшая лѣтомъ и осенью отъ страха черной смерти, наполовину вымершая или разбѣжавшаяся, теперь снова приняла прежній видъ.

Только нѣкоторыя улицы и переулки, прегражденные рогатками, а въ нихъ ряды домовъ, у которыхъ окна и двери были заколочены наглухо досками—напоминали еще о недавней гостѣ, которая тутъ попиравала, убравъ на тотъ свѣтъ всѣхъ обывателей до единого.

Много, часто и всячески поминали теперь москвичи пережитые ужасы и радовались за себя что уцѣлѣли. Страшнымъ разсказамъ и конечно привираенью не было конца. Рѣдкая семья могла похвалиться и воздать хвалу Богу, что она вся на лицо. Наоборотъ, нѣкоторые старые и молодые очутились бобылями, тогда какъ еще недавно, съ полгода назадъ, были членами большихъ семей, нынѣ лежащихъ по разнымъ чумнымъ погостамъ вокругъ города.

Но жизнь идетъ своимъ чередомъ, время все уноситъ, старая быль новымъ быльемъ зарастаетъ; хорошее-ли, худое-ли, въ памяти людской тоже не долго-вѣчно...

Горе тоже умираетъ въ сердцѣ—изживается...

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ первопрестольная столица уже шумѣла и гудѣла по-старому... Разбѣжавшійся людъ вернулся; дворяне, разбѣжавшіеся по своимъ дальнимъ вотчинамъ, снова наполняли свои родовые дворы и палаты, и снова, растворивъ настежь ворота, зазывали гостей на пиры.

Въ иномъ домѣ еще шумѣе стало, веселились наслѣдники, у которыхъ „сударыня чума чумовна“ увесла черезчуръ скарденныхъ или строгихъ родителей... Вѣдь нѣтъ на свѣтѣ худа безъ добра. Иной москвичъ теперь тайно на душѣ похвалялъ „сударыню черную гостью“, что она на побывкѣ своей въ стѣнахъ Бѣлокаменной прихватила и увесла иного постылаго или стѣснительнаго челоуѣка, жену, мужа, свекра, тещу...

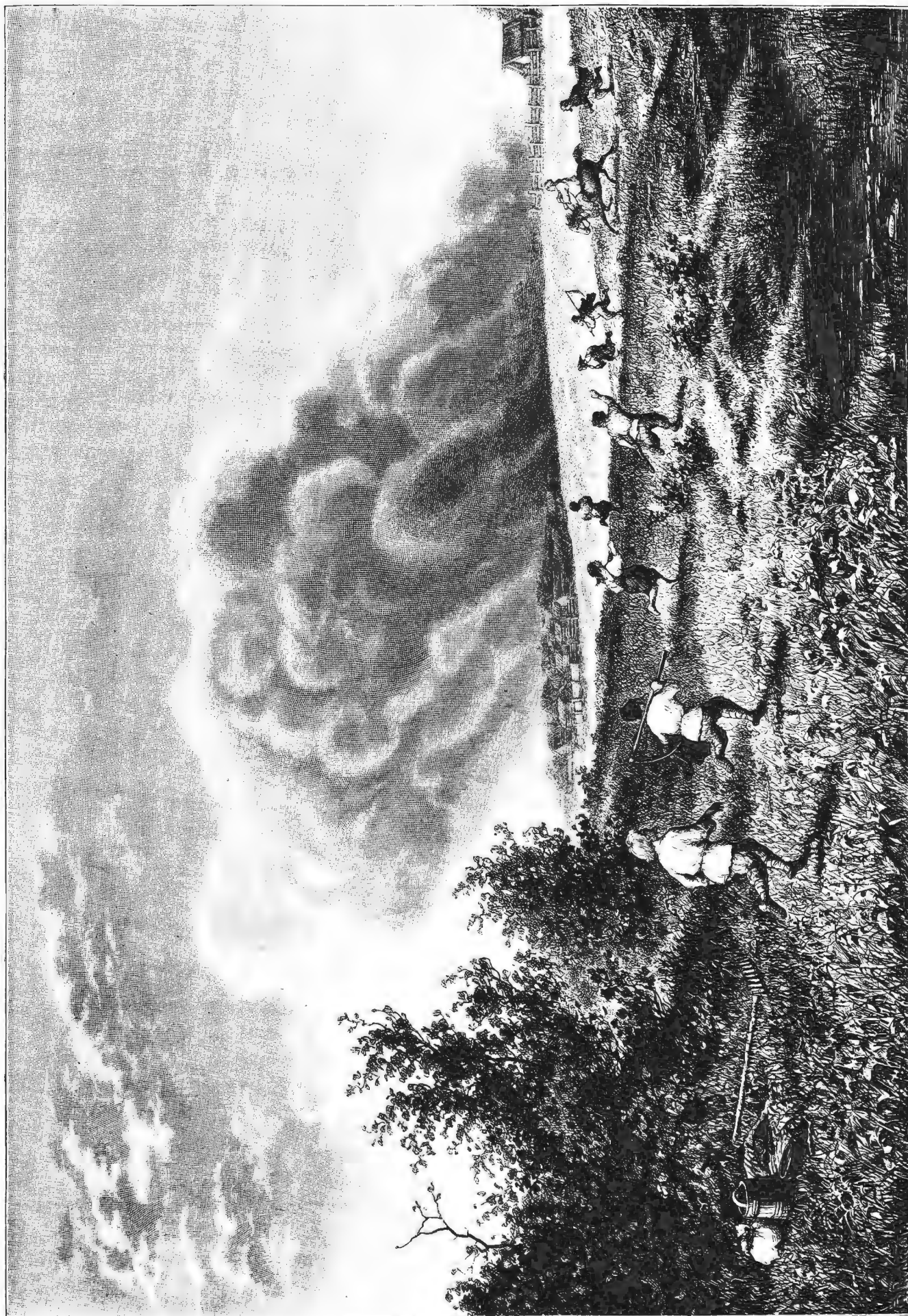
Придя въ домъ дѣда, Клѣна тоже радовалась сначала и ждала съ нетерпѣньемъ спасительныхъ морозовъ.

„Пройдетъ чума, утихнетъ все, явится въ Москву Козляниновъ и сдѣлаетъ свое предложеніе дѣдушкѣ“, такъ думала часто Клѣна, думала и Арина.

Однако вотъ уже прошелъ и ноябрь мѣсяць, а объ Козляниновѣ не было ни слуху, ни духу. Клѣна горевала и боялась, что ея возлюбленный погибъ тоже страшною смертью. Не мало народу и въ сосѣднихъ городахъ съ Москвой перемерло такъ-же, какъ и въ столицѣ.

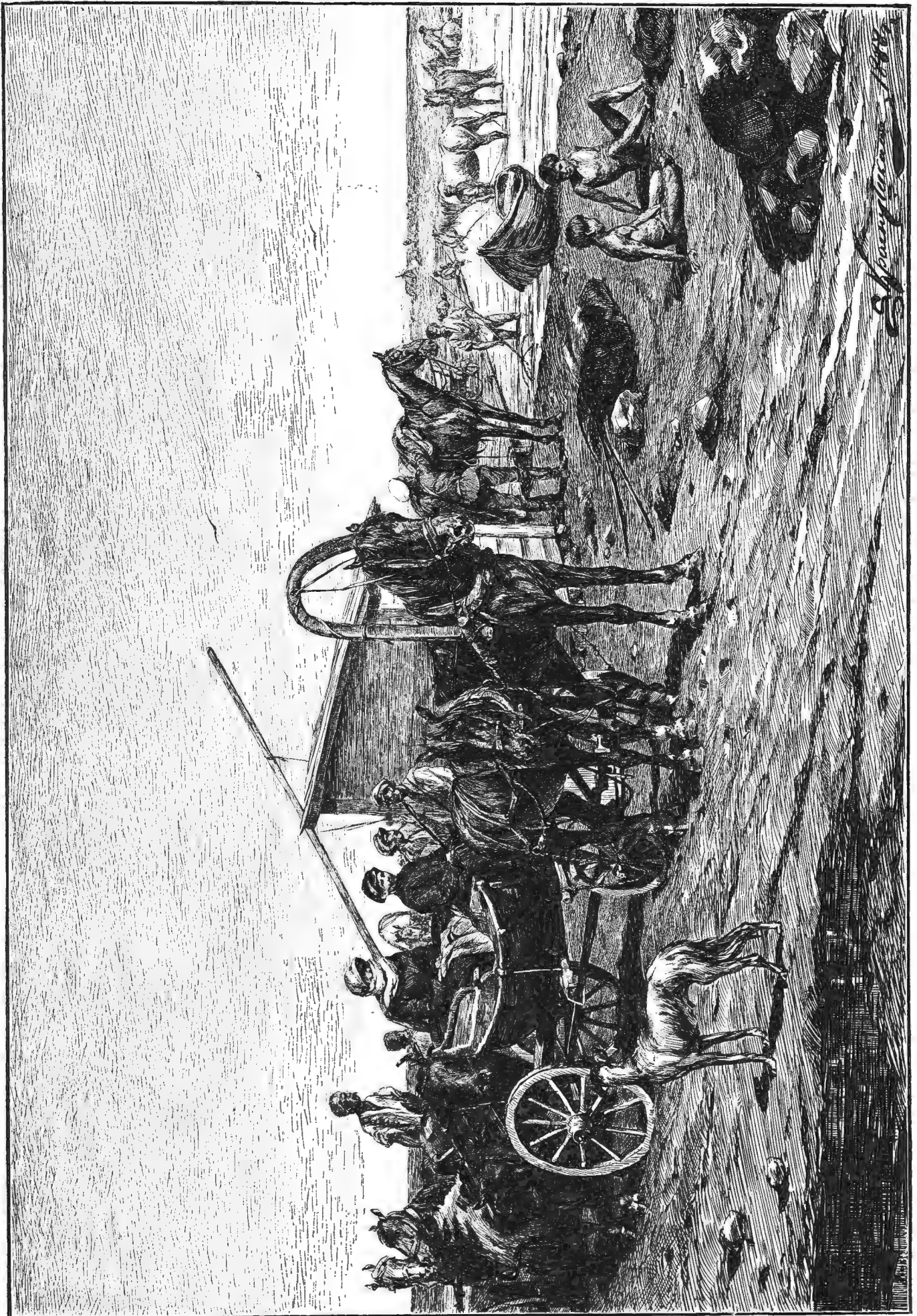
Въ концѣ ноября мѣсяца, однажды утромъ, Арина Матвѣевна, выходящая со двора, вернулась бѣгомъ въ мезонинъ, гдѣ были ихъ отдѣльныя горницы, и заявила своему дитячкѣ, запыхавшись, раскраснѣвшись отъ волненія... Николай Ивановичъ въ Москвѣ! Былъ онъ очень боленъ, лежалъ два мѣсяца въ огнѣ, на волоскѣ отъ смерти, очень похудѣлъ и измѣнился. Но по-прежнему любить Клѣну и явился въ Москву женихомъ. На-дняхъ благоприлично познакомится онъ съ бригадиромъ и, по обычаю, свата зашлетъ.

Страстно захотѣлось Клѣнѣ повидаться со своимъ возлюбленнымъ, котораго она такъ давно не видала, но никакія ухищренія ни ея, ни Арины не привели ни къ чему. Клѣна уже не была свободна, какъ прежде. Она уже не могла выѣхать или выйти изъ дому одна съ няней. Ее выпускали только по дворянскому въ ка-

Пожарь во время полевых работъ. Оргл. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, грав. Ф. Волковъ.

Мостъ черезъ р. Ансай близъ Новочераска. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Е. Краснушиной, грав. Ангереръ

ретѣ, да и при этомъ съ ней всегда отиравалась Толбухина или самъ бригадиръ.

Свидѣться, слѣдовательно, гдѣ-либо—было невозможно.

Единственное, что могла устроить Арина, было не великою радостью. Въ назначенный часъ, всякій день Козляниновъ проходилъ или проѣзжалъ мимо воротъ дома бригадира, а Клѣна становилась у окна чтобы мелькомъ увидѣть его. Она могла видѣть буквально одну секунду, какъ мелькнетъ кто-то въ мундирѣ въ воротахъ. Такъ какъ домъ Филисова стоялъ въ глубинѣ большого двора, то до воротъ, мимо которыхъ могъ пройти или проѣхать Козляниновъ, было, по крайней мѣрѣ, саженей 20. Подойти ближе къ окнамъ, значило войти во дворъ,—а это было конечно невозможно.

Но если по пословицѣ „голь на выдумки хитра“, то любовь на выдумки еще хитрѣе. При помощи Арины Матвѣевны, возлюбленнымъ удалось наконецъ повидаться. Но это свиданіе было при такой ужасной и опасной обстановкѣ, отъ которой морозъ по спинѣ пробиралъ Клѣну и волосъ дыбомъ становился на головѣ няни.

Однажды, въ темнотѣ сумерекъ, онѣ обѣ прошли тайкомъ по огромнымъ сугробамъ въ садъ бригадира, и по колѣна въ снѣгу, съ замираніемъ сердца, пугливо озирались, какъ преступницы, черезъ силу добрались въ дальній край сада. А здѣсь черезъ заборъ появился Козляниновъ.

Многочисленная дворня бригадира, вымуштрованная Толбухиною, доносила ей объ малѣйшемъ случаѣ, обо всякой мелочи въ домѣ. Поэтому было конечно опасно и даже безумно рѣшиться на подобнаго рода свиданіе.

Но этой одной встрѣчи для молодыхъ людей оказалось достаточно. Они условились во всемъ, и черезъ нѣсколько дней Козляниновъ долженъ былъ обыкновеннымъ приличнымъ образомъ объясниться съ бригадиромъ относительно своихъ намѣреній.

Но тутъ-то и началось нѣчто ужасное для Клѣны...

На заявленіе черезъ знакомыхъ прапорщика Козлянинова о желаніи его представиться бригадиру, Никита Артемьевичъ объявилъ, что не видитъ никакой нужды имъ знакомиться, такъ какъ между молодымъ офицеромъ и имъ-старикомъ нѣтъ ничего общаго. А что есть, т. е. внучка невѣста—это бригадиру какъ-бы и на умъ не приходило.

Разумѣется, рѣшиться идти къ бригадиру чтобы объяснять, что этотъ Козляниновъ почти нареченный женихъ,—ни у внучки, ни у няни не хватило храбрости.

Арина Матвѣевна, выходявшая со двора, хотя съ позволенія Толбухиной, но довольно часто, каждый разъ отправлялась на совѣщанія къ Николаю Ивановичу. Но время шло и не приносило ничего новаго.

Послѣ отвѣта бригадира, что нѣтъ никакой нужды знакомиться—Козляниновъ не зналъ, что и дѣлать. Засылатъ отъ себя свата къ бригадиру, въ качествѣ еще незнакомаго ему человѣка—было не въ обычай, да и не привело-бы ни къ чему.

Бригадиръ прогналъ-бы свата и разсердился-бы еще болѣе.

И вотъ теперь Клѣна, а равно и ся няня, начинали уже прямо раскаиваться въ томъ, что явились добровольно въ эту кабалу, въ эту крѣпостную зависимость къ дѣду.

— Ну, да авось еще... Богъ милостивъ! все повторяла мамушка своей питомицѣ; но сама думала про себя: „Нѣтъ, не милостивъ къ намъ Господь. Почитала я обузой родителей Клѣнушки и грѣшила... Вотъ нѣту ихъ—а стало намъ еще хуже и мудренѣе...“

IX.

Въ эти-же самые дни, когда Козляниновъ и Клѣна отчаявались въ своемъ дѣлѣ, Никита Артемьевичъ тайно принималъ свои мѣры, о которыхъ не знала даже и Толбухина.

Однажды утромъ, когда бригадиръ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ предъ столомъ и разглядывалъ три книги большого формата въ красивомъ переплетѣ, за его спиной у дверей стоялъ почтительно вошедшій высокій человѣкъ. Бригадиръ весь погрузился во французское иллюстрированное изданіе Телемака, такъ какъ чуть-чуть „мараковать“ по французски, научившись за послѣднее время отъ своей родственницы и друга. Толбухина владѣла этимъ языкомъ въ совершенствѣ, но бригадиръ читать свободно не могъ и только понималъ разговорный языкъ.

Бригадиръ конечно и не читалъ книгу, а переглядывалъ гравюры и разбиралъ ихъ подписи. Часто случалось однако, что и тутъ попадались ему незнакомыя слова и онъ только по догадкѣ или по сюжету могъ знать, что изображаетъ рисунокъ. Эти иллюстраціи бригадиръ только что получилъ, выписавъ ее изъ Петербурга для подарка своей „сестрицѣ“.

Наступилъ день ея рожденія, который справлялся всегда шумно и парадно, такъ что въ домѣ бывалъ „пиръ на весь міръ“, съ угощеніемъ не только всей дворни, но и всякаго кто шелъ въ ворота... прохожихъ, нищихъ, странниковъ, даже мѣщанъ сосѣднихъ. Этотъ обычай, стоившій конечно дорого и отъ котораго приходилось накладно, начиналъ уже исчезать въ Бѣлокаменной. Кормили и поили теперь только нищихъ и странниковъ, а простыхъ прохожихъ и незнакомыхъ хозяину сосѣдей изъ мѣщанъ уже не считали нужнымъ угощать.

Бригадиръ, какъ человѣкъ очень богатый, соблюдалъ этотъ обычай, лестный для самолюбія дворянина. У него угощеніе бывало—на славу. „Встрѣчному и поперечному. Приходи, ѣшь медвѣдь, коза и барабанчикъ!“

Теперь Филисовъ уже готовился всячески къ празднованію дня рожденія Марьи Евграфовны. Великолѣпная бриллиантовая звѣзда, которая въ видѣ-шильки должна была украсить голову и прическу Толбухиной—была уже заказана датчанину-ювелиру, жившему на Неглинной рѣчкѣ, а иллюстраціи уже прибыли изъ Петербурга. Въѣстъ съ тѣмъ въ домѣ, въ кладовыхъ, въ погребахъ и на кухнѣ—замѣчалось еще большее движеніе. Пекли, жарили, солили, варили всякую всячину и для гостей барина, и для народа, что будетъ угощаться на дворѣ.

Бригадиръ, занятый картинами, не замѣтилъ, когда дверь его кабинета отворилась, а на порогѣ появился человѣкъ большого роста и атлетическаго сложенія. Вошедшій сталъ у притолки и не двигался, а равно не произносилъ ни слова, ожидая, когда бригадиръ самъ обернется и увидитъ его. Простой кафтанъ синяго сукна, черныя шаровары въ высокихъ смазныхъ сапогахъ и усы съ бородкой свидѣтельствовали, что пришедшій былъ или изъ мѣщанъ, или изъ крѣпостныхъ людей. По лицу, умному и смѣлому, по манерѣ держаться, а главное, по провицательно бойкому взгляду большихъ сѣрыхъ глазъ, незнакомецъ смахивалъ скорѣе на „вольнаго“ человѣка, а не на крѣпостнаго холопа.

Пока баринъ сидѣлъ уткнувшись въ рисунокъ, изображавшій морскую бурю и корабль заливаемый волнами—богатырь стоявшій на порогѣ оглядѣлъ всю горницу и бригадира съ книгами, и по губамъ его скользнула улыбка, хитрая, самодовольная и отчасти презрительная...

Бригадиръ, переглядѣвъ наконецъ всѣ картины, будто почувялъ присутствіе посторонняго въ комнатѣ, обернулся и увидѣлъ стоящаго у дверей богатыря.

— А-а! воскликнулъ онъ съ довольствомъ въ голосѣ.— Герасимъ! А я и не примѣтилъ...

— Здравствуй, Никита Артемьевичъ! отозвался тотъ, кланяясь въ поясъ.

— Ну что, Герасимъ? Справилъ все?..

— Какъ указывать изволил. Все.

— До-чиста всю подноготную принесть? весело спросил бригадирь.

— Какъ есть до-чиста! усмѣхнулся самодовольно Герасимъ и головой тряхнулъ.

— Ну, рассказывай... Да подойди ближе...

Бригадирь повернулся въ креслѣ лицомъ къ стоявшему теперь передъ нимъ богатырю и съ видимымъ любопытствомъ глядѣлъ на него.

— Когда изъ Звенигорода вышель?

— Вчерась послѣ вечерни...

— Двадцать часовъ шель? Ну ужъ скороходъ! Этакъ и я пройду.

— Гдѣ-же двадцать, Никита Артемьевичъ. Меня почь и мятель восемь часовъ держали на дорогѣ, да и пришелъ я не сейчасъ. Я ужъ пообѣдалъ, да приодѣлся — къ твоей милости почище явиться.

— Ну и ладно. Это я вѣдь къ слову. Тутъ спѣха не было. Могъ и двое сутки идти. Что городъ хорошій—Звенигородъ?

— Хорошій. Древній городъ! Храмовъ довольно. Обывателей немного, но съ виду городъ, что тебѣ губернія! развизно, но важно произнесъ Герасимъ.

— Губернія? Скажи на милость! усмѣхнулся бригадирь. — Какія слова подбираеть, самая ученая. Ну рассказывай.

— Да что-жь, Никита Артемьевичъ, почитай новаго и мало. Важно только, что все это, что вы изволили полагать—подтвердилось. Помѣщики они, но не важные. Барыня—вдова отъ трехъ мужьевъ.

— Отъ трехъ мужьевъ?

— Дѣтей-же одинъ этотъ стало-быть.

— Офицеръ. Прaporъ?

— Такъ точно, пѣшей команды прaporъ и за моровое повѣтріе служилъ при рогаткахъ у графа Брюсова, но награды ни самомалѣйшей не получилъ. За то самъ, сказываютъ, чуть не померъ. Кто говоритъ отъ моровой болѣлъ онъ, а кто—не отъ чумы, а такъ... Теперь живутъ они всегда со вдовой, а въ чуму жили врозь... Онъ при рогаткахъ въ Тверской губерніи находился, а она, барыня, ѣздила все...

— Какъ ѣздила? Куда?

— Отъ чумы то-исъ ѣздила.

— А да! Понимаю... Какъ и всѣ „дровяне“. Какъ шала отъ чумы бѣгала! По крайней мѣрѣ убѣгла, аль нѣтъ?

— Какъ убѣгла? не попялъ Герасимъ.

— Не болѣла?

— Нѣтъ, не болѣла... Да она все равно и такъ должна-бы давно помереть. Барынька старѣющая, скрюченная, сморчокъ личикомъ. Въ чемъ только душа держится! Живутъ они въ своемъ доподлинно домѣ и на хорошей улицѣ.

— А домъ?

— Что домъ!.. На дрова годится. Его строилъ, сказываютъ, дѣдушка барыньки, когда ея и на свѣтѣ не было. Она въ немъ родилась, въ этомъ домѣ. Сколько-жь ему-то годовъ, когда ей всѣ семьдесятъ, а то можетъ и восемьдесятъ.

— А имѣніе... Вотчина?

— Въ домѣ имѣнія десятка два столовъ, шкаповъ, да стульевъ. А вотчина ихняя—такъ носелочекъ махонькой.

— Врешь.

— Ей-богу... Душъ ста пѣтъ...

— Сто душъ все-таки...

— Нѣту, говорю ихъ. А душъ шестьдесятъ, либо семь десятковъ есть. И оброкъ ихъ самый гривенный, потому земли мало, да и та негодная.

Герасимъ замолчалъ, а бригадирь сидѣлъ задумавшись. Наступила пауза. Наконецъ Филисовъ очнулся и вымолвилъ:

— Ну, а какъ насчетъ чувствъ прaporа и насчетъ, т. е. нашей барышни? Было у нихъ, правда, все кончено? Былъ сговоръ?..

— Люди ихъ всего этого доподлинно не знаютъ, отвѣчалъ Герасимъ, — а что былъ, говорятъ, слухъ у нихъ, что молодой баринъ женихъ пѣкостей московской барышни, только будто-бы богатѣющей барышни... Такъ что не поймешь о комъ такой былъ слухъ. Объ Клеопатрѣ Артемьевнѣ или объ другой какой. Но полагаю, что объ ней, объ нашей барышнѣ.

— Вѣстимо объ ней. На мое иждивеніе глаза закидывали! Да что-жь? Оно и правильно. Она наслѣдница и есть и была тогда. Ну... А теперь какъ-же? Теперь то что?

Герасимъ усмѣхнулся многозначительно.

— И теперь стало быть тоже... Всѣ люди ждутъ молодую барышню къ себѣ. Сказываютъ, отъ чумы отерочка вышла. А теперь скоро, молъ, обвиняется молодой баринъ и привезетъ хозяйку въ Звенигородъ.

— Врешь ты, Герасимъ, иль и въ правду такъ?

— Какъ я смѣю, Никита Артемьевичъ. Сказываю, что узналъ. Да и не одни холопы такъ-то говорятъ, а и въ лавочкѣ около дома то же мнѣ объяснили. Молодой-то баринъ живетъ здѣсь, а не тамъ въ Звенигородѣ.

— Здѣсь? Какъ здѣсь? Въ Москвѣ?

— Въ Москвѣ живетъ, и ужъ почитай давно!

— А служба-то?

— Этого ужъ я знать не могу. А что опъ давно, какъ въ Москвѣ... и будто...

Герасимъ заикнулся, не рѣшаясь говорить.

— Ну?

— Будто, сказываютъ, ладить.

— Что ладить?

— Свое дѣло. Свадьбу...

Герасимъ вымолвилъ это слово, глядя съ любопытствомъ въ лицо барина, чтобы прочесть, какое впечатлѣніе произведетъ оно. Лицо бригадира сразу омрачилось и стало тревожно...

— Ну поди себѣ... Спасибо... Все хорошо, толковито... Да я зналъ, что ты справишь; недаромъ грамотѣй и скороходъ. Спасибо! Ступай.

Богатырь поклонился слегка и вышель изъ горницы, а бригадиръ тихо вздохнулъ.

— Плохо... Возня будетъ... Что-жь, повозимся! проворчалъ онъ себѣ подъ носъ.

X.

Около полудни, за часъ до обѣда, т. е. въ положенное время для бесѣды объ дѣлахъ, бригадиръ явился въ горницу къ Толбухиной, которая сидѣла за пяльцами.

Опустившись медленно въ покойное кресло, Филисовъ вымолвилъ какъ-бы докладъ начальству.

— Сестрица. Дѣло у меня...

— Ну-съ! отозвалась Марья Евграфовна, какъ отзывается не грозный, но все-таки строгій начальникъ.

Она откинулась отъ пялецъ, надъ которыми сидѣла нагнувшись, и заткнувъ иглу въ канву, прикрыла работу кускомъ полотна. При этомъ она взглянула на свои стѣнные часы: не виновенъ-ли бригадиръ въ несвоевременномъ появленіи для бесѣды о дѣлахъ. Оказалось, что бригадиръ виновенъ на десять минутъ.

— Еще нѣтъ двѣнадцати часовъ, Никита Артемьевичъ. Могли-бы вы меня отъ работы не отнимать...

— Ну, послѣ доработаешь! нетерпѣливо отозвался Филисовъ.

И сестрица удивленно поглядѣла на бунтующаго подчиненнаго. Бригадиръ говорилъ Марьѣ Евграфовнѣ „ты“ только въ минуты особой пѣжности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ минуты досады и гнѣва.

— И такъ можно... Да-путаница выходитъ. Что-жь такое у васъ? Важное?

— То-то важное... И смѣхотворное, и важное. По-

мните-ли вы, матушка-сестрица, какъ офицерикъ Козлятиновъ знакомиться хотѣлъ съ нами?

— Ну-съ!

— Эта вишь козлятина въ женихи лѣзетъ къ Клѣнѣ. У него штаны да рубаха всего имущества — онъ вотъ и подѣзжаетъ къ внучкѣ бригадира Филисова.

— Фамилія его Козлятиновъ, а не Козлятиновъ, и я слышала—у него есть вотчина и домъ въ Звенигородѣ, отозвалась важно Толбухина, какъ бы гороря: „Видишь не удивилъ, я побольше твоего знаю“.

— Да имѣннѣшко въ шестьдесятъ душъ и домишко въ семь комнатъ съ огородомъ. Коли для васъ это большущимъ издивеньемъ и несмѣтнымъ богатствомъ кажетъ — тогда, пожалуй, зовите его новымъ словомъ: миллионеромъ.

— Милліонеромъ желаете вы сказать, батюшка-братецъ, поправила собесѣдника Толбухина.

— Такъ вотъ-съ этотъ Козлятиновъ, продолжалъ упрямо бригадиръ, какъ бы не слушая, — намъ можетъ надѣлать хлопотъ. Онъ давно, съ прошлой весны еще, влѣпился въ Клѣну, а она тоже отъ него безъ памяти. Будь живы сынъ съ невѣсткой — они были бы уже обвѣнчаны.

— Почему же вы это думаете?

— Не думаю, а знаю.

— Отъ кого же?

— Отъ солдата прохожаго... если ужъ вамъ, сестрица, нужны нарочитыя улики и посылки судейскія. Ну вотъ я, сославшись на сего солдата, и говорю вамъ, что Козлятиновъ долженъ былъ уже вѣнчаться съ Клѣной, когда открылась моровая въ городѣ и поставила все вверхъ ногами, а въ томъ числѣ и ихъ сборы къ вѣнцу. Понимаете вы, матушка-сестрица, чтѣ изъ этого слѣдуетъ? Чего теперь ждать намъ?

— Нѣтъ. Простите. Не знаю. Темно говорите.

Филисовъ, нѣсколько оживившись, передалъ Толбухиной свои предположенія, что если молодые люди влюблены другъ въ друга и еще недавно, по согласію родителей съ обѣихъ сторонъ, должны были вѣнчаться, то теперь они сътуютъ себя въ правѣ дѣйствовать рѣшительнѣе. А эта „любовнишка“ ихъ конечно причинить не мало хлопотъ.

— Не знаю. Не понимаю, отозвалась Толбухина спокойно. — Что-жъ они? Самокруткой что-ли обвѣнчаются? Безъ вашего согласія?

— А почему бы и нѣтъ?

Толбухина дернула плечами и промолчала.

— Уйдетъ она съ нянькой, какъ пришла сюда. Тѣмъ же порядкомъ. Убѣжитъ къ его матери, да въ Звенигородѣ и повѣщается! горячѣе воскликнулъ бригадиръ.

— А вы ее лишите наслѣдства! умышленно спокойнымъ голосомъ какъ бы добавила Толбухина.

Бригадиръ разсмѣялся насмѣшливо, но не сердито.

— Что-жъ я отъ этого выиграю, что мое имѣніе родовое мимо рукъ родной внучки пойдетъ? На бога-дѣлокъ, на Божедомку, въ монастыри дармоѣдамъ!.. Хороша прибыль!

Бригадиръ замолчалъ, ожидал, чтѣ скажетъ „сестрица“, но Толбухина сидѣла и молча глядѣла на стѣну, гдѣ висѣлъ портретъ ея отца въ дворянскомъ мундирѣ.

— Ну-съ, что же-съ? вымолвилъ наконецъ Филисовъ.

— Дайте подумать... сказала Марья Евграфовна смягчившись.—Можетъ чтѣ и надумаю. А прежде надо бы вамъ съ ней самой поговорить. Можетъ быть она теперь, будучи въ вашемъ домѣ, не пожелаетъ такого жениха, пожелаетъ кого-нибудь почище да и чиномъ новыше простаго прапора.

— Чтѣ вы дѣвицей-то не были что-ли, что такъ несомнѣтельно разсуждаете. Дѣвицамъ чтѣ прапоръ, чтѣ фельдмаршалъ—все едино. Лишь бы глазки у него масляные были, да хватомъ былъ. А вы вотъ чтѣ, сестри-

ца, поговорите съ Клѣной. Узнайте какъ она чувствуетъ.

— Извольте. Сегодня же все узнаю отъ нея и если есть чтѣ и впрямь, то разговорю.

— Ну вотъ. Вы на это вѣдь мастерица! вкрадчиво и лѣтливо произнесъ бригадиръ.

Никита Артемьевичъ вѣрилъ въ мастерство Марьи Евграфовны на всѣ руки. Кому же лучше съумѣть „разговорить“ кого-либо, какъ не ей, владѣющей рѣчью въ совершенствѣ, яко-бы подѣ-стать какому проповѣднику изъ духовенства. Никита Артемьевичъ, говоря о хлопотахъ, какія можетъ причинить ему „любовнишка“ внучки, не проронилъ однако ни слова о главной причинѣ, почему подобное замужество Клѣны могло ему быть неприятно. Но бригадиръ зналъ, что сестрица догадывается. И дѣйствительно, она не только догадывалась, а знала павѣрное, въ чемъ дѣло.

А дѣло было вмѣстѣ и простое, и мудреное. Это была затѣя бригадира, и затѣя, по мнѣнію Толбухиной, такая, у которой „нѣтъ ни головы, ни хвоста“.

Съ точки зрѣнія самого Филисова предпріятіе это явилось самымъ обыкновеннымъ житейскимъ расчетомъ. Онъ хотѣлъ выдать внучку по своему выбору, за близкаго человѣка, имъ уже намѣченнаго. Съ точки зрѣнія сестрицы Толбухиной затѣя эта могла представляться дѣломъ мудренымъ и даже пагубнымъ, ибо женихъ бригадиромъ избранный былъ человѣкъ лѣтъ на сорокъ старше Клѣны.

Это былъ давнишній пріятель и однокашникъ Филисова по Шляхетскому корпусу, гдѣ они еще школьниками дѣлили и пироги, и нерья, и радости, и печали, и даже розги... Иначе говоря, они изъ дружбы обоюдно брали на себя вину другаго, когда за недѣлю у кого-либо изъ нихъ приключалось двѣ шалости или двѣ вины и предстояло въ субботу, „экзакуціонный“ день, получить двойную порцію розогъ.

Послѣ выпуска друзья были сослуживцами въ одномъ и томъ же полку карабинеровъ, а затѣмъ, когда Филисовъ получилъ не прося — отставку по прошенію или „абшидъ“ и вышелъ въ „чистую“, съ чиномъ бригадира, его другъ перешелъ въ „рябчики“, т. е. въ гражданскіе чины. Теперь онъ былъ статскимъ совѣтникомъ и засѣдателемъ въ Верхнемъ Земскомъ Судѣ.

Другъ этотъ, Геннадій Ивановичъ Братолюбцевъ, былъ старый холостякъ, когда-то богатый, но теперь разорившійся, сильно нуждавшійся и часто бравшій денегъ у друга Филисова.

Происхожденіе Братолюбцева было темное въ томъ смыслѣ, что фамилія его была сочиненная и отецъ его до 30-ти лѣтъ—какъ помнилъ хорошо самъ онъ—носилъ совершенно иную фамилію, даже не русскую, а нѣмецкую.

Бригадиръ ни слова, ни разу не сказалъ Марьѣ Евграфовнѣ о своей затѣѣ обвѣнчать обожаемаго имъ, Богъ вѣсть за чтѣ, друга-пріятеля съ появившеюся въ домѣ внучкой; но Толбухина слишкомъ хорошо знала братца, чтобы не догадаться тотчасъ, о чемъ началъ мечтать онъ.

Никита Артемьевичъ обладалъ одною весьма рѣдкою чертой характера. Онъ былъ способенъ на безпримѣрное постоянство и безусловную слѣпую преданность тѣмъ, кого онъ разъ полюбилъ. Его 20-ти-лѣтняя привязанность къ Толбухиной и 50-ти-лѣтняя почти за всю жизнь привязанность къ другу-однокашнику Братолюбцеву, могли подвигнуть его на всякую жертву, на всякій подвигъ до самоубвенія. Захоти Толбухина, все его состояніе давно бы принадлежало ей по дарственной. Много разъ предлагалъ бригадиръ сестрицѣ передать ей все при жизни и жить на ея издивеніи. Ему была по сердцу мысль, что онъ будетъ у сестрицы на хлѣбахъ, а не она у него.

Будь на мѣстѣ Толбухиной женщина безчестная, бригадиръ былъ бы вѣроятно давно нищимъ, на улицѣ.

Дѣдушка и внучка. Ориг. рис. (сообств. „Нивы“) А. Леонтовскаго, грав. Бергъ.

Точно также не раз собирался Никита Артемьевич подарить половину своего состоянія разорившемуся другу. Но опять-таки на свое счастье попалъ на честнаго человѣка, который на такое предложеніе однокашника и сослуживца отвѣчалъ смѣхомъ и шутками.

— Называться бы тебѣ не Никитою, а Кузьмой или Даміаномъ. И впрямь безсребренникъ! отвѣчалъ другъ.— Какъ это тебя при этой добротѣ никто еще не обогорилъ. Марья Евграфовна не дала! Спасибо ей, умницѣ. А то бы давно пошелъ ты по міру.

Теперь у незлобиваго, причудливаго мечтателя Филисова, съ появленіемъ внучки въ домѣ, явилась новая

сильная привязанность. Онъ начиналъ шибко любить ее, но на свой ладъ, и мечталъ устроить ей судьбу тоже на свой, а не на ее ладъ. Соединить судьбу обожаемаго друга съ судьбой любимой внучки, назвать товарища своихъ дѣтскихъ игръ своимъ внукомъ и видѣть внучку женою этого однокашника стало вдругъ для бригадира его сладчайшею мечтой. Все состояніе родовое и благопріобрѣтенное имъ пошло бы въ прямой родъ, въ линію и въ то же время... Да, въ то же время досталось бы и другу-приятелю. И не въ видѣ подарка и подачки на бѣдность, а по обычаю и закону.

(Продолженіе будетъ).

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Настасья Петровна, встрѣтись на Софійской наперти съ Кириакомъ Андреевичемъ, въ своей низапой рѣчи упоминала, что ее сестрица Ненилушка хвалится, будто Мамелфа Тимоѣевна въ любви ее содержитъ. Ненилушка похвастать не прочь была, но этимъ хвалилась не мимо.

Межь сестрами любовь была особенная: онѣ никакъ не могли забыть другъ о другѣ, и старались одна предъ другой, чтобъ чѣмъ нибудь раздосадовать сестрицу, или хоть словцомъ кольнуть. Особенно усердствовала Ненила Петровна. Она во всемъ завидовала сестрѣ. Настасья была и моложе, и пригоже, и замужъ, хоть и житья дочь была, выскочила за боярина; Ненила же, какъ и матушка, за житемъ жила. Овдовѣла сестра, а Ненилушка зависти своей не отложила. Причина заключалась въ томъ, что, какъ говорила Ненила Петровна: „а хоть и не былъ молю Иванъ Григорьевичъ — дай ему Господь царствіе небесное за то, что сестру въ рукахъ держалъ! — ни посадникомъ, ни тысяцкимъ, да могъ-же быть; а моему Онуфрию Лентьевичу, хоть того умнѣй онъ будь, степенствомъ вѣкъ не величатся: степенъ житемъ заказана“.

Тому, что Настасья овдовѣвъ прославилась на весь Новгородъ, Ненила не очень завидовала. Для нея, какъ для множества женъ и вдовъ, и житехъ и боярскихъ, Марѣа была „особь статья“; идти по ней было имъ не по разуму. Онѣ не осмѣливались бранить ее вслухъ, но не очень о ней и заботились: „не женское молю дѣло“. Какъ Настасья по Марѣѣ пошла, Ненилушка вздохнула отъ ужаса, но потомъ, обдумавъ, посмѣялась надъ сестрой: „И наша де соколѣна туда-жъ увязалась. А подлинно скажутъ: куды конь съ копытомъ, туды и ракъ съ клешней“.

Этимъ Ненила и удовольствовалась. Когда-же Настасья Петровна проникла къ Мамелфѣ Тимоѣевнѣ, Ненилушка разгнѣвалась не на шутку. То-же множество женъ и вдовъ новгородскихъ, для кого Марѣа была „особь статья“, ставило себѣ въ образецъ Мамелфу Тимоѣевну. Чтѣ Мамелфа Тимоѣевна сдумаетъ, на томъ и всѣ онѣ становились.

Нельзя было не ѣхать къ тому празднику, куда собиралась Мамелфа Тимоѣевна. Господарыни хвалились, что у нихъ то или иное кушанье готовится точно такъ какъ у Мамелфы Тимоѣевны. На Ивана-постнаго пищаго круглаго не полагалось не только ѣсть, но и рубить, потому что въ этотъ день Мамелфа Тимоѣевна ничего круглаго не кушала и рубить не приказывала. Шель-ли споръ о томъ, можно-ли разгавливаться, когда Петра и Павла приходится въ среду или пятницу и когда, по народному выраженію, Петръ у Павла корову украсть,—и тутъ довольно было сказать, что Мамелфа Тимоѣевна никогда въ такомъ разѣ не разгавливается, чтобъ рѣшить споръ.

Къ Мамелфѣ Тимоѣевнѣ ѣздили совѣтоваться обо всемъ: время-ли сына женить, или грибы солить; какъ лучше свадьбу справить и чѣмъ прочнѣ кровлю крыть; какъ родителей поминать и какъ какіе пироги да блины ставить; кого звать въ крестные отцы и какія овощи время сажать. Вся наука житейскаго обихода была подлинно извѣстна Мамелфѣ Тимоѣевнѣ, и оттого ея добрая слава между вдовъ и женъ новгородскихъ притемняла славу Марѣи. Ужъ Ненилушкѣ-ль не въ честь было, что она къ Мамелфѣ Тимоѣевнѣ не только въѣзжа въ домъ, а свой у нея человѣкъ? И вдругъ сестрица и сюда просунулась!

„Эвоя что вздумала!“ сердилась Ненила. „А въ нашъ огородъ ужъ пожаловала. А не погнѣвайся, Настасья Петровна, я тебя отсюда еще повыкурю“.

Это выкуриванье Ненилушка видѣла и въ явь, и во снѣ. Она твердо знала, что это дѣло будетъ трудное, особенно съ тѣхъ поръ какъ прошель слухъ, что Мамелфа Тимоѣевна не прочь Настасью Петровну невѣсткой звать. И вдругъ къ великой радости Ненила Петровна узнала, что Кириакъ Андреевичъ упрямится жениться на Настасѣ.

А что Ненила Петровна сумѣла узнать о томъ, въ этомъ не было ничего мудренаго. Знала она о всѣхъ честныхъ дворахъ въ Новгородѣ, чтѣ въ которомъ творится или затѣвается; впрочемъ, на этотъ счетъ она не брезгала и простыми дворами.

Ненила Петровна жила у самаго Знаменья, а новгородцы къ святой иконѣ Знаменской были не менѣе прибѣжны, чѣмъ стали потомъ москвичи къ Иверской. Кто къ Знаменью шель, или ѣхалъ,—какъ было миновать Ненилу Петровну? Она-же была женщина хлѣбосольная и на разговоръ ловкая. Не однѣ господарыни Богу молятся, а потому у Негилы Петровны было наказано дворнѣ, чтобъ одерноватыхъ богомольцевъ и богомолковъ угощали въ людской застольной. А холопамъ, сойдясь, о чемъ-же разговаривать, какъ не про то, чтѣ дѣлается у господарей, ихъ поносить да ими-же и чехвалиться? Ненилѣ Петровнѣ ежедневно докладывали о чемъ шла бесѣда въ застольной.

Ненила, зная все, не развозила зря по городу сплетень, а знаньемъ своимъ пользовалась умѣючи: не для того только, чтобъ разстраивать чужія дѣла, а и затѣмъ, чтобъ ихъ устраивать. Какъ Настасья Петровна надѣялась со временемъ въ Марѣино мѣсто стать, такъ и Ненила Петровна мѣтила замѣнить Новгороду Мамелфу Тимоѣевну.

Про Кириака узнала Ненила слѣдующимъ образомъ. У Мамелфы Тимоѣевны была кормилка, которая ее выкормила: у родной ея матушки грудница сдѣлалась. Отъ кормилки своей у господарыни никакой тайности не было. Кормилка, не зная какъ урядить семейственный раздоръ, не потаилась отъ Ненилы Петровны и стала

съ ней совѣтоваться, какъ съ близкой, почти родной.

Добывъ важную вѣсть, Ненила Петровна съ радости чуть не вспрыгнула и рѣшила сейчасъ-же подѣлиться ею съ сестрицей.

Ненилушка пересидѣла у Настасьи всѣхъ гостей, давъ ей понять, что имъ требуется поговорить по откровенности.

— А что, сестрица любименька, заговорила Ненилушка, когда онѣ остались вдвоемъ, — а давно-ль ты была у Мамелфы Тимоѣевны?

— А некогда мнѣ, сестрица миленька, по гостямъ большѣе часто разбѣжжать. Время у меня ѣде не по-твоему, а не безъ-толку.

— Гдѣ ужъ мнѣ за тобой, любименька! Мнѣ развѣ хвалиться тобой, что вотъ моль у насъ какова въ роду Настасьюшка вышла умомъ сверстна!

— А и мнѣ вѣдь, миленька, тобой буде не нахвастаться: какова моль у насъ Ненилушка сердцемъ добра!

— Ужъ всегда-то ты, любименька, надо мной злобствуешь, а вѣдь я къ тебѣ ото всей души... Такъ Мамелфы-то Тимоѣевны ты, знать, давненько не видѣла? Аль Кириакъ Андреевичъ нонѣ къ тебѣ не по-часту жалуетъ?

Настасья Петровна обвела сестрицу глазами, точно высматривая не выглядываетъ-ли гдѣ у нея въ прорѣшку злой умыселъ.

— А сказывала-бы ужъ, сестрица миленька, безъ подхода злобственнаго. Знаю вѣдь я, что николи-то ко мнѣ за добромъ не жалуетъ.

— А такъ вѣдь я, любименька, спрашивала, безо всякаго вѣдь умысла. А съ проста думала: что моль оно такъ, что Кириакъ Андреевичъ къ сестрицѣ моей любименькой все учащивалъ, а нунь моль внуку посадничій и на-очи ей не кажется?

— И всѣ вѣдь такъ, миленька. А частятъ ко мнѣ, пока кому надобна.

— А знать, любименька, подхватила Ненилушка, — ты ему нунь стала не надобна. А не то вѣдь это чтобъ онъ тебѣ не надобенъ сталъ.

Настасью взорвало.

— Да ты съ чего, миленька, ко мнѣ со своимъ свѣтъ-Кириакушкомъ пристава? А коль тебѣ опъ зандобился, инъ хоть цѣлуйся съ нимъ.

— А намъ, женамъ мужатымъ, любименька, въ томъ грѣхъ великъ; не знаю ужъ какъ по вашему, по вдовьему.

Настасьюшка любименька сильно разсердилась, видя что Ненилушка миленька своими скорыми отвѣтами беретъ надъ ней верха. И не зная въ точности, чѣмъ досадить сестрѣ, сказала первое, что пришло въ голову.

— Аль ты въ боярски свашеньки нунь записалася? спросила она. — А ужъ не думашь-ли ты меня за него высватать?

— А ужъ гдѣ-ко-ва мнѣ, сестрица любименька, тебѣ сватати, а сама ты себя за любого молодца высватати, не хуже вѣдь Забавы Путятичны, какъ въ былинахъ скажутъ.

— А ты, сестрица миленька, про всяку-жь сплетку выдумашь.

— Анъ сплетокъ сплетать я оцѣ не научалася, и не свое вѣдь, любименька, про твое-то это самое себя высватыванѣ сказывала. А давно про это слухъ прошель въ Новѣгородѣ. А твоя-жь дворня и прѣнесла.

— А живешь ты, миленька, до дворскихъ сплетокъ приохотлива. А къ тому и сама горазда-жь придумывать.

— А мнѣ-ко съ чего придумывать! Не ты-ль сама на него пиры строила, а пирами-те чуть не на торгу хвастала?

Настасья съ досады не придумала отвѣта.

— А только скажутъ, не унималась донимать Пе-

нила Настасью, — будто женишко-то отъ тебя воротится, а гдѣ-то-съ себѣ дѣвчину высмотри хорошу.

Этого Настасья ужъ вовсе снести не могла: пусть-бы Кириакъ Андреевичъ вѣкъ у нея въ сѣняхъ сидѣлъ, не смѣя сказать послѣдняго слова хоть до-вѣку, а ужъ это чтобъ дѣвчинѣ на сторонѣ высматривать...

— А мнѣ-то что, хоть-бы десять онѣ ихъ высмотрѣлъ! съ задоромъ вскричала она. — А захоти я за мужъ идти, нашла-бы себѣ получше его. А ты то, боярка свашенька, оплошлася — сестрѣ сыскать жениха хорошаго не сумѣла-же. А твой-то Кириакъ Андреевичъ ужъ большѣе плохъ, не вышелъ ничѣмъ.

Говоря эти слова, Настасья сама чувствовала, что завирается да съ досады не могла сдержатъ себя.

— А тѣмъ вѣдь онъ тебѣ, любименька, не по норову нунь пришель, что съ гордыни-то твоей сбѣлъ сбиль. Всегда-то ты жила у насъ, Настасьюшка, тригордая, и за перваго за боярина-же выскочила.

— Аль я самокруткой съ нимъ вѣпчалася, а не отъ родителей была выдана?

— Да меня-то нѣ-что Онуфрій мой Лентѣевичъ увозомъ увезъ? сама не зная къ чему вскрикнула Ненила.

— А ты прости, миленька, оцѣ рыломъ не вышла жить за бояриномъ!

— А ты, прости, любименька, сколько рыла ты своего ни пятала, а за внука посадничья не попала-же.

— Что ты ко мнѣ пристава со внукомъ-то своимъ посадничьимъ, а и съ этой своей Мамелфой Тимоѣевной? Это вамъ вѣдь, у Знаменья живучи, Мамелфа за диво оказывается. А мнѣ-ко, на Прусьской улицѣ, и Марѣа подъ стать.

— Этакъ-то ты свою свекровушку честишь, хоть и мѣленну да у Господа не вѣмоленну! А стыднѣховню вѣдь, Настасьюшка-любущка, и грѣхъ къ тому.

— Ты, Ненилушка-милушка, лучше-бъ свои грѣхи подсчитывала.

— Каки таки грѣхи у меня заводилися?

— А таки-же, милушка, что будешь ты перва въ Новѣгородѣ сплетница, а сестриниу счастью завистница.

— Было-бъ оцѣ, и-ахъ Господи! чему завидовать.

— А ужъ тебѣ-то и раба моя сама послѣдня не позабудетъ.

— Этого ужъ и отъ тебя, любименька, не ждала, что къ рабѣ родну сестру приравнять научишься.

— Не того оцѣ, миленька, отъ меня дождешься. Въ другій разъ и порогъ укажу.

— А ужъ за это много тебѣ, мѣнша сестра, благодарствую. Смотрите-ко-съ, подивуйтесь! Пришла вѣдь я, тебя-же, любименька, жалѣючи, съ полнымъ вѣжествомъ, анъ мнѣ-ко порогъ, гляди! Да ты велѣла-бъ лучше меня со-двора сбить.

— И того, больша сестра, дождешься, коль отъ сплетокъ не ѣймешься!

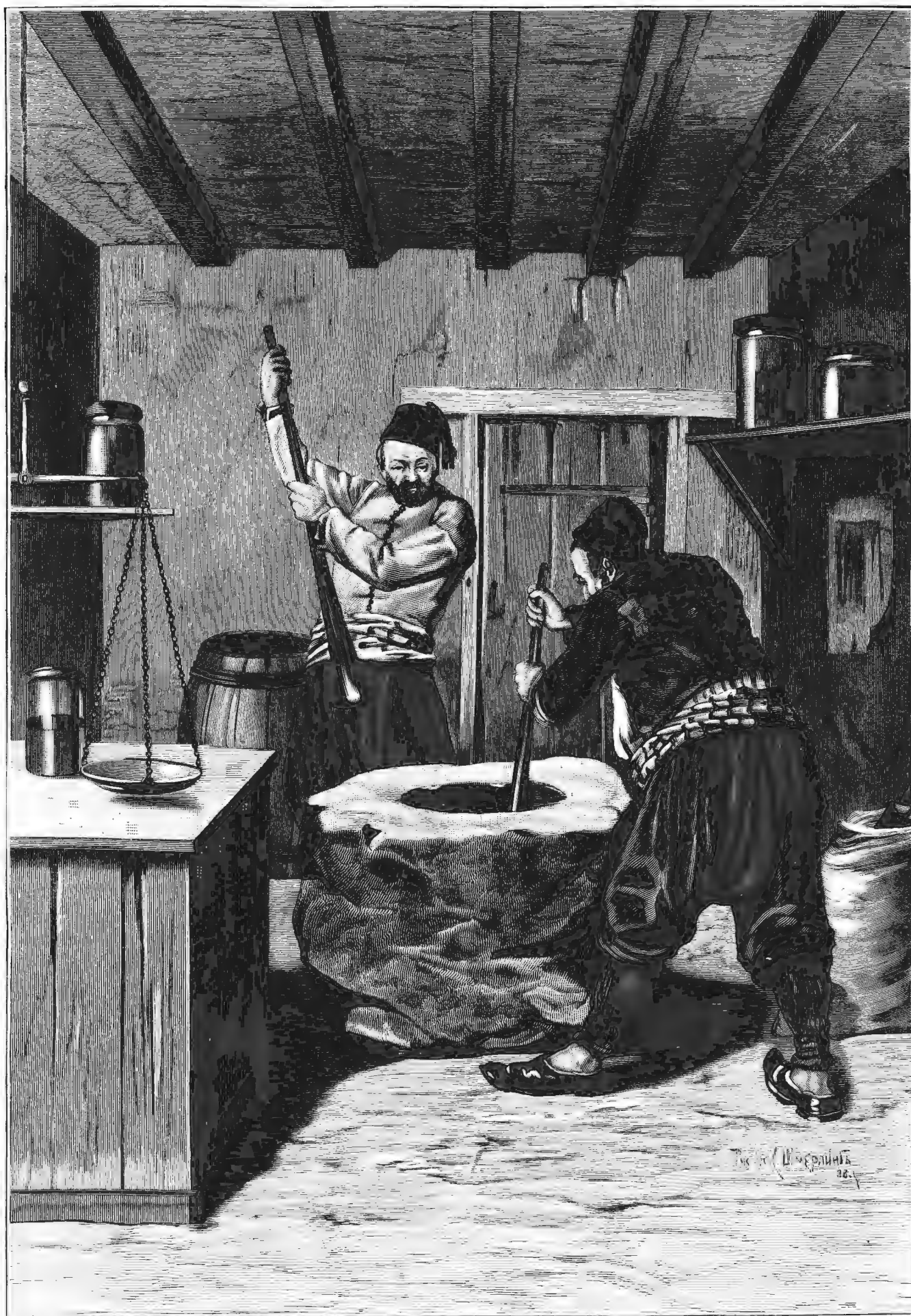
И сестры вовсе разругалися, не хуже бабъ на торгу. Напоследокъ Настасья Петровна не выдержала, выбѣжала изъ горницы въ чуланъ, и съ шумомъ задвинула дверь. Ненила Петровна бросилася было за ней, по одумалася, и только въ дверь со злости плюнула.

Настасья Петровна до того растревожилася, что въ чемъ была бросилася на кровать, и съ досады заплакала.

„Во всемъ-то я умна буду“, вылакавшися стала она сама передъ собой хвастать, „а ужъ на это бабѣ дѣло буду я женщина сама глупая. Въ этомъ Ненилушка всегда надо мной верха возьметъ. Охъ ужъ! этака обидчица. А съ чего мнѣ было досадовати? Анъ высмотрѣлъ, такъ и высмотрѣлъ. Знать не похотѣлъ онъ быть воеводою. Мнѣ-то что! Только-бъ вздумала, а и мѣлодцовъ!..“ И погоди немного, Настасья съ холодной улыбкой добавила: „А и вѣкъ мнѣ этого не всхочется! Одной-то ладнѣй, гляди“. И еще полеваявъ подумала: „А Марѣа-то у меня на пиру про него

„Саукъ-су“ (уличный продавец холодной воды въ Батумѣ). Ориг. рис. (собств. „Нивы“) О. Шмерлинга, грав. Барановскій.

Толченіе кофе въ Батумѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) О. Шмерлинга, грав. Шюблеръ.

сказывала, что воеводскій молъ умъ! Нашла ума воеводскаго! Соколѣну на ворону прѣмѣнялъ. А не бытъ же ему, коль на то пошло, воеводою. Пока жива-то я не добушу“.

И Настасья Петровна вполнѣ успокоилась: коль не будетъ Кириакъ Андреевичъ воеводою, такъ на что-жь онъ ей понадобится?

Ненила Петровна, выплонувъ свою досаду, попила кваску, и позвавъ рабу, немного оправилась.

„А куй желѣзо, покуль горячо!“ сказала она уже вѣселю, и приказала везти себя къ Мамелфѣ Тимоѣевнѣ.

Честная вдова попеняла дорогой гостенькѣ, что она ее вовсе забыла и давно не жаловала. Ненила отвѣчала тѣмъ, что ее не кто иной, а сестра отвадила отъ Мамелфы Тимоѣевны.

— А только къ тебѣ я вздумую, анъ отъ сестры съ посылкою бѣгутъ что Настасья молъ Петровна къ Мамелфѣ Тимоѣевнѣ вздумала, такъ не поѣдешь-ли молъ и ты съ ней вмѣстяхъ?

— А отчего-жь бы вамъ вмѣстяхъ-те меня не порадовати?

— А незнашь ты вижу, Мамелфа Тимоѣевна, порова Настасья. А гдѣ со мной ни встрѣтятся, погрызется сейчасъ. Всегда-то на меня злобствуетъ. А ужъ лучше, я думала, пусть молъ Мамелфа Тимоѣевна на меня посердится, чѣмъ мнѣ у нея съ Настасьюшкой свару затѣвать. А и мѣншу сестру добрымъ людямъ съ худого конца не стать мнѣ показывати.

Мамелфа Тимоѣевна, зная Настасью за ласковую голубушку, не мало подивилась этимъ рѣчамъ.

— А съ чего-бы ей на тебя, Ненилушка, злобствовать?

— А со вдовья житія. Знамо мѣлода, за-мужъ хочется. Съ другими-то она, поди, ласкова, а притворяетъ себя на эту ласковость, все-то норovia во замужество. А со мной-то чиниться ей не къ чему. А мнѣ-ко сестру не въ соромъ-же вводить. И жаль вѣдь ее, доля-то ейная горькая.

Мамелфа Тимоѣевна подивилась, чѣмъ такимъ Настасьюшкина доля будетъ горькая.

— А тѣмъ-же все, что мѣлода вдова. Замужъ-то ей, говорю, хочется, а кто-жь сынка на вдовѣ оженить поохотится? На тебя самоѣ сошлюсь, Мамелфа Тимоѣевна. Знамо не вдову-же прочишь за Кириака-то Андреевича?

Ничего не сказала Мамелфа Тимоѣевна, только подумала, что и всѣ молъ этакъ-же о вдовахъ говорятъ.

— А за стараго-то вдовца ей, Настасьюшкѣ, не неволится. Который съ дѣтьми вдовецъ, тотъ и не вѣзметъ ее, потому какъ и своего-то сыночушка единого вовсе вѣдь она забросила. У мамушекъ да вляюшекъ не накормленъ сидитъ. А бывать, поигратъся съ моими ребятками къ намъ его привезутъ, не повѣруешь вѣдь, Мамелфа Тимоѣевна, мои-же дѣтушки опосля спрашиваютъ: „что молъ оно, мамонька, аль Ванюша то дома живѣ не кормленный, что на пирога-тъ у насъ ровно на невидаль каку набросился?“ А головушку бѣлюшкѣ вычесать этимъ частымъ гребнемъ рыбозубчатымъ ¹⁾, и того звать матушкѣ некогда. А ужъ что говорить. Все вѣдь она въ чужихъ дѣлахъ заплуталась, а дворо-тъ свой на ключника забросивши. Такъ вдовья-то отецъ на такой пожениться задумается.

Мамелфа Тимоѣевна, слушая Ненилу Петровну, все о томъ-же думала, что никакъ молъ нельзя принуждать Кириакушка женитьбой на вдовѣ.

— А ужъ сѣутро ²⁾, ахъ!.. вскликнула Ненила Петровна и замолчала, и затѣмъ, пододвинувшись къ боярынь, сказала потихоньку: — А прости ужъ, Мамелфа Тимоѣевна, не погнѣвайся что у тебя-то спрошу про Кириака Андреевича?

¹⁾ Рыбозубчатый—изъ рыбьяго зуба (т. е. моржеваго). Промысль, вышъ совсѣмъ заброшенный.

²⁾ Сѣутро—сегодня утромъ.

Мамелфа Тимоѣевна насторожилась.

— А слухо-тъ прошелъ по Новгороду, а шель онъ, ужъ про то я знаю доподлинно, со двора Настасьяна...

Ненилушка на чуточку примолкнула.

— Что за слухъ? нахмурила слегка брови Мамелфа Тимоѣевна.

— А тотъ-же слухъ, что быдто ты, Мамелфа Тимоѣевна...

Ненилушка опять замолчала, и Мамелфа Тимоѣевна молчала-же.

— А слухо-тъ таковъ, не погнѣвись, Мамелфа Тимоѣевна, какъ-бы со страхомъ и трепетомъ заговорила Ненилушка, — что ладнись ты, не гнѣвайся... Кириака-то Андреевича, охъ! за Настасьюшку.

— А что-жь изъ того? вмѣсто отвѣта строго спросила Мамелфа Тимоѣевна.

— А вѣстимо тому слуху я не вѣровала, истому: знаючи, что не съ чего тебѣ на вдовѣ-то сыночушка... А оцѣ и дородство твое, не погнѣвайся, высокое памятуя... А только, сама ты знашь, охъ! сблзавъ великъ, а и честь-то роду нашему не слыхана, потому какъ сами мы будемъ роду житьяго — и вдругъ, охъ! за внука посадничья... А и не вѣруя, не погнѣвись, Мамелфа Тимоѣевна, я тому слуху взрадовалась, а сама въ себѣ сдумала: эка честь молъ сестрицѣ моеѣ любименькой, а по ней и мнѣ въ честь. И съ этой мыслью радостной къ Настасьюшкѣ-любущкѣ сѣутро бросилась. Не стане-же молъ таиться она отъ сестрицы своей миленькой. А прѣхавъ, обнячкомъ, знашь, ее выпрашиваю, потому какъ самоѣ-то меня, не погнѣвись, Мамелфа Тимоѣевна, охъ! страхъ забралъ, что съ родомъ такимъ высокимъ да посадничьимъ!.. И не то чтобъ отвѣта ждала, а только малаго намека приятнаго... А Настасьюшка-то, моя любушка, только имячко Кириака-то Андреевича слышала, какъ взбѣсится, да меня-же всякой бранью оклѣсывала, а напоследокъ: „дурница молъ ты несосвѣтима“ ¹⁾, сказала. А тебѣ тожь, Мамелфа Тимоѣевна, величала она не по вѣжеству. А я-то къ ней вѣдь со всякимъ любительствомъ. А ужъ про Кириака-тъ Андреевича... Охъ, грѣхи, грѣхи-те наши тяжкіе!..

И тутъ Ненила Петровна дала себѣ передышку, зная что тѣмъ еще сильнѣй возстановитъ Мамелфу Тимоѣевну противъ Настасьи.

— А какъ же вѣдь, говоритъ: „ничѣмъ де не вышелъ онъ, чтобъ поимать меня во замужество, а къ тому-же, скаже, и больнѣ плохъ!“ Это про Кириака-то Андреевича! Ну, тутъ я и взбѣленилася, а взбѣсясь изъ розума выступила. Вѣдь за правду-тъ я буду женщина сама горячая. Нѣ-глядя вѣдь что сестра она! И таково-то мы тутъ съ нею разбранились; чуть вѣдь у насъ съ нею не было схваченось. А ужъ я бѣ ее опростоволосила!

Мамелфа Тимоѣевна сама себя отъ гнѣва не вспомнила. Этакъ-то смѣтъ говорить про Кириакушка! Пусть она съ нимъ сорится, на то она ему родная матушка, а чтобъ чужія да вдобавокъ еще ею-же облаканныя, да такія въ придачу, что сами навизывались къ ней въ невѣстки, смѣли найти какое худо въ Кириакушкѣ!..

Сказавъ Ненилушкѣ великое спасибо за то, что она вступилась за честь Кириакову противъ меньшей сестры, Мамелфа Тимоѣевна подумала, что съ такою умною и доброжелательною женщиной, какъ Ненила Петровна, не дурно и посовѣтоваться.

— Охъ, и дѣти, скажу я тебѣ, Ненилушка, ужъ и дѣтушки! со вздохомъ она прѣмолвила. — Нѣтъ ихъ, такъ скучнехонько, а и пойдутъ дны, ино всплачешься.

— А что такъ? вкрадчивымъ пошентомъ спросила Ненила Петровна.

— А вздумалъ онъ, Ненила Петровна, ѣхать въ эту

¹⁾ Несосвѣтималь—такой темный, что освѣтить нельзя.

проѣздочку, а я на то давала ему свое благословеньице родительско.

— Такъ, такъ, съ живой радостью въ очахъ поддакивала Ненила.

— Анъ и бѣда...

— Аль тамо-т-ко онъ себѣ невѣсту высмотрѣлъ? подхватила Ненилушка.

— А не лестно ты про то, Ненилушка, сдогадалася. А ужь тутъ-то какъ и сказать-то тебѣ не вздумаю.

— Аль невѣста-та?.. съ испугомъ Ненила спросила.

— То-то и говорю, что какъ сказать-то тебѣ — не вздумаю. А такъ ужь, что-ли, стану сказывать. Дѣвчина буде деревенская. Въ боярскомъ домѣ ступить не сумѣе вѣдь. А нашему-тъ вѣжеству новгородскому не обучена, гляди. Столько и скажутъ, что велика буде рукодѣльница.

— А и поэтому ужь можно знать, что роду она хорошаго!

„А и впрямь!“ подумала Мамелфа Тимоѣевна. „Какъ же я о томъ раньше не сдогадалася. Анъ хорошій родъ, во всемъ онъ скажется“.

— На чемъ-же ты, Мамелфа Тимоѣевна, становилася?

— А вовсе вѣдь я, Ненилушка, въ мысляхъ-те поразстроилася.

— Таковѣ ужь, Мамелфа Тимоѣевна, буде оно, дѣло-тъ материнское. А и сына, гляди, жалѣешь-же ты, а и попрѣку этого страшишься, что вотъ скажутъ всѣ: „аль не смогла моль она ему невѣсту сыскать въ Новѣгородѣ?“ А сама къ тому думаешь: „а коль дурна-то моль эта женушка-то деревенска окажется, не-прощу моль себѣ я до-вѣку, что дала ему свое благословеньѣ родительско“. А за другу-тъ сына приневолить вѣстимо жалъ. А и то сказать: „какова эта

друга-та, что сама ему высваташь, още окажется. Не хуже-ль моль деревенской-то?“ А вѣрно-ль я, Мамелфа Тимоѣевна, эти мысли-те твои сказываю?

— А истинно, въ этихъ вотъ самыхъ мысляхъ я и терялася.

Хотя Мамелфа Тимоѣевна терялася совсѣмъ въ другихъ мысляхъ, но сейчасъ ей подумалось, что Ненилушка и впрямь всѣ ея помыслы, будто въ книгѣ, вычитала. Обѣ помолчали.

— А какъ-же, Ненилушка?

— Что ты-то скажешь, Мамелфа Тимоѣевна?

— А видно, правду пословка-та скажетъ, что чужа ноша не ломить плечъ, а чужа слеза не солопа...

— Охъ ужь нѣтъ, а и нѣтъ-же, Мамелфа Тимоѣевна. А кладешь ты на-меня быдто напраслину. А сижу вотъ я да все думаю, а и весь-то свой умъ ко твоей бѣдѣ прикладываю. Алъ вспотѣла вся. А сойди-ко съ меня этой думаю хоть семь ихъ, потовъ, а ужь я, гляди, что и выдумаю. А ужь какъ-бы намъ?.. А не этакъ-ли?.. Ой, а нѣтъ, гляди; а буде оно дѣло-тъ неладное... Охъ, прибавь, прибавь мнѣ, мнѣ-ко, Господи, ума-разума!.. Алъ ужь такъ сказать... Алъ не этакъ-ли...

И вертя такъ и сякъ мыслью въ головѣ, Ненила вдругъ какъ будто и надумалася.

— А ужь нѣшто этакъ вотъ, сказала она, сама не зная что именно скажется, — а взяла-бы ты эту свою невѣстушку, деревенску-то, да повидѣла.

Мамелфа Тимоѣевна точно прозрѣла вдругъ отъ этого совѣта, печальнаго для самой совѣтчицы.

— А и впрямь! твердо сказала она.—А умнехонько, гляди, ты Ненилушка, придумала.

— Ой ли? подивилася сама на свой умъ Ненилушка, и слѣдомъ прибавила уже съ властію:—А повидь, повидь ее, Мамелфа Тимоѣевна.

(Продолженіе будетъ).

Прошлогоднее наводненіе въ Китаѣ.

По отчету китайскаго савовника, которому поручено изслѣдовать опустошенія, произведенныя послѣднимъ наводненіемъ въ Китаѣ, почти шестая часть провинціи Хананъ, называемой садомъ Китая, была совершенно затоплена и превратилась въ огромное озеро; лишь тамъ и сямъ, на поверхности воды, торчали крыша нагоды или высокая башня, указывая, что здѣсь еще недавно находились обширные города. Тысячи жителей, спасшихся отъ наводненія, оставались безъ крова и имущества. Наводненіе началось вблизи г. Кай-фунг-фу, одного изъ значительнѣйшихъ городов провинціи. Огромная плотина, служившая для защиты мѣстности, была размыта напоромъ воды на протяженіи нѣсколькихъ миль, и все, что возвышалось надъ поверхностью земли, было смыто и снесено водою. Въ округахъ Чинг-чау и Ченг-Тау не менѣе 3000 большихъ деревень было въ нѣсколько минутъ уничтожены наводненіемъ и почти цикто изъ жителей не имѣлъ возможности спастись. Чтобы яснѣе представить себѣ размѣры бѣдствія, постигнаго Китай, вспомнимъ, что мѣстность равняющаяся по величинѣ Голландіи, но гораздо гуще населенная, образовала сплошное озеро. Поверхность этого озера исчислалась въ 8—10 тысячъ англійскихъ миль, а число жителей, населявшихъ эту мѣстность, достигало 5-ти милліоновъ. По сообщенію пекинской газеты, спасшихся отъ смерти, но оставшихся въ страшной нищетѣ, насчитывали также нѣсколько милліоновъ. Бѣдствіе произвело глубокое впечатлѣніе на императорскую семью въ Пекинѣ. Правительству потребовалась сумма въ 10 милліоновъ тазелей и помощь европейскихъ инженеровъ, чтобы хоть сколько-нибудь помочь причиненному злу. Чтобы собрать требующія деньги, совѣтники богдыхана предложили немедленно приостановить заготовку оружія и военного матерьяла во всемъ государствѣ, выдачу жалованья въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ замѣнить выдачею риса — что легко могло повести къ возстанію, — а также обложить пошлиною нѣкоторые предметы первой необходимости. Императорская семья издала по поводу страшнаго бѣдствія слѣдующій декретъ: „Императоръ выражаетъ симъ глубокую скорбь, вызванную наводненіемъ въ Хананѣ, гдѣ Желтая рѣка вышла изъ береговъ и причинила неисчислимыя страданія населенію. Тяжесть постигнаго край бѣдствія отняла у императрицы-матери сонъ и аппетитъ. Она проситъ богдыхана предоставить въ распоряженіе губернатора Ханана 100,000 тазелей изъ сбереженія ея собственной казны, для раздачи пострадавшимъ въ Хананѣ и сосѣдней провинціи Анджуи. При этомъ губернатору предписывается выбрать надежныхъ чиновниковъ, чтобы вынудить возлагаемую на нихъ

задачу безъ всякихъ злоупотребленій“. Кромѣ помощи пострадавшимъ, богдыханъ былъ озабоченъ и наказаніемъ виновниковъ бѣдствія. „Въ сентябрѣ (1887) уже замѣтны были признаки приближающейся опасности, но служащіе при рѣчныхъ сооруженіяхъ чиновники выказали непростительную небрежность, не принявъ своевременно необходимыхъ мѣръ. Генераль-директоръ ходатайствовалъ о замѣщеніи чиновниковъ другими, но мы считаемъ такую кару чрезчуръ легкою; мы повелѣваемъ, чтобы виновные въ небрежности чиновники, по смѣщеніи ихъ, были поставлены по берегу рѣки въ „канакъ“ у позорныхъ столбовъ.“ Упомянутыя въ декретѣ канги суть не что иное, какъ деревянныя ошейники, надѣваемые на шею и плечи осужденнаго; онъ не снімается во все время наказания, иногда отъ 14 дней до 3 мѣсяцевъ: днемъ осужденные выставляются въ открытомъ мѣстѣ у позорныхъ столбовъ. Ошейникъ этотъ не даетъ возможности ни лежать, ни двигаться свободно и такъ великъ, что не позволяетъ поднять рукъ до головы.

Помимо денегъ, пожертвованныхъ императрицею въ пользу пострадавшихъ, она устроила даровыя кухни; правительство отдало въ распоряженіе потерпѣвшихъ отъ наводненія хранившіеся въ магазинахъ Пекина 32 милліона фунтовъ рису и раздавало теплыя циновки и одѣяла. Чтобы предотвратить возможное вспыхнуть возстаніе, губернаторъ потерпѣвшей провинціи старался привлечь всѣхъ способныхъ людей къ работамъ по возобновленію плотинъ.

Причины катастрофы все тѣ же, которыя въ теченіе послѣднихъ 2000 лѣтъ шесть разъ мѣняли теченіе Желтой рѣки. Въ настоящее время, при повсемѣстныхъ телеграфныхъ сообщеніяхъ, такое событіе не могло оставаться долго неизвѣстнымъ; но еще въ 1852 году, прошло пять лѣтъ, прежде чѣмъ извѣстіе о подобномъ же бѣдствіи достигло Шанхая... Нынѣшнее русло Желтой рѣки отдѣлилось отъ прежняго въ пятистахъ верстахъ выше устья. Рѣка имѣетъ въ этомъ пунктѣ около 0,8 версты ширины и образуетъ уголъ, при чемъ теченіе ударяетъ въ южный берегъ. Сильные ливни, продолжавшіеся десять дней, и порывистый вѣтеръ усилили еще болѣе напоръ воды, которая наконецъ сорвала укрѣпляющій берегъ фанины. Объятые страхомъ жители и служащіе при плотинахъ старались исправлять по возможности поврежденія въ плотинахъ, пока главная масса воды оставалась въ старомъ руслѣ; но когда рѣка окончательно повернула на югъ, войдя въ русло маленькой сосѣдней рѣчки Лю-чя, борьба стала немыслима. Вода хлынула черезъ плотину и затопила ближайшія деревни;

водяная масса двигалась потокомъ въ 50 километровъ шириною. Какъ извѣстно, Желтая рѣка течетъ съ большою быстротою съ Монгольской возвышенности въ Китайскую равнину и приносить въ своемъ теченіи массу желтой земли, залегающей въ сѣверо-западномъ Китаѣ на нѣсколько сотъ футовъ глубины. Отъ этой желтой земли рѣка и получила свое названіе. Вслѣд-

ствіе наносимаго слоя земли, берега и дно рѣки постепенно возвышаются надъ соседними полями и въ концѣ концовъ не только поверхность воды, но и самое русло становится выше окружающей мѣстности. Достаточно разрыва плотины, чтобы вода разлилась по равнинѣ, стремясь туда съ извѣстной высоты; этимъ и объясняется возможность полного измѣненія русла. (С.)

Къ рисункамъ.

Константинъ, наслѣдный принцъ Греческій, и принцесса Софія Прусская. (Портреты на стр. 1025).

Недавно состоялась помолвка наслѣднаго принца Греческаго съ одною изъ сестеръ императора Вильгельма, принцессою Софіей.

Наслѣдникъ Греческаго престола, принцъ Константинъ-Демосеентъ-Генрихъ, герцогъ Спартанскій, сынъ короля Эллиновъ Георга и королевы Ольги Константиновны, родился 21 юлія (2 августа) 1868 года въ Афинахъ и, согласно конституціи Эллинскаго королевства, былъ крещенъ въ православіе. Воспитаніемъ и первоначальнымъ образованіемъ его завѣдывали нѣмецкій филологъ и многосторонній ученый Др. Лидерсъ и греческій полковникъ Колокотрони, подъ неусыпнымъ надзоромъ Августѣйшихъ родителей. Подготовленный такимъ образомъ къ высшему образованію, принцъ Константинъ слушалъ въ Афинскомъ университетѣ лекціи лучшихъ профессоровъ и ревностно занимался всестороннимъ изученіемъ древней Греціи и ея памятниковъ. Затѣмъ, въ сопровожденіи Др. Лидерса, онъ отправился въ Германію, гдѣ въ Лейпцигскомъ университетѣ посвятилъ себя изученію преимущественно государственнаго права, исторіи, археологіи и древнегреческой словесности. Теоретическимъ военнымъ образованіемъ принца руководилъ полковникъ Колокотрони съ дѣтскихъ лѣтъ; для практическаго же изученія военныхъ наукъ, принцъ вмѣстѣ со своимъ наставникомъ прибылъ въ Берлинъ и причислился ко 2-му гвардейскому полку. Въ морское дѣло принцъ былъ посвященъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся греческихъ адмираловъ. Берлинскіе сослуживцы принца превозносятъ его ревность къ службѣ и готовность переносить всѣ труды и лишения сопряженныя съ военнымъ призваніемъ, не смотря на высокое происхожденіе. Такъ, на послѣднихъ маневрахъ, напр., принцъ бивакировалъ подъ открытымъ небомъ наряду съ послѣднимъ солдатомъ, подвергая себя всѣмъ перемѣнамъ далеко не благоприятной погоды. Принцъ чрезвычайно любитъ и въ отечествѣ своемъ, гдѣ особенно цѣнятъ его простоту и общительность, а также горячую любовь къ Греческому народу. Принцесса Софія-Доротея-Ульрика родилась въ Потсдамѣ 2

(14) іюня 1870 года. Первою воспитательницею ея была англичанка, подъ надзоромъ Августѣйшей бабки, императрицы Августы, супруги покойнаго императора Вильгельма I. Принцесса съ дѣтства обнаруживала замѣчательныя способности къ

иностраннымъ языкамъ, музыкѣ и живописи. Извѣстно, что покойный отецъ ея, императоръ Фридрихъ III, за день до кончины своей и въ день рожденія принцессы, сказалъ ей: „Оставайся такою - же благочестивою и доброю, какою всегда была до сихъ норъ. Это послѣднее желаніе твоего умирающаго отца“; а императоръ Вильгельмъ I, дѣдъ принцессы, иначе не называлъ ее какъ „наша маленькая мудрость“ (unsere kleine Weisheit).

Благодаря этому браку, Греческій королевскій домъ породнится съ четырьмя царственными домами Европы. Король Эллиновъ Георгъ—сынъ короля Датскаго Христиана IX и родной братъ Государыни Императрицы, равно какъ и супруги наслѣдника Британскаго престола, принцессы Александры Вельской. Супруга его, королева Ольга Константиновна—двоюродная сестра Государя Императора. Къ этимъ родственнымъ связямъ прибавляется теперь родство съ Германскимъ императорскимъ домомъ.

Пожаръ во время полевыхъ работъ.

(Рис. на стр. 1028).

Исполненный движеніи рисункомъ г. Волкова изобража-

етъ одно изъ самыхъ страшныхъ сельскихъ бѣдствій—пожаръ на селѣ въ самый разгаръ страды, т. е. въ то время, когда по избамъ остаются лишь старый да малый, совершенно безомощные въ своемъ безсиліи противъ грозной стихіи, охватывающей дворъ за дворомъ. И вотъ, работавшіе въ полѣ, за видѣвъ грозную тучу дыма, поднимающуюся надъ селомъ съ зловѣщими огненными языками, бросаютъ земледѣльческія орудія и опрометью спѣшатъ на выручку...

Мостъ черезъ рѣку Аксай близъ Новочеркасна.

(Рис. на стр. 1029).

Въ отдаленныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества мѣстами еще донныя уцѣлѣла такъ-называвшаяся встарину мостовая пошлава. На берегу рѣки у моста, сооруженнаго на общественныя деньги какимъ-нибудь селомъ или станицей,

Намышевна (*Acrocephalus arundinacens*).

Тихая молитва. Съ карт. А. Зейферта, грав. Герике.

строится небольшая караулка, въ которой и сидят сборщикъ платы за проѣздъ по мосту, обыкновенно не выше конѣйки или двухъ. Рисунокъ г-жи Краснушкиной изображаетъ такую караулку на р. Аксаѣ, въ бойкое лѣтнее время, когда вокругъ нея постоянно толпятся самыя разнохарактерныя группы, оживающія очереди укладывать пошлину. Тутъ и мѣщанская таратайка, и хохликъ на парѣ воловъ, и дышловая упряжка землевладельца, и казаки со своими верховыми лошадьми, которыхъ они тутъ же и купаютъ, и купающіеся ребятишки...

Дѣдушка и внучка. (Рис. на стр. 1033).

Спокойствіе полнога невѣдѣнія на зарѣ начинающейся жизни и спокойствіе давно отжитой, со всѣми ея минувшими бурями, догорающей жизни на склонахъ лѣтъ—трогательный аккордъ, часто звучащій въ будничномъ быту людей простыхъ сердецъ, разгадка инстинктивнаго взаимнаго влеченія и дружбы между самыми младшими и старѣйшими членами семьи, какъ бы помимо поглощенныхъ заботами дѣятельныхъ ея представителей,—все это прекрасно передано въ типическомъ рисункѣ г. Леонтовскаго.

Батумскіе типы. Саукъ-су (уличный продавецъ холодной воды) и толченіе кофе.

(Рис. на стр. 1036 и 1037).

Холодная вода лѣтомъ на знойномъ Югѣ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ потребностей населенія большихъ городовъ. Поэтому вывозная торговля льдомъ во многихъ мѣстахъ ведется въ большихъ размѣрахъ; напр., Бостонъ и Нью-Йоркъ, начавшіе еще въ началѣ вѣка вывозить ледъ на Мартинику и въ Остъ-Индію, нынѣ отправляютъ его въ южныя штаты, въ Мексику, Вестъ-Индію и Южную Америку, Остъ-Индію, Китай, Японію, Австралію, Канскую колонію, и даже въ Сицилію и Египетъ. Въ Европѣ Норвегія посылаетъ свой ледъ во Францію, Испанію и др. страны. Въ послѣднія десятилѣтія ледъ стали готовить искусственно, замораживая воду въ громадныхъ количествахъ на особыхъ машинахъ,—и теперь уличный продавецъ холодной воды самое обыкновенное явленіе въ городахъ Испаніи, Италіи и всего Востока. На нашемъ рисункѣ изображенъ одинъ изъ такихъ торговцевъ въ Батумѣ, такъ называемый *саукъ-су*. Здѣсь дѣло ведется еще весьма первобытнымъ способомъ. Торговецъ носитъ на спинѣ холодную воду въ ведрѣ, прикрытомъ зелеными вѣтвями отъ палящихъ лучей солнца. Дно ведра снабжено гибкой трубкой, изъ которой продавецъ и наливаетъ воду въ стаканъ по требованію покупателя.

Кофе—любимый напитокъ Востока; поэтому вѣтъ ничего удивительнаго, если его тамъ уничтожаютъ въ огромномъ количествѣ, очень хорошаго качества и въ очень крѣпкомъ видѣ. Въ Батумѣ, какъ въ бывшемъ турецкомъ городкѣ, жители тоже не отказываютъ себѣ въ чашечкѣ-другой кофе, приготовленнаго настолько крѣпко, что потребители его, послѣ каждая глотка, считаютъ необходимымъ выпить большой глотокъ холодной воды, такъ какъ иначе кофе, выпитый залпомъ, сильно и вредно-возбуждаетъ дѣйствуетъ на нервную систему.

Самый способъ толченія кофе, при широкомъ распространеніи его, примѣненъ къ тому, чтобы въ кратчайшій промежутокъ времени добыть возможно большее количество мелко истолченнаго кофе. Турки-продавцы кофе нашли удобнымъ практиковать слѣдующій способъ толченія: въ ступу, приготовленную изъ какой-нибудь прочной минеральной породы, высыпается фунтовъ 12—15 жаренаго кофе, который затѣмъ толчется (по преимуществу *двумя* работниками поочередно) громаднѣйшими желѣзными пестами. Такимъ образомъ въ теченіе полу-часа у нихъ получается до 15 фунтовъ кофе чрезвычайно мелко истолченнаго.

Камышевка (*Acrocephalus arundinaceus*).

(Рис. на стр. 1040).

Камышевки распространены по всѣмъ частямъ свѣта, а родной имъ служитъ Старый Свѣтъ, т. е. громадный материкъ, образуемый Европой, Азіей и Африкой. Всѣ онѣ любятъ воду или по крайней мѣрѣ болотистыя мѣста, заросшія ситникомъ и травой; большинство же предпочитаютъ камышъ и тростникъ. Незабывчивая въ выборѣ мѣстожительства, онѣ селятся какъ на прудахъ вѣдъ деревень и на подгороднихъ каналахъ, такъ и на большихъ озерахъ и рѣкахъ, рѣдко посѣщаемыхъ человѣкомъ. Всѣ виды живутъ скрытно въ чащѣ тростника и тому подобныя растений, и замѣтить ихъ было бы трудно, еслибъ не ихъ неумолимое пѣніе. Впрочемъ, у этихъ прилежныхъ пѣвцовъ пѣть мелодическихъ, звучныхъ нотъ; пѣніе ихъ скорѣе кака-то стрекочащая болтовня, по которой ихъ легко узнать. Они превосходно лазятъ по отвѣснымъ стебелькамъ вверхъ, прижимаются и бѣгаютъ точно мыши по землѣ, и вообще ухитряются прыгать въ чащѣ камыша. Пищей служатъ имъ насекомыя и ихъ личинки, собираемыя на болотныхъ растеніяхъ. Гнѣздо располагается надъ самой землей или у большинства надъ водой, между отвѣсными стебельками тростника или вѣтвями кустовъ. Постройка его—верхъ искусства для птицы, форма похожа на продолговатый мѣшокъ, и оно внутри очень толсто. Входъ (лоточекъ) глубоко загибается по краю, такъ что

даже при сильномъ движеніи непрочныхъ устоевъ гнѣзда, въ вѣтеръ напр., птенцы не подвергаются никакой опасности. Замѣчательно, что камышевки предугадываютъ до извѣстной степени погоду, зная, напр., напередъ о грозящемъ наводненіи, и въ ожиданіи его строятъ гнѣзда выше обыкновеннаго. Стѣнки гнѣзда строятся изъ сухихъ травяныхъ листочковъ и стебельковъ, которые внутри становятся тоньше, и вмѣстѣ съ нѣсколькими корешками составляютъ внутреннюю выстилку. Затѣмъ на эту основу настилается внутри мелкая трава, конскіе волосы, овечья шерсть, гусеничная ткань и т. п.

Тихая молитва. (Рис. на стр. 1041).

Не мало предстанныхъ женскихъ головокъ изображено талантливою кистью Альфреда Зейфорта. Образчикомъ его искусства въ этомъ можетъ служить гравюра, помѣщенная на стр. 1041. Молодая дѣвушка, въ отдаленномъ углу средневѣковой церкви вся отдалась тихой молитвѣ подъ стройные звуки органа. Сосредоточенное, спокойное выраженіе лица весьма вѣрно уловлено художникомъ.

Митральеза Максима. (Рис. на стр. 1044).

Немного лѣтъ тому назадъ показалось-бы сказкой, еслибъ кто нибудь заговорилъ о митральезѣ дающей 10—12 выстрѣловъ въ секунду, т. е. въ минуту 600—700 выстрѣловъ, изъ коихъ почти каждый попадаетъ въ цѣль, причемъ единственный стволъ орудія отнюдь не разгорячается, а единственный человѣкъ управляющій этою скорострѣльной машиной нисколько не устаевъ.

Таково, однако, изобрѣтеніе американскаго электро-техника Гирама Максима, посвятившаго свои труды военнымъ цѣлямъ съ 1884 года и нынѣ прославившагося своей митральезой.

Гениальная идея изобрѣтателя состоитъ въ томъ, что онъ воспользовался вредною для всякаго огнестрѣльнаго оружія, такъ называемою *отдачею* (возвратнымъ толчкомъ воспламененнаго заряда въ казенникъ) и употребилъ эту силу съ пользою, заставивъ ее продѣлывать все то, что прежде долженъ былъ исполнить самъ стрѣлокъ, какъ-то: открывать замокъ орудія, выбрасывать пустой патронъ заряда, вставлять новый патронъ, запереть замокъ и наконецъ воспламенить свѣжій зарядъ,— все это автоматически, т. е. безъ малѣйшей помощи человѣка. Только для перваго выстрѣла, стрѣляющій прижимаетъ гашетку (спускъ), остальные летятъ сами собою одинъ за другимъ, до тѣхъ поръ, пока въ машинѣ есть патроны.

Митральеза Максима состоитъ изъ обыкновеннаго стального ствола, который почти по всей длинѣ покрытъ широкимъ цилиндрическимъ футляромъ изъ бронзы. Сзади къ стволу примыкаетъ четвероугольный ящикъ, заключающій въ себѣ замокъ и тѣ механизмы, посредствомъ коихъ производится автоматически заряданіе и стрѣльба. На фиг. 1 изображены стволъ и ящикъ, составляющіе собственно митральезу. Вѣситъ она всего пудъ съ небольшимъ. Въ задней части ящика видна рычажная система, которая приводитъ въ движеніе рукой. Движенію ея соответствуетъ движеніе замка. Самый замокъ изображенъ на фиг. 2 въ перспективѣ. Заряданіе митральезы производится слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ: отдѣльные патроны втыкаются въ тесьму-патронташъ произвольной длины; тесьма эта продѣвается однимъ концомъ въ особое отверстіе ящика. Если подвинуть рукой рычажную систему одинъ разъ впередъ и назадъ, то соответственно этому замокъ подвинется одинъ разъ назадъ и впередъ. При движеніи замка назадъ—изъ тесьмы будетъ вытащенъ одинъ патронъ; при движеніи замка впередъ—патронъ этотъ встанетъ въ стволъ и замокъ замкнется. Затѣмъ прижатіемъ гашетки производится первый выстрѣлъ. Отдачею (толчкомъ воспламененнаго заряда) рычажная система приводится въ движеніе, т. е. замокъ опять движется одинъ разъ назадъ и впередъ; при первомъ движеніи одинъ патронъ выталкивается изъ тесьмы (которая также автоматически подвигается на одинъ патронъ въ сторону), а пустой (выстрѣленный) патронъ вытаскивается изъ ствола (какъ видно на фиг. 2); при послѣднемъ движеніи—вытащенный изъ тесьмы патронъ вставляется въ стволъ, а пустая гильза выбрасывается въ особое отверстіе. Если затѣмъ прижать большимъ пальцемъ находящейся позади ящика нажимъ (похожій на таковой же у аппарата Морза), то выстрѣлъ происходитъ тотчасъ за обратнымъ движеніемъ замка. При постоянномъ прижиманіи нажима рычажная система движется безъ остановки взадъ и впередъ, т. е. митральеза стрѣляетъ безпрерывно, до тѣхъ поръ пока не выйдутъ всѣ патроны изъ тесьмы. Стоитъ отвести палецъ отъ нажима—и стрѣльба моментально прекращается. Наконецъ если подвинуть задвижку передъ нажимомъ, такъ что послѣдній будетъ постоянно прижать ея—то можно преспокойно уйти отъ митральезы: она будетъ стрѣлять сама равномернымъ тактомъ и непрерывно, пока не изведетъ всѣхъ патроновъ до единаго. Тесьма съ патронами при каждомъ выстрѣлѣ будетъ автоматически подвигаться на одинъ патронъ и мало-по-малу протанется вся на другую сторону ящика митральезы.

Это постоянное движеніе тесьмы, равномерная пальба зарядовъ (ра-та-та! ра-та-та! ра-та-та!), при каждомъ выстрѣлѣ быстрое движеніе ствола впередъ и назадъ и выскакивающіе изъ бронзоваго футляра бѣлые дымки нара, образуемаго испареніемъ хо

лодной воды находящейся в футлярѣ для охлажденія ствола — все это производитъ впечатлѣніе паровой машины. На фиг. 3 изображена вся митральеза. Треножная подставка ея защищена стальнымъ щитомъ, вполнѣ прикрывающимъ солдата отъ ружейнаго огня неприятелей. Всѣмъ всей митральезы около 7 пудовъ. Такую митральезу имѣлъ съ собою извѣстный изслѣдователь Африки Станлей въ послѣднюю свою экспедицію и наводилъ ею панической ужасъ на цѣлыя орды дикарей.

Вмѣсто треножника, митральеза можетъ быть устроена какъ показано на фиг. 4, что гораздо удобнѣе, такъ какъ солдатъ можетъ перевозить ее за дышло, на которомъ сидитъ самъ. Потребная для охлажденія ствола вода, какъ уже упомянуто, находится въ бронзовомъ футлярѣ и охлаждаетъ его по всей длинѣ. Развивающаяся въ стволѣ вслѣдствіе постоянной пальбы теплота сначала нагреваетъ эту воду, а затѣмъ обращаетъ ее въ пары, между тѣмъ какъ самъ стволъ никогда не нагревается выше точки кипѣнія воды. Безъ этого охлажденія стволъ скоро бы раскалился до-красна. При устройствѣ митральезы, показанномъ на фиг. 3 и 4, вода вливается непосредственно въ футляръ чрезъ особое отверстіе. Футляръ вмѣщаетъ 2 литра воды, коихъ достаточно на 1,000—15,000 выстрѣловъ, послѣ чего вся вода испарится и должна быть замѣнена свѣжею.

При митральезѣ изображенной на стр. 5 охлаждающая вода заключается въ колоколообразной подставкѣ подъ давлениемъ $3\frac{1}{2}$ атмосферъ. Посредствомъ трубы и регулятора, колоколъ сообщается съ бронзовымъ футляркомъ. При каждомъ выстрѣлѣ, автоматически открывается клапанъ, причѣмъ извѣстное количество воды вдавливается въ футляръ. Паръ вылетаетъ при каждомъ выстрѣлѣ изъ устья футляра на воздухъ. Эта митральеза, отличающаяся и въ другихъ отношеніяхъ по вѣдшему виду отъ вышеописанныхъ, устанавливается на налудь корабля; завѣдующій ею матросъ упирается плечомъ въ выходящій позади ящика костыль, и такимъ образомъ направляетъ митральезу, которая можетъ поворачиваться по кругу, а стволъ ея можетъ подниматься и опускаться, что позволяетъ обстрѣливать огромное пространство.

Весьма оригинальный способъ употребленія и переноски митральезы изображенъ на фиг. 6 и 7. Митральеза со всѣми снарядами заключена въ ящикъ, приспособленный для ношенія его на плечѣ; достаточно раскинуть его — и ящикъ

превращается въ грозную скорострѣлку. Наконецъ фиг. 8 показываетъ митральезу на стальномъ лафетѣ, со стальными же колесами, которыя могутъ быть передвинуты такъ, что вполнѣ закрываютъ и ее, и солдата отъ неприятельскихъ пуль, картечи и шрапнели.

О мѣткости выстрѣловъ этой митральезы рассказываютъ чудеса. Максимъ стрѣлялъ изъ нея на 300 шаговъ въ цѣль съ чернымъ кружкомъ. Пули попадали до того близко одна отъ другой въ черный кружокъ, что наконецъ какъ бы пилой выпилили его изъ цѣли.

Словомъ, это по истинѣ адское орудіе, предназначенное для настоящей бойни человечества.

Наполеонъ. (Рис. на стр. 1045).

23 апрѣля 1821 г. на островѣ Св. Елены „въ неволѣ мрачной“ угасъ „великій человекъ, властитель осужденный, могучій баловень побѣдъ“, какъ называетъ Наполеона Пушкинъ. Пораженный въ 1815 г. при Ватерлоо Веллингтономъ и Блюхеромъ, онъ бѣжалъ въ Парижъ, который не хотѣлъ принять вождя, еще недавно признаннаго всеобщимъ приговоромъ Франціи. Попытка бѣжать въ Америку окончилась неудачей. Наполеонъ отдался въ руки англичанъ, и они отвезли его на коаблѣ *Беллеробонъ* на островѣ Св. Елены, „на знойной островѣ заточенья, подъ сѣнью чуждою небесъ“. Тамъ почти 6 лѣтъ прожилъ „Изгнанникъ вселенной“. Къ этому времени относится оригинальный рисунокъ, гравюра съ котораго помѣщена на стр. 1045. Это не особенно лестное для великаго человека изображеніе, можно думать, является работою кого-нибудь изъ англичанъ, всегда ненавидѣвшихъ корсиканца, но въ то-же время оно не лишено нѣкоторой доли жизненной правды. Въ такой одеждѣ должно-быть бродилъ по пустынному острову „генералъ Бонапартъ“, какъ его всегда величалъ строгій и суровый губернаторъ Св. Елены, сэръ-Гудзонъ Лоу (Hudson Low); нагнувъ широкополую шляпу на высокое чело, императоръ бродилъ „на чужой скалѣ, за синими морями“, какъ говоритъ Лермонтовъ, пока, забытый, не угасъ —

Одинъ, замученъ мнѣніемъ бесплоднымъ,

Безмолвною и гордою тоскою,

И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ

Зарыть наемною рукою...

Политическое обозрѣніе.

Императоръ Германскій продолжаетъ свои путешествія по Европѣ. 28 сентября Вильгельмъ II перѣхалъ съ Австро-Венгерской территоріи въ Италію и на другой день въ четверть пятого прибылъ въ Римъ, великолѣпно убранный по этому случаю. Какъ переездъ, такъ и самое пребываніе повидимому прошли при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ въ Австріи. Газеты наполнены подробнѣйшими описаніями всего совершившагося за послѣдніе дни. Съ особеннымъ вниманіемъ онѣ останавливаются на посѣщеніи Германскимъ императоромъ папы и на происшедшемъ затѣмъ въ Квириналѣ парадномъ обѣдѣ. Свиданіе между Вильгельмомъ II и папою, по словамъ телеграммы, имѣло весьма сердечный характеръ. На обѣдѣ король Гумбертъ провозгласилъ тостъ въ честь императора и императрицы Германскихъ и германской арміи — славы и оплота Германіи. „Фактъ — говорилъ государь объединенной Италіи — что верховный глава великаго народа и достославной династіи, съ которой я связанъ узами старой дружбы, пребываетъ теперь въ Римѣ, представляется мнѣ новымъ залогомъ союза, заключеннаго нами ради мира Европы и блага нашихъ народовъ.“ Въ отвѣтъ Германскій императоръ поблагодарилъ за прочувствованную рѣчь и указалъ на сходную судьбу обѣихъ странъ, которыя подъ водительствомъ великихъ вождей завоевали себѣ единство. „Изъ этого вытекаетъ — присовокупилъ императоръ — что оба народа всегда будутъ поддерживать другъ друга для охраненія единства, которое является самою благонадежною гарантіею мира.“ Въ заключеніе императоръ поблагодарилъ за сердечный приемъ и провозгласилъ тостъ за здоровье королевской четы и за доблестную итальянскую армію.

Объ эти рѣчи замѣтно отличаются отъ тостовъ, произнесенныхъ недавно въ Вѣнѣ императоромъ Францемъ-Иосифомъ и его царственнымъ гостемъ, въ особенности рѣчь послѣдняго. Въ ней особенно знаменательно указаніе на причины симпатій, существующихъ между Италіей и Германіей: сходственность исторической судьбы обѣихъ странъ и охраненіе единства — лучшей гарантіи мира. Стремленіе къ единству поднесъ живѣе въ Германіи, въ чемъ можно было убѣдиться еще недавно. 3 октября вольные города Гамбургъ и Бременъ присоединились къ Германскому таможенному союзу.

Пребываніе Германскаго императора въ Неаполѣ сопровождалось не меньшею торжественностью, чѣмъ въ Римѣ. Спускъ на воду броненосца „Re Umberto“ въ Кастелламаре, состоялся въ присутствіи громадной толпы народа. На церемоніи крещенія судна присутствовали императоръ Вильгельмъ, Итальянскій король и принцы. По спускѣ броненосца толпа разразилась восторженными возгласами въ честь короля и сдѣлала овацію обоимъ государямъ, которые затѣмъ присутствовали на морскомъ смотрѣ въ Неаполѣ, посѣтили тамъ музеи и присутствовали при грандіозномъ концертѣ. Изъ Неаполя оба монарха вернулись въ Римъ 6 октября, а 7 числа Германскій императоръ отправился въ Берлинъ.

Въ это время Франція занималась вопросами внутренней политики. Въ настоящее время открылась снова парламентская сессія и первымъ предложеніемъ въ засѣданіи палаты депутатовъ, происшедшемъ 3 октября, былъ законопроектъ Флоке о пересмотрѣ конституціи. Существенныя постановленія этого законопроекта: обновленіе одной трети сената и одной трети палаты депутатовъ каждые два года; сенатъ лишается права на рѣшенія касательно распущенія палаты, и до частнаго своего обновленія сохраняетъ лишь право контроля и veto, а въ финансовыхъ вопросахъ ему предоставляется только право дѣлать представленія. Для предупрежденія неустойчивости кабинетовъ, министры будутъ назначаться на точно опредѣленный срокъ, причѣмъ за палатою сохраняется право преданія ихъ суду. По предложенію правительства, палата избираетъ государственный совѣтъ, который вырабатываетъ законы. Всѣ страхи о предстоящей неудачѣ этого предложенія оказались преждевременными. Парижская палата депутатовъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ приняла предложеніе Флоке и препроводила внесенный имъ проектъ закона о пересмотрѣ конституціи въ обыкновенную парламентскую комиссію, предварительному обсужденію которой подлежатъ такого рода проекты. Впрочемъ, вопросъ этотъ попалъ опять въ долгія ящики, такъ какъ въ комиссіи по пересмотру конституціи разсматривается теперь девять проектовъ и она намѣрена выслушать ихъ составителей, начиная съ Флоке и кончая генераломъ Буланже.

С М Ъ С Ъ .

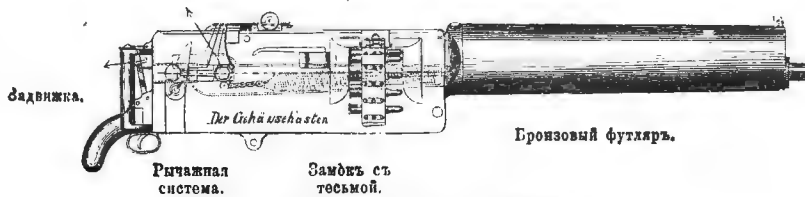
Пюццая долина. Въ *Ежедн. Обозрѣніи* сообщаютъ, что прошлою зимою, во время охоты цѣлаго общества въ южной Прирейнской области, г. Рело открылъ пюццую долину. Она находится между Гохвалдомъ и Идарвалдомъ, къ западу отъ Эрбескопфа,

самой высокой горы Прирейнской области, къ востоку отъ дороги изъ Гершесейля въ Тальфангъ, въ долину рѣчки Редербахъ. Рело описываетъ свои наблюденія слѣдующимъ образомъ: „Въ отдаленной лѣсной глуши отъ времени до времени раздавался колокольный

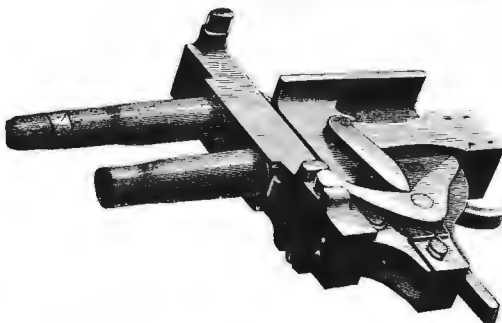

звонъ, который, повидимому, исходилъ изъ той части лѣса, куда направлялось общество. Сначала мы предполагали, что звонъ раздается изъ церкви какого-нибудь близъ-лежащаго села; однако на далекомъ разстояніи кругомъ незамѣтно было никакого человеческого жилья. Поэтому я сталъ внимательнѣе прислушиваться и былъ удивленъ поразительною чистотой звука, его необыкновенно отчетливѣмъ, подобнымъ стону, нарастаніемъ и замираніемъ и чрезвычай-

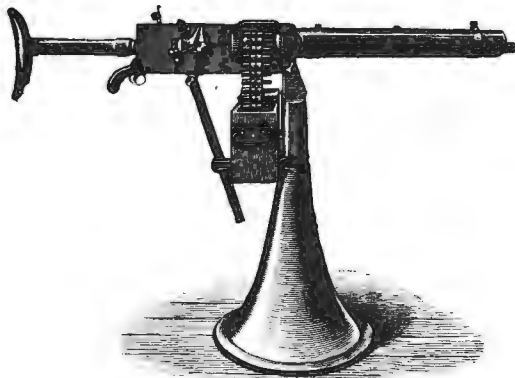
нѣ, съ которою онъ образовывалъ прямой уголъ, клинокъ постепенно суживался. Этими оружіемъ курги владѣютъ въ совершенствѣ; передъ ударомъ они размахиваютъ имъ кругообразно надъ головою и затѣмъ со страшною силою направляютъ на предметъ, въ который хотѣтъ попасть. Борецъ представился раджѣ. Выраженіе его лица, когда онъ подалъ знакъ, чтобы выпустили тигра, поистинѣ можно было назвать величавѣмъ. Его черты выражали такъ-сказать сосре-

Фиг. 1. Главныя части митральезы Максима.

Фиг. 2. Замѣкъ.

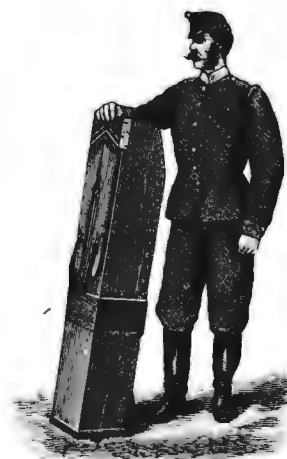

Фиг. 5. Корабельная митральеза.

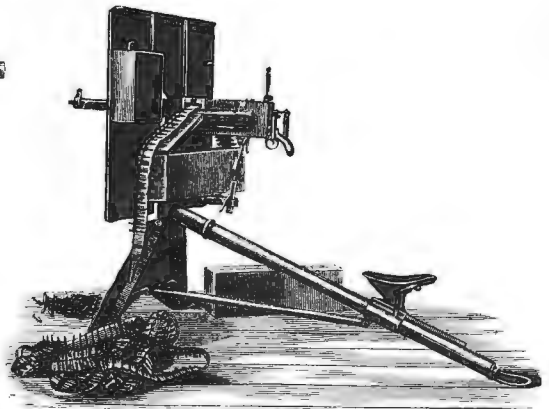
даннаго явленія: внизу долины вновь возникаетъ звукъ, который все усиливается и усиливается, но распространяется не вдоль противоположнаго лѣса, а по направленію къ намъ, доходитъ до насъ, медленно пронесется мимо насъ, все сгущаясь, и при этомъ достигая такой своеобразной красоты и полноты, что я невольно сдерживаю дыханіе; затѣмъ, удаляясь, онъ постепенно ослабѣваетъ и наконецъ замираетъ вдали. Относительно происхожденія звуковъ могутъ быть дѣлаемы только совершенно гадательныя предположенія. Притомъ и самое явленіе должно быть подвергнуто болѣе точному изслѣдованію. Рѣло полагааетъ, что въ Редербахской долинь не можетъ быть и рѣчи о звуковыхъ волнахъ, исходящихъ отъ какого-нибудь постоянно звучащаго предмета. Что причиною звуковъ не былъ и вѣтеръ, это доказываетъ поразительная неизмѣняемость высоты тона, совершенно независимой отъ его силы. Явленіе скорѣе производило такое впечатлѣніе, будто звучащій предметъ самъ двигался впередъ, а потому оно можетъ быть объяснено лишь особыми воздушными образованиями, цилиндрическими круговоротами, которые медленно движутся по долинь. (с.)

Борьба съ тигромъ, у племена Курговъ (въ Индіи), описывается однимъ очевидцемъ слѣдующимъ образомъ: На арену вышелъ человекъ, вооруженный лишь туземнымъ ножомъ и одѣтый въ короткія панталоны, доходившія до коленъ. Ножъ, который онъ держалъ въ правой рукѣ, имѣлъ тяжелый клинокъ, около двухъ футовъ въ длину и добрыхъ три дюйма въ ширину, а къ рукоят-

ною быстротой, съ какою одинъ звукъ смѣнялъ другой, неуспѣвшій еще совершенно затихнуть. Хотя не было никакого сомнѣнія, что звуки, быстро слѣдуя одинъ за другимъ, образуются каждый отдѣльно, но это быстрое слѣдованіе и продолжительность каждого отдѣльнаго звука производили такое дѣйствіе, что слышно было одновременно множество звуковъ въ различныхъ стадіяхъ развитія. Мнѣ стало ясно, что звуки возникаютъ внизу, въ началѣ долины; благопріятствующій имъ, дующій вверху по долинь вѣтеръ, направленіе котораго, повидимому, совпадало съ продольною осью долины, относилъ звукъ далѣе и, вѣроятно влѣдствіе какой-нибудь акустической, особенности мѣстности, звуки раздавались именно въ верхней части долины, вдоль противоположной намъ стѣны лѣса. Этотъ замѣчательный феноменъ вѣроятно прошелъ бы мало замѣченнымъ нами, еслибы не случилось новаго, весьма страннаго и совершенно нежи-

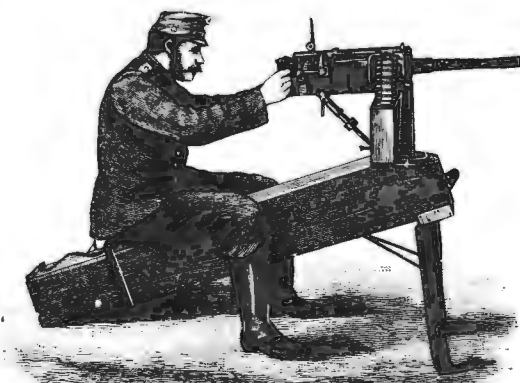
Фиг. 6. Переносная митральеза, въ упакованномъ видѣ.

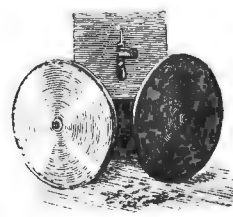
Фиг. 3. Митральеза съ треножникомъ и стальнымъ щитомъ.

Фиг. 4. Передвижная митральеза.

Фиг. 7. Переносная митральеза, въ дѣйстви.

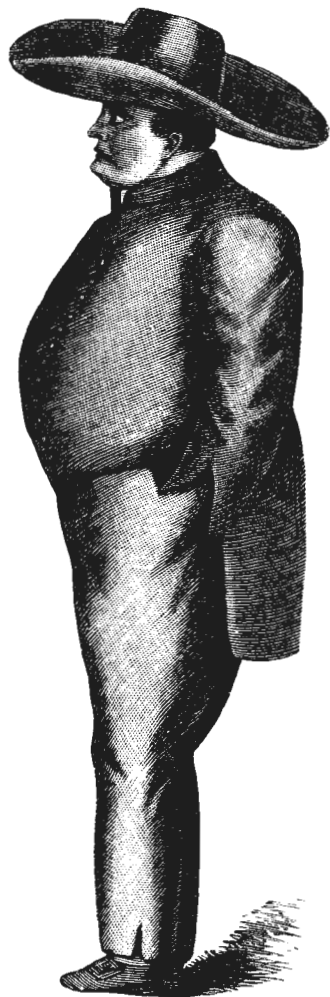

Фиг. 8. Митральеза на стальномъ колесномъ лафетѣ.

тигръ, съ поднятой дыбомъ шерстью, и остановился передъ кургомъ, помахая хвостомъ и глухо рыча. Царственное животное взглянуло сначала на своего противника, затѣмъ на галерею, гдѣ сидѣлъ раджа съ паредворцами; оно, казалось, чувствовало себя на свободѣ далеко не хорошо, очевидно пораженное необычайностью своего положенія. Оглядывшись кругомъ, тигръ неожиданно повернулся и вошелъ обратно въ клѣтку, изъ которой сторожа, стоявшіе на ней, напрасно старались его выгнать. Тогда къ вывѣсившемуся чрезъ рѣшетку хвосту тигра были прикрѣплены ракеты, а кургу подали горящій фитиль, которымъ онъ зажегъ ихъ. Тигръ со страшнымъ ревомъ выскочилъ

на арену и пока ракеты разрывались, онъ бѣгалъ кругомъ въ невыразимой ярости. Наконецъ онъ залѣзъ въ уголокъ, мурлыкая какъ кошка. Клытку между тѣмъ заперли и такимъ образомъ отступленіе ему было отрубано. Во время взрыва ракетъ кургъ стоялъ неподвижно, не спуская глазъ съ непріятеля; наконецъ сталъ медленными но твердыми шагами приближаться къ нему. Тигръ поднялся съ мѣста, и оцѣпившись подался назадъ. Онъ, казалось, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія начинать враждебныя дѣйствія; но противникъ его не унимался. Продолжая пристально смотрѣть на тигра, онъ все болѣе приближался къ нему, а тигръ пятился назадъ, не отворачивая однако головы. Но вотъ кургъ внезапно остановился; животное приподнялось и изогнуло спину, готовясь къ прыжку. Теперь борецъ сталъ отступать, и когда онъ отошелъ настолько, что тигръ не могъ различить его взгляда, разъяренное животное пригнулось къ землѣ, обралось и съ неистовымъ ревомъ прыгнуло впередъ. Его противникъ, вполне подготовленный къ этому, отскочилъ въ сторону и, когда тигръ всталъ на землю, кургъ взмахнулъ своимъ увѣсистымъ ножомъ и со страшною силою ударилъ въ одну изъ заднихъ ногъ животного, какъ разъ надъ суставомъ. Кости были перешиблены и тигръ не въ состояніи сдѣлать второй прыжокъ. Раненое животное страшно зарычало, повернулось внезапно къ кургу, который тѣмъ временемъ отодвинулся на нѣсколько шаговъ, и поползло на трехъ лапахъ, волоча четвертую, висѣвшую только на одной кожѣ. Кургъ стоялъ съ высоко поднятымъ ножомъ и спокойно ожидалъ нападенія. Какъ только тигръ приблизился къ нему, онъ со страшною силою поразилъ его всею тяжестью своего грознаго оружія, и царственное животное, съ раскрасневшимъ черепомъ, упало къ ногамъ своего побѣдителя, который хладнокровно втеръ ножъ о его красивую шкуру, почтительно поклонился радѣ и удалился съ арены при громкихъ рукоплесканіяхъ зрителей. (с.)

Новый строительный матеріалъ, такъ-называемый ксилолитъ (дерево-камень), должень, повидимому, въ скоромъ времени обратить вниманіе заинтересованныхъ кружковъ, благодаря своему цѣлесообразному составу. Строительный лѣсъ, который, въ виду постоянного усовершенствованія каменныхъ и цементныхъ матеріаловъ, оставляетъ желать относительно прочности еще многого, должень будетъ въ извѣстныхъ случаяхъ уступить мѣсто ксилолиту, такъ какъ этотъ искусственный продуктъ, обладающій хорошими свой-

Наполеонъ I на островѣ Св. Елены.
Съ современнаго рисунка, грав. Шюблеръ.

ствами древесной массы, не имѣть ея недостатковъ. Ксилолитъ есть, произведенное подъ сильнымъ давленіемъ, химическое соединеніе опилокъ въ тягучую, твердую массу, которая имѣетъ всѣ преимущества дерева и твердыхъ каменныхъ породъ. Благодаря тому, что матеріалъ этотъ не горитъ въ самомъ сильномъ жарѣ, сохраняетъ постоянство объема при морозѣ и сырости,—достигается такая способность сопротивленія стихійнымъ вліяніямъ, какой не имѣетъ ни одинъ строительный матеріалъ. Полнѣйшая безопасность противъ разрушительнаго трутника также имѣетъ не малую цѣну. Не смотря на такую твердость и прочность, ксилолитъ, подобно всякому дереву, очень хорошо и легко поддается обработкѣ инструментами и можетъ служить какъ для устройства половъ, обшивки стѣнъ, такъ и въ особенности для покрышки крышъ. (с.)

Прожорливость птицъ. О людяхъ, которые ѣдятъ мало, говорятъ обыкновенно: „Онъ ѣстъ, какъ птичка“. Между тѣмъ такое сравненіе совершенно неправильно. Дроздъ, наприкладъ, проглатываетъ улитку сразу. Пропорціонально этому, человекъ должень былъ-бы сѣдѣть за одинъ присѣтъ четверть быка. Реполовъ также прожорливъ въ высшей степени. Вычислено, что для того, чтобы поддержать нормальный вѣсъ реполова, потребовалось бы ежедневно количество животной пищи, равное дождевому червю въ 14 футовъ длиной. Если бы взяли человека обыкновеннаго роста и сравнить его массу съ массою реполова, то можно было-бы вычислить, сколько пищи онъ потребилъ-бы въ 24 часа, еслибы ѣлъ въ той же пропорціи, какъ птица. Если предположить, что колбаса въ 9 дюймовъ толщины представляетъ дождеваго червя, то человекъ должень былъ-бы ежедневно сѣдѣть 27 футовъ такой колбасы. Это въ особенности интересно въ томъ отношеніи, что показывается какую удивительную дѣятельность должны проявлять питающіеся насекомыми птицы въ охотѣ за добычею. (с.)

Охота въ Венгріи. Г. Павель Баръ сообщаетъ въ *L'Eleveur*, что Австро-Венгрія остается до сихъ поръ вѣрна охотничьимъ традиціямъ. Тамъ ежегодно происходитъ большія бойни дичи. Принцъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій въ своемъ владѣніи Вальсъ организовалъ большія охоты въ загонѣ. 1,400 фазановъ и кроликовъ были убиты въ 3 дня. Великій герцогъ отправился загнѣмъ въ Стэфингенъ для охоты на кабановъ. Въ продолженіе 6 часовъ, 138 этихъ животныхъ были убиты и изъ нихъ 27 старыхъ. Великій герцогъ одинъ убилъ 60. Онъ впрочемъ одинъ

„Зимній вечеръ въ окрестностяхъ Петербурга.“

Картина проф. Имп. Акад. Худож. Ю. КЛЕВЕРА.

(Главная премія „Нивы“ на 1888 годъ).

Въ настоящее время всѣ наши городскіе и иногородные подписчики получили уже главную премію *Нивы* на 1888 годъ, и мы считаемъ умѣстнымъ сказать о ней нѣсколько словъ. До сихъ поръ *Нива* еще ни разу не давала преміи такихъ значительныхъ размѣровъ. По почтовымъ правиламъ, ограничивающимъ размѣръ премій, оказалось невозможнымъ разослать ее обычнымъ путемъ по бандерольной таксѣ черезъ Газетную Экспедицію Почтамта. Пришлось прибѣгнуть къ отправкѣ ея по способу отправленія частныхъ посылокъ, не смотря на все его неудобство и дороговизну при громадномъ числѣ ста тысячъ экземпляровъ и на трудность рассчитать время такъ чтобы всѣ наши подписчики, изъ коихъ многіе живутъ на отдаленныхъ окраинахъ Россіи, получили премію почти одновременно. Всѣ эти трудности теперь преодолены и намъ остается обратить вниманіе гг. подписчиковъ на самую премію. Въ этой картинѣ, какъ теперь могутъ убѣдиться гг. подписчики, превосходно переданы безпечно-разнообразные оттѣнки неба и облаковъ, принимаемые ими во время заката на Сѣверѣ. Для того чтобы передать всю эту неуловимую игру красокъ, потребовалось двадцать семь литографическихъ камней въ величину картины, покрытыхъ каждый особою краской. Если же припятъ во вниманіе что каждая краска накладываемая на другую даетъ новую, то число всѣхъ оттѣнковъ получается столь же громадное какъ и въ самой природѣ.

Картина представляетъ заходъ солнца надъ ледяною поверхностью взморья, занесенною снѣгомъ. Ярко-красный, какъ-бы раскаленный дискъ солнца въ багровомъ заревѣ почти касается черты горизонта, отражаясь тѣми же алыми тонами въ громадной полынѣ перваго плана, образовавшейся вслѣдствіе оттепели между берегомъ и льдомъ взморья. На правой половинѣ картины прежде всего поражаетъ, начиная съ перваго плана, необыкновенно живо написанный снѣгъ, то рыхлый и талый на дорогѣ, исполосованный безчисленными слѣдами полозьевъ, то мягко-пушистымъ налетомъ покрывающій крыши избъ; то казяно-заиндевшій на вѣтвяхъ хвои въ лѣсу и всюду согрѣтый теплыми отсвѣтами зари въ контрастъ холоднымъ тонамъ тѣней и дымковъ, поднимающихся изъ трубъ. Съ лѣвой стороны тянется безиредѣльная равнина взморья, съ ея прозрачными, кое-гдѣ валоманными льдинами, въ которыхъ, какъ въ граняхъ хрустала, дробятся, играютъ и переливаются на иной ладъ основные тона неба. Поставленная на одной изъ льдинъ вѣха, дальняя лодка, у которой хлопочутъ нѣсколько рыбаковъ, и запоздалыя птицы, снѣжнымъ полетомъ пробирающіяся на ночлетъ, даютъ чувствовать всю глубину воздушной перспективы надъ необозримую равнину.

Общее впечатлѣніе картины—глубокое затишье, отъ котораго какъ бы вѣетъ въ душу зрителя миромъ и покоемъ.

изъ лучшихъ стрѣлковъ Австрiи и его охоты весьма популярны. (с)
Какъ предохранительное средство отъ дифтерита, докторъ Иогансонъ, главный врачъ городской больницы въ Либауѣ, совѣтуетъ заставлять дѣтей каждый вечеръ полоскать ротъ и горло дезинфицирующею жидкостью. Если въ течение дня дифтеритныя бактерiи попали въ полость рта, то не успѣваютъ проникнуть далеко и легко могутъ быть устранены всполаскиванiемъ. Иначе за ночь онѣ могли бы уже развить болѣзнь. При общераспространенномъ обычѣ всполаскивать ротъ утромъ, а не вечеромъ, частыя ангины, оставшіяся во рту, за ночь предаются гниенiю и способствуютъ развитiю бактерiй. Днемъ, при постоянныхъ глотательныхъ движенiяхъ, условiя неблагоприятны для развитiя паразитовъ; ночью же, когда обильныя вещества происходятъ въ ограниченныя размѣрахъ, болѣзнь развивается легче. Лучшимъ полосканiемъ въ этомъ случаѣ можетъ служить марганцово-кислота кали, которое въ каждой аптекѣ можно приобрести за нѣсколько копѣекъ. Средство это имѣеть то преимущество, что, употребляя его, можно видѣть, совершилась ли дезинфекцiя. Въ этомъ случаѣ свѣтло-красный цвѣтъ жидкости послѣ всполаскиванiя переходитъ въ темно-красный. Докторъ Иогансонъ, на основанiи многолѣтней медицинск. практики, считаетъ возможнымъ рекомендовать это средство, какъ наиболѣе дѣйствительное. (с.)

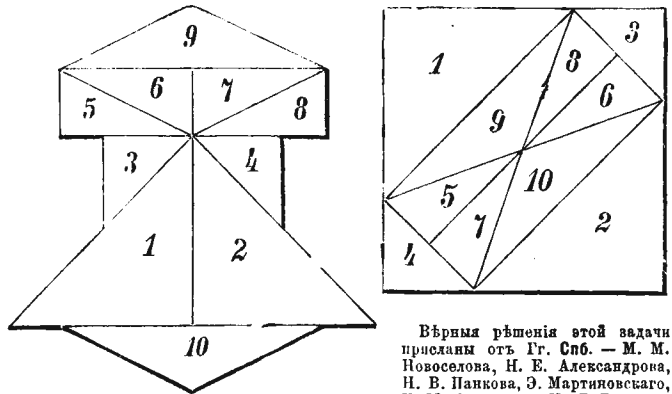
Рѣшенiе алгебраической задачи № 59 (помѣщ. въ № 37).

- 1) A. $E : L = N : A - D$ $A = 34 = 0$
- 2) B. $\sqrt{M + N} = \frac{2k}{3}$ $B = 6 = E$
- 3) C. $D : M = J + H : A - N$ $C = 5 = D$
- 4) D. $\sqrt[3]{F} = \frac{B}{2}$ $D = 15 = 0$
- 5) E. $B : K = G + H : C + H$ $E = 19 = T$
- 6) F. $A = D + M + \frac{2B}{3}$ $F = 27 = B$
- 7) G. $C : \frac{D}{3} = G : \frac{M}{3}$ $G = 5 = D$
- 8) H. $\sqrt[3]{O} = \frac{K}{2}$ $H = 1 = A$
- 9) J. $E + L = N^2$ $J = 14 = H$
- 10) K. $J : M - H = L - G : E - C$ $K = 6 = E$
- 11) L. $O + F = A + D + C$ $L = 19 = T$
- 12) M. $L : D = E : M$ $M = 15 = 0$
- 13) N. $J + K = D + C$ $N = 19 = T$
- 14) O. $B - C = K - G$ $O = 27 = B$

„ведоть да не тотъ“.

Вѣрна рѣшенiя этой задачи присланы отъ гг.: Н. Морель, Е. А. Гибшманъ, М. М. Иглицонъ, Н. В. Панкова, А. А. Поепѣва, А. К. Пулло.

Рѣшенiе геометрической задачи № 60 (помѣщ. въ № 37).

Вѣрна рѣшенiя этой задачи присланы отъ гг. Спб. — М. М. Новоселова, Н. Е. Александрова, Н. В. Панкова, Э. Мартиновскаго, Г. М. Самарина, Н. Я. Риттеръ, И. В. Людина, Ф. Михель, А. А. Поепѣва, Москва — Н. Протопопова, Б. Коровино — В. Е. Терскаго, Ветлуга — П. Чиркина, Витебскъ — Джигальскiй, Динабургъ — М. Загеръ, Дисна — С. Дубинкова, Кременчугъ — С. Добровенскаго, Невъ — К. В. Ржевскаго, Михайловъ — В. Павлова, Медвѣдово — М. Лейцигеръ, Петропавловка — П. Г. Кошешникова, Ростовъ на Д. — А. Я. Михайлова, Самара — М. А. Смирнова, Судогда — В. А. Голубева, Шацкъ — А. Филимоновича.

Рѣшенiе задачи № 61 (помѣщенной въ № 37).

П	е	к	р
а	с	н	а
н	з	б	а
у	г	л	а
м	и	к	р
а	с	н	а
п	н	р	о
г	а	м	н

- 1) Масло. 2) Снина. 3) А. 4) Бани. 5) Ранги.
- 6) Греки. 7) Мазурка.

Не красна изба углами, — красна пирогами.

Вѣрна рѣшенiя этой задачи присланы отъ гг. Спб.: Н. В. Панкова, А. Суворова, Григорьева, Л. Маснера, А. А. Поепѣва, Н. В. Андреева, Л. Свенторжецкаго, Г. Г. Ходунова, Н. Конигесеръ, А. Дедерле, Р. Кербакъ, Н. Стронскаго, В. К. Долгополова, М. Римкевичъ, М. Г. Косовецъ, С. С. Романовскаго, К. Штейнъ, В. Нестерова, Н. И. Кутафьева, П. Ерогина, В. Смоленцова, П. Н. Михайлова, В. Талалова, С. Клякова, Н. В. Людина, И. А. Андреева, А. Тонъ, М. Р.—ъ, А. Н. Кузнецовой, Д. Ф. Соснина, А. Моисеева, Тихоняча, Г. Аверьева, П. Валандина, В. Астромова; Москва — Д. Г. Герасимова, В. Кривцова, П. Шкрябова, Н. Крюкова, А. Стровой, Н. Хрусталева, В. А. Богардо, В. Михѣва, И. Я. Романова, Астрахань — Вендерскихъ, Александровскъ — Ю. А. Зайцева, Б. Коровино — В. К. Терскаго, Болховъ — В. Георгиевскаго, Б. Глушица — А. И. Кархилева, Болгое — Ф. А. Штадесъ, Бобруйскъ — Е. Мольской, Винница — С. Рабиновича, Витебскъ — И. Мочало, Вязьма — Тяполовскаго, Воронежъ — А. Константиновой, Д. Шницъ, Веселогонскъ — И. Кухелева, Влодава — Огнева, Геническъ — С. Вязьгуръ, Жиздра — А. Азасова, Златополь — О. А. Педачинъ, Замоша — И. О. Зотова, Ивенецъ — Р. Гоевкова, Невъ — Н. Буджагона, Д. Е. Шилохостова, Калуга — И. Велигодскаго, Кронштадтъ — Ф. Матье, Назанъ — А. И. Денисовой, Лебедянь — В. Чурилина, Медынь — И. Дубенской, Мѣдникино — И. И. Сухатова, Мелитополь — Хохловскихъ, Николаевъ — Фалькертъ, Нарва — А. Надпорожской, Одесса — Шановалова, Орхово — Юрьева, Петергофъ — О. Григорьева, Ростовъ на Д. — А. Шикалова, Рупосово — В. Алексѣева, Севастополь — Н. Максимасти, Самара — М. Смирнова, Смоленскъ — В. Турцевича, Судогда — С. Голубева, Тверь — И. Мамкина, Тульчинъ — З. Липранди, Ц. Село — Цедербаумъ, Бордопоса, Шууринская — И. Ф. Синчакъ, Шавли — Коваленко, Ярославль — И. Мосагина.

Рамы для премii „НИВЫ“ 1888 года,
 большой олеографической картины, печатанной масляными красками съ оригинала проф. Ю. Ю. КЛЕВЕРА:
„ЗИМНIЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

Въ настоящемъ году, мы изготовили рамы ТРЕХЪ СОРТОВЪ, при чемъ первые два сорта имѣются изъ золоченаго и чернаго полированнаго багета, а третiй только изъ одного чернаго. Размѣръ и цѣны рамъ, со вставленными въ нихъ картинами (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ) — слѣдующiя:

- № 1. Изъ лучшаго золоченаго или чернаго полированнаго багета, съ лѣпными узорчатыми украшениями (ширина въ діам. 2 вершк.) по 4 руб., а съ упаковкою въ ящикъ для иногородныхъ по 5 р. 50 к. (безъ перес.)
- № 2. Изъ таково-же, но болѣе красиваго и широкаго багета (шир. въ діам. 2²/₁₀ верш.): золоченая 6 р., и черная 5 р. 50 к., а съ упаковкою въ ящикъ для иногородн. 7 р. 50 к. и 7 р. (безъ пересылки).
- № 3. Изъ богатаго чернаго полированнаго багета (ширина въ діам. 4¹/₂ вершк.) художественной лѣпной работы, 11 руб., а съ упаковкою въ ящикъ для иногор. 13 р. (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, по полученiи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки ихъ они будутъ уплачивать на мѣстѣ — при полученiи посылки. Въ тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ транспортной конторы и желѣзно-дорожной станцiи, рамы будутъ высылаться почтою, но при этомъ гг. подписчики вмѣстѣ съ слѣдующими деньгами за рамы — благоволятъ прилагать и за почтовую пересылку, по разстоянiю, за раму № 1 за 40 фунт., № 2 за 60 фунт., и № 3 за 60 фунт. При чемъ расчетъ за почтовую пересылку считается слѣдующимъ образомъ: за разстоянiе до 300 верстъ за каждый фунтъ по 3 к.; до 400 верстъ по 4 к. и т. д., прибавляя за каждыя 100 верстъ по 1 к. съ фунта.

Гг. московскiе подписчики могутъ получить премiю въ рамѣ въ отдѣленiи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскiя линiи) — по слѣдующей цѣнѣ: № 1 — по 5 руб., № 2 — золоченая — 7 р., черная 6 р. 50 к. и № 3 — 12 р. 50 к.

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, выписывающихъ цѣлыя рамы съ картинами, полученную ими премiю немедленно возвращать намъ въ Контору, дабы, по возможности, безъ задержки, мы могли имъ выслать готовые рамы со вставленною картиною.

Какъ гг. городскiе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованiями въ Главную Контору журнала „Нива“. Спб., Невскiй просп., № 6.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Бюро журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНИЕ: Бригадирская внучка. Московская биль. Графа Е. А. Салиаса. Часть I. (Продолженіе). — Вѣчу не быть. Старинная повесть Д. В. Авериева. Часть II. (Продолженіе). — Прошлогоднее наводненіе въ Китаѣ. — Къ рисункамъ: Константинъ, наследный принцъ Греческій, и принцесса Софія Прусская (съ 2 портр.). — Пожаръ во время полевыхъ работъ (съ рис.). — Мостъ черезъ рѣку Ансай близъ Новочеркасска (съ рис.). — Дѣдушка и внучка (съ рис.). — Батумскіе типы. Саукъ-су (уличный продавецъ холодной воды) и толченіе кофе (съ 2 рис.). — Намышевка (Acrocephalus arundinaceus) (съ рис.). — Тихая молитва (съ рис.). — Митральеза Максима (съ 8 рис.). — Наполеонъ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Зимній вечеръ въ окрестностяхъ Петербурга. Главная премія „Нивы“ 1888 г. — Рѣшенія задачъ. — Гамы для преміи „Нивы“ 1888 г. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Р. ГЛЕЗЕРЪ ВЪ РИГѢ КАРАНДАШНАЯ ФАБРИКА

всмыкаетъ прейсъ-куррантъ бесплатно и коллекціи образцовъ по получеши 75 к. марками. 2—2 Идутъ представителей. № 3409

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Суды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3393 3—3
Также нужны вѣрныя съ настоя-
щими и безъ нихъ жилыя
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по выше-
означенному адресу.

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСИЯ КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсии, кожа лица дѣлается нѣжною и она придаетъ ей бѣлизну и нѣжность. Зимой она удобна противъ накожныхъ трещинъ, проникающихъ отъ холода и мороза. Цѣна флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 руб., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, про-шу требовать подписи: А. Энглундъ красными чернилами и марку Сиб. Косметической Лабораторіи.
Получать можно: въ Русск. Обществѣ торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ, у К. Феррейна, В. Бебардуса, Р. Келлера и Ю. О. Геллингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ. Литейная, № 38. № 3420

ГЛАВНОЕ ДЕПО

Изъ настоящей сосновой шерсти отъ ревматизма, ломоты, простуды и слабости.
И. И. МАРНОВА.
СПБ., на уг. Невского и Литейной, д. № 78/68.
Костюмы изъ настоящей сосновой шерсти малой величины для мужчинъ и дамъ, состоящіе изъ фуфайки, вальсовъ, чулокъ или носковъ 13 р., тоже средней величины 15 р. 50 к., большой величины 18 р. и 19 р. 50 к.
Отдѣльно фуфайки малой величины 6 р., средней 7 р., большой 8 р. 50 к. Чулки за пару 2 р. 75 к. Носки 1 р. 50 к. Набрюшники 3 р. Насинники 3 р. Наколѣнники 2 р. 50 к., 3 и 3 р. 25 к. Нагрудники 2 р. 75 к. Чулки 2 р. 50 к. Ночные колпаки 3 р. Чепчики 2 р. 50 к. Шерсть для вязанія по 5 р. за фунтъ. Сосновыя стельки 1 р. за пару, митенки 2 р. Вата 1/2 лѣсть 2 р. 50 к., 1/2 л. 1 р. 50 к. и 1/4 л. 75 к. Сосновое прозрачное масло въ склянкахъ 50 к., 75 к. и 1 р. Сосновое мыло 75 к. и 1 р. 50 к. за кусокъ.
Всѣ эти вещи изъ настоящихъ сосновыхъ породъ и полезны для страдающихъ ревматизмомъ, ломотою и слабостями, въ чемъ удостовѣрено многими учеными, а именно нашими многообразными заслуженными профессорами Ю. К. Траппъ, а равно и заграницными профессорами, а именно: Наули, Буковскій, Якоби, Геншель, Шильбахъ, Неймеръ и мн. др.
Депю по требованію всмыкаетъ во всѣ мѣста Имперіи съ набавкою къ стоимости на почтовые расходы отъ 50 к. до 1 р., кроме посланій соснового масла, которое должно быть въ жестякѣ, отъ 1 до 5 флаконовъ 50 к. Всѣ требованія исполняются немедленно, въ чемъ ручается депю. № 3417

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.
Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (38) № 2946

Въ редакціи „ВѢСТНИКА МОДЫ“

(СПБ., Б. Нгалянская, № 8), продаются:
Курсъ женскихъ рукодѣлій. Большой томъ, съ 1007 рис., въ роскош. пер. Цѣна 3 руб. и 4 р. съ перес.
Курсъ кройки, примѣры и шитья дамскихъ нарядовъ. Съ 620 рис. Цѣна 3 руб. съ пер. въ переп. 4 руб.
Курсъ кройки, примѣры и шитья дѣтскихъ нарядовъ. Съ 381 рис. Цѣна 2 руб. съ перес. и 3 руб. въ переп.
Курсъ кройки, примѣры и шитья бѣлья. Съ 566 рис. Цѣна 2 р. и 2 р. 25 к. съ пер.

ОДОРАМИНЪ ТУАЛЕТНЫЙ

пастильки замѣняющія туалетную воду, одну пастильку на чашку воды.
Онѣ служатъ для освѣженія кожи и придаютъ пріятный запахъ; коробка, содержащая 24 пастильки, стоитъ 1 руб.
М. № 3425
4—1
Брокеръ и Ко.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.
РЕКОМЕНДУЮТСЯ въ особенности нижеслѣдующія произведенія:
Глицериновое молоко 75 к.—Ирисовое молоко 1 р. 25 к.
МОЛОКО ДЕРМОФИЛЬ 2 руб. 25 коп.
ВОДА ДЕ ЛИСЪ ДЕ НИНОНЪ 1 р. 50 к.
Кольдъ-Кремъ самаго высшаго качества 60 коп.
Глицериновый Кремъ 50 коп. | Кремъ Дермофиль 80 коп.
КРЕМЪ ДЕ ЛИСЪ ДЕ НИНОНЪ 1 руб.
Пудра Велютинъ 60 к.—Пудра де Нинонъ 75 коп.
ПУДРА ДЕРМОФИЛЬ 1 р.
приготовленная съ разрѣшенія С.-Петерб. Врачебнаго Управленія.
КРЕМЪ НАМЕЛИА, бѣлый, розовый и рашель 1 рубль.
**ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:**
1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ, у Авничкова моста, № 66.
3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).
Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ. Рт. № 3413

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ, состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.
Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стилей; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умеренная: въ издѣн. литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.
Требованія просятъ адресовать: въ СПБ., къ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ЛЕПНИНГЪ и ГЮЗИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405
ПОСТОЯННЫЙ ДОХОДЪ для НАЖДАГО безъ всякихъ расходовъ; присланнымъ земскихъ почтовыхъ марокъ; подробности по адресу: № 3422

Евг. СЕМЕНОВИЧЪ,
С.-Петербургъ, 7 линія, домъ 62, кв. 3.

НОВОСТЬ.

Иду компаньона или покупателя на право произведенія и распространенія новозобрѣтеннаго скороводоагрегативнаго аппарата; аппаратъ сей заслужилъ полное одобреніе и получена привилегія; подобнаго сему аппарату еще не существовало; онъ въ 50 м. времени награваетъ 14 ведеръ воды до 50 градусовъ, съ затратой топлива 27 ф. дровъ, стоимостью 3/4 копѣйки; вѣсъ его 3 пуда; онъ примѣнимъ въ домашнемъ и сельскомъ хозяйствѣ, больницахъ, подолечебницахъ, на фабрикахъ, заводахъ, въ ремесленныхъ и промышленныхъ заведеніяхъ, гостиницахъ, буфетахъ.
СПБ., Старо-Петергофскій просп., д. № 22, кв. 8. Ф. С. Миланшо, у Ново-Калинкина моста. № 3415

КЛИШЕ

Гравированіе на деревѣ (клише) для иллюстр. изданій, Прейсъ-курранты, Объявленія и пр.
ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВѢДЕНІЕ
КАРЛЬ РИХТЕРЪ
Троицкая уллица, д. № 27а.
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
КЛИШЕ

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ БУХГАЛТЕРІИ

ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ
ПОСРЕДСТВОМЪ ЛЕКЦІИ И ПЕРЕПИСКИ, СОВЕРШЕНО ЗАМѢНЯЮЩЕЙ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ ПОЛНѢЙШЕ РУЧАТЕЛЬНО ЗА УСПѢХЪ, ПЛАТА УМѢРЕННАЯ, ПОДРОБНЫЯ УСЛОВІЯ И ПРОБНЫЯ ПИСЬМА ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКАЯ НАУКА
С.Я. ДИДИНТАЛЬ, въ Москвѣ.
адресъ: Москва, Арбатъ, Мал. Песковский пер., д. Адамовича.

НОВОСТЬ!

Усовершенствованная английская карманная двуххиточная швейная машина
МОЛЬДАКОТЪ
съ колесомъ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ. ПРЕИМУЩЕСТВА: легкой ходъ, небольшой объемъ, изящный видъ и несложность. Шьетъ какъ сама тонкая, такъ и самая толстая матерія двойнымъ, нераспарываемымъ швомъ. Наставленія прилагаются. Цѣна безъ футл. 10 р., въ орхов. футл. 11 р. 25 к.; перес. 75 к.; на Кавказъ и въ Сибирь за 3 фунт. № 3405
Главный складъ въ пещеребуажномъ магазинѣ „ПОЛИГРАФЪ“, Москва, Моросейка, д. Комитета.

PARIS

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Demander

Le MAGNIFIQUE ALBUM ILLUSTRE renfermant 554 gravures inédites de Robes, confections, Articles pour toilettes de Dames et Enfants, Vêtements pour Hommes, etc., ainsi que la nomenclature de tous les tissus en Soieries, Lainages, Indiennes, Toiles etc. etc. qui

Vient de Paraître.

L'envoi en est fait GRATIS ET FRANCO contre demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie à Paris

Sont également envoyés franco les échantillons de tous les tissus composant les immenses assortiments du PRINTemps. (Bien spécifier les genres et prix.)

Expéditions franco de port à partir de 25 fr. jusqu'à la frontière russe, ou jusqu'à destination, moyennant une augmentation de 10 0/0, pour toute commande dépassant 100 fr.

A. № 3406 3-2

ДЛЯ СЕЛЬСКИХ ХОЗЯЕВЪ: МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗЕРНОУШИЛКИ, изобрѣтенія В. Аккермана, ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ машины, МУКОМОЛЬНЫЯ ПСТАВЫ на складѣ при МЕХАНИЧЕСКОМЪ ЗАВОДѢ

В. АККЕРМАНА, Спбурѣ, Невскіи, Большіи Волотная улица, домъ № 6. № 3390 4-2

НОВОСТЬ!

Американскія металлическія лампы ГИЧКОКЪ безъ стекла.

Свѣтъ сильнѣе, блѣднѣе и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина: соблюдается огромная экономія устраненіемъ постоянно ломающихся и бьющихся стеколъ. Лампа вся металлическая, изящно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обмыкательный металлическій резервуаръ и направляется какъ обыкновенная лампа.

Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1/2 копѣйки въ часъ. Полное ручательство за добротачество. Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію: Столовая . . . . . 12 руб. Вислячая . . . . . 15 руб. Стѣнная . . . . . 15 руб.

Съ козлакомъ и колѣнкомъ на 3-р. дорожѣ. Цѣны въ Азіатскую Россію на 4-р. дорожѣ. Единственный складъ для всей Россіи: ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372 Ж. БЛОКЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21. Москва, Кузнецкій мостъ. Екатеринбургъ, Соборная улица.

Только - что отпечатано и поступило въ продажу новое, ПЯТОЕ издание ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

Настоящее издание дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскошныхъ коленкоров. переплетахъ съ золотыми тисненіями—8 руб., съ пересылкою 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 р., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просить обращаться въ Спбурѣ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ЛИБИХА КОМПАНИИ МЯСНОЙ ЭКСТРАКТЪ

Настоящія лихъ тѣ банки снабженныя подписью J. Libby СИНЯГО ЦВѢТА

8-3 Главное депо для Россіи: братья Фохтесъ, В. О., 1-я лин., № 4. № 3393

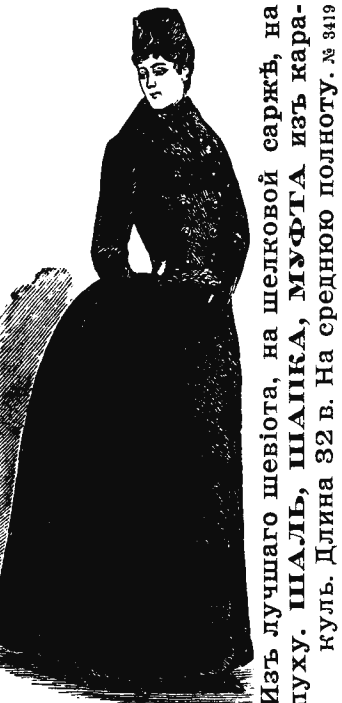
ФИСГАРМОНИИ ПО УДЕШЕВЛЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ французскія 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р.; американскія 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 р. Въ № 18 сего года журнала „Нива“, помѣщена интересная статья, изъ которой можно получить вѣрное представленіе о достоинствѣхъ фисгармоніи. Эта статья, а также иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. безплатно. БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ПОТѢ ДЛЯ ФИСГАРМОНИИ Юліи Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ. Главное депо № 3421 МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ. С.-Петербургъ, Большіи Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій мостъ, д. бывш. Торлецкаго.

ЖУРНАЛЬ „ЭПОХА“ будетъ выходить съ Октября мѣсяца 1888 года ежемѣсячно книжками отъ 200 до 240 страницъ, по программѣ литературно-научныхъ журналовъ. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи, Большая Никитская, д. Зотова, въ конторѣ объявленій П. Мечковской, въ Петровскихъ линияхъ, и въ конторѣ Гиларовскаго, въ Столешниковомъ пер. Въ Петербургѣ: на Невскомъ просп., въ книжномъ магазинѣ Г. Мартынова. Годовая цѣна съ пересылкой и доставкой . . . 6 рублей. За 3 мѣсяца съ Октября по Декабрь с. г. . . . 2 р. 25 к. За 15 книжекъ—по 1 Января 1890 года . . . . . 8 рублей. За отдѣльную книжку журнала, съ доставкой 75 коп. безъ доставки 60 коп. За границу годовое изданіе . . . . . 8 рублей. Допускается разрѣзка на годовое изданіе со взносомъ 2 рублей послѣдовательно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, или по одному рублю въ мѣсяцъ. Въ журналѣ примутъ участіе: Я. В. Абрамовъ, С. А. Венгеровъ, В. В., Н. Н. Златовратскій, П. В. Засодимскій, Г. Б. Юлосъ, В. Г. Короленко, Каронинъ, проф. И. В. Лучинскій, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), А. А. Мануйловъ, Г. А. Мачтетъ, В. П. Марковъ, Минскій, А. А. Поповъ, А. С. и В. С. Пругавины, В. И. Савихинъ, В. И. Семеновскій, П. А. С.-скій, А. М. Снабичевскій, Г. И. Успенскій, А. П. Чеховъ, С. А. и Е. С. Щепотьевы, А. И. Эртель, С. Н. Южановъ, С. А. Юрьевъ и др. Издатель А. Колачевскій.

„Практичная НОВОСТЬ, необходимая во всякомъ хозяйствѣ“: Машины для чистки картофеля, яблокъ и другихъ фруктовъ. Патентъ Герцога. Громадное сбереженіе материала и времени! Очистка болѣе 3-хъ пудовъ въ часъ. Цѣна отъ 10 до 20 рублей. Объяснительныя брошюры высылаются по первому требованію. ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ: у Р. БАУМГАРТЕНЪ и Комп. въ МОСКВѢ, Чижовское Подворье, Торговое отдѣленіе, № 4. № 3418

НОВОЖДЕНІЕ. Ромъ изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

85 РУБЛЕЙ. Шубна „БОЯРЫНЯ“.

СОБСТВЕННОСТЬ ДОМА Ю. ФЛОРАНЪ, Спб., 18, Большая Морская.

ЦѢНА ТОЛЬКО 10 р. с. ПЕРЕНОСНЫЙ ТЕЛЕГРАФНЫЙ ЗВОНОКЪ.

Электрическ. батарея, въ полномъ составѣ и по новейшей конструкціи, помѣщена въ ящикъ, въ которомъ придѣлана вся система звонковъ. Электр. проволока сообщ. съ батареею, и можетъ быть проведена—безъ вреда для стѣны—чер. комнаты и коридоры, пройдя по угламъ или дверямъ изъ одного помѣщенія въ другое; а пуговка, придѣл. къ концу проволоки, прикрѣпляется на желаем. мѣстѣ. Такимъ образомъ, хозяинъ въ ест. устроитъ въ нѣсколько минутъ домашнее телеграф. сообщеніе. Болѣе точныя свѣдѣнія безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДЪ у Казанск. м. д. № 30-16, скотдъ съ Елат. № 3378 кан., въ С.-Петербургѣ. 7-4

4711 О-ДЕ-КОЛОНЪ. самого высшаго качества, можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскихъ товаровъ. ГЛАВНОЕ ДЕПО у АЛЕКС. ТИОСЪ и К^о. Р. № 3383 Пушкинская, 4. 5-2

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“. Пишетъ въ три раза быстрѣе пера. Прочной и простой конструкціи. Каталогъ безплат. Многочисленные отзывы отъ желавш. дор., присутств. м., адвокатовъ и пр. Москва, Кузнецкій м. д. Ж. БЛОКЪ, Голицына. Спб., Б. Морская, 21. Р. № 3373

XIX г.
№ 43

г. XIX
1888

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 22 октября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
25 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 20 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ . . . . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Подписка на 1888 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. №№ съ преміями.

П. Н. Полевой.

Петръ Николаевичъ Полевой—сынъ извѣстнаго писателя и журналиста, Н. А. Полевого—родился въ 1839 г. (25 февр.) въ СПб. Первоначальное образованіе получилъ дома и продолжалъ въ гимназій, сначала въ IV (Ларинской), а потомъ въ V-й. По окончаніи гимназическаго курса вступилъ въ университетъ по историко-филологическому факультету и окончилъ курсъ въ 1861 году со степенью кандидата. Главнымъ предметомъ его занятій въ университетѣ было изученіе кельтійскихъ, романскихъ и германскихъ нарѣчій, въ связи съ изученіемъ памятниковъ народной поэзіи славянской и германской. Осенью 1861 г. Полевой опредѣлился на службу учителемъ русскаго языка и словесности въ Новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ, близъ Новгорода, и среди той глуши, въ которой корпусъ находился, написалъ свою магистерскую диссертацию. Въ 1864 году онъ получалъ степень магистра русскаго словесно-

П. Н. Полевой. Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

сти и поступилъ приватъ-доцентомъ въ С.-Петербургскій университетъ. Отсюда онъ былъ отправленъ доцентомъ на ту же кафедру въ новооткрытый университетъ Новороссійскій (въ Одессѣ); а затѣмъ, по предложенію Министерства, перешелъ ординарнымъ профессоромъ на кафедру русскаго и церковно-славянскаго языка въ Императорскій Варшавскій университетъ. Здѣсь Полевой прослужилъ три года и, въ 1871 г., выйдя въ отставку, исключительно посвятилъ себя издательской и литературной дѣятельности, преимущественно въ области ученой и общеобразовательной. Многія изъ книгъ, изданныхъ П. Н. Полевымъ въ періодъ времени между 1870—1880 гг., имѣли успѣхъ весьма значительный. Особенно понравились публикѣ его роскошно-иллюстрированныя изданія: „Народныя русскія сказки“, „Родные отголоски“ и „Исторія русской литературы“, съ портретами, памятниками, снимками съ рукописей и древними заставками. При появленіи этой кни-

ги, 3,000 экземпляровъ ея разошлись въ три недѣли, и затѣмъ, послѣдовательно, она выдержала еще пять изданій. Послѣ изданія въ свѣтъ „Русской литературы“, П. Н. Полевой, давно уже питавшій сердечное влеченіе къ русской старинѣ, сталъ болѣе и болѣе уклоняться въ область русской исторіи и археологіи. Результатомъ его трудовъ по этой части были изданные имъ „Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта“, обнимающіе древнѣйшій періодъ русской исторіи. На время онъ былъ отвлеченъ отъ своихъ занятій дѣятельностью журнальной (въ теченіе 3½ лѣтъ онъ издавалъ *Живописное Обозрѣніе*); а затѣмъ вновь обратился къ изученію русской старины, и пре-

имущественно XVII вѣка. Съ этою эпохой, богатою красками, типами и чрезвычайнымъ оживленіемъ народной жизни, П. Н. Полевой рѣшился ознакомить русскую публику въ цѣломъ рядѣ историческихъ романовъ. Первый изъ этихъ романовъ „Братья Соперники“—уже извѣстенъ нашимъ читателямъ. Изъ этого романа, замѣтимъ кстати, заимствованъ былъ авторомъ сюжетъ драмы, которая должна явиться въ концѣ нынѣшняго года на русской сценѣ подъ названіемъ „Правительница Софья“. Въ настоящее время П. Н. Полевой занятъ окончательною отдѣлкою большаго романа изъ эпохи Смутаго времени.

Бригадирская внучка.

Московская быль.

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XI.

Неудача молодого офицера, невозможность не только свататься, но даже и познакомиться съ бригадиромъ привела конечно къ тому, что его мать, Анна Ильинишна Козлянинова, явилась снова въ Москву.

Это была женщина уже лѣтъ 60-ти, а на видъ еще старше, слабая и болѣзненная старушка, вѣчно скрипящая, какъ говорятъ про хворающихъ людей. Ея знакомые дивились, да и сама она добродушно удивлялась, что все живетъ и не помираетъ. Вокругъ ея умираютъ здоровые да молодые, а она все на ладанъ дышетъ—и все жива! За послѣднее страшное время мороваго язвы унесла вокругъ старушки тысячи людей, богатыхъ, молодыхъ, здоровыхъ юношей и дѣтей, а ее не тронула, только напугала до полусмерти и заставила еще болѣе посѣдѣть и похирѣть.

Единственный ея сынъ былъ и единственнымъ ея ребенкомъ, но уже отъ третьяго брака. Старушка пережила трехъ мужей. Всѣ трое жаловались, что у нихъ хилая жена, а всѣ трое ушли на тотъ свѣтъ прежде нея.

Старушка добродушно шутила, что не мудрено ей спутаться, какъ себя назвать по фамилии. Четырьмя разными фамиліями называлась она за всю свою жизнь—одною дѣвическою, да тремя мужними.

Первые два брака ея были бездѣтны и только отъ третьяго уже, когда было ей 40 лѣтъ, неожиданно-негаданно родился обожаемый ею Коля.

Трудно было представить себѣ насколько старушка боготворила своего юнаго, красиваго и добраго Колю. Въ особенности услаждалась она мыслью, что его всѣ любятъ... Стало-быть хорошей малый.

Дѣйствительно, Николай Козляниновъ былъ любимцемъ и товарищемъ, и начальства, и сосѣднихъ дворянъ Звенигородскаго уѣзда. Не мало барышень по сосѣдству съ удовольствіемъ пошли бы за него замужъ. Все у него было: и дворянство, и состояніе, и офицерскій мундиръ, и статная фигура, и доброе сердце, и ласковая улыбка, и большіе, будто бархатные, голубые глаза.

Онъ былъ отъ природы чрезвычайно застѣнчивъ, особенно почтителенъ со всѣми и, вообще, какъ-то особенно мягокъ въ обращеніи. Былъ у него одинъ большой недостатокъ, но его никто какъ бы не замѣчалъ. Ни его родная мать, ни друзья, ни знакомые, никто не хотѣлъ его замѣчать, или вѣроятнѣе не могъ замѣтить.

Николай Козляниновъ былъ отъ природы недалекъ умомъ, даже, какъ говорятъ, простоватый малый. Отъ этого природнаго малоумія и происекалъ быть-можетъ его чрезвычайно мирный и тихій нравъ.

— Звѣздъ съ неба не хватаетъ, говорили про него шутоторые,—за то сердце золотое, да и собой красавецъ.

Только разъ, въ самый разгаръ чумы, начальникъ всего кордона и всѣхъ рогатокъ, расположенныхъ на сѣверъ отъ столицы, чтобы не пропустить чуму въ Петербургъ, — полковникъ, графъ Брюссъ, посудилъ Козлянинова прямо и откровенно.

— Вотъ дуракъ-то отчаянный... повторялъ Брюссъ, сносись по дѣламъ службы съ молодымъ офицеромъ.— Что ни укажешь — все перевертеть... Отпѣтый дуракъ!..

Эта оцѣнка начальника, человѣка добраго и справедливаго, нѣсколько озадачила молодого офицера, когда онъ о ней узналъ. И Козляниновъ добродушно сталъ самъ себя спрашивать:

— А ну, какъ я и впрямь отпѣтый дуракъ?.. Отчего же прежде, ни матушка, ни друзья-пріятели этого не замѣчали?

Теперь, когда страшное моровое повѣтріе прекратилось, все стихло, только говоръ народный да рассказы были остались отъ страшныхъ дней — всѣ дѣятели времени чумы получили повышение и награды, начиная отъ сенатора генерала Еропкина и кончая послѣднимъ сержантомъ. Лишь Козляниновъ въ числѣ немногихъ не получилъ никакой награды. Это его сначала нѣсколько опечалило. Старушка-мать рѣшила, что это все произошло отъ зависти и недоброжелательства враговъ.

А между тѣмъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей чумныхъ дней, тотъ же графъ Брюссъ, часто теперь вспоминалъ въ Петербургѣ:

— Былъ у меня, въ чуму на Москвѣ, подъ командой одинъ прапоръ, изъ себя видный и малый сердечный. Гдѣ его съ командой ни поставишь кордономъ — такъ смотришь черезъ недѣлю матушка-чума уже и перелѣзла дальше. И опять раздвигай кордонъ шире и захватывай мѣсто куда она перелѣзла. Четыре раза перемѣнялъ я его и гонялъ съ одного мѣста на другое. Разъ поставилъ кордономъ вдоль берега широкой Оки, авось, думаю, здѣсь мой отпѣтый дуракъ вмѣстѣ съ рѣкой чуму уберегутъ и не пропустятъ... Анъ нѣтъ! Не прошло двухъ недѣль, какъ разъ насупротивъ его стоянія, за рѣкой, въ деревушкѣ объявилась гостя и пошла народъ морить. И тутъ не уберечь! Даль сударынь-чумѣ черезъ рѣчку перескочить или переплыть.

Вотъ этотъ-то самый, по мнѣнью графа Брюсса, отпѣтый дуракъ, если не былъ годенъ для государственной службы, то во всякомъ случаѣ могъ быть годнымъ семьяниномъ и гражданиномъ.

Теперь, въ Москвѣ, Козляниновъ испугался, узнавъ что его возлюбленная въ домѣ бригадира-дѣда.

Смутное предчувствіе сказало ему что онъ болѣе не женихъ. И дѣйствительно, послѣ перваго же свиданія съ няней Ариной Матвѣевной, Козляниновъ увидѣлъ, что ему приходится бросить мысль о женитбѣ.

Окончательно не зная, что дѣлать и съ какого конца взяться чтобы умиловитъ гордаго бригадира, молодой человѣкъ рѣшилъ вызвать въ Москву свою старуху-мать. Ей, какъ женщинѣ, да еще старухѣ, было легче дѣйствовать въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ сватовство.

Анна Ильинишна, старѣвшая не по днямъ, а по часамъ, была послѣ всѣхъ тревоженій, путешествій и „бѣгавій“ отъ чумы еще дряхлѣе на видъ. Хотя и черезъ силу, но она тотчасъ двинулась въ Москву и

почевавъ два раза на разстояніи семидесяти верстъ, прибыла къ сыну на помощь.

Старушка сначала не могла въ толкъ взять отчего „такое помѣшательство“ приключилось, отчего бригадиръ Филисовъ ушорствуетъ не только согласіемъ на бракъ впучки, но даже горделиво отозвался, что и знакомиться не желаетъ.

— Да ничего ты худого въ Москвѣ не учинилъ? спросила она наконецъ сына съ тревогой.

Молодой человѣкъ даже сразу и не понялъ вопроса старухи.

— Не вышло-ли у тебя или не приключилось-ли какое срамное обстоятельство, которое дошло до ушей бригадира и сдѣлало его нашимъ супротивникомъ?

— Что вы, матушка, Господь съ вами...

— Ну не оклеветали-ли тебя, не очернили-ли въ его мысляхъ къ тебѣ? Въ столицѣ люди злы...

— Кому-же было клеветать? Нѣтъ, не думаю. А просто не хочетъ онъ выдавать за меня Клѣну.

— Отчего? Чѣмъ ты ей не женихъ? Лучше тебя и сыскать нельзя. Днемъ съ огнемъ не найдешь!

— Желаетъ онъ видно сосватать Клѣну за какого-либо именитаго человѣка, сановнаго и богатаго, за полковника что-ли... Я почему знаю... А не хочетъ онъ меня—и все тутъ.

— Удивительно, развела руками Козлянинова.— Попробую, да попытаю я сама—можетъ вся притча и разъяснится.

XII.

Козляниновы прежде всего наняли небольшое, но приличное помѣщеніе на Моховой улицѣ. Ни старуха, ни офицеръ понятія не имѣли о томъ, что первый этотъ шагъ—былъ уже промахъ. На Моховой не жило ни единого дворянина, ибо по близости протекала мутная и вонючая Неглинка и близъ ихъ квартиры торчали двѣ мукомольныя мельницы. Козляниновы не чули, что бригадиръ, когда узнаетъ объ кварталѣ гдѣ они поселились, назоветъ офицера „женихомъ съ болота“.

Въ новую квартиру прибыло изъ деревни полдюжины дворовыхъ людей, которыхъ пришлось тотчасъ „обшивать“. У кого изъ нихъ былъ кафтанъ „дранъ-раздранъ“, у кого сапоги „каши просили“. У другаго шанки не было „ни самомалѣйшей“, ибо дома онъ шлыкомъ обходился или гололобый бѣгалъ. У третьяго совсѣмъ ничего не было. Синія рубаха, да тулупъ! А какой-же дворовый человѣкъ—въ овчинѣ ходить! Столичные люди осмѣютъ.

Послѣ дворни и „обшивки“ ея явились многія другія хлопоты и траты. У самой Анны Ильинишны городской салонъ оказался двухъ цвѣтовъ. Правая сторона лиловая, а лѣвая полѣ и полъ-спины—будто бланжевыя. Матерія не выдержала и полиняла. Вѣроятно она готовилась служить вѣрой и правдой лѣтъ пятнадцать, а пришлось служить и всѣ сорокъ лѣтъ. Когда Анна Ильинишна была дѣвицей-невѣстой, салонъ былъ одноцвѣтный. Она это хорошо помнила. Вѣдь онъ былъ темно-лиловый...

— Удивительно! говорила она теперь, качая головой.

— Полинялъ, матушка, шутка-ли сколько ему, обьяснялъ сынъ смѣясь.

— То-то полинялъ. Обманщикъ шнѣ кунецъ сталъ! наровитъ всякаго надѣвомъ взять.

— Не вывѣ матушка... А тогда, когда его покупали или шили... А вывѣшнѣ купцы тутъ не при чемъ! шутить Козляниновъ.—Такъ-ли, этакъ-ли,—а нуженъ вамъ новый салонъ. Въ этакое ѣхать къ бригадиру—избави Боже! Здѣсь Москва!

Старушка, волей-неволей и скрѣпя сердце, занялась парядами. Помимо новой покрышки на салонъ, пришлось и платье новое шить, которое щеголиха-портниха посоветовала и взялась шить изъ новой, самой всѣмъ любезной матеріи... Козлянинова называла эту матерію

по своему и никакъ не могла запомнить ея настоящее заморское названіе... Старуха ахала и въ себя не могла прийти отъ того новаго положенія, въ какое попала.

— Вотъ до чего дожила! До некушешія людей! Надо не вывѣ—завтра въ гробъ ложиться, а я себѣ платье изъ „горлатѹра“ шью... Одинъ грѣхъ!

Иногда-же Козлянинова называла матерію и совсѣмъ по своему...

— Какъ только мое платье изъ „горлодѣра“ пошебѣтъ, такъ тотчасъ поѣду свахой отъ тебя къ гордецу Никитскому. Не пошебѣтъ онъ намъ отказать...

Наконецъ самая большая трата, на которую приходилось Козляниновымъ рѣшиться, была покупка кареты. Не только для барыни-помѣщицы, дворянки и старухи, нужна была въ Москвѣ своя карета-рыдванъ, но даже послѣдній, почти неимущій чиновникъ „рябчикъ“ или прапорщикъ, если только онъ былъ изъ столовыхъ дворянъ, долженствовалъ имѣть карету какую-бы то ни было.

„Дворянину нѣшкомъ ходить по городу не приличествуетъ! Дворянинъ, да пѣшій!“

Эти слова говорились стариками въ поученіе и какъ благой совѣтъ молодымъ людямъ, сынамъ и внукамъ, которые уже начинали понемногу рѣшаться на подобный соблазнъ для жителей.

„Дворянинъ, да пѣшій!“ звучало имъ во слѣдъ съ укоризной.

Большая карета желтая съ голубымъ чехломъ на козлахъ—появилась тоже у Козляниновыхъ.

Жаль было старухѣ денегъ! Но когда рыдванъ, величественно качаясь на своихъ стоячихъ рессорахъ—якобы корабль на волнахъ морскихъ—появился громахая на дворѣ, то старушка ясною улыбкой встрѣтила экинажъ...

— Никогда намъ твой Никитскій не откажетъ! произнесла она увѣренно, обращаясь къ сыну.

„Развѣ можно не отдать за молодца дѣвицу замужъ, когда его мать во мнѣ вѣдетъ на дворъ!“ будто сказалъ старухкѣ этотъ желтый рыдванъ.

Разумѣется, къ каретѣ понадобился и цугъ лошадей, но онѣ нашлись по счастью въ деревнѣ. Хотя цугъ былъ разномастный, но кони были не въ примѣръ столичнымъ, сытые и шустрые, тогда какъ въ Москвѣ на десятокъ цуговъ болѣе половины были изъ коней заморенныхъ. Бѣдный дворянинъ, держа и гоняя свой цугъ, исполнялъ строгій обычай, а не франтить. Если лошади были толщи отъ худого корма и гоньбы, то иной владѣлецъ ихъ и самъ бывалъ не всегда накушавшись вполтнью, а если и сытъ, то въ гостяхъ.

По мѣрѣ того что всѣ хлопоты и заботы, всѣ обмены и затраты приходили къ концу и приближался роковой день поѣздки старухи къ бригадиру, Анна Ильинишна болѣе робѣла и трусила.

— Вѣдь и мы дворяне столовые! Царю Ивану Васильевичу твоей дѣдъ правду въ глаза рѣзалъ! говорила старуха сыну вдругъ, безъ всякаго вопроса съ его стороны, и тѣмъ какъ-бы выдавала свою тайную робость, свои опасенія и тревогу души.

— Я по дѣвичеству генеральская дочка! говорила старуха въ другой разъ, забывая, что при ея рожденіи генераловъ на Руси еще не существовало, за исключеніемъ нѣсколькихъ, да и то больше заморскихъ, изъ любимцевъ Великаго Петра.

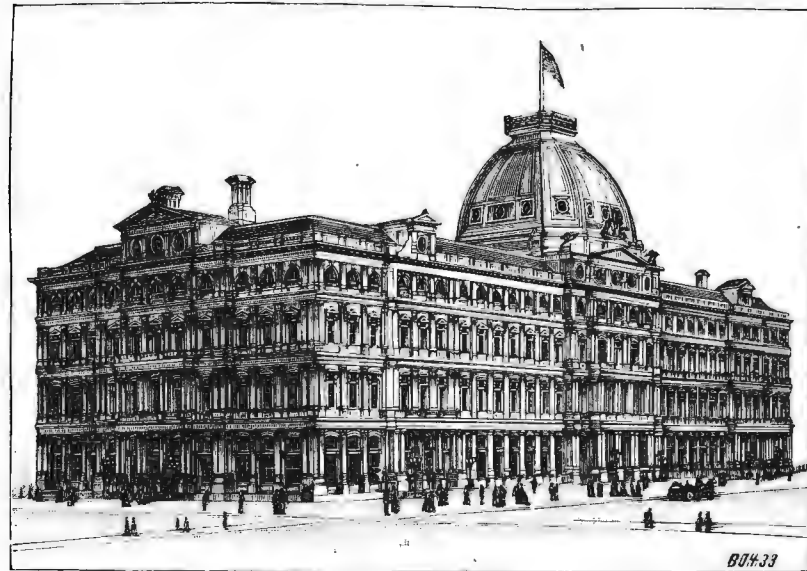
Внутренняя тревога и сомнѣніе въ успѣхѣ въ теченіе многихъ дней привели къ тому, что когда карета, цугъ коней, кафтаны и ливреи людей, новый лиловый салонъ и платье изъ „горлодѣра“ были готовы, старуха не выдержала и слегла въ постель. Она ничѣмъ не болѣла, но встать не могла и лежала, говори сыну:

— Что Филисовы, что Козляниновы—все едно. Тѣ-же дворяне!

1) Коллегія Джирарда. 2) Восточная тюрьма. 3) Почтамтъ. 4) Храмъ масоновъ. Общій видъ Филадельфiи. 5) Казенныя зданія. 6) Станція Пенсильванской жел. дор. 7) Рѣка Шуилкиллъ.

Новое зданіе почтамта.

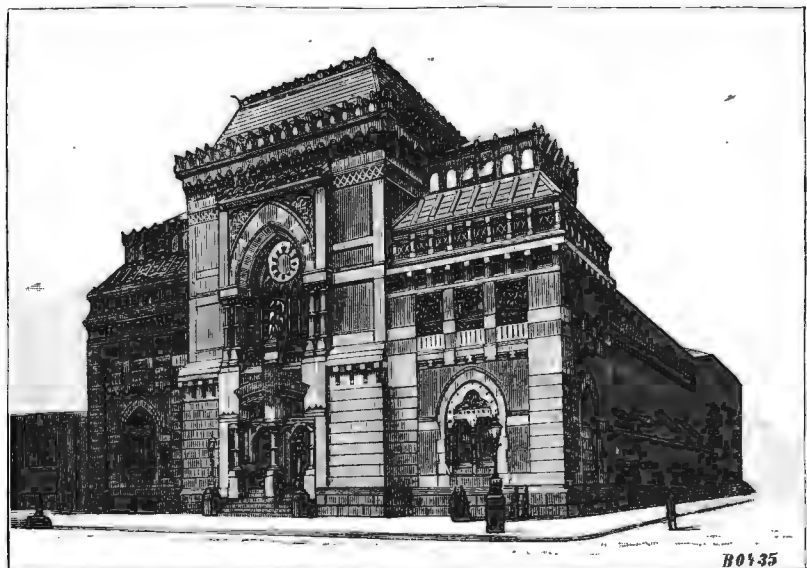
Рыночная улица (востокъ).

Широкая улица (Бродвей) (югъ).

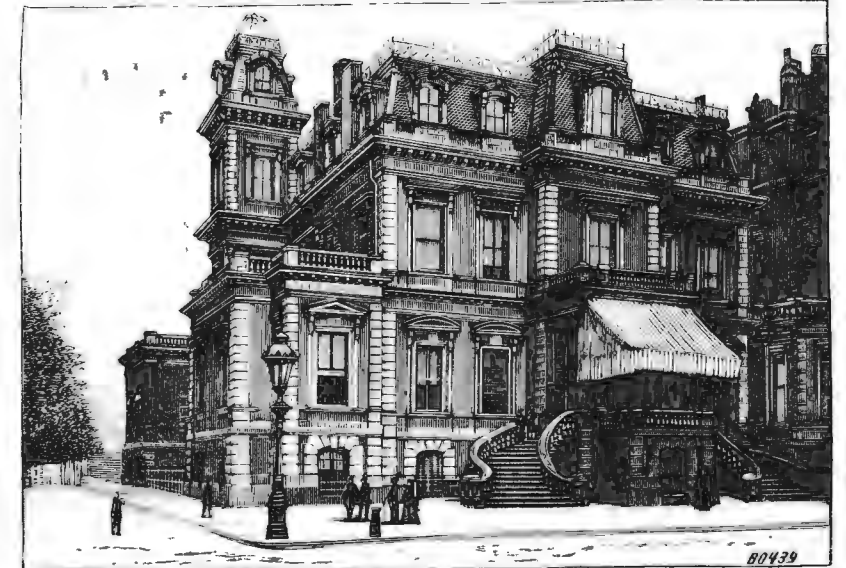
Академія музыки (консерваторія).

Академія художествъ.

Новыя присутственныя мѣста на Бродвей и рыночной улицѣ.
По Новому Свѣту. Виды города Филадельфiи въ С.-Американскихъ Штатахъ.

Зданіе Союзной лиги.

Наконецъ, однажды, въ воскресный день, барыня Анна Ильинишна, помолясь усердно въ приходѣ за обѣдней, рѣшилась ѣхать къ „Никитскому“ боярину, какъ называла она Филисова.

Съ той минуты что Козлянинова въѣхала во дворъ дома бригадира и объ ней побѣжали доложить, и до той минуты, что старушка, посаживаемая четырьмя лакеями, снова сѣла въ свой рыдванъ—время показалось ей и мигомъ, и вѣкомъ. Все что собственно произошло и было говорено и бригадиромъ, и ею—все заволокло какимъ-то туманомъ.

Плотный, высокій, суровый лицомъ хозяинъ съ сѣдыми, тоньрищимися, какъ усы, бровями, встрѣтилъ гостью поспѣшно и любезно въ залѣ, проводилъ въ диванную и усадилъ. Онъ былъ чрезвычайно почтителенъ и привѣтливъ.

Анна Ильинишна объявила, что слышала отъ знакомыхъ и родственниковъ, что бригадиръ продаетъ вотчину въ сорокъ душъ... Ей-бы очень желательно было узнать всѣ подробности, какъ и что?.. Бригадиръ, ухмыляясь, заявилъ, что ничего не продаетъ, но знакомству радъ... Старуха стала говорить о томъ, что имѣтъ сына-офицера, что молодымъ людямъ надо жениться рано, скорѣе „степенство“ придетъ.

— А то бѣда! сказала она.—Холостая жизнь погубительная... Такъ-ли, государь мой?

— Истинно! отозвался бригадиръ.

Описавъ подробно свои обстоятельства, знакомыхъ и жизнь въ Звенигородѣ, даже описавъ свое троекратное вдовство, Козлянинова рѣшилась спросить заикаясь: былъ-ли бригадиръ женатъ и имѣтъ-ли дѣтей...

— Былъ и имѣлъ! кратко отозвался Филисовъ.

— Были? переспросила старушка.—Овдовѣли...

Бригадиръ молча наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— А дѣти ваши?

— Теперь никого, сударыня, нѣтъ, кромѣ дѣвицы-внуки, однозвучно произнесъ бригадиръ, будто говоря: „тебѣ это нужно, ну такъ—вотъ!“

— Это очень утѣшительно, приятно, сказала старуха.

— Что? Дѣтей потерять?

— Какъ то-ись? не поняла Анна Ильинишна придирки хозяина, но тотчасъ прибавила вопросомъ:

— Дѣвица-невѣста?

— Да-съ! на возрастѣ.

— Замужъ пора...

— Нѣтъ, еще не пора! отрѣзалъ бригадиръ.

— Отчего-же?..

— Жениховъ нѣтъ! опять отрѣзалъ бригадиръ.

— Въ Москвѣ... да нѣтъ жениховъ... стараясь хитрить, вымолвила Козлянинова, изображая удивленіе и лицомъ, и голосомъ.

— Въ Москвѣ-то ихъ, сударыня, непочатой уголь, но для внуки моей ни единого нѣтъ.

Бригадиръ произнесъ эти слова такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Анна Ильинишна не знала, какъ продолжать бесѣду. Но вдругъ счастливая мысль пришла ей на умъ.

— Очень-бы желала я спознакомиться съ вашей дѣвицей! сказала она.

— Вы уже, сударыня, знакомы съ ней... насколько мнѣ извѣстно, сказалъ бригадиръ.

Слова эти какъ громомъ поразили старуху... Она совсемъ растерялась... До сихъ поръ все еще шло хорошо, какъ подобаетъ въ щекотливыхъ обстоятельствахъ. Она глаза отводила бригадиру и бесѣдовала „обинякомъ“. Онъ тоже, какъ водится, не выводилъ ничего „на чистоту“. Дѣло какъ будто шло на ладъ и какъ по маслу. И вдругъ сразу бухнулъ онъ такое слово, что все зданіе, сооруженное старухой, будто рухнуло и рассыпалось...

Анна Ильинишна оторопѣла, съ трудомъ переводила дыханіе и не знала совершенно, что дѣлать и что сказать.

„На чистоту хватить“, повторила она мысленно. „Что-жь теперь?..“

Она собиралась было сейчасъ „обинякомъ“ знакомиться съ Клѣной, которая придетъ въ диванную, а онъ говоритъ, что онѣ уже знакомы!..

Старушка окончательно потерялась и не знала, какъ поступить и что дѣлать. Бригадиръ досталъ табакерку изъ кармана и подавая спасъ гостью однимъ словомъ, сказаннымъ привѣтливо:

— Нюхать не изволите?..

— Бросила... Бросила! оживилась Козлянинова, находя предметъ для бесѣды...

Бригадиръ сталъ черезчуръ весело, смѣясь, доказывать, что нюхательный табакъ великое изобрѣтеніе для рода человѣческаго, безъ котораго была-бы суцная тоска жить на свѣтѣ.

Съ этой минуты бригадиръ, удивительно разболтавшись и какъ-то чудно усмѣхаясь, не далъ Аннѣ Ильинишнѣ произнести ни единого слова. Три раза старушка разѣвала ротъ чтобы снова начать „обинякомъ“ бесѣду объ дѣвицѣ-внуцѣ... Но бригадиръ повѣствоваль ей о Москвѣ, объ Иванѣ Великомъ, объ Иванѣ Грозномъ, объ Иванѣ дурачкѣ, о чумѣ, о Туркѣ, о галерномъ флотѣ, о путешествіи господина Телемака, которое совершенно было имъ болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ.

— И что вы! Господь съ вами! сообразила старуха.— И съ Рождества Христова двухъ тысячъ годовъ не прошло.

— Оный Телемакъ, царскій сынъ, жилъ еще до Рождества Христова.

— И полноте грѣшнить! Нешто это возможно! ахнула Козлянинова.

Бригадиръ громко разсмѣялся и опять заболталъ вселюкую околесную.

И густымъ, непроницаемымъ туманомъ заволокло мысли старушки. Она сидѣла какъ ошьянѣлая и въ глазахъ ея начало рябитъ и тоже все путалось, и прыгало, и гудѣло. И сынъ, и турки, и Иванъ Великій, и Клѣна, и Телемакъ, и галерный флотъ...

И невѣдомо какъ, будто чудомъ какимъ, вдругъ очутилась Анна Ильинишна въ своемъ рыдванѣ и уже ѣхала домой. А какъ очутилась, она почти и не знала... Встали, помнится, они съ мѣстъ своихъ, посмотрѣть цвѣты заморскіе въ горшкахъ, что стояли на окнахъ залы... А послѣ осмотра какихъ-то розановъ очутились въ передней. А здѣсь ея лакеи, какъ только завидѣли барыню, бросились къ ней, накинули на нее новый салопъ. А бригадиръ все ее привѣтливо провожалъ, въ передней даже помогаль одѣться, даже самъ приказаль карету поближе къ крыльцу подать.

По мѣрѣ того что старушка ѣхала домой, туманъ сгущался въ ея мысляхъ... Вышло что-то такое путаное, безъ начала и безъ конца... Или будто задавилъ ее звѣрь какой безъ головы и безъ хвоста.

— Ну что? Что матушка? Что? встрѣтилъ старуху сынъ на подъѣздѣ.

— Да ничего... Съѣздила!.. отозвалась Анна Ильинишна, входя въ домъ.

Козляниновъ быстро освободилъ мать отъ салона, теплой шляпы, платка и всякой всячины, провелъ въ гостиную, усадилъ и уже нетерпѣливо спросилъ:

— Ну-съ... Ну-съ... Что-же?

— Да ничего!

— Какъ ничего!?

— Все слава Богу.

— Видѣлись съ Клѣной?

— Нѣтъ...

Не скоро, при помощи всякихъ и многихъ разспросовъ, но наконецъ молодой человѣкъ вполне понялъ къ чему привела поѣздка матери къ бригадиру.

XIII.

Объщаніе „сестрицы“ своему сожителю повліять на влучку и „разговорить“ ее, заставило Толбухину готовиться и собираться съ мыслями ради пущей удачи.

Въ день посѣщенія Козляниновой, Марья Евграфовна и за столомъ, и послѣ обѣда, была особенно ласкова со внучкой. Въ сумерки онѣ вмѣстѣ поѣхали ко всенощной, а вечеромъ Толбухина долго разсуждала съ Клѣной объ шитьѣ ей новаго платья къ праздникамъ. Это было предисловіемъ или вступленіемъ, которое Толбухина мысленно назвала: avant-propos. Но о дѣлѣ, по порученію бригадира, она не проронила со внучкой ни слова.

Толбухина, умственно приготавливаясь къ походу на внучку, обдумывала каждое слово предстоящей рѣчи, или лучше сказать своей проповѣди внучкѣ. Эта правоучительная и убѣдительная проповѣдь должна была подѣйствовать, по ея мнѣнію, на Клѣну настолько сильно, чтобы дѣвушка сама отказалась отъ всякой мысли собираться замужъ за своего возлюбленнаго.

Цѣль Толбухиной заключалась не въ томъ чтобы подготовить Клѣну къ противодѣйствію со стороны дѣда, а именно въ томъ, чтобы все обошлось и уладилось какъ бы по желанію самой дѣвушки. Впрочемъ, она сочиняла свою рѣчь, приготавливаясь говорить, и больше думала о томъ какое впечатлѣніе внѣшнее произведетъ ея красивая рѣчь, чѣмъ о послѣдствіяхъ ея. Лишь бы красиво вышло, умно, игриво, однимъ словомъ красно; а убѣдить-ли она внучку или нѣтъ, объ этомъ Толбухина какъ будто не заботилась. Ужъ очень она любила свое искусство словоизверженія.

На другой день, конечно, около полудня, въ горницахъ Клѣны, которыя помѣщались наверху въ мезонинѣ и окнами выходили въ занесенный сугробами садъ, появилась Марья Евграфовна. Видъ у нея былъ особенно торжественный; лицо улыбалось пріятливо, но глаза смотрѣли многозначительно и загадочно. Даже костюмъ на ней былъ не простой, будничной, и поверхъ платья изъ драдедама была накинута цѣнная бѣлая турецкая шаль, которую она когда-то получила еще въ приданое, при выходѣ замужъ за своего, нынѣ безвѣстно пропадающаго мужа.

При видѣ бабушки, Клѣна даже оторопѣла и смутилась. Если бы бабушка собиралась выѣхать вмѣстѣ съ нею, то предупредила бы ее; и она тоже бы одѣлась. Очевидно, что Марья Евграфовна разрядилась для какого-то особеннаго выѣзда. Но зачѣмъ тогда лѣзть къ ней на вышку по крутой лѣстницѣ? Толбухина вообще крайне рѣдко заглядывала въ горницы внучки, а въ парадномъ туалетѣ — ея появленіе было уже чрезвычайнымъ происшествіемъ.

Войдя въ горницу, Марья Евграфовна, хотя уже видѣлась поутру съ внучкой, снова торжественно расцѣловалась съ нею и прибавила:

— Я къ тебѣ. Въ гости. Сядемъ, побесѣдуемъ о важномъ дѣлѣ.

Марья Евграфовна сѣла въ большомъ креслѣ, но не оперлась на спинку, а какъ бывало всегда, выпрямилась, сложила руки на колѣняхъ и, немножко закинувъ голову назадъ, пріятливо-торжественно смотрѣла на внучку.

Въ этой позѣ пріодѣтая Марья Евграфовна была еще очень недурна собою; слѣды прежней красоты еще не исчезли и теперь ясно сказывались. Вздернутый вверхъ подбородокъ правильныхъ очертаній открывалъ красивую полную шею, вокругъ которой лежало бѣлое тюлевое монисто. У Толбухиной еще не было морщинъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ маленькихъ на лбу и на вискахъ, которыя какъ питочки проходили по ровной чистой кожѣ ея бѣлаго лица. Большіе каріе глаза съ слегка опущенными вѣками, когда она закидывала голову, и какъ бы слегка прищуренные придавали ея фигурѣ почтенно-кокетливый видъ.

Всякій, кто въ такую минуту поглядѣлъ бы на сестрицу бригадира, „соломенную“ вдову, понялъ бы какъ легко было бригадиру двадцать лѣтъ тому назадъ подпасть подъ полную зависимость къ этой женщинѣ и до сей поры оставаться ей вѣрнымъ. Хотя и была она ему двоюродной сестрою, но будь она женою не пропадающаго, а умершаго человѣка, то быть-можетъ, съ разрѣшенія архіерейскаго, Марья Евграфовна называлась бы теперь бригадиршей Филисовой.

Клѣна, усѣвшаяся противъ Марьи Евграфовны, невольно засмотрѣлась на нее и вымолвила наивно:

— Какая вы, бабушка, еще красивал! Какъ принарядитесь — просто прелесть!.. Краше иной молодой.

Марья Евграфовна, видимо польщенная, улыбнулась, и два ряда диковинно сохранившихся зубовъ заблестѣли какъ жемчугъ.

— Удивительно!.. проговорила полупешотомъ Клѣна, какъ бы себѣ самой.

— Я къ тебѣ, внучка, по дѣлу пришла. Хотя я, какъ ты говоришь, молода на видѣ, но духомъ я старая старуха и старше меня по духу не найдешь ты во всей столицѣ. Послушай меня, внемли всѣмъ сердцемъ и всѣмъ разумомъ своимъ тѣмъ рѣчамъ, которыя я поведаю, ради разъясненія тебѣ, ради уразумѣнія тобою, того священнаго долга, коимъ ты обязалась передъ своимъ дѣдомъ, переступивъ порогъ очага его семейнаго. Вѣдаешь ли ты, моя милая, и понимаешь-ли ты всю святость тѣхъ обязанностей, кои, такъ сказать, еще съ сотворенія міра Господь опредѣлилъ, указавъ людямъ...

Толбухина зашнуровалась и передохнула.

Въ это время раздался тяжелый вздохъ въ углу горницы. Марья Евграфовна быстро обернулась.

Тамъ, сгорбившись, опершись на колѣни локтями и уставивъ на барыню умные глаза, сидѣла Арина Матвѣвна.

Няня, слышавшая весь приступъ къ проповѣди бабушки, невольно прошептала:

— Ну, начала отчитывать!.. И при этомъ она вздохнула.

Слова не долетѣли до слуха Толбухиной, но тяжелый, непритворный и краснорѣчивый вздохъ достигъ до нея.

Толбухина кротко обратилась къ ней и выговорила:

— Ну, Арина Матвѣвна, тебѣ не слѣдъ меня слушать. Ты выйди, побудь тамъ гдѣ, а когда я поговорю съ внучкой — тогда можешь вернуться.

Много на это могла бы отвѣтить Арина Матвѣвна, которая для Клѣны за всю ея жизнь значила больше чѣмъ родная мать. Но умная женщина никогда, ни единымъ словомъ не противорѣчила барынѣ. И теперь, пи слова не вымолвивъ, няня покопалась умышленно въ вещахъ, потомъ послушно пошла изъ горницы, но успѣла украдкой глянуть раза три на дѣвушку. И глаза ея сказали Клѣнѣ:

„Пуцай! Что-жь? На вороту не повиснетъ. Полаеть, а вѣтеръ унесетъ.“

Слишкомъ знали другъ друга женщина-мамка и ея дорогое дитятко чтобы въ секунду, только глянувъ другъ другу въ глаза, не перемолвиться краснорѣчивыми взглядами.

На многозначительный взглядъ Арины Матвѣвны Клѣна своимъ тревожнымъ взглядомъ какъ бы отвѣтила нянѣ:

„Тутъ чѣмъ - то пахнетъ... Она пришла не спрастай!“

„Такъ смотри, берегись! Сѣмъ-ѣй защититъ себя и даромъ не сдавайся!“ какъ бы отозвалась няня.

И сразу волшебствомъ набралась Клѣна храбрости въ добрыхъ и любящихъ глазахъ обожаемой няни.

Послѣдствіемъ этого было то, что когда Арина Матвѣвна скрылась за дверь, то Клѣна сидѣла передъ

бабушкой уже не смущенная, и хотя немного тревожная, но не боявшаяся того, что она услышит.

Марья Евграфовна снова заговорила, и такъ какъ она начала съ сотворенія міра, то долго звучать ей голосъ въ горницѣ, произноси пропасть словъ очень длинныхъ и замысловатыхъ, которыхъ Клѣна даже не понимала, хотя чувала, что это были русскія слова, а не заморскія.

Но скоро рѣчь бабушки стала приближаться къ чему-то хорошо понятному Клѣнѣ и близкому, къ чему-то, что она оберегала въ сердцѣ своемъ отъ всякаго чужаго глаза и чужаго слова.

Понемногу Клѣна начинала чувствовать, что рѣчь заходитъ о томъ, что ей дороже всего въ мірѣ. Ей стало казаться, что эта сладкая бабушкина рѣчь приближается къ этому сердечному ея сокровищу, какъ волкъ среди ночи мягко и беззвучно приближается къ мѣсту, гдѣ сейчасъ будетъ у него жертва, раздается стонъ и прольется на свѣтъ алая кровь.

Клѣна сидѣла уже оробѣвшая и румяная, хотя имя „его“ еще не было произнесено. Она уже не слушала бабушки и не понимала что та говоритъ. Голосъ Толбухиной звучалъ въ горницѣ, какъ журчитъ ручей, безъ смысла и безъ перерыва, а Клѣна слушала не ручей, а самое себя, слушала то, что происходило у нея на душѣ. И слышала она только одинъ вопросъ, который въ тысячный разъ повторяло ей ея собственное сердце: — Что ей отвѣчать?.. Что отвѣчать?

Наконецъ голосъ Марьи Евграфовны оборвался. Въ компанѣ стало тихо. Клѣна пришла въ себя и увидѣла, что бабушка вопросительно глядитъ на нее и какъ бы ждетъ отвѣта.

— Что же?.. произнесла Марья Евграфовна.

— Что?.. совершенно робѣя повторила Клѣна.

— Скажи же мнѣ, что я спрашиваю.

Клѣна не знала, что бабушка спрашиваетъ, по на ея счастье порывъ краснорѣчія еще не прошелъ совсемъ и Марья Евграфовна вновь торжественно, но и съ чувствомъ повторила то, чего не слышала внучка.

— Предпочтешь-ли ты, спрашиваю я, изъ родной семьи идти въ чужую, мужнину, изъ богатства въ бѣдность, и жить всю свою жизнь безъ благословенія, если не родительскаго, то тѣхъ, кто замѣняютъ тебѣ покойныхъ родителей?..

У Клѣны, которая еще недавно пользовалась полною свободой, не могло теперь сорваться съ языка отъ смущенія слово „нѣтъ“, т. е. не могло сорваться слово согласія. Но съ другой стороны у нея не хватило духу сказать рѣзко и прямо этой привѣтливой бабушкѣ, что она способна на такой поступокъ, который та порочитъ и казнить. И среди наступившей тишины Клѣна выговорила откровенно и прямо, даже простоудушно:

— Я, бабушка, право не знаю.

Марья Евграфовна, обдумывавшая въ эту минуту свою, уже сказанную рѣчь, сознавалась про себя:

„А хорошо я все это описала и разъяснила.“

Слова внучки въ отвѣтъ на эту рѣчь какъ бы разбудили ее.

— Что ты говоришь? произнесла она, и красивое лицо ея омрачилось сразу.

— Не знаю... повторила Клѣна просто.

— Какъ!.. Ты полагаешь возможнымъ выйти замужъ за кого-либо безъ согласія твоего дѣдушки, который тебя любитъ, который тебя, круглую сироту, принялъ въ домъ!.. Что ты! Опомнись!.. Я кажется достаточно пояснила тебѣ какой великій и тяжкій грѣхъ неповиновеніе родителямъ или лицамъ, вмѣсто ихъ посланнымъ Богомъ. Ну, да, впрочемъ, что жь тутъ разсуждать издалека... Давай говорить попросту: много-ли ты знаешь этого прапора Козлятинова? Небось какое у него прозвище смѣхотворное — таковъ онъ и весь... А

состоянье самое маленькое, едва хватающее на одежду приличную.

Зачѣмъ Толбухина, подражая бригадиру, умышленно коверкала фамилію офицера, она сама не знала.

А между тѣмъ этотъ пустякъ оказался важнымъ обстоятельствомъ. Клѣна вспыхнула, обидясь за своего возлюбленнаго.

— Фамилія его, бабушка, Козлятиновъ. Старинная дворянская. Не хуже нашей... А вотчина у нихъ въ Звенигородѣ. Какая, не вѣдаю... А сказываютъ—иждивеніе достаточное. А каковъ онъ изъ себя, вы, бабушка, судить не можете, потому что вы не пожелали его видѣть. Повидаете его и, право, божусь я вамъ, измѣните свои мысли.

И въ голосъ Клѣны вдругъ зазвучало нѣчто, о чемъ Толбухина не имѣла никакого понятія: зазвучалъ нравъ, свой, дѣвичій, хоть бы и ребяческій, но все-таки нравъ, которому препятствовать будетъ нѣсколько мудрено.

Оказывалось ясно, что вся длинная и красная рѣчь Марьи Евграфовны была на этотъ разъ что обѣ стѣну горохъ.

Толбухина задумалась и долго молчала.

— Слушай, внучка, вновь заговорила она, — дѣдушка Никита Артемьевичъ никогда не согласится на твой бракъ съ этимъ прапоромъ, потому что, какъ и имѣю нѣкоторые предположенія, — онъ нашель тебѣ достойнаго супруга.

На этотъ разъ Клѣна снова измѣнилась въ лицѣ и стала уже не румяная, какъ нѣсколько мгновеній назадъ, а сидѣла блѣдная и глаза ея сверкали и испугомъ, и гнѣвомъ.

— Чего же ты оробѣла? спросила Толбухина, замѣтивъ перемѣну. — Подумаешь, что я тебѣ сказала, что теби, вотъ, сейчасъ, окрутить, да за кодуна какого стараго замужъ и отдадутъ. Ты не знаешь кого тебѣ могъ дѣдъ выбрать и кто можетъ быть твоимъ нареченнымъ.

— Мнѣ все равно, бабушка, глухо произнесла Клѣна, — кто бы онъ ни былъ, хоть королевичъ заморскій... Мнѣ все равно... Если не Коля — то хоть Сиволдай какой.

— Сиволдай? Что такое?

— Не знаю. Такъ сказывается... Ну, уродъ... Страшилище! Если не Коля Козлятиновъ, мой нареченный, мой любимый, то мнѣ все едино кто... Все едино пропадать!..

— Не благоприличествуетъ, милая моя, чужаго челоуѣка называть ласковымъ именемъ. Онъ тебѣ не Коля, а Николай... и какъ тамъ его по батюшкѣ... Слыхала я — Ивановичъ, кажется.

— Я Колей привыкла его называть... Я такъ называла его еще при жизни покойныхъ родителей. Вамъ няня Ариша можетъ засвидѣтельствовать, что Николай Ивановичъ былъ не только моимъ нареченнымъ, но еслибы не разныя помѣхи и проволочки — то мы бы успѣли еще лѣтомъ повѣнчаться при жизни моихъ родителей.

— Ну, что было, то и будемъ поросло, голубушка: объ этомъ мы и говорить не будемъ, а будемъ сказывать, что должно быть... Ты нынѣ не на Арбатѣ, въ хибарочкѣ у своихъ неимущихъ родителей, а въ дворянскихъ налатахъ бригадира Филисова, спокойно вразумительно и даже ласково произнесла Толбухина. — Если прежде какой-нибудь ходящій пѣшкомъ прапоръ могъ быть твоимъ нареченнымъ — то теперь ему наши ворота не по пути... Его съ нашего двора въ зашей прогонять.

На глазахъ Клѣны появились слезы и она начала плакать.

— Ты подумай... Нечего плакать, нечего слезы лить... Подумай хорошенько, поразсуди обо всемъ. Разсуди всѣ эти обстоятельства и все, что я тебѣ говорила,

Прелюдія. Съ карт. Кизеля, по фотогр. „Уніонъ“ въ Мюнхенѣ. Библиотека "Руниверс"

почувствуй сердцемъ своимъ все мною тебѣ разъясненное и посмотри—всѣ твои тенерешнія мысли и желанія обернутся тебѣ же самой одной блажью, глупствами. Черезъ сутки ты сама прійдешь ко мнѣ или къ дѣдушкѣ посмѣяться надъ прошлой блажью!..

Въ этихъ словахъ Толбухиной звучала такая увѣренность, что Клѣна стала смотрѣть на бабушку, какъ смотрятъ на людей, въ разсудкѣ которыхъ начинаютъ сомнѣваться...

(Продолженіе будетъ).

ВѢЧУ НЕ БЫТЬ.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XIV.

Пашкѣ надумался.

Въ срочный день, боясь пропустить назначенный Владыкою часъ, Пашкѣ рано вышелъ изъ дому. Идучи, онъ не столько радовался, сколько понукалъ себя на радость.

„Съ чего-же я не радуюсь?“ дивился онъ на самого себя. „Сегодня-жь увижу Маврушеньку. Навѣкъ ужъ“.

Но какъ ни понукалъ себя парень, настоящей радости въ немъ не было. Сердце словно одеревенѣло, и въ головѣ какъ будто сквозь сонъ шепталось, что никакой ему радости нынче и не будетъ.

Въ заднихъ сѣняхъ у Владыки набралось много всякого народу: и міряне тутъ были, и духовные, и мужчины, и женщины. Пашкѣ, войдя, клалъ крестъ по писаному и вель поклонъ по ученому, на всѣ четыре стороны. Намѣтивъ себѣ мѣстечко неподалеку отъ двери, онъ бережно присѣлъ на лавку и нѣкоторое время просидѣлъ не шевелясь; затѣмъ неторопливо и не безъ робости обвелъ сѣни очами: Маврушеньки не оказалось.

„Рано еще; знать, не привезли“, утѣшалъ онъ себя.

Въ сѣняхъ всѣ вели себя какъ-то опасно; говорили, какъ комарики пожужживали, боясь выйти изъ чиннаго полушепота; переходя съ мѣста, ступали бережно на цыпочки, чинно поскрипывая сапожками; чихали, вздыхали и кашляли съ воздержаніемъ. Порою дюжій дьяконскій голосъ, къ досадѣ своего носителя, прорывался неожиданно, но тутъ-же исчезалъ безслѣдно, словно съ испуга проваливался въ животь. Только двое сѣнныхъ служекъ, уже съ нажитою сѣдиной и чревомъ наѣденнымъ, разговаривали безъ умолку межъ собой, хотя и шепотомъ, но безо всякой чинности, свирѣпо побряхтывая и грубо прихихикивая, не пугаясь и того, когда у нихъ вырывалось громкое слово. На всѣхъ они глядѣли съ такимъ видомъ, какъ-бы думали сказать: „вамъ, болванамъ, знамо, диво во владычныхъ сѣняхъ быть, а мы де люди привычные“.

Молоденькій комнатный служка, выскочивъ отъ Владыки, сталъ среди сѣней, и такимъ-же голосомъ, какъ перебѣгая съ крылоса на крылосъ, выводилъ гласъ „восьмый“ или „второй“, нараспѣвъ выкликнулъ:

— А кто тутъ буде отъ боярина Арбузьева?

При имени Арбузьева, Пашкѣ вздрогнулъ, и увидалъ, что здоровый паробокъ, вставъ съ лавки, направился къ двери. Паробокъ сидѣлъ неподалеку отъ него, и Пашкѣ удивился, какъ онъ его раньше не замѣтилъ. Время, которое паробокъ пробылъ у Владыки, показалось Пашкѣ за вѣкъ. Съ каждой минутой, онъ тревожился все сильнѣе, самъ не зная съ чего, и твердилъ про себя: „не къ добру, не къ добру“. Въ тревогѣ онъ принимался оглядывать сѣни съ тѣмной надеждой увидѣть Маврушеньку, хотя твердо зналъ, что нѣтъ ея въ сѣняхъ.

Вдругъ сквозь чинный полушепотъ въ сѣняхъ, послышался изъ комнаты голосъ Владыки. Онъ грозно возвысился какъ-бы негодуя. Всѣ притихли, даже сѣдатые служки—и тѣ замолчали и, склонивъ на бокъ голову, стали однимъ глазкомъ на дверь поглядывать, точно прислушиваясь не ухомъ, а именно этимъ окомъ.

Голосъ Владыки вскорѣ стихъ, но въ сѣняхъ долго еще всѣ молчали. Пашкѣ, какъ насторожился, такъ и шелохнуться не смѣлъ.

Комнатный служка снова выскочилъ отъ Владыки, и прикланяясь на каждомъ шагу, по обычаю всѣхъ служекъ, быстро подбѣжалъ къ сѣннымъ и шепнулъ имъ какой-то приказъ. Одинъ изъ нихъ, сорвавшись съ лавки, бросился опрометью вонъ изъ сѣней. Хотя подобное случалось и раньше, но на этотъ разъ всѣмъ, и особенно Пашку, оно показалось за нѣчто важное. Ждали чего-то необычайнаго. Вскорѣ служка зашпахавшись вбѣжалъ назадъ въ сѣни, и отворивъ двери, сталъ у нея, взметнувъ глазами во всѣ стороны, точно говоря: „возстаньте молъ“. Покрайности, всѣ такъ поняли его миганье.

Черезъ сѣни проплылъ Владыченъ дьякъ, о чемъ знавшіе его шепнули невѣдавшимъ. На всѣхъ лицахъ, сколько ни было народу въ сѣняхъ, сказалось: „а что-то еще будетъ?“ Дьякъ не долго пробылъ у Владыки и выйдя какъ-то особенно мигнулъ служкѣ, который у дверей стоялъ. Тотъ опять опрометью на крыльцо. Тутъ только замѣтили, что дьякъ не одинъ вышелъ отъ Владыки: сзади, у двери въ комнату, стоялъ Арбузьевскій паробокъ словно ракъ ошпаренный; на лбу у него выступилъ крупный потъ, а онъ и не думалъ отирать его; глаза у паробка были полунотуплены, и онъ какъ будто и хотѣлъ да не смѣлъ поднять ихъ. Служка вернулся съ двумя биричами. Дьякъ властно махнулъ имъ рукой на паробка, и не поворачивая къ нему головы, грозно скосилъ глаза въ его сторону. Биричи подхватили паробка подъ руки.

— Охъ! повели болѣзнаго, вслухъ пожалѣла паробка какая-то вся сморщенная въ комокъ старушенка, да сама до того испугалась своего нечаяннаго слова, что стала глазами по полу шарить, какъ-бы ища щелки, куда ей провалиться.

Пашкѣ не успѣлъ одуматься какъ его кликнули къ Владыкѣ.

— Крѣпись, сыне, сказалъ Владыко, благословивъ парня.—А слушай вѣсть нерадостную.

И онъ пересказалъ Пашкѣ, что Буянъ натвердилъ паробку; только о словѣ клеветномъ на Маврушеньку умолчалъ. Онъ самъ тому не вѣрилъ; давече, именно услышавъ его, возвысилъ свой негодующій голосъ и не хотѣлъ безъ нужды преогорчать огорченнаго.

Пашкѣ потерялся. Ему чудилось, что онъ сейчасъ развалится по кусочкамъ.

— Аль убилъ онъ ее?

— Господу не попускающу, сохранится во здравіи, отвѣчалъ Владыко.—А въ томъ я чайнии, что бояринъ помыслилъ надъ нами надругательство сотворить.

И Владыко сталъ всячески утѣшать Пашкѣ, настаивая его отъ Писанія. Пашкѣ плохо внималъ. Своя дума у него въ головѣ бурлила.

— Зналъ бы, прервалъ онъ на половинѣ поученіе, — не слушался бѣ. Выкралъ бы, какъ сдумалъ допрежь того. А не то всею улицей, на волость-то!.. на-потокъ ¹⁾ взялъ бы. Да и сожгли бѣ еще.

Владыко грустно покачалъ головою, но не тотчасъ оговорилъ гнѣвное слово, помня реченіе Сирахово: „есть молчай, не имать бо отвѣта: и есть молчай вѣдый время“.

— Что жъ мы, Владыко, теперь, аль на судъ его?

¹⁾ Потокъ — разграбленіе.

— Да вѣдь вовсе же онъ на Москву отъѣхалъ, государю великому князю служить.

Пашко посмотрѣлъ на Владыку мутными глазами.

— Аль правды на него вовсе нѣтъ? вскричалъ онъ.

Владыко не успѣлъ, или не посмѣлъ, страха ради новгородскаго, сказать про государевъ судъ.

— А скажи: въ рукахъ она была да ѱпустилъ. Ой же ты, Маврушенька! Куды жь ты скрылася? Аль не видѣть мнѣ тебя а до-вѣку?

Нарень сталъ привехлиивать, и затѣмъ вовсе расплакался. Настало время Владыкѣ слово сказать.

— Потерпѣй Господа, мужайся и да крѣпится сердце твое, и потерпѣй Господа, словами псалмопѣвца началъ Владыко свое поученіе, — яко же и Отецъ твой Небесный долготерпѣливъ и многомилостивъ былъ къ твоимъ прегрѣшеніямъ.

Пашко поднялъ глаза на святителя, какъ бы изумясь новому неслыханному слову, но дальше, хотя и хотѣлъ, не смогъ внимать. У него въ ушахъ словно буря шумѣла и голова кружилась.

„Куды еще меня бросить непогодушка?“ говорилъ онъ про себя. „Аль тутъ мнѣ и аминь пришелъ?“

Когда нарень на мгновение, другое приходилъ въ память, то слышалъ какъ тихій и ровный голосъ настойчиво твердить: „И потерпѣй Господа“. Повторялъ-ли Владыко эти слова вслухъ, или просто они вспоминались Пашку, того онъ разобрать не могъ.

На прощанье Владыко обнадежилъ Пашку, что какъ будетъ въ Москву гонца къ митрополиту слать, то прикажетъ ему и про Арбузьева.

„Когда то еще,“ подумалъ Пашко, „а теперь-то что?“

Выйдя отъ Владыки, нарень самъ не зналъ, куда пошелъ. „Ой, тону — и вовсе утопъ ужъ“, шепталь онъ, и ему мерещилось что его поглотила морская пучина, и онъ слышитъ какъ у него надъ головой съ шумомъ сдвигаются волны. Мысленно встрепенувшись, онъ дико поводитъ глазами какъ бы нища по сторонамъ соломенки, за что можно бы уцѣпиться. „Аль къ ней еще?“ мелькнуло у него въ головѣ, и онъ бросился къ старой посадницѣ.

Посадница ничѣмъ ему помочь не умѣла. Пославъ внука къ Владыкѣ, она въ добавленіе къ Пашкову разсказу, узнала про клевету на Маврушеньку, но также сочла за лучшее не говорить о томъ Пашку. Въ утѣшеніе ему она прибавила, что какъ поѣдутъ молъ къ князю послы новгородскіе, то можно будетъ имъ наказать про Арбузьева.

„А когда-то оны поѣдутъ еще? а теперь-то что?“ подумалъ Пашко.

Оставалось еще сходить къ Лукѣ Аввакумовичу; не придумаешь-ли онъ чего. Пашко жилъ этою надеждой, пока боиринъ не воротился изъ поѣздки. Но что могъ придумать Лука, кромѣ того что нарень слышалъ ужъ и отъ Владыки, и отъ старой посадницы? Правда, онъ добавилъ, что какъ станутъ отписывать Арбузьевскія волости на Господина Великій Новгородъ, то можетъ быть въ которой-нибудь изъ нихъ и окажется Маврушенька.

Остальная надежда рушилась. Извѣстїи помощи больше не откуда было ждать; требовалось искать опоры внутри, въ самомъ себѣ. Пришло время прорости тому сѣмени, что бросилъ Владыко благословенною рукой.

„Потерпѣй Господа!“ вспомнилъ Пашко. — „А еще Владыко про грѣхи сказывалъ“, дальше думалъ нарень, — „что Господь молъ моимъ грѣхамъ терпѣливъ же. Вѣдь правда же, истинная. И раньше вѣдь онъ такъ же мнѣ наказывалъ, а я-то, гляди-ко-сь, сколь терпѣливъ былъ — крадучись на Арбузьева бѣгалъ смотрѣть: какову молъ ему байню Владыко задасть. А поруганіе его видя, еще радовался. „Мало еще“, думалъ. Этакъ-то до конца всякій претерпѣть сумѣетъ. Нечего сказать, хорошо было терпѣннице. А скажи, бы вовсе его не было.“

И Пашко взялся за трудный подвигъ терпѣнія. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ сталъ строже блюсти за собой и разбираться въ душѣ. Ни одного желанья, ни одного помысленья онъ не оставилъ въ покоѣ: все оглядѣлъ, все новою мѣрой смѣрилъ и новымъ вѣсомъ взвѣсилъ. Онъ точно по косточкамъ перемывалъ свою прошлую жизнь, и душа оттого живилась и чистотою возвышалась.

Не дряблое и не хрупкое сердце било и мыкало горе; ни раздавить, ни раздробить его было горю не подъ силу. Сердце отъ ударовъ закалялось, мужало и крѣпло. Пашко сталъ догадываться, что горе его человекомъ поставило; открыло ему то сокровище, котораго „тля не тлѣтъ“, просвѣтивъ его око мысленное, свѣтивъ съ него темноту грѣховную.

„А не мимо же бѣду-то Господнимъ посѣщеніемъ зовутъ“, твердилъ онъ про себя, — „воистину Господь посѣтилъ меня.“

Самъ того не замѣчая, Пашко сталъ прилежнѣй работать: душевный трудъ крѣпилъ тѣло. Въ досужее время онъ ходилъ къ Лукерѣ, Маврушенькиной матушкѣ, свой разговоръ у нихъ былъ и оба знали что тѣмъ разговоромъ не надокучать они другъ другу. Поговорятъ, вспомнятъ старое, погадаютъ о будущемъ, всплачнутъ порой. А на сердцѣ, гляди, и легче.

Какъ-то Лукерья замѣтила въ разговорѣ, что старые люди говорить, что если по живому панахиду отпѣть, то онъ востоскуется по-дому, и вскорѣ обьявится. Пашко на это не пошелъ: „грѣхъ великъ“, сказалъ, и слѣдомъ ему подумалось, что Маврушенькѣ, коль жива, и безъ того тоскуется. „А гляди та тоска ей, что и мнѣ же, на пользу.“ разсудилъ онъ. — „А пусть и она потерпитъ Господа.“

Пока Пашко такъ жилъ, молва о немъ обошла весь Новгородъ: не было двора гдѣ бы, жалѣя, не толковали о немъ. Дошла молва и до Пашкова знаконца Шутова.

Шутовъ былъ купецъ; звали его Гораздъ Ивановичъ. Пашко на него работалъ: что кожъ выдубить, то къ нему снесетъ. Другихъ купцовъ онъ и знать не хотѣлъ: Шутовъ разсчитывался по чести и безъ задержки.

Гораздъ Ивановичъ былъ человекъ особенный. Умъ у него былъ пытливый и упорный. Трудно его было сбить съ того, на чемъ онъ сталъ. Попадись Шутовъ въ руки ересіарху, и успѣй тотъ убѣдить его въ главномъ, Гораздъ Ивановичъ самъ бы дальше учителя пошелъ. И сталъ бы проповѣдывать новое ученіе, и набралъ бы пропасть учениковъ. Ему вышло возглашать не ересь, а нѣчто иное; будучи начетчикомъ, Гораздъ Ивановичъ такъ о себѣ понималъ, что „произвѣщаетъ онъ лѣто Господне благоприятное“.

Шутовъ торговалъ съ Москвой. По первому снѣгу онъ велъ туда обозъ, а по послѣдному оттуда съ обозомъ приходилъ, мѣняя новгородскій товаръ на московскій. Такимъ бытомъ ему приходилось жить больше въ Москвѣ, хотя домъ и семья у него были въ Новгородѣ. Немудрено что Гораздъ Ивановичъ поосталъ отъ новгородской пошрины и умомъ помосквичился. Родной городъ былъ для него старымъ прадѣдовскимъ домомъ; въ немъ и привычно, и уютно, но онъ ставленъ давно, обветшалъ совѣмъ: жаль не жаль, хочешь не хочешь, а пора рубить новый. Въ Москвѣ заводилось новое градское строеніе и Гораздъ Ивановичъ одобрялъ его. „И намъ этакъ же время строить“, думалъ онъ.

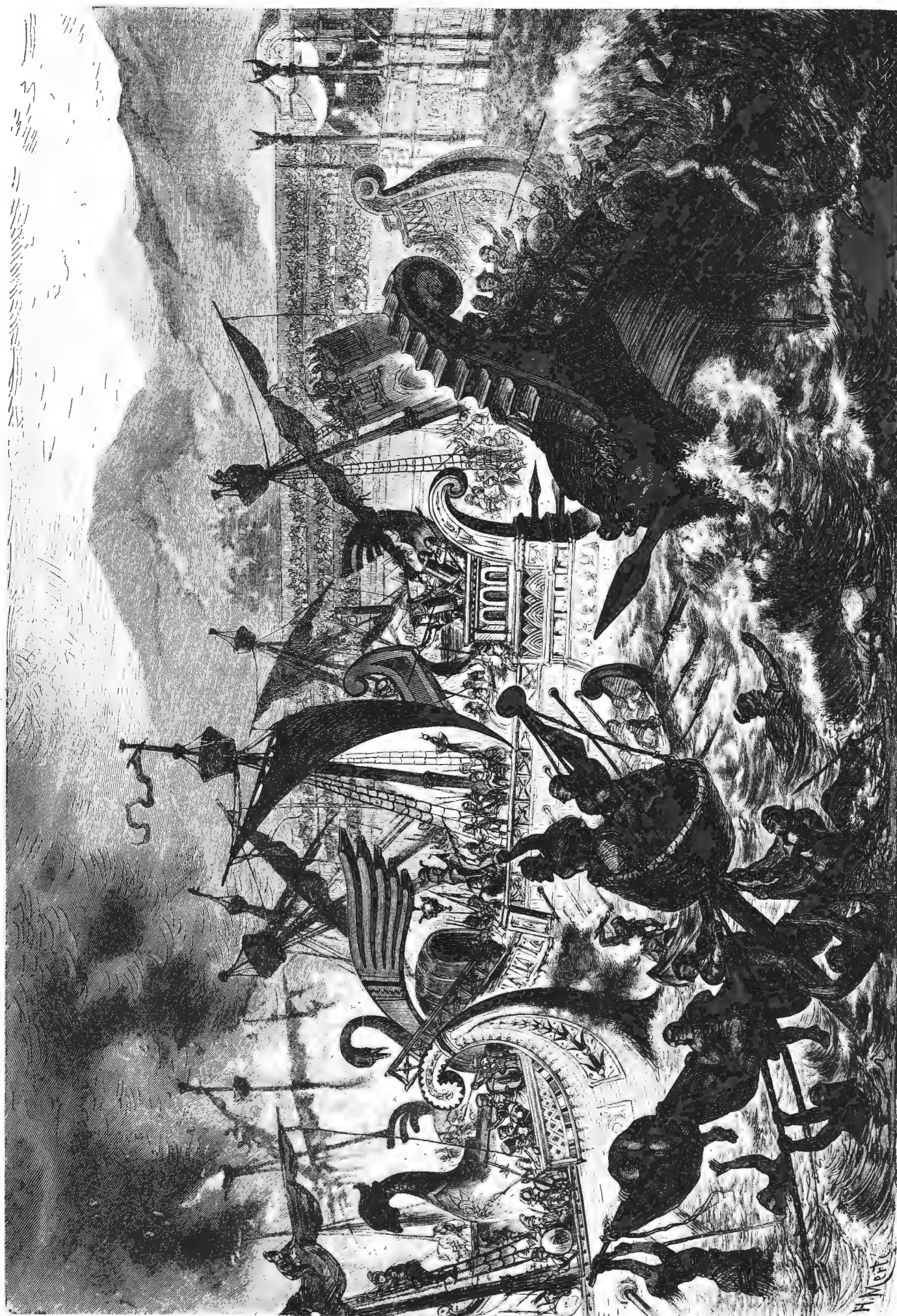
Въ первой же разъ, какъ Пашко принесъ ему кожи, Шутовъ сталъ выговаривать парню.

— А это ужъ, Иваньковичъ, не ладно сдѣлалъ, сказалъ онъ, — что отъ меня потаился. Будемъ вѣдь мы съ тобой знакомцы старинные. Мальчущекомъ вѣдь ты за своимъ батюшкой покойнымъ ко мнѣ бѣгивалъ.

— Не легко тожъ про тако дѣло-то, Гораздъ Ивановичъ, сказывать. Еще какъ кому это дѣло окажется.

— А бѣдрамъ, небось, сказывалъ. То-то же. Да еще

Навмахія (морское сраженіе), зрѣлища для народа при римскомъ императорѣ Клавдіи.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Мерге, грав. Шлехтг.

Походъ Московскаго государя пѣшкомъ на богомоле въ XVII вѣкѣ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“ М. Нестерова, грав. Ю. Шюблеръ.

не одна къ нимъ ходилъ. То-то же. А какі бны тебѣ совѣты совѣтовали? Много-ль тебѣ отъ нихъ было помочи? То-то же. А я тебѣ, гляди, познакомѣй буду, поближе ихъ. И совѣтъ бы дать, небось, поладнѣе ихняго. Давно б Маврушеньку повырружили.

— Ой-ли? вскричалъ Пашкѣ, и у него въ голосѣ сквозь недовѣріе послышалась радость.

— Вѣрно что ладнѣй. Только ты не тамъ суда искалъ, гдѣ слѣдовать.

— А гдѣ жъ, по твоему, искать-то его?

— Знамо на Москвѣ. Аль ты про государевъ судъ не слыхивалъ?

— Нѣтъ, на Низу повгородьца не судити. А слышь, Гораздъ Ивановичъ, о томъ и на вѣчѣ кричали.

— Да мало-ль что у васъ на вѣчѣ-то зря галдятъ! Аль ты, Ивановичъ, не вовсе вѣдь глушь же ты, этой дурости досель вѣруешь?

— А кака жъ она, Гораздъ Ивановичъ, дурость-та буде, коли при мнѣ на вѣчѣ двоихъ бѣяръ сказнили за то? Своими очами зрѣлъ вѣдь, какъ въ топоры ихъ примали.

— И на этотъ мятежъ еще государевъ судъ будетъ, увѣренно Гораздъ сказалъ.

Пашкѣ опѣшилъ.

— То-то, мѣлодо, зѣлено, ни о чемъ-то не свѣдомо. А время бъ тебѣ, Ивановичъ, въ понятіи состоять. О пошлинѣ московской слыхалъ-ли ты?

— А чтѣ мнѣ о ней слушать-то? Да и не къ чему! легкомысленно отвѣчалъ Пашкѣ, и точно одумавшись прибавилъ: — аль не по нашему бны, москвичи-те, живутъ? На вѣчѣе не сходятся?

— А коѣму у нихъ вѣчу быть, коли государь у нихъ?

— А люди чтѣ-жъ у нихъ дѣлають?

— А тихое да мирное житіе живутъ, какъ въ церкви молятся да и мы поживемъ. При своемъ дѣлѣ всякъ. Купецъ, какъ я, торгуй себѣ. А кожевникъ, какъ ты, свой чанъ знай. А спроситъ государь тебя, отвѣтъ держи, какъ сдумашъ самъ, а при томъ сказывай: „такова моль мысль моя, а воля де, государь, твоя“. Вотъ она, московска пошлина нелестная. А не то чтобъ на вѣчѣ галдѣть да въ топоры еще!

— А мы, Гораздъ Ивановичъ, слышь и „въ князѣхъ“ вѣдь. Этакъ намъ на вѣчѣ Лука Аввакумовичъ потолковывалъ.

— Были вы „въ князѣхъ“, съ сердцемъ Гораздъ Ивановичъ сказалъ, — пока князи водились. А нунъ князи всѣ подъ рукой государевой. А и вамъ туда жъ, а не въ сторону, благо на Москвѣ, слышь, царства чають.

— Это чтѣ за царство еще?

— А слышь, оженился государь на царевнѣ, нашего же древняго греческаго закону. А отъ царевны кому жъ, какъ не царямъ пойти? А коль царь, такъ одинъ на всю Руссію. И въ Евангеліи о томъ писано: „да будетъ едино стадо, и единъ пастырь“. А только буде отъ Орды ослаба Москвѣ, ино и царь объявится. А и нынѣ государь скажутъ, какъ въ чужіи земли грамоты шлетъ, царемъ же пишется.

— Ишь ты! подивился Пашкѣ, не очень-то понявъ толкованіе ШUTOва. — А только скажу тебѣ, Гораздъ Ивановичъ, при моемъ - то дѣлѣ, знашь, буде оно, царство-то, не при чемъ.

— Это почему же? строго спросилъ Гораздъ Ивановичъ.

— Арбузевъ на Москву жъ отѣхалъ, князю великому служить.

— Дальше-то чтѣ? еще строже купецъ спросилъ.

— А то же что ему слуги своего не обижать стать, ни за шестника ¹⁾ не вступатися.

— А и дуракъ ужъ вовсе вышелъ ты, Ивановичъ! выругался ШUTOвъ. — Въ головѣ у тебя сѣно, знать, напихано. Что предъ Богомъ, что предъ царемъ, всѣ ровны живутъ. Всѣ ему холони пишутся, а служатъ

¹⁾ Шестякъ — иноземецъ, пришлый.

съ тренетомъ. Не на лица ему зрѣть, а правду цареву зпать. И мечъ затѣмъ носить, чтобъ злыхъ сѣчь. Въ Апостолѣ чти. А еще писано: „Бога бойтеся, князи чтите“. А не то, что таку безлѣшцу, какъ ты, врать. Судъ у него праведенъ. И во псалтыри не мимо сказано: „Боже, судъ твой царевѣ даждь и правду твою сыну цареву“. А про вѣче-то ваше въ церкви чтуть-ли? Сдумай-ко самъ, Ивановичъ!

— Гм! такъ вотъ оно каково, царство-то! прошепталь Пашкѣ, и предъ его умнымъ взоромъ стало рости нѣчто великое и грозное, много грознѣй и честнѣй суда Владычняго; такое на чтѣ взирать развѣ съ тренетомъ, повинуюсь ему съ сыновнею любовью.

— А это слово-то твое, слышь, Гораздъ Ивановичъ, что про правду-тѣ цареву ты сказывалъ, аль буде оно не лестное? помолчавъ Пашкѣ спросилъ.

— Аль крестъ мнѣ въ томъ цѣловать велишь?

— И поцѣлуешь, живо Пашкѣ подхватилъ. — Потому какъ мнѣ... Слышь, Гораздъ Ивановичъ, взбудоражилъ-же ты меня, такъ вѣдь сказать надобѣтъ что и нѣтро все во мнѣ перевернулось... А дѣло тако вышло... затѣмъ вѣдь я тебя и спрашиваю...

— А въ чемъ-же мнѣ увѣрять-то тебя, коли оно не одному мнѣ это дѣло вѣдомо. Недавно вѣдь, четвертый годъ, что-ль, пошелъ, какъ государь на миру приходилъ, а шли-жъ на судъ къ нему не одни бѣяра, и молодшіе, нашъ-же братъ. А кого хощь спроси: хвалили всѣ тогда что моль праведенъ судъ. И то сказать: про этотъ судъ ужъ забудуть-ли!..

— Чтѣ мнѣ другіхъ-те спрашивать, и твоему слову я повѣрую. А только ты ужъ сдѣлай милость-ту, крестъ цѣлуй... Ужъ мнѣ только-бъ увѣриться; взадъ я николи не появчуся. Не долго думая, и на Москву сойду.

— Слышь, Ивановичъ, до снѣгу пожди. Обозъ поведу, и тебя возьму.

— А была мнѣ нужда тебя, Гораздъ Ивановичъ, ждать. Къ тому времени, гляди, я и взадъ оборочу.

— Спѣшить-бы, Ивановичъ, не къ чему...

— Нѣтъ ты, Гораздъ Ивановичъ, стой...

— Самъ-то ты не спѣши, а слушай-ко, Ивановичъ. — И Гораздъ Ивановичъ, посмотрѣвъ на дверь, вовсе тихо сталъ сказывать: — Больнѣ вѣче-то ваше, гляди, разгалдѣлся. А государь обиду таку что лжу на него положили, еще стерпеть-ли? А чають москвичи-те, что складну ¹⁾ пришло по осени.

— Да я-жъ не отъ него, а къ нему-жъ иду. Не то, чтобъ у меня умыселъ какой супротивный былъ, а о немъ-же мой надежный помыселъ. Чѣмъ - же такимъ мнѣ сила ²⁾ московска страшна-та окажется? А всѣмъ этакъ-же стану сказывать, что иду моль царевой правды зрѣть, искать суда государева. А только ты-то, Гораздъ Ивановичъ, мнѣ крестъ цѣлуй.

И понудилъ-таки Горазда Ивановича, снявъ со стѣны, икону цѣловать. Тутъ только Пашкѣ успокоился, и поклонился въ ноги ШUTOву.

— Прими, сказалъ, — мое великое спасибошко, за совѣтушко свое ладное. А стану-жъ тебя, Гораздъ Ивановичъ, въ отцово мѣсто чтить.

Купецъ, поднявъ, цѣловаль парня.

— Слушай-же и ты, Ивановичъ. Коль неотложно задумалъ ты, помалчивай. Уличанамъ ни-ни, про пѣрого-тѣ съ грибами памятуя. А спросятъ куда сумаль: — на богомолье де. А ужъ бѣярамъ-те своимъ, и въ мысли не шкни.

— А чтѣ такъ?

— А то-же что имъ въ зарѣзъ приде. Говорить-то много нечего: по осени объявится. Знай себѣ молчи да помалчивай.

¹⁾ Складная грамота — объявленіе войны; собственно грамота, которой одна сторона складывала съ себя крестное цѣлованіе. Иначе эта грамота звалась разметною.

²⁾ Сила — армія.

Пашкѣ отъ Шутова прошелъ прямо къ Лукерѣ.

— Къ тебѣ вѣдь я, матушка, сказалъ онъ, — челома бью. Перебралась - бы ты ко мнѣ во дворъ, присмотрѣла-бы за нимъ, пока хожу-то я. А очей-те тебѣ шитьемъ трудить не къ чему.

— Аль ты сдумалъ куды, Пашкѣ?

— А на Москву-жь, государева суда искать. Что-жь мнѣ его, злодѣя-то моего, жалѣть, что-ль? Може Маврушенька у него гдѣ на крѣпости засажена, моряютъ ее съ голоду. А государе-тъ не свой братъ, не Владыко нашъ, повгородской-то. Грѣбенъ вѣдь.

И Пашкѣ, рассказавъ своей названной матушкѣ, какъ его Гораздъ Ивановичъ наставилъ на умъ, приказывалъ чтобъ она о томъ никому ни словечушка не дохнула. На другой-же день Лукерья перебралась къ нему во дворъ, а Пашкѣ, призывавъ подручнаго да наймыта, имъ настрого наказывалъ во всемъ въ его мѣсто слушаться его названной матушки, а ее училъ, какъ за парнями смотрѣть.

Простясь съ уличанами, и сказавъ имъ что идетъ по обѣщанью въ Кіевъ, поклониться Печерскимъ чудотворцамъ, Пашкѣ, отпѣвъ напутственный молебень у Замяенья, зашагалъ по Низовской долгой дороженькѣ.

конецъ второй части.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Бабье дѣло.

Простясь съ Ненилушкой, Мамелфа Тимоѣевна позвала на совѣтъ кормилку, и онѣ запершись стали раздумывать какъ-бы и Соломонъ Григорьевну поглядѣть, и отъ Кириака Андреевича скрыть, зачѣмъ родной матушкѣ завадилась въ Красны Холмы плыть. День думали, ничего не придумали; другой сидѣли, ничего не высидѣли. Ужь къ концу недѣли кое-что пришло въ голову. Выдумка, впрочемъ, вышла не хитрая.

Матушка стала пространно толковать сынку, что въ томъ монастырѣ, который ставилъ покойный посадникъ, что-то не то провалилось, не то обвалилось, а на такой моль случай по душевной дѣдовой грамотѣ отказаны денги, а потому она и задумала свезти ихъ сама, да кстати посмотрѣть: крѣпко-ль стоитъ строенье монастырское.

Кириакъ сразу догадался, что эта нескладная рѣчь простой отводъ, а потому не отвѣчалъ ни слова. Только лицо у него стало строгое. Матушка радовалась, что онѣ съ кормилкой такъ умно все придумали, что Кириакушкѣ и не въ догадъ: не то сейчасъ-бы повеселѣлъ.

Кириакъ думалъ: „Тоже что и съ батюшкой. Затѣмъ и плыветь, чтобъ дѣвчину за кого ни придется за-мужъ отдать“.

Какъ въ Красны Холмы прибѣжалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что не завтра, такъ послѣ-завтра пожалуетъ боярыня, Ирinya Мишанична струхнула порядочно.

„Аль ѣдетъ она меня съ кѣртомы¹⁾ гнать за мое о Кириакѣ Андреевичѣ поченънице?“ первое пришло ей въ голову. Одумавшись, она на этотъ счетъ успокоилась. „Анъ въ душевной о кѣртомѣ писано что дадена моль она мнѣ до-вѣку. Аль кѣртому хѣче повыкупить, а мнѣ-ко съѣхать велить? Такъ вдали-жь я живу, а ейнаго Кириакушка и не видать мнѣ болѣ. Аль ругать меня плыветь? А за этимъ будто и съ мѣста не стоило трогаться“. О томъ, что родная матушка ѣдетъ смотрѣть невѣсту, Ирinya и въ голову не приходило. Уставъ отъ безплоднаго думанья, Ирinya воскликнула: „А да ну ее! А и тыфу еще!“

Ирinya Мишанична и впрямъ плюнула.

„Зачѣмъ - бы ни ѣхала“, разсудила она далѣе, „одно мнѣ придумывать надобно: каковъ-то я съ нею разговоръ поведу? А такъ-же я вотъ съ нею, а и этакъ вотъ,“ вода пальцемъ и вправо и влѣво и впередъ, рѣ-

шила Мишанична, и въ головѣ у нея притомъ точно юла юлила. „Лови-ко-съ ее!“ посмѣялась Ирinya, и важно добавила: „А много лгать мнѣ передъ нею точно нечего“.

По обычаю, Ирinya вышла встрѣчать господарыню съ хлѣбомъ, солью и вологою. Обѣ посмотрѣли другъ на дружку, при чемъ каждая старалась скрыть, что разсматриваетъ другую.

„А и было что брать!“ подумала Ирinya. „Развѣ что боярска дочь да богатая“.

„А и было на что заглядываться!“ подумала Мамелфа Тимоѣевна. „Развѣ что своей волюшкой, не родительской“.

Послѣ встрѣчи цѣлыхъ два дня онѣ и не видѣлись. Приказы отъ господарыни шли чрезъ кормилку, а самоѣ Ирinya Мишанична и не звали на очи къ боярынь.

На третій день послѣ обѣда приказала Мамелфа Тимоѣевна кликнуть Иринью къ себѣ. Мишанична войдя стала у двери: тамъ ее и оставила боярыня. Мамелфа Тимоѣевна не мало мучилась, какъ ей звать Иринью: просто-ль по имени, или лучше безъ имени по отчеству.

— А звала, спросить тебя, Ирinya, хочу, заговорила Мамелфа Тимоѣевна, рѣшивъ, что лучше звать по имени, — про воздухи-те что Кириакъ Андреевичъ жертвовалъ. Шить оны тутъ у васъ приказаны, ладно-ль вышьютъ-то? Хѣроши-ль у васъ будутъ рукодѣльницы?

— По нашему, Мамелфа Тимоѣевна, по деревенскому сказать: лучше моль и нѣтъ. А Кириакъ-тъ Андреевичъ хвалилъ-же фелонь, ея-же она буде шитья превосходнаго. А и то взять, не за плату-жь шьѣтъ, по усердію.

Мамелфа Тимоѣевна при послѣднихъ словахъ взглянула на Мишаничну.

„Это усердѣе она за то мнѣ загнула, что вотъ сказала я, будто шить-то приказаны“, подумала боярыня, и рѣшила что съ Ириньей надо ухо остро держать.

— А чихъ-же она что шить-то усердствуетъ?

— Щебелькова дочь, Григорей Петровича, на имячко Соломонъ Григорьевна.

При имени Мамелфа Тимоѣевна поморщилась.

— Знакомъ вѣдь онъ Кириакъ Андреевичу. Аль не сказывалъ? И посаднику другъ-же былъ. Умнымъ его покойничекъ сказывалъ. Съ того вѣдь и у насъ онъ умомъ прославился. А намъ ужъ гдѣ-бы его ума доглядѣть. Вѣстимо, засельщина будемъ, залѣшана. Лѣсо-тъ окрестъ, не видно скрозь, съ того тѣмны люди живемъ. А посадникъ-тъ, знамо ужъ!..

„И это она загнула-жь мнѣ!“ снова подумала Мамелфа Тимоѣевна, и рѣшила звать ее по отчеству.

— Запаятовала, гляди, Мишанична, а этакъ - же вотъ и Кириакушко про него сказывалъ.

Ирinya тутъ-же вставила про захудалый родъ Щебельковыхъ и опять не какъ свое, а какъ посадничьи рѣчи; сказывалъ-моль покойникъ, что Щебельковы и воеводами бывали и въ лѣтописцѣхъ про то стоитъ. Это для матушки было новое; сынокъ про родъ ни слова. Кстати Мамелфа Тимоѣевна вспомнила, какъ Ненила Петровна вскрикнула въ разговорѣ: „моль хорошей-то родъ во всемъ онъ скажется“.

— Аль сыновъ ему, Щебелькову, не далъ Богъ?

— Одна дочь: Соломонъ Григорьевна.

— Анъ гляди, ужъ она и на возрастъ буде коль, какъ скажешь ты, такъ-то мастерица шить.

— Дѣвчина на выданыи.

— Что-жь отце-тъ не сватать ее?

— Само-тъ Григорей Петровичъ, ишь, въ книжку сильно зачитается, а мать-то больня у ней. А и то сказать: по нашему-то по залѣсью гдѣ ихъ тутъ жениховъ-те взять?

— Аль что роду онъ буде, Щебельково-тъ, великаго?

— Да и родъ къ тому.

— Аль собою она не вышла чѣмъ?

¹⁾ Кѣртома—аренда.

— По нашему, по деревенскому ладна живѣ. Намъ, знамо, на очахъ росла—приглядѣлася; не по-хорошу мила, а по-милу баска.

— Сама - жь ты повгородка будешь, Мишанична.

Дѣвчинѣ видывала-же, а котора-хороша — умѣшь же назвать.

— Какъ - бы сдоложить-то тебѣ, Мамелфа Тимоеевна, чтобъ не вовсе солгать-то мнѣ. Будемъ такъ говорить, что по повгородьскому она не изъ послѣднихъ же, а такъ себѣ буде дѣвчина середняя.

„Знать вовсе уродъ, коль Иринья, и та ее въ среднѣ ставила“, не безъ радости подумала Мамелфа Тимоеевна и хитренько вслухъ добавила: „А такъ вѣдь я разговорила... А рѣчь не о ней у насъ, о воздухахъ.“

„Э, э! не воздухахъ - же зрѣть слыла ты изъ Новгорода“, благодари этой хитрости смекнула Мишанична.

— А гдѣ-жь у васъ воздухахъ шьютъ?

И на это Иринья дала подробный отвѣтъ; при чемъ подумала, что хотя она и безъ особаго умысла приносила на счетъ красоты Соломонъ Григорьевну, а пожалуй оно и лучше вышло, чѣмъ и съ умысломъ: „теперь мошь какъ увидить, то-то сдвигается“.

— А мнѣ-ко, знать, и посмотрѣть на нихъ не придется, со вздохомъ сказала боярыня, — а хотѣлось-бы, потому какъ Кириакушко жертвовалъ.

— А коль тебѣ, Мамелфа Тимоеевна, поглядѣть на нихъ похотѣлося, ино это дѣло само легкое. Прикажи, повели, анъ привезутъ: налюбуйешься ими въ волюшку.

— Что - жь мнѣ дѣвчинѣ отъ шитья отрывать, Мишанична? Быдто и не ладно вѣдь.

„А хитростью-то ты мнѣ подѣстать“, подумала Иринья и вслухъ добавила:— Да и съ дѣвчинами привезутъ. Пусть у тебя пошьютъ. И честь имъ не малая, и твое-то ко храму Господню усердице похвалятъ - же всѣ. Только вотъ, поди, и Наталью Адриановну звать придется: потому какъ у нея вѣдь во дворѣ шьютъ, и ея-же то усердіе. А не звать, такъ народъ у насъ, охъ! языченъ живѣ. Скажутъ вѣдь: что боярыня мошь, такъ и чужо усердіе перехватываетъ.

„Аль она сдогадалася? А хитра - жь живѣ, мнѣ подѣстать“, подумала Мамелфа Тимоеевна, видя что Иринья обдумала все до послѣдняго: и примѣтитъ будетъ нельзя, что усердіе затѣяно ради того, чтобъ высмотрѣть Соломонъ Григорьевну.

— А что - же

стоишь - то ты, садись - ко-ся, Мишанична.

Иринья, сказавъ государынѣ спасибо на ласкѣ, сѣла, и въ головѣ у нея при этомъ превесело что-то безъ словъ мурлыкалось.

(Продолженіе будетъ).

Нѣмецъ-копейщикъ иноземскаго полка въ Москвѣ. Грав. Флюгель.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Для удобства гг. иногородныхъ подписчиковъ, при этомъ № прилагается подписной бланкъ и конвертъ съ адресомъ редакціи, для заблаговременнаго возобновленія подписки на журналъ „Нива“ въ 1889 году.

Серебряная группа, поднесенная Государынѣ Императрицѣ офицерами Кубанскаго войска.
По проекту Каразина, лѣпилъ Сафоновъ, работа Хлѣбникова. Съ фот. грав. Шюблеръ.
Библиотека "Руниверс"

Къ рисункамъ.

Филадельфія. (Рис. на стр. 1052 и 1053).

Филадельфія — „городъ братской любви“ — важнѣйшій городъ Сѣверо-Американскаго штата Пенсильваніи, лежитъ на узкой полосѣ земли близъ слиянія широкаго Шулкиля съ величественнымъ Делаваромъ. Благодаря значительной глубинѣ и ширинѣ послѣдней рѣки, по которой свободно ходятъ большіе морскіе корабли, Филадельфійскую гавань можно считать морскою, хотя воды Атлантическаго океана омываютъ берега Пенсильваніи, почти въ полуторасти верстахъ на востокъ отъ главнаго города этого штата. На мѣстѣ нынѣшняго поселенія, лѣтъ за 50 до его основанія, поселились выходцы изъ Скандинавіи. Впослѣдствіи этотъ уголокъ земли былъ уступленъ Англійскимъ правительствомъ за 16,000 фунтовъ стерлинговъ, въ 1682 году, знаменитому апостолу квакеровъ Пену, и тотъ предоставилъ на немъ себѣ жить своимъ приверженцамъ и бѣглымъ изъ всѣхъ странъ. Пенъ обладалъ замѣчательными колонизаторскими способностями, съ яснымъ пониманіемъ того, въ чемъ нуждалось вновь зарождающееся государство. Основной законъ могущественнаго нынѣ союза Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ своимъ началомъ конституцію, содержащую 24 статьи, которую глава квакеровъ предложилъ своей общинѣ въ 1683 году. Такимъ образомъ Филадельфія была, въ извѣстной степени, духовнымъ центромъ великой страны, стремившейся къ освобожденію изъ-подъ опеки Британскаго льва. Старинная ратуша „города братской любви“, отстроенная въ 1723—1734 годахъ, неоднократно являлась свидѣтельницей многихъ достопамятныхъ событій; въ одной изъ залъ, названной впослѣдствіи „Independence Hall“, была провозглашена 22 іюня 1776 года независимость американской націи.

На одномъ изъ нашихъ рисунковъ изображены какъ старое зданіе ратуши, такъ и новое „State Hall“. О громаднхъ размѣрахъ послѣдняго, начатаго постройкою въ 1871 году, можно судить по тому, что на него израсходовано до конца 1885 года около 15 милліоновъ рублей, а оно и нынѣ не окончено. Площадь, занимаемая имъ, равняется 39 съ половиною тысячамъ квадратныхъ саженъ. Нижній этажъ зданія построенъ изъ гранита, а верхнія части преимущественно изъ туземнаго мрамора. Другія изображенія на нашихъ рисункахъ указываютъ, что выдающіяся постройки Филадельфіи — богатаго университета, торговаго и промышленнаго города, насчитывающаго почти милліоны жителей, отличаются болышимъ просторомъ, чѣмъ это замѣчается въ главномъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ, Нью-Йоркѣ. Рядомъ съ интереснымъ въ историческомъ отношеніи „Carpenter's Hall“, сооруженнымъ въ 1770 году Пенсильванскій университетъ, академія музыки, построенная въ готическомъ стилѣ, академія естественныхъ наукъ, великолѣпная Жирардова коллегія (воспитательный домъ) и многія другія. Кроме того, среди зданій служащихъ торговь и промышленнымъ цѣлямъ, многія, въ особенности дворцы-бабки, отличаются архитектурными красотою. Равнымъ образомъ многія изъ церквей, которыхъ насчитывается въ Филадельфіи до 600, обращаютъ на себя вниманіе туриста. Видимый на одномъ изъ нашихъ рисунковъ мостъ, ведетъ черезъ Шулкиль къ громадному, великолѣпному Фермонтскому парку, въ которомъ красовалось въ 1876 году зданіе всемирной выставки, устроенной въ память окончанія перваго столѣтія независимости Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Прелюдія. (Рис. на стр. 1057).

Авторъ этой изящной картинки, Конрадъ Кизель, знаменитый жанристъ, представляетъ собою замѣчательный примѣръ того, какъ трудно иногда художнику найти свое истинное призваніе. Онъ родился 17 (29) ноября 1846 года въ Дюссельдорфѣ, и сначала посвятилъ себя зодчеству, которое изучалъ въ Берлинской академіи архитектуры; затѣмъ онъ перешелъ въ мастерскую скульптора Шалера, занялся ваяніемъ и создалъ нѣсколько прелестныхъ статуэтокъ; наконецъ, во время поѣздки въ Голландію, еще разъ перемѣнилъ свои планы и теперь уже окончательно предался живописи. Это искусство онъ изучалъ первоначально въ Берлинѣ, подъ руководствомъ Паульсена, затѣмъ вернулся въ родной Дюссельдорфъ и тамъ усовершенствовался благодаря Вильгельму Зону. Открывъ собственную мастерскую, онъ написалъ цѣлый рядъ жанровыхъ картинъ, отличающихся блестящею техникой.

Прилагаемый рисунокъ представляетъ молодую женщину прошлаго вѣка, собирающуюся пѣтъ подъ аккомпанементъ лютни, на которой пальцы ея перебираютъ прелюдію.

Навмахія при Римскомъ императорѣ Клавдіи.

(Рис. на стр. 1060).

Римскій императоръ Тиверій Клавдій, преемникъ и дядя Калигулы, царствовалъ съ 41 года послѣ Р. Х. до 54 года, когда онъ былъ отравленъ своею женою Агриппиною. Слабый тѣ-

ломъ и духомъ, онъ, по воцареніи, уступилъ всѣ заботы по управленію имперіей своей первой женѣ Валсалинѣ и своимъ любимцамъ, которые, не стѣняясь, давали волю жестокости и любостыжанію. Не смотря на то, недолгое царствованіе Клавдія было ознаменовано нѣсколькими замѣчательными дѣяніями. Къ числу ихъ должно быть отнесено устройство и укрѣпленіе императорской гавани въ Остии и отведеніе Фучинскаго озера въ странѣ марзовъ (нынѣшнее Лаго-ди-Челаво, въ 90 верстахъ отъ Рима) при посредствѣ громаднаго канала чрезъ скалистыя горы въ рѣку Лирисъ, нынѣшнюю Гарильяно. Послѣднее сооруженіе было предпринято съ цѣлью осушить постоянно увеличивавшіяся болота по берегамъ озера и выгадать значительное пространство земли подъ земледѣліе. 30,000 человекъ работали въ теченіе 11 лѣтъ надъ каналомъ и когда исполинскій отводный каналъ въ 52 году былъ готовъ, Клавдій рѣшилъ дать римлянамъ на озерѣ, передъ спускомъ воды, навмахію. Греческое слово *навмахія* собственно значить: морское сраженіе; у римлянъ же оно обозначало искусственное представленіе такого сраженія, а также мѣсто, гдѣ оно происходило.

Юлій Цезарь впервые ввелъ навмахію какъ народное зрѣлище, устроивъ для этого въ 46 г. до Р. Х. искусственное озеро на Марсовомъ полѣ; Августъ далъ народу такое же зрѣлище на искусственномъ пруду въ 300 саженъ длины и 200 саженъ ширины. Клавдій нежелалъ устроить такую навмахію, которая превосходила бы все до тѣхъ поръ виданное въ этомъ родѣ. Ареною для морскаго сраженія служило вышеупомянутое озеро въ 1½ мили шириной, на которомъ совершенно серьезно, т. е. на смерть, бился два флота, въ 10,000 человекъ каждый. Побережье озера было обстроено громадными деревянными трибунами съ галереями и ложами, вмѣщавшими тысячи зрителей. Зрѣлище началось всевозможными эволюціями какъ отдѣльныхъ кораблей, такъ и цѣлыхъ флотилій, гонками и т. п.; затѣмъ началось изображенное на нашемъ рисункѣ настоящее сраженіе обоихъ флотовъ, изображавшихъ морской бой Египтянъ съ Финкіянами. Оба флота были превосходно снаряжены и состояли изъ пяти-четыре- и трех-дечныхъ весельныхъ кораблей, у коихъ носъ былъ снабженъ крѣпкимъ тараномъ, тогда какъ на палубѣ и башняхъ стояли тяжело-вооруженные латники. Актерами на этомъ кровавомъ зрѣлищѣ (навмахаріями) были гладиаторы, плѣнники или приговоренные къ смерти преступники. Между большими кораблями сновали плоскодонныя суда и лодки для метанія зажигательныхъ снарядовъ на корабли. Со страннхъ грохотомъ сталкивались между собою крупныя суда, причемъ слабѣйшее почти неизбежно шло ко дну; въ противномъ случаѣ они сбѣплялись крюками борты къ борту и начинался кровопролитный рукопашный бой. Вскорѣ поверхность озера покрылась плавающими досками, балками, мачтами и другими обломками, за которые хватались раненые или упавшіе черезъ борты, напрасно упо на спасенія, такъ какъ едва имъ удавалось достигъ берега, стоявшіе тамъ на плотяхъ вооруженные отряды отталкивали ихъ обратно на озеро. Между тѣмъ зажигательные снаряды дѣлали свое дѣло: то тамъ, то сямъ поднимались уже языки пламени, охватывал корабль за кораблемъ. Истоичивъ всѣ усилія въ стараніи потушить пожаръ, весь экипажъ такого судна въ отчаяніи бросается черезъ борты и становится жертвою другой, не менѣе страшной стихіи, утоная въ волнахъ. По извѣстіямъ современныхъ римскихъ писателей, почти всѣ участвовавшіе въ этой навмахіи погибли страшною смертію. Въ заключеніе были открыты шлюзы замыкавшіе истоки озера — и вся масса запруженной воды, хлынувъ страшнымъ потокомъ, поспеда не только обломки, но и уцѣлѣвшія суда въ бездну.

Походъ Московскаго государя на богомолье (въ XVII вѣкѣ). (Рис. на стр. 1061).

„Пѣшіе походы“ Московскихъ государей и государынь на богомолье были, въ быту нашихъ царей, весьма часты и весьма обыкновенны въ половинѣ XVII вѣка. Такіе походы предпринимались обыкновенно ими для того, чтобы воздать должную дань уваженія извѣстному, мѣстно-чтимуому святому, и тогда совершались въ день празднованія его памяти; или же цѣлью похода избиралась одна изъ покровительствуемыхъ государями, излюбленныхъ обителей, въ которыхъ цари и царицы наши и гостили нѣкоторое, болѣе или менѣе продолжительное, время. Въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, „пѣшіе походы“ дѣлались *по обиту*, чтобы испросить благоволеніе того или другаго святаго на выполненіе задуманнаго дѣла или умо-литъ милосердіе Божіе во избавленіе отъ угрожающаго бѣдствія. Цѣлью такихъ обѣтныхъ походовъ, предпринимаемыхъ царицами, часто бывали горячія молитвы объ избавленіи отъ не-плодія, которое и считалось самымъ осязательнымъ и явнымъ доказательствомъ гнѣва Божія.

Пѣшіе походы предпринимались при тѣхъ-же условіяхъ и обстоятельствахъ тѣми же предосторожностями, какъ и всякіе иные походы Московскихъ государей. Впередъ, для за два и болѣе, высылались вся государева дворцовая служба, съ запасами,

съ кухонной посудой, съ обозомъ прохладительныхъ панитковъ—красовъ, медовъ и разнаго рода пива. Тутъ-же, подъ прикрытіемъ значительнаго отряда изъ нѣсколькихъ сотъ чело-вѣкъ вооруженной стражи, отправлялись на первые *стѣпы* (остановки) царскіе спальники съ постельнымъ бѣльемъ, подушками, перинами, одеялами и прочимъ домашнимъ скарбомъ. Въ томъ-же обозѣ слѣдовали сундуки и коробки (за крѣпкими замками и печатями) съ царскою бѣлевою и платвенною казною. Эта казна, особыми царскими столыниками и окольными, охранялась и равномѣрно распределялась на пути государева шествія, по стѣпамъ и мѣстамъ, назначеннымъ для почлега. Само собою разумѣется, что вся дорога, по которой предстояло идти государю и государынѣ, тщательно исправлялась, чинилась и очищалась, и для охраны и береженія царскаго шествія (или пѣзда) впереди, въ нѣкоторомъ разстояніи, шель особый охранный отрядъ изъ конныхъ *жельцовъ* (дворцовой стражи) и пѣшихъ стрѣльцовъ. Такой же отрядъ и замыкалъ собою шествіе, между тѣмъ какъ непрерывная цѣпь стрѣльцовъ съ нищалами, бердышами и коньями шла по обѣ стороны дороги, въ почтительномъ отдаленіи отъ царя, царицы и ихъ свиты изъ ближайшихъ вельможъ. Во главѣ этой свиты шествовалъ государевъ духовникъ, протопопъ Благовѣщенскаго дворцоваго собора, соборный дьяконъ и пѣвчіе дьяки.

Пѣший походъ на богомолье начинался съ того, что государь служилъ папучественный молебенъ у *крестовъ*, т. е. у тѣхъ часовенъ, которыя были выстроены близъ заставы московской. Затѣмъ, на всея протяженіи пути, царь и царица, обязательно, останавливались слушать молебенъ въ каждой попутной церкви, гдѣ мѣстное духовенство встрѣчало ихъ съ крестами, иконами и св. водою, и получало отъ государей щедрыя дары и богатые вклады въ церковную казну. Передъ царственною четой торжественно выступалъ казначей государя, ближній бояринъ, и изъ просторнаго, широкаго кожанаго кошельа, похожего по виду на конскую торбу, высыпалъ направо и лѣво обильную милостыню тѣмъ сотнямъ нищихъ, калѣкъ и всѣмъ, кто могъ приползти къ краю дороги и протянуть руку за подаваемымъ.

Пѣшие походы государевы были истиннымъ праздникомъ для всего населенія по пути государева шествія. Все населеніе наряжалось въ лучшее чистое платье и высыпало на дорогу. Косцы бросали косьбу, жнецы и жницы оставляли жатву, пахари бросали соху на бороздѣхъ и сѣвшили взглянуть вблизи на своего царя и царицу, отвѣтить изъ низкій земной поклонъ. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ государево шествіе останавливалось стѣпномъ, народъ смѣло шелъ къ царю и царицѣ, и суровая стража царска не преграждала доступа къ царю, не мѣшала общенію царя съ народомъ. Каждый спѣшилъ поднести дорогимъ гостямъ что было у него самаго заветнаго и лучшаго. Бабы подносили государынѣ сыръ, молоко, яйца; дѣвушки—вѣнки изъ полевыхъ цвѣтовъ; дѣти—лѣсную малину и землянику въ берестяныхъ коробкахъ. Мужики угощали государя сотовымъ медомъ и свѣжими орѣхами. Если съ царицею на богомолье шествовали и царскія дѣти, мужики и бабы подносили имъ въ подарокъ самодѣльные игрушки. И государь съ государыней благодушно принимали эти посылные дары и отдаривали за нихъ и даромъ, и привѣтомъ. Одинъ изъ такихъ пѣшихъ походовъ государя и государыни на богомолье изображенъ и нашимъ художникомъ въ настоящемъ № *Нивы*, во всѣхъ подробностяхъ описанной нами обстановки.

Копейщикъ-нѣмецъ изъ иноземскихъ полковъ.

(Рис. на стр. 1064).

Копейщики или *пикинеры* составляли весьма видную и значительную часть иноземскихъ полковъ на Руси въ XVII вѣкѣ, и первоначально бывали и конные, и пѣшие. Трудность ихъ службы въ томъ и заключалась, что они несли на себѣ двойную тяжесть—были обучены и пѣшему бою противъ конницы, и конному бою противъ пѣхоты. Вооруженіе ихъ состояло изъ *пика* или *копья*, чрезвычайно длиннаго, большею частью двухсложеннаго. На посябѣ у нихъ была *шпана*. Оборонительнымъ вооруженіемъ для копейщиковъ служили: желѣзная *шпанка* (или шлемъ) и желѣзныя *латы*, которыя спереди распадалась на двѣ половины или лопастей. Сверхъ того, на шею надѣвали копейщики особый *ожерелокъ* или *ошейникъ* и могли носить (хотя не всегда носили) желѣзныя *пирюхи*. Чрезвычайно любопытны тѣ подробныя наставленія, которыя находимъ въ *Рускомъ уставѣ* 1647 года относительно вооруженія копейщиковъ. „Копейщику“, говоритъ въ *Уставѣ*—„надобны *полныя латы*, только не очень бы тяжелы, какъ встарину бывало, что ему мало не осядъ подъ латы надобно, на чемъ бы латы везти, какъ есть вестфальскія латы съ *брюхами*. Латы по мѣрѣ не ниже пося, а *ошейникъ* чтобы легокъ былъ, и не тяжелъ, а *пирюхи* не очень долги были, а то отъ нихъ больше порухи, нежели пользы“.

Впоследствии изъ копейщиковъ образовались *драгунскіе* и *рейтарскіе* иноземскіе полки. Къ вооруженію копейщиковъ въ драгунскихъ полкахъ прибавились еще только *топоры*, которые они привѣшивали къ сѣдлу; къ вооруженію копейщиковъ въ рейтарскихъ полкахъ прибавились *мушкеты* (впоследствии замѣненные *карабиномъ*) и два *пистолета*. Когда, впоследствии, иноземскіе полки были уничтожены и рейтар-

скіе, и драгунскіе полки стали комплектоваться русскими солдатами, драгунамъ были отведены мѣста стоянки на югѣ Россіи, гдѣ еще грозили въ то время нападенія со стороны татаръ. Современная воинская тактика признала драгунскіе полки единственными, вполне удовлетворяющими войскимъ потребностямъ нашего времени, но отмѣнила главное оружіе бывшихъ копейщиковъ—длинное копье, оставивъ его только въ легкой, ирегулярной кавалеріи.

Серебряная группа, поднесенная Государынѣ Императрицѣ 22 сентября офицерами Кубанскаго войска.

(Рис. на стр. 1065).

22 сентября сего года, во время пребыванія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ городѣ Екатеринодарѣ, офицеры Кубанскаго казакаго войска поднесли Государынѣ Императрицѣ группу изъ серебра, изображающую сцены тревоги въ станицѣ. Въ массѣ подношеній группа эта была выдающимся номеромъ по красотѣ работы и по замыслу, и остановила на себѣ особенное вниманіе Августѣйшихъ путешественниковъ.

На мраморной черной скалѣ расположены фигуры изъ массивнаго серебра, изображающія: наверху сторожеваго казака, пристально изъ-подъ руки всматривающагося въ даль—въ торопливомъ движеніи бурка свалилась съ плечъ и красиво задержалась на выступѣ скалы. Конь казака тянется вслѣдъ за хозяиномъ, словно раздѣляя съ нимъ тревожное состояніе.

Ниже, въ центрѣ группы—старый бородатый казакъ выскакиваетъ изъ раскѣлны, застегивая кипятокъ, передъ нимъ молодая казачка досѣдываетъ коня, а мальчикъ-внукъ—надѣваетъ уздечку; еще ниже, казакъ почти готовый къ бою, вскочилъ на лошадей и, красиво изогнувшись назадъ, принимаетъ винтовку изъ рукъ своей жены, держащей на рукахъ груднаго младенца. Справа вы видите совѣтъ молодого казака, раньше всѣхъ вскочившаго по тревогѣ. Онъ волнуется, суетится и торопитъ другихъ. Дворовая собаченка волнуется тоже, допоявши живую и бойкую картинку боевой станичной жизни; у подножія скалы извивается по черному мрамору серебряная Кубань, дробясь о камни и какъ-бы соединяя линіи группы съ массивнымъ полированнымъ пьедесталомъ.

Группа эта исполнена въ мастерскихъ извѣстной фирмы Хлѣбникова по идеѣ и рисункамъ художника Н. Н. Каразина и подъ его дальнѣйшимъ личнымъ наблюденіемъ. Дѣлалъ всѣ фигуры скульпторъ Сафоновъ, извѣстный знатокъ лошадей и ихъ движенія. Мастерская отливка и тонкая чеканка Хлѣбникова—довершили работу.

Группа эта вѣситъ около 9 пудовъ, и серебра чистаго въ ней до 3-хъ пудовъ. Она была установлена въ залѣ Екатеринодарскаго дворца, въ красивой нишѣ драпированной темно-вишневымъ бархатомъ и до поднесенія покрыта войсковыми значками. По прочтеніи привѣтствія значки были отдернуты. денутаты разступились—и просили Ея Величество осчастливить ихъ принятіемъ этого подношенія, вѣщающаго напоминать Государынѣ Императрицѣ о незабвенныхъ для Кубанцевъ дѣлахъ Високаго посѣщенія.

Полевка-корнеѣдка (*Arvicola amphibius*).

(Рис. на стр. 1068).

Къ мелкимъ, но злѣйшимъ врагамъ сельскаго хозяйства принадлежитъ и корнеѣдка, распространенная по всей Европѣ и Западной Азій. Звѣрокъ этотъ не болѣе 16 центиметровъ длины, съ хвостомъ въ 7½—8½ центиметровъ; цвѣтъ шерсти на спинѣ сѣрый или темнокоричневый, на брюшкѣ—сѣровато-бѣлый. Корнеѣдка, отлично плавающая и ныряющая, охотно селится на берегу стоячихъ и текущихъ водъ, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называется также водяною крысой; водится и на мокрыхъ лугахъ, и на поляхъ по низинамъ. Она живетъ въ подземныхъ галереяхъ, роя которыя вслучиваетъ землю холмиками, какъ кротъ; но питается корнеѣдка исключительно растительными веществами, въ противоположность кроту, который истребляетъ насѣкомыхъ и червей. Поэтому корнеѣдка всегда направляетъ свои подземныя траншеи къ корнямъ, преимущественно свекловицы и другихъ корнеплодныхъ растений, а также плодовыхъ деревьевъ (грушъ, вишенъ и т. п.) и сочныхъ луговыхъ травъ. Присутствіе ея легко распознать по тому, что въ мѣстахъ не изобилующихъ пищей она роетъ свои ходы у самой поверхности земли. Размножается она чрезвычайно быстро—каждая самка въ теченіе лѣта рождаетъ по крайней мѣрѣ 5 разъ по 3—7 дѣтеншей. Корнеѣдка не подвержена зимней спячкѣ и всю зиму питается преимущественно древесными и травяными корнями. Поэтому человекъ въ настоячиво преслѣдуетъ корнеѣдку; изъ прочихъ враговъ ея всѣхъ опаснѣе ласка, которая преслѣдуетъ корнеѣдку и въ подземныхъ ходахъ ея на сушѣ, и въ водѣ. Хорьки, кошки и совы также охотятся за корнеѣдкой.

Рогожные намѣты для ловли кефали въ Черномъ морѣ. (Рис. на стр. 1068).

Рисунокъ, приложенный къ настоящему № *Нивы*, представляетъ одинъ изъ весьма оригинальныхъ способовъ ловли

рыбы въ Черномъ и Азовскомъ морѣ. Такъ ловится преимущественно *кефаль*, любимая рыба керченскихъ грековъ, и *скумбрия*, другая мелкая черноморская, очень вкусная, рыбка. Эти породы ловятся особаго рода *наметами*, которые устриваются слѣдующимъ образомъ. Изъ хорошихъ циновокъ сшиваютъ полосу въ 1—1¼ аршинъ шириною; оба края циновки загибаютъ вверхъ на 1—2 вершка въ вышину, и снаружи загиба протягиваютъ веревку, чтобы загибъ держался. Такимъ образомъ рогожная полоса, саженъ въ 50 и болѣе длиною, принимаетъ видъ узкой, длинной, весьма мелкой коробки.

Въ темныя, безлунныя ночи, этотъ наметъ разстилаютъ на поверхности воды или отъ берега въ море, или съ двухъ лодокъ — въ разныхъ направленіяхъ. Стая кефали, приближаясь къ намету и видя темную полосу на водѣ, старается черезъ нее перепрыгнуть, но попадаетъ въ рогожную коробку. Отсюда, рыбаки, подвѣзжая къ намету на лодкахъ, вычерпываютъ рыбу простыми сачками. Замѣтимъ кстати, что кефаль икра чрезвычайно высоко цѣнится мѣстными жителями, особенно греками. Въ Крыму ее предпочитаютъ осетровой и платятъ за фунтъ въ Константинополѣ охотно даютъ за нее и 3 руб., и дороже. Приготовление ея очень просто: ее вынимаютъ изъ рыбы въ

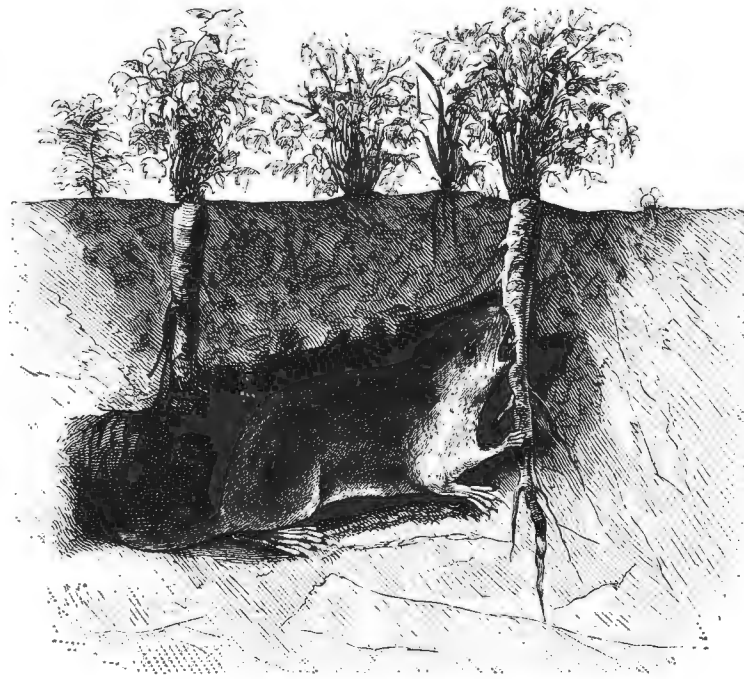
Стробоскопическіе круги. (Рис. на стр. 1069).

Назадъ тому лѣтъ десять, англійскій ученый Сильванъ Томсонъ, профессоръ физики въ Бристольскомъ университетѣ, познакомилъ публику съ такъ-называемыми стробоскопическими кругами, особыми рисунками, при помощи которыхъ получается замѣчательный оптический обманъ. Если начертить нѣсколько концентрическихъ (имѣющихъ общій центръ) круговъ и, держа рисунокъ передъ глазами въ одной рукѣ, сообщить ей круговое движеніе (сирова налѣво, или слѣва направо — все равно), то глазамъ покажется, будто начерченные на бумагѣ круги вертятся. Изображенный на стр. 1069, чертежъ 1, въ особенности если начертить его вчетверо больше нашего рисунка, весьма ясно проявляетъ это свойство стробоскопическихъ круговъ. Достаточно положить рисунокъ на ладонь правой руки, и глядя на него сверху, водить рукою, описывая ею небольшой кругъ на плоскости стола — и всѣ восемь концентрическихъ круговъ завертятся на бумагѣ.

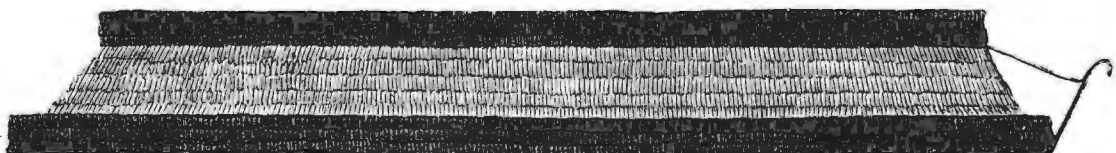
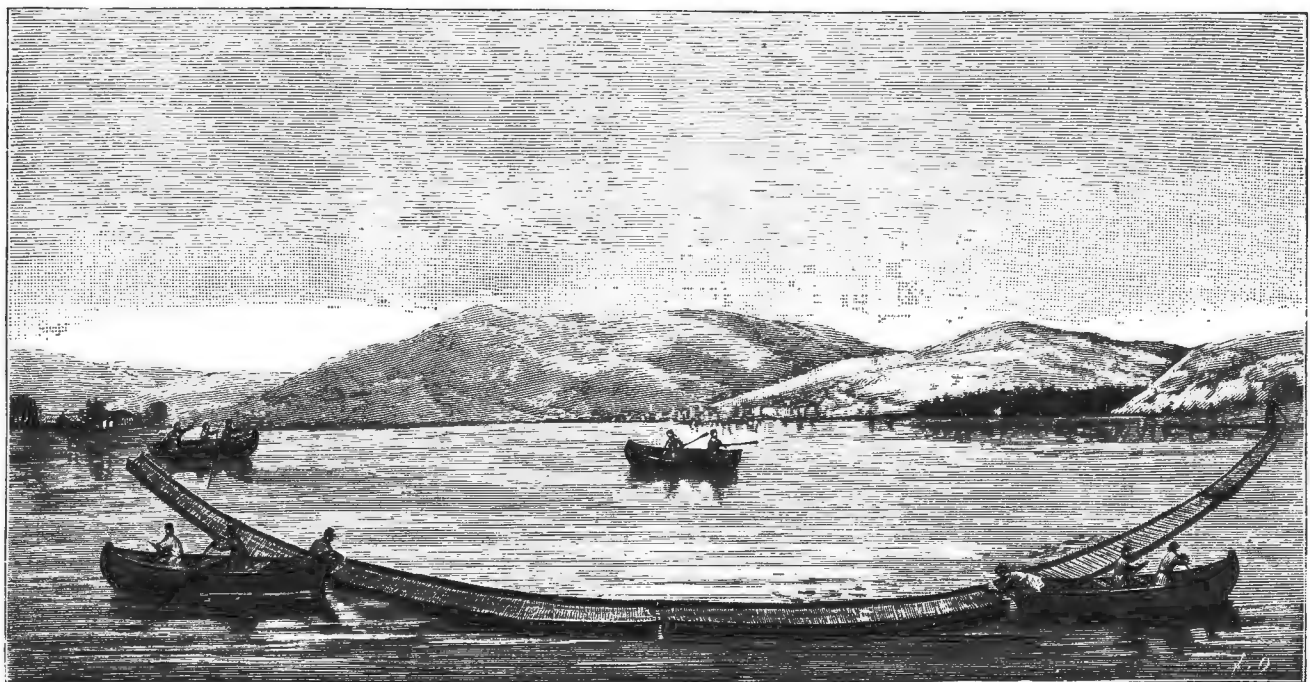
Фиг. 2 представляетъ семь розетокъ, которыя

также вертятся при этомъ опытѣ.

Фиг. 3 и 4 представляютъ модели двухъ дисковъ, которые должны вращаться на оси; напр., если вырѣзать ихъ

Полевка-корнеѣдна (*Arvicola amphibius*). Грав. Шюблеръ.

рогожная наметъ для ловли кефали въ Черномъ морѣ.

томъ самомъ мѣшечкѣ, въ которомъ она заключена, пересыпаютъ солью и сушатъ на солнцѣ, нѣсколько разъ поворачивая, и при каждомъ поворотѣ снова пересыпая солью.

изъ картона, то достаточно проткнуть ихъ центръ и насадить его на остріе карандаша. Если эти круги завертѣть какъ колесо, чертежи замѣчательно измѣняютъ свою

форму. Лучистые круги фиг. 3 исчезают; вмѣсто нихъ виденъ одинъ кругъ, котораго окружность ограничена центрами начерченныхъ круговъ; вмѣ этой окружности видно нѣсколько полу-круговъ. Фиг. 4 при вращеніи совершенно измѣняется: вмѣсто параллельныхъ линий видны концентрическіе круги.

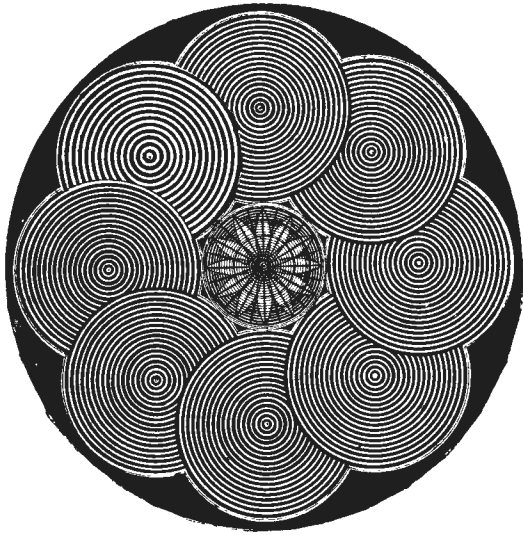
Какъ уже сказано, для опыта лучше всего перечертить эти фигуры вчетверо крупнѣе, наклеить на картонъ, проткнуть въ центрѣ и насадить хоть на остріе карандаша.

Продавецъ жаренаго мяса въ Батумѣ.

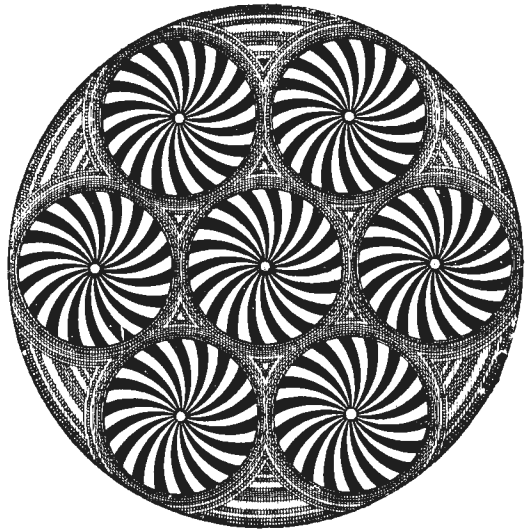
(Рис. на стр. 1072).

Каждый, побывавшій хоть разъ недолгое время въ Батумѣ и поплававшій по улицамъ этого своеобразнаго городка, на-

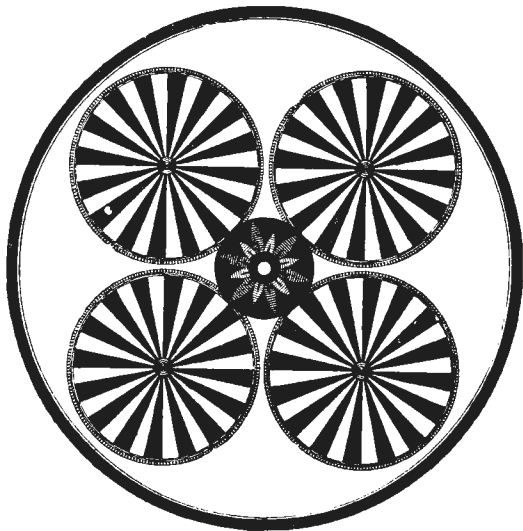
очень просто, до крайности удобно и легко применимо. Дѣло вотъ въ чемъ: печка дѣлается изъ жести, иногда довольно толстой; къ двумъ ея боковымъ стѣнкамъ придѣлываются полочки предназначающіяся для расположенія топлива—углей; отъ центральной точки крыши шкафа къ дну его устанавливается въ отвѣсномъ положеніи желѣзный стержень—родъ вертела, который, у концовъ заострившись, можетъ быть приведенъ въ быстрое вращательное движеніе. Жареніе мяса тоже не сложно; куски мяса, по преимуществу мягкія части, наивыскаются на стержень, послѣ чего онъ движеніемъ руки вмѣстѣ съ мясомъ приводится во вращательное движеніе. Стержень, какъ претеривающій малое треніе у своихъ концовъ, приведенный разъ въ движеніе, продолжаетъ довольно долгій промежутокъ

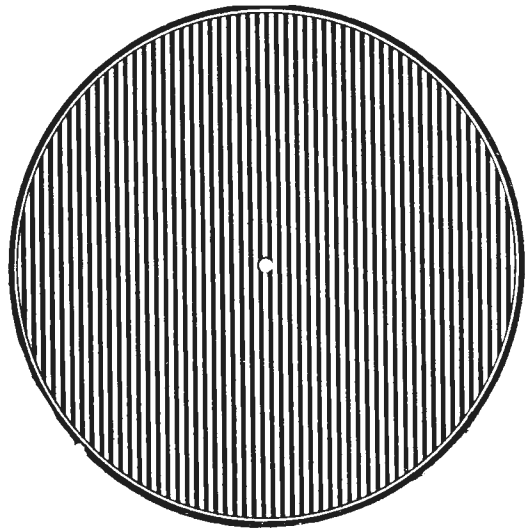
Фиг. 1. Стробоскопическіе круги.

Фиг. 2. Стробоскопическіе круги.

Фиг. 3. Стробоскопическіе круги.

Фиг. 4. Стробоскопическіе круги.

вѣрное замѣтилъ и даже обратилъ особое вниманіе на оригинальный способъ приготовленія жаренаго мяса въ маленькихъ жестяныхъ печкахъ, расположенныхъ часто чуть не посреди улицы. Болѣе-же любознательный путешественникъ, отвѣдавшій мясо приготовленное въ этихъ печкахъ, навѣрное сравнилъ, а то и выше поставилъ нашего излюбленнаго филе на вертелѣ. А между тѣмъ устройство печки и поджариваніе мяса въ ней

время вращаться, и мясо, подогрѣваемое снизу раскаленными углями, равномерно поджаривается. Мясо изжаренное такимъ способомъ отличается особенно пріятнымъ вкусомъ и сочностью. Продажа этого мяса производится на улицѣ, подъ открытымъ небомъ, и жители, по преимуществу изъ рабочаго класса, часто, тутъ-же расположившись подлѣ кухни, съ аппетитомъ поѣдаютъ такъ вкусно приготовленное блюдо.

Политическое обозрѣніе.

Не успѣлъ императоръ Германскій Вильгельмъ II возвратиться изъ своего втораго путешествія по Европѣ въ Потсдамы, какъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что юный монархъ собирается побывать въ началѣ будущаго года въ Португаліи и Испаніи и якобы германское посольство въ Мадридѣ уже оповѣщено объ этомъ. Рядомъ съ тѣмъ англійская печать высказываетъ надежду, что императоръ Вильгельмъ не откажется посѣтить „роднину его матери“. По словамъ *Times*, нельзя требовать, чтобы это посѣщеніе совершилось теперь, но когда бы ни пріѣхалъ въ Англію „государь великаго народа, нашъ естественный союзникъ и близкій соплеменникъ“, онъ смѣло можетъ

рассчитывать на сердечный приемъ со стороны Англійской націи. Эти предположенія, однако, не должны отвлекать вниманіе отъ впечатлѣній и результатовъ совершившихся уже путешествій. Къ сожалѣнію, газеты чрезвычайно скуны на изложеніе ихъ и только рѣдкія извѣстія позволяютъ лишь догадываться о нихъ. Смѣло можно сказать, что посѣщеніе Россіи должно было убѣдить въ миролюбивомъ и безкорыстномъ ея расположеніи. Подтвержденіемъ тому служитъ замѣтка газеты *Post* по поводу появившейся въ *Fremdenblatt* тревожнаго статьи о предстоящихъ будто бы передвиженіяхъ русскихъ войскъ на западной границѣ. Указывая, что оповѣщеніе о передвиженіяхъ

русских войск состоялось еще весной, *Post* присовокупляет, что общее политическое положение Европы исключает предположение, будто Россия занята в настоящее время приготовлениями к воинственным действиям на Запад. Со времени победы императора Вильгельма в Петербург отношения между Германией и Россіей были постоянно хорошими, дружественными, а потому публика не поступит благоразумно, если в настоящее время не будет поддаваться никаким опасениям. Вообще статья *Fremdenblatt's* не придает никакого значения и она рассчитана преимущественно на то, чтобы, по случаю новых расходов на армию, произвести воздействие на австрийский парламент. Что касается второго путешествия, то, по мнению, высказываемому в хорошо осведомленных кружках, главным результатом победы императора Вильгельма в Риме является упрочение германско-итальянского союза. Охлаждение между Германией и Ватиканом, вызванное более тесным сближением императора Вильгельма с королем Гумбертом, считают в здешних политических сферах явлением временным, хотя, вместе с тем, в тех же сферах много толкуют о сближении Ватикана с Францией.

В ожидании грядущих событий, всеобщее внимание невольно обращено на процесс Геффена в Германии по поводу обнаружения дневника покойного императора Фридриха III, светлая личность которого живет еще у всех в памяти. В самый разгар следствия по делу Геффена, которого окончательно решено передать суду по обвинению в измене отечеству, в Лондон, 3 октября, появилась книга доктора сэра-Мореля Мэкензи „О роковой болезни доблестного Фридриха“ (*The fatal illness of Frederick the Noble*), сообщающая интересные подробности тяжелых страданий ввещенного больного, в которых, между прочим, обвиняются профессор Бергман, Гебгардт и другие немецкие врачи. Книга разделена на 3 части. Первая из них посвящена истории болезни, вторая озаглавлена „Спорь“, а третья содержит статистический дан-

ныя. Кроме того, каждая глава носит особый заголовок, иногда довольно курьезный. Профессор Бергман, тотчас же после появления книги, выступил с опровержением взводимых на него обвинений при посредстве *New York Herald*. Вслед за ним в той же газете профессор Вирхов подтвердил, что причиной смерти императора Фридриха не была неудачная операция, предпринятая Бергманом 12 апреля, и вместе с профессором Вальдейером обнародовал декларацию, в которой, на основании протокола о вскрытии тела императора Фридриха, доказывает всю ложность взводимого Мэкензи на профессора Бергмана обвинения. Из этой декларации видно, что то место гортани, в котором Бергман сдѣлал, будто-бы, ошибочный прорѣз, чѣм и вызвал, будто-бы, нарыв, а потом и воспаление в легких со смертельным исходом, найдено было при вскрытии в нормальных условиях. Взводимыя на профессора Бергмана и Гебгардта обвинения не находят отклика в высших сферах, и 12 октября профессора Бергман и Гебгардт были приглашены к императорскому обеденному столу.

Внесенный Флоке проект пересмотра конституции является злобою дня для Франции. Наступивший затѣм вопрос, кому должен быть предоставлен этот пересмотр, разделил все парламентские партии на два лагеря. Буланже, со своими сторонниками, къ которым примкнули империалисты и роялисты, требует созыва учредительного собрания или верховного конгресса. С другой стороны, Флоке заявляет, что самодержавный конгресс представляется невозможным, и большинства обихи назвать могут, по его мнению, войти между собою в соглашение. Флоке поддерживает Клемансо, высказавшийся в пользу предложенного министром-президентом Флоке пересмотра конституции. Онъ заявил, что будет поддерживать политику Флоке, которая устранит опасности диктатуры и возвратит на правильный путь республиканцев, введенных в заблуждение буланжистами.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества Государь Император и Государыня Императрица, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника и Великаго Князя Николая Александровича и Вел. Кн. Георгія Александровича, прибыли 12 октября въ Кутаисъ.

Дѣла церкви.

— Въ Иерусалимѣ 1 октября торжественно освящена церковь св. Маріи Магдалины, близъ Геосеманъ. Церковь построена на средства Государя Императора и Его Августѣйшихъ Братевъ, въ память въ Бозѣ почивающей Императрицы Маріи Александровны. Обрядъ освященія совершилъ блаженнѣйшій Инокимъ, патріархъ Иерусалимскій. Богослужение началось въ 7^{1/2} часовъ утра, тотчас по прибытіи въ храмъ Ихъ П. В. Вел. Князей Сергія Александровича и Павла Александровича и Вел. Княгини Елисаветы Феодоровны, и окончилось въ 11 часовъ. Храмъ, по своему виду и богатому убранству, производит самое отрадное впечатлѣніе.

5 октября Ихъ Имп. Выс. прибыли изъ Иерусалима въ Яффу и остановились на ночь въ домѣ архимандрита Антонія, а утромъ, 6 октября, присутствовали при закладкѣ, въ саду Тавиффы, храма, который строятъ архимандритъ.

Городскія извѣстія.

— 13 октября, въ Спб., въ зданіи Министрства Иностранныхъ Дѣлъ, происходило торжественное чествованіе министра Иностранныхъ Дѣлъ, статсъ-секретари, сенатора, д. т. с. Николая Карловича Гирса, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его служебной дѣятельности.

Морское дѣло.

— 6 октября, въ конференцъ-залѣ Николаевской Морской академіи и Морскаго училища, состоялся торжественный выпускной актъ Морскаго училища. Весь пріѣзъ настоящаго выпуска состоялъ изъ 82 человекъ. Изъ нихъ со времени поступления отстало 27 человекъ; отъ прежнихъ пріемовъ присоединилось къ выпуску 10 человекъ. Къ экзаменамъ въ настоящемъ выпускѣ приступило 65 гардемариновъ; выдержало испытанія 63 гардемарина. Изъ окончившихъ курсъ училища признанъ достойнымъ быть записаннымъ на мраморную доску, золотыми буквами, фельд-

фельдъ Наполеонъ Клембовскій. Кроме того, удостоены премии 10 гардемаринновъ.

— Пароходъ „Архангельскъ“ погибъ отъ столкновенія у южнаго берега Норвегіи. Погибло 18 человекъ экипажа.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въѣздившимъ лѣтомъ, близъ селенія Кабанъ, Ольгинскаго округа, Кареской области, были найдены мѣсторожденія мѣди. Недавно было приступлено къ развѣдкамъ, и добытое небольшое количество руды было отправлено въ Карсъ для изслѣдованія. Это изслѣдованіе показало, что процентное содержаніе въ отдѣльныхъ кускахъ руды весьма неравномерно, отъ 6% до 52%. Качество мѣди весьма хорошее.

— Въ Киевѣ, 10 октября, закрыта сельскохозяйственная выставка. Самая высшая награда (почетный отзывъ) присуждена по фруктовому отдѣлу инспектору сельскаго хозяйства Черняеву за труды по распространенію опытныхъ знаній по сущкѣ фруктовъ и овощей.

Торговля.

— Недѣля 25 сентября—1 октября (ст. ст.) отличалась, по словамъ *Вестн. Финанс., Промышл. и Торговл.*, колебаніями хлѣбныхъ цѣнъ и неправильнымъ, вообще, ходомъ дѣла на всѣхъ почти руководящихъ хлѣбныхъ рынкахъ. Причиною такой перемены, какъ и можно было ожидать, явилась сѣвероамериканская спекуляція. На русскихъ рынкахъ перемена не замѣтна, и въ большинствѣ преобладаетъ попрежнему выжидательное настроеніе, вызываемое надеждою на улучшение въ близкомъ будущемъ цѣнъ. Разсчеты русскихъ производителей хлѣба и торговцевъ въ этомъ отношеніи подтверждаются и послѣдними свѣдѣніями изъ Лондона.

— На парижскомъ рынкѣ цѣны на керосинъ повышаются, требованіе возрастаетъ. Въ настоящее время неоплаченный акцизомъ керосинъ продается по 30 и 30^{1/2} коп. Цѣны на нефтяные остатки также идутъ на повышение. Черные остатки продаются по 16 коп., зеленые — по 14 и 14^{1/2} за пудъ. Торговля рыбою съ каждымъ днемъ все болѣе оживляется; прибытіе рыбныхъ товаровъ изъ Астрахани увеличивается; настроеніе рынка остается крѣпкимъ и въ цѣнахъ замѣтно повышение.

Народное просвѣщеніе.

— 5 октября, въ Педагогическомъ музеѣ

Военно-учебныхъ заведеній состоялось собраніе Обще-педагогическаго отдѣла Учебно-воспитательнаго комитета музея. Въ этомъ собраніи была прочитана записка: „Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“, составленная законоучителемъ Тамбовскаго Екатерининскаго института, о. А. Архангельскимъ. Въ томъ же засѣданіи собраніе рѣшило въ послѣдующія засѣданія комитета разсмотрѣть слѣдующіе вопросы: о переутомленіи учениковъ въ школахъ, о вредѣ сидячей жизни и о воскресномъ отдыхѣ для учениковъ.

Литература и наука.

— Въ Петербургѣ, 10 октября, послѣ лѣтняго перерыва, состоялось первое засѣданіе Русскаго Литературнаго Общества, въ новомъ его помѣщеніи (Гороховая, № 33), причѣмъ были прочтаны авторами поэма кн. Д. Н. Чертелева и стихотвореніе І. І. Менискаго. Особенный интересъ возбудило чтеніе нигдѣ еще не напечатанныхъ писемъ Голя. Въ преніяхъ принимали участіе: гр. А. А. Голенщевъ-Кутузовъ, А. С. Суворинъ, Кн. Д. П. Чертелевъ, Н. Н. Карзинъ и др.

— 5 октября, въ СПб. состоялось первое послѣ лѣтняго перерыва общее собраніе членовъ Географическаго Общества, посвященное слушанію сообщенія вице-предсѣдателя общества П. П. Семенова о его поѣздкѣ въ Закаспійскую область и въ Туркестанъ.

Изъ губерній и областей.

— Въ Москвѣ, 11 октября, въ 4-мъ часу дня, рухнула выходящая на Кузнецкій Мостъ лицевая стѣна въ три этажа и капитальная стѣна дома, устраняемаго купеческимъ обществомъ для торговыхъ помѣщеній; 21 рабочей ранены, убитыхъ обнаружено было четверо. Раскопки обвалившейся части зданія купеческаго общества производились непрерывно. Съ начала катастрофы до 11 час. веч. копали пожарные пяти частей, погони ихъ замѣняли рабочіе, присланные подрядчикомъ рухнувшей постройки. Тусклое освѣщеніе обвала замѣнилось съ 9 часовъ двумя электрическими фонарями. Къ утру были открыты еще четыре трупа въ подвалѣ. Всего убитыхъ и умершихъ отъ ранъ девять человекъ. 13 октября окончилась раскопка развалинъ; больше труповъ не было найдено.

— Землетрясенія въ Кареской области все

еще не прекратились, но стали рѣже и слабѣе. Наибольше сильное сотрясение почвы произошло въ 2 ч. 30 м. ночи 15 сентября. Въ это время начались вертикальные толчки, которые продолжались около 10-ти секундъ.

Некрологъ.
— 11 октября, скоропостижно скончался въ СПб., во время исполненія въ его присутствіи операціи въ клиникѣ, ординарный профессоръ и академикъ Имп. военно-медиц.

академіи, д-ръ медицины и хирургіи, завѣдывающій 1-мъ хирургическимъ отдѣленіемъ военнаго госпиталя, совѣщательный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета, д. ст. с. Евстафій Ивановичъ Богдановскій.

С М Ъ С Ъ.

Завѣщаніе учителя ариметики. Фортунатъ Дрейнуль, учитель ариметики въ Страсбургѣ, оставилъ послѣ своей смерти, поствѣдовавшей въ 1713 году, слѣдующее завѣщаніе: „Мой высокочтимый дѣдушка, Просперъ Дрейнуль, училъ меня читать и считать. Однажды, когда мнѣ едва минуло восемь лѣтъ, онъ доказывалъ мнѣ, что если ежегодно прибавлять къ капиталу проценты, то онъ въ теченіе ста лѣтъ увеличится въ сто тридцать разъ. Вниманіе, съ которымъ я его слушалъ, повидимому, очень понравилось старику; онъ неожиданно вынулъ изъ кармана 24 ливра и съ энтузіазмомъ, памятнымъ мнѣ до сихъ поръ, сказалъ: „Дитя мое, помни всю свою жизнь, что при помощи экономіи и ариметики для человѣка нѣтъ ничего невозможнаго на свѣтѣ. Дарю тебѣ 24 ливра, снеси ихъ къ моему другу, купцу, который изъ желанія быть мнѣ приятнымъ, вложитъ ихъ въ свое дѣло. Ты долженъ ежегодно присоединять къ этой суммѣ проценты, съ тѣмъ чтобы послѣ твоей смерти на эти деньги было основано богоугодное заведеніе для успокоенія твоей и моей души“. Я исполнилъ приказъ дѣда. 24 ливра превратились съ тѣхъ поръ (въ 62 года) въ 600, которые я, съ тою-же цѣлью, дѣлю на пять равныхъ частей и завѣщаю, чтобы они, подобно основной суммѣ, постоянно возрастали, причѣмъ черезъ каждые сто лѣтъ одна пятая суммы должна быть употреблена въ дѣло. Первая часть черезъ сто лѣтъ составитъ 13,000 ливровъ, на которые должно быть осушено и воздѣлано болото, лежащее близъ моего мѣсто-рожденія. Сто лѣтъ спустя вторая часть составитъ 1,700,000 ливровъ; на эту сумму должно быть учреждено 80 премій для поощренія науки. Еще черезъ сто лѣтъ третья часть возрастетъ до 220 милліоновъ. На это должны быть основаны по всему государству 100 патристическихъ ломбардовъ, изъ которыхъ каждому трудолюбивому и честному гражданину будутъ выдаваемы безпроцентныя ссуды; кромѣ того, въ главнѣйшихъ городахъ должны быть основаны 12 музеевъ и 12 библиотекъ. Каждая изъ нихъ будетъ имѣть по 10,000 ливровъ ежегодной ренты на содержаніе 40 заслуженныхъ ученыхъ. Черезъ слѣдующія сто лѣтъ четвертая часть составитъ 30 милліардовъ. На нихъ должны быть основаны 100 новыхъ городовъ и заселены 150,000 человекъ каждый. Мнѣ могутъ возразить, что во всей Европѣ не найдется такого количества наличныхъ денегъ; въ виду этого я предоставляю моимъ душеприказчикамъ превращать деньги, по ихъ усмотрѣнію, въ недвижимыя имущества. Наконецъ, послѣдняя, пятая часть, по истеченіи пятисотъ лѣтъ, возрастетъ до 3,900 милліардовъ. Изъ этихъ денегъ должны быть сначала уплачены наши государственныя долги, затѣмъ, если достанетъ—долги англійчанъ, въ благодарность за прекрасное сочиненіе Ньютона, озаглавленное *Универсальная ариметика*. Исполнители завѣщанія, въ числѣ шести, должны быть избираемы изъ числа честнѣйшихъ гражданъ, и каждый изъ нихъ, умирая, долженъ назначить себѣ преемника. За свои труды, они могутъ, при расходованіи четвертой доли, раздѣлить между собою небольшую частичку ея въ 32 милліона.“ Вотъ какъихъ чудесъ можетъ надѣлать бережливый человѣкъ изъ 24 ливровъ!..

Однако, не шутя, эти колоссальныя исчисленія до извѣстной степени осуществимы, доказательствомъ чему можетъ служить слѣдующій фактъ: Въ Норвичѣ въ 1724 году умеръ одинъ судья. Онъ оставилъ по завѣщанію 4000 фунт. стерлинговъ, которые должны были быть отданы въ ростъ на 60 лѣтъ, а по прошествіи этого срока на нихъ надлежало основать школу, въ которой бы безвозмездно воспитывались и получали пищу и одежду 120 воспитанниковъ. Душеприказчиками онъ назначилъ одного епископа и нѣсколько другихъ уважаемыхъ личностей. Въ маѣ 1784 года срокъ истекъ, сумма наличныхъ денегъ достигла 74,000 фунт. стерлинговъ и благотворительное заведеніе дѣйствительно было основано. (с.)

Землѣды. Изъ числа болѣзней, которымъ подвержены жители тропическихъ странъ, геофагія или страсть ѣсть землю, можетъ быть названа одною изъ самыхъ замѣчательныхъ. Болѣзнь эта настолько распространена, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можетъ считаться повальною и притомъ крайне пагубною болѣзью. Ей подвержены бывають въ равной мѣрѣ люди всѣхъ вѣстовъ и положеній; въ особенности-же дѣти и подростки становятся жертвами пагубной страсти, отъ которой уже нѣтъ спасенія; ни дружескія увѣщанія, ни страхъ передъ строгимъ наказаніемъ, ни ужасающіе примѣры, ни перспектива вѣрной смерти не въ состояніи остановить несчастную склонность; сила воли утрачивается совершенно, и только неуспѣшный надзоръ и держаніе больного взаперти могутъ еще прѣдотвратить гибель. Землѣды можно безошибочно узнать по его наружности: цвѣтъ лица блѣдный, восковой, безкровный; лицо одутловатое; тѣло худѣетъ, мускулы ослабѣвають, животь пухнетъ, взглядъ становится неподвижнымъ и неопредѣленнымъ; появляется одышка; большой дѣлается пугливымъ, скрытнымъ и нелюдимымъ. Землѣды обнаруживаютъ особенное, болѣзненное пристрастіе къ жирному, красному или желтому глинозему, смѣшанному съ разлагающимися остатками органическихъ веществъ, а гдѣ его нѣтъ, употребляютъ въ пищу и хрящевой, известковый песокъ. Что мно-

гія дѣвья племена, какъ напр. Отомакп на Ориноко, страдаютъ геофагіей, давно извѣстно; но что земледѣвство распространено подъ тропиками и между нѣкоторыми цивилизованными народностями, отчасти европейскаго происхожденія, до сихъ поръ рѣдко упоминалось; а между тѣмъ, въ тѣхъ странахъ не только люди, но и почти всѣ дикія животныя, не исключая птицъ, разсыскиваютъ и съ жадностью поглощаютъ глинистую землю. Они во множествѣ собираются въ мѣстахъ глинонахожденія, которая скоро становится извѣстными охотникамъ, какъ хорошія мѣста охоты. Даже въ желудкѣ крокодила находятъ большія количества глинистой земли. (с.)

Великодушный турокъ. Бывшій великій визирь Юсуфъ-паша, прославившійся впоследствии въ Египтѣ въ качествѣ полководца, игралъ однажды, находясь еще въ низшихъ чинахъ, со своими рабами въ джиридъ (метательное конько). Одинъ изъ рабовъ имѣлъ несчастіе чопастъ дротикомъ въ глазъ своему господину, который отъ невыносимой боли упалъ въ обморокъ и навсегда лишился глаза. Когда Юсуфъ пришелъ въ себя, несчастный бросился къ его ногамъ и со слезами на глазахъ молилъ о прощеніи. Визирь совершенно хладнокровно подаль ему кошелекъ и сказалъ: „Ступай, ты свободенъ; возьми эти деньги и оставь мой домъ навсегда. И тоже человѣкъ; твое прѣсутствие напомнило бы мнѣ, что ты причина моего несчастія и я могъ бы поступить съ тобою несправедливо.“ (с.)

Сколько центнеровъ вѣситъ земля? Если при исчисленіи объема земли возьмемъ за основаніе ея діаметръ и примемъ во вниманіе, что земля въ $5\frac{2}{3}$ разъ тяжелѣе водянаго шара, равнаго ей объема, а кубическій метръ воды вѣситъ 20 центнеровъ, то придемъ къ слѣдующему выводу: Окружность большаго круга, проходящаго черезъ центръ земли, равняется 40,000,000 метровъ, слѣдовательно діаметръ земли въ кругломъ числѣ будетъ 12,738,853

метра, а отсюда, по формулѣ $\frac{d^3 \pi}{6}$ или

$$12,738,853 \cdot 12,738,853 \cdot 12,738,853 \cdot 3,14$$

6

кубическое содержаніе будетъ = 1,081,855,795,637,421,051,023 кубическихъ метровъ. Это число, умноженное на $5\frac{2}{3}$, 20 дастъ вѣсъ объема земли равный 122,610,323,505,574,385,782,607 центнеровъ или: сто двадцать двѣ тысячи шестьсотъ десять триліоновъ, триста двадцать три тысячи пятьсотъ пять біліоновъ, пятьсотъ семьдесятъ четыре тысячи триста восемьдесятъ пять милліоновъ, семьсотъ восемьдесятъ двѣ тысячи шестьсотъ семь центнеровъ (с.)

Кролики въ Австраліи. Какъ извѣстно, кролики настолько расплодился въ Австраліи, что во многихъ округахъ превратились въ самый страшный бичъ, какой только можно себѣ представить. Правительство Новаго Южнаго Вельса было наконецъ вынуждено назначить сумму въ 25,000 ф. стерлинговъ за изобрѣтеніе средства для полнаго истребленія этихъ животныихъ. Какой страшный вредъ наносятъ кролики австралійскому сельскому хозяйству, можно видѣть — по словамъ *Ежедн. Обзорнія*—изъ слѣдующаго примѣра, сообщаемаго въ одну англійскую газету г. Локгартомъ, близко знакомымъ съ мѣстнымъ положеніемъ дѣла. На одной фермѣ въ колоніи Викторіи, на южномъ берегу р. Муррей, было 110,000 штукъ овецъ. Когда Локгартъ снова посѣтилъ ферму два или три года спустя, количество скота сократилось уже до 1200 штукъ. Виновики такого опустошенія были кролики. Они поѣли все, уничтожили всѣ травы и всякую зелень; погрызли кору на кустарникѣхъ и наконецъ сами погибли тысячами, пока не могли перейти Муррей, для отысканія свѣжихъ пастбищъ въ Новомъ Южномъ Вельсѣ. Изъ южной части Викторіи кролики постепенно перемѣрились далѣе къ сѣверу, пока не были остановлены р. Мурреемъ. Наконецъ и это препятствіе было устранено: наводненіе, размывшее часть южнаго берега, увлекло массы кроликовъ на сѣверный берегъ, въ Новый Южный Вельсъ. При этомъ конечно множество ихъ погибло, но и послѣ катастрофы осталось достаточное количество для водворенія на сѣверномъ берегу. Отсюда кролики направились еще далѣе къ сѣверу, и Локгартъ полагаеть, что эта перекочевка въ сѣверномъ направленіи превратилась у нихъ въ инстинктъ. Развитіе этого инстинкта онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: кроликъ-самецъ склоненъ умерщвлять дѣтенышей, если убиваетъ до нихъ добраться. Самки знаютъ эту слабость—и потому, предъ тѣмъ какъ метать дѣтенышей, стараются уйти отъ нихъ, именно въ сѣверномъ направленіи. Покинутые самцы спокойно остаются на мѣстѣ, дожидаясь съ юга новой стаи самокъ и т. д. Подобная перекочевка на сѣверъ достигла въ настоящее время границъ Квинсланда, отстоящаго на нѣсколько сотъ англійскихъ миль отъ того мѣста, гдѣ кролики перешли Муррей. Локгартъ предлагаетъ воспользоваться этимъ инстинктомъ кроликовъ для ихъ истребленія. Для этого достаточно было-бы перелетать всѣ деревяныя изгороди, имѣющія западно-восточное направленіе, крѣпкою проволокою, такимъ образомъ, чтобы животныя не могли подкапываться подъ заборъ. Идущіе съ юга кролики направляются

Продавец жареного мяса въ Батумѣ. Ориг. рпс. (собств. „Нивы“) Шмерлинга, грав. Ольшевскій.

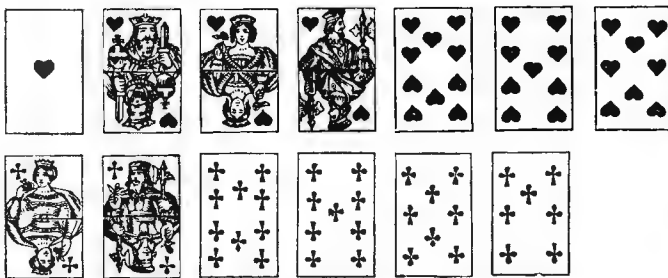
вдоль забора и будут попадать въ нарочно разставленные силки. Прежде всего Локгартъ требуетъ прекращенія выдачи премій за убитыхъ кроликовъ, такъ какъ этимъ способомъ бѣдствие только

увеличивается. Когда охота на кроликовъ превратится въ выгодное занятіе, ловцы ихъ (rabbit-trappers) будутъ принимать мѣры къ тому, чтобы этотъ источникъ дохода не изсякъ. (с.)

Задача игры въ винтъ № 69.

(составл. С. П—скимъ).

1. Первый партнеръ (А) имѣетъ:

На переговорахъ третій партнеръ (В) самостоятельно договорился до пяти бубенъ, при чемъ указалъ въ переговорахъ на двѣ взятки въ тrefахъ.—Второй партнеръ (Х) назначилъ три пики, а У поддержалъ на 4 пики, но болѣе назначить они не могли.—А окончательно назначилъ малый шлемъ на червахъ, хотя могъ назначить и большой.

2. Съ чего бы ни пошелъ Х, игроки А и В должны сдѣлать большой шлемъ, но благодаря оплошности В, они остались безъ одной; еслибъ и А дурно разыгралъ, то они остались бы безъ 3-хъ.

Добавочныя условія: а) если-бъ А удовлетворился назначеніемъ 5-ти бубенъ, то они должны были, при вѣрной на видъ игрѣ, тоже остаться безъ одной, хотя у противниковъ тrefы были не на одной рукѣ; б) если-бъ А остановился на маломъ шлемѣ на тrefахъ, то игра не могла быть проигранною, по если бы къ одному изъ противниковъ отъ другаго переложить тrefонку, то А и В тоже остались бы безъ одной; в) наконецъ, если бы игра осталась за игроками Х и У, то они, навѣрное, сдѣлали бы малый шлемъ на пикахъ.

Требуется: 1) опредѣлить карты остальныхъ партнеровъ; 2) показать ходъ игры, назначенной А; 3) указать оплошность, сдѣланную В, и ошибку, которую могъ бы сдѣлать А; 4) показать розыгрышъ игры въ 5-ть бубенъ, назначенной В.

Ребусъ. Задача № 70.

Задача—загадка № 71.

си	въ	ном	по	гах
жу	бо	тя	тя	го
и	но	хо	и	я
в	хо	са	ло	хо
гах	хо	на	на	жу

Перебъжить отдѣльно въ каждой изъ трехъ частей квадрата мѣста слоговъ такъ, чтобы изъ слоговъ составила фраза-загадка, которую и отгадать.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ.

„НИВА“

еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни,
издаваемый А. Ф. МАРКСОМЪ, подъ редакціею В. П. КЛЮШНИКОВА.

Въ теченіе девятнадцати лѣтъ изданія, „Нива“ съ каждымъ годомъ постепенно улучшалась въ литературномъ и художественномъ отношеніяхъ, увеличивалась въ объемъ и годъ отъ году давала все лучшія безплатныя преміи, а въ послѣдніе годы, кромѣ обычной большой преміи, выдавала по нѣскольку экстренныхъ приложеній, состоящихъ изъ отдѣльныхъ, для каждаго весьма полезныхъ, таблицъ съ изображеніями различныхъ предметовъ знанія, печатанныхъ нѣсколькими красками, на толстой веленовой бумагѣ. Вообще, съ теченіемъ времени, „Нива“ дѣлалась все богаче и разнообразнѣе, что конечно не осталось незамѣченнымъ нашими читателями.

Улучшая такимъ образомъ свой журналъ, мы довели его до объема почти вдвое большаго, чѣмъ онъ былъ 19 лѣтъ тому назадъ.

При такихъ капитальныхъ улучшеніяхъ, мы естественно несли все большіе и большіе расходы по изданію журнала, а между тѣмъ подписная цѣна „Нивы“ оставалась та же, что была и при началѣ изданія.

Имѣя въ виду и на будущее время расширять объемъ журнала, всесторонне улучшать его, совершенствовать главную премію и увеличивать по возможности количество безплатныхъ приложеній, мы поставлены въ необходимость нѣсколько возвысить подписную цѣну „Нивы“.

Въ портфель Редакціи приготовлены къ печати слѣдующія новыя произведенія:

- Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ.
- П. Висковатова—„Головка съ натуры“, рассказъ.
- Кн. М. В. (автора романа *Дити Солнцевыхъ*)—„Мни-мая любовь“, романъ въ 2 част.
- Графа А. А. Голенищева-Кутузова—„Время“, стих.
- Князя Д. Голицына-Муравлина — „Увлеченіе“, пов.
- П. Дорошенко—„Кто-же“, современный рассказъ.
- В. П. Желиховской—„Удивительныя приключенія Порфирия Перепелкина“, рассказъ.
- М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“, романъ.
- Н. В. Кукольника—„Крѣпостной художникъ“. (Посмертное произведеніе).

- Евгенія Львова—„Три могины“, очерки изъ недавняго прошлаго земельной Россіи.
- В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, романъ въ 2-хъ част.
- П. Н. Полевого—„Корень зла“, историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.
- Н. Северина—„Перепутала“, комедія въ 1 дѣйствіи.
- Н. Станицкаго—„Дѣдушна“, рассказъ.
- А. В. Стернь—„Божье дитя“, рассказъ.
- Ф. Ф. Тютчева—„Артемій Саватьевъ“, рассказъ.
- А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть.
- Кн. Д. Н. Цертелева—„Иранское преданіе“.
- О. Чуминой—„Загадка“, комедія въ 1 дѣйствіи.

Далѣе, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе 1889 года „НИВА“ дастъ болѣе 50 портретовъ русскихъ общественныхъ дѣятелей съ біографіями, сотни оригинальныхъ рисунковъ русскихъ художниковъ и цѣлый рядъ копій съ картинъ, выставляемыхъ РУССКИМИ художниками на выставкахъ въ Имп. Академіи Художествъ и на Передвижной выставкѣ, множество видовъ русскихъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей съ описаніемъ, изображенія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся событій современной русской жизни, популярно-научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія съ пояснительными рисунками, равно какъ и обзоръ важнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ явленій въ Россіи и заграничей.

Кромѣ разныхъ ЭКСТРЕННЫХЪ ПРЕМІЙ, выдаваемыхъ отъ времени до времени въ теченіе года, при журналѣ „Нива“ выдается особое бесплатное ежемѣсячное приложеніе „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“—въ немъ до 500 модныхъ гравюръ въ годъ, до 350 рисунковъ изящныхъ рукодѣльныхъ работъ и множество РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ, до 400 чертежей выроекъ въ натуральную величину, множество бунвъ, вензелей и т. п. для мѣтки—словомъ полный модный журналъ.

Какъ главную премію на 1889 г. гг. годовые подписчики имѣютъ безплатно получить большую олеографическую картину печатанную маслян. красками, съ оригинала проф. Имп. Акад. Худ. В. Д. ОРЛОВСКАГО:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

точно такого же формата какъ и премія 1888 года, т. е. 14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины.

Громадный успѣхъ нашей преміи за 1888 годъ „Зимній пейзажъ“ проф. Ю. Ю. Клевера, даетъ намъ надежду, что премія „Нивы“ на 1889 годъ „Лѣтній вечеръ въ Малороссіи“ проф. В. Д. Орловскаго превзойдетъ ожиданія гг. подписчиковъ, такъ какъ эта картина изображаетъ южно-русскую природу во всей роскоши ея лѣта. Это мирный хуторокъ съ его поэтическими бѣлыми хатками въ зелени вишневыхъ садовъ, освѣненный навѣсами рощи и залитый золотомъ послѣполуденнаго солнца по всей шири облегающей его степи.

Мы выставяемъ въ непродолжительномъ времени картину въ книжныхъ магазинахъ и бібліотекахъ всѣхъ большихъ городовъ Россіи, гдѣ желающіе и могутъ наглядно убѣдиться въ ея высокихъ достоинствахъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ.	5 Р.	Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи	6 Р.	Съ пересылкою въ Москвѣ и въ друг. городахъ и мѣст. Имперіи.	7 Р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ.	6 Р. 50 к.			За границу	9 Р.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просятъ адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 6. Редакція и издатель „НИВЫ“

Въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича, СПб., Васильевскій Островъ, 2-я линия, домъ № 7, поступила въ продажу книга:

НОВАЯ РУССКАЯ СКОРОПИСЬ

О. Н. Половникова.

Содержаніе: Предисловіе. — Азбука. — Прописи. Сиб. 1883 г. Цѣна 50 к., съ перес. 60 коп.

Авторомъ этой книги сдѣлано полное преобразование русской скорописи. Съ этимъ преобразованиемъ механическій письменный трудъ сокращается до 40% (т. е. на написаніе чего старую скоропись нужно было употребить 10 час., новою скорописью, при равномъ навыкѣ, употребится только 6), безъ ущерба точности, ясности и красоты скорописи. Новая скоропись доступна для изученія каждому грамотному, почему и удобна для всеобщаго употребленія. № 3447

Натуральная минеральная слабительная вода источника

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

въ Будапештѣ; по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она дѣйствуетъ вѣрно, легко, анкуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.

Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается вездѣ. Ц. № 3401 6-2

Для нормальнаго пріема достаточно на половинку обыкновеннаго стакана.

Дирекція въ Будапештѣ.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

КОСМЕТИКА

А. ЭНГЛУНДЪ.

Освѣжаетъ и придаетъ свѣжесть. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 р.—2 банки съ перес. 3 р. Для предупреденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и марку С.П. Косметической Лаборатории.

Получать можно: въ Русск. Обществѣ торговли антикварск. товарами, у А. Рубанова, С.П. Техно-Химич. Лабор.— въ Москвѣ: у К. Феррейна, В. Бозбардилья, Р. Келлеръ и Комп., О. Гейдлинга и во всѣхъ известныхъ аптекахъ и парфюмерныхъ торговл. Россійской Имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.П. Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. № 3438

АДРЕСА

всѣхъ специальностей и странъ доставляются подъ гарантией: International Adressen-Verl.-Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 специальностей. — 5.000.000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко. № 3435 5-2

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ. Покупаеиъ всѣ % бумаги. Суды подъ всѣ % бумаги. Страхование выигрышныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3393 3-3 Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр., и пр.)

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГЕНЪДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копиями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ колѣнк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к. Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр. № 6.

Въ книжной торговлѣ специально для иногородныхъ

А. Я. ПАНАФИДИНА,

С.-Петербургъ, Бол. Итальянская, д. № 8, поступили въ продажу:

ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

Первая книжка разсказовъ. Содержаніе: Четыре дня — Промышленіе. — Трусъ. — Встрѣча. — Художникъ. — Ночь. — Attalea princeps. — То, чего не было. СПб. 1888 г. Изд. 4-е. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к.

ЕГО-НЕ. Вторая книжка разсказовъ. Содержаніе: Деньщикъ и офицеръ. — Изъ воспоминаній рядового. — Красный дѣтвотъ. — Медвѣди. — Сказка о жабѣ и розѣ. — Надежда Николаевна. СПб 1888 г. Изд. 3-е. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к. № 3436

Въ книжн. магаз. Петербурга: у Попова, Панафидина, Вольфа, Суворина, Фелу и др. кн. Вновь вышедшая книга—юмористическій романъ

НЕ ХОЧУ УЧИТЬСЯ,

ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ.

Похожденія живописца, картины въ лицахъ Мазилкина, Транкина, Пачкунова, Баклуша-Бей, Баталина, князя Батистова и Маши, съ 100 рисунками Бунда, текстъ Пальмина. Цѣна 1 руб. Содержаніе книги: Пляшныя искусства. — Призваніе. — Забавы отрочества. — Признаки творчества и любви. — Финансовыя затрудненія. — Бой и побѣда. — Романтическая княжна. — Зарожденіе картинъ. — Маскарадъ. — Заключеніе.

Рисунки Бунда до того смѣшны, что невольно возбуждаютъ въ каждомъ неужеримый смѣхъ. Складъ и продажа: у Ю. Кондентъ, Москва, М. Бронная, д. Румянцева, Выписывая изъ склада, за пересылку не платитъ. П. № 3430 3-1

Вышло изъ печати въ Петербургѣ и Москвѣ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

СЕЛЬСКИЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1889 Г.

Я. АВРАМОВА. Мт. № 3410

Со святцами, съ портретами Настѣдника Цесаревича и многими рисунками. 162 колонны убористой печати. Цѣна 20 КОП. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, лавкахъ и складахъ, въ столицахъ и провинціи. Выписывающіе отъ составителя (С.-Петербургъ, Пески, 7 улица, д. № 8, Якову Васильевичу Аврамову) не менѣе 100 книжекъ пользуются, смотря по желанію, или даровой пересылкой или же усугубно по 5 коп. отъ каждой книжки. За пересылку платится по разстоянію (3 экземпляра съ упаковкой вѣсятъ 1 ф.).

Поступили въ продажу НОВЫЯ изданія Ф. ПАВЛЕНКОВА:

Общедоступное землемѣріе. Съ 280 рисунками и чертежами. Составилъ А. Колтановскій. Цѣна 75 коп.

Славянскій бунваръ. Т. Лубенца. 2-е изданіе. Училищнымъ Совѣтомъ при учебника, въ тѣхъ церковно-приходскихъ школахъ, въ которыхъ русская грамота преподается прежде славянскою. Цѣна 5 коп. Мт. № 3412

ЛЕПНИШГЪ и ГЛОЗНИШГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

На 1889 (IV-й) г.

съ 1-го ноября ОТКРЫТА ПОДПИСКА на дешевый ежедневный иллюстрированный журналъ

„СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИНЪ“.

К. МАСЛЯНИКОВА.

Много рисунковъ, практическія прилаганы. отвѣты на вопросы, съ рисунк. Предлагаются безплатно: сѣмена, архитектур. проекты, красками. Безплатно при подпискѣ: Альбомъ съюта, лошадей, собакъ. Программа высылается безплатно. На годъ 6 р. № 3432

ЭЛЕВАТОРЫ,

ихъ конструкц. и значеніе для Россіи. К. Масляникова. 12 рис. Съ перес. 40 к. Главнѣйшія причины сельско-хозяйственн. кризиса и мѣры къ его прекр. Съ пер. 15 к. Сиб. Надеждинская, № 39.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ Всеволода Гаршина (автора „Петербург. Трущобы“): 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ

НОВѢЙШАГО ОБРАЗА отъ 3 р., 4 р., 4 р. 50 к., 5 р. и т. д. до 150 р. за штуку

въ оптичскомъ и хирургическомъ магазинѣ М. РАЗУМОВЪ и А. ШИЛДЕРЪ Москва, Рождественка, д. Фирсаковой.

ЦѢНА ТОЛЬКО 10 р. с. ПЕРЕНОСНЫЙ ТЕЛЕГРАФНЫЙ ЗВОНОКЪ.

Электрическ. батарея, въ полномъ составѣ и по новейшей конструкціи, помещена въ ящикъ, къ которому придѣлана весьма рационально и вѣрно-дѣйств. система звонковъ. Электр. проволока сообщ. съ батареею и можетъ быть проведена — безъ вреда для стѣны — чер. комнаты и коридора, пройдя по угламъ или дверямъ изъ одного помѣщенія въ другое; а звуковка, придѣл. къ концу проволоки, прикрѣпляется на желаем. мѣстѣ. Такимъ образомъ, хозяинъ въ сост. устроить въ нѣскольکو минутъ домашнее телеграфн. сообщеніе. Больше точная свѣдѣнія безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДЪ

у Казанск. м. д. № 30—16, въходъ съ Екатынск. м. д. № 3078 кан. въ С.-Петербургѣ. 7—5 единств.: въ г. Хвалынскѣ И. Номисарову.

ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ МѢХОВЪ

ДЛЯ ДАМЪ.

Пріемъ въ покрывну и перекладку мѣховъ гг. покупателей.

Всѣ скорняжныя работы.

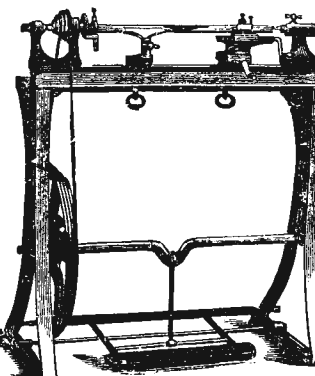
ШУБКИ, РОТОНДЫ, МУФТЫ, БОА.

ДЕШЕВЫЯ ЦѢНЫ.

Ю. ФЛОРАНЪ

18, Больш. Морская.

Т. № 3128

РУССКАГО ИЗДѢЛІЯ

усовершенствованныя токарныя станки, не уступающіе всѣмъ иностраннымъ, между тѣмъ болѣе какъ въ два раза дешевле, имѣются готовые и на заказъ, въ механическомъ заведеніи Д. Сиваронскаго, Басейная ул., д. № 10, С.П. Любительскіе станки совершенно металлическіе отъ 65 р., съ супортомъ отъ 85 р. Пріемъ-курранты высылаются за 14 коп. марку. № 3445

CRÈME-SIMON (КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портищаеся.

LA POUDE SIMON И МЫЛО à la CRÈME-SIMON

имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16-1

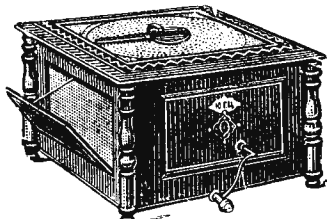
ДОМАШНИЙ ИЛЛУСТРИРОВАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ 1889 Г.

Съ 43 рис. 96 стр. Ц. 20 к. Складъ у книгопродавца Губинскаго въ С.-Петербургѣ. № 3416 5-1

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ“

предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіи вѣдѣн, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адресъ единств.: въ г. Хвалынскѣ И. Номисарову.

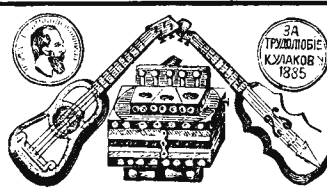
ГЕРОФОНЪ.

ЦѢНА ГЕРОФОНА УДЕШЕВЛЕНА.

Обыкновенный герофонъ съ 10 пѣсами стоитъ теперь только 30 руб. Герофонъ съ приспособл. для игры „forte“ и „piano“ съ 10 пѣсами только 32 руб. Большое количество добавочн. пѣсь по 60 коп. за каждую. За пересылку прому приложить за 50 фунтовъ. Каталогъ нотъ для герофона, а также иллюстр. прейсъ-курantzъ всѣмъ инструментамъ — безплатно. Герофоны и ноты къ нимъ продаются у меня только настояще патентованные.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
главное депо № 3451
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. 6. Торлецкаго.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И ФАБРИКА А. Э. КУЛАКОВЪ.

Реком. гармоній, гитары, скрипки, мандолины, цитры, флейты, лирофоны, струны, герофоны, артегоны, кларифоны и пр. Цѣны фабричныя. Торговцамъ скидка. Иллюстр. прейсъ-курantzъ выс. безплатно.
4-4 главный складъ и контора: 3331
Въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая, № 40.

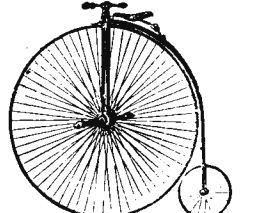
**ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖЪ:
УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ**

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.
Цѣна бѣло-лакированныхъ . . . 8
тѣмно-полированныхъ . . . 8 50
Поты къ нимъ: Альбомъ I и II по . . 30
Альбомъ III новый . . . 50
За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Прейсъ-курantzъ всѣмъ инструментамъ безплатно.
Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 3386 (3)

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ И ПРЕМЬЕРЪ 2-хъ-колесные велосипеды спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.
Прейсъ-курantzъ безплатно, также брошюра виконта Барри: „0 велосипедъ и велосипедистахъ“.
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПб., В. Морская, 21. Р. № 3395 (2)

Только что отпечатано и поступило въ продажу НОВОЕ, ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,

издѣно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскошныхъ коленкоръ. переплетахъ съ золотыми тисненіями — 8 руб., съ пересылкою 9 руб.

Для годисчиновъ „Нивы“ — 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 р., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просить обращаться въ СПбургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

МАГАЗИНЪ БРОНЗЫ К. БЕРТО

бывшаго торговаго дома Ф. Шопень,
Михайловская ул., № 4, домъ Волжно-Камснаго банка.

Г-нъ К. Берто имѣетъ честь извѣстити, что онъ приобрѣлъ въ собственность фабрику и модели бывшаго торговаго дома Ф. Шопена, и что онъ, какъ дѣлалъ и прежде, будетъ продолжать принимать всякіе заказы и исполнять всѣ бронзовыя работы. Рѣ. № 3407 2-2

ЛИБИХА КОМПАНИ МЯСНОЙ ЭКСТРАКТЪ

Настоящія лихъ тѣ банки снабженныя подписью J. Libby снѣга цвѣта

8-4 Главное депо для Россіи: братья Фохтеры, В. О., 1-я лин., № 4. № 3396

ЕВГЕНІЙ ДАММЪ ИСКУССТВЕННАГО ТИСНЕНІЯ

единственное въ своемъ родѣ заведеніе
Самыми различными рисунками бархатъ, трипъ, манчестеръ и кожу; красятъ и чистятъ не распарывая всевозможн. вещи; чистятъ кружева, гофелены и мебель не шимаа; магазины: Могилевская ул., д. 21, близъ Египетскаго моста. Васильевскій Островъ, 7-я линія, д. № 30, близъ Большаго проса. Офицерская ул., д. № 6, близъ Вознесенскаго пр. Троицкій пер., д. № 27, близъ Пяти Угловъ. Фабрика: Петровский Островъ, собственный домъ. № 3438

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Нители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекъ или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (39) № 2946

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Demander

Le MAGNIFIQUE ALBUM ILLUSTRÉ renfermant 554 gravures inédites de Robes, Confections, Articles pour toilettes de Dames et Enfants, Vêtements pour Hommes, etc., ainsi que la nomenclature de tous les tissus en Soieries, Lainages, indiennes, Toiles etc. etc., qui

Vient de Paraître.

L'envoi en est fait GRATIS ET FRANCO contre demande adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie à Paris

Sont également envoyés franco les échantillons de tous les tissus composant les immenses assortiments du **PRINTEMPS**. (Bien spécifier les genres et prix.)

Expéditions franco de port à partir de 25 fr. jusqu'à la frontière Russe, ou jusqu'à destination, moyennant une augmentation de 10 0/0, pour toute commande dépassant 100 fr.

А. № 3406 3-3

НОВОСТЬ! Американскія металлическія лампы ГИЧКОКЪ безъ стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣлье и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается огромная экономія устраненіемъ постоянно ломающихся и бьющихся стеколъ.
Лампа вся металлическая, издѣно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.

Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1/2 копѣйки въ часъ.
Полное ручательство за доброкачество.
Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію:
Столовая . . . 12 руб.
Висельная . . . 15 руб.
Стѣнная . . . 15 руб.

Съ столпкомъ и кольцомъ на 3 р. дороже.
Цѣны въ Азіатскую Россію на 4 р. дороже.
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372
Ж. БЛОКЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбургъ, Соборная улица.

РОСКОШНЫЯ ШАЛИ

Песовныя отъ 25 руб.
Лисья подъ чернуюбурую лисицу отъ 7 до 25 р.
Бурая отъ 25 до 50 р.
Черная отъ 50 до 500.
Вѣлья Кавказск. овицы отъ 5 до 15 руб. Тибетской — 15 до 35 р.
Скуны. 15 до 35. Предлагаетъ Сурина, Невскій, вер. галл. Гостин. Дворъ. № 23. № 3427

НИВА

Иллюстрированный
Журнал
Литературы

XIX г.

г. XIX

№ 44

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1888

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 29 октября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рунод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к. — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петербургъ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Петербургъ . . . . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . 7 р.

9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Подписка на 1888 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. №№ съ преміями.

Е. С. Семенова.

Знаменитая трагическая актриса Екатерина Семенова, подобно большинству русских артистокъ, была далеко не знатнаго происхожденія. При появленіи своемъ на сценѣ въ 1803 году, она оказалась полуграмотною: ей должно было начитывать роль, объяснять каждый мопологъ съ удареніемъ всякаго стиха, что впоследствии обыкновенно дѣлала жившая у ней актриса Лобанова, исполнявшая на сценѣ ея наперсницъ. Въ началѣ же ея сценическаго поприща съ нею много занимался извѣстный переводчикъ Иліады, Н. И. Гнѣдичъ, повѣрившій ея мнимку предъ каждымъ спектаклемъ, въ которомъ она участвовала; онъ заставлялъ ее молча выражать лицомъ тѣ чувства, которыя должно было вызвать въ ней то или другое драматическое положеніе. Оленичъ, Крыловъ и Нелединскій также занимались сценическимъ воспитаніемъ артистки, и благодаря имъ, Семенова могла соперничать даже съ такими

Екатерина Семеновна Семенова. Съ современнаго портр. грав. Ю. Шюблеръ.

талантами, какъ всемирно извѣстная, Мlle Жоржъ. Вотъ какъ характеризуетъ Семенову современникъ ея и большой знатокъ театра, С. Т. Аксаковъ:
„Разнесся слухъ, что Гнѣдичъ переводитъ Вольтерова „Танкреда“ для того чтобы Семенова въ роли Аменаиды показала во всемъ блескъ свой талантъ и могла бы достойно соперничать съ Mlle Georges, игрою которой Гнѣдичъ не былъ вполне доволенъ; онъ особенно чувствовалъ въ ней недостатокъ огня, которымъ самъ былъ надѣленъ даже въ излишествѣ. Вскорѣ Гнѣдичъ захѣлъ къ Шюшерину и сказалъ ему, что переводитъ „Танкреда“ и даже привезъ прочесть начало своего перевода, который по тогдашнему времени казался намъ превосходнымъ. Переводъ былъ конченъ и пьеса поставлена съ необыкновенною поспѣшностью, въ три мѣсяца. Все исполнилось такъ, какъ предполагалъ переводчикъ: Семенова торжествовала, и въ публикѣ образовалась партія, которая не только сравнила ее съ

Mlle Georges, но въ роли Аменаиды отдавала ей преимущество. Впоследствии переводъ „Танкреды“ былъ напечатанъ съ приложеніемъ портрета Семеновою и стихами къ ней переводчика. Мы съ Шюшериньмъ видѣли Семенову въ роли Аменаиды два раза; во второй разъ Шюшеринъ смотрѣлъ ее единственно для похвалки сдѣланныхъ имъ замѣчаній послѣ перваго представленія, которыя показались имъ не совсѣмъ справедливыми; но Шюшеринъ былъ правъ и убѣдилъ меня совершенно. Превозносимая игра Семеновою въ этой роли представляла чудную смѣсь, которую могъ открыть только опытный и зоркій глазъ такого артиста, какимъ былъ Шюшеринъ. Игра эта слагалась изъ трехъ элементовъ: первый состоялъ изъ незабываемыхъ еще приемовъ, манеры и формы выраженія всего того, что игрывала Семенова до появленія Mlle Georges; во второмъ — слышалось чуждое ей подражаніе въ напѣвѣ и быстрыхъ переходахъ отъ оглушительнаго крика въ шопотъ и скороговорку. Шюшерину при мнѣ сказывали, что Семенова, очарованная игрою Джоржъ, и день и ночь упражнялась въ подражаніи, или лучше сказать въ передразниваніи ея эффектной декламации; третьимъ элементомъ, слышимымъ болѣе другихъ — было чтеніе самого Гиббича, шѣвучее, трескучее, крикливое, но страстное и, конечно, всегда согласное со смысломъ произносимыхъ стиховъ, чего однако онъ не всегда могъ добиться отъ своей ученицы. Вся эта амальгама, озаренная поразительною сценическою красотою молодой актрисы, проникнутая внутреннимъ огнемъ и чувствомъ, передаваемая въ сладкихъ и гремящихъ звукахъ неподражаемаго, очаровательнаго голоса, производила увлеченіе, восторгъ и вырвала громъ рукоплесканій.“ Далѣе авторъ описываетъ, какъ „Семенова явилась въ первый разъ въ роли Антигоны въ „Эдипъ въ Афинахъ“. Какъ она была

хороша! Какой голосъ! Какое чувство, какой огонь! Ну да вотъ какой огонь: когда въ третьемъ актѣ Крїонъ, въ отсутствіи Тезея, похищаетъ Эдипа и воины удерживаютъ Антигону, то она пришла въ такую панику, что, произнесла первые четыре стиха:

Постойте варвары! пронзите грудь мою,

Любовь къ отечеству довольствуется своею.

Не внемлютъ — и бѣгутъ поспѣшно по долины;

Не внемлютъ — и мой вопль терзается въ пустынь...

вырвалась у воиновъ и убѣжала влѣдъ за Эдипомъ, чего по пьесѣ не слѣдовало дѣлать; сцена оставалась, можетъ быть минутой двѣ, пустою; публика, восхищенная игрою Семеновою, продолжала хлопать; когда-же воины притащили Антигону на сцену насильно, то громъ рукоплесканій потрясъ театр! Все вышло такъ естественно, что публика не могла замѣтить нарушенія хода пьесы“.

Въ 1826 году Е. С. Семенова покинула сцену, выступивъ въ послѣдній разъ публично въ трагедіи „Пожарскій“. Спустя два года она вышла замужъ за князя Гагарина и поселилась въ Москвѣ. Тамъ вокругъ нея собирается кружокъ молодыхъ людей, среди которыхъ встрѣчаются имена С. Т. Аксакова, Надеждина, Погодина и Пушкина. Александръ Сергѣевичъ, воспѣвшій „младую Семенову“ въ „Опѣгнѣ“, говоритъ, поднесъ ей экземпляръ своего „Бориса“ съ собственноручною надписью: „Княгинѣ Катеринѣ Семеновнѣ Гагариной — отъ Пушкина, Семеновою — отъ сочинителя“. Сдѣлавшись княгиней, Семенова иногда принимала участіе въ благородныхъ спектакляхъ съ благотворительною цѣлью, появляясь передъ избранною публикою. Послѣдніе годы жизни знаменитой артистки были опечалены несчастливимъ замужествомъ ея дочери. Екатерина Семеновна скончалась въ 1846 г. 1 марта.

Бригадирская внучка.

Московская быль

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XIV.

Ласково расцѣловалась Марья Евграфовна со смущенною и озадаченною внучкою, и уйдя, тотчасъ изъ приличія выѣхала со двора чтобы этимъ выѣздомъ объяснить свой незаурядный праздничный костюмъ. Она не хотѣла чтобы люди знали, что одѣвалась она собственно не для гостей, а для торжественной проповѣди внучкѣ.

Толбухина выѣхала со двора въ Кремль въ красивой каретѣ, качавшейся на высокихъ стоячихъ рессорахъ, съ двумя гайдуками на запяткахъ, цугомъ сѣрыхъ коней съ красивыми форейторами впереди. Бѣдичи теперь по улицамъ Москвы, Марья Евграфовна все думала о внучкѣ и о своемъ объясненіи. Она была довольна собой, своей рѣчью и своимъ вѣдшимъ видомъ. Недаромъ внучка въ прототѣ души высказалась, удивленная красивой вѣшностью своей не пастоящей, а лишь нареченной бабушки. Дѣйствительно, сорокалѣтняя Марья Евграфовна казалась на этотъ разъ очень молодою. Съ ней бывали эти перемены, она была по французскому выраженію *journalière*. Иной день она казалась даже старше своихъ лѣтъ, а въ другое время моложава и красива, какъ если бы ей было въ дѣйствительности всего 30 лѣтъ отъ роду.

„Она пойметъ, что, поступая по моимъ указаніямъ, поступитъ правильно“, думала Марья Евграфовна. — „Поплачетъ, погорюетъ, но передумавъ все, что и ей такъ хорошо сказала, она убѣдится, что нужно бросить мысль о бракѣ съ офицерикомъ“.

Перейдя мысленно къ затѣѣ бригадира относительно брака внучки съ 60-лѣтнимъ его другомъ Братолоубцевымъ, Толбухина невольно создалась себѣ самой, что эта затѣя совершенно нелѣпая. Она сама въ ея годы не пошла бы за друга и кума бригадира. Онъ былъ человѣкъ добродушный и веселый, но „пустоватъ“ и, какъ говорится, „до старости щепокъ“ по своимъ мыслямъ, привычкамъ и вѣшному виду. И Клѣна конечно будетъ съ нимъ несчастлива. Это было бы грѣшно допустить.

„Это грѣхъ! Ей Богу грѣхъ. И на моей душѣ былъ бы этотъ грѣхъ!“ думала Толбухина.

Черезъ часъ времени, возвращаясь домой, она уже рѣшила, что должна твердо противодѣйствовать затѣѣ бригадира, ибо ея совѣсть повелѣваетъ это.

— И за Звенигородскимъ прапоромъ ей не бывать, по и за стараго холостяка крутить ее грѣхъ! разсудила и рѣшила она.

Справедливость къ людямъ и правильность въ жизни — были какъ-бы девизомъ Толбухиной.

Марья Евграфовна была женщина степенная, во всемъ хладнокровная и вѣроятно поэтому справедливая. Въ повседневной жизни, она любила чистоту, тишину и порядокъ, т. е. тоже „правильность“ во всемъ. Ей бы хотѣлось чтобы все человѣчество жило такъ-же правильно, какъ существуетъ міръ Божій — солнце, земля и твердь небесная. Всякому человѣку слѣдовало-бы, по убѣжденію Толбухиной, жить, чувствовать и мыслить, подобно часамъ. Она находила, что всѣ животныя живутъ правильнѣе человѣка. Всякія тревоженія, сомнѣніе, колебанье, порывъ, пылъ, увлеченіе, раскаяніе и сотни другихъ атрибутовъ человѣческой природы — все это было чуждо Марьѣ Евграфовнѣ и даже иногда не понятно.

— Это все люди на себя напускаютъ. Это все блажь одна! часто объясняла Толбухина какое-нибудь обыкновенное явленіе людской жизненной суеты.

Слѣдовательно, печали и радости людскія, горе и счастье ихъ, для нея были блажью.

— Какъ-же это я вотъ... Никогда я еще смолоду ни отъ какой радости не прыгала, никогда ничему особенно не радовалась, никогда ни о чемъ безцвѣтно не горевала. А бывали-же и у меня обстоятельства, и радости, и печальныя. А отчего? Нужна правильность въ чувствованіяхъ. Теленокъ только можетъ такъ, безъ всякаго повода и безъ причины, вдругъ задравъ хвостъ, начать по деревнѣ прыгать. А человѣкъ свое человѣческое и дворянское достоинство соблюдай. Звѣрь, птица и букашка живутъ правильно. Холопъ можетъ жить во всякихъ тревоженіяхъ, онъ не себѣ принадлежитъ, а дворянину. Онъ хоть и съ душой, но холопской. Онъ „продажная“ душа. Его на базаръ выводятъ и продаютъ рядомъ съ коровою, съ овощами, съ

сѣномъ и всякой живостью. А человекъ, т. е. дворянинъ съ душой благородно рожденной, долженъ жить правильно, собой владѣть и себя яко-бы коня на уздѣ держать.

И Толбухина „воздерживалась во всемъ“, т. е. жила методически. Проводила она день свой такъ-же правильно, какъ шли большіе стѣнные часы въ столовой. Она вставала и ложилась, кушала, вышивала въ пльдахъ, раскладывала пасьянсъ, выслушивала сплетни, доносы и переписы своей главной ключницы Степаниды, собиравши со всего околотка, бесѣдовала объ суетѣ міра сего или о дѣлахъ и хозяйствѣ съ бригадиромъ—все въ положенные часы дня.

Когда бригадиръ въ забывчивости сунется вдругъ говорить съ сестрицей объ какомъ дѣлѣ, во время стола или найдя ее за пльдами, то Марья Евграфовна вмѣсто отвѣта и бесѣды скажетъ правоучительно:

— Я теперь кушаю! Я теперь вышиваю!

И бригадиръ отложить разговоръ до предпазваченаго для такихъ бесѣдъ часа, т. е. до семи вечера или до двѣнадцати часовъ слѣдующаго дня.

Если люди въ домѣ прозвали барыню „пиллой“ за ея склонность къ поученіямъ, правоученіямъ и обученію ихъ всему, что ни случилось, то въ кругу знакомыхъ своихъ Толбухина заслужила иное наименованіе. Московское дворянство считало ее чрезвычайно умною въ рѣчахъ и называло философомъ.

— Барыня-философъ, говорили про нее. — Всегда высоко парить мыслями.

Однако были тоже москвичи, которымъ чудилось, что рѣчи Марьи Евграфовны, хотя высокопарны, но будто пустозвонны. Она хорошо и складно говоритъ, подбираетъ слово къ слову, какъ бисеръ нанизываетъ на витку или будто иглой крестики шерстяные кладетъ по канвѣ. Но прослушать ее цѣлыхъ два часа—и ничего въ головѣ не останется. ничего полезнаго отъ нея не узнаешь и не запомнишь.

При этомъ Толбухина за всю свою жизнь въ домѣ бригадира никогда никому ласковаго слова не сказала, никогда ни отъ одной чьей либо бѣды не ахнула, какъ многіе люди, бываетъ, дѣлаютъ. Всякому бываетъ „вчужѣ жалко“, а Марья Евграфовна была казалось даже „своя рубашка къ тѣлу“ не близка.

— Нутра въ ней нѣту! давно рѣшили про нее холпы. — Истуканъ изваянный! говорили и знакомые. Красивая и привѣтливая, а улыбнется алыми устами, будто тебя студеной водой оболетъ.

И хотя Толбухина не сдѣлала зла никому никогда, а доброю все-таки не слыла. И никто ее помимо бригадира не любилъ. На вновь поселившуюся въ домѣ молодую внучку она производила тяжелое впечатлѣніе своимъ невозмутимо-яснымъ, но будто ледянымъ прекраснородушіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будто на смѣхъ своей природѣ и своему черствому праву, Толбухина любила „играть въ нѣжныя чувства“, по выраженію перваго друга бригадира—Братолюбцева.

— Всякій человекъ хвастаетъ тѣмъ, чего у него нѣтъ, а не тѣмъ, что есть! разсуждалъ умный и острый другъ бригадира. — Звалъ я одного воеводу, который вѣки-вѣчные жаловался на зубную боль. То ночь не спалъ онъ отъ боли, то онъ трое сутокъ безумствовалъ отъ зубовъ. А у него еще съ молодости отъ какого-то знахарскаго сладобья всѣ зубы цѣликомъ съ корнями вывалились въ двѣ недѣли, такъ что съ двадцати лѣтъ онъ вставлялъ себѣ фальшивые. Вотъ и Марья Евграфовна хвастаетъ нѣжностью сердца, кое у нея тоже давно изъ нутра вывалилось или коего у нея и съ рожденія не бывало.

Братолюбцевъ однако ошибался въ одномъ отношеніи: Толбухина не хвасталась своей нѣжностью и чувствительностью предъ другими людьми, а какъ-бы ри-

совалась предъ самой собою, даже скрывая многое предъ посторонними.

Такъ, между прочимъ, Толбухина обожала извѣстный родъ живописи, новую школу, процвѣтавшую въ ея время и во главѣ которой стала навѣки знаменитый Бато. Въ горницѣ Марьи Евграфовны были четыре большія картины, изображавшія пастушковъ, пастушекъ, маркизъ и маркизовъ... На этажеркахъ, горкахъ и на тумбахъ стояли кучки фарфоровыхъ бездѣлушекъ, изображавшихъ все тѣ-же сюжеты, что и картины. На большой тумбѣ у средняго окна стояла дорогая северская группа, изображавшая двухъ обнявшихся подъ деревомъ. Надъ влюбленной четой сидѣлъ въ вѣтвяхъ амуръ и стрѣлой указывалъ на дочечку, прильнувшую къ дереву, гдѣ золотая надпись гласила:

„Serment d'aimer, et puis... aimer, et après tout... aimer!“

Вмѣстѣ съ пастушками, амурами и маркизами было въ горницѣ Толбухиной и много книгъ, исключительно французскихъ, такъ какъ языкъ ея любимыхъ пастушковъ Марья Евграфовна знала до тонкостей, какъ бытъ-можетъ никто во всей Москвѣ. Но любимаго автора у нея не было. Она равно любила и Мариво, и Лафонтена, и Мармонтеля.

— Лишь-бы по французски было написано... На этомъ языкѣ все хорошо, часто говорила она,—такъ же какъ на русскомъ все грубо выходитъ.

Особенное презрѣніе чувствовала Толбухина къ Новикову и его изданіямъ и книгамъ. По поводу этого бывали у нея частыя столкновенія съ бригадиромъ, изъ которыхъ она однако всегда выходила побѣдопосно, ибо умѣла спорить и „заговаривать“.

XV.

Клѣна, оставшись одна, послѣ визита бабушки, сидѣла на шелохнувшихся нѣсколько минутъ.

„Вотъ оно недоброе!“ думалось ей. Вотъ опс, что давно чулось ея сердцу. Въ какой незадачливый часъ рѣшилась она идти къ дѣду жить! Какой роковой шагъ былъ тотъ, которымъ она переступила порогъ этого дома!.. Но неужели-же все пропало, всему милому и дорогому конецъ? Нѣтъ! Какъ онѣ сюда съ няней пришли, такъ могутъ и уйти. Да. Но вѣдь придти было легко, а уйти будетъ трудно. Дѣдъ—человекъ властный. Захоти онъ, то можетъ ее и ея милаго въ тюрьму засадить.

Дѣвушка понурилась, и слезы заструились по ея лицу. По счастью, тотчасъ за исчезновеніемъ красивой и разфранченной бабушки въ горницѣ Клѣны появилась на рыскахъ ея утѣшительница-няня.

— Ну что?.. Такъ! Такъ! Вижу... До слезъ отчитала, будь ей пусто! воскликнула Арина Матвѣевна.

— Ахъ, Ариша!.. Ариша! воскликнула въ свою очередь дѣвушка и, бросясь на шею къ мамушкѣ, залилась слезами еще пуще.

— Что? Что такое? Аль и впрямь новость какая? Да говори. Не томи...

Клѣна въ короткихъ словахъ передала все, что слышала отъ бабушки насчетъ рѣшенія бригадира относительно Козлянинова и насчетъ ея собственныхъ поздорѣній, что у дѣда есть на примѣтѣ свой женихъ.

— И Богъ вѣсть еще какой! сказала няня.—Пожалуй еще такой-же старый, какъ и овъ самъ! вѣрно угадала она.

— Ахъ, няня, не все-ли мнѣ равно какой!

— Какъ, родимая, можно! Молодой или старый—это дѣло первѣющее. Ты глуна—не понимаешь.

— Да мнѣ-то все едино! И молодой, да другой, а не Коля—мнѣ все тѣмъ-же канцеемъ будетъ. Ахъ, умру я! Вотъ что. И зачѣмъ это чума меня не убрала вслѣдъ за батюшкой съ матушкой!?

Парки. Картина П. Тулана, грав. Веберъ.

— Полно ты грѣшити! Несказанное прилетать.
— Няня, что же дѣлать? Подумаи. Нельзя же такъ покориться имъ. Что же дѣлать-то мнѣ?

— Ничего, дитятко мое. Ничего.

— Какъ ничего?

— Да такъ. Ничего.

— Соглашались на предательство Коли? Выходить за ихъ жениха?

— Зачѣмъ! Богъ съ тобой! Сначала ничего не будемъ дѣлать, никакимъ то-исъ голосомъ не откликаться. Будто все это не про насъ. И пронесетъ Господь бѣду. Образуемъ наши привередники. А придетъ коли намъ солоно отъ нихъ—тогда мы...

И Арина Матвѣевна смолкла.

— Что тогда? Что?

— Тогда видно будетъ, голубка. Что, не глядя въ святцы, да трезвонъ заводить! Увидимъ. А придетъ часъ—мы такой съ тобой трезвонъ подыдемъ, что и дѣдушка на попятный пойдетъ. Онъ вѣдь насъ не знаетъ. Какія мои, ты да я,—шустрыи. Мы себя рвать не дадимъ, тоже кусаться умѣемъ.

— Ахъ, няня, все это ты зри болтаешь, отчаянно вымолвила Клѣна.

— Не обижай человека попусту...

— Разлюбила ты меня... Теперь въ богатствѣ, въ снотости, тебѣ не до меня. Тебѣ что за дѣло, что я пропаду. Тебѣ нравится здѣсь у дѣдушки въ хоромахъ. Ты рада, что родители мои на томъ свѣтѣ, а мы въ золотѣ...

— Ахъ ты языкъ пожевыи! Скажи на милость, что она тутъ отрѣзала. А? изумилась Арина Матвѣевна.—Что ты, дитятко, мыслими что-ли рѣшилась? Или ехидничаетъ?

— Нѣтъ. Я правду говорю! плакала Клѣна.

— Хороша твоя правда. Клеветничанье одно. Да еще на кого-же, на свою мамку, коя за тебя животь свой положить всегда готова.

— Да... Говорится такъ. А вотъ теперь...

— Что теперь? Ничего и теперь...

— Вотъ сколько я просила тебя: устрой мнѣ повидаться опять съ Колей. А ты что? Ты въ отвѣтъ: „Нѣтъ да нѣтъ!“ А вотъ они покуда ладятъ свадьбу мою съ вѣдуномъ какимъ-то. Мнѣ хоть-бы разъ повидать Колю.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Вотъ спрашиваетъ!

— Да, спрашиваю. Зачѣмъ? Кой толкъ изъ того будетъ, что вы повидаетесь? Кой прокъ?

— Сговоримся что дѣлать.

— Сговоритесь, а тамъ ты и на попятный. А его предашь. Знаю я тебя...

— Вотъ тебѣ Богъ Господь, няня. Я на все пойду.

Клѣна перекрестилась на образъ, висѣвшій въ углу горницы, и глаза ея сразу высохли и заблестѣли. Арина Матвѣевна поглядѣла и ничего не отвѣчала, но помолчавъ нѣсколько мгновений, выговорила:

— Ну и не кручинься! Сиди да жди. Я за тебя буду сторожить. И ничего я не проморгаю. Когда нашъ часъ придетъ—все я сдѣлаю. Николая Ивановича не токмо въ садъ, въ сугробы, а хоть сюда на вышку къ тебѣ приведу.

— Какъ? Что ты... По воздуху?

— Хоть-бы и по воздухамъ... А про себя я тоже тебѣ скажу... Я тебя сюда къ дѣдушкѣ привела, къ затѣйнику, прости Господи, и чудодѣю... Ну, я-же тебѣ отсюда и уведу, коли онъ отъ старости твое злополучіе замыслилъ. Довольно съ тебя этого, корителница?

Клѣна съ влажными отъ слезъ глазами, горячо обняла свою маму, снова почувявъ сердцемъ, — какъ часто бы-

вало,—что эта Ариша единственный человекъ въ мірѣ, который любить ее до самопожертвованія.

„Она вотъ... и онъ... Двое только у меня—дорогихъ“, думала Клѣна. „Но онъ—совсѣмъ иное дѣло. Та любовь будто изъ огня вся. Жжетъ и палитъ—и разумъ, и сердце... А эта любовь тихая, ясная, по хорошей тоже и будто солнышко грѣетъ...“

Няня весь день просидѣла сумрачная и задумчивая. Клѣна чула сердцемъ, что „ея Ариша“ обсуждаетъ мысленно, что дѣлать.

„Сѣмъ-ко я опять навѣдаюсь къ моей барышѣ дорогой!“ рѣшила Арина Матвѣевна ввечеру. „Можетъ, что новенькаго принесу моей Клѣнушкѣ. А она мнѣ рада будетъ“.

„Дорогая“ барыня, какъ называла няня старуху Козлянинову, дѣйствительно всегда съ особымъ удовольствіемъ и искреннею радостью встрѣчала няню возлюбленной сына. Да и няня тоже обожала этого обожаемаго ею сына,—слѣдовательно, уже этого одного обстоятельства было достаточно чтобы Арина Матвѣевна была желанною гостьей для Козляниновой. Къ тому-же, это былъ единственный въ Москвѣ человекъ, съ которымъ Анна Ильинишна могла отвести душу въ бесѣдѣ. Знакомыхъ у старухи въ городѣ не было, вновь знакомиться она не хотѣла, да и не съ кѣмъ было, а поболтать, порядить и посудить ей иногда сильно хотѣлось.

Въ Звенигородѣ у Козляниновой были двѣ-три пріятельницы, барыни, съ которыми она постоянно видѣлась. Хотя все давнымъ-давно было переговорено между барынями и каждая изъ нихъ по одному взгляду, по одному выраженію лица другой—знала, что та хочетъ сказать, однако онѣ все-таки охотно убивали время, переливая изъ пустаго въ порожнее, перетряхивая соръ своего житія-бытъя.

Рано утромъ, но однако отстоявъ уже заутреню и раннюю обѣдню у Вознесенья на Никитской, няня двинулась въ гости къ своей „дорогой барышѣ“.

XVI.

Поселившись повелѣ въ Москвѣ, Анна Ильинишна скучала теперь невообразимо и по цѣлымъ днямъ отъ тоски—дремала. Сынъ былъ плохимъ собесѣдникомъ, а теперь ходилъ скучный, угрюмый. Да съ нимъ, молодымъ офицеромъ, и нельзя было бесѣдовать о многомъ такомъ, что интересовало старуху, такъ какъ ему все это было совсѣмъ не любопытно, а иное важное казалось смѣхотворнымъ. Такъ не разъ случалось.

Однажды Козлянинова съ пріятельницами звенигородскими была цѣлую зиму въ нѣкоторомъ волненіи, куда дѣвался царскій пѣтухъ, подаренный матушкѣ соборной понадѣ однимъ капитаномъ.

„Былъ пѣтухъ! Вотъ былъ и ходилъ! И всѣ его видѣли! Наканунѣ въ сумерки еще Агашка видѣла, около дровъ! И нѣтъ его! Сгинулъ! И вся зима проходила, а пѣтухъ не проявлялся! И дѣло не разъяснялось! Удивительно!.. Прямо—колдовство!“

Когда Козлянинова передала однажды сіе происшествіе съ царскимъ пѣтухомъ матушки-попадья своему сыну—молодой человекъ много и долго смѣялся. И оказалось, что это онъ не надъ пѣтухомъ смѣется, а надъ охотой такимъ дѣломъ любопытствовать и заниматься...

— Ну пропалъ и чортъ съ нимъ! рѣшилъ онъ.

— Знаю—пропалъ. Эко умникъ сказалъ. Всѣ знаютъ. А ты разсуди это умомъ!—Вотъ что. Гдѣ онъ дѣвался?

— Ну, подохъ.

— Нѣтъ. Подохъ, такъ нашли-бы колѣлаго на дворѣ, ала на улицѣ.

— Ну, украли...

— Некому украсть. Совсѣмъ некому. Улетѣтъ онъ

тоже не могъ... Вотъ ты умомъ и раскрой!.. Удивительно!

Скоро однако Козляпиновъ смѣхомъ, шутками и сопочувствіемъ своимъ къ звенигородскимъ происшествіямъ—отбилъ у старухи-матери всякую охоту бесѣдовать съ нимъ.

Умная няня конечно тоже нисколько не сопочувствовала многому, что занимало разумъ старой барыни; но Арина Матвѣевна, преслѣдуя свои личныя цѣли, вела себя хитро, дальновидно и ловко. Ей надо было войти въ довѣріе, полюбить барыню, чтобы затѣмъ подчинить ее себѣ, ради собственныхъ кровныхъ надеждъ и желаній. Арина Матвѣевна хотѣла во что бы то ни стало заставить барыню согласиться на то, въ чемъ она упорно отказывала обожаемому сыну. Няня надѣялась на побѣду, хотя и не легкую, въ дѣлѣ брака самокруткой ея сына и Клѣны. Но няня ошиблась.

Заставить старуху Козляпинову согласиться на бракосочетаніе ея сына съ бригадирскою впушкой съ ея благословенія, но безъ такового со стороны бригадира—было такъ же трудно, какъ заставить старуху идти воровать по сосѣдству. Такъ она и выражалась:

— Брать дѣвицу въ жены изъ дворянскаго дома безъ согласія или благословенія ея родителей или тѣхъ „кто въ ихъ мѣсто“ — вотъ все то же, что выйти на базаръ да начать воровать изъ лукошекъ, съ лотковъ, да прилавковъ.

Однако Арина Матвѣевна не унывала и твердо вѣрила въ успѣхъ своего предпріятія, какъ вѣрила вообще въ свое искусство подчинить себѣ волю другихъ людей.

— Авось уломаю въ концѣ концовъ — концы мои будутъ! утѣшала себя няня послѣ каждаго посѣщенія Козляпиновой и новаго отказа старой барыни „идти воровать на базаръ“.

На этотъ разъ Козляпинова особенно обрадовалась, увидавъ няню.

— Охъ, рада я тебѣ, мама. Радымъ рада! встрѣтила старуха гостью.

— Спасибо на ласкѣ, Аппа Ильинишна, отозвалась Арина.

— Не благодарствуй. Правду говорю. Тебѣ-ли, кому-ли, всякому въ моемъ одиночествѣ рада будешь. Одурѣла я, мать моя, сидѣя въ этой Москвѣ, одна какъ переть. Я здѣсь, что грибокъ подъ лопухомъ въ дремучемъ борѣ. Ни мнѣ не видать никого, ни меня никому не видно. Ну садись, говори, рассказывай. Побольше, золотая, побольше. Что на умѣ ни есть—все выкладывай. Я охотница слушать. Мнѣ хочъ и глупое послушать—все едино, очень любопытно. Смерть люблю слушать. Только бы не грѣховное, что искушитель на усь себѣ намотать можетъ, да душу потомъ загубить. А то все хорошо... Говорю тебѣ — одурѣла я отъ одиночества. Инъ бываетъ сдается, что я въ монастырѣ какомъ и схиму приняла.

— А Николай-то Ивановичъ, пешто отсутствуетъ все?.. удивилась няня. — Въ гостяхъ да уѣздахъ?..

— Нѣтъ, куда ему уѣзжать! Все дома сидитъ тоже. Да оттого и бесѣдовать съ нимъ нельзя, что онъ ничего не знаетъ, что на Москвѣ новаго приключается. Да и кой прокъ отъ него теперь? Онъ и глядитъ, да не видитъ, и слушаетъ, да не слышитъ. У него одна твоя Клѣна и на умѣ, и на языкѣ, и во всѣхъ чувствіяхъ. Ну сказывай, что случилось въ городѣ-столицѣ. Пожаръ что-ль?.. А? Драка? Убивство? Обокрали кого? Сбѣжалъ чей холопъ?

— Да ничего, матушка Анна Ильинишна. Ничего такого особеннаго въ городѣ не случилось, сказала няня наобумъ. — Все слава Богу...

— Обидно! искренно сожалѣя о такой невзгодѣ, ото-

звалась старуха. — Какъ же это? Городъ большой, жителей многого множества, улицы народомъ кишмя кишать... Да можетъ быть и случилось что, да ты, мама, не знаешь. Такъ идя сюда, прохожихъ бы опросила и мнѣ принесла... А то что жь этакъ, съ пустыми руками идешь! укоризненно закончила Козляпинова.

— У насъ, родная моя и дорогой барыня, тоже укоризненно, но серьезно выговорила няня, — своихъ бѣдъ-бѣдовыхъ полны руки, такъ гдѣ ужъ тутъ любопытствовать насчетъ чужихъ бѣдъ, происхожденій и приключеній!

И сразу вмѣсто пустой болтовни няня перевела бесѣду на свое кровное дѣло и заставила старуху говорить о бракѣ сына.

— Все въ рукахъ твоего Никитскаго болрипа. А мы тутъ ничего не можемъ! сказала Козляпинова.

Няня стала говорить прямо о печальной необходимости вѣнчаться молодежи безъ согласія бригадира.

Старуха махнула рукой и даже слегка отвернулась отъ собесѣдницы.

— Что-жь, матушка-барыня, коли инако нельзя.

— Самокрутка — не дворянское дѣло!

— Съ вашего согласія материнскаго... А они вѣдь не родители. Онъ—дѣдъ, а она даже и не бабка, а чужая совѣмъ для Клѣнушки. А вы мать родная...

Няня краснорѣчиво и долго убѣждала старуху дать свое согласіе, какъ нравственную поддержку и сыну, и его невѣстѣ... Козляпинова молчала, вздыхала, охала... Такъ старуха и отмолчалась. Няня собралась домой...

— Наши дворянскія правила и обычаи крѣпко въ насъ сидятъ, мама золотая, сказала Козляпинова нянѣ на прощанье и въ видѣ извиненія. — Крѣпко-накрѣпко во мнѣ иное обыкновеніе сидитъ, недаромъ его съ мальства розгой, аль плеткой родители и учителя вхлестывали. Я бы и воровать могла, да какъ вспомню, что мнѣ единожды, годовъ десяти отъ роду, за уворованную антоновку было, такъ сразу и ошибеть. Двѣ недѣли, помнится, сидѣть не могла, ходила карантицей, а спать на бочекъ ложилась...

Арина Матвѣевна угрюмая вернулась домой и лицо ея было настолько озабочено и темно, что первый попавшійся ей на дворѣ бригадира человекъ съ любопытствомъ опросилъ няню:

— Аль приключилось что тебѣ, Арина Матвѣевна? Не солоно хлѣбавши, идешь, сдается.

Задумавшаяся глубоко путемъ-дорогою няня, пришла въ себя. Предъ ней стоялъ ея новый пріятель, почти вѣрный другъ, съ которымъ она за послѣднее время все болѣе сходилась. Это былъ скороходъ бригадира Герасимъ Морковниковъ.

Няня конечно отозвалась, что ничего у нея особеннаго нѣтъ на умѣ.

— Такъ... Ломаетъ меня. Застудилась должно...

— Ахъ, не ври... Не меня словами пустыми взять. Я наскрозъ всякаго человека вижу! сказалъ богатырь. — Твое дѣло! Не сказываешься, ну и помочь тебѣ нельзя. А будетъ тебѣ нужда, ты прійди, да Герасиму все и повѣдай. Онъ не дуракъ. Рѣзаное да рубленое скленывать приходилось.

Эти нѣсколько словъ скорохода должно быть попали въ цѣль или были сказаны въ особую минуту, важную и трудную для мамушки.

Сама не зная, какъ и зачѣмъ, а въ тотъ же вечеръ няня сошла съ скороходомъ въ пустой горенкѣ въ нижнемъ этажѣ, около людской, и повѣдала ему все свое и барышнину горе.

— Хотите вы за молодого офицера. А нашъ гнетъ за другаго, за какого. Что жь?.. Завсегда такъ было на свѣтѣ. Тутъ — чья возьметъ? Подумаемъ, мамушка, погадаемъ. Можетъ я что и подумаю вамъ въ помощь, а себѣ въ разживу. Дай мнѣ сроку денька три...

Няня послѣ этой дружеской и откровенной бесѣды повеселѣла. Герасимъ тоже соглашался, что надо прибѣгнуть къ лукавству и обману, ибо ни бригадира, ни Козляниновой не переупрямишь.

Умная няня попалась, однако, какъ старый воробей на мякишѣ.

Черезъ часъ послѣ бесѣды скорохода съ мамкой, онъ былъ уже въ кабинетѣ бригадира, явившись безъ зова барина, а по собственному почину. При первыхъ же словахъ любимца, бригадиръ вскочилъ съ кресла, а затѣмъ, ни слова не вымолвивъ, опустился снова, по поблговѣлъ въ лицѣ.

— Самокруткой... прошепталъ онъ наконецъ. — Увонзть, украдать будетъ. Украдать?!

— Такъ точно... Тайкомъ изъ дому уведеть...

— Да вѣдь за это... если я его накрою... я его убить могу. Мнѣ законъ житейскій разрѣшаетъ его убить... Тебѣ прикажу, другому кому, Антону, Петру... Видишь моль... офицеръ... крадетъ впучку мою... Клади его, какъ пса... Чѣмъ пошло...

Бригадиръ едва говорилъ, задыхаясь отъ гнѣва.

— Ну и не тревожь себя. Такъ мы и знать будемъ! подобострастно вымолвилъ Герасимъ. — Нарвется на кого изъ насъ, хоть на меня, мы его и ухлопаемъ. Да это дѣло и не скоро у нихъ склеится... Еще мѣсяца три прособираются... Я только упредить счель своимъ вѣрнымъ долгомъ.

— Спасибо, Герасимъ. Я тебѣ это зачту! воскликнулъ Филисовъ съ чувствомъ. — Ты да Степанида, только двое вѣрныхъ людей у насъ и есть.

И Герасимъ вышелъ радостно улыбаясь.

XVII.

Морковниковъ и Степанида были дѣйствительно главныя лица въ домѣ бригадира.

Барская барыня, женщина уже пожилая, шарообразнаго вида, маленькая, толстая, съ заплывшимъ отъ сна и обильной пищи лицомъ, была любимицей Толбухиной и ненавидима всѣми въ домѣ. Она была отъ природы женщина не злая, но обязанность ея, или прямой, такъ сказать, долгъ совѣсти состоялъ въ томъ, чтобы наущивать, подсматривать, подслушивать и доносить все барынь-хозяйкѣ.

Степанида была слишкомъ лѣнива и тяжела на подъемъ, чтобы проныркой всюду пролѣзть и все разузнать... А барыня требовала отчетности, ради порядка въ домѣ. Поэтому, Степанида, не злая и не лгунья отъ природы, чтобы доказать свое рвеніе и дѣятельность, должна была поневолѣ сочинять и взводить то на одного, то на другаго холопа всякія небылицы.

Барыня считала долгомъ, вполне довѣряя своей любимицѣ, наказывать ослушника или ослушницу... Отсюда происходила путаница и куча несправедливостей. То и дѣло наказывался кто-нибудь болѣе или менѣе строго за поступокъ, котораго никогда не дѣлалъ. Вотъ за это сочинительство и ненавидѣли Степаниду. А она въ свой чередъ сочиняла не ради любви къ клеветѣ и не ради природной злости, — а ради того, чтобы казаться усердной въ исполненіи своей обязанности соглядатая.

Съ этою Степанидой съ перваго дня вступленія въ домъ добрая и правдивая Арина Матвѣевна какъ-то само собою стала во враждебныя отношенія. Будь Степанида злоюкой, — няня барышниной, вѣроятно, не было - бы уже давно въ домѣ, ибо Арина Матвѣевна постоянно противорѣчила Степанидѣ, выговаривала ей все въ глаза, осуждала за клеветничество и лганіе и вообще взяла подъ свою защиту всѣхъ дворовыхъ.

Впрочемъ, положеніе няни было отчасти исключительнымъ въ домѣ. Хотя она когда-то и была крѣпостною бригадира, но подаренная имъ формально, документомъ,

покойной невѣсткѣ, теперь считалась крѣпостною холопкой молодой барышни, перейдя къ ней, какъ-бы по наслѣдству отъ матери. Ариной помѣщицей была Клѣна, и такимъ образомъ, бывшая крѣпостная бригадира теперь ему совершенно не принадлежала по закону.

Это обстоятельство объяснилъ нянѣ самъ-же бригадиръ и добродушно, и толковито.

— Ты теперь не моя. Я съ тобой ничего подѣлать не могу, хоть ты мнѣ сейчасъ начни грубить... Только выгнать изъ дому тебя могу. Ты барышнина холопка и она одна можетъ сотворить съ тобою что похочеть.

Правдивая Арина Матвѣевна рѣшилась стать въ неприязненныя отношенія къ Степанидѣ, видя и понимая какъ умная женщина, что и бригадиръ, и его Толбухины люди собственно добрые. Въ обоихъ всегда было можно, если смѣло дѣйствовать, найти правду и правдивый судъ. Къ тому-же, дитятко ея настолько ее любила, что никогда-бы не дала даже дѣду въ обиду. Наконецъ у смѣлой Арины Матвѣевны появилось страшное оружіе противъ Степаниды.

Она знала за барской барыней одинъ грѣхъ, который и другіе знали, но всѣ эти другіе никогда-бы не рѣшились прійти и рассказать тайну господамъ. Единственнымъ человѣкомъ способнымъ на это была полупезависимая въ домѣ мама барышни.

Грѣхъ, который водился за Степанидой, — были ея отношенія къ Герасиму Морковникову.

Огромнаго роста, силачъ и богатырь съ виду, умный, но двоедушный и лукавый, этотъ Герасимъ, отчасти избалованный бригадиромъ, правилъ въ домѣ должностью, которая имѣлась во всякомъ богатомъ дворянскомъ быту. Онъ былъ скороходомъ. Иначе говори, онъ былъ лакеемъ, который не имѣлъ въ самомъ домѣ никакого отдѣльнаго занятія, не служилъ за столомъ и не сидѣлъ въ прихожей, какъ другіе лакеи, по цѣлымъ днямъ, съ одной обязанностью вставать, когда кто-либо изъ господъ пройдетъ или гости пріѣдутъ.

Вообще онъ не дѣлалъ ничего по дому. Его обязанность состояла исключительно въ томъ, чтобы исполнить порученія бригадира и быть на посылкахъ. Онъ слонялся вѣкъ по городу, то съ письмомъ, то съ вещью по знакомымъ барина или по лавкамъ и магазинамъ, иногда отпраплялся и въ уѣздъ.

Названіе его, конечно, не соответствовало быстротѣ исполненія этихъ порученій. Отъ прежней мудрепой должности оставалось лишь одно прозвище.

Въ прежнія времена бывали у бояръ и дворянъ дѣйствительно настоящіе скороходы, которыхъ иногда посылали въ страшную даль, и въ вотчину, и въ ипоі губернской городъ, хотя-бы за триста верстъ. И скороходъ скоро ходилъ. Теперь-же оставались въ домахъ дворянъ люди, на обязанности которыхъ было исполненіе порученій и вообще гонка по Москвѣ... Но ходили они такъ-же, какъ и прочіе простые смертные.

Самъ бригадиръ шутилъ часто насчетъ своего Герасима, а равно и другихъ скороходовъ своихъ знакомыхъ.

— Какіе это, чортъ, скороходы теперь!.. Вывелась ихъ порода. Помню я при Екатеринѣ Алексѣевнѣ, первой императрицѣ, да и при Аннѣ Ивановнѣ бывали такіе быстроходы... А знатнѣе всѣхъ водились они въ царствованіе Великой дщери Петровой. У графовъ Разумовскаго и Бестужева были такіе, что по пятнадцати верстѣ въ часъ отхватывали. Лучше всякой ямской лошади... А этотъ теперь народъ иной — черепашней породы. Ихъ-бы теперь слѣдъ звать: долгоходы.

Часто бригадиръ такъ и обращался къ своему Герасиму:

— Ну, ты, долгоходъ, снеси вотъ пишулю. Тутъ вотъ за угломъ домъ-то... Авось къ ночи вернешься.

Такъ какъ посылки эти по городу случались не часто,

Литературный альбомъ. „Золова арфа“. Баллада Жуковскаго. Ориг. рис. (саббв. „Мивы“) И. Волкова, грав. Ангерерь.

то Герасимъ, собственно говоря, былъ свободенъ по цѣлымъ днямъ. И остальнымъ людямъ занятія было мало въ домѣ, по все-таки каждому, что-нибудь да случалось дѣлать. Герасимъ-же проводилъ день во снѣ, въ болтовнѣ, или въ тѣдѣ всего того, чѣмъ угощала его пріятельница, полномочная въ домѣ ключница и барская-барыня.

Герасимъ, какъ большинство богатырей и силачей, былъ человѣкъ собственно добродушный, и если когда-либо вмѣшивался въ какую ссору или драку въ домѣ или на дворѣ, то всегда затѣмъ, чтобы мирить враждующихъ и отдуть въ крайнемъ случаѣ того, кто палъзалъ и шумѣлъ больше, не соглашаясь на мировую.

Герасима любили въ домѣ, несмотря на ненависть къ его пріятельницѣ.

Единственное существо, которое скороходъ считалъ какъ будто долгомъ разъ въ недѣлю легонечко поколотить—была именно Степанида. Но это происходило, такъ сказать, по дружбѣ. Какъ всякій мужъ жену свою долженъ учить изрѣдка колотушками,—такъ и Герасимъ считалъ долгомъ изрѣдка поучить уму-разуму свою пріятельницу, чаще всего за ея лѣнь и распущенность тѣлесную.

Богатырь-скороходъ отличался кромѣ того отъ всѣхъ другихъ дворовыхъ людей бригадира еще и тѣмъ, что могъ, хотя не бѣгло, прочесть Псалтырь и Часословъ. Равно могъ онъ нацарапать что-нибудь не очень мудрое для господъ, или приказъ въ вотчину старостѣ, или счетъ, или смѣту товара, который надо закупить въ лавкахъ.

Герасимъ очень гордился своей грамотностью и поэтому, часто, съ высоты своего величія, говорилъ про дворню:

— Темные люди, что съ нихъ взять.

Во времена, когда не всякій дворянинъ былъ обученъ грамотѣ и большинство саповниковъ умѣло только правильно подписать свое имя и фамилію,—человѣкъ, имѣвшій возможность написать цѣлую страничку, болѣе или менѣе разборчиваго письма, былъ знаменательнымъ и совершенно исключительнымъ явленіемъ.

Хотя бригадиръ и называлъ Герасима „долгоходомъ“, по за то съ гордостью и съ удовольствіемъ рекомендовалъ его знакомымъ:

— Это мой скорописецъ.

То, что называлось новымъ словомъ „скорописъ“ только въ эти дни, въ половинѣ царствованія Екатерины Великой начало входить въ общее употребленіе среди грамотныхъ людей.

До того времени замысловатые значки и крючки писанной азбуки не давали возможности даже вполне грамотному человѣку писать быстро.

Такъ какъ бригадиръ при всякомъ дѣлѣ въ Верхнемъ и Нижнемъ Судахъ всегда посылалъ своимъ ходатаемъ Герасима, то его скороходъ имѣлъ уже много знакомыхъ среди подъячихъ, которыхъ былъ цѣлый легіонъ у Воскресенскихъ воротъ, близъ образа Иверской Божьей Матери.

Въ средѣ этихъ подъячихъ и стрекулистовъ, Гера-

симу, грамотному человѣку, видному съ лица, видному ростомъ, умѣвшему разумно бесѣдовать, было легко завести друзей.

Часто случалось ему по какому либо дѣлу отправляться въ трактиръ и опорожнить цѣлый самоваръ на счетъ приглашающаго, а иногда и на свой собственный, а время проходило въ поучительныхъ и любопытныхъ бесѣдахъ про законы, про суды, про власти и про многое иное...

Изрѣдка, не болѣе раза въ мѣсяцъ, Герасимъ позволялъ себѣ выпить, но, вернувшись домой, тщательно скрывался, чтобы никто его въ нетрезвомъ состояніи не видалъ. Деньги у скорохода, разумѣется, водились, хотя жалованья онъ никакого не получалъ, какъ крѣпостной человѣкъ.

Ясно, что источникъ дохода былъ не чистый. По въ данномъ случаѣ виновнымъ былъ не Герасимъ: онъ только бралъ эти деньги и тратилъ. Приобрѣтались онѣ хитрыми путями, его пріятельницей—барской-барыней.

Герасимъ и Степанида уже издавна были первыя лица въ домѣ бригадира. Теперь только завелось третье лицо, которое выдѣлялось среди прочихъ дворовыхъ—няня барышни, Арина Матвѣевна.

Упрямо-правдивая женщина стала однако въ странныя отношенія къ обоимъ любимцамъ въ домѣ: со Степанидой она была врагомъ, а съ Герасимомъ почти въ дружбѣ.

— Онъ умный, а она дура, рассуждала няня.—Онъ скромный, хоть многое знаетъ, чего не всѣ господа разумѣютъ. Она ничего, кромѣ перины да варенья, и знать не хочетъ. Лукавъ онъ, глаза у него хитрые, не смотрять прямо... Да что-жь мнѣ до этого...

Арина Матвѣевна не могла не отнестись съ особеннымъ уваженіемъ къ тому, что Герасимъ могъ „куная“ перо въ чернила царапать на бѣлой бумагѣ такіе крючечки, изъ которыхъ человѣческая рѣчь производилась, а другой по этимъ крючечкамъ могъ всякое дѣло узнать.

Умной нянѣ Аринѣ грамота казалась не только дѣломъ страшно мудренымъ, но даже отчасти дѣломъ таинственнымъ. Она была въ душѣ увѣрена, что эта грамота хотя и полезна, а все-таки навѣрно врагомъ человѣческимъ изобрѣтена. А тотъ, кто можетъ хорошо владѣть грамотой, непременно колдунъ и съ нечистой силой можетъ имѣть сношенія, если захочетъ.

Съ человѣкомъ, какъ Герасимъ, ей надо было, слѣдовательно, состоять въ дружбѣ. Полная неудача въ тайномъ предпріятіи заставила умную Арину упасть духомъ, искать поневолѣ и безсознательно помощи извнѣ. А ловкій и хитрый Герасимъ будто волею судьбы вдругъ теперь подвернулся ей подъ руку.

„Что ему старый баринъ!“ рассудила няня, пойдя на свиданіе и откровенную бесѣду со скороходомъ. „Умретъ онъ, Клѣна будетъ наслѣдницей всего имущества и всѣхъ холоповъ. Всякому человѣку выгодно теперь ей услужить. Герасимъ ужъ конечно это понимаетъ!“

Но няня страшно ошиблась въ своихъ расчетахъ.

(Продолженіе будетъ).

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе).

На другое-же утро, чуть свѣтъ, Ирinya сѣшла къ Натальѣ Адриановнѣ; опять она на Михѣюшка покривала чтобы зналъ-погонялъ, а про себя вновь твердила: „паша взяла“.

Пріѣхавъ, она заперлась съ хозяйкой и долгонько онѣ шептались. Ирinya Мишанична первымъ дѣломъ, имеемъ Мамелфы Тимошеевны просила чтобы Наталья

Адриановна ей честь сдѣлала, пріѣхала-бы со всѣми крестинунками у нея во дворѣ воздуховъ пошить. А дальше стала выкладывать свои домыслы, и убѣдила Наталью Адриановну, что ея крестинунка Господь шлетъ счастье.

— Гдѣ-жь наша боярыня предбудуща?

— Кликнемъ сейчасъ.

Соломонушка, войдя, какъ увидѣла Принью, и шагу дальше не ступила.

— Чтѣ-жь стоишь, со мной не здороваешься?

— А съ чѣмъ еще пожаловала? тупо, въ полъ глядя, спросила вмѣсто отвѣта Соломонушка.

— Рапо, гляди, предо мной ты загорѣлася, пе боярыня еще. А и будешь за внукомъ посадничимъ по моей-же вѣдь милости.

— Охъ! молчи ужъ ты, зла смутьяныщица.

— За мое-жь добро, да меня-жь и вылаляли, а Наталья Адриановна?

— Не мало я тожь, по твоей милости, плакала.

— Аль что скоро-тъ клала въ десять дѣнь, а выждала ты цѣлыхъ четыре недѣлюшки да столько-жь дѣнь, такъ и въ рѣвъ ревьтъ?

— О, да что мнѣ тебя еще слушати! круто повертывался, сказала Соломонъ Григорьевна.

— Да стой-же, стой, дай выговорить. Приѣхала слышь, родна матушка, тебя-жь смотрѣтъ.

Соломонушка остановилась, но попрежнему не глядѣла на Ирину.

— Что-жь, въ самомъ дѣлѣ ты, уже сердясь крикнула Принья Мишанична. — Спиной ко мнѣ еще поверотилася! Аль не слышишь ты, тебѣ говорю, что Мамелфа Тимошеевна смотрѣтъ тебя приѣхала. Крутись скорѣй, къ себѣ зоветь.

— Не поѣду я! глядя въ уголь, крикнула дѣвушка.

— Съ чего-жь не поѣдешь-то?

— Не поѣду я, ни шагу не сдѣлаю, хоть со злости розорись ты.

— Ой гляди, не серди меня. Я-жь все это дѣло-то затѣяла, да и разстрою я-жь.

— И дѣла нѣтъ, одно хвастанье.

— Скорѣе, гляди, образумливайся, а упорство свое сейчасъ оставь. Охъ! глядѣтъ - то на тебя, поди, стыдобушка... Взглянько, крестна, подивуйкося!.. Чья это у тебя дѣвчушка махонька, упершись въ уголь стоитъ? А ты, миленька, перстокъ помусоля да очушки имъ натри, быдто плакала... Ой, гляди каково се обидѣли, еще внука посадничья высватали!.. Что же молчишь? А ты пожкой брыкнись да зарюмъ къ тому. А мы-то съ крестной, на тебя глядя, возгворимъ: "чѣмъ моля это чадушко-то болше миленько уродился?"

— Коль въ правду она смотрѣтъ меня приѣхала, все въ уголь уставясь, сказала Соломонъ Григорьевна, — такъ у батюшка смотринамъ быть. А не слыхаю, гляди, чтобъ дѣвчины сами на смотрины бѣгали...

— Слышь, Наталья Адриановна? Ишь, Щебелькова-тъ кровь гордыбачится! А прилику надо-жь намъ сдѣлать, глухая, что въдохомъ зрѣтъ плыли мы изъ Новгорода да непаркомъ невѣстунку высмотрѣли.

Но сколько Принья Мишанична ни толковала, почему Соломонъ Григорьевнѣ надо ѣхать, Соломонушка попрежнему упрямилась. Нашло на нее сегодня.

— А да что тутъ а мнѣ! вскричала Принья Мишанична! не зная какъ сладить съ дѣвчушкой. — Глядѣтъ-то мнѣ на нее не-по-что-жь! Вотъ и все тутъ...

— Не упрямься-же, крестнушка, заговорила было Наталья Адриановна, тихо подходи къ ней.

— Аль и тебя она, крестна, обошла? со злостью вскричала Соломонъ Григорьевна. — Да не вѣрь-же, не вѣруй ей! Лжетъ вѣдь все, трилѣта обманщица.

— Это и-то трилѣта обманщица? вскричавъ съ лавки на - крикъ закричала Мишанична. — Такъ-то ты! плевать-же на тебя хочу! А еще съ дурицей разговаривати, да ее-же еще и упрасивати. Такъ вѣдь и Мамелфѣ Тимошеевнѣ стану докладывати, что бѣсна моля. Только Кириаку-тъ Андреевичу потому не въ примѣтунку, что бѣсо-тъ въ ней присмирѣлъ тогда, а знамо молодца на грѣхъ заманивая.

— Малость-ту хоть ты потерпи, Ирinya Мишанична, шепнула ей Наталья Адриановна, и подойди къ Соломонушкѣ положила ей лѣвую руку на правое плечо, а правой стала по головкѣ гладить, любовно заглядывая въ очи дѣвчушкѣ.

— Вспомни-ко, крестнушка, говорила она, — какъ ты предо мною плакала, сопо-тъ свой гадательный сказывая. Не ты-ль тогда, молясь, обѣщала что возложишь это дѣло-то свое на Господа. Вотъ нуль-ко Господь шлетъ тебѣ счастьеце, а ты, гляди...

— Охъ, крестнушка! вскричала прерывая ее рѣчь Соломонъ Григорьевна. — Не вѣруй ты, ради Господа, не вѣруй ей.

А сама, бросающъ къ крестной на грудь, въ три ручья заплакала.

— Цореви, поплачь, авось либо дурь свою слезьми выгонишь, еще въ сердцахъ приговаривала Ирinya. и затѣмъ, давъ дѣвчушкѣ успокоиться, прибавила: — Иди ужъ, ну! ко мнѣ топерь, помиримся.

Соломонъ Григорьевна все еще не глядѣла на Мишаничну.

— Отстань! проворчала она.

— Это ужъ и вовсе грѣхъ, строго сказала Наталья Адриановна. — Много постарѣлъ тебя Ирinya Мишанична, а сама еще зоветъ миритися. Иди-же, иди, настойчиво приказывала она, и оборотивъ дѣвчушку къ гостѣмъ лицомъ, стала ее слегка подталкивать.

Соломонъ шага съ три еще упрямилась, а тамъ съ крикомъ бросилась къ Ирине. И дѣлуя ее и въ уста, и въ руку, сама и смѣялась, и плакала.

— Ну, ужъ Богъ проститъ! ужъ ты мнѣ, а-ахъ! и сама-то я, на тебя глядя, чуть не взбѣсилася! ласкала ее приговаривала Ирinya.

Соломонъ Григорьевна понемногу успокоилась.

— Ужъ и всполоху ты намъ было задала, сказала Мишанична, а сама какъ ударится смѣяться.

И обѣ другія весело разсмѣялись. И ужъ никогда не могли онѣ вспомнить про этотъ всполохъ безъ хоту.

— Ну, а помнишь-ли, дѣвья красаота, похваляясь добавила Ирinya, — какъ мы съ тобой яблоковъ ходили смотрѣтъ, а я еще примолвила: тамъ де батюшка былъ, строгъ старикъ, а тутъ только родна матушка; бабе дѣло моля, такъ жъ какъ и мы съ тобой. Вотъ и вышла вѣдь я нелестна отгадчица. Ужъ что-бъ я да за что взялася, а вышло бъ оно не по моему, такого дѣла и нѣтъ его!

Какъ Наталья Адриановна на подводѣ привезла воздухи въ Красны Холмы, а дѣвчины вслѣдъ верхами приближали, и стали не доѣзжая крыльца съ коней слазить, Мамелфа Тимошеевна догадалась посмотрѣтъ на нихъ въ окно. Первая бросилась ей въ глаза Дросидушка.

„Звать эту пучеглазу - ту розию и вымотрѣла, рѣшила она, — аль ту вопъ курносеньку? подумала она на Любушку, — аль ужъ не эту-ли что доношитель-то громче всѣхъ?“ добавила она про Линушку.

Остальныхъ ей словно и смотрѣтъ не хотѣлося; Соломонъ она сбоку мелькомъ замѣтила.

„Хоть бы эту вотъ стаповитую, подумала она про нее, — ну, да гдѣ жъ ему!..“

Какъ гости съ дороги пооправились, Наталью Адриановну позвали съ господарней кушать, а дѣвчушекъ Ирinya Мишанична угощала особо.

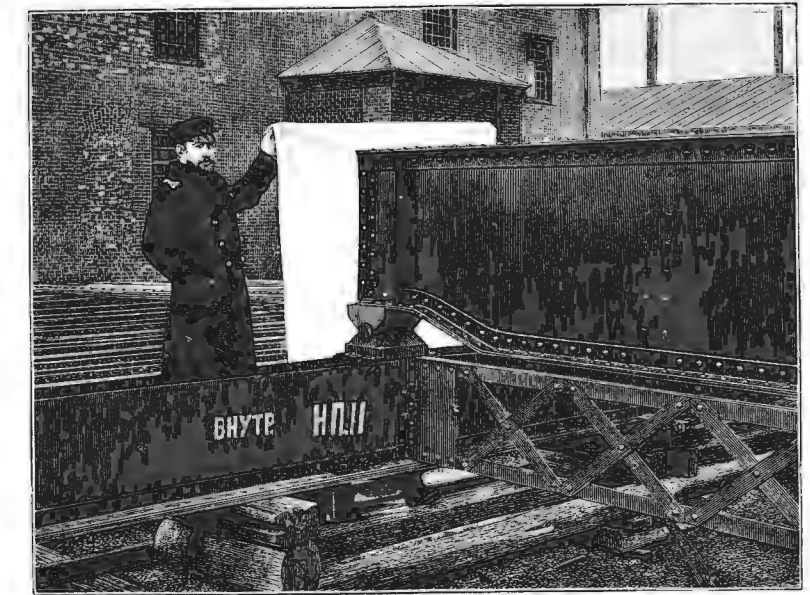
Послѣ кушанья, дѣвчушки распяли воздухи, и Мамелфа Тимошеевна вышла къ нимъ. Показывать вызвалась Линушка, на томъ основаніи что она хоть и дальняя, а все же родня боярынь. Всѣ дѣвчушки при этомъ взглянули на Соломонъ Григорьевну, какъ бы спрашивая пѣмымъ взглядомъ ея согласія.

— Бойка же у насъ Линушка, не сробѣетъ съ самой разговоръ держать, пусть же она и показываешь, сказала Соломонъ Григорьевна.

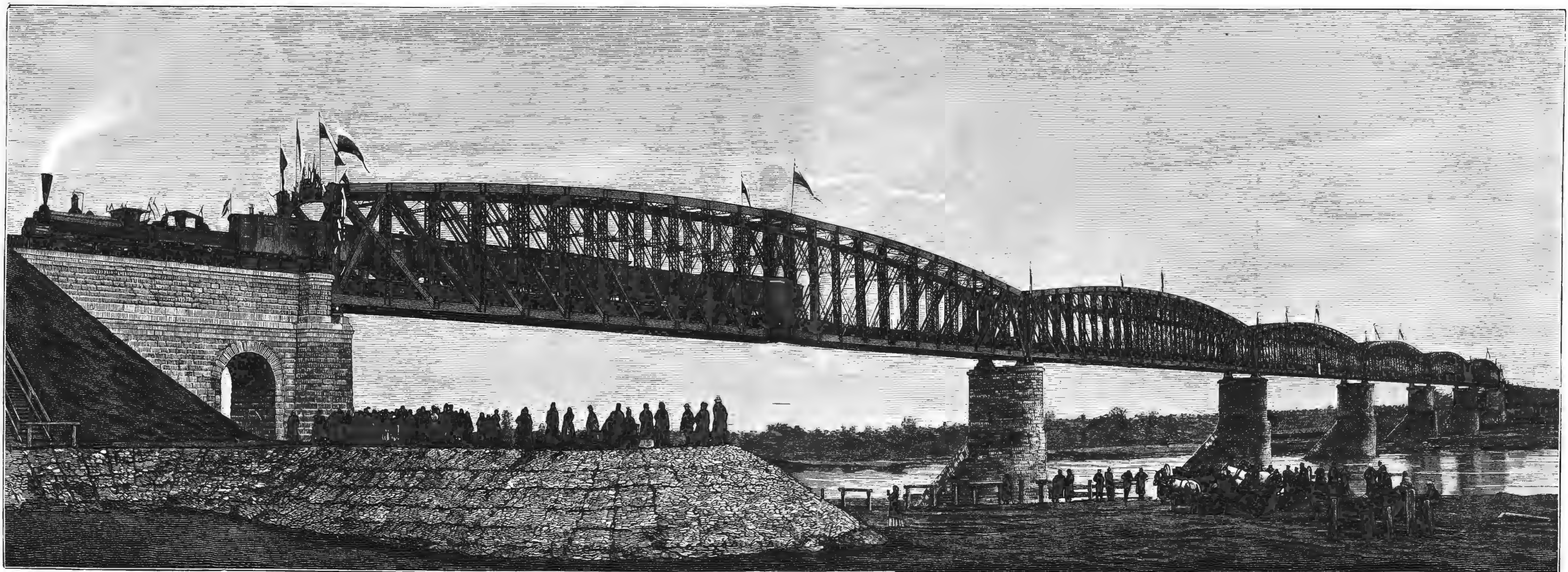

Видъ города Юрьевца. Съ фотографіи Иванова.

Деталь устройства свободной поперечной балки (мосты чрезъ Бѣлю, Уфу и Волгу у Твери). Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Мостъ черезъ рѣку Бѣлю (Самаро-Уфимская ж. д.), построенный инж. В. Березинимъ, по проекту инж. Н. Бѣллюбскаго. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій

Залопотала Липушка, лобеза предъ Мамелфой Тимоеевной.

„Ну, сорочку бѣлобоку подстрѣлить, думала матушка, — съ того видно и разговоръ ейный ему въ любовь пришелъ, что стрекоче она по сорочьему. А шитье вотъ, точно что невѣданно.“

— А ты знать сама набольша швея будешь? спросила боярыня Липушку.

Дѣвочки тревожно зашевелилися: чего моль добраго, еще Липушка чужимъ трудомъ прославится.

— А гдѣ ужъ ей! молвила Принья Мишанична. — А вотъ она мастерица-та наша славная. А выдвинь-косья, Сбломонъ Григорьевна, не съ чего-жь тебѣ за другихъ притулятися¹⁾?

Мамелфа Тимоеевна, взглянувъ, даже шатнулась отъ дѣвичьей красоты.

„А красовита собою, подумала она, — а только изъ подлобыя глядитъ, знать поровомъ крута.“ И глядя на воздуха, не на дѣвучку, принялась шитье хвалить. „Шитья не похвалить пельзя“, мысленно отвѣчала она при томъ на свои тайныя сомнѣнья что не черезчуръ-ли ужъ расхваливаетъ.

На сей разъ смотрипы тѣмъ и кончилися, а съ завтра же Мамелфа Тимоеевна стала въ свѣтлицу, гдѣ дѣвочки шли, по часту показывать, по долгу поспивать, заговаривая то съ той, то съ другой, и стараясь быть ровною со всѣми. И хотя Мамелфа Тимоеевна разспрашивала всѣхъ дѣвучекъ равно и чуть не объ одномъ и томъ же, но слушала внимательно только отвѣты Сбломонъ Григорьевны. Слушая, она придумывала подо что бы подкопаться. Въ началѣ разговоръ дѣвочки ей не нравились и голосъ казался грубъ, „ровно де бревна валить, не словечушки выговаривать“, и отвѣты были не быстрые: „знать, хитрить въ умѣ да придумываетъ.“ Но дня черезъ два, три дѣвучка обошлась, попривыкла къ боярынь, и стала отвѣчать не робѣючи. Мамелфа Тимоеевна уступала поемногу; но съ каждымъ днемъ ея худое о Сбломонъ Григорьевнѣ мнѣніе умалюся, а доброе росло.

Дольше всего ее смущало имя, что не было такого имени у нихъ въ роду, да и кличка неловко, языку трудъ великъ. Въ этомъ ее Мишанична выручила.

— А слышь-ко, Соломонушка, сказала какъ-то она при боярынь.

Мамелфа Тимоеевна сердито даже покосилась на Принью: „а давно бѣ тебѣ этакъ сдогадаться звать. А то, ишь ты, наладила Сбломонъ, да Сбломонъ Григорьевна. А Соломонушка, оно буде ими мѣленько, а и ловко звать.“ И Мамелфа Тимоеевна разъ пять, иль шесть проговорила про себя „Соломонушка.“ а затѣмъ не стерпѣла и подоидя къ пильцамъ наклонилася.

— А тутъ бы серебромъ еще, Соломонушка, взмолвила она.

Принья до того стала при этомъ мигать Сбломонъ Григорьевнѣ, что чуть у нея очи изъ лба не вынали.

Разъ, вставъ по утру, Мамелфа Тимоеевна подумала: „а долго-ль мнѣ еще супротивъ нея на дыбки да на дыбки? а не время-ли?..“ Тутъ дума у нея на время прекратилася, и тѣ слова что наклевывались „а Господи воля, звать“, не выговорились. Точно Мамелфа Тимоеевна ихъ издала увидѣла, да поскорѣй отъ нихъ отворотилася. Однако, посидѣвъ еще съ часокъ, при чемъ она все время покачивала головой изъ стороны въ сторону и мысли въ ладъ головѣ маялись, приказала Мамелфа Тимоеевна позвать къ себѣ Принью Мишаничну.

— Садись-ко, Принья Мишанична.

Принья ушамъ своимъ не повѣрила что дожидла до такой чести: „и по имени моль зоветь, и величать по изочеству“.

— Тантъся мнѣ отъ тебя, Принья Мишанична,

¹⁾ Притулятися — прятаться прижавшись къ кому или чему либо.

болѣ не къ чему. Здогадалась жъ ты зачѣмъ я наѣхала, потому какъ и дѣло-то это, гляди, тобою же затѣяно.

— Какъ дѣло тако? смирно спросила Мишанична.

— А полно ужъ! У тебя же Соломонушку онъ высмотрѣлъ.

Принья Мишанична вмѣсто отвѣта припала къ боярынь, цѣлуя ее въ правое плечо, а Мамелфа Тимоеевна стала ее по плечу поглаживать.

„Только что не ей, а мнѣ Господь судилъ за покойнымъ Андрей Кириковичемъ жить, думала Мамелфа Тимоеевна, — а то вышла бѣ изъ нея боярыня добрая.“

„Только что не мнѣ, а ей Господь судилъ за покойнымъ Андрей Кириковичемъ жить, а жепница она буде сама добрая“, разсуждала про себя Принья Мишанична. „А мнѣ хоть та славушка выпала, что егоному сыночку невѣсту высмотрѣла.“

И съ того часа между вдовами пошли лады, и онѣ стали сообща придумывать, какъ бы доподлинно высмотрѣть Соломонушку, нѣтъ-ли у ней какой тайной хвори. Сбломонъ Григорьевна и не догадывалась, какъ за ней блюли; не знала она что Мамелфа Тимоеевна въ однихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ кралася на цыпкахъ въ чуланъ, гдѣ она спала, и склонясь къ изголовью, слушала какъ она дышетъ: „моль легко-ли у нея дыханьице“. Все что требовала наука житейская, не всегда въ такихъ случаяхъ скромная, было продѣлано надъ Сбломонъ Григорьевной.

II.

Московскій рубежь.

Арбузьевъ, перебѣжавъ тверской рубежь, съ прохладой пошелъ, вѣрно разсуждая что Москва съ мѣста не сдвинется, гдѣ стоитъ тамъ и останется, и какъ бы онъ тихо къ ней ни шелъ, все же до нея дотащится.

Въ Твери у него Буянъ захворалъ; господарь не отважился ийти дальше безъ вѣрнаго паробка. Перезнакомился онъ съ тверскими боярами, и пилъ съ ними и передъ ними хвасталъ безъ просыпу, говоря что оттого отѣхалъ, что сколь градскому дѣлу ни радѣлъ, а на степень его, завидуя богатству, не поставили.

Тверское житѣе полюбилось Василью Селифонтьевичу; хотя бы вѣкъ въ Твери вѣковать. Буянъ, оправясь, сталъ понукать господаря; тотъ долго не сдавался. То его брала охота съ новымъ знакомцемъ поляковать¹⁾, утереть ему носъ своими выжженцами: смотри-моль, Тверь, каковы пем новгородскіе. То Василью Селифонтьевичу требовалось дожидаться чьихъ-то именинь; то окрестить чью-то дочь.

— А знашь-ли, Буянунко, что я еще за ночь-ту придумывалъ? спросилъ какъ-то господарь, валиясь утромъ на постели.

— Гдѣ жъ мнѣ зпать мысль твою господарскую, угрюмо отвѣчалъ вѣрный паробокъ.

— Сѣмъ-ко мы съ тобой въ Твери останемся, а задамъ я, слышь, за тверского князя великаго.

Буянъ только глаза на господаря скосилъ.

— Что-жь молчишь-то ты? а, Буянунко? Ладно-ль я слудаль-то?

— Може и ладно, только дивно мнѣ.

— Чтѣ дивно-то?

— Да то же что новгородской рубежь перебѣжавъ, ты быдто и думать паучался. А во Новгородѣ не очунъ ты на думанье-то нудился.

— А тебѣ только бы перечить мнѣ. Ладно-ка, сказывай ужъ свою-то мысли попереchnую.

— А сказывать, Василей Селифонтьевичъ, велинь, ишь слудай же. Гляди, быдто у тебя въ Новгородской землѣ вотчины оставались. А Тверьскому-то ихъ у Госнодина Новгорода Великаго оттягать не подѣ

¹⁾ Поляковать — охотиться въ полѣ.

силу. А у Московскаго руки живутъ долги. Не всё, такъ хоть Двинскіи, самыя вѣдь богатыя, вспятить велить. Вѣдашь самъ, что многи нунь двински боира за Москву задаваюся. И тебѣ потому жь на Москвѣ честь буде особая. А на Твери-то остамнись, гляди, и то добро, что съ собой захвачено, истеряешь все безъ остаточка, все пьянствуя да уродуи. Тогда-то, господарь, что дѣлать учнешь? Аль въ послужилцы къ боярину какому запишешся? Такъ отъ этакой чести тебѣ, боира, скажи, ископнаго новгородскаго, Господи помилуй!..

— И ты ужь! прервалъ Арбузевъ его стронтивую рѣчь. — Всегда-то, Буянъ, ты крутенекъ жилъ, а послѣ хвори-то этой твоей и приступу къ тебѣ вовсе нѣтъ. Отъ злости-то, гляди, ажъ пожелтѣлъ весь.

— За тобой живучи да не пожелтѣть еще! огрызнулся вѣрный паробокъ. — Только говорю, что время ужь; въ Москву - ту, пойми. По всей - то Тверской землѣ, слышь, кормы ставить готовятся, московскаго похода на Новгородъ ждучи. То-то. А не то, чтобъ намъ прохладатися.

— Ладно-ко-сь, Твери посмотрѣвъ, Москвы смотреть пойдемъ, Буянушко, какъ-то лѣпиво согласился господарь.

Приди на Московскій рубежъ, Василей Селифонтьевичъ убѣдился и самъ, что давно было время отпираться въ путь. У первой же околицы остановили обозъ.

— Слышь, знакомъ, кричалъ татаринъ съ коня, — пѣши съ лошади, въ изба хади.

— Чего хади! Ты кому кричишь-то, образина апафемска? въ свою очередь крикнулъ Василей Селифонтьевичъ.

— Тебѣ, знакомъ, кричалъ; земской изба хади.

— А пошто мнѣ въ земску-ту избу лѣзть?

— Тетка смотри; Тетка набольши.

— Кака тамъ еще къ дьяволу тетка заводилася?

— Набольши, знакомъ. Караулъ держимъ. Гайда, знакомъ, гайда.

— Вотъ и столкуй съ дьяволомъ, коли онъ покрестянски говорить не обученъ, обратился Арбузевъ къ Буяну.

— А ты ему опасъ, Василей Селифонтьевичъ, кажи, посоветовалъ Буянъ, вынимая грамоту изъ-за пазухи.

— Опаса есть? Давай сюды, Тетка сматрѣть, живо подхватилъ татаринъ, только что не вырывая грамоты у Буяна изъ рукъ. — А самъ, знакомъ, въ изба гайда. Караулъ будимъ.

Арбузева взорвало. Пуце всего „тетка“ его бѣсила, да еще эти чертовы словечушки *караулъ съ гайдой*. Ругательски онъ сталъ татарина честить.

— Полно - ко тебѣ, Василей Селифонтьевичъ, усвоѣщеналь его Буянъ. — Глянь-ко-сь, народушко изъ изобъ повывлѣзъ, твоего руганья пеобряднаго слушати.

— Вѣрна, татаринъ подтвердилъ, тыча вдаль пальцемъ. — Тетка, сматри, на крыльца стаить, ругать будитъ.

Глянулъ Василей Селифонтьевичъ куда татаринъ перстомъ указывалъ, а никакой тамъ тетки нѣтъ, а только сѣдатый мужикъ стоить на крыльцѣ и козыремъ держа руку надъ глазами вглядывается въ ихъ сторону. Дѣло въ томъ, что въ селѣ передовымъ отрядомъ стояли князя Семѣна Риполовскаго послужилцы, шесть семей, а набольшимъ у нихъ былъ Теткинъ, Иванъ Захаревичъ. Къ нимъ было придано десятка съ два татаръ для развѣздовъ.

— Что намъ, слышь, Василей Селифонтьевичъ, уговаривалъ его Буянъ, — со своимъ уставомъ - то. Спѣшсь же... Вѣдь нѣ съ воли жь некрестъ брехалъ, чтобъ въ земску избу лѣзть.

Не безъ упорства и брани сошелъ Арбузевъ съ коня. Татаринъ съ опасомъ впередъ на конѣ побѣжалъ.

Съ одышкой волоча по грязной улицѣ свою упитанную утробу, Василей Селифонтьевичъ не переставалъ ворчать.

— И землякка же! И заѣхали жь! выговаривалъ онъ Буяну, точно тотъ силкомъ завезъ его въ Низовскую землю.

— Который боиринъ Арбузевъ будетъ? дочитавъ грамоту спросилъ Теткинъ, не сходя съ крыльца и не прося боирина на крыльцо.

— Слышь, образина эта твоя некрѣщена, обоза не пускать, вмѣсто отвѣта сказалъ Арбузевъ.

— Не во гнѣвъ твоей чести боярской, пѣвуче москвичъ отвѣчалъ, — не своей волей Абдулка приказывалъ. Маленечко тебѣ обождать придется.

— А опасъ же! съ крикомъ возгласилъ Василей Селифонтьевичъ.

— Вижу что опасъ!.. не столько надбавляя голоса, сколько придавая ему важности, сказалъ Теткинъ. — А только приказъ государевъ есть.

— А ты... началъ было Василей Селифонтьевичъ, да Буянъ его благовременно дернулъ за полу.

— Я государю моему не ослушникъ, а слуга буду, отрубилъ москвичъ.

— Не къ чорту же, къ государю на Москву иду, не вытериѣлъ, буркнулъ Василей Селифонтьевичъ, не взира на Буяново за-полу дерганье.

— Къ государю-то и ты, чать, боиринъ, служить же идешь, а не вольничать, какъ бы нажимая пожемъ отрѣзалъ набольшій. — А о чортѣ притомъ и поминать бы не годилось.

— Ну! только и могъ вымолвить Арбузевъ, отдуваясь на эту московскую рѣчь.

— Ась? точно не дослышавъ спросилъ Теткинъ, строго прищурясь сверху на боирина.

Василей Селифонтьевичъ этого строгаго сверху щуренья не вынесъ, и потупилъ очи въ землю.

— Знамо служить, смущенно проговорилъ онъ и, погоди, добавилъ: — А только что-жь это оно „чать-то боиринъ“ буде?

Москвичъ разсмѣялся.

— А *чать*-то, снова пѣвуче заговорилъ онъ, — то присловье наше масковское. А то же аво будетъ что „иади“, аль „глиди“.

— Ишь ты!

Тутъ Теткинъ, сойдя съ крыльца, съ почтительнымъ поклономъ милости просилъ боирина пожаловать въ земскую избу. Какъ Василей Селифонтьевичъ на крыльцо полѣзъ, Теткинъ вѣжливо впередъ его обѣжалъ, и отворивъ дверь въ избу, снова съ поклономъ же просилъ пожаловать. Арбузевъ, дивясь, только головой покачивалъ. „Ну и Москва ужь! А буде она сама мудрепая! То крута она, покруче, скажи, моего Буянушка, а то на-ко-сь, гляди, каковá ласкова.“

Въ избѣ уговорились, что Теткинъ пыче же къ князю своему Риполовскому погонить съ опасомъ Абдулку, а князь де на Москву боирамъ отпишетъ, а боире, молъ, государю сдоложивъ, съ нарочнымъ указъ пришлютъ. А пока что, Теткинъ отвѣдетъ Василей Селифонтьевичу бѣлую избу; велико де село, а изобъ хорошихъ въ немъ много; обозъ же пусть станомъ въ полѣ постоить, ничего ему не подѣлается.

Не очень-то понравилось новое поселье Василею Селифонтьевичу, да дѣлать нечего, приходилось терпѣть. Теткинъ ему полюбился, малый былъ почтительный и услужливый, на службу строгъ, къ пустякамъ не придирчивъ, на многое смотрѣлъ сквозь пальцы. Однимъ Иванъ Захаревичъ не угодилъ боирину новгородскому, не умѣлъ пить какъ тому требовалось. Чарочку, другую опорожнить, да и скажетъ свою любимую пословицу: „молъ дѣвушка гуляй, гуляй да дѣльца не забывай“.

Со скуки Василей Селифонтьевичъ, по выраженію

Буяна, „пудился думать“. Выдумки были не очень умныи.

— А вотъ, вдругъ скажеть, — не сдогадался-то я Теренька захватить съ собой, пѣсней бы онъ тѣшил меня и пить мнѣ было бѣ съ кѣмъ. А, Буянушко?

— Ужъ лучше бѣ тобѣ, Василей Селифонтьевичъ, было набрать артель скоморошью, а самому идти въ атаманы. И честь бы тобѣ по тому жъ въ Москвѣ была.

Иной разъ востокнется боярину по вольному житію повгородскому.

— Нѣтъ въ тебѣ, Буянушко, этой сдогадочки, чтобъ господарю своему забаву сыскать. Со скуки - то мнѣ, хоть лапоть соси. Высмотрѣлъ бы гдѣ хорошу дѣвчину московску, къ нашему бы двору ее пріманить.

— Ахъ тобѣ, Василей Селифонтьевичъ, владычня суда опять захо- тѣлося? Съ Москвы-то, гляди, не болнѣ скоро уйдешь ты. Крѣпки тоже заставы московскія.

Арбузьеву съ этихъ словъ налавкѣ покойно не сидѣлося.

— Чтѣ, ахъ чешется? со смѣхомъ Буяна спрашивалъ. — Знатъ, видно, песь чье мясо съѣлъ.

Наконецъ-то дождался Василей Селифонтьевичъ указа государева: приказано ему жить въ порубежномъ селѣ до похода государева; а будетъ сказанъ походъ—идти ему, Арбузьеву, въ походъ съ князь Семень-Риполовскими послужилцами, а быть съ ними же до новаго указа государева. Взвылъ Василей Селифонтьевичъ, услышавъ государевъ указъ.

— Ну, и заѣхали жъ! плакался онъ передъ Буяномъ.

Самъ Буяна не очень-то былъ доволенъ такимъ поворотомъ дѣла; ему бы въ Москву поскорѣй, а тамъ, ожививъ господари, вольную получить.

— Самъ же ты, Василей Селифонтьевичъ, вспоми-ко-сь, въ Новгородѣ плакался, что нужна де на мени узда крѣпкая. Вотъ и взнузданъ нувъ.

— Все вѣдь ты, со своею хворью-то. Давно бы безъ тебя я на Москвѣ былъ.

— А ты на Твери, нуще того, знатъ, не путался да не бражничалъ.

Такіе обоюдныя попреки вскорѣ стали у нихъ за обычай. Отъ бездѣльной тоски порядочно-таки переругивались они. Какъ-то подѣ-вечеръ, уставъ отъ крика на вѣрнаго паробка, вздумалъ господарь прогуляться въ поле къ своему обозу: „еще цѣль-ли моль мой обоз-тъ стоять?“ Подходя къ околицѣ, онъ услышалъ громкій разговоръ. „Знатъ, новѣй конь новгородской, какъ я же, ума не спросиясь, въ московску узду просится“, подумалъ Василей Селифонтьевичъ, и слѣдомъ, какъ будто кланяясь тому коню, насмѣшливо проговорилъ вслухъ: „Милости просимъ. Взнуздають вѣдь“.

— А коли жъ я да къ господарю иду, а еще съ жа-

лобой, на его правый судъ надѣючись, кричалъ какой-то парень, высоко взмахивая руками.

— Да что-жъ ты безъ о́паса-то шель? спрашивалъ Теткинъ, случившійся въ ту пору у околицы.

— А шель-же Новгородску землю скрозь, Тверску-же мѣновалъ, а безъ о́паса. Анъ на самомъ-то рубежѣ московскомъ, на порогѣ, скажи, государевомъ, только-бъ въ избу влѣзть, — анъ о́паса имъ занаводилась. А къ господарю-жъ я, ко князю великому, сказываю, челомъ ошѣ бить, его-же царева суда ищучи.

Арбузьеву голосъ парня показался знакомымъ: вглядѣлся, анъ то Пашко.

„Э-вось кто, гляди, пожаловалъ! О, волчья сѣдь!.. А еще, гляди, за мной увяжется, съ Маврушенькой-то“, подумалъ онъ, и слѣдомъ ему пришла такая мысль: „А пѣтъ того у Буяна, чтобъ за мной пойти. А може де мнѣ еще и думать за господари придется“.

И Василей Селифонтьевичъ рѣшилъ было послать за Буяномъ перваго встрѣчнаго мальчишку, да отложилъ.

„Послѣ ругани-то моей, гляди, заупрямится—думать откажется. Проси его тутъ, упрасивай, въ чужой, скажи, землѣ, да еще на улицѣ. А и самъ я управлюсь“.

И безъ дальнѣйшей думы Василей Селифонтьевичъ сталъ издали подзывать Теткина.

— А подѣ-ко, поди-т-ко-сь сюды,

Ивано-тъ Захарьевичъ. Слово скажу, а еще дѣло, гляди, государево.

Теткинъ поспѣшилъ на государево дѣло.

— А спрашивалъ-ли ты еще молодца, шепотомъ заговорилъ Василей Селифонтьевичъ, ставъ такимъ образомъ, что Пашку его лица не было видно, — какъ моль тебя по имени зовуть?

— А Пашкомъ, сказываетъ.

— Такъ оно и ё. То-то и я гляжу, онъ мнѣ издали Пашкомъ-же оказывать. И голосъ егонный-же.

— А знакомъ онъ тебѣ, Василей Селифонтьевичъ? — А славенъ, скажи, на весь Великій Новгородъ. Первый грабежчикъ вѣдь. Еще у Марфы-то, у посадницы,—доводится она мнѣ тетушкой вѣдь крестовенькой, Иванъ Захарычъ,—такъ у ней-то, у тетушки моей, у крестовенькой, Пашко-тъ буде права рученька. И вѣчникъ къ тому. Онъ-же и бѣляръ рубилъ, что на вѣчи за господари стали.

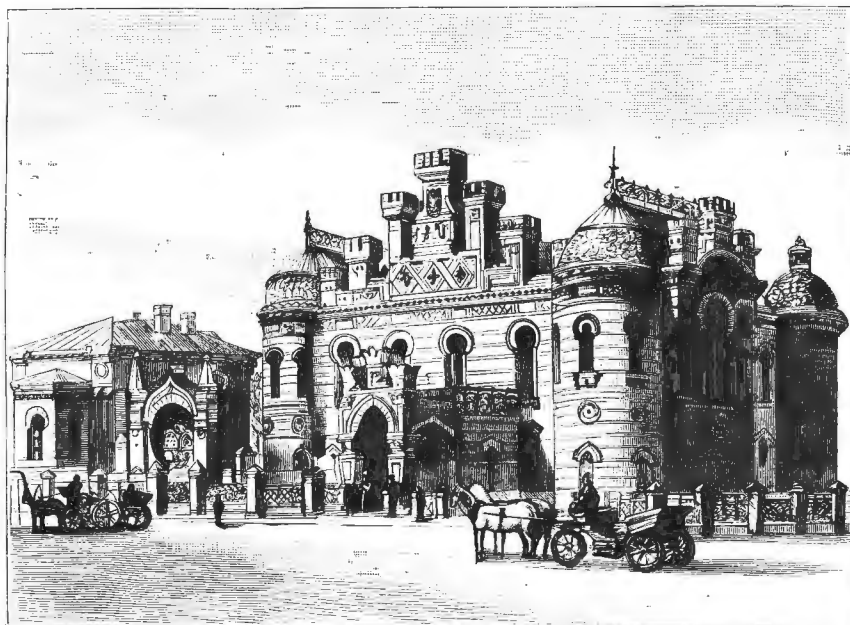
— Гм., призадумался Теткинъ.—А говорить, что къ господарю моль съ челобитьемъ иду.

— Прилику, знамо, дѣлать. А со злымъ, вѣрь, умысломъ. Не отъ Марфы-ль еще и подосланъ-то? А попыталъ-бы его, Иванъ Захарьевичъ, хорошохонько; вспарилъ-бы, знашь, въ московской тоѣ баенкѣ.

Теткинъ нуще задумался.

— Спасибо тебѣ, Василей Селифонтьевичъ, что надуумилъ меня.

И Теткинъ озабоченно пошелъ къ околицѣ. Василей

Восточно-Сибирское Отдѣленіе Импер. Русскаго Географ. Общества въ Иркутскѣ.
Грав. Ю. Шюблеръ.

Старый зубрь, преследуемый волками. Рис. и грав. Шпехт.

Библиотека "Руниверс"

Селифонтьевичъ, видно раздумавъ обозъ смотрѣть, воротился въ избѣ, и идя все оглядывался украдкой на Пашкѣ: „что молъ съ нимъ сдѣлають?“

— Какъ-же ты говоришь, что съ челообитьемъ къ государю идешь, сказалъ Теткинъ Пашку,—а вотъ вашъ-же бояринъ, повгородецъ-же, скажетъ будто вѣчникъ ты вѣдомый да грабежникъ къ тому. И опять: государевыхъ слугъ вѣрныхъ на вѣчи рубилъ.

— Это кто-жь сказывать, да и вретъ еще? Пашкѣ спросилъ.

— Арбузевъ, Василей Селифонтьевичъ.

— Аль здѣсь онъ?

— Здѣсь-т-ко.

— А ему-ль да на-меня не лгать еще? На него вѣдь иду съ жалобой. Маврушенъку онъ-же скралъ. Владыку онъ-же обманывалъ.

И Пашко со всегдашней своей откровенностью разсказалъ Теткину все дѣло.

„Что за притча!“ думалось Ивану Захаревичу. „Оба-ль врутъ, аль одинъ всего? И парень съ виду простъ, и Василей Селифонтьевичъ не больно хитеръ. Который-же изъ нихъ на выдумки гораздъ? Тотъ-то скажетъ: „съ челообитьемъ иду“, а другой: „слугъ де государевыхъ рубилъ“. Василей Селифонтьевичъ самъ къ государю въ службу просится, а самъ этакъ-то Мароиннымъ родствомъ чехвалится. А если къ тому отъ Владычпного суда сбѣжалъ... Охъ, ужъ эта мнѣ вольница новгородская!.. А стапу-ко я за обоими въ оба присматривать“.

И потолковавъ еще съ Пашкомъ, Иванъ Захаревичъ приказалъ его на ночь свести въ баню, въ ту-же гдѣ повгородецъ пойманый сидитъ, да приставить караульныхъ къ банѣ.

Арбузевъ, отходя ко спу, не стерпѣлъ, чтобъ не похвастать передъ Буяномъ: „како молъ я надъ Пашкомъ уродство учинилъ“.

— И ладно его удумалъ-то я, добавилъ онъ,—а теперь, знать, Пашкѣ Маврушенъку искать разучится. А вѣдь ты только моего думанья хорошаго не хвалишь. Буянушко, завидуя.

Буянъ и на сей разъ не похвалилъ господарскаго думанья, и сколько Василей Селифонтьевичъ ни представлялъ къ нему, молчкомъ отдѣлался.

— Вставай-ко, Василей Селифонтьевичъ, Богу молись да мнѣ благодарствуй, за мое здоровьице свѣчку ставь, будиль на другое утро господари вѣрный паробокъ.

— Не жирно-ль буде, еще и свѣчку ставь, огрызулся съ просопня Василей Селифонтьевичъ.

— А коли-жь я тебя изъ бѣды, изъ пеминучей, скажи, вызволилъ.

— Никѣй бѣды и не было.

— А Пашко-тъ?

— Да въ байнѣ-же, па крѣпости сидитъ. А и вснарятъ еще.

— Убралъ я его.

— Кого убралъ?

— Пашкѣ. Убѣгъ-же онъ, съ тѣмъ, съ другимъ-то полоянникомъ ¹⁾ повгородскимъ.

— Да какъ-же такъ? вылуия глаза господарь спросилъ.

— А такъ-же вотъ, что на сторожѣ мои-же знакомцы были поставлены. Вотъ и подеѣлъ я къ нимъ, покалякать быдто, знашь. Гляди, до куронѣнья и докалякались. Я имъ тутъ и сказываю, что и спать молъ пора, а передъ спомъ-бы по чарочкѣ медку боярскаго—въ самый разъ. Оны, знамо, не отрекались. А съ меду-тъ ихъ въ сонъ и вдарило. И тутъ занорь, что въ байнѣ, отколачивалъ. Темна-же ночь, не узналъ меня Пашкѣ, а я и голосомъ-то тонкимъ такимъ скрычалъ, ровно бабенка молоденька: „пѣтъ молъ запора-то, и сторожа-де енитъ, хранитъ“.

¹⁾ Полоянникъ—плѣнникъ.

— А бвы что-жь?

— Вѣстимо повгородны живутъ, пародушко сдогадливыи, на бѣгъ сейчасъ.

— Да какъ-же такъ? непрежнему господарь сказалъ: никакъ онъ сообразиться не могъ.

— Колю правду-тъ сдоложить, такъ я москвичамъ въ медъ зелья этого забыдунцаго подсыпалъ.

— Да откуда-же ты добылъ его?

— А изъ Новгорода еще былъ у меня захваченъ остаточекъ. Знашь, зелье то, что у твоей милости было держано. Какъ бывало, которы поупрямѣе, на твою волю склонялъ, такъ всегда-же этимъ зельемъ ихъ угащивалъ.

— Дѣла ты этакъ нехвалыны дѣлать, а ими еще, гляди-ко, и прихвастываши!

— А ты-же мнѣ ихъ, Василей Селифонтьевичъ, дѣлать-то приказывалъ.

— Это запоро-тъ отбывать я училъ?

— Ни, стронтивыхъ-те зельемъ опавать.

Василей Селифонтьевичъ вовсе тутъ съ толку сбился, и ругаться сталъ.

— Слышь-ко, Василей Селифонтьевичъ, не больнѣ-же сердитуй-то. Слушай-ко, что я тебѣ еще скажу. А слушаю, думай-ко. Не выпусти я въ ночь Пашкѣ, а въ сегодня-жь-бы его къ князю свели, къ Теткинскому, къ Ряполовскому-то. А онъ князю-бы все твои простучочки и высказывалъ.

— А врешь-же ты, Буянушко, завираешься, поласковѣй господарь сказалъ, радуясь, что удалось ему на словѣ словить паробка. Съ чего-бы Пашкѣ съ княземъ обо мнѣ разговоръ держать, коли и не знать онъ здѣсь-ли я еще.

— Аль вечеръ онъ не видалъ тебя?

— Это ужъ и вовсе врешь, еще веселѣе Арбузевъ вскричалъ. — Потому какъ я вечеръ къ нему спиной стоялъ.

— А Ивано-тъ Захаричъ, думашь, ему не сказывалъ: слушай, молъ, что на тебя-то Арбузевъ бояринъ послушествовать. А на Пашкѣ ты чего не взвелъ, что и бояръ онъ-же рубилъ. Аль Пашкѣ, думашь, молчалъ па то?

— А это-то вранѣ сейчасъ-же ты выдумывалъ, уже съ торжествомъ возгласилъ Василей Селифонтьевичъ.

— Ну, это ты, видно, Василей Селифонтьевичъ, со-вратъ-то сейчасъ научался. Вечеръ Абдулка у околнии дпевальнымъ былъ, и мнѣ онъ-же, не йпой кто сказывалъ.

Арбузевъ вдругъ какъ-то опѣшилъ съ этихъ словъ.

— Ахъ онъ волчья спѣдъ!.. на меня-жь еще и вину свалилъ. Ужъ это-ль уродство мое да не ладно было удумано?

— Было оно у тебя, Василей Селифонтьевичъ, думано, да не додумано.

— Что-жь мнѣ-то теперь, а Буянушко? Аль па судъ опять?..

— Говорю-жь я тебѣ: за мое здоровье Богу свѣчку ставь, какъ Пашка-то я сплавить додумался. А было-бъ тебѣ ужѣ! За эти дѣла-те нехвалыны, какъ ты-то скажешь, апаоемски, больше-жь па Москвѣ кнѣтомъ бють.

— Это что дѣвчину скралъ, такъ и кнѣтомъ битъ?

— А Владыка-тъ ты еще обманывалъ.

— Ну, это уродство не мое, твое думанье.

— Этому ужъ никто и не повѣруетъ, чтобъ паробокъ да за господаря дѣлу держалъ. А хоть и мое оно думанье, да твое дѣланье. Потому и кнѣтомъ тебя. И еще скажу: только ты меня подъ кнѣтъ подведешь, ту я все дѣла твои соромски ¹⁾ до суда-жь доведу. А довольне-жь ихъ!..

— Доводи, доводи, коль па то пошло!..

— А кнѣтъ, скажутъ, у ката московскаго здоровъ

¹⁾ Соромскій—срамный.

живѣ, а самъ онъ дожъ къ тому. Какъ по снпню разъ да два...

— Про ваше снпнѣ-то, про холоньско, кнутъ плетъ, а не про мою снпнушку бѣярську.

— Анъ на Москвѣ-то про всѣхъ воровъ одинъ кнутъ, хоть бѣяръ, аль князь бѣдъ, со злобною радостью сказалъ Буягъ.

— Охъ, молчи ужъ ты! бѣднѣя вскричалъ Василей Селифонтьевичъ.

— Вѣдъ ужъ взпудаетъ ты. А какъ кнутакомъ-то къ тому, а и конь важнецъ, хоть на торгъ веди.

— Охъ, охъ! а куды-жъ ты, мое сердечушко, укатилоси? завопилъ боярыня.

— Не бось найдется, какъ я медомъ отпою тебя.

И отпавая медомъ боярыня, Буягъ не увимался, и съ какимъ-то мычаньемъ вмѣсто хохота приговаривалъ:— Не бось, кнутагъ тебѣ не по мыслу. А вспомни-ко-сь, Василей Селифонтьевичъ, какъ меня ажъ до снпнхъ крестовъ парить охотился, предъ Лукой Аввакумовичемъ. А стой-ка, сугона-то, скажутъ, послана, дасть Богъ Пашка и словить еще. А тутъ и конь, говорю, важнецъ конь, хоть на торгъ веди.

III.

Кирикова свадьба.

Кириакъ одиноко тосковалъ въ Новѣгородѣ. Онъ попрежнему думалъ, что матушка поѣхала за тѣмъ, чтобъ Сѣломонъ Григорьевну выдать замужъ за перваго встрѣчаго. Приѣзду Луки Кириакъ не вѣсть какъ обрадовался. Поспѣшилъ онъ ему разсказать про свое горе. Только не такъ его Лука пожалѣлъ, какъ ждалъ того Кириакъ.

— Буде твое горе съ полѣгоря, сказалъ Лука. — Не стачно дѣло, чтобъ твоя матушка чужую дочь незнакомую замужъ выдавать вздумала. А какъ тесть твой предбудушій, самъ - же ты скажешь, горденекъ живѣ, такъ онъ въ тако-то, какъ ты вздумалъ, сватанье твоей матушкѣ, знамо, и вступиться не дастъ.

— Такъ зачѣмъ-же ей было въ Красны Холмы плыть?

— А невѣстку предбудущу поглядѣть похотѣлося.

Кириакъ руками замахалъ, и сталъ усипенно доказывать, что никакъ того не можетъ быть, что онъ знаетъ тоже, до чего уприма его матушка.

Лука выговорилъ ему за такой непочтительный отзывъ о матушкѣ.

— Охъ ты, пѣженка! добавилъ онъ. — Въ сѣльных воеводы ¹⁾ мѣтиши, а отъ этакихъ пустяковъ раскисъ, словно дѣвчонка маломочная. Потерѣлъ бы ты съ Пашкѣ, такъ узналъ бы какъ горе по имени зовутъ, величаютъ по изотчеству.

— Какого еще Пашкѣ прилесть?

Лука разсказалъ про Иваньковича.

Съ этого часа, Кириакъ какъ раздумается о своемъ горѣ, всегда-то ему Пашкѣ на умъ придетъ. И начнетъ прибирать: не видаль-ли онъ гдѣ его, и въ памяти какъ будто и выступить, что точно видѣлъ онъ такого парня, какимъ Лука описываетъ Пашкѣ. А гдѣ, какъ ни силится, не можетъ припомнить. Часто ему при этомъ съ чего-то мечталось, что его судьба и Пашкова межъ собой туго-на-туго какъ нити перевились: моль сыщеть Пашкѣ Маврушеньку—и я оженюсь на Сѣломонъ Григорьевнѣ; а не сыщеть—и я пѣтъ. И до того эта мечта виѣдрилась у него въ сердцѣ, что онъ сталъ даже посылать своего ключника въ Славкову улицу справляться, не вернулся-ли нарень. Слыша, что пѣтъ еще, посадничій сынъ начиналъ придумывать, какія новыя бѣды постигли Пашкѣ; ему начинало мерещиться, что ему самому готовится еще горшая чѣмъ Иваньковичу чаша и онъ старался разгадать какова именно она будетъ.

Не съ того-ли Кириакъ такъ часто думалось про

¹⁾ Сѣльный воевода — предводитель силы, то есть арміи.

Пашкѣ, что сердце его, узнавъ горе, просилось жалѣть о другихъ горюнахъ? Съ того, или съ другаго, а только полюбилъ впукъ посадничій эти скорбныя грезли, и по дѣлымъ часамъ терялся въ нихъ.

Между тѣмъ, Мамелфа Тимоосевна придумывала, какъ бы ей сватовство поумнѣй повести; чтобъ не слишкомъ навязываться Щебелькову родствомъ да не оказалось бы при томъ, что она точно изъ сыновнихъ рукъ глядитъ. Принья была призвана на совѣтъ, и въ первое же затѣмъ воскресенье поѣхала къ обѣднѣ на погостъ.

— Подляжу я на тебя, старъ, стала она выговаривать Щебелькову, сиди у него за пирогомъ, — и загордѣлъ же ты вовсе: пѣтъ того чтобъ въ Красны Холмы къ намъ понавѣдаться. А господарыня вѣдъ давно у насъ гостить, Кириакъ-тъ Андреевичу родна матушка, и твою дѣвчину ласкала же. Что жъ молчишь? Аль коне-тъ твой не кованъ стоитъ? Аль охромѣлъ буръ-косматенькій?

— А слышь, Принья Мишанична, не хромѣлъ мой косматенькій и кованъ же стоитъ... Только какъ же безъ зва-то мнѣ, сдумай-ко, ѣхати. Буде оно опасно.

— А чѣмъ же опасно?

— Какова еще эта твоя боярыня новгородьска...

— А какова надобна, обходительна да ласкова. Мнѣ не вѣруешь, хоть дочь спроси.

— Такъ-то оно такъ... А только я, кажись, ни съ одной еще боярыней, какъ на свѣтѣ живу, бесѣды не вѣлъ. Пожалуй что и нанутаю. Спросить еще: зачѣмъ моль, старъ, ты ко мнѣ пожаловалъ? Каковъ и тутъ отвѣтъ сдержу?

— Скажешь за дочку моль, что къ дочушкѣ моей была ты, боярыня, ласкова, пришелъ тебѣ благодарствовать.

— Эвоя! да мало-ль дѣвчынъ во дворѣ у васъ воздухи шили; коль всѣ-те отцы благодарствовать повадятся, а бы комары оны боярыню обляпять.

— О Кириакѣ ономъ здоровицѣ, Андреевича-то, спроси. Любилъ же ты его, жаловалъ, а матушкѣ память эта твоя о ея сыночущкѣ бажененькомъ мила же буде... Охъ! да стой ты, старъ. А за книгу-тъ, за свѣто Евангелъе, а гдѣ еще Сѣломонъ - та писана, гляди-ко-сь ты Кириакъ-то Андреевичу и не благодарствовать. Вотъ и скажешь матушкѣ...

— Это развѣ... Аль ѣхати мнѣ, Сѣломонушка?

— А съѣзди-ко, родный батюшко.

Эти слова прозвучали такъ вѣжно, что Сѣломонъ Григорьевна испугалась: не замѣтилъ-бы батюшка этой неуѣстной вѣжности.

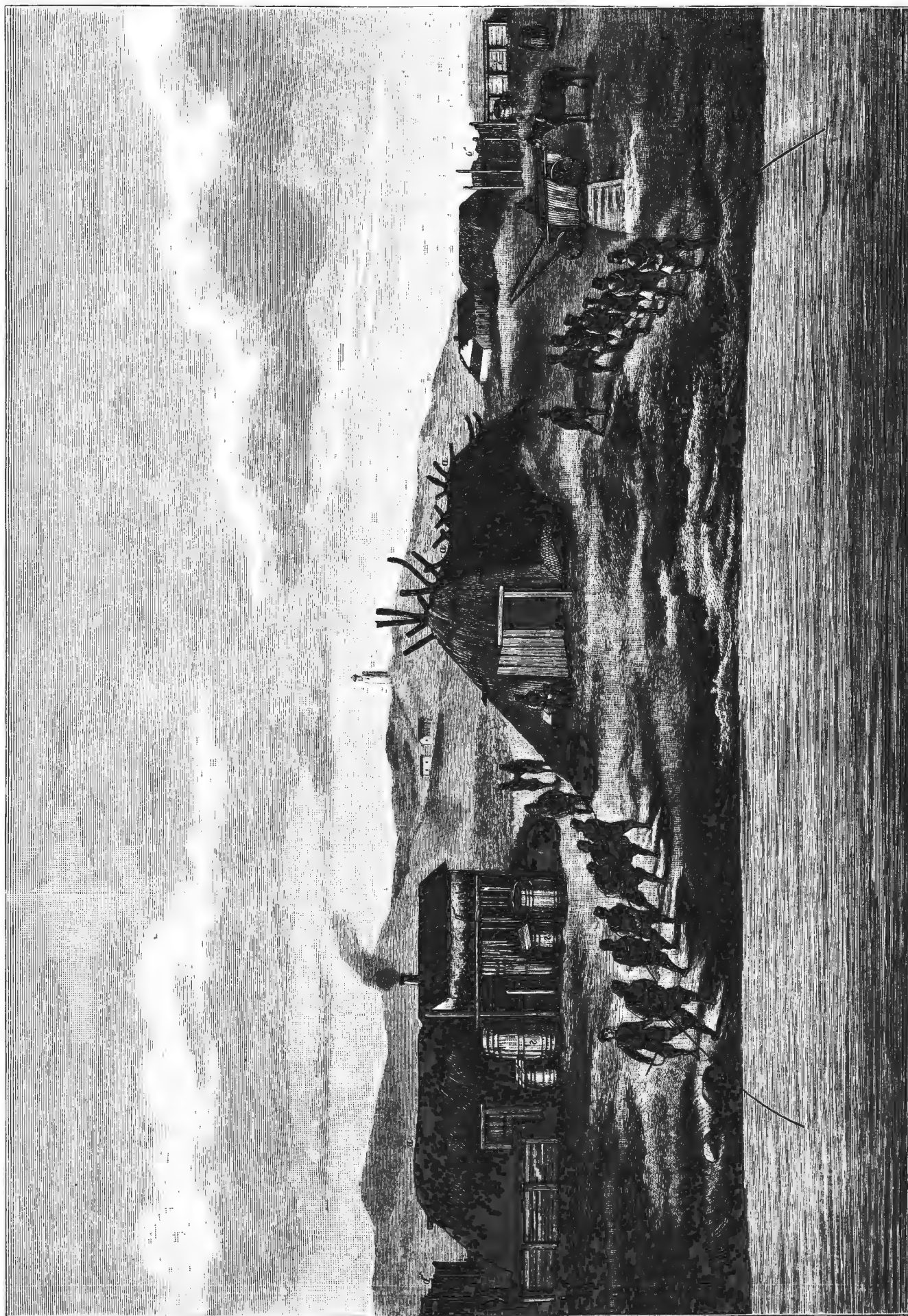
— Вотъ и ладно, Принья подхватила.—А ты слышь, Сѣломонушка, его поторапливай. Съ утра ему потверживай, что нынче жъ моль съѣзди, батюшко. А то вѣдъ у стараго въ память ровно въ рѣшето провалится.

Въ понедѣльникъ же съ утра напомнила Сѣломонъ Григорьевна батюшку, что надо ѣхать къ Мамелфѣ Тимоосевнѣ, да понедѣльникъ—тяжелый день, не поѣхалъ старикъ. Во вторникъ Григорью Петровичу будто и не поздоровилось; въ среду совсѣмъ было собрался да выходя изъ сѣней о порогъ споткнулся. Не хороша примѣта, и опять отложилъ старикъ поѣздку. Въ четвергъ обложной дождикъ сѣялъ, а пятница опять тяжелый день. Въ субботу понастойчивѣй стала дочка съ утра приступать къ батюшку.

— А слышь-ко, Сѣломонушка, субботній - то день буде онъ бабій день, да хозяйственный. Уборка, гляди, у нихъ въ хоромахъ йде, полы моютъ. Лучше-т-ко и завтречка, въ воскресный день побѣгу въ монастырекъ къ обѣденѣ, а отъ обѣднѣ-то...

Но дочка и рѣчи копчить не дала.

— Гляди-ко, батюшко, боярыня скаже еще: не ко мнѣ моль прѣхалъ старъ, къ обѣденѣ. А ко мнѣ мимоѣздочкой, зпать, надумался.

Видъ сельдянаго промысла и тяги неводомъ близъ Еникале.

По рисунку къ изслѣдованію рыболовства на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, грав. М. Гашевскій.

— Ну ужь, коли тебѣ такъ похотѣлося...

— Ничегошеньки-то мнѣ не похотѣлося, рѣзковъко отвѣчала дочка, а сама и вспыхнула, и очи въ полъ потушила,—а нельзя-жъ того... Гляди, Принца Мишанича разболтала ужь, что па-дняхъ моль старъ собирается. А иѣтъ тебя цѣлу недѣлюшку... Еще и Кириаку Андреевичу за досаду стапетъ, что къ тебѣ онъ таковъ ласковъ былъ да желателень, а ты его родитель-матушкѣ не всхотѣлъ и малаго почтеньца показать.

— Ишь ты, каково расписывашь, отца жури... А ужь этакъ-то... Вели-т-ко, что-ль, паробку копи сѣд-латъ.

Изображеніе шелковой нити, принимающей форму круга.

Какъ копъ былъ осѣдланъ, еще пуце заторошила Сѣломонъ Григорьевна батюшка, и крестя его на дорогу, чуть не заплакала.

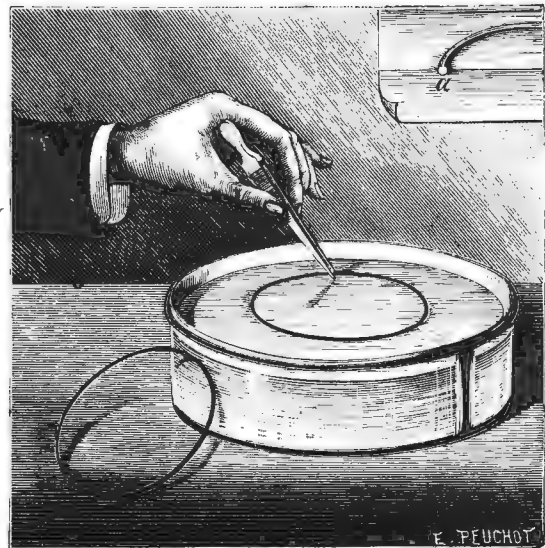
— Господь съ тобой! отецъ сказать.—Съ чего это ты?.. Не въ дальню каку дороженьку собираюся, къ обѣду и вернусь, гляди.

— Скорѣеца, батюшка, ворочайся, упрасивала Сѣломонъ Григорьевна.

Дѣвушкѣ всѣ эти дни думалось, что эта недѣля была для нея самая трудная: кабы зпалъ де батюшка что ѣдетъ мою судьбу рѣшать, не сталъ бы дѣла тинуть, меня жалѣючи. Оказалось однако, что недолгіе часы, съ отѣзда да до приѣзда батюшки-

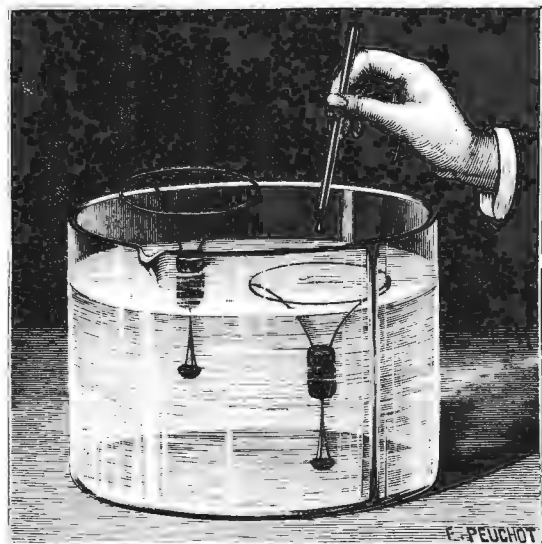
Карандашъ, держашійся подѣ другимъ карандашемъ вслѣдствіе сцѣпленія округленныхъ поверхностей.

Мѣдное кольцо, плавающее на поверхности воды.

Коробочка изъ бумаги, закрывающаяся когда въ нее наливають воду.

Кольцо изъ желѣзной проволоки, поддерживающее, при опусканіи въ воду, пробку, къ которой оно прикрѣплено.

Физика въ домашнихъ опытахъ.

на, были для Соломонь Григорьевны того труднѣй.

Вначалѣ она была бодра, и все ей думалось про батюшка, какъ онъ на конѣ ѡбжить. „Вотъ молъ онъ въ дѣсь вѣхалъ, а теперечь-ко не тамъ-ли буде, гдѣ въ третьемъ году нашу въ дѣсушкѣ подымали. А ужъ теперь молъ безиремѣнно онъ съ предпоследней горюшки къ мельницѣ спускается. Конце-тъ ушами придетъ, мельничный шумъ слушаю, а по илотникъ таково бережно ступаетъ. Вотъ ужъ батюшко и на послѣдней горюшкѣ, и Красны Холмы предъ нимъ какъ на долопи всѣ обозначилсь. Вотъ и въ сѣни вонцель, и съ Мамелфой Тимоосевной здоровается.“

И тутъ дѣвушкѣ вдругъ страшно стало. „Ой, Господи!“ вскрикнула она, и перекрестилася. „Ну, да о чемъ имъ долго толковать-то, живо сладятся“, какъ бы успокоивая себя проговорила она. „Вотъ ужъ батюшка и домой собирается, и на коня ужъ сѣсть, и вездѣ погналь. Влизко ужъ; сейчасъ и воротится.“

И Соломонушка, подбѣжавъ къ окну, стала отца выглядывать. Нѣтъ, никѣмъ-никого. „Гдѣ жъ это опъ?“ растревожилась было дѣвушка, но тутъ же надъ собой разсмѣялася.

„То-то я, дѣвична, глухонька!“ сказала она про себя. „Мысле-тъ моя шибко ѡбжить, бы птица летить, а батюшко-то, ноги, туда бдучи, и до мельницы не добѣжалъ оцѣ.“

И она стала спова мысленно слѣдить за батюшкиной поѣздкой, только теперь старалась думать подлипѣе, и подолгу сама съ собой спорила: добхаль, аль нѣтъ батюшка до того или иного мѣста. Опять, какъ сталъ батюшко въ ея мечтахъ здороваться съ Мамелфой Тимоосевной, страшно стало дѣвушкѣ и передъ ея очами явственнѣе вырисовалось лицо боярынино.

„Съ чего жъ это думой-то я располагалася, что будто и стоворъ сейчасъ? Просто може Мамелфѣ Тимоосевнѣ передъ отбѣздомъ въ Новгородѣ батюшка повидать захотѣлося, какъ ей о немъ довольнѣе сыночущинко-тъ наказыль... А точно что она буде ласкова... Да не со мной же одной, а со всѣми, скажи, дѣвичнами была она ласкова. А чтобъ она ко мнѣ мила была въ особину, аль сердцемъ ко мнѣ располагалася, такъ нѣтъ же этого, и въ заводѣ не было. Какъ вспомню-ко я теперъ...“

И слѣдомъ дѣвушкѣ стало вспоминаться, какъ Мамелфа Тимоосевна, разговаривая съ нею, сердито бровью повела, а въ другой разъ сердито же губы сжала, а потомъ еще на нее прищурясь, сердито же глядѣла. Все это вспоминалось ей съ особой ясностью: и чтó при какомъ словѣ боярыни, сердясь, сдѣлала, и чуть-ли даже не въ который день и часъ случилось то, или иное. Послѣ, припоминая этотъ трудный день, Соломонь Григорьевна уже никогда не могла вызвать изъ памяти эти мелочи, и только удивлялась, какъ тогда-то опѣ мерещились ей словно передъ глазами до малой чуточки.

Чѣмъ больше вспоминались всѣ эти строгости будущей свекрови, тѣмъ сильнѣе тревожилась Соломонушка. И сама того не замѣчая, она стала полегоньку всхлипывать, а тамъ и вслухъ ужъ со слезами причитывать: „охъ, я безчастная!“ Даже матушку встревожила; та прибѣжала изъ станицы изымъ узнать чтó такое случилось съ дочкой.

— Чтó, Соломонушка? О чемъ такомъ?

Соломонь Григорьевна не знала, чтó отвѣтить: сказала будто ей тошнехонько и голова крѣпко разболѣлася.

— Прилегла бы, уснула, дитятко. Стой-ко-ся дамъ я тебѣ сюды взголовьнице. Да не знобко-ль еще тебѣ?

Дѣвушка подумала, что и впрямъ лучше ей соснуть и дожидаться батюшка во снѣ. Уснуть не уснулось; только она глаза закроеть, какъ и выступить передъ

ней строгое лицо Мамелфы Тимоосевны; взмахнуть она головошкой, видѣнье расплывется какъ масло по водѣ, и затѣмъ опять то же лицо выдвинется изъ тѣмы и глядитъ еще строже. Наконецъ-то Соломонушка вздремнула крошечку, а думалось ей что она и не вѣсть какъ долго спала. Вдругъ точно подъ ней зашаталась лавка, и кто-то толкнулъ ее, назвавъ по имени. Всподнилась Соломонь Григорьевна, присѣла на лавкѣ, оглядѣлася. „Аль мнѣ во снахъ чтó странно примечталось?“ спросила она себя, и ей припомнился тотъ страшный сонъ, который видѣла она, гадая о своей судьбѣ.

„Охъ! знать время пришло тому сну исполниться, что про него я нечаянно вспомнила“, со страхомъ прошептала она. — „Вѣрепъ сонъ подъ середу, Любушка сказывала... николи-то съ нимъ въ явь мнѣ не вѣичатися!“

Сердце у нея заохлоуло. Поплакать бы, такъ слезъ нѣтъ. Пусто какъ-то въ ней стало: ни мысли въ головѣ, ни чувства въ тѣлѣ; ровно неживая сидитъ. Пришла матушка къ обѣду ее звать, пасилу раскликала.

— Аль батюшко воротился? не своимъ голосомъ вскричала Соломонь Григорьевна и къ двери было стремглавъ кинулася.

— Гдѣ воротиться! остановила ее матушка. — Вѣстимо, поѣхаль старъ, шини пропалъ.

— Такъ дича жъ ты меня кибала? сердито нагнулася Соломонь Григорьевна на матушку.

И сдѣлалась она тутъ такая нехорошая что, какъ послѣ говорила ей матушка, никогда она ее такой не видала. Слова не дастъ сказать: кричитъ, сердится, язвить матушку всякими попреками и реветь, и ногами топаетъ. Старуха даже всплакнула малость. Однако уломала-таки ее матушка, уговорила къ обѣду идти.

Соломонь Григорьевна за обѣдомъ почти ничего не кушала, только чуть не поминутно вскакивала изъ-за стола и подбѣгала къ окну: все ей слышалась топотъ батюшкина коня.

Послѣ обѣда вышла она на крыльцо дожидаться батюшка. И тутъ пацала на нее мука мученская; всѣмъ-то она тревожилась, всякими страхами грезила: и батюшка-то конь расшибѣ, иенугавшись волка, вдругъ понесъ; и у Мамелфы-то Тимоосевны хоромы горятъ; и Кириакъ-то Андреевичъ, на матушкинъ зовъ изъ Новгорода плывя, пошелъ ко дну въ мутномъ Волховѣ. Только какъ слышалась у ней въ ушахъ конскій топъ, да вскакивала дѣвушка чтобъ взглянуть, не батюшка-ли домой сѣшнить,—на эти короткія мгновенья отставали отъ нея привязчивыя мучительныя грезы.

Пришла матушка ее въ избу гнать. „Что молъ на вѣтру сидишь. Сивирко вѣдь. А еще головой жаловалась, и знобило жъ тебя.“

Какъ ни упиралась Соломонушка, матушка, взявъ ее за руку, свела въ избу. Изба была топлена, и назябнаясь на дворѣ дѣвушка, согрѣваясь, успокоивалась. Взглянула она какъ-то въ передній уголь, а въ завтрашнему празднику лампада ужъ затеплена, и ярко горитъ.

„Вотъ мучаюсь я, въ душѣ терзаюсь, а нѣтъ у меня той думушки, чтобъ Царицѣ Небесной помолиться, Пречистому Ея Знаменью.“

Не вставъ по какой-то странной забывчивости, дѣвушка лежа стала шептать всѣ святаыя молитвы, какія только вспоминались. Тихая мысль на нее сошла. Какъ-то покойно и тепло стало на сердцѣ; точно въ душѣ послѣ жаркаго дня насталь прохладный вечеръ: еще свѣтитъ солышко, а ужъ не парить, и легонькѣй вѣтерокъ лицо свѣжить, и легко дышется.

Затихнувъ, Соломонь Григорьевна и не примѣтила какъ сумерки нашили, и того даже не слышала, какъ батюшкинъ конь до крыльца добѣжалъ, и тогда только опомнилась, какъ батюшко, сильно хлопнувъ дверью, въ избу вошелъ. И видитъ она, что батюшка идетъ, какъ

пьяный шатается, и громко во весь голос свою бабу кличетъ.

— Что тебѣ? Съ чего ты еще шатаешься? спросила старая Щебельчиха.

— Охъ, пропилъ я, прогулялъ свою доченьку! вопилъ старикъ, и какъ будто печаянно паткнувшись на лавку, навалился всею туловищемъ на столъ, и сталъ, будто съ горькимъ плачемъ, причитывать: — Охъ! и пропилъ же, прогулялъ я свою доченьку.

— А толкомъ, что-ль, старикъ, сказывай! толкала его въ плечо, проговорила Щебельчиха.

Григорей Петровичъ въ отвѣтъ на ея толканье одно твердилъ, что пропилъ онъ свою доченьку родименькую, да еще любименькую.

— Аль и виришь ты на старости лѣтъ, впервой, скажи, до-пьяна паръзался! уже съ сердцемъ Щебельчиха кричала.

— Пропилъ же, совсаталъ свою доченьку, не за чернаго крестьянина, не за своего брата своеземца вѣдь, не за того заѣзжаго дородняго боярина повгородскаго, а за самого внука посадничья! все еще причитываясь пьянымъ, твердилъ старикъ.

Щебельчиха нуще на него сердилась.

Вдругъ старикъ всталъ, и встряхнувшись, точно сбросивъ двадцать лѣтъ съ плечъ, какъ молоденькій бодро выпрямился, и важно глядя, сказалъ какимъ-то особенно звучнымъ голосомъ:

— Молись, жена, и виришь Господь послалъ намот-ко счастьеце. Просвѣталь я свою Соломонъ Григорьевну за внука посадничья, за Кириака свѣтъ Андреевича. А съ матушкой егоюной у меня по рукамъ бито.

Соломонъ Григорьевна до сихъ поръ только съ удивленіемъ смотрѣла на батюшкины продѣлки, и такъ слушала его причитанья, будто они до нея ни мало не касались. И вдругъ батюшко, какъ ей подумалось, совсѣмъ неожиданно назвалъ по имени Кириака Андреевича.

— Ветавай, дочъ, Богу молись! властно промолвила матушка.

Соломонъ Григорьевна взглянула, и видитъ, что матушка стоитъ передъ образомъ, а лампадный свѣтъ падаетъ ей прямо въ лицо... „Да матушка-ль это, полно, стоитъ?“ усумнилась дѣвушка. Столь радостно свѣтилось матушкино лицо, и такъ много было въ немъ любительной къ Богу благодарности, и слезы крупно текли по помолодѣвшимъ, казалось, щекамъ. Хорошо было лицо матушкино.

И всегда потомъ, чрезъ многіе годы, когда уже матушка лежала въ сырой могилѣ, какъ только вспоминала про нее Соломонъ Григорьевна, всегда передъ ней вставало то лицо матушкино, какимъ она видѣла его въ этотъ свѣтлорадостный часъ.

Вслѣдъ за матушкой съ батюшкой и Соломонъ Григорьевна молилась передъ образомъ. А все ей не вѣрилось, что судьба ея уже рѣшена, и все происходившее вокругъ казалось ей приятнымъ спомъ.

Сладившись, дѣло чуть было не то что разладилось, и падѣло не мало тревоги у Щебельковыхъ въ дому. „Гдѣ свадьбѣ быть: тутъ-ли, или въ Новѣгородѣ?“ задумалась Мамелфа Тимоѣевна. Подвернулась Принья, и стала толковать, что въ Новѣгородѣ лучше, а то скажутъ молъ что Кириака Андреевича тайно вѣнчали, на уродѣ жени. Хотѣлось-ли Мишаничюй въ Новѣгородѣ на боярской свадьбѣ сваненькой покрасоваться, или она посовѣтовала безъ особаго умысла, только сбила она съ толку самоѣ Мамелфу Тимоѣевну. Григорей Петровичъ съ радости вовсе голову потерялъ, и какъ-то заѣхавъ къ краснохолмской господарнѣ, не думая, далъ согласье на свадьбу въ Новѣгородѣ, да воротясь домой расхвастался вдобавокъ предъ дочкой своимъ необдуманымъ согласьемъ.

— Не быть тому вѣкъ! съ силой сказала дочка.

— Это чему не бывать? Щебельковъ спросилъ.

— А тому, чтобъ я не изъ родительска дома къ вѣнцу шла.

— Да коли жъ я согласье далъ.

— Да моего-то согласья на то пѣтъ.

— Аль изъ-за этого и свадьбѣ разойтись?

— А пусть и расходитея, рѣшительно отвѣтила Соломонюшка. — Аль я сирота безотная, бездомная, что изъ чужа угла подъ вѣнецъ пойду? Аль стыдно имъ что у насъ изба проста, хоть и бѣлая, а у нихъ высоки-те тѣремы? Каково бы ни было, да есть же у меня приданое. А хоть и не богатъ домъ, да родительскій. Николи же я на то согласья не дамъ.

„Ишь, какъ боярыня паша предбѣдуща раскудахталась“, думалъ Григорей Петровичъ, слушая шумныя дочкины рѣчи, и позвалъ на помощь свою бабу. Но баба еще нуще дочки на него напустилась.

— Вовсе ты, вижу, обезумѣлъ, старъ, сказала она.

Старикъ въ конецъ растерялся, и не радъ былъ, что вылезалъ не въ свое дѣло.

„Видно бабья честь тутъ чѣмъ-то порушена“, думалъ онъ. — „Я вотъ и вѣкъ изжилъ, а досель о бабей чести слыхомъ не слыхалъ, анъ нунь она предо мной сама объявилася.“

По сколько ни подѣмывался старикъ надъ бабей честью, а сердце у него сосало, что по своей необдуманной торопливости, чего добраго, порушилъ дочернее счастье.

— Какъ же да теперь быть? спросилъ онъ.

— А ты, батюшко, свое согласье взадъ бери, отвѣчала дочка.

— А вѣстимо ты! подтвердила Щебельчиха старая.

Ни живъ, ни мертвъ поѣхалъ на другой день Григорей Петровичъ къ Мамелфѣ Тимоѣевнѣ. И бранилъ же онъ себя, думая, что „правду молъ про меня люди скажутъ, что хоть и умель я живу, да не на эти дѣла семейственныя.“

Съ великимъ страхомъ заговорилъ онъ съ краснохолмской господарней. Однако, выслушавъ „бабьи“ доводы, Мамелфа Тимоѣевна безъ спору съ ними согласилась. Мысленно она похвалила свою невѣстку за упорство: „Дородство де ея тутъ сказалось.“ И еще разъ припомнилось ей слово Пендлушкино, что „хорошій молъ родъ во всемъ скажется.“

— Вѣстимо, отвѣчала боярыня старикъ, — глѣпа эта мысль взбрела мнѣ въ голову. И то сказать, не сама же я эту дурость придумывала, а сбила меня егоза Мишаничя.

Слава Богу, опять дѣло наладилось.

Между тѣмъ, Мамелфа Тимоѣевна послала къ сыну гонца, чтобъ поспѣшалъ онъ ко своей родитель-матушкѣ: крѣпко де она по немъ соскучилась. Гонцу было па-строга наказано, чтобъ колъ онъ и слышалъ что о дѣлѣ свадебномъ—и занкнуться бѣ о томъ не смѣлъ предъ Кириакъ Андреевичемъ.

Кириакъ догадался сердцемъ, что дѣло сладилось, по всю дорогу нарочно твердилъ себѣ, что ничего не устроилось, а просто матушка по бурному осеннему времени опасается одна плыть въ Новгородъ. Но сколько ни твердилъ онъ про себя это, а въ душѣ у него пѣлась свадебная пѣсня. Какъ вступилъ Кириакъ въ высокія краснохолмскія сѣни да увидѣлъ что матушка сидитъ въ переднемъ углу, а лицо у нея престрогое, вдругъ у него сердце упало. Творя земной поклонъ родительницѣ, онъ бѣды себѣ ждалъ.

— А стань-ко передо мной. Кириакъ Андреевичъ, слова моего родительскаго послушай-ко.

Оттого что матушка впервые назвала его по имени и отечеству, у Кириака еще нуще упало сердце.

— Помнишь-ли ты, намятешь-ли, какъ я тобѣ, еще въ Новѣгородѣ, не разъ говаривала, что приде

моль часть, объявлю я тебѣ властную волю родительскую?—Тутъ Мамелфа Тимоѳеевна помолчала немного.— Пришелъ часъ. Нашла я тебѣ невѣстуху по своей мысли, хорошу невѣстуху дородную. А сосватала я тебя на Щебельковой дочери, Григорей Петровича, на Соломонъ Григорьевнѣ.

У Кириака отъ слезъ духъ перехватило, и онъ палъ въ ноги своей родитель-матушкѣ.

IV.

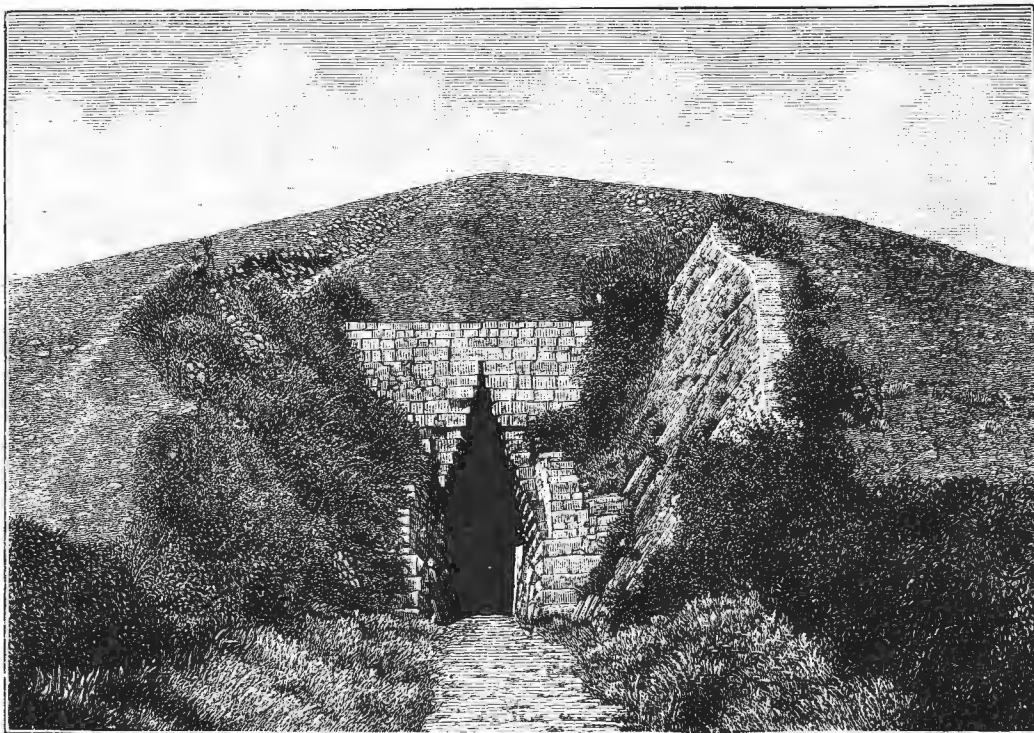
У Трехъ Двориковъ.

Настали въ Красныхъ Холмахъ предсвадебные дни, хоть и хлопотливые да веселые. Народу что день прибывало; меньше двадцати за столъ не садилось. Съѣзжалась изъ Новгорода женихова родня богатая; Лука Аввакумовичъ пріѣхалъ, прошенъ быть отцомъ посаженнымъ.

Многимъ и по разному была памятна Кириакова

тысяцкимъ, степеннаго Оому Андреевича и степеннаго Василья Есиповича.

Окрестнымъ своеземцамъ, этимъ почтеннымъ старичкамъ что въ Маккаевеъ день въ ладъ Щебелькову головухами поматывали, тѣмъ свадьба Кириакова стала памятна, что на другой день свадебное веселье притуманилось. Рапымъ-рано по утру пригонилъ къ Лукѣ Аввакумовичу скорый гонецъ отъ самой Марѳы посадницы, и словомъ сказывалъ, чтобъ на-сѣхъ сѣшилъ бояринъ въ Великій Новгородъ. Вечоръ-моль о полудни Великій князь прислалъ Господину Великому Новгороду складную грамоту. Слыша, что война близится, какъ было не вздохнуть окрестнымъ своеземцамъ? Въ Новгородѣ бѣжать, отцовское и нажитое добро съ собой таща, — расходъ великъ, а будетъ еще дороговъ ¹⁾ въ городѣ, а что останется въ избахъ, съ собой не захвачено, то уплыветъ въ широ-

Царскій курганъ близъ Керчи. Съ фот. Блюма, грав. М. Рашевскій.

свадьба. Въ семьѣ до правнуковъ рассказывали, что какъ отворились оltарные двери да вышелъ священникъ съ дьякономъ, невѣста чуть не на всю церковь вздохнула. Какъ послѣ Соломонъ Григорьевна сказывала мужу, оттого это случилось, что на попѣ-батюшкѣ и на отцѣ-дьяконѣ ризы были новыя, точь въ точь какъ тѣ что она во снѣ видѣла, гадая о свадьбѣ. А какъ вынесли новыя вѣнцы, такъ она насилу сдержалась, чтобъ не крикнуть вновь; и вѣнцы были какъ разъ тѣ самыя, что ей тогда приснились.

Женскому полу Кириакова свадьба тѣмъ была памятна, что сколько ни глядѣли онѣ, ни одна не могла примѣтить: кто прежде на тафтяной платъ ступалъ, женихъ или невѣста. Видно оба сразу ступали, нога въ ногу.

— А оттого ровень и ступали они, докладывала всѣмъ веселая свашенька, Иринея Михайловна, — что ровню я сосватала. Молодецъ дѣвчинѣ въ версту какъ разъ, и дѣвчина молодцу въ версту-жь потому. А не ровню-то мнѣ-бъ и не высватать, отъ батюшка тому не обучена.

Наѣзжимъ боярамъ, а по нимъ и всѣмъ новгородцамъ тѣмъ была долго памятна Кириакова свадьба, что то была послѣдняя боярская свадьба, на которой, величая въ пѣснѣ, сказывали славу Господину Новгороду Великому, поминая по имени дороднихъ посадника съ

гіе карманы московскіе, иль на дымъ будетъ пущено.

Лука Аввакумовичъ, не взирая на Марѳинъ приказъ, хотѣлъ было отложить отъѣздъ до четвертаго дня свадебнаго, да сама Мамелфа Тимоѳеевна отговорила его.

— Хоть и радость-то намъ больша была бѣ, сказала боярыня, — и честь къ тому высокая, что ты, посаженный отецъ, для-ради нашего весельца, остался, а то, Лука Аввакумовичъ, помни, и мы понимаемъ-же, что ждешь тебя въ Новгородѣ не свое како дѣло отложимое, а безотложно дѣло новгородское, всего, скажи, Господина Великаго Новгорода.

Лука Аввакумовичъ положилъ выѣхать въ тотъ-же день послѣ обѣденнаго стола. Съ этихъ словъ краснохолмской господарни, благодаря Григорю Петровичу, межъ гостей слухъ прошелъ, что Марѳа зоветъ его на степенъ, потому что теперь нуженъ де Новгороду смысленный посадникъ, чтобъ сумѣлъ государевъ гнѣвъ утишить, а не дастъ Богъ, князь Великій не утишится, такъ боронилъ-бы волю новгородскую.

— Слышь-ко, Лука Аввакумовичъ, сказалъ онъ въ полъ-обѣда, — Курятнику, гляди, и на покой пора.

— Не тако время, Григорей Петровичъ, чтобъ посадника мѣнять, Лука отвѣчалъ.

¹⁾ Дороговъ—дороговизна.

— А я скажу: самое теперь времячко его со степеней пихнуть. Лежи молъ на печи, старъ.

— За что же такъ?

— За то что Курятникъ. Куръ ему щупать, а не посадничать.

Всѣ даже рты разинули въ ожиданіи что отвѣтитъ бояринъ.

— Курятникомъ, гляди, Григорей Петровичъ, сказала Лука, — ястребка зовутъ.

— Да ястребоко-тъ этотъ, скажу, только на куръ и грозенъ, при общемъ смѣхѣ отвѣчалъ Щебельковъ.— А мы ужъ лучше, Лука Аввакумовичъ, за твое здоровье выпьемъ. Пошли тебѣ, Господи, счастьеце!

И Григорей Петровичъ при этомъ кивнулъ головой старичкамъ, и старички выпили за здоровье Луки, желая ему счастья. И наѣзжіе бояре пить не отказывались.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Парки. (Рис. на стр. 1080 и 1081).

Имя талантливаго живописца и рисовальщика, Павла Тумана, хорошо извѣстно въ художественномъ мѣрѣ. Копія съ его

Георгъ I, король Эллиновъ (по поводу двадцать-пятой годовщины вступленія на престолъ). Съ фот. грав. Шюблеръ.

картинъ, а въ особенности прелестныя иллюстраціи, помѣщаются очень часто на страницахъ журналовъ. Поступивъ 19-ти лѣтъ, въ 1853 году, въ Берлинскую академію, онъ спустя три года переселился въ Дрезденъ. Съ 1860 года начинаютъ появляться его иллюстраціи, въ которыхъ Туманъ по красотѣ и изяществу рисунка не имѣетъ соперниковъ. Въ теченіе почти 30-лѣтняго періода, онъ далъ множество отдѣльныхъ иллюстрацій, а также рисунковъ къ различнымъ выдающимся литературнымъ произведеніямъ. Такъ, между прочимъ, имъ иллюстрированы: Шекспировъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, „Энохъ Арденъ“, Тениссона, стихотворенія Шамиссо, мифъ объ Амурѣ и Психеѣ и много другихъ.

Помѣщенная на стр. 1080 и 1081 гравюра передаетъ копію съ картины „Парки“. Какъ извѣстно, эти римскія богини, подобно греческимъ мойрамъ, являлись олицетвореніемъ человеческой судьбы. По Гезіоду, онѣ были дочерьми Ночи и Эреба. Одна изъ нихъ, Клото, пряжа жизненной нити, обыкновенно изображалась съ веретеномъ; другая Лахезида, даровательница жребія нити, сучила ее, вилетая, какъ это видно на нашемъ рисункѣ, въ жизнь лавры или розы; а третья—неотвратимая—Атроность, вооруженная ножницами, пресѣкала ими нить человеческого бытія.

Эолова арфа. (Рис. на стр. 1085).

Одною изъ выдающихся балладъ В. А. Жуковскаго, оригинальною по формѣ и трогательною по содержанію, надо признать его балладу „Эолова арфа“. Въ ней разсказывается о нѣжной привязанности дочери влстителя Морвенскаго, могучаго Ордала, прекрасной Минваны къ сладкогласному и смиренному пѣвцу, младому и прекрасному Арминію, который для нея былъ „краше всѣхъ витязей“.

Вѣтвистый дубъ

„на холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ“
былъ свидѣтелемъ ихъ тайныхъ свиданій.

Ольга Константиновна, королева Эллиновъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Однажды, какъ бы предчувствуя близкую разлуку, унылый пѣвецъ привязалъ свою арфу „подъ наклономъ вѣтвей“.

„Будь арфа для милой
Залогомъ прекрасныхъ минуяшаго дней;
И сладкіе звуки
Любви не забудь,
Улада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнная будь.
Когда же мой юный,
Убитый печалію, цвѣтъ опадетъ,
О, вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ!“

Предчувствіе не обмануло пѣвца. Молва о свиданіяхъ достигла отца и онъ отправилъ Арминія въ изгнаніе. Съ тѣхъ поръ Минвана часто приходила къ вѣтвистому дубу. Однажды Минвана сидѣла у дерева — „душой вдальекъ“, какъ вдругъ...

„изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый стонъ“,
и она поняла, что „земля опустѣла и милога нѣтъ.“ Съ тѣхъ поръ каждый вечеръ она „ходила на холмъ и звукамъ внимая мечтала о миломъ“. Когда же не стало и Минваны, то при лунномъ свѣтѣ, въ полночный часъ, у завѣтнаго дуба стали появляться двѣ тѣни:

„Сліявшись, летать
Къ знакомой имъ снѣнъ...
И дубъ шевелится, и струны звучать“.

Юрвецъ. (Рис. на стр. 1088 и 1089).

Въ двадцати четырехъ часахъ ѣзды отъ Ярославля внизъ по Волгѣ лежитъ у подножія высокаго южнаго берега рѣки уѣздный городъ Костромской губерніи Юрвецъ, называемый, въ

отличие от Юрьева Владимирской губернии и Юрьева-Дерпта, Поволжских. Он тянется на протяжении 4 версты по склону довольно крутой горы, где живописно раскинулись небольшие, преимущественно одноэтажные, домики и несколько храмовъ съ высокими колокольнями, окруженные садами, что несколько оживляетъ окружающія Юрьевоцъ безлѣсныя высоты южной стороны, противъ которыхъ въ Волгу впадаетъ рѣка Увжа. Особенно красивъ видъ на городъ съ находящейся за нимъ плоской возвышенности. Изъ-за крышъ и зелени садовъ на десятки верстъ виднѣется величаяя Волга, съ ея широкими островами и противоположащимъ низкимъ берегомъ, на которомъ кое-гдѣ мелькаютъ разбѣяныя деревушки среди полей и лѣсовъ. Юрьевоцъ принадлежитъ къ числу старѣйшихъ городовъ земли Русской. По преданію, Св. Великій князь Юрій Всеволодовичъ остановился однажды почевать въ устьѣ рѣки Увжи, и ночью на горѣ увидѣлъ икону Св. Великомученика Георгія, съ горячею передъ ней свѣчой. Въ память этого явленія Юрій Всеволодовичъ основалъ на этомъ мѣстѣ городъ съ церковью во имя Св. Георгія. Во всякомъ случаѣ Юрьевоцъ уже безспорно существовалъ съ 1328 г. и былъ извѣстенъ подъ именемъ Георгіевска или Юрьева и въ отличие отъ соименныхъ городовъ назывался Поволжскимъ. Въ 1448 г. Юрьевоцъ отошелъ къ княжеству Московскому, а черезъ три года Василий Темный уступилъ его Суздальскому князю Ивану Васильевичу. Городъ неоднократно былъ опустошаемъ, особенно въ смутное время самозванцевъ. Въ 1708 г. городъ принисанъ къ Казанской губерніи, затѣмъ находился въ Нижегородской провинціи и только въ 1778 г. Юрьевоцъ названъ уѣзднымъ городомъ Костромской губерніи. Въ настоящее время городъ насчитываетъ до 4,000 жителей и ведетъ довольно бойкую торговлю, преимущественно хлѣбомъ и лѣсомъ, хотя значительная часть жителей торгуетъ внѣ города, занимаясь судоходствомъ по Волгѣ и лѣснымъ промысломъ по Увжѣ. Въ послѣдніе годы здѣсь развивался фабрично-заводская промышленность и обороты ея простираются до милліона рублей.

Мостъ черезъ рѣку Бѣлую. (Рис. на стр. 1088 и 1089).

8 сентября открыта, въ присутствіи министра Путей Сообщенія, построенная временнымъ управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ Самаро-Уфимская дорога, протяженіемъ 452 в., составляющая часть строящейся Самаро-Уфа-Златоустовской линіи. Дорога начинается не отъ Самары, а въ 38 в. отъ нея, у развѣзда Кинель, гдѣ расходятся двѣ линіи—Оренбургская и Цовая-Уфимская. Вторая половина дороги (къ гор. Уфѣ) представляла много трудностей въ постройкѣ. На всемъ протяженіи дороги встрѣчается большое число искусственныхъ сооружений—трубы, мостиковъ и мостовъ, но значительнѣйшимъ, выдающимся сооруженіемъ представляется мостъ черезъ рѣку Бѣлую, которую дорога пересѣкаетъ за нѣсколько верстъ до города Уфы. Мостъ черезъ Бѣлую почти такъ же высокъ, какъ Александровскій (Сызранскій) черезъ Волгу, но въ два раза короче его.

Въ свое время журналъ *Нива* познакомилъ своихъ читателей съ волжскимъ мостомъ, считающимся нынѣ по длинѣ первымъ въ Россіи, третьимъ въ Европѣ и шестымъ въ свѣтѣ¹⁾; теперь мы помѣщаемъ видъ моста черезъ Бѣлую, снятый въ день освѣщенія и открытія дороги, и приводимъ главнѣйшія свѣдѣнія объ этой постройкѣ. Мостъ имѣетъ 6 пролетовъ по 50 сажень; всего же длина моста между береговыми опорами или устоями до 310 саж. Желѣзное строеніе расположено на двухъ устояхъ и пяти рѣчныхъ опорахъ или быкахъ. Всѣ опоры имѣютъ кессонное основаніе, заложенное на глубинѣ отъ 7 до 8 саж., ниже горизонта низкихъ водъ, частью на сплошной гнессовой скалѣ, частью въ крупномъ гравіи; каждый быкъ основанъ на одномъ желѣзномъ кессонѣ, а каждый устой на трехъ кессонахъ, кладка надъ которыми переходитъ помощью сводовъ въ цѣльный массивъ. Быки по виду своему сходны съ быками волжскаго моста. Подобно волжскому мосту и здѣсь, для свободнаго прохода бѣлины въ высокую воду, низъ желѣзнаго строенія возвышается надъ горизонтомъ самыхъ высокихъ водъ (1854 г.) до 5 саж., всего же отъ уровня рельсовъ до низкихъ водъ 11 саж., а до подошвы опоръ отъ 18 до 19 саж. Опоры выведены изъ известняка, ледорѣзы же облицованы песчаникомъ; всего кладки въ устояхъ и быкахъ до 3,000 куб. саж. Кладка выведена на цементномъ растворѣ, для котораго цементъ поставленъ заводами Товарищества К. Шмидта (въ Ригѣ) и Портъ-Кунда (въ Эстляндіи).

Желѣзное строеніе моста въ каждомъ пролетѣ состоитъ изъ 2 фермъ такъ-называемой полупараболической раскосной системы съ нижнимъ прямымъ и верхнимъ криволинейнымъ, очерченнымъ по параболѣ, носомъ. Высота фермы по серединѣ пролета 40 футовъ, а по концамъ 28 футовъ; фермы связаны между собою вверху и внизу распорками и диагоналями. Звѣда производится по нижнимъ носамъ фермъ. Особенность устройства моста черезъ Бѣлую заключается въ томъ, что здѣсь рельсовое полотно поддерживается желѣзными поперечинами, которыя не приклепаны концами своими къ фермамъ, а свободно лежатъ на тискахъ концовъ ихъ, съ помощью шарнировъ, буду-

чи пропущены сквозь трубчатые стойки фермъ. Опорныя поперечины, приходящіяся по концамъ пролета, наглухо прикрѣплены къ фермамъ. Всѣ поперечины приведены во взаимную связь склепанными съ ними долевыми балочками, на которыхъ уложены рельсы на деревянныхъ шпалахъ. Такое устройство применено у насъ впервые и одновременно въ мостахъ черезъ Волгу у Твери на Николаевской дорогѣ, черезъ Бѣлую Самаро-Уфимской дороги и черезъ Уфу Уфа-Златоустовской дороги; при подобномъ устройствѣ достигается вполне правильная передача на фермы давленій отъ проходящихъ по мосту поѣздовъ и не происходитъ поперечнаго искривленія мостоваго строенія, происходящаго при проходѣ поѣздовъ въ случаѣ несвободныхъ поперечинъ. Для большаго ясности прилагаемъ рисунокъ, представляющій деталь устройства свободной поперечной балки въ мостахъ черезъ Бѣлую, Уфу и Волгу у Твери. Снимокъ этотъ сдѣланъ во время сборки на Путиловскомъ заводѣ моста черезъ Волгу у Твери.

Желѣзо для моста черезъ Бѣлую, какъ и для другихъ мостовъ дороги, поставлено Воткинскимъ заводомъ (на Уралѣ). Мостовыя части всѣ изготовлялись у самаго моста, гдѣ контрагентомъ моста устроены были обширныя мастерскія одновременно для мостовъ черезъ Бѣлую и Уфу; по берегу Бѣлой образовался временной городокъ съ рабочимъ и конторскимъ населеніемъ для моста. Для сборки фермъ на мѣстѣ служили постоянныя подмости, устроенныя между опорами по линіи моста. Желѣзо для пролетныхъ частей моста черезъ Бѣлую пошло до 220,000 руб.

Мостъ черезъ Бѣлую началъ во второй половинѣ 1886 г., всѣ опоры были готовы осенью 1887 г.; тогда же приступлено было къ сборкѣ пролетныхъ частей, которая и окончена была выпѣшнымъ лѣтомъ.

Испытаніе моста, произведенное правительственною комиссіею за нѣсколько дней до открытія движенія, дало, по заключенію комиссіи, прекрасные результаты. Мостъ черезъ Бѣлую, исполненный подъ общимъ вѣдѣніемъ начальника работъ дороги инж. К. Я. Михайловскаго, построенъ контрагентомъ моста инж. В. И. Березиннымъ, построеннымъ ранѣе мосты черезъ Волгу Оренбургской дороги и Дибирь въ Екатеринославѣ. Опъ же строить съ подряда мостъ черезъ Уфу. Производителемъ работъ моста черезъ Бѣлую отъ управленія дороги былъ инж. Вилейшисъ. Проекты желѣзнаго строенія мостовъ черезъ Бѣлую и Уфу составлены проф. Н. А. Бѣзлюбскимъ, съ участіемъ инж. Богуславскаго 2. Сварочное желѣзо Воткинскаго завода для мостовъ Самаро-Уфимской дороги по многочисленнымъ испытаніямъ оказалось высокаго качества.

Восточно-сибирскій отдѣлъ Географическаго Общества въ Иркутскѣ. (Рис. на стр. 1092).

Императорское Русское Географическое Общество, основанное въ 1845 году въ Петербургѣ, имѣетъ, какъ извѣстно, отдѣлы Кавказскій и Сибирскій. Послѣдній, до открытія университета въ Томскѣ, былъ единственнымъ такъ сказавъ пріютомъ высшей науки въ Сибири, въ которомъ учащіяся молодежь могла получать какія-нибудь указанія и руководство при желаніи посвятить себя изученію края. Зданіе и библиотека Сибирскаго отдѣла были уничтожены пожаромъ 1879 года. Съ тѣхъ поръ, при помощи частной подписки, воздвиглось новое зданіе, изображенное на нашемъ рисункѣ. Музей и изданія Сибирскаго отдѣла съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ все большее значеніе.

Старый зубръ, преслѣдуемый волками. (Рис. на стр. 1093).

На страницахъ „Нивы“ мы не разъ описывали нравы и жизнь этого вымирающаго жвачнаго, которое уцѣлѣло отъ прошлыхъ вѣковъ лишь въ Бѣловѣжской пушчѣ, благодаря покровительству человѣка, да кое-гдѣ на Кавказѣ. Могучія животныя умѣютъ мастерски защищаться отъ своихъ враговъ. Медвѣди и волки могутъ быть опасными только телатамъ, да и то если мать погибла отъ какой-либо смѣхачности и они остались беззащитными. При очень глубокомъ снѣгѣ случается однако, говорятъ, что стая голодныхъ волковъ бросается соединенными силами на одинокаго зубра, утомляя его преслѣдованіемъ и наконецъ осиливаетъ, хотя и не безъ тяжкихъ утратъ. Каждый зубръ можетъ однимъ ударомъ ноги разбить въ прахъ вѣпившагося въ него волка или задуть его тяжестью тѣла, прежде чѣмъ тотъ успеетъ нанести ему серьезную рану. Но и этой силѣ, какъ всему на землѣ, положенъ извѣстный предѣлъ—старость. Зубры живутъ отъ 30 до 50 лѣтъ; коровы умираютъ приблизительно лѣтъ на десять раньше быковъ, но и послѣдніе къ старости обыкновенно слѣпаютъ или теряютъ зубы; тогда они конечно уже не въ состояніи бѣсти, какъ слѣдуетъ, именно не могутъ отгрызать молодыхъ вѣтвей, худѣютъ, чахнутъ и наконецъ умираютъ. Вотъ такіе-то безсильные инвалиды обыкновенно и становятся жертвой лѣсныхъ хищниковъ, какъ это изображено на превосходномъ рисункѣ Шпехта.

Видъ сельскаго промысла и тяги неводомъ близъ Еникале. (Рис. на стр. 1096).

Азовское море вообще поразительно богато рыбою; всѣ мѣстныя условія—въ особенности мелководность моря и обиліе скопляющихся въ немъ органическихъ веществъ—способствуютъ пита-

¹⁾ Длина моста черезъ Тейскій заливъ 3,258, черезъ Фортскій заливъ 1,607, черезъ Волгу 1,485 метровъ; первые два моста въ Шотландіи.

нию и размноженію рыбы въ Азовскомъ морѣ. Особенно богаты своими уловами Керченскій проливъ, составляющій переходъ отъ мелководнаго Азовскаго бассейна къ болѣе глубокому и бурному бассейну Чернаго моря. Главную часть рыбныхъ богатствъ Керченскаго пролива составляетъ прекрасная и чрезвычайно вкусная керченская сельдь, которая ловится близъ Керчи, выше Еникале, въ громадномъ изобиліи: уловъ сельдей здѣсь, въ средніе годы, доходилъ до 8 и до 10 миллионныхъ штукъ. Ловъ сельдей въ Еникале бываетъ хорошъ только въ началѣ осени; когда же вода начнетъ около береговъ покрываться *иѣрехомъ* (толкими ледкомъ), тогда сельдь, избѣгая его, уходитъ въ Камышь-Бурунскую бухту, которая лежитъ уже за узкимъ мѣстомъ пролива и гдѣ притокъ соленой воды съ моря настолько великъ, что море не замерзаетъ всю зиму.

Ловъ сельдей производится громадными неводами, которые охватываютъ пространство въ 75—100 сажень; для вытаскиванія подобныхъ неводовъ необходимо бываетъ прибѣгать къ помощи, по крайней мѣрѣ, 15-ти—20-ти дюжихъ работниковъ. Такіе невода ставятся, обыкновенно, при обиліи сельдей, въ двойномъ количествѣ. Пока одинъ неводъ стоитъ, другой—уже тянутъ, наваливая рыбу большими грудами на берегъ, около того поселка, который составляетъ „сельдяной промыселъ“ или лучше сказать „сельдяное промысловое селеніе“. На рыбу набрасывается тотчасъ-же куча бабъ и дѣвокъ, которыя чрезвычайно быстро ее пластаютъ, чистятъ и переносятъ въ ведрахъ въ соляные амбары, гдѣ она опускается въ готовый рассолъ. Способъ приготовленія керченской сельди, до настоящаго времени, самый первобытный, самый небрежный, и это много вредитъ превосходнымъ качествамъ этой рыбы, вычѣмъ не уступающей по вкусу и нѣжности мяса знаменитымъ голландскимъ сельдямъ.

Физика въ домашнихъ опытахъ. (Рис. на стр. 1097).

Въ мартѣ нынѣшняго года бельгійскій физикъ Van der Mensbrugge прочелъ въ Бельгійскомъ обществѣ микроскопистовъ интересный докладъ касательно изучаемой имъ эластичности поверхностнаго слоя различныхъ жидкостей.

Вотъ передъ нами стаканъ воды, говоритъ этотъ ученый,—вся ли масса наполняющей его жидкости отличается одинаковыми свойствами? Въ теченіе долгаго времени на вопросъ этотъ давали положительный отвѣтъ; нынѣ это стало невозможнымъ. Чтобы уяснить себѣ дѣло, разсмотримъ силы проявляемыя частицами жидкости. Во-первыхъ, мы замѣчаемъ, что частицы жидкости имѣютъ свойство взаимно притягиваться, такъ какъ, опустивъ напр. карандашъ вертикально въ воду и вынуть его изъ нея, мы увидимъ на концѣ карандаша висющую каплю этой жидкости; если мы эту каплю мысленно пересѣчемъ поламъ горизонтальную плоскостью, то всѣ частицы капли ниже этой воображаемой плоскости очевидно должны притягиваться частями находящимися выше плоскости—иначе не могло бы быть равновѣсія и нижняя половина капли должна была бы упасть на полъ. И такъ это сдѣленіе частицъ зависитъ отъ ихъ притягательной силы.

Съ другой стороны, частицы воды имѣютъ и противоположное свойство—взаимно отталкиваться; въ самомъ дѣлѣ: если мы оставимъ стаканъ съ водою въ покоѣ на нѣсколько дней, кончится тѣмъ, что вся вода въ немъ испарится; не доказываетъ ли это, что кромѣ силы притягательной, сдѣлывающей частицы, онѣ обладаютъ еще и противоположною, заставляющею ихъ взаимно отталкиваться и уноситься вверхъ въ видѣ пара.

Изучая строеніе жидкостей съ этой точки зрѣнія, продолжалъ референтъ,—я пришелъ къ слѣдующему выводу: жидкости не могутъ быть равновѣсія между притягательной и отталкивающей силами, безъ того чтобы въ поверхностномъ ея слое (уровень воды въ стаканѣ) частицы не проявляли стремленія взаимно отталкиваться,—стремленія, которому постоянно противится сила ихъ взаимнаго притяженія.

Отсюда ясно, что этотъ поверхностный слой жидкости можно сравнить съ тонкою эластичною перепонкой, которую растягиваютъ съ нѣкоторымъ усиліемъ и коей упругость постоянно противится болѣе значительному растяганію. Вотъ почему можно сказать, что поверхностный слой жидкости подвергается дѣйствию силы стягивающей его, подъ вліяніемъ коей онъ стремится какъ можно болѣе сократиться (т. е. занять возможно меньшее пространство).

Какова же толщина слоя обладающаго этою эластичностью? Гг. Плато и Кинке, различными приемами, вычислили, что толщина этого слоя не превышаетъ $\frac{1}{20000}$ миллиметра. А какъ велико напряженіе этой стягивающей силы? Оно измѣняется, смотря по роду жидкости, а для одной и той-же жидкости оно ослабѣваетъ съ повышеніемъ ея температуры. При 15° С. стягивающая сила дистиллированной воды равна приблизительно $7\frac{1}{2}$ миллиграммъ на миллиметръ длины; въ прованскомъ маслѣ она равна $3\frac{1}{2}$, въ керосинѣ 2, въ безводномъ алкоголѣ $2\frac{1}{2}$ и въ эфирѣ нѣсколько менѣе 2 миллиметровъ.

Существованіе этой стягивающей силы доказывается нѣсколькими, весьма простыми опытами.

1-й опытъ. Возьмемъ два карандаша, одинъ изъ легкаго дерева и не болѣе 4 миллиметровъ толщины; другой значительно толще. Приложимъ ихъ одинъ къ другому, такъ чтобы они соприкасались по прямой горизонтальной линіи. Наложимъ смоченною

кисточкой нѣсколько капель воды на оба карандаша, близъ линіи ихъ соприкосновенія, такъ чтобы прилегающія къ ней части карандашей были хорошо смочены. Получится небольшая масса воды прилегающая къ обоимъ карандашамъ и съ обѣихъ сторонъ вогнуто искривленная, какъ это видно въ разрѣзѣ *a b* на фиг. 1. Карандашъ изъ легкаго дерева будетъ подвѣшенъ къ другому, благодаря стягивающей силѣ вогнутыхъ поверхностей воды *a* и *b* по ту и по другую сторону линіи соприкосновенія карандашей.

2-й опытъ. Вычистимъ какъ можно лучше колечко изъ мѣдной проволоки около 1 миллиметра толщины и 8 сантиметровъ въ диаметръ; затѣмъ осторожно положимъ его (придерживая пинцетомъ, какъ показано на фиг. 2) на поверхность чистой воды въ хорошо промытомъ сосудѣ. Мѣдное кольцо будетъ плавать на поверхности, не смотря на то что удѣльный вѣсъ его почти въ 9 разъ болѣе удѣльнаго вѣса воды. Это явленіе зависитъ отъ того, что эластичныя (стягивающія) силы жидкости внутри и вѣдѣ окружности кольца даютъ равнодѣйствующую, направленную снизу вверхъ (смотри чертежъ *a* на фиг. 2); точно также плаваютъ на поверхности воды—стальные иголки, шарики ртути и т. п.

3-й опытъ. Возьмемъ листокъ тонкой и негласированной бумаги въ 17 сантиметровъ длины и 3 сантиметра ширины; загнемъ края, такъ чтобы получился продолговатый четверугольникъ въ 15 сантиметровъ длины и 1 сантиметръ ширины; приподнимемъ края (имѣющія слѣдовательно 1 сантиметръ высоты), сдѣлаемъ на углахъ складочки по діагонали квадратовъ, образованныхъ первыми складками краевъ и получимъ такимъ образомъ длинную коробочку; выравнимъ ее при продолжныхъ стѣнкахъ паралельно одна другой (см. фиг. 3), поставимъ ее на столъ, смочимъ кисточкой хорошенько всѣ внутреннія стѣнки водой и нальемъ въ нее воды на 4—5 миллиметровъ высоты. Стягивающая сила поверхностнаго слоя воды тотчасъ заставитъ боковыя стѣнки коробочки сблизиться и такимъ образомъ коробочка закроется сама собою.

4-й опытъ. Возьмемъ цилиндрическую пробку (фиг. 4) въ 2 сантиметра толщиной и 4 сантиметра длины; въ центрѣ одного конца ея воткнемъ тонкую желѣзную проволоку въ 6 или 8 сантиметровъ длины съ крючечкомъ или чашечкой для груза. На другомъ концѣ пробки приладимъ кольцо изъ тонкой желѣзной проволоки, имѣющее 10 сантиметровъ въ диаметръ и поддерживаемое двумя пожками изъ той же проволоки, которыя и воткнемъ въ пробку, какъ показано на рисункѣ, т. е. такъ чтобы плоскость кольца была перпендикулярна къ оси пробки и concentрична съ поверхностью конца послѣдней. Сдѣлавъ это, погружаемъ весь снарядъ въ воду, наливаю въ банку достаточной глубины. Если грузъ взятъ соотвѣтствующаго вѣса, то пробка будетъ стоять въ водѣ вертикально, высовываясь надъ уровнемъ не менѣе какъ на 8 или на десять миллиметровъ. Если затѣмъ погрузить весь снарядъ отвѣсно въ жидкость гораздо ниже ея уровня и предоставить самому себѣ, кольцо уже не выйдетъ изъ воды; оно поднимется крошечку надъ уровнемъ, образуя съ нимъ двойно-вогнутый менискъ. При этомъ стягивающія силы поверхностнаго слоя даютъ равнодѣйствующую, направленную сверху внизъ и достаточную для того чтобы преодолѣть стремленіе легкой пробки вынырнуть вверхъ.

Если грузъ приоровленъ какъ слѣдуетъ, то равнодѣйствующая вмѣстѣ съ собственнымъ вѣсомъ всего снаряда едва превосходитъ стремленіе пробки вверхъ; въ такомъ случаѣ достаточно приблизить къ водѣ небольшой клочекъ ваты пипеточнаго эфиромъ (что уменьшаетъ стягивающую силу поверхностнаго слоя)—и кольцо тотчасъ отдѣлится отъ жидкости, пробка вынырнетъ и весь снарядъ приметъ первоначальное положеніе.

До сихъ поръ мы производили опыты надъ довольно значительными массами жидкости и притомъ имѣющими лишь одну свободную поверхность; приведемъ теперь еще одно доказательство стягивающей силы поверхностнаго слоя, представляемое незначительнымъ объемомъ жидкости имѣющей два поверхностныхъ слоя въ соприкосновеніи съ воздухомъ, при чемъ эффектъ получается еще разительнѣе.

5-й опытъ. Возьмемъ смѣсь изъ одного литра воды, 25 граммовъ марсельскаго мыла и 25 граммовъ леденца; погрузимъ въ нее рамку изъ желѣзной проволоки (см. фиг. 5) и затѣмъ вынемъ рамку изъ жидкости. Рамка будетъ покрыта и заполнена внутри тонкою пленкой раствора, повидимому не имѣющей никакого вѣса, до того ровно она натянута на рамкѣ; на эту пленку положимъ связанную концами бумажную или шелковую нитку; контуръ ея приметъ какую-нибудь случайную извилистую форму, потому что жидкая пленка будетъ находиться какъ внутри контура, такъ и вѣдѣ его. Но какъ только мы прорвемъ пленку внутри контура, нитка быстро натянется и приметъ форму правильной окружности; это резултатъ стягивающей силы обѣихъ поверхностныхъ слоевъ удѣлывшей пленки вѣдѣ контура. Нитка принимаетъ ту форму, при которой она можетъ охватить наибольшее пространство при данной длинѣ нити; математическій анализъ доказываетъ, что форма эта есть окружность круга.

И такъ вотъ несомнѣнные доказательства эластичности поверхностнаго слоя жидкости.

Царскій курганъ въ Керчи. (Рис. на стр. 1100).

Крымъ представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ уголковъ

европейскаго древняго міра. Уже съ первыхъ вѣковъ христіанской эры полуостровъ былъ заселенъ колоніями грековъ, которыя процвѣтали въ Тавридѣ, расширились и богатыи постепенно и раскинулись, наконецъ, широкою цѣпью по всему южному, юго-восточному и юго-западному берегу Крыма. Къ числу богатѣйшихъ греческихъ колоній принадлежалъ и городъ Пантикапей (нынѣшняя Керчь), занимавшій весьма важное въ географическомъ смыслѣ положеніе у входа въ Азовское море. Захваченныя варварами, греческія колоніи держались еще долгое время, не утрачивая своего торговаго и культурнаго значенія, и вошли въ составъ того Воспорскаго царства, которое скиевъ основали на Таврическомъ полуостровѣ и на прибрежьяхъ Азовскаго моря. Другія азіатскія орды нахлынули сюда впоследствии и стерли съ лица земли послѣдніе остатки цвѣтущихъ греческихъ городовъ: отъ нихъ остались только обломки и развалины зданій въ землѣ да гробницы, обильныя бытовыми остатками, краснорѣчиво свидѣтельствующими о высокой образованности и о художественномъ вкусѣ нѣкогда жившихъ здѣсь грековъ. Около Керчи (Пантикапей) рядъ высокихъ могильныхъ насыпей (кургановъ) тянется почти непрерывною дугообразною цѣпью отъ Азовскаго моря, съ сѣвера, къ Павловскому мысу; другой рядъ такихъ же кургановъ огибаетъ Керчь съ запада и оканчивается у горы Митридата, которая подошвою своею упирается въ проливъ. Къ сѣверу отъ Керчи, по дорогѣ къ нынѣшнему карантину, встрѣчается также множество кургановъ, расположенныхъ рядами. Такими же рядами кургановъ покрыта и вся поверхность горы Митридата, и подъ этими насыпями расположены древнія Пантикапейскія катакомбы. Особая Археологическая коммисія, щедро поддерживаемая крупными суммами, назначенными на содержаніе ея еще императоромъ Николаемъ Павловичемъ, вотъ уже около полувѣка работаетъ надъ раскопкою керченскихъ кургановъ, и далеко еще не исчерпала всѣхъ тѣхъ сокровищъ, которыя заключаются въ недрахъ керченскихъ гробницъ. Нѣсколько залъ Эрмитажа, наполненныхъ драгоценною добычею этихъ раскопокъ, служатъ осязательнымъ доказательствомъ тѣхъ трудовъ, которые были Коммисіею употреблены на выполнение трудной и сложной археологической задачи. Многие въ этихъ залахъ Эрмитажа составляютъ величайшую драгоценность въ томъ смыслѣ, что не встрѣчаются въ другихъ, даже богатѣйшихъ музеяхъ Европы, и сохраняютъ намъ память о тѣхъ чертахъ быта древнихъ, которыя остались бы для насъ совершенно неизвестными, если-бы мы не разработали керченскихъ древностей.

Отдѣльныя гробницы обширной керченской усыпальницы получили особая названія. Одна изъ нихъ, которой рисунокъ мы помѣщаемъ въ нынѣшнемъ № *Нивы*, называется *Царскою* могилою потому, что представляетъ огромное, величавое и чрезвычайно сложное сооруженіе. Это самая большая изъ доселѣ извѣстныхъ керченскихъ гробницъ. Она находится на сѣверо-востокѣ отъ Керчи, въ 4-хъ верстахъ, близъ керченскихъ зданій. Огромныя стѣны составляли входъ въ гробницу; этотъ входъ заложень былъ большими плитами, скрѣпленными по концамъ свинцомъ. Весь курганъ надъ гробницею сложенъ изъ правильно расположенныхъ слоевъ глины и крупнаго камня. Въ окружности, у самой подошвы, онъ имѣетъ 125 сажень; узкій входъ въ гробницу простирается на 17 сажень. Огромныя боковыя стѣны гробницы, внутри кургана, сходятся вверху и составляютъ коническій сводъ, состоящій изъ 11 уступовъ камней, которые горизонтально положены одинъ на другой. Высота гробницы, отъ основанія до верхняго камня, замыкающаго сводъ, равняется пяти саженямъ. Надъ нижними стѣнами видны другія стѣны, составляющія сначала многоугольникъ, а потомъ кругъ, восходящій въ видѣ правильнаго конуса. По свидѣтельству древнихъ писателей, такіа кругообразныя гробницы относятся къ временамъ весьма отдаленнымъ. Изящество отдѣлки, правильность и несокрушимая прочность Царской гробницы—поразительны. Внутри гробница, при раскопкахъ, оказалась разграбленною за много вѣковъ до нашего времени.

Король Эллиновъ Георгъ I и королева Греческая Ольга Константиновна. (Рис. на стр. 1101).

На-дняхъ праздновалось двадцатипятилѣтіе вступленія на

Событіе 17-го октября.

Внезапно, какъ благодатный Вожій громъ въ безоблачномъ небѣ, потрясла Россію ужасающая вначалѣ и затѣмъ несказанно радостная вѣсть о чудесномъ избавленіи Государя Императора со всей Августѣйшей Семейей Его, а съ ними и всѣхъ русскихъ людей, отъ страшной опасности. Примемъ съ благоговѣніемъ и сложимъ въ сердцахъ нашихъ это свидѣтельство особаго благоволенія Царя царствующихъ и Господа господствующихъ къ Помазанникамъ Его.

Вотъ подробныя свѣдѣнія о крушеніи Императорскаго поѣзда 17 октября 1888 года, на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ (сообщенныя министромъ Императорскаго Двора по телеграфу со станціи Долгичево, отъ 18 октября).

Императорскій поѣздъ, вышедшій изъ ст. Тарановка въ полдень 17 октября, потерпѣлъ крушеніе на 277-й верстѣ, между

престолъ короля Эллиновъ Георга I. Помѣшая портретъ его величества, считаемъ своевременнымъ напомнить читателямъ главнѣйшія даты. Георгъ I (Христіанъ-Вильгельмъ-Фердинандъ-Адольфъ), второй сынъ короля Датскаго, Христіана IX, и королевы Луизы, родился 12 (24) декабря 1845 г. До вступленія на престолъ Греціи, принцъ носилъ имя Вильгельма, получилъ образованіе въ Копенгагенѣ и посвятилъ себя морской службѣ. Когда старшая сестра его, принцесса Александра, въ сопровожденіи родителей и всей семьи, отправилась 26 февраля (10 марта) 1863 года въ Англію для бракосочетанія съ принцемъ Вельскимъ, принцъ Вильгельмъ также сопутствовалъ ей, и при этомъ обратилъ на себя вниманіе англійскихъ государственныхъ людей, искавшихъ кандидата на вакантный Греческій престолъ. Россія и Франція благосклонно отнеслись къ этой кандидатурѣ, и уже 11 (23) марта англійскій посолъ въ Афинахъ объявилъ временному правительству, что три покровительствующія державы остановили свой выборъ на принцѣ Вильгельмѣ, который и былъ 18 (30) марта въ греческомъ національномъ собраніи единогласно избранъ королемъ, подъ именемъ Георга I.

13 (25) апрѣля въ Копенгагенѣ прибыла депутація, съ адмираломъ Константиномъ Канарисомъ во главѣ, звать принца въ Грецію. Но рѣшеніе дѣла нѣсколько замедлилось, такъ какъ Датскій дворъ обусловилъ свое согласіе нѣкоторыми требованіями. Кромѣ присоединенія Ионическихъ острововъ къ Греціи, новый король долженъ былъ получать, сверхъ 1.000.000 драхмъ по штату, ренты въ 12,000 фунтовъ стерлинговъ, коюю обезпечивались державамъ покровительницамъ проценты съ греческаго государственнаго долга. 18 (30) мая греческое національное собраніе согласилось на это требованіе и дѣло было окончательно улажено протоколомъ трехъ державъ покровительницъ (въ Лондонѣ, 5 іюня). На другой день принцъ Вильгельмъ принялъ предложенную ему корону и 15 (27) іюня былъ признанъ со стороны Греческаго національнаго собранія совершеннолѣтнимъ. 31 августа (12 сентября) король Георгъ подписалъ актъ, коимъ за себя и за свое потомство передалъ младшему брату Вальдемару и меньшимъ, буде таковыя произойдутъ отъ брака его родителей, старшинство на датскому престолонаслѣдію. 5 (17) октября онъ отплылъ изъ Копенгагена и 18 (30) октября, высадясь въ Пирей, имѣлъ торжественный въездъ въ Афины, гдѣ на другой день, въ національномъ собраніи, принявъ присягу на вѣрность конституціи и брады правленія.

По конституціи, наслѣдникъ короля Георга и прочее его потомство должны принадлежать православнои церкви. Послѣдовавшее при его вступленіи на престолъ присоединеніе Ионическихъ острововъ, а 15 (27) октября 1867 года бракосочетаніе короля съ дочерью Великою Князю Константиною Николаевна, Великою Княжною Ольгой Константиновной, и воспитаніе дѣтей ихъ въ духѣ православія, укрѣпили его династію. Что касается національныхъ стремленій Грековъ присоединить Эссалию, Эпиръ и Кандію, то новый король относился къ нимъ гораздо благосклоннѣе своего предшественника. Эта перемена политики проявилась уже при возстаніи Кандіотовъ въ 1868 году. Въ восточномъ кризисѣ 1876 года король старался оставаться въ добромъ согласіи съ великими державами. Въ 1878 году министерство и палаты побудили короля къ занятію Эссалии, но вслѣдствіе неблагопріятнаго военнополитическаго положенія, черезъ нѣсколько дней по вступленіи войскъ въ походъ, послѣдовалъ приказъ вернуться. Такъ какъ Порта не обратила вниманія на постановленія Берлинскаго конгресса 1878 и Берлинской конференціи 1880, то король въ 1880 году предпринялъ поѣздку ко двору великихъ державъ, чтобы обезпечить ихъ благосклонность выдать Греціи. Наконецъ въ 1881 году большая часть Эссалии и нѣкоторая часть Эпира были присоединены къ Греціи.

Дѣти отъ брака Георга I съ королевою Ольгой Константиновной: наслѣдный принцъ Константинъ, герцогъ Спартанскій (р. 1868 г.); принцъ Георгъ (р. 1869); принцесса Александра (р. 1870); принцъ Николай (р. 1872); принцесса Марія (р. 1876); принцесса Ольга (р. 1880) и принцъ Христофоръ (р. 1888).

вагонъ лица, получивъ лишь легкіе ушибы и царапины, кромѣ флигель-адъютанта Шереметева, который пострадалъ болѣе другихъ, но не тяжело. Къ прискобью, гибель прочихъ изъ разбитыхъ частей поѣзда сопровождалась несчастіями. Убиты: фельдшерскаго корпуса штабсъ-капитанъ Брешъ, лѣкарскій помощникъ, коллежскій ассесоръ Чекуверъ, писецъ повѣсточно-й части Шерибергъ, официантъ Лаутеръ, ѣздовые Шашииъ и Басковъ, камеръ-казакъ Сидоровъ, егеръ В. Григорьевъ; изъ поѣздной прислуги: слесаря Олоринникъ и Итинъ; кондукторы Стрѣльчуповъ и Королисъ; обойщикъ Лингенфельдъ; желѣзнодорожнаго батальона нижніе чины: Ганадурииъ, Загурскій, Медвѣдевъ, Прусь, Звѣревъ и Коровкинъ. Раненыхъ 18. Дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Шерваль, находившійся въ своемъ купѣ, получилъ сильный ушибъ. Государь Императоръ изволилъ лично распорядиться организаціей помощи раненыхъ. Несмотря на крайне дурную погоду, при пронизывавшемъ дождѣ и сильной грязи, Его Величество нѣсколько разъ спускался подъ откосы къ убитымъ и раненымъ и помѣстился въ вытребованный къ мѣсту крушенія свитскій поѣздъ только тогда, когда послѣдній раненый былъ перевезенъ въ санитар-

ный поѣздъ, прибывшій, по требованію, изъ Харькова. Раненые отправлены въ Харьковъ въ сопровожденіи генераль-майора Мартынова, а полковникъ Гернетъ оставленъ на мѣстѣ крушенія для распорядженія по отравленію тѣлъ убитыхъ и сбору вещей изъ разбитыхъ вагоновъ. Государь Императоръ повелѣлъ перевезти останки погibншихъ въ Петербургъ и озабочиться обезпеченіемъ ихъ семействъ. Вълѣдствіе прегражденія пути, свитскій поѣздъ съ Ихъ Величествами и Августѣйшимъ Ихъ Семействомъ, былъ направленъ для движенія по Екатеринбургской линіи, на ст. Лозовую. На этой станціи приглашеннымъ, по Высочайшему повелѣнію, сельскимъ духовенствомъ были отслужены, въ Высочайшемъ присутствіи, панихида по скончавшимся жертвамъ несчастнаго случая и благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю дивнаго избавленія отъ величайшей опасности. По окончаніи богослуженія, Государь Императоръ пригласилъ всѣхъ находившихся въ поѣздѣ, включая и прислугу, въ станціонную залу, на поздній обѣдъ. Слѣдствіе выяснитъ точную причину крушенія поѣзда; но о какомъ-либо злоумышленіи въ этомъ несчастномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ.

„НИВА“

еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни, издаваемый А. Ф. МАРКСОМЪ, подъ редакцію В. П. КЛЮШНИКОВА.

Въ теченіе девятнадцати лѣтъ изданія „Нива“ съ каждымъ годомъ постепенно улучшалась въ литературномъ и художественномъ отношеніяхъ, увеличивалась въ объемѣ и годъ отъ году давала все лучшія безплатныя преміи, а въ послѣдніе годы, кромѣ обычной большой преміи, выдавала по нѣскольку экстренныхъ приложеній, состоящихъ изъ отдѣльныхъ, для каждаго весьма полезныхъ, таблицъ съ изображеніями различныхъ предметовъ знанія, печатанныхъ нѣсколькими красками, на толстой веленовой бумагѣ. Вообще, съ теченіемъ времени, „Нива“ дѣлалась все богаче и разнообразнѣе, чтд конечно не осталось незамѣченнымъ нашими читателями.

Улучшая такимъ образомъ свой журналъ, мы довели его до объема почти вдвое большаго, чѣмъ онъ былъ 19 лѣтъ тому назадъ.

При такихъ капитальныхъ улучшеніяхъ, мы естественно несли все большіе и большіе расходы по изданію журнала, а между тѣмъ подписная цѣна „Нивы“ оставалась та же, что была и при началѣ изданія.

Имѣя въ виду и на будущее время расширить объемъ журнала, всесторонне улучшить его, совершенствовать главную премію и увеличивать по возможности количество безплатныхъ приложеній, мы поставлены въ необходимость нѣсколько возвысить подписную цѣну „Нивы“.

Въ портфель Редакціи приготовлены между прочимъ къ печати слѣдующія новыя произведенія:

- Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ.
- П. Висковатова—„Головка съ натуры“, рассказъ.
- Кн. М. В. (автора романа *Дити Солнцева*)—„Мнимая любовь“, романъ въ 2 част.
- Графа А. А. Голенищева-Бутузова—„Время“, стихотвореніе.
- Бнязя Д. Н. Голицына-Муравлина—„Увлеченіе“, повѣсть.
- П. Дорошенко—„Кто же?“ современнйй рассказъ.
- В. П. Желиховской—„Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина“, рассказъ.
- М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“, романъ.
- Н. В. Кукольника—„Крѣпостной художникъ“. (Посмертное произведеніе).
- Евгенія Львова—„Три могогана“, очерки изъ недавняго прошлаго земельной Россіи.

- В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, ром. въ 2-хъ част.
- П. Н. Полевого—„Корень зла“, историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.
- Графа Е. А. Саліаса—„Барыни-крестьянки“, историческій романъ.
- Н. Северина—„Перепутала“, комедія въ 1 дѣйствіи.
- П. Станицкаго—„Дѣдушка“, рассказъ.
- А. В. Стеригъ—„Божье дитя“, рассказъ.
- Ф. Ф. Тютчева—„Артемій Саватьевъ“, рассказъ.
- А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть.
- Кн. Д. Н. Цертелева—„Иранское преданіе“.
- О. Чуминой—„Загадка“, комедія въ 1 дѣйствіи.

Далѣе, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе 1889 года „Нива“ дастъ болѣе 50 портретовъ русскихъ общественныхъ дѣятелей съ біографіями, сотни оригинальныхъ рисунковъ русскихъ художниковъ и цѣлый рядъ копій съ картинъ, выставляемыхъ РУССКИМИ художниками на выставкахъ въ Имп. Академіи Художествъ и на Передвижной выставкѣ, множество видовъ русскихъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей съ описаніемъ, изображенія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся событій современной русской жизни, популярно-научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія съ пояснительными рисунками, равно какъ и обзоръ важнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ явленій въ Россіи и за границей.

Кромѣ ЭКСТРЕННЫХЪ ПРЕМІЙ, выдаваемыхъ отъ времени до времени въ теченіе года, при журналѣ „Нива“ выдается особое бесплатное еженѣсячное приложеніе „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“—въ немъ до 500 модныхъ гравюръ въ годъ, до 350 рисунковъ изящныхъ рукодѣльныхъ работъ и множество РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ, до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, множество бунвъ, вензелей и т. п. для мѣткіи—словомъ полный модный журналъ.

Какъ главную премію на 1889 г. гг. годовые подписчики имѣютъ безплатно получить большую олеографическую картину печатанную масляными красками, съ оригинала проф. Ими. Акад. Худ. В. Д. ОРЛОВСКАГО:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“,

точно такого же формата какъ и премія 1888 года, т. е. 14³/₈ вершк. вышины и полтора аршина ширины.

Громадный успѣхъ нашей преміи за 1888 годъ, „Зимній пейзажъ“ проф. Ю. Ю. Клевера, даетъ намъ надежду, что премія „Нивы“ на 1889 годъ „Лѣтній вечеръ въ Малороссіи“ проф. В. Д. Орловскаго превзойдетъ ожиданія гг. подписчиковъ, такъ какъ эта картина изображаетъ южно-русскую природу во всей роскоши ея лѣта. Это мирный хуторъ съ его поэтическими бѣлыми хатками въ зелени вишневыхъ садовъ, освѣенный навѣсами рощи и залитый золотомъ послѣнолунаго солнца по всей ширинѣ облегающей его стени.

Мы выставимъ въ непродолжительномъ времени картину въ книжныхъ магазинахъ и бібліотекахъ всѣхъ большихъ городовъ Россіи, гдѣ желающіе и могутъ наглядно убѣдиться въ ея высокихъ достоинствахъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Петербурѣ	5 Р.	Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи	6 Р.	Съ пересылкою въ Москвѣ и въ друг. городахъ и мѣст. Имперіи	7 Р.
Съ доставкою въ С.-Петербурѣ	6 Р. 50 к.		6 Р.	За границу	9 Р.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просятъ адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербурѣ, Невскій проспектъ, д. № 6. Редакція и издатель „НИВЫ“.

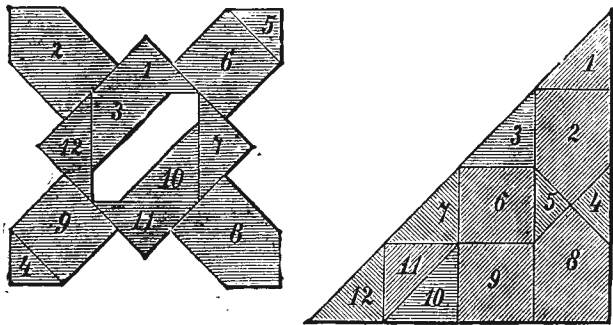
СМѢСЬ.

Въ римскомъ сжемъежномъ журналѣ *Ephemerides Liturgicae* помѣщено интересное сообщеніе объ одной изъ предлагаемыхъ реформъ календаря. Французское астрономическое общество, назначившее премію за лучшее предложеніе, присудило первую премію за работу нѣкоего Гастона Армелана. Онъ упрощаетъ календарь слѣдующимъ образомъ: день новаго года считается совершенно отдѣльно, не идя въ счетъ ни мѣсяца, ни недѣли, а просто обозначается какъ день новаго года. Затѣмъ остается раздѣлить 364 дня; они дѣлятся на четыре четверти года (триместра), въ каждой по 91 дню, что составляетъ 13 недѣль. Въ первомъ изъ 3 мѣсяцевъ триместра считается 31 день, а въ двухъ остальныхъ по 30. Наступающій черезъ каждые четыре года високосный день занимаетъ тоже отдѣльное мѣсто, какъ и день новаго года. Таковы главныя основанія предлагаемой реформы, которая во всякомъ случаѣ значительно упростила бы календарь; всѣ года были бы равны, всѣ триместры также; мѣсяцы, имѣющіе 31 день, повторялись бы въ правильномъ порядкѣ и всѣ дни мѣсяца приходились бы ежегодно въ одинъ и тотъ же день недѣли. Реформа эта имѣла бы особенно важное значеніе для церковнаго календаря, который можетъ измѣниться съ наступленіемъ праздника Пасхи, 36-ю различными способами. Между тѣмъ, когда воскресные дни приходились бы всегда въ опредѣленные числа мѣсяца, Пасха могла бы выпасть

только на одно изъ пяти воскресеній, а календарь имѣлся бы только 5-ю способами. Недвижимая установка воскресныхъ дней въ опредѣленные числа устранила бы пререканія о праздникахъ и т. д. Вышеназванный журналъ замѣчаетъ, что эта реформа въ своихъ основныхъ чертахъ предлагалась уже въ 1835 г. абабтомъ Мастрозини, но теперь она гораздо послѣдовательнѣе разработана Армеланомъ. (с.)

Долговая росписка Торквато Тассо. Часто встрѣчаемые разказы про лишения и нищету, которыя приходится испытывать писателямъ, къ сожалѣнію, не суть плоды фантазіи. Печальнымъ подтвержденіемъ этого факта можетъ служить автографъ знаменитаго итальянскаго поэта, автора „Освобожденнаго Иерусалима“, найденный при продажѣ съ аукціона собранія рукописей выдающихся лицъ. Этотъ лоскутокъ бумаги, написанный рукою Тассо, гласитъ такъ: „Я, нижеподписавшійся, снмъ удостоверяю, что получилъ отъ Джакомо Коста 25 лиръ, подъ залогъ пижамы моего отца, шести сорочекъ, четырехъ простынь и двухъ салфетокъ. Марта 2 дня 1579 года. Торквато Тассо“. Тассо было тогда 26 лѣтъ отъ роду. Онъ жилъ въ глубокой нищетѣ, что и заставило его, какъ свидѣтельствуемъ вышеупомянутая росписка, заложить пижаму, унаследованную имъ годъ назадъ отъ отца, который при помощи ея блестяще сражался подъ знаменами герцога Мантуанскаго. (с.)

Рѣшеніе геометрической задачи № 63 (помѣщ. въ № 39).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — В. Постникова, О. Терденева, А. Сазонова, Н. Александрова, Н. В. Панкова, Б. Коровино — В. К. Терскаго, Динабургъ — Е. Ароузовой, Невъ — А. Н. Шульженко, Кудручило — П. Г. Лякъ, Лебедянъ — В. И. Чурлиня, Прохладная — П. А. Иванкова, Смоленскъ — В. Хонъ, Самара — М. А. Смирнова, Чернизово — А. Е. Рѣзчикова, Уфа — К. Фоминныхъ, Чудины — Зосимовскаго. Шацкъ — А. Филимоновича.

Рѣшеніе ребуса № 62 (помѣщеннаго въ № 39).

„За весельемъ горе идетъ“.

Рѣшеніе шахматной задачи № 65 (помѣщенной въ № 39).

Бѣлые.
1. Кр. h2 — h3
2. Л e1 — d1+
3. Ф b2 — h2 или Ф b2 — e5++
1. . . . .
2. Ф b2 — e5+
3. Ф e5 — b8++
1. . . . .
2. Ф b2 — d4+
3. Ф d4 — b6++

Черные.
f4 — f3
Куда угодно.
Кр. d6 — c7
Кр. c7 — d8
c5 — c4
Кр. d6 — c7

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — В. Усова, В. И. Шошина, А. Маслера, Шиницына, Москва — П. Гвоздичевъ, Смоленскъ — В. Рачинскаго.

Рѣшеніе шашечной задачи № 64 (помѣщенной въ № 39).

Бѣлыя.
1) b 8 — a 7
2) a 5 — b 6
3) d 2 — c 3
4) a 7 — e 3
5) f 8 — b 4
6) h 6 — d 6
7) d 6 — f 4

Черныя.
1) g 1 — d 4
2) c 7 — a 5
3) d 4 — b 2
4) f 4 — d 2
5) a 5 — c 3
6) f 6 — e 5

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — А. А. Поспелова, В. И. Шошина, Москва — Н. Гаврилова, Калуга — С. П. Соколова.

Рамы для преміи „ПВЫ“ 1888 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками съ оригинала проф. Ю. Ю. КЛЕВЕРА:

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(подробности см. въ предъидущ. №№).

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, выписывающихъ цѣлыя рамы съ картинами, полученную ими премію немедленно возвращать намъ въ Контору, дабы, по возможности, безъ задержки, мы могли имъ высылать рамы со вставленною картиною.

СОДЕРЖАНІЕ: Е. С. Семенова (съ портр.). — Бригадирская внучка. Московская билья. Графа Е. А. Саласа. Часть I. (Продолженіе). — Вѣчу не быть. Старинная повѣсть Д. В. Аверьева. Часть III. (Продолженіе). — Къ рисункамъ: Парни (с 7 рис.). — Золота арфа (съ рис.). — Юрьевецъ (съ рис.). — Мостъ черезъ рѣку Бѣлукъ (съ 2 рис.). — Восточно-Сибирскій отдѣлъ Географическаго Общества въ Иркутскѣ (съ рис.). — Старый зубрь, преслѣдуемый волнами (съ рис.). — Видъ сельскаго промысла и тяги неведомъ близъ Еникале (съ рис.). — Физика въ домашнихъ отытахъ (съ 5 рис.). — Царскій курганъ въ Керчи (съ рис.). — Король Элиновъ Георгъ I и королева Греческая Ольга Константиновна (съ 2 портр.). — Событія 17 октября. — Оподпискѣ на „Ниву“ 1889 г. — Смѣсь. — Рѣшенія задачъ. — Объявленія

Издатель А. Марнсъ.

Редакторъ В. Клошинковъ.

Только что поступили въ продажу НОВЫЯ КНИГИ:

1) Лучш. Первая послѣ азбуки книга для чтенія въ школахъ грамоты, одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ и въ младшихъ классахъ низшихъ учебныхъ заведеній. Цѣна 35 коп. Стр. 210+I—VIII. Составилъ Г. М. Дьяченко, бывшій преподаватель русск. языка въ Полтав. учт. сем., 3-мъ Военномъ Александровскомъ училищѣ и Моск. 2-й гимназій, бывшій священникъ, магистръ богословія, законоуч. реальнаго Михайлов. училища въ Москвѣ.

ЕГО ЖЕ:

2) Доброе Слово. Годъ I. Книга для класснаго и внѣ-класснаго чтенія, примененная къ потребностямъ народныхъ школъ: сельскихъ, городскихъ (земскихъ, Министерства Народнаго Просвѣщенія съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ) и духовныхъ училищъ. Цѣна 60 коп. Стр. 372+I—XV.

3) Доброе слово. Годъ II. Цѣна 60 коп. Стр. 383+I—XVIII.

4) Доброе Слово. Годъ III. Цѣна I р. 60 коп. Стр. 1033.

5) Объяснительная записка къ Доброму Слову. Цѣна 15 коп.

Содержаніе книгъ. Предварительныя упражненія въ чтеніи. Отдѣлы: I. Семья. II. Школа. III. Дѣти. IV. Природа и ея явленія. V. Животныя. VI. Наши ближніе. VII. Богъ. VIII. Церковь. IX. Изъ исторіи христіанской церкви. X. Примѣры благодѣтельной жизни людей. XI. Примѣры наказанія Божія, которое постигаетъ людей грѣшниковъ. XII. Загробная жизнь человека XIII. Святые мѣста. XIV. Родина и царь XV. Изъ крестіанскаго быта. XVI. Изъ военнаго быта. XVII. Изъ жизни великихъ людей. XVIII. Человѣкъ. XIX. Душеполезныя размышленія и наставленія. XX. Материалъ для первоначальнаго упражненія въ славянскомъ чтеніи. XXI. Статьи для письменныхъ работъ по русскому языку и XXII. Подготовительныя письменныя упражненія и темы для письменныхъ работъ въ связи съ книгою для чтенія.

6) Методика обученія правописанію. Для учительскихъ семинарій и институтовъ. Цѣна 80 коп. Стр. 216.

7) О приготвленіи рода человѣческаго къ принятію христіанства. Богословское и историко-философское изслѣдованіе. Цѣна 2 руб., съ перек. 2 р. 25 коп.

Ослепное сочиненіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи „Введенія“ въ православное богословіе и для внѣкласснаго чтенія учащихся.

8) О современномъ религиозно-нравств. состояніи русск. общества Цѣна 60 к.

Главный складъ означенныхъ книгъ находится въ Москвѣ, на Мясницкой, въ книжномъ магазинѣ В. В. Думнова, подъ фирмою „Наслѣдники братьевъ Салаевыхъ“, и въ С.-Петербургѣ. Ентер. каналъ, близъ Невскаго просп., домъ № 19. куда и благоволятъ обращаться за книгами. № 3458 3

КЛИШЕ
Гравированіе на деревѣ (клише) для иллюстр. изданій, Прейсъ-курантъ, Объявленія и пр. КСИЛОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ **КАРЛЪ РИХТЕРЪ** Троицкая улица, д. № 27а. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

БАГЕТЫ
каймъ для рамъ, а также рамы всѣхъ сортовъ, во всякомъ стилѣ, новѣйшихъ рисунковъ, продаются по умѣреннымъ цѣнамъ оптомъ и въ розницу, въ собственной мастерской
P. № 3468 1-
Э. БАГЕ.
С.-Пбургъ, Гороховая, д. Лихачева, № 1
Образцы высылаются бесплатно и франко

Въ Московско-Центральномъ книжномъ складѣ и магазинѣ **Ф. А. ЮГАНСОНА**
Коммисіонера Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ и Киевской Духовн. Академіи.
Въ Невѣ: 1) На углу Крестатика и Прорѣзаной ул., 2) На Подолѣ, по Александровской; 3) Поступила въ продажу по значительно уменьшенной цѣнѣ роскошно изданная книга: Художественная Россія. Общедоступное подробное описаніе нашего отечества отдѣльными городами и областями, охватывающее всѣ стороны русской жизни и представляющее несомнѣнный интересъ для русскаго образованнаго читателя, желающаго близко ознакомиться съ бытомъ своего народа. Изд. украшенное 161 рисунками портретами П. Ч. Полеваго. Цѣна в. 5 р.—2 р.
Практическій самоучитель англійскаго языка, въ 6 дней выучиться читать, писать, говорить по-англійски. Состав. по Флюгелю, Антъ, Гейдлеръ, Плате. М. Говинъ. Ц. 50
Нѣмецкій самоучитель выучиться читать, писать и говорить по нѣмецки въ 6 дн Соч. М. Ровичъ. Ц. 50 к.
Русско-французскій словарь, русско-нѣмецкій словарь и русско-греческій словарь Изд. миніатюрное. К. 1888. Ц. по 35 к. за книжку.
Русско-латинскій словарь. Изд. миніатюрное. К. 1888. Ц. 60 к.
Кисевскій календарь на 1889 годъ. Годъ изданія 3-й, съ приложеніемъ Лѣснаго устава и азбуки сельскохозяиственной. 224 стр. Ц. 20 к., съ перек. 35 к.
Имѣются подстрочныя переводы греческихъ и римскихъ классиковъ: Виргинія, I ратца, Демосфена, Овидія, „Закустія, Титъ Ливій, Цицерона, Цезаря, Корнелія Непота Геродота Гомера Одиссея и Илады, Кеннофонта Анабасиса, Меморіалія Платона Софокла, ключъ къ Марго Пгнатовичу, Кюлеру, Эртелю, Григорьевичу, Массону и т.
Всѣ книги высылаются съ первой почтой, кѣмъ бы ни были объявленыя, не считая на счетъ магазина, если заказъ будетъ не менѣе какъ на 5 р., при большій требованіяхъ дѣляется „скупка“ отъ 10 до 10% съ рубля. Каталоги книгъ высылаютъ безплатно по первому требованію. № 34

Корнетъ-а-пистоны, трубы, флейты, кларнеты, пиколо-флейты, флажолеты, чеканы, мюзеты и всё проч. духовые инструменты и принадлежности къ нимъ.
Пріемъ въ починку.
Прейсъ-курранты высылаются бесплатно.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно. Мт. № 3444

ДЕЛО
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
Д. А. АЛЕКСАНДРОВА
Невскій просп., № 53, въ С.-Петербургѣ.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.
СКРИПКИ.
Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподржаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, вѣолончели, басы. Смычки 1/2—50 мар. Фуляры 3/2—40 мар. Цытры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Патентованная дѣлал скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендациі отъ Вильгельма, Саразега, Сорэ, Зингеръ и проч. Полнѣйшій гарантія. Прейсъ-курранты бесплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ.
Р. № 3468 Крейцнахъ. 9—1

== ВАЖНО ДЛЯ ТОРГОВЦЕВЪ. ==
НОВѢЙШИЯ
УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛКИ
изъ стекла, металла и ламетта въ большомъ выборѣ предлагаю и отправляю во внутрь Россіи для образца:
Цѣла коллекціи. . . С. Р. 10 — } съ дост.
Половина . . . . . 5 25 }
и свѣчи для елки. № 3464

ОСНАРЪ ЛЕССЕРЪ.
С.-Петербургъ, Садовая, № 12.

ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ ВОЛОСЪ
БАЛЬЗАМЪ
ЭЙКАЛИПТИ
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Есть средство для укрѣпленія волосъ, уничтожаетъ перхоть и приятно освѣжаетъ головную кожу. Цѣна флакона 1 р. 50 коп., съ перес. 2 руб., 2 флакона съ пересылкой 3 р. 50 коп. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.
Получать можно: въ Русск. Обществѣ торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейна, В. Безбардиста, Р. Келлеръ и Ко., О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и шарфом. торговл. Россійской имперіи. Главнйй складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ. Литейная, № 38. № 3439

Близъ Тифлиса продается лѣсъ съ мѣдн. и др. рудниками. А. Ф. Шталь. Тифлисъ.
ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
Въ книжн. маг. „Нов. Времени“ и на станціи ж. д., продается новая книга:
ФИЗИОЛОГІЯ ЛЮБВИ
П. Мантегацца. Перев. съ 3-го итальянскаго изд. С. и М. Цѣна 1 р. 50 коп.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 67, собств. домъ,
Покупаетъ всё % бумаги,
Студы подъ всё % бумаги.
Страхование винтринныхъ займовъ.
Переводы на всё города.
Оплата купоновъ. № 3398
Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

На 1889 (IV-й) г.
съ 1-го ноября
ОТНРЫТА ПОДПИСКА
на дешевый еженедѣльный иллюстрированный журналъ
„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“.
К. МАСЛЯНИКОВА.
Много рисунковъ, практическіе безплатныя отвѣты на вопросы, съ рисун. Прилагаются безплатно: сѣмена, архитект. проекты красками. Безплатно при подпискѣ: Альбомъ снота, лошадей, собакъ. Программа высылается безплатно. На годъ 6 р. № 3455

ЭЛЕВАТОРЫ,
ихъ конструкціи и значеніе для Россіи. К. Масляникова. 12 рис. Съ перес. 40 к. Главнѣйшія причины сельско-хозяйственнаго кризиса и мѣры къ его прекр. Съ пер. 15 к. Спб. Надеждинская, № 39.

№ 4711
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ
съ различнымъ запахомъ:
Эдельвейсъ, желтый левкой, маслинъ, гелотропъ, ландышъ, оплопансъ, розеда, рейнская роза, рейнская фиалка, рейнскіе цвѣты и аспера душистая.
Превосходныя, долго сохраняющіеся и дешевые духи для платка.
Цѣна за флаконъ
содержащій 1/4 фунта
1 р. 25 коп.
Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3359 6—3
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
у Алекс. ТИСЪ и Ко.
Пушкинская, № 4.

8—5 Главное дѣло для Россіи: братья Фохтсъ, В. О., 1-я лин., № 4. № 3396

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ
ВАСИЛ. ПЕРЛОВЪ
съ СЫНОВЬЯМИ
ФИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ ВЪ МОСКВѢ БОЛѢ СТА ЛѢТЪ.
СОБСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ НАХОДЯТСЯ:
Въ Петербургѣ: 1) Загородный пр., № 26. 2) Садовая, пр. Гостиц. двора, 16. 3) Невскій, бл. Надеждинской, 90. 4) Садовая, близъ Сѣнной, № 44. 5) Чернышевъ мостъ, 64. 6) Литейная, 25. 7) Петербургская стор., Бол. пр., 38.
Москвѣ: 1) Первая Мѣщанская, собственный домъ. 2) Варварка. 3) Тверская, д. Малькиель. 4) Калужскій рынокъ. 5) Нѣмецкй рынокъ. 6) Покровский ворота. 7) Пречистенскіе ворота. 8) Китайскій проѣздъ. 9) Петровскія линіи. 10) Смоленскій рынокъ. 11) Пятницкая, д. Филиппова.
Варшавѣ: 1) Налевки, 10. 2) Новый Свѣтъ, 33. 3) Лѣшно, 15. 4) Маршалковская, 44. 5) Прага, 7. 6) Электроральная, 10.
Нѣвѣ: 1) уголъ Крещатики и Думской площади. 2) Крещатики, 44.
Нѣвѣ: 3) Александровская, 87. 4) Харьковѣ: 1) Николаевская площадь. 2) Московская, 28. 3) Екатеринославская, 22. 5) Курскѣ: 1) Московская, 28. 2) Херсонская, 12. 3) Одессѣ—Ришельевская. 4) Нижнемъ-Новгородѣ—Сафронская пл. 5) Тифлисѣ—Эриванская. 6) Ригѣ—Купеческая. 7) Орлѣ—Волховская. 8) Саратовѣ—Александровская. 9) Воронежѣ—Дворянская. 10) Таганрогѣ—Петровская. 11) Вильно—Большая. 12) Новочернаскѣ—Платовскій проспектъ. 13) Кременчугѣ—Херсонская. 14) Елисаветградѣ—Перспективная. 15) Владиванскѣ—Александровскій пр. 16) Динабургѣ—Петербургская. 17) Тамбовѣ—Базарная. 18) Пенсѣ—Великолудская. 19) Островѣ—Большая. 20) Минскѣ—Соборная. 21) Витебскѣ—Замковая. 22) Либавѣ—Ново-Базарная. 23) Дерптѣ—Большой рынокъ. 24) Ревельѣ—Большой рынокъ. 25) Нижегородской ярмаркѣ. 26) Вѣнѣ—Kärntnering, 15. 27) Берлинѣ—Friedrich Strasse, 65. 28) Парижѣ—Bue d'Enghien, 39.

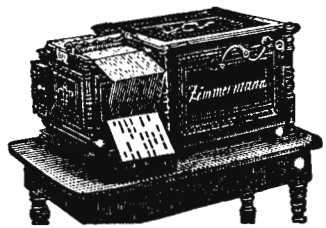
Благодаря хорошему курсу, доброта чая значительно улучшена, поступилъ въ продажу чай на 1 р. 40 н. и увеличена скидка покупающимъ не менѣе 50 фунт. Условія оптовой продажи высылаются по требованію. Контора, главный складъ и развѣтка въ Москвѣ: Первая Мѣщанская, соб. домъ. № 3463

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Ители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.
Простятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (40) № 2946

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, № 21.
РЕКОМЕНДУЮТСЯ въ особенності нижеслѣдующія произведенія:
ПОМАДЫ ВЫСОКАГО КАЧЕСТВА И ВОДЫ
ДЛЯ ВОЛОСЪ
ХИННАЯ И ТОНИЧЕСКАЯ
приготовленныя съ разрѣш. Спб. Врачебн. Управленія.
Экстрактъ Вежеталь Шампунъ для Виолетъ де - Пармъ мытья головы по по 90 коп 40 коп.
Бриллиантъ Эссъ-Буко по 90 коп.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1. Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. 2. Невскій проспектъ, у Анчкова моста, № 66. 3. Уголъ Вознесенскаго просп. и Казанской ул., д. Шредера, № 18—54. (Розничная и оптовая продажа).
Въ Москвѣ: 1. На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковъхъ.
== ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ ==
къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, приливше названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.
При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точности фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“. 1—1
Рт. № 3452

НОВѢЙШЕЕ ИЗОбРѢТЕНІЕ

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ.

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнить посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія попури, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно пологимъ и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленъ для игры forte и piano. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Ц. съ 10-ю нѣсами 80 руб. Добавочныя нѣсы смотря по длине по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка на счетъ покупателя. Списочъ пьесъ и иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ — бесплатно. № 3463

Юліи Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

ЛЕЙПЦИГСЪ и ГЮЗНИГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

АХРОМАТИЧ. УНИВЕРС. БИНОКЛЬ.

Карм. форм. въ замкѣхъ. копек. . . . 8 р. 50
съ пересылкою. . . . . 9 р. —
Больш. форм. въ шагр. футъ. съ ремн. 9 р. 50
съ пересылкою. . . . . 10 р. 50
„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптическ. качества, одинаково годенъ для военныхъ, охоты, полей и театра, а потому вполне заслуживаетъ названія „универсальный бинокль“. Театральный бинокль въ разн. оправ. отъ 5 р.

Е. КРАУСЪ и К^о.
СПЕЦІАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.
Парижъ, Авен. d. l. Républ., 4.
2-1 Складъ для Россіи
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высыл. бесплатно. Р. № 3450

КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ ЧЕШСКО-СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА
В. Ф. ЧЕРВЕШЬИИ и Сыновья
въ Невѣ, Рейтарская, 41.

Рекомендуютъ свой заводъ для доставки музык. инструментовъ духовыхъ, струнныхъ, ударяемыхъ и кланесныхъ, которые превосходятъ нѣмецкихъ, английскихъ и французскихъ по чистотѣ строя, отличаясь элегантною и прочною отдѣлкой.
Т. п. адресовать: въ Невѣ, В. Ф. Червешеву и С. № 3461 4-1

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ю. ФЛОРАНА.
СПЕЦІАЛЬНОСТЬ МУЖСКАГО И ДАМСКАГО БѢЛЬЯ.
ПОЛНОЕ ПРИДАНОЕ ДЛЯ НЕВѢСТЪ И НОВОРОЖДЕННЫХЪ.
СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ
ВЕРХНЯГО ДАМСКАГО ПЛАТЯ И ШЛЯПЪ.

Торговый Домъ Юліи Флоранъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія своихъ многоуважаемыхъ покупателей, что имъ только что получены всевозможныя и послѣднія новости изъ первыхъ домовъ Парижа и Лондона для осенняго и зимняго сезона, какъ-то: Матинэ, Пенюаръ, Со-де-ли, Дезабильэ, Юбки всякія, Юбки шелковыя ватныя.

Громадный выборъ чулокъ всѣхъ сортовъ и носковъ.
Небывалый ассортиментъ галстуховъ: пластронъ, регаты, морской узелъ, готовый бантъ и пр.
Платковъ полотняныхъ, батистовыхъ, бѣлыхъ и цвѣтныхъ и пр. и пр. и пр.
Всѣ указанія, образцы, фотографическія снимки моделей, равно и полный иллюстрированный прейсъ-курантъ немедленно по требованію высылаются конторою бесплатно. Р. № 3460

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
ВЪ
СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ
„РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.
СТРАХОВАНІЯ:
Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданого для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 3456 4-1

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.
Къ 1 января 1888 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 16,681 лицо на капиталъ въ 49,061,640 руб.
Дивидендъ страхователей въ 1888 г. составляетъ 12%.

Ближайшія подробности въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, бесплатно. Прислать въ С.-Петербургъ (Большая Морская, № 13) и агентами Общества въ городахъ Имперіи.

Соленскія Минеральныя Лепешки

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней
приготовляемыя подъ надзоромъ Сан. Сов. Д-ра Штельтнинга изъ солей знаменитыхъ цѣлебныхъ источниковъ № 3 и 18 СОДЕНЬ.
Ввозъ этихъ лепешекъ въ Россію разрѣшенъ Медицинскимъ Департам. въ С.-Петербургѣ.
Продажа во всѣхъ почти Аптекахъ и Аптекарскихъ магазинахъ по 10 коп. за коробку.
Оптчная продажа у **М. МОРГЕНШТЕРИ**, Большая Морская № 23, С.-Петербургъ.

ГОТОВАЛЬНИ
для воспитанниковъ отъ 1 руб. 25 коп. до № 3453 6 р. и дороже. 2-1
Въ оптическомъ и хирургическомъ магазинѣ **М. РАЗУМОВЪ и А. ШИЛЛЕРЪ**
Москва, Рождественка, противъ елисейск.

ДОМАШНИЙ ИЛЛУСТРИРОВАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ 1889 Г.
Съ 43 рис. 96 стр. Ц. 20 к.
Складъ у книгопродавца Губинскаго въ С.-Петербургѣ. № 3446 5-2

10 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ КОНЬКОВЪ
отъ 2 руб.—15 руб. за пару. 3371
Иллюстр. прейсъ-курантъ бесплатно.
Ж. БЛОКЪ. СПБ., В. Морская, 21.

ЦѢНА ТОЛЬКО 10 р. с.
ПЕРЕНОСНОЙ ТЕЛЕГРАФНОЙ ЗВОНОКЪ.

Электрическ. батарея, въ полномъ составѣ и по новейшей конструкціи, помещена въ ящикъ, къ которому придѣлана весьма рационально и вѣрно-дѣйств. система звонковъ. Электр. проволока сообщ. съ батареею, и можетъ быть проведена — безъ вреда для стѣны — чер. комнаты и коридоры, пройдя по угламъ или дверямъ изъ одного помѣщенія въ другое; а пуровка, придѣл. къ концу проволоки, прикѣпляется на желаем. мѣстѣ. Такимъ образомъ, хозяинъ въ сост. устроить въ нѣсколько минутъ домашнее телеграфн. сообщеніе. Болье точныя свѣдѣнія безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДЪ
у Казанск. м., д. № 30—18, входъ съ Енаг. № 3378 кан., въ С.-Петербургѣ. 7-6

МОЛЬДАКОТЪ

Усовершенствованная английская карманная духинточная швейная машина СЪ МОЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.
Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „Мольдакотъ“ съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ нераспарываемымъ швомъ, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна всемъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Вѣсомъ она около фунта. Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣхъ, ящикѣ 11 р. 25 к., пересылка 75 к. Въ Азиатскую Россію за 3 фунт.
Главный складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Моросейка, д. Комитета. № 3462

НОВОСТЬ!
Американскія металлическія лампы

ГИЧКОКЪ
безъ стекла.
Свѣтъ сильнѣе, бѣлье и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается огромная экономія; устранивъ постоянно допущающагося и бьющагося стекло.
Лампа вся металлическая, изящно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обикновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обикновенная лампа.
Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1/2 колѣны въ часъ.
Полное ручательство за доброту качества.
Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію:
Столовая . . . . . 12 руб.
Висельная . . . . . 15 руб.
Стѣнная . . . . . 15 руб.

Съ колпакомъ и колѣномъ за 3 р. дороже.
Цѣны въ Азиатскую Россію на 4 р. дороже.
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372
Ж. БЛОКЪ.
С.-Петербургъ, В. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбургъ, Соборная улица.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIX г.

№ 45

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XIX

1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 5 ноября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шпр.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ . . . . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . . . 7 р.

и другіе города Россіи . . . . . 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКИЯ МОДЫ“ за НОЯБРЬ 1888 г., съ 32 гравюрами и отд. листъ съ 28 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 24 рис. рукодѣльныхъ работъ.

М. П. Лазаревъ.

Кто изъ русскихъ не знаетъ, сколько славныхъ дѣлъ совершилъ нашъ флотъ, сколькоими неувядаемыми лаврами покрылъ онъ себя. Но далеко не многимъ извѣстно, кто способствовалъ этой славѣ, кто, напримѣръ, былъ устройтеlemъ и учителемъ знаменитаго Черноморскаго флота, нашедшаго свою безвременную погибель въ роковую Севастопольскую годину. Безъ малаго двадцать лѣтъ управлялъ флотомъ этотъ виновникъ славы его, и возсоздавъ наши морскія силы, поставилъ флотъ на такую высоту, что онъ сталъ возбуждать зависть иностранцевъ. Этотъ замѣчательный дѣятель — Лазаревъ, тотъ самый адмиралъ Лазаревъ, который оказалъ столько услугъ отечеству и на боевомъ поприщѣ, и на административномъ, и, наконецъ, въ качествѣ кругосвѣтнаго плавателя. Въ нынѣшнемъ году исполнилось столѣтіе со дня рожденія его, и поэтому будетъ весьма кстати вспомнить о немъ,

Адмиралъ М. П. Лазаревъ (по поводу сотой годовщины его рожденія).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

отдать должное доброй памяти необыкновенно трудолюбиваго, энергичнаго, храбраго и въ высшей степени способнаго человека. Адмиралъ Лазаревъ улучшилъ кораблестроеніе, укомплектовалъ число линейныхъ судовъ—и суда, построенныя его стараніями, отличались прочностью, красотой отдѣлки, возбуждая удивленіе не только соотечественниковъ, но даже иноземцевъ; онъ усовершенствовалъ морскую артиллерию, ввелъ многія новыя приспособленія и употребленіе орудій новаго типа; устроилъ адмиралтейства въ Севастополѣ выбралъ мѣсто и выработалъ планъ. Отстроенное послѣ кончины адмирала, оно, по Высочайшему повелѣнію, названо *Лазаревскимъ*. Имъ же приведено въ блестящее состояніе также и Гидрографическое Депо, почти не существовавшее въ 1833 году, и затѣмъ издавшее много отличныхъ картъ и всевозможныхъ книгъ, относящихся до мор-

скаго искусства. Помимо специальных работ по флоту, Лазарев занимался „классическими постройками“ в Севастополе; два раза воздвиг эдакие библиотеки для морских офицеров, построил доки и украсил городъ церковью Петра и Павла, домами Морскаго Соборанія, училища для дѣвицъ и т. п. Для Лазарева, страстно преданнаго морскому дѣлу и всему что такъ или иначе съ этимъ дѣломъ было связано, „не существовало другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ моря: въ нихъ сосредоточивалось его честолюбіе, его надежды, помыслы, весь смыслъ его жизни. „Политикой, дипломатіей онъ не занимался; многие, въ томъ числѣ и Н. Н. Муравьевъ отзывались, поэтому, о Лазаревѣ, какъ о человѣкѣ, устраившемъ отъ себя всѣ распоряженія выходившія изъ круга его прямыхъ обязанностей, но это, напротивъ, слѣдуетъ ему вѣнчать въ заслугу. Какъ преобразователь флота, Лазаревъ одновременно обращалъ все свое вниманіе на внѣшнее устройство его и на внутреннее состояніе. Своимъ подчиненнымъ онъ старался передать то изумительное рвеніе и любовь къ дѣлу, которыми онъ былъ самъ проникнутъ всецѣло. Онъ внесъ во флотъ совершенно иной духъ, такъ сказать, почистивъ личный составъ его, внесъ живую силу, направивъ всѣхъ и каждого къ благородной цѣли совершенствованія. „Служба примѣромъ неутомимой дѣятельности,—говоритъ одинъ изъ биографовъ Лазарева—онъ требовалъ отъ подчиненныхъ не занятія *между прочимъ*, а посвященія всѣхъ силъ избранному поприщу.“ Характеристика, сдѣланная имъ Павлу Стенановичу Шахматову — „душою чистъ и любитъ море“, служила указаніемъ его идеала. Только чистые душою могли разсчитывать понасть въ кружокъ его приближенныхъ. Честность безукоризненная, фанатическая заботливость о казенной кассѣ составляли первое условіе избраннаго круга... Походная церковь и казенный ящикъ составляли двѣ корабельныя святини. Въ тѣ времена, болѣе чѣмъ когда-либо, существовали всякія интриги и искательства. Лазаревъ былъ чуждъ всего этого и невольно заставлялъ и уважалъ себя, и любить. Онъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ П. П. Раевскимъ, гр. А. Ф. Орловымъ, кн. М. С. Воронцовымъ и даже съ кн. А. С. Меншиковымъ, относившимся къ людямъ нѣсколько презрительно. Въ болѣе или менѣе чѣстны характеръ Лазарева, который привлекалъ къ себѣ ясностью въ направленіи дѣятельности, энергіей и прямою и честностью. Онъ дѣйствовалъ неотразимо прекрасными качествами души и ума и на начальствующихъ, и на подчиненныхъ. Заслужить похвалу адмирала для подданныхъ составляло самую высокую награду, подвергнуться его неудовольствію—тяжелое наказаніе. Онъ не даромъ потратилъ столько времени и силъ: его многіе ученики сдѣлались гордостью своей родины,

И юный Лазарева флотъ,
Краса и честь Эвксинскихъ водъ,
Вождемъ великимъ утѣнялся,
Руками чими созданъ былъ,
Чей духъ высокой затанялъ...

Таковъ плѣнительный образъ создателя Черноморскаго флота; Лазаревъ еще ждетъ своего биографа,—„ждетъ пытливаго взгляда, чтобы изъ учителя черноморскихъ моряковъ превратиться въ образецъ государственнаго дѣятеля“.

Михаилъ Петровичъ Лазаревъ происходитъ изъ старинной дворянской фамиліи. Родился онъ во Владимирской губерніи, 3 ноября 1788 года, въ довольно небогатой семьѣ, и, не имѣя никакихъ покровителей, вездѣ самъ, упорнымъ трудомъ, пробивалъ себѣ дорогу. Выпущенный гардемаринномъ изъ Морскаго кадетскаго корпуса, въ 1803 году, онъ, въ числѣ тридцати воспитанниковъ, былъ отправленъ въ Англію для болѣе всесторонняго знакомства съ морскою наукою. Проплававъ два года въ Атлантическомъ океанѣ и, получивъ чинъ мичмана заграницею въ 1805 году, онъ въ маѣ 1808 года, вернулся въ отечество. Служба въ англійскомъ флотѣ и коснувшійся молодого моряка строй англійской жизни—оказали весьма благотворное вліяніе на Лазарева и въ отношеніи научномъ, и въ дѣлѣ воспитанія его характера. Едва Лазаревъ вернулся изъ загра-

ничнаго плаванія, какъ ему снова пришлось двинуться въ путь—принять участіе въ дѣйствіяхъ противъ союзнаго англо-шведскаго флота. Назначенный въ эскадру адмирала Ханькова, онъ, въ числѣ другихъ, долженъ былъ идти на помощь нашему кораблю „Всеволоду“, атакованному двумя англійскими кораблями. Послѣ упорной защиты нашъ корабль сдался и Лазаревъ очутился въ плѣну, впрочемъ, непадало; въ томъ же году онъ снова плавалъ въ той же эскадрѣ, а затѣмъ, вплоть до сентября 1813 года, участвовалъ въ крейсерствахъ по Финскому заливу и Балтійскому морю. 1 сентября 1813 года Лазаревъ, по предложенію Россійско-Американской компаніи, принялъ командованіе надъ принадлежащимъ ей судномъ „Суворовъ“, снаряженнымъ въ кругосвѣтное плаваніе, и отправился въ Ситку. Лазареву тогда было всего 25 лѣтъ, но репутанія молодого офицера уже сложились, и вотъ почему ему было поручено самостоятельное командованіе судномъ—что являлось дѣломъ необычайнымъ. Три года продолжалось это плаваніе, и молодому капитану представился случай выказать и способности свои, и желѣзную энергію. На обратномъ пути имъ открыта группа изъ пяти необитаемыхъ острововъ. Въ 1819 году Лазарева назначили командиромъ военнаго шлюпа „Мирный“, который вошелъ въ составъ ученой экспедиціи изъ двухъ судовъ для изслѣдованія южнаго полушарія. Это путешествіе длилось два года и два мѣсяца; Лазаревъ удалось составить замѣчательное собраніе образцовъ всѣхъ видѣнныхъ имъ судовъ, употребленныхъ дикихъ, и по возвращеніи изъ путешествія онъ получилъ чинъ капитана 2-го ранга. 24 августа 1822 года Лазаревъ пришлось отправиться въ третье кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ „Крейсеръ“, командиромъ котораго онъ былъ назначенъ; „Крейсеръ“ вернулся изъ путешествія черезъ три года и его шегольской видъ, образцовый порядокъ на кораблѣ обратили на себя вниманіе всѣхъ моряковъ. Произведенный въ капитаны 1-го ранга, Лазаревъ былъ назначенъ командиромъ корабля „Азовъ“, строившагося въ Архангельскѣ, затѣмъ служилъ, въ 1827 году, въ эскадрѣ адмирала Сеявина, послѣ чего сдѣлалъ начальникомъ штаба отдѣльной эскадры, подъ флагомъ вице-адмирала гр. Гейдена и участвовалъ въ знаменитой Паваринской битвѣ, гдѣ военно-морскія способности Лазарева выказались въ полномъ блескѣ. „Неустранимый капитанъ 1-го ранга Лазаревъ—говорится въ донесеніи гр. Гейдена о славной побѣдѣ—управлялъ движеніями „Азова“ съ хладнокровіемъ, искусствомъ и мужествомъ примѣрнымъ... Къ чести капитана Лазарева должно присовокупить, что строгая дисциплина, ежедневное ученіе по пунктамъ и порядокъ, въ коемъ служители всегда содержались, были причиною, что корабль „Азовъ“ дѣйствовалъ съ такимъ успѣхомъ въ пораженіи и истребленіи непріятеля“. Въ награду за Паваринскій бой Лазаревъ получилъ чинъ контръ-адмирала; послѣ этого два года онъ плавалъ по Средиземному морю и блокировалъ Дарданеллы; послѣдующіе два года провель въ Балтійскомъ морѣ, и въ 1832 г. назначенъ начальникомъ штаба Черноморскаго флота, съ которымъ имя Лазарева связалось навѣки. Въ 1834 году онъ утверждёнъ въ должности главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ; дѣятельность адмирала не ограничивалась высшимъ руководительствомъ: въ 1838, 1839 и 1840 гг. Лазаревъ лично предводительствовалъ эскадрою, которая доставляла десантныя войска на Кавказъ, облепивъ своею примѣрною распорядительностью занятіе пунктовъ при рѣчкахъ Туансе, Пезсуане, Субаши и друг. Одинъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ на рѣчкѣ Пезсуане названъ фортомъ Лазарева. Неутомимо работая, адмиралъ Лазаревъ мало дорожилъ своимъ здоровьемъ; въ 1845 году у него началъ развиваться недугъ—ракъ въ желудкѣ,—который и свелъ его въ могилу. Въ январѣ 1851 г., по совѣту врачей, Лазаревъ переселился изъ Севастополя въ Одессу, затѣмъ отправился дѣлаться въ Вѣну. Но медицинская помощь была безсильна и Лазаревъ 11 апрѣля 1851 года скончался въ Вѣнѣ. Останки адмирала перевезены въ Россію и похоронены въ Севастополѣ, среди развалинъ котораго Лазареву поставленъ великолѣпный памятникъ. Адмиралъ Лазаревъ состоялъ почетнымъ членомъ Морскаго ученаго комитета и многіхъ ученыхъ обществъ.

П. Быковъ.

Бригадирская внучка.

Московская быль.

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XVIII.

Разумѣется, Арина Матвѣевна ни слова не повѣдала своему дитяткѣ ни о новомъ своемъ посѣщеніи старухи Козляниновой, ни объ откровенной бесѣдѣ со скороходомъ.

„Что зря смущать робенка!“ думалось нянѣ.

Прошло дня два. Клѣна отъ зари до зари сидѣла молча, какъ истуканъ, не двигаясь и глубоко задумавшись, или бродила, какъ привидѣніе, по своимъ двумъ

горничнымъ. Арина Матвѣевна пробовала утѣшать дитятку, просила не горевать и утѣряла что „еще Богъ милостивъ“. Клѣна при этомъ бессмысленно взглядывала на няню, какъ бы не понимая, что она говоритъ, или же вздыхала и, не отвѣтивъ, задумывалась еще пуще. Изрѣдка только она произносила вслухъ, но какъ бы себѣ самой:

— Я его видѣть хочу! Видѣть!

Наконецъ, на третій день, въ сумерки, дѣвушка, сидѣвшая противъ няни у огня, заговорила:

— Няня... Такъ нельзя... Мнѣ хотъ руки на себя наложить... Такъ нельзя...

— Вѣдаю, что нельзя. Да что же?... Ничего не подѣлаешь.

— Бѣжать намъ надо къ Аннѣ Ильинишнѣ.

— Что проку... Она насъ не приметъ или тотчасъ привезетъ обратно къ дѣдушкѣ.

— Богъ съ тобой!

— Такъ. Вѣрно, дитятко. Я ужъ съ ней надъсь толковала. Она сказываетъ: „лучше горевать, чѣмъ срамиться.“

— Такъ зачѣмъ же ты молчишь? Не скажешь, что и послѣдняя-то надежда сгинуть должна и что мнѣ теперь...

Дѣвушка не договорила и попурилась, какъ бы окончательно сраженная.

— Надо ждать. Да надо тоже съ Николаемъ Ивановичемъ мнѣ завести рѣчь. Съ нимъ съ однимъ, чтобы и матушка его ничего не знала. Онъ инако посудить. Молодцы самокрутокъ не боятся.

— Я-то... Я-то когда же его увижу? Вѣдь я его чуть не годъ не видала. Пойми это. Когда онъ былъ далеко, да и въ чуму — все какъ-то легче сдавалось. А теперь, когда я знаю что онъ на подачу руки близко, что ты вотъ отъ него приходишь, меня томить.

— Надъсь видѣлись въ саду.

— Видѣлись? На минуту! Въ ночь! Въ снѣгу... Ни объ чемъ не переговорили. Мнѣ надо видѣть его, разглядѣть, побесѣдовать, сговориться что дѣлать. Няня! Слушай!

Клѣна подпалась со своего мѣста и, измѣнившись въ лицѣ, со сверкающими глазами подошла и встала предъ Ариной Матвѣевной.

— Слушай! повторила она дрожащимъ голосомъ. — Я больше не могу. Я истомилась... Сдѣлай мнѣ, что я тебя буду просить. Не сдѣлаешь, я удавлюсь. Я знаю, какъ это удавляются, видѣла. Помнишь, у насъ въ сараѣ на крюкѣ повѣсился фореиторъ.

— Ну тебя... Тыфу!.. Что вспоминаетъ и какія рѣчи ведетъ — не дѣвичьи.

— Не болтай пустаго, Ариша... Я не въ шутку. Вотъ тебѣ Господь Богъ, что я удавлюсь, если ты не исполнишь моего прошенія.

— Да что-же? Чего тебѣ?

— Обѣщайся. Поклянись, что исполнишь.

— Какъ же мнѣ, дитятко, обѣщать, не зная о чемъ ты просишь. Можетъ быть несказанное что выдумала.

— Да, несказанное, мудреное, погибельное. Да вѣдь мнѣ семь бѣдъ? одинъ отвѣтъ. Да! Я страшное надумала, да нешто моя смерть лучше тебѣ. Вотъ тебѣ Матеръ Божья свидѣтельница, что коли ты не сдѣлаешь по моему — я удавлюсь. И какъ ты меня ни стереги — я тебя обману. Найдешь ты мекл на бичевѣ въ петлѣ.

— Полно! Полно! Ну нешто этакія рѣчи говорить. Морозъ даже по кожѣ подираетъ! воскликнула Арина Матвѣевна.

— На вотъ, гляди...

Клѣна вытащила изъ кармана пучокъ тонкой и длинной бичевы и показала нянѣ. Та только ротъ разинула и руками всплеснула.

— Вчера въ ночь, — вотъ тебѣ крестъ, — я совсѣмъ собралась ужъ было давиться, пока ты спала... Да меня спасла вдругъ...

Клѣна смолкла и, комкая бичеву въ кармапъ, стояла задумавшись.

— Кто? Кто? произнесла нѣсколько разъ Арина Матвѣевна. — Говори же, оглашенная. Кто спасъ?

И няня заплакала вдругъ отъ страха и ужаса, который ее обухалъ при видѣ бичевы съ прилаженной на копецѣ петлей.

— Спасла меня лѣстница, глухо вымолвила Клѣна.

— Лѣстница. Богъ съ тобой, дитятко. Путаешь...

— Да, лѣстница. Вотъ эта. Гляди. Видишь?

Клѣна показала нянѣ въ окно, за которымъ рисовалась отчетливо въ небѣ длинная лѣстница, приставленная изъ сада къ крышѣ дома. Безъ такой лѣстницы не было ни единого двора въ Москвѣ, а у палатъ бригадира ихъ было три. Одна вела на крышу съ главнаго двора, другая — съ боку дома съ задняго двора, а третья — изъ сада. Эту послѣднюю конечно запосило зимой сугробами и по ней лазили на чердакъ только лѣтомъ.

— Вотъ по этой лѣстницѣ... почью... можно влѣзть... Пробравшись въ садъ черезъ заборъ!.. А съ чердака къ намъ рукой подать. Я про Колою это...

— Что-о? протянула Арина Матвѣевна, пораженная.

— Ничего другаго, няня, выдумать я не сумѣла. А это дѣло я весь день переворачивала на мысляхъ. И одно и тебѣ сказываю: или ты устроишь мнѣ это, по-видаю и Колою, сговорюсь, что дѣлать намъ, или руки на себя...

— Гдѣ же? Куда же?... Сюда ему лѣзть! Господь съ тобой! Въ чужой домъ? Къ дѣвицѣ? Ночью?

Наступила пауза. Клѣна отошла и сѣла на свое мѣсто, вопросительно и уворно глядя на Арину Матвѣевну.

— Не гляди такъ страшно! отмахнулась та. — Нешто я могу такое...

— Няня... Ты ему скажи. Это его дѣло. Онъ ни единой минуты не усумнится. Что ему стоитъ ночью перемахнуть изъ переулка заборъ, пройти сугробы, влѣзть на чердакъ, а черезъ дверку прямо къ намъ въ горницы. Тутъ мы однѣ наверху и никто его не увидитъ... Это стократы проще, чѣмъ когда мы вечеромъ сами ходили въ сугробы. Насъ могли увидѣть, какъ мы лазили въ снѣгъ, вмѣсто того чтобы ходить по разчищенной дорожкѣ. Нѣтъ легче этого дѣла! Меня Господь спасъ, постановивъ подъ глаза эту лѣстницу. Я сразу будто все поняла. Сразу мнѣ будто кто шепнулъ:

„Ахъ, молъ, ты безумная! Да вотъ какъ вамъ повидаться! Хоть всякій день выдайтесь! И никто не узнаетъ!“

— А изъ нижнихъ оконъ кто увидитъ?

— Ночью-то? Изъ гостиной, да изъ диванной? Кто же тамъ бываетъ ночью-то? А ихъ опочивальни, да горницы всѣ во дворѣ. Ихъ обоихъ.

— А сюда кто заглянетъ. Да у насъ найдеть. Тогда, гдѣ я буду? Въ Сибири? А ты? На тебя покоръ людской!

— Ночью никто къ намъ не поидеть.

— Да грѣхъ это и срамота. Порочить себя...

— Такъ тебѣ лучше чтобы я окаянною смертью померла? Ну что-жъ, хорошо... Спасибо! Помни это... Будешь меня въ гробъ класть, опознаешься, да поздно будеть...

Голосъ Клѣны задрожалъ, и она заплакала. Няня бросилась къ ней, сѣла около нея и, обнявъ крѣпко, прижала къ себѣ и начала цѣловать.

Черезъ нѣсколько минутъ Арина Матвѣевна произнесла полушепотомъ:

— Озадачила! Дай мнѣ съ мыслями собраться. Вотъ я завтра къ ранней пойду, свѣчу поставлю угоднику Николаѣ, да помолюся... А тамъ подумаю, что Богъ на душу положитъ. Можно коли, то я... Я ему скажу. Какъ онъ знаетъ. Пролѣзть-то нѣтъ ничего легче. Такъ все само подладилось. Да не хорошо. Молодцу къ дѣвицѣ, ночью, въ горницу... Не хорошо. И не увидятъ, да совѣсть-то заѣсть.

— Онъ не чужой какой, тихо вымолвила Клѣна. — Онъ мой женихъ съ благословенія родительскаго.

Арина Матвѣевна вздохнула и мысленно повторила себѣ то же самое.

„Что-жъ. Правда все это“, подумала она наконецъ. — „И какъ чудно потрафилось. И лѣстница изъ сада. И мы-то однѣ у чердака на вышкѣ... Семъ-ко я заутро

Этюдъ. Картина Перуджини, грав. Робертъ.

пойду къ ранней... Помолюся въ придѣлѣ угоднику Галактіону — узъ рѣшителью...“

XIX.

Въ тѣ же дни бригадиръ мысленно волновался, собирався поговорить серьезно и окончательно со своимъ другомъ.

Онъ уже нѣсколько разъ за послѣдній мѣсяцъ намекалъ другу о томъ, что имѣеть до него очень важное дѣло.

Когда однажды Братолюбцевъ смѣясь спросилъ: ужъ не хочеть-ли другъ заразъ получить всѣ тѣ деньги, которыя онъ у него понемногу забралъ взаймы, то бригадиръ даже разсердился. Онъ назвалъ друга „шалымъ чортомъ“, у котораго всякія „непутныя гадости“ на умѣ. Но затѣмъ Филисовъ объяснилъ, что дѣло его крайне важное и на-дняхъ подробно объяснится.

Появленіе въ Москвѣ молодого Козлянинова заставило Филисова спѣшить. Волей-неволей приходилось теперь отиравляться къ другу и объясниться.

Геннадій Ивановичъ Братолюбцевъ, статскій совѣтникъ, кавалеръ и засѣдатель Верхняго Земскаго Суда, хотя и развѣзжалъ по Москвѣ въ желтой каретѣ пугомъ, но позолота на рыдванѣ давно полиняла, а пугъ лошадей былъ настолько заморенъ не ѣздой, а скудной пищей, что многіе, глядя на проѣзжающаго барина, догадывались, что всѣ его денежки „куры склевали“.

Жилъ Братолюбцевъ когда-то въ собственномъ домѣ, и въ саду своемъ тоже разводилъ канавки, фонтаны и мостики. Затѣмъ онъ продалъ садъ, на которомъ широко выстроился какой-то чиновникъ, а затѣмъ вскорѣ продалъ и домъ. Теперь Братолюбцевъ помѣщался на маленькой квартирѣ, близъ Москвы-рѣки. Квартира его была изъ самыхъ плохихъ и, къ тому же отъ нея, было недалеко до той суконной фабрики, гдѣ началась еще недавно и распространилась по всему городу моровая язва. Помѣщеніе вообще было далеко не дворянское.

Судьба странно связала дружбой Филисова съ Братолюбцевымъ. Между ними не было ничего общаго. Насколько бригадиръ былъ порядливъ, экономенъ и за все свое существованіе приумножилъ родительское достояніе, а не уменьшилъ—насколько же Братолюбцевъ былъ человѣкъ безпорядочный и легкомысленный.

Бригадиръ съ рѣдкимъ постоянствомъ скромно жилъ послѣднія 20 лѣтъ, проводя время въ бесѣдахъ съ Толбухиной, а Братолюбцевъ за это время прошелъ и огонь и воду и мѣдныя трубы.

Теперь, когда ему тоже было около 60 лѣтъ, онъ продолжалъ вести почти ту же безтолковую холостую жизнь. Все состояніе его большею частью погибло отъ страсти къ карточной игрѣ. Теперь проигрывать было нечего. Но проигравъ когда-то большія суммы, теперь Братолюбцевъ продолжалъ проигрывать послѣдніе гроши. Часто, въ бесѣдахъ съ другомъ-бригадиромъ, онъ восторженно мечталъ о томъ что если бы онъ получилъ какое-либо наслѣдство, то сейчасъ бы отыгрался.

Бригадиръ только головой качалъ.

Несмотря на то, что этотъ другъ былъ сомнительнаго русскаго и дворянскаго происхожденія, что отецъ его когда-то назывался совершенно иной, шведской, фамиліей, и не смотря на его безпорядочность—бригадиръ все-таки, будто толкаемый слѣною судьбой, рѣшался теперь предложить этому другу руку и сердце молодой внучки и все свое береженное состояніе.

Подобныя нелѣпости и противорѣчія въ жизни людей необъяснимы, а случаются сплошь и рядомъ.

Бригадиръ утѣшалъ себя разумѣется мыслью, что онъ спасеть друга, что женитьба его остепенить. При этомъ Никита Артемьевичъ былъ убѣжденъ, что Клѣна будетъ счастлива съ Геннадіемъ Ивановичемъ, потому что онъ человѣкъ веселый, забавникъ, шутникъ. Вся-

кой молодой дѣвушкѣ съ нимъ должно житься легко и весело, а стало-быть и счастливо.

Когда бригадиръ явился на квартиру друга, гдѣ безпорядокъ царилъ во всемъ, гдѣ безтолковая жизнь холостяка и его неряшливость сказывались повсюду—онъ нашелъ друга за интереснымъ занятіемъ. Хотя около него лежали кипой служебныя бумаги, самъ онъ былъ занятъ совершенно инымъ.

На подоконникѣ, у котораго онъ сидѣлъ, прыгалъ въ клѣткѣ ученый чижики, и засѣдатель Верхняго Суда, отложивъ дѣла на ближайшій стулъ, занимался тѣмъ, что обучалъ чижику таскать на веревочкѣ маленькую телѣжку съ кормомъ, хитро вырѣзанную изъ бумаги. Чижики, отъ великаго-ли разума, или вѣрнѣе отъ великаго голода, очень забавно и хитроумно клювомъ и лапками притаскивалъ себѣ телѣжку съ кормомъ.

— Чудакъ ты человѣкъ! выговорилъ Филисовъ, найдя друга за этимъ занятіемъ.

Затѣмъ бригадиръ попросилъ друга бросить все, и судейскія бумаги, и чижа, и собравъ всѣ свои мысли и чувства, приготовиться выслушать то, что онъ ему повѣдаетъ.

Когда Филисовъ, сначала смущаясь и заикаясь, а потомъ горячо и съ увлеченіемъ объяснилъ другу, что онъ хочеть женить его на своей внучкѣ и отдать ему все свое состояніе, то Геннадій Ивановичъ вытаращилъ на пріятеля глаза.

— Нынѣ не святки и не 1 апрѣля... произнесъ онъ.—Или у тебя какое помраченіе вышло въ головѣ?..

— Зачѣмъ помраченіе... Просвѣтлѣніе... отшутился Филисовъ.

— Въ своемъ-ли ты разумѣ, Никитка?

— Въ своемъ завсегдашнемъ, Генька!..

Филисовъ заговорилъ горячо—и Геннадій Ивановичъ пересталъ понемногу удивляться, сталъ слушать внимательно, а черезъ нѣсколько времени заявилъ уже, что худаго тутъ нѣтъ ничего, только, по его мнѣнію, Клеопатра Артемьевна за него замужъ никогда не пойдетъ, лучше захочеть въ монастырь постричься.

— Вѣдь ты ей дѣдъ, а я тебѣ ровесникъ. Пойми ты это, сказалъ онъ, растерявшись.

— Извѣстное дѣло, придется сначала и приневолить, отозвался бригадиръ.—Нельзи и требовать, чтобы молодая дѣвица въ тебя врѣзалась, якобы въ какого рыцаря диковинной красоты. Но Клѣна дѣвушка разумная и благонравная, сначала поартачится, а потомъ и образумится... А тамъ уже по пословицѣ: „Стерпится—слюбится“.

Братолюбцевъ, тронутый до глубины души, облобызалъ друга и вымолвилъ взволнованнымъ голосомъ, что онъ всегда зналъ, какого истиннаго друга имѣеть въ Филисовѣ.

— Но все-жь-таки, дай мнѣ немножко подумать... прибавилъ онъ.—Страшно мнѣ больно... Она совсѣмъ молоденькая, а я ужъ скоро перевалю на седьмой десятокъ. Было время—и я шибко женскому полу нравился, но всему своя пора... Теперь оно поди ужъ и невозможно... Я опасаюсь, другъ любезный, и знаешь-ли чего?.. многозначительно вымолвилъ Братолюбцевъ.

— Чего?

— А того, что твоя внучка, узнавъ какого ты ей жениха выискалъ, не говоря ни слова, убѣжить да и бултыхъ въ прорубь въ Москву-рѣку.

Братолюбцевъ весело и добродушно размѣялся.

Затѣмъ онъ отошелъ отъ Филисова, приблизился къ зеркалу, внимательно и молча осмотрѣлся и, показывая другу на свое отраженіе, вымолвилъ:

— Да, отъ этакого-то жениха, пожалуй, что всякая дѣвица побѣжить въ Москву-рѣку... Ну, да это дѣло не такое, что тянь-лянь да и корабль... Увидимъ!.. Только предупреждаю тебя, другъ сердечный, что насильно я съ твоей внучкой вѣнчаться не стану. Пу-

скай она идетъ по доброй волѣ, а не такъ, чтобы подѣ вънцомъ меня ото всего сердца и ко всѣмъ чертямъ посылать!.. Изъ этого счастья никакого не выйдетъ, а только погубленіе, и ея собственное, и мое...

— Ну, это все дѣло мое... глубокомысленно замѣтилъ бригадиръ. — Я Клѣну знаю... Вотъ увидишь какое происхожденіе изъ всего у насъ будетъ.

Вернувшись домой, бригадиръ удивилъ свою сожителяницу яснымъ лицомъ и веселымъ духомъ.

— Ужь не награду-ли какую, батюшка-братецъ, изволили получить?.. встрѣтила его Толбухина. — Ужь больно вы, Никита Артемьевичъ, разивѣли лицомъ.

— Воистину, матушка-сестрица, награду... Только не царскую, а награду судебную!

— Изъ суда?

— Чтò вы! Судъ никакихъ наградъ не даетъ. А меня судьба наградила. Судьба. Все такое, сестрица, чего такъ прямо я сболтыхнуть вамъ не могу. Вотъ на сихъ дняхъ изложу вамъ все. И такъ же, какъ вы любите, въ подробной рѣчи! Якобы протоіерей какой съ амвона въ высокаторжественный день...

Ровно черезъ сутки, бригадиръ уже объяснилъ все сестрицѣ. Толбухина не удивилась ни мало, къ его удивленію, такъ какъ давно знала, въ чемъ заключаются тайные планы своего сожителя насчетъ внучки.

Давно уже Марья Евграфовна не говорила и не бесѣдовала съ бригадиромъ такъ, какъ ей пришлось теперь... А пришлось ей, не заготовивъ никакихъ рѣчей и умныхъ словъ, еще горячѣе и быть-можетъ еще умнѣе и краснорѣчивѣе сразиться со своимъ братцемъ. Забыла даже Марья Евграфовна сидѣть чинно и порядливо, выпрямившись въ креслѣ и закинувъ голову назадъ. Забыла видно, что гнѣвъ—вѣдь та же одна блажь людская. Она волновалась, двигалась въ креслѣ, размахивала руками... Вспомнивъ вдругъ о своемъ неправильномъ поведеніи, она принимала позы, но черезъ мгновеніе снова забывала и снова горячилась и двигалась.

Она доказывала бригадиру, что его затѣя лишь одно непозволительное и слабоумное мечтаніе; къ тому же и грѣшное предпріятіе.

— Я женщина не молодая, а за вашего Братолюбцева не согласилась бы выйти замужъ. А гдѣ же дѣвочкѣ въ семнадцать лѣтъ, да выходить за такого! Закабалить себя съ пустозвономъ и картежникомъ... Вы, братецъ... извините... мечтатель!

Бригадиръ при этомъ словѣ разинулъ ротъ, выпучилъ глаза и побавровѣлъ.

— Чтò съ вами? произнесъ онъ едва слышно. — Двадцать лѣтъ прожили въ одномъ домѣ—и я отъ васъ ни единого худого слова не слыхалъ. Неужто черезъ двадцать лѣтъ въ нашихъ бесѣдахъ такія ругательства окажутся?

— Я не ругаюсь, батюшка-братецъ. Это не бранное слово.

— Нѣтъ, бранное, сударыня... Въ приложеніи ко мнѣ, бригадиру царской службы и 60-ти-лѣтнему чловѣку—подобное слово есть ругательство. Вы, сударыня! Вы—мечтательница!! Вы и въ пальцахъ-то все пастушковъ съ овечками вышиваете! И кофе-то пьете изъ чашечки съ голымъ амуромъ! И книжки-то французскія ваши все про разныя любовныя похождения и предосудительныя исторіи рассказываютъ... Такъ не вамъ меня называть этимъ словомъ... Вотъ чтò, сударыня!..

И это слово „сударыня“, нѣсколько разъ произнесенное, означало гораздо болѣе, нежели гнѣвный голосъ и грозный взглядъ бригадира.

Ни онъ, ни его сестрица не помнили, когда въ послѣдній разъ онъ назвалъ ее „сударыней“ вмѣсто слова: „сестрица.“

Филисовъ всталъ и быстрыми шагами вышелъ изъ горницы. Когда, вскорѣ послѣ этого, дворецкій доложилъ, что подано кушать, то бригадиръ приказалъ до-

ложить барынѣ, что она можетъ садиться за столъ, а что онъ покушаетъ у себя въ кабинетѣ одинъ.

И въ этотъ день, въ первый разъ съ минуты появленія Клѣны въ домѣ, она обѣдала вдвоемъ съ бабушкой.

Бригадиръ, сидя одинъ, старался занять себя посторонними предметами и мыслями, но въ ушахъ его неотступно звучало слово: „Мечтатель!“

XX.

Поклонница Ватò и Маривò была задѣта за живое неповиновеніемъ своего братца и тѣмъ, что онъ вдругъ взбунтовался, оскорбился простымъ словомъ ею сказаннымъ, да, вдобавокъ, сдѣлалъ на ея счетъ нѣсколько замѣчаній, которыя „не вырубилъ топоромъ“, хотя они и не были написаны, а были лишь сказаны и запечатлѣлись въ ея памяти.

Картинки, куколки и книжки Толбухиной вдругъ оказались двусмысленными и негодными предметами.

Впрочемъ Марья Евграфовна была слишкомъ „прекраснодушна“ чтобы долго волноваться и сердиться, а тѣмъ болѣе—быть способною на злонамятство или на мщеніе. Она была только удивлена сценой съ бригадиромъ и особенно смутило ее то обстоятельство, что сама она измѣнила себѣ, что она взволновалась.

— Какъ могла я волненію души предаться? укоряла она теперь себя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ главное, чтò всколыхнуло спокойствіе и миръ будничной жизни сестрицы бригадира, было его упрямство. Марья Евграфовна слишкомъ привыкла къ безусловному повиновенію своего братца и теперь была озадачена.

Дѣло, казалось, было уже вовсе не въ Клѣнѣ, не во внучкѣ и не въ однокашникѣ и другѣ Филисова. Дѣло было во внезапномъ проявленіи воли бригадира, да еще въ такомъ бурномъ видѣ.

И Богъ вѣсть какое чувство вдругъ заставило Толбухину дѣйствовать... Упрямство-ли, желаніе-ли поставить на своемъ, какъ было всегда, и доказать сожителю свое превосходство,—или же дѣйствительно жалость къ юной внучкѣ, желаніе ее спасти отъ тягостной судьбы и постылаго брака съ пожилымъ холостякомъ. Чтò собственно руководило Толбухиной, она и сама не знала. Быть можетъ—къ ея великому изумленію и негодованію—сердце руководило ею, женское, нѣжное, отзывчивое...

Такъ-ли, иначе-ли, но Марья Евграфовна, зная навѣрное, что черезъ день бригадиръ уѣдетъ изъ дому съ утра и пробудетъ нѣсколько часовъ по своимъ дѣламъ въ городѣ, послала чловѣка съ запиской къ Братолюбцеву, въ которой она просила его явиться къ ней для разговора о важныхъ предметахъ, не терпящихъ отлагательства.

Толбухина въ своей цидулѣ, на „грубомъ“ русскомъ нарѣчій (по-французски она писала изящно), изъяснилась въ торжественныхъ выраженіяхъ. Братолюбцевъ могъ сразу догадаться, что дѣло идетъ положительно о серьезномъ вопросѣ.

Веселый, безпечный, остроумный и подчасъ колкій на слово, засѣдатель тотчасъ же общалъ быть, а себѣ общалъ позабавиться надъ сожительницей друга, поднимая на смѣхъ ея торжественность и высокопарность, при всякомъ удобномъ случаѣ.

Въ назначенный день Геннадій Пвановичъ явился. Бригадира не было уже дома—и Толбухина, встрѣтивъ гостя, попросила его къ себѣ въ горницу. При взглядѣ на нее обычная и вѣчная веселость Братолюбцева сразу пропала. Лицо Толбухиной поразило его. Онъ ожидалъ картинныхъ жестовъ, пѣвуче-важливаго голоса, торжественно-величественнаго выраженія на лицѣ. На дѣлѣ оказалось нѣчто противоположное. Толбухина очевидно была смущена. И лицо, и голосъ, и вся ея фигура говорили ясно, что она робѣетъ, смущается, и что дѣло, за которое она взялась, будто пугаетъ ее.

Толбухина имѣла видъ растерянный...

„Что за притча?“ подумалъ Братолюбцевъ и почему-то вдругъ самъ смутился.

Пройдя за хозяйкой въ ея комнату и усѣвшись противъ нея на диванчикѣ, около севрской группы, которая клялась аймер и аймер вѣки-вѣчные, Геннадій Ивановичъ, вѣчно подшучивавшій надъ этой фарфоровой четой любовниковъ, теперь и не поглядѣлъ на нее. Онъ всматривался нѣсколько озабоченно въ лицо хозяйки, которая, робѣя до очевидности, усаживалась противъ гостя и, не глядя ему въ глаза, слегка покраснѣла.

„Создатели! Творцы мои!“ мысленно воскликнулъ Братолюбцевъ, какъ всегда во множественномъ числѣ, ради шутки и остроловія. Но въ сущности настроеніе его было далеко не шуточное.

— У меня до васъ, Геннадій Ивановичъ, очень важное дѣло, выговорила хозяйка.

„Видю, чую, осязаю всѣми чувствіями, что важное“, не сказала, а подумалъ Братолюбцевъ. — „Заговори ты своимъ проповѣдническимъ голосомъ, вопіющимъ въ пустынь, торжественно, запой ты — я бы зналъ, что дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ... Но твоя роба и на меня страхъ нагнала...“

Братолюбцевъ откашлянулся и произнесъ:

— Что прикажете? Я вашъ слушатель и слуга...

— Вамъ Никита Артемьевичъ сватаетъ внучку? Клёну хочеть за васъ выдать? выговорила Толбухина, какъ бы выпалила.

— Да-съ... Тоисъ онъ... это только его прожекты. А я тоисъ... это такъ-съ... Это... Это...

И Братолюбцевъ смолкъ. Быть можетъ, въ первый разъ за цѣлый годъ, онъ почувствовалъ, что краснѣть.

„Ты, да женихъ! Да еще семнадцатилѣтней дѣвочки!“ будто шепнулъ ему кто-то на ухо, будто эта же самая севрская группа; будто она въ свой чередъ теперь его на смѣхъ подымаетъ.

Толбухина, какъ всѣ люди любящіе красныя рѣчи и приторный фальшиво-торжественный тонъ въ пустыхъ случаяхъ, теперь не умѣла и не могла исподволь, понемногу, привести бесѣду къ главному вопросу... Она чувствовала въ себѣ только достаточно храбрости чтобы начать и довести до конца простой судейскій допросъ.

„Давай Богъ, хоть и этакъ-то... Лишь бы договорить свое, все выложить“... думала она. — „А гдѣ ужъ тутъ о красотѣ рѣчи и ораторствѣ помышлять.“

И собравшись съ духомъ, Толбухина начала отрывочный допросъ, на который Геннадій Ивановичъ отвѣчалъ конфузясь, какъ школьникъ.

— Бригадиръ вамъ сваталъ Клёну?.. Говорилъ?..

— Говорилъ-съ. На сихъ дняхъ впервые...

— Что жъ вы отвѣтствовали? Дали свое согласіе?..

— Нѣтъ-съ.

— Отказались наотрѣзъ? Отшутились по обычаю своему смѣшными словами?

— Нѣтъ-съ... Не... Ничего не... Ничего-съ.

— Подумать хотите?

— Да-съ. Такое дѣло, что... Тутъ пужно... Этакое дѣло...

— Да, Геннадій Ивановичъ. Это такое дѣло, въ которое ни мой братецъ, ни вы, умный и просвѣщенный человѣкъ, — сами не вдумались какъ слѣдуетъ, и какъ дѣти малыя съ огнемъ забавляетесь. И опасное затѣяли, и грѣшное...

И Толбухина, вовсе не собиравшись быть краснорѣчивою, на этотъ разъ дѣйствительно краснорѣчиво, горячо, съ увлеченіемъ, убѣдительно и толково разъяснила Братолюбцеву всю нелѣпость и грѣховность затѣи бригадира и все самолюбивое ребячество его самого. Гости слушались, опустивъ глаза на коверъ и даже опустивъ голову... Много неприятнаго для его самолюбія услышалъ онъ, а тѣмъ не менѣе, слушая, мысленно повторять:

„Правда! И это правда! Опять правда! И опять правда!“

Когда Марья Евграфовна кончила свою рѣчь заявленіемъ, что внучка—огонекъ, о который они съ другомъ опалить свои крылышки (все-таки не могла Толбухина обойтись безъ красотъ рѣчи), она прибавила ласково дружески:

— Простите меня... Я не обижать васъ хотѣла. Я спасти бѣдную сироту отъ гибели хочю. А можетъ быть и васъ отъ срама и несчастія уберечь. Клёна изъ такихъ дѣвицъ, кои громовыя.

— Какъ? спросилъ Братолюбцевъ. — Громовыя?

— Да. Она мужу постылому дорогою обойтись можетъ... Вы и братецъ ее не знаете. А я уже знаю...

Братолюбцевъ не отвѣчалъ и наступило молчаніе.

Хозяйка тревожно ждала результата своего объясненія; она уже жалѣла, что „не готовилась“ и сказала не заученную рѣчь, а „такъ, по просту“ объяснилась.

— Пожалуйте вашу ручку, выговорилъ Братолюбцевъ взволнованнымъ голосомъ. — Спасибо стократы На всякаго мудреца много на свѣтѣ простоты! Никита Артемьевичъ оказался пѣтый дуракъ! А другой-то его пріятель, Братолюбцевъ Геннадій,—осина! Хуже осины... Чучело огородное!..

— Такъ вы покидаете мысли о женитбѣ на Клёнѣ?

— Стыдиться буду вспоминать объ этой глупости Обижаться буду, коли вы когда опять напомните.. Дуракъ дурака съ панталыку сбиль! Вотъ! Чего вамъ еще? Козлятина осятину подговорила огородъ породить!.. Ну, и нагородили! Простите... Я домой! Совѣстно на васъ смотрѣть. Завтра заѣду.

Братолюбцевъ простился съ хозяйкой и быстро вышелъ изъ горницы, слегка румяный и смущенный.

— Ну, слава Богу! произнесла вслухъ Толбухина. — А почему успѣшно такъ потрафилось?.. Хорошій онъ человѣкъ! Вотъ почему! И сердце, и разумъ есть!..

(Продолженіе будетъ).

Женщинѣ-Другу.

(А. П. З.).

Въ дни тяжкихъ думъ и злой тревоги,
Когда, разбитъ и одинокъ,
Среди покрытой тьмой дороги
Стоялъ я, глядя—огонекъ
Не заблеститъ-ли хоть на время,
Не дастъ-ли свѣта и тепла
Душѣ, согнувшейся подъ бремя
Тоски, безвѣрія и зла,—
Въ ту вѣчнопамятную пору
Я встрѣтилъ васъ. Покорный вамъ,
Привѣтно ласковому взору,

Сердечно дружескимъ словамъ,
Я вновь воскресъ душой и тѣломъ
И, весь живительно согрѣтъ,
Въ какомъ-то уюта смѣломъ
Пошелъ впередъ...
Ахъ, много лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ. За эти годы
На долю выпало мою
Вновь много горя и невзгоды...
Но если я еще стою
Несокрушаемый волною

Моей бунтующей судьбы,—
То потому, что вы со мною
Въ минуты горя и борьбы;
Что вы врачующей рукою
До ранъ касаетесь моихъ,
Когда не знаю я покою
Отъ беспощадной боли ихъ...
Опора дѣломъ и словами
Вы мнѣ въ печальномъ бытіи.
И всюду слѣдуютъ за вами
Благословенія мои...

Петръ Вейнбергъ.

Гиневра. Картина Альфреда Фредерикса, грав. Брендамуръ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе).

Съ отъѣздомъ Луки, и другимъ гостямъ не сидѣлось въ Красныхъ Холмахъ. Всѣхъ заботила мысль о близкой войнѣ. Отпустивъ гостей, и Мамелфа Тимоѣевна стала не мѣшка въ дорогу укладываться, приказавъ Принцъ и Наталью Адриановнѣ съ собой ѣхать: молъ авось-либо въ новгородскихъ хоромахъ про вѣхъ мѣста хватить. Что свать со сватьюшкой вмѣстѣ съ дочкой поѣдутъ, о томъ казалось и вѣчи подымать бы не къ чему, да Григорей Петровичъ заупрямился. Сколько его дочь съ женой ни уговаривали, не сдавался старикъ.

— Ты, баба, слышь, плыви съ дочерью, а мнѣ-ко на старости лѣтъ не стать ни изъ дома трогаться, ни съ пасажена мѣста подыматися.

Зять сумѣлъ однако уговорить тестя.

— Слышь, тестюшко, сказала онъ, — въ нашемъ Загородскомъ концѣ, гляди, и мнѣ какі ворота сторожить прикажутъ, а тутъ-то ты опытомъ своимъ воинскимъ пригодился-бъ мнѣ, даль бы совѣтушко разумное.

— Слышь-ко, зятюшко, отвѣчалъ тесть, — може и я еще, старъ, пригожусь Новгороду. Только чтобъ Луку на степенъ. Орудуй же. А на Курятника-тъ вашего не очень я надѣюсь.

Горой ¹⁾ ѣхать за осеннею грязью и думать было нечего; выжидали, не установится-ли погода, чтобъ покойнѣй было водой плыть. И дождались, казалось, времячка; выпалъ свѣтлый октябрьскій день, засвѣтило солнышко словно и по лѣтнему. Правда, вѣтеръ былъ силенъ, да надѣялись, что къ вечеру стихнетъ. Приѣхали къ Тремъ Дворикамъ за полдень, чтобъ, тамъ заночевавъ, на утро чуть свѣтъ въ лодью сѣсть. Не тутъ-то было: передъ закатомъ солнечнымъ, вѣтеръ пуще завылъ, а тамъ вьюга поднялась, свѣтъ повалилъ: ну, зима, скажи, пришла. На другое утро, вставъ рано, Кириакъ Андреевичъ вышелъ на дворъ, поглядѣть какова погода. Метель еще не унималась. Плыть и собираться было не къ чему: только людей изморишь да себя заморозишь. Зашелъ Кириакъ въ черную избу сказать ключнику что сдумалъ, и видитъ, что въ углу на лавкѣ сидитъ какой-то человѣкъ; какъ вошелъ бояринъ — поклонился и опять сталъ жевать хлѣбъ съ солью, прикусывая лукомъ. Боярину молодецъ показался знакомъ, и говоря съ ключникомъ онъ все на него поглядывалъ, думая что гдѣ-то онъ видалъ это словно дубленое лицо и эти смышленные глаза. Кончивъ о дѣлѣ, Кириакъ спросилъ о немъ ключника; тотъ отвѣчалъ, что вечеръ молъ, ужъ поздно, какъ всѣ спать полегли, сталъ проситься прохожій отъ метели; впустили: не колѣтъ же крестьянской душѣ на холодѣ.

— Отколь ты, молодецъ? спросилъ Кириакъ.

— Новгородецъ вѣдь я, только нунъ изъ Ладоги... вставая отвѣчалъ шарень, и взглянувъ попристальнѣй на боярина, воскликнулъ:— Ахъ ты, Господи! и не въ примѣту мнѣ, вѣдь ты же будешь внуко-тъ посадничей, а на имячко... дай Богъ памяти!.. никакъ Кириакъ вѣдь Андреевичъ. Еще на Прусской улицѣ твой дѣдъ церковь аль придѣлъ ставилъ.

Подивился Кириакъ, откуда молодецъ знаетъ его.

— Какъ же, а на Великомъ-то мосту, было съ недѣлю что-ль послѣ вѣча-то, что въ Вознесеневъ день созвѣнили, чуть-ли не въ самый семигъ еще, съ Губаномъ-то ты на мосту кланялся. А я съ нимъ же шелъ.

Кириакъ невольно усмѣхнулся, вспомнивъ что тогда сказалъ про него молодецъ.

¹⁾ Гора — берегъ.

— Аль Губану сродственникъ ты будешь?

— Ни. А Славчанинъ, какъ онъ же. Съ одной будемъ улицы.

— Да тебя-то какъ же звать?

— А Пашкомъ вѣдь; Иванъковичъ по изотчеству.

— Господи! радостно воскликнулъ Кириакъ. — Вотъ гора-то съ горой, скажутъ...

— Аль знашь ты меня? въ свою очередь изумился Пашко.

Кириакъ отвѣчалъ, что о немъ много слышанъ отъ отца своего посаженнаго, Луки Авакумовича, и слыша про его горе, не разъ крѣпко жалѣлъ о немъ.

— Откуда-жь теперь-то ты?

— Да съ Ладоги жъ, сказывалъ! какъ бы не совѣмъ довольный что бояринъ забылъ ужъ объ этомъ обстоятельстве, отвѣчалъ Пашко. — Водой мы шли, да вѣчоро-тъ въ тиху заводъ становились, какъ вѣтеротъ палъ, да взводень великъ пустилъ — противнякъ къ тому ¹⁾. А мнѣ, знамо, не потерпѣлося. Что молъ сидѣть-то тутъ, може вѣтру того день на пять стане, пойду-ко молъ я горой, что-ль. А тутъ метель—да, слава Господу, на ваши Дворики набрель.

— Какъ же ты въ Ладогу-то попалъ?

— Долга моя о томъ буде сказочка, отвѣчалъ Пашко.

— Сказывай ужъ, какъ все-то мнѣ про тебя знать хочется.

И усѣвшисъ на лавку, бояринъ посадилъ подлѣ себя Пашко. Пашко рассказалъ, какъ, слышавшисъ отъ Горазда Ивановича о великокняжескомъ судѣ, вздумалъ онъ идти въ Москву, искать правды государевой; какъ дошелъ до рубежа московскаго и что наплелъ на него Арбузевъ московскому набольшему.

— Ну! подбодрилъ Кириакъ рассказчика.

— Ну, ведутъ меня, знашь, въ баенку, сказывалъ Пашко. — Иду я собѣ да думаю: слава молъ Богу, что въ байнѣ ночевать придется, въ полѣ-то ночлегъ не больнѣ онъ сладостенъ. А може и байня къ тому же недавно топлена. Войдя, перекрестясь, на лавку легъ, а самъ думаю: что молъ Василей-то Селифонтьевичъ стрѣтился, такъ, гляди, оно и лучше. Потому: знаю гдѣ мнѣ найти его. А робѣтъ мнѣ не къ чему, потому какъ и набольшій, что у околицы-то, не очень-то Арбузевску вранью вѣруеть. И тутъ я въ себѣ успокоился. А далѣ думаю: „гдѣ-жь молъ другій новгородецъ-то что сказывали въ байнѣ сидитъ?“ Анъ гляжу, не вовсе еще темно было, онъ на другой лавкѣ пошевеливается.

— Кто жъ онъ былъ таковъ?

— Скажу заразъ ¹⁾. Увидаль и онъ меня, спрашивать: „кто таковъ?“ И взрадовался же онъ мнѣ, какъ бы брату родному. Знамо, межъ шестниковъ да съ землякомъ повстрѣчатися! Спрашивать онъ меня: „откуль и по что?“ Я, какъ тебѣ же сейчасъ, ему обо всемъ докладываю. А ты молъ какъ въ байню попалъ? „А я, сказывать, купецъ буду, по торговымъ дѣламъ въ Москвѣ былъ, думалъ къ Покрову домой поспѣть, въ Ладогу. Только на Москвѣ не дали жъ мнѣ бѣаса, потому какъ собирается государь слать Новгороду Великому складну грамоту. Вотъ, говоритъ, и востоснисъ мнѣ по батюшкѣ да по своей молодой семьеюшкѣ. Аль мнѣ, думаю, всю зиму-ту на Москвѣ безъ дѣла жить? Не долго, баеть, думая сымаль съ себя хорошу одежу купецкую, въ мѣхъ клалъ, а самъ

¹⁾ Вѣтеръ палъ — задулъ. Взводень — волненіе.

²⁾ Заразъ — сейчасъ.

одѣвалъ московскую одежду крестьянскую и на рубежъ шелъ. Хоть моль и заставы вездѣ поставлены да и, разспросивъ, напрямикомъ гдѣ пройду и въ Тверьскую землю выбѣгу. А отголъ де дорога беззаставна живе.“

Пашкѣ помолчалъ малость.

— Да! какъ бы вспомнивъ что-то забытое сталъ онъ дальше рассказывать. — „И вотъ, говоритъ купцо-тъ, пробираюсь я лѣсушкомъ; а на-поле выйдя, только мнѣ съ поль-версты пробѣжать — тамо-т-ко ужъ другій лѣсъ, тверской ужъ, думается. Только я на средину поля вышелъ, анъ объѣздчикъ московскій на конѣ бѣжитъ. А мнѣ-ко, говоритъ, дѣться некуды; бѣжать моль—на конѣ догонитъ онъ; не то арканъ накинеть на шею,—ту мнѣ и карачунъ приде отъ татарина“.

— Это что-жь *карачуно-тъ*? Кириакъ спросилъ.

— *Аминь*, аль *смерть* еще, сказать по нашему. „Вотъ, купцо-тъ говорить, сталъ я и жду, солгу моль что въ деревнюшку моль ближнюю пробираюсь, и буде мнѣ та лжа во спасенье.“ Только объѣздчико-тъ лжи этой не послушалъ, свелъ купца къ той же околицѣ, гдѣ и съ меня опасы требовали. Призналъ вѣдь набольшій, по говору-то, что купцо-тъ мой буде изъ Новагорода. Ну, и въ баенку. Такимъ-то бытомъ мы другъ дружкѣ свои бѣды и повѣдали. „Что жъ теперь ты думаешь-то?“ это я купца-тъ спрашиваю. „А только де часъ улучу—на бѣгъ ударюся. Потому порѣто я опасуюсь де, что затаскаютъ меня въ Москвѣ по приказамъ, какъ и одежду я свою смѣнялъ на крестьянскую. Лазутчикъ моль ты, соглядать пришелъ. Не дай Господи, пытая, замучаютъ. А ты какъ же, аль вмѣстяхъ бѣжимъ?“ это ужъ купецъ меня спрашивать. А я ту думушку что въ байнѣ-то у меня была сдумана, ему и сказываю. Что моль отъ суда скорого мнѣ бѣжать не приходится. Сталъ тутъ меня страшать купецъ: „моль не до тебя государю теперь, въ Москвѣ моль ужъ молебствуютъ, собираюсь въ походъ на Новгородъ. Какъ еще дѣло-тъ моль повернется, вотъ може Арбузевску вранью ту повѣруютъ, что быдто рубилъ ты бояръ, которы за государя-то стояльцы были неместные. Тебѣ моль гдѣ послуховъ взять, а у Арбузева, знамо, мошна толста. Не безъ пытки моль тутъ; и кута еще отвѣдашь же.“ И таково-то застрачалъ онъ меня, что я ажно затрясся весь, — зубъ, скажи, на зубъ не попаде никакъ. Послѣ ужъ признавался мнѣ купецъ, что моль нарокомъ я тебя покрѣпче застращивалъ, потому какъ вдвоемъ-то спорѣи бѣжать. „И опять же, говорить, вижу что ты молодецъ дюжь собою, меня куда сильнѣи. Съ такимъ-то вдвоемъ и на объѣздчика наткнутъся не страшно.“ Да мнѣ-то эта хитрость его въ тѣ поры не въ домекъ была. Къ тому еще сказать надобно, что у купца, вишь ты, не мало денегъ съ собой было, въ лапшички засунуты, въ пазухѣ еще зашиты, и около пояса въ чересѣ обверчены. Съ того-то ему пуще товарища залучить хотѣлось, и бѣжать съ того жъ нудилось.

— Какъ же бѣжали-то вы? Сторѣжа, гляди, была? Аль потомъ ужъ?

— Въ ту же ночь и бѣжали. Знамо, сторожа, аль по московски-то *караулъ* звать. Мы межъ собой-то говоримъ да и притихнемъ, что моль оны?—и слышимъ что москвичи межъ собой раздобариваютъ, этакъ-то словечушки растягиваютъ, словно пѣсню, скажи, играютъ. Ну, какъ настрачалъ меня купецъ-то порядочно, и ночь ужъ темна стала къ тому времени, — слышимъ, москвичи какъ бы и призамолкнули. Время спусти, быдто запоръ кто рванулъ, а далѣ, слышимъ, голосъ какъ бы женскій сказывать: „бѣгите моль, сторожа спитъ“. А мы тѣ слыша даже приужахнулись. Человѣч-ли то еще голосъ? думаемъ. Вѣдь и въ байнѣ тожъ нежить ¹⁾ своя, баенникъ. Не онъ-ли объявился моль?

¹⁾ Нежить — духъ.

И досель вѣдь не знаю я, кто тотъ добръ человекъ былъ, аль она женщина, — одно только Господу благодаренье пою, что не ииъ кто, а Онъ же спасъ.

Пашкѣ, замолчавъ, набожно крестился.

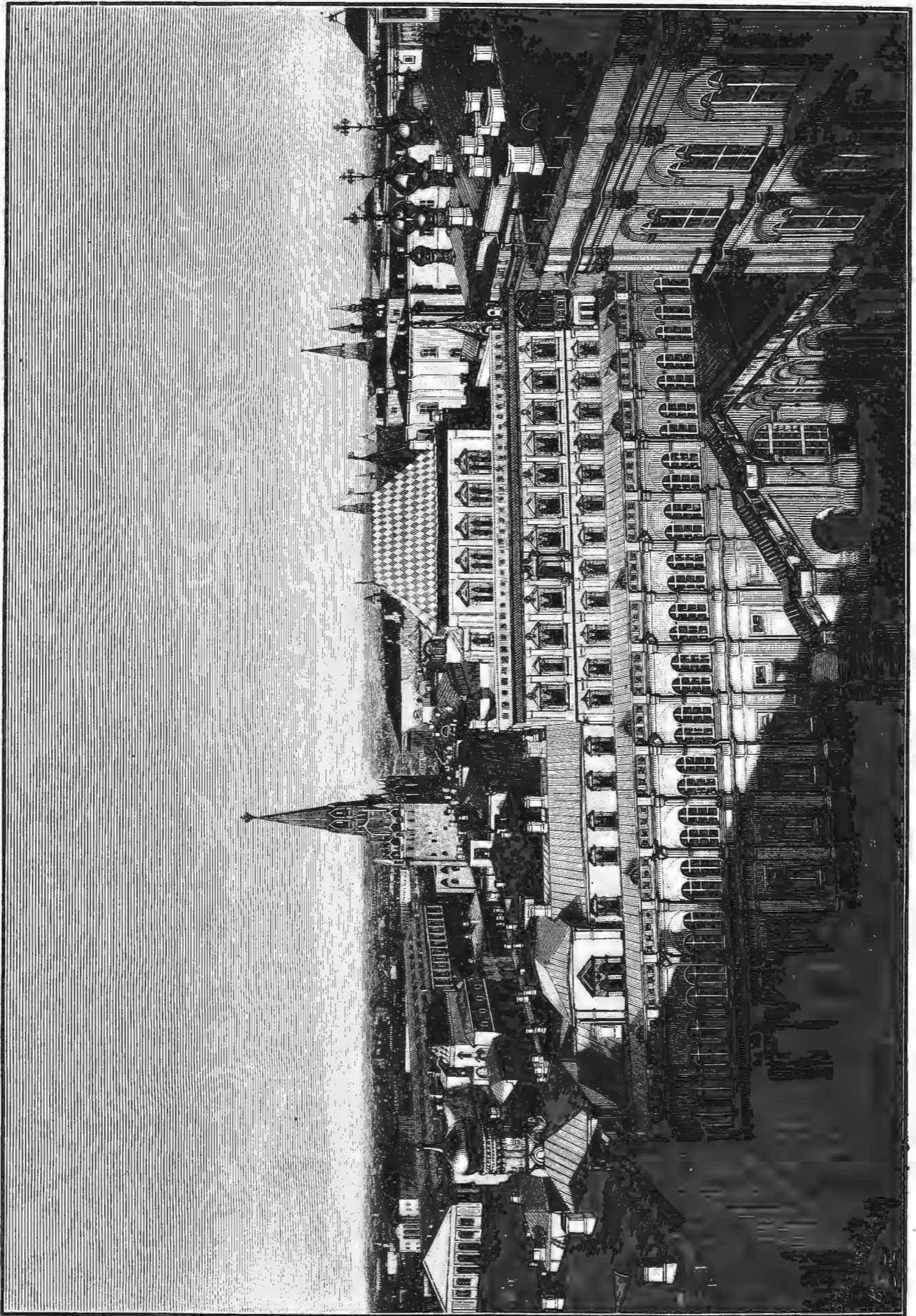
— Слушаешь, Кириакъ Андреевичъ, какъ замолкнулъ этотъ голосо-тъ, мы и съ мѣста не смѣемъ встать. А тамъ ужъ купцо-тъ мой ползкомъ пополозъ къ двери, какъ-бы кошка за мышью крадучись, боится вѣдь чтобъ половица подъ нимъ не скрипнула. Подползши-то, дверь толкнулъ, знамо легохонько, анъ она поддается. Какъ щель стала порядочна, видимъ небо вывѣздѣло, а сторожа-тъ наша точно что спитъ, храпитъ. Не долго думая, и какъ ужъ оно случилось, не спрашивай, не припомню и самъ, потому стали мы оба тутъ, и съ купцомъ-то моимъ, какъ-бы полоумные. Рехнумшисъ ума, скажи. Только вѣдь одио передъ нами стоитъ, что воля-та, бѣжимъ моль. Толкнулъ меня, знашь, купецъ къ тому — и не знаю какъ меня за нимъ вслѣдъ изъ байни ноги вынесли. Доползли мы до плетня, да черезъ него скорѣи, далъ Богъ выскочили на задворки; еще и въ томъ слава Создателю, что байни-та почитай на краю села стояла. Полземъ опять, стать на ноги не смѣемъ. Анъ псы взлаяли. „Охъ, Господи! думаю, какъ бы насъ еще псы не облаяли, побѣга-тъ нашего черны-бъ вороны не ограяли“. Тутъ вѣтерокъ пахнулъ, отъ псовъ въ нашу сторону. Ну, сердечушку и полегчало. За деревню выползли, про объѣздъ вспомнили. Ни живы, ни мертвы вѣдь. Видимъ вдали черно стоитъ, темно тѣ лѣсушко, думаемъ. А тутъ боръ ¹⁾ пошелъ, въ немъ полземъ, духа перевести не смѣючи. Глянулъ я кверху какъ-то, анъ темно вверху. Вставай моль, говорю, купцо-то, въ лѣсу моль. Онъ тутъ на ноги вскакивалъ да какъ заяцъ по лѣсу, а я за нимъ не хуже выжлеца. Бѣжимъ, бѣжимъ, ничего-то не думаемъ. Анъ и вскричалъ мой купецъ. Гляди-ко-съ, въ болото забѣгалъ, по колѣна угрязъ. Ну, тутъ я его вытаскивалъ. И съ радости мы съ нимъ не вспомнились, стали цѣловаться да обниматься. Слава-жь Тебѣ, Господи! А помолясь, спать ложился, свѣтла дожидать.

Пашкѣ духъ перевелъ, и попросилъ кваску испить.

— Ну, сталъ Пашкѣ продолжать рассказъ, — легли-то мы весело, а встали-то скучнѣхонько. Не сами вставали, дождь взбудилъ. Со сна, знамо, ѣсть хочется, а хлѣбушка хоть бы та крошечка. Потому какъ побѣгучись, сказывалъ ужъ я, вовсе вѣдь мы ума рѣшилися. Я сумы своей съ толокномъ да сухарями не захватывалъ. А купцо-тъ мой въ этой дурости еще надо мной верха бралъ. Не только мѣха не вспомнилъ, гдѣ платье-то у него хорошо было кладено, и безъ шапки выскочилъ. Ну, хоть голоднымъ, все надоть намъ далѣ по грязи брести, а куды идти-то намъ, въ каку сторону, вишь, умны головы, не вѣдаемъ. Моль въ тверьскую-ль еще сторонушку выбѣжали, не въ глубь-ли Москвы забиралися. Знамо, заяцъ, купцо-тъ мой, бѣжалъ безъ думушки, вправо да влѣво путаясь, только гдѣ-бъ ему пропорекнуть послободнѣе, а и выжлець, я-то, гнался жъ за нимъ безъ розума. Въ лѣсѣ-тъ, въ дождь, буде не опознаться. Пойдемъ моль, куды глаза глядятъ, только-бъ съизнова намъ въ ту околицу триклятую лбами не стукнутись: потому — буде намъ за побѣгъ-то! Прямы моль, скажутъ, шильники, закуютъ въ желѣзушки. Стали мы тутъ болото-то, гдѣ угрязъ было купецъ, слѣва обходить... Чтѣ вспоминать - то! Всего натерпѣлися, и холоду, и голоду. А страху что отъ лютаго звѣрья голоднаго. Да ну!.. Ободрамшисъ все, до костей вымокши, въ грязи, ровню боровы вывалимшисъ. Въ брѣхѣ-тъ только побуркиваетъ съ брусницы-то. Ажъ всплакался тутъ купцо-тъ мой на свои денежки

¹⁾ Боръ — верескъ.

Оружейная палата в Москвѣ. Съ фотогр. Шереръ и Набольцъ, грав. Бергъ.

Внутренний видъ Оружейной палаты въ Москвѣ. Съ фотогр. Шереръ и Набогольдъ, грав. Бергъ.

что въ лапки у него были поверчены, только моль тягость съ нихъ, трудять моль бны мои ноженки. А далъ взревѣлъ что быкъ, и вовсе ту съ горя обезпамятовалъ. Сталъ лапки съ ногъ рвать, да деньги въ грязь метать: пропадай моль мое богатство, все одно моль въ лапотны дырья укачишься. Самъ плачетъ, волосья рветъ, а по лицу себя кулаками бьетъ не жалѣючи. Черезъ силу я его въ память приводилъ. Деньги, знамо, подбиралъ, да въ трицицу обвертѣвъ за голенища клалъ: еще моль мнѣ же купецъ за то скажешь спасибушко. Маялись мы этакъ полныхъ два дни. На третій день далъ Богъ солнышка. Хоть малость обсушились да погрѣлись. Къ вечеру ужъ выходили на дороженьку, еле вѣдь колени звать, въ лѣсъ еще. Стоимъ гадаючи, моль вправо, аль влѣво свернуть намъ. Анъ слѣва, видимъ, мужикъ съ поля домой соху на сивушкѣ волочить. Купецъ-то мой издали еще окликалъ его, звалъ дядюшкомъ: „здорово моль, милъ дядюшко.“ Была вѣдь тутъ, Кириакъ Андреевичъ, не повѣруешь ты, умна хитрость купецкая.

— Въ чемъ хитрость-то?

— А въ томъ же, что онъ мужика-то дядей звалъ. На то вѣдь надѣялись что и онъ его звеличатъ дядюшкомъ. Такъ оно и случилось. Тутъ купецъ-то мой радостно этакъ меня въ бокъ толкнулъ, а словами взговорилъ: „Молись моль Богу, Пашкѣ, на тверську де землю выбѣгли.“ Ты-то почему же знаешь? поизумился я. „Знать не дослышалъ ты, что мужикъ-то меня *дзядей* звалъ, а это моль дяконь неелестна буде тверска примѣтушка, потому какъ москвичи сбизмала бны дякать не обучены.“

Всѣ, кто слушалъ Пашкову повѣсть, подивились хитрости купеческой.

— Тѣмъ временемъ-то, мужикъ къ намъ подо двинулся. Зритъ на насъ съ опаскою: не лѣшнѣ-ль еще моль изъ лѣсушка новыбѣгли. Таковы-то хороши да обрядливы стали мы предъ нимъ. Коня, не доѣзжаячи, придержалъ, кричитъ намъ: „откулешны?“ Тутъ купецъ ему правду сказывалъ, что выбѣгли моль изъ полону московскаго, третій моль день куса во рту не было, не оставъ же моль, дядюшко, странныхъ насъ. Велъ насъ тверичъ въ свою деревнюшечку, не далече была. Давалъ намъ ужину, вкусили мы свята хлѣбушка. Задавались мы спать съ купцомъ, спали до полуденъ вѣдь. На завтра, воскресенѣ было, обѣдомъ накормивъ, провожалъ насъ тверичъ, на дорогу давалъ хлѣбушка. А денегъ, сколько ни просилъ его купецъ, не взялъ и за поминочекъ: „грѣхъ моль со странныхъ брать, да еще моль съ полонянниковъ.“ Цѣловались мы съ нимъ прощаючись; благодарствуя ему, какъ отцу родному въ ноги кланялись. Пошли затѣмъ, а тамъ по времени и на большакъ ¹⁾ выбрались. Тутъ, въ первомъ же селѣ, покупалъ купецъ намъ одежку, да еще коня съ подводой. При томъ не забывалъ же, ржище купилъ, и грузили мы ее на подводку. „Потому, какъ сказывалъ, что моль дешевъ тутъ хлѣбъ, у насъ-де по ратному времени стане дороговъ, стану я его продавать съ выгодною“. Знамо, дѣло купецкое. Затѣмъ къ иному обозу приставали мы, купцы-жь съ товаромъ шли. Нечего тутъ и сказывать! Пошло наше дѣло съ легкостью. Развѣ о томъ мнѣ степенству твоему сдоложить буде, какъ попалъ-то я, Кириакъ Андреевичъ, въ Ладогу. А будемъ мы ужъ близъ Новгорода, взговорилъ купецъ: „слышь-ко, Иваньковичъ, поворотъ буде ту, версты съ двѣ ихъ оставалося, поближе мнѣ примичкомъ проѣхать въ Ладогу. Хоть, свезу тебя во Новгородъ, а коли де ты не побрезговашъ, съѣхалъ бы со мной въ нашу Ладогу. Батюшка де мой буде купецъ житочный ²⁾, не отпустить тебя безъ поминочка, какъ

¹⁾ Большакъ — большая дорога.

²⁾ Житочный — зажиточный.

спасъ ты его сыночуска одинаго, что вотъ изъ полону-тъ вывелъ, изъ болотины вытаскивалъ, и денги къ тому схоронилъ“. А я въ себѣ думаю: „хѣдиль-гүляль я, молодець, довольне е времени, а дома хоть и оставленъ у меня Офонюшка, да не въ четыре-жь руки работалъ, въ двѣ всего. Може еще и полѣнвался. Правда, оставлена у меня за домомъ сморѣтъ Маврушенькина матушка да не бабѣ дѣло моль кожи мять. Все-жь оно, скажи, безъ глаза хозяйскаго дѣлалось. А съ Ладоги-тъ сплыву съ поминочкомъ“. Таки-то бытомъ пошалъ я въ Ладогу. Тамъ мени кормили, поили, угащивали, цѣлыхъ вѣдь три дни, еще остався просили, да пора ужъ и домовъ мнѣ. А купцовъ батюшка дарилъ мнѣ одѣжу хорошу, обулъ меня въ новы сапоженьки, и рубль давалъ въ поминочекъ. Тутъ ужъ я тебѣ, Кириакъ Андреевичъ, и все рассказалъ.

Вскорѣ Кириаку Андреевичу доложили, что обѣ боярыни встамши моль, и зоветь его Мамелфа Тимоѣевна завтракать. Приказавъ Пашкѣ накормить сытисхонько, бояринъ пошелъ въ бѣдную избу. Потомъ туда-же и Пашкѣ позвали. И боярынямъ повѣствоваль онъ про свои бѣды, а тѣ, слушая, не разъ принимались плакать. Кириакъ Андреевичъ сказалъ Пашкѣ, что нечего ему горой идти въ Новгородъ, съ нами де сплывешь, дастъ Богъ на завтра потеплѣетъ и вѣтеръ сполутный падетъ. Кириакъ рассказалъ также Пашкѣ какъ онъ о немъ думалъ и посылалъ справляться, тоскуя въ Новгородѣ.

— Вишь, Пашкѣ, ожененъ нунъ хожу, добавилъ онъ, — и тебѣ Господь пошлетъ счастьяца.

— А дастъ-же, съ увѣренностью сказалъ Пашкѣ. — Только-бъ научиться мнѣ терпѣтъ Господа, какъ Владыко меня наказывалъ. Только у меня, Кириакъ Андреевичъ, ишь ты, сколь велико терпѣньице: ажъ до Москвы меня домыкало. И то во мнѣ еще, какъ Василей сермяжникъ скаже, что яровить буду, и своей яростью всяко дѣло спортить радъ.

Въ черной избѣ, между тѣмъ, шли всякіе пересуды о Пашкѣ, и какъ онъ вошелъ туда отъ боярина, одинъ парбокъ сказалъ ему:

— Слышь-ко, Иваньковичъ, что баба-та тутюшна сказывать. Сказывай, что-ль, Митревна.

— Нечего мнѣ ему сказывать, огрызнулась баба на паробка, и слѣдомъ Пашкѣ: — А только какъ-бы и твою невѣстунку за недѣлю такъ до Покрова, чтоль, видѣла.

— Маврушеньку? гдѣ-жь ты ее видѣть-то смогла?

— Какъ звать-то ее—спросить я не сдогадалася, а только-жь видѣла. Шла тутъ дѣвчина мимо насъ, также вотъ, какъ твоя невѣста, загубилася. Сказывала, моль завезли меня далече въ лѣсъ люди недобрые, тамо-т-ко и покинули. Черезъ силу моль на Новгородскую дороженьку выбралася.

— Какова-жь она собою-то, дѣвчина-та?

Митревна сказала. „Точъ въ точъ какъ-бы и Маврушенька“ подумалось Пашкѣ.

— Только стой! прибавила баба,—эта-та что мимо шла, оказывать она больше какъ-бы женщина.

— Ну, не моя, друга, знать, сурово Пашкѣ сказалъ. — Не больнѣ и схожа вѣдь на Маврушеньку, какъ ты сейчасо-тъ про нее сказывала. Мало-ль горюшъ по свѣту шатаются.

Хотя Пашкѣ и говорилъ такъ вслухъ, про себя же думалъ, что и впрямъ де не иная кто проходила, а Маврушенька. И чѣмъ дальше онъ о томъ думалъ, тѣмъ скорѣ хотѣлось ему поспѣть въ Новгородъ. Чуть сдержался, чтобъ не идти тотчасъ.

„Буде ужъ“, успокоивалъ онъ себя, „про терпѣнье-то не сейчасъ-ли толковалъ я Кириакъ Андреевичу. Покулъ видно не выучусь Господа терпѣтъ, не зрѣтъ мнѣ лица Маврушенькина“.

Въ тотъ день, молясь на ночь, Пашкò много разъ повторилъ: „Потерпи Господа, мужайся, и да крѣпится сердце твое! Потерпи Господа“.

V.

Малое вѣче.

Какъ московскій подьячій приближалъ со складною грамотою отъ государя своего Князя Великаго къ господину Великому Новгороду, степенный посадникъ Оома Андреевичъ послалъ за степеннымъ тысяцкимъ Васильемъ Есиповичемъ, и вмѣстѣ они читали грамоту. Прочтя, приказывали новгородскимъ подьячимъ писать съ той грамоты противни ¹⁾, а затѣмъ, созвавъ кончанскихъ старостъ, приказывали Вѣчному дьяку прочесть передъ ними грамоту, и дали каждому старостѣ по противню, наказавъ оповѣстить чрезъ уличанскихъ старостъ весь Великій Новгородъ, что Князь Великій сложилъ съ себя свое кѣ нему крестное цѣлованье. Правду сказать, Великій Новгородъ и безъ того уже зналъ объ этомъ, и всюду шли толки о розни съ Москвою.

Посоветовавшись съ тысяцкимъ, Оома Андреевичъ рѣшилъ на третій день созвать малое вѣче. Забѣгали по всѣмъ концамъ подвойскіе и биричи, оповѣщая о томъ кого слѣдуетъ.

Лука Аввакумовичъ добрался до Новгорода только всталъ солнце того самаго дня, на который было созвано вѣче. Ему доложили о вѣчѣ и еще о томъ, что вчера, какъ стемнѣло ужъ, приближалъ паробокъ отъ Марѣи посадницы, и сказывалъ, что государыня проситъ на-крѣпко, чтобъ бояринъ заѣхалъ къ ней тотчасъ-же по прїѣздѣ. Подумавъ, что вѣче назначено въ третьемъ часу ²⁾, Лука рѣшилъ, что не успѣетъ заѣхать передъ вѣчемъ къ посадницѣ, и на-скоро переодѣвшись и позавтракавъ, погналъ прямо въ Дѣтинецъ. Подъѣхавъ къ владычной палатѣ, гдѣ вѣчу быть, по конямъ у крыльца онъ увидаль, что не многіе еще бояре съѣхались.

„Нечего мнѣ съ позаранку въ палатѣ торчать“, подумалъ онъ, и приказавъ паробкамъ съ конями стать у крыльца, самъ пошелъ помолиться въ соборъ: да пошлетъ ему Господь духъ совѣта и розума.

Въ соборѣ, ставъ передъ образомъ Пречистыя, онъ прочелъ сперва тѣ молитвы, что положено передъ началомъ всякаго добраго дѣла. Ими не утолился его молитвенный жаръ и Лука продолжалъ молиться, уже отъ себя слагая молитвы. Онъ зналъ наизусть, отъ доски до доски, всѣ псалмы Давыдовы, и нынѣ, молясь, не то чтобъ избиралъ изъ нихъ, а какъ-то сами собою просились ему на уста тѣ стихи, которые подходили и къ его душевному настроенью и къ трудному дѣлу новгородскому.

„Господи Боже отецъ нашихъ“, жарко молился Лука, „всюю, Господи, отринулъ еси до конца: разнѣваясь ярость твоя на овцы пажити твоя. Попомни сонмъ твой, его-же стяжалъ еси исперва. Всуюю отвращаеши руку твою и десницу твою отъ среды нѣдра твоего въ конецъ? Не забуди гласа молитвенникъ твоихъ. Господи, приближице еси былъ намъ въ родъ и родъ. Не ты ли, Боже, отринувый насъ, и не изыдеши, Боже, въ силахъ нашихъ? ³⁾ Дажь намъ помощь отъ скорби, и суетно спасенье человѣческо. Господи, услыши молитву мою, внуши моленіе мое во истинѣ твоей, услыши мя въ правдѣ твоей. Благословенъ Богъ мой, научаяи руцѣ мои на ополченіе, персты мои на брань. Милость моя и приближице мое, заступникъ мой и избавитель мой, и на Него уповахъ: повинуй люди мои подъ мя“.

Произнеся послѣдній стихъ, Лука неволью сму-

тился. „Съ чего аль къ чему сей стихъ изъ устъ моихъ вымолвился?“ подумалъ онъ, и затѣмъ съ разстановкою, какъ - бы углубляясь въ смыслъ святыхъ словъ, повторилъ шепотомъ: „повинуй люди моя подъ мя“. И тутъ дрожь у него прошла по всему тѣлу.

„Какіе люди станутъ подъ моею рукою ходить, а мнѣ повиноватися..! Аль къ тому это, что старъ посадница на степенъ меня заманивала?“ И опять точно ознобъ ваналя на него.

Склоня голову, бояринъ крѣпко задумался; молитва уже больше не шепталась въ его душѣ, и уста были нѣмы. Очнувшись, Лука перекрестился и проговорилъ тѣ слова, которыми всегда заканчивалъ молитву: „Прими, Боже, молитву мою яко-же молитву мытареву. Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“.

Неспѣшно походкой, какъ-то особенно осторожно держа голову, точно боясь всплеснуть и помутить свои важные помыслы, Лука вышелъ изъ собора и сталъ на паперти. Передъ нимъ и подъ нимъ разстилался Великій Новгородъ. Осеннее солнышко прорѣзало тучи и ударило по золоченымъ крестамъ разноцвѣтныхъ храмовъ Божиихъ.

„И красота, сказать пельзя!“ почти вслухъ воскликнулъ Лука. Ему пришло въ голову, какъ много покойный Владыко Евѣимій украсилъ Новгородъ церковнымъ и палатнымъ строеньемъ каменнымъ.

„И церквн-те Божіи“, думалось ему, „другъ съ дружкой переглядывался, о Евѣиміи, знатъ, разговоръ ведутъ. Одна-то скаже: „меня де ставилъ онъ“, а друга въ отвѣтъ: „меня за-ново молъ подписывалъ“. Ту водрузилъ онъ нову каменну заместо обветшалой въ деревнѣ; эту кровлей желѣзной крылъ да крестъ на ней золотилъ“.

И вдругъ точно вся кровь у него кинулась къ сердцу, и вскипѣла тамъ.

„Любилъ-же ты, святитель Божій“, воскликнулъ онъ, обращаясь душой къ почившему Владыкѣ, „волю новгородскую. И ставился не въ Москвѣ, въ Смоленскѣ; не отъ Московскаго митрополита, отъ Кіевскаго, не боясь того, что скажутъ будто рушишь тѣмъ законъ нашъ греческій. И нынѣ, Владыко, возри съ небесъ на вертоградъ сей, твоею любовною рукою воздѣланный, и умоли Господа да мимо идетъ туча эта грозная. Да укрѣпннть Господь на праву брань руку новгородскую. А врази наши—мечъ ихъ да внидеть въ сердцѣ ихъ, и луцы ихъ да сокрушатся“.

И Лука повелъ очами, какъ-бы желая однимъ взглядомъ обнять весь Новгородъ. Остановились очи его въ той сторонкѣ, гдѣ его домъ стоялъ, и высилась ихъ приходская церковь; потомъ все дальше и дальше переводя взоръ, оглядывалъ онъ всю Торговую сторону; вотъ ужъ смотритъ онъ черезъ зарѣчную городскую стѣну, туда, гдѣ, убѣгая въ темный лѣсъ, вѣтся Низовская дороженька.

„А сколько, мало годовъ, вѣковъ, скажи“, думалъ Лука, „отцы-дѣды городъ строили, всякимъ узорочьемъ, богатѣючи, украшали. Аль не нашъ ужъ онъ, Новгородъ, аль тѣмъ великъ только кажется, что чужа рука до него тянется? Аль на ту руку у насъ и меча нѣтъ? Аль правду про него скажутъ: „у, ты молъ, утолсте, ужире“... Нѣтъ-же, живъ Господь, и живъ Новгородъ!“ И вспомнивъ, что его ждетъ неотложное дѣло новгородское, бояринъ спѣшно пошелъ къ палатѣ.

Вся предпалатная площадка была теперь заставлена конями; нѣкоторые были привязаны къ коновязямъ, другихъ паробки держали въ поводу.

„Знатъ всѣ ужъ съѣхались!“ подумалъ Лука.

И давно ужъ, должно быть, съѣхались, потому что паробки успѣли разсѣяться кучами, играя въ зернь, бранясь и судача про господарей. Иные, видно съ холоду иль съ жиру взбѣясь, бились на палкахъ и бо-

¹⁾ Противень—копія.

²⁾ Отъ солнечнаго восхода.

³⁾ Съ войсками нашими.

ролися; третья затѣвали обычные дурачества. Дѣвчина, изъ себя рыжая, шла мимо палаты; къ ней мигомъ подскочилъ молодой паробокъ.

— Тебѣ, знать, дѣвонька, не холодно, вскричалъ онъ, — гляди-ко, робя, на головѣ-то у ней бы пожаръ горить.

— Отстань, пострѣль! отвѣтила дѣвонька, и такъ толкнула парня, что онъ отлетѣлъ отъ нея.

На его мѣсто подлетѣла къ дѣвухѣ цѣлая ватага.

— И впрямь нонѣ холодно, сказалъ одинъ, — а руки у меня ознобимшись, страхъ. Дай-ко я околъ дароваго пожара погрѣюся.

— Ой вы, галѣ желторото, ишъ разгалдѣлись! Не видите, что - ль, бояринъ иде? крикнулъ на нихъ паробокъ постарше.

Желторотое галѣ разступалось и кланялось Лукѣ Аввакумовичу, сохраняя еще на устахъ дурашливой смѣхъ. Паробки постарше при его проходѣ лѣнливо подымались съ земли, кланялись съ какой-то суровостью, и только онъ миновалъ ихъ, сплевывали сквозь зубы не безъ легкаго присвиста. Лукѣ нынче и въ дурашливыхъ паробкахъ милъ былъ Новгородъ.

Только Лука Аввакумовичъ занесъ правую ногу на первую ступеньку, какъ сзади послышался конскій топъ. Оглянувшись онъ, и видитъ, что тѣ спѣшить на вѣче старый посадникъ Григорей Михайло-

вичъ Тучинъ. Остановился Лука, чтобъ впередъ пропустить посадника.

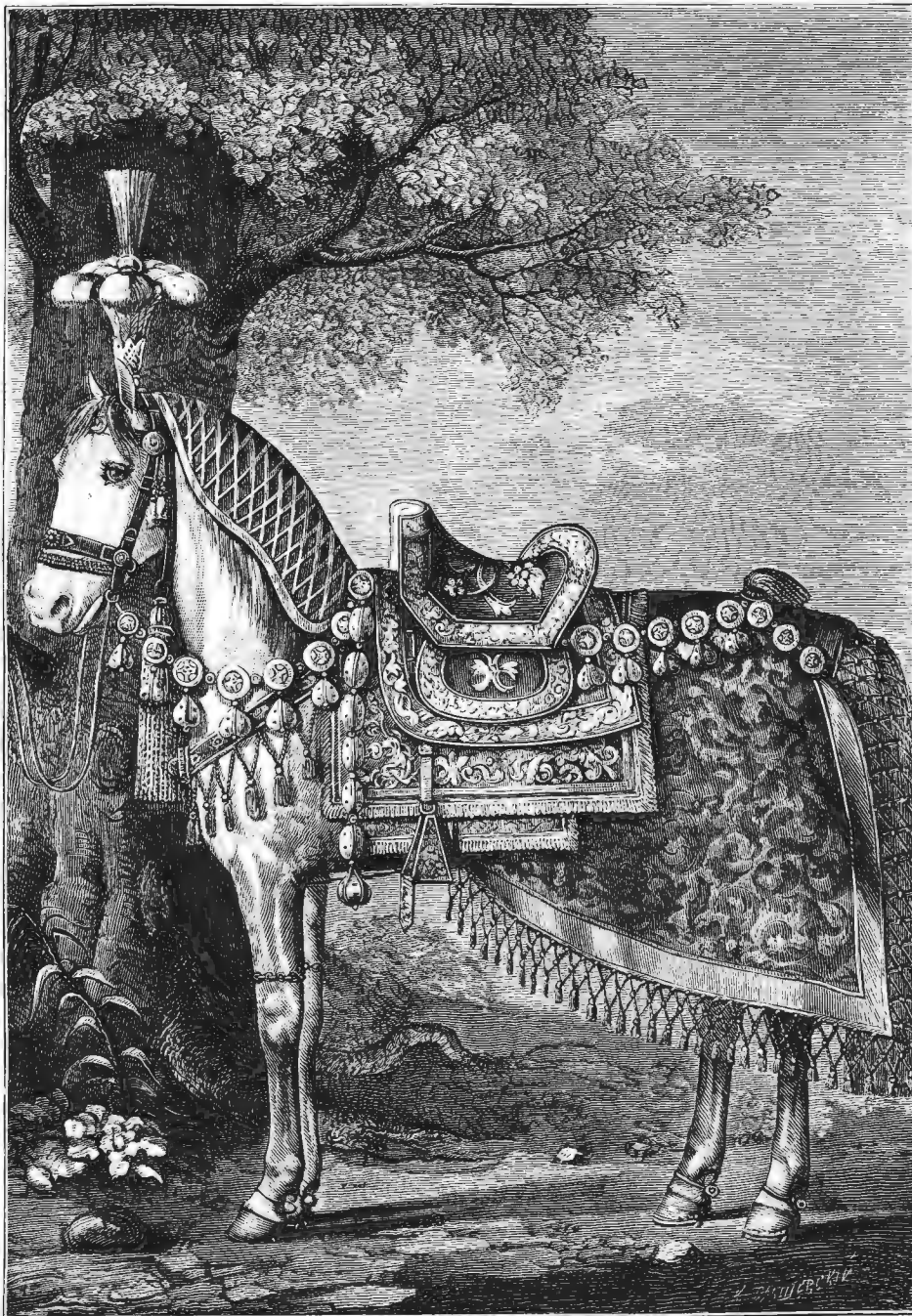
— Опоздали мы съ тобой нынѣ, Григорей Михайловичъ, говорилъ онъ здороваясь съ Тучинымъ. — Заглядѣлся я съ паперти на Новгородъ. А и красота! Слышалъ, може, какъ муроль-то этотъ¹⁾, Аристотель, въ Москву проѣзжалъ, и любующись-же сказывалъ, что нигдѣ моль красоты такой не видывалъ опричь города своего Венедскаго²⁾.

Тучинъ ничего не отвѣчалъ, и какъ взглянулъ на него Лука, то увидѣлъ, что врядъ-ли Григорей Михайловичъ вслушался въ его рѣчь. Иныя, видно, думы роились въ его головѣ. Съдѣ былъ посадникъ, и только густыя нависшія брови еще чернѣлись, да изъ-подъ нихъ всыхивали огнемъ черные какъ угли глаза.

„Не мимо, знать, отца твоего тучей прозвали“, подумалъ Лука, „и сынъ въ отца. Истая вѣдь туча грозная!“

Входя въ палату, Лука услышалъ, что ладономъ пахнетъ: „Знать де молебень отпѣли ужъ, и только не начинали поджидаячи вотъ Григорей Михайловича“. Тучинъ былъ прямой новгородецъ; не глядѣлъ ни въ Московскую, ни въ Литовскую сторону.

(Продолженіе будетъ).

Конскій уборъ XVII вѣка. По рисунку изъ книги „Одежда и вооруженіе россійскихъ войскъ“, грав. К. Ольшевскій.

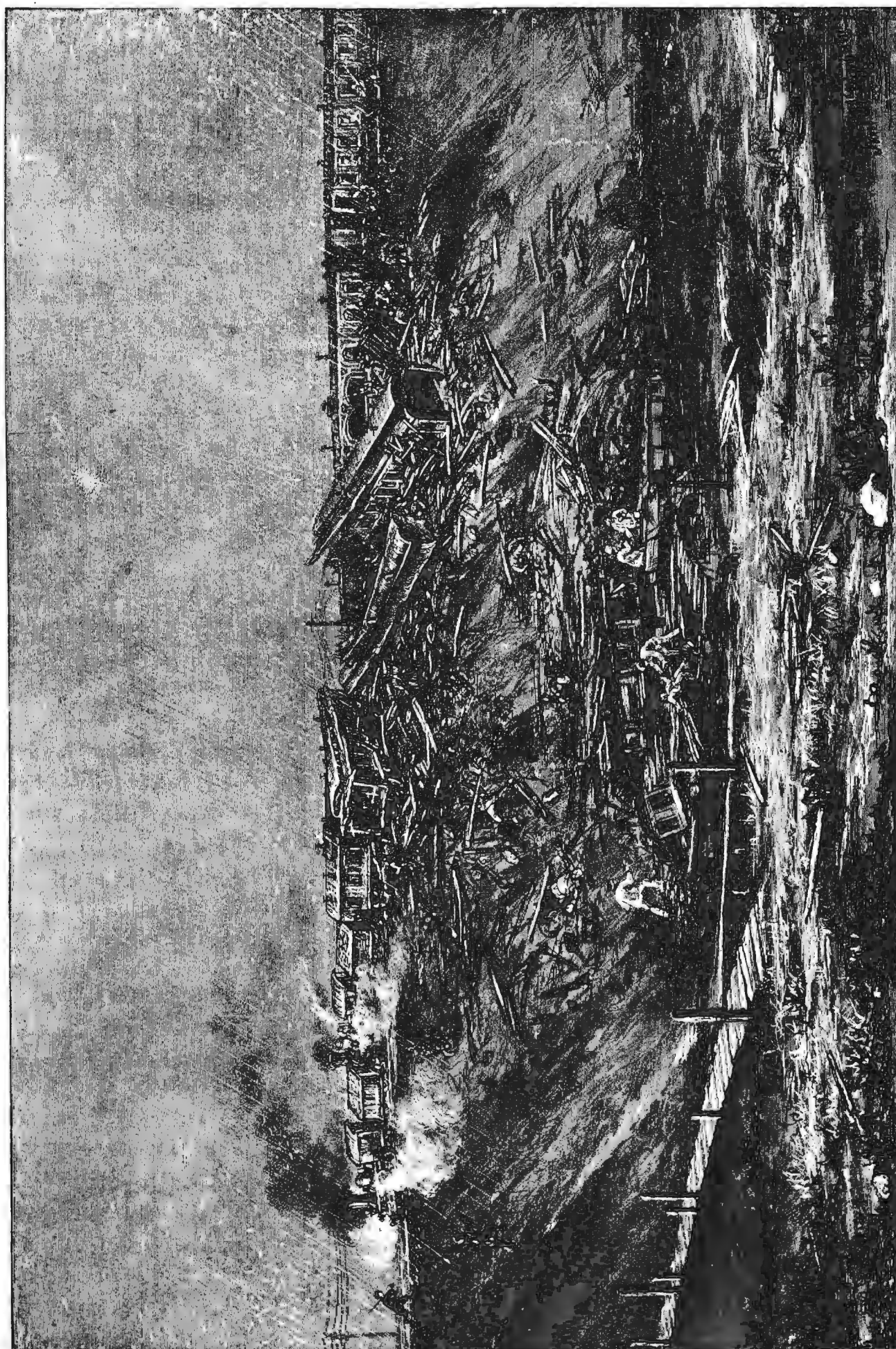
Виноградный грибокъ.

Въ настоящее время доходятъ слухи съ Кавказа, что тамъ появился виноградный грибокъ, — не излишне поэтому познакомиться читателей *Нивы* съ жизнью этого грибка и со средствами, при помощи которыхъ въ другихъ странахъ удалось одолѣть его. Особенную опасность онъ представляетъ для виноградинокъ вслѣдствіе своего чрезвычайно быстраго развитія. На островѣ Мадерѣ, напр., почти всѣ посаженія лозы были уничтожены имъ въ 1853 году, и жителямъ пришлось надолго бросить винодѣліе, причѣмъ они почти исключительно занялись разведеніемъ кошенильнаго кактуса (нопапа или опунція) изъза особаго вида тлей, живущихъ на вѣтвяхъ этого растенія и

идущихъ въ продажу подъ названіемъ кармина или кошенили. Столь громадный вредъ, конечно, заставляетъ интересоваться этимъ растеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наводитъ на мысль о томъ, что мы собственно пьемъ подъ названіемъ „мандеры“ и не лучше ли употреблять наши отечественныя вина, чѣмъ отправлять ихъ за границу. Правда, они нѣсколько кисловаты, но зато ихъ можно получить безъ примѣси; притомъ у насъ также имѣется глицеринъ, такъ что и мы — извините снисходительно читатель —

¹⁾ Муроль — архитекторъ.

²⁾ То есть Венеція.

Нагастрофа 17 октября 1888 близъ ст. Борни, Курско-Харьово-Азовской желѣзной дороги.

По фотографіи и указаніямъ очевидца Л., рисоваль художникъ Н. Тронинъ, грав. Демчинскій.

можем их подсластить последним, причем вино приобретает ту густоту, которая так высоко ценится знатоками. Такое вино, будучи истинно безвредным и здоровым, обходится значительно дешевле иностранного.

Что до самого гриба, то он принадлежит к числу сумчатых, которые получили, подобно базидиальным, свое название от способа образования спор. Последние (обыкновенно по восьми) образуются здесь не на концах грибных ниточек (гифов), а, как увидим ниже, внутри особых сумочек (аскусов). Не входя в подробности разделения сумчатых грибов, заметим лишь, что виноградный гриб принадлежит к семейству Erysiphei, представители которого вызывают как на травах, так и на деревьях, преимущественно на их листьях, особую болезнь, известную в общежитии под названием *блани* или *муриной росы*, благодаря тому обстоятельству, что пораженные части растений в известное время года покрываются как-бы мукою. Виды этого семейства живут не внутри питающего растения, а на его поверхности, ниская только присоски в его

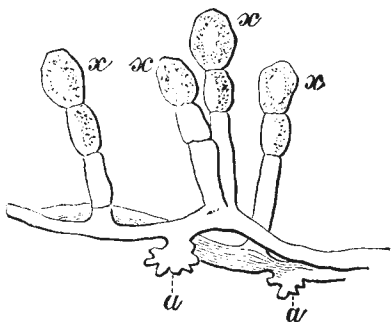

Рис. 1. Виноградный гриб (*Oidium Tuckeri* Berk.). Отвѣсно приподнимающаяся вѣтвь мицелія, отшнуровывающаяся на концѣ по одной спорѣ (конидиѣ), и присоски (увеличено въ 400 разъ).

присоски в его кожу (см. рис. 1 а). Этимъ они отличаются отъ большинства другихъ паразитовъ. Припомнимъ, что все грибы питаются на счетъ выработанныхъ хлорофиллоносными растениями веществъ, ибо сами, вследствие отсутствия хлорофилла, не могутъ образовать угле-содержащихъ веществъ (преимущественно углеводы), образуя лишь белковыя (угле-содержащая, азотистая тѣла) и жиры; то есть, все

грибы суть паразиты. Благодаря такому наружному паразитизму и появляясь всегда въ большомъ количествѣ, грибы эти, несмотря на свои небольшие размѣры, легко замѣтны невооруженному глазу уже весной, когда ихъ мицелій (сравни статью о грибахъ въ X номерѣ *Пищи*) разстилается по поверхности зараженной части растенія въ видѣ вѣтвистой бѣловатой паутины.

Однако намъ не приходится далеко искать, чтобы познакомиться съ этими грибами; весьма близкій къ *Erysiphei* видъ, такъ-называемый *Aspergillus* или правильнѣе *Erotium glaucum*, встрѣчается повсюду. Почти все наши съѣстные припасы, особенно черный хлѣбъ, на сыромъ мѣстѣ весьма скоро покрывается плѣсенью, т. е. мицеліемъ только что названнаго гриба. Теперь и понятно будетъ, почему семейство *Erysiphei* называютъ мучнисто-росичными грибами или просто плѣсеньями. Вскорѣ на заплѣсѣломъ кускѣ хлѣба появляются между бѣлыми пятнами зеленыя, отъ которыхъ отдѣляется тончайшій порошокъ, что особенно легко обнаружить, если хлѣбъ положить заплѣсѣлою стороною внизъ на черную бумагу и накрыть все это колпакомъ. Если слегка дунуть на этотъ порошокъ, то онъ разлетается; то-же самое происходитъ вѣ природѣ: каждое течение воздуха уноситъ такія пылинки, которыя и осѣдаютъ тамъ и слѣтъ. Понави на умѣренно-сырое мѣсто, гдѣ мѣстѣ достаточно питательныхъ веществъ, пылинка разрастается въ развѣтвляющуюся нить, въ новый мицелій,—появляется бѣлая паутина, которая затѣмъ зеленеетъ. Любопытный читатель и за этимъ развитіемъ легко можетъ наблюдать, если не покажется труда перенести пылинку на свѣжій кусочекъ хлѣба; причемъ, чтобы опять вѣрно и скоро удалел, необходимо хлѣбъ изрядка увлажнять водою.

Теперь мы знаемъ, что такое плѣсень и какъ она появляется; но что это за порошокъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, припомнимъ лишь, что у цвѣтковыхъ растеній сѣменами называется то, что образуется въ плодѣ, и понавни въ благоприятныя условія, разрастается въ новое растеніе. Слѣдовательно, это будутъ сѣмена этого грибка,—его споры, ибо грибы принадлежатъ къ спорнымъ растеніямъ, не имѣющимъ цвѣтковь, т. е. тычинокъ и пестиковъ. Линней назвалъ эти растенія тайпобрачными, предположивъ (что теперь и доказано для большинства ихъ), что и у нихъ существуетъ половое, но скрытое отъ глазъ человѣка размноженіе. Теперь Линнеевское названіе замѣнено, потому что, хотя споры физиологически (производи новое растеніе) вполне сходны съ сѣменами цвѣтковыхъ растеній или сѣменныхъ (явпобрачныхъ Линнея), но тѣмъ не менѣе, образуя инымъ способомъ, не одинаковы (гомологичны) по происхожденію съ последними.

У кого имѣется подъ руками микроскопъ, тотъ можетъ наблюдать и за самимъ образованіемъ этихъ споръ; нѣкоторыя вѣтви мицелія приподнимаются отвѣсно, и падувалъ на концахъ булавовидно, даютъ массу коротенькихъ отроговъ въ видѣ кегель, вершинки которыхъ отшнуровываютъ рядами одну спору за другую, почему такая головка представляется лучистою.

Еще проще образуются споры у *Erysiphei*, гдѣ прямо вершинка отвѣсныхъ вѣтвей безпрестанно отшнуровывается. Эти споры, какъ у *Erotium*, способны сейчасъ-же проростать въ мицелій, на которомъ опять появляются споры (рис. 2). Такимъ образомъ сразу образуется большое количество такихъ споръ, которыя у *Erysiphei* бѣлаго цвѣта и производятъ именно впечатлѣніе мучнаго налета, который передается съ растенія на растеніе.

Рис. 2. Прорастающая спора.

Эти споры образуются безполымъ размноженіемъ, почему ихъ и называютъ „конидіями“, а не спорами, и говорятъ о конидіальной формѣ мицелія. Такимъ образомъ размножаются *Erysiphei* въ теченіе лѣта. Осенью-же образуются и настоящія споры, „аскоспоры“, являющіяся дѣйствительно образованіями полового размноженія. При этомъ концы двухъ соединенныхъ вѣтвей мицелія растутъ другъ другу навстрѣчу; одинъ изъ нихъ, обыкновенно большей величины, закручивается, притомъ у нѣкоторыхъ родовъ на подобіе штопора. По соприкосновеніи лишь одинъ конецъ (если они были не одинаковой величины, то большій) далѣе развивается и его принимаютъ за органъ соответствующій пестику (аскогонъ) другой конецъ—за соответствующій тычинокъ (полноидій). По оплодотвореніи аскогонъ развѣтвляется,—последнія развѣтвленія перегородкою, превращаясь въ кѣтки, и суть тѣ сумки (аски), въ которыхъ образуются аскоспоры. Одновременно съ образованіемъ сумокъ, изъ-подъ аскогона вырастаютъ нѣсколько трубчатыхъ отроговъ, которые, обростая аскогонъ и полноидій и расчлениаясь перегородками, окутываютъ ихъ плотною массою—все это вмѣстѣ называется „плодомъ“; стѣнки его впоследствии еще болѣе утолщаются и бурѣютъ. Мицелій при образованіи плодовъ постепенно уничтожается, такъ что последніе, которые обыкновенно замѣтны простому невооруженному глазу въ видѣ темныхъ пятенъ среди лучисто-паутинова налета, впоследствии одни только и сохраняются отъ всего грибка.

Познакомивъ читателя съ развитіемъ плѣсней, вернемся къ виноградному грибку, который известенъ пока только въ своей конидіальной формѣ, почему весьма возможно, что части мицелія или, что еще вѣроятнѣе, его конидіи зимуютъ. Онъ былъ впервые описанъ въ 1848 г. Беркелеемъ (*Berkeley*), который назвалъ его *Oidium Tuckeri* въ честь садовника Тукера, открывшаго его въ 1845 г. (хотя онъ вѣроятно раньше былъ распространенъ въ Европѣ). Въ 1851 году грибокъ распространился уже по всей Франціи, Швейцаріи и Германіи; особенно-же свирѣпствовала эта болѣзнь по Средиземному морю: въ Итали, Малой Азіи, Сиріи, Алжирѣ, а въ 1852 г. появилась на островѣ Мадерѣ. Его громадный вредъ обусловливается тѣмъ, что онъ съ листьевъ переходитъ на молодые ягоды и именно уже въ то время, когда ягоды еще величиною въ горошину, причемъ на пораженныхъ мѣстахъ кожица бурѣетъ (рис. 3).

Эти пятна постепенно сливаются и указываютъ на отмирание кожицы, благодаря чему она не можетъ больше слѣдить за развитіемъ и увеличеніемъ мякоти ягоды, которая, надавливая на эту последнюю, легко ее разрываетъ, такъ что ягоды гниютъ и лишь зерна по-видимому развиваются правильно. Подчасъ заражаются ягоды одно-сторонне, почему онѣ иногда отчасти развиваются и получаютъ неправильную форму ягоды. Такъ какъ пока повсюду виноградная болѣзнь оказалась вызванною однимъ и тѣмъ-же грибомъ, то почти несомнѣнно, что и у насъ на Кавказѣ появился *Oidium Tuckeri*.

Что касается средствъ противъ этой болѣзни, то лучше всего, какъ и отъ другихъ подобныхъ поверхностныхъ паразитовъ, обмываніе лозы сѣрымъ цвѣтомъ изъ мѣха, пузыря или посредствомъ пудряной кисти во время утренней росы, нѣсколько разъ, передъ и послѣ цвѣтенія и еще разъ въ августѣ. Состоятъ также вырѣскиваніе сѣмянъ, состоящей изъ одной части известки на три части сѣры, которая варится въ 5 частяхъ воды. Пробовали еще другія сѣросодержащія вещества, напр. сѣристую землю, „*minerale greggio*“, заключающую до 40% сѣры, однако подобныя вещества лишь тамъ примѣнны, гдѣ такой матеріалъ дешевъ, какъ напр. въ Итали, особенно на Сицили. Дѣйствіе сѣры притомъ вѣроятно механическое, ибо наблюдали, что виноградный грибъ не появлялся на растеніяхъ густо покрытыхъ дорожною пылью; если-бы, напротивъ, изъ сѣры образовалась безпрестанно сѣристая кислота, т. е. сѣра вліяла-бы химически, то погибли-бы и сами растенія. Замѣтимъ далѣе, что

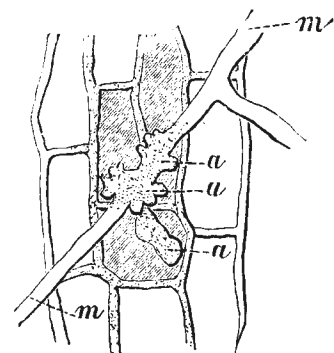

Рис. 3. Кусочекъ ножки зараженной ягоды: *m* мицелій, *a* присоски, вокругъ которыхъ пробурѣли кѣтки ножки (увеличено въ 400 разъ).

не всѣ сорта винограда одинаково подвержены этой болѣзни, особенно страдают мускатные и мальвази; впрочемъ доказано, что въ Европѣ и американскіе сорта, которые считаются въ общемъ болѣе крѣпкими, также поражаются ею.

Наконецъ, достойно упоминанія, что, по изслѣдованіямъ де-Бари, въ мицеліи плѣсней, несмотря на всю нѣжность и удивительную тонкость его гифъ, живетъ другой грибокъ *Cicynobolus Cesatii*, который, пріятствуя его успѣшному развитію, также оказываетъ пользу въ борьбѣ съ винограднымъ грибомъ.

Однако виноградный грибокъ отнюдь не единственный изъ растительнаго царства врагъ лозы. Въ видѣ прибавленія укажемъ также еще на другой, также микроскопическій, грибокъ, принадлежащій къ семейству переноспоровыхъ (*Perenosporae*), изъ коихъ одинъ видъ (*Phytophthora infestans* de Bary раньше названный *Perenospora infestans* Caspary) производитъ известную и очень распространенную болѣзнь картофеля. Подобный послѣднему видъ причиняетъ именно такъ-называемую виноградную плѣсень, отъ которой также лоза сильно можетъ пострадать, и если грибокъ этотъ не истребляется своевременно, то и нѣмъ опустошаются на годы громадныя площади виноградниковъ; какъ это и было по верхнему Рейну, въ южной Франціи, въ Венгріи, Греціи и Италіи. Нѣмцы называютъ его ложною или американскою мучною росой лозы (*falscher или amerikanischer Mehlthau-Pilz des Weinstockes, Perenospora viticola, de Bary*), благодаря большому сходству въ явленіяхъ заболѣванія лозы этимъ грибомъ съ болѣзью винограднаго грибка. Дѣйствительно, его мицеліи также плодно прикладывается къ верхней кожицѣ листа въ видѣ тоненькой паутины. Впослѣдствіи и здѣсь листъ бурхнетъ, съеживается и наконецъ отпадаетъ; равнымъ образомъ грибокъ переходитъ и на ягоды, которые притомъ сгниваютъ и отмираютъ.

Для предохраненія лозы отъ заболѣванія виноградную плѣсенью съ успѣхомъ примѣняли въ Италіи, Франціи и Тиролѣ способъ обсыпанія — и преимущественно гашеной известью. Для сего растворяютъ около 24 фунтовъ мѣднаго купороса въ трехъ ведрахъ воды и растворомъ этимъ обливаютъ 244 фунта нега-

шеной извести, которая вълѣдствіе этого разсынается. Употребляютъ также различныя жидкости: г. Анвейлеръ въ Радольфцелѣ (*Radolfzell*) устроилъ особый аппаратъ для разбрызгиванія. Изъ всѣхъ предлагаемыхъ жидкостей болѣе пригодной оказалась слѣдующая: растворяютъ въ 12 штофахъ горячей воды шесть фунтовъ мѣднаго купороса, равнымъ образомъ размѣшиваютъ 6 фунтовъ хорошей жженой извести въ 8 штофахъ воды; затѣмъ сливаютъ обѣ жидкости и разбавляютъ ихъ 60 ведрами воды. (Другія средства желажіе могутъ почерпнуть въ „*Pomologische Monatshefte*“ von Fr. Lucas in Reutlingen тетр. 11, 1857 г.)

Кстати сообщимъ еще новое наблюденіе Келлера надъ филлоксерою (*Phylloxera vastatrix*) — самымъ ожесточеннымъ врагомъ лозы изъ животнаго царства. Заставляя голодать двѣ колоніи безкрылой тли филлоксеры, онъ на шестой день замѣтилъ особенную оживленность у нихъ: онѣ суетились по стѣнкамъ своего острога; на десятый же день всѣ обратились въ куколокъ, изъ коихъ на тринадцатый день вынулсиа цѣлый рой крылатой тли. Такимъ образомъ, этимъ доказывается, что голодь не умерщвляетъ тлю, напротивъ способствуетъ ей дальнѣйшему развитію и даже распространенію, ибо недоразвитая (безкрылая) тля, превращаясь въ крылатую; (откладывающую яйца) даетъ этимъ начало новому поколѣнію. Поэтому если въ іюль и августѣ лозы уничтожаются сѣроуглеродомъ, то немедленно приходится браться и за ихъ искорененіе тщательной рѣзкой, чтобы не дать неубитой тлѣ дальнѣе развиваться, или же слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ (какъ это совѣтуетъ Келлеръ), покрыть землю охранительною покрывкой во избѣжаніе разлета крылатой тли. Отнюдь не слѣдуетъ поэтому оставлять неискорененными убитыя сѣроуглеродомъ лозы до зимы, какъ это дѣлается мѣстами, ибо съ одной стороны немисливо предположить, что удастся погубить всю тлю, а съ другой — благодаря отмиранію лозъ и искусственному голоданію тли именно и даются болѣе благоприятствующія условія для дальнѣйшаго распространенія филлоксеры.

З. Нидергерферъ.

Къ рисункамъ.

Этюдъ. (Рис. на стр. 1112 и 1113).

Въ цѣломъ рядѣ этюдовъ прелестныхъ женскихъ головокъ или картинъ-портретовъ выдающихся красавицъ, помѣщенная на стр. 1112 и 1113 гравюра займетъ бесспорно выдающееся мѣсто. Никакое описаніе не скажетъ того, что говоритъ за себя картина англійскаго художника Чарльза Эдварда Перуджини. Въ своихъ картинахъ онъ всегда отличается тщательнымъ, мягкимъ рисункомъ и пріятнымъ колоритомъ, который, къ сожалѣнію, не можетъ быть переданъ одноцвѣтною гравюрою, но тѣмъ рѣзче выступаетъ первое изъ приведенныхъ качествъ англійскаго жанриста.

Гиневра. (Рис. на стр. 1117).

Полусказочныя приключенія и жизнь бретонскаго короля Артура и его сподвижниковъ, рыцарей Круглаго Стола, нерѣдко служили содержаніемъ множеству сказаній. Вначалѣ извѣстныя лишь въ изустной передачѣ, они обрабатывались во времена процвѣтанія рыцарскихъ романовъ въ длиннѣйшія исторіи, прхотливо изукрашенные вымыслами составителей ихъ, любившихъ окружать героевъ своихъ разсказовъ всевозможными небывлицами. Но и гораздо позже сказанія о королѣ Артурѣ вдохновляли поэтовъ. Такъ, между прочимъ, трогательная исторія любви Гиневры (*Ginevra, Gwenevhuvar*), прекрасной супруги короля Артура, къ молодому герою Лансело (*Lancelot, Lanzelet*), одному изъ рыцарей Круглаго Стола, послужила темою Вильгельму Герцу, въ Германіи, и Альфреду Теннисону, въ Англии, для ихъ произведеній. Помѣщенная на стр. 1117 гравюра, съ картины американскаго художника Альфреда Фредерикса, служить иллюстраціей къ стихотворенію англійскаго поэта-лауреата и изображаетъ Гиневру, вышедшую проводить своего супруга, который отправляется въ походъ со своими сподвижниками. Среди нихъ находится также дорогой ей сердцу молодой рыцарь.

Общій видъ Оружейной Палаты и одна изъ ея залъ. (Рис. на стр. 1120 и 1121).

Оружейная Палата въ Москвѣ представляетъ собою одинъ изъ болѣе любопытныхъ музеевъ въ Европѣ. Этотъ музей, постоянно переполненный иностранцами (въ особенности англичанами), заключаетъ въ себѣ, кромѣ всякихъ драгоценностей, чрезвычайно важные матеріалы для исторіи различныхъ отраслей искусства не только въ Россіи, но и вообще въ Европѣ, такъ какъ здѣсь сохраняются не только русскія древности, не только издѣлія русскихъ мастеровъ, но и огромное количество утвари и оружія, въ разное время поднесенныхъ въ даръ русскимъ царямъ иноземными государями.

Оружейная Палата, какъ и всякій другой богатый и обширный музей, сложилась постепенно и создавалась не сразу. Исторія Оружейной Палаты чрезвычайно любопытна и по-

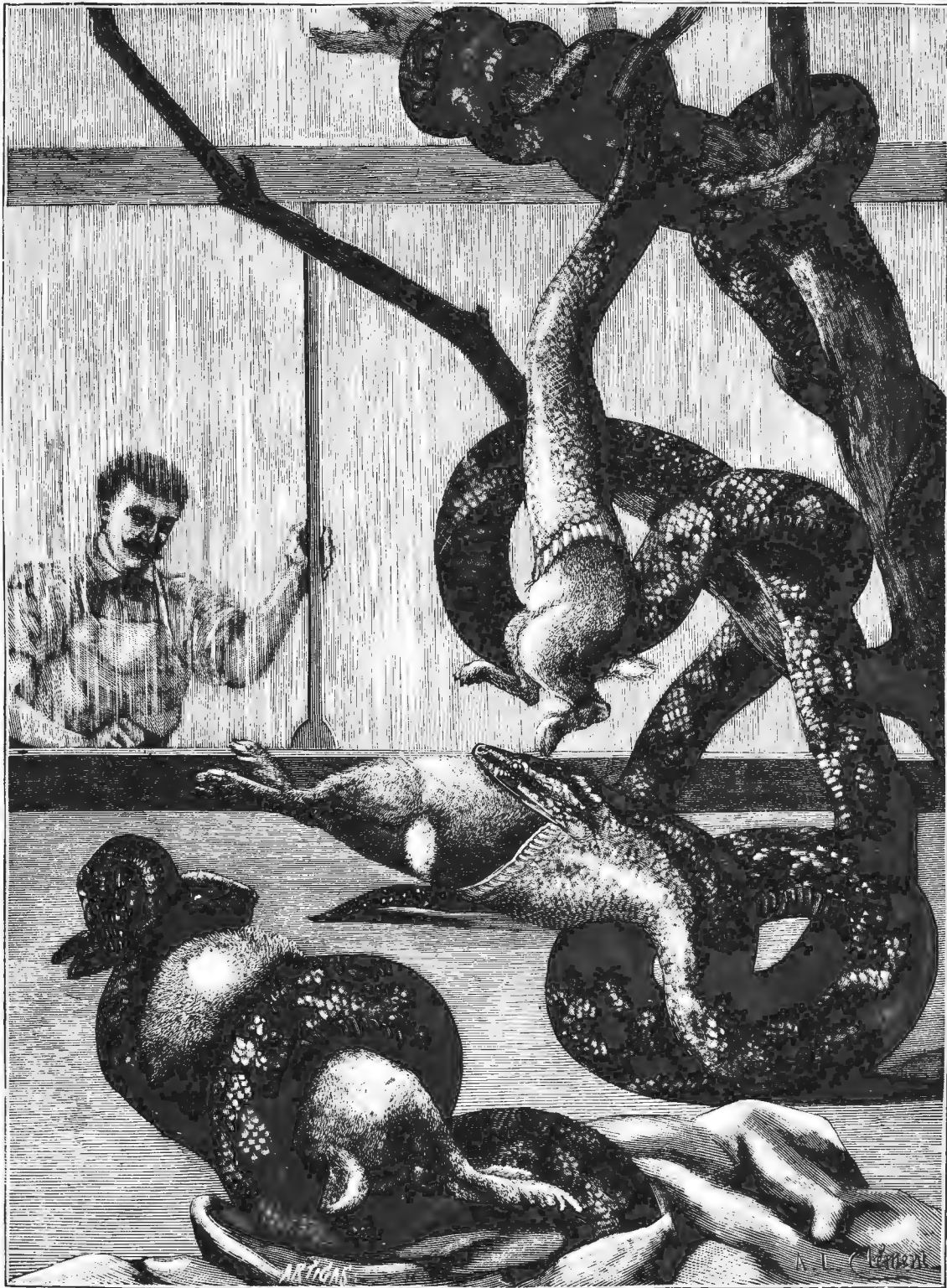
учительна, и начинается издавна. Уже при великомъ князѣ Московскомъ, Іоаннѣ III Васильевичѣ, между соборомъ Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ, было воздвигнуто особое каменное зданіе, выходящее окнами на Дворцовую площадь. Іоаннъ III, любившій окружать себя блескомъ и великолѣпіемъ (послѣ женитьбы на греческой царевнѣ), приказалъ собрать въ это зданіе всѣ свои драгоценности, и съ той поры оно получило названіе *Большой Казны*. Здѣсь были собраны царскія одежды, утварь золотая и серебряная, множество золотой и серебряной столовой посуды, драгоценныя камни, престолы, украшенные золотой и серебряной рѣзбой и осыпанные каменьями, золотые обои, шитые ковры, издѣлія изъ жемчуга и т. п. Хранителями всѣхъ сокровищъ Большой Казны были назначены бояре-казначей, и при нихъ дьяки. Всѣмъ вещамъ были составлены подробныя описи, а приходу и расходу ихъ велись особыя книги. Мало-по-малу, Большая Казна, при наслѣдникахъ Іоанна III, дополнилась не только вещами, которыя приносили въ даръ иноземныя посольства, но и новыми издѣліями русскихъ мастеровъ, работавшихъ постоянно въ царской мастерской. Рядомъ съ Большою Казною, со временемъ была построена особая *Оружейная Палата*, которую управлялъ бояринъ-оружничій, и *Конюшенная Палата*, которою завѣдывалъ бояринъ-конюшій; первая служила царскому дворцу арсеналомъ и мѣстомъ храненія драгоценнаго оружія; вторая была хранилищемъ драгоценной конской сбруи и упряжи. Множество оружія, одежды, украшеній и всякой посуды и утвари поступали ежегодно въ эти дворцовыя хранилища изъ царскихъ мастерскихъ, въ которыхъ постоянно работали лучшіе алмазники, рѣзчики, оружейники, посошники, козымажники, столяры, чеканщики, лѣпщики и иконописцы. Производствомъ работъ въ царскихъ мастерскихъ завѣдывали два обширныя вѣдомства: *государева мастерская палата* и *царичина мастерская палата*. Благодаря этому постоянному пополненію, сокровища царской Большой Казны возрастали такъ быстро, что уже при царѣ Іоаннѣ IV Васильевичѣ (Грозномъ) царская казна возбуждала изумленіе иностранцевъ. Англичанинъ Горсей, французъ Маржеретъ и полякъ Москевичъ, которые близко были знакомы съ царскою казною Московскихъ государей (до начала XVII вѣка), говорятъ съ восторгомъ о тѣхъ дивныхъ богатствахъ, которыми эта казна была переполнена.

Тяжелый ударъ царской казнѣ нанесенъ былъ въ 1611—1612 году, во время московскаго разоренія, когда боярская дума обязалась содержать на свой счетъ польско-литовскія войска, въ ожиданіи прибытія королевича Владислава. Тогда, по недостатку денегъ, большое количество золотой и серебряной посуды было перечекаено въ монету, а многія драгоценности и просто разграблены поляками. Другая, очень чувствительная утрата понесена была царскою казною въ 1737 году, во время

страшнаго Кремлевскаго пожара. Огонь не пощадилъ Оружейной Палаты, причѣмъ погибло много драгоцѣннаго древняго оружія и трофеи Полтавской побѣды—шведскія знамена.

Важная перемѣна въ способѣ хранения и пополненія царской казны произошла при Петрѣ Великомъ, который образовалъ особое присутственное мѣсто, подъ названіемъ „Мастерской Оружейной Палаты“, и на это вѣдомство возложилъ хра-

тчение первыхъ сорока лѣтъ нынѣшняго столѣтія. Изъ этого зданія, въ 1812 году, всѣ сокровища Оружейной Палаты были вывезены заблаговременно въ Нижній-Новгородъ. Но окончательнымъ своимъ устройствомъ Оружейная Палата обязана Императору Николаю I, глубоко почитателю русской старины и русскаго искусства. При сооруженіи въ Кремлѣ новаго дворца, онъ повелѣлъ соорудить новое зданіе для Оружейной

Кормленіе змѣй въ Зоологическомъ музеѣ. Рис. Клеманъ, грав. Артигасъ.

неніе царскихъ сокровищъ и управленіе московскими дворцами. При ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго приказано было „хранить въ Мастерской Палатѣ только такія вещи, которыя въ диковинку“, а всю остальную серебряную и золотую посуду постепенно распродать. Въ началѣ царствованія Екатерины II были приняты нѣкоторыя мѣры къ лучшему устройству „Мастерской Оружейной Палаты“, но только уже при Александрѣ I для помѣщенія сокровищъ царской казны построено было особое зданіе, въ которомъ они помѣщались въ

Палаты, въ связи съ дворцомъ (на мѣстѣ бывшаго въ старину Конюшеннаго Приказа). Зданіе было построено съ прочными каменными сводами во всѣхъ этажахъ, и вполне обезпечено отъ всякой опасности со стороны пожара. Здѣсь древнія сокровища московскихъ царей нашли себѣ вполне достойное, истинно-царское помѣщеніе.

Въ верхнемъ этажѣ нынѣшней Оружейной Палаты, въ особыхъ залахъ верхняго этажа, хранятся царственныя регалии и царскія облаченія, надѣваемые во время коронацій. Въ дру-

гихъ залахъ, ближайшихъ къ лѣстницѣ, драгоценное древнее оружіе и вооруженіе—шелома, панцири, зеркала, щиты, саады и кольчужныя рубахи. Двѣ залы, изъ которыхъ одна представлена на нашемъ рисункѣ въ настоящемъ № *Пивы*, наполнены сверху донизу древнею царскою столовою утварью и посудой. Значительную долю этой утвари и посуды составляютъ издѣлія старыхъ голландскихъ, шведскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ мастеровъ. Послѣдніи особенно отличаются изяществомъ формъ и отдѣлкою; по нимъ нѣсколько не уступаютъ, въ этомъ отношеніи, издѣлія русскихъ старинныхъ мастеровъ. Вообще говоря, сокровища, заключенныя даже только въ одной этой залѣ Оружейной Палаты, какъ по своей матерьяльной цѣнности, такъ и по историческому и научному значенію, не поддаются никакой, даже и приблизительной оцѣнкѣ, и Москва, по справедливости, можетъ гордиться своею Оружейною Палатой, однимъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ музеевъ въ Европѣ.

Древнерусскій конскій уборъ.

(Рис. на стр. 1124).

Древняя Русь, въ особенности Московская, любила хвалиться передъ иноземцами своими отличными верховыми конями. Постоянныя сношенія со степью и кочевниками давали возможность русскимъ людямъ добывать себѣ подъ верхъ настоящихъ стеньяковъ, и хорошій *армакъ* былъ первою и главною утѣхою каждаго русскаго служилаго челоуѣка—дворянина или сына боярскаго. Чѣмъ богаче и знатнѣе былъ московскій бояринъ, тѣмъ красивѣе и статнѣе были его кони, тѣмъ больше бывало ихъ на его конюшнѣ. Бояре именно любили блистать не только качествомъ коней на своей конюшнѣ, но и количествомъ ихъ—и потому нерѣдко выводили за собою въ поле огромную свиту въ 150—200 вооруженныхъ слугъ, всю посаженную на лихихъ одномастныхъ коней. Въ большой модѣ среди боярства былъ обычай дарить другъ друга конями и подводить коней въ подарокъ государю. Если и боярскія конюшни были такъ богаты хорошими конями, то ужъ конечно на царскихъ конюшняхъ ихъ считали тысячами. Цѣлыя табуны царскихъ коней паслись на заповѣдныхъ лугахъ въ подмосковныхъ царскихъ сѣдахъ. Такое множество лошадей было тѣмъ болѣе необходимо, что эти царскія лошади предназначались не только для ѣзды царя, царицы и царскаго семейства, но и всего царскаго двора. Куда бы ни ѣхалъ царь или царица, ихъ всюду сопровождала обширная конная свита*), и, сверхъ того, за царскими повозками вели въ поводу по 30 и по 40 нарядно-убранныхъ коней.

Уборъ коня былъ предметомъ особой заботливости московскихъ бояръ и царей. Красота этого богатаго и чрезвычайно сложнаго убора была просто поразительна, какъ это можно видѣть изъ приложеннаго рисунка. Голова лошади украшалась уздечкою, поверхъ ремней обшитой цвѣтными бархатомъ или цвѣтнымъ сафьяномъ и усаженной крупными камнями, жемчугомъ и золотыми бляхами; надъ оголовкомъ уздечки возвышался высокій султанъ изъ страусовыхъ перьевъ и тонкой золотой проволоки, осыпанной яхонтовыми искорками. Внизъ отъ оголовка опускалась на особую привѣскѣ длинная кисть изъ жемчужныхъ нитей (такъ-называемый *наузъ*). *Наперникъ*—передняя часть сбруи, бывала украшена точно такъ же, какъ и уздечка, и, сверхъ того, увѣшана жемчужными *рясками* и кисточками. Подъ сѣдломъ, окованнымъ золотыми или серебряными золочеными полосами, украшенными также камнями, на спину лошади накидывали богатый, бархатный, расшитый

золотомъ, шелками и жемчугомъ короткій *чепракъ*, а подъ чепракъ—два или три такихъ же богатыхъ *покрова*. Весь задъ коня покрывался богатѣйшею парчевою или бархатною попоной, которая называлась *чалдиръ*. На гриву и хвостъ коня накидывалась золотая или жемчужная сѣтка (*нагрюникъ* и *нахвостникъ*). Сверхъ всего этого, поводья уздечки замѣнились такъ-называемыми *трельчими цѣпями* изъ фигурныхъ серебряныхъ звеньевъ съ бубенцами и колокольцами; такія же цѣпи шли отъ сѣдла къ хвосту, свѣшивалась по бокамъ, и висѣли около сѣдла, по обѣ стороны, спускаясь до самыхъ стременивъ. Иногда конскій уборъ дополнялся серебряными наколѣпниками и серебряными бубенцами, которые навязывались на бабки четырехъ ногъ.

Профессоръ Е. И. Богдановскій. († 11 октября 1888 г.)
Съ фотогр. Шаниро, грав. Ю. Шюблеръ.

Катастрофа 17-го октября близъ станціи Борки Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги.

(Рис. на стр. 1125).

Подробности крушенія Императорскаго поѣзда и Божіей милостью чудеснаго избавленія Императорской Семьи отъ опасности см. ниже, на стр. 1130.

Кормленіе змѣй въ Зоологическомъ музеѣ.

(Рис. на стр. 1128).

Чрезвычайно интересное, но въ то же время отталкивающее зрѣлище представляетъ кормленіе змѣй въ зоологическихъ садахъ и музеяхъ. На стр. 1128 изображено кормленіе сифоновъ въ одной изъ кѣтокъ зоологическаго музея въ Парижѣ. Одѣла, которыми покрываютъ этихъ пресмыкающихся, сняты какъ для того, чтобы дать имъ больше простора, такъ и изъ предосторожности, чтобы они не схватили ихъ вмѣстѣ съ пищею, что иногда случается. Змѣй въ витрину со змѣями впускаютъ кролика. Онъ, при видѣ незнакомой ему обстановки, кажется изумленнымъ или даже испуганнымъ. Въ свою очередь, одна изъ змѣй его увидела, подняла голову и начала пристально смотрѣть на бѣдное животное. Змѣй, немало попятаясь, она быстро кидается на свою жертву, широко разинувъ пасть. Схвативъ какъ попало, змѣя обвивается вокругъ кролика, сдавливаетъ его въ сильныхъ кольцахъ своего изворотливаго тѣла и остается въ такомъ положеніи нѣкоторое время. Кроликъ пытается вначалѣ высвободиться, но вскорѣ перестаетъ биться, задушенный сильными мускулами змѣи. Почувствовавъ, что кроликъ уже мертвъ, сифонъ медленно раскрывается и, обнюхавъ задушенную жертву, находитъ ея голову. Тогда, неторопясь, онъ широко раскрываетъ свою пасть и беретъ кролика за голову. Его крючковатые зубы проникаютъ въ тѣло млекопитающаго, что служить точкою опоры, и змѣй начинается постепенное проглатываніе.

Кроликъ повидимому вдвое объемистѣе тѣла змѣи, тѣмъ не менѣе онъ будетъ проглоченъ. Надо замѣтить, что челюсти змѣи растяжимы; части нижней челюсти соединены спереди эластическою связкою и къ черепу онѣ прикрѣплены при посредствѣ косточки называемой квадратною, что придаетъ еще большую растяжимость челюсти. Также и нищеприемникъ отличается значительною эластичностью. Чтобы проглотить пищу, змѣя сперва подвигнетъ впередъ одну часть нижней челюсти, и укрупнивъ ее при помощи зубовъ въ мясъ нищи, придвинетъ къ ней другую половину, а затѣмъ уже верхнюю челюсть. Такимъ образомъ кроликъ постепенно исчезаетъ въ широкой пасти пресмыкающагося. Проглатыванію помогаетъ въ изобиліи выдѣляемая слюна, а также перистальтическія движенія нищепроводника. Вслѣдствіе послѣднихъ, змѣи проглатываютъ пищу даже вися внизъ головой, какъ это видно на нашемъ рисункѣ.

*) Чрезвычайно любопытно то, что, по древне-русскому обычаю, боярыни и боярышни, сопровождавшія царицу, ѣхали также верхами, сидя на сѣдлахъ по-мужски.

Е. И. Богдановскій. (Порт. на стр. 1129).

Во вторник, 11 октября, внезапно скончался профессор хирургии при Медико-хирургической академии, Е. И. Богдановскій. Смерть похитила неутомимаго ученаго въ самомъ разгарѣ его дѣятельности, во время занятій его со студентами пятаго курса академии, которымъ онъ объяснялъ ампутирование предплечья. Внезапная кончина профессора, во время лекціи, произвела удручающее впечатлѣніе на присутствовавшихъ и вообще на всѣхъ знавшихъ покойнаго, любившихъ и уважавшихъ его какъ прекраснаго учителя и хорошаго русскаго человѣка.

Уроженецъ Могилевской губерніи, Евстафій Ивановичъ, получилъ образованіе въ семинаріи, откуда въ 1853 году поступилъ въ Медицинскую академію. Въ 1858 году онъ окончилъ курсъ съ золотою медалью и спустя три года, выдержавъ экзаменъ на доктора медицины, отправился за-границу для дальнѣйшаго усовершенствованія. По возвращеніи въ 1863

году въ Петербургъ, онъ, въ качествѣ адъюнкта-профессора, завѣдывалъ хирургической клинкою, при которой и оставался до дня смерти.

Происходившія 14 октября похороны служили нагляднымъ доказательствомъ какимъ уваженіемъ пользовался покойный. Всѣ профессора и нѣсколько сотъ студентовъ провожали останки умершаго на кладбище Александровской лавры, гдѣ надъ свѣжею могилою докторъ Мультановскій обрисовалъ въ горячей рѣчи симпатичный образъ почившаго хирурга.

„Академія никогда не забудетъ его,“ говорилъ г. Мультановскій, „не потому, что имя его золотыми буквами начертано на мраморной доскѣ въ залѣ академіи, а по той плодотворной его дѣятельности, слѣды которой историкъ найдетъ въ изобиліи въ анналахъ академіи. Не можетъ забыть его и общество, которому онъ посвятилъ свою жизнь, руководясь великимъ въ медицинской дѣятельности девизомъ: „Si non prodest, ne nocens“, т. е. „не наноси вреда, если не можешь принести пользы.“

Подробности крушенія 17 октября.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и др. русскихъ газетахъ напечатаны рассказы очевидцевъ катастрофы 17 октября, на основаніи коихъ можно уже составить себѣ полное понятіе о ней. Крушеніе произошло на высокой, пятисаженной насыпи, проходящей черезъ балку, имѣющую до 50 сажень ширины; по одну сторону насыпи находится озеро. Поездъ шель, какъ показывалъ манометръ, со скоростью 65 верстъ въ часъ.

„Въ передней части вагона-столовой,“ рассказываетъ художникъ Зичи (*Новое Время*), — помѣщался буфетъ, въ задней — маленькое отдѣленіе, гдѣ сервирована была закуска. Въ самой столовой, между буфетомъ и отдѣленіемъ для закуски, столъ помѣщался въ серединѣ и былъ привыченъ къ полу и стѣнкамъ вагона. Въ центрѣ стола, съ лѣвой стороны, сидѣлъ Государь, палъво отъ него: кн. Оболенская, генералъ-адъютантъ Зиновьевъ, ген.-ад. Даниловичъ и флигель-адъютантъ Шереметевъ, помѣщавшіеся всего ближе къ буфету; съ правой стороны Государя сидѣли: статсъ-дама Шереметева, гр. Воронцовъ-Данковъ, ген.-ад. Рихтеръ, ген.-майоръ Мартыновъ, Л. Х. Гиртъ, и Великій Князь Георгій Александровичъ. Напротивъ Государя сидѣла Государыня, имѣя по правую руку министра путей сообщенія, фрейлину графиню М. Кутузову и меня, а по лѣвую: ген.-ад. Ванновскаго, графиню А. Кутузову, Наслѣдника Цесаревича, Вел. Княжна Ксенію Александровну и генер.-адъютанта Черевина.“

Завтракъ оканчивался, когда почувствовалось страшное по силѣ сотрясеніе. Катастрофа имѣла три момента: послѣдовало сперва два толчка, а затѣмъ, не прошло и секунды, какъ вагоны стали разлетаться въ дребезги. Какъ передаетъ *Гражданинъ*, послѣ перваго толчка послѣдовала остановка; второй моментъ: силою инерціи выбить низъ вагона, причемъ всѣ упали на насыпь, и третій моментъ, самый ужасный, когда стѣны вагона отдѣлились отъ крыши и начали падать внутрь и когда крыша повалилась; къ счастью, стѣны встрѣтились и образовали крышу, на которую свалилась крыша вагона. Вагонъ-столовая обратился въ неузнаваемую, приплюснутую массу. Весь ходъ колесъ (телѣжка) отброшенъ далеко въ сторону; стѣны разбились на мельчайшія части, крыша, свернутая въ сторону, прикрыла жалкіе останки вагона. Подъ этими-то обломками, казалось, была погребена Царская Семья. Но Богъ не попустилъ такого несчастья для Россіи: Царь, Царица и Августѣйшія Дѣти были сохранены для Отечества однимъ лишь чудомъ Всевышняго.

„Крыша навалилась на насъ косо,“ рассказываетъ далѣе г. Зичи, съ моей стороны, между стѣнкой вагона и крышей, было отверстие, черезъ которое я и вышелъ; за мной вышла графиня Кутузова, за нею Государь; Государыня, насколько я помню, была выпута изъ окошка вагона. У Государя оказался сплюснутымъ серебряный портсигаръ въ карманѣ съ правой стороны.“

По свидѣтельству другаго очевидца, полковника Иванова, въ моментъ катастрофы у Государыни повреждена рука выше локтя. Государь получилъ ушибы въ плечо и въ ногу. Второй ушибъ такъ силенъ, что по утверженію одного изъ очевидцевъ, верхняя одежда Государя лопнула у самаго колѣна. Его Величество въ первые минуты слегка прихрамывалъ, тѣмъ же не менѣе не обращалъ на ушибы никакого вниманія.

За вагономъ-столовой слѣдовалъ вагонъ, въ которомъ находилась Великая Княжна Ольга Александровна. Этотъ вагонъ въ моментъ крушенія сталъ поперекъ полотна, тѣмъ и была предотвращена дальнѣйшая катастрофа: онъ такъ-сказать спасъ жизнь Царской Семьи. Если бы онъ не принялъ на себя напоръ слѣдовавшихъ за нимъ вагоновъ, послѣдніе должны были бы неизбежно налетѣть на разбитую столовую.

Всѣхъ гдѣ бже подъ обломками находился Великій Князь Михаилъ Александровичъ, такъ что прошло нѣсколько минутъ прежде чѣмъ его выкопали. Въ вагонѣ, гдѣ находилась Великая Княжна Ольга Александровна, была оторвана стѣна, и Великая Княжна вмѣстѣ со стѣною была отброшена на нѣсколько сажень. Княжна, освобожденная изъ вагона, увидѣвъ Государя, сказала ему: „Папа, не безпокойся. Мнѣ ничего, я не ушиблась. Только ужъ дальше я ни за что не поѣду.“

Тревога и испугъ спасшихся лицъ при видѣ разрушенія вагона-столовой смѣнились общою радостью, когда увидѣли, что изъ-подъ обломковъ вагона вышелъ совершенно бодрымъ и здоровымъ сперва Государь Императоръ, потомъ Императрица, а затѣмъ и остальные члены Августѣйшей Семьи.

Сердца наши исполнились радостью — передается въ *Новостяхъ* со словъ одного изъ очевидцевъ катастрофы — и, какъ мы ни были ушиблены и какъ нѣкоторые изъ насъ ни страдали сами отъ боли, но всѣхъ насъ, при видѣ чудеснаго спасенія Царя и Его Семьи, охватила такой восторгъ, что мы закричали „ура!“ Первый вопросъ Государя Императора былъ: „все-ли съ людьми благополучно?“ Но раздававшіеся стоны и крики о помощи показывали, что не все благополучно.

Изъ лицъ свиты многіе пострадали, хотя и не опасно, но тѣмъ же не менѣе довольно тяжело и болѣзненно. Болѣе другихъ пострадалъ флигель-адъютантъ Шереметевъ. Хотя онъ старался скрыть свои страданія, тѣмъ же не менѣе у него повреждены два пальца и (какъ полагаютъ) буфетомъ сдавлена грудь. Также получили довольно сильныя ушибы генералъ-адъютанты Черевинъ (въ голову) и Рихтеръ, графъ Воронцовъ-Данковъ и г.-а. Зиновьевъ. Генералъ-адъютантъ Даниловичъ былъ такъ оглушенъ ударомъ, что его перенесли на креслѣ, но затѣмъ онъ быстро оправился. Офиціантъ Лаутеръ, служившій со стороны Государя, былъ выброшенъ съ подносомъ черезъ двери въ буфетъ и убитъ наповалъ. Всѣ четыре офиціанта, находившіеся въ буфетномъ отдѣленіи вагона-столовой, убиты, равно какъ и всѣ рабочіе бывшіе въ вагонѣ-мастерской: они были придавлены запасными колесами. Въ вагонѣ министра Путей Сообщенія, который весь уничтоженъ, находились баронъ Шернваль, инженеръ дороги Кроненбергъ и управляющій дорогой Кованько. Изъ всѣхъ выброшено въ образовавшееся при погромѣ отверстие вагона.

Пострадали не одни люди; убитая и любимая собака Государя. Звали ее Камчатка; она была привезена изъ Камчатки на крейсере „Африка“. Это красивое животное отличалось необычайною преданностью къ Государю и всюду слѣдовало за Его Величествомъ.

По словамъ очевидцевъ, мѣсто катастрофы представляло ужасную картину (см. планъ на слѣд. стр.). Вагонъ-кухня слетѣлъ подъ откосъ; крыша другаго — министерскаго вагона, снесена къ берегу озера и т. д. Первые четыре вагона представляютъ собою груды щепокъ и желѣза. Червый локомотивъ неповрежденный стоялъ на пути, но заднія его колеса сошли съ рельсовъ и упирались въ шпалы. Второй локомотивъ, тоже неповрежденный, врылся въ песокъ насыпи. Со словъ того же очевидца, въ *Новостяхъ* рассказывается, что слезы показались на глазахъ Государя при видѣ картины крушенія.

Мало-по-малу около Государя стала группироваться свита и вообще все оставшиеся в живых. Единственными свидетелями крушения были оцневшие от ужаса солдаты Пензенского пехотного полка, стоявшие в цепи в этой местности. Увидав, что путь никакой возможности оказать помощь пострадавшим силами и средствами из разбитого поезда, Государь приказал солдатам стрелять. Началась тревога по всей линии; сбьжались солдаты, съ ними оказался врач Пензенского полка; появились перевязочные средства, хотя и въ скудномъ количествѣ. Была слякоть, шель мелкій, холодный дождь съ изморозью. Государыня была въ одномъ платьѣ, сильно пострадавшемъ въ моментъ катастрофы. Подъ руками не нашлось ничего, чѣмъ прикрыть бы отъ холода Ея Величество, и на плечи Царицы накинули офицерское пальто. Въ первый моментъ многіе изъ находившихся здѣсь генераловъ, желая оказать посильное содѣйствіе, дѣлали каждый свои распоряженія; это очень тормозило общій ходъ работъ и замедляло помощь. Видя это, Государь взялъ все общія распоряженія на себя; приказывалъ, указывалъ и помогалъ съ удивительнымъ самообладаніемъ и невозмутимымъ спокойствіемъ. Ни разу не возвысивъ голоса. Государыня утѣшалась и успокоивала каждого раненаго, не дѣлая никакаго различія между ними въ пользу ихъ званія или другихъ личныя преимуществъ.

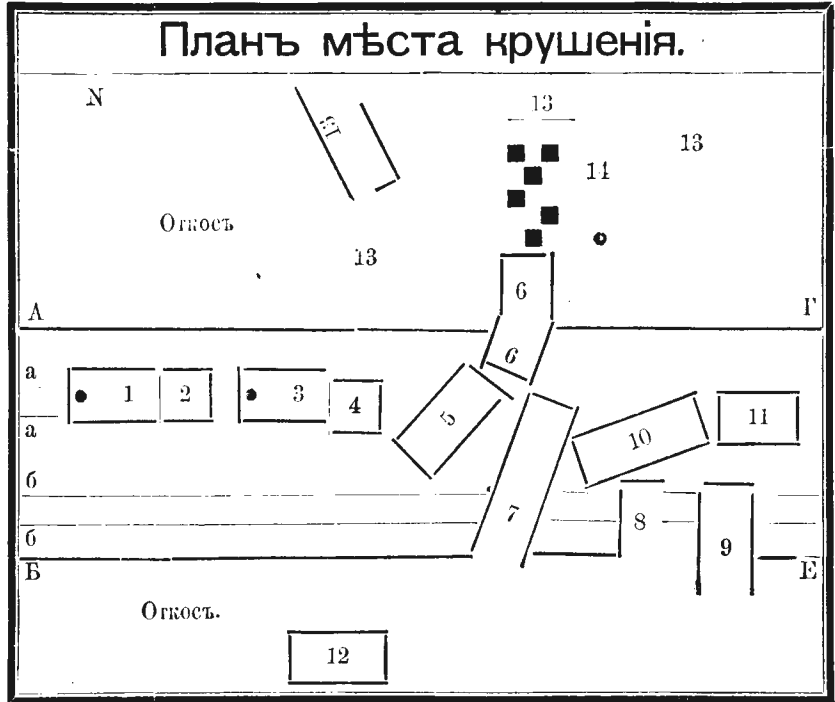
Баронъ Шериваль, оглушенный паденіемъ, съ сильно поврежденною ногой и страшно распухшею верхнею частью лица, въ первые моменты послѣдовавшаго за крушеніемъ, находился на откосѣ въ полусидячемъ положеніи: качался изъ стороны въ сторону, стоналъ и произносилъ какія-то малопонятныя слова. Государыня подошла къ нему и, имѣя на себѣ сверхъ платья офицерское пальто и башлыкъ, прикрыла этимъ башлыкомъ разбитую голову старика... Государыня Императрица съ изумительною силой духа, никогда въ жизни не присутствовавшая при какихъ-либо перевязкахъ, сама помогала и утѣшала несчастныхъ, вытирая имъ платкомъ лобъ и обнадеживая въ скоромъ выздоровленіи. Эта помощь, это самоотверженное участіе дѣйствовали магически на пострадавшихъ. Многіе переставали стонать, слушали, отвѣчали, просили у Государыни поцѣловать ея руку.

Великія Князья при докторахъ исполняли обязанности фельдшеровъ, помогая дѣлать перевязки, приносить воду, лекарства... Великія Княжны то были при Матери, то при братьяхъ, то при Государѣ,—и все это подъ дождемъ, при вѣтрѣ и въ страшной грязи въ теченіе пяти часовъ.

Вскоре послѣ катастрофы, одинъ изъ генераловъ свиты передалъ Государю небольшой обломокъ трухлявой шпалы; Государь отдалъ его полковнику Иванову, сказавъ, что этотъ обломокъ быть можетъ будетъ ему нуженъ при слѣдствіи.

За немѣнѣемъ другихъ санитарныхъ приспособленій, раненыхъ переносили на обломкахъ мебели, причѣмъ ихъ и усонныхъ сносили подъ откосъ, гдѣ въ сторонѣ подавали первую помощь и раненымъ, помѣщеннымъ въ санитарный поѣздъ по его прибытіи. Такимъ образомъ, Ихъ Величества пробыви подъ дождемъ, въ грязи и на холодѣ, постоянно спускался внизъ и поднимаясь вверхъ, около пяти часовъ, ни на минуту не перерывая своей великодушной и самоотверженной дѣятельности. Только въ сумерки, когда были приведены въ извѣстность все убитые и не осталось ни одного раненаго, Ихъ Величества сѣли во второй прибывшій

сюда Царскій (свитскій) поѣздъ литеры Б и отбыли въ Лозовую. Было уже темно, когда Императорскій поѣздъ прибылъ въ Лозовую. Изъ вагона въ соупствіи свиты вышли Ихъ Величества, Паслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ. Государь былъ спокоенъ и печаленъ. У встрѣтившаго съ крестомъ Ихъ Величества священника Государь и Государыня поцѣловали руку, что еще болѣе увеличило смущеніе сельскаго пастыря, никогда не видавшего на своемъ вѣку ни Царя, ни Царицы. Съ трепетомъ и дрожью въ голосѣ начало богослуженіе сельское духовенство. Здѣсь, въ залѣ *третьяго* класса, въ присутствіи тол-

1) Паровозъ.	7) Слесарная.	12) Кухня.
2) Тендеръ.	8) Столовая Ихъ Величества.	13) Вагонъ министра путей сообщенія.
3) Паровозъ 2-й.	9) Велико-княжескій вагонъ.	14) Обломокъ вагона для служителей и конной.
4) Тендеръ 2-й.	10) Вагонъ Ихъ Величества.	
5) Вагажный вагонъ.	11) Вагонъ Наслѣдника Цесаревича.	
6) Новарескал.		
- А. и Г.—бровка съ лѣвой стороны; Б. и Е.—бровка съ правой стороны; аа—рельсы втораго пути, 66—рельсы перваго пути.
 Расстояние между А. и Г., т. е. линія, на которой произошло крушеніе=50 сажанямъ; расстояние между А. и Б., т. е. ширина колеи=4,60 саж.
 Н—стоячая вода, образовавшаяся отъ осеннихъ разливовъ.

пы человекъ въ 400, совершалось первое въ Россіи благодарственное Господу Богу молебствіе за чудесное избавленіе Государя, Царицы и всей Царской Семьи отъ смертельной опасности. Молебенъ длился около полутора часа. За нимъ слѣдовала панихида по убиеннымъ. Во время панихиды изъ-подъ прикрытыхъ руками глазъ Государя Императора неудержимо текли слезы...

Послѣ богослуженія все молча сѣли за столъ. Рядомъ съ Царскимъ и свитскимъ стоялъ другой, тоже накрытый столъ. Начальникъ станціи, не зная числа прибывшихъ въ поѣздъ, принялъ мѣры, чтобы хватило на всехъ. Государь приказалъ сѣсть всемъ бывшимъ на поѣздъ и желающимъ, безъ чиновъ. Сѣли и обѣдали все, не выключая прислуги и даже нѣкоторыхъ изъ постороннихъ, причѣмъ обѣдъ за обоими столами былъ совершенно одинаковъ.

Библиографія.

М. П. Розенеймъ. Стихотворенія. 2 т. СПб 1889 г. Новое изданіе произведеній покойнаго поэта является неожиданнымъ подаркомъ для его многочисленныхъ поклонниковъ, такъ какъ три предшедшія (первое вышло 30 лѣтъ тому назадъ, въ 1858 году), давно раскуплены и составляютъ рѣдкость. Въ настоящее изданіе вошли все его поэмы и стихотворенія до послѣдняго *Русь-рука*, напечатаннаго не задолго до кончины маститаго поэта и произведшаго такое глубокое впечатлѣніе. Въ типографскомъ отношеніи оба тома изданы весьма изящно и по всему вѣроятію будутъ быстро раскуплены.

О. Н. Чумина (Михайлова). Стихотворенія. СПб. 1889 г. Въ масѣ стихотворныхъ сборниковъ, появившихся за послѣднее время, выдающимся и отраднымъ явленіемъ надо признать появившійся недавно сборникъ оригинальныхъ и переведенныхъ стихотвореній О. Н. Чуминой-Михайловой. Въ то время какъ многіе изъ современныхъ поэтовъ и поэтессъ занимаются лишь унылыми переливами гражданской скорби или безсодержательнымъ изготовленіемъ рифмованныхъ строчекъ, большинство произведеній молодой поэтессы, отличалась безукоризненною формою, исполнены глубоко поэтическаго содержанія. Въ осо-

бенности удачны переводы передающіе въ изящной формѣ и прекраснымъ языкомъ, произведенія Коппе, Гюго и др. французскихъ поэтовъ. Все эти качества новаго сборника позволяютъ намъ рекомендовать его читателямъ *„Нивы“*.

Владиміръ Великій. Поэма Э. И. Стагнеліуса. Переводъ со шведскаго В. И. Головина. СПб. 1888 г.

Въ переводѣ г. Головина это произведеніе шведскаго поэта впервые передано въ полномъ его объемѣ и размѣрѣмъ подлинника (гекзаметромъ). Содержаніемъ поэмы, какъ извѣстно, служитъ крещеніе Руси при Св. Владимірѣ. Что касается причины, заставившей Стагнеліуса избрать сюжетомъ для своей поэмы событіе изъ русской исторіи, то въ объясненіе этого г. Головинъ, въ своемъ предисловіи, заявляетъ, что Стагнеліусъ, преклонившійся предъ всемъ великимъ, описалъ *Владимира* подъ впечатлѣніемъ тогдашняго величія Россіи, побѣдительницы Наполеона и освободительницы Европы, вѣра въ высокое историческое призваніе нашего Отечества. Текстъ поэмы Стагнеліуса поясняется многочисленными примѣчаніями переводчика, помѣщенными въ концѣ книги.

М. В. Крестовская. I. Раннія грозы. Испытанія. II. Вып-

жизни. Уголки театрального мірка. СПб. 1889 г.

Г-жа Крестовская, выступившая впервые года три тому назад, сразу заняла выдающееся мѣсто въ средѣ современныхъ беллетристовъ. Вышедшіе нынѣ два томика представляютъ сборникъ всего напечатаннаго ею до сего времени въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Это блестящія очерки чрезвычайно разнообразныхъ слоевъ общества, которые читаются съ большимъ интересомъ и невольно увлекаютъ изяществомъ коңценціи и изложения.

Сельскій Хозяинъ за 1888 г. Мы получили послѣдній номеръ

весьма полезнаго иллюстрированнаго сельскохозяйственнаго журнала, редактируемаго землевладѣльцемъ *К. И. Маслянниковымъ* съ большимъ знаніемъ дѣла и нуждъ нашей сельской промышленности. Отмѣчаемъ то обстоятельство, что „Сельскій Хозяинъ“ — *первое и единственное частное издание* выдержавшее съ успѣхомъ три года изданія. Привѣтствуя по этому поводу успѣхъ основательно задуманнаго журнала практическаго сельскаго хозяйства, искренно желаемъ ему широкаго распространенія въ нашей земледѣльческой странѣ.

Политическое обозрѣніе.

17 октября — день страшнаго крушенія Императорскаго поѣзда близъ станціи Борки и чудеснаго избавленія Русскаго Царя со всей Августѣйшей Семейей Его отъ грозившей ужасной опасности — сосредоточило на себѣ вниманіе всего просвѣщеннаго міра. Вѣсть о сохраненіи жизни и здоровья державнаго Русскаго Воздѣ со всемъ Его Семействомъ, при такомъ страшномъ несчастіи, какъ молнія облетѣла весь міръ, вызывая повсюду живѣйшую радость. Оговсюду получались въ Россіи искренніи привѣтствія и поздравленія. Иностранные государи и правители, высшіе государственные дѣятели и множество другихъ лицъ, спѣшили выразить радостныя чувства по случаю новаго проявленія великой милости Всевышняго, испосланной Россіи. „Вся Европа, говоритъ *National Zeitung*, соединяется въ сердечныхъ молитвахъ за чудесное спасеніе Государа, котораго признаютъ опорой всеобщаго міра“.

Отмѣчая сердечный характеръ поздравленій, полученныхъ русскимъ Дворомъ и Императорскимъ правительствомъ изъ всехъ странъ цивилизованнаго міра, *Journal de St.-Petersbourg* говоритъ, что главные органы иностранной печати посѣщили со своей стороны обратиться къ Россіи съ прочувствованными поздравленіями, причемъ искренно признали, до какой степени Его Величество Императоръ Александръ III считается повсюду однимъ изъ благонадежнѣйшихъ и самыхъ мощныхъ оплотовъ общаго міра.

За послѣднее время Балканскій полуостровъ являлся ареною различныхъ и разнообразныхъ событій. На югѣ его, въ Греціи, былъ торжественно отпразднованъ 25-лѣтній юбилей благополучнаго царствованія Георга I. Празднества длились нѣсколько дней и завершились 23 октября завтракомъ, даннымъ отъ городского управленія въ Акрополѣ въ честь королевской фамиліи и высшихъ гостей. Вечеромъ состоялась великолѣпная прогулка при факельномъ освѣщеніи и сожженъ былъ блестящій фейерверкъ. *Journal de St.-Petersbourg*, говоря объ этомъ юбилеѣ, указываетъ на высокія качества, которыя часто обнаруживалъ король Георгъ среди весьма трудныхъ обстоятельствъ. „Не разъ случалось, пишетъ въ этой газетѣ, что внутренніи распри усложнились международными затрудненіями, но король Георгъ сумѣлъ преодолѣть тѣ и другія и довести свой народъ до нынѣшняго его сравнительно процвѣтающаго и исполненнаго вѣры въ будущее состояніе. Русскій народъ, крѣпко связанный съ эллинскимъ различными узами, искренно выражаетъ свои сердечныя пожеланія, чтобы Провидѣніе непреж-

нему охраняло греческій народъ и его царствующій домъ и вселяло въ нихъ силу и мудрость, благодаря которымъ судьбы народовъ свершаются въ мирѣ и преуспѣваніи.“

Совсѣмъ другаго рода событія происходятъ въ Сербіи. Печальныя семейныя отношенія между Сербской королевой Наталіей и ея супругомъ разрѣшены самымъ неожиданнымъ образомъ королемъ Миланомъ и бракоразводному ихъ процессу данъ коңецъ, который, однако, рискованно признавать развязкою этого событія, безпримѣрнаго по своеволію и безсердечію короля. 12 октября, въ официальной бѣлградской газетѣ опубликовано письмо Милана къ лже-митрополиту, котораго онъ проситъ сдѣлать постановленіе о разводѣ его съ супругою, какъ „верховнаго пастыря“. Просьба, или скорѣе приказъ своему ставленнику, не остался безъ отвѣта и вслѣдъ за ниспосланіемъ Милана въ той-же газетѣ напечатанъ, за подписью лже-митрополита Теодосія, документъ, въ которомъ заявляется, что бракъ, заключенный 5 октября 1875 года между Сербскимъ королемъ и королевой Наталіей расторгнутъ въ силу архіенисконскаго благословенія.

По словамъ *Франкфуртской газеты*, обвародованіе королевскаго развода произвело въ Бѣлградѣ самое потрясающее впечатлѣніе, такъ какъ королева Наталія пользуется общою любовью народа.

Поступокъ лже-митрополита Теодосія не остался безъ отвѣта со стороны королевы Наталіи. Газетѣ *Independance Roumaine* сообщаютъ, что она, получивъ извѣстіе о разводѣ, телеграфировала ему въ отвѣтъ: „Узнавъ о вашемъ рѣшеніи, утверждаю, что бракъ, заключенный по законамъ нашей святой православной церкви, не можетъ быть расторгнутъ простыми правительственными сообщеніемъ въ официальной газетѣ. Примите къ свѣдѣнію, что я считаю рѣшеніе ваше не дѣйствительнымъ и никакою законной силой не имѣюшимъ“.

Чтобы ослабить или даже заглушить впечатлѣніе, произведенное разводомъ, король Миланъ рѣшился сдѣлать отчаянный шагъ и издалъ манифестъ о пересмотрѣ сербской конституціи. Разсчетъ короля Милана оказался вѣрнымъ и денши принесли извѣстіе, что пересмотръ конституціи встрѣченъ ликованиями. По эти ликованія и факельныя шествія въ Бѣлградѣ, во время которыхъ „крупные торговцы“ благодарили короля за его заботы о народѣ, никого не могутъ обмануть и положеніе дѣлъ въ Сербіи должно быть признано критическимъ.

С М Ъ С Ъ .

Приключенія обезьяны. Въ берлинскомъ Акваріумѣ находится обезьяна такъ-называемой гibraltarской породы. Жизнь этой обезьяны представляетъ нѣкоторое подобіе уголовнаго романа, и приключенія ея являются злой насмѣшкой на англійскіи законами и ихъ примѣненіемъ. Обезьяны этой породы, ростомъ съ 6-ти или 8-миллітнаго ребенка, отличаются значительной силой и встрѣчаются въ настоящее время лишь въ небольшомъ числѣ, въ скалистыхъ мѣстностяхъ Гибралтара. На ряду съ другими свойствами, обезьяна эта обладаетъ замѣчательнѣйшими сторожевыми способностями. При появленіи чего-либо подозрительнаго, стояція на посту обезьяны подымаютъ невообразимый крикъ и визгъ. Англійское правительство рѣшило утилизировать такое свойство животнаго для охраненія крѣпости Гибралтара, и въ пятидесятихъ годахъ издало законъ, налагавшій высокую пеню за истребленіе обезьянъ. Слѣдствіемъ этого закона была чрезвычайная дерзость животныхъ, изъ числа которыхъ описываемыя нами экземпляръ принадлежалъ вмѣстѣ со своей подругой къ наиболѣе смѣлымъ и дерзкимъ; они отваживались даже производить разбойническіе набѣги на человѣческое жилище. Однажды эта милая чета явилась въ одиноко-расположенную горную хищину, обшарила въ отсутствіе хозяевъ весь домъ и нашла груднаго ребенка въ колыбели. Вызвалъ-ли послѣдній чѣмъ-либо неудовольствіе обезьянъ, или онѣ имѣли къ тому какую-либо особую причину, но только онѣ распорядились такъ, что ребенокъ оказался мертвымъ. Возвратившимся родителямъ удалось захватить убійцу, и они представили обезьянъ губернатору, такъ какъ сами по закону не имѣли права умертвить ихъ. Губернаторъ, не рѣшавшійся принять на себя ответственность за нарушение закона, созвалъ военный судъ, который и приговорилъ обезьянъ къ смерти. Но здѣсь англійскія власти снова пришли въ недоумѣніе: какимъ образомъ привести приговоръ въ исполненіе? Въ коңцѣ коңцовъ остановились на ядѣ. Обезьянамъ дали по винной ягодоѣ, заключивъ въ каждую изъ нихъ

сильную дозу стрихнина. Самка съѣла плодъ и черезъ нѣсколько минутъ издохла въ страшныхъ мученіяхъ. Самецъ-же предварительно освидѣтельствовалъ данную ему ягуду, нашелъ ядъ, обнюхавъ его и такъ какъ запахъ ему вѣроятно не понравился, то онъ выбросилъ стрихнинъ, съѣлъ плодъ и разумѣется остался въ живыхъ. Тутъ возникло новое недоумѣніе. Въ англійскомъ законодательствѣ существуетъ особая статья, которая гласитъ, что приговоръ надъ преступникомъ можетъ быть исполненъ не болѣе одного раза. Не оставалось ничего другаго, какъ оставить обезьяну безнаказанною. Одинъ изъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона взялъ ее къ себѣ и подарилъ внослѣдствіи англійской дамѣ, жившей на островѣ Мальтѣ. Здѣсь обезьяна нѣсколько цивилизовалась, ѣла за столомъ вмѣстѣ съ прислугою и вообще вела себя довольно удовлетворительно. Но однажды, въ отсутствіе своей госпожи и всей прислуги, она убила страшное опустошеніе надъ портьерами, коврами и мебелью, вслѣдствіе чего была вновь подарена въ другія руки. Такимъ образомъ она досталась одному семейству жившему въ Гамбургѣ, которое переслало ее берлинскому Акваріуму. Въ настоящее время знаменитая обезьяна живетъ въ одномъ и томъ-же отдѣленіи съ извѣстными наваномъ, которому, ради научныхъ цѣлей, былъ вырѣзанъ можжечекъ, что не мѣшаетъ ему попрежнему весело пользоваться жизнью. (с.)

Въ одномъ изъ засѣданій Императорскаго Географическаго Общества, былъ поднятъ вопросъ, крайне интересный какъ съ научной, такъ и съ практической точки зрѣнія. Рѣчь шла о необходимости заняться изслѣдованіями различныхъ пунктовъ Россіи, которые, какъ было дознано, все болѣе и болѣе возвышаются надъ поверхностью моря. Внослѣдствіи англійскіи доказано, что на сѣверѣ Имперіи, какъ напр. въ Финляндіи и на Соловецкихъ островахъ, уже съ давнихъ поръ берега поднимаются все выше и выше надъ уровнемъ моря, что служитъ явнымъ доказательствомъ прогрессивнаго поднятія почвы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ.

„НИВА“

еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни,
издаваемый А. Ф. МАРКСОМЪ, подъ редакціею В. П. КЛЮШНИКОВА.

ПРИ УЧАСТІИ: Д. В. Аверкіева, Дорошенко, Н. Д. Ахшарумова, К. А. Бороздина, Мансима Бѣлинскаго (І. Ясинскаго), П. В. Быкова, П. И. Вейнберга, В. Величко, кн. М. Н. Волконскаго, гр. А. А. Голенищева-Кутузова, кн. Д. Голицына-Муравлина, И. А. Гончарова, Г. П. Данилевскаго, В. П. Желиховской, Н. Н. Каразина, В. В. Крестовскаго, М. В. Крестовской, А. Н. Майнова, А. Я. Максимова, В. И. Немировича-Данченко, П. Н. Полевого, Я. П. Полонскаго, гр. Е. А. Саліаса, Н. Северина, Н. Станицкаго, А. В. Стернь, Вл. Толля, К. В. Тхоржевскаго, А. Фета, кн. Д. Н. Цертелева, О. Чюминой и мн. др.

Въ художественномъ отдѣлѣ „НИВЫ“ принимаютъ участіе извѣстнѣйшіе русскіе художники:

проф. И. К. Айвазовскій, акад. С. Ф. Александровскій, акад. А. Н. Бенуа, акад. В. А. Бобровъ, проф. К. Б. Венигъ, проф. В. П. Верещагинъ, проф. Г. П. Виллевалде, акад. М. Я. Вилліе, акад. П. Н. Грузинскій, проф. Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій, акад. Ф. С. Журавлевъ, А. Е. Земцовъ, Зиновьевъ, акад. М. А. Зичи, Н. Н. Каразинъ, акад. А. Д. Кившенко, проф. Ю. Ю. Клеверъ, акад. М. П. Клодтъ, проф. П. О. Ковалевскій, акад. А. И. Корзухинъ, проф. Н. А. Кошелевъ, П. П. Куриаръ, К. Я. Крыжидній, проф. Л. Ф. Лагорио, К. Лебедевъ, акад. Н. В. Лемохъ, Лоренць, Лосевъ, акад. И. К. Манаровъ, акад. В. Е. Мановскій, проф. К. Е. Мановскій, проф. А. И. Мещерскій, Н. Оболенскій, проф. В. Д. Орловскій, Х. П. Платоновъ, проф. Л. О. Премацци, проф. А. А. Риццини, Н. С. Самокишъ, проф. Н. Е. Сверчковъ, проф. Г. И. Семирадскій, акад. Ю. О. Томашевичъ-Бонча, акад. К. А. Трутовскій, акад. Ю. И. Феддерсъ, акад. А. А. Харламовъ, Ционглинскій, акад. Ф. П. Чумановъ, Н. Шаховской, проф. А. І. Шарлемань, Юмудскій и друг.

Въ портфель Редакціи приготовлены между прочимъ къ печати слѣдующія новыя произведенія:

Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ.
П. Висковатова—„Головка съ натуры“, рассказъ.
Кн. М. В. (автора романа *Дитя Солнцевыхъ*)—„Мнимая любовь“, романъ въ 2 част.
Графа А. А. Голенищева-Кутузова—„Время“, стих.
Князя Д. Голицына-Муравлина—„Увлечение“. пов.
П. Дорошенко—„Кто же“, современный рассказъ.
В. П. Желиховской—„Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина“, рассказъ.
М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“, романъ.
Н. В. Кукольникъ—„Крѣпостной художникъ“. (По-смертное произведеніе).
Евгенія Львова—„Три могины“, очерки изъ недавняго прошлаго земельной Россіи.

А. Луговаго—„Борь“, поэма.
В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, романъ въ 2-хъ част.
П. Н. Полевого—„Корень зла“, историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.
Графа Е. А. Саліаса—„Барыни-крестьянки“, историческій романъ.
Н. Северина—„Перепутала“, комедія въ 1 дѣйствіи.
Н. Станицкаго—„Дѣдушка“, рассказъ.
А. В. Стернь—„Божье дитя“, рассказъ.
Ф. Ф. Тютчева—„Артемій Саватьевъ“, рассказъ.
А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть.
Кн. Д. Н. Цертелева—„Иранское преданіе“.
О. Чюминой—„Загадка“, комедія въ 1 дѣйствіи.

Далѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе 1889 года „НИВА“ дастъ болѣе 50 портретовъ русскихъ общественныхъ дѣятелей съ біографіями, сотни оригинальныхъ рисунковъ русскихъ художниковъ и цѣлый рядъ копій съ картинъ, выставляемыхъ РУССКИМИ художниками на выставкахъ въ Имп. Академіи Художествъ и на Передвижной выставкѣ, множество видовъ русскихъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей съ описаніемъ, изображенія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся событій современной русской жизни, популярно-научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія съ пояснительными рисунками, равно какъ и обзоръ важнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ явленій въ Россіи и заграничій.

Кромѣ разныхъ **ЭКСТРЕННЫХЪ ПРЕМІЙ**, выдаваемыхъ отъ времени до времени въ теченіе года, при журналѣ „Нива“ выдается особое бесплатное ежемѣсячное приложеніе „ПARIЖСКІЯ МОДЫ“—въ немъ до 500 модныхъ гравюръ въ годъ, до 350 рисунковъ изящныхъ рукодѣльныхъ работъ и множество **РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ**, до 400 чертежей выроекъ въ натуральную величину, множество буквъ, вензелей и т. п. для мѣтки—словомъ полный модный журналъ.

Какъ главную премію на 1889 г. гг. годовые подписчики имѣютъ бесплатно получить большую олеографическую картину печатанную маслян. красками, съ оригинала проф. Имп. Акад. Худ. В. Д. ОРЛОВСКАГО:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

точно такого же формата какъ и премія 1888 года, т. е. 14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины.

Громадный успѣхъ нашей преміи за 1888 годъ „Зимній пейзажъ“ проф. Ю. Ю. Клевера, дастъ намъ надежду, что премія „Нивы“ на 1889 годъ „Лѣтній вечеръ въ Малороссіи“ проф. В. Д. Орловскаго превзойдетъ ожиданія гг. подписчиковъ, такъ какъ эта картина изображаетъ южно-русскую природу во всей роскоши ея лѣта. Это мирный хуторокъ съ его поэтическими бѣлыми хатками въ зелени вишневыхъ садовъ, освѣщенный навѣсами роши и залитый золотомъ послѣполуденнаго солнца по всей ширинѣ облегающей его стени.

Мы выставяемъ въ непродолжительномъ времени картину въ книжныхъ магазинахъ и бібліотекахъ всѣхъ большихъ городовъ Россіи, гдѣ желающіе и могутъ глагольно убѣдиться въ ея высокихъ достоинствахъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	5 Р.	Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковой, Петровскій линіи	6 Р.	Съ пересылкою въ Москвѣ и въ друг. городахъ и мѣст. Имперіи	7 Р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	6 Р. 50 к.			За границу	9 Р.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просятъ адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 6. Редакція и издатель „НИВЫ“.

Песчанья отмели, прежде совершенно покрыты водою, теперь заметно выдаются из нея и постепенно превращаются в дюны. Некоторые города, стоявшие прежде на самом берегу моря, теперь, благодаря поднятию почвы, находятся на некоторомъ отъ него расстоянии. Прибрежные жители Финляндии привыкаютъ смотреть на дюны, какъ на будущіе дуга и пастбища. Этотъ таинственный, непрерывный процессъ, совершающійся въ огромныхъ размѣрахъ, требуетъ внимательнаго изученія. Географическое Общество, постоянно озабоченное изысканіемъ наилучшихъ способовъ для изслѣдованія этого явленія, выработало рядъ мѣръ, которыя будутъ приведены въ исполненіе въ Финляндіи, такъ какъ мѣстныя власти изъявили согласіе устроить постоянныя водонѣмательныя сооруженія для систематическихъ наблюдений, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ береговыхъ пунктахъ и вблизи городовъ. На южномъ берегу еще

дѣла прежнія сооруженія подобнаго рода. На нихъ значатся цифры тѣхъ годовъ, въ которые производились наблюденія. 15 лѣтъ тому назадъ въ Финляндіи были предприняты работы такого рода, старательно производившіяся въ теченіе 4 лѣтнихъ мѣсяцевъ. На Соловецкихъ островахъ также некогда существовали приспособленія для измѣренія воды. Существуютъ ли они и по сіе время и производятся ли наблюденія,—будетъ приведено въ извѣстности тѣми лицами, которыя отираются туда. Специально для Финляндіи, было бы крайне полезно, сдѣлать сравненія старой карты съ болѣе новыми. Эту работу взялъ на себя г. Банхдорффъ, какъ специалистъ въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ того, А. А. Тило, членъ Географическаго Общества, изъявилъ готовность посвятить себя этому труду, а баронъ Майдель, руководящій изслѣдованіями Бѣлаго моря, обѣщаль всевозможное содѣйствіе. (с.)

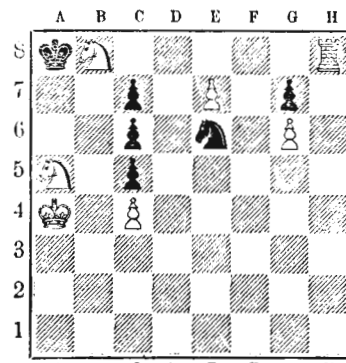
Алгебраическая задача № 72.

Одна русская пословица состоитъ изъ 17 буквъ; если эти буквы замѣнить числами согласно алфавиту русской азбуки, то получимъ слѣдующія между ними соотношенія:

- 1) Половина первого относится къ суммѣ шестаго и четвертаго, какъ половина одинадцатаго къ суммѣ десятаго и четырнадцатаго числа.
- 2) Произведеніе средняго само на себя равно послѣднему числу.
- 3) Последнее равно кубу тринадцатаго числа.
- 4) Первое относится къ одинадцатаму, какъ двѣ трети пятнадцатаго къ учетверенному шестнадцатому.
- 5) Квадратный корень изъ суммы восьмаго и десятаго равенъ шестнадцатому числу.
- 6) Кубичный корень изъ шестаго числа равенъ четвертому числу.
- 7) Сумма третьяго и втораго равна суммѣ седьмаго и двѣнадцатаго числа.
- 8) Третье равно кубу половины пятаго числа.
- 9) Первое относится къ четвертому, какъ одинадцатое къ четырнадцатому числу.
- 10) Разность пятнадцатаго и семнадцатаго равна суммѣ третьяго и четырнадцатаго числа.
- 11) Сумма седьмаго и десятаго равна суммѣ пятнадцатаго и шестнадцатаго числа.
- 12) Второе относится къ двѣнадцатому, какъ сумма шестаго и шестнадцатаго къ разности пятнадцатаго и восьмаго числа.
- 13) Разность четырнадцатаго и тринадцатаго равна девтому.
- 14) Пятое относится къ разности шестаго и четвертаго, какъ разность десятаго и четырнадцатаго къ суммѣ шестнадцатаго и семнадцатаго числа.
- 15) Разность одинадцатаго и десятаго равна разности перваго и шестаго числа.
- 16) Семнадцатое относится къ тринадцатому, какъ девтое къ разности пятаго и шестнадцатаго.
- 17) Сумма первыхъ двухъ равна суммѣ одинадцатаго и двѣнадцатаго числа.

Шахматная задача № 73.

Черные.

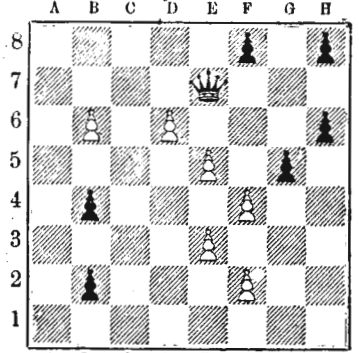
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 74.

к. о. ц.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. многогородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній почтовый адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. малогородскіе подписчики благоволятъ представлять подписныя білеты.

СОДЕРЖАНІЕ: М. П. Лазаревъ (съ портр.). — Бригадирская внучка, Московская быль. Графа Е. А. Саласа. Часть 1. (Продолженіе). — Женщины-Други. Стих. П. Вейнберга. — Вѣчу не быть. Старинная повесть Д. В. Аверниева. Часть III (Продолженіе). — Виноградный грибокъ (съ 3 рис.). — Къ рисункамъ: Этюды (съ рис.). — Гиневера (съ рис.). — Общій видъ Оружейной Палаты и одна изъ ея залъ (съ 2 рис.). — Древнерусскій конскій уборъ (съ рис.). — Мѣсто катастрофы 17 октября близъ ст. Борни на Курско-Харьново-Азовской ж. д. (съ рис.). — Кормленіе змѣй въ зоологическомъ музеѣ (съ рис.). — Е. И. Богдановскій (съ портр.). — Подробности ирешенія 17 октября. — Библиографія. — Политическое обозрѣніе. — Сѣбѣ. — О подпискѣ на „Ниву“ 1889 г. — Задачи. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія. — При семь № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за НОЯБРЬ 1888 г., съ 32 гравюрами и отд. листъ съ 28 чертж. выкроенъ въ натур. величину и 24 рис. ридельныхъ габотъ.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1888 года,
 большой олеографической картины, печатанной масляными красками съ оригинала проф. Ю. Ю. КЛЕВЕРА:
„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“
 (подробности см. въ предъидущ. №№.)

ЗА 1 Р. 25 К.
 вставляетъ новые груди, воротники, манжеты изъ хорошаго голландск. полотна
ГОЛЛАНДСК. ФАБР. БѢЛЪЗ
 СПб., по Вознесенск. пр., на уг. Офицерской, № 11—1, въ бель-этажѣ.
 = Гг. многогородныхъ заказы выславляю по почтѣ съ наложеннымъ платежемъ. = № 3474

МУЗЫКАЛЬНО-ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.
 Томъ I. Н. № 3475
Соч. ЛА-МАРА,
 пер. А. Желябужской.
 Цѣна 2 руб.
 Готовится къ печати томъ II „Классика“. Складъ у П. ЮРГЕНСОНА въ Москвѣ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. соловьева. Ром.-хрон. XVII в., въ 8-ти ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 руб. 75 коп., съ перепл. 3 руб. 25 коп.

Въ книжн. магаз. Петербурга: у Попова, Панафидина, Вольфа, Суворина, Фену и др. кн.
 Новое вышедшая книга — юмористическій романъ
**НЕ ХОЧУ УЧИТЬСЯ,
 ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ.**

Положеніи живописца, картины въ лицахъ Мазилкина, Тралкина, Пачкунова, Баклуша-Бой, Баталкина, княжна Батистова и Мама, съ 100 рисунками Буша, текстъ Палкина. Цѣна 1 руб. **Содержаніе книги:** Пизанция искусства. — Признаніе. — Забавы отрочества. — Признаки творчества и любви. — Финансовыя затрудненія. — Юй и побѣда. — Романтическая княжна. — Зарожденіе картины. — Маскарадъ. — Заключеніе.
 Рисунки Буша до того смѣшны, что довольно возбуждаютъ въ каждомъ неудержимый смѣхъ. Складъ и продажа: у Ю. Кондѣвъ, Москва, М. Бронная, д. Румянцова. Выписывая изъ склада, за пересилку не платятъ. П. № 3430 3—2

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА
 * à l'Etoile du Nord *
ЛУИ БУИСЪ и К°.
 М. № 3254 Москва, 6—5
 Кузнечій мостъ, д. Соколовникова.

АДРЕСА всѣхъ спеціальныхъ альбомовъ и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl. - Anstalt (С. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ на 35 коп. почт. марками франко. № 3435 5—3

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ
 НОВѢЙШАГО ОБРАЗЦА
 отъ 8 р., 4 р., 4 р. 50 к., 5 р. и т. д. до 150 р. за штуку
 въ оптическомъ и хирургическомъ магазинѣ
М. РАЗУМОВЪ и А. ШИЛЛЕРЪ
 Москва, Рождественка, л. Фисановой.

ЛИБИХА КОМПАНИ
МЯСНОЙ ЭКСТРАКТЪ
 Лишь тѣ банки снабженныя подписью
Настоящія СІНЯГО ЦВѢТА

ШОКОЛАДЪ
А. И. АВРИКОВА СЫНОВИ
 въ МОСКВѢ.
 продается во всѣхъ городахъ **РОССІИ**

НОВЫЙ ВОЛШОЙ АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНИЯ,
 состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПб.
 Цѣна въ изящной литограф. обертвѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.
 Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Давъ сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена крайне умѣренной: 1 р. 25 коп., а съ пересылкою 1 руб. 60 коп.
 Требования просать адресовать: въ С.-Пб.—гѣ, въ контору журнала „Нива“ (Новскій, 6).

ЦѢНА ТОЛЬКО 10 р. с.

ПЕРЕНОСНЫЙ ТЕЛЕГРАФНЫЙ ЗВОНОКЪ.
 Электрическ. батарея, въ полномъ составѣ и по новейшей конструкціи, помѣщена въ ящикѣ, къ которому приделана весьма рационально и вѣрно-дѣйств. система звонковъ. Электр. проволока сообщ. съ батареею, и можетъ быть проведена — безъ вреда для стѣнъ — чер. комнаты и коридоры, пройдя по угламъ или дверямъ изъ одного помѣщенія въ другое; а пуговка, придел. къ концу проволоки, прикрѣпляется на железн. мѣстѣ. Такимъ образомъ, ховаясь въ сост. устроить въ нѣскольکو минутъ домашнее телеграф. сообщеніе. Болѣе точныя свѣдѣнія безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ
 у Казанск. м., д. № 30—16, входъ съ Егип. № 3378 кан., въ С.-Петербургѣ.

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ“
 предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіи недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адрес. единств.: въ г. Хвалынскъ И. Комисарову.

КРАСОЧНЫЙ ТОЛЕВЫЙ ЗАВОДЪ.
СИИ и ЛОУКЪ
 Премиеръ В. П. Франке.
 12—10 Москва. М. № 3003
 Контора: Маросѣвка, д. Кайсарова.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.
СКРИПКИ.
 Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и падежу отъ 6—80 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1/2—50 мар. Фугляры 3/4—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—60 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Патентованная вѣмая скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендациі отъ Вильгельма, Саразате, Сорэ, Зингеръ и проч. Подвѣрная гарантія. Пребъ-курпаты бесплатно.
Бр. ВОЛЬФЪ.
 Фабрика струнныхъ инструментовъ. Р. № 3468 Крейцнахъ. 9—2

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 Невскій, 57, собств. домъ, Покупаетъ всѣ % бумаги. Ссуды подъ всѣ % бумаги. Страхуваніе вышранныхъ вабиловъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3303
 Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства **АГЕНТЫ.**
 Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

на научно-практическій журналъ виноградарства и винодѣлія **„РУССКІЙ ВИНОДѢЛЬ“** (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ 1889 г. „Русскій Винодѣль“ будетъ издаваться по прежней программѣ ежемѣсячно, книжками отъ 5—8 печат. листовъ. Въ 1889 г. въ „Русскомъ Винодѣлѣ“ будутъ, между прочимъ, помѣщаться статьи по коньячному производству и по приготовленію шипучихъ винъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ ГОДЪ ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Кирочная, 28. М. № 3471 2—1
 Редакторъ-издатель Александръ Альмедингенъ.

ВСЕМИРНЫЙ ЯЗЫКЪ ЭСПЕРАНТО.

Съ самыхъ древнихъ временъ общечеловѣческій языкъ принадлежитъ къ любимѣйшимъ мечтамъ челоѣчества. Какое громадное значеніе имѣло бы для челоѣчества установленіе одного общаго, международнаго языка, — объ этомъ намъ нечего распространяться. Кто хотъ разъ задумался надъ этимъ вопросомъ, тотъ, безъ сомнѣнія, согласится, что никакая жертва не должна была бы насъ устроить, если бы могли ея добыть себѣ всемірній языкъ, и что содѣйствовать по мѣрѣ возможности осуществленію этой традиціонной мечты челоѣчества — составляетъ долгъ каждаго челоѣка.
 Международнй языкъ (Lingvo Internacia), предложенный д-мъ Эсперанто, былъ опубликованъ въ концѣ 1887 года и въ короткое время приобрѣлъ себѣ много друзей, число которыхъ возрастаетъ съ каждымъ часомъ. Языкъ этотъ чрезвычайно звученъ, необыкновенно легокъ и даетъ возможность объясниться съ членомъ какой угодно націи. По поводу эсперантскаго языка предположено:
ВСЕМИРНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ,
 въ которомъ принять участіе можетъ всякій. Чѣмъ болѣе лицъ приметъ участіе въ голосованіи, тѣмъ скорѣе будетъ рѣшенъ вопросъ, тѣмъ скорѣе осуществится традиціонная священная мечта челоѣчества. Подробности объ этомъ голосованіи изложены въ сочиненіи: „Д-ръ Эсперанто. Международнй языкъ. Предисловіе и полный учебникъ“, — которое можно получить за 15 коп. Въ виду необыкновенной важности и высокаго интереса дѣла, надѣемся, что каждый изъ читателей этой газеты повзаконится съ упомянутою книжкою и передастъ содержаніе ея всѣмъ своимъ друзьямъ и знакомымъ.
 До сего дня вышли слѣдующія сочиненія по международному эсперантскому языку.

1. Международнй языкъ д-ра Эсперанто. Предисловіе и полный учебникъ. Цѣна 15 коп., съ пересылкою 25 коп.
  2. Dua Libro de lingvo internacia (Вторая книга международнаго языка). Цѣна 25 коп., съ пересылкою 35 коп.
  3. Aldono al la Dua Libro (Прибавленіе ко второй книгѣ). Цѣна 10 коп., съ пересылкою 15 коп.
- Первая книжка вышла на различныхъ языкахъ: цѣна ея на русскомъ языкѣ 15 коп., а на остальныхъ языкахъ — по 20 коп., съ пересылкою 30 коп. Вторая и третья книжки изданы на языкѣ международномъ и содержатъ въ себѣ упражненія и бесѣды съ друзьями международнаго языка.
 Вышеупомянутыя сочиненія можно получать въ книжныхъ магазинахъ; каждый отдѣльный экземпляръ можно также вынестись непосредственно отъ издателя (адресъ: Варшава, д-ру Л. Заменгофъ, улица Пржевальскаго, № 9), причѣмъ мѣлкія суммы (меньше рубля) можно прислать почтовыми марками. Выписывающіе не мѣебѣ чѣмъ на одинъ рубль за пересылку не платятъ. № 3470

ОДОРАМИНЪ ТУАЛЕТНЫЙ

пастильки замѣняющія туалетную воду, одну пастильку на чашку воды.
 Опѣ служатъ для освѣженія кожи и придаютъ пріятный запахъ; коробка, содержащая 24 пастильки, стоитъ 1 руб.

М. № 3425 4—2 **Брокеръ и К°.**

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

И. И. КАРАЗИНА.
 Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаете въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

ЛЕНИНГЕТЪ и ГЛОЗНЕТЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405
ЗАЯВЛЕНІЕ
 выдѣляется въ заводнн **РОБЕРТА ЭРНСТА** въ Берлинѣ, W. Potsdamerstrasse, 37. Классы вудутъ также по-русски; проспектъ высылается Р. № 3399 бесплатно. 26—6

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

для гвернантокъ рекомендуетъ паставищи и гвернантокъ русскихъ, французскихъ, немецкихъ и английскихъ. За справками просать обращаться отъ 1 часа до 4-хъ часовъ пополудни, въ Торговую, домъ 15, кв. 58. № 3197 15—10 Комитетъ.

ФАБРИКА КАУЧУКЪ. ШТЕМПЕЛЕЙ ГРАВЕРНАЯ МАСТЕРСКАЯ И ПЕРЕДВ. БУКВЫ

Ж. ШАНСОНЪ Наслѣдникъ подъ управл. Феликса Львовича ЖАКЕ Москва, Столешниковъ пер. д. № 8 Леро-нарандашъ Цѣна 5 предмѣт. 1 р. штемпель. } съ пересыл. 1 р. 20 к. } Пожел съ нал. плат.
 За 7-ми коп. марку высыл. Каталогъ. Каталогъ—Руководство для перепродавцевъ въ 70 страницъ высыл. за 70 к. маркамъ Москва, Столешникъ пер. д. Соболева № 8.

Францъ-Юсифъ

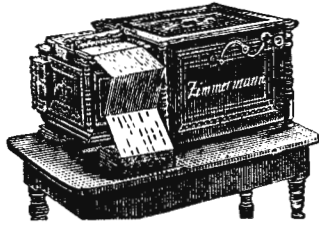
Натуральная минеральная слабительная вода источника **Францъ-Юсифъ** въ Будапештѣ; по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она дѣйствуетъ вѣрно, легко, аннуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій. Рекомендуются какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается вездѣ. Ц. № 3401 6—3
 Для нормальнаго пріема достаточна половина обыкновеннаго стакана.
 Дирекція въ Будапештѣ.

НОВЫЙ АДРЕСЪ МОДНОЙ МАСТЕРСКОЙ ДЖЮТТЕРЪ.
 ВЪ МОСКВѢ ГАЗЕТНЫЙ ПЕР. ФУЛЬДА.
ROBESEU MANTEAUX
 М. № 3304

CRÈME-SIMON (КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.
LA POUDE SIMON И МЫЛО à la CRÈME-SIMON
 имѣютъ тотъ же запахъ.
J. Simon, 36, rue de 36, Paris.
 Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 10—2
 Библиотека „Руниверс“

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ.

Большой изящный салонный органъ, въ которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ дѣльныя увертюры, большія понурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойное гоголо и приспособленъ для игры forte и piano. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Ц. съ 10-ю пьесами 80 руб. Добавочныя пьесы смотря по дѣлѣ по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка на счетъ покупателя. Списки пьесъ и иллюстрир. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—бесплатно. № 3463

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

АХРОМАТИЧ. УНИВЕРС. БИНОКЛЬ.

Карм. форм. въ замшев. кошел. . . 8 р. 50
съ пересылкою. . . . . 9 р. —
Больш. форм. въ шагр. футл. съ ремн. 9 р. 50
съ пересылкою. . . . . 10 р. 50
„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптичск. качества, одинаково годенъ для военныхъ, охоты, поля и театра, а потому вполне заслуживаетъ названія „универсальный бинокль“. Театральн. бинокли въ разн. оправ. отъ 5 р.

Е. КРАУСЪ и К^о.
СПЕЦІАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.
Парижъ, Авен. д. 1. Républic. 4.
2-2 СЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 49.

Пальстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высыл. бесплатно. Р. № 3460

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА
МАТТОНИ
ГИСГЮБЛЕРЪ
чистый
щелочнокислый источникъ
освѣжительный и здоровый
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
можно вездѣ получить.
600000 (миллион) бутылокъ годового вывоза.

На 1889 (IV-й) г.

съ 1-го ноября
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на дешевый ежегодный иллюстрированный журналъ.

„СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИНЪ“

К. МАСЛЯНИКОВА.

Много рисунковъ, практические бесплатн. отвѣты на вопросы, съ рисун. Прилагаются бесплатно: сѣмена, архитект. проекты красками. Бесплатно при подпискѣ: Альбомъ скота, лошадей, собакъ. Программа высылается бесплатно. На годъ 6 р.

ЭЛЕВАТОРЫ,

ихъ конструкц. и значеніе для Россіи
К. Масляникова. 12 рис. Съ перес. 40 к.
Главнѣйшія причины сельско-хозяйственн. кризиса и мѣры къ его преемр. Съ пер. 15 к.
Сиб. Надѣждиска, № 39.

Только - что отпечатано и поступило въ продажу
НОВОЕ, ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ. съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученого Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскошныхъ коленкорѣ, переплетахъ съ золотыми тисненіями—8 руб., съ пересылкою 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 р., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просить обращаться въ СПетербургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

СТРАХОВАНІЕ

ОТЪ

НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ

ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

№ 3389 2—2

Общество заключаетъ:

1) Страхованіе отдѣльныхъ лицъ отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти съ застрахованнымъ лицомъ во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ, при катаніи верхомъ; при несчастьяхъ въ домахъ, фабрикахъ, театрахъ, храмахъ, на охотѣ, на водѣ, на льду; при исполненіи служебныхъ обязанностей; вообще вездѣ—дома и внѣ дома,—съ условіемъ возврата всѣхъ внесенныхъ премій или безъ такового.

2) Коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, постройкахъ и т. п. отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться при исполненіи этими лицами служебныхъ обязанностей.

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Подробныя брошюры о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, по требованію, выдаются и высылаются бесплатно Главною Конторою въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и агентами Общества въ городахъ Имперіи.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона. — пров. Кинуненъ. (11) № 2946

ПИСАЮЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Имѣетъ въ три раза бистрѣ пера. Прочной и простой конструкціи. Катал. безпл.

Многочисленные отзывы отъ жандѣмар., присутств. м., адвокатовъ и пр.
Ж. БЛОКЪ, Москва, Кузнецкій м., д. Сиб., Б. Морская, 21. Р. № 3373

4711
О-ДЕ-КОЛОНЪ.

самого высшаго качества, можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговыхъ аптекарскихъ товарами.

ГЛАВНОЕ ДѢНО у
АЛЕКС. ТИШЪ и К^о.
Р. № 3383 Пушкинская, 4. 5—3

ДОМАШНІЙ ИЛЛУСТРИРОВАННЫЙ
КАЛЕНДАРЬ 1889 Г.

Съ 43 рис. 96 стр. Ц. 20 к.

Складъ у книгопродавца Губинскаго въ С.-Петербургѣ. № 3446 5—3

КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ
ЧЕШСКО - СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА
В. Ф. ЧЕРВЕНЬИЙ и Сыновья
въ Кіевѣ, Рейтарская, 41.

Рекомендуютъ свой заводъ за доставку музыч. инструментовъ духовыхъ, струнныхъ, ударныхъ и клавишныхъ, которые превосходятъ нѣмецкихъ, английскихъ и французскихъ по чистотѣ строя, отличаются эlegantной и прочной отдѣлкой.

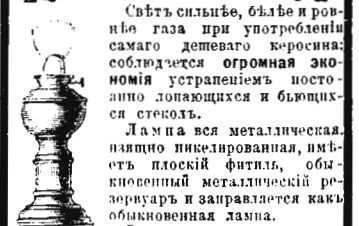
Т. п. адресовать: въ Кіевѣ, В. Ф. Червеному и С. № 3461 4—2

НОВОСТІ!

Американскія металлическія лампы

ГИЧКОКЪ

безъ стекла.

Свѣтъ сильнѣе, блѣже и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается огромная экономія устрaненіемъ ностально допaющихъ и бьющихся стеклокъ.
Лампа въ металлической, изящно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обмотанный металлической проволокой и заправляется какъ обыкновенная лампа.

Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1/2 копѣйки въ часъ.
Полное ручательство за доброкачество.
Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію:
Столовая . . . . . 12 руб.
Висельная . . . . . 15 руб.
Сѣнная . . . . . 15 руб.

Съ колпачкомъ и колпачкомъ на 3 р. дороже.
Цѣны въ Азіатскую Россію на 4 р. дороже.
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372
Ж. БЛОКЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбургъ, Соборная улица.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ Рождественскій прейсъ-курантъ отъ А. М. Рузанова въ Сиб.

Дозвол. цензур., Сиб., 2 ноября 1888 г.

Изданіе А. Ф. Маркса, Сиб., Невскій, 6.

Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.
Библиотека „Руниверс“

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIX г.
№ 46

г. XIX
1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Издавъ 12 ноября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарейль (3/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ . . . . . 5 р.
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ . . . . . 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Подписка на 1888 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. №№ съ преміями.

И. П. Котляревскій.

Когда изученіе народнаго быта проникло въ русскую литературу, нѣкоторые писатели стали заниматься изученіемъ и изображеніемъ жизни также и малорусскаго простолюдина. При этомъ они находили болѣе удобнымъ изображать своеобразную малороссійскую жизнь не литературнымъ языкомъ, а мѣстнымъ говоромъ, обратясь непосредственно къ простонародной рѣчи малоросса, которую, мало-по-малу, и ввели въ литературу. Таково происхождение такъ-называемой „малорусской литературы“, основателемъ коей нѣкоторые совершенно неправильно считаютъ Котляревскаго, со дня смерти котораго въ октябрѣ 1888 года исполнилось 50 лѣтъ. Этотъ якобы родоначальникъ новой украинской словесности конечно не думалъ создавать особой малорусской „литературы“, которая есть такая же бессмыслица, какъ литература бѣлорусская, володимерская, сибирская и вообще всюду, гдѣ мѣстный говоръ отличается отъ велико-

И. П. Котляревскій (по поводу 50-й годовщины смерти).
Съ совр. портр. грав. Ю. Шюблеръ.

русскаго. Котляревскій просто первый изъ писателей заговорилъ на малороссійскомъ нарѣчьи и первый правдиво изобразилъ малороссійскій бытъ необыкновенно живыми и яркими красками. Въ началѣ нынѣшняго вѣка господствовало мнѣніе, что мужикъ обязательно долженъ смѣшнить своей рѣчью, — вотъ почему, отдавая дань подобному взгляду, Котляревскій и дебютировалъ въ литературѣ своей „Энеидой“, которую написалъ по образцу „перелицованной“ Энеиды Осипова и Котельницкаго. „Энеида“ Котляревскаго — произведеніе единственное въ своемъ родѣ. Въ немъ боги и герои классическаго міра дѣйствуютъ въ кругу жизни малорусскаго простонародья, въ обстановкѣ его быта, и самъ авторъ является здѣсь въ образѣ простаго хохла, ведущаго повѣствованіе о событіяхъ изъ античной жизни. Пародія Котляревскаго, помимо своего интереса, какъ веселой, блестящей шутки, имѣетъ еще не малое значеніе, какъ вѣрная картина украинскаго быта, какъ изобра-

женіе пороковъ и смѣшныхъ сторонъ малоросса. „Эта пародія — говорить Костомаровъ — возымѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ можно было ожидать отъ такого рода литературныхъ произведеній. На счастье Котляревскому, въ малорусской натурѣ слишкомъ много особеннаго, ей только свойственнаго юмора, и его-то вывелъ Котляревскій на свѣтъ, желая позабавить публику; но этотъ народный своеобразный юморъ оказался, независимо отъ пародіи, слишкомъ свѣжимъ и освѣжающимъ элементомъ на литературномъ полѣ. Самъ авторъ былъ человекъ въ высокой степени талантливый. Не смотря на то, что онъ для своего произведенія избралъ почти несвойственный малорусской поэтической рѣчи четырехстопный ямбъ, каковы въ обилии писали тогда русскіе поэты, „Энеида“ имѣла громадный успѣхъ и Котляревскій открылъ собою цѣлый рядъ многихъ талантливыхъ писателей“. „Энеида“ выдержала нѣсколько изданій, но еще ранѣе появленія своего въ печати, она ходила по рукамъ въ многочисленныхъ спискахъ, и ею положительно зачитывалась не только образованная публика, но и грамотные простолюдины; многіе стихи этой поэтической поэмы заучивались наизусть и обращались въ поговорки. Не одна только „Энеида“ создала популярность Котляревскому. Слава его зиждется также на драматическихъ произведеніяхъ его, „Наталкѣ-Полтавкѣ“ и „Москаль-Чаривникѣ“. Въ этихъ произведеніяхъ даровитый поэтъ пошелъ далѣе своего перваго произведенія, и не желаетъ только развеселить публику, но пытается изобразить положительныя стороны малорусской жизни, идеалы украинскаго простолюдина, болѣе или менѣе поэтизируя бытъ его. „Объ эти пьесы — по словамъ Костомарова — долго игрались на сценѣ въ Малороссіи, а „Москаль-Чаривникъ“ — въ столицахъ, гдѣ послѣдняя и до сихъ поръ остается единственнымъ малорусскимъ драматическимъ произведеніемъ, не сходящимъ со сцены. И правду сказать: эта небольшая пьеса, сюжетъ которой заимствованъ изъ народной сказки, не встрѣтила у насъ до сихъ поръ еще ничего такого, что бы стало выше ея по достоинству, въ качествѣ простонародной комедіи. „Наталка“ очень любима въ Малороссіи; пѣсни изъ нея распространились до того, что сдѣлались почти народными“. И въ самомъ дѣлѣ, едва ли найдется теперь такой человекъ въ Малороссіи, которому бы не были известны пѣсни изъ „Наталки-Полтавки“ — „Віють витры“ и „У сусида хата біла“, полныя грусти и искренняго, неподдѣльнаго чувства. Въ той и другой пьесѣ Котляревскій обнаружилъ большое знаніе народной жизни и умѣлъ чрезвычайно удачно воспользоваться этимъ знаніемъ: черты украинскихъ нравовъ схвачены имъ прекрасно. Правда, комедіи его довольно сантиментальны, но нельзя же ему ставить въ вину того, что въ нихъ отразилось тогдашнее направленіе; сантиментальность была тогда въ духѣ времени. Кромѣ трехъ названныхъ произведеній, Котляревскій не создалъ болѣе ничего капитальнаго. Онъ собиралъ малорусскія пѣсни, пословицы; изъ послѣднихъ болѣе ста вошли въ книгу Снегирева; написалъ также „Замѣтки о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ“, „Оду малороссійскому губернатору князю Куракину“, составилъ, по порученію барона Мейендорфа, „Журналъ военныхъ дѣйствій 2 корпуса, 1806 года“ и перевелъ, съ французскаго, по желанію княгини В. А. Репниной, „Размышленія о расположеніи, съ каковымъ должно приступать къ чтенію и размышленію о св. Евангеліи Луки“. Котляревскій имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе, и его сочиненія, въ свое время, сильно вліяли на всѣхъ, кто понималъ малорусское нарѣчіе. Онъ былъ, по замѣчанію Кулиша, единственный писатель, воспроизводившій всѣми забытую жизнь украинскаго простонародья.

Иванъ Петровичъ Котляревскій родился въ Полтавѣ, 29

августа 1769 года. Его предки по мужской и по женской линіи были природные малороссы; дѣдъ его былъ діакономъ Успенской соборной церкви въ Полтавѣ, а отецъ служилъ въ магистратѣ этого города. Котляревскій выросъ въ очень недостаточной семьѣ и рано узналъ пудж; зачастую ѣлъ онъ вырогодъ, питаясь однимъ хлѣбомъ, и не имѣлъ обуви. Это не мѣшало ему нѣсколько засиживаться надъ книгой и любить заниматься тою пехитрою наукой, какую ему преподавалъ первоначально дьячекъ ихъ приходской церкви. Когда Котляревскому минуло тринадцать лѣтъ, его отдали въ Полтавскую семинарію, гдѣ онъ скоро подружился съ Николаемъ Ивановичемъ Гидичемъ, извѣстнымъ переводчикомъ „Иліады“, съ которымъ велъ иногда переписку и вносилъ дѣйствіи. Еще бурсакомъ Котляревскій началъ слагать вирши, и дѣлалъ это съ такой легкостью, что товарищи прозвали его „риемачемъ“; онъ отличался также остроуміемъ, имѣлъ даръ разсказчика и пользовался большимъ расположеніемъ въ семинаріи, за свой добродушный, веселый нравъ, будучи всегда душою товарищескаго кружка. Чтò касается его успѣховъ въ наукахъ, то онъ въ особенности усилъ въ языкахъ, изучивъ прекрасно языки латинскій и французскій, а позднѣе и польскій. По выходѣ Котляревскаго изъ семинаріи, ему предлагали вступить въ духовное званіе, но онъ предпочелъ свѣтское поприще и, въ ожиданіи мѣста, сдѣлался домашнимъ учителемъ, живя на кондичіяхъ въ помѣщичьихъ домахъ. Въ это время, страстно любя мѣстное нарѣчіе, интересуясь нравами и обычаями Украины, онъ дѣлательно собиралъ этнографическія свѣдѣнія и для этого часто переодѣвался въ крестьянское платье, старался сблизиться съ простонародьемъ. Затѣмъ Котляревскому удалось попасть въ штатъ бывшей Новороссійской канцеляріи, гдѣ онъ прослужилъ довольно долго и оставилъ службу съ чиномъ губернскаго регистратора. Вскорѣ затѣмъ онъ сталъ подвизаться на поприщѣ военномъ, сдѣлавъ всю кампанію 1806—1807 гг., при чемъ онъ былъ отправленъ посломъ къ бужакскимъ татарамъ, съ тѣмъ, чтобы склонить ихъ къ союзу съ Россіей. Подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ, Котляревскій исполнилъ возложенное на него порученіе блистательно. Выйдя, въ 1808 году въ отставку, съ чиномъ капитана и съ мундиромъ, онъ два бѣдствовалъ, напрасно ища мѣста, хлопоча у сильныхъ міра; часто ложился онъ голодный, въ темнотѣ осенней ночи, ибо ему не на что было купить и свѣчу. Наконецъ, въ 1810 году, онъ былъ опредѣленъ на должность надзирателя Полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей. Здѣсь онъ прослужилъ семнадцать лѣтъ и сдѣлалъ многія нововведенія, за чтò и былъ награжденъ, еще въ 1817 году, чиномъ майора, бриллиантовымъ перстнемъ и пенсіей по самую смерть. Малороссійскій генералъ-губернаторъ Лобановъ-Ростовскій, любя изищныя искусства, содѣйствовалъ къ устройству любительскаго театра въ Полтавѣ, и директоромъ этого театра выбралъ Котляревскаго, который нѣрѣдко появлялся на сценѣ въ комедіяхъ и операхъ и въ 1819 году поставилъ здѣсь свою „Наталку-Полтавку“, при содѣйствіи бывшаго военнаго губернатора края князя Репнина. Затѣмъ на сценѣ данъ былъ „Москаль-Чаривникъ“; обѣ пьесы принимались съ восторгомъ, но напечатаны были лишь въ 1837 и 1841 гг. Въ августѣ 1827 г. Котляревскій былъ назначенъ попечителемъ Полтавскаго богоугоднаго заведенія; прослуживъ лѣтъ восемь, онъ уволился по болѣзни и скончался 29 октября 1838 года. Незадолго до кончины онъ отпустилъ на волю своихъ людей, а имущество роздалъ роднымъ и пріятелямъ. Въ 1822 году Котляревскаго избрали въ члены Общества любителей россійской словесности. Могила Котляревскаго находится на городскомъ кладбищѣ по Кобелянской дорогѣ, рядомъ съ могилою его школьнаго друга Н. И. Гидича.

П. Б.—овъ.

Бригадирская внучка.

Московская быль.

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXI.

Клѣнина няня ходила между тѣмъ теми же ночи, сама на себя не похожа.

— Не дамъ я пропадать моему дитяткѣ. Лучше въ Сибирь пойду... Лучше на томъ свѣтѣ въ аду кромѣшникомъ мнѣ быть...

Въ тотъ день, когда бригадиръ съ сестрицей повздорили, Арина Матвѣевна была особенно скучна. Затѣмъ она всячески проволновалась цѣлую ночь, не смыкая глазъ, и поднявшись еще до разсвѣта, при первомъ ударѣ въ колоколъ въ сосѣднемъ храмѣ, отправилась къ обѣднѣ.

Въ церкви няня молилась мало и продолжала мысленно спорить сама съ собой.

— Наложить на себя руки я ее не доущу. Коли я привела ее на грѣхъ къ чудодѣю-дѣдушкѣ, то я же ее должна и упасты отъ всѣхъ бѣдъ. Быть ей за Николаемъ Ивановичемъ. Божьбу даю я вотъ предъ престоломъ Божиимъ, что быть ей его супругою. Но что-жь подѣлать? Надо же чтò придумать. Сложь руки досидишься до того, что ее выдадутъ замужъ за какого постылаго...

И задавая себѣ вопросъ, какъ поступить, Арина Матвѣевна поцевольтъ должна была сознаться, что остается

одинъ путь спасенія: уговориться скорѣе во всемъ съ молодымъ Козляниновымъ.

Прежде няня мечтала устроить дѣло иначе: она рѣшалась бѣжать со своимъ дитяткомъ изъ дому бригадира къ Аннѣ Ильинишнѣ. А разъ Клѣна на свободѣ— все дѣло само собою сладится. Баринъ Никита Артемьевичъ обидится, обозлится и махнетъ рукой на супротивницу-внучку.

„А намъ только того и нужно!“ мечтала няня. — „Сейчасъ мы и за свадебку честнымъ пиркомъ, а не силкомъ. А казны-то своей и вотчины лишитъ дѣдушка Клѣну, такъ что-жь дѣлать! Богъ съ нимъ! И сквозь золото слезы льются. Лучше съ алтыномъ за милымъ, чѣмъ въ жемчугахъ съ постылымъ.“

Теперь, по прїѣздѣ Анны Ильинишны, была новая помѣха. Няня должна была бросить мысль о побѣгѣ въ домъ барыни. Козлянинова и слышать не хотѣла о томъ чтобы ея Коля самокруткой женился и „выградываль“ невѣсту.

— Мы не татары какіе, прости Господи! объяснила она. — Татарва выградываетъ невѣсту и калымъ платитъ. Это и грѣхъ и срамъ! занявляла старуха.

Анна Ильинишна просила обождать, умилостивить бригадира и „благородно“ жениться по людски и по Божьему. Она почему-то надѣялась на переимѣну образа мыслей „Никитскаго боярина“, какъ звала она бригадира.

Стало быть теперь вся надежда Арины Матвѣевны была на одного Козлянинова. Его надо подбить дѣйствовать рѣшительнѣе.

Приходилось молодежи сговориться, какъ дѣйствовать, и конечно тайно и отъ бригадира, и отъ Козляниновой.

— Какъ повѣнчаются, то и бухнутся въ ноги: „Виноваты, простите!“ Никита Артемьевичъ—кремневый, устоитъ и прогонитъ. А барыня-мамаша одинъ денекъ поплачетъ, поохаетъ и вѣстимо проститъ! рѣшила няня.

Выходя изъ церкви послѣ обѣдни, няня мысленно приготовилась окончательно дѣйствовать и къ тому же неотложно. Первымъ дѣломъ конечно должно быть свиданіе молодыхъ людей.

— Ась-ко я подумаю объ лѣстницѣ? Пораскладу на мысляхъ. Лѣстница эта и впрямь чудно притрафляется къ нашему дѣлу!

Вернулась няня домой, разбудила свое дитятко и дала ей вынутую за ея здоровье просвирку — скушать натошакъ.

Затѣмъ, когда полусонная Клѣна кушала просвирку, потягиваясь въ постели, няня подошла къ окну и стала молча глядѣть, да разглядывать...

„Чудно!“ думалось ей. — „Лѣстница эта и впрямь искушеніемъ какимъ въ глаза лѣзетъ. Ишь вѣдь торчитъ... А садъ-то занесенъ сугробами и никогда въ немъ никого, даже Жучка со двора сюда не заглядываетъ, боится увязнуть... А вонъ рядомъ и заборъ въ проулокъ глухой. А дверь-то съ чердака рядомъ съ нашей дверью. Стало быть барченку въ ночь темную изъ проулка въ нашу свѣтелку только шагнуть молодецки. Съ полдюжины разовъ шагнуть—и тутъ онъ! У насъ! И никто не видалъ и не слыхалъ. А счастье-то имъ какое, повидаться, да побесѣдовать на раздольи!“

— Вотъ! Вотъ! уже шептала няня. — Прійти въ проулокъ — разъ, черезъ заборъ — два, по сугробамъ — три, на лѣстницу — четыре, на чердакъ — пять... Да къ намъ въ горницу — шесть. Поддюжины разовъ! шутила уже няня, глядя на искусительницу-лѣстницу. Но вдругъ она прибавила, перекрестившись: — Охъ, Господи, прости и помилуй!

Арина Матвѣевна потому ахнула и перекрестилась, что рѣшилась окончательно исполнить просьбу дитятки.

— Чего ты охаешь, да крестись? спросила Клѣна, полу-грустно, полу-лѣнливо.

— Закрестись! ворчнула няня.

— А что?

— Ничего...

— Аль увидѣла что въ саду?

— Нѣту. Чего тамъ видѣть? Ворону на березѣ развѣ увидишь, весело отозвалась Арина Матвѣевна.

— Такъ чего же?

— Своимъ мыслямъ я, дитятко, охаю, да и тому, что ты надумала просить.

— Какъ знаешь, няня, отозвалась Клѣна тихо и спокойно, понявъ слова по своему. — Какъ знаешь, такъ и дѣлай. Не хочешь, не надо. Но пожалѣешь. Мое слово крѣпко.

— Полно ты... Глупая ты голова...

Арина Матвѣевна подошла къ кровати дѣвушки, обняла ее и стала цѣловать.

— Охъ, глупая голова, стращаетъ туда же свою Арипу.

— Я не стращаю. Миѣ жизнь постыла, сама знаешь. Одинъ конецъ.

— Да нешто виданное дѣло чтобы мамка какая свое дитятко бросила въ бѣдѣ или злымъ людямъ на потѣху предала? Нешто у меня тебѣ былъ когда въ чемъ отказъ? Глупая твоя голова! Вотъ грѣхъ и погибельное дѣло надумала ты, а мамка разводила, разводила мыслями и что-жь...

Клѣна по улыбающемуся ласково и весело лицу няни увидѣла и поняла ея рѣшеніе идти на это „погибельное“ дѣло.

— Няня! вскрикнула Клѣна, и крѣпко обнявъ Арипу, она страстно прижалась къ ней.

— Что-жь дѣлать! И впрямь другаго ничего не придумаешь... Да и правду сказать... Чудно!

— Что чудно?

— Эта лѣстница... Чудно!

— Что? Я не пойму.

Няня объяснилась и кончила словами:

— Будто на-смѣхъ ее тутъ приладили изъ проулка къ намъ въ горницы.

— На счастье, а не на-смѣхъ! сіяя радостью, воскликнула Клѣна садясь на постели. — Это стало быть такова воля Божія, а не грѣхъ.

— А искушеніе дьяволово?

— Чтò ты! Христосъ съ тобой, Ариша!

— Вѣрно сказываю, дитятко. Искушеніе врага человѣческаго, сказываютъ люди, точію такъ бываетъ, какъ еслибъ самъ Господь устроялъ. Ты знаешь, единожды было, что дьяволъ во образѣ священника являлся одной красавицѣ чтобы ее погубить. Она было исповѣдалась къ нему, глядитъ, а у духовнаго-то отца клубокъ на беречь надѣтъ, по ямщицки, и одинъ рогъ торчитъ наружу. Оба-то не влѣзли въ клубокъ. Она глядь ему на ноги, а у него конское копыто. Чуть онъ ее не погубилъ...

— Мало чтò рассказываютъ, няня. А вотъ говорятъ тоже что его и нѣту совсѣмъ, и никто никогда не видалъ.

— Охъ, слышала я это, дитятко. И отъ тебя, и отъ господъ. Это все озорничество барское — такаія мысли въ себѣ держатъ. Это дитятко, съ господскаго, сытаго корму все такъ говорится. Жисть барская — масляница, вотъ господа дворяне и не знаютъ чтò выдумать. И болтаютъ всякое непотребное. Вотъ у нихъ и его, прости Господи, дьявола, нѣту теперь на свѣтѣ. А я тебѣ вотъ расскажу. Разъ было въ Кіевѣ...

— Ну, няня, брось... прервала Клѣна мамку. — Богъ съ нимъ и съ Кіевомъ. Скажи лучше: когда?.. заискиваешь прибавила дѣвушка, ласкалась къ женщинѣ.

— Что?

— Когда? Когда?.. Ну.. Вѣдь ты устроишь?.. Скажешь? Приведешь?..

— Нѣтъ, ужъ пускай самъ молодецъ лазаетъ! усмѣх-

Ожиданіе. Картина Э. Навкго, грав. Гёеманъ.

пулась Арина Матвѣвна.—Мое дѣло его только надоумить. А онъ ужь самъ въ проулокъ приходи и черезъ заборъ валий, да по лѣстницѣ шагистѣ махай на чердакъ.

— Когда же? Когда?

— Да вотъ сегодня схожу къ Аннѣ Ильинишнѣ. Перемигнуся съ нимъ, да уйдя съ глазъ барыни—перемолвимся. Я все ему разъясню. А онъ себѣ на усъ намотаеть... А ввечеру попозднѣ пушай и прибудеть...

— Нынче?

— Нынче! Коли ему будетъ время.

— Охъ, ему-то будетъ время! воскликнула Клѣна.

— И я такъ-то думаю! размѣялась Арина Матвѣвна.

— Няня! Милая! Радость моя! Дорогая!.. Соколикъ мой!..

И долго дѣвушка ласкалась всячески, не зная какъ лучше выразить нянѣ свое счастье.

— Глупое ты, неразумное дитятко, бурчала Арина Матвѣвна,—будто не видишь, что твоя мама, для тебя, хоть на казнь торговую и лютую пойдетъ!..

XXII.

Братолюбцевъ вызвалъ тотчасъ же къ себѣ друга и кума для важнаго объясненія.

Филисовъ удивился, отправился и явился съ недоумѣвающимъ лицомъ.

— Чего тебѣ надо? сказалъ онъ входя.

— Нужда.

— Знамо нужда, коли зовешь въ свою конуру. Да что?

— Важнѣющее дѣло. Объясниться намъ надо.

— Объяснимся, другъ.

— И подобаетъ побесѣдовать, какъ взрослымъ и почитай старикамъ, а не какъ ребятамъ какимъ, вотъ какъ въ прошлый разъ было.

— Какой прошлый разъ?

— А вотъ, когда ты меня тутъ засталъ съ чижомъ.

— Тогда я прѣхалъ къ тебѣ сватомъ... Что ты говоришь?.. Поясни.

И бригадиръ уже тревожно глядѣлъ на друга.

— Ну да, вотъ въ тотъ самый разъ, мы съ тобой, какъ малые ребята болтали, и дурашное, да еще пагубное дѣло затѣяли.

— Женитьбу твою?

— Женитьбу.

— И это ты именуешь...

— Пагубнымъ дѣломъ.

— Что ты?

— И дурашнымъ!

— Да что ты?..

— Ничего я, дружище... Ты вотъ все-ли въ добромъ здоровьи?.. Самъ спятилъ и меня было уже рѣшилъ умомъ.

— Да ты бѣлены обѣлся.

— Обѣлся съ тобой, Никитка. Въ тотъ разъ ты угостилъ. А теперь мнѣ polegчало...

— Ты не хочешь жениться на Клѣнѣ? закричалъ бригадиръ уже внѣ себя,—Говори толкомъ. Не хочешь?

— Не хочу.

— Отчего?

— Я ей не пара. Я ей въ дѣды гожусь, а не въ мужья.

— Ты дуракъ! заоралъ бригадиръ.

— Нѣтъ. Есть дуракъ... да не я!

— Дуракъ... Дуракъ... Своего счастья...

— Не понимаешь, моль... Ладно! Только я тебѣ сказываю, ты эту глупую забаву изъ головы выброси...

— А-а... Понялъ! Тебя Марья Евграфовна разговорила? Признайся. Все равно я ее заставлю сказать.

Братолюбцевъ сознался тотчасъ, что Толбухина, какъ женщина разумная, ему глаза открыла. А затѣмъ онъ началъ усовѣщевать друга бросить затѣю и стать до-

вѣрчиво доказывать всю несообразность такого брака.

— Я, братецъ мой, остался до старости ценюкъ въ иныхъ дѣлахъ. Я заднимъ умомъ крѣднѣю, а переднимъ совѣмъ плохъ. Другой бы тебѣ тогда же смѣхомъ отвѣтилъ на твое предложеніе, а я съ дуру согласіе далъ. Теперь вотъ, спасибо Марья Евграфовнѣ... я очухался...

Братолюбцевъ говорилъ долго, холодно и толково.

Бригадиръ молчалъ, какъ убитый, затѣмъ молча поднялся, и не прощаясь пошелъ.

— Что-же? Молчишь? То-то! сказалъ Братолюбцевъ другу, особенности нрава котораго зналъ съ дѣтства.

Бригадиръ не отозвался ни единымъ звукомъ и быстро вышелъ въ прихожую.

— Ну и слава Богу! добавилъ Братолюбцевъ.— Такъ-то лучше... Я такъ и вѣрилъ.

Молчаніе бригадира означало всегда, что онъ согласенъ, убѣжденъ и не хочетъ вслухъ сознаться.

Вернувшись домой, Никита Артемьевичъ прямо пошелъ на вышку къ внучкѣ.

Клѣна изумилась и испугалась появленія дѣда въ ея горницахъ. Это посѣщеніе означало что-нибудь особенно важное.

— Здравствуй, внучка. Я къ тебѣ въ гости, выговорилъ Филисовъ, стараясь казаться веселымъ, хотя по лицу его еще видно было, что онъ озабоченъ.

— Слушай, Клѣна, сказалъ бригадиръ, садясь на диванъ,—хочешь замужъ идти?

Клѣна оторопѣла и молчала.

— Не хочешь?

— Какъ прикажете! вырвалось у Клѣны испуганно и торопливо.

— Это приказывать можно, да страшно... Отвѣчай мнѣ по душѣ, по совѣсти, не лги, хуже будетъ... ласково проговорилъ Филисовъ.— Шибко ты любишь своего прапора Козлятинова?

— Дѣдушка! воскликнула Клѣна и, ярко вспыхнувъ, затрепетала всѣмъ тѣломъ.

— Любишь... Видать... Стало быть за другаго какого тебя и не сватай?

— Избави Богъ за другаго! воскликнула Клѣна невольно, но спохватившись, прибавила:— На то ваша воля!

— Пойдешь ты за Геннадія Ивановича? произнесъ Филисовъ внятно, съ разстановкой и внимательно пытливо глядя въ лицо внучки.

Клѣна измѣнилась въ лицѣ—и, за минуту пунцовая, трепетная и радостная, замерла на мѣстѣ и какъ-то осунулась точно пришибленная.

Глаза ея, широко раскрывшись, выражали одинъ неподдѣльный безконечный ужасъ, какъ еслибы дѣдъ принесъ ей вѣсть, самую потрясающе-страшную.

— За Геннадія Ивановича, моего друга и кума пойдешь? повторилъ бригадиръ.

У Клѣны не было силъ отвѣчать... Она старалась что-то вымолвить; губы ея шевелились, но не могли ничего произнести.

Бригадиръ всталъ, подошелъ молча, взялъ дѣвушку обѣими руками за голову и поцѣловалъ въ лобъ.

— Это я такъ... Не пужайся... Я ради шутки...

И бригадиръ быстро вышелъ отъ внучки. У него что-то творилось на сердцѣ, чего онъ не хотѣлъ выдать печально помимо воли.

Дѣдъ смягчился сердцемъ.

„Ну, Богъ съ вами! Будь по вашему!“ рѣшилъ онъ про себя.

XXIII.

Конечно Аринѣ Матвѣвнѣ не трудно было все устроить. Часовъ въ десять вечера, въ глухомъ переулкѣ, вдоль котораго тянулся заборъ большаго сада бригадира, появился проѣзжій въ простыхъ саняхъ въ одну лошадь и остановился тамъ, гдѣ ветхій заборъ примы-

галь къ высокой каменной оградѣ. Здѣсь кончался садъ бригадира и была граница его владѣній. За новой каменной оградой начиналась земля его сосѣда, именитаго графа Орлова.

— Ну стой тутъ, Семень, приказаль молодой чело-вѣкъ, одѣтый въ простое русское платье, обращаясь къ возницѣ. — Если кто пробѣдетъ да будетъ тебѣ опросъ чинить — не сказывай чей ты и ничего не говори. Обругайся.

— Слушаю-съ. А спросить кто: зачѣмъ ночью у за-бора стою? отозвался мужикъ.

— Говорятъ: отругайся на всѣ спросы.

— А коли здѣсь шалить, да на меня наскочутъ го-ловорѣзы, Николай Ивановичъ? Тутъ мѣсто вишь ка-кое „еднѣнное“, да глухое. Отъ головорѣзовъ ругней не отбоаришься.

— Ну ужъ это твое дѣло! усмѣхнулся молодой Коз-ляниновъ. — Утони, что-ль отъ нихъ.

— А тамъ онять вертай сюда же?

— Вѣстимо.

— Хорошо, коли у нихъ не здѣсь сидѣнье. А коли здѣсь насижено — онять къ нимъ прямо въ лапы вертай.

— Ну такъ что-жъ? Инако-то какъ же? Вѣдь не отпущитъ же мнѣ тебя и пѣшгомъ ночью домой идти.

— Вѣстимо нельзя. Да я инако надумаль. Вы дол-го-ль пробудете тутъ?

— Съ часъ, а то съ два...

Умный мужикъ предложилъ барину лучше уѣхать постоять у рогатки, близъ Никитскихъ воротъ, чтобы уберечь и себя и лошадь, а затѣмъ въ положенное время явиться на мѣстѣ.

— Здѣсь стоять, такъ безпремѣнно все такъ потра-фится, что вамъ пѣшкомъ домой идти придется, да холода и коня лишиться. По моему лучше, если вы ослобонитесь, да выйдете, а еще меня нѣтъ, вы за за-боромъ малость обождете.

— Ладно.

Мужикъ ударилъ по лошади и тотчасъ скрылся среди темноты. Молодой чело-вѣкъ прошелъ вдоль забора и затѣмъ выбралъ мѣсто, гдѣ нанесло большой примерз-ший сугробъ и гдѣ перелѣзть было удобнѣе. Онъ легко и ловко вскопчилъ, сѣлъ на заборъ и живо спрыгнулъ съ противоположной стороны въ садъ бригадира.

— Славно! шутя проворчалъ онъ, очутившись по-поясъ въ рыхломъ снѣгу.

И съ трудомъ, увязая и барахтаясь въ сугробахъ, Козляниновъ сталъ подвигаться на огонекъ, мерцавшій въ верхнихъ окнахъ дома съвозъ оголенные вѣтви де-ревьевъ.

„Это у нея свѣтъ. То-то небось радуется и ждетъ пе дождется“, подумаль онъ.

Арина Матвѣевна, конечно, подробно условилась съ молодымъ баринкомъ и все толково разъяснила ему. Козляниновъ разыскалъ среди тьмы, почти оцупью, лѣстницу; живо, ловчѣе всякаго трубочиста или кро-вельщика, поднялся по ней и въ одинъ мигъ былъ въ слуховомъ окнѣ и на чердакѣ. Няня, которая загодя вынула раму слуховаго окна, была конечно здѣсь же. Шагнулъ навстрѣчу фигурѣ, появившейся съ лѣстницы, няня произнесла тихо:

— Николай Ивановичъ—вы?..

— Нѣтъ, не я, веселымъ шепотомъ отозвался Козля-ниновъ. — Ну, веди скорѣе. Сердце такъ прыгаетъ, что боюсь выскочить совсѣмъ.

— Тише, тише. Я впередъ войду въ сѣнцы, да при-слушаюсь. Помилуй Богъ...

— Небось. Да и всѣ спать, поди...

— Спать, да на грѣхъ мастера нѣтъ. Вы обождите минуточку. Я сейчасъ.

Арина Матвѣевна тихо-по тихо отворила дверку съ чер-дака въ сѣнцы, куда упиралась лѣстница, ведущая изъ низу, и гдѣ была дверь въ горницы барышни. Прошло ми-

нуты двѣ и няня снова пріотворила дверку, просунула въ темнотѣ руку и, взявъ молодого чело-вѣка за ру-кавъ кафтана, потянула за собой.

Чрезъ мгновенье Козляниновъ былъ въ компаніи Клѣ-ны. Огонь свѣчи ослѣпилъ его; онъ невольно прищу-рился, но въ ту же секунду небольшая женская фи-гура стремительно бросилась къ нему, обхватила его шею руками и стала почти душить.

— Коля! Коля! чуть слышно повторяла дѣвушка, и лицо ея стало мокро отъ радостныхъ слезъ.

Няня оставила молодежь и тоже утирая слезы ру-кавомъ, вышла снова въ сѣнцы стоять на часахъ про-всякій случай.

Не скоро выпустила Клѣна изъ объятій своего доро-гаго, нареченнаго, котораго не видала вблизи безко-нечно давно. А между тѣмъ ее различили съ нимъ об-стоятельства всего за нѣсколько дней до предполага-вшейся свадьбы.

— Ты похудѣлъ, дорогій... Похудѣлъ! Но такой же красавецъ! говорила Клѣна, не насытно оглядывая его съ ногъ до головы.

— Я что? А вотъ ты, бѣдная, похудѣла. И глаза не-тѣ у тебя. Печальные глаза.

— Да вѣдь мнѣ смерть въ этомъ домѣ. Еслибъ Ариша тебя не взяла съ собою — я бы на себя руки наложила. Ну, да что объ этомъ! Теперь мы сговоримся, какъ намъ быть. Ты на завтра прійдешь опять?

— Вѣстимо. И завтра и послѣ-завтра! съ восторгомъ выговорилъ Козляниновъ. — Всякій вечеръ буду лазать, покуда ты не соберешься въ путь со мной по этой же лѣстницѣ. А скажи, на случай, если кто придетъ, гдѣ вы меня укроете. Подумали вы объ этомъ?

— Вотъ тутъ, въ сосѣдней горницѣ, въ шкафу пла-тиномъ.

— Покажи. Пойдемъ. Это надо видѣть загодя, чтобы-знать куда прямо бѣжать.

Молодые люди весело перешли въ сосѣднюю горницу, которая была просторнѣе, но помимо дивана, стола и стульевъ была загромождена большимъ платянымъ шка-фомъ и шестью большими сундуками.

Клѣна, держа свѣчу, подняла руку—и красные, рас-писные сундуки ярко и какъ-то страшно засверкали своею оковкой кругомъ молодого чело-вѣка.

— Фу! Помилуй Богъ! Ишь вѣдь... произнесъ онъ унавшимъ голосомъ.

Эти сундуки какъ-то зловѣще сверкнули кругомъ него.

— Что ты?

— Да эти сундуки! Ишь какъ... Чума вспомнилась мнѣ. Ввечеру гробами выглядятъ.

— Богъ съ тобой, Коля! Когда же гробы красные-бываютъ...

— Смотри, прищурься. Ей Богу точно гробы. Что жъ? Это, поди, все приданое тебѣ напасено?

— Да. Съ самаго чуть-ли не съ перваго дня ихъ здѣсь поставили и все кладутъ да кладутъ всякое-такое. Теперь только два остались пустыхъ. А эти полны.

— Ну это все имъ и останется, коли дѣвушка не проститъ насъ за самокрутку.

Козляниновъ отворилъ дверку шкафа и глянулъ въ него.

— И тутъ полно?

— Да. И тутъ.

— Наклочено плотно. Въ случаѣ тревоги и нужды прятаться тутъ сразу-то и не пролѣзешь... размѣялся офицеръ.

— Небось. Такъ сдается. А со страху живо влѣзешь, пошутила Клѣна. — А не то въ сундукъ пустой. Еще того лучше.

— Это вѣрно.

Козляниновъ поднялъ за скобу крышку крайняго сундука и снова размѣялся.

— Ишь вѣдь... Этакихъ полдюжины добромъ наполнить! Видно много денегъ у дѣдушки. Матушка говорила что у нея всего одинъ сундукъ былъ, когда она замужъ шла.

— А у моей матушки когда она выходила и ни одного не было, весело сказала Клѣна. — А прожила съ батюшкой счастливо. Вмѣстѣ и на тотъ свѣтъ ушли. Такъ-то вотъ и мы съ тобой! Пойду я за тебя безъ единого сундука приданого, за то счастья и любви я столько тебѣ за собой принесу, что въ ста сундукахъ не уложится.

Молодые люди вернулись въ первую горницу и, снова усѣвшись рядомъ, заговорили шепотомъ, но уже серьезно, о своемъ дѣлѣ.

Клѣна рассказала своему Колѣ все что слышала отъ дѣда, приходившаго къ ней, и свое недоумѣніе вынесенное изъ разговора съ нимъ.

Козляниновъ передалъ своей возлюбленной, что его старуха-мать тоже противъ его вѣнчанія, если оно будетъ безъ согласія бригадира. Но молодой человекъ прибавилъ:

— Это не помѣха. Не забота. Какъ приведу тебя къ намъ, да скажу: „Бдемте, молъ, скорѣе въ Звенигородъ вѣнчаться!“ то матушка всѣ свои резоны позабудетъ, заплачетъ, расцѣлуетъ и на все согласится...

Козляниновъ пробылъ болѣе часу съ Клѣной и сталъ собираться.

— Завтра же все налажу, приготовлю, разужу и опять буду къ тебѣ, тѣмъ же путемъ. Жди, милая.

— Ты пораньше бы, сказала Клѣна. — Какъ стемнѣетъ. Внизу подъ лѣстницей всѣ окна изъ диванной выходятъ, гдѣ никто и днемъ-то не сидитъ, не только вечеромъ. За то дольше у меня побудешь.

— Раньше? Я бы и радъ. А какъ кто сюда придетъ на вышку! отозвался молодой человекъ.

— Некому. Никогда почитай никто не приходитъ. Развѣ Степанида. А случись такое, няня насъ сторожить. Ты сейчасъ шастъ въ шкафъ. И сиди тамъ смирненько, покуда не уйдутъ.

— Вѣрно! Ну прости, до завтра, радость моя.

Долго прощались молодые люди.

— Господи! шептала Клѣна. — И когда я подумаю, что не будь чумы, давно бы ужъ мы съ тобой были мужъ съ женой.

— Да. Видно такъ нужно. Все, сказываютъ, къ лучшему творится.

— Охъ, все-ли... Не вѣрю я... Чего бы лучше тогда-то... А теперь бѣги, крути, серди дѣдушку, по городу соблазни пушай, толки, да пересуды. Охъ, нѣтъ. Лучше бы Коля, тогда...

— Ну, того не вернешь. Теперь - то вотъ давай Богъ все справить безъ промаха. Прости родная...

XXIV.

Весь слѣдующій день Козляниновъ употребилъ на всякія хлопоты и заботы, а главное разузнавалъ найдется-ли священникъ въ Москвѣ, который согласится его вѣнчать съ бѣглянкой безъ обычнаго обыска и безъ „письменности“, т. е. документовъ. Оказалось, что бригадира въ столицѣ побаивались изъ-за его близкихъ сношеній съ генераломъ-губернаторомъ. Козлянинову пришлось поэтому всѣ свои надежды возложить на одного звенигородскаго священника, который, будучи многимъ обязанъ его покойному отцу, скорѣе согласится прийти къ нему на помощь и покривить, если не душой и совѣстью, то закономъ и обрядомъ церковнымъ.

Вечеромъ, молодой человекъ, точно такъ же, какъ и наканунѣ, по своимъ старымъ слѣдамъ миновалъ садъ, лѣстницу и чердакъ и снова провелъ около трехъ часовъ со своею нареченной; Арина же Матвѣевна снова просидѣла на-сторожѣ за дверью.

И чуть не пришлось вдругъ Козлянинову спа-

саться и прятаться, такъ какъ Марья Евграфовна прислала вдругъ наверхъ бойкую дѣвушку спросить у ввучки краснаго шемаханскаго шелку.

Няня спохватилась во-время, не пустила въ горницу нуструю дѣвку, рысью влетѣвшую наверхъ по лѣстницѣ. Она сказала, что сама спросить и принесетъ барышнѣ требуемое. Но молодежь, вдругъ услышавшая въ сѣнцахъ разговоръ, уже перетрусилась.

Козляниновъ бросился зайцемъ со своего мѣста и сталъ на порогѣ двухъ горницъ, готовый спрятаться вмгъ, въ случаѣ необходимости.

Прощаясь на этотъ разъ съ дѣвушкой, офицеръ вдругъ грустно задумался и глубоко вздохнулъ.

— Что ты? спросила Клѣна съ удивленіемъ.

— Ничего. Такъ. Вдругъ сгрустнулось. Будто кто мнѣ шепнулъ, что я тебя болѣе не увижу.

— Полно! Господь съ тобой! испугалась Клѣна. — Зачѣмъ такое думать. Да и почему?.. Что же можетъ случиться? Проулокъ нашъ правда глухой, но въ немъ головорѣзы бояться очень-то шалить! Орлова - графа бояться. Пожалуется самой царницѣ...

— Нѣтъ, я не то... Да вѣдь я же нынѣ офицеромъ и при саблѣ. Я ее у лѣстницы оставилъ, чтобы не гремѣть. Я не про переулочекъ говорю или шалуновъ. А такъ вдругъ сгрустнулось. Ты можешь меня разлюбить... Мысли свои перемѣнишь... прибавилъ онъ вопросительно, но шутя и улыбаясь.

— Да, вотъ это ино дѣло—это пожалуй возможно, пошутила и Клѣна. — Я вотъ завтра соберусь вдругъ замужъ. За кого... Ну, хоть бы за дѣдушкина пріятеля, Кацелъ Ивановича Братолюбцева. Жениховъ у насъ въ домѣ — онъ одинъ. Ты сюда прилѣзешь, а няня тебѣ и скажетъ: „барышни нѣту-съ! Барышня обвинчалась и уѣхала въ Нѣмецію или Швецію къ его родственникамъ!“ весело болтала Клѣна. — Онъ вѣдь не русской и прозываетъ себя кличкой, а не родовымъ прозвищемъ.

И молодые люди, пошутивъ еще, простились, но когда Козляниновъ снова перелѣзъ черезъ заборъ и, найдя свои сани въ концѣ переулочка, отбѣхалъ, то снова грусть заползла ему въ сердце.

„Чудно!“ подумалось ему. — „Бѣду со свиданья съ милой, а самъ припечалился. Аль сердце ноетъ предъ невѣдомой загадкой. Неужто и Звенигородскій батюшка отказомъ мнѣ отвѣтитъ? Что тогда дѣлать?.. Ну что-жъ? Поѣдемъ по Россіи искать согласника. Хоть въ Муромскіе лѣса поѣдемъ. Тамъ живутъ попы бѣглые въ скитахъ... Есть между ними иные святой жизни, почище городскихъ. Богъ дастъ, еще только мнѣ раза два и слазать сюда. А тамъ и Клѣну за собой по лѣстницѣ спущу бережно.“

— Баринъ, а баринъ? давно уже окликалъ задумчиваго Козлянинова кучеръ Семень.

— Ну? Что?

— А тутъ проходили мимо двое головорѣзовъ. Съ дубьемъ. Одинъ шаркнулъ по мнѣ, да мимо.

— Врешь.

— Ей Богу... Такъ дернулъ, что не увернися я, какъ есть въ лепешку бы обратилъ, окаленный.

— Что же ты? Какъ унася-то?..

— Угналъ, вѣстимо. Бѣжали за мной по проулку сажень сорокъ и отстали. Ужъ какъ мнѣ баринъ неохотно было опять вертаться сюда за вами. Думалось: „а ну они опять тутъ сидятъ.“ Нѣтъ. Гуляющіе были, а не сидящіе. И какъ это ихъ много развелось на Москвѣ! А все отъ чумы это окаянство пошло.

— Чума-то при чемъ-же?..

— Такъ сказываютъ! рѣшилъ Семень.

На слѣдующее утро, Николай Козляниновъ былъ ранехонько разбуженъ дворовымъ человекомъ, который, тайно отъ барыни и по приказанію молодаго барина, ѣздилъ въ Звенигородъ. Онъ привезъ хорошія вѣсти. Священникъ, духовникъ семьи, отвѣчалъ на словахъ,

Этюдъ. Рис. Антонъ фонъ-Вернеръ, грав. Брендамуръ.

что для Николая Ивановича все сдѣласть—и что можно и чего не можно.

Молодой человѣкъ ребячески весело и бодро вскочил съ постели, быстро одѣлся и отправился къ матери, которая, не смотря на свои годы и болѣзненность, вставала съ восходомъ солнца въ силу привычки.

„Надо еще попытать матушку“, подумал молодой человѣкъ.

И поздоровавшись со старухой-матерью, Николай Козляниновъ тотчасъ, какъ бывало всякій день за послѣднее время, завелъ бесѣду о Клѣнѣ и о намѣреніи во что бы то ни стало жениться на ней, вопреки всѣмъ помѣхамъ, вопреки упрямству бригадира и матери.

— Твое дѣло. Ты ужь не махонькой... отвѣчала Анна Ильинишна, пригорюнясь.— А я на грѣшное происхожденіе брака не могу дать своего согласія. Какъ я тебя ни люблю, а Господа Бога изъ-за тебя обманывать не стану.

Это была постоянная угроза старухи за послѣдніе дни, которую она повторила сыну разъ сто.

— Да вы поясните, матушка, тоже въ сотый разъ спрашивалъ Козляниновъ.— какой же то обманъ предъ Богомъ? Тутъ обманъ бригадира, а не Господа.

Но пояснить того, что ясно понимала сама Анна Ильинишна,— она не могла.

На этотъ разъ старуха даже отмахнулась рукой, покачала головой и вздохнула, какъ бы говоря: „самъ знаешь, что я хочу сказать“.

Черезъ минуту, однако, она заговорила:

— И серденько мое шепчетъ мнѣ, что ты, сынокъ, памудесишь препригубельно. И происхожденіе всего будетъ горестное. Да. Ты не думай, что мать стара да глупа отъ лѣтъ становится, такъ ничего и не смыслить. Я не вижу—подслѣшовата, и слышу плохо—тугоуха стала отъ хворостей, да отъ лѣтъ. За то у меня сердце все видитъ и слышитъ. А мнѣ оно сказываетъ, что быть бѣдѣ. Стало быть ты предпринимствуешь—что мнѣ не сказываешь. Вечерось загадала я, отходя ко сну... Вѣрное, стародавнее гаданіе и не грѣшное... Не карты ваши—Антихристова выдумка! А гаданіе молитвенное... Загадала я: ложусь, молю, я на Сіонскихъ горахъ, три ангела у меня въ головахъ! Одинъ-то, молю, все видитъ, а другой-то все слышитъ, а третій-то пуцай мнѣ всю правду скажетъ... И вотъ вижу я, сидишь ты въ стихарѣ голубомъ, да въ митрѣ и такъ ты говоришь мнѣ: „Матушка, иди что-ль подъ мое благословеніе. Я митрополитъ!“ А я тебѣ: „Почему, молю, ты въ стихарѣ? Пономарь ты, а не митрополитъ!“—А ты и плюнь на меня, да такую рожу скорчила, что гляжу я, ужь ты—не ты. А сидитъ предо мной козелъ съ рогами и оретъ благимъ матомъ: „забодая! забодая!“ Я бѣжать да кричать... Да такъ проспунмись, чуть съ кровати не свалилась. А очухалась и давай плакать... Дурень сопъ сей и дурнѣе нѣту его.

— Сны, матушка, пустое... проворчалъ Козляниновъ, чувствуя поневолѣ нѣчто неприятное на душѣ, тѣмъ болѣе что ему какъ-то нездоровилось съ утра.

— У васъ нынѣ все пустое, тринѣ-трава все... вздохнула Анна Ильинишна.—Вонъ въ Ростовѣ одинъ сынъ своихъ отца съ матерью три года тому будетъ убили до смерти... Да еще чѣмъ? Киркѣй!

Козляниновъ разсмѣялся укладкой. Онъ уже лѣтъ пятнадцать, какъ слышалъ отъ матери про Ростовскій случай, а Анна Ильинишна продолжала все считать три года.

— Да неужто же, матушка, заговорилъ онъ, помолчавъ,— вы сможете меня съ женой молодой прогнать—если мы къ вамъ придемъ и въ ноги бросимся прощенья просить.

— Мало, что я прошу... Я стара, да и глупа стала... Я прошу всякое твое безобразіе. Да Богъ-то не проститъ и обоихъ накажетъ. И тебя, и меня!

— А вы-то, простите? А? Простите? приставалъ молодой человѣкъ, полушутя, полутревожно.

— Отвяжись ты, отчальный. Тебѣ двухъ бы отцовъ имѣть, да строгихъ, а не мать старую. Они бы тебя въ чуланъ сажали... А я что могу?

Молодой человѣкъ разсмѣялся, нѣжно расцѣловалъ мать и весело вышелъ изъ горницы.

Черезъ часъ, выхвавъ изъ дому, онъ былъ уже въ Гостиныхъ рядахъ и радостный, но тоскливо-радостный, ходилъ по лавкамъ, выбирая золотыя обручальные кольца. Эта тоскливость или скорѣе усталость на его лицѣ было послѣдствіемъ недомоганья, которое онъ чувствовалъ въ себѣ все явственнѣе...

„Вечеру полѣзу въ мезонинъ, почитай въ послѣдній разъ“, думалъ онъ.— „Завтра ужь сама Клѣна будетъ спускаться. А я встрѣчу ее ужь на лѣстницѣ, да подсоблять буду чтобы не свалилась.“

И молодой человѣкъ, выбравъ и купивъ кольца, не зпалъ, что дѣлать. Онъ сталъ разсчитывать сколько еще времени остается до свиданія съ милой.

— Страсть! До семи часовъ еще девять часовъ ждать остается. Куда бы сунуться—время убить?

И онъ вспомнилъ вдругъ, что на вѣнчальныхъ кольцахъ его отца и матери были вырѣзаны ихъ имена.

„И я такъ-то сдѣлаю“... рѣшилъ онъ, и не смотря на то что голова его слегка горѣла и въ ней скрывалась тупая боль, онъ весело сталъ разыскивать по Тверской рѣзчика, нѣмца родомъ. Найдя его, онъ передалъ ему кольца, требуя чтобы тотъ немедленно сѣлъ за работу и при немъ рѣзалъ два имени: „Клеопатра“ и „Николай.“

Нѣмецъ сѣлъ за работу, а Козляниновъ усѣлся около него и до вечера, хотя чрезъ силу, слѣдилъ за его руками и рѣзцемъ.

„Чудно!“ думалось ему.— „Вѣдь у меня лихоманка: такъ весь и горю. Ну да врешь ты, хвороба. Все-таки я Клѣну повидаю сейчасъ, хотя бы минуту одну.“

(Продолженіе будетъ).

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе).

Въ палатѣ стоялъ длинный столъ, нарядный ипскимъ сукномъ. Подъ Святими, опершись плечами о стѣну, сидѣлъ Владыко, въ бѣломъ клобуцѣ, устало склонивъ голову. По правую отъ него руку сидѣлъ степенный посадникъ, ниже его по старшинству старые посадники, и еще ниже сыновья и внуки посадничьи. Стенный тысяцкій сидѣлъ по лѣвую руку отъ Владыки, пониже его старые тысяцкіе, а дальше бояре, по старшинству родовъ. На самомъ концѣ стола ютилось пять человѣкъ житыхъ, по одному отъ конца. Въ палатѣ стоялъ еще столъ пониже; за нимъ сидѣлъ Вѣчный дьякъ со своими подьячными.

Григорей Михайловичъ и вслѣдъ за нимъ Лука подошли къ Владыкѣ и, кланяясь ему въ ноги, просили благословенья святительскаго. Садясь на мѣсто, Лука оглядѣлъ всю палату, и подивился тому, что у всѣхъ лица были радостныя, ровно праздничныя. „Чему-жь вы такъ возрадовались?“ подумалъ онъ.

— Благослови, Владыко, началъ вѣчу положить, сказалъ степенный Ома Андреевичъ, когда вновь пришедшіе усѣлись, и говоръ затихъ.

Владыко далъ благословеніе едва слышнымъ голосомъ, и сѣвъ еще ниже опустил свое бѣлое, безъ кропки, лицо.

— Свѣдомы всѣ вы, господѣ моя и братія, зачѣмъ вѣче созвано. Слалъ намъ господинъ нашъ Князь Великій, складу грамоту, гнѣвъ свой положи на отчину свою, Великій Новгородъ.

Посадникъ помолчалъ немного, и всѣ молчали-же.

— Знамо, намъ не ѣно чтѣ, а къ рати надо готовиться, сказалъ посадникъ, и опять помолчалъ.

— Ладно сдумалъ! не стерпѣлъ, чтѣ шмель пробунчалъ свою хвалу Юри Репеховъ.

— И така еще мысль моя была, продолжалъ посадникъ,—что до рати-то... кому еще Господь за молитвы родительски поборать буде, скрыто-жь ѣно отъ нашего розума человѣческаго. Такъ до рати-то, говорю, не попытаться-ль намъ, господѣ, миромъ съ господиномъ княземъ нашимъ уладиться.

Тутъ Юри уже не хвалилъ Ѧому Андреевича. „Рублемъ, знать, борониться хотять“, подумалъ Лука.

— Блажени миротворцы: яко ти сынове Божиі наречутся, подтвердилъ Владыко отъ писанія посадникова слово.

— Такъ такова-то мысль моя немудреная. А чтѣ вы, отцы мои и братія, посовѣтуете?

Всѣ, обращаясь другъ къ другу, зашептались; затѣмъ сквозь шепотъ явственно стало слышаться, что выкликаютъ тѣхъ, чьего совѣта хотять слушать. Тучина выкликали, но онъ сидѣлъ какъ-бы ничего не слыша. Короба тоже многіе называли.

— Слышь-ко, Яковъ Ѧедосѣвичъ, твоего совѣта хотять слушати, ужъ вовсе громко сказалъ сидѣвшій насупротивъ его Грузь, старый тысяцкій.

— А каковъ-же вамъ совѣтушко я старичекъ дать-то еще смогу? обводя всѣхъ ласковымъ взоромъ, заговорилъ Коробъ.— Само-тъ я, оспѣда моя и братія, не очень-то о семъ домыслился. Развѣ такъ мнѣ, что-ль, ужъ сказывати? Правду-тъ молвить, не вѣдаемъ-же мы доподлинно, за чтѣ на насъ господинъ Князь Великій свой гнѣвъ положилъ. А кажися все-то мы чтѣ въ докончальней, котора на Шолонѣ была писана, предъ нимъ справили. Держали княженъе его честно и грозно къ тому, безъ обидушки.

— А государство-то!.. Что государемъ не зовемъ его! стали ему говорить со всѣхъ сторонъ.

— Слышу ужъ, дослышался, сказалъ Коробъ.— Чтѣ-жь государство-то? Аль какъ звать-то его? Розно вѣдь можно звать-то, скажу. И Новгородъ Великій розно-жь потому зовутъ. Одинъ кѣже: Господинъ молъ Новгородъ Великій. А другій: Государь молъ. Припомните-ко, хотъ-бы послѣдне это вѣчушко: розно-жь звали. Знамо, по старинѣ, по исконной той пошлинѣ новгородскія, господиномъ-бы треба звать. А что-жь? За-нужду и такого-то, что у него еще и гумеицѣ не пострижено, батюшкомъ-попомъ звать научицъся. Такъ-ли я еще сказываю? не замололся-ли старъ?

— А такъ-же, взревѣлъ Юри Репеховъ.

— Спасибо тобѣ, Юри Сергѣевичъ, всегда-то ты ободряешь меня. А и други-те хотъ не говорятъ да не хмуры-жь сидятъ. Такъ звать-то, говорю, можно по розному. Господиномъ-то по нашему выйде, по новгородскому; а государе-тъ по московскому. Одно стало по старинному, а друго-тъ по новому. И такъ еще можно придумывать, чтобъ на обѣ статьи звать, чтобъ обѣмъ сестрамъ по серьгамъ было—ни ѣдной-то не въ обидушку.

Всѣ нетерпѣливо зашевелились: чтѣ молъ старый еще выдумалъ?

— Такъ и звать научимся, что ѣдно имя любо ѣно Новгороду, а друго имячко московское: господине государь молъ. Господипо-тъ ты въ Новгородѣ, а въ Москвѣ ты-же государь молъ. А отъ себя говоря, всякъ этакъ-то зови, государемъ. Ублажаючи-то. И только какъ ото всего Новгорода, слово-тъ новгородско сказывал, тутъ ровно языкъ не научался еще хорошо-

хонько по-нову звать, а просто зови: „господине молъ“ по пошлинѣ.

Всѣ, перемигнувшись, усмѣхнулись.

— Одно это-вотъ. А друго-тъ куды мудрепѣй. Это чтѣ-вотъ Ѧома Андреевичъ сказывалъ, степенное наше посадинчушко: что „миромъ молъ“. Свѣдомо вамъ, отцы и братія, что рать дѣло трудное. И молодцовъ такихъ, которы къ рати-то были-бъ гораздъ обучены, порато мало-жь ихъ нонѣ въ Новгородѣ. И опять-же, кому Богъ побѣду дастъ и одоленьицѣ. И Владыко о мирѣ-же поучалъ насъ, не отъ розума вѣдь было человѣческа, а отъ свята писанія, слова-те Христовы сказывал.

Коробъ помолчалъ.

— Какъ-же миро-тъ устроить намъ? Аль пока Князь Великій съ Москвы не придвинулся, не снарядитъ-ли намъ пословъ, чтоль, къ нему? А какъ-бы намъ... Охъ! да съ чего-жь это взялся я, старъ, вамъ совѣтовати? Ума вѣдь тутъ надобно, при чемъ ужъ буде мое умшечко ветхонькое, коли само-тъ Умъ межъ насъ сидитъ?

Всѣ очи оборотились къ тому концу стола, гдѣ сидѣли житыи. Межъ нихъ былъ и Іевъ Марковичъ; онъ сидѣлъ такъ же, какъ въ Настасыиныхъ сѣняхъ бесѣдуя съ Марѣой, заложивъ длинную ногу за ногу и свѣся чуть не до стола свою долгоносую голову.

— Чтѣ-жь молча сидишь-то ты, Іевъ Марковичъ? спросилъ его Коробъ.

— Сказывай, сказывай, Яковъ Ѧедосѣвичъ, мысль свою полную. А я еще малехонько сдумаю. Може, дастъ Богъ, мыслишечка кака и наклонется.

— Коль подну мысль велишь, Іевъ Марковичъ, сказывать, такъ и выскажу. А такъ вѣдь, господѣ, я думаю, что не долго молъ гадаючи, намъ пословъ излюбить-бы, чтоль, и слать тѣхъ пословъ не медлочи, пока, скажемъ, сила, что-ль, московска въ походъ не двинулась.

— Анъ опашиковъ ¹⁾, взмолвилъ Іевъ.

— Это что-жь, опашиковъ-то? какъ-бы не раскусивъ Іевлевой мысли, спросилъ Коробъ.

— Знамо, въ розьмирьѣ не на Городицѣ-же ѣпасъ братъ, сказалъ степенный тысяцкій, съ сердцемъ двинувъ вѣтво свою бороду лонатою.— А безъ ѣпасу посламъ пути нѣтъ. Для того и опашиковъ шлютъ, чтобъ ѣпасъ они посламъ добыли.

— Тако-тъ ѣно точно такъ, Василей Есиповичъ, какъ будто все еще не смекнувъ дѣла, отвѣчалъ Коробъ,—да только такъ ѣно станется, что опашики-те въ Москву погонятъ, а изъ Москвы взадъ воротятся, а послы-те развѣ тогда ужъ, не скоро къ тому...

— Анъ отложечка. А время-тъ, ѣно не стоитъ вѣдь, ѣде все, пояснилъ Іевъ.

Всѣ не сдержались, стали веселы. Лука не сразу понялъ это веселье; взглянулъ онъ почему-то на Тучина, а тотъ хмурый сидитъ; только уста у него передернулись, точно онъ хотѣлъ что-то сказать да замолчалъ слово.

— А вѣдь и я, старъ, гляди, Іевъ Марковичъ, хотъ не скоро, да выразумѣль-же! сказалъ Коробъ, точно они заранѣе не условились съ Маркычемъ какъ вѣче вести и теперь онъ разспрашивалъ не для того, чтобъ и самыя глушыя поняли въ чемъ дѣло.— А далѣ, продолжалъ онъ,—не о томъ-ли, господѣ, ужъ подуматъ намъ, каковъ наказъ, что-ль, посламъ дать? По моей-то по сметочкѣ, такъ оно сказать надобно, что Шолоньско докончанъе намъ покрѣпити—въ самый разъ. Аль намъ больше еще чтѣ занадобилось? А ничегошеньки. И побожиться не грѣхъ. По старинѣ вѣдь мы, по пошлинѣ. Ладно-ль тако-тъ, Іевъ Марковичъ? Какъ ѣно тамо-т-ко, давай Богъ памяти, было писано? Не такъ-ли оно, что судити молъ намѣстнику

¹⁾ Опашикъ—гонецъ ради полученія ѣпасу для пословъ.

Литературный альбомъ. „Полтава“, Пушкина. Кочубей въ темницѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Лоренца, грав. Шюблеръ.

со посадникомъ, а въ чемъ не управятся, прїѣхавъ моль по третій годъ ¹⁾ самъ съ посадникомъ-же тому дѣлу конецъ учинишь.

— Не по четвертый-ли, Яковъ Ѳедосѣвичъ? Іевъ спросилъ.

— По третій, кажись, Ѳома Андреевичъ? вопросительно глянувъ на степенпаго, сказалъ Коробъ, по прежнему притворяясь, что не можетъ понять вопроса.

— По третій, по третій, Яковъ Ѳедосѣвичъ, вотъ какъ ты сказываешь, и на Шоловѣ было писано, простодушно пояснилъ степенный.

Снова пришлось тысячному двинуть въ сторону свою бороду лопатою.

— Знамо по третій, сказалъ онъ, — а только коль и посламъ по третій-же сказывать, такъ о чемъ-же оны стануть съ боярами московскими на говоркѣ разговаривати?

— Земля-то наша, знамо, вышла торговая—и запросимъ по тому, добавилъ Коробъ.—Анъ опять, того гляди, отложечка. Такъ-ли, Іевъ Марковичъ?

— А еще скажи: „безъ робости“, отвѣчалъ житій.

— Знамо что безъ робости. Было-бъ намъ съ чего рѣбѣть-то! подтвердилъ Яковъ Ѳедосѣвичъ. — А еще чего посламъ въ наказъ, не придумать-ли кто?

— А вотъ о позвахъ ²⁾, чтобъ позвовъ-то въ Москву не было, сказалъ степенный посадникъ.—И на послѣднемъ вѣчушкѣ о томъ-же кричали.

— Знамо, заговорили со всѣхъ сторонъ. — Тѣми позвами самъ онъ изъ докончанья выступилъ.

— Ужъ каки позвы ту, коль по четвертый годъ, поспѣшилъ вставить свое слово Яковъ Ѳедосѣвичъ: доселѣ не степенный, а онъ вель вѣче и ему того-же и до конца хотѣлося.—А въ наказо-тъ, знамо, надо-жь писать. Може кто еще, отцы и братія, Господину Новгороду Великому совѣтушкомъ посособствовать? А бы ты, Юрьи Сергѣевичъ, слово молвить хотѣлъ, предупредительно повернулся онъ къ Ренехову, уловивъ, что тотъ собирается говорить.

— А про нятцевъ ³⁾, аль забыли всѣ? сказалъ Ренеховъ.

— Ужъ это точно что и грѣхъ, поди. Какъ-же мы-то о братьяхъ своихъ, которы на Москвѣ въ нуждѣ живутъ, запаматовали. Христову-то знать заповѣдъ забыли-же, съ сокрушеньемъ сказалъ Коробъ.—За то что напомнилъ ты намъ, надоумилъ наши головы безпамятны, забывчивость-то эту нашу грѣховну присоромилъ-же,—надоть намъ тобѣ, Юрьи Сергѣевичъ, спасибошко сказать великое.

— Спасибо-же тобѣ, Юрьи Сергѣевичъ, великое! Вѣкъ тобѣ намъ совѣты давать! сказали всѣ, кланяясь Юрью, и Юрьи, благодарствуя на спасибо, отдалъ поклонъ.

— Болѣе, гляди, къ наказу прибавить нечего, развѣ послѣ что еще вздумать. Такъ-ли, отцы и братія, я говорю? опросилъ Коробъ вѣче. — А что-жь, Ѳома Андреевичъ, вель-ль-бы дьяку, что-ль, записать для памяти что въ наказо-тъ писать, обратился онъ къ степенному посаднику, и оглядѣвъ всѣхъ, какъ-бы желая добавить: „глядите-косъ сколь у васъ степенный простъ, и того не смыслить, чтобъ дьяку писать приказать“.

— Слышь-ко, Иванъ Панкратьевичъ, началъ было Ѳома Андреевичъ.

Но Коробъ ему не далъ кончить, и быстро вставъ съ мѣста, подошелъ къ дьячьему столу, и сталъ толковать съ Иваномъ Панкратьевичемъ.

— Про имячко-то, какъ звать его, не забудь-же въ наказъ писать, громче всего онъ выкрикивалъ.

VI.

Грамота о пятидесяти восьми печатяхъ.

Дѣло, казалось, было улажено. Велѣдъ за Коробомъ, многіе повставали съ мѣста; кому ноги хотѣлось поразмять; кому, отойдя отъ стола, дружку слово, другое въ ушко шепнуть; нѣкоторые и потому встали, что встають-же другіе. Пріятели Коробовы толпились вокругъ него и хвалили его за то, что умно вѣче вель.

— Не впервой вѣдъ, усмѣхаясь говорилъ Яковъ Ѳедосѣвичъ.—На степени бывалъ-же я.

— И вѣкъ тобѣ быть на степени! приговаривали хвалители.

Тучинъ попрежнему хмуро сидѣлъ, ни съ кѣмъ не заговаривая, и едва отвѣчая тѣмъ, кто обращался къ нему.

— Не здоровъ, знать, говорили про него.

Лука Аввакумовичъ, обдумавъ все, что было говорено на вѣчѣ, рѣшилъ, что дѣло рѣшено не худо; чѣмъ дольше затянется посольство, тѣмъ спокойнѣе и сильнѣе Новгородъ приготовится къ войнѣ.

— Послушайте-ко, господо, возгласилъ степенный посадникъ, и когда всѣ усѣлись по мѣстамъ, продолжалъ:—Стало, въ наказо-тъ посламъ о томъ станемъ писать, что первое: какъ звать-то его умѣючи, а далѣ про Шолонско докончанье-то, по четвертый годъ сказывать, да о позвахъ еще, чтобъ позвы оставилъ, да о нятцахъ къ тому. И сдумалъ, скажемъ, Господинъ Великій Новгородъ, чтобъ слать впередъ опашниковъ, а опасъ оны привезутъ, ино тутъ пословъ слать.

— Только вы и сдумали? нежданно спросилъ Тучинъ.

— А коль ты болѣ сдумалъ, ранѣ-бы сказывалъ, съ неудовольствиемъ отвѣчалъ Ѳома Андреевичъ.

— Аль мнѣ запретъ вышелъ слово сказать? запальчиво Тучинъ возразилъ.

— Какой еще запретъ вздумалъ! Самъ молчалъ-же ты, какъ выкликали-то тебя, совѣта спрашиваючи, строго степенный сказалъ.—Ну, хоть поздно вздумалъ, да сказывай ужъ, что-ль.

— Всегда-то мы рады, Григорей Михайловичъ, твоего словечушка разумнаго послушати, какъ-бы исправляя посадникову рѣзкость, слащаво пропѣлъ Коробъ.

— Рады, не рады-ль вы, а свое скажу, сталъ Тучинъ рѣчь держать. — Спрошу васъ, и со степеннымъ посадникомъ, что-жь это, аль послами вы задумали боронить Святой Софїи волости?

— Зачѣмъ пословъ-те шлемъ — было-жь о томъ, Григорей Михайловичъ, говорено, думая успокоить его сказалъ Яковъ Ѳедосѣвичъ.

— Нѣ глухъ и я, Яковъ Ѳедосѣвичъ, сижу! отрѣзалъ Тучинъ.—Ты дай-ко исперва мнѣ рѣчь сдержать, а тамъ ужъ, коль сможешь, отвѣтъ держи. Вотъ что я вамъ, оспѣда моя, скажу: нуето это дѣло вы затѣяли, что пословъ-то слать. И бпаса, гляди, не дастъ же имъ. Знаю вѣдъ... постоите галдѣть, ужъ дослушайте!.. могу же я это понять, говорю, что мыслите вы время протянуть. Только тяни, не тяни его, а долго оно, время-то, и много еще его впереди останется, много поболѣ, скажи, чѣмъ вытянете. А что запроска эта купеческа, такъ она къ чему? По четвертый моль годъ ходи въ Новгородъ. Такъ онъ васъ и послушаетъ! Аль сила московска побита лежить, а мы на костехъ стоимъ, что вы Господину нашему Великому Великому указъ чинить задумали?.. Да не кричите ужъ, знаю что скажете!.. что вотъ моль мы каковы: „безъ робости“. А коль безъ робости, такъ за мечъ берись, грудью встрѣнь.

Тутъ шумъ, доселѣ сдержанный, до того взрѣлъ, что Тучину пришлось замолчать на время.

— Правда-то моя заколола очи, знать? качая головой крикнулъ онъ на всю палату.—Ну, ну! выкричитесь ужъ, а я передохну пока.

¹⁾ То есть черезъ два года въ третій.

²⁾ Позовъ—вызовъ къ суду.

³⁾ Нягцы—взяты на миру за приставовъ, отъ глагола *няти* (брать) откуда наше „на“ (бери). Въ 1476 г. великій князь взялъ шесть „бояръ великихъ“ и отпраздновалъ ихъ въ Москву.

Долго еще кричали. Одни противъ Тучина, что онъ обиду чинить всему Новгороду Великому; другіе за него, чтобъ дали Григорю Михайловичу рѣчь скончать.

— А може онъ и цѣтно что вздумалъ, то того, то другаго уговаривалъ Коробъ, — вѣдомо - жъ вамъ, каковъ будетъ! Вѣдь горячь же, всегда этакъ-же, ровно съ цѣни сбѣрется.

Крики наконецъ замолкли.

— А что еще-то, Григорей Михайловичъ, скажешь? спросилъ Оома Андреевичъ.

— Про пятацевъ скажу.

— О пятахъ-то что еще! снова загадѣли съ разныхъ сторонъ.

— А тоже, что слово вы только о нихъ пикните, сейчасъ-же господинъ Князь Великій почуетъ, что вновь-де съ Литовской стороны потянуло.

— Что - жъ намъ, аль за братьевъ своихъ предъ нимъ и попечаловаться ужъ нельзя? Юри спросилъ.

— Всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесѣмъ, Екклизіастъ глаголетъ, отвѣчалъ Тучинъ. — А теперь бы о нихъ, о пятахъ-то, помалчивать.

— Видно что у тебя въ роду никто за приставы на Москву не пять! кричали ему со всѣхъ сторонъ. — А у меня вѣдь братъ родной!.. А дядя-то мой!.. А отца няли-же!.. А Лошинскій, кровный вѣдь онъ мнѣ буде сродственникъ!.. А по крестьянству-то, за други-то свои!..

— Аль заповѣдь Христову сполнить не всегда на то время е? сказалъ Коробъ.

— Ты-то पुще Христа помнишь! огрызнулся на него Тучинъ. — А про Литовскій вѣтеръ, аль не слышалъ? сейчасъ-же я сказывалъ?

— Да не олуховъ-же, прости Господи, въ послы выкликнемъ, надбавляя въ свой чередъ голоса, отвѣчалъ Яковъ Федосѣевичъ. — Станутъ стелить вѣдь мягонько, а всячески его умасливать. Челомъ, знамо, станутъ бить, чтобъ помиловалъ да пожаловалъ. Да отъ дѣла такого порато крестьянскаго, чтобъ о плѣнныхъ молить, о душахъ-то скорбящихъ да озлобленныхъ ¹⁾, и самъ Владыко не откажется.

— Еще и за долгъ свой почту, за святительскій, подтвердилъ Владыко.

Тучинъ и тутъ уступить не хотѣлъ.

— А коли такъ вы, сверкнувъ глазами крикнулъ опъ, — за умыселъ не хотите въ толкъ взять къ чему я рѣчь клоню, инъ на прямки я вамъ стану сказывать. Съ того вѣдь вы и охрабрилися, стали хвататься, что станемъ молъ съ Княземъ Великимъ говорить безъ робости, что вечеро-тъ на бабѣ вѣче сорока съ Литвы на долгомъ хвостѣ вѣсть принесли.

Тутъ только Лука понялъ вполне, отчего всѣ сошлись на вѣче веселы и радовалися особенно тому, что время протянется. Раньше ему никто о томъ не говорилъ, зная близость его къ старой посадницѣ.

— Може ты свѣдомъ стрекотать по сорочьему, при общемъ смѣхѣ Коробъ отвѣчалъ Тучину. — А у насъ на то стрекотанье, коль оно было еще, что у дѣвчѣнъ, уши завѣшены.

— У тебя-то пуще завѣшены!.. Все - то притворствуй!..

— Не стало еще тобѣ учить меня какъ въ палатѣ сидѣть и что говорить. Ажъ посѣдатѣль я весь у Владыки въ сѣняхъ у доклада сидючи, и на степени не одна, тебя подолѣе, былъ.

— То-то ты, тутъ сиди, отъ Литвы отпираешься, а въ домъ-тъ у тебя въ Литовску-жъ сторонушку околушко прорублено.

— Оставь ты, Григорей Михайловичъ, Христа ради, эти рѣчи-те, вступился въ споръ степенный посадникъ. — Про Литву ничего-то Господинъ Новгородъ Великій не вѣдаетъ. А ты про нее говоришь, такъ

¹⁾ То-есть: страдающихъ.

слову своему ты-жъ господишь, тебѣ за него и отвѣтъ держать.

Это отпиранье отъ Литвы одобрялъ Лука Аввакумовичъ.

— Не на дворницѣ жъ мы стоимъ, отвѣчалъ Тучинъ посаднику, — въ палатѣ сидимъ, своей семьей, такъ съ чего-же намъ въ гулочки-те играть? Тамо-тъ, знамо, блюстись надобѣтъ, не сказать бы слова лишняго. Не то черне-тъ молъ пронесетъ еще, аль криво въ розумъ возьметъ. А здѣсь-то, слава Богу, блюстись некого. Прямо безъ лести скажу: не вѣрите вы Литвѣ той окаянной! И что нынѣ брешеть—брехалъ ужъ этотъ песь, король-то честный политовскій. Вспомните -ко, въ Шолонскій годъ эту-жъ брехню заводилъ, что закуплю молъ вольнаго царя ¹⁾ со всей Ордой на князя Московскаго. И въ тѣ поры, хотъ и умѣе вашихъ сидѣли тутъ головушки, а съ дурости его лестнымъ словамъ вѣровали. А гдѣ теперь тѣ умны головушки? Аль запоматовали? И нынѣ брехунъ тѣмъ-же васъ манить, а вы съ велика ума ему вѣруя, пословъ слать задумали да время затягивать. Такъ же, какъ тѣ мужы, и вы въ луку, въ кровавую сидете! Ни онъ, ни рада его Литовска, за Новгородъ ополчаючись, и коней-те сѣдлатъ они не вздумаютъ.

— Сказываю-жъ я тебѣ, строже повторилъ посадникъ, — что вовсе мы ни о Литвѣ, ни о вольномъ царѣ не свѣдомы. На короля надѣючись, съ чего бы намъ пословъ-то слать?

— Знамо не свѣдомы! въ голосъ закричали всѣ. — Все то твои, Григорей Михайловичъ, цѣсты выдумки.

И это общее отпѣиванье хвалилъ-же въ душѣ Лука.

— Такъ-то вы! окинувъ палату огнегорящимъ взоромъ, вскричалъ Тучинъ. — Коль вы отрекаетесь, ино и я отрекусь отъ васъ.

И съ этимъ словомъ, вставъ съ мѣста, вышелъ на середину палаты. Всѣ недоумѣнно на него глядѣли.

— Коль до того дошло, что нельзя бояру сказать Господину Новгороду слова праваго; коль вы затѣяли боронить Святой Софіи волости бабьими сплѣтками да запроской кучеческой, да еще хитростью шуто-городовой, аль какъ дѣтки большихъ пугаючи, тулупъ выворота, вѣдведемъ взревутъ, — ино кланяюсь я вамъ, осподѣ моей и братіи, Господину Новгороду Великому. Не слуга я ему, отѣйду прочь. Иду челомъ бить въ службу государю всея Руси. А вы, мертвы, оставайтесь, безъ меня своего мертвеца схороните.

И поклонясь на три стороны, Григорей Михайловичъ кланялся Владыкѣ въ ноги.

— Благослови, Владыко, на новый путь.

Смутился Владыко такой неожиданный вещи и съ минуту колебался, и затѣмъ, вставъ, благословилъ въ послѣдній разъ свое чадо духовное.

Вѣче замолкло. Точно внезапный громъ какъ разъ надъ головами ударилъ.

— Не выпускать бы, чей - то голосъ вымолвилъ долго спустя по уходѣ Тучина. — Провесетъ еще.

— Нечего проносить - то, поведя суровой бровью, сказалъ степенный посадникъ. — И про Тучина тожъ правду надо сказывать. Горячь, знамо, бы зелье порохное вспылить, а только не памятозлобенъ-же.

— Богъ ужъ съ нимъ! многие сказали. — А что отѣхатъ похотѣлъ, ино то исконна правда ²⁾ боярска.

Вновь тихій ангелъ надъ вѣчемъ пролетѣлъ.

— Благословите, отцы и братія, слово сказать, какъ бы робѣя проговорилъ Лука. Опъ дрожалъ отъ внутренняго волненія; мысли буйно клубилися у него въ головѣ; онъ зналъ, что скажетъ слово сильное, но цѣлая рѣчь въ своей послѣдовательности еще не ясна была его уму. Всѣ къ нему оборотились.

¹⁾ Хама татарскаго.

²⁾ Правда — право.

— О Тучинъ скажу. Не вовсе вѣдь неправъ Григорей Михайловичъ.

Лука слышалъ какъ въ палатѣ зашуршало; всѣмъ стало неловко отъ этихъ его первыхъ словъ, и они задвигались. Старики хмуро межъ собой переглянулись: „этотъ молъ что затѣвать?“

— Въ томъ онъ не правъ, продолжалъ Лука, — что зря хулилъ Господина Великій Новгородъ: зачѣмъ де вздумалъ пословъ къ господину князю великому слать. Анъ безъ пословъ нельзя.

Легче вздохнулося вѣчу, и Лука какъ-то почувствовалъ, что они съ добрымъ сердцемъ станутъ слушать его дальнѣйшую рѣчь.

— А въ томъ онъ правъ, Григорей Михайловичъ, что одними послами нельзя боронить Святой Софии. Правда, отъ пословъ время затянется, да дѣло отъ нихъ не станется. А треба намъ, чтобъ дѣло-то стало на всей волѣ новгородской.

Лука помолчалъ немного, чтобъ справиться съ одолѣвавшимъ его волненемъ. Тишь въ палатѣ была, никто даже не кашлянулъ; всѣ очи впились въ Луку.

— Треба намъ, говорю, продолжалъ Лука, чувствуя что голосъ его и звонче сталъ, и наполняетъ собою всю каменную палату, — треба намъ, чтобъ дѣло-то стало по нашему. А тутъ надо намъ ту думушку имѣть, чтобъ ни на кого-то намъ не надѣяться, опричь Господа Царя Небеснаго, ни на сыны, ни на князи чловѣческіе. А приде помощь, откуда-бъ она ни была, — Богъ послалъ. А нѣтъ ни откуда подмогушки — съ Богомъ же. Вспомнимъ, братья, клятвы и завѣты отцовъ и дѣдовъ нашихъ, и укрѣпимся ихъ-же древнимъ разумомъ. Пусть они накажутъ ¹⁾ насъ своими дѣлами великими.

Затѣмъ вспомнилъ Лука какъ отбивались дѣды отъ силъ суздальскихъ и побѣдили ихъ заступленемъ Божьей Матери. Это, славнѣйшее въ новгородскихъ лѣтописяхъ, дѣяніе всѣ знали съ дѣтства и всегда воспоминаніе о немъ, возвышая, будило душу новгородскую.

— Не одна - же приходилось дѣдамъ нашимъ безъ князя отсиживаться отъ вороговъ за крѣпкими стѣнами городовыми. И то вспомните, какъ Гюрги, великій князь Суздальскій ²⁾, къ новгородцамъ слалъ, чтобъ выдали они ему своихъ братьевъ, что ему, князю, были не любы, и притомъ хвастался: „молъ поилъ есмь кони Тверью, еще и Волховомъ напою“. А тутъ Господинъ Новгородъ Великій безъ князя жилъ, ста-

вили новгородцы по путямъ сторожи крѣпкія, а городъ твердили-же ³⁾, хотяще умереть за Святую Софію, о посадникѣ о Иванкѣ Дмитріевичѣ.

Вся палата дрогнула. Немногіе знали о томъ, а кто помнилъ, люди книжные, тѣ вскрикнули: „Правда-жъ твоя, Лука Аввакумовичъ“.

— А къ тому я, отцы и братія, продолжалъ Лука, — о славі дѣдней вспомнилъ вамъ, чтобъ знали вы да

вѣдали, что такова была исконная пошлина новгородская. И всегда-то такъ, въ безкняжде время, межъ собой уряжались. А нынѣ не то жель едѣлось? Гдѣ онъ, князь нашъ новгородскій, излюбленный? Нѣтъ его. А господинъ нашъ Князь Великій всей Русси, въ гнѣвѣ своемъ, зрымъ окомъ зреть на Новгородъ, готовитъ огонь и мечъ на свою отчину. Но не къ тому жъ, крѣпко помните, я рѣчь держу, чтобъ пословъ не слать. Нѣтъ, пошлемъ же. А и въ тотъ - то разъ, какъ сидѣли о Иванкѣ Дмитріевичѣ, далъ Богъ боя не было, сославились послы, съ господиномъ Княземъ Великимъ наши дѣды уладились, взяли миръ на всей своей волюшкѣ. И намъ подай Господи, безъ рати же, со своими господами князьями великими на всей волѣ новгородской миръ взять.

— Подай то Господи! всѣ, крестись, зашептали.

— А только и намъ, какъ дѣдамъ же, надо-ть межъ собой, укрѣпясь крестнымъ цѣлованемъ, урядиться грамотой. И выбирать къ тому воеводу разумнаго. А не та-

ковъ - ли нашъ князь кормленый, Шуйскій князь, Гребенка Василей Васильевичъ? Не его-ли намъ надо-ть собѣ ставить воеводою?..

— А вѣстимо его, не иного кого! всѣ подтвердили.

— И рядъ къ тому жъ напишемъ, чтобъ биться намъ до послѣдняго, и умереть за Святую Софію о степенномъ посадникѣ Оомѣ Андреевичѣ.

И какъ давече Тучинъ, быстро вставъ съ мѣста, Лука поклонился Владыкѣ въ ноги, примолвивъ: „Благослови, преосвященный Владыко, грамоту писать.“ И какъ давече, святитель смутился на мгновеніе, а затѣмъ, давъ благословеніе боярину, приподнялъ его за руки съ колѣнъ и цѣловалъ въ уста.

Тутъ понялъ Лука, что дѣло свершилося. Шумъ и крикъ въ палатѣ стоялъ. Все вѣче, вставъ съ мѣсть, съ поклономъ благодарствовало Луку.

— Этакъ же я тебя на Дворищѣ цѣловалъ, Лука Аввакумовичъ, обнявъ его, говорилъ степенный посадникъ, — а только скажу, что не служба то твоя была,

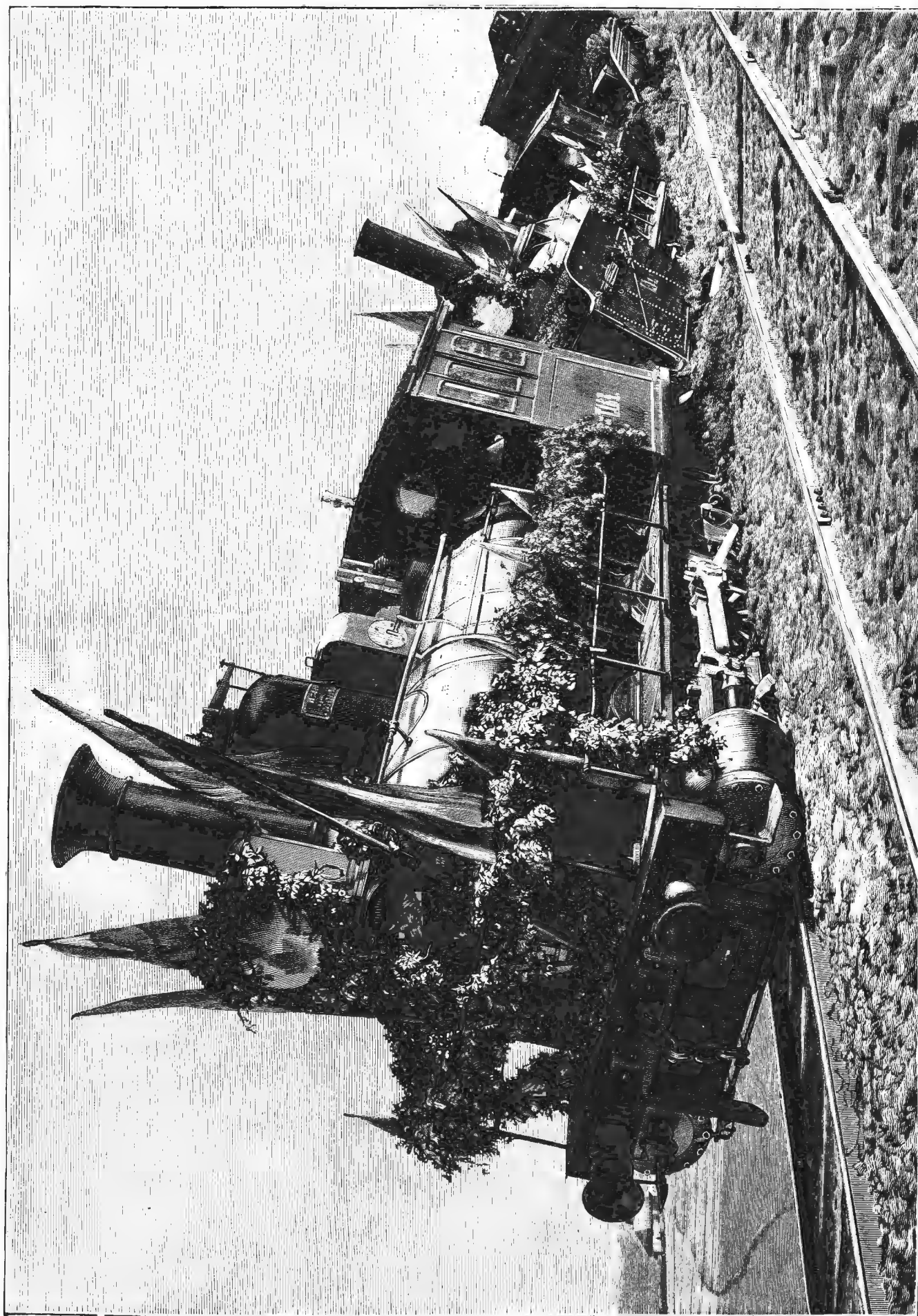
¹⁾ Твердить — крѣпить, укрѣплять.

Стихотвореніе Лермонтова съ воспроизведеніемъ его собственноручнаго наброска. Грав. Ангереръ.

¹⁾ Научать.

²⁾ Гюрги — Юрій, въ 1224—25 году.

1-й паровозъ.

1-й тендеръ.

2-й паровозъ.

2-й тендеръ.

Крушеніе Императорскаго поѣзда 17 октября близъ станціи Борки. Оба паровоза и тендеры послѣ крушенія.

Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

а службишка. А поиѣ сослужилъ ты Новгороду истую службу великую.

Сейчасъ же и грамоту писали, и крестъ цѣлуя, привѣшивали къ ней печати. Пятьдесятъ восемь печатей дыякъ сосчитать. Пятьдесятъ восемь родовъ боярскихъ восхотѣли умереть за Святую Софію о посадникѣ своемъ Ѡомѣ Андреевичѣ.

Прямо съ вѣча Лука Аввакумовичъ проѣхалъ къ старой посадницѣ. Она ужъ знала все; внучекъ, едва печать къ грамотѣ привѣсилъ, поспѣшилъ оповѣститъ бабушку о новой славіи новгородской. Марѣа встрѣтила Луку какъ роднаго сына.

— Живѣ еще видно, Господино-тъ панѣ Великій Новгородъ, коль таковы, какъ ты, у него сыночущки рѣдятся, сказала она цѣлуя въ уста своего излюбленника.

— Не меня, тебя же, матушка посадница великая, хвалить надобѣтъ. Только и дѣла моего было, что приказъ твой исполнилъ.

Посадница вопросительно взглянула на него.

— Вѣдь ты же мнѣ, попомни-ко, наказывала, молъ взбуди-же, взбуди душу новгородскую. Вотъ далъ Богъ, взбудилъ. А не своимъ же, твоимъ то сдѣлалъ разумомъ.

— Не съ чего тебѣ тожъ и принижать себя. Иначе бою гордости, скажутъ, приниженъ-то. А о томъ сдумать топерь надобѣтъ, чтобъ на степенъ тебя.

Лука покачалъ головой.

— Дастъ Богъ, mine меня чаша сія. Гѣрья опа. Да и не таковъ я человекъ, каковъ на степенъ надобень.

— Это что еще вздумалъ? Чѣмъ такимъ нѣ гоужъ стать?

— А тѣмъ, что-ли, скажу, матушка, что нѣтъ у меня къ градскому дѣлу навыка настоящего и выдержки нѣтъ. Такъ скажу: самъ не знаю, по правдѣ-ли, аль по моей гордости самонительной, только считаю я себя разумомъ не ниже ихъ, чуть не повыше-ль еще. Только что не гоужъ на степенъ, тоже могу понять. Нѣтъ во мнѣ того, какъ вотъ Ѡома Андреевичъ: и слабъ-то, и хилъ онъ, и будто простъ умомъ, слова отъ себя молвить не умѣетъ, чужое мямлетъ вѣдь, а едва почуветъ, что крѣпко стоитъ, опершись о могутныя плечушки новгородскія, такъ и бровью сурово поведетъ и пристрожится во-время, и слово взмолвить вѣское. Все-то съ выдержкой. Аль опять хоть бы это лисье умѣнье взятъ, что у Кораба. Путаеть вѣдь, путаеть онъ, матушка, апъ гляди въ свою долгую рѣчь что въ тенета всѣхъ запутаеть: и радъ бы да не выскочишь, иди за нимъ. Ну, топерь возьмемъ хоть Іева долговосаго. И того вѣдь я не смыслю, чтобъ, какъ онъ, вѣкъ молчать да промежъ чужыхъ рѣчей свое словечушко махонько да удаленько, ровно гвоздь въ бревно вѣить, а тѣмъ гвоздемъ вѣче скрѣпить. А и-то что? Какъ пошлетъ Господь своей милостью благодатный часъ, и взмолвлю, и слово скажу дѣйственное. Вѣдь ровпо не свое гѣворю, а вдругъ пайде на меня, бы кто мнѣ его въ душу подговариваетъ. А не то вѣдь это, чтобъ цѣль намѣтя, улудить ¹⁾ ее. Нѣтъ въ моемъ словѣ и того напуска богатырскаго, что какъ у Тучина во всякой, бывало, рѣчи слышится.

— Охъ, Тучинъ, Тучинъ. Григорей ты Михайловичъ! привздохнула посадница.—Намитуешь-ли, Лука Аввакумовичъ, какъ мы съ тобой про Арбузьева разговаривали. А Тучинъ-то не Васеникъ чета. Словно столбъ соборный, на чемъ сводъ держится, сразу рухнулъ. Вспомни-ко-ва какъ въ Апокалипсисѣ писано, что предъ концемъ-то звѣзды одна за другой съ небеси падуть. А эта ужъ не первая-ль звѣзда съ новгородска небушка покатила?.. Ну, да что о немъ. О живомъ станемъ думать... Что жъ ты, аль все, что-ль, высказалъ чѣмъ ты на степенъ-то не гоужъ?

¹⁾ Улудить — въ прямомъ смыслѣ, попасть изъ лука.

— Вотъ и сказываю, матушка, что тѣмъ я на степенъ не гоужъ что въ палатѣ у Владыка не былъ выдержанъ, не надъ грамотами сгорѣлъ выкунѣлъ... Ну, да что много о томъ сказывать. И думати-то поиѣ грѣхъ о томъ.

— Это почему жъ?

— Потому, что цѣловавъ крестъ у насъ чтобъ стоять о Ѡомѣ Андреевичѣ. А будетъ дрүгій, не Ѡома, на степенъ, ино тутъ многи, соблазвясъ, отъ креста стетунятся. И раздѣлитъ на ся Новгородъ.

— А вотъ по этому слову твоему, что сейчасъ сказалъ, и зпать что гоужъ ты на степенъ... Да дастъ Богъ!..

VII.

Взысканіе погибшей.

Тучинъ чуть не пророкомъ сталъ. Великій князь приказалъ задержать новгородскихъ онащиковъ въ Торжкѣ до своего прихода. Время, правда, шло безъ задержки, но и сила московская не стояла. Наконецъ-то пришла не ложная вѣсть: видѣлъ государь онащиковъ, и далъ опасъ на пословъ.

Межъ тѣмъ, великокняжескій мечъ, не унимаясь, и огонь, не утоляясь, ужъ ходили въ землѣ новгородской, и лилася кровь христіанская.

Зима подошла: спѣлъ землю поросилъ да кетати видно занорашивалъ и умъ новгородскій. Не унималъ пока Новгородъ; тепло и сыто въ немъ жилось; сладко онъ подремливалъ подъ вьюжливую и метельливую пѣспю, лаская себя несбыточными снами. Видно, разбогатѣвъ, излѣнился онъ, сталъ бѣгать упростаго труда, а только бы ему что жирному коту, на лежанкѣ лежа, помурлыкивать. Могъ онъ еще на часокъ, другой трихнутъ старипой, а тамъ опять поскорѣй бы на лежаночку. За то градская мудрость гордо разгуливала по его улицамъ, и прославляя себя, о себѣ же и радовалась; считая себя „иначе оружія ратнаго“, она и о томъ даже не озаботилась, чтобъ выжечъ Городнице да окрестныя монастыри, какъ то въ старыя годы дѣлалось. Зачѣмъ молъ ихъ жечь, коль отъ пословъ пришла радостная вѣсть, что „принялъ де ихъ государь въ само Введенѣ, ласковъ съ ними былъ, ѣсть къ себѣ просиль, а на дрүгій день повелѣлъ боярамъ своимъ съ ними поговорити: теперь де говорка идетъ.“

Только на другое, на третье-ль утро послѣ этой радостной вѣсти проснулись новгородцы, а ужъ въ окрестныхъ монастыряхъ москвичи стоятъ, въ теплыхъ избахъ грѣются, щи себѣ горячія къ обѣду готовятъ, навѣдываются въ глубокія погреба монастырскіе. Новгородцу же изъ города и шагу ступить нельзя.

Вотъ и послы воротились, но не такъ ужъ веселы, какъ поѣхали. Было тутъ время, цѣлыхъ десять дней, когда государь приказалъ воеводамъ своимъ отпустить половину воевъ за кормомъ и только съ другой сторожилъ Новгородъ, — тутъ бы новгородцамъ ударить на московскій станъ, да градская мудрость проморгала. Строчила она новый наказъ посламъ: коль такъ молъ онъ, такъ этакъ сказывать, а если и о томъ еще заговорятъ, такъ не этакъ-ли ужъ отвѣчать?

Какъ перешелъ государь по льду черезъ озеро, да что день стали подходить къ нему свѣжія силы, и исковичи стали гдѣ имъ было указапо, тутъ только вскинулся ото спа Новгородъ Великій, зазвонивъ въ Вѣчный колоколь.

Декабрь ужъ на дворѣ стоялъ; солноротъ близился: собиралось солнце на лѣто, зима на морозъ. Вспомнили бояре, что они утверждались между собою крестомъ, и какъ бы прозрѣвъ, увидѣли что по Волховскому льду чистъ путь въ Новгородъ; стали на рѣкѣ городъ рубить и крѣпить его пушками. Заклиѣла работа горячая: не робѣй де, душа новгородская, пусть-ко онъ на приступъ сунется! А неволя ему была крѣпкія стѣны

лбомъ разбивать, когда и безъ меча, голодомъ можно было доконать вольныхъ мужей.

Въ эту-то горячую пору, новгородскій воевода князь Шуйскій-Гребенка, вездѣ посѣвая, замѣтилъ что въ Плотницкомъ концѣ въ одномъ мѣстѣ стѣна еле жива стоитъ, и приказалъ не медля крѣпить ее. За-день работы не копчили, а князю хотѣлось самому до конца за пей приглядѣть; чтобъ завтра не терять даромъ времени на проѣздъ изъ дому, князь рѣшилъ заночевать на Торговой сторонѣ, въ ближайшей уличанской грядницѣ. Потребовалось ему послать грамотку къ своему подручному воеводѣ Кириаку Андреевичу; Славчане въ сторожѣ стояли. Ему указали на Пашку: и человекъ моль вѣрный, и ходокъ зпатный, и Кириаку Андреевичу хорошо знакомъ.

Повесь Пашкѣ грамотку чуть не черезъ весь Великій Новгородъ. Идетъ, слушаетъ, какъ свѣтъ подь ногами похрустываетъ; поглядываетъ по сторонамъ, гдѣ какіе сугробы намела послѣдняя вьюга; съ церковью поровняется, на ходу, шапку снявъ, крестится.

„Темно становится“, думается Пашку. — „Вездѣ-то по домамъ ужъ вечеряють — и ночи часъ, въ обратный путь иди, захватить мѣѣ придется. А наши-тъ, гляди, ужъ отужинають. Мѣѣ бы, дурню, хотъ хлѣба кусъ на дорогу взять. Шель бы да пожевиваль, да свѣжкомъ прикусываль. Аль у Кириака Андреевича... Ласковъ вѣдь, даромъ что Прушанинъ.“

Вотъ и до Великаго моста дошелъ молодець, а на мосту ужъ ни души.

„По лѣвой сторонѣ пойду, погляжу-ко каку стѣну, скажутъ, противъ стана Московскаго срубили. Э-воиъ она гдѣ, дѣлече. И костры разложены. И люди вопъ ходять. Мимо огня идучи и тѣѣ же отъ себя метнутъ. А что жъ это огонь ровно звѣздочка загорался? Знать, словецъ на шеломѣ блеснулъ.“

Ужъ съ моста Пашку сходить, какъ замѣтилъ что съ горы кто-то на рѣку бѣжитъ: мужчина или жепщина, разглядѣть нельзя.

„Чего жъ ему на рѣкѣ о сю пору завадобилось?“ разсуждалъ Пашку. — „Аль баба она глупая, воды забыла наносить, да на-почъ гляди на пролубъ свѣшила? Да нѣтъ! гдѣ жъ бы ей съ коромысломъ со свѣхъ погъ бѣжать.“

И Пашкѣ неволью приостановился. Вдругъ на рѣкѣ словно въ воду что-то бухнуло.

— Господи-Владыко! перекрестися сказалъ Пашкѣ. — Аль остунился онъ, аль съ голодухи въ воду ринулся?.. Свѣшно князе-тъ велѣль ворочаться... Аль дать мѣѣ душѣ крестьянской погинути?.. Бѣгучись вздѣ пойду, наверстаю времячко. Аль коня себѣ еще у Кириакъ Андреевича выпрошу... Ласковъ вѣдь, даромъ Прушанинъ.

И разсуждая такимъ образомъ, Пашкѣ, самъ того не зная, уже стремглавъ бѣжалъ на рѣку. Ставъ на пшкемъ концѣ проруби, онъ сбросилъ съ себя тулунъ на тотъ случай если придется въ воду лѣзть, и думаль, не разуться-ли?

„Иадно коль съ той стороны ринулся, по водѣ гдѣ и вынырнетъ. А коль отсюда, подь ледъ унесло!“ И онъ пристально глядѣлъ на воду. „И темно жъ, хотъ бы звѣздочка!“

Вдругъ, какъ будто и всплыло нѣчто. Пашку наклонился, руки протянулъ и ухватился прямо за женскую косу.

„Знать дѣвчина въ воду кинулась.“

Вытащивъ на ледъ утопленницу, онъ свѣшно завернулъ ее въ тулунъ, взвалилъ на плечи, и въ гору.

„Не далече тутъ, отогрѣють, дасть Богъ“, бодрилъ онъ себя, все падбавляя шагу. — „А вотъ и Прусска улика, и Михайло Архангелъ, и боярскій дворъ.“ Брякнувъ ольцомъ прикалитнымъ, Пашку сталъ сильно погѣй о подворотню бить.

— Кто тамъ еще... пѣтъ попѣ на васъ пропаду! причаль приворотникъ.

— Отъ воеводы, слышь. Дѣло-тъ новгородско!

— Аль ты, Пашко? призвалъ его приворотникъ по голосу.

— Я же. Скорѣча, вѣдмедь, ворочайся. Не одинъ вѣдь я.

— Съ кѣмъ же? отворивъ калитку, спросилъ приворотникъ.

— А на же тебѣ, крѣиче, вѣдмедь, держи. Не въ палаты жъ се... Изъ пролуби вынуть... Въ подклѣтъ — чего сталь? — пещи.

И толкнувъ изумленнаго нежданною ношей приворотника, чтобъ тотъ скорѣе шель, Пашку вбѣжалъ по каменной лѣстницѣ въ сѣни. Въ домѣ еще не спали, только что отужинали, и самъ Кириакъ Андреевичъ съ тоненькой восковой свѣчой въ рукахъ выглянулъ изъ боковой комнаты.

— Аль ты, Пашко? окликнулъ онъ.

— Отъ воеводы жъ съ грамоткой. Гдѣ жъ опа? шари за пазухой Пашку отвѣчалъ.

— Иди сюда, въ боковушку за мной, принявъ грамоту сказалъ Кириакъ. — Стой ты... гдѣ жъ ты тулуно-тъ потерялъ?

— Искунаться чуть было не довелось. Не съ одной вѣдь я къ твоей милости грамоткой, помппочекъ еще по дорогѣ захватилъ.

— Какой помппочекъ?

— Душу крестьянску изъ проруби вынуть. Въ тулуно-тъ она у меня и поверчена.

— Гдѣ жъ она?

— Приворотнику сдать, въ подклѣтъ бы несъ, приказываль.

— Пойти было сказать матушкѣ. Она вѣдь... зваецъ вѣдь всяки снадобья...

И Кириакъ свѣшно вышелъ въ сѣни.

— Сдоложили ужъ, воротяся сказалъ онъ, — въ подклѣтъ сошла матушка. Скаже, что отойде моль, а огнѣвы не буде жъ.

Присѣвъ къ столу, Кириакъ сталъ читать грамоту; прочтя, онъ взялся было за перо, отвѣтъ писать, да точно что всномнивъ отложилъ перо.

— Пожди-ко, Пашко, со немножечко. Нельзя этакъ, паобумъ писать, а спросить списывать.

И Кириакъ вновь въ сѣни вышелъ. Пашку, войдя, у двери сталъ; потомъ свѣвъ на лавку — задремаль. Протерѣвъ глаза, онъ увидѣлъ что Кириакъ Андреевичъ воротился, и сяди у стола пишетъ грамотку.

— Сготовилъ вотъ, бери, Пашку, сказалъ бояринъ. — А какъ задержать я тебя, такъ для скорости на копѣ побѣжишь, съ паробкомъ. Скажутъ, токе не безъ грабежа нонѣ въ Новгородѣ.

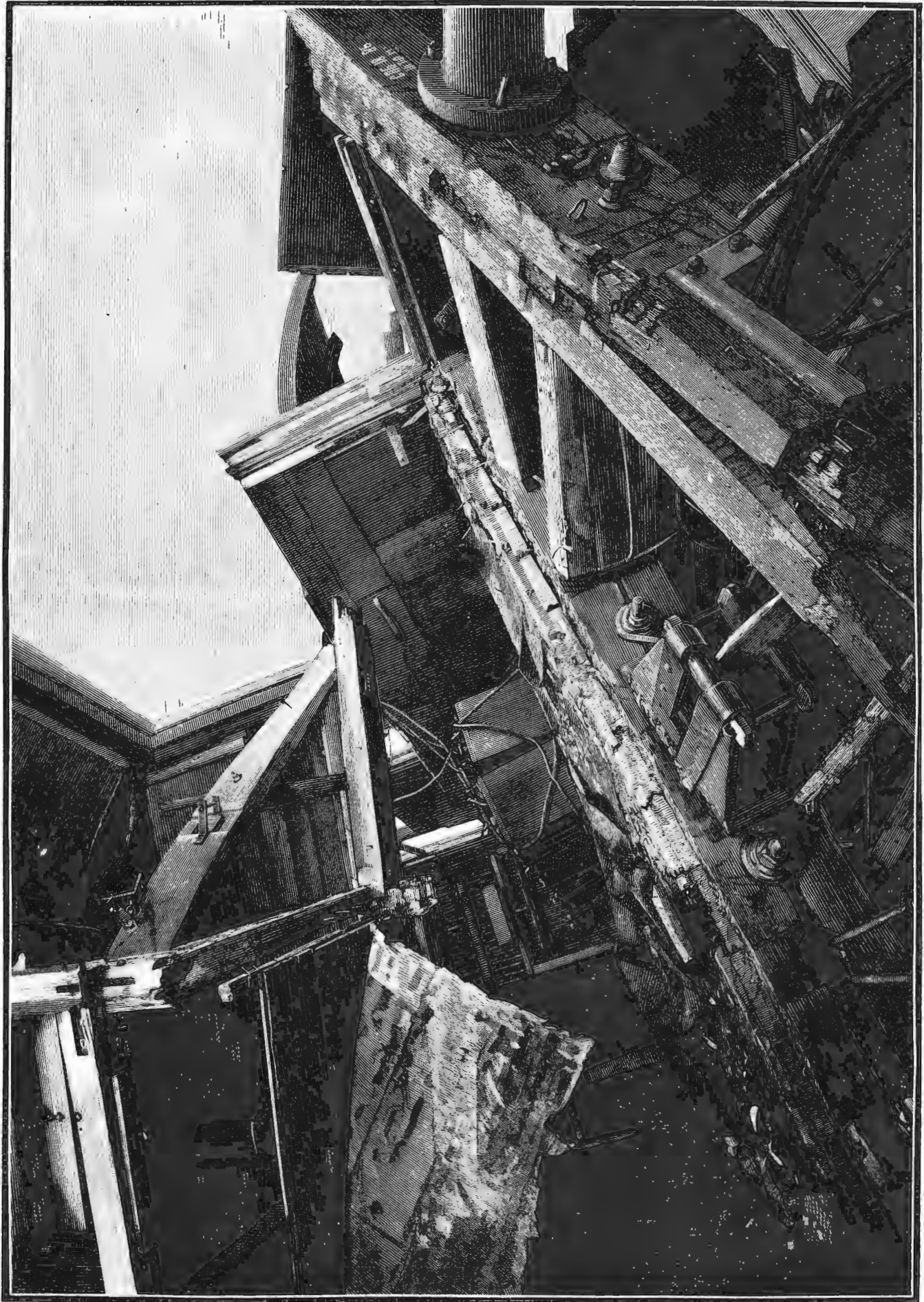
— Есть таки, не безъ этого. Бѣжанъ, вишь, много въ городѣ, а хлѣба что было похвачено съ собой, все съѣдено, а работы гдѣ моль ее нушь сыскать въ Новгородѣ. Охъ, тѣга жизнь пошла, тѣгохонька... А посламъ вѣдь...

— О послахъ-те и князь спрашиваль, вернувшись-ли моль оны отъ князя великаго. А я вѣдь и самъ не зпаль. А ужъ писать было, такъ не одно „когда“, а и „съ чѣмъ“ писать.

— Съ чѣмъ же оны? освѣдомился Пашку.

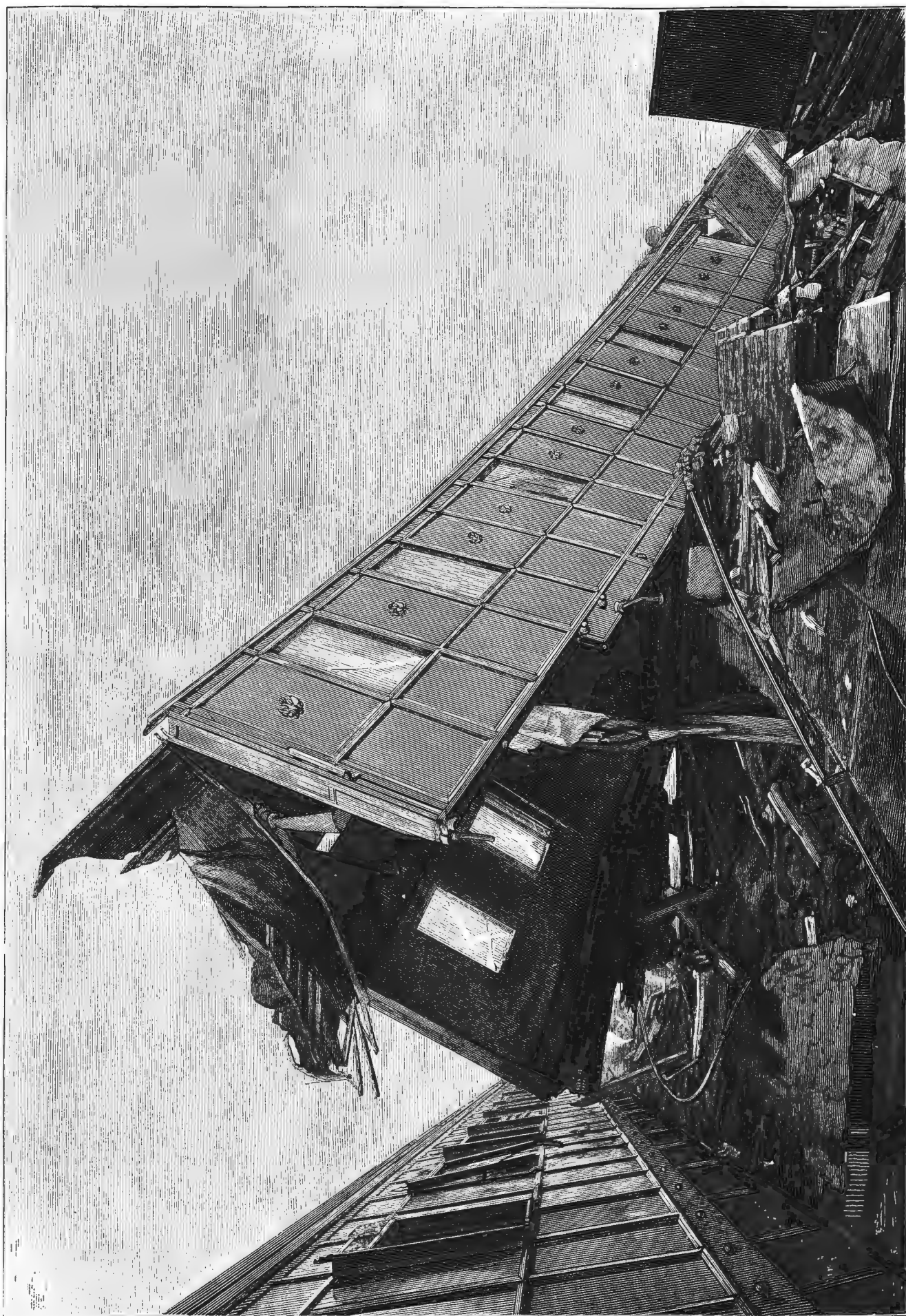
— Все, слышь, надѣючись, что дѣло-тъ уладится. Дасть Богъ! разсѣянно отвѣчалъ бояринъ, стараясь отогнать отъ себя невольную тяжелую думу, и затѣмъ свѣшно заговорилъ о другомъ. — А вотъ пока коня-то сѣдлають, може взглянулъ бы ты на свою спасенну? Въ верху опа у матушки положена. Пойдемъ-ко.

(Оконч. въ слѣд. №).

Крушение Императорского поезда 17 октября близъ станции Борки. Тельжка, вырванная изъ-подъ вагона-столовой.
Съ фотогр. грав. Шоблеръ.

Вагонъ Августѣйскихъ дѣтей.
Часть стѣнки вагона-столовой.

Крушение Императорскаго поѣзда 17 октября близъ станціи Борки. Вагонъ Августѣйскихъ дѣтей и часть стѣнки вагона-столовой.
Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Плавательный пузырь рыбъ.

Всѣ кому приходилось видѣть, хотя бы только на рисункахъ, рыбъ южныхъ морей, согласятся, что ихъ вполне справедливо называютъ „морскими бабочками“. И дѣйствительно, благодаря яркости окраски и живости ихъ движеній, это сравненіе невольно приходитъ каждому въ голову. Плавны рыбы, не отличающіяся особенно яркою окраскою, могутъ быть сравниваемы съ болѣе обыкновенными сѣренькими бабочками сѣверныхъ странъ. И здѣсь онѣ оживляютъ, такъ сказать, подводный ландшафтъ, быстро исчезая и появляясь вновь передъ глазами наблюдателя.

Но не всегда это было такъ. Въ прежнія геологическія эпохи преобладали одно время панцирные рыбы, напоминавшія собою средневѣковыхъ рыцарей, съ головы до ногъ заковананныхъ въ броню, — даже плавники и тѣ были заключены въ прочный панцирь. Быстроты движеній при этомъ конечно не могло быть, но зато подъ этимъ покровомъ рыба была защищена отъ нападенія многочисленныхъ въ то время хищниковъ. Постепенно панцирь смѣнился болѣе легкимъ покровомъ, позволявшимъ рыбѣ избѣгать опасности при помощи быстроты движеній. Конечно, главная роль при плаваніи принадлежитъ хвостовому плавнику, боковые плавники дополняютъ его дѣятельность; опускаемые же ко дну и поднятые рыбы на поверхность воды обыкновенно считаютъ зависящими отъ спеціальнаго для этого органа — плавательнаго пузыря.

Съ этимъ органомъ всякій изъ читателей знакомъ, такъ какъ онъ находится въ видѣ весьма замѣтной составной части внутренностей у нашихъ обыкновенныхъ съдбныхъ рыбъ. Главнѣйшею его ролью считаютъ способствованіе поднятію и опусканію въ водѣ. Рыба, сжимая мускулы, залегающіе въ стѣнкахъ плавательнаго пузыря, уменьшаетъ въ объемѣ, причѣмъ ея удѣльный вѣсъ (отношеніе ея вѣса къ вѣсу воды равнаго ей по объему) увеличивается, вслѣдствіе чего она тонетъ, погружается въ водѣ. Наоборотъ, ослабляя мышцы пузыря, рыба всплываетъ на поверхность воды вслѣдствіе уменьшенія своего удѣльнаго вѣса. Далѣе возможно, что рыба, сжимая только переднюю часть его, дѣлаетъ тяжелѣе лишь переднюю часть своего тѣла, которая и опускается книзу; при сжатіи задней половины пузыря происходитъ, понятно, обратное явленіе. Такимъ образомъ рыба при помощи плавательнаго пузыря получаетъ возможность держаться и измѣнять положеніе своего тѣла на любой высотѣ.

Если предположить, что дѣйствительно въ вышесказанномъ заключается назначеніе этого органа, то, въ виду большой важности его функции, слѣдуетъ ожидать, что каждая рыба его имѣетъ, такъ какъ каждой приходится и опускаться, и подыматься. Но оказывается, что многія рыбы имѣютъ его столь незначительнымъ размѣромъ, что служить для этихъ цѣлей онѣ никакъ не могутъ. Далѣе, многіе изъ разсматриваемыхъ водныхъ обитателей даже совсѣмъ его не имѣютъ, какъ напр.: акула, камбала, скакъ, морской скорпионъ (*Cottus*), минога и др. Вліяніе по своему роду рыбъ усстроены въ этомъ отношеніи различно. Даже въ одномъ и томъ же родѣ нѣкоторые виды — съ плавательнымъ пузыремъ, тогда какъ другіе лишены его. Въ качествѣ примѣра можно указать на макрель (*Scomber scomber*), у которой онъ отсутствуетъ, тогда какъ *Scomber pneumatophorus* причисляется къ числу счастливыхъ обладателей пузыря. Далѣе, красивая индійская рабская рыба (*Polyemus paradiseus*) не имѣетъ пузыря, всѣ же другіе виды этого рода его имѣютъ.

Понятно, что предположить, будто всѣ лишены плавательнаго пузыря рыбы меньше способны къ движенію въ водѣ сравнительно со своими товарищами — никоимъ образомъ нельзя, такъ какъ и въ числѣ первыхъ есть замѣчательно хорошіе пловцы. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ поднятіе и опусканіе удобно достигается при помощи плавниковъ; одна только акула, кажется, обладаетъ особенно гибкимъ позвоночникомъ, много помогающимъ ей при этомъ.

Если мы обратимъ вниманіе на мускулатуру стѣнокъ плавательнаго пузыря, то съ удивленіемъ замѣтимъ, что она развита иногда очень слабо, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже совсѣмъ отсутствуетъ; здѣсь объ измѣненіи объема пузыря не можетъ быть и рѣчи, равно какъ и въ томъ случаѣ, когда онъ заключенъ въ костяную коробку. Последній, такъ сказать, ударъ общепринятому мнѣнію касательно роли плавательнаго пузыря рыбъ нанесенъ опытами французскаго естествоиспытателя Шарбоннель-Салля, который въ самое послѣднее время доказалъ, что движеніе рыбъ, даже имѣющихъ сокращающіеся плавательный пузырь, не зависитъ отъ измѣненія его объема. Этотъ натуралистъ изслѣдовалъ, въ какомъ отношеніи находится измѣненіе давленія воздуха въ этомъ органѣ къ движеніямъ самой рыбы, причѣмъ понятно, что это измѣненіе давленія воздуха въ немъ можетъ находиться въ зависимости лишь отъ его объема. Если предположить, что общераспространенное мнѣніе справедливо, то при каждомъ увеличеніи давленія воздуха въ пузырь, соответствующемъ его сокращенію и увеличенію удѣльнаго вѣса рыбы, должно ожидать опусканія ея внизъ. Конечно здѣсь приходится принять во вниманіе увеличеніе давленія, происходящее отъ вѣшнихъ причинъ, напр.

при опусканіи внизъ вслѣдствіе возрастанія столба производимой давленіе жидкости. Въ виду послѣдняго Шарбоннель произвелъ свои опыты слѣдующимъ образомъ. Онъ втыкалъ въ плавательный пузырь живой рыбы (для опытовъ бракъ карповъ, пескарей, щукъ и окуней) тонкую, внутри пустую иглу и соединялъ послѣднюю при помощи каучуковой трубки съ такъ называемымъ барабаномъ Маррея. Этотъ приборъ, часто употребляемый при физиологическихъ опытахъ, состоитъ изъ цилиндрической металлической коробки, вмѣсто одной изъ стѣнокъ которой нагнута каучуковая пластинка; внутри этой коробки ведетъ узкая трубка, съ которой можно соединить каучуковую трубочку. Всякое измѣненіе давленія внутри плавательнаго пузыря поведетъ къ измѣненію давленія внутри барабана; послѣднее же выразитъ колебаніемъ каучуковой перенонки. Колебанія пластинки записываются на вращающемся цилиндрѣ посредствомъ штифта, соединеннаго съ нею при помощи рычага. Чтобы опредѣлить, насколько эти измѣненія зависятъ отъ измѣненія пассивнаго давленія (не зависящаго отъ рыбы, а отъ вѣшнихъ причинъ), Шарбоннель прикрѣплялъ къ спинѣ рыбъ эластичный мѣшокъ, который онъ также соединялъ съ другимъ показателемъ Маррея. Понятно, что всѣ измѣненія давленія внутри этого резервуара, могутъ зависѣть лишь отъ измѣненія давленія пассивнаго, причѣмъ двѣ одновременно получающіяся кривыя позволяютъ судить о томъ, имѣется-ли въ плавательномъ пузырьѣ активное измѣненіе давленія, зависящее отъ воли животнаго.

При этихъ опытахъ въ результатѣ оказалось, что, пока рыба спокойно плавала въ резервуарѣ, обѣ кривыя получались вполне тождественныя, что показывало отсутствіе активнаго измѣненія давленія воздуха въ плавательномъ пузырьѣ, при чемъ и участіе послѣдняго при движеніи не обнаруживалось. Если же рыба производила рѣзкія движенія, то легко было подмѣтить внезапное повышеніе давленія въ пузырьѣ, что конечно происходило отъ сокращенія мускуловъ, приводящихъ въ движеніе хвостовой плавникъ. По эти явленія не соответствовали погруженію рыбы: они одинаково часто обнаруживались въ этомъ случаѣ, равно какъ и при поднятіи на поверхность. Это указываетъ, что сжатіе плавательнаго пузыря не находится въ причинной связи съ опусканіемъ рыбы и что, слѣдовательно, движенія ея въ водѣ происходятъ безъ содѣйствія этого органа.

Эти прекрасные опыты дѣлаютъ значеніе плавательнаго пузыря крайне загадочнымъ, убѣждая насъ лишь въ томъ, что гидростатическія его свойства могутъ быть лишь случайными. Какое же значеніе приписать этому странному органу?

Американскій изслѣдователь Чарльзъ Моррисъ пытается отвѣтить на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что плавательный пузырь представляетъ собою остатокъ прежняго дыхательнаго органа. Изъ исторіи развитія давно уже извѣстно соответствіе между пузырями и легкими высшихъ позвоночныхъ животныхъ: и тотъ, и другіе развиваются изъ мѣшкообразнаго углубленія части кишечника. У большинства взрослыхъ рыбъ, напр. у окуни, полость пузыря вполне замкнута и совершенно отдѣлена отъ полости кишечника, но во многихъ случаяхъ, напр. у карповъ, происхождение его вышеупомянутымъ образомъ находится и въ позднемъ возрастѣ выраженіе въ томъ, что онъ соединяется трубообразнымъ придаткомъ съ пищеводомъ. Можетъ быть нѣкоторымъ приходилось въ дѣтствѣ забавляться иезвѣданіемъ при раздавливаніи плавательныхъ пузырей; замѣтили, вѣроятно, что одна издаютъ при этомъ громкій трескъ, тогда какъ отъ пузыря другихъ рыбъ этого удовольствія получить не удавалось. Вышеупомянутая трубка сообщается съ наружнымъ воздухомъ, отчего и получила названіе воздушнаго хода. Рыбы безъ этого хода во взросломъ состояніи — имѣли его будучи въ зародышѣ. Существуютъ также рыбы, имѣющія, такъ сказать, ложный воздушный ходъ, ибо вслѣдствіе заростанія внутренней полости онѣ не могутъ уже проводить воздухъ. Последній случай очевидно представляетъ переходъ къ неизмѣняющимъ воздушнаго хода. На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ мы въ правѣ предположить, что предки нашихъ рыбъ безъ воздушнаго хода — нѣкогда имѣли таковой, причѣмъ сохранившій его до настоящаго времени въ палеонтологическомъ отношеніи представляющій болѣе древнюю стадію въ исторіи развитія.

Сходство между плавательнымъ пузыремъ и легкими основывается не только на эмбриологическихъ данныхъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ подтверждается даже со стороны физиологіи. Такъ выяснено, что рыбы относящіяся къ роду карповъ — пользуются имъ для дыханія и даже погибаютъ, если имъ какъ-нибудь въ этомъ воспрепятствовать: если перевязать воздушный ходъ ниткою или распереть въ водѣ стѣбу, препятствующую имъ всплывать на поверхность воды, — онѣ задыхаются. У такъ называемыхъ двоякдышащихъ рыбъ плавательный пузырь дѣйствуетъ вполне замѣняя легкія. Это приспособленіе оказывается имъ громадную услугу, позволяя существовать въ жаркое время года, когда рѣчки, въ которыхъ онѣ живутъ въ Африкѣ, совершенно пересыхаютъ. Плавательный пузырь у нихъ одиночный, или же въ видѣ двухъ рядомъ лежащихъ мѣшковъ съ пеллеобразными выступами внутри. Уже поэтому они близко подходятъ къ легкимъ, причѣмъ не лишено значенія, что ихъ воз-

душный ход открывается на брюшной сторонѣ пищевода, тогда какъ у другихъ рыбъ — на спинной. Впрочемъ, найдены промежуточные звенья между тѣмъ и другимъ, у которыхъ олъ открывается сбоку пищеварительной трубки.

Устройство плавательнаго пузыря, приближающее его къ легкимъ, встрѣчается также у нѣкоторыхъ другихъ рыбъ; такъ въ Сѣверной Америкѣ водится рыба, получающая название *Lepidosteus*, съ пузыремъ, раздѣляющимся вдоль на двѣ полости съ цѣлою массой мелкихъ ячеекъ внутри. Все эти приспособленія, вызвавшия, какъ и у легкихъ, стремленіемъ увеличить поверхность соприкосновенія воздуха съ кровеносными сосудами для полного окисленія крови животного, — встрѣчаются нѣрѣдко.

Все эти факты заставляютъ Морриса признать плавательный пузырь за выродившіеся органы (и именно легкія), который теперь находится на ступени постепеннаго исчезанія, причѣмъ удержался онъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда приспособленія къ какой-нибудь новой дѣятельности, одною изъ коихъ является измѣненіе удѣльнаго вѣса рыбы.

Можно указать на различныя еще функціи плавательнаго пузыря. Такъ-называемая барабанъ-рыба (*Pogonias chromis*) получила свое названіе благодаря способности издавать звуки, которые нашли схожими со звукомъ отдаленнаго барабана. Вероятно это происходитъ отъ тренія глоточныхъ зубовъ, причѣмъ плавательный пузырь играетъ роль резонатора, усиливающего звукъ. Другая рыба *Trigla* издаетъ родъ ворчанія, производя это мускулами плавательнаго пузыря, стѣнки котораго богато снабжены нери. У карповъ отъ передней половины пузыря идетъ цѣпь состоящая изъ трехъ косточекъ, къ ушному лабиринту, такъ что пузырь замѣняетъ здѣсь барабанную перепонку. Замѣчательно тонкій слухъ этихъ рыбъ, благодаря которому ихъ можно приучить на звукъ колокола приплывать для ѣды (какъ это можно видѣть въ Нижнемъ саду въ Петербургѣ, на большомъ прудѣ у дворца Марли), легко объясняется вышеприведенною особенностью устройства плавательнаго пузыря. Въ качествѣ подтвержденія того, что это органы — выходящаяся, слѣдуетъ указать на разнообразіе въ величинѣ и строеніи его, тогда какъ этого не бываетъ съ органами, продолжающими нери опредѣленную и важную обязанность. Да это и будетъ вполнѣ понятно, такъ какъ, обязанные своимъ происхожденіемъ естественному подбору, они удерживаются по причинѣ своей полезности для организма послѣдующими поколениями; утративъ-же свое значеніе, они наслѣдственно больше не закрѣпляются, потому что не даютъ никакихъ преимуществъ въ жизненной борьбѣ.

Остается теперь выяснитъ, каковы были причины, обусловившія развитіе и опять исчезновеніе этихъ органовъ воздушнаго дыханія у рыбъ.

На это Моррисъ даетъ слѣдующій отвѣтъ. Известно, что суша сдѣлалась обитаемою задолго до появленія позвоночныхъ животныхъ. На это указываютъ находки насѣкомыхъ въ древнѣйшихъ пластахъ силурійской и девонской формации, и присутствіе ихъ даетъ право предположить, что на землѣ тогда была уже и растительная, и животная пища, причѣмъ едва-ли можно допустить, что наиболѣе высокоразвитыя рыбы оставались въ этомъ случаѣ простыми зрителями и не пытались воспользоваться находящеюся на сушѣ пищею. Зарожденіе воды тиной и высыханіе заливовъ должно было способствовать развитію

органовъ, позволявшихъ имъ дышать вѣдъ воды. Что это возможно, легко видѣть изъ того, что существуютъ рыбы, проводящія иногда нѣкоторое время на сушѣ. Самымъ известнымъ изъ нихъ является *Anabas scandens* (лазющая рыба), обитающая въ рѣкахъ или болотахъ Индіи и въѣзжающая, по словамъ описывающаго ее Дольдорфа, даже на деревья. Такого рода путешествія для нея возможны потому, что каждая ея жаберная полость соединяется съ другою, въ которой находится органъ, образованный многочисленными костлявыми пластинками покрытыми слизистою оболочкою, причѣмъ, по повѣнннмъ возрѣннмъ, органъ этотъ вполнѣ замѣняетъ легкія. Также можетъ долгое время оставаться на сушѣ маленькая рыба *Periophthalmus Kochreuteri*, которая, при преслѣдованіи насѣкомыхъ, дѣлаетъ при помощи своихъ брюшныхъ и хвостовыхъ плавниковъ преуморительные прыжки. Особого приспособленія для воздушнаго дыханія подмѣтитъ у нея не удалось, но чрезвычайно узкія жаберныя щели предохраняютъ жаберы отъ быстрого высыханія, что также относится къ нашему обыкновенному угрю, позволяя ему безъ особаго для себя вреда находиться долгое время на сушѣ.

Если даже въ настоящее время, когда суша переполнена опаснѣйшими врагами, нѣкоторыя рыбы рѣшаются выходить на нее, то это дѣлается вполнѣ вѣроятнымъ для той эпохи, когда отсутствіе позвоночныхъ животныхъ дозволяло менѣе рисковать при этомъ. Поэтому Моррисъ предполагаетъ, что раньше гораздо большее число рыбъ покидало свою родную стихію, чтобы заняться охотою на берегу. Образованіе легкихъ, изъ которыхъ затѣмъ развился плавательный пузырь, произошло сначала въ видѣ втягиванія части пищевода, отъ котораго они отдѣлились лишь складкою слизистой оболочки. Такое устройство можно найти и въ настоящее время у близкой къ лазящей рыбѣ — *Orhioscephalus*. Далѣе изъ этой формы развился мѣшкообразный органъ съ узкимъ отверстіемъ въ полость глотки, затѣмъ шагъ за шагомъ все это перешло въ плавательный пузырь въ его настоящемъ видѣ, съ воздушнымъ ходомъ, слоемъ мышцъ и стѣною канализованъ. При помощи различныхъ переходныхъ формъ, изъ коихъ многи сохранились до настоящаго времени, мы доходимъ до полнаго измѣненія легкихъ, съ которыми въ настоящее время встрѣчаемся еще у двоякодышащихъ.

Вѣроятно при началѣ каменноугольной эпохи такихъ рыбъ было много и онѣ подолгу выходили на берегъ. Конечно весь этотъ процессъ шель рука объ руку съ измѣненіемъ плавниковъ, которые должны были уступить мѣсто болѣе подходящимъ органамъ для передвиженія по сушѣ, — такъ можно объяснить происхожденіе земноводныхъ или амфибій. Но съ этихъ поръ условія измѣняются и рыбы должны понемиому уступить сушу болѣе примѣнившимся къ ней животнымъ: плавникъ не могъ устоять въ борьбѣ съ ногами и лапами, почему рыбамъ, снабженнымъ легкими, пришлось снова вернуться къ своей стихіи — водѣ. Это въ свою очередь должно было вызвать измѣненіе въ органахъ воздушнаго дыханія, и только нѣкоторыя изъ нихъ, благодаря особеннымъ условіямъ, могли сохранить легкія; въ большинствѣ-же случаевъ этому органу пришлось примѣниться къ новымъ условіямъ и возложить на себя новыя обязанности.

М. Штауде.

Къ рисункамъ.

Ожиданіе. (Рис. на стр. 1140 и 1141).

Изящная картина г. Ничаго представляетъ молодую дѣвушку въ костюмѣ первой половины XVI вѣка. Среднебювое плато въ обтяжку съ несомненнымъ вырѣзомъ лифа уступило мѣсто болѣе широкому и менѣе открывавшему грудь; рукава прикрыли нижнюю часть рукъ, которая съ 1450 года болѣею частью являлась обнаженною до локтя, гдѣ теперь вышло разрѣзаніе появившаяся перехватъ яркаго цвѣта, наподобіе носимыхъ ландкнехтами. Все еще значительный вырѣзъ груди прикрылся прозрачною тканью. Длинный ножъ спускается на бедро съ прикрѣпленными къ нему ножнами, въ которыхъ спрятанъ ножъ или стилетъ. Молодая дѣвушка стоитъ у окна съ мелкимъ свинцовымъ переплетомъ оконныхъ рамъ, поджидая кого-то дорогаго ея сердцу...

Этюдъ. (Рис. на стр. 1145).

Однимъ изъ популярнѣйшихъ нѣмецкихъ художниковъ считается Антонъ-фонъ-Вернеръ, творецъ „Прозоглашенія Германской имперіи въ Версалѣ“ и „Берлинскаго конгресса“. Какъ образчикъ его тонкаго письма и изящнаго рисунка можетъ служить прелестный этюдъ головы старика, помѣщенный на стр. 1145.

Свадебный поѣздъ на Москвѣ (въ XVII вѣкѣ).

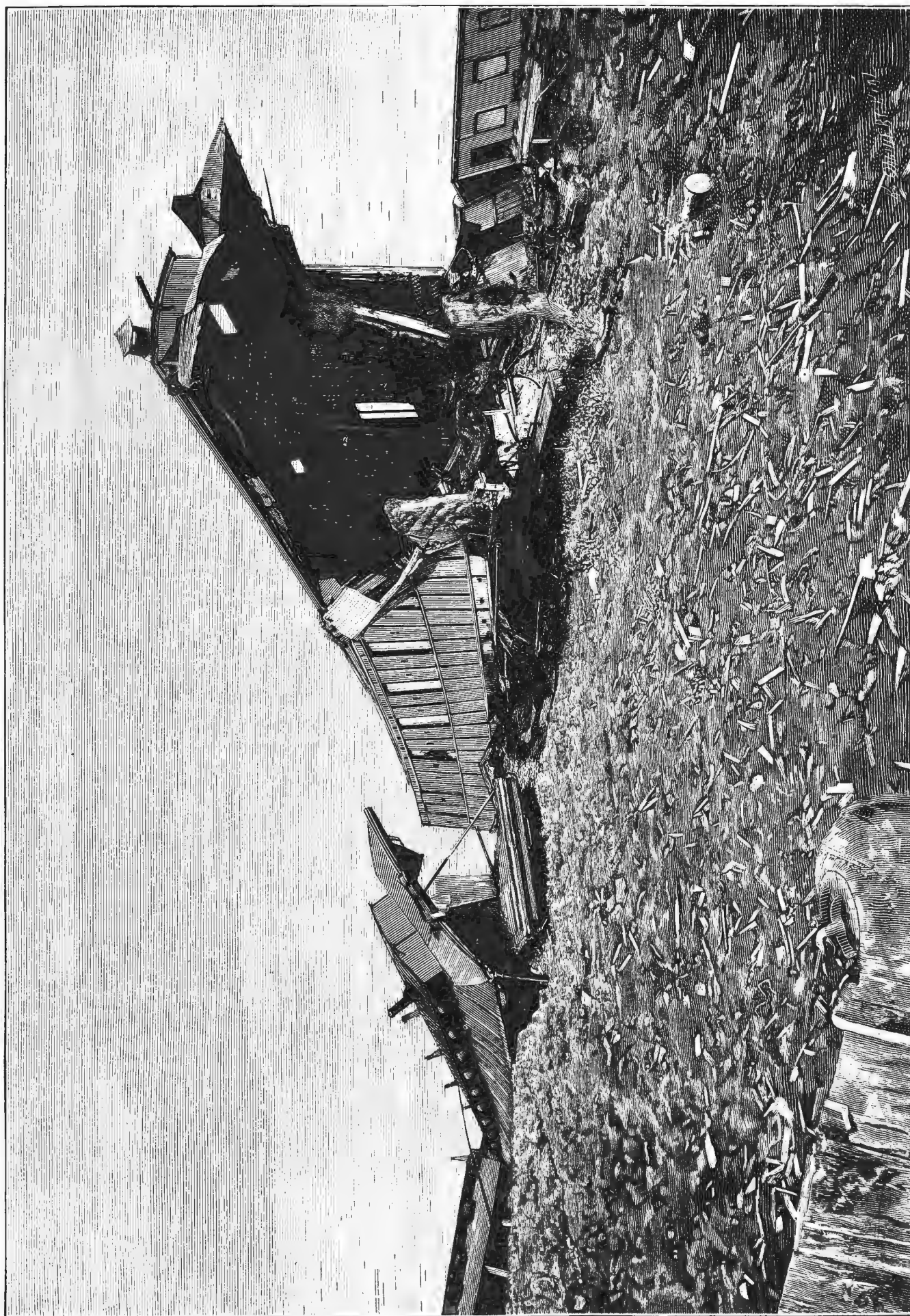
(Рис. на стр. 1148).

Художникъ очень удачно возсоздалъ одну изъ частыхъ московскихъ уличныхъ сценъ добраго стараго времени. По узкимъ, искривленнымъ, извилистымъ и холмистымъ улицамъ той

части Москвы, которая носила названіе „Деревяннаго города“ (въ отличіе отъ Бѣлаго, отъ Китай-города и Кремля) и состояла изъ посадовъ и подгородныхъ слободъ, вошедшихъ въ черту города — тянется длинный свадебный поѣздъ. Въ переднемъ возкѣ, обитомъ спарухи нестерыми коврами и ярко раскрасившись, сидятъ невѣста со свахой, тщательно укрытыя отъ посторонняго глаза. Пара сытыхъ добрыхъ коней, запряженныхъ гусемъ, тащитъ возокъ по глубокимъ спѣжннмъ сугробамъ и возница бодро помахиваетъ на коней длиннымъ *гусевымъ* кнутомъ. О-бокъ возка невѣсты, верхомъ на нарядномъ конѣ, ѣдетъ *дружка* невѣсты — главный оберегатель всего поѣзда. Въ слѣдующихъ за возкомъ саняхъ ѣдутъ поѣзжане — родственницы и подружки невѣсты. По сторонамъ поѣзда ѣдутъ нарядные слуги, неся въ рукахъ толстыя (такъ-называемыя, *сслопныя*) свѣчи, не для освѣщенія пути поѣзда, а для того, чтобы свѣтомъ благословенной свѣчи согнать съ пути всякую нечисть. По пути поѣзда, все жители, а въ особенности жительницы — сннать навстрѣчу поѣзжанамъ и стараются узнать — кто ѣдетъ на вѣчанье, и къ какой церкви направляется поѣздъ? Гдѣ ѣдетъ невѣсту нестерливый женихъ? Всехъ раздраетъ любопытство — всехъ хочется воспользоваться хоть малою частицею чужаго счастья и радости.

А вдали, надъ скученною массою занесенныхъ снѣгомъ деревянныхъ домовъ, заборовъ и убогихъ храмовъ виситъ угрюмый зимній сумракъ; деревья садовъ покрыты толстою корою серебристаго инея; галки съ крикомъ кружатся надъ одинокими главами церквей и крышами домовъ, темными пятнами мелькая на зутно-сѣромъ небѣ.

Крыша вагона-столовой, подорванна на подпорках послѣ крушенія.

Вагонъ Августѣйскихъ дѣтей.

Крушеніе Императорскаго поѣзда 17 октября близъ станціи Борки. Вагонъ Августѣйшихъ дѣтей (съ другой стороны)

Съ фотогр. грав. Ольшневскій.

Литературный альбомъ. „Полтава“, Пушкина. Кочубей въ темницѣ. (Рис. на стр. 1149).

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ,
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополеи листы.

Лука спокойно съ вы-
соты
Надъ Бѣлой Церковью
сіяетъ,
И нишнихъ гетмановъ
сады,
И старый замокъ оза-
рлетъ.
И тихо, тихо все кру-
гомъ;
По въ замкѣ шепотъ и
смятенье:
Въ одной изъ башенъ
ночь окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ
размысленьѣ,
Оковавъ, Кочубей си-
дитъ
И мрачно на небо гля-
дитъ.
Завтра казни; по безъ
боязни
Онъ мыслить объ ужас-
ной казни...

„Сосна“, стих. М. Ю. Лермонтова.

(Рис. на стр. 1152).

Въ альбомѣ, прина-
мъ Лермонтову и
относящемся къ 1840 го-
ду, находится автографъ
прелестнаго восьмисти-
шя „Сосна“. Оно на-
печатано было впервые
уже по смерти поэта, въ
январской книгѣ *Оте-
чественныхъ Записокъ*
за 1842 годъ. Самъ по-
этъ его не помѣтилъ въ
первомъ изданіи своихъ
стихотвореній, процен-
зурованныхъ 13 авг. 1840
года. Надо предпола-
гать, что „Сосна“, этотъ прелестный переводъ стихотворе-
нія Гейне, былъ поэтомъ написанъ уже въ концѣ года, когда
онъ въ послѣдній разъ прибылъ въ Петербургъ. Любопытно,
что въ альбомѣ, хранящемся въ Публичной Библиотекѣ, на
одномъ листѣ съ автографомъ находится также и легкій каран-
данный набросокъ, сдѣланный самимъ поэтомъ. Набросокъ
этотъ служитъ комментирующею иллюстраціею стихотворенія.

На первомъ планѣ, на льдистой вершинѣ, поэтъ изобразилъ
сосну и далеко-далеко, за неопредѣленною туманною далью,
силуэтъ одинокой пальмы на горячемъ песчаномъ утесѣ. Къ
ней, не то въ туманѣ, не то въ облакахъ пыли, скачетъ всад-
никъ, будто аллегорическое изображеніе безнокойной мысли
поэта, несущейся изъ полуночнаго сѣвернаго края въ сторону
южную. Надежда любящей души, порывъ ея къ недостигаемой
цѣли, отражается въ этомъ наброскѣ, комментирующемъ состо-
яніе поэта. Выполненъ этотъ набросокъ художникомъ К. А.
Газенкампомъ.

Въ альбомѣ находится также и первая попытка перевода,
сдѣланная Лермонтовымъ и снабженная эниграфомъ изъ Гейне.

Ein Fichtenbaum steht einsam
In Norden auf kahler Höh.
(Heine).

На хладной и голой вершинѣ
Стоитъ одиноко сосна,
И дремлетъ... подъ снѣгомъ сыпучимъ
Качаяся дремлетъ она.

Ей снится прекрасная пальма
Въ далекой восточной землѣ,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скалѣ.

Изъ этого наброска выработалось въ окончательномъ видѣ
извѣстное всѣмъ стихотвореніе.

Въ нашей литературѣ многіе переводчики Гейне пытались
перевести знаменитое стихотвореніе, не слушаясь мыслью, что
имъ приходится бороться со стихомъ Лермонтова. Перевелъ
стихотвореніе Грековъ:

На сѣверѣ дальнемъ, окованномъ льдами,
Стоитъ на горѣ одиноко сосна,
И снѣгомъ осыпана, машетъ вѣтвями,
И грустная дремлетъ она.
И грезится ей—въ странѣ полуночной
Подъ вьюги и бури, въ туманахъ и мглѣ,
О пальмѣ прекрасной, о пальмѣ восточной,
Растущей на знойной скалѣ.

М. Л. Михайловъ,
одинъ изъ лучшихъ пе-
реводчиковъ Гейне, пе-
ревелъ стихотвореніе
такъ:

На сѣверномъ голомъ
утесѣ
Стоитъ одинокая ель.
Ей дремлется. Сонную
снѣжнымъ
Покровомъ одѣла мятель.
И ели мерещется пальма,
Что въ дальней восточ-
ной землѣ
Одна молчаливо горюетъ
На зноимъ сожженой
скалѣ.

А. П. Майковъ пе-
редаетъ стихотвореніе
нѣмецкаго поэта въ слѣ-
дующей формѣ:

Инеемъ снѣжнымъ, какъ
ризой, покрытъ,
Кедръ одинокій въ пусты-
нѣ стоитъ.
Дремлетъ, могучій, подъ
нѣбными вьюги,
Дремлетъ и видитъ—на
пламенномъ Югѣ
Стройная пальма растетъ
и, съ тоской,
Смотритъ на Сѣверъ его
ледяной.

(1867 г.)

Здѣсь вмѣсто сосны
является кедръ. Чуткій
къ пониманію поэзіи и
большой знатокъ Гейне,
покойный М. В. Пра-
ховъ указывалъ на не-
достатокъ Лермонтов-
скаго перевода, который
онъ все же призна-
валъ прекраснымъ. Недостатокъ онъ видѣлъ въ томъ, что Лер-
монтовымъ не переданъ оттѣнокъ въ поэзіи Гейне, у кото-
раго сосна—ein Fichtenbaum—поставлена въ мужскомъ родѣ,
ей противоположна пальма—женскаго рода. Поэтому Пра-
ховъ предлагалъ вмѣсто сосны поставить кедръ и самъ по-
пытался перевести стихотвореніе.

Одинокъ на обрывѣ утеса
Кедръ царственный гордо стоитъ;
Подъ плачъ завывающей вьюги
Весь въ иней тихо онъ спитъ.
И все ему грезится пальма
Въ далекой восточной землѣ —
Стоитъ сиротой позабытой
Подъ солнцемъ на знойной скалѣ.

(1867 г.)

П. П. Вейнбергъ въ противоположность пальмѣ ставитъ въ
своемъ переводѣ „дубокъ“.

На сѣверной, горной вершинѣ
Дубокъ одинокій стоитъ;
Онъ дремлетъ—и льдомъ и снѣгами,
Какъ бѣлымъ покровомъ покрытъ.

И бѣдному грезится пальма,
Что въ дальней, восточной землѣ
Нѣма, одинока горюетъ
На солнцемъ сожженной скалѣ.

Вѣроятно найдутся и еще попытки.

Пав. Висковатовъ.

Катастрофа 17 октября.

(Рис. на стр. 1153, 1156, 1157 и 1160).

Для уясненія прилагаемыхъ рисунковъ, изображающихъ
части разбитаго поѣзда въ томъ видѣ какъ онъ представлялись
въ первые дни послѣ катастрофы, напомнимъ читателямъ мѣ-
сто событія. На седьмой веретѣ отъ „Ворокъ“ имѣется на-
сыпь протяженіемъ въ 250 саж.; насыпь эта устроена въ
глубокой балкѣ и имѣетъ высоту въ 5,8 саж., а ширину на по-

лотвѣ въ 4,00 саж., оба откоса имѣютъ 7½ саж.; съ правой стороны по пути отъ Лозовой на Харьковѣ имѣется у основанія насыпи небольшое озеро, образующееся изъ стока весеннихъ и осеннихъ водъ, а съ лѣвой стороны — глубокая ложбина; вокругъ нея стѣна, нигдѣ ближе шести верстѣ нѣтъ жилья. Императорскій поѣздъ шель въ составѣ двухъ локомотивовъ: первый Зигля, второй Струве, съ тендерами, и четырнадцати вагоновъ различной величины и тяжести. Послѣ катастрофы всѣ эти части поѣзда приняла слѣдующее положеніе.

Первый паровозъ (см. рис. на стр. 1153) стоитъ на рельсахъ, въѣзаясь въ несокъ; за нимъ *тандеръ* въ такомъ-же положеніи. *Второй паровозъ* стоитъ въ такомъ-же положеніи, какъ и первый, но колеса его находятся не на рельсахъ; за нимъ *тандеръ* въ такомъ-же положеніи.

Багажный вагонъ, въ которомъ помѣщался паровой двигатель и динамо-электрическая машина для освѣщенія поѣзда, сошелъ съ рельсовъ и задняя часть его разбита.

Оба тендера и второй паровозъ накренились палѣво, считая отъ Ростова къ Харькову.

Миная на этотъ разъ буфетъ и слесарную, вагонъ министра Путей Сообщенія, кухню, поварскую и вагонъ для служителей, переходимъ прямо къ столовой Ихъ Величествъ. По краямъ этого вагона были расположены небольшія помѣщенія въ видѣ буфетовъ. Вагонъ этотъ почти совершенно уничтоженъ. Передняя часть крыши оторвана. Стѣнки и полъ его хотя и уцѣлѣли, но лежатъ отдѣльно отъ вагона въ разныхъ мѣстахъ, недалеко другъ отъ друга (см. рис. на стр. 1157). Только одна поперечная стѣнка не оторвалась отъ уцѣлѣвшей части крыши, которая съ другой стороны поддерживается на подставленныхъ послѣ крушенія деревянныхъ подпоркахъ (рис. на стр. 1160). Прикрѣпленный къ крышѣ стѣнка лежитъ планши. Принадлежавшимъ въ этомъ вагонѣ почти совсѣмъ нѣтъ, остались только неотрванными бронзовыя вѣшалки на помятой и поломанной стѣнкѣ. Ни «телѣжки», ни колесъ, ни буферовъ отъ этого вагона не видно. Лежитъ онъ на полотнѣ дороги, повернутый бокомъ. Телѣжка, вырванная толчкомъ изъ-подъ вагона, изображена на стр. 1156.

За столовой слѣдуетъ *Велико-Княжескій вагонъ* (см. рис. на стр. 1157 и 1160). Катучая телѣжка съ колесами оторвалась и отброшена въ сторону, самый вагонъ среднею частью своего лежитъ на «бровкѣ» (по границѣ полотна дороги и откоса); поперечныхъ стѣнокъ въ немъ нѣтъ, одна изъ нихъ вошла въ

вагонъ, другая лежитъ въ сторонѣ отъ вагона, такъ что внутренность вагона видна съ той и другой стороны. Одинъ конецъ этого вагона лежитъ на грудѣ обломковъ разныхъ металлических частей (рессоръ, колесъ, осей и др.) и приподнятъ сравнительно высоко, другой же конецъ свѣшивается съ насыпи. Вагонъ этотъ былъ раздѣленъ на три отдѣленія; стѣны крайнихъ отдѣленій убиты темносинимъ сафьяномъ, а среднее отдѣлено зеленою шелковою матеріей. Мягкая мебель въ этомъ вагонѣ почти вся сохранилась. Изъ этого вагона, какъ извѣстно, была выброшена силою толчка Великая Княжна Ольга Александровна безъ малѣйшаго ушиба.

Глядя на эти изображенія разбитыхъ вдребезги столовой и Велико-Княжескаго вагона, какъ бы въ очію видишь, какое чудо совершилъ Всемогущій Богъ, снася драгоцѣнную жизнь нашего обожаемаго Монарха и Его Августѣйшей Семьи.

Остальныя части поѣзда будутъ изображены въ слѣдующемъ № *Новыя*.

Новый президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. (Портр. на стр. 1161).

Веніаминъ Гаррисонъ, только что избранный въ президенты Соединенныхъ Штатовъ, сынъ мистера Джона Скотта Гаррисона и внукъ генерала Вильяма Генри Гаррисона, десятого президента Соединенныхъ Штатовъ, родился 8 (20) августа 1833 года въ домѣ своего дѣда, въ Сѣверномъ Бердѣ, въ Огайо. Онъ воспитывался въ академіи Кари, близъ Синсинати, и въ университетѣ Майэми, въ Оксфордѣ, въ Огайо. Затѣмъ онъ изучалъ въ теченіе 2 лѣтъ правовѣдѣніе въ Синсинати. Въ октябрѣ 1853 г., еще не достигнувъ совершеннолѣтія, онъ же. нился на К. А. Скоттъ, дочери преподобнаго И. В. Скотта, изъ Оксфорда въ Огайо. Отъ этого брака у него родились сынъ съ дочерью. Генералъ Гаррисонъ, избранный въ депутаты въ Индіанополисѣ въ 1854 г., началъ свою дѣятельность на политическомъ поприщѣ съ 1856 г., въ качествѣ республиканскаго оратора. Въ 1860 г. онъ былъ выбранъ докладчикомъ Верховнаго суда въ Индіанѣ. Когда вспыхнула междоусобная война, онъ былъ назначенъ полковникомъ и по окончаніи войны вернулся бригаднымъ генераломъ. Въ 1864 году онъ снова былъ избранъ докладчикомъ суда въ Индіанѣ. Съ 1881 по 1887 г. онъ былъ сенаторомъ.

Политическое обозрѣніе.

Черезъ двѣ недѣли послѣ воинскихъ юбилейныхъ торжествъ, Данія празднуетъ 25-лѣтіе благополучнаго царствованія своего государя, короля Христиана IX. Государный родитель Государыни Императрицы, короля Греческаго и герцогини Вельской, принцъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскій, женатый съ 1842 года на принцессѣ Луизѣ, племянницѣ Датскаго короля Христиана VIII, вступилъ на престолъ 3 ноября 1863 года, по смерти сына Христиана VIII, Фридриха VII.

Четверть вѣка уже маленькая страна находится подъ пресвѣщеннымъ управленіемъ Христиана IX, отнюдь не теряясь среди великихъ державъ, съ дворами конхъ онъ связанъ тѣсными узами родства или дружбы. Россія, въ лицѣ Императора, Русскаго престола, привѣтствуетъ мастига короля, именно желаетъ долгоденствія и счастливаго царствованія вѣщепосному родителю Государыни Императрицы, во славу и на благо Даніи.

Первый министръ Англіи маркизъ Солсбери, на банкетѣ, ежегодно устраиваемомъ лордомъ-мэромъ въ Гильдголлѣ, произнесъ рѣчь о нѣкоторыхъ событіяхъ послѣдняго времени и о современномъ политическомъ состояніи Европы. Отвѣчала на тогъ въ честь министерства, глава англійскаго кабинета сказалъ: «Возстаніе въ Афганистанѣ подавлено и нѣтъ никакого повода опасаться недостатка лояльности со стороны нашихъ сосѣдей. Сдѣланный Персидскимъ шахомъ шагъ, который открылъ торговлѣ единственную судоходную рѣку въ Персіи, весьма благоразуменъ. Мѣра эта состоялась не только въ пользу Англіи, но и всего міра; она обозначаетъ начало политики, благодаря которой Персія можетъ быть призвана къ новой жизни. Небольшія войны въ Черныхъ Горахъ, въ Сиккимѣ и на побережьи Восточной Африки имѣютъ лишь временный характеръ и не заслуживаютъ почти никакого вниманія. Только событія подъ Суакимомъ того заслуживаютъ, но и тамонное положеніе не возбуждаетъ опасенія, хотя и доказываетъ, что Англія не исполнила еще приптыхъ на себя передъ Египтомъ обязательствъ. Границы Египта должны быть обезпечены къ тому желанному дню, когда наша отвѣтственность по отношенію къ этому краю прекратится». Въ заключеніе маркизъ Солсбери выразилъ мнѣніе, что всѣ Европейскія правительства желаютъ мира. Ораторъ надѣется, что и

виредъ они будутъ стремиться къ тому же. Единственнымъ предметомъ заботы является то, какъ бы взрывъ народныхъ чувствъ не увлекъ за собою правительство. Другимъ предметомъ опасенія служатъ усиливающіяся вооруженія. «Это, однако — продолжалъ ораторъ — не ослабляетъ нашей увѣренности въ миръ, во мы, соответственно желаніямъ народа, должны тоже быть готовыми на всякій случай. Въ другихъ народахъ вооруженія также должны возбуждать опасенія, потому что хотя правительства предпочитаютъ миръ, но часть населенія ревностно желаетъ войны. Что касается насъ, то, ставя миръ выше всего, мы являемся представителями народа, который въ этомъ отношеніи вполне единодушенъ». Это довольно туманное указаніе на миролюбивое настроеніе въ Европѣ — не должно отвлекать вниманіе отъ заявленія маркиза о благоразумномъ шагѣ шаха Персидскаго. Открытіе свободнаго судоходства всѣмъ націямъ по рѣкѣ Каруну, въ сущности, есть новый шагъ для просвѣщенныхъ мореплавателей въ Персію, такъ какъ они, пользуясь монополіей судоходства по Тигру и Ефрату, одни только въ состояніи посылать суда въ Карунъ. Замѣчательно, что это событіе совершилось въ отсутствіе князя Долгорукова, русскаго посла при Персидскомъ дворѣ, ѣздившаго на Кавказъ во время пребыванія тамъ Государя Императора.

Не много интересныхъ политическихъ извѣстій долетаетъ въ Европу изъ-за океана. Но за послѣднее время президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе. Всѣхъ интересовалъ вопросъ, кто одержитъ верхъ: бывший-ли глава союза «демократъ» Гроверъ Кливландъ, или республиканскій кандидатъ генералъ Гаррисонъ. Кому достанется власть: «демократамъ»-ли, когда-то бывшимъ сторонникамъ невольничества и автономіи отдѣльныхъ штатовъ, или «республиканцамъ», прежнимъ поборникамъ освобожденія чернокожихъ и сторонникамъ государственнаго единства республики, но къ сожалѣнію занятывшимъ себя въ послѣдніе годы нахожденіемъ у государственныхъ дѣлъ взяточничествомъ и другими далеко не доблестными поступками. Эти-то дѣйствія республиканцевъ и были причиною, что 3 года тому назадъ власть перешла къ демократамъ; нынѣ же она снова въ рукахъ республиканцевъ, одержавшихъ надъ своими противниками полную побѣду. Гаррисонъ избранъ президентомъ.

С М Ъ С Ъ.

Билетъ въ оперу. Когда, 16 апрѣля 1847 года, шла въ первый разъ въ Парижѣ опера Мейербергера «Пророкъ», наплывъ публики былъ настолько великъ, что за мѣста платились неслыханныя цѣны

и напр. отдѣльные кунюны въ ложахъ продавались по 700—800 франковъ. Рассказываютъ по этому поводу много забавныхъ анекдотовъ, обрисовывающихъ безумство, до котораго доходили фана-

тики, желавшие во что бы то ни стало добыть себя билет. Но ниже-слѣдующій случай, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ является русскій, повидимому превосходить всѣ остальные.

Обыкновенно героями подобныхъ приключеній привыкли видѣть англичанъ, но на сей разъ это былъ чистокровный русскій, который, получивъ, не безъ труда даваемое въ то время, разрѣшеніе на заграничную поѣздку, примчался съ экстрэ-почтой въ Парижъ, чтобы присутствовать на первомъ представленіи новой оперы. Однако, не смотря на страшную быстроту, съ которою онъ ѣхалъ день и ночь, бросая пригоршнями деньги почтальонамъ и станціоннымъ смотрителямъ, ему не удалось пріѣхать въ Парижъ раньше чѣмъ въ самый день представленія „Пророка“ и то только въ 6 часовъ вечера. Въ половинѣ седьмого нашъ меломанъ былъ уже у кассы Большой оперы, но съ ужасомъ узналъ, что уже поздно. Ни за какую цѣну нельзя было получить ни одного мѣста. Даже барышники давно уже распродали всѣ свои билеты за баснословныя суммы. Меломанъ былъ близокъ къ отчаянію. Сознаніе, что тысячи верстъ, сдѣланныя со страшнымъ напряженіемъ, не принели ни къ чему, что теперь, въ послѣднюю минуту, приходится отказаться отъ горячо желанной мечты, было слишкомъ тяжело.

Рѣшившись испробовать всѣ средства, нашъ герой обратился къ одному изъ счастливицевъ, который собирался войти въ коридоръ, ведущій въ ложи.

- Милостивый государь, проговорилъ онъ, — у васъ есть билетъ?
- Разумѣется, сударь.
- Не уступите-ли вы его мнѣ?
- За кого вы меня принимаете, милостивый государь?
- Я бы далъ за него 500 франковъ; я бы далъ за него все что вы потребуете.

Бросивъ презрительный взглядъ на говорившаго, счастливый владѣлецъ билета пошелъ своею дорогою, не удостоивъ его болѣе ни однимъ словомъ.

„Онъ правъ“, сказалъ про себя русскій. „Можно-ли предположить, чтобы счастливцу, которому удалось получить билетъ на первое представленіе „Пророка“, былъ настолько глупъ, чтобы перепродать его за какую бы то ни было цѣну!“

Въ то время какъ отчаянный меломанъ предавался этимъ размышленіямъ, онъ почувствовалъ легкое прикосновеніе къ своему лѣвому жилетному карману. Быстрымъ движеніемъ онъ успѣлъ схватить чью-то руку, которая только что успѣла завладѣть его часами. Воръ тѣтно старался высвободиться. Желѣзная рука крѣпко сжимала его руку.

— Ты напрасно сопротивляешься, воскликнулъ русскій, — я сейчасъ передамъ тебя полиціи.

Воръ, убѣдившись, что всякое сопротивленіе излишне, прибѣгнулъ къ мольбамъ.

— Сжальтесь, простоналъ онъ жалобнымъ голосомъ, — пощадите несчастнаго; одна лишь нужда...

— Хорошо, возразилъ русскій, котораго вдругъ ослѣпила счастливая мысль. — Я отпущу тебя, но съ условіемъ, чтобы ты досталъ мнѣ билетъ на сегодняшнюю оперу.

— Съ удовольствіемъ добылъ бы, возразилъ воръ, — но гдѣ его возьмешь? у меня нѣтъ билета.

— Такъ что-жъ изъ этого! Развѣ у тебя были часы, раньше чѣмъ ты вытаскилъ мои? а? Употреби тоже самое средство, чтобы получить билетъ, — только смотри, будь ловчѣе.

— Какъ, вы хотите, чтобы я укралъ билетъ!

— Разумѣется, ты стащишь билетъ у перваго проходящаго и получишь за свой трудъ и ловкость 500 франковъ, но съ условіемъ, чтобы ты добылъ мнѣ въ то же время имя и адресъ лица, у котораго украдешь билетъ.

— 500 франковъ, пробормоталъ воръ, — это стоитъ понатя счастья! Будьте спокойны, господинъ графъ или князь, я сумѣю оправдать ваше лестное довѣріе, прошу только пять минутъ срока.

— Такъ за дѣло! Ты сейчасъ показалъ себя очень человекомъ; отъ тебя зависитъ возстановить свою репутацию.

И воръ дѣйствительно блестящимъ образомъ загладилъ свою ошибку. Не прошло и пяти минутъ, какъ въ рукахъ русскаго находился желаемый билетъ и небольшой бумажникъ съ визитными карточками несчастнаго, который соединенными усиліями русскаго меломана и парижскаго карманнаго вора, лишенъ былъ возможности присутствовать на этомъ достопамятномъ представленіи.

Русскій уплатилъ вору общіяе 500 франковъ и, не чувствуя отъ радости земли подъ ногами, посѣдшилъ занять свое мѣсто.

На слѣдующее утро онъ написалъ своей жертвѣ слѣдующее письмо:

„Милостивый государь! Мнѣ удалось завладѣть вчера вашимъ билетомъ въ оперу, но я чувствую себя слишкомъ обязаннымъ за полученное мною удовольствіе, чтобы не попытаться по крайней мѣрѣ вознаградить васъ за понесенную вами денежную потерю. Такъ какъ мнѣ хорошо извѣстно, что мѣста на это представленіе продавались по весьма высокой цѣнѣ и легко можетъ быть, что вы уплатили 25 дундоровъ, я посылаю вамъ эту сумму съ покорнѣйшею просьбой принять кромѣ того прилагаемый билетъ на второе представленіе „Пророка“. Затѣмъ прошу не брать на себя напраснаго труда узнавать мое имя. Когда вы получите это письмо, меня уже не будетъ въ Парижѣ. Преданный вамъ *Неизвѣстный*.“ (с.)

Вд время. Пользующийся въ настоящее время обширною известностію, испанскій поэтъ Труэба, приводившій въ восторгъ своихъ

соотечественниковъ своею книгою пѣсенъ, переносилъ въ молодости большія лишения. Потерявъ, вслѣдствіе банкротства своего хозяина, мѣсто прикащика въ желѣзной лавкѣ, онъ получалъ занятія въ горюдой ратушѣ и здѣсь въ такой мѣрѣ успѣлъ заслужить общее довѣріе, что былъ избранъ въ число лицъ завѣдывавшихъ рекрутскимъ наборомъ. Несмотря на отвѣтственность этого поста, содержаніе поэта не превышало десяти реаловъ въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ, при всевозможной экономіи, ему необходимо было тратить не менѣе тринадцати реаловъ. Этотъ ежемѣсячный дефицитъ въ три реала довѣлъ молодого человѣка до самаго тягостнаго положенія, тѣмъ болѣе безвыходнаго, что самолюбіе не позволяло ему прибѣгать къ помощи друзей.

Убитый и разстроенный, вышелъ онъ въ одно воскресенье изъ своего дома и неожиданно былъ остановленъ какимъ-то землякомъ, который, подойдя къ нему, почтительно освѣдомился, не ошибается-ли онъ, предполагая, что имѣетъ счастье говорить съ дономъ-Труэба. Услышавъ утвердительный отвѣтъ, незнакомецъ отвелъ молодого человѣка въ сторону и остановился подъ ближайшими воротами.

— Сеньоръ, началъ онъ, — я вижу что вы не узнаете меня; я-же, напротивъ того, помню васъ очень хорошо. Я отецъ одного изъ рекрутовъ, котораго въ послѣдній наборъ хотѣли взять неправомерно на службу, вмѣсто сына одного богача, подкупившаго комиссара. Я не зналъ къ кому обратиться за помощію, но ваша наружность сразу вынула мнѣ довѣріе. Подойдя къ вашему столу, я откровенно рассказалъ въ чемъ дѣло. Рассказъ мой привелъ васъ въ негодованіе и вы обѣщали помочь мнѣ вернуть мои права. Вы сдержали обѣщаніе, сеньоръ. Черезъ нѣсколько дней я возвращался въ свою деревню вмѣстѣ съ сыномъ, а сынъ богача сталъ солдатомъ. Вы не помните этого?

Труэба молча пожалъ руку старика. Тотъ продолжалъ:

— Возвратясь домой, я сказалъ своему сыну: „Господинъ этотъ, даже не спросивъ откуда мы родомъ, сохранилъ тебѣ восемь лѣтъ работы вблизи отъ твоихъ родителей. Поэтому будетъ вполне справедливо, если мы отдадимъ ему по крайней мѣрѣ заработокъ одного года. Я охотно буду содержать тебя весь этотъ годъ на свой счетъ, съ тѣмъ чтобы все, что ты заработаешь, было отложено, какъ принадлежащее нашему благодѣтелю“. И вотъ, сеньоръ, я принесъ вамъ эти денги. Тутъ труды одного года; за остальные семь лѣтъ мы остаемся вашими должниками.

Съ этими словами старикъ вложилъ въ руку поэта кошелекъ, и удалился прежде чѣмъ ошеломленный поэтъ успѣлъ прійти въ себя. Сумма была такъ велика, что не только вывела поэта изъ состоящаго затруднительнаго положенія, но и на будущее время избавила отъ лишеній.

Когда поэтъ рассказываетъ этотъ случай, онъ всегда прибавляетъ съ отличающею его теплою вѣрой, что до сихъ поръ не знаетъ, былъ-ли старикъ дѣйствительно отецъ рекрута, или посланецъ Милосерднаго Бога, сжалившагося надъ бѣдственнымъ положеніемъ молодого человѣка. (с.)

Ужинъ въ Отѣлѣ. Обычное общество Мольера составляли Буало, Лафонтенъ, Расинъ, композиторъ Люлли, живописецъ Миньяръ и вѣчно веселый поэтъ Шанель. Они собирались то въ Парижѣ, у Буало, то въ сельскомъ уединеніи Отѣла, у Мольера. Послѣдній, живой и забавный на сценѣ, въ обществѣ всегда бывалъ разсѣянъ, задумчивъ и молчаливъ.

Однажды вечеромъ Мольеръ почувствовалъ себя нездоровымъ и удалился на покой, поручивъ Шанелю замѣстить себя за столомъ, гдѣ еще оставались пировать его друзья. Шанель, большой охотникъ до вина, такъ усердно угощалъ гостей, что скоро всѣ оныя-или, но исключая и благоразумнаго Буало. Въ оживленной бесѣдѣ одинъ изъ присутствующихъ привелъ древнее изреченіе, гласящее, что „первое благо въ мѣрѣ не родиться, второе въ время умереть“. Разгоряченные виномъ собесѣдники пустились въ разсужденія на эту тему и горько сѣтовали на неразлучныя съ жизнью страданія. „Всѣ мы жалкіе трусы!“ замѣтилъ Шанель, „отчего бы намъ не положить сразу конецъ и нашимъ сѣтованіямъ, и самой жизни?“

Рѣшеніе шахматной задачи № 66 (помѣщенной въ № 41).

Бѣлыя.	Черныя.
1) Кр. h8 -- e8	d7 - d5
2) К. f4 - e6 ++	
1)	d7 - d6 или
2) Ф. e8 - e3 ++	Кр. c5 - d4
1)	Кр. c5 - b5
2) Л. g6 - g5 ++	
1)	Кр. c5 - d6
2) Ф. e8 - e7 ++	

Верныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — В. И. Шошина, Н. Шапчина, Е. Будаговой, Москва — И. Гвоздякина, Боготое — А. Алфеева, Вологда — И. А. Обиорскаго, Лососны — А. Вильбушевичъ, Дисна — С. А. Дубякова, Исады — В. Н. Кожина, Киевъ — А. П. Шульженко, Малмыжъ — Свид. Помосова, Николаевъ — Дебаторій-Мопріевичъ, Орель — Брадецкаго, Ф. Гейнца, Рига — С. Шмелева, Смоленскъ — В. Рожинскаго, Б. Турцевичъ, Сѣдлецъ — В. Владимірова, Шелаевское — М. Жеребцова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 67 (помѣщенной въ № 41).

Бѣлыя.	Черныя.
1) e3 - d4	1) b2 - c5
2) h4 - g5	2) f6 - h4
3) b4 - a3	3) e7 - b4
4) a5 - g7	4) f8 - h6
5) a3 - b2	5) h6 - g5
6) b2 - e5	6) g5 - f4
7) e5 - d4	7) f4 - e3
8) d4 - c5	8) e3 - g1
9) c5 - b4	9) h4 - f2
10) b4 - e1	

Верныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — А. А. Посиѣва, Н. В. Панкова, Москва — Н. Перухина, Болховъ — П. Панина, Вышгородъ — Е. Я. Кромнина, Голты — И. Яковскаго, Исады — В. Н. Кожина, Новоросъ — Ф. Манькова, Насимовъ — Заорыкина, Калезинъ — Малюковскаго, Молога — М. П. Неустрова, Медвѣдово-Лейцингеръ, Н. Серпуховъ — В. Дукина, Орель — Ф. Гейнца, Сергеева — М. В. Лудышевца, Тверь — Н. Гусева, Угличъ — М. Недошвина.

О преміи „НИВЫ“ на 1889 годъ.

Получивъ первые экземпляры главной преміи на будущій 1889 годъ и желая теперь-же познакомить съ нею гг. подписчиковъ, мы разослали ее для выставки въ нижепоименованные книжные магазины и бібліотеки, гдѣ желающіе и могутъ видѣть картину. Оригиналъ картины написалъ профессоромъ Имп. Акад. Художествъ **Вл. Д. ОРЛОВСКИМЪ**, а олеографическія коніи съ нею отпечатапы масляными красками, въ 27 топовъ, въ одномъ изъ лучшихъ заграничныхъ артистическихъ заведеній. Картина точно такого же формата какъ и премія прошлаго года, т. е. 14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины, и имѣетъ паззавіе:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

Громадный успѣхъ нашей преміи за 1888 годъ „Зимній пейзажъ“ проф. Ю. Ю. Клевера, даетъ намъ надежду, что премія „Нивы“ на 1889 годъ, „ЛѢТНІЙ пейзажъ“ проф. В. Д. Орловскаго, превзойдетъ ожиданія гг. подписчиковъ, такъ какъ эта картина изображаетъ южно-русскую природу во всей роскоши ея лѣта. Это мирный хуторокъ съ его поэтическими бѣлыми хатками въ зелени вишневыхъ садовъ, освѣщенный навѣсами рощи и залитый золотомъ послѣполуденнаго солнца по всей шире облегающей его степи.

Дабы каждый могъ наглядно убѣдиться въ превосходномъ исполненіи коніи, мы выставили ее—въ помещеніи Конторы „Нивы“ (Невскій, 6)—рядомъ съ оригиналомъ.

Картина разошлетя Гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы“ (безъ всякой доплаты за пересылку ся), въ октябрѣ 1889 года.

Картину можно видѣть:

Въ С.-Петербурѣ: въ Главной Конторѣ „Нивы“ и у книгопродавцевъ: И. П. Анисимова, В. А. Еерезовскаго, Ф. А. Бителана, А. И. Бортевскаго М. О. Вольфа, Глазунова, Дейбнера, Н. П. Карбасникова, Бр. Курбатовыхъ, П. В. Дуновникова (бывш. Цылева), Н. Г. Мартынова, А. Я. Панафидина, М. В. Попова, Карла Ринкера, И. Д. Тяпкина, М. М. Стасюлевича, Тузова, Н. О. Фену, Цинзерлинга, Эггера и К^о., Эриссона, въ кн. маг. „Новаго Времени“, „Народная Польза“, въ конг. обьяв. Матисенъ и въ Центральн. конторѣ обьявленной Петрика. „Москвѣ: въ отд. конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской (въ Петровскихъ лавіяхъ), и у книгопродавцевъ А. Ланга, Васильева, Н. П. Карбасникова, Поста, Н. И. Мамонтова, Шапошникова, Девятина, Ласточкина, Глазунова, Анисимова, Вольфа, Лукина, Земскаго, въ кн. маг. насл. бр. Салаевыхъ и „Новаго Времени“. „Архангельскѣ: въ Обществ. библи. Астрахани: въ „Прикаспійск. книжн. магаз.“ Баку: у кн. Тараева. „Бердянскѣ: въ кн. маг. Гаврилицы и К^о. Брестъ-Литовскѣ: въ кн. маг. Варгафтига. „Варшавѣ: у книгопр. В. М. Истомина и кн. маг. Карбасникова. „Вильно: въ кн. маг. Сырнина и Странуна. „Витебскѣ: у кн. Миндельсона и О. К. Югансона. „Владикавказѣ: въ кн. маг. Червинской. „Владимирѣ: въ кн. маг. А. А. Бѣлякина и И. П. Иванова. „Вологдѣ: въ маг. Д. В. Волоцкаго. „Воронежѣ: въ кн. маг. М. П. Савостьянова, М. С. Селингъ и В. В. Юревича. „Вяткѣ: въ кн. маг. А. И. Зальсскаго. „Гродно: въ кн. маг. „Народная Польза“. „Дерптѣ: въ Русской Библіотекѣ. „Динабургѣ: у кн. Козеса и у Я. Паденина. „Екатеринбургѣ: въ кн. маг. Пономарева и Н. В. Пироговскаго. „Екатеринодарѣ: у кн. П. Т. Галладжидца. „Екатеринославѣ: у кн. Шаффермана и въ кн. маг. Ульмана и К^о. „Елисаветградѣ: въ кн. маг. И. И. Золотарева. „Житомирѣ: у книгопр. Савчуна. „Иркутскѣ: у книгопродавца Синицына.	Въ Казани: у кн. А. А. Дубровина, З. П. Рязанова, Н. П. Алексѣева и въ муз. маг. „Восточная лира.“ „Калугѣ: въ кн. маг. А. А. Мантсйфеля и въ магаз. настѣдн. Класникова. „Кам.-Подольскѣ: въ кн. маг. Симоновскаго „Кишиневѣ: въ кн. маг. М. О. Шаха и Лихтанскаго. „Кіевѣ: въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина, Корейво, Гг. Гинтера и Малецкаго, Югансона, въ „Южно-Русскомъ книжн. магаз.“ и у И. А. Розова. „Керчи: въ кн. маг. А. Г. Дервисье. „Ковно: въ кн. маг. „Общ. любит. чтенія“ и въ магаз. І. С. Мандельштама. „Козловѣ: въ кн. маг. Муравьева и у П. П. Дурново. „Костромѣ: въ кн. маг. Бененева, Д. П. Бѣлякина и Соколова. „Кременчугѣ: въ библи. И. М. Саддѣ. „Кронштадтѣ: въ кн. маг. „Кроншт. Вѣстн.“ и въ магаз. Бр. Чекунныхъ. „Курскѣ: въ кн. маг. Кашина, Переплетенко и М. Н. Дружинина. „Кутаисѣ: въ кн. маг. Бр. Чиладзе. „Кѣльцахъ: въ магаз. Леонъ и К^о. „Либавѣ: въ кн. маг. Р. Пуце. „Лебедянѣ (Тамб.): въ магаз. В. Н. Чурилина. „Лодзи: у кн. Р. Шатке и Г. М. Странуна. „Ломжѣ: въ магаз. А. Рихтера. „Люблинѣ: у кн. Кизеветтера. „Минскѣ: въ кн. маг. А. Городенскаго, въ библи. С. Ф. Савицкой и Е. Френкеля. „Митавѣ: у книгопр. Бестгорна. „Могилевѣ: въ кн. маг. Сырнина. „Моршанскѣ: въ кн. маг. М. Прокофьева. „Нижн. Новгородѣ: въ кн. маг. „Первая Нижегород. артель“ и библи. Лебедеза. „Николаевѣ (Херс.) у М. О. Шаха. „Новгородѣ: въ кн. маг. И. И. Дорреръ „Новочеркасскѣ: въ кн. маг. П. В. Ананьева и въ маг. Проккофьева. „Одессѣ: у кн. Е. П. Распопова, въ кн. маг. „Новаго Времени“, Аксюна, В. И. Бѣллаго, И. А. Розова и В. Г. Суворова. „Омскѣ: въ кн. маг. В. М. Орлова. „Орлѣ: въ кн. маг. В. Д. Кашина и въ магаз. „Орловскаго Вѣстника“. „Оренбургѣ: въ кн. маг. Н. П. Кудрина.	Въ Острогонскѣ: въ библи. Рѣдмина. „Пензѣ: въ кн. маг. Н. А. Магницкаго и С. Н. Алексѣева. „Перми: въ кн. маг. О. П. Петровской. „Петрозаводскѣ: въ „Алексѣевск. Общ. Библи.“ „Полтавѣ: въ кн. маг. Бойно-Родзевича и Е. Ф. Богоявленскаго и К^о. „Полоцкѣ: въ кн. маг. М. А. Енатова. „Псковѣ: въ кн. маг. Ю. Вольфрама. „Радомѣ: въ магаз. Р. Чарнецкой. „Ревелѣ: въ кн. маг. Гг. Клуге, и Штремъ и у кн. Вассермана. „Ригѣ: въ кн. маг. А. В. Витлина и Н. Киммеля. „Ростовъ-на-Дону: въ кн. маг. Теръ-Абрамяна и Романенно. „Рязани: въ кн. маг. С. С. Шемаева. „Самарѣ: въ кн. маг. Плотинова и Грау. „Саратовѣ: въ кн. магаз. „Приволжская книжн. торг.“ „Севастополь: въ кн. маг. О. А. Протопоповой. „Симбирскѣ: въ кн. маг. К. И. Юргенса. „Симферополь: въ кн. маг. Н. Туманова и у Н. Н. Шматко. „Скопинѣ (Ряз.): въ кн. маг. М. Л. Сафонова. „Славянскѣ (Хар.): у А. В. Мандрыкина. „Смоленскѣ: въ кн. маг. В. О. Лаврова. „Ставрополь: въ кн. маг. М. Т. Тимофѣеса. „Сувалкахъ: въ магаз. С. Левинозской. „Таганрогѣ: въ книжномъ маг. Гонровскаго и Линицкаго. „Тамбовѣ: въ кн. маг. Зотова. „Ташкентѣ: въ кн. маг. Шварца. „Твери: въ кн. маг. Ахматова (быв. Кашкина). „Тифлисѣ: въ кн. маг. „Центральная книжн. торг.“, Л. Б. Хиденель и въ кн. торг. К. А. Бebutова и А. А. Юднисиани. „Томскѣ: въ кн. маг. Манушина и Михайлова. „Тулѣ: въ кн. маг. Л. И. Пузыревскаго и А. Д. Львова. „Уфѣ: въ кн. маг. Блохина. „Харьковѣ: въ книжн. маг. „Новаго Времени“, Полуехтова, въ магаз. Н. П. Овсянникова, въ библи. Бирюкова и въ конг. Ф. Н. Константинова. „Херсонѣ: въ кн. маг. М. О. Шаха. „Черниговѣ: въ кн. маг. Данюшевскаго. „Череловцѣ: въ кн. маг. Ф. Н. Лаговскаго. „Ярославль: въ кн. маг. Кокуева.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1888 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками съ оригинала проф. **Ю. Ю. КЛЕВЕРА**:

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(подробности см. въ предъидущ. №.№.).

Рѣка 'всего во ста шагахъ отсюда: бросимся въ нее!— „Браво!“ единодушно воскликнуло все общество. Друзья вскопили изъ-за стола, въ послѣдній разъ обнялись и направились къ Сѣнѣ.

Мольеръ, узнавъ о томъ, поспѣшилъ къ своимъ гостямъ, съ цѣлью отклонить ихъ отъ безумнаго шага. Но онъ скоро убѣдился, что они глухи къ голосу разсудка. „Какъ, друзья мои!“ воскликнулъ онъ тогда: „вы принимаете геройскую рѣшимость, но не хотите, чтобы и я былъ съ вами! Или вы полагаете, что я меньше васъ презираю жизнь?“— „Онъ правъ“, замѣтила Шанель: „и мы передъ нимъ виноваты. Пойдемъ, Мольеръ, напейся и ты съ нами!“— „По-

времените еще немного“, возразилъ Мольеръ, „наше намѣреніе слишкомъ хорошо, чтобы мы привели его въ исполненіе тайкомъ. Если мы теперь умремъ, о насъ, пожалуй, скажутъ, что мы утопились ночью, послѣ хорошаго ужина, въ припадкѣ отчаянія или ошьяненія. Подождемъ до утра, и тогда, трезвые, при дневномъ свѣтѣ, на глазахъ у всѣхъ бросимся въ воду.“— „Онъ правъ“, вторично одобрилъ Мольера Шанель: „И такъ, господа, мы утопимся утромъ, а пока давайте допивать еще остающееся вино.“

Они опять сѣли за столъ, а когда настало утро—само собой разумеется—уже не думали топить. (N.)

Открыта подписка на „Ниву“ 1889 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ.	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у П. Н. Печковской, Петровскія линіи	6 р.	Съ пересылкою въ Москвѣ и въ друг. городахъ и мѣст. Имперіи.	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ.	6 р. 50 к.			За границу.	9 р.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

Рѣшеніе задачи буквъ № 63 (помѣщенной въ № 41).

п	л	і	о	с	е	а	ш
х	ц	х	х	г	ъ	т	ч
о	т	а	а	о	а	м	к
к	ъ	и	я	ъ	м	р	а
ъ	д	л	д	о	з	д	т
а	т	ъ	ш	ъ	о	н	о
т	н	х	е	а	ш	ч	х
ъ	н	ъ	л	к	о	с	ъ

19	30	25	28
а	т	ъ	ш
24	27	20	17
т	н	х	е
37	34	59	50
х	п	х	х
60	63	56	53
о	т	а	а
55	58	49	62
5	32	39	44
к	ъ	и	я
64	61	52	47
42	45	22	35
ъ	д	л	д
33	36	43	40
3	6	н	о
16	41	34	37
а	ш	ч	х

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: И. П. Котляревскій (съ портр.). — Бригадирская внучка. Московская билья. Графа Е. А. Саласа. Часть I. (Продолженіе). — Вѣчу не быть. Старинная повесть Д. В. Аверкіева. Часть III. (Продолженіе). — Плавательный пузырь рыбки. М. Штауде. — Въ рисункахъ: Омиданіе (съ рис.). — Эгоизмъ (съ рис.). — Свадебный поѣздъ на Москвѣ въ XVII вѣкѣ (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Полтава“, Пушкина. Ночуей въ темницѣ (съ рис.). — „Сосна“, стих. М. Ю. Лермонтова (съ рис.). — Катастрофа 17 октября (съ 4 рис.). — Новый президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Слѣсь. — Рѣшенія задачъ. — О преміи „Нивы“ на 1889 годъ. — Гамы для преміи „Нивы“ 1888 г. — О подпискѣ на „Ниву“ 1889 г. — Объявленія.

„Какъ счастье многіе находятъ, лишь тѣмъ что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — А. А. Носиленко, Э. А. Мартиновскаго, Н. Е. Александрова, Москва — Е. Тимофѣевой, Б. Коровино — В. К. Терскаго, Богруйскъ — Е. Мельсера, Одесса — Р. О.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Ключининовъ.

Плюмажи для отдѣлки багнанныхъ и маскараднхъ нарядовъ. Фантази, искусственные птицы и перья для шпилей по послѣднимъ парижскимъ моделямъ. Оптомъ и въ розницу. Работа самая изящная, цѣны умеренныя.

СОФІЯ ЭТИНГЕРЪ М. № 3192

Троицкая улица, № 38, кв. 36, у Пяти угловъ.

Только что поступили въ продажу

НОВЫЯ КНИГИ:

1) Лучъ. Первая послѣ азбуки книга для чтенія въ школахъ грамоты, одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ и въ младшихъ классахъ низшихъ учебныхъ заведеній. Цѣна 35 коп. Стр. 210+I—VIII. Составилъ Г. М. Дяченко, бывшій преподаватель русск. языка въ Полтав. учит. сем., 3-мъ Военномъ Александровскомъ училищѣ въ Моск. 2-й гимназіи, нинѣ священникъ, магистръ богословія, законоуч. реальнаго Михайлов. училища въ Москвѣ.

ЕГО ЖЕ:

2) Доброе Слово. Годъ I. Книга для класнаго и внѣ-класнаго чтенія, приѣмная къ потребностямъ народныхъ школъ: сельскихъ, городскихъ (земскихъ, Министерства Народнаго Просвѣщенія съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ) и духовныхъ училищъ. Цѣна 60 коп. Стр. 372+I—XV.

3) Доброе слово. Годъ II. Цѣна 60 коп. Стр. 338+I—XVIII.

4) Доброе Слово. Годъ III. Цѣна 1 р. 60 коп. Стр. 1033

5) Объяснительная записка къ Доброму Слову. Цѣна 15 коп.

Содержаніе книгъ. Предварительныя упражненія въ чтеніи. Отдѣлы: I. Семья. II. Школа. III. Дѣти. IV. Природы и ея явленія. V. Животныя. VI. Наши ближніе. VII. Богъ. VIII. Церковь. IX. Изъ исторіи христіанской церкви. X. Примѣры благотворительной жизни людей. XI. Примѣры наказанія Божія, которое постигаетъ людей грѣшниковъ. XII. Загробная жизнь человека. XIII. Святыя мѣста. XIV. Родина и царь. XV. Изъ крестьянскаго быта. XVI. Изъ военнаго быта. XVII. Изъ жизни великихъ людей. XVIII. Человѣкъ. XIX. Душеполезныя размышленія и наставленія. XX. Матеріалъ для первоначальнаго упражненія въ славянскомъ чтеніи. XXI. Статьи для письменныхъ работъ по русскому языку и XXII. Подготовительныя письменныя упражненія и темы для письменныхъ работъ въ связи съ книгою для чтенія.

6) Методика обученія правописанію. Для учительскихъ семинарій и институтовъ. Цѣна 80 коп. Стр. 216.

7) О приготвленіи рода человѣческаго къ принятію христіанства. Богословское и историко-философское изслѣдованіе. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 коп. Означенное сочиненіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено въ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи „Введенія“ въ православное богословіе и для вышшаго чтенія учащихся.

8) О современномъ религіозно-нравств. состояніи русск. общ. ства. Цѣна 60 к. Главн. складъ означенныхъ книгъ находится въ Москвѣ, на Брасницкой, въ книжномъ магазинѣ В. В. Думнова, подъ фирмою „Наслѣдники братьевъ Салаевыхъ“, и въ С.-Петербурѣ: Екатер. каналъ, близъ Невскаго просп., домъ № 19, куда и благоволятъ обращаться за книгами. № 34.8 3—2

Соленскія Минеральныя Лепешки

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней

приготавливаемыя подъ надзоромъ Сан. Сов. Д-ра Штельтцинга изъ болѣе знаменитыхъ целебныхъ источниковъ № 3 и 10, СО ДЕНЬ.

Ввозъ этихъ лепешекъ въ Россію разрѣшенъ Клеймо. Медицинскимъ Департа. въ С.-Петербурѣ.

Продажа во всѣхъ почтахъ Аптекахъ и Аптекарскаго магазинахъ по 10 коп. за коробку.

Оптосая продажа у **М. МОРГЕНШТЕРЪ**, Болѣиш Морская № 23, С.-Петербурѣ.

№ 3467 5—2

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (42) № 2946

ДОМАШНИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ 1889 Г.

Съ 43 рис. 96 стр. Ц. 20 к. Складъ у винопродавца Губинскаго въ С.-Петербурѣ. № 3446 5-4

Печатается и въ началѣ декабря выйдетъ въ свѣтъ издаваемый съ благотворительною цѣлью художественно-литературный сборникъ „ПАМЯТИ ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА“. Въ художественномъ отдѣлѣ этого изданія, кромѣ портретовъ и вида могилъ Гаршина, будутъ помѣщены 23 фототипы съ рисунковъ гг. Бегрова, Богданова, Брюллова, Волкова, Дубовскаго, Киселева, Кюда, Кондратенко, Крачковскаго, Крыжидкаго, Кузнецова, Лемоха, В.Маковскаго, Малышева, Полънова, Рѣпина, Савицкаго, Шишкина, Ярошенко. Литературный отдѣлъ составитъ изъ произведений гг. Абрамова, Алчевской, Жемчужникова, Короленко, Мережковскаго, Минаева, Михайловскаго, Плещеева, Гл. Успенскаго, Чехова, Чуминой, Шеллера, Щедрина и др. Здѣсь-же будутъ помѣщены письма И. С. Тургенева къ В. М. Гаршину.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ, Покупаетъ всѣ % бумаги. Ссуды подъ всѣ % бумаги. Страхование винигринныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3487 5-4 Также нужны върусь съ постояннымъ мѣстомъ жительства АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

CRÈME-SIMON (КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портится. LA POUDRE SIMON И МЫЛО à la CRÈME-SIMON имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16 3

МОЛЬДАКОТЪ

Усовершенствованная английская карманная духицидная швейная машина СЪ КОЛЕСОМЪ и автоматически выходящимся челнокомъ.

Самое позидное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „Мольдакотъ“ съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ нераспарываемымъ швомъ, какъ самая тонкая, такъ и самая толстая матерія, равно какъ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна всемъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Весомъ она около фунта. Цѣна въ картонѣ 10 р. въ полнор. орѣхъ, ящикъ 11 р. 25 к., пересылка 75 к. Въ Азіатскую Россію за 3 фунт. Главнй складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Моросейка, д. Комитета. № 3485

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ на научно-практической журналъ виноградедства и виноделия „РУССКІЙ ВИНОДѢЛЬ“ (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Въ 1889 г. „Русскій Винодѣль“ будетъ издаваться по прежней программѣ ежемѣсячно, книжками отъ 5—8 печат. листовъ. Въ 1889 г. въ „Русскомъ Винодѣлѣ“ будутъ, между прочимъ, помѣщаться статьи по коньячному производству и по приготовленію шипучихъ винъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ ГОДЪ ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Кирочная, 28. М. № 3471 2-2 Редакторъ-издатель Александръ Альмедичгенъ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ

Н. Н. КАРАЗИНА.

Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаетея въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всемъ известнымъ книгопродавцамъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ на политическую, общественную и литературную ГАЗЕТУ

ЦѢНА ЗА ГОДЪ: 4 руб. ЦѢНА ЗА ПОЛУГОДА: 2 руб.

Въ программу входятъ всѣ обычные отдѣлы ежедневныхъ изданій, а именно: переводныя статьи; телеграммы, политическая хроника; изъ загранич. жизни; мѣсячные печати; изъ литературы и жизни; фельетоны—разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, научное обозрѣніе, очерки провинціальной жизни; письма изъ провинціи; внутренняя хроника; хроника открытій и изобрѣтеній; театръ и музыка, свѣдѣнія о новыхъ книгахъ; обржевой указатель; торговныя извѣстія; объявленія.

При недорогой цѣнѣ изданію придана серьезная постанова. Сотрудники: М. П. за 3 мѣс.—1 руб. Заграничу на годъ Альбовъ, А. А. Балетирова, В. В. Бирюковъ, В. Л. Влгичко, К. Говаровъ, П. В. Засодимскій, В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Курловъ, А. И. Лемингъ, П. С. Ласковъ, Е. Д. Максимовъ, К. П. Мидбургъ, Преображенская, 4.

При этомъ № „Нивы“ разсылается иногороднымъ подписчикамъ № газеты „День“. Лица, почему либо не получившія его, благоволятъ заявлять о томъ въ контору газеты „День“ и № немедленно имъ вышлетъ. Издатель А. А. Греве. Редакторъ И. В. Сизорцовъ.

КАЛЕНДАРЬ на 1889 г., КРЕСТНЫЙ (15 к.) и КРЕСТОВЫЙ (10 к.) можно получать у всѣхъ книгопродавцевъ. Складъ въ Москвѣ у книгопр. А. Д. Ступина.

„НОВОСТИ ДНЯ“

ежедневная общестренная, политическая и литературная газета.

изданіе годъ седьмой. Цѣль газеты „Новости Дня“—въ общедоступной формѣ служить для читателей живымъ и яркимъ отраженіемъ интереснаго текущей дѣйствительности. „Новости Дня“ удивительно быстро схватывая на лету злобу стодичнаго дня, такъ и провинціальныхъ, давая въ отдѣлѣ беллетристики легкое и занимательное чтеніе въ формѣ романовъ, повѣстей, очерковъ и разсказовъ, помещаемыхъ въ ежедневномъ фельетонѣ. Для выполненія этой программы въ „Новостяхъ Дня“ существуютъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: „Вѣзда“, „Телеграммы“, „Факты и слухи“, „Толки печати“. По соч. князя С. В. Волгичана (авт. романа „Былое Времечко“). „ВЪ ЛУННУЮ НОЧЬ“, соч. И. Н. Гл. „МУКИ ПРОМЕТЕЯ“, повѣсть изъ театральн. быта, соч. П. А. Хлопова. „СОВРЕМЕННЫЙ ГЕРОЙ“, ром., соч. П. Осипова. „ДВѢ СЕСТРЫ“, повѣсть, сочиненіе С. Нестрова. „ПЕРСТЪ БОЖІИ“, историческая повѣсть изъ времёнъ Тимашаго* царя Алексея Михайловича, соч. Д. Дмитриева. Годовымъ подписчикамъ будетъ высланъ романъ: „Нупленный мужъ“—В. Ривалли. Ц. № 3483 8-1 На 12 м. На 11 м. На 10 м. На 9 м. На 8 м. На 7 м. На 6 м. На 5 м. На 4 м. На 3 м. На 2 м. На 1 м. Съ пересылкой во всѣ города Имперіи. 9 — 8 50 8 — 7 — 6 50 6 — 5 50 5 — 4 — 3 — 2 — 1 — Адресъ: Москва. Контора газ. „Новости Дня“. Ред.-изд. А. Липскеровъ.

ЛЕПШИНСКІЙ и РОЗПНІЙ ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

Н. Морскаго (Лебедева) съ 118 рис. и вылетками Н. Н. Каразина. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ колѣнокоронномъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Съ требованіями обращаетея въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

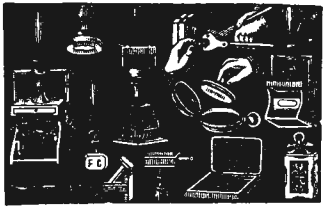
ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ НА ПРАЗДНИКИ.

Только 10 р. Настоящій фотографическій аппаратъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч. въ кабинетную величину, съ пробн. снимкомъ и руководствомъ. Пересылка за 15 фунт. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4. Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн. Штабомъ, С.-Петербургъ. № 3481

№ 4711 ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА

получили извѣстность, благодаря своимъ качествамъ; значительное содержаніе глицерина, большая экономія, обиліе пѣны и тонкій ароматъ составляютъ отличительныя ихъ свойства. Специально рекомендуемъ: № 4711 Роза — Хрустальное мыло, № 4711 Ландышъ — Хрустальное мыло, № 4711 Резеда—Хрустальное мыло, № 4711 О-де-колонъ — Хрустальное мыло, № 4711 Монополь — Глицериновое мыло. Издѣлія № 4711 продаются во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3353 6-3 ГЛАВНОЕ ДѢЛО у АЛЕКС. ТИСЪ и К°. Пушкинская, № 4.

Прому почтять своимъ благосклоннымъ вниманіемъ мои произведенія изъ каучука и металла, признанна лучшими, по своему безукоризненному и изящному исполненію. Какъ-то: штемпели для Контровъ, Присутственныхъ мѣстъ, заголовковъ писемъ, факсимиле, монограммы, формулярные штемпели для Судебныхъ учреждений величиною до 20 сантимеровъ, Медали, Гербы, Эмблемы, Номераторы-Иагениры, Позираторы, численники, со вставными каучуковыми числами и массивными каучуковыми и металлическими числовыми колесами самогасящиеся и ручные.

Каучуковые типы для набора отдѣльныхъ словъ и чиселъ всякой величины съ ящичкомъ Штемпеля, Алфавиты, набора чиселъ изъ каучука и вальцевой массы для ситировки ящичковъ и т.п. Сигнатуръ изъ каучука величиною до 25 сантим. изъ вальцевой массы всякой величины.

Ударные штемпельные прессы, мѣдная и стальная печати, а равно и печати для выжиганія, изящнаго исполненія.

Невозможные карманные штемпели: автоматы, штемпели чаши, карандаши (последніе и изъ массивнаго серебра), ножки, синичники, брелки къ часамъ изъ никеля, серебра и золота.

Невозможная гравировальная работы на всѣхъ металлахъ.

Лучшая штемпельная краска различныхъ цвѣтовъ.

Лучшая чернильная чернила для мѣтки бѣлья.

Аппараты для печатанія бронзою на стеклѣ, порцеланѣ, матеріи, кожѣ и проч.

Пороски: золотой, серебряный, мѣдный и различныхъ бронз. Мѣ. № 3497 2-1

Новый патентованный способъ травленія на стеклѣ и всѣхъ металлахъ.

Сухая штемпельная краска съ подушкою всегда готова къ употребленію.

На 1889 (IV-й) г.

съ 1-го ноября

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на дешевый ежедневный иллюстрированный журналъ

„СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИНЪ“

К. МАСЛЯНИКОВА.

Много рисунковъ, практическіе безплатныя отвѣты на вопросы, съ рисун. Прилагаются безплатно: сѣмена, архитект. проекты красокъ. Безплатно при подпискѣ: Альбомъ снага, лошадей, собакъ. Программа высылается безплатно. На годъ 6 р.

ЭЛЕВАТОРЫ,

путь конструкціи и значенія для Россіи К. Масляникова. 12 рис. Съ нерс. 40 к. Главнѣйшія причины сельско-хозяйственнаго кризиса и мѣры къ его прекр. Съ нер. 15 к. Сиб. Надъжидская, № 39.

КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ ЧЕШСКО-СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА В. Ф. ЧЕРВЕНЬИЙ и Сыновья въ Кіевѣ, Рейтарская, 41.

Рекомендуютъ свой заводъ для доставки музык. инструментовъ духовыхъ, струнныхъ, ударныхъ и клавишныхъ, которые превосходятъ нѣмецкихъ, английскихъ и французскихъ по чистотѣ строя, отличаетъ адегантой и прочной отдѣлкой.

Т. п. адресовать: въ Кіевѣ, В. Ф. Червеному и С. № 3461 4-3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ на БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ „РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

(ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ).

26-го іюня 1889 г. мнѣетъ десять лѣтъ, какъ издается „РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“. Этотъ рядъ цѣлыхъ годовъ нашего изданія, пользовавшагося все это время добрымъ вниманіемъ и довѣріемъ со стороны русскаго общества и русскаго народа, добрый откликъ ему со вѣхъ сторонъ Россіи и изъ среды славянскихъ народовъ поддерживаетъ нашу энергію и къ будущему служенію на пользу русскимъ и славянскимъ интересамъ и даетъ намъ право высказаться болѣе точно и опредѣленно о задачахъ нашихъ и намѣреніяхъ.

Прежде всего, мы, конечно, не измѣнимъ и въ будущемъ нашему знамени, на которомъ значится „ПРАВДА И ПОЛЗА ДЛЯ ОТЕЧЕСТВА“. Строго добросовѣстное служеніе этимъ двумъ принципамъ и твердое отстанавленіе отъ всякаго изъ нихъ послѣдствія — вотъ что составляетъ и всегда будетъ составлять нашу господствующую задачу.

Чутко стоя на стражѣ общественныхъ интересовъ, мы внимательно, какъ и прежде, будемъ слѣдить за всѣмъ, что совершается внутри и внѣ дорогаго для насъ Отечества, что такъ или иначе отражается на его историческихъ судьбахъ. Намъ слишкомъ дороги эти судьба и потому мы не пропустили и не пропустимъ ни одного изъ событий, вліяющихъ положительно или отрицательно, какъ на совершенствованіе русской жизни, такъ и на политическое положеніе Россіи — какъ великой державы, достоинство, могущество и слава которой составляютъ нашу національную гордость.

Преполненные чувствомъ истиннаго патриотизма и потому глубоко заинтересованные во благѣ для нашей родины, въ ея общемъ преуспѣаніи и величій, мы съ одинаково серьезнымъ вниманіемъ относимся ко всѣмъ сторонамъ государственной и общественной жизни, поочередно трактуя о дѣлахъ и вопросахъ политическихъ, административныхъ, законодательныхъ, суде-

бныхъ, городскихъ, земскихъ, финансовыхъ, эконоимическихъ, торговыхъ, промышленныхъ, о вопросахъ народнаго образования, народнаго здравія и вообще о всѣхъ социальныхъ и политическихъ явленіяхъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ жизни и къ быту русскаго человѣка.

Исторически русскія завѣты и чувство единства нашего національнаго духа съ единоплеменными и единокованными намъ народами славянскими заставляютъ насъ также зорко слѣдить и за судьбами славянства, также добросовѣстно содѣйствовать всему, что только можетъ сплотить славянство въ одно цѣлое съ нами...

Смерть славныхъ московскихъ публицистовъ заставила насъ особенно усилить наше рвеніе въ исполненіи своихъ обязанности и направить всѣ наши силы въ тому, чтобы поспѣдовать, насколько то будетъ возможно, тѣмъ сторонамъ ихъ дѣятельности, которымъ мы сочувствовали при ихъ жизни и которая остались и понынѣ для насъ симпатичными.

Въ разработкѣ „Славянскаго вопроса“, въ газетѣ нашей между прочимъ, участвуетъ постоянно и извѣстный славистъ О. В. Миллеръ, членъ с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго о-щества. Для той-же цѣли установлены нами тѣсныя сношенія со всеми славянскими землями и имѣются нѣсколько специальныхъ корреспондентовъ въ Софій, Константинополь, Цетинь, Рущукъ, Бѣлградъ, Львовѣ, Краковѣ, Вѣнѣ и другихъ славянскихъ городахъ.

Въ трудахъ редакціи, въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ кромѣ редактора-издателя, принимаютъ участіе многие извѣстные представители нашей публицистики и профессуры, многие специалисты по различнымъ отраслямъ знанія (юристы, филологи, педагоги, агрономы, техники, военные и проч.),

нѣкоторые изъ извѣстныхъ нашихъ беллетристовъ, а равно и многие представители государственнаго и общественаго служенія.

Независимо отъ руководящихъ статей, которыя имѣютъ мѣсто въ нашей газетѣ не исключая ни праздничныхъ, ни послѣ праздничныхъ дней, независимо отъ всѣхъ другихъ помѣщающихся въ газетѣ публицистическихъ статей и сообщеній какъ о внутреннихъ дѣлахъ, такъ и о заграничныхъ, словомъ, независимо отъ всего того, что посвящается заобѣднѣ, жгучему интересу минуты, редакція не мало мѣста удѣляетъ и чистой беллетристикѣ. Въ этомъ отношеніи „РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“ даетъ читателю столько, сколько не даетъ почти ни одна газета въ Россіи.

Въ наступающемъ 1889 году, независимо отъ многихъ удаченій по всѣхъ отдѣлахъ газеты, въ смыслѣ еще большаго разнообразія газетнаго матеріала и еще болѣе снѣжанія извѣстій, въ фельетонахъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“ имѣютъ быть напечатаны на ряду съ другими очерками и разсказами и нѣсколько болѣшихъ беллетристическихъ произведеній.

Кромѣ болѣе чѣмъ 300 внутреннихъ корреспондентовъ и корреспондентовъ въ Софій, Константинополь, Цетинь, Рущукъ, Бѣлградъ, Львовѣ, Вѣнѣ, Краковѣ и Прагѣ, „РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“ имѣетъ еще своихъ постоянныхъ, специальныхъ корреспондентовъ въ гг. Нью-Йоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Римѣ, Берлинѣ и друг. гор.

Для своевременнаго ознакомленія русскаго общества какъ съ дѣятельностью нашихъ высшихъ государственныхъ учреждений, такъ и вообще съ особенно важными внутренними и политическими новостями, въ С.-Петербургѣ имѣютъ постоянное жительство нѣсколько специальныхъ корреспондентовъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“.

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“ выходитъ ежедневно въ форматѣ болѣшихъ газетъ по слѣдующей программѣ:

1. ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА. — II. ОБЗОРЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СОБЫТІЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ; ОБСУЖДЕНІЕ „ВОПРОСОВЪ ДНЯ“. — III. ХРОНИКА: извѣстія — придворная, военная, литературная, художественная, театральная, музыкальная, торговая и др. Биографія и некрологи. — IV. ТЕЛЕГРАММЫ. — V. МОСКОВСКИЙ ДНЕВНИКЪ. — VI. МНѢНІЯ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ ПО ТЕКУЩИМЪ ВОПРОСАМЪ. — VII. ЖИЗНЬ РОССИИ: народное образованіе, земство, городское и крестьянское самоуправленіе, промышленность и торговля; корреспонденціи изъ Россіи; извѣщенія изъ журналовъ и газетъ. — VIII. ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ: корреспонденціи изъ-за-границы; извѣщенія изъ иностранныхъ газетъ. — IX. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ: романы, повѣсти, очерки, разсказы, сцены, стихотворенія. — X. ФЕЛЬЕТОНЪ: обзоръ явленій внутренней жизни; литературная лѣтопись; обзоръ журналовъ; историческій дискурсъ; научная хроника; хроника заграничной жизни; театр и музыка. — XI. КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДѢЛЪ: статьи по различнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и промышленности. — XII. СУДЕБНАЯ ХРОНИКА: судебные процессы. — XIII. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ: случаи, анекдоты и проч. — XIV. СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ: свѣдѣнія — биржевыя, желѣзнодорожныя, театральныя и отѣты редакціи. — XV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ „РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ“ помѣщаются ЕЖЕДНЕВНО, НЕ ИСКЛЮЧАЯ ДНЕЙ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ И ТАБЕЛЬНЫХЪ: политическое обозрѣніе, разнообразные фельетоны и передовыя статьи по текущимъ вопросамъ и СЛАВЯНСКОМУ.

Телеграммы помѣщаются „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ и отъ собственныхъ корреспондентовъ заграничныхъ и русскихъ.

Всего въ каждомъ номерѣ помѣщается текста, кромѣ объявленій, болѣе 3000 строкъ. № 3486

Въ издательскомъ отношеніи газета также поставлена въ вполне благоприятныя условія.

Для печатанія газеты имѣется своя типографія, снабженная новейшей конструкціи машинами и аппаратами, въ томъ числѣ скоростратной английской машиной „Винторія“, печатающей и фальцующей 10,000 экземпляровъ газеты въ часъ, аппараты для стереотипа и два мотора: газовый и паровой. Для разсылки газеты въ провинцію имѣется экспедииторъ и для Москвы — артель разнощиковъ. Бумага по заказу нашему получается съ извѣстной фабрики М. Г. Кувшинова.

РЕДАКЦІЯ, КОНТОРА ИЗДАНІЯ И ТИПОГРАФІЯ помѣщаются въ собственномъ домѣ Н. П. Ланина въ Москвѣ.

Условія подписки:

СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ МОСКВѢ:		СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ ГОРОДА:		ЗА ГРАНИЦУ:	
На годъ	9 р. — к.	На годъ	10 р. — к.	На годъ	20 р. — к.
6 мѣс.	5 „	6 мѣс.	6 „	6 мѣс.	12 „
3 „	2 „ 75	3 „	3 „	3 „	6 „
1 „	1 „ 10	1 „	1 „ 25	1 „	2 „ 50

1. Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не далѣе конца года.
2. Гг. иногородные, при возобновленіи подписки, благоизволятъ прилагать свой печатный адресъ.
3. За перемѣну адреса городского и иногороднаго — 30 коп. При перемѣнѣ городского на иногородный доплачивается разница въ цѣнѣ подписки.

Редакторъ-издатель Н. П. Ланинъ.

ЗАЯВЛЕНІЯ отъ окончившихъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и ищущихъ мѣсть въ провинціи принимаются безплатно въ конторѣ состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Еватерини Михайловны Дамскаго Общества, въ С.-Петербургѣ (въ зданіи Михайловскаго дворца, входъ противъ театра), по средамъ и субботахъ, отъ 3-хъ до 5-ти часовъ. Тамъ-же принимаются заявленія лицъ, желающихъ обратиться къ Обществу за рекомендаціею учительницъ и гувернантокъ. № 3494

Врачебное Управленіе разрѣшило возозъ и продажу цвѣточно-благовонной **ФЛОРИДСКОЙ ВОДЫ** Муррей и Ланнанъ, Нью-Йоркъ въ главныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Казани, Самары и Харькова. Агенты въ главныхъ городахъ Россіи; просить обращаться къ К. Ф. Гейслеръ, С.-Петербургъ и Эд. Гейле, Харьковъ. № 3478 5-1

УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛКИ

удивительно дешево и выгодно для провинціаловъ высылаю коллекціи состоящихъ изъ **СТЕКЛА, МЕТАЛЛА, ЛАМЕТЫ** и проч. № 3490

Каждая для одной елки, а именно: 110 предметовъ Р. С. 18, 50 } по получению 75 „ „ „ 10, 50 } надлежатъ 60 „ „ „ 7, — } суммъ.

величательно упаковка и пересылка. **ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ** **ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ** Садовая, 12, С.-Петербургъ.

Библиотека „Руниверс“

ШОКОЛАДЪ
ГОТОВИТЕЛЬ
А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВЕЙ
ПРОДАЕТСЯ
ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ
РОССІИ

Р. № 3473
5-2

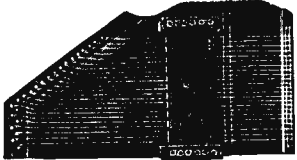
ОТКРЫТА НА 1889 г. ПОДПИСКА на журналъ **Годъ II. „СЧЕТОВОДСТВО“** выходить 2 раза въ мѣсяцъ: 15 и 30 числа безъ дост. 6 р., съ дост. 6 р. на годъ.

Программа: I. Значеніе сч-ва. II. Исторія и теорія сч-ва. III. Коммерческія знанія. IV. Практич. отдѣлъ. V. Разборъ отчетовъ. VI. Библиографія. VII. Судебн. отдѣлъ. VIII. Темы и задачи. IX. Смѣсь и справ. отдѣлъ. X. Объявленія.

Подробная программа высылается бесплатно. Контора редакціи: СПб., Караванная, 16. 30 окт. вышелъ 21 №.

Содерж. I. Опред. стоим. произв. хлѣба. II. Горнозав. сч-во. III. Записи въ главной книгѣ. IV. 1/2 год. уплата судей, выдан. Поз. банками. V. Сч-во виннаго дѣла. VI. Сч-во-контроль. часть на жел. дор. VII. Сч-во въ Новгор. земствѣ. VIII. Спец. тек. счета въ Госуд. Банкѣ и т. д. № 3479

№ 1 за 1888 годъ 6 руб. Редакторъ-издатель А. Вольфъ.

ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖЪ:
УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.

Цѣна бѣло-лакированныхъ . . . 8
темно-подпорованныхъ . . . 8 50
Поты къ нимъ: Альбомъ I и II по . . . 30
Альбомъ III новый . . . 50

За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.
Прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно.
Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 3386 (2)

НОВОСТЬ!

Американскія металлическія лампы **ГИЧКОКЪ** безъ стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣлѣе и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается огромная экономія устраненіемъ постоянно ломающихся и бьющихся стеколъ.

Лампа вся металлическая, изящно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обмыкательный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.

Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1 1/2 копѣйки въ часъ.

Полное ручательство за добротность.

Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россіи:
Столовая . . . 12 руб.
Височная . . . 15 руб.
Стѣнная . . . 15 руб.

Съ колпачкомъ и колпачкомъ на 3 р. дорожж. Цѣны въ Азіатскую Россію на 4 р. дорожж.

Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372**

Ж. БЛОКЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбу гь, Соборная улица.

А. М. РУЗАНОВЪ
Гостинный Дворъ, № 40, въ С.-Петербургѣ
высылаютъ по первому требованію бесплатно свой спеціальнй
РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
Цѣны на заграничныя произведенія поименов. № 3480 6-1

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПб., Невскій, № 6.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Ве. С. Соловьева.

Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Бирона и водворенія Елисаветы. Пзд. 3-е. СПб. 1886 г. II, 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскошн. колѣнк. перекл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

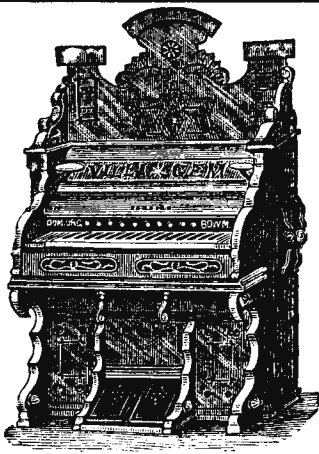
А. РАДЛЕ и Ко ПАРЮМЕРНАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ **ВЪ МОСКВѢ.**

Пудра бархатная.	Вода туалетная.
Мыло ланолиновое.	Мыло оперное.
Мыло „виды Москва“.	Одеколонъ квадратный.
Духи, Персидская сирень.	Духи Г-ть Амамъ.
Мыло лимонно-глицериновое.	Цветочный одеколонъ.
Элепсиръ борно-тимоловый.	Порошокъ борно-тимоловый.
- Ц. № 3498

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.

Розничнй магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ФИСГАРМОНИИ
ПО УДЕШЕВЛЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ:

ФРАНЦУЗСКІЯ въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р.
АМЕРИКАНСКІЯ въ 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 р.

Въ № 18 сего года журнала „Нива“ помещена интересная статья, изъ которой можно получить вѣрное представленіе о достоинствахъ фисгармоніи. Эта статья, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ — бесплатно.

Большой выборъ нотъ для фисгармоніи.

Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42, Москва, Кузнецк. м. д. бывш. Торцоваго.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловекій проспектъ, № 21.

РЕКОМЕНДУЮТСЯ въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

МЫЛО ГЛИЦЕРИНОВОЕ И МЫЛО ПРОЗРАЧНОЕ

МЫЛО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 45 н.

Миндальное.—Присовое.—Сюкъ де Лету.—Крымская фѣалка.

МЫЛО САМАГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 65 н.

Шипръ.	Эссъ-Буке.	Кадзура.
Шампана.	Инсора.	Жюней Клубъ.
Гелиотропъ.	Буке Императрисъ.	

МЫЛА КАРБОЛОВОЕ, ДЕГТЯРНОЕ И ПРОЧ.

приготовленныя съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
- 2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 66.
- 3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ. П. № 3476

85 РУБЛЕЙ. Шубка „БОЯРЫНЯ“.

Изъ лучшаго шевіота, на шелковой саржѣ, на пуху. ШАЛЬ, ШАНКА, МУФТА изъ каракуль. Длина 32 в. На среднюю полноту.

СОБСТВЕННОСТЬ ДОМА **Ю. ФЛОРАНЪ,** СПб. 18, Большая Морская.

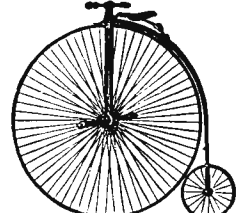
СПЕЦІАЛЬНАЯ

ХИМИКИ
ТОРГОВЛЯ **ВИНСКАМИ**
ОВЧИНАМИ
МИХИЛА ФЕДОРОВИЧА СУТЯГИНА
Июня и Іюль, Д. Козырева
Въ Москвѣ, ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ ВЪ ОКРУЖЕНІИ ОВЧИНЪ, ВЪ ОДНОМЪ МѢСѢЦѢ

Заказы исполняются при содѣянн мастерской.

На Нижегородской ярмаркѣ Ватно-Мѣховой рядъ.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ 2-хъ-колесные велосипеды спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейсъ-куранты бесплатно, также брошюра виконта Барри: „О велосипедѣ и велосипедистахъ“ Москва, Кузнецкій м., д. Голкина. СПб., Б. Морская, 21. Р. № 3395 (3)

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петербургъ. Трущобы“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 19 ноября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 сторону непарейль (1/4 шир.
 стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
 75 к. — Загран. для Франціи у
 Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
 для Австр., Герман. и Швец.
 у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
 тербургъ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
 тербургъ . . . . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
 конг. объявл. Н. Н. Печков-
 ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
 и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особая приложенія при
 „НИВѢ“ объявленія отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Подписка на 1888 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. №№ съ преміями.

А. Н. Оленинъ.

Однимъ изъ образованнѣйшихъ людей эпохи Александра I-го, принимавшихъ ближайшее и непосредственное участіе въ успѣхахъ отечественной словесности и художества, — былъ Оленинъ. Этотъ государственный человѣкъ достаточно и съ честью послужилъ своей родинѣ, немало потрудившись и на административномъ, и на ученомъ поприщахъ. Его благотворная дѣятельность была весьма разнообразна: онъ отличался, какъ храбрый воинъ, въ Шведской кампаніи, въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, занимаясь собираніемъ намятниковъ древней русской жизни, имѣлъ большія археологическія познанія; благодаря его хлопотамъ, извѣстный археологъ-художникъ Ѳ. Г. Солдцевъ, здравствующій и нынѣ, былъ посланъ въ Москву и другіе русскіе города „для срисованія старинныхъ нашихъ оубійи, оружія, церковной и царской утвари и прочихъ предметовъ, принадлежащихъ къ историческимъ, археологическимъ и

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ (по поводу 125-й годовщины рожденія).
 Съ совр. портр. грав. Шюблеръ,

этнографическимъ свѣдѣніямъ“. Онъ много сдѣлалъ хорошаго въ качествѣ президента Императорской Академіи Художества, и его заслуги на пользу академіи не могли поколебать разные легкомысленные, невежественныя критики, ставшіе въ вину президенту то, что онъ заботился также и о нравственности воспитанниковъ академіи. Оленинъ немало послужилъ также дѣлу устройства и управления Императорской Публичной Библіотеки, директоромъ которой онъ пробылъ тридцать пять лѣтъ. При немъ произведены канитальныя пристройки библіотеки и ея сокровища пріумножились. Оленинъ не былъ только покровителемъ талантовъ, онъ любилъ ихъ, участвовалъ въ ихъ дѣятельности, входилъ во всѣ подробности трудовъ ихъ, и возбуждалъ ихъ дѣятельность не одними совѣтами, но и живѣйшею дружбою. Въ домѣ Оленина, по свидѣтельству графа Ѳ. П. Толстаго, „собиралось все, что было въ Петербургѣ хорошо образованнаго, отличавшагося дарованіями, по-

знаніями и умом⁴. Всѣ русскіе писатели того времени, всѣ ученые, составляющіе гордость родной литературы и науки — Пушкинъ, Жуковский, Дмитриевъ, Державинъ, Каннинъ, кн. Вяземскій, Карамзинъ, А. И. Тургеневъ, гр. С. С. Уваровъ, Дашковъ и другіе — находили въ домѣ Оленина самый дружественный, радушный приемъ, и просвѣщенный, страстно любившій искусства хозяинъ дома пользовался тѣсною дружбой и глубокимъ уваженіемъ этихъ корифеевъ отечественной словесности. Наконецъ, Оленинъ трудился, насколько доставало его силъ, и въ качествѣ члена Государственнаго Совѣта. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы не имѣемъ даже сколько-нибудь сноской біографіи этого въ высшей степени полезнаго, почтеннаго дѣятеля, и его заслуги все еще ожидаютъ должной оцѣнки. Въ вышнѣмъ году исполнилось сто двадцать пять лѣтъ со дня рожденія Оленина, и это даетъ намъ поводъ познакомить читателей съ біографическими данными бывшаго президента академіи.

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ родился 21 ноября 1763 года въ Москвѣ, отъ брака статскаго совѣтника Николая Яковлевича Оленина съ Анной Семеновной Волконской, дочерью генерал-аншефа князя Семена Федоровича Волконскаго. До десяти лѣтъ Алексѣй Николаевичъ жилъ дома и затѣмъ былъ отведенъ къ родственницѣ своей, извѣстной княгинѣ Е. Р. Дашковой. Въ домѣ княгини на него обратила вниманіе императрица Екатерина II и, согласно ея волѣ, молодой Оленинъ былъ записанъ въ Пажескій корпусъ, а затѣмъ, въ 1780 г., отправленъ въ Дрезденскую артиллерійскую школу, „для обученія воинскимъ и словеснымъ наукамъ“, въ которой пробылъ пять лѣтъ. Въ бытность заграничій Оленинъ въ 1783 г. считался вынужденнымъ изъ Пажескаго корпуса и получилъ чинъ капитана. Въ 1785 г. онъ переведенъ въ артиллерію, въ слѣдующемъ году произведенъ въ капитанъ артиллеріи и черезъ два года уволенъ по болѣзни съ чиномъ майора. Определенный въ 1789 году снова на службу, онъ поступилъ въ Псковскій драгунскій полкъ въ чинѣ подполковника и устроилъ при своемъ полку конную артиллерійскую роту, первую еще тогда въ Россіи. Когда началась война со Швеціей, Оленинъ принялъ въ ней участіе, а затѣмъ въ 1792—1794 гг. храбро сражался противъ поляковъ и участвовалъ въ усмиреніи конфедератовъ Лидскаго повѣта. Получивъ чинъ полковника, Алексѣй Николаевичъ въ 1795 году уволился отъ военной службы и перешелъ въ гражданское вѣдомство. Съ этого времени начинается его служебная дѣятельность, въ высшей степени разнообразная: поступивъ въ учрежденную по инициативѣ Государственнаго ассигнаціоннаго банка экспедицію о закупкѣ мѣди, онъ сдѣлалъ былъ совѣтникомъ банка, затѣмъ назначенъ управляющимъ Банковаго монетнаго двора, послѣ чего, въ 1798 г., определенъ оберъ-прокуроромъ 3-го департамента Сената, а въ слѣдующемъ году сдѣланъ управляющимъ юнкерской школы при Сенатѣ. Въ апрѣлѣ 1801 года перевели въ канцелярію Государственнаго Совѣта экспедиторомъ и скорѣ сдѣлали статсъ-секретаремъ. Съ образованіемъ въ Россіи министерствъ, въ 1802 году, Оленинъ назначенъ вѣстѣ со Сперанскимъ состоять при министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ для составленія канцеляріи и послѣ этого определенъ первымъ по времени товарищемъ министра Удѣловъ съ оставленіемъ и въ другіе должности. Въ декабрѣ 1806 года Оленинъ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи главнокомандующаго земекимъ

ополченіемъ первой области и исправлялъ съ 1807 по апрѣль 1808 г. должность дежурнаго генерала. По окончаніи милиціи онъ былъ награжденъ орденомъ и золотой медалью, получилъ право носить милиціонный мундиръ и принять по Высочайшему повелѣнію въ почетные члены Оружейной палаты. Въ 1808 году онъ сдѣлалъ помощникомъ директора Императорской Библиотеки, черезъ два года назначенъ, будучи уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта по департаменту гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, и съ преобразованиемъ Императорской Библиотеки въ публичную, въ 1811 году переименованъ директоромъ библиотеки. Будучи почетнымъ членомъ Оружейной палаты, Оленинъ „пастаивалъ“ на отравленіи К. М. Бороздина и А. И. Ермолаева „въ путешествіе по Россіи для открытія и описанія древнихъ достопамятностей“ и усилъ въ этомъ. Путешествіе состоялось въ 1809 г. подъ главнымъ начальствомъ П. С. Валуева, управляющаго Мастерскою и Оружейной палатою. Разсмотрѣвъ отчеты путешественниковъ, вернувшихся въ Москву послѣ первой побѣды, въ мартѣ 1810 г. Оленинъ, между прочимъ, писалъ Валуеву: „Я все моихъ помышлений остановить не могу и памятники отечественнаго нашего художества меня часто смущаютъ. Вашему высокопревосходительству предлежитъ на свѣтъ ихъ прозвезсти изъ тѣмъ невѣдѣнія и забвенія, въ которыхъ они доселѣ находились.“ Немногія эти строки прекрасно характеризуютъ Оленина и его любовь къ русской наукѣ и искусству. 4 августа 1816 года, при учрежденіи особаго комитета для разсмотрѣнія дѣлъ и нуждъ Императ. Акад. Художествъ, Оленинъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета, а затѣмъ въ 1817 сдѣланъ президентомъ академіи. Въ 1827 г. Оленину повелѣно быть членомъ Государственнаго Совѣта; въ слѣдующемъ году онъ былъ предсѣдателемъ стрелчальнаго комитета Публичной Библиотеки и членомъ главнаго управления цензуры. Ранѣе онъ предсѣдалъ въ комитетѣ, вѣдавшемъ дѣла по перестройкѣ Исаакіевскаго собора и за труды эти и по сооруженію памятника императору Александру I-му получили разныя награды. Въ 1830 году онъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Почти одновременно со вступленіемъ на дѣйствительную службу, въ 1786 г., Оленинъ былъ избранъ членомъ Россійской Академіи, по представленному имъ труду — „Толкованіе многихъ русскихъ старинныхъ рѣченій“. Къ наукѣ Оленинъ почувствовалъ влеченіе еще съ молодыхъ лѣтъ, когда онъ учился въ Дрезденѣ, гдѣ въ королевской библиотекѣ изучалъ сочиненія по исторіи и древностямъ. „Изящныя произведенія ваянія, живописи и архитектуры, — говоритъ самъ Оленинъ — съ юныхъ лѣтъ моихъ сильно на меня дѣйствовали.“ Не смотря на серьезныя служебныя занятія, онъ находилъ еще время на работы научныя, на изысканія въ области археологіи и искусствъ. Свои сочиненія онъ писалъ на языкахъ русскомъ и французскомъ, но издавалъ крайне неохотно, въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, а потому его печатныя труды составляютъ бібліографическую рѣдкость. Послѣднее его работою было „Планъ изданія древностей Россійскаго государства“, составившій начало текста къ рисункамъ художника Солнцева. Оленинъ скончался 17 апрѣля 1843 года и погребенъ въ Александровско-Невской лаврѣ, неподалеку отъ Сперанскаго, Гнѣдича и Крылова, съ которыми его связывала тѣснѣйшая дружба.

П. Б.—въ.

Бригадирская внучка.

Московская былъ

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXV.

Ровно черезъ сутки, вечеромъ, у бригадира въ гостяхъ сидѣлъ его другъ. Геннадій Ивановичъ былъ особенно веселъ за весь день, а теперь „въ ударѣ“ шутить, балагурить и острить. Филисовъ и Толбухина невольно смѣялись его прибауткамъ.

Согласіе Филисова бросить пустыя мечтанья о бракѣ его съ внучкой дѣлали Братолюбцева довольнымъ и веселымъ. Кромѣ того, онъ былъ отчасти гордъ тѣмъ, что не поддавался на искушеніе.

— Гдѣ же бригадирская внучка, какъ называютъ въ Москвѣ вашу красавицу? воскликнулъ онъ наконецъ.

— Она у себя. Мы за ней пошлемъ, сказала Никита Артемьевичъ и приказалъ просить барышню внизъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился камердинеръ самого барина, Антонъ, и доложилъ, что барышня „отвѣтствуютъ, что имъ не по себѣ и онѣ сойти не могутъ.“

— Что такое? Заболела? встревожился бригадиръ.

Но въ ту же минуту вошла въ горницу Степанида

съ подносомъ, на которомъ было варенье и смоква для гостя.

— Что такое съ барышней, не знаешь? спросила Толбухина у любимицы.

— Ничего-съ. А что же собственно? отозвалась барская барыня. — Почему изволите спрашивать?

— Хворой сказывается...

— Э, матушка. Балуется, шутить. Какая хворость. Я сейчасъ слышала изъ коридора, какъ она соловьемъ заливается тамъ у себя на вышкѣ, хохочетъ чему-йто до упаду. Знать мамка представляетъ что смѣхотворное.

— Такъ вотъ оно какъ! воскликнулъ Братолюбцевъ. — Мы же ее проучимъ. Ну-т-ко, Никитка, и вы, Марья Евграфовна, идемъ на приступъ цитадели! Пойдемъ сами къ пей въ гости. Я никогда не бывалъ! Хотя и не гоже къ дѣвицамъ мужчинамъ хаживать, да мнѣ старику можно.

— Вѣстимо. Ты свой человекъ. Что-жь! Пойдемъ. И

мы ея смѣху посмѣемся, да и проучимъ. Пушай насъ угощать.

— Ну, а я слуга покорный лазить! заявила Марья Евграфовна.

Черезъ нѣсколько мгновений бригадиръ и его другъ поднялись вдвоемъ по лѣстницѣ и вошли въ горницу Клѣны.

— Вотъ вы какъ, сударушка. Жалуетесь на хворость, когда здоровехоньки! заговорилъ Братолюбцевъ. — Такъ мы сами къ вамъ. Извольте насъ угощать.

Клѣна сильно смутилась при появленіи невзванныхъ гостей, краснѣла, потупилась и тщетно старалась что-либо вымолвить; она стояла бормоча безсвязно и безмысленно.

Няня Арипа Матвѣевна тоже была видимо встревожена.

— Ну, здравствуйте, обѣ! И старая, и молодая. Растерялись! сказалъ бригадиръ. — Что за важность, что Геннадій Ивановичъ сюда пришелъ. Онъ мнѣ другъ, а стало быть и внукъ — не чужой. Ну, ну... Полно краснѣть-то, сажай гостей и вели сюда снизу нести подносъ со сладкими.

Гости сѣли къ столу. Клѣна, все еще смущенная, тоже опустилась на стулъ около дѣда. Арипа Матвѣевна побѣжала внизъ за угощеньемъ, но по дорогѣ на лѣстницѣ охала и вздыхала.

Братолюбцевъ, между тѣмъ, болталъ безъ умолку; и вскорѣ всякими шутками и прибаутками развеселилъ и Клѣну. Дѣвушка посмѣялась, оживилась и по какой-то необъяснимой для бригадира причинѣ быстро перешла отъ своего смущенія къ дерзкому веселію. Въ ней сказывалось даже что-то вызывающее и какъ будто неестественное. Нѣчто „неблагопристойное въ дѣвицѣ“, какъ думалось ея удивленному дѣду.

Дѣйствительно, Клѣна стала раздражительно весела, черезчуръ громко говорила, рѣзко смѣялась, порывисто двигалась и вдругъ громко вскрикивала безъ видимой причины.

Братолюбцевъ, накушавшись вдоволь смоквы, которую обожалъ, и истощивъ запасъ своихъ остроумствъ, потребовалъ карты у няни и началъ показывать дѣвицѣ всякіе замысловатые фокусы. Клѣна много смѣялась, но раздраженіе не покидало ее, а няня заявила уже раза три, среди фокусовъ барина-гостя, что у ея барышни „и въ самъ-дѣлѣ ровно лихорадка. И головка болитъ. Отъ смѣха пуце разболится. Ей падо скорѣе въ постельку.“

— Ну, ладно. Коли говите гостей по турецкому, то гости уйдутъ! рѣшилъ наконецъ Братолюбцевъ, вставая уже при третьемъ замѣчаніи няни. — Насильно милъ не будешь, хошь разорвися.

И гость, вмѣстѣ съ хозяиномъ, смѣясь надъ тѣмъ что ихъ выговариваютъ силкомъ, ушли и спустились внизъ.

Когда бригадиръ, идя впередъ, достигъ своего кабинета, а Братолюбцевъ приостановился въ залѣ провѣрить свои карманные часы по большимъ стѣннымъ часамъ, что онъ дѣлалъ постоянно — Марья Евграфовна вышла въ залу отъ себя и, улыбаясь, собиралась что-то спросить у гостя...

Въ этотъ мигъ наверху въ мезонинѣ раздались ужасные, дикіе, душу раздражающіе крики. Это былъ, судя по голосу, крикъ няни, повторившійся нѣсколько разъ. Но еще сильнѣе и громче раздался лишь одинъ разъ отчаянный, провнзательный вопль Клѣны...

Всѣ конечно бросились по лѣстницѣ снова наверхъ, но Арипа Матвѣевна выскочила къ нимъ на встрѣчу въ сѣнцы и на площадкѣ лѣстницы упала на полъ, крича, какъ потерянная:

— Покойникъ! Покойникъ!

Бригадиръ, а за нимъ и гость, не понимая ничего, почти перешагнули черезъ упавшую няню и вбѣжали къ Клѣнѣ.

Здѣсь они увидѣли молодую дѣвушку, распростертую на полу безъ чувствъ и безъ малѣйшихъ признаковъ жизни.

Сумятица пещазанная подпрыгала тотчасъ въ домѣ. Бригадиръ приказалъ поднять внучку и нести на кровать, но люди на повторенный барининомъ приказъ: „Несите! Несите!“ поехали барышню внизъ.

Братолюбцевъ хотѣлъ остановить людей, но услыхалъ голосъ Марьи Евграфовны на лѣстницѣ.

— Давайте. Скорѣе. Ко мнѣ. У меня оттиранья есть. Несите сюда.

И двое людей, спустивъ осторожно по лѣстницѣ безчувственную барышню, снесли и положили ее на кровать ея бабушки.

— Покойникъ? Покойникъ? Какой покойникъ? повторялъ бригадиръ; повторяли и всѣ люди въ домѣ...

Многіе обступили съ этимъ вопросомъ няню Арипу Матвѣевну, но та хотя и была въ сознаніи, глядѣла и двигалась, но дико озиралась и не хотѣла произнести ни слова...

Конiecъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней въ домѣ бригадира Филисова была такая смута, о которой зналъ весь околотокъ.

Весь домъ былъ перепуганъ на смерть тѣмъ, что въ мезонинѣ появились и ходятъ мертвые. Толкамъ и пересудамъ не было конца. Дворовые втихомолку обвиняли барина въ томъ, что онъ при жизни сына и невестки круто поступалъ съ ними, какъ бы изгналъ изъ-подъ родительскаго крова, и будучи богатъ, не помогать имъ.

— Не будь они въ такомъ нищепскомъ состояніи, говорили теперь всѣ, — можетъ быть и чума бы ихъ не захватила. Вотъ теперь, не живши въ домѣ при жизни, душеньки ихъ и пришли къ намъ на житье... Теперь домъ отъ нихъ и испорченъ... Какое же житье въ домѣ, гдѣ ходятъ покойники!

Клѣна пролежала двое сутокъ въ постели, въ горницѣ около спальни бабушки.

На всѣ разсужденія Марьи Евграфовны, что стыдно и грѣхъ бояться покойниковъ и привидѣній, а еще сугубый грѣхъ бояться своихъ родителей — Клѣна не отвѣчала ничего и вообще за все время не произнесла ни единого слова. Она была цѣлыхъ два дня въ такомъ состояніи, что казалась близкою къ умопомѣшательству. Она стонала, плакала, металась, по молчала и дико озиралась.

Арипа Матвѣевна была тоже сама не своя, хотя и была на погахъ, но тоже сурово и испуганно молчала, и тоже странно глядѣла на всѣхъ. Она не отходила ни на шагъ отъ своего дитяти, сидѣла сгорбившись около ея кровати и такъ оставалась и на ночь. Она иногда дремала, но вздрагивала — просыпаясь при малѣйшемъ звукѣ.

Въ первую же ночь Толбухина вставала два раза и приходила къ внучкѣ: оба раза она застала Клѣну и ея няню не спящими. Онѣ перешептывались о чемъ-то, и смолкали тотчасъ же, когда она появлялась. Третій разъ, уже подъ утро, Толбухина прислушалась прежде чѣмъ войти, и до ея слуха допелся опять шепотъ внучки и няни. Когда же она вошла въ горницу, то обѣ притворились крѣпко спящими.

„Удивительно это“, подумала Толбухина.

Бригадиръ отпелся ко всему происшествію со смѣхомъ, обозвалъ всѣхъ дурнями, внучку — глупенькою дѣвочкой. Арипу — шалою дурой, а сестрицѣ Никита Артемьевичъ прибавилъ шутя:

— И хорошее дѣло, коли мертвецы ходятъ. Стало быть и мы съ тобой когда помремъ, то ходить будемъ.

Аларихъ въ Римъ (410 г. по Р. Хр.). Съ картини В. Линденшмидта, грав. Гейеръ.

Оно много лучше и веселѣе, чѣмъ все лежать да лежать до втораго пришествія.

Марья Евграфовна суетвѣрно отмахнулась отъ брата и перекрестилась.

Однако, одновременно съ сумятицей отъ привидѣній въ домѣ бригадира, случилась нѣкотораго рода смута и въ московскомъ обществѣ.

На утро, послѣ того что барышня Филисовой съ пяней привидѣлся покойникъ въ мезонинѣ, посланецъ отъ госпожи Козляниновой явился въ домъ бригадира съ вопросомъ: „не знаетъ-ли чего баринъ и домочадцы о молодомъ ихъ баринѣ Николаѣ Ивановичѣ, который, выѣхавъ изъ дому уже болѣе сутокъ, не является домой.“

Когда доложили бригадиру о посланцѣ, онъ пожалъ плечами и велѣлъ позвать лакея Козляниновой.

— Чего тебѣ нужно? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Барыня меня послала опросить, не вѣдомо-ли вамъ что объ нашемъ молодомъ баринѣ. Не знаемъ куда онъ запропалъ.

— Да и-то почему могу это знать?..

— Барыня насъ всѣхъ разсылаетъ по всей Москвѣ, всѣхъ опрашивать. Вотъ и къ вамъ меня послала.

Бригадиръ снова пожалъ плечами и произнесъ:

— Молодой человекъ мало-ли гдѣ можетъ пропадать. Изъ-за этого не приличествуетъ разсылать по городу и дѣлать ему худую славу, что онъ дома по суткамъ не ночуетъ и невѣдомо гдѣ пропадаетъ... А у насъ-то и подавно нечего спрашивать, такъ какъ онъ у насъ никогда не бывалъ.

— Точно такъ-съ, отозвался дворовый, — да ужъ барыня-то очень убивается.

Черезъ сутки до бригадира дошла вѣсть, которая заинтересовала и занимала всю Москву. Всѣ говорили о безслѣдной пропажѣ молодого офицера.

Шелъ уже четвертый день послѣ того что онъ выѣхалъ изъ дома ввечеру, и куда онъ дѣвался — не было и слѣда.

Анна Ильинишна черезъ силу отправилась сама къ оберъ-полицеймейстеру, побывала, еле таская ноги, и у генераль-губернатора. Власть московскія отвесилась дѣлу съ сочувствіемъ — и послѣдствіемъ этого было много разговоровъ, но дѣла и толку не было.

По всей полиціи было дано знать, что безъ вѣсти пропалъ молодой офицеръ, господинъ Козляниновъ. Полиція стала по всей Москвѣ разузнавать и разыскивать: и въ городѣ, и въ окраинахъ, въ трактирахъ и кабакахъ, и во всякихъ вертепахъ. Оберъ-полицеймейстеръ самъ ѣздилъ на Разгулій, главный притонъ воровъ и разбойниковъ. Говоръ пошелъ по всей Москвѣ, но собственно розыскъ въ настоящемъ смыслѣ — не было никакихъ.

А между тѣмъ, одновременно нѣкоторые изъ московскихъ жителей стали навѣдываться къ бригадиру, толковать съ нимъ о чемъ толковала вся Москва, а онъ одинъ не звалъ, и въ разговорѣ дѣлать Филисову страшные, какъ ему казалось, вопросы.

— Да вамъ-то ничего невѣдомо? говорили одинъ.

И бригадиръ удивляясь отвѣтствовалъ:

— Да мнѣ-то почему же можетъ быть извѣстно больше, чѣмъ кому-нибудь другому!.. Что онъ былъ когда-то знакомъ съ внучкой — такъ изъ сего не слѣдуетъ, чтобы мы знали, какую онъ велъ жизнь и гдѣ ему голову проломилъ, или гдѣ онъ утонулъ.

Одинъ близкій человекъ и пріятель пріѣзжалъ посоветовать бригадиру вызвать кучера господина Козлянинова и дать ему денегъ.

— Зачѣмъ это?! изумлялся бригадиръ.

— Да все лучше.

И больше пріятель ничего не сказалъ.

Двое другихъ знакомыхъ побывали у бригадира и многозначительно вставили въ свою бесѣду слова о

томъ, что дѣло это хлопотливое такъ не останется, что оно дойдетъ до Питера и до государыни.

Слова были простыя, но тонъ и взглядъ собесѣдниковъ не понравились бригадиру.

— И-то тутъ при чемъ же?!.. разводилъ онъ руками.

II.

Прошло еще двое сутокъ и бригадиръ былъ вытребованъ къ генераль-губернатору. Еропкичъ въ бесѣдѣ глазъ-па-глазъ объяснилъ Филисову, чтобы онъ вызвалъ къ себѣ кучера безъ вѣсти пропавшаго молодого человека и далъ ему на чай, дабы прекратить его злостное вранье и опасное разглашеніе, вредное для имени бригадира.

Изъ этой бесѣды Филисовъ уже узналъ, что кучеръ пропавшаго Козлянинова доложилъ барыню своей, а она рассказываетъ всѣмъ, что въ ту ночь, когда молодой баринъ исчезъ, онъ его довозилъ до переулка, прилегающаго къ саду бригадира. Здѣсь баринъ, по его словамъ, приказалъ ему стоять до его возвращенія и на вопросы прохожихъ не говорить чей онъ и чьи сани. До утра простоялъ тутъ кучеръ, не дождавшись барина, и вернулся домой одинъ.

Бригадиръ вынесъ изъ этой бесѣды то, что и слѣдовало: онъ поизвалъ, что судейскіе крючки, съ которыми вѣроятно барыня Козлянинова уже совѣтовалась, желаютъ запутать его въ дѣло совершенно до него не касающемся, ради того, чтобы попользоваться его деньгами.

„Ну, это шалишь“... думалъ бригадиръ, возвращаясь домой. — „Не на таковского попали, чтобы притянуть меня къ глупому приключенію. Изъ-за того, что онъ хотѣлъ свататься, не слѣдуетъ ничего. И никакой моей прикосновенности къ дѣлу быть не можетъ.“

Въ подобныхъ случаяхъ, когда кто-либо имѣлъ несчастье оказаться прикосновеннымъ къ дѣлу и былъ въ то же время человекъ съ состояніемъ, слѣдовало, по обычаю, выработанному опытомъ, осторожно держаться въ сторонѣ и гордо молчать, оставляя дѣло идти своимъ чередомъ и никакъ не давать ни единого гроша никому. Въ данномъ случаѣ не слѣдовало, конечно, призывать кучера Козляниновой и давать ему что-либо на чай. Помимо этого, практика выработала другой спасительный обычай: тотчасъ же, не жалѣя денегъ, а жалѣя себя, большими кушами сразу прекратить все или „замазать“ дѣло.

Братолюбцевъ, до котораго дошли, конечно, городскіе слухи, тотчасъ же явился къ Филисову, и въ качествѣ чиновника Верхняго Земскаго Суда, близко знающій судейскіе порядки, явился на помощь къ бригадиру.

— Дѣло глупѣйшее, распротупѣйшее, сказалъ онъ. — Коли ты причастенъ къ пропажѣ молодца, такъ и я причастенъ, и вся Москва виновата... Да не въ томъ дѣло. Въ такихъ обстоятельствахъ темныхъ и диковинныхъ не виновный бываетъ виноватъ, а всегда правый. Съ самаго начала повернулось все очень диковинно. „Гласъ народа—гласъ Божій“ сказывается по пословицѣ, а я скажу: „гласъ народа—гласъ завидующихъ.“ И надо скорѣе сему гласу заткнуть глотку. Этотъ проклятый кучеръ своимъ враньемъ все дѣло направилъ совсѣмъ особенно.

— Что же мнѣ дѣлать? спросилъ бригадиръ.

— Давай денегъ. Куншъ... Давай тысячи двѣ, а то и три. Я сейчасъ начну походъ, и въ три дня все переверну. У насъ въ Судѣ надо замазать двухъ отчаянныхъ кровопійцъ, которымъ это обстоятельство — манна небесная. Кучера Козляниновскаго вызову, ему дамъ рублей двѣсти. И черезъ два-три дня все будетъ въ порядкѣ. А такъ, съ этой болтовней, по всѣмъ московскимъ закоулкамъ долго-ли до грѣха. Ты знаешь, какъ въ нынѣшнія времена царица къ такимъ дѣламъ слухъ

прилагаетъ, какія строгости пошли. Чего добраго, обещуть тебя въ Питерѣ враги—и пропадешь.

— Да и-то тутъ при чемъ же?! воскликнулъ въ себя бригадиръ.—Что-жь я его убилъ что-ли?

— Голубчикъ ты мой, не сердися, а разсуждай. Въ сердцѣ проку мало... Ты мнѣ скажи: знамо-ли тебѣ, что Каинъ убилъ Авеля? Отвѣчай!

— Что-жь ты шутовствуешь! Тутъ дѣло, а опъ балуется.

— Нѣтъ, я не балуюсь... А ты отвѣтствуй: убилъ-ли Каинъ Авеля?

— Ну, убилъ.

— Говорить-ли весь мѣръ, съ сотворенія міра, что Каинъ убилъ...

— Говорить, ветерпѣливо отвѣчала бригадиръ.

— Ну вотъ, видишь-ли ты. Весь мѣръ говорилъ и будетъ говорить... А правда-ли это — невѣдомо: свидѣтелей у сего убійства не было.

— Какъ не было!

— Да такъ. Кто же могъ быть свидѣтелемъ? Адамъ съ Евой ничего не видали, а другихъ людей и на свѣтѣ не было... Вотъ видишь-ли ты къ чему я веду. Коли молва кого сдѣлаетъ воромъ или душегубцемъ, хотя бы совершенно безвиннаго — то изъ этого можетъ произойти, что опъ виновнымъ все-таки останется... Такъ вотъ, давай-ка лучше денегъ, а въ случаѣ чего ты въ сторонѣ, а я въ отвѣтѣ: я прикрывалъ, а не ты. Да, впрочемъ, виноватыхъ и не будетъ. На твой карманъ запустили завидующіе глаза кое-кто изъ нашихъ кривоконныхъ... Ну вотъ, мы ихъ и удовлетворимъ. Все и устроится.

Дѣйствительно, Братолюбцевъ взялъ у друга двѣ тысячи рублей для „замазыванія“ и черезъ нѣсколько времени толки въ Москвѣ начали слабѣть. Отчасти надо было всё-таки толковать все объ одномъ и томъ же. А кромѣ того прошелъ слухъ, что кучеръ повинился барышнѣ въ своемъ лганьѣ и заявилъ, что опъ молодого барина никогда въ переулочкѣ къ забору сада бригадира не возилъ. „Былъ онъ въ ту ночь выпимши и сму опое померещилось.“

III.

Однажды, въ тѣ же дни, около полуночи, по глухому переулку вдоль забора, отдѣливаго переулочкѣ отъ бригадирскаго сада, двигался медленно молодой парень въ рваномъ тулупѣ, со шлыкомъ на косматой головѣ и въ стоптанныхъ лаптяхъ. Одинъ лапоть, совершенно растрепанный, шлепалъ по ногѣ при всякомъ шагѣ...

Парень оглядѣлся и взмахнулъ на заборъ... Онъ прислушался съ забора—все было тихо... Спрыгнувъ въ садъ, онъ полѣзъ по сугробу и выбрался на дорожку, разчищенную и усыпанную пескомъ.

— Алѣха... Ты?... тихо послышалось въ кустахъ.

— Я, также отозвался парень.

Изъ чащи вышелъ человѣкъ огромнаго роста и вымолвилъ громче:

— Ну, Алѣха... Тутъ братъ не воровать тебѣ надо... Тебя надули, кто послать...

— А что-же? оробѣвъ отозвался парень.

— Мертвое тѣло изъ-подъ сугроба вырыть и тащить надо! Отсюда за заборъ, въ сани и увози... Я вырою—приволоку сюда, а ты волоки за Москву.

— Куда? Чтѣ вы это?

— Куда знаешь, твое это дѣло. Увезешь, получишь полъ-ста рублей...

— Это не наше дѣло. Мы этого не можемъ... жалостливо заговорилъ парень.—Помилуйте! Отродясь такого не знали...

Богатырь началъ убѣждать парня, уговаривать, но малый упрямо и боизливо стоялъ на своемъ.

— Это не наше дѣло. Мнѣ сказывали идти сюда слизнуть ящикъ съ добромъ... А мертвое тѣло... намъ на кой-же прахъ. Какъ-такъ разжива! Ни чуточки не цужно.

Богатырь взялъ парня за плечи и выговорилъ:

— Ну, это ты балуешь. Я тебя заставлю.

Парень, мгновенно шаркнувъ отъ собесѣдника, бросился къ забору, быстро перелѣзъ обратно и былъ таковъ...

— Чтѣ-жь я теперь буду дѣлать? растерянно вымолвилъ богатырь, т. е. Герасимъ.

IV.

Между тѣмъ прошло уже 10 дней съ исчезновенія молодого офицера, и объ немъ не было ни слуху, ни духу.

Дворовые старушки Козляниновой уже рѣшились, по совѣту приходскаго священника, служить панихиды по убиенномъ бояринѣ Николаѣ.

— Коли пропалъ, то стало быть померъ, а коли померъ молодой человѣкъ, то вѣстимо не собственной кончиной, такъ разсуждалъ священникъ.

Анна Ильинишна, и безъ того болѣзненная и слабая, свалилась окончательно. Она лежала въ постели въ полудремотѣ стараго, слабого и съ каждымъ часомъ слабѣющаго существа. И день и ночь она тихо плакала и вздыхала, или лежала въ полубабытѣ и бредила, называя и призывая своего Колю.

Наконецъ, однажды снова появился во дворѣ бригадира посланецъ отъ барыни Козляниновой по важному дѣлу.

Бригадиръ разсердился, даже топнулъ ногой и крикнулъ на весь домъ:

— Гони его въ шею!.. Когда я развжусь съ этой козлятиной поганой! Какое мнѣ дѣло до нихъ!

— Онъ сказываетъ, что барыня его помираетъ, ужъ причащалась и исповѣдывалась, заявилъ камердинеръ Антоновъ.

— Да мнѣ-то чтѣ до этого! Помретъ послѣ исповѣди, а про меня опять на всю Москву пустать, что померла отъ моего отвѣта и огорченія, которое я ей нанесъ... Гони его вонъ!..

Когда Антоновъ вышелъ изъ кабинета, Никита Артемьевичъ, подумавъ немного, всталъ и быстрыми шагами двинулся вслѣдъ за лакеемъ.

— Антоновъ! крикнулъ опъ.—Зови его!..

Присланный посланецъ барыни Козляниновой объявилъ бригадиру, что барыня „слезно и рабски“ (такъ приказала она доложить) просить боярина Никиту Артемьевича дозволить ей повидаться съ молодой барышней.

— Зачѣмъ!? удивился бригадиръ.

— Не могу знать-сь. Но только барыня Анна Ильинишна, такъ сказываютъ, что опъ помираетъ. Завтра, либо послѣ-завтра безпремѣнно, сказываютъ, собираются помереть. А по сему случаю желательно имъ повидать барышню Клеопатру Артемьевну, чтобы съ ними распрощаться. Приказали такъ: стань на колѣни и ползай въ ногахъ у барина, покуда не позволитъ опъ барышнѣ сѣсть въ карету и ѣхать.

Лакей замолчалъ, а бригадиръ стоялъ въ нерѣшительности, пыхтѣлъ и думалъ:

„Помираетъ... Что-жь, вѣдъ не вретъ... Она тоже не при чемъ. У нея сына единственнаго убили... Клѣна считалась чуть не невѣсткой ея. Пускай повидаются, расцѣлуются... Можетъ старухѣ отъ этого кончина покойнѣе да тише будетъ. Богъ съ ней... Пускай. Просьбу умирающаго всегда слѣдуетъ исполнять.“

Подумавъ про себя, бригадиръ объявилъ лакею, что барышня сегодня-же въ сумерки прѣдетъ къ госпожѣ Козляниновой, но не болѣе какъ часа на полтора, па два времени.

Когда Марья Евграфовна, посланная бригадиромъ, объявила Клѣнѣ о положеніи и просьбѣ старушки Козляниновой и о томъ, что дѣдъ отпускаетъ ее проститься со старухой, Клѣна вскочила, сѣла на кровать и произнесла порывисто, какъ если-бы слово это вырвалось у ней помимо воли:

— Низачто!

Толбухина смутилась и даже отступила на шагъ.

— Ничаго!.. ничаго!.. никогда! заговорила Клѣна.— Избави Богъ!.. Не могу я видѣть, не хочу прощаться...

Толбухина съѣла около дѣвухи и стала ее успокаивать и уговаривать. Клѣна ничего не отвѣчала, или отвѣчала уклончиво, и наконецъ начала плакать.

— Ничего и не поймешь, произнесла Толбухина.— Богъ тебя знаетъ! Можно-ли было изъ-за пустаго миража такъ разстраиваться. Положимъ, что теперь ты разстроена извѣстiemъ о безвременной гибели своего предмета... Но все-таки я не пойму, какъ-же не желать увидѣться съ его матушкой, которая при смерти... Вѣдь она сердцемъ къ тебѣ расположена.

Клѣна заявила наконецъ, что желаетъ подумать и дать отвѣтъ черезъ часъ.

Когда Толбухина вышла отъ нея, дѣвушка перетолковала съ няней своей и затѣмъ вскорѣ прислала ее доложить бабушкѣ, что она согласна ѣхать и поѣхать вмѣстѣ съ Ариной Матвѣвной.

Въ сумерки, какъ было указано бригадиромъ, карета съ Клѣной и съ няней выѣхала со двора. Бригадиръ не хотѣлъ, чтобы экипажъ его, болѣе или менѣе извѣстный въ Москвѣ, видѣли днемъ у подъезда дома Козляпиновой.

— Опять въ Москвѣ болтать начнутъ. И коли старуха умретъ, опять меня припутаютъ къ этимъ Козляпиновымъ, рѣшилъ бригадиръ.— А ночью меньше народа болтается по улицамъ... Можетъ быть никто кареты и не увидитъ.

На этотъ разъ расчеты бригадира не оправдались. Снова пошли по Москвѣ толки и пересуды объ свиданii бригадирской внучки съ Козляпиновой.

Свиданiе молодой дѣвухи и старухи проиходило сначала глазъ-на-глазъ, а потомъ въ присутствii одной няни Арины Матвѣвны.

Пожилая женщина-ключница, сидѣвшая безотлучно около отходящей барыни, была выслана изъ комнаты. Люди госпожи Козляпиновой во время бесѣды ея съ прiѣзжей гостей толпились за двѣ компаты въ прихожей, разсуждая о своихъ бѣдахъ и о пронажѣ барина или его убiенii. Людей смущало то обстоятельство, что не нынѣ завтра они будутъ, какъ говорилъ судейскiй повѣтчикъ, людьми вольными за отсутствiемъ наследниковъ и родственниковъ у барыни Козляпиновой.

— Будемъ мы всѣ моровые, говорили они, и только одна ключница поправляла и говорила:

— Чего врете!.. Какiе моровые? Выморочные.

Но бесѣда барыни съ гостей кончилась сумятицей въ домѣ. Съ барышней приключился обморокъ у самой кровати Анны Ильинишны и ее вынесли на диванъ въ гостиную.

Съ ней сдѣлался припадокъ, сдѣлались корчи и судороги. Нянюшка ея тоже тряслась всѣмъ тѣломъ, вѣроятно отъ перенуга и ужаса, а барыня у себя повторила безъ конца:

— Божеское наказанiе... Погубители!.. Я до царицы дойду!

Когда барышня Филисова пришла въ себя и хотѣла снова пойти проститься съ барыней, то Анна Ильинишна замахала руками и заявила ключницѣ:

— Не хочу, не хочу... Богъ съ нею, съ лиходѣйкой!.. Не нужно...

Эти слова были переданы Клѣнѣ. Она, плача и дрожа всѣмъ тѣломъ, усѣлась въ карету со своей няней и уѣхала обратно. А слово барыни: „лиходѣйка“, ея нежеланiе проститься съ барышней, которую она сама-же вызвала, смутили всѣхъ домочадцевъ. Вѣсть эта выѣжала на улицу, пробѣжала по околотку, а черезъ два дня ужъ вся Москва, переиначивая и перевирая слухай, разносила это по всему городу.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда бригадирской внучки, Анна Ильинишна приказала готовить карету и

лошадей, укладывать вещи, собираясь ѣхать въ Петербургъ.

— Куда вамъ, матушка, Господь съ вами! уговаривала ее ключница.— Нѣшто можно вамъ ѣхать...

Но Анна Ильинишна твердымъ голосомъ приказывала все, что слѣдовало къ отъѣзду, назначенному на утро. Ей повидимому было гораздо лучше, она даже просидѣла около получаса въ постели, приказала подать шкатулку, сосчитала наличныя деньги, и рѣшила, что хватитъ на поѣздку въ Питеръ и обратно.

Зачѣмъ она вдругъ собралась—Анна Ильинишна не сказала ни слова, но повторила безиреистапно:

— Я это такъ не оставлю!.. Я постою за бѣднаго Колю. Я до царицы дойду!

Въ домѣ и на дворѣ поневолѣ стали собираться. Карету осматривали, мазали, подвигивали; лошадямъ задали двойной кормъ, а въ домѣ въ двѣ важи укладывали платья и кое-какія вещи.

Вечеръ и ночь Анна Ильинишна пролежала спокойно, никого не тревожа изъ людей, и на вопросы, нѣсколько разъ обращенныя къ ней ключницей, — не отвѣчала ничего.

Ключница легла въ своемъ углу на тюфякѣ, брошепкомъ на полу, а когда проснулась — уже разсвѣтало. Ей почудилось, что барыня кличетъ ее. Ключница, чувствуя себя виновною, что проснала безъ просыну чуть не цѣлую ночь, бросилась къ барышѣ со словами: „что прикажете?“

Но Анна Ильинишна ничего не приказывала и приказать не могла.

Въ то время когда на дворѣ уже выкатили карету и прилаживали одну важу, какъ надо уложенную и запертую, Анна Ильинишна ужъ отправилась въ болѣе дальній путь, изъ котораго не возвращаются.

О смерти барыни ахнули всѣ дворовые; кое-кто принялся выть и причитать; другіе побѣжали за батюшкой и за гробовщикомъ. А одинъ изъ людей счелъ долгомъ, по собственной охотѣ, броситься оповѣстить всѣхъ къ бригадиру.

На похоронахъ старушки не было буквально ни единого человѣка, такъ какъ родни у ней не было, а знакомыхъ она еще въ Москвѣ не приобрѣла. Только посторонніе прохожіе толпились около домика при выносѣ тѣла, а затѣмъ кое-кто изъ любителей замель помолился въ приходѣ на отпѣваніе.

И всюду, снова, съ нущеной силой заговорили о чрезвычайномъ случаѣ, о невѣдомомъ убiенii молодого офицера и о послѣдовавшей затѣмъ кончинѣ бѣдной старушки-матери. При этомъ все-таки молва народная, будто у ней чутье какое, припутывала и упоминала бригадира Филисова и бригадирскую внучку.

— Кучера-то барыни Козляпиновой закупилъ бригадиръ, говорили одни.— Онъ прямо показывалъ, что барышъ его запроналъ около его дома.

— Бригадирская внучка повибилась нашей барышѣ-то, что дѣдушка ейный поймалъ молодца въ саду и приказалъ холопамъ его бить! говорили люди покойной.— Били, били его бѣднаго и забили до смерти... А опосля того тѣло и сбили съ рукъ.

— А что, братцы, да если онъ живъ? соображали нѣкоторые.— Такъ себѣ живьемъ-живехонекъ, да скрылся, въ бѣгахъ что-ль...

— Кто-жь его знаетъ... Мертвымъ никто его не видаль!

— Да, это дѣло темное, все происхожденiе сомнительно, говорилось и въ дворянскихъ домахъ.— Какъ угодно, а этакъ нельзя позволять людямъ пропадать. Они не иголки! Что-жь это такое будетъ, если этакъ начнутъ дворянскіе сынки пропадать, а тамъ за ними и старые да почтенные люди. Поѣдешь вотъ въ гости, да и пропадешь. Па что похоже!..

(Продолженiе будетъ).

Забубенная головушка. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) О. Шмерлинга, грав. Бергъ.

Библиотека "Руниверс"

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверніева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Окончаніе).

Опъ провелъ Пашкѣ черезъ сѣни, по крутой лѣстницѣ на верхъ; затѣмъ по крытому переходу прошли они въ небольшую комнату. Лампада ярко горѣла въ горнищѣ. На лавкѣ лежала женщина, покрытая шубой. Сама Мамелфа Тимоеевна сидѣла у изголовья, а напротивъ, застѣпая лицо спасенной, стояла Припя Мисавична, пыш и па шагъ не отстававшая отъ боярыни: таково-то вдовы слюбилась межъ собой.

— Пашкѣ привель, матушка. Поглядѣть вотъ ее. — А гляди, что-ль, Пашкѣ, сказала Припя, отходя въ сторону.

Пашкѣ даже помертвѣлъ весь, какъ глянулъ на утопленницу.

— Охъ... Маврушенька! едва слышно проленеталъ озъ, и бросился было къ ней.

— Не взбуди ты, Христа ради, не взбуди се! сказала Мамелфа Тимоеевна, быстро, словно молодепькая, вскочивъ на ноги и заслоняя собой Маврушеньку.

Кириакъ крѣпкой рукою взялъ Пашкѣ за руку и повелъ вонъ изъ комнаты. Тотъ шелъ за нимъ какъ сонный, и ужъ въ снѣгахъ ономидлся. Павъ на колѣни передъ образомъ, взрыдалъ Пашкѣ; изъ другой комнаты слыша, можно-бы подумать, что не молодецъ то плачетъ, ребенокъ кричитъ.

— Слышь, Пашкѣ, сказалъ Кириакъ, — заночуй-ко у насъ. А грамотку-ту съ паробкомъ пошлю, велю сказывать, что самъ моль задержалъ.

Пашкѣ вдругъ встрепенулся.

— Нельзя того, Кириакъ Андреевичъ. Кресть вѣдь у насъ цѣлованъ, чтобъ помереть за Великій Новгородъ, а воеводи чтѣ повелитъ слушаться. Въ бережи оба у васъ тутъ, Маврушенька, останется. Сколько времени Господа терпѣши, какъ и терпѣшно-то конецъ пришелъ, а тутъ-бы до завтра всего не дотерпѣть мнѣ!

Маврушенька скоро оправилась. Какъ объявилъ ей Пашкѣ, что беретъ ее за себя замужъ, Мамелфа Тимоеевна оставила ее до свадьбы у себя.

— Не отпущу, объявила она Маврушенькиной матушкѣ. — Богъ ее ко мнѣ во дворъ привель — отъ меня-жь и къ вѣнцу поиде. Приданое про нея у меня, Богъ дастъ, пайдется.

Маврушенька Пашку разеказала все чтѣ съ ней дѣлось. На другую-же ночь по выѣздѣ, Филюшко, какъ-бы опозднившись, остановился на ночлегъ въ лѣсу. Пробудясь по утру, она увидѣла, что однихонька въ лѣсу. Спасибо еще, что сумку съ сухарями да кваску бурачекъ оставилъ.

— Вѣрила вѣдь я Буину-то, что Владыко на меня опетемью положилъ, а эта-та опетемья, знатъ, отъ Бога мнѣ была послана.

Натерпѣлась она всего; узнала, что злые люди живутъ, и добрыхъ встрѣтила. Выходила она, сама ужъ не зная какъ, назадъ къ Волхову. Въ городъ не посмѣла идти, думала — не повѣрятъ ей, что такое-вотъ съ нею сталоса, а скажутъ: „обманула моль Пашкѣ, опять къ Василью Селифонтьевичу пошла, а понѣ опъ знатъ въ зашей прогналъ ее“. Рѣшила вправо взять, въ Ладогу. Тамъ сказывалась изъ-подъ Тихвина, и назвалась Марьюшкой. Посчастливилось ей въ Ладогѣ; взялъ ее вдовецъ въ наймытки, за домомъ глядѣть; Швець, какъ и ея покойный батюшко. Только ей по Новгороду стоскнулося, сошла въ Новгородъ, какъ швецъ ни умаливалъ, а мало вѣдь въ жопы не бралъ.

Слушая, дивился Пашкѣ, что опъ чуть не по слѣдамъ Маврушенькинымъ шелъ и постигнуть ее не могъ, а тамъ де обрѣсти довелось, гдѣ Божій перстъ указалъ.

Въ Повѣгородѣ не посмѣла Маврушенька идти къ матери, по угламъ жила. Гдѣ депъ, гдѣ два поработаетъ, а въ одномъ домѣ шила цѣлую педѣлю. На Торговую сторону и черезъ рѣку боялась даже глядѣть, а ужъ идти-то туда! Разъ только, въ темныя сумерки, при чемъ частый и мелкій дождь моросилъ, и леденець надалъ, она пошла взглянуть на дворъ родительскій. Заколочень стоитъ. Подумала: „умерла моль мой родна матушка, да не я-ль еще се своимъ стыдомъ во гробъ-то свела?“

Послѣдніе дни пришлось плохо. Работы вовсе не стало; не то чтобъ шить, а ужъ на всякую работу напрашивалась, на самую черную, изъ-за хлѣба куса. „Не надо“, скажутъ, — а въ другомъ мѣстѣ: „И самимъ моль вѣтъ печего, сама знашь кака дороговъ, а и моръ не далече-жь ходитъ“.

— А тутъ день не ѣвши, и другій также проходила до вечера. Вотъ и едумала: лучше моль чѣмъ мнѣ съ голоду колѣть на улицѣ, потоплю я себя въ проруби. И веномнила тутъ про матушку: „жила моль, пѣтъ-ли, па земли-ль ты будешь, аь на небеси, помолись моль за мою грѣшну душу, мила матушка!“ Съ тѣмъ и подъ-гору. Прямо вѣдь па прорубъ набѣжала. Въ воду навъ, испужалася. Со всей силы, за край проруби руками хваталася, выльзти думала. Ужъ одно колѣнко на льду было, ашъ поскользнулась да въ Волхово. И духъ было вонъ. А тутъ-то гляди, за матушкино умоленье, Господъ и спасевъе свое слалъ.

Хоть свадьба и была рѣшена въ первый-же вѣпчальный депъ, какъ кончатся Филишовки, и Мамелфа Тимоеевна уже отдала приказъ, чтобъ отпуская благословляли невѣсту Кириакъ съ женой, а сама съ Луккой Аввакумовичемъ благословитъ Пашкѣ, а встрѣчать въ дому молодыхъ велѣла швецовой вдовѣ, — все-же Маврушенькѣ не вѣрилось, что возьметъ ее за себя Пашкѣ. Разъ она ему и высказала это.

— Аь въ правду ты меня за-мужъ за себя возьмешь? спросила она.

— Коли-же пѣтъ! А съ чего мнѣ было отступатися?

— Ужли-же не стыдъ брать?

— Не мнѣ стыдо-тъ, а тому злодѣю, чтѣ тебя до проруби было довелъ. А мнѣ въ чемъ стыдъ — что обручену невѣсту сыскалъ, памятуя Владычне слово отъ писанія: „взыщи моль погибнуо?“ Николи-жь я тому стыду не повѣрую. Какъ миръ съ Москвой па своей волѣ возьмемъ, къ Владыку схожу, спрошу его. А вѣрно, ужъ помяни мое слово, скаже опъ: „такъ моль оно и по писанію“.

VIII.

Добили челонъ.

Великій князь стоялъ въ селѣ у Лошискаго, одного изъ новгородскихъ „пятцевъ“. Въ воскресенье, на завтра Николина дня, въ высокихъ и свѣтлыхъ сѣняхъ боярскихъ хоромъ, псковскіе посадники и бояре, съ помниками въ рукахъ, ждали государева выхода. Долгонько ждаты пришлось; у стариковъ даже ноги затекать стали, а съеть не смѣли, переминались съ ноги на ногу.

Жмурясь отъ солнышка, что падало имъ прямо въ очи, псковичи поглядывали направо, на ближнюю отъ окна дверь; туда ихъ приставъ съ докладомъ прошелъ. Накопонецъ-то дверь отворилась. Приставъ, ставъ на порогѣ, и прикрывъ ротъ рукою, слегка кашлянулъ: „поправьтесь моль, идетъ сейчасъ“. Псковичи оправились, и уставили очи на отворенную дверь. Оттвела снѣва

вышли отроки государевы; за ними, по два въ рядъ, столбики и бояре, всё въ пышныхъ ферязяхъ, въ золотѣ. Вотъ и государь съ братьями показалея въ дверяхъ. Завидѣвъ его, псковичи челомъ ударили и затѣмъ подносили свои поминки.

Государь, сказавъ спасибо своей отчннѣ Пскову на поминкахъ, сѣлъ у окна на лавку и сталъ разсматривать золоченый кубокъ.

— Здорово-ль пришли, люди добровольные, тепло-ль еще испомѣстилися? спросилъ онъ.

Псковичи, благодарствуя на ласковомъ словѣ, отвѣчали, что все у нихъ ладно.

— Пушки, пищали и самострѣлы съ собой привезли-ли? освѣдомился государь.

— Все противъ твоего, государь, приказа сполнили, отвѣчалъ посадникъ Алексѣй Конаповъ.—Со всею правою, съ чѣмъ къ городу пристунать, пришли, какъ приказалъ намъ быть на твое дѣло государево.

— Отчину нашу Псковъ, фдучи, всё-ли по добру-здорову оставили? Послѣ пожару-то пообстроились-ли? съ особой ласковостью спросилъ великій князь.

— Гдѣ ужъ! по простотѣ ляпнулъ другой посадникъ, Степанъ Максимовъ.—Черезъ силу вѣдь рубилсъ ¹⁾ въ походъ...

— Хлѣба, муки съ собой захватили-ль? не дослушавъ его рѣчи, спросилъ государь.

— Всего, государь, навезли: и хлѣба, и муки, и рыбы, и меда, великъ обозъ купеческій, отвѣчалъ Конаповъ.

— Дастъ Богъ, пищали и пушки не завадоятся, а у купцовъ мука не слежится, чай.

— Коль по началу о концѣ судить, не вдолгѣ рас-торгуются, скоро за новымъ обозомъ придется слать.

— Вотъ и поправка вамъ, послѣ пожару-то, подхватилъ государь, переведа очи на Максимова.—Подай вамъ, Господи, мужи добровольные. Я службы отчины моей Пскова не забуду-же. Торгуйте, расторгивайтесь... А мы вотъ, какъ съ Господиномъ Великимъ Новгородомъ ни торгуемся, все въ цѣпѣ не сходимся... Ну, съ новымъ княземъ вашимъ, а моимъ намѣстникомъ, все-ли поладили? добавилъ онъ, и перевелъ глаза на Конапова.

— Дай ему Господи здоровья, во Псковѣ кляжа, отвѣчалъ тотъ.

— Послѣ прежняго-то всякъ сладокъ окажется, по простотѣ бухнулъ Степанъ Максимовъ.—Такого вѣдь гасильника, какъ Псковъ сталъ, не видѣли.

— Чтô ужъ такъ? прихмурился государь спросилъ.

Макимова и свои-то сзади и съ боковъ толкали, и видѣлъ онъ, что государь притуманился, да какъ-же ему было на спросъ государевъ не отвѣтить?

— Довольно тò сказать, что какъ послѣ всѣхъ-те обидь его, въ Москву поѣхалъ, а Псково-тъ, того не ридя ²⁾, ему на всякъ станъ кормы съ честью ставили, и тутъ онъ приставы и старость губскихъ, которые ему чествовали, позывавъ...

— Ну, чтô старо, Степанъ Максимовъ, поминать! прервалъ его рѣчь Конаповъ.—Лучше станемъ-ко государю своему служить по старому, а Государь Великій по старинѣ-жь насъ будетъ жаловать.

— И пожалуй, твердо отвѣчалъ государь, и замѣтивъ, что дверь со двора отворяется, приподнявъ голову, сталъ смотрѣть, кого молъ Богъ даетъ.—А! вотъ кто, Оедоръ Давыдовичъ пожаловалъ, сказалъ онъ.—Ну чтô, какво у васъ торго-тъ тамъ идетъ съ Господиномъ Великимъ Новгородомъ? И не дождавшись отвѣта, вновь обратился къ псковичамъ:—На васъ сошлюсь, мужи добровольные, вамъ о своемъ горѣ попечалуюсь. Слалъ ко мнѣ вашъ старѣйшій братъ, своей волей, сами знаете, пословъ своихъ, подвойскаго да

дьяка Вѣчнаго; звали меня съ сыпомъ моимъ государи себѣ, а послѣ на вѣчѣ заперлися ¹⁾, ложь на меня положили. Ну, эту вину, обличивъ, и простить-бы мочно, только-бъ напередки поисправилсъ. А въ исправленнѣ мѣсто, того мы дождалсъ, что вновь послы новгородскіе передъ моими бояре во всемъ томъ заперлися. Какъ скрутилъ ихъ маленечко, тогда лихъ повинилися. Да и то вѣдь!.. Бьютъ чуть не ежедѣнь челомъ, а какъ добить не сдогадаются... Охъ, истинно есть писано, что коли молить молъ „врагъ твой велимъ гласомъ, не вѣруй ему: седьмъ бо есть лукавствій въ души его“. А у Господина Великаго Новгорода не всё-ли восемь будутъ? добавилъ онъ и усмѣхнулся.

Тотчасъ-же усмѣхнулись и всё бояре московскіе, при чемъ старались, чтобъ ихъ усмѣшка вышла въ пользу усмѣшки государевой.

— А и повинясь, печаловался государь псковичамъ,—воротилися... туда-жь, куда несъ возвращается. Какъ я на миру къ нимъ приходилъ, били мнѣ на бояръ своихъ челомъ, что грабежи де и паѣзды чинили, и приказалъ я тѣхъ бояръ въ Москву пяти; нынѣ-же, какъ съ войскомъ пришелъ, вновь челомъ бьютъ чтобъ пожаловалъ, тѣхъ насильниковъ съ Москвы, вотчину мою Новгородъ грабить, отпустить... А кто-жь въ печальникахъ? гляжу, а въ прежніе мои-жь челобитчики: на кого челобитье клали предо мной, о тѣхъ безъ стыда печалуются. Разсудите-жь меня, мужи добровольные, съ моей отчиной, Великимъ Новымъгородомъ, по совѣсти; а я къ своей лихой бѣдѣ никакъ ума не приложу.

Судили или пѣтъ про себя мужи добровольные своего государя съ его вотчиной, то Богъ вѣсть; только вслухъ о томъ они ни словомъ не заикнулись.

— О чемъ-же, бишь, еще-то я предъ вами хотѣлъ понечаловаться? А! вспомнилъ, далъ Богъ! Государства нашего хотять, а во всемъ-то указывають, и въ томъ даже сколько съ сохи дани взять, урокъ намъ чипятъ. Ино которое-жь тò государство наше? Изъ чужихъ рукъ держать его будто и не приходится.—И помолчавъ, къ Оедору Давыдовичу:—Да вы полно эти слова мои, что урокъ опи мнѣ чинять, имъ сказывали-ль?

— Смѣемъ-ли, государь, мы, холоши твои, грознаго велѣнья твоего ослушаться? отвѣчалъ бояринъ.

— То-то же. А про то имъ докладывали-ль что такова мы государство хотимъ, какъ держимъ наше государство въ Низовской землѣ, на Москвѣ?

— И о томъ толковали имъ, государь.

— Ну? вспыхнувъ очами, спросилъ великій князь.

— А таковъ отвѣтъ услышали, что бьютъ молъ челомъ Великій Новгородъ, пожаловали-бы государи свою отчину: явили-бы то, какъ ихъ государству быти въ Новѣгородѣ, занеже, скажутъ, „отчина твоя, господине, Великій Новгородъ, новлинцы Низовскія не знаютъ, какъ молъ государи Князи Великіе свое государство держать въ Низовской земли“.

— Гдѣ знать! какъ-бы вѣри новгородскому слову сказалъ государь.

— А все врутъ вѣдь, мятежники! отвѣчалъ Оедоръ Давыдовичъ.—Мы съ Тучковымъ не мало диву дались, и за досаду-жь намъ стало, какъ таковъ отвѣтъ услышали. Не мы-ль сами на ланскомъ ²⁾ вѣчѣ, нельзи явственнѣй, про государство-то являли имъ? Тѣми-же словами и сказывали, что вотъ молъ какого государства государи князи великіе хотять.

— Ладно молъ. йдутъ, видно, подмогушки съ которой ни есть сторонушки. Да намъ-то ждать нечего.—И подумавъ, государь какимъ-то крутымъ голосомъ сказалъ:—Прямо имъ. Оедоръ Давыдовичъ, скажи: вѣчу не быть молъ, колоколу не быть: вотъ государство московское. А еще помни: конейнаго ³⁾ съ нихъ ни рубля не возьму,

¹⁾ То есть: спарядились; собственно: верстались кому сколько воевъ выставять и съ какими досѣхами.

²⁾ То есть: не ставя въ рядъ, или строку; не възявъ на то.

¹⁾ Отнерлися,—стали оспаривать, проу затѣяли.

²⁾ Ланской—прошлогодній. Годъ числился съ 1 сентября.

³⁾ Конейное—контрибуція.

Любопытные. Картина Д. Скутецкого, грав. Кирмзе.

Была роскошная весна... Картина К. Швейнгера, грав. Пейне.

тѣмъ ихъ жалую, а въ того мѣсто села и волости, которые нынѣ за Великимъ Новгородомъ, намъ-бы дали. Будутъ де, скажешь, тѣ села и волости наши, государевы, какъ въ Низовской землѣ. А безъ государевыхъ де сель и волостей государство не стоитъ.

Грозно и властно сказавъ свое велѣнье, государь обвелъ глазами своихъ бояръ, и какъ-бы спрашивалъ ихъ совѣта, добавилъ:—А что были они челомъ, чтобъ вывода¹⁾ изъ Новгорода не было, да въ боярскія вотчины намъ не вступатися, ино тѣмъ, думаю, мочно ихъ и пожаловать. А быть какъ вы приговорите.

Боярская дума то-же приговорили, что государь указалъ.

— Такъ-то скорѣе уладимся. Загостились мы въ Новгородѣ, на Москову время. Ступай-же, Федоръ Давыдовичъ, повѣстуй имъ слово мое твердо, безъ грозы; гроза не падобна. Възлюбивенько сказывай. А въ волости моль и животы боярскіе не вступитися, того не наслись-бы²⁾. Чуть что, ты эти слова и тверди имъ, чтобъ не наслись-то. А вывода моль не будетъ-же. Ступай... Аль стой! заодно ужъ сказать: какъ о государствѣ добьютъ челомъ, такъ скажешь, чтобъ на мое имя крестъ цѣловали, весь Новгородъ: и бояре, и житыи, и молодшіе люди, и вдовы, и жены боярскія.

И по уходѣ Федора Давыдовича, посмѣялся самъ:—До чего дожили, а? что съ бабами, не на печи сиди, воевать пришлось. А? что-то вы, люди добровольные, про то скажете?

Ничего не сказали исковичи. Какъ услышали они, что Вѣчному колоколу не быть въ Новгородѣ, такъ сердце у нихъ уцѣмилось; едва-едва удержались отъ слезъ. „Скопчался моль старшій братъ, и молодшему не долго жить. Знамо де: конку бьютъ, повѣстѣи паметку даютъ“.

— Простите ужъ, мужи добровольные, вповъ заговорилъ государь,—за торгомъ-то новгородскимъ отчуститъ васъ забыть. Что сказала вамъ, еще подтверждаю: по старинѣ отчину нашу Цеговъ будемъ жаловать. Да и Новгородъ!.. не выступи онъ самъ изъ старини своей, и виредъ жилъ-бы по своей пошлѣнѣ. Разбогатѣлъ, привередливъ сталъ: Москва не красна ему, на Литву давай заглядываться. Чужихъ людей пуститъ въ свою отчину хозяйничать—послѣдне то дѣло есть. сами знаете. А на васъ, отчину мою, я надѣюсь; на Литву не изаритесь, къ Нѣмцамъ не приступитесь.

Исковичи даже перекрестились: какъ де па зловѣршихъ позарясь, отъ своихъ отступитесь?

— И прародителямъ твоимъ, государь, сказалъ Копановъ,—мы, отчина твоя и дѣдина, всегда были искони неизмѣнны и неотступны, и виредъ о томъ-же Бога молимъ, чтобъ вамъ, государямъ, и внукамъ и правнукамъ вашимъ по старинѣ служить.

— По старинѣ служба, по старинѣ и жалованье. И мнѣ не забыть-же, что вы первые въ своей грамотѣ меня Русьскимъ царемъ звали. Ступайте-же и поминте!

Межь тѣмъ новгородскіе послы, услышавъ отъ государевыхъ бояръ, что великіе князья хотятъ такого государства, чтобъ колоколу Вѣчному не быть и посадника отложить, не дали никакого отвѣта: „Вдемъ моль въ городъ да о томъ скажемъ Новгороду“. Послы изъ бояръ и житыхъ проѣхали къ Владыкѣ, а тѣ что были отъ черныхъ людей, по одному съ конца, отприслались у Владыки домой.

Послы, передъ тѣмъ какъ у Владыки за обѣдъ сѣсть, разослали бирючей, и владычныхъ служекъ, и своихъ паробковъ по степенныхъ посадника съ тысяцкимъ и по всѣхъ бояръ, съ наказомъ чтобъ на-сѣхъ въ палатѣ собирались. Какъ только степенные вошли въ палату, и Владыко съ послами туда-же шелъ; сейчасъ-

же, не ожидая пока съѣдутся остальные, послы стали докладывать о томъ, что имъ сказали государевы бояре.

Вповъ пріѣзжавшихъ оповѣщали уже званіе, что такъ моль и такъ. Всѣ, выслушавъ, терялись, какъ люди которымъ пришлось сказать, что ихъ пріятель, съ кѣмъ они сейчасъ сиди въ комнатѣ всеело бесѣдовали за виномъ, выйдя въ другую горницу, въ одночасье преставился.

— Охъ, Господи, пронесетъ-ли еще эту тучу-то мѣрокомъ! привздохнулъ степенный посадникъ, думая о томъ, что-то моль на Дворищѣ будетъ, какъ придется объявить эту вѣсть.

— Ни, Оома Андреевичъ, па вѣкъ та туча стала падъ Новгородомъ—ни которымъ вѣтромъ не сдвинется, сказалъ степенный тысяцкій.

— Полно-ко, Василей Есиповичъ, пайдется вѣтеротъ, пайдется, да еще и сильно бурю вздвигне, скажи. Знай-моль, крѣпкіе парусовъ, отвѣчалъ Коробъ. — А только, вѣстимо, кормщика надо надежднѣй взять, добавилъ онъ, нагло кивнувъ головой па степеннаго посадника.

И Яковъ Федосѣевичъ самовольно возмпилъ себя степеннымъ посадникомъ, надежнымъ новгородскимъ кормщикомъ. Тѣмъ временемъ, многіе уже бояре съѣхались, и оправившись отъ перваго испуга, стали межъ собой все громче и громче разговаривать.

— Что ужъ тутъ дѣлать учнешь! сказалъ Оома Андреевичъ па вопросъ одного боярина, и руками о полы ударилъ.

— Знамо битися намъ! закричали многіе. — Нешто задаромъ отдавать Новгородъ? Лучше-жъ помереть намъ всѣмъ до послѣдняго.

— Стойте-ко-сь, возвыся голосъ сказалъ Коробъ.— помереть-то всегда поспѣете. А битися, нѣтъ-ли Новгороду, не въ нашу мѣру тако дѣло вершитъ: па Дворищѣ о томъ рѣчь буде.

— На завтра-жъ вѣче созвать!.. Чего тяпуть!.. па завтра-же! заговорили со всѣхъ сторонъ.

— Куды сѣшнись-то, да и съ чѣмъ еще? Диви-бы каку вѣсть радостну стали являть.

— А были-жъ, Яковъ Федосѣевичъ, и черны люди съ вами въ послахъ, сказалъ Оома Андреевичъ,— скажутъ-же своимъ слово государево: не скроешь вѣдь.

— Аль я сказывалъ, чтобъ имъ рты позашивать? огрызнулся па него Яковъ Федосѣевичъ. — Знамо, стапуть сказывать. А коль оны скажутъ, такъ намъ-то для-ча-жъ являть сѣшнись? Пусть-ко народушко, узнавъ, сдумаетъ. А сразу-то всѣхъ да однимъ обухомъ шеломить, быдто и не приходится. И оны, москвичи-те, и ны всяки народы что за ними потянулись, пусть-ко тѣмъ временемъ пріѣдутъ что изъ Цегова паѣзено. А тамо-т-ко, гляди, и ростопель.

— Да ты что жъ, Яковъ Федосѣевичъ, сдумалъ-то? стали его спрашивать:— битися, вишь, усѣдемъ еще, да и вѣче не въ угоду жъ ему.

— А вотъ послушайте-ко, отцы и братія, а тамъ ужъ и сказывайте, что нашему уроду все не въ угоду моль. Може и мнѣ что въ угоду окажется.—Коробъ помолчалъ.— Примо стапу сказывать. Быть бою, аль нѣтъ, то Богъ вѣсть да народушко. Божій же гласъ, скажутъ. Мы-ли москвичей изможемъ, аль оны насъ, Господня же власть. А намъ... полно-ко намъ, господъ, отъ бѣды отворачиваться, аль боясь па нее взглянуть жмуриться. Смѣло ей, бѣдѣ-то, въ очи глядѣть научимся. Такъ станемъ говорить, что Вѣчнаго колокола—нѣтъ его въ Новгородѣ, и посадничество отложено. Попытаемъ тутъ у него, что онъ оставитъ-то намъ.

— А безъ колокола, развѣ лысый бѣсъ намъ останется, буркнулъ Юрьи Ренеховъ.

— Охъ, много еще, Юрьи свѣтъ Сергѣевичъ, много

¹⁾ Выводъ—переселеніе.

²⁾ Не опасались.

останется. Цѣлыхъ пять ихъ, статей, я придумывалъ. А по времени еще падумаемъ. Тоже при старомъ князѣ, какъ вѣчны грамоты отложили, думали ужь, что конецъ Новгороду. А вотъ же прожили. И безъ вѣча протинемъ же, до... хоть такъ сказать: до Велика дни Новгородскаго.—Коробъ помолчалъ, утѣшался тѣмъ, что все съ жадностью ловить каждое его слово.—А о статьяхъ теперь. Первая статья, чтобъ вывода не чинилъ изъ Новгорода, потому: вывести что ни елучши роды, которы памъ надобны. Друга статья, чтобъ въ вѣлости боярски, ни въ земли, ни въ воды ихъ, ни въ животы пани не вступался бы. Разоривъ, обезсилить. А ужь третью статью, не такъ-ли казывать, чтобъ позвои на Москву не было, а судъ бы у насъ былъ, какъ испоконъ сталъ въ Новгородѣ. Еще статья: чтобъ на службу въ инья земли наряду не чинилъ изъ Новгорода; а то въ разны стороны разбѣдемся, ничего ужь не едумаемъ. А тутъ, знамо, у Владыка въ палатѣ не велать сидѣть—у Настасьи жь у Григорьевичевой ебни будутъ престошны. Но мислулъ вамъ, господъ, статьи-те мои?

Все хвалили Якова Федосеевича, и бодрѣи стали глядѣть.

— А пята статья ужь сама главная. Коль ее отстоимъ, дастъ Богъ, оживетъ Новгородъ. О томъ статья, что на всемъ, о чемъ я вамъ сейчасъ-т-ко казывалъ, крестъ бы онъ намъ цѣловалъ, слово свое крестомъ крѣпиль.

— Этого и не пойму ужь, слова прервалъ Коробову рѣчь Юри Ренеховъ.

— Сейчасъ и поймешь вѣдь, Юри Сергѣевичъ, важно и спокойно отвѣчалъ Коробъ.—Кому крестомъ цѣловать буде? Великому Новгороду. А поцѣлуе крестъ, анъ живъ стоить Новгородъ. Не цѣлуютъ вѣдь креста мертвому.

Все встрепенулися, какъ пезанно разбуженные отъ сна.

— Да и такъ скажемъ, что не Новгороду крестъ стае цѣловать, а къ намъ однимъ только, къ боярамъ новгородскимъ. И тутъ уцѣлеть же хоть мало гнѣздунко, гдѣ намъ птенцовъ вскормить, а ему жь въ пагубу. И такъ дѣло важно, это крестно цѣлованье, что и казать нельзя. Такъ вѣдь думаю, что всячески его добиваться надобѣтъ. Не похоче самъ, станемъ челомъ бить, чтобъ пожаловалъ, боярамъ своимъ цѣловать велѣлъ. А и то не въ угоду ему, пусть намѣстникъ, которому быть въ Новгородѣ, цѣлуе же крестъ.

Тутъ Яковъ Федосеевичъ слышалъ себѣ такую хвалу, какой отродясь не слыхивалъ. И благодарствуя осподѣ своей, Коробъ про себя думалъ: „вышелъ я, какъ тотъ камень, его же небрегоша молъ зйждущи, сей бытъ во главу угла.“

— Напоследокъ ужь молило словечушко еще посмѣлѣй, остѣнее, казвалъ онъ.—Нечего ужь намъ межъ собой тапться-то. Казывалъ вотъ Василей Есеповичъ, что стала молъ туча-та на-вѣкъ надъ Новымъ городомъ, ни котормъ де вѣтромъ съ мѣста не едвинется. А я вамъ говорю, что далече ту тучу вѣтеръ отнесе—въ самое Москву, а тамо-т-ко она, грозпа, прѣлется. Спихватится жь и король честный. И ему вѣдь лакомъ кусъ, Велико-тъ Новгородъ.

— А въ ту пору, вскричали ему въ отвѣтъ,—станемъ тебѣ, Яковъ Федосеевичъ, бить челомъ, чтобъ ты въ Новгородѣ посадничалъ, до вѣку!..

IX.

Бѣда и пабѣдни.

Пашко правду говорилъ Кириакъ Андреевичу что тугая жизнь пошла въ Новгородѣ. Протянувъ цѣлую недѣлю, пережевавъ вдосталь Коробовы мысли, послы опять потянулись въ село бывшее Лощинскаго. На сей разъ черныхъ людей съ собою не брали; поѣхалъ Владыко со старыми посадниками.

Напрасно ждалъ Новгородъ съ чѣмъ воротятся послы отъ государя: послы какъ сквозь землю провалилися; недѣля прошла, святки настали, другая недѣля минула, а о послахъ ни вѣсточки.

Все давно знали, что государъ повелѣлъ Вѣчному колоколу не быть и чтобъ посадничество отложили; но посадникъ зачѣмъ-то еще торчалъ въ городѣ и вѣче еходило на Дворницѣ. Ничего едумать не могли: надвое распался Великий Новгородъ. Одни кричали: „помереть хотимъ за Святую Софею;“ другие мыслили за государя задаться. Съ тѣмъ и вѣче расходилося. Холодъ и голодъ, между тѣмъ, свое дѣло дѣлали. Холодъ дворы да амбары раскрывалъ, а кое-гдѣ добирался и до кровель; голодъ что дѣнь, то больше трушья выметывалъ на улицу.

Въ четвертый день рождественскихъ праздниковъ, въ воскресенье, въ Дѣтинецъ набилось много народу, пришли по обычаю поклониться святинѣ новгородской.

Сойдемъ, народъ не расходился. Толковали о послахъ, что съ ними сталося; другие говорили: „что молъ о послахъ думать, коли не вѣдомо что и съ Новымъ городомъ содѣялось?“ Степенные градонаправители, узнавъ что народъ какъ бы вѣчемъ у Софи сталъ и выкликаетъ ихъ, поспѣшили въ Дѣтинецъ. Взойдя на крыльцо, они здоровались съ народомъ, кланяясь на три стороны.

Приговорилъ народъ: быть вѣчу, и степенные своей осподы и брати не ослушались. Ставъ впереди народнаго множества, Ома Андреевичъ со всемъ вѣчемъ пошелъ чрезъ Великий мостъ съ Софійской стороны на Торговую.

Много народу къ вѣчу на дорогѣ пристало, а какъ стали бить въ колоколъ видимо-невидимо набѣжало. Только что степенный Ома Андреевичъ вздумалъ было рѣчь держать, самъ хорошенко не зная что говорить въ такой бѣдѣ, какъ послышались крики, чтобъ дали дорогу воеводѣ новгородскому. Съ рундука видно было, что князь Василей Васильевичъ Шуйский-Гребенка, съ немогими паробками, вѣхалъ на коняхъ на Дворницѣ.

Сошедъ съ бѣлаго коня, князь пошелъ межъ народомъ, къ Вѣчной избѣ. Взойдя на помость, онъ, помолясь, кланялся на все четыре стороны и благодарствовалъ за-хлѣбъ за-соль Господину Великому Новгороду.

— Какъ служилъ я Господину Великому Новгороду, говорилъ онъ,—и до-вѣку служить бы радъ. А только слышу, госнодо, что повелѣлъ государъ въ отчпнѣ своей Новгородѣ вѣчному колоколу не быть, а посадничество отложить. Ино, госнодо, моя служба вамъ впредъ не падобна. Слагаю жь съ себя потому крестно цѣлованье къ Господину Новгороду Великому. Не стало господари—и слуга воленъ сталъ. А вамъ, госнодо, всему Великому Новгороду, на-хлѣбѣ, на-соли, на кормахъ новгородскихъ еще разъ челомъ бью. Дай вамъ, Боже, всякаго обилия.

И поклонясь на все стороны, князь тихо сошелъ съ рундука, и народъ, молча разступаясь, очицалъ ему путь.

Нежданно воевода сложилъ съ себя крестное цѣлованье. У всехъ сердце пало. Доселѣ все еще какъ-то не вѣрилось, еще теплилась надежда въ душѣ новгородской. А теперь и воевода отъ Господина Новгорода Великаго, какъ отъ мертвеца, отступилъ!..

Долго домашнимъ не вѣрится, что вовсе скончался дорогой покойникъ; вѣтъ, вѣтъ да и шевельнется въ глубинѣ сердечной, что спитъ молъ онъ, оживетъ сейчасъ. А покойника не только въ домовину положили, но уже и на погость изъ дому понесли. Такъ, послѣ словъ князя Шуйскаго, поняли новгородцы, что ихъ волю понесли уже на погость: зарыть оставался.

— Не кручиньтесь же, стали бояре ободрить народь,—межь собой поговоря, иного воеводу поставимъ.

— А кого жь тотъ воевода въ бой поведе? стали кричать въ народѣ.—На голодно брюхо и тоноръ тя-желъ, а не то чтобъ въ доспѣ-хахъ!... До че-го вѣдь довели!.. И сытые нупь, скажи, живутъ въ проголодь... Моръ въ горо-дѣ!..

— А вотъ по-слы... взговорилъ было Оома Андре-евичъ.

— А что пос-лы-те? гдѣ они еще? безъ толку перебили его.

— Нѣтъ, стой, молчи, пусть онъ каже, говорили другіе, ты ча пальцами на по-садника.—А что послы - те? О чемъ еще у нихъ говорка была?.. Нашихъ, не бось, черныхъ, въ тотъ разъ взяли, какъ вѣчу не быть... А о чемъ такомъ говорка была?.. Знамо бояра свои животы берегли... Ну, стой, пусть онъ каже... Пошто молчишь-то?.. Аль у тебя языка во рту нѣтъ?..

— Знамо ска-зывали, о чемъ было наказано, растерявшисъ отвѣчалъ степен-ный посадникъ.

— О чемъ же доподлинно?

— А миромъ же думали. Шо-лоньско докон-чанье покрѣпить думали. А онъ, вишь, государ-ства похотѣлъ. На томъ словѣ и ўперся что го-сударства моль... — А послы-те

что жь?

— Гдѣ ужъ перечить, знамо потакивали...

— То-то вы Новгородъ и протакали! съ горькимъ смѣхомъ отвѣчали ему.

— Что ужъ!.. Божья власть, сказалъ посадникъ, развода руками на новгородскую бѣду.

— А понѣ бы съ чѣмъ же у государя-тъ застряли? Оома Андреевичъ сталъ перечитывать всѣ статьи Коробовы.

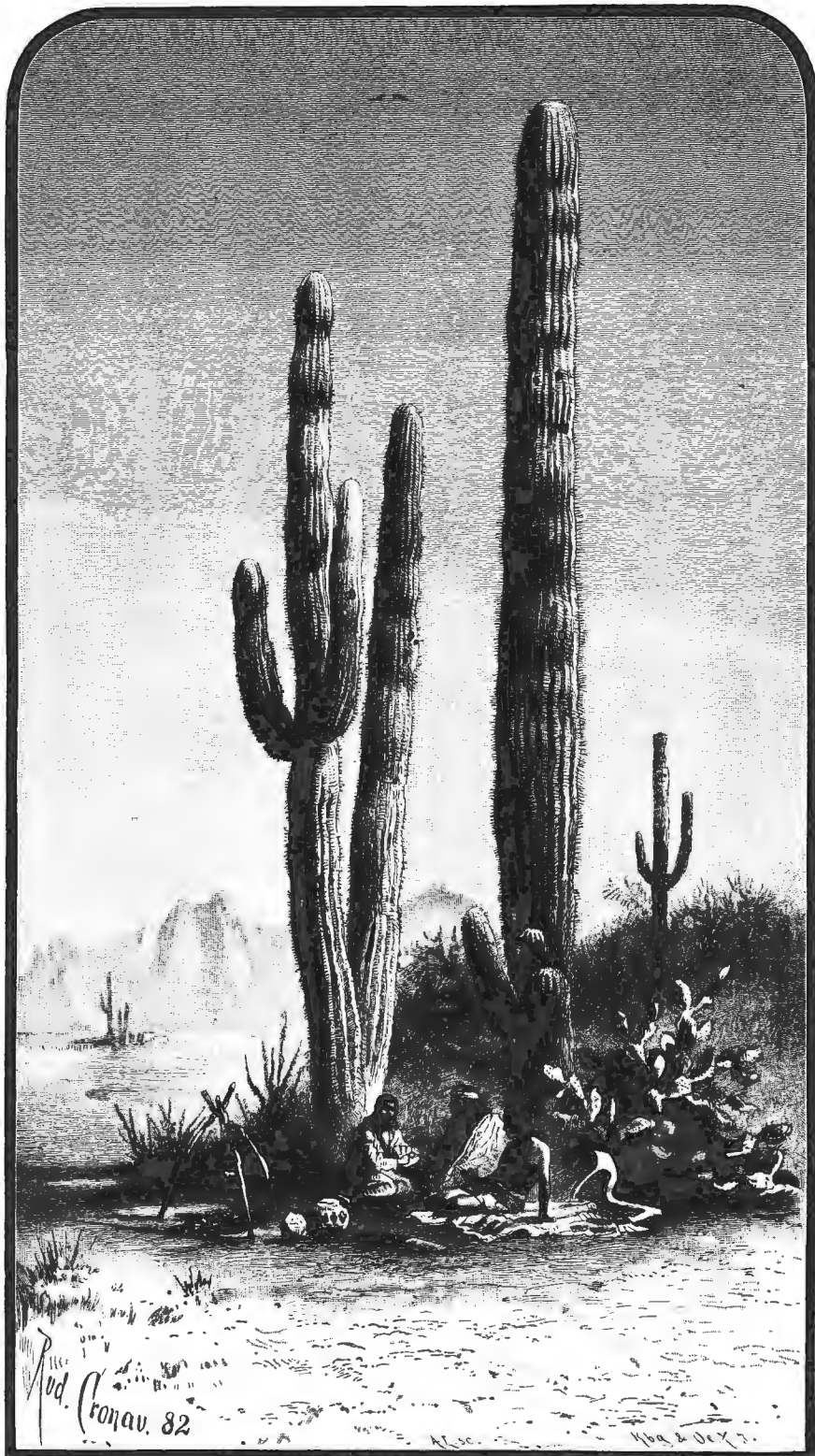
— Такъ и ё что о своихъ животахъ неклись... А мы тѣ животы порастрасемъ еще!.. У, толстобрюхіе! Имъ и горюшка мало, что крестьяна мрутъ... Гля-ди каки гладки стоятъ; ни одишь, небось, съ голо-духи не осунул-ся!..

— Гдѣ же, отцы и братія, съ укоризной ска-заль Оома Ан-дреевичъ, — гдѣ же объ однихъ животахъ сво-ихъ неклись?.. Не правда вѣдь... О всѣхъ, гляди, думали, о всемъ Господинѣ Вели-комъ Новгородѣ... хоть бы судъ взять... — А самому тебѣ на тотъ лест-ный судъ стать!.. — А позымше, аль чтобъ наряда не чинилъ?..

— А памъ, вид-но, господо, свой нарядъ чинить... А каковъ на-рядъ?.. Знамо на дворы на бо-ярски!.. Не мереть же съ голоду... У, толсторылье!.. На свою голову ихъ на степень ставили... Сба-вимъ ужо жиру-ту съ васъ!.. Разъ-ѣлися!.. Кровью-то нашей пона-сытились!.. Ишь черева - те тор-чатъ!.. А мы ту тяготу раздѣ-лимъ вѣдь!.. До чего довели!.. Ни стыда нѣтъ въ нихъ, ни совѣ-сти... Черти око-лпные!.. Граби-тели, мучите-ли!..

— А памъ, вид-но, господо, свой нарядъ чинить... А каковъ на-рядъ?.. Знамо на дворы на бо-ярски!.. Не мереть же съ голоду... У, толсторылье!.. На свою голову ихъ на степень ставили... Сба-вимъ ужо жиру-ту съ васъ!.. Разъ-ѣлися!.. Кровью-то нашей пона-сытились!.. Ишь черева - те тор-чатъ!.. А мы ту тяготу раздѣ-лимъ вѣдь!.. До чего довели!.. Ни стыда нѣтъ въ нихъ, ни совѣ-сти... Черти око-лпные!.. Граби-тели, мучите-ли!..

Слыша брань и поношеніе, сте-пенный Оома Ан-дреевичъ впервые въ жизни опу-стил со стыда сѣдую голову. Изъ потушен-

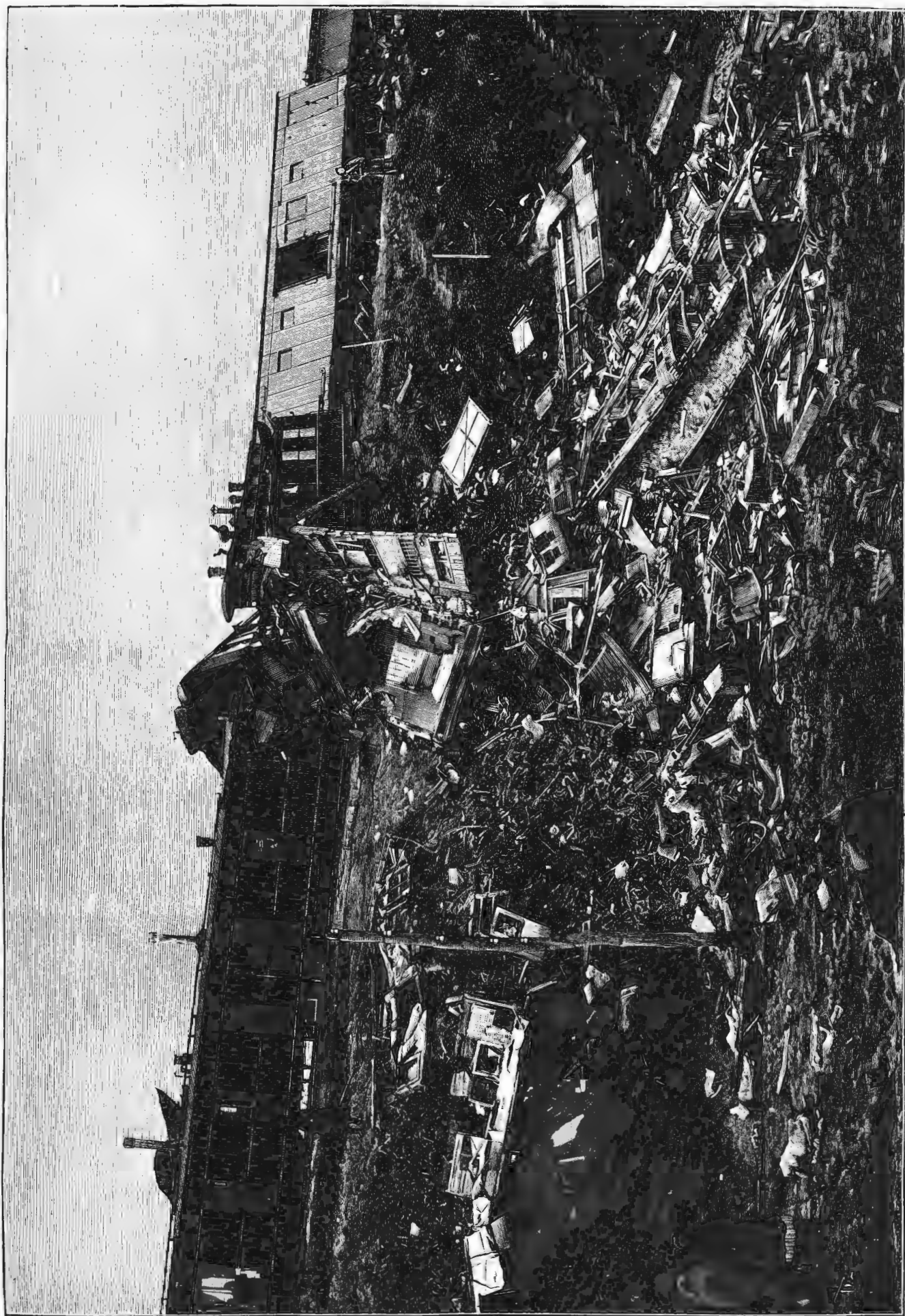
Исполниніе кантусы въ Аризонтѣ. Рис. Кронау, грав. Кезебергъ.

ныхъ очей крупныя слезы каналы на рундукъ.

— Что галдѣть - то!.. Доспѣхи вздѣнь, за то-поры примайся!.. Съ холоду-тъ разогрѣмся!.. Не однимъ же имъ, толсторыльемъ, жрать!.. И медку поьемъ!..

— А что, господо, не добро, слышьте, затѣвается, по домамъ бы, что-ль, намъ, посовѣтываль Василей сермяжникъ своимъ уличанамъ.

Обломки людской и
Министерского вагона.

Поварская.

Вагоны электр. освещ. и багажного отделения.

Катастрофа 17 октября близ станции Борни, Курско-Харьново-Азовской железной дороги. Обломки разбитого министерского вагона.
Съ фотограф. грав. Шюблеръ.

— И то, Пашико подтвердилъ. — А не въ грабежчи-ки жь намъ, прости Господи.

И многіе славчани по домамъ пошли. Глядя на нихъ всѣ, кто поразумнѣе, потянулись съ Дворища. Вѣче долго еще, впрочемъ, не расходилось, а разошлось не за добромъ.

На другой день и послы воротились.

— А всѣ вѣдь статьи, докладывалъ Горобъ въ палатѣ, — которыя тутъ мы придумывали, всѣ вѣдь безъ слова отдать, и безъ разговора всѣмъ тѣмъ отчину свою жаловалъ. А стали просить чтобъ крестъ цѣловалъ, выслалъ бояръ сказать: „не быти моль моему цѣлованію“; о боярахъ замолвили, чтобъ они цѣловали, и то отмоливъ; напоследокъ о намѣстникѣ, чтобъ хоть онъ крестомъ покрѣпилъ — и на то не согласенъ. Знамо государи своимъ боярамъ, аль народу не цѣлуютъ креста, а только инымъ господамъ, государямъ же. Тутъ ужь, не зная какъ быть, стали опасной грамоты просить, чтобъ явить обо всемъ Новгороду. И опасна не далъ же. Думали мы что вовсе ужь померли. Эти двѣ недѣли какъ бы въ полону прожили. Хоть то бы вымолить, чтобъ не чрезъ высылку боярскую, а отъ устъ его слышати чѣмъ буде свою отчину жаловати. Пшнѣ только къ себѣ допустить, и всѣмъ чѣмъ просили пожаловалъ, опричь, знамо, крестна цѣлованія. Тутъ, челомъ ударивъ, вышли мы, а онъ бояръ къ намъ выслалъ, селъ и волостей себѣ прося. А мы Новгороду то явить отпросилися. А пшнѣ что вы, отцы и братія, сдумаете...

Такая-то тугая жизнь шла въ Новгородѣ. Больше всѣхъ Лука Аввакумовичъ тужилъ; такъ, по крайности, ему самому думалось. Онъ сиднемъ дома сидѣлъ. Добраго на улицѣ ни увидати, ни услыхати было, особенно въ эти послѣдніе дни. Развѣ о мертвое тѣло конь споткнется, да крикъ грабежный донесется издали. Какъ у пророка Исаяи писано: „скоро плѣни, нагло расхити“. Во всѣхъ боярскихъ дворахъ сторожа была удвоена; парубки въ доспѣхахъ и день, и ночь. На Дворищѣ для ругни сходилися, да за тѣмъ еще, чтобъ сдумати кого грабить пынче. Бояре на народъ вставали, народъ на бояръ. Какъ пьяный шатался Великій Новгородъ.

Лука, какъ услышалъ, что вѣчу не быть, въ тотъ-же день положилъ въ монастырь идти. Хлопоталъ о томъ, чтобъ отписать волости и села на монастырь, да притомъ бѣдную родню дальнюю не очень обидѣть. Хлопоты вышли долги. Много также роздалъ Лука неимущимъ. Каждый день у него въ стряпущей некли хлѣбъ, и ставили, прикрывъ убрсами, на столахъ въ сѣняхъ. Кто нуждался, шелъ прямо въ сѣни и перекрестясь хлѣбъ бралъ; кто два бралъ — и тому не возбраняли.

То вѣднѣе горе, котораго такъ желательно ждала Марья Александровна, давно ужь настало. И чѣмъ круче оно обивалось вокругъ Новгорода, тѣмъ свѣтлѣе становилось въ душѣ молодой боярыни.

Ея Васенька, послѣ нежданнаго разговора съ Настасьей Петровной, долго еще хмуръ ходилъ. Услышавъ о томъ, что Кириакъ собирается жениться, онъ вдругъ встрепенулся какъ отъ толчка.

„Не глядя на ея красоту, ину за себя беретъ“, думалъ онъ. „А холостъ-же ходилъ, и Настасья его пуще моего приманивала. А я-то ревновалъ его... Стыдно вѣдь... отъ молодой жены-то...“

И Василей Ѳеодоровичъ какъ съ горы посмотрѣлъ на свое прошлое безуміе. Малъ и ничтоженъ показался онъ самому себѣ.

„Все отъ бездѣлья, что дѣла-тъ настоящаго у меня нѣтъ“, рѣшилъ онъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ пересталъ засиживаться въ Настасьиныхъ сѣняхъ. Скажетъ что бабушка приказала, да и домой скорѣй. Разъ Григорьевичева вздумала его удержати.

— А что мнѣ безъ-толку по чужимъ сѣнямъ слопаться? отвѣчалъ Василей Ѳеодоровичъ. — Лучше-ко

я дома съ семьей посижу. Да и говорить болѣ, Настасья Петровна, не о чемъ... Развѣ то сказать... сама, поди, слышала... что Кириакъ-тъ Андреевичъ женится. Упаву, скажутъ, за себя беретъ, такой-то моль нѣтъ и въ Новгородѣ.

Настасья Петровна язычекъ прикусила.

Съ малаго вѣча, гдѣ Лука рѣчь держалъ, еще болѣе воспринялъ душой Василей Ѳеодоровичъ. Доселѣ, рассказывая бабушкѣ о томъ, чего послушался въ палатѣ, онъ говорилъ чаще съ усмѣшкой, а тутъ съ горящимъ лицомъ, съ восторженнымъ взоромъ:

— Вотъ мужъ, истый мужъ! твердилъ онъ.

Много и долго говорилъ онъ потомъ съ женою о Лукѣ, всегда заканчивая рѣчь тѣмъ-же возгласомъ:

— Такимъ-бы и мнѣ далъ Богъ сдѣлаться! А, Марьюшка?

Марьюшка не нарадовалось, глядя на мужа. Ея былыя мечты теперь сбывались. На этомъ сближались мужъ съ женой; дальнѣйшее горе и вовсе ихъ сблизило. Отъ горя не въ семьѣ, гдѣ-же утѣхи искать?

Какъ раньше бабушка не видѣла, что межъ внуками словно кошка проскочила, такъ не замѣтила она и ихъ новой радости. Горе ее въ щепку высушило; на уста она точно замокъ навѣсила, и все больше молилась да читала Апокалипсисъ.

Стрѣтенъ въ томъ году приходилось въ Чистый Понедѣльникъ. Марѳа наканунѣ, въ великое заговѣнье, простилась по обычаю со всѣми домашними. Съ полуночи она стала на молитву въ своей комнатѣ.

Плохо въ ту ночь спалось Василю Ѳеодоровичу. Все то онъ тревожился: то ему чудилось будто у воротъ кони ржутъ, то люди разговаривая ходятъ, то въ калитку стучатся.

— Вѣтеръ сѣленъ на дворѣ, въ трубѣ шумить, по кровлѣ шелестить,—съ того тебѣ и чудится. А съ Богомъ спи! успокоивала его Марья Александровна.

Чуть свѣтъ замеледился, Василей Ѳеодоровичъ яственно услышалъ, что въ калитку колотятся.

— Это ужь не грезится, сказала онъ женѣ.

— Точно, кольцо брякаетъ, и я слышу, отвѣчала прислушавшись Марья Александровна.

— Поглядѣть было что тамъ еще.

И на-спѣхъ обувшись и одѣвшись, Василей Ѳеодоровичъ вышелъ въ сѣни. На стрѣчу ему Кузьма вѣжалъ со двора, бѣлѣе полотна, въ одномъ чеботѣ.

— Что тамъ?

— Приставы московски, не попадая зубомъ па зубъ, едва внятно, пробормоталъ дворецкій.

— Сказать было бабушкѣ, тихимъ шепотомъ, словно боясь испугать кого, отвѣчалъ Василей Ѳеодоровичъ, и осторожно, ступая на цыпочки, пошелъ къ бабкиной комнатѣ и потихоньку поцарапался въ двери.

— Кто тамъ? отозвалась Марѳа.

— Пришли, бабушка... приставы-те... московски...

— А!.. выйду сейчасъ.

Василей слышалъ, какъ бабушка грузно положила три земные поклона, шепча: „Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость ¹⁾ его“.

Какъ бабка со внукомъ сошли въ сѣни, тамъ уже стояли московскіе приставы. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ посадникѣ, и тяжело положивъ правую руку ей на плечо, твердымъ голосомъ сказалъ:

— Поимана еси Богомъ и государемъ Княземъ Великимъ.

Другой приставъ тоже оповѣстилъ Василю Ѳеодоровичу.

— Крутитесь теплѣй. И ѣхать сейчасъ, сказалъ первый приставъ.

Черезъ полчаса двѣ кибитки выѣхали со двора посадника, и гнали на спѣхъ въ село бывшее Лошнпскаго.

¹⁾ Кротость—сокрушеніе.

Тамъ въ сѣняхъ, на лавкѣ у двери, долго сидѣла посадница; не сморгнувъ, не поведя головой въ сторону, она точно закамѣшла. Марья Александровна черезъ мужа взглядывала на бабуку и тихо плакала, пожимая уградкой руку своему Васенькѣ. Василей Ѳедоровичъ сидѣлъ свѣсивъ голову, между женой и бабушкой, и то на одну, то на другую кручиновато взглядывалъ. За все долгое время, они не перемолвились и словомъ.

— Привезли? послышался сухой голосъ изъ сосѣдней комнаты.—А другихъ-те?

— И другихъ няли-же, государь.

Государь вышелъ къ посадницѣ.

— Довелось таки свидѣться, сказалъ онъ, и взглянувъ Марю въ очи, невольно помялся.

Ему вспомнилось, что давно ужъ, когда онъ послѣ Шолонскаго боя въѣзжалъ въ Новгородъ, то при проѣздѣ по одной улицѣ невольно взвелъ глаза на окна, почувствовавъ на себѣ чей-то упорный и злой взглядъ. Тогда онъ освѣдомился чей домъ, но названное имя ничего ему не объяснило; теперь онъ узналъ чьи очи смотрѣли тогда на него изъ чужаго окна.

— На себя непей, чиста вдова посадничья. Псл, ты своей хитростью до того довела Новгородъ.

— Намъ съ тобой о Новгородѣ, не дослушавъ государевой рѣчи отвѣчала Марья, — предъ престоломъ Господнимъ судъ буде. А на землѣ межъ пасъ, господине, вѣтъ суда.

— На Литву было не заглядываться.

— И о томъ, кто насъ на Литву глядѣтъ пудилъ, Господень-же судъ.

— А это, знать, внукъ твой будетъ?

— Ѳедоровъ сынъ, глухо молвила посадница.

Поглядѣвъ на внука, государь оглядѣлъ и его жену. Марья Александровна стойко выдержала глазъ государевъ.

— Въ Новгородѣ тебѣ жить не къ чему. Тихе безъ тебя-то, меньше говорю, и мнѣ поспокойнѣе. Испомѣстятъ тебя тутъ до времени, а тамъ укажу куда свезти.

И государь думалъ уйти. Марья не шевельнулась, и затѣмъ какъ будто внезапно чѣмъ-то подвигнутая, ступила шагъ впередъ, и низко государю поклонясь, дотронулась пальцами правой руки до полу.

— Попечалуюсь, господине, тебѣ, сказала она.

— О комъ?

— Не разорай, государь, Новагорода; береги его; пригодится еще...

— Не разорители зовемся мы, а собиратели земли русскія, отвѣчалъ государь.

Въ среду на той-же первой недѣлѣ, Лука Аввакумовичъ рѣшилъ въ монастырь идти. Наканунѣ онъ сходилъ въ баню, чтобы омыть грѣховную плоть. Не рѣдко, когда онъ лежалъ на лавкѣ въ банѣ, а паробокъ теръ его вѣникомъ съ мыломъ, ему чудилось, что ужъ онъ умеръ и его омывають къ погребенію. Въ этотъ разъ, ему тоже представилось съ особой ясностью.

„Учатъ отны святые“, думалъ Лука, „что сорокъ дней по преставленіи душа наша на землѣ пребываетъ. А на кого, аль на что ты, душе моя, изъ тѣла ишедъ, глядѣть полетишь въ Новгородѣ? Аль на Дворище, вспоминаючи какъ „въ князѣхъ“ молвила, аль въ полату Владычню каменну, гдѣ возносила мыслью высокою?.. О суета суетствій!.. Аль еще въ Арбузевскій садъ заглянешь, грѣховны дѣла поминая, а ими мучаясь... Охъ, Господи!.. Боже! милостивъ буди мнѣ, грѣшному... Аль стукнешься быстрой ласточкой къ старой посадницѣ въ теремъ подъ оконушко, доглядишь... О суета суетствій, и всяческаа суета!.. А въ мирѣ и покаяніи скончати...“

На другой день, какъ ни рано задумалъ Лука идти въ монастырь, Кириакъ Андреевичъ поспѣлъ-таки проводить своего посаженнаго отца. Лука ему обрадовался.

— Спасибо-жь тебѣ, сказалъ Лука. — А пока коробки съ книгами на подводу грузить, посидимъ еще.

— Аль нынче ужъ? Кириакъ спросилъ.

— Откладывать не къ чему. Слава Господу, что удостоилъ меня грѣшнаго. Вечоръ съ паробками прощался, на волю отпускалъ.

Оба помолчали.

— Что въ городѣ, Кириакушко? спросилъ Лука.

— Сказали: выводу не быть, а ему въ боярски села и волости не вступатися, анъ третьёго дни пали-же, и животы на князя отписали-же...

— Кого?

— Марю со внукомъ, да еще...

Кириакъ назвалъ нѣсколько именъ.

Услышавъ что и Репеховъ взять, Лука вспомнилъ какъ сказалъ о немъ на вѣчѣ, что нашъ молю рещюкъ всюду прицѣпится, и тяжело вздохнулъ.

— А Коробъ? по молчаніи спросилъ онъ.

— Не слышать, чтобъ пали... Да этотъ не дастся, хитерь: волчий ротъ, лисій хвостъ.

— А какъ мыслишь, Кириакушко, еще помолчавъ Лука сказалъ, — неужто-жь тѣмъ все и кончится? А й вовѣкъ душѣ Новгородской не воскреснути?

— Охъ, Лука Аввакумовичъ, милый мой посаженный батюшко, вѣруй ты самъ тому воскресенію—не шель бы ты во монастырь жить.

— А вотъ мыслилъ бывало, задумчиво продолжалъ Лука, — во вьюности-то что коль доведе молю Господь въ чернилахъ жизнь скончатъ, стану де лѣтописца писать о славѣ дѣдней внукамъ въ память. А нынѣ и писать нечего: конецъ Новгороду.

И опять помолчали.

— Ты какъ-же, Кириакушко?

— Сдумали съ матушкой, какъ Волхово тронется, па вѣкъ въ Красны Холмы сылты. Тамо-т-ко смиренненько, за дворомъ глядя, станемъ жить. А въ Новгородѣ дѣлать печего. И къ тестю опять ближе, женѣ веселѣй. Да и мнѣ буде съ кѣмъ со скуки побесѣдовать.

— Молодъ-же ты еще!.. Этакъ-то въ селѣ на вѣкъ схоронить себя!..

— Аль мнѣ въ службу ему челомъ бить? гордо Кириакъ сказалъ. — Безъ меня вайдутся. А й нашлись ужъ... Ну, а дѣти будутъ, тѣ знамо не вольны новгородцы, москвичи родятся. Ихъ на Москву вѣхать не стану отговаривати.

— Охъ, и пора мнѣ, гляди! спохватился Лука, подымаясь съ лавки.

Въ это время доложили боярину, что другой сынъ его посаженный, Пашкѣ, съ уличанами пришелъ. Лука приказалъ впустить ихъ. Съ Пашкѣмъ вошли Губанъ-кафтанникъ и Василей-сермяжникъ.

— Проститься съ тобой, Лука Аввакумовичъ, пришли, объявилъ Пашкѣ.

Лука, благодаря, просилъ садиться.

— Гости будете, сказалъ онъ. — Каковѣ живете, можете?

— А даль Богъ, отвѣчалъ Губанъ-кафтанникъ, — полегше прежняго житѣе пошло. Москвичи многи тожь за походы пообносились, заказываютъ, нами не брезговать. Кушцы новѣ дешёво сукно пустили, залежалося.

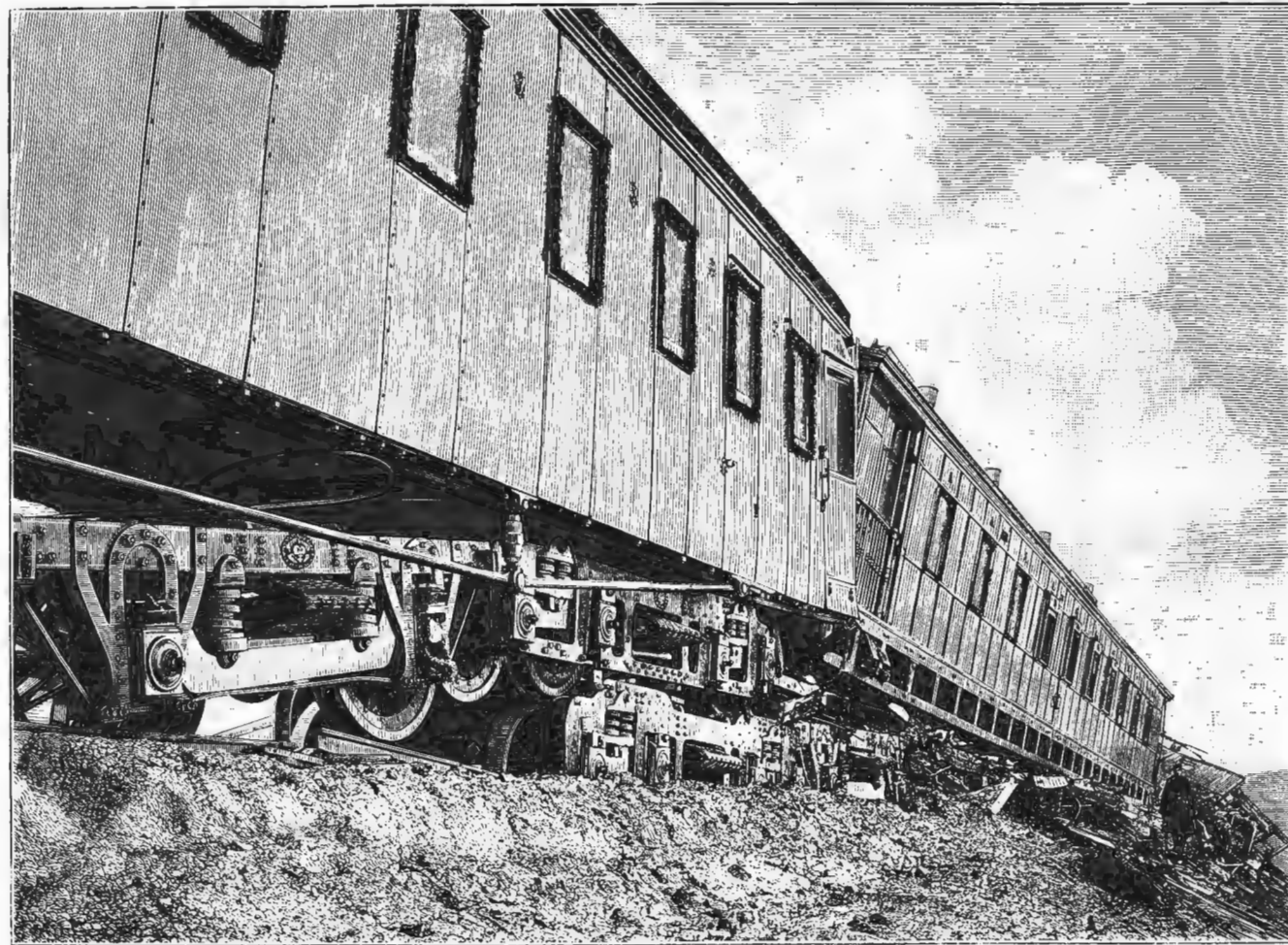
— А Новгородъ-то нашъ! покачавъ головой Лука сказалъ.

— Не нашимъ хотѣнемъ, Божьимъ тѣмъ строенемъ содѣялось, важно отвѣчалъ Василей-сермяжникъ. — А намъ что много о томъ говорить?

— Охъ, добавилъ Пашкѣ, — знать не мы нунъ въ князѣхъ, а князи въ насъ.

Лука припомнилъ веселее вѣче, и хотѣлъ что-то сказать, да такъ съ полуоткрытымъ ртомъ и остался. Нижняя челюсть у него при томъ какъ-то по старчески отвисла.

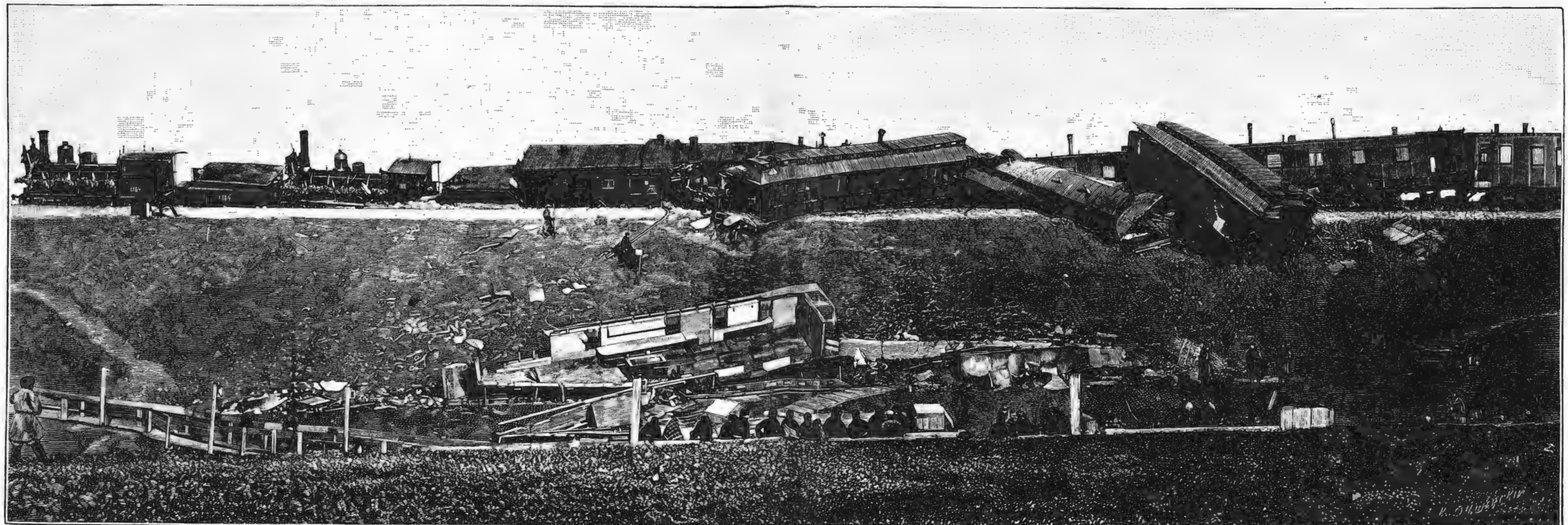

Катастрофа 17 октября близ станции Борки. Вагоны Наслѣдника Цесаревича и Ихъ Величествъ. (Полеса тѣлѣжки перваго наскочили на тѣлѣжку послѣдняго). Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Великокняжескій вагонъ. Вагонъ Ихъ Величествъ. Вагонъ Наслѣдника Цесаревича.
Катастрофа 17 октября близъ станціи Борки. Вагоны Великокняжескій, Ихъ Величествъ и Наслѣдника Цесаревича.
Съ фотогр. грав. Барановскій.

Первый паровозъ и тендеръ. Второй паровозъ и тендеръ. Багажный вагонъ. Кухня. Вагонъ-столовая. Ве-ликокняжескій вагонъ. Библиотека "Руниверс"
Катастрофа 17 октября близъ станціи Борки, Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги. Общій видъ Императорскаго поѣзда въ первые дни послѣ крушенія. Съ фотогр. грав. Ольшевскій.

— Пора мнѣ, вновь онъ сказалъ.—Простите, братія, меня грѣшнаго.

И Лука каждому клаялся въ ноги, и они ему земной-же поклонъ творили, а вслѣдъ трижды цѣловались. Кириакъ взялся проводить отца посаженнаго до Святыхъ воротъ, а славчане домой пошли.

Оттепель стояла на дворѣ. Мокрый снѣгъ падалъ большими хлопьями, и тотчасъ-же таялъ.

— Слышите, господѣ, сказалъ Губанъ, — нынѣ колоколъ-тъ съ Вѣчной башни на Москву свезутъ.

— Ты почему знаешь?

— Ужъ вѣрный человекъ мнѣ про то сказывать.

— А пойдемъ-ко, поглядимъ еще, подхватилъ Пашкѣ.

— На бѣду не накупиться-бы, гляди, сталь отгваривать Василей-сермяжникъ.—Погонять еще...

— Смирнехонько станемъ глядѣть, отвѣтили Пашкѣ.—А станутъ гнать, безъ слова-же домовъ пойдемъ.

И рѣшили идти на Дворище. Издали еще разглядѣли они, что у башни москвичи въ доспѣхахъ толпой стоятъ. Тихо подошли славчане, и смирнехонько стали сзати. Молодой малый, держа подъ уздцы лошадей въ пошевняхъ, стоялъ лицомъ къ своимъ; онъ мигомъ примѣтилъ славковскихъ уличанъ.

— А! новгородчи пожаловали, дразня ихъ, вскричалъ онъ,—сѣбѣ моль тридцать пироговъ съ пирогомъ, а три съ тѣрогомъ.

— Не замай, стоятъ! крикнулъ на него набольшій.—А у тебя гляди, каналья ты этакая, самъ зубы скалишь, а пошевни, мотри, гдѣ стоятъ? Того гляди, колоколъ въ снѣгъ угрузимъ. Эй, новгородска душа! подсобите-ко своего вѣчника сдержатъ, пока малый коня-тъ осадить.

Новгородцы дружно схватились за канатъ. Колоколъ подался вверхъ.

— Спускай теперь, да бережно! Такъ, такъ. Чтобъ онъ у васъ на пошевни легче пуху палъ. Ладно-ли?

— Ловко угодилъ! отвѣчали снизу.

Набольшій сѣжалъ съ башни.

— Живо, ребята, гужевыхъ припрягай! Не зря, толкомъ дѣлайте.

— А куды жь его? полюбобытствовалъ Пашкѣ.

— Къ Успенью, скажутъ, на колокольницу государь обѣщалъ. Полно-ка ему злоязыничать, благовѣститъ пойдетъ. А что-й ты какъ бы съ лица мнѣ знакомъ? обратился набольшій къ Пашкѣ.— Чать Пашкомъ тебя звать?

Пашкѣ, узнавъ Теткина, струхнулъ было порядочно.

— А Пашкомъ же, съ поклономъ, ломая шанку, отвѣчалъ онъ.—А тебя вѣдь никакъ Иваномъ Захарычемъ на околицѣ кликали?

— Вѣрно. Съ чево жь ты изъ бани украденъ тогда?

— Трусу тоже сирадновалъ, и другій полоняникъ-тъ сманилъ.

— А онъ кто таковъ былъ?

Пашкѣ сказалъ.

— Такъ бы ему, дураку, и мнѣ сказывать. А тѣ, ишь ты, какую околесную городить нашель... Ну,

ребята, пошевеливайся! крикнулъ онъ на своихъ. — А дѣло твое, Пашкѣ, на мой глазъ, было правое; билъ бы теперь государю челомъ.

— Господь насъ съ Васильемъ-то Селифонтьевичемъ разсудилъ. Добылъ вѣдь я Маврушеньку, изъ проруби вынявши, оженешъ нунъ хожу.

— Ну, дай вамъ Боже совѣтъ да любви! Осмотрись, ребята, осмотришь. На ухабѣ намъ не застрять бы гдѣ, какъ гуже-тъ лопнетъ.

— А гдѣ жь онъ, Арбузевъ-то, теперь? спросилъ Василей-сермяжникъ. — На Москву, кажутъ, сбѣгли.

— Давно я его изъ виду потерялъ, отвѣчалъ Теткинъ.—Въ началѣ было похода къ боярамъ пристроился, съ ними и походе-тъ дѣлалъ.

— Помѣрши же онъ, Василей Селифонтьевичъ, сказалъ Губанъ.

— А ты откуда знаешь?

— А сказать забылъ, вечеръ Буянъ забѣгалъ ко мнѣ. Сказывалъ, какъ моль къ Новугороду подошли, тутъ вѣнь, Арбузевъ-то, челомъ билъ, чтобъ отчви ему вспятити что подъ Хутынемъ. Вспятитъ же государь, пожаловалъ. А сѣхалъ туды, знакомцевъ, такихъ же какъ самъ бражниковъ, на новосельѣ звалъ. Пьянство къ тому. И Теренька-скоморохъ не вѣсть откуда взявшись. А хоромы-те съ осени не топлены, угарно, знатъ, закрыли къ тому. Буяно-тъ въ людской сналъ. По-утру, каже, всѣхъ на снѣгъ новыволокли. Которы и очнулись. А Василей Селифонтьевичъ ажъ посинѣлъ весь, и пѣна во-рти.

— Ну, Царство ему Небесное! перекрестясь, Теткинъ сказалъ.— Не ко двору бы онъ намъ на Москвѣ пришелся. Слушаться не умѣеть, приказывать не смыслить. Аль готово у васъ? Трогай, ребята. Съ Богомъ!.. Прощенья просимъ.

— Прощаешь же, Иванъ Захаревичъ. Дай тобѣ Господи здоровица.

— И вамъ тово жь. Спасибо, что подсобили-то намъ.

— А и о тобѣ, Иванъ Захаревичъ, спасибушко великое что не погналъ ты насъ.

— Не люблю безъ нужды строжиться. А гнать-то съ чего жь? Одно государево дѣло дѣлали.

Проводивъ съ Дворища колоколъ, славчане домой пошли. Какъ съ первой церковью они поровнялися, Пашкѣ, остановясь, подолѣе передъ ней молился.

— А это, вѣрь ты моему слову неслестному, сказалъ Василей Губану, — за упокой онъ души Арбузева молится. Порѣто добръ парень сталь.

До Славковой дошли.

— Ко мнѣ бы, что-ль, господѣ, Пашкѣ сказалъ.— Помянуть чѣмъ Богъ послалъ покойника.

— Какого покойника?

— А колоколо-тъ Вѣчный. Сами, скажи, въ гробъ клали.

— Охо, хо! примолвилъ Василей-сермяжникъ, — а знатъ тутъ и Господину Великому Новугороду вѣчну память поють.

к о н е ц ъ .

Къ рисункамъ.

Аларихъ въ Римѣ. (Рис. на стр. 1172 и 1173).

Семихолмный Римъ былъ въ ужасѣ и смятеніи. Болѣе шести столѣтій, со времени карагенянина Ганнибала, гордая столица все еще сильной Западной Римской имперіи, не видала подъ своими стѣнами чужеземнаго, сильнаго и побѣдоноснаго войска. Имя Алариха повторялось въ обѣихъ частяхъ имперіи болѣе тринадцати лѣтъ, начиная отъ Константинополя и вплоть до Италіи и притомъ съ возрастающимъ безпокойствомъ. Ни оба императора, ни ихъ совѣтники и военачальники долго не знали, врагъ-ли онъ имъ или другъ. Теперь этотъ Аларихъ, молодой король вестготовъ, изъ герцогскаго рода Балтовъ, стоялъ у самыхъ воротъ вѣчнаго города. Подобно второму Александру Великому, онъ появился съ воинственными толпами своихъ подданныхъ извнутри Балканскаго полу-

острова чтобы завоевать себѣ царство. Несмотря на неудачи, которыя ему пришлось встрѣтить, онъ сумѣлъ постоянными угрозами войны добиться у Греческаго императора Аркадія власти и почетнаго положенія въ восточной имперіи. Неудовлетворенный, однако, этимъ, онъ двинулся со своими полчищами на Италію и сразился въ 403 году по Р. Х. со славными римскими легіонами при Полленци и Веронѣ. Онъ потерѣлъ въ обѣихъ битвахъ поражение, но тѣмъ не менѣе ему удалось получить высокую должность полководца союзныхъ дружинъ у западно-римскаго императора Гонорія, боявшагося своевольнаго возстанія и хотѣвшаго снискать тѣмъ самымъ его дружбу. Коварное умерщвленіе могущественнаго правителя и императорскаго совѣтника Стихона, наступившія затѣмъ смуты, а также невыполненіе нѣкоторыхъ обѣщаній со стороны римскаго двора, послужили поводомъ къ походу Алариха на Римъ.

Не без страха и содрогания приближался воинственный вестготский король къ могучимъ твердынямъ Рима. Но уже съ первыхъ дней осады онъ увидѣлъ, что когда-то страшный городъ, былъ не тѣмъ, чѣмъ онъ являлся во времена Пуническихъ войнъ. Тогда каждый гражданинъ, отъ сенатора до бѣднѣйшаго простолюдина, гордый славою своей родины, изъ любви къ ней готовъ былъ съ радостью отдать жизнь и имущество на спасеніе ея. Теперь же во главѣ государства былъ безсильный и слабохарактерный императоръ, окруженный тщеславными совѣтниками, только и помышлявшими о стяжаніи богатства и титуловъ, хотя бы цѣною жизни всѣхъ, кто могъ быть въ томъ помѣхою; а вмѣсто когда-то доблестныхъ гражданъ — безсильная толпа черни, жаждавшая только хлѣба и зрѣлища. Римъ заперъ ворота, но не надолго. Голодъ вскорѣ заставилъ почти полуторамилліонное населеніе столицы просить о пощадѣ. Недешево она имъ досталась. 5000 фунтовъ золота, 30,000 серебра и множество драгоценныхъ тканей были цѣною освобожденія. Аларихъ отступилъ въ Тоскану, откуда онъ послалъ пословъ съ требованіемъ признать себя повелителемъ Италіи, Галліи, Плирии и Далмаціи, т. е. почти всей Западной имперіи. У императора Гонорія достало мужества отвергнуть требованія побѣдителя и вестготский король бросился со своими полчищами къ резиденціи Гонорія, Равеннѣ, чтобы мечемъ принудить согласиться на свои требованія. Цѣлый годъ безполезной осады истощилъ терпѣніе страшнаго завоевателя и онъ, покинувъ Равенну, устремился къ Риму въ 410 году. Подкупомъ удалось Алариху проникнуть въ городъ чрезъ Саларскія ворота, и гордый Римъ сталъ жертвою такого опустошенія, кровопролитія и грабежа, какихъ не видали никогда его высокія стѣны. Гибѣвъ необузданнаго побѣдителя не знали предѣловъ. Во время этого разоренія, говоритъ Грегоровіусъ въ своей исторіи вѣчнаго города, были найдены у какой-то вдовы цѣнные свитки. Въ этихъ церковныхъ сокровищахъ нѣкоторые признали дары Св. Петра — и христіанинъ Аларихъ съ торжественностью велѣлъ перенести ихъ на поспраменіе языческому городу — въ храмъ. Эту сцену торжественнаго шествія посреди опустошаемаго Рима и передалъ своею талантливою кистью Гинденмидтъ (рис. на стр. 1172 и 1173).

Но не долго торжествовалъ побѣдитель. Походъ въ южную Италію, а отсюда въ Сицилію, кончился неудачно. Вскорѣ послѣ того могущественный вестготский король заболѣлъ и умеръ въ Козенѣ, на рѣкѣ Бузентинѣ, нынѣшней Бузенто. Верные подданные Алариха похоронили его трупъ на днѣ самой рѣчки, которую временно запрудили, а послѣ погребенія умертвили всѣхъ рабовъ, устранившихъ плотину. Такимъ образомъ имъ удалось навѣки сдѣлать неизвѣстною могилу своего любимаго предводителя.

Забубенная головушка. (Рис. на стр. 1177).

Одинъ изъ тѣхъ „пронащихъ“ молодцовъ, для которыхъ вся цѣль жизни выражается пожеланіемъ:

Ой, кабы всѣ бабы были молодницы,
Кабы въ полугарѣ поменьше водницы,
Кабы всегда чарка доходила до ргу

А все остальное...

По боку да къ чорту!

Любопытные. (Рис. на стр. 1180).

Каждому возрасту присущи свои интересы. Въ мастерскую одного изъ итальянскихъ художниковъ, которые обыкновенно занимаютъ собою такія помѣщенія въ покинутыхъ дворцахъ и великихъ палаццо, зашла молодая дѣвушка съ меньшимъ братишкой, пользуясь приглашеніемъ привратницы, благо артиста дома нѣтъ, посмотреть на его картины. И вотъ, пока красотка, съ художественнымъ чутьемъ итальянки, заглядывается на какой-нибудь пейзажъ или портретъ, мальчуганъ, въ блаженномъ восторгѣ, весь погруженъ въ краски и кисти, которыми такъ славно можно бы намазать что-нибудь на стѣнѣ ихъ двора...

Была роскошная весна... (Рис. на стр. 1181).

Имя Швинингера хорошо извѣстно читателямъ *Ливы*. Его псалмы произведенія отражаютъ болѣею частью или XVIII столѣтіе, или Средніе вѣка. Такъ и на прилагаемомъ рисункѣ художникъ изобразилъ средневѣковую парочку въ обстановкѣ роскошнаго мая, среди цвѣтущихъ кустарниковъ, на одномъ изъ которыхъ заливается своими трелями ибѣвецъ весны.

Исполинскіе кактусы въ Аризонѣ. (Рис. на стр. 1184).

Кактусы являются почти единственными представителями флоры каменистыхъ пустынь Аризоны, территоріи Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, расположенной между Утахомъ, Невадой, Калифорніей и Мексикою. За то непріятныя, почти не требующія влаги растенія эти поражаютъ разнообразіемъ своихъ формъ. Всѣ очертанія и краски, какія только принимаетъ растительность, соединяются здѣсь въ одномъ семействѣ кактусовыхъ. Вотъ передъ нами у расклеванныхъ солнцемъ, каменистыхъ стѣнъ утеса, налитыя сокомъ, шарообразныя мамилляріи всевозможной величины — начиная отъ кулака до нѣсколькихъ футовъ въ окружности. Тамъ — составленные изъ плоскихъ овальныхъ звеньевъ, украшенные огненно-красными

цвѣтами, опушки образуютъ цѣлую чашу какъ-бы кустарниковъ. Здѣсь — длинными, въ налецъ толщины, канатами свѣшиваются со скалы звѣзчатый кактусъ. Далѣе встрѣчается такъ называемый кружевной кактусъ, производящій на нѣкоторомъ разстояніи такое впечатлѣніе, какъ будто онъ покрываетъ кружевными покрываломъ. За нимъ стоитъ высокія слезы сбраго дерева съ мелкими зелеными листиками, подъ которыми скрываются страшно-колочіе шипы.

Но всѣхъ ихъ подавляетъ собою, изображенный на нашемъ рисункѣ такъ называемый *Pimaiaia*, одинъ изъ видовъ рода *Cereus*, достигающій отъ шести до восьми сажень высоты. Главный стволъ его имѣетъ 2—2½ фута въ поперечникѣ и, къверху раздѣляясь, даетъ нѣсколько побочныхъ, которые тянутся параллельно главному, такъ что все растеніе имѣетъ видъ громаднаго канделибра. Отсюда и названіе этого кактуса — *исполинскій свѣчникъ*. Въ маѣ и юнѣ концы вѣтвей и главнаго ствола украшаются крупными бѣлыми цвѣтами, изъ которыхъ къ августу образуются вкусные плоды, употребляемые туземцами въ пищу.

Катастрофа 17 октября.

(Рис. на стр. 1185, 1188, 1189, 1192 и 1193).

Продолжаемъ описаніе составныхъ частей Императорскаго поѣзда, потерѣннаго крушенія.

На стр. 1192 изображена часть вагона-столовой въ томъ видѣ, какъ она представлялась въ первые дни послѣ крушенія. Столовая представляетъ совершенный пенки, лежитъ параллельно слесарной; поперекъ пути лежитъ крыша и продольная стѣнка; все, что осталось отъ частей этого вагона, отброшено.

Во время работъ по разборкѣ остатковъ отъ разбитыхъ вагоновъ Императорскаго поѣзда и вещей, находившихся въ нихъ, былъ найденъ образъ Спасителя. Этотъ образъ оказался единственно цѣлымъ и неповрежденнымъ изъ всѣхъ предметовъ, которые находились въ вагонѣ-столовой, гдѣ завтракалъ Государь Императоръ со Своею Семейей.

Рисунокъ наверху стр. 1189, представляетъ относительное положеніе Великокняжескаго вагона, вагона Ихъ Величествъ и вагона Наслѣдника Цесаревича. Первый изъ трехъ стоитъ поперекъ рельсовъ, продольно наклонясь по направлецію насыпи; на лѣвомъ концѣ его скрыто за рамой рисунка то отверстіе, въ которое выброшена была Великая Княжна Ольга Александровна. У противоположнаго конца виденъ въ ракурсѣ, на другихъ рельсахъ, вагонъ Ихъ Величествъ, а крайнимъ къ правой сторонѣ рисунка — вагонъ Наслѣдника Цесаревича. Въ углу, образуемомъ Великокняжескимъ вагономъ и вагономъ Ихъ Величествъ — невообразимая груда поломанныхъ тележекъ, осей, колесъ, дающая понятіе о той тяжести и путаницѣ металлическихъ частей, изъ-подъ которой мѣстами приходилось освобождать раненыхъ и тѣла убитыхъ.

На рис. стр. 1188, изображающемъ вагонъ Ихъ Величествъ и Наслѣдника Цесаревича съ другой стороны (съ правой), ясно видно, какъ послѣдній передними своими колесами налѣзъ на колеса Императорскаго вагона и въ такомъ положеніи остановился, будучи удержанъ заторможенными задними вагонами. Всѣ находившіеся въ этомъ вагонѣ и во всѣхъ слѣдовавшихъ за нимъ сзади лишь попадали съ своихъ мѣстъ, но остались цѣлыми и невредимыми. Автоматическіе тормоза сослужили свою службу.

Императорскій вагонъ, обломавъ шкворни, соскочилъ съ своихъ тележекъ, пролетѣлъ со страшною силою, разбросавъ и разрушивъ впередъ шедшіе вагоны, и остановился, упершись лѣвымъ угломъ въ остатки отъ вагона-кухни, а правымъ — въ полотно насыпи. Кузовъ его остался цѣлъ, а находившаяся въ немъ прислуга Ихъ Величествъ отдѣлалась лишь испугомъ и ушибами отъ толчковъ. Стоявшіе на передней площадкѣ вагона лакеи Ившкинъ, Федоровъ и Гариловъ провалились и были придавлены обломками вагоновъ, изъ-подъ которыхъ и были извлечены, причемъ пришлось вырубать для нихъ отверстіе.

Изъ переднихъ частей поѣзда останавливается на себѣ вниманіе министерскій вагонъ (рис. на стр. 1185), какъ извѣстный первый сошедшій съ рельсовъ и затѣмъ разбитый вдребезги, изображенія которыхъ занимаютъ всю середину рисунка; крыша его и незначительные остатки сброшены вправо внизъ по насыпи. Находившіеся въ этомъ вагонѣ лица сильно пострадали: вагонный рабочий слесарь убитъ, тяжело ранены инженеръ Шерваль, курьеръ Васильевъ и камердинеръ министра Шварцъ. Инженеръ Кроненбергъ былъ найденъ среди обломковъ вагона, головою внизъ, но при всемъ этомъ онъ отдѣлался лишь легкими пораненіями лица и покрововъ головы.

Рис. на стр. 1193 изображаетъ вагонъ-кухню, безъ крыши и стѣны, слетѣвшій съ насыпи и разсыпавшій всѣ свои принадлежности на скату.

Русскій Странникъ (Евгеній Львовъ), у котораго мы заимствовали описаніе моментовъ, непосредственно слѣдовавшихъ за крушеніемъ (см. „Нива“ № 45, стр. 1131), свидѣтельствуетъ, что первымъ по тревогѣ, кромѣ солдатъ, прибылъ неправникъ, причемъ у его стражниковъ оказались нѣкоторые неразвязочныя средства. — „Ну, слава Богу“, сказалъ Государь, увидѣвъ помощь, — „будете работать“. И самъ сталъ выносить раненыхъ, поднимая ихъ осторожно и съ необычайною силой. (Нов. Врем. № 4550).

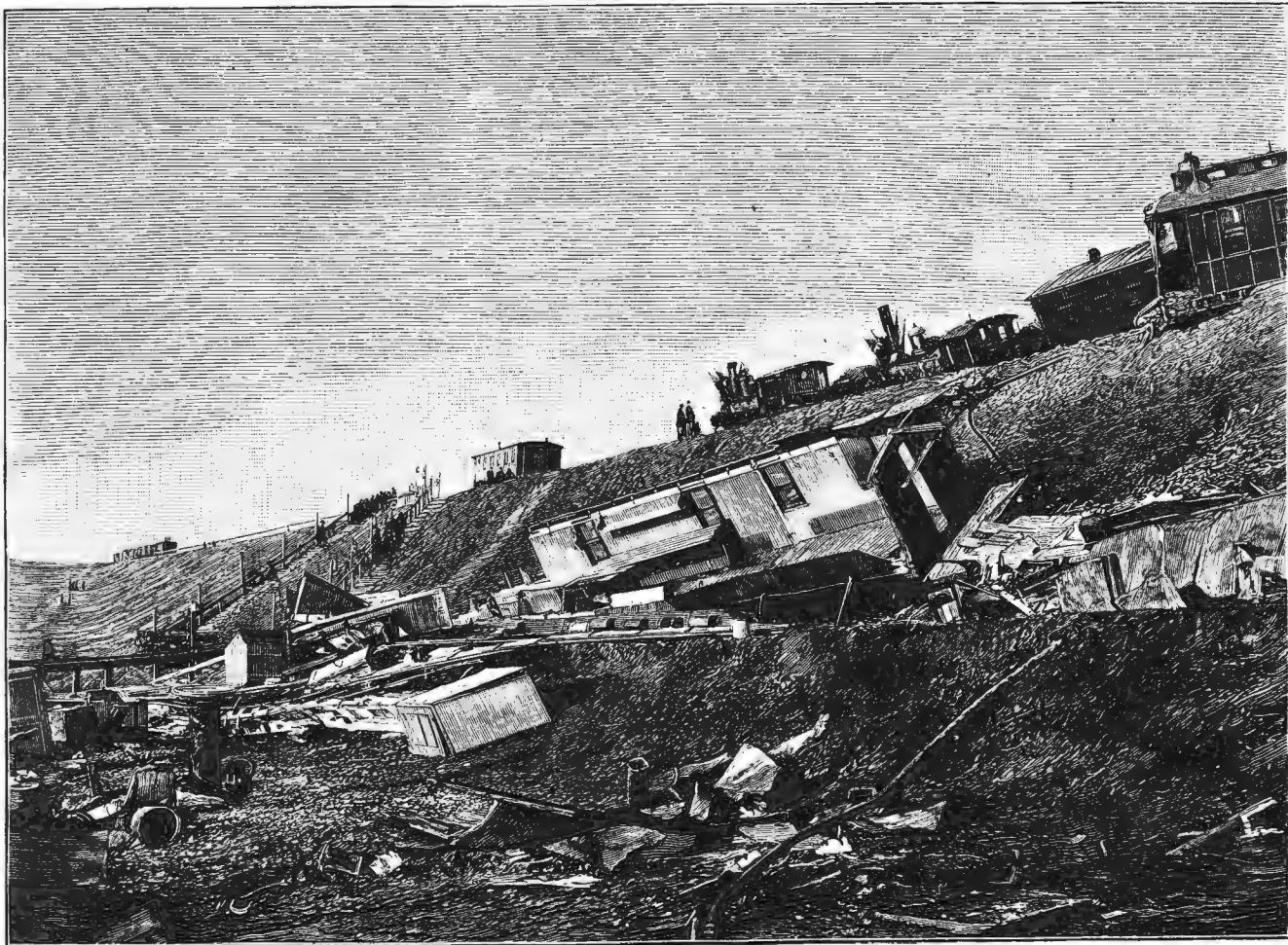
Катастрофа 17 октября близъ станціи Борки, Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги. Крыша, одна изъ стѣнокъ и полъ вьгнана-столовой.
Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Политическое обозрѣніе.

Юбилейныя празднества въ Копенгагенѣ закончились 7 ноября баломъ, на которомъ присутствовали королевская фамилія, Августѣйшіе гости, министры, члены дипломатическаго корпуса и до 1,000 другихъ приглашенныхъ особъ. По единогласнымъ заявленіямъ лицъ, вернувшихся изъ Даніи и присутствовавшихъ на тамошнихъ празднествахъ, весь Датскій народъ безъ различія сословія и партій проявлялъ свою преданность Королевскому дому. „Датскій народъ, какъ справедливо замѣтилъ *Journal de St.-Petersbourg*, окружаетъ глубокимъ почтеніемъ и искреннею любовью короля, королеву и всю королевскую семью. Онъ знаетъ, что судьбы его неразрывно связаны съ судьбами цар-

пока не будетъ создано новое административное право. Какъ международное положеніе Сербіи, такъ и ея кредитъ, зависятъ отъ того, каково въ ней управленіе.

Во Франціи коммисія по пересмотру проектовъ конституціи высказываетъ такія заключенія, которыя невольно наводятъ на мысль, что разрѣшеніе этого вопроса должно затянуться надолго. Не такъ давно она высказалась за то, что пересмотръ конституціи долженъ быть дѣломъ учредительнаго собранія, а 2 ноября коммисія высказалась за упраздненіе сената и должности президента республики. По эти странныя заключенія коммисіи проходятъ почти незамѣченными въ настоящее время,

Катастрофа 17 октября близъ станціи Борни. Вагонъ-мухля, разбитый и скатившійся съ насыпи. Съ фотогр. грав. Рашевскій.)

ствующаго дома и, вида, что послѣдній служитъ предметомъ уваженія и сильной симпатіи какъ всѣхъ государей, такъ и всѣхъ народовъ, народъ сознаетъ то, чѣмъ онъ ему обязанъ, и молить Провидѣніе о ниспосланіи многолѣтня королю и королеву. вмѣстѣ съ тѣмъ, по извѣстіямъ изъ Берлина, замѣтно болѣе спокойное настроеніе какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ; особенно замѣчалось ослабленіе прежнихъ напряженныхъ отношеній къ сосѣдней Германской имперіи. По сообщеніямъ оттуда-же, всѣ единогласно признаютъ въ высшей степени симпатичнымъ впечатлѣніе, произведенное внукомъ короля Христіана, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. На обратномъ пути изъ Даніи Наслѣдникъ Русскаго престола остановится въ Берлинѣ, гдѣ слѣданы уже большія приготовления для встрѣчи Высокаго Гостя.

Работы по пересмотру конституціи во Франціи и въ Сербіи значительно разнятся одна отъ другой. Насколько живые и подвижные французы медлятъ, настолько сербы торопятся окончить проектъ новой конституціи. По извѣстіямъ изъ Бѣлграда, тамъ надѣются, что пересмотръ конституціи будетъ законченъ къ 15 ноября, такъ какъ всѣ партіи готовы вотировать безъ дальнѣйшаго обсужденія въ великой скупщинѣ проектъ новой конституціи, выработанный коммисіей. Несмотря на это единодушіе партій, Пирочанецъ, бесѣдуя съ сотрудникомъ *Correspondance de l'Est*, высказалъ, что онъ немногого ожидаетъ отъ пересмотра сербской конституціи. По мнѣнію Пирочанца, прежде всего надо бы переимѣнить и улучшить администрацію. Конституціи 1869 года было бы совершенно достаточно для Сербіи. Въ положеніи дѣлъ Сербіи ничто не измѣнится до тѣхъ поръ,

въ виду ряда событій поглотившихъ все вниманіе французовъ. Важнѣйшую злостью для составлялъ нисскій процессъ. Депутатъ Нува Жилли въ публичной рѣчи, произнесенной имъ въ Нимѣ утверждалъ, что въ бюджетной коммисіи палаты депутатовъ „засѣдаетъ по меньшей мѣрѣ двадцать *Вильсоновъ*“. Не называя ихъ поименно, онъ заявилъ, что готовъ назвать ихъ передъ судомъ. Одинъ изъ членовъ коммисіи, депутатъ Андриэ подалъ вслѣдствіе того жалобу въ Нисскій судъ, обвиняя Жилли въ клеветѣ. Хотя многіе предвидѣли, что этотъ скандальный процессъ долженъ кончиться ничѣмъ, такъ какъ обвиняя въ продажности членовъ бюджетной коммисіи, Жилли не имѣлъ въ виду Андриэ; тѣмъ не менѣе отъ Жилли ждали интереснаго разоблаченія на судѣ. Но эти ожиданія не оправдались. При разбирательствѣ дѣла обвиняемый Жилли заявилъ, что нападки его были направлены не противъ Андриэ, а противъ двадцати членовъ бюджетной коммисіи. Жилли отказался защищаться и предоставилъ рѣшеніе самому суду. Андриэ объяснилъ, что судебное преслѣдованіе противъ Жилли было возбуждено имъ для защиты собственной чести и что обвиненіе было имъ возбуждено ради общественнаго интереса. Такъ какъ нисскій судъ присяжныхъ отказался выслушать обѣ стороны и разрѣшилъ обвиняемому представить доказательства только противъ истца Андриэ, то послѣдній проникся убѣжденіемъ, что резолюція не можетъ дать ему удовлетворенія, на которое онъ рассчитывалъ, а потому онъ и беретъ жалобу назадъ, и Жилли былъ оправданъ судомъ. Самый процессъ, а въ особенности его счастливое окончаніе для обвиняемаго, рядомъ съ тѣмъ, что противъ обвиненія Жилли никто изъ членовъ бюджетной коммисіи,

кроме Андріе, не отозвался, долженъ привести публику къ крайне неблагоприятнымъ заключеніямъ о добропорядочности какъ членовъ коммисіи, такъ и всей палаты. Общественное неудовольствие противъ нихъ и безъ того значительно, но оно, можно думать, еще усилится напечатаннымъ Пумою и Пилли памфлетомъ,

въ которомъ онъ обвиняетъ наиболее видныхъ политическихъ дѣятелей въ вымогательствѣ, безнравственности, произволѣ, продажности и безчестности. Источникомъ для составленія памфлета послужили замѣтки одного изъ агентовъ тайной полиціи. Памфлетъ вызоветь, вѣроятно, массу судебныхъ процессовъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Профессоромъ В. О. Грубе (въ Харьковѣ) получена изъ Гатчины, отъ гофмаршала князя В. С. Оболенскаго, телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Ихъ Величества шлютъ раненымъ поклонъ и желаютъ имъ скорѣйшаго выздоровленія. Князь Оболенскій“.

Профессоръ В. О. Грубе по сообщенію „Новостей“, отвѣтилъ князю Оболенскому слѣдующею телеграммою:

„Раненые, безконечно осласлвленныя утасіемъ къ нимъ Ихъ Величествъ, просятъ ваше сіятельство повернуть къ стопамъ Ихъ Величествъ свою безпредѣльную благодарность за постоянныя трогательныя заботы о нихъ. Состояніе здоровья всѣхъ раненыхъ съ каждымъ днемъ замѣтно улучшается. Нѣкоторые настолько поправились, что надѣяихъ уѣдутъ“. Проф. Грубе.

Дѣла церкви.

— 8 ноября, въ Узунъ-Ада состоялось торжественное освященіе первой русской церкви въ Закаспійской области. До сего времени были только двѣ военно-походныя церкви въ Асхабадѣ и Мервѣ. Церковь построена по проекту академика Урлауба на пожертвованія жителей и торгово-промышленныхъ конторъ. Престолъ освященъ во имя Св. Архистратига Михаила.

Народное просвѣщеніе.

— 9 ноября, министръ Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретарь П. Д. Деляновъ, посетилъ Императорскій с.-петербургскій университетъ. Предъ началомъ лекцій проф. Сергѣевича, статсъ-секретарь Деляновъ обратился съ краткою рѣчью къ студентамъ пераго семестра, присутствовавшимъ на лекціи и сказалъ, что Государь Императоръ былъ тронутъ теплымъ, живымъ, единодушнымъ участіемъ студентовъ харьковскаго, московскаго и петербургскаго университетовъ въ торжественной встрѣчѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Рѣчь министра была покрыта аплодисментами студентовъ.

Торговля.

— Въ ходѣ западно-европейской хлѣбной

торговли за недѣлю съ 10 ноября. (29 октября) никакихъ существенныхъ измѣненій, сравнительно съ предшествовавшей недѣлею, не произошло. Настроение было твердымъ; сдѣлокъ съ русскимъ зерномъ, благодаря уступчивости сторонъ, вълѣдствіе паденія русскаго денежнаго курса, много, и цѣны, склоняясь къ повншенію, держались стойко. Особенно бойко шель овесъ, недостатокъ котораго ощущается повсемѣстно. По сообщенію *Вѣстн. Финанс., Промышл. и Торговли*, уступчивостью выдѣлялись именно продавцы русскаго зерна, тогда какъ съ хлѣбами другихъ происхожденій сдѣлокъ было мало, вълѣдствіе нежеланія владѣльцевъ продавать по существующимъ цѣнамъ, при увѣренности въ ихъ подъемѣ. На *русскихъ хлѣбныхъ рынкахъ* держится прежнее выжидательное положеніе. Отдѣльные рынки не представляли никакихъ выдающихся особенностей. Цѣны, въ общемъ, на весь октябрь обнаружили мало перемѣн; колебанія происходили въ ограниченныхъ предѣлахъ.

Пути сообщенія.

— 6 ноября, эксперты, изслѣдовавшіе потерпѣвшій крушеніе Императорскій поездъ, окончивъ свои работы, выѣхали къ мѣстамъ своего служенія. 9 ноября, оберъ-прокуроръ Кони, закончивъ предварительное слѣдствіе, выѣхалъ въ Петербургъ. Военный караулъ охраняетъ мѣсто катастрофы и оставленные на станціи Харьковъ, въ числѣ вещественныхъ доказательствъ по дѣлу о крушеніи 17 октября, два вагона. Вагоны Ихъ Величествъ и Наслѣдника Цесаревича стоятъ на запасныхъ путяхъ харьковской станціи.

— 5 ноября открыто правительственное пассажирское и товарное движеніе по Гжево-Вяземской ж. дорогѣ, протяженіемъ 116 верстъ, и дорога передана во временное завѣдываніе обществу Новоторжской желѣзной дороги, срокомъ по 31 декабря 1893 года.

Театръ.

— 6 сего ноября, въ память столѣтія со дня рожденія знаменитаго русскаго актера Михаила Семеновича Щенкина, въ С.-Петербургѣ, въ помѣщеніи с.-петербургскаго драматическаго общества, происходило че-

ствованіе его памяти, устроенное по почину совѣта „Общества для пособія нуждающимся спеническимъ дѣтелямъ“. Торжество началось панихидою по покойномъ М. С. Щенкинѣ. Рядъ чтеній былъ открытъ П. О. Горбуновымъ, какъ сообщается въ газетѣ *Новое Время*, который въ сжатомъ очеркѣ познакомилъ присутствующихъ съ дѣтствомъ знаменитаго артиста, привелъ нѣкоторые отрывки изъ его автобіографіи. Затѣмъ прочла свои воспоминанія о М. С. Щенкинѣ артистка А. П. Шубергъ. Далѣе артистъ В. П. Далматовъ прочиталъ статью С. Т. Аксаковъ, которая была читана на 50-лѣтнемъ юбилей М. С. Щенкина. Утро закончилось чтеніемъ артистомъ М. П. Нисаревымъ „Нисемъ петербургскихъ литераторовъ къ М. С. Щенкину“, по поводу празднованія его пятидесятилѣтняго юбилей.

Искусства образовательныя.

— Предсѣдательница Перваго Дамскаго Художественнаго кружка въ СПб. извѣщаетъ членовъ и постоянныхъ гостей кружка, что вечернія собранія кружка по средамъ начнутся съ 9 ноября въ Михайловскомъ дворцѣ.

Наука.

— Въ январѣ 1889 г. въ Петербургѣ, въ Солянномъ Городкѣ, открывается Врачебно-гигіеническая выставка III съезда русскихъ врачей. Цѣль выставки—дать возможность врачамъ и публикѣ во время съезда ознакомиться съ научными и техническими усовершенствованіями въ области разнообразныхъ медицинскихъ спеціальностей. На выставкѣ предполагаются слѣдующіе отдѣлы: 1) гигиенической, 2) больничной, 3) терапевтической, 4) хирургической, акушерской и гинекологической, 5) анатомо-антропологической и физиологической, 6) анатомо-патологической и гистологической, 7) бактериологической, 8) медицинской гидрологической и климатологической, 9) фармацевтической. Для доставки экспониремыхъ предметовъ назначается срокъ съ 15 ноября по 15 декабря 1888 года. Доставленные поздне этого срока предметы могутъ быть помѣщены на выставку лишь въ томъ случаѣ, если окажется свободное мѣсто.

Смѣсь.

Последніе дни короля Лудвига II (Изданіе медицинской книжной торговли Фишера, Г. Корнфельда, Берлинъ). Подъ такимъ заглавіемъ напечатано недавно сочиненіе д-ра Франца Карла Мюллера, бывшаго ассистентомъ Гуддена. Трудъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ достоверный документъ и живое описаніе извѣстной потрясающей драмы. „Даже для посвященнаго“, говоритъ д-ръ Мюллеръ, въ своемъ предисловіи, „не легко вылояи понять характеръ короля Лудвига, представляющій собою соединеніе духовнаго величія съ духовнымъ недугомъ. Никому не удастся расчлунать этотъ лабиринтъ и доказать, гдѣ величіе короля переходило въ болѣзнь. Единенная жизнь короля окутывала его таинственнымъ покровомъ—и когда пришло время высказаться психіатру, болѣзненный процессъ зашелъ уже такъ далеко, что не оставалось никакого сомнѣнія въ родѣ болѣзни“. Въ высшей степени интересно описаніе, какимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, удалось, наконецъ, овладѣть несчастнымъ королемъ. „Около полудни (съ 11 на 12 іюня 1886 г.)“, такъ рассказываетъ авторъ, „прибыли мы въ Шванштейнъ. Едва успѣли мы выйти изъ экипажей, какъ навстрѣчу намъ выбѣжалъ камердинеръ Мейеръ, давнишній, вѣрный слуга короля, и умолялъ насъ поспѣшить въ королевскіе покои, такъ какъ его величеству извѣстно, что противъ него что-то предпринимается и онъ повидимому рѣшился прибѣгнуть къ самоубійству. Такъ, напримѣръ, онъ уже нѣсколько разъ требовалъ ключъ отъ башни, вѣроятно съ цѣлью броситься оттуда въ бездну: его удалось удержать только подл предлогомъ, что ключъ затерянъ и его тщательно разыскиваютъ. Гудденъ быстро рѣшилъ какъ дѣйствовать. Часть прислужниковъ отправилась наверхъ, чтобы загородить входъ въ башню; другая, вмѣстѣ съ ними и жандармами, спустилась наоборотъ нѣсколькими ступенями ниже. Такимъ образомъ

пространство передъ коридоромъ оставалось свободнымъ, и король, выходя изъ своихъ комнатъ, не могъ видѣть никого изъ насъ. Камердинеръ вошелъ съ ключемъ къ королю.

„Вскорѣ послышались твердые шаги, и мы увидѣли у дверей коридора высокаго, величественнаго мужчину, который короткими, отрывистыми фразами разговаривалъ съ почитительно наклонившимся слугою. Прислужники, находившіеся наверху и внизу, вмѣстѣ съ нами направились къ двери и отрѣзали королю обратный путь. Въ одно мгновеніе они схватили большого подл руки, а Гудденъ выступилъ впередъ со словами: „Ваше величество, на меня возложена самая прискорбная задача, какую мнѣ когда-либо приходилось выполнять. Согласно мнѣнію четырехъ психіатровъ наблюдавшихъ ваше величество, принцъ Лутинольдъ принялъ регентство. Мнѣ приказано въ эту-же ночь проводить ваше величество въ замокъ Вергъ. Если ваше величество прикажете, карета будетъ подана въ 4 часа“ Король воскликнулъ коротко и печально „Ахъ!“ и произнесъ: „Чего-же вы хотите? Чтѣ все это значитъ?“ Прислужники повели короля обратно въ спальню, изъ которой онъ только что вышелъ. Тамъ начались переговоры. Гудденъ представлялъ насъ каждому отдѣльно. Король освѣдомился о различныхъ подробностяхъ лѣченія принца Отто, причемъ замѣтно было, что онъ усиленно старается владѣть собою, и вдругъ спросилъ: „Какъ вы можете объявлять меня душевно-болнымъ, когда меня вовсе не подвергали предварительному осмотру и освидѣтельствованію?“—„Ваше величество, въ этомъ не было необходимости; имѣется достаточно количество документальныхъ свидѣтельствъ, вполне убѣдительныхъ и къ несчастью подавляющихъ“.—„А какъ-же долго можетъ продлиться лѣченіе?“—„Ваше величество, законъ гласитъ: „Если король, по какой-либо причинѣ, не можетъ управлять государственными дѣ-

лами долге года, то назначается регентство“; следовательно пока, самый короткий срок — годъ. — „Ну, по всей вероятности, дѣло пойдетъ быстрее; можно поступить такъ же, какъ съ султаномъ; спровадить челоѣка на тотъ свѣтъ очень легко.“ — „Ваше величество, моя честь запрещаетъ мнѣ отвѣчать на это.“ Тогда король обратился ко мнѣ (д-ру Фишеру) и точно также сталъ разспрашивать о состоянии здоровья принца Отто. Затѣмъ подошли прислужники, которымъ король задавалъ вопросы о ихъ личныхъ дѣлахъ. Почти съ каждымъ разговоръ оканчивался вопросомъ: „Отчего вы не уходите изъ комнаты? Мнѣ хотѣлось бы быть одному; это, наконецъ, невыносимо!“ Далѣе большой сталъ говорить о своемъ пребываніи въ горахъ, гдѣ несравненно пріятнѣе, чѣмъ въ душномъ городѣ. „Воздухъ тамъ чистъ, вода свѣжа. Нельзя осуждать челоѣка за то, что онъ любитъ жить въ горахъ.“ Около 4 часовъ, когда карета была подана, Гудденъ сказалъ: „Если ваше величество прикажете, мы можемъ ѣхать, карета готова.“ — „Да, да, въ такомъ случаѣ поѣдемте.“ Затѣмъ послѣдовала побѣдка въ замокъ Бергъ, гдѣ король тотчасъ же занялъ свои комнаты, предварительно обставленные профессоромъ Грасгеємъ надлежащими мѣрами предосторожности. Позднѣе король потребовалъ д-ра Моллера, котораго сначала разспрашивалъ о его личныхъ дѣлахъ, а затѣмъ о принцѣ Отто. „Не правдали, точно такъ же какъ прежде вы докладывали мнѣ (на счетъ принца Отто), такъ теперь вы шлете докладъ обо мнѣ?“ — „Я еще не получалъ никакого приказанія.“ — „Въ такомъ случаѣ напишите, что мнѣ очень худо; вѣдь будутъ рады услышать, что мнѣ хуже.“ — „Ваше величество, какъ я вполнѣ убѣжденъ, радость вызоветъ только извѣстіе, что здоровье короля поправляется.“ — „Да, вѣдь не трудно подеспать челоѣку въ сунѣ чего-нибудь, чтобы онъ никогда не проснулся.“ На это я ничего не отвѣтилъ. „Какія существуютъ снотворныя средства?“ — „Ихъ очень много: опій, морфій, хлораль-гидратъ, ванны, умыванья, гимнастическія упражненія.“ Конецъ разговора былъ слѣдующій: „Вы останетесь постоянно здѣсь?“ — „Мы будемъ помѣсячно чередоваться съ другимъ врачомъ, который еще не назначенъ.“ — „Ужъ тотъ навѣрно придумаетъ какое-нибудь средство, чтобы отправить меня на тотъ свѣтъ.“ — „Ваше величество, я ручаюсь за своего товарища какъ за самого себя; обязанность врача помогать и исцѣлять, а не разрушать.“ — „Да, какъ я доверю; а тотъ... другой?“ Такимъ образомъ невинные вопросы смѣнялись мыслями о преслѣдованіи. Страхъ передъ приближенными обнаруживался въ немъ постоянно. Авторъ подробно описываетъ послѣднюю прогулку короля съ Гудденомъ въ Троицкѣ день 1886 г., закончившуюся катастрофой, послѣ которой нашли оба трупа въ Штарнберговскомъ озерѣ. Въ заключеніе онъ говоритъ: „Приговоръ, который исторія со временемъ произнесетъ надъ королемъ и Людвигомъ, несомнѣнно признаетъ за нимъ великіе замыслы и великія дѣла; остается только глубоко скорбѣть о томъ, что благородному государю суждено было кончить сумасшествіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать и его врача, который обходился съ больнымъ какъ съ королемъ и за свои убѣжденія пошелъ на смерть.“ (с.)

Величайшее жилое зданіе въ свѣтѣ. Изъ Нью-Йорка сообщаютъ, что въ Миннеаполисѣ приступлено недавно къ сооруженію дома, въ сравненіи съ которымъ гигантскіе, двѣнадцати-этажные отели на Баттери и Бродвей въ Нью-Йоркѣ, являются простыми хижинами. Предпринято это сооруженіе съ цѣлью дать еще одинъ толчокъ системѣ, которой держится въ настоящее время строительное искусство въ Америкѣ и положить начало новой, представляющей болѣшую прочность, болѣшую безопасность отъ огня и воровъ, требующей меньшихъ денежныхъ затратъ. Инженеръ Л. С. Вуффингтонъ взялъ патентъ на свою новую систему и огласилъ планъ первой постройки. Постройка эта если не чудовищна, то во всякомъ случаѣ подавляетъ, несмотря на свою простоту и даже стройность; это колоссальное, гигантское зданіе — чудо, предъ которымъ, въ изумленіи, умолкаетъ разумъ. Домъ походитъ на исполнскую башню, усѣянную зеркальными окнами. Въ немъ не менѣе двѣнадцати восьмиэтажей, въ которые ведутъ двѣнадцать элеваторовъ (подъемныхъ кресель), приводимыхъ въ движеніе паровыми машинами. Каждый изъ элеваторовъ представляетъ собою маленькій салонъ, имѣетъ своего кондуктора и поднимается въ предназначенный ему этажъ съ тою-же правильностью, какъ желѣзная дорога къ мѣсту назначенія. Элеваторъ и замѣняетъ нѣкоторымъ образомъ желѣзную дорогу, только дома старой системы строились въ длину и ширину, а этотъ построенъ въ вышину. Длина и ширина дома занимаютъ всего 80 футовъ, между тѣмъ какъ высота отъ основанія до двадцать-восьмого этажа равняется 350 футамъ. Зданіе состоитъ изъ 728 большихъ комнатъ; всѣ онѣ расположены съ наружной стороны, слѣдовательно по четыремъ стѣнамъ, и получаютъ свѣтъ снаружи; заднихъ комнатъ нѣтъ вовсе. Посреди зданія вьются отъ основанія до крыши двѣ желѣзныя лѣстницы, для пользованія въ случаѣ поврежденія подъемныхъ машинъ. Крыша стеклянна и даетъ массу свѣта до самыхъ нижнихъ стѣнъ. Зданіе четырехугольное, крыша остроконечная, ограниченная четырьмя башенками. При постройкѣ

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Бонтора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

дерево употребляется только для дверей и оконныхъ рамъ; строеніе состоитъ исключительно изъ желѣзнаго, обложеннаго камнемъ, остова, который могъ бы быть продолженъ вверхъ до безконечности. Всѣ 728 помѣщеній, которыя предназначены для дѣловыхъ цѣлей и слѣдовательно будутъ употребляться для конторъ, уже снабжены вѣдланными въ стѣны несгораемыми шкапами; въ желѣзный полъ вѣдланы желѣзные пулты, шкафы и стулья, такъ что вопросъ о мебели отходить въ область преданій. Элеваторы поднимаются до двадцать-восьмого этажа въ полъ-минуты; слѣдовательно, головкружительная высота достигается быстрее чѣмъ какой-нибудь удобный первый этажъ частнаго дома. Впрочемъ, какъ полагаетъ счастливый изобрѣтатель, воздухъ „тамъ наверху“ не только здоровъ, но и дешевъ въ двойномъ смыслѣ. Можно будетъ, не заботясь о территориальномъ вопросѣ, возводить постройки хотя до облаковъ, потому что воздухъ и пространство въ немъ есть достояніе общественное и свободное отъ всякихъ цѣнъ и налоговъ. Жгучій вопросъ о постоянно возрастающемъ вздорожаніи въ большихъ городахъ земельной цѣнности разрѣшенъ; пока будутъ строить въ высоту, земля въ длину подешевѣетъ. (с.)

О вліяніи алкоголя на потомство. Въ одномъ изъ засѣданій Парижской академіи, профессоръ Шарко сообщилъ объ интересныхъ опытахъ, произведенныхъ гг. Мере и Камбемалемъ надъ вырождающимися дѣйствіемъ алкоголя на потомство. Опыты производились различными способами надъ собаками. Прежде всего было изслѣдовано вліяніе хроническаго отравленія алкоголемъ. Съ этою цѣлью здоровую повитивную овчарку поили въ теченіе восьми мѣсяцевъ ежедневно извѣстнымъ количествомъ полной водки, которое было доведено постепенно до 11 граммовъ въ день на килограммъ вѣса тѣла. Сначала у собаки стали обнаруживаться различныя разстройства центральной нервной системы, и наконецъ она впадала въ состояніе бѣшенства, сопровождавшагося парализирующимъ состояніемъ. Послѣ этого собакъ данъ былъ отдыхъ. Затѣмъ другая, совершенно здоровая собака принесла отъ первой мѣсяца черезъ два 12 щенятъ. Двое изъ нихъ родились мертвыми, трое погибли случайно, семеро издохли отъ различныхъ болѣзней: отъ эпилептическихъ припадковъ, отъ бугорчатки легкихъ и брюшины и пр. вскрытіе ихъ обнаружило органическіе недостатки, которые очевидно могли быть приписаны только дѣйствію алкоголя, какъ напримеръ: утолщеніе черепныхъ костей, жировое перерожденіе печени и т. д. При второмъ опытѣ было опредѣлено вліяніе остраго отравленія алкоголемъ на потомство. Здоровой собакѣ давали въ теченіе послѣднихъ 23 дней ея беременности сначала по 2,75 граммъ, а потомъ по 5 граммовъ въ день на килограммъ вѣса тѣла. Изъ шести принесенныхъ ею щенятъ, трое родились мертвыми; изъ трехъ остальныхъ двое были хорошо развиты физически, но тупы и неопытны; третій былъ хуже развитъ, отличался медленнымъ ростомъ, плохую смышленностью, и въ замѣтной степени аносмією, т. е. слабостью чутья. Послѣдній изъ неизслѣдованныхъ щенятъ — самка — послужилъ для третьяго опыта: для изслѣдованія вліянія остраго отравленія алкоголемъ на второе поколѣніе. Она произвела трехъ щенятъ, одинъ изъ нихъ околовъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія и въ немъ обнаружены были многія неуровновѣнности въ развитіи органовъ: недоразвитіе нѣсколькихъ пальцевъ, волчья пасть, неправильное положеніе сердца и т. д.; второй щенокъ сталъ чахнуть и издохъ черезъ двѣ недѣли послѣ рожденія. Третій щенокъ остался въ живыхъ, былъ смышленъ, но у него оказались поражены брыжечныя желѣзы и парализована задняя часть тѣла. Такимъ образомъ, судя по этимъ примѣрамъ, вырожденіе проявляется во второмъ поколѣніи сильнѣе, чѣмъ въ первомъ. Оба изслѣдователя намѣрены продолжать свои интересные опыты. (с.)

Въ собраніи одного изъ отдѣленій Азіатскаго Общества, въ Мадрасѣ, былъ прочитанъ докладъ о москитахъ, этомъ бичѣ жаркихъ странъ. Въ докладѣ указывалось на то, что названнаго насѣкомья, извѣстнаго намъ только съ одной неблагоприятной стороны, приноситъ и нѣкоторую пользу челоѣку. Жизнь москита, по словамъ докладчика, длится всего отъ 29 до 30 дней, изъ которыхъ онъ только три дня проводитъ въ образѣ летающаго насѣкомаго. Три дня онъ живетъ въ формѣ яйца, 21 день въ видѣ гусеницы и 2 дня въ видѣ куколки. Естественнымъ мѣстопребываніемъ москита въ теченіе этихъ 26 дней, предшествующихъ превращенію его въ летающее насѣкомое, служатъ гнилая и испорченная вода, а главное назначеніе его — способствовать очищенію этой воды. Пища гусеницы состоитъ изъ гниющихъ растительныхъ и животныхъ веществъ, а такъ какъ чрезвычайная прожорливость есть характеристическое свойство гусеницы, то всѣ силы ихъ существованія устремлены на очищеніе и освѣженіе гнилой воды. Изъ этого слѣдуетъ, что москитъ отнюдь не заслуживаетъ той дурной репутаціи, которая составила о немъ, такъ какъ въ теченіе большей части своей жизни онъ приноситъ пользу. Конечно сомнительно, чтобы эти соображенія могли служить особеннымъ утѣшеніемъ для жертвъ, ужаленныхъ москитами. (с.)

СОДЕРЖАНІЕ. А. Н. Оленинъ (съ портр.). — Бригадирская внучка. Московская была. Графа Е. А. Саласа. Часть I и II. (Продолженіе). — Вѣчу не быть. Старинная повесть Д. В. Аверкіева. Часть III. (Окончаніе). — Къ рисункамъ: Аларихъ въ Римѣ (съ рис.). — Забубенная головушка (съ рис.). — Любопытныя (съ рис.). — Была роскошная весна... (съ рис.). — Испанскіе кантусы въ Арizonѣ (съ рис.). — Катастрофа 17 октября (съ 6 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — Ребусъ на преміи. — О подпискѣ на „Ниву“ 1889 г. — Объявленія.

РЕБУСЪ НА ПРЕМИИ № 75. (Ориг. рис. И. Волкова).

За вѣрное рѣшеніе этого ребуса назначаются преміи — 16 экз. „Нивы“ 1889 г. Экземпляры эти будутъ распределены между четырьмя рѣшившими городскими СПбургскими и между двѣнадцатью иногородными подписчиками „Нивы“. Рѣшеніе ребуса, фамилии и адреса получившихъ премію, напечатаны въ 50 № „Нивы“.

Въ текущемъ году мы нашли болѣе удобнымъ присуждать преміи за рѣшенія ребуса не первымъ рѣшившимъ его, какъ это было въ предыдущіе годы, а по жребію, для чего всѣ поступившія до 3 декабря рѣшенія, пронумерованы по порядку (городскіи и иногородныя—отдѣльно) и затѣмъ будетъ брошенъ жребій. При такомъ порядкѣ мы надѣемся устранить всякія недовольствія со стороны рѣшившихъ ребусъ, которыя иногда извѣщались въ прошлые годы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ.

„НИВА“

еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни,
издаваемый А. Ф. МАРКСОМЪ, подъ редакцію В. П. КЛЮШНИКОВА.

ПРИ УЧАСТІИ: Д. В. Аверкіева, Дорошенко, Н. Д. Ахшарумова, К. А. Бороздина, Максима Бѣлинскаго (І. Ясинскаго), П. В. Быкова, П. И. Вейнберга, В. Величко, кн. М. Н. Волконскаго, гр. А. А. Голицына-Кутузова, кн. Д. Голицына Муравлина, И. А. Гончарова, Г. П. Данилевскаго, В. П. Желиховской, Н. Н. Каразина, В. В. Крестовскаго, М. В. Крестовской, А. Н. Майнова, А. Я. Максимова, В. И. Немировича-Данченко, П. Н. Полеваго, Я. П. Полонскаго, гр. Е. А. Салиаса, Н. Северина, Н. Станицкаго, А. В. Стернь, Вл. Толля, К. В. Тхоржевскаго, А. Фета, кн. Д. Н. Цертелева, О. Чюминой и мн. др.

Въ художественномъ отдѣлѣ „НИВЫ“ принимаютъ участіе извѣстнѣйшіе русскіе художники:

проф. И. К. Айвазовскій, акад. С. Ф. Александровскій, акад. А. Н. Бенуа, акад. В. А. Бобровъ, проф. К. Б. Венигъ, проф. В. П. Верещагинъ, проф. Г. П. Виллевалде, акад. М. Я. Вилліе, акад. П. Н. Грузинскій, проф. Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій, акад. Ф. С. Журавлевъ, А. Е. Земцовъ, Зиновьевъ, акад. М. А. Зѣичи, Н. Н. Каразинъ, акад. А. Д. Кившенко, проф. Ю. Ю. Клеверъ, акад. М. П. Клодтъ, проф. П. О. Новалевскій, акад. А. И. Корзунинъ, проф. Н. А. Кошелевъ, П. П. Куріаръ, К. Я. Крыжицкій, проф. Л. Ф. Лагоріо, К. Лебедевъ, акад. Н. В. Лемохъ, Лоренцъ, Лосевъ, акад. И. К. Макаровъ, акад. В. Е. Маковскій, проф. К. Е. Маковский, проф. А. И. Мещерскій, Н. Оболенскій, проф. В. Д. Орловскій, Х. П. Платоновъ, проф. Л. О. Премацци, проф. А. А. Рицconi, Н. С. Самоишъ, проф. Н. Е. Сверчковъ, проф. Г. И. Семирадскій, акад. Ю. О. Томашевичъ-Бонча, акад. К. А. Трутовскій, акад. Ю. И. Феддерсъ, акад. А. А. Харламовъ, Цюнглинскій, акад. Ф. П. Чумановъ, Н. Шаховской, проф. А. І. Шарлеманъ, Юмудскій и друг.

Въ портфель Редакціи приготовлены между прочимъ къ печати слѣдующія новыя произведенія:

Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ.
П. Висковатова—„Головна съ натуры“, рассказъ.
Кн. М. В. (автора романа *Дѣти Солнцевыхъ*)—„Мни-
мая любовь“, романъ въ 2 част.
Графа А. А. Голицына-Кутузова—„Время“, стих.
Князя Д. Голицына-Муравлина—„Увлечение“, пов.
П. Дорошенко—„Кто-же“, современный рассказъ.
В. П. Желиховской—„Удивительныя приключенія Пор-
фирія Перепелкина“, рассказъ.
М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“,
романъ.
Н. В. Кукольника—„Крѣпостной художникъ“. (По-
смертное произведеніе).
Евгенія Львова—„Три могилана“, очерки изъ недав-
няго прошлаго земельной Россіи.

А. Луговаго—„Борь“, поэма
В. П. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоко-
ловъ“, романъ въ 2-хъ част.
П. Н. Полеваго—„Корень зла“, историческій романъ
въ 3-хъ частяхъ.
Графа Е. А. Салиаса—„Барыни-крестьянки“, истори-
ческій романъ.
Н. Северина—„Перепутала“, комедія въ 1 дѣйстви.
Н. Станицкаго—„Дѣдушна“, рассказъ.
А. В. Стернь—„Божье дитя“, рассказъ.
Ф. Ф. Тютчева—„Артемій Саватьевъ“, рассказъ.
А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть.
Кн. Д. Н. Цертелева—„Иранское преданіе“.
О. Чуминой—„Загадка“, комедія въ 1 дѣйстви.

Далѣе, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе 1889 года „НИВА“ дастъ болѣе 50 портретовъ русскихъ общественныхъ дѣятелей съ біографіями, сотни оригинальныхъ рисунковъ русскихъ художниковъ и цѣлый рядъ копій съ картинъ, выставляемыхъ РУССКИМИ художниками на выставкахъ въ Имп. Академіи Художествъ и на Передвижной выставкѣ, множество видовъ русскихъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей съ описаніемъ, изображенія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся событій современной русской жизни, популярно-научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія съ пояснительными рисунками, равно какъ и обзоръ важнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ явленій въ Россіи и заграничій.

Кромѣ разныхъ **ЭКСТРЕННЫХЪ ПРЕМІЙ**, выдаваемыхъ отъ времени до времени въ теченіе года, при журналѣ „Нива“ выдается особое бесплатное ежемѣсячное приложеніе „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“—въ немъ до 500 модныхъ гравюръ въ годъ, до 350 рисунковъ изящныхъ рукодѣльныхъ работъ и множество **РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ**, до 400 чертежей выроекъ въ натуральную величину, множество бунвъ, вензелей и т. п. для мѣтны—словомъ полный модный журналъ.

Какъ главную премію на 1889 г. гг. годовые подписчики имѣютъ бесплатно получить большую олеографическую картину печатанную маслян. красками, съ оригинала проф. Имп. Акад. Худ. В. Д. ОРЛОВСКАГО:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

точно такого же формата какъ и премія 1888 года, т. е. 14^{3/4} вершк. вышины и полтора аршина ширины.

Громадный успѣхъ нашей преміи за 1888 годъ „Зимній пейзажъ“ проф. Ю. Ю. Клевера, даетъ намъ надежду, что премія „Нивы“ на 1889 годъ „Лѣтній вечеръ въ Малороссіи“ проф. В. Д. Орловскаго превзойдетъ ожиданія гг. подписчиковъ, такъ какъ эта картина изображаетъ южно-русскую природу во всей роскоши ея лѣта. Это мирный хуторокъ съ его поэтическими бѣлыми хатками въ зелени вишневыхъ садовъ, освѣщенный навѣсами роши и залитый золотомъ послѣполуденнаго солнца по всей шири облегающей его степи.

Мы выставляемъ въ непродолжительномъ времени картину въ книжныхъ магазинахъ и бібліотекахъ всѣхъ большихъ городовъ Россіи, гдѣ желающіе и могутъ наглядно убѣдиться въ ея высокихъ достоинствахъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Пе- тербургъ	5 Р.	Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи	6 Р.	Съ пересылкою въ Москвѣ и въ друг. городахъ и кѣст. Имперіи	7 Р.
Съ доставкою въ С.-Пе- тербургъ	6 Р. 50 к.		6 Р.	За границу	9 Р.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМІИ.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просятъ адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Маркву), въ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 6. Редакція и издатель „НИВЫ“.

Библиотека „Руниверс“

Везъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Везъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

ВЫСОКО ПОЛУЧИВШІ 7 РАЗЪ ПЕРВІЯ НАГРАДЫ. ОПТОМЪ

ЦИТРЫ
превосходнѣйшей работы, полного тона и лучшаго качества, комплекты. отъ 16, 22, 28, 36—150 мар. Гретера лучшая школа для собств. обученія 5 М. Скрипи и всѣ струнные инструменты.
Прейсъ-куранты франко.
Р. № 3511 **БРАТЯ ВОЛЬФЪ**, 4—1
Фабрика инструментовъ, Крейцнахъ.

Натуральная минеральная слабительная вода источника

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

въ Будапештѣ

по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она дѣйствуетъ вѣрно, легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.

Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается вездѣ. Ц. № 3101 6—4

Для нормальнаго пріема достаточна половина обыкновеннаго стакана.

Дирекція въ Будапештѣ.

у П. ЮРГЕНСОНА въ Москвѣ
вышелъ и выдается гг. подписчикамъ

БЫПУСКЪ 5-ый

первой серіи п. № 3514

36 оперъ для пѣнія.

„КАРМЕНЪ“

(Прежде вышли: 1. Робертъ. 2. Лозинъ. 3. Мефистофель. 4. Волшебная флейта. Подписка продолжается).

АДРЕСА всѣхъ спеціальностей и странъ доставляются подъ гарантіей: International. Adressen-Verl. - Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 900 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко. № 3435 5—4

УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛКИ
удивительно дешево и выгодно для провинціаловъ высылаю коллекціи состоящихъ изъ

СТЕКЛА, МЕТАЛЛА, ЛАМЕТЫ

и проч. № 3509

Каждая для одной елки, а именно:
110 предметовъ Р. С. 18, 50 } по полученіи
75 " " " 10, 50 } надлежащ.
60 " " " 7, — } сумм.

включительно упаковки и пересылка.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ
ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ
Садовая, 12. С.-Петербургъ.

Бр. ЛИНДЕМАНЪ.
Москва, Мясницкая, д. Ферстеръ.

Голландск. Фабр. Бѣлья
СПБ., по Вознесенск. пр., на уг. Офисерской, № 11—1, въ бель-этажѣ.
Гг. иногороднымъ заказы высылаются по почтѣ съ наложеннымъ платежемъ. № 3508

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Зс Соловьева. П. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА „РОДНИКЪ“

изданія 1889 г. (VIII годъ).

„РОДНИКЪ“ съ 1889 г. будетъ выходить попрежнему въ 1-хъ числахъ каждого мѣсяца книжками увеличеннаго объема: не менѣе 7 печатныхъ листовъ нажда, со многими картинками.

„РОДНИКЪ“ рекомендованъ и одобренъ ученими и учителями Комитетами Мин. Нар. Просв., Святейшаго Синода и Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Удостоенъ золотой медали на педагогической выставкѣ Общества Трудалюбивъ въ Москвѣ въ 1888 г. М. № 3113

Вмѣстѣ съ „Родникомъ“ можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ „ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“, посвященный главнымъ образомъ разработкѣ вопросовъ дѣтскаго чтенія и критикѣ учебниковъ, учебныхъ пособій и книгъ для дѣтей и для народа.

Условія подписки на „РОДНИКЪ“ 1889 г. пренія:

На годъ съ дост. и перес. за 12 книгъ „Родника“	5 руб.
Тожѣ съ прилож. 12 №№ листка „Воспит. и Обучен.“	6 руб.
За границу	8 руб.
Отдѣльно листокъ „Воспитаніе и Обученіе“	2 руб.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, уг. Знаменской и Васкова пер., д. № 14—24.
Редакторъ-Издательница **Е. Сысоева**.
Редакторъ **Алексѣй Альмедингенъ**.

„НЕДѢЛЯ“

въ 1889 году.

„НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ двухъ изданій: газетъ, выходящей разв въ недѣлю (52 номера въ годъ) и журнала, выходящаго разв въ мѣсяцъ (12 книжекъ въ годъ).

Годовое содержаніе „НЕДѢЛИ“ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) Обще-газетной, 2) Политической, 3) Научно-практической, 4) Литературно-критической, 5) Общественно-житейской, 6) Фельетонной, 7) Справочной и 8) Редакціон ой.

Въ ежемѣсячныхъ „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ“ помѣщаются романы, повѣсти, бытовые очерки, путешествія, стихотворенія и вообще все, что можно назвать беллетристикою.

ЦѢНА газетъ „НЕДѢЛЯ“ вмѣстѣ съ ежемѣсячными „КНИЖКАМИ НЕДѢЛИ“—**девять** руб. въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА на 1889 годъ ОТКРЫТА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“, Ивановская, 2.
Редакторъ-издатель **П. А. ГАЙДЕБУРОВЪ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

на литературно-художественный, издаваем. П. П. Щеголовымъ, журналъ съ картинками

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

50 №№ въ годъ. Выходитъ по воскресеньямъ. Разнообразный текстъ. 400 больш. рисунк., множество иллюстрацій къ тексту, масса каррикатуръ. 12 карт., въ видѣ ежемѣс. прилож., историческаго содержанія.

ПРЕМІЯ для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ: большая (въ 20 в. д. и 15 шир.), исполненная масляными красками, КОПІЯ СЪ КАРТИНЫ академика И. М. Прянишникова: „ПѢВНИЦЫ ФРАНЦУЗЫ ВЪ 12-мъ ГОДУ ПОДЪ КОМАНДОЮ СТАРОСТИХИ ВАСИЛЬСКИХЪ“.

Премія будетъ выдана при подпискѣ.

Условія подписки съ пересылкой и доставкой: на годъ 6 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяцъ 75 коп.

Городская подписка принимается въ конторѣ П. Щеголова (Москва, Петровскія линіи) и въ конторѣ редакціи. Иногороднымъ просить адресовать на имя издателя, **Павла 10—1** Петровича Щеголова: Москва, Задѣнская ул., соб. домъ. П. № 3489

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

СТРАХОВАНІЯ:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданого для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 3456 4—2

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1888 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 16.681 лицо на капиталъ въ 49.061.640 руб.
Дивидендъ страхователей въ 1888 г. составляетъ 12%.

Ближайшія подробности въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, безплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и агентами Общества въ городахъ Имперіи.

ТОРГОВЫЙ ДѢМЪ

БРАТЯ ЭНГБЕРТСЪ и К^о.

Гостиный дворъ, № 146, 147 и 14

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Спеціальность мужскаго и дамскаго бѣлья.
Полотно, Батистъ.

СТОЛОВОЕ БѢЛЬЕ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ.
НОВОСТИ ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ И БУМАЖНЫХЪ ТКАНЕЙ.

Гг. иногороднымъ покупателямъ по требованію высылаются преісъ-куранты безплатно.

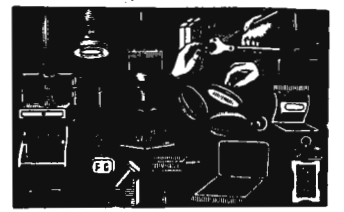
№ 3495 3—1

КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ ЧЕШСКО-СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА
В. Ф. ЧЕРВЕНЫЙ и Сыновья
 въ Киевѣ, Рейтарская, 41.

Рекомендуютъ свой заводъ для доставки музык. инструментовъ духовныхъ, струнныхъ, ударяемыхъ и клавишныхъ, которые превосходятъ нѣмецкихъ, английскихъ и французскихъ по чистотѣ строя, отличаются элегантной и прочной отдѣлкой.
 Т. п. адресовать: въ Киевѣ, В. Ф. Червеному и С. № 3461 4-4

ШОКОЛАДЪ
 ГОТОВИТЕЛЬСТВО
А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВЬЯ
 въ Москвѣ.
 П. № 3510
 1-1
 продается во всѣхъ городахъ **РОССІИ**

Прому почтѣ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ мои произведенія изъ каучука и металла, признанныя лучшими, по своему безукоризненному и изысному исполненію. Какъ-то: штемпеля для Конторъ, Приестственныхъ мѣстъ, заготовокъ нисемъ, факсимиле, монограммы, формулярные штемпеля для Судебныхъ учреждений величиною до 20 сантиметровъ, Медали, Гербы, Эмблемы, Номераторы-Нагелеры, Номераторы, численники, со вставными каучуковыми числами и массивными каучуковыми и металлическими числовыми колесами самокрасящиеся и ручные.

Каучуковые типы для набора отдѣльныхъ словъ и чиселъ всякой величины съ ищичкомъ. Штемпеля, Алфавиты, наборы чиселъ изъ каучука и вальцевой массы для сигнировки ящичковъ и тѣловъ. Сигнатуры изъ каучука величиною до 25 сантим. изъ вальцевой массы всякой величины.

Ударные штемпельные прессы, мѣдныя и стальные печати, а равно и печати для выжиганія, изыскаго исполненія.

Всевозможные карманные штемпеля: автоматы, штемпеля часы, карандаши (послѣдніе и изъ массивнаго серебра), ножки, спичечницы, брегюки къ часамъ изъ никеля, серебра и золота.

Всевозможныя гравировальныя работы на всѣхъ металлахъ.
 Лучшая штемпельная краска различныхъ цвѣтовъ.

Лучшая чернильная чернила для мѣтки бѣлыя.

Аппараты для печатанія бронзою на стеклѣ, порцеланѣ, матеріи, кожѣ и проч.

Порошки: золотой, серебряный, мѣдный и различныя бронзы. Мт. № 3497 2-2
 Новый патентованный способъ травленія на стеклѣ и всѣхъ металлахъ.
 Сухая штемпельная краска съ подушкою всегда готовая къ употребленію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 ГОДЪ на ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ЦѢНА ЗА ГОДЪ: **4 РУБ.** ЦѢНА ЗА ПОЛ-ГОДА: **2 РУБ.**

Съ 1889 года будетъ выпускаема ежедневно. Подробное объявленіе и пробный № разосланы при № 46 "Нивы".
 Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Преображенская, д. 4.
 Издатель А. А. Гриве. Редакторъ И. В. Сиворцовъ.

ЛИБИХА КОМПАНИ
МЯСНОЙ ЭКСТРАКТЪ
 Настоящія *Libbig* **СНЯГО ЦВѢТА**
 лишь тѣ банки снабженныя подписью

Главное дѣло для Россіи: братья Фохтеры, В. О., 1-я лин., № 4. № 3509

1812. — ГОДЪ ИЗДАНІЯ СЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ — 1889.
 ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ и ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ГАЗЕТА СЪ ПЕРЕХОДОМЪ къ НОВОМУ ИЗДАТЕЛЮ и ПРИ НОВОМЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦІИ ДОПОЛНЕНА НОВЫМИ ОТДѢЛАМИ и УВЕЛИЧЕНА ДО РАЗМѢРА БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

Обширная программа, всесторонняя обработка современныхъ вопросовъ, возникающихъ въ области политики, науки, искусства, внутренней и заграничной жизни, а также своевременное сообщеніе всѣхъ выдающихся новостей дня, даютъ возможность вполне замѣнить ДОГОРЮЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ газету и еженедѣльный журналъ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты подписчикъ получаетъ:
 1) По воскресеньямъ, отпечатанный на глазированной бумагѣ номеръ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАНАГО ЖУРНАЛА.
 2) Въ теченіе года будутъ выданы въ видѣ приложений ШЕСТЬ КНИГЪ НОВЫХЪ БОЛЬШИХЪ РОМАНОВЪ.
 3) „МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ“ (12 номеровъ въ годъ) съ образцами работъ
 4) „ОТЪННОЙ НАЛЕНДА-Ъ“, отпечатанный въ три краски.

ГODOVЫЕ ПОДПИСЧИКИ ИМѢЮТЪ ПРАВО получить ОДНО изъ ДВУХЪ художественныхъ приложений:
 б) Олеографическую копию съ картины художника С. И. Врещанина, отпечат. въ 20 красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировкой и рельефомъ „ІОАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ“
 Важный историческій моментъ, который изображаетъ картина, а также роскошная обстановка, яркіе костюмы, иррыне даной эпохи, удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе, дѣлають эту картину очень интересною.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ:
 в) „СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ“ съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины. Въ числѣ СОРОКА КАРТИНЪ этого АЛЬБОМА, есть копии съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ напр.: Гг. Рѣпина, Неврева, Шварца, Маковского, Венига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наукова, Савинскаго, Врещанина, Сѣдова, Теорджикова и друг. Картины АЛЬБОМА отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ изящную обертку.
 Гг. ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, желающіе получить вышеозначенную КАРТИНУ или АЛЬБОМЪ, благоволятъ выслать ОДИНЪ РУБ. за экз. (съ пересылкою).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»
 На годъ: съ доставкою и пересылкою 8 р. — На полгода 4 р.
 Разсрочка допускается, но исключительно черезъ Главную Контору:
 Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Н. ІЕВЛЕВА и Л. ВІНОГРАДОВЪ

въ Москвѣ, Ильинка, Биржевая площадь, д. Хлудова.

Собственной фабрики: сусальное червонное золото, двойникъ и серебро для зслоченія иконостасовъ, главъ, престоловъ и проч.

Рекомендуемъ: настоятелямъ церквей и монастырей, церковнымъ старостамъ, а также торговцамъ, иконостасныхъ дѣлъ мастерамъ, иконосцамъ, живописцамъ выписокъ, переплетчикамъ, заводчикамъ восковыхъ свѣчъ и др.

2-е отдѣленіе: Никольская, Третьяковскій проѣздъ.
 Торгова КРАСКИМИ сухими и тертыми, лаками масляными и спиртовыми душистыми фабрикъ, бронзовымъ порошкомъ и разными принадлежностями для типо-литографій, художниковъ, живописцевъ, иконописцевъ, столяровъ, маляровъ и пр.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ
 лаковъ всемірно-извѣстной фабрики Ноблесъ и Гоара (Nobles et Hoare) въ Лондонѣ. Пробованія гг. покупателей выполняются немедленно. Прейсъ-курранты высылаются бесплатно. № 3503
 Торговля на Нижегородской ярмаркѣ близъ Главнаго дома, на Царской ул., д. № 158.

ФОТОГРАФИЧ. ПРИНАДЛ. ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Этими аппаратами можетъ всаки, безъ особенной подготовки, снимать вполне хорошия фотографіи. Цѣна прибора 24, 35, 50 р. и дороже. — 2500 7-1
 Наставленіе и иллюстрированный прейсъ-куррантъ высылаются бесплатно.

Е. КРАУСЪ и К^о.
 Парижъ, Aven. d. I. Républ. 4.
 СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
 С.-Петербургъ. Мойна, № 40.

№ 4711
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ
 съ различными запахами:
 Эдельвейсъ, желтый левкой, масминъ гелотропъ, ландышъ, опопонанксъ, резада, рейнская роза, рейнская фиалка, рейнскія цвѣты и аспера душистая.
 Превосходные, долго сохраняющіеся и дешевые духи для туалетки.

Цѣна за флаконъ содержащій 1/4 фунта **1 р. 25 коп.**
 Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3359 6-4
 ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
 у Алекс. ТИСЬ и К^о.
 Пушкинская, № 4.

БАНДАНЕОНЫ, чудесные музыкальные инструменты, еще не изобретенныя, легко самоучимы, отъ 27—210 марокъ
Аксорданъ гармоникъ превосходныхъ отъ 3 марокъ. Самоучители. Р. № 3512 2-1

БРАТЯ ВОЛЬФЪ,
 Фабрика инструментовъ, въ Висбаденѣ.
 Прейсъ-курранты бесплатно и франко.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
 Покупаетъ всѣ % бумаги.
 Ссуды подъ всѣ % бумаги.
 Страхование выигранныхъ займовъ.
 Переводы на всѣ города.
 Оплата купоновъ. № 8487 5-5
 Также нужны иррыне съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.
 Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

НОВОСТЬ!
 Американскія металлическія лампы **ГИЧКОКЪ** безъ стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣлье и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается огромная экономія устраненіемъ постоянно ломающихся и бьющихся стеколъ.
 Лампа вся металлическая изыскаго никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и закрывается какъ обыкновенная лампа.
 Расходуетъ керосину только (2 года) на 1/2 копѣйки въ часъ.
 Полное ручательство за доброкачество.
 Цѣна съ перес. и унак. въ Европ. Россіи:
 Столовая . . . . . 12 руб.
 Вишняя . . . . . 15 руб.
 Стѣнная . . . . . 15 руб.

Съ колпакомъ и колцомъ на 3 р. дороже.
 Цѣны въ Азіатскую Россію на 4 р. дороже.
 Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372
Ж. БЛОКЪ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
 Москва, Кузнецкій мостъ.
 Екатеринбургъ гь, Соборная улица.

№ 3501 **НОВАЯ КНИГА:** 2-1
О. Н. ЧЮМИНА (МИХАЙЛОВА).
СТИХОТВОРЕНИЯ.
 360 стр. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
 Въ книжн. магаз. "Новаго Времени".

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
 для гувернантокъ рекомендуетъ наставницъ и гувернантокъ русскихъ, французскихъ, немецкихъ и английскихъ. За сиротками проситъ обращаться отъ 1 часа до 4-хъ часовъ пополуночи, въ Торговую, домъ 15, кв. 58.
 № 3197 15-11 Номинатъ.

Только что поступили въ продажу два тома сочиненій
М. В. КРЕСТОВСКОЙ.
 Томъ I. Ранняя гроза. Испытаніе.—Томъ II. Вѣѣ жизни. Уголки театральнаго міра.
 Цѣна каждаго тома 1 руб. 50 коп.
 Продаются въ книжныхъ магазинахъ "Новаго Времени", а также и въ другихъ—въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и Одессѣ.
 № 3504

ЛЕВШИНСКІЙ ВЪ МОСКВѢ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ "Нива". № 2405

РОЯЛИ И ПИАНИНО
 въ большомъ выборѣ и по умереннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
 Москва, Петровка, д. Волкова.
 Полный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (11) Ц. № 3077

СКРИПКИ

 отъ 2 1/2 до 800 рублей.
 Самоучитель Ваганца 1 р., 2 1/2 и 4 р.
 Смычки отъ 50 и до 60 р.
 Альты, виолончели, контрабасы и пр.
 ДѢТСКІЯ скрипки и виолончели.
 Ноты въ большомъ выборѣ.

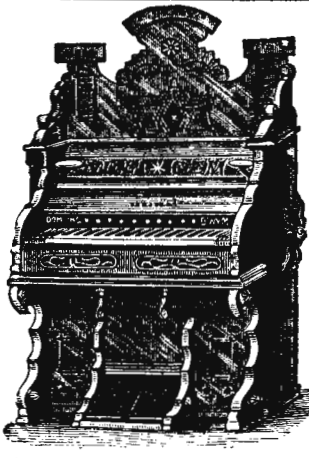
КОРНЕТЬ-А-ПИСТОПЪ

 въ 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
 Самоучитель Ваганца по 1 1/2 и 3 р.
 Трубы, Тромбоны, Вальторны, Альтгорны, Теноргорны, Баритоны, Басы и пр.
 Ноты въ большомъ выборѣ.

ФЛЕЙТЫ

 въ 3, 5, 8, 12, 18, 25, 35, 50, 60, 75 до 150 р.
 Самоучитель Келера 1 1/2 и 3 р.
 Кларнеты, Гобои, Фаготы, Фламолеты и пр.
 Ноты въ большомъ выборѣ.

ЖЕЛѢЗНЫЕ СКЛАДНЫЕ ПЮПИТРЫ

 стоячие, односторонніе въ 4, 6, 12 р., стоячіе двухсторонніе въ 14 и 18 р. Желѣзные стоячие въ 2 р. Деревянные стоячие въ 75 к., 1, 1 1/2, 2 и 3 р.
 Метрономы въ 6 и 9 р. СВѢЖА СТРУНЫ. Камертоны и всѣ музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ хорошаго качества по дешевымъ цѣнамъ.

а также всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ имѣются въ самомъ большомъ выборѣ, по дешевымъ цѣнамъ и лучшаго качества. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію **БЕЗПЛАТНО**. Ноты въ дешевыхъ изданіяхъ.
 Заказы изъ провинці исполняются немедленно и аккуратно.

ФИСГАРМОНИИ
 по удешевленнымъ цѣнамъ:
ФРАНЦУЗСКІЯ въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р.
АМЕРИКАНСКІЯ въ 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 р.
 Фисгармонія одинъ изъ самыхъ лучшихъ и благодарныхъ инструментовъ, незамѣнимый по своему мягкому и приятному тону. Выучиться играть на немъ можно очень скоро; кто мало-мальски играетъ на фортепиано, тому игра на фисгармоніи не представляетъ никакой трудности. Фисгармонія очень практична по своей простой конструкціи, а также потому, что она не разстраивается, какъ фортепиано.
 Въ № 18 сего года журнала "Нива" помѣщена интересная статья, изъ которой можно получить вѣрное представление о достоинствѣхъ фисгармоніи. Эта статья, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ—**бесплатно**. Большой выборъ нотъ для фисгармоніи.

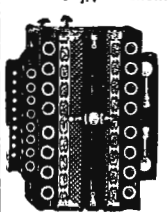
(Американская фисгармонія въ 300 р.)

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

 Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять цѣлыя увертюры, большія попури, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы.
 Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полно и приятно, а также и имѣетъ приспособленіе для игры forte и piano.
 Оркестръ-Манопанъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечерниковъ, для клубовъ и проч.
 Цѣна съ 10-ю пьесами 80 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагается 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Каталогъ-письма для оркестра-манопанъ—**бесплатно**.

ГЕРОФОНЪ ручной органъ, на которомъ можно посредствомъ разныхъ картонныхъ нотныхъ листовъ исполнять всевозможныя пьесы. Но случаю уменьшенія курса, обыкновеннаго для игры forte и piano только 32 руб. Добавочныя пьесы по 61 коп. за каждую.
АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ съ 10-ю пьесами 28 руб., добавочныя пьесы въ громадномъ выборѣ по 60 коп.
ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ съ 10-ю пьесами (металлическія нотныя кольца различнаго размѣра) по 70 коп.
Фениксъ прежней конструкціи съ 10-ю пьесами 25 р. Добавочныя пьесы безъ различ. размѣра по 70 к.
 Герофоны, аристоны, фениксы и ноты къ нимъ продаются у меня только настоящие патентованныя, поддѣланныхъ, которые легко портятся—не имѣю.
 Каталогъ нотъ для герофона, аристоны и феникса—**бесплатно**.

ГИТАРЫ
 въ 3 1/2, 5, 8, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100 р. (отъ 8-ми р. и дор. съ механизмомъ для струнъ).
 Самоучитель Солокова 1 1/2, 3 и 4 1/2 р.
МАНДОЛИНЫ
 въ 10, 25, 35, 50, 60, 75, 100 р.
 Самоучитель Келера 2 руб.
ЦИТРЫ
 отъ 12 до 125 руб.
 Самоучитель Майера 2 р. и 4 руб.

АНГЛІЙСКІЯ КОНЦЕРТИНО
 по удешевленнымъ цѣнамъ.

 Съ мѣдными вибраторами въ 24, 32, 45, 55, 75 р.; со стальными въ 100, 125, 140, 160, 200, 250 руб.
 Концертино - баритоны въ 100, 175 и 250 руб.
 Заключаютъ въ себѣ объемъ коліи хроматической гаммы. По своему особенно приятному тону и возможности исполнять на нихъ послѣ недолговременнаго управленія разныя пьесы съ полною экспрессіей, они получаютъ все большее и большее распространеніе.
 Самоучитель Пруссана 2 руб.

ГАРМОНИИ
 по удешевленнымъ цѣнамъ.

 Однорядныя въ 3, 4 1/2, 6, 8, 10, 12, 15, 18 и 24 р.
 Двурядныя въ 14, 20, 22, 25, 28, 30, и 35 руб.
 Трехрядныя въ 35, 50, 60 и 75 р.
 Самоучитель Солокова по 1 руб.
 Ноты его же по 75 коп. и 1 руб. за тетрадь.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
 ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
 С.-Петербургъ, Большая Морская, № 36 и 42. — Москва, Кузнецкій мостъ, домъ бывш. Торлецкаго.

Пересылка на счетъ покупателя.

НОВАЯ КНИГА.
ГИГИЕНА ГОЛОСА.
 Съ 16 рис. въ текстѣ.
 Для артистовъ, учителей, учениковъ и любителей пѣнія, ораторовъ и проповѣдниковъ.
 Составилъ М. Н. Глубоковскій, врачъ при Императорскихъ Московскихъ театрахъ. № 3515 3-1
 Цѣна **ОДИНЪ РУБЛЬ**.
 Выписывающіе отъ издателя (Москва, Малая Дмитровка, д. Шильбахъ) за пересылку не платятъ.

10 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ КОНЬКОВЪ
 отъ 2 руб.—15 руб. за пару. 3371
 Иллюстр. прейсъ-куранты бесплатно.
Ж. БЛОКЪ. СПб., Б. Морская, 21.

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА.
 Новоизобрѣтенная нами глицериновая пудра по своему составу содержитъ всѣ качества для бѣлизны кожи.
 М. № 3454 4-1
Брокеръ и К^о.

А. М. РУЗАНОВЪ
 Гостиный Дворъ, № 40, въ С.-Петербургѣ
 высыластъ по первому требованію бесплатно свой специальный
РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
 Цѣны на заграничныя произведенія пониженны. № 3480 6-2

КРЫШКИ для переплета "НИВЫ" изъ лучшаго англійскаго календора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ переслкомъ 1 р. 50 к.

ЖИВА

XIX г.

№ 48

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

г. XIX

1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 26 ноября 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/2 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ . . . . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленны отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Возь всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Подписка на 1888 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всё уже вышедшіе въ 1888 г. №№ съ преміями.

Ю. И. Симашко.

Юліанъ Ивановичъ Симашко происходитъ изъ древней дворянской фамиліи Киевской губ. *) Отецъ его въ 1810 году переселился въ Варшаву, гдѣ и родился Симашко 21 марта 1821 г. Въ 1830 году онъ определенъ кадетомъ въ Павловскій кадетскій корпусъ, гдѣ во время ученія, при отличныхъ успѣхахъ по математикѣ, особенно пристрастился къ естественнѣднью, и съ твердымъ намѣреніемъ посвятить себя этимъ наукамъ, просилъ о выпускѣ его изъ корпуса для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Уволенный изъ корпуса 19 февраля 1838 г., онъ уже 4 октября того-же года, по выдержаніи экзамена въ университетѣ, былъ определенъ учителемъ математики въ Шлисельбургское уѣздное училище. Съ этого времени начинаются его официально педагогическія и рядомъ ка-

Ю. И. Симашко (по поводу 50-лѣтняго юбилея ученой дѣятельности).
Съ фотогр. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

бинетныя естественно-научныя занятія. Его педагогическія способности обратили на себя вниманіе товарищей и начальниковъ, такъ что черезъ 1 1/2 года онъ сталъ домашнимъ учителемъ въ частномъ семействѣ, доставившемъ ему всѣ способы для естественной исторіи чешскихъ занятій, которымъ Симашко предавался со всѣмъ пыломъ юности. Въ 1844 году онъ былъ назначенъ учителемъ естественной исторіи въ Павловскій кадетскій корпусъ. Съ 1845 по 1847 годъ онъ печаталъ спеціальныя изслѣдованія, въ бюллетеняхъ Московскаго общества испытателей природы и С.-Петербургской Академіи Наукъ, о пластахъ девонской системы въ С.-Петербургской губ., о сухопутныхъ и прѣсноводныхъ моллюскахъ Россіи. Съ 1848 по 1852 издавалъ „Русскую Фауну“, единственное въ своемъ родѣ сочиненіе до сихъ норъ. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія поручило ему составить учебникъ зоологіи для гимназій. Исполнивъ эту работу въ теченіе 1852—1854 годовъ, давшую, какъ из-

*) Въ различныхъ актахъ начала XVII столѣтія фамилія писана на русскомъ языкѣ различно: Симашко, Семашко и Сѣмашко, въ актахъ на польскомъ языкѣ Siemaszko. Въ документахъ опредѣленія его въ корпусъ писано Симашко.

вѣсто, совершенно для насъ новое направленіе наукъ о животныхъ, Симашко вслѣдъ затѣмъ, въ 1854—1857 годахъ, по порученію того-же Министерства, занялся составленіемъ и изданіемъ Учебнаго Атласа Всеобщей Географіи для гимназій, пользовавшихся до того старинными атласами Максимовича и Лоскутова. Оба эти сочиненія, совершенно измѣнившія характеръ преподаванія зоологіи и географіи, замѣчательны и съ технической стороны тѣмъ, что всѣ рисунки въ зоологіи, до 1200 — впервые появившіеся политипажамъ въ рукѣ водствѣ — изготовлены были въ Петербургѣ, и конгревской, а затѣмъ хромолитографическій способъ изданія атласа — похоронили навсегда старыи тѣмъ учебниковъ и способы изданія географическихъ атласовъ. Служебными занятіями Симашко за это время до 1856 годъ было преподаваніе естественной исторіи въ кадетскихъ корпусахъ 1-мъ, 2-мъ, Павловскомъ, Школѣ гвардейскихъ юнкеровъ и подпранорщиковъ и въ Лѣсномъ институтѣ, гдѣ онъ читалъ спеціальныя курсы лѣсной энтомологіи и орнитологіи.

Въ 1856 году, съ учрежденіемъ Ученаго Комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, Симашко переводится на службу въ Министерство съ назначеніемъ членомъ Ученаго Комитета по естественнымъ наукамъ и чиновникомъ особыхъ порученій при Министерствѣ. Въ этомъ званіи онъ оставался до 1863 года, а затѣмъ вновь назначенъ членомъ Ученаго Комитета въ 1869 году. Въ этотъ періодъ Симашко, вмѣстѣ съ умершимъ недавно генераломъ Маидерштерномъ, учредилъ Энтомологическое Общество, въ которомъ былъ секретаремъ за первое пятилѣтіе существованія общества. Его ежемѣсячныя ученыя сообщенія въ засѣданіяхъ Общества, его публичныя лекціи, на которыхъ зала 6-й гимназій не могла вмѣстить всѣхъ слушателей, его личныя изслѣдованія вредныхъ лѣсныхъ насекомыхъ въ С.-Петербур. губ., организоваанныя имъ, санкціонированныя покойнымъ К. М. Вэрромъ изслѣдованія вреднаго хлѣбнаго червя въ Средней Россіи, саранчи на югѣ ея — придали Энтомологическому О-ву значеніе выдающагося ученаго учрежденія. Тогда, по инициативѣ Симашко, при Обществѣ учреждены были отдѣленія ботаническое, фотографическое и другія — единственныя въ то время мѣста общаго между специалистами.

Наконецъ докладъ, поданный Симашко министру Народнаго Просвѣщенія, о необходимости въ Россіи мѣстныхъ естественноисторическихъ изслѣдованій — вслѣдствіе чего министерство отпустило 4000 руб. для изслѣдованія Петерб. губ. — послужилъ зрѣио въ естественноисторическихъ изслѣдованіяхъ Россіи; составленная при Обществѣ организационная коммисія, съ участіемъ профессоровъ С.-Петербургскаго университета, дала практическое направленіе этимъ изслѣдованіямъ, и естественно повела къ учрежденію нынѣшнихъ Обществъ натуралистовъ при всѣхъ университетахъ.

Дѣятельность Симашко за это же время, какъ педагога, близко ознакомившагося, по званію члена Ученаго Комитета съ положеніемъ школьнаго дѣла въ Россіи, началась съ 1858 года. Симашко оставилъ дѣятельность свою въ Энтомологическомъ обществѣ, и признавая что начальное обученіе для того времени было обществу нужнѣе, чѣмъ спеціально научныя изслѣдованія, онъ, подъ псевдонимомъ Я. Фоссъ, со всею энергіею приступилъ къ педагогическимъ трудамъ. Результатомъ этой дѣятельности появилось болѣе 400 изданій, обнимавшихъ, кромѣ лингвистики, почти всѣ предметы домашняго обученія и курса въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Его образовательныя игры (игры Фребеля, подвижныя буквы, прописи, пособія по рисованію, комнатная гимнастика), пособія по элементарному школь-

ному обученію (азбуки, прописи, ариѳметическія классныя счеты, ариѳметическія кубы, модели рисованія), пособія для среднеобразовательныхъ учебныхъ заведеній (анатомическія и кристаллографическія модели, тригонометрическія липы, карты, атласы, идеальный рельефъ земной коры) — стали необходимыми пособіями во всѣхъ семьяхъ и школахъ.

Въ полномъ разгарѣ этой дѣятельности, Симашко былъ приглашенъ бывшимъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантомъ П. В. Исаковымъ, къ устройству въ бывшемъ складѣ учебныхъ пособій, въ зданіи 1-го кадетскаго корпуса, по Набережной Невы, Педагогическаго музея. Отдавшись всецѣло этому дѣлу, Симашко провелъ два лѣта въ обзорѣ подобныхъ учрежденій за-границею, преимущественно въ Лондонѣ, въ Кенсингтонскомъ музеѣ, и двѣ зимы въ организуемомъ имъ музеѣ. Въ короткое время музей безвозмездными, ничѣмъ не вознагражденными, трудами г. Симашко былъ поставленъ на такую степень совершенства, что могъ, какъ собиратель пособій, выступить на промышленной выставкѣ 1870 года, уже безъ участія Симашко, который на эту выставку пожелалъ явиться самостоятельнымъ экспонентомъ-производителемъ. Эта выставка породила много поощряемыхъ казеннымъ учрежденіемъ подражателей дѣятельности Симашко, который, по мѣрѣ появленія новыхъ производителей, оставлялъ производство учебныхъ пособій, посвящая свою дѣятельность основанному имъ тогда же педагогическому журналу *Семья и Школа*.

Журналъ этотъ издавался подъ его редакціею только до 1878 года, когда г. Симашко, командированный отъ Министерства Финапсовъ, куда перенесъ свою службу въ 1874 году, на Парижскую, потомъ въ 1880 году на Вѣскую международныя выставки, занялся изученіемъ технического и ремесленнаго образованія. Отчетъ о первой командировкѣ былъ представленъ министру Финапсовъ и напечатанъ Министерствомъ подъ заглавіемъ „Общее состояніе технического образованія и необходимость распространенія его въ Россіи“. Въ этомъ отчетѣ впервые ясно разграничены различныя степени технического образованія очеркомъ задачъ ремесленныхъ школъ, техническихъ училищъ, курсовъ техническихъ знаній и проч. Особенное значеніе г. Симашко придавалъ ремесленному образованію, что еще яснѣе выразилось въ его докладѣ постоянной Коммисіи технического образованія по поводу обзорной многихъ петербургскихъ мастерскихъ въ качествѣ (по слѣдней служебной должности его) окружнаго инспектора по надзору за занятіями малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Этотъ докладъ, памятный петербургскимъ ремесленникамъ, пробудилъ среди ремесленнаго сословія сознаніе и заставилъ отнестись критически къ своему положенію и къ подлинно уровню ремесль.

Оставивъ службу въ 1884 году съ незначительною пенсіею, Симашко не оставилъ своей дѣятельности какъ натуралистъ; издавна занимаясь метеоритами, онъ работаетъ надъ описаніемъ русскихъ метеоритовъ, и работа эта должна составить *pendant* къ его русской физикѣ. Натуралисты, близко знающіе фундаментальность работы Симашко, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія этого сочиненія, а мы убѣждены, что эта повал, заросшая съ 1807 и 1819 годовъ научная тропа, обратится въ широкую дорогу труда и знанія отечественныхъ натуралистовъ.

Много можно перечестъ именъ лицъ достигшихъ богатства, славы и чиновъ, но мало такихъ, которые бы столь твердо вписали имя свое въ исторію просвѣщенія Россіи, какъ Ю. И. Симашко.

Бригадирская внучка.

Московская былъ

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

V.

Прошла недѣля послѣ смерти барыни Козляниновой, прошла другая, миновали святки, праздники и Новый годъ, которые отвлекли вниманіе Москвы на всякія затѣи, катанье съ горъ, гаданье, веселые вечера и вечеринки у именитыхъ московскихъ дворянъ.

Странное и загадочное приключеніе съ молодымъ офицеромъ, конечно, позабылось. Не только друзей, но и близкихъ знакомыхъ не было въ Москвѣ у безъ вѣсти пропавшаго, и поэтому некому было особенно вспоминать о немъ.

Въ домѣ бригадира все пошло по старому, спо-ва было мирно и тихо; бригадиръ радовался, что дурацкая исторія позабыта и что его, вслѣдствіе показаній пьянаго кучера, не сдѣлали причастнымъ къ дѣлу.

— Спасибо, другъ вѣрный. Хорошій далъ совѣтъ. Двумя тысячами заткнулъ голодныя глотки.

Марья Евграфовна снова вышивала въ пальцахъ, читала французскія книжки, по обращалась съ бригадиромъ нѣсколько сурово, какъ-бы протестуя молчаливо противъ его намѣреній и плановъ.

Бригадиръ, какъ человекъ добродушный и безхарактерный въ жизни, но способный какъ-бы поневолю упереться козломъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ, снова вернулся къ своимъ мечтамъ и опять часто толковалъ съ другомъ о его женитьбѣ на внучкѣ. Братолюбцевъ отмалчивался или отшучивался. Поэтому Филисовъ рѣшилъ куда оставить дѣло, но мѣсяца черезъ полтора, Великимъ постомъ, заговорить снова съ молодой дѣвушкой, а къ Красной горкѣ отпраздновать свадьбу.

Но если въ Москвѣ и въ домѣ бригадира все пошло,

повидимому, на старый, мирный ладъ, то бригадирская ввучка и ея няня были исключеніемъ. Имъ жилось, повидимому, попрежнему мудро.

Клѣна бывала молчалива, грустна по цѣлымъ днямъ, но — что удивляло особенно Толбухину — не столько печальна, сколько озабочена. Казалось, что она не горюетъ и не плачетъ о безслѣдно и загадочно потерянномъ предметѣ своей любви, а проводитъ дендильской въ какомъ-то безпокойствѣ, будто бѣда какала у нея надъ головой висить.

То же самое, хотя нѣсколько иначе, выражалось и въ плянѣ Аришѣ Матвѣевнѣ. Женщицѣ было тоже какъ-то не по себѣ. Прежнюю веселость и говорливость какъ рукой сняло. Она тоже по цѣлымъ днямъ сидѣла задумчивая, какъ и ея дитятко.

Арина Матвѣевна не печалилась, а какъ-то сурово озлобившись, казалось, на весь міръ Божій, грызлась, по выраженію людей, со всѣмъ домою. Прежняя простодушная ласковость Арины Матвѣевны, готовность услужить каждому — исчезли. Теперь она привязывалась ко всѣмъ и бранилась со всѣми.

Единственнымъ ея собесѣдникомъ, съ которымъ она за послѣднее время какъ будто сошлась гораздо ближе — былъ Герасимъ. Вслѣдствіе этого, борьба между двумя женщинами — няней и барской барыней, еще усилилась. Теперь Степанида уже начинала прямо ревновать Арину къ своему возлюбленному.

Наибольшая перемяна, происшедшая въ домѣ, сказалась въ поведеніи скорохода и богатыря Герасима. Любимецъ барскій уже два или три раза навлекъ на себя гнѣвъ барина за ослушаніе и своеволие.

Скороходъ, со времени странной исторіи съ Козляпиновыми, сталъ жить совсѣмъ иною жизнью. Онъ больше отлучался изъ дома, чаще ворочался на-веселѣ, а нѣсколько разъ бывалъ и сильно пьянъ. Онъ исполнялъ всѣ порученія бригадира неохотно, непорядливо, ругался со всѣми такъ-же, какъ и Арина Матвѣевна. Но при этомъ онъ грозился и хвасталъ, говоря, что ему на все и на всѣхъ наплевать, что онъ своему праву хозяинъ и если захочетъ, то откупится на волю, что самъ баринъ его не посяметъ не отпустить.

Вмѣстѣ съ этимъ у скорохода постоянно замѣчали люди то, что было наименѣе возможно скрыть — деньги.

Дворовый человекъ того времени, въ качествѣ крѣпостнаго, не получалъ жалованья; слѣдовательно всякій алтынъ, который являлся у него въ рукахъ, могъ быть только изъ подозрительнаго источника. У Герасима бывали не алтыны въ рукахъ: у него видали сразу по нѣскольку рублей. Наконецъ, про него узнали, что онъ вмѣстѣ съ новыми друзьями кутитъ по соседнимъ трактирамъ, что компанія его не простая, не холопы соседнихъ господъ, а чиновники, пономари, дякопы, судейскіе повытчики. Въ томъ числѣ самъ дворецкій графа Орлова не гнушается водить компанію со скороходомъ бригадира Филисова.

Однажды слухъ о деньгахъ и кутежахъ Герасима дошелъ и до бригадира.

Никита Артемьевичъ вызвалъ къ себѣ холопа, не кричалъ на него, а хладнокровно потребовалъ объясненія. Герасимъ объяснилъ барину, что дѣйствительно виноватъ, выдается кое-съ-къмъ изъ друзей въ трактирахъ и тратитъ деньги, но что деньги эти заработаны имъ не предосудительнымъ образомъ, и онъ проситъ у барина позволенія и впредь также зарабатывать себѣ.

На вопросъ бригадира какая-то работа, Герасимъ отвѣчалъ, что его одинъ изъ друзей-стрекулистовъ обучилъ писать просьбы и такъ какъ его скоронисъ чистая и красивая, то у него очень много заказчиковъ.

— Чуть не каждый день, прибавилъ онъ, — какой-либо мѣщанинъ проситъ написать куда-либо въ судъ прошеніе или челобитную.

— Вотъ какъ!.. воскликнулъ бригадиръ. — Молодецъ.. Пини!.. Богъ съ тобой.

И бригадиру Филисову почему-то понравилось, что его крѣпостной холопъ попалъ чуть не въ дяки судейскіе.

Одновременно однако съ этимъ заявленіемъ Степанида увѣрила барыню, что Герасимъ вретъ, что никакихъ челобитныхъ онъ писать не въ состоянн и что деньги онъ достаетъ Богъ вѣсть откуда.

— Это дѣло поганое. Хорошо бы было барину вступить и не дозволить сего. Сказываютъ люди: я ворую, да ему даю. Вотъ Богъ святъ — не я! Да и гдѣ же мнѣ такія большія деньги взять!

Марья Евграфовна рѣшила, что ея любимица наушничаетъ на скорохода изъ ревности, такъ какъ она сердита на него и ревнуетъ его къ плянѣ. Марья Евграфовна была убѣждена въ томъ, что у няни Арины Матвѣевны, женщины еще не старой, явились новыя отношенія съ красивымъ скороходомъ.

Въ подобнаго рода дѣла господа не вмѣшивались, считая это не благопристойнымъ. Лишь бы все было на видъ прилично; а что творится въ людскихъ и на дворѣ — до того барину именитому дѣла нѣтъ.

Дворъ всякаго барина не монастырь, а самъ онъ не настоятель-игуменъ. Лишь бы дѣло дѣлали дворовые люди и не попустили своихъ господъ въ сосѣдяхъ. На послѣднее обращалось наибольшее вниманіе. А чѣмъ большую свободу давалъ холопамъ въ извѣстныхъ проявленіяхъ ихъ существованія — тѣмъ больше любятъ они господъ и тѣмъ менѣе разносятъ дурную славу объ нихъ.

„И пускай ихъ“, думала Марья Евграфовна про Герасима и про няню. „Можетъ быть послѣ Великаго поста, если Клѣна согласится замужъ выдти, мы и эту свадьбу сыграемъ.“

Но однажды Марья Евграфовна должна была, къ своему великому удивленію, убѣдиться, что ея подозрѣнія ни на чемъ не основаны. Озлобленная на весь міръ Божій, няня все больше грызлась со всѣми въ домѣ, все чаще бесѣдовала съ Герасимомъ, но за глаза начинала относиться объ немъ съ особенною злобой. Вмѣстѣ съ этимъ Арина все больше и больше молилась Богу, все чаще ходила въ церковь ко всѣмъ службамъ. Кроме того, она отпрашивалась часто изъ дому и посѣщала всѣ московскіе монастыри, а затѣмъ отпросилась у господъ къ Троицѣ и вернулась черезъ недѣлю потише правомъ, какъ бы успокоившись. На другой же день, явившись къ барынѣ Марьѣ Евграфовнѣ, няня бросилась ей въ ноги и объявила, что у нея есть „великая“ просьба до барыни.

— Будьте милостивы! Не откажите!

— Что такое?! удивилась Толбухина.

— Испросите у барина мнѣ грѣшной разрѣшеніе итти въ монастырь.

Марья Евграфовна настолько изумилась, что и ротъ разинула.

— Какъ то-ись? отозвалась она.

— Да такъ. Отпустите душеньку мою на покаяніе. Я буду за васъ за всѣхъ молиться ежедневно и ежедневно. И себя спасу, и ваши грѣхи замолю.. Отпустите.. Доложите барину.

— Да ты вѣдь Никитѣ Артемьевичу не крѣпостна. Ты по закону Клѣнина. Какъ она... Она тебя не захочетъ отпустить. Ей безъ тебя покажется еще скучнѣе.

— На это барышня согласна... А вы барина попросите все-таки. Безъ него нельзя.

— Изволь. Только, признаюсь, чудно мнѣ, няня, все это... И съ чего это вдругъ?

— Да такъ, ужъ тяжело больно.

— Отчего тяжело?

— Сама не знаю... опустивъ глаза вымолвила няня. — Ужъ такъ тяжело, что и жить нельзя. Отпустите.

— Чудно... Была ты веселая, болтливая, смѣхотли-

Ткачиха. Акварель барона М. П. Клодта (собств. „Нивы“), грав. Шюблеръ

Предъ разлукой. Картина Пю Риччи, грав. Шей.

вая, и вдругъ съ того самаго раза, что почудился тебѣ покойникъ-баринъ на вышкѣ, заскучала и вотъ чѣмъ кончила. Вѣдь это съ того раза пошло.

— Да! со вздохомъ произнесла Арина Матвѣевна.— Съ того раза. Все съ того раза пошло... Тяжело! Такъ будьте мать родная, попросите барина.

— Изволь, изволь. Помѣхи тебѣ не будетъ... Что же, дѣло хорошее. Только не зря-ли ты собралась? Подумай.

— Ахъ, нѣтъ, матушка! Какое зря. Я ужъ давно собиралась.

— И барышня это знала?

— Вѣстимо знала.

— И ничего противъ этого не имѣеть?

— Что-же ей? Она сама рада бы въ монастырь...

Толбухина изумленно поглядѣла на няню, по потомъ сообразила въ чемъ дѣло.

— Это изъ-за брака со старымъ Братолюбевымъ? Это дѣвичьи сборы! Это она пугаетъ монастыремъ, а никогда не поидеть... Да это дѣло еще вилами по водѣ писано. Можетъ Богъ дать при моемъ сопротивленіи Никита Артемьевичъ совѣмъ переимѣнитъ мнѣніе. Можетъ мы выдадимъ ее за такого офицера, который будетъ почище вашего, безъ вѣсти пропавшаго... А чуднѣе это дѣло, какъ вспомнишь!.. Удивительное дѣло! Какъ это онъ и куда пропалъ? вымолвила Толбухина.

Арина Матвѣевна, смотрѣвшая спокойно въ лицо барыни, вдругъ опустила глаза, даже измѣнилась слегка въ лицѣ и молчала.

— Правду-ли я сказываю, вѣдь удивительное дѣло?

— Да, глухо отозвалась Арина Матвѣевна.

— Какъ ты полагаешь, няня... Теперь дѣло прошлое. Знаешь-ли ты, что болталъ кучеръ Козляниповой?

— Знаю, глухо отозвалась Арина Матвѣевна.

— Вѣдь онъ говорилъ, что подвозилъ будто бы молодого барина къ переулку нашего сада.

Няня молчала.

— Ну, что же ты молчишь? Знаешь ты это?

— Знаю.

— Что-жъ ты про это скажешь?

Няня измѣнилась въ лицѣ и вымолвила глухо:

— Ничего не скажу.

И вдругъ то озлобленіе, которое часто прорывалось наружу, сказало въ эту минуту въ пожилой женщинѣ. Она злобно взглянула въ лицо барыни и произнесла совершенно инымъ голосомъ, грубымъ и дерзкимъ.

— Чего жъ вы меня-то пытаете? Что-жъ и его убила что-ли, или зарѣзала?

Марья Евграфовна была невольно удивлена этою перемѣной и не сразу отвѣчала.

— Что ты!.. Богъ съ тобой!.. Чего это ты вдругъ такъ?

— Я ничего... А нечего, говорю, меня пытать.

— Да ты остервенилась.

— Остервенишься!.. со страннымъ смѣхомъ произнесла Арина Матвѣевна. — Да, ужъ именьно ваше слово святое: остервенишься! Осатаѣешь!

Но вдругъ она вздохнула, провела рукой по лбу, какъ-бы отгоняя какія мысли, и вымолвила:

— Ну, такъ попросите барина... Могу я надѣяться?

— Вѣстимо, сказано ужъ тебѣ.

Няня поклонилась въ поясъ и быстро вышла вонъ изъ горницы барыни.

„А странная перемѣна въ этой женщинѣ“, думала Марья Евграфовна. — „Просто какъ загадка какая... Озлобилась, стала изрѣдка грубить, чего никогда съ ней не бывало. Переругалась со всѣмъ домомъ, а вмѣстѣ съ этимъ все Богу молится и изъ-за чего-то въ монастырь собралась постригаться. Чисто чудеса въ рѣшетѣ!..“

Черезъ два дня послѣ этого объясненія съ барыней, Арина Матвѣевна еще болѣе удивила всѣхъ домочадцевъ.

VI.

Однажды вечеромъ, когда бригадира не было дома, Марья Евграфовна сидѣла въ своей горницѣ и разсуждала со Степанидой о хозяйствѣ. А вверху въ мезонинѣ сидѣли вдвоемъ няня съ чулкомъ въ рукахъ и Клѣна безъ дѣла, сложивъ безпомощно руки на колѣпяхъ и глядя какъ бы безсознательно куда-то въ темное окно. Онѣ о чемъ-то поговорили, затѣмъ замолчали, и каждая думала свою думу.

Блѣдное и похудѣвшее личико Клѣны, освѣщенное одной сальной свѣчей, съ которой обѣ позабыли снять нагаръ, казалось еще болѣе истомленнымъ, чѣмъ когда-либо. Взглядъ ея красивыхъ глазъ, затуманенный печалью въ первое время послѣ загадочной исторіи съ ея нареченнымъ и возлюбленнымъ, — теперь чаще вспыхивалъ такимъ же огонькомъ, какой бывалъ во взорѣ Ариши. Клѣна тоже стала порою какъ бы озлобляться по примѣру своей няни.

Часто среди своихъ докучливыхъ думъ, Клѣна повторяла шепотомъ едва слышно нянѣ или себѣ самой одну и ту же фразу:

— Такъ жить нельзя. Лучше удавиться.

Среди тишины царившей въ горницѣ скрипнула дверь,—на порогѣ появился богатый Герасимъ и сталъ у притолки, тихо притворяя за собою двери.

Обѣ женщины шелохнулись; Клѣна вздрогнула и отвернулась порывистымъ движеніемъ, а няня сразу, будто по мановенію жезла волшебника, выпрямилась и, какъ говорится, окрысилась или остервенилась.

— Ну, опять? вымолвила она тѣмъ злобнымъ тономъ, которымъ она часто говорила теперь.

— Да, опять... повторилъ скороходъ, стоя у двери, и при этомъ запустилъ свои огромныя руки въ полы своего кафтана.

Паступило молчаніе.

— Злодѣй!.. проворчала Арина Матвѣевна. — Нѣтъ на тебя ничего! Ни дубины, ни ножа! Хоть бы ты подохъ гдѣ въ трактирѣ... Прирѣзалъ бы тебя кто...

— Покорнѣе благодаримъ, Арина Матвѣевна. Зачѣмъ же-съ... Да я не изъ маховыхъ дворянчиковъ-прапорщиковъ, кои слабѣе мухи... Ко мнѣ смерть-то придетъ, такъ прежде чѣмъ взять меня, еще поломаются со мною. А вотъ чахлый офицерикъ...

Клѣна вдругъ обернулась на это слово. Лицо ея горѣло, одишь гнѣвъ сказывался во всѣхъ чертахъ ея краснаго лица, а въ глазахъ стояли слезы, но тоже слезы озлобленія, а не печали.

— Наконецъ я къ дѣдушкѣ пойду!.. Я скажу дѣдушкѣ... проговорила она съ отвращеніемъ и злобой, мѣривъ съ головы до ногъ скорохода, который дерзко стоялъ у двери, выставивъ одну ногу впередъ и подбоченясь.

— Къ дѣдушкѣ? произнесъ онъ вопросительно.

— Да. Если такъ, я пойду прямо, сама все ему на чистоту...

— Пожалуйте, барышня... Милости просимъ. Говорите! Это ваше дѣло. Прикажете и я скажу... А вы лучше, барышня, по добротѣ своей не слушайте этой глухой бабы и не сердчайте. Что же дѣлать?.. Нужда. Я бы васъ беспокоить не сталъ.

— Да нѣтъ же у меня!.. Нѣтъ! И когда же конецъ? проговорила Клѣна.

— Ахъ, дьяволъ! Вотъ дьявольское отродье! выговорила Арина Матвѣевна. — Изъ-за тебя я въ монастырь иду, дьяволъ! Лучше въ монастырь, чѣмъ въ Сибирь. Лучше постригуся и буду мохахиня, чѣмъ въ сѣромъ халатѣ съ арестантами воровкой да мошешницей гулять по городу.

— Это твое дѣло, Арина Матвѣевна. Въ монастырь-ли, въ Сибирь-ли, куда ты пойдешь, мнѣ совѣмъ не занимательно. А вотъ ты барышню не смущай, и опять-таки, ея волѣ желательно — ты и повинуйся. Приказываетъ она вамъ — вы исполняйте.

— Да развѣ она приказываетъ, дьявольское отродье! Ты видишь, что она сама побѣжала бы къ баринѣ жаловаться... Говори же ты, когда же конецъ-то будетъ?..

— Конецъ?.. размѣялся Герасимъ. — Какой же конецъ? Я о семь обстоятельствѣ мыслями не раскидывалъ... А полагаю такъ, по правдѣ разсудить, что вотъ ты въ монастырь, Аринушка, уйдешь. Меня туда къ тебѣ не пустятъ, да и взять будетъ съ тебя нечего. Барышня, слышно, прочать за Геннадія Ивановича. Къ ней тоже никогда не сунешься. Братолюбцевъ-то—самъ засѣдатель въ Верхнемъ, самъ крючкотворъ судейскій. Такъ вотъ покедова ты не въ монастырь, да и покедова барышня только невѣста, такъ вотъ я и пользуюсь... А тамъ ужъ конецъ моей масляницѣ, придетъ чистый понедѣльникъ и зубы на полку. Такъ вотъ по то мѣсто, вы ужъ меня утѣшите, не прекословьте.

— Няня, выговорила Клѣна,—поди поскорѣе... Избавь меня отъ него... Видѣть его не могу... Поскорѣе!..

Арина Матвѣевна встала, зажгла свѣчу, вышла въ другую комнату и оттуда слышался ей голосъ и ворчашье.

— Сатана... Самъ сатана. Наказалъ насъ Господь.

Покуда няня была въ другой комнатѣ, Клѣна оперлась на столъ руками и отвернулась, чтобы не видѣть фигуры богатыря, которая производила на нее гнетущее впечатлѣніе.

Скоруходъ стоялъ, какъ истуканъ, не двигаясь, на томъ-же мѣстѣ, и переводилъ глаза съ барышни на дверь растворенную въ другую горницу, гдѣ копошилась няня. Но вдругъ онъ произнесъ, хотя полупшепотомъ, но достаточно громко, чтобы Клѣна могла слышать:

— Спасибо замужъ выдаютъ. Бога молитесь! А то бы я не того востребовалъ! Все-бы у меня какъ по щучьему велѣнію исполнялось! Чего-бы я ни хотѣлъ. Все ты мнѣ вынь, да положи... Хотѣ-бы себя самою... Вотъ что, барышня!.. А есть во мнѣ христіанство... Другой-бы не то. Другой-бы васъ въ три погубилъ согнулъ.

— Молчи! воскликнула Клѣна.—Не смѣй!..

Голосъ дѣвушки оборвался отъ избытка негодованія и гнѣва.

— Я вѣрно сказываю.

— Молчи!.. громче вскрикнула Клѣна, ступила на два шага къ скоруходу и прибавила: — Только слово еще одно... я опрометью брошусь внизъ къ дѣдушкѣ и все раскажу.

И видно въ звукѣ этихъ словъ и во всей позѣ дѣвушки, Герасимъ увидѣлъ такую рѣшительность, такой порывъ, что предпочелъ повиноваться и замолчалъ. Но въ ту-же минуту на голосъ своего дитятки выскочила Арина Матвѣевна съ узломъ въ рукахъ и вымолвила:

— Что еще?.. Что такое?..

Клѣна махнула рукой, отошла, сѣла снова на свое мѣсто и понурилась. Арина Матвѣевна швырнула узелъ на полъ къ ногамъ Герасима и прибавила:

— Тащи, хамово отродье!

— Зачѣмъ! такъ мы не согласны, проговорилъ Герасимъ.—Въ послѣдній разъ ты меня, Аринушка, поддѣла ловко, одного тряпья всякаго наклавши. А я, вотъ, теперь прежде освидѣтельствую что тутъ.

Герасимъ нагнулся на полъ, взявъ узелъ, развязалъ его, повытаскалъ оттуда разную мелочь, бѣлье, одно женское платье, какой-то цвѣтной шелковый платокъ, и, сѣдя на полу на корточкахъ, проговорилъ, обращаясь къ нянѣ:

— Нѣтъ, Аринушка. Няньѣ дешево не купишь. Мы дороже стали. Принеси-тко ты мнѣ платьице шелковое. У васъ вѣдь, поди, ихъ заготовлено не мало.

— Что?!.. воскликнула няня.

— Такъ, такъ говорю... Тащи скорѣе, а то до ночи не кончимъ разговоръ. Давай самое лучшее изъ шел-

ковыхъ и съ фалборами, да съ бахромами, чтобы мнѣ за него рублей десять отсчитали... А то вишь наклала дряннѣ всякой... Ну, ну... живо!

Арина Матвѣевна стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Герасима и тряслась всѣмъ тѣломъ; злоба душила ее.

— Не ортачься, Аринушка. Чего окрысилась... Со злости, смотри, лопнетъ у тебя что внутри. Тащи ты скорѣе платьице хорошенькое, да еще парочку шелковыхъ платочковъ въ придачу. Вотъ тогда общаю и тебѣ—цѣлыхъ двѣ недѣли не понавѣдуюсь. Слышишь-ли? Цѣлыхъ двѣ недѣли не увидишь ты меня здѣсь.

Арина быстро, уже безъ свѣчи бросилась въ соседнюю горницу, какъ-бы видѣ себя, и черезъ мгновение стукнула крышкой сундука. Также порывисто, почти выскочила она назадъ и швырнула въ голову скорохода голубое шелковое платье, обшитое кружевами.

— Вотъ хорошо! Только ты напрасно все швырнешься.

Герасимъ сложилъ платье, сталъ завязывать узелъ, по вдругъ прибавилъ:

— А парочку платочковъ-то позабыла?

— Ну! грозно крикнула Арина Матвѣевна.

— Парочку, говорю, платочковъ.

— Ну!! на весь домъ заорала Арина Матвѣевна, какъ-бы теряя сознаніе и, бросившись кошкой на все еще сидѣвшаго на полу передъ узломъ богатыря, она вцѣпилась ему въ волосы.

Клѣна вскочила, бросилась къ нянѣ съ криками, но въ это время богатырь сильнымъ ударомъ кулака отиниоъ отъ себя женщину. Она упала на полъ и Герасимъ быстро вышелъ. Няня вскочила съ пола, кинулась влѣдъ за нимъ, напала его на лѣстницѣ и спова съ крикомъ и визгомъ схватила его за волосы. И снова богатырь махнулъ ударомъ кулака въ грудь отбилъ отъ себя, какъ ребенка, плотную и сильную женщину.

Но за то на ее отчаянный крикъ поднялся на ноги весь домъ, и все праздное население прибѣжало на лѣстницу.

Герасимъ обозлился, и, вмѣсто того чтобы спускаться, бросился вверхъ, къ горницѣ Клѣны.

— Чортъ этакій! проговорилъ онъ.—Куда теперь съ узломъ-то!

И круто повернувъ отъ дверей горницы барышни, богатырь бросился къ дверкѣ, выходившей на чердакъ, и скрылся за нею. Арина Матвѣевна лежала на лѣстницѣ. Ударъ въ грудь ею полученный былъ такъ силенъ, что она не могла стать на ноги, тяжело дышала и стонала.

Сбѣжавшаяся дворня поднялась по лѣстницѣ, обступила няню съ разспросами. Были нѣкоторые голоса, спрашивавшіе не привидѣлись-ли ей опять покойница или покойникъ, но Арина Матвѣевна, охалъ, отвѣчала одной только жестокайшею бранью на все и на всѣхъ. Проклинала весь міръ Божій.

— Уходите всѣ къ дьяволу! повторяла она.—И съ чего вы прилѣзли, черти?.. Что вамъ нужно? Ничего у меня не болитъ... Просто оступилась, да и упала... Уйдите всѣ къ дьяволу, хамово отродье!

На голосъ барыни снизу: „въ чемъ дѣло и что случилось“, няня отвѣтила вполголоса:

— Ишь дозоромъ ходитъ, лѣшій.

Черезъ нѣсколько минутъ мамка поднялась на ноги, вернулась въ горницу Клѣны, а люди разошлись по дому, удивляясь до чего можетъ человѣкъ измѣниться. „Была такая привѣтливая, да добрая Арина Матвѣевна, а стала совсѣмъ злыденъ. Грызется, ни къ селу, ни къ городу, со всѣми. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ монастырь собирается, инокиней хочетъ быть“.

VII.

Марья Евграфовна была права, когда сказывала, что

въ домѣ у нихъ происходятъ чудеса въ рѣшетѣ. Каждый день приносятъ новый сюрпризъ.

Вскорѣ послѣ того дня, когда дикіе крики не перепуганной, а лишь оступившейся на лѣстницѣ и упавшей няни подпяли на ноги весь домъ, одинъ изъ домочадцевъ, отличавшійся прежде примѣрнымъ поведениемъ за нѣскольکو лѣтъ, явился откуда-то пьянымъ, исколотилъ двухъ человекъ, избилъ барскую барыню, а затѣмъ громко на дворѣ и въ людской кричалъ:

— Наплевать мнѣ на всѣхъ: и на барина, и на барыню. А барышня мнѣ все равно, что щенокъ дворной. И про всѣхъ я знаю такое дѣло, что скажи я только одно слово начальству—всѣ они въ Сибири будутъ.

Такъ оралъ громко въ пьяномъ видѣ скороходъ Герасимъ Морковниковъ. Все это уже пришлось довести до свѣдѣнія Марьи Евграфовны.

На другое утро, проспавшись, онъ кланялся въ ноги барынѣ, прося не доводить до свѣдѣнія барина ничего, и отказывался отъ своихъ словъ, говоря, что такой безсмыслицы и чепухи онъ не могъ говорить.

Марья Евграфовна простила, обѣщала ни слова не говорить бригадиру и запретила другимъ докладывать о буйствѣ. Но такъ какъ она не повѣрила ему, а вѣрила людямъ, то слова скорохода смутили ее.

— И дѣло это, матушка-барыня, несообразное. Я вотъ крѣпостной холопъ, и что-же такое я могу знать, за что вы въ Сибирь можете идти. Все это на меня со злобы наптели.

„Малый не глупый“, думала она. „А у пьянаго, что па умѣ, то и на языкѣ... Что-же это значить? Просто чудеса!“

Вслѣдъ за Герасимомъ явилась няня Арипа Матвѣевна и тоже повалилась въ ноги, молила, чтобы ей позволили, не медля ни мало, хоть завтра постричься въ монастырь.

— Не терпится, матушка-барыня, поскорѣ душеньку свою спасать.

— Да почему-же спѣхъ такой? Не такое это дѣло...

— Нѣтъ, матушка... Ради Создателя дозволю... Или я завтра поутру пойду къ игуменію Вознесенскаго монастыря, или въ Москву-рѣку топиться.

— Господь съ тобой, няня... Съ тѣхъ поръ, что свѣтъ стоитъ, такого не видано, чтобы человекъ такъ думалъ и разсуждалъ: либо монастырь, либо рѣка. Ты послушай меня: коли твое состояніе души находится въ этомъ смутномъ видѣ, что ты думаешь объ утопленіи — то тебѣ въ монастырь не подобаешь. Если-же ты хочешь богоугодною жизнью заслужить на томъ свѣтѣ — то какъ-же можешь ты въ то-же время думать о грѣхонпомъ погубленіи себя?

Марья Евграфовна, давно уже за послѣднее время не говорившая своихъ проповѣдей и никого не отчитывавшая, принялась теперь съ особеннымъ удовольствіемъ отчитывать няню, на тему постриженія и утопленія.

Арипа Матвѣевна смиренно выслушала все. Изрѣдка лицо ея выражало внутреннюю кипучую злобу отъ пертерпѣнія или отъ чего другаго. Но въ концѣ концовъ Толбухина всетаки обѣщала, что на утро Арипу Матвѣевну отпустить въ монастырь и можетъ она постригаться, хотя-бы немедленно.

„Удивительное дѣло!“ думала оставшись одна Марья Евграфовна. „Стала жепщина совсѣмъ ехидная, и лицо и глаза злые, и припадки какіе-то пошли. Тотъ разъ на лѣстницѣ орала, валилась на ступенькахъ точно бѣснующаяся... И впрямь будто въ нее нечистая влѣзла и она бѣсомъ одержима... Авось ее монастырская жизнь исправитъ!“

Наконецъ черезъ день было новое удивительное явленіе въ домѣ.

Послѣ стола, за которымъ вчучка все молчала, но видимо волновалась, она заявила бригадиру и Толбу-

хиной, что хочетъ съ ними поговорить объ важномъ дѣлѣ.

Толбухина хотѣла было отложить объясненіе до назначеннаго для бесѣды часа, но Клѣна настаивала объясниться тотчасъ-же, и бригадиръ удивляясь вымолвилъ:

— Вѣстимое дѣло. Сейчасъ пойдемъ ко мнѣ и говори что хочешь. Это Марья Евграфовна завела распорядокъ по часамъ, когда говорить, когда молчать, когда думать... Удивительно, матушка-сестрица, какъ это нѣтъ у васъ еще опредѣленнаго часа сморкаться или иное что дѣлать.

И выйдя изъ-за стола, всѣ трое отправились въ кабинетъ бригадира.

И здѣсь, при первыхъ словахъ волновавшейся, то краснѣвшей, то блѣднѣвшей дѣвушки, Марья Евграфовна всплеснула руками, а бригадиръ ахнулъ и оторопѣлъ.

Клѣна заявила о своемъ желаніи тоже постричься въ монастырь вмѣстѣ съ няней. Жизнь ей была постыла, говорила, единственный человекъ, котораго она любила и за котораго собиралась выходить замужъ, погибъ, и жизнь ея слишкомъ стала тягостна. Единственное спасеніе—монастырь.

Бригадиръ заволновался такъ, какъ давно съ нимъ не бывало. Глаза его стали влажны, какъ если-бы слезы прошибли его; голосъ его уналь, сталъ какой-то дряблый и хрипловый, чувство сказывалось въ каждомъ словѣ, которое онъ произнесилъ. Уговаривая внучку, успокоивая ее, бригадиръ взялъ ее за руки, нагнулся, поцѣловалъ въ лобъ и вдругъ выговорилъ:

— Дѣлай что хочешь... Иди куда пожелаешь. По коли ты оробѣла, что я тебя прочу за Геннадія Ивановича, то Богъ съ тобой... Этого не будетъ... Не бойся что я тебя неволить стану! Выбирай кого хочешь. Кого полюбишь, за того и пойдешь. Я слова не скажу противнаго.

Клѣна удивилась и голосу, и виду, и словамъ дѣдушки. Все это схватило ее за сердце, тронуло до глубины души, и она порывисто припала къ рукамъ бригадира и стала цѣловать ихъ. Но черезъ минуту она изумила и его, и бабушку.

— Нѣтъ, вы не такъ поняли меня. Я не отъ того прошусь въ монастырь, что не хочу идти за Геннадія Ивановича. Если онъ согласится, то я не пойду въ монастырь, а за него съ охотой пойду.

И дѣдъ и бабушка ахнули вмѣстѣ.

— Да, продолжала Клѣна. — Я пойду за него хоть сейчасъ, и Богъ дастъ, коли онъ будетъ со мною ласковъ, мы не будемъ несчастливы. Что-жь? Онъ человекъ добрый, я не боюсь... Но только одинъ уговоръ, дѣдушка: дозвольте мнѣ съ Геннадіемъ Ивановичемъ побесѣдовать глазъ-на-глазъ. Есть у меня... Но нѣтъ духу у меня вамъ сказать... Есть у меня что ему сказать, чего бы я вамъ не желала сказать. Дозвольте мнѣ съ нимъ объясниться. Если онъ послѣ этого захочетъ вѣнчаться со мной—то я буду рада. И тогда объ монастырѣ и думать забуду.

Разумѣется, бригадиръ съ радостью согласился на такого рода предложеніе. Но тотчасъ же, подумавъ, поневолѣ онъ изумился той доли загадочности, которая была въ этомъ поведеніи и въ словахъ внучки.

На его разспросы Клѣна отвѣчала уклончиво или отзывалась прямо:

Нѣтъ, не скажу. Что вамъ за дѣло! Мы съ Геннадіемъ Ивановичемъ всю жизнь вмѣстѣ проживемъ... Ему я и скажу это, ему и поясню.

Наступило молчаніе, послѣ котораго бригадиръ, нѣскольکو озадаченный, отпустилъ внучку, но уже глядѣлъ на нее изподлобья, а не съ прежнимъ чувствомъ и волненіемъ. Марья Евграфовна развела руками и снова повторила вполголоса.

— Чудеса въ рѣшетѣ! Какъ есть чудеса!

Зима. Рис. Ст. Рейхарт, грав. Тирія.

— А рѣшето оное—поганое! глухо добавилъ бригадирь.

Толбухина не поняла и уставилась на брата своего.

— Вы сказываєте: чудеса въ рѣшетѣ... Ну, я добавляю, что рѣшето это поганое... Сдается мнѣ... Ну, да что толковать! Лучше молчать!

И бригадирь отчаянно махнулъ рукой.

VIII.

Когда Клѣна вернулась отъ дѣда къ себѣ на вышку и объяснила своей нянѣ, что вскорѣ, быть можетъ даже на утро, у нея будетъ съ Геннадіемъ Ивановичемъ объясненіе, то Арина Матвѣевна вздохнула и вымолвила:

— Какъ же, дитятко мое? За что же ты меня-то губишь? Зачѣмъ ты сказала? Уговоръ былъ у насъ, что ты объявишься, когда я буду монахиня, а теперь завтра же пріѣдетъ Геннадій Ивановичъ, объяснишь ты ему все, схватятся за меня, а я еще не монахиня... И быть мнѣ въ Сибири, вмѣсто монастыря.

— Нѣтъ, милая. Не можетъ этого быть. Онъ добрый... Посмотри, что онъ ничего не скажетъ. Онъ даже, вѣроятно, поможетъ намъ, какъ все дѣло обдѣлать, чтобы ни дѣдушка, ни бабушка ничего не узнали... Онъ добрый. А ты все-таки завтра утромъ ступай, разузнай когда тебѣ постригаться. Можетъ оно тотчасъ-же совершится, а я подожду сутки объясняться съ Геннадіемъ Ивановичемъ, скажусь хворою.

На утро Арина Матвѣевна встала, одѣлась, подошла къ кровати Клѣны и, чтобы не разбудить ее, стала цѣловать край одѣяла, который свисъ къ полу. Но затѣмъ няня не выдержала, начала плакать, всхлипывать, а черезъ минуту неудержимыя рыданія огласили горницу и разбудили дѣвушку.

Въ просонкахъ Клѣна вскочила, сѣла на кровати и выговорила испуганно:

— Что?... Что такое?... Что случилось?..

— Ничего, дитятко мое, черезъ силу произнесла няня,— проститься хотѣла, не хотѣла будить тебя, да вотъ разревѣлась!.. Прощай! Я уже не вернусь... Я останусь въ монастырѣ. Можетъ завтра и постригутъ. Я не дворняжка какая... церемоній-то никакихъ не будетъ. Долго-ли нашу сестру холодку постричь да шапку нахлобучить... Прощай, дитятко!

Клѣна бросилась на шею няни и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ обѣ молча плакали, цѣловались и опять плакали.

— За что же это насъ Богъ наказалъ? произнесла только полупрошею Клѣна.— Чѣмъ мы виноваты были!

Арина Матвѣевна почти вырвалась изъ объятій своего дитятки, почти бѣгомъ спустилась внизъ, вышла на крыльцо, и быстрыми шагами направилась къ Никитскимъ воротамъ.

Няня болѣе не возвращалась въ этотъ день, и Клѣнѣ было понятно, что игуменья приняла Аришу, оставила въ монастырѣ, а вскорѣ надо ждать и постриженья.

Дѣйствительно, черезъ два дня послушница изъ монастыря пришла на дворъ бригадира, чтобы передать барышнѣ порученіе отъ ея няни.

Арина Матвѣевна, съ дозволенія матери игуменья, просила свое дитятко прибыть на утро въ монастырь, чтобы присутствовать при ея постриженіи.

Въ тотъ же день пріѣхалъ въ домъ Братолюбцевъ, собирався побесѣдовать съ Клеопатрой Артемьевой. Клѣна вышла къ нему, но отказалась отъ объясненія подъ предлогомъ того, что ей нездоровится, не по себѣ и мысли ея заняты постриженіемъ няни. Причина была вполне уважительная. Братолюбцевъ, разумеется, сіялъ отъ счастья, узнавъ о бесѣдѣ Клѣны съ дѣдомъ.

— Вы сами, сударушка моя дорогая, пожелали со мной перетолковать, сказалъ Геннадій Ивановичъ,— оттого я и явился. А когда вы соизволите—тогда мы ж побесѣдуемъ... Это ваше дѣло, а не мое... Да и

вообще говоря, знайте, сударушка моя, что всякое ваше желаніе для меня приказаніе. Не думайте, что я не понимаю вашихъ чувствъ... Вѣдь я не стою васъ. И первымъ дѣломъ почту себя обязаннымъ заслужить вашу любовь и изъ постылага сдѣлаться, если возможно, коли не милымъ, то хотя-бы не совсѣмъ отвратнымъ для васъ... Вотъ моя задача будетъ... Такъ съ нынѣшняго дня, красавица моя, извольте приказывать. Желаете бесѣдовать въ другой день—отложимъ. Когда прикажете—тогда и явлюсь.

— Какъ няню постригутъ, я успокоюсь, такъ мы съ вами и побесѣдуемъ, заявила Клѣна.

— Извольте, моя красавица.

Въ монастырѣ, при обрядѣ постриженія своей мамы, Клѣна не только сама плакала навзрыдь на всю церковь, но своимъ впѣшнимъ видомъ заставила расплакаться и многихъ монахинь.

Игуменья, умная женщина, дальновидная, слышавшая о бригадирѣ и его домочадцахъ, знавшая исторію страннаго исчезновенія молодого офицера, смутно чуяла теперь, что у этой няни, собравшейся въ монастырь, и у этой дѣвушки, помимо гори, есть еще что-то затаенное, загадочное.

Клѣна вернулась домой совершенно разбитая и надломленная и физически, и нравственно. Она тотчасъ же легла въ постель, но потомъ, при звукахъ чьихъ-то шаговъ на лѣстницѣ, вздрогнула, вскочила и, бросившись къ дверямъ, заперлась на ключъ. Потомъ она прислушалась, къ ея двери подошелъ кто-то и кашлянулъ, затѣмъ взялся за замокъ и хотѣлъ отворить. При видѣ запертой двери, стоявшей за нею, какъ почудилось Клѣнѣ, разсмѣялся. Ей послышались слова: „ишь ты, пряткая“. Затѣмъ ужъ она ясно услышала слова, сказанныя вполголоса:

— Барышня, отворите... Это я. Дѣльце есть... Барышня!

Это былъ голосъ скорохода.

Клѣна съ гнѣвнымъ лицомъ отошла отъ двери къ кровати, легла и произнесла злобно:

— Нѣтъ, сатана. Теперь моя дверь будетъ всегда заперта. Черезъ недѣли двѣ я буду тоже въ монастырѣ, либо буду женою судейскаго человѣка, къ которому ты не полѣзешь.

Все это Клѣна не подумала про себя, а прошептала.

Въ то же время ручка двери продолжала шевелиться и слова вполголоса повторялись громче:

— Барышня, жалѣть будете. Не артачьтесь... Отворите... Сейчасъ уйду, только дѣльце малое.

Но Клѣна, лежа на спишѣ, заложивъ руки подъ голову, съ сухимъ и румянымъ отъ гнѣва лицомъ, не только не двигалась, но даже не шевелила глазами.

Черезъ нѣсколько минутъ снова послышались шаги на лѣстницѣ. Герасимъ ушелъ.

Въ тотъ же день Клѣна объявила дѣду, что желала бы тотчасъ безотлагательно поговорить съ Геннадіемъ Ивановичемъ.

Бригадирь послалъ карету за другомъ, но самъ тоже торопился и какъ-то смущался. Ему очень хотѣлось, чтобы объясненіе внучки съ другомъ произошло какъ можно скорѣе, чтобы разгадать скорѣе загадку и узнать въ чемъ дѣло.

Всю прошлую ночь бригадиръ проспалъ плохо, чего давно не бывало съ нимъ. Внучка не выходила у него изъ головы, и если-бы Клѣна и ея няня знали, что подозрѣвалъ бригадиръ, чѣмъ смущался, чѣмъ сокрушался—то няня и дѣвушка удивились бы, а няня несказанно оскорбилась бы.

Къ досадѣ бригадира, карета вернулась назадъ, и гайдукъ доложилъ, что Геннадія Ивановича нѣтъ дома и гдѣ онъ въ гостяхъ—невѣдомо. А писуля барина была оставлена у него на квартирѣ.

Въ тотъ же вечеръ Клѣна умоляла бабушку позво-

лить ей спать около пая, въ сосѣдней горниці внизу, чтобы не быть ночью одной на вышкѣ.

Марья Евграфовна вспомнила исторію о привидѣніяхъ и согласилась тотчасъ же.

— Да переходи совѣмъ. Что-жъ тебѣ тамъ одной... Меся не стѣпишь. Возьми себѣ маленькую горницу, да и переѣзжай въ нее. Кое-что оставь наверху, а что понуживе съ собой возьми. А днемъ гдѣ хочешь сиди... И внизу, и наверху у себя.

Клѣнѣ именно такъ и хотѣлось устроиться: она радостно поблагодарила бабушку и въ ту же минуту, при помощи нѣсколькихъ горничныхъ, перенесла кое-что сверху внизъ, а затѣмъ люди спустили по лѣстницѣ ея кровать и кое-что изъ мебели.

— Опасается навожденья! шептались люди.

Ложась спать въ горницѣ, рядомъ съ бабушкой, Клѣна оглядѣлась, тяжело вздохнула и горько улыбнулась.

— Вотъ какъ бываетъ. прошептала она. — Было время, радовалась я обстоятельству, что живу наверху отдѣльно, а теперь рада, что здѣсь внизу. И будь я спервоначала здѣсь—не случилось-бы ничего. Можетъ даже и все бы иначе потрафилось. И дѣдушка бы свое согласіе далъ. И Коли бѣдный не погибъ-бы такъ страшно... Господи, какъ страшно! Закроешь глаза и видишь его!

IX.

На слѣдующій день, еще до полудня пріѣхалъ Геннадій Ивановичъ, а черезъ нѣсколько минутъ засѣдатель земскаго суда и красавица-дѣвушка сидѣли глазъ-па-глазъ и бесѣдовали. Бесѣда эта продолжалась недолго.

Клѣна спросила у Геннадія Ивановича, согласенъ ли онъ съ нею вѣнчаться, но не на Красной Горкѣ, до которой еще далеко, а сейчасъ, какъ можно скорѣе.

Геннадій Ивановичъ изумился, развелъ руками и отвѣчалъ:

— Если Никита Артемьевичъ будетъ согласенъ, такъ по мнѣ хоть завтра же. Но только, сударушка моя, зачѣмъ же такой спѣхъ? Будь я молодецъ да красавецъ, будь я каковъ когда-то былъ, тому дѣтъ съ тридцать—такъ я бы понялъ поспѣшность вашу. Простекала бы она отъ чувствій вашихъ. А теперь, воля твоя, красавица моя, не пойму я, зачѣмъ вамъ такой спѣхъ?

— Такъ мнѣ хочется. Причина есть, но простая, какой не стоить вамъ и говорить. Но это, Геннадій Ивановичъ, мое первое условіе, а иначе позвольте ужъ лучше и я постригуся.

— Зачѣмъ дѣло стало? Извольте. Пойдемъ къ другу моему, объяснимъ все и хоть черезъ недѣлю вѣнчаться.

— Даже скорѣе, вымолвила Клѣна.

— Ну и скорѣе... немпожко прежде. Я радъ говорю, хоть сейчасъ въ храмъ.

— Теперь второй уговоръ, Геннадій Ивановичъ... И этотъ-то самый мудреный и есть. Я бы и говорить не стала, но знаю что вы добрѣйшей души человѣкъ, вамъ можно сказать... Вы меня спасете... И меня, и няню. Скажите, захотите-ли вы меня и няню мою погубить или спасти?

— Какъ же, конечно... Что вы... Не пойму я... Конечно... Да въ толкъ я не возьму!.. произнесъ, разводя руками и даже вытаращивъ глаза, Братолюбецъ.

— Я буду молить васъ, чтобы вы, по добротѣ души своей, пошли со мной вмѣстѣ въ обманъ. Намъ надо обмануть дѣдушку и бабушку. Хоть и грѣхъ это, а надо, надо!

— Да какъ? Что вы... Да вы поясните... А то я совсѣмъ опѣшилъ, растерянно произнесъ Братолюбецъ.

И дѣйствительно, 60-ти-лѣтній балагуръ и „пустозвонъ“, какъ называла его Марья Евграфовна, совершенно растерялся. Ему тоже ужъ начинало мерещиться Богъ знаетъ что. И такъ уже онъ за послѣднее время взиралъ на Клѣну, какъ на дѣвицу отчасти сомнительную. Много въ ней чего-то непонятнаго. Даже немпожко

какъ будто страшно на такой жениться. А тутъ при-мѣшалось еще и объясненіе по ея вызову. Теперь же прямо дѣвушка говорить, что нужно ее спасти отъ бѣды и нужно обманывать бригадира и Толбухину.

— Да вы поясните, красавица моя. Меня даже страхъ пробирать начинается. Можетъ такое дѣло непокладное, что я ничего не могу. Говорите же. Что же?! Грѣхъ что-ли съ вами какой былъ? Съ вашимъ прежнимъ предметомъ произошло что-нибудь?.. Ну тотъ, что пропалъ безъ вѣсти, или убиенъ... Съ нимъ что-ли какой грѣхъ? Такъ вы, сударыня моя, извольте знать, что есть на свѣтѣ такія обстоятельства, конхъ честной человѣкъ распутать не въ состояніи. И радъ бы, да дворянство ему помѣхой.

Клѣна изумленнымъ взглядомъ поглядѣла въ лицо Братолюбцева и произнесла въ свою очередь:

— Что вы? Мнѣ невдомекъ о чемъ вы изволите говорить. Оставьте его... Царство ему небесное... И зачѣмъ о немъ поминать!.. Тутъ объ янѣ дѣло, да обо мнѣ.

— Такъ говорите, говорите!.. нетерпѣливо воскликнула Братолюбцевъ.—А то путаемся только. Говорите!.. И на кострѣ сажу...

— Вамъ вѣдомо. Геннадій Ивановичъ, что съ тѣхъ поръ какъ я пришла въ домъ къ дѣдункѣ, онъ сталъ готовить мнѣ, по обычаю, приданое. Этого приданаго уже накопилось много сундуковъ всякихъ платьевъ, да бѣлья, да накидокъ, только два сундука еще пустыя и ихъ теперь собираются наполнить. Знаете-ли вы это?

— Слышала. Такъ что-же? Что же вы про тряпье-то заговорили?

— Знаете, такъ слушайте. Сундуки эти—мое приданое. Вы поставите дѣдункѣ условіемъ, что выставить приданаго въ день вѣнчанія или загодя, какъ всегда бываетъ, не будутъ, что вы сего не желаете. Да это стало выводиться у именитыхъ дворянъ, одни купцы да мѣщане раскладываютъ всякіе чепцы да юбки по всѣмъ горницамъ. Вы скажите дѣдункѣ, что возьмете сами сундуки и такъ запертыми и увезете къ себѣ. А людей пришлете за ними своихъ и накажете имъ крѣпко-накрѣпко снести по лѣстницѣ сундуки, не удивляться, не ахать и, увозя, ни слова не говорить никому.

Братолюбцевъ снова развелъ руками и выговорилъ:

— Дѣло простое и исполнимое, а вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ загадку. И глупое дѣло, и тревожное дѣло... Вы какъ себя чувствуете? Головка у васъ не болитъ?

— Нѣтъ. Что вы?

— Какъ вы себя чувствуете? Вы все тревожились, плакали, да убивались... Можетъ и хвораете малость?

— Нѣтъ, немпожко голова болитъ... такъ нездоровится.

А между тѣмъ Братолюбцевъ думалъ про себя: „Создатель мой! Не снятила-ли она отъ гореванія, да спитивши-то, свихнувшись-то и собирается за меня замужъ поскорѣй да поскорѣй“.

— А коли все слава Богу, заговорилъ онъ вслухъ.— такъ вы поясните мнѣ, разгадайте мнѣ загадку. Что же это за приключеніе съ сундуками? Почему же не вскрывать ихъ? Да своихъ людей посылать, чтобы увозить.

Клѣна потупилась и произнесла тихо:

— Я вамъ все скажу и эту загадку разгадаю... Но дайте мнѣ ваше дворянское слово, что въ случаѣ вашего несогласія, вы ничего не скажете дѣдункѣ и не будете губить мою няню.

— Вѣстимо, вѣстимо... но зачѣмъ несогласіе... Дѣло простое, только загадками, непонятное...

— Такъ слушайте, Геннадій Ивановичъ: въ этихъ сундукахъ приданаго нѣтъ и половины, больше половины разворовано.

— Какъ то-ись это?!

— Такъ, половины нѣтъ. Самыхъ дорогихъ платьевъ шелковыхъ нѣтъ, шубки нѣтъ, платковъ шелковыхъ нѣтъ... Говорю я вамъ, разворовано все.

Союзники въ Мерзбургъ (1813 г.). (Съ карт. проф. Виллевалде, грав. Балингъ.)

Петербургские типы. На службу. По эскизу А. Билдеринга, грав. Шюблеръ

— Да къмъ же?

Клѣна собралась отвѣтить, но голосъ у нея оборвался, она замолчала, потомъ снова собралась говорить, по какъ-то зашупалась. Послѣ мгновеннаго молчанія она опять хотѣла сказать, но слово опять осталось на языкѣ... Видно было, что произнести это слово было ей невозможно.

— Что же?... Какъ же это?... Кто же вороваль-то все?

— Няня... глухо произнесла Клѣна.

И въ ту минуту когда Братолюбцевъ съ пренебреженьемъ пожать плечами, Клѣна вдругъ отчаянно зарыдала.

— Голубушка моя, сударушка, красавица ты моя, стыдно-ста, да и грѣхъ объ трыньѣ плакать!.. Мы сто другихъ платяевъ нашьемъ... А что няня согрѣшила противъ васъ — такъ Богъ съ пей. Она васъ выходила, сколько ночей небось не спала надъ вами... Ну, вотъ и попользовалась теперь. Богъ съ ней. Не жалѣйте.

Отъ этихъ словъ и увѣщаній Братолюбцева, молодая дѣвушка зарыдала еще сильнѣе, но болѣе уже не вымолвила ни слова.

— Такъ вотъ и все ваше объясненіе... произнесъ наконецъ Братолюбцевъ.

— Да, да, черезъ силу выговорила Клѣна.

— Все?!

— Все.

— Какъ есть таки все? Больше ничего? приставалъ уже удивляясь Братолюбцевъ.

— Какъ есть все.

— Ей Богу?

— Ей Богу же. Чтѣ же вы?... Почему же не вѣрите?... Больше ничего, да поскорѣ свадьбу. Не губите пяню. Она хоть и монахиня, судить ее поздно теперь, да все-таки, не говорите ничего дѣдушкѣ.

— И это все, красавица моя? повторилъ Братолюбцевъ, взявъ за руку дѣвушку.

— Да все же, все.

— Ахъ я... Создатель мой!.. Ахъ я телятина!.. Ахъ я свинья этакая!.. Простите вы меня?

И Геннадій Ивановичъ, совсѣмъ спутавшись въ своихъ мысляхъ, вдругъ бухнулся на колѣни передъ молодой дѣвушкой, поцѣловалъ ея руку, а потомъ, захвативъ край ея платья, сталъ цѣловать какую-то оборку. Послѣ этого онъ выпрямился, сталъ на ноги и произнесъ, почти прокричавъ:

— Такая свинья, какихъ нѣтъ на свѣтѣ... А есть еще другая свинья — это вашъ дѣдушка.

Но вдругъ Братолюбцевъ спохватился и прибавилъ:

— Простите, глупости я говорю... Не годится такъ...

И дѣдушка-то вашъ, старый филинъ, придумалъ чтѣ... Такъ будь по вашему, сударыня моя... Прикажу людей моихъ прислать за вашими сундуками, прикажу, чтобы подлецы всю дорогу охали какъ тяжело нести имъ. Будъ сундуки совсѣмъ пустые, я прикажу людямъ дѣлать видъ и сказывать, что они самое тяжелое тащатъ и увозятъ... Ну, простите. Я побѣгу къ Никитѣ Артемьевичу, да и вы идите поскорѣ. Надо ему пояснить, что я на всѣ ваши уговоры согласенъ и свадьбу поскорѣ строить.

И не дождавшись отвѣта, Братолюбцевъ выбѣжалъ изъ горницы, а Клѣна съ грустнымъ лицомъ и со смутнымъ страхомъ на душѣ отъ своего роковаго рѣшенія, опустила голову, закрыла лицо руками и погрузилась въ верадостную думу.

И долго просидѣла она такъ, не сознавая гдѣ она и не слыша ничего, какъ бы въ дремотѣ.

„Невѣста?! Я—невѣста!.. И чья?..“ думалось ей. „Я счастлива должна быть, что хоть старый меня беретъ за себя. Господи! Да за чтѣ же все это такъ обернулось!..“

X.

— Хорошъ мой бригадиръ! А я еще того лучше!

Козлятина ослитину пригласила огородъ городить! шептала Братолюбцевъ на ходу.

Геннадій Ивановичъ разумѣется ногъ подъ собой не слышалъ, сѣяющій и счастливый ворвался опъ вихремъ въ кабинетъ къ своему другу, и тотчасъ прежде всего началъ дружески, хотя и крѣпкими словами, ругать бригадира. Филисовъ тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло, понялъ что брань происходитъ, судя по лицу Братолюбцева, отъ хорошихъ вѣстей.

— Да ты поясни прежде, а потомъ ужъ ругайся, сказалъ опъ.

— Нѣтъ, брешешь, ваше высокородіе... Прежде я тебя отругаю какъ нельзя хуже, а потомъ и поясню.

Разумѣется, Братолюбцевъ передалъ все другу подробно и не скрывъ ничего.

То, чтѣ было для Клѣны страшною тайной и серьезно озадачило и смутило ея дѣда, объясненное теперь Братолюбцевымъ, заставило бригадира взять себя за голову и произнести:

— Слава Тебѣ Создателю! Правда твоя. Да, я дурачья порядочная. Не сообразилъ того, что иная дѣвочка изъ мухи слона сдѣлаеть, и этимъ-то слонемъ зря тебя и пугаетъ. А присмотришься, глядь крохотальная мушка... И самъ въ дуракахъ, да еще въ свиньяхъ очутишься.

— Ну, прости меня, Никита Артемьевичъ, меша ты такъ огорошилъ, что я при пей, при Клеопатрѣ Артемьевнѣ, и тебя и себя въ свиньи поставилъ.

— И хорошее дѣло... смѣлся отозвался бригадиръ.— Но какова же бестія нянька-то!.. Какова бестія! Вотъ вамъ и довѣренный человекъ.

— Нѣтъ, ужъ ты брось объ этомъ и не поминай, выговорилъ Братолюбцевъ серьезно. — Не даромъ я ей слово давалъ объ этомъ умолчаніи... И коли я этому слову измѣнилъ, то ради собственно мысли, внучку передъ тобой оправдать, чтобы ты звалъ, что все это муха, а не слонъ. А объ нянькѣ ты и заикаться не смѣй.

— Вѣстимо... Я такъ это сказываю. Все же она бестія воровка—и не будь она въ монастырѣ, я бы ее, грѣшный человекъ, раньше-ли, позже-ли поймалъ бы и засудилъ. А теперь она въ монастырѣ нуцай бестія спасается... Надо будетъ приданое новое дѣлать.

— Нѣтъ ужъ, предоставь это мнѣ. Мы сами поополнимъ сундуки, когда они у меня будутъ.

— А вѣдь хитрая каналья, прибавилъ Филисовъ. — Она изъ-за этого въ монастырь пошла, что ее въ монастырскомъ одѣянн въ судъ нельзя притянуть, игуменя не дастъ. Коли заополучила воровку, то скроетъ это, чтобы монастырь не срамить. Прехитрая каналья!

Затѣмъ друзья развеселились при мысли, что имъ надо будетъ вмѣстѣ обмануть Марью Евграфовну и ничего не говорить ей о томъ, что приданое, которымъ она такъ усердно занималась, все разворовано.

— Понесутъ сундуки твои молодцы, смѣялся бригадиръ,— будутъ охать отъ тяжести, а Марья-то Евграфовна будетъ сердцемъ радоваться сколько своей внучкѣ накроила да наншла...

Разумѣется, бригадиръ согласился съ радостью на условіе внучки какъ можно скорѣ назначить свадьбу, а теперь тотчасъ же сдѣлать вечеринку для объявленія о бракѣ внучки.

— Созову къ себѣ на стговоръ всю матушку Москву! воскликнулъ Никита Артемьевичъ.

И тотчасъ же былъ посланъ человекъ заявить приходскому священнику для совершенія обыска и оповѣщенія прихожанъ.

Со слѣдующаго же дня домъ бригадира какъ бы преобразился. Среди мирной, будничной, незатѣйливой жизни московскаго дворянства всякое семейное празднество: свадьба, крестины или чей-либо день рожденія, являлись поводомъ выдти всѣмъ домочадцамъ изъ обычной и скучной колѣн.

Утромъ Марья Евграфовна объявила барской барышнѣ, что скоро въ домѣ вечеръ, гости и „сговоръ“ барышни, а затѣмъ и свадьба. И весь домъ зашумѣлъ, все радовались и суетились, хотя радоваться было нечему, а суетиться и по давню.

Всякій изъ домочадцевъ бригадира понималъ, что барышня выходитъ замужъ при печальныхъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, потерявъ чуднымъ образомъ своего прежняго жениха и возлюбленнаго, а затѣмъ выходитъ замужъ за человѣка, который лѣтъ на сорокъ старше ея.

Геннадій Ивановичъ былъ бодръ и молодежавъ съ виду, брился по обычаю времени настолько часто и тщательно, что сѣдина не выступала на его лицѣ, полною и румяною; голова была всегда закрыта щегольскимъ напудреннымъ парикомъ; мундиръ былъ всегда какъ бы съ иголочки. Вообще 60-ти-лѣтній засѣдатель настолько занимался своей особой и франтиль, былъ настолько всегда подвиженъ и веселъ, что казался лѣтъ на двадцать моложе бригадира. Тѣмъ не менѣе одна его дружба, одинокашничество съ бариномъ Филисовымъ доказывали, что онъ самъ ужъ годится Кленѣ въ дѣдушки, а не въ мужья.

День свадьбы былъ уже назначенъ, и до него оставалось вѣскольکو дней.

Клена, повидавъ своего пареченнаго, просила его какъ можно скорѣй исполнить свое обѣщаніе, т. е. прислать за сундуками. При этомъ она передала Братолюбцеву ключи отъ сундуковъ, такъ какъ она опасалась, конечно, основательно, что Марья Евграфовна передъ отпускомъ приданнаго захочетъ провѣрить его.

Братолюбцевъ смѣясь взялъ связку ключей, смѣясь показалъ ихъ бригадиру и увезъ домой.

Черезъ два дня явились молодцы, дворовые Геннадія Ивановича, и должно быть былъ имъ какой приказъ отъ барина, потому что они чудно ухмылялись. Когда кто-то изъ людей бригадира вызвался помогать сносить сундуки по лѣстницѣ, то главный камердинеръ Братолюбцева объяснилъ, что ни подъ какимъ видомъ онъ его не допуститъ: баринъ приказалъ все сундуки имъ самимъ сносить по лѣстницѣ на телѣги, не безпокою никого изъ дворовыхъ бригадирскаго дома.

Люди Братолюбцева исполнили приказаніе свято. Сундука два снесли они по лѣстницѣ, переглядываясь между собою, и одинъ изъ нихъ вымолвилъ вполголоса:

— Ну, не очень-то пусто.

Но затѣмъ, когда пришлось нести и спускать еще три сундука, то между молодцами пошелъ смѣхъ, говоръ и прибаутки.

— Руки обломаешь, шутилъ одинъ.

— Ой, ой! Спина трещитъ, приговаривалъ другой.

— Тихе, тихе, вы!.. Вырвется изъ рукъ убьетъ до смерти, прибавлялъ смѣясь третій.

Клена, присутствовавшая при томъ какъ спосили сундуки, вѣскольکو оживилась: лицо ея было веселѣе; она видѣла, что обѣщаніе Братолюбцева исполняется вѣрно. Онъ помогалъ ей спасти честь дорогой Ариши, единственнаго человѣка на свѣтѣ, котораго она теперь любила всей душой.

Клевета, возведенная ею на няню, оставалась клеветой только по отношенію къ самому Братолюбцеву. Кромѣ него, никто ничего не зналъ и не считалъ ея Арипу Матвѣеву воровкой.

Когда сундуки увезли изъ дома, Клена, почти счастливая, насколько она могла быть въ ужасныхъ обстоятельствахъ ея жизни, вернулась въ свою горницу внизу около стальной Марьи Евграфовны и подумала:

„Сегодня же отправлюсь въ монастырь сказать пачѣ, что все слава Богу“.

За все это время былъ въ домѣ одинъ человѣкъ, который не радовался будущему замужеству барышни,

ходилъ не въ духѣ, озабоченный, ворчалъ и бранился, и часто говорилъ самъ себѣ:

— Надо поспѣшить. Одинъ хорошій кушъ сорву и чортъ съ ней.

Это былъ Герасимъ Морковниковъ.

Когда носили сундуки, Герасимъ стоялъ молча въ числѣ прочихъ людей и страннымъ взоромъ провожалъ каждый сундукъ. Онъ замѣтилъ, что послѣдніе сундуки тащатъ почти пустые, замѣтилъ шутки и смѣхъ дворовыхъ людей Братолюбцева, и хотя былъ уменъ, а сообразить таки ничего не могъ. „Должно быть чуютъ что пустые ящики, чуютъ да опасаются, помалкиваютъ. Ихъ дѣло сторона“, думалъ онъ. „Да, не мало прошло черезъ мои руки этой дряни, тряпья разнаго... А многи-ли я выручилъ... Ста рублей не выручилъ. Иное что бригадиру поль-ста рублей стоило, у меня псы прижи-матели за три да за четыре рубля брали, да еще грозились, что ворованное продаю. Нѣтъ, я не воръ, а что другихъ воровать заставляю, такъ то мое счастье. Какой же человѣкъ не станетъ своимъ счастьемъ пользоваться“.

Посидѣвъ немного въ прихожей, Герасимъ вымолвилъ себѣ подъ носъ:

— Да... Неча время терять. Одинъ кушъ сорву съ нея—и чортъ съ ней!

XI.

Замѣтивъ особенную тишину, наступившую въ домѣ послѣ отъѣзда людей Братолюбцева, Герасимъ сообразилъ, что надо пользоваться тѣмъ временемъ, когда бригадиръ занимается или отдыхаетъ у себя въ кабинетѣ, а барыни Марьи Евграфовны нѣтъ дома. Онъ быстро всталъ, и усмѣхнувшись лукавою и злобною улыбкой, направился къ горницѣ, гдѣ была барышня.

Его появленіе въ комнатѣ среди тишины и безъ зова заставило Клену вскочить съ мѣста и вспыхнуть.

— Ну?!.. выговорила она рѣзко, подобно своей нянѣ, вызывающе подходя къ дворовому.

— Къ вамъ, барышня, выговорилъ Герасимъ.

— Да вѣдь ты видѣлъ! рѣзко воскликнула Клена.— Ты видѣлъ, все увезли... Что-жъ я теперь могу дать! Съ себя все снять, или кресло какое отдать тебѣ?.. На вотъ, тащи диванъ... озлобившись засмѣялась Клена.

— Вы не сердчайте, барышня, а послушайте, что я вамъ скажу, вполголоса заговорилъ Герасимъ.

— Нечего мнѣ слушать.

— Послушайте, барышня. Я въ послѣдній разъ можеть-быть къ вамъ прихожу... Понимаете—въ послѣдній. Больше я васъ тревожить не стану. Разсудите сами. Хотя и безпокоилъ я васъ, хоть много всякой дряни Арина Матвѣевна мнѣ передала, но что-же вы полагаете, за такое дѣло, какъ мое, отплатили вы по совѣсти? Ахъ, барышня, грѣхъ это! За такое дѣло мало дать сто червонцевъ, а вы что дали мнѣ?.. Разные юбки да платочки. Только за одинъ платокъ да за одно платье получилъ я всего рублей съ двадцать, а остальное все за гроши сбывалъ. По совѣсти, барышня, вы мнѣ не отплатили, какъ бы слѣдовало, по христіански. Другой бы на моемъ мѣстѣ и ни вѣсть что съ вами сдѣлалъ-бы. Скрутилъ-бы васъ, какъ сказывается, по рукамъ и по ногамъ... Шутка ли сказать какое дѣло!.. Страшнѣе дѣло! Сибирью да каторгой пахнетъ, плетями оно для васъ пахнетъ. Клейменое дѣло! За него клейма ставятъ на лбу каленымъ желѣзомъ. „Убой-ца, душегубъ“, такъ и выжгутъ на лбу... А вы тряпками хотите отдѣлаться.

Покуда Герасимъ говорилъ, Клена отступила, сѣла на стулъ и снова стала озлоблена и блѣдна.

— Думаете-ли, барышня, что я лгу, что за это въ Сибирь не пошлютъ? спросилъ Герасимъ и полуирезрительно глядѣлъ на Клену.— Скажите: лгу я?

— Нѣтъ, черезъ силу выговорила Клена.

— Вѣдь знаете вы сами, что я васъ отъ плетей и

отъ Сибири унасъ... Вѣдь знаете вы это? Вѣрите, что оно доподлинно такъ?

— Да... да... выговорила Клѣна нетерпѣливо, чуя, что если она не отвѣтитъ, то Герасимъ снова повторить тотъ же вопросъ.

— Ну, такъ вотъ, изволите ли видѣть, не грѣхъ-бы вамъ предъ замужествомъ отплатить мнѣ какъ подобаешь по совѣсти, по христіанству. Я вѣдь изъ-за васъ въ убійцахъ состою... Думаете вы, что легко на себя чужую вину брать... Такъ вотъ я и пришелъ въ послѣдній разъ сказать вамъ: отплатите мнѣ какъ слѣдуетъ по христіанству хорошимъ кушемъ, я васъ и безпокоить, вотъ какъ передъ Богомъ, больше не буду.

— Да гдѣ же я денегъ возьму!.. отчаянно воскликнула Клѣна.

— Потише, барышня... услышать могутъ... Вы не гнѣвитесь... безпокоюсь проговорилъ Герасимъ.

Богатырь-скороходъ прислушался къ шагамъ въ сосѣднемъ коридорѣ, и когда они стихли, сдѣлалъ два шага впередъ, приблизился къ Клѣнѣ и, слегка нагнувшись, проговорилъ:

— Денегъ у васъ никакихъ нѣтъ, и взять не у кого... Но вы можете меня отблагодарить иначе и я васъ научу какъ. Только согласіе ваше нужно. У барина на столѣ, а инъ бываетъ въ правомъ ящикѣ стола, лежитъ навсегда перстень съ краснымъ камушкомъ. Никита Артемьевичъ при мнѣ хвасталъ имъ одному барину, сказывая, что цѣны нѣтъ перстеньку. За двѣсти рублей, говоритъ, не продамъ. А баринъ тотъ спрашивалъ: „что это подарокъ чей или память чья“; а Никита Артемьевичъ въ отвѣтъ ему отмолвилъ: „нѣтъ, какал память,—купилъ. Мнѣ на него наплевать, а такъ вотъ сказываю, что его развѣ за триста рублей можно отдать...“ Поняли вы, барышня? Стало быть перстень тотъ деньги стоитъ большія, а привязанности къ нему бариновой нѣтъ никакой. Ну, вотъ вы меня и отблагодарите. И больше я васъ безпокоить не буду.

Клѣна подняла глаза на выпрямившагося снова Герасима и лицо ея выражало одно удивленіе.

— Я ничего не пойму!.. Такъ что же мнѣ сдѣлать?

— А вы возьмите этотъ перстенькъ, да мнѣ и отдайте.

— То-есть стало-быть украсть его?

— Взять, да мнѣ и передать.

— Украсть!.. Воровать!.. Вѣдь это стало быть надо своровать его у дѣдушки!

— Ну, тамъ какъ знаете. Не воруйте, такъ возьмите.

— Какъ-такъ возьмите? Что ты ума рѣшился! Вѣдь его своровать надо.

— Попросите у дѣдушки, чтобы онъ вамъ подарилъ,

а не захочетъ — возьмите. Только, барышня, на мой толкъ лучше не просить его подарить. Неровенъ часъ бригадиръ откажетъ, не дастъ, и послѣ того вамъ будетъ мудро его взять. На васъ же онъ и подумаетъ. А вы ужъ лучше прямо такъ и берите его. Господа никомъ образомъ на васъ не подумаютъ, скажутъ — кто-либо изъ людей своровалъ, пошумятъ, посерчаютъ, да и бросятъ это дѣло. Кто укралъ невѣдомо, а весь домъ пельзя въ Сибирь сослать изъ-за одного вора... Ну-съ... Какъ же, барышня?..

Клѣна, задумавшаяся, какъ бы пришла въ себя и произнесла:

— Обожди. Выйду замужъ—я у Геннадія Ивановича попрошу денегъ и тебѣ отдамъ...

Герасимъ улыбнулся.

— Нѣтъ, ужъ позвольте. Я не махонькой. Какой-же это супругъ, да еще старый, молоденькой женкѣ дать двѣсти рублей, невѣдомо на что? Вы, замужняя, и нехотя, меня обманете. А мнѣ тогда на васъ рѣчки коротки будутъ. Донеси я тогда на васъ, судейскую барыню, въ вашу же судъ. Меня Геннадій же Ивановичъ съ другими товарищами спрячутъ въ Сибирь безъ суда. Полноте, барышня. Сами знаете, что пустое обѣ-

щаете. Нѣтъ-съ. Надо теперь вамъ до свадьбы расплатиться со мной. Госпожа Братолюбцева на меня и посмотрѣть не захочетъ!

Наступило молчаніе, Клѣна снова опустила голову и сидѣла какъ-бы въ забытіи, недвижна, какъ статуя.

— Что-же, барышня? проговорилъ наконецъ Герасимъ, услыхавъ снова шумъ шаговъ въ домъ и боясь, что его застанетъ въ горницѣ вернувшаяся Марья Евграфовна.

— Уходи! вымолвила Клѣна. — Ты ума рѣшился... Меня обворовалъ, а теперь посылаешь у дѣдушки воровать... Не могу я!.. Уходи!..

Любимцы. Съ картины Э. Мюнье, грав. Брендамуръ.

— Ну, какъ знаете, барышня. Жаль мнѣ васъ! Быть вамъ завтра въ острогѣ да арестантскомъ халатѣ, а то и въ кандалахъ... размѣялся Герасимъ.

Клёна вздрогнула и взглянула въ лицо Герасиму: оно было спокойно и насмѣшливо.

Должно-быть тревожное и блѣдное лицо Клёны выражало какой-либо вопросъ, потому что Герасимъ пожалъ плечами и какъ-бы отвѣтилъ:

— Что-же мнѣ-то?.. Сами вы посудите! жалѣть васъ?.. Да что же вы мнѣ? Богъ съ вами!.. Вы мнѣ не родственница кака, не дочь родная... Съ чего я буду молчать. Я изъ-за васъ себя подставлялъ, могъ теперь угодить въ Сибирь давно, а вы мнѣ не хотите перстенецъ у дѣдушки со стола взять да отдать... Во-

Христіанъ IX, король Датскій (по поводу 25-й годовщины вступленія на престолъ).
Съ фот. грав. В. Пудъ.

ровка вишь! Такъ вамъ въ воровки идти вишь не охота, а мнѣ въ случаѣ огласки идти въ злодѣи да въ убійцы была охота.

— Ты крѣпостной холопъ, а я дворянка! съ негодованіемъ воскликнула Клёна.

— То-то вы дворянскоесямя...вдругъ озлобившись прошипѣлъ Герасимъ. — Разсуждаете вы всегда такъ: мнѣ молъ не приличествуетъ воровать—я дворянка. А тебѣ молъ, холопу, приличествуетъ, будучи христіаниномъ, убійцей себя ставить, да еще за другихъ и задаромъ, здорово живешь. Нѣтъ, сударушка моя, я вотъ сейчасъ этимъ самымъ шагомъ пойду къ бригадиру нашему, да ему все и выложу, какая такая у него любимѣйшая внучка въ домѣ проживаетъ, коя съ нянюшкой своей смертоубійствомъ

Е. И. В. Великій Князь Павелъ Александровичъ и его Высоконареченная невѣста Принцесса Александра Греческая.
Съ фот. Бергамаско и Пазетти, грав. Шюблеръ.

занимаются. Прощайте! Вы завтра же въ кандалахъ въ острогъ будете препровождены. Честь имѣю заранѣе поздравить и поклонъ низайшей...

Герасимъ двинулся, но Клѣна вскочила какъ ужаленная, бросилась къ богатырю и, ухвативъ его за рукавъ кафтана, остановилась и другой рукою схватила себя за голову.

— Стой!.. едва слышно произнесла она. — Стой!.. Я подумаю.... Я устрою. Гдѣ ящикъ въ столѣ?... Я подумаю...

— Ну, вотъ такъ-то лучше. До завтрашняго утра... А то ужъ, извольте, изъ жалости я до завтрашняго вечера буду ждать. А коли завтра вечеромъ не дадите вамъ мнѣ того перстенька—то ужъ... извините... Халатъ вамъ сѣрый, цѣпи, кандалы, клейма, ермолку и пожалуйте въ острогъ. Такъ помните! Цѣлый вамъ день, цѣлую ночь, и опять цѣлый день и на думанье и на дѣйствованіе... Да и дѣло-то, барышня, плевое. Посмотрите, дѣдушка пошумитъ часика два, да и плюнетъ, а кто возьмъ—канетъ то дѣло на дно рѣчки. Никому, николи, ничего въ этомъ не будетъ, а я все-таки буду съ наградой отъ васъ по христіанству.

— Уйди! Уйди! съ судорогой въ горлѣ глухо отозвалась Клѣна.

— Согласны стало?..

— Уйди!.. Да... Все... Согласна! Только уйди! Съ глазъ долой скорѣе...

Герасимъ, ухмыляясь отчасти насмѣшливо и презрительно, вышелъ изъ горницы.

XII.

Молодая дѣвушка опустила въ кресло и схватила себя за голову. Сначала она тяжело и порывисто дышала, гнѣвно бормотала вслухъ невнятные слова, но потомъ слезы заструились по лицу ея. Она успокоилась и постепенно стихла совсѣмъ. На лицѣ ея вдругъ появилась грустная и тоскливая улыбка.

— Да, такъ, конечно... вымолвила она вслухъ,—сдѣлаю все... Такъ и слѣдуетъ. Такова судьба... Господь Богъ хочетъ, чтобы такъ было по справедливости. Она изъ-за меня въ воровки пошла, изъ-за того-же ворованія въ монастырь пошла, вмѣсто того, чтобы жить со мною... Ну, вотъ и я тоже. Только моя доля тяжелѣе. Ариша не воровала, а съ моего вѣдома и при мнѣ брала и этому злодѣю отдавала... А я вотъ и впрямь должна идти на воровство... тайкомъ отъ дѣдушки. Да... мы съ тобою ровня теперь, прибавила Клѣна, грустно улыбаясь.—Ровня... И я, и ты—воровки... Только ты съ однимъ именемъ этимъ, а я и впрямь буду настоящая воровка.

Между тѣмъ до слуха Клѣны достигъ шумъ въ домѣ. Она прислушалась. Громче всѣхъ звучалъ голосъ Марьи Евграфовны, а затѣмъ прозвучалъ добродушный, веселый и раскатистый смѣхъ дѣдушки. Въ то же время явилась Стенанида и позвала барышню въ залу.

Клѣна вышла, украдкой отирая лицо, но уже спокойная, рѣшившаяся на невольный проступокъ.

Она нашла въ залѣ Марью Евграфовну, которая

кипятилась, горячилась и волновалась, какъ никогда въ жизни ея съ ней не бывало. Бригадиръ стоялъ съ веселымъ лицомъ и хихикалъ.

— Что же это ты, обернулась Марья Евграфовна ко внучкѣ. — Нешто это возможное дѣло! Отпустили приданое безъ счета, безъ накладной, не пересмотрѣли, не уложили какъ слѣдуетъ. Какъ все было наверху, кое-какъ, въ разныхъ сундукахъ—такъ все и потащили къ жениху. Вѣдь это срамъ!

— Что дѣлать!.. какъ бы играя комедію, разводилъ руками бригадиръ и смѣялся.

— Какъ же ты допустила, Клѣна? Ты бы сказала, что меня дома нѣтъ, приѣду и приготовлю все и отпущимъ.

Клѣна пробормотала что-то. Ея занималъ вопросъ, почему дѣдушка относится къ этому обстоятельству какъ-то странно, не только не сердится, но даже ухмыляется какъ-то хитро. Какъ будто онъ знаетъ что-нибудь.

— Да и гдѣ же это видапо, продолжала Марья Евграфовна,— чтобы сундуки съ приданымъ увозились чуть не за сто лѣтъ до свадьбы... Вѣдь это по-турецки, по-персидски, а не по русскому обычаю. Приданое идетъ послѣ вѣнчанія, либо за нѣсколько часовъ до вѣнчанія въ домъ жениха. А вдругъ свадьба разстроится, прибавила Толбухина.—Что-же, тогда назадъ везти?

— Тыфу! Тинунъ тебѣ на языкъ, прибавилъ бригадиръ, и лицо его сдѣлалось серьезно.—Что ты, сестрица, каркаешь!.. Дюжина тебѣ тинунъ на языкъ... Разстроится?.. Нешто можно въ такихъ дѣлахъ такія слова говорить!

Бригадиръ сердито повернулся на каблучкахъ и быстро вышелъ изъ залы въ свой кабинетъ.

— Негодно... Нехорошо... Стыдно... Срамъ... И тебѣ срамно, Клѣна, обратилась Марья Евграфовна ко внучкѣ.— Должно было меня подождать, а не тащить сундуки, не переглядѣвъ, не пересчитавъ всего.

И Марья Евграфовна также, махнувъ отъ гнѣва хвостомъ своего длиннаго атласнаго платья, вышла въ другія двери и направилась къ себѣ.

Люди, присутствовавшіе при этой сценѣ, стали тоже расходиться. Скоро Клѣна осталась одна въ большой залѣ, сѣла на стулъ у окна, выходившаго па дворъ, и глянула на ворота настѣжь растровенныя въ улицу. И вдругъ вспомнилось бѣдной дѣвушкѣ, какъ еще не такъ давно она сиживала на этомъ стулѣ, а тамъ въ воротахъ, вдали, долженъ былъ промелькнуть по уговору военный мундиръ на одно мгновеніе. И этимъ она бывала тогда и счастлива, и несчастлива. А между тѣмъ, если бы дѣдъ не держалъ ее взаперти, позволялъ выѣзжать со двора, далъ бы возможность повидаться съ ея Колей—никогда-бы никакого несчастья не произошло. Была-бы она теперь его женой и, хотя лишенная наслѣдства и состоянія дѣдушки, все-таки была бы счастлива. Онъ былъ бы живъ, а она не сдѣлалась бы женой старика.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Ткачиха. (Рис. на стр. 1204).

Ткачество принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ кустарныхъ и домашнихъ производствъ въ Россіи. Приготовленіе пряжи и полотень, простыхъ и тонкихъ, составляетъ обыкновенно занятіе крестьянъ въ долгіе, зимніе вечера. Тканье полотень особенно распространено въ Ярославскомъ уѣздѣ, гдѣ центромъ этого производства является село Великое, а также во многихъ селеніяхъ Ростовскаго, Помехонскаго и Рыбинскаго уѣздовъ. Въ Костромской губ. производится выдѣлка столоваго и камчатнаго полотна, весьма сильно развившаяся въ южной части Кинешемскаго уѣзда. Въ Владимірской губ., особенно въ уѣздахъ Шуйскомъ, Суздальскомъ и Юрьевецкомъ, тканье льна достигло такой степеніи, что могло выдерживать конкуренцію фабрикъ, пока не было вытѣснено развитіемъ

хлопчатобумажнаго производства. Далѣе, топчія и бѣлыя полотна выдѣлываются въ Казанской губ., въ Калужскомъ, Кашинскомъ и Вышневолоцкомъ уѣздахъ Тверской губ., колонистами Варшавской, Плоцкой и Калишской губ. Полотна выдѣлываемыя въ сѣверныхъ губ. Архангельской, Вологодской и Олонецкой считаются самыми грубыми. Въ мѣстностяхъ гдѣ существуютъ хлѣбные рынки, крестьяне выдѣлываютъ большое количество мѣшковъ, напр. въ Тверской губ. (на 100,000 руб. въ годъ), въ Бугурусланскомъ и Бугульминскомъ уѣздахъ Самарской губ., а также въ Подольской.

Акварель барона М. П. Клодта, воспроизведенная нашей гравюрой, изображаетъ сельскую ткачиху, работающую у окна за станомъ, едва ютящимся въ тѣсной избѣ.

Предъ разлукой. (Рис. на стр. 1205).

Въ бурныя времена XVI столѣтія, вѣка войнъ по преимуществу, прекрасному полу то и дѣло приходилось собирать своихъ отцовъ, братьевъ и мужей въ далекіе походы. Предъ разлукой искусныя ручки дамъ по цѣлымъ днямъ были заняты шитьемъ знаменъ, шарфовъ, перевязей и т. п. Граціозная картинка италіянскаго художника представляетъ намъ владѣтельницу замка, которая, съ грустною улыбкой на опечаленномъ лицѣ, производитъ послѣдній осмотръ всего заготовленнаго ею къ выступленію въ походъ.

Зима. (Рис. на стр. 1209).

Пушистымъ снѣгомъ посынал,
Пришла зима. Лѣса и нивы
Стоять безлюдны, молчаливы,
Одеждой бѣлою блистая.
Рѣка, подъ ледяной корою,
Свои безшумно катитъ воды
И слышны стоны непогоды
Въ морозномъ воздухѣ порою....

Союзники въ Мерзебургѣ. (Рис. на стр. 1212).

Въ то время какъ Наполеонъ съ центромъ своихъ силъ шелъ на Москву и обратно, правое и лѣвое крылья его арміи, австріицы и пруссаки, насильно втянутые имъ въ войну 1812 года, также не совсѣмъ бездѣйствовали. Австрійская армія, подъ начальствомъ Шварценберга, занята была медленнымъ и безплоднымъ походомъ на Волынь, а прусская, подъ командой Йорка, осадила Ригу. Но какъ только узнали о бѣгствѣ Наполеона изъ Россіи, Шварценбергъ отступилъ въ предѣлы Австріи и занялъ нейтральное положеніе, а Йоркъ капитулировалъ, или лучше сказать, перешелъ на сторону русскихъ. Французы, находившіеся еще въ Польшѣ и Пруссіи, бросились частью въ Данцигъ, частью въ другія Прусскія крѣпости, оставшіяся за ними по договору. Но король Прусскій тайно выѣхалъ изъ Берлина, находившагося въ рукахъ французовъ, прибылъ въ Бреславль и оттуда объявилъ Франціи войну. Онъ двинулся навстрѣчу императору Александру и 28 февраля 1813 года заключилъ съ нимъ въ Калишѣ оборонительный и наступательный союзъ. Чась возмездія пробилъ. Пруссія возстала какъ одинъ человекъ, горя желаніемъ свергнуть несправедливое иго; все мужское населеніе стало подъ знамена; при каждомъ полку сформировались отряды вольныхъ стрѣлковъ; по примѣру Австріи учрежденъ былъ ландверъ (запасъ), а оставшіеся по домамъ отцы семействъ вооружались на всякій случай подъ названіемъ ландштурма (ополченій). Калишское воззваніе короля Прусскаго, начинавшееся словами: „Побѣдоносная русская армія, сопровождаемая войсками ея союзника, короля Прусскаго, возвращаетъ Германіи возвращеніе свободы и независимости“, отозвалось въ сердцахъ всѣхъ нѣмцевъ, и народъ не щадилъ никакихъ жертвъ на вооруженіе. Послѣ того какъ Наполеонъ съ обычною быстротою, собралъ свѣжее трехсотъ-тысячное войско и одержалъ нѣсколько побѣдъ, хотя и не блестящихъ, къ руско-прусскому союзу приступила и Австрія, 12 августа 1813 года. Извѣстенъ исходъ этой кампаніи союзниковъ. Послѣ кровавой Лейпцигской битвы, Наполеонъ, теряя сраженіе за сраженіемъ, отступалъ на Фрейбургъ, Эрфуртъ, Франкфуртъ, Майнцъ, и въ ноябрѣ вся Германія по Рейнъ была очищена отъ французовъ. Вступленіе союзниковъ въ каждый освобожденный городъ было истиннымъ триумфальнымъ шествіемъ среди радостныхъ кликовъ населенія. Картина нашего маститаго баталиста, проф. Виллевальде, изображающаго пребываніе союзныхъ войскъ въ Мерзебургѣ, близъ Лейпцига.

На службу. (Рис. на стр. 1213).

Чисто петербургскій типъ, встречающійся на каждомъ шагу по улицамъ Сѣверной Пальмиры. Скромный, но уже пользующійся достаточнымъ окладомъ чтобы позволить себѣ роскошь *извозчика*, а не *конку*, дѣтель такой-то канцеляріи такого-то департамента, съ объемистымъ портфелемъ подъ мышкой, поспѣваетъ къ мѣсту своего служенія...

Любимцы. (Рис. на стр. 1216).

Кролики составляютъ важное подспорье въ сельскомъ быту западной Европы, гдѣ мясо и домашнія птица такъ дороги, что крестьянинъ не смѣетъ и мечтать о нихъ, за исключеніемъ развѣ большихъ торжествъ. Содержаніе этихъ мышекъ звѣрковъ почти ничего не стоитъ, особенно лѣтомъ, когда они питаются травой, да кое-какими подачками своихъ ископныхъ покровителей — дѣтей.

Христіанъ IX. (Порт. на стр. 1217).

Какъ мы уже упомянули въ №№ 46 и 47, въ Даниі состоялся юбилей 25-лѣтняго благополучнаго царствованія короля Христіана IX.

Христіанъ IX, четвертый сынъ Фридриха-Вильгельма-Павла-Леопольда, герцога Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскаго, родился 27 марта (8 апрѣля) 1818 г. въ замкѣ Луизенлундѣ, близъ Шлезвига. 14 мая 1842 года онъ сочетался бра-

комъ съ Луизой, третьей дочерью Вильгельма, ландграфа Гессенъ-Кассельскаго и принцессы Луизы-Шарлотты, сестры короля Датскаго Христіана VIII. Съ этого времени онъ поселился въ Копенгагенѣ и вступилъ въ ряды датскаго войска, которое онъ не покинулъ даже въ 1848—1850 годахъ, когда всѣ другіе Шлезвигъ-Гольштейнскіе принцы оставили датскую службу. Указанный 24 мая 1851 г. „варшавскимъ“, а затѣмъ 26 апрѣля слѣдующаго года „лондонскимъ“ протоколами, какъ наслѣдникъ датскаго престола, онъ былъ признанъ таковымъ 19 іюля 1853 года, закономъ о престолонаслѣдствіи. Со смертію сына Христіана VIII, Фридриха VII, разведеннаго со своими двумя супругами и женатаго морганатически на Луизѣ Расмуссенъ, впоследствии графинѣ Даннеръ, на датскомъ престолѣ прекратилась Ольденбургская династія и на него вступилъ Христіанъ IX, 3 ноября 1863 г., что повело къ войнѣ Даниі съ Пруссіей и Австріей. На другой день послѣ этого, въ Шлезвигѣ провозгласилъ себя, по наущенію Берлина и Вѣны, герцогомъ представителемъ другой линіи, Зондербургъ-Аугустенбургской, принцъ Фридрихъ VIII. Возгорѣвшаяся война имѣла чрезвычайно тяжелыя послѣдствія для Даниі. Несмотря на все мужество ея войска, она была побѣждена и должна была лишиться почти половины своихъ владѣній. При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ началось царствованіе Христіана IX. По благодаря цѣлому ряду мудрыхъ внутреннихъ реформъ, Дания достигла того положенія, какое она нынѣ достойно занимаетъ въ ряду прочныхъ европейскихъ государствъ. Не удивительно, поэтому, что король со всею своею семьей пользуется горячею любовью датчанъ, которые никогда не забудутъ, что онъ для нихъ сдѣлалъ. Поэтому становится понятнымъ тѣ восторженныя ликованія, которыми ознаменовался четверть-вѣковой юбилей Датскаго короля.

Е. И. В. Великій Князь Павелъ Александровичъ и его Высоконареченная невѣста Принцесса Александра Греческая. (Портр. на стр. 1217).

Высоконареченная невѣста, съ которою помолвленъ Великій Князь Павелъ Александровичъ во время пребыванія Его Имп. Высочества въ Афинахъ, — старшая дочь короля Эллиновъ, Георга I. Она родилась 18 (30) августа 1870 года, т. е. на 10 лѣтъ моложе Августѣйшаго жениха своего, родившагося 21 сентября 1860 года.

И. Д. Деляновъ. (Портр. на стр. 1220).

23 ноября настоящаго года исполнилось пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности министра Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретаря, Ивана Давыдовича Делянова.

И. Д. Деляновъ родился въ Москвѣ, 30 ноября 1818 года. Поступивъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ, онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата правъ и въ 1838 году началъ службу во II отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Здѣсь занятія молодого юриста были замѣчены начальствомъ и онъ принялъ дѣятельное участіе въ цѣломъ рядѣ кодификаціонныхъ работъ того времени. Особенно плодотворна была его дѣятельность съ 1845 по 1858 годъ, когда онъ состоялъ при главноуправляющемъ II Отдѣленіемъ графъ Влудовъ. Его труды не остались невознагражденными; въ 1848 году онъ произведенъ въ статскіе совѣтники, а черезъ три года награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1858 году онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника и занялъ постъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа; съ этого времени начинается дѣятельность И. Д. Делянова по министерству Народнаго Просвѣщенія. Въ томъ же году, 8 ноября, онъ назначается временно завѣдующимъ учебною частью въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, въ Александровскомъ училищѣ и въ С.-Петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ. Эти послѣднія обязанности Деляновъ исполнялъ до возвращенія изъ-за границы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Порова. 18 января 1860 года И. Д. Деляновъ былъ назначенъ членомъ Совѣта Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати, а 4 августа 1861 года директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія. Въ томъ же году, 6 декабря, по назначеніи барона Корфа главноуправляющимъ II отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, И. Д. Деляновъ занялъ мѣсто директора Императорской публичной бібліотеки. Но трудныя и многочисленныя работы, сопряженныя съ занятіемъ этого поста, не мѣшали ему исполнять цѣлый рядъ важныхъ обязанностей по министерству Народнаго Просвѣщенія и впоследствии по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.

Назначенный въ 1866 году товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія, И. Д. Деляновъ въ слѣдующемъ году награжденъ званіемъ статсъ-секретаря, а въ 1873 году чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Призванный 16 марта 1882 года занять постъ министра Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретарь Деляновъ проявилъ на этомъ посту громадную опытность и основательное знакомство съ нуждами отечественнаго просвѣщенія, что и доказалъ цѣлый рядъ преобразованій въ этой области въ теченіе слѣдующаго шестилѣтняго дѣятельности И. Д. Делянова.

Э. Ф. Направникъ.

(Портр. на этой стр.).

Въ ноябрѣ текущаго года капельмейстеръ С. П. русской оперы, Эдуардъ Францевичъ Направникъ, праздновалъ 25-лѣтнею своей артистической дѣятельности. Эта дѣятельность исполненная особенной энергій и неутомимости, весьма почтенна и плодотворна. Петербургъ многимъ обязанъ г. Направнику: своимъ безподобнымъ концертнымъ, русскимъ опернымъ оркестромъ, постановкою около тридцати оперъ, между прочимъ, всѣхъ новыхъ русскихъ оперъ, а также возобновленіемъ нѣкоторыхъ капитальныхъ оперъ, каковы на примѣръ: „Гугеноты“, „Лоэнгринъ“, „Русалка“ и „Юдифа“, „Юдифа“ и т. д. Кроме того, съ 1870 года талантливый капельмейстеръ руководитъ концертами Русскаго Музыкальнаго Общества и концертами Филармоническаго Общества. Вообще, во всѣхъ музыкальныхъ дѣлахъ столицы онъ и до сихъ поръ принимаетъ дѣятельное и довольно вліятельное участие. Стоитъ надо удивляться той настойчивости, энергій и тому терпѣнью, съ какимъ г. Направникъ ведетъ свое дѣло, къ которому онъ относится вполне добросовѣстно и съ большой любовью. Какъ композиторъ, г. Направникъ мѣше извѣстенъ и далеко не такъ популяренъ, хотя имъ написано, особенно въ первый періодъ его музыкальной дѣятельности, не мало произведеній, разнаго характера, болѣе или мене талантливыхъ. Изъ крупныхъ его сочиненій извѣстностью пользуются двѣ оперы: „Шижгородцы“ и „Гарольды“. Последняя поставлена была на Мариинской сценѣ въ началѣ ноября 1886 года и шла съ большимъ успѣхомъ при великолѣпной обстановкѣ и съ рѣдкимъ ансамблемъ. Въ этомъ произведеніи композиторъ является прямымъ последователемъ Рихарда Вагнера, что не мѣшало ему дать исполнителямъ нѣсколько нумеровъ весьма мелодичныхъ, весьма красивыхъ. Публикѣ особенно нравились въ этой пятиактной, большой оперѣ (въ 9 картинахъ) нѣсва Адела, ея романсъ, дуэтъ съ несчастнымъ Гарольдомъ, аріозо Вильгельма, сентетъ съ хоромъ, его молитва, реквиемъ монаховъ. „Га-

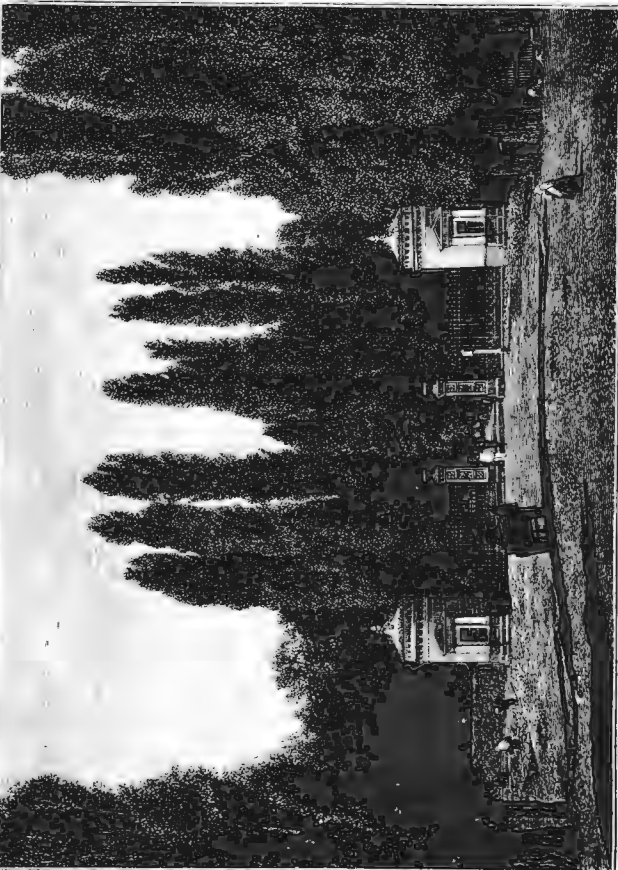
Н. Д. Деляновъ (по поводу пятидесятилѣтня служебной дѣятельности).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Э. Ф. Направникъ (по поводу 25-лѣтня артистической дѣятельности).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

рольдъ“ немного страдаетъ длиннотами, но въ немъ, какъ и въ прочихъ произведеніяхъ г. Направника, видна весьма опытная рука, замѣтно превосходное знаніе сцены до послѣднихъ мелочей. Что касается фугъ, сонатъ, увертюръ и другихъ сочиненій почтеннаго нашего капельмейстера, то они всѣ отличаются прекрасною оркестровкой.

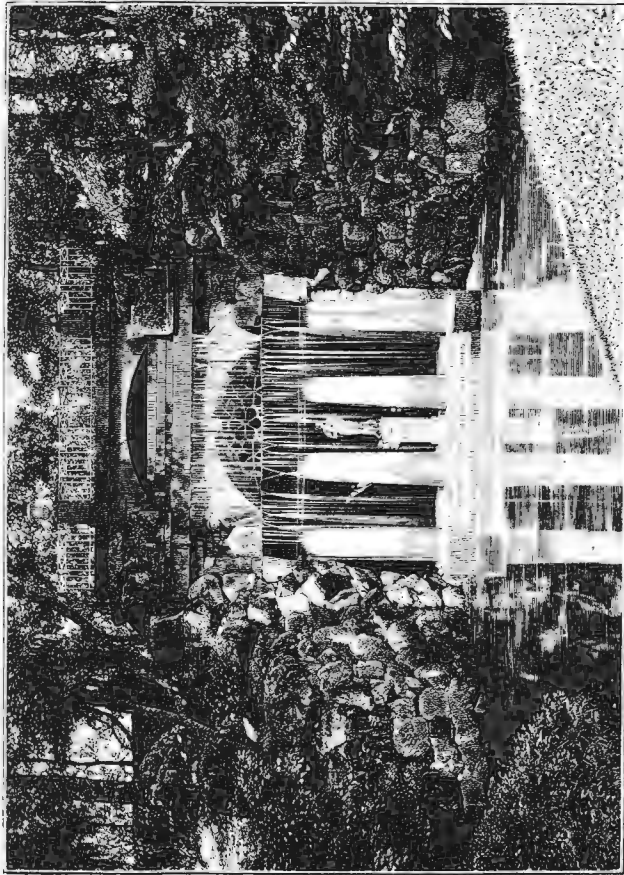
Эдуардъ Францевичъ Направникъ, по происхожденію Чехъ, сынъ школьнаго учителя, и родился въ Бейштѣ въ 1838 году. Еще пятилѣтнимъ ребенкомъ началъ онъ проявлять недюжинныя музыкальныя способности, развитіемъ которыхъ руководилъ до двѣнадцати лѣтъ нѣкто Пугоншій, товарищъ отца Направника. Въ 1850 году молодой Направникъ поступилъ въ реальное училище въ Пандубицѣ, а черезъ два года перешелъ въ высшее отдѣленіе этого училища въ Прагѣ. Скучныя средства семьи помѣшали ему, однако, кончить курсъ общаго образованія. Похоронивъ мать, а затѣмъ и отца, Направникъ окончательно избралъ музыкальную карьеру, желая въ ней найти и средства къ существованію. Много онъ вынесъ горя, неприятностей, много и упорно трудился пока достигъ завѣтной цѣли. Музыкальное образованіе довершилъ онъ въ органной школѣ подъ руководствомъ профессора Блажка, въ фортепианномъ институтѣ Майделя, гдѣ потомъ сдѣлался преподавателемъ; инструментарку изучалъ онъ у Киттеля, директора консерваторіи въ Прагѣ. Всюду онъ дѣлалъ огромные успѣхи, самъ пробовалъ себѣ дорогу. До 1861 года онъ написалъ цѣлый рядъ прекрасныхъ фугъ, прелюдій, скрипичную сонату, около пяти фантазій для фортепиано, нѣсколько увертюръ на чешскіе простонародные мотивы, одну симфонію, достаточно романсовъ, дуэтовъ, балладу, мессу и проч., все почти на чешскіе тексты. Въ 1861 году князь Юсуновъ пригласилъ Направника управлять его домашнимъ оркестромъ, и г. Направникъ переѣхалъ въ Петербургъ. Съ этого времени начинается и его усиленная, разнообразная дѣятельность, и его видныя успѣхи. Прослуживъ у князя Юсунова два года, онъ

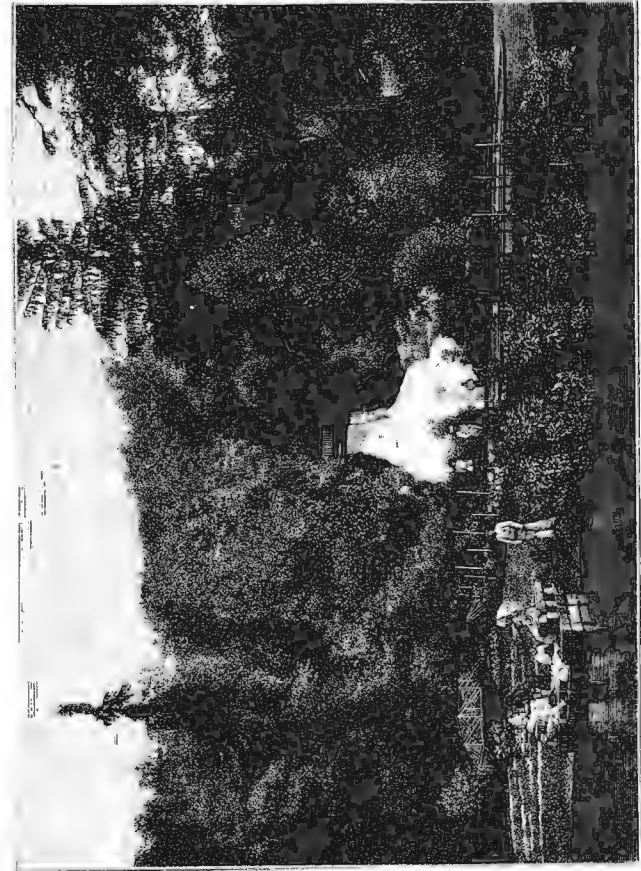
Умань. Главная ворота Софиевскаго сада.
Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Софиевскій садъ въ Умань. Видъ съ террасы на храмъ.
Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Умань. Гротъ Велеры въ Софиевскомъ саду.
Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Софиевскій садъ въ Умань. Водопадъ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

поступил помощником капельмейстера Императорских театров, Лядова. Въ 1867 г. мы видим его сперва вторымъ, а затѣмъ (въ 1869) и первымъ капельмейстеромъ русской оперы. Съ прїѣзда въ Россію композиторская дѣятельность Направникъ стала менѣе въ количественномъ отношеніи, но за то выиграла въ качественномъ. Въ 1867 г. онъ поставилъ своихъ „Нижегородцевъ“, затѣмъ написалъ, между прочимъ, симфоническую поэму „Демонъ“, нѣсколько русскихъ роман-

совъ, тріо для фортепіано, скрипки и виолончели, удостоенное преміи на конкурсѣ Русск. Музык. Общества, народные танцы и друг. За свою капельмейстерскую и композиторскую дѣятельность Направникъ награжденъ множествомъ подарковъ отъ Императорской Фамиліи, отъ общества и сотоварищей по службѣ. Тенерь г. Направнику ровно 50 лѣтъ, дѣятельность его въ полномъ разгарѣ, и публика справедливо ждетъ отъ нея еще много хорошаго.

П. Б.

Умань и Софіевка.

(Рис. на стр. 1221 и 1225).

Умань, самый южный городъ Кіевской губерніи, а послѣ Бердичева самый крупный уѣздный городъ Юго-Западнаго края, лежитъ на берегу рѣчки Уманьки, среди малолѣснаго, но богатаго черноземомъ уѣзда, пространствомъ въ 3,785 кв. верстъ съ 300,000 жителей. Населеніе уѣзда, занимающагося хлѣбопашествомъ, живетъ болѣею частью въ весьма крупныхъ селахъ и мѣстечкахъ (въ Тальномъ до 10,000 жит.), расположенныхъ въ долинахъ рѣкъ и ручьевъ, которые часто, зарученные мельничными плотинами, образуютъ большое количество болѣе или менѣе значительныхъ озеръ и прудовъ. Въ уѣздѣ имѣются нѣсколько сахарныхъ заводовъ и большихъ кручатоковъ.

Городское населеніе, въ которомъ еврейскій элементъ играетъ весьма видную роль, занимается преимущественно торговлею и разными ремеслами. Лѣтъ 30 тому назадъ, числилось въ городѣ 16,000 жителей и 1,600 болѣею частью деревянныхъ домовъ, нынѣ въ городѣ навѣрно до 30,000 жителей. Изъ городскихъ зданій замѣчательны: бывшая Базиліанская коллегія (нынѣ Окружной судъ); бывшій дворецъ Потоцкаго, костель, да зданіе Уманскаго училища земледѣлія и садоводства (рис. на стр. 1225) въ знаменитомъ Софіевскомъ паркѣ.

Историческое значеніе кромѣ того еще имѣеть глубокой, вырытый въ скалѣ колодезь (около 180 фут. глубины) передъ Базиліанской коллегіей (рис. на стр. 1225). Православный соборъ весьма невзраченъ. Церкви во многихъ селахъ уѣзда далеко превосходятъ его размѣрами и красотою.

До проведенія желѣзныхъ дорогъ, охватывающихъ Умань со всѣхъ сторонъ (впрочемъ, не доходя ближе 90 верстъ), городъ былъ однимъ изъ главныхъ складочныхъ пунктовъ хлѣбной торговли, а до 1 января 1867 года главнымъ городомъ Кіево-Подольскаго округа южныхъ населеній. Съ уничтоженіемъ послѣдняго и съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, городъ потерялъ много въ своемъ значеніи, но есть надежда, что съ постройкою желѣзнодорожной вѣтви изъ Шполы въ Казатинъ, торговля его опять значительно поднимется.

Исторія Умани весьма бурная и кровавая. Во время постоянныхъ смутъ, волновавшихъ Малороссію въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и до конца XVIII вѣка, Умань выдерживала нѣсколько осадъ и дважды была взята штурмомъ и вырѣзана почти до послѣдняго человѣка.

О времени основанія города мы не имѣемъ точныхъ данныхъ, но уже въ 1620 году онъ былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Малороссіи. Въ 1664 году Умань выдерживала осаду Залойскаго и Тетеры, а въ 1671 году, когда Малороссія распадалась на 3 гетманства, городъ сталъ столицею гетмана Михаила Ханенка, ставленника польскаго короля, прогнавъ гарнизонъ чигиринскаго гетмана Дорошенка, покровительствуемаго Турціей. Но уже въ 1674 году, послѣ торжественнаго вступленія султана въ Чигиринъ, Умань была обложена Дорошенкомъ съ турецкою арміею и взята штурмомъ послѣ отчаяннаго сопротивленія. Всѣ жители безъ различія пола и возраста были умерщвлены, а со взятыхъ въ плѣнъ казацкихъ старшинъ была съ живыхъ содрана кожа, и набиты соломою чучела, какъ трофеи, вмѣстѣ съ громаднымъ количествомъ арбъ, наполненныхъ отрубленными головами убитыхъ уманцевъ, посланы къ султану.

Но не смотря на смутныя времена, Умань скоро оправилась. Въ половинѣ XVIII вѣка, подъ покровительствомъ графовъ Потоцкихъ, воеводъ Кіевскихъ, Умань опять является цветущимъ городомъ, въ которомъ бойко торгуютъ греки, армяне, жида. Городъ славится своимъ богатствомъ, своей Базиліанской коллегіею съ 400 студентами. Потоцкіи содержатъ въ Умани гарнизонъ, конный полкъ „Уманскихъ казаковъ“ въ 2,600 человѣкъ, изъ которыхъ 300 человѣкъ, составляя его лейбъ-гвардію, постоянно живутъ въ его резиденціи Кристинополь.

Полкъ этотъ былъ разбитъ на 3 сотни. Полкомъ командовалъ полковникъ, сотнями — сотни по назначенію Потоцкаго. Казаки жили въ особенной слободѣ около Умани; полковникъ и сотни пользовались вмѣсто жалованья доходами съ извѣстныхъ мызъ, а младшіе офицеры — доходами фермъ. Каждая сотня имѣла знамя голубое съ крестомъ (гербъ Потоцкихъ).

Когда въ 1765 году, во время гоненія изъ-за вѣры диссидентовъ въ Польшѣ, Барскими конфедератами были убиты въ Жаботинѣ Харко съ 700 приверженцами и былъ сожженъ Давило Кумниръ, — возсталъ за вѣру послушникъ Максимъ Желѣз-

някъ. Благословенный переяславскимъ епископомъ Гервасіемъ и снабженный отъ епископа Мельхиседека универсаломъ, такъ называемою „Золотою грамотою“, Желѣзнякъ, вступивъ въ союзъ съ Запорожскими казаками, завладѣвъ Чигириномъ и двинувшись отсюда съ ежедневно возрастающимъ войскомъ, на Лисянку, избивая всѣхъ попадавшихся ему на дорогѣ поляковъ и жидовъ, въ отпущеніе за смерть Кумнира и Харки.

Комендантъ Лисянки, по совѣту жителей, сочувствовавшихъ возстанію, сдалъ крѣпость безъ выстрѣла на капитуляцію, но былъ умерщвленъ вмѣстѣ со всѣмъ гарнизономъ и всѣми католиками и жидами.

Ужасъ охватилъ все неправославное народонаселеніе края. Всѣ спасались бѣгствомъ въ укрѣпленные города, а болѣе всего набилось народу въ Бѣлой Церкви и Умани. На послѣдній городъ повелъ Желѣзнякъ свои полчища.

Уманскими казаками тогда номинально командовалъ полковникъ Обухъ, но въ сущности полкъ слушался только команды сотника Ивана Гонты, любимца графа Потоцкаго и взаимно ему весьма преданнаго человѣка. Въ городѣ начальствовали комиссаръ (губернаторъ) Младановичъ, а крѣпостными верками завѣдывалъ землемѣръ Шавронскій, бывшій офицеръ арміи Фридриха Великаго.

Когда стало извѣстно о приближеніи Желѣзняка, уманскіе казаки выступили навстрѣчу непріятелю по Звенигородской дорогѣ и стали лагеремъ въ степи. Велѣдъ за выступленіемъ войска, получено было отъ Потоцкаго ласковое письмо на имя Гонты съ назначеніемъ его командиромъ полка. Письмо это почему-то Младановичъ скрылъ, и когда ему донесли, что Гонтою получено было письмо отъ Желѣзняка съ приглашеніемъ присоединиться къ нему, то онъ велѣлъ Гонтѣ и другимъ сотникамъ явиться для объясненія въ городъ. Собранныя въ Умани польская знать требовала казни Гонты.

Явившіеся въ городъ сотники были весьма дурно приняты Младановичемъ, и хотя онъ не смѣлъ ихъ казнить, но публично обидѣлъ разными упреками и требованіемъ вторичной присяги на вѣрность польскому дѣлу. Письмо Потоцкаго онъ и теперь не вручилъ Гонтѣ.

Вернувшійся въ лагерь, жестоко обиженный Гонта, узнавъ о письмѣ и о намѣреніяхъ его казнить, по требованію его подчиненныхъ, на вторичное приглашеніе Желѣзняка, согласился дѣйствовать съ нимъ заодно противъ Умани. Давъ полковнику своему случай снагнать бѣгствомъ, онъ двинулся съ полкомъ къ Умани и сталъ лагеремъ около Грекова лѣса (нынѣ часть Софіевскаго парка). Возвращенію полка уманцы сначала очень обрадовались, воображая, что полкъ вернулся послѣ побѣды надъ Желѣзнякомъ, но скоро, къ ужасу своему, увидѣли, что велѣдъ за полкомъ явились и полчища непріятеля. Гонта выѣхалъ имъ навстрѣчу и въ виду города подаль руку Желѣзняку.

Немедленно было предложено городу сдаться. Но знакомые съ участіемъ Лисянки, уманцы порѣшили защищаться. 30 часовъ кипѣлъ отчаянный бой вокругъ стѣнъ и башенъ городскихъ, а когда у защитниковъ не стало пороха и воды, казаки ворвались въ городъ — и началась та ужасная драма, которая извѣстна въ исторіи подъ названіемъ „Уманской рѣзни“. 18,000 поляковъ и жидовъ погибло въ одинъ день. Глубокіе колодези у Базиліанской коллегіи были завалены 3,000 труповъ; уцѣлѣли только принявшіе православіе. Шавронскій погибъ въ башнѣ, державшейся до послѣдней минуты, а Младановичъ былъ взятъ въ плѣнъ и зарубленъ Гонтою по прочтеніи теперь только переданнаго ему письма. Желѣзнякъ объявилъ себя гетманомъ Малороссійскимъ, а Гонту назначилъ княземъ Уманскимъ.

Не долго улыбалось счастье Гонтѣ и Желѣзняку. Посланный противъ нихъ слабый польскій отрядъ региментаря Стемиховскаго, вскорѣ былъ подкрѣпленъ русскимъ отрядомъ полковника Кречетникова. Къ нимъ присоединились и 1,000 человѣкъ донскихъ казаковъ. Но такъ какъ и теперь считали себя слишкомъ слабыми для успешнаго боя съ многочисленнымъ отрядомъ возставшихъ, то рѣшено было прибѣгнуть къ военной хитрости.

Посланы были къ Гонтѣ одни донскіе казаки подъ командою Крываго. Первой предложилъ Гонтѣ и Желѣзняку соединиться съ регулярными своими войсками, съ донцами, для совместнаго дѣйствія противъ Барскихъ конфедератовъ, а народъ распустилъ по домамъ. Ничего дурнаго не подозревавшіе, Гонта и Желѣзнякъ дались въ обманъ. Они распустили народъ

и были приглашены Крывымъ на передходную пирушку. Перепившись на этой пирушкѣ, они были, вмѣстѣ съ 2,000 своихъ казаковъ, перевязаны донцами. Желѣзнякъ былъ сославъ въ Сибирь, а Гонта выданъ Стемиховскому, который его велѣлъ казнить въ мѣстечкѣ Сербакъ. Когда передъ четвертованіемъ со сниси Гонта сняли 12 ремней кожи, то онъ говорилъ, не моргая глазами: „вотъ сказали, будетъ больно, а оно ни крошки не больно, точно блохи кусаютъ“.

Изъ жителей мѣстечка Лисянки и окрестныхъ селъ былъ разстрѣлянъ 10-ый человекъ, и съ тѣхъ поръ въ этихъ селахъ носятъ дѣвчичьи—черныя ленты вмѣсто красныхъ въ волосахъ, а мужчины крестъ на черной лентѣ на груди. Въ селѣ Орадовкѣ, подаренномъ Потоцкимъ вмѣстѣ съ Росошками Гонтѣ, сохранилась еще дверь въ старой деревянной церкви, на которой Гонтю вырѣзаны были слова: „Сію дверь поставилъ панъ Гонта“. Надо надѣяться, что эта дверь послѣ споса въ прошломъ году старой церкви, была передана въ надлежнѣя руки.

Въ слѣдующія затѣмъ сравнительно мирныя времена, Умань опять поднялась и стала снова значительнымъ центромъ Юга. Графъ Станиславъ Феликсъ Потоцкій, тотъ самый Потоцкій, который игралъ столь видную роль въ исторіи послѣднихъ дней своего отечества, перенесъ сюда свою резиденцію, облегчилъ участь своихъ крѣпостныхъ уменьшеніемъ барщины и устроилъ прекрасный Софійскій паркъ.

Станиславъ Феликсъ (Щенский) Потоцкій былъ человекъ мягкій, съ идеальными началами, но при томъ не далекій умомъ и самолюбивый. Въ молодости своей онъ страстно влюбился въ дѣвицу Гертруду Комаровскую, дочь не особенно знатнаго помѣщика. Противъ желанія родителя, гордаго воеводы Кіевского, онъ тайно вступилъ съ нею въ бракъ. Узнавъ объ этомъ, отецъ велѣлъ похитить молодую женщину ночью и увезти въ монастырь. Но въ дорогѣ она была задушена и брошена въ прудъ. Молодой вдовецъ былъ въ отчаяніи, но потомъ женился, по желанію родителей, на дѣвчѣ изъ дома Мнишковыхъ. Благодаря своему знатному положенію, онъ былъ назначенъ генераломъ польской артиллеріи.

Во время путешествія императрицы Екатерины II внизъ по Дунаю и ея свиданія съ Польскимъ королемъ Станиславомъ Августомъ, Потоцкій былъ весьма обласканъ императрицею въ Кіевѣ и Каневѣ, и сталъ ея горячимъ приверженцемъ. Изгнанный послѣдствіемъ основателями польской конституціи 1792 года изъ Польши, онъ вмѣстѣ съ другими консервативами составилъ Тарговицкую конфедерацію, и обратился съ просьбою о помощи къ русской императрицѣ. Сто тысячъ русскаго войска, подъ начальствомъ Каховскаго и Кречетникова, вступили въ Польшу на помощь конфедератамъ. Польское правительство обратилось къ прусскому королю съ ходатайствомъ, чтобы онъ поддержалъ его по обиданію; но Фридрихъ Вильгельмъ II отвѣчалъ, что поляки безъ его вѣдома и согласія перемѣнили старый порядокъ на конституцію 3 мая, что они сами могли предвидѣть тѣ затрудненія, въ какихъ теперь находится, и т. д. Предоставленные собственнымъ силамъ, польскій войска съ самаго начала стали отступать предъ русскими, которые и заняли Варшаву. Результатомъ этого, какъ известно, былъ второй, а вскорѣ затѣмъ и третій раздѣлъ Польши.

Въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ Потоцкій много содѣйствовалъ поднятію благосостоянія крестьянъ, уменьшеніемъ барщины до 1 дня пащичины въ мѣсяцъ, 12 лѣтнихъ дней шарварки и 12 лѣтнихъ дней покоса. Послѣ развода со второй женой, онъ женился на знаменитой красавицѣ Софѣ, бывшей черкесской пельвицѣ.

Софья Потоцкая была родомъ изъ Грузіи. Она пошла въ пѣвицъ къ черкесамъ, но была освобождена полковникомъ Витте, за котораго и вышла замужъ. Вслѣдствіи Витте былъ назначенъ комендантомъ крѣпости Керчи и тутъ Потоцкій познакомился съ Софіею и страстно полюбилъ ее. Встрѣчая взаимность, онъ купилъ согласіе мужа на разводъ за 200,000 руб. и женился на ней.

Исторію основанія Софійскаго сада рассказываютъ такъ. Однажды, во время прогулки съ мужемъ въ лѣсу близъ Умани, Софья, пораженная природной красотой мѣстности, восклицала: „Ахъ какъ хорошо было-бы, если-бъ эта мѣстность превратилась въ волшебный садъ“. Вскорѣ послѣ того Потоцкій со своей супругою отправился за границу, гдѣ пробылъ 3 года. За это время лѣсъ дѣйствительно превратился въ волшебный паркъ. За сотни верстъ перевезены были громадныя сосны и ели; явились въ скалахъ глубокия пещеры, на высотахъ террасы, пруды, фонтаны, гроты, подземные тоннели, храмы, водопады, мраморныя статуи лучшихъ скульпторовъ,—словомъ создана та Софійка, которая еще сегодня восхищаетъ каждого посетителя и такъ великолѣпно описана въ поэзіи другомъ Потоцкаго, поэтомъ Трембецкимъ. Основаніе сада, какъ увѣряютъ, стоило до 3 милліоновъ рублей.

Послѣ польскаго бунта 1830 года, замѣшанный въ пемъ тогдашній владѣтель Умани жилъ за границей. Императоръ Николай требовалъ отъ него возвращенія въ Россію; По-

тоцкій отвѣчалъ отказомъ, вслѣдствіе чего были конфискованы его имѣнія и изъ нихъ образованъ Кіево-Подольскій округъ южныхъ поселеній. Большая часть крестьянъ была переведена изъ своихъ селъ близъ лѣсовъ во вновь построенныя, весьма красивыя, но большею частію и весьма неудобныя въ хозяйственномъ отношеніи села по большимъ дорогамъ. Старыя сады крестьянъ были вырублены и предписана посадка новыхъ садовъ около новыхъ ихъ домовъ часто на такихъ мѣстахъ, гдѣ вслѣдствіе открытой мѣстности и отсутствія влаги, посадка садовъ не была мыслима. Вмѣсто прежнихъ управляющихъ и экономовъ завѣдывали хозяйствомъ офицеры и унтеръ-офицеры, крестьяне получили полувоенный строй, построены были мажежи, лазареты, провіантскіе магазины, дома для генераловъ, штабъ и офицеровъ, переведенныхъ сюда на постоянную стоянку кавалерійскихъ дивизій. Мѣстечки и села получили тамъ особенный, типичный, неестественный видъ, которымъ отличались всѣ военныя поселенія какъ Юга, такъ и Сѣвера. По 30 лѣтъ спустя, съ освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія, и поселенцамъ возвращена была свобода. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ преобразованнаго управленія южными поселеніями, съ 1861 до 1867 года, физіономія всего края измѣнилась какъ по маповенію волшебнаго жезла. Въ теченіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ исчезли громадныя селенія въ нѣсколько тысячъ душъ въ однихъ мѣстахъ, не оставивъ за собою почти никакихъ слѣдовъ, и выросли таковыя же громадныя села въ другихъ мѣстахъ, близъ лѣсовъ, на берегахъ ручейковъ, на мѣстѣ старыхъ, когда-то уничтоженныхъ садовъ. Весьма характерно для того времени донесеніе пристава 2-го стана Уманскаго уѣзда Уманскому полицейскому управленію. Оно приблизительно такъ гласитъ: „По пути изъ мѣстечка Дубовой въ г. Умань мною усмотрѣно между Горбовскимъ и Тировскимъ лѣсами село, не извѣстно откуда явившееся. По разпросамъ у мѣстныхъ жителей, я узналъ, что это село называется Собковкою, о чемъ я честь имѣю донести полицейскому управленію для дальнѣйшихъ распоряженій“.

Еще во время существованія южныхъ поселеній основано было въ Софійскомъ саду училище садоводства, а впоследствии, въ 1868 году, это училище было преобразовано въ училище земледѣлія и садоводства съ правами гимназіи. Оканчивающіе курсъ въ этомъ училищѣ не-дворяне получали права почетныхъ гражданъ, а прошедшіе впоследствии еще 2-хъ или 4-хъ лѣтній практической курсъ въ Никитскомъ саду въ Крыму— званіе ученыхъ садоводовъ или винодѣловъ.

Изъ помѣщенныхъ на страницѣ 1221-й 4-хъ видовъ сада, 1-й изображаетъ главныя ворота сада. Съ лѣвой стороны этихъ воротъ находится длинный гранитный жолобъ, для пріема ключевой воды, протекающей въ подводныхъ трубахъ сюда со средины парка, гдѣ она бьетъ изъ скалы (гробъ Дианы). Этотъ ключъ снабжаетъ весь городъ прекраснѣйшею водою. Отъ главныхъ воротъ ведетъ прямая красивая аллея каштановыхъ деревьевъ къ порталу въ видѣ римскаго храма, за которымъ открывается прелестный видъ на нижній прудъ съ фонтаномъ въ срединѣ и на противоположныя террасы.

Подъ этимъ рисункомъ изображенъ видъ со средней террасы на нижній прудъ и храмъ.

Правѣ изображенъ водопадъ у пруда съ золотыми рыбками. Водопадъ снабжается водою изъ средняго пруда, протекающею въ широкомъ подземномъ тоннелѣ, длиною въ 1/2 версты, отъ средняго пруда до маленькаго бассейна надъ водопадомъ, черезъ который граціозно перекинутъ легкій мостъ. Тоннель можно проѣхать на лодкѣ.

Надъ этимъ рисункомъ изображенъ гротъ Венеры со статуею богини. Въ гротъ этотъ ведетъ подземный ходъ. Сущенная изъ средняго пруда вода стѣною закрываетъ богиню и внутренность грота, представляя прекрасное зрѣлище, особенно въ солнечный день, для всѣхъ находящихся внутри грота.

Кромѣ этихъ четырехъ эффектныхъ видовъ, имѣется еще масса другихъ, не менѣ красивыхъ, какъ-то: навильонъ на островѣ средняго пруда, глубокій львиный гротъ, Елисейскія Поля съ красивымъ рядомъ плотинъ вдоль ручейка, средняя терраса съ колонною императора Николая, фонтанъ у виноградника, громадныя оранжереи и проч. и проч.

Многочисленныя зданія училища съ его фермами, питомниками, фруктовыми садами, учебными полями и покосами, расположены на самой верхней террасѣ, нѣсколько ниже верхняго пруда, лежащаго уже внѣ предѣловъ парка и снабжающаго водою фонтаны парка. Въ зданіяхъ училища живутъ большая часть учениковъ, директоръ, инспекторъ, учителя, практиканты, масса рабочихъ и проч. Зданія большею частію недавно построены и внутреннее устройство ихъ весьма практично. Оранжереи, одна изъ самыхъ богатыхъ растеніями и можетъ быть самая крупная въ Россіи, занимаетъ громадное пространство. Въ ней находится масса рѣдкихъ растеній. Особенно замѣчательны: отдѣлы камелій и банановъ, да громадныя араукаріи.

Новое роскошное иллюстрированное издание.

„ФАУСТЪ“, ГЁТЕ,

Объ части, въ переводѣ А. Фета, съ гравюрами и эстампами по рисункамъ Энгельберта Зейбертца.
Издание А. Ф. Маркса. СПБ.

Образецъ рисунковъ, уменьшенный въ 10 разъ. Фаустъ и Мефистофель въ Ауэрбаховомъ погребѣ.

Это первое въ Россіи полное роскошное издание „Фауста“, достойное великаго всемірнаго поэта и его совершенно исключительнаго, даже для Гёте, произведенія.

Въ самомъ дѣлѣ, „Фаустъ“ исчерпываетъ собою всю земную мудрость и изъ всѣхъ поэтическихъ произведеній служитъ лучшею подготовкою къ воспріятію высшихъ откровеній сверхъчувственнаго міра. Правитель, государственный человѣкъ, воинъ, ученый, художникъ, простой гражданинъ и прежде всего *человѣкъ* во всѣхъ тревоженіяхъ житейскаго моря найдетъ себѣ въ этой книгѣ надежное руководство и разъясненіе сомнѣній обуревающихъ его въ томъ многосложномъ и обманчивомъ калейдоскопѣ, который называется земною жизнью. Проводя своими губернаторомъ и комендантомъ, назначенными состоять при Его Высочествѣ офицерами и персоналомъ русскаго посольства. Императоръ былъ въ русской военной формѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ — въ прусскомъ гусарскомъ мундирѣ. Послѣ сердечныхъ привѣтствій, Высочайшія Особы прошли передъ фронтомъ стоявшей въ почетномъ караулѣ роты имени Императора Александра полка и затѣмъ, съѣвъ въ придворный экипажъ, прослѣдовали въ домъ русскаго посольства, вездѣ торжественно привѣтствуемые публикою. На пути отъ вокзала желѣзной дороги до зданія русскаго посольства Наслѣдникъ Цесаревича сопровождалъ эскадронъ Gardes du Corps, что дѣлается лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Въ русскомъ посольствѣ въ честь Наслѣдника Цесаревича былъ ужинъ,

умомъ и лишь до нѣкоторой степени освѣщаются намеками гениальныхъ поэтовъ. Вотъ почему „Фаустъ“ долженъ быть настольною книгою каждаго мыслящаго чело-вѣка.

Приступая къ этому монументальному изданію, мы не щадили ни труда, ни средствъ для того, чтобы оно вполне и всесторонне соответствовало цѣли.

Что касается литературной стороны изданія, то изъ многочисленныхъ переводовъ первой части „Фауста“ и трехъ полныхъ переводовъ трагедіи на русскій языкъ, мы выбрали переводъ А. Фета, какъ безспорно художественнѣйшій и притомъ передающій великое произведеніе Гёте безъ малѣйшихъ отступленій и вольностей, почти дословно, размѣромъ подлинника и съ соответствующими римами. По громадности трудъ нашего знаменитаго лирика можетъ сравниться развѣ съ переводомъ „Иліады“ Гнѣдича, и Россія въ правѣ гордиться передъ цѣлымъ свѣтомъ, обладая двумя столь точными воспроизведеніями величайшихъ поэтическихъ твореній древняго и новаго міра. Хорошо сознавая тѣ трудности пониманія, какія представляютъ читателю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вторая часть трагедіи, переводчикъ сопровождаетъ ее въ концѣ книги весьма обстоятельными объясненіями и комментаріями, которыя ничего не оставляютъ неразъясненнымъ, и великое произведеніе становится такимъ образомъ доступнымъ всякому.

Изъ иллюстрацій къ „Фаусту“ не много такихъ, которыя были бы его достойны; извѣстные рисунки Лиценмайера относятся лишь къ первой части трагедіи, а знаменитые эстампы Каульбаха слишкомъ немногочисленны и совершенно потерялись бы въ громадѣ роскошнаго изданія in-folio. Поэтому, не взирая на дороговизну, мы прибѣгли прѣвосходныя гравюры на мѣди съ рисунковъ Энгельберта Зейбертца, обнимающихъ объ части „Фауста“ и какъ нельзя болѣе подходящихъ къ характеру самаго произведенія Гёте. Эти эстампы отличаются строгою выдержанностью древне-германскаго стиля, а помѣщенные на ряду съ ними болѣе 200 рисунковъ на деревѣ, вишетоки и заставокъ напоминаютъ отца гравюры—Альбрехта Дюрера.

Прилагаемъ, какъ образецъ, въ десять разъ уменьшенный снимокъ съ одного изъ эстамповъ, изображающаго полетъ Фауста и Мефистофеля на бочкѣ изъ Ауэрбахова погреба.

Обнимающій не болѣе десяти печатныхъ листовъ обыкновеннаго компактнаго шрифта, въ нашемъ изданіи „Фаустъ“ напечатанъ слишкомъ на 100 листахъ лучшей веленовой бумаги крупными буквами, такъ что почти каждая составная часть каждой строки позволяетъ читателю остановиться на ней, какъ того требуетъ многозначительное, исполненное величайшихъ тайнъ искусства, произведеніе міроваго поэта-мыслителя.

Наконецъ, для того, чтобы и внѣшняя оболочка изданія вполне соответствовала содержанию, мы поручили одному изъ нашихъ художниковъ, составить оригинальный рисунокъ для переплета въ древне-германскомъ стилѣ. По этому рисунку былъ тщательно исполненъ мѣдный штампъ, надъ которымъ гравировать трудился около полугода, и такимъ образомъ полученъ роскошный рельефно тисненый, кожаный (шагреновый) переплетъ, вполне соответствующій книгѣ.

Появленіе этой книги за нѣсколько недѣль предъ праздниками Рождества, даетъ возможность каждому любителю сдѣлать себѣ или друзьямъ богатый подарокъ на елку. Подробности о цѣнѣ см. въ объявленіяхъ.

Политическое обозрѣніе.

Пребываніе Государя Наслѣдника Цесаревича въ Берлинѣ сопровождалось цѣлымъ рядомъ торжественныхъ церемоній и почетей, изъ которыхъ нѣкоторыя признаются, по извѣстіямъ изъ Берлина, явленіемъ совершенно необычайнымъ. Прибывъ въ 9 час. 15 м. веч., Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ встрѣченъ императоромъ, принцемъ Генрихомъ, генералитетомъ, берлинскими губернаторомъ и комендантомъ, назначенными состоять при Его Высочествѣ офицерами и персоналомъ русскаго посольства. Императоръ былъ въ русской военной формѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ — въ прусскомъ гусарскомъ мундирѣ. Послѣ сердечныхъ привѣтствій, Высочайшія Особы прошли передъ фронтомъ стоявшей въ почетномъ караулѣ роты имени Императора Александра полка и затѣмъ, съѣвъ въ придворный экипажъ, прослѣдовали въ домъ русскаго посольства, вездѣ торжественно привѣтствуемые публикою. На пути отъ вокзала желѣзной дороги до зданія русскаго посольства Наслѣдникъ Цесаревича сопровождалъ эскадронъ Gardes du Corps, что дѣлается лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Въ русскомъ посольствѣ въ честь Наслѣдника Цесаревича былъ ужинъ,

сервированный на двухъ столахъ. За столомъ, за которымъ сидѣли Его Высочество и императоръ Вильгельмъ, помѣщались также принцъ Генрихъ Прусскій, посолъ графъ Шуваловъ съ супругою, графъ Гербертъ Висмаркъ и другія лица. Для прочаго персонала русскаго посольства и офицеровъ Вестфальскаго гусарскаго полка ужинъ подавался въ сосѣднихъ комнатахъ. Присутствіе императора Германскаго на ужинѣ въ русскомъ посольствѣ, прежде чѣмъ Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ съ визитомъ въ императорскомъ дворцѣ, считаютъ въ Берлинѣ явленіемъ большой важности.

На другой день, 10 ноября, въ честь Наслѣдника Цесаревича императоръ произвелъ утромъ по повому уставу ученые сводному батальону полка Императора Александра. Затѣмъ императоръ, по случаю открытія рѣхстага, простился съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, сонзволвившимъ принять отъ офицеровъ полка приглашеніе на завтракъ. За завтракомъ Наслѣдникъ Цесаревичъ провозгласилъ тостъ за здоровье императора Вильгельма. Полковой командиръ отвѣтилъ тостомъ за здоровье Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича, провозгласивъ

наго затѣмъ тостъ за благоденствіе полка. Оба тоста были провозглашены Наслѣдникомъ Цесаревичемъ на нѣмецкомъ языкѣ, что отмѣчается нѣмецкими газетами съ особеннымъ удовольствіемъ. На бывшемъ въ тотъ-же день парадномъ обѣдѣ во дворцѣ присутствовали Наслѣдникъ Цесаревичъ, герцогъ Аостскій съ супругой, эрцгерцогъ Эсте и около ста приглашенныхъ особъ. За столомъ играла музыка отъ полка Императора Александра.

Вечеромъ, въ 11 1/2 ч., Наслѣдникъ Цесаревичъ отбылъ въ Петербургъ. До вокзала проводили Цесаревича принцъ Леопольдъ, состоявшіе при Его Императорскомъ Высочествѣ офицеры и персоналъ русскаго посольства.

Берлинскія газеты высказываются въ весьма сочувственныхъ выраженіяхъ о Государѣ Наслѣдникѣ по случаю пребыванія Его Императорскаго Высочества въ Берлинѣ. Особенно сильное впечатлѣніе произвела задушевность личныхъ отношеній между Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Германскимъ императоромъ.

Journal de St. Péterbourg, по поводу приѣма Государя Наслѣдника въ Берлинѣ, говоритъ: „Какъ видно изъ депешъ, 24 часа, проведенные въ Берлинѣ Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ на обратномъ пути изъ Копенгагена, вызвали манифестацію сердечной симпатіи со стороны его величества императора Вильгельма, двора, общества и населенія. Мы рады указать на эти манифестаціи, но нисколько ими не удивлены. Не говоря уже о чарующемъ впечатлѣніи, которое производитъ Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, прочимъ державамъ имѣютъ мирный характеръ. Самъ императоръ непрестанно заботится объ упроченіи мира. Было бы

объ Императорскія Фамиліи и что съ той и другой стороны всегда рады случаю проявить эти чувства.“

Во время пребыванія Наслѣдника Русскаго престола въ Берлинѣ, состоялось въ Бѣлой залѣ Королевскаго дворца торжественное открытіе рейхстага, при чемъ въ придворной ложѣ присутствовали императрица Викторія-Августа, Наслѣдникъ Цесаревичъ, герцогъ Аостскій съ супругой и эрцгерцогъ Эсте.

Въ тронной рѣчи, прочитанной императоромъ Вильгельмомъ, заявлено, что побѣда его по Германіи убѣдила его въ томъ, что идеи имперскаго единства пустила уже повсемѣстно глубокіе корни въ народномъ сознаніи; затѣмъ упоминается о присоединеніи Гамбурга и Бремена къ германскому таможенному союзу и о торговой конвенціи съ Швейцаріей. Констатируя удовлетворительное финансовое положеніе, императоръ радостно привѣтствуетъ обнаруживающуюся въ Германіи общій экономическій прогрессъ. Земледѣіе находится еще въ подавленномъ состояніи, но возможность большей доходности отъ продажи сельскохозяйственныхъ продуктовъ обнадеживаетъ, что положеніе это улучшится. Въ рѣчи заявлено, что будутъ внесены законопроекты о рабочихъ артеляхъ, объ измѣненіи въ уставахъ страхованія отъ болѣзней, а также объ обезпеченіи престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду. По поводу англо-германскаго соглашенія относительно восточной Африки предполагается вести дальнѣйшіе переговоры съ другими правительствами, а также внести въ рейхстагъ соответственные законопроекты. Отношенія Германіи ко всѣмъ

Уманское училище садоводства и земледѣія. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Видъ города Умани, Кіевской губерніи. Бывшая іезуитская коллегія и историческій колодезь. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

въ Россіи знаютъ, что тѣсныя отношенія дружбы связываютъ

прочимъ державамъ имѣютъ мирный характеръ. Самъ императоръ непрестанно заботится объ упроченіи мира. Было бы

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ СЮРПРИЗЪ.

При одномъ изъ ближайшихъ №№ „Нивы“ текущаго года г.г. подписчики получаютъ новую, не общанную, бесплатную премію, состоящую изъ изящно изданной книги:

„СБОРНИКЪ ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ“

К. А. Бороздина, Манс. Бѣлинскаго, В. П. Желиховской, Н. В. Успенскаго и др.

Красивый томъ, заключающій въ себѣ болѣе 250 страницъ.

несовмѣстно съ христіанскою вѣрой, исповѣдуемую императоромъ, и съ его понятіемъ о нравственномъ своемъ долгѣ навлекать безъ необходимости на Германію бѣдствія хотя бы даже и побѣдоносной войны.

Journal de St.-Petersbourg, отмѣчая, что „этою тронною рѣчью императоръ Вильгельмъ открылъ первую обыкновенную сессію германскаго парламента со времени восшествія его величества на престолъ“, указываетъ, что она констатируетъ мирный характеръ отношеній имперіи ко всѣмъ правительствамъ и свидѣтельствуеетъ о весьма миролюбивыхъ намереніяхъ Германіи, равно какъ о надеждѣ на поддержаніе мира.

Въ берлинской печати и въ политическихъ кружкахъ упрочилось мирное впечатлѣніе, произведенное словами тронной

рѣчи, относившимися до внѣшней политики. Пессимистическое воззрѣніе *Post*, противорѣчащее словамъ тронной рѣчи, не считается здѣсь выраженіемъ взгляда руководящихъ сферъ. Воззрѣніе это объясняется съ одной стороны незваніемъ обстоятельствъ, а съ другой—вліяніемъ не имѣющими ничего общаго съ высшей политикой. Постоянная тревога, въ которой часть печати позволяетъ себѣ держать капиталистовъ, вызываетъ повсемѣстно, особенно же въ финансовыхъ и торговыхъ кружкахъ, опущеніе весьма тяжкаго гнета. Возбужденіе тревожныхъ онасеній представляется особенно неосновательнымъ въ виду преобладающаго убѣжденія въ томъ, что миролюбивому настроенію державъ удастся устранить опасныя для мира элементы и обезпечить сохраненіе мира.

С М Ъ С Ъ.

Друзья и почитатели Юліана Ивановича Симашко рѣшили отпраздновать его 50-лѣтній юбилей 18 декабря. Въ часъ дня юбиляру будутъ принесены поздравленія отъ ученыхъ обществъ и др. лицъ, а въ 5½ часовъ состоится обѣдъ. Подписка на обѣдъ принимается въ магазинѣ „Новаго Времени“ (Невскій, 38), по 8 р. съ персоны. Распорядители юбилей: профессоръ Э. К. Брандтъ (Тверская ул., 13) и В. П. Воленскій (Симеоновскій пер., 5).

Исслѣдованія доисторической Америки. При щедрой поддержкѣ правительства и состоятельныхъ частныхъ лицъ, исслѣдованія, стремящіяся къ уясненію вопроса о доисторическомъ прошломъ Америки и ея обитателей, могутъ отмѣтить новую побѣду. Франку Кѣшингу,—который уже много лѣтъ проживаетъ въ Мексикѣ среди индійцевъ Цуни и настолько слиялся съ этимъ племенемъ, что былъ возведенъ имъ въ священнической санъ—удалось открыть развалины большаго древнеиндійскаго города. Развалины эти находятся въ штатѣ Арисона, къ сѣверу отъ южной Тихоокеанской дороги, въ недалекомъ разстояніи отъ теперешняго городка Феникса. Древній городъ, названный Кѣшингомъ Ласъ-Муэртосъ (городъ мертвыхъ), повидимому, занималъ неправильную площадь въ девять англійскихъ квадратныхъ миль; дома располагались преимущественно большими квадратами; городъ окружала высокая стѣна, служившая, очевидно, для его защиты; посрединѣ находились развалины огромнаго храма и подъ нимъ найдено множество скелетовъ. Открыты также многочисленные кладбища; по разнымъ способамъ погребенія и по обычаю, употребительному и по сіе время у индійцевъ Цуни, класть въ могилы тѣ или другіе предметы, Кѣшингъ, благодаря своему знанію туземныхъ религиозныхъ обрядовъ, пришелъ къ заключенію, что обитатели древняго города должны быть разсматриваемы какъ предки нынѣшнихъ индійцевъ племени Цуни. Судя по очевиднымъ признакамъ и стариннымъ преданіямъ Цуни, городъ былъ разрушенъ страшнымъ землетрясеніемъ. Послѣ внезапно разразившейся катастрофы, о силѣ которой можно судить по тысячамъ найденныхъ скелетовъ, и истребленной во всякомъ случаѣ значительную часть жителей, развалины постепенно покрывались наноснымъ пескомъ и вся домашняя утварь отлично сохранилась. Найденныя вещи состоятъ главнымъ образомъ изъ предметовъ ежедневнаго употребленія; по формѣ и украшеніямъ гончарныхъ издѣлій, они сходны съ употребляемыми и по настоящее время племенемъ Цуни. Замѣчательно, что не найдено вовсе металлическихъ предметовъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Ласъ-Муэртосъ, Кѣшингъ открылъ второй городъ, названный имъ, вслѣдствіе найденныхъ остатковъ водопровода, Ласъ-Аквиасъ. Во всякомъ случаѣ города эти принадлежали народу могущественному, воинственному, свѣдущему въ искусствахъ и наукахъ. Слѣды этого народа, въ видѣ развалинъ городовъ, укрѣпленій, дворцовъ, храмовъ, пирамидъ и другихъ памятниковъ, открываются непрерывною дѣлюю, начиная отъ сѣверныхъ границъ Чили чрезъ Перу, Эквадоръ, всю центральную Америку, Мексику, Новую Мексику и Арисону до Солянаго озера въ Утахъ; но время процвѣтанія этого народа миновало задолго до испанскаго нашествія. (с.)

Величайшіе въ мірѣ часы. Слава величайшихъ въ мірѣ часовъ безусловно принадлежитъ указателю времени на Вестминстерской башнѣ въ Лондонѣ. Эти часы приводятъ въ дѣйствіе указательную стрѣлку на четырехъ циферблатахъ, изъ коихъ каждый имѣетъ 22 фута 6 дюймовъ (англійскихъ) въ разрѣзѣ, и выбиваютъ полные часы на колоколѣ, вѣсомъ въ 13½ тоннъ или 810 пудовъ, а четверти на четырехъ колоколахъ меньшихъ размѣровъ, которые имѣютъ всѣ имѣетъ 8 тоннъ вѣсу. Вестминстерскіе часы славятся изумительной точностью, съ какою дѣйствуютъ. Въ прошломъ году они, продолживъ 134 дня, показывали всего четыре секунды разницы съ астрономическимъ указателемъ на Лондонской обсерваторіи, что составляетъ по одной секундѣ въ мѣсяцъ. Въ теченіе семнадцати дней они дѣйствовали безъ всякаго замѣтнаго отступленія. Одинъ маятникъ этихъ часовъ имѣетъ 15 футовъ длины и 700 фунтовъ (болѣе 8 центнеровъ) вѣсу. Ни жаръ, ни холодъ на него не вліяютъ: онъ состоитъ изъ цинка и желѣза. Большая растяжимость цинка при возвышеніи температуры уравновѣшивается меньшею растяжимостью желѣза при тѣхъ-же условіяхъ и наоборотъ. Другой маятникъ относительно меньше вѣситъ, всего 6 пудовъ. Онъ пробѣгаетъ пространство, равное 200 футамъ, и поддерживаетъ ходъ часовъ въ теченіе 8 дней. Ихъ заводятъ ежедневно. Боевыя гири значительно тяжелѣе. Одинъ молотъ, удаляющій по большому колоколу, извѣстному подъ именемъ Big Ben

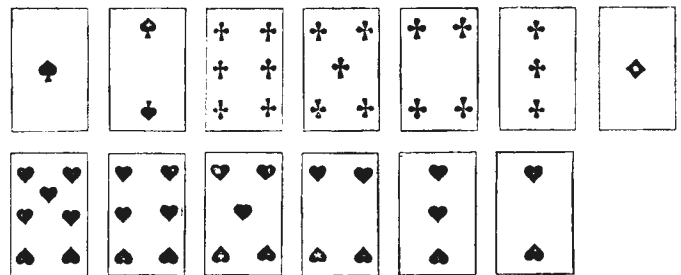
(большой Веньяминъ), вѣситъ 13¼ пудовъ. Боевыя гири тоже пробѣгаютъ пространство равное 200 футамъ, но въ половину времени, чѣмъ двигательная гиря, и потому заводятся два раза въ недѣлю. Часы бьютъ съ удивительной точностью. Ихъ первый ударъ соотвѣтствуетъ гриничскому нормальному времени. Объ истеченіи каждаго часа дается знаніе на королевскую обсерваторію въ Гриничѣ, для того чтобы чиновники могли тамъ контролировать вѣрность хода часовъ. Вестминстерскіе часы существуютъ съ 1859 г. Ихъ чистятъ каждые четыре года, а разбирали въ первый разъ только въ 1886 году, причемъ оказалось, что въ исправленіи нуждались одни колеса, которые усиленно дѣйствуютъ при вытѣсываніи гири. Циферблаты, какъ мы уже говорили, имѣютъ въ разрѣзѣ 6 метровъ 85 сантиметровъ, т. е. въ обхватъ болѣе 21 метра 50 сантиметровъ. Черточки или точки, обозначающія минуты, отстоятъ одна отъ другой на 35 сантиметровъ. Кончикъ минутной стрѣлки пробѣгаетъ ежедневно путь въ 516 метровъ, ежегодно въ 189,850 метровъ, что составляетъ около 26 географическихъ миль. Такимъ образомъ эта стрѣлка пробѣжала съ 1859 года по настоящее время пространство, равное 754 географическимъ милямъ, т. е. совершила седьмую часть кругосвѣтнаго путешествія. (N.)

Рѣшеніе задачи игры въ винтъ № 69 (помѣщ. въ № 43).

Третій партнеръ (B) имѣетъ:

Четвертый партнеръ (Y) имѣетъ:

Розыгрышъ м. шлема въ червяхъ. X ходитъ въ пику, A бьетъ козыремъ и козыряетъ, при чемъ оказывается, что всѣ козыри на одной рукѣ; еслибъ B снесъ на козырей туза и короля трефъ—были-бы взяты б. шлемъ. а такъ какъ B этого не сдѣлалъ, то A приходится, оставивъ для заручки одного козыря, выходить въ трефу. B, отходявъ туза и короля трефъ, выходитъ въ бубны, Y крестъ тузомъ, а A перекрываетъ козыремъ и, отходявъ еще двѣ трефы, остальные двѣ карты отдаетъ Y на козыря и пику. Еслибъ A выкозырялъ до конца и выпелъ-бы въ трефу, то A и B сдѣлали-бы всего 9 взятокъ.—*Игра пять бубенъ.* Y вполнѣ основательно выходитъ съ трефы, расчитывая, что X перекрестъ; но этого не случилось, B взялъ королема и козырнулъ; Y, заручившись на туза бубенъ, снова идетъ въ трефу, X перекрываетъ козыремъ и ходитъ въ пику. Такимъ образомъ X и Y берутъ три взятки.

Остальные условія, очевидно, удовлетворяются даннымъ раскладомъ картъ.

Вѣрная рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—А. Глянкина, Оренбургъ—А. Е. Игнатъева.

Рѣшеніе задачи—загадки № 71 (помѣщенной въ № 43).

хо	жу	на	го	ло
въ	хо	тѣ	и	на
но	гах	хо	жу	я
бо	си	ком	хо	тѣ
и	в	са	по	гах

Хожу на головѣ,
Хотя и на ногахъ;
Хожу я боскомъ,
Хотя и въ сапогахъ.

Разгадка: сапожный гвоздь.

Верныя рѣшенія этой задачи присланы отъ 876 лицъ и за недостаткомъ мѣста фамиліи рѣшившихъ помѣщены быть не могутъ.

Рѣшеніе ребуса № 70 (помѣщенного въ № 43).
„Нужда бѣду родить“.

ПОПРАВКА.

Въ № 45, на стр. 1120, подъ видомъ внутренняго двора Кремлевскаго Дворца и старинныхъ царскихъ теремовъ, по ошибкѣ типографіи, вкралась подпись: „Оружейная палата“. Эта подпись могла относиться только къ рисунку, помѣщенному нами на слѣдующей страницѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Ю. И. Симашко (съ портр.). — Бригадирская внучка. Московская быль. Графа Е. А. Саліаса. Часть II. (Продолженіе). — Къ рисункамъ: Тначика (съ рис.). — Предъ разлукой (съ рис.). — Зима (съ рис.). — Союзники въ Мерзбургѣ (съ рис.). — На службу (съ рис.). — Любимцы (съ рис.). — Христіанъ IX (съ портр.). — Е. И. В. Великій Князь Павелъ Александровичъ и его Высоконареченная невѣста Принцесса Александра Греческая (съ 2 портр.). — И. Д. Деляновъ (съ портр.). — Э. Ф. Направникъ (съ портр.). — Умань и Софіевна (съ 6 рис.). — Библиографія. „Фаустъ“, Гёте. — Политическое обозрѣніе. — Сѣвъ. — Рѣшенія задачъ. — О подпискѣ на „Ниву“ 1889 г. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Открыта подписка на 1889 годъ.

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ
литературы, политики и современной жизни,

„НИВА“

издаваемый А. Ф. МАРКСОМЪ, подъ редакціею В. П. КЛЮШНИКОВА.

Въ портфель Редакціи приготовлены между прочимъ къ печати слѣдующія новыя произведенія:

- Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ.
- П. Висковатова—„Головка съ натуры“, рассказъ.
- Кн. М. В. (автора романа *Дети Солнцевыхъ*)—„Мнимая любовь“, романъ въ 2 част.
- Графа А. А. Голенищева-Кутузова—„Время“, стих.
- Князя Д. Голицына-Муравлина — „Увлеченіе“, пов.
- П. Дорошенко—„Кто-же“, современный рассказъ.
- В. П. Желиховской—„Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина“, рассказъ.
- М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“, романъ.
- Н. В. Кукольника—„Крѣпостной художникъ“. (По-смертное произведеніе).
- Евгенія Львова—„Три могикана“, очерки изъ недавняго прошлаго земельной Россіи.

- А. Луговаго—„Борь“, поэма.
- В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, романъ въ 2-хъ част.
- П. П. Полевого—„Корень зла“, историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.
- Графа Е. А. Саліаса — „Барыни-крестьянки“, историческій романъ.
- Н. Северина—„Перепутала“, комедія въ 1 дѣйствіи.
- Н. Станицкаго—„Дѣдушка“, рассказъ.
- А. В. Стеригъ—„Божье дитя“, рассказъ.
- Ө. Ө. Тютчева—„Артемій Саватьевъ“, рассказъ.
- А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть.
- Кн. Д. Н. Цертелева — „Иранское преданіе“.
- О. Чуминой—„Загадка“, комедія въ 1 дѣйствіи.

Кромѣ разныхъ **ЭКСТРЕННЫХЪ ПРЕМІЙ**, выдаваемыхъ отъ времени до времени въ теченіе года, при журналѣ „Нива“ выдается особое бесплатное еженѣсное приложение „ПARIЖСКІЯ МОДЫ“—въ немъ до 500 модныхъ гравюръ въ годъ, до 350 рисунковъ изящныхъ рукодѣльныхъ работъ и множество **РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ**, до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, множество буквъ, вензелей и т. п. для мѣтки—словомъ полный модный журналъ.

Какъ главную премію на 1889 г. гг. годовые подписчики имѣютъ бесплатно получить большую олеографическую картину печатанную масляп. красками, съ оригинала проф. Имп. Акад. Худ. **В. Д. ОРЛОВСНАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

точно такого же формата какъ и премія 1888 года, т. е. 14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины.

Картина эта изображаетъ южно-русскую природу во всей роскоши ея лѣта. Это мирный хуторокъ съ его поэтическими бѣлыми хатками въ зелени вишневыхъ садовъ, освѣненный навѣсами рощи и залитый золотомъ послѣполуденнаго солнца по всей шири облегающей его степи.

Мы выставили картину въ книжныхъ магазинахъ и бібліотекахъ всѣхъ большихъ городовъ Россіи, гдѣ желающіе и могутъ наглядно убѣдиться въ ея высокихъ достоинствахъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ.	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у И. Н. Печковской, Петровскія линіи	6 р.	Съ пересылкою въ Москвѣ и въ друг. городахъ и мѣст. Имперіи.	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ.	6 р. 50 к.			За границу	9 р.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМІИ.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просятъ адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 6.

ЛЕВИНГУСЪ и ГИЗНУШЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Вышли и продаются во всѣхъ книжныхъ № 3529 магазинахъ: 3—1

МОНАХЪ (ПАТМОСЬ)

романъ Вас. Немировича-Данченко. Цена 1 рубль.

НЕЗАМѢТНЫЕ ГЕРОИ

повѣсть. Цена 1 руб. За пересылку съб-дуть приложить за 1 ф.

у П. ЮРГЕНСОНА въ Москвѣ,
у І. ЮРГЕНСОНА въ СПБ.

вышли изъ печати

ОПЕРЫ ДЛЯ ПѢНІЯ

съ русскими и оригинальными текстами:

- Робертъ (Мейербергера) . . . Цена 6 р.
  - Лознгринъ (Вагнера) . . . „ 5 „
  - Медистофель (Бойго) . . . „ 5 „
  - Волшебная флейта . . . „ 4 „
  - (съ речитативами) . . . „ 4 „
  - Кармень (Бизе) . . . „ 4 „
- Печатается „Африканка“, „Отелло“ Верди. П. № 3519

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ. СКРИПКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Алты, виолончели, басы. Смычки 1/2—50 мар. Фугляры 3/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходная струны. Всѣ духовые инструменты. Патентованная нѣмая скрипка для ученья (особыя изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендаций отъ Валдгейма, Сарате, Сора, Зигера и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куррантъ безплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ. Р. № 3468 Врейцнахъ. 9—3

ОСКОЛКИ

Подъ редакціей Н. А. Лейкина. Ежедневный иллюстрированный юмористическій журналъ большаго формата съ нарисунками (въ краскахъ и чернилахъ). № 3527 3—1

52 №№ въ годъ: до 800 рисунковъ, до 1300 статей; ребусы, шарлады, загадки на премію.

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:

новую книгу Н. А. Лейкина „ГОЛУБЧИКИ“

сборникъ рассказовъ, въ иллюстрированномъ изданіи, съ художественными иллюстраціями.

Цѣна за журналъ:

- На годъ съ перес. и дост. . . 3 р.
- На полгода съ перес. и дост. . . 3 „
- На три мѣс. съ перес. и дост. . . 3 „

◆ На пересылку премія заказною бандеролью гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать 28 коп. деньгами или почтовыми марками.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербурѣ, въ Троицкой ул., д. № 18—20.

Редакторы-издат.: Н. Лепкинъ и Р. Голіке.

ВЪ ПРИГОТОВИТЕЛЬНЪМЪ ПАНСИОНѢ

преподават. 1-го Моск. Кадетск. Корпуса И. А. САВИНА преподавать въ кадетскихъ корпусахъ и прочія средн. уч. зван., а также въ войска полнѣю опредѣляющимся. Москва, Нѣмецкая ул., д. Чернышова. М. № 3540 2—1

15 коп. Мителювки дер. двойн. очень практичная, американской системы безъ дыа, выщ. № 3541 высылаются по почтѣ. 3—1

Бр. ЛИНДЕМАНЪ.

Москва, Мясницкая, д. Ферстеръ.

А. РАДЛЕ и К^о ПРЯМОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ ВЪ МОСКВѢ.

- Мыло лапониное.
- Вода туалетная (особ.).
- Одеколонъ тройной.
- Укусъ цвѣточный.
- Вода сосновая.
- Кольдъ-кремъ виолетъ.
- Нудра велют.-цвѣт.
- Мыло гераний-роза.
- Мыло лимонно-глицер.
- Духи московскіе.
- Мыло для мытья головы.
- Мыла сапунныя. П. № 3518

Оптовая продажа: Боговляенскій пер., д. Чижова.

Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

САРПИКА. | Пріемъ заказовъ и пересылка во всѣ города Россіи и за границу. | СЕЗОНЪ 1889 г.

Собственной выработки САРПИНСКІЯ ИЗДѢЛІЯ ручнаго ткачества родъ зефира, для дѣтъ на дамскія платья, дѣтскіе костюмы и мужскія сорочки. Отлично моются.

Цѣны отъ 15 до 22 копѣекъ за аршинъ.

ОГРОМНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ НОВѢЙШИХЪ ОБРАЗЦОВЪ высылаются заказной бандеролью въ альбомѣ за 42 и въ конвертѣ за 28 копѣекъ почтовыми марками. Цѣны и условія при образцахъ. № 3525 3—1

Адресъ: Саратовъ. „Товариществу промышленниковъ с россійскихъ издѣлій“.

СЕЗОНЪ 1889 г. | ПРОДАЖА ШТУКАМИ и АРШИНАМИ. | САРПИКА.

ОДОРАМИНЪ ТУАЛЕТНЫЙ

пастильки замѣняющія туалетную воду, одну пастильку на чашку воды.

Онѣ служатъ для освѣженія кожи и придають пріятный запахъ; коробка, содержащая 24 пастильки, стоитъ 1 руб.

М. № 3425 4—3

Брокеръ и К^о.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ. 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (43) № 2946

ВИНА

натуральныя настояція венгерскія, французскія, испанскія, ренскія, хересъ, мадеру, портевейнъ, а также крымскія, кахетинскія и церковныя продаются бочками, ведрами и бутылками. Особенно рекомендуются знатокамъ: вина венгерскія сухія и сладкія, начинающія отъ „Дворянскія“ до весьма старыхъ, рѣдкихъ и замѣчательныхъ качествомъ и вкусомъ съ 1704 года отъ 60 коп. до 75 руб. бутылка. Медъ старопольскій отъ 60 коп. до 25 руб. бут. Старая литва. водка отъ 2—25 руб. бутылка, а также иностранн. старыя коньяки (цѣлебныя), ромы, лиеры, портеры и шампанскія. № 3535

Высылаютъ по оптовымъ цѣнамъ пробныя ящики въ 10, 25, 50 и 100 бутылокъ ОПТОВОЙ СКЛАДЪ ВИНЪ

В. КОТЕЦКАГО

въ Варшавѣ, Лешно ул., № 14 и 16. Прейсъ-куррантъ высылаются безплатно. Требуются агенты.

КАЛЕНДАРІИ на 1889 г. КРЕСТНЫЙ (15 к.) и КРЕСТОВЫЙ (10 к.)

можно получать у всѣхъ книгопродавцевъ. Складъ въ Москвѣ у книгопр. А. Д. Ступина.

КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ ЧЕШСКО-СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА В. Ф. ЧЕРВЕНЬИИ и Сыновья въ Кіевѣ, Рейтарскій, 41.

Рекомендуемъ свой заводъ для доставленія музыка. инструментовъ духовныхъ, струнныхъ, ударныхъ и клавишныхъ, которые превосходятъ нѣмецкихъ, английскихъ и французскихъ по числу стрій, отличаетъ изысканной и прочной отдѣлкой.

Т. и. адресовать: въ Кіевѣ, В. Ф. Червеному и С. № 3461

ПОДХОДЯЩІЕ ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ.

Ящики для хромофотографій съ химическо-механическими препаратами для превращенія всѣхъ возможныхъ фотографій въ художественно-писанныя масляными красками картини, безъ всякихъ позитивовъ и рисованій. Цена РС. 7.

Бинокли для театра, охоты и путешествій въ кожаныхъ футлярахъ на ремняхъ. РС. 7.

Фотографическій аппаратъ, состоящій изъ камеры, штатива, объективовъ и линзика, съ печатанными наставленіями употребленія. РС. 10.

К. Х. ФРЕЛАНДТЪ.

Складъ фотографическихъ принадлежностей С.-Петербурѣ, Невскій просп., д. № 30/16.

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ“

предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ точнѣе предвѣдѣ, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адресъ, единствен.: въ г. Хвалынскѣ И. Комисарову.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ, Понимаетъ всѣ % бумаги. Ссуды подъ всѣ % бумаги. Страхование винтринныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3487

ТАКЖЕ НУЖНЫ ВЪРЬМЕ съ постояннымъ мѣстомъ жительства АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ШОКОЛАДЪ
А. И. АВРИКОВЫХЪ СЫНОВЕЙ
въ Москвѣ.
№ 3510
продается во всѣхъ городахъ РОССІИ.

НОВЫЙШЕ ДУХИ:
 № 4711 **НАРЦИССЪ**
 въ 300, 200, 150 коп. за флак., своимъ приятнымъ, хорошимъ запахомъ такъ скоро приобретаетъ благоволение дамъ, какъ и любимыя

№ 4711 **ЛАНДЫШЪ**
 зеленый, съ золотомъ, ярлыкъ, въ 300, 240, 165 и 100 к. за флаконъ и

№ 4711 **VIOLETTES DE PARME**
 въ 240, 160 и 125 коп. за флаконъ, неподражаемые своимъ приятнымъ запахомъ. При покупке проситъ обращать вниманіе на

№ 4711
 (фабричная марка), которая находится на флаконѣ, какъ единственный знакъ не поддѣльности.

Имѣется во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинныхъ и торговыхъ антикарскихъ товарами въ Россіи.

Главное депо у **Алени. ТИСЪ** и **Комп.** Пушкинская ул., № 4. Р. № 3531

НОВОСТЬ! ОРГАНЪ-СОЛОВЕЙ!
 Для салона. Полная оркестровка. Гамма 40 тоновъ въ 2 игры, красная отдавка, полировка съ золотой вышивкой. Мелодичные звуки, металлическія ноты, неподвергающаяся порчѣ (это часто случается съ картонами), большой выборъ пьесъ, танцевъ, арий изъ разныхъ оперъ, духовныхъ пьесъ, національныхъ русскихъ пьесъ и пр. Цена органа-соловей съ 10-ю пьесами 50 р.; весы отдѣльно по 75 к. Заказъ изъ провинціи исполняется немедленно. М. № 3588
 Рекомендуетъ фабрика музыкальн. инстр.

Д. А. АЛЕКСАНДРОВА
 Каталогъ высылаются бесплатно.
 Депо музыкальныхъ инстр., Невскій пр., № 53, в. С.-Петербургъ

Прейсъ-курантъ издѣлій Ковалевскаго, картонокъ, металлическихъ и обтянутыхъ македонскъ, разныхъ разнѣровъ, очень удобныхъ для припрѣвы платьевъ, для портныхъ и для магазинныхъ. Картоны (и вообще все съ точнымъ трехъ-виновымъ постаментомъ) 6 руб., съ металлическимъ кринолиномъ 7 р. 50 к.; металлическіе изъ толстой проволоки 4 руб., изъ тонкой проволоки 3 р. 50 к., обтянутые, въ натуральную величину 8 р., обтянутыя бижутъ и кринолинъ до полноты 6 р., съ простыми постаментомъ безъ вышивки на 50 коп. дешевле. Честъ изъю довести до свѣдѣній почтеннѣйшей публики, что металлическіе кринолины въ македонскъ распростираются, т. е. кринолинъ можно увеличить и уменьшить по желанію, и металлическіе македонскы видѣются въ изъ простой желѣзной проволоки, а изъ бронзированной. Дѣтскіе вообще на 1 р. 50 к. дешевле. Отправка во все города Россійской имперіи; за упаковку 50 к. со счету; доставка на счетъ получателя, т. е. при полученіи уплатить за доставку, сморгри по вѣсу и разстоянію, презъ страховка конторы. Гр. покупателямъ отъ 5 и больше штукъ уступка 10%. Въсего мелкихъ денегъ можно послать почтовымъ марками. По желанію уплатить, какой кому нуженъ разнѣр. Адресъ: Издѣлія **мануфактуръ Г. Ковалевскаго**; Тверская, Старо-Газетный переулокъ, домъ Толмачева, в. Москвѣ. № 3484

Въ С.-Петербургѣ
 съ доставкой
 съ премією на годъ 8 р. 50 к. безъ преміи 1/2 г. 4, 25-годовыя подписчики вносятъ по 4 р. 50 к. за каждое 1/2 г. пользуются тоже премією.

ГОДЪ XIV-й.
О ПОДПИСКѢ НА
1889 г.

Въ С.-Петербургѣ
 съ доставкой
 съ премією на годъ 9 р. — безъ преміи 1/2 г. 4, 50-годовыя подписчики вносятъ по 5 р. за каждое 1/2 г. пользуются тоже премією.

НА ЖУРНАЛЪ „СТРЕКОЗА“

Журналъ „Стрекоза“, вступа въ 14 годъ своего изданія, приметъ всѣ заглавія отъ него мѣры, чтобы какъ и прежде быть первымъ юмористическимъ изданіемъ въ Россіи, какъ по изяществу рисунковъ, такъ и по разнообразію и ирисности текста.

Редакция посѣщала для этой цѣли пріислать нѣсколько помѣтокъ художественныхъ и литературныхъ силъ и уверена въ совершенномъ успѣхѣ своего похода 14 года. Премія нашего журнала на 1889 годъ будетъ носить очъ въ громкое названіе; но будегъ она называться очъ въ громкое только потому, что, желая дать въ главнѣи хотя бы пріимательное поганіе о содержаніи преміи, никакъ не возможно назъть ее менше громко. № 3524 2-1

Премія будетъ называться:

„ПЕРЛЫ И АДАМАНТЫ ВСЕМИРНАГО ЮМОРА“.

Мы имѣемъ въ виду предложить роскошно-иллюстрированный сборникъ, въ составъ котораго войдутъ выдержки изъ прошедшей нынѣшнѣе известнѣи юмористовъ: русскихъ, англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, испанскихъ, польскихъ, чешскихъ и пр. Эта блестящая, ослѣпительная вещь, идея говорить сама за себя. На каждой страницѣ будутъ разсказы, настоящие перлы и алмазы. Нашъ сборникъ введетъ широко до ушей удивляющагося читателя въ почтеннѣишую семью наиболее веселыхъ и остроумныхъ разсказчиковъ, поэтовъ и философовъ въ мірѣ. Книга вовсе не поступитъ въ частную продажу, потому что было бы грѣшно продавать на наличныя деньги (хотя бы даже и на металлическія) такой величественный и безпримѣрный подвигъ. Угнѣшемъ себя мыслию, что со времени Гуттенберга (съ 1478 г.) смотри „Исторію Среднихъ вѣковъ“) никогда не выхлѣила еще изъ-подъ печатнаго станка книга, которая могла бы выдержать хотя бы самое отдаленное сравненіе съ будущею премією нашего магистратъ журнала.

Во все годъ Имперіи съ пересылкою съ премією на годъ 10 р. безъ преміи 1/2 года 5 р. годовыя подписчики вносятъ по 5 р. 50 к. за каждое 1/2 г. пользуются тоже премією.	Требованія проситъ адресовать въ главную контору журнала „СТРЕКОЗА“ (ГЕРМАНУ КОРНФЕЛЬДЪ) въ С.-Петербургѣ.	За Границу съ пересылкою съ премією на годъ 12 р. безъ преміи на 1/2 г. 6 р. годовыя подписчики вносятъ по 7 руб. за каждое 1/2 год. пользуются тоже премією.
---	--	---

Издатель **Г. И. КОРНФЕЛЬДЪ.** Редакторъ **И. Ф. ВАСИЛЕВСКІЙ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ
 на литературно-художественный, издаваемъ П. П. Щеголовымъ, журналъ съ карикатурами,
РАЗВЛЕЧЕНІЕ

50 №№ въ годъ. Выходитъ по воскресеньямъ. Разнообразный текстъ, 400 больш. рисунк., множество иллюстрацій къ тексту, масса карикатуръ. 12 карт., въ видѣ ежемѣ. прилож., историческаго содержанія.

ПРЕМІЯ для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ: большая (въ 20 в. д. и 15 шир.), исполненна масляными красками, **КОПИЯ СЪ НАРИТНЫ** академика И. М. Пранишниковъ: „**ПЕШЕНЫЕ ФРАНЦУЗЫ ВЪ 12-й ГОДУ ПОДЪ КОМАНДОЮ СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЫ.**“

Премія будетъ выдана при подпискѣ.

Условія подписки съ пересылкою и доставкой: на годъ 6 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяць 75 коп.

Городская подписка принимается въ конторѣ П. Щеголовой (Москва, Петровскія лѣны) и въ конторѣ редакціи. Нижегородскы проситъ адресовать на имя издателя, Павла Петровича Щеголова: Москва, Запѣская ул., соб. домъ. П. № 3189

ЛИБИХА КОМПАНИ
МЯСНОЙ ЭКСТРАКТЪ
 лишь въ банки снаб-
Настоящія женныя подписью *Libich*
СИНЯГО ЦВѢТА

Главное депо для Россіи: братья Фохтсъ, В. О. 1-я лѣн., № 4. № 3396

МОЛЬДАКОТЪ
 Усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина **СЪ ИС-ЛЕСОМЪ** и автоматически выбрасывающагося челнокомъ.

Самое полное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „Мольдакотъ“ съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **непарываемымъ швомъ**, какъ сама тонкая, такъ и самая толстая матерія, равно какъ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна **всѣмъ классамъ**, самая удобная **въ хозяйствѣ**, равно какъ и **холоднымъ** и **военнымъ**, легка для **дѣтей**, **пригодна въ дорогѣ**, и всакой можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Въсѣмъ она около фунта. **Цена въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣхъ, ящ. къ 11 р. 25 к., пересылка 75 к.** Въ **Амстердамъ** Россію за 3 фунт.

Главный складъ въ **Москвѣ**, въ писчебумажномъ магазинѣ „**Полиграфъ**“, Моросейка, д. Комитета. № 3542

CRÈME-SIMON
 (КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведе-
 ніе прекрас-
 наго запаха,
 не портл-
 щееся.

LA POUDE SIMON
 И МЫЛО
 à la **CRÈME-SIMON**
 имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розничн. прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3129 16-4

ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖЪ:
Усовершенствованныя НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
 съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой постройки инструмента.

Цена бѣло-лакированныхъ 8
 темно-полированныхъ 8 50
 Ноты къ нимъ: Альбомъ I и II по . . . 30
 Альбомъ III новый 50

За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

Г. Ф. МОЛЛЕРЪ
 Москва, Щеголова, домъ Волкова.
 Прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно.
 Заказъ исполняется аккуратно и немедленно. П. № 3386 (5)

„НОВОСТИ ДНЯ“
 ежедневная общественная, политическая и литературная газета.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

Цѣль газеты „Новости Дня“ — въ общедоступной формѣ служить для читателя живымъ и яркимъ отраженіемъ интересовъ текущей дѣятельности. „Новости Дня“ удивляющыя, какъ сполнахны читателю, быстро схватывая на лету злобу злобнаго дня, такъ и провинціальнымъ, давая въ отдѣлѣ беллетристики легкое и занимательное чтеніе въ формѣ романовъ, повѣстей, очерковъ и разсказовъ, помѣщаемыхъ въ ежедневномъ фельетонѣ. Для выполненія этой программы въ „Новостяхъ Дня“ существуютъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: „Бѣсѣда“, „Телеграммы“, „Факты и слухи“, „Толки печати“, „По соч. князя С. В. Голлицина (авт. романа „Былое Времечко“), **ВЪ ЛУННУЮ НОЧЬ**“, соч. П. И. Ге, **МУЖИ ПРОМЕТЕЯ**“, повесть изъ театральн. быта, соч. Н. А. Хлюдова, **СОВРЕМЕННЫЙ ГЕРОЙ**“, ром., соч. Н. Осипова, **ДВѢ СЕСТРЫ**“, повесть, сочиненіе С. Нестрова, **ПЕРСТЬ БОЖІИ**“, историческая повесть изъ времени „Тынашаго“ царя Алексѣя Михайловича, соч. Д. Дмитриева.

Годовымъ подписчикамъ будетъ высланъ романъ: „**Купленный мужъ**“ — В. Ривалла.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
 на 1889 годъ. Ма 12 м. На 11 м. На 10 м. На 9 м. На 8 м. На 7 м. На 6 м. На 5 м. На 4 м. На 3 м. На 2 м. На 1 м.
 Съ пересылкой во все города Имперіи . . . 9 — 8 50 8 — 7 — 6 50 6 — 5 50 5 — 4 — 3 — 2 — 1 —

Адресъ: **Москва, Контора газ. „Новости Дня“.**

Ред.-изд. **А. Тинскеровъ.**

Библиотека „Руниверс“

Врачебное Управление разрешило вывоз и продажу цветочно-слабоанониса

ФЛОРИДСКОЙ ВОДЫ

Муррей и Лангман, Нью-Йорк

в главных аптекарских и парфюмерных магазинах С.-Петербурга, Москвы, Казани, Самары и Харькова. Агенты в главных городах России просят обратиться к К. Ф. Гейденеру, С.-Петербурга и Эд. Рейне, Харьков.

Известная своими доброточивенными изданиями

С.-Петербургская Чулочно-Трикотажная Фабрика В. П. КЕРСТЮНА.

поставил военно-учебных заведений (сущ. с 1855 г.), предлагает бумажные и высшего сорта шерстяные кальсоны, фуфайки, носки, чулки, тапочки, кеды, юбки и проч.

Получать можно исключительно только в собственном складе: Васильевский Остров, 1 лин., д. 40. Присылка каталога высылается бесплатно.

„НЕДЪЛЯ“

въ 1889 году.

„НЕДЪЛЯ“ состоитъ изъ двухъ изданий: въ выходныхъ номерахъ и еженедельныхъ газетъ, выходящихъ разв въ неделю (52 „НЕДЪЛИ“ напечатаны статьи П. В. Дорногова въ годъ) и журнала, выходящаго два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать разв въ мѣсяцъ (12 номеровъ въ годъ).

Годовое содержание „НЕДЪЛИ“ состоитъ: 1) Обще-газетной, 2) Политической, 3) Научно-практической, 4) Литературно-критической, 5) Общественно-политической, 6) Фельетонной, 7) Сатирической, 8) Редакционной.

Въ еженедельныхъ „КНИЖКАХЪ НЕДЪЛИ“ помещаются романы, повести, бытовыя, историческая, фантастическая, философская, политическая, художественная, и вообще все, что можно назвать баллетомъ.

ЦѢНА газеты „НЕДЪЛЯ“ вмѣстѣ съ еженедельными „КНИЖКАМИ НЕДЪЛИ“ — девять руб. въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА на 1889 годъ ОТКРЫТА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДЪЛИ“, Ивановская, 2. Редакторъ-издатель П. А. ГАЙДЕБУРОВЪ.

1812. — ГОДЪ ИЗДАНИЯ СЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ — 1889. ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

съ еженедельными и еженесячными приложениями.

ГАЗЕТА съ ПЕРЕХОДОМЪ къ НОВОМУ ИЗДАТЕЛЮ и ПРИ НОВОМЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦИИ дополнена новыми отделами и увеличена до ГАЗЕТЪ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

Обширная программа, всесторонняя обработка современныхъ вопросовъ, возникающихъ въ области политики, науки, искусства, внутренней и заграничной жизни, а также своевременное сообщеніе всѣхъ выдающихся новостей дня, даютъ возможность вполне замѣнить ДОРОГОЮ по подписной цѣнѣ газету и еженедельный журналъ.

Кромѣ еженедельныхъ номеровъ газеты подписчикъ получаетъ:

- 1 По воскресеньямъ, отпечатанный на газетной бумагѣ номеръ **ЕЖЕНЕДЕЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА.**
- 2) Въ теченіе года будутъ выданы въ видѣ приложений **ШЕСТЬ КНИГЪ НОВЫХЪ БОЛЬШИХЪ РОМАНОВЪ.**
- 3) „МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ“ (12 номеровъ въ годъ) съ образцами работъ
- 4) „ОТЪННОЙ МАЛЕНДА“ съ, отпечатанный въ три краски.

Годовые подписчики имѣютъ ПРАВО получить ОДНО изъ ДВУХЪ художественныхъ приложений:

5) Олсографическую копию съ картины художника С. И. Верещагина, отпечат. въ 20 краскахъ на астампной бумагѣ съ лакировкой и рельефомъ **„ЮАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ.“**

Важный исторический моментъ, который изображаетъ картина, а также роскошная обстановка, яркіе костюмы, вѣрные даніе эпохи, удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе, дѣлаютъ эту картину очень интересною.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ:

6) „СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ“ съ подробнымъ описаніемъ содержания каждой картины.

Въ числѣ СОРОКА КАРТИНЪ этого АЛЬБОМА, есть копии съ картинъ известныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ напр.: Г. Рѣпина, Неврева, Шварца, Маковского, Венига, Платова, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топорова, Наукова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова, Теорожникова и друг. Картины АЛЬБОМА отпечатаны на астампной бумагѣ и вложены въ изящную обертку.

Гг. ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, желающіе получить вышеозначенную КАРТИНУ или АЛЬБОМЪ, благоволятъ высылать ОДИНЪ РУБ. за экз. (съ пересылкою).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»

На годъ: съ доставкой и пересылкою 8 р. — На полгода 4 р. Разрочка допускается, но исключительно черезъ Главную Контору: Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

ШУТЦ

большой еженедельный художественный и юмористическій журналъ парикюльтуры, печатаемыхъ картинъ (хромолитография). Годовая цѣна съ доставкой и перес. 7 руб., на полгода съ пер. 4 р. — Въ годъ 52 номера въ формѣ большихъ иллюстрацій. По общему признанію самый полный юмор. журн. Болѣе 40 рис. и картин. въ несколько красокъ и около 600 въ одну крестку. Множество шутокъ, загадокъ, ребусовъ и пр. ТЕКСТЪ: злобы дня — обзоръ текущей и бужущей жизни столицы и провинціи, стихотворенія, юмористич. новости, очерки, рассказы, сценки, анекдоты, бубенчики, поурны и проч. Годовые подписчики получаютъ въ январѣ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ**

„ДАМСКІЙ МАСКАРАДЪ“

роскошный альбомъ костюмовъ, работы нашего известнаго художника Н. А. Богданова. Альбомъ отпечатанъ въ несколько красокъ, на превосходной астампной бумагѣ и можетъ служить украшеніемъ самой изящной гостиной. Гг. иногородные подписчики благоволятъ приложитъ къ подписной цѣнѣ 60 коп. для пересылки премии страховкою посылкою. Для гг. служащихъ допускается разсылка чрезъ ихъ канцелярствъ. — Въ теченіе года будутъ печататься „портретная галерея известныхъ личностей“. — Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій пр., № 110. № 3528 3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ

НА БОЛЬШУЮ, ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“ (ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ).

Десять лѣтъ изданія достаточно, полагаемъ, выяснили характеръ нашей публицистической деятельности, твердо поставленной нами подъ девизъ: „правда и польза для отечества“.

Горячо стоя на стражѣ русскихъ и славянскихъ интересовъ и горю слѣды за всеми сторонами общенациональнаго прогресса, мы всегда чутко отзывались на все, что могло по нашему крайнему разумію способствовать къ просвѣщенію русского народа по благу и славу Россіи.

Все общественныя вопросы встрѣчаютъ съ нашей стороны вполне безпристрастную и обстоятельную разработку ихъ.

На ряду съ серьезными публицистическими работами читатели найдутъ въ нашей газетѣ и матеріалъ для легкаго чтенія — критику, беллетристику, отзывы о театрѣ, музыкѣ, живописи и свѣдѣнія обо всемъ, что составляетъ „новость и злобу дня“, какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Имя во всѣхъ главныхъ городахъ Европы и въ Америкѣ спеціальныхъ корреспондентовъ, а также до трехсотъ корреспондентовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, мы можемъ знакомить читателей со всемъ, что происходитъ у насъ и въ чужихъ краяхъ.

Передовыя статьи и фельетоны печатаются ежедневно, не исключая праздничныхъ и послѣпраздничныхъ дней.

Кромѣ редактора-издателя Н. П. ЛАНИНА, принимающаго непосредственное участіе своими личными публицистическими трудами въ разработкѣ вопросовъ: по вѣшной политикѣ, славянскаго, финансовыхъ, экономическихъ и общественныхъ, въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Профессоръ О. В. МИЛЛЕРЪ (славянскій вопросъ и литература, критика), проф. В. П. ДАНЕВСКІЙ и проф. А. И. ЗАГОРОВСКІЙ (вопросъ политики, права общественнаго и народнаго образованія), Н. П. АКСАНОВЪ (вопросъ славянскій, беллетристика), Д. А. ЛИНЕВЪ (юмористич. патронатство и беллетристика), В. Ф. БАУДЕРЪ (право политикѣ), А. Е. СЕРЕБРЯКОВА (по политическому отдѣлу), И. М. РЕВА (сельское хозяйство, торгова-промышленныя интересы и желѣзнодорожное дѣло), А. ВЛАДИМИРОВЪ (общественныя вопросы, по преимуществу объ интересахъ юго-западнаго края), Г. ТЮНИНЪ (ислѣдованія по расколу), Г. ТЮРЮМОВЪ (общественныя вопросы, преимущественно по русскому самоуправленію), М. ШУЦЪ-ОИ (юридическіе вопросы), д-ръ В. П. ОНОРКОВЪ (народное здравіе и общественная гигиена), Илья ЕНИКЕЕВЪ (общественныя вопросы), Графъ Е. А. САЛІАСЪ (историческіе романы), А. В. КРУГЛОВЪ, А. Е. ДОГАНОВИЧЪ, Ив. Щегловъ (псевдонимъ), Дм. АРАНСОВЪ (псевдонимъ), ИСТОМИНЪ (псевдонимъ), (всѣ по беллетристич.), С. А. ЮРЬЕВЪ, С. Н. ФИЛИПОВЪ (критика изящныхъ искусствъ), ВЕНЕВИЧЪ (псевдонимъ) (литература, критика и библиографія), и многіе другіе публицисты, ученые, писатели, спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія, принимающіе участіе въ разработкѣ различныхъ вопросовъ по предложенію редакціи. Воскресный фельетонъ ведется авторомъ, хорошо знакомымъ читателями „РУССКАГО КУРЬЕРА“ — „Современнымъ чудачкомъ“. Ежедневная бесѣда „Два и два“ ведется однимъ изъ известныхъ писателей, взявшимъ псевдонимъ „Сотрудникъ“.

Спеціальныя политическія корреспонденціи, постоянно проживающіе за границей: СТОЯНОВЪ въ Рущукѣ, Ф. ПАЗДИРЕЙ (редакторъ журнала „Die Slavische Worte“) въ Прагѣ, А. А. ВАРЕНЦЪ въ Константинополѣ, Е. ПОМРАНЦЪ въ Парижѣ, Е. СТЕПАНОВЪ въ Парижѣ, ПЕТРЪ КУИЧАНДИ въ Парижѣ, А. ТИЛЬШЪ въ Прагѣ, ЭМИЛЬ РУССЕЛЬ въ Калифорніи (San-Francisco), М. ГИНОДМАНЪ и ЛЕВЪ ЛАНДАУ въ Вѣнѣ, М. РОЗЕНТАЛЬ въ Нью-Йоркѣ.

Въ наступающемъ 1889 году, независимо отъ многихъ улучшеній во всѣхъ отдѣлахъ газеты, въ смыслѣ еще большаго разнообразнаго газетнаго матеріала и еще большаго свѣжести извѣстій, въ фельетонахъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“, имѣютъ быть напечатаны на ряду съ другими очерками и рассказами и нѣсколько крупныхъ беллетристическихъ произведеній известныхъ писателей.

Въ первыхъ-же январскихъ номерахъ начнется печатаніемъ: № 3523 3—1

БОЛЬШОЙ РОМАНЪ ГРАФА ЕВГ. АНДР. САЛІАСА.

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“ выходитъ ежедневно въ форматѣ большихъ газетъ по прежней программѣ.

Телеграммы помѣщаются „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ и отъ собственныхъ корреспондентовъ заграничныхъ и русскихъ. Всево въ каждомъ номерѣ помѣщается текста, кромѣ объявленій, болѣе 3000 строкъ.

Условія подписки:

СЪ АССТАВКОЮ въ МОСКВѢ:	СЪ ПЕРЕС. ВО ВСѢ ГОРОДА:	ЗА ГРАНИЦУ:
На годъ . . . . . 9 р. — к.	На годъ . . . . . 10 р. — к.	На годъ . . . . . 20 р. — к.
„ 6 мѣс. . . . . 5 „ — „	„ 6 мѣс. . . . . 6 „ — „	„ 6 мѣс. . . . . 12 „ — „
„ 3 „ . . . . . 2 75 „	„ 3 „ . . . . . 3 „ — „	„ 3 „ . . . . . 6 „ — „
1 „ . . . . . 1 10 „	1 „ . . . . . 1 25 „	1 „ . . . . . 2 „ 50 „

1. Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не далѣе конца года.

2. Гг. мисгоръ дные, при возобновленіи подписки, благоволятъ прилагать свой печатный адресъ.

3. За перемѣну адреса городского и иногороднаго — 30 коп. При перемѣнѣ городского на иногородный доплачивается разницъ въ цѣнѣ подписки.

Редакція и контора изданія: Москва, Москворѣдскій мостъ, докъ Н. П. ЛАНИНА. Редакторъ-издатель Н. П. Ланинъ.

ГОТОВАЛЬНИ

для воспитанниковъ отъ 1 руб. 25 коп. до № 3453 6 р. и дорож. 2-2
 Въ онгическомъ и хирургическомъ магазинѣ
М. РАЗУМОВЪ и А. ШИЛДЕРЪ
 Москва, Рождественка, противъ клиникъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ Н. ФЕНУ и К^о.

въ С.-Петербургѣ.
 Хорошій выборъ книгъ для подарковъ, въ изящныхъ папкахъ и переплетяхъ.
 Новый каталогъ выйдетъ въ концѣ ноября и будетъ разосланъ, въ учебныя заведенія бесплатно, а частнымъ лицамъ въ обменъ 7 коп. марк. М. № 3537

УКРАШЕНИЯ ДЛЯ БЛЮДЪ

удивительно дешево и выгодно для провинціаловъ выслать коллекціи состоящихъ изъ стекла, металла, латуни и проч.
 Каждая для одной елки, а именно:
 110 предметовъ Р. С. 18, 50 } по полученіи
 75 " " " 10, 50 } ладеекъ
 60 " " " 7, " } суммъ.
 включительно упаковки и пересылки.
ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ
ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ
 Садовая. 12. С.-Петербургъ.

На 1889 (II-й) г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „СЧЕТОВОДСТВО“

Редакторъ-издатель Ад. Март. Вольфъ.
 Безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. на годъ.
 Программа: I. Значеніе счѣта. II. Исторія и теорія счѣта. Коммерческія знанія. III. Практич. отдѣлъ. IV. Разборъ отчетовъ. V. Библиографія. VI. Судебн. отдѣлъ. VII. Труды и задачи VIII. Счѣтъ и сирал. отдѣлъ. IX. Обязанности.
 Подробная программа высылается бесплатно. № 3533 3-1
 Контора редакціи: СПб., Нараванная. 16.
 №№ за 1888 годъ 6 руб.

ЗАПКАШЕ

выдѣляется въ заведеніи
РОБЕРТА ЭРНСТА въ Берлинѣ,
 W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутъ ся тоже по-русски; проспектъ высылается Р. № 3309 бесплатно. 26-7

НОВЫЯ ПОДСТАВКИ ДЛЯ ЕЛОКЪ ПРОЧНЫ И ОЧЕНЬ ПРАКТИЧНЫ.

№ 1-й въсомъ фунтъ, выдерживаетъ елку въ 100 ф. 2 р. 50 к.
 № 2-й въсомъ фунтъ выдерживаетъ елку въ 160 ф. 3 р. 50 к.

Бр. ЛИНДЕМАНЪ
 Москва, Масницкая, д. Ферстеръ.

ПИСУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
 Пишетъ въ три раза быстрее пера. Прочной и простой конструкціи. Катал. безпл. Многочисленные отзывы отъ желѣзн. дор., присутств. м., адвокатовъ и пр.
Ж. БЛОКЪ, Москва, Кузнецкій м., д. Голыцина.
 СПб., Б. Морская, 21. Р. № 3373

А. М. РУЗАНОВЪ

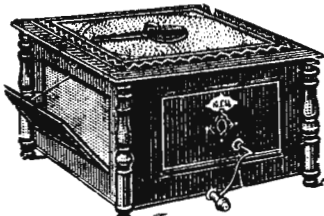
Гостинный Дворъ, № 40, въ С.-Петербургѣ

выслагаетъ по первому требованію бесплатно свой спеціальнй

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ

Цѣны на заграничныя произведенія понижены. № 3480 6-8

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ! ГЕРОФОНЪ. ОРКЕСТРЪ-МАНОНАНЪ

ЦѢНА ГЕРОФОНА УДЕШЕВЛЕНА.
 Обыкновенный герофонъ съ 10 нѣсами стоитъ теперь только 30 руб.
 Герофонъ съ приспособл. для игры „fortissimo“ съ 10 нѣсами только 32 руб.
 Большое количество добавочн. нѣсъ по 60 коп. за каждую. За пересылку прому приложить за 50 фунтовъ.

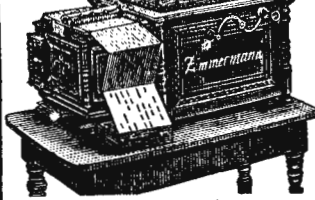
Каталогъ нотъ для герофона—бесплатно
АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ
 съ 10-ю нѣсами 28 руб. Добавочныя нѣсы въ громадномъ выборѣ по 60 коп.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ
 съ 10-ю нѣсами (металлическія нотныя колѣца разной величины) 35 р. Добавочныя нѣсы безъ различій размѣра по 70 коп.

ФЕНИКСЪ
 прежней конструкціи
 съ 10-ю нѣсами 25 р. Добавочныя нѣсы безъ различій размѣра по 70 к.

Герофоны, аристонъ, фениксы и ноты къ нимъ продются у меня только настоящіе патентованные; поддѣльныхъ, которые легко портятся—не имѣю.
 Каталоги нотъ для герофона, аристонъ и феникса—БЕЗПЛАТНО.
 а также всѣ другіе музыкальныя инструменты и принадлежности къ нимъ имѣются въ самомъ большомъ выборѣ, по дешевымъ цѣнамъ и лучшимъ качествамъ.
 Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.
 Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя. № 3526

Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
 Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
 С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42.—Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

Большой изящный салонный органъ, по которому можно исполнять посредствомъ гармонич. нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія поурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и веб танцы. Оркестръ-Манонанъ играетъ отчетливо, чрезвычайн. по подымъ и притягиваетъ тонкомъ имѣть двойные голоса и приспособленіе для игры forte и piano. Этотъ инструментъ рекомендуется особенно для семейныхъ базовъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю нѣсами 80 руб. Добавочныя нѣсы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дорожъ. Къ инструменту прилагаются 10 нѣсъ по 1 р. 20 к. Пересылка на счетъ покупателя.
 Списокъ нѣсъ для Оркестра-Манонана—бесплатно.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ШКАТУЛКИ

Музыка ручная по 2 р и 4 р.
 Музыка заводная пр. 2 нѣсы по 6 р.
 - " " " 4 " по 10 р.
 - " " " 6 " по 15 и 18 р.
 - " " " 4 " по 22 и 28 р.
 - " " " 6 " по 30 и 40 р.
 - " " " 8 " по 45 и 55 р.
 - " " " 12 нѣсъ по 65 р.
 - " " " съ цитрою, пр. 8 нѣсъ, по 65, 75 и 150 р.
 - " " " съ цитрою, пр. 12 нѣсъ, по 75 и 120 р.
 - " " " съ цитрою, съ 3-мя ва-тами, играющ. 2 нѣсы, по 350 р.
 Большия заводныя съ барабаномъ и колокольчиками по 150 и 250 р.

КРЫШКИ для переплетовъ „НПЫ“ изъ лучшаго англійскаго колѣнкоръ съ золотымъ тисненіемъ печатанныя красками; на 1888 г. по показаніюму образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

№ 3501 НОВАЯ КНИГА: 2-2
О. Н. ЧОМИНА (МИХАЙЛОВА).
СТИХОТВОРЕНІЯ.
 360 стр. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
 Въ книжн. магаз. „Новаго Времени“.

Ножки амер. сист. съ ключемъ 2 р. с.
 Тонкіе нѣлрованные " 4 р. 50 к
 Ножки англ. сист. съ винтомъ передвиж-нымъ, съ задними режками 2 р. 50 к
 Ножки системы Лостниковъ, Бозе и др.
 При сообщеніи длины сагога заказы не П. № 3502 медленно исполняются. 2-2

Бр. ЛИНДЕМАНЪ.

Москва, Масницкая, д. Ферстеръ.

ФОТОГРАФИЧ. ПРИНАДЛ. ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Этиаи аппаратами можетъ вслкій, безъ особенной подготовкы, снимать высокія соловія фотографіи Цѣна прибора 24, 35, 50 р. и дорож.
 № 3509 2-2
 Наставленіе и иллюстрированныя прейсъ-куранты высылаются бесплатно

Е. КРАУСЪ и К^о.

Парижъ, Avon. d. l. Républ. 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ
 С.-Петербургъ. Мойка, № 40.

НОВОСТЬ!

Американскія металлическія лампы **ГИЧКОКЪ** безъ стекла.
 Свѣтъ сильнѣе, блѣднѣе и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается огромная экономія устранившемъ постоянно ломающихся и бьющихсяъ стеклахъ.
 Лампа вся металлическая, изъясно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.
 Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1/6 копѣйки въ часъ.
 Полное ругательство за доброты качества. Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россіи: Столовая . . . 12 руб.
 Височая . . . 15 руб.
 Стѣнная . . . 15 руб.
 Съ колпачкомъ и колѣдомъ на 3 р. дорожъ
 Цѣны въ Азіатскую Россію на 4 р. дорожъ
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 351

Ж. БЛОКЪ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
 Москва, Кузнецкій мостъ.
 Енатеринбургъ, Соборная улица.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
 Измайловскій проспектъ, № 21.
 РЕКОМЕНДУЮТСЯ въ особенности нижеслѣдующія произведенія:
СОСТАВЫ ИЗЪ ВАЗЕЛИНА.
ВАЗЕЛИНЪ ДУШИСТЫЙ по 40 коп.
Помадъ ВАЗЕЛИНЪ | Кольдъ-Кремъ ВА-
 по 40 коп. | ЗЕЛИНЪ по 45 к.
 Такъ какъ **ВАЗЕЛИНЪ** не портится и не горькнетъ, то онъ съ большимъ удобствомъ замѣняетъ Кольдъ-Кремъ.
Мыло Вазелинъ по 45 коп.
 приготовленное съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
 2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста. № 68.
 3) Уголь Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18—54. (Розничная и оптовая продажа).
 Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ. Рт. № 3516

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ХІХ г.
№ 49

г. ХІХ
1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 3 декабря 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 20 к., съ пересъ 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарейль (¼ шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ . . . . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной премии.

Подписка на 1888 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. №№ съ преміями.

при семъ № прилаг. „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ за ДЕКАБРЬ 1888 г. съ 30 грав. и отд. лист. съ 33 черт. выкр. въ нат. вел. и 21 рис. рукод. раб.

Съ базара. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Кравченко, грав. Флюгель.

Бригадирская внучка.

Московская быль.

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолжение).

Долго просидела Клэна на этомъ стулѣ. Она не помнила ничего и была какъ бы въ забыты; шаги бригадира разбудили ее и привели въ себя.

— Ну, прости, внучка, подошелъ къ пей дѣдъ. — И со двора! Надо для вечеринки нашей столѣтняго вепгерскаго вина поискать купить. А ты поди бабушку урезонь. Разобидѣлась она за отпускъ придапаго и не знаетъ почему мы такъ дѣло сироворили.

Клэна съ удивленіемъ поглядѣла въ лицо дѣда и неволью подумала:

„Стало-быть онъ знаетъ, стало-быть ему все рассказалъ Братолюбцевъ“.

Но бригадиръ, будто обмолвившись нечаянно, поспѣшно поцѣловалъ внучку въ лобъ и вышелъ. Онъ сѣлъ въ поданный экипажъ и выѣхалъ со двора.

Клэна проводила его глазами, повернулась и пошла было къ себѣ, но вдругъ среди залы она стала на мѣстѣ какъ вкопаная. Дверь настежь растворенная въ сосѣднюю комнату, диванную, за которой былъ кабинетъ дѣда, остановила ее и какъ бы сказала ей: „Забыла? Вотъ я растворилась какъ бы сама собой, приглашала тебя идти скорѣе. Пользуйся временемъ, а то еще раздумаешь, испугаешься, въ бѣду попадешь потомъ.. Поскорѣе!.. Не стой!.. Чего медлишь! Сейчасъ Антопъ прибирать кабинетъ придетъ, а при немъ нельзя будетъ. А тамъ ночь, а тамъ завтра днемъ минуты пожалуй не выберется удобной... Да ну, скорѣй!.. Скорѣе!.. Ахъ, погубишь ты себя!..“

И все это слушала и хорошо слышала Клэна, словно не она сама думала или говорило что въ пей самой, а какъ бы дѣйствительно говорила эта дверь.

Клэна быстрыми шагами, почти бѣгомъ, бросилась въ кабинетъ дѣда, пугливо озираясь и дрожа всѣмъ тѣломъ—не отъ боязни, что ее найдутъ здѣсь, а отъ другаго чувства вдругъ сказавшагося во всемъ ея существѣ. Она часто бывала въ этой горницѣ въ отсутствіе дѣда и иногда сидѣла здѣсь, читала. Если кто и придетъ, то нисколько не удивится, что она зашла сюда.

Почему же тряслась она? Почему лицо ея поблѣднѣло, а въ глазахъ стаповилось какъ-то темно?

Потому что это дѣло, за которымъ она пришла сюда, сейчасъ переменить все. Она другая будетъ, она будетъ тѣмъ, на что люди пальцемъ поназываютъ—или жалѣя, или презирая.

Клэна быстрымъ взоромъ окинула письменный столъ дѣда, гдѣ была куча всякой мелочи. Перстня не было. Она знала его хорошо и знала, что онъ дѣйствительно стоить дорого, такъ какъ на немъ былъ большой рубинъ, окруженный брилліантами, и поэтому дѣдъ прячетъ его въ ящикахъ.

„Въ правомъ ящикѣ“, вспомнилось ей. Она стала отворить ящикъ, испуганно взглядывая на растворенную дверь; руки ея полусознательно шарили въ ящикѣ, отбрасывая всю мелочь, которая понадалась подъ пальцы.

Наконецъ, въ глубинѣ она увидѣла маленькую зеленую коробочку и вспомнила, что въ пей всегда лежитъ перстень. Она взяла ее и, вынувъ перстень, бросила коробочку на только что начатое бригадиромъ письмо, гдѣ лежало еще сырое, съ чернилами перо.

Сжимая перстень судорожно въ рукѣ, она пошатываясь и пылая какъ въ огнѣ, вышла изъ кабинета дѣда, не сознавая гдѣ она и куда идетъ.

Очутившись у себя въ горницѣ, она вспомнила, что

все ею сдѣланное было сдѣлано какъ бы въ полуснѣ или полумглѣ умственной.

Вернувшись, дѣдушка сейчасъ замѣтитъ и брошенную пустую коробочку на столѣ, и даже ящикъ, оставленный открытымъ. И Клэна чуть не бѣгомъ бросилась опять въ кабинетъ дѣда, но на порогѣ его встрѣтила камердинера Антона.

— Что вы, барышня? Дѣдушки нѣтъ. Выѣхали... сказалъ лакей.

— Выѣхалъ... повторила Клэна.— Миѣ... карандашъ хотѣлось попросить, солгала она и тотчасъ всныхнула. Антонъ замѣтилъ смущеніе барышни и подвигился.

— Помилуйте. Карандаши всякіе на столѣ есть. Выбирайте любой... Есть красные, желтые, всякіе... У дѣдушки все такое есть...

Клэна вошла и вдругъ остановилась среди комнаты. Ящикъ стола былъ вдвинутъ, коробочки, изъ которой она выпула перстень, не было на столѣ. Антонъ прибралъ и спряталъ.

„Но вѣдь онъ видѣлъ, что коробочка пуста?“ возникъ вопросъ въ ея умѣ.

Взявъ карандаши, Клэна вернулась къ себѣ и долго повторила тотъ же вопросъ: „Видѣлъ онъ или нѣтъ?“

„Если Антонъ видѣлъ, что перстня нѣтъ, то вѣрно подумалъ, что дѣдушка взялъ его уѣзкая и бросилъ коробочку на столѣ!“ рѣшила Клэна.

Въ это мгновеніе дверь отворилась и на порогѣ ея комнаты появился Герасимъ. Послѣ отъѣзда барина, онъ изъ прихожей видѣлъ все.

— Что же, готово?.. вымолвилъ скороходъ.

— Вотъ! произнесла Клэна черезъ силу и протынула, не глядя на вошедшаго, свою дрожащую руку, въ которой было судорожно сжато украденное.—Вери!.. уйди!..

И отдавая перстень, Клэна испытывала то же чувство стыда, какъ если-бы крада второй разъ. Герасимъ заговорилъ что-то.

— Уйди! уйди! отчаянно произнесла Клэна.

XIII.

Между тѣмъ наступилъ день праздника, давно всѣми въ домѣ жданнаго съ волненіемъ и радостною тревогой, — день назначенный для празднованія „сговора“ бригадирской внучки за бригадирскаго же друга, засѣдателя верхняго земскаго суда.

Вся Москва дворянская, знавшая Филисова, уже знала по слухамъ и толкамъ городскимъ о томъ, что бригадиръ—чужакъ и упрямецъ—выдаетъ свою молоденькую внучку за пріятеля, который дѣвушкѣ въ дѣды годится. Но официальное объявленіе о бракѣ должно было произойти на вечеринкѣ Филисова.

Бригадиръ, сзывавшій гостей на вечеринку, втайнѣ готовился устроить цѣлое торжество. Въ саду готовилась иллюминація, а на дворѣ даровое угощеніе всѣмъ, кто пожелаетъ войти въ растворенную настежь ворота. Въ людскихъ же предполагалось угощеніе дворовыхъ людей, которые придутъ съ господами.

Никита Артемьевичъ заранѣе, за цѣлую недѣлю, сталъ сзывать гостей. Онъ жилъ настолько мирною и замкнутою жизнью за послѣдніе годы, что со многими почти совсѣмъ разнакомился. Пришлось ѣздить по Москвѣ, заискивать и любезничать, дабы быть увѣреннымъ, что всѣ приглашенные дѣйствительно придутъ на вечеръ. Впрочемъ, Филисовъ пользовался теперь, послѣ своей дѣятельности во время чумы и царской милости, болѣшимъ уваженіемъ среди москвичей.

Иногда знакомые бригадира поговаривали, что со временем, и скоро может-быть, Филисовъ сдѣлается генераломъ, а пожалуй въ одинъ прекрасный день замѣнитъ новаго генераль-губернатора Москвы—Еропкина.

— Петръ Дмитриевичъ Еропкинъ, говорили они, — былъ такой-же никому незнаемый человѣкъ, простой дворянинъ московскій, а сталъ внезапно, по одному слову царицы, генераль-губернаторомъ на мѣсто фельд-маршала Салтыкова. И почему знать, черезъ пять или шесть лѣтъ, помретъ или выйдетъ въ отставку Еропкинъ, а на его мѣсто назначатъ повелителемъ Москвы генерала Филисова.

Вслѣдствіе хорошей репутаціи и общаго уваженія, бригадиру было не трудно сразу возобновить прерванное знакомство однимъ-двумя визитами и быть увѣреннымъ, что вся Москва прійдетъ на его праздникъ.

Въ назначенный для сговора день, съ утра въ домѣ и на дворѣ было особенное оживленіе, движеніе и гулъ. И баринъ съ барыней хлопотали, распорядились, и все дворянство до послѣдней бабы, недавно привезенной изъ вотчины, тоже суетились, да еще вдобавокъ съ веселымъ шумомъ. Всякій радостно дѣлалъ свое дѣло; а дѣла было много. Во всемъ домѣ было лишь одно существо, которое оставалось какъ-бы безучастнымъ къ окружающему движенію.

Это была, конечно, сама невѣста.

— Слава Тебѣ Господи! воскликнула она, оставшись одна и крестясь торопливо.—Слава Тебѣ Господи, что наконецъ я вырвусь изъ этого мытарства. Буду женою Братолюбцева, буду въ другомъ домѣ и избавлюсь отъ моего мучителя!

Но при этомъ въ лицѣ Клѣны не было и простой радости, не только восторженнаго счастья невѣсты. Напротивъ, слезы часто выступали на глазахъ.

Часовъ въ шесть вечера домъ бригадира весь засіялъ. Не было горницы, въ которой не горѣло-бы десятка три свѣчей въ люстрахъ и канделябрахъ. Въ парадныхъ гостинныхъ ярко свѣтились новыя диковинки—выписанныя черезъ Петербургъ заморскія лампы, гдѣ горѣло масло. А нарочито откомандированный къ нимъ офицантъ изрѣдка приходилъ заводить ихъ ключемъ, какъ часы. Немало найдется москвичей, которые въ этотъ вечеръ въ первый разъ увидятъ эту любопытную диковинку.

Вскорѣ и передній, и задній дворы бригадира, какъ ни были велики, стали покрываться вилотную рыдванами и колымагами. Конечно вскорѣ не хватило мѣста, и вереницы экипажей начали становиться вдоль всего переулка. Экипажи запоздавшихъ гостей должны ужь были отъѣзжать чуть не къ Никитскимъ воротамъ.

Въ домѣ и во всѣхъ горницахъ была сплошная толна гостей. Въ числѣ прочихъ, съ особымъ почетомъ и любезною предупредительностью, встрѣтилъ хозяйинъ генераль-губернатора Еропкина, оберъ-полицеймейстера князя Грузинскаго и соседа своего, графа Ивана Григорьевича Орлова.

Одновременно съ пріѣздомъ гостей загорѣлись шкалики во всемъ саду.

Послѣ перваго обошенія всякими лакомствами, когда почетные гости сидѣли въ большой гостиной на главномъ диванѣ, наступила важная минута. Явились офицанты съ подносами, на которыхъ стояли стаканы съ ибнистымъ виномъ. Бригадиръ, обращаясь къ самымъ именитымъ гостямъ, слегка смущаясь, отчасти нескладно, объявилъ, что его внучка Клеопатра сговорена за господина Братолюбцева.

Все гости съ виномъ въ рукахъ приподнялись съ мѣстъ, другіе явились изъ соседнихъ горницъ, и все взоры обратились къ виновницѣ торжества.

Клѣна, сидѣвшая въ углу среди нѣсколькихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ она почти не знала, подни-

лась съ мѣста и по обычаю встрѣтила пожеланія низкими поклонами. Послѣ невѣсты все поздравляли жениха. Геппадій Ивановичъ Братолюбцевъ, неосторожный на языкъ, теперь платился за свои прежнія острыя словечки. Его поздравляли. Онъ радостно сіялъ. Но затѣмъ повсюду, во всѣхъ горницахъ и за его спиной, москвичи отплачивали ему за его прежнія шпильки и булавки. Почти все безъ исключенія посмѣивались между собой надъ тѣмъ, что старый холостякъ выдумалъ жениться на молоденькой дѣвочкѣ.

Послѣ угощенія сладкими и фруктами, съ которыми снова явилась вереница офицантовъ, обходившая все горницы, хозяйинъ попросилъ все въ большую залу. Въ ней былъ сюрпризъ: долженъ былъ показатъ свое искусство пріѣзжій въ Москву иностранный фокусникъ.

Братолюбцевъ, самъ любившій фокусы, не могъ утерпѣть, чтобы въ день своего сговора не угостить москвичей своимъ любимымъ искусствомъ.

Гости усѣлись рядами на стульяхъ, а заморскій чудодѣй, полуибецъ-полужидъ, въ красномъ халатѣ вышитомъ золотыми звѣздами и въ высокоомъ, остромъ, золотомъ колпакѣ, сталъ передъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ и уставленнымъ всякаго рода загадочными предметами. Фокусникъ началъ свои финты-фанты при полномъ молчаніи.

Хозяйка—бригадиръ и его сестрица—воспользовались тѣмъ временемъ, когда вниманіе гостей было поглощено любопытными штукаами кудесника, чтобы отправиться хлопотать и распорядиться насчетъ ужина.

Въ то же самое время внизу, во всѣхъ людскихъ горницахъ, гдѣ жила многочисленная дворня бригадира—шло тоже обильное угощеніе. Пріѣзжихъ холоповъ было конечно болѣе чѣмъ гостей, даже болѣе чѣмъ вдвое, такъ какъ самый небогатый дворянинъ, пріѣхавшій съ женой на вечеръ, все-таки привезъ съ собою по крайней мѣрѣ четырехъ дворовыхъ: двухъ лакеевъ, кучера и фореитора. А иная старая барыня, пріѣхавшая одна-одинѣхонька, привезла съ собой четырехъ гайдуковъ на запяткахъ рыдвана, кучера и двухъ фореиторовъ,—и на одну гостью въ горницахъ хозяйка, угощалась въ людскихъ семь человѣкъ.

Разумѣется и кучера, и фореитора являлись угощаться поочереди и возвращались скорѣе къ лошадямъ, которыхъ покуда оберегали люди бригадира. Но масса лакеевъ безвѣдно угощалась вволю. Весь нижній этажъ былъ биткомъ набитъ гостями въ разноцвѣтныхъ ливреяхъ, съ вычурными украшеніями. Все завѣдывали и распорядились внизу: барская барыня, любимецъ бригадира Герасимъ Морковниковъ и камердинеръ Антонъ съ женой.

Герасимъ былъ чрезвычайно доволенъ и счастливъ. Казалось, что, помимо должности главнаго распорядителя среди дворни всехъ московскихъ дворянскихъ домовъ, онъ былъ доволенъ еще чѣмъ-то другимъ. Дворовые Филисова никогда не видали скорохода Морковникова болѣе торжествующимъ и самодовольно важнымъ.

Разумѣется, здѣсь внизу также всякихъ яствъ и всякаго питья было вволю.

Герасимъ, угощавшій всехъ великими медами, игонными боитнями и простымъ виномъ, поневоля долженъ былъ показывать примѣръ, выпивать и самъ. И вѣроятно богатырь хватилъ черезъ край, или-же былъ черезъ мѣру чѣмъ-то осчастливленъ. Вскорѣ, когда наверху господи были еще заняты фокусами, Морковниковъ былъ уже сильно навеселѣ, громко хохоталъ и крикливо болталъ со своими гостями. Умнаго красная слушали холопы московскіе разиня ротъ. Недаромъ скороходъ бригадира водился съ чиновниками и подьячими великихъ вѣдомствъ. Онъ былъ, конечно, разумомъ много выше всей этой полудикой оравы. Одна грамота ставила его выше не только холоповъ, но и многихъ дворянъ.

Литературный альбомъ. „Ангель смерти“, Лермонтова. Ада. Ориг. рис (собств. „Нивы“) В. Бартоломея, грав. Шлиперъ

Литературный альбомъ. „Ангель смерти“, Лермонтова. Ангель. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Бартоломея, грав. Шли ерь

Барская барыня Степанида, хлопотавшая и внизу, и вверху, была озабочена поведением Герасима, раза три подходила къ своему другу и однажды шепнула ему на ухо:

— Смотри, не угостися въ мертвецкую!

— Что жь... Мертвецы инь бывасть счастье припосытъ! громко расхохотался Герасимъ.

Озадаченная этимъ отвѣтомъ, Степанида опѣшила...
XIV.

Наконецъ однажды, забѣжавъ внизъ, барская барыня увидѣла что ея пріятель, уже очень крѣпко подгутившій, громко и сердито спорить о чемъ-то, стучить кулакомъ по столу, а гости его или слушаютъ удивляясь, или подсмѣиваются. Степанида остановилась и услышала слова, которая совсѣмъ ее встревожили.

— Сказываю я, что всѣ у меня въ почтении ходятъ. Да вотъ она... Иди сюда!.. Говори! воскликнулъ Морковниковъ, увидя Степаниду. И рѣзко откачнувшись на лавкѣ, опъ крикнулъ во все горло: — Иди, старый чортъ!.. Слушай!

Степанида боозливо подошла.

— Говори имъ... Не вѣрятъ, олухи. Сказываю, что у меня господа, вотъ какъ, въ почтении. Чтѣ захочу, то съ ними и подѣлаю!.. И Никита Артемьевичъ самъ мое слово цѣнить, и Марья Евграфовна моимъ совѣтомъ не брезгуетъ. А барышня, внучка ихъ, такъ и совсѣмъ въ моей волѣ. Чтѣ я захочу, то съ пей и подѣлаю. Вотъ захочу чтобъ сговору не быть и свадьбѣ не быть... И не будетъ ни шиша!

— Что ты... ошалѣлъ что-ли! прошептала Степанида, смущенная пьяной выходкой.

— Нѣтъ, ты ошалѣла!.. заоралъ Герасимъ. — Я чтѣ скажу барышнѣ, то мое слово свято. Прикажу вотъ сейчасъ, брося гостей въ сани садиться, по Москвѣ ѣхать кататься — и поѣдетъ!.. Да чтѣ тутъ толковать!.. вдругъ, какъ бы озаренный какою-то внезапною и удивительною мыслию, воскликнулъ Герасимъ: — Подъ наверхъ, скажи ей, Клѣнѣ вашей!.. Ну, барышнѣ, что-ли... Чтѣбы шла сюда! Дѣло у меня есть до нея. Слышь, аль нѣтъ!

Гулъ голосовъ присутствующихъ былъ отвѣтомъ на эти слова. Нѣсколько десятковъ пріѣзжихъ холоповъ загалдѣли разомъ. Кто хохоталъ, кто усовѣщевалъ распорядителя-хозяина не буянить съ пьяну, кто ругался или подсмѣивался, что онъ до „зеленаго змѣя“ хватилъ.

— Поди спать, десятый разъ повторила уже барская барыня, понимая, что Герасимъ просто напился пьянъ.

Но гости-холопы не ожидали, конечно, того, чтѣ произошло. Смѣхъ, шутки и прибаутки мпогихъ насчетъ того, что скороходъ бригадирскій наклюкался вдрызгъ и у него умъ за разумъ заходить, сразу смѣнились общимъ молчаніемъ, изумленіемъ и страхомъ. Богатырь-скороходъ поднялся съ лавки, ухватилъ въ лапу двѣ порожнія бутылки и взмахнувъ ими зарычалъ, какъ звѣрь.

— Иди, старая вѣдьма, наверхъ и скажи барышнѣ, что я зову ее сюда!.. А не то я тебя вотъ тутъ... Вотъ тебѣ Богъ... Убью до смерти!..

Всѣ бросились къ Герасиму. Кто хотѣлъ отнять бутылки, кто усовѣщевалъ, кто ласкалъ и убѣждалъ ласковыми словами. Герасимъ вдругъ успокоился, бросилъ бутылки на полъ, провелъ руками по головѣ и молчалъ нѣсколько мгновений. Затѣмъ онъ прошепталъ:

— Правда! Сказалъ съ маху... Но назадъ словъ не возьму!..

— Вернися ты въ себя... вымолвила Степанида. — Чтѣ ты... Очухайся! Взился угощать, да самъ себя нище всѣхъ и угостился.

Герасимъ, совершенно спокойный, сѣлъ снова на свою лавку, оглянулся на всѣхъ своихъ гостей совершенно лснымъ, трезвымъ взоромъ и увидѣлъ передъ собой насмѣшливыя, улыбающіяся лица.

— Да, былъ во мнѣ хмѣль, да выскочилъ, прошелъ.

Гляньте-ко па меня. Чтѣ? Пьянъ я или нѣтъ? Прошелъ хмѣль, аль не прошелъ? Ну, говорите, что-ли!..

Нѣсколько голосовъ засмѣялись въ гурьбѣ, толпившейся около скорохода.

— Живо выскочилъ. Ишь молодецъ какой! Совсѣмъ инако и выглядить.

— А вотъ коли хмѣль во мнѣ прошелъ, то вы не думайте, что я съ-пьяна болтаю!.. Подъ, Степанида, наверхъ и скажи барышнѣ Клеопатрѣ Артемьевнѣ, что Герасимъ Морковниковъ просить ее, не медля ни минуты, пожаловать сюда въ людскую. Дѣло есть у меня до нея!.. А коли не поидеть она, то скажи ей, что Герасимъ приказываетъ, молъ, вамъ доложить: не пожелаете вы исполнить его прошеніе, то онъ, тѣмъ самымъ часомъ, самолично придетъ наверхъ и бригадиру на ушко нѣкоторое дѣло доложить. Попяла? Ты вѣдь не дура, авось можешь все такъ барышнѣ доложить.

Степанида стояла не двигаясь и испуганно глядѣла на своего друга.

— Чтѣ ты!.. Госнодь съ тобой! Какъ ей сюда идти!.. нѣшто можно. Будь еще другое время, а теперь домъ полонъ гостей. Какъ ей сюда идти, да и зачѣмъ ей!?! Не роже!.. Не благоприличествуетъ. Коли не пьянъ ты, такъ ума рѣшился!.. бормотала Степанида.

— Ну, слушай, Степанида! Знаешь ты, что я задаромъ не крещусь. Видала виды отъ меня!.. На вотъ тебѣ крестъ!..

Герасимъ перекрестился и мѣрно прибавилъ:

— Если ты сию же минуту не поидешь звать сюда барышню — я тебя здѣсь же за-мертво положу.

Отъ лица скорохода, отъ его голоса, отъ всей его фигуры вѣло чѣмъ-то такимъ зловѣщимъ, что всѣ гости-холопы, и трезвые, и пьяные, одинаково, замолчали какъ убитые. Страхъ какой-то ваналя на всѣхъ. Дѣло принимало скверный оборотъ, пахло судомъ. Степанида, дѣйствительно знавшая и своего пріятеля и чтѣ значило его обѣщаніе, сопровождаемое крестнымъ знаменіемъ, тотчасъ же побѣжала наверхъ.

Клѣна была въ большой гостиной среди нѣсколькихъ молодыхъ дѣвушекъ, когда барская барыня приблизилась къ пей и вымолвила растерянно:

— Барышня, пожалуйста на два словечка.

— Чтѣ? отозвалась дѣвушка.

— Два словечка мнѣ вамъ на ушко сказать.

Клѣна поднялась, Степанида побѣжала изъ гостиной почти па рыскахъ и дѣвушка, удивляясь, послѣдовала за пей.

Въ коридорѣ Степанида остановилась и обернулась.

— Барышня, начала женщина, запыхавшись не отъ усталости, а отъ волненія, — Герасимъ внизу, подгулялъ, буянить. Такое сейчасъ надумалъ!.. Я не знаю право!.. Я боюсь вамъ не доложить. Госнода его набаловали своей лаской. Ужь какъ сами знаете!..

— Да чтѣ такое? встревожилась Клѣна.

— Герасимъ приказалъ мнѣ васъ просить внизъ!..

— Зачѣмъ?

— Не знаю зачѣмъ. Подгулялъ!.. Зови, говорить, барышню сюда, ко мнѣ; а не поидеть она, я жаловаться буду барину.

— Жаловаться?

— Нѣтъ!.. Я, говорить, поиду барину такое на ушко скажу, что бѣда!..

— Я не понимаю! глухо выговорила Клѣна, хотя сразу поняла все!..

— И я, барышня, не понимаю!.. Такъ балуется, подгулялъ. Только страшно, барышня. Право, страшно. Вы лучше сойдите ужь!..

— Кто тамъ внизу? Холопы пріѣзжіе?

— Да-съ.

— Пьяны всѣ?..

— Никакъ-съ нѣтъ. Одинъ нашъ, почитай, подгу-

ляль. А тѣ всё ничего. Опъ предъ ними расхвастался, что коли васъ онъ попроситъ внизъ, то вы тотчасъ и пойдете.

Наступило молчанье.

Клѣна тяжело дышала, потупившись. Лицо ея выражало однако не испугъ и смущенье, а гнѣвъ.

— Скажи ему поди, что онъ разума рѣшилъ, твердо произнесла она.—Я при гостяхъ въ домѣ отлучиться съ верху не могу. А второе, не могу тоже идти въ людскія горницы, гдѣ никогда не бывала, да еще при чужихъ холодахъ.

— Охъ, барышня, золотая моя, сокровище мое, взмолилась Степанида.—понимаю я все это, да боюсь... Боюсь я ему такое отвѣтствовать. Чую я, бѣда будетъ. Набаловали вы его. Опъ, вотъ ей Богу, сейчасъ сюда наверхъ шаркнетъ и сраму падѣляетъ.

— Что-жь ты хочешь?

— Сойдите. На одну минуту. Будто для порядка пришли. Бываетъ, господа этакъ-то на праздникѣ въ домѣ, ходятъ сами поглядѣть какъ чужихъ холоповъ у нихъ угощаютъ... Все-ли хорошо... Вѣстимо хозяйское это дѣло, а не барышняно дѣвичье... Да что ужъ тутъ разбирать...

Клѣна тяжело вздохнула и двинулась впередъ.

— Я съ вами... Я съ вами! обрадовалась Степанида.—Ему только эту блажь его исполните. А то онъ ничего.

Черезъ минуту Клѣна, слегка поблѣднѣвшая, мѣрной тихой поступью, гордо поднявъ голову, входила въ огромную людскую горницу, гдѣ было жарко, душно, смрадно и пахло пролитымъ виномъ.

Вся толпа сидѣвшихъ, дико хохотавшихъ и криливо галдѣвшихъ лакеевъ, гайдуковъ, кучеровъ и всякихъ крѣпостныхъ гостей—поднялась съ шумомъ съ мѣстъ и обернулась къ появившейся дѣвушкѣ. Изъ уваженія къ молодой барышнѣ, но главнымъ образомъ отъ изумленія ихъ—наступило сразу гробовое молчанье.

Клѣна обвела гордымъ и суровымъ взоромъ всю эту пеструю толпу, которая дико взирала на нее, и приблизилась къ столу, за которымъ сидѣлъ развалился Герасимъ Морковниковъ. Опъ одинъ не всталъ, откачнулся назадъ къ стѣнѣ и, пахально глядя между двухъ свѣчей на приближающуюся барышню, самодовольно, но презрительно усмѣхался...

— Что тебѣ нужно? вымолвила Клѣна холодно и глядя прямо ему въ глаза.—Что случилось?..

— Ничего! грубо отозвался Герасимъ; не вставая, озъ обернулся къ толпѣ здоровыхъ и прибавилъ:—Ну вотъ, видѣли! Приказалъ придти—и пришла. Теперь можете, барышня, во-своемъ отправляться наверхъ. Вамъ здѣсь—и я скажу—не мѣсто. Мнѣ токмо хотѣлось показать этимъ вотъ ротозѣямъ, что я властенъ надъ вами. Что похочу, то вы и сдѣлаете. Вотъ и все! Ну, ступайте. Чего же вы...

Клѣна стояла, не двигалась и тряслась всѣмъ тѣломъ. Лицо ея стало мертво-блѣдно...

Наконецъ она зашаталась и взмахнула руками, какъ-бы стараясь не упасть.

Степанида бросилась къ барышнѣ, поддержала ее и выговорила тихо, почти на ухо:

— Пойдемте... Плюньте вы на него.

И Клѣна въ полусознательномъ состояннн, въ какомъ-то чаду, послушно двинулась за барской барыней, среди всеобщаго молчанія.

Степанида вывела ее изъ людской и поддерживал какъ большую подпала по лѣстницѣ.

Оправившись нѣсколько въ своей горницѣ, Клѣна черезъ силу вышла къ гостямъ, но всѣ замѣтили ея блѣзненный видъ.

Празднество бригадира удалось на славу. Гости были веселы и довольны, много нахохотавшись фокусамъ заморскаго кудесника. Ужинъ окончательно развеселилъ всѣхъ.

Но развѣхавшіеся послѣ полупочи со двора бригадира московскіе дворяне развезли по городу чудпую и диковинную вѣсточку... Каждый холопъ разсказалъ своему барину что произошло въ людской дома бригадира въ самый разгаръ веселья паверху.

Холопы только дивились тому колѣну, которое отмочилъ скороходъ Филисова. Господа-дворяне не ограничили однимъ удивленіемъ; они стали разяснять приключеніе, пошли на догадки и пришли къ тому заключенію, что бракъ молодой дѣвушки со старымъ холостякомъ, бывший для нихъ загадкой или дикой прихотью бригадира, сталъ теперь ясенъ. Но какъ ясенъ?.. Чертѣе сажки!

„Покрѣпить грѣхъ надо“! рѣшили благопріятели, плотно покушавшіе и лихо попиравшіе у хлѣбосола-хозяина.

Разумѣется, на утро и бригадиръ, и Марья Евграфовна узнали о посѣщенн Клѣною людской; по упали на особый ладъ.

Барская-барышня, по наущенію одумавшагося скорохода, взяла все на себя. Она сама будто-бы просила барышню сойти взглянуть на угощеніе людей, боясь безнокотъ барыню Марью Евграфовну, занятую гостями.

Степанида получила выговоръ за глупый поступокъ, по тѣмъ дѣло и кончилось. Разумѣется, никто изъ людей бригадира ее сущулся къ нему съ докладомъ и разясненіемъ.

XV.

На другой же день Никита Артемьевичъ взялъ тысячу рублей и выѣхалъ изъ дому, самодовольно по загадочно улыбаясь.

— Куда вы это?.. спросила Толбухина.

— Секрѣ!.. Какъ говорите вы по французскому. Грандъ сскрѣ, матушка-сестрица. Разиро-грандъ сскрѣ!

Бригадиръ вернулся только въ сумерки, опоздавъ къ обѣду на цѣлый часъ, къ изумленію Толбухиной. По онъ былъ чрезвычайно въ духѣ.

Секретъ былъ простой. Съ того дня что онъ узналъ отъ пріятели объ недостаткѣ многого въ супдукахъ впучки; онъ задумалъ, не говоря никому ни слова, пополнить приданое. Приготовленія и хлопоты ради вечера заняли его время; теперь же, будучи свободнымъ, онъ выѣхалъ изъ дома именно ради этой цѣли и побывалъ въ разныхъ модныхъ магазинахъ. Забавляясь мыслію, что онъ самъ занимается бабннмъ дѣломъ, онъ выбралъ разные паряды для Клѣны и приказалъ отправить въ особомъ сущукѣ прямо на квартиру жепиха.

„Всѣмъ будетъ сюрпризъ: и новообрачной, и даже сестрицѣ... А няпка жаль что въ монахннхъ, я бы ее проучилъ“, нѣсколько разъ повторилъ мысленно Филисовъ.

За обѣдомъ бригадиръ весело шутилъ на счетъ своего таинственнаго дѣла въ Москвѣ, заставившаго его заноздтъ къ столу.

Но злая судьба готовила въ этотъ день смуту въ домѣ.

Послѣ обѣда бригадиру попадобилось что-то въ ящикѣ стола, который онъ часто открывалъ. Выдвннувъ правый ящикъ, бригадиръ удивился и насупился. Пожимая плечами, осмотрѣлъ онъ перерытый ящикъ и вслухъ невольнн выговорилъ:

— Что-жь это такое!?. Словно вихрь небесный пронесся тутъ!?. Ишь вѣдь какъ все перешарено! Марья Евграфовна стала видно дѣлать у другихъ тѣ, чего не любить у себя...

Бригадиръ увидѣлъ поверхъ всего коробочку зеленую, и открылъ ее. Но она была пустая. Онъ сталъ искать перстель въ ящикѣ—и не находилъ его; осмотрѣлъ весь столъ—но нигдѣ не нашель ничего.

„Чудное дѣло!..“ подумалъ онъ и тотчасъ крикнулъ своего камердипера.

— Перстня нѣтъ, сказалъ онъ.

Антопъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на барина. Быть-можетъ въ первый разъ въ жизни случилось ему слышать вопросъ о томъ, гдѣ какая вещь.

— Я же не знаю, Никита Артемьевичъ. Опъ у васъ всегда былъ въ коробочкѣ, вотъ въ этой самой; а она либо на столѣ, либо въ ящикѣ.

— Ну, а теперь перстни въ коробочкѣ нѣтъ! воскликнулъ бригадиръ.

— Ну, стало быть вы его брали съ собой куда задѣвали. Утромъ я видѣлъ коробочку пустую, безъ ничего. Взяли да и потеряли.

— А я тебѣ говорю, что нигуда не бралъ. Съ педѣлю назадъ я его еще видѣлъ въ коробочкѣ, вотъ въ этомъ ящикѣ, и теперь его нѣтъ. Гдѣ онъ—не знаю. А я его не бралъ.

— Ну и я, Никита Артемьевичъ, стало-быть знать ничего не могу, отозвался человѣкъ спокойно.

— Что-жъ его украли что-ли? почти шутя произнесъ Филисовъ.

— Украли!.. Тутъ не улица, замѣтилъ Антопъ.— Окромя васъ да меня и украсть некому.

— Дуракъ ты совѣмъ. Ты да я—красть не будемъ, а стало-быть кто третій взялъ.

— Такого третьяго, кромѣ барыни, во всемъ домѣ нѣту, Никита Артемьевичъ. Надо се спросить или искать. Куда-нибудь завалился.

Такъ какъ опросъ Марии Евграфовны, а затѣмъ и поиски не привели ни къ чему, то и баринъ и лакей были смущены не пронажей дорогаго перстня, а чуднымъ происшествіемъ.

— Перстень, Богъ съ нимъ, говорилъ бригадиръ,—а въ домѣ не хорошо...

— Вѣстимо! Чтò вамъ перстень! А страшно, что ходить опъ въ домѣ...

— Воръ то есть?..

— Нѣтъ, ужъ не воръ, Никита Артемьевичъ. Нѣтъ... Какой воръ, чтò вы!..

— Да кто-же?

— Да такъ, не воръ. Хотя опъ и въ домѣ, а только не воръ.

— Кто-же тогда? Духъ?

— Да, вѣстимо, домовою шалить.

— Вотъ тебѣ и здравствуйте! воскликнулъ бригадиръ.— Вотъ тутъ и толкуй.

И разсердившись вдругъ на это объясненіе, опъ прогналъ Антона.

Черезъ нѣсколько времени бригадиръ рѣшилъ, однако, что этого дѣла оставлять нельзя.

Перстня-то не жаль. Чортъ съ нимъ! Это не такъ важно, а важно тò, что въ домѣ воръ, гдѣ его двадцать лѣтъ не бывало. Это дѣло не шуточное!

Черезъ часъ весь домъ былъ поднятъ на ноги словами, что барина обокрали.

Половина дома держалась мнѣнія Антона, что перстень не украденъ, а въ домѣ домовою шалить.

Появленіе домового было для всѣхъ гораздо вѣроятнѣе, нежели появленіе вора.

Всѣ одинаково безпокойно суетились и разсуждали объ исчезновеніи перстня, и только два лица въ домѣ относились къ событію нѣсколько иначе.

Клѣна, которой тоже было передано самимъ бригадиромъ о пронажѣ перстня, выдержала короткую бесѣду съ дѣдушкой, только дыханіе ея слегка сперлось и лицо чуть-чуть передернуло. Но она не выдала себя, и бригадиръ ничего не замѣтилъ. Ему показалось только страннымъ, что внучка отнеслась къ дѣлу черезчуръ хладнокровно, какъ если-бы ей сказали, что иголка пропала. А между тѣмъ это видимое хладнокровіе было совершенно иное. Клѣна при разговорѣ съ дѣдушкой о перстнѣ вдругъ застыла, окаменѣла, сознавая и переживая вновь ужасъ своего поступка.

Другой человѣкъ въ домѣ, Герасимъ, въ карманѣ

котораго, въ бумажкѣ, уже былъ переданный ему Клѣной перстень, высказывалъ свое мнѣніе о домовомъ ради приличія, самъ-же украдкой усмѣхался и думалъ:

„Ужъ кому-нибудь да будетъ плохо. На домового поквиваютъ, а въ копцѣ копцовъ примется за холопа какого. Съ домового-то взятки гладки, а холопа-то можно и въ темную засадить“.

Чѣмъ дальше шли разговоры о пронажѣ, тѣмъ болѣе, казалось, баринъ выходилъ изъ себя. Все безобразіе представлялось ему обстоятельствомъ, что въ его домѣ появился воръ. Тотчасъ-же слѣдовало его, конечно, найти, такъ какъ подобный случай въ дворянскомъ домѣ есть даже отчасти срамъ въ сосѣдяхъ.

Не въ духѣ, суровый и гнѣвный, легъ бригадиръ спать, а подъ утро позвалъ Антона и началъ съ вопроса:

— Ну, что-же?

Антопъ не зналъ даже чтò и отвѣчать. Опъ развелъ руками.

— Стало-быть нѣтъ?

— Да гдѣ же ему быть, Никита Артемьевичъ. Вѣдь домового не слышишь.

— Ну, ты мнѣ не смѣй небыллицы въ лицахъ представлять. Тутъ нѣтъ домового, а есть тутъ воръ. И живъ я не буду, коли не разыщу его и не сдамъ въ солдаты или не сошлю въ Сибирь... А первый кто виновать—ты. Тебѣ одному доступъ ко мнѣ въ горницу, когда-бы ты ни захотѣлъ. И если воръ не пайдется, то ты у меня и отпавишься въ солдаты.

— Помилосердуйте! воскликнулъ холопъ, опускаясь на колѣни и мѣшаясь въ лицѣ.—Никита Артемьевичъ! Сколько лѣтъ я служилъ... И вдругъ этакое...

— Сколько-бы ты лѣтъ ни служилъ, а ты убираешь горницу. Ты въ мои столы можешь лазать, а больше никто. Стало-быть коли воръ не пайдется—ты и виновать. А теперь пошелъ вопъ! И чтобы къ вечеру былъ мнѣ воръ на лицо.

И весь день прошелъ въ толкахъ и сумятицѣ. Вся дворня охала и волновалась, жалѣя Антона, убѣжденная въ его правотѣ.

Вечеромъ бригадиръ спросилъ у кого-то изъ людей чтò Антопъ, и на отвѣтъ что опъ сидитъ и не смѣетъ на глаза показаться, бригадиръ позвалъ Герасима.

— Стуай завтра утромъ къ полиціимейстеру и заяви, что я требую въ домѣ сыскъ.

— Слушаю-сь, отозвался Герасимъ.

Извѣстіе, что на утро въ домѣ будетъ сыскъ, т. е. кучка подьячихъ и полицейскихъ съ попятными, произвела такое-же дѣйствіе на всѣхъ домочадцевъ бригадира, какъ если-бы на другое утро ожидалось нашествіе непріятели, потопъ или землетрясеніе.

Тѣ изъ людей, которые были наиболѣе удалены отъ господъ по своимъ обязанностямъ—и тѣ волновались.

Старуха-коровница, которая за нѣсколько лѣтъ службы не переступала порога прихожей барскихъ горницъ, и та отчаянно выла, сидя на задворкахъ, ожидая, что и ей завтра предстонтъ, по малой мѣрѣ, отвѣдать розогъ, а то и кандаловъ.

Человѣкъ пять подьячихъ, съ особенно скверными лицами, явились въ домѣ бригадира и, получивъ отъ него объясненіе и указаніе, перешли въ людскую, умѣстились за столомъ полукругомъ, поставили черпильницу, разложили бумагу и перья и стали по-очереди вызывать дворовыхъ.

Сыскъ продолжался почти цѣлый день.

Къ вечеру главный подьячакъ явился къ бригадиру и доложилъ, что подозрѣніе падаетъ на его камерди-нера Антона.

— Почему? отозвался бригадиръ.

— Да такъ ужъ, изо всего дѣла видно.

— Да вѣдь тебѣ видно, приказная строка, а не мнѣ, разсердился бригадиръ.—А ты, приказная пивка, коли

Титанія. Съ карт. Г. Шмихена, грав. Кирмзе.

обвиняешь кого, такъ докажи. А зря всякаго можно ободгать.

Приказный объяснилъ коротко, что подозрѣніе падаетъ на Антопа, вслѣдствіе указаній на него другаго лица, такого-же холопа какъ и опъ—скорохода Герасима.

Разумѣется, бригадиръ немедленно приказалъ позвать своего любимца.

Герасимъ, нѣсколько смущаясь, доложилъ барину, что опъ дѣйствительно при сыскѣ домашнемъ показывалъ на Антопа, такъ какъ Антопъ за послѣднее время отлучался изъ дому невѣдомо куда и, кромѣ того, у его жены появилось сразу два новыхъ платья.

Антопъ самъ, совершенно потерявшись, путался въ показаніяхъ и говорилъ то одно, то другое.

Сначала опъ заявилъ, что ходилъ провожать за зс-таву кума, который къ нему навѣдался; затѣмъ увѣ-рялъ, что опъ ходилъ подѣ Новинское, гдѣ за деньги показывался бѣлый арапъ на маперѣ ярославскаго му-жика.

Плате опъ будто у портнихъ взялъ на поддержанье, а затѣмъ говорилъ, что тотъ-же кумъ подарилъ женѣ это платье; другое-же—вовсе не новое, а старое, сшитое уже съ полгода назадъ.

Вообще все, что отвѣчала Антопъ, было отвѣтами чело-вѣка путающагося въ своихъ показаніяхъ. Проис-ходила-ли эта путаница отъ содѣяннаго преступле-нія или отъ смущенія робкой натуры—судить было некому.

Бригадиръ далъ Антопу одну ночь на раздумье, чтобы добровольно сознаться, а подьячимъ велѣлъ уходить и вернуться на утро.

На утро виновный стоялъ на своемъ, говорилъ, что опъ ни тѣломъ, ни душой не виноватъ, что такое ужь его несчастье, что Господь Богъ по грѣхамъ наказалъ.

— Да вѣдь ты въ Сибирь пойдешь! воскликнулъ бри-гадиръ, уже теряя терпѣніе. — Лучше сознайся, тогда я тебя просто въ какую дальнюю деревню на скотный дворъ сошлю. А коли не отдашь перстень, что ты без-стыдно укралъ, то иди въ Сибирь.

— Не могу я на себя чужаго грѣха взять, отозвался обвиняемый. — Не годно!

Около полудня явился тотъ-же подьячій съ солда-тами. Вся дворня собралась въ людской и около нея на дворѣ. При всѣхъ дворовыхъ подьячій нацѣпилъ веревку на шею камердипера и передалъ конецъ ей сол-дату.

Жена Антопа и его маленький сынъ были и голоси-ли. Наконецъ, жена упала на землю въ корчахъ; ее подняли и унесли. Солдатъ, взявшій веревку, и подьячій, съ „дѣломъ“ подѣ мышкой, уже собирались двинуться за ворота, когда въ самомъ домѣ произошло цѣлое со-бытіе.

XVI.

Въ эти самыя минуты и уже давно, близъ окна залы, выходящаго на дворъ, стояла и тряслась всѣмъ тѣломъ сама молодая барышня. При движеніи солдатъ со двора, Клѣна закричала:

— Стойте!.. Стойте!

Какъ только два лакея сидѣвшіе въ прихожей услы-шали восклицаніе барышни, оба разомъ поняли и тот-часъ выбѣжали на дворъ остановить шестые.

Сама же Клѣна бросилась въ кабинетъ къ дѣду, влѣ-тѣла какъ ураганъ, кипучая предѣ нимъ на колѣни и воскликнула:

— Дѣдушка, я... я украла... Остановите... Антопъ не при чемъ. Я украла.

Разумѣется, въ первыя минуты бригадиръ не удивился, а перепугался. Ему показалось, что внучка мгновенно сошла съ ума.

Прежде всего бригадиръ позвалъ сестрицу къ себѣ

на помощь, такъ какъ опъ потерялся окопчательно и не зналъ, что думать и что дѣлать.

Марья Евграфовна съ трудомъ подпала Клѣну съ пола, усадила ее на диванъ, поила водой. Клѣна тряса-лась всѣмъ тѣломъ, всхлипывала, задыхалась и повто-ряла только одно слово: „украла“.

На всѣ разпросы Марьи Евграфовны и бригадира, Клѣна отвѣчала все то же:

— Я, я... не Антопъ... Я украла... Чего же вамъ больше?..

Но затѣмъ украла она, гдѣ перстень, какъ могло по-добное совершиться—Клѣна не объясняла ничего.

— Я... Что-жъ вамъ еще?..

— Да перстень-то гдѣ-же? приставала Марья Евгра-фовна.

— Потеряла... выговорила наконецъ Клѣна.

Наступило молчаніе. Бригадиръ стоялъ смущенный, тяжело дышалъ и наконецъ, обращаясь къ Марьѣ Ев-графовнѣ, выговорилъ тихо, но тревожно:

— Уведите ее... Положите въ постель... Попитьте дайте чего-нибудь... теплаго что-ли. Да за лекаремъ пошлите.

Клѣна встала и послушно отправилась за бабушкой въ свою горницу и послушно легла въ постель. Мысли ея путались въ головѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, явилось какое-то желаніе уйти и спрятаться отъ всѣхъ. Клѣна отвернулась къ стѣнѣ, уткнулась лицомъ въ подушку и пролежала такъ нѣсколько часовъ.

Между тѣмъ, Марья Евграфовна вернулась къ бри-гадиру въ кабинетъ, сѣла противъ него и, глядя въ его смущенное лицо, молча, однимъ взглядомъ и даже своей позой какъ бы спрашивала: „Что вы скажете? Какъ посудите?“

Въ кабинетѣ воцарилась тишина: бригадиръ не знаетъ что и отвѣчать на вопросительный взглядъ сестрицы.

Наконецъ, послѣ длинной паузы, Никита Артемь-вичъ выговорилъ:

— Отъ великаго горя люди часто лишаются разсудка. Мы съ тобой отнеслись такъ, просто, съ легкимъ серд-цемъ къ пронажѣ Козлянинова, т. е. къ его убіенію, тайному и непопаятому. А она по своему приняла это къ сердцу. Все въ ней перегорѣло: и въ сердцѣ, и въ мысляхъ все перепуталось. Лишилась она своего яснаго разума. Такъ день-денской живетъ будто разумная, а въ дѣйствительности она лишилась разума, какъ ска-зывается по-русски—спятила. Бѣднѣе я ничего при-думать не могу.

И Никита Артемьевичъ, смущенный, отправился къ своему другу посоветоваться, потолковать.

На этотъ разъ бесѣда друзей была короткая. Брато-любцевъ сразу понялъ дѣло по своему, и бригадиръ, ударивъ себя ладонью по лбу, ахнулъ.

— Мнѣ и на умъ этого не пришло! воскликнулъ опъ.

— А дѣло самое простое, замѣтить Братолюбцевъ.— Силошь и рядомъ бываетъ. И чудно, что ты, старый тетеревъ, не догадался. Просто изъ жалости къ чело-вѣку берутъ на себя поганое дѣло. А по моему, другъ, и Антопъ твой не виноватъ, а есть у васъ другой воръ и должно быть малый не промахъ, коли на него нѣтъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Подьячье да новыччики под-лецы, рады хоть кого ни на есть со двора потащить. Вотъ твоей внучкѣ, изъ жалости къ невинному чело-вѣку, и пришло на умъ взять все дѣло на себя. На мой толкъ, брось все... Чортъ съ нимъ, съ этимъ перст-немъ. Антопа не губи зря, а на слова внучки внима-нія не обращай... Сказываетъ, что сама украла—пу и пуцай.

Бригадиръ вернулся домой не только спокойный, но и радостный. Опъ удивлялся только самому себѣ, какъ это такая простая мысль не пришла ему на умъ.

Однако, въ домѣ, по возвращеніи бригадира, радость

его прошла. За время его отсутствия, Клэна снова, по уже подробнѣе рассказала все бабушкѣ, созналась въ кражѣ. Мало того, она просила бабушку устроить ей все дѣло. Если перстень этотъ такъ дорогъ дѣдушкѣ, то она бралась снова достать его назадъ съ тѣмъ только, чтобы Марья Евграфовна дала ей сто или двѣсти рублей взамѣнъ.

Толбухина обѣщала, и онѣ уговорились, что на утро перстень будетъ опять у бригадира, а Клэна получить его рублѣй.

По возвращеніи бригадира, Марья Евграфовна передала ему все подробно. И въ первый разъ за послѣднія двадцать лѣтъ съ бригадиромъ случилось пѣчто особенное. Онѣ заматался и кое-какъ доплелся до кресла. Старика-дворянина окончательно сразило это страшное извѣстіе. Во-первыхъ, внучка дѣйствительно воровка, а во-вторыхъ, и не сумасшедшая воровка, а правильно разсуждающая, обѣщающая возвратить покраденное за деньги.

На утро рано Братолюбцевъ былъ уже въ домѣ друга. Приѣхавъ онѣ точно также спокойный и веселый, такъ какъ прибылъ глубоко убѣжденный въ томъ, что объяснялъ накануне. Но черезъ нѣсколько времени тотъ же Геннадій Ивановичъ былъ смущенъ еще болѣе нежели бригадиръ.

Онѣ объяснялся со своей пареченной. Болѣе часа бился онѣ съ ней и вышелъ изъ горницы молодой дѣвушки взволнованный и встревоженный.

Объясненіе Братолюбцева съ Клэной не привело, конечно, ни къ чему.

— Да какъ это все случилось? поясните вы мнѣ, пристаивала онѣ.

— Попеволѣ... Нужно... отвѣчала Клэна.

— Вѣдь вы знаете, что это дѣло срамное, не только для дворянки, но и для холопа простаго.

— Знаю, отозвалась Клэна, потушившись.

— Мерзкое дѣло.

— Знаю.

— Какъ же вы рѣшились на него?

— Нужно было.

— Деньги были нужны?

— Деньги.

— Зачѣмъ?.. куда?.. Все у васъ есть. Коли что купить хотѣли, надо бы у дѣдушки попросить; къ нему не хотѣли идти — мнѣ бы сказали, займы бы взяли. Стало-быть вы продали вещь?

— Нѣтъ, отдала.

— Кому же?

— Этого я не скажу.

— И онѣ вамъ денегъ далъ? Продавъ и принеся деньги?

— Нѣтъ.

— Стало-быть вы ихъ получите?

— Нѣтъ, не получу.

— Стало-быть тотъ, кому вы отдали перстень, ограбилъ васъ?

— Нѣтъ.

— Въ домѣ онѣ живетъ, этотъ человѣкъ? Холопъ онѣ вашъ?

— Нѣтъ, гнала Клэна. И этимъ однимъ словомъ она путала все дѣло и губила себя.

Это былъ единственный отвѣтъ, который былъ ложью. Но онѣ былъ главный. На остальное она отвѣчала правду или говорила прямо, что не скажетъ.

— Да вѣдь вы обѣщали бабушкѣ возвратить перстень, если она вамъ дастъ денегъ?

— Обѣщала.

— И не смогли этого сдѣлать. Стало-быть тотъ лѣпшій не возвратилъ вамъ перстень и деньги не принеся. Что же это за дѣло такое! Вѣдь это темное дѣло! разсудите сами. Такое темное, что я и полагаю, что вы на себя чужую вину взяли. Полагаю я, что Антонъ

украсть перстень, а вы изъ жалости на себя берете. Только посудите, моя красавица, жалость жалостью, а срамота срамотой. Коли вамъ дѣдушка обѣщаетъ Антона помиловать, снимите вы съ себя срамное обвиненіе. Вѣдь Антонъ украсть, а не вы?

— Нѣтъ, я! продолжала отстаивать Клэна.

— И больше вы ничего не скажете ни мнѣ, ни дѣдушкѣ, кому вы отдали перстень и зачѣмъ все это произошло?

— Ничего не скажу. Когда буду вашей сунругой — то всю правду вамъ и передамъ, можетъ-быть... А теперь не могу.

Братолюбцевъ на эти слова ничего не отвѣтилъ, вздохнулъ и потупился.

— Когда наша свадьба?.. Поскорѣ бы... вымолвила Клэна. — Конецъ мученью моему.

— Мученью?!.. подхватилъ Братолюбцевъ, удивляясь.

— Да, мученью... Истомилась я. Мнѣ здѣсь не жизнь, а каторга. Вотъ воровать начала, а скоро, кажется, и руки на себя паложу... Скоро-ли наша свадьба?

Братолюбцевъ слегка пожалъ плечами, видимо смутился, хотѣлъ что-то отвѣчать, пробурчалъ какое-то слово и заннулся.

— Спасите же меня скорѣе изъ дьяволовыхъ рукъ... Погубить меня врагъ, мучитель, сатана... проговорила отчаянно Клэна.

Братолюбцевъ вытаращилъ глаза, откинулся на креслѣ и долго молча смотрѣлъ на дѣвушку, понурившуюся предъ нимъ и закрывшую лицо руками.

Наконецъ онѣ снова протяжѣе и глубже вздохнулъ, попурился тоже какъ бы подъ впечатлѣніемъ какого-то привятаго рѣшенія, затѣмъ медленно поднялся.

— Такъ ничего вы мнѣ не скажете?

Клэна молчала.

— Ну, Богъ съ вами!

Братолюбцевъ повернулся и тихо вышелъ изъ ея горницы.

— Стало-быть украли-таки? рѣшилъ бригадиръ, узнавъ въ чемъ состояла бесѣда Братолюбцева съ певѣстой.

— Да, украли... отозвался тотъ.

— Славно!.. рѣшилъ бригадиръ.

— Да, хорошо... отозвался его другъ.

— И назадъ получить не можетъ?

— Нѣтъ... Не можетъ.

— А кому отдала не скажетъ?

— Нѣтъ.

— Славно!.. Ай да внучка у меня въ домѣ!.. дрожащимъ голосомъ произнесъ бригадиръ и прибавилъ: — Ну, какъ же теперь быть?

— Да ужъ я не знаю, отозвался Братолюбцевъ. — Ты самъ лучше меня понимаешь... Не хорошее дѣло... Или тутъ темнота какая, кю мы разгадать не можемъ, а отъ нея во-вѣки истины не добьемся. Или же отъ горя помутился у ней разсудокъ... Ну, а ты самъ разсуди, другъ, за что же мнѣ вѣнчаться и въ жены брать таковую. Я ни воровки, ни сумасшедшей въ сунруги себѣ въ мои годы не желаю.

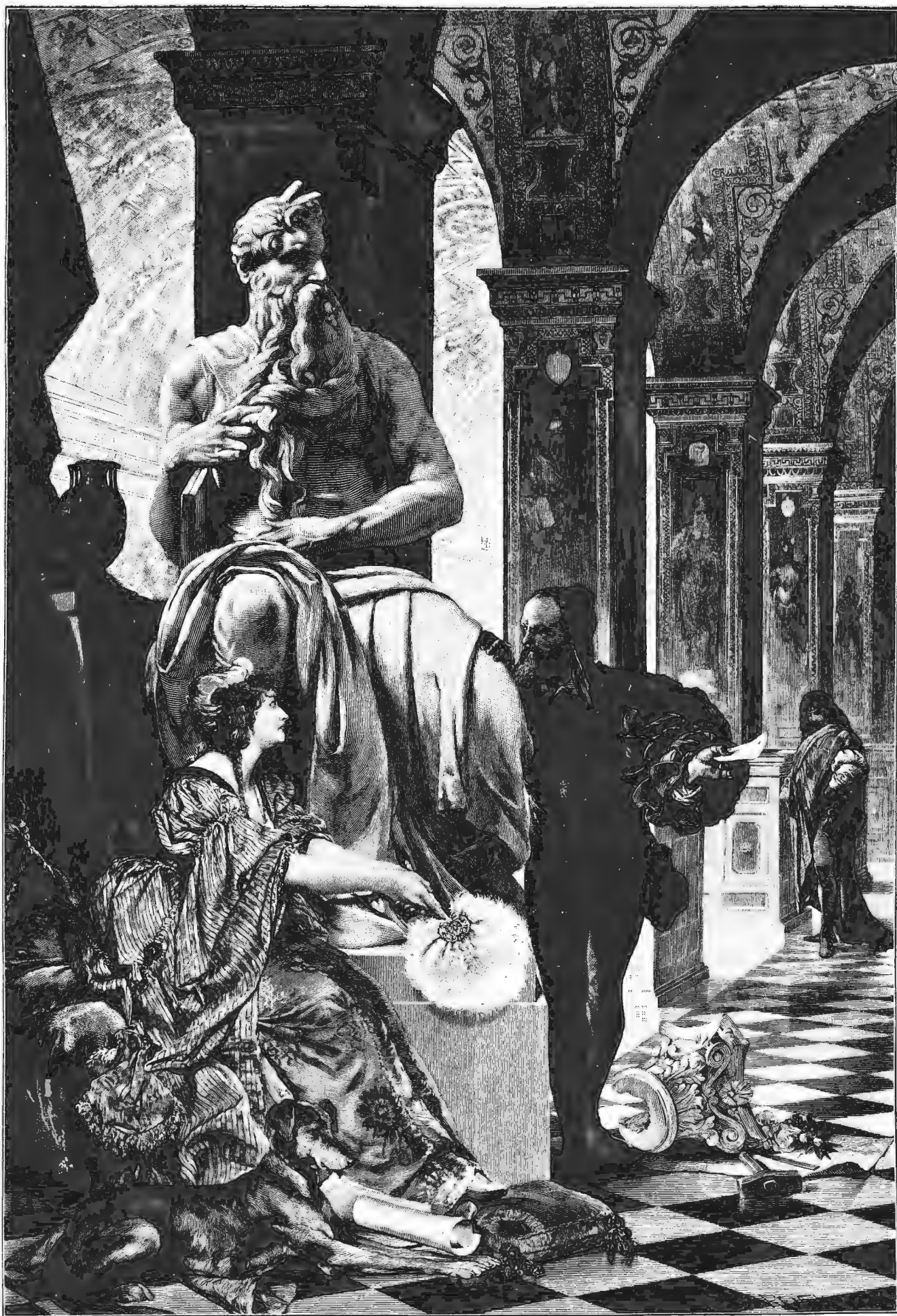
Бригадиръ ничего не отвѣтилъ на это и только черезъ нѣсколько минутъ прибавилъ какъ бы въ заключеніе:

— И ничему стало-быть не бывать?

— Ничему, другъ, не бывать. Обожди малость, а тамъ сбудь съ рукъ... Выдай замужъ за какого прохожаго молодца, которому терять нечего: ни чести, ни совѣсти... А самое лучшее дѣло, пускай она идетъ, какъ собиралась, въ монастырь. Въ монастыряхъ часто и горе, и уродство, и срамъ подъ расой хоронять. Но повѣрь, мнѣ, въ моемъ теперешнемъ состояніи, тоже не легко. Все-жъ таки... Я.. я за послѣднее время привыкъ считать ее своей нареченной, привыкъ уважать, цѣнить и любить, а теперь вдругъ этакое на

Похищеніе птенца. Къ карт. Г. Шаумаца, грав. Кнезингъ.

Микель Анджело и Виттория Колонна. Съ карт. Г. Шейдера, грав. Брендамуръ.

голову свалилось... Либо она воровка, да еще и наглая, может и прежде такой у матушки съ батюшкой была; или же она съ горя, утраты возлюбленного своего помѣшалась... А умалишенную любить и за себя брать не приходится.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Можетъ обойдется... заговорилъ бригадиръ.— Можетъ и впрямь затемненіе разума пашло... Сумасшествіе тоже вѣдь хворость. Пройдетъ недугъ и станетъ она опять, кака была...

— Вѣрно, другъ... Вѣрно... отозвался Братолюбецъ.— Да такъ-ли оно? Можешь ли ты руку на сердце положить сказать, что она хворости ради все это патворила. А распронажа, разворованіе всего придапаго... Это что? Нянька? А если не нянька... Много-ль мы знаемъ эту дѣвицу? Безъ году недѣлю она у тебя въ домѣ-то. Почитай—чужая! А какова она съ дѣтства была у родителей своихъ, что видѣла кругомъ, что слышала, что сама привыкла творить по праву своему, мы не вѣдаемъ... Да что тутъ... Страшно... Страшно, другъ...

Въ голосѣ Геннадія Иванича звучали слезы и горечь сердечная.

— Я се... Я вѣдь се вотъ какъ... Какъ паренекъ молодой возлюбилъ! выговорилъ онъ вдругъ.— Помогдѣль самъ... Я бы за нее... прикажи она, топить бы пошелъ... Ей-Богу, такъ сдается. А знать, что она воровка... Ну, да что тутъ толковать. Не судьба. Жаль мнѣ тебя, что у тебя въ домѣ, на старости твоихъ лѣтъ—этакое приключилось. Прости.

Черезъ нѣсколько минутъ, послѣ длинной паузы, друзья молча разстались.

Бригадиръ остался въ своемъ кабинетѣ, погруженный въ тяжелыя думы, а Братолюбецъ, печальный, тихою походкой вышелъ изъ дома друга.

XVII.

Клѣна въ это время сидѣла въ своей горницѣ и если бы въ эту минуту Братолюбецъ зашелъ еще разъ взглянуть на нее, то, конечно, остался бы въ полномъ убѣжденіи, что эта дѣвушка не воровка, какъ говорилъ онъ, а только просто умалишенная, не знающая и не сознающая того что она дѣлаетъ. Лицо Клѣны было сухо и блѣдно, глаза сверкали, губы ея были судорожно и гнѣвно сжаты; но во всемъ ея существѣ сказывалась всего яснѣе не печаль, не робость, а озлобленіе.

Въ головѣ ея повторялась неслепно, въ какомъ-то туманѣ, одна и та же мысль. Будто голосъ чей-то издадека шепталъ:

— Убить бы его слѣдъ, мучителя!

И Клѣна сама повторила беззвучно губами:

— Да, убить бы тебя!

Вечеру явилась къ внучкѣ Марья Евграфовна. Долго просебиралась поклонница Ватѣ и Маривѣ идти къ дѣвущкѣ съ неприятнымъ, серьезнымъ и тяжелымъ порученіемъ бригадира и Братолюбцева. Отъ жениха она должна была объявить оскорбительный для чести дѣвочки отказъ, а отъ дѣда предложеніе или скорѣе приказаніе покинуть его домъ и ѣхать жить въ вотчину въ Костромской губерніи, чтобы ради срама удалиться изъ Москвы.

Разумѣется, бригадиръ не хотѣлъ тотчасъ гвать внучку изъ дому, но онъ хотѣлъ, чтобы она тотчасъ узнала это рѣшеніе ея участи.

Марья Евграфовна не скоро привела Клѣну въ полное сознаніе и конечно не сразу объявила ей первую ужасную новость.

Когда дѣвушка поняла вполне, что Братолюбецъ беретъ свое слово назадъ и не хочетъ жениться на ней—Клѣна вскочила съ мѣста какъ ужаленная, глаза ея сверкнули, дыханіе захватило судорогой, но она не

вымолвила ни единого слова. Ни единого звука не сорвалось съ ея поблѣднѣвшихъ и дрожащихъ губъ.

Она снова опустилась на кресло и застыла. Марья Евграфовна перешла къ другому порученію отъ имени дѣда, но Клѣна не слушала бабушки.

„Пропала! Загубла! Онъ меня здѣсь загубитъ. Бѣжать надо!“ мысленно повторяла Клѣна.

Но вдругъ ей пришла новая мысль и лицо оживилось на минуту.

„Въ монастырь. Да... Какъ собиралась, такъ и надо. Съ Аришей вмѣстѣ буду...“

— Ты меня не слушаешь, произнесла наконецъ Марья Евграфовна.— Ты слышишь, что дѣдушка желаетъ, чтобы ты выѣхала изъ его дома...

— Хорошо... Выѣду... Да... Сейчасъ... машинально выговорила Клѣна, очевидно думая о другомъ.

— Не сейчасъ... Но черезъ недѣлю... Ну хоть и позже... Только знай это. Не полагай, что такое дѣяніе можетъ остаться...

— Бабушка! рѣзко прервала Клѣна Толбухину, какъ бы собирающуюся начать цѣлую проповѣдь.— Бабушка! Попросите его... Умогите его... За что же такъ...

— Это его послѣднее слово, Клѣна. Послѣ такого срама дѣдушка не хочетъ, чтобы ты оставалась въ домѣ его.

— Не дѣдушка... Что мнѣ это. Я на край свѣта готова идти. Въ монастырь пойду... Про Геннадія Иванича я говорю. Умогите его... Я буду хорошая ему жена.

Марья Евграфовна, разумѣется, отказалась паотрѣзъ исполнить подобную просьбу внучки. Толбухина была изумлена тѣмъ, какъ мало поразили Клѣну двѣ такія важныя вѣсти: отказъ жениха и изгнаніе изъ-подъ роднаго крова.

„Да ей все это, какъ объ стѣпу горохъ!“ рѣшила Марья Евграфовна.

Толбухина оставила внучку одну, не считая даже пужнымъ ее угнѣшить. Она рѣшила, что дѣйствительно лучше всего постричь дѣвущку и, такъ сказать, искупить монашествомъ весь приключившійся срамъ.

Между тѣмъ у Филисова съ сестрицей явились новыя заботы—московскіе сидѣтні и толки.

Чрезвычайный случай въ домѣ бригадира не могъ остаться тайной. Не прошло трехъ дней, какъ вся Москва дворянская, Богъ вѣсть какъ, узнала о необычайномъ и срамномъ приключеніи въ домѣ Никиты Артемьевича Филисова. И всякій толковалъ и перетолковывалъ случай на свой ладъ.

Заключеніе всякій выводилъ буквально такое же, какое мысленно дѣлалъ тенерь и самъ Филисовъ.

„Нельзя отвѣчать за дѣвущку пришедшую въ домъ уже семнадцати лѣтъ, хоть и внучка она ему, а почти чужая. Не онъ ее воспитывалъ. Родилась и воспиталась она совсѣмъ въ другой обстановкѣ. Можетъ быть еще и у отца вела она себя негоднымъ образомъ, воровала, а можетъ и пьянствовала. Ужъ братъ приемыша въ домъ, такъ бери маленькимъ. Виданое-ли дѣло, чтобы брали приемыша двадцатилѣтняго! Этакъ и сорокалѣтняго, стало быть, можно взять.“

Въ домѣ бригадира все были равно смущены; царствовала кака-то тяжелая тишина отъ зари до зари; Никита Артемьевичъ сидѣлъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ, викада не выѣзжалъ, говори сестрицѣ, что ему совѣстно въ люди глаза показывать.

Марья Евграфовна тоже сидѣла дома у себя въ горницѣ и не могла приняться ни за какое дѣло. Въ головѣ ея все мысли перенутались. Она чувала теперь въ исторіи съ перстцемъ нѣчто загадочное, что ее пугало всего болѣе. Она не вѣрила въ то, что Клѣна взяла на себя чужую вину—Автова-ли, другаго-ли какого человѣка. Равно Толбухина не вѣрила и въ во-

дозрѣніе Братолюбцева, что Клѣна „свихнулась“ или сошла съ ума отъ горя. Все можно было заподозрить, но отнюдь не сумасшествіе, такъ какъ дѣвушка вела себя какъ здравомыслящая.

Сама Клѣна была совершенно убита нравственно отъ казномъ Братолюбцева жениться на ней. И только теперь поняла Марья Евграфовна, что ошиблась въ своемъ сужденіи. Толбухина однако опять не поняла вначку и не могла объяснить себѣ, почему именно такъ пораженъ дѣвушка.

„Неужели же можетъ она любить этого стараго пустозвона“, думала Марья Евграфовна. — „И какъ же могла она такъ скоро полюбить его, когда еще недавно обожала другаго и потеряла его такимъ сокрушающимъ образомъ. Что же это за дѣвица такая! Или просто хотѣлось ей поскорѣе барыней быть... Выйти замужъ хоть за стараго.“

И Марья Евграфовна, занутившись мысленно, рѣшила всѣ свои догадки однимъ заключеніемъ:

— Трещитъ... Разваливается... повторяла она про свою голову.

И не у одной барыни трещало съ головѣ отъ всего приключенія. Всѣ люди въ домѣ до единого ходили какъ очумѣлые; всѣ, со словъ Антона, да и по чутью собственнаго сердца, были убѣждены что не онъ и никто изъ нихъ не вороваль... А барышня?... Она на себя лжетъ! Такъ кто же тогда? Что же это? Навожденіе дьявола? Наказаніе Божеское?

XVIII.

Инокія Анастасія, то есть бывшая мамушка Арина Матвѣевна, не мало дивилась всѣхъ монахинь своимъ поведеніемъ и даже своимъ внѣшнимъ видомъ. Всѣ, отъ игуменни до послѣдней монастырской служки, отъ поселились къ вновь постриженной Анастасіи хотя съ уваженіемъ, по отчасти сдержанно и подозрительно.

Во всей фигурѣ Анастасіи было что-то загадочное, сомнительное. Она вела себя въ высшей степени скромно, не отказывалась ни отъ какихъ занятій или работы, и хотя не наложила на себя, что бывало изрѣдка, эпитиміи молчанія, тѣмъ не менѣе почти никогда ни съ кѣмъ не говорила. Кратко отвѣчала она двумя-тремя словами на предлагаемые ей вопросы, сама же почти никогда не заговаривала ни съ кѣмъ.

Лицо ея всегда было не только грустно, но даже съ такимъ выраженіемъ безысходной, гнетущей тоски, что всякій могъ догадаться о чемъ-то ужасномъ, заставившемъ покинуть женщину вдругъ постричься.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, а это наиболѣе бросалось въ глаза всѣмъ монахинямъ, она, хотя присутствовала при всѣхъ службахъ монастырскихъ, тѣмъ не менѣе молилась мало, стояла истуканомъ, суровая, иногда глубоко задумавшись. Случалось, входила она и выходила послѣ долгой службы, почти ни разу не перекрестивъ лба.

Скромное поведеніе, молчаливость, пелюдничество, безотвѣтность и въ то же время полное отсутствіе усердія въ молитвѣ, конечно, должны были странно дѣйствовать на всякую монахиню. Всѣ понимали и догадывались, что въ жизни нянюшки случилось, вѣроятно, что-нибудь чрезвычайное, что заставило ее бѣжать изъ міра въ монастырскія стѣны, не охотой, а поневолѣ, не ради спасенія души, а ради какой-то иной тайной и загадочной причины.

Прошло уже не мало времени что Арина Матвѣевна была въ монастырѣ, когда однажды послѣ обѣдни, выходя изъ церкви въ кучкѣ другихъ монахинь, она вдругъ обратила на себя всеобщее вниманіе врезаннымъ крикомъ:

— Господи! Во свѣ, аль на яву? Ты ли это, сударь мой?

Арину Матвѣевну заставилъ вскрикнуть остановившій

се за руку какой-то плохо одѣтый парень, повидимому изъ простолюдиновъ. Платье на немъ было довольно грязное и рваное; кафтанъ барскаго покрою, а на ногахъ просто онучи и лапти.

Личность эта, по одеждѣ не баринъ и не крестьянинъ, казалась подозрительною. Лицо же еще болѣе усиливало неприятное впечатлѣніе.

— Откуда? Какими судьбами? произнесла Арина Матвѣевна тише, взявъ незнакомца за обѣ руки.

— Можпо-ли мнѣ къ тебѣ на минутку, на пару словъ? проговорилъ молодой парень.

— Вѣстимо, можно. Иди, иди.

И Арина Матвѣевна, волнуясь, съ тревожнымъ лицомъ, взяла молодаго малаго за руку и потащила за собой. Она послала доложить игуменнѣ, что проситъ позволенія принять у себя въ кельѣ родственника и, не дожидаясь даваемого обыкновенно разрѣшенія, привела незнакомца въ свою келью.

— Съ того ты свѣта или съ этого?.. воскликнула Арина Матвѣевна, заперевъ за собою дверь.

И голосъ ея былъ далеко не смѣшливый. Она по шутлиа, задавая такой вопросъ.

— Ужь и не знаю, мамушка, отозвался гость, но кто иной какъ Филиппъ Филисовъ. — Почитай съ того свѣта. Вѣрно ты угадала.

— Что ты, Богъ съ тобой! даже испугалась Арина Матвѣевна и перекрестила два раза свѣснаго на стулѣ молодаго человѣка.

Тутъ няня пристальнѣе и внимательнѣе присмотрѣлась къ лицу Филиппа. Лицо это соотвѣтствовало грязной и рваной одеждѣ.

Много-ли прошло времени съ тѣхъ поръ, что Филиппъ исчезъ изъ квартиры послѣ смерти отца, а между тѣмъ онъ перемѣнился страшно. Онъ не возмужалъ, что могло бы быть въ его годы. Онъ просто постарѣлъ. Ему было еще лѣтъ шестнадцать, а по лицу трудно было догадаться объ этихъ лѣтахъ. И двадцать! И тридцать!

Недавно еще полное здоровья, румяное лицо и беззаботное, отчасти дерзкое выраженіе его — исчезли... Лицо было худое, истощенное, желоповатое. Блескъ глазъ потухъ, прежняя дерзость взгляда и улыбки замѣнились какой-то горькою жесткостью. Глаза стали злые, въ складкѣ крѣпко сжатыхъ губъ сказывалась горечь, озлобленіе.

„Какой-то тоже остервенѣлый“, невольно вдругъ про себя подумала Арина Матвѣевна.

Она грустно оглядѣла своего бывшаго питомца, котораго никогда не любила, такъ какъ еще съ четырехлѣтняго возраста онъ обращался съ нею грубо и поэтому няня всегда пророчила ему худой копецъ. Теперь же онъ сталъ сразу жалокъ ей.

И по рваному кафтану, по лаптямъ и въ особенности по этому измученному лицу Арина Матвѣевна догадалась тотчасъ же, что, вѣроятно, черезъ многое и многое прошелъ ея питомецъ за послѣдніе мѣсяцы.

— Ну, говори, сказывай, что съ тобой было?

— Да хорошаго мало, мамушка.

— Да какъ, что? Гдѣ ты пропалъ? Что съ тобой было? закидала няня Филиппа вопросами. — Разсказывай. Какъ ты до лаптей-то доплелся? Правду-ль сказывалъ намъ одинъ изъ стрекулистовъ, да и Никита Артемьевичъ тоже слышалъ, что ты въ бунтѣ на Красной площади обрѣтался, въ разбояхъ да грабежахъ участвовалъ, въ убійствѣ солдатъ государскихъ осуждался? Правда-ли все это, аль враки?

— Что объ этомъ, мамушка, махнулъ отчаянно рукой Филиппъ. — Мало-ли что было. Все было.

— Сказывали, вѣдь ты въ острогѣ сидишь. Сидѣлъ-ли ты?

Филиппъ снова махнулъ рукой, но промолчалъ.

— Теперь-то ты что дѣлаешь? Чѣмъ ситъ и обушь? Говори. Обушь ты въ лапти, вижу. Ситъ-то чѣмъ, хлѣбомъ однимъ? Говори, голубчикъ, прибавила Арина Матвѣевна и невольно прослезилась.

Хотя и былъ барченокъ всегда ея ненавистникомъ, всю свою жизнь дрался съ нею и попустилъ ее всячески, по теперь его лицо, его жалкій видъ, несмотря на ожесточенность и злобу во всѣхъ чертахъ лица, произвели на Арину Матвѣевну тяжелое впечатлѣніе. Она никогда не повѣрила бы прежде, что способна прослезиться изъ сочувствія къ Филиппу.

— Говори же, рассказывай.

— Охъ, Богъ съ тобой! махнула обѣими руками Арина Матвѣевна.— Полно грѣшить, пикого онъ не обманывалъ.

— Да вѣдь не жепился.

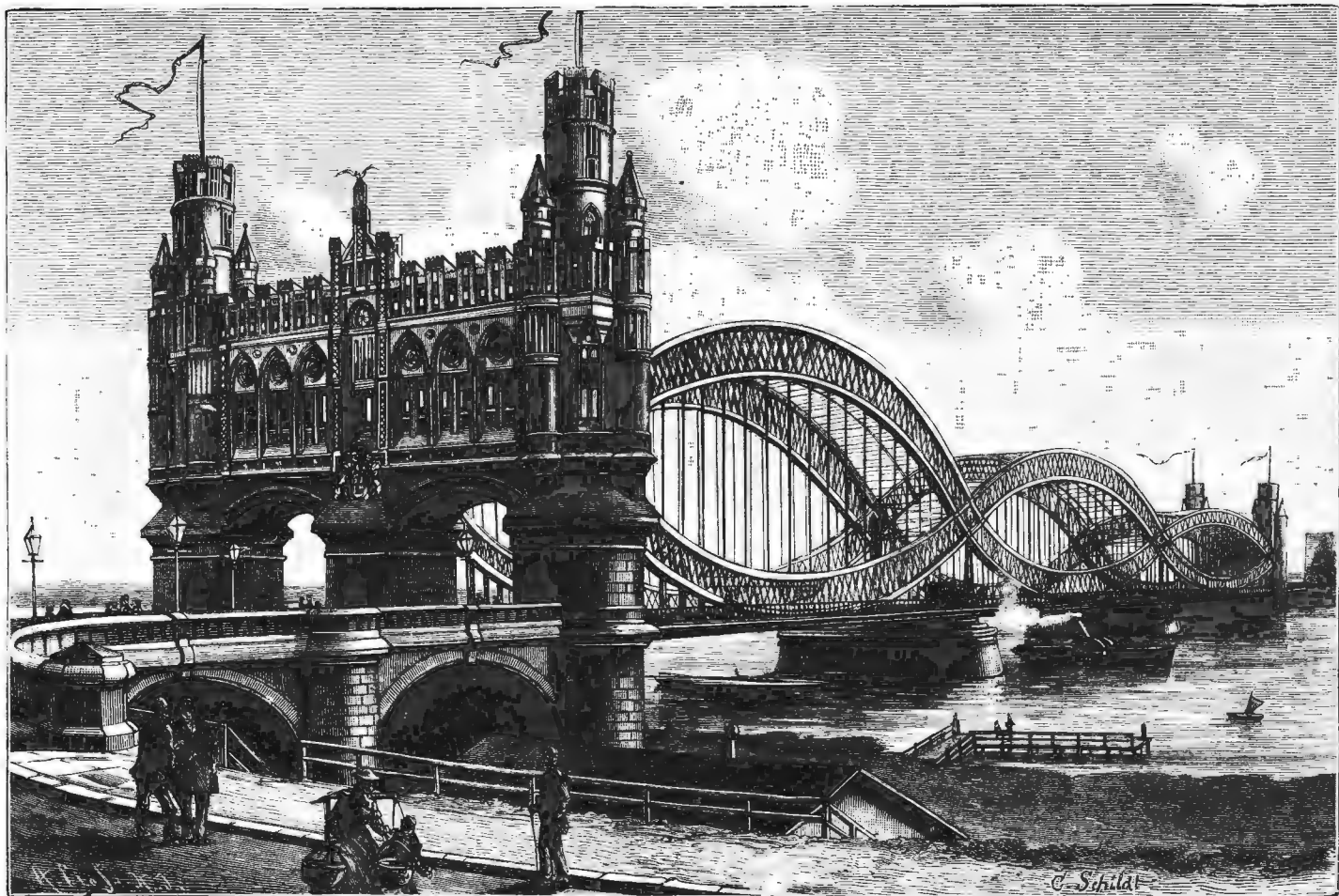
— Охъ, Филиппушка, не грѣши! Ничего тѣ не знаешь. Опъ — покойникъ.

— Какъ? удивился Филиппъ. — Козляниповъ?!

— Да такъ, покойникъ.

— Отъ чумы, что-ли?

— Да, отъ чумы, выговорила Арина Матвѣевна и вдругъ прибавила:— Да. То-есть такъ сказываютъ, а собственно пикому неизвѣстно. Опъ безъ вѣсти пропалъ.

Новый мостъ на Эльбѣ въ Гамбургѣ. Рес. Шилдтъ, грав. Кlossъ.

— Нѣту, мамка, уволь, не стапу, отозвался Филиппъ.— Да и нечего рассказывать. Много, что со мною было. Всего много было, чего хуже еще и не выдумаешь. Много на свѣтѣ несчастныхъ людей, ну а такого какъ я, вотъ пойдѣ по всему свѣту поинци, и не найдешь.

И Филиппъ усмѣхнулся. Но отъ этой улыбки морозъ побралъ няпу и трепеть въ сердце проникъ.

„Этакъ, должно быть, только разбойники, душегубы ухмыляются,“ подумала Арина Матвѣевна.

— Печего мнѣ рассказывать, продолжалъ Филиппъ.— А вотъ ты мнѣ, мамка, расскажи про сестру. Гдѣ она, что, какъ поживаетъ? Замужемъ, что-ли; Козлянипова она, аль нѣтъ?

— Нѣтъ, не замужемъ, какое! пробурчала Арина Матвѣевна. И отъ этого имени, произнесеннаго Филиппомъ, сразу перемѣнилось лицо мамки. Сразу стало оно угрюмо и печально.

— Что-же, надуль васъ съ сестрой Козляниповъ-то этотъ? Я такъ и полагаю. Пролазь опъ былъ. Небось, теперь на другой женился.

— Тоже безъ вѣсти, усмѣхнулся Филиппъ.— Ншъ, чумовые-то дни! Сколько такихъ-то, что невѣдомо, либо померъ, либо живъ. Вотъ тебѣ и здравствуйте! снова злобно и ожесточенно разсмѣялся Филиппъ.— Нашего полку прибыло.

— Какъ вашего полку?

— Ты говоришь: опъ либо померъ, либо нѣтъ?

— Безъ вѣсти пропалъ, странно выговорила няпа.

— Ну да, безъ вѣсти, стало быть, оно тоже выходить: либо живъ, либо нѣтъ. Вотъ я и сказываю, нашего полку прибыло. И я, можетъ, такъ-то.

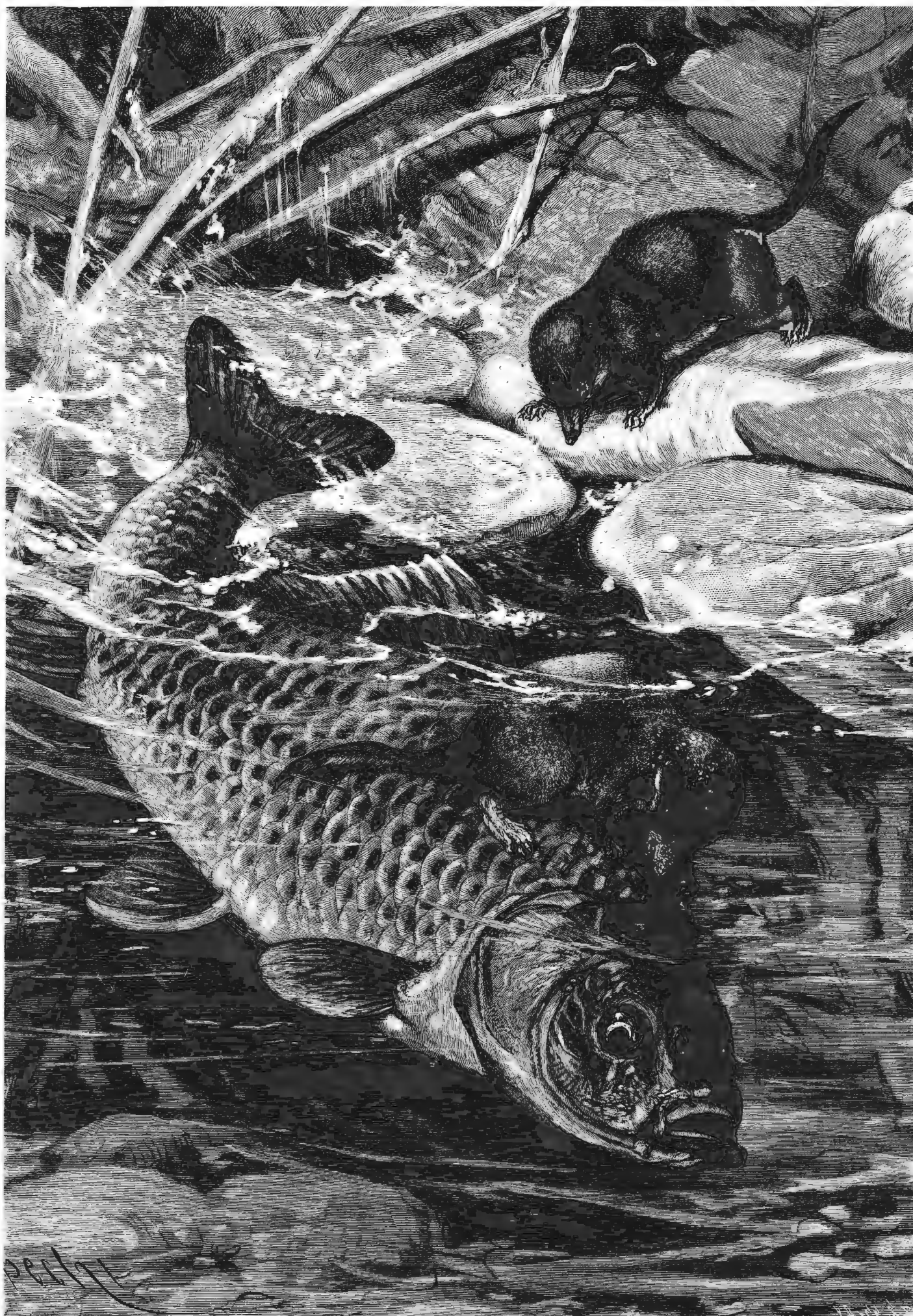
— Нѣтъ, родной, отозвалась Арина Матвѣевна,— ты пропадалъ, да вѣдь вотъ ты живъ. А Николай-то Ивановичъ, вѣрно извѣстно, померъ, можетъ даже... И няпа не договорила и прибавила:— А ты все-жъ живъ.

— Живъ, живъ. Это такъ сдается, усмѣхнулся Филиппъ.— А можетъ, я и не живъ, я къ тебѣ покойникомъ съ того свѣта пришелъ, а тебѣ и невдомекъ.

— Полно ты, проговорила Арина Матвѣевна, снова крестя молодого человека.

(Продолженіе будетъ).

Водяная землеройка, нападающая на карпа. Рис. и грав. братьевъ Шиехтъ.

Къ рисункамъ.

Съ базара. (Рис. на стр. 1233).

Бойкіе рисунки перомъ нашего сотрудника, Н. И. Кравченки, всегда такъ типичны, что пояснить ихъ не приходится. На этотъ разъ художникъ изобразилъ двухъ мужичковъ, возвращающихся изъ города въ томъ блаженномъ настроеніи, когда правящій лошадыи невольно спрашиваетъ себя:

Лѣвалъ, правая гдѣ сторона?

Эхъ, да ты, улица, просто пьяна!

Ангель смерти. (Рис. на стр. 1236 и 1237).

Помѣщенные въ настоящемъ № „Нивы“ два рисунка молодого художника, В. Бартоломея, служатъ иллюстраціями къ восточной повѣсти Лермонтова „Ангель смерти“. Самъ поэтъ, дѣлая въ своей черновой тетради замѣтку: „Написать поэму— „Ангель смерти“—въ ней же излагаетъ содержаніе поэмы: „Ангель смерти, при смерти дѣвы, влетаетъ въ ея тѣло изъ сожалея къ (ей) любезному и раскаивается, ибо это былъ человекъ мрачный и кровожадный, начальникъ грековъ. Онъ раненъ въ сраженіи и долженъ умереть; ангелъ уже не ангелъ, а только дѣва, и его поцѣлуй не облегчаетъ смерти юноши, какъ бывало прежде; ангелъ покидаетъ тѣло дѣвы, но съ тѣхъ поръ его поцѣлуй мучительно умирающимъ“. Впоследствии поэтъ нѣсколько измѣнилъ планъ поэмы. Дѣйствіе онъ переноситъ на Востокъ, „въ страну чудесъ, страну любви“ и страстей, подъ жаркое небо Индостана. Героемъ его повѣсти является не мрачный начальникъ грековъ, а юный странникъ Зораимъ, гонимый людьми и небомъ. Но въ этомъ пустынникѣ, нѣжно любимомъ прелестною Адой (т. е. ангеломъ смерти—въ тѣлѣ Ады) не можетъ заглухнуть жажда славы, „падменной и пустой мечты“. Онъ устремляется въ битву и тамъ погибаетъ. Ада видитъ его гибель въ бою съ вершины утеса (см. рис. на стр. 1236). Съ тѣхъ поръ ангелъ, покинувъ тѣло дѣвы, перестаетъ быть „нѣжнымъ ангеломъ смерти“. Къ землѣ у него сохранилось „только хладное презрѣнье.“

За гибель друга въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему;
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовію къ нему.

... Ангель Смерти молодой
Простился съ прежней добротой;
Людей узналъ онъ: „согданаѣя
Они не могутъ заслужить;
Не награжденіе—наказанье
Послѣдній мигъ имъ долженъ быть.
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели—пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ“...

Его неизбѣжной встрѣчи
Боятся каждый съ этихъ поръ;
Какъ мечъ—его пронзаетъ взоръ;
Его прѣвѣтвенныя рѣчи
Тревожатъ насъ какъ злой укоръ,
И льда хладнѣй его объятье,
И поцѣлуй его—проклятье!

Молодой художникъ, г. Бартоломей, изображаетъ ангела съ символомъ смерти — человѣческимъ черепомъ, изъ глазныхъ орбитъ котораго выходятъ холодныя лучи, умерщвляющіе подобно мечамъ (стр. 1237).

Титанія. (Рис. на стр. 1241).

Царица эльфовъ, супруга царя ихъ Оберона, прекрасная Титанія, вдохновляла многихъ поэтовъ, съ средневѣковаго Гюона де-Вильнёва до Шекспира, Виланда и Гёте. Оберонъ (древнепѣмецъ. Альберонъ, Альберихъ, Эльферихъ) впервые упоминается въ рукописной героической поэмі „Huon de Bordeaux“ де-Вильнёва, описывающей его размовку съ Титаніей и затѣмъ примиреніе съ супругой при посредствѣ другой четы влюбленныхъ, французскаго рыцаря Гюона и Аманды, дочери султана Вавилонскаго, увезенной рыцаремъ при помощи Оберона. По скандинавскимъ и древнегерманскимъ сказаніямъ эльфы суть крошечныя духи-карлики, духи земныхъ нѣдръ, гдѣ они куютъ металлы и оружіе богамъ, духи лѣсовъ и мха, духи воздуха и цвѣтовъ, въ которыхъ умицаются сотни тысячъ эльфовъ въ одномъ цвѣточномъ вѣчикѣ. Въ своемъ *Стихъ въ тѣнюю ночь* Шекспиръ пренебрегаетъ этою легендарною микроскопичностью эльфовъ, и его Титанія является юною красавицей, какою она и изображена на прилагаемомъ рисункѣ.

Похищеніе птенца. (Рис. на стр. 1244).

Нѣмецкій жанровый живописецъ Вильгельмъ Генрихъ Шауманъ, родившійся въ 1841 году въ Тюбингенѣ, извѣстенъ какъ талантливый изобразитель преимущественно веселыхъ, полныхъ юмора, сценъ и событий. Однимъ изъ первыхъ его произведеній, обратившихъ на себя вниманіе, была картинка, помѣщенная нами на стр. 1244 и написанная изъ вскорѣ по переѣздѣ

Шаумана на жительство въ Мюнхенъ. Обезьяна, похитивъ одного изъ птенятъ, взобралась съ нимъ на столъ, къ великому безпокойству собаки, внезапно лишенной своего дѣтца. Какъ ни забавна на первый взглядъ эта сцена, въ ней очень вѣрно схвачена и передана материнская тревога и боль за своего птенца, а также гнѣвъ обезьяны, ни за что не желающей разстаться со своею живою игрушкой.

Микель Анджеоло и Витторія Колонна.

(Рис. на стр. 1245).

Въ самую цвѣтущую пору эпохи Возрожденія переноситъ насъ помѣщенная на стр. 1245 гравюра съ картины г. Шнейдера „Микель Анджеоло и Витторія Колонна“, изображающая одного изъ величайшихъ художниковъ всѣхъ временъ и знаменитую поэтессу. Витторія Колонна, написавшая „Rime spirituali“, не только даровитая и прекрасная, но и благородная и добродѣтельная женщина, была дочерью великаго копнебля неаполитанскаго, Фабриція Колонна. Она родилась въ 1490 году. Ея тѣлесныя и душевныя совершенства были предметомъ всеобщаго удивленія. По смерти своего супруга, Ферранта д'Авалоса, маркиза Пескарскаго, умершаго въ 1525 г. отъ ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи при Павіи, глубоко опечаленная вдова его искала утѣшенія въ уединеніи и поэзіи, живя попеременно въ Неаполѣ и на Искіи, послѣ чего она удалилась на продолжительное время въ монастырь, пока, наконецъ, не поселилась въ Римѣ. Тамъ впервые увидѣлъ шестидесяти-двухлѣтній художникъ сорока-четырёхлѣтнюю, но все еще привлекательную женщину, и обѣ эти возвышенныя и чистыя души невольно почувствовали влеченіе одна къ другой. Великій художникъ, родившійся въ 1475 году, впервые былъ призванъ въ Римъ папою Юліемъ II, чтобы соорудить громадный надгробный памятникъ, который собирался возвести себѣ Юлій. Произведеніе это, по красотѣ своихъ формъ, величію пропорцій и совершенству украшеній, должно было превзойти все существовавшее въ этомъ родѣ; но по многимъ причинамъ осуществленіе проекта Анджеоло вскорѣ приостановилось. Оно было dokonчено впоследствии въ очень незначительныхъ размѣрахъ и много лѣтъ спустя по смерти папы памятникъ былъ поставленъ въ церкви св. Петра in Vincoli. Самымъ замѣчательнымъ украшеніемъ памятника является великолѣпная громадная статуя Моисея, къ которой прислонился на нашемъ рисункѣ Микель Анджеоло, въ то время какъ Витторія Колонна внимательно слушаетъ одинъ изъ сонетовъ ей посвященныхъ. Какъ извѣстно, великій художникъ былъ не только живописцемъ, скульпторомъ и архитекторомъ, но и поэтомъ, и нѣрѣдко его стихотворенія, посвященные обыкновенно Витторіи, отличаются глубиною чувства и возвышеннымъ содержаніемъ. Смерть его подруги въ 1547 году глубоко потрясла Микель Анджеоло; съ той поры жизнь теряетъ для него, и безъ того постоянно мрачнаго, всякую привлекательность, и только надежда вскорѣ послѣдовать за нею—нѣсколько утѣшаетъ его.

Новый мостъ въ Гамбургѣ. (Рис. на стр. 1248).

Присоединеніе вольнаго города Гамбурга къ германскому таможенному союзу и послѣдовавшій вслѣдствіе того измѣненіи въ границахъ области porto-franco, а также значительныя неудобства прежняго моста въ Гамбургѣ, по которому была проложена желѣзная дорога и могли проходить только пѣшеходы, давно вызвали необходимость въ постройкѣ новаго моста. Позтому еще въ 1882 году было приступлено къ сооруженію новаго моста черезъ Эльбу. Предварительныя работы были начаты особою инженерною комиссіею, подъ руководствомъ инженера Э. О. Глейма, осенью 1882 года и притомъ съ такою быстротою, что уже въ началѣ іюня слѣдующаго года былъ заложенъ фундаментъ перваго устой. Такъ какъ своеобразная система постройки стараго моста — желѣзныя двойныя дуги по системѣ Лозе, оказалась пресходною, то было рѣшено примѣнить ту же систему и для новаго моста. Работа велась чрезвычайно энергично и къ 1885 году былъ готовъ первый устой, а вскорѣ затѣмъ и остальные. Они выведены изъ гранита и отстоятъ одинъ отъ другаго почти на 48 сажень. Къ берегу примыкаютъ два каменныхъ пролета, каждый длиною въ 12½ сажень. Въ апрѣлѣ можно было уже приступить къ установленію желѣзныхъ пролетовъ. Затѣмъ было приступлено къ сооруженію красиваго портала, средневѣковаго характера, по рисункамъ архитектора Гауэрса. Нижняя часть портала сооружена изъ гранита и базальта, готическія окна, башенки и ниши выведены изъ кирпичей различной окраски и глазури, а гордо поднимающіяся вышки изъ песчаника. Во всю длину мостъ тянется болѣе чѣмъ на 177 сажень, при ширинѣ почти въ 10 аршинъ проѣздной дороги на бетонной подстилкѣ и тротуарахъ для пѣшеходовъ по обѣ стороны ея въ 2,8 аршина. Постройка новаго Гамбургскаго моста черезъ Эльбу, который безспорно долженъ быть причисленъ къ выдающимся сооруженіямъ подобнаго рода, обошлась почти въ 1.125,000 руб. Открытіе моста, безъ особенныхъ празднествъ, послѣдовало 4 (16) іюля 1888 года.

Водяная землеройка, нападающая на карпа.

(Рис. на стр. 1249).

Съ повятіемъ о хищникѣ мы обыкновенно соединяемъ представление о крупномъ и дикомъ звѣрѣ, и наши читатели вѣроятно удивятся, если мы имъ скажемъ что крошечныя, насекомоядныя землеройки, которыхъ длина едва доходитъ до милици, въ сущности являются самыми хищными животными нашихъ странъ. Обыкновенная землеройка (*Sorex vulgaris*), встречающаяся во всей Европѣ, какъ въ равнинахъ, такъ и на горахъ, живетъ лѣтомъ по близости человѣческихъ жилищъ, въ которыхъ и находитъ себѣ убѣжище на зиму. Она питается червями, жуками, кузнечиками, всевозможными насекомыми и ихъ личинками, а также молодыми птицами и даже собственными собратьями. Растительною пищею она пренебрегаетъ. Еще прожорливѣе водяная землеройка (*Sorex fodiens*), отличающаяся отъ предшешней своимъ образомъ жизни по близости воды и тѣмъ, что нижняя поверхность ея пальцевъ снабжена довольно длинными жесткими волосами, замѣняющими плавательную перепонку. Водяная землеройка встречается по берегамъ рѣкъ, озеръ, прудовъ и ручейковъ всей средней Европы, гдѣ она дѣлаетъ день за дня удивительнѣе своего ненасытнаго голода. Черви, улитки, водяные жуки, раки, рыбы, лягушки, ящерицы, мелкія птички и млекопитающія — все становится ея добычей. Она нападаетъ даже на крупныхъ карповъ, у которыхъ выѣдаетъ глаза и мозгъ, бросая остальное, чѣмъ наноситъ громадный вредъ, особенно въ такъ-называемыхъ саденыхъ прудахъ, т. е. такихъ, въ которые сажаютъ рыбу для разведенія.

Рисунокъ нашъ изображаетъ маленькаго хищника, выѣвившагося въ карпа.

Гробница королевы Катаринны Монсъ въ Або.

(Рис. на стр. 1252).

Древній кафедральный соборъ св. Генрика, священнѣйшій историческій памятникъ Финляндіи и ея прежней столицы, Або, издавна служилъ мѣстомъ вѣчнаго упокоенія тамошнихъ знаменитыхъ людей. Въ этомъ соборѣ погребена, между прочими замѣчательными личностями, и Катаринна, или Каринъ, дочь Монсова, жена шведскаго короля Эрика XIV, извѣстная своею красотою и несчастьями.

Король Эрикъ XIV (1560—1577 гг.), современникъ своего „друга и брата“, царя Ивана Грознаго, очень напоминалъ его и характеромъ. Математикъ, астрономъ, богословъ и военный писатель, оставившій послѣ себя множество сочиненій на латинскомъ и шведскомъ языкахъ, композиторъ, писавшій удовлетворительную для того времени музыку на псалмы Давида, и, наконецъ, религіозный поэтъ, покаянные гимны котораго вошли въ молитвенникъ евангелическо-лютеранской церкви въ Швеціи,—Эрикъ XIV соединялъ со своими талантами и добрыми качествами подозрительность, мстительность и жестокость, часто переходившій въ безуміе и ненасытную жажду крови.

Въ довершеніе параллели съ Иваномъ Грознымъ, судьба послала Эрику, въ лицѣ королевы Катаринны, и свою Анастасію. Анастасія Грознаго умерла, къ его несчастью, очень рано; Анастасія же Эрика была ему добрымъ ангеломъ-хранителемъ до трагическаго конца его бурной жизни, сдерживала порывы необузданнаго гнѣва своего мужа, дѣлила съ нимъ тюрьму и оковы, облегчала, насколько могла, его страданія и въ уединеніи молилась за спасеніе души его во все время своего продолжительнаго вдовства.

Дочь простаго капрала королевской гвардіи и бѣдная продавица орѣховъ, тринадцатилѣтняя Каринъ (сокращенное отъ Катарина) такъ поразила своею красотою Эрика, случайно встрѣтившаго дѣвушку на стокгольмскомъ рынкѣ, что король безумно влюбился въ нее, взялъ ее во дворецъ и далъ ей образованіе. Онъ лично заботился о ея развитіи, часто катался вдвоемъ съ нею по живописному озеру Мелару, пѣлъ ей свои любимыя лѣсныя, игралъ любимыя мелодіи и отдыхалъ душою въ вѣжной бесѣдѣ съ Катаринною, для которой навсегда отказался отъ прежнихъ фаворитокъ. Въ 1568 году девятнадцатилѣтняя Катарина выходитъ замужъ за Эрика, а на другой день послѣ свадебнаго обряда на нее торжественно возлагается корона королевы Швеціи.

Но гроза уже не за горами. Въ концѣ 1568 года народъ возмущается, ожесточенный безцѣльными жестокостями Эрика. Во главѣ движенія становится родной братъ короля, герцогъ Юганъ, безъ вины томившійся почти 5 лѣтъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ со своею женою, извѣстною Катериною Ягеллонкою, матерью шведско-польскаго короля Сигизмунда. По низложеніи Эрикъ съ королевою Катаринною и дѣтьми былъ заточенъ сперва въ Стокгольмскомъ замкѣ, а потомъ въ Абоскомъ, въ Кастельгольмѣ (на Аландѣ) и въ Гринсгольмѣ. Заточеніе становится все строже и строже, будущность все мрачнѣе и мрачнѣе. Наконецъ, король Юганъ отнимаетъ у Эрика и послѣднее утѣшеніе: жену и дѣтей. Въ 1573 году Катарину отвозятъ съ дѣтьми въ Або, а Эрика—въ угрюмый Вестеросъ, откуда его вскорѣ переводятъ въ еще болѣе угрюмый Эрбигусъ, въ Упландѣ. Эрикъ болѣе уже не видѣлся со своею возлюбленною Катаринною и только изрѣдка обмѣнивался съ нею письмами, которыя

наполнены самыми вѣжными воспоминаніями о невозвратныхъ дняхъ благо блаженства.

Въ 1577 году Эрикъ неожиданно умеръ.

По смерти мужа Катарина Монсъ получила отъ короля Югана III нѣсколько финляндскихъ имѣній, данныхъ ей „на прокормъ“, и въ 1612 году тихо скончалась въ одномъ изъ нихъ, горько оплаканная многими бѣдными, которымъ она благотворила до конца жизни.

Изъ дѣтей Катаринны и Эрика пережили несчастіе своихъ родителей только двое: принцесса Сигрида и принцъ Густавъ. Принцесса Сигрида вышла замужъ за Генриха Тотта и была матерью знаменитаго военачальника Густава II Адольфа, Оке Тотта, героя тридцатилѣтней войны.

Печальная доля ожидала принца Густава. Шестилѣтняго ребенка положили въ мѣшокъ и хотѣли утопить въ водахъ, окружающихъ шведскую столицу. Случай спасъ принца, и онъ былъ отправленъ въ Польшу, гдѣ его воспитали иезуиты. Воспитаникъ оказался человѣкомъ очень талантливымъ и за свои глубокія для того времени познанія въ химіи пріобрѣлъ въ Европѣ прозвище втораго Парацельса. Онъ свободно владѣлъ языками: шведскимъ, латинскимъ, итальянскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и славянскимъ (по нѣкоторымъ шведскимъ историкамъ—польскимъ и русскимъ). Перемѣнивъ лютеранство на римское католичество, Густавъ, чуждъ ли не въ лохмотьяхъ, велъ жизнь странника въ Ревелѣ, Вильнѣ, Торнѣ, Силезіи и Римѣ. Сестра и мать порою кое-чѣмъ помогали принцу, но помощь не всегда до него доходила. Во время торжественнаго коронованія въ Краковѣ своего двоюроднаго брата, короля Сигизмунда, родившагося въ темницѣ Гринсгольмскаго замка въ Швеціи, принцъ Густавъ, въ рубищѣ нишаго, явился къ сестрѣ Сигридѣ и получилъ отъ нея денежное пособіе. Только *разъ* въ жизни видѣлся онъ со своею матерью (въ 1598 году въ Ревелѣ), и видѣлся, чтобы проститься навсегда.

Но вотъ въ 1598 и 1599 годахъ изгнанника Густава зовутъ къ себѣ, съ политическими цѣлями, царь Феодоръ Иоанновичъ и Борисъ Годуновъ. Шведскій принцъ торжественно въѣзжаетъ въ Москву, говоритъ Годунову рѣчь на славянскомъ (а можетъ быть—и на русскомъ) языкѣ, осмысленная царскими млостами, получаетъ отъ Годунова Калужскій удѣлъ (3 города съ волостями) и, въ заключеніе, слѣдующую программу дѣйствій: 1) обратиться въ православіе, 2) жениться на царевнѣ Ксеніи и 3) при помощи русской рати, завоевать Лифляндію и Финляндію. Смыслъ Эрика отказался поднять оружіе противъ своего отчества, и милость смѣнилась оналою. Густавъ вскорѣ былъ сосланъ въ Ярославль, а оттуда въ Кашинь, нынѣшній уѣздный городъ Тверской губерніи, въ которомъ въ 1607 году и скончался. Забытаго всѣми принца уединенно похоронили въ березовой рощѣ на берегу рѣки Кашинки.

Горькая участь королевы Катаринны и ея сына часто служила и служила темою для вдохновенія многихъ шведскихъ и финскихъ писателей. Въ Финляндіи, гдѣ особенно чтятъ память несчастной королевы, еще недавно появилась большая поэма Рейтера: „Повѣсть о Каринѣ, дочери Монса“, прекрасно иллюстрированная художникомъ Ларсономъ. Изъ небольшихъ же стихотвореній, посвященныхъ ей, мы позволимъ себѣ привести здѣсь, въ видѣ сжатаго перечня всей ея жизни, русскій переводъ стиховъ знаменитаго шведско-финляндскаго поэта Францбна, „Catharina Månsdotter“:

Бѣда тому, кто миръ убогой хаты
Мѣняетъ здѣсь на шумныя палаты
И вверхъ идетъ по камнямъ скалъ крутыхъ
Ко храму счастья въ тучахъ громовыхъ.

Какъ веселилась я во дни былые!
Но вотъ вошла въ чертоги золотые,—
И нѣтъ со мною подругъ весеннихъ дней:
Невинности и радости моей.

Взвѣтивъ Господь послалъ мнѣ даръ безцѣнный:
Быть королю подругой неизмѣнной,
Любовью сердце мужа умирять
И чуткій сонъ его оберегать.

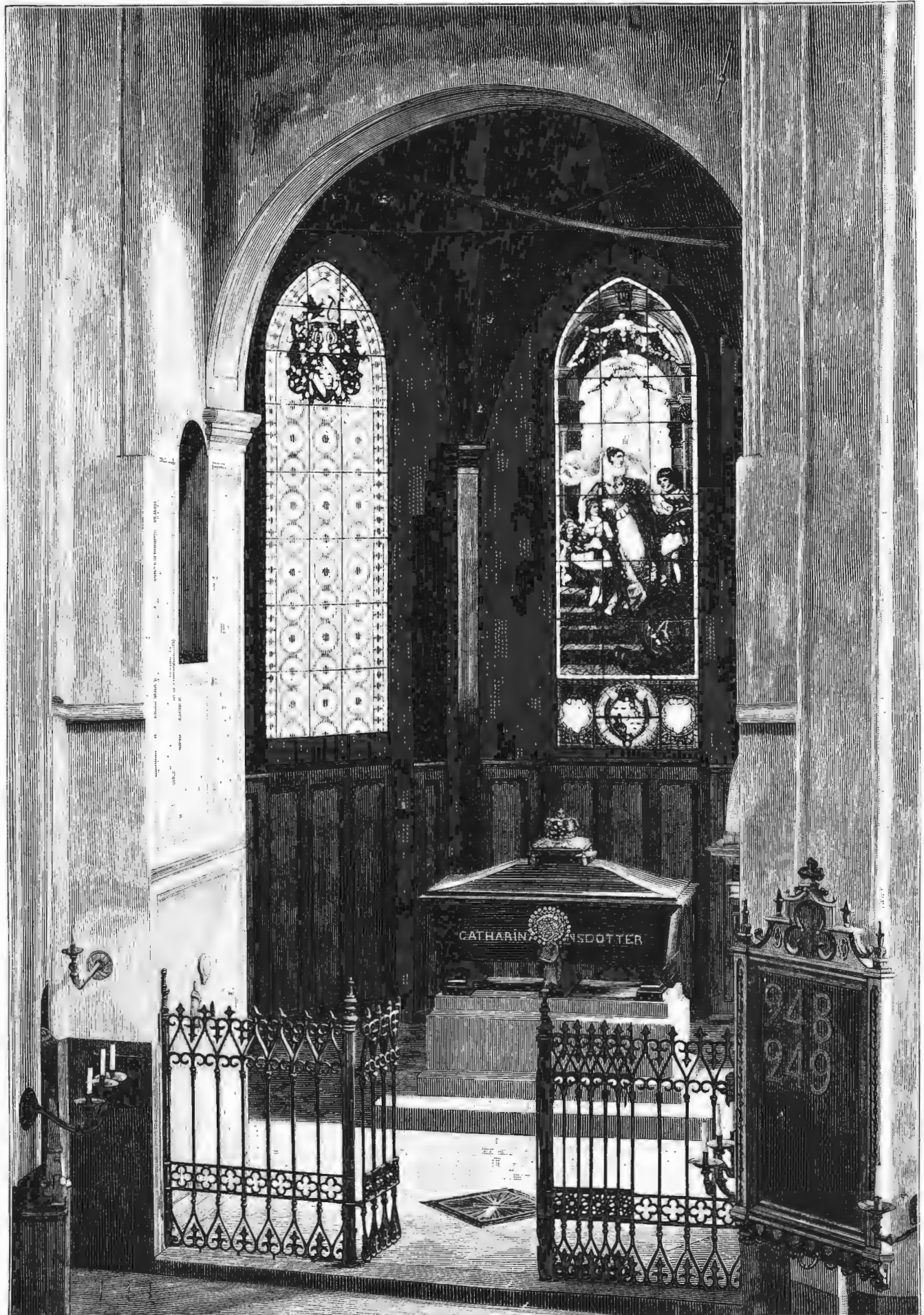
Когда-жъ, смѣнивъ на цѣли багрянницу,
Съ престола предковъ онъ сошелъ въ темницу,—
И тамъ дѣлила я его судьбу;
О, если-бъ была со мною онъ въ гробу!

Но, нѣтъ, угасъ онъ, скорбный, одинокій:
„Томись одинъ!“ Такъ хочетъ братъ жестокій;
Скитальцемъ-нищимъ жилъ нашъ сынъ родной,
Въ чужомъ краю сложилъ онъ посохъ свой.

Теперь легко.. Въ землѣ я бѣдъ не знаю,
Въ ея объятыхъ нѣжныхъ почвахъ;
Мой жребій помнить въ этой сторонѣ
И часто, часто плачутъ обо мнѣ.

До 1867 года прахъ королевы покоился въ усыпальницѣ рода Тоттовъ; но въ этомъ году тѣло Катаринны было переложено въ новую гробницу изъ чернаго мрамора, сооруженную на деньги, которыя были собраны посредствомъ на-

Гробница шведской королевы Катарини Монсъ въ Абоскомъ соборѣ. Живопись на стеклѣ оной работы Сверчкова. Съ фотогр., сообщенной В. И. Головиннымъ, грав. М. Рашевскій.

родной подлински, и поставленную въ усыпальницѣ Горновъ, назыво отъ алтари. Очевидцы перенесенія тѣла, между которыми были и русскіе, утверждаютъ, что лицо королевы почти нисколько не измѣнилось по смерти.

Нынѣшнее мѣсто упокоенія дочери Монса представляетъ довольно просторную сводчатую нишу съ продолговатыми окнами. Посреди ниши, за металлическою рѣшеткою, на массивномъ гранитномъ постаментѣ возвышается саркофагъ съ крышею, которая увѣчана позолоченною королевскою короною.

Прекрасная живонисъ на оконныхъ стеклахъ усыпальницы—даръ нашего известнаго художника Владимира Сверчкова, безвозмездно предложившаго свои услуги для украшения Абоскаго собора. Финляндскія печать и общество глубоко благодарилъ художника за труды его, а признательныя абоскія дамы поднесли ему на память ковѣрь, вышитый ихъ руками.

Такъ какъ художникъ Владимиръ Сверчковъ лѣтомъ нынѣшняго года скончался во Флоренціи, и смерть его была въ Россіи почти незамѣчана, то здѣсь, при описаніи его трудовъ по украшенію усыпальницы королевы Катарини, съ которою теперь неразрывно связано его имя, кстати будетъ привести изъ финляндскихъ газетъ нѣкоторые мало известныя у насъ біографическія свѣдѣнія о покойномъ.

При жизни художника финляндцы считали его абоскимъ уроженцемъ и этимъ объясняли его постоянную и теплую привязанность къ Або, какъ къ своей родинѣ. Но изъ финляндскихъ некрологовъ покойнаго видно, что онъ родился въ 1821 году въ городѣ Ловизѣ (Юландской губерніи) и только въ юности долго жилъ въ Або, гдѣ первоначально учился рисованію. Генералъ-маіоръ Сверчковъ, отецъ даровитаго юноши, готовилъ сына къ военной службѣ, но онъ выбралъ службу искусству и въ 1842 году поступилъ въ Академію Художествъ. Въ 1844—46 годахъ Сверчковъ учился въ Римѣ, а во время восточной войны жилъ въ Финляндіи, гдѣ писалъ картины съ театра войны, украшающія теперь императорскій дворецъ въ Гельсингфорсѣ. Въ 1856 году, по полученіи за свои работы золотой медали и путевой стипендіи отъ Академіи Художествъ, онъ отправился въ Мюнхенъ и Парижъ, гдѣ нѣкоторое время занимался въ мастерской знаменитаго Кутюра. Въ 1867 г. Сверчковъ открылъ мастерскую для живониса на стеклѣ въ Шлейсгеймѣ. Близъ Мюнхена, переведенную въ 1873 г. во Флоренцію. Въ 1876 и 1885 годахъ художникъ получилъ за свои картины награды на финляндскихъ выставкахъ, а въ 1880 году былъ избранъ почетнымъ членомъ Баварскаго общества художествъ.

Стекловою живонисью Сверчкова украшены многіе города Европы, и между ними—Берлинъ, Лондонъ и Мюнхенъ. Что касается Абоскаго собора, то художникъ не ограничился тамъ украшеніемъ новой усыпальницы королевы Катарини, но оставилъ слѣды своей кисти и въ другихъ частяхъ храма. Такъ въ Тавастской усыпальницѣ Сверчковымъ исполнены двѣ высоко-художественныя работы: „Распятіе“ и картина „Густавъ II Адольфъ у смертнаго одра Эверта Горна“. Щедро одарилъ Сверчковъ своими приношеніями и финляндскія общества художествъ.

Что же въ дѣйствительности изображаетъ великолѣпная живонисная группа его работы на оконномъ стеклѣ въ усыпальницѣ королевы Катарини? Армфельтъ („La Finlande, guide et manuel du voyageur“, 1873, p. 140) вкратцѣ поясняетъ, что на картинѣ королева Каринъ представлена покидающею славу и величіе своей жизни въ Швеціи, при чемъ несчастная вдова Эрика спускается со ступеней трона, опираясь на маленькаго

бюрократо пажа тавастландскаго типа. Эту мысль художникъ аллегорически выразилъ такимъ образомъ, что королева слагаетъ свою корону на подушку въ рукахъ шведскаго пажа, остающагося на подножій престола, а сама сходитъ съ него въ предствіи другаго, финляндскаго, пажа, который несетъ регалии герцогства Финляндскаго и пить съ гербомъ Финляндіи (вооруженный двумя мечами золотой короновавший левъ на червленомъ полѣ съ серебряными розами).

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о вѣнкѣ, прикрѣпленномъ къ передней боковой стѣнкѣ гробницы. Этотъ вѣнокъ, въ свое время подробно описанный въ разныхъ финляндскихъ и шведскихъ газетахъ, составитель настоящей замѣтки весной 1882 года, въ присутствіи значительнаго числа абоскихъ горожанъ и, преимущественно, горожанокъ, возложилъ на гробницу королевы Катарини отъ себя и отъ нѣкоторыхъ проживающихъ въ Петербургѣ финляндцевъ. Вѣнчанъ видъ вѣнка, состоящаго изъ бисерныхъ незабудокъ, напоминаетъ корону, верхъ которой затканъ серебряною филогранною сѣткою съ накрестъ лежащими на ней массивными позолоченными буквами *К и М* (Каринъ Монса). Къ вѣнку прикрѣплены широкія шелковыя ленты національныхъ цвѣтовъ Швеціи, желтая и синія, а на лентахъ вытиснены по-шведски, серебромъ и золотомъ, надписи: „памяти королевы Каринъ, дочери Монса“ и „данъ уваженія съ береговъ Невы черезъ 270 лѣтъ по кончинѣ королевы“.

В. Головинъ.

Г. Е. Паукеръ.

(Портр. на этой стр.).

7 ноября послѣдовало Высочайшее назначеніе на постъ Министра Путей Сообщенія, инженеръ-генералъ-лейтенанта Германа Егоровича Паукера, пользующагося уже давно широкою и почетною извѣстностію замѣчательнаго ученаго и выдающагося специалиста по строительному и инженерному дѣлу Г. Е. Паукера родился въ 1822 году въ Курляндіи.

На пятнадцатомъ году подготовленія въ пансіонѣ канигана Кори, въ январѣ 1838 г. выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ кондукторомъ въ кондукторскую роту Главнаго, нынѣ Николаевскаго Инженернаго Училища, въ которой и окончилъ курсъ въ 1842 году съ чиномъ инженеръ-поручика. Благодаря замѣчательнымъ математическимъ способностямъ, молодой инженеръ по окончаніи курса былъ оставленъ при училищѣ ренетиторомъ и „юношей не полныхъ двадцати лѣтъ“, по словамъ самого Паукера, началъ читать курсы высшей математики. Съ этого времени, почти безъ перерывовъ, Паукеръ въ теченіи 40 лѣтъ значительную часть своей плодотворной дѣятельности посвящалъ академіи, въ которой самъ получилъ образованіе. Но эти занятія при ней, то въ качествѣ профессора, то инспектора, не мѣшали выполненію цѣлаго ряда замѣчательныхъ работъ, простое перечисленіе которыхъ невозможно въ краткой статьѣ. Практической дѣятельности посвящалось свободное отъ занятій время, преимущественно каникулярное. Такъ, лѣто 1851 года онъ провелъ на работахъ въ Кіевѣ и Бобруйскѣ, а въ 1852 году въ Динабургѣ, Ново-Георгиевскѣ, Ивангородѣ, Замостьѣ и Брестѣ-Литовскѣ. Вскорѣ послѣ Парижскаго мира начинается дѣятельность Г. Е. Паукера въ академіи, отъ которой онъ былъ отчисленъ. Служба его за это время была весьма ревностна. Почти ни одно техническое дѣло не восходило до высшаго начальства помимо Г. Е. Паукера, что заставляло его изучать всѣ отрасли военно-инженернаго дѣла. Одностронній математикъ, по собственному свидѣтельству, Г. Е. Паукеръ сталъ инженеромъ-практикомъ.

Въ 1857 году Г. Е. Паукеръ получилъ назначеніе присутство-

Министръ Путей Сообщенія инженеръ-генералъ-лейтенантъ Германъ Егоровичъ Паукеръ. Съ фотогр. Левядаго, грав. Шюблеръ.

вать въ Строительной конторѣ Министерства Императорскаго Двора, при которой служба его, уже въ качествѣ предѣдателя конторы, окончилась въ 1882^м году, когда контора была упразднена. Въ 1858 году имъ изслѣдованъ Керчь-Еникальскій проливъ и составленъ проектъ укрѣпленій. Въ томъ же году имъ выработанъ проектъ замѣны гранитныхъ морскихъ фортовъ земляными батареями, вызвавшій цѣлую бурю противъ молодого ученаго. Многолѣтній опытъ показалъ всю справедливость теоретическихъ изслѣдованій Паукера. Въ 1859 году онъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ комитета по разсмотрѣнiю состоянiя укрѣпленій Чернаго и Балтiйскаго морей. Въ 1860 году, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ усиленной дѣятельности въ академіи, г. Паукеръ снова вернулся въ нее и оставался тамъ слишкомъ 20 лѣтъ до 1 декабря 1882 года, когда заслуженный профессоръ Николаевской Инженерной Академіи и Училища, инженеръ-генералъ-лейтенантъ Г. Е. Паукеръ, получивъ назначеніе состоять членомъ Военнаго Совѣта и почти черезъ шесть лѣтъ былъ призванъ Высочайшею властью занять высокой и трудной постъ Министра Путей Сообщенія.

Г. Е. Паукера недостаточно характеризовать какъ ученаго, посвятившаго себя изученiю и разработкѣ научныхъ теорій, какъ воспитателя юношей, сумѣвшаго вліять на умственное и нравственное развитіе ихъ и никогда не забываемаго своими благодарными учениками, или какъ неутомимаго дѣятеля, призваннаго къ исполненiю многочисленныхъ работъ, связанныхъ съ его службою по различнымъ Министерствамъ. Чтобы оцѣнить его возможно правильно, необходимо прибавить еще нѣсколько словъ объ его отношенiяхъ къ развитію техники въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ неутомимо слѣдилъ за прогрессомъ ея въ Россіи и за границей. Его интересовали всѣ постройки, всѣ техническія устройства, возникавшія въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, даже когда онъ оказывался въ сферы его официальной дѣятельности. Достаточно сказать, что онъ былъ предѣдателемъ особой коммисіи, учрежденной послѣ ужаснаго пожара театра на Рингѣ въ Вѣнѣ, выработавшей тѣ противопожарныя правила, которыми руководятся наши театры. Затѣмъ онъ принимаетъ участіе въ разработкѣ проектовъ канализаціи обѣихъ столицъ и очищенія воды въ Петербургѣ; по его указаніямъ разработаны проекты зданія Московской выставки въ 1882 году и вращающейся башни для рефрактора Пулковской обсерваторіи. Далѣе Г. Е. Паукеръ близко стоитъ къ дѣлу объ устройствѣ элеваторовъ для хлѣба и цѣлому ряду различныхъ морскихъ и рѣчныхъ сооружений. Что касается до желѣзно-дорожнаго дѣла, то генералъ Паукеръ одно время состоялъ членомъ совѣта Главнаго Общества русскіихъ желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того имъ осмотрѣна въ качествѣ предѣдателя особой коммисіи, весной 1887 года, Закавказская дорога; а также, по просьбѣ правленія, Закавказская и Владикавказскія дороги. Громадной важности дѣло устройства казармъ не миновало указаній и руководствъ столь опытнаго спеціалиста, какимъ объявляется Г. Е. Паукеръ, и онъ былъ назначенъ предѣдателемъ коммисіи по постройкѣ казармъ, распространяющей свою дѣятельность на всю Россію. Это сжатое и неполное перечисленіе всего того, въ чемъ принималъ участіе генералъ Паукеръ, даетъ понятіе объ его обширныхъ познаніяхъ и неутомимой дѣятельности, столь необходимыхъ для занятія поста во главѣ такого многосложнаго министерства, какимъ является Министерство Путей Сообщенія.

В. Я. Стоюнинъ. (Порт. на стр. 1256).

Русскій педагогическій міръ понесъ на-дняхъ весьма чувствительную потерю. 4 ноября скончался въ Петербургѣ Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ, такъ много потрудившійся для развитія учебно-воспитательнаго дѣла и пріобрѣтшій себѣ почтенное имя, какъ знатока роднаго языка и литературы, своими замѣчательными монографіями и историческими этюдами о русскихъ писателяхъ и дѣятеляхъ отечественнаго просвѣщенія. Стоюнинъ пользовался большимъ авторитетомъ въ качествѣ педагога и преподавателя, и справедливо считается у насъ создателемъ новаго метода въ обученіи русскому и церковно-славянскому языкамъ и литературѣ. Онъ былъ едва-ли не однимъ изъ первыхъ педагоговъ старавшихся возбудить въ учащихся любовь къ отечественнымъ писателямъ, возвысить въ своихъ слушателяхъ понятіе о наукѣ и образованіи и пріучить ихъ къ самостоятельной работѣ. Еще въ самомъ началѣ своей педагогической дѣятельности онъ уже начерталъ подробную программу преподаванія русской словесности и литературы, показывающую насколько серьезно понималъ онъ свои задачи. „Въ отношеніи къ языку — говоритъ онъ — я обращаю вниманіе главнымъ образомъ на то, чтобы воспитанникъ научался легко и правильно владѣть имъ, какъ изустно, такъ и письменно, — чтобы онъ подъ конецъ могъ сознательно представить себѣ всю систему языка, понимать его богатство и видѣть его историческое развитіе. Въ отношеніи словесности я старался внушить ученикамъ главныя теоретическія правила, выведенныя изъ образцовыхъ произведеній писателей отечественныхъ и иностранныхъ, съ тѣмъ, чтобы они могли вѣрно смотрѣть на литературныя произведенія и сами пользоваться тѣми-же правилами; при этомъ весьма кратко

излагая историческій ходъ литературъ иностранныхъ и гораздо въ большемъ объемѣ — литературы русской. Во всемъ этомъ главное вниманіе было устремлено на развитіе вкуса“. Стоюнинъ преподавалъ свой предметъ по собственнымъ запискамъ, въ которыхъ онъ умѣлъ „соединить краткость изложенія съ отчетливостью въ выборѣ и даже съ обиліемъ подробностей“. Какъ въ практической дѣятельности своей, такъ и въ книгахъ своихъ, онъ былъ совершенно чуждъ „многоглаголанія“; онъ говорилъ только дѣло, обращалъ вниманіе только на существенное, самое важное, на все то, что имѣло руководящее значеніе. Однако, при подобной сжатости изложенія, онъ обладалъ способностью живой передачи, умѣлъ возбудить интересъ въ своихъ слушателяхъ. Въ исторической запискѣ о третьей петербургской гимназiи говорится, что Стоюнинъ обращалъ свои уроки въ занимательныя бесѣды, заставляя учениковъ читать другъ другу свои сочиненія, дѣлать ихъ разборъ, на который авторъ долженъ былъ вновь представлять письменныя возраженія. Ученики всегда знали, насколько дѣятеленъ ихъ преподаватель, какъ учитель и какъ ученый, и потому, цѣня каждое его слово, старались, въ свою очередь, выказать собственную работу, чтобы не заслужить его неудовольствія. Нельзя было не любить такого наставника: онъ отличался высокою гуманностью, смотрѣлъ отеческинисходительно на шалости школьничковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ серьезенъ, не искалъ денежной популярности и требовалъ отъ учениковъ труда, честнаго отношенія къ дѣлу. Онъ сразу сумѣлъ повліять на дѣтскія воспримчивыя души, и ученики, по свидѣтельству одного изъ бывшихъ воспитанниковъ третьей гимназiи, въ которой преподавалъ Стоюнинъ, стали усердно заниматься, сначала подавляемые невѣдомымъ дотошъ авторитетомъ личности, а потомъ изъ интереса къ дѣлу и даже изъ удовольствія, испытываемаго отъ занятій словесностью. Стоюнинъ горячо любилъ свое дѣло и, со свойственной ему живостью, откликнулся на все доброе и достойное вниманіе въ области учебно-воспитательной. Въ послѣднее время онъ отдавалъ почти все свое время и силы женской гимназiи, имъ основанной, въ которой впервые обращено было вниманіе на физическое воспитаніе дѣтей и которая, вообще, можетъ считаться образцовою. Не менѣе цѣнны заслуги Стоюнина и какъ педагога-теоретика, написавшаго цѣлый рядъ превосходныхъ руководствъ и пособій для изученія роднаго языка и словесности. Основанныя на строго-научныхъ данныхъ, серьезныя, замѣчательныя по свѣжести взгляда и богатству содержанія, его книги имѣютъ большое значеніе не только какъ пособія школьныя, но и какъ сочиненія общеобразовательныя; онѣ и до сихъ поръ составляютъ едва-ли не единственный у насъ основной матеріалъ для изученія русской словесности. Его „Курсъ высшей грамматики“, составлявшій въ то время совершенную новинку, вызвалъ въ средѣ преподавателей настоящую сенсацію и заслужилъ самыя лестныя отзывы спеціалистовъ, знатоковъ русской филологіи. Его книги: „О преподаваніи русской литературы“, „Руководство для историческаго изученія замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы“, „Руководство для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ“ выдержали по нѣскольку изданій и положительно являются украшеніемъ литературы педагогической, въ области методики и дидактики. Стоюнинъ старался сблизить школу съ жизнью и литературой и помѣстилъ цѣлый рядъ статей по школьнымъ вопросамъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; таковы, напримѣръ, статьи его: „Наши гимназiи“, „Мысли о нашихъ экзаменахъ“, „Педагогическіе вопросы. Гдѣ-же гнѣздилося наше зло?“, „Замѣтки о русской школѣ“, „Наблюденія надъ русской народною школою“, „Образованіе русской женщины“, „Наша семья и ея историческія судьбы“ и друг. Кромѣ того, Стоюнинъ обогатилъ русскую литературу замѣчательными критико-біографическими очерками писателей Княжнина, Шиникова, Кантемира, Сумарокова, Пушкина, Кольцова и напечаталъ не мало критическихъ статей, отличающихся безпристрастіемъ, спокойствіемъ и здравыми эстетическими взглядами. Вообще, почтенная литературная дѣятельность Стоюнина была и обширна, и разнообразна. Кромѣ множества статей, онъ трудился еще и какъ редакторъ еженедѣльной газеты „Русскій Міръ“, издававшейся въ 1859 году.

Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ родился въ С.-Петербургѣ, 16 декабря 1826 года, первоначальное воспитаніе получилъ въ третьей петербургской гимназiи, въ которой съ успѣхомъ окончилъ курсъ въ 1846 году и затѣмъ поступилъ въ петербургскій университетъ по историко-филологическому факультету. Выйдя въ 1850 году изъ университета, онъ черезъ два года занялъ мѣсто преподавателя русской словесности въ третьей гимназiи, гдѣ учительствовалъ около двадцати лѣтъ. Въ 1871 году его перевели въ Московскій Николаевскій институтъ инспекторомъ классовъ. Затѣмъ онъ состоялъ сверхъ штата при Собств. Его Велич. Канцелярiи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, членомъ особаго отдѣла ученаго комитета Минист. Народн. Просвѣщенія по разсмотрѣнiю книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, и членомъ совѣта дома призрѣній и ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей въ С.-Петербургѣ. Стоюнинъ участвовалъ въ литературѣ безъ малаго сорокъ лѣтъ, и первымъ его дебютомъ была статья „Яковъ Борисовичъ Княжнинъ“, появившаяся въ „Библиотекѣ для чтенія“ 1850 года, подписанная

псевдонимомъ Вл. ***. Стоюничъ пользовался глубокими симпатіями своихъ учениковъ и всѣхъ знавшихъ его близко и полнымъ уваженіемъ въ литературномъ мірѣ.

П. Быковъ.

Управляющій Морскимъ министерствомъ, адмиралъ И. А. Шестаковъ († 21 ноября 1888 г.).

(Портр. на стр. 1257).

Прилагая, для значительнаго числа повыхъ подписчиковъ *Нивы* 1888 года, портретъ почившаго адмирала Шестакова, помѣщенный нами въ началѣ 1887 года вмѣстѣ съ подробною біографіей, считаемъ нужнымъ напомнить нѣкоторыя даты. Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ родился въ 1820 г., воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ; въ 1837 г. юнкеромъ участвовалъ въ защитѣ укрѣпленной позиціи у Адлера, награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена съ производствомъ въ мичмана и продолжалъ службу на Черномъ морѣ, преимущественно у

береговъ Кавказа, подъ руководствомъ адмирала Лазарева. Съ 1853 года Шестаковъ былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ, гдѣ, назначенный адъютантомъ къ генераль-адмиралу, занять былъ постройкой вишневыхъ лодокъ, затѣмъ вооружалъ два отряда корветовъ и наконецъ былъ командированъ въ Америку для наблюденія за постройкой 70-пушечнаго винтового фрегата „Генераль-Адмиралъ“. По прибытіи этого судна въ Россію, подъ командой И. А. Шестакова, онъ получилъ чинъ капитана 1 ранга, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ Государю Императору; въ 1861 году произведенъ въ контръ-адмирала, въ 1863 году назначенъ помощникомъ главнаго командира Кронштадскаго порта и принялъ дѣятельное участіе въ вооруженіи Кронштадта, затѣмъ былъ Таганрогскимъ градоначальникомъ, Виленскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, военно-морскимъ агентомъ въ южныхъ государствахъ Европы, въ 1880 г. произведенъ въ вице-адмирала и наконецъ въ 1882 году назначенъ управляющимъ Морскимъ министерствомъ.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ Министру Путей Сообщенія повелѣно: принять исключительныя мѣры къ устраненію чрезвычайныхъ затрудненій въ передвиженіи грузовъ на южныхъ желѣзныхъ дорогахъ и для сего командировать временно для распоряженій по сему предмету на мѣстѣ особое лицо.

Военное и морское дѣло.

— 18 ноября, русскіе моряки праздновали тридцать-пяту годовщину синонскаго боя. Въ 12 часовъ дня, въ СПб., въ адмиралтейскомъ соборѣ Св. Спиридона, настоятелемъ храма, протоіереемъ Поповицкимъ, въ сослуженіи съ прочимъ духовенствомъ собора, была совершена торжественная панихида по убитымъ въ синонскомъ бою и скончавшимся участникамъ его, а послѣ нея благодарственное молебствіе, закончившееся провозглашеніемъ многолѣтня Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и Царствующему Дому и христіанскому русскому побѣдоносному воинству. Изъ участниковъ синонскаго боя въ церкви находились слѣдующія 12 лицъ: генераль-адъютантъ Перелешинъ, вице-адмиралы: Жандръ, Кернъ, Пузино, контръ-адмиралы: Усовъ, Конаржевскій, Долговъ, генералъ-майоръ Поповъ, псковскій уѣздный предводитель дворянства Беклеузовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Попандопуло, г. Чайковский, отставной капитанъ II-го ранга Са-

твинъ; были также и двѣ родственницы покойнаго адмирала Нахимова: г-жи Спицына и Соковичъ. Вечеромъ, въ 6 часовъ, въ ресторанѣ Контана, состоялся обѣдъ участниковъ славнаго боя.

— Въ Севастополѣ, въ 35-лѣтнюю годовщину синонскаго боя, въ храмѣ Св. Владиміра отслужена панихида и благодарственный молебенъ; а въ морскомъ собраніи состоялся синонскій обѣдъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ Москвѣ, 17 ноября, вечеромъ открылся масляно-стеариновый заводъ франко-русскаго анонимнаго общества „Маргаритъ“. Убытокъ считаютъ въ 500 тысячъ.

— Въ Харьковѣ, 20 ноября, открылся подъ предсѣдательствомъ директора горнаго департамента, тринадцатый съѣздъ горнопромышленниковъ южной Россіи.

— Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, Курской губ., получили довольно большое развитіе кустарныя промыслы. Одно изъ наиболѣе распространенныхъ кустарныхъ производствъ въ этомъ уѣздѣ заключается въ вязаній чулокъ.

Народное просвѣщеніе.

— Высочайшимъ рескриптомъ министр Народнаго Просвѣщенія, статскій-секретарь Деляновъ возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство.

— Въ Москвѣ, 19 ноября, бывший профессоръ Раздѣловъ пожертвовалъ Московскому университету слѣшкомъ 20,000 руб. на двѣ преміи начинающимъ ученымъ.

Искусства изобразительныя.

— Въ Петербургѣ открыта недавно новая рисовальная школа класснымъ художникомъ О. А. Кочетовой, для лицъ обоего пола, съ платою 10 рублей въ мѣсяцъ за 3 урока въ недѣлю. Школа помѣщается въ Малой Итальянской, д. № 3.

Литература и наука.

— 20 ноября состоялось въ С.-Петербургѣ чтеніе известнаго писателя и этнографа Сергія Васильевича Максимова, по поводу исполнявшагося тридцатипятилѣтія его литературной дѣятельности.

— 22 ноября исполнилось пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности ординарнаго академика, непремѣннаго секретаря Императорской академіи наукъ, тайнаго совѣтника Константина Степановича Веселовскаго.

Некрологи.

— Въ Тифлисѣ, 18 ноября, скончался Тифлискій губернаторъ Зиссерманъ.

— 21 ноября, скончался въ Севастополѣ управлявшій Морскимъ Министерствомъ, генераль-адъютантъ, адмиралъ Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ. 24 ноября, въ 10 часовъ утра, изъ морскаго собранія адмиралы и генералы вынесли на рукахъ гробъ съ тѣломъ покойнаго адмирала Шестакова и установили его на катафалкѣ, роскошно убранномъ зеленью и цвѣтами. Въ сопровожденіи войскъ и втораго черноморскаго флотскаго адмирала процессія двинулась къ собору адмираловъ, гдѣ въ 2 часа состоялось погребеніе.

Политическое обозрѣніе.

Еще одинъ юбилей благополучнаго царствованія былъ отпразднованъ недавно, а именно сороковая годовщина вступленія на престолъ императора Австрійскаго, Франца-Иосифа. По желанію самого монарха, юбилей прошелъ безъ всякихъ празднествъ и чествовался только особыми церковными богослуженіями и дѣлами благотворительности, въ которыхъ населеніе имперіи проявило свои чувства уваженія и преданности своему государю. Газеты всѣхъ мѣстностей Австріи и Венгрии напечатали по этому случаю глубоко прочувствованныя, патріотичныя статьи, въ которыхъ выставляють на видъ выдающіяся качества императора и восхваляютъ чрезвычайныя услуги, оказанныя имъ государству. Германскій императоръ обратился къ юбиляру съ поздравительнымъ письмомъ, въ которомъ высказываетъ сердечнымъ образомъ чувства личной своей дружбы къ австрійскому монарху и выражаетъ полную увѣренность въ непоколебимости союза, соединяющаго обоихъ монарховъ и обѣ имперіи. Такія же теплыя заявленія получены отъ короля Гумберта и другихъ дружественныхъ государей.

40 лѣтъ тому назадъ, 20 ноября (2 декабря) вступилъ Францъ-Иосифъ восемнадцатилѣтнимъ юношей на престолъ. „Нынѣ, по словамъ *Journal de St.-Petersbourg*, его величество находится въ цвѣтѣ силъ и политическая буря, вслѣдствіе и среди которой императоръ былъ призванъ занять престолъ на мѣсто своего дяди, императора Фердинанда, и вмѣсто своего родителя, эрцгерцога Франца, равно какъ грозы, неоднократно разражавшіяся съ тѣхъ поръ надъ имперією, не только не ослабили крѣпости тѣла и духа монарха, но, напротивъ, закалили ее и придали ей еще болшую силу. Императоръ Францъ-Иосифъ съумѣлъ приобрести любовь и глубокое уваженіе своихъ подданныхъ, а отличающія его качества цѣнятся всѣми дворами. Вотъ почему, каковы бы ни были разногласія въ политическихъ взглядахъ, могущихъ раздѣлять правительства и народы, всѣ

воздадутъ должное зояльнымъ стараніямъ монарха доставить своимъ народамъ всѣ тѣ удовлетворенія, которыхъ только можно ожидать отъ постояннаго воздѣйствія государя, и сохранить имъ блага мира среди волнений настоящаго времени.“

Какъ разъ въ то время, когда императоръ Вильгельмъ II обратился съ вышеупомянутымъ дружественнымъ письмомъ къ Австро-Венгерскому императору, между газетами обѣихъ имперій происходила довольно ожесточенная полемика. Поводомъ къ ней послужили статьи въ австрійской газетѣ *Schwarzwald*, указывавшей на союзнюю Германіи, которая якобы не довольствуется своимъ содѣйствіемъ въ дѣлахъ внѣшней политики, но старается оказывать вліяніе и на внутренній строй самоуправленія Австріи. Чтобы отрѣшиться отъ этой тягостной оеки, газета проповѣдывала союзъ съ Франціей и сближеніе съ Россіей. Статьи эта не осталась безъ отвѣта и германскіе офиціозы напечатали внушительную отвѣдъ, вызвавшую горячія возраженія въ австро-венгерскихъ газетахъ. Эта рѣзкая газетная война произвела въ вѣскихъ руководящихъ сферахъ весьма тягостное впечатлѣніе, но вѣстѣ съ тѣмъ повліяла также и успокоительно. Въ публицистическихъ, впрочемъ, кружкахъ очень довольны тѣмъ, что вса австро-венгерская печать участвовала въ должной отместкѣ, которую получили теперь берлинскіе офиціозы. Ожидаютъ, что въ Берлинѣ перестанутъ относиться къ Австріи въ томъ высокомѣрнато покровительствѣ. Нанадки берлинской печати, въ силу спора сдѣланнаго на Австрійскаго наследнаго принца, вызвали во всей Австро-Венгрии величайшее негодованіе. Полемика эта нынѣ нѣсколько поутихла, но дипломаты считаютъ приостановку ея симитомомъ предстоящихъ событій и полагаютъ, что затѣмъ полемика возгорится съ новою силой.

Во Франціи газетныя распри и раздоры партій проходятъ не такъ скоро. Вражда между буланжистами и сторонниками су-

ществующаго порядка не только не утихають, но разростаются все съ болѣею силою. Въ то время, какъ съ одной стороны устранивается, правда не вполнѣ удачно, особая манифестація въ защиту республиканскаго права противъ цезаризма, сторонники Буланже, при всякомъ удобномъ случаѣ, напоминають о

себѣ, какъ это было на банкетахъ лиги патриотовъ и на банкетахъ въ Неверѣ, куда уѣзжалъ браваый генералъ въ день чествованія республиканцами Бодена. При такомъ порядкѣ вещей можно думать, что отживающій послѣдніе дни старшій годъ подаритъ Францію новыми безпокойствами.

С М Ъ С Ъ .

Ива-вальсъ. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на только что вышедшій новый вальсъ Г. Вальтера „Ива“, изданный музыкальной фирмой Ю. Р. Циммерманъ.

Вальсъ этотъ, такъ-же какъ и вальсы „Невозвратное время“ и „Дунайскія волны“, весьма мелодиченъ и выѣстъ съ тѣмъ удобенъ для танцевъ.

Цѣна вальса — 75 коп.; для подписчиковъ „Нивы“ (черезъ редакцію) — только 45 к.

Врачъ — другъ человечества. Профессоръ докторъ Грефе былъ не только знаменитымъ окулистомъ, но и въ полномъ смыслѣ слова другомъ людей. Многихъ избавилъ онъ отъ слѣпоты, отъ вѣчнаго мрака, вернувъ имъ зрѣніе. Вѣднхъ Грефе оперировать даромъ и еще платилъ за нихъ въ аптеку и оптикамъ.

Въ Берлинѣ издавѣка прѣхалъ одинъ больной глазами, съ единственной цѣлью посоветоваться съ знаменитымъ окулистомъ; отъ приговора Грефе зависѣло: быть ему, или не быть. Прѣзжій, незадолго передъ тѣмъ, уже лишился одного глаза, но никто этого не замѣчалъ, такъ какъ онъ замѣнилъ его стекляннмъ. Теперь же заболѣлъ и другой глазъ. Вѣднѣга пришелъ въ отчаяніе: въ случаѣ слѣпоты, ему угрожала потеря мѣста, а онъ не успѣлъ выслужить пенсіи. Онъ уже видѣлъ себя въ крайности, съ женой и ребенкомъ — какъ тотъ нищій, который только что жалобно молилъ его о подавнн. Прѣзжій далъ ему серебряную монету и еще торопливѣ пошелъ въ клинику: спасеніе можетъ быть еще возможно! Но тамъ, на порогѣ, страшная вѣсть: „Грефе боленъ, при смерти. Онъ больше не въ состояніи оперировать.“

Что дѣлать теперь? Неужели даромъ совершенно столь длинное путешествіе?! Воображеніе рисуетъ прѣзжему безлиходную бѣдность на чердакѣ, гдѣ онъ ютится съ семьей. Въ глазу тупая боль;

его застилаетъ туманъ. Скоро все окончательно погрузится во мракъ. Бѣдному больше не видѣть ни жены, ни дѣтей! Съ мужествомъ отчаянія бѣжитъ онъ еще на квартиру окулиста: можетъ быть ему удастся къ нему проникнуть, съ нимъ переговорить, можетъ быть еще не все потеряно... Въ домѣ мертвая тишина. На нѣсколько разъ повторенный робкій звонокъ прѣзжаго наконецъ показывается слуга.

— Профессоръ при смерти! говоритъ онъ.

Прѣзжій въ смертельной тоскѣ удерживаетъ слугу и проситъ его, умоляетъ доложить о немъ доктору: „Иначе его смерть будетъ и моею также!“ восклицаетъ онъ. „Развѣ вѣчная тьма не хуже смерти? Профессоръ можетъ быть съумѣетъ спасти меня. Я столько о немъ слышалъ... Онъ истинный другъ человечества.“

Слугу трогаетъ отчаяніе прѣзжаго: онъ не даромъ былъ слугою одного изъ самыхъ гуманныхъ людей. Медленно отправляется онъ въ комнату своего господина, подходитъ къ его постели и шепотомъ передаетъ ему просьбу прѣзжаго больного.

— Пусти его сюда! едва слышно по рѣшительно произноситъ Грефе.

Секунду спустя прѣзжій стоить у постели знаменитаго окулиста. Грефе внимательно на него посмотрѣлъ и угасающимъ голосомъ, но съ увѣренностью проговорилъ: „Удалите стеклянный глазъ — и вы спасены!“

Прѣзжій пытается благодарить, хочетъ ухватъ на колѣни, но слуга мгновенно увлекаетъ его изъ комнаты больного.

— Тише, ни слова! шепчетъ онъ: — вѣдь мой господинъ умираетъ! Дѣйствительно, прошло всего нѣсколько часовъ — и великаго окулиста не стало. Но онъ и на смертномъ одрѣ спасъ еще одного кормильца семьи. (N.)

О томъ, какъ суда переговариваются между собою

Владимиръ Яковлевичъ Стоюнинъ († 4 ноября 1888 г.).
Съ фотогр. Семененко, грав. Шюблеръ.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ СЮРПРИЗЪ.

Постоянно заботясь о томъ чтобы дать подписчикамъ „Нивы“ возможно большее количество безплатныхъ приложений, мы обыкновенно разсылали при рождественскомъ № (52) нашего журнала гравюру или раскрашенную таблицу. Въ нынѣшнемъ году мы нашли возможнымъ сдѣлать гораздо болѣе цѣнное приложение, — а именно: цѣлую книжку для чтенія, **Сборникъ повѣстей и разсказовъ**, состоящій изъ новыхъ, ширѣ еще не напечатанныхъ произведеній В. П. Желиховской, Н. Успенскаго, Максима Бѣлинскаго и др. русскихъ и иностранныхъ писателей. Этотъ изящный томикъ, заключающій въ себѣ 269 страницъ и напечатанный на лучшей бумагѣ, мы разсылаемъ уже при этомъ (49) № „Нивы“, такъ какъ иначе многіе изъ нашихъ читателей, живущіе на отдаленныхъ окраинахъ Россіи, получили бы его послѣ праздниковъ. Смѣемъ надѣяться, что читатели оцѣнятъ это приложение, которое мы предприняли не смотря на громадныя расходы, считая гонораръ авторамъ, бумагу съ гласировкой, наборъ, печать, фальцовку и брошюровку въ количествѣ болѣе 100,000 экземпляровъ. Въ отдѣльной продажѣ сборникъ этотъ стоитъ 1 руб., съ перес. 1 р. 25 коп.

одни английскій журналъ сообщаетъ слѣдующее: „Читатели газетъ часто наталкиваются на сообщенія, что такой-то корабль „разговаривалъ“ съ другимъ въ открытомъ морѣ и принесъ отъ него вѣсти. Немногимъ, однако, извѣстно какимъ образомъ происходятъ эти объясненія. Моряки различныхъ національностей, не могущіе сказать въ обыкновенной жизни и трехъ словъ на языкъ другаго, въ открытомъ морѣ передаютъ другъ другу весьма важныя сообщенія, посредствомъ сигналовъ. Переговоры ведутся при посредствѣ флаговъ и вымпеловъ различнаго цвѣта и вида. Всего ихъ восемнадцать. Изображаютъ они собою согласныя буквы: В. С. D. F. G. H. J. K. L. M. N. P. Q. R. S. T. V. W. Гласныя совершенно исключены. Согласныя употребляются или по одной или группами, по двѣ, по три и по четыре. Изъ двухъ можетъ составляться 306 комбинацій (отъ В.С., В.Д. и т. д. до W.V., W.C., W.D. и т. д.). Группы изъ трехъ согласныхъ даютъ 4896 различныхъ положеній, а изъ четырехъ — 73,440. Слѣдовательно можно составить 78,642 сигнала. Такъ какъ всѣ знаки вписаны въ книгу, то они понятны каждому, имѣющему эту сигнальную книгу въ рукахъ. Комбинаціи изъ двухъ флаговъ употребляются въ наиболѣе важныхъ случаяхъ, требующихъ быстрого вопроса и отвѣта, напр. „В.С.“: разверните флагъ вашей страны; „N.M.“: на кораблѣ показался огонь; „M.N.“: готовьтесь къ нападению, и т. д. Передъ каждою „рѣчью“ распускаютъ одноцветныя свѣтло-зеленыя флаги, на что другою корабль отвѣчаетъ ярко-краснымъ, въ знакъ того, что сигналъ замѣченъ. Группы изъ трехъ буквъ наиболѣе употребительны. Онѣ заключаютъ въ себѣ не только отвѣты и вопросы, но и цифры и дроби; такъ напр. „В.N.W.“ значитъ: „откуда вы идете?“ Отвѣтъ: „H.N.F.“, т. е. „изъ четвертаго порта“. Каждый портъ имѣетъ свой особый номеръ, если онъ не принадлежитъ къ числу главныхъ. Важнѣйшіе же имѣютъ свои собственные сигналы, составляемые изъ четырехъзначныхъ группъ. Изъ такихъ группъ 4000 относятся къ географическимъ наименованіямъ; 960 изображаютъ слогги и части слоговъ; 13,920 комбинацій предназначены для повседневныхъ разговоровъ; 1440 принадлежатъ исключительно военнымъ судамъ и 53,040 купеческимъ. Число сигналовъ для купеческихъ судовъ значительно увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что они на ряду съ международнымъ имѣютъ свой особый національный кодексъ. Правильное истолкованіе послѣдняго зависитъ отъ національности корабля, съ которымъ говорятъ. Сигналъ подаваемый купеческому кораблю подъ английскимъ флагомъ, имѣетъ совсѣмъ иное

значеніе для судовъ подъ нѣмецкимъ или французскимъ флагомъ. Во избежаніе недоразумѣній, каждый корабль имѣетъ въ своемъ указателѣ отличительные знаки каждой національности. Когда разстояніе такъ велико, что флаги не могутъ быть видны или слишкомъ темно, чтобы различить цвѣта флаговъ, употребляются дистанціонныя сигналы, состоящіе изъ четырехугольных штандартовъ, узкихъ вымпеловъ и шаровъ. Дистанціонныя сигналы состоятъ только изъ трехъ знаковъ. Посредствомъ различнаго расположенія шаровъ, флаговъ и вымпеловъ образуются 18 согласныхъ буквъ. Шаръ и подъ нимъ вымпель обозначаетъ: „вы подвергаетесь опасности“. Флагъ и вымпель значитъ: „у насъ открылась течь, придите къ намъ на помощь!“ Одинъ шаръ—„идите немедленно“. Флагъ и подъ нимъ шаръ — „мы терпимъ крушеніе, вышлите шлюпки“, и т. д. Этимъ способомъ корабли могутъ „переговариваться“ даже въ дурную погоду, ночью и на значительномъ разстояніи, предполагая, конечно, что капитанъ съ помощью зрительной трубы можетъ различить вѣщныя очертанія сигнальных предметовъ. Наиболѣе важныя сигналы, какъ употребляемые во время опасности и требующіе поспѣшности, каждый морякъ, конечно, знаетъ назизусть. (с.)

Управляющій Морскимъ министерствомъ, адмиралъ И. А. Шестаковъ († 21 ноября 1888 г.). Съ фотогр. грав. Коппъ.

Въ Парижскихъ театрахъ для воспроизведенія падающаго свѣга употребляютъ мелко наръзанную козью шерсть, вмѣсто принятой повсемѣстно бумаги; шерсть, подобно свѣгу, долѣе держится въ воздухѣ, мягче ложится на землю и лучше пристаегъ къ шляпѣ актера. (с.)
О Франкфуртской желѣзнодорожной станціи, самой большой станціи въ свѣтѣ, помѣщена статья въ *Центр. листкѣ управления общественными сооруженіями*, изъ которой заимствуемъ нѣкоторыя данныя о двухъ, пока недостаточныхъ по объенныхъ приспособленіяхъ, введенныхъ на этой станціи. Первое изъ нихъ есть гидравлическая машина высокаго давленія. Правда, насколько намъ извѣстно, на одной станціи въ Парижѣ и на одной станціи въ Лондонѣ имѣются уже гидравлическія машины, исполняющія часть станціонныхъ работъ; но эти машины совершенно ничтожны по сравненію съ франкфуртскими. Здѣсь вода нагнетается изъ Майна въ водовѣстнище, изъ котораго она давленіемъ 75 атмосферъ изливается по трубамъ. Эта вода исполняетъ различныя работы: приводитъ въ движеніе 22 подъемныхъ крана, поворотный кругъ, передвигаетъ вагоны и наконецъ приводитъ въ дѣйствіе динамо-электрическія машины, доставляющія электрической свѣтъ на всю станцію,

Подписка на „НИВУ“ 1889 г. СЪ РАЗСРОЧКОЙ.

Въ виду ежедневно поступающихъ запросовъ о разсрочкѣ **ГODOVOЙ УПЛАТЫ ПОДПИСНЫХЪ ДЕНЕГЪ** на „НИВУ“ 1889 года, Контора наша возможнымъ открыть подписку **ВЪ РАЗСРОЧКУ** для иногородныхъ подписчиковъ на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится	3 р.
Къ 1-му мая 1889 г.	2 р.
Къ 1-му іюля остальные	2 р.

Желающіе подписаться съ разсрочкой благоволятъ заявить объ этомъ при первомъ взносѣ, и они будутъ считаться годовыми подписчиками.

что до сих пор считалось возможным лишь вблизи водопадов. Во-вторых, здесь не ограничили электрическим освещением одного только вокзала; здесь освещаются электричеством и вся станция, со всей путаницей рельсов, склады локомотивов и мастерские. Очевидно, что это значительно облегчает производство работ и уменьшает опасность для стрелочников и железнодорожных рабочих. Вся Франкфуртская железнодорожная станция освещается тремястами лампъ съ Вольтовой дугой, на столбахъ отъ 7—20 метровъ вышиною, и тысячу лампочекъ накаиванія въ 16—50 свѣчей. Последнія употребляютъ преимущественно въ станціонныхъ залахъ и въ помѣщеніяхъ администраціи. (с.)

Химическій составъ человѣческаго тѣла. По произведеннымъ недавно однимъ изъ извѣстнѣйшихъ физиологовъ изслѣдованіямъ, установлено, что въ составъ человѣческаго тѣла, вѣсящаго 78 килограммовъ, входятъ различныя вещества въ слѣдующей пропорціи: кислотъ входитъ 44,000 граммъ, воды 7090, азота 1720, извести 1750, хлора 800, фтора 100, углерода 22,000, серы 100, фосфора 500, калия 80, натрія 70, магнія 50 и желѣза 75. (с.)

Какъ относятся птицы къ выставленнымъ противъ нихъ пугаламъ—видно лучше всего изъ слѣдующаго случая: Пѣкій садовладелецъ поставилъ въ своемъ саду пугало, извѣстнаго общепринятаго вида. Черезъ нѣсколько дней онъ нашелъ на поляхъ шляпы долженствовавшего отпугивать птицъ чучела, гнѣздо съ четырьмя яичками. Хозяинъ прикрылъ гнѣздышко такъ чтобы его не было видно, но черезъ двѣ недѣли увидѣлъ рядомъ съ нимъ второе съ четырьмя яичками. Это гнѣздо тоже было имъ прикрыто, и вскорѣ послѣ того на поляхъ шляпы пугала появилось третье гнѣздо съ пятью яичками, и на этотъ разъ хозяинъ уже махнулъ на него рукой. (с.)

Въ числѣ подарковъ, поступившихъ на Ватинанскую выставку, былъ замѣчательный коверъ изъ виссона. Во всемъ древнемъ мѣрѣ виссонъ считался драгоцѣннѣйшею, тончайшею изъ тканей; одѣваться въ виссонъ считалось признакомъ несмѣтнаго богатства. О виссонѣ упоминается у евангелиста Луки 16, 19. Вещество для этой ткани получалось, какъ извѣстно, отъ молочоскв, выделяющихъ его; но врядъ-ли многимъ извѣстно что и до сих поръ существуютъ ткани подъ названіемъ виссона, приготовленныя изъ того же самаго вещества. Молоски, доставляющіе это вещество, лоятся въ настоящее время въ Таранто, древнемъ Тарентѣ, заслуживающемъ въ полномъ смыслѣ слова названія „города раковинъ“, такъ какъ окружающія его воды изобилуютъ паразитическимъ множествомъ всевозможныхъ молочоскв. Виссонъ выделяется жителями города, но только немногія изъ нихъ обладаютъ искусствомъ готовить его. Названный коверъ былъ заказанъ архіепископомъ Тарантскимъ живущимъ тамъ сестрамъ Мараско. Коверъ привезенъ въ Ватиканъ и вызываетъ свою оригинальностью и тонкостью работы всеобщее удивленіе. Въ серединѣ ковра находится папскій гербъ и вышитая золотомъ надпись: „Taranto a Leone XIII per le Nozzo d'ore“. Кроме того, городъ прислалъ цѣлую коллекцію, состоящую изъ 112 различныхъ сортовъ раковинъ въ художественномъ сочетаніи, украшенную гербами города и панъ; затѣмъ — мозаичную картину, въ которой камешки замѣнены мелкими раковинами. Картина представляетъ римскаго поэта Вергилія на берегахъ рѣки, которая орошаетъ привѣтливую, улыбающуюся долину и впадаетъ въ море близъ Таранто. Теперешніе тарентинцы утверждаютъ, что Вергилій здѣсь именно написалъ свои эклоги. На Сѣверѣ не могутъ и представить себѣ, какаѣ масса произведеній изъ раковинъ дѣлается въ южной Италіи. Въ Торредель-Греко, мѣстопребываніи добывателей коралловъ, можно видѣть ежегодно на одномъ изъ празднествъ иллюминированнаго по вечерамъ великолѣпнаго, фантастическаго зданія, покрытыя раковинами и кусками коралловъ, производящія несравненный цвѣтовой эффектъ. Въ Неаполѣ жилъ въ прошломъ столѣтіи бѣдный рыбакъ, который славился своими работами изъ раковинъ и безвозмездно украсилъ нестрями одеждами изъ раковинъ нѣсколько священныхъ статуй въ натуральную величину. Эти статуи находятся въ церкви Св. Петра и считаются по справедливости величайшею рѣдкостью, такъ какъ навѣрно во всемъ свѣтѣ нѣтъ ничего имъ подобнаго. (с.)

Состоянія, нажитыя посредствомъ швейныхъ машинъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ изобрѣтатели и фабриканты швейныхъ машинъ приобрѣли крупныя состоянія. Изобрѣтатель Гау зарабатывалъ ежегодно швейными машинами 2,000,000 марокъ; Вилеръ и Вильсонъ, говорятъ, въ теченіе многихъ лѣтъ дѣлили между собою по 4,000,000 марокъ ежегоднаго дохода, а изобрѣтатель „машинъ Зингера“, оставилъ послѣ смерти состояніе въ 60 милліоновъ марокъ. (с.)

Немезида. Когда фельдмаршалъ Кутузовъ вступилъ побѣдителемъ въ Вильну, послѣ бѣгства французовъ, къ нему явился директоръ тамошняго польскаго театра съ просьбой о разрѣшеніи сыграть пьесу въ ознаменованіе этого дня. Кутузовъ не далъ своего согласія, а потребовалъ, чтобы на сцену была поставлена та самая пьеса, которая была дана въ день вступленія французскихъ войскъ, переполненная язвительными намеками на русскихъ и низкою лестью Наполеону. Директоръ сталъ было робко возражать, но безуспѣшно; онъ долженъ былъ повиноваться. Вечеромъ Кутузовъ находился со всемъ своимъ штабомъ въ театрѣ, чтобы своимъ присутствіемъ предотвратить безпорядки. При каждомъ прославленіи

Наполеона, такъ странно рѣвущимъ слухъ послѣ его бѣгства, Кутузовъ аплодировалъ актерамъ и всѣ прочіе слушатели слѣдовали его примѣру. Конечно, никогда еще аплодисменты не отзывались такъ мучительно въ сердцахъ актеровъ, какъ въ этотъ вечеръ на сценѣ виленскаго театра. Холодный потъ выступалъ у нихъ на лбу при каждомъ произносимомъ ими словѣ, и между тѣмъ они не смѣли ничего измѣнить или выпустить изъ опасенія подергнуться строгому взысканію за ослушаніе. Грозное драматическое правосудіе, учиненное музкою надъ своими жрецами. (с.)

Осторожный выборъ судьи. Петръ Жестокій, король Кастиліи въ четырнадцатомъ столѣтіи, былъ столь-же богатый, сколько и осмотрительный государь. Онъ самъ избиралъ судей въ своемъ государствѣ и дѣйствовалъ при этомъ съ крайней осторожностью. Однажды освободилось мѣсто судьи въ высшемъ судѣ Севильи, на которое явилось три кандидата. Петръ пригласилъ претендентовъ въ замокъ Альказаръ, свое мѣстопребываніе, и указавъ на поль-апельсина, плавающего въ водѣ, спросилъ:

— Что это такое?

— Это апельсинъ, отвѣтилъ, не долго думая, первый изъ спрошенныхъ.

— Это поль-апельсина, быстро перебивалъ, сказалъ второй.

Третій ничего не отвѣчалъ; поэтому король повторилъ свой вопросъ. Тогда послѣдній, взявъ палку у короля, подвинулъ плавающій предметъ къ себѣ, сталъ внимательно разсматривать его, поворачивая во всѣ стороны, и наконецъ проговорилъ:

— Ваше величество, по моему мнѣнію, это половина апельсина.

Король положилъ руку ему на плечо и сказалъ:

— Вы умный человекъ и вамъ должно принадлежать вакантное мѣсто, такъ какъ вы не удовлетвоуались, подобно другимъ, однимъ взглядомъ, а вникли въ дѣло и разсмотрѣли вопросъ внимательно со всѣхъ сторонъ. Въ этомъ именно заключается обязанность каждаго человека, считающаго себя достойнымъ великой чести — судить дѣянія своихъ ближнихъ. (с.)

Древне-римская газета. Хотя газетное дѣло по самому существу своему стало возможнымъ лишь въ новѣйшія времена, т. е. послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, тѣмъ не менѣе уже въ древнемъ Римѣ, во времена императоровъ, мы встрѣчаемъ прототипъ, хотя несовершенный, нынѣшнихъ газетъ, въ такъ-называемыхъ *acta diurna* (ежедневныя событія). Это было не частное предпріятіе, а официальный бюллетень, который, какъ видно изъ самаго названія, выходилъ ежедневно и содержалъ въ себѣ прежде всего придворныя извѣстія, какъ-то: о рожденіяхъ и смертяхъ случавшихъ въ императорской семьѣ, отчеты о празднествахъ и путешествіяхъ, затѣмъ правительственныя распоряженія, рѣши и рѣшенія сената, отчеты о судебныхъ разбирательствахъ и наконецъ мелкія извѣстія: художественныя выставки, травли звѣрей, театры, новыя сооруженія, а также пожары и другіе несчастные случаи, въ которыхъ никогда не было недостатка среди разнообразной и шумной жизни большаго города. Кроме того, въ бюллетеняхъ этихъ помѣщались и извѣстія о событіяхъ въ семьяхъ частныхъ лицъ, какъ напр. рожденія и разводы, послѣдніе только послѣ такого обнародованія и получали должную санкцію; точно также какъ относительно рожденій, лишь послѣ такого публичнаго заявленія получалось право на награду, установленную закономъ „Lex Papia Poppaea“, за каждое приращеніе семейства. Такимъ образомъ, за исключеніемъ перерывовъ статей и фельетона, *acta diurna* представляли почти тѣ же рубрики, какъ современныя намъ газеты, начиная съ правительственныхъ сообщений и придворныхъ извѣстій до ежедневной хроники и административныхъ распоряженій. Провинціальныя извѣстія появлялись очень рѣдко, и нужно было какое-нибудь выдающееся событіе, какъ напр. серьезное возстаніе или сильное землетрясеніе, чтобы его сочли достаточно интереснымъ, для вниманія столичной публики. Оносительно редактированія *acta diurna* не имѣется точныхъ свѣдѣній; во всякомъ случаѣ, главное завѣдываніе листкомъ принадлежало высшимъ лицамъ города, какъ-то преторамъ и квесторамъ, которые и наблюдали за переписчиками и репортерами. Готовый листокъ выставлялся на нѣкоторое время на видномъ мѣстѣ, гдѣ каждый могъ его прочесть или скопировать. Многіе переписчики на собственныя извѣстія занимались копированіемъ листка или дѣлали краткія извлеченія для извѣстнаго числа абонентовъ. Такія копии разсылались затѣмъ въ отдаленнѣйшія провинціи имперіи. Такъ, напр., Цицеронъ пишетъ однажды изъ Киликіи своему другу Аттику, что онъ получилъ *acta diurna* до мартовскихъ нонъ. Когда истекалъ срокъ, на который выставлялись листки, они поступали въ городскую архивъ, гдѣ нѣрѣдко служили источникомъ для позднѣйшихъ историческихъ трудовъ. Когда столица имперіи была перенесена въ Константинополь, выходъ *acta diurna* повидимому прекратился, такъ какъ съ этого времени важнѣйшія событія возмѣщались въ провинціяхъ особыми комиссарами, получавшими за то весьма цѣнные подарки. О вѣшнемъ видѣ *acta diurna* мы, по полному отсутствію какихъ бы то ни было сохранившихся остатковъ или замѣтокъ, не можемъ составить полнаго понятія. Экземпляръ, обнародованный въ 1615 и 1692 годахъ Пигиусомъ (Pighius) и Генрихомъ Додвеллемъ, оказались не вполне достоверными, но такъ какъ они составлены во всякомъ случаѣ въ духѣ настоящихъ *acta diurna*, то не безинтересно будетъ привести здѣсь отрывокъ одного изъ нихъ: „Въ четвертый день апрѣльскихъ календъ (29 марта). Была молнія и громъ; вскорѣ послѣ полудня, молнія ударила въ дубъ, на вершинѣ Велія.—Въ нижней части улицы Инуса, въ тавернѣ, произошла драка, во время

Открыта подписка на 1889 годъ.

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ
литературы, политики и современной жизни,

„НИВА“

издаваемый А. Ф. МАРКСОМЪ, подъ редакціею В. П. КЛЮШНИКОВА.

Въ портфель Редакціи приготовлены между прочимъ къ печати слѣдующія новыя произведенія:

Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ.
П. Висковатова—„Головка съ натуры“, рассказъ.
Кн. М. В. (автора романа *Дети Солнцевыхъ*)—„Мни-
мая любовь“, романъ въ 2 част.
Графа А. А. Голенищева-Кутузова—„Время“, стих.
Князя Д. Голицына-Муравлина—„Увлечение“, пов.
П. Дорошенко—„Кто-же“, современный рассказъ.
В. П. Желиховской—„Удивительныя приключенія Пор-
фирія Перепелкина“, рассказъ.
М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“,
романъ.
Н. В. Кукольника—„Крѣпостной художникъ“. (По-
смертное произведение).
Евгенія Львова—„Три могикана“, очерки изъ недав-
наго прошлаго земельной Россіи.

А. Луговаго—„Борь“, поэма.
В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоно-
ловъ“, романъ въ 2-хъ част.
П. Н. Полевого—„Корень зла“, историческій романъ
въ 3-хъ частяхъ.
Графа Е. А. Салиаса—„Барыни-крестьянки“, истори-
ческой романъ.
Н. Северина—„Перепутала“, комедія въ 1 дѣйствіи.
Н. Станицкаго—„Дѣдушна“, рассказъ.
А. В. Стернь—„Божье дитя“, рассказъ.
Ф. Ф. Тютчева—„Артемій Саватьевъ“, рассказъ.
А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть.
Кн. Д. Н. Цертелева—„Иранское преданіе“.
О. Чуминой—„Загадка“, комедія въ 1 дѣйствіи.

Кромѣ разныхъ **ЭКСТРЕННЫХЪ ПРЕМИЙ**, выдаваемыхъ отъ времени до времени въ теченіе года, при журналѣ „Нива“ выдается особое бесплатное ежемѣсячное приложение „ПARIЖСКІИ МОДЫ“—въ немъ до 500 модныхъ гравюръ въ годъ, до 350 рисунковъ изящныхъ рукодѣльныхъ работъ и множество **РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ**, до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, множество бунвъ, вензелей и т. п. для мѣтки—словомъ полный модный журналъ.

Какъ главную премию на 1889 г. гг. годовые подписчики имѣютъ бесплатно получить большую олеогра-
фическую картину печатанную маслян. красками, съ оригинала проф. Имп. Акад. Худ. **Б. Д. ОРЛОВСКАГО**:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

точно такого же формата какъ и премія 1888 года, т. е. 14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины.

Картина эта изображаетъ южно-русскую природу во всей роскоши ея лѣта. Это мирный хуторокъ съ его поэтическими бѣлыми хатками въ зелени вишневыхъ садовъ, освѣщенный навѣсами рощи и залитый золотомъ послѣполуденнаго солнца по всей шире облегающей его стени.

Мы выставили картину въ книжныхъ магазинахъ и библиотекахъ всѣхъ большихъ городовъ Россіи, гдѣ желающіе и могутъ наглядно убѣдиться въ ея высокихъ достоинствахъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Пе- тербургъ.	5 Р.	Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи	6 Р.	Съ пересылкою въ Москвѣ и въ друг. городахъ и мѣст. Имперіи.	7 Р.
Съ доставкою въ С.-Пе- тербургъ.	6 Р. 50 к.			За границу	9 Р.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1889 года просить адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 6.

Поступило въ продажу новое, ПЯТОЕ изданіе ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,

издано А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на
стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н.
Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства
Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н.
Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ сред-
нихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду учени-
камъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ,
о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома въ 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ рос-
кошныхъ коленкоръ. переплет. съ золотыми тисненіями—8 руб., съ пересылкою 9 р.

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ пересылкою 6 р. 25 к.; въ переплетѣ
7 руб., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала
„Нива“ (Невскій, 6).

ВСЕНАУЧНЫЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

со всѣми послѣдними дополненіями, въ 3-хъ томахъ большаго формата, составлен-
ный подъ редакціею В. П. Ключникова, заключающій въ себѣ подробныя объ-
ясненія и разъясненія около

73,000 СЛОВЪ, ПМЕНЪ, СОБЫТІЙ и пр.

Словарь этотъ, составляя необходимую принадлежность каждому об-
разованнаго дома, рекомендуется какъ лучший въ этомъ родѣ.

Цѣна за брошюрованный экземпляръ этого обширнаго изданія,
за всѣ 3 тома, вмѣсто 12 руб. безъ пересылки **НАЗНАЧАЕТСЯ** за
брошюров. экз. 3 руб., въ коленкоровыхъ переплетахъ 5 руб.; за
пересылку прилагается за 8 фунтовъ.

Съ требованіями обращаться исключительно къ издателю **К. и Х. НЕБЕ,
СПБ.,** внутри Гостиного двора, № 139.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ БРАТЯ ЭНГБЕРТСЪ и К^о.

Гостиный дворъ, № 146, 147 и 14

въ С.-Петербургѣ.

Спеціальность мужского и дамского бѣлья.

Полотно, Багистъ.

СТОЛОВОЕ БѢЛЪЕ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ.

НОВОСТИ ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ И БУМАЖНЫХЪ
ТКАНЕЙ.

Гг. иногороднымъ покупателямъ по
требованію высылаются прейсъ-куран-
ты бесплатно. № 3495 3-2

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ:

ПОМАДА, окрашивающая сѣдые волосы въ прежній ихъ цвѣтъ, флаконъ 3 р., пересылка 1 р. для удобства; жидкая и густая помада, по полфлакону, цѣна 3 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к. Гороховая ул., д. 57, магазинъ-парикмахерская Ивановой. № 3544

ВЪ ПРИГОТОВИТЕЛЬНОМЪ ПАНСИОНѢ
преподаютъ 1-го Моск. Кадетск. Корпуса
И. А. САВИНА
приготовляють въ кадетскіе корпусы и
прочія средн. уч. зѣн., а также въ войска
вольвоопредѣляющимися. Москва, Нѣмец-
кая ул., д. Чернышева. М. № 3540 2-2

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ“

предсказывающая будущее, прошедшее и па-
стоющее, въ теченіи мѣсяца, года и
нѣтъ лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адрес-
единств.: въ г. Хвалынскъ И. Комисарову.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева.
Ром.-эпосъ. ХУПІІІ.
въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ
коленк. перепл. 2 руб. 75 коп., съ перес.
3 руб. 25 коп.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
для гувернантокъ рекомендуетъ наставницъ
и гувернантокъ русскія, французскія, нѣ-
мецкія и англійскія. За справками про-
ситъ обращаться отъ 1 часа до 4-хъ часовъ
полуночи, въ Торговую, домъ 15, кв. 58.
№ 3197 15-12 Номинетъ.

Якобъ Лоостъ и К^о.

С.-Петербургъ, Невскій, № 20.

СКЛАДЪ

ГАВАНСКИХЪ

СИГАРЪ

РЕКОМЕНДУЮТЪ:

Сигары приготовленныя по ино-
страниному способу изъ гаванскаго
и разныхъ иностранныхъ табаковъ,
отъ 5 до 10 руб. за 100 шт. въ
различныхъ форматахъ.

Прейсъ-курантъ и образцы вы-
сылаются по требованію. № 3553

Натуральная минеральная слабитель-
ная вода источника

ФРАНЦЪ- ЮСИФЪ

въ Будапештѣ;

по отзывамъ медицинскіхъ авторитетовъ, она дѣйствуетъ вѣр-
но, легко, аккуратно и безъ всякихъ
вредныхъ послѣдствій.

Рекомендуется какъ слабительная
вода, не содержащая въ своемъ со-
ставѣ вредныхъ здоровью веществъ.
Продается вездѣ. Ц. № 3401 6-5

Для нормальнаго приема достаточна
половина обыкновеннаго стакана.

Дирекція въ Будапештѣ.

НАВОЖДЕНІЕ.

Романъ изъ современной жизни.
Вс. Соловьева.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПОДХОДЯЩЕ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ.

Ящики для хромофотографій съ хими-
ческо-механическими препаратами для
превращенія всѣхъ возможныхъ фотогра-
фій въ художественно-писанную масля-
ными красками картини, безъ всякихъ по-
знаній въ живописи и рисованіи. Цѣна РС. 7.

Бинокли для театра, охоты и путеше-
ствій въ кожаныхъ футлярахъ на рем-
няхъ. РС. 7.

Фотографическій аппаратъ, состоящій
изъ камеры, ставива, объектива и ашкы,
съ печатанными наставленіями устро-
бленія. РС. 10.

К. И. ФРЕЙДАНДТЪ.

Складъ фотографическихъ принадлежностей
С.-Петербургъ, Невскій просп., д. № 30/16.

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА

* à l'Etoile du Nord *

ЛУИ БУИСЪ и К^о.

М. № 3254 Москва, 6-6
Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ОПИСАНІЕ № 3516

Русскихъ почтовыхъ земскихъ
марокъ и конвертовъ и банде-
ролей.

Составилъ и издалъ Д. Н. Чудовскій.
Кіевъ, Елисаветинская, домъ Михельсона.
Цѣна съ пересылкою 1 р. 25 к.
Десять экземпляровъ и болѣе 20% уступки.

КРАСОЧНЫЙ ТОЛЕВЫЙ ЗАВОДЪ. ЗАВОДЪ.

СІЙ и ЛООКЪ

Преемники В. П. Франке.
12-11 Москва. М. № 3003
Контора: Маросѣлка, д. Кайсарова.

На 1889 (II-й) г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„СЧЕТОВОДСТВО“

Редакторъ-издатель Ад. Марк. Вольфъ.
Безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. на годъ.

Программа: I. Значеніе сч-ва. II. Исто-
рія и теорія сч-ва. Коммерческія зна-
нія. III. Практич. отдѣлъ. IV. Разборъ
отчетовъ. V. Библиографія. VI. Судебн.
отдѣлъ. VII. Темы и задачи. VIII. Смѣсь
и справ. отдѣлъ. IX. Объясненія.

Подробная программа высылается без-
платно. № 3533 3-2
Контора редакціи: СПб., Караванная, 16.
№ 3 за 1888 годъ 6 руб.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на
головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для
продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и
Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-
державшему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп.
но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
кона,—пров. Кинуненъ. (14) № 2946

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

на литературно-художественный, издаваемъ П. П. Щегловымъ, журналъ съ карриатурами,

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

50 №№ въ годъ. Выходитъ по воскресеньямъ. Разнообразный текстъ, 400 больш. рисунки, множество иллюстрацій къ тексту, масса карриатуръ. 12 карт., въ видѣ ежемѣс. прилож., историческаго содержания.

ПРЕМІЯ для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ: большая (въ 20 в. д. и 15 шпр.), испол-
ненная масляными красками. КОПИЯ СЪ НАРТИНЫ академія И. М. Прянишникова:
„НѢТННЫЕ ФРАНЦУЗЫ ВЪ 12-мъ ГОДУ ПОДЪ КОМАНДОЙ СТАРОСТИХИ
ВАСИЛИСЫ“.

Премія будетъ выдана при подпискѣ.

Условія подписки съ пересылкой и доставкой: на годъ 6 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяць 75 коп.

Городская подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровскій пл-н) и въ конторѣ редакціи. Иногородныхъ просятъ адресовать на имя издателя, Павла 10-3 Петровича Щеглова, Зацѣпская ул., соб. домъ. П. № 3489

5-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА НА 1889 Г. ПОДПИСКА НА

Адресъ ред.:
Спб., Большая
Итальянск., 8.

МОЙ ЖУРНАЛЬ

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢВУШЕЦЪ (10—14 л.).

Программу журнала составляютъ: историческіе и бытовые повѣсти и раз-
сказы, сцены для дѣтскаго театра, стихотворенія, статьи по исторіи, геогра-
фіи, естественнымъ наукамъ и искусствамъ, статьи нравственнаго и рели-
гознаго характера и др. Смет. курьез женскихъ глупостей; смѣсь, игры и
забавы. Журналь богато иллюстрированъ. Въ приложеніи даются: ноты,
листы съ узорами и выкройками выр. выкр. для куколъ, раскрашенные
узоры работъ и др. Цѣна на годъ: 4 р. и 5 р. съ пер.

въ С.-Петербургѣ

безъ доставки
съ премією на годъ 8 р. 50 к.
безъ преміи 1/2 г. 4. 25.
годовые подписчики вно-
сильце по 4 р. 50 к. за каждое
1/2 г. пользуются тоже пре-
мією.

ГОДЪ XIV-й.

О ПОДПИСКѢ НА
1889 г.

въ С.-Петербургѣ

съ доставкою
съ премією на годъ 9 р. — к.
безъ преміи 1/2 г. 4. 50.
годовые подписчики вно-
сильце по 5 р. за каждое
1/2 г. пользуются тоже пре-
мією.

НА ЖУРНАЛЬ „СТРЕКОЗА“

Журналь „Стрекоза“, вступающій въ 14 годъ своего изданія, приметъ всѣ завѣща-
нія отъ его мѣры, чтобы какъ и прежде былъ первымъ юмористическимъ изданіемъ
въ Россіи, какъ по извѣстности рисунковъ, такъ и по разнообразію и яр-
кости текста.

Редакція посылала для этой цѣли пригласить нѣсколько новыхъ художественныхъ
и литературныхъ силъ и увѣрена въ совершенномъ успѣхѣ своего новаго 14 года.
Премія нашего журнала на 1889 годъ будетъ носить очень громкое названіе;
но будетъ она называться очень громко только потому, что, желая дать въ за-
главьи хотя бы приближительное понятіе о содержаніи преміи, никакъ не возможно
назвать ее менѣе громко. № 3524 2-2

„ПЕРЛЫ И АДАМАНТЫ ВСЕМИРНАГО ЮМОРА“.

Мы имѣемъ въ виду предложить роскошно-иллюстрированный сборникъ, въ со-
ставѣ котораго войдутъ выдержки изъ произведеній наиболее знаменитыхъ юмори-
стовъ: русскихъ, англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, испан-
скихъ, польскихъ, чешскихъ и др. Эта блестящая, ослѣпительная вещь, идея говорить
сама за себя. На каждой страницѣ будутъ рассказы, настоящіе перлы и алмазны.
Нашъ сборникъ выдѣтъ широко до ушей удивляющагося читателя въ почтеннѣйшую
семью наиболее вѣстныхъ и остроумныхъ расказчиковъ, поэтовъ и философовъ въ
миръ. Книга вовсе не послужитъ въ частную продажу, потому что было бы грѣшно
продавать на рыночныя деньги (хотя бы даже и на металлическія) такой велико-
лѣпный и безцѣнный подарокъ. Утѣшаемъ себя мыслию, что со времени Лут-
тенберга (съ 1438 г.) смѣри „среднихъ вѣковъ“ никогда не выходила
еще нигдѣ печатанная книга, которая могла бы выдержать хотя бы самое
отдаленное сравненіе съ будущею премією нашего маститаго журнала.

Во всѣ города Имперіи
съ пересылкою
съ премією на годъ 10 р.
безъ преміи 1/2 г. 5 р.
годовые подписчики вно-
сильце по 5 р. 50 к. за каж-
дое 1/2 г. пользуются тоже
премією.

Требованія просить адре-
совать въ главную контору
журнала „СТРЕКОЗА“
(ГЕРМАНУ КОРНФЕЛЬДЪ)
въ С.-Петербургѣ.

За Границу
съ пересылкою
съ премією на годъ. 12 р.
безъ преміи на 1/2 г. 6 р.
годовые подписчики вно-
сильце по 7 руб. за каж-
дое 1/2 годъ пользуются то-
же премією.

Издатель Г. К. КОРНФЕЛЬДЪ.

Редакторъ И. Ф. ВАСИЛЕВСКІЙ.

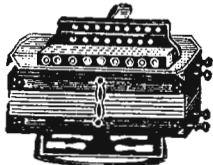

**КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ
ЧЕШКО-СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА
В. Ф. ЧЕРВЕНЫЙ и Сыновья
въ Киевѣ, Рейтарская, 41.**

Рекомендуютъ свой заводъ для доставки музык. инструментовъ духовныхъ, струнныхъ, ударныхъ и клавишныхъ, которые превосходятъ нѣмецкихъ, английскихъ и французскихъ по чистотѣ строя, отличаясь эдегантной и прочной отдѣлкой.
Т. п. адресовать: въ Киевѣ, В. Ф. Червеному и С. № 3461

**БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ**

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхование выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3555 4-2
Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложения адресовать по вышеозначенному адресу.

ГАРМОНИИ

русскія и нѣмецкія въ большомъ выборѣ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Самоустройство для гармоній 75 к. и 1 р. и 10 тетрадей нотъ по 50 коп. Приемъ въ починку. Прейсъ-курanty высылаются бесплатно. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно. Продажа оптомъ и въ розницу.
Рекомендуетъ фабрика музыкальныхъ инструментовъ № 3557
Мт. **ДМИТРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
АЛЕКСАНДРОВА**
Невскій просп., № 53, въ С.-Петербургѣ.

ЛЕНИНГЪСЪ и ГЛОЗНИГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПЕЧИ

переносныя, безъ трубы и усовершенствованныя

БЕЗДЫМНЫЙ УГОЛЬ

къ нимъ, можно получать:
1. Камозе, Невскій просп., № 20.
2. О. Мюллеръ, Казанская ул., 23, кв. 3. № 3547 2-1

НОВЫЯ ПОДСТАВКИ ДЛЯ ЕЛОКЪ

прочныя и очень практичныя.

№ 1-я вѣсомъ фунтъ выдерживаетъ елку въ 100 ф. 2 р. 50 к.
№ 2-я вѣсомъ фунтъ выдерживаетъ елку въ 160 ф. 3 р. 50 к.

Бр. ЛИНДЕМАНЪ
Москва, Мясницкая, д. Ферстеръ.

**Высочайше утвержденное
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
ЗАСТРАХОВ. ОТЪ НЕСЧАСТН. СЛУЧАЕВЪ
ПОМОЩЬ**

Невскій пр., № 11.

I. За ежегодную премию въ 50 р. Общество принимаетъ на страхъ чл. новника, купца, присяжнаго повѣреннаго и т. п. лицъ, 33-хъ лѣтъ, съ условіемъ выдачи при несчастномъ происшествіи
а) въ случаѣ смерти страхователя — наследникамъ его капитала въ 5000 рублей;
б) въ случаѣ пожизненной неспособности страхователя къ труду (инвалидности) — самому пострадавшему пожизненной ежегодной ренты въ 1200 рублей;
в) въ случаѣ временной лишь неспособности къ труду — ежедневнаго вознагражденія въ 6 рублей.
II. За ежегодную премию въ 100 рублей застрахованное лицо, того же возраста, приобретаетъ не только право на получение вышеозначенныхъ вознагражденій, но кромѣ того, Общество обезпечиваетъ его полнымъ возвратомъ всѣхъ внесенныхъ премій, въ случаѣ преждевременной смерти страхователя — его наследникамъ, въ противномъ же случаѣ ему самому, по достиженіи имъ 65-лѣтняго возраста.
Въ виду введеннаго, по Уставу Общества, участія страхователей въ дивидендѣ, въ обоихъ случаяхъ премій, начиная съ 3-го года страхованія, понижаются.

Подробныя поясненія и справки во всякое время выдаются всѣми представителями и агентами (во всѣхъ губернскихъ, уездныхъ и многихъ другихъ городахъ Имперіи), а также и Правленіемъ Общества (Невскій пр., № 11). № 3214 6-4

„НЕДѢЛЯ“

въ 1889 году.

„НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ двухъ изданій: газеты, выходящей разъ въ недѣлю (52 номера въ годъ) и журнала, выходящаго разъ въ мѣсяць (12 книжекъ въ годъ).
Годовое содержаніе „НЕДѢЛИ“ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) Обще-газетной, 2) Политической, 3) Научно-практической, 4) Литературно-критической, 5) Общественно-инициативной, 6) Фелетонной, 7) Справочной и 8) Редакціонной.
Въ ежемѣсячныхъ „КНИЖКАХЪ“ НЕДѢЛИ“ помѣщаются романы, повѣсти, бытовые очерки, путешествія, стихотворенія и вообще все, что можно назвать беллетристикой.

Въ вышедшихъ номерахъ и книжкахъ „НЕДѢЛИ“ напечатаны статьи *И. В. Абрамова, И. С. Велюстина, П. И. Вейнберга, князя М. Н. Волконскаго, Ф. Ф. Воропонова, барона Р. А. Дистерло, В. Л. Дидова, (Китца), А. Я. Ефименко, А. Ф. Кони, А. И. и П. Н. Красновы, Н. С. Лыкова, Евг. А. Маркова, Д. Д. Микаева, Д. А. Мордовцова, А. Н. Пазецова, Я. П. Полонскаго, В. О. Портуилова, Л. Рускина, В. А. Тимирязева, графа Л. Н. Толстова, Галба Успенскаго, Н. Флеровскаго, Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова), П. В. Яковлевой* и друг.

Цѣна газеты „НЕДѢЛЯ“ вмѣстѣ съ ежемѣсячными „КНИЖКАМИ“ — **девять** руб. въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА на 1889 годъ ОТКРЫТА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“, Ивановская, 2.
Редакторъ-издатель **П. А. ГАЙДЕБУРОВЪ.**

V годъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА годъ V.

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“

первый въ Россіи еженедѣльный иллюстрированный журналъ для религіозно-нравственнаго чтенія,
въ 1889 году.

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ одобренъ для всѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.
„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ въ 1889 году дастъ:
52 еженедѣльныхъ номера большаго формата со множествомъ рисунковъ (болѣе двухъ сотъ) и статей исключительно религіозно-нравственнаго характера.
6 томовъ литературныхъ приложеній: историческихъ повѣстей и разсказовъ и пр.
Каждый томъ не менѣе 10 листовъ.
2 художественныхъ приложенія, состоящихъ изъ большихъ копій-гравюръ съ картинъ религіознаго содержанія.

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ, великолѣпную, исполненную многими красками копию съ акварели, специально написанной для „Русскаго Паломника“ академикомъ Шрейберомъ и изображающей:

„Видъ Афона при закатѣ солнца“.

Цѣна „Русскаго Паломника“ на годъ съ пересылкой и доставкой **ШЕСТЬ** рублей.
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.
АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., д. 13.

НОВОСТЬ.

**Въ главныхъ складахъ резиновыхъ надѣль
ПИХЛАУ и БРАНТЬ
ВЪ МОСКВѢ.**

1. На Петровскій, д. Соколова, рядомъ съ магаз. Вандрагъ.
2. На Ильинскій, д. бывш. Смирнонова, рядомъ съ Биржей.

Прейсъ-курантъ.

Воротникъ стоячій. . . . . р. 40 к.
отложной . . . . . 60 „
Манишка . . . . . 1 „
Манижеты . . . . . 1 „
Галстукъ . . . . . 40 „
Мыло для чистки бѣлья, за кусокъ . . . . . 15 „
Оптовымъ торговцамъ дѣлается значительная уступка.

При заказахъ просимъ прилагать одну третью стоимости въ задатокъ, остальныя деньги могутъ быть переведены наложеннымъ платежомъ. № 3520 3-1

15 коп. Мышеловки дер. двойн. очень практичныя, американской системы безъ дна, вып. № 3541 высылаются по почтѣ. 3-2

Бр. ЛИНДЕМАНЪ.

Москва, Мясницкая, д. Ферстеръ.

На 1889 (IV-й) г. съ 1-го ноября ОТКРЫТА ПОДПИСКА на дешевый еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“.

К. МАСЛЯНИКОВА.
Много рисунковъ, практическіе безплатн. отвѣты на вопросы, съ рисун. Прилагаются безплатно: сѣмена, архитект. проекты красками. Безплатно при подпискѣ: Альбомъ скота, лошадей, собакъ. Программа высылается безплатно. № 3521 2-2
На годъ Фр. Спб. Надеждинская, № 39.

АДРЕСА

всѣхъ спеціальнойности и странъ доставляетъ подъ гарантіей: International Adressen-Verl.-Anstalt (С. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 специальностей. = 5.000.000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко. № 3435 5-5

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.

LA POUDE SIMON
и **МЫЛО à la CRÈME-SIMON**
имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.
Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16-5

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ В ПРОДАЖУ:

Дванадцатые праздники и Воскресение Христово.

Картини съ молитвами и объяснительнымъ текстомъ А. Н. Вахметовой. (Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Пров. для начальныхъ училищъ). Удобны для развѣшанія въ школахъ. Картина рисована Маковскимъ. М. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к., на карт. 1 р. 50 к., краш. карт. 2 р.

Календари въ 1889 г. Крестный 15 к., съ перес. 20 к., Крестовый 10 к., съ перес. 15 к.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ, кратко изложенныя по руководству Четинхъ Миней главнѣйшихъ праздниковъ православной веры и съ изображеніями святыхъ (около 300 рисунковъ). Отпечатано на лучшей бумагѣ, большого формата, болѣе 1500 стр. М. 1886 г. Цѣна за весь годъ 5 руб., въ папкѣ съ колѣн. кор. 6 руб. съ пер., въ колѣн. перепл. въ 4-хъ книгахъ 8 руб. съ перес.

ТО ЖЕ ИЗДАНИЕ (безъ рисунковъ), малого формата, на обыкновенной бумагѣ. (Печатано съ 5-го изданія, одобреннаго Учен. Ком. Мин. Нар. Пров.). 12 книжекъ. 10-е изд. М. 1886 г. Цѣна 1 р. 80 к., съ пер. 2 руб., въ перепл. въ 3-хъ книг. 3 руб., въ колѣн. пер. 4 руб. съ перес.

Эта книга напечатана съ той цѣлью, чтобы дать великому христіанину богоугодное чтеніе въ праздничные дни. Читатель увидитъ въ ней высокіе примѣры вѣры, любви къ Богу и ближнимъ, терпѣнія среди скорбей и страданій и полной покорности воли Божіей.

Жизнь Иисуса Христа. Разсказы для дѣтей. (Одобр. Уч. Ком. при Свят. Синодѣ и Мин. Нар. Пр.). Сост. А. Н. Вахметова. Изд. 11-е, съ 15 рисун. М. 1887 г. Ц. 35 к., въ издѣ. папкѣ 75 к., съ пер. 1 р.

Жизнь Пресвятыя Дѣвы Богородицы. Сост. А. Глинкою. Изд. 9-е. М. 1886 г. Цѣна 35 к., въ издѣ. папкѣ 75 к., съ пер. 1 р.

Краткая исторія христіанской церкви. Сост. протоіерей Богдановъ. 9-е изданіе. Печат. съ одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для унотр. въ гимн. и прогимн. въ качествъ руководства. М. 1888 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп. № 3550

ДѢТСКІЯ КНИГИ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.

Образцовыя сказки русскихъ писателей, собраныя для дѣтей В. П. Авенариусъ. Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. Съ рисун. Каразина. 2-е изданіе изд. М. 1887 г., въ хромолитограф. папкѣ. Ц. 2 р. 50 к., въ издѣ. перепл. 3 р. съ перес.

Сказка о Пчелѣ-Мохнатѣ. Разсказъ для дѣтей. Соч. В. П. Авенариуса. Удост. первой преміи СПб. Фребелевск. Общ. и Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. Изд. изд. съ рисун. М. 1887 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Что комната говорить. Разсказъ для дѣтей. Соч. В. П. Авенариуса. Удост. первой преміи СПб. Фребелевск. Общ. и Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. Изд. изд. съ рисун. М. 1887 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 коп.

Мурна. Разсказъ О. И. Шмидтъ, для дѣтей младшаго возраста. Удостоен. преміи СПб. Фреб. Общ. Изданіе-иллюстр. изданіе крупной печати. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Картини для раскрыванія по оригиналамъ въ 5 книжкахъ. Изданіе изд. Ц. за 5 книжекъ съ перес. 1 р.

Рисованіе по плиткамъ. Первоначальныя занятія рисованіемъ въ школѣ и дома. Сост. Савелонъ. Изд. изд. въ 2-хъ отдѣлахъ 219 рисун. на 44 табл. съ образцами рисованія красками. М. 1888 г. Ц. 40 к., съ перес. 65 к.

Книжка Игрушка, праздничный подарокъ для дѣтей. Сост. Деркачевымъ. Изданіе-иллюстр. Ц. въ издѣ. папкѣ 75 к., съ пер. 1 р.

БИБЛИОТЕЧКА СТУПИНА.

ИЗЯЩНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ДѢТСКІЯ КНИЖКИ:

- Первинна. Папк. обуч. по карт.
- Азбучка крошка (по звуку, способу).
- Дѣтскія пѣсенки. Сборн. пѣсенокъ.
- Нижняя малютка. Сборн. загадокъ.
- Бабушныя сказки. Сборн. сказокъ.
- Елка. Сборн. шуточныхъ стих.
- Дѣтки-малолѣтки. Изъ дѣтск. жизни.
- Старинкѣ-годовикъ. Стихотворенія.
- Русскія басни. П. А. Крылова и др.
- Собака. Разсказы о собакахъ.
- Кощей. Разсказы о кошкахъ.
- Обезьяна. Прок. и шутки объезьян.
- Матушка Москва. Стих. о Москвѣ.
- Чудесныя животныя. Зоолог. анекд.
- Нолосья. Сборн. народн. разсказовъ.
- Чародѣй. Сборн. лек. фокусовъ.
- Приключенія любящихъ Коли.
- Забава всему приправа.
- Задачи и ребусы.
- Всего понемногу.
- Французская азбучка.
- Нѣмецкая азбучка.
- Прозаи Мишки Толпыгина.

- Арметина Крошка въ картинк.
- Ручныя тѣни и комнатныя игры.
- Маленькій рисовальничекъ.
- Поздравительныя стихотворенія.
- Стенка Растрелка.
- Конецъ-Горбунокъ.
- Три царства Природы.
- Освобожденіе Руси.
- Крестный сарафанчикъ.
- Добрый Паша.
- Сказка Царь-Богатырь.
- Илья Муромецъ.
- Добрыня Никитичъ.
- Алеша Поповичъ.
- Садко и Васьяна Буслеевъ.
- Лисичка-Сестричка.
- О Рыбакѣ и Рыбкѣ.
- О Царѣ Салтанѣ.
- О Купцѣ Остолопѣ.
- О Мертвой Царевнѣ.
- О Золотомъ Пѣтушкѣ.

Всѣ вышеозначенныя книжки по 10 коп. На рубль высыл. 10 книг. Въ одной изданіи папкѣ 10 кн. Ц. 1 р. 20 к., въ колѣн. пер. 1 р. 50 к.

Сказки А. С. Пушкина, подъ редакціею В. П. Авенариуса. Изданіе-иллюстрированное изданіе, отпечатанное въ большую 8-ю долю листа, крупнымъ шрифтомъ.

М. 1888 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к., на роскошной бумагѣ 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., то же въ изданіи папкѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к., въ издѣ. колѣн. перепл. съ перес. 2 р.

Сказка о Коньѣ-Горбункѣ и его господинѣ Иванѣ-Простотѣ. Изданіе-иллюстр. изданіе. Ц. въ бум. 30 к., въ папкѣ 40 к., съ перес. 50 к.

Волчекъ. Разсказъ для дѣтей. Сост. гр. Е. Саліаса. Изданіе-иллюстр. изданіе. 1889 г. Ц. въ бум. 30 к., въ папкѣ 40 к., съ перес. 50 к.

Соч. А. С. Пушкина, изданная для юношества, подъ редакціею В. П. Авенариуса. Съ биографіею поэта, портретами и снимками съ почерка его, и рисунками М. В. Пестерова.

Томъ I. Стихотворенія и сказки. **Томъ II**. Поэмы и драматическія произведенія. **Томъ III**. Проза. Въ это изданіе вошло изъ сочиненій Пушкина все доступное и соответствующее юношескому возрасту. Всѣ мѣтологическія, историческія и другія научныя имена и термины, наменіи на мало извѣстныя личности и частныя случаи, а также ближайшіе поводы къ созданію наиболѣе замѣчат. произвед. объяснены въ примѣчаніяхъ къ каждому тому. М. 1888 г. Ц. за три тома 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к., въ корешк. переплѣтѣ 2 р., въ колѣн. перепл. 2 р. 50 к., въ роскош. перепл. 3 р.

Въ конторѣ издателя-книгопродавца **А. Д. СТУПИНА** въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, рядомъ съ Ремесленной Управой

БОЛЬШОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КОЛОСЬЯ“

Въ 1889 г. будетъ издаваться по той-же программѣ, какъ и въ предыдущія пять лѣтъ. Журналъ обладаетъ узкой тенденціозности и крайнихъ направленій; его цѣль дать читателю массу интереснаго литературнаго, научнаго, историко-публицистическаго и др. матеріала, подходящаго къ общей идѣ воспитанія эстетическихъ вкусовъ и развитія принциповъ правды, добра и прогресса.

Въ каждой книжкѣ „КОЛОСЬЕВЪ“ помѣщаются романы и повѣсти, стихотворенія, драмы и комедіи, популярныя научныя статьи, историческія очерки или воспоминанія, путешествія, критика и внутреннее обозрѣніе. Некоторые изъ романовъ, печатавшихся въ „Колосьяхъ“ за истекшіе годы, какъ напр. „Азьяковъ“ А. Д. Апраксина, въ отдѣльныхъ изданіяхъ имѣли весьма большой успѣхъ. Новый романъ г. Апраксина „Праздникъ людей“, заканчивающійся въ декабрьской книжкѣ, есть въ сущности первая часть цѣлой серіи задуманныхъ имъ романовъ, имѣющихъ предѣлать полную картину истеннаго нашего оскуднѣнія. Серія эта будетъ продолжаться и въ будущемъ году. № 3536

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ 1889 г. **ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:**
 На годъ . . . . . 8 руб.
 На полгода . . . . . 5 руб.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ журнала „Колосья“, Пушкинская, А. 11.

Ректоръ-Издатель **И. А. Баталинъ**.
 Въ книжн. магаз. Петербурга: у Попова, Панафидина, Вольфа, Суворина, Фену и др. кн. Въновь вышедшій книга—мористическій романъ

НЕ ХОЧУ УЧИТЬСЯ, ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ.

Положеніе живописца, картини въ ликахъ Мазилкина, Тряпкина, Пачунова, Балумашной, Баталина, книжка Батистова и Маша, съ 100 рисунками Буша, текстъ Палкина. Цѣна 1 руб. Содержание книги: Изящныя искусства.—Приванія.—Забавныя отрочества.—Признаки творчества и любви.—Финансовыя затрудненія.—Бой и побѣда.—Романическая книжка.—Зарожденіе картини.—Маскарадъ.—Заключеніе.

Рисунки Буша до того смѣшны, что невольно возбуждаютъ въ каждомъ неудержимый смѣхъ. Складъ и продажа: у **Ю. Нондѣнъ**, Москва, М. Бронная, д. Румянцева. Вписывая изъ склада, за пересылку не платятъ. Ц. № 3430 3—3

ШУТЦ

большой еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ карнатуръ, печатаемыхъ красками (хромолитографія). Годовая цѣна съ доставк. и перес. 2 руб., на полгода съ пер. 4 р. — Въ годъ 52 №№ въ формѣ большихъ иллюстрацій. По обилію рисунковъ самый полный юмор. журн. Болѣе 400 рис. и каррик. въ нѣсколько красокъ и около 600 въ одну краску. Множество шутокъ, загадокъ, ребусовъ и пр. **ТЕНСТЪ:** злобы для—оборваніе текущей и бунтующей жизни столицы и провинціи, стихотворенія, юмористич. новости, очерки, разсказы, сцены, анекдоты, бубенчики, попури и проч. Годовыя подписчики получаютъ въ январѣ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ**

„ДАМСКІЙ МАСКАРАДЪ“

роскошный альбомъ костюмовъ, работы нашего извѣстнаго художника **Н. А. Богданова**. Альбомъ отпечатанъ въ нѣсколько красокъ, на превосходной эстампной бумагѣ и можетъ служить украшеніемъ самой изящной гостиной. Гд. **иногородне** подписчики благоволитъ приложить къ подписной цѣнѣ 60 коп. для пересылки преміи страховую посылкою.—Для гг. служащихъ допускается разсрочка чрезъ ихъ казначеевъ.—Въ теченіе года будетъ печататься „портретная галерея извѣстныхъ личностей“.—**Адресъ редакціи:** С.-Петербургъ, Невскій пр., № 110. № 3528 3—2

ПРО ЧТО ШЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. **Штильманна**. Съ портретами и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

СЕЛЬСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ГАЗЕТА,
издаваемая при
„ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМЪ ВѢСТНИКѢ“.

Программа: *Извѣстія о Государь Императоръ и Членахъ Его Августѣйшаго Семейства.*
Законы и распоряженія высшаго Правительства, какъ относящіеся до крестьянскаго быта, такъ и всѣ тѣ, знаніе коихъ можетъ быть полезно для сельскаго населенія.
*Газета извѣстія о внутреннихъ дѣлахъ въ Россійской Имперіи, какъ-то: объ уроженіяхъ, о торговыхъ цѣнахъ на хлѣбъ, и другіе необходимѣйшіе предметы; о заведеніяхъ, открываемыхъ для народной пользы; о мастерствахъ и ремеслахъ; объ изобрѣтеніяхъ и изумленіяхъ по сельскому хозяйству и народной промышленности; о повальныхъ болѣзняхъ, пожарахъ и другихъ несчастіяхъ. Наставленія и указанія относительно сохраненія здоровья; о предосторожностяхъ отъ пожаровъ, скотскихъ нападкѣ и другихъ бѣдствій; объ устройствѣ заведеній, полезныхъ въ сельскомъ быту, и т. под. *Сообщенія изъ волостей.*—*Отвѣты редакціи* съ разъясненіями на вопросы подписчиковъ по дѣламъ сельскаго быта.*

Объявленія (съ платою со строки мелкой печати 15 к.). „Сельскій Вѣстникъ“ размѣщается бесплатно во всѣ волостныя правленія.

Для **ПОСТОРОННИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ** ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1889-й годъ:
 Для городскихъ въ Петербургѣ 1 рубль и за доставку на домъ 1 рубль.
 Для **иногороднихъ** 1 рубль и за пересылку по почтѣ 60 к. А лица, желающія получить „Сельскій Вѣстникъ“ чрезъ волостныя правленія, платятъ за весь годъ съ почтовою пересылкою 1 рубль. Такимъ подписчикамъ газета будетъ высылаться изъ редакціи на ихъ имя прямо въ волостныя правленія.
 Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Правительств. Вѣстника“ въ С.-Петербургѣ. № 3548

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ НА 1889 ГОДЪ.

ВЪ МОСКВѢ:		НА ГОРОДА:		ЗА ГРАНИЦУ:	
съ доставкой:	съ пересылкой:	съ доставкой:	съ пересылкой:	на 12 мѣс.	18 р. — к.
на 12 мѣс. 10 р. — к.	на 12 мѣс. 11 р. — к.	на 12 мѣс. 11 р. — к.	на 12 мѣс. 12 р. — к.	на 12 мѣс. 18 р. — к.	на 12 мѣс. 18 р. — к.
„ 6 „ 5 „ 50 „	„ 6 „ 6 „ — „	„ 6 „ 6 „ — „	„ 6 „ 6 „ — „	„ 3 „ 9 „ — „	„ 3 „ 9 „ — „
„ 3 „ 3 „ — „	„ 3 „ 3 „ 50 „	„ 3 „ 3 „ 50 „	„ 3 „ 3 „ 50 „	„ 4 „ 80 „	„ 4 „ 80 „
„ 1 „ 1 „ 30 „	„ 1 „ 1 „ 50 „	„ 1 „ 1 „ 50 „	„ 1 „ 1 „ 50 „	„ 1 „ 1 „ 90 „	„ 1 „ 1 „ 90 „

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволитъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“, Чернышевскій пер., близъ Никитской, домъ № 7. № 3549 3—1

ФЛОРИДСКОЙ ВОДЫ

Муррей и Ланнанъ, Нью-Йоркъ.
 въ главнѣйшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Казани, Самары и Харьковѣ.
 Агенты въ главнѣйшихъ городахъ Россіи; проситъ обращаться къ К. Ф. Рейслеръ, С.-Петербургъ и Эд. Рейне, Харьковѣ. № 3478 5--3

С-ПЕТЕРБУРГЪ
БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ
№ 36 и 42.

МОСКВА
КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ
Д. БЫВШ. ТОРЦЕЦКАГО

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ
СДѢЛАННО

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
ИНСТРУМЕНТОВЪ
И НОТЪ.

Иллюстрированный прейс-курантъ
бесплатно.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

Только что поступило въ продажу новое большое, роскошно иллюстрированное издание in folio

ГѢТЕ
„ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ **Энгельберта Зейбертца**, исполненныхъ знаменитыми граверами: **Адрианомъ Шлейхомъ**, **Альгейромъ**, **Зигле** и друг.

Издание **А. Ф. МАРКСА** въ СПб.
Классически образцовый переводъ **А. Фета** не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всеми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“, обыкновенно служившей камнемъ преткновенія для большинства читателей.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ; онъ никогда не прескучитъ, напротивъ—внимательному читателю каждый разъ будутъ открываться новые умственные горизонты и перспективы, новые клады гениальныхъ мыслей.

Предпринимая это изданіе, издатель не жалѣлъ ни труда, ни средствъ, чтобы придать знаменитому творенію Гёте въ высшемъ издѣствѣ, какое имѣютъ подобныя изданія заграничій.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р. Желающіе приобрести это изданіе въ разсрочку, съ уплатою въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, могутъ получить его выпусками, для чего открыта особая подписка.

Всѣхъ выпусковъ десять. При этомъ подписчики вносятъ:

Городские въ 1 разъ	6 р.	иногородные 10 р.	и получаютъ 1 выпускъ
„ во 2 „	6 р.	„ 8 р.	„ 2 „
„ въ 3 „	6 р.	„ 5 р.	„ 3 „
„ въ 4 „	5 р.	„ 5 р.	„ 4 и 5 „
„ въ 5 „	5 р.	„ 5 р.	„ 6 и 7 „
„ въ 6 „	4 р.	„ 2 р.	„ 8, 9 и 10 „

Отдѣльно кожаная (шагреновая) крышка для переплета продается по 7 рублей.

Съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С-Петербургѣ.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ-колесные велосипеды
спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи
Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.
Прейс-куранты бесплатно, также брошюра виконта Барри: „О велосипедѣхъ и велосипедистахъ“.
Москва, Кузнецкій м., д. Голыцина.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3395 (4)

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника **Л. П. СЕРГѢЕВА**.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПб.
Цѣна въ изящной литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к. Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ силъ: въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждого любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена крайне умеренная: 1 р. 25 коп., а съ пересылкою 1 руб. 60 коп.
Требованія просить адресовать: въ С.-ПБ.—гѣ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

НОВОСТЬ!
Американскія металлическія лампы **ГИЧКОКЪ** безъ стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣлѣе и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается огромная экономія устраненіемъ постоянно лопающихся и бьющихся стеколъ.
Лампа вся металлическая, изящно инкрустированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.
Расходуетъ керосину только (2 года) на 1/2 копѣйки въ часъ.
Полное ручательство за добротачество.
Цѣна съ перес. и унак. въ Европ. Россію:
Столовая . . . . . 12 руб.
Височная . . . . . 15 руб.
Стѣнная . . . . . 15 руб.
Съ колпачкомъ и кольцомъ на 3 р. дороже.
Цѣны въ Азіатскую Россію на 4 р. дороже.
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372

Ж. БЛОКЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбургъ, Соборная улица.

САРПИНКА. | Приемъ заказовъ и пересылка во | **СЕЗОНЪ 1889 г.**
всѣ города Россіи и за границу.

Собственной выработки **САРПИНСКІЯ ИЗДѢЛІЯ** ручнаго ткачества родъ зефира, для лѣта на дамскія платья, дѣтскія костюмы и мужскія сорочки. Отлично моются.
Цѣны отъ 15 до 22 копѣекъ за аршинъ.

ОГРОМНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ НОВѢЙШИХЪ ОБРАЗЦОВЪ. высылается заказной бандеролью въ альбомѣ за 42 и въ конвертѣ за 28 копѣекъ почтовыми марками. Цѣны и условія при образцахъ. № 3523 5—2
Адресъ: Саратовъ. „Товариществу промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій“.

СЕЗОНЪ 1889 г. | **ПРОДАНА ШТУКАМИ И** | **САРПИНКА.**
АРШИНАМИ.

А. М. РУЗАНОВЪ
Гостиный Дворъ, № 40, въ С.-Петербургѣ
высылаетъ по первому требованію бесплатно свой спеціальнй

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
Цѣны на заграничныя произведенія пониженны. № 3480 6—4

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго колленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ
„НИВА“ вальсъ
(посвящается Адольфу Федоровичу Марксу)
соч. Г. Вальтера. ар. 18.
Цѣна съ пересылкою 75 коп.
ИМѢЕТСЯ У ИЗДАТЕЛЯ

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. 6. Торцѣцкаго.
Для подписчиковъ „Нивы“ (только черезъ редакцію „Нивы“) 45 коп. № 3558

Вышли и продаются во всѣхъ книжныхъ
№ 3529 магазинахъ: 3—2

МОНАХЪ (ПАТМОСЪ)
романъ Вас. Немировича-Данченко.
Цѣна 1 рубль.

НЕЗАМѢТНЫЕ ГЕРОИ
повѣсть. Цѣна 1 руб. За пересылку съ-двуетъ приложить за 1 ф.

УКРАШЕНІЯ
ДЛЯ ЕЛКИ
удивительно дешево и выгодно для провинціаловъ высшая коллекція состоящая изъ стекла, металла, ламеты и проч.
Каждая для одной елки, а именно:
110 предметовъ Р. С. 18, 50 } по полученію
75 „ „ „ 10, 50 } надлежащ.
60 „ „ „ 7, — } суммъ.
включительно упаковки и пересылка.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ
ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ
Садовая, 12. С.-Петербургъ.

НОВЫЙ
АДРЕСЪ
МОЩНОЙ МАТЕРІИОНЪ
Д. ВЮТНЕРЪ.
ВЪ МОСКВѢ
ГАЗЕТНЫЙ ПЕР-
ФУЛЬДА.
ROBES et MANTEAUX
№ 3304

Большое депо часовъ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
Невскій пр. № 42.
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейс-Кур. высыл. безпл.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIX г.
№ 50

г. XIX
1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдаѣт 10 декабря 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петербургъ . . . . . 5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . . . 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Всѣмъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Подписка на 1888 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. №№ съ преміями.

Водопопъ близъ Лѣтняго сада въ СПБ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) баронессы Э. В. Врангель, грав. Ольшевскій.

Бригадирская внучка.

Московская быль.

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолжение).

XIX.

Филиппъ опустил голову и, будто забывъ гдѣ онъ, вдругъ глубоко задумался. Наступило молчанье. Мамушка пристально глядѣла на него и соображала: отчего ей становится такъ жутко и отъ его словъ, и отъ его усмѣшки, въ которыхъ чудится что-то недоброе и злобщее.

Филиппъ вздохнулъ, пригнулъ въ себя и вымолвилъ веселѣе:

— Ну, рассказывай ты мнѣ, Арина, все о сестрѣ. Мнѣ надо все знать. Мало того, мнѣ нужно повидать ее, по-зарѣзъ нужно. Ради Создателя, помоги ты мнѣ въ этомъ. Одинъ разокъ только повидаться мнѣ съ Клѣной, а тамъ ужъ я... Ну, да это мое дѣло. А ты говори мнѣ все. Гдѣ она и что? И какъ мнѣ съ ней повидаться?

Арина Матвѣевна кратко объяснила Филиппу то положеніе, въ которомъ находится Клѣна въ домѣ бригадира. Сначала она не хотѣла вдаваться въ подробности, собиравалась утаить самое главное, но попомногу, видя, насколько трогало и волновало все Филиппа, Арина Матвѣевна не удержалась и подробно передала все происшедшее за время ихъ разлуки.

— Почему же мудрить онъ надъ вами, Герасимъ-то этотъ? произнесъ уже не въ первый разъ Филиппъ.

Но каждый разъ на этотъ вопросъ Арина Матвѣевна или не отвѣчала, или отвѣчала неопредѣленно, не ясно и ничего не объясняющими словами.

— погоди, мамушка, я тебя въ который разъ спрашиваю: за что же все это? Почему ты говоришь, вся жизнь твоя и сестрина прахомъ пошла, хоть ложись и умирай? Надъ вами надѣдается, потѣшается дворовый холопъ, а вы по его дудкѣ пляшете, якобы ученые медвѣди какіе. Я спрашиваю, почему такъ, а ты не отвѣчаешь. Говори толкомъ.

Арина Матвѣевна снова начала туманными фразами путать что-то.

— Опять ты за свою околесную, мамушка. Не хочешь, стало быть, этого пояснить, почему холопъ дѣдушкинъ вами помыкаетъ, этакую власть забралъ? Ну, что же? прибавилъ Филиппъ, видя что Арина Матвѣевна сидитъ, опустивъ голову, молчитъ и даже не собирается отвѣчать.—Что же, скажешь ты мнѣ?

Арина Матвѣевна вздохнула и молча потрясла головой.

— Нѣту, голубчикъ, не скажу.

— Вотъ и здравствуйте! грубовато разсмѣялся Филиппъ.—Ну, а если я помочь вамъ общаюсь въ этомъ дѣлѣ, тоже не скажешь?

— Помочь ты не можешь.

— Это ты говоришь, а я говорю: могу. Нѣтъ того дѣла, въ которомъ я не могъ бы помочь. Ты, мамушка, не гляди, что мнѣ шестнадцатый годъ. Я такіе виды видалъ за эти полгода съ небольшимъ, какихъ иной всю жизнь свою не увидитъ. Я теперь не тотъ барчонокъ Филиппъ, который съ другими мальчишками озорничалъ на улицахъ московскихъ. То были дѣвочки, а потомъ пошли ягодки. А теперь-то ужъ пошло такое, чему и названія не придумаешь. Если я говорю, что помочь могу, то не знаю дѣла, всетаки скажу: нѣтъ того, въ чемъ бы я не могъ быть въ помощь. А ради сестры я теперь на все пойду. Моя жизнь—не каторга, хуже того. И сатанѣ, почитай, лучше живется, чѣмъ мнѣ. И вотъ самъ не знаю почему теперь, когда я узналъ отъ тебя, что сестра жива и въ несчастіи, горѣ,

я ее какъ-то чудно, сразу вотъ будто, полюбилъ шибко. Мнѣ все думалось, что она какъ сыръ въ маслѣ катается и это меня нѣтъ бывало озлобляло. Зависть что-то брала! А коль скоро и она, бѣдная, горе мыкаетъ, какъ я, только на свой образецъ, то я ей помогу. Ну, такъ не скажешь, чѣмъ васъ этотъ Герасимъ обвязалъ?

— Нѣту, голубчикъ, не могу и не скажу. Хоть убей вотъ, не скажу.

— Ну, какъ знаешь. Такъ говори, какъ мнѣ съ сестрой повидаться.

— Да просто, голубчикъ, ступай къ дѣдушкѣ. Онъ, можетъ, тебя проститъ и приметъ въ домъ. Въ одинъ день перемѣнишь и одѣжу свою, да и лицомъ недѣльки въ двѣ исправишься, опять баринъ будешь.

Филиппъ громко разсмѣялся; но смѣхъ этотъ снова заставилъ Арину Матвѣевну приглядѣться къ нему и вздохнуть.

— Чудно ты смѣешься, Филиппушка. Отъ твоего смѣха такъ нѣтъ по спинѣ морозъ пробираетъ. И что же тебѣ тутъ смѣшнаго кажется—идти къ дѣду прощенья просить?

— Объ этомъ, мамушка, толковать нечего. Идти мнѣ къ бригадиру дѣду въ ноги кланяться, прощенья просить и зажить въ его домѣ такъ же возможно, какъ подскочить, да верхомъ на дупу сѣсть.

— Онъ тебя проститъ, вѣрно тебѣ сказываю.

— Онъ-то проститъ, да другіе-то не простятъ.

— Кто? Что ты путаешь?

— Ну, объ этомъ нечего толковать. Ты своей тайны сказывать не хочешь, я моей тебѣ не скажу. Идти открыто въ домъ дѣда мнѣ нельзя. А видѣться съ сестрой мнѣ нужно, по-зарѣзъ нужно, и не ради себя, скажу, а больше ради ея самой. Теперь у меня два дѣла: первое ее изъ бѣды выручить, а потомъ ужъ попробовать и себя съ того свѣта на этотъ опредѣлить.

— Чудно ты сказываешь.

— Не чудно, мамушка. Я, почитай, мертвый чело-вѣкъ; оттого мнѣ и нельзя къ дѣду идти. Прежде надо снова опредѣлить себя въ живые. А вотъ говори мнѣ, какъ сестру-то повидать.

Послѣ долгаго разговора и увѣщаній молодца, Арина Матвѣевна пришла къ тому убѣжденію, что повидаться Филиппу съ сестрой нѣтъ никакой возможности, иначе какъ у ней въ кельѣ.

Но Филиппъ на это ни за что не соглашался.

— И этого нельзя, Арипушка, мотнулъ головой Филиппъ.—Я тебѣ самое главное позабылъ сказать. Если ты не хочешь меня губить, то не сказывай игуменѣ или кому здѣсь въ монастырѣ, кто у тебя былъ. Не называй меня Филипповымъ. Коли назовешь, то ты меня безъ ножа зарѣжешь. Вотъ тебѣ передъ Богомъ правду говорю. Скажи, что былъ у тебя какой ни на есть чело-вѣкъ изъ дворовыхъ, Филипповскихъ людей.

— Вона оно какъ! изумилась Арина Матвѣевна.

— Да, коли хочешь зарѣзать безъ ножа, такъ и брякни, что я Филипповъ. Ну вотъ поэтому и нельзя мнѣ у тебя съ сестрой повидаться. Всякій пойметъ, что ты сладила свиданіе барышни Филипповой съ какимъ-то парнемъ. А кто этотъ парень? Ужъ, конечно, не мѣщанинъ какой, богомолецъ изъ Иерусалима. Да и лицомъ-то мы схожи. Теперь не догадались, а увидятъ меня здѣсь въ одинъ часъ съ сестрой, сейчасъ догадуются, кто я. И конецъ мнѣ. Прямо отъ тебя и иди къ палачу подъ плети.

— Вона какъ! ахнула опять Арина Матвѣевна.

— Да, а ты полагала какъ? Нѣтъ, мамушка, надо иначе надумать. Нельзя ли мнѣ какъ забраться къ сестрѣ тайкомъ? Ты сказывала, что Козляниновъ передъ исчезновеніемъ своимъ бывалъ у васъ черезъ чердакъ. Вотъ я тѣмъ же путемъ и могу.

— Ахъ нѣтъ, тѣмъ же путемъ избави Богъ! вздохнула Арина Матвѣевна.

— Почему такъ?

Мамушка не стала объяснять, но трясла головой и не совѣтовала лѣзть къ Клѣнѣ чрезъ слуховое окно.

— Да инако нельзя, пойми, горячо убѣждалъ женщину Филисовъ.

Кончилось тѣмъ, что Арина Матвѣевна подробно передала своему питомцу какимъ образомъ, въ какое время можетъ онъ пробраться къ сестрѣ, черезъ садъ, по лѣстницѣ и затѣмъ черезъ чердакъ проникнуть въ ея горницы на вышкѣ.

— Ну вотъ, спасибо, веселѣе выговорилъ Филиппъ, и въ первый разъ онъ улыбнулся просто, какъ бывало прежде.

— Только боюсь я, голубчикъ мой, не было бы отъ этого бѣды какой.

— Какая же бѣда, мамушка? Никто не увидитъ. Я тоже ночью вѣдь пролѣзу. А чтобы ее не испугать, да чтобы дверь съ чердака не приперъ кто, такъ ты ей скажи, что будетъ къ ней братъ. Быть можетъ, мы съ нею только разъ или два свидимся. А тамъ ужъ до втораго пришествія отложится свиданіе, до возстанія всѣхъ мертвыхъ изъ гробовъ. Ну, а теперь, порѣшивши всѣ дѣла, дай ты мнѣ хлѣбца; у меня со вчерашняго дня ни маковой росинки во рту не было.

Арина Матвѣевна ахнула, вскочила, достала хлѣбъ изъ шкафчика и затѣмъ стала среди горницы, потирала себѣ лобъ рукою. Наконецъ она произнесла:

— Обожди малость: хоть осрамлюсь, а ужъ раздобуду я тебѣ говядинки.

И Арина Матвѣевна быстро вышла изъ кельи. Филиппъ, оставшись одинъ, глубоко и тяжело задумался, понурившись и сгорбившись на стулѣ. Наконецъ онъ зашепталъ вслухъ:

— Да... Лихое житье. И за что! Ну, мнѣ еще по дѣломъ. За грѣхи, за непочтеніе родителей и всякую мерзость. А за что-же бѣдняга-сестра горе мыкаетъ? Даже мамка наша до монастыря домывалась, за всю свою любовь къ намъ. Нѣтъ, шалишь, злая судьба! Я на всякое преступленіе законовъ пойду, а бѣдную сестренку спасу. За это спасеніе мнѣ многіе мои грѣхи отпустятся на томъ свѣтѣ. А на этомъ—семь бѣдъ одинъ отвѣтъ.

XX.

Разумѣется, на другой день монахиня Анастасія отправилась въ домъ бригадира повидаться со своей питомицей.

Здѣсь, несмотря на ея постриженіе, на одежду, всѣ продолжали звать ее Ариной Матвѣевной, а Клѣна—мамушкой. Каждый разъ, что она появлялась въ домѣ, всѣ обитатели его принимались за старые толки и догадки:

— Съ чего это наша мамушка пошла въ монастырь? Что за притча?

Побывавъ у барыни Марьи Евграфовны на одну минуту, чтобы поклониться ей ради приличія и передать просвирку, вынутую за ея здоровье, бывшая няня тотчасъ же поднялась наверхъ, въ горницы своей Клѣны. Дѣвушка и няня, какъ всегда, крѣпко обнялись и тотчасъ же расплакались.

Няня не видала Клѣну уже давно. Первый вопросъ ея былъ, конечно, о томъ, какъ живется, что новаго, что „онъ“. Клѣна съ отчаяньемъ въ голосъ передала нянѣ все что съ нею было, свою кражу, отказъ Братолюбцева жениться на ней и затѣмъ прибавила:

— И это не все, мамушка... Есть еще худшее, горшее...

Совсѣмъ конецъ мнѣ приходитъ. Затянуты въ петлю осталось или утопиться, другаго спасенія отъ мучителя нѣту.

И Клѣна, стыдясь, невольно зарумившись, передала нянѣ своей намеками, что послѣднія преслѣдованія Герасима горше первыхъ и грозятъ уже не одной дворянской, а и дѣвической ея чести.

Арина Матвѣевна, едва только поняла, вскочила со стула и, задохнувшись, выговорила:

— Господи помилуй! Да что же это! Каково! Холопы! Ахъ, сатана!

И, снова опустившись на мѣсто, она понурилась и послѣ долгаго молчанія произнесла:

— Какъ же быть? Когда-же конецъ-то будетъ? И впрямь топиться тебѣ или въ монастырь идти къ намъ.

— Да, мамушка, я и то думала постричься. Другаго спасенія мнѣ нѣту. Лучше постричься чѣмъ убійствомъ душу свою загубить. Да и скорѣе надо. Онъ грозитъ.

Извѣстіе, сообщенное Клѣной, настолько поразило Арину Матвѣевну, что она даже позабыла, съ чѣмъ пришла въ домъ, и только вопросъ Клѣны заставилъ ее вспомнить о молодомъ Филисовѣ.

— Ну что, мамушка, какъ ты въ монастырѣ поживаешь? спросила Клѣна.

— Ахъ, Создатель мой, забыла я! воскликнула Арина Матвѣевна.—Вѣдь я къ тебѣ съ удивительною вѣстью. Братецъ твоей живъ оказался, былъ у меня.

— Что ты, няня! Нашелся? Гдѣ же онъ? Отчего же онъ не идетъ сюда къ дѣдушкѣ? закидала Клѣна вопросами няню, и лицо ея оживилось, засвѣтилось радостью, которой давно уже не было у нея.

Арина Матвѣевна подробно рассказала все что знала при Филиппа, передала и свое впечатлѣніе, произведенное его фигурой, даже одеждой.

— Это все ничего, воскликнула Клѣна.—Можетъ, онъ, дѣйствительно, во всякихъ бѣдахъ былъ. Если было у него много тяжелаго и горькаго, то это его обучило, онъ теперь остепенится. Надо, чтобы онъ пришелъ сюда, просилъ прощенія у дѣдушки. Можетъ-быть тогда и я останусь и мы вмѣстѣ заживемъ. Онъ, можетъ быть, поможетъ мнѣ какъ-нибудь и отъ моего злодѣя избавиться. При немъ Герасимъ побоится такъ поступать.

Но мамушка объяснила Клѣнѣ, что на предложеніе ея явиться въ домъ и просить прощенія у дѣда, Филиппъ отказался наотрѣзъ, говоря, что это невозможно, что это равносильно совершенной его гибели. Затѣмъ она передала Клѣнѣ, что Филиппъ непремѣнно хочетъ видѣться съ нею, но не иначе, какъ тайкомъ и у нея въ мезонинѣ.

— Онъ хочетъ пробраться къ тебѣ такъ же какъ бѣдный Николай Ивановичъ бывалъ, сказала няня.

— Ахъ, нѣтъ, вдругъ тоскливо оживилась Клѣна.—Нѣтъ, нѣтъ, не надо! Помилуй Богъ! Боюсь, опять какая бѣда будетъ. Лучше у тебя въ монастырѣ, мамушка.

Но Арина Матвѣевна снова объяснила, что на это Филиппъ согласиться не можетъ, боясь, что свиданіе его съ сестрой навлечетъ на него подозрѣніе.

— Онъ, родимая моя, заговорила няня,—по всему видать, скрывается отъ начальства, да и отъ всѣхъ людей. Онъ боится, что если у меня съ тобой посидитъ, то сейчасъ признаютъ его; а какъ узнаютъ, что онъ твой братъ, Филисовъ, такъ, говорить, ему бѣда.

— Почему же? За что?

— Этого онъ не сказалъ и я не знаю. Вотъ увидитесь, сама все у него выпросишь. Тебѣ, можетъ, онъ и скажетъ.

— Говорила ли ты ему про мое житье?

— Все говорила.

— И про это... Клѣна запнулась,—ну, про это наше великое горе... Про смерть Коли, какъ она приключилась. И это сказала?

Ангель-Хранитель. Съ картины профессора Б. Пюкгорста, грав. Брендамуръ.

— Нѣту, золотая моя, про его странную кончину я не рассказывала; сказала: онъ — пропащій не вѣдомо гдѣ и какъ. Это ужь твое дѣло. Хочешь, все ему скажешь.

Клѣна вздохнула, задумалась, а потомъ вымолвила спокойнѣе и съ отгѣнкомъ чувства въ голосѣ:

— Да, увидимся. Ему я скажу, мамушка. Ему я все скажу. Что же, это не преступленіе какое, не убійство. Мы и ни въ чемъ не повинны. Ему я все скажу. Я рада его видѣть. Можетъ, мнѣ отъ него совѣтъ какой и заступленіе будетъ. Онъ хотъ и молодъ, почитай, мальчикъ, а сама ты говоришь, глядитъ теперь взрослымъ. Такъ пускай приходитъ. Это иное дѣло, его посѣщенія ночью и не боюсь. Что же, онъ братъ родной. Если увидятъ его, поймаютъ, ну, я скажу дѣдушкѣ, что ему хотѣлось повидаться со мною, а къ нему онъ идти боялся. Вотъ и пришелъ ночью черезъ лѣстницу на чердакъ. Когда ты его увидишь?

— Нынѣ или завтра обѣщаль быть.

— Ну, такъ и скажи, пускай приходитъ скорѣе, мнѣ хочется его повидать. Одинъ онъ теперь у меня на свѣтѣ,—да и несчастный, рассказываешь ты. Видно, судьба наша такая, и его и моя. Обоимъ суждено горе мыкать. Онъ мнѣ свое скажетъ, я ему свое, намъ и легче будетъ. Можетъ, вмѣстѣ мы какъ-нибудь и выпутаемся. У меня вѣдь все, мамушка, бываетъ глупая надежда изъ всѣхъ этихъ горестей выбраться. И другую жизнь начать. Или прямо, говорю, идти топиться, отъ мучителя.

Арина Матвѣевна ушла, а Клѣна весь день и вечеръ чувствовала себя какъ на угольяхъ. Она не надѣялась увидать брата въ ту же ночь, будучи увѣрена, что няня не успѣетъ повидаться съ Филиппомъ. Слѣдовательно, ей приходилось ждать его еще весь завтрашній день.

Клѣна отчасти удивлялась чувству, съ которымъ она ждала свиданія съ братомъ. Они никогда не были друзьями: Филиппъ слишкомъ грубо и дерзко обращался и съ нею, и съ родными. Онъ съ самаго ранняго дѣтства обижалъ ее, билъ и озорничалъ на всѣ лады, за что его никто и не любилъ въ семьѣ. Когда же онъ подросъ, то окончательно возбуждалъ къ себѣ въ сестрѣ или презрѣніе, или ненависть.

Такъ какъ Филиппъ долженъ былъ чаще всего вслушивать правоученія отъ своей няни, то на нее и нападалъ наиболѣе. Онъ не только бранился постоянно съ Ариной Матвѣевной, но часто кидался на нее съ кулаками; она должна была поневолѣ защищаться и между ними невольно происходила настоящая драка, въ которую вступалась Клѣна, защищая свою Аришу. Теперь, съ тѣхъ поръ такъ много воды утекло, такъ много случилось неожиданнаго, страшнаго, что этотъ безъ вѣсти пропадавшій братъ, оказавшійся однако въ живыхъ, сталъ сразу для Клѣны совершенно инымъ человѣкомъ. Она чувствовала себя за послѣднее время настолько обойденною судьбой, настолько одинокою и несчастною, что вѣсть о существованіи роднаго брата и мысль о свиданіи съ нимъ потрясла все ея существо.

„Все-таки родной братъ“, думала она и повторяла ежеминутно вслухъ. Еще не повидавъ его, зная только, что онъ несчастный, что лицо у него худое, постарѣвшее, что по всему судя онъ прошелъ черезъ такое-же мытарство, какъ и она, Клѣна уже любила этого недавно ненавидимаго брата. Она ждала и волновалась теперь, если не съ тѣмъ же чувствомъ, то почти съ тѣмъ-же нетерпѣніемъ, какъ когда-то, въ ту злополучную ночь, когда явился сюда на вышку ея дорогой и нынѣ погибшій женихъ.

Клѣна, увѣренная, что увидитъ брата только черезъ сутки, тѣмъ не менѣе осталась сидѣть у окна поздно вечеромъ. Радуюсь, что ночь очень темна, она все надѣялась, что если няня успѣетъ повидаться съ братомъ, то онъ явится въ эту же ночь.

И надежда не обманула ее. Былъ уже часъ одиннадцатый часъ. Клѣна собиралась уже идти спать, какъ вдругъ ей почудилось что-то около забора, примыкающаго къ дому. Темная фигура отдѣлилась отъ забора и пробиралась къ лѣстницѣ.

Клѣна ахнула и перекрестилась. Въ ней сказался какой-то суевѣрный страхъ, она молилась о томъ, чтобы посѣщеніе брата окончилось благополучнѣе, чѣмъ когда-то другое ночное посѣщеніе.

Фигура съ быстротою и невѣроятною ловкостью промелькнула по лѣстницѣ, поднимаясь на крышу, и исчезла прежде, чѣмъ Клѣна успѣла придти въ себя.

Въ то же мгновенье она вышла изъ своей горницы, прошла черезъ площадку, растворила дверь на чердакъ и ждала напряженно и трепетно... Кто-то въ темнотѣ тихо произнесъ:

— Клѣнушка?

Въ этомъ голосѣ Клѣна не узнала знакомаго голоса брата.

— Филиппъ? выговорила она съ легкимъ страхомъ.

— Я, родная моя. Я—Филиппъ.

И братъ въ темнотѣ крѣпко, страстно обнялъ ее и сталъ горячо цѣловать. Лицо его было влажно отъ слезъ.

Черезъ минуту братъ и сестра были въ горницѣ. Клѣна заперлась на крючокъ и, приблизивъ брата къ столу, гдѣ горѣла свѣча, такъ и ахнула.

— Ты ли это, Филиппушка? Господь съ тобой! Правду рассказывала мамка. Ты ли это? Узнать тебя нельзя.

И несмотря на все то, что рассказала своей питомицѣ Арина Матвѣевна о перемѣнѣ, происшедшей въ ея братѣ, Клѣна невольно все-таки изумилась.

Вмѣсто полудѣтскаго лица, которое портила только чрезвычайная дерзость выраженія, теперь она увидала лицо не старое, но со страннымъ старчески-унылымъ и жесткимъ выраженіемъ.

— Что съ тобой было? Говори. Мнѣ ты долженъ все рассказать, всю правду. И я тебѣ все расскажу про себя; чего мамушка не хотѣла сказать—и то скажу. Все выложу и ты то же сдѣлай. Мы вмѣстѣ, можетъ быть, скорѣе какъ-нибудь изъ нашихъ бѣдъ выпутаемся.

— Мое горе, Клѣна, простое и короткое, выговорилъ Филиппъ, улыбаясь, и улыбка эта точно такъ же подѣйствовала на Клѣну, какъ и на Арину Матвѣевну.

— Чудно ты ухмыляешься, произнесла и она,—не то насмѣхаешься злобно, не то плачешь. Ну, рассказывай, все рассказывай.

XXI.

И Филиппъ подробно рассказалъ сестрѣ всѣ свои похождения, какъ его товарищи и друзья, конечно, народъ на половину беззаконный, заманили его въ свои разныя затѣи и продѣлки и кончилось тѣмъ, что онъ очутился въ числѣ бунтовщиковъ на Красной площади, сражавшихся съ полиціей, а затѣмъ съ Великолудскимъ полкомъ.

По усмирении чумоваго бунта, Филиппъ, отличившійся не въ мѣру, былъ особенно замѣченъ, взятъ и посаженъ въ острогъ. Затѣмъ его судили въ коммисіи, въ которой предсѣдалъ знаменитый графъ Орловъ, и приговорили въ ссылку въ Сибирь на пятнадцать лѣтъ.

— Какже мы этого ничего не знали? воскликнула Клѣна, со слезами на глазахъ, когда братъ кончилъ свое повѣствованіе.

— Не мудреное дѣло, Клѣнушка, что ты не знала, но бригадиру-дѣду оно все извѣстно. Я тогда же просилъ его заступничества, но онъ чрезъ власти городскія отвѣтствовалъ: „по дѣламъ вору и мука“. Онъ просилъ даже сослать меня подалѣе и на вѣчныя времена.

— Но я-то ничего не знала, воскликнула Клѣна.

— Онъ, видно, не хотѣлъ тебѣ рассказывать, чтобы не огорчать тебя, что твой братъ родной въ острогѣ и въ Сибирь ссылается.

— Но как же ты теперь-то на свободѣ?

— А вотъ этого, Клѣнушка, прости ужь, я тебѣ не скажу. Скажу только, что изъ острога я освободился и въ Сибирь не пойду. Чтѣ дѣлать мнѣ, самъ не знаю; хоть бѣжать да топиться, такъ же какъ и ты говорила. Но почему я на свободѣ и не ушелъ въ ссылку съ другими, этого, прости, я тебѣ не скажу. Не нужно оное тебѣ знать, толку никакого. Скажу только, что изъ-за этого самаго я не могу видѣться съ тобою явно. Я въ Москвѣ живу, укрываюсь отъ всякой власти; какъ меня поймутъ, такъ мнѣ и идти въ Сибирь. Потому я не могу явиться и къ дѣду за прощеніемъ.

— Что же ты будешь дѣлать? И чтѣ это за тайна такая? Почему ты не хочешь сказать мнѣ?

— Этого я тебѣ не скажу ни за чтѣ теперь; тамъ современемъ, черезъ годъ что-ли, видно будетъ. Если я уйду куда далеко, верстъ за тысячу отсюда, кое-какъ устроюсь, начну жить, вѣстимое дѣло, не на прежней озорной ладъ, а по Божьему, то я тебѣ отпишу. Если къ этому времени помретъ дѣдъ и ты будешь богата, ты мнѣ поможешь. Куда бы я ни ушелъ, я все-таки тебѣ отпишу чтобы ты знала, гдѣ я и чтѣ я. А теперь я захотѣлъ съ тобою повидаться не ради себя; мое дѣло теперь пропущено, о немъ и думать, и говорить нечего. А твое дѣло надо исправить! Вотъ чтобы помочь тебѣ въ твоёмъ горѣ, для этого я и пришелъ. Арина Матвѣвна рассказала мнѣ все, а вмѣстѣ съ тѣмъ я ничего не знаю и ничего не понимаю. Знаю я только, что надъ вами обѣими потѣшался и теперь надъ тобою мудрить холопъ дѣдушкинъ, Герасимъ. Вертитъ онъ тобою какъ ему вздумается, на всякое тебя преступленіе толкаетъ, а почему все это—мамка наша сказать мнѣ не захотѣла. Скажи ты. И не ради глупаго любопытства спрашиваю. Божусь тебѣ Господомъ, что прозакладую я хоть тысячу разъ свою душу, а помогу тебѣ въ твоёмъ дѣлѣ. Пойми, Клѣнушка, что послѣ всего чтѣ со мною было, мнѣ все возможно, мнѣ ничего не странно. И тебѣ скажу, какъ мамкѣ, не гляди, что мнѣ шестнадцатый годъ. Я истерзанъ на все лады. Пойми ты, что въ острогѣ высидѣлъ я четыре мѣсяца со всякими разбойниками, головорѣзами и душегубами, два раза меня самого чуть не зарѣзали. Одинъ разъ я поневолѣ, защищаясь, другаго зарѣзалъ.

— Какъ зарѣзалъ? вскрикнула Клѣна.

— Да такъ. Арестантъ-товарищъ хотѣлъ меня убить съ тѣмъ чтобы изъ-подъ меня рубль денегъ достать. Ну, я долженъ былъ отъ него себя уберечь, сѣпились мы... У меня ножъ былъ... Я ударилъ. Да такъ потрафилось, что его на мѣстѣ... Да чтѣ про это вспоминать...

— Господи помилуй! произнесла Клѣна, закрывая лицо руками.

— Да. Такъ-ли, иначе-ли, а выходитъ: похерилъ человѣка. Правда, онъ былъ душегубъ, много погубилъ народу. Грѣхъ-то легче кажетъ. Ну, а все-таки...

Наступило молчаніе. Клѣна тихо плакала и въ головѣ ея вертѣлась мысль: „Господи, какое существованіе! И ей плохо, а ему-то много хуже было“.

— А знаешь ли ты, вдругъ заговорила Клѣна дрожащимъ голосомъ,—повѣришь-ли ты, Филиппушка, что вотъ эти мысли приходили и мнѣ. Вотъ какое мое житье-бытье.

— Какія мысли?

— Мысли, Филиппушка, тѣ-же. Убить человѣка. Да, этотъ злодѣй настолько измучилъ меня, что мнѣ приходило на умъ, взяла-бы я ножъ или топоръ и убила-бы его.

— Ну вотъ объ этомъ-то дѣлѣ ты мнѣ все и скажи. Не тебѣ, барышнѣ, брать въ руки топоръ, ты ужь это дѣло предоставь другимъ. Скажи ты мнѣ, почему и за чтѣ Герасимъ мучаетъ и всячески изводитъ тебя.

— Ахъ, ужь не знаю какъ быть... вымолвила Клѣна.—

Обѣщалась я тебѣ все сказать, а теперь и не знаю. Да зачѣмъ тебѣ оно нужно? Ты знаешь, что Герасимъ меня измучилъ, со свѣту сживаетъ. Коли можешь мнѣ помочь, помощи. А почему все это такъ, что же тебѣ?

— Нѣтъ, дорогая моя, такъ нельзя. Я пойду на все и избавлю тебя отъ этого Герасима, въ этомъ я тебѣ клянусь Богомъ. Поэтому мнѣ нужно знать, какимъ образомъ этотъ человѣкъ взялъ надъ тобой такую власть. Ты должна мнѣ все рассказать.

Клѣна вздохнула и, собравшись съ силами, начала было говорить, но тотчасъ-же заплакала, а потомъ начала горько рыдать.

— Полно, тише, вымолвилъ Филиппъ.—Вѣдь и внизу услышать могутъ. Тишина ночная! Полно, сестрица.

И только мысль о неосторожности, о томъ, что могутъ услышать ея рыданія въ домѣ, заставила Клѣну переломить себя и сдерживаться.

— Я скажу прямо, заговорила Клѣна.— Я не могу долго говорить объ этомъ. Я и вспоминать не хочу. Боюсь какъ-то. Слушай. Тому назадъ давно, сколько времени ужь и не знаю, предъ праздниками что-ли, зимой, былъ здѣсь у меня тайкомъ мой Коля, женихъ мой. Разъ, два былъ онъ, три-ли раза, четыре-ли—ужь и не помню. Уговаривались мы бѣжать, такъ какъ дѣдушка на бракъ нашъ не соглашался. И вотъ одинъ разъ вечеромъ, придя, онъ почувствовалъ себя худо, да такъ худо, что не могъ обратно идти. Мы съ мамушкой волей-неволей оставили его на сутки, то есть до слѣдующаго дня, чтобы вечеромъ онъ выбрался изъ дому. Но за-ночь онъ совсѣмъ расхворался, а къ утру уже бредилъ. Приключилась съ нимъ вдругъ все та-же болѣзнь, но только по второму разу...

— Морская? вымолвилъ Филиппъ.

— По всему вѣроятію, морская.

— И здѣсь у тебя онъ отъ чумы и скончался?

— Да, вотъ рядомъ въ этой горницѣ... Отъ чумы... Но не одна она виновата... Мы съ Аришей виноваты. Можетъ-быть онъ поправился бы... Но мы, по оплошности, убили его... Охъ, не хочется говорить объ этомъ! Тяжко это вспоминать...

Клѣна замолчала, заплакала тихо, потомъ продолжала снова:

— Чтѣ-жъ было дѣлать съ покойникомъ! Надо было вѣстимо идти къ дѣду, броситься въ ноги и покаяться, что Коля пришелъ тайкомъ и померъ у насъ. Чтѣ-же намъ тогда бы сдѣлать? Ничего. Срамъ великій, да. Но только срамъ! А теперь чтѣ-же вышло?! Мы съ мамушкой перепугались на смерть, когда оказалось, что онъ у насъ покойникъ, совсѣмъ оробѣли и разума лишились, не знали чтѣ дѣлать. Хотѣли сами бѣжать изъ дому, а его оставить. Стало быть, голову потеряли. Мамушка рѣшила, что ни за какіе алтыны въ свѣтѣ она не допуститъ моей гибели и позора, а что дѣло уладить инако. И вотъ она обратилась къ этому злодѣю Герасиму и все ему рассказала правдиво, и онъ вызвался взять тѣло. И той же ночью, какъ—не знаю, спустилъ несчастнаго Колю по лѣстницѣ, и куда дѣвалъ, зарылъ ли или...

Но Клѣна не могла договорить и снова начала рыдать.

— Вотъ и все? выговорилъ послѣ паузы Филиппъ.

— Все.

— И съ этого все и пошло?

— Сейчасъ же. Какъ онъ только освободилъ насъ отъ тѣла бѣднаго Коли, такъ запуталось все. Началъ тащить венци... Потомъ началъ...

— Знаю это все, выговорилъ Филиппъ.—Началъ съ того, что обобралъ все твое приданое, потомъ воровать тебя заставилъ, а теперь уже нарывать... Языкъ не поворачивается вымолвить! Такъ вотъ изъ-за чего мудрить онъ надъ вами? Ахъ, ты бѣдная! Какъ же было не пойти къ дѣду, не сказать всего? Было бы на два, на три дня суматохи, было-бы много пересудовъ въ

Москвѣ, осрамилась бы ты, правда... А теперь-то что-же? Теперь вѣдь ты совсѣмъ погибаешь.

— Да, кабы знать. Я и хотѣла идти прощенья просить и все дѣду рассказать, но мамушка сказала: „мы въ Сибирь пойдемъ“. А теперь она сама кается, да поздно.

И Клѣна замолчала. Филиппъ сидѣлъ противъ нея, глядя сестрѣ въ лицо, но очевидно тоже глубоко задумавшись. Наконецъ онъ едва замѣтно улыбнулся своею странною улыбкой и выговорилъ:

— Ну вотъ, стало-быть, все-таки первое доброе дѣло приходится мнѣ дѣлать. И злое дѣло, и вмѣстѣ доброе дѣло. Стало-быть, мнѣ теперь есть забота. Ну, Клѣнушка, какъ по твоему? Надо вѣдь отъ Герасима тебя избавить? Надо его похерить? Такъ-ли?

Клѣна удивленно посмотрѣла въ лицо брата и промолчала.

— Другаго вѣдь нѣту ничего, не надумаешь. Надо Герасима похерить. Надо его убитъ.

— Что ты, Филиппушка, Богъ съ тобою!

— Что дѣлать. Инакъ нельзя. Да вѣдь ты и сама, говоришь, думала объ этомъ.

Клѣна не отвѣчала и понурилась.

— Ну вотъ это я и сдѣлаю.

— Какъ! Самъ? встрепенулась Клѣна.

— Нѣтъ, зачѣмъ. Да это ужъ ты брось, это не твое дѣло. Я обѣщаю тебѣ, что отъ Герасима тебя избавлю. И тогда твоя жизнь опять наладится; можетъ, опять найдется тебѣ и женихъ.

— Нѣтъ, это ужъ дѣло кончепное, я замужъ не пойду. Вѣдь я все-таки помню еще и люблю моего бѣднаго Колю. Если я и собиралась замужъ за Братолюбцева, то вѣдь это было только ради спасенія себя отъ Герасима. А теперь и онъ, Братолюбцевъ, послѣ того что я стала негодяйкой, какъ они думаютъ, не женится на мнѣ. Да и кто же на мнѣ женится, когда вся Москва знаетъ, что я ворую вещи изъ столовъ у родныхъ дѣда и бабушки.

— Бѣдная ты моя, бѣдная! вздохнулъ Филиппъ. — Но все-таки надо вѣру имѣть, что все еще уладится и можетъ, въ концѣ концовъ, все объяснится. Ну, а теперь прости, я уйду, и раньше какъ черезъ недѣлю мы съ тобою не свидимся. А за эту недѣлю услышишь ты кое-что о Герасимѣ, услышишь, что его мертвого нашли. И, ради Создателя, приготовься, не измѣни себѣ при дѣдушкѣ, коли узнаешь объ этомъ. А то, пожалуй, удивишь ихъ, стануть они дивиться, да заподозрѣвать. А ужъ объ этомъ не беспокойся: не пройдетъ недѣли, твой Герасимъ получитъ отместку за всѣ свои злодѣянія.

Братъ и сестра простились и горячо расцѣловались. Филиппъ осторожно двинулся въ обратный путь чрезъ чердакъ и садъ. Клѣна стала у окна, но не могла его видѣть, настолько темна была ночь.

XXII.

Прошло нѣсколько дней послѣ свиданія брата съ сестрой. Клѣна наконецъ послала въ монастырь и звала къ себѣ Арину Матвѣвну чтобы поговорить съ нею о намѣреніи своемъ постричься тоже въ монастырь. Она слишкомъ смущалась, ожидала что сдѣлаетъ братъ и что случится съ преслѣдующимъ ее злодѣемъ. Ей казалось, что она не избавится отъ него и поневолѣ останется одинъ исходъ — постригаться.

Инокія Анастасія побывала у своего дитятки, но не могла ничего сказать ей или успокоить ее. Она не видала Филиппа и не знала ничего, не знала даже объ обѣщаніи его избавить Клѣну отъ Герасима.

За все это время Клѣна тревожилась и волновалась и день и ночь. И всѣ чувства въ ней какъ-бы спорили и противорѣчили одно съ другимъ. Ей страшна была мысль, ненавистна и ужасна, что они съ братомъ какъ-бы сговорились въ преступленіи, въ убійствѣ. А идти въ монастырь изъ-за преслѣдованій холопа было тоже ужасно, грѣховно...

Вмѣстѣ съ тѣмъ она хотѣла и не знала, какимъ образомъ все можетъ совершиться, но иногда начинала сильно надѣяться что братъ не даромъ ей обѣщаль. Вѣроятно, не самъ онъ, думала она, сдѣлаетъ это ужасное дѣло, а именно тѣ злодѣи и душегубы, съ которыми онъ свелъ знакомство и даже дружбу. И Клѣнѣ было легче отъ этой мысли.

За эти дни Герасимъ часто отлучался изъ дому. Раза два мелькомъ видѣла его Клѣна и замѣтила его особенно-веселое расположеніе духа и чрезвычайное довольство.

„Чудно это! Чего онъ радуется?“ подумала она. „Не чуется его сердце, что затѣяно противъ него?“

Молоденькая горничная, прислуживавшая Клѣнѣ, рассказывала ей, что Герасимъ всякій день почти съ утра уходитъ изъ дому, что у него какое-то дѣло, про которое онъ хвастаетъ предъ дворней что оно дастъ ему много денегъ. Онъ хвалился разъ передъ Степанидой въ томъ, что завелъ дружбу съ какими-то двумя сибирскими купцами, отъ которыхъ мѣшокъ съ золотомъ получить можно.

Наконецъ, однажды, очень рано утромъ, въ домѣ случился какой-то переполохъ. Клѣна, едва только вставшая, услышала его у себя, вышла на лѣстницу и прислушалась. Явственно долетѣлъ до нея голосъ бригадира:

— Пошли за докторомъ, живѣй. Положите его въ людской. Да неужели изъ васъ никто кровь унять не умѣетъ? Ну, за цирюльникомъ сбѣгать. Они пущаютъ кровь, стало—и остановить ихъ дѣло.

И безъ этихъ словъ Клѣна, конечно, догадалась-бы.

— Герасимъ! Это Герасимъ! выговорила она, слегка пошатнувшись и удерживаясь за перила лѣстницы.

Черезъ нѣсколько минутъ къ ней прибѣжала горничная и, путаясь, объявила барышнѣ, что привезли на телѣгѣ Герасима, сильно ушибленнаго или пораненнаго.

— И голова разбита, сударыня, и изъ груди кровь по кафтану течетъ. И золь только онъ... Охъ, золь!..

— Какъ золь? удивилась Клѣна.

— Золь, страсть какъ золь. Все кричить: „Врутъ, не убили! Не таковский я. Десять такихъ равъ не-реживу.“

И эти слова странно подѣйствовали на Клѣну. Она опустила на диванъ безъ силъ и забормотала что-то, почти бессознательно.

— Живъ останется, живъ будетъ, проговорила она явственно.

Горничная услышала и поняла слова барышни по своему и бойко добавила:

— Будетъ, барышня, будетъ живъ. Всѣ это говорятъ. Но всему видать. Хотѣли и много леть крови, а видать. Больно здоровъ онъ.

Горничная тотчасъ выскочила вновь отъ барышни, чтобы ради любопытства побѣжать внизъ опять поглядѣть, да послушать, что творится вокругъ Герасима.

Спустившись черезъ часть внизъ, чтобы поздороваться съ бабушкой, Клѣна узнала про событія отъ самой Марьи Евграфовны. Бабушка знала подробности невѣроятнаго приключенія съ любимцемъ бригадира.

Оказалось, Герасима залучили къ себѣ какіе-то люди. Сказались они купцами, богатыми, изъ Нижняго-Новгорода. Пошелъ онъ къ нимъ по какому-то дѣлу ночью и тамъ въ избѣ, въ глухомъ кварталѣ, они накинулись на него, повалили и чуть не убили. Если бы не были оба тщедушные, да не былъ Герасимъ богатырь, то, конечно, тамъ бы его какъ барана и зарѣзали.

— Но, по счастью, прибавила Марья Евграфовна, — нашъ Герасимъ, знаешь, каковъ. Сказываетъ, онъ схватилъ ихъ обоихъ и началъ бить головами объ печь. Но одинъ изъ нихъ успѣлъ его хватить два раза по-жемъ. Ихъ онъ, кажись, доколотилъ до смерти. Бросивъ обоихъ ихъ замертво, онъ кое-какъ выкарабкался на улицу. Проѣзжій мужикъ его подобралъ и привезъ.

Не мѣшай, плутишка! Съ карт. А. Мюллера, грав. Гери Библиотека "Руниверс"

Ну ничего, обойдется, прибавила Марья Евграфовна. — Силень человекъ! Хоть два ведра крови ему выпусти, справится и опять пойдетъ. Здоровьякъ!

Узнавъ все приключеніе, Клѣна настолько взволновалась, что поскорѣ ушла къ себѣ. Здѣсь она усѣлась на своемъ любимомъ мѣстѣ около окошка, понурилась, уперлась локтями на подоконникъ и глубоко задумалась. Слезь у ней не было, но сердце тяжело и больно ныло.

Тому назадъ сутки, она боялась мысли, страшилась грѣха убить этого человека. Теперь же, когда онъ снова живехонекъ, снова здѣсь въ домѣ, и какъ только выздоровѣетъ и поправится, начнется снова ея митарство, она невольно сожалѣла, что преступленіе не удалось.

„По что же братъ? Гдѣ онъ? Вѣроятно, придетъ опять, скажетъ ей. Быть можетъ въ другой разъ! Онъ такъ не оставитъ этого...“

Изъ этой задумчивости вывела Клѣну неслышно вошедшая въ комнату и обнявшая ее Арина Матвѣевна. Клѣна вскрикнула, бросилась на шею къ нянѣ и хотѣла говорить, но Арина Матвѣевна предупредила ее:

— Знаю, все знаю. Это онъ подстроилъ. Грѣхъ великій. Да что же дѣлать, надо было. И вотъ не выгорѣло. Грѣхъ и говорить-то такъ, да желать, чтобы выгорѣло. Да что же дѣлать. Такая наша жизнь, такіа обстоятельства. Ну, да онъ все-таки не отвертится. Филиппушка былъ у меня.

— Былъ! воскликнула Клѣна.

— Да, былъ сегодня, все рассказалъ и велѣлъ тебѣ передать: не удалось. А теперь, говорить, покуда не знаю, какъ и быть. Было у него два вѣрныхъ человека, которые взяли за это дѣло, а теперь, говорить, невѣдомо какъ и руки приложить. Если бы были деньги, говорить, то могъ бы еще, а безъ денегъ совѣмъ ничего не подѣлаешь. А я пришла сказать тебѣ, жди его, только не скоро, когда мѣсяца не будетъ, а то, видишь, свѣтло по ночамъ какъ днемъ.

Няня собиралась было тотчасъ уходить, но Клѣна умолила ее остаться посидѣть немного.

— Хоть съ тобой мнѣ душу отвести. Вѣдь я все одна, да одна... Не знаешь ли ты, вотъ... зачѣмъ бабушка ѣздила къ вамъ въ монастырь и видѣлась съ игуменьей твоей?..

Арина Матвѣевна знала про посѣщеніе Толбухиной и знала зачѣмъ она ѣздила, но отозвалась уклончиво:

— Кто ее знаетъ... Такъ... зря... Про меня болтала небось...

Няня, посидѣвъ немного, ушла, а Клѣна тотчасъ же была вызвана къ Толбухиной.

Ее ожидалъ новый ударъ, и хотя менѣе ужасный и тяжкій, послѣ всего что она пережила за все послѣднее время, но все-таки усложнявшій ея положеніе.

Когда-то, узнавъ объ отказѣ Братолюбцева, Клѣна заявила, что готова идти въ монастырь. Толбухина передала это бригадиру. Никита Артемьевичъ, не говорившій уже съ внучкой и даже избѣгавшій смотрѣть на нее, чувствовалъ себя дома стѣсненнымъ именно присутствіемъ этой внучки лгуни, воровки и, пожалуй, слегка полоумной... Поэтому онъ обрадовался мысли тотчасъ избавиться отъ Клѣны.

— Да, матушка-сестрица, другаго ничего пѣтъ для нашей юродивой негодийки. Иди въ инокини. Монастырскія стѣны на то и выдуманы, чтобы въ нихъ прятать отъ людей и горе, и слезы, и срамоту, и юродство душевное, и уродство тѣлесное. По пословицѣ: „На тебѣ, Боже, что никому не гоже.“

Толбухина принялась за дѣло, за переговоры, и объѣздила нѣсколько монастырей, гдѣ постригались преимущественно московскіи дворянки. Повсюду заявляя о желаніи внучки, Толбухина прибавляла, что, по желанію бригадира, за его внучкой никакого вклада не

последуетъ, что она явится какъ-бы простая крестьянка, въ одномъ платьѣ.

И однажды Марья Евграфовна объявила бригадиру, что Клѣну нигдѣ не желаютъ принять, яко-бы заразу какую.

— Дадите большой кушъ — вѣстимо примутъ!

— Никогда! Ни гроша не дамъ. Я не хочу, чтобы она была инокиня-барыня, а желаю, чтобы ее тамъ на огородахъ посылали, зимой съ метлой и лопатой ставили. Но они не смѣютъ не принять дѣвицу, хотя бы у нея и не было приданого Христовой певѣсты... Прости Господи!

Толбухина объяснила, что всякая игуменья хитро сылается на соблазнъ, который былъ у нихъ въ домѣ и всеѣмъ извѣстенъ.

— Говорятъ все: зачѣмъ намъ дѣвицу, которая на руку не чиста.

— Такого случая Москва не запомнитъ! воскликнула бригадиръ. — Куда же мнѣ ее? Въ мѣшокъ да въ рѣчку это срамное отродье сына и просвирни? Что-жь... Повезете въ какой дальній монастырь, гдѣ всякихъ проидохъ принимаютъ. Подите, скажите ей про всю эту срамоту. Весной вы ее отвезете, а до тѣхъ поръ... Что-жь дѣлать! Пускай живетъ!

— Дайте денегъ, сейчасъ примутъ, замѣтила Марья Евграфовна.

— Не хочу. Не то мое намѣреніе, чтобы она въ монастырѣ какъ сыръ въ маслѣ каталась, отозвался бригадиръ.

Послѣ отказа трехъ или четырехъ игуменей московскихъ монастырей, бригадиръ не захотѣлъ, равно и сестрицѣ своей строго запретилъ хлопотать и ходатайствовать въ какомъ-либо новомъ монастырѣ столицы.

— Зачѣмъ разносить срамоту! Желаете вы, чтобы изъ всѣхъ монастырей, отъ Новодѣвичьяго до Страстного, отъ всѣхъ намъ по плюхѣ получить? Обождемъ недѣлю, другую, подумаемъ, споемся... Выищемъ какія-нибудь дѣвичьи Соловки, да туда ее и спровадимъ. Подальше отъ Москвы. И хорошее дѣло, что здѣсь не принимаютъ, обворуетъ она иконостасъ или ризницу и совѣмъ намъ отъ сраму бѣжать придется въ Туречину!

XXIII.

Прошло еще около трехъ недѣль, и въ домѣ бригадира осталось все въ томъ же видѣ.

Полное затишье, придавленность и угрюмый видъ его обитателей поражали всякаго. Казалось, только и былъ одинъ человекъ въ домѣ, который непрежнему, если не выходилъ со двора, а сидѣлъ безвыходно въ одной горницѣ близъ прихожей, то былъ веселъ и беззаботно доволенъ. Это былъ Герасимъ, совершенно оправившійся отъ своихъ ранъ.

Однажды, среди ночи, бригадиръ, Толбухина и весь домъ были разбужены страшными, дикими криками.

Не сразу узнала или, лучше сказать, догадалась Марья Евграфовна, что она слышитъ голосъ внучки. Она вскочила съ постели, бросилась въ сосѣдную горницу, гдѣ спала Клѣна, но дверь оказалась запертою на замокъ.

Марья Евграфовна почудилось, что замокъ щелкнулъ въ ту самую минуту, когда она очулась на крикъ внучки.

Толбухина тотчасъ же, несмотря на свой ночной костюмъ, вышла въ другія двери, въ диванную, быстро обошла, почти обѣжала коридоръ, чтобы войти въ горницу внучки съ другой стороны.

Въ ту же минуту и бригадиръ, точно также вскочивъ съ постели, тоже вышелъ отъ себя и бѣжалъ съ вопросомъ:

— Что такое?... Кто такой?

Въ прихожей тоже былъ шумъ и почти одновременно со всѣхъ сторонъ человекъ пять или шесть дворовыхъ сопливъ въ столовой и бросились къ дверямъ молодой барышни.

Дверь ея была настежь растворена, но ея въ горницѣ не было. Общее изумленіе перешло въ суетливый страхъ, но въ это же время кто-то изъ дворовыхъ воскликнулъ:

— Вонъ она! Вонъ она!

Клѣна оказалась у окна, въ самомъ углу большой залы, далеко отъ своей горницы.

Она сидѣла на стулѣ въ одной сорочкѣ, какъ соскочила съ постели, дрожала всѣмъ тѣломъ и безумными глазами озиралась на всѣхъ. Освѣщенная луной, ярко сіявшей въ окно, Клѣна была страшна и казалась привидѣніемъ.

Бригадиръ развелъ руками, и видя, что ничего особеннаго не случилось повидимому, только вспылить, по удержался и, не сказавъ ни слова, быстро вернулся къ себѣ.

Марья Евграфовна вспомнила прежде всего о приличіяхъ и тотчасъ же приказала всѣмъ людямъ выйти вонъ изъ залы. Затѣмъ она подошла ко внучкѣ съ вопросомъ:

— Что съ тобой?

Клѣна продолжала дрожать всѣмъ тѣломъ и не отвѣчала ничего. Долго приставала Марья Евграфовна къ Клѣнѣ, но не получала никакого отвѣта. Клѣна тряслась головой и не могла или не хотѣла произнести ни слова.

— Напугалъ тебя кто-нибудь?.. Сонъ что-ли видѣла ты, или хворостъ какая вдругъ схватила?.. Затѣмъ ты сюда прибѣжала? допытывалась Марья Евграфовна, но не получала никакого отвѣта. — Ну, пойдѣмъ. Что жь тутъ въ одной сорочкѣ сидѣть, вымолвила Толбухина уже угрюмо и сухо.

Клѣна подвинулась и тихо, беззвучно, босикомъ двинулась за бабушкой послушно, но и бессмысленно.

Едва вошли онѣ въ горницу, какъ Клѣна бросилась назадъ къ двери, выходящей въ коридоръ и заперла ее на ключъ. Прыжокъ ея былъ прыжкомъ дикой козы, а не человѣка.

— Что ты? невольно воскликнула Толбухина, по внучка не отвѣчала ни слова, легла въ постель и, трясясь, какъ въ лихорадкѣ, повернулась лицомъ къ стѣнѣ.

— Что это за жизнь такая! гнѣвно произнесла наконецъ Марья Евграфовна, стоя среди горницы. — Этакъ пельзя... Надо тебѣ уѣзжать.

Марья Евграфовна хотѣла выйти изъ свою горницу и, тронувъ дверь, вспомнила, что она заперта на ключъ.

— И эту дверь защелкнула, произнесла она, — да еще когда? Когда я сюда бѣжать собралась... Вотъ тутъ и пойми что-нибудь!

Толбухина отперла дверь и хотѣла выйти, но Клѣна быстро обернулась, сѣла на постели и выговорила:

— Бабушка, возьмите этотъ ключъ... выньте его... Возьмите его... Забросьте его куда, чтобы не было ключа въ двери.

Клѣна проговорила все это судорожно, порывисто, и потомъ снова отвернулась и не легла, а упала на подушку, какъ бы надломленная усталостью или потерявъ послѣднія силы.

Толбухина досадливо махнула рукой и, не тронувъ ключа, прошла къ себѣ въ горницу.

На другой день первый вопросъ, который барыня сдѣлала своей любимицѣ Степанидѣ, казался ей самой бессмысленнымъ.

— Не напугалъ-ли кто среди ночи барышню?

— Да кто же могъ напугать, сударыня. Я спрашиваю—никто въ домѣ не ходилъ... Кто же поспѣетъ ночью идти... Не воръ же какой залѣзалъ въ окошко, черезъ двойныя рамы. Герасимъ первый прежде всѣхъ услышалъ крики и побѣжалъ къ барышнѣ, но нашелъ ее уже въ столовой. Герасимъ видѣлъ бы, если бы кто-нибудь посторонній прошелъ въ горницу. Да этакое по ночамъ и не бывало никогда... Кто же сунется господь будить? Всѣ были внизу наперечетъ.

— Что же Герасимъ-то думаетъ?

Степанида улыбнулась.

— Онъ полагаетъ, что просто барышня блажить или, такъ сказать, дуритъ. Онъ говоритъ, видѣлъ какъ она, выскочивъ изъ своей горницы, начала визжать да танцевать по залѣ какой-то танецъ, а какъ всѣ сбѣжались и сѣла на стульчикъ.

— Танцовала?! произнесла Марья Евграфовна слегка пораженная.

— Сказываетъ—танцовала.

Толбухина ничего не отвѣчала. Она была рада снова ухватиться за мысль, что внучка отчасти стала юрдиной или безумной.

На заявленіе Толбухиной, бригадиръ горько усмѣхнулся.

— Вотъ до чего дожили... Должны радоваться что внучка съ ума спятила, что не въ своемъ умѣ творить срамныя дѣла. А кто виноватъ, если она разума лишилась?.. Мы-съ... Да, мы съ вами. Надо было бѣдѣ отдавать за кого она хотѣла идти и должна была выходить еще по благословенію родителей своихъ.

— Да вѣдь онъ же убить или утопить.

Бригадиръ махнулъ рукой и послѣ паузы вымолвилъ:

— Можетъ тогда и живъ бы остался!

XXIV.

Прошло два дня.

Была глухая, темная ночь, безмолвная, нѣмая. До разсвѣта было уже не далеко...

Домъ бригадира спалъ глубокимъ сномъ. Только одно существо въ домѣ не знало сна.

Клѣна сидѣла въ своей прежней горницѣ наверху. Тайкомъ отъ бабушки и не смотря на то, что было уже часа четыре ночи, она поднялась наверхъ и одѣтая сидѣла недвижно въ креслѣ.

Еще съ полночи усѣлась она тутъ и безсознательно, почти не помня того что дѣлаетъ, сидѣла, вовсе не собираясь ложиться спать. Она была одѣта какъ днемъ, но только волосы были распущены по плечамъ.

Еще съ вечера Толбухина зашла въ горницу внучки и, видя ее сидящею, сурово спросила, скоро-ли она ляжетъ спать. Клѣна встала, молча распустила волосы чтобы причесаться на ночь и начала раздѣваться, дѣлая видъ передъ бабушкой, что она собирается ложиться. Но затѣмъ, когда Толбухина, холодно простившись съ внучкой и косо, изподлобья оглядѣвъ ее, ушла къ себѣ, Клѣна бросила гребень со щеткой и, какъ была съ распущенной косой, прошла къ себѣ наверхъ.

Здѣсь просидѣла она нѣсколько часовъ почти не трогаясь съ мѣста и только изрѣдка шевеля руками. Она ждала брата, который черезъ няню обѣщалъ быть непременно въ эту ночь.

Между тѣмъ внѣшнее спокойствіе Клѣны совершенно не соответствовало ея душевному настроенію. На душѣ молодой дѣвушки была цѣлая буря, была борьба. Она еще съ вечера рѣшила что за эту ночь, если только братъ не явится ея спасителемъ и не поможетъ ей такъ или иначе, ей надо покопчить съ собою.

Если всѣ обитатели дома ошибались за послѣднее время насчетъ барышни, считая ее потерявшею рассудокъ, то теперь, въ эти ночные часы, Клѣна была дѣйствительно близка къ умопомѣнательству. Въ ней теперь какъ бы совершалась двойная жизнь. Въ головѣ шевелилась двойная дума.

Одновременно Клѣна думала о немедленномъ, въ эту же ночь, самоубійствѣ, и безстрастно, толковито перебирала всѣ способы, какими она можетъ себя убить. Все, что являлось ей на умъ, она отбрасывала какъ неудобное, или противное, или трудное, и все болѣе убѣждала себя, что надо прежде всего бѣжать изъ дому за Москву. А тамъ уже видно будетъ, что съ собой подѣлать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, среди этихъ безумныхъ по своей

Охота на лосей. Передъ облавой. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) акад. А Кившенко, грав Ангереръ.

Охота на лосей. Коицъ облавы. Орг. рис. (собств. „Нивы“) акад. А. Кившенко, граф. Ангереръ.

простотѣ и толковитости обдумываній самоубійства, шли чередой черезъ воспаленный мозгъ обрывки воспоминаній прошлаго. Всю жизнь свою съ дѣтства перебирала Клѣна, какъ бы вызывая образы ея въ памяти своей или грустно исповѣдуясь передъ самой собою.

Еще съ вечера возникъ въ ней острой болью вопросъ: за что такъ ужасно не заладилась ея существованіе; за что въ видѣ кары Господней произошло все происшедшее, все пережитое ею? Она вспоминала свои первые дѣтскіе годы, проведенные въ домѣ родныхъ, въ незатѣйливой, бѣдной и простой обстановкѣ, гдѣ нужда и отсутствіе средствъ сказывались во всемъ всякій день. Она еще ребенкомъ, вмѣстѣ съ матерью и няней, толковала о богатомъ дѣдѣ и завидовала всѣмъ, кто жилъ лучше, нежели она. И только позднѣе, уже молодою дѣвушкою, пользуясь полною свободой, она прожила нѣскольکو лѣтъ почти счастливая. Затѣмъ возвратили въ памяти страшныя картины чумы, смерть отца, матери, потомъ бѣгство и скитаніе съ няней. Но за то среди ужасовъ этихъ „морowych“ дней въ ея жизни засіялъ яркій лучъ. Встрѣча съ человѣкомъ, котораго она полюбила.

Будущее въ эти дни все-таки рисовалось ей яснымъ и свѣтлымъ, не смотря на то, что она осталась круглою сиротой... Но здѣсь оборвалась эта легкая, свѣтлая жизнь. Одинъ рѣшительный шагъ перенесъ ее въ совершенно иную обстановку. Она зажила въ томъ домѣ, о которомъ такъ часто поговаривали ея отецъ съ матерью; она очутилась въ шелку и золотѣ, сквозь которые слезы льются. Это случилось и съ ней. Даже хуже того. Въ этомъ домѣ, кромѣ горя, нравственной пытки и всяческаго мученія, — она ничего не нашла. Эта жизнь, вслѣдствіе ужасной участи ея возлюбленнаго, привела ее къ тому, что вотъ теперь приходится выбирать способъ покончить съ собою.

Клѣна была такъ погружена въ свои думы, что не замѣтила, какъ растворилась дверь ея горницы и кто-то, въ полумгнѣ остановившись у двери, озирался кругомъ. Это былъ Филиппъ. Увидя сестру, сидѣвшую у окна, онъ приблизился къ ней.

Клѣна, опершись обоими локтями о подоконникъ и опустивъ голову на руки, сидѣла недвижно, казалось даже спала. Филиппъ дотронулся до плеча сестры. Клѣна вздрогнула, обернулась и невольно вскрикнула; она не узнала брата.

— Тихе. Я это: Филиппъ.

— О, Господи! какъ ты меня напугалъ. Я думала, это опять онъ. Злодѣй мой.

И Клѣна въ порывистой, негодующей рѣчи передала брату что случилось съ ней за три дня предъ тѣмъ среди ночи. Какъ спасалась она изъ рукъ своего мучителя, но не могла указать на него дѣду и ее сочли лишь за безумную или за блажную...

— Извергъ! воскликнулъ Филиппъ. — Ну, да не вѣкъ же ему тебя мучить. Вотъ съумѣлъ я разъ подстроить, но не удалось мнѣ избавить тебя отъ сатаны. Въ другой разъ не увернется. Какъ опять все наладить — я теперь не знаю, надо подумать.

Филиппъ нѣжно поцѣловалъ сестру и сѣлъ около нея у того же окошка.

— Слушай меня, Клѣнушка. Я не надолго. Я только пришелъ тебя спросить. Есть-ли у тебя деньги? Не подумай, что мнѣ. Избави Богъ, чтобы я себѣ просилъ; а нужны деньги на то же дѣло. Нужно рублей пятьдесятъ.

— Какія же у меня, Филиппушка, деньги? выговорила грустно Клѣна. — У меня ни одного алтына нѣтъ. А такихъ денегъ и не бывало никогда. Да зачѣмъ тебѣ?

— Ну, если нѣтъ никакихъ денегъ, то надо обождать. Придется мнѣ самому избавлять тебя отъ этого злодѣя.

— Какъ самому?

— Да такъ, самъ я его ухлопаю.

— Что ты, Богъ съ тобой. На этакое я не пойду!

— Иного ничего надумать нельзя. Что же дѣлать! Да у меня на него рука легко подымется. Ужъ больно онъ ненавистенъ мнѣ. Да и потомъ по пословицѣ: семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Мнѣ себя жалѣть нечего, я и такъ погибшій. Одно только мудрено, какъ и гдѣ мнѣ его повидать и куда залучить; я распоряджусь умиле моихъ двухъ болвановъ, которые дали себя убить. Тебѣ вѣдъ сказывала Арина Матвѣевна что вышло?

— Сказывала.

— Одного онъ убилъ до смерти, голову объ печь расшилъ. А другаго свезли въ больницу и онъ тоже либо кончится, либо въ Сибирь уйдетъ. Меня онъ не выдастъ. Нельзя. Что на меня, что на мертваго ссылаться — все одно! Я имъ наказывалъ напоить этого дьявола и нѣянаго покончить. Они, черти, понадѣялись на себя и вотъ что вышло. Гдѣ же онъ теперь? Коли онъ на такую гнусность пошелъ, то стало-бытъ совѣмъ поправляется.

— Совѣмъ поправился. Здоровѣхонекъ! Таковъ, какъ еслибы съ нимъ ничего не приключалось, отозвалась Клѣна глухимъ голосомъ. — Ему дѣдушка горницу хорошую далъ, здѣсь внизу, около прихожей. Два доктора лѣчили его. Да и теперь еще одинъ ѣздитъ.

— Гдѣ внизу? Здѣсь внизу? страннымъ голосомъ проговорилъ Филиппъ, вдругъ оживившись.

— Да, близъ прихожей небольшая горенка, въ которой прежде недолго жила какая-то родственница Марьи Евграфовны. Теперь Герасимъ тамъ. Его вѣдъ дѣдушка Богъ вѣсть за что особливо любить. Сначала онъ лежалъ внизу въ людской, но потомъ докторъ сказалъ, что тамъ ему и сыроваго, и безпокойно отъ суетни дворовыхъ. Дѣдушка приказалъ принести его наверхъ, въ горницу. Самъ къ нему на первыхъ порахъ навѣдывался. Такъ онъ въ ней и остался.

— Такъ онъ внизу? Вотъ тутъ, близъ прихожей? снова страшно, тихимъ, будто робкимъ голосомъ спросилъ Филиппъ. — Это та горница, что голубымъ стѣнамъ выкрашены и мебель тоже голубая въ ней?

— Да, отозвалась Клѣна. — Крайняя, первая изъ прихожей налѣво.

— Знаю. Знаю...

— Это та горница, Филиппушка, гдѣ мы разъ съ тобой, привезенные родителемъ, сидѣли въ ожиданіи, покуда онъ объяснялся съ дѣдушкой. Помнишь, мы все боялись, грустно улыбнулась Клѣна, — что придетъ сердитый дѣдушка и насъ обоихъ высѣчетъ.

— Хорошо помню.

— Какъ ты однако можешь домъ помнить! Вѣдъ ты сколько времени не бывалъ въ немъ, замѣтила Клѣна.

— Отлично весь помню, глухо проговорилъ Филиппъ. — Ну вотъ что, Клѣна. Стало-бытъ — судьба. Страшное дѣло! А надо его начинать. И сейчасъ!

— Что ты, какое дѣло? встрепенулась дѣвушка, но братъ не отвѣтилъ.

XXV.

Филиппъ долго просидѣлъ недвижно и какъ бы совершенно забывшись отъ тяжелыхъ думъ. Наконецъ онъ поднялся порывисто съ мѣста, какъ бы сорвался, вздохнулъ глубоко и протяжно и вымолвилъ:

— Сестра, я пойду. Будь, что будетъ...

— Куда? Что ты?

— Да внизъ, къ этому злодѣю. Коли онъ тамъ одинъ, да спитъ... Я теперь ночью мишую залу и прихожую, меня никто не увидитъ. Я его соннаго мигомъ кончу.

— Что ты, Филиппушка! Что ты! Господь съ тобой! Помилосердуй. Развѣ можно. Нѣтъ... Нѣтъ... Что ты!.. отчаянно заговорила Клѣна, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Эхъ, сестра... Вотъ ты барыни да барышни всѣ такъ.. Разговаривать вы обо всемъ можете, а чуть до дѣла, васъ дрожь пробираетъ. Вѣдъ посылать же я

другихъ его рѣзать, да коли не дорѣзали... Ну и приходится самому! Спасибо дѣдушка пристроилъ его такъ хорошо, на подачу руки. А ты не бойся. Дѣло вѣрное. Я уйду... на тебя вѣстимо не подумаютъ. Свалить на кого изъ дворовыхъ. Можетъ и пострадаетъ иной какой безвинно. Да что жъ дѣлать. У насъ въ острогѣ много такихъ было. На десятокъ—пятокъ безвинныхъ.

И еслибы было не темно въ комнатѣ, Клѣна увидѣла бы, что Филиппъ усмѣхнулся тою своею удивительною улыбкой, которая наводила страхъ на мамушку.

— Такъ я пойду, глухо выговорилъ Филиппъ послѣ паузы.

Клѣна бросилась къ брату, схватила его за плечи, крѣпко ущѣпилась и зашентала перепуганнымъ, унавшимъ голосомъ:

— Нѣтъ. Нѣтъ. Не пусти. Нельзя! Помилуй Богъ! Что ты! Губить себя! Пускай лучше инакое все распухаетъ... Я въ монастырь пойду. Филиппушка, если любишь...

— Полно. Успокойся. Тебѣ что? Не твое это дѣло. Ты сиди себѣ тутъ, да не думай ни о чемъ.

Клѣна молча сильнѣе ухватила брата за плечо и руку и, трепещущая, почти повисла на немъ.

— Слушай, Клѣна. Я нынѣ убивать не стану его... Слышишь! Мнѣ и нечѣмъ убить. Я только пойду осмотрѣть, гдѣ онъ лежитъ и все... Какъ что... Въ другой разъ приду, ножъ захвачу и похерю. А теперь дай только взглянуть.

Филиппъ освободился изъ рукъ сестры и твердымъ шагомъ двинулся изъ комнаты. Затворивъ за собой дверь и очутившись одинъ, онъ ощущалъ за пазухой большой ножъ, который всегда носилъ при себѣ, съ тѣхъ поръ какъ боялся ежедневно быть узникомъ полиціи и арестованнымъ.

Клѣна осталась на своемъ мѣстѣ, схватила себя за голову и почувствовала, что она шатается, что силы покидаютъ ее. Она и повѣрила брату, и сомнѣвалась, боялась, что онъ ее обманываетъ. Въ полусознаніи опустилась она на подоконникъ и крѣпко прижала руки къ ушамъ своимъ, словно боясь услышать какія-либо страшныя слова или звуки.

— Онъ убьетъ! забормотала она безмысленнымъ голосомъ. — Убивать пошелъ! Руки въ крови человѣческой... Ради меня себя губить. Охъ, нельзя, нельзя этого! Я не позволю! вдругъ вскрикнула дѣвушка вѣ себя отъ ужаса, и въ то же время чувствуя что она слабѣетъ.

И Клѣна встала, двинулась, шатаясь, къ своей двери, но почувствовала вдругъ, что ноги ея подкашиваются, что она совершенно теряетъ сознаніе и разумъ и не въ состояніи ни думать, ни двигаться далѣе. Она оцупала близъ себя рукой диванъ и опустилась, почти упала на него.

— Что же это? Что со мной? Отъ страха... Ничего. Сейчасъ пройдетъ. Да нѣтъ, Богъ милостивъ, онъ ничего не сдѣлаетъ. Онъ правду говоритъ — поглядить. А если поймутъ, остановятъ? Вѣдь тогда судить будутъ.

Долго-ли просидѣла Клѣна, схвативъ себя за голову, она даже не могла отдать себѣ отчета. Но вдругъ силы стали возвращаться къ ней. Новый приливъ ужаса при ясной мысли о томъ, что можетъ совершиться внизу, вдругъ поднялъ ее на ноги. Порывистымъ и нервнымъ движеніемъ она вскочила съ дивана, бросилась въ дверь и быстро спустилась по лѣстницѣ. Но въ ту минуту, когда она повернула въ залу, гдѣ окна были освѣщены фонаремъ горѣвшимъ на дворѣ и гдѣ было довольно свѣтло, она вдругъ остановилась и задыхаясь прислушалась.

Изъ дверей выходившихъ въ прихожую, по не въ ней, а тамъ, гдѣ-то далѣе... слышался какой-то дикій хрипъ, потомъ раздался довольно громко тихій и протяжный стонъ и снова тотъ же хрипъ.

— Господи! Господи! громко вскрикнула Клѣна и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, остановилась снова. Вдругъ ей показалось, что съ ней совершается что-то ужасное, невѣдомое, будто душа покидаетъ ея тѣло...

— Умираю... шепнула она. — И хорошо это...

Въ ту же минуту изъ дверей прихожей тихо и осторожно появилась фигура Филиппа. Клѣна услышала его частое, прерывистое и горячее дыханіе и увидала что-то блестящее въ рукѣ.

Молодой малый не слышно подбѣжалъ къ сестрѣ, и шепнулъ ей:

— Судьба помогла! Сонпаго! Сразу!

Но Клѣна не слышала и не поняла. Филиппъ схватилъ ее за руку и сильно потащилъ назадъ къ лѣстницѣ. Она было двинулась за нимъ, дрожа и задыхаясь, но вдругъ, принявъ изъ руки брата свою какъ-то скользкую странною руку, за которую ухватился Филиппъ, она взглянула на нее и страшно вскрикнула. Рука была вся въ крови.

Клѣна тихо вскрикнула и зашаталась, теряя сознаніе...

XXVI.

Еще до разсвѣта весь домъ бригадира поднялся на ноги и загудѣлъ.

Казалось, довольно было сумятицы въ этомъ домѣ за всю зиму, много страннаго и загадочнаго, много лихаго и бѣдоваго, а главное много позорнаго, худую славу пустившаго по городу... А между тѣмъ, послѣднее происшествіе было сугубо горше и ужаснѣе всѣхъ предъидущихъ.

На разсвѣтѣ, истопникъ дома тихо и осторожно, чтобы не нарушать господскаго сна, пришелъ въ верхнія комнаты изъ людской и по обыкновенію началъ топить печи. Затопивъ въ прихожей, онъ перешелъ въ сосѣднюю горницу, но тотчасъ-же, оглядѣвшись, обомлѣлъ. Черезъ мгновение онъ убѣдился, что на полу лужа крови, а на кровати лежитъ убитый Морковниковъ.

Дикій крикъ и шумъ, который онъ поднялъ на весь домъ, сразу поднялъ всѣхъ на ноги. Не прошло нѣсколькихъ мгновеній, какъ всѣ люди изъ нижняго этажа были въ господскихъ горницахъ, а бригадиръ и барыня снова появились въ залу, каждый со своей стороны.

Первое слово, которое зазвучало въ домѣ: „Убили! Убили!“ дошло до ушей бригадира въ ту самую минуту, когда онъ, выйдя въ залъ, увидѣлъ среди пола распростертую фигуру внучки.

Конечно, бригадиръ, а за нимъ и выбѣжавшая Марья Евграфовна, бросились поднимать дѣвушку.

Прибѣжавшіе люди продолжали кричать „убили!“ и объяснили, что убитъ Герасимъ. Ужасъ, обуявшій всѣхъ, отъ хозяина дома до послѣдняго двороваго мальчугана, — перешелъ въ паническій страхъ. Бурная сумятица сразу перешла въ оцѣпенѣніе. Всѣ столпились въ залѣ кругомъ безчувственной барышни, и только немногіе похрабрѣ стояли надъ трупомъ зарѣзаннаго скорохода, на горлѣ котораго зіяла страшная рана. Голова его была наполовину отрѣзана отъ туловища.

Понять сразу происшествіе было невозможно. Кто могъ совершить преступленіе? Кто могъ забраться ночью въ домъ? Почему, одновременно съ убійствомъ спавшаго въ барскомъ домѣ скорохода, очутилась не въ своей постели, а на полу въ залѣ, одѣтая по денному бригадирская внучка? Все это являлось загадкой и страшною загадкой.

Бригадиръ тотчасъ-же почувалъ, что недаромъ внучка очутилась не въ постели, а на полу, недалеко отъ трупа.

Бригадиръ раза два глянулъ въ глаза своей сожительницѣ; Марья Евграфовна дрожала всѣмъ тѣломъ и была блѣдна, какъ смерть. Переглянувшись, они какъ будто перемолвились. Равно и онъ, и она почували не-

доброе, почували, что помимо преступленія въ домѣ, есть еще вѣчто—ужасный позоръ, горшій, чѣмъ весь срамъ до сихъ поръ бывшій въ ихъ домѣ.

Клѣну снесли въ ея горницу, около спальни Толбухиной, и положили на кровать. Тутъ только дѣвушка пришла въ себя, открыла глаза и безмысленнымъ взоромъ окинула дѣда, бабушку и нѣсколько дворovýchъ.

Вдругъ она содрогнулась всѣмъ тѣломъ, вскинула руки, закрыла себѣ лицо и простонала.

— Чтò? Говори чтò знаешь! невольно вскрикнула Толбухина.

— Во снѣ... забормотала Клѣна. — Во снѣ?.. Сонъ?.. Нѣтъ, нѣтъ!.. Говорите... Во снѣ, что-ли, привидѣлось... Говорите... Правда-ли... Убить онъ?

— Зарѣзанъ... Убить... выговорилъ бригадиръ.

Клѣна замерла и не двигалась. Такъ какъ лицо ея было закрыто руками, то нельзя было знать, въ памяти она или снова лишилась сознанія.

Бригадиръ придвинулся къ внучкѣ, и вдругъ ахнулъ. Онъ замѣтилъ кровавое пятно на ея рукѣ около локтя. Онъ схватилъ ее за обѣ руки и рѣзко, почти грубымъ движеніемъ хотѣлъ отвести ихъ отъ лица,

чтобы взглянуть внучкѣ въ глаза и убѣдиться въ томъ, что ужаснымъ вопросомъ возникло въ его умѣ. Но при первомъ прикосновеніи бригадира, Клѣна отчаянно вскрикнула. Дикій вопль ея огласилъ весь домъ, какъ если-бы ее ударили ножомъ. Бригадиръ схватилъ ее крѣпче за руки, оттащилъ ихъ отъ лица, нагнулся и выговорилъ хриплымъ отъ отчаянія голосомъ.

— Ты убила?.. Говори скорѣе!..

— Я... я... я... три раза дико прокричала Клѣна.

Бригадиръ отшатнулся—и если-бы двое людей не подержали его, то онъ упалъ-бы на полъ. А Клѣна, глядя на всѣхъ страннымъ взоромъ, продолжала безъ конца шепотомъ повторять одно и то-же слово: „я.“

Она тяжело дышала, задыхалась, но въ эту минуту людямъ было уже не до нея.

Съ бариномъ сдѣлалось дурно; онъ повисъ какъ бездыханный трупъ на рукахъ столпившихся дворovýchъ

Марья Евграфовна при взглядѣ на лицо бригадира вскрикнула. Она ни разу въ жизни не видала своего брата безъ чувствъ, безъ единого признака жизни.

Люди подхватили барина и понесли его въ кабинетъ. Бригадиръ скоро очнулся, благодаря усиліямъ Марьи Евграфовны, хлопотавшей около него.

Открывъ глаза, Никита Артемьевичъ перекрестился нѣсколько разъ, тихо простоналъ и слезы выступили на глазахъ его.

— Подите къ ней, разспросите ее... Вѣрите я не хочу... Подите... заговорите о нѣ.

— Сейчасъ... Да вы-то успокойтесь, Бога ради. Себя то не губите... Сейчасъ все сдѣлаю... заторопилась Марья Евграфовна и заметалась на одномъ мѣстѣ, какъ потерянная. — Себя-то берегите... Стоить-ли изъ-за нея помирать...

И Толбухина побѣжала въ горницу внучки. Клѣна лежала съ открытыми глазами, но съ какимъ-то равнодушнымъ, спокойнымъ выраженіемъ.

— Скажи: ты убила?.. растерянно выговорила Толбухина, приближаясь къ внучкѣ.

— Я... я... отозвалась молодая дѣвушка и снова зачастила это слово такъ жене-прерывно и полубезсмысленно.

Казалось, что если-бы ее не остановить, то она будетъ повторять это слово до усталости, до потери силъ или голоса.

— Зачѣмъ?.. Чтò онъ тебѣ?.. За чтò ты его убила?

— Нужно... нужно... Такъ хорошо... Отлично! Нужно...

— Да объясни почему?.. Чтò онъ тебѣ сдѣлалъ?..

Но на это Толбухина не получила отвѣта отъ внучки, которая зачастила теперь и повторяла нѣсколько десятковъ разъ слово „нужно“. Толбухина вернулась къ бригадиру.

Между тѣмъ верховой гонецъ уже поскакалъ изъ дому отъ барина оповѣстить московскаго оберъ-полицеймейстера о событіи въ домѣ. Слухъ о происшествіи, давно уже выскользнувшій со двора въ сосѣднія улицы, привлекъ цѣлую толпу обывателей. Дворъ, подъѣздъ и прихожая были запружены чужимъ народомъ, зѣваками и всякимъ сбродомъ. Всѣ приходили, лѣзли по лѣстни-

Штирійская крестьянка. Съ карт. Балгейма, грав. Кирмзе.

Дикая утка, защищающая утят от водяной крысы. Рис. и грав. бр. Шнехт.

цѣ, по парадному подъѣзду, заглядывали изъ прихожей въ горницу, гдѣ лежалъ трунцъ, и бѣжали рассказать по городу о страшномъ дѣлѣ.

Потерявшіеся люди бригадира даже не сообразили прекратить самовольный наплывъ въ горницы празднующагося народа.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Водопой близъ Лѣтняго сада. (Рис. на стр. 1265).

Петербургскимъ жителямъ хорошо знакома сцена, такъ живо изображенная талантливою художницею, бар. Врангель. Морозный день. Уругий снѣгъ скрипитъ подъ полозьями саней, въ которыя запряжены косматыя извозничьи лошаденки, съ утра до вечера и съ вечера до утра развозица сѣдоковъ по оживленнымъ улицамъ столицы. Изрѣдка завернетъ извозчикъ къ водопой, понюхать у обмерзлой колоды свою лошадку, и затрусить она снова, попускаемая кнутомъ и прикрикиваніемъ возницы...

Ангель-Хранитель. (Рис. на стр. 1268 и 1269).

Любуюсь, какъ играютъ дѣти,
И думаю порою,
Что ангелъ свѣтлый, величавый,
Слѣдитъ за ихъ игрою;
Когда же имъ грозитъ опасность
(Ихъ у дѣтей такъ много),
Всегда малютокъ охраняетъ
Посланникъ кроткій Бога.

Не мѣшай, плутишка! (Рис. на стр. 1273).

Нашимъ читателямъ вѣроятно хорошо извѣстенъ скворецъ, живая и забавная птица, которую часто держатъ въ комнатѣ, благодаря удовольствію, доставляемому ею. Скворецъ уменъ, внимателенъ ко всему что происходитъ около него, и любознательнъ чрезвычайно: всегда что-нибудь осматриваетъ, интересуется клювомъ, и вообще чѣмъ-нибудь занять. Но всего интереснѣе въ немъ перемѣчивость. Онъ не только легко выучивается наивамъ другихъ птицъ, но иногда въ состояніи довольно отчетливо произносить слова и даже цѣлыя фразы.

Нашъ рисунокъ изображаетъ, какъ эта подвижная птица, усѣвшись на клетку, весело наиваетъ, мѣшая тѣмъ своему хозяину, который занятъ чтеніемъ какого-то фоліанта.

Охота на лосей. Передъ облавою и конецъ облавы. (Рис. на стр. 1276 и 1277).

Лось, какъ извѣстно, громадное животное, длиною болѣе сажени, а вышиной у загривка безъ малаго сажени; одни лопатчатые, сохатые рога вѣсятъ иногда до пуда. Онъ производитъ впечатлѣніе допотопнаго животнаго, благодаря своей лѣнкости и неуклюжести какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Несомнѣнно, что по крайней мѣрѣ въ Европѣ онъ, подобно зубру, принадлежитъ къ вымирающимъ видамъ. Иѣкогда распространенный по всей Германіи, нынѣ лось уцѣлѣлъ лишь въ восточной Пруссіи, Швеціи, Норвегіи, Прибалтійскихъ губерніяхъ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великой Россіи. Въ Азіи лось распространенъ еще по всему сѣверу до Амура.

Охота на лосей повсюду, кромѣ Россіи, строго воспрещена; въ Норвегіи штрафъ за убитаго лоса доходитъ до 60 талеровъ. У насъ еще продолжаютъ охотиться на лоса, болѣею частью съ загонщиками, на облавахъ. Подъ Петербургомъ загонщиками перѣдко бывають молодые крестьянки, и вотъ одну изъ такихъ облавъ передаетъ намъ, въ двухъ рисункахъ, талантливый изобразитель охотничьихъ сценъ, А. Кившенко. На первомъ рисункѣ изображенъ подъѣздъ охотниковъ изъ деревни Лѣсомъ къ завѣтному острову, въ которомъ залегли лоси. Охотники ѣдутъ въ саняхъ съ музыкомъ на облучкѣ и загонщицей, стоящей сзади на полозьяхъ. Остальные загонщики и стрѣлки бѣгутъ въ догонку. На второмъ рисункѣ облава кончена; лось, выгнанный на охотниковъ, застрѣленъ, и стрѣлки торжествуютъ свою побѣду.

Штирійская крестьянка. (Рис. на стр. 1280).

Австро-Венгерское герцогство Штирія, расположенное на восточныхъ отрогахъ Альповъ, къ югу отъ эрцгерцогства Австрійскаго и къ западу отъ Венгріи, извѣстно, между прочимъ, своими красивыми и видными населеніемъ, въ особенности въ сѣверной своей части. Одна изъ обитательницъ этой мѣстности, въ ея живописномъ праздничномъ нарядѣ, и послужила моделью для картины г. Вальгейма, гравюра съ которой помѣщена на стр. 1280.

Дикая утка, защищающая утятъ отъ водяной крысы. (Рис. на стр. 1281).

Дикія утки устраиваютъ свои гнѣзда болѣею частью на землѣ, выбирая самыя глухія мѣста, съ большими предосторожностями. Сухіе стебли, листья и другія растительныя вещества, рыхло положенныя другъ на друга, стоянныя на срединѣ въ лоточекъ, и впоследствии выложенныя нухомъ, образуютъ довольно просторную постройку. Высиживаетъ одна самка, выказывая при этомъ чрезвычайное самоотверженіе и родительскую лю-

бовь. Уходя съ гнѣзда, она постоянно прикрываетъ лица нухомъ, надергиваемымъ изъ собственнаго тѣла, и прокрадывается какъ можно скрытнѣе по травѣ. Утятъ, по вылупленіи, согреваются еще въ теченіе одного дня въ гнѣздѣ и затѣмъ уводятся на воду. Первые дни своей юности они проводятъ по возможности скрытно въ густой осоцѣ, камышахъ и другихъ водяныхъ растеніяхъ, и только начиная пускаться въ дѣло крылья, рѣшаются показываться на открытой водѣ. Итенцы сильно привязаны къ матери, обращаютъ вниманіе на каждое предостереженіе, какъ только прикажетъ мать, скрываются подъ растенія или въ ямку почвы и остаются тамъ неподвижно, пока не возвратится мать, которую бытъ - можетъ выудили взлетѣть. Много молодыхъ ѣутятъ въ отсутствіе матери понадеетъ на зубы хорьку, норкѣ и даже водяной крысѣ, которая кромѣ того таскаетъ и яйца. Но когда мать на-лицо, она храбро защищаетъ своихъ итенцовъ, какъ изображено на прѣвосходномъ рисункѣ Шпехта.

Американскій акробатъ Балдвинъ на парашютѣ. (Рис. на стр. 1284).

Въ Лондонѣ недавно произвелъ большое впечатлѣніе американскій акробатъ и воздухоплаватель Томасъ Секкеттъ Балдвинъ, поднимавшійся на аэростатъ безъ гондолы, сидя на веревочномъ кольцѣ, на значительную высоту (до 500 метровъ и выше), затѣмъ бросавшійся внизъ и опускавшійся на землю съ помощью парашюта, который въ первые моменты паденія оставался неразвернутымъ. Понятно, какою рѣшимостью и присутствіемъ духа надо обладать, чтобы отважиться на такой опытъ. Неразвернутый парашютъ Балдвина состоитъ изъ длиннаго мѣшка, открытаго снизу и напоминающаго формой обыкновенный пушечный снарядъ (продолговатое ядро). На верхнемъ, округленномъ концѣ его находится маленькое отверстие, считающееся необходимымъ во всѣхъ парашютахъ, для того чтобы они не перекувыркались подъ напоромъ воздуха. Взвившись за ручку парашюта, Балдвинъ прыгаетъ съ аэростата внизъ, оставляя послѣдній на произволъ судьбы. Черезъ нѣсколько секундъ воздухъ начинаетъ наполнять парашютъ и соответственно тому скорость паденія уменьшается. Но до тѣхъ поръ пока свернутый парашютъ не наполнится воздухомъ, человекъ вѣдетъ съ аппаратомъ летитъ внизъ съ ужасающею быстротой, и нужно громадное самообладаніе, а также и физическая сила чтобы не вышутить изъ рукъ парашюта. Да и впоследствии, когда опускающійся наполненный воздухомъ парашютъ станетъ медленнѣе, онъ вѣдетъ съ человекомъ начинаетъ качаться на подобіе маятника, причемъ физическія силы воздухоплавателя напрягаются еще болѣе.

Народныя забавы въ Бельгіи. (Рис. на стр. 1285).

Въ числѣ ярмарочныхъ увеселеній въ Бельгіи есть одно, требующее замѣчательно крѣпкихъ нервовъ. Это бездонная бочка, въ которой къ стѣнкамъ придѣланы двѣ продольныя скамейки. Желаящіе принять участіе въ своеобразной *partie de plaisir*,—обыкновенно двѣ пары, два кавалера и двѣ дамы, почему и самый снарядъ называется „бочкою влюбленныхъ“,—салятся на скамьи, затѣмъ ихъ привязываютъ ремнями за поясъ и за ноги къ скамьѣ и стѣнкамъ, бочка катится по рельсамъ, и путешественники испытываютъ оригинальное ощущеніе кувыркающагося черезъ голову въ воздухѣ—настоящихъ *salto mortale*—при громкомъ смѣхѣ зрителей...

С. М. Воробьевъ. (Порт. на стр. 1288).

Въ мипувшемъ октябрѣ скончался въ своемъ имѣніи „Турмоптъ“, въ Ковенской губерніи, извѣстный профессоръ пейзажной живописи Сократъ Максимовичъ Воробьевъ. Покойный, сынъ знаменитаго живописца М. Н. Воробьева (1787 † 1855), родился въ Петербургѣ въ 1817 г. Художественное образованіе онъ получилъ въ Императорской академіи художествъ. Въ нѣдвдцати-лѣтнемъ юношей С. М. Воробьевъ удостоивается уже малой золотой медали, а въ 1838 году за видъ на дачѣ близъ Ревеля получаетъ золотую медаль. Лѣтомъ 1840 года за свои усѣбнныя работы онъ былъ отправленъ въ качествѣ пенсіонера академіи за границу, гдѣ оставался до 1846 года. За это время онъ исполнилъ не мало картинъ и рисунковъ, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе. По возвращеніи въ Петербургъ онъ награждается званіемъ академика, а въ 1858 году получаетъ званіе профессора за пейзажъ съ натуры: „Видъ Трокъ въ Виленской губерніи“. С. М. Воробьевъ, не мало написавшій прекрасныхъ картинъ, бесспорно долженъ занять видное мѣсто въ исторіи русской живописи. Но кромѣ славы выдающагося пейзажиста, имя Воробьева должно сохраниться, какъ даровитаго паставника многихъ изъ знаменитыхъ русскихъ пейзажистовъ,

как напр.: профессора П. П. Шинкина, А. П. Мещерякова, Ю. Ю. Клевера и др.

Академикъ К. С. Веселовскій.

(Портр. на стр. 1288).

Непремѣнный секретарь Академіи Наукъ, Константинъ Степановичъ Веселовскій, 50-ти-лѣтній юбилей котораго былъ отпразднованъ 22 ноября, родился 20 мая 1819 года. Дѣтство К. С. Веселовскій провелъ въ Екатеринославской губерніи, въ имѣніи своего отца. Поступивъ въ Царскосельскій лицей, онъ въ 1838 году окончилъ курсъ съ первою золотою медалью и чиномъ IX класса, и затѣмъ избравъ административное поприще, служилъ попеременно въ министерствахъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ. Рядомъ съ государственною службою К. С. Веселовскій занимался литературой, изучалъ и разрабатывая преимущественно экономическіе вопросы. Его многосторонній изслѣдованій, по вопросамъ финансовымъ, политико-экономическимъ и сельскохозяйственнымъ, печатались въ журналахъ министерствъ Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ, *Отчественныхъ Запискахъ* и др.

Эти многочисленныя труды молодого ученаго не остались незамѣченными Академіею Наукъ, и Веселовскій въ 1852 г. былъ избранъ въ дѣйствительныя члены ея. Послѣдовавшій затѣмъ, замѣчательный работы К. С. Веселовскаго, какъ-то хозяйственно-статистическій атласъ Россіи (1856), капитальное и солидное изслѣдованіе „О климатѣ Россіи“ (1857) и цѣлый рядъ другихъ, доставили русскому ученому въ средѣ академикова такое положеніе, что онъ въ 1857 году былъ избранъ непремѣннымъ секретаремъ академіи и въ 1859 году утверждёнъ въ званіи ординарнаго академика. Помимо разнородныхъ и многообразныхъ занятій въ качествѣ непремѣннаго секретаря, К. С. Веселовскій неоднократно принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ цѣлага ряда общегосударственныхъ вопросовъ; такъ онъ участвовалъ въ комитетѣ, учрежденномъ при Морскомъ министерствѣ для составленія положенія о пенсіонной и эмеритальной кассѣ, затѣмъ 1862 году разрабатывалъ въ качествѣ члена особой комиссіи проектъ законоположеній о поврежденныхъ изданіяхъ и въ 1869 году принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ подготовительной комиссіи по вопросу о пересмотрѣ Пенсіоннаго Устава.

И. А. Стебутъ. (Портр. на стр. 1289).

Замѣчательный русскій ученый агрономъ, ревнитель сельскохозяйственнаго образованія, почетный членъ и профессоръ земледѣлія Петровской Земледѣльческой Академіи, Иванъ Александровичъ Стебутъ родился въ 1833 году, 31 января. По окончаніи курса во второй С.-Петербургской гимназіи, въ 1850 г., Стебутъ поступилъ въ Горьгорекій институтъ, гдѣ блистательно окончилъ курсъ въ 1854 г. и былъ оставленъ при институтѣ. Первый литературно-научный трудъ его напечатанъ въ журналѣ *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство* за 1857 годъ и награжденъ серебривою медалью Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ 1858 году Стебутъ былъ командированъ за границу на 3 года для приготовленія къ кафедрѣ земледѣлія и послѣдовательно посѣтилъ съ научными цѣлями Іену, Готтингенъ и проч. Въ Іенѣ, подъ руководствомъ Лемана, онъ занимался агрономическою химіею. Далѣе онъ изучилъ замѣчательныя хозяйства Бельгіи, которую исходилъ пешкомъ вдоль и поперекъ. Въ Парижѣ онъ слушалъ знаменитыхъ Буссенго и Бадемана. 1860 годъ онъ посвятилъ изученію хозяйствъ Англіи и Шотландіи и въ томъ-же году получилъ кафедру земледѣлія въ Горьгореккомъ институтѣ, гдѣ выѣсть съ тѣмъ долженъ былъ читать курсъ политической экономіи и сверхъ того курсъ земледѣлія ученикамъ Горьгорекской сельскохозяйственной школы. Въ 1863 году онъ защитилъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ магистерскую диссертацию подъ заглавіемъ „Известь, какъ средство возстановленія плодородія почвы“.

По закрытіи Горьгорекскаго института, профессоръ Стебутъ былъ переведенъ въ Сиб. Лѣсной Институтъ, а затѣмъ въ 1865 году утверждёнъ профессоромъ земледѣлія Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи, открытой 21 ноября 1865 года.

Въ 1875 г. И. А. Стебутъ, по болѣзни, вышелъ въ отставку, съ честію и рѣдкою пользою послуживъ дѣлу распространенія сельскохозяйственныхъ знаний; но уже въ слѣдующемъ 1876 г. онъ, по приглашенію, и каждый годъ по особому избранію совѣта Академіи возобновилъ и 13 лѣтъ подрядъ продолжаетъ чтеніе курса земледѣлія, а именно частной культуры.

Онъ считая множества докладовъ, рефератовъ, сообщеній, рѣчей въ различныхъ ученыхъ и сельскохозяйственныхъ обществахъ и съѣздахъ, главнѣйшія сочиненія И. А. Стебута суть: 1) Известкованіе почвы. 2) Удобреніе гипсомъ. 3) Сорные травы и ихъ истребленіе. 4) Сельскохозяйственные смѣтки изъ поѣздки въ нѣкоторыя, преимущественно степныя губерніи. 5) Сельскохозяйственное знаніе и сельскохозяйственное образованіе. 6) Настольная книга для русскихъ сельскихъ хозяевъ, составленная членами с.-х. консультаціи Московскаго Общества С. Х. Вѣсь агрономическій отдѣлъ этого замѣчательнаго изданія принадлежитъ перу И. А. Стебута. 7) Статьи о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, его недостаткахъ и мѣрахъ къ усовершенствованію. 8) Основы полевой культуры и мѣры къ ея улучшенію въ Россіи (2 тома).

Множество статей почтеннаго автора разбѣяно въ спеціальныхъ и литературныхъ журналахъ и газетахъ.

Журналъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства *Русское Сельское Хозяйство* съ 1869 по 1871 г. издавался подъ его редакціею. Подъ его-же редакціею изданъ переводъ „Ученія объ удобреніи“ д-ра Гейдена (2 тома) и „Практическихъ наблюденій по земледѣлію“ Коппе, съ его примѣчаніями.

Этими краткими свѣдѣніями, конечно, не исчерпывается богатая и почтенная дѣятельность И. А. Стебута, но уже изъ этого читатели могутъ заключить, какой богатый вкладъ внесъ онъ въ сокровищницу русской сельскохозяйственной литературы.

П. Д.

Кресла, поднесенныя Ихъ Императорскимъ Величествомъ и Государю Наслѣднику Цесаревичу, въ Баку. (Рис. на стр. 1290).

При посѣщеніи Ихъ Императорскими Величествами Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей и Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ заведенія Св. Нины въ Баку, 8 октября текущего года, въ одной изъ комнатъ, приглашенныя губернаторомъ, изъ числа 59 участницъ, двѣнадцать дамъ съ К. И. Семьянниковой во главѣ поднесли Ихъ Величествамъ и Наслѣднику Цесаревичу три кресла, рисунки которыхъ помѣщены на стр. 1290, а Великому Князю Георгію Александровичу — вышитую подушку.

Кресла сдѣланы изъ перемежающихся слоевъ темнаго кубанскаго орѣха и краснаго дерева, съ инкрустациями изъ бронзы; обиты бархатомъ, цвѣта бордо, вышитымъ въ передскомъ вкусѣ (работа бакинскихъ дамъ) подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ К. И. Семьянниковой. Спинка калдаго кресла изображаетъ арку главнаго входа въ Бакинскій Ханскій дворецъ, съ рѣзбою изъ орѣха на фонѣ краснаго дерева. Внутри арки, на бархатѣ болѣе темнаго цвѣта, золотомъ и шелками вышитъ гербъ Бакинскій губерніи. Подъ спинной аркой и подушками локотниковъ идетъ непрерывный рядъ болѣе мелкихъ арокъ на колоннахъ. Пожки кресла представляютъ минареты съ балкончиками того же дворца. Сидѣнье, передняя и задняя часть кресла, а также и подушки локотниковъ расшиты шелками по бархату. На боковыхъ же стѣнкахъ кресла, ниже ряда арокъ, — рѣзные картины на орѣхѣ, изображающія виды Баку, Нефтяныхъ промысловъ, Чернаго городка, храма Огнепоклонниковъ и поѣзда желѣзной дороги съ вагонами-цистернами.

Деревянная работа сдѣлана столярнымъ мастеромъ Я. Мейеромъ съ сыномъ въ Баку; картины на деревѣ рѣзалъ любитель Д. Газіанцъ.

Подъ локотниками креселъ помѣщена надпись: „Рисунки для деревянной работы и вышинокъ въ креслахъ составилъ въ 1888 г. въ Баку студентъ V курса горнаго института Л. И. Семьянниковъ.“

Политическое обозрѣніе.

Пыльнѣе спокойное время едва-ли можно назвать миролюбивымъ; или дѣйствительно, желая мира, слѣдуетъ поступать по известному изреченію и готовиться къ войнѣ. По крайней мѣрѣ отовсюду приходитъ извѣстія о постоянномъ увеличеніи численности войскъ. Въ Италіи, по словамъ перваго министра Криени, всѣ стремленія правительства направлены къ сохраненію мира, но расширеніе военныхъ силъ происходитъ въ виду постоянно возрастающихъ вооруженій другихъ государствъ: поэтому Италія не можетъ де отставать, если только желаетъ исполнить принятыя на себя обязательства. Можно думать, что такіе-же обязательства были одною изъ причинъ увеличенія численности австрійской арміи, хотя, по словамъ нѣкоторыхъ лицъ, дебатировавшихъ въ палатѣ депутатовъ австрійскаго рейхсрата по поводу новаго военнаго законопроекта, — принятіемъ

его обезпчивается миръ, а также независимость и величіе Австріи. Такъ, между прочимъ, депутатъ Пленеръ заявилъ, что лѣвая, не смотря на существующее между внутреннею и внешнею политикою противорѣчіе, подаетъ голоса за этотъ законопроектъ, чтобы въ палатѣ могло составиться большинство двухъ третей голосовъ. Лѣвая, по словамъ Пленера, соглашается на принятіе законопроекта, но не ради нынѣшняго министерства, а ради арміи и могущества монархіи. Ригръ говорилъ, что народы Австріи будутъ, по возможности, поддерживать монарха при добросовѣстномъ выполненіи союзнаго договора съ Германіей. Союзъ съ Германіей — сказалъ ораторъ, — возникъ изъ интересовъ обѣихъ имперій и равноправность обѣихъ сторонъ должна быть соблюдена, всякую-же мысль о государственноправовыхъ отношеніяхъ слѣдуетъ отклонить. Среди западныхъ

славянъ не существуетъ де панславизма. Чешскій народъ не хочетъ де становиться ни русскимъ (!), ни нѣмецкимъ, и потому всѣми силами отстаиваетъ Австрію и ея династію. Министръ народ-

до-чехъ Грегръ говорилъ: „Чешскій народъ не питаетъ довѣрія къ будущему. Что за польза отъ мира, который, въ концѣ-концовъ, долженъ привести къ состязанію государствъ и разоре-

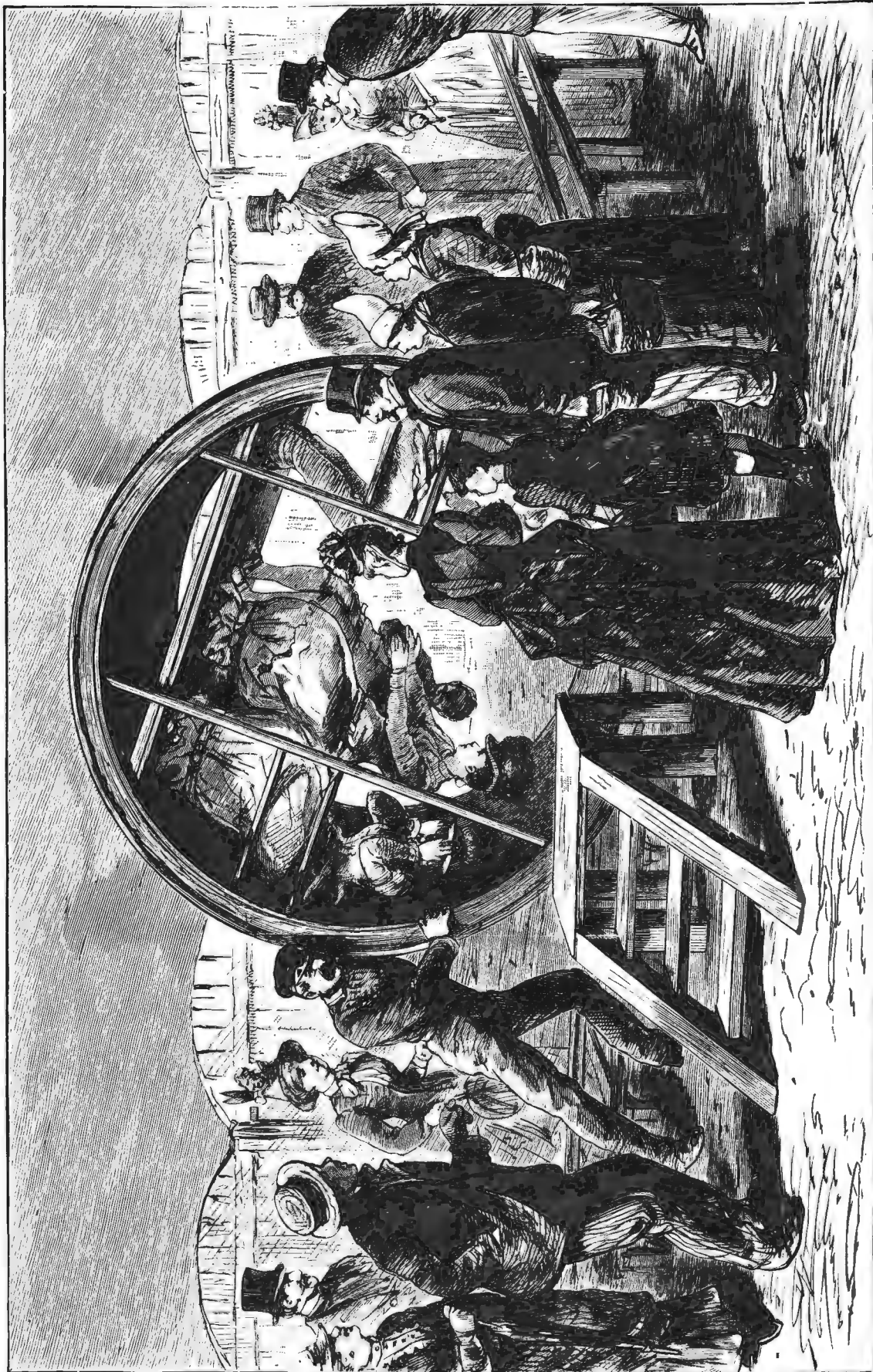
Американскій акробатъ Балдвинъ, спускающійся на парашютъ въ Лондонѣ.

1) (сверху) Подъемъ шара и приготовленіе къ прыжку. 2) Первый моментъ спуска, — парашютъ еще не развернул. 3) Парашютъ развернул. ной обороны, графъ Вельзергеймъ указалъ, что законопроектъ отвѣчаетъ не какому-нибудь отдѣльному національному интересу, а настоящему интересу всего отечества вообще. Мла-

нію народовъ? По чехи будутъ въ пользу всякаго союза, который обеспечиваетъ миръ, независимость и величіе Австріи. Поэтому они одобряютъ военный законопроектъ, но дѣлаютъ

это „только ради Австрийскаго императора, короля Чешскаго и Австрийскаго государства—а не ради кого или чего-нибудь другаго“. Новый военный законопроектъ былъ принятъ палатою съ замѣчательнымъ единогласіемъ въ многопартійной австрийской

образуются изъ ландверныхъ баталіоновъ въ военное время. Такимъ образомъ число дѣйствующихъ дивизій въ военное время увеличится до 46. Затѣмъ новый законопроектъ также старается устранить тѣ затрудненія, которыя встрѣчаются при пополненіи

Народная забава въ Бельгій. Бочка влюбленныхъ. По наброску Эдмюга, грав. Веберъ.

палатѣ. По этому законопроектѣ должны произойти существенныя измѣненія въ организаціи австрийской арміи. Однимъ изъ главныхъ нововведеній будетъ включеніе въ составъ полевыхъ войскъ—14 ландверныхъ, т. е. резервныхъ пѣхотныхъ дивизій, которыя

офицерскаго состава ландвера. Съ этою цѣлю въ законопроектѣ предполагается сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ вольноопредѣляющихся на одинъ годъ—экзаменъ на первый офицерскій чинъ, а невыдержавшихъ его оставлять въ строю еще на одинъ годъ.

Сербія продолжает заниматься новою конституціею. Еще въ половинѣ ноября подкомиссія по пересмотру конституціи пришла къ соглашенію относительно окончательной редакціи проекта пересмотра. Полное согласіе достигнуто по слѣдующимъ пунктамъ: признаніе прерогативъ короля; избраніе народнаго представительства путемъ свободныхъ выборовъ; установленіе гарантій противъ давленія власти на законодательное собраніе, чтобы предотвратить несправедливости; присвоеніе скупщинѣ права одобрять и проверять бюджетъ; принятіе гарантій въ огражденіе политическихъ и гражданскихъ правъ сербскихъ гражданъ, т. е. безопасности личности, собственности, свободы выборовъ, печати и сходами; установленіе ответственности министровъ; признаніе гарантій противъ произвола чиновниковъ; установленіе самостоятельности чиновъ судебного вѣдомства; передача политическихъ процессовъ въ вѣдѣніе обыкновенныхъ судовъ; обезпеченіе расширенной автономіи общинъ. Кроме того, король Миланъ, по собственному почину, предложилъ включить въ новую конституцію статью, въ которой онъ обѣщаетъ не вступать во второй бракъ и объявлять наследнаго принца Александра единственнымъ наследникомъ Сербскаго престола. Комиссія по пересмотру конституціи, говоритъ, встрѣтила это предложеніе съ восторгомъ. Въ то время какъ въ проектъ конституціи включается статья объ избраніи народнаго представи-

тельства путемъ свободныхъ выборовъ, всѣ состоявшіеся королевские выборы были признаны королевскимъ указомъ недействительными, вследствие безпорядковъ и множества жалобъ на террористическій образъ дѣйствій административныхъ чиновниковъ, и предписано приступить къ избранію новыхъ выборовъ. Какъ косвенные, такъ и прямые выборы должны проходить подъ контролемъ королевскихъ комиссаровъ, назначенныхъ изъ состава всѣхъ трехъ партій, и будутъ окончены до 27 декабря, когда послѣдуетъ открытіе скупщины. По получаемымъ извѣстіямъ наибольшее число мѣстъ въ ней будетъ принадлежать радикаламъ и либераламъ, пинѣ совмѣстно дѣйствующимъ. Австрофильская партія напредняковъ всѣми средствами старается ослабить успѣхъ противниковъ и вновь представила жалобы на террористическія средства, къ которымъ, будто, прибѣгали радикалы и либералы во время выборовъ. Подобное положеніе дѣлъ въ Сербіи сильно озлобляетъ вѣнскіи политическія сферы. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, народные страсти въ Сербіи настолько возбуждены, что самый ничтожный инцидентъ можетъ внезапно вызвать крѣбую политическую бурю. Радикалы пользуются народными симпатіями къ королевѣ Наталіи для усиленной агитаціи въ свою пользу, выказываютъ недоброжелательное отношеніе къ королю Милану и рассчитываютъ имѣть на своей сторонѣ большинство въ великой скупщинѣ.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Государь Императоръ, 25 ноября 1888 года, Высочайше соизволил на разрѣшеніе владѣльцамъ облигацій 4% золотого займа 1889 года, выданныхъ на предъявителя, обмѣнивать таковыя облигаціи, въ случаѣ ихъ желанія, на именныя за тѣми же номерами.

— Газ. *Сѣтъ* сообщаетъ, что въ комитетѣ министровъ будетъ слушаться представленіе министерства Государственныхъ Имуществъ по вопросу объ ограниченіи перехода нефтеносныхъ земель въ собственность иностранцевъ и о дозволеніи акціонернымъ обществамъ пріобрѣтать или арендовать не болѣе 30 десятинъ нефтеносной земли.

Морское дѣло.

— Начальникъ Главнаго морскаго штаба, вице-адмиралъ Чихачевъ назначенъ управляющимъ Морскимъ министерствомъ; предѣдатель Морскаго технического комитета, ген.-ад. вице-адмиралъ Кремеръ — начальникомъ Главнаго морскаго штаба, съ оставленіемъ въ званіи ген.-ад.

— По Высочайше утвержденному приговору военно-морскаго суда Кронштадтскаго порта: командиръ фрегата „Память Азова“, кап. 1 ранга Ломень 1, привлеченный къ отвѣтственности по обвиненію въ постановкѣ на мель бывшаго въ его командованіи фрегата „Генераль-Адмиралъ“, признанъ оправданнымъ.

Театръ и музыка.

— 21 ноября, въ СПб., въ залѣ института слѣпыхъ Имп. Человѣколюб. Общества состоялся вокальный и инструментальный концертъ, въ коемъ почти вся программа была выполнена слѣпыми. Изъ воспитанниковъ института составлены хоры и оркестръ, которые очень стройно и согласно исполнили нѣсколько отрывковъ изъ оперъ. Изъ солистовъ особенно хорошо исполнили: соло для флейты Чарди слѣпонецъ Крыловъ и пьесы „Прощаніе“ — Давыдова и Гавотъ — Поппера — слѣпый виолончелистъ Черновъ.

Наука и литература.

— 25 ноября, Поворосійскій университетъ

чествовалъ 25-лѣтіе ученой дѣятельности профессора Ковалевскаго.

— 26 ноября, въ засѣданіи Императорскаго русскаго географическаго общества, дѣйствительный членъ А. А. Тилло сдѣлалъ сообщеніе о своихъ изслѣдованіяхъ „средней глубины морей и высоты материковъ“.

— 27 ноября, въ актовомъ залѣ С.-Петербургскаго университета, происходила защита диссертаций, подъ заглавіемъ: „Митрополитъ Евгений, какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804 гг.“, представленной кандидатомъ университета Е. Ф. Шмурло, для полученія степени магистра русской исторіи. Е. Ф. Шмурло былъ признанъ достойнымъ полученія искомой степени.

Археологія и древности.

— Въ концѣ апрѣля текущаго года, въ Аккерманскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи, были произведены профессоромъ Ф. П. Кнауэромъ раскопки, давшія чрезвычайно важные научные результаты. Въ двухъ курганахъ найдено по одному человѣческому скелету, въ остальныхъ по нѣскольку. Какъ при двухъ первыхъ скелетахъ, такъ и при одномъ изъ скелетовъ остальныхъ кургановъ, лежали рядомъ, голова съ головою, скелеты лошади. Профессоръ Кнауэръ дѣлаетъ догадку, что въ данномъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ могилами гунновъ, какъ извѣстно, среди всѣхъ кочевыхъ народовъ отличавшихся привязанностью къ своимъ лошадямъ.

Открытія и изобрѣтенія.

— Проживающій въ селѣ Власовкѣ, Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи, крестьянинъ А. П. Федорцевъ (онъ же Мусіенко) устроилъ молотилку самой простой конструкціи, съ помощію которой онъ молотитъ крестьянамъ хлѣбъ за дешевую цѣну, вымолачивая въ день 35 копенъ за 3 рубля. Молотилка требуетъ 4 лошадей и 10 рабочихъ.

Изъ губерній и областей.

— Скончался недавно въ Москвѣ потомственная почетная гражданка Дарья Михайловна Великолѣнова, завѣщала Москов-

ской городской думѣ болѣе пятидесяти тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы были выдаваемы два раза въ годъ, предъ праздниками Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенія, бѣднѣйшимъ жителямъ Москвы.

— Въ Москвѣ, 27 ноября, подписано на облигаціи 4% золотого займа 1.350,000 рублей.

— Изъ Чарджуи, отъ 27 ноября, сообщаютъ, что представители шелковой мануфактуры въ Заверче Е. М. Рейхманъ, Друсевецкій и К^о открыли въ Бухарѣ и во многихъ торговыхъ пунктахъ ханства склады. Сбытъ мануфактурныхъ произведеній варшавскаго округа отличный.

Некрологъ.

— 24 ноября, скончался въ Москвѣ членъ Государственнаго Совѣта, егермейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, графъ Алексѣй Васильевичъ Бобринскій.

Городскія новости.

— 13 декабря 1888 г., въ СПб., въ залѣ Дворянскаго собранія, въ пользу Почетнаго Общества Императорскаго Человѣколюбиваго Общества для сбора пожертвованій на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей и приготовленія ихъ въ мастера, данъ будетъ художественно-маскарадный балъ, съ выдачею призовъ за лучшіе костюмы по приговору жюри, состоящаго изъ гг. художниковъ: акад. А. Н. Бенуа, П. А. Богданова, Н. Н. Каразина, М. Г. Сухорова и проф. Шарлеманя; при участіи артистовъ Императорскихъ театровъ и артистовъ итальянской оперы; съ концертнымъ отдѣленіемъ большаго хора московскихъ цыганъ, подъ управленіемъ Николая Шишкина, и двухъ оркестровъ музыки; съ безпрограммною лотереею, базаромъ цвѣтовъ и другихъ вещей, пріобрѣтенныхъ въ лучшихъ магазинахъ Петербурга. Декоративное украшеніе зала свободно приняли на себя гг. художники А. А. фонъ-Беземанъ и А. В. Богдановъ, а убранство растеніями и цвѣтами поручено поставщикамъ Высочайшаго Двора, Ремпель и сынъ.

Библиографія.

Бас. И. Немировичъ-Данченко. *Монахъ*. Романъ. СПб. 1889. Его же. *Незапятые герои*. (4 повѣсти и одинъ разсказъ) СПб. 1889.

Читатели *Нивы* давно уже знакомы съ блестящимъ талантомъ вышеупомянутаго автора. Романъ „Монахъ“ былъ напечатанъ въ прошломъ году на страницахъ нашего журнала подъ заглавіемъ „Патмосъ“. Что касается второй книги, появляющейся нынѣ отдѣльнымъ изданіемъ, то это рядъ живыхъ и весьма интересныхъ очерковъ изъ жизни меньшей братіи, до самыхъ низшихъ слоевъ общества и даже его отверженцевъ.

Театральныя типы. Воспоминанія режиссера (театраль). 7 разсказовъ. СПб. 1889.

Изящно изданный томикъ, который доставитъ много удоволь-

ствія желающимъ познакомиться съ закулиснымъ бытомъ и вообще любителямъ драматическаго театра. Подъ псевдонимомъ *театрала*, какъ извѣстно въ литературныхъ кружкахъ, скрывается лицо весьма компетентное въ дѣлѣ сценическаго искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ владѣющее перомъ беллетриста.

Ольга Шапиръ. *Повѣсти и разсказы*. СПб. 1889.

Повѣсти г-жи Шапиръ достаточно известны читающей публикѣ. Новое изданіе ихъ весьма изящно и безъ сомнѣнія скоро разоидется въ средѣ многочисленныхъ поклонниковъ ея таланта.

Повѣсти и разсказы М. М. Ковалевича. СПб. 1888.

Среди массы новѣйшихъ писателей, принадлежащихъ болѣею частью къ ложно-реалистической школѣ, вышеупомянутый авторъ составляетъ приятное исключеніе: не соблаз-

пиясь легкими усѣбхами на этомъ достаточно уже избытомъ пути, онъ ищетъ болѣе благодарной для искусства почвы—идеальной и находитъ ее въ непочатой еще уголкахъ міра лилипутовъ, маленькихъ людей, карликовъ и т. п. Книжка читается съ большимъ интересомъ.

Германъ Гоппе. *Всеобщій календарь на 1889 годъ* (23-й годъ изданія). Съ 6-ю порт., рис. и 2 безплатными приложеніями: 1) кар-

той путей сообщенія Россіи и 2) стѣннымъ календаремъ. СПб. К. А. Риккеръ. *Записная книжка на 1889 годъ* (XIX). годъ изданія. СПб.

Всеобщій календарь Гоппе и Записная книжка г. Риккера составляютъ насущную потребность каждаго дѣловаго человека. Выпущенные на будущій годъ отличаются тѣми-же достоинствами какъ и всѣ предшешіи.

С М Ъ С Ъ.

Чувство обонянія у мужчины и женщины, по Л. Гашерту. Существовать мнѣе, что чувства у женщины гораздо тоньше и совершеннѣе чѣмъ у мужчины. Относительно зрѣнія и слуха нѣтъ достаточныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса; что же касается чувства вкуса, то, какъ знатоки вина, мужчины несомнѣнно превосходятъ женщинъ; точно также не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлѣ повареннаго искусства предпочтеніе отдается повару предъ кухаркой. Съ другой стороны, чувство осязанія у женщинъ безспорно тоньше развито чѣмъ у мужчинъ, благодаря чему онѣ обладаютъ особенною способностью къ руководствѣ, хотя нельзя отвергать, что иногда въ этой отрасли отличаются и мужчины. Однако, при всемъ желаніи быть вѣликими относительно прекраснаго пола и признать превосходство женщинъ въ развитіи чувствъ, мы принуждены сдѣлать изъ этого правила исключеніе, относительно чувства обонянія.

Какъ-бы то ни было, сильнѣйшій полъ не долженъ слишкомъ кичиться такимъ превосходствомъ, ибо чувство обонянія у человека тѣмъ тонше, чѣмъ ниже онъ стоитъ на культурной лѣстницѣ. Обладать чутьемъ мопсиканъ и др. краснокожихъ вовсе не завидно. У жителя лѣсной мѣстности чутье еще довольно сильно, но у городского жителя оно болшею частію утрачивается.

У животныхъ чувство обонянія играетъ выдающуюся роль; у насекомыхъ оно въ такой степени преобладаетъ надъ другими чувствами, что имѣетъ для нихъ то же значеніе, какъ зрѣніе и слухъ для человека. Очень сильно чувство обонянія у нѣкоторыхъ рыбъ; такъ напр. у акулы слизистая оболочка, служащая для обонянія, достигаетъ нѣсколькихъ квадратныхъ футовъ. Менѣе развито чутье у пресмыкающихся, земноводныхъ и большинства птицъ, и, наоборотъ, болѣе сильно у млекопитающихъ и въ особенности у собакъ, которая исключительно при помощи чутья отыскиваетъ на болшому разстояніи дичь, а также слѣды своего хозяина и находитъ его домъ.

Человѣкъ, какъ выше сказано, обладаетъ чувствомъ обонянія въ весьма различной степени. По Гумбольдту, индійцы отыскиваютъ слѣды чутьемъ, подобно собакамъ. Слѣпой Вардронъ узнавалъ окружающихъ по запаху, а въ Библии говорится, что Исаакъ, ослѣпнувъ въ старости, различилъ запахи полей въ одеждѣ Иакова.

Въ настоящее время чувство обонянія играетъ незначительную роль; его мало угражаютъ и оно все болѣе и болѣе утрачивается, въ особенности у городского жителя, который болше куритъ и пьетъ. Табакъ оказываетъ на обоняніе весьма вредное вліяніе и большинство занятыхъ курильниковъ почти вовсе лишены этого чувства.

Такое наблюденіе сдѣлано, между прочимъ, —находящимся до сихъ поръ въ живыхъ — столѣтнимъ химикомъ Шверрлемъ, который никогда не куритъ, пилъ одну только воду и благодаря этому обстоятельству вполне сохранилъ свое обоняніе.

Одинъ изъ его слушателей, который обыкновенно не куритъ, вошелъ однажды въ лабораторію Шверрля. Ученый, находившійся въ десяти метрахъ отъ дверей, у рабочаго стола, закричалъ вошедшему, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ сдѣлать два шага по комнатѣ: «О! А я думалъ вы не курите!» Оказалось, что молодой человекъ выкурилъ за часъ передъ тѣмъ полъ-сигары.—«Да, у меня носъ хмычка», говорилъ обыкновенно Шверрль, когда удивлялись тонкости его обонянія.—«и если вы хотите обладать такимъ-же, дѣлайте какъ я: пейте только воду и избѣгайте трубки и сигары. Если въ раннимъ утромъ, въ деревнѣ, не слышите озона въ воздухѣ, будьте уверены, что ваше обоняніе не въ порядкѣ и займитесь его леченіемъ. Здоровый носъ *долженъ* чувствовать озонъ».

Хотя у человека, живущаго въ обществѣ, слизистая оболочка носа сравнительно мало чувствительна, но тѣмъ не менѣе она способна воспринимать необычайно тонкія впечатлѣнія. Валентинъ недавно констатировалъ, что можно обонять по миллионную долю миллиграмма розовой эссенціи. Д. Фишеръ и Бенцольдъ въ Эрлангенѣ наблюдали, что посредствомъ обонянія можетъ быть открыто присутствіе

1

2 760,000,000 грана сѣрнаго эфира или хлористаго фенола. У женщины такая чувствительность слабѣе; такъ напр., одна часть синильной кислоты, разведенной въ 20,000 частяхъ воды, для всѣхъ женщинъ, безъ исключенія, не ощутима; между тѣмъ какъ мужчины, съ которыми дѣлали подобный опытъ, обоняли ее даже въ 100,000 разведеніи.

Въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки производились Пикельсомъ и Бэли весьма интересные опыты, о которыхъ былъ читанъ отчетъ въ «Американскомъ обществѣ преусиленія естественныхъ наукъ». Матеріаломъ для опытовъ служили обонямъ физиологамъ различныя сильно пахнущія вещества, какъ напр. эссенція левкоа, эфиръ чеснока, синильная кислота, лимонная эссенція и т. п. Каждое изъ этихъ веществъ разбавлялось извѣстнымъ количествомъ воды, такъ что получался рядъ разведеній, причемъ каждое было вно-

ловину слабѣе предыдущаго. Когда такой рядъ для какого-либо изъ веществъ былъ готовъ, бутылочки (сняту зашнурованная) перемѣшались и присутствующимъ предлагалось снова расположить ихъ въ прежнемъ порядкѣ, по силѣ запаха. Благодаря такой системѣ опытовъ, возможно было констатировать весьма большую разницу въ степени развитія обонянія у различныхъ индивидуумовъ. Такъ напр. трое мужчинъ узнали синильную кислоту въ двухъ-милліонномъ разведеніи; — это такая безконечно малая доза, которая не можетъ быть открыта даже химическимъ анализомъ.

Но болше поразительный результатъ опытовъ заключался въ опредѣленіи разницы существующей у обонямъ половъ относительно тонкости обонянія. Для синильной кислоты отношеніе это заключалось въ разведеніяхъ отъ 20 до 100,000. Лимонная эссенція распознавалась мужчинами въ 250,000 разведеніи, женщинами-же не свыше 125,000. Точно такъ же было и съ другими пахучими веществами.

Поэтому, совершенно несправедливо, на основаніи пристрастія женщинъ къ духамъ, заключалось до сихъ поръ о болшей тонкости ихъ обонянія. Такое пристрастіе происходитъ вѣроятно влѣдствіе того, что женщины гораздо менѣе мужчинъ чувствуютъ запахи и потому менѣе мужчинъ страдаютъ отъ чрезчуръ сильныхъ духовъ. Пусть дамы, имѣющія особое пристрастіе къ духамъ, убѣдятся, на основаніи научныхъ данныхъ, что онѣ для мужскаго обонянія бывають надушены вдвое сильнѣе, чѣмъ для своего собственного.

Если подумать какого ничтожнаго количества пахучихъ веществъ достаточно, чтобы произвести впечатлѣніе на чувство обонянія человека, то легче будетъ составить себѣ хотя приблизительное представленіе о необычайномъ чутьѣ собаки. Наслѣдственность и воспитаніе очевидно играютъ въ этомъ отношеніи такую-же важную роль у человека, какъ у животныхъ. Извѣстно, что нѣкоторыя собаки обладаютъ очень слабымъ чутьемъ, а нѣкоторыя комнатныя породы вовсе утратили его. Въ общемъ-же чувство обонянія, къ сожалѣнію, еще весьма мало изслѣдовано, хотя оно заслуживаетъ, чтобы наука обратила на него болшее вниманіе. (с.)

Величайшую достопримѣчательность Санта-Барбары, въ Южной Калифорніи, составляетъ испанская виноградная лоза, находящаяся въ саду фермера Ф. С. Мартина. Если эта лоза и не раскидывается такъ широко, какъ знаменитый Centennial stock въ Монтечито, то сенья, покрытая безчисленными гроздьями сѣрнаго винограда, она гораздо привлекательнѣе на видъ. Лоза занимаетъ участокъ земли въ 8 квадрати. метровъ. Цѣлая система деревянныхъ подпорокъ поддерживаетъ ея вѣтви, которая въ противномъ случаѣ давно сломилась бы подъ тяжестью плодовъ. Болѣе тысячи тяжелыхъ гроздьевъ черно-снлаго прекраснаго винограда свѣшиваются съ деревянныхъ рамъ и представляютъ каждую осень такую живописную по грушамъ и отгнѣнкамъ картину, что на нее нельзя достаточно наблюдать. Всѣ отдѣльныя гроздья равняются среднимъ числомъ отъ 3½ до 4 килограммовъ, такъ что лоза въ пору полной зрѣлости винограда несетъ на себѣ въсь въ 4,000 килограммовъ (въ 240 пудовъ). Вѣтви такъ растянуты, что образуютъ подъ собою красивое пространство, уногребляемое часто для пикниковъ, обѣдовъ, coffee-parties и т. д. и по всей вѣроятности представляетъ самую оригинальную и привлекательную столовую на всемъ берегу Тихаго океана. Около 50 персонъ могутъ свободно размѣститься подъ „мартиновой лозой“. Къ этому надо прибавить, что рядомъ съ этимъ поистинѣ единственнымъ виноградникомъ стоитъ испанское фитовое дерево, которое во время созрѣванія также гнется подъ тяжестью своихъ плодовъ. (с.)

Перевозка рыбы во льду въ настоящее время есть дѣло весьма обыкновенное, не представляющее ничего удивительнаго; а между тѣмъ способъ этотъ, дающій возможность въ жаркое время года ѣсть свѣжую рыбу, привозимую изъ отдаленныхъ странъ, — для Европы довольно новъ. Первые опыты подобной перевозки были произведены въ сороковыхъ годахъ, въ Америкѣ, и отсюда это нововведеніе распространилось по всему цивилизованному міру. Мы подразумеваемъ здѣсь міръ на который распространяется европейская культура, потому что въ другомъ культурномъ мірѣ, въ китайскомъ, этотъ способъ пересылки рыбы былъ извѣстенъ уже давно. *Пьемцкая рыбопромышленная газета* недавно открыла интересное доказательство тому. Она напоминаетъ о книгѣ, озаглавленной „Der wunderreiche Ueberzug unserer Nieder-Welt, Пюррибертъ, 1680“, въ которой Эразмъ Францискусъ рассказываетъ, что китайцы перевозятъ рыбу въ мѣшкахъ со льдомъ. Эразмъ Францискусъ тогда же предлагалъ ввести этотъ способъ перевозки въ Европу; но „скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается“, — его мысль осуществилась только черезъ 200 лѣтъ. Да послужить это утѣшеніемъ непринятымъ изобрѣтателямъ и проектерамъ! (с.)

Парижское приключенье. Госпожа К., красавица, 28-лѣтняя вдова, часто купалась въ Сентъ прямо съ берега у своей дачи, близъ Корбейля. Она отлично и неустрашимо плавала. Вдругъ ей послышались крики о помощи. На противоположномъ берегу упражнялся въ плаваніи молодой человекъ. Онъ былъ увлеченъ теченіемъ и началъ тонуть. Госпожа К., не долго думая, поплыла къ тому мѣсту, гдѣ несчастный уже пошелъ ко дну. Раза два нырнувъ, она успѣла его схватить и благополучно доставила на берегъ, гдѣ собралась толпа зрителей. Предоставивъ имъ дальнѣйшія заботы объ утопленникѣ, госпожа К., вилавъ же, вернулась на свою сторону рѣки. Когда молодой человекъ очнулся, онъ поспѣшилъ освѣдомиться о своемъ спасителѣ и выразилъ желаніе вознаградить его обычною въ такихъ случаяхъ премією въ 25 франковъ. И вдругъ онъ узнаетъ, что обязанъ спасеніемъ красавицы-вдовы съ 30,000 франковъ годоваго дохода. 30,000 франковъ! Благодарность молодого человека соответственно возрастаетъ. Онъ спѣшилъ къ своей спасительницѣ, бросается къ ея ногамъ и предлагаетъ ей сердце и руку.

Вдова, очевидно не особенно счастливая въ первомъ бракѣ, встрѣтила его громкимъ смѣхомъ.

— Но, вѣдь я обязанъ вамъ жизнью, сударыня! восклицаетъ неопытный пловецъ. — Не могу же я остаться у васъ въ долгу: я честный человекъ!

— Нисколько въ томъ не сомнѣваюсь, отвѣчала вдова, — однако вы не можете заставить меня насильно принять награду за ваше спасеніе.

— Въ такомъ случаѣ, я погибъ! неудержимо продолжалъ молодой человекъ: — обязанный жизнью молодой женщиной, я сдѣлаюсь предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ.

— Значитъ, мнѣ ничего больше не остается, какъ просить у васъ прощенья за то, что я такъ неделикатно вытащила васъ изъ воды?

— Сударыня, взмолился опять молодой человекъ: — доставьте мнѣ по крайней мѣрѣ какой-нибудь случай оказать вамъ соответствующую услугу — на сушѣ, само собой разумѣется.

— Хорошо! согласилась наконецъ вдова. — Если вы непремѣнно желаете, я сдѣлаю все отъ меня зависящее. Завтра я возвращаюсь въ Парижъ; въ субботу даю вечеръ: при-

Профессоръ С. М. Воробьевъ (†). Съ фотогр. грав. Пуць.

Академикъ Константинъ Степановичъ Веселовскій (по поводу 50-лѣтія служебной дѣятельности). Съ фот. Классена, грав. Шюблеръ.

шло вамъ на него приглашеніе. Вы встрѣтите у меня пожилаго капитана, который вотъ уже скоро два года преслѣдуетъ меня своимъ ухаживаніемъ. Я не могу долше этого выносить. Онъ большой забѣлка и дуэлистъ, отлично стрѣляетъ и еще лучше владеетъ шпагой. Заведите съ нимъ ссору и пошлите ему вызовъ: такимъ образомъ я, во всякомъ случаѣ, отдѣлаюсь отъ этого чудовища. Я на васъ разсчитываю. Дѣло, конечно, не безопасное, но вѣдь вы того и хотите. И такъ, рѣшено?

— Рѣшено! подтвердилъ молодой человекъ, дергая себя за усы. — Моя спасительница можетъ на меня положиться. Капитанъ найдетъ во мнѣ достойнаго противника!

И храбрецъ откладился.

Въ назначенный вечеръ у красивой вдовы собрались ея друзья: между ними не оказалось молодого человека, котораго она спасла. Задорный капитанъ — вымыселъ молодой женщины — сослужилъ ей отличную службу: онъ избавилъ ее отъ навязчивой благодарности нелюбимаго плочка.

Ядовитыя рукописи. Бумага, употребляемая въ Европѣ для воспроизведенія — съ цѣлью ихъ сохраненія для потомства — древнихъ рукописей и разнаго рода письменныхъ достопримѣчательностей, обладаетъ достаточною въ нашемъ климатѣ способностью противостоять разрушительному дѣйствию времени. Но въ жаркихъ тропическихъ странахъ она утрачиваетъ эту способность. Поэтому, не смотря на то, что она красивѣе и гораздо дешевле, ученые браминны въ Остѣ-Индіи опять начинаютъ предпочитать ей для своихъ трудовъ бумагу туземнаго производства, изстари употреблявшуюся для сохраненія памятниковъ санскритской литературы. Но служащая для ежедневнаго употребленія бумага въ Индіи тоже не отличается прочностью: пропитанная рисовою водою, она въ дождливое время вбираетъ въ себя слишкомъ много влаги и легко становится добычею червей, бѣлыхъ муравьевъ и разныхъ другихъ насекомыхъ, особенно такъ называемой «серебряной рыбки» (Silberfisch), которая оказывается настоящимъ бичемъ для письменныхъ документовъ. Во важнѣйшіе порчи въ болѣе важныхъ случаяхъ, туземцы употребляютъ для своихъ

ученыхъ писаній бумагу, насыщенную ядовитымъ растворомъ, благодаря которому та не легко поддается дѣйствию вышеупомянутыхъ разрушительныхъ элементовъ. Въ Бенаресѣ, напри- мѣръ, находится отлично сохранившаяся рукопись, Суще- ствующая уже больше пяти- сотъ лѣтъ (она помѣчена 1310 г.). Для этого туземная бумага про- питывается смѣсью изъ желтаго мышьяка съ сокомъ, выжимае- мымъ изъ сѣмянъ тамаринда, который для того растираютъ морскою раковиною. Бѣлый мышьякъ рѣже падетъ въ дѣло и тогда смѣшивается съ клеемъ акаціи. Изъ этого слѣдуетъ, что индійскіе ученые пишутъ свои сочиненія на бумагѣ, которая у насъ (наподобіе бумаги съ отравой для мухъ) допускалась бы въ продажѣ только въ апте- кахъ, съ предостерегательнымъ клеймомъ въ видѣ мертвой го- ловы. Обыкновенная бумага ту- земнаго происхожденія вообще шершава: чтобы на ней можно было легче и быстрѣ писать, ее насыщаютъ соответственно крѣпкимъ ядовитымъ растворомъ, для чего особенно пригоденъ сокъ изъ сѣмянъ тамаринда. Ученое общество въ Калькутѣ, основанное англичанами подъ названіемъ „Азиатскаго“, вла- дѣетъ древними рукописями, пе-

Иванъ Александровичъ Стебутъ, проф. Петровской Земледѣльческой Академіи въ Москвѣ (по поводу 25-лѣтія ученой дѣятельности). Съ фотогр. Е. Овчаренко, грав. Шюблеръ.

реписанными на европейской бу- магѣ между 1820 и 1830 го- дами: онѣ уже сильно пожел- тѣли, обветшали и во многихъ мѣстахъ источены „серебряною рыбой“. Рукописи же, въ на- чалѣ перваго десятилѣтія на- стоящаго вѣка, переписанныя для библіотеки колледжа въ Портъ-Вильямсѣ на бумагѣ, на- сыщенной мышьякомъ, сохра- няютъ первоначальную свѣжесть. На этомъ основаніи, въ послѣд- нее время стали и для „су- дебныхъ актовъ“ рекомендовать употребленіе „ядовитой“ тузем- ной бумаги предпочтительно пе- редъ англійскою, которая такъ легко и скоро поддается вліянію климата и прожорливости насѣ- комыхъ. (N).

Ядъ угря. Въ списокъ ядовъ наукою внесенъ въ послѣднее время еще одинъ, страшный по своему дѣйствию и заключаю- щійся въ крови угря. Кто бы могъ подумать, смотря на жир- наго, вкусно приготовленнаго угря, что изъ крови этой рыбы можно извлечь такое количество яда, которое вполне достаточно, чтобы убить десять человѣкъ! Однако фактъ несомнѣненъ. Про- фессоръ Моссо въ Туринѣ недав- но напечаталъ свои интересныя изслѣдованія по этому предмету, и мы заимствуемъ изъ его со- чиненія наиболѣе существенное.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи пер- выхъ №.№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНО- ГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕН- НО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1889 года, такъ какъ

Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, кор- ректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИС- ЧИКОВЪ требуетъ много времени.

Подписка на „НИВУ“ 1889 г. СЪ РАЗСРОЧКОЙ.

Въ виду ежедневно поступающихъ запросовъ о разсрочкѣ **ГODOVOЙ УПЛАТЫ ПОДПИСНЫХЪ ДЕНЕГЪ** на „НИВУ“ 1889 года, Контора наша возможнымъ открытъ подписку **ВЪ РАЗ- СРОЧКУ** для иногородныхъ подписчиковъ на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится	8 р.
Къ 1-му мая 1889 г.	2 р.
Къ 1-му іюля остальные	2 р.

Желающіе подписаться съ разсрочкой благоволятъ заявить объ этомъ при пер- вомъ взносѣ, и они будутъ считаться годовыми под- писчиками.

Профессоръ Моссо занимался на зоологической станціи въ Неаполѣ изученіемъ состава рыбьей крови и хотѣлъ прежде всего опредѣлить, почему нѣкоторыя рыбы, какъ напр. угорь, могутъ жить и въ морской, и въ прѣсной водѣ, между тѣмъ какъ другія морскія рыбы умираютъ вскорѣ послѣ ихъ перемѣщенія въ прѣсную воду. Съ этой цѣлью профессоръ Моссо далъ свернуться крови угря. При этомъ, какъ обыкновенно бываетъ, образовались такъ наз. кровавые сгустки и сукровица; послѣдняя была желтаго цвѣта съ голубоватыми отливками. Профессоръ Моссо взялъ каплю сукровицы на кончикъ языка и тотчасъ почувствовалъ острый ѣдкій вкусъ, а вслѣдъ за тѣмъ появилось обильное отдѣленіе слюны и затрудненное глотаніе.

Какъ сукровица обыкновеннаго угря, такъ и морскаго, а также и мурены оказывала одинаковое дѣйствіе. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что сукровица обладаетъ ядовитыми свойствами. Въ Туринѣ были произведены дальнѣйшіе опыты, причѣмъ сукровица угря убивала всѣхъ животныхъ, которымъ, ради опыта, она вводилась въ кровь. Такъ напр. кроликъ, которому было впрыснуто подъ кожу 3 дециграмма сукровицы мурены, былъ убитъ ея дѣйствіемъ въ 2 1/2 минуты; собака, которой было впрыснуто въ шейную вену 1/2 грамма, околѣла черезъ 4 минуты. Симптомы отравленія тѣ же самыя, какіе обнаруживаются при отравленіи змѣинымъ ядомъ, съ тою только разницею, что дѣйствіе змѣйнаго яда

гораздо сильнѣе. Къ счастью, рыбный ядъ оказываетъ дѣйствіе только при непосредственномъ введеніи его въ кровь, такъ что можно и впредъ безъ опасенія вѣтъ угрей „во всѣхъ видахъ“; притомъ же вслѣдствіе варки рыбы ядъ угря утрачиваетъ свои губительныя свойства. Особенно важно объясненіе профессора Моссо относительно рода дѣйствія яда, такъ какъ оно бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на способъ дѣйствія укушенія змѣи. Нашимъ читателямъ, даже неспециальнымъ, вѣроятно извѣстно, что въ продолговатомъ мозгу находится небольшое мѣстечко, называемое жизненнымъ узломъ. Величиною оно не болѣе булавочной головки и образуетъ центръ дыхательныхъ движеній. Если этотъ узелъ проколотъ толстой иглой, животное мгновенно падаетъ мертвымъ, такъ какъ при этомъ сразу прекращаются дыхательныя движенія. Яды, какъ угря, такъ и змѣи, повидимому, главнымъ образомъ дѣйствуютъ на продолговатый мозгъ и причиняютъ смерть прекращеніемъ дыханія. При помощи искусственнаго дыханія губительное дѣйствіе яда можетъ быть уничтожено, и организму дана возможность постепенно возстановить свои силы. Крайне интересно узнать дальнѣйшія изслѣдованія знаменитаго итальянскаго

Кресла, поднесенныя Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Государю Наслѣднику Цесаревичу, въ Бану. Съ фотогр. грав. Ольшевскій.

ученаго; быть можетъ, ему удастся достигнуть точныхъ доказательствъ правильности своего мнѣнія и открыть средство противъ змѣйнаго яда. (с.)

Рѣшеніе ребуса на преміи (№ 75)

(помѣщеннаго въ № 47).

Онта" — диванъ — с — кій — си" — графинь — X — ода' На — (жиды — и) — ялдеу' — ложи — ледь — и — путь — руда' — нуль' — ю — за Г' адъ — куль' — разъ — гадъ — рать — И при Г' — роза' — вилка' — богъ — де' — вюи' — съ Вы — Ше — ал — оса' — иль — N — с' — часъ — Т' на Г' О — царь — Ева' — дичь — а — (пожаръ — а) — рать.

чю (слав.) — подъ Ра, — ж — мать — Египетъ — S — комъ У — чия — у — въ Н' — h — вѣшка" — лбы — знать' — очи — шило — Л (люди) — ей — Ли (рѣка) — мошна — съ W, П' — нитъ — и — мышъ — В' — дама' — просо' — чю (слав.) — ивы — шлемъ — нива' (поле) — у — к' — рогъ — чѣ — сума' — е — J — е — чезъ — гадъ — куры' — азъ — брешъ — ть.

Ной' — ре (нога) — ясли — Этна" — ослъ": И, Ш' — комъ — труба" — дно А — призъ' — томъ въ Ы — чезъ — охота' — сли — избы — и — смѣта' — ь — пони' — Ъ и е — конь — нва' — э — топоръ — д — Ш — Ш' — щить — есть въ П — терка" — буръ — га (нога) — э — До' (нога) — домъ — подъ номеромъ шести — домна — и' — левъ съ Кой — нерстъ' — члел' — тетива' — э.

„Оиванскій сфинксъ однажды предложилъ Эдипу трудную загадку разгадать, И пригрозилъ, когда то свыше его силъ, Несчастнаго паревича пожрать. Но подражать египетскому диву Въ нашъ вѣкъ бы значило людей лишь насмѣшить, И мы вамъ просто вышлемъ „Ниву“, Когда суждете загадку разрѣшить; Но если это слишкомъ трудно, а притомъ, Вы захотѣли бы имѣть понятіе о „Нивѣ“, То подпишитесь въ Петербургѣ, домъ Подъ номеромъ шестымъ на Невской перспективѣ.“

Всѣхъ вѣрныхъ рѣшеній этого ребуса прислано отъ 169 лицъ; именно: отъ 54 гг. городскихъ С.-Петербургскихъ и 115 иногородныхъ подписчиковъ, и изъ нихъ по жребію преміи пали на рѣшенія слѣдующихъ лицъ:

- 1) Н. Родіонова, СПб., Фурштатская ул., д. 8, кв. 26.
- 2) Николая Михайловича Морель, СПб., Надеждинская ул., д. 21, кв. 7.
- 3) Александра Александровича Дмитренко, СПб., Монетный Дворъ.
- 4) Дмитрія Александровича Поспѣева, СПб., Коломенск., д. 7, кв. 73.
- 5) Учителя городского училища П. М. Миронова, въ г. Оренбургѣ.
- 6) Елизаветы Григорьевны Горяевой, Хамовники, Теплый пер., д. Матвѣева, въ г. Москвѣ.
- 7) Александра Николаевича Воскресенскаго, Похвалинская ул., д. Дьячкова, въ г. Нижнемъ-Новгородѣ.
- 8) А. В. Помарскаго, въ г. Симбирскѣ (получено по телеграфу).
- 9) Счетовода Загладина, Ковровскія мастерскія, въ г. Ковровѣ.
- 10) П. П. Добровольскаго, въ Переславлѣ-Залѣтскомъ, Влаг. г.
- 11) Николая Павловича Чеснокова, Плигинъ ля ул., соб. д., въ Москвѣ.

- 12) Татьяны Александровны Синицкой, въ г. Торжкѣ, Твер. губ.
- 13) Вѣры Андреевны Алексѣевой, Малая Никитская, д. Истрина, учебное заведеніе, въ г. Москвѣ.

- 14) Ангели Федоровны Чувиляевой, конт. Татарникова, въ г. Костромѣ.
- 15) Мироваго Судьи Виктора Константиновича Терскаго, въ с. Большое Коврино, г. Зарайскъ, Ряз. г.

- 16) Л. Е. Шилохвастова, Подоль, Хорева ул., д. 15, въ г. Невѣ. Всѣмъ вышеупомянутымъ 16 лицамъ, каждому по 1 экз., „Нива“ записана на будущій 1889 годъ.

За тѣмъ остальные вѣрныя рѣшенія получены отъ слѣдующихъ лицъ: СПб. — М. И. Симонова, Е. Г. Милевангъ, Юлина, С. Романовскаго, Ф. О. Домбровскаго, Н. П. Колесова, В. Герасимовъ, Боровикова, И. Вѣтринскаго, А. А. Сергіева, А. Пуякова, Н. К. Синигина, П. Палибина, В. Д. Мутъева, Н. М. Сергіевскаго, В. Преображенскаго, М. Н. Чернышевскаго, Тичино, Тизенко, В. П. Корженкова, А. Н. Шигаева, С. Рюльманъ, Ф. Геккеръ, А. Крамаревой, М. Шигаева, Д. Добровольскаго, А. В. Лерке, Л. А. Семеновской, № 52, 474, А. П. Шебакина, А. И. Пестовскаго, С. Д. Карейша, И. Зданскаго, А. В. Клязминскаго, М. Шликивича, В. Н. Соколова, Ю. Добровольскаго, М. С. Иконникова, С. Н. Николаева, Е. П. Лягъ, А. Е. Колтшова, Е. А. Зиновьева, Н. Я. Дмитриева, Я. А. Малишева, Д. Глазубель, В. Н. Соколова, № 91, 945, Н. Вѣлева, И. Полибина, В. Вильсона, Москва — М. В. Давыдиной, Молчанова, В. Доброкотской, П. М. Михайловскаго, Егоровой, Д. И. Кирѣева, Е. И. Сынгаевскаго, А. Д. Ильинскаго, С. Пестова, А. Д. Самсонова, Н. Г. Чеснокова, Е. П. Большаковой, П. И. Милевангъ, И. Хотинскаго, А. Е. Виноградова, Н. Христинича, Подковника Абдулова, С. Д. Костылевой, И. В. Таличкова, Арзамасъ — Крестовыхъ, Александровна — А. С. Пестрова, Бабино — Лавровой, Воронень — А. А. Кюн, Н. Подшивалова, Винница — С. А. Рабиновича, Витебскъ — С. Ф. Мамонова, Варшава — Ф. Розова, Подпор. Ермолаева, Гродно — В. П. Прохорова, Н. Ф. Рафаэловича, Дуровна — А. М. Свѣгирева, Енатеринскаго — В. В. Кузьминскаго, Калуга — Н. Г. Спаскаго, П. М. Кипарисова, И. М. Курбатова, Ирсанскъ — Д. А. Завѣрчачева, А. В. Лисцова, П. М. Зотова, В. Д. Загрязскаго, Коломна — А. А. Шкуниной, Е. Т. Шевалгиной, Нишинева — А. Сахаровой, Ц. А. Монастырской, Невѣ — А. В. Улянова, В. В. Вѣлева, В. Р. Якубовскаго, Г. Шуминскаго, Д. П. Молчановой, Т. П. Догалева, К. Н. Милевангъ, А. Ланкарева, И. Шереметинскаго, А. Н. Шульженко, Пронштадтъ — М. Е. Саткина, Ломжа — Д. В. Теплова, Минскъ — Литовера, Залиндъ, Г. М. Венгерова, С. П. Сорокина, Могилевъ — П. Я. Эйлера, С. И. Когона, Новгородъ — Н. Г. Кудрявцева, Н. Новгородъ — В. А. Знаменскаго, П. И. Симонова, Ижмѣнь — Д. Е. Салемана, Одесса — Н. М. Стефани, Л. А. Добровольскаго, Оренбургъ — П. Мей, Пенза — С. Н. Мошкова, Полтава — А. Кривскаго, Псковъ — И. М. Лойко, Пльзнь — А. И. Золотова, Путивль — В. И. Можайскаго, Рязень — В. Д. Голицына, А. Г. Пугачева, С. Дружирова, Подпор. Новосельскаго, М. И. Охидцова, Н. В. Шумова, Рига — М. Исавиной, Ростовъ на Д. — С. И. Шкунина, Сергачъ — А. В. Занольскаго, Г. В. Соколова, Сима — И. С. Жигарева, Н. Д. Бунина, Суздаль — Н. И. Доброхотова, Тула — А. Н. Стрелкова, Горжонъ — М. И. Ковалевой, Н. Н. Медвѣдова, А. В. Зиловой, Тамбовъ — Л. Вахрушева, Н. Арнольдъ, Угличъ — П. В. Шляковой, Уметь — М. А. Завѣрчачева, Харьковъ — А. А. Катеринича, А. Ю. Святальскаго, Петровскаго, Царское село — Павловича, Черниговъ — А. И. Мезецкова, Н. Аполлонова, Шацкъ — А. А. Тумянова, Шуя — С. А. Школина.

Кромѣ того невѣрныхъ рѣшеній получено болѣе 300.

СОДЕРЖАНІЕ: Бригадирская внучка. Московская бѣда. Графа Е. А. Салиаса Часть II. (Продолженіе). — Къ рисункамъ: Водопой близъ Лѣтнаго сада (съ рис.). — Ангель-Хранитель (съ рис.). — Не итѣай, плутишка! (съ рис.). — Охота на лосей. Передъ облавою и конецъ облавы (съ 2 рис.). — Штирийская крестьянка (съ рис.). — Дикая утка, защищающая утятъ отъ водной крысы (съ рис.). — Американскій аэробатъ Балдинъ на парашютѣ (съ рис.). — Народныя забавы въ Бельгѣ (съ рис.). — С. М. Воробьевъ (съ портр.). — Академикъ К. С. Велоселовъ (съ портр.). — И. А. Стебутъ (съ портр.). — Кресла, подаренныя Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Государю Наслѣднику Цесаревичу, въ Бану (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Библиографія. — Сибирь. — Объявленія „Нивы“. — Рѣшеніе ребуса на преміи № 75. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Плюшкинъ.

Открыта подписка на „Ниву“ 1889 г.

Подписная цѣна за годовое издание „НИВЫ“:

Без доставки въ С.-Петербургъ	5 р.	Без доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, Петровскій линіи	6 р.	Съ пересылкою въ Москвѣ и въ друг. городахъ и мѣст. Имперіи	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	6 р. 50 к.			За границу	9 р.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

ОТЪ СЪМЯННОЙ ТОРГОВЛИ В. Е. ГРАЧЕВА
въ С.-Петербургѣ.

При этомъ номерѣ размѣщается въ мѣсячныхъ подшивкахъ каталогъ съмянъ на 1889 г.
Иллюстрированный каталогъ высылается по ирислѣткѣ 75 коп. почтовыми марками или деньгами. № 3564

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ изъ жизни Туркестанскаго края Н. Н. КАРАЗИНА. Изд. 2-е, дополн. 8-ю новыми оригинальн. рисунк. автора. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскошн. колѣнк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Съ требов. прос. обрац. въ Контору журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, д. 6).

СЪМЕННОЕ ДЕПО
ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦЪ
въ Москвѣ, Мясницкая ул., д. Пѣгова.

Прейсъ-курантъ на 1889 г. сельско-хозяйственнымъ, огороднымъ, дѣвоточнымъ, древеснымъ, пальмовымъ сѣменамъ, растениямъ, и садовымъ инструментамъ по М. № 3578 требованію выдается и пересылается бесплатно. 5-1

А. М. РУЗАНОВЪ
Гостинный Дворъ, № 40, въ С.-Петербургѣ

высылаетъ по первому требованію бесплатно свой спеціальнй

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
Цѣны на заграничныя произведенія понижены. № 3480 6-5

УКРАШЕНІЯ
ДЛЯ ЕЛКИ

удивительно дешево и выгодно для провинціаловъ. Высылаю коллекціи состоящихъ изъ стекла, металла, ламеты и проч.

Каждая для одной елки, а именно:

110 предметовъ Р. С. 18, 50	по получеиіи
75 " " " 10, 50	надлежащ.
60 " " " 7, —	сумми.

включительно упаковка и пересылка.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ
ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ
Садовая, 12, С.-Петербургъ.

САРПИНКА. | Приемъ заказовъ и пересылка во всѣ города Россіи и за границу. | **СЕЗОНЪ 1889 г.**

Собственной выработки **САРПИНСКІЯ ИЗДѢЛІЯ** ручнаго ткачества родъ зефира, для лѣта на дамскія платья, дѣтскіе костюмы и мужскія сорочки. Отлично моются.
Цѣны отъ 15 до 22 копѣекъ за аршинъ.

ОГРОМНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ НОВѢЙШИХЪ ОБРАЗЦОВЪ.
высылается заказной бандеролью въ альбомѣ за 42 и въ конвертѣ за 28 копѣекъ почтовыми марками. Цѣны и условія при образцахъ. № 3525 5-3

Адресъ: Саратовъ. „Товариществу промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій“.

СЕЗОНЪ 1889 г. | **ПРОДАЖА ШТУКАМИ И АРШИНАМИ.** | **САРПИНКА.**

Вышли и продаются во всѣхъ книжныхъ № 3529 магазинахъ: 3-3

МОНАХЪ (ПАТМОСЪ)
романъ Вас. Немировича-Данченко.
Цѣна 1 рубль.

НЕЗАМѢТНЫЕ ГЕРОИ
повѣсть. Цѣна 1 руб. За пересылку слѣдуетъ приложить за 1 ф.

ОЛЬГА ШАПИРЪ.
Новѣсти и рассказы.
Ц. 2 р. Складъ у авт. СПб. Надеждинскій, 28.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перенд. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаютъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхование выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города
Оплата купоновъ. № 3555 4-3

Также нуженъ вѣрныи съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА.
Новоизобрѣтенная нами глицериновая пудра по своему составу содержитъ всѣ качества для бѣлизны кожи.

Брокеръ и К^о.
М. № 3154 4-2.

Большое депо часовъ
НЕВСКІЙ ПР. № 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейсъ-Кур. Высыл. безпл.

НОВОСТЬ! № 3577 4-1

Часы дамскіе стальные черные съ зав. безъ ключа, величиною съ 20 коп. сер. монету. Ручательство за вѣрный ходъ. Цѣна отъ 30 руб.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
П. П. ДАУГУЛЯ

существуетъ съ 1822 года въ г. Дерптѣ, Лифляндской губ. и высылаетъ бесплатно и франко **НАТАЛОГЪ СЪМЯНАМЪ** огороднымъ, дѣвоточнымъ и виномаческимъ, 500 сорт. **РОЗАНАМЪ**, грунтовымъ и оранжерейнымъ, Георгинамъ, Гвоздикамъ, дѣвоточн. луковичамъ, воздушн. и тепличн. растениямъ, фруктовымъ и украсительнымъ № 3571

ДЕРЕВАМЪ и **КУСТАРНИКАМЪ**, итубникамъ, спаритъ, шампинион. гнѣздамъ, растительн. гигрометрамъ (пр.-деказимъ, перемѣну погодъ въ точности за 24 ч. впередъ, ц. 2 р.) и пр. съ обозначеніемъ крайн. цѣвъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„НОВОСТИ“
1889 ГОДА.

Условія подписки:

На 1-е (большое) издание			
ВЪ РОССІИ:	Въ Спб.	Въ др. город.	ЗА ГРАНИЦУ
	Р. К.	Р. К.	СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:
На годъ	16 —	17 —	годъ мѣс. мѣс. мѣс.
„ 6 мѣсяцевъ	9 50	11 —	Р. К. Р. Р. К.
„ 3 „	5 50	7 —	Въ страны, вошедшія въ почтовый союзъ . . . . .
„ 1 „	2 —	2 50	Въ страны, не вошедшія въ почтовый союзъ. 47 — 28 15 — —
На 2-е (малое) издание			
ВЪ РОССІИ:	Въ Спб.	Въ др. город.	ЗА ГРАНИЦУ
	Р. К.	Р. К.	СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:
На годъ	9 —	10 —	годъ мѣс. мѣс. мѣс.
„ 6 мѣсяцевъ	6 —	6 —	Р. К. Р. Р. К.
„ 3 „	3 —	3 —	Въ страны, вошедшія въ почтовый союзъ . . . . .
„ 1 „	1 —	1 —	Въ страны, не вошедшія въ почтовый союзъ. 39 20 11 —

РАЗСРОЧКА платежа годовой подписной цѣны допускается: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ—по соглашенію съ конторою. Взносы по разсрочкѣ производятся: гг. игородными подписчиками перваго изданія: при подпискѣ—7 р., въ концѣ марта—7 р. и въ началѣ августа—3 р.; городскими: при подпискѣ—5 р., 50 к., въ концѣ марта—5 р. 50 к. и въ концѣ іюня—5 р.; гг. игородными подписчиками втораго изданія: при подпискѣ—4 р., въ концѣ марта—3 р. и въ концѣ іюля—3 р.; городскими: при подпискѣ—3 р., въ концѣ марта—3 р. и въ концѣ іюня—3 р.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Деньги и письма адресуются: въ Петербургъ, въ редакцію газеты „Новости“. Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, „Новости“.

ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖЪ:
Усовершенствованныя

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
съ 7-ю педалями, 24-ми струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.

Цѣна бѣло-лакированныхъ 8
„ темно-полированныхъ 8 50
Ноты въ нимбъ: Альбомъ I и II по 80
Альбомъ III новыи 50

За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Прейсъ-куранты всѣмъ инструментамъ бесплатно.
Заказъ исполняется аккуратно и немедленно. Ц. № 8386 (6)

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго колленора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

НОВѢЙШІЕ ТАНЦЫ

НИВА-ВАЛЬСЪ. (Соль мноръ) соч. Г. Вальтеръ для подписчиковъ „Нивы“ (только чрезъ контору „Нивы“) 45 к.
Морской Царь. Флотскій вальсъ, соч. Кейль. 85 „
Наши Рыбачи. Поляка съ юмор. текстомъ, соч. Г. Трауготъ 60 „
Конфетна-Надриль изъ новѣйшихъ цыганскихъ пѣсенъ, соч. Г. Вальтеръ. 75 „
Наши Нервы. Антинервный галопъ для нервныхъ людей, соч. Г. Вальтеръ. 60 „
Тореадоръ-Надриль на испанскіе мотивы, соч. А. Розенбергъ. 75 „
 имѣются у издателя:

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ:

С.-Петербургъ, Б. Морская 36 и 42.
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
 Кроме того въ огромномъ выборѣ и въ дешевыхъ изданіяхъ классическихъ сочиненій и сборники въ роскошныхъ переплеткахъ и безъ переплета, удобны для подарка къ праздникамъ. № 3579

„НОВОСТЬ“
за 5 марокъ

(иногородныхъ) высылаются заказнымъ новымъ практичекій стѣнной

КАЛЕНДАРЬ

на 1889 г.
 (размѣръ 6½ в. X 9 в.)
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ.
 Москва. — С.-Петербургъ.

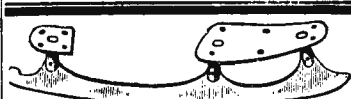
№ 3570 5-1

ПОДХОДЯЩІЕ ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ.

Ящики для хромофотографіи съ химическо-механическими препаратами для превращенія всѣхъ возможныхъ фотографій въ художественно-писанная масляными красками картины, безъ всякихъ познаній въ живописи и рисованіи. Цѣна РС. 7.
 Бинокли для театра, охоты и путешествій въ кожаныхъ футлярахъ на ремняхъ. РС. 7.
 Фотографическій аппаратъ, состоящій изъ камеры, стѣны, объективовъ и ацила, съ печатанными наставленіями употребленія. РС. 10.

К. И. ФРЕЛДЦЪ.

Складъ фотографическихъ принадлежностей С.-Петербургъ, Невскій просп., д. № 30/16.

10 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ КОВЬКОВЪ

отъ 2 руб. — 15 руб. за пару. 3371
 Иллустр. прейсъ-куранты бесплатно.
Ж. БЛОКЪ. СПб., Б. Морская. 21.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
ВЪ
СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ
„РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

СТРАХОВАНІЯ:

Капиталовъ на случай смерти,
 Вдовьихъ пенсій,
 Капиталовъ на старость,
 Пенсій на старость,
 Приданого для дѣвушекъ,
 Стипендій для мальчиковъ,
 Пожизненныхъ доходовъ. № 3456 4-3

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1888 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 16,681 лицо на капиталъ въ 49,061,640 руб.
 Дивидендъ страхователей въ 1888 г. составляетъ 12%.

Ближайшія подробности въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, бесплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и агентами Общества въ городахъ Имперіи.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, съѣдуеть при покупкѣ требовать

Eau de Lys de LOHSE.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный Парфюмеръ
 46. Jägerstrasse, Berlin.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

А. РАДЛЕ и К^о ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ ВЪ МОСКВѢ.

Мыло лимонно-глиц. Вода туалетн. (особ.)
 Цвѣточный одеколонъ. Помада семейная.
 Мыло цвѣточно-глицер. Духи Персидск. сирень.
 Одеколонъ квадрюпл. Мыло оперное.
 Пудра бархатная. Духи Б-тъ Амавъ.
 Элексиръ борно-тимоловый. Мыло „виды Москвы“.
 П. № 3560

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.
 Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. (15) № 2946

ОСКОЛКИ

Подъ редакціей Н. А. Лейнина.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ большаго формата съ нарисовками (въ краскахъ и черными). № 3527 3-2

52 №№ въ годъ: до 800 рисунковъ, до 1300 статей; ребусы, шарадки, загадки на премію.

Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:**

новую книгу Н. А. Лейнина **„ГОЛУБЧИКИ“**,

сборникъ разсказовъ, въ изящномъ изданіи, съ художественными иллюстраціями.

Цѣна за журналъ:
 На годъ съ перес. и дост. . . 8 р.
 На полгода съ перес. и дост. . . 5 „
 На три мѣс. съ перес. и дост. . . 3 „

◆ На пересылку преміи заказною бандеролью гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать 28 коп. деньгами или почтовыми марками.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ, въ Троицкой ул., д. № 18—20.

Редакторы-издат.: Н. Лейкинъ и Р. Голикъ

КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ ЧЕШСКО-СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА В. Ф. ЧЕРВЕНЬИИ и Сыновья
въ Кіевѣ, Рейтарская, 41.

Рекомендуютъ свой заводъ для доставки музык. инструментовъ духовныхъ, струнныхъ, ударяемыхъ и клавишныхъ, которые превосходятъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ по чистотѣ строя, отличаясь элегантною и прочною отдушкой.

Т. п. адресовать: въ Кіевѣ, В. Ф. Червеному и С. № 3461

ЛЕВШИНСКІИ и ГЛОЗНИКЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

НОВОСТЬ! Американскія металлическія лампы ГИЧКОКЪ безъ стекла.

Свѣтъ сильнѣе, бѣже и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается огромная экономія устраненіемъ постоянно ломающихся и бьющихся стеколъ.
 Лампа вся металлическая, изъясно никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.

Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1/2 колѣйки въ часъ.

◆ Полное ручательство за доброкачество. ◆
 Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію:

Столовая . . . . . 12 руб.
 Височная . . . . . 15 руб.
 Стѣнная . . . . . 15 руб.

Съ колѣякомъ и колѣякомъ на 3 р. дороже. Цѣны въ Азіатскую Россію на 4 р. дороже. Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372

Ж. БЛОКЪ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
 Москва, Кузнецкій мостъ.
 Екатеринбургъ, Соборная улица.

На 1889 (II-й) г.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„СЧЕТОВОДСТВО“

Редакторъ-издатель Ад. Марч. Вольфъ.
 Безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. на годъ.
 Программа: I. Значеніе сч-ва. II. Исто-
 рія и теорія сч-ва. Коммерческія зна-
 нія. III. Практич. отдѣлъ. IV. Разборъ
 отчетовъ. V. Виблюграфія. VI. Судебн.
 отдѣлъ. VII. Темы и задачи. VIII. Сѣмь
 и сирак. отдѣлъ. IX. Объявленія.
 Подробная программа высылается без-
 платно. № 3533 3—3
 Контора редакціи: СПб., Нараванная, 16.
 № № за 1888 годъ 6 руб.

Только что вышли въ новыхъ хорошихъ
 изданіяхъ:

ЛЮБИМЫЕ ТАНЦЫ
Л. ДЮКОМЕНА,

извѣстнаго петербургскаго пианиста и ком-
 позитора танцевъ: 2 вальса, 2 галона, 11
 кадрили, 1 лансье, 3 мазурки, 21 полька и
 11 полекъ-мазурокъ, всего 51 танецъ, въ об-
 щей стоимости на 21 р. 30 к. Эти танцы
 чрезвычайно мелодичны, легки для испол-
 ненія и весьма ловки для танцовъ, какия
 только и могъ писать такой талантливый
 специалистъ.

Веселыя танцевальныя мелодіи его попра-
 вляютъ всѣмъ любителямъ легкой музыки и
 поэтому они очень популярны: ихъ испол-
 няютъ вездѣ на вечерахъ и балахъ. Для
 быстрого распространенія новаго изданія
 сдѣлается на первое время небольшая до-
 стижь поръ уступки: всѣ 51 любимый танецъ
 Дюкомена высылаются выѣсто 21 р. 30 к.
 за пять рублей 50 к. съ перес. по почтѣ—
 вышесказаннымъ прямо отъ издателя музы-
 кальнаго магазина

К. ЛЕОПАСА,

Новскій пр., № 80, близъ Литейнаго пр.
 Для удобства гг. иногороднихъ можно
 прислать заказъ открытымъ письмомъ, а
 магазинъ высыластъ поти съ наложеніемъ
 платежа. № 3567

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни.
 С. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

Поступило въ продажу новое, ПЯТОЕ изданіе
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ въ
 стилъ и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н.
 Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства
 Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н.
 Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ сред-
 нихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду учени-
 камъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ,
 о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р.
 75 к., въ роскошныхъ коленкорovýchъ переплетяхъ съ золотыми
 тисненіями—8 руб., съ пересылкою—9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р 50 к., съ пересылкою 6 р. 25 к.;
 въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Ору-
 жіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Укра-
 шенія и пр. и пр.

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,
 въ популярномъ изложеніи
П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно
 исполн. гравюрами—копями съ произведеній искусства въ
 области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюръ 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ
 съ золот. тисн. и 3-ми красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“,
 Невскій пр., № 6.

15 коп. Миселовки дер. двойн. очень прак-
 тичныя, американской системы безъ дна, ви-
 Ц. № 3541 высылаются по почтѣ. 3—3

Бр. ЛИНДЕМАНЪ.
 Москва, Мясницкая, д. Ферстеръ.
НОВОСТЬ.

Въ главныя складахъ резиновыхъ издѣлій
ПИХЛАУ и БРАНТЬ
 ВЪ МОСКВѢ.

1. На Петровкѣ, д. Соколова, рядомъ съ
 магаз. Вандрагъ.
2. На Ильинкѣ, д. бывш. Спирдонова, ря-
 домъ съ Биржей.

Прейсъ-курантъ.

Воротникъ стоячій	— р. 40 к.
отложной	— „ 60 „
Манишка	— „ 1 „
Манжеты	— „ 1 „
Галстукъ	— „ 40 „
Мыло для чистки бѣлья, за ку- сокъ	— „ 15 „

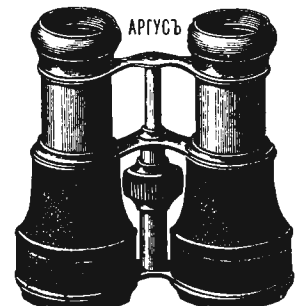
Оптовымъ торговцамъ дается значитель-
 ная уступка.
 При заказахъ просимъ прилагать одну
 треть стоимости въ задатокъ, остальные
 деньги могутъ быть переведены наложен-
 нымъ платежомъ. П. № 3520 3—2

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Марлитта. Пер. съ
 нѣм. П. 1 о. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

Фабрика оптич. инструм. Е. КРАУСЪ и К^о. въ Парижѣ, Aven. d. I. Republ. 4.

Складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, Мойка, № 40 (у Полицейскаго моста).

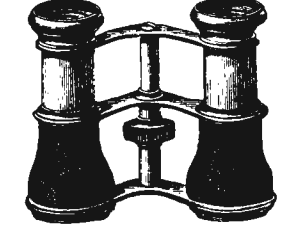
Рекомендуетъ слѣдующія специальности, съ ручательствомъ за доброкачественность. Отправка въ провинцію за
 наличныя деньги, или наложеннымъ платежемъ. При неудовлетворительности, проданная вещь обмѣняется.
 Иллюстрированный преісъ-курантъ высылается бесплатно. № 3569

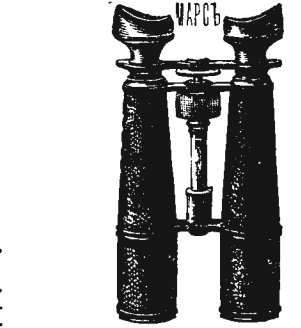
№ I. Ахромат. универсалн. бинокль „Ар-
 гусъ“ имѣетъ превосходн. оптич. каче-
 ства и одинаково годенъ для поля, моря,
 и театра.
 Карман. форм. 8 р. 50 к. съ пер. 9 р. — к.
 Больш. „ 9 „ 50 „ „ 10 „ 50 „

№ II. Миниатюр. бинокль „Лилипутъ“ по-
 мѣщается въ карманъ жилета и приго-
 денъ какъ для поля, такъ и театра.
 Въ замш. кошел. 9 р. 50 к. съ перес. 10 р.

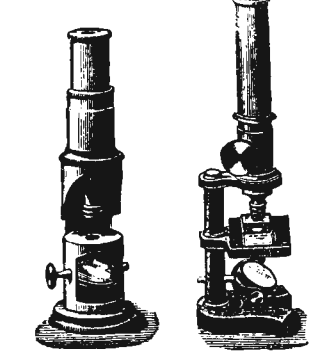
№ XX. Ахромат. специально театральн.
 бинокли.
 Въ черной оправѣ отъ . . . 5 р. — к.
 Изъ слонов. кости . . . 14 р. — к.
 „ перламутра . . . 18 р. 50 к.
 „ алюминія (оч. легки) отъ 26 р. — к.
 Пересылка за 2 фунта.

№ XII. Двойн. зрительн. труба „Марсъ“
 съ 16-ю стеклами, для очень большихъ
 разстояній, 57 р., 62 р., 75 р. и дороже.
 Пересылка за 3 фунта.

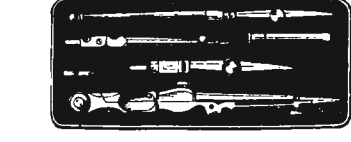
№ II. „Тандемъ“
 фотографич. аппаратъ для любителей, кото-
 рыми вслѣдствіи, безъ особенн. подготовкн,
 можеть снимать вполнѣ хорошия фото-
 графій.
 Въ 24 р., 30 р., 35 р., 50 р. и др.
 Прейсъ-курантъ и наставленіе высылаютъ-
 ся бесплатно.

№ 110. Микроскопъ № 108
 Увелич. 60X цѣна 5 р. 50 к.
 „ 90X „ 8 р. — к.
 „ 150X „ 19 р. — к.
 „ 200X „ 23 р. — к.
 „ 300X „ 40 р. — к.
 „ 500X „ 50 р. и т. д.
 № 113. Карм. микроскопъ
 увелич. 50X 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

№ XXX. Подзорная труба
 5 р. 50 к., 11 р., 14 р. и дороже.
 № XXXI. Подзорн. трубы для туристовъ
 отъ 30 руб.
 № XXXII. Морскія трубы отъ 12 руб.

Чертежн. инструм. (Готовальны) въ разн.
 наборахъ, привозимыя къ немедленн.
 употребленію.
 Изъ желтой мѣди отъ 2 р. — к.
 „ массивн. никелина 4 р. 25 к.
 Пересылка за 2 фунта.

въ шведск. оправѣ, въ янши. дер. опр.
 № 40—5 р., съ пер. № 46—14 р., съ пер.
 5 р. 50 к. 15 р. 50 к.
 Барометры-анероидъ въ разныхъ опра-
 вкахъ, хорошо вышеренные.
 Карманн. барометры для измѣрен. вы-
 соты, отъ 12 руб.

1889. „НЕДЪЛЯ“ 1889.

„НЕДЪЛЯ“ состоит из *двух* изданий: *газеты*, выходящей раз в неделю (52 номера в год), и *журнала*, выходящего раз в месяц (12 книжек в год).

Годовое содержание *газеты* „НЕДЪЛЯ“ состоит из *шести* главнейших частей: 1) обще-газетной, 2) политической, 3) научно-практической, 4) литературно-критической, 5) общественно-житейской и 6) редакционной.

Главнейшее отличие *обще-газетных* свѣдѣній „НЕДЪЛЯ“ отъ таковыхъ же въ ежедневныхъ газетахъ состоитъ въ томъ, что въ „НЕДЪЛЯ“ они сообщаются въ *обработанномъ* видѣ и приведенными въ систему.

Политическая часть „НЕДЪЛЯ“ состоитъ, кромѣ постоянного отдѣла „Политическихъ извѣстій“, изъ обзорной *зарубичной* жизни, корреспонденцій изъ-за-границы и особыхъ политическихъ статей.

Содержаніи *научно-практической* части „НЕДЪЛЯ“ могутъ дать понятие статьи, уже напечатанныя въ „НЕДЪЛЯ“ разнѣ. Таковы, напримеръ: „Услуги фотографовъ“, „Лечение плеврита“, „Чахотка“, „Обыденныя чудеса“, „Лечение гипнотизмомъ“, „Несторимая постройка“, „Господство электричества“, „Русская народная медицина“, „Новые двигатели“, „Осеннее равноденствие“ и др. Сюда же можно отнести и многія статьи *научно-публицистическаго* содержания, какъ напр.: „Обязательные вклады въ науку“ (по поводу докторскихъ и магистерскихъ диссертаций), „Научныя работы на земскихъ средствахъ“ (по поводу гродовъ о предохранительной прививкѣ), „Химіи и техники“, „Новая область знаній“ и т. п.

Литературно-критическая часть „НЕДЪЛЯ“ состоитъ: 1) изъ отзывовъ о вновь выходящихъ книжкахъ, 2) разборовъ выдающихся произведеній въ журналикѣ, 3) критическихъ оцѣнокъ лучшихъ нашихъ писателей и 4) руководяще-критическихъ статей. За минувшія два года „НЕДЪЛЯ“ представила полная характеристика слѣдующихъ писателей: графа Л. Н. Толстого, какъ философа, художника и моралиста (въ *двадцати* статьяхъ, составившихъ потомъ цѣлую книгу), Г. И. Успенскаго (въ *восемь* статьяхъ), А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго, Л. А. Давыдова, А. Н. Плещеева, В. М. Гаршина и Л. И. Надсона. Кромѣ того, въ „НЕДЪЛЯ“ напечатано много статей, выясняющихъ общую физиономію современной литературы и различныя въ ней направленія. Таковы, напримеръ: „О беззастѣнливости молодыхъ писателей“, „Два художника-бытописателя“, „Новое литературное поколѣніе“, „Наши пессимизмы“, „Два ли художественнаго творчества“, „О языкѣ въ беллетристикѣ“, „Новѣйшія русскія поэты“, „Русская изящная литература и критика“ и т. под.

Общественно-житейская часть „НЕДЪЛЯ“ состоитъ изъ заявленій и статей, касающихся различныя нужды и потребностей общества и народа. Таковы, напр.: „Педагогич-ли виноваты“, „Практика своего грода въ деревнѣ“, „Женщины-врачи въ провинціи“, „Агрономическіе смотрителя“, „Годось земца о земской реформѣ“, „Добрая попытка фабрикантовъ“, „Нижегородская армарка“, „Письменные экзамены“, „Архипастырское обличеніе“, „Наши сокровища“, „Интеллигентныя молочницы“, „Городскіе безобразники и ихъ обличитель“, „Ученицкія квартиры“, „Губернаторскія свидѣтельства“, „Аптечные доходы“, „Четыре учителями и учителѣ“, „Сельскій священникъ“, „Учебныя скитанія“, „Эксплоатация крестьянскаго банка“, „Бѣды духовенства“, „Гимназическія дѣла“, „Опытъ агрономической организаціи“, „Изъ дневника вольнаго учителя“, „Стачка винныхъ тузовъ“, „Буланжне шашера“, „Изъ горнаго міра“, „Заканскій дорога“, „Дворянскій и крестьянскій банки“, „Акробаты благотворительности“, „Желанія желѣзнодорожныхъ служащихъ“ и т. д.

Въ ежемѣсячныхъ „КНИЖКАХЪ“ „НЕДЪЛЯ“ помѣщаются романы, повѣсти, бытовые очерки, путешествія, стихотворенія и вообще все, что можно назвать *беллетристичекой*. Общій характеръ „КНИЖЕКЪ“ „НЕДЪЛЯ“ могутъ дать понятие имена авторовъ, произведенія которыхъ печатались въ нихъ за послѣдніе два года, а именно: графа Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова, Г. И. Успенскаго, Н. С. Лискова, Д. Т. Мордовцева, Елены Марковой, Я. П. Полонскаго, П. И. Вейнберга, Д. Д. Минаева и т. д. Изъ произведеній другихъ писателей, въ послѣднее время наибольшее вниманіе обратили на себя „Петербургскіе эскизы“ (рядъ очерковъ изъ петербургской жизни) И. В. Яковлева, „Деньги“, разсказъ кн. М. Н. Волконскаго, „Путевыя приключенія“ В. Д. Дюлова (Книга), „У ильчича“, очерки А. П. Краснова, „Дѣвичья сила“, повѣсть Н. А. Шарова, „Нини“, повѣсть А. Литвинова, „Въ образованіи ильчича“, А. Ивона, „Въ день лицейской годовщины“, Петра Книжника.

Редакціонная часть „НЕДЪЛЯ“ состоитъ изъ отзывовъ на разныя частныя явленія текущей жизни и изъ статей, выясняющихъ оцѣнку событий. Пріятнѣе послѣдняго рода статьи могутъ служить: „Пережня фронта“, „Вопросы интеллигенціи“, „Хулители“, „Мало-исдѣлано“, „Ложные выводы“, „Характерная перемѣна“, „Мрачныя и свѣтлыя явленія“, „Ростъ знаній въ народѣ“, „Наши сокровища“, „Черты времени“, „Провинція и центры“, „Дѣйствительность и выводы изъ нея“, „Что дѣлать?“, „Призывъ къ добру“, „Вѣрныя условія и частный помыслъ“ и т. д. При этомъ „НЕДЪЛЯ“ настойчиво проводитъ тотъ взглядъ, что, несмотря на многія печальныя явленія въ нынѣшней русской жизни, съ которыми слѣдуетъ энергично бороться, Россія не только не „гибнетъ“ и не „идетъ назадъ“, какъ утверждаютъ нѣкоторые, но, напротивъ, замѣтно растетъ и развивается; а что касается собственно *общества*, то оно никогда еще не проявляло столь многоличныхъ доказательствъ своей живучести, какъ въ настоящее время.

Въ наступающемъ 1889 году „НЕДЪЛЯ“ сохранитъ всѣ существенныя черты вышеизложенной своей программы.

ЦѢНА *обоихъ изданій* „НЕДЪЛЯ“, то-есть газеты и ежемѣсячныхъ книжекъ — *девять* рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА на получение „НЕДЪЛЯ“ въ 1889 г. ОТКРЫТА.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДЪЛЯ“, Ивановская, 2.
Редакторъ-издатель П. А. Гайдебуровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ на литературно-художественный издаваем. П. П. Щегловымъ, журналъ съ карриатурами,
РАЗВЛЕЧЕНІЕ
Ю №№ въ годъ. Выходитъ по воскресеньямъ. Разнообразный текстъ, 400 больш. рисунки, множество иллюстрацій въ текстѣ, масса карриатуръ. 12 карт., въ видѣ ежемѣс. прилож., историческаго содержания.
ПРЕМИА для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ: большая (въ 20 в. д. и 15 шпр.), исполненная масляными красками, КОПИЯ СЪ КАРТИНЫ академика И. М. Прянишникова: „ДЛЫННЫЕ ФРАНЦУЗЫ ВЪ 12-мъ ГОДУ ПОДЪ КОМАНДОЙ СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЫЧЪ“.
Премія будетъ выдана при подпискѣ.
Условія подписки съ пересылкой и доставкой: на годъ 6 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяць 75 коп.
Городская подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровскія лавы) и въ конторѣ редакціи. Иногородныхъ просятъ адресовать на имя издателя, Павла Петровича Щеглова: Москва, Зацѣпская ул., соб. домъ. П. № 3489

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ
НА БОЛЬШУЮ, ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“ (ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ).

Десять лѣтъ изданія достаточно, полагаемъ, выяснили характеръ нашей публицистической дѣятельности, твердо поставленной нами подъ девизъ: „правда и польза для отечества“.

Горько стоить на стражѣ русскихъ и славянскихъ интересовъ и зорко слѣдя за всѣми сторонами общечеловѣческаго прогресса, мы всегда чутко отзывались на все, что могло по нашему крайнему разумію способствовать въ преуспѣванію русскаго народа ко благу и славы Россіи.

Всѣ общественныя вопросы встрѣчаемъ съ нашей стороны исполнѣ безпристрастную и обстоятельную разработку.

На ряду съ серьезными публицистическими работами читатели найдутъ въ нашей газетѣ и матеріалъ для легкаго чтенія — критику, беллетристику, отзывы о театрѣ, музыкѣ, живописи и свѣдѣнія обо всемъ, что составляетъ „новость и злобу дня“, какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Нашъ во всѣхъ главныхъ городахъ Европы и въ Америкѣ спеціальныя корреспондентовъ, а также до трехсотъ корреспондентовъ изъ разныхъ мѣстности Россіи, мы можемъ знакомить читателей со всѣмъ, что происходитъ у насъ и въ чужихъ краяхъ.

Передовыя статьи и фельетоны печатаются ежедневно, не исключая праздничныхъ и постабраздничныхъ дней.

Кромѣ редактора-издателя Н. П. ЛАНИНА, принимающаго непосредственное участіе своими личными публицистическими трудами въ разработкѣ вопросовъ: по вѣшной политикѣ, славянскаго, финансоваго, экономическаго и общественнаго, въ газетѣ принимають участіе слѣдующія лица:

Профессоръ О. В. МИЛДЕРЪ (славянскій вопросъ и литература, критика), проф. В. П. ДАНЕВСКІЙ и проф. А. И. ЗАГОРОВСКІЙ (вопросы политикѣ, права общественнаго и народнаго образованія), Н. П. Анановъ (вопросъ славянскій, беллетристика), Д. А. ЛИНЕВЪ (гумористичекие, патронство и беллетристика), В. В. БАУДЕРЪ (право политика), А. Е. СЕРЕБРЯКОВА (по политическому отдѣлу), И. М. РЕВА (сельское хозяйство, торгово-промышленныя интересы и желѣзнодорожное дѣло), А. ВЛАДИМИРОВЪ (общественныя вопросы, по преимуществу обо интересахъ юго-западнаго края), Г. ТЮНИНЪ (исслѣдованія по расколу), Г. ТЮТЮМОВЪ (общественныя вопросы, преимущественно по русскому самоуправленію), М. ЩУЦЪ-ОЙ (юридические вопросы), д-ръ В. П. ОНОРОКОВЪ (народное здравіе и общественная гигиена), князь ЕНИЧЕВЪ (общественныя вопросы), графъ Е. А. САЛІАСЪ (историческій романъ), А. В. КРУГЛОВЪ, А. Е. ДОГАНОВИЧЪ, Ив. Щегловъ (псевдонимъ), Дм. АРАКСОВЪ (псевдонимъ), ИСТОМИНЪ (псевдонимъ), (всѣ по беллетристикѣ), С. А. ЮРЬЕВЪ, С. Ф. ФИЛИПОВЪ (критика изящныхъ искусствъ), ВЕНЕВЪ (псевдонимъ), (литература, критика и библиографія), и многіе другіе публицисты, ученые, писатели, спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія, принимающіе участіе въ разработкѣ различныя вопросовъ по предложенію редакціи. Воскресный фельетонъ ведется авторомъ, хорошо знакомымъ читателямъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“ — „Современнымъ чудачкомъ“. Ежедневная бесѣда „Дни и дни“ ведется однимъ изъ известнѣйшихъ писателей, взвѣсныхъ псевдонимомъ „Сотрудникъ“. Спеціальныя политическія корреспонденты, постоянно проживающіе за границей: СТОЯНОВЪ въ Рундукѣ, Ф. ПАЗДИРЕНЪ (редакторъ журнала „Die Slavische Worte“) въ Прагѣ, А. А. ВАРЕНЦЪ въ Константинополѣ, Е. ПОМЕРАНЦЪ въ Парижѣ, Е. СТЕПАНОВЪ въ Парижѣ, ПЕТРЪ КУИНДИНЪ въ Парижѣ, А. ТИЛЬШЪ въ Прагѣ, ЭМИЛЬ РУССЕЛЬ въ Калифорніи (San-Francisco), М. ГИНОДМАНЪ и ЛЕВЪ ЛАНДАУ въ Вѣнѣ, М. РОЗЕНТАЛЬ въ Нью-Йоркѣ.

Въ наступающемъ 1889 году, независимо отъ многихъ улучшеній во всѣхъ отдѣлахъ газеты, въ смыслѣ еще большаго разнообразнаго газетнаго матеріала и еще большаго свѣжести извѣстій, въ фельетонахъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“, имѣють быть напечатаны на ряду съ другими очерками и разсказами и нѣсколько крупныя беллетристическія произведенія известнѣйшихъ писателей.

Въ первыхъ-же январскихъ номерахъ начнется печатаніемъ: № 3523 3—2

БОЛЬШОЙ РОМАНЪ ГРАФА ЕВГ. АНДР. САЛІАСА.

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“ выходитъ ежедневно въ форматѣ большихъ газетъ по прежней программѣ.

Телеграммы помѣщаются „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ и отъ собственныхъ корреспондентовъ зарубичныхъ и русскихъ. Всего въ каждомъ номерѣ помѣщается текста, кромѣ объявленій, болѣе 3000 строкъ.

Условія подписки:

СЪ ДОСТАВКОЙ ВО МОСКВѢ:		СЪ ПЕРЕС. ВО ВСѢ ГОРОДА:		ЗА ГРАНИЦУ:	
На годъ . . . . . 9 р. — к.	На годъ . . . . . 10 р. — к.	На годъ . . . . . 12 р. — к.	На годъ . . . . . 20 р. — к.	На годъ . . . . . 20 р. — к.	На годъ . . . . . 20 р. — к.
„ 6 мѣс. . . . . 5 „ — „	„ 6 мѣс. . . . . 6 „ — „	„ 6 мѣс. . . . . 6 „ — „	„ 6 мѣс. . . . . 6 „ — „	„ 6 мѣс. . . . . 6 „ — „	„ 6 мѣс. . . . . 6 „ — „
„ 3 „ . . . . . 2 „ 75 „	„ 3 „ . . . . . 3 „ — „	„ 3 „ . . . . . 3 „ — „	„ 3 „ . . . . . 3 „ — „	„ 3 „ . . . . . 3 „ — „	„ 3 „ . . . . . 3 „ — „
„ 1 „ . . . . . 1 „ 10 „	„ 1 „ . . . . . 1 „ 25 „	„ 1 „ . . . . . 1 „ 25 „	„ 1 „ . . . . . 1 „ 25 „	„ 1 „ . . . . . 1 „ 25 „	„ 1 „ . . . . . 1 „ 25 „

1) Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не даѣтъ конца года.
2) Гг. иногородные, при возобновленіи подписки, благоволятъ прилагать свой печатный адресъ.
3) За перемѣну адреса городского и иногороднаго — 30 коп. При перемѣнѣ городского на иногородный доплачивается разниця въ цѣнѣ подписки.

Редакція и контора изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. ЛАНИНА.
Редакторъ-издатель Н. П. Ланинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 ГОДЪ на политическую, общественную и литературную газету

ЦѢНА ЗА ПОЛГОДА: **ДЖЕЗЪ** ЦѢНА ЗА ГОДА: **ДЖЕЗЪ**
4 РУБ. **ДЖЕЗЪ** 2 РУБ.

Съ 1889 года будетъ выпускаема ежедневно. Подробное объявленіе и пробный № разосланы при № 46 „Нивы“.
Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Преображенская, д. 4.
Издатель А. А. Гриве. Редакторъ И. В. Сворцовъ.

3-2 **ОПИСАНИЕ** № 3548
 Русских почтовых земских марок и конвертов и бандеролей.

Составил и издал Д. Н. Чудовский.
 Киев, Евангелинская, домъ Михельсона.
 Цѣна съ пересылкою 1 р. 25 к.
 Десять экземпляровъ и болѣе 20% уступки.

CRÈME-SIMON
 (КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведе-
 ніе прекрас-
 наго запаха,
 не портя-
 щееся.
LA POUDE
SIMON
 И МЫЛО
 à la
CRÈME-SIMON
 имѣютъ тотъ же за-
 пахъ.

J. Simon, 36, rue de
 Provence 36, Paris.
 Въ розницу прод. у парикмахеровъ, пар-
 фюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16-6

„НОВОСТИ ДНЯ“

Ежедневная общественная, политическая и литературная газета.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ВЪ 8 ГО 8 ДУ 9

Пѣль газеты „Новости Дня“ — въ общедо-
 ступной формѣ служить для читателя живы-
 вымъ и яркимъ отраженіемъ интересовъ
 текущей дѣйствительности. „Новости Дня“
 удовлетворяютъ, какъ столичныхъ чита-
 телей, быстро схватывая на лету злобу едо-
 личнаго дня, такъ и провинціальныхъ, да-
 вая въ отдѣлѣ беллетристики легкое и за-
 нимательное чтеніе въ формѣ романовъ,
 повѣстей, очерковъ и разсказовъ, помѣ-
 щаемыхъ въ ежедневномъ фельетонѣ. Для
 исполненія этой программы въ „Ново-
 стяхъ Дня“ существуютъ слѣдующіе по-
 стоянные отдѣлы: „Бесѣда“, „Телеграммы“,
 „Факты и слухи“, „Толки печати“, „По
 соч. князя С. В. Волынина (авт. романа
 „Бывое Времязько“), „ВЪ ЛУННУЮ НОЧЬ“, соч. И. И. Ге,
 „СОВРЕМЕННЫЙ ГЕРОЙ“, ром., соч. Н. Осипова,
 „ДВѢ СЕСТРЫ“, повѣсть, сочиненіе
 С. Нестерова. „ПЕРСТЪ БОНИИ“, историческая повѣсть изъ
 временъ „Тимашаго“ царя Алексѣя Михайловича, соч. Д.
 Дмитриева

чужимъ краемъ“, „Картинки общественной
 жизни“, „Замѣтки празднующагося“,
 „Московскія новости“, „Театръ и музы-
 ка“, „Петербургскія новости“, „Провин-
 ція“, „Въ царствѣ Ѳемиды“, „Разныя из-
 вѣстія“, „Смѣхъ и горе“. Кроме того,
 еженедѣльно: „Воскресные наброски“, „Пе-
 тербургскія письма“, „Бесѣды стараго те-
 атрала“. Независимо отъ этого, въ „Но-
 востяхъ Дня“ помѣщаются портреты лицъ,
 составляющихъ интересъ дня.
 Для наступающаго 1889 года имѣются
 между прочимъ, оригинальные романы и
 повѣсти: „БЕЗПРИДАНИЦА“, романъ въ
 2 ч. и „ДАМА САМЪ-ТРЕТЕЙ“, повѣсть.
 Ц. № 3483 3-3
 На 12 м. На 11 м. На 10 м. На 9 м. На 8 м. На 7 м. На 6 м. На 5 м. На 4 м. На 3 м. На 2 м. На 1 м.
 Въ пересылку во всѣ
 города Имперіи . . . 9 — 8 50 8 — 7 — 6 50 6 — 5 50 5 — 4 — 3 — 2 — 1 —
 Адресъ: Москва, Контора газ. „Новости Дня“.
 Ред.-изд. А. Липскеровъ.

КАЛЕНДАРИ на 1889 г., КРЕСТНЫЙ (15 к.) и КРЕСТОВЫЙ (10 к.)
 можно получать у всѣхъ книгопродавцевъ. Складъ въ Москвѣ у книгопр. А. Д. Ступина.

1812. — ГОДЪ ИЗДАНІЯ СЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ — 1880.
 ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложениями.
 Газета съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ со-
 ставѣ редакціи дополнена новыми отдѣлами и увеличена
 до размѣра большихъ столичныхъ газетъ
 Обширная программа, всесторонняя обработка современныхъ вопро-
 совъ, возникающихъ въ области политики, науки, искусства, внут-
 ренней и заграничной жизни, а также своевременное сообщеніе всѣхъ
 выдающихся новостей дня, даютъ возможность вполне замѣнить
 дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты подписчики получаютъ:
 1) По воскресеньямъ, отпечатанный на глазированной бумагѣ номеръ
ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА.
 2) Въ теченіе года будутъ выданы въ видѣ приложений
ШЕСТЬ КНИГЪ НОВЫХЪ БОЛЬШИХЪ РОМАНОВЪ.
 3) „МОДЫ и РУКОДѢЛЬЯ“ (12 номеровъ въ годъ) съ образцами работъ
 4) „СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“, отпечатанный въ три краски.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ИМѢЮТЪ ПРАВО ПОЛУЧИТЬ ОДНО ИЗЪ ДВУХЪ
 художественныхъ приложений:
 б) Олеографическую копию съ картины художника С. И. Верещагина, от-
 печат. въ 20 красокъ на астампной бумагѣ съ лакировкой и рельефомъ
„ЮАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ“
 Важный историческій моментъ, который изображаетъ картина, а так-
 же роскошная обстановка, яркіе костюмы, вѣрные данаой эпохи,
 удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе, дѣлаютъ
 эту картину очень интересною.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ:
 б) „СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ“
 съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.
 Въ числѣ СОРОКА КАРТИНЪ этого АЛЬБОМА, есть копій съ картинъ
 извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ
 напр.: Г. Рѣпина, Мейрева, Шарца, Маковского, Венига, Млодта, Земцова,
 Лебедева, Литовченко, Топорнова, Наумова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова,
 Творонникова и друг. Картины АЛЬБОМА отпечатаны на астампной
 бумагѣ и вложены въ изящную обертку.
 Г. Г. ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, желающіе получить вышеозначенную
 КАРТИНУ или АЛЬБОМЪ, благоволятъ выслать ОДИНЪ РУБ. за
 ека. (съ пересылкою).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»
 На годъ: съ доставкою и пересылкою 8 р. — На полгода 4 р.
 Разрочка допускается, но исключительно чрезъ Главную Контору:
 Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

СУДЕБНЫЯ, БАНКОВЫЯ и
КОММЕРЧЕСКІЯ
 порученія и справки.
ПОКУПКА ПРАВЪ по испол-
 нительнымъ листамъ.
Н. Ф. ПАДАЛКО,
 Москва, Моховая, Петергофъ, № 31.
 На отвѣтъ прилагать двѣ 7 коп.
 марки. № 3566

съ разрѣшенія Правительства
 основанное
ДОКТОРОМЪ НЕТКАЧЕВЫМЪ
 № 3573 въ Москвѣ 2-1
ЛЕЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
 для страдающихъ запиканіемъ и другими
 пороками рѣчи открыто для приема боль-
 ныхъ (ежедневно кромѣ воскресныхъ дней).
 При леченіи имѣются постоянныя по-
 мѣщенія. Адресъ: Чистые пруды, домъ
 Гуськова, уголъ Безмянаго пер.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ НА 1889 ГОДЪ.

ВЪ МОСКВѢ		НА ГОРОДА		ЗА ГРАНИЦУ:	
съ доставкой:	к. па	съ пересылкой:	к. па	на 12 мѣс.	18 р. — к.
на 12 мѣс.	10 р. — к.	на 12 мѣс.	11 р. — к.	на 12 мѣс.	18 р. — к.
„ 6 „	5 „ 50 „	„ 6 „	6 „ — „	„ 6 „	9 „ — „
„ 3 „	3 „ — „	„ 3 „	3 „ 50 „	„ 3 „	4 „ 80 „
„ 1 „	1 „ 30 „	„ 1 „	1 „ 50 „	„ 1 „	1 „ 90 „

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“ будутъ выходить ежедневно, не исклю-
 чая дней постъ-праздничныхъ, листами большаго формата, съ прило-
 женіемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.
 Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты оста-
 ются прежніе.
 Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о под-
 пискѣ въ Москву, въ контору редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“, Черны-
 шевскій пер., близъ Никитской, домъ № 7. № 3549 3-2
 ОТКРЫТА ПОДПИСКА, на 1889 г., на ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:
 ГОДЪ VIII. „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ VIII.

Журналъ выходитъ въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсяч-
 ныхъ изданій, безъ предварительной цензуры. Годовая цѣна: 12 р. безъ
 дост.; 13 р. съ дост.; 14 р. съ перес.; за границу—16 р. За полгода
 8 р. Служащимъ—разрочка. Главная контора: Владимірская, № 1—6.
 Въ первыхъ книгахъ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ будутъ напечатаны романы
 и повѣсти: Максима Бѣлинскаго (І. І. Ясинскаго), Н. Ѳ. Бажина, Волог-
 дына (П. В. Засодимскаго), В. Л. Маркова, К. В. Назаревой, Ф. Д. Не-
 федова, В. И. Невмировича-Данченко, Н. Северина, Д. Сибиряна, Д. И.
 Стахѣва и многихъ другихъ. № 3561 3-1
 Въ Главной конторѣ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ принимается подписка на журналъ:
„НАРОДНАЯ ШКОЛА“
 (г. XXI).

Одобрень М—вомъ Народн. Просвѣщенія и др. вѣдомствами.
 Редакторъ-издатель А. П. ПЯТЕВСКІЙ.
 отдѣльное управленіе разширило ввозъ и продажу цвѣточно-олаговонной
ФЛОРИДСКОЙ ВОДЫ
 Муррей и Ланьянъ, Нью-Йоркъ!
 въ главныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы,
 Казани, Самары и Харьковѣ.
 Агенты въ главныхъ городахъ Россіи; просить обращ. къ К. Ф. Гейслеръ, С.-Пе-
 тербургъ и Эд. Гейне, Харьковъ. № 3478 5-4

„Соденскія Минеральныя Лепешки“
 противъ легочныхъ, грудныхъ и горло-
 выхъ болѣзней
 приготовляемья подъ надзоромъ Сан. Сов. Д-ра
 Штельтингъ изъ солей знаменитыхъ цѣлебныхъ
 источниковъ № 3 и 18, СОДЕНЬ.
 Ввозъ этихъ лепешекъ въ Россію разрѣшенъ
 Клевно. Медицинскимъ Департ. въ С.-Петербургѣ.
 Продажа во всѣхъ почти Аптекахъ и Аптекарскихъ магазинахъ
 по 10 коп. за коробку
 Оптовая продажа у **М. МОРГЕНШТЕРНЪ**, Большая Морская
 № 23, С.-Петербургъ.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

Только что поступило въ продажу новое большое, роскошно иллюстрированное издание in folio

**ГЁТЕ
„ФАУСТЪ“**

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненныхъ знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Издание А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Классически образцовый перевод А. Фета не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всеми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“, обыкновенно служившей камнемъ преткновенія для большинства читателей.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ; онъ никогда не прискужитъ, напротивъ—внимательному читателю каждый разъ будутъ открываться новые умственные горизонты и перспективы, новые клады гениальныхъ мыслей.

Предпринимая это изданіе, издатель не жалѣлъ ни труда, ни средствъ, чтобы придать знаменитому творенію Гёте то внѣшнее изящество, какое имѣютъ подобныя изданія заграницей.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р. Желающіе приобрести это изданіе въ разсрочку, съ улатою въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, могутъ получить его выпусками, для чего открыта особая подписка.

Всѣхъ выпусковъ десять. При этомъ подписчики вносятъ:

Городскіе въ 1 разѣ	6 р.	иногородные 10 р.	и получаютъ 1 выпускъ
„ во 2 „	6 р.	„ 8 р.	„ 2 „
„ въ 3 „	6 р.	„ 5 р.	„ 3 „
„ въ 4 „	5 р.	„ 5 р.	„ 4 и 5 „
„ въ 5 „	5 р.	„ 5 р.	„ 6 и 7 „
„ въ 6 „	4 р.	„ 2 р.	„ 8, 9 и 10 „

Отдѣльно кожаная (шагреновая) крышка для переплета продается по 7 рублей.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

20 декабря выйдетъ и поступитъ въ продажу въ Конторѣ журнала „Нива“ (СПб., Невскій пр., д. № 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ ЗА 1888 ГОДЪ,

закрывающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, рассказъ И. А. ГОНЧАРОВА: „Стуги“, большой историч. романъ Д. В. АВЕРКІЕВА: „Вѣчу не быть“, историч. романъ П. Н. ПОЛЕВОГО: „Братья Соперники“ и его же: „Бытовые наброски русской исторіи“, Я. П. ПОЛОНСКАГО: „Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“, большой романъ графа Е. А. САЛАСА: „Бригадирская внучка“, большую повѣсть Н. СТАНИЦАГО: „Исторія одного таланта“, рассказъ Макс. БѢЛИНСКАГО: „Заповѣдникъ лѣсъ“, комедію В. КРЫЛОВА: „Сорванецъ“, повѣсть А. ЗАХАРОВА: „Защита Нарвы“, рассказъ Е. А. САЛАСА: „Онъ-же“, рассказъ ТХОРЖЕВСКАГО: „Рекогносцировка“ и нѣскольکو рассказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологій, гигиенѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологій, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кромѣ того при „Нивѣ“ имѣется нѣскольکو отдѣльныхъ безплатныхъ приложений, состоящихъ изъ картинокъ, печатан. акварельными красками, „Сборника повѣстей и рассказовъ“ извѣстныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ переплетенному экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала Ю. КЛЕВЕРА: „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всеми безплатными преміями и приложеніями:

Брошурован. . . . . 4 р. Въ коленк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою . . . . . 6 р. Съ пересылкою . 7 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій пр., № 6.

**С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ**

Измайловскій проспектъ, № 21.

ДЛЯ ЕЛКИ

Парафиновые свѣчи, за пачку 25 коп.
Бенгальскіе огни, безъ запаха и дыма, 25 и 40 к. коробка.
Свѣтъ Магнезіумъ, для яркаго освѣщенія, 20 к. за коробку.
Зажигательная нитка, 20 и 40 к. за коробку.
приготовленные съ разрѣш. С.-Петербур. Врачебн. Управленія.

Большой выборъ, только что полученныхъ изъ Парижа, новѣйшихъ и красивыхъ предметовъ для подарковъ.

**ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:**

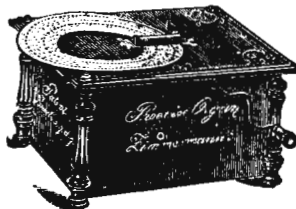
- 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
- 2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
- 3) Уголь Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ. Рт. № 3563 2—1

При этомъ № прилагаются: 1) для всѣхъ городскихъ подписчиковъ (въ томъ числѣ и подписчикамъ безъ доставки) № газеты „День“; 2) для гг. иногородныхъ подписчиковъ каталогъ отъ сѣмнанной торговли В. Е. Грачева въ СПБ.

Лавоз. печатн. С.Пб. 7 декабря 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса. С.Пб., Невскій. 6. Библиографическаго „Рувинеръ“ д. 1.

**ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!
ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ**

Играеть посредствомъ металлическихъ нотныхъ листовъ всевозможныя пьесы, русскія, салонныя, оперныя, и всѣ танцы. Имѣетъ механизмъ для игры Forte, Piano и Tremolando. Пьесы разнаго размѣра.
Цѣна фениксъ-органа съ 10-ю пьесами 35 руб. Добавочныя пьесы, безъ различія какого размѣра, по 70 коп. Пересылка за 45 фунт. Списокъ пьесъ — безплатно.

ФЕНИКСЪ
прежней конструціи
съ 10-ю пьесами 25 р. Добавочныя пьесы безъ различ. размѣра по 70 к.

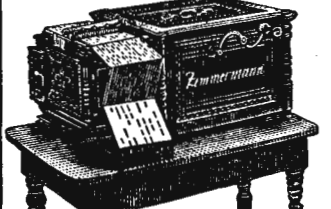
ГЕРОФОНЪ
по удешевленной цѣнѣ.
Обыкновенный герофонъ съ 10 пьесами стоитъ теперь только 30 руб.
Герофонъ съ приспособл. для игры „forte“ и „piano“ съ 10 пьесами только 32 руб.
Большое количество добавочн. пьесъ по 60 и за каждую. Пересылка за 50 фунтовъ.

Герофоны, аристонъ, фениксы и ноты къ нимъ продаются у меня только настояще патентованные; поддѣльныхъ, которые легко портятся—не имѣю.

Каталоги нотъ для герофона, аристонъ, фениксы и для оркестра-манопана—**БЕЗПЛАТНО.**

Всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежності къ нимъ имѣются въ самомъ большомъ выборѣ, по дешевымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя. № 3573

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія попури, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играеть отчетливо, чрезвычайно полными и пріятными тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленъ для игры forte и piano. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами 80 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 80 фунтовъ.

Списокъ пьесъ для Оркестра-Манопана — безплатно.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ
съ 10-ю пьесами 28 руб. Добавочныя пьесы въ громадномъ выборѣ по 80 коп. Пересылка за 45 фунтовъ.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42.—Москва, Кузнецкій и., д. Торлецкаго.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIX г. № 51 г. XIX 1888

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 17 декабря 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 75 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ . . . . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Всѣмъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Подписка на 1888 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. №№ съ преміями.

А. Т. Волотовъ.

Реформы царя-работника, Великаго Петра, призвали Россію къ новой жизни. Эта новая жизнь, естественно, должна была потребовать и новыхъ, свѣжихъ силъ. И вотъ явился цѣлый рядъ замѣчательныхъ личностей, которыя получили возможность приложить свои знанія, способности и таланты къ возникавшей тогда обширной и весьма разносторонней дѣятельности. Къ числу такихъ личностей, между прочимъ, принадлежалъ и А. Т. Волотовъ, скромный, но весьма даровитый труженникъ, необыкновенно живой, серьезно образованный человекъ, пламенно любившій свое отечество, на пользу котораго онъ мирно проработалъ всю жизнь. Писатель, рѣдкій сельскій хозяинъ и садоводъ, положившій прочное основаніе русской помологии, Волотовъ болѣе всего извѣстенъ, какъ авторъ крайне интересныхъ записокъ, веденныхъ имъ болѣе двадцати лѣтъ и увѣковѣчившихъ его имя. „Жизнь и приклю-

А. Т. Волотовъ (по поводу 150-й годовщины рожденія)
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

чепія Андрея Болотова, описанныя имъ самимъ для своихъ потомковъ“ — такъ озаглавленъ этотъ трудъ — содержитъ въ себѣ весьма цѣнный матеріалъ для изслѣдованія нравовъ и быта русскаго общества XVIII вѣка, а также массу интересныхъ свѣдѣній, касающихся политическихъ событій и правительственныхъ дѣлъ того времени. Въ нихъ Волотовъ рассказываетъ свои впечатлѣнія во время Семилѣтней войны, объ адъютантствѣ своемъ при дворѣ Петра III, неподржаемо рисуетъ бытъ сельскаго дворянства и наконецъ повѣствуетъ исторію своего управленія Богородицкими казенными волостями, отведенными Вобрипскому императрицей Екатериной. „Мнѣ во всю жизнь мою досадно было, — пишетъ Волотовъ въ началѣ своей автобіографіи — что предки мои были такъ нерадивы, что не оставили послѣ себя ни малѣйшихъ писемъ о себѣ извѣстій, и чрезъ то лишили насъ, потомковъ своихъ, того пріятнаго удовольствія, чтобы имѣть о нихъ, и

о томъ, какъ они жили, и что съ ними въ жизни ихъ случилось и происходило, хотя нѣкоторое небольшое свѣдѣніе и понятие... Я винилъ предковъ моихъ за такое пренебреженіе, и не хотѣя и самъ сдѣлать подобную имъ и непростительную погрѣшность, и таковыя же жалобы извлечь со временемъ и на себя отъ моихъ потомковъ, разсудилъ употребить нѣкоторые праздныя и отъ прочихъ дѣлъ остающіеся часы, на писаніе всего того, что случилось со мною во все время продолженія моей жизни". Такимъ образомъ сталъ онъ вести аккуратно „Черновой журналъ всендневныхъ событій“, служившій ему матеріаломъ для составленія записокъ. Онъ чрезвычайно добросовѣстно, не пренебрегая мелочами, заносилъ въ записки все современное, чему онъ былъ очевидцемъ или что слышалъ изъ достовѣрнаго источника. Эти записки тѣмъ цѣннѣе, что искренній и частосердечный авторъ разсказываетъ въ нихъ подробно и о простой, будничной жизни, касаясь такъ и ея сторонъ, которыя, обыкновенно, оставались безъ вниманія другими лѣтописцами. Благодаря живому разсказу Болотова, передъ нами возникаетъ, во всѣхъ деталяхъ, жизнь прошлаго вѣка, получается яркая картина нравовъ этой отдаленной отъ насъ, въ высшей степени характерной эпохи. Записки Болотова начинаются съ 1789 года и оканчиваются 1811 годомъ; сперва онъ помѣщался отрывками въ *Сынъ Отечества* тридцатыхъ годовъ, въ *Отечеств. Запискахъ* и *Библиотеку для чтенія* пятидесятыхъ годовъ и затѣмъ, въ полномъ видѣ, безъ пропусковъ, появились въ приложеніи къ *Русской Старинѣ*. Однако и здѣсь онъ прерывается 1795 годомъ, и дальнѣйшія части, обнимающія собою событія царствованія Павла и императора Александра I, оказались, къ сожалѣнію, утраченными. Кромѣ „Жизнеописанія“, Болотовъ принадлежитъ цѣлый рядъ сельско-хозяйственныхъ и научныхъ сочиненій и переводовъ, изъ которыхъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія: „Дѣтская философія, или правоучительные разговоры между одною госпожею и ея дѣтьми“—въ которой изложены главнѣйшія понятія о Богѣ, человѣкѣ и природѣ; нѣсколько лицъ защищаютъ и опровергаютъ разные положенія. Изъ нихъ особенно любопытна Луцинда, оборотница суетвѣрія, которой приходится выслушивать довольно рѣзкія возраженія. Большою извѣстностью пользовались его: „Сельскій житель; экономическое, въ пользу деревенскихъ жителей служащее изданіе“ и „Экономическій магазинъ“, выходявшій съ 1780 года въ теченіе десяти лѣтъ, при *Московскихъ Видомостяхъ*, издававшихся Н. И. Новиковымъ, а также „Изображенія и описанія разныхъ породъ яблоковъ и грушъ“. Не менѣе интересны его книги: „Краткія и на опытности основанныя замѣчанія о Электрицизмѣ и о способности Электрическихъ машинъ къ помоганію отъ разныхъ болѣзней“ и „Путеводитель къ истинному человѣческому счастью, или опытъ правоучительныхъ и отчасти философическихъ разсужденій о благополучіи человѣческой жизни и о средствахъ къ пріобрѣтенію онаго“.

По случаю исполнившагося столѣтій со дня рожденія Болотова, будетъ весьма кстати напомнить въ краткихъ чертахъ жизнь этого трудолюбивѣйшаго человѣка, ученаго, агронома и одного изъ честнѣйшихъ представителей русскаго стараго дворянства. Предки его происходили изъ татаръ и съ давнихъ временъ владѣли небольшими участками въ Тульской губерніи. Андрей Тимоѣевичъ Болотовъ родился въ Алексинскомъ уѣздѣ этой губерніи, въ родовомъ своемъ селѣ Дворениновѣ, 4 октября 1738 года. Отецъ его, служившій въ военной службѣ, былъ для своего времени человѣкъ хорошо образованный, зналъ архитектуру, географію и владѣлъ нѣмецкимъ

языкомъ, а мать была женщина совершенно простая, которал, говоря словами ея сына, „ни объ иностранныхъ языкахъ, ни о наукахъ никакого свѣдѣнія не имѣла“. Воспитаніе Болотова было весьма разнохарактерное и, такъ сказать, случайное: то онъ руководимъ былъ дядькой, то находился подъ надзоромъ ученаго изъ лейпцигскаго университета, даѣе узнаетъ французскій языкъ въ петербургскомъ пансіонѣ, чтобы забыть его по переселеніи въ деревню; но возвращеніи въ столицу, онъ вновь нападаетъ къ наставнику-французу, а потомъ, очутившись въ деревнѣ, переписываетъ церковныя книги. Первые годы жизни онъ провелъ съ родителями въ Лифляндіи и Финляндіи, гдѣ въ то время стоялъ полкъ, которымъ отецъ его командовалъ. Во всѣхъ передвиженіяхъ полка, отецъ водилъ сына съ собою, зачисливъ его въ службу еще тогда, когда ему исполнилось только десять лѣтъ. Черезъ два года послѣ этого отецъ Андрея Тимоѣевича умеръ, и мальчикъ поселился съ матерью въ деревнѣ, откуда затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ, къ дядѣ, ротмистру конной гвардіи. Межъ тѣмъ, какъ онъ жилъ здѣсь, у него скончалась мать, и Болотовъ, по совѣту дядьки, опять отправился въ деревню. Его странствованія не окончились, такъ какъ ему пришлось поступить въ военную службу, за которую онъ, поневолѣ, долженъ былъ хватиться, какъ за единственное средство къ существованію, ибо доходы съ родовой его усадьбы были крайне скудны. Въ это время ему исполнилось семнадцать лѣтъ. Въ 1756 году вспыхнула Семилѣтняя война и молодой офицеръ Болотовъ отправился въ Пруссію, сдѣлавъ всю кампанію, участвовалъ во многихъ битвахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не упускалъ изъ виду и своего образованія, обучался естественнѣйшій подъ руководствомъ прусскаго натуралиста Крезіуса. Съ восшествіемъ на престолъ Петра III и по заключеніи мира, Болотовъ былъ переведенъ на мѣсто адъютанта къ петербургскому генералъ-полицеймейстеру, барону Корфу. Манифестомъ русскому дворянству, отъ 18 февраля 1762 года, Андрей Тимоѣевичъ былъ освобожденъ отъ военной службы, которая рѣшительно не соответствовала ни его характеру, ни его наклонностямъ. Выйдя въ отставку, Андрей Тимоѣевичъ поселился въ деревнѣ, гдѣ занимался хозяйствомъ, науками, велъ записки и участвовалъ въ литературѣ. Энциклопедическія познанія его обратили на себя вниманіе даже императрицы Екатерины II, и она поручила ему построить въ Богородицкѣ, Тульской губерніи, домъ и развести при немъ садъ для питомца ея, А. Г. Бобринскаго; въ Богородицкѣ Болотовъ провелъ семь лѣтъ. Съ воцареніемъ императора Павла Богородицкія волости изъ казеннаго владѣнія перешли въ полную собственность графа Бобринскаго; Болотовъ не пожелалъ оставаться въ Богородицкѣ и, выйдя въ отставку съ чиномъ коллежскаго асессора, переселился со своими дворовыми людьми, бывшими вмѣстѣ съ тѣмъ и его музыкантами, въ свое родовое Дворениново. Здѣсь онъ провелъ въ семейномъ кругу, безъ малаго сорокъ лѣтъ, слѣдя за современной жизнью и ведя переписку съ Н. И. Новиковымъ и другими выдающимися лицами той эпохи. Въ 1803 году онъ ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ Импер. Вольное Экономич. Общество избрало его въ свои члены, наградило золотой медалью за сочиненія его по сельскому хозяйству и напечатало нѣсколько его трудовъ. Въ послѣдніе годы Болотовъ совсѣмъ почти потерялъ зрѣніе. Скончался онъ 4 октября 1833 года, въ самый день своего рожденія, и погребенъ въ своемъ приходѣ. „Чуждый всякаго честолюбія—говоритъ одинъ изъ его біографовъ—Болотовъ жилъ единственно для добра и науки“.

П. Бывовъ.

Двѣты Андалузской поэзіи.

В. И. Немировича-Данченко.

I. Патріоты ¹⁾.

Небо сине. Жарокъ день.
Въ яркомъ свѣтѣ тонуть горы.
Шевельнуться розамъ лѣпъ...
Прочь желѣзные затворы!

Что такое? Изъ темницъ
Съ громкимъ смѣхомъ, безъ заботы,
Какъ изъ клѣтки стая птицъ
Показались „патріоты“.

Эко жалость—нѣтъ гитарь!
„Донъ-Хозѣ, раскинь-ко крылья,

¹⁾ Патріотами въ тѣсномъ смыслѣ назывались—люди дравшіеся съ французами, въ то время когда Наполеоновскія арміи занимали Испанію. Французскіе генералы разстрѣливали попадавшихъ въ плѣнъ—безъ суда. Этому именованію и посвящена предлагаемая пѣсня.

Начинай!..“ И въ свѣтъ и жаръ
Полетѣла сегедилья ¹⁾.

Пѣли-пѣли и пришли...
Все цвѣтами блещетъ поле.
„Ну-ко въ честь родной земли,
Чтобъ цвѣла она на волѣ,

Чтобъ Господь ее хранилъ,
Чтобъ росла ея свобода...
Миръ въ дому и въ битвѣ шлѣ
Пожелаемъ для народа!“

— „Становись, сеньоры, въ рядъ!“
И подь крикъ „долой тирапы!“

¹⁾ Веселая строфа, которая поется обыкновенно въ Андалузіи, во время исполненія того-же танца (seguedilla). Но часто поютъ и такъ, безъ пляски.

Залпы бѣшено гремятъ
И рокочутъ барабаны.

Разомъ стихло все кругомъ...
Кончивъ казнь, замолкли роты.
И въ дымѣ пороховомъ
Спятъ какъ будто „патріоты!“

II. Шуть герцога д'Оссуну.

Падъ Хепилемъ ¹⁾ свѣтъ и зпой.
Что за дѣло—громче струны!
Пляшетъ весело хромой
Шуть свѣтлѣйшаго д'Оссуну.

„Ха-ха-ха!.. душа въ огнѣ!
Герцогъ, и разчелся съ вами:

¹⁾ Хепиль — рѣка надъ которою стоитъ Гренада.

Вамъ сказать-ли, кто ко мнѣ
Привоспулася устами?

„Изъ холодныхъ вышнихъ заль,¹⁾
Вся сияя, какъ царевна,—
Ваша дочка въ мой подвалъ
Приходила ежедневно.

„Я укралъ въ послѣдній разъ,
Оскорбленьямъ въ воздаянсь,
Драгоценнѣйшій алмазъ
У нея—ся лобзапсь.

„Громче струны, пой цыгань!
Пѣсни горя—только бѣсать!
Знаю я—приказъ ужь данъ:
Въ эту почь меня повѣсятъ...“

Пальцы точно струны рвутъ—
И подъ пѣсню плачуть струны...
И „халео“¹⁾ пляшетъ шутъ
Всемогущаго д'Оссуны.

III.

Разбойникъ Кабреръ²⁾.

Я разбойникъ, говорятъ,
Но внимаю я безъ гнѣва,
Какъ попы сулятъ мнѣ адъ
И гарроту королева.

Самъ я царствую. Въ горахъ
Все моею покорно власти,
Кручи, скалы въ небесахъ,
Безднъ зияющія пасти.

„Внѣ закона“ признавъ я,
И съ утеса, будто съ тропа,
У себя я васъ, друзья,
Объявляю „внѣ закона!“

Вмѣстѣ съ тучей грозовой
Прихожу я къ вамъ въ долины
И бѣгутъ передо мной
Слуги вѣрные Христины.

Не угодно-ль вамъ ко мнѣ
На мои стремнины въ гости:
Въ черной пропасти, на днѣ
Кто отгницетъ ваши кости?

Говорятъ, я въ городахъ,
Какъ гроза могучъ и страшещъ,
Но не строю я въ горахъ
Ни темницъ, ни сѣрыхъ башенъ.

Всякій воленъ кто со мной
Связанъ дружбой или любовью,
И утесъ не залить мой
Ни слезой, ни чистой кровью³⁾.

Здѣсь свободнѣй дышетъ грудь,
Жарче пламя поцѣлуетъ.
Говорятъ, когда-нибудь
На гарроту⁴⁾ попаду я.

¹⁾ Халео — любимая пляска андалузцевъ, полная безумныхъ порывовъ, огня и страсти.

²⁾ Cabrer или Cabrega — бандитъ, герой народныхъ легендъ при королевѣ Христинѣ.

³⁾ Намекъ на то, что престолъ Христины, въ царствованіе ея отца, Фердинанда VII, былъ называемъ кровавымъ.

⁴⁾ Гаррота — испанская казнь. Железныи ошейникъ у столба. Стоящій позади палачъ поворачиваетъ механизмъ и кольцо сжималось задушаетъ приговореннаго.

Эко чѣмъ нашли смутить
Горныхъ высей властелина!
Развѣ вѣчно будетъ жить
„Божьей милостью“ Христина?

Въ самой смерти равенъ я
Королевѣ и герою...
Всѣ-ли въ сборѣ, вы, друзья?
Ружья за плечи!.. За мою!

Передъ битвой страха пѣть,
А веселью—гдѣ-же мѣра!
И звучитъ мнѣ пѣсня въ слѣдъ
Въ честь разбойника Кабрера...
V.

IV.

Старый ветеранъ¹⁾.

Помогите!.. Еслибъ могъ,
Я работалъ-бы какъ люди,
Но куда пойти безъ ногъ!..
Боже, милостивъ мнѣ буди!..

Я въ Наваррѣ цѣлый годъ
Билъ врага напропалую,
За свободу и народъ,
За страну мою родную.

Донъ Карлосъ убрался вонъ,
Отдохнуть пришлось немного,
Чу! опять со всѣхъ сторонъ
И смятенсь, и тревога.

Защищая короля
И отечество съ любовью,
Алкоголейскія поля —
Мы полили нашей кровью.

Я исполнилъ свято роль
Гражданина и солдата,—
Но забылъ про насъ король
И за нимъ осталась плата.

Я безъ гроша шелъ домой
И ужь было не далеко,
Какъ меня вернули въ бой
Въ бусурманское Мароко.

Героическій погромъ
Всѣ прославили газеты;
Потерялъ я ноги въ немъ,
Заработавъ эполеты.

Вотъ они! въ нихъ честь моя!
Вотъ и крестъ! Чтѣ толку въ этомъ?
Предпочель-бы ноги я
И кресту, и эполетамъ.

Искалѣченныи, домой
Я вернулся... Ради Неба,
Братья, жальтесь надо мной,
Умираю, дайте хлѣба...

Помогите, еслибъ могъ,
Я работалъ-бы какъ люди...
Но куда пойти безъ ногъ!..
Боже, милостивъ мнѣ буди!..

¹⁾ Въ Испаніи оставшие солдаты, даже раненые—остаются безъ всякаго пособія отъ благодарнаго правительства.

V.

Надиксанская морена¹⁾.

Граціозна и смугла,
Вся и счастье, и измѣна,
Улыбаяся, прошла
Надиксанская морена.

Герцогиня передъ пей
Съ тайной завистью склонится.
У нея во тѣмѣ очей
Будто молнія родится.

Огнедышащая рѣчь,
Губы полныя желанья,
Ночь мапильей круглыхъ плечъ
Различаешь очертанья.

Что за станъ! Избави Богъ
Заглядѣтсь—вспыхнешь разомъ.
У ея прелестныхъ ногъ
Камень кажется алмазомъ.

Въ косахъ гребень золотой
Изъ-подъ кружева сверкаетъ,
Цвѣтъ волосъ ея—ночной
Мракъ небесъ напоминаетъ.

Помню я, когда гроза
Надъ Надиксомъ бушевала,
Горделивые глаза
Ты одна не опускала.

И какъ только съ площадей
Повели вождей въ темницы —
Загорѣлся взглядъ у ней,
Какъ у раненой орлицы.

— „Это кто? Солдаты! Прочь,
Живо братья за навахи!²⁾
Сердну смѣлому не въ мочь —
Только трусь боится плахи.“

Будто выросла. Впередъ
Львицей кинулась морена,
И страдалцевъ за народъ
Разомъ вырвала изъ плѣна.

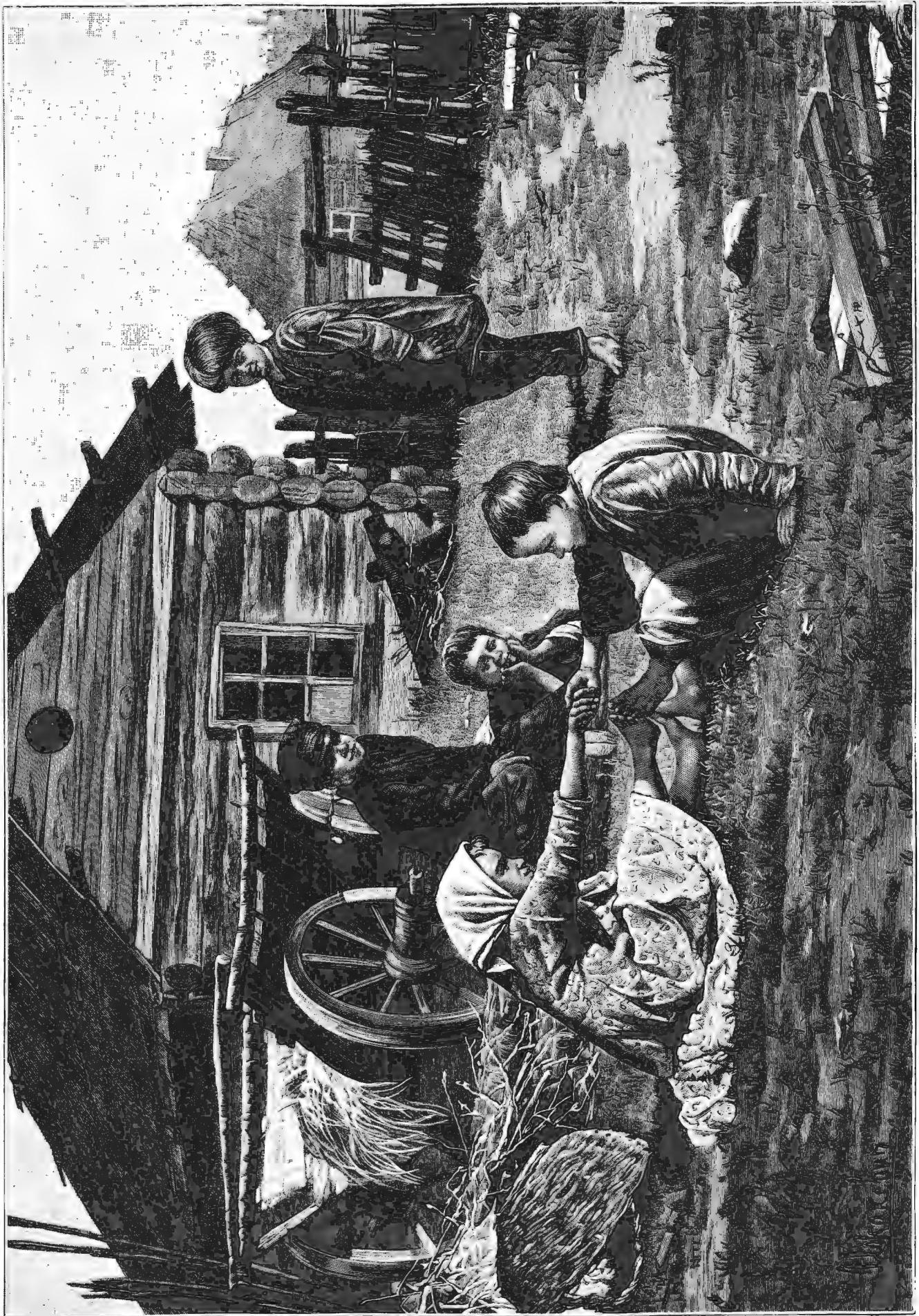
За полками шли полки,
Барабаны громко били,
И за нею на штыки,
Какъ на праздникъ мы ходили...

Градомъ сыпалась картечь,
Какъ въ аду рвалось пламя,—
А она: мапилью съ плечъ —
И съ улыбкой: „вотъ вамъ знамя!“

Чтѣ за чудная краса
Засверкала передъ нами!
Мы тогда подъ небеса
Залетѣли-бы орлами.

¹⁾ Морена — смуглянка, высшая степень андалузской красоты. Моренамъ андалузскіе поэты посвящаютъ пламеннѣйшія изъ своихъ строфъ. Непостоянныя въ любви и капризныя при обыкновенныхъ условіяхъ, морены являются истинными героинями въ народныхъ войнахъ, какъ напр. съ французами.

²⁾ Наваха — испанскій ножъ. Толедскія навахи считаются лучшими. Вслѣдъ за ними дѣлятся навахи изъ Альбасета.

Игра въ скокалку. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Имаевича, граф. Шюблеръ.

Казачья охота на волковъ. Рис. Г. Зибель, грав. Бонгъ.

Врагъ бѣжалъ. Изъ душевой тьмы
Мы вернулись снова къ свѣту
И къ ногамъ Мадонны мы
Припесли мантилью эту.

И въ процессіяхъ святыхъ,
Умилсіемъ объять,
Межъ хоругвей золотыхъ
И ея пещуть прелаты.

VI.

Контрабандистъ Пачено ¹⁾.

Весла въ руки—парусъ прочь,
Море стихло, небо чисто,
Знойной пѣгой дышетъ ночь—
Что за жизнь контрабандиста!

Знать не хочетъ никого,
И на все глядитъ безъ страха,
Если съ боку у него
Есть толедская паваха.

Онъ—король пустынныхъ водъ,
Тронъ ему плавучій—лодка.
Глазъ съ Пачено не сведетъ
Ни одна у насъ красotka.

И еще-бы! Что за видъ!
Какъ откинетъ плащъ, надменный,
Куртка золотомъ блеститъ,
И сверкаетъ поясъ цѣнный.

Подъ огнемъ его очей
Взглядъ опустишь поневолѣ,
А возьметъ гитару—Эй!
Чья душа болитъ по волѣ?

Прочь сомбреро ²⁾, плащъ долой!
Пѣсня дышетъ пѣжной лаской,
Жжетъ любовью огневой
Будто дразнить яркой сказкой.

Въ ней порывъ могучихъ грозъ,
Волнъ подъ вѣтромъ колыханье,
Свѣтъ улыбки, горечь слезъ,
Яркихъ молвій тренетанье.

Страшенъ въ мести, смѣлъ въ бою,
Онъ врага смѣясь погубитъ,
Сыплеть деньги и свою
Горячо гитану любить.

У Мадонны всякій разъ
Онъ удачи въ дѣлѣ проситъ;
Возвращаясь, алмазъ
На вѣнецъ ея приносить.

Капелланы отъ него
Всѣ жирѣютъ понемногу,
И дорога оттого
Для него открыта къ Богу.

Слава—здѣсь, за гробомъ—рай!
Что за жизнь контрабандиста!..
Ну-ко, парусъ убирай,
Море тихо... небо чисто...

¹⁾ Контрабандистъ Пачено—своего рода знаменитость. Разказами о его силѣ, красотѣ, смѣлости и щедрости полны мѣстности отъ Гибралтара до Гренады.

²⁾ Сомбреро—шляпа.

VII.

Лилей Алхезираза ¹⁾.

Жаркимъ полымемъ горятъ
Изъ-подъ кружева мантильи,
Обольщая жадный взглядъ,
Розы пышныя Севильи.

Символь юной чистоты,
На груди прекрасны пѣжной
Апельсиновые цвѣты ²⁾
Изъ Кордовы бѣлоснѣжной.

Какъ раскрытыхъ устъ коралль,
Сладострастьемъ утомленныхъ,
Цвѣтъ гранатный соблазнилъ
Всѣхъ въ Валенсіи влюбленныхъ.

Лучше жъ всѣхъ Мадонны цвѣтъ,
Цвѣтъ лилей серебрястой;
Сочетался солнца свѣтъ
Въ немъ съ слезой ея пречистой.

Пыль росы горитъ на ней
Переливами алмаза...
Въ Андалузій пѣжвій
Цѣтъ лилей Алхезираза...

VIII.

Лагартихо и Милагра ³⁾.

„Знатный быкъ достался мнѣ!
Такъ и дышетъ весь отвагой;
Роетъ землю; глазъ въ огнѣ;
Неподвиженъ передъ шпагой.“

„На мулету ⁴⁾ не идетъ
И хитрецъ минуту ловить;
Замеръ весь, удара ждетъ
И такой же самъ готовить...“

„Эй, Милагра, гдѣ же ты?
Нѣль вчера не даромъ злилась?
Покажи свои черты,
Что ты вѣромъ закрылась?“

„Ну, довольно слезъ и ссоръ;
Надобѣлъ тебѣ я, знаю;
Чудныхъ глазокъ приговоръ,
Посмотри, я исполню.“

Шпагу бросилъ. Людѣ затихъ,
Замираетъ въ ожиданьѣ...
„Смерть... Милагра, въ этотъ мигъ
Улыбнись мнѣ на прощанье.“

Подъ рогами у быка
Умираетъ Лагартихо;

¹⁾ Алхезиразскія лилей—лучшія въ Испаніи. По преданію, онѣ брошены съ неба самою Мадонной въ отвѣтъ на пламенную молитву одного святаго.

²⁾ Лучшими апельсиновыми цвѣтами считаются кордуанскіе. Бѣлоснѣжною называютъ Кордову испанскіе поэты, потому что она вся бѣлая, и подъ солнцемъ ея дома, улицы и площади кажутся точно снѣжными.

³⁾ Лагартихо—знаменитый тореро, умершій подъ рогами у быка послѣ ссоры со своей возлюбленной. Пышнѣйшій Лагартихо—его племянникъ. Милагра (чудо)—женское имя популярное въ Андалузій.

⁴⁾ Мунета—красный плащъ, которымъ „эспада“ дразнитъ быка передъ рѣшительнымъ ударомъ.

По не дрогнула рука
У Милагры. Такъ же тихо

Черный вѣбрь шелеститъ...
И склоняясь къ ней, невольпо,
Ей подруга говорить:
„Неужли тебѣ не больно?“

„Умирать такъ умирать!
Подождетъ еще немного—
Нынче вечеромъ опять
Улыбнись ему... у Бога.“

IX.

Херомита и король Санхець ¹⁾.

Быль и мраченъ, и суровъ
Донъ Санхець во время опо,
Онъ на казнь еретиковъ
Цѣлый день смотрѣлъ съ балкона.

Будто рѣдкіе плоды,
Вина топки—зарапъ
Припасался жида,
Колдуны и мусульмане.

И въ назначенные дни,
Взявъ попарно свѣчи въ руки,
Шли процессіей они
На торжественныя муки.

Разодѣта и цестра
Свита пышная дивилась,
Глядя какъ въ огнѣ костра
Жертва связанная билась.

Сатанѣ на завтракъ разъ
Шла гитана молодая,
Красотою чудныхъ глазъ
Проповѣдниковъ смущая.

Не найдешь такихъ царицъ,
Съ нею рая бы не надо.
Передъ нею палъ бы ницъ
Инквизиторъ Торквемада.

И король былъ изумленъ.
Сдѣлавъ крестное знаменье,
Прошпенталь сквозь зубы опъ:
„Боже, что за павожденье!“

— „Какъ тебя, малютка, звать?“
— „Херомитой!“

— „Гдѣ родилась?“
— „Я не знаю, рано мать
Умереть поторопилась.“

— „Какъ росла ты? Гдѣ жила?“
И ему гитана смѣло:
— „Травкой въ полѣ я росла
И жила гдѣ солнце грѣло.“

На устахъ гитаны смѣхъ,
Смотритъ прямо, безъ боязни.
— „За какой великій грѣхъ
Предана ты лотой казни?“

— „Говорилъ про то монахъ,
Я его не понимала.
Я всю жизнь у насъ въ горахъ
Только пѣла да писала.“

¹⁾ Король Sanjez—сказочный король, король андалузскихъ басенъ; некоторые выѣтъ съ нимъ отождествляютъ Филиппа II.

„Въ зимній холодъ, въ лѣтній жаръ,
Познакомая съ страдашемъ,
И жила подъ звонъ гитаръ
И питалась подаемъ.

— „Пу, а въ ересихъ какихъ
Ты замѣчена доныцъ?“

— „Ересь?.. право словъ такихъ
Не слышать у насъ въ пустыцъ...“¹⁾

— „По тебя сожгутъ живой,
Это вѣдь мученье ада!“

— „Что жь такое, смѣхъ какой!
Умирать вѣдь тоже надо.“

Въ изумлени замерла
Свита, будто бы пѣмал.
А гитана весела
Словно птичка въ утро мал.

Пораженъ король.

— „Постой,

Ты Христа душою чтила?“

— „Я?.. Христа... Онъ кто такой?“
У него она спросила.

— „Сынъ Мадонны, Божій сынъ.“
Головой она качаетъ.

— „Нѣтъ, спроси весь Альбасицъ,²⁾
Тамъ никто его не знаетъ.

„Можетъ быть въ Севильѣ есть
Человѣкъ такой въ Трианѣ“³⁾.

Проживаютъ, ваша честь,
Тамъ мудреные цыгане.

„Промышляютъ ворожбой
И рассказываютъ сказки.
А у насъ пародъ простой,
Наше дѣло только — пляски.“

— „Въ церкви ты была-ль когда?“
Отовсюду закричали.

— „Госпожи и господа!
Насъ туда вѣдь не пускали.“

Ропотъ слышится кругомъ.
Говорить король:

— „Не стану

Я теперь казнить огнемъ
Эту бѣдную гитану.

„Дѣло въ томъ, что сатанѣ
(Онъ отецъ цыганъ извѣстно)
Получить ее въ огнѣ
Право будетъ слишкомъ лестно.

„Нѣтъ, иначе поступить
Мы должны Христу въ угоду,
Вѣдь ее въ огонь пустить
Все равно, что рыбу въ воду.

„Еретичку во дворецъ
Мы помѣстимъ очень строго.
Фра-Луисъ — святой отецъ
Съ ней потрудится для Бога.

„Онъ се паучить пусть
Всѣмъ молитвамъ безъ изытій,
Чтобы зпала паузустъ
Какъ любой изъ нашихъ „братій“.

„И тогда мы возведемъ
Ей костеръ, костровъ всѣхъ краше,
И сождемъ ее на немъ
Въ прославленье чести нашей!

„Въ эти дни я повелю
Всепародное моленье!“
И гитану къ королю
Повели — на исправленье.

Только странно, съ той поры,
Хоть святая Германдада¹⁾
На гарроту и костры
И гнала исчадїи ада, —

Хоть пародъ со всѣхъ сторонъ
Какъ на праздникъ собирався,
Но король на свой балконъ
Никогда не появлялся.

Во дворцѣ за то порой
Пляска слышалась и пѣнье —
Тамъ свершались отецъ святой
Херомиты исправленье.

И въ угоду небесамъ,
Донъ Санхецъ, король жестокий,
Плещеть, сказывали, самъ
Съ Херомитой черноокой.

Бригадирская внучка.

Московская быль

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Окончаніе).

XXVII.

Наконецъ появился въ коляскѣ московскій оберъ-полицеймейстеръ, за нимъ нагрянули всякаго рода полицейскіе и тотчасъ-же было приступлено къ первому допросу, первому сыску. По единогласному завѣренію всѣхъ и по собственному признанію, въ „смертоубивствѣ“ оказывалась виновною сама барышня—бригадирская внучка.

На вопросъ полиціи, предложенный дѣвущкѣ, она отвѣчала три раза:

— Я! Я! Я!..

Стало-быть дѣло было просто и ясно. Полицейскіе дьяки, повытки и всякіе стрекоулисты начали свое дѣло, какъ-бы обнюхивали весь домъ, разглядывали, разспрашивали и наконецъ сѣли писать, среди залы. Полицеймейстеръ, сидѣвшій у Марьи Евграфовны, явился тоже въ залу.

— Ну что? спросилъ опъ у сѣдаго, маленькаго и худенькаго старичка.—Какъ по твоему?

— Не барышня, кротко отозвался тотъ усмѣхался.

— Какъ же барышня? Она-же говоритъ.

— Мало что. Говори. А доказать не сможетъ. Вы спросите, во-первыхъ, у нея какъ она убила, чѣмъ и

¹⁾ Гренадскіе цыгане зовутъ свои жилища—пустынями.

²⁾ Гора за Гренадою. Въ этой горѣ вырыто множество пещеръ гдѣ живутъ гитаны. Альбасинскіе цыгане—великолѣнные плясуны и пѣвцы, но они отличаются невѣроятнымъ невѣжествомъ. И теперь между ними встрѣчаются такіе, которые, считаясь христіанами, никогда ничего не слышали о Христѣ и о Дѣвѣ Маріи. Они не бывають въ церкви,—прежде ихъ не пускали туда. Бога они знаютъ только потому что просятъ милостыню por-Dios.

³⁾ Предѣстье Севильи, населенное цыганами, гораздо болѣе образованными чѣмъ альбасинскіе.

по какому мѣсту. Второе, спросите: бѣгала-ли она наверхъ по лѣстницѣ, послѣ убійства. А третье, поглядите кровь у нея на лѣвой рукѣ... А четвертое, гляньте паверху въ ея горницѣ полотенецъ, что мы выудили изъ печки... Пойдемте...

Полицеймейстеръ сходилъ наверхъ, потомъ пришелъ къ Клѣнѣ и задалъ ей два вопроса; Клѣна сначала не отвѣчала, но затѣмъ, при угрозѣ немедленной пытки, она отвѣчала:

— Топоромъ! По головѣ.

— Стало-быть вы, сударыня, и не видали убитаго, не только что не убивали... А были-ли вы сегодня въ горницахъ наверху?

— Ночью была.

— И послѣ убійства опять туда лазили или внизу оставались?..

— Да, всходила...

— А потомъ опять сошли внизъ?

— Нѣтъ..

— Какъ-же васъ нашли на развѣтѣ среди залы на полу, когда убитый еще былъ теплый, говорятъ—даже еще дышалъ?

Клѣна молчала.

— Стало-быть вы не ходили наверхъ?

— Нѣтъ, не ходила... Упала безъ памяти. Что-жъ изъ того! грустно произнесла Клѣна.

— Кто-же, сударыня, по лѣстницѣ взбѣгалъ и окровавленной рукой всю балюстраду захваталъ? Кто-же ножъ объ ваше полотенце вытеръ, а его въ печку засунулъ?

¹⁾ Св. Германдада — въ переводѣ „святое братство, служившее инквизиціи“.

Кто, сударыня, вот смотрите, васъ тою-же рукой схватилъ? Вотъ даже пальцы свои запечатлѣлъ...

Клѣпа молчала, и слезы впервые показались у нея на глазахъ.

— Не вы, сударыня, совершили убійство, а только его на себя берете, по знаете копейно кто убійца и должны сказать. Если вы не скажете, то...

— Не скажу. Ни за чтѣ не скажу...

— Тогда я прикажу позвать двухъ палачей и мы за васъ примемся... Ну-съ...

Клѣпа повѣрила угрозѣ и рыдая умолила, чтобъ ее не заставляли называть имя виновнаго, говоря что она беретъ все на себя.

— Законъ не допускаетъ самопожертвованій, отозвался полиціймейстеръ мягче. — Будьте благоразумны, назовите... Тѣмъ паче вамъ надо назвать преступника, что мы уже сами догадываемся... Это ваша бывшая мамка...

— Нѣтъ! Никогда! Неправда!

— Это вѣрно... Завтра она уже будетъ въ острогѣ.

Дѣвушка, пораженная извѣстіемъ, мгновенно рѣшилась. „Филиппа они не отыщутъ, онъ вѣроятно успѣетъ бѣжать изъ Москвы, — за чтѣ же Аришѣ напрасно погибать?“ мысленно рѣшила Клѣпа.

— Я завтра скажу вамъ имя... выговорила она.

— Почему же завтра, а не сегодня?

— Я подумаю... Завтра я скажу...

Полиціймейстеръ не согласился, и заявилъ, что онъ отправляется арестовать монахиню Анастасію. Клѣпа не замѣтила хитрой улыбки ея допрашивателя... Она вскрикнула и снова залилась слезами.

— Мой братъ... Мой братъ Филиппъ, произнесла она тихо.

— У васъ есть братъ?..

— Мой братъ убилъ ради спасенія моего отъ мучителя. Вотъ вамъ вся правда... Оставьте няню!

Молодая дѣвушка подробно рассказала, какъ братъ ея попалъ въ домъ, къ ней на вышку, и какъ совершилъ преступленіе. Но зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, она отказалась объяснить и начала судорожно рыдать.

Показаніе дѣвушки было настолько важно и неожиданно, что полиціймейстеръ тотчасъ же отправился въ залу къ своимъ помощникамъ и затѣмъ къ бригадиру.

Артемій Никитичъ былъ пораженъ извѣстіемъ, но повѣрилъ. Онъ рассказалъ все чтѣ зпалъ о Филиппѣ, т. е. объ его поведеніи, судимости...

— Онъ вѣрно гдѣ въ острогѣ былъ, бѣжалъ и вотъ у меня тутъ и проявился для убійства. Но зачѣмъ... чтѣ ему Герасимъ?

Послѣ полудня полиція удалилась, въ домѣ наступила тяжелая тишина. Бригадиръ съ сестрицей сидѣлъ у себя, вздыхалъ и охалъ, по молчалъ. Клѣпа лежала въ своей горницѣ, одна, въ полузабытій, и частъ, судорожно вздрагивала всемъ тѣломъ. Трупъ убитаго не приказано было трогать до возвращенія полиціи, и представленный солдатъ сидѣлъ на караулѣ въ передней. Люди сбились въ кучу въ людской, какъ бараны въ грозу, но не гадѣли, а уныло молчали. Все было переговорено.

— Что-то будетъ! Что-то будетъ! изрѣдка раздавались голоса полупотомъ.

Наконецъ предъ сумерками появился полиціймейстеръ и заявилъ бригадиру, что его впучка лжетъ самымъ дерзкимъ образомъ, сваливалъ преступленіе на мертваго.

По всемъ розыскамъ въ судѣ, даже со словъ главнаго судьи, который хорошо помнитъ Филиппа Филисова, оказалось, что онъ умеръ давно въ острогѣ или въ пути между Москвой и Владиміромъ, когда былъ отправленъ по суду въ Сибирь съ партіей арестантовъ. Документъ объ его смерти и погребеніи оказался налицо.

— Что же это, Господи! воскликнулъ бригадиръ. — Стало-быть она сама. Или у нея кто былъ на вышкѣ, да не братъ родной... а хуже... Острожникъ, который васъ зарѣзать могъ! Господи помилуй, до чего я дожилъ!

Полиціймейстеръ отправился къ Клѣпѣ и заявилъ ей то же самое, требуя снова, чтобы она назвала имя убійцы. Клѣпа была очевидно страшно поражена извѣстіемъ, по молчала.

— Умеръ, произнесла она наконецъ. — И давно?..

— Да-съ. Вы этого не знали и свалили вину на мертваго. Извольте же теперь сказать, кто у васъ былъ почью и совершилъ убійство?

— Мой братъ Филиппъ...

— Что вы... желаете шутить? Или вы сумасшедшая?

Клѣпа отозвалась сухо и рѣзко, какъ-бы озлобясь:

— Говорятъ, что я давно умалишенная. Все говорятъ.

— Скажете ли вы, наконецъ, кто убилъ двороваго человѣка? Въ послѣдній разъ я спрашиваю васъ!..

— Я сказала, отозвалась Клѣпа. — Братъ.

— Это сознаете—ложь! Вы валите на мертваго.

— Оставьте тогда мени въ покоѣ... Тѣмъ лучше, если умеръ...

— Если вы не хотите назвать убійцу, то я васъ долженъ немедленно везти въ острогѣ! проговорилъ полиціймейстеръ грозно.

— И хорошо... вымолвила Клѣпа, и со слезами печально повторила нѣсколько разъ: — Хорошо, хорошо, хорошо! Хорошо, что онъ мертвый... Я за его вину отвѣчу! Онъ для мени и убивалъ! Мнѣ за него и отвѣчать!

Полиціймейстеръ вышелъ изъ горницы нѣсколько смущенный; снова отправился къ бригадиру, котораго нашелъ почти лежащимъ въ большомъ креслѣ. Онъ заявилъ о своей обязанности немедленно арестовать его впучку и везти въ острогъ, хотя, повидимому, она не въ своемъ умѣ.

— Берите, берите!.. Поскорѣе отсюда!.. Поскорѣе... Подальше... Голову ей рубите... Чтѣ хотите творите... Поразила она мени на старости лѣтъ... Такого случая въ Москвѣ не запомнятъ... Скорѣе увезите!.. Куда желаете.

Между тѣмъ, четверо дюжихъ мужиковъ, по приказанію полицейскихъ, взвалили трупъ Герасима на рокожу и перенесли его на задній дворъ въ пустой сарай.

Въ то-же время Клѣпа, блѣдная, застывшая, безчувственная, вышла машинально изъ своей горницы и прошла въ залу, сопутствуемая двумя полицейскими. Переступивъ порогъ прихожей, Клѣпа, при видѣ бабъ, мывшихъ полъ въ сосѣдней горницѣ, зажмурилась и зашаталась. Затѣмъ она быстро двинулась снова и почти бѣгомъ спустилась на подвѣздъ.

На дворѣ, вокругъ крыльца, стояла сплошная толпа народа изъ тѣхъ же зѣвакъ, шатавшихся тутъ съ утра. При всемъ народѣ бригадирскую внучку посадили въ простую телѣгу, по бокамъ усѣлись двое полицейскихъ, и поѣздъ двинулся. Вслѣдъ за телѣгой, съ напряженною въ нее простою клячей, шарахнулась и эта густая толпа. Сотни людей бѣжали, провожая телѣгу по всемъ улицамъ, вплоть до самаго острога.

Всюду, гдѣ проѣзжала телѣга, окруженная этой толпой, встрѣчный народъ опрашивалъ:

— Чтѣ за поѣздъ? Чтѣ за людство?

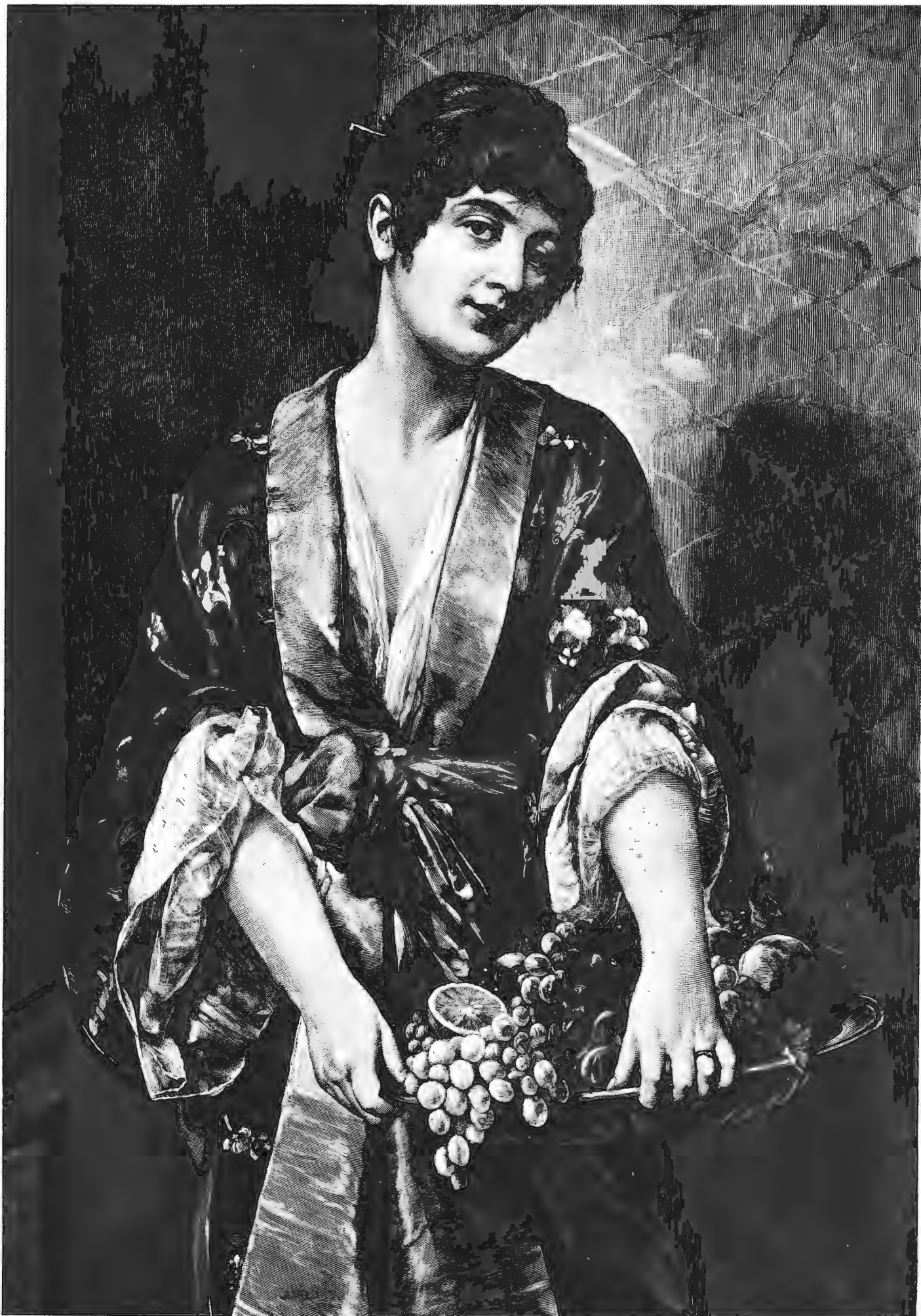
— Бригадирскую, слышь, дочку, аль жѣнку какую-то везутъ. Зарѣзала кого-то. Вотъ и везутъ.

— Куда?

— На площадь Красную! Голову рубить!

— Дѣвчонка-то, слышь, чтѣ народу загубила! Сирота круглая осталась и своихъ крѣпостныхъ изводила, рѣзала, топила... Душъ сто загубила.

— Цѣлое село, какъ стояло, братцы, такъ и нѣту его... Хрестьянъ вымучила она до единаго человѣка,

Фрукты. Съ картины Панпериды, грав. Терики.

ребятишек и тѣхъ въ рѣчку закидывать какъ щепять приказывала. А тамъ, какъ обезлюдила она всю вотчину — то жечь велѣла. Все село и выжгли...

И всякія розказни росли и расходились по улицамъ московскимъ.

А преступница, везомая по улицамъ, среди толкотни и гула голосовъ, сидѣла опустивъ голову на грудь и почти закрывъ глаза.

XXVIII.

Бригадиръ Никита Артемьевичъ не могъ совладать съ новымъ ударомъ, его постигшимъ. Последнее происшествіе въ его домѣ, сугубо горшее всѣхъ предшедшихъ, сразило его окончательно. Преступленіе, срамное по своей загадочности, обѣжавшее весь городъ въ одинъ день, сдѣлало его домъ въ Москвѣ, по исконному выраженію, „притчей во языцѣхъ“.

Уже не въ однихъ дворянскихъ семьяхъ, а повсюду: въ трактирахъ, лавочкахъ, на базарахъ, только и было слышно, только и шли толки, что о бригадирской внучкѣ, которая мастеръ на всѣ руки. „Начала съ воровства, а кончила смертоубійствомъ.“

Бригадиръ былъ надломленъ всѣмъ пережитымъ, и года его сразу сказались; онъ слегъ въ постель и въ одну недѣлю постарѣлъ, казалось, лѣтъ на десять. Марья Евграфовна, со своей стороны, тоже быстро измѣнилась лицомъ и характеромъ, стала молчалива, забыла и думать о краспорѣчьи и настолько похудѣла, настолько лицо ея осунулось и пожелтѣло, что она сразу утратила слѣды прежней красоты, которою еще недавно удивляла всѣхъ москвичей.

Люди тоже двигались и дѣлали свое дѣло молча и даже боязливо: они были подъ сыскомъ. Каждого изъ нихъ ежедневно приходили брать, водили въ судейскія палаты, опрашивали, стращали пыткой, а двухъ уже засадили.

Одинъ изъ нихъ былъ Антонъ, имя котораго осталось еще связаннымъ съ покражей перстня. Онъ оказался причастнымъ къ дѣлу и сидѣлъ въ ямѣ. Его кормили одною селѣдкой, не давали пить и вышывали этимъ способомъ показанія въ томъ, чего онъ не зналъ и знать не могъ.

Клѣна сидѣла въ острогѣ въ дворянскомъ отдѣленіи. Ей позволили сохранить то платье, въ которомъ ее взяли, но пригрозили, что въ случаѣ покушенія на свою жизнь или на побѣгъ, на нее надѣнутъ арестантское платье и кандалы на руки и на ноги. Угроза эта была лишняя по отношенію ко второму предположенію. Бѣжать она никоимъ образомъ не могла бы, такъ какъ страшная слабость вынуждала ее проводить весь день лежа на сѣнномъ матрацѣ въ своей коморкѣ. Что касается перваго предположенія, то, конечно, поджидая на видѣ дѣвушка, съ безмысленнымъ взоромъ, могла въ минуту полнаго отчаянія покуситься на самоубійство. Но и для этого у нея подъ руками не было ничего, чѣмъ бы она могла убить себя.

Первые три дня жизни въ острогѣ Клѣна провела въ какомъ-то оцѣпенѣннн. Такъ какъ она была одна въ отдѣльной маленькой горницѣ, въ концѣ коридора, за тяжелою дверью, окованною желѣзомъ, то до нея почти не достигалъ острожный шумъ. Она свободно могла погружаться въ свои горькія думы.

Съ утра до ночи, отчасти и всю ночь, ей казалось, что она не живетъ, какъ прежде, а спитъ и передъ ней совершается и длится какой-то ужасный сонъ на-яву.

Въ глубинѣ души возникало слабо мерцающимъ лучемъ нѣчто въ родѣ надежды, что сонъ этотъ прервется, последуетъ пробужденіе, всѣ эти страшные образы исчезнутъ и пастушить ясная, простая дѣйствительность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, существо ея какъ-бы раздвоилось. Въ ней было двѣ Клѣны и одна у другой изрѣдка спрашивала: „Неужели ты допустила убить его? И какъ смогла ты?“ А другая Клѣна, озлобленная, будто отвѣ-

чала: „Хорошо! и хоть еще сто разъ — такъ же падо!“

На третій день обстановка молодой дѣвушки сразу измѣнилась. Ее перевели въ другое отдѣленіе, гдѣ оказалось четыре женщины, такія же арестантки, какъ и она; Клѣна, дико озираясь на нихъ, забилась въ уголъ и ни разу не отвѣтила ни однимъ словомъ на вопросы, которыми осыпали ее новыя товарки. Ни просьбы, ни ласки, ни назойливость, ни грубости, ни грязныя прибаутки не заставили дѣвушку отзываться. И тутъ, съ перваго же вечера, всю ночь Клѣна уже не думала о себѣ и своемъ преступленіи. У ней было одно только чувство: ощущеніе простаго страха, простой гадливости отъ этихъ товарокъ-арестантокъ.

„Убьютъ онѣ меня“, думала ночью Клѣна, лежа на простой рогожѣ на полу. „Ну, и слава Богу!“ прибавляла она. „Я же сама собиралась не разъ на себя руки наложить. Такъ чего же мнѣ ихъ бояться!“

Но боязнь все-таки сказывалась, не смотря на такія разсужденія. Черезъ сутки сидѣнія взаперти вмѣстѣ съ этими женщинами, Клѣна уже нѣсколько привыкла, и страхъ пересилило простое гадливое чувство отвращенія.

Оказалось, что молодую дѣвушку перевели изъ отдѣльной горницы и заперли вмѣстѣ съ другими преступницами исключительно потому, что судьи и подьячіе ошиблись въ своемъ расчетѣ.

Судейскіе крючки, кровопійцы приняли молодую дѣвушку, бригадирскую внучку, какъ манну небесную, какъ доходящую статью. Такихъ дѣлъ уголовныхъ, каково было дѣло барышни Филисовой, всю жизнь жди иной судья — и не дождешься. Тутъ можно было стать сразу богатымъ человекомъ.

Черезъ два дня послѣ ареста молодой преступницы-дворянки, судьи разочаровались, узнавъ что бригадиръ не только не желаетъ выпутать свою внучку изъ уголовщины, но, напротивъ, отказывается отъ нея вполне. Онъ заявилъ, что радъ будетъ если осрамившая его внучка пострадаетъ и будетъ судима самымъ строгимъ образомъ.

Вѣдѣствіе этого съ молодою дѣвушкой перестали стѣсняться и, прежде всего, перевели ее въ отдѣленіе, гдѣ были другія преступницы. Со временемъ ее ожидало еще другое помѣщеніе, въ общей камерѣ, гдѣ содержалось до полтора ста женщинъ-арестантокъ.

Однако бригадиръ Филисовъ, пожелавшій отстранить отъ себя все дѣло, оставляя внучку на произволь судьи, а главное — на произволь судей, тоже ошибся въ расчетѣ.

Судейскіе кровопійцы не могли упустить изъ рукъ такой добычи, такого лакомаго куска, какъ богатый бригадиръ.

Дѣло было, казалось, просто. Барышня, дворянка убила съ кѣмъ-то вмѣстѣ двороваго человека и была найдена почти на мѣстѣ преступленія. Оставалось только приговорить ее и сослать въ каторгу. Штатъ не приходилось, да по новому указу государыни пытать уже съ десятокъ лѣтъ было запрещено; прежніе „дыбки“, „лошадки“ и всякія „пристрастія“ были отмѣнены. Клейма еще оставались. Но власть-ли каленнымъ желѣзомъ на лобъ барышни букву *у* или иную какую, это судейскихъ крючковъ вовсе не интересовало. Для нихъ важно было, якобы ради правосудія и общественной совѣсти, а не ради важны и лихонмства, доподлинно изслѣдовать и узнать дѣйствительно-ли бригадиръ не причастенъ къ убійству, безъ всякаго повода, его крѣпостнаго человека. Зачѣмъ барышнѣ убивать холопа!

— Нѣтъ, это дѣло не простое, а таинственное дѣло, сказалъ на третій день главный судья засѣдателю Верховнаго суда — Братолюбцеву.

— А, вотъ какъ!.. отозвался Братолюбцевъ, усмѣхаясь злобно. — Не простое... Такъ я, сударь мой, этого и ожидалъ.

— Нѣтъ, Геннадій Ивановичъ, не простое. Тутъ

дѣло чрезвычайной важности. Это, такъ сказать, убійственная загадка.

— Вотъ какъ! снова усмѣхнулся Братолюбцевъ. — Ужь вы отъ вашего судейскаго азарта нечаяннымъ манеромъ острить начали. „Убійственная загадка“!.. Такъ!.. И вы ее теперь будете разгадывать?

— Намъ это, Геннадій Ивановичъ, долгъ и совѣсть повелѣваютъ. Разгадать, чтобы невинный не пострадалъ и виновный нашелся.

Братолюбцевъ помолчалъ и вымолвилъ:

— Нужно вамъ пощипать моего друга - бригадира, чтобы его достоиніе все перешло въ ваши руки. Такъ и этого и ожидалъ.

Главный судья обидѣлся, но принялъ не грозный видъ, а жалостливый, и сталъ печалиться насчетъ такого худого мнѣнія засѣдателя суда о судьяхъ.

Братолюбцевъ, какъ уже разъ случилось ему поступить, снова отправился къ своему другу, проси не жалѣть денегъ и тотчасъ же пожертвовать тысячу тридцать.

— Запутаютъ и тебя, и Марью Евграфовну, и всѣхъ вашихъ родичей, каковые найдутся. Заплати скорѣе.

Филисовъ отвѣчалъ лишь болѣзненно желчнымъ, но отчасти и грустнымъ смѣхомъ.

— Денегъ мнѣ не жалъ, отозвался онъ. — Теперь мнѣ моего достоинія и оставить некому. Одна была внучка — и та опозорилась. Но не стану я платить... Пускай они путаютъ какъ хотятъ. Я помню одно, что у насъ есть государыня и самодержица, которая, по сказу Орлова, объ этихъ судахъ такого же мнѣнія, какъ и я. Царица много сотенъ дѣлъ перерѣшила, много безвинно запутанныхъ освободила. Коли случится нѣчто подобное со мною, то наша матушка дѣло распутаетъ и я виновнымъ не останусь. А Клеопатра Филисова пускай пройдетъ черезъ всѣ мытарства судейскія, какъ ей и подобаетъ.

Послѣ Братолюбцева появился въ домѣ бригадира главный судья, хорошо извѣстный по Москвѣ. Его звали и въ народѣ, и въ обществѣ то „Шемякой“, то „Иудой Искаріотомъ“, то „волкомъ“. Нѣкоторые пообразованнѣе изъ дворянъ звали его „Вампиромъ Вампировичемъ“.

Бригадиръ сначала, на докладъ лакея о прибытіи нежданнаго гостя, отвѣчалъ отказомъ принять. Но судейскій оберъ-кровоійца настоялъ болѣе или менѣе дерзко на томъ чтобы быть принятымъ.

Никита Артемьевичъ вышелъ въ залъ и, блѣдный, трясись отъ гнѣва, сказалъ гостю краткую російскую рѣчь, отъ которой гость побавровѣлъ и тотчасъ попятился къ прихожей.

— Ладно, будете вы меня помнить! пригрозился онъ уже падѣвая шубу.

Но бригадиръ, блѣднѣе смерти, подвинулся на порогъ прихожей и снова оглушительнымъ голосомъ на весь домъ повторилъ съ десятокъ крѣпкихъ словъ.

Черезъ два дня послѣ этого въ Москвѣ уже толковали во всѣхъ домахъ, что дѣло внучки бригадирской совсѣмъ не такое, какъ сначала рассказывали. Дѣло премудренное. Оказывается, что Филисова никогда скорохода своего дѣда не убивала. А кто убилъ и какъ все это произошло — дѣло рукъ самого бригадира.

Съ этого дня дѣло барышни Филисовой стало какъ бы спѣжнымъ комомъ, который по свѣжей порошокъ, въ теплый день, судьи, подьячіе и повытки начали весело катать и перекачивать.

Черезъ нѣсколько дней изъ маленькаго комочка сталъ уже большущій комъ, обѣщавшій вскорѣ стать комомъ гигантскимъ.

XXIX.

Почти въ то же время, когда шли переговоры судей съ Братолюбцевымъ и бригадиромъ, — видно судьба благоприятствовала судьямъ, — случился особый казусъ.

Рапо утромъ въ острогъ явилась пожилая женщина, монахиня, и заявила солдатамъ о желаніи видѣть барышню Филисову. Разумѣется солдаты прикрикнули на появившуюся. Не будь она монахиня, можетъ быть ее и въ зашей прогнали бы.

Благодаря нѣсколькимъ серебрянымъ монетамъ, монахиня прошла крыльцо и очутилась внутри дома. Здѣсь она обратилась съ тою же просьбой повидаться съ арестанткой къ какому-то подьячему, но и тутъ получила отказъ и выговоръ.

Долго билась няня, Арина Матвѣевна, чтобы добиться своего: повидаться съ „дитяткомъ“. Всѣ ея попытки, моленія и обѣщанія не привели ни къ чему. Какой-то подьячій уже схватилъ ее за рукавъ и потащилъ къ дверямъ, приговаривая:

— Уходи, монашка, уходи! Здѣсь тебѣ въ твоемъ одѣяніи и не мѣсто... Не срамись!

На счастье Арины Матвѣевны, въ это время подѣхалъ въ большой колымагѣ важный человекъ, въ мундирѣ, съ орденомъ и, не выходя изъ экипажа, приказалъ позвать къ себѣ какого-то чиновника.

Фигура монахини, вышедшей изъ острога, вѣроятно поразила его.

— Это кто?! крикнулъ онъ грозно.

Арина Матвѣевна, догадливая и дальновидная, теперь тоже сообразила въ одну минуту, что важный сановникъ можетъ помочь ей горю. Она сама приблизилась къ самой колымагѣ и въ нѣсколькихъ словахъ объяснила все: кто она и зачѣмъ явилась.

— Ты мамка Филисовой?

— Точно такъ.

— Когда ты постриглась?

— Недавно, сударь мой. Передъ самой этой бѣдой.

— Виновата-ли, по твоему разсужденію, твоя барышня въ семь ужасномъ дѣланіи, въ убійствѣ холена?

— Ахъ, не виновата!.. вымолвила мамка, заливаясь слезами. — Ахъ, не виновата!.. Гдѣ жъ ей, робенку, на такое дѣло пойти! Тутъ другой все повернулъ! Кто такой — не мое дѣло. Охъ, все житье-бытье ея у дѣдушки пугано-перепугано...

— А!.. протянулъ сановникъ.

Но протянулъ съ такимъ видомъ, такимъ голосомъ, что всѣ кругомъ, и его же кучеръ, и лакей на запяткахъ, и сторожа, и кое-кто изъ прохожихъ — всѣ на этотъ звукъ павострили уши, рты разинули и растарачили глаза. Половъ великаго значенія былъ этотъ сановнический, властный и даже послѣдствіями своими всемогущій звукъ.

— Знала-ли ты, послѣ паузы выговорилъ сановникъ, — что твоя барышня кончитъ такимъ страшнымъ дѣланіемъ, или такое дѣланіе на нее взведутъ?..

— Охъ, ждала бѣды! воскликнула Арина Матвѣевна, не вполне понимая значеніе вопроса.

— Думалось-ли тебѣ, что житье-бытье у бригадира въ домѣ твоей барышни кончится какою-нибудь бѣдой? Думала-ли ты это?

— Думала, батюшка, думала это... Что грѣха таить, — ждала, отецъ мой, ждала ежечасно.

— Были на то особливья причины?

— Были... были...

— И ты знаешь кое-что? Какія-такія причины, что все это перепуталось?

— Вѣстимо.

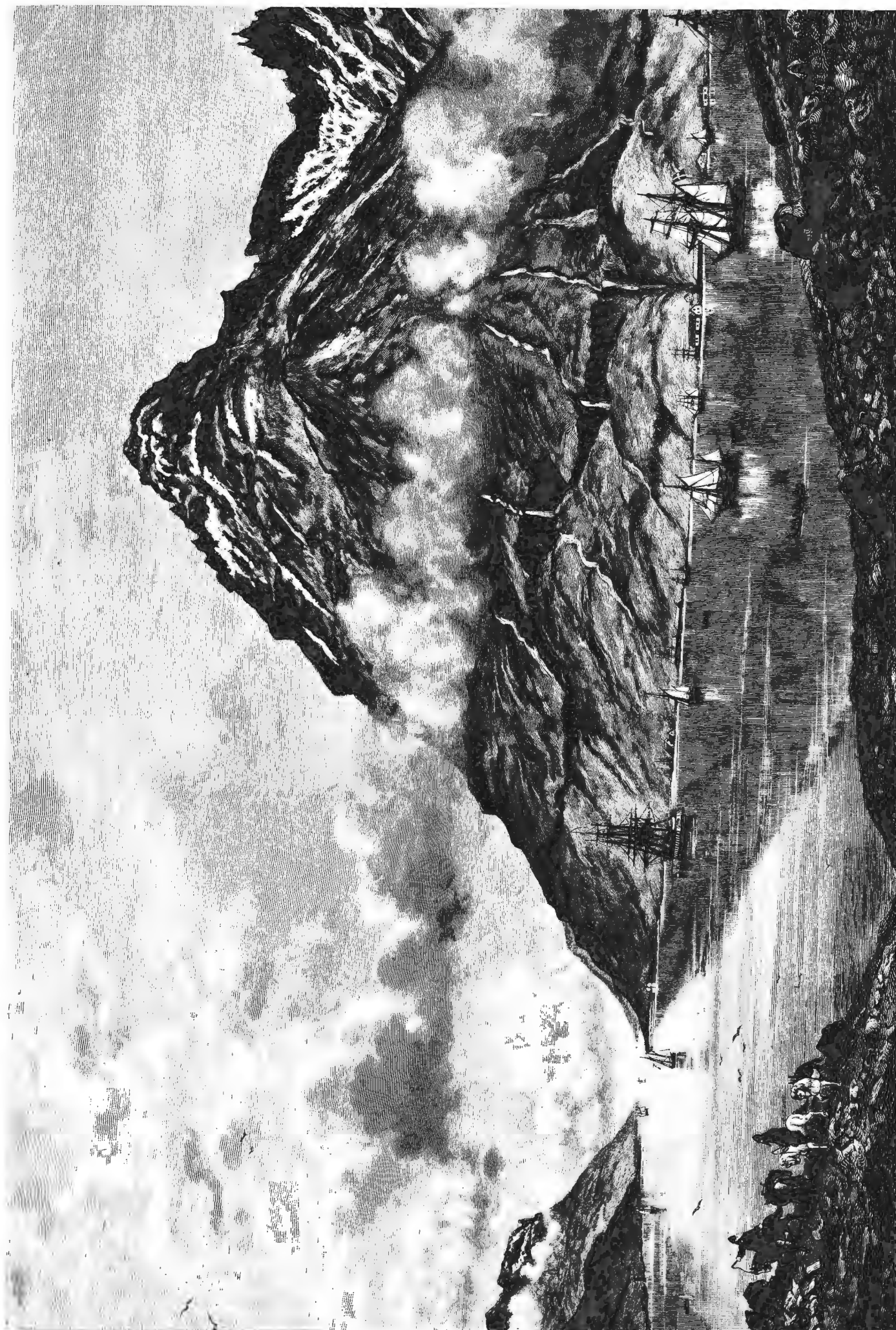
— Ну, прости меня, мамушка. Я человекъ подневольный — судья. Я не могу по собственному желанію или прихоти поступать. Я долженъ все по закону вершить... Поэтому прости, голубушка, а я долженъ приказать тебя сейчасъ арестовать.

Арина Матвѣевна встрепенулась и вздрогнула.

— Да, дѣлать нечего. Засадить тебя вмѣстѣ съ твоимъ „дитяткомъ“, а что дальше будетъ — невѣдомо.

Господь Саваоѣ въ куполѣ московскаго храма Спасителя. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Сейдис-фюрдъ въ Исландіи. Рис. К. Седиви, грав. Гальбергеръ.

— Съ ней, съ Клѣной вмѣстѣ посадить?.. вымолвила Арина Матвѣевна.

— Да, да...

— Отецъ ты мой!..

И мамка бросилась на колѣни, кланяясь лицомъ въ спѣзь.

— Не могу... не могу... заговорилъ сановникъ, выснувшись въ окно колымаги. — Не проси. Не могу...

— Спасибо тебѣ! одновременно съ нимъ повторяла Арина Матвѣевна. — Дай тебѣ Господь всякаго счастья и всякаго здоровья!

Наступило молчаніе, послѣ котораго сановникъ улыбнулся и, обращаясь къ ближайшему солдату, выговорилъ:

— Прикажи Трофиму Иванову сейчасъ взять ее и посадить вмѣстѣ съ Филисовой.

И чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, Клѣна уже плакала и рыдала, крѣпко ухватившись за свою мамку. Часа два не выпускала она изъ рукъ свою Аришу, боясь, что она исчезнетъ какъ тѣнь, какъ видѣпіе.

Въ тотъ-же день обѣ арестантки были снова отдѣлены въ особой камерѣ.

Разумѣется, когда въ монастырѣ были извѣщены объ арестѣ повой монахини, то игуменья приказала считать ее исключенною изъ числа монахинь. Она послала сказать въ острогъ, что считается эту женщину какъ-бы расстригой, какъ-бы лишенною монашескаго сана, а поэтому требуетъ, чтобы ее тотчасъ-же заставили переменить одежду.

Арина Матвѣевна весело и радостно сняла съ себя монашеское одѣяніе и надѣла простое платье и арестантскій халатъ.

— Нехай, нехай... весело повторяла она. — Надѣну что изволите... Хоть шкуру звѣриную! Лишь-бы мнѣ съ Клѣной быть... А Богъ-то все видитъ. Онъ Небесный Отецъ все знаетъ! А скажетъ-ли что, нѣтъ-ли—на то Его святая воля!..

XXX.

Въ теченіе недѣли обѣихъ арестантокъ вмѣстѣ возили въ телѣгѣ въ другое казенное зданіе, конечно подъ конвоемъ двухъ солдатъ.

Здѣсь, передъ большимъ столомъ, накрытымъ краснымъ сукномъ, сидѣло нѣсколько важныхъ господъ съ орденами и здѣсь снимали допросъ съ обѣихъ арестантокъ.

Барышня Филисова мало давала пищи своимъ судьямъ. Она отмалчивалась, печально трясла головой или отзывалась кратко, двумя словами: *да* и *нѣтъ*. Вину свою она, конечно, попрежнему не признавала вполне, ибо самое убійство сваливала на брата.

Арина Матвѣевна была говорливѣе и только на второмъ допросѣ вдругъ въ головѣ ея какъ-то просвѣтлѣло. Она догадалась и ахнула. Чистая совѣсть ее заговорила; душа добрая и честная омрачилась. Няня догадалась, что судя по допросамъ ей чинимымъ, очевидно въ это дѣло хотятъ запутать и бригадира, и его сестрицу.

Когда на третьемъ допросѣ Арина Матвѣевна заявила прямо и просто, что напрасно припутываютъ барина стараго и барыню, что виноваты Филиппъ и Клѣна, а пожалуй виновата и она, ихъ нянька, — судьи сказали, что это не ея дѣло. А главный судья заявилъ, что больше няньку и допрашивать нечего, что первыя ея показанія достаточно полны и все дѣло разъяспяютъ.

Прошло еще нѣсколько дней—и Клѣна съ няней узнали, что ихъ обѣихъ обвиняютъ въ бродяжничествѣ по Москвѣ и проживательствѣ безъ всякаго вида во время смутныхъ дней моровой язвы; затѣмъ, въ разворованіи и похищеніи чужаго имущества, придаваго, которое готовилось бригадиромъ; затѣмъ, въ воровствѣ цѣнныхъ вещей, перстня дорогаго и проч. у бригадира Филисова; затѣмъ, Клѣну—въ поведеніи не благоприличномъ

для дворянки, пьянствѣ съ простыми холопами въ людской дома; наконецъ, въ убійствѣ двороваго человека, скорохода Морковникова, по наущенію и строжайшему приказанію самого бригадира.

Одновременно съ окончаніемъ разслѣдованія дѣла, Филисову было объявлено, что онъ считается причастнымъ къ дѣлу и что у генераль-губернатора будетъ испрошено разрѣшеніе не арестовать его, а держать пока подъ карауломъ у себя на дому до окончательнаго выясненія всѣхъ обстоятельствъ.

Бригадиръ, оповѣщенный, не выдержалъ и вѣдъ себя отъ гнѣва сталъ собираться въ Петербургъ.

— Самъ я царицѣ въ ноги брошусь! воскликнулъ онъ.

Марья Евграфовна, пораженная не менѣе своего сожителя, посоветовала ему бросить и мысль о Петербургѣ, а немедленно ѣхать къ сосѣду, графу Орлову, и просить его заступничества.

Бригадиръ на это согласился, но хотѣлъ прежде посоветоваться съ другомъ.

Къ его удивленію, исчезнувшій за послѣдніе дни Братолюбцевъ оказался выѣхавшимъ изъ Москвы и пѣшкомъ куда. Это поразило Филисова.

За то посѣщеніе властнаго и именитаго сосѣда оказалось излишнимъ. Самъ графъ Орловъ, до котораго дошли вѣсти о прикосновенности къ дѣлу и якобы виновности сосѣда Филисова, явился къ нему въ домъ и вызвался помочь горю.

— Это нашъ „Искаріотъ“ все подстроилъ, Никита Артемьевичъ, сказалъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ. — Будь благонадеженъ. Сейчасъ-же все напишу брату Григорію и пошлю нарочнаго въ Петербургъ. Я за тебя порукой, что ты только тѣмъ виноватъ, что за судейскіе крючки платьемъ своимъ зацѣпился. Вотъ вся твоя вина!

Конечно, весь городъ былъ взволнованъ уже объявленною и, такъ сказать, оформленною виновностью бригадира.

Многіе ужасались, по многіе и усмѣхались, покачивая головами.

Болѣе всѣхъ были поражены сами арестантки: бригадирская внучка и ея мамка.

— Не попуститъ этого Господь, говорила со слезами Арина Матвѣевна. — Господь все видитъ, все знаетъ! И скажетъ Господь свое слово въ люди, для просвѣтленія ихъ!..

XXXI.

И Клѣнина няня оказалась, какъ многія русскія пипы,—пророчицей.

Провидѣніе, знавшее все, сказало наконецъ свое слово.

По высочайшему повелѣнію изъ Петербурга отъ матушки-царицы, у которой было зоркое правительствующее око, — явилась помощь невиннымъ...

Братолюбцевъ все схлопоталъ въ Петербургѣ.

Императрица, до свѣдѣнія которой дошло приключеніе въ одной изъ дворянскихъ семей Москвы, тотчасъ-же приказала стороной и частнымъ образомъ разузнать и выспросить все подробно у друга Филисова, который самъ судья.

— Это дѣло темное, сказала государыня,—а чѣмъ темнѣе дѣло, тѣмъ безвинные бываютъ виннѣе виноватыхъ.

Въ это-же время графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ отписалъ брату все, что знала вся Москва, всю загадочную исторію. Появленіе въ домѣ бригадира внучки послѣ ея странствованія во время чумы и непонятное исчезновеніе молодаго офицера и, наконецъ, послѣднее убійство холопа, учиненное якобы умершимъ бригадирскимъ внукомъ или самой внучкой—все было имъ толковито рассказано въ длинномъ посланіи къ брату, любимцу царицы.

Государыня сама все прочла, обдумала, а затѣмъ

былъ посланъ тотчасъ-же дѣльный человѣкъ въ Москву произвести строжайшее слѣдствіе. Чтобы допытаться истины, онъ долженъ былъ тщательно допросить молодую дѣвушку, чтобы удостовѣриться — умалишенная она или нѣтъ, а затѣмъ, разслѣдовавъ строжайше дѣло, тотчасъ обо всемъ донести государынь.

Пріѣздъ слѣдователя въ Москву произвелъ большой переполохъ среди судей и эффектъ среди общества.

— Вотъ она, царица-то... До всего ей дѣло, говорили москвичи.—Ему строжайшій указъ... Онъ теперь все выпытаетъ. А то поди, послушай у насъ, кто говорить сумасшедшая, а кто говорить — въ здоровомъ умѣ, да только вишь капалья самая перворазрядная... Вотъ и разсуждай... А онъ теперь все наизнанку вывернетъ и до сути-то доберется.

Посланецъ этотъ былъ родственникъ графа Брюса, отличившійся во время чумы и рекомендованный государынь какъ честный, дѣльный и хитрый человѣкъ.

Секундъ-майоръ Повалишинъ, такъ назывался слѣдователь, явился въ Москву и взялся за дѣло по своему. Людей перестали таскать изъ дома, ограничившись тѣмъ, что они уже показали. Но за то забрали двухъ выморочныхъ холоновъ госпожи Козляниновой, которые нашлись въ Москвѣ, и одинъ изъ нихъ былъ гучеръ Семень.

Однако новая помѣха возникла для Повалишина при разслѣдованіи всего дѣла. Клѣна стала упорно молчать на вопросахъ, ничего не объясняя и не уступая никакимъ угрозамъ. Няня Арина Матвѣевна буквально слѣдовала примѣру барышни. Обѣ по опыту боялись уже говорить.

Наконецъ, однажды обѣихъ женщинъ привели въ отдѣльную горницу къ Повалишину, гдѣ стоялъ палачъ съ плетью въ рукахъ, а солдатъ держалъ молотокъ и какая-то чугунина палочка. Обѣимъ женщинамъ слѣдователь объяснилъ, что это кайма, которая сейчасъ разожгутъ на огнѣ и будутъ калѣнымъ желѣзомъ имъ литеры на лбу выжигать, а затѣмъ будутъ ихъ пороть нещадно до тѣхъ поръ, пока онѣ не заговорятъ...

Клѣна даже бровью не повела, а няня вздохнула и прослезилась... Но обѣ молчали.

Угроза не удалась и арестантокъ увели.

XXXII.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ секундъ-майоръ Повалишинъ прибылъ въ Москву для слѣдствія, уголовное дѣло бригадирской внучки, не подвинувшееся ни на шагъ, наконецъ, вдругъ приняло совершенно иной оборотъ.

Если мудро было положеніе бригадира, на которого косилась вся Москва; если еще мудрейше и тяжелѣе было положеніе его внучки, противъ которой были явны улики въ смертоубійствѣ, то не менѣе странно и тяжело стало вдругъ положеніе самого слѣдователя.

Повалишинъ, видая Клѣну почти всякій день, отпосился теперь къ ней совершенно иначе, нежели въ первые дни по пріѣздѣ изъ Петербурга. Онъ началъ угрозами и застраиваніями, а кончилъ тѣмъ, что умолялъ дѣвушку признаться откровенно во всемъ, уже не ради суда, не ради удовлетворенія закона, а по инымъ, совершенно чуждымъ правосудію, причинамъ.

Майоръ Повалишинъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, красивый собою, съ выразительнымъ лицомъ. Онъ былъ усердный служака, никогда близко не знакомившійся ни съ одной женщиной, и будучи нелюдимомъ отъ природы и по воспитанію, избѣгалъ всегда общества, бѣгалъ отъ вечеровъ и баловъ. Теперь, благодаря дѣлу, которое прислали его распутать, онъ первый разъ въ жизни близко познакомился съ красивою и умною молодой дѣвушкой, вдобавокъ несчастною, которая была

очевидно жертвой какого-то страннаго и страшнаго недоразумѣнія. Это недоразумѣніе должно было бросить несчастную дѣвушку изъ порядочной и богатой дворянской семьи въ кандалы и въ Сибірь, въ одеждѣ простой арестантки и каторжницы.

Какъ и когда — Повалишинъ самъ не зналъ, но онъ безъ ума влюбился въ Клѣну. Будучи внутренно, сердцемъ, глубоко убѣжденъ, что дѣвушка невиновна ни въ чемъ на нее взводимомъ, что во все дѣло проникла какая-то непроницаемая, ужасная тайна, онъ сначала силился спасти ее изъ соболѣзнованія, а затѣмъ уже ради страстнаго, необоримаго чувства къ ней.

Умоляя Клѣну уже не въ качествѣ судьи и слѣдователя, а въ качествѣ друга ей преданнаго и сочувствующаго. Повалишинъ, разумеется, ни разу не намекнулъ Клѣнѣ о томъ, что любитъ ее. Ихъ взаимныя отношенія были таковы, что онъ долженъ былъ по-неводѣ быть глубоко убѣжденнымъ въ ненависти молодой дѣвушки къ нему. Онъ былъ передъ ней безъ вины виноватъ. Она — жертва, а онъ — судья и палачъ.

Но если Повалишинъ не рѣшился ни разу открыть свое сердце молодой дѣвушкѣ, то Клѣна видѣла и чувствовала, что въ этомъ человѣкѣ есть жалость и спешное ходженіе къ ней, и со своей стороны, изъ благодарности, она стала относиться къ нему точно такъ же сердечно, насколько тягостное положеніе ея, какъ острожницы и подсудимой, допускало это.

Наконецъ, однажды, вызвавъ къ себѣ арестантку якобы для вопроса, Повалишинъ усадилъ Клѣну на кресло, заперъ дверь и, волнуясь, дрожащимъ голосомъ сталъ снова, въ десятый разъ, умолять дѣвушку не лгать, не выдумывать, а разсказать ему всю правду обо всемъ.

— Клянусь вамъ Богомъ, заговорилъ Повалишинъ, — что я хочу довести это дѣло до счастливаго конца и все разъяснить не ради одной справедливости. Окажется само собою, я увѣренъ, что вы ни въ чемъ не виноваты. Хочу я васъ спасти, главнымъ образомъ, потому, что самъ не знаю какъ это приключилось, но вы мнѣ, круглому сиротѣ на свѣтѣ, стали дороже всего и всѣхъ. Дороже сестры, которой у меня никогда не бывало, дороже невѣсты, которой тоже никогда не бывало, а теперь, прибавлю, и не будетъ. Если бы я когда рѣшился кому-нибудь предложить свое сердце, то развѣ только вамъ.

Клѣна была изумлена и тронута, слезы невольно появились на глазахъ ея.

— Я васъ тоже полюбила, выговорила она просто. — Вы очень добрый человѣкъ, очень хороший. Если бы я была не острожная арестантка, а жила бы какъ прежде въ домѣ отца или дѣдушки, и такой человѣкъ, какъ вы, захотѣлъ бы взять меня въ жены, то, прямо говорю вамъ, я бы не побоялась пойти за васъ и за вами хотѣла на край свѣта.

Эти слова, просто, но задушевно сказанныя, произвели такое впечатлѣніе на Повалишина, что Клѣна вновь изумилась. Майоръ поблѣднѣлъ, хотѣлъ говорить и не могъ...

— Какъ! воскликнулъ онъ послѣ паузы. — И у васъ ко мнѣ есть что-то, вотъ такое же, какъ у меня здѣсь на сердцѣ! Не ждалъ я такого счастья. Такъ что же теперь? Побойтесь Бога, Клеопатра Артемьевна, спасите себя и осчастливьте меня признаніемъ. Разскажите мнѣ все.

— Нечего мнѣ разсказывать, отозвалась Клѣна. — Я всѣмъ сказала, и вамъ говорю второй уже разъ, что Герасима убилъ мой братъ, а убилъ изъ-за меня. Я молчала только и не хотѣла сознаться въ томъ, какое обстоятельство сдѣлало изъ меня рабу Герасима. Но теперь извольте, я вамъ все скажу. Но я вамъ, моему хорошему и доброму другу, это скажу, а не

судьѣ. И вы мнѣ клятвенно обѣщаетесь, что объ этомъ ничего въ бумагахъ не напишете.

И Клѣна передала Повалишину подробный рассказъ о смерти Козлянинова у ней въ мезонинѣ.

— Хотя и былъ онъ боленъ, почти при смерти, окончила свой рассказъ Клѣна, — но быть-можетъ остался бы живъ, выздоравливалъ бы, еслибъ мы съ мамушкой его не убили тѣмъ, что задушили. Ожидала посѣщенія дѣда и Братолюбцева, мы, спѣша и робѣя, переложили его, больного и слабого, съ дивана въ сундукъ, на половину полный вещами. Онъ былъ безъ памяти. Трудно ли

что потревоженный чумовой больнои умиралъ внезапно. Вѣрю я тоже, что Герасимъ стащилъ отъ васъ покойника и зарылъ гдѣ-нибудь ночью безъ огласки. Можетъ-быть и въ самомъ саду. Но найти тѣло нельзя, потому что Герасимъ самъ на томъ свѣтѣ. Вѣрю я вамъ на слово, что вашъ братъ былъ у васъ и убилъ Герасима; что вы не лжете, чтобы свалить вину съ себя на него. Вѣрю я, наконецъ, вполне, что онъ живъ, а только числится мертвымъ вследствие ловкой подмѣны документовъ или вида на жительство, которую съумѣлъ онъ устроить. Но вѣдь по мнѣнію всѣхъ

Забавное письмо. Съ карт. Гампенридера, грав. Бонгъ.

было задохнуться? Мамушка Арина испугалась, что мы за это неумышленное смертоубійство пойдемъ въ Сибирь, и мы захотѣли скрыть все дѣло. Герасимъ избавилъ насъ отъ тѣла покойника, и съ этого дня сталъ моимъ учителемъ и довелъ меня до согласія на его убійство.

Клѣна рассказала все мытарство, которое она вытерпѣла, отъ невольнаго воровства до ночнаго нападенія на нее, произведеннаго негодяемъ.

Повалишинъ на чистосердечное признаніе Клѣны ничего не отвѣтилъ и сидѣлъ глубоко задумавшись.

— Чтò же тутъ сдѣлать? выговорилъ онъ наконецъ. — Ничего нельзя сдѣлать. Я вѣрю всему, до единого вашего слова вѣрю; по опыту, судьи, не повѣрять. Царица и та врядъ ли повѣрится. Все это чудно. Увѣренъ я даже, что Козляниновъ умеръ у васъ просто отъ чумы, тѣмъ паче, что болѣть ею по второму разу. Тутъ всегда быстрая смерть. Я думаю, онъ не задохся, какъ вы полагаете. Примѣровъ было много,

и, наконецъ, передъ закономъ, онъ все-таки считается мертвымъ. Найти же его невозможно. Уже недѣли съ три, какъ я разослалъ во Владимірѣ, Казань и Кіевъ посланцевъ рассказывать вездѣ въ партіяхъ острожныхъ о вашемъ дѣлѣ. Жду и надѣюсь, что выйдетъ изъ этого толкъ, но между тѣмъ до сихъ поръ еще ничего нѣтъ. Ни слуху, ни духу. Ничего не выходитъ...

— Что же можетъ выйти? вымолвила Клѣна съ удивленіемъ.

— А то можетъ выйти, что вашъ братъ въ одномъ изъ этихъ трехъ городовъ. Всѣ укрывающіеся отъ властей, всѣ не имѣющіе видовъ или живущіе съ подложными видами, всегда обрѣтаются въ этихъ городахъ. Такое теперь у нихъ обыкновеніе... Я въ этомъ увѣренъ, что если до него вдругъ дойдетъ слухъ о томъ, что вы судитесь за его преступленіе, онъ тотчасъ объявится...

XXXIII.

Послѣ этой бесѣды отношенія Повалишина и бри-

Экспедиція русскихъ студентовъ на Араратъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. Иванова, грав. Шюблеръ.

1) Общій видъ Большаго и Малаго Арарата. 2) Вершина Большаго Арарата, съ обозначеніемъ пути по которому совершалось восхожденіе. 3) Лагерь экспедиціи въ Сардаръ-Булакѣ, на высотѣ 7500 ф. 4) Экспедиція предъ отправленіемъ на вершину. 5) Типъ курдовъ. 6) Проводникъ Баба. 7) Куртинскій шатеръ „Чадра“. 8) Куртинская кочевка. 9) Годиакъ Св. Іакова.

гадирской влочки стали совершенно инья. Они уже видались ежедневно. Повалишинъ вызывалъ арестантку какъ бы ради допроса, она оставалась подолгу у него въ горницѣ губернскаго правленія, и они совѣщались какъ друзья и надѣялись.

Повалишинъ однако не признался Клѣпъ въ главномъ своемъ дѣяніи, которое должно было имѣть важныя послѣдствія.

Въ качествѣ слѣдователя по дѣлу дворянки Филисовой, майоръ Повалишинъ рѣшился разослать по всей Россіи судебное объявленіе во всѣ Верхніе и Нижніе земскіе суды, во всѣ палаты и во всѣ остроги, даже въ Приказы общественнаго призрѣнія, объ томъ, что разыскивается сынъ поручика, недоросль изъ дворянъ, Филиппъ Артемьевъ сынъ Филисовъ, неправильно показанный умершимъ, и вызывается ради дачи свидѣтельства по дѣлу родной сестры его, Клеопатры, обвиняемой въ убійствѣ.

Повалишинъ былъ убѣжденъ, что если объявленіе дойдетъ до Филиппа, тотъ отзовется и явится спасать сестру.

Расчетъ Повалишина оказался совершенно вѣренъ. Не прошло полнаго мѣсяца послѣ разсылки этого оповѣщенія, какъ въ Московскомъ губернскомъ правленіи появился молодой малый, бѣдно одѣтый, худой и болѣзненный, еле живой, и заявилъ, что у него есть важное дѣло до господина секундъ-майора.

Разумѣется, это былъ Филиппъ Филисовъ.

Молодой малый тотчасъ же бросился въ Москву на помощь къ безвинно-обвиняемой сестрѣ, какъ только до него достигла вѣсть, что она пострадала за его преступленіе.

Филиппъ скрывался около Владиміра подъ фальшивымъ видомъ. Придти въ Москву и объявить о себѣ значило добровольно отдать себя въ руки палача. Но Филиппъ не колебался ни минуты и тотчасъ явился. Съ его прибытіемъ и сознаніемъ, Клѣна сразу перестала быть подсудимою. Появленіе Филиппа надѣлало страшнаго шума по городу... Все дѣло Филисовыхъ—измѣнялось.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, одновременно съ показаньемъ Филиппа, случилось другое нежданное и не менѣе важное событіе.

Судьба очевидно сжалилась надъ Клѣпой и захотѣла сразу вознаградить за всѣ муки и страданія. Пока тянулось длинное слѣдствіе надъ молодой дѣвушкой, — пришла весна и явилась главнымъ свидѣтелемъ всего дѣла.

Теплые дни марта дружно плавилы московскіе снѣга и, обращая ихъ въ лужи, ручьи и потоки, стали очищать повсюду улицы, дворы и задворки, сады и пустыри московскіе.

Въ саду бригадира тоже засіяла весна и таилъ снѣгъ, но хозяинъ, оскорбленный, безъ вины опозоренный, еле бродилъ по горницамъ и грустно смотрѣлъ на окружающее веселье и ликование природы.

Въ саду его сугробы все надали, прижимаясь къ землѣ, и, наконецъ, ледъ на маленькомъ пруду вскрылся. Мутная вода, текущая въ него со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ дорожекъ, наполнила его по самые края и поднявъ ледъ сбила его къ берегамъ.

Но вмѣстѣ со льдинами, сухими листьями и вѣтками всплыло среди пруда мертвое тѣло въ офицерскомъ мундирѣ.

Страшный переполохъ, случившійся въ домѣ бригадира, конечно должесть былъ ошеломить и безъ того надломленнаго старика. Но бригадиръ сразу будто почувствовалъ смутно, что наступила минута разясненія всего...

Трупъ многіе сразу узнали. Немедленно изъ дома бригадира явились люди къ майору Повалишину объявить, что въ пруду сада оказалось и всплыло тѣло,

которое сразу признало всѣми кто хоть разъ видѣлъ покойнаго офицера Козлянинова.

Майоръ Повалишинъ, радостный и счастливый, тотчасъ-же съ большою свитой отправился въ домъ бригадира, прошелъ по сырымъ глинистымъ дорожкамъ къ пруду и на берегу его увидаль мертвое тѣло. Хотя оно пробыло довольно долго въ мерзлой водѣ, но разложилось мало. На трупѣ былъ офицерскій мундиръ, а призванный кучеръ Семенъ и другіе люди, знавшіе Козлянинова, объявили готовность подъ присягой показать, что это точно тѣло господина Козлянинова.

Два доктора, которыхъ захватилъ съ собой Повалишинъ, тутъ-же освидѣтельствовавъ трупъ, заявили, что на немъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ насильственной смерти и напротивъ есть самыя явственныя и вѣрныя признаки моровой язвы, багровыя пятна и большой нарывъ подъ мышкой.

Конечно, прежде всего Повалишинъ посѣшили распорядиться похоронами заразительнаго и опаснаго тѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оформивъ все вновь оказавшееся по дѣлу обвиняемой дворянки Филисовой, Повалишинъ тотчасъ-же отправилъ гонца въ Петербургъ съ подробнымъ донесеніемъ обо всемъ генераль-прокурору. Онъ хотѣлъ и отчасти имѣлъ право освободить Клѣну тотчасъ-же, но не рѣшился и предпочелъ подождать рѣшенія изъ Петербурга.

Разумѣется, въ тотъ-же день, когда было найдено тѣло Козлянинова, Повалишинъ передалъ Никитѣ Артемьевичу о томъ, что у него въ рукахъ уже находится настоящій убійца Герасима, собственный влукъ бригадира, Филиппъ.

При этомъ онъ разсказалъ бригадиру всю грустную исторію, всѣ муки и митарства его внучатъ, а главное—подвиги Герасима...

Въ сумерки-жъ острогу подкатила красная карета цугомъ. Изъ нея вышелъ бригадиръ. Никита Артемьевичъ Филисовъ, знавшій теперь всю правду, всю правоту своей внучки, былъ страшно потрясенъ до глубины души всѣмъ, что раскрылось теперь передъ его глазами и его совѣстью. Не выдержалъ бригадиръ...

Въ ту минуту, когда онъ вошелъ въ комнату, а Клѣна вскочила съ мѣста и радостно бросилась навстрѣчу къ дѣду, бригадиръ вдругъ остановилъ ее рукой и плача опустилъ на колѣни предъ своей внучкой.

— Прости меня, Клѣнушка. Прости за все. И не думай я, что приключится мнѣ въ жизни такой тяжелой грѣхъ на душу взять. Прости за все, что ты въ моемъ дому вытерпѣла. Если есть виноватый во всемъ дѣлѣ, то ужъ конечно—я, а не кто другой. Не приходи ты въ мой домъ, ничего-бы такого горькаго и ужаснаго съ тобою не приключилось. Прости меня, бѣдная моя внучка!

Внучка Филиппа бригадиръ тоже обнялъ, говоря:

— Не брось я твоихъ родителей—и ты, родимый, не загибь-бы такъ! А послѣ меня—самая виноватая—мамка.

Арина Матвѣевна искренно соглашалась и вишилась.

День этотъ былъ самый счастливый въ жизни Клѣны. Всѣхъ огорчала только судьба Филиппа. Онъ все-таки оставался виновенъ въ двухъ преступленіяхъ: бунтѣ и убійствѣ.

— Богъ милостивъ, и это какъ нибудь обойдется, говорилъ Повалишинъ.—Я твердо вѣрую въ справедливость и милосердіе нашей монархини. Я все... все описалъ въ донесеніи; цѣлое сочинительство послалъ; всю вашу жизнь описалъ! Царица мудра и милосерда.

XXXIV.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого памятнаго всѣмъ дня явился обратно изъ Петербурга вѣрный другъ семьи, Братолюбцевъ, а вмѣстѣ съ нимъ гонецъ, который привезъ монаршую резолюцію:

„Немедленно освободить отъ суда и отпустить къ

бригадиру его внучку, дѣвицу Клеопатру Артемьеву Филисову, а брата ея за участіе въ бунтѣ на Красной площади—въ качествѣ 15-ти-лѣтняго недоросля простить, вмѣняя сіе его дѣяніе въ вину родителямъ его и дѣду. За содѣянное-же челоуѣкоубійство во спасеніе сестры—отдать подѣ церковное покаяніе на три года. Вмѣстѣ съ тѣмъ выразить бригадиру Филисову порицаніе за его поступокъ съ покойнымъ сыномъ и вмѣнить въ непремѣнную обязанность озаботиться нынѣ судьбою своихъ внуковъ, какъ долгу дѣда то повелѣваетъ“.

Во всѣхъ словахъ резолюціи монархини всего строже отнѣсилась къ бригадиру, какъ-бы полагая его дѣйствительно главнымъ виновникомъ всего дѣла.

Но не ко всѣмъ равно была милостива резолюція. Бывшую мамку указано было разстричь и выдержать годъ въ тюрьмѣ „за поблажку“ почнымъ свиданіямъ ей питомицы съ возлюбленнымъ.

— Мудрая царица и благосердная, добра какъ ангель, и мудра какъ змій! воскликнулъ Никита Артемьевичъ.—Истина глаголетъ устами ея. Да, я—главный виновникъ. Но за то теперь, на остаткѣ дней своихъ, для васъ на свѣтѣ существовать буду.

Не прошло двухъ часовъ по прибытіи гонца изъ Петербурга, какъ бригадиръ съ внучатами садился уже въ карету, сопровождаемый почти всѣмъ населеніемъ острога. Многолюдная толпа прохожихъ, окружавшая подъѣздъ, тоже радовалась кругомъ; всѣ знали въ чемъ дѣло. Семья Филисовыхъ отѣхала отъ острога и крестясь, и плача, и смѣясь.

— Ну, коонецъ нашимъ гореваніямъ, проговорилъ бригадиръ, когда они всѣгнали на крыльцо его дома, встрѣчаемые плачущею отъ радости Толбухиной.—Но пока и радостямъ тоже, внуки, не начало. Все-таки стараго назадъ не вернешь, по старому не заживешь. Радостямъ тоже коонецъ. Заживемъ мы по-людски и по-христіански. Но то счастье, о которомъ я часто загадывалъ, да мечталъ, внучка, теперь о немъ и думать не могу. Мыслилъ я, будутъ у меня въ домѣ правнучки. Ну, а теперь дай Богъ и такъ прожить.

Если царица справедливо и милостиво рѣшила дѣло Филисовыхъ, то Москва отнеслась къ нему по своему. Москвичи со всѣхъ сторонъ полѣзли въ домъ бригадира поздравить его самого и его внучатъ; но тѣмъ не менѣе бригадиръ и его внуки видѣли на всѣхъ лицахъ что-то такое, что опечалило ихъ. Обществу будто не хотѣло и не могло простить соблазна, который произвела семья въ городѣ.

Бригадиръ тотчасъ-же рѣшилъ дѣло по собственному желанію и по совѣту друга Братолюбцева. Черезъ три мѣсяца на дворѣ его дома стояло нѣсколько десятковъ подводъ и все имущество выносилось изъ горницъ и укладывалось. Домъ бригадира съ садомъ былъ проданъ сосѣду, графу Орлову, а самъ бригадиръ со своей семьей уѣзжалъ на жительство въ Кіевъ, гдѣ уже былъ купленъ другой великолѣпный домъ.

— Тамъ лучше заживемъ, сказалъ Никита Артемьевичъ.—И туда дойдетъ за нами молва немилостивая и неправедная. Но все-таки тамъ будетъ лучше...

Черезъ мѣсяць Филисовы поселились уже въ Кіевѣ въ новомъ домѣ и жили мирно и счастливо.

Братолюбцевъ перевелся по службѣ тоже поближе къ другу и часто гостилъ у Филисовыхъ. Объ его бракѣ съ Кленой не было и рѣчи. Всѣ теперь понимали, изъ-за чего дѣвушка соглашалась когда-то на этотъ бракъ.

— Самъ виноватъ, дурень. Упустилъ счастье изъ рукъ, говорилъ себѣ Братолюбцевъ.

Но слѣпой судьбѣ показалось видно мало, что всѣ были сравнительно счастливы. Какъ прежде она гнала бригадирскую внучку и преслѣдовала, такъ теперь захотѣла видно во что бы то ни стало отплатить ей сугубымъ добромъ за прежнее зло.

Однажды въ Кіевъ вѣхала дорожная карета и подкатила къ гостиницѣ, а изъ нея вышелъ военный. Черезъ часъ онъ, въ блестящемъ мундирѣ, съ орденами, появился снова, и сѣвъ въ телѣжку, отправился въ домъ бригадира.

Никитѣ Артемьевичу и Марьѣ Евграфовнѣ доложилъ слуга, что пріѣхалъ секундъ-майоръ Повалишинъ. Обрадованный, но и удивленный бригадиръ пошелъ встрѣчать гостя въ прихожую. Но въ то же самое время кто-то вскрикнулъ громко въ гостиной и бросился опрометью, обгоняя бригадира, въ ту же прихожую. Это была Клена.

Не помня себя отъ чувства вдругъ сказавшагося на сердцѣ, молодая дѣвушка, не соображаясь съ приличіями, забывъ обо всемъ, кинулась навстрѣчу прибывшему, подбѣжала къ нему и положила руки ему на плечи, взволнованная, раскрасѣвшаяся, съ лицомъ въ слезахъ и задыхаясь отъ радости... Своимъ поступкомъ и лицомъ она сказала больше, чѣмъ хотѣла.

— Простите! Сама не знаю... Я разумъ потеряла. Извините!.. черезъ силу вымолвила Клена, придя въ себя и въ смущеніи закрывая лицо руками.

И если бы не бригадиръ, появившійся около внучки, можетъ-быть дѣвушка отъ страшнаго волненія лишилась бы чувствъ.

Повалишинъ, тоже сильно взволнованный, нетвердымъ голосомъ заявилъ бригадиру что пріѣхалъ по весьма важному дѣлу и просить удѣлить ему нѣсколько минутъ для бесѣды наединѣ.

Бесѣда эта въ кабинетѣ бригадира продолжалась нѣсколько мгновеній. Секундъ-майоръ Повалишинъ явился изъ Петербурга просить у бригадира руки дѣвушки, безъ которой ему жизнь не въ жизнь.

Рѣдко бываютъ въ семьяхъ такіа торжественныя минуты, такіа счастливыя лица и такая радостная сумятица, какія были въ домѣ бригадира въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Городъ Кіевъ долго помнилъ пиры и балы свадебные, которые давалъ бригадиръ предъ бракосочетаемымъ своей внучки.

Въ церкви, во время вѣнчанія, не смотря на радостное смущеніе, въ которомъ находился Никита Артемьевичъ, онъ невольно замѣтилъ одну очень старую, но чрезвычайно благообразную старушку, которая усердно молилась и съ какимъ-то особымъ милымъ выраженіемъ лица смотрѣла на невѣсту и на жениха.

„Экая прелесть-старушка“, думалось ему.

Послѣ обряда и поздравленій, бригадиръ не выдержалъ и подошелъ къ прелестной старушкѣ.

— Извините за любопытство... Вы, сударыня, вѣрно здѣшняя, кіевская помѣщица?..

— Нѣтъ-съ, улыбнулась ласково старушка.— Я при семъ храмѣ—просвирия...

Бригадиръ почему-то замеръ на мѣстѣ и глядѣлъ на старушку во всѣ глаза...

Она тихо отошла отъ него и скрылась въ толпѣ.

— Можетъ быть и „та“ такая же была!.. прошепталъ бригадиръ.— И этотъ случай при вѣнчаніи внуки—не простая случайность. Это моей совѣсти—укорь!.. Вѣдь все съ этого пошло...

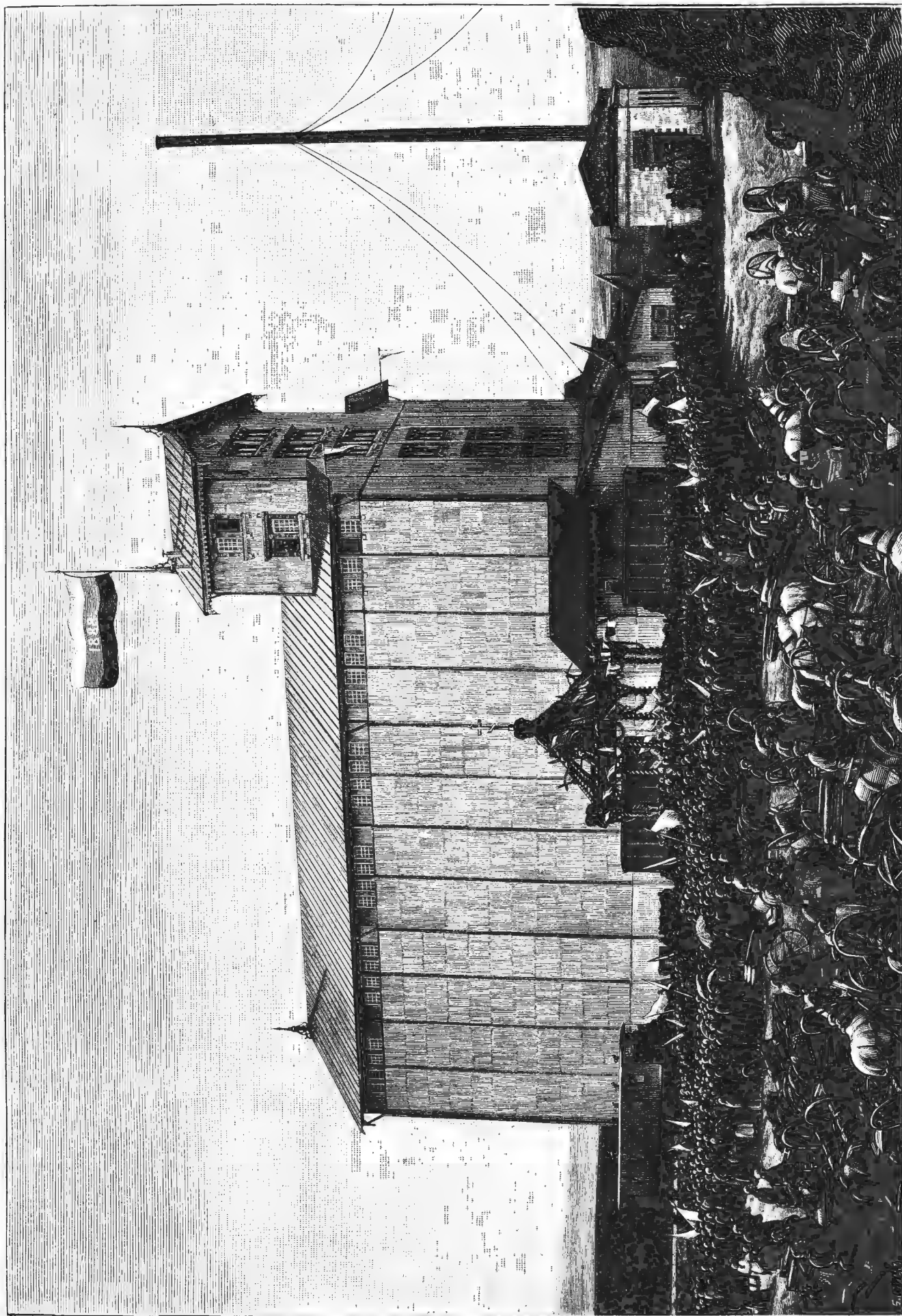
К О Н Е Ц Ъ .

Экспедиція русскихъ студентовъ на Араратъ въ авг. 1888 г.

(Рис. на стр. 1313).

Кому не знакомо имя священнаго *Арарата*, кто еще въ дѣтствѣ не слышалъ про ту чудесную страну, съ которой связано воспоминаніе о второй колыбели челоуѣчества, про ту библейскую гору, на вершинѣ которой, по преданіямъ, остановился ковчегъ?

Араратъ, состоящій собственно изъ двухъ горъ, покоящихся на одномъ общемъ основаніи, извѣстныхъ подъ именами Большаго и Малаго Арарата, поднимается обособленнымъ конусомъ надъ жаркою Аракской равниной, на мѣстѣ пересѣче-

Открытие первого въ Россіи, общественаго элеватора въ г. Ельць. Съ фотогр. „Ангел“, грав. Б. Пучк.

ня трех границъ: русской, турецкой и персидской. Благодаря сравнительно незначительной высотѣ, 12839 ф. надъ уровнемъ моря, Малый Араратъ успѣваетъ къ концу лѣта освободиться отъ скользящаго его въ теченіе зимы снѣжнаго покрова. Вершина же Большаго Арарата, достигающаго почти 17000 ф. высоты надъ уровнемъ моря, круглый годъ покрыта толстымъ слоемъ вѣчныхъ снѣговъ, и даже тропическая жара каменной Арменіи не въ состояніи бываетъ расплавить, покрывающую вершину горы, плотную ледяную кору.

На сѣверо-восточной сторонѣ Большаго Арарата чернѣетъ огромная разсѣлина, тянущаяся отъ верха до низа. Это такъ называемое ущелье Св. Іакова, въ нижнемъ концѣ котораго находились селеніе Аргуни и монастырь Св. Іакова, уничтоженные до основанія знаменитымъ изверженіемъ и землетрясеніемъ 1840 года, превратившими часть плодородной, до того, Аракесской долины въ дикую и бесплодную мѣстность.

Около того мѣста гдѣ находился разрушенный монастырь, вытекаетъ изъ склона горы такъ - называемый источникъ Св. Іакова. Въ небольшихъ размѣрахъ каменной нишѣ устроены два водоема, величиною не болѣе полшарика каждый, въ которые и собирается вода. Къ этому источнику сънедѣбно, по воскресеньямъ, собираются многочисленныя толпы богомольцевъ со всѣхъ концовъ Кавказа, чтобы затеплить восковую свѣчу и захватить съ собою воды, которой приписываютъ многія чудесныя дѣйствія. Такъ, между прочимъ, по распространенному во всемъ краѣ повѣрью, вода изъ родника Св. Іакова обладаетъ удивительнымъ свойствомъ привлекать особую породу розовыхъ скворцовъ, „гарби“, которые массами истребляютъ саранчу. Достаточно человеку праведному зачерпнуть въ сосудъ этой воды и снести ишкомъ внизъ, съ непремѣннымъ условіемъ не ставить сосудъ на землю, а все время держать его въ рукахъ, — и отвезти его въ мѣсто подвергшееся нападенію саранчи, храня при этомъ всю дорогу глубокое молчаніе, и тучи скворцовъ будутъ безотлучно слѣдовать за сосудомъ съ водою и уничтожатъ всю появившуюся саранчу.

Помимо библейскихъ воспоминаній, однимъ вышнимъ видомъ Араратъ производитъ глубокое и неизяснимое впечатлѣніе на каждого сколько-нибудь чувствующаго красоту природы.

„Перейдя равнину Абсада-Абада“, говоритъ французскій путешественникъ Морье, — „мы наслаждались великолѣпнымъ видомъ на Араратъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе его формъ, ничего удивительнѣе и поразительнѣе его гигантской величины; въ сравненіи съ нимъ все сосѣднія горы исчезаютъ; его видъ — совершенство во всѣхъ частяхъ: ни одной грубой черты, ни одного лишняго возвышенія, повсюду гармонія и все, повидимому, соединилось для того, чтобы представить одно изъ самыхъ величественныхъ явленій природы.“

Немного ниже сѣдловины, раздѣляющей Большой Араратъ отъ Малаго, расположилась, на высотѣ 7500 ф., лѣтняя куртинская кочевка „Сардаръ-булакъ“ съ источникомъ того же имени, славящимся своею прекрасною водою.

Богатѣйшая пастбища, раскинувшіяся на склонахъ обоихъ Араратовъ, вокругъ Сардаръ-булака, въ жаркіе мѣсяцы года привлекаютъ къ себѣ массы мѣстныхъ жителей Курдовъ, славящихся своими разбоими, перекочевывающихъ сюда на лѣто со своими семействами и стадами. Лишь только наступаетъ холодное время года, они уходятъ обратно въ свои „зимовники“, приспособленные для суровой зимы жилища, расположенныя у подошвы горы.

11 августа, къ вечеру, нашъ отрядъ, состоявшій, не считая прислуги и конвой, изъ 7 человекъ, прибылъ въ Сардакь-булакъ, гдѣ насъ ожидали раскинутые на зеленомъ дугу офицерская палатка и помѣстительный куртинскій шатеръ, такъ называемая „чадра“.

Тутъ же находились и два курда изъ окрестныхъ селеній Баба-Ахмедъ-оглы и Махмудъ-Амо-оглы, которые должны были служить намъ проводниками при восхожденіи на Большой Араратъ. Условившись съ нами относительно пути, по кото-

рому намъ слѣдовало подниматься и поручивъ имъ папять нужное число носильщиковъ, мы отправились спать, рѣшивъ на слѣдующій же день начать осуществленіе нашей *безумной*, какъ говорили всѣ окружающіе насъ еще до отбѣда изъ Тифлиса, попытки достигнуть вершины библейской горы.

12 числа, утромъ, мы съ удовольствіемъ увидѣли, что погода намъ вполнѣ благоприятствуетъ.

Небо было безоблачно и солнце ярко освѣщало снѣжную главу возвышавшагося передъ нами исполина.

День обѣщалъ быть теплымъ и притомъ безъ вѣтра, столь непріятнаго на большихъ высотахъ.

Скоро привели съ находившагося тутъ же, подлѣ кочевки, казачка поста лошадей, и нашъ отрядъ выткнулся гуськомъ на тропинкѣ, ведущей къ вершинѣ Б. Арарата.

Подниматься верхомъ можно было до высоты слишкомъ 10 т. ф. Это было значительнымъ для насъ облегченіемъ, такъ

какъ подъемъ, почти въ 3 т. ф., отъ Сардаръ-булака до того мѣста, гдѣ предполагалось оставить лошадей, требовалъ много времени, не говоря уже о силахъ, которыя слѣдовало беречь, по мѣрѣ возможности, въ виду предстоящей задачи.

Вскоръ мы миновали послѣднюю куртинскую кочевку, расположенную на высотѣ 9 т. ф., у крайняго предѣла жилищъ на горахъ. Тамъ былъ купленъ для завтрака барашекъ, котораго одинъ изъ туземцевъ погналъ вслѣдъ за нами, чтобы зарѣзать на мѣстѣ остановки.

Не смотря на отвратительную дорогу, мы подвигались довольно быстро, такъ что къ 10 ч. утра достигли уже небольшой прогалины въ горахъ, откуда должны были начать подъемъ ишкомъ. Бывшіе при насъ казаки собрали немного кашлякъ и приготовили для насъ шашлыкъ и вареное мясо на дорогу.

Вскоръ подошли оставшіеся назади носильщики, и мы начали распределять между ними нашъ багажъ. Это, повидимому, простое дѣло оказалось болѣе сложнымъ, чѣмъ можно было предположить. Каждый изъ носильщиковъ старался брать какъ можно меньше и схвативъ какую-нибудь вещь, вѣсящую не болѣе 6—10 ф., отказывался брать болѣе. Между тѣмъ въ Швейцаріи каждый носильщикъ несетъ, при восхожденіи, не

менше 30—40 ф. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, всѣ вещи были забраны.

Такимъ образомъ все было готово и мы начали подъемъ, простились съ провожавшими насъ товарищами.

Выступило насъ, не считая меня, 13 человекъ: М. И. Поповъ, С. В. Ивановъ, всадникъ земской стражи А. Мануковъ, два проводника и 8 курдовъ-носильщиковъ.

Остальные же наши товарищи по путешествію должны были, вмѣстѣ съ членомъ Геогр. Общества Е. П. Ковалевскимъ, подняться на слѣдующій день на вершину Мал. Арарата и снѣтъ оттуда съ насъ фотографію, когда мы будемъ находиться на вершинѣ Б. Арарата.

Склоны, по которому намъ приходилось подниматься, были усѣяны беспорядочно наваленными другъ на друга обломками скалы, довольно значительныхъ размѣровъ. Опираясь на горные палки со стальными наконечниками, мы карабкались вверхъ, съ трудомъ носивъ за проводниками, которые съ легкостью серны перескакивали съ камня на камень.

Черезъ полчаса довольно быстрой ходьбы, мы сдѣлали первый привалъ у протекающаго между камнями источника Ак-су (Ак—бѣлый, су—вода), чистая, холодная вода котораго утолила мучившую насъ жажду.

Не смотря на довольно значительную высоту, температура воздуха была очень высока — термометръ, на солнцѣ, показывалъ + 26,5° по Цельсію.

Чѣмъ болѣе подвигались мы впередъ, тѣмъ камни, по которымъ мы шли, становились крупнѣе и подъемъ дѣлался все круче и круче.

Проводникъ Баба считалъ почему-то своимъ долгомъ развлекать насъ пріятными разговорами, состоявшими, впрочемъ,

Пяти-лѣтній піанистъ Рауль Кочальскій. Съ фотогр. Костка, грав. Шюблеръ.

преимущественно из разных просьб, с которыми обращался к намъ ливій курдъ.

Бывшіе при мнѣ инструменты, главнымъ образомъ часы, aneroidъ для опредѣленія высоты и барометръ (шагомѣръ), приводили курдовъ въ сильное изумленіе.

На высотѣ около 12900 ф. пошелъ небольшой снѣгъ, продолжавшій, впрочемъ, падать не болѣе 10 минутъ. Большая, нависшая скала послужила намъ на это время прекраснымъ убѣжищемъ.

Въ 5 ч. 30 м. дня мы достигли наконецъ небольшого ровнаго мѣста среди скалъ, на высотѣ 13200 ф., гдѣ и расположились на ночь.

Расчистивъ мѣсто отъ камней, проводники разстлали на землѣ принесенный съ собою войлокъ, на которомъ мы съ наслажденіемъ растянулись постлѣ, почти безостановочнаго, пятичасоваго восхожденія.

За немѣнѣемъ топлива мы должны были ограничиться холоднымъ ужинкомъ, отъ котораго, впрочемъ, я принужденъ былъ отказаться въ виду головной боли и тошноты, не дававшей мнѣ покоя въ теченіе всей ночи. Рѣдкій воздухъ оказалъ свое вредное вліяніе и на С. В. Иванова, причинивъ ему сильную головную боль, которая заставила его простоять до самаго утра. Значительная высота мѣста, гдѣ мы находились, давала себя чувствовать: температура передъ разсвѣтомъ упала до 3° ниже нуля. Выпавшій за ночь снѣгъ, какъ оказалось впоследствии, покрылъ наши бурки, но въ котормыи мы спали, слоемъ слишкомъ въ палецъ толщиной.

13 августа въ 5 часовъ утра мы были уже на ногахъ и, оставивъ на мѣстѣ ночлега четырехъ курдовъ, выступили въ дальнѣйшій путь. Не смотря на безсонную ночь я, также какъ и М. И. Поповъ, чувствовалъ себя довольно бодрымъ. Что же касается здоровья С. В. Иванова, то хотя оно было весьма неудовлетворительно, онъ все-таки рѣшился слѣдовать за нами. Однако онъ слишкомъ понадеялся на свои силы — не успѣли мы пройти и 100 саженей, какъ съ нимъ сдѣлался сильный пароксизмъ лихорадки, заставившій его вернуться обратно въ лагерь. Мы же продолжали наше карабканье по камнямъ. Кое-гдѣ намъ приходилось пересѣкать песчаные поляны, покрытыя мелкими камешками, что въ значительной степени увеличивало трудность подъема, такъ какъ нога увязала въ рыхлой почвѣ, которая скользила внизъ, увлекая съ собою и человѣка.

М. И. Поповъ, который шелъ сначала довольно бодро, всталъ вдругъ въ изнеможеніе и, растянувшись на камнѣ, объявилъ, что онъ дальше идти не въ состояніи. На наше счастье, недалеко отъ мѣста гдѣ мы находились проводники отыскали брошенную гдѣ-то деревянную палку; живо былъ разведенъ огонь и ароматный чай вскорѣ подкрѣпилъ наши ослабѣвшія силы.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ труднѣе и труднѣе становилась дорога, тѣмъ дальше и дальше казалось отодвигалась отъ насъ бѣлоснѣжная макушка гиганта.

Черезъ нѣсколько часовъ ходьбы мы достигли каменнаго, крутаго обрыва, который снизу казался совершенно отвѣснымъ и неприступнымъ. Однако, благодаря обвалившимся камнямъ, проводники нашли дорогу наверхъ, конечно не очень удобную, (такъ какъ можно было оступиться и свалиться на смежное снѣговое поле, а затѣмъ скатиться по немъ внизъ, или же разбиться объ острые камни), но все-таки проходимую, и мы, спустя короткое время, отдохали уже на самой вершинѣ скалы.

На высотѣ 15500 фут. я наметъ цвѣты, съ бѣленькими головками, произрастающіе на небольшомъ клочкѣ песчаной почвы, между камнями.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительнаго карабканья по крутымъ скаламъ, причѣмъ приходилось почти каждыя пять минутъ останавливаться, чтобы перевести духъ, мы въ 2 часа дня вступили на вершину Арарата, гдѣ, поснѣвшись за нѣсколько минутъ равнѣе, носильщики-курды уже громко прославляли Аллаха, за то что онъ сподобилъ ихъ взобраться на вершину священнаго „массиса“.

Вершина горы представляетъ довольно обширную, покрытую снѣгомъ, площадь, раздѣленную на двѣ части котловиною, которая, начинаясь на сѣверѣ почти у поверхности, доходитъ, со стороны Байзидъ, до довольно значительной глубины.

Окутывая всю окрестность мгла, послѣ жаркаго дня, препятствовала любоваться роскошною панорамой, разстилавшеюся у нашихъ ногъ на далекое пространство.

По словамъ Ходзько, проведеннаго около пяти дней на вершинѣ, оттуда, въ подзорную трубу, видны кавказскіе гиганты: Казбекъ и Эльбрусъ (отстоящій на 400 верстъ отъ Арарата) и оба моря—Черное и Каспійское.

Съ вершины всадникомъ Маукуковымъ и Бабѣй, имѣвшими при себѣ ружья, было произведено нѣсколько выстрѣловъ, которые, какъ оказалось, были услышаны внизу и на вершинѣ М. Арарата.

Температура, равнявшаяся при нашемъ приходѣ на вершину 0°, вдругъ стала сильно падать и черезъ нѣсколько минутъ дошла до 2° ниже точки замерзанія.

Я предполагалъ остаться какъ можно долѣе наверху, но проводники запротивились, указывая надвигающуюся съ юга

огромную, черную тучу и говоря, что мы, не имѣя теплаго платья и провизіи, которую, какъ оказалось, они побросали безъ спроса на дорогѣ, замерзнемъ и умремъ съ голоду, если останемся хоть минуту долѣе.

Спускаться же во время метели на такой высотѣ невозможно, такъ какъ снѣгъ залѣпляетъ глаза и легко сбившись съ дороги, понасть въ такое мѣсто, откуда и не выберешься.

Я долженъ былъ согласиться, рискуя остаться наверху вдвоемъ съ Поповымъ, и мы начали спускаться, предварительно сложивъ на краю вершины пирамиду изъ камней величиною въ человѣческой ростъ, видимую, какъ оказалось, снизу изъ Сардаръ-булака, въ подзорную трубу.

Не успѣли мы сойти и на 500 ф. по вертикальному направлению, какъ пошелъ снѣгъ и началась метель, которая въ высшей степени затруднила нашъ спускъ. Камни отъ снѣга все были мокрые, такъ что, не находя точки опоры, нога скользила по нимъ.

Однако, не смотря на все неудобства спуска и крутизну склона, мы быстро летѣли внизъ, перескакивая съ камня на камень, рискуя оступиться и свернуть себѣ шею.

При спускѣ не обошлось и безъ комичныхъ сценъ.

Всадникъ Мануковъ, переправляясь черезъ небольшую, снѣговую долину, потерялъ равновѣсіе и покотился внизъ по скользкой поверхности—къ счастью, поляна была не велика и онъ не получилъ никакихъ поврежденій.

Около 5 часовъ дня мы достигли мѣста вчерашняго ночлега и, подкрѣпившись ожидавшимъ уже насъ чаемъ, двинулись дальше. Желая заснѣтло вернуться домой и, кромѣ того, руководясь еще однимъ обстоятельствомъ, о которомъ я узналъ только по возвращеніи, проводники наши повели насъ другою, но ихъ словамъ, кратчайшею дорогою. Однако полая дорога оказалась нѣсколько длинною, не говоря уже о тѣхъ трудностяхъ, которыя намъ приходилось преодолевать при спускѣ. Наступившая ночь застала насъ еще въ дорогѣ, среди угрюмыхъ скалъ и камней... Дорога, благодаря усилившейся темнотѣ, становилась все хуже и хуже. Мы медленно подвигались впередъ на ощупь, спотыкаясь на каждомъ шагу. То впереди насъ вдругъ вырасталъ большой камень и мы взбирались на него; то за нимъ открывалась глубокая яма, куда мы внезапно проваливались, рискуя сломать себѣ ногу.

Послѣ слишкомъ двухчасоваго пути по дорогѣ, по которой и днемъ-то идти трудно, проводники, въ довершеніе нашихъ мученій, заявили, что сблизилъ съ пути. Тогда было рѣшено дожидаться на мѣстѣ разсвѣта.

Къ счастью, тутъ-же, поблизости, оказалась небольшая, выдолбленная въ скалѣ, пещера, куда мы и поснѣвились скрыться отъ непереставшаго лить весь вечеръ дождя.

Находясь съ 2 часовъ дня, все время, сначала подъ снѣгомъ, а затѣмъ подъ дождемъ, мы промокли насквозь, но, не имѣя сухаго платья для смѣны, должны были помириться съ этимъ обстоятельствомъ.

Во избѣжаніе простуды, мы воспользовались имѣвшимися у насъ остатками спирта въ бутылкѣ и натерли себѣ ноги. Это дало поводъ проводнику Бабѣ на слѣдующій день, когда мы съидили его, что онъ, человѣкъ привычный, жалуется на усталость въ ногахъ послѣ восхожденія, между тѣмъ какъ мы чувствуемъ себя прекрасно, отвѣтить, что моль: „у васъ былъ вѣдь спиртъ, а у меня его не было“.

Еще бѣлоснѣжная шапка Арарата не успѣла освѣтиться яркими лучами восходящаго солнца, какъ мы пустились уже въ путь и спусти полчаса находились среди нашихъ товарищей.

С. В. Иванова мы застали уже здоровымъ: лихорадка, мучившая его наверху до такой степени, что онъ съ трудомъ добрался до дому, почти совершенно прошла. Тутъ-же, въ палаткѣ, лежалъ въ жару одинъ изъ нашихъ товарищей А. Ф. Пистолькорстъ, лишенный, вслѣдствіе внезапной болѣзни, возможности взобраться на одну изъ вершинъ.

Е. П. Ковалевскій съ нѣсколькими спутниками совершалъ, какъ и было условлено между нами наканунѣ, восхожденіе на Малый Араратъ, на вершину котораго, впрочемъ, ему удалось добраться одному въ сопровожденіи солдата пограничной стражи, Степана Дудки.

По дорогѣ они сняли фотографію съ макушки Большаго Арарата, гдѣ, по предположенію, мы должны были находиться въ это время.

Виды, какъ надвигавшаяся съ юга туча мало-по-малу закрыла ледяную шапку гордаго исполина, они уже начали опасаться за нашу участь, зная какую опасность представляютъ туманъ и метель на горахъ.

Ихъ опасенія увеличились еще однимъ важнымъ обстоятельствомъ, которое могло имѣть для насъ самыя неприятыя послѣдствія.

Не задолго до нашего пріѣзда на Араратъ, довольно значительная партія персидскихъ курдовъ перешла со своими семействами и стадами на русскую территорию и расположилась въ сѣдловинѣ, недалеко отъ Сардаръ-булака.

Присутствіе среди насъ двухъ лицъ изъ мѣстныхъ властей дало поводъ повоиншевать вообразить, что мы пріѣхали, между прочимъ, для того, чтобы силою выселить ихъ обратно

на родину. Мигомъ разнеслась объ этомъ вѣсть по окрестностямъ, и персидскіе курды, въ количествѣ 100 человекъ, вооружась берданками, рѣшились защищаться, въ случаѣ еслибы ихъ погнали изъ русскихъ предѣловъ.

Зналъ, что часть нашей экспедиціи отправилась на Большой Араратъ, курды эти могли загородить намъ путь назадъ и мы очутились-бы въ крайне непріятномъ положеніи, будучи въ числѣ 12 противъ 100 и имѣя съ собой всего на всего два ружья.

Хотя это вооруженіе курдовъ произошло уже послѣ нашего

ухода на вершину, такъ что я и мои товарищи ничего не подозревали, однако проводники, какъ мѣстные жители, весьма легко могли знать о случившемся, но только не хотѣли насъ пугать. Вѣроятно боязнь встрѣтиться съ вооруженною шайкою и служила одною изъ причинъ, по которой проводники повели насъ отъ мѣста почлега по другой дорогѣ.

„Нѣтъ худа безъ добра“, говоритъ пословица и какъ нельзя лучше примѣнима къ данному случаю. Ужасная почва, которую мы провели въ пещерѣ подъ дождемъ, можетъ быть избавила насъ отъ очень непріятной встрѣчи.

Евг. С. Марковъ.

Изъ Апокалипсиса.

Глава VI, стихъ 12—17.

И Агнецъ, книгу взявъ, шестую спилъ печать...
Тогда мнѣ въ тренетѣ пришлось увидать —
Земля вздымалась, какъ море подъ грозою,
И солнце гаснуло... Какъ черною броней
Покрылся ликъ его — и всюду мракъ насталъ;
И мѣсяцъ въ небесахъ щитомъ кровавымъ всталъ;
И звѣзды на землю испуганную пали,
Какъ въ ураганъ плоды незрѣлые съ деревьевъ;
Какъ свитокъ свившися, небесный сводъ исчез...
И молніи тотъ мракъ, какъ змѣи, разсѣкали...

И видѣлъ я тогда: вельможи и рабы,
Цари, начальники, и недруги, и други, —
Всю жизнь своихъ страстей безропотные слуги,—
Въ пещеры скрылись горь, какъ въ темные гробы...
И говорятъ горамъ и камнямъ со слезами:
„Падите вы на насъ! Сокройте отъ лица
Всесильнаго Судьи, предвѣчнаго Творца,
Во гнѣвъ правый судъ творца надъ нами!“
И плакали они... И далеко ихъ стоишь
Среди ушелій горъ былъ вѣтромъ разнесень...
Михаиль Майковъ.

Къ рисункамъ.

Игра въ скокалку. (Рис. на стр. 1300).

Эта игра, подъ разными мѣстными названіями распространенная по всей Россіи, собственно есть проба силы и состоитъ въ томъ, что двое поспорившихъ кто сильнѣе—садятся на-земь, взаимно упираясь подошва въ подошву, а руками берутся за палку, или за неизмѣнимъ ей прямо берутъ за руки другъ друга и тянутъ изо всѣхъ силъ, чтобы, перетянувъ противника, поднять его на ноги... Упражненіе это довольно опасно, особенно для дѣвочки, и позволять его дѣвкамъ не слѣдуетъ.

Охота на волка съ дротикомъ. (Рис. на стр. 1301).

Обширныя, привольныя, раздольныя степи нашего Востока и Юго-Востока издавна породили у насъ огромное множество всякихъ видовъ и способовъ охоты. Стень—колыбель скотоводства; пастухъ и кочевникъ—исконные враги волка, этого бича всякихъ стадъ, этого хитраго и лукаваго хищника. Охота на волка, поэтому, изгари была любимымъ проявленіемъ удала всякаго жителя степи и его лихаго скакуна. Казаки наши, донскіе, оренбургскіе и уральскіе, уже много столѣтій сряду оберегающіе Русскую землю отъ степи и ея кочевниковъ, многое переняли у нихъ, многое заимствовали; между прочимъ, они заимствовали и тотъ способъ охоты, который изображенъ на нашей картинкѣ. Это—охота на волка съ дротикомъ, т. е. съ укороченнымъ копьемъ. Вся задача охоты заключается въ томъ, чтобы загнать, утомить волка на огромномъ степномъ перегонѣ, и нагнавъ его на разстояніи нѣсколькихъ сажень, метнуть въ него дротикомъ такъ ловко, такъ мѣтко и сильно, что волкъ, пробитый насквозь, остается пригвожденнымъ къ снѣгу. Можно себѣ представить, какова должна быть для подобной охоты сила руки охотника и зоркость его глаза! Но этими-то именно качествами и отличается и славится издавна наше казачество.

Плоды. (Рис. на стр. 1305).

Самые разнообразныя плоды наполняютъ золотую чашу, которую держитъ красивая женщина южнаго типа. Ея темныя блестящіе глаза, тонкій съ небольшою горбинкой носъ и красивыя сочныя губы напоминаютъ прекрасныхъ обитательницъ Сициліи, но широкая одежда, затканная цвѣтами, и высокая съ булавками прическа придаютъ интересной картинкѣ г. Паперица японскій характеръ.

Господь Саваоѣ. (Рис. на стр. 1308).

Громадная по величинѣ и высокохудожественная по исполненію работа профессора живописи Маркова, изображающая благословляющаго обѣими руками Господа Саваоѣ, имѣющаго на лонѣ Сына Божія въ образѣ младенца съ хартіей, и на персахъ Духа Святаго въ видѣ голубя,—украшаетъ сводъ главнаго купола храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Занималъ возгнутую поверхность купола, имѣющаго до 13 сажень въ діаметрѣ, этотъ исполинскій трудъ оконченъ въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1861 по 1866 годъ, съ замѣчательнымъ совершенствомъ и согласно всѣмъ требованіямъ науки и искусства. Зритель, любующійся на эту живопись на разстояніи 33 сажень отъ нея, видитъ фигуры совершенно прямыми и благодаря удачно подобраннымъ цвѣтамъ и краскамъ—живыми и воздушными. Помимо художественности, работа Маркова выполнена согласно съ духомъ православія и догматами церкви. „Изображеніе это

помѣщено сверху, говоритъ составитель исторіи храма Спасителя М. Мосговыскій,—потому что Господь Вседержитель, какъ превыше всего въ существѣ, долженъ быть превыше всего и въ изображеніи. Само небо служитъ Ему престоломъ. По слову Всемогущаго Творца возникаетъ земной шаръ и крылатые херувимы, озаренные въ полетѣ пламенемъ первобытнаго огня. Волосы Господа (согласно библейскому изреченію: „Вѣхій денми“), убеленные сѣдиною, развѣваются, руки воздѣты; Онъ и творитъ вселенную и въ то же время благословляетъ Имя созданное. Облегающая Его риза образуется какъ бы изъ творимаго Имя свѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ въ пространство. Кругомъ Его сонми ангеловъ устремляютъ благоговѣнно взоры къ Святому Источнику ихъ безпредѣльнаго существованія. Мысль о вѣчности выражена на челѣ Господа соединеніемъ сѣдинъ съ свѣжестью силы лица Божія, а мысль о всемогуществѣ соединена во всей Его фигурѣ сочетаніемъ покоя и движенія въ моментъ міроуданія въ одно нераздѣльное, гармоническое цѣлое, которое въ то же время представляетъ и изображеніе тричлостнаго Бога. На западной сторонѣ неба начертано еврейскими буквами одно изъ библейскихъ наименованій Вседержителя: „Элогимъ“, что значитъ „Силы“. Подъ этимъ знаменіемъ бытія и вездѣущія Божія въ таинственномъ свѣтѣ представлены возникающіе ангелы, крылатые херувимы и серафимы, вѣчно славящіе Святаго Творца всего видимаго и невидимаго. Изображеніе окружено сильнымъ сіяніемъ, простирающимся во всѣ стороны на значительную часть голубаго, усеяннаго золотыми и серебряными звѣздами неба“.

Сейдисфюрдъ въ Исландіи. (Рис. на стр. 1309).

Одною изъ самыхъ интересныхъ мѣстностей земнаго шара является Исландія. Принадлежащій Дании островъ, лежащій между Норвегіей и Гренландіей, составляетъ площадь въ 1867 квадратныхъ миль, изъ которыхъ менѣе половины можетъ быть обитаемо и обрабатываемо; вся остальная часть покрыта лавою, валунами, льдомъ и глетчерами, возвышающимися мѣстами до 6000 футовъ. Островъ происхожденія вулканическаго и частыя землетрясенія не разъ опускали его. Особенно замѣчательны на немъ горячіе ключи или источники, изъ которыхъ самымъ выдающимся считается Гейзеръ. Кроме того, на островѣ встрѣчаются въ изобиліи сѣрные источники и грязевые вулканы. Рѣки на островѣ не велики и отчасти каскадовидныя или протекаютъ по плоскимъ настихамъ. За исключеніемъ низкорослой березы, на островѣ совсѣмъ не попадаются деревья; зато на немъ много ягодъ черники и земляники, которыя созрѣваютъ въ сентябрѣ. Ягоды и исландскій мохъ, вмѣстѣ съ рыбою и молокомъ, составляютъ главную пищу жителей. Въ послѣднее время съ успѣхомъ воздѣваются картофель и капуста и добывается сѣра. Овцы, коровы и лошади составляютъ богатство жителей и предметъ оживленнаго торговли. Островъ по морскому берегу во множествѣ изрѣзанъ фіордами или узкими заливами, по которымъ иногда цѣлыми часами приходится ѣхать, пока достигнешь пристани. Однимъ изъ самыхъ значительныхъ надо признать Сейдисфюрдъ, изображенный на стр. 1309, являющійся въ то же время оживленнымъ торговымъ мѣстомъ и удобною гаванью на скудномъ, по величественномъ сѣверномъ островѣ. Изъ Сейдисфюрда вывозятъ главнымъ образомъ переть, рогъ, рыбу, ворвань, перья (гагачій пухъ) и соленую баранину. Рыба отправляется главнымъ образомъ въ Исландію, шерсть и лошади—въ

Англию, и остальные продукты — въ Копенгагенъ. Смертность среди населенія, котораго почти $\frac{3}{4}$ милліона душъ (всѣ лютеры), очень велика и жители рѣдко достигаютъ 50-лѣтняго возраста. Главные города Рейкьявикъ и Акурейри.

Забавное письмо. (Рис. на стр. 1312).

Двѣ милостивыя дѣвушки со смѣхомъ читаютъ письмо. Ихъ веселый, беззаботный видъ, а также и тѣ рисунки, которые замѣтны между строками письма, ясно говорятъ, что оно не отличается серьезнымъ или грустнымъ содержаніемъ. Чрезвычайно живо и граціозно передалъ художникъ эту незабывливую сцену, придавъ ей еще большую прелесть тѣмъ, что дѣйствующія въ ней дѣвушки одѣты въ воздушный и типичный костюмъ времени директоріи.

Первый въ Россіи элеваторъ, устроенный Елецкимъ земствомъ. (Рис. на стр. 1316).

28 сентября текущаго года въ городѣ Елецѣ торжественно открытъ былъ элеваторъ, устроенный по почину мѣстнаго земства. Елецъ, учредивъ первый въ Россіи общественный элеваторъ, положилъ начало упорядоченію нашей хлѣбной торговли. Правда, елецкій элеваторъ не обладаетъ особенно значительною вмѣстительностью: онъ рассчитанъ лишь на 400,000 пудовъ хлѣба; но здѣсь важны не размѣры элеватора, а правильная постановка перваго опыта благоустройства хлѣбной торговли въ Россіи. Елецкій элеваторъ является первою попыткой освобожденія нашей хлѣбной торговли отъ дорого обходящагося посредничества недобросовѣстно относившихся къ дѣлу хлѣботорговцевъ. Элеваторъ открываетъ производителямъ возможность вѣтунить въ непосредственныя сношенія съ потребителями хлѣба, получающими возможность пріобрѣтать хлѣбные товары по образцамъ, съ гарантіей склада въ однообразіи доставленнаго товара. Теперь по крайней мѣрѣ для прилежащихъ къ Ельцу мѣстностей устраняется фальсификація хлѣба и дорого обходящееся посредничество скупщиковъ и кулаковъ высасывающихъ изъ нашего земледѣлія послѣднія жизненные силы.

Пашъ рисункомъ изображаетъ торжество открытія и вѣнчаніе элеватора. Что касается внугренняго его устройства, то подробное описаніе его вмѣстѣ съ рисунками будетъ помѣщено въ одномъ изъ ближайшихъ №№ *Нивы*.

Малютка-піанистъ. (Рис. на стр. 1317).

Въ настоящее время въ СПБ. даетъ концерты самый юный піанистъ въ свѣтѣ, Рауль Кочальскій. Ему съ небольшимъ четыре года. Уже съ двухъ лѣтъ онъ сталъ обнаруживать замѣчательныя музыкальныя способности, такъ что родители его (жители г. Варшавы) стали давать сыну уроки музыки сперва шутя и сами, а затѣмъ пригласили учителя. Въ одинъ годъ ребенокъ сдѣлалъ громадныя успѣхи, и нынѣ играетъ уже настолько хорошо, что неслышавшимъ его игры трудно вѣрить рассказамъ. Ребенокъ бѣгло исполняетъ довольно трудныя вещи и легко разбираетъ ноты, написанныя вовсе не для дѣтскаго исполненія. Рауль Кочальскій особенно любитъ Шопена, произведенія котораго переполняютъ программу концертовъ его. Въ скоромъ времени малютка-артистъ, ангажированный им-прессарио Аббейемъ для концертовъ въ главныхъ европейскихъ столицахъ,—отправится за-границу. Цель этихъ концертовъ—пріобрѣсти средства, необходимыя для дальнѣйшаго музыкальнаго образованія талантливаго ребенка. Конечно, дай Богъ ему всевозможныхъ успѣховъ, если ужъ обстоятельства вынуждаютъ распорядиться его судьбою такъ, а не иначе. Но нельзя не пожалѣть объ этомъ преждевременно форсируемомъ развитіи дарованія. Не говоря уже о томъ, что это можетъ вредно отозваться на только что слагающемся организмѣ ребенка, самое дарованіе его можетъ пострадать и совершенно исчезнуть. Моцарты рѣдки, да и тѣ преждевременно умираютъ бытъ-можетъ отъ ранняго истощенія духовныхъ и тѣлесныхъ силъ; большею же частію изъ гениальныхъ дѣтей ничего не выходитъ въ зрѣломъ возрастѣ. Московскіе старожилы вѣрояно помнятъ еще семилѣтняго или девятилѣтняго піаниста, который давалъ концерты въ концѣ сороковыхъ годовъ, а потомъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, едва перебывался настройкой фортепіано. Пожелаемъ отъ души, чтобъ такая горькая чаша миновала талантливаго малютку!

 Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №.№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1889 года, такъ какъ

 Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

Подписка на „НИВУ“ 1889 г. СЪ РАЗСРОЧКОЙ.

Въ виду ежедневно поступающихъ запросовъ о разсрочкѣ ГОДОВОЙ УПЛАТЫ ПОДПИСНЫХЪ ДЕНЕГЪ на „НИВУ“ 1889 года, Контора наша возможнымъ открытъ подписку **ВЪ РАЗСРОЧКУ** для иногородныхъ подписчиковъ на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится	3 р.
Къ 1-му мая 1889 г.	2 р.
Къ 1-му іюля остальные	2 р.

Желающіе подписаться съ разсрочкой благоволятъ заявить объ этомъ при первомъ взносѣ, и они будутъ считаться годовыми подписчиками.

СТРАНИЧКА
ИЗЪ
„НУВЕЛИСТА.“

Соч. Ф. Б.

Andante con espressione.

PIANO.

p
Ped. *Ped. *Ped. *Ped. *Ped. *Ped. *Ped.*Ped.*Ped. *

mf *p*
Ped. *Ped. *Ped. *Ped. *Ped. *Ped. *Ped. *

dolce
Ped. *Ped. *Ped. *Ped. *

mf *pp un poco riten*
Ped. *Ped. *Ped. *Ped. *Ped. *Ped. *

Политическое обозрѣніе.

Положеніе дѣлъ въ Сербіи продолжаетъ привлекать всеобщее вниманіе. Выборы въ великую скупщину, происходившіе подъ надзоромъ королевскихъ комиссаровъ, дали неожиданные и непріятные для правительственной партіи результаты. Въ скупщину оказались избранными только радикалы и либералы, причемъ первыхъ почти въ пять разъ болѣе чѣмъ вторыхъ; что-же касается сторонниковъ нынѣшняго бѣлградскаго правительства, то въ это собраніе не пошло ни одного изъ нихъ, даже кандидатура вождя ихъ Гараналина не имѣла успѣха. Не даромъ органы напредняковъ во все время выборовъ увѣряли, что въ странѣ господствуетъ анархія, препятствующая свободѣ выборовъ. Подобные результаты выборовъ служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ нежеланія страны идти на помочахъ у Австріи и ясно говорятъ объ ея симпатіяхъ къ Россіи. Кромѣ того, сербскіе избиратели, подавая свои голоса только за радикаловъ и либераловъ, силотившихся въ послѣднее время въ одну „національную“ партію, высказали свое неодобреніе бракоразводному дѣлу Милана и королевы Наталіи. Понятно, что все происходящее въ Сербіи такимъ образомъ сильно беспокоитъ Вѣну и Петъ, откуда посылаются болѣе или менѣе энергичные совѣты Сербскому королю, какъ руководить скупщиною. Если она окажется враждебною и не захочетъ смириться передъ требованіями Милана, то ее слѣдуетъ распустить, пишутъ въ австрійскихъ газетахъ, а съ радикалами расправиться рѣшительнымъ образомъ. Поживемъ — увидимъ, чѣмъ кончится заваренная Миланомъ каша, но „Presse“ уже теперь полагаетъ, что сербскія дѣла должны окончательно занутаться.

Довольно хитро слетаются также дѣла во французской палатѣ депутатовъ. Въ концѣ ноября для министерства счастливо окончились пренія о бюджетѣ. Объясняли подобное благополучное и скорое окончаніе этихъ преній желаніемъ порѣшиться этимъ вопросомъ до Новаго Года. Но одержавъ побѣду, министерство черезъ 4 дня повесело пораженіе въ палатѣ съ новымъ своимъ предложеніемъ.

Читатели „Нивы“ уже знакомы съ грандіознымъ предпріятіемъ Лессенса прорыть Панамскій перешеекъ и соединить два океана. Этотъ громадный трудъ поглотивъ не мало милліоновъ рублей и далеко еще не оконченъ. Для продолженія его потребовалось изыскать новыя средства, съ этою цѣлю и былъ разрѣшенъ новый выпускъ облигацій компаніи Панамскаго канала. Но подписка не дала ожидаемыхъ результатовъ и облигацій разобрана всего двадцатая часть. Подобный неуспѣхъ отозвался чрезвычайно нагубно на дѣлахъ компаніи и министерство рѣшило внести въ палату законопроектъ объ отсрочкѣ уплаты по облигаціямъ компаніи. Министръ финансовъ Петраль, внося въ палату этотъ законопроектъ, заявилъ, что нарушеніе гражданскаго права оправдывается въ этомъ случаѣ тѣмъ интересомъ, который соединенъ съ этимъ предпріятіемъ. Устанавливаемая теперь отсрочка

дастъ возможность сдѣлать различныя соображенія. Министръ-президентъ Флокэ, поддержавъ предложеніе своего коллеги, указавъ, что правительство озабочено только положеніемъ мелкихъ владѣльцевъ облигацій. Если палата отвергнетъ законопроектъ, то компанія обанкрутится; если же примутъ его, то можно будетъ найти какой-нибудь исходъ, который не представляется невозможнымъ. Но какъ коммисія по разсмотрѣнію дѣлъ Общества Панамскаго канала, такъ и палата депутатовъ отвергла правительственный проектъ улаженія дѣлъ Общества. Въ донесеніи коммисіи палатѣ говорится, что палата не имѣетъ права распространять законодательную свою дѣятельность на такіе предметы, какъ улаженіе дѣлъ Панамскаго Общества. Такое рѣшеніе вызвало въ Парижѣ общее возмущеніе. Большая часть газетъ осуждаетъ образъ дѣйствій палаты, считаетъ его посягательствомъ на интересы и честь Франціи и обвиняетъ директора Crédit foncier Кристофля въ томъ, что онъ содѣйствовалъ отклоненію правительственнаго проекта своими заявленіями, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду самъ учредить общество, которое должно замѣнить прежнее. Лессенсъ въ бесѣдахъ съ журналистами заявляетъ, что онъ не уступитъ противникамъ, будетъ бороться и во что бы тамъ ни стало доведетъ до конца дѣло прорытія Панамскаго перешейка. Равнымъ образомъ торговые и гражданскіе суды, многіе депутаты, банковыя сферы, акціонеры, газеты и частныя лица — все согласны въ томъ, что необходимо спасти предпріятіе Лессенса. Во всей Франціи замѣчается стремленіе къ этому. Назначенные по просьбѣ Лессенса, члены временнаго управленія дѣлами компаніи Панамскаго канала утверждены гражданскимъ судомъ, причемъ имъ даны весьма широкія полномочія. Нѣсколько финансовыхъ дѣятелей рѣшили созвать въ скорѣйшемъ времени общее собраніе акціонеровъ. Невзбѣжно предстоитъ комбинація съ крупными капиталистами. Работы по прорытію канала тѣмъ не менѣе продолжаютъ и можно быть увѣреннымъ, что предпріятіе Лессенса, уже стоившее столько труда и капиталовъ, не будетъ заброшено на полушты и благополучно окончится.

Въ берлинскій рейхстагъ внесенъ законопроектъ о страхованіи рабочихъ престарѣлыхъ и утратившихъ способность трудиться. Министръ Беттигеръ, внося его 24 ноября въ засѣданіе рейхстага, заявилъ, что императоръ Вильгельмъ I сказалъ, что изданіе этого закона причинило бы ему величайшую радость въ жизни; великодушный императоръ Фридрихъ воодушевленъ былъ тою же идеей, нынѣ царствующій императоръ жаждетъ осуществленія задачи, отъ которой мы ждемъ упроченія мира и благоденствія имперіи. Въ заключеніе ораторъ выразилъ желаніе, чтобы при осуществленіи законопроекта рейхстагъ принялъ въ руководство девизъ: „любви братьевъ!“ Этотъ интересный законопроектъ безспорно будетъ имѣть громадное значеніе въ торгово-промышленномъ и финансовомъ строевѣ Германіи.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 6 декабря, въ Михайловскомъ манежѣ, въ Высочайшемъ присуствіи, проходили церковный парадъ частямъ войскъ гвардіи, имѣющимъ своимъ праздникомъ день Святителя и Чудотворца Николая. Настоящій парадъ по разнообразію формъ и по количеству войскъ — самый красивый изъ зимнихъ церковныхъ парадовъ. По окончаніи парада Высочайшія Особы отбыли въ Собственный Его Величества Дворецъ, куда прибыла Е. И. В. Вел. Кн. Александра Гіосифовна. Во дворцѣ, въ комнатахъ Наслѣдника Цесаревича, Августѣйшему Имениннику приносили поздравленія преподаватели Его Императорскаго Высочества и во главѣ ихъ председатель Комитета Министровъ, д. т. с. Н. Х. Бунге. Въ танцевальной залѣ, въ гостиныхъ и библиотекѣ Дворца былъ накрытъ Высочайшій завтракъ, къ которому были приглашены ближайшія лица Императорской Свѣты, начальники дивизій, командиры бригадъ, командиры и офицеры частей, праздновавшихъ въ этотъ день свои праздники. Его Величество пилъ за завтракомъ здоровье праздновавшихъ частей. Около четырехъ часовъ по полудни Ихъ Величества отбыли изъ Петербурга въ Гатчину.

Дѣла церкви.

— Въ Вологдѣ, 6 декабря, въ день Тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича, въ увѣковѣченіе чудеснаго событія 17 октября 1888 года, торжественно освященъ, въ стѣнахъ вологодскаго дѣтскаго Алексан-

дринскаго пріюта, храмъ во имя Святыхъ Александра Невскаго и Маріи Магдалины, созданный по почину и заботамъ начальника губерніи, иждивеніемъ доброхотныхъ дателей. Пріютъ осчастливленъ Высочайшею милостію Государыни Императрицы, соизволившей пожаловать сему учрежденію Свой портретъ.

Искусства образовательныя.

— Прибывшій недавно въ Петербургъ членъ російской миссіи въ Китаѣ, іеромонахъ Алексій (въ мѣрѣ А. П. Виноградовъ) принесъ въ даръ Имп. академіи художествъ богатую коллекцію китайскихъ рисунковъ, эстамповъ, книгъ и другихъ художественныхъ и этнографическихъ предметовъ, составленную имъ во время путешествія въ Среднюю имперію и болѣе чѣмъ семилѣтняго пребыванія въ Пекинѣ. Кромѣ того, о. Алексій пожертвовалъ академіи обширное собраніе сдѣланныхъ имъ чертежей и рисунковъ, изображающихъ деревянныя церкви въ различныхъ мѣстахъ Сибири и сѣвера Россіи, — собраніе, представляющее весьма любопытный матеріалъ для изученія русскаго деревяннаго зодчества.

Литература и на. ка.

— Кунжутская ученая экспедиція, послѣ тяжкихъ лишений, благополучно окончила всѣ работы и прибыла въ Маргеланъ. Начальникъ экспедиціи капитанъ Громбчевскій съ собранными матеріалами 7 декабря въѣхалъ въ Петербургъ.

— Магистръ ветеринарныхъ наукъ Пгна-

тевъ и ветеринарный врачъ Воронцовъ издали составленную ими, на основаніи научныхъ данныхъ, таблицу со схемою сортировки мясной туши и съ диаграммами, представляющими процентное содержаніе пищевыхъ веществъ въ различныхъ частяхъ отдѣльныхъ сортовъ мясной туши. Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ эту таблицу, призналъ ее весьма полезною.

Археологія и древности.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій московскаго археологическаго общества, М. В. Никольскій сдѣлалъ сообщеніе о важнѣйшихъ предметахъ замѣчательнаго собранія месопотамскихъ древностей, находящихся въ обществѣ. Эта коллекція прислана изъ Месопотаміи д-мъ Блау, благодаря содѣйствію русскаго дипломатическаго агента, г. Вальтазара. Археологическое общество поручило состоящей при немъ восточной коммисіи дать свое сужденіе объ этой коллекціи. Коллекція состоитъ изъ 212 разнообразныхъ предметовъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ. Самую важную ея часть составляютъ вавилонскіе глиняныя, принадлежащія, повидимому, одной эпохѣ; нѣкоторые изъ нихъ относятся къ XXII—XXIII столѣтію до Р. Х., насколько можно судить о томъ по характеру письма на нихъ, представляющему сходство съ письмомъ контрактовъ означенной эпохи. Въ коллекціи имѣются также глиняныя позднѣйшаго происхожденія, персидскія и греческія. Кромѣ вавилонскихъ и ассирійскихъ древностей, въ коллекціи обращаютъ на себя вниманіе фи-

ипійскіе предметы и еврейскія вазы съ надписями. Эта коллекція могла-бы составить украшеніе любого изъ европейскихъ музеевъ.

Городскія новости.

— Въ Московско-Нарвскомъ отдѣлѣ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ въ СПб., состоящемъ подъ предсѣдательствомъ А. С. Балицкой, возникла мысль устроить для такихъ дѣтей отъ 3 хъ-мѣсячнаго возраста до 6-ти лѣтъ ясли или убѣжища, которыя-бы обезпечивали за ними болѣе здоровое и нормальное существованіе. Благая эта цѣль встрѣтила полное сочувствіе со стороны

директора табачной фабрики А. Н. Богданова и управляющаго этой фабрикой, Н. П. Вязмитинова. Оба они изъявили желаніе ежегодно вносить 2,400 руб. на устройство яслей въ районѣ Московской части. Благодаря этому пожертвованію, Московско-Нарвскій отдѣлъ уже въ состояніи устроить одинъ пріютъ на 50 дѣтей съ годовымъ расходомъ въ 3,000 руб. Въ настоящее время членамъ отдѣла предстоитъ только найти средства для устройства первоначальнаго обезпеченія пріюта „Ясли“, т. е. выполнить очень трудную задачу, такъ какъ приходится обзавестись начи-

ная съ колыбели до послѣдней чистой рубашки, которая должна смѣнить грязное трипье на бѣдныхъ дѣтяхъ. Въ этомъ отношеніи отдѣлу могутъ принести много пользы частныя жертвователи. Предсѣдательница отдѣла обращается съ горячею просьбою ко всемъ лицамъ, сочувствующимъ бѣдственному положенію несчастныхъ дѣтей, помочь устройству „Яслей“ своею лептою — денежными и вещевыми пожертвованіями. Жертвованія принимаются въ квартирѣ предсѣдательницы отдѣла (Надеждинская, уголь Малой Итальянской, д. 16).

Вновь получены вѣрныя рѣшенія ребуса на преміи № 75 (помѣщ. въ № 47).

Отъ гг.: СПб. Кологривова, Порѣцкаго, Тычино, Тизенко, Мосива—Голыцина, Лопухиной, Болховъ — Соломка, Варшава — Марковского, Глушковъ — Лаврентьева, Еватеринославъ — Шохоръ, Иваново-Вознесенскъ — Мыльникова, Киевъ — Рагоза, Страшквича, Завилейской, Петрова, Швагеръ, Нишиневъ — Глазгара, Нозловъ — Зеленой, Кронштадтъ — Егорьевой, Николаевъ — Кортаци, Крестелева, Фроловой, Кензенко, Новосиль — Сахаровой, Гана, Одесса — Иванкина, библи. 12 саперн. баталіона, Полтава — Кирѣвскаго, Петергофъ — Варынаевой, Ростовъ н.Д. — Головковой, Безпалько, Стаскъ — Ламакиной, Севастополь — Акимова, Тамбовъ — Комовской, Хотинъ — Токарева, Харьковъ — Воропаева, Черниговъ — Панаютти.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 72 (помѣщ. въ № 45).

1) $a; \frac{a}{2} : (f+d) = \frac{1}{2} : (k+o); a = 20 = Y$	8) $h; c = (\frac{e}{2})^2; h = 17 = P$
2) $b; i^2 = z; b = 13 = M$	9) $i; a : d = 1 : o; i = 1 = A$
3) $c; z = n^2; c = 27 = B$	10) $k; x - z = c + o; k = 8 = 3$
4) $d; a : l = \frac{2x}{3} : 4y; d = 2 = B$	11) $l; g + k = x + y; l = 20 = Y$
5) $e; \sqrt{h+k} = y; e = 6 = E$	12) $m; b : m = (f+y) : (x-h); m = 13 = M$
6) $f; \sqrt{f} = d; f = 8 = 3$	13) $n; o - n = i; n = 1 = A$
7) $g; c + b = g + m; g = 27 = B$	14) $o; e : (f-d) = (k-o) : (y+z); o = 2 = B$
	15) $x; l - k = a - f; x = 30 = B$
	16) $y; z : n = i : (e-y); y = 5 = D$
	17) $z; a + b = l + m; z = 1 = A$

„Умъ безъ разума — бѣда“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — А. Г. Грундштремъ, А. Авонано, М. Б., Ф. А. Боронина, П. Вязмитинова, К. Кожикина, Н. В. Панкова, А. А. Писѣва, М. Дахина, Адрианоэль (Турція) — Г. Раева, Б. Иеромино — В. К. Терскаго, іогородчикъ — Н. Аморгетти, Вел. Штитница — Сваци. Стояновскаго, Дисна — С-до, Кузнецкъ — Страховой, Изменна — С. А. Барышева, Киевъ — А. Мор-

шанскаго, Лебедянь — В. И. Чурилина, Петрозаводскъ — А. Е. Надеждина, Саввино — М. Сивева, Тверь — С. Малишкова, Ялта — Эгизъ.

Рѣшеніе шахматной задачи № 73 (помѣщенной въ № 45).

Въ задачѣ этой вкралась опечатка: на мѣстѣ В8 вмѣсто коня, слѣдуетъ слонъ, тогда рѣшеніе слѣдующее въ 3 хода:

Бѣлые.	Черные.
1) Lh8 — g8	К. e6 — f8
2) e7 — f8	Кр. a8 — b8
3) Lf8 — c5++	
1)	К. e6 — d8
2) e7 — d8	Кр. a8 — b8
3) Kd8 — c6++	
1)	К. e6 Куда угодно.
2) e7 — e8	Куда угодно.
3) Fe8 — c6++	

оставляя же коня на своемъ мѣстѣ, матъ дѣлается въ 2 хода.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — Н. Н. Шапчина, Зеленовскаго, Богатое — А. Алфѣева, Вологда — Н. В. Изюмова, П. В. Андреева, Деновнова — М. Ш., Н. Нов ородъ — Власьева, Порѣцкаго.

Рѣшеніе шашечной задачи № 74 (помѣщенной въ № 45).

Бѣлые.	Черныя.
1) b6 — c7	1) e7 — c5
2) f2 — g3	2) c5 — h4
3) e7 — d8	3) g5 — e3
4) e5 — f6	4) h4 — e7
5) d8 — d6	и черныя проигрываютъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. СПб. — В. И. Шошина, С. Т. Грибова, Н. В. Панкова, Мосива — Н. П. Смирнова, В. А. Мозжухина, Насимовъ — Звонкина, Муромъ, Ф. М. Уткина, Ольгополь — Дунченскаго, Самара — Н. М. Старостина, Стар. Рязань — В. Н. Кожикина.

СОДЕРЖАНІЕ: А. Т. Болотовъ (съ портр.). — Цветы Андалузской поэзіи. В. И. Немировича-Данченко. — Бригадирская вичуна. Московская ольб. Графа Е. А. Салиаса. Часть II. (окончаніе). — Экспедиція русскихъ студентовъ на Арабатъ въ авг. 1888 г. (съ рис.). — Изъ Апокалипсиса. Стлх. М. Майнова. — Къ рисункамъ: Игра въ сионалку (съ рис.). — Охота на волка съ дротинкомъ (съ рис.). — Плоды (съ рис.). — Господь Саваофъ (съ рис.). — Сейдисфлордъ въ Исландіи (съ рис.). — Забавное письмо (съ рис.). — Первый въ Россіи элеваторъ, устроенный Елецкимъ земствомъ (съ рис.). — Малютка-панистъ (съ рис.). — Заявленія Редакціи. — Страничка изъ „Нувелиста“. — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Рѣшенія задачъ. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Страховое Общество

„МОСКВА“

(съ основнымъ капиталомъ въ 1.000,000 р. с.)

инимаетъ къ застрахованію отъ огня всякаго рода строенія, домашнюю движимость, товары, фабрики съ ихъ гроиствомъ, сельско-хозяйственный инвентарь и пр., причеиъ, въ отличіе отъ другихъ обществъ, предоставляетъ своимъ страхователямъ слѣдующія выгоды и преимущества:

Не присоединяясь къ существующей конвенціи другихъ компаній, Общество сохраняетъ за собою полную юбоду въ назначеніи премій, которыя взимаются въ возможно-пониженномъ размѣрѣ.

Страхователи пользуются согласно Устава:

- а) ПРАВОМЪ ГОЛОСА ВЪ ОБЩИХЪ СОБРАНІЯХЪ,
- б) УЧАСТІЕМЪ ВЪ ПРИБЫЛЯХЪ ОТЪ ОПЕРАЦІЙ, Т. Е. ВОЗВРАТОМЪ ЧАСТИ ВНЕСЕННЫХЪ ПРЕМІЙ ИЗЪ ИБЫЛЕЙ.

Такимъ образомъ Общество соединяетъ всѣ выгоды взаимнаго страхованія, устраняя въ то же время существеннѣйшій недостатокъ взаимности, т. е. КРУГОВУЮ ПОРУМУ въ случаѣ чрезвычайныхъ убытковъ, которыя на страхователей Общества „МОСКВА“ не налагается.

Принятія Обществомъ обязательства по страхованіямъ обезпечиваются не только его собственнымъ основнымъ капиталомъ, но и капиталами на сумму свыше 20 милліоновъ руб. первоклассныхъ заграничныхъ обществъ, горюымъ, на основаніи заключенныхъ договоровъ, часть рисковъ Общества „МОСКВА“ отдается въ перестрахованіе. Отъ крупныхъ рисковъ перестраховываются отъ 3/4 до 9/10 и болѣе, такъ какъ въ этомъ отношеніи Общество нисколько не ограничивается § 4 своего Устава. Страхователямъ, по ихъ желанію, выдаются особыя оствовѣренія о томъ, въ какихъ обществахъ и въ какой долѣ ихъ имущества перестрахованы.

Примѣчаніе. Правленіе поставлено въ необходимость указывать на эти подробности по перестрахованію, для огражденія Общества „МОСКВА“ отъ неблагоприятныхъ, съ враждебною цѣлью, распространяемыхъ въ публикѣ слуховъ.

Общество „МОСКВА, соблюдая осторожность въ приѣмѣ страхованій, при правильной оцѣнкѣ имущества, ставъ себя въ непремѣнную задачу: справедливый и скорый расчетъ за происшедшіе пожарныя убытки, съ зможнымъ устраненіемъ всякихъ обременительныхъ формальностей.

Всѣ свѣдѣнія и справки сообщаются, устно и письменно, по первому требованію.

Правленіе Общества помѣщается въ Москвѣ, на Рождественскѣ, въ домѣ Портнова.

Отдѣленія и агентства частью уже открыты и еще устраиваются во всѣхъ городахъ Имперіи.

ОСКОЛКИ

Подъ редакціей Н. А. Лейнина.
Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ большого формата съ карикатурами (въ краскахъ и черными). № 3527 3-3

52 №№ въ годъ: до 800 рисунковъ, до 1300 статей; ребусы, шарады, загадки на премію.

Всѣ ГОДЪВЫЕ подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ:**

новую книгу Н. А. Лейнина „ГОЛУБЧИКИ“, сборникъ разсказовъ, въ извѣстномъ изданіи съ художественными **ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.**

Цѣна за журналъ:
На годъ съ перес. и дост. . . 8 р.
На полгода съ перес. и дост. . . 5 „
На три мѣс. съ перес. и дост. . . 3 „

◆ На пересылку преміи заказною бандеролью гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать 28 коп. деньгами или почтовыми марками.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ, въ Троицкой ул., д. № 18—20.

Редакторы-издат.: Н. Лейнинъ и Р. Голубки.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ БРАТЯ ЭНГБЕРТСЪ и К^о.

Гостинный дворъ, № 146, 147 и 14

въ С.-Петербургѣ.

Спеціальность мужского и дамского бѣлья.

Полотно, Батистъ.

СТОЛОВОЕ БѢЛЫЕ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ.

НОВОСТИ ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ И БУМАЖНЫХЪ

ТКАНЕЙ.

Гг. иногороднымъ покупателямъ по

требованію высылаются прейсъ-курранты

бесплатно.

№ 3495 3-3

Большое депо часовъ
НЕВСКІЙ ПР. № 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейсъ-Кур. Выссл. Безпл.

НОВОСТЬ! № 3577 4-2
Часы дамскіе стальные черные съ зав. безъ ключа, величиною съ 20 коп. сер. монету. Ручательство за вѣрный ходъ. Цѣна отъ 30 руб.

КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ ЧЕШСКО-СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА
В. Ф. ЧЕРВЕНЬИЙ и СЫНОВЬЯ
въ Кіевѣ, Рейтарская, 41.

Рекомендуемъ свой заводъ для доставки музык. инструментовъ духовныхъ, струнныхъ, ударныхъ и клавишныхъ, которые превосходятъ нѣмецкихъ, английскихъ и французскихъ по чистотѣ строя, отличаясь изящностью и прочной отладкой.
Т. п. адресовать: въ Кіевѣ, В. Ф. Червеному и С. № 3461

КОЛЛЕКЦІЯ МОНЕТЪ
состоящая изъ 3145 золот., серебрян., платинов. и мѣдн. монетъ и медальон. Россіи, Грузіи, Финляндіи, Швеціи въ особомъ устройствѣ, въ 2-мъ секретныхъ замкахъ, продается дешево по обстоятельствамъ. Подробная свѣдѣнія — въ каталогѣ. Большой Коюшенная, 29, кн. 6, въ С.Пбурѣ.

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ“
предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіи вѣдѣній мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Цѣна книжки съ перес. 1 р. Адрес. единств.: въ г. Хвалынкѣ И. Комисарову.

ОПИСАНІЕ № 3546
Русскихъ почтовыхъ земскихъ марокъ и конвертовъ и бандероловъ.

Составилъ и издалъ Д. Н. Чудовскій.
Кіевъ, Енисавитинская, домъ Михальсона.
Цѣна съ пересылкою 1 р. 25 к.
Десять экземпляровъ и болѣе 20% уступки.

РОБИНСОНЪ КРУЗО
Соч. Даниэля Де-Фо. **ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОЛНЫЙ РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ** съ англійск. Петра Канчаловскаго. Съ 100 рис. и съ портр. автора. 2 т. Ц. 1 т. 3 р., съ пер. 3 р. 25 к., въ перел. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р.; 2 т. — 2 р., съ пер. 2 р. 25 к., въ перел. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.; за оба т. вместе 4 р., съ пер. 4 р. 50 к., въ перел. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к. № 3601 2-1
Прод. въ складѣ Т-ва И. Н. Куниричевъ и К^о. Москва, Никольская, д. Чижовыхъ.

БАЛЬЗАМЪ „БОРМАНИ“
для **НАРУЖНАГО** употребленія
разрѣшенный медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.
Главное депо: б. Коюшенная, № 14
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Продается: въ Тифлисѣ: въ Кавказскомъ товариществѣ торговли англ. тов. въ Баку: Беккеръ, аптекаръ.
Цѣна 1 р. 20 коп. за стлянину.

Библиотека "Руниверс"

ШУТЦ

самый полный юмор. журн. болѣе 400 рис. и каррик. въ нѣсколько красокъ и около 60 въ одну краску. Множество шутокъ, загадокъ, ребусовъ и пр. **ТЕКСТЪ:** злобы дня — обзоръ текущей и будущей жизни столицы и провинціи, стихотворенія, юмористич. повѣсти, очерки, разсказы, сцены, анекдоты, бубенчики, юморы и проч. Годовые подписчики получаютъ въ январѣ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ**

большой еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ карикатуръ, печатанныхъ красками (хромолитография). Годовая цѣна съ доставк. и перес. 7 руб., на полгода съ пер. 4 р. — Въ годѣ 52 №№ въ формѣ большихъ иллюстрацій. По общему рисунковъ въ одну краску. Множество шутокъ, загадокъ, ребусовъ и пр. **ТЕКСТЪ:** злобы дня — обзоръ текущей и будущей жизни столицы и провинціи, стихотворенія, юмористич. повѣсти, очерки, разсказы, сцены, анекдоты, бубенчики, юморы и проч. Годовые подписчики получаютъ въ январѣ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ**

„ДАМСКІЙ МАСКАРАДЪ“
росскій альбомъ костюмовъ, работы нашего извѣстнаго художника Н. А. Богданова. Альбомъ отпечатанъ въ нѣсколько красокъ на превосходной эстампной бумагѣ и можетъ служить украшеніемъ самой изящной гостиной. Гг. иногородные подписчики благоволятъ приложить къ подписной цѣнѣ 60 коп. для пересылки преміи-страхового послышкомъ. — Для гг. служащихъ допускается распродажа чрезъ ихъ канцелярскіе. — Въ теченіе года будетъ печататься „доплатная галерея извѣстныхъ личностей“. — Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій пр., № 110. № 3528 3-3

МЫЛО
провизора
А. М. ОСТРОУМОВА
противъ
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
за кусокъ 30 к.
Пряжка настоящего мыла снабжена маркой за № 3374. М. № 350 4-1

АДРЕСА
всѣхъ спеціально-отстой и странъ доставляетъ подъ гарантіей: International. Adressen-Verl.-Anstalt (C. HERM. SERBE, Leipzig (Германія) (основ. 1894). Каталогъ около 950 специальн. — 5 000 000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

НОВАЯ КНИГА.
ГИГИЕНА ГОЛОСА.
Съ 16 рис. въ текстѣ.
Для артистовъ, учителей, учениковъ и любителей пѣнія, ораторовъ и проповѣдниковъ.
Составилъ М. Н. Глубоковскій, врачъ при Императорскихъ Московскихъ театрахъ. № 3515 3-2
Цѣна **ОДИНЪ РУБЛЬ.**
Выписывающіе отъ автора (Москва, Малая Дмитрова, д. Шильбахъ) за пересылку не платятъ.

== ЗА 1 Р. 25 К. ==
поставляетъ новые груды, воротники, манжеты изъ хорошаго голландск. полотна
ГОЛЛАНДСК. ФАБР. БѢЛЫ
СПб., по Вознесенск. пр., на уг. Офицерской, № 11-1, въ больш. отаждѣ.
Гг. иногороднымъ заказы высылаются по почтѣ съ наложеннымъ платеніемъ. № 3600

ОСНОВАЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ БУХГАЛТЕРІИ
ИНОГОРОДНЫХЪ и МОСКОВСКИХЪ посредствомъ лекцій и переписки, совершенно замѣняющей устное преподаваніе; по изысканію ручательство за успешн. плат. утѣреніемъ; подробныя условия и пробныя письма высылаются бесплатно.
Преподаватель коммерческихъ наукъ Ц. № 3581
С. Я. ЛИЛІЕНТАЛЬ
Адресъ: Москва, Арбатъ, Малый Песковский пер., д. Адамовича.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, № 21.
ДЛЯ ЕЛКИ
Парафиновые свѣчи, за пачку 25 коп.
Бенгальскіе огни, безъ запаха и дыма, 25 и 40 к. коробка.
Свѣтъ Магнезіумъ, для яркаго освѣщенія, 20 к. за коробку.
Зажигательная нитка, 20 и 40 к. за коробку.
приготовленные съ разрѣш. С.-Петерб. Врачебн. Управленія.
Большой выборъ, только что полученныхъ изъ Парижа, новѣйшихъ и красивыхъ предметовъ для подарковъ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 66.
3) Углы Вознесенскаго и Казанской, д. Преображенск., № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).
Въ Москвѣ: 1) На Кулинецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ. Рт. № 5563 2-2

ПИЩУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
Пишетъ въ три раза быстрее пера. Прочной и простой конструкціи. Катал. безпл.
Многочисленные отзывы отъ желѣзн. дор., присутств. н., адвокатовъ и пр.
Москва, Кулинецкій м., д. Ж. БЛОКЪ, Голицына.
СПб., В. Морская, 21. Р. № 3373

„НОВОСТЬ“
за 5 марокъ (иногородныхъ) высылается заказнымъ новымъ практич. стѣнной **КАЛЕНДАРЬ** на 1889 г. (размѣръ 6½ в. × 9 в)
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва. — С.-Петербургъ № 3608

НОВАЯ
карточная игра
„КЛИНЪ“
3-1 для 4-хъ и 3-хъ. № 3591
Цѣна 40 к. (съ перес. 45 к.).
СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:
ТРОИЦКАЯ УЛ., 11.

ДѢТСКІЕ ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ
производства
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МАСТЕРСКОЙ
учебныхъ пособій и игръ.
12 медалей на выставкахъ.
№ 1573 Ц. 4 р. (уп. 25 к. перес. 6 фунт.).
№ 358 Ц. 7 р. (уп. 40 к. перес. 10 фунт.).
№ 359 Ц. 10 р. (уп. 40 к. перес. 12 фунт.).
ДЕШЕВЫЯ МЕТАХРОМОТИПИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ КЪ НИМЪ
24 картинки на 6 длинныхъ стеклахъ.
1. Красная шапочка въ 4-хъ карт. — 2. Robinson Crusoe въ 8-ми карт. — 3. Царевна Снѣжанка въ 4-хъ карт. — 4. Сивая царевна въ 4 карт. — 5. Страна эльфовъ въ 4 карт., съ 5-ю книжками, объясняющими картини. Ц. 2 р. 40 к. (уп. 30 к. пер. 4 фунта).
12 длинныхъ картинъ различн. содерж. Ц. 2 р. (уп. 10 к. пер. 3 фунт.).
2-е (1888 г.) прибавленіе къ каталогу волшебн. фонарей, заключающее въ себѣ картини къ народнымъ чтеніямъ и большіе волшебные фонари высш. за 10 к. почт. марк. № 3585
Троицкая ул., 11.

МАЛЕНЬКІЙ МЕХАНИКЪ.
Цѣна 15 руб. (упак. 85 коп., пересылка 27 фунт.).
Въ большомъ красивомъ ящикѣ находится около 80 различныхъ частей: зубчатыхъ колесъ, шкивовъ, гризшиповъ, стоекъ, досокъ, ручекъ, валовъ, жернововъ, шатуновъ и проч., отвертка и шило для составленія самими дѣтьми семи дѣйствующихъ машинъ: 1. Модели паровой машины. — 2. Подъемнаго врана. — 3. Дебедни. — 4. Пильницы. — 5. Мельницы о двухъ поставкахъ. — 6. Крутильно-веревочнаго станка и 7. Толчен.
Къ изданію прилагается цѣлая книжка въ 52 страници съ 25 рисунками различныхъ машинъ, съ портретами Уатта и Фултона. Книжка, въ формѣ расказа, знакомитъ дѣтей съ важнѣйшими машинами и приобщаетъ ихъ на заводы и, кроме того, подробно объясняетъ на рисункахъ сборку вышеупомянутыхъ семи машинъ.
Въ подобномъ изданіи, вполнѣ оригинальномъ, чувствовался большой недостатокъ для массы дѣтей, въ высшей степени интересующихся устройствомъ машинъ.
Для предварительнаго ознакомленія съ изданіемъ, книжка продается отдѣльно, цѣна 60 коп., съ перес. 70 коп. Изданіе „С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ“. 12 медалей на выставкахъ. № 3588
Троицкая ул., 11.

НОВОСТЬ!
Американскія металлическія лампы
ГИЧКОКЪ
безъ стекла.
Свѣтъ сильный, обильнѣе и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается огромная экономія устраненіемъ постоянно ломающихся и бьющихся стеколъ.
Лампа вся металлическая, извѣстно нике-платиновая, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа.
Расходуетъ керосину только (2 лота) на 1 1/2 копѣйки въ часъ.
Полное ручательство за доброкачество.
Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россіи:
Столбнал . . . . . 12 руб.
Висшала . . . . . 15 руб.
Стѣнная . . . . . 15 руб.
Съ коллонтаемъ и коллонтаемъ на 3 р. дороже.
Цѣны въ Азіатскую Россію на 4 р. дороже.
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372
Ж. БЛОКЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Екатеринбургъ, Соборная улица.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

Только что поступило въ продажу новое большое, роскошно иллюстрированное изданіе in folio

ГѢТЕ „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА. съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,
исполненныхъ знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.
Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Классически обработанный переводъ А. Фета не только передаетъ слово въ слово оригиналь прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всеми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“, обыкновенно служившей камнемъ преткновенія для большинства читателей.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гѣте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ; онъ никогда не прискуचितъ, напротивъ—внимательному читателю каждый разъ будутъ открываться новые умственные горизонты и перспективы, новые клады гениальныхъ мыслей.

Предпринимая это изданіе, издатель не жалѣлъ ни труда, ни средствъ, чтобы придать знаменитому творенію Гѣте то вѣншее изящество, какое имѣютъ подобныя изданія заграничныя.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р. Желающіе приобрести это изданіе въ разсрочку, съ уплатою въ теченіе нѣсколько мѣсяцевъ, могутъ получить его выписками, для чего открыта особая подписка.

Всѣхъ выписокъ десять. При этомъ подписчики вносятъ:

Городскіе въ 1 разъ	6 р.,	иностранцы 10 р.	и получаютъ 1 выписку
„ во 2 „	6 р.,	„ 8 р.,	„ 2 „
„ въ 3 „	6 р.,	„ 5 р.,	„ 3 „
„ въ 4 „	5 р.,	„ 5 р.,	„ 4 и 5 „
„ въ 5 „	5 р.,	„ 5 р.,	„ 6 и 7 „
„ въ 6 „	4 р.,	„ 2 р.,	„ 8, 9 и 10 „

Отдѣльно кожаная (шагреновая) крышка для переплета продается по 7 рублей.

Съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С. Петербургѣ.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго колленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

НОВАЯ КНИГА:
КОРОЛЬ ЛИРЪ
или
НЕБЛАГОДАРНОСТЬ ДѢТЕЙ.
Разсказъ по Шекспиру
А. Н. Князева.
Съ 10-ю рис. Льва Розенберга.
Цѣна 15 к., въ ящикѣ 25 к.
Изданіе А. А. Холмушина.
Апрасинъ дворъ, Инструмент. лин. 46.

ВЫРЪЗАНІЕ И СКЛАДЫВАНІЕ
изъ цвѣтной бумаги
ЛЮДЕЙ, ЗВѢРЕЙ, ДОМОВЪ И ДЕРЕВЬЕВЪ
Занятіе для маленкихъ дѣтей.
Ц. 2 р. (уп. 55 к., перес. 5 фунт.).
Въ большой коробѣ находится толстая цвѣтная бумага, ланка, пять кнопокъ, карандашъ, ножницы, 20 приготовленныхъ шаблоновъ и 20 готовыхъ образцовъ вырѣзанныхъ фигуръ.
Вырѣзаніе одно изъ самыхъ любимыхъ занятій у дѣтей, но до сихъ поръ не существовало подходящихъ для этого рисунковъ и шаблоновъ. Дѣти сами могутъ приготовить себѣ цѣлыя стада, звѣринецъ, деревни, сады. № 3384

ИЗДАНІЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МАСТЕРСКОЙ
учебныхъ пособій и игръ.
— 12 МЕДАЛЕЙ на выставкахъ. —
Троицкая ул., 11.

ЭЛЕОПАТЬ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопать Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопать Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекъ или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона.—пров. Кинуненъ. (46) № 2948

ОДОРАМИНЪ ТУАЛЕТНЫЙ

пастильки замѣняющія туалетную воду, одну пастильку на чашку воды.
Онѣ служатъ для освѣженія кожи и придаютъ пріятный запахъ; коробка, содержащая 24 пастильки, стоитъ 1 руб.

М. № 3425
4—4
Брокеръ и К^о.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Судитъ подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3554—4
Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по выше-указанному адресу.

КЛЕЙКА БОНБОНЬЕРОКЪ.

Новое занятіе для маленкихъ дѣтей.
Бумажная коробка 3 р. 60 к. (перес. за 7 ф., упаковка 30 к.).
Въ бумажной коробкѣ находятся: ножницы, кисть, косышка, клей, ланка, блюдо для него, проволочки, ленточки, 12 съдѣльныхъ шаблоновъ, 12 такъ-же бонбоньерокъ послѣднихъ, 12 другаго образца и альбомная бумага для клѣйки ихъ.
Работа чрезвычайно легкая и даетъ въ результатѣ 36 хорошихъ бонбоньерокъ для украшенія елки и для подарковъ въ видѣ: календаря, часовъ, книжнаго шкафа, чемодана и проч.
То-же удешевленное изданіе въ простой коробкѣ безъ инструментовъ — 1 р. 80 к. (пер. 7 ф., уп. 25 к.).
ПРЕДЛАГАЕТЪ № 3547
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ
учебныхъ пособій и игръ.
11. Троицкая ул., 11.

1889 г.

L.

1889 г.

50-й ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОДЪ МУЗЫКАЛЬНАГО ЖУРНАЛА „НУВЕЛЛИСТЪ“.

Въ наступающемъ 1889 году „НУВЕЛЛИСТЪ“ кончаетъ *первое, полулѣтнее* свое существованіе. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы выразить нашу глубокую благодарность: *музыкальнымъ дѣятелямъ*, какъ отечественнымъ, такъ и иностраннымъ, помогавшимъ намъ вести наше изданіе, и *публикѣ*, сочувствіе и поддержка которой давала намъ возможность служить высокой задачѣ, полѣтка назадъ ставшей дѣлизомъ „НУВЕЛЛИСТА“.

Оглядываясь на тяжелое прошлое, пережитое нашимъ журналомъ, мы не безъ гордости высказать можемъ, что силы и энергія, потраченная редакціею на неустанное, полулѣтнее веденіе своей нелегкой работы, нашли себѣ достойную оцѣнку въ средѣ *русскаго общества* и въ средѣ *русской семьи* по преимуществу. Предоставленные самимъ себѣ и никогда не пользуясь ни прямо, ни косвенно, посторонними субсидіями, мы черпали — и духовныя и матерьяльныя средства для веденія журнала только въ общественномъ сочувствіи нашему дѣлу. Это дорогое намъ сочувствіе нынѣ и возлагаетъ на насъ обязательство, продолжать наше изданіе и, по мѣрѣ возможности, его совершенствовать.

Желая достойнымъ образомъ ознаменовать окончаніе перваго полулѣтка существованія „НУВЕЛЛИСТА“, редакція рѣшила дать въ этомъ юбилейномъ году цѣлый рядъ пьесъ выдающихся композиторовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, написанныхъ исключительно для юбилейнаго года „Нувеллиста“.

Въ юбилейномъ году будутъ помѣщены сочиненія, между прочимъ, слѣдующихъ музыкальныхъ авторовъ: *Рубинштейна, Чайковскаго, А. П. Стрובה („Ноктюрнъ“),* принесенный въ даръ редакціи „Нувеллиста“ для юбилейнаго года, *сестрою композитора, Направника, Иванова, Соловьева, Дюбука, Главача, Бориса Шель, Зике, Микарочч, Капри, Тивольскаго, Малишкіна, Лишина* (посмертное сочиненіе), *Гуно, Сель Санси, Массенэ, Годара, Рейнке, Шарвенка, Мошловскаго, Штрауса* и мног. друг.

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“

будетъ выходить въ продолженіе музыкальнаго сезона—въ Январѣ, Февралѣ, Мартѣ, Апрѣлѣ, Сентябрѣ, Октябрѣ, Ноябрьѣ и Декабрѣ.

ПРЕМІА ЮБИЛЕЙНАГО ГОДА.

Эта премія будетъ состоять изъ большаго художественнаго альбома, въ которомъ будутъ помѣщены автографы знаменитыхъ музыкантовъ, наброски извѣстныхъ художниковъ и портреты выдающихся музыкальныхъ дѣтелей.

Въ портфель редакціи находятся между прочими письма, манускрипты, записки и пр. нижеслѣдующихъ музыкальныхъ дѣтелей: *Русскихъ:* Аллбеева, Балакирева, Бахметева, Булахова, Варламова, Глинки, Гурилева, Гензелева, Даргомыжскаго, Дюбука, Давыдова, Дрейшкова, Моношкко, Мусоргскаго, Контскаго, Направника, Рубинштейна, Стрובה, Чайковскаго, Улыбышева и друг. *Иностранныхъ:* Берію, Блументаля, Ш. Велле, Вьетана, Горіа, Гуммеля, Делера, Гордиаджани, С. Геллера, К. Майера, Мендельсона-Бартольди, Куллака, Листа, Кл. Шуманъ, Роберта Шумана, Серве, Пансерона, Фетиса, Фильда, Эрнста и друг.

Несмотря на большія затраты на изданіе альбома, въ Юбилейный годъ редакція не увеличиваетъ цѣну.

Подписная цѣна 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 руб.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ „Нувеллиста“ при муз. торговлѣ М. БЕРНАРДА, Невскій пр. № 64, уголъ Караванной ул., противъ Аничкина двора. Въ Москвѣ, въ муз. магазинѣ Н. П. ЮРГЕНСОНА. № 3594

МОЛЬДАКОТЪ

Усовершенствованная англійская парманная двухиточная швейная машина СЪ КОЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „Мольдакотъ“ съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ нераспарываемымъ швомъ, какъ сама тонкая, такъ и самая толстая матерія, равно какъ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна всемъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ, и великій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Всѣмъ она около фунта. Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиур. орѣхъ, ящикѣ 11 р. 25 к., пересылка 75 к. Въ Азіатскую Россію за 3 фунт. Главный складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Маросейка, д. Комитета. № 3602

РОЯЛИ И ПИАНО

въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова. Полный прейсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ бесплатно. (12) Ц. № 3077

Натуральная минеральная слабительная вода источника

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

въ Будапештѣ; не отзывающа медицинскихъ авторитетовъ, она дѣйствуетъ вѣрно, легко, аннуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.

Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается вездѣ. Ц. № 3401 6-6

Для нормальнаго приема достаточна половина обыкновеннаго стакана. Дирекція въ Будапештѣ.

СЪМЕННОЕ ДЕПО ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦЪ

въ Москвѣ, Мясницкая ул., д. Нѣгова.

Прейсъ-курантъ на 1889 г. сельско-хозяйственнымъ, огороднымъ, цвѣточнымъ, древеснымъ, паломнымъ сѣменамъ, растениямъ, и садовымъ инструментамъ по М. № 3578 требованію выдается и пересылается бесплатно. 5-2

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ LONSE EXTRAITS QUADRUPLES

достаточно извѣстны:

- ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
- ЛОЗЕ SYRINGA
- ЛОЗЕ GOLD LILIE
- ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12-1

Придворный Парфюмеръ
46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

5-й ГОДЪ ОТКРЫТА НА 1889 г. ПОДПИСКА НА

Адресъ ред.:
Спб., Большая
Итальянск., 8.

МОЙ ЖУРНАЛЪ.

Двухнедѣльный иллюстрированный журналъ для дѣвочекъ (10—14 л.).

Программу журнала составляютъ: историческія и бытовныя повѣсти и разсказы, сцены для дѣтскаго театра, стихотворенія, статьи по исторіи, географіи, естественнымъ наукамъ и искусствамъ, статьи нравственнаго и религіознаго содержанія и др. Сист. курсъ женскихъ рукодѣлій; смѣсь, игры и забавы. Журналъ богато иллюстрированъ. Въ приложеніи даются: ноты, листы съ узорами и выкройками, выр. выкр. для куколъ, раскрашенныя узоры работъ и др. Цѣна на годъ: 4 р. и 5 р. съ пер.

Въ редакціи „ВѢСТНИКА МОДЫ“

(СПБ., Б. Итальянская, № 8) продаются:

- Курсъ женскихъ рукодѣлій. Большой томъ, съ 1007 рис., въ роскошн. пер. Цѣна 3 руб. и 4 руб. съ пер. Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр.
- Курсъ кройки, примѣрки и шитья дамскихъ нарядовъ. Съ 620 рис. Цѣна 3 руб., съ перес. въ переп. 4 руб. Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр.
- Курсъ кройки, примѣрки и шитья дѣтскихъ нарядовъ. Съ 381 рис. Цѣна 2 руб. съ перес. и 3 руб. въ переп. Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр.
- Курсъ кройки, примѣрки и шитья бѣлья. Съ 566 рис. Цѣна 2 руб. и 2 р. 25 к. съ перес.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

для гувернантокъ рекомендуетъ наставницъ и гувернантокъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. За сиротками просятъ обращаться отъ 1 часа до 4-хъ часовъ пополуночи, въ Торговую, домъ 15, кв. 58. № 3197 15-18 Комитетъ.

НОВОСТЬ.

Въ главныхъ складахъ резиновыхъ издѣлій

ПИХЛАУ и БРАНТЪ

ВЪ МОСКВѢ.

1. На Петровкѣ, д. Соколова, рядомъ съ магаз. Вандрага.
2. На Ильинкѣ, д. бывш. Спиридонова, рядомъ съ Виржей.

Прейсъ-курантъ.

- Воротничъ стоячій . . . . . — р. 40 к.
  - отложной . . . . . — „ 60 „
  - Манишка . . . . . — „ — „
  - Манжеты . . . . . — „ — „
  - Галстукъ . . . . . — „ 40 „
  - Мыло для чистки бѣлья, за кусокъ . . . . . — „ 15 „
- Оптовымъ торговцамъ дѣлается значительная уступка.

При заказѣхъ просимъ прилагать одну треть стоимости въ задатокъ, остальная денги могутъ быть переведены наложеннымъ платежомъ. П. № 3520 3-3

ВТОРАЯ ЖЕНА, Ром. Маршана. Пер. съ вѣм. П. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

СКРИПКИ Лучших иностранных фабрик и собственной работы

въ 2 1/2, 4, 6, 8, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 до 800 р.

СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, 1 1/2, 2, 4, 6, 10, 15, 20 р. и дороже.

ФУГЛЯРЫ въ 4, 6, 8, 12, 18 и 30 р.

СКРИПКИ 3/4, 1/2 и 1/4 величины для дѣтей. Школа для скрипки Баганиа ч. I—II р., ч. III и III по 1 1/2 р.

АЛТЫ отъ 10 до 200 р.

ВИОЛОНЧЕЛИ въ 25, 40, 50, 60, 75, 100, 150, 200 р. до 800 р.

Гитары въ 8 1/2, 5, 8, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75 р. и до 8 р. съ механизмомъ для струнъ.

Самочитель Соколова по 1 1/2 и 3 р. въ 12, 15, 20, 25, 40, 60, 80, 100 руб.

Самочитель Майера 2 и 4 руб. въ 10, 20, 35, 50, 75, 100 р. и до 8 р.

Отъ 20 руб. съ механизмомъ для струнъ. Самочитель Келера 2 р.

Лучшія нѣмецкія и итальянскія струны.

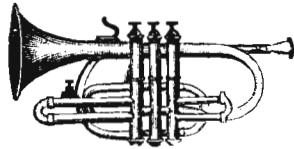
Пересылка на счетъ покупателя. Иллюстрированный прейсъ-курантъ — бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42. — Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

КОРНЕТЬ-А-НЕСТОНЪ

въ 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100, 125 р. и до 800 р. Школа самоучитель Баганиа въ 1 1/2 и 3 р.

ФЛЕЙТЫ

въ 3, 5, 8, 12, 18, 25, 35, 50, 60, 75, 85, 125 р. и дороже.

Школа - самоучитель Келера 1 1/2 и 3 р.

Кларнеты отъ 8 до 80 р.

Гобои и фаготы. Фаналоеты въ 2, 4, 6, 8, 10, 15 р.

Чаналы въ 6, 12 и 15 р. № 3606

Всѣ остальные инструменты и принадлежности къ нимъ хорошаго качества и по дешевымъ цѣнамъ.

ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

20 декабря выйдетъ и поступитъ въ продажу въ Конторѣ журнала „Нива“ (СПб., Невскій пр., д. № 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ ЗА 1888 ГОДЪ,

закрывающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, рассказъ И. А. ГОНЧАРОВА: „Слуги“, большой историч. романъ Д. В. АВЕРКЬЕВА: „Вѣчу не быть“, историч. романъ П. Н. ПОЛЕВОГО: „Братья Соперники“ и его же: „Бытовые наброски русской исторіи“, Я. П. ПОЛОНСКАГО: „Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“, большой романъ графа Е. А. САЛАСА: „Бригадирская внучка“, большую повѣсть Н. СТАНИЦКАГО: „Исторія одного таланта“, рассказъ Манс. БѢЛИНСКАГО: „Завѣдныи дѣла“, комедія В. КРЫЛОВА: „Сорванецъ“, повѣсть А. ЗАХАРОВА: „Защита Нарвы“, рассказъ Е. А. САЛАСА: „Онъ-же“, рассказъ ТХОРЖЕВСКАГО: „Рекогносцировка“ и нѣсколько рассказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологич., гнѣбнѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологич., новейшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кромѣ того при „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ безлатныхъ приложений, состоящихъ изъ картинокъ, печатан. акварельными красками, „Сборника повѣстей и рассказовъ“ извѣстныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ переплетенному экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала Ю. КЛЕВЕРА: „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(14 3/4 вершк. вышины и полтора аршина ширины). Цѣна ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми безлатными преміями и приложениями:

Бронирован. . . . . 4 р. Въ коленк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою . . . . . 6 р. Съ пересылкою . 7 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПб., Невскій пр., № 6.

УВАЖАЕМАГО ПАСТЫРЯ ОТЦА ЮАННА СЕРГІЕВА Кронштадтскаго

врачебное Управленіе разрѣшило ввозъ и продажу цѣтчно-благонной ФЛОРИДСКОЙ ВОДЫ Муррей и Ланчана, Нью-Йоркъ въ главныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Казани, Самары и Харькова. Агенты въ главныхъ городахъ Россіи; просятъ обращаться къ К. Ф. Рейсбергу, С.-Петербургу и Эд. Гейне, Харьковъ. № 3478 5--5

хромолитографированные портреты, съ его подписію и иреченіемъ, только что выпущенъ, издѣлія работы на стеклѣ, съ рамками чернаго цвѣта съ золотомъ. Рѣзавъ большаго № 1—7 р., съ перес. 9 р., тоже рѣзавъ № 2—5 р., съ перес. 6 руб., тоже рѣзавъ № 3—3 р., съ перес. 4 р., на бригольской бумагѣ 50 к., съ перес. 1 р. Прод. у издагателя Н. Федорова, СПб., Гороховая ул., д. № 42, кв. 33. Торговц. уст. 25%.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ учебныхъ пособій и игръ.

Основана въ 1873 году.
■ ДВНАДЦАТЬ МЕДАЛЕЙ ■
на выставкахъ въ Брюсселѣ, Филадельфій, Парижѣ, Москвѣ, С.-Петербургѣ и друг. Въ Москвѣ продается въ магазинахъ: „Дѣтское воспитаніе“, Леонтьев. пер., „Сотрудники Школы“, Е. И. Дойниковой, на Софійск., „Магаз. Спеціалностей“, Магазины Менца на Арбатѣ, магаз. Померанцева на Арбатѣ, магаз. Новикова, ул. Тверск. и Газетнаго, магаз. „Ашюзанъ“, Петров. линія, магаз. Соболева на Пречистенск., „Московскій складъ учебн. пособій“, у Никитск. воротъ, магаз. Игнатова, у Красн. воротъ. Магазины Тихонова и во многихъ другихъ. предлагаетъ въ большомъ выборѣ:
ПОДАРОКЪ ДѢТЯМЪ, между прочимъ:
Азбука лото (уп. 20 к., пер. 3 ф.). Ц. 70 к.
Легкія гостройки (уп. 25 к., пер. 4 ф.). Ц. 50 к.
Постройки изъ брусьевъ (уп. 10 к., пер. 5 ф.). Ц. 80 к.
Нарточные домики (уп. 10 к., пер. 2 ф.). Ц. 80 к.
Складныя картинки отъ 15 к. до 75 ф.). Ц. 15 к.
Рисованіе по матовому стеклу (уп. 20 к., пер. 3 ф.). Ц. 1 р.
Рисованіе цѣтными мѣлками на доскѣ (уп. 20 к., пер. 3 ф.). Ц. 80 к.
Онно на столѣ (уп. 20 к., пер. 4 ф.). Ц. 1 р.
Трафареты для рисованія (уп. 10 к., пер. 2 ф.). Ц. отъ 45 к.
Игра въ загадки (уп. 20 к., пер. 3 ф.). Ц. 1 р. 40 к.
Русскіе литераторы (уп. 10 к., пер. 2 ф.). Ц. 1 р.
Древняя Русь (уп. 10 к., пер. 2 ф.). Ц. 1 р.
Головоломка (уп. 10 к., пер. 2 ф.). Ц. 60 к.
Предметная мозаика (уп. 10 к., пер. 3 ф.). Ц. 1 р. 10 к.
Бѣлодеревецъ (уп. 30 к., пер. 5 ф.). Ц. 1 р.
Вырѣзваніе и складываніе изъ бумаги (уп. 55 к., пер. 6 ф.). Ц. 2 р.
Работа цѣтвовъ изъ бумаги (уп. 30 к., пер. 4 ф.). Ц. 2 р. 50 к.
Вышиваніе отъ 60 к. до 60 к.
Плетеніе картинокъ отъ 60 к. до 60 к.
Клейка бонбоньерокъ (уп. 25 к., пер. 7 ф.). Ц. 1 р. 80 к.
Бочо комнатное (уп. 30 к., пер. 5 ф.). Ц. 2 р.
Игра въ газеты (уп. 10 к., пер. 2 ф.). Ц. 60 к.
Работа изъ стружекъ (уп. 30 к., пер. 5 ф.). Ц. 1 р. 60 к.
Географическое лото (уп. 35 к., пер. 5 ф.). Ц. 3 р. 50 к.
Новости 1888 года.
Съ налету (уп. 55 к., пер. 8 ф.). Ц. 2 р. 50 к.
Стрѣльба въ цѣль бумажи стрѣлками (уп. 55 к., пер. 7 ф.). Ц. 2 р. 50 к.
Шаръ-шаромъ (уп. 85 к., пер. 16 ф.). Ц. 3 р. 50 к.
Тугузъ-кумаланъ киргизская народн. игра. Ц. 4 р. 50 к.
Ано-като или электрическаго ляска. Ц. 80 к., 1 р. 60 к., 2 р. 20 к.
Гг. иногородные продаютъ изданія Мастерской по возвышеннымъ цѣнамъ, принимая во вниманіе цѣну пересылки и упаковки.
11. ТРОИЦКАЯ УЛ., 11.

ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКУ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ.

Оставшіеся непроданными изъ 2-го изданія экземпляры

АЛЬБОМА РИСУНКОВЪ

ХУДОЖНИКА В. С. ШНАКА,

вмѣсто 4-хъ руб. прод. по 1 руб. (съ перес. 1 р. 50 к.).

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО:

въ конторѣ редакціи „Нивы“ (Невскій пр., 6), въ конторѣ редакціи „Стрекозы“ (Фонтанка), и въ „С.-Петербургской Мастерской учебныхъ пособій и игръ“ (Троицкая ул., 11). № 3608

— Изящное изданіе въ хромолитографированной обложкѣ, 20 большихъ листовъ, съ очеркомъ жизни покойнаго В. С. Шнака, состав. А. Н. Нанаевымъ.

ВСЕМИРНЫЙ ЯЗЫКЪ ЭСПЕРАНТО.

Какое громадное значеніе имѣло бы для человѣчества установленіе одного общаго, международнаго языка, — объ этомъ намъ нечего распространяться. Сдѣлать это, по мнрѣ возможности осуществленію этой традиціонной мечты человѣчества есть долгъ каждаго человѣка.

Международный языкъ (Lingvo internacia), предложенный д-мъ Эсперанто, былъ опубликованъ въ концѣ 1887 года и въ короткое время приобрѣлъ себѣ много друзей, число которыхъ возрастаетъ съ каждымъ часомъ. Языкъ этотъ чрезвычайно звученъ, необыкновенно легокъ и даетъ возможность объясниться съ членомъ каковой угодно націи. № 3597

До сего дня вышли слѣдующія сочиненія по международному эсперантскому языку:

1. Международный языкъ д-ра Эсперанто. Предисловіе и полный учебникъ. Цѣна этой книги на русскомъ языкѣ 15 коп., на другихъ языкахъ — по 20 коп.
2. Dua Libro de Lingvo internacia (Вторая книга международного языка). Цѣна 25 коп., вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ — 50 коп.
3. Aldono al la Dua Libro (Прибавленіе ко второй книгѣ). Цѣна 10 коп.
4. La negha Slovado, rakonto de Pushkin (Метель, повѣсть Пушкина). Цѣна 15 к.

Вышепомянутыя сочиненія можно выписывать непосредственно отъ издателя (адресъ: Варшава, д-ру Л. Замонгофу, улица Пржемысль, № 9). Мелкіи сумми (меньше рубля) можно прислать почтовыми марками. За пересылку слѣдуетъ прибавлять по 20% стоимости книги; желающіе получить книги заказнымъ порядкомъ, прибавляютъ еще 7 коп. за страховку. Выписывающіе не мнѣе чѣмъ на одинъ рубль за пересылку не платятъ. Желающіе могутъ прислать 17 коп. на почтовые расходы, а стоимость книгъ уплатить на мѣстѣ, ПО ПОЛУЧЕНІИ КНИГЪ.

А. М. РУЗАНОВЪ

Гостинный Дворъ, № 40, въ С.-Петербургѣ

высылаетъ по первому требованію бесплатно свой спеціальныи

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

Цѣны на заграничныя произведенія понижены. № 3480 6—6

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIX г.

№ 52

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XIX

1888

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 24 декабря 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕВЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ . . . . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленны отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Возь всякой доплаты за пересылку главной премии.

При этомъ № прилагаются: Титуль и Оглавленіе „Нивы“ 1888 г.

Рождество Христово. Книжка съ ели. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Мери, грав. Барановскій.

„Смѣлымъ Богъ владѣеть“.

Рождественскій разсказъ

П. Н. Полевого.

I.

— Да полно тебѣ сокрушаться-то, боярышня! говорила старушка-няня молодой своей питомицѣ, Натальѣ Курлетевой. — Полно Бога-то гнѣвить! Вѣдь не клиномъ, голубушка, бѣлый свѣтъ сошелся... Ну, отказал твой батюшка жениху твоему въ сватовствѣ — избидѣлъ его... Такъ вѣдь не первый у тебя женихъ, и не послѣдній... Будетъ ихъ у тебя, какъ въ Москву батюшка вернется!..

Но боярышня не слушала разумныхъ доводовъ старой няни и продолжала неутѣшно плакать, прикрывая лицо сборчатымъ рукавомъ своей сорочки.

— Ну что мнѣ съ тобой дѣлать, свѣтикъ ты мой! Какъ тебя утѣшить?.. Вишь вѣдь какъ тебѣ пригласился этотъ черпоглазый! Словно ты своего родителя не знаешь — Феодора-то Ивановича? Ну, развѣ можетъ онъ себѣ зятемъ незнатнаго да не родовитаго въ домъ принять? Чай, сама знаешь, каковъ онъ гордынею-то?.. Изъ-за гордыни-то и въ опалу попалъ, и въ помѣстья свои отъ царя Алексѣя сославъ... Да видно и онала ему роговъ-то не сломала! Каковъ изъ колыбельки, таковъ и въ могилу ляжетъ.

— Гордымъ-то Богъ противится, няня, прошептала боярышня среди слезъ и всхлипываній. — Пусть бы отказалъ батюшка... Въ томъ его воля! Да зачѣмъ онъ избидѣлъ-то человѣка!

— Да ужь на это твоего батюшку взять! Ужь кто же такъ-то человѣка оборветъ да избидитъ, какъ не онъ! Сватовъ-то чуть не шелепами со двора согнать велѣлъ — холопей выславъ съ метлами ихъ слѣдъ заметать, какъ они со двора съѣзжали!

— А что же мнѣ съ сердцемъ-то дѣлать! восклицнула боярышня, поднимая голову и выпрямляясь. — Что мнѣ съ сердцемъ моимъ дѣлать, когда онъ у меня его взять изъ груди, да вырвалъ? продолжала она, устремляя на старушку-няню свои прекрасные глаза, мокрые отъ слезъ.

— И-и, боярышня, сердце дѣвичье разымчиво, да оно же и забывчиво, попыталась было замѣтить няня.

— Забывчиво — да не мое! твердо сказала Наташа. — Какъ я съ нимъ у тетюшки-игумены въ Вологдѣ впервой свидѣлась, такъ и сказала себѣ: „вотъ онъ, мой суженый!“ А послѣ, какъ мы сюда на житье переѣхали — ты сама знаешь — мы съ нимъ тайкомъ у окошечка каждый вечеръ видались... Я его всю жизнь, всю душу вызнала: и сталъ онъ мнѣ, сиротина, милѣе всѣхъ моихъ московскихъ жениховъ родовитыхъ. Сколько онъ изъ-за меня страховъ потерпѣлся, сюда, въ нашу усадьбу пробираясь!.. сколько радости онъ мнѣ въ одинокомъ житиѣ моемъ принесъ, ночки свѣтлыя лѣтнія подъ моимъ окошкомъ на развѣсистой березѣ просиживая, къ соловьинымъ пѣснямъ со мною прислушиваясь!.. И какъ любить-то онъ, няня! Не по московскому — по своему! Скажи я ему слово — въ омутъ для меня полѣзеть; въ огонь поидеть! Вѣдь онъ смѣлый — ему ни страху, ни удержу нѣтъ!..

— Чего ужь смѣлѣе! ворчливо проговорила старушка, неволюбья поглядывая на боярышню: — кабы его нашъ боярыня на той березѣ запримѣтила, не сносить бы головы твоему суженому. Да и намъ съ тобой не одобровать бы... Съ твоего батюшки что возьмешь — и голову сниметъ, а передъ однимъ царемъ въ отвѣтъ будетъ, даромъ что опальный!

— Такъ какъ же я послѣ всего этого, няня, моего Василья-то въ сторону, да на другихъ смотрѣть стану! Простить-ли онъ мнѣ это? Да онъ, съ горя, головы бы своей не пожалѣлъ, на все бы пошелъ... Нѣтъ, пусть

такъ батюшка и знаетъ, что противъ его воли за Василья я не пойду: но ужь и за другаго мужа доброй волею меня не выдадутъ. Развѣ свяжутъ по рукамъ да по ногамъ, какъ подъ вѣнецъ повезутъ!..

Няня печально покачала головой.

— Не спросить онъ твоего согласія, Наташенька, коли ему какой женихъ пригласится! Охъ, не спросить!.. Такъ и не круши ты себя прежде времени, не печалься напрасно... Твоего батюшки воля, что стѣна тюрьмы каменная — не пробить ее ни слезой, ни молитвой!..

— Видно стара ты стала, няня, что свои сказки ужь забывать стала? Сама же ты мнѣ рассказывала, какъ добрые молодцы изъ крѣпкой тюрьмы убѣгали, какъ тяжелыя оковы желѣзныя съ ногъ скидали, какъ уходили въ степи привольныя?..

Няня отвернулась отъ Наташеньки и молча понурилась голову.

II.

Вологодскій помѣщикъ, боярскій сынъ, Василій Никитичъ Третьякъ-Михайловъ, былъ близкимъ сосѣдомъ боярина Феодора Ивановича Курлетева. Владѣлъ онъ близъ Курлетевской усадьбы, верстахъ въ десяти, на Сухонѣ же, изряднымъ помѣстьемъ, въ которомъ жилъ безвыѣдно, пока не призывали его на службу царскую. Могъ бы онъ по своимъ средствамъ и въ Москвѣ безбѣдно прожить, могъ бы проложить себѣ дорогу и ко Двору „тишайшаго“ царя Алексѣя Михайловича, потому что у него были при Дворѣ и родные и свойственники... Да въ томъ-то и бѣда, что Василій Никитичъ любилъ свое Печково на Сухонѣ паче всего на свѣтѣ — и только въ этомъ родномъ гнѣздѣ ему и жилось, и дышалось привольно. Съ самаго ранняго дѣтства онъ привыкъ къ мирной тишинѣ усадьбы, къ простому, здоровому и спокойному труду, къ забавамъ и радостямъ деревенской глуши — и всего этого не хотѣлъ мѣнять на скучную жизнь въ душномъ городѣ, на тяжелую и тревожную службу висшихъ слоевъ придворной среды.

— Богъ съ ними! говаривалъ пріятелямъ Василій Никитичъ, — проживемъ и такъ, не отстоявъ себѣ ногъ на площадкѣ, не отмахавъ головы на поклонахъ! Другое дѣло — военная служба: съ врагомъ перевѣдаться любо, любо и своей отваги извѣдать... А десятокъ лѣтъ на ногахъ ежедень толкаться да выжидать, пока тебя на воеводство „покоормиться“ пошлютъ — это не нашего ума дѣло! Богъ съ ними!

И, на основаніи этого возрѣнія, онъ, тотчасъ по окончаніи польской войны, вернулся въ свое Печково и засѣлъ у себя на помѣстьѣ; и трудился онъ въ потѣ лица надъ нащей, выращивалъ скотъ, пчелками занимался — а все свободное время проводилъ со своими дворовыми либо на охотѣ, либо на рѣкѣ да на озерѣ, не сходилъ съ челнока, гоняясь за щукой зубастою, за лещомъ серебристымъ, да за окунемъ красноперымъ.

Всѣ сосѣди, кругомъ, любили Василія Никитича за его доброе сердце, за открытый и прямой нравъ, за лихость и отвагу его; и въ то же время уважали его опытность въ хозяйствѣ и знаніе тонкостей охотничьяго промысла. Всѣ шли къ нему за совѣтомъ и помощью — и крестьяне, и помѣщики; и никому-то онъ не отказывалъ, всѣмъ готовъ былъ служить по мѣрѣ силъ. Не любилъ онъ только сосѣдкаго любопытства — не любилъ когда ему въ душу заглядывали, да о женитбѣ поминали, невѣсть присватывая!..

— Васенька! вкрадчиво начиналъ какой-нибудь сосѣдъ, издали подстуная къ главному предмету своей

рѣчи, — тебѣ вѣдь вотъ ужь скоро 27-й годокъ пойдетъ, а ты все какъ-то у себя на гнѣздѣ не устроишь...

— Какъ не устроишь? Мое гнѣздо не хуже твоего... Всего въ немъ вдоволь! Аль я тебя когда чарой обнесъ? Аль безъ ужина спать положилъ?

— Не въ томъ, Васенька, дѣло! А вотъ мы все въ толкъ не возьмемъ, какъ ты это безъ хозяйки живешь?

— Да вамъ-то, братцы, что за печаль да за неволя? Живу какъ живу, ни у кого не спрашиваюсь...

— А все, Васенька, пора-бы тебѣ жениться... Законъ-бы исполнилъ...

— Ну, да! Толкуй—законъ исполнилъ-бы! А потомъ и драться съ женой каждый день Божій, какъ ты дерешься?.. Нѣтъ, спасибо!

Огорошенный сосѣдъ замолкалъ и старался проглотить горькую пилюлю, отхлебывая изъ стоны меду стоялаго или квасовъ малиновыхъ.

Всѣ сосѣды только одно запримѣтили. Какъ прѣхалъ къ себѣ на усадьбу, въ *Окняжье*, опальный бояринъ Курлетевъ, такъ Василій Никитичъ и повѣсилъ голову. Шепотомъ поговаривали, что онъ еще прежде познакомился съ боярышней Курлетевой, когда та гостила у тетки своей, въ томъ Вологодскомъ монастырѣ, въ которомъ жила мать Василя Никитича, принявшая постриженіе послѣ смерти мужа. Но съ самимъ бояриномъ Курлетевымъ Василя Никитичъ не свѣдѣлъ знакомиться и не ѣхалъ къ нему на поклонъ... А почему—о томъ никто Василя Никитича не разспрашивалъ, зная, что онъ шутить не любилъ и докучныхъ спросовъ не жаловалъ.

Прознали еще стороною отъ двора сосѣдской, что въ годъ прѣзда Курлетевыхъ въ Окняжье, сталъ Василій Никитичъ частенько по ночамъ на челнѣ куда-то ѣздить, и бралъ съ собою въ гребцахъ только одного любимаго ловчаго, Сокола по прозванію. Бралъ онъ съ собою и снасть рыболовную, только слышно было, что рыбы не много съ собою изъ этихъ ночныхъ поѣздокъ приваживалъ.

— Шлутуетъ! говорили про Василя Никитича сосѣды.—Гдѣ-нибудь на сторонѣ завелъ зазубу сердечную... Къ ней небось по вечерамъ-то ѣздить: въ мутной водѣ рыбу ловить.

И всѣ толковать стали, что ѣздить Василій Никитичъ къ поповнѣ-красавицѣ, что въ зарѣчномъ погостѣ жила и давно ужь въ него влюблена была безъ памяти.

Но лѣто минуло, и осенью Василя Никитичъ случайно повстрѣчался на охотѣ со своимъ знатымъ сосѣдомъ. Повстрѣчался, приглянулся прихотливому боярину — и сталъ у него въ усадьбѣ дорогимъ гостемъ. Вмѣстѣ охотятся, вмѣстѣ пируютъ. Самъ бояринъ Курлетевъ, послѣ долгой охоты въ отѣзжемъ полѣ, изволить жаловать въ Печково, пробуетъ медовъ да наливокъ старыхъ, хвалить стряпню печковскую; жалуется, что его дочка на Окняжѣ такъ не кормить. Не нахваляется бояринъ и на охоту Печковскую.

— У тебя, Василя Никитичъ, говоритъ бояринъ Курлетевъ,—такая охота подобрана, что ею-бы самъ царь Алексѣй Михайловичъ не побрезговалъ. А за твоего ловчаго, за Сокола, я тебѣ, когда хошь, деревню въ двадцать дворовъ на промѣнѣ отдамъ.

— У меня, бояринъ, охота не продажная, не промѣнная, а завѣтная, отшучивался Василя Никитичъ.

— Мало-ли что завѣтное у человѣка бываетъ! отвѣчалъ ему не разъ бояринъ Курлетевъ. — Вотъ у меня Наташа — тоже завѣтный товаръ; а найдешь женихъ, кунецъ добрый молодецъ, да приглянись ему мой товаръ? Отдамъ-же.

И бояринъ не замѣчалъ, какое волненіе выражалось не разъ на лицѣ Василя Никитича при этихъ словахъ.

Когда прошла пора осенней охоты и стало дѣло близиться къ зимѣ, Василя Никитичъ собрался въ Вологду, испросить благословенія у родительницы, уда-

рилъ челомъ своему отцу крѣстному, старому стольнику и воеводѣ Вологодскому, и упробилъ его къ Курлетеву ѣхать сънатомъ.

Старикъ собрался въ путь за 80 верстъ отъ Вологды, гостилъ два дня въ Печковѣ и наконецъ рѣшился ѣхать въ Окняжье. Какъ принялъ его бояринъ, и какъ проводилъ—мы это ужь знаемъ... Два дня спустя, воевода уѣхалъ обратно въ Вологду, огорченный и гнѣвный: а затѣмъ поднялся съ усадьбы и Василя Никитичъ, взявъ съ собою только одного своего вѣрнаго Сокола. Куда, зачѣмъ онъ поѣхалъ и надолго-ли—того онъ никому не сказалъ: никому и вѣдомо не было.

III.

На широкомъ, торговомъ пути между Ярославлемъ и Вологдой было одно такое мѣстечко, котораго не замѣтили ни купцы, ни проѣзжіе. Дорога въ томъ мѣстѣ пролегла дряблою болотиной, по которой былъ наставъ животрепещій мостокъ изъ жердей да хворосту; а въ концѣ того мостка поднималась дорога въ гору, крутымъ подъемомъ, между двухъ сплошныхъ стѣнъ вѣковаго, дремучаго бора. Не даромъ звалось это мѣсто *Лѣшевымъ мостомъ*... Кто тотъ мостъ миновалъ благополучно, тотъ и до Вологды цѣль доѣзжалъ, и товаръ туда довозилъ; но на этомъ мѣстѣ такъ „крѣпко пошаливали“, что ни одинъ обозъ, ни одинъ проѣзжіи не пускали Лѣшевымъ мостомъ въ потемки. Всѣ свѣшили проѣхать это проклятое мѣсто за-свѣтло и сбившись кучею, чтобы дорожнымъ шаровникамъ нападѣть было не сподручно; многіе даже рѣшались дѣлать верстъ сорокъ крюку другою, окольною дорогою,—лишь-бы не здѣсь ѣхать, не платить невольнаго окуна лѣснымъ хозяевамъ, что залегали на ночь по Лѣшеву мосту съ ножомъ за поясомъ да съ кистенемъ за пазухой.

На дорогѣ, у самой болотины, стоялъ большой постоялый дворъ, знакомый всѣмъ проѣзжимъ. Держалъ его дядя Михей Мохначъ — и разумѣлъ свое дѣло тонко... Кому онъ говорилъ:

— Погости у меня... перебудь денечекъ, гость дорогой!

Тому лучше было не связывать съ его двора—лучше было послѣдній алтынъ на харчъ издержать, чѣмъ идти на вѣрную поруху... А кого Мохначъ съ поклономъ изъ воротъ провожалъ и говорилъ:

— Съ Богомъ! Миръ дорогой!

Тотъ хоть въ ночь беззвучную Лѣшевымъ мостомъ ступай—никто его и пальцемъ не тронетъ.

Для два до Рождественскаго сочельника, раннимъ утромъ, кто-то постучался въ ворота къ Мохначу. Не свѣсивъ на плечи кафтанишко, опустили босыя ноги въ валенныя ступи и вышлетъ на крыльцо.

— Кто тамъ? Свой аль чужой?

— Свой. Отворяй живѣе! Ну!

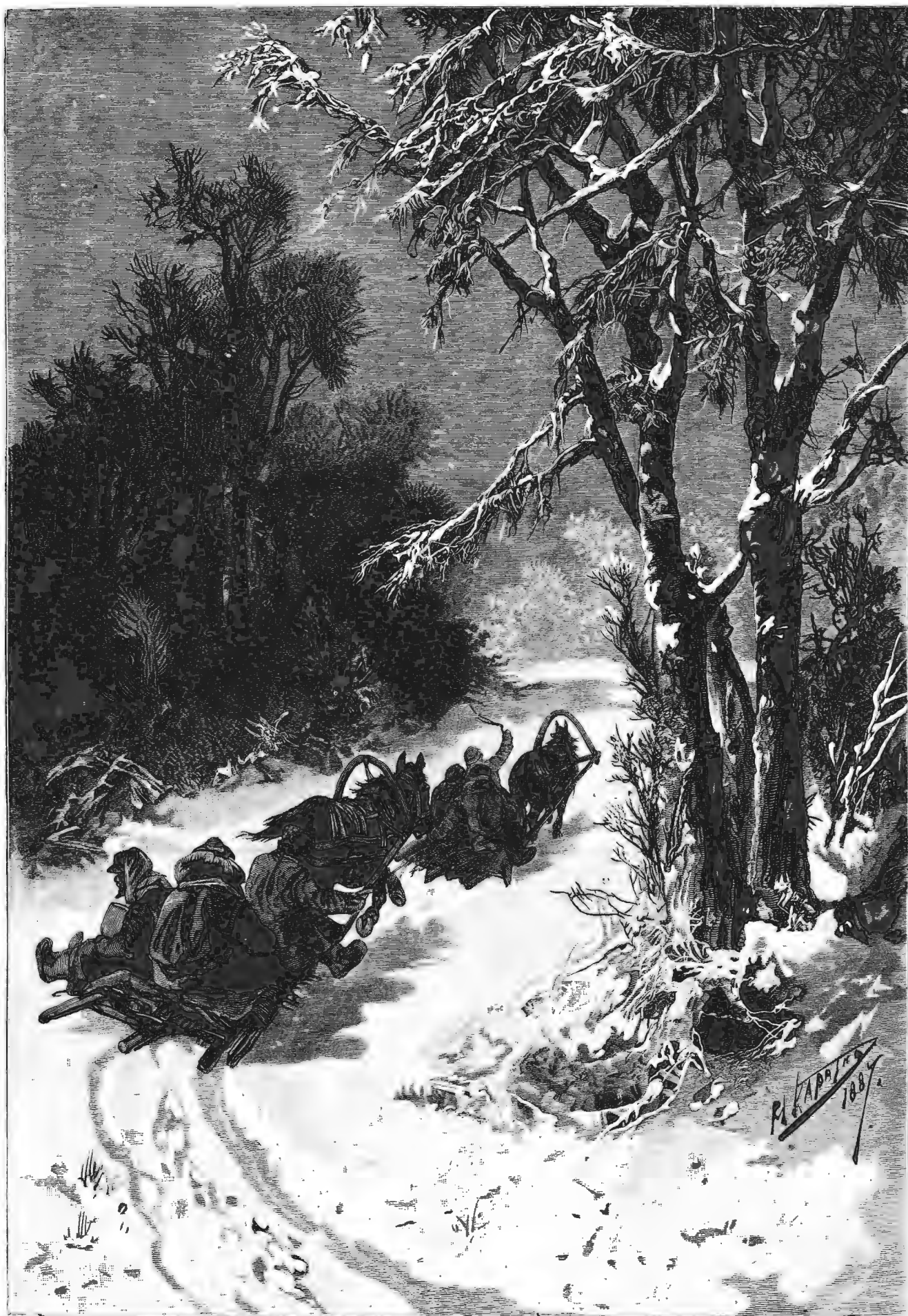
— Авось не замерзнешь? Чего разбоярился? ворчалъ съдой и лохматый Мохначъ, лѣниво отодвигая засовъ и отмыкая калитку.

Трои пошевни, скрипя полозьями, вѣхали во дворъ. Въ нихъ сидѣло по два и по три съдока и клади было навалево много.

— Здорово, куманѣк! крикнулъ, выскакивая изъ пошевней, приземистый, широкоплечій рыжій дѣтина.— Чай, не ждалъ, не чаялъ, что мы къ тебѣ такъ скоро нагриваемъ?

— Какъ не чайтъ? мрачно отозвался Мохначъ.— Думалъ, какъ-бы не опоздали...

— Да опоздали и есть, продолжалъ рыжій, понижая голосъ и шепча на ухо Мохначу.— Мы ждали, что Курлетевскую казну-то мимо нашей засады повезутъ—анъ ее провезли тайкомъ, по Суховѣ, околицей!.. Чай, те-перь и въ усадьбу доставили? А казна, говорятъ, богатѣйшая. Одного серебра да визанья—сила!

Рождество Христово. Объяздъ церковнаго причта по приходу.

Ориг. рис. (собетв. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Рождество Христово. Не подь силу. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижаневича. грав. Пуць.

— Ахти, грѣхъ какой! Проворобили, ротозѣи! злобно отозвался Мохначь.

— Погоди ругать-то! Пойдемъ въ избѣ — мы тамъ тебѣ скажемъ, кака у насъ теперь затѣя задумана...

— Да въ избѣ-то не ладно... Тамъ у меня профзкій— Печковскій баринъ... Ступайте всѣ въ подполье. Тамъ побесѣдуемъ...

— Ладно! ладно! Дай только лошадей прибрать!

И они, не распрягав, поставили лошадей къ кормягамъ, только развудавъ ихъ; потомъ на-крѣпко приперли ворота, и, одинъ за другимъ, вошли скрытою боковою дверкою въ подклѣтъ избы. Когда послѣдній изъ нихъ скрылся за дверкою, изъ-за угла избы показался Соколъ; осторожно, какъ кошка къ птицѣ, подкрался онъ къ дверкѣ подклѣта, прислушался, вытягивая шею и пастораживая уши, потомъ легонько толкнулъ дверь и, скользя за нею, скрылся въ темномъ при-сѣнкѣ.

— Василий Никитичъ! А Василий Никитичъ! Проспись, государь! шенталь, часъ спустя, тотъ-же Соколъ, тряся изо всей силы своего господина то за плечо, то за руку.—Проспись—бѣда грозитъ!..

— Бѣда? Что такое? тревожно спрашивалъ очнувшись отъ сна и протирая глаза Василий Никитичъ.— Говори скорѣе!

— Нельзя здѣсь и говорить, государь! Здѣсь въ каждой скважинѣ по глазу, въ каждомъ сучкѣ по уху! Только ужь не бывать тебѣ теперь на богомольѣ... Домой сѣвшить надобно... Домой! Часу здѣсь не медлить!

— Да говори-же! нетерпѣливо проворчалъ Василий Никитичъ.—Что случилось?

— Ничего я тебѣ не скажу, пока не выйдемъ изъ этого проклятаго дома! прошенталь упрямый Соколъ.— Сбирайся въ путь—знай, что кови у крыльца стоять.

И не прошло получаса послѣ этой бесѣды, какъ уже Василий Никитичъ, расплатившись съ хозяиномъ, выходилъ на крыльцо и садился въ свою легкую кибиточку, запряженную *гусемъ* тройкой приземистыхъ чалыхъ коньковъ, которыми ловко правилъ Соколъ *).

— Впредь къ намъ милости просимъ! говорилъ Мохначь, низко кланаясь отъѣзжающему.— А хороши у тебя коньки, баринъ! Дужо хороши!

— Живо домчать до Вологды! А тутъ какъ у васъ нынче, въ перелѣскѣ—не пошаливаютъ?

— Ступай съ Богомъ, батюшка! Миръ дорѣгою.

Соколъ трихнулъ возжами, присвиснулъ, черкнулъ по снѣгу гусевымъ кнутомъ—лошади дружно тронули съ мѣста, и кибиточка покатила по дорогѣ, ныряя и покачиваясь среди сугробовъ.

Но отѣхавъ версты три по Вологодской дорогѣ, Соколъ вдругъ круто свернулъ въ сторону, глухимъ лѣснымъ проселкомъ выѣхалъ на окольную дорогу и во весь духъ помчалъ домой, обратно, въ родимое Печково.

IV.

Въ павечерье Сочельника, Наташа, печальная и полная думъ и заботъ о своемъ миломъ Васильѣ, который вдругъ вихремъ поднялся съ усадьбы и сгибъ да пропалъ невѣдомо куда — обратилась къ старушкѣ-нянѣ со слезною просьбою:

— Нянюшка-голубушка! Потѣши ты меня, облегчи мою душеньку... Грустно мнѣ таково...

— Говори скорѣй, дитятко, чѣмъ тебя мнѣ потѣшить... И такъ я смотрю, боюсь, какъ-бы ты у меня не похудала, какъ-бы красоты своей не растеряла!

* Запряжки *гусемъ*, т. е. тройкою лошадей поставленныхъ рядомъ, а одна за другою — весьма обычны на всемъ нашемъ Сѣверѣ, гдѣ снѣга бываютъ велики, а зимняя дорога пробивается узкая. Кучеръ правитъ лошадьми при помощи одной возжи и длиннаго гусеваго кнута.

— Что мнѣ и въ красотѣ, няня, коли одна у меня забота, одна дума на душѣ; до красоты-ли тутъ? Хочу о немъ погадать, нянюшка... Чай сама знаешь, каковы сегодня вечеръ-то!

— Охъ, дитятко, страшень нонѣшній вечеръ!.. Не люблю я въ этотъ вечеръ гадать: вѣдь только нынче гаданье-то оно и сбывается... Ну, какъ ты, грѣшнымъ дѣломъ, такое увидишь, что и душа-то замретъ?.. Вѣдь мало-ли какое почью лихое пригрезиться можетъ!

— Не боюсь я, нянюшка, никакого лиха... Боюсь только разлуки съ милымъ другомъ... Чуетъ мое сердце, что мнѣ ея не перенести будетъ...

— Да ну ужь, ладно! Устрою я тебѣ гаданье, боярышня... Только въ баню я тебя не пуцую — ни-ни! Тамъ на тебя мало-ли что стрястись можетъ... А вѣдь тутъ только пустое мѣсто нужно — гдѣ-бы иконъ въ углу не было... Такъ вотъ на чердакѣ, подъ вышкой, у твоего терема, гдѣ на крышу-то выходи — тамъ и устрою.

— Спасибо тебѣ, нянюшка, спасибо... Устрой, голу-бушка.

— Устрою. Въ самую полночь тебя туда и взведу... Передъ тобою-то ковшъ съ водою поставлю и три свѣчи прилѣплю... А противъ тебя зеркальце... И вотъ какъ только закипитъ у тебя вода, заволнуется въ ковшикѣ-то, ты въ зеркальце-то и смотри, выглядывай въ потемки-то... И что увидишь, то все мнѣ расскажи... Я тебѣ потомъ объясню, растолкую... Да тѣльничекъ *) снять не забудь; а то печистая сила тебѣ и въ зеркальцѣ судьбы твоей не покажетъ...

Наступила глухая декабрьская полночь. Пѣтухи давно пролѣзли на Курлетевской усадьбѣ; давно все заснуло мертвымъ сномъ на крѣпкомъ боярскомъ дворѣ... Даже и собаки не лаiali, и сторожа не перекликались, не постукивали въ звонкія доски... Нигдѣ ни огонька, ни жизни — все притихло и замерло. Только на чердакѣ, подъ вышкою терема, не спитъ боярышня Наталья Θεодоровна.

Закутавшись въ теплую соболью шубейку, покрывъ голову шелковымъ урусомъ поверхъ теплой шапочки, она сидитъ, унылая и трепетная передъ столикомъ. На столикѣ стоитъ большой серебряный батюшкинъ жалованный ковшъ, налитъ водою до края, и по краю прилѣплены къ ковшу три тонкихъ свѣчи воску яраго. А по ту сторону ковшу поставлено зеркальце—невеличко и кругленькое, въ нарядной басменной рамочкѣ. Свѣчи, тускло мерцаая въ темнотѣ, освѣщаютъ только лицо боярышни, блѣдное, взволнованное страхомъ и ожиданіемъ чего-то таинственнаго, неизвѣстнаго. Тьма и сумракъ царятъ всюду кругомъ—и глубокую, мертвую тишину лишь изрѣдка нарушаетъ морозъ-богатырь, постукивая своей тяжелой палицей въ углы бревенчатой вышки. И вздрагиваетъ неволью боярышня отъ этихъ глухихъ ударовъ — и ѣжится, кутается въ свою соболью шубейку. Жутко ей, страшно ей... И точно, страшно здѣсь на вышкѣ, въ глухую ночь, среди тишины и мрака, да еще въ навечерье Сочельника, когда вся нечистая сила кругомъ носится, безурядная и развуданная.—когда знаешь, что ей дана въ этотъ вечеръ волюшка-вольная надъ судьбою человѣческой. И сидитъ Наталья Θεодоровна, не смѣетъ себя оградить крестнымъ знаменіемъ, не смѣетъ сказать: „наше мѣсто свято!..“ Не смѣетъ нарушить окружающаго ее очарованія — и пристально смотритъ на воду въ ковшѣ и сотый разъ шепотомъ перечитываетъ ту надпись, которую видитъ на днѣ, около герба государскаго: „а нити тотъ ковшъ доброму человѣку!..“ И думается ей неволью:

„Да! Ничего-то я такъ не желаю, какъ чтобы суженный мой былъ добрый, добрый человѣкъ — добрый, какъ Васенька. Ахъ, что это? Какъ будто и не морозъ?..“

*) Тѣльничекъ — крестъ, носимый на глѣ, на шѣ.

И точно—грохнуло что-то по крышѣ, потомъ захрустѣлъ на ней снѣгъ, и тотчасъ-же все стихло...

Смотритъ боярышня на-воду въ ковшикѣ — а вода въ немъ всколебнулась... къ краямъ кругами пошла... Чу! Опять что-то грохнуло, громче прежняго, такъ что затряслись стѣны вышки—и опять вода въ ковшѣ всколебалась...

„Вотъ! вотъ! Сейчасъ судьбу свою увижу въ зеркальцѣ!“ думаетъ боярышня и нугливо устремляетъ свой взоръ въ отраженіе мрака.

И видитъ боярышня, вся обратившаяся въ слухъ и зрѣніе.—видитъ, какъ поднимается въ чердачной крышѣ дверка на вышку, и какъ кто-то темный, спускается съ вышки по лѣсенкѣ... Замирая отъ страха, слышитъ она, какъ скрипятъ и гнутся ступеньки лѣсенки подъ грузными, тяжелыми шагами... И вотъ, сошелъ и стать въ углу, и медленно снимая шапку, опускается на колѣни, кланяется ей въ ноги...

„Что это? Сонъ? Грѣза?.. Или сила нечистая?“ думаетъ Наталья, трепеща всѣмъ тѣломъ, и наконецъ не можетъ бороться съ собою — чувствуетъ, что ей силы ей измѣняются... Какъ вдругъ, сзади ей раздается знакомый голосъ:

— Боярышня! Наталья Ѳеодоровна! Голубушка моя! Наташа... не бойся... Вѣдь это я!

— Василий Никитичъ! Васенька! Откуда ты въ такую пору?!

И Наташа не выдержала: вскочила со скамеечки—бросилась къ суженому.

Но онъ, стоя на колѣняхъ, протянулъ передъ собою руки, съ мольбою обращая ихъ къ ней и словно стараясь защититься отъ бѣсовскаго павожденія...

— Нѣтъ! сказалъ онъ твердо.—Не цѣлуй, не обнимай меня, Наташенька! Пришелъ я къ тебѣ не какъ суженой-ряженый къ невѣстѣ приходитъ... Пришелъ я къ тебѣ вѣстникомъ бѣды неминуемой. Она у насъ теперь у всѣхъ надъ головою виситъ, какъ туча грозовая... Пришелъ я тебя съ отцомъ твоимъ спасти отъ разбойниковъ; а и не удастся спасти, такъ хоть голову здѣсь сложить, вась своей грудью загоразивая...

— Что ты? Что ты? Какая бѣда? Какіе разбойники? шептала растерянно Наташа, ничего не понимая, не сознавая даже, во снѣ или на яву все это происходитъ.

— Нельзя терять времени! Я пробрался къ тебѣ съ Соколомъ по березѣ, на вышку... Всѣ входы и выходы изъ усадьбы ужъ заняты ворами... Ждутъ только знака... И въ домъ измѣна... Влѣзуть въ окно, что въ сѣняхъ, у опочивальни боярина... Веди насъ скорѣе къ нему... Еще можетъ успѣемъ враговъ отразить, пока подоспѣтъ подмога...

— Пойдемъ, пойдемъ скорѣе! Спаси, спаси отца моего!

— Ради Господа, тише, боярышня! Не разбуди никого... Подымешь тревогу — такъ хуже-бы не было... Пойди, и няню свою успокой — чтобы не пикнула. А мы съ Соколомъ—за тобою, мигомъ!

И пока боярышня сходила съ чердака въ свой теремъ, Василий Никитичъ легонько свиснулъ Сокола, который быстро спустился съ крыши по лѣстницѣ на чердакъ. И баринъ, и слуга—оба расноясались и скинули съ себя одорядки, справили ножи на поясѣ, осмотрѣли пистолы, и взявъ въ руки по свѣчѣ отъ гаданья, спустились съ чердака въ теремъ боярышни.

V.

Бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Курдетевъ изволилъ почивать въ своей опочивальнѣ. Раскинувшись во весь свой великій боярскій ростъ на высокой кровати, онъ покоитъ свое дородное тѣло на мягкихъ пуховикахъ, на шелковыхъ изголовьяхъ, подъ одѣяломъ, подбитымъ собольими пушками; а поверхъ того одѣяла окинута ноги боярина стеганымъ камчатнымъ кафтаномъ.

Крѣпко заснулъ бояринъ послѣ сытнаго постнаго ужина, приправленнаго добрымъ ковшомъ кипяченаго вина фряжскаго, да стопочкой меду крѣпкаго, стоялаго. И грезится ему, что ѣдетъ отъ Москвы, поспѣвая къ нему, царскій посолъ съ милостивою грамоткой, — что зоветъ его царь вернуться въ бѣлокаменную; зоветъ его съ собою и въ Думѣ засѣдать, и царскою тѣшью вмѣстѣ тѣшиться... И вдругъ онъ слышитъ, что кто-то теревитъ его за рукавъ и за воротъ рубахи, стараясь его пробудить отъ глубокаго сна.

— Ну, что... тамъ... еще? мычитъ бояринъ въ просянкахъ:—если... гонецъ... изъ Москвы... пусть до утра обождетъ...

— Батюшка! слышитъ онъ надъ самымъ ухомъ трепетный, дрожащій голосъ дочери. — Батюшка! Подымайся скорѣй ото сна!.. бѣда намъ грозитъ страшная! Гибель неминуемая!

— Да что ты! Очумѣла, что-ли? говоритъ бояринъ приподымаясь на своемъ ложѣ.—Откуда тебѣ это пригрезилось?..

— Тише! Ради Бога—тише! Никого не зови... Того и гляди услышатъ... Воры-разбойники на твою усадьбу наѣхали... всѣ входы-выходы осѣли... Сейчасъ къ тебѣ въ окно полѣзутъ... Изъ сѣней прямо къ твоей опочивальнѣ норываютъ—ужъ вотъ и лѣстницу для нихъ подъ окномъ Сидорка Безпятый припасъ... Онъ и павель ихъ на тебя...

— Да кто тебѣ это сказалъ? Кто наплелъ? тревожно и гнѣвно спрашивалъ бояринъ.

— Не наплелъ, бояринъ, отзывается въ темнотѣ чей-то знакомый голосъ.—а сущую правду сказалъ. Я тебя спасаючи къ тебѣ боярышню послать...

— Кто здѣсь? съ испугомъ вскрикиваетъ бояринъ, стараясь распознать въ темнотѣ двѣ какія-то высокія и мужественныя фигуры.

— Это я, сосѣдъ твой, Василий Третьякъ-Михайловъ да слуга мой, что Соколомъ-то зовутъ. Узнали мы случаемъ, что на тебя напасть хотятъ—пришли тебя защищать и съ тобой отсидѣться въ усадьбѣ, пока подоспѣтъ подмога. Одѣвайся скорѣе, бояринъ, время не терпить.

Но бояринъ ужъ и не слушалъ его рѣчей... Онъ поспѣшно напяливалъ на плечи кафтанъ, подтягивалъ тучное тѣло поясомъ, и шарилъ по стѣнѣ, отыскивая свой мечъ, свои пистолы, свой охотничій ножъ.

Василій Никитичъ, тѣмъ временемъ, подошелъ къ дверямъ изъ опочивальни въ сѣнцы и прислушивался, видимо, выжидая чего-то... Когда бояринъ одѣлся и подошелъ къ нему, Соколъ шепнулъ ему на ухо:

— У *нихъ* съ Сидоркой положено, что какъ третьи пѣтухи закричатъ, такъ *имъ* твой измѣнщикъ оконцо въ сѣнцахъ отворить, а передъ тѣмъ свѣчей махнетъ. Полѣзай молъ!.. Вотъ Василій Никитичъ-то и ждетъ. Какъ только Сидорка въ сѣнцы сунется, мы его тутъ и накроемъ...

— Да гдѣ-же люди-то мои? Гдѣ холопы? въ ужасѣ допрашивалъ бояринъ.

— Холопы твои, которые не пьяны, тѣ давно перевязаны, лежатъ по людскимъ избамъ словно спопы... Вѣдь станишниковъ-то сорокъ человекъ наѣхало — и самъ Хлопка Безмѣнъ у нихъ въ атаманыхъ... Твоя казна мимо ихъ рукъ сюда проскользнула — вотъ они на нее зубы и точать...

Тихіе, осторожные шаги раздалась въ сѣнцахъ. Чуть скрипнули шаткія половицы подъ босою ногою... Влѣдная полоска свѣта протянулась въ опочивальню изъ-подъ двери—и померкла...

Въ то же мгновеніе Василій Никитичъ и Соколъ, распахнувши дверь настежь, ринулись въ темныя сѣни, гдѣ Сидорка, уже погасившій свѣчу, брался за раму оконца. Не успѣлъ онъ и пикнуть, какъ двѣ дюжія лапищи сдавили ему грудь и глотку, между тѣмъ какъ

что-то другой крутилъ ему руки за спину и подвязывалъ къ поясу.

— Крѣпче крути, Соколка! шепталъ Василий Никитичъ. — Да глотку заткни рукавицей, чтобы не кричуль. не подалъ имъ знаку—не ушли бы отъ насъ, разбойники! Такъ, такъ! Ладно! Теперь брось его въ уголь... Лежи тамъ, бѣсовъ сынь!

И, покончивъ съ Сидоркой, Василий Никитичъ смѣлою рукою толкнулъ створчатое оконце и распахнулъ его настежь; а самъ, съ вѣрнымъ Соколомъ, сталъ по бокамъ, у косяковъ, притаивъ дыханье въ пѣмомъ ожиданіи.

Слышно было, какъ два или три человѣка, скрипя сапогами по снѣгу, осторожно подставили къ сѣнцамъ лѣстницу — и вотъ полѣзла по лѣстницѣ какая-то темная, мрачная, грузная фигура. Слышно было, какъ гнутся подъ лѣзущимъ лѣстницей...

Вотъ, наконецъ, голова въ косматой шапкѣ появилась въ рамѣ окна; двѣ темныхъ ручки оперлись на косякъ и темная масса полѣзла въ сѣни, съ трудомъ продираясь плечами въ раму оконца.

— Ишь, ты, Сидорка! шепталъ чей-то грубый голосъ, — не ладно затѣялъ, не по плечамъ мнѣ оконцо выбралъ!

— погоди, приятель, прошепталъ въ отвѣтъ ему Соколъ, ловко поддѣлываясь подъ говоръ Сидорки, — вотъ я подсоблю тебѣ.

И прежде, чѣмъ Хлонка Безмѣнъ успѣлъ высвободить плечи изъ тѣсной рамы, кто-то такъ ловко накинулъ ему петлю на шею и такъ туго, такъ быстро стянулъ ее, что разбойникъ онѣмѣлъ и замеръ на мѣстѣ... Дыханье его порвалось... Свѣтъ выкатился изъ очей, въ головѣ зашумѣло — онъ лишился сознанія. Онъ даже не чувствовалъ, какъ Соколъ съ Васильемъ Никитичемъ, дружнымъ натискомъ втоптали его черезъ оконце въ сѣни, скрутили по рукамъ и ногамъ и бросили въ уголь, рядомъ съ Сидоркой.

— Ну, что же вы тамъ застряли? крикнулъ Соколъ двумъ остальнымъ разбойникамъ, старающъ поддѣлаться подъ сильный басъ Хлонки. — Пора! Влѣзай, кто на очереди!

И точно такъ же, какъ съ Хлонкой, справились Печковский баринъ и Соколъ съ двумя остальными разбойниками. Въ ту же самую петлю угодили они, влѣзая въ оконце, такъ же точно не успѣли и крикнуть, какъ были ужъ связаны и брошены рядышкомъ съ другими злодѣями въ тѣхъ же сѣнахъ.

Бояринъ все слышалъ изъ своей опочивальни, гдѣ онъ сидѣлъ, трепеща не за свою жизнь, а за дочь свою, которая прижималась къ груди его, въ ожиданіи гибели, и горячо молилась, молилась вслухъ за своего отца и за своего суженаго. Въ другомъ темномъ углу, точно такъ же молилась, то вздыхая, то охая, старушка-няня.

— Бояринъ, сказалъ Василий Никитичъ, вступая въ опочивальню изъ сѣней, — теперь намъ съ этой стороны опасаться нечего. Главные и самые дерзкіе злодѣи — въ нашихъ рукахъ. Соколка мой стоитъ надъ ними у окна съ чеканомъ въ рукахъ и буде кто двинется или въ окошко сунется — такъ живою не сойдеть съ мѣста. Надо теперь намъ съ тобою достать изъ твоего охотнаго запаса по пицали доброй да по самострѣлу, и стать у окна, что надъ крыльцомъ въ верхнемъ жилѣ. Коли задумаютъ разбойники на разсвѣтѣ съ той стороны напасть: надо имъ дать отпоръ! Самъ видѣлъ, каково я звѣря на охотѣ бью — чай и по злодѣю промаха не дамъ! Такъ, съ Божьей помощью и отендимся, пока придетъ подмога!

— Дѣлай, что хочешь! Во всемъ тебѣ воля вольная, Василий Никитичъ! тихо проговорилъ бояринъ Курлетевъ, поднимаясь съ мѣста, чтобы исполнить добрые совѣты своего нежданнаго спасителя.

Вся шайка Хлонки, врасплохъ напавшая ночью на усадьбу боярина Курлетева, быстро и ловко расправилась съ боярской служней. Двое нищихъ, по виду убогіе каліки-перехожіе, еще съ вечера, наканунѣ, попросились переночевать на боярскомъ дворѣ, спонли часть дворни двумя боченками какой-то водки съ крѣпкимъ соннымъ зельемъ, отравили лепешками злыхъ собакъ — и отворили ворота своею братіи, станишниками, удалимъ добрымъ молодцамъ, которые тотчасъ всю дворню перевязали и заперли по людскимъ избамъ. Кто было вздумалъ ортачиться, тому пригрозили кистенемъ — и менѣе чѣмъ въ часъ времени вся усадьба боярина Курлетева была уже въ рукахъ разбойниковъ, которые всюду разставили своихъ сторожей, и стали хозяйничать по боярскимъ погребамъ, клѣтямъ и амбарамъ, какъ у себя дома. Самъ Хлонка, съ двумя надежными товарищами, долженъ былъ, по знаку предателя-Сидорки, подняться въ сѣнцы, задушить боярина въ опочивальнѣ, овладѣть его казною и отворить всей ватагѣ дверь, что выходила во дворъ, на бѣлое крыльцо.

Но вотъ ужъ и третьи пѣтухи пропѣли, и больше часу времени съ тѣхъ поръ прошло, какъ Хлонка съ товарищами въ домъ влѣзъ, — а дверь на крыльцо все не отворилась. Прошелъ еще часъ — стало свѣтать — а объ атаманѣ и есаулахъ ни слуху, ни духу...

— Видно, черти, тамъ по уши въ золото да по локоть въ жемчугъ залѣзли! ворчали разбойники, слоная кучками по двору около дома и не смѣя ничего предпринять безъ атаманскаго приказа.

— Вѣстимо! дорвались! Теперь ихъ отъ боярской казны, чай, и за уши не оттащишь?

— А что, братцы? Не взглянуть-ли намъ однимъ глазкомъ, что они тамъ въ боярскомъ дому дѣлаютъ? Какъ хозяйничаютъ?

— Отчего не взглянуть! Вѣдь тамъ стремянка-то къ сѣнцамъ и теперь у оконца приставлена. Полѣзай, кто поемѣлѣ!

— Да вотъ у насъ Ванька Сычъ гораздъ лазать-то! На какое хошь дерево влѣзеть!

— Полѣзай, Ванька! Чего ждатель-то! Ну, полѣзай! закричала толпа на высокаго и коренастаго парня въ рваномъ тулупѣ, съ топоромъ и кистенемъ за поясомъ.

— Ну, васъ, къ шуту! Что я вамъ за посыльщикъ достался!

— Полѣзай, говорятъ! А мы за тобою! Небось, не выдадимъ! Полѣзай! загорланнла толпа, подступая къ Ванькѣ.

— Ишь, оголѣлые! Пристали... Ну, и полѣзу! А что увижу—о томъ не скажу... Придется вамъ самимъ лѣзть поневолѣ!

И онъ вмѣстѣ съ кучею, человѣкъ въ десять разбойниковъ, подошелъ къ лѣстницѣ, плюнулъ на ладони рукъ и бойко полѣзъ по стремянкѣ.

Но едва сунулъ онъ голову въ оконце, какъ кто-то на верху крикнулъ грозно:

— Какъ смѣешь, лѣсовикъ, со своимъ неумытымъ рыломъ въ боярскія хоромы лѣзть?

Ванька страшно вскрикнулъ — и кулемъ рухнулъ на землю, съ раскрытымъ черепомъ. Разбойники разомъ отхлынули отъ лѣстницы во все стороны; ни одинъ и не подумалъ полѣзть вслѣдъ за Ванькой.

— Ребята! Не ладно дѣло! Въ домѣ-то видно есть изъ людей кто? переговаривались между собой разбойники.

— Кому же тамъ быть, кромѣ старика-боярина, да женской служни. Вѣдь Сидорка нашъ такъ и говорилъ, что онъ одинъ съ бояриномъ на ночь въ хоромыхъ остается?..

— Кто же Ванькѣ-то голову разсѣкъ?

— А кто ихъ знаетъ? Можетъ не Хлонка-ли самъ — затѣмъ молъ безъ спросу полѣзли!

— А коли такъ! Мы и прямо съ крыльца полѣземъ.

Рождество Христово. „Ай, батюшни!“ Рис. Фрескай, грав. Кезебергъ.

Вали, ребята, прямо туда, на крыльцо, — ломай дверь! Тащи бревно, аль мостовину, высаживай створы! Ишь, старый чортъ-атаманъ! утроба ненасытная! Ему бы все одному въ однѣ руки забрать! Нѣтъ, шалишь! Вали!

И собравшись гурьбою, разбойники съ крикомъ двинулись на крыльцо. Но прежде чѣмъ они къ крыльцу подошли по двору, два оконца въ верхнемъ жилѣ боярскаго дома отворились, изъ нихъ вылетѣло по бѣлому облачку, два выстрѣла раздались разомъ, и двое разбойниковъ съ глухимъ стономъ повалились на снѣгъ, окрашивая его багровыми пятнами крови.

Толпа понялась и опять сбилась для совѣта на другомъ концѣ двора.

— Э-э, братцы! Вотъ оно что! Это значить Сидорка намъ измѣнилъ! Нашего атамана въ западню завелъ! Какъ намъ быть!?

— А такъ и быть! порѣшили самые отчаянные голворѣзы въ шайкѣ, — такъ и быть, что спалить всю усадьбу! Разведемъ костры, пододвинемъ ихъ къ дому, засвѣтимъ свѣчку такую, что будетъ насъ бояринъ Курлетевъ помнитъ!

Сказано — сдѣлано. Забѣгали они по двору, засновали по сѣноваламъ, по коношникамъ, по пелеснямъ, стащили во дворъ огромныя груды соломы, подвели ихъ къ самому дому и вдругъ запалили съ трехъ сторонъ. Ярко вспыхнуло пламя, затрещали наваленныя около дома кучи хвороста и соломы, дымъ повалилъ клубами... Крики ужаса явственно раздались въ домѣ... Злобный крикъ радости былъ отвѣтомъ на нихъ со стороны разбойниковъ.

Но чтѣ это? Издали слышатся по дорогѣ къ усадьбѣ бубенцы, колокольцы, громкіе крики, топотъ коней... Снѣгъ вихремъ крутится подъ сапами, взрываемаго бѣшеною скачкою двадцати троекъ, на которыхъ во весь духъ мчатъ къ Курлетевской усадьбѣ, на выручку боярина, сосѣди дворяне и дѣти боярскія, собравшіеся по призыву Василія Никитича, еще наканунѣ разославшаго людей по сосѣдямъ. Вотъ они подкатили къ усадьбѣ; вотъ выльзаютъ изъ саней вооруженные люди и съ крикомъ, гурьбою лѣзутъ во дворъ черезъ садъ, черезъ ограду, черезъ поваленный тынъ чернаго двора.

— Насъ окружили! Вѣги! Въ рассыпную! Живой не давайся въ руки! кричали разбойники, бросаясь во всѣ стороны.

— Вей всѣхъ! Не жалѣй! кричатъ имъ навстрѣчу дворяне, и съ бердышами, съ самопалами въ рукахъ, стремились они со всѣхъ сторонъ на разбойниковъ, вмѣстѣ со своими холопами.

И вотъ, пока одни тушили пожаръ, другіе били и визали разбойниковъ. Крики, стоны, ругань, выстрѣлы, стукъ и бряцанье оружія — слились на нѣсколько

мгновеній въ одинъ общій гулъ въ общей отчаянной свалкѣ.

VI.

На другой день, въ самый день Рождества Христова, бояринъ Курлетевъ, отслушавъ обѣдню у себя на погостѣ, въ шести верстахъ отъ усадьбы, пригласилъ къ себѣ священника съ причомъ на честной боярскій пиръ, и просилъ его, по случаю избавленія отъ великой опасности, отслужить въ домѣ благодарственный молебенъ и весь домъ окропить святою водою.

На тотъ пиръ и на тотъ молебенъ пригласилъ бояринъ и всѣхъ тѣхъ дворянъ-сосѣдей, которые его избавили отъ неминуемой гибели. Когда попъ съ дьяками отпѣлъ молебенъ и всѣ гости двинулись влѣдъ за хозяйномъ въ столовую, бояринъ Курлетевъ взялъ Василія Никитича за руку, вывелъ его на средину столовой палаты, да при всѣхъ и поклонился ему въ ноги.

Василій Никитичъ обомлѣлъ, растерялся и до такой степени опѣшилъ, что даже не поднялъ старика. Подскочили другіе дворяне, подхватили боярина подъ руки; но тотъ не хотѣлъ подниматься.

— Нѣтъ, други, я долженъ ему трижды въ ноги кланяться! Я посмѣлъ передъ нимъ своимъ родомъ величаться, я его ни за чтѣ изобидѣлъ — а онъ мнѣ вонъ какъ отплатилъ! Не хочу я у тебя, сосѣдъ дорогой, въ долгу оставаться. И прошу я тебя униженно, къ стопамъ твоимъ припадаючи, прими ты отъ меня на память даръ, отъ души даруемый...

— Бояринъ, горячо сказалъ Василій Никитичъ, — ты знаешь, что я на дары не падокъ!

— Ну, врешь! отъ этого дара не откажешься!

И бояринъ громко захолопалъ въ ладоши.

Дверь въ смежную комнату отворилась, и няня-старушка вывела оттуда Наталью Ѳеодоровну въ бѣломъ штофномъ лѣтницѣ и въ тѣлогрѣѣ, подъ густой кружевною фатой.

— Вотъ тебѣ даръ мой — по нынѣшнему великому празднику! сказалъ бояринъ указывая Василію на Наталью. — Отецъ Семень, пока еще намъ обѣдать не подали, благослови мою дочь, боярышню... Отдаю ее доброй волею за боярскаго сына Василія Третьяка-Михайлова. Научился я знать, что онъ, по душѣ своей, вслѣдъ, самому знатному роду боярскаго, и въ честь, и въ мѣру!

Василій Никитичъ, одурѣлый отъ счастья, бросился цѣловать руки своему нареченному тестю, который его къ тому не допустилъ, и крѣпко, крѣпко обнялъ.

— Вотъ мы и точно у праздника! говорили кругомъ ихъ сосѣди-дворяне, и чистая, прекрасная радость наполняла ихъ душу истинно праздничнымъ тепломъ и свѣтомъ.

ОТВѢТЪ.

Психологическій этюдъ В. Толля.

Давно служилъ у насъ Степанъ Ильичъ, такъ давно, что одинъ только семидесяти-лѣтній сторожъ Евстигнѣичъ*), ходичая исторія полувѣковой жизни нашего департамента, помнилъ его поступленіе на службу, лѣтъ тридцать, по крайней мѣрѣ. Остальные служащіе постуная видѣли сухопарую, безцвѣтную фигуру Степана Ильича на просиженномъ клеенчатомъ стулѣ, въ углу, направо отъ двери, и затѣмъ, увольняясь въ отставку, переводясь въ другія вѣдомства или умирая, оставляли его на томъ же стулѣ, за тѣмъ же непрерывнымъ нумерованьемъ, подкладываньемъ и подшиваньемъ бумагъ. Да и до сихъ поръ, представивъ себѣ мысленно департаментъ нашъ, самое его помѣщеніе, и ужъ непременно со Степаномъ Ильичемъ въ уголку; а приснится иной разъ Степанъ Ильичъ, такъ ужъ не иначе какъ на просиженномъ стулѣ въ присутственной комнатѣ. Какъ-то не вяжется въ воспоминаніяхъ одинъ безъ другаго.

Да и всему городу была знакома его сухопарая, длинная фигура, шествовавшая ежедневно въ одинъ и тотъ же часъ изъ одного конца города въ другой, по направленію къ департаменту, и съ такою же пунктуальностью, всегда одиными и тѣми же улицами возвращавшаяся вечеромъ домой въ одинъ

*) Евстигнѣичъ историческое Евстигнѣево.

изъ немощеныхъ, непроходимо-грязныхъ переулковъ окраины, гдѣ онъ занималъ крошечную каморку въ мезонинѣ лачужки на курьихъ ножкахъ.

Непривѣтливо было у Степана Ильича, очень непривѣтливо. Мебели почти никакой, а наличная — въ полуразрушенномъ состояніи. Комнатка крошечная, низенькая, съ кривымъ потолкомъ, прыгавшими вверхъ и внизъ половицами, крошечнымъ оконешкомъ, плохо пропускавшимъ свѣтъ, такъ какъ оно кажется ужъ нѣсколько лѣтъ не было мыто и нѣкоторые стекла начали отливать всеми цвѣтами радуги. Сыро и холодно у Степана Ильича было до невѣроятности. Впрочемъ, онъ въ своей квартирѣ только спалъ. Приди изъ департамента, всегда очень поздно, поѣсть бывало въ сухоматку что-нибудь захваченное по дорогѣ въ мелочной лавочкѣ, запить стаканомъ холодной воды или, въ лучшемъ случаѣ, грошевого квасу, положить съ полчасика на своей жесткой какъ камень постели и поидетъ внизъ къ хозяйкамъ. А хозяйки эти были замѣчательны: двѣ сестры — старшая дѣвы, питавшія ко всему роду челоувѣческому злобу непреоборимую, день-денской поѣдомъ вѣши другъ друга и всѣхъ подъ руку попадавшихся. И бѣгали же отъ нихъ всѣ какъ отъ чумы, а Степанъ Ильичъ ничего, ходилъ къ нимъ и проводилъ у нихъ вечера, потому что у нихъ

было свѣтло и тепло, а у себя онъ, экономія ради, не хотѣлъ ни топить, ни лампу зажигать. Онъ же дѣлился съ нимъ свѣтомъ и тепломъ своимъ, потому что другъ другу почтенныя сестрицы надѣли до тошноты, а Степанъ Ильичъ все же былъ человѣкъ свѣжій, проводившій у нихъ не болѣе двухъ часовъ въ сутки, а главное, тихій и безответный, на котораго ушагами можно было изливать накупившую за день злость. И во всемъ-то онъ былъ виноватъ! Въ воскресенье у нихъ украли курицу. Это, навѣрное, та нищенка, которой Степанъ Ильичъ въ тотъ-же день утромъ подаль краюху черстватаго хлѣба. И нужно очень всякихъ такихъ бездѣльниковъ пріучать шиться около дома! Только вѣдь и высматриваютъ, гдѣ что плохо лежитъ. А сегодня изъ-за угла камень стекло у нихъ вышибли. Ужъ некому больше, какъ тому бродягѣ, который приходилъ послѣ нищенки и которому Степанъ Ильичъ ничего не подаль, сказавъ, что такіе здоровые парни могутъ еще работать. Вотъ онъ изъ мести и вышибъ стекло; а платить-то имъ придется, не Степану Ильичу, ему что, все тринь-трава! И что это за манера? Одной подавать, другому вѣтъ! Подавать, такъ подавать ужъ вѣтъ. А Степанъ Ильичъ сидитъ себѣ невозмутимо въ уголочкѣ: „ладно, молъ, ладно, брешите на доброе здоровье, а вотъ, сколько я отложу въ этомъ мѣсяцѣ — это гораздо интереснѣе. Сегодня 14-ое, до 20-го еще шесть дней, шесть дней по 15 копѣекъ это 90 коп., ну скажемъ рубль; да, кое-что отложимъ“, прибавлялъ онъ про себя, пріятно ухмыляясь.

А въ комнатѣ такъ и носилось жужжаніе обѣихъ сестрицъ, прерываемое лишь тикающимъ старенькихъ часовъ и стукомъ проворно двигавшихся спиць.

„Ахъ, подлые“, вдругъ мелькало въ головѣ Степана Ильича воспоминаніе о до-нельзя изношенныхъ сапогахъ.—„Шутъ ихъ возьми совѣтъ, пожалуй ужъ и подметокъ сапожника не возметь ставить. Не пришлось-бы новыя покупать! Ну тогда надо будетъ въ рынокъ какіе-нибудь поношенные поискать.“

Совѣтъ его эта мысль огорчала. Шутка-ли, сразу придется рубль три-четыре отдать, а значить и настолько меньше отложить. Морщинистое лицо его приняло кислое-прекисное выраженіе и очень кстати, потому что какъ разъ въ эту минуту одна изъ почтенныхъ сестрицъ взглянула на него, чтобы убѣдиться, не заснулъ-ли онъ, и если бы увидѣла давешнее радостное и довольно выраженіе его лица, то ему бы порядкомъ досталось на орѣхи, такъ какъ въ эту минуту повѣствовалося о печальной участи, постигшей любимую кошку сестрицъ. Она вчера прибѣжала вся въ крови съ откушеннымъ хвостомъ. Безъ сомнѣнія, это противный сосѣдскій Барбосъ, котораго Степанъ Ильичъ вѣчно гладитъ; и что это у него за страсть — что бы ни случилось во все долженъ замѣшаться Степанъ Ильичъ, какъ ему не совѣстно вѣчно причинять имъ разнаго рода неприятности! Но тутъ ужъ кухарка Агабья, добродушная, пожилая баба, проходя черезъ комнату, замѣтила кислую мину „тихони“, какъ она за глаза и въ глаза даже называла Степана Ильича; принисывая ея дѣйствию двухчасоваго пиленья и принимая его сторону, какъ всегда она дѣлала въ критическіе моменты, она прервала потокъ краснорѣчія одной изъ сестрицъ:

— И-и, что вы, барынька, вѣдь не Степанъ же Ильичъ у Манши хвостъ отгрызъ.

— Кто тебѣ это, дура, говорить? Говорить, что это сосѣдскій Барбоска; кому же больше? Ну, кто еще могъ это сдѣлать, по твоему?

— А може она сама себѣ хвостъ отгрызла, догадывалась Агабья съ видомъ простоты и невинности, въ дѣйствительности же съ цѣлью отвѣтъ отъ Степана Ильича гнѣвъ сестрицъ.

— Ну, дура, вотъ такъ дура! обрушивались сестрицы на Агабью и начинали всячески костить ее.

Такъ проходило время часовъ до девяти, времени всеобщаго успокоенія въ избушкѣ на курныхъ ножкахъ.

Степанъ Ильичъ раскланивался, благодарилъ за гостепрѣимство, желалъ покойной ночи и отиравался въ свою холодную кофурку, гдѣ тотчасъ же, не зажигая огня, укладывался подъ старенькое одѣяло и укутывался еще сверху шинелью.

И такъ изъ вечера въ вечеръ—и все только ради елико возможнаго сокращенія расходовъ на свое содержаніе.

Одѣвался Степанъ Ильичъ болѣе чѣмъ мизерно. Шинелишку его, кажется, всякій уличникъ въ городѣ звалъ. Изъ нась же никто никогда не помнилъ его въ другой, хотя нѣкоторые служили весьма изрядное количество лѣтъ. Верхъ на ней былъ цѣвѣта необъяснимаго, не то небесно-голубаго, не то café au lait, какъ опредѣляли его наши остряки. Подкладка блистала почти совершеннымъ отсутствіемъ, и нѣкоторые сорванцы-писаря выдергивали изъ нея ключьями вату для набивки папиросъ. По горе тому, кто попадался на мѣстѣ преступленія Евстигибичу. Недѣли двѣ проходу не дасть, такъ и будетъ все пилить, пилить, пилить безъ конца. Да и послѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ кряду не пропуститъ случая пристыдить. Вообще шинель Степана Ильича пользовалась у Евстигибича особеннымъ почетомъ. Наши всѣ пальто, шубы, шинели онъ совалъ какъ пошло на первую попавшуюся вѣшалку, а для Степана Ильича было особенное заловѣдное мѣстечко въ углу. Спать, бывало, съ него шинель, проведетъ рукой по пришитому къ ней собачьему воротнику (къ лѣту онъ отпарывался, пришивался суконный, и Степанъ Ильичъ такъ и щеголялъ въ самую жаркую пору

въ ватной шинели), подуеть на него противъ шерсти, оботретъ рукой вѣшалку и затѣмъ бережно повѣситъ эту рухлядь, точно тысячную шубу. Вицмундиръ поблѣлъ по всѣмъ швамъ и, кажется, потерялъ даже способность рваться; блестятъ онъ, по крайней мѣрѣ, какъ клеенчатый, а нигдѣ не было заштопанъ, нигдѣ не было залатокъ. За то брюки, о эти брюки! По нимъ гимназисты втораго класса смѣло могли бы изучать географію: всѣ части свѣта, со всѣми рѣками, озерами и морями были тутъ изображены черными пятками по сѣрому фону. Изобильно насаженные чернильныя пятна съ усѣхою могли изображать собою города. Изъ лошупиваго сапога перѣдко предательски выглядывалъ носокъ или лукаво подмигивалъ кончикъ большаго пальца.

И для чего все это дѣлалъ Степанъ Ильичъ? Для чего онъ мерзъ въ своей квартирѣ, не добдалъ, одѣвался хуже всѣхъ въ департаментѣ? На получаемые имъ тридцать рублей содержанія можно бы существовать гораздо приличнѣе, тѣмъ болѣе, что рождественниковъ у Степана Ильича никакихъ не было. Отецъ его умеръ, когда ему было не болѣе шести лѣтъ, такъ что онъ едва помнилъ его. За то мать свою онъ помнилъ хорошо. Но что это за воспоминанія! Пьяная, растрепанная женщина, все, послѣднюю трипку танцующая изъ дому въ портнерную. Либо она пропадала по цѣлымъ днямъ и почамъ, оставляя сынишку на произволъ судьбы, либо спала дома, а вечеромъ устраивалась оргія, въ которой принимали участіе такіе же несчастныя товарки ея. Ребенокъ убѣгалъ изъ дому и ходилъ цѣлыми часами по городу, а затѣмъ почевалъ передъ запертою квартирой на лѣстницѣ. Остальныя дѣти на дворѣ съ нимъ играть не хотѣли, потому что это имъ запрещали родители, и, напротивъ, всячески дразнили его и насмѣхались надъ нимъ. Случись ему получить въ подарокъ отъ кого-нибудь изъ родныхъ, жалѣвшихъ его, что-нибудь изъ поношеннаго дѣтскаго платья, мать отбирала и пропала. Съ дареными деньгами было то же. Вотъ съ этого-то времени онъ и заключился въ свою раковину, осталась на всю жизнь несообщительнымъ, избѣгающимъ сближенія съ другими людьми. Съ этого времени въ немъ зародилось стремленіе прятать отъ матери всѣ свои пожитки, перешедшее мало-по-малу въ стремленіе припрятать, отложить какъ можно больше. Вышелъ Степанъ Ильичъ въ люди только благодаря помощи постороннихъ добрыхъ людей. Всѣ его родные перемерли, умерла и мать. Привычка копить, отказывая себѣ во всемъ, явившаяся первоначально какъ противовѣсъ привычкамъ матери, съ теченіемъ времени окупилась, и Степанъ Ильичъ превратился въ вышеописаннаго скущика.

Но если бы его спросить, для чего онъ копилъ, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ, онъ бы, навѣрное, не сумѣлъ сказать; я думаю, даже болѣе: онъ бы тогда задумался надъ этимъ вопросомъ и пересталъ бы такъ настойчиво, постоянно откладывать. Совѣтъ бы онъ, конечно, не пересталъ, но, по крайней мѣрѣ, позволялъ бы себѣ болѣе удобства въ жизни, чѣмъ теперь. Не было только такого близкаго къ Степану Ильичу человѣка, который поинтересовался бы внутреннимъ міромъ его и слова котораго имѣли бы вѣсъ въ глазахъ Степана Ильича. Онъ жилъ совершенно особнякомъ, нигдѣ не бывая, не принимая у себя никого, проводилъ дни, частенько и праздничные, въ департаментѣ, а вечера у хозяйекъ, лѣтомъ же — на лавочкѣ у воротъ.

Приходилъ Степанъ Ильичъ въ департаментъ всегда раньше всѣхъ, уходилъ позже всѣхъ, и за тридцать лѣтъ ни разу не промакировалъ, не взялъ ни одного отгулка. Остряки наши объясняли это именно тѣмъ, что въ квартирѣ его зимой съ потолка ледяныя сосульки висятъ, такъ что каморка его съ усѣхою можетъ изображать собою стадактитовый гротъ; а лѣтомъ же, благодаря помѣшающейся непосредственно надъ ней желѣзной крышѣ, температура въ ней раскалется до того, что Степанъ Ильичъ жаритъ мясо и печетъ яйца просто вздергивая ихъ на шпурочкѣ къ потолку.

Какъ-бы то ни было, но никому изъ насъ ни разу не пришлось, прийдя въ департаментъ, не найти на обычномъ мѣстѣ шинели дикаго цѣвѣта и не оставить ее тамъ-же уходя. Кланялся Степанъ Ильичъ всегда первый, всѣмъ входящимъ, привѣтствуя словами: „честь имѣю кланяться, господинъ чиновникъ такой-то“, до начальника отдѣленія исключительно. Тутъ ужъ онъ молча вставалъ со стула и отвѣчивалъ своею вихристой, плохо причесанной головой низкій поклонъ. Богъ его вѣдаетъ, почему онъ насъ такъ титуловалъ. Одного только сторука нашего звалъ онъ всегда „Матвей Евстигибичъ“, да „вашимъ превосходительствомъ“ величалъ тѣхъ кого мелкій департаментскій чиновникъ ужъ не имѣетъ права звать по имени и отчеству. А звалъ вѣдь всѣхъ по имени, хотя-бы только на-калунѣ поступившихъ. Дѣлалъ-ли онъ это для избѣжанія излишней короткости съ сослуживцами или это казалось ему особенно утонченной вѣжливостью — не знаю, но только отучить его отъ этой привычки никакъ нельзя было. Какъ оно намъ ни казалось дико въ первое время по поступленіи, мы мало-по-малу привыкли и, напротивъ, крайне-бы удивились, если-бы Степанъ Ильичъ вдругъ назвалъ кого-нибудь „Петръ Ивановичъ“ вмѣсто „господинъ чиновникъ Пѣтуховъ“. Его-же никто во всемъ городѣ иначе не звалъ какъ по имени и отчеству, и

Рождество Христово. Посѣщеніе колодниковъ царицей въ XVII вѣкѣ.

Картина барона М. Клодта, грав. Пучъ и Бергъ.

нерѣдко сами сослуживцы по департаменту забывали его фамилію, да и Степанъ-то Ильичъ, я думаю, не сейчасъ-бы откликнулся на зовъ: „господинъ Ступицынъ“. Обмѣна рукожатій съ нимъ тоже почему-то не произошло, не въ модѣ было. Самъ-ли онъ ихъ вывелъ изъ употребленія, чиновники-ли сторонились отъ него, видя его обособленность,—доискаться было-бы трудно.

Въ разговоры Степанъ Ильичъ ни въ какіе не вступалъ кромѣ касающихся службы. Развѣ кто-нибудь изъ чиновниковъ, рассказывая преданія департаментской жизни, допустить неточность хронологическую или перевертеть имя бывшего начальника. Тотчасъ послышится изъ угла комнаты тихій, трудливый голосокъ (иначе не умѣю назвать этого голоса) Степана Ильича:

— Осмѣлюсь замѣтить господину чиновнику Швейкину, что происходило это не въ началѣ 1863, а въ концѣ 1862 года-съ, приблизительно въ пятнадцатыхъ числахъ декабря мѣсяца-съ.

Если „господинъ чиновникъ Швейкинъ“—человѣкъ нетерпѣливый—былъ недоволенъ этимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ и съ досадою замѣчалъ Степану Ильичу:

— Ахъ, ужъ вы вѣчно со своими точностями, не все-ли равно, въ концѣ 62-го или началѣ 63-го,—то Степанъ Ильичъ моментально какъ-то сокрушался, съезжился и въ смущеніи лепеталъ, привставъ за своимъ столомъ:

— Покорѣйше прошу извиненія у господъ чиновниковъ за вмѣшательство мое, я думалъ, что точность...—и, покраснѣвъ, умолялъ всегда на этомъ словѣ. Но случись то же самое опять черезъ десять минутъ, онъ не могъ утерпѣть чтобы не поправить, хотя-бы подъ страхомъ подобно-же холодной дѣши.

Если-же „господинъ чиновникъ такой-то“ былъ деликатнѣе и благодарилъ Степана Ильича за поправку, то онъ расцвѣталъ радостно улыбкой и, привставая, кланяясь, бормоталъ: „не за что-съ, помилуйте-съ, всегда готовъ-съ“, и довольный углублялся вновь въ свои бумаги.

Ну и дѣла-же онъ былъ насчетъ этихъ бумагъ. Никакіе списки, реестры, журналы не могли сравниться съ головой его. Онъ помнилъ все, рѣшительно все. Всѣ отношенія, донесенія, отвѣты на нихъ, предписанія, приказанія, циркуляры, прошенія, — словомъ, вся эта гибель бумагъ, проходившихъ черезъ руки Степана Ильича, журналиста и архиваріуса нашего, укладывалась въ головѣ его въ хронологическомъ порядкѣ. И ужъ если онъ скажетъ, что подобной бумаги нѣтъ, то можно было, кажется, побиться объ закладъ на сколько угодно, что ея не окажется, хоть вверхъ дномъ поверни весь департаментъ. У него, должно быть, голова особенно какъ-нибудь устроена была. Или ему то помогало, что кромѣ департамента онъ ничѣмъ не интересовался, и въ свободное время, въ праздники, наиримѣръ, приходилъ въ департаментъ и цѣлые дни проводилъ за перебираниемъ и пересчитываньемъ старыхъ бумагъ и дѣлъ. Съ какой любовью относился онъ къ каждой бумагѣ, разглаживалъ, подшивалъ къ остальному дѣлу, примѣрялъ какъ-бы это поудобѣе, поакрасивѣ сдѣлать. Нѣкоторыя бумаги, впрочемъ, сердили его, особенно такія, которыя совсѣмъ не подходили подъ форматъ остальныхъ.

— Ишь ты, куцая какая, бормоталъ онъ, когда бумага оказывалась меньше остальныхъ,—и гдѣ это тебя такъ обкарнали!

Еще хуже было, если бумага оказывалась гораздо больше остальныхъ.

— Ну куда я тебя дѣну, блваниху такую большую? И что тебя разнесло такъ! Добро-бы еще бумага пугная, а то такъ себѣ, шальная какал-то. Ну, ну, сгибайся, нечего кобаниваться, надо-же тебя подъ общій форматъ подвести. Не особенный-же шкафъ заказывать для подобнаго сокровища.

Нельзя было доставить Степану Ильичу большаго удовольствія, какъ обращеніемъ къ нему за какою-либо дѣловою справкою. Просто съ наслажденіемъ излагалъ онъ вамъ на память цѣлую перениску по поводу какой-нибудь казенной постройки, которую въ моментъ наведенія справокъ и съ лица земли-то стерли. Если справлявшійся удовлетворился полученными отъ Степана Ильича свѣдѣніями, радость послѣдняя еще усугублялась. Если-же его просили все-таки достать дѣло, то онъ, нѣсколько обиженный, направлялся прямо къ одному изъ бывшихъ въ распоряженіи его полутора десятковъ громадныхъ шкафовъ, совалъ руку, почти не глядя, на одну изъ полокъ и прямо изваскалъ угаданное ему дѣло, бѣгло просматривалъ его, убѣждался въ вѣрности своихъ сообщеній и съ торжествомъ несъ его къ „Ѳому нефѣрному“, какъ мысленно обзывалъ недоумчиваго чиновника.

Всѣ мы, словомъ, пришли къ убѣжденію, что ни департаментъ безъ Степана Ильича, ни Степанъ Ильичъ безъ департамента трехъ сутокъ присутствовать не могутъ. Самъ онъ въ подобныя размышленія не углублялся, но, ложась спать, наиримѣръ, припоминалъ всѣ поступившія за день бумаги, ихъ содержаніе, отвѣты на нихъ, улыбаясь при мысли о томъ, что такъ ловко отвѣтили сегодня на придирку казенной палаты, и засыпалъ въ чашии завтрашняго движенія департаментской воды. А проснувшись утромъ и умываясь, ужъ раздумывалъ о томъ, какія могутъ сегодня поступить къ нему бумаги, старался догадаться о содержаніи ихъ по наружному виду пакетовъ, поступившихъ вчера къ дежурному чиновнику. Остальной жизни

для Степана Ильича не существовало, все шло мимо, не задѣвая его, и онъ шелъ мимо всего, не замѣчая ничего. Былъ еще завѣтный тиковый мѣшечекъ, подъ тюфикамъ, съ пачками депозитокъ, но и его Степанъ Ильичъ пополнялъ или, лучше сказать, всячески старался пополнить, въ ущербъ своимъ удобствамъ и здоровью, больше ради привычки, хотя тутъ и примѣшивалась нѣкоторая доля удовольствія, какого-то наслажденія, при видѣ все утолщавшихся пачекъ. Цѣли, смысла въ этомъ не было. Вся цѣль, весь смыслъ его жизни поглощались департаментомъ.

Такъ жилъ Степанъ Ильичъ, такъ думалъ и умереть, или, не то что думалъ, а такъ долженъ-бы былъ умереть, судя по всему.

Вышло однако иначе. Видно программа жизни Степана Ильича была составлена не согласно съ ожиданіями департаментскихъ чиновниковъ.

На тридцатомъ году службы его (было ему отъ роду къ этому времени лѣтъ около 53) ожидался къ намъ новый директоръ, при Степанѣ Ильичѣ шестой. Всѣ мы, конечно, волновались, наводили справки о немъ, всячески старались узнать что-нибудь о его характерѣ, отношеніяхъ къ служащимъ. Невольно думалось о томъ, какъ-то при немъ служба пойдетъ, не удастся ли выдвинуться какъ-нибудь, или, пожалуй, не поправится еще ему, свѣсть совсѣмъ и съ волосами, если человѣкъ придиричивый. Такія или подобныя мысли волновали всю нашу братію, всю, кромѣ Степана Ильича. Его тоже волновала и безпокоила смѣна директоровъ, но совсѣмъ по другимъ соображеніямъ:

„Вотъ вѣдь не сидится ихъ превосходительствамъ! Чего имъ не хватаетъ у насъ въ департаментѣ! Ну, хорошо еще новышеніе дадутъ, а то вдругъ переходить изъ одного вѣдомства въ другое. Вотъ нашъ ужъ обидѣлся здѣсь и къ дѣлу привыкъ и все такое, а теперь на-вотъ переведется, а къ намъ сажаетъ совсѣмъ изъ другаго министерства. Ну, развѣ можно такъ? Что-же онъ смыслить? Какъ-же онъ будетъ директорствовать? Конечно, дѣло это его, а я-бы ни за что не пошелъ въ другое министерство. Тамъ вѣдь просто какъ безъ рукъ. Эхъ, сидѣли бы лучше на своихъ мѣстахъ, чѣмъ прыгать съ одного на другое. Вотъ вѣдь служу-же я тридцать лѣтъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Ну, да и то сказать: я—и директоръ! Дистанція огромнаго размѣра!“

Дѣйствительно, Степану Ильичу нечего было много заботиться о характерѣ и качествахъ новаго директора. Благодаря „дистанціи огромнаго размѣра“, онъ съ нимъ въ непосредственныя сношенія, можно сказать, никогда не приходилъ; честолюбіе его не мучило, какъ многихъ изъ насъ грѣшныхъ; недовольнымъ-же его работой, кажется, архи-придиричивый человѣкъ не могъ-бы быть;—свѣдѣтельно Степану Ильичу и оставалось только мучиться ожиданіями, такъ-же-ли все останется въ департаментѣ какъ было до сихъ поръ, или явятся ненавистныя ему новшества, измѣнится-ли количество перениски или вѣтъ, такъ-же-ли директоръ дѣло будетъ отгрызаться отъ придирокъ разныхъ другихъ инстанцій какъ прежній или будетъ передъ ними пасовать.

Между тѣмъ получаемыя нами свѣдѣнія и всегда предшествующіе прїѣзду новаго начальника слухи были крайне неутѣшительнаго свойства. Рисовали его эти свѣдѣнія и слухи человѣкомъ сухимъ, безсердечнымъ, раздражительнымъ, придиричивымъ, болѣзненно-самолюбивымъ. Мы и носы повсѣяли. Это, значитъ, должна была быть діаметральная противоположность съ уѣзжавшимъ.

Но вотъ наступилъ конецъ всѣмъ нашимъ волненіямъ и страхамъ.

„Прїѣхалъ, вчера вечеромъ прїѣхалъ“, передавалось въ одинъ прекрасный день изъ устъ въ уста по всему департаменту. Въ тотъ-же день получилось приказаніе собраться всѣмъ чиновникамъ завтра въ двѣнадцать часовъ въ департаментской залѣ и тамъ представиться грозному начальнику. Пошла у насъ въ этотъ день кутерьма. Евстигнѣичъ, предводительствуя цѣлымъ полчищемъ бабъ, вооруженныхъ щетками, тряпками, мочалками, лоханками съ водой, чуть не съ полудня выгналъ насъ изъ департамента. Степанъ Ильичъ и тотъ принужденъ былъ удалиться. Чистили, мыли, скобили, парнали, наводили глянецъ. Просиженный стулъ Степана Ильича убрали и ему поставили новый.

Собрались на другой день въ обыкновенное время. Евстигнѣичъ встрѣчалъ насъ въ передней въ какомъ-то курьезномъ куцомъ мундирчикѣ чуть не Екатерининскихъ временъ; подбородокъ его былъ тщательно выбритъ, а илѣшь, съ остатками изжелта бѣловатыхъ косицъ по краямъ, обильно уснащена деревяннымъ масломъ. Все блестѣло и сияло необычайною для глаза нашего чистотой. Шинель дикенкаго цвѣта висѣла узя на своемъ мѣстѣ. Всякій прїодѣлся какъ только могъ; одинъ Степанъ Ильичъ явился въ обыкновенномъ своемъ трапезномъ костюмчикѣ. Приходя, нѣкоторые еще въ передней передъ зеркаломъ дѣлали репетиціи неограниченно-привлекательныхъ поклоновъ, которыми-бы можно было сразу заполнить начальническое сердце. Торжественность, возбужденное ожиданіе чего-то особеннаго написаны были на всѣхъ лицахъ.

Степану Ильичу не сидѣлось на его новомъ стулѣ. Какъ

пришелъ онъ по утра и увидѣлъ, что пѣтъ его обычнаго сѣдальца, тотчасъ-же наполнио ему въ душу предчувствіе чего-то сквернаго. Евстигнѣичъ, не смотря на всѣ его доводы и просьбы, не согласился поставить стараго стула.

— Помилуйте-съ, Степанъ Ильичъ, шамкалъ онъ своимъ беззубымъ ртомъ, — изъ него вѣдъ потроха совсѣмъ вывалились, до полу висятъ. Нешто это можно при такомъ строгомъ дилектурѣ какъ новый? Воля ваша-съ, никакъ не возможно.

Такъ и отбѣхалъ Степанъ Ильичъ. А на новомъ стулѣ ему ужасно скверно сидѣлось. Ерзалъ онъ по нему взадъ и впередъ, вкривъ и вкось, и никакъ не могъ найти настоящаго положенія: не было той впадины, въ которую онъ привыкъ такъ удобно помѣщаться. Тутъ, напротивъ, сидѣе горбомъ какиъ-то торчала. Еще уславилось этимъ неудобствомъ скверное, безпокойное состояніе его духа и предчувствіе чего-то недобраго; казалось ему, будто недолго придется сидѣть на новомъ стулѣ.

— Умру я что-ли, или захвораю? Иначе что-же можетъ быть? А сосетъ вотъ тутъ что-то, и все въ головѣ вертится, что не долго мнѣ сидѣть на этомъ противномъ стулѣ. Ну, да конечно недолго, попрошу денъка черезъ три Матвея Евстигнѣича, онъ и поставитъ старый. Вотъ тебѣ и объясненіе предчувствія.

Но напрасно старался онъ себя успокоить подобнымъ шутивымъ толкованіемъ. Ему все было не по себѣ.

Наконецъ, время стало подвигаться къ полудню, и мы мало-по-малу начали собираться въ залъ.

Ровно въ двѣнадцать прѣхалъ. Въ передней тотчасъ-же послышался рѣзкій, визгливый голосъ: — Ты что за чучело?

Очевидно обращались къ Евстигнѣичу.

Очень намъ всѣмъ это не понравилось. Почтеннаго нашего Евстигнѣича вдругъ чучелой обозвать! Переглянулись мы молча и ждали, что дальше будетъ. Слышно было, какъ бѣгалъ онъ по комнатамъ, какъ критиковалъ все понадавшееся ему на глаза. Наконецъ, влетаетъ въ залъ. Всѣ наши оборочительные и необорожительные поклоны пропали даромъ; по крайней мѣрѣ, отвѣта на нихъ не восполнѣвало. Началъ онъ съ рѣчи, въ которой прежде всего проглагольвало желаніе поставить себя на высоту недосягаемую; говорилъ о падающемъ въ послѣднее время уваженіи къ начальству, что однако не можетъ имѣть мѣста подъ его управленіемъ. Голосъ его былъ крайне неприятный, рѣзкій, дребезжащій какой-то. Да и вся фигура внушала мало симпатіи. Маленькій, худенькій, но бодрый еще старичокъ, съ зеленоватыми, кошачьими глазами, бгавшими во всѣ стороны, носъ крючкомъ, косички изъ желто-зеленоватыхъ волосъ, растрепавшихся отъ бѣготни по департаментскимъ заламъ,—все это придавало ему неприяный видъ, поневолѣ заставившій насъ всѣхъ, при появленіи его, мысленно воскликнуть: „ну, злоба“.

Въ лѣвой рукѣ у него былъ зажатъ носовой платокъ, который онъ перебиралъ своими сухими крючковатыми пальцами. Вдругъ платокъ падаетъ. Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и Степанъ Ильичъ, бросаются поднимать его. Степанъ Ильичъ скользитъ на паркетѣ и падаетъ на одно колѣно. Встаетъ и, о ужасъ! брюки разсыпались по всему колѣну! Дыра образовалась огромная. Директоръ, принявъ платокъ отъ подававшего его и не поблагодаривъ даже, обернулся въ сторону Степана Ильича. Видно было по поджавшимся губамъ его и наморщившемуся лбу, что фигура пріятели нашего очень ему не понравилась.

— Что это значитъ, милдаръ? завизжалъ онъ. — Вы пьяны, должно быть? Въ какомъ видѣ представляетесь вы начальству? Не чесаны, не бриты, грязны. Стыдно вамъ, милостивый государь! А это что такое? Что это такое, спрашиваю и васъ, завизжалъ онъ съ новымъ приливомъ злобы, потрясая рукой по направленію злополучной дыры.

Печальна, но и комична была фигура Степана Ильича въ эту минуту. Опустивъ голову, разставивъ ноги, разглядывалъ онъ смущенно и растерянно свое колѣно. Директоръ не выдержалъ, наконецъ, подскочивъ къ нему и дернувъ его за рукавъ, зашипѣлъ ужъ какъ-то, съ присвистомъ:

— Съ вами я говорю или пѣтъ? Вы понимаете меня? Или вы совсѣмъ пьяны? Что это такое? А?

— Это... это д...дыра, ваше превосходительство, заинался Степанъ Ильичъ.

Какого отвѣта хотѣлъ его превосходительство на свой вопросъ, не знаю, но этотъ довелъ его до крайнихъ предѣловъ бѣшенства.

— Вы смѣяться надо мной, милдаръ? Смѣяться-съ? Ваша фамилія?

— Степанъ Ильичъ.

— Фамилія ваша! Глухи вы? Фамилія!...

— Степ... Стен... Ступицынъ, ваше превосходительство.

— Подать завтра прошеніе объ отставкѣ!

Сказалъ и исчезъ. Мы всѣ чуть не ахнули. Степанъ Ильичъ такъ и остался съ разнутымъ ртомъ, точно окаменѣлъ. Сразу-то онъ и не понялъ всего роковаго смысла этихъ пяти словъ. Нѣсколько секундъ длилось общее молчаніе. Потомъ со всѣхъ концовъ послышалась сочувственный Степану Ильичу шепотъ. Всѣ окружили его, слышались совѣты пойти попросить извиненія, другіе находили лучшимъ оставить дѣло такъ, расчи-

тывая, что директоръ отдалъ это приказаніе споряча, что онъ больше не будетъ вспоминать о немъ и все пойдетъ по старому. Степанъ Ильичъ, повидимому, ничего не слышалъ. Въ головѣ вертѣлись все эти роковыя пять словъ, не проникали до полнаго сознанія его. Наконецъ, всѣ мало-по-малу разошлись. Слѣдомъ за остальными вышелъ въ присутствіе и Степанъ Ильичъ. Съ растеряннымъ, жалкимъ видомъ пробрался онъ къ своему новому стулу, опустился на него и тутъ вспомнилъ о своемъ предчувствіи. Онъ зарыдалъ. Въ этихъ судорожныхъ, истерическихъ рыданіяхъ слышалось полнѣйшее отчаяніе. Всѣ бросились утѣшать его, принесли воды, старались успокоить разными доводами и соображеніями. Рыданія Степана Ильича прерывались изрѣдка отрывочными словами:

— Въ отставку?... Да какъ-же это?... Вотъ предчувствіе!.. Стулъ новый... Говорилъ Матвеемъ Евстигнѣичу... Не хотѣлъ старый дать... Грѣхъ ему!.. А старый-бы—и ничего-бы не было!..

Ему казалось, что во всемъ виновато его предчувствіе, явившееся вслѣдствіе новаго стула, а слѣдовательно виновать и Матвеемъ Евстигнѣичъ, не хотѣвшій удалить причину этого предчувствія.

— Да полноте, Степанъ Ильичъ, бросьте, слышались со всѣхъ сторонъ голоса. — Пустое это. Ничего не можетъ быть. Вѣдь это была-бы неслыханная мерзость. Мы сейчасъ всѣ отправимся просить за васъ.

Неслыханная мерзость совершилась-таки. Такъ какъ директоръ ужъ уѣхалъ, всѣмъ идти на квартиру къ нему нельзя было; а срокъ подачи прошенія былъ назначенъ на завтра, слѣдовательно, надо было торопиться. Была избрана депутація изъ трехъ чиновниковъ, которая и отправилась на квартиру „къ злобѣ“.

Въ первый разъ депутатомъ не приняла.

„Его превосходительство устали и изволятъ отдохнуть“. Вернулись назадъ. Степанъ Ильичъ тѣмъ временемъ ушелъ изъ департамента. Ушелъ какъ-то внезапно. Успокоившись, сидѣлъ-посидѣлъ неподвижно передъ разложенными бумагами, вдругъ поднялся, не глядя ни на кого, не прощался, вышелъ въ переднюю, накинулъ шинель и отправился было безъ шапки. Кто-то догадался выглянуть на лѣстницу и, видя его спускающимся безъ шапки, разбудилъ Евстигнѣича, задремавшего въ чихаузѣ *) послѣ испытанныхъ тревоженій, и послалъ его съ шапкой въ догонку!

— Подаю это я имъ шапку, рассказывалъ онъ послѣ, — они смотрять на меня и ничего, кажись, не понимаютъ, а лицо у нихъ жалкое-прежалкое. Я шапку-то имъ и надѣлъ. Другъ какъ заплучать опять. Тутъ и меня слеза прошибла. „Что вы, говорю, Степанъ Ильичъ, полноте. Все опять хорошо будетъ. Нешто намъ можно безъ васъ? Это онъ только шальной такой. Одумаетесь еще. Вонъ и меня съ нерваго слова обругалъ, а за что?“ — „Нѣтъ, говорятъ, Матвеемъ Евстигнѣичъ, чувствую я, что всему конецъ. А все стулъ!“ И пошли дальше. А причемъ тутъ стулъ-отъ? Да кабы я думать могъ, что ихъ такъ стулъ безпокоитъ будетъ, такъ ни за что-бы убирать прежняго не сталъ. Нѣтъ, ужъ видно на роду такъ написано. А жалко ихъ! Эхъ ты жистъ, жистъ! заключилъ онъ свой монологъ и, утирая рукавомъ слезящиеся глаза, отправился въ чихаузъ продолжать прерванный сонъ.

Спусти часъ или полтора, депутація наша отправилась опять поинтатъ счастье. Приняли. Едва только заикнулся самый бойкій изъ нихъ о дѣли своего прихода, какъ его превосходительство напустился на нихъ и задалъ такого ходу, что они и жизни-то не рады были. Никакъ-де онъ не ожидалъ въ департаментѣ нашемъ встрѣтить вмѣстѣ чиновниковъ башки-бузукъ, чуть не силою вламывающихъ въ квартиру начальника, чтобы безпокоить его глупыми просьбами за какого-то полуцѣнаго старика (Степанъ Ильичъ, между прочимъ сказать, отъ роду кромѣ воды и кваса ничего не пилъ), совсѣмъ-де это не дѣло подчиненныхъ совать свой носъ въ распоряженія начальства: это, въ нѣкоторомъ родѣ, даже дерзость—подобное коллективное заявленіе и т. п.

— Однимъ словомъ, рассказывалъ одинъ изъ злополучныхъ депутатомъ,—мы такъ и ждали вопроса: ваши фамилія? Подать завтра въ отставку!

Такъ ничего и не сдѣлали. Узнали только, что, если Степанъ Ильичъ не подастъ самъ прошенія, то будетъ просто уволенъ.

На другой день Степанъ Ильичъ не пришелъ. Надо было позаботиться о томъ, чтобы директору не удалось уволить безъ прошенія по неспособности, старости и пьянству (какъ онъ заявлялъ наканунѣ) нашего старика. Рѣшили написать прошеніе, отвезти къ нему для подписи, а при этомъ удобнымъ случаемъ поразвѣдать, какъ онъ переноситъ свое горе.

Директоръ не забылъ справиться, исполнено-ли его приказаніе, подано-ли уже прошеніе. Чтобы оттянуть время, ему сказали, что Степанъ Ильичъ захворалъ, и прошеніе будетъ готово завтра.

— Пьянствуетъ вѣрно, пробурчалъ онъ.

Между тѣмъ Степанъ Ильичъ, придя наканунѣ, къ несказан-

*) Чихаузъ—такъ называлъ Евстигнѣичъ отгороженный для него въ передней досчатой переборкой уголокъ.

воту удивленію Агаѣи и обѣихъ хозяекъ, домой въ 3 часа, бросился на постель лицомъ въ подушки и въ такомъ положеніи пролежалъ почти цѣлыя сутки. Агаѣя приходила къ нему нѣсколько разъ, пробовала заговорить, распросить, что съ нимъ, но такъ и удалялась, не добившись отвѣта.

— Да вотъ бумага одна къ нему. Подписать надо.

— Подписать? Ну не знаю, станетъ-ли онъ тебѣ писать. Лежить пластомъ со вчерашняго дня, слова не добьешься, не ѣсть, не пить и на службу не пошелъ. Болеетъ не боленъ, здоровъ не здоровъ, Богъ его вѣдаетъ, что съ нимъ дѣлается.

Рождество Христово. Первая въ жизни святки. Рис. Юнгъ, грав. Бонгъ.

Въ такомъ-же положеніи засталъ его чиновникъ, привезшій для поднеси готовое прошеніе. Съ трудомъ разыскалъ онъ избушку, гдѣ жилъ горемыка, и попалъ прямо въ кухню къ Агаѣѣ.

— Здѣсь живетъ чиновникъ Ступицынъ?

— Ступицынъ? Нѣтъ, такого не знаю. Чиновникъ одинъ живетъ здѣсь, только зовутъ его Степанъ Ильичъ.

— Ну вотъ, вотъ это онъ и есть. Какъ-же пройти къ нему?

— А тебѣ на что?

— Да онъ больше на службу и ходить не станетъ. Объ томъ и бумага, что онъ на покой просится, въ отставку.

— Онъ-то на покой? Да полно-те врать, непутѣвый. Что онъ безъ службы дѣлать-то станетъ? Онъ безъ нея и жить не можетъ.

— Такъ-то такъ, баушка, да стряслась съ нимъ бѣда, не поправился новому начальнику, тотъ и велѣлъ ему проситься въ отставку.

— Да ты не путаешь-ли чего, милый человекъ? Чѣмъ-же это

Домашній концертъ. Съ карт. Швейцера, грав. Герике.

тихоня нашъ могъ не поправиться? Мухи, кажись, не обидить. Али вы, стрючкие, его оплели?

— Что ты, что ты, баушка, Богъ съ тобой, мы все его такъ жалѣемъ.

— Ну значить что-нибудь не такъ. Пойдемъ проведу, можетъ разберетесь.

Пошли вверхъ по лѣсенкѣ, вошли въ каморку. Степанъ Ильичъ и головы не повернулъ къ входящимъ. Окликнули его, молчать. Наконецъ, чиновникъ подошелъ къ нему.

— Слушайте, Степанъ Ильичъ, не отчаивайтесь. Вы еще человекъ не очень старый, Богъ дастъ другое мѣсто найдете, можетъ еще лучше. Что-жъ дѣлать-то! На кого грѣхъ да бѣда не живуть.

Степанъ Ильичъ привсталъ, сѣлъ на постели. Измѣнился онъ за эти сутки странно. Осунулся, похудѣлъ, сгорбился, словомъ постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Да вотъ прислали меня къ вамъ съ очень неприятнымъ порученіемъ. Директоръ требуетъ чтобы вы подали въ отставку, вотъ я и привезъ прошеніе подписать.

Степанъ Ильичъ не сказалъ ничего, только при словѣ „отставка“ вздрогнулъ какъ-то весь, какъ будто его стегнули, или больно укололи чѣмъ-нибудь, всталъ съ постели, шатаясь, подошелъ къ столу и дрожащей рукой подписалъ свою фамилію.

— Вотъ и аминь, прошепталъ онъ, вернулся къ кровати и опять повалился на нее.

— Правда, значить? произнесла стоявшая у притолки Агафья и съ неудовольствіемъ, даже болѣе, враждебно посмотрѣла на стоявшаго у стола и собиравшаго бумаги вѣстника несчастья. Тотъ было думалъ опять обратиться къ Степану Ильичу съ угѣшеніями, но она прервала его на первомъ словѣ:

— Оставь, оставь его. Иди съ Богомъ. Безъ тебя управимся. Сперва нагадить человекъ, а потомъ такой-сякой, писанный не мазаный, сахарный не паточный. Ступай, ступай!

— Да, голубушка, развѣ я виню...

— Да ужъ ладно, иди, иди, нечего тебѣ здѣсь дѣлать.

Такъ и пришлось уйти, не разубѣдивъ Агафью въ томъ, что вѣстникъ невиновенъ въ принесенномъ извѣстіи.

Выпроводивъ „строюкаго“, Агафья постола еще у притолки, покликала безуспѣшно Степана Ильича, вытерла слезинку и пошла внизъ.

— Эка вѣдь чтъ стряется съ человекомъ! Ну за чтъ выгнали? ну добро-бы нынцествовалъ, али грубинилъ, али что другое. А тутъ па-късь! Чѣмъ онъ тамъ этому начальнику ихнему не показался? Ну, ладно, и ты, братъ, за это Богу отвѣтнись, а тихоня не пропадетъ, не бойся. Его-то Онъ не оставитъ.

Степанъ Ильичъ пролежалъ еще нѣсколько времени, потомъ всталъ, прошелъ черезъ кампату и опустился на стулъ.

— Вотъ и аминь! еще разъ повторилъ онъ.—Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерка. Что-же теперь будетъ? Они тамъ все въ департаментѣ, и завтра пойдуть, и послѣ-завтра, а ты никогда, никогда больше. Господи, за что-же это? Такъ вдругъ все куда-то пропало, провалилось. Что-же я теперь?

Дѣйствительно, что-же онъ теперь? Проживъ весь свой вѣкъ съ одной заботой о департаментскихъ бумагахъ, не имѣя никакихъ другихъ интересовъ—вдругъ лишиться этой заботы, этой *conditio sine qua non* его существованія. Съ тѣхъ поръ какъ онъ себя помнилъ до поступленія на службу, онъ не зналъ другой заботы какъ о самомъ себѣ, объ огражденіи себя отъ щелчковъ судьбы. Привязанностей у него ни къ кому не было. Любилъ-ли онъ рано умершаго отца, этого онъ не помнилъ. Матери онъ не любилъ, да этого и ожидать-то трудно было. Хорошие люди, позаботившіеся о немъ, ограничили тѣмъ, что платили за содержаніе его первоначально въ чужой ему семьѣ, гдѣ его скверно кормили, дрянно одѣвали и плохо учили, да еще попрекали каждымъ пустякомъ, а потомъ въ казенномъ учебномъ заведеніи, гдѣ онъ былъ на полномъ пансіонѣ и откуда, выйдя до окончанія курса за малосѣбностью, попалъ прямо на службу, благодаря счастливой случайности. На этой службѣ, на этихъ бумагахъ, проходившихъ черезъ его руки, и концентрировались все неудовлетворенныя стремленія его недалекаго ума, все ненашедшіе прижизненія въ жизни порывы его сердца. И вотъ все это отнялось! Куда-же теперь? Не связно-же начинать жизнь? Совѣтъ новыя, непривычныя мысли толпились въ головѣ его.

„Одинъ, совѣтъ одинъ. Никто не любить, никому не нуженъ. Сдохни я сейчасъ—и никому дѣла до этого пѣтъ. Господи, для чего же я жилъ? Для глухихъ, никому не нужныхъ бумагъ? Для денегъ? Да, я сконилъ ихъ не мало. Но кому онъ нужны? Вотъ, онъ тутъ. Вотъ, вотъ мѣшокъ. Вотъ куча бумажекъ. Но что же я съ ними дѣлать-то буду? Кутить начну или женюсь? Дуракъ ты старый, на чтъ ты убилъ всю жизнь? Не додалъ, не допивалъ, жилъ въ холодной, сырой конурѣ, слушалъ чашами бредъ старыхъ злоючекъ, жалѣя грошей на керосинъ. Зачѣмъ морозилъ я старыя кости зимой въ драпой шинелишкѣ и прѣлъ въ ней лѣтомъ? Зачѣмъ одѣвался какъ нищій? О, проклятыя! Во всемъ вы виноваты. Не будь васъ, не копи я васъ, будь я одѣтъ какъ другіе въ новомъ вицмундирѣ, не въ рваныхъ штанахъ, ничего бы не было. Тутъ не стулъ, не Матвѣй Евстигнѣичъ, а все вы, проклятыя! Господи, какъ скверно! Уме-

реть бы хоть... А въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь не долго. Пѣтъ, пѣтъ, прости Господи эти мысли! Но чтъ же, чтъ же будетъ? Господи, не оставь меня грѣшнаго! Господи, научи меня! Господи дай мнѣ отвѣтъ, чтъ мнѣ теперь дѣлать?“

Въ эту минуту въ воздухѣ пронесся густой звукъ соборнаго колокола, призывавшаго ко всенощной.

„Господь зоветъ меня“, пронеслось въ головѣ его.

Стремительно вскочилъ онъ. Лежавшія на колѣвахъ деньги упали на полъ. Сорвавъ съ гвоздя шинель, онъ кое-какъ накинулъ ее и почти бѣгомъ бросился изъ комнаты. Дверь такъ и осталась полурастворенною. Онъ бѣжалъ къ собору, не замѣчая звукъ, въ который попалъ на каждомъ шагу, не чувствуя пронзительнаго апрѣльскаго вѣтра, подхватывавшаго его на каждомъ шагу, развѣивавшаго полы его шинели и бросавшаго ему въ лицо цѣлые потоки холоднаго дождя. Люди сторонились отъ него, видя его стремительность, и, покачивая головой, смотрѣли ему вслѣдъ. Онъ никого и ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ кромѣ гудѣвшаго все ближе и ближе и какъ будто все ласковѣй и ласковѣй колокола.

„Придите ко мнѣ все труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы“, вспомнились Степану Ильичу недавно слышанныя слова Евангелія.—„Господи, упокой меня, научи меня, укажи, для чего я жилъ, для чего мнѣ жить, отвѣтъ мнѣ.“

Съ этой мыслью вошелъ онъ въ полупустой еще храмъ. Сразу охватила его торжественная тишина; полумракъ высокихъ сводовъ прорѣзывался только однимъ огонькомъ лампы передъ образомъ Тайной Вечери надъ царскими вратами.

„Данъ-ли Ты, Господи, мнѣ такой же огонекъ во мракѣ моей жизни?“

И полилась съ устъ его горячая молитва. Началась служба, торжественная вечерняя служба, но онъ не слышалъ ея, не слышалъ басистаго дьякона, не слышалъ возгласовъ старика-протоіерея, не слышалъ пѣспойнѣй хора.

„И молитва вѣры спасетъ болящаго“, опять вспоминались ему слова Св. Писанія, и снова, и снова падали онъ ницъ передъ ликами иконъ, среди которыхъ выдѣлялся яснымъ, любвеобильнымъ выраженіемъ образъ Спасителя.

Молитва нѣсколько успокоила его.

„Ну что же“, думалось ему, — „нѣтъ департамента и не надо. Оно и не могло и не должно было такъ продолжаться. Развѣ я былъ человекомъ? Исполнилъ-ли я хоть одну изъ заповѣдей Господнихъ? Да, я не убивалъ, не крадъ, не лжесвидѣтельствовалъ, но и только. Главное-то, главное гдѣ же во мнѣ? Сдѣлалъ-ли я хоть что-нибудь для другихъ, любилъ-ли я хоть кого-нибудь во всю свою долгую жизнь?“

Если-бы ему вотъ сейчасъ, въ эту минуту предложили вернуться въ департаментъ, начать прежнюю жизнь, въ точно такомъ же родѣ, онъ бы, вѣроятно отказался. Въ департаментѣ бы онъ вернулся, но ужъ теперь его вышло изъ прежней колеи, въ которой столько лѣтъ катилась безмятежно и безотчетно жизнь его. Въ немъ пробудилось сознаніе ничтожества мелкихъ интересовъ, руководившихъ имъ всю жизнь,—мелкаго самолюбія, удовлетворявшагося сознаніемъ, что никто въ департаментѣ не знаетъ и не помнитъ лучше его накалывающейся въ архивѣ книги бумагъ, содержаніе которыхъ исчерпывалось тремя словами,—черстватаго эгоизма, заставлявшаго его въ свое время заключиться подобно улиткѣ въ свою раковину и просидѣть въ ней до сегодняшняго дня, зажмуривъ глаза на остальную жизнь со всеми ея страданіями и горестями и заткнувъ уши отъ стоновъ ихъ жертвъ. Онъ сердцемъ чувствовалъ, что не исполнилъ своей задачи въ жизни.

„Но чтъ же теперь будетъ? Все то же самое? Кого же я люблю? Никого, рѣшительно никого. А меня? Кто во мнѣ нуждается? Никто! Господи, какъ горько, какъ скверно! Отвѣтъ же мнѣ, Господи! Помолись за меня, Стефанъ преподобный!“

Ему вспомнилось, что это канунъ дня ангела, 26 апрѣля, а 27 памятъ Стефана преем., епископа Владимѣрскаго. Противъ воли въ душѣ опять поднялось горькое чувство: именно наканунѣ дня ангела, дня радостнаго и веселаго для другихъ, должна была совершиться съ нимъ служебная несправедливость, долженъ былъ онъ придти къ сознанію безсмыслия всей протекшей его жизни и безцѣльности предстоящей.

Служба кончилась. Народъ почти ужъ весь вышелъ изъ церкви. Сторожа гасили свѣчи и лампы, съ удивленіемъ поглядывая на одиноко стоящаго впереди, у клироса, Степана Ильича. Онъ наконецъ замѣтилъ, что и ему пора уходить.

„Такъ гдѣ же отвѣтъ?“ думалось ему. — „А я-то слышалъ, надѣялся.“

Горько ему было. Кругомъ веселыя, ясные лица, кругомъ голоса, разговоры, шутки среди кучекъ, удалившихся отъ церкви богомольцевъ, а онъ—одинъ, совѣтъ одинъ. Побрелъ домой. Повернулъ съ главной, освѣщенной улицы въ одинъ изъ переулковъ, безконечный лабиринтъ которыхъ надо было пройти, чтобы добраться до пенатовъ его, и сразу надвинулась на него, охватила его сырая мгла апрѣльской ночи.

„Вотъ тебѣ и отвѣтъ“, горько повторялъ онъ себѣ. „Все та же пустота, все тотъ же мракъ. Ей, ей лучше бы умереть! А какъ же деньги мои? Кому онъ теперь дост...?“

Въ эту минуту молніей прорѣзала мозгъ его мысль о томъ, что деньги остались лежать среди пола, что дверь чуть не на-

стежь отворена. Какъ, и это потерять? Нѣтъ, цѣтъ, бѣжать скорѣй, можетъ быть не поздно.

— Извозчикъ, извозчикъ! пронесся хриплый крикъ его.

Онъ бѣжалъ по переулку, сухими губами бормоча:

— Охъ, только бы не поздно. Только бы никто не зашелъ а те Агафья или хозяйка зайдутъ и подберутъ, и тогда все пропало!

Забыто было все! Забылись недавнія сомнѣнія и размышленія о неисполненномъ долгѣ въ жизни и необходимости любви, забыта была молитва и Богъ. „Нельзя служить двумъ господамъ: Богу и мамонтѣ“ и мамона взяла верхъ, въ сердцѣ проснулась алчность. Стенанъ Ильичъ бѣжалъ, спотыкаясь и призывая извозчика, пока, наконецъ, не вынырнулъ изъ-за угла какой-то заноздалый.

— Извозчикъ, подавай скорѣй! Господи, какъ онъ тихо поворачивается! Неужели я оновдаю? Неужели ихъ ужъ взяли кто-нибудь!

Вотъ онъ добрался до извозчика и запоситъ погу, чтобы вскопичить на пролетку. Но тутъ отъ забора отдѣлилось какое-то маленькое существо, какал-то кучка лохмотьевъ, и Стенанъ Ильичъ почувствовалъ, что его кто-то схватилъ сзади за полу шинели и въ ту же минуту услышалъ за спиной пискливый голосокъ:

— Дядя, подай сироткѣ на хлѣбъ, тятки нѣтъ, мамы нѣтъ.

Стенанъ Ильичъ старается вырвать шинель, но окаменѣвшія ручки цѣпко ухватились за нее, а посинѣвшія губы настойчиво твердятъ:

— Дяди, дяди, подай сироткѣ!

Стенанъ Ильичъ горѣлъ петерифіемъ. Повернувшись, заноситъ онъ руку, чтобы ударить ненавистнаго попрошайку, мѣшающаго ему. Ребенокъ инстинктивно, какъ бы защищаясь отъ удара, поднялъ ручки надъ головой и съ мольбой простоналъ:

— Дядя, не бей Степку!

— Степку!.. Господи! Стефанъ преподобный! Ты Стенка?.. Ты сиротка? Ни отца, ни матери?.. Такъ вотъ... вотъ когда Господь отвѣтилъ!

Тутъ же въ грязи опустился онъ на колѣна, прижалъ къ груди плакавшаго ребенка и, перекрестившись широкимъ крестомъ, прошепталъ:

— Неисповѣдимы судьбы Твои, Господи! Ты указываешь

мнѣ путь ко спасенію отъ самого себя, своей злобы и ничтожества. Благодарю Тебя за отвѣтъ, за тотъ веселый праздникъ, который Ты приутоговалъ мнѣ ко дню моего ангела.

Отвѣтъ былъ данъ. Съ этого дня жизнь пріобрѣла дѣйствительный смыслъ и цѣну для Стенана Ильича, а равно и безцѣльно скопленные деньги, въ цѣлости и сохранности найдены имъ по возвращеніи на полу.

Ребенокъ, оказавшійся круглымъ сиротой, остался у него. Стенанъ съ матерью, занимавшейся нищенствомъ, на-дняхъ только прибылъ въ нашъ городъ. За сутки до описанной нами встрѣчи съ нимъ Стенана Ильича мать умерла въ городской больницѣ, куда была доставлена изъ участка. Пыльная была она подобрана на улицѣ, а въ участкѣ у нея оказались признаки бѣлой горячки. Передъ смертью она бредила о какомъ-то Степкѣ, но такъ какъ ребенка при ней не было, когда ее подбирали, то на бредъ ея вниманія не обратили. Фраза насчетъ сиротства, внушенная еще матерью съ цѣлью разжалобить людей, когда ребенка посылали одного побираться, до сихъ поръ безосновательная ложь шестилѣтняго малютки, на этотъ разъ оказалась правдой.

Съ этихъ поръ Стенанъ Ильичъ зажилъ полною, осмысленною жизнью человека. У него была цѣль, были интересы кромѣ департаментскихъ. Говорю: кромѣ департаментскихъ, потому что ему не пришлось покинуть службы. Какъ только по городу разнеслась вѣсть о пріемѣ его, всѣ влательшіи лица города приняли въ немъ участіе и убѣдили директора оставить его на службѣ, такъ какъ прошение еще не было дано дальнѣйшій ходъ. Но ужъ это былъ не тотъ Стенанъ Ильичъ, хотя и оставался до конца дней своихъ исполнительнымъ, исполнительнымъ служакой.

Стенка доставилъ не мало радостныхъ, счастливыхъ часовъ своему пріемному отцу, хотя не обходилось и безъ огорченій, особенно первое время, когда онъ оказалъ рѣшительное предпочтеніе Агафѣ, но собственной инициативѣ переселившейся къ „тихонѣ“, когда онъ занялъ маленькую квартирку, и Стенанъ Ильичъ въ душѣ ревновалъ его къ ней.

Рѣдко мнѣ приходилось видѣть болѣе довольныхъ, счастливыхъ, веселыхъ людей, чѣмъ это тріо.

Къ рисункамъ.

На елку. (Рис. на стр. 1329, 1332, 1333, 1337, 1344 и 1349).

Прилагаемый рядъ рождественскихъ рисунковъ говоритъ самъ за себя, не требуя никакихъ поясненій. Пока въ большихъ городахъ устраиваются цѣлыя базары елокъ (стр. 1349), до того громадныхъ, что иному мальчугану, посланному за елкой, и не подъ силу дотащить ее домой (стр. 1333); пока по домамъ весело горятъ цѣлыя иллюминаціи и раздаются подарки самымъ маленькимъ дѣтямъ (стр. 1337 и 1344), а болѣе взрослые погружены въ разсматриваніе интересныхъ книжекъ на елку (стр. 1329), въ глухой провинціи, церковный причтъ объѣзжаетъ своихъ прихожанъ по рождественскому морозу, лѣсными проселками (стр. 1332), перѣдко къ ночи, дабы каждый селянинъ встрѣтилъ великій праздникъ по христиански. А затѣмъ пойдетъ уже обычное свѣточное веселье, славленія и колядки, гаданья, ряженые, катанье съ горъ и т. д.

Царица, посѣщающая колодниковъ.

(Рис. на стр. 1340 и 1341).

Русскіе цари, съ поковъ вѣка, славились своею широкою, многообразною и щедрою благотворительностью. Въ древней Московской Руси, милостыня и раздача ея по назначенію составляли одну изъ самыхъ яркихъ бытовыхъ чертъ въ жизни пашихъ царей и царицъ. Не говоря уже о томъ, громадномъ количествѣ всякихъ раздачъ — деньгами, пищею и хлѣбомъ, — которыя ежедневно производились изъ дворца и его житныхъ и запасныхъ дворовъ, но желанію царя и царицы (у каждаго на его особой половинѣ), въ самомъ дворцѣ постоянно жили такъ-называемые „верховные“ (т. е. дворцовые) нищіе старцы и старцы, на постоянномъ содержаніи и полпомъ пѣдивеніи. Но и все это еще казалось недостаточнымъ: въ кауны великихъ праздниковъ, особенно Рождества Христова и Свѣтлаго Христова Воскресенія, царицы и цари сами ходили по тюрьмамъ, въ сопровожденіи своихъ ближнихъ бояръ и боярынь, и раздавали „изъ своихъ рукъ“ заключеннымъ калачи, холсты на рубахи и деньги. Этотъ трогательный обычай послужилъ темою для картины нашего талантливаго художника, бар. М. П. Клодта, помѣщенной въ нынѣшнемъ № *Нивы*. Чтобы оцѣнить всю правдивость этого художественнаго произведенія, необходимо вспомнить, что тюрьмы того времени не были похожи на нынѣшнія мѣста для заключеній, о которыхъ заботятся всякіе благотворительные комитеты, строительныя комиссіи и цѣлыя особыя учрежденія. Тюрьмы XVI и XVII вѣка были истиннымъ царствомъ мрака и отчаянія, въ которомъ заключенные жили среди обстановки, исключавшей всякій номыселъ о гигиенѣ или какихъ-бы то ни было, даже элементарныхъ удобствахъ жизни. Протопопъ Аввакумъ, въ нѣсколькихъ строкахъ

своей знаменитой автобіографіи, оставилъ намъ такую страшную характеристику современныхъ ему тюремъ, что волосъ подымается дыбомъ, когда читаешь эти строки, полныя желчнаго сарказма... Можно-же себѣ представить, каковы радостнымъ, свѣтлымъ, дивнымъ и памятнымъ на всю жизнь явленіемъ былъ для каждаго изъ заключенныхъ тотъ счастливый мигъ, когда въ это царство мрака и отчаянія сходила, какъ свѣтлый, благовѣстящій ангелъ, сама царица! Когда она, покидая блескъ и роскошь своего дворца, забывала о высотѣ и славіи своего положенія, спускалась въ сырое и мрачное подземелье, пропитанное зловреднымъ воздухомъ, переполненное людьми всѣхъ званій и возрастовъ, — огнирались, скрипи, тяжкія, окованныя желѣзомъ двери, проникала изъ-за нихъ въ тюрьму струя свѣжаго воздуха, проникалъ и давно забытый заключенными свѣтъ солнечный; а вслѣдъ затѣмъ — являлась матушка-царица, одѣтая въ смиренное, простое платье, окруженная своими боярынями и служней съ коробами и корзинами, сопровождаемая игуменьями и старицами кремлевскихъ монастырей. Она являлась, какъ добрый ангелъ, съ свѣтлымъ взоромъ, съ добрымъ словомъ утѣшенія, съ теплымъ желаніемъ помочь, поддержать несчастныхъ, облегчить ихъ участь. И это явленіе надолго оставалось въ душѣ каждаго изъ колодниковъ и заключенниковъ и служило для него опорой въ его мрачномъ подземельи — охраною отъ ужасовъ отчаянія и злобнаго ропота на Бога, на судьбу и на людей. Такія картины, какъ картина М. П. Клодта, представляютъ намъ торжествомъ искусства: въ прекрасныхъ, художественныхъ образахъ онѣ сближаютъ насъ съ лучшими сторонами нашей древне-русской дѣйствительности и побуждаютъ насъ относиться съ уваженіемъ и любовью къ нашему прошлому.

Домашній концертъ. (Рис. на стр. 1345).

Талантливый молодой пѣмечій художникъ, Карлъ Швенигеръ, уже знакомъ, по своимъ произведеніямъ, читателямъ *Нивы*. Его картины „Судъ Париса“, „Была роскошная весна“, помѣщенные въ №№ 39 и 47 нашего журнала за нынѣшній годъ, равнымъ образомъ и прелестная картина, гравюру съ которой можно найти на стр. 1345 настоящаго нумера, даютъ определенное понятіе о родѣ и манерѣ живописи Швенигера. Родившись въ 1854 году, онъ учился у своего отца, тоже извѣстнаго художника-пейзажиста, Карла Швенигера, долгое время пробуя свои силы въ разныхъ отрасляхъ живописи. Онъ писалъ ландшафты, затѣмъ картины религіознаго и мнѣологическаго содержанія, пока не остановился на жанровыхъ сценахъ во вкусѣ Возрожденія и рококо. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ также картина „Домашній концертъ“, въ которой замѣ-

Силуэты проф. Н. Сверчкова. Грав. Ангереръ.

Рождество Христово. На рождественскомъ базарѣ. Рис. Гензслеръ, грав. О. Ротъ.

чательно тонко и грациозно передана, простая по содержанию, сцена блестящего времени первой половины XVIII вѣка.

Силуэты Сверчкова. (Рис. на стр. 1348).

Закачиваемъ прилагаемый рисунокъ серію силуэтовъ,

Библиографія.

Н. И. Гродековъ. *Хивинскій походъ 1873 г.* Дѣйствія Кавказскихъ отрядовъ. Изд. второе, значительно дополненное. СПб. 1888.

Это новое издание замѣчательной книги г. Гродекова, ставшей чуть не сивачною относительно Средней Азии, украшено нѣсколькими портретами русскихъ генераловъ (Кауфманъ, Ломакинъ, Веревкинъ и др.) и туземныхъ вождей, множествомъ рисунковъ и карты путей отъ Каспійскаго моря въ Хивинское ханство. Книга издана весьма изящно, печатана на лучшей бумагѣ и безукоризненно въ типографскомъ отношеніи.

Сельскій календарь на 1889 г. Составилъ Яковъ Абрамовъ. Изданіе Ф. Павленкова. Цѣна 20 к. СПб.

Чрезвычайно полезная въ сельскомъ быту, справочная книжка, содержащая, кромѣ календарныхъ свѣдѣній, свѣдѣнія о законахъ, объ общественныхъ учрежденіяхъ, по сельскому хозяйству, скотоводству, строительному отдѣлу, лѣчебные совѣты и

печатавшихся въ теченіе нынѣшняго года. Эти картинки, скопированныя на картоны и затѣмъ вырѣзанныя, могутъ доставить пріятную забаву дѣтямъ на святкахъ, если держать ихъ противъ свѣчи въ недалекомъ отъ нея разстояніи, такъ, чтобы громадная тѣнь ихъ пролагалась на стѣну.

проч. Текстъ поясненъ многочисленными рисунками.

Изданіе коммерческой скоропечатни подъ фирмою „Евгеній Тиле“. *Дневникъ (Geschäfts-Tagebuch)*. Справочно-настоящий календарь (съ пропускною бумагой) для конторъ, правит. и обществ. учреждений и части. лицъ на 1889 годъ. СПб.

Весьма практичное изданіе, въ которомъ каждая страница (въ поллиста писчей бумаги) раздѣлена на семь частей, по числу дней недѣли, съ печатными ихъ заголовками, а рядомъ съ ней листъ пропускной бумаги; такъ что можно поторопясь дѣлать всевозможныя замѣтки на любой день цѣлаго года и тотчасъ захлопывать книгу.

Вышли новыя книги: романы Максима Бѣлинскаго (Г. И. Яенинскаго): „Великій чловѣкъ“, „Искра Божія“, „Добрая фея“; П. А. Лейкина: „Въ ожиданіи наслѣдства или страница изъ жизни Кости Березкова“.

Политическое обозрѣніе.

Рождественскіе праздники приостановили политическую дѣятельность заграничю. Наступило обычное затишье и политическіе дѣятели, торопливо завершивъ свои работы, отдыхаютъ отъ трудовъ праведныхъ, чтобы съ новыми силами въ новомъ году завертѣть колесо политической жизни. Въ Лондонѣ 11 декабря парламентъ закрылся тронною рѣчью. Въ тотъ же день, т. е. наканунѣ Сочельника заграничю, сенатъ въ Парижѣ принялъ бюджеты министерствъ финансовъ, юстиціи, почты и телеграфовъ, исповѣданій и иностранныхъ дѣлъ въ той редакціи, въ какой бюджеты эти приняты были палатою депутатовъ. За 2 дня до того владѣльцы акцій и облигацій компаніи Панамскаго канала вотировали резолюцію, въ которой заявили, что впродъ до открытія канала отказываются отъ полученія платежей по купонамъ и погашенію. Такая же резолюція принята общимъ собраніемъ владѣльцевъ панамскихъ акцій въ Бордо. Все это дѣлается съ шумомъ, торопливо, съ желаніемъ порѣшить съ открытыми вопросами такъ или иначе до праздниковъ. Только приближеніемъ ихъ и нежеланіемъ подымать повне вопросы и возбуждать новыя предложенія и событія можно объяснить, что послѣднія явленія во французскомъ сенатѣ закончились скоро и бесслѣдно. 7 декабря, когда въ немъ было приступлено къ обсужденію бюджета, Шаллемель-Лакуръ произнесъ рѣчь, въ которой выставилъ на видъ, что теперь дѣло идетъ не только о будущности финансовъ, но и о будущности Франціи. Ораторъ энергично нападалъ на радикализмъ и на нынѣшній кабинетъ и доказывалъ, что пора вернуться къ политикѣ, руководимой здравымъ смысломъ. Въ заключеніе онъ обратился къ правой съ предложеніемъ соединиться съ тѣми членами лѣвой, которые стоятъ за порядокъ и свободу и такимъ образомъ спасти отечество. Рѣчь Шаллемель-Лакура была привѣтствована восторженными кликами, всѣ сенаторы встали со своихъ мѣстъ и Сѣ потребовалъ, чтобы рѣчь Шаллемеля была напечатана и опубликована во всѣхъ общинахъ. Шаллемелю возражалъ Флоке и настояло неосторожно, что вызвалъ протестъ со стороны многихъ сенаторовъ. Побѣдовавшая затѣмъ рѣчь Сѣ и Толена и заключеніе Флоке сильно возволновали собраніе „политическихъ инвалидовъ“, какъ называютъ въ шутку французскій сенатъ, и засѣданіе было закрыто среди сильнаго возбужденія. Въ Парижѣ съ интересомъ ожидали послѣдствій инцидента. Наступилъ слѣдующій день, Рождество приблизилось на 24 часа, бюджетъ еще не разсматривался. Открылось засѣданіе сената и прежде всего Сѣ взялъ назадъ свое предложеніе относительно опубликованія рѣчи Шаллемеля. Булажистъ Наке возобновилъ было предложеніе и собирался взойти для этого на трибуну, но поднялся такой шумъ, что онъ не могъ говорить и вынужденъ былъ оставить залу засѣданій. Вслѣдъ затѣмъ предложеніе было отвергнуто и сенатъ приступилъ къ обсужденію бюджета, который, какъ мы уже замѣтили, принятъ для нѣкоторыхъ министерствъ безъ всякихъ поправокъ. Такимъ образомъ, не смотря на прекрасную рѣчь въ ораторскомъ отношеніи бывшаго радикала Шаллемель-Лакура, въ которой онъ выставлялъ на видъ ошибки республиканской партіи и указывалъ на опасности, коими грозитъ Франціи радикализмъ, и также не смотря на поддержку Леона Сѣ, потребовавшего, чтобы рѣчь эта была опубликована во всей странѣ, произведенное Шаллемелемъ на кабинетъ нападеніе усѣха не имѣло.

Въ италіанской палатѣ депутатовъ 10 декабря обсуждались военныя кредиты. При этомъ, Криспи заявлялъ, что Италія войны не желаетъ, но должна дополнить свои вооруженія помимо соображеній — придется ли ей дѣйствовать въ союзѣ съ средне-европейскими державами или *изолированно*. Министръ присо-

вокунилъ, что Италія слѣдуетъ идти впередъ паравиѣ съ другими державами. Этого же хотѣли великій король, великій государственный мужъ, Кавуръ, и великій полководецъ, Гарibaldi. Ссылаясь на воспоминанія объ этихъ великихъ дѣятеляхъ, Криспи потребовалъ выраженія довѣрія. И палата депутатовъ въ Сочельникъ, 12 (24) декабря, одобрила законопроектъ о чрезвычайныхъ военныхъ и морскихъ мѣропріятіяхъ и законопроектъ о подготовкѣ желѣзныхъ дорогъ къ мобилизаціи войскъ. Затѣмъ палата поторопилась отсрочить свои засѣданія до 3 (15) января будущаго года.

Подобная уступчивость замѣтна у короля Милана. Быть можетъ здѣсь вызываютъ ее не одно примиряющее всѣхъ праздничное время, но и другія обстоятельства. Но по какимъ-бы ни было причинамъ, а Сербскій король вдругъ сдѣлался чрезвычайно уступчивъ и со всѣми предложеніями радикаловъ охотно (!) соглашается. Такъ въ *Correspondance de l'Est* телеграфируютъ изъ Бѣлграда: „Въ общемъ собраніи комисіи 8 декабря, по пересмотру конституціи, радикалы предложили принять безъ преній статью о прерогативахъ короля съ тѣми измѣненіями и уступками, которыя король въ ней сдѣлалъ. Король въ прочувствованныхъ выраженіяхъ благодарилъ за лояльную предупредительность и затѣмъ по собственной инициативѣ отказался отъ исключительнаго права заключать торговые договоры, заявивъ, что въ этомъ отношеніи онъ всегда будетъ дѣйствовать по предварительному соглашенію съ скупщиною. Вслѣдствіе всего этого между королемъ и радикалами якобы установилось согласіе“. Но по другой депешѣ изъ Бѣлграда, въ томъ-же засѣданіи комисіи неугомонные радикалы снова стали дѣлать возраженія противъ нѣкоторыхъ статей конституціи; король отнесся и къ этимъ возраженіямъ благосклонно. Послѣ преній назначена была подкомисія, которой поручено формулировать предложенныя радикалами измѣненія. Докладъ подкомисіи 10 декабря представленъ въ полное собраніе и по настоянію короля, комисія по пересмотру конституціи приняла всѣ предложенныя радикалами измѣненія въ проектъ новой конституціи, подписанъ всѣми членами комисіи.

Интересны извѣстія, получаемыя изъ Вѣны о положеніи дѣлъ въ Бѣлградѣ. По депешѣ отъ 9 декабря, король Миланъ ожидаетъ, что большинство скупщины одобритъ проектъ конституціи, хотя противъ него и будетъ возражать значительная часть радикаловъ. Затѣмъ учреждено будетъ министерство Ристича; если между радикалами не произойдетъ раскола, Миланъ немедленно распустилъ скупщину и совершенно приостановитъ пересмотръ конституціи, а въ случаѣ надобности объявитъ и осадное положеніе. Король обращался за совѣтами къ нѣсколькимъ дипломатамъ и совѣщался съ генералами. Протичъ заявилъ, что на предашность войскъ, расположенныхъ въ Бѣлградѣ, король можетъ вполне положиться. По повелѣнію короля, солдатамъ увеличено содержаніе и довольствіе. Черезъ два дня телеграфъ принесъ оттуда извѣстіе, что въ Вѣнѣ преобладаетъ мнѣніе о рѣшеніи короля Милана, въ крайнемъ случаѣ, отречься отъ престола и что немедленно послѣдъ затѣмъ скупщина сдѣлаетъ демонстрацію въ честь короля Александра, послѣ чего радикалы внесутъ приготовленный ими проектъ конституціи и достигнутъ его одобренія. Нѣкоторыя изъ вѣнскихъ газетъ доказываютъ, что въ Сербіи дѣло кончится скорѣе отреченіемъ короля, чѣмъ революціей. Венгерскіе оппозиціонныя органы съ сильнымъ неудовольствіемъ заявляютъ, что король Миланъ имѣетъ теперь сношенія только съ г. Персиани и даетъ сербской политикѣ направленіе, совершенно соответствующее видамъ Россіи.

Разныя извѣстія.

Дѣла церкви.

— Въ память катастрофы 17 октября, Самарское губернское земское собраніе, 9 декабря ассигновало десять тысячъ рублей на постройку храма при вновь открытомъ домѣ душевно-больныхъ; Харьковское губернское земское собраніе 11 декабря ассигновало 60,000 руб. на устройство храма на мѣстѣ катастрофы 17 октября со странноприимнымъ домомъ и пріютомъ для раненныхъ.

— 27 ноября освящена мѣстнымъ епископомъ Мартиніаномъ первая въ Таврической епархіи православная церковь устроенная въ нѣмецкомъ менонитскомъ селеніи Гальбштадтѣ, Бердянскаго уѣзда, для православныхъ русскихъ рабочихъ. При церкви построена школа на пятьдесятъ учениковъ, службы и квартира учителю.

— 19 сентября текущаго года, на Новой-Землѣ (въ Архангельской епархіи) освящена церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая. Освященіе совершено іеромонахомъ Іоною, въ сослуженіи съ іеромонахомъ Проконіемъ. На освященіи и литургіи кромѣ всѣхъ проживающихъ на Новой-Землѣ самоѣдовъ, были и другіе богомольцы — поморы, прибывшіе туда для промысловъ.

— 13 ноября, въ гор. Лодзи, въ мѣстной Александро-Невской церкви совершено присоединеніе къ православію девяти семействъ проживающихъ въ городѣ чеховъ, всего 31 человѣка. Движеніе лодзинскихъ чеховъ къ православію носитъ совершенно свободный,

непринужденный характеръ личнаго, самостоятельнаго почина.

— Святѣйшій Синодъ, во вниманіе къ нуждамъ православнаго населенія гор. Никшича и въ удовлетвореніе ходатайства Черногорскаго митрополита Митрофана, разрѣшилъ отнѣстись въ одновременное пособіе на устройство новаго православнаго храма въ этомъ городѣ изъ состоящихъ въ его распоряженіи средствъ 3,000 руб.

Военное и морское дѣло.

— Высочайше повелѣно: Увеличить съ 1 января 1889 года жалованье подпрапорщиковъ армейской пѣхоты изъ основнаго оклада — со 100 руб. до 240 руб., а изъ усиленнаго со 150 руб. до 360 руб., сохранивъ всѣ прочіе виды довольствія.

— Надіяхъ по Николаевской желѣзной дорогѣ отправлены два гигантскія двѣнадцатидюймовыя орудія. Заряженіе и наводка ихъ будетъ производиться съ помощью гидравлическихъ машинъ. Орудія предназначены для вооруженія черноморскаго броненосца „Синионъ“. Отправлены они на платформахъ, за казаныхъ заграпидей, вѣсомъ каждая въ 5,000 пудовъ.

— Дѣятельность спасательныхъ учреждений состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы общества спасанія на водахъ, за 1887 годъ представляетъ слѣдующіе результаты: съ 1 января по 31 декабря отчетнаго года, была подана помощь

273 лицамъ и предупреждено крушеніе 18 судовъ.

Финансы.

— Доходовъ въ счетъ росписи 1888 года въ теченіе первыхъ девяти мѣсяцевъ сего года поступило 575.359,000 р., сравнительно съ поступленіемъ за тотъ же періодъ прошлаго года въ счетъ росписи 1887 года (499.946,000 р.) болѣе на 75.413,000 р. Выстъ же съ доходами льготнаго срока и въ счетъ будущихъ смѣтъ общее поступленіе за время съ 1 января по 1 октября 1888 года выразилось въ 596.112,000 рублей противъ 521.226,000 р. за то же время 1887 года, превысивъ послѣднее на 74.886,000 р.

— По 1 декабря 1888 года въ совѣтъ Государственнаго дворинскаго земельного банка представлено отдѣленіями банка 7,268 дѣлъ о ссудахъ. Разсмотрѣно совѣтомъ 6,945 дѣлъ. Изъ сего числа разрѣшено 6,593 дѣла о ссудахъ, на сумму 183.758,900 рублей. Со времени открытія дѣйствій крестьянскаго земельного банка по 1 декабря 1888 года совѣтомъ банка разсмотрѣно 6,881 дѣло о ссудахъ. Изъ сего числа разрѣшено 6,217 ссудъ на сумму 54.064,203 руб.

Некрологъ.

— 12 декабря, въ Ниццѣ, скончался бывшій министръ Внутреннихъ Дѣлъ, членъ Государственнаго Совѣта, генераль-адъютантъ графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ.

С М Ъ С Ъ .

Изданія С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій игръ. Издѣлывая всей Россіи С.-Петербургская мастерская, по обыкновенію, приготовила къ Святкамъ богатый выборъ поучительныхъ дѣтскихъ игръ и занятій, общедоступныхъ по цѣнѣ. Особенно интересны: отливаніе бюстовъ изъ гипса, со всѣми принадлежностями работы; клѣйка фонарей съ сушеными цвѣтами и зеленью; маленькій химикъ (дѣтская лабораторія съ приборами, реактивами и руководствомъ); маленькій механикъ (до 80 различныхъ частей машинъ, изъ коихъ составляется 7 моделей); электрическій стрѣлочный телеграфъ; общедоступные физическіе приборы и т. п. Не менѣе занимательны различныя общественныя игры, какъ напр. „Съ налету“ (игра для всѣхъ возрастовъ); метаніе въ цѣль бумажными стрѣлками съ регуляторомъ; тогузъ-кумалакъ (киргизская народная игра) и т. д. Наконецъ, отдѣльные и крайне удешевленные приборы, напр. стробоскопъ всего за 3 руб. 50 коп. Словомъ, это бо-

гатѣйшая коллекція подарковъ для дѣтей и юношества.

Адресъ мастерской: Петербургъ, Троицкій пер., д. № 11.

Въ предстоящемъ 1889 году музыкальный журналъ „Нувеллистъ“ вступитъ въ 50 годъ своего существованія. Подушное издание музыкальнаго журнала, притомъ одною и тою-же формою, является необычальнымъ явленіемъ въ области печатнаго дѣла. Историческій обзоръ за этотъ немалый промежутокъ времени, интересно составленный извѣстнымъ критикомъ и музыкантомъ М. М. Ивановымъ, живо рисуетъ тотъ долгій и трудный путь который пришлось пройти „Нувеллисту“. Вступая въ послѣдній годъ перваго полустолѣтія, „Нувеллистъ“ обѣщаетъ быть очень интереснымъ, особенно въ виду участія въ немъ всѣхъ выдающихся русскихъ и иностранныхъ композиторовъ, приглашенныхъ къ тому особымъ комитетомъ, избраннымъ для чествованія 50-лѣтняго юбилея „Нувеллиста“.

Рождественская задача № 79.

54	63	5	75	27	70		
68	73	65	14	28	43	39	42
50	46	12	21	20	66	11	
32	49	13	29	23	57	26	44
33	8	45	31	22	2	4	36
58	52	10	17	7	48	79	
6	16	40	67	80	60		
53	61	30	24	25	34	19	74
38	78	59	72	35	18		
55	47	71	9	62	64		
51	41	56	69	15	1	77	37

Найти 16 словъ. Буквы найденныхъ словъ размѣстить на мѣстахъ соответствующихъ цифръ прямоугольниковъ и затѣмъ всѣ прямоугольники сложить вмѣстѣ такъ, чтобы по буквамъ можно было прочесть слова одной фразы.

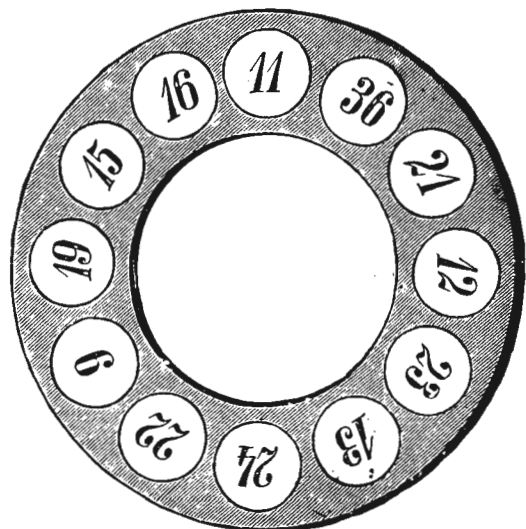
- 1) Принадлежность древняго орудія стрѣлы 1. 2. 3. 4. 5. 6.
- 2) Танецъ 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13.
- 3) Русскій поэтъ 14. 15. 16.
- 4) Снарядъ для ходьбы 17. 18. 19. 20.
- 5) Лиственное дерево 21. 22. 23. 24.
- 6) Парфюмерное произведеніе 25. 26. 27. 28.
- 7) Принято 29. 30. 31. 32. 33. 34.

- 8) Часть сутокъ 35. 36. 37. 38.
- 9) Фруктъ 39. 40. 41. 42. 43.
- 10) Водное пространство 44. 45. 46. 47.
- 11) Птица 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55.
- 12) Цѣлебный источникъ на Кавказѣ 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62.
- 13) Хлѣбное растение 63. 64. 65. 66.
- 14) Хвойное дерево 67. 68. 69. 70. 71.

15) Растительность преобладающая въ холодныхъ странахъ 72. 73. 74. 75.

16) Карточная игра 76. 77. 78. 79. 80.

Задача № 80.

Раздѣлить кольцо на 4 равныя части; затѣмъ присказать 4 числа. Изъ данныхъ чиселъ первой части вычесть первое присказанное число; изъ чиселъ второй части — второе число; изъ третьей — третье и изъ четвертой — четвертое. Полученныя отъ вычитанія числа замѣнить соответствующими въ азбукѣ буквами, при чемъ составятся слова.

Къ нашимъ читателямъ.

Закапчивая девятнадцатый годъ нашего изданія, позволимъ себѣ обратиться къ читателямъ съ обычною бесѣдой по поводу пройденнаго и наступающаго года. По примѣру прежнихъ лѣтъ, не останавливаясь ни предъ какими размѣрами гонорара, „Нива“ въ 1888 году помѣщала на страницахъ беллетристическаго отдѣла лишь произведенія извѣстнѣйшихъ авторовъ, которыхъ литературное имя отвѣчаетъ само за себя предъ кругомъ читателей. Такъ между прочимъ нами были напечатаны новыя произведенія столь рѣдко появляющагося въ печати, маститаго писателя П. А. Гончарова, Я. П. Полопекаго, А. П. Майкова, кн. Д. Н. Цертелева, П. П. Вейнберга, графа Е. А. Салиаса, Д. В. Аверкіева, П. Н. Полевого, Максима Бѣлинскаго, В. П. Немировича-Данченка, П. Успенскаго, В. П. Желиховской и много др. Внимательно прислушиваясь къ отзывамъ и заявленіямъ нашихъ подписчиковъ, мы постарались на будущій годъ сдѣлать выборъ беллетристическихъ произведеній еще богаче и разнообразнѣе, прибавивъ къ списку прежнихъ нашихъ сотрудниковъ новыя имена ставшія въ послѣднее время любимцами читающей публики (см. наше объявленіе о „Нивѣ“ на будущей годъ). Что касается важнѣйшихъ явленій русской жизни въ 1888 году, тысячелѣтія крещенія Руси, открытія Закаспійской желѣзной дороги, событія 17 октября и восхожденія русской экспедиціи на Араратъ, то читатели могли видѣть, что эти событія иллюстрированы въ нашемъ журналѣ съ полнотою вполне соответствующею ихъ значенію. Не довольствуясь однако исполненіемъ того что мы считали нашимъ долгомъ и желая оставить въ читателяхъ по возможности пріятное воспоминаніе объ истекшемъ годѣ, мы приложили къ „Нивѣ“ цѣлый томъ оригинальныхъ и переработанныхъ повѣстей въ видѣ рождественскаго сюрприза.

Ежегодно возрастающіе расходы по всемъ отраслямъ техники издательства и постоянное расширеніе отдѣла бесплатныхъ приложений вынудили насъ на двадцатый годъ нашего изданія нѣсколько повысить цѣну „Нивы“. Надѣмся, читатели наши понимаютъ, что, не смотря на то, „Нива“ по количеству и качеству даваемого ею литературнаго и художественнаго матеріала, остается все-же самымъ дешевымъ иллюстрированнымъ журналомъ въ Россіи. Тѣмъ не менѣе, желая по возможности облегчить нашимъ подписчикамъ и эту невольную жертву, мы открыли подписку на нашъ журналъ въ разсрочку на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Что-же касается бесплатныхъ приложений къ „Нивѣ“ въ будущемъ году, то во-первыхъ, мы измѣнили вѣншній видъ нашего стѣннаго календаря, придавъ ему изящную форму и богатство красокъ, такъ чтобы онъ могъ служить украшеніемъ любого кабинета. Вмѣстѣ съ нимъ, при первомъ январскомъ номерѣ, читатели получатъ большую отпечатанную 10-красками и серебромъ таблицу съ изображеніями важнѣйшихъ рыбъ Россіи. Въ 1 № „Нивы“ на 1889 г. будутъ помѣщены: новый рассказъ А. Фета „Вѣтъ моды“, стихотвореніе гр. Голеницева-Кутузова и романъ Н. Д. Ахшарумова „Опасная игра“. Затѣмъ, въ теченіе года, кромѣ главной преміи, послѣдуетъ еще нѣсколько приложений, которыя, надѣмся, оправдаютъ всегдашнее довѣріе читателей къ нашему журналу.

СОДЕРЖАНІЕ: „Смѣлымъ Богъ владѣетъ“. Рождественскій рассказъ П. Н. Полевого. — Отвѣтъ. Психологическій этюдъ В. Толля. — Къ рисункамъ: На елку (съ рис.). — Царица, посѣщающая колодниковъ (съ рис.). — Домашній концертъ (съ рис.). — Силуэты Сверчкова (съ рис.). — Библиографія. — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Смѣсь — Задачи. — Къ нашимъ читателямъ. — Заявленія Редакціи. — Объявленія. — При этомъ № прилагаются ОБЛОЖКА и ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ“ 1888 г.

Издатель А. Марісъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №.№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1889 года, такъ какъ

Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

Подписка на „НИВУ“ 1889 г. СЪ РАЗСРОЧКОЙ.

Въ виду ежедневно поступающихъ запросовъ о разсрочкѣ **ГODOVOЙ УПЛАТЫ ПОДПИСНЫХЪ ДЕНЕГЪ** на „НИВУ“ 1889 года, Контора наша возможнымъ открытъ подписку **ВЪ РАЗСРОЧКУ** для иногородныхъ подписчиковъ на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится **3 р.** Къ 1-му мая 1889 г. **2 р.** Къ 1-му іюля остальные **2 р.**

Желающіе подписаться съ разсрочкой благоволятъ заявить объ этомъ при первомъ взносѣ, и они будутъ считаться годовыми подписчиками.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

Только что поступило въ продажу новое большое, роскошно иллюстрированное издание in folio

**ГЁТЕ
„ФАУСТЪ“**

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Издание А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою издающею прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, *СПБ кѣл Видомости* (№ 329, отъ 28 ноября) говорятъ о книгѣ слѣдующее: „Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ, только что выпустилъ въ полномъ смѣлѣ роскошное издание „Фауста“ Гёте въ переводѣ А. Фета (Шеншина), съ эстампами и гравюрами Э. Зейбертца. Прекрасный, необыкновенно близкій къ подлиннику переводъ г. Фета уже извѣстенъ публикѣ; заслуга издателя состоитъ главнымъ образомъ въ обдуманной роскоши, съ какою исполнена избыточная сторона дѣла. Въ этомъ отношеніи предпріятіе г. Маркса — почти единственное у насъ по достоинству печати, бумаги, переплета и пр. Книга отпечатана на 100 листахъ великоформатной веленовой бумаги in folio; гравюры оттиснуты на отдѣльныхъ александрійскихъ листахъ, съ соблюденіемъ въ тонахъ среднебѣлаго характера; множество виньетокъ, мелкихъ рисунковъ, заставокъ, украшаютъ текстъ. Вся эта художественная часть изданія отличается строжайшимъ единствомъ стиля, выдержанностью и благородствомъ вкуса. Такою же обдуманною роскошью отличается и переплетъ книги. Онъ сдѣланъ изъ цѣльной кожи (шагрень), вытисненной рельефно мѣднымъ штампомъ по оригинальному рисунку, въ старинномъ нѣмецкомъ стилѣ. Вообще въ изданіи совершенно отсутствуетъ спекулятивная цѣль: видно, что г. Марксъ хотѣлъ выпустить въ свѣтъ нѣчто капитальное, вполнѣ достойное солидной фирмы. Въ любомъ кабинетѣ или въ любой гостиной, этотъ роскошный томъ явится цѣннымъ украшеніемъ стола“.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

СЪМЯННОЕ ДЕПО

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

Н. В. ЛИСИЦЫНА

въ Москвѣ: 1) на Петровкѣ, д. Пенскаго и 2) на Мясницкой, д. Анапова. Снимъ нѣкогда чести уведомить гг. сельскихъ хозяевъ и любителей садоводства, что по нѣкой иллюстрированный прейсъ-курантъ съмянамъ: огороднымъ, цѣбточнымъ и экономическимъ на 1889 годъ выйдетъ въ декабрѣ настоящаго года, который по требованію выдается бесплатно; иногородные же благоволятъ прилагать на пересылку 7 коп. почтовыми марками. М. № 3617 Н. Лисицынъ.

ВНИМАНИЕ для гг. потребителей чая!
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ Ф. и Н. АПЛАКСИНЫ
Москва, Мясницкая, собств. домъ.

При сегодняшнемъ № разсылаетъ прейсъ-курантъ на поволоченные свѣжіе пагошние кяхтинскіе чай, съ изложеннымъ въ немъ способомъ изслѣдованія цѣбныхъ чаевъ. Отдѣльный прейсъ-курантъ высылается по требованію. № 3624

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

на литературно-художественный, издаваем. П. П. Щегловымъ, журналъ съ карикатурами,

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

50 №№ въ годъ. Выходитъ по воскресеньямъ. Разнообразный текстъ. 400 больш. рисунковъ, множество иллюстрацій къ тексту, масса карикатуръ. 12 карт., въ видѣ еженѣдн. прилож., историческаго содержания.

ПРЕМІЯ для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ: большая (въ 20 в. д. и 15 шпр.), исполненная масляными красками, КОПИЯ СЪ НАТИНЫ академича И. М. Прянишникова: „Пѣтніе Французы въ 12-мъ году подъ командой старостихи ВАСИЛИСЫ“.

Премія будетъ выдана при подпискѣ. Условія подписки съ пересылкой и доставкой: на годъ 6 р., на полгода 4 р., из три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяць 75 коп.

Городская подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровскія лѣни) и въ конторѣ редакціи. Иногороднымъ просить адресовать на ния издателя, Павла Петровича Щеглова: Москва, Забѣнская ул., соб. домъ. П. № 3489

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

Поступило въ продажу новое, ПЯТОЕ изданіе ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА,

изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученого Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к., въ роскошныхъ коленкорныхъ переплетахъ съ золотыми тисненіями—8 руб., съ пересылкою—9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р 50 к., съ пересылкою 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

въ популярномъ изложеніи

П. П. ГЕНЪДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасною исполн. гравюрами—копиями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 р.; въ колѣнк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

**ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКУ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ.**

Оставшіеся непроданными изъ 2-го изданія экземпляры

АЛЬБОМА РИСУНКОВЪ

ХУДОЖНИКА В. С. ШПАКА,

вмѣсто 4-хъ руб. прод. по 1 руб. (съ перес. 1 р. 50 к.).

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО:

въ конторѣ редакціи „Нивы“ (Невскій пр., 6), въ конторѣ редакціи „Стрекозы“ (Фонтанка), и въ „С.-Петербургской Мастерской учебныхъ пособій и игръ“ (Троицкая ул., 11). № 3568

— Изящное изданіе въ хромолитографированной обложкѣ, 20 большихъ листовъ, съ очеркомъ жизни покойнаго В. С. Шпака, состав. А. Н. Канаевымъ.

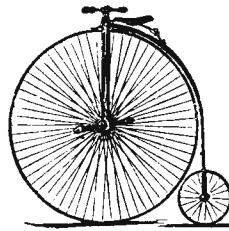
СЪМЕННОЕ ДЕПО

ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦЪ

въ Москвѣ, Мясницкая ул., д. Шѣгова.

Прейсъ-курантъ на 1889 г. сельско-хозяйственнымъ, огороднымъ, цѣбточнымъ, древеснымъ, пальмовымъ съменамъ, растеніямъ, и садовымъ инструментамъ по М. № 3578 требованію выдается и пересылается бесплатно. 5—3

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ-колесные велосипеды
спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ. Прейсъ-куранты бесплатно, также брошюра виконта Барри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“. Москва, Кузнецкій м., д. Голицына. СПб., Б. Морская, 21. Р. № 3325 (5)

БАГЕТЫ,

каймъ для рамъ, а также рамы всѣхъ сортовъ, во всякомъ стилѣ, новѣйшихъ рисунковъ, продаются по умѣреннымъ цѣнамъ, оптомъ и въ розницу, въ собственной мастерской.

Гг. торговцамъ высылаются бесплатно образцы и прейсъ-курантъ. № 3621

Э. БОГЕ,

С.-Пбургъ, Горохогая, д. Лихачева, № 17.

**АЛЬБОМЪ ПРИЗНАНІЙ
ПОДАРОКЪ для МОЛОДЕЖИ.**

Книга вызывающая на откровенность самыхъ скрытныхъ людей. Продаётся у Фену, Волифа, Битепажа, въ магазинахъ учебныхъ пособій и другихъ. Цѣна 1 р. 50 к.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Интители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинунень. (47) № 2946

АДРЕСА

всѣхъ спеціально-стей и странъ доставляетъ под гарантіей: International Adressen-Verl.-Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 страницъ. = 5.000 000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

МЫЛО

произвара
А. М. ОСТРОУМОВА
противъ
ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
за кусокъ 30 к.

Примѣкъ настоящего мыла снабженъ маркой за № 3374. М. № 3580 4-2

БАЛЬЗАМЪ „БОРМАНИ“

для
НАРУЖНАГО
употребленія
разрѣшенный медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Главное депо: б. Коношенная, № 14
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Продается у П. Д. Лордигина въ Георгиевскѣ, у Л. Очировскаго въ Ялтѣ и во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ.

Цѣна 1 р. 20 ксп. за стеклянку.

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ 9-е бумаги.
Суды подъ всѣ 9-е бумаги.
Страхование выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3611 5-1

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

А. РАДЛЕ и К^о ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ ВЪ МОСКВѢ.

Пудра бархатная. Масло репейное.
Мыло лимонно-глицер. Личная помада.
Духи Шери-бло-сесомъ. Духи Б-тъ Пактоль.
Одеколонъ двойной. Цвѣточная парфюмерія.
Духи Испанская кожа. Духи Казанликъ-мимоса.
Элексиръ борно-тимоловый. Мыло цвѣточно-глицер. Ч. № 3614

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.
Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

— 1889 ГОДЪ ШЕСТОЙ —
журналъ, издаваемый русскимъ обществомъ книгопродавцевъ и издателей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.
1) правительственныя распоряженія, относящіяся до специальности журнала (Высочайшія повелѣнія, распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ и министерства, вновь разрѣшаемыя повременныя изданія, перемѣны въ изданіяхъ существующихъ, о книгахъ, одобренныхъ для учебныхъ заведеній и ихъ библиотекъ, и пр.); 2) свѣдѣнія и сообщенія о дѣятельности русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, а также его управленія; 3) книжно-торговое дѣло (сообщенія книгопродавцевъ и издателей, извѣщія общественный интересъ, сношенія ихъ какъ между собою, такъ и съ обществомъ, корреспонденція, запросы, разная свѣдѣнія, почтовый листъ и пр.); 4) указатель новыхъ изданій (списокъ выходящихъ въ продажу книгъ); указатель помѣщаемыхъ въ разныхъ журналахъ отзывовъ о книгахъ; четыре раза въ году рефераты и рецензіи; 5) предложенія и спросы; 6) объявленія.

Срокъ выхода одинъ разъ въ мѣсяць. Форматъ in 8°.

Подписная цѣна 3 рубля въ годъ съ доставкой и пересылкой.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Страница in 8 ^o	5 р. — к.
1/2 страницы	3 — —
1/4	2 — —
Строка пегита въ ширину страницы	— 20 "
Строка пегита въ ширину столбца	— 10 "

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы. Объявленія и подписка отъ иногородныхъ и книгопродавцевъ принимаются въ конторѣ редакціи, при книжномъ магазинѣ Н. Д. Тапшина: СПб., Васильевскій Островъ, 7-я линія, д. 6. № 3612 2-1

Въ конторѣ редакціи „К. В.“ можно получать полные комплекты „КНИЖНАГО ВѢСТНИКА“ за 1884, 1885, 1886 и 1887 годы. Цѣна по 3 руб. за годъ съ доставкой и пересылкой.

Годъ IX. ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ. Годъ IX.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

СТРАХОВАНІЯ:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданого для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 3456 4-4

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.
Къ 1 января 1888 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 16,681 лицо на капиталъ въ 49.061,640 руб.
Дивидендъ страхователей въ 1888 г. составляетъ 12°/o.

Ближайшія подробности въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, бесплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и агентами Общества въ городахъ Имперіи.

„РЕБУСЪ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ, отличающійся отъ другихъ подобныхъ изданій тѣмъ, что въ его содержаніи входятъ и обзорные малоизвѣстныхъ явленій человѣческой природы, какъ-то: МЕДИУМНИЗМА (спиритизма), животнаго магнетизма, гипнотизма, сомнамбулизма, левовидія, телепатія (сверхчувственного умственнаго общенія), и т. п.

Въ теченіе этого года начнется печатаніе отвѣта А. Н. Ансанова на сочиненіе Гартмана „О спиритизмѣ“. Р. № 3619

Баллетристическій отдѣлъ: романы, повѣсти, рассказы, какъ оригинальные, такъ и переводные.
За помѣщаемые премированные ребусы ВСѢ рѣшившіе ихъ получаютъ преміи.

Цѣна на годъ 5 р., на полгода 3 р. съ доставкой, а безъ доставки 4 р. и 2 р. 50 к. Допускается разсрочка. Подписка въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга. Почтовый адресъ: Въ редакцію журнала „Ребусъ“.

Редакторъ-издатель В. Прибытковъ.

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

Журналъ выходитъ въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, безъ предварительной цензуры. Годовая цѣна: 12 р. безъ дост.; 13 р. съ дост.; 14 р. съ перес.; за границу—16 р. За полгода 8 р. Служащимъ—разсрочка. Главная контора: Владимирская, № 1—6.

Въ первыхъ книгахъ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ будутъ напечатаны романы и повѣсти: Максима Бѣлинскаго (І. І. Ясинскаго), Н. Ѳ. Бажина, Володина (П. В. Засодимскаго), В. Л. Маркова, К. В. Назарьева, Ф. Д. Нефедова, В. И. Немировича-Данченко, Н. Северина, Д. Сибиряна, Д. И. Стахѣва и многихъ другихъ. № 3561 3-3

Въ Главной конторѣ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ принимается подписка на журналъ:

„НАРОДНАЯ ШКОЛА“

(г. XXI).

Одобрень М—вомъ Народн. Просвѣщенія и др. вѣдомствами
Редакторъ-издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать

Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный Парфюмеръ
46. Jägerstrasse, Berlin.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 3574 12-2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ
 на **ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ**
 (ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА)
„ИГРУШЕЧКА“
 выходитъ 1-го числа каждого мѣсяца
 каничками въ 3 печатныхъ листа.
 10 годъ изданія 10

Основанная талантливой писательницей Т. П. Пассекъ, она, со дня своего возникновения, поставила себя задачей пробуждать въ дѣтяхъ любовь къ людям, правдѣ и стремление къ добру, справедливости и труду.

Въ журналѣ помѣщаются: статьи научнаго содержания, изъ жизни и природы, приносившія къ дѣтскому пониманію, статьи по исторіи, повѣсти и рассказы оригинальные и переводные, путешествія, стихотворенія, сказки, загадки, парадоксы и описаніе ремеселъ. На статьи о ремеслахъ будетъ обращено особенное вниманіе. Статьи иллюстрируются, соответственно тексту, рисунками. Съ 1888 г. въ „ИГРУШЕЧКѢ“ введенъ (начиная съ буквы) отдѣлъ французскаго языка. (Рассказы, изложенные на французскомъ языкѣ, имѣютъ подстрочный русскій переводъ. Въ 1889 г. этотъ отдѣлъ будетъ продолжаться).

Съ января 1889 г. въ журналѣ „ИГРУШЕЧКА“ будетъ открытъ новый отдѣлъ **„ДЛЯ МАЛЮТОНЪ“**. Статьи этого отдѣла будутъ печататься крупнымъ шрифтомъ, со многими картинками. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться коммюникѣ пѣсенки съ нотами и разныя смѣшныя сценки въ рисункахъ.

Съ январской книжки подписчики получаютъ даровую занимательную **ПРЕМИЮ**.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на 1889 Годъ:

Журналъ „ИГРУШЕЧКА“ за 12 книгъ съ даровой преміей и съ доставкой и пересылкою на годъ . . . . . 3 р.
 За границу на годъ . . . . . 5 р.
 Съ отдѣломъ „ДЛЯ МАЛЮТОНЪ“ на годъ . . . . . 5 р.
 За границу на годъ . . . . . 7 р.
 Отдѣльный подписки на отдѣлъ „ДЛЯ МАЛЮТОНЪ“ не будетъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Сергѣевская ул. д. № 24. № 3609
 Редакт.-издательн. А. Тюфяева-Толитѣрова.

РОБИНСОНЪ КРУЗО

Сомъ Даниэля Де-Фо. **ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОЛНЫЙ РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ** съ англійскаго Петра Качаловаго. Съ 100 рис. и съ портр. автора. 2 т. II т. 3 р., съ пер. 3 р. 25 к., въ перел. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р.; II т. — 2 р., съ пер. 2 р. 25 к., въ перел. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.; за оба т. вместе 4 р., съ пер. 4 р. 50 к., въ перел. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к. № 3601 2—2
 Прод. въ складѣ Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко. Москва, Никольская, д. Чижовыхъ.

О-КОРСЕТЪ

Только Parisis, хроникеръ „Figaro“, можетъ привлечь вниманіе читателя къ статьѣ въ полторы колонны, посвященной подобному вопросу.

Въ „Figaro“ 19 (31) октября она помѣстила интересней, необыкновенно живой рассказъ о томъ, какъ одна молодая, граціозная женщина, жена одного изъ его друзей въ провинціи, была поставлена въ неловкое положеніе отказомъ знаменитаго парижскаго портнаго принять ея заказъ.

„Я могу“, сказалъ славный портной: „работать только на безупречномъ корсетѣ. Для успѣха нашего дѣла вы должны отправиться къ Léoty“.

Молодая женщина обращается къ Parisis'у съ вопросомъ, знаетъ ли онъ Léoty.

„Знаю ли я Léoty!“ воскликнулъ Parisis: „Léoty, поэтъ корсетовъ, которому большинство парижанокъ обязана своей граціей, стройностью, однимъ словомъ, той прелестью, имъ одѣтъ свойственной и отличающей ихъ отъ всѣхъ женщинъ въ мірѣ“.

Молодая женщина спѣшитъ къ Léoty, 8 Place de la Madeleine. Выхода оттуда, она благодаритъ Parisis'a и говоритъ ему: „Въ нѣсколько минутъ Léoty раскрываетъ мнѣ тайну парижскаго издѣльца“.

НАВѢДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Исч. оловякъ. II. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Соленскія Минеральныя Лепешки
 противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней
 приготовляемая подъ надзоромъ Сам. Сов. Д-ра Штельтнинга изъ солей знаменитыхъ цѣлебныхъ источниковъ № 3 и 18, **СОДЕНЪ**.
 Ввозъ этихъ лепешекъ въ Россію разрѣшенъ Клеймо. Медицинскимъ Департам. въ С.-Петербургѣ.
 Продажа во всѣхъ почти Аптекахъ и Аптекарьскихъ магазинахъ по 10 коп. за коробку.
 Оптоваѣя продажа у **М. МОРГЕНШТЕРНЪ**, Большая Морская № 23, С.-Петербургъ.
 В. № 3575 2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ
 на БОЛЬШУЮ, ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“
 (ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ).

Десять дѣтъ изданія достаточно, полагаемъ, выяснили характеръ нашей публицистической дѣятельности, твердо поставившей нами подъ девизъ: „правда и польза для отечества“.

Горячо стоя на стражѣ русскихъ и славянскихъ интересовъ и зорко слѣдя за всѣми сторонами общечеловѣческаго прогресса, мы всегда чутко отзывались на все, что могло по нашему крайнему разумію способствовать къ преуспеванію русскаго народа ко благу и славы Россіи.

Всѣ общественные вопросы встрѣчаютъ съ нашей стороны вполне безпристрастную и обстоятельную разработку ихъ.

На раду съ серьезными публицистическими работами читатели найдутъ въ нашей газетѣ и матеріалъ для легкаго чтенія—критику, беллетристику, отзывы о театрѣ, музыкѣ, живописи и свѣдѣнія обо всемъ, что составляетъ „новость и злобу дня“, какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Имѣя во всѣхъ главныхъ городахъ Европы и въ Америкѣ спеціальныя корреспондентовъ, а также до трехсотъ корреспондентовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, мы можемъ знакомить читателей со всѣмъ, что происходитъ у насъ и въ чужихъ краяхъ.

Передовыя статьи и фельетоны печатаются ежедневно, не исключая праздничныхъ и послѣпраздничныхъ дней.

Кромѣ редактора-издателя **Н. П. ЛАНИНА**, принимающаго непосредственное участіе своими личными публицистическими трудами въ разработкѣ вопросовъ: по внѣшней политикѣ, славянскаго, финансовыхъ, экономическихъ и общественныхъ, въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Профессоръ **О. В. МИЛЛЕРЪ** (славянскій вопросъ и литературы, критика), проф. **В. П. ДАНЕВСКІЙ** и проф. **А. И. ЗАГОРОВСКІЙ** (вопросъ политики, права общественнаго и народнаго образованія), **Н. П. Ансаковъ** (вопросъ славянскій, беллетристика), **Д. А. ЛИНЕВЪ** (журновѣдѣніе, патронаство и беллетристика), **В. Ф. БАУДЕРЪ** (право политика), **А. Е. СЕРЕБРЯКОВА** (по политическому отдѣлу), **И. М. РЕВА** (сельское хозяйство, торгово-промышленные интересы и желѣзнодорожное дѣло), **А. ВЛАДИМИРОВЪ** (общественные вопросы, по преимуществу объ интересахъ юго-западнаго края), **Г. ТЮНИНЪ** (ислѣдованія по расколу), **Г. ТЮТРИМОВЪ** (общественные вопросы, преимущественно по русскому самоуправленію), **М. ЩУЦ—ОИ** (юридическіе вопросы), **д-ръ В. П. ОКОРКОВЪ** (народное здравіе и общественная гигиена), **Князь ЕНИКЪЕВЪ** (общественные вопросы), **Графъ Е. А. САЛІАСЪ** (историческій романъ), **А. В. КРУГЛОВЪ**, **А. Е. ДОГАНОВИЧЪ**, **Ив. Щеголовъ** (псевдонимъ), **Дм. АРАКСОВЪ** (псевдонимъ), **ИСТОМИНЪ** (псевдонимъ), (всѣ по беллетристич.), **С. А. ЮРЬЕВЪ**, **С. Н. ФИЛИПОВЪ** (критика изящныхъ искусствъ), **ВЕНЕВИЧЪ** (псевдонимъ), (литературы, критика и библиографія), и многіе другіе публицисты, ученые, писатели, специалисты по разнымъ отраслямъ знанія, принимающіе участіе въ разработкѣ различныхъ вопросовъ по предложенію редакціи. Воскресный фельетонъ ведется авторомъ, хорошо знакомымъ читателямъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“—„Современнымъ чуданомъ“. Ежедневная бесѣда „Дѣла и дѣльнички“ ведется однимъ изъ известныхъ писателей, взявшимъ псевдонимъ „Сотрудникъ“.

Спеціальныя политическіе корреспонденты, постоянно проживающіе за границей: **СТОЯНОВЪ** въ Румунѣ, **Ф. ПАЗДРИНЪ** (редакторъ журнала „Die Slavische Worte“) въ Прагѣ, **А. А. ВАРЕНЦЪ** въ Константинополѣ, **Е. ПОМЕРАНЦЪ** въ Парижѣ, **Е. СТЕПАНОВЪ** въ Парижѣ, **ПЕТРЪ КУИНДИНЪ** въ Парижѣ, **А. ТИЛЬШЪ** въ Прагѣ, **ЭМИЛЬ РУССЕЛЬ** въ Калифорніи (San-Francisco), **М. ГИНОДМАНЪ** и **ЛЕВЪ ДАНДАУ** въ Вѣнѣ, **М. РОЗЕНТАЛЬ** въ Нью-Йоркѣ.

Въ наступающемъ 1889 году, независимо отъ многихъ улучшеній во всѣхъ отдѣлахъ газетѣ, въ смыслѣ еще болѣе разнообразнаго газетнаго матеріала и еще болѣе свѣжести извѣстій, въ фельетонахъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“, имѣютъ быть напечатаны на ряду съ другими очерками и рассказами и нѣсколько крупныхъ беллетристическихъ произведеній известныхъ писателей.

Въ первыхъ-же январскихъ номерахъ начнется печатаніемъ: № 3523 3—3

БОЛЬШОЙ РОМАНЪ ГРАФА ЕВГ. АНДР. САЛІАСА.

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“ выходитъ ежедневно въ форматѣ большихъ газетъ по прежней программѣ.

Телеграммы помѣщаются „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ и отъ собственныхъ корреспондентовъ заграничныхъ и русскихъ. Всего въ каждомъ номерѣ помѣщается текста, кромѣ объявленій, болѣе 3000 строкъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

СЪ ДОСТАВКОЙ ВО МОСКВУ:	СЪ ПЕРЕС. ВО ВСѢ ГОРОДА:	ЗА ГРАНИЦУ:
На годъ . . . . . 9 р. — к.	На годъ . . . . . 10 р. — к.	На годъ . . . . . 20 р. — к.
„ 6 мѣс. . . . . 5 „ — „	„ 6 мѣс. . . . . 6 „ — „	„ 6 мѣс. . . . . 12 „ — „
„ 3 „ . . . . . 2 75 „	„ 3 „ . . . . . 3 „ — „	„ 3 „ . . . . . 6 „ — „
„ 1 „ . . . . . 1 10 „	„ 1 „ . . . . . 1 25 „	„ 1 „ . . . . . 2 „ 50 „

1) Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не далѣе конца года.
 2) Гг. иногородные, при возобновленіи подписки, благоволятъ прилагать свой печатный адресъ.
 3. За перемѣну адреса городского и иногороднаго — 30 коп. При перемѣнѣ городского на иногородній доплачивается разнаѣ въ цѣнѣ подписки.

Редакція и контора изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ **Н. П. ЛАНИНА**.
 Редакторъ-издатель **Н. П. Ланинъ**.

ПОВѢСТИ И РАССКАЗЫ В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. II. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

„АГРУСЪ“ и „ГЮЗИПЪ“
 имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405
ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ:
МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗЕРНОСУШИЛКИ, изобрѣтенія В. Аккермана,
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ,
МУКОМОЛЬНЫЕ ПОСТАВЫ
 на складѣ при механическомъ заводѣ
В. АККЕРМАНА,
 СПбургъ, Песня. Болыи. Волотная улица, домъ № 6. № 3390 4—3

АХРОМАТИЧ. УНИВЕРС. БИНОКЛЬ.

 См. „Нива“ № 50 1888 г.
 Карм. форм. въ замѣв. конекл. . . . . 8 р. 50
 съ пересылкою. . . . . 9 р. —
 Больш. форм. въ шагр. футт. съ ремн. 9 р. 50
 съ пересылкою. . . . . 10 р. 50
 „Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптич. качества, одинаково годенъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра, а потому вполне заслуживаетъ названія „универсальнаго бинюля“. Театральн. бинюли въ равн. оправ. отъ 5 до 65 рублей.

Е. КРАУСЪ и К^о.
 СПЕЦІАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.
 Парижъ, Aven. d. l. Républic, 4.
 3-1 Складъ для Россіи
 С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
 Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высыл. безплатно. № 3618

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
 съ 7-ю педалями. 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.
 Цѣна бѣло-лакированныхъ 8
 „ темно-полированныхъ 8 50
 Ноты къ нимъ: Альбомъ I и II по 30
 Альбомъ III новый. 50
 За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.
І. Ф. МОДЛЕРЪ
 Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Прейсъ-куранты всѣмъ инструментамъ безплатно.
 Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 3388 (7)

КРАЛЕВО-ГРАДЕЦКАЯ ЧЕШСКО-СЛАВЯНСКАЯ ФАБРИКА
В. Ф. ЧЕРВЫШЪ и Сыновья
 въ Кіевѣ, Рейтарская, 41.
 Рекомендуютъ свой заводъ для доставки музык. инструментовъ духовныхъ, струнныхъ, ударяемыхъ и клавишныхъ, которые превосходятъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ по чистотѣ строя, отличаются эстетичной и прочной отдѣлкой.
 Т. п. адресовать: въ Кіевѣ, В. Ф. Червешину и С.
 Библиотека „Руниверс“

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ из лучшего английского колленора с золотым тиснением, печатанный красками; на 1888 г. по показанному образцу, 1 р., с пересылкой 1 р. 50 к.

НОВЫЙ КАТАЛОГЪ НОТЬ

ВЪ ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНИЯХЪ ЮРГЕНСОНА
П. № 3615 (больше 14000 №) 5-1
вышелъ изъ печати и высылается бесплатно изъ музык. торговли П. ЮРГЕНСОНА
Москва, Неглинный пр., 10.

„НОВОСТЬ“

за 5 марокъ (иногородныхъ) высылается заказнымъ новымъ прантическимъ стѣнной **КАЛЕНДАРЬ** на 1889 г. (размѣръ 6½ в. × 9 в.) **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ** Москва, — С.-Петербургъ № 3608

НОВОСТЬ!

Американскія металлическія лампы **ГИЧКОКЪ** безъ стекла.

Свѣтъ сильнѣе, былье и ровнѣе газа при употребленіи самаго дешеваго керосина; соблюдается огромная экономія устраненіемъ постоянно ломающихся и бьющихся стеколъ.

Лампа вся металлическая, излито никелированная, имѣетъ плоскій фитиль, обыкновенный металлическій резервуаръ и заправляется какъ обыкновенная лампа. Расходуетъ керосину только (2 лота) на ¼ копѣйки въ часъ. Полное ручательство за доброкачество. Цѣна съ перес. и упак. въ Европ. Россію: Столовая . . . 12 руб. Височная . . . 15 руб. Стѣнная . . . 15 руб. Съ колпакомъ и кольцомъ на 3 р. дороже. Цѣна въ Азиатскую Россію на 4 р. дороже. Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 3372**

Ж. БЛОКЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 21. Москва, Кузнецкій мостъ. Екатеринбургъ, Соборная улица.

ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

Вышелъ и поступилъ въ продажу **ПОЛНЫЙ ТОМЪ**

„НИВЫ“ ЗА 1888 ГОДЪ,

заключающій въ себѣ болѣе 1.300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ И. А. ГОНЧАРОВА, большой историч. романъ Д. В. АВЕРКІЕВА, историч. романъ П. Н. ПОЛЕВОГО и его же: „Бытовые наброски русской исторіи“, Я. П. ПОЛОНСКАГО: „Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“, большой романъ графа Е. А. САЛАСА, большую повѣсть Н. СТАНИЦКАГО, разсказъ Манс. БЛИНСКАГО, комедію В. КРЫЛОВА, повѣсть А. ЗАХАРОВА, разсказъ Е. А. САЛАСА, разсказъ ТХОРЖЕВСКАГО, и нѣсколько разсказовъ, стихотвореній и комедій известныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей и пр. и пр. Кроме того и „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ безплатныхъ приложений, состоящихъ изъ картинъ, печатан. акварельн. краск., „Сборника повѣстей и разсказовъ“ известныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажура, работъ и пр. (съ переплетен. аэз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картинѣ печат. масл. краск. съ оригинала Ю. КЛЕВЕРА:

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“ (14¼ вершк. вышныи и полгора аршина ширины).

Цѣна этому большому томъ, со всеми безплатными презіями и приложениями:

Бронированный . . . 4 р. Въ колѣнк. перепл. . . 5 р. 50 к.
Съ пересылкою . . . 6 р. Съ пересылкою . . . 7 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, ОПБ., Невскій пр., № 6.

ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнить посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія поурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и приятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленіе для игры forte и piano. Этотъ инструментъ рекомендуется отлочно для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами 80 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагается 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 80 фунтовъ. Списокъ пьесъ для Оркестра-Манопана — бесплатно.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ

Играетъ посредствомъ металлическихъ нотныхъ круговъ всевозможныя пьесы, русскія, салонныя, оперныя, и всѣ танцы. Имѣетъ механизмъ для игры Forte, Piano и Tremolando. Пьесы разнаго размѣра. Цѣна фениксъ-органа съ 10-ю пьесами 35 руб. Добавочныя пьесы, безъ различія какого размѣра, по 70 коп. Пересылка за 45 фунт. Списокъ пьесъ — бесплатно.

ФЕНИКСЪ

прежней конструкціи съ 10-ю пьесами 25 р. Добавочныя пьесы безъ различ. размѣра по 70 к.

Натологи нотъ для герофона, арристана, феникса и для оркестра-манопана — **БЕЗПЛАТНО.**

Всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ имѣются въ самомъ большомъ выборѣ, по дешевымъ цѣнамъ и лучшаго качества. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка па счетъ покупателя. № 3623

Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42.—Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго

ГЕРОФОНЪ

по удешевленной цѣнѣ. Обыкновенный герофонъ съ 10 пьесами стоитъ теперь только 30 руб. Герофонъ съ приспособл. для игры „forte“ и „piano“ съ 10 пьесами только 32 руб. Большое количество добавочн. пьесъ по 60 к. за каждую. Пересылка за 50 фунтовъ.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ

съ 10-ю пьесами 28 руб. Добавочныя пьесы въ громадномъ выборѣ по 60 коп. Пересылка за 45 фунтовъ. Герофоны, арристоны, фениксы и ноты къ нимъ продаются у меня только настояще патентованные; поддѣльныхъ, которые легко портятся — не имѣю.

Оставшіеся экземпляры книгъ: **„СПАРТАКЪ“**. Историческій романъ Рафаэля Джозепа-ниоли. съ письмомъ къ автору Джузепе Гарибальди, большой томъ 462 стр. Цѣна въ бум. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к., въ тиснен. золот. перепл. 1 р. 75 к., (за № 3613 пересылка — 30 к.). 2-1 = Романъ читается съ захватывающимъ душою интересомъ, знакомитъ съ исторіей Рима времянь борьбы гладиаторовъ и ихъ предводителя — Спартака. = Складъ изданія: С.-Петербург. Мастер. учеб. пособій и игръ, Троицкая ул., 11. Книгопродавцамъ обычная уступка.

НОВАЯ КНИГА. ГИГИЕНА ГОЛОСА.

Съ 16 рис. въ текстѣ. Для артистовъ, учителей, учениковъ и любителей пѣнія, ораторовъ и повѣдниковъ.

Составилъ М. Н. Губоковский, врачъ при Императорскихъ Московскихъ театрахъ. № 3515 3—3

Цѣна ОДИНЪ РУБЛЬ. Выписывающіе отъ автора (Москва, Малая Дмитровна, Д. Шильдбахъ) за пересылку не платятъ.

ОСКОЛКИ

Подъ редакціей Н. А. Лейнина. Ежедневный иллюстрированный юмористическій журналъ большого формата съ нарисовками (въ краскахъ и чернилами). № 3527

52 №№ въ годъ: до 800 рисунковъ, до 1300 статей; ребусы, шарады, загадки на премию.

Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ:** новую книгу Н. А. Лейнина

„ГОЛУБЧИКИ“

сборникъ разсказовъ, въ издѣнномъ изданіи, съ художественными ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ. Цѣна за журналъ: На годъ съ перес. и дост. . . 8 р. На полгода съ перес. и дост. . . 5 р. На три мѣс. съ перес. и дост. . . 3 р.

◆ На пересылку преміи заказною бандеролью гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать 28 коп. деньгами или почтовыми марками.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ, въ Троицкой ул., д. № 18—20. Редакторы-издат.: Н. Лейкинъ и Р. Голике

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ
Большое депо часовъ НЕВСКІЙ ПР. № 42.
Прейсъ-Кур. высыл. безпл.

НОВОСТЬ! № 3577 4-3
Часы дамскіе стальные черные съ зав. безъ ключа, величиною съ 20 коп. сер. монету. Ручательство за вѣрный ходъ. Цѣна отъ 30 руб.

РОЯЛИ К. М. ШРЕДЕРЪ.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 52, собственный домъ.

ПОСТАВЩИКА ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО, КОРОЛЯ ДАТСКАГО И КОРОЛЯ БАВАРСКАГО.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ НА ВСЕМІРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ 1885 года, Единственныя въ Россіи, по музыкальному отдѣлу:

ЛОНДОНЪ—золотая медаль, **АНТВЕРПЕНЪ**—почетный дипломъ и орденъ Леопольда.

Піанино 425, 500 и 550 руб. Кабинетныя рояли 550, 650, 750 и 850 руб. Салонныя № 3616 рояли 900 и 1,000 руб. Концертныя рояли 1,200, 1,400 до 2,000 рублей. 3-1

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключ. московск.) прейсъ-курантъ отъ Чайнаго магазина Ф. и Н. Алласины въ Москвѣ. Довол. цензур., СПб., 19 декабря 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПб., Невскій в. Библиот. Маркса, Ул. Невскій, д. 1.

Праздничный букетъ.

Съ картины Джованни Коста, грав. Аарландъ. Бесплатное приложене къ журналу „НИВА“.

КАЛЕНДАРЬ 1888 г.

Январь.		Февраль.		Мартъ.	
Пн. 1	Обращение Господне. Новый год.	Пн. 1	Св. Троица. Прп. Петра, Сръбные Господне.	Вт. 1	Прп. мчч. Евдоким, Св. мчч. Феодота.
Вт. 2	Прор. Малахи.	Ср. 2	Прп. Савома в Аппи.	Ср. 2	Мчч. Герасима.
Ср. 3	Собор 70 апостолов.	Чт. 3	Мчч. Агафон.	Чт. 3	Мчч. Кирилла.
Чт. 4	Св. Овощная.	Пт. 4	Прп. Агафон.	Пт. 4	Св. 42 мчч. Азарии (Великий пост).
Пт. 5	Соб. Иоанн Преподч. (Починки).	Сб. 5	Прп. Парония в Луки.	Сб. 5	Св. мчч. Василия.
Сб. 6	Боговоление Господне.	Вс. 6	Св. мчч. Никифора.	Вс. 6	Прп. Феофана.
Вс. 7	Соб. Иоанн Преподч. (Починки).	Пн. 7	Св. мчч. Никифора.	Пн. 7	Св. мчч. Саватийск.
Пн. 8	Прок. Георгий.	Вт. 8	Св. мчч. Никифора.	Вт. 8	Мчч. Корнелия.
Вт. 9	Флориа митр. моск.	Ср. 9	Св. мчч. Никифора.	Ср. 9	Мчч. Саватийск.
Ср. 10	Св. Григорий Нисск. (Починки).	Чт. 10	Св. мчч. Никифора.	Чт. 10	Мчч. Корнелия.
Чт. 11	Прп. Феофила Век.	Пт. 11	Св. мчч. Никифора.	Пт. 11	Мчч. Саватийск.
Пт. 12	Мчч. Татиана.	Сб. 12	Св. мчч. Никифора.	Сб. 12	Мчч. Саватийск.
Ср. 13	Мчч. Татиана.	Вс. 13	Св. мчч. Никифора.	Вс. 13	Св. мчч. Никифора.
Чт. 14	Прп. Стефанъ въ Спльскъ въ Раюѣ заблудившъ.	Пн. 14	Св. мчч. Никифора.	Пн. 14	Св. мчч. Никифора.
Пт. 15	Прп. Павла и Иоанна.	Вт. 15	Св. мчч. Никифора.	Вт. 15	Св. мчч. Никифора.
Сб. 16	Мчч. Блаж. Макария.	Ср. 16	Св. мчч. Никифора.	Ср. 16	Св. мчч. Никифора.
Вс. 17	Прп. Антония Век.	Чт. 17	Св. мчч. Никифора.	Чт. 17	Св. мчч. Никифора.
Пн. 18	Св. Антония и Кирилла.	Пт. 18	Св. мчч. Никифора.	Пт. 18	Св. мчч. Никифора.
Вт. 19	Прп. Макария.	Сб. 19	Св. мчч. Никифора.	Сб. 19	Св. мчч. Никифора.
Ср. 20	Прп. Евфимия Век.	Вс. 20	Св. мчч. Никифора.	Вс. 20	Св. мчч. Никифора.
Чт. 21	Прп. Макария венов.	Пн. 21	Св. мчч. Никифора.	Пн. 21	Св. мчч. Никифора.
Пт. 22	Ап. Тимоон.	Вт. 22	Св. мчч. Никифора.	Вт. 22	Св. мчч. Никифора.
Сб. 23	Св. мчч. Климента.	Ср. 23	Св. мчч. Никифора.	Ср. 23	Св. мчч. Никифора.
Вс. 24	Прп. Ксентия.	Чт. 24	Св. мчч. Никифора.	Чт. 24	Св. мчч. Никифора.
Пн. 25	Св. Григорий Богослова.	Пт. 25	Св. мчч. Никифора.	Пт. 25	Св. мчч. Никифора.
Вт. 26	Прп. Ксенофонта.	Сб. 26	Св. мчч. Никифора.	Сб. 26	Св. мчч. Никифора.
Ср. 27	Прп. мчч. Юлианъ Злат.	Вс. 27	Св. мчч. Никифора.	Вс. 27	Св. мчч. Никифора.
Чт. 28	Прп. Ефрема Сирина.	Пн. 28	Св. мчч. Никифора.	Пн. 28	Св. мчч. Никифора.
Пт. 29	Прп. Игнатия.	Вт. 29	Св. мчч. Никифора.	Вт. 29	Св. мчч. Никифора.
Сб. 30	Соб. Трехъ Св. тител.	Ср. 30	Св. мчч. Никифора.	Ср. 30	Св. мчч. Никифора.
Вс. 31	Мчч. Кири и Иоанна.	Чт. 31	Св. мчч. Никифора.	Чт. 31	Св. мчч. Никифора.

Апрѣль.		Май.		Юнь.	
Пн. 1	Прп. Маринъ Егип.	Вс. 1	Св. мчч. Иеремія.	Ср. 1	Прп. Харитона, Вознесеніе Господне.
Сб. 2	Прп. Тита.	Пн. 2	Св. мчч. Иеремія.	Чт. 2	Св. мчч. Иеремія.
Вс. 3	Прп. Иакинѣ.	Вт. 3	Св. мчч. Иеремія.	Пт. 3	Св. мчч. Иеремія.
Пн. 4	Прп. Иосифа и Георгия.	Ср. 4	Св. мчч. Иеремія.	Сб. 4	Св. мчч. Иеремія.
Вт. 5	Св. мчч. Павла.	Чт. 5	Св. мчч. Иеремія.	Вс. 5	Св. мчч. Иеремія.
Ср. 6	Св. мчч. Павла.	Пт. 6	Св. мчч. Иеремія.	Пн. 6	Св. мчч. Иеремія.
Чт. 7	Св. мчч. Павла.	Сб. 7	Св. мчч. Иеремія.	Вт. 7	Св. мчч. Иеремія.
Пт. 8	Св. мчч. Павла.	Вс. 8	Св. мчч. Иеремія.	Ср. 8	Св. мчч. Иеремія.
Сб. 9	Св. мчч. Павла.	Пн. 9	Св. мчч. Иеремія.	Чт. 9	Св. мчч. Иеремія.
Вс. 10	Св. мчч. Павла.	Вт. 10	Св. мчч. Иеремія.	Пт. 10	Св. мчч. Иеремія.
Пн. 11	Св. мчч. Павла.	Ср. 11	Св. мчч. Иеремія.	Сб. 11	Св. мчч. Иеремія.
Вт. 12	Св. мчч. Павла.	Чт. 12	Св. мчч. Иеремія.	Вс. 12	Св. мчч. Иеремія.
Ср. 13	Св. мчч. Павла.	Пт. 13	Св. мчч. Иеремія.	Пн. 13	Св. мчч. Иеремія.
Чт. 14	Св. мчч. Павла.	Сб. 14	Св. мчч. Иеремія.	Вт. 14	Св. мчч. Иеремія.
Пт. 15	Св. мчч. Павла.	Вс. 15	Св. мчч. Иеремія.	Ср. 15	Св. мчч. Иеремія.
Сб. 16	Св. мчч. Павла.	Пн. 16	Св. мчч. Иеремія.	Чт. 16	Св. мчч. Иеремія.
Вс. 17	Св. мчч. Павла.	Вт. 17	Св. мчч. Иеремія.	Пт. 17	Св. мчч. Иеремія.
Пн. 18	Св. мчч. Павла.	Ср. 18	Св. мчч. Иеремія.	Сб. 18	Св. мчч. Иеремія.
Вт. 19	Св. мчч. Павла.	Чт. 19	Св. мчч. Иеремія.	Вс. 19	Св. мчч. Иеремія.
Ср. 20	Св. мчч. Павла.	Пт. 20	Св. мчч. Иеремія.	Пн. 20	Св. мчч. Иеремія.
Чт. 21	Св. мчч. Павла.	Сб. 21	Св. мчч. Иеремія.	Вт. 21	Св. мчч. Иеремія.
Пт. 22	Св. мчч. Павла.	Вс. 22	Св. мчч. Иеремія.	Ср. 22	Св. мчч. Иеремія.
Сб. 23	Св. мчч. Павла.	Пн. 23	Св. мчч. Иеремія.	Чт. 23	Св. мчч. Иеремія.
Вс. 24	Св. мчч. Павла.	Вт. 24	Св. мчч. Иеремія.	Пт. 24	Св. мчч. Иеремія.
Пн. 25	Св. мчч. Павла.	Ср. 25	Св. мчч. Иеремія.	Сб. 25	Св. мчч. Иеремія.
Вт. 26	Св. мчч. Павла.	Чт. 26	Св. мчч. Иеремія.	Вс. 26	Св. мчч. Иеремія.
Ср. 27	Св. мчч. Павла.	Пт. 27	Св. мчч. Иеремія.	Пн. 27	Св. мчч. Иеремія.
Чт. 28	Св. мчч. Павла.	Сб. 28	Св. мчч. Иеремія.	Вт. 28	Св. мчч. Иеремія.
Пт. 29	Св. мчч. Павла.	Вс. 29	Св. мчч. Иеремія.	Ср. 29	Св. мчч. Иеремія.
Сб. 30	Св. мчч. Павла.	Пн. 30	Св. мчч. Иеремія.	Чт. 30	Св. мчч. Иеремія.
Вс. 31	Св. мчч. Павла.	Вт. 31	Св. мчч. Иеремія.	Пт. 31	Св. мчч. Иеремія.

Дни: — обозначаетъ посты.

НЕПРИСУТСТВЕННЫЕ ДНИ:

Январь	1. Новый год (Постный).	24 по 1 Мая — Общійа недѣля.
Февраль	6. Боговоление Господне (Среда).	6. Рожд. ГОСУД. ИМПЕРАТОРА (Постный).
Мартъ	2. Сръбные Господне (Вторник).	15. Коронація КМЦ. ИМП. ВЪДЦ. (Воскр.)
Апрѣль	26. Рожд. ГОСУД. ИМПЕРАТОРА (Постный).	3. Боговоление Господне (Постн.).
Май	2. Воскр. на престо. ГОСУД. ИМПЕРАТОРА (Среда).	12. Дни Св. Троицы (Воскресеніе).
Юнь	4. 5. Миссиона (Постныя и субб.).	13. Дни Св. Троицы (Воскресеніе).
Июль	25. Выходъ изъ Пустыни (Постн.).	18. Дни Св. Троицы (Воскресеніе).
Августъ	21—23 Четв., Пятн. и Субб. Стрелы, нед.	29. Св. Ан. Петра и Павла (Среда).

ТАКСА ПОСЫЛОКЪ ОТЪ С.-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ.

С.-Петербургъ.		Москва.		Петербургъ.		Москва.	
Д. С.	ВѢСН.	Д. С.	ВѢСН.	Д. С.	ВѢСН.	Д. С.	ВѢСН.
св. бумага.	кон.	св. бумага.	кон.	св. бумага.	кон.	св. бумага.	кон.
Або	6 1/2	Иркутскъ	28 2/3	Новгородъ	20 1/2	Саратовъ	10 1/2
Александръ	30 1/2	Казань	15 1/2	Оренбургъ	17 1/2	Самара	10 1/2
Астрахань	12 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Валуйскъ	22 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Вологодскъ	27 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Воронежъ	48 2/3	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Вятка	11 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Вязьма	7 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Владивостокъ	24 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Валдайскъ	8 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Вологда	12 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Воронежъ	12 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Выборгъ	8 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Вятка	14 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Гельсингфорсъ	4 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Гродно	6 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Дербентъ	26 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Екатеринбургъ	20 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Елабуга	26 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2
Житомиръ	10 1/2	Владивостокъ	22 1/2	Самара	11 1/2	Самара	11 1/2

ИМПЕРАТОРСКІЙ РОССИЙСКІЙ ДОМЪ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВѢДѢСТВО, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, САМОУРОВЕНЬ ВЕРОВСЪ, РОД. 1845 ГОДА 26 ФЕВР. ИМПЕРАТОРСКОЕ ВѢДѢСТВО, ГОСУДАРНИ ИМПЕРАТОРНИЦА МАРИЯ ФЕОДОРОВНА, РОД. 1847 Г. ФЕВР. 14.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 27.

СЮРТУА ЕГО: Е. П. В. В. К. АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ, РОД. 1838 Г. ІЮЛЯ 21.

ДѢЛЫ ИМЪ: ЕГО ИМЪ ИМЪ ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧИ И В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1868 Г. МАЯ 6.

Е. П. В. В. К. ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, РОД. 1869 Г. ІЮЛЯ 1.

Е. П. В. В. К. НИКОЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАРШІЙ, РОД. 1831 Г. ІЮЛЯ 2